ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ.

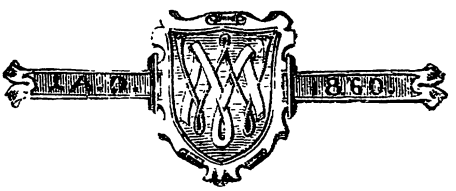
ТОМЪ III.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ III.

ВТОРОЕ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ ИЗДАНІЕ.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1870.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

III. Время крестовыхъ походовъ *(Продолженіе)*.

стр.

III. Исторія важнѣйшихъ государствъ Европы до третьяго крестоваго похода.

4. Исторія Франціи по вступленіи на престолъ Филиппа 1
5. Исторія Англіи отъ Вильгельма I до вступленія на престолъ Генриха II. 9
6. Англія въ царствованіе Генриха II. 17

IV. Второй и третій крестовые походы и современныя имъ событія въ Германіи, Италіи, Англіи и Франціи.

1. Второй крестовый походъ и исторія Востока до начала третьяго крестоваго похода . . 25
2. Послѣдніе годы Фридриха Барбароссы и его крестовый походъ 33
3. Крестовый походъ королей французскаго Филиппа-Августа и англійскаго Ричарда Львиное Сердце 37
4. Германія и Италія отъ смерти Фридриха Барбароссы до убіенія Филиппа Швабскаго. . 42
5. Англія и Франція въ концѣ двѣнадцатаго и въ началѣ тринадцатаго столѣтій. . . . 49

V. Послѣдніе крестовые походы и современныя имъ событія.

1. Папа Иннокентій III 59
2. Прежняя исторія Венеціи. 62
3. Обзоръ византійской исторіи во время первыхъ крестовыхъ походовъ 64
4. Четвертый или латинскій крестовый походъ. 71
5. Латинская имперія въ Константинополѣ. 75
6. Исторія Эюбидовъ и христіанскихъ предпріятій на Востокѣ отъ смерти Саладина до Людовика IX. 84
7. Крестовый походъ Людовика Святаго. 90
8. Исторія восточныхъ народовъ отъ начала ховарезмійскаго государства до появленія въ Малой Азіи османскихъ турокъ. 93
   1. Ховарезмійцы и Гориды. . . . . —
   2. Татары при Чингисъ-Ханѣ и его сыновьяхъ до паденія ховарезмійскаго государства. 96
   3. Походы монголовъ въ Европу. 101
   4. Монгольское государство въ первое время по смерти Чингисъ-Хана и паденіе халифата 104
   5. Персія, Сирія и Египетъ до окончательнаго уничтоженія христіанскаго господства въ Палестинѣ. 107

VI. Западная Европа во время послѣднихъ крестовыхъ походовъ.

Отдѣлъ первый.

1. Южная Франція до альбигойской войны. 110
2. Альбигойская война. 112
3. Германія и Италія отъ смерти Филлиппа Швабскаго до вступленія на папскій престолъ Григорія IX. 118
4. Германія и Италія при Григоріѣ IX. 122
5. Италія при Фридрихѣ II и Иннокентіѣ IV. 129
6. Италія отъ смерти Фридриха II до смерти Манфреда 133
7. Неаполь и Сицилія при первыхъ корояхъ анжуйской династіи. 138

стр.

8. Литература и образованность во время крестовыхъ походовъ до начала XIV столѣтія . 147
1. Школьная образованность въ ея непосредственныхъ отношеніяхъ къ жизни . . . —
а) Исторія. . . . . —
в) Школьная образованность 150
2. Народная литература. 155
а) Романская образованность и романтизмъ. . . . . —
в) Нѣмецкая литература и образованность. 158

VII. Западъ во время послѣднихъ крестовыхъ походовъ.

Второй отдѣлъ.
1. Италія вообще и Церковная область, Римъ, Флоренція, Пиза и Миланъ въ особенности. 163
2. Германія въ XIII столѣтіи 169
1. События въ Даніи при Гогенштауфенахъ. . . . . —
2. Штединги и инквизиціонныя попытки въ Германіи. 172
3. Исторія Германіи отъ послѣднихъ годовъ царствованія Фридриха II и до избранія Рудольфа Габсбургскаго 174
4. Баварія и Австрія до избранія Рудольфа Габсбургскаго. 179
5. Царствованіе Рудольфа Габсбургскаго. 181
6. Адольфъ Нассаускій и Альбрехтъ I Австрійскій 187
3. Исторія Англіи и Шотландіи до шотландскаго короля Іоанна Баліоля. 194
4. Франція отъ Людовика VIII до вступленія на престолъ Филиппа IV. 202
5. Филиппъ IV и Эдуардъ I до начала вражды Филиппа съ папою Бонифаціемъ VIII. . 205

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

IV. Послѣдняя эпоха среднихъ вѣковъ.

I. Исторія Франціи и Англіи. Отъ начала спора между Филиппомъ IV и Бонифаціемъ VIII до смерти Карла VI и Эдуарда II.

1. Филиппъ IV Красивый. 213
2. Франція при Людовикѣ X, Филиппѣ V и Карлѣ IV. 223
3. Англія при Эдуардѣ II. 225

II. Сѣверныя и восточныя государства Европы до половины четырнадцатаго столѣтія.

1 Вступленіе. 233
2. Норвегія 234
3. Данія 236
4. Швеція. 242
5. Эстляндія, Лифляндія, Курляндія и Пруссія до конца тринадцатаго столѣтія. . . . 246
6. Польша, Пруссія, Литва, Курляндія, Лифляндія и Эстляндія до половины XIV столѣтія. 250
7. Венгрія при первыхъ королях анжуйскаго дома. 253

III. Франція, Англія, Германія и Италія отъ смерти Альбрехта I до папы Урбана V.

Первый отдѣлъ.
1. Германія и Швейцарія до римскаго похода Генриха VII. 256
2. Италія до и во время римскаго похода Генриха VII 260
3. Война Людовика Баварскаго съ Фридрихомъ Австрійскимъ за императорскій престолъ до битвы при Мюльдорфѣ 267
4. Италія и папы, отъ смерти Генриха VII до окончательнаго разрыва между Іоанномъ XXII и Людовикомъ Баварскимъ. 271
5. Римскій походъ Людовика Баварскаго и положеніе Италіи въ ближайшее послѣ того время. 279
6. Германія послѣ римскаго похода Людовика Баварскаго до его смерти. 284
7. Италія до римскаго похода Карла IV. 294
8. Умственное развитіе и литература конца среднихъ вѣковъ; начало новой образованности. 305
1. Послѣднія попытки средневѣковой культуры на старомъ пути. . . . . —
а. Исторіографія на сѣверъ отъ Альповъ. . . . . —
в. Философія 310
2. Начало новой образованности въ Италіи. Преобразованіе средневѣковой культуры изученіемъ древнихъ классиковъ. 314
а. Итальянская образованность и литература до начала XIV столѣтія. . . —
в. Развитіе новой итальянской образованности въ первой четверти XIV столѣтія. 317

IV. Франція, Англія, Германія и Италія отъ смерти Альбрехта I до папы Урбана V.

Отдѣлъ второй.
1. Франція и Англія при Филиппѣ VI и Эдуардѣ III до начала войны между ними. . . 326

стр.

2. Франція и Англія отъ начала войны Филиппа VI съ Эдуардомъ III до смерти Филиппа 328
3. Англія и Франція при Эдуардѣ III и при Іоаннѣ Добромъ до мира въ Бретиньи. . . 335
4. Германія при Карлѣ IV до изданія государственнаго уложенія въ 1356. 345
5. Италія со времени перваго похода въ Римъ Карла IV до возвращенія въ Италію папы Урбана V. 354

V. Испанія и Португалія отъ паденія Омеядовъ до Генриха Трастамарскаго.

1. До смерти кастильскаго короля Фердинанда Святаго. 365
2. Кастилія и Арагонія во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія. 373
3. Кастилія при Фердинандѣ IV и Альфонсѣ XI. 378
4. Внутреннія событія въ Арагоніи при Альфонсѣ IV и при Петрѣ IV. 382
5. Португалія, Кастилія и Арагонія до смерти Петра Жестокаго. 385

VI. Западная Европа во второй половинѣ XIV вѣка.

1. Карлъ V Французскій и Эдуардъ III Англійскій. 397
2. Франція въ концѣ царствованія Карла V и первые годы правленія Карла VI. . . . 401
3. Волненія во Фландріи и во Франціи, вызванныя усиленіемъ буржуазіи и сопротивленіями духовному и свѣтскому игу. 405
4. Испанія и Португалія по смерти Петра Жестокаго. 409
5. Внутренніе безпорядки въ Англіи во время несовершеннолѣтія короля Ричарда II. . . 414
6. Франція и Фландрія послѣ битвы при Роозебеке. 421

VII. Италія и Германія отъ папы Урбана V до вселенскаго собора въ Пизѣ.

1. Неаполь и Сицилія. 424
2. Исторія верхней и средней Италіи по возвращеніи въ Римъ папы Урбана V до папы Бонифація XI и начала великаго раскола западной церкви. 431
3. Верхняя и средняя Италія въ первое время послѣ кіоджійской войны. 439
4. Послѣдніе годы царствованія Карла IV. 444
5. Германская имперія при Венцеславѣ до учрежденія миланскаго герцогства (1395 г.). . 449
6. Италія и папы отъ смерти Урбана VI до учрежденія миланскаго герцогства. 460
7. Германія, Венгрія, Италія и римская церковь въ концѣ царствованія Венцеслава. . . 463
8. Германія, Италія и римская церковь отъ низложенія Венцеслава до собора въ Пизѣ. . 472

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

I. Исторія XV столѣтія съ подробнымъ изложеніемъ вліянія литературы.

Введеніе и обзоръ положенія Востока въ концѣ XIV столѣтія. 483

I. Турецкая и византійская исторія до завоеванія Константинополя.

1. Византійская имперія до занятія Галлиполи османами. 487
2. Византійская и османская имперіи до битвы на Коссовомъ полѣ (1389 г.). 493
3. Византійская и османская имперіи до смерти Мухаммеда I (1421 г.). 499
4. Византійская и османская имперіи до завоеванія Константинополя 512

II. Исторія Германіи до половины XV столѣтія

1. Введеніе 537
2. Германія при Сигизмундѣ до созванія констанцскаго собора. . . . . —
3. Споры гуситовъ въ Богеміи и констанцскій соборъ до смерти Іеронима. 541
4. Констанцскій соборъ по отношенію къ спору папъ и церковной реформѣ. 552
5. Сигизмундъ, германская имперія и гуситская война до 1432 года. 561
6. Базельскій соборъ, Сигизмундъ и гуситы до примиренія съ своимъ королемъ. 575
7. Базельскій соборъ; послѣдніе годы Сигизмунда; Богемія и Австрія при Альбрехтѣ II и его смерти 585
8. Фридрихъ III и базельскій соборъ до его окончанія. 591

III. Исторія Италіи и Испаніи въ началѣ XV столѣтія.

1. Введеніе. 607
2. Неаполь, Сицилія и средняя Италія. 608
3. Перемѣны въ верхней Италіи. 618
4. Исторія Испаніи отъ Іоанны I Кастильской до ея внука Іоанна II 625

стр.

5. Исторія Испаніи отъ Іоанна II Кастильскаго до втораго неаполитанскаго похода Альфонса V Арагонскаго. 631
6. Италія съ возвращенія Альфонса V въ Арагонію до его смерти 636

Образованіе и литература послѣдней половины XIV и первой XV столѣтія.

А. Греки по отношенію къ процвѣтанію наукъ и искусствъ въ Италіи . . . 658
1. Личности . . . . . —
2. Методъ и плоды греческаго образованія 662
В. Нѣмецкая литература XV столѣтія 664
1. Первоначальный нѣмецкій элементъ ея, не соотвѣтствующій возрожденію древне-классической древности . . . . . —
2. Первые шаги нѣмцевъ по пути къ новой національной литературѣ и образованности, проложенному итальянцами 671
а) Новыя учебныя заведенія. . . . . —
б) Провозвѣстники итальянской цивилизаціи въ Германіи 672
С. Образованность и литература Италіи со смерти Данте до половины XV столѣтія 675
1. Переходъ отъ XIV къ XV столѣтію. . . . . —
2. Періодъ Медичи или цвѣтущее состояніе искуствъ и литературы въ XV столѣтіи. 679
а) Отношеніе итальянскихъ правительствъ къ литературному образованію и его успѣхамъ . . . . . —
б) Итальянцы, сдѣлавшіе доступной для новѣйшаго времени сущность древней образованности и придавшіе ей новую форму, годную не только для библіотекъ, но и для дѣйствительной жизни 683
в) Возрожденіе древняго краснорѣчія и исторіографіи на классическомъ или цицероновскомъ латинскомъ языкѣ 687

III. ИСТОРІЯ ВАЖНѢЙШИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ЕВРОПЫ

ДО ТРЕТЬЯГО КРЕСТОВАГО ПОХОДА.

4. Исторія Франціи по вступленіи на престолъ Филиппа I.

Предѣлы Франціи, исторія которой была доведена нами до вступленія на престолъ Филиппа I (т. II стр. 500), въ царствованіе этого короля и его ближайшихъ преемниковъ ограничивались, собственно говоря, провинціями Артуа, Пикардіей, Иль де Франсомъ, Шампаньей, Орлеануа, Мэномъ, Анжу, Туренью, Берри, Нивернуа, Бурбоннуа и Овернью; въ другихъ частяхъ государства королевская власть не имѣла почти никакого значенія, и при второмъ преемникѣ Филиппа, изъ рукъ короля ускользнули графства Мэнъ и Анжу. Герцогство Бургундія было почти самостоятельнымъ и по смерти Филиппа формально отказалось повиноваться королю. Нормандія при Вильгельмѣ Завоевателѣ соединилась съ Англіей; Бретань находилась въ зависимости отъ норманновъ, но по своимъ законамъ, языку и нравамъ составляла совершенно отдѣльное государство; къ югу отъ нея простирались владѣнія герцоговъ аквитанскихъ и графовъ Пуату, почти необращавшихъ вниманія на французскаго короля. Южнѣе ихъ до самаго Прованса лежали земли графовъ тулузскихъ, или, какъ обыкновенно называли ихъ по имени ихъ резиденціи, графовъ сенъ-жилльскихъ, присоединившихъ къ своимъ владѣніямъ Руэргъ и готскую мархію и называвшихъ себя герцогами нарбоннскими; Дофинэ и Провансъ имѣли особыхъ государей, а пространство отъ Соны до Монпелье занимало приходившее тогда въ упадокъ королевство арелатское. Даже въ другихъ провинціяхъ вассалы повиновались королю только до тѣхъ поръ, пока находили это для себя выгоднымъ; въ случаѣ нападеній короля, они скрывались въ замки и спокойно выжидали тамъ окончанія срока службы королевскихъ вассаловъ или истощенія скудныхъ средствъ короля.

Значеніе французскаго короля еще болѣе унизилось при Филиппѣ I. Тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ хотѣлъ наказать сына графа Бальдуина V Фландрскаго, убившаго въ одномъ сраженіи брата и завладѣвшаго его землями, и возвратить Фландрію дѣтямъ убитаго, какъ законнымъ наслѣдникамъ. Но онъ былъ разбитъ и принужденъ признать за похитителемъ право на отнятыя имъ владѣнія. Еще болѣе повредилъ онъ своему значенію, начавъ изъ легкомыслія споръ о законности своего брака. Въ 1090 году онъ удалилъ свою жену, Берту, чтобы вступить въ бракъ съ женою Фулька IV, графа анжуйскаго, Бертрадою, на которой и женился, не обращая вниманія на церковные законы. Чрезъ этотъ поступокъ онъ разсорился не только съ папою Урбаномъ II, но и со всѣмъ французскимъ духовенствомъ. Соборъ французскихъ епископовъ объявилъ второй бракъ недѣйствительнымъ и отлучилъ отъ церкви самого короля, не хотѣвшаго разстаться съ Бертрадою (1095 г.). Филиппъ долго противился требованіямъ церкви и ея главы, но наконецъ принужденъ былъ покаяться и дать обѣщаніе развестись съ Бертрадой (1104 г.); впрочемъ онъ продолжалъ жить съ ней въ связи.

По смерти Филиппа, въ 1108 г., на престолъ вступилъ сынъ его отъ перваго брака, Людовикъ VI или Толстый, бывшій въ послѣдніе годы его соправителемъ. Онъ нашелъ государство въ самомъ жалкомъ состояніи; уваженіе вассаловъ къ королю совершенно пало, а въ сѣверной Франціи, которая по своей образованности почти на цѣлое столѣтіе отстала отъ южной, господствовала страшная грубость нравовъ и отсутствіе всякаго нравственно-религіознаго чувства. Грабежи и убійства, нарушенія святости браковъ, похищеніе замужнихъ женщинъ, полное презрѣніе къ церковнымъ проклятіямъ и всевозможныя жестокости, подобныя которымъ мы находимъ только у гуроновъ и прокезовъ, были самыми обыкновенными явленіями; о нѣкоторыхъ изъ вельможъ королевства намъ разсказываютъ изумительныя черты грубаго и нагло выставляемаго на видъ невѣрія, которое въ подобную эпоху непремѣнно должно было соединяться съ суевѣріемъ. Впрочемъ этотъ нравственный упадокъ общества много содѣйствовалъ возстановленію королевскаго могущества; когда ни свѣтская, ни духовная власть не могли обуздать зла, самая чрезмѣрность бѣдствій, естественно, наводила на мысль о необходимости поддерживать короля, чтобы произвести въ общественномъ положеніи переворотъ, который былъ невозможенъ безъ усиленія его власти. Увеличенію королевскаго могущества способствовали и другія обстоятельства, въ особенности относящееся къ этому времени образованіе городскихъ общинъ. Древнее римское муниципальное право сохранилось только въ Лангедокѣ, не принадлежавшемъ къ французскому королевству, и въ этой странѣ мы находимъ древнѣйшіе слѣды раздѣленія націи на три сословія, уцѣлѣвшаго до самой революціи; всѣ города другихъ провинцій были подчинены духовнымъ или свѣтскимъ феодальнымъ владѣтелемъ. Гнетъ испытываемыхъ ими насилій пробудилъ однако въ жителяхъ городовъ стремленіе къ свободѣ; а король, ради личныхъ выгодъ, оказалъ имъ дѣятельную поддержку. Въ то время, какъ и всегда, никто не осмѣливался отрицать королевскихъ правъ, и только примѣненіе ихъ на практикѣ встрѣчало сопротивленіе; поэтому король могъ давать муниципальныя привилегіи даже тѣмъ городамъ, гдѣ не имѣлъ никакой власти, а граждане уже сами заботились о сохраненіи вновь пріобрѣтенныхъ правъ. Такимъ образомъ во Франціи возникало мало-по-малу множество городскихъ общинъ, которыя хотя и несли нѣкоторыя повинности въ пользу прежнихъ владѣтелей, но управлялись своими выборными чиновниками. Это представляло королю двойную выгоду, потому что города не могли ни злоупотреблять во вредъ ему своей свободой, ни отстаивать ее противъ него, а тогдашніе духовные и свѣтскіе вассалы часто нуждались въ помощи короля противъ безпокойныхъ городовъ. Вмѣстѣ съ свободою развилась и наглость горожанъ, а сосѣдніе сеньоры не рѣдко оказывали имъ помощь, для того чтобы привлечь къ себѣ какой нибудь городъ или нанести вредъ противникамъ. Вслѣдствіе того, король имѣлъ возможность въ одно и тоже время завладѣть доходами съ городовъ и судебными пошлинами, прежде собиравшимися съ нихъ въ пользу аббатовъ и епископовъ.

Эти взаимныя отношенія сословій государства, въ соединеніи съ тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что французскіе короли, въ отличіе отъ германскихъ императоровъ, сохраняли свое наслѣдственное герцогство, значительно возвысили королевскую власть и могущество еще въ царствованіе Людовика VI, гораздо прежде, чѣмъ аббатъ Сугерій сдѣлался совѣтникомъ короля и ввелъ въ дѣйствіе новыя превосходныя учрежденія. Поэтому между началомъ и концомъ правленія Людовика замѣчается громадная разница. Въ началѣ царствованія онъ долженъ былъ торопиться своимъ коронованіемъ для того, чтобы не дать архіепископу реймсскому, имѣвшему право совершать эту церемонію, времени объявить себя противъ него, такъ какъ нѣкоторые изъ вельможъ хотѣли еще болѣе ограничить его власть и даже совершенно устранить его отъ престола, не смотря на то, что еще при жизни отца всѣ сословія государства признали его королемъ. Онъ дѣйствовалъ чрезвычайно разсчетливо, и, вмѣшиваясь въ споры мелкихъ вассаловъ, какъ посредникъ, или какъ воюющій, къ концу царствованія такъ возвысилъ свое значеніе и могущество, что сдѣлался страшнымъ для самыхъ сильныхъ изъ французскихъ вассаловъ. Онъ смирилъ даже Теобальда (Тибо), графа Шампани, Блуа и Шартра, имѣвшаго почти столько же доходовъ и вассаловъ, какъ и самъ король, и разсчитывавшаго на поддержку англійскаго короля Генриха I, его дяди со стороны матери.

Въ послѣдніе годы жизни Людовика VI преобладающее вліяніе на управленіе государствомъ получилъ аббатъ Сенъ-Дени, Сугерій, человѣкъ, одаренный самыми разнородными способностями. Во время своего политическаго поприща онъ не только вновь основалъ могущество французскихъ королей, но и въ другихъ отношеніяхъ оказалъ своей родинѣ безсмертныя услуги. Исторія жизни Сугерія составляетъ въ то же время исторію утвержденія монархической власти во Франціи и соединенія разрозненныхъ частей государства въ одно цѣлое. Во Франціи человѣкъ, подобный Сугерію, имѣлъ гораздо болѣе простора для дѣятельности, чѣмъ Вибальдъ въ Германіи, потому что былъ не простымъ секретаремъ императора и сеймовъ, а настоящимъ государственнымъ человѣкомъ и экономистомъ. Онъ получилъ первоначальное образованіе въ знаменитомъ тогда сомюрскомъ училищѣ и, поступивъ въ монастырь Сенъ-Дени, сдѣлался довѣреннымъ лицомъ своего аббата. Аббатъ употреблялъ его для ходатайства по важнымъ монастырскимъ дѣламъ предъ королемъ и предъ папой на соборахъ, и во время этихъ переговоровъ Сугерій успѣлъ пріобрѣсти довѣріе ихъ обоихъ. Сдѣлавшись впослѣдствіи архиваріусомъ монастыря, онъ всегда имѣлъ въ памяти старинные обычаи, которые, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ священный завѣтъ предковъ, считались выше позднѣйшаго законодательства, и никогда не упускалъ этого изъ виду. Живя въ эпоху, когда одни мирныя искусства, безъ военной опытности, не имѣли никакого значенія, онъ убѣдилъ аббата отправить его настоятелемъ въ Тури, и тамъ въ продолженіе трехъ лѣтъ сражался во главѣ монастырскихъ вассаловъ противъ графа Гуго де Пюизе. Этотъ тиранъ, для удовлетворенія своей страсти къ хищничеству и разрушенію, попиравшій всѣ требованія справедливости, долженъ былъ уступить наконецъ нападеніямъ Сугерія, не смотря на поддержку нормандскихъ бароновъ, графа Теобальда Шампанскаго и другихъ подобныхъ ему феодаловъ. Уничтоженіе разбойничьяго вертепа Гуго значительно возвысило власть короля, который три раза лично являлся на помощь энергическому настоятелю. Назначенный въ 1123 году аббатомъ Сенъ-Дени, Сугерій обратилъ все свое вниманіе на финансы монастыря, и первымъ его дѣломъ было отнять принадлежавшія монастырю помѣстья и пошлины изъ рукъ евреевъ, которымъ они были отданы на откупъ. Послѣ представленія ко двору Сугерій сталъ неразлученъ съ королемъ, а потому монастырь его сдѣлался центромъ государственной дѣятельности и свѣтской суеты, за что св. Бернаръ сильно укорялъ аббата-министра. Послѣ того, Сугерій сталъ избѣгать всего сколько-нибудь соблазнительнаго для набожныхъ людей, и началъ вести тихую, спокойную жизнь, такъ что единственною честолюбивою мыслью его, какъ аббата, было украшеніе монастырской церкви. Это доставило ему также случай содѣйствовать оживленію во Франціи искусствъ и возбужденію стремленій къ болѣе изящнымъ формамъ жизни, хотя нельзя не сознаться, что, украшая церковь, онъ обращалъ болѣе вниманія на цѣнность матеріаловъ, чѣмъ на художественное достоинство украшеній. Онъ украсилъ церковь массою благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней, между которыми не было однако алмазовъ, вѣроятно, потому, что французы еще не умѣли отдѣлывать ихъ. Множество драгоцѣнностей, употребленныхъ имъ на церковь, замѣчательно для насъ еще потому, что объясняетъ намъ, отчего въ продолженіе многихъ столѣтій драгоцѣнные металлы имѣли въ Европѣ такую высокую цѣнность въ сравненіи съ другими предметами. Тысячи церквей поглощали подобнымъ образомъ огромныя массы золота и серебра. Съ другой стороны, это имѣло то благодѣтельное вліяніе, что рѣдкость благородныхъ металловъ незамѣтно задерживала слишкомъ быстрое развитіе общественныхъ отношеній и торговли.

Какъ государственный человѣкъ, Сугерій, съ искусствомъ, которое сдѣлало бы ему честь и во всякую другую эпоху, то покровительствовалъ городамъ, то принималъ сторону мелкихъ землевладѣльцевъ противъ сильныхъ бароновъ, то защищалъ могущественныхъ епископовъ отъ ихъ сосѣдей, или наоборотъ. Онъ успѣлъ обуздать графовъ западной Франціи, присвоивавшихъ себѣ власть надъ монастырями, и съ твердостью отвергалъ или сдерживалъ притязанія духовной власти на право вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. Въ этомъ отношеніи самымъ опаснымъ противникомъ его былъ св. Бернаръ, который съ жаромъ и священнымъ вдохновеніемъ мистика нападалъ на министровъ и на философовъ своего

времени. Но Сугерій не смущался этимъ, и, взявъ въ руки, при преемникѣ Людовика VI, все управленіе государствомъ, поставилъ французское духовенство въ такое положеніе, въ какое съ трудомъ могли возвратить его французскіе короли слѣдующей эпохи. «Въ его рукахъ, говоритъ одинъ лѣтописецъ, находилась раздача и лишеніе духовныхъ должностей, потому что отъ его согласія зависѣло посвященіе избраннаго священника, и отъ мановенія его руки — назначеніе аббатовъ. Епископы покорялись ему безъ всякой ненависти и сопротивленія. Они являлись къ нему по первому его призыву и возвращались домой съ радостной мыслью, что между духовенствомъ нашелся человѣкъ, который въ состояніи одинъ за всѣхъ нести на себѣ бремя правленія. Самъ папа былъ исполненъ такого уваженія къ Сугерію, что всѣ распоряженія его во Франціи считались въ Римѣ превосходными и совершенно правильными.» Впослѣдствіи Сугерій, подъ предлогомъ чисто церковнаго дѣла, но не теряя изъ виду политическихъ цѣлей, привлекъ къ себѣ и могущественнаго апостола и пророка той эпохи, чтобы съ помощью его обуздать бароновъ, которые, не довольствуясь свѣтскими титулами, хотѣли завладѣть и высшими духовными званіями; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ достигъ цѣли, благодаря лишь прямодушной поддержкѣ св. Бернара. Какъ политическій дѣятель, Сугерій убѣдилъ короля женить сына и преемника, Людовика VII, на Элеонорѣ, дочери и наслѣдницѣ Вильгельма IX, герцога гіеннскаго, или аквитанскаго, чтобы присоединить къ коронным землямъ эту провинцію и принадлежавшія герцогу графства Пуату и Сентонжъ. Этотъ бракъ былъ несчастливъ и имѣлъ результатъ, котораго совершенно не ожидали и не имѣли въ виду; при жизни Сугерія Людовикъ VII не смѣлъ и думать о расторженіи брака, но впослѣдствіи исполнилъ свое намѣреніе, и эти земли отошли къ Англіи, такъ какъ Элеонора вступила въ новый бракъ съ наслѣдникомъ англійскаго престола, Генрихомъ II. Женитьба сына на Элеонорѣ была послѣднимъ сколько-нибудь замѣчательнымъ правительственнымъ дѣйствіемъ Людовика VI. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (1137 г.).

Людовикъ VII еще прежде принималъ участіе въ управленіи, и потому со вступленіемъ его на престолъ въ политикѣ французскаго правительства не произошло никакой перемѣны. Вліяніе Сугерія еще болѣе усилилось, и вскорѣ всѣми дѣлами сталъ управлять онъ одинъ. Въ царствованіе Людовика VII во Франціи обнаруживается сильное стремленіе къ занятіямъ архитектурою, живописью и искусствомъ рѣзьбы, которому особенно покровительствовалъ Сугерій. Но это возрожденіе любви къ искусствамъ было скорѣе естественнымъ слѣдствіемъ хода событій, чѣмъ результатомъ личныхъ стараній мудраго аббата, потому что и умозрительныя науки, которыя Сугерій вовсе не думалъ поощрять, были съ особеннымъ рвеніемъ изучаемы тогда французами. Около того времени распространилась во Франціи новая философія, которая была, правда, создана софистами и поддерживалась тщеславіемъ ученыхъ и молодежи, но тѣмъ не менѣе обусловливалась самымъ ходомъ вещей и пріучила человѣческій умъ къ новымъ процессамъ мышленія (т. II стр. 539 и 628). Напрасно св. Бернаръ, слѣдуя внушеніямъ набожности, старался препятствовать критическому изслѣдованію религіозныхъ и научныхъ истинъ и преслѣдовать тщеславіе ученыхъ, которое по свойству человѣческой природы способствовало тогда, какъ и всегда, успѣхамъ умственнаго развитія. Преслѣдованіе его было вдвойнѣ неразумно, потому что тщеславію софистовъ благопріятствовало и направленіе тогдашней образованности и степень развитія европейскихъ народовъ. Новые мудрецы распространили кругъ своихъ занятій на всѣ отрасли человѣческаго знанія; Абеляръ и его ученикъ, введя Платона и Аристотеля въ школы и церковь, возбудили дѣятельность человѣческой мысли, а съ той минуты, какъ она проснулась, было безумно стараться ограничить тогдашнее болѣе развитое поколѣніе той умственной пищей, которую въ его младенческомъ состояніи предлагала ему церковь, и задерживать развитія критическаго направленія разума аллегорическими игрушками. Это сознавали тогда и въ Италіи, и потому что знаменитѣйшія духовныя лица римской церкви отправлялись во Францію, для того чтобы почерпать новую мудрость въ самомъ источникѣ.

Впрочемъ, Сугерій и король своей свѣтской властью помогли св. Бернару въ его борьбѣ съ развитіемъ человѣческаго разума, остановить которое можетъ только рука одного промысла; но за то, когда дѣло касалось существенныхъ

правъ короля, они не боялись ни его, ни папы, какъ это и обнаружилось въ 1140 году при замѣщеніи архіепископства буржскаго. Иннокентій II слишкомъ поспѣшно назначилъ епископомъ одного духовнаго, отвергнутаго королемъ. Людовикъ запретилъ посвящать папскаго кандидата и поклялся честью, что тотъ никогда не получитъ сана епископа. Св. Бернаръ гремѣлъ противъ короля своими проповѣдями, папа отлучилъ его отъ церкви и наложилъ интердиктъ на его невинныхъ подданныхъ. Теобальдъ, графъ шампанскій, бывшій во враждѣ съ Людовикомъ по совершенно другому поводу, старался силою оружія привести въ исполненіе папское опредѣленіе, — но все было напрасно. Только послѣ трехъ лѣтъ интердикта св. Бернару удалось примирить короля съ папой. Условія, на которыхъ король помирился съ папой, намъ неизвѣстны; но мы знаемъ, что онъ согласился признать отвергнутаго имъ прежде епископа.

Вслѣдъ за окончаніемъ этого спора въ государствахъ западной Европы распространилось извѣстіе объ успѣхахъ Зенги на востокѣ, и св. Бернаръ, славившійся уже тогда своими проповѣдями и помогшій папѣ овладѣть Римомъ, взялъ на себя проповѣдывать романскимъ народамъ новый всеобщій крестовый походъ. Его проповѣди имѣли желанный успѣхъ, но за то лишили его репутаціи святости, потому что ни одно изъ его предсказаній и пророчествъ не исполнилось. Сначала Бернаръ дѣйствовалъ на умы письмами и рѣчами, которыя онъ говорилъ въ разныхъ мѣстахъ, а впослѣдствіи, воспользовавшись тѣмъ, что король чувствовалъ угрызенія совѣсти, по поводу злодѣйствъ, совершенныхъ его вассалами во время одной изъ феодальныхъ войнъ, склонилъ и его въ пользу этого предпріятія. Подготовивъ такимъ образомъ общественное мнѣніе, онъ явился (1146 г.) на одно многолюдное собраніе въ Везелэ, чтобы, подобно папѣ Урбану въ Клермонѣ, восторженностью своей рѣчи и торжественностью религіозныхъ обрядовъ возбудить энтузіазмъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ. Зная вполнѣ характеръ эпохи и образъ мыслей своихъ соотечественниковъ, святой Бернаръ рѣдко ошибался въ своихъ разсчетахъ. Такъ было и въ Везелэ: не только самые могущественные вассалы французскаго короля, но даже бывшіе въ Везелэ графы фландрскій, монферратскій и туринскій дали обѣтъ идти въ Палестину, а св. Бернаръ, не смотря на то, что привезъ съ собою множество крестовъ, долженъ былъ разрѣзать на куски свою одежду, чтобы удовлетворить всѣхъ, желавшихъ получить отъ него крестъ. Когда крестовый походъ былъ окончательно рѣшенъ, вожди крестоносцевъ приступили къ необходимымъ приготовленіямъ и прежде всего вступили въ сношенія съ константинопольскимъ императоромъ Мануиломъ I. Мануилъ былъ очень расположенъ къ тамплiерамъ, и французскій король прибѣгнулъ къ ихъ посредничеству, для установленія дружескихъ сношеній съ греками. Онъ вполнѣ достигъ цѣли, и французы встрѣтили въ Константинополѣ такой радушный пріемъ, какого во все время крестовыхъ походовъ не испытывалъ никакой другой народъ. На время отсутствія Людовикъ поручилъ управленіе государствомъ двумъ опытнымъ въ дѣлахъ духовнымъ, аббату Сугерію и архіепископу реймсскому Самсону, давъ имъ въ помощь, по опредѣленію собранія, находившагося подъ вліяніемъ Бернара, одного воина, или свѣтскій мечъ, какъ выражаются историки того времени. Это третье лицо должно было служить представителемъ особы короля и быть военнымъ главою государства, а двумъ духовнымъ были ввѣрены надзоръ за судопроизводствомъ и управленіемъ финансами, иностранными сношеніями и дѣлами духовенства. Такъ какъ человѣкъ, избранный сословіями государства, отказался отъ предложенной ему должности, то король, неизвѣстно съ согласія сословій, или нѣтъ, назначилъ правителемъ королевства графа Рауля де Вермандуа. Назначеніе этого человѣка тѣмъ болѣе удивительно, что онъ былъ тогда отлученъ отъ церкви, и такимъ образомъ произошло то странное явленіе, что человѣкъ, исключенный изъ общества вѣрующихъ, стоялъ во главѣ правленія вмѣстѣ съ аббатомъ и архіепископомъ.

Такъ какъ всѣ безпокойныя головы въ королевствѣ отправились вмѣстѣ съ королемъ въ Палестину и, слѣдовательно, до ихъ возвращенія не было особенной необходимости въ военной власти, а архіепископъ Самсонъ былъ избранъ регентомъ только для виду и въ угоду высшему духовенству, то все управленіе сосредоточилось въ рукахъ Сугерія. Сугерій съ замѣчательнымъ искусствомъ

управлялъ Франціей. Изъ его переписки съ королемъ и французскими феодалами мы съ изумленіемъ видимъ, до какой глубины политической мудрости и до какого совершенства въ искусствѣ управленія достигали и въ тѣ смутныя времена нѣкоторыя отдѣльныя личности. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, какъ человѣкъ миролюбивый и справедливый, онъ пользовался даже уваженіемъ людей, которые не боялись самого короля. Даже сильнѣйшій изъ вассаловъ королевства, графъ анжуйскій Готтфридъ Плантагенетъ, повиновался его приказаніямъ. Готтфридъ былъ наслѣдственнымъ великимъ сенешалемъ или первымъ судьей и генералиссимусомъ королевства, владѣлъ Анжу и Мэномъ и, какъ зять англійскаго короля, Генриха I, имѣлъ надежду сдѣлаться наслѣдникомъ англійскаго престола. Не смотря на то, онъ признавалъ аббата Сугерія своимъ начальникомъ и въ письмахъ къ нему употреблялъ слѣдующія выраженія: «Знайте, что я по милости божіей здоровъ и готовъ исполнять приказанія моего короля. Поэтому я прошу васъ, какъ человѣка, которому преданъ всей душой, при первой же необходимости призвать меня на службу. Вы найдете меня готовымъ на все, чего вы отъ меня потребуете, и я буду служить еще ревностнѣе, чѣмъ въ присутствіи самаго короля.»

Пользуясь отсутствіемъ графовъ, Сугерій возстановилъ королевскія права даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде на нихъ не обращали никакого вниманія. Приготовляясь къ крестовому походу, сословія королевства вошли въ неоплатные долги, и Сугерій искусно воспользовался этимъ для того, чтобы увеличить королевскія имѣнія и расширить власть короля. Наконецъ онъ привелъ въ такой порядокъ управленіе финансами и содержаніе королевскаго двора, что не только покрылъ значительныя издержки Людовика во время похода въ Палестину, но имѣлъ достаточно денегъ, чтобы выдавать королевскимъ войскамъ постоянное жалованье и подарки, содержать въ исправности королевскіе замки и крѣпости и кромѣ того сберечь значительную сумму, которая впослѣдствіи весьма пригодилась королю. На это онъ ассигновалъ всѣ штрафныя деньги и судебныя пошлины, покрывая текущіе расходы изъ другихъ источниковъ. Эти доходы состояли изъ суммъ, уплачиваемыхъ прево, или старшинами городовъ, за арендуемыя или управляемыя ими государственныя имущества, изъ регалій епископствъ, оставшихся незамѣщенными и съ которыхъ, точно такъ же какъ и при переходѣ леннаго имущества къ ближайшему наслѣднику, взималась извѣстная сумма; изъ такъ называемаго tallagium (taille) или налоговъ, собираемыхъ съ несвободныхъ жителей государственныхъ имѣній или за пользованіе нѣкоторыми помѣстьями, изъ взимаемыхъ каждые три года налоговъ на монету, вино и хлѣбъ и наконецъ изъ подушной подати съ евреевъ.

Порядокъ, возстановленный въ финансахъ Сугеріемъ, могъ сохраняться только до тѣхъ поръ, пока нарушители общественнаго спокойствія были задерживаемы крестовымъ походомъ вдали отъ родины. Но когда нѣкоторые изъ нихъ возвратились домой, прежнія мѣры оказались недостаточными, и Сугерій не могъ возстановить спокойствія даже созваніемъ общаго собранія государственныхъ сословій. Потому онъ настоятельно просилъ короля поспѣшить возвращеніемъ во Францію. «Мы, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, со слезами и мольбами обращаемся къ твоему высокому сану, твоей любви и благосклонности и заклинаемъ тебя узами нашей взаимной невѣрности не откладывать долѣе твоего возвращенія, чтобы не сдѣлаться виновнымъ предъ Богомъ въ нарушеніи клятвы, данной тобой при коронованіи.» О клеветахъ, которыя распускали противъ него завистники, окружавшіе короля, онъ такъ мало заботился, что въ своихъ письмахъ даже не упоминаетъ о нихъ ни слова. Напротивъ, Сугерій убѣждалъ короля не дѣйствовать слишкомъ опрометчиво въ спорѣ съ женой и не дѣлать никакихъ приготовленій къ разводу, не переговоривъ предварительно съ нимъ: онъ предвидѣлъ нѣкоторыя изъ послѣдствій расторженія этого брака и то вліяніе, которое оно въ продолженіе трехъ столѣтій оказывало на судьбу Франціи. Бракъ Людовика съ легкомысленной Элеонорой былъ несчатливъ съ самаго начала, потому что оба они не сходились характерами. Не смотря на то, король долгое время былъ такъ страстно влюбленъ въ жену, что даже взялъ ее съ собой въ крестовый походъ. Этимъ онъ повредилъ и себѣ и успѣху всего предпріятія; нѣкоторые изъ вельможъ послѣдовали его примѣру, а такъ какъ ихъ жены взяли съ собой многочисленную женскую прислугу, то скоро въ войскѣ

исчезли всякій порядокъ и дисциплина. Кромѣ заботъ о безопасности воиновъ во время похода, на немъ лежала еще труднѣйшая обязанность оберегать цѣломудріе легкомысленной женщины. Это только ускорило окончательный разрывъ между ними. Элеонора вскорѣ соскучилась съ мужемъ, который былъ противенъ ей по своей строгой нравственности и про котораго она сама говорила, что это монахъ, а не король. Вступивъ на дорогѣ въ связь съ другими, которые болѣе нравились ея легкомысленному и чувственному сердцу, она возбудила ревность короля и окончательно разошлась съ нимъ во время его пребыванія въ Антіохіи. Съ этого времени Людовикъ сталъ содержать ее подъ военно-полицейскимъ надзоромъ и вскорѣ сталъ выражать сомнѣнія относительно законности своего брака съ Элеонорою, которая была его родственницею, о чемъ прежде никто и не думалъ. Онъ былъ ея родственникомъ въ шестомъ колѣнѣ, а по тогдашнимъ понятіямъ, браки допускались только между родственниками въ седьмомъ колѣнѣ. Совѣсть Сугерія была не такъ щекотлива, и онъ до самой смерти не давалъ согласія на расторженіе брака. Но когда онъ умеръ (1152 г.), св. Бернаръ взялся уговорить епископовъ, собранныхъ для этой цѣли Людовикомъ. Расторженіе брака послѣдовало въ томъ же году и король былъ такъ честенъ, что возвратилъ имущество жены; но передъ тѣмъ, пользуясь правомъ собственности, срылъ всѣ крѣпости въ ея владѣніяхъ, такъ какъ, будучи сюзереномъ, онъ имѣлъ право запретить постройку новыхъ укрѣпленій, но не могъ требовать уничтоженія уже существующихъ.

Руки Элеоноры тотчасъ же стали добиваться три французскихъ феодала: Теобальдъ, графъ шампанскій, и сыновья незадолго передъ тѣмъ умершаго графа анжуйскаго и мэнскаго, Готтфрида Плантагенета. Теобальдъ и одинъ изъ сыновей Готтфрида хотѣли даже силою привести въ исполненіе свое намѣреніе, и Элеонора съ трудомъ избѣгла ихъ преслѣдованій. Она поспѣшила выйти замужъ за другаго сына Готтфрида, Генриха Плантагенета, который ей нравился, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по расторженіи перваго брака сдѣлалась его женой. Генрихъ, какъ наслѣдникъ отца, былъ самымъ могущественнымъ вассаломъ въ королевствѣ Людовика. Онъ владѣлъ значительной и почти совершенно независимой властью, и какъ наслѣдственный великій сенешалъ, былъ первымъ судьей и начальникомъ военныхъ силъ Франціи. Кромѣ того его отецъ, женившись на вдовѣ германскаго императора Генриха V, Матильдѣ, дочери послѣдняго мужескаго потомка англо-норманнскаго королевскаго дома, пріобрѣлъ для своей фамиліи право на англійскій престолъ. Хотя по смерти англійскаго короля его родители были лишены права на престолъ узурпаторомъ Стефаномъ, но право на престолонаслѣдіе въ Англіи было торжественно признано за нимъ черезъ годъ послѣ женитьбы его на Элеонорѣ. Онъ наслѣдовалъ послѣ отца Нормандію, которою Готтфридъ завладѣлъ во время войны съ Стефаномъ, а женившись на Элеонорѣ, пріобрѣлъ ея обширныя владѣнія и княжества, такъ что соединилъ въ своихъ рукахъ тринадцать графствъ. Король Людовикъ не могъ равнодушно видѣть этого и, получивъ извѣстіе о бракѣ своего перваго вассала и перваго сановника королевства, тотчасъ же схватился за оружіе, потому что по французскому феодальному праву для этого требовалось согласіе короля. Онъ имѣлъ тайнаго союзника въ англійскомъ королѣ Стефанѣ, который незадолго передъ тѣмъ былъ принужденъ отстранить отъ наслѣдства роднаго сына и признать это право за молодымъ Генрихомъ Плантагенетомъ. Пока былъ живъ Стефанъ, война была ведена съ большимъ ожесточеніемъ; но едва онъ умеръ и Генрихъ сдѣлался англійскимъ королемъ, какъ заключенъ былъ миръ, по которому Генрихъ сохранилъ всѣ владѣнія во Франціи и только обязался давать на нихъ Людовику одну ленную присягу. Миръ былъ непродолжителенъ, потому что вскорѣ послѣ того Генрихъ предъявилъ мнимыя права жены на графство тулузское, а Людовикъ никакъ не могъ согласиться, чтобы и безъ того могущественный вассалъ его еще болѣе усилился. Впрочемъ, Генрихъ нашелъ въ графѣ тулузскомъ Раймундѣ V, который былъ кромѣ того герцогомъ нарбонскимъ и маркграфомъ провансскимъ, достойнаго соперника; въ то же время Людовикъ приказалъ двумъ своимъ братьямъ сдѣлать вторженіе во владѣнія Генриха, и англійскій король долженъ былъ согласиться на миръ и отказаться отъ своихъ притязаній.

Значеніе французскаго короля, упавшее послѣ брака Генриха съ Элеонорой,

снова возвысилось вслѣдствіе двойнаго спора, начатаго папой Александромъ III съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссой и Генрихомъ. Отношенія Александра къ этимъ двумъ государямъ заставили его щадить короля французскаго и оказывать ему всевозможныя почести, какъ лицу, которое могло быть впослѣдствіи посредникомъ между спорящими. Изъ союза съ Людовикомъ папа извлекъ ту выгоду, что Генрихъ предпочелъ смириться предъ церковной властью, чтобы предупредить отлученіе отъ церкви, которое папа грозилъ привести въ исполненіе при посредствѣ Людовика. Выгоды же Людовика состояли въ томъ, что онъ пріобрѣлъ, въ ущербъ германской имперіи, нѣкоторыя земли, владѣтели которыхъ во время безпрерывныхъ итальянскихъ войнъ Фридриха Барбароссы отчаявались въ защитѣ императора, или не одобряли его самовольныхъ и рѣзкихъ распоряженій во время тогдашнихъ распрей въ церкви. Впрочемъ, французскій король снова поссорился съ Генрихомъ, не смотря на то, что въ 1160 году одна изъ дочерей Людовика вышла замужъ за старшаго сына Генриха, а другая была обручена со вторымъ его сыномъ. Отношенія между обоими королями запутались еще болѣе вслѣдствіе того, что Генрихъ то изъявлялъ притязанія на нѣкоторые французскіе города и области, какъ сенешалъ и вассалъ Людовика, то не хотѣлъ и слышать о какой бы то ни было зависимости отъ короля. Долго съ равнымъ искусствомъ и твердостью спорили между собой оба короля, и Генрихъ, пріобрѣвшій своему дому Бретань женитьбой своего третьяго сына на единственной дочери герцога бретанскаго Конана IV, одержалъ бы верхъ, если бы не поссорился съ двумя старшими сыновьями, Готтфридомъ и Ричардомъ. Они перешли на сторону Людовика, и въ 1168 г. Генрихъ долженъ былъ заключить съ французскимъ королемъ договоръ, по которому уступилъ сыновьямъ свои владѣнія во Франціи. Одинъ изъ нихъ, Генрихъ, получилъ графства Анжу и Мэнъ, а другой, Ричардъ, сдѣлался герцогомъ гіенскимъ и графомъ Пуату. Вскорѣ завязался новый жаркій споръ по поводу сыновей англійскаго и дочерей французскаго короля. Генрихъ удалилъ отъ старшаго сына его жену, а объ его поступкахъ съ другой дочерью Людовика, невѣстой его втораго сына, распространились вскорѣ слухи, обидные для чести самой принцессы и обоихъ королей. Вслѣдствіе того между отцомъ и сыновьями, Англіей и Франціей, вспыхнула кровопролитная война. Напрасно старался папа уладить дѣло. Обѣ партіи страшно свирѣпствовали другъ противъ друга, пока архіепископу санскому не удалось склонить ихъ къ примиренію (1174 г.).

О примиреніи Людовика съ Генрихомъ папа заботился такъ ревностно потому, что положеніе дѣлъ въ Палестинѣ, казалось, требовало присылки новой помощи съ Запада, а объ этой помощи нельзя было и думать, пока продолжалась распря между королями. По возстановленіи мира, они обязались формальнымъ договоромъ въ Нонанкурѣ идти спасать тѣснимыхъ турками единовѣрцевъ на Востокѣ и торжественно возвѣстили это рѣшеніе своимъ подданнымъ и вассаламъ. Дѣйствительно ли Людовикъ имѣлъ намѣреніе вторично отправиться на Востокъ, неизвѣстно. Онъ такъ мало цѣнилъ внѣшній блескъ королевскаго достоинства, что дворъ его составлялъ тогда весьма рѣзкій контрастъ съ блескомъ императорскаго двора, къ которому Фридрихъ Барбаросса пріучилъ нѣмцевъ; но съ другой стороны, въ личной храбрости онъ не уступалъ ни одному изъ королей той эпохи. Людовикъ и Генрихъ Англійскій рѣшились такъ поспѣшно предпринять крестовый походъ, вслѣдствіе извѣстія о значительныхъ успѣхахъ греческаго императора Мануила въ войнѣ съ султаномъ иконійскимъ. Но Мануилъ потерпѣлъ вскорѣ рѣшительное пораженіе, а оба короля были задержаны дома внутренними дѣлами своихъ королевствъ. Походъ былъ отложенъ, а со смертью Людовика (1180 г.) исчезла и всякая надежда на приведеніе въ исполненіе нонанкурскаго договора, потому что его сынъ и преемникъ, Филиппъ II, занялся осуществленіемъ совершенно другихъ плановъ и, исполнивъ ихъ впослѣдствіи, заслужилъ титулъ Августа, или собирателя королевства.

5. Исторія Англіи отъ Вильгельма I до вступленія на престолъ Генриха II.

Завоеваніе Англіи норманнами (т. II, стр. 395) произвело въ этой странѣ совершенный переворотъ, ближайшія причины котораго скрывались въ личномъ характерѣ Вильгельма Завоевателя. Поэтому мы начинаемъ исторію норманнскаго владычества въ Англіи характеристикой этого короля, которая находится у одного англійскаго писателя двѣнадцатаго вѣка и, не смотря на свои недостатки, выражаетъ господствовавшее въ слѣдующемъ столѣтіи мнѣніе о Вильгельмѣ. «Вильгельмъ Завоеватель, говоритъ Генри Гёнтингдонъ, былъ храбрѣе всѣхъ нормандскихъ графовъ, могущественнѣе всѣхъ англійскихъ королей и достохвальнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ былъ въ одно и тоже время благоразуменъ и хитеръ, богатъ и корыстолюбивъ, славолюбивъ и достоинъ славы, благосклоненъ къ духовенству и суровъ съ нимъ, когда встрѣчалъ сопротивленіе. Онъ сажалъ князей и графовъ въ темницы, изгонялъ епископовъ и аббатовъ изъ помѣстій, не пощадилъ роднаго брата и не терпѣлъ никакого противорѣчія. У самыхъ могущественныхъ отнималъ онъ огромныя количества золота и серебра и принуждалъ всѣхъ искать защиты въ замкахъ. Уличеннымъ въ поимкѣ оленя или кабана онъ выкалывалъ глаза, какъ будто бы былъ отцомъ дикихъ животныхъ, а чтобы сдѣлать изъ Нью Фореста (Новаго Лѣса) охотничій паркъ и жилище для дичи, разрушалъ церкви и селенія, изгоняя жителей. Въ глубинѣ сердца всѣ его ненавидѣли, потому что онъ отнималъ чужое имущество не по нуждѣ, а изъ корыстолюбія; но Вильгельмъ смѣялся надъ ихъ гнѣвомъ, и всякій, хотѣвшій пользоваться его милостью или дорожившій своей жизнью, долженъ былъ повиноваться каждому его мановенію. Какъ жаль, что человѣкъ, который ничто иное какъ прахъ и пепелъ, можетъ сдѣлаться столь гордымъ, что, не думая о смерти, считаетъ себя выше другихъ! Вильгельмъ наслѣдовалъ отъ предковъ Нормандію, завоевалъ Мэнъ и поставилъ въ зависимость отъ себя Бретань, а въ Англіи власть его была такъ обширна, что во всемъ королевствѣ не было акра земли, цѣнности и владѣтеля котораго онъ не зналъ. Его власти подчинились также Шотландія и Уэльсъ, и Вильгельмъ съ такою строгостью поддерживалъ въ странѣ миръ и порядокъ, что молодая дѣвушка, обвѣшанная золотомъ, могла безопасно путешествовать по всему королевству.»

Правленіе Вильгельма было деспотизмомъ, основаннымъ на военной силѣ. Онъ ввелъ въ Англіи строгую феодальную систему, подобной которой не существовало ни въ одномъ изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ, потому что ее нигдѣ не проводили систематически, а Вильгельмъ дѣйствовалъ въ духѣ строгой послѣдовательности и безграничнаго самовластья. Онъ поднялъ и обогатилъ норманновъ на счетъ англосаксовъ, и, нуждаясь въ сильныхъ баронахъ, которые могли бы содержать многочисленныя дружины и отвѣчать ему за покорность округовъ, находившихся въ ихъ управленіи, уничтожилъ, насколько это было для него необходимо, національную свободу побѣжденныхъ. Но онъ не позволялъ развиться аристократической формѣ правленія; напротивъ, военная власть, державшая въ покорности англосаксовъ и низшіе классы народа, лежала тяжелымъ гнетомъ и на норманнскихъ вельможахъ его королевства. Впослѣдствіи, при болѣе слабыхъ преемникахъ Вильгельма, бароны съ жадностью хватались за всякую возможность освободиться отъ наложеннаго на нихъ ига, и, не будучи въ состояніи достигнуть этой цѣли безъ поддержки народа, должны были сами содѣйствовать постепенному возстановленію и обезпеченію правъ націи. Это движеніе и борьба придаютъ исторіи Англіи особенный интересъ, который еще болѣе возвышается тѣмъ, что введенная Вильгельмомъ феодальная система и способъ, которымъ онъ упрочилъ ее въ завоеванномъ королевствѣ, находились въ совершенномъ противорѣчіи съ уцѣлѣвшими древнегерманскими формами демократической монархіи.

Вильгельмъ съ самаго начала упрочилъ свое самодержавіе, конфисковавъ и объявивъ государственными доменами всю частную собственность англосаксской королевской фамиліи и приверженцевъ Гаральда, павшихъ въ битвѣ при Ге-

стингсѣ. Послѣ того частыя возстанія саксовъ доставили ему случай и поводы истребить почти всю англосакскую аристократію, роздать ихъ должности и помѣстья норманнамъ и, на ряду съ древними законами и учрежденіями націи, ввести строгую феодальную систему. Онъ не вызывалъ прямо этихъ возстаній, но и не имѣлъ намѣренія предупреждать ихъ, потому что дѣйствовалъ всегда чрезвычайно самовластно и замѣщалъ всѣ должности норманнами, буйный характеръ и хищничество которыхъ были извѣстны ему очень хорошо. Впрочемъ, онъ отнималъ земли и у норманновъ, оставлявшихъ свои помѣстья, и передавалъ ихъ другимъ. Вообще Вильгельмъ всячески старался упрочить значеніе и могущество короля; для этого онъ содержалъ довольно многочисленное наемное войско, организовалъ военную службу такимъ образомъ, что могъ въ самое короткое время собрать значительное войско, принуждалъ могущественныхъ коронныхъ вассаловъ являться ко двору каждые три года и самъ измѣнилъ ненравившіяся ему постановленія введеннаго имъ феодальнаго права. Важнѣйшая изъ этихъ перемѣнъ состояла въ томъ, что подвассалы (вальвассоры), подчинявшіеся въ остальной Европѣ только своимъ феодальнымъ владѣтелямъ, оставаяся къ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ, были поставлены въ непосредственную зависимость отъ короны. Это распоряженіе доставило англійскимъ королямъ такое могущество, котораго французскіе короли достигли только черезъ нѣсколько столѣтій и которымъ обладали, но не умѣли пользоваться первые германскіе императоры. Держа такимъ образомъ въ покорности гордыхъ бароновъ, уже успѣвшихъ во всей остальной Европѣ сдѣлаться самостоятельными владѣтелями, Вильгельмъ старался усилить могущество короны увеличеніемъ правильныхъ налоговъ и произвольными поборами. Кромѣ доходовъ съ государственныхъ имуществъ, которыя всегда отдавались имъ въ аренду съ торговъ, онъ открылъ много новыхъ источниковъ доходовъ. Каждый владѣтель леннаго имущества, кромѣ обязанности служить королю, платилъ опредѣленную подать въ знакъ того, что получилъ помѣстье въ подарокъ отъ короля. Несовершеннолѣтній наслѣдникъ лена поступалъ подъ опеку самого короля, который нерѣдко продавалъ ее съ торговъ, а такъ какъ до совершеннолѣтія подопечнаго опекунъ получалъ за него всѣ доходы, то это было средствомъ обирать несовершеннолѣтнихъ вассаловъ. Король собиралъ также maritagium или подать за позволеніе наслѣдницѣ лена вступать въ бракъ; подать эта простиралась иногда до десяти тысячъ марокъ съ одного лица. Нерѣдко наслѣдница откупалась цѣною большей части своего состоянія отъ брака, который устроивалъ для нея король, или покупала его отсрочку. При объявленіи совершеннолѣтія или перемѣнѣ леновъ платилось такъ называемое relievum. Другой видъ налога составляло auxilium, которое платилось вассалами только въ случаѣ плѣна ихъ феодальнаго владѣтеля, посвященія въ рыцари его старшаго сына или выхода въ замужество его старшей дочери; но Вильгельмъ и его преемники отыскали множество другихъ предлоговъ ко взиманію этого налога Scutagium или подать, платимая вмѣсто исполненія личной военной повинности, составляла важный источникъ королевскихъ доходовъ. Къ этому нужно прибавить таможенныя пошлины, дорожный сборъ, значительную прибыль отъ конфискацій, доходы незамѣщенныхъ епископствъ, подушную подать съ евреевъ, подарки, денежныя пени, плату за открыто продававшіяся по опредѣленной таксѣ помилованіе или ходатайство короля передъ судомъ, а также налогъ на монету, tallagium (стр. 6) и другіе, отчасти произвольно взимаемые, налоги. Ежегодные доходы Вильгельма полагаютъ обыкновенно въ 13 милліоновъ гульденовъ или около 8 милліоновъ р. с. Эта цифра служитъ доказательствомъ тогдашняго богатства Англіи, и тѣмъ болѣе замѣчательна, что сто лѣтъ спустя страна, не смотря на всѣ усилія, не могла доставить необходимой суммы для выкупа захваченнаго въ Германіи короля Ричарда I.

Разсчитывая на введенную имъ систему управленія, свое богатство и значительныя военныя силы, Вильгельмъ полагалъ возможнымъ оставить побѣжденному народу его старинный судъ и самоуправленіе, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось его выгодъ, онъ могъ силою привести въ исполненіе свою волю. Вильгельмъ сохранилъ и древнее англосакское учрежденіе присяжныхъ, предоставивъ баронамъ право суда надъ своими вассалами. И то и другое скорѣе увеличило, чѣмъ уменьшило его значеніе. Какъ на суды бароновъ, такъ и на

общинные суды англосаксовъ (т. II, стр. 379) можно было аппелировать въ судъ графства, гдѣ дѣла рѣшались отъ имени короля его графомъ или намѣстникомъ, шерифомъ, который собиралъ столь важныя для короля денежныя пени и уже по одному этому удерживалъ въ предѣлахъ законности суды первой инстанціи. Впрочемъ, военный деспотизмъ короля, напоминая самымъ сильнымъ вассаламъ о ихъ подданствѣ, придалъ особенную прочность существовавшимъ тогда формамъ народнаго суда и самоуправленія и способствовалъ укорененію въ Англіи любви къ порядку, справедливости и добродѣтели, составляющей единственныя прочныя основы политической свободы. Потому жаль, что мы не имѣемъ болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи государства при Вильгельмѣ. Свойства почвы и распредѣленіе недвижимой собственности извѣстны намъ въ точности, потому что Вильгельмъ приказалъ составить подробную перепись всѣхъ помѣстій, съ показаніемъ ихъ цѣнности, именъ владѣльцевъ и количества доходовъ, сохранившуюся до нашего времени подъ именемъ Думсдэйбукъ (Domesdaybook) или книги страшнаго суда. Но за то взаимныя отношенія сословій и личныя права народа еще не объяснены удовлетворительно, не смотря на всѣ изслѣдованія ученыхъ. Права и происхожденія трехъ сословій свободныхъ людей, упоминаемыхъ въ Думсдэйбукѣ и ясно отличаемыхъ отъ приписанныхъ къ землѣ несвободныхъ, не могутъ быть опредѣлены съ точностью. Точно также мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ государству находилось отдѣльное отъ ирловъ и теновъ (т. II, стр. 280) свободное сословіе англосаксскаго народа, кёрлы, и не обратились ли эти свободные земледѣльцы и граждане въ крѣпостныхъ еще до норманнскаго завоеванія. Второе предположеніе разъяснилось бы само собою, если бы встрѣтилось какое-нибудь указаніе въ законахъ, носящихъ имя Вильгельма и теперь всѣми признаваемыхъ за законы Эдуарда Исповѣдника. Напротивъ, настоящее крѣпостное состояніе, которое должно отличать отъ болѣе древняго рабства, упоминается въ первый разъ подъ 1180 годомъ, и поэтому всѣ ученые держатся того мнѣнія, что сословіе крѣпостныхъ образовалось въ Англіи уже послѣ норманнскаго завоеванія.

Мы невольно удивляемся Вильгельму Завоевателю, хотя и не можемъ питать никакого уваженія и любви къ человѣку, который не пренебрегалъ никакими средствами для удовлетворенія свей жадности и властолюбія. Уничтожая одно, онъ въ тоже время создавалъ многое вновь и никода не позволялъ себѣ, изъ личныхъ видовъ, отмѣнять древнія учрежденія, которыя еще могли быть полезны. Правда, страсть къ охотѣ заставляла его совершать ужасныя жестокости. Такъ, за ловлю животнаго въ королевскихъ лѣсахъ онъ предавалъ смертной казни, обращалъ цѣлые округи Англіи въ охотничьи парки, а въ Гемпширѣ превратилъ въ пустыню огромное пространство земли, такъ называемый Нью Форестъ (Новый Лѣсъ), для того чтобы развести на немъ лѣсъ. Впрочемъ, этотъ безчеловѣчный поступокъ не остался безъ хорошихъ послѣдствій для народа, привыкшаго къ порядку и самостоятельной дѣятельности. Эти жестокости, повторяемыя преемниками Вильгельма, должны были, при слабыхъ правителяхъ, создать эпоху, когда общая и пламенная любовь народа къ суду и справедливости одержала и въ правительственной сферѣ полную побѣду надъ матеріальной и грубой силою. Этому содѣйствовалъ самъ Вильгельмъ ревностными заботами о полиціи и безопасности, а въ особенности энергіей, съ которой онъ давалъ чувствовать сильнымъ баронамъ ихъ зависимость отъ него. Господствовавшее прежде мнѣніе, будто бы онъ далъ народу Великую Хартію (Magna charta) или гражданскія права, уже давно признано ошибочнымъ. Съ какой твердостью дѣйствовалъ Вильгельмъ въ отношеніи къ духовенству и римскому папѣ, было уже упомянуто выше (т. II, стр. 396). Притязаніямъ папы Григорія VII онъ противился энергичнѣе всѣхъ другихъ тогдашнихъ государей (т. II, стр. 594). Своимъ совѣтникомъ и руководителемъ дипломатическихъ переговоровъ Вильгельмъ избралъ искуснаго богослова и юриста Лафранка (т. II, стр. 629), котораго сдѣлалъ въ 1070 году архіепископомъ кентербёрійскимъ и главою англійскаго духовенства. Какія услуги оказывалъ ему Лафранкъ своими юридическими тонкостями, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота. Однажды Лафранкъ посовѣтовалъ ему посадить въ темницу его своднаго брата Одона, который, будучи въ одно и тоже время епископомъ Баіё и графомъ кентскимъ, могъ сдѣлаться опаснымъ для короля. Когда же Виль-

гельмъ не рѣшался на то изъ уваженія къ духовному сану епископа, Ланфранкъ сказалъ ему: «Арестуй его не какъ епископа Баіё, а какъ графа кентскаго.» Ланфранкъ велъ также переговоры съ Римомъ и убѣдилъ папу Николая II снять съ Вильгельма отлученіе отъ церкви, а потомъ склонилъ Александра II оказать ему поддержку при завоеваніи Англіи (т. II, стр. 394 и 396).

Вильгельмъ, скончавшійся въ 1087 году, оставилъ трехъ сыновей: Роберта Куртгёза, Вильгельма II и Генриха I. Старшій, Робертъ, отличался храбростью, которую и доказалъ во время перваго крестоваго похода, но при этомъ былъ чрезвычайно легкомысленъ и совершенно неспособенъ управлять государствомъ. Это не могло скрыться отъ взоровъ такого хитраго и проницательнаго государственнаго человѣка, какимъ, по инстинкту, былъ его отецъ, тѣмъ болѣе, что Вильгельмъ былъ достаточно опытенъ, чтобы видѣть, что введенная имъ система управленія могла держаться только личностью правителя. Потому онъ отдалъ Роберту еще прежде обѣщанную ему Нормандію, но вмѣстѣ со своимъ другомъ Ланфранкомъ принялъ мѣры, чтобы онъ былъ отстраненъ отъ англійскаго престола, а королемъ Англіи былъ признанъ второй сынъ, Вильгельмъ, походившій во всемъ на отца. Исполненію этого плана много способствовало то обстоятельство, что, когда умиралъ Вильгельмъ, младшіе сыновья были при немъ, а Робертъ находился въ отсутствіи.

По смерти Вильгельма I въ Англіи тотчасъ же начались волненія, вызванныя отстраненіемъ Роберта отъ престола и отчасти деспотическимъ характеромъ новаго короля. Большинство бароновъ, въ томъ числѣ епископъ Баіё, Одонъ, и другой сводный братъ умершаго короля приняли сторону Роберта, и дѣло могло бы принять неблагопріятный оборотъ для Вильгельма II, если бы Робертъ не испортилъ всего своимъ обыкновеннымъ легкомысліемъ. Тогда Вильгельму было уже не трудно подавить движеніе. Водворивъ въ Англіи спокойствіе, онъ хотѣлъ преслѣдовать брата и въ Нормандіи; но посредниками между ними явились вассалы, которые, имѣя лены отъ обоихъ братьевъ, были принуждены измѣнить кому-нибудь изъ нихъ. Помирившись другъ съ другомъ, Робертъ и Вильгельмъ начали сообща войну съ младшимъ братомъ, чтобы отнять его владѣнія. Вскорѣ послѣ того безпокойный Робертъ, по порученію брата, велъ переговоры съ шотландскимъ королемъ, признававшимъ себя вассаломъ англійскаго короля, но уже въ 1094 году возобновилъ войну съ Вильгельмомъ, и эта распря продолжалась до тѣхъ поръ, пока Робертъ, отправляясь въ крестовый походъ, не заложилъ Вильгельму свое герцогство на пять лѣтъ. Онъ получилъ за Нормандію всего десять тысячъ марокъ, что доказываетъ незначительную цѣнность, въ тогдашнее время, обширныхъ владѣній въ сравненіи съ цѣнностью звонкой монеты. Это подтверждается еще тѣмъ, что около того же времени Готтфридъ Бульонскій заложилъ родовыя владѣнія за чрезвычайно незначительную сумму, и что въ 1177 году графство Маршъ было продано англійскому королю Генриху II за шесть тысячъ марокъ. Въ то самое время, когда цѣлыя княжества продавались за 10 тысячъ марокъ, за боеваго коня платили 15 марокъ. Робертъ покрылъ издержки похода, предпринятаго имъ въ защиту христіанства, собственными средствами, хотя никогда не могъ разсчитывать уплатить долгъ; братъ же его, Вильгельмъ, слѣдовалъ совершенно другимъ началамъ. Вильгельмъ, совершавшій и прежде страшныя притѣсненія для того, чтобы имѣть возможность содержать многочисленное наемное войско, самъ собралъ съ Нормандіи сумму, которую далъ брату подъ залогъ ея. Такимъ образомъ онъ отнялъ у норманновъ деньги, которыя Робертъ могъ достать для себя только взаймы, и даже воспользовался этимъ случаемъ для своего обогащенія, захвативъ золотую и серебряную утварь и драгоцѣнные каменья, которыми набожность его предковъ украсила церкви.

Робертъ возвратился изъ Палестины въ 1100 году, женившись на дорогѣ на дочери одного апулійскаго графа. Этотъ бракъ доставилъ ему необходимыя для выкупа его герцогства деньги, а въ тоже время ему открылись виды на пріобрѣтеніе всего королевства его брата, который около этого времени былъ, по несчастному случаю, убитъ на охотѣ (1100 г.); но и на этотъ разъ онъ испортилъ все своимъ легкомысліемъ. Сначала онъ пропустилъ удобное время, оставаясь безъ всякаго дѣла въ Италіи, и позволилъ предупредить себя брату, Генриху I, который тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Вильгельма завладѣлъ

королевскими сокровищами и черезъ три дня былъ провозглашенъ королемъ. Если бы Робертъ имѣлъ сколько-нибудь твердости и терпѣнія, то могъ бы даже тогда завладѣть властью, или по крайней мѣрѣ, долгое время оспаривать ее у брата, потому что по возвращеніи былъ съ восторгомъ встрѣченъ въ Нормандіи, и въ Англіи въ его пользу высказались весьма многіе. Онъ началъ войну съ Генрихомъ и произвелъ высадку въ Англію, но, наскучивъ военными дѣйствіями при самомъ началѣ похода, заключилъ договоръ, по которому отказался отъ короны за ежегодный платежъ извѣстной суммы. Черезъ два года онъ отказался и отъ этого и, только пожертвовавъ своими приверженцами гнѣву Генриха и истощивъ свои средства, возобновилъ войну, но попался тогда въ плѣнъ и долженъ былъ согласиться на самый унизительный миръ. Его жестокій братъ не могъ лишить его жизни, потому что тогдашніе юридическіе обычаи Англіи, въ противоположность суровому нынѣшнему законодательству, не допускали смертной казни. Робертъ былъ ослѣпленъ и до самой смерти, послѣдовавшей черезъ двадцать восемь лѣтъ, содержался въ самомъ строгомъ заключеніи. Такую же печальную участь испыталъ и сынъ Роберта, Вильгельмъ Клитонъ, который, избѣгнувъ преслѣдованій дяди, былъ радушно принятъ французскимъ королемъ, Людовикомъ VI, и Фулькомъ V, графомъ анжуйскимъ. Людовикъ и Фульвъ нѣсколько лѣтъ вели войну съ Генрихомъ, чтобы возвратить Вильгельму Нормандію, а когда это не удалось, Людовикъ отдалъ ему въ ленъ графство Фландрію, которое было тогда такъ же значительно, какъ и его родовое герцогство. Но принужденный постоянно бороться съ внутренними и внѣшними врагами, Вильгельмъ не былъ радъ жизни и умеръ въ 1128 году, въ цвѣтѣ лѣтъ.

Правленіе Генриха, насильственно овладѣвшаго престоломъ, было непрерывнымъ рядомъ жестокостей и притѣсненій. Говорятъ, что въ началѣ царствованія онъ далъ націи Великую Хартію, которою отказывался отъ произвольныхъ притѣсненій своего отца и нарушеній правъ вассаловъ; но не говоря уже о томъ, что это не вполнѣ достовѣрно, намъ положительно извѣстно, что онъ не сдержалъ обѣщанія и скорѣе увеличилъ, чѣмъ уменьшилъ произвольные налоги, введенные Вильгельмомъ Завоевателемъ. За то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ вновь подтвердилъ странѣ сохраненіе древнихъ англосаксскихъ судебныхъ учрежденій и законовъ Эдуарда Исповѣдника, хотя въ его царствованіе древній французскій языкъ сдѣлался господствующимъ при дворѣ и во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, а все судебное сословіе въ Англіи пополнялось норманнскими духовными. Впрочемъ, учрежденія англосаксовъ и норманновъ, по своему существу, были такъ сходны другъ съ другомъ, что взаимное слияніе ихъ произошло чрезвычайно скоро. Кромѣ того, благодаря вліянію норманнскихъ юристовъ, въ англійскихъ судахъ, а чрезъ ихъ посредство и въ народѣ, распространилось такое знаніе права и такая внимательность къ юридическимъ формамъ, что именно въ этомъ обстоятельствѣ нужно искать объясненія, почему впослѣдствіи, когда англичане дѣйствительно получили Великую Хартію, они гораздо бдительнѣе другихъ націй охраняли свои политическія права. Въ Англіи каждый привыкъ обращать вниманіе на слова и мелочныя опредѣленія, о которыхъ въ остальной Европѣ, кромѣ Рима, никто не заботился, и бережливо охранять уже добытыя права. Но въ то время какъ правленіе Генриха оказывало извѣстную долю полезнаго вліянія на народъ, бароны совершенно одичали подъ жестокимъ гнетомъ этого воинственнаго деспота и погрузились въ такое состояніе варварства, подобное которому мы встрѣчаемъ только у дикихъ тюркскихъ народовъ. Однажды зять короля приказалъ ослѣпить сына одного изъ бароновъ, находившагося у него въ заложникахъ, и за то король отдалъ родныхъ своихъ племянниковъ на жертву мстительности оскорбленнаго барона, который велѣлъ выколоть имъ глаза и отрѣзать носъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ побочныхъ сыновей, Генрихъ имѣлъ только двухъ законныхъ дѣтей, сына и дочь, Матильду, которая была въ первый разъ замужемъ за императоромъ германскимъ, Генрихомъ V, но не имѣла отъ него дѣтей. Лишившись сына, король старался доставить престолъ дочери и, созвавъ для этого, въ 1126 году, блестящее собраніе англійскихъ бароновъ, потребовалъ, чтобы они признали Матильду его наслѣдницей и подтвердили это признаніе клятвой. Черезъ два года пожалованіе Фландріи Вильгельму Клитону такъ встревожило Генриха, что онъ, не взирая на самыя тяжелыя условія, помирился съ

старымъ графомъ анжуйскимъ, Фулькомъ V, который до тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ Людовикомъ VI, воевалъ противъ него за возстановленіе правъ Вильгельма Клитона. Средствомъ примиренія былъ бракъ Матильды съ сыномъ Фулька, Готтфридомъ, который отличался красотой, но едва вышелъ изъ отрочества и былъ десятью годами моложе невѣсты. Готтфридъ обыкновенно носилъ на шлемѣ вѣтку дрока (planta genest) и получилъ, вслѣдствіе того, прозвище Плантагенета, которое перешло и на основанную имъ новую королевскую династію Плантагенетовъ.

Бракъ Матильды съ Готтфридомъ Плантагенетомъ съ самаго начала поставилъ короля въ двойное затрудненіе. Бароны королевства сочли себя освобожденными отъ присяги, данной ими въ пользу Матильды, думая, что необходимо было спросить ихъ согласія и на бракъ Матильды, какъ прежде на объявленіе ея наслѣдницей, а неравенство возрастовъ двухъ супруговъ возбудило между ними такіе раздоры, что Матильда скоро возвратилась въ Англію, и въ продолженіе двухъ лѣтъ бракъ казался расторгнутымъ. Но впослѣдствіи онъ былъ торжественно возстановленъ, и Генрихъ получилъ отъ собранія англійскихъ бароновъ вторичное подтвержденіе однажды установленнаго порядка престолонаслѣдія. Когда у Матильды родился сынъ, впослѣдствіи король Генрихъ II, то, повидимому, не было никакого сомнѣнія, что онъ наслѣдуетъ престолъ дѣда. Однако возникшія вскорѣ послѣ того несогласія между Матильдой и ея отцомъ и вліяніе духовенства, которымъ искусно воспользовался одинъ родственникъ короля, помѣшали осуществленію этихъ надеждъ, и одинъ изъ немногихъ человѣколюбивыхъ поступковъ Генриха повредилъ его внуку болѣе всѣхъ безчисленныхъ его жестокостей и несправедливостей. Онъ принялъ горячее участіе въ двухъ своихъ племянникахъ, сыновьяхъ его сестры и Стефана, графа Блуа и шартрскаго, которые были принуждены уступить отцовскія владѣнія старшему брату, и далъ одному изъ нихъ Генриху, поступившему въ духовное званіе, сначала богатое аббатство Гластонбери, а потомъ епископство винчестерское, а другому, Стефану, не только отдалъ графство Мортэнъ въ Нормандіи, но устроилъ и бракъ его съ богатѣйшей наслѣдницей Франціи, единственной дочерью графа Евстафія Булонскаго. Она принесла мужу, кромѣ графства булонскаго, много другихъ помѣстій и владѣній и, какъ племянница короля, доставила Стефану значительное вліяніе при королевскомъ дворѣ. Потому Генрихъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы Стефанъ, въ присутствіи всѣхъ бароновъ, торжественно обязался признать Матильду и ея сына единственными законными наслѣдниками престола. Стефанъ далъ клятву и не думалъ измѣнять ей до тѣхъ поръ, пока Генрихъ незадолго до смерти не поссорился съ Матильдой и Готтфридомъ Плантагенетомъ. Прервавъ всѣ сношенія Матильды съ Англіей, Генрихъ немедленно отправился въ Нормандію, чтобы противодѣйствовать всякому вліянію, которое дочь его могла имѣть на Нормандію изъ Анжу, и Стефанъ тотчасъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти корону. Достигнуть цѣли было тѣмъ легче, что Генрихъ умеръ въ Нормандіи (1135 г.), въ разгарѣ спора съ дочерью. Прежде чѣмъ Матильда прибыла въ Англію и ея сводный братъ, Робертъ Глостеръ, принявшій ея сторону, успѣлъ что-нибудь сдѣлать въ ея пользу, Стефанъ овладѣлъ королевской казной, укрѣпилъ замки и навербовалъ многочисленныя толпы такъ называемыхъ брабансоновъ или фландрскихъ и бретанскихъ наемниковъ, смотрѣвшихъ на военную службу какъ на ремесло и продававшихъ свои услуги то тому, то другому владѣтелю. Ему помогло то обстоятельство, что тогда была еще жива его престарѣлая мать, глубоко уважаемая англичанами за ея набожность. Согласія духовенства и своего коронованія архіепископомъ кентербёрійскимъ онъ добился благодаря вліянію брата, Генриха Винчестерскаго, и ложной клятвѣ одного изъ его приверженцевъ. Гуго Вигодъ, сенешалъ королевства, передъ лицомъ всѣхъ бароновъ сказалъ явную ложь, поклявшись, что онъ присутствовалъ при томъ, какъ покойный король добровольно освободилъ вельможъ отъ присяги Матильдѣ и ея сыну.

Черезъ три недѣли по смерти Генриха Стефанъ былъ признанъ королемъ всей Англіи. Хотя этому содѣйствовало вліяніе его брата и матери, но главной причины успѣха слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что невыносимыя угнетенія трехъ послѣднихъ королей заставляли всѣхъ желать новой хартіи, а Сте-

фанъ, бывшій не въ состояніи сохранить за собой престолъ безъ поддержки бароновъ, народа и духовенства, съ самаго начала обѣщалъ дать подобныя привилегіи. Онъ, дѣйствительно, далъ хартію и присягнулъ ей (1136 г.) въ Оксфордѣ, въ торжественномъ собраніи сословій государства. Такъ какъ отъ военнаго деспотизма предшественниковъ Стефана болѣе всего терпѣли духовныя лица, а братъ короля, епископъ винчестерскій, Генрихъ, былъ душой всего предпріятія, то въ изданной Стефаномъ хартіи на духовенство было обращено особенное вниманіе; впрочемъ, въ ней не были забыты и другія сословія. Стефанъ обѣщалъ не изъявлять притязаній на доходы епископствъ, остававшихся незамѣщенными, а каждый разъ немедленно замѣщать ихъ, согласно дѣйствующимъ каноническимъ правиламъ; далѣе онъ далъ слово никогда не присвоивать себѣ произвольно лѣсовъ духовныхъ или свѣтскихъ владѣтелей для того, чтобы потомъ, какъ это дѣлалъ Генрихъ, возвратить ихъ за выкупъ; поклялся отмѣнить значительный налогъ, регулярно взимавшійся его предшественниками подъ именемъ данегельда (т. II, стр. 387), и наконецъ обѣщалъ еще многое, но, какъ выражается одинъ писатель слѣдующаго столѣтія, сдержалъ весьма немногія изъ своихъ обѣщаній. Ближайшія послѣдствія его хартіи были не очень утѣшительны, потому что тотчасъ же всѣ англійскіе бароны и епископы стали, по примѣру Стефана, укрѣплять свои замки, а Робертъ Глостеръ, подчинившійся новому королю для сохраненія своихъ помѣстій, сталъ готовиться къ предстоявшей войнѣ и строить значительныя укрѣпленія. До тѣхъ поръ частныя феодальныя войны были почти неизвѣстны въ Англіи, за исключеніемъ распрей уэльсскихъ бриттовъ и шотландцевъ съ пограничными стражами; но со времени изданія хартіи Стефана, на островѣ повторились тѣ же явленія, какъ и въ остальныхъ европейскихъ государствахъ. «Свѣтскіе и духовные владѣтели, говорится въ одной хроникѣ, строили замки, занимали ихъ дьявольскимъ народомъ, притѣсняли горожанъ и крестьянъ и, для полученія денегъ, предавали истязаніямъ всякаго, попадавшагося имъ въ руки; они брали съ городовъ деньги, чтобы не предавать ихъ огню, и, собравъ съ нихъ контрибуцію, зажигали ихъ. По дорогѣ можно было проѣхать цѣлый день и не встрѣтить живой души; города опустѣли и поля оставались невоздѣланными. Никогда еще страна не испытывала такихъ бѣдствій. Если въ какомъ-нибудь городѣ замѣчали издалека приближеніе двухъ или трехъ всадниковъ, то всѣ жители разбѣгались отъ страха передъ разбойниками. Въ правленіе Стефана положеніе еще ухудшилось, и народъ громко говорилъ, что Христосъ и святые отступились отъ нихъ.» Въ этомъ и заключается разница между военно-деспотическимъ и военно-аристократическимъ правленіемъ. Когда Стефанъ вздумалъ обуздать зло, безпокойные бароны составили противъ него союзъ, и во главѣ ихъ сталъ Робертъ Глостеръ, который, присягая королю, сдѣлалъ странную оговорку, объявивъ, что обязывается хранить вѣрность королю только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ держать свои обѣщанія и сохранять королевское достоинство. Въ то же время напалъ на Англію шотландскій король, Давидъ I. Но Стефанъ успѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія, какъ опасно оно ни было. Пріобрѣтя искуснымъ образомъ дѣйствій расположеніе духовенства, онъ, благодаря вліянію этого сословія, получилъ перевѣсъ надъ бунтовщиками, потомъ со всѣмъ войскомъ бросился на шотландцевъ, одержалъ надъ ними блистательную побѣду и принудилъ ихъ къ миру. Рѣшительное сраженіе съ шотландцами въ эту войну извѣстно въ исторіи подъ именемъ б и т в ы з н а м е н и, потому что англичане сражались подъ покровомъ кароччіо, заключавшаго въ себѣ ихъ національную святыню. Разсказы объ этомъ англійскихъ историковъ даютъ намъ возможность составить болѣе вѣрное заключеніе о происхожденіи и распространеніи этихъ употребительныхъ въ средніе вѣка священныхъ колесницъ, которыя болѣе всего извѣстны намъ изъ исторіи ломбардскихъ войнъ (т. II, стр. 558). «Англичане, говорится въ лѣтописяхъ, поставили по серединѣ повозки корабельную мачту, названную ими штандартомъ, и помѣстили на ея оконечности серебряный сосудъ съ тѣломъ Христа (св. причастіемъ) и мощами св. Петра, и два священныхъ значка, для того чтобы Христосъ, присутствуя своимъ тѣломъ, былъ ихъ предводителемъ на войнѣ, предпринятой въ защиту церкви и отечества.» Сраженіе это замѣчательно еще потому, что въ немъ мы ясно видимъ различіе между горными шотландцами, оставшимися вѣрными древнимъ обычаямъ, и нор-

маннами, имѣвшими рыцарское вооруженіе. Горцы, составлявшіе, на основаніе своей древней привиллегіи, первую боевую линію шотландскаго войска, были полуодѣты и бросились съ однимъ наступательнымъ оружіемъ на закованные въ желѣзо и потому неуязвимые ряды норманновъ.

Блистательная побѣда Стефана надъ шотландцами внушила ему мысль ограничить и духовенство, которое до тѣхъ поръ онъ щадилъ изъ политическихъ соображеній; но вслѣдствіе того вспыхнула продолжительная и кровопролитная война. Къ противодѣйствію духовенству Стефана побудило постоянное увеличеніе свѣтской власти этого сословія и употребленіе имъ во зло своихъ доходовъ, потому что наконецъ и епископы стали строить укрѣпленные замки и изъ-за стѣнъ ихъ угрожать королю и народу. Стефанъ могъ тѣмъ скорѣе разсчитывать на успѣхъ, что уже тогда самая мысль объ епископахъ-вопнахъ была также ненавистна англійскому народу, какъ и впослѣдствіи. Дѣйствительно, королю удалось отнять у епископовъ замки, но самъ онъ ничего отъ этого не выигралъ, потому что, со времени разрыва съ духовенствомъ, положеніе его совершенно измѣнилось. Духовенство, до тѣхъ поръ составлявшее его главную опору, перешло на сторону Матильды и ея сына; такимъ образомъ составилась страшная партія, тайно и явно подкапывавшаяся подъ могущество и значеніе Стефана: даже родной братъ его, епископъ винчестерскій, руководясь скорѣе внушеніями сословнаго духа, чѣмъ чувствомъ братской любви, сталъ во главѣ его враговъ и сдѣлался тѣмъ опаснѣе для короля, что незадолго передъ тѣмъ самъ Стефанъ добылъ для него званіе папскаго легата въ Англіи и, слѣдовательно, доставилъ ему громадное вліяніе.

Матильда не замедлила воспользоваться этими обстоятельствами и въ 1139 г., высадившись, въ сопровожденіи графа Роберта Глостера, на англійскій берегъ, начала кровопролитную и опустошительную войну съ Стефаномъ. Современники не находятъ достаточно ужасныхъ красокъ для изображенія бѣдствій этой междоусобной войны, во время которой всѣ города держали сторону короля. Стефанъ выслалъ противъ ожесточенныхъ враговъ своихъ свирѣпыхъ брабансоновъ, и въ продолженіе двухъ лѣтъ страна была такъ истощена, что обѣ стороны, для предупрежденія медленной гибели, должны были рѣшиться покончить споръ однимъ ударомъ. Поводомъ къ этому была осада города Линкольна, жители котораго, какъ и всѣ горожане, принадлежали къ числу ревностныхъ приверженцевъ короля и были осаждены Робертомъ Глостеромъ. Они условились съ Стефаномъ, который долженъ былъ подойти къ нимъ на помощь изъ Лондона, произвести одновременное неожиданное нападеніе на осаждавшихъ и такимъ образомъ уничтожить Роберта и Матильду. Планъ этотъ не удался, потому что Стефанъ былъ задержанъ на пути разливовъ одной рѣки, и Робертъ имѣлъ время стянуть къ себѣ значительныя подкрѣпленія и съ равными почти силами выступить противъ короля. Рѣшительная битва произошла на рѣкѣ Трентѣ; обѣ стороны дрались съ одинаковымъ мужествомъ; Стефанъ не только исполнялъ всѣ обязанности предводителя, но и показалъ себя храбрымъ воиномъ; однако было разбитъ и взятъ въ плѣнъ (1141 г.).

Послѣ побѣды Матильда была признана королевой, и распря навсегда бы прекратилась, если бы упорство приверженцевъ Стефана, а еще болѣе высокомѣріе новой повелительницы не придали дѣлу другаго оборота. Матильда ни за что не соглашалась освободить Стефана и тогда, когда приверженцы его давали ей обѣщаніе принудить Стефана оставить Англію; она отвергла даже просьбы Генриха винчестерскаго за сына Стефана, хотя ей слѣдовало бы для собственныхъ выгодъ уважить ходатайство вліятельнаго епископа. Она хотѣла управлять въ духѣ отца и потому лишилась всякой популярности. Нація требовала возстановленія законовъ Эдуарда Исповѣдника, потому что норманнское завоеваніе и деспотизмъ трехъ послѣднихъ королей научили англичанъ цѣнить достоинства англосаксскихъ законовъ, или скорѣе, оттого, что народъ былъ еще близокъ къ естественному состоянію и потому находилъ неурядицу, господствовавшую при послѣднихъ англосаксскихъ короляхъ, гораздо болѣе сносною, чѣмъ покровительство деспотическихъ законовъ. Сами норманны, будучи недовольны какимъ-нибудь изъ своихъ королей, вторили голосу народа, требуя возстановленія саксскихъ законовъ. Матильда не обращала на это вниманія и своимъ неблагоразумiемъ и же-

стокостью вооружила противъ себя всю націю, а въ особенности горожанъ и Генриха Винчестерскаго. Горожане съ ужасомъ видѣли возобновленіе царствованія Генриха I и тѣмъ сильнѣе оплакивали прежняго защитника, а Генрихъ сознавалъ, что слишкомъ увлекся политическими соображеніями, покинувъ брата и перейдя на сторону его противниковъ. Неудовольствія обнаружились прежде всего въ Лондонѣ (лѣтомъ 1142 г.). Жители этого города, имѣвшаго уже тогда сильное вліяніе на судьбу государства, внезапно схватились за оружіе и сдѣлали попытку взять въ плѣнъ королеву, поселившуюся въ Лондонѣ. Предпріятіе ихъ не удалось, но послужило сигналомъ къ повсемѣстному возобновленію войны. Вскорѣ счастливая случайность возстановила равновѣсіе между партіями. Робертъ Глостеръ, единственный человѣкъ, бывшій въ состояніи сражаться въ открытомъ полѣ за дѣло королевы, былъ взятъ въ плѣнъ приверженцами Стефана и вымѣненъ ими на короля.

Война продолжала свирѣпствовать въ теченіе пяти лѣтъ. Для Стефана, который, какъ богатѣйшій человѣкъ въ Англіи, легко могъ возстановлять свои силы послѣ каждаго пораженія, война была не такъ обременительна, какъ для Матильды, мужъ которой, Готтфридъ, овладѣлъ въ 1144 году Нормандіей и не хотѣлъ рисковать своимъ состояніемъ и вассалами въ невѣрномъ предпріятіи противъ Англіи. Готтфридъ имѣлъ кромѣ того поводъ опасаться, что сынъ его Генрихъ, посланный по просьбѣ Роберта въ Англію, сдѣлавшись англійскимъ королемъ, забудетъ свои родовыя владѣнія и станетъ считать ихъ обыкновенными провинціями; по крайней мѣрѣ о существованіи подобнаго опасенія можно заключать по удивительной заботливости, съ которою онъ хотѣлъ опредѣлить на будущее время политическое устройство, законы и обычаи графства Анжу. Въ 1150 году онъ отозвалъ изъ Англіи жену и сына, такъ что Робертъ одинъ продолжалъ войну; но онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и Стефанъ былъ оставленъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока Генрихъ не получилъ, по смерти отца (1151 г.), Анжу и Нормандію и не утвердился въ земляхъ, доставшихся ему вслѣдствіе брака съ Элеонорою, владѣтельницей Гіенни и Путау. Въ соединеніи съ приверженцами матери, онъ пропзвелъ въ 1153 году новое нападеніе на Англію. Обстоятельства благопріятствовали его предпріятію. Стефанъ поссорился тогда не только съ друзьями, но и съ духовенствомъ, которое онъ оскорбилъ, изгнавъ изъ королевства архіепископа кентерберійскаго Теобальда, присутствовавшаго безъ позволенія короля на соборѣ въ Реймсѣ. Король былъ наказанъ за то интердиктомъ. Стефанъ смѣялся надъ этимъ наказаніемъ, но за то не могъ осуществить своего желанія и заставить признать сына, Евстафія наслѣдникомъ престола. Духовенство и всѣ бароны, не смотря на угрозы, объявили ему, что останутся до конца вѣрными ему самому, но считаютъ законнымъ наслѣдникомъ престола сына Матильды. Въ 1153 году Генрихъ высадился въ Англію, и такъ какъ Евстафій вскорѣ умеръ, то Стефанъ заключилъ мирный договоръ, по которому призналъ Генриха будущимъ наслѣдникомъ. Этотъ договоръ былъ утвержденъ торжественной клятвой всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ, и на слѣдующій годъ, по смерти Стефана (1154 г.), Генрихъ безпрепятственно вступилъ на англійскій престолъ.

6. Англія въ царствованіе Генриха II.

Генрихъ II, съ которымъ на англійскій престолъ вступила новая династія Плантагенетовъ, съ самаго начала увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ разрушилъ укрѣпленные замки бароновъ и выгналъ изъ Англіи хищныхъ наемниковъ, принятыхъ на службу Стефаномъ. Впрочемъ, для защиты своихъ владѣній во Франціи онъ долженъ былъ не только снова навербовать наемныя войска, но и возобновить притѣсненія и насилія, которыя терпѣла Англія въ царствованіе Генриха I. Онъ съ безграничною суровостью поступилъ съ Нормандіей и конфисковалъ всѣ тамошніе лены, розданные его предшественниками или долженствовавшіе перейти не къ прямымъ наслѣдникамъ; въ Англіи Генрихъ совершалъ всевозможныя притѣсне-

нія, которыя, при тогдашнемъ политическомъ устройствѣ страны, могъ дѣлать безпрепятственно, и добывалъ нужныя ему деньги путемъ обыкновенныхъ и уже извѣстныхъ намъ (стр. 10) злоупотребленій при взиманіи налоговъ. Помилованіе осужденныхъ, денежныя пени, королевское право опеки надъ малолѣтними вассалами и наслѣдницами леновъ составляли для него обильные источники доходовъ. Съ дворянства, обязаннаго нести военную службу, при всякомъ удобномъ случаѣ, безъ нужды и безъ всякаго уваженія къ требованіямъ справедливости, взимался scutagium (подать со щита), и этотъ налогъ былъ такъ значителенъ, что доставлялъ съ одной Англіи 124 тысячи фунтовъ серебра. Впрочемъ, постоянныя войны съ Франціей, въ которыя Генрихъ былъ вовлеченъ своимъ бракомъ съ Элеонорою и пріобрѣтеніемъ вслѣдствіе того Гіенни и Пауту, важны для всемірной исторіи только по своимъ конечнымъ результатамъ; гораздо больше значенія имѣетъ распря Генриха съ Томасомъ Беккетомъ, завоеваніе Ирландіи и его споры съ сыновьями, потому что на этихъ трехъ событіяхъ вертится вся тогдашняя исторія Англіи.

Распря Генриха съ архіепископомъ кентербёрійскимъ Томасомъ Беккетомъ составляетъ для той эпохи повтореніе исторіи германскаго императора Генриха IV, но находится въ тѣсной связи съ разгаданными Беккетомъ планами короля поставить духовенство въ прежнюю зависимость отъ короны. Кто желаетъ изслѣдовать споръ между королемъ и главой англійскаго духовенства только съ политической точки зрѣнія, оставивъ въ сторонѣ личный характеръ противниковъ, тотъ долженъ вернуться къ царствованію Вильгельма Завоевателя. Предъ желѣзной волей Вильгельма склонялось все, даже самъ Григорій VII. Съ епископами и аббатами Вильгельмъ поступалъ такъ же произвольно и самовластно, какъ съ графами и баронами; даже первое духовное лицо въ королевствѣ, братъ его, Одонъ де Баіё, бывшій въ то же время легатъ римскаго престола, сдѣлавшись подозрительнымъ Вильгельму, подвергся заключенію и лишился своихъ сокровищъ. Законы Вильгельма ограничивали не только вліяніе римскаго двора, но и богатство англійскаго духовенства; онъ провелъ рѣзко опредѣленную границу между свѣтскими и духовными дѣлами и очень искусно исключилъ духовенство изъ участія въ судахъ, гдѣ до тѣхъ поръ оно пользовалось преобладающимъ вліяніемъ, благодаря своей учености и знанію системы римскаго права. Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, сынъ его, Вильгельмъ, шелъ по стопамъ отца. Это былъ человѣкъ, не обращавшій никакого вниманія на нравственное значеніе христіанскаго ученія, но за то не имѣвшій и наклонности къ суевѣрію; онъ нисколько не заботился о требованіяхъ основанной на общественномъ мнѣніи церковной дисциплины и нарушалъ всѣ обычныя формы съ наглостью, которая показалась бы намъ невѣроятной, если бы мы не имѣли въ подтвержденіе положительнаго свидѣтельства одного изъ современниковъ той эпохи. Когда по смерти Ланфранка онъ долго оставлялъ незамѣщенною кентербёрійскую каѳедру, чтобы пользоваться ея огромными доходами, англійскіе епископы обратились къ нему за позволеніемъ устроить по церквамъ молебствія для того, чтобы Богъ внушилъ ему даровать церкви пастыря. «Молитесь, о чемъ хотите,—отвѣчалъ онъ улыбаясь и со скрытымъ гнѣвомъ,—я же буду дѣлать, что мнѣ нравится, и никакая молитва не измѣнитъ моей воли». Никто не зналъ и не понималъ его такъ хорошо, какъ хитрый другъ его отца, Ланфранкъ, и пока онъ оставался архіепископомъ кентербёрійскимъ и примасомъ королевства, свѣтская и духовная власть находились въ мирѣ и согласіи; но распря и раздоры возникли тотчасъ же, какъ только, черезъ четыре года по смерти Ланфранка, примасомъ сдѣлался Ансельмъ. Ансельмъ, проникнутый сознаніемъ важности и достоинства христіанскихъ епископовъ, совершенно справедливо, хотя быть можетъ, слишкомъ горячо, ратовалъ противъ употребленія церковныхъ имуществъ для мірскихъ цѣлей и даже осмѣливался противорѣчить королю; за то онъ долженъ былъ покинуть Англію, хотя и считался у современниковъ первымъ авторитетомъ въ богословіи, философіи и законовѣдѣніи (т. II стр. 629). По смерти Вильгельма II ему дозволено было возвратиться, но согласіе его съ Генрихомъ I продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ нуждался въ архіепископѣ противъ своего брата Роберта и его приверженцевъ. Когда Генрихъ окончательно утвердился на престолѣ, споръ возобновился; на этотъ разъ дѣло шло объ инвеститурѣ (т. II стр. 595), который до тѣхъ поръ никто

не оспаривалъ у англійскихъ королей. Впрочемъ, Генрихъ дѣйствовалъ мягче, чѣмъ его предшественникъ. Онъ отправлялъ въ Римъ пословъ и если сначала не позволялъ архіепископу, также отправившемуся въ Римъ, возвратиться, то все-таки позволилъ ему поселиться въ нормандскомъ монастырѣ Бекъ, а впослѣдствіи переѣхать даже въ Кентербёри и наконецъ, нуждаясь по своимъ дѣламъ во Франціи въ поддержкѣ папы, согласился на свиданіе съ нимъ и былъ вынужденъ сдѣлать ему неслыханныя до тѣхъ поръ уступки. Онъ обѣщалъ воздержаться отъ всякихъ притѣсненій и вымогательствъ, которыя позволяли себѣ относительно церкви его предшественники, и отказался отъ инвеституры, а взамѣнъ того получилъ право требовать отъ епископовъ ленной присяги на ихъ свѣтскія владѣнія. По той же причинѣ, по какой онъ уступилъ въ дѣлѣ объ инверситурѣ, Генрихъ позволилъ (чего не допускалъ еще ни одинъ англійскій король) папѣ созывать въ королевствѣ, черезъ посредство легата, церковные соборы и даже согласился на то, чтобы папа по поводу спора о старшинствѣ двухъ первыхъ епископовъ Англіи, пригласилъ ихъ въ Римъ и постановилъ рѣшеніе по этому дѣлу. Премникъ Генриха, Стефанъ, пошелъ еще далѣе. Въ своей хартіи онъ даровалъ духовенству чрезвычайно обширныя права и выпросилъ у папы Иннокентія II достоинство папскаго легата для своего брата Генриха, епископа винчестерскаго, но скоро долженъ былъ раскаяться въ своемъ поступкѣ. Пользуясь этимъ благопріятнымъ оборотомъ, римскій дворъ сталъ вмѣшиваться во всѣ дѣла англійской церкви и ея духовенства, а духовное сословіе, подъ руководствомъ Генриха, разсчитывая на внутреннія смуты и помощь изъ Италіи, совершенно освободилось изъ подъ власти короля. На выборахъ епископовъ папское вліяніе заступило мѣсто вліянія короля, посылки легатовъ сдѣлались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, безбрачіе духовенства было введено повсюду и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ процессахъ стали аппелировать въ Римъ; однимъ словомъ, церковь была приведена въ такое же положеніе, въ какомъ она находилась въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Генрихъ II, желавшій возстановить все въ такомъ видѣ, въ какомъ оно находилось при его дѣдѣ, не могъ примириться съ этимъ порядкомъ вещей. Желая возстановить неограниченную власть короля и въ церковныхъ дѣлахъ, онъ думалъ скорѣе всего достигнуть цѣли, назначивъ примасомъ Англіи (1162 г.) совершенно преданнаго ему канцлера, Томаса Беккета. Духовенство было очень недовольно назначеніемъ Беккета, который до тѣхъ поръ принималъ участіе въ изданіи всѣхъ мѣръ, ограничивавшихъ могущество духовенства; но оно обманулось въ этомъ человѣкѣ, такъ же какъ король, и только престарѣлая Матильда, какъ это видно изъ переписки Беккета, разгадала его еще прежде. Когда Беккетъ сдѣлался архіепископомъ кентербёрійскимъ, ему предстоялъ выборъ между постыдной покорностью и честной борьбою на жизнь или на смерть; сообразно своему личному характеру и духу той эпохи, онъ избралъ послѣднее. Тотчасъ по избраніи въ архіепископы, Беккетъ сложилъ съ себя званіе канцлера, отказался, какъ глава англійскаго духовенства, отъ всѣхъ удовольствій свѣта и обратился къ чисто монашеской простотѣ въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ, тогда какъ прежде утопалъ въ блескѣ и роскоши. Уже по одной этой внѣшней перемѣнѣ Генрихъ сталъ догадываться о намѣреніяхъ Беккета и наконецъ окончательно поссорился съ нимъ, когда (въ 1163 г.) потребовалъ отъ него уничтоженія церковнаго суда. По укоренившимся въ послѣднее время воззрѣніямъ духовное лицо могло подлежать только суду своего епископа и лишь по снятіи съ него епископомъ духовнаго званія, въ видѣ наказанія, становилось подсуднымъ свѣтскому суду по тѣмъ преступленіямъ, которое оно могло совершить послѣ того. Генрихъ хотѣлъ отмѣнить этотъ законъ, обезпечивавшій безнаказанность всякому духовному, пока онъ принадлежалъ къ клиру, и вмѣсто того постановить, чтобы всякій преступникъ изъ духовнаго званія, если епископъ найдетъ его виновнымъ, былъ лишаемъ имъ духовнаго сана и немедленно предавался свѣтскому суду для наказанія. Въ то же время Генрихъ требовалъ отъ духовенства обѣщанія подчиняться законамъ, изданнымъ при его отцѣ. Епископы, и во главѣ ихъ Беккетъ, упорно сопротивлялись его требованіямъ. Но король былъ неистовъ и страшенъ, а свѣтскіе вельможи и даже народъ держали его сторону, такъ что онъ могъ воспользоваться баронами, чтобы провести законнымъ путемъ то, чего хотѣлъ добиться

своей желѣзной волей. Въ Англіи всѣ церковныя дѣла, касавшіяся въ тоже время и государства, рѣшались не на церковныхъ соборахъ, а на собраніяхъ бароновъ королевства, гдѣ епископы засѣдали не какъ духовныя лица, а какъ бароны. Поэтому на собраніи въ Кларендонѣ (1164 г.), когда король захотѣлъ дать своему желанію силу закона, они были пересилены большинствомъ голосовъ. Самъ Томасъ Беккетъ не смѣлъ противиться и вмѣстѣ съ другими подписалъ постановленія собранія. Такимъ образомъ сеймъ въ Кларендонѣ окончательно рѣшилъ вопросъ о подчиненіи духовенства власти короля и народа. Главныя основанія шестнадцати кларендонскихъ статей, столь важныхъ для исторіи среднихъ вѣковъ, заключались въ слѣдующемъ: духовенство вполнѣ подчиняется судебной власти короля и можетъ аппелировать только къ нему; епископамъ запрещается уѣзжать заграницу безъ позволенія короля; впредь безъ согласія ни одинъ изъ его вассаловъ или слугъ не можетъ быть подвергнутъ отлученію отъ церкви, и ни одинъ отлученный не обязанъ давать ручательства въ своихъ будущихъ убѣжденіяхъ, а подвергается церковному суду только для снятія съ него проклятія; споры о томъ, есть ли какая-нибудь собственность церковное имущество или свѣтскій ленъ, рѣшаются двѣнадцатью присяжными; помѣстья епископовъ объявляются ленами короля и уравниваются во всемъ со свѣтскими баронiями; но за то, когда палата пэровъ обращается въ уголовный судъ, епископы не исключаются изъ ея состава, а удаляются изъ нея только передъ произнесеніемъ приговора; епископства и аббатства, сдѣлавшіяся вакантными, остаются, до замѣщенія ихъ, во власти короля, который пользуется всѣми доходами съ нихъ; избраніе епископовъ и аббатовъ совершается знатными духовными лицами, назначенными королемъ, въ его капеллѣ и съ его согласія, и избранный долженъ принести ему ленную присягу; наконецъ, церковь не должна удерживать никакого имущества, доставшагося королю.

Но едва принятіе кларендонскихъ постановленій уладило, повидимому, этотъ споръ, какъ Беккетъ снова бросилъ королю перчатку. Онъ сталъ громко обвинять себя въ томъ, что вслѣдствіе своей уступчивости сдѣлался измѣнникомъ церкви, надѣлъ одежду кающагося и убѣдилъ папу освободить его самого отъ клятвы и объявить недѣйствительными всѣ сдѣланныя коронѣ уступки. Король поступилъ тогда гораздо благороднѣе; правда, онъ наложилъ секвестръ на помѣстья Беккета, но тотчасъ же снялъ его, какъ только архіепископъ перемѣнилъ на время свое имѣніе, а впослѣдствіи даже позволилъ ему безпрепятственно выѣхать изъ Англіи. Когда Беккетъ снова сталъ упорствовать, Генрихъ созвалъ въ Нортгэмптонъ собраніе сословій королевства и на этомъ съѣздѣ, по совѣту своего мудраго верховнаго судьи, не касаясь главныхъ пунктовъ спора, предъявилъ архіепископу столько новыхъ требованій, что остальные епископы просили Беккета сложить съ себя санъ, чтобы предотвратить бурю, грозившую церкви, и не вовлекать духовенство въ трудную и опасную борьбу съ свѣтскими вассалами, примкнувшими къ королю. Томасъ нашелъ это несогласнымъ съ своими убѣжденіями, но, не осмѣливаясь все-таки противорѣчить королю, бѣжалъ во Францію (1165 г.). Здѣсь въ англійскомъ архіепископѣ приняли самое живое участіе король Людовикъ VII и папа Александръ III, жившій тогда во Франціи. Не обращаясь ни къ тому, ни къ другому, Генрихъ заставилъ англійскихъ епископовъ совершенно отказаться отъ Беккета и подписать его приговоръ. Противъ интердикта и отлученія отъ церкви, которыми угрожалъ папа, онъ обезпечилъ себя строгими распоряженіями и запрещеніями. Всякая переписка съ папой и Беккетомъ была запрещена подъ страхомъ наказанія, опредѣленнаго за государственную измѣну; за всякую попытку обнародовать папскую буллу объ отлученіи было постановлено изгнаніе виновниковъ и всѣхъ его родственниковъ, а всѣмъ духовнымъ, находившимся за границей, было приказано, подъ угрозой конфискацій всѣхъ имѣній и доходовъ, возвратиться въ Англію, какъ можно скорѣе. Беккетъ обратился къ престарѣлой матери короля; но, не смотря на все уваженіе къ духовнымъ, она была слишкомъ ревностной поборницей королевскихъ правъ, чтобы сдѣлать что-нибудь въ его пользу. Французскій король былъ также не въ состояніи помочь ему. Старанія перваго были слишкомъ двусмысленны, а папа, видя твердость Генриха, начиналъ уже колебаться. Тѣмъ не менѣе, когда Генрихъ, повидимому, самъ протягивалъ руку архіепископу, Беккетъ выказалъ себя еще надменнѣе и упорнѣе, такъ что всѣ попытки примиренія не могли имѣть успѣха. Вся Европа принимала живое уча-

стіе въ спорѣ короля съ архіепископомъ; знаменитые ученые люди предпринимали поѣздки, заводили переписку и прибѣгали въ самымъ хитрымъ уловкамъ, для того чтобы какъ-нибудь уладить дѣло. Дѣйствительно, друзьямъ мира удавалось три раза склонять короля къ уступчивости и обѣщанію забыть все прошлое; но упорство себялюбиваго епископа препятствовало примиренію. Читая со вниманіемъ переписку, относящуюся до этого дѣла, точно такъ же какъ письма аббата Сугерія (стр. 6) и корреспонденцію императора Фридриха II съ его канцлеромъ, мы съ изумленіемъ видимъ, какимъ искусствомъ, глубокою политической мудростью, богатствомъ въ изобрѣтеніи способовъ и основательнымъ знаніемъ главныхъ юридическихъ пунктовъ обладали нѣкоторыя личности этой мрачной эпохи. Но это не исключало возможности появленія самовластнаго и жестокаго тирана, даже среди англичанъ, такъ ревниво охранявшихъ свои политическія права. Для того, чтобы досадить архіепископу, Генрихъ II предавалъ его родственниковъ самымъ жестокимъ мученіямъ. Онъ изгналъ изъ Англіи всѣхъ ихъ безъ различія пола и возраста, не исключая даже грудныхъ дѣтей. Повергнувъ такимъ образомъ въ нищету около четырехъ сотъ человѣкъ, онъ поступилъ еще возмутительнѣе съ сыновьями и дочерями одного изъ вассаловъ, который оскорбилъ его: онъ приказалъ ослѣпить первыхъ, а дочерямъ отрѣзать носы и уши.

При упрямой настойчивости Беккета и деспотическомъ характерѣ Генриха, примиреніе между ними было бы очень трудно, если бы король не нуждался въ поддержкѣ папы для завоеванія Ирландіи и не долженъ былъ, какъ мы увидимъ ниже, опасаться своихъ родныхъ сыновей и ихъ матери. Эти обстоятельства принудили его отложить распрю, и въ 1170 году Беккетъ возвратился въ свое епископство. Но, судя по ходу дѣла и характеру противниковъ, миръ между ними не могъ быть продолжителенъ. Дѣйствительно, Беккетъ, едва вступивъ въ должность, наложилъ проклятіе на многихъ знатныхъ приверженцевъ короля за исполненіе его воли. Генрихъ не могъ допустить этого, но по неблагоразумію нѣкоторыхъ королевскихъ слугъ дѣло приняло оборотъ, совершенно неожиданный для короля. Четверо королевскихъ рыцарей задумали испугать епископа, а когда это не удалось, страшнымъ образомъ отмстили за короля старому себялюбивому прелату. Вооруженные мечами и сѣкирами, они ворвались въ церковь Беккета и умертвили его у подножія алтаря (1170 г.). Странно, хотя и не совсѣмъ лестно для характеристики духовенства, что оно почти не обращало вниманія на нравственные результаты этого убійства, но преимущественно имѣло въ виду политическую сторону вопроса и воспользовалось ею для своихъ выгодъ. Убійцы не подверглись никакому другому наказанію, кромѣ того, что ихъ обязали совершить странствіе въ Іерусалимъ, а когда они умерли въ Палестинѣ, то ихъ похоронили со всѣми почестями. Усердіе этихъ рыцарей повредило королю Генриху болѣе, чѣмъ сколько могли бы это сдѣлать все англійское духовенство и самъ папа, потому что своимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ они выставили короля осквернителемъ святыни и сдѣлали изъ архіепископа какого-то мученика и святаго. Въ убійствѣ обвиняли короля и, не смотря на выраженную имъ скорбь и посольство въ Римъ, всѣ его попытки снять съ себя подозрѣнія въ сообщничествѣ остались безплодными. Онъ съ трудомъ избѣгнулъ церковнаго проклятія и только тогда былъ объявленъ совершенно невиннымъ, когда подписалъ договоръ, славный и выгодный для папы и духовенства, но унизительный для королевскаго достоинства (1172 г.). Генрихъ долженъ былъ всенародно подтвердить въ церкви подъ присягою свою невинность и обѣщаться исполнять условія договора; умерщвленный былъ причисленъ папой къ лику святыхъ, богомольцы стали тысячами стекаться къ его гробницѣ, и самъ Генрихъ въ 1174 году долженъ былъ, ради своихъ личныхъ интересовъ, отправиться туда на богомолье. Договоръ, заключенный съ папой, возстановилъ независимость церкви; но хитрые королевскіе юристы послѣднею, повидимому случайно прибавленною, статьею договора удержали за королемъ право суда надъ духовенствомъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого договора было постоянное вмѣшательство римскаго двора въ дѣла Англіи и безпрестанныя посылки туда папскихъ легатовъ, производившихъ въ Англіи такія вымогательства, что лѣтописецъ Гервасій довольно остроумно замѣчаетъ объ одномъ изъ нихъ: что онъ въ совершенствѣ исполнилъ свое назначеніе истреблять и насаждать, потому что истребилъ всѣ деньги въ чужихъ карманахъ и посадилъ ихъ въ свои ящики.

Еще до окончанія переговоровъ съ папой, Генрихъ распространилъ предѣлы королевства завоеваніемъ Ирландіи. Исторія этого острова начинается прекрасной поэтической эпохою, скрытой отъ нашихъ взоровъ непроницаемой завѣсой; древняя гэльская или шотландская образованность, т. е. цивилизація безъ роскоши, соединенная съ нѣкоторымъ благосостояніемъ, но не богатствомъ, распространилась, вмѣстѣ съ пѣснями веселой невинности и геройскаго одушевленія, изъ Ирландіи по Гебридскимъ островамъ до Шотландіи, гдѣ впослѣдствіи вся старина слилась и исчезла въ имени Оссіана, какъ нѣкогда древняя цивлизація греческихъ острововъ—въ имени Гомера (т. II. стр. 370, 398 и 400). Съ началомъ хищническихъ набѣговъ скандинавовъ погибли послѣдніе остатки древнѣйшей культуры. Уже въ пятомъ вѣкѣ съ распространеніемъ христіанства въ Ирландіи начинаетъ возникать новая образованность, сосредоточивавшаяся въ монастыряхъ и создавшая толпы ученыхъ и неутомимыхъ миссіонеровъ, которые внесли въ Германію и Францію сѣмена болѣе возвышенной и нравственной цивилизаціи (т. II. стр. 374 и 433). Вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ норманновъ, эта образованность также пришла въ упадокъ и стала ограничиваться однѣми внѣшними формами христіанства; сношенія съ остальнымъ міромъ были прерваны, и съ того времени Ирландія совершенно пала. Отрѣзанная отъ сообщеній съ Римомъ, опустошаемая междоусобными войнами и наконецъ раздѣленная между пятью вождями или, какъ ихъ называли, королями, Ирландія казалась легкой добычей для предпріимчивыхъ сосѣдей. Это печальное состояніе страны и чрезвычайно оживленная торговля привозимыми изъ Англіи рабами, которая могла быть прекращена только завоеваніемъ, внушили Генриху II мысль завладѣть островомъ. Въ 1154 г. онъ вынудилъ у папы Адріана IV, который былъ англичанинъ, позволеніе совершить это предпріятіе. Въ дарственной граматѣ, присланной Адріаномъ, ему поручалось силой оружія возвратить Ирландію въ нѣдра великой латинской церкви, и самъ Генрихъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что папская булла даетъ ему болѣе правъ на завоеваніе острова, чѣмъ одно оружіе. Слѣдуя совѣтамъ матери, онъ въ теченіе семнадцати лѣтъ не хотѣлъ пользоваться этимъ правомъ, пока наконецъ въ 1177 году не представился ему благопріятный случай завоевать островъ. Нѣсколько англійскихъ вассаловъ возстановили на престолѣ изгнаннаго лейнстерскаго владѣтеля Дермота и завоевали для него еще одно сосѣднее государство. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, Стронгбоу, сдѣлавшись зятемъ и наслѣдникомъ Дермота (1170 г.), еще болѣ расширилъ свои владѣнія. Король Генрихъ былъ слишкомъ проникнутъ господствовавшими въ то время принципами политической мудрости, чтобы позволить своему вассалу сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ внѣ предѣловъ государства. Онъ запретилъ своимъ баронамъ и графамъ переселяться въ Ирландію, а уже находившимся тамъ приказалъ вернуться въ Англію, подъ опасеніемъ потери леновъ. Эти мѣры имѣли полный успѣхъ, потому что графъ Стронгбоу не обладалъ ни духомъ предпріимчивости, ни мужествомъ, основанномъ на самостоятельности характера, и вслѣдствіе того предпочелъ шаткой независимости спокойное обладаніе страною подъ верховнымъ владычествомъ англійскаго короля. Онъ подчинился приказаніямъ Генриха и призналъ ирландское королевство его леномъ; между тѣмъ Генрихъ самъ воспользовался тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы покорить весь островъ. Онъ снарядилъ значительный флотъ съ нормандскимъ экипажемъ, высадился въ Ирландію во главѣ своихъ вассаловъ западнаго берега и безъ большаго труда обратилъ островъ въ англійскую провинцію (1171 г.). Принявъ присягу туземныхъ князей, онъ опредѣлилъ на общемъ собраніи отношенія къ себѣ новыхъ вассаловъ и освободилъ ирландское духовенство отъ прежней обременительной для него обязанности угощать князей и владѣтелей острова во время ихъ путешествій. За то впослѣдствіи духовенство всегда содѣйствовало упроченію англійскаго владычества. Впрочемъ, обращенію острова въ англійскую колонію много содѣйствовало то обстоятельство, что онъ представлялъ предпріимчивымъ англійскимъ искателямъ приключеній возможность пріобрѣтать себѣ помѣстья на счетъ туземнаго гэльскаго населенія.

Ирландія покорилась очень легко, и Генрихъ нашелъ тамъ мало занятій для своей неутомимо-дѣятельной натуры, которая не давала ему успокоиться и отдохнуть и кидала съ одного конца государства на другой, отъ одного предпрія-

тія къ другому. Онъ почти всегда заѣзжалъ своихъ лошадей, и нерѣдко, по возвращеніи съ охоты, приводилъ въ отчаяніе придворныхъ, разговаривая съ ними по цѣлымъ часамъ стоя. Но за то гораздо больше хлопотъ надѣлали ему его жена и сыновья, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ причинявшіе множество безпокойствъ и заботъ, хотя трудно рѣшить, что было тому виною: легкомысліе, непостоянство и горячность его жены, или самъ онъ. Генрихъ совершенно пренебрегалъ Элеонорой, характеръ которой извѣстенъ намъ изъ исторіи Франціи, и, переходя отъ одной привязанности къ другой, постоянно держалъ любовницъ въ своихъ охотничьихъ замкахъ. Своими поступками и образомъ жизни онъ совершенно отдалилъ отъ себя жену и четырехъ сыновей, которыхъ имѣлъ отъ нея. Онъ очень любилъ старшаго изъ нихъ, Генриха, приказалъ короновать его заранѣе и радовался при видѣ того, съ какимъ достоинствомъ молодой человѣкъ принималъ въ первый разъ своихъ придворныхъ, окруженный полнымъ блескомъ королевскаго сана; но потомъ онъ сталъ смотрѣть на него съ завистью и старался всячески ограничить его. Точно также поступалъ онъ и съ остальными: Ричардомъ Львиное Сердце, сдѣлавшимся впослѣдствіи королемъ, Готтфридомъ, получившимъ въ ленное владѣніе Бретань, и Іоанномъ, наслѣдовавшимъ Ричарду подъ именемъ Іоанна Безземельнаго. Сначала онъ окружалъ ихъ чрезмѣрной любовью, потакалъ ихъ страстямъ и испортилъ благородную и прекрасную натуру Ричарда, воспитывая его въ самомъ грубомъ обществѣ; потомъ онъ далъ имъ независимыя владѣнія въ той части королевства, гдѣ даже самыя пѣсни поэтовъ дышали убійствами, кровью и пожарами, а одинъ изъ знаменитѣйшихъ между ними, Бертранъ де Борнъ, своими сирвентами (сатирическими стихотвореніями) возбуждалъ принцевъ противъ отца и одну страну противъ другой, и когда это удалось ему, съ крикомъ радости полетѣлъ въ битву, какъ какъ на пиръ. Слишкомъ рано сдѣлавъ своихъ сыновей независимыми владѣтелями и предоставивъ ихъ самымъ дурнымъ вліяніямъ, онъ хотѣлъ обращаться съ ними, какъ съ дѣтьми, отнималъ у нихъ женъ и невѣсть, отдавалъ другимъ уступленныя имъ графства и нарушилъ права ихъ друзей. Само собой разумѣется, они взялись за оружіе. Большинство бароновъ было въ дружбѣ съ принцами и поддерживало ихъ противъ одца; остальные приняли бы сторону самого дьявола, если бы онъ повелъ ихъ воевать, а короли французскій и шотландскій соединились съ возставшими, видя въ томъ превосходный случай расширить свои королевства на счетъ Англіи.

Тѣснимый своими сыновьями, Генрихомъ, Ричардомъ и Готтфридомъ, большинствомъ вассаловъ и обоими сосѣдями, Генрихъ снова прибѣгнулъ къ помощи наемныхъ войскъ и принялъ въ службу отъ 10 до 20 тысячъ храбрыхъ, но жестокихъ и хищныхъ брабансоновъ. Платежъ имъ жалованья истощалъ финансы короля, но за то врядъ ли какое-нибудь феодальное войско той эпохи могло противиться этимъ храбрецамъ, которыми предводительствовалъ человѣкъ, съ быстротой молніи переносившійся съ одного конца своего обширнаго королевства на другой. Въ соединеніи въ побочнымъ сыномъ, Вильгельмомъ Длиннымъ Мечемъ, Генрихъ велъ войну необыкновенно счастливо. Король шотландскій, Вильгельмъ, былъ разбитъ и взятъ въплѣнъ въ одномъ сраженіи, а французы, терпѣвшіе постоянныя неудачи, въ 1174 году заключили миръ. Возставшіе вассалы были вскорѣ принуждены покориться, а наконецъ и сами принцы помирились съ отцомъ, который, слѣдуя своей обыкновенной методѣ устрашать слабыхъ враговъ жестокостью и располагать къ себѣ сильныхъ уступчивостью, предложилъ имъ чрезвычайно выгодныя условія. Они были прощены и кромѣ того получили каждый опредѣленный доходъ и по двѣ крѣпости. Генрихъ не хотѣлъ прощать только женѣ и цѣлые годы держалъ ее въ строгомъ и суровомъ заключеніи. Но всего болѣе потерпѣлъ отъ этой войны король шотландскій. Онъ подвергался во время плѣна самымъ грубымъ оскорбленіямъ, былъ исключенъ изъ мирнаго договора Генриха съ сыновьями, лишился потому всѣхъ выгодъ союза съ ними, и только цѣною тяжкихъ условій купилъ свободу. Онъ долженъ былъ признать себя вассаломъ англійскаго короля и, въ залогъ вѣрности, впустить англійскіе гарнизоны въ пять шотландскихъ крѣпостей (1175 г.). Конечно, этотъ вынужденный миръ продолжался только до тѣхъ поръ, пока существовала необходимость, которою онъ былъ вызванъ; но еще непродолжи-

тельнѣе было согласіе Генриха съ сыновьями. Принцы жили и потомъ въ постоянной враждѣ между собой, и Генрихъ, видя колеблющуюся вѣрность дружныхъ съ ними вассаловъ, долженъ былъ еще долгое время держать наемныя войска.

Два поступка Генриха во время его войны въ внутренними и внѣшними врагами объясняются только затруднительностью его тогдашняго положенія, потому что совершенно не соотвѣтствуютъ его характеру. Первымъ изъ нихъ было вышеупомянутое странствіе къ гробницѣ Томаса Беккета, гдѣ онъ подчинился унизительному обряду покаянія; Генрихъ провелъ цѣлыя сутки въ постѣ и молитвѣ при мощахъ святаго и даже заставилъ монаховъ бичевать себя. Повидимому онъ имѣлъ намѣреніе расположить къ себѣ этимъ папу, духовенство и простой народъ. Вторымъ замѣчательнымъ дѣйствіемъ Генриха была совершенная отмѣна въ англійскихъ и французскихъ владѣніяхъ такъ называемаго береговаго права, которое продолжало существовать до нашихъ временъ на нѣкоторыхъ берегегахъ Нѣмецкаго моря. Вѣроятно, онъ хотѣлъ оказать услугу своимъ друзьямъ нидерландцамъ и жителямъ нижней Германіи, изъ среды которыхъ вербовалъ своихъ наемниковъ и которые тогда почти одни занимались въ значительныхъ размѣрахъ плаваніемъ по морямъ, омывающимъ берегамъ Англіи. Наемныя войска не только служили Генриху для обузданія его сыновей, но и давали ему возможность дѣйствовать въ своемъ королевствѣ гораздо самовластнѣе всѣхъ современныхъ ему королей и императоровъ. Онъ сдѣлался такъ могущественъ, что въ 1176 г. могъ отнять у англійскихъ бароновъ всѣ крѣпости и занять ихъ собственными войсками. Съ сыновьями онъ жилъ въ ссорѣ до самой смерти; но, къ счастью, старшій изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ въ 1183 году, а третій, также вскорѣ умершій, оставилъ сына Артура, съ которымъ Генрихъ помирился, признавъ за нимъ въ ленномъ владѣніи графство Бретань, родовую собственность его матери. Младшему изъ законныхъ сыновей Генриха, Іоанну Безземельному, въ годъ смерти старшаго брата было всего семнадцать лѣтъ, и старый король могъ надѣяться имѣть болѣе покоя въ своемъ семействѣ. Но Ричардъ продолжалъ распрю и сдѣлался болѣе опаснымъ врагомъ для него, чѣмъ прежде всѣ трое; впослѣдствіи Іоаннъ послѣдовалъ примѣру брата, и оба принца нашли энергическаго союзника въ новомъ королѣ французскомъ, Филипѣ Августѣ.

Не смотря на постоянныя смуты и войны, продолжавшіяся до самой его смерти, и на неодолимую наклонность къ произволу и несправедливости, Генрихъ оказалъ важныя услуги въ дѣлѣ гражданскаго устройства и судопроизводства. Онъ раздѣлилъ все королевство на шесть судебныхъ округовъ, которые въ извѣстныя времена были объѣзжаемы королевскими судьями. Это постановленіе нанесло смертельный ударъ праву патримоніальнаго (вотчиннаго) суда бароновъ, всѣ замки которыхъ были въ то самое время заняты королевскими гарнизонами. Въ царствованіе Генриха было изложено письменно, подъ наблюденіемъ перваго судьи Англіи, ученаго Ральфа Гленвиля, національное обычное право, и такимъ образомъ для руководства судей былъ составленъ сборникъ законовъ, который, будучи подписанъ Гленвилемъ, получалъ оффиціальное значеніе. Другой юристъ, епископъ элійскій, Ричардъ, принимавшій при Генрихѣ постоянное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, написалъ сочиненіе о Court of Exchequer (судъ шахматой доски) или судѣ казначейской камеры, сохранившееся до нашего времени и объясняющее намъ многое въ тогдашнемъ устройствѣ судебной части въ Англіи. Наконецъ Генрихъ издалъ много дѣльныхъ постановленій относительно военной службы и употреблялъ самыя энергическія мѣры для поддержанія національной милиціи. Чрезъ это онъ доставилъ классу мелкихъ землевладѣльцевъ, которыхъ и тогда въ Англіи было больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы, силу и значеніе, которыхъ они не имѣли ни въ какомъ другомъ государствѣ. Этими разнородными постановленіями, обезпечивавшими порядокъ въ королевствѣ и безопасность гражданъ, Генрихъ оказалъ важныя услуги промышленности, въ которой англичане стали уже тогда оказывать большіе успѣхи.

IV. ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

И СОВРЕМЕННЫЯ ИМЪ СОБЫТІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ, ИТАЛІИ, АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

I. Второй крестовый походъ и исторія востока до начала третьяго крестоваго похода.

Послѣ паденія Эдессы, святому Бернару удалось до того воодушевить нѣмцевъ и французовъ къ борьбѣ за вѣру, что оба эти народа рѣшились предпринять противъ мухаммеданъ національный походъ подъ предводительствомъ своихъ государей, Конрада III и Людовика VII; обѣ націи снарядили многочисленныя и хорошо вооруженныя войска. Нѣмцы выступили въ походъ въ концѣ апрѣля 1147 г., французы — двумя мѣсяцами позже. Сопровождаемый своимъ племянникомъ — будущимъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссою, — своднымъ братомъ своимъ, епископомъ Оттономъ фонъ Фрейзингенъ, герцогомъ Вельфомъ VI и многими другими нѣмецкими князьями, Конрадъ двинулся, черезъ Венгрію, въ греческую имперію. Здѣсь царствовалъ, съ 1143 г., Мануилъ I, женатый на сестрѣ Конрада, Иринѣ. Благонравная, благочестивая нѣмецкая принцесса не могла вполнѣ приковать къ себѣ чувственнаго императора, но онъ содержалъ ее прилично и окружалъ почетомъ. Кромѣ родственныхъ узъ, Конрада и Мануила связывали общіе интересы относительно Рожера II Сицилійскаго (т. II. стр. 406); поэтому они еще прежде вели между собою дѣятельные переговоры, и нѣмцы, повидимому, могли разсчитывать, что найдутъ у грековъ хорошій пріемъ, тѣмъ болѣе, что самъ Мануилъ просилъ у западныхъ народовъ помощи противъ невѣрныхъ и къ тому же далъ своему государству такую воинственную обстановку, что въ случаѣ крайности могъ отразить силу силой. Случилось однако не то. Нѣмецкое войско, состоявшее изъ 70 т. тяжело вооруженныхъ всадниковъ, не считая легко вооруженныхъ и пѣхотинцевъ, было страшно по своей многочисленности, а слишкомъ хорошо извѣстная склонность рыцарей къ грабежу, естественно, должна была сильно озабочивать грековъ. Строгая дисциплина Конрада не могла разувѣрить ихъ. Уже въ Филиппополѣ дѣло дошло до крови, а при Адріанополѣ, племянникъ Конрада, Фридрихъ Барбаросса, забывъ всякое приличіе и свои отношенія къ чужому правительству, распорядился какъ въ непріятельской землѣ. Повѣривъ слуху, будто греческіе солдаты изъ корысти убили одного больнаго нѣмца, онъ вернулся въ Адріанополь, сжегъ монастырь, пріютившій больнаго, и началъ открытую войну съ греческими войсками. Съ этихъ поръ уже не было возможности возстановить довѣріе. Всевозможныя посольства, письма и дружескія увѣренія не могли водворить прочнаго мира, а предлагаемое Мануиломъ свиданіе обоихъ государей не состоялось, такъ какъ Конрадъ требовалъ, чтобы Мануилъ выѣхалъ ему на встрѣчу изъ столицы, чего никакъ не могъ допустить греческій придворный этикетъ. Среди кровавыхъ стычекъ Конрадъ дошелъ до Константинополя, сталъ на нѣсколько дней лагеремъ на мѣстѣ

нынѣшнихъ Перы и Галаты и переправился въ Азію врагомъ греческаго императора.

Въ Азіи, между Конрадомъ и его братомъ, Оттономъ, возникло разногласіе о томъ, какимъ путемъ идти въ Палестину. Конрадъ указывалъ на путь первыхъ крестоносцевъ, черезъ Фригію и Антіохію, какъ на кратчайшій. Оттонъ хотѣлъ, чтобъ войско двинулось вдоль морскаго берега черезъ Эфесъ, на томъ основаніи, что этотъ путь, хотя и болѣе длинный, представлялъ менѣе затрудненій въ продовольствіи. Конрадъ не уступилъ, и Оттонъ, со многими князьями, отдѣлился отъ него. Оба отряда, не подозрѣвая того, пошли на гибель. Недовѣрчивые, корыстолюбивые и вѣроломные греки не впускали Оттона ни въ одинъ изъ приморскихъ азіатскихъ городовъ; его войско, дурно и за огромныя деньги снабжаемое припасами и намѣренно сбиваемое съ пути, было изнурено коварствомъ грековъ: только незначительная часть его достигла сирійской границы. Еще неблагороднѣе поступали греки съ войскомъ Конрада. По тайному соглашенію съ иконійскимъ султаномъ, съ которымъ Мануилъ только что заключилъ двѣнадцатилѣтній миръ, греки завели Конрада въ пустынныя страны Фригіи и тамъ покинули его. Недостатокъ припасовъ, совершенное незнаніе мѣстности, многочисленные отряды легко-вооруженныхъ турецкихъ всадниковъ, имѣвшихъ огромный перевѣсъ надъ тяжело-вооруженными рыцарями, довели нѣмцевъ до отчаянія. Конрадъ весьма скоро принужденъ былъ пуститься въ обратный путь; но его войску предстояли невыразимыя страданія и затрудненія, и почти все оно погибло самымъ жалкимъ образомъ. Въ этомъ страшномъ положеніи, Конрадъ выказалъ мужество и энергію, восхваляемыя не только друзьями, но и врагами. Съ остатками войска, изъ котораго уцѣлѣла едва десятая часть, онъ, наконецъ, достигъ Никеи; но и здѣсь греки не лучше обошлись съ нѣмцами, принуждая ихъ, для спасенія жизни, продавать не только послѣднее имущество, но даже оружіе.

Незадолго до этого прибылъ въ Константинополь съ французскимъ войскомъ Людовикъ VII и нашелъ несравненно болѣе дружественный пріемъ. Греческіе историки говорятъ, что съ нимъ все устроилось гораздо лучше, чѣмъ съ исполински сильнымъ Конрадомъ и его упрямымъ племянникомъ, мечтавшими о себѣ слишкомъ многое. Однако и французамъ пришлось терпѣть отъ низкаго барышничества и непомѣрнаго высокомѣрія грековъ. Ничто не могло такъ порадовать мелочныхъ и тщеславныхъ византійцевъ, какъ то, что при свиданіи ихъ императора съ Людовикомъ стулъ французскаго короля былъ ниже кресла Мануила. Впрочемъ, ихъ изумляли у французовъ, какъ и прежде у нѣмцевъ, сопровождавшія войско женщины, ѣздившія верхомъ по-мужски, безъ дамскаго сѣдла. Особенно привлекала общее вниманіе одна изъ нихъ, безъ сомнѣнія, королева Элеонора, блиставшая вышитою золотомъ одеждою и за свой мужественный характеръ прозванная греками второю Пентесилеей царицей амазонокъ. Когда большая часть французскаго войска переправилась въ Азію, Мануилъ снова завелъ рѣчь о присягѣ, которой требовалъ еще прежде, прося помощи у западныхъ государей. Это требованіе породило новыя неудовольствія; однако, по зрѣломъ размышленіи, на него согласились, такъ какъ походъ чрезъ невѣдомыя страны Азіи былъ невозможенъ безъ содѣйствія грековъ. И такъ, бароны Людовика приняли присягу на вѣрность греческому императору, а онъ торжественно обѣщалъ дать французскому войску опытныхъ проводниковъ и, по возможности, заботиться о его продовольствіи. Въ Никеѣ Людовикъ встрѣтился съ Конрадомъ и по его совѣту рѣшился не слѣдовать ни по одному изъ путей, на которыхъ пострадали нѣмцы, но идти промежусрочной дорогой, держась, однако, ближе къ берегу. Конрадъ съ остатками войска присоединился къ французамъ, но скоро между обѣими націями возникли недоразумѣнія; къ тому же Конрадъ не могъ перенести мысли, что стоитъ во главѣ войска, которое считалъ недостойнымъ себя; поэтому, пользуясь полученнымъ въ это время объ Мануила дружелюбнымъ письмомъ, онъ отдѣлился въ Эфесѣ отъ французовъ и отправился въ Константинополь, чтобъ провести тамъ зиму. Своимъ нѣмцамъ онъ предоставилъ отправиться въ Палестину, какъ кому угодно, обѣщая принять начальтство надъ ними въ будущемъ году, когда прибудутъ нижне-германскія ополченія, имѣвшія намѣреніе слѣдовать за крестоносцами. Въ Константинополѣ онъ вполнѣ примирился съ зятемъ, а Мануилъ не жалѣлъ ни денегъ, ни почестей, чтобъ пріобрѣсти его расположеніе.

Изъ Эфеса французы двинулись на Лаодикею. На этомъ пути они нашли въ изобиліи продовольствіе и фуражъ, но подобно нѣмцамъ страшно потерпѣли отъ вѣроломства грековъ и преслѣдованій легкой турецкой конницы. Особенно значительныя потери понесли они въ бассейнѣ рѣки Меандра, извилины которой заставляли ихъ дѣлать частыя переправы. Едва преодолѣвъ эти затрудненія и совершивъ среди тяжкихъ лишеній утомительный переходъ, они вступили въ ущелистыя горы, орошаемыя Ликусомъ, гдѣ каждую высоту и спереди и съ тылу занимали турки. Неосторожность графа Готтфрида де Ранконъ, начальствовавшаго авангардомъ, едва не предала всего войска въ руки непріятелей. Вмѣсто того, чтобы, по условію, ждать прибытія остальныхъ войскъ, онъ двинулся впередъ и такимъ образомъ далъ туркамъ возможность занять трудно доступную высоту между двумя частями французскаго войска. Все погибло бы безвозвратно, если бы не замѣчательная храбрость и примѣръ короля, спасшіе главный отрядъ; однако потеря французовъ была весьма значительна. На дальнѣйшемъ походѣ, тысячи крестоносцевъ погибли отъ голода и враговъ. Пройдя горы и достигнувъ памфилійскаго города Сатталіи, истощенный остатокъ войска встрѣтилъ еще большія затрудненія. Обѣщанныхъ греками кораблей не оказалось, а припасы, весьма неудовлетворительные, нужно было покупать на вѣсъ золота; начался голодъ, появились заразительныя болѣзни, и спасшіеся отъ меча турокъ умирали здѣсь массами самой жалкой смертью. Наконецъ Людовикъ оставилъ городъ и съ знатнѣйшими баронами поплылъ въ Антіохію. Съ греческимъ градоначальникомъ Сатталіи было заключено условіе, по которому онъ, получивъ впередъ деньги, долженъ былъ перевезти оставшихся крестоносцевъ въ Тарсъ, а оттуда доставить моремъ въ Антіохію. Вѣроломный грекъ не сдержалъ обѣщанія, такъ что Людовикъ давно уже былъ въ Палестинѣ, а войско все еще голодало и бѣдствовало въ Сатталіи и наконецъ, безъ греческой помощи, среди ужаснѣйшихъ страданій, пробилось въ Антіохію. Почти въ то же время (весною 1148 г.) прибылъ въ Палестину моремъ Конрадъ. Около него собрались остатки нѣмецкаго войска съ Оттономъ фонъ Фрейзингенъ.

Въ то время, какъ ополченія западныхъ христіанъ гибли, дѣйствуя безъ плана и единства, а ихъ братья, греки, соединялись съ невѣрными, Нуреддинъ, управляя государствомъ согласно требованіямъ справедливости и религіи, покорилъ всѣ земли, нѣкогда принадлежавшія Гамаданидамъ. Не подчинялся ему только Дамаскъ, прежняя столица Сиріи, гдѣ тогда правилъ потомокъ атабега Тогтекина (т. II стр. 653), или, правильнѣе, его министръ Анаръ. Но Анаръ боялся могущественнаго властителя Алеппо гораздо болѣе, чѣмъ христіанъ, и Нуреддинъ могъ смѣло разсчитывать, что рано или поздно покоритъ и этотъ городъ. Такія отношенія между Нуреддиномъ и Анаромъ подали надежду обоимъ западнымъ государямъ, — около которыхъ между тѣмъ опять собралось значительное войско, — завладѣть Дамаскомъ и такимъ образомъ возстановить сношенія между Палестиною и христіанами Арменіи и Эдессы. Посовѣтовавшись съ баронами іерусалимскаго королевства, они рѣшились на это предпріятіе, и въ іюлѣ 1148 года двинулись противъ Дамаска, вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ Мелизенды, Бальдуиномъ III, и войсками его бароновъ. Но они нашли Анара готовымъ къ защитѣ; такъ что даже львиное мужество Конрада, — однажды, во время осады, однимъ ударомъ отсѣкшаго турку голову съ частью лѣваго плеча и лѣвою рукою, — не могло ничего сдѣлать. При осадѣ столь значительной крѣпости исполинская сила и личная храбрость вождя имѣли гораздо менѣе значенія, чѣмъ знаніе мѣстности и умѣнье искусно пользоваться обстоятельствами. Поэтому успѣхъ предпріятія обусловливался главнымъ образомъ содѣйствіемъ многочисленныхъ потомковъ западныхъ завоевателей Палестины и Сиріи — пулановъ. Но они-то и оказались предателями. Побуждаемые тайными обѣщаніями враговъ, пулланы давали своимъ западнымъ единовѣрцамъ пагубные совѣты и тѣмъ не только уничтожили результаты первыхъ удачныхъ нападеній, но и принудили христіанъ къ постыдному отступленію. Еще позорнѣе окончилось нападеніе на пограничную египетскую крѣпость Аскалонъ, предпринятое обоими государями, для того чтобы загладить испытанную неудачу. Они не нашли у города обѣщаннаго пулланами войска и, тщетно прождавъ восемь дней, должны были отступить. Такимъ образомъ, благодаря измѣнѣ собратьевъ по вѣрѣ, самые мужественные воины того вре-

мени дважды испытали неудачу и съ потерями и стыдомъ должны были оставить обѣ попытки, предпринятыя ими для выгодъ этихъ же самыхъ людей. Впрочемъ, неудачному окончанію похода могли способствовать и взаимныя отношенія обоихъ королей, не хотѣвшихъ, не смотря на всѣ несчастія, укротить своей гордости. Осенью 1148 г. поплыли на родину нѣмцы со своимъ государемъ. Тогда же оставило Палестину и большинство французовъ; но Людовикъ прозимовалъ въ Іерусалимѣ и вернулся во Францію весною 1149 г. Вслѣдствіе неудачнаго окончанія похода, принимаемаго лѣтописцами того времени за божеское наказаніе, со всѣхъ сторонъ посыпались упреки на святаго Бернара, возбудившаго походъ и предсказавшаго ему счастливый исходъ. Онъ оправдывался въ проповѣдяхъ и частныхъ письмахъ, а также въ особомъ окружномъ посланіи, сваливая вину на грѣхи крестоносцевъ. Однако послѣ этого похода между греческимъ и германскимъ императорами установились сношенія; они видѣлись на обратномъ пути въ Ѳессалоникѣ и заключили союзъ противъ Рожера II Сицилійскаго, бывшаго въ войнѣ съ Мануиломъ и считавшагося Конрадомъ за узурпатора и врага имперіи.

Между тѣмъ, въ Палестинѣ христіане терпѣли неудачу за неудачей. Нуреддинъ, разбивъ и умертвивъ въ одной изъ стычекъ Раймунда Антіохійскаго, опустошилъ его владѣнія, потомъ взялъ въ плѣнъ Іосцелина II Эдесскаго и овладѣлъ его замками. Наконецъ молодой король Бальдуинъ III разсорился съ своею матерью Мелизендою, и при небольшомъ іерусалимскомъ дворѣ начались раздоры, скоро перешедшіе въ явную войну. Къ счастью, венеціанцы сочли для себя полезнымъ вступиться за прибрежье, а Бальдуинъ обладалъ всѣми свойствами, какія можно было требовать отъ хорошаго государя въ тѣ рыцарскія времена и въ восточныхъ странахъ, постоянно угрожаемыхъ врагами. Въ полномъ блескѣ выказался его воинственный характеръ въ 1153 году, когда онъ смѣлымъ походомъ противъ египетской крѣпости Аскалона поднялъ и собственное значеніе и мужество своихъ рыцарей. Этотъ походъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ западнаго рыцарства на Востокѣ: крѣпость, которую еще во времена Готтфрида Бульонскаго не могли одолѣть соединенныя силы европейцевъ, сдалась послѣ семимѣсячнаго сопротивленія рыцарямъ маленькаго іерусалимскаго королевства. Впрочемъ, осаждавшимъ весьма много помогли два обстоятельства: неудачныя дѣйствія египтянъ для освобожденія крѣпости и то, что Нуреддинъ занятъ былъ предпріятіемъ, отвлекшимъ его силы отъ христіанскихъ границъ. Въ слѣдующемъ, 1154 году, этотъ опасный врагъ христіанъ покорилъ Дамаскъ и сталъ тогда грозою іерусалимскаго королевства. Къ счастью, онъ не могъ вполнѣ довѣрять служившимъ у него воинственнымъ курдамъ, а между тѣмъ императоръ Мануилъ предпринялъ походъ въ Сирію, чтобы отмстить за тяжкое оскорбленіе, нанесенное ему Райнольдомъ, тогдашнимъ княземъ Антіохіи. Появленіе Мануила не принесло однако никакой пользы іерусалимскому королевству, хотя онъ и намѣревался двинуться, вмѣстѣ съ Бальдуиномъ, противъ Нуреддина. Смиривъ Райнольда, онъ отказался отъ этой мысли, такъ какъ событія въ европейскихъ провинціяхъ имперіи требовали скорѣйшаго его возвращенія. Бальдуинъ продолжалъ одинъ войну съ Нуреддиномъ. Воюя съ перемѣннымъ счастьемъ, онъ оспаривалъ у врага каждый шагъ земли и оставилъ по себѣ славу отличнаго короля и рыцаря (1162 г.); объ этомъ свидѣтельствовала не только общая скорбь вассаловъ и подданныхъ послѣ его смерти, но и самъ Нуреддинъ, открыто признавшій его достоинства. Разсказываютъ, что убѣждаемый друзьями воспользоваться сокрушеніемъ христіанъ для нападенія на Палестину, Нуреддинъ отвергъ это предложеніе, сказавъ, что должно оказать вниманіе и уваженіе къ справедливой скорби христіанъ, такъ какъ они лишились короля, не имѣвшаго себѣ равнаго между современниками.

Братъ и преемникъ Бальдуина, Амаларихъ I (1162—1173 г.), шелъ по его стопамъ и вначалѣ былъ даже счастливѣе его. Но походами противъ Египта онъ приготовилъ паденіе іерусалимскаго королевства, такъ какъ эти предпріятія содѣйствовали, по крайней мѣрѣ отчасти, паденію Фатимидовъ и возвышенію новаго властителя, уничтожившаго владычество христіанъ въ Палестинѣ. Въ Египтѣ, по смерти визиря Афдала (т. II стр. 653), власть халифовъ все болѣе и болѣе клонилась къ упадку, а достоинство визиря сдѣлалось яблокомъ раздора для честолюбивыхъ сановниковъ и любимцевъ государя, быстро смѣнявшихъ другъ

друга и въ сущности отличавшихся одинъ отъ другаго только большими или меньшими жестотостями и грабительствами. При послѣднемъ Фатимидѣ, Адхедъ Лединъ Аллахѣ, визиремъ сдѣлался Шаверъ, достигшій власти насиліемъ, но вслѣдъ затѣмъ насильственно свергнутый Даргамомъ (1162 г.). Это произвело совершенный переворотъ не только въ Египтѣ, но и въ странахъ далѣе на востокъ, до самаго Евфрата. Шаверъ просилъ помощи у Нуреддина, и, получивъ ее, возвратился въ Египетъ съ курдскими наемными войсками, которыми начальствовали два храбрѣйшихъ, извѣстныхъ исторіи, курда: Ширку и его племянникъ, Саладинъ. Даргамъ искалъ спасенія въ союзѣ съ Амаларихомъ, обѣщая ему значительную дань, но еще до прибытія христіанскихъ войскъ въ Египетъ былъ убитъ своими подчиненными, и Шаверъ вновь сдѣлался визиремъ. Между ними и его союзниками не замедлила вспыхнуть распря, такъ какъ ему было невозможно выполнить своего обязательства и уступить ихъ повелителю третью часть государственныхъ доходовъ. Онъ обратился къ Амалариху и получилъ отъ него помощь на тѣхъ же условіяхъ, какъ и его предшественникъ. Амаларихъ явился съ войскомъ въ Египетъ и окружилъ курдовъ, но потомъ дозволилъ имъ отступить со всѣми военными почестями (1164 г.). Возстановленіе сношеній между христіанами и египтянами было тѣмъ непріятнѣе для сирійскихъ мухаммеданъ, что они давно уже ненавидѣли въ египтянахъ раскольниковъ шіитовъ, и что Амаларихъ, повидимому, не думалъ ограничиться однимъ оборонительнымъ союзомъ. Поэтому халифа багдадскаго убѣдили объявить противъ Египта родъ крестоваго похода. Сильное мухаммеданское войско, подъ предводительствомъ Ширку и Саладина, вторглось во владѣнія Фатимидовъ. Египетъ затрепеталъ; но Амаларихъ подоспѣлъ на помощь со всѣми своими силами и спасъ государство. Впрочемъ, онъ заставилъ дорого заплатить за помощь. Халифъ долженъ былъ даже подчиниться неслыханному до тѣхъ поръ условію: лично поклясться христіанскому послу въ исполненіи договора (1167 г.). Находящіяся у христіанскихъ историковъ описанія этой аудіенціи и внутренности дворца халифовъ въ Каирѣ обнаруживаютъ здѣсь туже роскошь и великолѣпіе, которыя всегда составляли отличительную черту восточныхъ дворовъ, и о поддерживаніи которыхъ ревниво заботились даже тогда, когда государство приходило въ совершенный упадокъ. Амаларихъ скоро освободилъ Египетъ отъ враговъ, считавшихъ его вѣрною добычею. Передъ выступленіемъ, онъ постарался извлечь новыя выгоды изъ оказанной имъ услуги, но при этомъ переступилъ предѣлы благоразумія. По договору съ Шаверомъ онъ выговорилъ себѣ не только ежегодную дань въ сто тысячъ золотыхъ, но и прево держать въ Каирѣ гарнизонъ и назначилъ особыя власти для тамошнихъ христіанъ. Вслѣдъ за тѣмъ, увлекаемый мыслью о своемъ могуществѣ, онъ задумалъ покорить ослабѣвшій Египетъ, вторгся въ него въ 1168 г. и, быть можетъ, успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи, еслибъ не жестокость и хищничество его воиновъ, доведшія визиря до отчаянія. Въ крайности Шаверъ рѣшился просить помощи у своего прежняго врага, и Нуреддинъ поспѣшилъ послать сильное войско подъ начальствомъ тѣхъ же людей, отъ которыхъ дважды спасъ Шавера Амаларихъ. Соединенныя войска Нуреддина и египтянъ были не подъ силу Амалариху, и онъ поспѣшно отступилъ, узнавъ о прибытіи Ширку и Саладина.

Такимъ образомъ Египетъ, уже съ давнихъ поръ бывшій добычею сильнѣйшихъ сосѣдей, попалъ изъ зависимости Амалариха во власть Ширку и его племянника (1168 г.). Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было паденіе визиря, такъ тяжко оскорбившаго прежде обоихъ курдовъ. Шаверъ, обвиненный въ предательскихъ замыслахъ, былъ убитъ по приказанію Саладина. Его замѣстилъ сначала Ширку, вскорѣ умершій (1169 г.), а потомъ Саладинъ. Нѣкоторое время Саладинъ правилъ именемъ безсильнаго халифа, но потомъ уничтожилъ послѣднюю тѣнь власти Фатимидовъ и, сдѣлавшись полнымъ обладателемъ Египта, основалъ новую династію, названную, по имени его отца, Эюба, Эюбидами. Не политическія соображенія побудили Саладина къ этому шагу: при неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ Нуреддину, котораго онъ все еще называлъ господиномъ и повелителемъ, съ его стороны было бы гораздо благоразумнѣе скрывать свое могущество за именемъ призрачнаго государя. Имъ руководили религіозныя побужденія: ревностный суннитъ, всю жизнь заботившійся о строгомъ выполненіи рели-

гіозныхъ обязанностей, онъ считалъ грѣхомъ продолжать терпѣть въ Египтѣ секту шіитовъ. Щадя Фатимида Адхеда, заболѣвшаго въ эпоху смерти Ширку, онъ вначалѣ не провозгласилъ аббасидскихъ халифовъ, а удовольствовался тѣмъ, что велѣлъ тайно вычеркнуть имя Адхеда изъ хотбы (т. II стр. 347). Но лишь только умеръ послѣдній Фатимидъ (1171 г.), онъ, не медля, искоренилъ въ Египтѣ шіитское ученіе и обряды, замѣнивъ ихъ суннитскими. Тогда же принялъ онъ и достоинство аббасидскаго сановника. Отношенія его къ Нуреддину, сдѣлавшіяся весьма неестественными со времени назначенія его визиремъ, стали еще болѣе натянутыми съ тѣхъ поръ, какъ онъ уничтожилъ господство Фатимидовъ: повидимому, война между обоими властителями была неизбѣжна. Дѣйствительно, и тотъ и другой начали дѣлать приготовленія къ ней. Но смерть Нуреддина (1173 г.) избавила Саладина отъ непріятности воевать противъ бывшаго властелина и благодѣтеля. Новый порядокъ въ Египтѣ до того тревожилъ палестинскихъ грековъ, что Амаларихъ лично отправился (1171 г.) въ Константинополь, чтобъ убѣдить храбраго Мануила дѣйствовать общими силами противъ соединенныхъ, повидимому, Египта и Сиріи; но онъ не достигъ цѣли, а между тѣмъ со смертью Нуреддина могущество Саладина сдѣлалось несравненно болѣе грознымъ. Большинство вождей Нуреддина, недовольное регентствомъ, которое онъ назначилъ малолѣтнему сыну, предложило новому правителю Египта принять надъ ними власть. Саладинъ не заставилъ себя ждать и, занявъ Дамаскъ и другіе сирійскіе города, грозилъ христіанамъ соединить Египетъ со всѣмъ государствомъ Нуреддина.

Въ годъ смерти Нуреддина умеръ и Амаларихъ; ему наслѣдовалъ тринадцатилѣтній сынъ его, Бальдуинъ IV. Нѣкоторые изъ сирійскихъ мухаммеданскихъ властителей, а также племянникъ Нуреддина, правившій въ Мосулѣ, были готовы соединиться съ наслѣдникомъ Амаларіха противъ Саладина; но счастье благопріятствовало этому восходящему солнцу, а несогласія христіанъ облегчали Саладину его предпріятія. Часть аристократіи іерусалимскаго королевства, и въ томъ числѣ одинъ изъ первыхъ сановниковъ, коннетабль Гумфридъ Торонскій, находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Саладиномъ. Король страдалъ проказой, томившей его цѣлую жизнь, и черезъ нѣсколько лѣтъ до того усилившейся, что онъ не въ состояніи былъ управлять государствомъ; потому бароны призывали на престолъ многихъ западныхъ государей, и этимъ еще болѣе усложняли затрудненія и готовили себѣ новыя невзгоды. Между тѣмъ, могущество Саладина крѣпло и возрастало. Вмѣсто того, чтобъ управлять именемъ сына Нуреддина, онъ тотчасъ послѣ перваго удачнаго похода въ Сирію объявилъ себя независимымъ и принялъ титулъ султана. Проводя время въ религіозныхъ упражненіяхъ и военныхъ занятіяхъ, выказывая истинно рыцарскій характеръ и отличаясь великодушіемъ и щедростью, онъ привязывалъ къ себѣ мухаммеданъ и христіанъ. Слава его росла съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ нею увеличивалось и его значеніе. Однако, потерпѣвъ троекратную неудачу при нападеніи на Алепо, онъ на нѣкоторое время успокоился. Но неудавшееся покушеніе ассасиновъ на его жизнь побудило его предпринять походъ въ горы, и успѣшная месть вновь возродила въ немъ утраченное довѣріе въ самого себя. Возвратясь въ Египетъ, онъ укрѣпилъ важнѣйшіе города и, пользуясь тѣмъ, что большинство несогласной между собою палестинской аристократіи выступило въ походъ противъ сына Нуреддина, напалъ съ лучшими своими войсками на Аскалонъ, оплотъ христіанства со стороны Египта (1177 г.). Опасность была велика, и потому Бальдуинъ, не взирая на страшную болѣзнь и на малочисленность бывшаго въ его распоряженіи войска, немедленно двинулся противъ врага. Сначала онъ держался въ крѣпости и, повидимому, рѣшился обороняться; но страшныя опустошенія окрестностей войсками Саладина внушили ему отчаянную мысль дать сраженіе несравненно сильнѣйшему непріятелю. Онъ вышелъ изъ города и, недалеко отъ Аскалона, близъ Рамлы, одержалъ блистательную побѣду; все непріятельское войско, исключая нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, было перебито или взято въ плѣнъ; самъ Саладинъ едва избѣгнулъ плѣна. Но тѣмъ не менѣе это сраженіе доставило выгоду только ему одному. Бальдуинъ не могъ воспользоваться побѣдой, потому что главныя его силы были заняты на другомъ краю государства; въ Саладинѣ же, пораженіе при Аскалонѣ, точно такъ, какъ нѣкогда неудача при Алеппо, возбудило только стремленіе новыми подвигами доказать единовѣрцамъ, что онъ

избранный Богомъ защитникъ ихъ ученія, какимъ онъ считалъ себя самъ и какимъ его уже въ то время выставляли мухаммеданскіе поэты и духовенство. Послѣ несчастной битвы при Рамлѣ, онъ обратился противъ своихъ единовѣрцевъ, покорилъ Счастливую Аравію и началъ войну съ наслѣдниками Нуреддина въ Алеппо и Мосулѣ, одинъ изъ которыхъ заключилъ союзъ съ христіанами и тѣмъ далъ предлогъ Саладину напасть на него во имя ислама. Въ 1183 г. Саладинъ взялъ Алеппо, и хотя попытка его противъ Мосула не удалась, но походъ все-таки доставилъ ему славу, потому что тогда покорились ему всѣ другіе города на Евфратѣ и Тигрѣ и вся эта часть мухаммеданскаго міра соединилась вокругъ него, какъ центра религіи.

По мѣрѣ того мухаммедане соединялись, а Саладинъ распространялъ свою славу и владычество, небольшое іерусалимское королевство приходило въ упадокъ вслѣдствіе постоянныхъ внутреннихъ раздоровъ. Страшная болѣзнь короля Бальдуина до того усилалась, что глаза, руки и ноги его отказывались служить, и самъ онъ, по дѣйствовавшему уложенію, не могъ долѣ править государствомъ. Старшая сестра его, Сибилла, имѣла отъ своего умершаго мужа, маркграфа Вильгельма Монферратскаго, нѣкогда приглашеннаго въ Палестину баронами, малолѣтняго сына Бальдуина V; это былъ ближайшій родственникъ короля, и Сибиллѣ предстояло, въ случаѣ удаленія брата, сдѣлаться правительницею государства въ качествѣ регентши. Судьба королевства зависѣла отъ того, кто будетъ ея вторымъ мужемъ. Всѣ понимали это, и потому совѣщались о томъ, кто изъ сильныхъ владѣтелей Европы могъ бы быть помощью и защитою государству; бароны были почти готовы предложить руку Сибиллы герцогу бургундскому, какъ вдругъ король совершенно неожиданно выдалъ сестру за рыцаря Гвидо Люзиньяна (1180 г.). Гвидо былъ храбръ, но не соединялъ въ себѣ ни одного изъ условій, требуемыхъ отъ правителя, не обладая ни проницательностью, ни опытностью, ни значеніемъ, ни богатствомъ. Обстоятельства требовали для государства главы, которому бы охотно повиновались всѣ вассалы, а въ лицѣ его на престолъ вступилъ человѣкъ, не внушавшій никому ни малѣйшаго довѣрія. Могло ли распадавшееся христіанское государство противостоять при подобномъ правителѣ угрожавшему нападенію Саладина. Это сознавали даже во время похода Саладина противъ Мосула и Алеппо, и потому въ собраніи духовенства, дворянства и выборныхъ отъ горожанъ постановили всеобщій налогъ на имущество, чтобъ по возможности приготовиться встрѣтить опасность. Положено было взимать со всѣхъ цѣнностей и недвижимыхъ имуществъ, не исключая церковныхъ и монастырскихъ имѣній, по одному проценту со ста; сверхъ того владѣльцы мѣстечекъ и селеній должны были уплатить извѣстную сумму съ каждаго стада, которую имъ предоставлялось взыскать, по соразмѣрной раскладкѣ, съ земледѣльцевъ. Даже бѣдные должны были платить этотъ всеобщій налогъ. Для взиманія его, въ каждомъ городѣ были избраны четверо гражданъ, назначавшихъ по совѣсти цифру взноса каждаго; кто считалъ себя обиженнымъ ихъ назначеніемъ, могъ подъ присягою оцѣнить самъ свое имущество; сборщики обязывались клятвою хранить въ строгой тайнѣ количество имущества каждаго. Собранныя такимъ образомъ деньги должны были храниться у лицъ, избранныхъ представителями сословій, и могли быть употребляемы исключительно для обороны государства.

Хотя, какъ видно изъ установленія этого налога, въ Палестинѣ понимали значеніе опасности, но при господствѣ раздоровъ и неурядицъ, нечего было и думать о спасеніи. Вскорѣ бразды правленія перешли изъ однѣхъ безсильныхъ и нетвердыхъ рукъ въ другія. Вначалѣ Гвидо, къ отчаянію большей части вассаловъ, принималъ значительное участіе въ управленіи; но вскорѣ никто не захотѣлъ служить подъ его знаменами, и самъ король перемѣнилъ обращеніе съ нимъ. Прежнее безумное покровительство король замѣнилъ теперь преслѣдованіями, и, короновавъ своего пятилѣтняго племянника Бальдуина V, ввѣрилъ управленіе государствомъ врагу Гвидо, графу тріполійскому Раймунду. Вскорѣ затѣмъ умеръ Бальдуинъ IV (1184 г.), а черезъ два года послѣ него и его племянникъ. Тотчасъ по смерти Бальдуина IV, Раймундъ заключилъ съ Саладиномъ перемиріе на четыре года и, пока былъ правителемъ, поддерживалъ спокойствіе. Но едва умеръ Бальдуинъ V, раздоры возобновились съ новою силой. Сибилла успѣла доставить корону своему мужу и тѣмъ погубила государство. Аристокра-

тія раздѣлилась на двѣ враждебныхъ партіи; даже гроссмейстеры обоихъ орденовъ были между собою не согласны, а Раймундъ убѣдилъ своихъ приверженцевъ провозгласить королемъ мужа сестры Сибиллы, Гумфрида Торонскаго, который былъ еще неспособнѣе Гвидо и потому вполнѣ годился играть роль простаго орудія въ чужихъ рукахъ. Къ довершенію несчастья, одинъ изъ вассаловъ государства позволилъ себѣ нарушить заключенное съ Саладиномъ перемиріе и тѣмъ ускорилъ его нападеніе на почти беззащитное государство. Это былъ Райнольдъ Антіохійскій, еще прежде навлекшій на себя сильное наказаніе дерзкимъ оскорбленіемъ императора Мануила (стр. 28). Онъ напалъ на мухаммеданскій караванъ молельщиковъ, шедшій въ Мекку, заковалъ въ цѣпи пилигримовъ и завладѣлъ ихъ имуществомъ. Немедленно заключивъ миръ съ мосульскимъ владѣтелемъ, Саладинъ двинулся со всѣми силами противъ іерусалимскаго королевства (1187 г.). Общая опасность заставила Раймунда и короля Гвидо примириться, но не уничтожила взаимнаго недовѣрія между ними, а какъ, сверхъ того, Раймунда уже давно подозрѣвали въ тайныхъ сношеніяхъ съ Саладиномъ, то со стороны христіанъ нельзя было и ожидать энергическихъ и благоразумныхъ мѣръ. Когда Саладинъ подошелъ съ войскомъ къ Тиверіадскому озеру, христіане положили дать рѣшительное сраженіе, вопреки доводамъ Раймунда, убѣждавшаго дѣйствовать оборонительно, не рискуя всѣмъ противъ такого страшнаго противника. Неразумное мнѣніе получило перевѣсъ, и 5 іюля 1187 г. произошла битва при Гиттимѣ, которою Саладинъ не только затмилъ побѣду христіанъ при Аскалонѣ, но и уничтожилъ ихъ владычество въ Палестинѣ. Его противники потерпѣли совершенное пораженіе, ихъ лучшіе воины и всѣ государственные сановники были убиты или взяты въ плѣнъ; только трое бароновъ спаслись бѣгствомъ, и самъ король попалъ въ руки непріятеля. Саладинъ, приписавшій эту блистательную побѣду, — точно такъ какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ свое спасеніе послѣ аскалонскаго пораженія, божеской милости, обошелся съ плѣнниками ласково и благородно, но собственноручно умертвилъ князя Райнольда, котораго поклялся убить за нарушеніе имъ перемирія. Всѣ взятые въ плѣнъ тамплиеры и іоанниты были убиты по его приказанію или куплены фанатиками изъ мухаммеданъ, которые думали умерщвленіемъ ихъ пріобрѣсти заслугу предъ Богомъ.

Черезъ четыре недѣли послѣ этой побѣды, весь берегъ отъ Триполи до Аскалона, за исключеніемъ только города Тира, и почти вся внутренность королевства были въ рукахъ невѣрныхъ. Имъ сдался бы и Тиръ, еслибъ не явился, какъ будто посланный небомъ, избавитель, который удержалъ городъ за христіанами и соединилъ вокругъ себя спѣшившихъ съ запада пилигримовъ. Это былъ Конрадъ Монферратскій, братъ перваго мужа Сибиллы. Онъ отличался храбростью еще въ Константинополѣ, гдѣ былъ однимъ изъ мужественнѣйшихъ подвижниковъ Мануила,—а потомъ сохранилъ престолъ одному изъ его наслѣдниковъ, Исааку II Ангелу. Но, получивъ отъ Исаака въ награду ничтожный орденъ и руку принцессы императорскаго дома, Конрадъ, цѣнимый свои заслуги выше оставилъ императорскую службу, подъ предлогомъ даннаго имъ обѣта и затруднительнаго положенія палестинскихъ христіанъ. Онъ еще во время поспѣлъ въ Тиръ и спасъ городъ своей храбростью. Саладинъ отступилъ отъ Тира, и, добившись сдачи Аскалона взамѣнъ обѣщанія освободить слѣдующею весною короля, началъ въ сентябрѣ осаду Іерусалима. Спустя двѣ недѣли городъ капитулировалъ и сдался 3 октября 1187 г. По условію, всѣ жители дѣлались военноплѣнными рабами, но каждый, внеся выкупъ назначенный для мужчины въ десять, а для женщины въ пять золотыхъ, могъ въ теченіе сорока дней оставить Іерусалимъ и Палестину; кромѣ того, за опредѣленную общую сумму предоставлялась свобода всѣмъ бѣднымъ, въ числѣ семи тысячъ человѣкъ. Саладинъ вступилъ въ городъ въ пятницу, и притомъ въ годовщину чудеснаго путешествія Мухаммеда изъ Іерусалима на небо (т. II стр. 12). Онъ не запятналъ своего торжества ни одною изъ жестокостей, обыкновенно сопровождающихъ на Востокѣ взятіе городовъ, а напротивъ, дѣйствовалъ чрезвычайно кротко, обходился съ выкупившимися снисходительно и щедро, велѣлъ проводить ихъ до берега подъ конвоемъ и съ возможными попеченіями и наконецъ даровалъ свободу тѣмъ, которые не имѣли средствъ заплатить выкупъ; но дозволилъ жить въ городѣ только сирійскимъ и армянскимъ христіанамъ.

Въ то время, какъ Саладинъ основывалъ свое египетско-сирійское государ-

ство и уничтожалъ владычество христіанъ на Востокѣ, на Западѣ папы употребляли всевозможныя усилія, чтобъ доставить помощь тѣснимымъ единовѣрцамъ. Но старанія ихъ были тщетны. Людовикъ VII Французскій и Генрихъ II Англійскій не могли предпринять обѣщаннаго похода, а наслѣднику перваго, Филиппу Августу, препятствовала война съ Генрихомъ. Только когда Іерусалимъ вторично попалъ въ руки невѣрныхъ, примирились оба государства, и короли ихъ обязались предпринять, общими силами, крестовый походъ. Тогда же произнесъ подобный обѣтъ и императоръ Фридрихъ Барбаросса. Но пока три государя готовились къ походу, папѣ удалось отправить множество рыцарей на защиту Тира, снова осажденнаго Саладиномъ. Они спасли Тиръ и соединились надъ начальствомъ короля Гвидо, получившаго такимъ образомъ возможность помѣряться съ невѣрными въ открытомъ полѣ и даже приступить въ 1189 г. къ осадѣ крѣпости Птолемаиды или Акры. Въ то же время приготовились, наконецъ, и три первенствующихъ европейскихъ народа, съ своими государями: Фридрихомъ Барбароссою, Филиппомъ Августомъ и преемникомъ Генриха II, Ричардомъ Львиное Сердце, къ блистательнѣйшему изъ всѣхъ крестовыхъ походовъ.

2. Послѣдніе годы Фридриха Барбароссы и его крестовый походъ.

Едва возстановивъ и упрочивъ императорское значеніе благоразумнымъ миромъ съ ломбардцами и усмиреніемъ Генриха Льва, Фридрихъ Барбаросса разсорился съ главою церкви и частью германскаго духовенства. По смерти Александра III (1181 г.) папой сдѣлался Луцій III. Тотчасъ по своемъ избраніи, онъ былъ изгнанъ изъ Рима возставшими римлянами и выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ сперва Велетри, а потомъ Верону. Въ 1183 г. между нимъ и императоромъ возникли разногласія по поводу избранія трирскаго епископа; сверхъ того папа не хотѣлъ возстановить епископовъ, отрѣшенныхъ во время раздоровъ императора съ Александромъ III. Съ другой стороны, императоръ и сынъ его, король Генрихъ VI, оскорбили папу въ лицѣ его друга, архіепископа кёльнскаго Филиппа. Этотъ прелатъ, нѣкогда весьма преданный императору, отказалъ въ повиновеніи Генриху VI, требовавшему у него отчета по поводу ограбленія аугсбургскихъ купцовъ, и вошелъ въ тайныя сношенія съ изгнаннымъ Генрихомъ Львомъ и его тестемъ, англійскимъ королемъ; Генрихъ VI смирилъ прелата и наложилъ на него денежную пеню. Самого папу императоръ сильно раздражилъ тѣмъ, что тотчасъ послѣ блестящаго празднества въ Майнцѣ отправился въ Италію, съ цѣлью женить своего сына на Констанціи и доставить ему этимъ бракомъ неаполитанское королевство, а заодно обратить въ свою собственность имѣнія Матильды, уже занятыя имъ, какъ государственное имущество, и часть стариннаго вельфскаго наслѣдства. Поэтому по прибытіи Фридриха въ Ломбардію, Луцій не только рѣшительно отказался короновать его сына королемъ Италіи, но грозилъ Фридриху отлученіемъ отъ церкви, по поводу спора о трирскомъ епископѣ и имѣніяхъ Матильды. Однако, онъ не осмѣлился исполнить угрозы, потому что веронцы объявили, что не позволятъ ему оставаться въ ихъ городѣ, если онъ начнетъ процессъ съ императоромъ. Луцій умеръ въ 1185 году; но его смертью не окончился раздоръ между императоромъ и папою: преемникъ его, Урбанъ III, шелъ по его слѣдамъ, но столь же мало, какъ и Луцій могъ помѣшать Генриху жениться на Констанціи и сдѣлаться королемъ Италіи. Фридрихъ привлекъ на свою сторону миланцевъ, предоставивъ имъ различныя льготы, и въ январѣ 1186 г. бракосочетаніе было съ большимъ блескомъ отпраздновано въ Миланѣ. При этомъ Фридрихъ велѣлъ миланскому епископу короновать своего сына королемъ Италіи. Новый король отправился даже въ римскую область, чтобы въ союзѣ съ возставшими римлянами ограбить папу и его приверженцевъ. Уже тогда Генрихъ выказалъ варварство и жестокость, сдѣлавшія его впослѣдствіи столь страшнымъ и ненавистнымъ для современниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ приказалъ бить и топтать ногами одного прелата, утверждавшаго, что онъ, какъ духовный, зависитъ только отъ папы. Поэтому Фридрихъ поступилъ весьма благо-

разумно, отправивъ буйнаго молодаго человѣка въ Германію и оставшись на нѣкоторое время одинъ въ Италіи.

Въ Германіи между тѣмъ, тринадцать епископовъ, вліятельнѣйшими изъ которыхъ были: Конрадъ Майнцскій, Фолькмаръ Трирскій, Филиппъ Кёльнскій и и Бертольдъ Мецскій, составили формальный заговоръ. Генрихъ долженъ былъ уничтожить ихъ замыслы, но не имѣлъ для того ни опытности, ни достаточнаго значенія. Поэтому Фридрихъ самъ перешелъ черезъ Альпы и скоро подавилъ возстаніе. Нѣкоторые изъ епископовъ были изгнаны, остальные, за исключеніемъ Филиппа Кельнскаго, покорились, а Конрадъ Майнцскій даже написалъ отъ имени германскаго духовенства посланіе къ папѣ, въ которомъ прямо противорѣчилъ всему, что было сдѣлано заговорщиками, и отнималъ у папы всякую надежду на помощь изъ Германіи. Сношенія съ Филиппомъ Фридрихъ сдѣлалъ для папы невозможными, занявъ войсками всѣ альпійскіе проходы изъ Италіи въ Германію. Въ то самое время, какъ германское духовенство покидало папу, римляне заперли для него свой городъ, а когда онъ хотѣлъ утолить свой гнѣвъ отлученіемъ императора отъ церкви, веронцы не позволили ему оставаться у себя. Такимъ образомъ Урбанъ не могъ ничего предпринять противъ императора и умеръ безсильнымъ врагомъ его, осенью 1187 г. По смерти его, надѣясь легко справиться съ архіепископомъ Филиппомъ, Фридрихъ назначилъ походъ противъ него и кёльнскихъ гражданъ, ревностно стоявшихъ за своего пастыря, а также противъ его союзниковъ, англійскаго короля и утрехтскаго епископа. Но здѣсь встрѣчалось неожиданное затрудненіе. Лотарингскіе рыцари, на которыхъ преимущественно разсчитывалъ въ этомъ случаѣ Фридрихъ, не считали себя обязанными къ подобному походу и отказались участвовать въ немъ, не обращая вниманія на гнѣвъ императора и на его жалобы, что на старости лѣтъ ему приходится видѣть униженіе императорскаго достоинства. Однако Филиппъ и кёльнцы покорились, когда вскорѣ пришла поразившая всю Европу вѣсть о взятіи Іерусалима и когда не только англійскій и французскій короли, но и самъ германскій императоръ, не смотря на свою старость, дали обѣтъ предпринять крестовый походъ. Филиппъ, принеся императору повинную, попалъ въ милость, а кёльнцы заплатили штрафъ.

Не зрѣлое размышленіе внушило шестидесятилѣтнему Фридриху рѣшимость предпринять крестовый походъ, а внезапный порывъ сердца. Подобное предпріятіе, очевидно, не входило въ планъ его жизни, и онъ даже не помышлялъ о немъ въ то время, когда уже англійскій и французскій короли, окончивъ свои приготовленія, начали съ нимъ переговоры о проходѣ чрезъ Германію. Только весною 1188 г. вдохновенныя слова папскаго легата побудили его принять участіе въ крестовомъ походѣ. Слѣдовательно, рѣшеніе его было результатомъ благороднаго энтузіазма, овладѣвшаго его геройскимъ сердцемъ, и слѣдствіемъ внезапнаго порыва религіознаго негодованія. Но, рѣшась на дѣло, онъ повелъ его со всею обдуманностью пожилаго человѣка и опытностью полководца, воевавшаго цѣлую жизнь съ перемѣннымъ счастьемъ. Его крестовый походъ былъ величайшимъ изъ военныхъ предпріятій германскаго народа въ средніе вѣка, а самъ онъ показалъ себя при этомъ лучшимъ полководцемъ послѣ Карла Великаго. Это доказывается не столько организаціей предпріятія и распоряженіями во время похода, сколько тѣмъ, что предпріятіе, славное и по началу дѣйствительно грозное для враговъ, обратилось въ ничто со смертью Фридриха. Одинъ страхъ, овладѣвшій Саладиномъ и окружавшими его при извѣстіи о намѣреніи Фридриха, служитъ доказательствомъ, какъ высоко цѣнились мужество и военные таланты императора всѣми христіанскими народами и невѣрными. Мухаммедане, по словамъ ихъ собственныхъ историковъ, при извѣстіи о приготовленіяхъ императора, считали Сирію потерянною для себя, и самъ Саладинъ говорилъ, что походъ Фридриха — худшее, что могло случиться. Впрочемъ, до начала похода Фридрихъ отправилъ къ Саладину посольство, чтобъ объявить ему объ уничтоженіи мирнаго договора, незадолго предъ тѣмъ заключеннаго съ нимъ императоромъ, въ качествѣ главы приморскихъ торговыхъ городовъ Италіи. Къ иконійскому султану, съ которымъ онъ еще прежде былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, Фридрихъ отправилъ также посольство для переговоровъ о проходѣ черезъ Малую Азію. Султанъ не только далъ всевозможныя обѣщанія, но и послалъ къ императору почетное посольство,

изумившее Европу великолѣпіемъ и многочисленностью свиты; наконецъ Фридрихъ вошелъ въ переговоры и съ государями Венгріи и Греціи.

Трудности предпріятія были извѣстны Фридриху по походу, нѣкогда совершенному имъ съ дядей, Конрадомъ III; поэтому онъ считалъ весьма вѣроятною возможность не вернуться изъ святой земли и хотѣлъ устроить германскія дѣла, чтобъ передать ихъ сыну въ совершенномъ порядкѣ. Для этого прежде всего онъ весьма благоразумно постановилъ условія, на которыхъ дозволялось участвовать въ походѣ. Потомъ во имя религіи и государственнаго спокойствія потребовалъ отъ Генриха Льва, возвратившагося изъ изгнанія и уже оспаривавшаго у своего преемника саксонское герцогство, жертвы, которой, по строгой справедливости, нельзя было отъ него требовать. Генриху предоставлено было на выборъ: отправиться съ императоромъ въ походъ, отказаться отъ отцовскаго наслѣдія или снова удалиться на три года изъ отечества. Онъ выбралъ послѣднее и опять отправился въ Англію. Удаливъ, въ лицѣ Генриха, величайшую опасность, грозившую спокойствію государства, Фридрихъ двинулся къ Везеру, чтобъ разрушить находившіеся тамъ разбойничьи замки, и, наконецъ, рѣшилъ различные споры, возникшіе между имперскими князьями. Въ маѣ 1189 г. онъ двинулся въ святую землю, внизъ по Дунаю, черезъ Венгрію. Войско, изъ котораго онъ съ самаго начала удалилъ весь сбродъ, состояло изъ тридцати тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ было не менѣе пятнадцати тысячъ рыцарей. Венгерскій король Бела III дружелюбно принялъ Фридриха и его войско; но иная встрѣча ждала ихъ въ Греціи. Тамъ царствовалъ Исаакъ II Ангелъ, человѣкъ робкій, трусливый, получившій престолъ не по праву рожденія и не за заслуги, а случайно, и, какъ всѣ подобные люди, весьма обманывавшійся на счетъ себя и своего положенія. Въ особенности озабочивали его отношенія Фридриха къ неаполитанцамъ и сицилійцамъ, стариннымъ врагамъ грековъ. По обычаю слабыхъ характеровъ, онъ не противился открыто походу нѣмцевъ черезъ Грецію, но старался всячески вредить имъ происками и вѣроломствомъ: онъ то приказывалъ хватать пословъ Фридриха, запирать города, закрывать лавки, дѣлать засѣки и подстерегать нѣмцевъ въ тѣснинахъ; то притворялся дружелюбнымъ, писалъ двусмысленныя письма и скрывалъ свое коварство подъ покровомъ пустыхъ церемоній. Фридрихъ смѣялся надъ всѣми этими мелочными ухищреніями противъ его многочисленнаго войска и коварству грековъ противопоставлялъ силу и твердость, поддерживая въ то же время строжайшую дисциплину и обуздывая склонность рыцарей къ грабежу. Но наконецъ явная измѣна Исаака заставила его прибѣгнуть къ насилію. Онъ взялъ приступомъ Адріанополь, занялъ всю страну до Македоніи, расположился съ войскомъ на зимнихъ квартирахъ, какъ въ собственныхъ владѣніяхъ, и написалъ греческому императору, что для переѣзда нѣмецкаго войска ему нужно въ такомъ-то мѣстѣ столько-то кораблей, которые должны пристать въ Азіи тамъ-то. Въ мартѣ 1190 г. его войско переправилось на греческихъ корабляхъ; но онъ выбралъ путь черезъ Дарданеллы (Геллеспонтъ), а не черезъ Константинопольскій проливъ.

Со стороны иконійскихъ сельджуковъ Фридрихъ ждалъ дружелюбной встрѣчи, однако уже при Меандрѣ онъ встрѣтилъ тѣ же враждебныя дѣйствія, какъ и прежніе крестоносцы. Но турки ошиблись, если разсчитывали на одинаковые результаты. Императоръ былъ готовъ встрѣтить ихъ нападенія и подвигался впередъ такъ осторожно и благоразумно, что даже въ опаснѣйшихъ мѣстахъ потери его были незначительны. Болѣе всего помогали ему воинская опытность, годами пріобрѣтенная Фридрихомъ на несчастной для его соотечественниковъ итальянской почвѣ, мужество старательно сформированнаго войска и, въ особенности, умное расположеніе войскъ на походѣ: во время марша пѣхота, больные и багажъ находились въ срединѣ, прикрытые съ обѣихъ сторонъ кавалеріей. Впрочемъ, западные историки этого похода, большею частью бывшіе участниками въ немъ, утверждаютъ совершенно серьезно и весьма положительно, что имъ помогалъ земнымъ оружіемъ и святой Георгій во главѣ небеснаго воинства. Поэтому, примѣняясь къ духу того времени, мы должны упомянуть и о появленіи ангеловъ и святыхъ при взятіи Іерусалима Готтфридомъ Бульонскимъ и при всѣхъ другихъ предпріятіяхъ крестоносцевъ!

Въ первый разъ со времени начала крестовыхъ походовъ, значительне за-

падное войско прошло черезъ Малую Азію, почти не испытавъ урона, исключая потери въ лошадяхъ. Чтобъ оцѣнить величіе человѣка, предводительствовавшаго этимъ войскомъ, надо вспомнить, что онъ шелъ по непроходимымъ дорогамъ, въ незнакомой и частью совершенно пустынной странѣ, безпрерывно тревожимый сотнями тысячъ легкихъ турецкихъ всадниковъ, превосходно знавшихъ мѣстность, что ему часто приходилось страдать отъ голода и жажды, тѣмъ болѣе, что тогда нечего было и думать о такомъ военномъ порядкѣ и управленіи, какіе возможны въ наше время. Однако даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ Фридрихъ сохранялъ твердость, обусловливавшуюся его истиннымъ мужествомъ, врожденной силой и проницательностью. Однажды, когда войско находилось среди сельджукскихъ владѣній, всѣ съѣстные припасы были истощены и войску предстояла, повидимому, неизбѣжная голодная смерть, одна непріятельская орда предложила нѣмцамъ свободный пропускъ и достаточное продовольствіе за выкупъ по золотому съ человѣка. Фридрихъ отвергъ предложеніе пословъ, сказавъ, что не привыкъ пролагать себѣ дорогу золотомъ. Въ половинѣ мая, онъ подошелъ къ многолюдной Иконіи, столицѣ сельджукскихъ турокъ, открывъ себѣ доступъ къ ней блистательной побѣдой. Иконія была плохо укрѣплена и потому легко могла быть взята. Но султанъ удалился въ крѣпкую цитадель, лежавшую въ центрѣ города, разсчитывая, вѣроятно, напасть на нѣмцевъ въ то время, какъ они будутъ грабить городъ или задержать ихъ осадою цитадели. Фридрихъ разстроилъ оба плана. Онъ послалъ въ городъ сына, а самъ съ большею частью войска расположился вблизи лагеремъ, и потомъ, обогащенный добычей, немедленно двинулся далѣе, заставивъ султана, передъ выступленіемъ, дать заложниковъ. Фридрихъ и его войско преодолѣли всѣ затрудненія въ земляхъ христіанскаго государя Арменіи, владѣвшаго горными проходами въ Киликію и вначалѣ дѣйствовавшаго весьма двусмысленно. Строгая дисциплина, которою Фридрихъ удерживалъ свое многочисленное войско отъ всякихъ насилій, и благочестіе добрыхъ нѣмцевъ, вполнѣ соотвѣтствовавшее характеру воинства, ополчившагося за вѣру, тронули и привязали къ нимъ армянъ, которые хотя со свойственною имъ хитрстью и остались въ сношеніяхъ съ Саладиномъ, но приняли нѣмецкихъ крестоносцевъ и провели ихъ невредимыми черезъ горы Киликіи.

Въ этой странѣ нѣмцы испытали самую ужасную потерю, которая только могла постичь ихъ. Императоръ утонулъ въ рѣкѣ Каликаднѣ или Салефѣ, неосторожно купаясь подобно Александру Великому, точно также подвергшемуся страшной опасности въ этой самой рѣкѣ (т. I стр. 384), или же переправляясь черезъ быстрый потокъ (10 іюня 1190 г.). Со смертью Фридриха исчезло какъ бы волшебствомъ все прежнее счастье, и самымъ яснымъ образомъ обнаружилось, что нѣмецкіе крестоносцы были обязаны единственно талантамъ своего предводителя тѣмъ, что до тѣхъ поръ избѣгли участи своихъ предшественниковъ. Часть превосходнаго войска Фридриха немедленно возвратилась домой, остальные пошли далѣе, подъ начальствомъ втораго сына императора, Фридриха Швабскаго, но многіе изъ нихъ погибли въ продолжительномъ походѣ, а большинство оставшихся сдѣлалось жертвою чумы въ Антіохіи; послѣдніе жалкіе остатки войска, изнуренные и обезсиленные, достигли лагеря христіанъ, осаждавшихъ Акру. Здѣсь умеръ ихъ предводитель въ первомъ мѣсяцѣ слѣдующаго года. «Если бы превосходное и храброе воинство Фридриха, говоритъ одинъ лѣтописецъ того времени, было доведено до цѣли и соединилось съ англійскими и французскими крестоносцами, какой народъ, какая страна, какой государь, да и какая, хотя бы соединенная, храбрость всѣхъ восточныхъ государей могли устоять противъ силы Италіи, пылкости Франціи, военнаго искусства и, что выше всего этого, смѣлаго мужества Германіи и ея непобѣдимаго государя? Но Божья, а не людская сила и мудрость управляютъ міромъ.» Единственнымъ памятникомъ этого похода остался нѣмецкій рыцарскій орденъ, основанный вторымъ сыномъ императора. Герцогъ Фридрихъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что его соотечественники не допускаются въ больницы и не получаютъ никакихъ пособій отъ іоаннитовъ и тампліеровъ, что эти рыцари, такъ богато надѣленные имѣніями въ Германіи, встрѣчаютъ недружелюбно даже своихъ нѣмецкихъ братьевъ по ордену. Поэтому въ бытность подъ Акрою онъ основалъ орденъ нѣмецкихъ рыцарей, имѣвшій

вначалѣ ничтожное значеніе въ сравненіи съ двумя другими, но впослѣдствіи заслуживший тѣмъ большую славу своими стараніями распространить христіанство и нѣмецкую образованность на сѣверовостокѣ Европы.

3. Крестовый походъ королей: французскаго Филиппа Августа и англійскаго Ричарда Львиное Сердце.

Изъ трехъ западныхъ государей, участвовавшихъ въ третьемъ походѣ, первымъ вступилъ въ путь Фридрихъ Барбаросса, не смотря на то, что рѣшился на это предпріятіе позднѣе другихъ. Но короли Генрихъ II Англійскій и Филиппъ Августъ Французскій, гораздо прежде давшіе обѣтъ идти въ крестовый походъ, давно уже начали сборы. Еще до завоеванія Іерусалима Саладиномъ папа Луцій III послалъ къ обоимъ королямъ трехъ прибывшихъ къ нему изъ Палестины депутатовъ, настоятельно прося ихъ привести въ исполненіе данное обѣщаніе. Но именно въ то время оба государя были весьма мало расположены къ походу. Генрихъ, снова разсорившійся съ сыномъ, отвѣчалъ папскимъ посланнымъ чрезъ собранныхъ представителей государственныхъ сословій, что для блага государства полезнѣе, чтобъ онъ не выпускалъ изъ рукъ бразды правленія и защищалъ народъ отъ нападеній сосѣдей вмѣсто того, чтобъ сражаться на Востокѣ. Филиппъ Августъ столь же мало хотѣлъ и могъ думать о дальнемъ походѣ. Онъ составилъ планъ отнять у англичанъ ихъ владѣнія во Франціи и съ самаго вступленія на престолъ готовился къ осуществленію этого плана. Нужныя для этого деньги доставила ему облеченная въ форму закона эксплуатація евреевъ, жившихъ во Франціи. Этому несчастному народу приходилось терпѣть въ тѣ времена безпрестанныя перемѣны въ своемъ матеріальномъ положеніи; евреи то жили въ богатствѣ, пріобрѣтеннымъ банкирскими занятіями и ростовщичествомъ; то подвергались, изъ религіозной ненависти и корыстолюбія, жесточайшимъ преслѣдованіямъ, отнятію нажитаго состоянія и даже угрозамъ лишенія жизни. Вначалѣ отецъ Филиппа Августа далъ евреямъ права и привилегіи, потомъ изгналъ ихъ и наконецъ снова сдѣлался въ высшей степени благосклоннымъ къ нимъ. Филиппъ Августъ, имѣя нужду въ деньгахъ, изгналъ евреевъ изъ Франціи, велѣлъ немилосердно гнать ихъ заграницу, конфисковалъ ихъ недвижимое имущество и объявилъ всѣ обязательства христіанъ относительно ихъ уничтоженными, подъ условіемъ уплаты ему пятой части. На деньги, добытыя этимъ способомъ, онъ снарядилъ войска, съ которыми воевалъ противъ англійскаго короля. Не смотря на данный обѣтъ, оба государя, вѣроятно, нескоро покончили бы эти войны, еслибъ ихъ не принудило къ тому настроеніе умовъ ихъ подданныхъ. Вѣсть о паденіи Іерусалима, распространенная, безъ сомнѣнія, въ преувеличенномъ видѣ папскими и генуэзскими посланіями и жалобами выгнанныхъ изъ Палестины христіанъ, вновь воспламенила воинственно-религіозную ревность англичанъ и французовъ, и короли должны были удовлетворить хотя обѣщаніями общему настроенію. Поэтому, сойдясь въ Жизорѣ, на границѣ Нормандіи, подъ старымъ вязомъ, гдѣ съ давнихъ поръ обыкновенно происходили свиданія французскихъ королей съ герцогами нормандскими, они заключили миръ и обязались вмѣстѣ отправиться на Востокъ (январь, 1188 г.). Серьезно ли они думали о крестовомъ походѣ, или онъ былъ для нихъ только предлогомъ для сбора податей, къ чему оба короля немедленно приступили,—рѣшить трудно. Правда, они тотчасъ же начали переговоры съ нѣмцами, венграми и греками о проходѣ чрезъ ихъ владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ возобновили и нападенія другъ на друга и съ такою яростью опустошали чужія владѣнія, что даже священный жизорскій вязъ былъ уничтоженъ въ это время. Наконецъ французскіе рыцари, принявшіе крестъ, рѣшительно отказались воевать противъ христіанъ, а Генрихъ былъ поставленъ семейными распрями въ невозможность вредить сосѣду. Тогда, уступая необходимости, оба государя заключили миръ. Вслѣдъ затѣмъ Генрихъ умеръ (іюль, 1189 г.).

Еслибъ онъ остался живъ, то, вѣроятно, обѣщанный имъ и французскимъ королемъ крестовый походъ не состоялся бы никогда. Но его сынъ, Ричардъ

Львиное Сердце, былъ созданъ именно для такого предпріятія. Взросши на родинѣ своей матери, то есть въ той части Франціи, гдѣ тогда процвѣтала рыцарская поэзія трубадуровъ, и самъ принадлежа къ ихъ числу, Ричардъ представлялъ въ своемъ характерѣ странную смѣсь разнородныхъ качествъ, отличавшихъ поэтовъ той страны и того времени. Съ живымъ религіознымъ чувствомъ, жаждою дѣятельности, непоколебимымъ геройскимъ мужествомъ, доставившемъ ему прозваніе Львинаго Сердца, въ немъ соединялись грубость, жестокость, алчность, вспыльчивость и сластолюбіе, такъ что онъ могъ служить олицетвореніемъ и дурныхъ и хорошихъ сторонъ среднихъ вѣковъ, будучи склоненъ то къ самому возвышенному и прекрасному, то къ самому низкому и подлому. Для подобной натуры ничего не могло быть привлекательнѣе приключеній рыцарскаго похода на Востокъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до смерти отца онъ принялъ крестъ, и какъ только умеръ Генрихъ, потребовалъ свиданія съ Филиппомъ Августомъ и не только сговорился, какъ его отецъ, объ общемъ крестовомъ походѣ, но заключилъ формальный договоръ о времени и порядкѣ приведенія его въ исполненіе. Короли условились выступить въ началѣ слѣдующаго лѣта (1190 г.), соединиться въ Мессинѣ и оттуда плыть въ Палестину. Морской путь былъ избранъ потому, что Ричардъ, помогая Генриху Льву, принялъ къ себѣ изгнаннаго епископа трирскаго и, будучи въ дурныхъ отношеніяхъ къ императору Фридриху Барбароссѣ и его намѣстнику, Генриху VI, считалъ путь черезъ Германію неудобнымъ для себя.

16 сентября 1190 г. прибылъ въ Мессину Филиппъ Августъ, а черезъ восемь дней Ричардъ. Едва пробыли они вмѣстѣ нѣсколько дней, какъ Ричарда разрушила и безъ того не весьма прочное согласіе между королями. Впрочемъ, этому способствовалъ отчасти и ходъ событій въ Сициліи. По смерти послѣдняго норманнскаго короля Сициліи, Вильгельма II (1189 г.), королевство должно было достаться Констанціи и ея мужу, Генриху VI; но государственныя сословія не хотѣли и слышать о чужеземномъ владычествѣ и присягнули графу Танкреду Лечче, единственному мужскому представителю королевскаго дома. Танкредъ былъ сынъ Роберта, побочнаго сына Рожера II (а не сводный братъ Констанціи); Вильгельмъ далъ ему, какъ послѣдней мужской отрасли норманнской династіи, графство Лечче; не успѣвъ еще упрочить свою власть, Танкредъ былъ сильно озабоченъ прибытіемъ обоихъ королей и вѣроятностью ихъ зимовки въ Сициліи, такъ какъ Филиппъ Августъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ германскимъ императоромъ и его сыномъ, а Ричардъ былъ братъ вдовы Вильгельма II, Іоанны, которую Танкредъ лишилъ вдовьей части наслѣдства и держалъ въ заточеніи. Однако Филиппъ обошелся съ Танкредомъ дружественно и даже льстиво, такъ что былъ принятъ имъ въ самую Мессину. Ричардъ, напротивъ, немедленно и съ угрозами сталъ требовать освобожденія сестры; Танкредъ исполнилъ требованіе, но не впустилъ англичанъ въ Мессину, а заставилъ расположиться лагеремъ внѣ города. Не довольствуясь освобожденіемъ сестры, Ричардъ потребовалъ для нея, какъ вдовьей части, значительнаго графства, золотаго трона, большаго золотаго стола и другихъ драгоцѣнностей, перечисленіе которыхъ лучше всего показываетъ блескъ норманнскаго сицилійскаго двора. Впрочемъ, не смотря на запальчивость этой распри, дѣло, вѣроятно, не перешло бы въ открытую вражду, если бы Ричардъ и его рыцари не оскорбляли сицилійскаго народа. Населеніе острова Сициліи, въ то время богатаго и цвѣтущаго, было смѣшаннаго происхожденія и состояло изъ потомковъ грековъ и мавровъ и частью изъ итальянцевъ и норманновъ; первые вели себя смирно въ отношеніи къ обоимъ королямъ, а норманны, носившіе, подобно крестоносцамъ, рыцарское вооруженіе, держали себя гордо. Ихъ ссоры съ англійскими рыцарями и ихъ упорнымъ королемъ перешли въ открытую войну. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, Ричардъ напалъ на безумно дерзкую мысль штурмовать Мессину, — городъ, имѣвшій болѣе пятидесяти тысячъ жителей и занятый французами, видимо расположенными защищать противъ ярости англійскаго короля мѣсто, давшее имъ гостепріимство. Смѣлость Ричарда увѣнчалась однако успѣхомъ; французы, по приказанію своего болѣе спокойнаго и хладнокровнаго короля, остались нейтральными, а городъ былъ взятъ и разграбленъ при страшной рѣзнѣ. Тогда Ричардъ поссорился съ самимъ Филиппомъ II. Онъ велѣлъ выставить на стѣнахъ Мессины свое знамя, а Филиппъ оскорбился тѣмъ, что

знамя его вассала развѣвается въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится его главная квартира. Хотя Ричардъ, уступая доводамъ своихъ бароновъ, согласился помѣстить французское знамя рядомъ со своимъ и уступить французамъ половину занятыхъ стѣнъ, но распря между королями длилась до тѣхъ поръ, пока не былъ заключенъ договоръ, точно опредѣлявшій вассальныя отношенія и время отбытія изъ Сициліи. Ричардъ заключилъ договоръ и съ Танкредомъ, не смотря на интриги Филиппа. Танкредъ заплатилъ Іоаннѣ опредѣленную сумму и обручилъ одну изъ своихъ дочерей съ ея племянникомъ, герцогомъ Артуромъ Бретанскимъ.

Въ концѣ марта (1191 г.) вышелъ въ море Филиппъ Августъ, а вслѣдъ за нимъ и Ричардъ. Первый благополучно прибылъ въ Палестину 13 апрѣля; а флотъ Ричарда былъ разбитъ бурею между Кипромъ и Критомъ, и такъ какъ владѣтель Кипра дурно обошелся съ потерпѣвшими крушеніе, то Ричардъ рѣшился отмстить ему. Кипромъ управлялъ тогда греческій принцъ Исаакъ, овладѣвшій имъ насильственно и обходившійся съ жителями чрезвычайно жестоко и деспотически. Смертельно ненавидимый подданными, онъ съ однимъ наемникомъ не могъ противиться неодолимымъ рыцарямъ, во главѣ которыхъ стоялъ герой Ричардъ, и былъ взятъ въ плѣнъ; англичане заняли островъ. Въ Палестинѣ, куда Ричардъ прибылъ въ началѣ іюня, со времени освобожденія Гвидо не произошло ничего замѣчательнаго. Конрадъ Монферратскій отстоялъ отъ нападеній Саладина Тиръ, жители котораго признали его своимъ владѣтелемъ, а потомъ присоединился къ Гвидо, осаждавшему Акру. У Гвидо съ прибывшими съ запада крестоносцами набралось до тридцати тысячъ войска, въ томъ числѣ около двухъ тысячъ всадниковъ. Получивъ извѣстіе о вступленіи Фридриха Барбароссы въ Малую Азію, Саладинъ съ своей стороны собралъ отовсюду огромныя толпы единовѣрцевъ. Такимъ образомъ, подъ Акрою начался бой за честь и вѣру, веденный съ обѣихъ сторонъ съ равнымъ одушевленіемъ. Стычки происходили ежедневно и, кромѣ того, насчитываютъ десять большихъ сраженій, данныхъ до прибытія подъ Акру Фридриха Швабскаго. Какъ ни малы были остатки германскаго войска, приведеннаго Фридрихомъ, но все же они придали христіанамъ новыя силы, и съ прибытіемъ ихъ осада пошла успѣшнѣе. Но Фридрихъ умеръ отъ дѣйствія климата, ополченіе его разсѣялось, а незадолго до прибытія Филиппа Августа между Конрадомъ Монферратскимъ и Гвидо вспыхнула вражда, и по смерти жены Гвидо никто не хотѣлъ признавать его королемъ; Конрадъ же предъявилъ притязанія на корону, основывая свои права на томъ, что обвѣнчался съ похищенною имъ свояченицею Гвидо, бывшею въ замужствѣ за Гумфридомъ Торонскимъ. Споръ между ними былъ еще не рѣшенъ, когда прибылъ подъ Акру Филиппъ Августъ.

Французскій король принялъ сторону своего союзника и вассала Конрада, такъ какъ Гвидо, имѣнія котораго лежали въ Гіенни, былъ вассаломъ Ричарда. Гвидо немедленно оставилъ лагерь и отправился на островъ Кипръ искать помощи у своего сюзерена. Ричардъ, обязанный вступиться за него, былъ весьма радъ случаю выступить противъ Филиппа, имѣя на своей сторонѣ нѣкоторую долю права. Прибывъ подъ Акру, онъ потребовалъ, чтобъ Конрадъ подчинился приговору войска; но Конрадъ, считая свое дѣло рѣшеннымъ, не хотѣлъ и слышать о судѣ; однако, опасаясь запальчивости Ричарда, отправился въ Ширъ. Черезъ годъ онъ былъ зарѣзанъ двумя ассасинами, принявшими, съ цѣлью совершить это злодѣяніе, христіанство и успѣвшими подъ личиною благочестія втереться въ домъ Конрада. Неизвѣстно, что вызвало ихъ на этотъ поступокъ. Враги Ричарда видятъ въ этомъ его руку, что, по всей вѣроятности, несправедливо. Вакантное королевское достоинство Ричардъ отдалъ графу Генриху II Шампанскому, женившемуся на вдовѣ Конрада, а Гвидо Люзиньяна вознаградилъ за то островомъ Кипромъ. Какъ только Филиппъ Августъ и Ричардъ сошлись вмѣстѣ, между ними возобновилась старинная непріязнь и соперничество; но теперь Филиппъ былъ въ явномъ проигрышѣ. Ричардъ превосходилъ его всѣми рыцарскими и воинскими качествами и, едва прибывъ въ лагерь, далъ дѣлу оборотъ, значительно унизившій славу Филипа. Будучи несравненно сильнѣе, смѣлѣе и привычнѣе къ войнѣ, чѣмъ его соперникъ, Ричардъ умѣлъ передать свою дикую храбрость всему войску, такъ что черезъ шесть недѣль по его прибытіи приведена была къ концу осада, длившаяся цѣлыхъ два года и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не подвинутая ни на

шагъ впередъ. 12 іюля 1191 г., защитники города сдались на капитуляцію. Они получили свободный выходъ, но должны были оставить въ городѣ все имущество, провіантъ, склады оружія, стоявшіе въ гавани корабли и, сверхъ того, дать заложниковъ въ обезпеченіе того, что Саладинъ заплатитъ наличную сумму денегъ, дастъ свободу почти двумъ тысячамъ плѣнныхъ христіанъ и возвратитъ святой крестъ, доставшійся ему въ сраженіи при Гиттимѣ. Городъ и добычу Филиппъ и Ричардъ раздѣлили между собою. Съ выступавшимъ мухаммеданскимъ гарнизономъ и его государемъ Ричардъ обходился несравненно дружелюбнѣе, чѣмъ съ единовѣрцами. Особенно обхожденіе его съ нѣмцами и ихъ князьями было до того возмутительно, что съ тѣхъ поръ они стали считать его врагомъ націи, надѣясь при случаѣ отплатить ему тою же монетою. Онъ не только не далъ имъ доли въ добычи, но позволилъ себѣ неслыханную дерзость противъ герцога Леопольда VI Австрійскаго, которую иные относятъ, впрочемъ, къ началу слѣдующаго года и къ другому случаю. Герцогъ, занявъ въ городѣ домъ, выставилъ на немъ свое знамя; Ричардъ, узнавъ это, не только выгналъ герцогскихъ людей, но сорвалъ знамя и бросилъ его въ грязь. Леопольдъ былъ слишкомъ слабъ, чтобъ отмстить; онъ удалился изъ города и вначалѣ слѣдующаго года вернулся въ Европу. Всѣ его соотечественники и всѣ пизанцы оставили Палестину, такъ какъ имъ не было возможности оставаться въ войскѣ, находившемся подъ вліяніемъ англійскаго короля, и гдѣ ихъ всячески тѣснили и оскорбляли.

Обходясь такъ грубо съ союзниками, Ричардъ въ тоже время былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Саладиномъ. Они походили другъ на друга грубостью и мужествомъ, великодушіемъ и хищничествомъ, жестокостью и минутными вспышками благородства, а въ безпрестанныхъ стычкахъ успѣли оцѣнить взаимное искусство и физическую силу. Вслѣдъ за прибытіемъ Ричарда подъ Акру, они по рыцарски обмѣнялись посольствами, дѣлали другъ другу подарки, и вообще между ними установились такія странныя отношенія, что въ Филиппѣ Августѣ не только проснулась старая зависть, но и возникли, весьма естественно, подозрѣнія. Это утвердило его въ прежнемъ намѣреніи возвратиться въ Европу при первомъ удобномъ случаѣ. Онъ видѣлъ, что весь блескъ, доставляемый ему значеніемъ его государства и вассальными отношеніями англійскаго короля, служилъ только къ возвышенію соперника въ глазахъ христіанъ и невѣрныхъ, такъ какъ рыцарскія и поэтическія свойства Ричарда производили на турокъ и курдовъ и на христіанскихъ рыцарей несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ основательный, государственный умъ Филиппа, цѣнить котораго они не умѣли. Впрочемъ, была и политическая причина, побуждавшая Филиппа вернуться скорѣе въ Европу: подъ Акрою умеръ графъ Филиппъ Фландрскій, а какъ онъ былъ бездѣтенъ, то французскому королю представлялся отличный случай захватить его графство. Поэтому, избравъ предлогомъ незначительную болѣзнь, онъ въ концѣ іюля отправился домой, поручивъ начальство надъ оставшеюся въ Палестинѣ частью войска герцогу бургундскому Гуго и давъ англійскому королю клятвенное обѣщаніе не тревожить его владѣній. Прибывъ во Францію, онъ тотчасъ началъ войну съ своимъ тестемъ, Бальдуиномъ Геннегаускимъ, ближайшимъ наслѣдникомъ умершаго графа фландрскаго, и успѣлъ добиться уступки графства Артуа, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ постояннымъ владѣніемъ младшихъ принцевъ королевскаго дома.

По отъѣздѣ Филиппа, Ричардъ потребовалъ у Саладина выполненія условій, заключенныхъ при капитуляціи Акры, назначалъ для того нѣсколько сроковъ, и наконецъ послалъ сказать, что если по прошествіи опредѣленнаго времени условія не будутъ выполнены, то онъ казнитъ всѣхъ бывшихъ въ его власти заложниковъ и плѣнныхъ мусульманъ. Саладинъ, вѣроятно, считавшій подобное варварство невозможнымъ, не обратилъ вниманія на угрозу; но Ричардъ исполнилъ ее, приказавъ изрубить нѣсколько тысячъ мухаммеданъ. И замѣчательно, что со стороны лѣтописцевъ того времени не раздалось рѣшительно ни одного возгласа противъ этого звѣрства: нѣкоторые даже хвалили его. Саладинъ, могшій соперничать съ Ричардомъ не только въ великодушіи, но и въ жестокости, отвѣчалъ избіеніемъ множества христіанъ. Однако эта бойня только на весьма короткое время прервала дружескія отношенія обоихъ воителей, повидимому, созданныхъ другъ для друга. Черезъ шесть недѣль по взятіи Акры, Ричардъ возобновилъ

военныя дѣйствія, но не двинулся прямо на Іерусалимъ, главную цѣль похода, а сталъ готовиться къ нападенію на этотъ городъ тогда, когда уже рвеніе рыцарей охладѣло и многіе возвратились домой. Рядомъ безпрерывныхъ стычекъ дошелъ онъ берегомъ до Аскалона, пріобрѣтая каждую пядь земли цѣною крови. Саладинъ, отступая шагъ за шагомъ, уничтожалъ каждый оставляемый городъ, чтобъ не допустить христіанъ укрѣпиться въ немъ, какъ и въ Тирѣ и Акрѣ. Все время съ осени до весны слѣдующаго года (1492 г.), Ричардъ занимался возстановленіемъ крѣпостей Яффы и Аскалона. Это промедленіе, естественно, производило невыгодное впечатлѣніе на тѣхъ, которые руководились однимъ энтузіазмомъ, не помышляя о какомъ бы то ни было планѣ и не обладая никакими познаніями въ военномъ дѣлѣ. Но за то Саладинъ сознавалъ всю опасность имѣть подобнаго противника во главѣ западнаго войска, и легко можетъ статься, что, дѣйствительно, одно имя Ричарда, — долгое время послѣ того употреблявшееся у мусульманъ, какъ угроза, лишало мужества воиновъ Саладина. Не разъ турецкіе всадники трепетали при одномъ видѣ его и поспѣшно обращались въ бѣгство, съ крикомъ «король Ричардъ идетъ!« За то Ричардъ сражался съ безумною отвагою, такъ что если онъ уцѣлѣлъ, то только благодаря необычайной силѣ и ловкости, позволявшимъ ему носить тяжелую броню, которую не брало никакое оружіе. Наконецъ, Саладинъ увидѣлъ необходимость во что бы ни стало удалить этого человѣка съ театра войны, и потому далъ полномочіе своему брату, А д е л ю, вступить съ нимъ въ переговоры. Между Аделемъ и Ричардомъ не замедлили возникнуть дружескія отношенія и пріязнь, но переговоры не окончились ничѣмъ. Кому-то изъ нихъ пришла при этомъ въ голову забавная мысль покончить войну бракомъ Аделя съ сестрою Ричарда, Іоанною, привезенною имъ изъ Сициліи. По проекту этого договора Адель и Іоанна должны были быть признаны владѣтелями Палестины. Ричардъ уступалъ имъ завоеванные города, а Саладинъ Іерусалимъ и остальную часть страны. Саладинъ понялъ всю несостоятельность подобнаго плана и, къ величайшему изумленію своихъ сподвижниковъ, принялъ его. Онъ разсудилъ совершенно вѣрно, что дѣло, пущенное въ ходъ, рушится не только вслѣдствіе несогласія Іоанны, мнѣнія которой даже еще не спрашивали, но главнымъ образомъ вслѣдствіе разности вѣръ и препятствій со стороны духовенства. Дѣйствительно, какъ только это предложеніе сдѣлалось извѣстнымъ, оно возбудило такое всеобщее негодованіе, что Ричардъ долженъ былъ прибѣгнуть къ объясненію, что онъ имѣлъ виду обращеніе Аделя въ христіанство. Впрочемъ, вслѣдъ за тѣмъ онъ опять обнаружилъ подобное же невниманіе и равнодушіе къ священнѣйшимъ общественнымъ и религіознымъ понятіямъ своего времени, посвятивъ въ рыцарство одного изъ родныхъ Саладина и, такимъ образомъ, принявъ мухаммеданина въ христіанскую корпорацію, основными элементами которой были защита вѣры и столь чужое восточнымъ народамъ и ихъ гаремамъ уваженіе къ женщинамъ.

Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ невѣрнымъ, Ричардъ въ то же время постоянно ссорился съ французами и ихъ предводителемъ, герцогомъ бургундскимъ. Онъ долго переносилъ непріятности отъ французовъ, имѣя въ виду походъ противъ Іерусалима, мысль о которомъ не оставляла его. Даже извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ его брата Іоанна въ Англіи и французскихъ провинціяхъ не могла заставить его отказаться отъ своего плана и возвратиться въ Европу. За ѣдкія сирвенты (стр. 23), которыми преслѣдовали его герцогъ бургундскій и его товарищи, онъ мстилъ, какъ поэтъ, столь же злыми стихами. Наконецъ онъ приблизился на разстояніе нѣсколькихъ миль къ Іерусалиму, но въ тотъ самый моментъ, когда считалъ себя достигшимъ вѣнца славы, принужденъ былъ, почти со слезами на глазахъ, отступить, потому что французы объявили невозможнымъ завоеваніе Іерусалима и потребовали собранія военнаго совѣта, на которомъ искусственно подобранные посредники рѣшили, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ дѣлать приступа. Въ этомъ тяжеломъ положеніи Ричардъ старался спасти, по крайней мѣрѣ, свою честь. Чтобъ не бросить среди войны беззащитныхъ палестинскихъ христіанъ и святыя мѣста на произволъ невѣрныхъ, онъ рѣшился начать съ Саладиномъ переговоры, для заключенія мира или перемирія. Но, ведя переговоры, онъ не прекращалъ войны; къ этой эпохѣ относится, между прочимъ, самый блистательный изъ безумно

дерзкихъ подвиговъ Ричарда, доставившихъ ему прозвище Львинаго Сердца. Онъ стоялъ у Яффы съ отрядомъ не болѣе какъ въ тысячу человѣкъ и съ одиннадцатью всадниками, какъ вдругъ ихъ окружилъ вдесятеро сильнѣйшій непріятель, имѣвшій до семи тысячъ регулярной кавалеріи. Малочисленный англійскій отрядъ сомкнулся и мужественно отражалъ непріятельскія нападенія. Но Ричарду не нравился такой спокойный отпоръ; съ горстью всадниковъ бросился онъ на непріятеля и, опрокидывая рядъ за рядомъ, спасъ одного изъ спутниковъ, упавшаго съ коня и уже окруженнаго, выручилъ другаго, почти взятаго въ плѣнъ, и пробился почти невѣроятнымъ образомъ черезъ войско враговъ, тысячами окружавшихъ его, но не осмѣлившихся напасть на него.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, Ричардъ заключилъ на три года перемиріе, распространявшееся на его сирійскихъ и палестинскихъ единовѣрцевъ (сентябрь 1192 г.). Христіане удерживали Антіохію, Триполи, Акру, Яффу и всѣ другіе приморскіе города, но Аскалонъ долженъ былъ быть срытъ; доступъ къ святому гробу былъ открытъ всѣмъ христіанамъ, но чтобы досадить французамъ, Ричардъ включилъ въ договоръ условіе, что каждый пилигримъ долженъ имѣть видъ за подписью его или Генриха, носившаго титулъ іерусалимскаго короля. Въ началѣ октября Ричардъ отправился въ Европу, съ очевиднымъ намѣреніемъ возвратиться въ Палестину, и послѣдовавшая черезъ пять мѣсяцевъ смерть Саладина (1193 г.) обѣщала успѣхъ новому походу; но положеніе дѣлъ въ Европѣ помѣшало Ричарду и Филиппу Августу отправиться на Востокъ, а значительныя силы крестоносцевъ, двинувшіяся изъ Германіи (1197 г.), не могли сдѣлать ничего значительнаго, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ, папа не переставалъ проповѣдывать, что крестовые походы священный долгъ христіанскаго рыцаря, а настроеніе, породившее ихъ, все болѣе и болѣе усиливалось въ Европѣ, такъ что Палестина, вѣроятно, была бы снова завоевана въ началѣ слѣдующаго столѣтія, если бы въ это время двѣ другія страны не открыли новаго поприща для дѣятельности искателей приключеній и набожно воинственной ревности благочестивыхъ душъ. На югѣ Франціи папской церкви грозили опасностью еретики, сдѣлавшіеся извѣстными подъ именемъ альбигойцевъ, а въ византійской имперіи греческаго императора замѣнилъ государь, принадлежавшій къ западной церкви; слѣдовательно, въ обѣихъ странахъ не было недостатка въ поводахъ къ борьбѣ за вѣру, содѣйствовать же истребленію альбигойцевъ или поддерживать оружіемъ въ греческой имперіи латинскую церковь считалось столь же славнымъ подвигомъ, какъ участвовать въ крестовомъ походѣ. Поэтому воспламененная церковью религіозная ревность европейскихъ рыцарей обратилась на обѣ эти страны. Такимъ образомъ ходъ событій заставляетъ насъ бросить взглядъ на исторію главныхъ западныхъ государствъ и греческой имперіи.

4. Германія и Италія отъ смерти Фридриха Барбароссы до убіенія Филиппа Швабскаго.

Царствованіе сына Фридриха Барбароссы, Генриха VI, началось войною съ Генрихомъ Львомъ, старинным врагомъ гогенштауфенской династіи. Вслѣдъ за выступленіемъ Фридриха въ крестовый походъ, Генрихъ Левъ нарушилъ данное слово и осенью 1189 г. возвратился въ Германію, надѣясь, въ отсутствіе стараго императора и большинства имперскихъ князей, возстановить свое прежнее могущество. Первыя дѣйствія его были удачны и славны. Съ нимъ соединились архіепископъ бременскій Гартвигъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ владѣтелей сѣверной Германіи, и многіе изъ князей Гольштейна, Мекленбурга и Саксоніи, такъ что прежде чѣмъ императоръ успѣлъ собрать войско, онъ покорилъ Любекъ, Лауэнбургъ и нѣсколько другихъ городовъ, вновь укрѣпилъ свою резиденцію Брауншвейгъ и разрушилъ до основанія Бардевикъ, самый значительный торговый городъ сѣверной Германіи. Когда императоръ подступилъ съ военными силами имперіи къ Брауншвейгу, настала зима и страшные холода и принудили его распустить войско. Казалось, что императору долго придется усмирять смѣлаго и хитраго герцога, а на эту борьбу ему не хватало времени, потому что недавняя смерть Вильгельма II, короля пеа-

неаполитанскаго и сицилійскаго, требовала его присутствія въ Италіи. Поэтому ему хотѣлось уладить, какъ можно скорѣе, германскія дѣла мирнымъ путемъ; Генрихъ Левъ, неожиданно покинутый частью союзниковъ, былъ согласенъ на это. Архіепископы Филиппъ Кёльнскій, незадолго до того помирившійся съ императоромъ, и Конрадъ Майнцскій взялись быть посредниками, и такимъ образомъ состоялся мирный договоръ, по которому Генрихъ получалъ прощеніе и пріобрѣталъ половину Любека, а взамѣнъ того обязывался разрушить въ четырехъ мѣстахъ стѣны Брауншвейга, срыть Лауэнбургъ и отдать въ заложники двухъ старшихъ сыновей. Вѣроятно, императоръ добился этихъ уступокъ, которыхъ, повидимому, требовала его честь, какими-нибудь тайными обѣщаніями; однако онъ не думалъ держать слова, Генрихъ также не считалъ себя связаннымъ этимъ договоромъ, и потому враждебныя дѣйствія вскорѣ возобновились.

Послѣ заключенія мира, императоръ, не теряя времени, поспѣшилъ въ Италію, чтобы воспользоваться затрудненіями, причиненными неаполитанскому королю Танкреду прибытіемъ въ Сицилію французскихъ и англійскихъ крестоносцевъ (въ концѣ 1190). Но его задержали дѣла въ Ломбардіи и папа Целестинъ III, а тѣмъ временемъ другъ его, Филиппъ Августъ уѣхалъ изъ Мессины. Целестинъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы германскіе императоры, усилясь пріобрѣтеніемъ Неаполя, получили еще большее вліяніе и значеніе въ Сициліи; поэтому онъ отстрочивалъ свое собственное посвященіе, чтобы Генрихъ не могъ требовать отъ него коронованія. Императоръ рѣшился принудить его къ этому помощью римскаго народа, и чтобы склонить римлянъ на свою сторону, пожертвовалъ имъ вѣрнѣйшими союзниками отца, жителями Тускулума. Со времени блистательной побѣды Христіана Майнцскаго, жители Рима и Тускулума были въ постоянной враждѣ, но Тускулумъ, занятый императорскимъ гарнизономъ, былъ внѣ опасности. Теперь римляне, имѣя въ своей власти папу, обѣщали Генриху заставить Целестина короновать его, если онъ выведетъ войска изъ Тускулума. Генрихъ согласился и отдалъ городъ на жертву мстительнымъ врагамъ. Римляне яростно напали на беззащитный Тускулумъ, истребили жителей и сожгли городъ. Немногіе изъ оставшихся въ живыхъ тускуланцевъ построили себѣ хижины, и на этомъ мѣстѣ возникъ потомъ новый городъ, названныхъ Фраскати по матеріаламъ, послужившимъ для постройки первыхъ жилищъ (frasche—вѣтвь). Римляне заставили папу совершить обрядъ посвященія, и тогда онъ короновалъ императора (апрѣль 1191 г.). Генрихъ отправился изъ Рима въ южную Италію, покоряя одинъ городъ за другимъ, и уже приступилъ къ осадѣ Неаполя; но здѣсь войска его, подобно многимъ прежнимъ нѣмецкимъ войскамъ, сдѣлались жертвою климата. Воины умирали тысячами отъ заразительныхъ болѣзней, а къ этому присоединилась еще измѣна молодаго Генриха Брауншвейгскаго, взятаго въ Италіи. Императоръ принужденъ былъ снять осаду и спѣшить въ Германію (сентябрь 1191 г.), куда привелъ только весьма немногихъ спутниковъ. Жена его, Констанція, отправившаяся въ Салерно, чтобъ оттуда предъявить права свои на Неаполь, попалась въ руки враговъ. Жители Салерно, старые республиканцы, не сочувствовали притязаніямъ Генриха и потому, или сами предали Констанцію, или устроили такъ, что адмиралъ Танкредъ захватилъ ее въ городѣ. Танкредъ обошелся съ нею очень хорошо и даже, вслѣдствіе увѣщаній папы, отправилъ ее на слѣдующій годъ къ мужу.

Въ Германіи императоръ нашелъ своего стараго врага Генриха Льва, сынъ котораго спасся бѣгствомъ отъ наказанія за измѣну, воюющимъ съ сосѣдями. Онъ не только помогъ имъ, но старался повредить вельфской партіи союзомъ съ французскимъ королемъ. Съ этой цѣлью онъ уговорилъ пфальцграфа рейнскаго Конрада, брата Фридриха Барбароссы, выдать за Филиппа Августа свою единственную дочь, которая, какъ вѣроятная наслѣдница пфальцграфства и будущая владѣлица обширныхъ имѣній отца, была самою богатою невѣстою въ Европѣ. Но сама она не хотѣла и слышать объ этомъ бракѣ, желая выйти за сына Генриха Льва Генриха, съ которымъ еще прежде была помолвлена, и, при содѣйствіи матери, тайно обвѣнчалась съ своимъ женихомъ. Планъ императора былъ разстроенъ, но женитьба эта принесла ему существенныя выгоды. Онъ видѣлъ въ ней средство избавиться отъ врага, который могъ сильно вредить его предпріятіямъ противъ Танкреда; фамилія же Вельфовъ, желавшая тогда пріобрѣсти пфальцграфство,

была побуждаема къ примиренію какъ собственнымъ интересомъ, такъ и новымъ родствомъ. Весною 1194 г. заключенъ былъ договоръ, по которому обѣ партіи примирились, а молодой Генрихъ Брауншвейгскій, въ благодарность за обѣщанное ему пфальцграфство, согласился принять участіе въ итальянскомъ походѣ императора. Ближайшимъ слѣдствіемъ союза между Вельфами и Гогенштауфенами было то, что первые были связаны во время самоуправства императора съ Ричардомъ Львиное Сердце; по крайней мѣрѣ только такимъ образомъ можно объяснить себѣ, что они не дѣйствовали при этомъ случаѣ такъ, какъ предписывалъ имъ долгъ родства и благодарности.

На возвратномъ пути изъ Палестины Ричардъ, въ октябрѣ 1192 года, пристalъ къ Далмаціи, потому что, не довѣряя Филиппу Августу, не хотѣлъ ѣхать черезъ Францію. Онъ хотѣлъ отправиться тою же дорогою, которою незадолго передъ тѣмъ спасся изъ Неаполя его племянникъ, сынъ Генриха Льва, т. е. пробраться черезъ Далмацію, Иллирію, Венгрію и Богемію въ Брауншвейгъ, а оттуда черезъ сѣверную Германію въ Англію. Но и на этомъ пути, не смотря на принятую имъ одежду пилигрима, ему слѣдовало быть крайне осторожнымъ; во первыхъ онъ оскорбилъ въ Палестинѣ всю нѣмецкую націю, а во вторыхъ, въ то время каждый путешественникъ долженъ былъ имѣть пропускъ или паспортъ, если не хотѣлъ быть принятымъ за бродягу, такъ что даже такое лицо, какъ архіепископъ Филиппъ Кёльнскій, должно было запасаться имъ для проѣзда изъ Рима въ Германію. У Ричарда не было пропуска. Его племянникъ благополучно добрался до дому только потому, что былъ строго вѣренъ принятому костюму; Ричардъ же дѣйствовалъ съ обычною неосторожностью, обращая на себя всеобщее вниманіе своихъ обхожденіемъ и многочисленною свитою и возбуждая алчность совершенно ненужною пышностью. Его путешествіе было непрерывнымъ рядомъ неосторожностей; съ нимъ было столько людей, что между Аквилеей и Фрейзингеномъ не менѣе четырнадцати рыцарей его свиты попались въ плѣнъ, и все-таки ихъ оставалось столько, что ни въ то время, да и никогда, никто не рѣшился бы пропустить чрезъ свои владѣнія, безъ предварительнаго разрѣшенія, такую массу вооруженныхъ людей. Уже въ Далмаціи Ричардъ дважды измѣнилъ себѣ и былъ вынужденъ направиться на Аквилею, съ тѣмъ чтобы оттуда идти чрезъ графство Герцъ, Каринтію и Зальцбургъ. И въ Герцѣ и въ Зальцбургѣ онъ съ большимъ трудомъ ушелъ отъ преслѣдованій тамошнихъ владѣтелей, а потомъ, чтобы пройти въ Богемію, выбралъ дорогу, которая привела его въ одно изъ предмѣстій Вѣны, резиденціи смертельно обиженнаго имъ герцога Леопольда Австрійскаго. Здѣсь онъ былъ узнанъ по драгоцѣнному перстню однимъ изъ людей Леопольда, бывшемъ въ походѣ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, герцогъ схватилъ Ричарда и заключилъ его въ тюрьму, въ Вѣнѣ (декабрь 1192 г.). Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, общественное мнѣніе такъ сильно высказалось въ пользу Ричарда, что папа даже отлучилъ отъ церкви Леопольда. Въ плѣнникѣ видѣли только пилигрима и защитника вѣры, и сообразно духу времени, обращали исключительное вниманіе на религіозную и моральную сторону дѣла, оставляя въ сторонѣ политическія соображенія, играющія въ наше время главную роль. Но Генрихъ VI не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на общественное мнѣніе. Онъ вытребовалъ плѣнника къ себѣ и обошелся съ нимъ жестоко, не только потому, что считалъ Ричарда врагомъ государства, вслѣдствіе его отношеній къ Генриху Льву и Танкреду, своимъ личнымъ противникомъ, и преимущественно имѣя въ виду заставить его подданныхъ заплатить огромный выкупъ. Ричардъ былъ отправленъ въ крѣпость Трифельсъ, въ рейнской Баваріи, и тамъ заключенъ въ отвратительную тюрьму. Англичане выказали въ этомъ случаѣ замѣчательное участіе къ нему, и эта любовь подданныхъ, въ связи съ веселымъ нравомъ Ричарда и общимъ мнѣніемъ о поступкахъ Генриха, послужила тэмою для множества поэтическихъ произведеній, значительно расширившихъ кругъ средневѣковыхъ рыцарскихъ сказаній. Знаменитѣйшая изъ этихъ поэмъ воспѣваетъ вѣрность друга Ричарда, пѣвца Блонделя, отыскавшаго, послѣ долгихъ странствованій и поисковъ, темницу короля, проникшаго къ нему переодѣтымъ и содѣйствовавшаго его освобожденію. Англичане послали въ Германію депутацію, королева мать осаждала папу просьбами о заступничествѣ, вела съ нимъ дѣятельную переписку, и Целестинъ, дѣйствительно, дѣлалъ всевозможное въ пользу Ричарда.

Но Генрихъ былъ непреклоненъ. Наконецъ самъ Ричардъ наскучилъ плѣномъ и, вступивъ въ переговоры, условился заплатить за свое освобожденіе громадную для того времени сумму, полтораста тысячъ марокъ, изъ которыхъ императоръ долженъ былъ удѣлить герцогу Леопольду двадцать тысячъ. По постановленіямъ феодальнаго права, выкупъ должны были заплатить англійское рыцарство и духовенство, и они выполнили это съ готовностью, изумившею нѣмцевъ. Всѣ классы народа были обложены огромными податями, церковные сосуды были расплавлены для обращенія въ монету, и даже съ гробницъ святыхъ было взято все серебро и золото. Сторговавшись между собою, Ричардъ и Генрихъ сдѣлались друзьями, императоръ подарилъ Ричарду королевство арелатское, а Ричардъ не задумываясь призналъ Англію леномъ императора, будучи, вѣроятно, убѣжденъ, что Генрихъ такъ же мало будетъ въ состояніи пользоваться своимъ правомъ на Англію, какъ онъ самъ подареннымъ ему королевствомъ, только титулъ котораго принадлежалъ германскому императору. Впрочемъ, ни тотъ, ни другой, повидимому, не придавали этимъ пустымъ церемоніямъ больше значенія, чѣмъ онѣ заслуживали. Въ концѣ 1193 года Генрихъ получилъ часть выкупа, слѣдовавшую ему, по договору, впередъ, но тѣмъ не менѣе не выпускалъ Ричарда, такъ какъ Филиппъ Августъ и братъ Ричарда, Іоаннъ, желавшій завладѣть престоломъ, обѣщали ему еще бо́льшую сумму, если онъ задержитъ плѣнника. Но тогда подняли ропотъ приверженцы Вельфовъ, а имперскіе князья, участвовавшіе въ заключеніи договора, стали рѣзко упрекать императора въ алчности и вѣроломствѣ, и Генрихъ, волею, и неволею, долженъ былъ освободить Ричарда (февраль 1194 г.).

Добытыя отъ англичанъ деньги послужили императору для новаго похода въ Италію, въ которомъ нѣмцы, какъ нація, отказались принимать участіе. Обстоятельства благопріятствовали успѣху предпріятія. Генрихъ Левъ состарился и жилъ въ уединеніи, гдѣ и умеръ, годъ спустя (1195 г.), а сынъ его, Генрихъ, нуждался въ расположеніи императора; наконецъ, по особенному счастью, въ февралѣ 1194 г. умеръ единственный опасный противникъ, Танкредъ Сицилійскій, оставивъ несовершеннолѣтняго сына. Для скораго и легкаго покоренія Неаполя и Сициліи императору не доставало только флота; но онъ досталъ его такъ же просто какъ и деньги, обманувъ генуэзцевъ и пизанцевъ, бывшихъ въ то время могущественнѣе всѣхъ на морѣ. Онъ надѣлилъ ихъ столь обширными правами и привилегіями и надавалъ такихъ обѣщаній, что они уже изъ одного этого могли видѣть, какъ мало думалъ онъ объ исполненіи обѣщаннаго. Пизанцамъ онъ еще въ предшествовавшемъ году обѣщалъ доступъ въ среднюю Италію, безпошлинную торговлю по всему государству, третью часть сокровищъ Танкреда и многое въ томъ же родѣ. Генуэзцамъ же прямо объявилъ, что предпринимаетъ походъ противъ Сициліи, единственно ради чести, а по окончаніи его отдастъ имъ весь островъ. Ослѣпленные своею алчностью, торговцы забыли, что выполнить эти обѣщанія, или нѣтъ, было въ его власти, и что онъ, пользуясь вѣчною враждою между обоими городами, легко могъ лишить одного посредствомъ другаго всѣхъ дарованныхъ ему правъ. Они помогли ему въ походѣ противъ Неаполя и Сициліи (1194 г.) всѣми своими морскими силами. Генрихъ, имѣя за себя, сверхъ того, права жены и значительное войско, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ овладѣлъ норманнскимъ королевствомъ и обезчестилъ свое счастье возмутительными произволомъ и варварствомъ. Молодому сыну Танкреда онъ выкололъ глаза и отослалъ со всѣмъ семействомъ, въ Германію. Множество знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, подъ предлогомъ дѣйствительнаго или вымышленнаго заговора, было схвачено и казнено со страшною жестокостью. Заслуженному адмиралу Маргаритоне, нѣкогда взявшему въ плѣнъ Констанцію, выкололи глаза; другихъ сажали на колъ, жгли, сдирали кожу и зарывали живыми въ землю. Генрихъ не оставилъ въ покоѣ даже могилъ Танкреда и его отца и велѣлъ разрыть ихъ, чтобы снять съ труповъ короны. Одинъ итальянскій историкъ того времени называетъ Генриха вторымъ Нероном; но за то одинъ изъ мухаммеданскихъ владѣтелей въ Африкѣ прислалъ ему дары изъ уваженія къ тому, что въ восточныхъ государствахъ называется энергіей. Огромная добыча, взятая тогда Генрихомъ и его войскомъ, свидѣтельствуетъ объ изумительной роскоши и богатствѣ сицилійцевъ того времени и процвѣтаніи торговли и промышлености, которыми островъ былъ обязанъ своему, замѣчательно гу-

стому населенію. Эти сокровища, наполнившія кладовыя Трифельса, составляютъ разительный контрастъ съ нѣмецкою бѣдностью. Дѣйствительно, при сынѣ Генриха, обладаніе Неаполемъ и Сициліей придало Гогенштауфенамъ болѣе могущества и блеска, чѣмъ всѣ остальныя, несравненно обширнѣйшія владѣнія. Отправляясь въ Германію, Генрихъ оставилъ въ южной Италіи Констанцію съ недавно родившимся сыномъ, будущимъ императоромъ Фридрихомъ II. Но, какъ будто желая сдѣлать нѣмецкое владычество особенно ненавистнымъ для сицилійцевъ, поручилъ управленіе королевствомъ епископу гильдесгеймскому, человѣку, не понимавшему, да и совершенно неспособному понимать характеръ смѣшаннаго и, подобно всѣмъ южнымъ европейскимъ народамъ, раздражительнаго и подвижнаго населенія. Въ сѣверной Италіи онъ назначилъ намѣстникомъ Тосканы брата своего. Филиппа, которому далъ потомъ герцогство швабское и котораго женилъ на вдовѣ старшаго сына Танкреда, дочери греческаго императора Исаака Ангела. Генуезцевъ, какъ уже выше сказано, онъ наградилъ за помощь по своему, объявивъ имъ исполненіе обѣщанія рѣшительно невозможнымъ и, во время ихъ раздоровъ съ пизанцами, отнявъ у нихъ и тѣ права, которыми они до того пользовались въ Сициліи.

Задобривъ вывезенными изъ Италіи сокровищами бѣдную деньгами нѣмецкую аристократію, Генрихъ заставилъ ее избрать своимъ преемникомъ только что родившагося и еще не крещеннаго сына (1196 г.) и вслѣдъ затѣмъ надулъ множество народа самою мастерскою штукою своей хитрой, себялюбивой политики. Въ то время, во всѣхъ частяхъ государства было возбуждено самое пламенное участіе къ судьбамъ Палестины, и граждане, рыцари и князья наперерывъ стремились къ новому крестовому походу. Генрихъ рѣшился воспользоваться этимъ энтузіазмомъ для подавленія возстанія, вспыхнувшаго въ Апуліи вскорѣ по его отъѣздѣ. Дѣлая видъ, будто самъ желаетъ принять участіе въ крестовомъ походѣ, Генрихъ убѣдилъ крестоносцевъ отправиться въ Апулію, соединиться тамъ и оттуда ѣхать моремъ въ Палестину, на приготовленныхъ имъ корабляхъ. По прибытіи въ Апулію, онъ воспользовался крестоносцами для подавленія возстанія, и затѣмъ отправилъ ихъ на Востокъ; самъ же остался въ неаполитанскомъ королевствѣ, съ которымъ и на этотъ разъ обошелся, какъ съ завоеванной страной. Съ неслыханнымъ звѣрствомъ наказывалъ онъ знать за такъ называемыя политическія преступленія; въ Капуѣ, онъ велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту и гонять въ такомъ положеніи по улицамъ города зятя Танкреда, графа Ричарда Ачерру, и послѣ того повѣсить его за ноги, чтобъ продлить мученія. Эти варварскіе поступки не только сдѣлали его ненавистнымъ для подданныхъ, но и разсорили его съ женою; отношенія къ ней, если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ, перешли даже въ явную вражду. Утвердиться въ Неаполѣ и править имъ среди такихъ обстоятельствъ было тѣмъ затруднительнѣе, что королевство давно уже находилось въ положеніи, при которомъ самому лучшему правителю едва ли было возможно сохранить тишину и порядокъ. При обоихъ предшественникахъ Танкреда, придворныя смуты почти не прерывались, а продолжительное царствованіе Вильгельма II уничтожило всякій порядокъ. Танкредъ имѣлъ всѣ качества хорошаго государя, но управлялъ слишкомъ мало времени, чтобъ исправить все зло, сдѣланное его предшественниками. Въ Сициліи, гдѣ населеніе состояло изъ смѣси самыхъ безпокойныхъ націй, господствовали сильнѣйшія распри, а апулійцы, по выраженію одного изъ лучшихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, были самымъ ненадежнымъ народомъ, не имѣвшимъ ни мужества, ни силы на войнѣ и не могшихъ оставаться спокойнымъ среди мира, а между тѣмъ стремившимся къ необузданной свободѣ. Въ такомъ положеніи, нѣмцы, облеченные полною властью въ чужой землѣ, не могли, да и не хотѣли управлять иначе, какъ мечомъ и кнутомъ. Звѣрство и жестокость съ одной стороны, ненависть и ожесточеніе съ другой росли со дня на день. Они уже достигли высшей степени, какъ вдругъ Генрихъ, напившись чего-то холоднаго, заболѣлъ въ Мессинѣ и умеръ 32 лѣтъ отъ роду (сентябрь 1197 г.). Сыну его еще не было трехъ лѣтъ, и потому Констанція осталась, по закону, правительницею своего родоваго королевства. Желая успокоить скорѣе волненіе и полагаясь больше на своихъ соотечественниковъ, чѣмъ на нѣмцевъ, она прежде всего велѣла толпамъ нѣмецкихъ чиновниковъ и солдатъ удалиться изъ Неаполя и Сициліи. Они вернулись въ Германію, нагруженные до-

бычею и зараженные пороками, и, благодаря имъ, цѣлыя страны и цѣлыя сословія были зачумлены нравами, усвоенными въ богатой и цвѣтущей землѣ. Они же распространили, безъ сомнѣнія, не имѣвшій никакого основанія, слухъ, будто Генрихъ отравленъ Констанціей. Эти люди имѣли такое же воинственное настроеніе, какъ войска Филиппа II Македонскаго и его сына Александра Великаго, легіоны Цезаря, преторіанцы императоровъ, солдаты Валенштейна и бонапартисты нашего времени, и подобно послѣднимъ сообщили свой образъ мыслей цѣлой націи. Поэтому мы не должны удивляться, встрѣчая между нѣмецкими писателями того времени тѣ же явленія, какія теперь видимъ между французскими. Оттонъ фонъ Санкт-Блазіенъ, человѣкъ, которому надо вѣрить больше, чѣмъ кому-либо изъ писателей той эпохи, судитъ о Генрихѣ не съ нравственной, а съ политической точки зрѣнія и видитъ въ немъ только нѣмца, отстаивавшаго и поднявшаго національную честь. «Во вѣки, говоритъ онъ между прочимъ, будутъ сожалѣть всѣ народы Германіи о ранней кончинѣ императора; потому что Генрихъ не только обогатилъ свое отечество сокровищами другихъ странъ и своимъ военнымъ могуществомъ сдѣлалъ его страшнымъ для всѣхъ сосѣднихъ народовъ, но на вѣчныя времена сдѣлалъ бы свой народъ первымъ въ мірѣ и возстановилъ древній блескъ государства, еслибъ не помѣшала ему слишкомъ ранняя кончина.»

Смерть Генриха VI произвела большія перемѣны въ Германіи и Италіи. Спустя три мѣсяца, умеръ папа Целестинъ III, и папскій престолъ занялъ одинъ изъ величайшихъ людей, провидѣвшихъ церковью, Иннокентій III, еще бывшій тогда въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ тотчасъ уничтожилъ верховное господство императоровъ надъ Римомъ (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже), составилъ сильный союзъ тосканскихъ городовъ и принудилъ Констанцію не только отказаться отъ правъ, данныхъ папами прежнимъ сицилійскимъ королямъ, но и предоставить папскому престолу верховное господство надъ королевствомъ и опеку надъ сыномъ. Итальянцы также воспользовались тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, чтобъ сбросить нѣмецкое иго. Братъ Генриха, Филиппъ Швабскій, отправившійся за молодымъ Фридрихомъ, чтобъ привезти его въ Германію для коронованія, и уже доѣхавшій до Тосканы, не смѣлъ ѣхать далѣе. Такимъ образомъ молодой принцъ остался у матери въ Сициліи и потерялъ права, признанныя за нимъ германскимъ народомъ. Противъ него поднялись заклятые враги гогенштауфенскаго дома, архіепископы трирскій и кёльнскій, а дядя его, Филиппъ, не смотря на свою добросовѣстность, не имѣлъ довольно значенія, чтобъ отстоять права племянника. Прежде чѣмъ Филиппъ воротился въ Германію и былъ признанъ приверженцами своего дома правителемъ государства, его противники приступили къ избранію новаго императора. Выборъ ихъ палъ сначала на Бертольда V, герцога цериигенскаго; но императорское достоинство показалось ему слишкомъ дорогимъ, и онъ охотно уступилъ его Филиппу за одинадцать тысячъ марокъ изъ трифельскихъ сокровищъ. Тогда Вельфы избрали императоромъ втораго сына Генриха Льва, Оттона IV, братъ котораго, пфальцграфъ Генрихъ, участвовалъ въ то время въ крестовомъ походѣ. Оттонъ еще прежде получилъ отъ дяди своего Ричарда Львиное Сердце, графство іоркское, а когда англичане не захотѣли, чтобъ онъ имъ владѣлъ, графство Пуату; тогда же Ричардъ послалъ въ Германію денегъ, чтобъ поддержать его избраніе. Этотъ выборъ принудилъ Филиппа измѣнить систему дѣйствій, и онъ рѣшился уже не отстаивать правъ племянника, а, согласно требованію друзей, взять корону для себя. Было очевидно, что споръ о престолѣ долженъ рѣшиться войною, а въ этомъ случаѣ во главѣ гогенштауфенскаго войска непремѣнно долженъ былъ стоять государь. По этимъ соображеніямъ Филиппъ принялъ предложенное своей партіей императорское достоинство и былъ коронованъ однимъ итальянскимъ архіепископомъ въ Майнцѣ, архіепископъ котораго находился тогда въ крестовомъ походѣ; при этомъ случаѣ папскій легатъ снялъ съ него отлученіе отъ церкви, которому онъ былъ подвергнутъ за какой-то насильственный поступокъ въ Италіи. Оттонъ же былъ коронованъ въ Ахенѣ архіепископомъ кёльнскимъ, то есть тамъ, гдѣ слѣдовало, и тѣмъ, кому слѣдовало. Сверхъ того онъ имѣлъ за себя согласіе папы, неодобрявшаго распоряженія легата. Оттонъ былъ признанъ Вестфаліей и нижне-рейнскими провинціями, а за Филиппа объявили себя южная и восточная Германія. На его же сторонѣ было большинство имперскихъ князей, и кромѣ того, владѣя

трифельскими сокровищами, онъ имѣлъ болѣе средствъ для веденія войны, чѣмъ Оттонъ.

Германія страшно пострадала во время борьбы двухъ партій. Съ самаго начала Боннъ и другіе города кёльнскаго епископства, а также вся страна по берегамъ Мозеля были опустошены; въ то же время война свирѣпствовала въ Веттерау и Бергштрассе. Вскорѣ неурядица достигла высшей степени въ странѣ, гдѣ не было ни судей, ни права, а къ довершенію несчастья, умеръ Конрадъ Майнцскій, вернувшійся изъ Палестины и старавшійся прекратить вражду (1200 г.). Его смерть усилила раздоръ, такъ какъ каждая партія назначала своего епископа. Послѣ многолѣтней борьбы, перевѣсъ началъ рѣшительно склоняться на сторону Филиппа, и даже папа началъ съ нимъ переговоры. Иннокентію было рѣшительно все равно, къ какому дому будетъ принадлежать императоръ; онъ думалъ только о томъ, какъ бы выгнать нѣмцевъ изъ Италіи и, вопреки вормсскому конкордату (т. II стр. 622), распространить свое вліяніе на церковныя дѣла въ Германіи. Филиппъ согласился отстранить майнцскаго архіепископа, выбраннаго его партіей, обѣщалъ выдать дочь за одного изъ папскихъ племянниковъ, и Иннокентій явился посредникомъ и судьей между императорами (1206 г.), къ великому изумленію Оттона, только что получившаго помощь отъ своего дяди, англійскаго короля Іоанна. Папа послалъ въ Германію двухъ кардиналовъ, чтобъ убѣдить Оттона сложить съ себя корону; но когда онъ съ неудовольствіемъ отвергъ всѣ предложенія, сдѣланныя въ этомъ духѣ, то Иннокентій, сбросивъ маску, объявилъ себя за Филиппа и торжественно снялъ съ него отлученіе. Это дало дѣлу рѣшительный оборотъ, и, безъ сомнѣнія, побѣда осталась бы за Гогенштауфенами, еслибъ въ слѣдующемъ году (1208 г.) Филиппъ не былъ убитъ въ Бамбергѣ пфальцграфомъ Оттономъ фонъ Виттельсбахомъ, племянникомъ Виттельсбаха, получившаго отъ Фридриха Барбароссы Баварію. Такимъ образомъ императоръ Оттонъ остался безспорнымъ обладателемъ государства. Филиппъ палъ жертвою частной мести. Онъ обѣщалъ отдать дочь свою за пфальцграфа Оттона фонъ Виттельсбаха и не сдержалъ слова. Что потомъ произошло между ними и что побудило Оттона къ убійству, неизвѣстно. Разсказываютъ, хотя, повидимому безъ малѣйшаго основанія, что когда Оттонъ посватался за другую принцессу, Филиппъ далъ ему письмо къ отцу дѣвицы, въ которомъ описывалъ пфальцграфа человѣкомъ буйнаго нрава; Оттонъ, по подозрѣнію, вскрылъ письмо и, узнавъ его содержаніе, рѣшился убить Филиппа. По древнему обычаю, для произнесенія приговора надъ нимъ составленъ былъ особый судъ, опредѣлившій изгнать его изъ предѣловъ государства, конфисковать его имѣнія и срыть его родовый замокъ. Преслѣдуемый совѣстью и приговоромъ, онъ долго бродилъ безъ крова и пристанища, пока, наконецъ, не былъ пойманъ императорскимъ маршаломъ и казненъ. Однако черезъ десять лѣтъ его родные добились того, что трупъ его былъ погребенъ съ почестью. Кромѣ Оттона фонъ Виттельсбаха, родъ котораго былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ въ Германіи, въ убійствѣ Филиппа участвовали и другіе князья, хотя, для чести націи, это старались скрыть. Намъ извѣстны только двое изъ участниковъ: епископъ Экбертъ Бамбергскій, съ братомъ, и маркграфъ Генрихъ Андехскій; первый изъ нихъ былъ смѣщенъ, а второй изгнанъ.

Только по убіеніи Филиппа, Оттонъ признанъ императоромъ противною партіею и папою, и чтобъ упрочить свою власть, женился на дочери Филиппа, Беатрикѣ. До чего было необходимо покончить распрю и неурядицу, можно видѣть изъ отзыва современника Оттона фонъ Санктъ Блазіенъ о войскахъ Филиппа. По смерти императора они разошлись по домамъ, неся съ собой пожары и опустошенія; они дѣйствовали на родинѣ, какъ дикіе разбойники, грабили и жгли города, обкрадывали деревни и монастыри и сдѣлали дороги до того опасными, что не было возможности путешествовать безъ оружія и сильнаго конвоя.

5. Англія и Франція въ концѣ двѣнадцатаго и въ началѣ тринадцатаго столѣтій.

Ричардъ Львиное Сердце, отправляясь въ Палестину, предоставилъ вліяніе на управленіе, изъ всѣхъ родныхъ, только старой своей матери, Элеонорѣ, но не сдѣлалъ и ее правительницей государства. Ближайшими родственниками его были: братъ Іоаннъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Безземельнаго (Lackland), вѣроятно, потому, что при смерти отца не имѣлъ лена, а быть можетъ, и вслѣдствіе отрѣшенія его отъ престола папою; малолѣтній сынъ его брата Готтфрида, Артуръ Бретанскій, и два побочныхъ брата, изъ которыхъ одинъ, Вильгельмъ Длинный Мечъ, владѣлъ графствомъ Салисбёри, а другой, Готтфридъ, былъ духовнымъ. Брата своего, Іоанна, Ричардъ тотчасъ по смерти отца щедро надѣлилъ графствомъ и помѣстьями, но не счелъ благоразумнымъ позволить ему въ свое отсутствіе управлять государствомъ, а напротивъ, взялъ съ него обѣщаніе удалиться на три года изъ Англіи во французскія провинціи. Управленіе государствомъ онъ поручилъ двумъ епископамъ: своему любимцу, епископу элійскому Вильгельму Лоншану и епископу Гуго Дергэмскому. Первый, человѣкъ властолюбивый и склонный къ насилію, скоро оттѣснилъ своего сотоварища и сталъ управлять государствомъ до того произвольно, что возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Это дало поводъ Іоанну, которому Ричардъ позволилъ остаться въ Англіи, вмѣшаться въ государственныя дѣла, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Англіи не было матери, предпринявшей, не смотря на свои годы, дальное путешествіе въ Новару за невѣстою Ричарда, Беренгаріею, чтобъ отвезти ее въ Сицилію. Лоншанъ не хотѣлъ дозволить вернуться въ Англію родному брату Ричарда, Готтфриду, удаленному изъ отечества за безпокойный характеръ и избранному тогда въ архіепископы іоркскіе; онъ не обращалъ вниманія на требованія папы и духовенства и, когда Готтфридъ пріѣхалъ въ Англію, велѣлъ схватить его. Тогда общее негодованіе разразилось: дворянство и духовенство поднялись, а Іоаннъ сталъ во главѣ ихъ и, изгнавъ ненавистнаго правителя, занялъ его мѣсто.

Этотъ переворотъ совершился, повидимому, не безъ согласія короля; по крайней мѣрѣ, какъ только дошло въ Мессину извѣстіе о насильственныхъ дѣйствіяхъ любимца, онъ поручилъ архіепископу руанскому произвести надъ нимъ слѣдствіе. Но вскорѣ дѣйствія Іоанна показали, что онъ подкапывается подъ власть брата. Прежде всего онъ вошелъ въ сношенія съ Филиппомъ Августомъ, просилъ руки его сестры и, вѣроятно, воспользовался бы предложеніемъ Филиппа нарушить права брата и объявить своимъ леномъ англійскія провинціи во Франціи, если бы ему не помѣшала мать. Не успѣвъ въ этомъ, онъ началъ переговоры съ Лоншаномъ и, надѣясь съ его помощью, достичь всего, хотѣлъ вернуть изъ изгнанія этого ненавидимаго всѣми человѣка, низложеніе котораго нѣкогда ставилось ему въ заслугу. Друзья всѣми силами старались отклонить его отъ опаснаго намѣренія, но онъ только тогда уступилъ ихъ просьбамъ, когда они подкрѣпили ихъ значительною денежною суммою. Наконецъ, во время плѣна Ричарда, онъ заключилъ формальный союзъ съ его непримиримымъ врагомъ, Филиппомъ Августомъ, принялъ отъ него въ ленъ всѣ англійскія владѣнія во Франціи и хотѣлъ силою заставить присягнуть себѣ вассаловъ, оставшихся вѣрными Ричарду. Въ тоже время, вмѣстѣ съ Филиппомъ Августомъ, онъ предлагалъ германскому императору значительную сумму, съ тѣмъ чтобъ тотъ не выпускалъ изъ плѣна Ричарда. Однако Ричардъ спасся, какъ было сказано выше, отъ алчности императора и вѣроломства брата. Возвратясь въ Англію (1194 г.), онъ предалъ Іоанна суду пэровъ и объявилъ его лишеннымъ леновъ и права на наслѣдіе престола. Тогда Іоаннъ постыдно покинулъ бывшихъ своихъ союзниковъ, даже умертвилъ французовъ, присланныхъ ему на помощь Филиппомъ, и, цѣною подлой измѣны, возвратилъ себѣ всѣ имѣнія и права Онъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобъ быть опаснымъ для Ричарда, и слишкомъ жалокъ, чтобъ быть имъ ненавидимымъ.

Тотчасъ по возвращеніи, Ричардъ началъ съ Франціей войну, длившуюся нѣсколько лѣтъ и неимѣвшую другихъ результатовъ, кромѣ убійствъ и опустошенія. Она была тѣмъ гибельнѣе для Франціи, что въ то же время война за наслѣдство графини нарбоннской, Эрменгарды, опустошала южныя провинціи. Эта замѣчательная женщина въ теченіе пятидесяти лѣтъ съ необыкновеннымъ умомъ управляла своими владѣніями, сама предсѣдательствовала въ судахъ и даже предводительствовала въ сраженіяхъ вассалами; особенно прославилась она тѣмъ, что ея блестящій дворъ былъ сборнымъ мѣстомъ трубадуровъ и что при немъ происходили поэтическіе суды любви(т. II стр. 625). Въ 1192 г. она удалилась въ Арагонію, гдѣ и умерла черезъ два года, подаривъ свои владѣнія Петру де Лара, у котораго ихъ началъ оспаривать графъ Фуа и каркассонскій и его сюзеренъ, графъ тулузскій. Петръ нашелъ помощь у арагонскаго короля Альфонса II и нѣсколько лѣтъ воевалъ съ противниками, причемъ владѣнія Эрменграды были страшно разорены. Въ то время, какъ югъ терпѣлъ такія бѣдствія, на сѣверѣ шла опустошительная война между Ричардомъ и Филиппомъ Августомъ, изрѣдка, когда истощалось терпѣніе вассаловъ, прерываемая кратковременными перемиріями. Этими промежутками оба короля пользовались для того, чтобъ, правдою и неправдою, поправлять разстроенные финансы. Ричардъ установилъ въ 1194 г. налогъ на каждый турниръ, а въ 1196 г. своими притѣсненіями произвелъ въ Лондонѣ возстаніе. Филиппъ точно также тѣснилъ подданныхъ всевозможными налогами и повинностями, позволилъ, къ отчаянію французовъ, за огромныя деньги, изгнаннымъ евреямъ вернуться во Францію, и вообще не отступалъ ни передъ чѣмъ, когда нужны были деньги. Болѣе продолжительнѣе перемиріе было заключено тогда, какъ взялись за дѣло уполномоченные Иннокентіемъ III, Фулькъ де Нёльи и Петръ Капуанскій, старавшіеся организовать новый крестовый походъ. Стараніями этихъ двухъ монаховъ былъ заключенъ, въ январѣ 1199 г., за три мѣсяца до смерти Ричарда, пятилѣтній миръ. Ричардъ умеръ, какъ жилъ. Обнаруживая въ послѣднее время, какъ и во всю жизнь, такую же смѣсь великодушія, дикаго одушевленія, высокомѣрія, грубости и варварства, онъ погибъ въ то время, когда изъ алчности воевалъ противъ одного вассала, отъ руки человѣка, отца и братьевъ котораго онъ умертвилъ. Этотъ человѣкъ смертельно ранилъ его во время штурма одного изъ городовъ вассала. Умирая, Ричардъ велѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ, а убійцѣ, въ припадкѣ великодушія, даровалъ жизнь и свободу. О Ричардѣ жалѣли его храбрые, но дикіе и жестокіе воины, потерявшіе въ немъ заботливаго отца и славнаго предводителя; но еще болѣе сожалѣло о немъ братство рыцарей-пѣвцовъ, къ которому онъ принадлежалъ; пѣсни, въ которыхъ они оплакиваютъ его смерть, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ провансальской поэзіи.

Смерть Ричарда дала хитрому Филиппу значительный перевѣсъ надъ Англіей. Ричардъ не оставилъ дѣтей, и ему наслѣдовалъ Іоаннъ Безземельный, не имѣвшій ни ума, ни храбрости, ни правилъ, ни добродѣтели. Къ тому же англичане еще прежде ненавидѣли его, а его первыя правительственныя дѣйствія были далеко не таковы, чтобъ изгладить это чувство. Противъ него возсталъ его племянникъ, графъ Артуръ Бретанскій, вмѣстѣ съ вассалами Анжу, Мэна и Турени, такъ какъ, по обычаю этихъ странъ, сынъ старшаго брата считался болѣе близкимъ наслѣдникомъ, чѣмъ младшій братъ. Филиппъ Августъ призналъ Артура законнымъ наслѣдникомъ англійскихъ владѣній во Франціи, и по этому поводу между Англіей и Франціей началась война. Но Филиппъ, между тѣмъ, разсорился съ папой, а Іоанну хотѣлось покончить счеты по наслѣдству съ сыномъ своей сестры, германскимъ императоромъ Оттономъ IV. Такимъ образомъ обоимъ было выгодно прекратить войну, и, дѣйствительно, черезъ годъ (1200 г.) они заключили миръ, по которому Іоаннъ былъ признанъ владѣтелемъ всѣхъ англійскихъ леновъ во Франціи, а взамѣнъ того обязался не помогать императору Оттону противъ союзника и друга Филиппа Августа, Гогенштауфена Филиппа. Такимъ образомъ Артуръ остался, по этому договору, при одной Бретани и становился вассаломъ дяди, но по особенной статьѣ договора французскій король оградилъ его отъ произвола Іоанна и взялъ подъ свою защиту. Заключивъ миръ, Іоаннъ хотѣлъ отмстить отпавшимъ отъ него во время войны вассаламъ Пуату и для того прибѣгнулъ къ судебному процессу, обнаружившему его ковар-

ство и безсиліе, такъ какъ подъ личиною и формою законности онъ скрывалъ величайшую несправедливость. Вмѣнивъ вассаламъ въ измѣну помощь, которую нѣкогда они оказали ему противъ отца, онъ потребовалъ ихъ къ суду; а какъ однимъ изъ судебныхъ доказательствъ былъ поединокъ, то онъ подобралъ значительное число бойцовъ, противъ которыхъ обвиненные, по всей вѣроятности, не остояли бы. Но вассалы отказались явиться на судъ, утверждая, что подобному обвиненію могъ подвергнуть ихъ отецъ Іоанна, а никакъ не онъ: они дѣйствовали дружно и настойчиво, и потому Іоаннъ долженъ былъ отказаться отъ процесса. Вслѣдъ за тѣмъ, побуждаемый страстью, онъ совершилъ почти неслыханное дѣло, похитивъ невѣсту одного изъ самыхъ знатныхъ своихъ вассаловъ во Франціи, и обвѣнчался съ нею. Чтобъ понять неприличіе подобнаго поступка, нужно вспомнить, что отношенія сюзерена къ вассалу были почти такія же, какъ отца къ сыну. Какъ бы по данному знаку поднялось тогда большинство французскихъ вассаловъ; Филиппъ Августъ, какъ верховный сюзеренъ, взялъ ихъ сторону; Альбертъ Бретанскій присоединился къ возставшимъ. Іоаннъ выступилъ противъ союзниковъ и въ этой войнѣ, въ первый и единственный разъ въ жизни, былъ необыкновенно счастливъ. Но и самое счастье было для него пагубно, потому что онъ осквернилъ его отвратительнымъ поступкомъ. У замка Мирабеля онъ разбилъ на голову противниковъ и взялъ въ плѣнъ знатѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Артура, и умертвилъ его (1202 г.). Какимъ именно образомъ былъ убитъ Артуръ, оскорбившій, впрочемъ, дядю, неизвѣстно. По однимъ, самымъ враждебнымъ историкамъ, Іоаннъ убилъ его собственноручно, а по другимъ,—приказалъ убить его своему оруженосцу, котораго за эту услугу наградилъ рукою наслѣдницы бароніи Мульгревъ. Этотъ позорный поступокъ доставилъ Филиппу Августу рѣшительный перевѣсъ надъ нимъ. Французскій король, какъ сюзеренъ Іоанна, потребовалъ его къ суду и при этомъ или приговорилъ его за неявку къ лишенію всѣхъ леновъ во Франціи, или же, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ отъ него отпали и даже англійскіе вассалы отказались слѣдовать за нимъ во Францію, началъ процессъ конфискаціей имѣній. Въ теченіе двухъ лѣтъ Филиппъ занялъ всѣ владѣнія Іоанна въ южной и западной Франціи, и наконецъ отнялъ у него даже Нормандію. Іоаннъ спокойно смотрѣлъ изъ Англіи на успѣхи противника, тѣснилъ и мучилъ подданныхъ и проводилъ время въ распутствѣ. Наконецъ онъ, повидимому, рѣшился предпринять что-то, но, едва вступивъ во Францію и предавъ огню одинъ городъ, вернулся въ Англію и заключилъ миръ, по которому изъ всѣхъ своихъ владѣній во Франціи удержалъ только наслѣдственныя земли матери (1206 г.).

Утративъ всякое уваженіе подданныхъ своимъ жалкимъ образомъ дѣйствій въ войнѣ противъ Филиппа Августа, Іоаннъ почти въ то же время началъ распрю съ папою Иннокентіемъ III. Этотъ раздоръ былъ лично для него источникомъ всевозможныхъ несчастій; но англичане обязаны ему основаніями государственнаго устройства, развившагося и выработавшагося у нихъ съ теченіемъ времени. Въ 1205 году возникъ сильный споръ по поводу избранія новаго архіепископа кентербёрійскаго. Августинскіе монахи, составлявшіе контербёрійскій причтъ, приступили къ избранію, не пригласивъ на выборы викарныхъ епископовъ; но при этомъ разсорились между собой: одни изъ нихъ выбрали втораго настоятеля своего монастыря, а другіе рекомендованнаго королемъ епископа норвичскаго. Съ согласія Іоанна рѣшеніе спора предоставили папѣ и послали въ Римъ депутацію изъ четырнадцати монаховъ, съ которыхъ Іоаннъ предварительно взялъ клятвенное обѣщаніе поддерживать его кандидата. Иннокентій съумѣлъ, однако, измѣнить образъ мыслей депутатовъ, такъ что они, не обращая вниманія на избирательныя права своихъ собратій, допустили папу самовластно поставить архіепископомъ кентербёрійскихъ жившаго въ Римѣ англичанина Стефана Ленгтона (1207 г.). Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ страшно разгнѣвался и, по обыкновенію деспотовъ, заставилъ вмѣстѣ съ виновными страдать и невинныхъ. Отмѣнивъ сдѣланный въ Римѣ выборъ, онъ запретилъ депутатамъ возвращаться въ Англію, выгналъ собратій ихъ изъ монастыря, завладѣлъ доходами епископства и отдалъ его имѣнія въ управленіе свѣтскимъ вассаламъ. Иннокентій долго старался склонить Іоанна къ отмѣнѣ этого рѣшенія, но, видя, что король упорствуетъ, наложилъ на Англію интердиктъ (мартъ 1208 г.). Эти мѣры, по всей вѣроятности, оста-

лись бы безъ послѣдствій, если бы тиранство Іоанна не поставило всего англійскаго духовенства въ необходимость искать у папы защиты противъ свѣтской власти. Поэтому интердиктъ соблюдался духовенствомъ со строгостью, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ въ Англіи не совершалось богослуженія и церковныхъ требъ. Іоаннъ жестоко преслѣдовалъ духовенство за его упорство: изгонялъ епископовъ, сажалъ ихъ въ темницы, отнималъ церковныя имѣнія и однажды освободилъ отъ суда одного обвиненнаго въ убійствѣ священника, говоря, что всякій, убившій духовное лицо, его другъ.

Такъ какъ папа грозилъ гораздо опаснѣйшимъ отлученіемъ отъ церкви и разрѣшеніемъ подданныхъ отъ присяги, то Іоаннъ старался принять мѣры, чтобъ быть въ состояніи сопротивляться. Онъ окружилъ себя наемниками, бралъ у вассаловъ въ заложники дѣтей, налагалъ обременительныя подати и простеръ свой деспотизмъ до того, что преслѣдовалъ и наказывалъ за всякое сопротивленіе, не обращая вниманія на законъ и право. При этомъ онъ до крайности злоупотреблялъ и безъ того уже невыносимыми законами о лѣсахъ и охотѣ; приказалъ срубить загороди у королевскихъ лѣсовъ и пустить дичь по всѣмъ землямъ; не позволилъ держать гончихъ собакъ и, наконецъ, запретилъ ловлю птицъ по всей Англіи. Въ 1209 г. онъ началъ войну противъ своего вассала, шотландскаго короля, для того чтобъ взять съ него значительную сумму денегъ, которую раздѣлилъ между своими хищными героями, считавшими Англію своей добычею. Деспотъ преслѣдовалъ даже науки, процвѣтавшія въ то время въ Оксфордѣ; когда однажды онъ постановилъ приговоръ противъ нѣсколькихъ лицъ, принадлежавшихъ къ училищу, всѣ профессора и студенты, числомъ до трехъ тысячъ, ушли изъ города и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Этой тиранiей Іоаннъ лучше всего помогалъ главному своему врагу, папѣ. Иннокентій не торопился и спокойно ждалъ цѣлые годы дѣйствій своего интердикта и королевскихъ преступленій. Но вскорѣ онъ увидѣлъ, что нѣкоторые люди, на которыхъ онъ надѣялся, преклоняются предъ властью, и что даже духовные и ученые—какъ и теперь—готовы были за деньги и награды проповѣдывать міру, такъ называемыя, высшія начала, оправдывающія даже самыя отвратительные поступки. По словамъ этихъ людей, жестокость короля была послѣдовательностью, а нарушеніе имъ правъ—возвышенностью духа, не останавливающейся для достиженія великихъ цѣлей передъ мелочами, страшными только для робкихъ умовъ. Одинъ изъ нихъ, важный духовный, выразилъ этотъ взглядъ въ слѣдующихъ словахъ: «королевская власть есть произведеніе гнѣвнаго божества; государь долженъ править подданными желѣзною рукою, смирять вассаловъ и вельможъ оковами и разбивать всѣхъ, какъ глиняные сосуды.» Слѣдовательно, деспотизмъ англійскаго короля, надъ которымъ папа уже въ 1209 г. произнесъ отлученіе отъ церкви, не имѣлъ недостатка въ защитникахъ: ему помогали искусные и опытные люди, и если онъ впослѣдствіи упалъ такъ низко, то причиною тому было вовсе не могущество папы и господствовавшее суевѣріе, не его собственные жестокость и деспотизмъ, а совершенная ничтожность его характера. Это доказываютъ, между прочимъ, его удачные походы противъ Ирландіи и Уэльса (1210 и 1211 г.). Въ обѣихъ странахъ сопротивленіе было подавлено, воля побѣдителя сдѣлалась закономъ. Въ Ирландіи Іоаннъ обогатился, введя въ обращеніе англійскую монету, а походъ противъ Уэльса онъ предпринялъ только для того, чтобъ наложить пеню на всѣхъ рыцарей, которые не явятся на призывъ. Преслѣдуемые Іоанномъ епископы отправились во Францію, гдѣ Филиппъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями.

Всѣ англійскіе вассалы, ожесточенные деспотизмомъ короля, вошли въ сношенія съ французскимъ королемъ, а папа послѣ долгихъ колебаній рѣшился на крайнюю мѣру. Въ 1212 г., повторивъ отлученіе отъ церкви, онъ объявилъ Іоанна низвергнутымъ съ престола и подарилъ Филиппу Августу королевство, котораго Іоаннъ сдѣлался недостоинъ по своимъ нехристіанскимъ поступкамъ. Разумѣется, это дареніе было только формою, такъ какъ все зависѣло отъ того, будетъ ли Филиппъ въ состояніи поддержать свои права силою оружія. Самъ папа вовсе не имѣлъ намѣренія сдѣлать Англію подвластною французскому королю: это было только средствомъ подчинить Іоанна своей волѣ. Въ предшествовавшемъ году онъ посылалъ въ Англію хитраго кардинала П а н д у л ь ф а, подъ предлогомъ переговоровъ о примиреніи, а въ сущности для того, чтобы

вывѣдать положеніе дѣлъ, и, на основаніи сообщенныхъ Пандульфомъ свѣдѣній, составилъ новый планъ дѣйствій. Разсчетъ его основывался на тогдашнемъ положеніи Англіи и на личности Іоанна. Филиппъ Августъ двинулъ всѣ свои силы въ Нормандію, а Іоаннъ объявилъ поголовное ополченіе и велѣлъ войскамъ собраться къ берегу, запретивъ кораблямъ выходить изъ гаваней. Оба государя грозили каждому, не явившемуся на призывъ, самымъ ужаснымъ изъ средневѣковыхъ наказаній: помѣщеніемъ въ разрядъ такъ называемыхъ вильдфанговъ (т. II стр. 431). Тогда Иннокентій вторично послалъ въ Англію Пандульфа съ двумя тампліерами, чтобы, сообразно своему хитрому плану, побѣдить Іоанна посредствомъ страха. Французскихъ вооруженій Іоанну нечего было опасаться: въ то время Англія могла выставить гораздо больше войска, чѣмъ какая-нибудь другая страна такихъ же размѣровъ, а къ тому же Іоаннъ заключилъ оборонительный союзъ съ графомъ Вильгельмомъ Голландскимъ; сверхъ того, въ Англіи находились въ то время пфальцграфъ Генрихъ, братъ германскаго императора и сенешалъ Оттона IV, съ ихъ вассалами. Но Пандульфъ показалъ презрѣнному и трусливому королю письма тѣхъ изъ его вельможъ, на которыхъ онъ болѣе всего полагался, и указалъ на папу, какъ на единственнаго его защитника противъ его собственныхъ вассаловъ. Это подѣйствовало. Іоаннъ струсилъ. Ему не хотѣлось, чтобы подданные сами заставили его соблюдать законы, и онъ предпочелъ продолжать свою тиранію, сдѣлавшись вассаломъ папскаго престола. Только этимъ объясняется, почему этотъ государь, не будучи оставленъ подданными и не угрожаемый серьезно врагами, подчинился самымъ тяжелымъ условіямъ, предписаннымъ папой (1213 г.). Онъ доженъ былъ не только воротить изгнанныхъ духовныхъ и заплатить значительныя суммы въ вознагражденіе за конфискацію ихъ имѣній, но и принять, съ самыми унизительными церемоніями, свое независимое государство, какъ ленъ отъ папы, обязавшись при томъ платить ему ежегодную дань. Разумѣется, Филиппъ Августъ получилъ отъ папы приказаніе прекратить военныя дѣйствія; но онъ не хотѣлъ, чтобы его приготовленія къ войнѣ остались безплодными, и считалъ обстоятельства слишкомъ благопріятными (какъ увидимъ ниже), чтобъ послушаться Иннокентія. Отвѣтъ, данный имъ папскому легату, отлично обрисовываетъ господствовавшія тогда начала государственнаго права и отношенія королей того времени къ ихъ рыцарямъ. Филиппъ отвѣчалъ, что онъ не признаетъ верховной власти папы надъ Англіей, такъ какъ Іоаннъ вовсе не имѣлъ права подчинять ее ему, потому что ни одинъ король не можетъ обратить своего королевства въ ленъ безъ согласія бароновъ, обязанныхъ защищать государство; если же папа допуститъ подобную несправедливость, то подастъ этимъ весьма дурной примѣръ всѣмъ королямъ.

Совершенно другой исходъ имѣла столь же сильная распря, бывшая прежде у Филиппа Августа съ тѣмъ же самымъ папою и обусловливавшаяся почти тѣми же обстоятельствами. Сравненіе отношеній обоихъ королей къ Иннокентію тѣмъ интереснѣе и поучительнѣе, что въ исторіи мало примѣровъ, доказывающихъ такъ ясно и очевидно, до какой степени ходъ событій зависитъ отъ свойствъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ проявляется одна внѣшняя власть, но даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вопросахъ совѣсти и права. Филиппъ Августъ былъ вовлеченъ по поводу своего супружества въ такой же сильный раздоръ съ Иннокентіемъ, какъ Іоаннъ за избраніе епископа. По понятіямъ того времени, оба государя должны были уступить, или, правильнѣе, согласиться по требованію Рима возстановить попранныя ими начала единственнаго права; но каждаго изъ нихъ борьба привела къ совершенно различнымъ результатамъ. Іоаннъ, потерявъ и честь и значеніе, сдѣлался рабомъ римскаго первосвященника, а Филиппъ не только съумѣлъ сохранить достоинство короля и отстоять свои свѣтскія права отъ всякаго вмѣшательства, но даже расширилъ ихъ, искусно обращая въ свою пользу папское могущество.

По смерти первой жены, Филиппъ, руководясь денежными расчетами, рѣшился вступить во второй бракъ, и подобно тому, какъ нѣкогда его дѣдъ Генрихъ I и германскій императоръ Генрихъ IV изъ такихъ же видовъ женились на русскихъ княжнахъ, — обратился въ Данію, такъ какъ датскій король, по своимъ отношеніямъ къ богатымъ и торговымъ остзейскимъ городамъ, имѣлъ много наличныхъ денегъ, въ которыхъ ему почти вовсе не было нужды. Филиппъ

просилъ руки Ингеборги, сестры датскаго короля Канута VI, и получилъ ее. Бракосочетаніе совершилось въ августѣ 1193 г., но на слѣдующій день, когда новая королева должна была короноваться, король отвергъ ее, подъ предлогомъ неодолимаго отвращенія къ ней, удержавъ однако ея деньги. Въ это время онъ составилъ новый проектъ женитьбы на дочери нѣмецкаго пфальцграфа Конрада (стр. 93), и легко можетъ быть, что это политическое соображеніе на столько же было причиною его страннаго поступка, какъ и непріятное чувство имѣть изъ-за денегъ женою женщину, совершенно необразованную и даже не знавшую его языка. Собравъ епископовъ королевства, онъ приказалъ имъ развести себя, и какъ ни ничтоженъ былъ предлогъ, какъ ни умоляла бѣдная Ингеборга епископовъ защитить противъ Филиппа святость только что совершеннаго таинства, пастыри церкви слишкомъ боялись короля, чтобъ противиться его требованію. Даже когда папа Целестинъ III, у котораго Канутъ просилъ защиты, отдалъ дѣло на пересмотръ собору французскаго духовенства, епископы вели себя, по выраженію одного современнаго писателя, какъ нѣмыя собаки, не смѣвшія лаять, боясь за свою шкуру. Ингеборга не согласилась вернуться въ Данію, и тогда король заключилъ ее въ монастырь, гдѣ съ нею обходились чрезвычайно дурно. Твердый и безстрашный Иннокентій III, сдѣлавшись папою, энергически вступился за несчастную королеву; но ни его представленія, ни убѣжденія возбужденнаго имъ духовенства не имѣли ни малѣйшаго вліянія на Филиппа. Между тѣмъ, дочь пфальцграфа не захотѣла сдѣлаться женой французскаго короля; тогда Филиппъ составилъ планъ новаго брака, который долженъ былъ тѣсно сблизить его съ германскимъ императоромъ, и женился на Маріи Агнесѣ (1196 г.), дочери герцога Бертольда Меранскаго, владѣвшаго прежними вельфскими землями и потому ревностнаго приверженца Гогенштауфеновъ. Иннокентій долго медлилъ приступать къ крайнимъ мѣрамъ, однако, побуждаемый со всѣхъ сторонъ, сдѣлалъ наконецъ рѣшительный шагъ и подвергъ Францію интердикту (1199 г.). Но онъ имѣлъ дѣло не съ Іоанномъ: Филиппъ, принявъ для борьбы съ папою почти тѣже мѣры, какъ и англійскій король, повелъ дѣло совершенно иначе. Онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ всѣхъ духовныхъ, намѣревавшихся выполнить папскій эдиктъ, и конфисковалъ ихъ имѣнія; сверхъ того, раздоръ съ церковью послужилъ ему благовиднымъ предлогомъ къ поборамъ со свѣтскихъ подданныхъ: онъ лишилъ бароновъ, оказавшихся непослушными, части ихъ имѣній и обложилъ города огромными налогами. Наконецъ, когда папа согласился, на извѣстныхъ условіяхъ, признать разводъ и велѣлъ своему легату созвать съ этой цѣлью соборъ, Филиппъ и тогда не захотѣлъ подчиниться предписаніямъ подданныхъ (1201 г.). Внезапно выйдя изъ собранія, онъ взялъ къ себѣ на лошадь находившуюся тутъ Ингеборгу, ускакалъ съ нею въ Парижъ и оставилъ ее при себѣ, но обходился съ нею не лучше прежняго. Впрочемъ, онъ не разошелся и съ Агнесой и до самой ея смерти жилъ открыто съ двумя женами. Пока была жива Марія Агнеса, онъ оставался въ ссорѣ съ папою; но отлученіе отъ церкви не имѣло ни малѣйшаго результата. По смерти Маріи Агнесы (1201 г.) Иннокентій даже призналъ законными обоихъ ея дѣтей. Только черезъ двѣнадцать лѣтъ Филиппъ совершенно сошелся съ несчастною Ингеборгой и обходился съ нею какъ съ женою; но и тогда онъ дѣлалъ это не вслѣдствіе папскихъ увѣщаній, или побужденій долга и чувства, а какъ умный правитель, прислушивавшійся къ голосу народа.

Впослѣдствіи Филиппъ искусно воспользовался противъ Іоанна папской властью, на которую не обращалъ никакого вниманія въ собственныхъ дѣлахъ. Іоаннъ послѣ постыднаго примиренія съ папой поступилъ совершенно согласно съ видами умнаго и энергическаго французскаго короля тѣмъ, что навлекъ на себя новый позоръ. За присягу Иннокентій наградилъ Іоанна обѣщаніемъ поддерживать его противъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ, соединившихся для защиты своихъ правъ, и простилъ часть денегъ, назначенныхъ въ вознагражденіе духовенству. Прямымъ послѣдствіемъ этого было то, что высшее духовенство стало во главѣ недовольныхъ; душою движенія сдѣлался смертельно ненавидимый королемъ архіепископъ кентербёрійскій Ленгтонъ, котораго папа хотѣлъ даже, по просьбѣ Іоанна, исключить изъ духовнаго сословія. Иннокентій положительно заявилъ свое намѣреніе отстаивать короля противъ народа и архіепископа

и приказалъ духовенству, при всякомъ поводѣ къ неудовольствію на короля, не слушая ни чьихъ внушеній, обращаться прямо въ Римъ. Такимъ образомъ Іоаннъ былъ на время огражденъ противъ вельможъ, а существовавшія между ними тайныя сношенія могли получить какое-нибудь значеніе только при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Эти обстоятельства были вызваны отношеніями Іоанна къ французскому королю. Противъ Франціи заключенъ былъ союзъ между Оттономъ IV, противникомъ гогенштауфенскаго императора, союзника Филиппа Августа, и англійскимъ королемъ; къ нимъ примкнули графы фландрскій и булонскій, герцогъ брабантскій и другіе нидерландскіе владѣтели. Союзники вторглись во Францію съ двухъ сторонъ. Ничтожный англійскій король, начавшій дѣло съ страшнымъ шумомъ, отправился въ Гіеннь и Пуату, единственныя оставшіяся за нимъ владѣнія во Франціи, и оттуда пошелъ далѣе, но немедленно былъ отраженъ съ позоромъ. Оттонъ же со всѣми силами сѣверной Германіи, къ которымъ присоединились англійскія вспомогательныя войска и нидерландскіе союзники, двинулся съ сѣверовостока и сошелся съ Филиппомъ Августомъ при Бувинѣ (Bouvines или Bovines) въ Геннегау. Здѣсь произошло, 27 іюля 1214 г., кровопролитное сраженіе, въ которомъ союзныя войска занимали весьма невыгодную позицію, а нѣмцы кромѣ того пропустили благопріятное время для нападенія, потому что по какому-то странному понятію о чести хотѣли опрокинуть отрядъ самого короля. Занимая центръ и имѣя, по обычаю того времени, кароччіо съ имперскимъ орломъ (стр. 16), они только тогда устремились на непріятелей, когда къ Филиппу подоспѣли его лучшія войска, храбрыя милиціи городовъ съ священнымъ знаменемъ Франціи. При первомъ напорѣ французы были опрокинуты, и самъ король сбитъ съ коня копьемъ; но, не смотря на то, нѣмцы должны были отступить передъ вновь сомкнувшимся непріятелемъ. Они продолжали бой подъ начальствомъ храбраго императора даже тогда, какъ ихъ союзники были уже разбиты на голову на обоихъ флангахъ, и одни съ храбрыми брабантцами удержались на полѣ битвы, съ котораго наконецъ удалились, непобѣжденные. Союзное войско тотчасъ разстроилось и разошлось по домамъ; множество плѣнныхъ, богатая добыча и слава побѣды надъ значительно сильнѣйшимъ войскомъ были наградою мужества французовъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились два знатныхъ владѣтеля: графы булонскій и фландрскій. Первый умеръ въ плѣну, а второй получилъ свободу черезъ одиннадцать лѣтъ на очень тяжелыхъ условіяхъ.

Блистательная побѣда при Бувинѣ, имѣвшая результатомъ заключеніе мира между Англіей и Франціей, при посредничествѣ папы, не только освободила Филиппа Августа отъ внѣшнихъ враговъ, но и дала ему возможность поправить финансы, такъ какъ онъ до тѣхъ поръ держалъ плѣнниками взятыхъ графовъ и рыцарей, пока они не соглашались уплатить ему возможно большой, по своему состоянію, выкупъ. Напротивъ, для Іоанна это сраженіе было гибельно не только по своимъ непосредственнымъ результатамъ, но и по своему вліянію на его тайныхъ враговъ въ Англіи. Вслѣдъ за этимъ пораженіемъ архіепископъ Ленгтонъ указалъ собравшимся баронамъ и епископамъ на прежнюю хартію, напомнилъ имъ о правахъ, данныхъ народу Эдуардомъ Исповѣдникомъ и подтвержденныхъ Генрихомъ I, и склонилъ ихъ къ клятвенному обѣщанію начать противъ Іоанна войну, если онъ по возвращеніи не возстановитъ этихъ правъ. Вскорѣ они возстали противъ короля и началась междоусобная война, прерываемая однако перемиріями, такъ какъ Іоаннъ старался продлить время до полученія помощи отъ папы. Иннокентій поручилъ своему легату прекратить распрю полюбовною сдѣлкой; но, между тѣмъ, жители Лондона приняли сторону бароновъ, и почти всѣ бывшіе на службѣ у короля покинули его. Безсильный Іоаннъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить, и въ іюнѣ 1215 г. подписалъ знаменитую грамату свободы или великую хартію (magna charta), разсчитывая, что успокоитъ возставшихъ письменнымъ обѣщаніемъ, а потомъ будетъ дѣлать то, что ему вздумается.

Великая хартія не была полнымъ государственнымъ уложеніемъ, и только съ теченіемъ времени, благодаря искусному и умному примѣненію, сдѣлалась основаніемъ дѣйствительно свободной конституціи. Въ тогдашнемъ видѣ она опредѣляла отношенія къ правительству и особѣ короля только тѣхъ классовъ народа, которые въ ту эпоху уже имѣли права. Подданные частныхъ владѣль-

цевъ (крѣпостные), не имѣвшіе никакихъ правъ, не получили ихъ и по великой хартіи. Впрочемъ, въ Англіи число ихъ весьма уменьшилось и постоянно уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало число горожанъ, мелкихъ вассаловъ и небогатыхъ свободныхъ земледѣльцевъ. Вольные горожане и земледѣльцы были включены, вмѣстѣ съ баронами и епископами, въ общій разрядъ вольныхъ людей королевства, для которыхъ, въ силу первой статьи хартіи, установлялись заключавшіяся въ грамотѣ льготы. Для всѣхъ подтверждались прежнія права по имуществу и состоянію и возстанновлялся прежній судебный порядокъ. Владѣтель Уэльса и король шотландскій, бывшіе въ союзѣ съ баронами, получили также льготы; для нихъ, какъ и для бароновъ, возстановлялись всѣ права, которыми они пользовались до Генриха II. Содержаніе великой хартіи можно въ общихъ словамъ передать такимъ образомъ: король отказывается за себя и своихъ преемниковъ отъ всѣхъ ограниченій чьихъ-либо правъ, сдѣланныхъ норманнскими королями до него и въ особенности имъ самимъ, и обязуется возстановить въ полной силѣ порядокъ управленія и судопроизводства, основанный на англосаксскихъ и норманнскихъ обычаяхъ. Изъ отдѣльныхъ статей великой хартіи, самыми важными были: точное опредѣленіе налоговъ, устраненіе злоупотребленій, сопровождавшихъ вниманіе ихъ, установленіе чрезвычайныхъ налоговъ не иначе какъ съ согласія парламента, т. е. собранія представителей высшаго духовенства, бароновъ, и вольныхъ собственниковъ (freeholders), предоставленіе свободы торговли и промышленности, запрещеніе произвольныхъ арестовъ и конфискаціи имущества и возстановленіе прежняго порядка судопроизводства.

Планъ короля отстранить мгновенную опасность клочкомъ пергамента, съ тѣмъ чтобъ потомъ не заботиться о немъ, англичане разстроили тремя средствами, безъ сомнѣнія, достаточно сильными для поддержанія хартіи, но изъ которыхъ третье имѣло такой характеръ, что частое пользованіе имъ могло замѣнить деспотизмъ анархіей. Это и случалось каждый разъ, какъ оно вступало въ силу. Первыми двумя средствами были удаленіе всѣхъ иностранныхъ чиновниковъ и королевскихъ служителей и распущеніе иностранныхъ наемныхъ войскъ, при помощи которыхъ тиранствовалъ Іоаннъ. Послѣднее средство заключалось въ томъ, что баронамъ было предоставлено избрать изъ своей среды комитетъ изъ двадцати пяти лицъ, обязанный наблюдать за королемъ и его чиновниками, останавливать его при каждомъ нарушеніи хартіи и призывать націю къ вооруженному возстанію, если въ теченіе сорока дней право не будетъ возстановлено. Это постановленіе, повидимому, водворяло въ Англіи олигархію и въ другое время могло бы дать страшное значеніе высшему дворянству; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ оно послужило къ упроченію народной свободы.

Не смотря на торжественную присягу новому уложенію, Іоаннъ вовсе не думалъ держать своихъ обѣщаній. Онъ не выполнилъ пункта, самаго важнаго для его тайныхъ замысловъ, и, не желая выпускать изъ рукъ оружіе и отдаться во власть баронамъ, не распустилъ наемныхъ войскъ. Такимъ образомъ, новая междоусобная война была неизбѣжна. По совѣту своихъ наемниковъ, Іоаннъ сталъ готовить противъ подданныхъ и мірское и духовное оружіе. Онъ укрѣплялъ замки, снабжалъ ихъ провіантомъ, заготовлялъ военныя машины и оружіе, нанималъ новыя войска во Франціи и Нидерландахъ и въ тоже время осаждалъ папу просьбами о помощи. Иннокентій принялъ его сторону и, какъ верховный сюзеренъ Англіи, издалъ буллу, которою уничтожилъ великую хартію и предавалъ отлученію отъ церкви всѣхъ ея защитниковъ. Бароны, повидимому, были не такъ дѣятельны, какъ ихъ противники. Они прилежно занимались турнирами, а Іоаннъ, тѣмъ временемъ, двинулся къ южному берегу, ожидая вновь набранныхъ солдатъ. Когда они прибыли, онъ снова началъ войну противъ бароновъ, опустошая ихъ владѣнія огнемъ и мечомъ. Папа сильно помогъ ему, произнеся отлученіе отъ церкви надъ главою движенія, архіепископомъ Ленгтономъ, и баронами, хотя и не назвалъ ихъ поименно. Силы, собранныя Іоанномъ, или, по крайней мѣрѣ, которыя онъ, какъ нѣкогда Вильгельмъ Завоеватель, могъ легко собрать въ ту эпоху бродячаго рыцарства, вѣроятно, были дѣйствительно громадны, потому что недовольные англичане совершенно потеряли довѣріе къ самимъ себѣ и, чтобъ избѣжать грозившаго зла, создали себѣ новую, не меньшую опасность. Отъ одного тирана они обратились къ другому, отъ своего короля, —

къ королю французскому Филиппу Августу, заботившемуся о законѣ, правѣ и обычаѣ такъ же мало, какъ и самъ Іоаннъ. Они предложили корону, на которую Іоаннъ, нарушивъ присягу, не имѣлъ болѣе правъ, не самому французскому королю, а его сыну, Людовику VIII, разсчитывая, что онъ прежде всего обратится на французскія провинціи Іоанна, и что тотъ, лишившись помощи рыцарей Гіенни и Пуату, будетъ совершенно въ ихъ рукахъ. Разсчетъ этотъ былъ вѣренъ; онъ же помогъ ихъ потомкамъ въ борьбѣ противъ Стюартовъ. Союзъ англичанъ съ Филиппомъ Августомъ ставилъ Іоанна въ весьма затруднительное положеніе, но и тутъ Иннокентій дѣйствовалъ, какъ вѣрный союзникъ. Онъ послалъ легата къ французскому королю съ тѣмъ, чтобъ положительно запретить ему вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи. Филиппъ въ то время нуждался въ папѣ, но вывернулся посредствомъ хитрости, заставивъ своего сына въ присутствіи легата отказать ему въ повиновеніи. Въ маѣ 1216 г. Людовикъ высадился у Сандвича, а въ іюнѣ короновался въ Лондонѣ королемъ Англіи. Обѣ стороны воевали съ большимъ упорствомъ, и эта междоусобная война, вмѣстѣ съ корыстолюбіемъ иностранцевъ, едва не довела Англіи до конечной гибели. Іоаннъ поступалъ съ королевствомъ какъ съ завоеванною землею; его наемники безчинствовали самымъ возмутительнымъ образомъ, а папскій легатъ облагалъ штрафомъ духовныхъ, принявшихъ сторону Людовика, набивая, подъ предлогомъ справедливости, и свой собственный и папскій карманы. Опустошительная война длилась уже болѣе года, а конца ей еще не было видно, какъ вдругъ, къ великой радости англичанъ, Іоаннъ умеръ (октябрь 1216 г.).

Сыну и наслѣднику его, Генриху III, было тогда всего девять лѣтъ, — и это было великимъ счастіемъ для Англіи. При умномъ руководителѣ, молодой король могъ гораздо лучше служить видамъ бароновъ, чѣмъ французскій принцъ, который, сдѣлавшись, по смерти отца, французскимъ и англійскимъ королемъ, безъ сомнѣнія, былъ бы несравненно сильнѣе ихъ. Къ тому же у бароновъ начались уже съ Людовикомъ и его войсками несогласія, а опека надъ молодымъ королемъ досталась въ руки человѣка, умѣвшаго превосходно устроить дѣла. Это былъ графъ Вильгельмъ Пемброкъ, маршалъ или главнокомандующій Іоанна. Онъ не медля короновалъ Генриха, объявилъ себя правителемъ или, какъ говорятъ англичане, протекторомъ государства, и вошелъ въ переговоры съ возставшими баронами. Большинство бароновъ отступилось отъ Людовика, и онъ долженъ былъ содержать себя грабежомъ и на собственныя средства. Заключивъ короткое перемиріе, онъ отправился во Францію за подкрѣпленіями, но вслѣдъ за тѣмъ былъ разбитъ на морѣ и на сушѣ. Пемброкъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ воспользоваться отчаяннымъ положеніемъ противника иначе, какъ для его удаленія, и, не препятствуя отступленію его во Францію, заключилъ съ нимъ миръ (сентябрь 1217 г.), по которому всѣ плѣнные получили свободу. Людовикъ, за уплату военныхъ издержекъ, отказался отъ правъ на Англію, а Пемброкъ обязывался не только объявить амнистію всѣмъ его сторонникамъ, но и возстановить ихъ права и привилегіи, какъ уже условился съ ними заранѣе. Удовлетворяя требованіямъ враговъ покойнаго короля, Пемброкъ тѣмъ самымъ освобождалъ своего питомца изъ-подъ зависимости папскаго престола; вассальныя отношенія къ папѣ уничтожились сами собою, какъ совершенно несовмѣстимыя съ тѣми обширными льготами, которыя получалъ народъ, тѣмъ болѣе, что англичане такъ же мало признавали обязательства, принятыя Іоанномъ относительно папы, какъ папа ихъ великую хартію. Вскорѣ послѣ того, когда спокойствіе, право и судопроизводство были совершенно возстановлены въ королевствѣ, протекторъ умеръ (1219 г.). Для молодаго короля это было несчастіемъ, имѣвшимъ вліяніе на всю его послѣдующую судьбу.

Когда Іоаннъ своимъ постыднымъ образомъ дѣйствій губилъ самого себя, честь и значеніе королевской власти, создавая вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ воли и безсознательно, свободу англійскаго народа, Филиппъ, проживший семью годами долѣе его (до 1223 г.), упрочивалъ хитрою политикою могущество и силу своего престола и заслужилъ имя Августа. Имя это, данное однимъ льстецомъ, придворнымъ историкомъ, осталось за Филиппомъ, и не совсѣмъ безосновательно, если подъ этимъ именемъ разумѣть исключительно собирателя государства. Коварно удалясь изъ Палестины, онъ завладѣлъ графствомъ Артуа, и, нарушая

данную клятву, постоянно вредилъ противнику. Потомъ (1223 г.), женивъ младшаго сына на наслѣдницѣ булонскаго графства, онъ пріобрѣлъ своему дому и это владѣніе, а женясь изъ-за денегъ на датской принцессѣ, отвергъ ее, но удержалъ приданое. Пользуясь ничтожествомъ англійскаго короля, Филиппъ подъ личиною справедливости захватилъ всѣ принадлежавшія Англіи провинціи, исключая Гіенни и Пуату, а впослѣдствіи простеръ руку на самую Англію, и наконецъ, умѣлъ извлечь всевозможныя выгоды изъ побѣды при Бувинѣ. Послѣдніе годы его жизни отличались заботливостью о лучшей части народа. Онъ понялъ, что преобладаніе феодаловъ и независимость множества наслѣдственныхъ владѣтелей, большею частью тирановъ,, могли быть подавлены только усиленіемъ средняго сословія, и сдѣлался благодѣтелемъ и защитникомъ этого класса. Онъ укрѣплялъ города стѣнами и рвами, чтобъ обезопасить ихъ отъ нападеній рыцарей, проводилъ дороги для удобства торговли и промышленности и притомъ употребляя на это не выжатыя изъ народа деньги, но собственныя сбереженія. Заботясь вообще о правѣ и обычаѣ только тогда, когда это было выгодно, онъ дѣйствовалъ справедливо и безкорыстно въ отнятыхъ у Англіи провинціяхъ, а въ Нормандіи явился даже горячимъ защитникомъ привилегій, которымъ угрожалъ Іоаннъ. Онъ зналъ, что этимъ привяжетъ къ себѣ жителей страны, которую не легко было покорить оружіемъ. Наконецъ онъ уничтожилъ должность великаго сенешала (стр. 6), сдѣлавшуюся наслѣдственною и весьма опасною; но образцомъ его умной, основанной на тонкомъ эгоизмѣ, политики служитъ сдѣланное имъ для парижскаго университета. Въ наукѣ онъ держался политики п р і о б р ѣ т е н і я, которая теперь въ такомъ ходу и губитъ все дѣйствительно возвышающее человѣка, но за то чрезвычайно выгодна для внѣшнихъ интересовъ государства. Филиппъ, употребляя всевозможныя старанія, чтобъ сдѣлать этотъ университетъ наиболѣе посѣщаемымъ въ Европѣ, не только возбуждалъ наградами профессоровъ, не имѣвшихъ внутренняго призванія къ наукѣ, но даже покровительствовалъ безчинству иностранныхъ студентовъ. Когда однажды пьяные нѣмецкіе студенты затѣяли ссору съ народомъ и прево (городской голова) арестовалъ ихъ, Филиппъ строго наказалъ его и всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ гражданъ, изъявъ при этомъ изъ вѣдомства городскаго суда всѣхъ, принадлежащихъ къ университету. Разумѣется, все это онъ дѣлалъ для того, чтобы иностранные студенты не ушли изъ города, и, давая привилегіи университету, вовсе не думалъ о наукахъ, а желалъ только, чтобы университетъ имѣлъ многочисленныхъ посѣтителей. Вслѣдствіе его стараній, парижскій университетъ получилъ огромное значеніе. Туда стремились ученые всѣхъ націй, такъ что Парижъ сдѣлался средоточіемъ теологіи, философіи, подобно тому какъ Болонья была центромъ правовѣдѣнія, а впослѣдствіи и филологіи. Вліяніе парижскаго университета на средневѣковую образованность особенно замѣчательно потому, что тамъ, впервые, оставили аравитянъ, бывшихъ до того всемірными учителями, и обратились къ греческой и римской древности, какъ къ истинному источнику всякаго знанія.

V. ПОСЛѢДНІЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

И СОВРЕМЕННЫЯ ИМЪ СОБЫТІЯ.

---

1 Папа Иннокентій III.

Въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія императоръ ГенрихъVI, говорятъ, и кажется не безъ основанія, хотѣлъ возстановить всемірную монархію Карла Великаго или Оттоновъ, а въ началѣ тринадцатаго, папа Иннокентій III старался возобновить и, по возможности распространить іерархическую систему Григорія VII или, говоря словами Данте, строгую теократію тѣхъ, которые желали обратить въ терновникъ виноградную лозу Петра. Обстоятельства благопріятствовали папѣ болѣе, чѣмъ императору, да и самъ онъ имѣлъ болѣе средствъ для достиженія цѣли. Еслибъ мы захотѣли представить обширную дѣятельность Иннокентія во всемъ ея объемѣ, намъ пришлось бы углубиться не только въ исторію философіи того времени, но и въ исторію самаго догмата католической церкви, въ исторію каноническаго права и церковнаго управленія. Это вывело бы насъ на почву, лежащую внѣ предѣловъ всемірной исторіи. Напротивъ, вліяніе Иннокентія на перемѣны, происшедшія тогда въ Италіи, его участіе въ борьбѣ за германскій престолъ, по смерти Генриха VI, и отношенія къ четвертому крестовому походу не только входятъ въ политическую исторію, но, по своему значенію, принадлежатъ къ ея важнѣйшимъ эпизодамъ.

Отношенія Иннокентія къ германскимъ императорамъ Филиппу, Оттону IV и Фридриху II, мы отчасти уже видѣли, а отчасти увидимъ въ исторіи Фридриха: поэтому здѣсь мы разсмотримъ двѣ другія стороны политической дѣятельности папы. Италія не только опять стала въ послѣднее время главною страною цивилизованнаго міра, но должна была сдѣлаться и остаться центромъ всемірнаго владычества, въ силу каждой изъ двухъ средневѣковыхъ системъ свѣтскаго и духовнаго господства (т. II. стр. 682). Одна изъ этихъ системъ, система гибеллиновъ, возникла при Карлѣ Великомъ, была проводима Оттонами и силою водворена Гогенштауфенами, Данте защищалъ ее, какъ философъ, въ книгѣ о монархіи и, какъ поэтъ, въ своемъ безсмертномъ твореніи; другая, или гвельфская система, была создана Григоріемъ VII и продолжаема всѣми его преемниками. Въ силу послѣдней, Римъ долженъ былъ быть столицей теократіи, папа іерархомъ, итальянцы оружіемъ іерархіи, свѣтскіе элементы служить, а духовные повелѣвать. Первая система, напротивъ, хотѣла оставить государство и мечъ свѣтскому элементу, сдѣлать Римъ столицею обѣихъ властей, соединить Германію и Италію въ одно, укрощать трезвой воздержностью сѣвера похоти и страсти юга, противопоставить мечъ свѣтскимъ злоупотребленіямъ посоха, а посохомъ удерживать мечъ въ ножнахъ. Непреложными божественными предопредѣленіями, говорили защитники этой системы, верховная власть предоставлена императору, божественное всемогущество въ духовныхъ дѣлахъ — папѣ. Всякій по собственному опыту знаетъ, какъ трудно въ жизни раздѣлять то, что въ точности раздѣляется разумомъ; поэтому мы не будемъ доискиваться, въ какой мѣрѣ Иннокентій проводилъ одну изъ этихъ системъ; но постараемся изслѣдовать, что онъ

дѣлалъ въ свое правленіе и какими доводами оправдывается каждый отдѣльный его шагъ.

Иннокентій III былъ изъ рода графовъ Сеньи, прослушалъ курсъ въ Парижѣ и Болоньи, получилъ, благодаря своему знатному происхожденію, на двадцать девятомъ году кардинальскую шапку и тридцати семи лѣтъ (1198 г.) наслѣдовалъ Целестину III, сдѣлавшемуся папой на восемьдесятъ пятомъ году жизни. Новый папа нашелъ Италію притѣсненною и ожидавшею спасителя и защитника отъ звѣрства нѣмцевъ, Неаполь и Сицилію осиротѣлыми, а римско-христіанскій міръ занятымъ мыслью о новомъ крестовомъ походѣ. Благопріятнѣе этихъ обстоятельствъ ничего нельзя было желать дѣятельному, энергическому человѣку рыцарскаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, по вступленіи на престолъ, Иннокентій сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ возстановленію іерархической системы Григорія VII, заставивъ присягнуть себѣ префекта города, назначаемаго императоромъ и представлявшаго въ Римѣ, хотя и безъ большаго значенія, нѣмецкое герцогство. Уничтоживъ верховную императорскую власть надъ Римомъ, Иннокентій поступилъ точно также во всѣхъ городахъ папской области, которыми управлялъ независимый отъ папы сенаторъ, подчинилъ себѣ этого сановника и разрѣшилъ вассаловъ и жителей отъ присяги ему. Вслѣдъ затѣмъ онъ завладѣлъ имѣніями Матильды, прогнавъ двухъ нѣмецкихъ князей, правившихъ въ Анконѣ и Сполето, и такимъ образомъ основалъ самостоятельное папское государство. Чтобы помѣшать на будущее время возстановленію императорскаго владычества въ средней Италіи, онъ убѣдилъ тосканскіе города составить федерацію, подобную той, которая давно уже существовала въ Ломбардіи. Изъ всѣхъ этихъ городовъ одна Пиза оставалась на сторонѣ императора, которому была обязана своимъ возвышеніемъ. Однако хитрые тосканцы организовали свой союзъ, называемый обыкновенно гвельфскимъ, не вполнѣ согласно желаніямъ папы, такъ что онъ утвердилъ его только подъ извѣстными условіями и строго запретилъ городамъ своихъ владѣній приступать къ нему.

Въ Сициліи, Иннокентій воспользовался малолѣтствомъ короля Фридриха II и заставилъ его мать и опекуншу отказаться отъ правъ, которыя были предоставлены прежними папами норманнскимъ королямъ, и по которымъ свѣтская власть пользовалась большимъ вліяніемъ на духовныя дѣла. Констанція была въ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе волненій, возбужденныхъ въ королевствѣ варварствомъ ея мужа и своеволіемъ нѣмецкихъ войскъ и чиновниковъ, и нуждалась въ папской защитѣ. Когда она обратилась въ Римъ, Иннокентій согласился совершить бывшій въ употребленіи со времени Роберта Гискара и Рожера I обрядъ пожалованія ея леномъ, но также съ условіемъ, чтобы она отказалась отъ помянутаго права. Вслѣдъ затѣмъ она умерла (1198 г.), установивъ по завѣщанію регентство, во главѣ котораго долженъ былъ стоять папа. Иннокентій принялъ предоставленную ему власть и началъ дѣйствовать весьма двусмысленно относительно своего подопечнаго.Ославъ къ Сицилію легата, онъ распоряжался управленіемъ совершенно по своему усмотрѣнію и готовилъ малолѣтнему королю весьма опаснаго соперника въ графѣ Вальтерѣ Бріеннскомъ. Вальтеръ былъ женатъ на дочери короля Танкреда, имѣвшей притязанія на княжество тарентское и графство Лечче, такъ какъ ея мать, Сибилла, подчинилась Генриху VI только подъ условіемъ отдать эти владѣнія ея дѣтямъ. Генрихъ не сдержалъ обѣщанія, отправилъ Сибиллу со всѣмъ семействомъ въ Германію и звѣрски обошелся съ ея сыномъ. Этотъ сынъ умеръ въ плѣну, но всѣмъ другимъ папа выхлопоталъ у Филиппа Швабскаго свободу и отдалъ Вальтеру Лечче и Тарентъ. Все это можно было считать дѣломъ только одной справедливости; но Вальтеръ, по всей вѣроятности, имѣлъ дальнѣйшіе планы, и это не могло быть неизвѣстно папѣ. Безъ сомнѣнія, Иннокентій разсчитывалъ при помощи Вальтера ослабить норманнское государство внутренними волненіями, и такимъ образомъ держать его въ зависимости. Но умные сицилійцы поняли намѣренія папы и соединились съ герцогомъ Марквардомъ Анконскимъ, игравшимъ важную роль въ Сициліи еще при Генрихѣ VI и пріѣхавшимъ туда тотчасъ по смерти Констанціи. Марквардъ, имѣвшій многочисленныхъ друзей и самъ человѣкъ дѣятельный, могъ быть весьма опасенъ Иннокентію; большая часть острова уже подчинилась ему; но судьба избавила отъ него папу: онъ умеръ въ 1202 г. Братья

его продолжали борьбу, и одинъ изъ нихъ, Дингольдъ, взялъ въ плѣнъ Вальтера Бріеннскаго, который и умеръ отъ раны. Тогда папа, чтобъ не потерять всего, заключилъ съ Дингольдомъ миръ (1206 г.), предоставивъ ему участіе въ управленіи и утвердивъ тѣмъ свое вліяніе на Сицилію, продолжавшееся даже по истеченіи срока его регентства.

Дѣйствуя такимъ образомъ въ Италіи, Иннокентій въ то же время старался устроить новый крестовый походъ, которому, казалось, все благопріятствовало. Сыновья Саладина, раздѣлившіе по смерти отца его обширное государство, постоянно ссорились между собой, такъ что если бы не такіе же раздоры между сражавшимися въ Палестинѣ христіанскими владѣтелями и рыцарскими орденами, то трудно было бы выбрать для похода время удачнѣе того, когда отправились въ Палестину германскіе крестоносцы, съ помощью которыхъ Генрихъ VI подавилъ возстаніе въ южной Италіи (1197 года). Значительное число этихъ крестоносцевъ, предводимое императорскимъ канцлеромъ Конрадомъ Вюрцбургскимъ, въ началѣ дѣйствовало довольно удачно; но потомъ вѣроломство сирійскихъ бароновъ, алчность нѣмцевъ и особенно смерть Генриха VI разстроили все дѣло. Имперскіе князья поспѣшно возвратились въ Германію, чтобъ принять участіе въ борьбѣ между Филиппомъ и Оттономъ, а іерусалимскій король Амаларихъ II заключилъ съ турками перемиріе на три года (1197 г.). Положеніе дѣлъ въ Палестинѣ осталось, какъ и было; повидимому, не доставало только новаго Петра Аміенскаго, чтобъ вторично отнять Іерусалимъ у невѣрныхъ. Иннокентій не хотѣлъ пропустить благопріятнаго времени. Сдѣлавшись папою, онъ сталъ дѣятельно помогать снова появившимся въ то время проповѣдникамъ крестоваго похода, посылалъ легатовъ и письма къ государямъ, князьямъ и епископамъ своей церкви и принималъ мѣры, чтобы добыть нужныя для похода деньги. Роль новаго апостола и провозвѣстника священной войны взялъ на себя съ 1195 г. священникъ Фулькъ изъ Нёльи, уже давно славившійся краснорѣчіемъ, проповѣдями противъ ростовщичества и распутства, святостью и чудесами и пріобрѣвшій большую извѣстность послѣ сцены, бывшей у него съ Ричардомъ Львиное Сердце. Онъ увѣщевалъ Ричарда думать о крестовомъ походѣ не прежде, какъ пристроивъ трехъ своихъ дочерей: тщеславіе, алчность и сластолюбіе; но Ричардъ не остался въ долгу, и, обратясь къ окружающимъ, сказалъ смѣясь: «хорошо, я послушаюсь этого лицемѣра и выдамъ дочерей за мужъ: тщеславіе за надменныхъ тампліеровъ, алчность за цистерціанскихъ монаховъ, а сластолюбіе за епископовъ.» Фулькъ съ неутомимою ревностью проповѣдывалъ походъ, и въ этомъ ему сильно помогали лучшіе ученики парижскаго университета, имѣвшіе потомъ большое значеніе въ Европѣ какъ ученые, кардиналы и государственные люди, а именно: будущіе кардиналы Стефанъ Ленгтонъ и Робертъ Курсонъ, оба товарищи и друзья Иннокентія, Вальтеръ Лондонскій, Жанъ де Нивель, Петръ де Руси, Евстафій де Флэ и многіе другіе. Иннокентій, сдѣлавшись папою, сталъ дѣятельно помогать своимъ друзьямъ. Онъ объявилъ, что жертвуетъ на крестовый походъ десятую часть своихъ доходовъ, и обложилъ все духовенство западной церкви сборомъ на это предпріятіе по полтора процента со всѣхъ церковныхъ доходовъ; когда же стали говорить, что онъ возьметъ эти деньги себѣ, Иннокентій приказалъ, чтобы каждый епископъ, при содѣйствіи одного іоаннита и одного тамплiера, раздавалъ собранныя суммы крестоносцамъ своей епархіи. Наконецъ онъ послалъ легатовъ проповѣдывать походъ. Но они не имѣли большаго успѣха; особенно не посчастливилось посланному во Францію кардиналу Петру Капуанскому, имѣвшему порученіе по семейнымъ дѣламъ Филиппа, весьма мало гармонировавшее съ задачею убѣдить короля предпринять крестовый походъ. Кардиналу поручено было развести Филиппа съ Маріей Агнесой и заставить его сойтись съ Ингеборгой; но, очевидно, при характерѣ Филиппа этого нельзя было достигнуть мирнымъ путемъ, а при ссорѣ короля съ папой нечего было и думать о его содѣйствіи походу. Но дипломатія папскаго кабинета, вопреки обычаю среднихъ вѣковъ, не склонявшаяся передъ мечомъ, нашла и тутъ способъ соединить два взаимно противоположныхъ дѣла. Папа велѣлъ легату отстаивать Ингеборгу, а другое порученіе передалъ Фульку. Облеченный папскимъ полномочіемъ, Фулькъ отправился сначала въ Провансъ, на собраніе капитула вліятельнаго цистерцинскаго ордена, а потомъ вернулся въ собственную Францію на блистательный тур-

напръ въ Шампани (1199 г.). Его воодушевленныя рѣчи такъ сильно подѣйствовали на бывшихъ тамъ владѣтелей и рыцарей, что нѣкоторые приняли крестъ тутъ же, а другіе спустя нѣсколько времени. Въ числѣ ихъ были графъ Тибо Шампанскій, графъ Людовикъ Блуа и Шартрскій, графы Симонъ де Монфоръ и Рено де Монмирайль, епископъ труаскій, маршалъ Шампани, Готтфридъ де Виллгардуэнъ, описавшій походъ, и много другихъ знатныхъ бароновъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ силы крестоносцевъ значительно увеличились присоединеніемъ къ нимъ графа Бальдуина Фландрскаго и Геннегаускаго и графа Гуго де Сенъ-Поль съ ихъ вассалами. Союзники рѣшились отправиться въ Палестину моремъ, такъ какъ прежніе походы доказали неудобство сухопутныхъ экспедицій; но у нихъ не было кораблей. Цѣлый годъ прошелъ въ переговорахъ о томъ, какъ добыть суда; наконецъ согласились отправить депутацію изъ шести рыцарей къ итальянскимъ приморскимъ городамъ, для заключенія договора о перевозкѣ крестоносцевъ. Въ депутаты выбрали самыхъ умныхъ изъ крестоносцевъ, и такъ какъ въ то врема Генуя и Пиза вели между собой кровавую войну, то депутація обратилась къ Венеціи, что дало всему дѣлу совершенно неожиданный оборотъ.

2. Прежняя исторія Венеціи.

Въ пятомъ вѣкѣ, когда готы подъ предводительствомъ Аларіха и гунны подъ предводительствомъ Аттилы опустошали сѣверную Италію (т. II. стр. 226 и 234), многіе жители спаслись на небольшіе острова (лагуны), образуемые устьями Бренты и раздѣленные другъ отъ друга узкими каналами. Тамъ они жили вначалѣ бѣдными рыбаками; каждый островъ составлялъ отдѣльную республику, имѣвшую демократическое устройство. Но мало-по-малу торговля обогатила ихъ, и по завоеваніи сѣверной Италіи лонгобардами они сочли необходимымъ соединиться для взаимной защиты; поэтому, въ концѣ седьмаго столѣтія они избрали общаго главу, дожа (Dux), который созывалъ общее народное собраніе, назначалъ должностныхъ лицъ и судей въ каждую республику, утверждалъ выбираемыхъ народомъ священниковъ и былъ верховнымъ судьей. Жилъ онъ на островѣ Ріальто. При Карлѣ Великомъ, когда возникающее государство должно было льстить то грекамъ, то латинянамъ, туда переселились многія знатныя семейства изъ сосѣднихъ странъ; тогда же стали возникать первые элементы аристократіи, такъ какъ съ того времени судъ гражданскій и уголовный, производившійся прежде всею общиною, былъ порученъ двумъ трибунамъ, ежегодно смѣнявшимся по выбору. Но дожъ все таки остался верховнымъ судьею.

Въ это время торговля и богатство венеціанцевъ становятся весьма значительными; неразборчивые въ средствахъ къ наживѣ, они дѣлаются главными торговцами невольниковъ на Средиземномъ морѣ, а также ведутъ транзитную торговлю между африканскими мухаммеданами, испанцами и сицилійцами съ одной стороны и прибрежьями Адріатическаго моря, греками, славянами, нѣмцами и ломбардцами съ другой. Вскорѣ они покоряютъ весь морской берегъ Истріи и дѣлаютъ завоеванія въ Далмаціи. Особенно хотѣлось имъ завладѣть далматскимъ городомъ Зарою. Дожи всячески поощряли эти воинственныя предпріятія, дававшія имъ возможность направить противъ внѣшнихъ враговъ соперничество сильныхъ фамилій, которыя, подобно дворянству другихъ итальянскихъ городовъ, постоянно ссорились между собой. Въ концѣ одиннадцатаго столѣтія, богатство и морскія силы венеціанцевъ были уже такъ велики, что только благодаря ихъ помощи греческіе императоры, которыхъ они, не безъ причины, охотно держались (т. II. стр. 526 и 604), могли отразить нападенія Роберта Гискара (т. II. стр. 471). Одинъ современникъ говоритъ о нихъ въ весьма поэтическихъ выраженіяхъ: «сильные богатствомъ и числомъ, венеціанцы живутъ на самыхъ водахъ моря, такъ что изъ одного дома въ другой можно попасть только на лодкахъ, и ни одинъ народъ не сравнится съ ними въ морскомъ бою и въ искусствѣ управленія кораблемъ. Поэтому къ нимъ обратился Алексѣй, когда на него напалъ храбрый, искусный въ морской войнѣ народъ, норманны.» Въ благодарность за оказанную помощь, Алексѣй

не только далъ венеціанцамъ обширныя торговыя привилегіи въ своемъ государствѣ, но и предоставилъ владѣть, подъ покровительствомъ Греціи, Далмаціей и Кроаціей. Далмація была незадолго до того покорена венгерскимъ королемъ Каломаномъ, но Алексѣй допустилъ по крайней мѣрѣ дипломатически расширеніе венеціанскихъ владѣній, признавъ за дожемъ, по особому договору, титулъ герцога Далмаціи и Кроаціи. Вскорѣ (1112 г.) венеціанцы завладѣваютъ Зарой и, воюя съ Венгріей, проникаютъ до Бѣлграда. Занятые въ этихъ странахъ войною, они успѣваютъ извлечь огромныя выгоды изъ рвенія западныхъ народовъ къ крестовымъ походамъ, обогащаются перевозкою крестоносцевъ и торговлей съ Востокомъ, пріобрѣтаютъ на сирійскомъ берегу привилегіи, право взимать пошлины, гавани и части городовъ. Въ самой Греціи Калоіоаннъ былъ вынужденъ подтвердить и даже расширить права, данныя имъ его отцомъ Алексѣемъ, а Мануилъ, тѣснимый норманнами при Рожерѣ II, предоставилъ имъ неограниченную свободу торговли и льготу отъ податей. Впослѣдствіи хитрые купцы, для распространенія своего вліянія, воспользовались войной Фридриха Барбароссы съ ломбардцами, и, возбудивъ сначала итальянскіе города противъ императора, выступили потомъ посредниками между ними и наконецъ успѣли сдѣлать свой городъ мѣстомъ конгресса.

Незадолго до того (1171 г.) у венеціанцевъ была война съ греками, примѣчательная тѣмъ, что послужила поводомъ къ первому значительному измѣненію во внутреннемъ устройствѣ Венеціи--Дожъ Виталій Микіели II, установивъ чрезвычайный налогъ, снарядилъ флотъ изъ 120 кораблей и повелъ его въ Архипелагъ; но позволилъ грекамъ обмануть себя, вступивъ въ переговоры, упустилъ благопріятное время, лишился отъ чумы множества людей и кораблей, принужденъ былъ вернуться, ничего не сдѣлавъ, и, къ довершенію несчастья, занесъ чуму въ Венецію. Вообразивъ, что Микіели намѣренно употребилъ во зло свою власть, чтобъ погубить государство, народъ, приведенный въ отчаяніе, возсталъ, убилъ его и постановилъ не только ограничить власть дожа особой коллегіею, но и совершенно измѣнить внутреннее устройство республики (1172 г.). Въ шесть мѣсяцевъ новое устройство было проектировано, принято и введено въ дѣйствіе. Въ чемъ, собственно, оно заключалось, намъ неизвѣстно, да и вообще управленіе и внутреннее устройство Венеціи, съ различными коллегіями, судами, должностями и выборами, были всегда до того искусственны и запутаны, что объ нихъ нѣтъ возможности говорить вкратцѣ и не вдаваясь въ ученыя изслѣдованія. Главною особенностью въ устройствѣ, введенномъ по смерти Виталія Микіели, было ограниченіе власти дожа нѣкоторыми новыми учрежденіями, изъ которыхъ впослѣдствіи развилось аристократическое, а потомъ олигархическое правленіе. Въ то время былъ учрежденъ б о л ь ш о й с о в ѣ т ъ изъ 480 ежегодно избираемыхъ членовъ; онъ представлялъ собою власть народнаго собранія и принималъ постановленія дожа; сверхъ того дожъ былъ ограниченъ еще м а л ы м ъ с о в ѣ т о м ъ, или с и н ь о р і е й. Неизвѣстно, тогда ли былъ установленъ и страшный с о в ѣ т ъ с о р о к а (Quarantia), составлявшій высшую судебную инстанцію для гражданскихъ дѣлъ и собственно уголовное судилище для всѣхъ важнѣйшихъ преступленій и захватившій въ свои руки все управленіе. Выборъ дожа, производившійся народомъ, перешелъ тогда къ большому совѣту. Изъ учрежденій 1172 г. развилось впослѣдствіи господство строгой аристократіи, обратившееся потомъ въ страшную олигархію. Однако переговоры съ депутатами французскихъ крестоносцевъ показали, что даже въ теченіе нѣкотораго времени аристократы успѣли воспользоваться новыми учрежденіями для достиженія своихъ цѣлей. Демократіи въ то время не смѣли еще совершенно уничтожить; въ важнѣйшихъ случаяхъ требовалось согласіе всего народа, удержавшаго за собой право утверждать выборъ дожа, такъ что вновь избираемаго дожа представляли народу со словами: «Вотъ вашъ дожъ, если вамъ угодно.»

Незадолго до прибытія крестоносцевъ, венеціанцы совершенно примирились съ греками. Уже самъ Мануилъ I долженъ былъ раскаяться въ своемъ образѣ дѣйствій относительно Венеціи; третій изъ императоровъ, быстро смѣнявшихся по его смерти, Исаакъ II Ангелъ, заключилъ тѣсный союзъ съ республикой и утвердилъ за ней всѣ прежнія привилегіи, а его преемникъ, Алексѣй III, предо-

ставилъ венеціанцамъ еще большія права и совершенно освободилъ ихъ отъ всякихъ пошлинъ.

3. Обзоръ византійской исторіи во время первыхъ крестовыхъ походовъ.

Алексѣй I, которымъ началась въ падающей греческой имперіи новая династія Комненовъ (т. II стр. 578), былъ во все свое царствованіе (1081 — 1117 г.) занятъ внутренними волненія и внѣшними войнами. Западныя провинціи государства подвергались нападеніямъ норманнскихъ герцоговъ Роберта Гискара и сына его, Боэмунда (т. II стр. 605). Съ сѣвера вторгались дикіе печенѣги и куманы, а на востокѣ были отняты никейскими и иконійскими сельджуками обширныя провинціи (т. II стр. 644). Крестовые походы, начавшіеся при Алексѣѣ, измѣнили положеніе дѣлъ: они надолго отстранили опасность со стороны Востока и снова возвысили значеніе государства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они были гибельны для грековъ, умноживъ въ государствѣ число иностранныхъ наемниковъ и до невѣроятности расплодивъ жившихъ въ столицѣ иностранцевъ, что было для Византіи столько же вредно, какъ для Англіи умноженіе черни въ Лондонѣ. Еще прежде въ Константинополѣ цѣлыя улицы были заселены венеціанцами, генуэзцами и пизанцами, судившимися по своимъ законамъ, а турки и арабы составляли въ немъ почти отдѣльное торговое государство; теперь же цѣлыя массы крестоносцевъ водворялись тамъ на жительство, вмѣсто того, чтобы отправляться въ Палестину или возвращаться на родину. Вслѣдствіе этой увеличивающейся смѣси населенія, національный характеръ все болѣе и болѣе утрачивался; управлять становилось труднѣе, а значеніе командующаго войсками усиливалось. Алексѣю доставили престолъ наемные варвары (т. II стр. 586); съ ихъ же помощью утвердился и сынъ его, Іоаннъ или Калоіоаннъ, лучшимъ и надежнѣйшимъ слугою котораго былъ турокъ, главнокомандующій его войскъ. При помощи этого турецкаго полководца, младшій сынъ Калоіоанна, Мануилъ I, овладѣлъ престоломъ, оттѣснивъ брата. Калоіоаннъ и Мануилъ, сами отличные полководцы, не испытали опасности подобныхъ отношеній, но тѣмъ не менѣе въ ихъ царствованія подготовилось то, что обнаружилось тотчасъ по смерти Мануила, когда офицеры, разнородная чернь столицы и армія, повиновавшаяся тому, кто ей платилъ, сдѣлались настоящими господами государства. Впрочемъ, Калоіоаннъ, съ воинскою дѣятельностью котораго мы уже познакомились въ его сирійскомъ походѣ (т. II стр. 668), энергически защищалъ государство извнѣ, и при томъ управлялъ съ кротостью, рѣдкою въ византійскихъ императорахъ.

Мануилъ I, царствовавшій съ 1143 по 1180 г., съ самаго начала окружилъ себя западными рыцарями, уважалъ ихъ храбрость, старался подражать имъ и самъ считался однимъ изъ храбрѣйшихъ и искуснѣйшихъ рыцарей христіанства. Знаменитѣйшимъ изъ окружавшихъ его иностранцевъ былъ Конрадъ Монферратскій, развившій въ Константинополѣ исполинскую энергію, обнаруженную имъ впослѣдствіи въ борьбѣ съ Саладиномъ (стр. 39). Царствованіе Мануила было почти непрерывнымъ рядомъ войнъ, неизбѣжныхъ по географическому положенію имперіи и занимавшихъ его то въ Европѣ, то въ Азіи. Наученный неудачами крестоносцевъ, онъ для своихъ частыхъ малоазійскихъ походовъ, по мѣру древнихъ римлянъ, прокладывалъ постоянныя военныя дороги, которыя могли идти въ уровень съ гигантскими сооруженіями древности и были удобны и безопасны. Для войны съ сельджуками у него былъ составленъ обширный планъ, часть котораго онъ уже весьма удачно привелъ въ исполненіе; но въ это самое время крестовый походъ Конрада III и Людовика VII заставилъ его сосредоточить всѣ войска во внутреннихъ провинціяхъ. Полчища крестоносцевъ навели такой страхъ на его подданныхъ, что они, боясь вторичнаго пришествія съ запада подобныхъ ополченій, скрывали даже священныя утвари церквей, желая удалить отъ алчныхъ рыцарей всякій поводъ къ насилію. Впослѣдствіи самъ Мануилъ заключилъ союзъ съ сельджуками противъ своихъ единовѣрцевъ. Это было и незаконно и неблагоразумно, но отчасти оправдывалось обстоятельствами. Когда опасность миновала, и оба западныхъ государя верну-

лись домой. Мануилъ предпринялъ походъ противъ сицилійскихъ норманновъ, овладѣвшихъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ и частью африканскаго берега, опустошавшихъ греческія владѣнія и даже завоевавшихъ островъ Корфу. Онъ отнялъ у нихъ, послѣ продолжительной осады, этотъ островъ и хотѣлъ двинуться противъ самой Сициліи, но сначала былъ задержанъ разными посторонними дѣлами, а потомъ несогласія съ сербами и венграми заставили его обратиться къ Дунаю.

Венгры, сербы и другіе народы, жившіе по нижнему Дунаю и въ нынѣшней Россіи, находились въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ нѣкоторой связи между собой, которая остановила бы на себѣ наше вниманіе, если бы происшествія въ дикихъ ордахъ могли имѣть какой-нибудь интересъ для образованныхъ жителей благоустроенныхъ государствъ. Уже во времена Генриха V между русскими, поляками, венграми и греками устанавливаются частыя сношенія, и выгнанные или бѣжавшіе князья одного народа ищутъ убѣжища у другихъ. Стефанъ II, преемникъ венгерскаго короля Каломана, доставилъ одно русское княжество своему сводному брату, Борису, сыну русской княжны, и хотѣлъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Это вовлекло Венгрію въ войну съ Греціей. Вельможи не хотѣли, чтобъ Борисъ царствовалъ и освободили Альма, двоюроднаго братя Стефана, посаженнаго имъ въ тюрьму и ослѣпленнаго; Альмъ бѣжалъ къ Калоіоанну и нашелъ у него помощь (1127 г.). но вскорѣ умеръ. Стефанъ долженъ былъ признать наслѣдникомъ его сына, Белу II. Бела былъ женатъ на дочери сербскаго князя, забравшей власть въ свои руки и впослѣдствіи убѣдившей сына, Гейзу III, помочь сербамъ противъ грековъ. Сербы давно уже были данниками греческаго императора, но тогдашній великій жупанъ или князь ихъ, надѣясь на родство съ венгерскимъ королемъ, отказался платить дань и при помощи Гейзы возсталъ противъ Мануила, воевавшаго тогда съ норманнами. Мануилъ скоро побѣдилъ его и принудилъ признать греческое господство на еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ прежде, а потомъ обратился противъ Гейзы и отнялъ у него Боснію, покоренную венгерскими королями за двадцать лѣтъ до того. Во всѣхъ этихъ войнахъ, главную массу венгерскихъ войскъ составляли жившія на Дунаѣ кумансвія орды, находившіяся еще въ самомъ дикомъ кочевомъ состояніи (т. II стр. 561), а греческія войска, дѣйствовавшія на сѣверной границѣ, состояли преимущественно изъ влаховъ, народа смѣшаннаго происхожденія, занявшаго съ 1085 г. оставленную печенѣгами Болгарію (т. II стр. 474). Пока Мануилъ предписывалъ на Дунаѣ законы дикимъ варварамъ, немедленно, впрочемъ, нарушившимъ ихъ, его цивилизованные подданные подвергались нападенію сицилійскихъ норманновъ, опустошившихъ греческіе берега и увлекшихъ съ собой въ плѣнъ тысячи фабрикантовъ и художниковъ. Поэтому, Мануилъ, окончивъ войну съ венграми (1153 г.), направилъ свои силы на западъ. Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени появилось снова на итальянской землѣ греческое войско. Храбрый полководецъ его, Михаилъ Палеологъ, бралъ у норманновъ одинъ городъ за другимъ; но онъ скоро умеръ, и начальство перешло, какъ весьма часто случалось въ византійской имперіи, къ человѣку, единственнымъ достоинствомъ котораго было родство съ императоромъ. Онъ потерялъ и сдѣланныя до него завоеванія, и войско, и флотъ. Норманнскому королю Вильгельму I помогали при этомъ венеціянцы, враждовавшіе противъ Мануила за отнятіе у нихъ права имѣть въ Константинополѣ судъ, а главное, за союзъ его съ Фридрихомъ Барбароссою. Новый флотъ, сооруженный Мануиломъ, былъ захваченъ сицилійцами, и если императоръ отдѣлался выгоднымъ миромъ (1158 г.), то единственно благодаря вѣчнымъ раздорамъ Вильгельма I съ баронами. Едва кончилась война съ Сициліей, какъ началась новая война съ венграми и сербами. Сербы опять должны были признать надъ собой владычество Греціи и даже предоставить императору право назначать великаго жупана, то есть выбирать одного изъ двухъ представляемыхъ ему кандидатовъ. Венгры также были принуждены къ миру, и по смерти Гейзы (1161 г.) Мануилъ посадилъ королемъ его младшаго брата, Владислава II, помимо старшихъ. Владиславу, умершему чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, наслѣдовалъ сынъ Гейзы, Стефанъ III. При немъ молодой венгерскій князь, Бела III, бѣжалъ въ Константинополь и до того полюбился императору, что тотъ хотѣлъ женить его на своей дочери и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, и покорилъ для него

Далмацію. По смерти Стефана, Бела сдѣлался венгерскимъ королемъ и оставался вѣрнымъ союзникомъ Мануила и его сына. Между тѣмъ греческія войска дѣйствовали весьма успѣшно противъ сельджуковъ, но когда Мануилъ, кончивъ войну на Дунаѣ, двинулся со всѣми силами противъ Иконіи, то былъ разбитъ на голову и долженъ былъ заключить невыгодный миръ (1174 г.). Гораздо постыднѣе этого пораженія было жалкое хвастовство, которымъ Мануилъ старался обмануть подданныхъ, а всего хуже то, что, заключивъ миръ, онъ тотчасъ же отказался выполнить принятыя имъ на себя обязательства.

Въ личныхъ и семейныхъ дѣлахъ Мануилъ былъ не такъ счастливъ, какъ на политическомъ поприщѣ. Онъ повредилъ себѣ въ глазахъ подданныхъ расположеніемъ къ иностранцамъ, массами окружавшимъ его и получавшимъ лучшія мѣста при дворѣ и въ войскѣ, двукратною женитьбою на принадлежавшихъ къ западной церкви иностранкахъ, нравственной и благочестивой Ириѣ, невѣсткѣ императора Конрада III, и столь же легкомысленной, какъ и красивой Маріи, дочери южно-французскаго владѣтеля, Раймунда Антіохійскаго, и наконецъ, открыто высказаннымъ предположеніемъ женить на своей дочери и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ венгерскаго князя. Но больше, чѣмъ себѣ, повредилъ онъ всѣмъ этимъ своему сыну и наслѣднику, Алексѣю II, оставшемуся по его смерти ребенкомъ и имѣвшему соперника въ одномъ злодѣѣ, принадлежавшемъ къ императорскому дому и давно уже добиравшемся до престола, чтобъ прогулять на немъ остатокъ своей жизни. Это былъ Андроникъ I, сынъ дяди Мануила, одинъ изъ самыхъ наглыхъ, легкомысленныхъ и испорченныхъ людей, когда либо живщихъ на свѣтѣ. Англійскій историкъ Гиббонъ и другіе, любящіе описывать подобные характеры, передали его жизнь въ томъ же родѣ, какъ Плутархъ жизнь аѳинянина Алкивіада (т. II стр. 167). Подъ перомъ Плутарха Алкивіадъ сдѣлался типомъ геніальныхъ развратниковъ, имѣвшимъ весьма вредное вліяніе на восемнадцатое столѣтіе, когда люди подобнаго рода, или такъ называемые roués, играли важную роль во Франціи и Англіи. Для свѣта всегда привлекательны занимательность или рѣзкія противоположности какого-нибудь явленія, и Плутархъ охотно относится къ дурнымъ принципамъ и дѣйствіямъ не по ихъ нравственному достоинству, а по ихъ результатамъ или по внѣшней формѣ ихъ проявленія. Андроникъ былъ изъ числа тѣхъ развратниковъ, которые своею поэтическою судьбою и отсутствіемъ всякихъ принциповъ доставляютъ героевъ Байронамъ и Жоржъ Зандамъ и имѣютъ возбуждающій интересъ для остроумнаго, восторгающагося передъ геніемъ и искусствомъ свѣта. Онъ былъ принцемъ и искателемъ приключеній, храбръ и подлъ, хитеръ и вѣроломенъ; игралъ въ своей жизни почти всѣ роли, испыталъ всевозможныя превратности судьбы, прошелъ всѣ ступени общественнаго положенія, отъ самаго низкаго преступника и бѣднѣйшаго нищаго до могущественнаго обладателя блестящаго престола. При дворѣ своего двоюроднаго брата, Мануила, онъ былъ въ большой милости, какъ потому, что самъ Мануилъ любилъ развратъ, такъ и вслѣдствіе своей исполинской силы и искусства въ рыцарскихъ забавахъ. Въ 1153 г. императоръ послалъ его съ войскомъ въ Киликію противъ армянъ; но онъ заботился болѣе о наслажденіяхъ, чѣмъ объ обязанностяхъ главнокомандующаго, хотя и выказывалъ отъ времени до времени, какъ простой рыцарь, свою силу и безумную смѣлость. Мануилъ долженъ былъ отозвать его, но принялъ со всѣми наружными знаками расположенія и даже далъ важный постъ на венгерской границѣ. Здѣсь онъ вошелъ въ переговоры съ королемъ Гейзою, обѣщая ему значительныя уступки, если онъ успѣетъ съ его помощью завладѣть престоломъ. Узнавъ объ этомъ изъ перехваченныхъ писемъ, Мануилъ велѣлъ схватить Андроника, но тотчасъ же простилъ. Андроникъ не успокоился и сдѣлалъ покушеніе на жизнь императора; тогда его посадили въ темницу при императорскомъ дворцѣ. Просидѣвъ тамъ девять лѣтъ, онъ бѣжалъ, но былъ пойманъ и опять подвергнутъ заключенію. Вторичная попытка бѣгства удалась и привела его въ Россію, раздѣленную въ то время на нѣсколько княжествъ. Онъ нашелъ пріемъ у галицкаго князя Ярослава, сдружился съ нимъ вслѣдствіе сходства наклонностей и получилъ удѣлъ. Мануилъ, опасаясь, чтобы злобный Андроникъ не склонилъ русскихъ въ походу въ Грецію, и желая его содѣйствія, для того чтобъ направить Ярослава противъ венгровъ, примирился съ двоюроднымъ братомъ и опять поручилъ ему начальство въ Киликіи. Андроникъ, какъ

и въ первый разъ, предался наслажденіямъ, скоро навлекъ на себя новыя подозрѣнія и бѣжалъ съ военною кассою въ Палестину. Послѣ разныхъ безчинствъ, онъ перешелъ къ туркамъ, основалъ разбойничій притонъ въ горахъ Арменіи и сталъ торговать своими единовѣрцами, продавая ихъ въ рабство невѣрнымъ. За это церковь и патріархъ предали его анаѳемѣ; но черезъ нѣсколько времени онъ явился кающимся грѣшникомъ, умолялъ о прощеніи, публично носилъ вериги, принесъ въ виду цѣлаго народа униженное, но притворное покаяніе, словесно и писменно клялся въ вѣрности императору и его семейству и вслѣдствіе этого получилъ прощеніе отъ церкви и вступилъ въ прежнія права. Императоръ назначилъ ему мѣстопребываніемъ живописно расположенный городъ Энэ, въ Понтѣ, но это было не столько ссылкою, сколько средствомъ удалить изъ столицы развратника. Тотчасъ по смерти Мануила (1180 г.) обнаружилось, до какой степени былъ неосторожень и слѣпъ императоръ, ожидая чего-нибудь для своего сына отъ состарѣвшагося въ порокѣ развратника или придавая какое-нибудь значеніе его присягѣ.

Правленіе перешло по имени къ тринадцатилѣтнему сыну Мануила, Алексѣю II, на дѣлѣ же къ его матери, легкомысленной антіохійской принцессѣ и протосевастосу или государственному министру Алексѣю, бывшему съ ней болѣе чѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Молодой императоръ былъ дурно воспитанъ, ненавистные латиняне занимали всѣ высшія должности, во всѣхъ отрасляхъ управленія господствовали страшные безпорядокъ и злоупотребленія, и день ото дня сильнѣе и сильнѣе чувствовалась потребность въ человѣкѣ, который бы взялъ мощною рукою кормило больнаго и дряхлѣющаго государства. Андроникъ не упустилъ случая извлечь для себя выгоды изъ этого положенія дѣлъ. Собравъ нѣсколько солдатъ и призвавъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ, онъ пошелъ на Константинополь, гдѣ между тѣмъ дочь императора и ея мужъ, сынъ владѣтеля Капуи, составили заговоръ противъ любимца императрицы и начали междоусобную войну, съ трудомъ прекращенную усиліями патріарха. Раздраженіе противъ латинянъ, гнѣвъ на императрицу, ненависть къ ея любовнику, министру-правителю, не допускали въ то время хладнокровнаго размышленія, и потому, когда Андроникъ всюду привѣтствуемый, какъ спаситель, подошелъ къ столицѣ, все бросилось къ нему на встрѣчу. Чернь выдала ему ненавистнаго министра, которому немедленно выкололи глаза, и Андроникъ могъ бы безпрепятственно вступить въ городъ; но небольшое число находившихся тамъ латинскихъ рыцарей рѣшилось защищать императрицу и ея сына. Однако о продолжительномъ сопротивленіи нельзя было и думать: Андроникъ имѣлъ многочисленное войско, а въ самомъ городѣ народъ возсталъ и окружилъ латинянъ. Они пали послѣ геройской борьбы, но дорого продали жизнь, а ихъ братья отмстили за ихъ смерть, опустошая въ теченіе цѣлыхъ годовъ берега Чернаго моря. По вступленіи Андроника въ Константинополь, разъяренные греки истребили всѣхъ жившихъ въ городѣ латинянъ, не давая пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ, ни больнымъ.

Такой неслыханной рѣзнею открылось правленіе, которое Андроникъ началъ подъ именемъ племянника; продолженіе вполнѣ соотвѣтствовало началу. Убійства слѣдовали за убійствомъ; приверженцы императора и его матери были истреблены; всѣ мѣста заняты креатурами новаго властелина, а самъ Алексѣй предоставленъ собственному юношескому легкомыслію, для того чтобъ сдѣлать его и ненавистнымъ и неспособнымъ къ правленію. Одною изъ первыхъ жертвъ была императрица, и тиранъ былъ на столько гнусенъ, что придалъ ея казни характеръ законности, мучилъ несчастную женщину передъ смертью и заставилъ сына подписать смертный приговоръ матери. Андроникъ предалъ ее суду по обвиненію въ предательскихъ сношеніяхъ съ венграми, приговорилъ, чрезъ подкупленныхъ судей, къ смерти, предалъ въ тюрьмѣ на посмѣшище народу, истязалъ ее голодомъ и умертвилъ самымъ варварскимъ образомъ. За матерью слѣдовала, конечно, очередь безпомощнаго сына. Его оставили въ живыхъ, пока мало-по-малу не пріучили народъ считать Андроника единственнымъ повелителемъ имперіи. Нанятые для этого крикуны потребовали, чтобъ тиранъ сдѣлался соправителемъ, подлые придворные принудили его принять соправительство и, наконецъ, самъ Алексѣй, запуганный имъ, просилъ убійцу матери раздѣлить съ нимъ бремя правленія. Сдѣлавшись соправителемъ, Андроникъ отдѣлался отъ императора спосо-

бомъ, обнаружившимъ всю возмутительную испорченность высшихъ классовъ и до того наглое безстыдство ихъ въ порокѣ, что оно поражаетъ насъ даже въ ту эпоху полнаго нравственнаго растлѣнія. Государственный совѣтъ, то есть первые сановники государства, объявилъ, что двоевластіе вредно, и безъ всякой другой причины, безъ всякой формы суда, не только отрѣшилъ Алексѣя отъ престола, но и приговорилъ его къ смерти, приказавъ немедленно исполнить приговоръ. Несчастнаго молодаго человѣка задушили на слѣдующую ночь, а Андроникъ, съ презрѣніемъ попирая ногами трупъ, приказалъ отрубить у него голову, представить ее себѣ и, отмѣтивъ ее императорскою печатью, велѣлъ бросить трупъ въ море (1183 г.). По странному свойству человѣческой природы, тиранъ, совершившій это убійство и множество другихъ безъ малѣйшаго помышленія о божеской мести, обнаружилъ вслѣдъ за тѣмъ при своемъ помазаніи поразительную черту суевѣрнаго страха передъ невидимой силой. Когда во время коронованія ему слѣдовало проѣзжать черезъ церковь, не было возможности убѣдить его ѣхать, по обычаю, шагомъ; побуждаемый внутреннимъ страхомъ, онъ, къ общему удивленію и ужасу, пришпорилъ лошадь и пронесся во весь опоръ. Съ подобнымъ образомъ мыслей вполнѣ согласуется извѣстіе о томъ, что Андроникъ велѣлъ патріарху развязать себя и своихъ сообщниковъ отъ присяги, данной императору Мануилу и его семейству, и объявить неповинными въ императорской крови. Желаніе его было исполнено безпрекословно.

Андроникъ самымъ возмутительнымъ образомъ злоупотреблялъ властью; онъ совершалъ жестокости, достойно описать которыя можетъ только византійское перо, и утопалъ въ развратѣ, предаваясь ему въ собственномъ дворцѣ, или на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ у Константинополя, его Капри (т. II. стр. 93). Впрочемъ, какъ правитель, онъ имѣлъ и хорошія, даже отличныя свойства, которыхъ вовсе не было у его преемника, и нерѣдко обнаруживалъ умъ и пониманіе, даже благотворительность и справедливость. Жестокости его были направлены преимущественно противъ высшихъ классовъ; о низшихъ, напротивъ, онъ весьма заботился, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ былъ затронутъ его собственный интересъ. Онъ былъ неумолимо строгъ къ алчности знатныхъ, преслѣдовалъ злоупотребленія сборщиковъ податей, отмѣнилъ продажу должностей, не терпѣлъ взяточничества, безпощадно наказывалъ чиновниковъ за несправедливости и уничтожилъ береговое право, къ великому неудовольствію сената и сановниковъ, извлекавшихъ изъ него значительныя выгоды. Андроникъ предпринималъ большія постройки, доставлявшія рабочимъ дѣло, распространявшія въ народѣ деньги и поощрявшія искусства; защищалъ бѣдныхъ отъ наглости придворныхъ и, какъ впослѣдствіи Петръ Великій, бивалъ собственноручно дубиною любимцевъ, насильственно вымогавшихъ что-нибудь у простолюдина. Наконецъ, онъ поощрялъ науки, самъ былъ ученымъ и сильно содѣйствовалъ пробудившемуся въ то время стремленію заниматься древностью. Къ сожалѣнію, это занятіе было только научнымъ и послужило доказательствомъ, что міру мало пользы отъ одной учености. Все, что было хорошаго во внутреннемъ управленіи Андроника, соединялось у него, какъ у Нушірвана (т. II стр. 269) и другихъ восточныхъ тирановъ, съ неописаннымъ звѣрствомъ и произволомъ. Даже когда непріятельскія нападенія угрожали его собственной власти, онъ не оставлялъ своихъ жестокостей, а продолжалъ замучивать до смерти богатыхъ и знатныхъ и оскорблять ихъ своимъ сладострастіемъ. Венгерскій король Бела III поспѣшилъ на помощь къ сыну своего друга Мануила, но, прійдя слишкомъ поздно, захватилъ весь край отъ Ниссы до венгерской границы и владѣлъ имъ въ продолженіе всего царствованія Андроника. Внучатный племянникъ Мануила, Исаакъ, тотъ самый, котораго впослѣдствіи взялъ въ плѣнъ Ричардъ, завладѣлъ островомъ Кипромъ и, принявъ титулъ императора, царствовалъ тамъ какъ самостоятельный государь (стр. 38). Пользуясь этимъ, подданные сицилійскаго короля Вильгельма II присоединились къ латинянамъ, мстившимъ за смерть своихъ братьевъ, и вмѣстѣ съ ними опустошили всѣ берега и острова. Эти набѣги авантюристовъ и пиратовъ обратились въ правильную войну, когда нѣсколько знатныхъ греческихъ фамилій, спасаясь отъ Андроника, обратились къ королю Вильгельму и убѣдили его напасть на имперію (1185 г.). Сицилійское войско, подъ предводительствомъ одного бѣглаго византійскаго принца, быстро проникло до Ѳессалоники и въ нѣ-

сколько дней овладѣло второй столицей государства. Покоренный городъ сдѣлался жертвою звѣрства, въ сравненіи съ которымъ можно считать пустяками все, что совершили турки триста лѣтъ спустя, при взятіи Константинополя. При этомъ бѣдствіи, несчастнымъ жителямъ много помогъ епископъ города, Евстафій, ученый толкователь Гомера и другихъ писателей, показавшій рвеніе, достойное главы христіанской общины. Впрочемъ, грекамъ эти варварскія злодѣйства принесли пользу: они возбудили къ сопротивленію народъ, давно уже утратившій всякую энергію, всякое чувство любви къ родинѣ. Непріятели были слишкомъ долго задержаны грабежомъ города и окрестностей, и прежде чѣмъ они дошли до Константинополя, положеніе дѣлъ въ столицѣ совершенно измѣнилось, вслѣдствіе чисто восточной революціи. Господство перешло къ фамиліи Ангеловъ, бывшей уже при Мануилѣ весьма могущественной при дворѣ.

При воцареніи Андроника, одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Исаакъ II, бросился, вмѣстѣ вмѣстѣ съ другими недовольными, въ Никею, но потомъ былъ измѣннически выданъ горожанами Андронику и жилъ въ безвѣстности въ Константинополѣ, пока одинъ изъ клевретовъ тирана не избралъ его своею жертвою, вѣроятно, изъ частной мести. Когда подосланный убійца ворвался, вечеромъ, въ домъ Исаака, тотъ въ смертельномъ страхѣ бросился на лошадь, разсѣкъ палачу голову и скрылся въ церковь. Сюда собрались его друзья; около нихъ началъ толпиться народъ, масса все болѣе и болѣе прибывала, а Исаакъ и его друзья имѣли полную свободу разжигать ее рѣчами, такъ какъ Андроникъ пировалъ въ это время въ загородномъ дворцѣ и хотя получилъ въ тотъ же вечеръ извѣстіе о происшествіи, но не хотѣлъ оставить пира. Прибывъ на слѣдующее утро въ столицу, онъ нашелъ возстаніе уже въ полномъ разгарѣ, такъ что нечего было и думать о подавленіи его. Народъ провозгласилъ императоромъ Исаака, по малодушію и трусости отказывавшагося отъ этой чести, посадилъ его на лошадь и повелъ во дворецъ, гдѣ Андроникъ, оставленный своими, тщетно предлагалъ бунтовщикамъ отречься отъ престола въ пользу сына. Однако, пока народъ былъ занятъ грабежомъ дворца, Андроникъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ переодѣтый на корабль. Онъ даже успѣлъ отплыть отъ берега, но, задержанный непогодою и противнымъ вѣтромъ, былъ узнанъ людьми Исаака. Его схватили и, заковавъ въ цѣпи, привели къ новому императору, который произнесъ смертный приговоръ и поручилъ исполнить его свирѣпѣйшему изъ палачей, — столичной черни. Обхожденіе народа съ императоромъ, имъ самимъ возведеннымъ на престолъ, доказало, что такіе граждане стоили такого властителя. Среди бранн и побоевъ, чернь тащила его по улицамъ города, вырывала у него волосы, вышибла глазъ, отсѣкла правую руку и, повѣсивъ за ноги, все еще продолжала мучить его самымъ отвратительнымъ образомъ, пока, послѣ долгихъ терзаній, смерть не освободила его отъ яростной толпы (1185 г.).

Исаакъ II былъ слабый, трусливый человѣкъ, склонный только къ разгулу и не стоившій власти ни по характеру, ни по уму. Случай возвелъ его напрестолъ, случай же готовилъ ему блистательное начало царствованія. Буря разбила флотъ сицилійцевъ, а сухопутное ихъ войско было взято въ плѣнъ арміей, посланной Андроникомъ. Такимъ образомъ Исаакъ, не сдѣлавъ ни одного шага, является съ первыхъ дней царствованія побѣдителемъ и спасителемъ государства. Какъ мала была въ этомъ спасеніи заслуга императора, полководцевъ, войска и флота, доказало нападеніе на островъ Киръ, гдѣ огромное войско и многочисленный флотъ Исаака сокрушились о силу, которую вслѣдъ затѣмъ Ричардъ Львиное Сердце обратилъ въ прахъ. Греческій флотъ сдѣлался добычею сицилійцевъ, союзниковъ кипрскаго тирана, а войско, едва высадившись, положило оружіе. Исаакъ утѣшился въ этой неудачѣ тѣмъ, что женился на дочери венгерскаго короля Белы III и убѣдилъ его возвратить, за условленную сумму, земли, занятыя имъ въ царствованіе Андроника. Чтобъ добыть деньги, Исаакъ назначилъ новый чрезвычайный налогъ и этимъ создалъ себѣ страшнаго врага. Налогъ падалъ въ числѣ прочихъ, и на кочевавшія около хребта Гемуса влахскія и болгарскія племена, повинность которыхъ, съ давнихъ поръ, состояла только изъ опредѣленной подати и поставки извѣстнаго числа рекрутъ. Раздраженные новымъ налогомъ, они возстали подъ предводительствомъ двухъ предпріимчивыхъ влаховъ, Петра и Асана, и завоевали себѣ независимость. Такимъ образомъ возникло новое

болгарское государство (1186 г.) въ странахъ, сдѣлавшихся по уничтоженіи древняго болгарскаго царства (т. II. стр. 566) и поселеніи павликіанъ (т. II. стр. 604) мирными греческими провинціями. Первыми властителями были Петръ и Асанъ, устроившіе внутренній порядокъ государства по образцу Греціи и создавшіе правильное войско. Съ того времени начались опустошительные набѣги, подобные тѣмъ, которыми нѣкогда удручали Грецію тѣ же болгары. Особенно страдалъ отъ нихъ Константинополь, получавшій главные подвозы изъ странъ, разоряемыхъ тогда влахами, болгарами и куманами. Положеніе столицы становилось тѣмъ затруднительнѣе, что иностранное населеніе ея сильно возрастало. Тогда водворились въ ней толпы мухаммеданъ, получившихъ, по договору императора съ Саладиномъ, право отправлять въ Константинополѣ свое богослуженіе; массы венеціанцевъ, генуезцевъ, пизанцевъ, русскихъ и болгаръ давно уже пользовались тамъ огромными привилегіями. Такимъ образомъ Константинополь еще болѣе, чѣмъ прежде, сдѣлался средоточіемъ блеска и нищеты всего Востока и Запада; а между тѣмъ уже во время первыхъ крестовыхъ походовъ бытъ города и его смѣшанное населеніе произвели неблагопріятное впечатлѣніе на крестоносцевъ, такъ какъ тогда Европѣ еще не были извѣстны бѣдствія большихъ городовъ: громадная нищета рядомъ съ громаднымъ богатствомъ. Капелланъ и спутникъ Людовика VII, Одонъ де Дёйль (Deuil), человѣкъ, много видѣвшій и непохожій на путешественниковъ, все хвалящихъ, или все порицающихъ, говоритъ о Константинополѣ: «Городъ грязенъ, вонючъ и во многихъ мѣстахъ постоянно теменъ, такъ какъ дворцы богатыхъ покрываютъ улицы, оставляя бѣднымъ и иностранцамъ грязь и потемки. Во тьмѣ совершаются убійства, грабежи и другія преступленія. Въ городѣ столько господъ, сколько богатыхъ, столько воровъ, сколько бѣдныхъ. О законѣ нѣтъ и рѣчи, и ни у кого нѣтъ ни страха, ни совѣсти, такъ какъ порокъ не наказывается и даже не выходитъ на свѣтъ.»

Исаакъ, живя въ собственной столицѣ среди иностранцевъ, окруженный иностраннымъ войскомъ и постоянно угрожаемый со стороны вновь возникшаго варварскаго государства, совершенно упалъ духомъ, узнавъ о крестовомъ походѣ Фридриха Барбароссы. Въ сознаніи собственнаго безсилія, онъ обратился къ Саладину, прося у врага христіанскаго имени войскъ противъ своихъ нѣмецкихъ братьевъ по вѣрѣ. Чѣмъ вѣроломнѣе дѣйствовалъ грекъ, тѣмъ ярче выдаются дѣйствія Фридриха Барбароссы. Когда его убѣждали соединиться съ влахами противъ Исаака, онъ съ истиннымъ благородствомъ отвергъ мысль о союзѣ съ мятежниками и варварами и предпочелъ пробиться съ мечемъ въ рукахъ чрезъ толпы влаховъ, болгаръ, кумановъ и грековъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ похода Фридриха, Исаакъ былъ свергнутъ съ престола роднымъ братомъ, Алексѣемъ III, составившимъ заговоръ и провозгласившимъ себя императоромъ, въ то время какъ Исаакъ уѣхалъ на охоту (1195 г.). Не имѣя ни заслугъ, ни достоинствъ, ни правъ на престолъ, и не умѣя никого привязать къ себѣ, Исаакъ ни въ комъ не нашелъ и защиты; онъ не встрѣтилъ участія даже во время бѣгства, но былъ схваченъ и выданъ брату, имѣвшему жестокость лишить его зрѣнія и заключить въ темницу.

Презрѣніе къ грекамъ, возбужденное во всѣхъ народахъ братскою измѣною, усилилось ничтожнымъ правленіемъ и ребяческими дѣйствіями новаго императора. Въ началѣ, Алексѣй III выказывалъ безразсудную щедрость, имѣлъ неосторожность распустить войско, которому не довѣрялъ, но которое, тѣмъ не менѣе, было необходимо, и потерпѣлъ позоръ, сдѣлавъ попытку побѣдить болгаръ помощью вѣроломной хитрости. Потомъ, когда болгары продолжали опустошенія, онъ сталъ тѣснить народъ неслыханными поборами и бралъ даже у церквей и съ гробницъ императоровъ ихъ драгоцѣнности. Жена его искала находившіяся въ Константинополѣ художественныя произведенія древности, чѣмъ раздражила даже чернь, обнаружившую въ этомъ случаѣ больше вкуса и ума, чѣмъ императоръ и императрица. Въ Малой Азіи греческіе города добровольно подчинялись туркамъ, желая лучше быть подвластными врагамъ своей вѣры, чѣмъ Алексѣю. Во внутреннихъ провинціяхъ одно возстаніе смѣнялось другимъ. Къ довершенію несчастья, императоръ оскорбилъ венеціанцевъ и тѣмъ навлекъ бурю, которая была не по силамъ изнеможенному государству. Изъ ложныхъ политическихъ разсчетовъ онъ покровительствовалъ пизанцамъ и этимъ возбудилъ ревность венеціанцевъ; сверхъ

того онъ обложилъ ихъ пошлинами, не обращая вниманія на ихъ дипломы и привилегіи, и отказалъ въ уплатѣ суммъ, слѣдовавшихъ имъ по договору, въ вознагражденіе за конфискованныя при Мануилѣ имущества. Эти дѣйствія и вообще ничтожество императора подали мысль честолюбивому дожу Генриху Дандоло прославить себя сверженіемъ греческаго императора, а Алексѣй далъ ему поводъ вмѣшаться во внутреннія дѣла государства и выполнить задуманный планъ. Онъ выпустилъ изъ тюрьмы брата, считая его слишкомъ ничтожнымъ, чтобъ быть опаснымъ. Но Исаакъ вошелъ въ сношенія съ латинянами и завязалъ переписку съ своею дочерью, женою Филиппа Швабскаго. Вскорѣ и сынъ его, Алексѣй IV, нашелъ средство вырваться изъ рукъ дяди и отправиться на Западъ искать помощи отцу. Прежде всего онъ обратился къ папѣ, но получилъ рѣшительный отказъ, такъ какъ императоръ успѣлъ уже вступить въ сношенія съ Иннокентіемъ. Тогда онъ отправился въ Германію къ своему зятю Филиппу и былъ рекомендованъ имъ венеціанцамъ (1202 г.), къ которымъ незадолго до того прибыло значительное крестоносное войско, бывшее отъ нихъ въ зависимости по договору, заключенному съ его предводителями.

4. Четвертый или латинскій крестовый походъ.

Когда въ Венецію явились депутаты отъ крестоносцевъ, Генрихъ Дандоло, тогдашній дожъ, былъ девяносто трехъ лѣтъ и почти слѣпъ, отъ прежняго увѣчья, но, не смотря на то, силенъ и предпріимчивъ, какъ человѣкъ въ самой цвѣтущей порѣ жизни. Въ высшей степени хитрый и ловкій, онъ тотчасъ по прибытіи депутатовъ составилъ планъ воспользоваться благочестивыми намѣреніями простодушныхъ крестоносцевъ для государственныхъ цѣлей. Дандоло объявилъ, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, что согласенъ доставить корабли для перевозки 33,500 человѣкъ и 4,500 лошадей за 85,000 марокъ, и заключилъ о томъ договоръ, съ тѣмъ чтобы онъ вошелъ въ силу только по принятіи его большимъ совѣтомъ и народомъ. Склонивъ безъ затрудненія большой совѣтъ къ утвержденію договора, онъ собралъ народъ въ церкви св. Марка и получилъ его согласіе, при чемъ предварительно шесть рыцарей обратились со своими просьбами непосредственно къ самому народу (1201 г.). Заключенное условіе было выгодной купеческой сдѣлкой; на сколько тутъ венеціанцы соблюдали свои выгоды, можно видѣть изъ того, что было выше сказано (стр. 12) о цѣнности денегъ въ то время. Чистосердечные крестоносцы не подозрѣвали настоящихъ намѣреній дожа, но ихъ понялъ Иннокентій III, свѣдущій въ политикѣ не меньше Дандоло. Онъ далъ согласіе на этотъ договоръ, но подъ условіемъ, чтобы крестоносцы, при переѣздѣ на Востокъ, ни въ какомъ случаѣ не нападали на христіанъ, — и потому вскорѣ разсорился съ венеціанцами. Еще прежде, чѣмъ крестоносцы отправились изъ Венеціи, умеръ графъ Тибо Шампанскій, выбранный предводителемъ; вмѣсто него избрали маркграфа Бонифація Монферратскаго. Бонифацій отправился въ Италію черезъ Германію, сошелся съ Филиппомъ Швабскимъ и молодымъ Алексѣемъ и обѣщалъ съ помощью крестоносцевъ доставить послѣднему константинопольскій престолъ. Однако его переговоры и эгоистическія намѣренія венеціанцевъ не остались, повидимому, тайною, такъ какъ многіе крестоносцы не поѣхали въ Венецію и отправились въ Палестину другимъ путемъ, а нѣкоторые нѣмцы, какъ графъ фонъ Катценелленбогенъ и другіе, не принадлежавшіе къ числу крестоносцевъ, направились въ Венецію.

Чтобы собрать сумму, слѣдовавшую венеціанцамъ, начали дѣлать сборъ съ крестоносцевъ; но, хотя нѣкоторые изъ нихъ продавали все, что у нихъ было цѣннаго, собрали не болѣе 51,000 марокъ. Тѣ, которымъ предпріятіе успѣло надоѣсть, уже радовались, думая, что оно не состоится вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій; но хитрый Дандоло выступилъ съ новымъ предложеніемъ. Онъ соглашался ждать уплаты недостающихъ денегъ до тѣхъ поръ, пока крестоносцы не пріобрѣтутъ ихъ какимъ-нибудь завоеваніемъ, съ тѣмъ, чтобъ они, передъ отъѣздомъ въ Палестину, помогли венеціанцамъ вновь покорить далматскій городъ Зару, въ пятый разъ отпавшій отъ нихъ и отдавшійся подъ защиту вен-

герскаго короля. Крестоносцы приняли предложеніе и вмѣстѣ съ Дандоло, взявшимъ торжественно крестъ въ церкви св. Марка, отправились противъ христіанскаго города, не обращая ни малѣйшаго вниманія на папу, строго запрещавшаго этотъ походъ и даже грозившаго отлученіемъ отъ церкви. Зара, естественно, не могла противиться соединеннымъ силамъ венеціанцевъ; она сдалась на пятый день и, по варварскому обычаю того времени, была безчеловѣчно разграблена. Холода уже наступали, а потому крестоносцы согласились, по предложенію Дандоло, прозимовать въ Далмаціи. Тогда старый дожъ, сговорясь съ Бонифаціемъ Монферратскимъ и посломъ германскаго императора Филиппа, пустилъ въ ходъ дѣло Алексѣя. Между крестоносцами произошло сильное разногласіе. Одни, въ томъ числѣ многіе значительные духовные, не хотѣли и слышать о походѣ противъ Константинополя, другіе согласились очень охотно. Папа дѣлалъ всевозможное, чтобъ разрушить планъ Дандоло и Филиппа, запрещалъ всякія попытки противъ греческой имперіи, требовалъ полнаго вознагражденія жителей Зары и вновь грозилъ отлученіемъ. Его увѣщанія и убѣжденія не подѣйствовали, такъ какъ венеціанцы требовали должныхъ имъ денегъ, а Алексѣй обѣщалъ всевозможное, если ему помогутъ противъ дяди. Походъ былъ рѣшенъ, и въ началѣ весны 1203 г. крестоносцы поплыли къ Константинополю. Однако угрозы папы не были совершенно безплодны: храбрѣйшій рыцарь въ Европѣ, Симонъ де Монфоръ, отдѣлился со своими друзьями отъ крестоносцевъ.

Остановившись на нѣкоторое время у Корфу, флотъ вступилъ въ Мраморное море и, овладѣвъ безъ сопротивленія всѣмъ берегомъ, подошелъ, 23 іюня, къ Константинополю. Впечатлѣніе, произведенное тогдашнею столицею міра на поэтически настроенныхъ рыцарей, было невыразимо. Вотъ что говоритъ Готтфридъ Вилльгардуэнъ: «Тѣ, которые еще не были въ Константинополѣ, не вѣрили глазамъ при видѣ громадныхъ стѣнъ и башенъ, окружавшихъ городъ, пышныхъ дворцовъ, безчисленнаго множества богатыхъ церквей и огромнаго протяженія этого перваго изъ городовъ въ свѣтѣ. Въ эту минуту, даже у храбрѣйшихъ затрепетало сердце, потому что никогда, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, не бралось еще такое малое число людей за столь великое предпріятіе.» Крестоносцы высадились на азіатскомъ берегу Босфора и черезъ нѣсколько дней вступили въ бой. Не слушая совѣтовъ стараго Дандоло, знавшаго городъ и убѣждавшаго прежде всего устроить магазины для провіанта, рыцари въ первыхъ числахъ іюля составили, сидя на коняхъ, военный совѣтъ и рѣшили немедленно штурмовать городъ. Здѣсь вполнѣ обрисовывается романическій характеръ тогдашняго западнаго рыцарства. Исповѣдавшись и причастившись, малочисленное войско переправилось, съ своими лошадьми, на плоскодонныхъ судахъ, къ Константинополю, намѣреваясь взять съ маху, какъ какой-нибудь редутъ, первую крѣпость тогдашняго міра, защищаемую 70,000 грековъ, и твердо рѣшившись побѣдить или умереть. Высадка была произведена на сѣверной сторонѣ гавани, тамъ, гдѣ лежатъ Пера и Галата; нетерпѣніе рыцарей было такъ велико, что многіе, не дожидая десантныхъ мостовъ, бросились прямо въ воду, чтобъ скорѣе попасть на берегъ. Перу и Галату взяли съ перваго приступа. Затѣмъ, нужно было овладѣть крѣпкой галатской башней и прорвать огромную цѣпь, протянутую съ одного берега на другой и запиравшую входъ въ гавань; до этого нельзя было думать о взятіи города, такъ какъ только со стороны моря безумное нападеніе могло имѣть хоть какой-нибудь шансъ успѣха. За первое взялись крестоносцы, за второе венеціанцы. Мѣры, принятыя греческимъ императоромъ къ оборонѣ, по свидѣтельству его собственныхъ подданныхъ, были такъ ничтожны, что нѣтъ ничего удивительнаго, что наемники, защищавшіе галатскую башню, не исполнили своего долга, бѣжавъ послѣ непродолжительнаго боя. Цѣпь была прорвана венеціанскимъ кораблемъ, двинувшимся на нее на всѣхъ парусахъ; тогда весь флотъ крестоносцевъ вошелъ въ гавань и сталъ на якорѣ вдоль берега, отъ конца сераля до дворца и воротъ влахернскихъ. Сухопутное войско крестоносцевъ перешло изъ Галаты къ гавани, прогнало трусливыхъ грековъ въ городъ и расположилось лагеремъ у влахернскихъ воротъ. Нѣсколько дней прошло въ стычкахъ, а между тѣмъ Дандоло дѣлалъ на корабляхъ приготовленія, чтобъ штурмовать городъ съ моря: онъ велѣлъ устроить на верхнихъ частяхъ мачтъ мостки, съ которыхъ можно было спрыгнуть на стѣны и аттаковать ихъ защитниковъ. Но рыцари не

хотѣли и слышать объ этомъ и предприняли 17 іюля общій штурмъ съ сухопутной стороны, гдѣ были самыя высокія стѣны, такъ какъ здѣсь городу постоянно грозила опасность отъ дунайскихъ варваровъ. Штурмъ не удался. Венеціанцы взошли на стѣну, заняля до двадцати пяти бастіоновъ и зажгли городъ, но въ это время получили извѣстіе, что рыцари, взошедшіе было въ одномъ мѣстѣ на стѣну, обратили тылъ передъ массою греческаго войска. Дандоло имѣлъ благоразуміе бросить свои завоеванія и поспѣшить на помощь крестоносцамъ. Съ появленіемъ венеціанцевъ, греки были обратно прогнаны въ городъ.

Никто не ждалъ, чтобы сраженіе этого дня имѣло какія-нибудь важныя послѣдствія; но ничтожный греческій императоръ счелъ дѣло своихъ подданныхъ потерянным и ночью бѣжалъ изъ Константинополя. Онъ оставилъ на произволъ судьбы не только народъ, но и свое семейство, жену и двухъ дочерей, однако взялъ съ собой казну и коронные брилліанты. Этими деньгами онъ хотѣлъ купить помощь придунайскихъ варваровъ, совершенно равнодушный къ тому, что его бѣдное отечество будетъ опустошаемо съ двухъ сторонъ двумя страшными врагами! Узнавъ о его бѣгствѣ, греки сдѣлали самое благоразумное, что могли: они возвели на престолъ сверженнаго Исаака, и онъ послалъ просить крестоносцевъ вступить вмѣстѣ съ сыномъ въ городъ (19 іюля 1203 г.) друзьями. Но крестоносцы не хотѣли выпускать отъ себя Алексѣя, пока его обѣщанія не будутъ подтверждены отцомъ. Положеніе новаго императора было таково, что ему приходилось соглашаться на все; сообразно договору, заключенному сыномъ, онъ обязался: подчинить греческую имперію папѣ, выплатить венеціанцамъ и франкамъ по сту тысячъ марокъ, снабжать крестоносцевъ, въ теченіе года, провіантомъ, послать съ ними въ Палестину, на годъ, 10 тысячъ войска и навсегда содержать тамъ 500 рыцарей. Тогда крестоносцы вступили въ Константинополь; но по общему соглашенію выступили чрезъ нѣсколько дней и расположились въ предмѣстьяхъ по другую сторону гавани, такъ какъ долгое пребываніе въ городѣ непремѣнно вызвало бы раздоры съ греками.

Положеніе Исаака на престолѣ было затруднительнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ. Ему не было возможности выполнить обѣщаній, опрометчиво данныхъ Алексѣемъ латинянамъ, а съ другой стороны, безъ ихъ помощи нельзя было удержаться на престолѣ. Это обстоятельство заставило его просить крестоносцевъ и венеціанцевъ пробыть у него до слѣдующей весны. Къ уплатѣ денегъ приступили немедленно, и вскорѣ крестоносцамъ была возмѣщена вся сумма, взятая съ нихъ венеціанцами за проѣздъ. Между Алексѣемъ, сдѣлавшимся соправителемъ отца, и крестоносцами установилась самая тѣсная дружба. Рыцари находили при дворѣ почетный и блестящій пріемъ, а Алексѣй посѣщалъ ихъ лагерь, къ великому соблазну грековъ принималъ участіе въ ихъ пирушкахъ не какъ сынъ императора, а какъ другъ и товарищъ, и даже позволялъ имъ шутить съ своей короной. Съ помощью маркграфа Бонифація, графа де Сенъ-Поля и другихъ рыцарей, онъ прогналъ дядю, дошедшаго уже до Адріанополя, и покорилъ провинціи, еще присягнувшія отцу. Однако, согласіе между латинянами и византійцами не могло не быть продолжительно: первые были слишкомъ склонны къ насиліямъ, вторые не могли забыть старой ненависти къ еретикамъ латинянамъ, а сверхъ того находили слишкомъ тяжелымъ налогъ, установленный императоромъ для выполненія условій договора. Завистливость жившихъ въ Константинополѣ латинскихъ купцовъ раздула искру, тлѣвшую подъ пепломъ. Они давно уже неравнодушно смотрѣли на множество мухаммеданскихъ торговцевъ, богатство которыхъ, благодаря ихъ неутомимой дѣятельности, видимо возрастало, и возбудили противъ нихъ фанатическую часть крестоносцевъ. Однажды, отрядъ рыцарей предпринялъ нападеніе на мечеть, уже тридцать лѣтъ существовавшую въ столицѣ по условію заключеннаго съ Саладиномъ договора; мусульмане стали защищать свою мечеть, а греки помогли имъ. Въ городѣ начался упорный бой, причемъ франки зажгли нѣсколько домовъ и произвели пожаръ, свирѣпствовавшій восемь дней и истребившій значительную часть столицы. Слѣдствіемъ этого была непримиримая ненависть. Все, что носило латинское имя, возбуждало ярость грековъ, такъ что пятнадцать тысячъ латинскихъ купцовъ должны были перебраться изъ города къ крестоносцамъ. Въ то же время предводители крестоносцевъ разсорились съ старымъ императоромъ. Исааку приходилось очень плохо: греки роптали на то, что

онъ притѣсняетъ и мучитъ ихъ ради иностранцевъ, кляли его сына, продавшаго имперію латинянамъ и ихъ еретическому папѣ и унижавшаго, дружась съ ними, достоинство грековъ. Крестоносцы жаловались на то, что Алексѣй зазнался и рѣдко посѣщаетъ ихъ, и докучали обоимъ императорамъ требованіемъ остальныхъ денегъ, по ихъ мнѣнію коварно и несправедливо задержанныхъ у нихъ. Гнѣвъ буйныхъ рыцарей дошелъ наконецъ до того, что они послали къ императору шесть депутатовъ, поручивъ имъ настоятельно требовать выполненія обязательства, а если оно не будетъ исполнено, сдѣлать Исааку формалный вызовъ. При настроеніи умовъ въ столицѣ, это порученіе было не безопасно для депутатовъ, но они выполнили его съ тою же яростью, съ какою оно было имъ дано.

Тогда снова начались непріятельскія дѣйствія, и положеніе императора, противъ котораго шелъ также братъ съ болгарами и влахами, становилось критическимъ. Онъ видѣлъ, что государство гибло, проклиналъ неосмотрительнаго сына и, наконецъ, опасно заболѣлъ, но еще долженъ былъ быть свидѣтелемъ того, какъ возмутившійся народъ потребовалъ избранія новаго императора, съ исключеніемъ всей фамиліи Ангеловъ. Напрасно старались сенаторы, духовенство и придворные разубѣдить и успокоить взволнованную массу: ихъ заставили приступить къ избранію, а какъ никто не соглашался принять опасное достоинство, то они, наконецъ, насильно навязали его молодому человѣку благородной фамиліи, Николаю Канаву. Между тѣмъ Алексѣй тайно вступилъ въ переговоры съ своими прежними друзьями франками и этимъ оскорбилъ оборонявшую его гвардію; кромѣ того онъ былъ постыдно обманутъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, которому поручилъ вести переговоры. Это былъ Алексѣй V Мурзуфлъ, дальній родственникъ императорскаго дома. Онъ склонилъ на свою сторону государственнаго казначея, подкупилъ ожесточенную гвардію, распустилъ въ городѣ слухъ, что императоръ сносится съ латинянами, обманулъ крестоносцевъ ложною клятвой, выманилъ фальшивою тревогою Алексѣя, ночью, изъ дворца и велѣлъ удавить его. Старый императоръ вслѣдъ за тѣмъ умеръ, а Николая Канава, по приказанію похитителя престола, бросили въ темницу (1204 г.). Мурзуфлъ вступилъ въ переговоры съ крестоносцами; но ни та, ни другая сторона не думала серьезно о мирѣ: латинянъ возбуждали ожесточеніе, нужда въ деньгахъ, страсть къ грабежу; Мурзуфлъ надѣялся принудить враговъ къ отступленію; поэтому, скоро начался рѣшительный бой. Разсчитывая заранѣе, что дряхлое государство не устоитъ въ борьбѣ, венеціанцы заключили съ крестоносцами въ мартѣ новый договоръ, которымъ хитрые торговцы умѣли обратить въ свою пользу будущую побѣду рыцарей. Они условились, что изъ добычи, три четверти получаютъ венеціанцы, одну четверть крестоносцы; новый императоръ избирается шестью рыцарями, по большинству голосовъ; выборъ патріарха и устройство латинской церкви производится венеціанскими духовными, если императоръ будетъ латинянинъ, латинскими, если венеціанецъ; императоръ получаетъ четвертую часть имперіи, остальное дѣлится поровну между венеціанцами и крестоносцами; наконецъ, венеціанцы сохраняютъ всѣ права и льготы, которыми прежде пользовались въ имперіи.

Мурзуфлъ исправилъ укрѣпленія и возвысилъ стѣны столицы, такъ что латиняне, сдѣлавшіе приступъ 9 апрѣля, были отбиты. 12-го, назначенъ былъ новый приступъ, и какъ стѣны съ сухаго пути были слишкомъ высоки, то осаждавшіе рѣшили, что одинъ отрядъ долженъ проникнуть въ городъ съ кораблей и открыть остальному ворота; затѣмъ уже не могло быть сомнѣнія, что въ открытомъ бою франки останутся побѣдителями. Крестоносцы долго не могли приставить къ стѣнамъ лѣстницы со стороны гавани; наконецъ, удачный порывъ вѣтра подвинулъ такъ близко къ стѣнамъ два корабля епископовъ труаскаго и суассонскаго, что съ марсовъ мачтъ можно было положить мосты на стѣну; по нимъ экипажъ перебрался на укрѣпленія. Латиняне вскорѣ завладѣли пятнадцатью бастіонами и, по условію, отворили ворота. Тогда все войско вошло въ городъ, и греки въ безпорядкѣ бѣжали по улицамъ. Однако, сами латиняне чувствовали, на сколько непріятель превосходилъ ихъ числомъ, и потому при наступленіи ночи, отступили къ завоеванной стѣнѣ. За то бѣжавшіе прежде изъ города франки воспользовались смятеніемъ, чтобъ отмстить грекамъ, и рѣзали на улицахъ всѣхъ, попадавшихся подъ руку. Отчаяніе придало грекамъ новыя силы, а чтобъ отвлечь ихъ, латиняне въ третій разъ зажгли городъ. Огонь свирѣпство-

валъ нѣсколько дней, цѣлые кварталы были обращены въ пепелъ, и побѣдители, при свѣтѣ зарева, могли грабить и убивать даже ночью. Съ первой ночи, греки сочли свое дѣло потерянным и тысячами искали спасенія въ бѣгствѣ; самъ императоръ бѣжалъ. Такимъ образомъ, двадцать тысячъ крестоносцевъ завоевали городъ съ четырьмя стами тысячъ жителей, потерявъ при этомъ одного рыцаря. Со стороны грековъ потеря тоже была, сравнительно, не велика, но за то имъ предстояло страшное бѣдствіе. Возмутительная жестокость франковъ, ихъ звѣрская и необузданная чувственность, дикая ярость, съ которою они оскверняли все святое и не святое, присоединяя къ насилію поруганіе, — всѣ эти варварства ни въ чемъ не уступали неистовствамъ, произведеннымъ османскими турками двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя: но тѣ имѣли, по крайней мѣрѣ, извиненіемъ, что въ покоренномъ городѣ видѣли столицу невѣрныхъ. Папа, въ посланіи къ войску, высказалъ свое неудовольствіе противъ такого злоупотребленія побѣдой, но какъ дѣло было уже сдѣлано, то онъ, наконецъ, благословилъ его, снявъ съ крестоносцевъ проклятіе. Добыча побѣдителей была громадна; много изъ похищеннаго скрыли, но все еще для дѣлежа осталось четыреста тысячъ марокъ. Весьма много реликвій и церковныхъ драгоцѣнностей франки взяли на родину. Но всего важнѣе было то, что значительное число художественныхъ произведеній отправилось изъ Константинополя на Западъ, и что тамъ вообще весьма распространилось знакомство съ искусствами и промышленностью Востока, такъ какъ домы, дворцы и церкви латинянъ украсились похищенными вещами. Особенно воспользовались богатствами Константинополя венеціанцы для украшенія своей ратуши и площади св. Марка; между прочимъ, тогда же было привезено въ Венецію одно изъ величайшихъ художественныхъ произведеній древности — четыре лошади, стоящія на главномъ фронтонѣ церкви св. Марка.

5. Латинская имперія въ Константинополѣ.

По взятіи Константинополя, Дандоло и крестоносцы основали государство, сходное съ возникшимъ за сто лѣтъ до того іерусалимскимъ королевствомъ, потому что также было покорено французами и представляло столь же мало условій для прочнаго существованія. Условія дѣлежа между крестоносцами и венеціанцами были заранѣе опредѣлены съ точностью; слѣдовательно, прежде всего представлялся вопросъ, кому достанется титулъ императора и ярмо невозможнаго владычества. Рѣшеніе вопроса зависѣло отъ венеціанцевъ, имѣвшихъ половину избирательныхъ голосовъ; но они были на столько умны, что не хотѣли выбрать своего дожа: имъ нужны были выгоды завоеванія, а не бремя его. Изъ крестоносцевъ только двое были въ состояніи принять и поддерживать императорское достоинство: главный предводитель, Бонифацій Монферратскій, и могущественнѣйшій изъ владѣтелей, принимавшихъ участіе въ походѣ, графъ Бальдуинъ Фландрскій. При основаніи іерусалимскаго королевства происходило почти тоже самое, и тогда избраніе имѣло гибельныя послѣдствія, потому что послѣ выбора Готтфрида Бульонскаго, Раймундъ Тулузскій, желавшій быть королемъ, своимъ упорствомъ вынудилъ многихъ рыцарей воротиться въ Европу, чѣмъ съ самаго начала ослабилъ государство. Этого хотѣли избѣжать въ Константинополѣ, и потому заставили Бонифація и Бальдуина заключить, предварительно, договоръ, въ силу котораго невыбранный императоромъ долженъ былъ получить всѣ азіатскія владѣнія имперіи и островъ Кандію (Критъ) и заранѣе признать другаго верховнымъ сюзереномъ. Принявъ эту благоразумную мѣру, приступили къ выбору. Можно было думать, что онъ падетъ на Бонифація, какъ главнаго предводителя и болѣе способнаго къ управленію, чѣмъ другіе вожди; его желали и греки. Но венеціанцы были противъ него, вѣроятно, потому, что неизбранному доставался островъ Кандія, которымъ Бальдуинъ, со своими ловкими фландрскими моряками, съумѣлъ бы воспользоваться, тогда какъ Бонифацію съ нимъ нечего было дѣлать, какъ только уступить венеціанцамъ. Такъ или иначе, Бальдуинъ былъ выбранъ императоромъ (9 мая 1204 г.) и коронованъ со всѣмъ великолѣпіемъ Востока и Запада. Вслѣдъ затѣмъ, венеціанцы приступили, согласно

договору, къ выбору патріарха и избрали духовнаго, Ѳому Морозини, принадлежавшаго къ знатному венеціанскому роду. При раздѣлѣ имперіи, императору достались городъ Константинополь, за исключеніемъ весьма значительной части, отошедшей къ венеціанцамъ, и провинція Романія (Румелія), какъ четверть, непосредственно принадлежавшая ему по договору. Остальныя три четверти раздѣлились поровну между венеціанцами и крестоносцами, какъ коронные лены, а первые прибавили къ титулу дожа: владѣтель полуторы четверти римской имперіи. Присвоивъ себѣ лучшія провинціи, венеціанцы впослѣдствіи пріобрѣли отъ Бонифація за ничтожную сумму островъ Кандію. Вообще завоеваніе греческой имперіи принесло выгоды имъ однимъ, да одни они и умѣли упрочиться въ новыхъ владѣніяхъ и извлечь изъ нихъ пользу. Въ доставшейся имъ части Константинополя, венеціанцы весьма благоразумно соединили заботу о сохраненіи своего вліянія съ неприкосновенностью гражданской свободы, о которой промышленный классъ итальянцевъ тогда сильно заботился не только у себя дома, но и въ основываемыхъ колоніяхъ. Они дали своимъ константинопольскимъ подданнымъ республиканское устройство, съ общимъ народнымъ собраніемъ и выборнымъ муниципалитетомъ, состоявшимъ изъ большаго и малаго совѣтовъ и неподчинявшагося никакой другой власти; во главѣ управленія стоялъ подеста, посылавшійся республикою Венеціей и только отъ нея одной получавшій приказанія. Гражданскіе законы были заимствованы венеціанцами, какъ и латинянами, изъ кодекса іерусалимскаго королевства, возникшаго почти при одинакихъ условіяхъ; морское право опредѣлилось законами, незадолго до того принятыми морскими итальянскими государствами изъ Барселоны и впослѣдствіи введенными во всѣхъ восточныхъ моряхъ, подъ именемъ Consolato del mare. Къ чести венеціанцевъ нужно сказать, что они воскресили въ своей константинопольской колоніи право, законъ и гражданскую свободу, составлявшіе украшеніе древней Греціи и исчезнувшіе болѣе полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Во всѣхъ другихъ своихъ греческихъ владѣніяхъ они пробудили и оживили своими учрежденіями гражданское чувство, любовь къ родинѣ, земледѣліе, промышленность, трудолюбіе и достигли того, что ихъ колоніи могли сами защищать себя. Впрочемъ, венеціанцы не подчинили всѣ доставшіяся имъ и пріобрѣтенныя впослѣдствіи земли своему непосредственному господству: они принимали вассалами французскихъ рыцарей, знатныхъ грековъ, просившихъ у нихъ защиты, поощряли своихъ нобилей дѣлать завоеванія въ греческой имперіи и основывать на островахъ и въ приморскихъ городахъ лены республики. Спустя двадцать лѣтъ по завоеваніи Константинополя, они обсуждали даже вопросъ о перенесеніи въ Грецію центра республики, но признали лучшимъ распространять и укрѣплять свое владычество въ тѣхъ странахъ, посылая туда многочисленныхъ поселенцевъ. Великій дожъ ихъ, Генрихъ Дандоло, умеръ въ Константинополѣ въ 1205 г.

На развалинахъ греческаго государства венеціанцы возводили основанія своего всемірнаго могущества, а новая латинская имперія была однимъ призракомъ и, подобно іерусалимскому королевству, быстро стремилась къ паденію. Императоръ былъ не болѣе какъ предводитель союзнаго войска и только личною храбростью въ сраженіяхъ могъ пріобрѣсти значеніе. Во внутреннихъ дѣлахъ, его во всемъ связывали венеціанцы и государственный совѣтъ, состоявшій изъ вельможъ; разногласія его съ ними рѣшались третейскимъ судомъ, избираемымъ ими и венеціанцами. Вассалы государства, какъ французы, такъ и венеціанцы, были обязаны слѣдовать за нимъ на войну только съ 24 іюня по 29 сентября, а нѣкоторые были и тогда изъяты отъ этой обязанности. Государство состояло изъ множества большихъ и малыхъ владѣній, обладатели которыхъ часто были сильнѣе императора и выходили изъ-подъ его зависимости. Бонифацій Монферратскій, обмѣнявшій свои азіатскія владѣнія на такъ называемое ѳессалоникское королевство, владѣлъ большей половиной Македоніи и Ѳессаліи и вскорѣ распространилъ свою власть на Пелопоннесъ. По смерти его Готтфридъ де Вилльгардуэнъ, племянникъ маршала, и бургундецъ Оттонъ де ла Рошъ основали значительныя княжества въ Коринѳѣ и Аѳинахъ. Всякій рыцарь, имѣвшій возможность собрать шайку, отправлялся занимать какой-нибудь городъ или гору, гдѣ ему было удобнѣе заниматься прежнимъ ремесломъ разбойника,

чѣмъ въ лѣсахъ родины. Вообще эти бо́льшіе и мелкіе владѣтели признавали только одно право меча. Особенно сильно страдали греки отъ ихъ грубости и надменности. Рыцари и ихъ люди обходились съ ними почти такъ, какъ османскіе турки съ ихъ потомками. Дикіе и буйные повелители несчастной страны производили всевозможныя безчинства и насилія надъ личностью и собственностью грековъ и яростно истребляли произведенія искусствъ, пострадавшія еще прежде отъ жены императора Алексѣя III и потомъ при взятіи Константинополя. Къ завоевателямъ присоединились новыя шайки бродягъ съ Запада, венеціанцевъ, рыцарей, или даже грековъ, вступавшихъ въ службу къ императору и основывавшихъ независимыя владѣнія, и этой добычею обогащали родныхъ, построившихъ на деньги Востока свои большія, почти неразрушимыя церкви, монастыри и замки. Рядомъ съ франками основали нѣсколько независимыхъ владѣній и греки; но они враждовали между собой и обходились съ подданными не лучше западныхъ хищниковъ или почти такъ же, какъ теперешніе турецкіе паши. Левъ Сгуръ укрѣпился въ Коринѳѣ, Аргосѣ, Навпліи и Ѳивахъ, но его наслѣдника выгнали въ 1210 г. Готтфридъ де Видльгардуэнъ и Оттонъ де ла Рошъ. Въ Эпирѣ основалъ княжество Михаилъ Комненъ, родственникъ сверженной династіи. Нѣсколько городовъ во Ѳракіи сдѣлались независимыми. Въ Трапезунтѣ создалъ новую имперію Алексѣй I, внукъ Андроника, принявшій титулъ императора. Наконецъ, въ Никеѣ царствовалъ храбрый Ѳеодоръ Ласкарисъ I, зять Алексѣя III, избранный императоромъ послѣ бѣгства Мурзуфла и черезъ нѣсколько часовъ самъ принужденный бѣжать. Онъ бросился въ Малую Азію и, соединивъ вокругъ себя лучшихъ и храбрѣйшихъ грековъ и многочисленныхъ латинскихъ искателей приключеній, основалъ въ Никеѣ и ея окрестностяхъ государство, которое не только упрочилъ за собою, но и передалъ наслѣдникамъ.

Обращаясь отъ этого поверхностнаго общаго обзора къ частностямъ, мы видимъ уже въ самомъ началѣ сильный раздоръ между императоромъ и могущественнѣйшимъ изъ его вассаловъ, Бонифаціемъ Монферратскимъ. Бальдуинъ не хотѣлъ уступить Бонифацію въ безусловное владѣніе городъ Ѳессалонику, что непремѣнно произвело бы войну, если бы умный Готтфридъ Виллгардуэнъ не устранилъ несогласія. Въ то же время, Бальдуинъ долженъ былъ дѣйствовать противъ обоихъ греческихъ императоровъ, Алексѣя III и Мурзуфла, спасшихся на сѣверѣ государства. Мурзуфлъ безъ всякаго труда былъ выгнанъ изъ занятыхъ имъ городовъ Романіи и отправился искать помощи у Алексѣя. Онъ разсчитывалъ найти хорошій пріемъ, такъ какъ, похитивъ престолъ, женился на одной изъ дочерей Алексѣя, разумѣется, не спроса согласія отца. Но Алексѣй воспользовался этимъ родствомъ, чтобъ отдѣлаться отъ соперника. Подъ видомъ дружбы заманивъ зятя въ лагерь, онъ лишилъ его зрѣнія и присоединилъ къ себѣ его войска. Слѣпой и всѣми оставленный, Мурзуфлъ хотѣлъ пробраться въ Азію, но попался въ руки латинянъ и былъ казненъ ими въ Константинополѣ (1204 года), какъ убійца ихъ друга, Алексѣя IV. Тесть и противникъ его, видя невозможность бороться съ латинянами, обратился сперва къ Льву Сгуру, потомъ былъ взятъ въ плѣнъ и выкупленъ Михаиломъ Комненомъ Эпирскимъ, но, поссорясь съ нимъ, отправился въ Азію и нашелъ убѣжище у иконійскаго султана, такъ какъ его зять, Ѳеодоръ Ласкарисъ, не хотѣлъ и слышать о немъ. Султанъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ отнять у Ласкариса часть владѣній, но былъ разбитъ имъ на голову (1210 г.), причемъ Алексѣй попалъ въ плѣнъ къ зятю и былъ посаженъ имъ въ монастырь, гдѣ и умеръ. Всю жизнь дѣлая мерзости, онъ, самъ того не зная, оказалъ великую услугу своему народу: счастливая война съ иконійскимъ султаномъ, причиною которой былъ онъ, развязала Ѳеодору Ласкарису руки въ Азіи и дала ему возможность направить всѣ силы противъ латинянъ.

Латинскій императоръ Бальдуинъ кончилъ еще несчастнѣе, чѣмъ его сверженный предшественникъ. Ѳракійскіе греки жаждали освободиться отъ удручавшаго ихъ гнета, и когда силы латинянъ разсѣялись, а братъ императора, Генрихъ, былъ посланъ въ Азію, сдѣлали попытку сбросить латинское иго. Они искали помощи бывшихъ злѣйшихъ враговъ своихъ, болгаръ, влаховъ и кумановъ, и побудивъ ихъ короля, Ивана I, къ вторженію въ латинскіе предѣлы, съ яростью возстали противъ притѣснителей. Получивъ о томъ извѣстіе, Баль-

дуинъ поспѣшилъ къ центру возстанія, Адріанополю, хотя при немъ было всего 180 рыцарей; къ нему присоединился Дандоло съ небольшимъ войскомъ. Вмѣсто того, чтобы ожидать подкрѣпленій, онъ началъ осаду города и вскорѣ былъ окруженъ многочисленнымъ болгарскимъ войскомъ. Въ порывѣ необдуманной храбрости, онъ поддался на обыкновенную хитрость кумановъ, и съ небольшимъ числомъ спутниковъ пустился преслѣдовать непріятелей, бѣжавшихъ въ разсыпную. Черезъ два часа легко вооруженные куманскіе всадники внезапно поворотили назадъ, напали на измученныхъ рыцарей, уничтожили почти весь отрядъ и взяли въ плѣнъ Бальдуина (1205 г.). Весьма не многіе успѣли возвратиться къ своимъ товарищамъ, оставшимся у Адріанополя. Эта небольшая горсть, тѣснимая со всѣхъ сторонъ врагами, совершила подъ предводительствомъ Готтфрида де-Виллгардуэна мастерское отступленіе. Никогда, за исключеніемъ дѣяній Кортеса и Пизарро въ Америкѣ. не выказывались въ столь блестящемъ свѣтѣ, какъ тогда, превосходное искусство рыцарей, ихъ умѣнье владѣть оружіемъ и неодолимое мужество. Конечно, доля славы принадлежитъ уму и опытности Готтфрида. Безчисленныя полчища болгаръ, влаховъ, кумановъ и грековъ не осмѣлились даже сдѣлать нападенія на отступающихъ рыцарей. Однако, они наводнили сѣверныя провинціи и, опустошая все на пути, подходили къ стѣнамъ столицы, которая была въ опасности, не имѣя защитниковъ. Напрасно правительство старалось удержать семь тысячъ крестоносцевъ, возвращавшихся въ это самое время изъ Палестины черезъ Константинополь: они не согласились остаться. Тогда послали депутатовъ во Францію съ мольбами о помощи, вернули изъ Азіи брата императора, Генриха, и назначили его правителемъ. Возвратясь въ Константинополь, Генрихъ со своимъ маленькимъ войскомъ сдѣлалъ всевозможное, чтобы помочь бѣдѣ. Бонифацій также поспѣшилъ изъ Пелопоннеса для защиты своихъ сѣверныхъ провинцій. Восемь мѣсяцевъ, какъ дикіе звѣри, неистовствовали куманы, не дѣлая различія между греками и латинянами. Наконецъ новому правителю удалось разбить ихъ (августъ 1206 г.), но тогда болгарскій царь Иванъ страшнымъ образомъ вымѣстилъ свою злобу на плѣнномъ Бальдуинѣ. Иннокентій III въ началѣ плѣна пытался вступиться за императора; признавъ Ивана царемъ и тѣмъ поставивъ его на ряду съ другими государями, папа счелъ себя въ правѣ выговаривать ему за вторженія въ латинскіе предѣлы и настоятельно требовалъ освобожденія Бальдуина; но Иванъ, у котораго, очевидно, было столько же искусныхъ людей, какъ у папы, весьма ловко отказалъ ему. Разгнѣванный пораженіемъ, Иванъ велѣлъ отрубить Бальдуину руки и ноги и бросить его въ глубокій ровъ, гдѣ несчастный императоръ, заживо пожираемый птицами, умеръ только на третій день.

Узнавъ о смерти Бальдуина, латиняне единогласно выбрали императоромъ его брата, Генриха (1206 г.). Онъ съ самаго начала обнаружилъ таланты, которыхъ неблагодарные греки никогда не цѣнили по достоинству. Защита государства доставила ему тѣмъ болѣе славы, что венеціанцы, заботясь только о себѣ, предоставили его собственнымъ силамъ. Прежде всего онъ тѣсно соединился, посредствомъ брака, съ сильнѣйшимъ вассаломъ имперіи, Бонифаціемъ Монферратскимъ, вскорѣ погибшимъ геройскою смертью въ войнѣ съ куманами и влахами. Потомъ, напавъ на владѣнія варваровъ, онъ отстранилъ опасность, грозившую имперіи вслѣдствіе союза Ивана съ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ необыкновенныхъ усилій помѣшалъ союзу его съ Львомъ Сгуромъ. Затѣмъ онъ возстановилъ въ ея правахъ вдову Бонифація, вытѣсненную миланскимъ графомъ Бландрате. Но главнымъ предметомъ его заботъ были греки. Онъ управлялъ ими съ нижнегерманскою честностью, предоставилъ имъ равныя права и льготы съ латинянами, ревностно заботясь о ненарушимости этихъ правъ, открылъ грекамъ доступъ ко двору, принималъ ихъ въ войско, назначалъ на высшія должности и защищалъ свободу совѣсти отъ насилій папскаго легата, который, желая обратить грековъ въ католицизмъ, заперъ ихъ церкви и монастыри и наполнилъ темницы греческимъ духовенствомъ. Генрихъ уничтожилъ распоряженія легата и предоставилъ грекамъ во всемъ государствѣ полную свободу богослуженія. За то и греки служили ему противъ потомка своихъ прежнихъ тирановъ, тогда какъ алчные воины Запада стремились къ Ѳеодору Ласкарису, лучше платившему имъ. Такимъ образомъ произошло любопытное

явленіе, что каждый изъ двухъ императоровъ дѣйствовалъ противъ другаго его же соотечественниками. Охраняя съ умомъ, справедливостью и мужествомъ свое государство внутри и извнѣ, Генрихъ въ тоже время пользовался Инновентіемъ III для полученія подкрѣпленій съ Запада и для убѣжденія духовенства и бароновъ имперіи содѣйствовать его планамъ. Съ тѣмъ же самымъ папой велъ переписку и хитрый Ѳеодоръ Ласкарисъ, убѣждавшій Иннокентія не препятствовать его вербовкамъ на Западѣ; но когда папа старался убѣдить его дружескими письмами подчиниться Генриху, благочестивый сынъ остался глухъ къ увѣщаніямъ святаго отца. При этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на всеобъемлющій умъ и необычайную дѣятельность Иннокентія. Изъ оставшихся послѣ него бумагъ видно, что онъ переписывался со всѣми концами греческой имперіи, защищалъ духовенство отъ хищничества владѣтелей и ихъ солдатъ, грековъ отъ латинянъ и латинянъ отъ грековъ, твердилъ всѣмъ объ исполненіи предписаній правительства и скрѣплялъ всѣ договоры. Зная, что все это происходило въ то время, какъ во Франціи начались кровавыя преслѣдованія альбигойцевъ, поглощавшія все вниманіе папы, что въ то же время онъ имѣлъ важныя несогласія съ Іоанномъ Безземельнымъ, кончившіяся униженіемъ англійскаго короля, и съ величайшими усиліями старался противодѣйствовать распространявшейся тогда философіи Аристотеля, — можно представить себѣ, каковъ долженъ былъ быть умъ, способный вести дѣла съ цѣлымъ міромъ.

Счастье благопріятствовало Генриху. Государство, основанное Львомъ Сгуромъ въ Пелопоннесѣ, было уничтожено Готтфридомъ де Вилльгардуэномъ и Оттономъ де ла Рошъ; на сѣверѣ, судьба освободила грековъ и латинянъ отъ свирѣпаго Ивана Болгарскаго (1207 г.), а его преемникъ заключилъ съ Генрихомъ миръ. Затѣмъ оставались два опасныхъ для безсильной имперіи врага: Ѳеодоръ Ласкарисъ Никейскій и Михаилъ Комненъ Эпирскій. Хитрый и храбрый Ласкарисъ былъ чрезвычайно искусенъ въ военномъ дѣлѣ и умѣлъ придать своему государству прочность, о которой нельзя было и думать латинской имперіи. Съ нимъ Генрихъ заключилъ миръ (1214 г.), соблюдавшійся до самой его смерти. Напротивъ, съ Михаиломъ Комненомъ, царствовавшимъ подъ именемъ деспота (властителя) надъ Эпиромъ, Этоліей и Акарнаніей, императоръ находился въ безпрерывной враждѣ. Только однажды, будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Михаилъ подчинялся ему, но въ слѣдующемъ же году (1210 г.) нарушилъ миръ и возобновилъ военныя дѣйствія. Напавъ внезапно на стараго Готтфрида де Вилльгардуэна и сто другихъ рыцарей, онъ взялъ ихъ въ плѣнъ, распялъ Готтфрида на крестѣ, а остальныхъ засадилъ въ темницу, и потомъ вторгся въ латинскіе предѣлы, грабя и опустошая все на пути. Искусный политикъ, онъ покровительствовалъ духовенству все время, пока оно было преслѣдуемо папскимъ легатомъ, а незадолго до смерти (1216 г.) призвалъ изъ Никеи своего своднаго брата, Ѳеодора, показавшаго, сдѣлавшись эпирскимъ деспотомъ, чему онъ выучился въ военной школѣ Ласкариса. Онъ началъ свое блистательное правленіе завоеваніями въ Ѳессаліи и Иллиріи. Генрихъ поспѣшилъ лично противъ него, но заболѣлъ въ дорогѣ и умеръ лѣтомъ 1216 г. въ Ѳессалоникѣ. Его смерть была тѣмъ бо́льшимъ несчастіемъ для латинской имперіи, что чрезъ нѣсколько недѣль умеръ и Иннокентій III, неутомимо заботившійся о новыхъ владѣніяхъ папскаго престола на Востокѣ.

Генрихъ не оставилъ дѣтей. Слѣдуя исконному германскому обычаю выбирать своихъ государей по родству, государственные чины провозгласили императоромъ ближайшаго родственника обоихъ умершихъ государей, графа намюрскаго Петра де Куртнэ (Courtenay), мужа ихъ старшей сестры, Іоланты, и близкаго родственника французской королевской и германской императорской фамиліи. Онъ былъ такъ бѣденъ, что долженъ былъ продать часть владѣній, чтобъ явиться въ имперію съ приличною свитою, и все-таки не имѣлъ, чѣмъ заплатить за переѣздъ. Въ крайности, онъ обратился къ венеціанцамъ, перевезшимъ въ Константинополь его семейство, а тѣ воспользовались его путешествіемъ для похода противъ Дураццо, отнятаго у нихъ Ѳеодоромъ Эпирскимъ. Предпріятіе не удалось. Тогда Петръ де Куртнэ отправился, вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ, сухимъ путемъ и попалъ въ плѣнъ къ эпирскому деспоту. Ни папа, ни венеціанцы не заботились о плѣнномъ императорѣ больше, чѣмъ сколько

этого требовало приличіе. Венеціанцы и въ этомъ и въ другихъ случаяхъ слѣдовали только своей торговой политикѣ. Кто благопріятствовалъ ихъ торговлѣ, считался ихъ другомъ, былъ ли онъ язычникъ, іудей, мухаммеданинъ или грекъ; кто мѣшалъ имъ, считался врагомъ, будь это братъ или самъ папа. На этомъ основаніи, они были въ союзѣ даже съ Ѳедоромъ Ласкарисомъ и иконійскимъ султаномъ, хотя ради приличія называли эти отношенія не миромъ, а перемиріемъ. Поэтому же они играли роль въ торговлѣ всѣхъ портовъ Чернаго моря, на малоазійскомъ, сирійскомъ и египетскомъ берегахъ, въ Испаніи, Франціи, Фландріи и Англіи. Во всѣхъ этихъ пунктахъ они имѣли свои торговые законы, права и судъ и b a i l o или консуловъ, которые съ участіемъ двухъ, а въ важныхъ случаяхъ и большаго числа нобилей производили расправу надъ жившими тамъ венеціанцами и разбирали ихъ торговые споры. Они, естественно, не отступили, изъ любви къ особѣ императора, отъ своихъ принциповъ и не сдѣлали рѣшительнаго шага для его освобожденія. Такимъ же образомъ дѣйствовалъ и Г о н о р і й III. Онъ писалъ къ Ѳеодору Эпирскому, старался доказать ему, какъ неблагоразумно съ его стороны прерывать начатыя его предшественникомъ сношенія съ римскимъ дворомъ, упрекалъ за вѣроломное взятіе въ плѣнъ императора и легата и требовалъ освобожденія послѣдняго, не упоминая ни слова объ освобожденіи перваго. Вообще о несчастномъ императорѣ такъ мало заботились, что мы даже не знаемъ времени его смерти. Легата Ѳеодоръ выпустилъ, когда папа сталъ проповѣдывать противъ него священную войну и уже собралъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Чтобы отклонить грозу, Ѳеодоръ даже показалъ видъ, что думаетъ обратиться къ католической церкви. Папа, руководимый только личными разсчетами, вдался въ обманъ и подъ угрозою отлученія заставилъ крестоносцевъ прекратить враждебныя приготовленія противъ эпирскаго деспота.

Получивъ извѣстіе о смерти Петра, бароны избрали императоромъ его старшаго брата, Филиппа Намюрскаго (1210 г.). Но онъ отказался отъ пустаго титула, и тогда отправленные къ нему депутаты убѣдили вступить на престолъ его младшаго брата, Р о б е р т а (1221 г.). Положеніе государства было хуже, чѣмъ когда-либо. Ѳеодоръ Эпирскій отнялъ у сына Бонифація Монферратскаго его владѣнія, покорилъ всю Ѳессалію, и Македонію Ѳракію до Адріанополя и принялъ титулъ греческаго императора (1222 г.). Съ Востока, повидимому, опасности не было, такъ какъ Ѳедоръ Ласкарисъ женился, за два года предъ тѣмъ, на сестрѣ Роберта и, по пріѣздѣ его въ Константинополь, помолвилъ за него свою дочь. Но въ слѣдующемъ же году Ѳеодоръ Ласкарисъ умеръ (1222 г.), и положеніе совершенно измѣнилось. Преемникъ Ѳеодора, мужъ его старшей дочери, І о а н н ъ В а т а ц і й, перемѣнилъ политику и разстроилъ предполагавшійся бракъ. Онъ оставался въ союзѣ съ венеціанцами до тѣхъ поръ, пока не создалъ себѣ флота, а тогда сталъ занимать одинъ за другимъ острова и приморскіе города латинской имперіи и, пристава къ незащищеннымъ мѣстностямъ, высаживалъ тамъ войска, побѣдоносно проникавшія во внутреннія провинціи. Тѣснимый Ватаціемъ и Ѳеодоромъ Эпирскимъ, Робертъ обращался къ посредничеству папы, чтобъ получить помощь съ Запада. Гонорій III дѣлалъ все, что могъ: подъ страхомъ отлученія, онъ запрещалъ вступить въ службу къ Ѳеодору Эпирскому и обѣщалъ отправляющимся въ Константинополь такое же отпущеніе грѣховъ, какъ іерусалимскимъ крестоносцамъ; но ни то, ни другое не дѣйствовало, потому что недавній неудачный крестовый походъ въ Египетъ поколебалъ на Западѣ довѣріе къ папѣ и его военнымъ предпріятіямъ. Къ счастью для латинской имперіи, бывшей тогда недалеко отъ погибели, оба враждебные ей греческіе императоры поссорились между собой. Съумѣй Робертъ воспользоваться этой распрей, падающее государство могло бы значительно поправиться; но это былъ грубый, неуклюжій человѣкъ, слѣдовавшій только внушеніямъ необузданныхъ страстей и не умѣвшій заставить себя слушаться даже въ особенномъ дворцѣ. Прійдя въ отчаяніе отъ неповиновенія слугъ и чиновниковъ, онъ оставилъ государство на произволъ судьбы и уѣхалъ въ Римъ, а потомъ, слѣдуя совѣту папы, хотѣлъ было вернуться въ Константинополь, но на дорогѣ умеръ (1228 г.).

Третьему брату Петра де Куртнэ, Б а л ь д у и н у II, было одиннадцать лѣтъ, когда умеръ Робертъ. Его признали императоромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумали о томъ, на кого бы возложить бремя управленія и предводительство надъ

войскомъ. На это мѣсто, вѣроятно, по указанію папы, избрали графа Іоанна Бріеннскаго, который былъ выбранъ въ 1208 г. королемъ іерусалимскимъ, пріѣхалъ въ 1223 г. въ Италію и выдалъ дочь свою за германскаго императора Фридриха II, но смертельно поссорился съ нимъ, когда Фридрихъ принялъ титулъ іерусалимскаго короля. Не смотря на свои 80 лѣтъ, Іоаннъ обладалъ еще врожденною дѣятельностью и необычайною силою, а будучи іерусалимскимъ королемъ, пріобрѣлъ, по крайней мѣрѣ, навыкъ командывать феодальнымъ войскомъ и защищать угрожаемое со всѣхъ сторонъ государство. Приглашеніе пришлось ему тѣмъ болѣе кстати, что по возвращеніи Фридриха изъ Палестины ему нельзя было оставаться въ Италіи. По договору, заключенному съ государственными чинами, онъ долженъ былъ управлять, какъ настоящій императоръ, выдать вторую дочь за Бальдуина и принять его своимъ намѣстникомъ. Въ Константинополѣ онъ нашелъ истощенную казну, пустые магазины, анархію между латинянами и вѣроломство со стороны грековъ, даже тѣхъ, которые пользовались милостями Генриха и Роберта. Потому въ первое время онъ ничего не могъ предпринять и долженъ былъ даже распустить часть наемниковъ, приведенныхъ имъ изъ Италіи и Франціи. Наконецъ, подданные принудили его прервать миръ съ Никеей и отправиться въ Малую Азію. Походъ этотъ, по незначительности латинскаго войска, кончился ничѣмъ, но былъ поводомъ къ заключенію союза между греческимъ императоромъ и болгарскимъ царемъ Иваномъ Асаномъ. Ихъ соединенныя войска дважды подступали къ Константинополю. Въ первый разъ, въ городѣ было всего 180 рыцарей, и только необычайная храбрость Іоанна, сдѣлавшаго вылазку, вмѣсто того чтобъ защищаться за стѣнами, спасла столицу, а съ ней и государство. Во второй разъ осажденнымъ помогли вассалы и союзники; но и тогда Іоаннъ дѣйствовалъ геройски. Вслѣдъ за тѣмъ, къ счастью латинянъ, между противниками ихъ начался раздоръ, и болгарскій царь даже соединился съ своими врагами. Чрезъ годъ послѣ второй осады, Іоаннъ умеръ (1237 г.), оставивъ государство почти въ томъ же положеніи, въ какомъ принялъ его.

Молодой Бальдуинъ, сдѣлавшись императоромъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ странствовалъ по Европѣ, выманивая у папы и королей денегъ и войска для падающаго государства. Ему было трудно собрать войско, и приходилось много униженій; особенно неблагопріятна была для его дѣла вражда императора Фридриха II съ папою, такъ какъ Фридрихъ смотрѣлъ непріязненно на все исходившее отъ папы. Когда, наконецъ, Бальдуинъ сформировалъ порядочное войско и послалъ часть его впередъ, подъ предводительствомъ Іоанна Бетюнскаго, императоръ весьма долго задерживалъ это войско, прежде чѣмъ пропустилъ въ Ломбардію и Венецію, полагая, что оно идетъ на помощь къ безпокойнымъ ломбардскимъ городамъ или къ папѣ. Такъ пропало много времени, а въ Венеціи Іоаннъ Бетюнскій умеръ и войско разсѣялось. Послѣ папы больше всѣхъ принималъ участіе въ нищемъ императорѣ французскій король, Людовикъ IX. Онъ помогъ Бальдуину деньгами и выкупилъ величайшую святыню латинской имперіи, терновый венецъ Спасителя, заложенный баронами въ минуту нужды одному венеціанцу за 10,000 золотыхъ. Людовикъ заплатилъ еще большую сумму, а за это подданные и современники осыпали его похвалами. Чтобы добыть денегъ, Бальдуинъ заложилъ свое намюрское графство и, наконецъ, отправился съ довольно многочисленнымъ войскомъ въ Константинополь чрезъ Германію и Венгрію. Болгары, между тѣмъ, снова разсорились съ латинянами, и латиняне не постыдились заключить противъ нихъ союзъ съ куманскими ордами, проникшими тогда, съ огнемъ и мечомъ, во внутренность Македоніи. Намѣстникъ имперіи, Наржо де Туси, даже женился на дочери куманскаго предводителя, на могилѣ котораго были принесены въ жертву восемь латинянъ, а потомъ пировалъ съ варварами и заключилъ съ ними союзъ среди отвратительнѣйшихъ церемоній; то же долженъ былъ сдѣлать и самъ Бальдуинъ. Императоръ и его бароны, куманскій князь и начальники ордъ, пустили себѣ кровь и выпили ее, смѣшавъ съ водою и виномъ; потомъ разрубили на куски собаку и пожелали, чтобы то же самое было съ нарушителями союза. Бальдуинъ предпринималъ послѣ того нѣсколько экспедицій, но вскорѣ казна его истощилась, и онъ принужденъ былъ распустить приведенныхъ съ Запада наемниковъ, которые поступили тогда на службу къ его противнику, Ватацію. Бальдуинъ сталъ искать помощи у иконій-

ского султана, которому даже обѣщалъ для его гарема одну изъ своихъ племянницъ,—такъ затруднительно было его положеніе,—а затѣмъ опять отправился нищенствовать по Италіи и Франціи, но чрезъ четыре года вернулся въ Константинополь, ничего не добившись. Ватацій между тѣмъ вытѣснилъ болгаръ изъ Ѳракіи, запялъ Македонію и Ѳессалію, заставилъ эпирскаго деспота отказаться отъ императорскаго титула, взялъ его въ плѣнъ и подчинилъ себѣ остальныхъ членовъ эпирской династіи. Бальдуинъ еще разъ ѣздилъ на Западъ, и опять понапрасну; до самой смерти этотъ несчастный императоръ находился въ положеніи, тяжкомъ и унизительномъ даже для частнаго человѣка: передѣлавъ въ монету весь находившійся въ Константинополѣ металъ, какова бы ни была цѣнность работы, заложивъ, съ разрѣшенія папы, церковныя имѣнія, онъ кончилъ тѣмъ, что жилъ съ женою милостыней, вымоленной имъ у французской королевы.

Пока константинопольская имперія приходила подъ управленіемъ латинянъ въ болѣе и болѣе жалкое состояніе, никейское государство достигло при Ватаціи рѣдкихъ въ тѣхъ странахъ силы и процвѣтанія. Достигнувъ могущества, Ватацій отлично воспользовался имъ. Онъ посвятилъ свои послѣдніе годы заботамъ о внутреннемъ устройствѣ государства и старался возстановить земледѣліе, а съ нимъ и благосостояніе, въ прекрасныхъ, но опустошенныхъ провинціяхъ Малой Азіи. Хозяйство, заведенное имъ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, было такъ хорошо, что доходами съ него покрывались всѣ расходы двора. Подданные слѣдовали примѣру государя, и никейскія провинціи наслаждались благосостояніемъ, тогда какъ сосѣднія турецкія страны бѣдствовали отъ нищеты. Ватацій понялъ также, что для пріобрѣтенія господства надъ всей бывшей имперіей слѣдуетъ беречь латинянъ, составлявшихъ значительную и лучшую часть войска, водворившихся повсюду цѣлыми колоніями и основавшихъ, какъ на Западѣ, маленькія воинственныя династіи и городскія общины. Поэтому онъ ввелъ въ своемъ государствѣ принятые латинянами іерусалимскіе законы и чуждые до тѣхъ поръ грекамъ суды пэровъ и ордаліи. Этимъ онъ отучилъ подданныхъ отъ деспотизма, пріучивъ ихъ къ воинской дисциплинѣ западнаго рыцарства. Умирая (1255 г.), Ватацій оставилъ никейское государство несравненно болѣе могущественнымъ, чѣмъ латинская имперія; но сынъ и преемникъ его, Ѳеодоръ II Ласкарисъ, испортилъ многое своей запальчивостью и строгостью и приготовилъ революцію, совершившуюся послѣ его смерти. Исключительное положеніе Никеи требовало большой осмотрительности въ управленіи. Она сдѣлалась центромъ греческихъ патріотовъ, въ ней нашла опору народная религія, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ греческой имперіи господствовалъ католицизмъ; сюда же стремились и смѣлые латинскіе и греческіе искатели приключеній, получавшіе долю въ добычѣ, имѣвшіе участіе въ управленіи и, наконецъ, сдѣлавшіеся весьма сильными. Оба прежніхъ императора, понимая особенности этого положенія, дѣйствовали весьма осторожно. Ѳеодоръ II, желая выказывать всюду свою власть, поступалъ иначе и вызвалъ этимъ смуты. Съ дикимъ произволомъ и жестокостью преслѣдовалъ онъ самыхъ заслуженныхъ людей, а между тѣмъ доставилъ огромное вліяніе фамиліи Музало, занявшей важнѣйшія мѣста и внушавшей многимъ опасенія, чтобы монархія не перешла въ олигархію. По завѣщанію Ѳедора, опека надъ его девятилѣтнимъ сыномъ и наслѣдникомъ должна была достаться главѣ этой фамиліи, Георгу Музало, вмѣстѣ съ патріархомъ Арсеніемъ (1259 г.). Это распоряженіе было причиной паденія Ласкарисовъ. Хотя Ѳеодоръ и заставилъ вельможъ три раза присягнуть въ томъ, что его воля будетъ исполнена, но тѣмъ не менѣе тотчасъ по его смерти ожесточенная знать умертвила всю фамилію Музало и передала регентство Михаилу Палеологу, предки котораго играли важную роль еще за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ при воцареніи Комненовъ (т. II стр. 577). Михаилъ былъ предводителемъ наемныхъ западныхъ войскъ и не разъ возбуждалъ подозрѣнія къ Ватаціи; и не рѣшаясь оставаться въ Никеѣ при Ѳеодорѣ II, онъ ушелъ при его воцареніи къ туркамъ. Но значеніе его и вліяніе на народъ были такъ велики, что Ѳеодоръ долженъ былъ призвать его обратно. Сдѣлавшись правителемъ, онъ роздалъ важнѣйшія мѣста роднымъ и друзьямъ, привязалъ къ себѣ деньгами войско и чрезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Ѳеодора былъ провозглашенъ ими

императоромъ. Патріархъ протествовалъ, но долженъ былъ уступить и короновалъ Михаила, взявъ съ него обѣщаніе пощадить ребенка. Однако чрезъ два года, Михаилъ велѣлъ ослѣпить и заключить въ крѣпость молодаго принца. Тогда патріархъ сложилъ съ себя санъ и ушелъ въ монастырь. Съ Михаиломъ на запятнанный кровью греческій престолъ взошла послѣдняя династія Палеологовъ (1259 г.).

Новый императоръ, еще прежде пользовавшійся популярностью, съумѣлъ скоро привязать къ себѣ подданныхъ и упрочить свою власть. Онъ былъ щедръ, но не отягощялъ государство налогами; упростивъ свой домашній бытъ, онъ сдѣлалъ тѣмъ значительныя сбереженія и уважалъ права гражданъ даже тогда, когда они приходили въ столкновеніе съ его собственною властью, такъ что однажды, подобно Августу, лично явился въ судъ для оправданія. Готовясь къ ниспроверженію латинской имперіи и завоеванію Константинополя, онъ заключилъ союзъ съ генуэзцами и совершилъ нѣсколько походовъ противъ эпирскихъ владѣтелей. Генуэзцы были ему необходимы противъ ихъ старинныхъ враговъ, венеціанцевъ, составлявшихъ главную опору латинской имперіи. Оба эти народа давно не любили другъ друга, и безпрестанныя ссоры ихъ въ иностранныхъ гаваняхъ не разъ переходили въ открытую войну. Такъ, въ 1256 г. споръ за владѣніе церковью святой Сабы въ Акрѣ вызвалъ между ними упорную войну; они уничтожали другъ у друга склады и корабли, вступали въ кровопролитныя морскія битвы, и только послѣ двухлѣтней борьбы, уступая совѣтамъ папы, заключили пятилѣтнее перемиріе; при этомъ генуэзцы должны были согласиться на тяжелыя условія и, разумѣется, остались сильно ожесточенными противъ венеціанцевъ. Союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ былъ для нихъ какъ нельзя болѣе кстати, и хотя еще не истекъ срокъ перемирія, они приняли предложеніе императора (1261 г.), обязавшись помочь флотомъ при осадѣ Константинополя, взамѣнъ тѣхъ же правъ, какими венеціанцы пользовались тамъ при латинянахъ. Однако императору не пришлось воспользоваться ихъ непосредственною помощью; завоеваніе столицы было результатомъ его походовъ противъ эпирскаго владѣтеля, Михаила II, который возсталъ на никейскаго императора, и, получивъ подкрѣпленіе отъ двухъ своихъ зятьевъ, сицилійскаго короля Манфреда и ахайскаго князя Вильгельма де Вилльгардуэна, вторгся въ Ѳессалію. Императоръ тотчасъ же двинулся противъ враговъ, а вѣроломный Михаилъ, въ минуту опасности, покинулъ союзниковъ. Вильгельмъ, пришедшій на помощь тестю, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ, и купилъ свою свободу уступкою нѣсколькихъ крѣпостей въ Пелопоннесѣ. Такимъ образомъ и здѣсь Михаилъ Палеологъ сталъ твердой ногой. Въ слѣдующемъ году, когда эпирскій владѣтель снова взялся за оружіе, онъ отправилъ противъ него брата; но, опасаясь сношеній возставшаго вассала съ влахами, послалъ во Ѳракію небольшой наблюдательный корпусъ подъ начальствомъ Алексѣя Стратегопула. Этотъ отрядъ совершенно неожиданно овладѣлъ Константинополемъ.

Михаилъ Палеологъ пытался самъ, въ предшествовавшемъ году, взять Константинополь, но былъ отбитъ и заключилъ съ Бальдуиномъ перемиріе. Разсчитывая на это, венеціанцы и большинство латинянъ отправились въ отдаленный походъ, и Алексѣй Стратегопулъ счелъ эту минуту удобной для неожиданнаго нападенія на столицу; о перемиріи онъ не заботился; что значили въ то время и въ тѣхъ странахъ договоры и обязательства? Онъ зналъ, что Палеологъ имѣлъ въ столицѣ связи, а греки горѣли нетерпѣніемъ сбросить съ себя латинское иго. Успливъ свой отрядъ на Геллеспонтѣ прибрежными жителями, независимыми отъ обоихъ императоровъ и промышлявшими контрабандой и разбоемъ, онъ быстро двинулся на Константинополь, гдѣ никто не ожидалъ нападенія, приблизился къ нему въ темнотѣ и, пославъ нѣсколькихъ человѣкъ взлѣсть на стѣны и отпереть ворота, вошелъ въ городъ почти безъ сопротивленія. Пожаромъ и грабежомъ онъ навелъ такой страхъ на латинянъ, что, считая его войско гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, они съ самаго начала отчаялись въ своей участи. Бальдуинъ, вмѣсто того, чтобъ искать геройской смерти во главѣ небольшаго числа вѣрныхъ рыцарей, спрятался во дворцѣ и потомъ спасся на кораблѣ, отвезшемъ его въ Италію. Черезъ три недѣли Михаилъ Палеологъ торжественно вступилъ въ Константинополь, перенесъ туда свою столицу и, съ свойственнымъ ему искусствомъ, началъ быстро залечивать раны государства. Прежде всего онъ

выполнилъ свои обязательства въ отношеніи къ генуезцамъ, отдалъ имъ, въ полное владѣніе, предмѣстья Перу и Галату и предоставилъ даже имѣть тамъ свое всйско, а затѣмъ утвердилъ за венеціанцами и пизанцами ихъ кварталы, давъ имъ льготу отъ податей и самостоятельный судъ. Замѣчателенъ анекдотъ, передаваемый однимъ историкомъ того времени, и вѣроятно не вымышленный. Когда при дворѣ Михаила получили извѣстіе о взятіи Константинополя, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ государственныхъ людей вмѣсто того, чтобы радоваться, сталъ горько жаловаться, говоря: «Что я слышу? За что такая напасть? какими грѣхами навлекли мы на себя гибель? теперь, когда Константинополь въ рукахъ грековъ, гибнетъ всякая надежда». Онъ полагалъ, что все бросится въ столицу и впадетъ тамъ въ прежнее растлѣніе, — и былъ правъ. Все потянулось въ Европу и уже спустя два десятилѣтія по взятіи Константинополя въ Малой Азіи утвердились османскіе турки, исторія которыхъ вскорѣ поглотила въ себѣ исторію греческаго государства.

Императоръ Бальдуинъ и его потомки блуждали по Европѣ, тщетно моля папъ и королей о помощи, и наконецъ, продали свои права, перешедшія сперва къ анжуйскому дому, а потомъ Франціи. Самъ Бальдуинъ умеръ въ 1272 году. Мелкія латинскія вассальныя государства были уничтожены потокомъ времени.

6. Исторія Эюбидовъ и христіанскихъ предпріятій на востокѣ отъ смерти Саладина до Людовика IX.

Саладинъ, умершій въ Дамаскѣ къ 1193 г., основалъ обширное мухаммеданское государство, въ составъ котораго вошли Египетъ, Сирія и Іеменъ; но жители Дамаска вѣрно судили о положеніи этого государства, горько оплакивая кончину его основателя. На Востокѣ все зависитъ отъ одного человѣка. Его не стало, новаго господина не было, значитъ, судьба владѣній должна была рѣшиться мечомъ. Убійство и война начались скоро и свирѣпствовали до тѣхъ поръ, пока не угасъ родъ Эюбидовъ. Сыновья, братья и племянники Саладина раздѣлили между собой царство. Старшій сынъ, Афдалъ, получилъ Дамаскъ и Іерусалимъ; второй, Азизъ,—Египетъ; третій, Дагеръ,—Алеппо; дядя ихъ, Адель, сдѣлался повелителемъ области на Евфратѣ, и многіе другіе родственники Саладина овладѣли разными странами и городами. Владѣтель Египта долженъ былъ быть главою надъ всѣми, но на это у него не было силъ. Эюбиды часто враждовали между собой, и ни одинъ изъ нихъ не слѣдовалъ мудрому наставленію, данному Саладиномъ при прощаньи младшему сыну. Вотъ что сказалъ онъ Дагеру, по свидѣтельству его довѣреннаго писца: «Завѣщаю тебѣ благоговѣть предъ высшимъ существомъ, источникомъ всякаго блага. Исполняй его заповѣди: въ немъ твое спасеніе. Не проливай крови и не прими душегубство на главу твою; пролитая кровь не засыпаетъ. Сохрани себѣ сердца подданныхъ и заботься прилежно объ ихъ благѣ: они вѣрены Богомъ и мною твоему попеченію. Будь ласковъ съ князьями и начальниками; кротостью и дружелюбіемъ достигъ я вершины власти. Ни къ кому не питай въ себѣ злобы, потому что смерть унесетъ всѣхъ. Никого не обижай; люди не прощаютъ, пока не отомстятъ, тогда какъ тебѣ, если обидишь Бога, раскаяніе уготовитъ прощеніе, потому что Богъ милосердъ.»

Старшій сынъ Саладина, Афдалъ, подобно большинству выросшихъ въ гаремахъ властителей, предался сначала чувственнымъ наслажденіямъ, а потомъ впалъ въ какую-то пеленую набожность, такъ что переписывалъ собственноручно коранъ, проводя время въ молитвахъ и покаяніи. Поэтому, братъ его, Азизъ, и властолюбивый дядя, Адель, безъ труда вытѣснили его изъ Дамаска (1196 г.), которымъ и завладѣлъ Адель. Афдалъ просилъ помощи у иконійскихъ сельджуковъ, но безуспѣшно; Адель пользовался слишкомъ большимъ уваженіемъ у фанатиковъ суннитовъ, вслѣдствіе побѣды, одержанной имъ еще при Саладинѣ надъ однимъ изъ нубійскихъ властителей, эмиромъ ассуанскимъ Кенцъ эль Даулой, вооружавшимся на защиту шіитскаго ученія. Это же значеніе помогло Аделю сдѣлаться, по смерти Азиза (1198 г.), опекуномъ его малолѣтняго сына и потомъ присвоить себѣ его владѣнія. Духовные, на вопросъ, законно ли правленіе

малолѣтняго, дали ему отвѣтъ, что дитя не можетъ быть господиномъ, но подчинено волѣ другихъ. Завоевавъ Египетъ, Адель скоро распространилъ свою власть и на Дагера, владѣтеля Алеппо. Но важнѣйшимъ предпріятіемъ его былъ походъ противъ армянской крѣпости Шаллата или Ишлата, обладаніемъ которой Адель достигалъ троякой цѣли: давалъ государству, простиравшемуся отъ предѣловъ Нубіи и африканскихъ степей до горъ Арменіи, твердый операціонный базисъ для дѣйствія противъ этой страны; пріобрѣталъ твердый оплотъ противъ грозившихъ съ сѣверо-востока ховарезмійцевъ и монголовъ, и, наконецъ, избавлялъ Сирію отъ вторженій иконійскихъ сельджуковъ. Но это значеніе Ишлата породило нескончаемую вражду между Аделемъ, султаномъ иконійскимъ, и повелителемъ Ховарезміи, такъ что, въ то самое время, какъ дикія монгольскія и татарскія орды грозили ворваться въ переднюю Азію, три главныхъ мухаммеданскихъ государства, вмѣсто того, чтобы соединиться въ виду общей опасности, вели между собой упорную борьбу за обладаніе Ишлатомъ. Во время этихъ междоусобій, ослаблявшихъ мухаммеданъ, въ Палестину прибыли нѣмецкіе крестоносцы, подъ начальствомъ Конрада Вюрцбургскаго; ихъ славный, но не продолжительный походъ имѣлъ участь всѣхъ крестоносныхъ ополченій (стр. 47). По отбытіи ихъ, Адель предпочелъ вѣрное перемиріе случайностямъ войны, такъ что для Сиріи и Палестины опять настало время покоя; но палестинскіе, антіохійскіе и армянскіе христіане воспользовались имъ только для междоусобныхъ распрей. Это было счастьемъ для Аделя, такъ какъ годы 1201 и 1202 были страшно бѣдственны для Египта. Нилъ не разливался и урожая вовсе не было. Въ странѣ свирѣпствовали голодъ и зараза, за обыкновенный хлѣбъ платили тысячу золотыхъ, дороги и улицы были завалены трупами, народъ для спасенія своей жизни бѣжалъ тысячами и продавался въ рабство; наконецъ дошло до того, что жители образованнѣйшей мухаммеданской страны, бывшей центромъ торговли, искусствъ и наукъ, обратились въ каннибаловъ и питались только человѣческимъ мясомъ. Въ это время Фулькъ и другіе проповѣдывали, по повелѣнію Иннокентія III, крестовый походъ; но возбужденные ими крестоносцы обратились, какъ мы видѣли, противъ византійской имперіи и открыли латинянамъ новое поле борьбы и приключеній, бывшее для многихъ заманчивѣе Палестины. Нѣкоторые отправились въ Константинополь даже изъ святой земли. Другимъ предпятствіемъ для предпріятій въ Палестинѣ были постоянные раздоры между сирійскими и армянскими христіанами, дѣлавшіе невозможнымъ какое-либо общее дѣйствіе. Потому, въ 1204 г. было заключено новое перемиріе съ Аделемъ. Черезъ годъ умеръ іерусалимскій король, Амаларихъ II, оставивъ трехъ дочерей; наслѣдницей его было признана старшая, Марія Іоланта. Ея именемъ вначалѣ управлялъ намѣстникъ, но потомъ духовные и свѣтскіе бароны отправили депутацію во Францію, чтобъ пріискать ей мужа. Филиппъ Августъ, къ которому обратились депутаты, обѣщалъ указать имъ героя и назвалъ графа Іоанна Бріеннскаго, брата Вальтера, игравшаго роль въ Сициліи, по смерти Генриха VI (стр. 60). Іоаннъ, славившійся храбростью, огромнымъ ростомъ и силой, охотно принялъ предложеніе (1208 г.), но у него не было ни денегъ, ни войска, а потому пріѣздъ его въ Палестину не измѣнилъ положенія дѣлъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ обратился къ Иннокентію III съ просьбой устроить новый походъ. Неутомимый папа принялся за дѣло съ обычной энергіей, разослалъ повсюду окружныя посланія, приказалъ проповѣдывать походъ, принялъ дѣятельныя мѣры, чтобы подготовить все къ предпріятію, вступилъ въ переписку съ Аделемъ, положеніе котораго отлично вывѣдалъ, съ іерусалимскимъ патріархомъ, съ гроссмейстерами орденовъ, и наконецъ, на церковномъ соборѣ въ Римѣ (1215 г.), опредѣлилъ время и порядокъ похода. Онъ самъ не дожилъ до него, но его преемникъ, Гонорій III (1216 г.), ревностно продолжалъ начатое дѣло, такъ что осенью 1217 г. новое крестоносное войско отправилось на Востокъ.

Главными участниками въ этомъ походѣ были венгры съ своимъ королемъ Андреемъ II, сыномъ Белы III, и нѣмцы различныхъ земель, подъ предводительствомъ герцога австрійскаго Леопольда VII, герцога Оттона Меранскаго, архіепископа зальцбургскаго и другихъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей. Данія и Норвегія также доставили многихъ крестоносцевъ. Но особенно важно было участіе фризовъ, кёльнцевъ, бременцевъ и другихъ жителей сѣверной Германіи, отпра-

впвшихся въ Палестину моремъ. Часть ихъ остановилась въ Португаліи, чтобъ тамъ помочь христіанамъ противъ невѣрныхъ, и только черезъ годъ прибыла въ Палестину; остальные хотя и не были задержаны въ Португаліи, такъ какъ предприняли крестовый походъ вслѣдствіе чудеснаго знаменія, но имѣли такой несчастный переѣздъ, что только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поспѣли въ Акру. Въ числѣ ихъ былъ кёльнскій каноникъ О л и в е р ъ, оставившій подробное описаніе этого похода. Въ Палестинѣ, даже до прибытія нижне-германцевъ, собралось такое множество крестоносцевъ, что Адель счелъ благоразумнымъ не выступать въ открытое поле, а держаться въ крѣпостяхъ, понимая, что это сборное ополченіе разсѣется такъ же скоро, какъ собралось. Дѣйствительно, въ началѣ 1218 г. венгерскій король съ лучшею частью войска поплылъ домой; другіе пировали въ Акрѣ, и только нѣмцы съ герцогомъ Леопольдомъ и епископами, въ ожиданіи своихъ сѣверныхъ соотчичей, помогали іерусалимскому королю укрѣплять Кесарію (Цезарею). По прибытіи нижне-германцевъ, папскій легатъ П е л а г і й, побуждаемый, вѣроятно, итальянскими приморскими городами, направилъ предпріятіе на Египетъ. Въ маѣ все войско крестоносцевъ отправилось туда на корабляхъ.

Дѣйствія христіанъ въ Египтѣ начались осадою Даміетты, обширнаго торговаго города, лежавшаго между рукавомъ Нила и озеромъ и считавшагося, по своимъ сильнымъ укрѣпленіямъ, ключомъ всей страны. Въ самомъ руслѣ Нила была построена огромная башня, отъ которой шла къ обоимъ берегамъ цѣпь, заграждавшая входъ въ гавань. При осадѣ такого почти въ водѣ лежащаго города, полезнѣе всего могли быть фризы, нижне-германцы и норвежцы, и, дѣйствительно, имъ были одолжены крестоносцы своими первыми успѣхами. Одинъ фризъ въ самомъ началѣ привелъ въ ужасъ осажденныхъ, метнувъ копье, съ которымъ управиться могъ развѣ одинъ Самсонъ; другой нижне-германецъ, Оливеръ Кельнскій, изобрѣлъ машину для взятія башни, а одинъ фризскій юноша первымъ взошелъ на нее съ этой машины. Вскорѣ (осенью 1218 г.) умеръ Адель, а сынъ его, К а м е л ь, наслѣдовавшій ему въ Египтѣ, принужденъ былъ бѣжать изъ Даміетты вслѣдствіе возмущенія въ войскѣ. Но христіане не могли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ оттого, что уже на третій день прибылъ другой сынъ Аделя, М о а т т а м ъ, или, какъ его обыкновенно зовутъ европейцы, К о р а д и н ъ, возстановившій порядокъ, и вслѣдствіе раздора, возбужденнаго въ лагерѣ Пелагіемъ, желавшимъ получить главное начальство. Весною 1219 г. Леопольдъ Австрійскій со многими рыцарями вернулся въ Европу, но за то лѣтомъ число вновь прибывшихъ до того умножилось, что султанъ предложилъ миръ. Онъ согласился, если христіане очистятъ Египетъ, уступить все прежнее іерусалимское королевство, отпустить плѣнныхъ, возвратить святой крестъ и даже дать денегъ на поправку іерусалимскихъ стѣнъ. Тогда началась сильнѣйшая распря между королемъ Іоанномъ, желавшимъ принять условія султана, и алчнымъ Пелагіемъ, настаивавшимъ на продолженіи осады. По словамъ Гомера, худшіе всегда побѣждаютъ: мнѣніе Пелагія взяло верхъ и на этотъ разъ. Христіане принудили городъ къ сдачѣ. Изъ семидесяти тысячъ жителей, шестьдесятъ пять тысячъ погибли отъ нужды, голода и болѣзней; улицы были покрыты трупами. Несмѣтную добычу раздѣлили между крестоносцами, а городъ вошелъ въ составъ іерусалимскаго королевства.

Раздоръ съ властолюбивымъ легатомъ побудилъ короля Іоанна отправить войско и отправиться въ Палестину. Пока начальствовалъ Пелагій, Камель устроилъ на другомъ рукавѣ Нила, возлѣ Даміетты, укрѣпленный лагерь, изъ котораго образовался городъ М а н с у р а. Ожидая прибытія императора Фридриха II, давно уже обѣщавшаго папѣ идти въ походъ, Пелагій потерялъ цѣлый годъ. Когда, наконецъ, онъ рѣшился двинуться противъ Мансуры, его не послушались и стали требовать возвращенія сильнаго и мужественнаго Іоанна. Онъ пріѣхалъ въ іюлѣ, то есть въ эпоху начала развитія Нила (т. I стр. 29) и не смотря на то пошелъ на Мансуру. Онъ велъ одно изъ самыхъ многочисленныхъ войскъ, бывшихъ на Востокѣ, но за то и Эюбиды, забывъ на время раздоръ, со всѣхъ сторонъ устремились на помощь Камелю. Еще опаснѣе ихъ были для христіанъ свойства почвы и время года. Мусульмане прорвали всѣ плотины на Нилѣ и каналахъ, такъ что христіане попали въ искусственныя болота. Многочисленныхъ крестонесцевъ усиливала затруднительность положенія, а тѣмъ временемъ на нихъ бросились без-

численныя полчища легко вооруженныхъ сирійцевъ, арабовъ и негровъ, поддерживаемыхъ превосходною курдскою и турецкою конницею. Къ счастью, Камелю и Моаттаму хотѣлось какъ можно скорѣе получить обратно Даміетту, и потому они согласились вступить въ переговоры. Въ августѣ 1221 г. былъ заключенъ мирный договоръ, по которому христіане обязались очистить Египетъ, взамѣнъ чего получили свободный пропускъ, всѣхъ плѣнныхъ и святой крестъ; въ сентябрѣ они уже оставили Египетъ, а вслѣдъ за ними и мухаммеданскія полчища разсѣялись по домамъ. Весь походъ этотъ стоилъ бѣдной и слабонаселенной Европѣ огромныхъ потерь людьми и деньгами. Одинъ папа, независимо отъ другихъ пособій, послалъ въ два раза 20,000 марокъ; въ Германіи и Польшѣ для этого похода взималась двадцатая часть церковныхъ доходовъ. Изъ этого можно видѣть, что въ то время деньги со всей Европы текли въ Италію. Она была главнымъ банкомъ Европы, центромъ торговой и фабричной дѣятельности, и кромѣ того получала часть доходовъ съ духовныхъ должностей, пошлину съ суевѣрія и прибыль съ крестовыхъ походовъ. Поэтому неудивительно, что тогда она была первой военной и морской страной въ мірѣ. Южная Италія на столько же превосходила тогда этимъ всѣ другія государства, на сколько въ наше время, при Бурбонахъ, отставала отъ всѣхъ. Генуя и Пиза, вмѣстѣ, имѣли флотъ равный сицилійскому; а Венеція могла выставить изъ всѣхъ своихъ колоній вдвое большее число кораблей. Другое замѣчаніе, заслуживающее быть приведеннымъ здѣсь, касается терпимости Эюбидовъ, взаимныхъ сношеній христіанъ съ мухаммеданами и свободнаго обмѣна идей между Востокомъ и Западомъ. Святой Францискъ, изъ Ассизи, основатель одного изъ двухъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1219 г. въ Даміетту, отправился въ непріятельстій лагерь проповѣдывать христіанство. Султанъ принялъ его милостиво, но, разумѣется, онъ не достигъ цѣли. Также и многіе его ученики, тогда еще не испорченные, совершенно свободно проповѣдывали христіанство сирійскимъ мухаммеданамъ и находили ласковый пріемъ, пока не начинали бранить самого Мухаммеда. Благочестивый и неглупый историкъ перваго египетскаго крестоваго похода, Оливеръ Кёльнскій, принявъ эту мягкость и терпимость за склонность къ христіанству, написалъ, передъ выступленіемъ крестоносцевъ изъ Египта, письмо къ Камелю и поучительное посланіе къ египетскому духовенству; разумѣется, его старанія остались столь же безплодными, какъ и попытка святаго Франциска и его учениковъ.

Въ неудачѣ египетскаго похода вся Европа обвиняла германскаго императора Фридриха II, давшаго въ Ахенѣ при коронаціи (1215 г.) обѣтъ совершить походъ въ Палестину, и потомъ возобновившаго его, черезъ пять лѣтъ, при коронаціи въ Римѣ и даже обязавшагося тогда выступить непремѣнно въ слѣдующемъ году. Однако, имѣя причины оставаться въ Европѣ, онъ не исполнилъ обѣщанія, и даже когда отправилъ сорокъ галеръ, всѣ говорили, что онъ намѣренно пустилъ ихъ слишкомъ поздно. Затѣмъ, онъ постоянно успокоивалъ папу обманчивыми обѣщаніями, а кабинетъ его, соединявшій мавританскіе таланты, неаполитанское коварство и итальянское юридическое образованіе, умѣлъ съ невѣроятнымъ искусствомъ и ловкостью отдѣлываться отъ папскихъ настояній. Папа жаловался, бранилъ Фридриха въ письмахъ, но еще разъ повѣрилъ его положительному обѣщанію и пригласилъ въ Римъ, для совѣщаній объ императорскомъ походѣ, легата Пелагія, іерусалимскаго патріарха и короля Іоанна. Приглашенные съѣхались, а Фридрихъ наблюдалъ изъ Германіи надъ ихъ занятіями и смѣялся, отправляя къ папѣ слезное письмо о несчастномъ положеніи святой земли (1222 г.). Наконецъ, весною 1223 г., между папой и императоромъ произошло свиданіе; Фридрихъ взялъ себѣ двухлѣтнюю отсрочку и тогда же обручился съ дочерью іерусалимскаго короля, Іолантой. Іоаннъ, снабженный папскимъ окружнымъ посланіемъ, отправился къ королямъ англійскому, французскому и испанскому, а Гонорій сверхъ того послалъ настоятельныя письма къ разнымъ владѣтелямъ и епископамъ. Въ Англіи странствующій король не нашелъ никакой помощи; во Франціи Филиппъ Августъ, покрайней мѣрѣ, подумалъ передъ смертью,—послѣдовавшей въ это время,—о Палестинѣ и завѣщалъ значительную сумму Іоанну, тампліерамъ и іоаннитамъ; въ благочестивой Кастиліи, гдѣ Іоаннъ посѣтилъ могилу святаго Іакова (т .II стр. 124), ему дали богатое вспоможеніе, хотя сражались за вѣру въ собственной землѣ. Старый король, бывшій уже вторично вдовцемъ,

еще разъ женился тамъ на сестрѣ кастильскаго короля. Это не мало способствовало его позднѣйшей ссорѣ съ Фридрихомъ. Вернувшись наконецъ въ Римъ безъ всякихъ результатовъ, онъ самъ убѣдилъ папу дать императору двухлѣтнюю отсрочку. Фридрихъ особеннымъ договоромъ подтвердилъ обѣщаніе, торжественно объявивъ, что въ случаѣ неисполненія его признаетъ себя подлежащимъ отлученію отъ церкви, и женился на Іолантѣ или, правильнѣе, взялъ ее въ свой гаремъ, къ другимъ женамъ (1225 г.). Властолюбивый и хитрый императоръ имѣлъ особенныя намѣренія: ему хотѣлось пріобрѣсти титулъ и права іерусалимскаго короля, которыми Іоаннъ владѣлъ только какъ мужъ матери Іоланты; права же эти нужны были ему для того, чтобъ еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде усиливать свой флотъ и войско на суммы, жертвуемыя благочестивыми дателями для религіозныхъ цѣлей. Дѣйствительно, онъ не только принялъ титулъ іерусалимскаго короля, но послалъ въ Палестину епископа Амальфи съ тремя стами рыцарей, приказавъ принять вмѣсто себя присягу отъ іерусалимскихъ бароновъ (1226 году). Хотя Іоаннъ не могъ представить противъ этого никакихъ законныхъ возраженій, но тѣмъ не менѣе совершенно разсорился съ зятемъ, уже и прежде сердившимся на него за вмѣшательство въ неаполитанскія дѣла. Дѣло было въ томъ, что Іоаннъ вошелъ въ подозрительныя сношенія съ приверженцами Танкреда, имѣя, вѣроятно, въ виду помочь воротить наслѣдство ограбленному Фридрихомъ племяннику своему, сыну графа Вальтера Бріеннскаго и дочери Танкреда.

Съ папой Фридрихъ не прерывалъ сношеній до самой смерти его (1227 г.), но тонъ ихъ переписки становился все непріязненнѣе, и Гонорій сдѣлалъ Іоанна, смертельно озлобленнаго противъ зятя, намѣстникомъ большей части папской области. Это было, рѣшительно, враждебнымъ шагомъ противъ императора, но папа оправдывается тѣмъ, что на его серьезное рвеніе и усилія подвинуть народы своей церкви къ новому походу и собрать нужныя для того средства, Фридрихъ постоянно отвѣчалъ притворствомъ и обманомъ. Преемникъ Гонорія III, Григорій IX, совершенно разсорился съ императоромъ. Когда наступилъ назначенный Фридрихомъ срокъ для похода (лѣтомъ 1227 г.), множество крестоносцевъ собралось въ Апулію, а нѣкоторые даже отправились въ Палестину ранѣе, чтобъ уже тамъ ждать императора. Но онъ, по обыкновенію, откладывалъ отъѣздъ. Жаркій климатъ Апуліи произвелъ болѣзни и большую смертность между крестоносцами, и многіе, хотя и неохотно, отправились домой, но большинство погибло въ дорогѣ. Вся Европа роптала противъ Фридриха, и папа, 20 сентября 1227 года, произнесъ надъ нимъ отлученіе. Вслѣдъ за тѣмъ мухаммедане сами пригласили Фридриха въ Палестину. Чтобъ понять это, надо, во первыхъ, знать отношенія его къ мухаммеданскому міру, а во вторыхъ, имѣть въ виду раздоры между Эюбидами. Фридрихъ былъ ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ къ невѣрнымъ и пользовался у нихъ большею извѣстностью, чѣмъ у своихъ единовѣрцевъ. Его лучшіе воины, вѣрнѣйшіе, богатѣйшіе и ученѣйшіе служители и подданные въ обѣихъ Сициліяхъ были мухаммедане или люди, учившіеся у мухаммеданъ. Самъ онъ, обязанный имъ частью своихъ обширныхъ познаній, слѣдовалъ философіи, подходившей ближе къ исламу, чѣмъ къ христіанству, такъ что одинъ мухаммеданинъ позднѣйшаго времени говоритъ о немъ, что онъ сердцемъ былъ такъ же близокъ къ мусульманамъ, какъ любилъ ихъ философскія и естественныя знанія; и это понятно, если вспомнимъ, что онъ провелъ всю молодость на островѣ Сициліи, населенномъ, преимущественно, мухаммеданами. Наконецъ, его привычки и наслажденія, особенно сильная страсть къ женщинамъ, не менѣе опасная для него, чѣмъ нѣкогда для царя Соломона, обнаруживала въ немъ чисто мухаммеданскій взглядъ на жизнь. Все это побудило владѣтеля Египта, Камеля, также не фанатически преданнаго своей религіи, просить у Фридриха помощи противъ родныхъ. Братъ его, Моаттамъ, поссорившись съ нимъ, вступилъ въ союзъ съ могущественнымъ султаномъ ховарезмійскимъ, Джелаледдиномъ, о которомъ ниже будетъ сказано подробнѣе, и подчинилъ себѣ другаго брата, Ашрафа, господствовавшаго на Евфратѣ и Тигрѣ; оставшись одинъ противъ враговъ, Камель рѣшился обратиться къ Фридриху и формально пригласилъ его въ Палестину. Въ то время какъ пришло его приглашеніе (январь 1228 г.), Фридрихъ, враждовавшій съ ломбардскими городами, преслѣдуемый папой духовнымъ оружіемъ и угрожаемый мірскимъ, не могъ предпринять похода.

Но лишь только положеніе дѣлъ позволило ему оставить Европу, онъ рѣшился выполнить изъ политическихъ разсчетовъ то, чего не хотѣлъ сдѣлать изъ религіознаго чувства, и притомъ, какъ развитой и образованный человѣкъ, стоявшій, съ самаго дѣтства, выше предразсудковъ своего времени, съумѣлъ съ истиннымъ величіемъ возвыситься надъ обстоятельствами. Прошлогодніе крестоносцы совершенно разсѣялись; папа старался поднять противъ императора весь свѣтъ, а особенно неаполитанцевъ, недовольныхъ его деспотическимъ управленіемъ; Іоаннъ Бріеннскій грозилъ войною и собиралъ друзей Танкреда и Вальтера; но, не смотря на все это, Фридрихъ рѣшился послѣдовать приглашенію Камеля, потому что того требовала политика. Природный умъ и хитрость, опиравшаяся на знаніе людей, указали ему способъ отстранить главную опасность, грозившую ему во время отсутствія, — возбужденіе папой и Іоанномъ возстанія въ южной Италіи. Объ обманулъ неаполитанскій народъ, обнадеживъ его, въ большомъ собраніи государственныхъ предводителей, возстановленіемъ прежнихъ правъ и одурачилъ его торжественными обѣщаніями. Впослѣдствіи онъ самъ доказалъ, какъ мало помышлялъ онъ тогда о дарованіи обѣщанныхъ правъ.

Въ августѣ 1228 года Фридрихъ отправился въ Палестину и прибылъ 8 сентября въ Акру. Смерть Моаттама, умершаго въ предшествовавшемъ году, отняла у мухаммеданъ главное побужденіе въ союзу съ императоромъ. Однако Камель встрѣтилъ его съ почетомъ и изъявленіями дружбы, потому что имѣлъ новаго противника въ сынѣ Моаттама, Давидѣ, мѣшавшемъ ему и Ашрафу захватить владѣнія своего отца. Іерусалимскій патріархъ, тамплиеры и іоанниты также приняли императора, какъ повелителя и защитника. Но уже черезъ нѣсколько недѣль оказалось, какъ лживы были дружескія изъявленія султана и христіанскихъ вождей. Послѣдніе совершенно перемѣнили тонъ, когда явились посланные вслѣдъ за императоромъ герольды папскаго гнѣва, два францисканскихъ монаха, и отъ имени своего владыки произнесли проклятіе надъ Фридрихомъ. Султанъ болѣе не нуждался въ немъ, такъ какъ главные враги его, ховарезмійцы, тѣснимые монголами, уже не были ему опасны; напротивъ, въ то время онъ боялся вмѣшательства императора въ дѣла мухаммеданъ. Но это самое заставляло его желать мира, а какъ и Фридриху былъ нуженъ миръ, то они заключили на десять лѣтъ перемиріе, по которому христіане пріобрѣтали Іерусалимъ и прочія святыя мѣста, но отказывались отъ крѣпостей и обѣщали не дѣлать дальнѣйшихъ завоеваній на Востокѣ. Единовѣрцы Фридриха вмѣнили ему этотъ договоръ въ величайшее преступленіе. Іерусалимскій патріархъ, доставъ съ него копію, отправилъ его папѣ, разослалъ во всѣ государства окружное посланіе, въ которомъ описывалъ свиданіе Фридриха съ Камелемъ и, называя его союзомъ съ дьяволомъ, взвелъ на императора множество обвиненій. Фридрихъ не обращалъ на это никакого вниманія. Среди распрей съ духовенствомъ онъ вступилъ въ Іерусалимъ (весной 1229 г.), самъ надѣлъ на себя корону въ церкви святаго гроба и поспѣшно вернулся къ берегу. Онъ былъ очень строгъ къ враждебному ему духовенству, отрѣшалъ духовныхъ отъ должностей и замѣщалъ людьми своей партіи. Винить его въ этомъ нельзя, потому что папа дѣйствовалъ точно также. Совсѣмъ въ другомъ родѣ были его отношенія къ мухаммеданамъ, съ которыми онъ вошелъ въ столь тѣсныя связи, что, естественно, возбуждалъ подозрѣнія. Въ первой половинѣ мая онъ вернулся въ Европу.

По отъѣздѣ его, іерусалимское королевство осталось въ весьма сомнительномъ положеніи, стоя между миромъ и войною, опасаясь всего отъ фанатизма мусульманъ и страдая отъ раздоровъ знати и духовенства съ намѣстникомъ короля. Однако, заключенный Фридрихомъ миръ, признанный даже папой, не былъ нарушенъ. Григорій IX неутомимо заботился о восточныхъ христіанахъ, посылалъ всюду письма, собиралъ деньги и думалъ даже созвать соборъ, какъ нѣкогда въ Клермонѣ (т. II. стр. 656). Но старанія папы не имѣли большаго успѣха, такъ какъ злоупотребленія его служителей уничтожали дѣйствіе его трогательныхъ писемъ. Посланные проповѣдники, почти исключительно нищенствующіе монахи, обратили въ торговлю свои полномочія, продавали всякому отпущеніе, назначенное для крестоносцевъ, и освобождали за деньги отъ обѣтовъ идти въ Палестину, такъ что сдѣлали подозрительными не только свои старанія, но даже намѣренія папы и охладили рвеніе къ защитѣ святой земли. По истеченіи

заключеннаго съ Фридрихомъ перемирія, многіе французскіе рыцари отправились въ Палестину подъ предводительствомъ наваррскаго короля Тибо, но ихъ погубили раздоры. Фридрихъ дружески вступился за тѣхъ изъ нихъ, которые попались въ плѣнъ, и такъ велико было значеніе его на Востокѣ, что однимъ ходатайствомъ онъ значительно облегчилъ ихъ участь.

7. Крестовый походъ Людовика Святаго.

Одновременно съ упадкомъ христіанскаго владычества въ Палестинѣ начало распадаться и государство Эюбидовъ. Извнѣ ему грозили ховарезмійцы и монголы; внутри усиливался раздоръ между членами владѣтельной династіи. Хотя братья Камель и Ашрафъ сдружились, отнявъ наслѣдство у сына Моаттама, но вскорѣ снова разсорились; по смерти Ашрафа Камель захватилъ его владѣнія и самъ умеръ въ слѣдующемъ году (1238); тогда между его обоими сыновьями и родственниками началась упорная война, длившаяся до 1240 г., когда одному изъ сыновей, Салехъ Эюбу, удалось съ помощью измѣны войскъ свергнуть брата и завладѣть Египтомъ; въ то же время дядя его, Салехъ Измаилъ, занялъ Дамаскъ. Салехъ Эюбъ положилъ основаніе владычеству въ Египтѣ мамелюковъ, уничтожившихъ впослѣдствіи власть Эюбидовъ. Мамелюками назывались тѣлохранители изъ купленныхъ рабовъ, наученныхъ военному дѣлу; они составляли лучшую часть войска и пріобрѣли при Эюбидахъ такое же значеніе, какое имѣли прежде при Икшидахъ (стр. 329 и 330). Они возвели на престолъ Салеха Эюба потому, что думали имѣть въ немъ болѣе удобное орудіе, чѣмъ въ его братѣ. Хотя, утвердивъ свою власть, онъ и уничтожилъ опасное войско, но вскорѣ набралъ новыхъ тѣлохранителей, бахаритскихъ мамелюковъ, занявшихъ всѣ мѣста и захватившихъ въ свои руки управленіе. Подрывая свою власть внутри, Салехъ Эюбъ такъ сильно распространялъ ее извнѣ, на счетъ дяди, Салеха Измаила Дамасскаго, что можно было ожидать вторичнаго соединенія Египта съ Сиріей. Салехъ Измаилъ хотѣлъ противостать племяннику, соединясь съ другими сирійскими владѣтелями и христіанами, но это не помогло, такъ какъ Салехъ Эюбъ неожиданно получилъ возможность значительно усилить войско. Незадолго до того, монголы уничтожили ховарезмійское государство; служившіе тамъ турецкіе наемники бросились на западъ и наводнили Сирію, но, будучи разбиты, нанялись на службу къ египетскому султану, взяли и разграбили Іерусалимъ (1244 г.), уничтожили при Газѣ союзное мухаммеданское и христіанское войско Салехъ Измаила и помогли Салеху Эюбу овладѣть Дамаскомъ, куда онъ и переселился. Помышляя только о грабежѣ, убійствѣ и опустошеніи, они вскорѣ обратили оружіе противъ Салехъ Эюба, но были разбиты и разсѣяны имъ и затѣмъ совершенно исчезли. Египтяне взяли Тиверіаду и Аскалонъ (1247 г.) и привели христіанъ въ такое отчаянное положеніе, что французскій король Людовикъ IX счелъ необходимымъ поддержать новымъ походомъ ихъ господства.

Людовикъ IX Святой вступилъ на престолъ одиннадцати лѣтъ, по смерти отца, Людовика VIII. До совершеннолѣтія молодаго короля государствомъ управляла его мать, Бланка, женщина чрезвычайно набожная и находившаяся подъ безусловнымъ вліяніемъ одного римскаго кардинала, кажется, бывшаго для нея болѣе чѣмъ совѣтникомъ и другомъ. Эта обстановка въ юности придала особенное направленіе характеру Людовика, не лишенному свойственнаго французамъ практическаго смысла, развивъ въ немъ идеализмъ и слѣпое уваженіе къ внѣшнимъ религіознымъ обрядамъ. Эта сторона его характера имѣла вліяніе на принятіе и выполненіе имъ обѣта предпринять крестовый походъ вопреки совѣтамъ матери и всѣхъ благоразумныхъ людей. Въ 1234 г. папа сдѣлалъ попытку склонить его и англійскаго короля, воевавшихъ тогда между собой, къ миру и общему походу противъ невѣрныхъ. Но тогда Людовикъ также мало послушался убѣжденій папы, какъ и черезъ два года послѣ того, когда римскій дворъ старался удержать его отъ войны противъ короля наваррскаго Тибо, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ графомъ шампанскимъ и предпринявшаго тогда крестовый походъ. Но

черезъ восемь лѣтъ (1244 г.), онъ совершенно неожиданно самъ произнесъ подобный обѣтъ, послѣ сильной лихорадки, во время которой, по его имѣнію, онъ имѣлъ видѣніе. Папа Иннокентій IV не замедлилъ воспользоваться перемѣною въ настроеніи короля и приказалъ легату склонить къ походу французскихъ епископовъ и бароновъ. Людовикъ, съ своей стороны, также употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ получить ихъ содѣйствіе. Соединенными усиліями папы и короля многіе французы были убѣждены принять крестъ. Въ числѣ другихъ, ко вреду предпріятія, были и три брата Людовика, совершенно не похожіе на него — Робертъ Артуаскій, Альфонсъ Пуатускій и Карлъ Анжуйскій.

По окончаніи приготовленій французскіе крестоносцы, въ августѣ 1248 г., отправились изъ Эгъ-Мортъ (Aigues-Mortes) и благополучно прибыли на Кипръ. Здѣсь они перезимовали и рѣшились напасть на мухаммеданъ не въ Палестинѣ, а въ Египтѣ. Въ Кипрѣ же Людовикъ вошелъ въ сношенія съ монголами, грозившими въ то время уничтожить мухаммеданскія государства въ Сиріи. Поводъ къ этимъ сношеніямъ дало прибытіе посольства отъ имени великаго хана монголовъ, но въ дѣйствительности посланнаго второстепеннымъ монгольскимъ предводителемъ, узнавшимъ изъ перехваченныхъ писемъ о намѣреніяхъ Людовика и желавшимъ извлечь изъ нихъ пользу. Людовикъ не замѣтилъ обмана и отвѣтилъ посылкою къ нему нѣсколькихъ монаховъ съ богатыми подарками, сотсоявшими изъ произведеній итальянской промышленности. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ имъ скорѣй руководила надежда на обращеніе монголовъ въ христіанство, чѣмъ политическія соображенія.

Для переѣзда въ Египетъ, Людовикъ нанялъ въ Акрѣ венеціанскіе и германскіе карабли; сребролюбивые торговцы и тутъ не упустили случая извлечь выгоду изъ религіознаго предпріятія, взявъ за перевозку огромную цѣну. Египетскій султанъ Салехъ Эюбъ былъ уже извѣщенъ Фридрихомъ II о походѣ Людовика. При этомъ и Фридрихъ и багдадскій халифъ убѣждали султана примириться съ другими Эюбидами, но старанія ихъ не имѣли успѣха. Салехъ поспѣшилъ изъ Дамаска въ Египетъ, но на пути опасно заболѣлъ. Въ первыхъ числахъ іюня (1249 г.) французы прибыли къ египетскому берегу. При высадкѣ вблизи Даміетты, они встрѣтили ничтожное сопротивленіе, и вслѣдъ за тѣмъ овладѣли безъ всякой потери крѣпостью. Это произошло отъ недостаточныхъ и совершенно неудовлетворительныхъ мѣръ, принятыхъ Салехъ Эюбомъ. Онъ поручилъ защиту крѣпости одному арабскому племени, тогда какъ этотъ народъ менѣе всего способенъ выдерживать продолжительную осаду, а начальство надъ войскомъ ввѣрилъ Фахреддину, дѣйствовавшему крайне боязливо или въ высшей степени неискусно. Къ тому же, султану три раза посылали, чрезъ голубей, извѣстіе о высадкѣ христіанъ, но отвѣта не было; войска думали, что онъ умеръ, и не знали что дѣлать. Фахреддинъ, имѣвшій довольно многочисленное войско, желалъ избѣжать сраженія и перешелъ на другой берегъ Нила, а арабскій гарнизонъ Даміетты, лишившись поддержки, очистилъ крѣпость, оставивъ ее со всѣми укрѣпленіями и несмѣтными богатствами изумленнымъ христіанамъ. Султанъ былъ внѣ себя отъ ярости, узнавъ объ этомъ, и приказалъ изрубить весь гарнизонъ и всѣхъ офицеровъ. Однако, дѣло было сдѣлано, и французы стали твердой ногой въ странѣ; но и они не могли считать войну оконченной. Египетъ былъ защищенъ своими естественными особенностями, и нужно было преодолѣть еще много затрудненій, чтобъ проникнуть внутрь страны. Важнѣйшею преградою былъ городъ Мансура, лежавшій въ мѣстности, прорѣзанной каналами и заложенный именно на случай взятія Даміетты непріятелемъ. Къ несчастію, французы провели въ бездѣйствіи цѣлую осень, не зная времени разлитія Нила и выжидая графа Альберта Пуатускаго съ подкрѣпленіями.

По прибытіи Альфонса, Людовикъ, слѣдуя его совѣту и вопреки мнѣнію опытнѣйшихъ французскихъ вождей, двинулся на Каиръ. Войско крестоносцевъ состояло изъ 60 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ было 20 тысячъ рыцарей. Но ни числительность, ни хорошее вооруженіе не могли устранить невыгодъ, представляемыхъ для христіанъ множествомъ рукавовъ и каналовъ рѣки, тонкостью почвы, неимѣніемъ легкой кавалеріи и искусствомъ непріятелей владѣть греческимъ огнемъ. Потому, подвинувшись немного впередъ, французы должны были

остановиться и цѣлыхъ два мѣсяца простояли на одномъ мѣстѣ. Между тѣмъ Салехъ Эюбъ умеръ, а одна изъ его женъ, Шагареддоръ, соединясь съ Фахреддиномъ и предводителями мамелюковъ, скрыла смерть султана и стала управлять сама до прибытія пасынка, Туранъ-Шаха, бывшаго на Тигрѣ. Но еще до его пріѣзда Фахреддинъ погибъ во время неожиданнаго нападенія на французовъ, заслуживъ въ глазахъ единовѣрцевъ мученическій вѣнецъ; а какъ онъ былъ принятъ въ рыцари Фридрихомъ II и пользовался милостью султана Салехъ Эюба, то, слѣдовательно, достигъ высшей степени славы, возможной тогда для частнаго человѣка на Востокѣ и Западѣ. Въ началѣ слѣдующаго года (1250 г.) части французскаго войска послѣ двухъ кровопролитныхъ сраженій удалось ворваться въ Мансуру; къ несчастью, неосторожный Робертъ Артуаскій увлекся преслѣдованіемъ непріятелей и погибъ съ нѣсколькими стами храбрѣйшихъ рыцарей. Эта потеря замедлила дѣйствія французовъ, а египтяне, пользуясь этимъ временемъ, докончили свои военныя приготовленія и напали на корабли, доставлявшіе христіанамъ продовольствіе. Попытка ихъ удалась, и французы были отрѣзаны отъ подвозовъ. Съ голодомъ явились болѣзни, а между тѣмъ лагерь былъ окруженъ безчисленными легкими войсками египтянъ. Положеніе становилось отчаяннымъ, но тѣмъ не менѣе султанъ Туранъ-Шахъ, пріѣхавъ въ Египетъ, соглашался на миръ, предлагая возвратить христіанамъ святыя мѣста, съ тѣмъ чтобъ французы очистили Даміетту и Египетъ. Переговоры не состоялись, кажется, потому, что онъ хотѣлъ имѣть заложникомъ самого короля. Французамъ не оставалось ничего другаго, какъ сдѣлать безумную попытку пробиться чрезъ враговъ. Но, отважившись на это, они были со всѣхъ сторонъ окружены и почти всѣ перерублены или взяты въ плѣнъ: только весьма немногіе спаслись бѣгствомъ. Плѣнные, въ числѣ которыхъ были король и два брата его, имѣли страшную участь. Ихъ было такое множество, что султанъ, не надѣясь окупить ихъ продажею издержки на прокормленіе, велѣлъ умертвить цѣлыя толпы ихъ. Оставшихся въ живыхъ, мамелюки предавали жестокимъ истязаніямъ, безпрестанно угрожая имъ смертью. Однако султанъ, наконецъ, согласился дать имъ свободу и заключилъ перемиріе, по которому получалъ обратно Даміетту и огромную сумму денегъ за плѣнныхъ, а христіане удержали за собой всѣ владѣнія въ Палестинѣ (апрѣль 1250 г.). При переговорахъ о выкупѣ плѣнныхъ, Людовикъ поступилъ какъ рыцарь и король: хотя назначенная султаномъ сумма была несоразмѣрно велика, онъ немедленно согласился уплатить ее, цѣня только духовныя сокровища и считая недостойнымъ себя торговаться о деньгахъ. Султанъ не хотѣлъ отстать отъ него, и добровольно сбавилъ значительную сумму.

При передачѣ Даміетты, жизнь Людовика еще разъ подверглась опасности. Мамелюки и Шагареддоръ, составивъ заговоръ, въ глазахъ самого Людовика убили Туранъ-Шаха и грозили смертью французскому королю. Однако, статья договора, касавшаяся плѣнныхъ, была выполнена въ точности, и Людовикъ отправился на генуезскомъ кораблѣ въ Акру. Не считая себя связаннымъ десятилѣтнимъ срокомъ перемирія, такъ какъ другія условія договора были нарушены, онъ рѣшился не возвращаться во Францію, а остаться въ Палестинѣ. Къ этому, между прочимъ, побуждало его положеніе мухаммеданскихъ государствъ, повидимому, весьма благопріятное для христіанъ. Убійцы Туранъ-Шаха, большею частью черкесы, мингрельцы, туркменцы, куманы и другіе, проданные въ рабство жители прибрежій Чернаго моря, сдѣлали правительницей вдову Салехъ Эюба; она пользовалась большимъ вліяніемъ въ Египтѣ, а сверхъ того кажущаяся законность ея власти могла помочь имъ распространить свое господство на Сирію; настоящимъ повелителемъ государства былъ ихъ предводитель, туркменъ Ибекъ. Но сирійцы поняли хитрость мамелюковъ и провозгласили султаномъ потомка Саладина, Насръ Іосифа, правившаго въ Алеппо. Первымъ слѣдствіемъ этого была война между Сиріей и мамелюками, развязавшая руки палестинскимъ христіанамъ. Сверхъ того, въ Египтѣ одинъ переворотъ слѣдовалъ за другимъ. Султанша Шагареддоръ была свергнута черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; ее замѣнилъ какой-то Эюбидъ, но и того свергли мамелюки; затѣмъ наступило междуцарствіе, никто не рѣшался править государствомъ одинъ, и страною управлялъ диванъ (совѣтъ) мамелюкскихъ предводителей, пока, наконецъ, Ибекъ не принялъ титула султана. Все это ободрило Людовика; онъ соединился противъ Египта съ

сирійскитъ султаномъ и даже со старцемъ горы, предводителемъ ассасиновъ (т. II. стр. 665). Въ это же время онъ получилъ и отъ великаго хана отвѣтъ на письмо, посланное три года тому назадъ. Но оно было совсѣмъ инаго содержанія, чѣмъ ждали, и, разрушая надежду на обращеніе монголовъ въ христіанство, показало, что этотъ народъ придавалъ чужимъ посольствамъ и подаркамъ такое же значеніе, какъ теперь китайцы; великій ханъ принялъ посольство Людовика за выраженіе покорности и отвѣчалъ ему тономъ повелителя.

Людовикъ оставался въ Палестинѣ три года, но не могъ ничего сдѣлать, имѣя при себѣ всего 1400 рыцарей. Самымъ главнымъ изъ его дѣйствій была поправка укрѣпленій многихъ христіанскихъ городовъ. По заключеніи въ 1253 г. мира между Египтомъ и Сиріей не осталось никакой надежды достичь чего нибудь пребываніемъ въ Палестинѣ, а между тѣмъ отсутствіе его изъ Франціи не могло не быть вреднымъ для государства. Смерть матери, управлявшей вмѣсто него, сдѣлала еще нужнѣе его возвращеніе, такъ что даже іерусалимскій патріархъ и владѣтели христіанскихъ городовъ въ Палестинѣ совѣтовали ему уѣхать изъ Азіи. 24 апрѣля 1254 года онъ отправился во Францію. Съ тѣхъ поръ христіанское владычество стало быстро клониться къ упадку. Совершенное уничтоженіе его находится въ связи съ переворотами, произведенными появленіемъ въ сѣверной Азіи монголовъ и татаръ. Потому, нужно сперва бросить взглядъ на исторію далекой верхней Азіи, изъ степей которой начался опустошительный приливъ этихъ народовъ.

8. Исторія восточныхъ народовъ отъ начала ховарезмійскаго государства до появленія въ Малой Азіи османскихъ турокъ.

1. Ховарезмійцы и Гориды.

Обширное сельджукское государство, основанное Тогрульбегомъ, Альпъ Арсланомъ и Малекъ-Шахомъ, распалось, по смерти послѣдняго, на множество мелкихъ владѣній, весьма слабо связанныхъ между собой номинальнымъ верховнымъ владычествомъ надъ ними великаго султана. Вскорѣ сельджукское господство было вовсе уничтожено новой династіей, водворившейся въ провинціи Ховарезміи, лежавшей между Чернымъ и Аральскимъ морями и рѣкою Джигунъ. Эта династія имѣла такое же происхожденіе, какъ почти всѣ восточныя владѣтельныя фамиліи: счастливый невольникъ сбросилъ иго и на мѣсто деспотизма своего господина основалъ свой собственный. Аштекинъ, рабъ одного изъ сановниковъ при сельджукскомъ дворѣ, попалъ въ такую милость къ Малекъ-Шаху, что по смерти господина получилъ его должность и соединенные съ нею доходы провинціи Ховарезміи. Его сынъ, Мухаммедъ I Котбеддинъ, наслѣдовавшій ему въ должности и управленіи областью, долженъ былъ почти постоянно находиться въ Ховарезміи и воспользовался этимъ для утвержденія и расширенія своей власти. Впрочемъ, онъ оставался вѣрнымъ сельджукскому султану. Но его сынъ и наслѣдникъ, Атзитцъ (1127 — 1156 г.), перемѣнилъ отношенія къ благодѣтелямъ своей семьи, отказался повиноваться султану Санджару (т. II. стр. 646), былъ нѣсколько разъ разбитъ имъ, постоянно получалъ прощеніе, снова возставалъ и, наконецъ, отстоялъ свою независимость и принялъ титулъ ховарезмійскаго шаха. Пока онъ распространялъ свои владѣнія за рѣкой Джигунъ и около Каспійскаго моря, государство Санджара подверглось нападеніямъ китаней и потомъ туркменцевъ, разорившихъ Хорасанъ и цвѣтущій городъ Нишапуръ; самъ султанъ былъ взятъ въ плѣнъ туркменцами и три года пробылъ ихъ плѣнникомъ. По смерти Санджара, начались смуты, вслѣдствіе которыхъ сельджуки удержали только нѣсколько небольшихъ владѣній въ Персіи, а сынъ Атзитца, Иль-Арсланъ, пользуясь этими обстоятельствами, завладѣлъ значительною частью Хорасана.

По смерти Иль-Арслана (1172 г.), двое сыновей его, Алаэддинъ Такашъ и Мухаммедъ II Султанъ-Шахъ, двадцать лѣтъ оспаривали другъ у друга престолъ и съ такимъ же упорствомъ состязались за первенство

въ поэзіи. Смерть Мухаммеда окончила войну; а Алаэддинъ, оставшись единственнымъ повелителемъ, расширилъ свои владѣнія на востокъ и на западъ. Сперва онъ уничтожилъ, въ западной Персіи, остатки сельджукской династіи, уже давно подвластной своей собственной стражѣ, и покорилъ Реи, Испагань, Гамаданъ, и Адзербиджанъ; потомъ онъ отправился въ Туркестанъ противъ китаней и отнялъ у нихъ городъ Бухару. Между тѣмъ, его сынъ и намѣстникъ, Мухаммедъ III Котбеддинъ, воевалъ противъ персидскихъ ассасиновъ (т. II. стр. 424), далеко распространившихъ свои владѣнія во время упадка сельджукскаго господства. Ассасины, въ отмщеніе, зарѣзали визиря, присовѣтовавшаго молодому князю предпринять этотъ походъ, и тогда озлобленный Алаэддинъ велѣлъ сыну совершенно истребить ихъ. Мухаммедъ началъ выполнять его повелѣніе, но долженъ былъ прекратить войну, такъ какъ отецъ его умеръ (1200 г.), а одинъ изъ его племянниковъ намѣревался овладѣть престоломъ при помощи владѣтеля государства Горидовъ.

Происхожденіе династіи Горидовъ, погубившей себя вмѣшательствомъ въ ховарезмійскія дѣла, относится, богатымъ сказками Востокомъ, къ баснословнымъ временамъ и находится въ связи съ разсказами о Феридунѣ и другихъ древнѣйшихъ персидскихъ герояхъ (т. I. стр. 61). Оставляя въ сторонѣ эти поэтическія сказанія, по словамъ которыхъ, Гориды выдавали себя за законныхъ владѣтелей древней Бактріи, можно объяснить происхожденіе ихъ владычества такимъ образомъ: въ концѣ XI столѣтія, разбойникъ Гусаинъ бенъ Самъ нашелъ доступъ ко двору Газнавидовъ (т. II. стр. 350), достигъ высшихъ и сдѣлался правителемъ горной страны Гура или Гаура, завоеванной Махмудомъ I (т. II стр. 351) и лежавшей на сѣверѣ газнавидскаго государства. Его сыновья, изъ которыхъ старшій женился на дочери Баграма (т. II. стр, 646), наслѣдовали и упрочили за собой власть надъ страной, объявили себя, основываясь на своемъ мнимомъ происхожденіи, ея законными владѣтелями и даже хотѣли свергнуть съ престола самого Баграма. Трое изъ нихъ попали въ плѣнъ и были казнены, но четвертый, Гасанъ, воевалъ счастливо и по смерти Баграма такъ жестоко отмстилъ за убійство братьевъ, что даже привыкшіе къ звѣрству восточные историки заклеймили его прозвищемъ Міросожигателя. Онъ свергнулъ съ престола и прогналъ сына Баграма, Хозру-Шаха, разграбилъ и разрушилъ городъ Газну и прошелъ по всему государству Газнавидовъ, обозначая свой путь пожарами и рѣзнею. Хозру-Шахъ бѣжалъ въ принадлежавшій къ его государству индійскій городъ Лагоръ и удержалъ его за собой и своимъ сыномъ. Его побѣдитель скоро былъ самъ побѣжденъ. Послѣдній воинственный сельджукскій султанъ. Санджаръ, остановилъ завоеванія Гасана, разбилъ его на голову и взялъ въ плѣнъ. Однако онъ успѣлъ съ помощью своей низости возвратить себѣ свободу. Въ жизни часто случается видѣть, что самый низкій рабъ бываетъ злѣйшимъ деспотомъ противъ подчиненныхъ; Гасанъ служитъ примѣромъ обратнаго положенія: постыдно мстя султану, онъ возвратилъ себѣ свободу и власть.

Сынъ и преемникъ Гасана умеръ вскорѣ по вступленіи на престолъ; тогда его двоюродные братья, Гаятеддинъ и Шахабеддинъ, раздѣлили царство (1162 г.), но первый остался великимъ султаномъ. Шахабеддинъ, жившій въ Газнѣ, выманилъ изъ неприступнаго Лагора сына Газнавида, прогнаннаго Гасаномъ, и уничтожилъ послѣдній остатокъ государства Газнавидовъ, существовавшаго болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Потомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ въ Индію и покорилъ ее почти до китайской границы. Въ то же время его братъ завоевалъ города Ниншапуръ, Гератъ и Меру и проникъ въ Туркестанъ. Но завоеваніе восточной Персіи послужило поводомъ къ уничтоженію горидскаго государства. Какъ было сказано выше, племянникъ могущественнаго ховарезмійскаго владѣтеля, Мухаммеда III, бѣжалъ отъ дяди и просилъ помощи у Гаятеддина. Это вызвало войну, въ началѣ которой Гаятеддинъ умеръ (1202 г.), а братъ его лишился впослѣдствіи всѣхъ владѣній до горъ Индіи. Шахабеддина зарѣзали ассасины (1206 г.), ненавидѣвшіе въ немъ гонителя ихъ ученія. У Шахабеддина была многочисленная гвардія изъ турецкихъ невольниковъ, къ которымъ онъ очень благоволилъ; послѣ его смерти, предводители этихъ мамелюковъ сдѣлались независимыми владѣтелями въ различныхъ частяхъ государства. Остатки его владѣній были заняты Мухаммедомъ Ховарезмійскимъ, и такимъ образомъ въ 1208 г.

уничтожилась династія Горидовъ. Только въ небольшой части ея удержались владѣтели, выдававшіе себя за потомковъ горидской династіи.

Около того же времени воинственный ховарезмійскій шахъ своими отношеніями къ китанямъ и татарамъ Каракитая открывалъ путь въ свои владѣнія монголо-татарскимъ племенамъ, стремившимся съ востока, подобно опустошительной лавинѣ. Китани или Канкли, сильное татарское племя, много повредившее сельджукамъ при Санджарѣ (т. II. стр. 646), находилось въ родствѣ съ владѣтелями Ховарезміи, но, не смотря на то, вторгалось въ ихъ владѣнія. Мухаммедъ, желая наказать его, былъ взять въ плѣнъ, но ушелъ, благодаря своей отвагѣ, и ждалъ только случая, чтобы отмстить. Случай этотъ представился, когда китани были тѣснимы Кашкукоасъ, зятемъ и данникомъ Каваръ-Хана, повелителя Каракитая и части Туркменіи. И Китани и Кашкукъ просили помощи у Мухаммеда, но онъ благоразумно отказалъ имъ обоимъ, желая выждать исхода борьбы. Китани были побѣждены, и тогда только Мухаммедъ взялъ подъ свою защиту близко родственныхъ ему предводителей ихъ, съ остатками ордъ, не болѣе чѣмъ въ 50 тысячъ человѣкъ. Ни онъ, ни побѣдитель китаней не думали, что, истребляя это воинственное племя, они готовятъ собственное уничтоженіе страшнымъ монгольскимъ ханомъ Чингисъ-Ханомъ, отъ котораго Кашкукъ уже долженъ былъ искать защиты у Каваръ-Хана.

Увеличивъ свои силы, Мухаммедъ продолжалъ завоеванія на востокѣ. Онъ побѣдилъ мамелюковъ, господствовавшихъ въ Газнѣ, проникъ въ Индію, прошелъ отъ индійскихъ горъ прямо къ Тигру, покорилъ всю горную страну и подчинилъ себѣ все кругомъ небольшой территоріи, которою владѣлъ багдадскій Аббасидъ, носившій пустой титулъ суннитскаго халифа. Отъ него онъ потребовалъ всѣхъ отличій, данныхъ сельджукскому султану, и, сверхъ того, права содержать въ Багдадѣ ховарезмійскій гарнизонъ и жить тамъ, когда ему вздумается. Когда халифъ отказалъ въ этихъ требованіяхъ, онъ двинулся противъ Багдада, но небывалый въ тѣхъ странахъ снѣгъ заставилъ его вернуться. Однако онъ не отказался отъ своего намѣренія и сталъ снова готовиться къ войнѣ противъ Аббасидовъ. Собравъ шіитскихъ богослововъ, онъ объявилъ черезъ нихъ шіитское ученіе единственною истинною религіею, разрѣшилъ всѣхъ отъ повиновенія безбожнымъ Аббасидамъ, и, провозгласивъ халифомъ одного мнимаго потомка Али (т. II. стр. 292), сталъ дѣлать приготовленія ко второму походу противъ Багдада. Но ему не удалось уничтожить значенія суннитскаго халифа, такъ какъ — явленіе въ высшей степени замѣчательное на деспотическомъ Востокѣ! — жители его важнѣйшихъ провинцій Ховарезміи, Самарканда и Герата имѣли граматы, въ силу которыхъ могли признавать халифомъ, кого хотѣли. Когда же Мухаммедъ хотѣлъ вооруженною рукою ввести своего халифа въ Багдадъ, духовный глава суннитовъ, не ограничиваясь произнесеніемъ надъ нимъ проклятія и вопреки мнѣнію своихъ ученыхъ, просилъ помощи у язычниковъ монголовъ и Чингисъ-Хана (1219 г.).

Казалось, все соединилось тогда на гибель мухаммеданскаго ученія и его послѣдователей. Два халифа готовились къ войнѣ другъ съ другомъ и самый законный изъ нихъ звалъ свирѣпаго язычника противъ правовѣрнаго же султана Ховарезміи. Само ученіе Мухаммеда было искажено постороннею примѣсью; въ самые жизненные элементы его проникала философія, основывшаяся на индійскомъ пантеизмѣ и персидскомъ дуализмѣ (т. I. стр. 361), перешедшая отъ мухаммеданъ въ провансальскія и итальянскія школы христіанъ, породившая между ними преслѣдованія ересиковъ и религіозныя войны и давшая поводъ самому багдадскому халифу жечь книги, преслѣдовать ихъ сочинителей и вообще вводить на Востокѣ инквизиціонную систему, столь же вредную для правителя, какъ и для подданныхъ. Рядомъ съ внутреннимъ разстройствомъ и распаденіемъ, мухаммеданамъ и извнѣ отовсюду грозила опасность. Франки овладѣли въ это самое время важною Даміеттою; внутренніе раздоры обезсиливали государство иконійскихъ сельджуковъ, долго служившее твердымъ оплотомъ противъ христіанъ, и подготовляли его паденіе; наконецъ съ сѣверо-востока неудержимо стремились дикія монгольскія и татарскія орды, скоро наводнившія всю Азію и опустошившія восточную Европу.

2. Татары при Чингисъ-Ханѣ и его сыновьяхъ до паденія ховарезмійскаго государства.

Дальнѣйшія событія исторіи приводятъ насъ на крайній востокъ верхней Азіи къ татарскимъ, т. е. смѣшаннымъ монголотюркскимъ ордамъ, измѣнившимъ при Темучинѣ или Чингисъ-Ханѣ и его сыновьяхъ внѣшній политическій видъ Востока и опустошившимъ Китай, Индію, всю переднюю Азію, Россію, Польшу, Силезію и Венгрію. Въ эпоху рожденія Темучина, въ верхней Азіи было три сильныхъ народа и государства: собственно китайцы, занимавшіе южную часть Китая и управляемые династіею Соновъ (т. I. стр. 5); сѣверное китайское государство, основанное въ 1125 г. народомъ Ньюченъ, владѣтели котораго называли себя золотымъ племенемъ, и, наконецъ, на западѣ, племя Караитовъ, столицею которыхъ былъ Каракорумъ. Сверхъ того, кочевавшія на сѣверѣ, между рѣкою Амуромъ и китайскою границею, подвластныя ньюченамъ племена, составили между собой родъ союза, находившагося въ безпрерывной войнѣ съ ньюченами. Въ этихъ битвахъ пріобрѣли большую славу предки Темучина, которые, какъ предводители самой значительной орды, имѣли нѣкоторую власть надъ всѣмъ союзомъ. Самъ Темучинъ, родившійся въ 1155 г., лишился на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ отца и, оставленный всѣми подвластными отцу ордами, бѣжалъ къ караитамъ въ Каракорумъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи его обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ. Тогдашній повелитель этихъ татаръ, Толи или Унгъ-Ханъ (Уанъ-Ханъ), особенно извѣстенъ тѣмъ, что европейскіе миссіонеры выдавали его за христіанина, называя священникомъ Іоанномъ. Это странное явленіе весьма понятно, такъ какъ естественная религія тѣхъ народовъ, перешедшая по смерти Темучина въ существующее до сихъ поръ ламайство, одинаково близка и къ христіанству и къ исламизму. Толи принялъ Темучина и, увидя его военныя дарованія, женилъ на своей дочери и поручилъ ему начальство надъ войскомъ. Но потомъ они разсорились, и дѣло дошло до войны, бывшей началомъ великаго соединенія народовъ подъ властью Темучина. На его сторону перешла большая часть предводителей, подвластныхъ Толи, который бѣжалъ въ Тибетъ и дорогою былъ убитъ. Темучинъ подчинилъ себѣ всѣ его владѣнія и многія сосѣднія орды, положивъ тѣмъ начало огромному соединенію ордъ, изъ котораго развилось его всемірное государство.

Чтобъ распространить еще болѣе свою власть, Темучинъ хотѣлъ сначала прочно утвердить ее и для этого воспользовался суевѣріемъ своихъ ордъ. Въ 1206 г. онъ созвалъ недалеко отъ источниковъ Амура, въ центрѣ Монголіи, такъ называемый курультай, т. е. торжественное собраніе всѣхъ подвластныхъ ему монгольскихъ и тюркскихъ родоначальниковъ, и велѣлъ пророчествующему шаману объявить, что велѣніями неба онъ предназначенъ быть великимъ ханомъ ордъ и долженъ принять новый титулъ Чингисъ-Хана. Что именно значитъ это прозваніе, обыкновенно даваемое Темучину, мы не знаемъ, такъ какъ почти каждый монгольскій и турецкій историкъ приводитъ свои собственныя объясненія. На курультаѣ Чингисъ-Ханъ сдѣлалъ нѣкоторыя общія постановленія; но неизвѣстно положительно: тогда или позднѣе издалъ онъ свою знаменитую Ясу, общій религіозный и гражданскій кодексъ монголовъ. Во всякомъ случаѣ необходимость такого общаго закона должна была почувствоваться весьма скоро, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ Чингисъ-Ханъ проникъ въ глубь Сибири и покорилъ различныя монгольскія и тюркскія племена въ сѣверной Кореѣ, степи Гоби, на западѣ отъ китайской стѣны и на границахъ Тибета. Яса Чингисъ-Хана не дошла до насъ въ своемъ оригинальномъ видѣ, но, судя по имѣющимся о ней свѣдѣніямъ, можно охарактеризовать ее такимъ образомъ: изложенныя въ ней религіозныя правила, очевидно, носятъ на себѣ слѣды древнѣйшей и чистѣйшей азіатской мудрости; это было патріархальное ученіе, хотя и съ примѣсью монгольской грязи, но все-таки свободное отъ свойственнаго верхней Азіи шаманства и внесеннаго въ нее впослѣдствіи ламайства, отъ нелѣпости философствующихъ браминовъ и фанатизма обманщиковъ бонзъ. Это мутный ручей изъ

того же чистаго источника, изъ котораго черпалъ Авраамъ. Поэтому аравитяне, персы и даже одинъ армянскій христіанинъ четырнадцатаго столѣтія производили это ученіе отъ внука Ноя, Тюрка. Государственное устройство, излагаемое въ Ясѣ, было строгою военною деспотіей счастливаго воина, а военная дисциплина была примѣнена къ чисто завоевательной системѣ. Замѣчательно, что въ Ясѣ упоминается и о высшемъ сословіи, такъ называемыхъ тарханахъ, которые были свободны отъ податей, имѣли право не дѣлить ни съ кѣмъ добычи, во всякое время получали доступъ къ великому хану и до девяти разъ не были наказываемы за преступленія. Явленіе это объясняется тѣмъ, что боевая жизнь вырабатываетъ у всѣхъ полуцивилизованныхъ народовъ феодальныя права.

Покоривъ всѣ племена вокругъ Каракорума, Чингисъ-Ханъ двинулся противъ сѣвернаго китайскаго императора, данникомъ котораго были его предки и онъ самъ. Могущество этого государя было уже, повидимому, потрясено, такъ какъ онъ долженъ былъ уступить южно-китайскому императору первенство въ титулѣ, который для китайцевъ, какъ извѣстно, дороже жизни. Новый великій ханъ наносилъ ему другое оскорбленіе, требуя дани. Разгнѣванный, онъ двинулъ свои войска противъ Чингисъ-Хана, но послѣ трехлѣтней войны, страшно опустошившей его провинціи, долженъ былъ согласиться на тяжелыя условія мира, отдать за побѣдителя княжну императорской крови и перенести столицу на югъ.

Изъ Китая Чингисъ-Ханъ пошелъ опять на западъ, въ татарскій Каракитай, повелитель котораго незадолго передъ тѣмъ былъ свергнутъ своимъ вѣроломнымъ зятемъ, Кашкукомъ (т. III. стр. 95). Побѣдивъ Кашкука, онъ завладѣлъ его землями и такимъ образомъ распространилъ свои владѣнія до границъ Ховарезміи. Не смотря на то, что багдадскій халифъ просилъ у него помощи противъ Мухаммеда Ш, онъ оставался мирнымъ сосѣдомъ, пока сами ховарезмійцы не дали ему повода къ войнѣ. Однажды онъ отправилъ съ караваномъ, — посредствомъ которыхъ велась дѣятельная торговля между Ховарезміей и Востокомъ,—трехъ важныхъ мухаммеданъ, своихъ подданныхъ. Правитель пограничной ховарезмійской области счелъ ихъ за лазутчиковъ, предшествующихъ вторженію Чингисъ-Хана, и, судя по тому, что разсказываютъ о военной политикѣ монголовъ бывшіе въ ихъ странахъ европейцы, весьма вѣроятно, что онъ былъ правъ. Онъ тѣмъ охотнѣе воспользовался этимъ предлогомъ и схватилъ ихъ, что такимъ образомъ ему представился случай разграбить весь караванъ. Оскорбленный великій ханъ немедленно двинулся противъ Ховарезміи. По обыкновенію, онъ велъ такую массу войска, что самъ Мухаммедъ послалъ сказать жителямъ Самарканда, хотѣвшимъ окружить городъ новыми рвами, чтобы они избавили себя отъ напраснаго труда, такъ какъ монголовъ столько, что они одними своими кнутами наполнятъ всѣ рвы. Самъ Чингисъ-Ханъ, вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ, Тули, пошелъ на Бухару и Самаркандъ, старшаго сына, Чучи, послалъ въ Ташкендъ, а втораго и третьяго, Чагатая и Октая или Оготая, въ Отраръ на Джигунѣ, землю, пространствомъ не болѣе одного дня пути, но до того населенную, что ее, какъ теперь многія мѣстности Англіи и Китая, можно было считать за одинъ городъ. Ховарезмійскій шахъ принялъ противъ враговъ самыя благоразумныя мѣры, и всѣ его движенія обличаютъ въ немъ научно образованнаго воина. Но вся его наука была безплодна передъ несмѣтными массами монголовъ, тѣмъ болѣе, что эти орды, походившія страстью истребленія скорѣе на тигровъ, чѣмъ на людей, были вмѣстѣ съ тѣмъ превосходными воинами. Съ другой стороны, и Чучи, отрѣзанный искуснымъ движеніемъ шаха, держался такъ хорошо годившейся для его смѣшаннаго войска тактики, что въ ней видно было вліяніе начертанныхъ опытною рукою военныхъ законовъ Чингисъ-Хана.

Великій Мухаммедъ понялъ это и скоро прекратилъ борьбу. Онъ счелъ за лучшее распустить войско и избѣгать неудержимаго потока массъ, пока не отхлынутъ онѣ сами собою, и тогда, умомъ и саблею, вновь поднять государство. Надѣясь на то, въ чемъ отчаявался счастливѣйшій воинъ нашего времени, онъ разсчитывалъ, что города, какъ Самаркандъ, Бухара, Отраръ и многіе другіе, вдвое превосходившіе населеніемъ Парижъ и Лондонъ, или надолго задержатъ или вдоволь насытятъ добычей монгольскія орды, такъ что онѣ неудержимо устремятся назадъ. Слишкомъ поздно увидалъ онъ, что ошибся, считая войска Чингисъ-Хана варварами. Они неистоствовали надъ покоренными странами и жи-

телями, разрушая до основанія города, на ихъ развалинахъ удовлетворяли своимъ скотскимъ страстямъ, истязали сотни тысячъ людей всякаго пола и возраста или хладнокровно душили ихъ, — но даже среди этихъ отвратительныхъ жестокостей можно было видѣть, какъ глубоко проникъ уже въ эти орды элементъ китайской цивилизаціи и съ какою мудростью пользовался имъ умъ, управлявшій этими массами. Въ походахъ Чингисъ-Хана видно только калмыцкое варварство, и въ основаніи его военныхъ распоряженій лежатъ монгольскіе и тюркскіе нравы; но во всемъ, что касается государственнаго быта, въ постановленіяхъ, манифестахъ, законодательствѣ, ясно видно китайское вліяніе, дѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе и явственнѣе, что Чингисъ-Ханъ и его сыновья, подобно древнимъ римлянамъ, охотно принимали и усвоивали себѣ отъ враговъ то, что считали годнымъ.

Мухаммедъ, надѣявшійся спокойно выжидать въ столицѣ окончанія войны, съ изумленіемъ и ужасомъ увидѣлъ свою ошибку, узнавъ, что значительный отрядъ монгольской кавалеріи слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Тогда онъ рѣшился укрыться отъ нихъ въ безопасномъ убѣжищѣ и выбралъ Индію; онъ достигъ уже Балка, но вдругъ, неизвѣстно почему, вернулся назадъ. Западныя области были наводнены монголами, и ихъ отряды неотступно преслѣдовали шаха, стараясь захватить его въ плѣнъ. Съ этихъ поръ онъ становится замѣчательнымъ примѣромъ измѣнчивости человѣческой судьбы: спасеніе и гибель, блескъ и бѣдствіе, богатство, господство надъ полуміромъ, нищета, ничтожество быстро смѣняютъ другъ друга. То же самое ждало потомъ и одного изъ его сыновей. Безпрерывно преслѣдуемый, Мухаммедъ укрылъ свое семейство и сокровища въ одной горной крѣпости Мазандерана, а самъ хотѣлъ переѣхать черезъ Каспійское море и спастись на Кавказѣ у абасговъ. Почти настигаемый врагами, онъ сѣлъ въ лодку, доѣхалъ, больной, до одного острова, потомъ перешелъ на другой и здѣсь кончилъ свои дни въ такой крайности, что едва имѣлъ чѣмъ утолить свой голодъ, а когда умеръ (1221 г.), то нечѣмъ было обвернуть его тѣло. Передъ смертью онъ имѣлъ еще горе узнать, что крѣпость, гдѣ скрывалось его семейство, взята татарами. Семью его тоже постигла страшная участь: всѣ сыновья были убиты, а дочери отданы побѣдителямъ. Уцѣлѣли только два сына, Джелаледдинъ Манкберни, убѣжавшій съ отцомъ на островъ, и Татаръ-Шахъ, спасшійся въ керманской степи. Дикія орды, между тѣмъ, продолжали разрушать цвѣтущіе города Хорасана и Ховарезміи, а самъ Чингисъ-Ханъ, двинувшійся въ сѣверо-восточныя провинціи, такъ же неистово поступалъ съ Бухарою, Самаркандомъ и другими городами. Во время этого варварскаго опустошенія, искусства, науки, богатыя библіотеки, цвѣтущія школы гибли точно такъ же, какъ и отличное сельское хозяйство, въ высшей степени развитая промышленность, дворцы и мечети. Вотъ что говоритъ арабскій историкъ Абульфеда: «ни древнѣйшія времена ислама, ни наши дни не представляютъ примѣра подобнаго звѣрства и жестокости; никогда такъ страшно не преслѣдовали мужчинъ мечомъ, женщинъ и дѣтей цѣпями, священныя книги и храмы огнемъ и разрушеніемъ; никогда не кощунствовали такъ безчеловѣчно надъ образованіемъ, добродѣтелью и благочестіемъ. Какъ ни извѣстна жестокость Навуходоносора противъ израильтянъ, она далеко не можетъ сравниться съ тѣмъ, что мусульмане вытерпѣли въ то время отъ татаръ, такъ какъ каждый изъ разрушенныхъ городовъ былъ значительно больше разрушеннаго Навуходоносоромъ Іерусалима, и каждый истребленный народъ вдвое многочисленнѣе евреевъ.» Мы имѣемъ подробнѣйшія описанія произведенныхъ тогда злодѣйствъ, и слѣдующая выписка можетъ дать понятіе о томъ, что вытерпѣли ховарезмійскіе города и чѣмъ они были до того. По взятіи Балка, Чингисъ-Ханъ велѣлъ собрать всѣхъ жителей, выбрать молодыхъ, годныхъ въ рабство, а почти всѣмъ остальнымъ отрубить головы. Потомъ городъ былъ разграбленъ, добыча раздѣлена по закону, а укрѣпленія срыты. Монголамъ достались несмѣтныя сокровища, такъ какъ Балкъ былъ богатымъ торговымъ городомъ и сборнымъ мѣстомъ отличнѣйшихъ художниковъ, имѣлъ множество изящныхъ памятниковъ, художественныхъ произведеній и другихъ предметовъ, составляющихъ украшеніе большаго города, а также великолѣпные каравансараи (т. II. стр. 320), школы, мечети и не менѣе тысячи двухъ сотъ общественныхъ бань.»

Сынъ несчастнаго Мухаммеда, Джелаледдинъ Манкберни, чрезвычайно талантливый и, подобно отцу, необычайно сильный человѣкъ, схожій съ отцомъ за-

мѣчательною измѣнчивостью судьбы, спасся, среди непріятельскихъ преслѣдованій, всевозможныхъ трудностей и опасностей, въ Газну и этимъ далъ монголамъ поводъ распространить свои опустошенія до горъ Индіи. Въ Газнѣ онъ нашелъ радушный пріемъ и собралъ новое войско. Чингисъ-Ханъ пошелъ противъ него самъ и кромѣ того послалъ другою дорогою два отряда. Джелаледдинъ разбилъ оба высланные противъ него отряда и хотѣлъ вступить въ бой съ самимъ великимъ ханомъ, чего такъ избѣгалъ его отецъ. Уже оба войска стояли другъ противъ друга, но между родными и вождями Джелаледдина произошла ссора при дѣлежѣ добычи, и одинъ изъ предводителей ушелъ съ половиною всего войска. Джелаледдинъ, принужденный отступить, отправился въ Индію. Чингисъ-Ханъ настигъ его у рѣки Инда (1221 г.), и здѣсь произошелъ бой, въ которомъ Джелаледдинъ хотя и былъ побѣжденъ, но выказалъ такую храбрость и пріобрѣлъ такую славу, что восточные историки считаютъ возможнымъ сравнивать его только съ самыми знаменитыми персидскими героями миѳическихъ временъ (т. I стр. 59). Его не устрашало даже множество монголовъ, которыхъ по числу можно было уподобить только саранчѣ; онъ сражался цѣлый день и хотѣлъ вновь ринуться въ битву, имѣя всего семьдесять всадниковъ; только усиленныя просьбы племянника убѣдили его воспользоваться своей исполинской силой, чтобы переплыть рѣку. Въ глазахъ Чингисъ-Хана онъ бросился въ Индъ и подъ тучей вражескихъ стрѣлъ достигъ противоположнаго берега. О впечатлѣніи, произведенномъ имъ на современниковъ и потомство, можно судить по слѣдующимъ словамъ, приписываемымъ однимъ восточнымъ историкомъ Чингисъ-Хану, въ ту минуту, когда онъ увидалъ на противоположномъ берегу спасеннаго шаха: «Смотри, сказалъ онъ одному изъ сыновей, вотъ человѣкъ, достойный своего отца! Счастливъ тотъ, у кого такія дѣти!» Къ Джелаледдину надо отнести слова поэта: «никогда еще не видали такого человѣка, и ни въ такое время не было ему подобнаго. На сушѣ онъ страшенъ, какъ левъ, въ водѣ ужасенъ, какъ крокодилъ.»

Монголы не отважились перейти черезъ Индъ и вернулись въ Персію продолжать опустошенія, длившіяся еще два года. Между тѣмъ сыновья Чингисъ-Хана Чагатай, Октай, были заняты на Индѣ и въ Газнѣ, братъ ихъ, Чучи, покорилъ Оренбургскія и Астраханскія степи, а двадцатитысячный монгольскій отрядъ совершилъ замѣчательный путь вокругъ Каспійскаго моря, отправившись съ запада и прійдя въ степи Джигуна. Чингисъ-Ханъ, вернувшійся въ Каракорумъ только въ 1224 г., оставался, большею частью, въ Самаркандѣ и устраивалъ на Джигунѣ замѣчательныя охоты, съ изумленіемъ описываемыя персидскими и монгольскими лѣтописцами и отлично обрисовывающія монголовъ, ихъ нравы и повелителя. Цѣлые народы были собираемы для того, чтобъ сгонять сотни тысячъ дикихъ звѣрей, которыхъ убивалъ и пожиралъ Чингисъ-Ханъ съ своими придворными. Множество звѣрей было поймано живыми, заклеймено различными знаками и пущено на волю. Но, рядомъ съ этимъ, Чингисъ-Ханъ старался знакомиться въ Ховарезміи, какъ онъ дѣлалъ и въ другихъ завоеванныхъ земляхъ, съ вѣрованіями покоренныхъ имъ народовъ. Для этого онъ разговаривалъ съ бухарскими учеными, преподававшими въ знаменитыхъ академіяхъ ученіе ислама, философію, знанія индійцевъ и изобрѣтеніе персіянъ. Одинъ изъ его потомковъ передаетъ разговоръ своего предка съ первымъ мухаммеданскимъ ученымъ того времени; въ немъ ясно обнаруживается, съ одной стороны, обширный умъ завоевателя, а съ другой, ничтожная школьная мудрость профессора, оказавшаяся тогда, какъ и всегда, несостоятельною передъ здравымъ смысломъ. Передъ возвращеніемъ въ Каракорумъ, Чингисъ-Ханъ собралъ большой курултай, но, кажется, не для изданія новыхъ постановленій, а только для того, чтобъ показаться монголамъ во всемъ блескѣ своей власти. Торжество происходило на той же равнинѣ, гдѣ была охота, и хотя мѣстность имѣла семь миль въ окружности, но едва могла вмѣстить палатки всѣхъ прибывшихъ князей. Изъ Каракорума Чингисъ-Ханъ опять двинулся, съ сыновьями, къ сѣвернымъ и западнымъ границамъ Китая, чтобъ окончательно покорить кочевавшія тамъ орды и потомъ идти противъ сѣвернаго китайскаго государства. Пока монголы были заняты въ этихъ краяхъ, Джелаледдинъ возстановилъ ховарезмійское царство.

Прибывъ въ Индію съ нѣсколькими спутниками, онъ собралъ тамъ войско и, когда монголы отхлынули къ востоку, пошелъ завоевывать отцовскія владѣнія

(1225 г.). Братъ его, Татаръ-Шахъ, уже занялъ провинцію Керманъ, а одинъ изъ данниковъ Мухаммеда завоевалъ часть внутренней Персіи. Но всѣ крѣпости въ горахъ, отдѣлявшихъ Ховарезмію отъ Индіи, принадлежали еще монголамъ, такъ что Джелаледдинъ долженъ былъ проходить по степямъ Афганистана и Кермана. Здѣсь онъ былъ еще несчастнѣе, чѣмъ Александръ Великій въ походѣ черезъ степи Мекрана (т. I стр. 410), сохранивъ изъ цѣлаго войска только четырехъ человѣкъ. Встрѣченный съ восторгомъ въ Персіи, онъ собралъ новое войско, отправился изъ Кермана, черезъ Испагань, къ Багдаду, повернулъ невдалекѣ отъ него къ сѣверу и покорилъ Адзербиджанъ и населенную храбрыми христіанами Грузію, пріобрѣтя побѣдою надъ грузинами безпредѣльныя хвалы со стороны единовѣрцевъ. Къ несчастью, онъ двинулся послѣ того противъ крѣпости Ишлата (стр. 84), принадлежавшей тогда Эюбиду Ашрафу, сыну Аделя. Это предпріятіе было причиной его гибели. Онъ дважды отправлялся, зимою, въ эту мѣстность, часто даже лѣтомъ покрытую снѣгомъ, и былъ отбитъ. Третій походъ былъ удаченъ, но самая удача была пагубна. Едва успѣлъ онъ, съ помощью измѣны, овладѣть крѣпостью, какъ явились войска соединившихся между собой Ашрафа и иконійскаго султана Кай Кобада. Передъ городскими воротами произошло сраженіе (1230 г.), продолжавшееся три дня и къ выгодѣ монголовъ истребившее главныя силы мухаммеданъ въ Азіи. Джелаледдинъ былъ совершенно разбитъ, потерялъ почти все войско, но, не смотря на то, отвергъ выгодный миръ, предложенный противниками, и остался безоружнымъ, въ то самое время, какъ монголы вновь вторглись въ его государство.

Въ это время Чингисъ-Ханъ покорилъ орды, кочевавшія на китайской границѣ, и завоевалъ почти все государство Хіа, лежавшее на сѣверѣ Китая, возлѣ имперіи Киновъ или повелителей золотаго племени. Для войны съ Кинами онъ вступилъ въ союзъ съ южнокитайскимъ императоромъ. Но и непріятели приготовились встрѣтить грозу, такъ что Чингисъ-Хану предстояла упорная борьба. Онъ умеръ (1227 г.), не успѣвъ начать ее; послѣднія слова его сыновьямъ заключали наставленія, какъ вести эту войну. Государство свое онъ раздѣлилъ по письменному завѣщанію между сыновьями и ихъ потомками. По этому завѣщанію третій сынъ, Октай, получалъ верховную власть надъ всѣми, съ титуломъ великаго хана. Старшій, Чучи, умеръ раньше, оставивъ сына, страшнаго для Европы Батy или Батыя. Ему достались покоренныя отцомъ его оренбургскія и астраханскія степи, или такъ называемый Капчакъ (Кипчакъ). Второй, Чагатай, получилъ все пространство за Джигуномъ и Аму, а четвертый, Тули, восточную и западную Персію и покоренную часть Индіи. Оготай не могъ пользоваться властью до признанія его великимъ ханомъ на курултаѣ, — такъ строго соблюдались у монголовъ государственныя формы, не смотря на военную деспотію. Курултай собрался только черезъ два года по смерти Чингисъ-Хана; до того было междуцарствіе; но это вредило дѣламъ только въ томъ отношеніи, что монголы должны были ограничиваться небольшими предпріятіями: всѣмъ управленіемъ распоряжался Чагатай. До дѣлежа, братья предприняли назначенный отцомъ походъ въ сѣверный Китай, совершенно покорили это государство, съ его громадною столицею Нанкиномъ и отдали императору южнаго Китая, за оказанную имъ помощь, провинцію Гонанъ. Въ то же время, сынъ Тули, Гулагу, проникъ до Арменіи и Грузіи, а многочисленные отряды, славнѣйшимъ предводителемъ которыхъ былъ Чармаганъ, искали всюду ховарезмійскаго шаха.

Джелаледдинъ слишкомъ поздно рѣшился просить помощи у румскаго султана, Эюбида Ашрафа и багдадскаго халифа; получивъ отъ всѣхъ трехъ отказъ, онъ внезапно былъ окруженъ врагами въ Адзербиджанѣ. Храбрость османскихъ турокъ, поступившихъ къ нему на службу подъ начальствомъ Орхана, и тутъ спасла его, но вмѣсто того, чтобы бѣжать съ ними въ Испагань, онъ велѣлъ имъ отступить, надѣясь отвлечь отъ себя вниманіе враговъ, и этимъ погубилъ себя. Преслѣдуемый монголами, онъ укрылся въ Курдистанъ, попалъ въ руки одной курдской орды и, когда назвалъ себя, былъ зарѣзанъ (1231 г.) курдомъ, братъ котораго былъ убитъ въ Ишлатѣ. Уничтоживъ ховарезмійское государство, монголы принудили румскаго султана подчиниться великому хану, а въ то же время на другомъ концѣ государства вели войну съ императоромъ южнаго Китая и владѣтелемъ полуострова Кореи. Владѣтеля Кореи они подчинили, но китайцы

устояли тогда противъ напора. Почти въ то же время орда османскихъ турокъ вступила въ Малую Азію и, основавъ тамъ разбойничье государство Карагиссаръ, положила начала новому грозному государству на Востокѣ.

3. Походы монголовъ въ Европу.

Еще во время пребыванія Чингисъ-Хана въ Ховарезміи, его старшій сынъ. Чучи, покоритель Капчака, проникъ со стороны Каспійскаго моря, въ Европу. Первыми встрѣтилить ему половцы, грубый языческій народъ тюркскаго племени, кочевавшій отъ Азовскаго моря до днѣпровскихъ пороговъ и постоянно воевавшій съ русскими, раздѣленными тогда на множество княжествъ. Половцы просили у русскихъ помощи противъ монголовъ и получили ее, благодаря содѣйствію великаго князя Мстислава, женатаго на половчанкѣ. Русскіе двинули болѣе 100 тысячъ человѣкъ, оттѣснили монголовъ на восемь дней пути, но имѣли неосторожность дать сраженіе, не дождавшись подкрѣпленій. При рѣкѣ Калкѣ они были разбиты на голову (1224 г.), и весь югъ Россіи сдѣлался открытъ непріятелю. Татары опустошили всю страну до Чернигова, но не пошли далѣе, такъ какъ выступленіе Чингисъ-Хана изъ Ховарезміи и смерть Чучи, умершаго въ томъ же 1224 году, пріостановили ихъ движеніе на западъ. Но половцы были совершенно истреблены; остатки ихъ бѣжали къ русскимъ и, смѣшавшись съ ними, исчезли.

Новая опасность грозила русскимъ, когда монголы напали на болгаръ, живших въ южной Россіи. Если бы они подали помощь болгарамъ, къ чему были обязаны договорами, и забыли свои междоусобія, то, быть можетъ, имъ удалось бы отстоять свою покрытую болотами и лѣсами родину. Но ни того, ни другаго не случилось, болгары были побѣждены и усилили собою монгольскія полчища. Однако и на этотъ разъ опасность миновала. Въ 1234 г. великій ханъ Октай созвалъ отовсюду своихъ родныхъ съ войсками въ Монголію, на большой курултай, а потомъ воевалъ съ Китаемъ и обстраивалъ Каракорумъ, состоявшій до тѣхъ поръ изъ шалашей и палатокъ. Онъ выстроилъ себѣ великолѣпный дворецъ, отдѣланный китайскими мастерами, и заставилъ всѣхъ родныхъ и начальниковъ строить себѣ дома въ Каракорумѣ. Русскіе не воспользовались и этой отсрочкой, и надъ ними разразилась давно грозившая бѣда. Батый, сынъ Чучи, посланный Октаемъ съ громаднымъ войскомъ для покоренія Россіи, уничтожилъ при рѣкѣ Воронежѣ (1237 г.) войска рязанскаго князя, не получившаго помощи отъ другихъ князей, потомъ разбилъ великаго князя владимірскаго Юрія II, взялъ и разрушилъ Владиміръ, Москву и другіе города, истребляя при этомъ жителей. Юрій отважился на второе сраженіе при рѣкѣ Сити (1238 г.), и здѣсь рѣшилась судьба Россіи на цѣлыя полтораста лѣтъ. Великій князь и знатнѣйшіе воеводы пали въ битвѣ, а татары неудержимо ринулись во внутреннюю Россію, истребляя все огнемъ и мечомъ. Они были уже въ ста верстахъ отъ древняго богатаго Новгорода, и, безъ сомнѣнія, уничтожили бы и этотъ городъ, колыбель Россіи, если бы не наступили внезапныя мятели, затруднившія ихъ движенія по болотистой и наполненной озерами странѣ. Повернувъ назадъ, они ушли за Волгу, но въ слѣдующемъ году явились опять (1239 г.). Русскіе бѣжали отъ нихъ, какъ отъ дикихъ звѣрей, укрываясь въ лѣса и болота. Татары жгли покинутые города и деревни, и наконецъ овладѣли тогдашнею столицею Россіи, Кіевомъ (1240 г.). Многіе русскіе, и въ томъ числѣ и великіе князья кіевскій и галицкій, бѣжали въ Венгрію, гдѣ въ тоже время искали спасенія до сорока тысячъ куманскихъ семействъ. Монголы направились тогда не къ сѣверу, а къ юго-западу, и въ началѣ слѣдующаго года наводнили Венгрію и Польшу.

Въ Венгріи, незадолго до того, совершился такой же государственный переворотъ, какъ въ Англіи при Іоаннѣ Безземельномъ (стр. 56); только его результаты, вліяніе которыхъ сохранилось до нашихъ временъ, были совершенно противоположны тому, что произошло въ Англіи. Сынъ и преемникъ Белы III, Эмерихъ (1196—1204 г.), въ продолженіе всего царствованія враждовалъ съ своимъ властолюбивымъ братомъ Андреемъ II. По смерти его, Андрей сдѣ-

лался опекуномъ малолѣтняго наслѣдника, принудилъ его, вмѣстѣ съ матерью, бѣжать, и когда тотъ умеръ, вступилъ на престолъ (1205 г.). Вскорѣ у него начались раздоры съ вельможами и роднымъ сыномъ, Бѣлою IV, котораго онъ принужденъ былъ взять соправителемъ; но, не смотря на внутреннія распри, Андрей вмѣшивался въ междоусобія русскихъ князей и, какъ было сказано выше, принялъ участіе въ безславномъ крестовомъ походѣ (стр. 84). Раздоры короля съ сыномъ дали вельможамъ поводъ и возможность вытребовать у него несчастную грамату, послѣдняя статья которой порождала въ Венгріи постоянныя междоусобія и дѣлала бѣдные и низшіе классы народа жертвою богатыхъ и знатныхъ. Въ силу этой, такъ называемой, золотой привилегіи, вельможи должны были быть ежегодно сзываемы на сеймъ, освобождались со всѣми своими людьми отъ платежа поземельной подати, не могли быть лишаемы безъ судебнаго приговора личной свободы и имущества и пріобрѣтали еще многія другія права. Послѣднею статьею этой граматы дворянству и духовенству предоставлялось право вооруженнаго возстанія въ случаѣ нарушенія королемъ или кѣмъ-нибудь изъ его наслѣдниковъ постановленій золотой привилегіи. Огромная разница между этими правами и выговоренными за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Англіи заключалась въ томъ, что золотою привилегіею ничего не было сдѣлано для горожанъ и крестьянъ; напротивъ, венгерская знать основала свое могущество на угнетеніи этихъ классовъ, и тогда какъ въ Англіи число мелкихъ землевладѣльцевъ постоянно увеличивалось и они становились ядромъ націи, въ Венгріи классъ этотъ, напротивъ, былъ совершенно угнетенъ высшимъ дворянствомъ, а крестьяне доведены до положенія рабовъ.

Слѣдствія этой неблагоразумной конституціи обнаружились весьма скоро. Уже соправитель Андрея, Бела, не могъ и не хотѣлъ выполнять обязательствъ, принятыхъ отцомъ, и такимъ образомъ государство было осуждено на постоянныя смуты. Его братъ былъ съ нимъ въ открытой враждѣ; къ этому присоединились несогласія съ духовенствомъ, папой и русскими; еврейскіе и мухаммеданскіе ростовщики, къ которымъ Андрей прибѣгалъ въ финансовыхъ затрудненіяхъ, захватывали государственныя и частныя имущества, дворянство предалось въ послѣднее время распутной жизни и утратило свой боевой духъ. Наконецъ, недовольная часть знати предложила корону герцогу австрійскому, Леопольду Воинственному, но, явясь въ Венгрію, Леопольдъ былъ разбитъ и принужденъ заключить невыгодный миръ. Слѣдовательно, венгры вовсе не были готовы выдержать борьбу съ сильнымъ врагомъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе о приближеніи къ карпатскимъ проходамъ полмилліона монголовъ. Тогда царствовалъ Бела IV, наслѣдовавшій отцу въ 1235 г. Монголы, выходя изъ Россіи, раздѣлились на четыре многочисленныхъ войска, изъ которыхъ одно пошло въ Польшу и Силезію, а три, различными путями, въ Венгрію. Къ несчастью, незадолго до того венгры раздражили кумановъ, внушавшихъ имъ опасенія своимъ множествомъ, взявъ у нихъ въ заложники князей. Потому куманы присоединились къ монголамъ при первомъ ихъ появленіи. Мужественная оборона проходовъ могла бы, если не вовсе преградить, то, по крайней мѣрѣ, сильно затруднить монголамъ доступъ въ Венгрію. Но король былъ человѣкъ слабый, не умѣвшій повелѣвать, а палатинъ Дедервари, которому поручена была защита проходовъ, очистилъ ихъ при приближеніи непріятелей. Такимъ образомъ венгры сами готовили себѣ гибель, или, какъ отлично выразился одинъ историкъ, дьяволъ, ведшій монгола Батыя въ Венгрію, предпослалъ ему трехъ неодолимыхъ духовъ: духа раздора, духа невѣрія и недовѣрчивости и духа боязни. Батый не встрѣтилъ сопротивленія въ горныхъ проходахъ, и Венгрія сдѣлалась его добычею. Однако, здѣсь онъ впервые столкнулся съ западнымъ рыцарствомъ, такъ же какъ Фридрихъ Австрійскій, по просьбѣ короля, поспѣшилъ къ нему на помощь, и дикіе монголы, вооруженные почти исключительно одними луками и пиками и только въ небольшомъ количествѣ имѣвшіе брони и шлемы, получили отпоръ, какого еще не встрѣчали. Но Фридрихъ, выказавшій блистательную храбрость и гигантскую силу, долженъ былъ отправиться въ Австрію за подкрѣпленіями, а въ его отсутствіе Бела допустилъ монголовъ завлечь себя въ мѣстность, весьма для нихъ выгодную. Батый заманилъ его въ степь Моги при рѣкѣ Саіо и здѣсь совершенно окружилъ венгерское войско, такъ что въ случаѣ пораженія венграмъ оставалась только одна до-

рога для бѣгства. По этой дорогѣ они и бѣжали въ безпорядкѣ, убиваемые монголами, какъ бараны; по словамъ одного современнаго писателя, они падали, какъ листья при наступленіи зимы, трупы ихъ покрывали всю дорогу, а кровь текла, какъ горный потокъ. Монголы, подкрѣпленные войскомъ, пришедшимъ изъ Силезіи, обратили Венгрію въ пустыню, и доходя до Иллиріи и Далмаціи, сотнями тысячъ истребляли жителей. Потерявъ войска, Бела бѣжалъ къ Фридриху Воинственному, и, чтобъ получить помощь, предлагалъ императору обратить королевство въ ленъ имперіи. Но Фридрихъ II оставался подъ разными предлогами въ Италіи и только написалъ циркулярную ноту къ христіанскимъ государямъ и германскимъ князьямъ. Монгольскія орды уже готовились основать въ Венгріи поселенія, какъ вдругъ Батый получилъ извѣстіе о смерти Октая и повелъ свои полчища на востокъ (1242 г.).

Монголы, вторгшіеся въ Польшу, нашли тамъ еще болѣе благопріятное для себя положеніе дѣлъ, чѣмъ ихъ соплеменники въ Венгріи. Польша съ давнихъ поръ была раздѣлена на нѣсколько княжествъ, постоянно враждовавшихъ между собою, и хотя сильнѣйшій владѣтель считался главою всѣхъ, но это первенство заключалось почти въ одномъ титулѣ. Въ эпоху вторженія монголовъ въ Россію, въ Польшѣ было четыре главныхъ князя: Генрихъ I Бородатый владѣлъ Бреславлемъ и большою частью Силезіи, Болеславъ Стыдливый — Краковомъ и Сендомиромъ, Конрадъ — Мазовіей и Куявіей, а Владиславъ—Познанью и Жмудью. Никто изъ нихъ не былъ на столько силенъ, чтобъ принять титулъ короля, но Генрихъ принудилъ остальныхъ считать его верховнымъ своимъ главою. Вслѣдствіе этихъ отношеній, онъ убѣдилъ двоюроднаго брата Конрада уступить область Кульмъ рыцарямъ тевтонскаго ордена, начинавшимъ тогда замѣнять свою дѣятельность на Востокѣ обращеніемъ въ христіанство пруссовъ и другихъ пограничныхъ Германіи язычниковъ (1228 г.): это дало ордену возможность стать твердой ногою въ Пруссіи и впослѣдствіи получить въ высшей степени важное значеніе для цивилизаціи остзейскихъ береговъ. Сынъ Генриха, Генрихъ II Благочестивый (1238 г.), пользовался такимъ же вліяніемъ, какъ и отецъ. На третьемъ году его княженія, монголы вторглись въ Польшу и опустошили Люблинъ. Въ слѣдующемъ году снова явилось слабѣйшее изъ четырехъ войскъ, на которыя они раздѣлились, выступая изъ Россіи. Изъ трехъ остальныхъ, направившихся на Венгрію, одно пошло также черезъ Польшу, уничтоживъ на пути войска Болеслава Стыдливаго. Войско, назначенное въ Польшу и находившееся подъ начальствомъ Петы, встрѣтило здѣсь такой же рыцарскій отпоръ, какъ въ Венгріи со стороны Фридриха Австрійскаго. Подъ Оппельномъ, герцогъ верхней Силезіи, Мечиславъ, уничтожилъ значительный монгольскій отрядъ и потомъ благоразумно уклонялся отъ сраженія; главныя массы монголовъ впервые встрѣтили правильное сопротивленіе, только подойдя къ Бреславлю. Горожане, конечно, бѣжали, но силезскіе рыцари заняли замокъ на одномъ изъ острововъ Одера, сложили туда все, что было цѣннаго, и сожгли городъ, чтобъ добыча не привлекла дикихъ враговъ. Замокъ не былъ взятъ монголами. Отъ Бреславля они пошли на Лигницъ, гдѣ Генрихъ Благочестивый собралъ довольно значительное войско. Къ нему присоединились Мечиславъ, герцогъ верхней Силезіи, моравскій герцогъ Болеславъ, приведшій гольдбергскихъ горцевъ и имѣвшій главное начальство надъ воинами, одѣтыми, по обычаю того времени, какъ крестоносцы, гроссмейстеръ тевтонскаго ордена съ своими рыцарями и много другихъ владѣтелей и рыцарей; самъ Генрихъ привелъ съ собой довольно значительный отрядъ изъ поляковъ, силезцевъ и нѣмецкихъ наемниковъ. Это войско, числомъ до тридцати тысячъ человѣкъ, показало монголамъ, что значитъ желѣзное западное рыцарство. Правда, христіане, не смотря на всю свою храбрость, проиграли сраженіе, данное 9 апрѣля 1241 г. на вальштадтской равнинѣ, при Лигницѣ, такъ какъ ихъ одолѣли масса и натискъ враговъ; но монголы понесли такую значительную потерю, что не пошли далѣе на Германію, а повернули на Богемію и Моравію. Чешскій король скрылся отъ нихъ, поджидая помощи нѣмецкихъ имперскихъ князей, дѣлавшихъ значительныя вооруженія; варвары прошли, не останавливаясь, чрезъ его земли и, потерпѣвъ въ Моравіи значительное пораженіе, соединились въ Венгріи съ Батыемъ, отправившимся вмѣстѣ съ ними, какъ уже было сказано выше, на востокъ. Къ счастью

для Германіи, въ монгольскомъ государствѣ произошли внутренніе перевороты, вслѣдствіе которыхъ ихъ дальнѣйшія предпріятія направились не противъ Европы, а противъ багдадскаго халифата. Впрочемъ, по свидѣтельству европейцевъ, бывшихъ при монгольскомъ дворѣ посланниками или миссіонерами, вооруженіе западныхъ рыцарей, ихъ боевое искусство и храбрость произвели сильное впечатлѣніе на монголовъ. Такъ, напримѣръ, папскій посолъ, отправленный въ Монголію черезъ четыре года послѣ похода Батыя, разсказываетъ, что и его самого и его людей обстоятельно разспрашивали, не дѣлаютъ ли еще франки походовъ въ Палестину; а въ Арменіи и Грузіи ему говорили, что монголы никого такъ не боятся, какъ франковъ.

4. Монгольское государство въ первое время по смерти Чингисъ-Хана и паденіе халифата.

Первый великій ханъ, наслѣдовавшій Чингисъ-Хану, Октай, былъ грубъ, какъ всѣ монголы, и къ тому же преданъ пьянству, но въ его царствованіе весьма искусно завѣдывалъ всѣми дѣлами образованный и умный китаецъ, Елучучай, вступившій въ монгольскую службу еще при Чингисъ-Ханѣ. Этотъ человѣкъ имѣлъ весьма важное значеніе для внутренняго устройства монгольскаго государства, перенеся въ управленіе обычаи и духъ давно уже образованной страны. Онъ старался проводить на практикѣ лучшія государственныя начала, основывалъ учебныя заведенія, переводилъ на монгольскій языкъ сочиненія образованныхъ народовъ, выписывалъ изъ Персіи, Аравіи и другихъ мухаммеданскихъ государствъ ученыхъ, офицеровъ, ремесленниковъ и художниковъ. Октай умеръ внезапно, 1241 г., отъ пьянства, назначивъ наслѣдникомъ старшаго сына, но его жена, христіанка Туракейна, доставила санъ великаго хана родившемуся отъ нея младшему сыну, Каюку, и, по малолѣтству его, стала управлять государствомъ сама; къ ея несчастью, Елучучай умеръ въ 1243 г. Въ ея правленіе произошла замѣчательная перемѣна во мнѣніи европейцевъ о монголахъ. Еще за нѣсколько лѣтъ, какъ доказываетъ отзывъ императора Фридриха II, ихъ считали въ Европѣ народомъ совершенно дикимъ, не имѣющимъ понятія о какомъ-либо законномъ порядкѣ, стоящимъ на одной ступени со звѣрьми; и вдругъ, посылаемые къ Каюку монахи стали говорить о христіанскомъ богослуженіи при монгольскомъ дворѣ. Конечно, всматриваясь въ дѣло ближе, окажется, что это христіанство имѣло весьма ограниченное вліяніе на монголовъ, такъ какъ главный идолъ ихъ оставался по прежнему государственнымъ и придворнымъ божествомъ; однако, при Каюкѣ и даже при Октаѣ одинъ изъ государственныхъ сановниковъ былъ христіанинъ; черезъ него это христіанство имѣло нѣкоторое вліяніе на монгольскій дворъ, пока черезъ десять лѣтъ по смерти Октая его не зарѣзали со всѣми друзьями. Каюкъ былъ признанъ великимъ ханомъ на курультаѣ, не ранѣе четырехъ или пяти лѣтъ по смерти Октая, такъ какъ Батый ненавидѣлъ его и всю его родню. Спустя годъ, онъ умеръ (1247 г.), и тогда Батый, не обращая вниманія на тѣхъ, которые считали Каракорумъ единственнымъ мѣстомъ для созванія государственныхъ собраній, устроилъ курультай у себя въ Капчакѣ и, опираясь на войско, заставилъ признать великимъ ханомъ бѣжавшаго къ нему сына Тули, Мангу. Впослѣдствіи въ Каракорумѣ собрался другой курультай (1251 г.), избравшій Мангу великимъ ханомъ съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ церемоній. Но и туда Батый послалъ съ войскомъ двухъ своихъ предводителей, приказавъ рубить головы всѣмъ родичамъ и приверженцамъ Октая, которые будутъ противиться выбору Мангу. Избраніе новаго великаго хана сопровождалось семидневнымъ празднествомъ, въ родѣ іудейской субботы, въ которомъ принималъ участіе и скотъ, такъ какъ во все это время его не убивали и не гоняли на работу. Въ теченіе этихъ семи дней дворъ выпилъ двѣ тысячи повозокъ горячихъ напитковъ и пожралъ триста лошадей и быковъ и пять тысячъ барановъ. Среди пировъ открытъ былъ заговоръ брата Каюка, его сыновей и части придворныхъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ были убиты, а родъ Октая

совершенно истребленъ. Въ числѣ прочихъ былъ убитъ Кудакъ, христіанскій министръ двухъ прежнихъ великихъ хановъ, и всѣ его друзья.

При Мангу и его братѣ, Кублаѣ, наслѣдовавшемъ ему въ 1259 г., монголы завоевали часть западной Азіи, гдѣ еще прежде имъ подчинилось иконійское государство и весь южный Китай, и основали на обоихъ концахъ своихъ владѣній новыя царства. При Октаѣ, сельджукскій султанъ Иконіума (Иконіе), Кай Кобадъ, прежде всѣхъ мухаммеданскихъ владѣтелей добровольно подчинился великому хану. Этимъ онъ сохранилъ свою власть по уничтоженіи ховарезмійскаго государства, но вскорѣ поссорился со своимъ новымъ властелиномъ, и его владѣніямъ стало грозить новое монгольское нашествіе. Къ довершенію несчастья, его сынъ и наслѣдникъ, Кай Козру II, обидѣлъ турецкихъ наемниковъ, поступившихъ къ нему на службу по смерти ховарезмійскаго шаха, такъ что они ушли въ Сирію и примкнули къ Эюбиду Салэхъ Эюбу. Кай Козру собралъ новыхъ наемниковъ, грековъ, франковъ и персіянъ, и соединился съ владѣтелемъ Алеппо, но по появленіи войска, посланнаго великимъ ханомъ Каюкомъ (1243 г.), его трусливые наемники и союзникъ бѣжали. Сдѣлавъ его своимъ данникомъ, монголы оставили ему и его сыновьямъ титулъ султана; но, спустя пятьдесятъ лѣтъ, и этотъ послѣдній остатокъ сельджукскаго владычества былъ уничтоженъ.

Сдѣлавшись великимъ ханомъ, Мангу счелъ благоразумнымъ держать братьевъ, Гулагу и Кублая, подалѣе отъ себя. Потому въ 1253 г. онъ опять созвалъ курултай, на которомъ было постановлено предпринять два похода подъ начальствомъ его братьевъ. Гулагу былъ посланъ противъ Персіи и багдадскаго халифата, а Кублай противъ Китая. Гулагу выступилъ осенью съ сильнѣйшимъ изъ двухъ войскъ; съ нимъ отправились очень много китайскихъ ученыхъ и мастеровъ, въ качествѣ географовъ, инженеровъ и машинистовъ. Онъ пошелъ, черезъ Самаркандъ, къ Каспійскому морю, овладѣлъ прибрежными горными странами, заставилъ присягнуть себѣ жалкихъ владѣтелей бывшаго иконійскаго государства, проникъ до Гамадана и потребовалъ добровольнаго подчиненія отъ старца горы, господствовавшаго въ горахъ Дилема надъ персидскою вѣтвью ассасиновъ (т. II. стр. 667). Тогдашній старецъ горы, Рокнеддинъ, отвергъ это требованіе, но когда Гулагу вступилъ въ его владѣнія, онъ послалъ къ нему для переговоровъ брата, а потомъ былъ принужденъ явиться лично къ предводителю монголовъ (1256 г.). Гулагу поставилъ надъ страною монгольскаго правителя и отправилъ старца горы къ великому хану, предварительно заставивъ его приказать гарнизонамъ всѣхъ городовъ открыть монголамъ ворота. Всѣ послушались, за исключеніемъ трехъ, но и они потомъ повиновались, боясь гнѣва Гулагу или уступая силѣ. Гулагу разрушилъ до основанія всѣ разбойничьи вертепы ассасиновъ и истребилъ всю секту чисто по монгольски, приказавъ войскамъ рѣзать всѣхъ ассасиновъ безъ исключенія, не щадя даже грудныхъ дѣтей. Приказъ былъ выполненъ буквально, и все племя персидскихъ ассасиновъ истреблено. Въ одномъ Когестанѣ, монгольскій полководецъ истребилъ до 12 т. человѣкъ, а во всѣ провинціи были посланы особые коммисары, для того, чтобы разыскивать ассасиновъ и немедленно предавать ихъ смерти. Старецъ горы былъ умерщвленъ по приказанію великаго хана. Такимъ образомъ погибла окончательно измаэлитская секта ассасиновъ въ Персіи; въ Сиріи она сохранилась до сихъ поръ, но основанное ею государство было уничтожено черезъ нѣсколько лѣтъ по истребленіи ея персидской вѣтви.

Изъ Персіи, Гулагу хотѣлъ двинуться на Константинополь, но оставилъ это намѣреніе, уступая совѣтамъ знаменитаго астронома Насиреддина, котораго онъ весьма уважалъ, щедро покровительствуя его ученымъ занятіямъ (т. II. стр. 361), и пошелъ противъ послѣдняго халифа, Аббасида Мостаасема. Багдадскіе халифы, по уничтоженіи Буидовъ (т. II. стр. 348 и т. II. стр. 641), отъ времени до времени пріобрѣтали свѣтское владычество и наконецъ почти вполнѣ упрочили свою независимость. Но въ Багдадѣ не прекращались внутренніе раздоры между многочисленнымъ шіитскимъ населеніемъ города и господствующею суннитскою сектою, доходившіе нерѣдко до кровавыхъ стычекъ на улицахъ. Духовныя проклятія и инквизиціонная система, къ которымъ халифъ прибѣгалъ со времени ховарезмійца Мухаммеда III, естественно, разжигали еще болѣе ненависть и раздоры. Къ тому же визирь Мостаасема, Муяддединъ, былъ ревностный шіитъ и

изъ религіозной ненависти старался погубить халифа коварными совѣтами. Наконецъ, согласно общему правилу, что гибели всегда предшествуетъ ослѣпленіе гибнущаго, Мостаасемъ, къ своему несчастью, былъ очень скупъ. Собравъ громадныя сокровища, онъ сначала содержалъ на нихъ многочисленную конницу (по Абулфедѣ въ 100 т., а по персидскимъ источникамъ въ 70 т. человѣкъ). За нѣсколько лѣтъ до нападенія Гулагу визирь далъ ему вѣроломный совѣтъ уменьшить это войско до 20 т., а сбереженными деньгами откупиться отъ грозившаго ему великаго хана. Халифъ послушался предательскаго совѣта, такъ какъ по своей скупости разсчитывалъ, что монголы удовольствуются меньшею суммой денегъ, чѣмъ онъ сбережетъ вслѣдствіе сокращенія войска. Но ими онъ задержалъ монголовъ весьма не надолго, а при нападеніи Гулагу могъ располагать чрезвычайно незначительными силами. Такъ объясняютъ гибель Мостаасема мухаммеданскіе историки; напротивъ, христіанскій монахъ Рубруквисъ, который былъ посломъ при дворѣ великаго хана за три года до паденія халифата и при которомъ прибыли посланные Мостаасема, увѣряетъ, что халифъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ отразить грозившую ему гибель, и весьма умно отклонялъ всѣ предложенія вѣроломнаго монгола относительно разоруженія и расформированія войска. Во всякомъ случаѣ въ то время монгольскій вождь уже не водилъ съ собой милліонъ войска, и халифъ могъ имѣть достаточно силъ, чтобъ отбиться отъ него; но Гулагу, обманувъ его различными хитростями, внезапно появился въ окрестностяхъ Багдада, разбилъ въ весьма упорномъ сраженіи немногочисленное войско Мостаасема и осадилъ съ двухъ сторонъ городъ.

Гулагу не могъ совершенно замкнуть огромный Багдадъ, и потому осада подвигалась весьма медленно. Она длилась уже два мѣсяца, какъ вдругъ измѣнникъ визирь посовѣтовалъ халифу войти въ личные переговоры съ Гулагу, чтобы тѣмъ спасти свою власть, подобно иконійскому султану Кай Козру. Мостаасемъ дался въ обманъ и отправился въ монгольскій лагерь; тамъ его приняли дружески, но потомъ завели въ отдѣльную палатку и задержали плѣнникомъ. Успѣвъ въ этомъ, подлый визирь такимъ же образомъ отправилъ къ монголамъ всѣхъ значительныхъ лицъ, которыя могли управлять обороною города съ почти милліоннымъ населеніемъ; всѣ они были убиты. Тогда Гулагу и его полководецъ Багу сдѣлали приступъ съ двухъ сторонъ, и дикія орды, среди страшной рѣзни, ворвались въ Багдадъ (февраль 1258 г.). Сорокъ дней не прекращались убійства; по самымъ умѣреннымъ даннымъ, — въ которыхъ, однако, нельзя не видѣть сильнаго восточнаго преувеличенія и нѣкоторой невѣроятности, — въ чертѣ города погибло 800 т. человѣкъ, не считая убитыхъ по окрестностямъ. Стѣны, башни, ворота были разрушены; великолѣпнѣйшія зданія и превосходныя научныя коллекціи погибли въ пламени. Скупаго халифа Гулагу пытали до тѣхъ поръ, пока тотъ не показалъ, гдѣ спрятаны сокровища; затѣмъ его убили. Такъ какъ предатель визирь, посылая Мостаасема въ лагерь, поручился ему, именемъ Гулагу, за жизнь, то монгольскій предводитель, не рѣшаясь пролить его крови, употребилъ какую-то уловку, чтобъ убить его; вѣроятно, несчастный былъ раздавленъ лошадьми.

Такимъ образомъ, подъ натискомъ монголовъ исчезъ послѣдній остатокъ духовнаго владычества надъ мухаммеданскимъ міромъ, сохранявшагося цѣлые пятьсотъ лѣтъ въ родѣ Аббасидовъ. Между тѣмъ Кублай дѣйствовалъ въ Китаѣ далеко не такъ счастливо, какъ Гулагу въ Персіи и на Евфратѣ. Соны сопротивлялись такъ упорно, что въ 1257 г. великій ханъ Мангу счелъ за нужное лично принять начальство надъ войскомъ. Онъ пришелъ съ сильными подкрѣпленіями, но въ томъ же году палъ во время неудачнаго штурма города, отлично укрѣпленнаго и еще лучше обороняемаго китайцами. Кублай или Кублай-Ханъ, какъ съ тѣхъ поръ стали называть его, объявилъ себя великимъ ханомъ, не дожидаясь рѣшенія курултая. Это вовлекло его въ продолжительную войну съ братомъ, Артектогой. Ближайшими ея результатами были заключеніе мира съ китайцами и перенесеніе столицы великихъ хановъ въ нынѣшній Пекинъ, гдѣ укрѣпился Артектога, остававшійся прежде намѣстникомъ Мангу въ Каракорумѣ. Артектога, разбитый братомъ въ третьемъ сраженіи, ушелъ въ Каракорумъ и успѣлъ утвердиться тамъ. Впослѣдствіи онъ былъ вытѣсненъ оттуда одной враждебной ордой и бѣжалъ въ Китай къ брату Кублаю, который однако засадилъ

его въ темницу и тамъ приказалъ умертвить. Кублай, опять соединившій тогда подъ своею властью Монголію и Туркестанъ, продолжалъ войну съ Китаемъ, овладѣлъ, въ 1180 г., не смотря на упорное сопротивленіе, всею китайской имперіею и даже распространилъ свою власть на Бенгалію. Съ того времени Китай становится средоточіемъ монгольскаго государства, принявшаго вскорѣ чисто китайскій характеръ (т. I. стр. 6). Династія Кублая, переселясь въ Китай, стала называться династіей Івенъ.

5. Персія, Сирія и Египетъ до окончательнаго уничтоженія христіанскаго господства въ Палестинѣ.

По уничтоженіи халифата, въ Персіи возникло татарское или монголо-турецкое государство; а еще прежде другое такое же государство было основано въ Капчакѣ Батыемъ, умершимъ въ 1256 г. Гулагу при жизни Мангу объявилъ себя владѣтелемъ Персіи съ титуломъ Илекъ-Хана, а перенесеніе столицы великаго хана въ Китай совершенно упрочило его власть, перешедшую къ потомству, сохранявшему ее до конца XIV столѣтія, когда татаринъ Тимуръ или Тамерланъ явился вторымъ Чингисъ-Ханомъ.

Покоривъ Багдадъ, Гулагу двинулся въ Сирію. Мосулъ сдался ему добровольно, у жителей Алеппо онъ потребовалъ, чрезъ иконійскаго султана, безусловой сдачи, обѣщая пощаду, но, получивъ презрительный отказъ, началъ осаду и на девятый день взялъ городъ штурмомъ. Великолѣпный и богатый Алеппо постигла почти такая же участь, какъ Багдадъ. Испуганные его судьбою, Дамаскъ, Гаматъ и Гемсъ покорились безъ сопротивленія, а другіе города были вскорѣ завоеваны. Назначивъ намѣстникомъ Сиріи Кетбогу, Гулагу вернулся въ восточную Персію (1260 г.). Но едва онъ удалился, какъ въ Сирію вступилъ Котуцъ, одинъ изъ мамелюкскихъ султановъ Египта, и однимъ сраженіемъ отнялъ ее у монголовъ. Онъ на голову разбилъ монгольское войско и гналъ его до самаго Евфрата. Но побѣда оказалась пагубною для самого побѣдителя. Обѣщавъ алеппское намѣстничество полководцу Бибарсу, главному виновнику побѣды, онъ не сдержалъ обѣщанія, и по возвращеніи въ Египетъ былъ имъ убитъ. Тогда мамелюки признали султаномъ Бибарса.

Бибарсъ упрочилъ и распространилъ свою власть на счетъ монголовъ и христіанъ. Чтобы затруднить первымъ доступъ въ Сирію, онъ велѣлъ опустошить обширную полосу земли и даже выжечь на ней траву, а потомъ искусно воспользовался кровавыми распрями между Гулагу и сыномъ Батыя, Беркере или Баркаемъ, чтобы истребить монголовъ самими же монголами. Принявъ на службу нѣсколькихъ изъ монголовъ Баркере и щедро награждая ихъ, онъ не только привлекъ себѣ цѣлыя массы ихъ соплеменниковъ, но и вывѣдывалъ все, что дѣлалось въ Капчакѣ. Узнавъ, что Беркере имѣетъ при дворѣ многихъ мухаммеданъ и самъ склоняется къ принятію ислама, онъ отправилъ къ нему посольство и получилъ въ отвѣтъ такое же посольство. Послы Беркере были щедро надѣлены подарками, множество, разнообразіе, изящество и цѣнность которыхъ даютъ высокое понятіе о тогдашней культурѣ и промышленности Египта, и отправились домой въ сопровожденіи новаго посольства. Его задержалъ въ Константинополѣ императоръ Михаилъ Палеологъ, вошедшій въ дружескія сношенія съ Гулагу, изъявлявшимъ притворное желаніе принять христіанство; тогда Бибарсъ повелъ сношенія съ Беркере другимъ путемъ и продолжалъ ихъ съ его сыномъ и преемникомъ. Благодаря этимъ переговорамъ, монголы не тревожили Сиріи: а Бибарсъ даже поставилъ новаго халифа, котораго выдалъ за потомка Аббасидовъ, и надѣялся завоевать Багдадъ, пока Гулагу былъ занятъ на сѣверѣ войною съ Беркере; но монголы убили его халифа и посланныхъ съ нимъ солдатъ, прежде чѣмъ они достигли Багдада.

При жизни Гулагу Бибарсъ не могъ начать серьезныхъ дѣйствій противъ христіанъ, но въ самый годъ его смерти (1265 г.) взялъ Кесарію и Аруфъ и потомъ ntадилъ важную христіанскую крѣпость Акру, гдѣ враждовали между собою венеціанцы, генуэзцы и пизанцы. Эта попытка не удалась; за то онъ покорилъ всѣ

небольшія укрѣпленныя мѣста, а въ слѣдующемъ году овладѣлъ безъ боя Антіохіею. Неудачи палестинскихъ христіанъ до того поразили Европу, что тамъ опять стали готовиться къ священной войнѣ. Людовикъ Святой въ 1270 г. вторично предпринялъ крестовый походъ; къ нему примкнули англійскій наслѣдный принцъ (впослѣдствіи король Эдуардъ I) и пятьсотъ храбрыхъ фризовъ. Но коварный братъ Людовика, Карлъ Анжуйскій, вступившій незадолго передъ тѣмъ на неаполитано-сицилійскій престолъ, направилъ предпріятіе брата къ своей выгодѣ, убѣдивъ Людовика отправиться не въ Палестину, а въ Тунисъ. Тамъ почти все войско вмѣстѣ съ королемъ сдѣлалось жертвою африканскаго климата. Остатки французскаго войска вернулись во Францію, а Эдуардъ и фризы отправились въ Палестину. Эдуардъ пытался заключить союзъ противъ египтянъ съ наслѣдникомъ Гулагу, Абогою, но дѣло не состоялось, и вообще ему удалось только передъ отъѣздомъ въ Европу (1272 г.) заключить съ Бибарсомъ перемиріе, по которому христіане остались владѣтелями Акры, Триполи и нѣсколькихъ небольшихъ укрѣпленій. Все, что было добыто этимъ договоромъ, было утрачено раздорами христіанъ. Владѣтель Кипра, Гуго III, короновался въ 1269 г. іерусалимскимъ королемъ и обратилъ всѣ силы своего острова на защиту Палестины. Но враждовавшіе съ нимъ венеціанцы противодѣйствовали ему во всемъ. Съ другой стороны, на іерусалимскую корону изъявилъ притязанія Карлъ Анжуйскій, какъ король Сициліи и наслѣдникъ правъ Гогенштауфеновъ, и послалъ въ Палестину своего намѣстника (1272 г.). Христіанское населеніе до того увлеклось борьбой партій, что забыло даже о самыхъ необходимыхъ мѣрахъ обороны.

Между тѣмъ Бибарсъ, счастливо воевавшій съ наслѣдникомъ Гулагу, умеръ отъ раны, полученной въ послѣднемъ персидскомъ походѣ. Войско низвергло его старшаго сына и провозгласило султаномъ младшаго, которому было всего семь лѣтъ. Разумѣется, это дѣлалось только для вида, настоящимъ же властителемъ сталъ опекунъ или атабегъ, полководецъ Сеифъ эддинъ Каллавунъ, принявшій черезъ нѣсколько недѣль титулъ султана. Онъ возобновилъ войну съ персидскими монголами и одержалъ въ 1281 г. блистательную побѣду, тѣмъ болѣе славную, что непріятельскимъ войскомъ начальствовалъ одинъ изъ первыхъ князей дома Чинчисъ-Хана, братъ Абоги, Мангу-Тимуръ. Вскорѣ въ персидско-монгольскомъ государствѣ произошелъ переворотъ. Абога умеръ въ 1282 г., и ему наслѣдовалъ, какъ старшій въ родѣ, одинъ изъ братьевъ. Чтобъ удержаться, съ помощью мухаммеданъ, противъ сыновей Абоги, онъ принялъ исламъ, назвавшись при обращеніи Ахмедомъ, и вошелъ въ переговоры съ египетскимъ султаномъ. Это возстановило противъ него подданныхъ, такъ что, когда онъ побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ своего возставшаго племянника Аргуна, народъ взбунтовался, освободилъ плѣннаго князя, провозгласилъ его ханомъ и умертвилъ Ахмеда (1284 г.). Вниманіе Аргуна отвлекали долгое время внутреннія смуты и войны съ капчакскимъ ханомъ; Калавунъ воспользовался этимъ для распространенія своей власти въ Сиріи, бралъ одинъ христіанскій городъ за другимъ и въ 1289 г. овладѣлъ сильно укрѣпленнымъ Триполи, при взятіи котораго погибло до семи тысячъ христіанъ. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ, и христіане могли на нѣкоторое время вздохнуть свободнѣе, такъ какъ сынъ его, Ашрафъ, немедленно заключилъ перемиріе; въ ихъ власти оставались Акра, Тиръ и нѣсколько маленькихъ городовъ. Къ несчастью, вскорѣ прибыла толпа разной сволочи, собранная папскими проповѣдями. Не считая себя связанною перемиріемъ, она разграбила египетскій караванъ и отказала султану въ удовлетвореніи. Тогда Ашрафъ двинулся со всѣми силами въ Палестину, собралъ цѣлыя массы единовѣрцевъ, въ которыхъ снова пробудилась жажда къ борьбѣ съ христіанами, устроилъ громадныя осадныя машины и подступилъ къ Акрѣ. Въ этомъ походѣ участвовалъ арабскій историкъ Абульфеда. Осада началась въ маѣ 1291 г.; защитники города приготовились къ упорной оборонѣ, такъ что предстояло новое, столько разъ уже повторявшееся въ этихъ мѣстахъ, состязаніе между восточною и западною храбростью. На этотъ разъ борьба была не равна: судьба не благопріятствовала христіанамъ, а страшныя египетскія машины, кидая въ городъ огромныя массы камня, разрушали стѣны и башни. 18-го мая городъ былъ взятъ приступомъ, но рыцари продолжали биться въ домахъ и башняхъ, пока все не обратилось въ развалины. Изъ жителей только

немногіе спаслись бѣгствомъ, а самый городъ былъ окончательно разоренъ побѣдителями. Печальная участь Акры, бѣгство короля и первыхъ сановниковъ, уѣхавшихъ на островъ Кипръ еще до взятія города, лишили мужества защитниковъ Тира, такъ что этотъ городъ, нѣкогда стоившій христіанамъ столько крови, сдался безъ сопротивленія. Вслѣдъ затѣмъ египтяне овладѣли остальными мѣстами, и христіанское владычество въ Палестинѣ пало на вѣки.

VI. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА.

ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНИХЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Южная Франція до альбигойской войны.

Въ чудной странѣ, лежащей между Альпами и Пиренеями и сохранившей остатки греческой и римской образованности, которая процвѣтала тамъ со времени основанія Марсели (т. I. стр. 126 и т. II. стр. 140 и 195), рано и совершенно своеобразно развились въ средніе вѣка науки, полезныя и изящныя искусства и гражданская жизнь (т. II. стр. 624 и т. III стр. 2). Отъ смѣшенія романскаго, латинскаго и испанскаго элементовъ съ арабскимъ возникла особенная поэзія. Тамъ родилось веселое искусство и образовались суды, гдѣ женщины судили о любви, пѣніи, храбрости и благородствѣ, а поэзія, какъ въ гомерической Греціи, являлась неразлучною спутницей пировъ и праздниковъ; тамъ учились и искали образцовъ пѣвцы любви и храбрости, и сами Данте и Петрарка почерпали свое первое вдохновеніе. Любимою наукою въ южной Франціи была медицина, процвѣтавшая только въ этой странѣ, да въ Салерно; тамъ было основано евреями множество ученыхъ заведеній (т. II. стр. 628), а сильно распространенное образованіе породило стремленіе къ истинному познанію христіанства и ересь, навлекшую на этотъ край, въ началѣ XII столѣтія, всѣ ужасы фанатизма и клерикальной ярости. Политическія учрежденія Лангедока сохранили въ себѣ остатки римскихъ городскихъ правъ и муниципальнаго управленія, такъ что города южной Франціи, наиболѣе пострадавшіе при свирѣпомъ преслѣдованіи еретиковъ, имѣли устройство, которое не столь разъединяло ихъ между собой и не такъ рѣзко отдѣляло отъ сельскихъ сословій, какъ итальянскіе и германскіе города, а вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ ограждало отъ насилій владѣльцевъ, обходившихся съ городами собственной Франціи, какъ съ губками, выжимая ихъ и по нуждѣ и изъ прихоти. Въ сосѣднемъ съ Лангедокомъ Арелатѣ (т. II. стр. 480) также установился новый порядокъ; со времени уничтоженія королевской власти и номинальнаго господства императоровъ, свободныя гражданскія учрежденія получили значительное развитіе, возникли республики, наслаждавшіяся всѣми выгодами свободы, но не знавшія неудобствъ мелкихъ независимыхъ государствъ. Такимъ образомъ, города южной Франціи рано познакомились со свободой и самостоятельностью, о которыхъ не имѣли еще понятія въ остальныхъ европейскихъ странахъ. Даже Тулуза, резиденція могущественнаго графа, имѣла независимое, выборное управленіе, а какому-нибудь владѣтелю Массака нельзя было и думать о присягѣ горожанъ до торжественнаго подтвержденія имъ самимъ ихъ городскихъ правъ. Неудивительно, что при такой обстановкѣ въ южной Франціи раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, пробудилось общее отвращеніе къ искаженному католицизмомъ христіанству и почувствовалась настоятельная потребность реформы культа и перевода библіи на отечественный языкъ, а вслѣдствіе того возникла страшная борьба съ церковью, лишившая этотъ край свободы, надолго обратившая въ пустыню самую цвѣтущую

страну Европы, раздвинувшая владѣнія французскихъ королей до Средиземнаго моря и бывшая иричиною учрежденія инквизиціи.

Возникшія въ южной Франціи еретическія секты, называемыя впослѣдствіи вальденсами или чаще альбигойцами, по городу Альби, были уже такъ распространены въ началѣ XII столѣтія, что папа Каликстъ II счелъ нужнымъ принять на соборѣ въ Тулузѣ, 1119 г., мѣры для преслѣдованія и истребленія ихъ. Святый Бернаръ также старался объ обращеніи отступниковъ, но и его рвеніе не увѣнчалось успѣхомъ. Вообще, всѣ предпринимаемыя мѣры оказывались недѣйствительными, и ересь глубже и глубже пускала корни въ странѣ. На соборѣ въ Лонберѣ, 1165 г., были постановлены строжайшія правила противъ еретиковъ, но уже черезъ одиннадцать лѣтъ часть лангедокскаго дворянства и духовенства принадлежала къ ереси. Всемірная исторія не имѣетъ задачей развивать сущность и ученія этихъ сектантовъ, и достаточно будетъ замѣтить, въ общихъ чертахъ, что они отвергали нѣкоторые важные церковные догматы, какъ напримѣръ ученіе о таинствахъ причащенія и крещенія, признавали евангеліе единственнымъ источникомъ вѣры, придавали значеніе только нравственной сторонѣ религіи, отбрасывая внѣшнее богослуженіе, считали міръ, а также и законы Моисея, твореніемъ дьявола, не дозволяли другой пищи, кромѣ рыбы и масла, и принимали въ свое общество съ особеннымъ посвященіемъ.

Въ 1178 г. французскій король Людовикъ VII и англійскій Генрихъ II согласились начать общими силами истребленіе альбигойскихъ еретиковъ, но, къ счастью, опомнились во время и предоставили преслѣдованіе особой духовной коммисіи, назначенной папою и состоявшей исключительно изъ монаховъ и ихъ друзей, равно ненавидимыхъ въ той странѣ мірянами и духовенствомъ; коммисія эта не могла ничего сдѣлать, такъ какъ зло было уже слишкомъ велико, и потому, ограничившись нѣсколькими арестами, произнесла общее осужденіе надъ всею страною. Рожеръ II, графъ Безье, Каркассоны, Альби и Разе, вступился за подданныхъ и на арестъ еретиковъ отвѣтилъ тѣмъ, что взялъ въ заложники за нихъ епископа города Альби. Его рѣшились преслѣдовать свѣтскимъ оружіемъ и объявили ему войну именемъ папы, французскаго и англійскаго королей и даже самаго небеснаго царя міра, Іисуса Христа. Однако, никто изъ мѣстныхъ владѣтелей не захотѣлъ принять начальства въ этой войнѣ, потому что добрые люди, какъ звали себя еретики, были самыми мирными и трудолюбивыми гражданами, и Рожеръ, дѣлавшій частые подарки церквамъ, слылъ за человѣка благочестиваго и расположеннаго къ духовенству. Тогда нарбонскій архіепископъ отлучилъ отъ церкви Рожера и всѣхъ еретиковъ, а одинъ изъ папскихъ коммисаровъ, Генрихъ, аббатъ монастыря Клерво, собралъ войско, страшно опустошившее край. Но еретики сами выставили наемныя войска, а Рожеръ вступилъ въ союзъ съ королемъ арагонскимъ, такъ что дѣло ничѣмъ не кончилось. По смерти Рожера опекунъ его малолѣтняго сына обѣщалъ не допускать ереси во владѣніяхъ его подопечнаго, но такъ мало думалъ о выполненіи обѣщанія, что духовные не смѣли показываться публично и даже отпускали на головѣ волосы.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда папою сдѣлался Иннокентій III (1198 г.), принявшійся съ свойственною ему горячностью за преслѣдованіе альбигойцевъ. Онъ тотчасъ учредилъ слѣдственную уголовную коммисію, назначилъ легатами Петра де Кастельнопа другаго цистеринскаго монаха и снабдилъ ихъ письменными полномочіями, въ которыхъ заключались всѣ элементы послѣдующихъ судовъ надъ эретиками, такъ что эту коммисію можно считать основаніемъ инквизиціи. Петръ де Кастельно и его товарищи объѣзжали страну, съ большимъ рвеніемъ стараясь выполнить порученіе папы, и успѣли обратить въ лоно церкви жителей Тулузы и Каркасонны. Вскорѣ у нихъ начались раздоры съ мѣстными епископами, считавшими дѣйствія Петра нарушеніемъ своей судебной власти; однако, папскіе коммисары не обратили вниманія на эти претензіи, смѣстили тулузскаго епископа и назначили вмѣсто него принадлежавшаго къ ихъ ордену аббата Фулька де Тороне (Foulques de Toronet), избраннаго тулузскимъ духовенствомъ. Новый епископъ былъ одиимъ изъ отличныхъ провансальскихъ поэтовъ и человѣкъ разгульной жизни; эти свойства до того озлобили противъ него народъ, что онъ не смѣлъ показываться публично и даже не иначе могъ посылать на водопой своихъ верховыхъ лошадей, какъ съ вооруженнымъ конвоемъ.

Между тѣмъ преслѣдованіе еретиковъ становилось все сильнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ Петру присоединились с в. Доминикъ, основатель доминиканскаго ордена, и другіе ярые испанскіе монахи; не довольствуясь однимъ поученіемъ, эти люди взялись и за мірскія средства, убѣдивъ, между прочимъ, арагонскаго короля вмѣшаться въ это дѣло.

2. Альбигойсая война.

Преслѣдованія альбигойцевъ не замедлили обратиться въ настоящій крестовый походъ противъ нихъ. Поводомъ къ тому была одна частная ссора. Петръ де Кастельно, разсорившись въ 1207 г. съ графомъ тулузскимъ Раймундомъ VI, отлучилъ его отъ церкви и на двукратныя попытки примиренія отвѣчалъ такими условіями, что Раймундъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (1208 г.) Петра зарѣзалъ неизвѣстный убійца, и папскіе коммисары обвиняли въ преступленіи Раймунда. Иннокентій III былъ на столько честенъ, что объявилъ слухъ недоказаннымъ, однако повсемѣстно разгласилъ его своимъ окружнымъ посланіемъ, настоятельно требовалъ отъ епископовъ южной Франціи и короля Филиппа Августа наказанія убійцы и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ для истребленія еретиковъ. Одинъ изъ его уполномоченныхъ, Арнольдъ, аббатъ монастыря Сито (Citeaux), собралъ значительное войско, приманивъ къ себѣ множество сволочи обѣщаніемъ полнаго отпущенія грѣховъ и богатой добычи. Раймундъ совершенно растерялся и вопреки убѣжденіямъ своего вассала, молодаго Раймунда Рожера, графа Безье, совѣтовавшаго ему энергически сопротивляться, рѣшился отвратить грозу униженною покорностью. Чтобъ очиститься передъ папою отъ подозрѣнія въ убійствѣ, онъ отправилъ посольство въ Римъ; но Иннокентій, умѣвшій соединять чистоту голубя съ змѣиною мудростью, обманулъ его, предписавъ своему легату Милону безпристрастно разобрать и рѣшить дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ завлекать Раймунда надеждами, пока не справятся съ остальными еретиками, и дѣйствовать во всемъ согласно съ Арнольдомъ, только и помышлявшимъ о томъ, какъ бы погубить Раймунда и всѣхъ его единомышленниковъ. Арнольдъ передалъ дѣло коммисіи, составленной исключительно изъ враговъ Раймунда; и дѣлалъ страшныя приготовленія. Раймундъ струсилъ и подчинился въ іюнѣ 1209 г. тяжкимъ условіямъ. Покоряясь заранѣе церковному приговору, онъ подписалъ актъ, принесъ раскаяніе въ поступкѣ, въ которомъ этотъ самый актъ признавалъ его невиннымъ, и отдалъ семь замковъ своего графства въ обезпеченіе того, что дозволитъ истязать подданныхъ и друзей за убѣжденія и не подастъ помощи своимъ вассаламъ. Говорили, что онъ принесъ униженное покаяніе на могилѣ Петра де Кастельно, но это не вѣрно, потому что упомянутое событіе относится къ позднѣйшему времени. Примѣру Раймунда послѣдовали шестнадцать знаменитѣйшихъ вассаловъ, присягнувъ предъ легатомъ Милономъ въ томъ, что они вполнѣ подчиняются церкви, ему и всякому другому легату. Принятыя ими обязательства распространялись не на одни духовныя дѣла, но и на свѣтскія, напримѣръ, на сборъ пошлинъ, такъ что Иннокентій одновременно простиралъ руку къ англійской королевѣ, отнималъ, какъ увидимъ ниже, у императора Оттона IV старинныя германскія владѣнія въ Италіи и распространялъ свое владычество надъ южною Франціею.

Когда землевладѣльцы, то есть главные воины и защитники края, отступились отъ беззащитнаго народа и немногихъ, еще сопротивлявшихся друзей, папскіе миссіонеры начали — не обращеніе, какъ подобало бы служителямъ христіанской церкви, а истребленіе еретиковъ. Войско крестоносцевъ, не полумилліонное, какъ увѣряли впослѣдствіи, а простиравшееся, по удостовѣренію очевидцевъ, почти до пятидесяти тысячъ человѣкъ, состояло почти исключительно изъ хищныхъ разбойниковъ, и надо сознаться, что Иннокентій и его легаты страшно злоупотребляли значеніемъ папскаго престола, возбуждая подобную сволочь къ убійству своихъ одиновѣрцевъ и предоставляя имъ тѣ же права, какія церковь обѣщала іерусалимскимъ пилигримамъ. Неистовый Арнольдъ самъ взялся предводительствовать этимъ ополченіемъ, къ которому долженъ былъ присоединиться и графъ ту-

лузскій. Приближеніе фанатическихъ полчищъ, въ числѣ, еще не виданномъ жителями той страны, испугало даже безстрашнаго графа Раймунда Рожера; онъ поспѣшилъ въ Монпеллье къ легату, стараясь отклонить грозившую опасность; но его предложенія и извиненія были отвергнуты. Тогда онъ рѣшился на отчаянный бой; вассалы и подданные, потерявъ надежду на примиреніе съ церковью, тѣсно сомкнулись вокругъ него, готовые отстаивать до послѣдней крайности жизнь, имущество и убѣжденія. Повидимому, Раймундъ Рожеръ могъ сопротивляться очень долго, такъ какъ во всей южной Франціи свободные горожане и феодальные владѣтели не относились другъ къ другу враждебно, а сверхъ того въ его владѣніяхъ было такое множество рыцарей, что въ окрестностяхъ одного Безье насчитывали болѣе ста замковъ. Грабя и разоряя все на пути, крестоносцы подошли къ Безье; ихъ вожди предложили оставшимся вѣрными церкви жителямъ оставить городъ, но тѣ съ презрѣніемъ отвергли предложеніе и еще тѣснѣе сблизились съ своими согражданами. Однако городъ въ тотъ же день былъ взятъ штурмомъ и подвергся страшной участи. Въ войнахъ того времени рѣзня, грабежъ и пожары были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, но даже и тогда гибель чуднаго, большаго города, совершенное истребленіе жителей, и свирѣпая ярость, не щадившая ни женщинъ, ни дѣтей, возбудили общій ужасъ и отвращеніе къ аббату Арнольду, виновнику этихъ злодѣйствъ. Ошеломленные гибелью Безье, жители богатой, славной и сильной Нарбонны внесли выкупъ, подчинились самымъ тяжкимъ и несправедливымъ условіямъ, выдали со всѣмъ имуществомъ бѣжавшихъ къ нимъ изъ Безье евреевъ и еретиковъ и за это получили пощаду. Не такъ поступили граждане Каркассонны. Ихъ городъ, исключая предмѣстья, лежалъ на скалѣ, его обороняли множество рыцарей, а во главѣ его храбрыхъ защитниковъ стоялъ неустрашимый Раймундъ Рожеръ. Здѣсь обѣ стороны сражались долго и упорно. Раймундъ дѣлалъ чудеса храбрости, и не оружіе непріятелей, а голодъ вынудилъ осажденныхъ сдаться. При капитуляціи они выговорили себѣ сохраненіе жизни, но безстыдный аббатъ нарушилъ это обязательство, приказавъ сжечь болѣе четырехъ сотъ гражданъ, предпочитавшихъ смерть отступничеству отъ своихъ убѣжденій. Храбраго графа Раймунда Рожера бросили въ темницу; изъ его владѣній Арнольдъ хотѣлъ создать себѣ опору для будущихъ насилій и предложилъ ихъ сначала герцогу бургундскому, потомъ графу неверскому (Nevers), и наконецъ графу де Сенъ-Поль. Всѣ трое съ негодованіемъ отказались отъ этого подарка. Тогда онъ обратился къ человѣку, присоединившемуся къ альбигойскимъ крестоносцамъ только подъ Каркассоной, но вскорѣ сдѣлавшемуся главнымъ героемъ войны. Шесть лѣтъ тому назадъ, какъ послушный сынъ церкви, Симонъ де Монфоръ, отдѣлился отъ крестоносцевъ, отправлявшихся въ Константинополь (стр. 72), поѣхалъ въ Палестину, храбро сражался тамъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ герцогомъ бургундскимъ принялъ участіе въ походѣ противъ альбигойцевъ. Арнольдъ предложилъ ему владѣнія Раймунда Рожера, и онъ не задумался затемнить свою истинно-геройскую славу, принявъ подобный подарокъ и сдѣлавшись орудіемъ безстыднаго монаха, скрывавшаго подъ личиною ханжи ненасытныя алчность и властолюбіе и не постыдившагося объяснить предъ папою свой выборъ тѣмъ, что Симонъ заклятый врагъ еретиковъ и готовъ, изъ благочестія, отягчить новыхъ подданныхъ поборами въ пользу церкви. Графъ неверскій и графъ тулузскій почувствовали всю подлость поступковъ Арнольда, и не смѣя явно противиться ему, тотчасъ же уѣхали изъ войска въ свои владѣнія.

Арнольдъ и Симонъ не удовольствовались опустошеніемъ владѣній графа Безье и очищеніемъ ихъ, чрезъ сожиганіе еретиковъ; имъ хотѣлось гибели графа тулузскаго. Не обращая вниманія на то, что онъ цѣною тяжкихъ жертвъ вполнѣ примирился съ церковью, что его подданные торжественно отреклись отъ ереси, они объявили многихъ изъ нихъ еретиками и хотѣли конфисковать ихъ имѣнія. Жители Тулузы клялись, что между ними нѣтъ еретиковъ, Раймундъ ссылался на договоръ съ легатомъ Милономъ, просилъ защиты у папы, Филиппа Августа, арагонскаго короля Петра II, отъ котораго получилъ въ ленъ часть владѣній, но все было тщетно: Арнольдъ и Симонъ ни на что не обращали вниманія и преслѣдовали даже совершенно безвиннаго графа де Фуа (Foix). Это озлобило французовъ, всѣ они покинули войско, такъ что съ Арнольдомъ осталось не болѣе тридцати рыцарей. Но онъ предвидѣлъ возможность такого случая и обезпечилъ

себѣ содѣйствіе храбрѣйшаго и способнѣйшаго изъ всего войска. Симонъ де Монфоръ одинъ стоилъ цѣлой арміи, а нѣсколько тысячъ норманновъ, нѣмцевъ и бургундцевъ слѣдовали за нимъ, пока онъ платилъ имъ или пока было что грабить. Въ то время, когда во владѣніяхъ графа тулузскаго онъ бралъ одинъ городъ за другимъ, аббатъ дѣйствовалъ не менѣе энергично дипломатическимъ путемъ. На соборѣ въ Авиньонѣ онъ провозгласилъ священнымъ закономъ всѣ сдѣланныя до того насилія, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался письмами къ папѣ противодѣйствовать Раймунду, отправившемуся въ Римъ. Предугадывая, по страданіямъ подданныхъ, собственную участь, несчастный графъ составилъ завѣщаніе, думая повредить врагамъ хотя послѣ смерти, публичнымъ признаніемъ верховныхъ правъ германскаго императора и французскаго короля надъ различными частями своихъ владѣній. Отдавая владѣнія и двухъ дѣтей подъ защиту обоихъ государей, онъ уступалъ имъ, въ случаѣ бездѣтной смерти наслѣдниковъ, земли, бывшія ленами ихъ государствъ. Но это не остановило Симона: онъ преспокойно занялъ владѣнія Раймунда, земли графа де Фуа, даже лены арагонской короны и объявилъ ихъ своею собственностью. Какъ характеристическая черта среднихъ вѣковъ, замѣчательно, что историки того времени безпощадно бранятъ не Симона, а ограбленныхъ имъ большею частью совершенно невинныхъ людей, и осыпаютъ ихъ прозвищами: тирановъ, дикихъ животныхъ, изверговъ, убійцъ и тому подобное. Среди неистовствъ войны былъ убитъ, кажется, по приказанію Симона, Раймундъ Рожеръ, котораго, передъ тѣмъ, перевозили изъ одной темницы въ другую; горько и искренно оплакивала его смерть вся страна, потерявшая въ немъ пастыря и отданная на расхищеніе волкамъ.

Счастье было постоянно на сторонѣ преслѣдователей, потому что они были послѣдовательны и талантливы, тогда какъ графъ Раймундъ и король арагонскій Петръ, вступившійся, наконецъ, за своего вассала, обнаруживали только слабость ума и характера. Раймундъ успѣлъ найти доступъ къ папѣ и получилъ отъ него письменное приказаніе къ епископамъ своихъ владѣній. Онъ не понялъ, что этимъ дѣло передавалось собору, который, естественно, долженъ былъ находиться подъ вліяніемъ безпощаднаго аббата. Дѣйствительно, собравшіеся епископы высказались противъ графа, а когда онъ отказался подчиниться несправедливому рѣшенію, оно получило санкцію папы. Такимъ образомъ, все обѣщанное Раймунду въ Римѣ было, повидимому, хитростью, съ помощью которой Иннокентій сбылъ съ рукъ докучливаго просителя. Король арагонскій оказался чрезвычайно нерѣшительнымъ. Сначала онъ отказался утвердить за Симономъ Каркассонну, которою несчастный Раймундъ Рожеръ владѣлъ какъ леномъ Арагоніи, но уже черезъ годъ далъ на то согласіе, и чтобы остаться въ мирѣ съ обѣими сторонами, отдалъ въ заложники Симону своего сына и обручилъ дочь съ сыномъ графа тулузскаго. Однако, и Симонъ потерпѣлъ наконецъ неудачу. Не обращая вниманія на мольбы и увѣренія жителей Тулузы, онъ осадилъ городъ, не разсчитавъ своихъ силъ, но былъ отбитъ, оставленъ частью войска и запертъ многочисленными врагами въ Кастельнодари. Но тутъ онъ показалъ себя героемъ, принудивъ къ отступленію враговъ, поддерживаемыхъ цѣлымъ населеніемъ, и вслѣдъ затѣмъ успѣлъ доставить своему вѣрному союзнику Арнольду нарбоннское архіепископство. Новый архіепископъ не замедлилъ сбросить съ себя маску и начать споръ съ Симономъ о свѣтской власти и беззаконной добычѣ. Однако Симонъ нашелъ способъ упрочить за собою награбленное, приказавъ всѣмъ вдовамъ вассаловъ, ленниковъ и благороднымъ наслѣдницамъ въ своихъ владѣніяхъ выйти замужъ, въ теченіе десяти лѣтъ, за французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретивъ служившимъ у него французскимъ рыцарямъ всякія сношенія съ туземцами. Благородные люди говорили, что онъ сѣетъ французскіе плевелы между славными, дружными между собой провансальцами и гасконцами.

Наконецъ Римъ, повидимому, рѣшился помочь безчестно обманутому Раймунду; Иннокентій сознавалъ, что поступаетъ съ нимъ недостойнымъ образомъ, и старался положить предѣлъ несправедливостямъ. Но Симонъ зналъ характеръ римскаго двора, и, не обращая вниманія на папскую буллу, продолжалъ захватывать владѣнія Раймунда, а папа не только не гнѣвался на него за то, но уступилъ ему за тысячу марокъ графство, доставшееся ему самому незаконнымъ путемъ. Посредниками въ этой денежной сдѣлкѣ были богатые тампліеры, играв-

шіе тутъ, какъ и вообще довольно часто, роль банкировъ. Арагонскій король вступился за Раймунда и другихъ графовъ, но его заступничество принесло мало пользы; его ходатайство было представлено собору, на которомъ легаты дѣлали, что хотѣли. Между тѣмъ, французскій наслѣдный принцъ принялъ крестъ противъ альбигойцевъ, а къ Симону являлись постоянно новыя толпы крестоносцевъ. Тогда Петръ Арагонскій, Раймундъ Тулузскій, графъ де Фуа и Комменжъ (Comminges) собрали значительныя силы, дали сраженіе при Мюре и были на голову разбиты несравненно слабѣйшими противниками (1213 г.). Нѣсколько тысячъ легло на мѣстѣ, и все войско разстроилось. Побѣду Симона обыкновенно считаютъ чудомъ, но дѣло объясняется очень просто. Союзники привели массы поголовнаго ополченія, которымъ ровно нечего было дѣлать во время сраженія; дрались, собственно, тысяча всадниковъ Симона съ двумя тысячами непріятельскихъ рыцарей, а къ тому же Петръ Арагонскій, не смотря на свою личную храбрость, оказался плохимъ полководцемъ; онъ перемѣнилъ, передъ боемъ, вооруженіе, чтобъ, неузнаннымъ, биться съ большей отвагой, и палъ жертвою необдуманной смѣлости. Война длилась еще два года. Раймундъ тщетно старался спасти новою поѣздкою въ Римъ и всевозможными униженіями хотя часть своихъ владѣній; папа соглашался, что его легатъ и Симонъ поступали безчестно, но тѣмъ не менѣе французскій король отдалъ тулузское графство въ ленъ Симону, а соборъ, созванный въ Римъ въ отсутствіе Раймунда, утвердилъ его владѣнія за противникомъ, назначивъ ничтожную пенсію (1215 г.) ему и его сыну. Съ графами де Фуа и Комменжъ, ѣздившими каяться въ Римъ, поступили гораздо осторожнѣе: приговоры, произнесенные надъ ними, были отмѣнены и для разбора ихъ дѣла послана новая коммисія.

Проживъ нѣсколько времени въ Генуѣ, Раймундъ и его сынъ сдѣлали попытку возвратить себѣ родовыя владѣнія. Молодой графъ отправился въ Провансъ, распространилъ воззваніе къ друзьямъ своего дома и вскорѣ увидѣлъ себя окруженнымъ въ Авиньонѣ многочисленнымъ войскомъ. Самъ Раймундъ получилъ помощь отъ Іакова II, сына Петра Арагонскаго, и вступилъ въ свое графство съ испанскими войсками. Оставленный крестоносцами, Симонъ принужденъ былъ отступить въ Тулузу, гдѣ надѣялся собрать средства для войны; но раздраженные поборами жители взялись за оружіе. Онъ повелъ на возставшихъ своихъ всадниковъ, произвелъ страшную рѣзню и зажегъ съ нѣсколькихъ концовъ городъ; это усилило ярость гражданъ, и скоро Симонъ, стѣсненный въ улицахъ, предложилъ вступить въ переговоры; тулузцы не поняли его коварнаго плана и страшно поплатились за недогадливость. Обезоруживъ ихъ, Симонъ сослалъ и засадилъ по тюрьмамъ знатнѣйшихъ гражданъ, задавилъ остальныхъ непомѣрными налогами и срылъ стѣны и дома, могшіе служить укрѣпленіями. Когда онъ вслѣдъ затѣмъ удалился изъ Тулузы, старый Раймундъ воспользовался удобною минутой и занялъ столицу (1217 г.); въ тоже время выступилъ изъ Авиньона его сынъ, получившій помощь отъ многихъ графовъ и городовъ. Укрѣпленія Тулузы были быстро возстановлены. Симонъ подступилъ къ городу, папа Гонорій III, еще ревностнѣе своего предшественника взявшійся за дѣло, писалъ приверженцамъ обоихъ графовъ и грозилъ церковнымъ гнѣвомъ Іакову II; но на этотъ разъ усилія папской партіи были напрасны. Ни Іаковъ, ни другіе союзники Раймунда не испугались папскихъ угрозъ, а городъ защищался весьма храбро. Лѣтомъ 1218 г. Симонъ сдѣлалъ рѣшительный приступъ, но былъ убитъ удачно пущеннымъ камнемъ. Старшій изъ его четырехъ сыновей, Амаларихъ, наслѣдовалъ его французскія владѣнія, назвавшись: герцогомъ нарбоннскимъ, графомъ тулузскимъ и виконтомъ Безье и каркассоннскимъ. Но, не имѣя военныхъ способностей отца, онъ долженъ былъ немедленно снять осаду. Значительная часть крестоносцевъ оставила его, а оба графа тулузскихъ воротили почти всѣ свои владѣнія. Тогда папа сталъ звать весь свѣтъ противъ законныхъ владѣтелей и не успокоился даже тогда, когда по смерти стараго графа ему наслѣдовалъ сынъ, молодой Раймундъ, котораго рѣшительно невозможно было обвинить въ ереси. Въ 1219 г. король Филиппъ Августъ согласился принять участіе въ крестовомъ походѣ. Это имѣло большое значеніе для Франціи и Германіи, такъ какъ вмѣшательство Филиппа въ альбигойскую войну послужило началомъ присвоенія французскими королями, при помощи папъ, множества правъ и западныхъ провинцій,

принадлежавшихъ Германіи. Впрочемъ, Филиппъ взялся за дѣло не серьезно, а, кажется, только для того, чтобъ успокоить папу; онъ скоро вернулъ сына, посланнаго съ войскомъ, а собраннымъ для похода деньгамъ далъ другое назначеніе. Потомъ онъ все время оставался глухъ къ неотступнымъ настояніямъ папы и не согласился купить правъ Амаларіха, вытѣсненнаго изъ своихъ владѣній. Сынъ и наслѣдникъ Филиппа, Людовикъ VIII, въ началѣ былъ также не особенно дѣятеленъ, а между тѣмъ германскій императоръ Фридрихъ II, враждовавшій съ Гоноріемъ III, энергически противодѣйствовалъ его партіи въ Арелатскомъ королевствѣ, такъ что Амаларихъ находился въ очень затруднительномъ положеніи. Запертый, наконецъ, въ Каркассонѣ, онъ заключилъ договоръ, отказавшись за свободный пропускъ и десять тысячъ марокъ отъ всѣхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ въ четырнадцать лѣтъ его дому рукою отца, хитростью легатовъ и злобою монаховъ, и обязавшись содѣйствовать примиренію противниковъ съ церковью (1224 г.). Каркассона и другія владѣнія несчастнаго Раймунда Рожера были немедленно возвращены его законному наслѣднику, Транкавелю.

Съ этихъ поръ, главнымъ двигателемъ альбигойской войны становится эгоистическая политика французскаго двора. Еще при жизни Филиппа Августа папа предложилъ французскому королю владѣнія и права, которыхъ были не въ силахъ отстаивать Монфоры. Впослѣдствіи, принявъ въ Парижѣ титулъ, отъ котораго уже формально отказался, Амаларихъ уступилъ его по какой-то запутанной сдѣлкѣ Людовику VIII, и былъ награжденъ званіемъ коннетабля Франціи. Людовикъ началъ готовиться къ завладѣнію новымъ пріобрѣтеніемъ, а Раймундъ обратился къ папѣ. Гонорій примирилъ его и его союзниковъ съ церковью, подъ условіемъ выполненія требованій собора, созваннаго въ Монпеллье. На основаніи ихъ, Раймундъ обязывался блюсти въ своихъ владѣніяхъ неприкосновенность ученія католической церкви, очистить край отъ еретиковъ, возвратить духовенству и церквамъ отнятыя имѣнія и уплатить 20 тысячъ марокъ. Онъ немедленно выполнилъ эти обязательства, и для полнаго примиренія съ церковью недоставало только ратификаціи папы. Въ ней, повидимому, не было сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что англійскій посолъ въ Римѣ дѣятельно хлопоталъ за Раймунда. Но эти близкія отношенія къ Англіи и повредили ему. Узнавъ о нихъ, французскій дворъ убѣдилъ папу отсрочить ратификацію, и добился того, что новый соборъ отвергъ условія, постановленныя въ Монпеллье (1225 г.). Тогда назначили крестовый походъ, и французскій король взялъ на себя роль Симона де Монфора. Раймундъ обратился къ легату, торжественно удостовѣряя его въ своей преданности церкви, просилъ испытать каждаго изъ жителей и наказать отступниковъ; но его противникамъ хотѣлось, чтобъ онъ отрекся не отъ мнѣній, а отъ владѣній, и потому они начали самую беззаконную изъ войнъ, совершая въ ней одну несправедливость за другой. Чтобъ вести войну энергичнѣе, Людовику нужно было содѣйствіе пэровъ. Онъ собралъ ихъ въ Парижѣ, и первые вельможи французской націи обязались воевать противъ знатнѣйшаго пэра Франціи, даже не выслушавъ его оправданій. Когда собралось французское войско, папскій легатъ собственноручно роздалъ ему кресты, благословляя воиновъ на борьбу за вѣру. Походъ начался осадою Авиньона (1226 г.), принадлежавшаго тогда къ королевству арелатскому, и слѣдовательно, къ Германіи. Жители сослались на это и предложили войску свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія; но Людовикъ не обращалъ вниманія на ихъ права и, не смотря на свою тяжкую болѣзнь и упорную оборону гражданъ, усиленно велъ осаду. Германскій императоръ былъ занятъ въ Италіи и не могъ помочь городу, графъ де Комменжъ со многими вассалами Раймунда и городами передался непріятелю, а Лудовикъ, опасно больной, поклялся не снимать осады. Черезъ три мѣсяца, Авиньонъ долженъ былъ сдаться и сильно пострадалъ отъ побѣдителей. Фридрихъ II протестовалъ противъ захвата германскихъ владѣній, но Людовикъ и Гонорій увѣрили его, что права Германіи не будутъ нарушены.

Людовикъ умеръ въ ноябрѣ 1226 г., положивъ своимъ походомъ основаніе величію Франціи и расширенію королевской власти. Его наслѣдникъ, Людовикъ Святой, или лучше сказать, опекунъ его, занятый возстаніями вассаловъ, пріостановилъ войну; но вскорѣ Гумбертъ де Божё (Humbert de Beaujeau) снова началъ ее именемъ короля, и въ концѣ 1228 г. стѣсненный Раймундъ подчинился самымъ тяжкимъ условіямъ. Въ началѣ слѣдующаго года былъ заклю-

ченъ миръ, значительно распространившій и упрочившій владычество французскаго короля на югѣ. Раймундъ принужденъ былъ уступить королю значительную часть своихъ владѣній, а остальныя завѣщать, помимо всѣхъ наслѣдниковъ, дочери, обрученной съ братомъ короля, Альфонсомъ, графомъ Пуату; сверхъ того онъ обязался истребить еретиковъ, заплатить значительную сумму денегъ, отправиться на пять лѣтъ сражаться съ невѣрными и подвергнуться, для полученія отпущенія грѣховъ, такому гнусному униженію, что даже одинъ изъ современниковъ краснѣетъ, говоря о немъ. Обнаженнаго до пояса и босаго его повели, при огромномъ стеченіи народа, въ главную парижскую церковь, и тамъ, передъ главнымъ алтаремъ, подвергли недостойной церемоніи. Съ союзниками Раймунда, которымъ, послѣ его подчиненія, пришлось на все согласиться, обошлись очень сурово. Больше всѣхъ пострадалъ Транкавель, графъ Безье: у него отняли всѣ владѣнія, не смотря на то, что его невозможно было обвинить въ ереси. Изъ отдѣльныхъ статей договора, заключеннаго съ Раймундомъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ подчиненіе папѣ тулузскаго университета, т. е. высшаго образованія всего края. Это имѣло большое вліяніе на процвѣтавшія тамъ прежде науки. Сначала, папское покровительство было выгодно только для финансовъ заведенія и матеріальнаго быта профессоровъ, но вскорѣ въ Римѣ увидѣли, что въ странѣ, населенной мыслящими людьми, могутъ имѣть вліяніе только умные люди, и стали посылать въ Тулузу превосходныхъ ученыхъ. Тогда въ тулузскій университетъ устремились массы студентовъ и профессоровъ изъ парижскаго университета, права котораго были въ то время ограничены. Все это придало тулузскому университету совершенно новую жизнь.

Насилія, произведенныя во время альбигойской войны надъ жителями и ихъ владѣтелями, возбудили въ странѣ всеобщее ожесточеніе, которое послужило для римскаго двора поводомъ къ образованію новаго учрежденія, введеннаго вскорѣ повсюду и имѣвшаго страшныя послѣдствія. Въ 1229 г. папа Григорій IX учредилъ религіозные или инквизиціонные суды, назначеніемъ которыхъ было: отыскивать еретиковъ, судить ихъ по церковнымъ законамъ и передавать свѣтской власти для наказанія. Не смотря на то, что эти суды прямо противорѣчили обычаямъ и правамъ всѣхъ западныхъ народовъ, правдивѣйшій изъ французскихъ королей, Людовихъ IX, позволилъ ввести ихъ во Франціи. У Раймунда также вынудили угрозами согласіе на учрежденіе, въ силу котораго свѣтская власть должна была служить послушнымъ орудіемъ религіозной ненависти и духу гоненія, и всякій, будь онъ нищій или принцъ, подвергается лишенію свободы и имущества, если укрывалъ еретика или отказывался содѣйствовать его преслѣдователямъ. Эта страшная власть, предоставленная служителямъ церкви, уже въ 1232 г. была отнята у ея законныхъ представителей, епископовъ, и передана основанному за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ ордену доминиканцевъ; быть инквизиторами сдѣлалось съ тѣхъ поръ главнымъ призваніемъ этой нищенствующей братіи. Въ странѣ альбигойцевъ первоначально было два главныхъ судилища: въ Тулузѣ и Каркассоннѣ; но скоро ихъ сдѣлалось столько, сколько было доминиканскихъ монастырей. Инквизиція обратила въ свое орудіе даже пастырей душъ, такъ какъ особой статьей соборныхъ постановленій о новомъ учрежденіи предписывалось приходскимъ священникамъ, подъ страхомъ потери мѣста, тщательно наблюдать за посѣщеніемъ прихожанами церквей, или, другими словами, ихъ дѣлали полицейскими агентами церкви и палачами прихожанъ.

Введеніе инквизиціи вызвало сильныя смуты въ едва успокоенной странѣ. Инквизиторамъ противились, а они дѣйствовали съ еще большей жестокостью. Изъ нѣсколькихъ городовъ ихъ выгоняли силою, но они возвращались еще ужаснѣе, чѣмъ прежде, и съ новою яростью мучили жителей. Вскорѣ, съ инквизиторами и легатомъ разсорился и самъ Раймундъ, получившій, благодаря Людовику, отсрочку обѣщаннаго путешествія на Востокъ и старавшійся, при помощи англійскаго и арагонскаго дворовъ, освободиться отъ тяжкихъ условій договора. Но ему пришлось подчиниться и еще разъ подписать актъ, которымъ въ его владѣніяхъ вводилась инквизиція (1243 г.). Однако, черезъ два года, на соборѣ въ Ліонѣ, когда папа Иннокентій IV хотѣлъ обвинить въ ереси императора Фридриха II, Раймундъ явился въ числѣ защитниковъ императора, за что получилъ отъ него Авиньонъ и государственные доходы съ Вивье. По смерти Раймунда

(1249 г.), его владѣнія перешли къ дочери, Іоаннѣ, и ея мужу, Альфонсу, графу Пуату; подъ защитою благочестиваго короля, они управляли страной мирно и кротко. Своимъ умѣньемъ Людовикъ Святой много помогъ несчастной странѣ, а добрая, благородная Іоанна употребляла почти всѣ свои огромные доходы на пособіе пострадавшимъ соотечественникамъ. И она и мужъ ея умерли другъ за другомъ (1271 г.), и смерть ихъ возбудила сильныя подозрѣнія. Послѣ нихъ, всею страною, даже и частною собственностью ихъ, завладѣлъ наслѣдникъ Людовика Святаго, Филиппъ Ш. Однако она еще долго сохраняла отдѣльное управленіе и только въ 1361 г. слилась съ коронными землями.

3. Германія и Италія отъ смерти Филиппа Швабскаго до вступленія на папскій престолъ Григорія IX.

Въ началѣ XIII столѣтія положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи необыкновенно благопріятствовало римскому двору; малолѣтство Фридриха II и междоусобіе императоровъ Оттона IV и Филиппа Швабскаго дали Иннокентію III возможность почти совершенно уничтожить императорскую власть въ Италіи и значительно поколебать ее въ Германіи (стр. 48). Но все измѣнилось дотолѣ неслыханнымъ въ Германіи дѣломъ: убійствомъ императора Филиппа. Оттонъ былъ признанъ всѣми государемъ, примирился съ противною партіей, женившись на дочери Филиппа, Беатрикѣ, отказался отъ притязаній на владѣнія, отнятыя у его отца Фридрихомъ Барбароссою, и за то получилъ отъ бывшихъ противниковъ дозволеніе взять, какъ наслѣдство Беатрики, всѣ имѣнія Гогенштауфеновъ въ Германіи, не обращая вниманія на права молодаго Фридриха II. Такимъ образомъ, порядокъ и спокойствіе были возстановлены, и германскіе князья поклялись, на сеймѣ во Франкфуртѣ (1208 г.), отречься отъ всѣхъ неправдъ, вкравшихся во время смутъ двоецарствія, и также неуклонно повиноваться императору, какъ во время Карла Великаго. Конечно, они впослѣдствіи забыли это обѣщаніе. Съ папою, Оттонъ вступилъ въ самыя дружескія сношенія, отказавшись граматой, данной въ Шпейерѣ (весною 1209 г.), отъ всѣхъ правъ, предоставленныхъ императору вормсскимъ конкордатомъ и признавъ собственностью папскаго престола всѣ владѣнія, захваченныя Иннокентіемъ въ средней Италіи.

Лѣтомъ 1209 г. онъ поѣхалъ въ Италію. Ему было, повидимому, не трудно возстановить императорское значеніе: онъ былъ друженъ съ папой и могъ стать посредникомъ между обѣими итальянскими партіями, будучи гвельфомъ по рожденію и гибеллиномъ по женѣ. Дѣйствительно, и гвельфы и гибеллины приняли его съ восторгомъ. Веронцы построили для него мостъ черезъ Адижъ и передали ему замокъ, занятый ими со времени Генриха VI; предводители аристократіи обѣихъ партій въ верхней Италіи, маркграфъ Аццо д'Эсте и графъ Эццелино II ди Романо, поспѣшили явиться къ нему; миланцы съ почетомъ приняли его въ свой городъ, тосканцы признали своимъ главою, а папа выѣхалъ къ нему на встрѣчу до Витербо. Но онъ испортилъ все дѣло, связавъ себя съ папою новыми обязательствами, которыхъ не могъ и не долженъ былъ выполнить, а нарушеніе которыхъ дало Иннокентію право объявить его клятвопреступникомъ. Въ числѣ обязательствъ заключалось, между прочимъ, обѣщаніе доставить папѣ значительныя владѣнія въ Италіи и даже господство въ Сициліи. Пріѣхавъ въ Римъ, Оттонъ короновался, но вслѣдъ затѣмъ у него начались раздоры съ папою. Они перешли въ открытую вражду, когда по выѣздѣ изъ Рима онъ, сбросивъ маску, примкнулъ къ гвельфамъ, объявилъ многіе изъ папскихъ леновъ имперскими и напалъ на королевство Обѣихъ Сицилій, на томъ основаніи, что попечители молодаго Фридриха протестовали противъ его императорскаго достоинства и захвата имъ наслѣдства Гогенштауфеновъ. Иннокентій не могъ допустить подобныхъ дѣйствій, будучи, если не по закону, то на дѣлѣ, опекуномъ сицилійскаго короля и желая въ интересахъ римскаго двора сохранять равновѣсіе между гвельфами и гибеллинами. Но Оттонъ, не обращая вниманія на его увѣщанія, продолжалъ завоеванія въ Нижней Италіи и завладѣлъ почти всемъ Неаполемъ. Потерявъ терпѣніе, папа отлучилъ императора отъ церкви (въ концѣ

1210 г.). Эта мѣра имѣла сильное дѣйствіе особенно въ Германіи, гдѣ старинные противники уже давно питали втайнѣ враждебныя чувства къ Оттону и ждали только повода, чтобъ открыто высказаться. Вслѣдъ за отлученіемъ майнцскій архіепископъ Зигфридъ, при содѣйствіи чешскаго короля Оттокара I и ландграфа тюрингскаго Германа, собралъ нѣмецкихъ князей въ Бамбергѣ и отъ имени папы предложилъ свергнуть Оттона и избрать Фридриха II. Предложеніе не имѣло успѣха, и братъ императора, пфальцграфъ Генрихъ, наказалъ Зигфрида опустошеніемъ его владѣній; но Иннокентій вполнѣ достигъ цѣли, потому что Оттонъ поспѣшилъ въ Германію, бросивъ всѣ итальянскія завоеванія.

По дорогѣ на сеймъ въ Лоди онъ подвергъ опалѣ папскихъ приверженцевъ и отдалъ Виченцу оставшемуся на его сторонѣ графу Эцелино; затѣмъ, пріѣхавъ въ Германію (въ маѣ 1212 г.), онъ рѣшительными мѣрами быстро возстановилъ свою власть, но, къ его несчастью, уже въ августѣ того же года умерла Беатрика, и такимъ образомъ разорвалась связь между имъ и партіеюГогенштауфеновъ, а архіепископы, большею частью, держали сторону папы, находя это болѣе выгоднымъ для своихъ интересовъ, которыми дорожили несравненно болѣе, чѣмъ отечествомъ. По смерти императрицы, Гогенштауфены и приверженцы папы тотчасъ послали въ Италію двухъ депутатовъ, чтобы привлечь на свою сторону ломбардскіе города и пригласить Фридриха въ Германію. Принявъ приглашеніе, Фридрихъ поѣхалъ черезъ Римъ и верхнюю Италію, а оттуда черезъ Ломбардію и Альпы не безъ опасности проникъ въ Германію, сопровождаемый войсками многихъ враждовавшихъ съ Оттономъ князей и городовъ.

Фридриху было всего 18 лѣтъ, но онъ уже дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, и, вступя въ свѣтъ подъ патронатомъ церкви, вскорѣ сдѣлался ея противникомъ. Поэтому, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ обстановкѣ, среди которой онъ воспитывался и развился. Какъ уже выше замѣчено (стр. 88), онъ получилъ образованіе скорѣе въ мухаммеданской, чѣмъ христіанской Сициліи, куда успѣлъ проникнуть скептицизмъ, давно уже зародженный въ послѣдователяхъ ислама вліяніемъ греческихъ, персидскихъ и индійскихъ воззрѣній (т. II, стр. 355 и 359 и т. III, стр. 96); въ юности его окружали большею частью мухаммедане; къ нему имѣли доступъ провансальскіе и каталонскіе пѣвцы и писатели на туземномъ діалектѣ, который послѣ Данте замѣнился тосканскимъ нарѣчіемъ; вкусъ его образовался подъ вліяніемъ этихъ легкомысленныхъ поэтовъ и самъ онъ пробовалъ писать стихи, но, судя по сохранившимся до насъ образцамъ, не имѣлъ большаго таланта. Къ этому нужно прибавить, что во всей Италіи понятія образованнаго класса о религіи, культѣ и іерархіи противорѣчили ученію церкви. Соображая все это, нельзя не сожалѣть, для славы Фридриха, что онъ съ самыхъ первыхъ шаговъ на политическомъ поприщѣ принялъ на всю жизнь систему лжи: первою граматой, данной папѣ по пріѣздѣ въ Германію, онъ обѣщалъ ему все на свѣтѣ, не имѣя ни возможности, ни желанія выполнить это обязательство.

Фридрихъ скоро сталъ твердою ногою въ Германіи и заключилъ союзъ съ Филиппомъ Августомъ. Оттонъ, съ своей стороны, соединился съ врагомъ французскаго короля, Іоанномъ Безземельнымъ, и предпринялъ походъ во Францію, окончившійся несчастнымъ, хотя и славнымъ для него, сраженіемъ при Бувинѣ (стр. 54). Фридрихъ воспользовался впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Германію этимъ пораженіемъ, и отвлекъ отъ противника его ближайшаго родственника, герцога брабантскаго и многихъ другихъ князей; потомъ онъ короновался въ Ахенѣ (іюль 1215 г.), но имѣлъ несчастье дать при коронаціи, совершенной Зигфридомъ Майнцскимъ, торжественный обѣтъ отправиться въ крестовый походъ. Тогда началось долголѣтнее, кровавое междоусобіе, уничтожившее въ Германіи всякій порядокъ; въ Италіи, въ то же время, съ новою силою возгорѣлась вражда партій, и почти еженедѣльно происходили стычки между гвельфами и гибеллинами. Общее разстройство было выгодно только для властолюбивой и алчной аристократіи. Уже Филиппъ Швабскій продалъ часть государственныхъ имѣній, чтобъ расплатиться съ войскомъ, и этимъ поколебалъ императорское значеніе, потому что только эти имѣнія и дѣлали государя независимымъ отъ дворянства. По смерти Беатрики, Оттонъ распорядился точно также съ наслѣдствомъ Гогенштауфеновъ. Для того, чтобы склонить на свою сторону алчную знать, Фридриху нужно было превзойти

въ расточительности и предшественника и противника, потому что въ тѣ хваленыя времена вѣры и вѣрности продажность была такъ сильна, что даже приверженцы Фридриха впустили его въ Германію только подъ условіемъ раздачи имъ наслѣдственныхъ государственныхъ имуществъ. Епископы, обратившіеся изъ служителей Христа въ свѣтскихъ князей, поступали не лучше; ихъ притязанія, возрастая съ каждымъ годомъ, уничтожили въ государствѣ всякій порядокъ, такъ что Оттонъ громко и горько жаловался на безпорядки въ духовномъ и свѣтскомъ судопроизводствѣ. Впрочемъ, этотъ благородный государь энергически сдерживалъ феодаловъ и епископовъ, съ непоколебимою твердостью обуздывалъ и буйное швабское рыцарство, защищалъ бѣдныхъ и угнетенныхъ отъ корыстолюбивыхъ господъ и доставлялъ доходныя мѣста достойнымъ духовнымъ незнатнаго происхожденія, совершенно задавленнымъ въ то время высшею духовною аристократіею. Этимъ онъ сильно ожесточилъ противъ себя всѣхъ корыстолюбцевъ. Думая только о личныхъ выгодахъ, Фридрихъ поступалъ иначе. Получивъ германскую корону, онъ обѣщалъ Иннокентію III отдать Неаполь и Сицилію своему сыну, Генриху, родившемуся въ 1210 г., и навсегда отдѣлить ихъ отъ Германіи. Но по смерти Иннокентія (1216 г.) тотчасъ же нарушилъ слово, оставивъ за собою Сицилійское королевство, вызвалъ Генриха въ Германію и заставилъ избрать его своимъ наслѣдникомъ, пріобрѣтя голоса духовныхъ вассаловъ весьма важными уступками. Онъ отказался при этомъ отъ принадлежавшаго императорамъ права наслѣдовать по смерти епископовъ ихъ движимыя имущества и, сверхъ того, предоставилъ имъ такія важныя привиллегіи, что они получили почти верховную власть въ своихъ епископствахъ.

Подобно тому какъ въ этомъ случаѣ онъ, не задумываясь, жертвовалъ интересами Германіи для своей гордости и итальянской политики, такъ точно за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ употребилъ во зло свою власть, для того чтобъ нанести ударъ Оттону въ его родовыхъ вельфскихъ владѣніяхъ на сѣверѣ Германіи. Чтобъ понять это, нужно бросить взглядъ на совершившееся незадолго передъ тѣмъ распространеніе датскаго господства по берегамъ Балтійскаго моря. Въ XII столѣтіи венды основали сильное государство на сѣверо-германскомъ прибрежьи; его старались подчинить себѣ Генрихъ Левъ и датскій король Вальдемаръ I (т. II. стр. 690). Паденіе могущественнаго Вельфа дало Вальдемару возможность распространить владычество надъ вендами въ ущербъ Германіи. Дѣти Вальдемара, Канутъ VI и Вальдемаръ II, продолжали начатое отцомъ, и, пользуясь раздорами Оттона IV съ Филиппомъ Швабскимъ, овладѣли на германской почвѣ пространствомъ большимъ, чѣмъ сама Данія. Завоевавъ Голштинію и всѣ земли по ту сторону Эльбы, они приняли гордый титулъ королей датскихъ и вендскихъ и основали на берегахъ Балтійскаго моря военную державу, могущественную на сушѣ и на морѣ. Въ 1203 г. Вальдемаръ II торжественно короновался въ Любекѣ королемъ вендовъ и потомъ распространилъ свое владычество даже на Эстляндію и Лифляндію. Въ этихъ языческихъ странахъ сѣверо-германское духовенство уже въ теченіе многихъ вѣковъ пыталось ввести христіанство, а въ началѣ XIII столѣтія были основаны епископство въ городѣ Ригѣ и новый духовно-рыцарскій орденъ меченосцевъ, для распространенія христіанства силою оружія. Съ тѣхъ поръ, Курляндія, Лифляндія и Эстляндія сдѣлались сборнымъ мѣстомъ всѣхъ нѣмецкихъ рыцарей, не находившихъ достаточно добычи на родинѣ. У ордена скоро начались сильныя распри съ епископомъ, который хотѣлъ одинъ властвовать въ томъ краѣ, а Вальдемаръ II, пользуясь этимъ раздоромъ, завоевалъ значительную часть Эстляндіи. Но еще прежде у него началась война съ императоромъ Оттономъ IV, желавшимъ защитить права германской имперіи отъ притязаній датчанъ. Этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Фридрихъ II, для того чтобъ въ ущербъ государству поразить противника въ самомъ центрѣ вельфскаго могущества. Онъ заключилъ въ 1214 г., договоръ съ Вальдемаромъ, уступая ему всѣ земли по ту сторону Эльбы, такъ что по этому условію лучшая часть сѣверной Германіи навсегда бы отошла отъ имперіи, если бы черезъ девять лѣтъ ее не воротилъ графъ шверинскій, взявъ въ плѣнъ датскаго короля. Но Фридрихъ достигъ цѣли; его противникъ, вслѣдствіе договора съ Вальдемаромъ, былъ тѣснимъ съ Рейна, Эльбы и Саксоніи и до самой смерти владѣлъ только родовыми землями. Въ 1218 г. Оттонъ опасно заболѣлъ. Понятія,

внушенныя въ дѣтствѣ, имѣли на него такое вліяніе, что онъ приходилъ въ отчаяніе отъ того, что былъ отлученъ отъ церкви, и всѣми силами старался получить прощеніе. Умирая, онъ собралъ значительное число епископовъ, аббатовъ и священниковъ, слезно молилъ ихъ объ отпущеніи, давалъ всевозможные обѣты, подвергъ себя, не смотря на болѣзнь, тяжкому покаянію и передъ смертью былъ принятъ въ лоно церкви.

По смерти противника, Фридрихъ былъ уже такъ силенъ, что могъ собрать, въ 1219 г. сеймъ въ Госларѣ, въ родовыхъ вельфскихъ владѣніяхъ, и отнять у брата Оттона, Генриха, Пфальцъ. Но потомъ онъ сталъ въ точно такія отношенія къ папѣ Гонорію III, въ какихъ былъ Оттонъ къ Иннокентію III, по смерти Филиппа Швабскаго. Вопросъ заключался въ томъ, кто кого проведетъ, императоръ папу, или папа императора. Хитрость и счастье Фридриха одержали верхъ. Получивъ съ помощью папы (1219 г.) императорскія регаліи отъ брата Оттона, онъ употребилъ неимовѣрныя усилія, чтобъ сдѣлать сына, Генриха, своимъ преемникомъ. Достигнувъ этого (1220 г.) противъ желанія папы и цѣною большихъ пожертвованій, особенно въ пользу алчной духовной аристократіи, онъ не посовѣстился грубо обмануть папу, написавъ, что государственные чины выбрали сына безъ его вѣдома. Послѣ того Фридрихъ поспѣшилъ въ Италію для полученія императорской короны, необходимой для осуществленія его плановъ. Гонорій короновалъ его (ноябрь 1220 г.), желая скорѣйшаго исполненія обѣщаннаго крестоваго похода, а также потому, что Фридрихъ, по пріѣздѣ въ Италію, помогъ ему противъ бунтовавшихъ римлянъ. Фридрихъ не имѣлъ желанія предпринимать походъ, однако, весною 1221 г. отправилъ въ Египетъ герцога баварскаго съ нѣсколькими галерами, обѣщая самъ пріѣхать лѣтомъ. Послѣ того онъ нѣсколько разъ обманывалъ папу различными обѣщаніями и уловками, о которыхъ уже было упомянуто (стр. 87), а между тѣмъ издавалъ превосходные законы для своего итальянскаго государства.

Въ этихъ законодательнымъ трудахъ и во всѣхъ дипломатическихъ увертках Фридриху ревностно помогалъ его знаменитый канцлеръ, Петръ Девинь или а-Винеисъ, такъ что трудно сказать, на кого должна падать большая доля обвиненій въ коварствѣ и криводушіи и похвалъ за попеченія о законѣ и правѣ: на императора, или на его перваго слугу. Достовѣрно только то, что между исполненными благородныхъ принциповъ человѣчности и терпимости постановленіями, которыя одинъ изъ нихъ сочинялъ, а другой обнародывалъ, и практическимъ примѣненіемъ этихъ принциповъ — огромная разница. Во всякомъ случаѣ, Петръ а-Винеисъ, родившійся въ Капуѣ и получившій образованіе въ Болоньѣ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Онъ писалъ лучше всѣхъ современниковъ, которые старались въ то время подражать древнимъ и между которыми было много государственныхъ людей, воспитанныхъ на образцахъ древне-римскаго краснорѣчія двумя его предшественниками, Буонкомпаньо и Боначчіо. Сверхъ того, онъ превосходно зналъ римское право и всѣ безчисленныя права и обычаи, дѣйствовавшіе въ различныхъ владѣніяхъ Фридриха. Къ императору онъ былъ такъ близокъ, что, по выраженію Данте, имѣлъ ключъ къ сердцу Фридриха. Папа и его кабинетъ, повидимому, боялись канцлера и ученика его, Фридриха. Гонорій еще въ концѣ 1221 г. грозилъ императору отлученіемъ, но медлилъ цѣлые годы, стараясь сохранить хорошія отношенія къ нему, пока наконецъ Фридрихъ, вмѣсто того чтобъ отправиться въ Палестину, оскорбилъ его самого, напавъ на ломбардцевъ. Фридрихъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе подчинить себѣ ненавистный Миланъ, демократическое устройство котораго давало огромное вліяніе папѣ. Поэтому онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, старался привести сицилійское королевство въ положеніе, которое давало бы ему возможность достигнуть цѣли. Онъ сформировалъ себѣ гвардію изъ мухаммеданъ, вполовину обратившихся, или вовсе необращенныхъ въ христіанство, и многочисленное наемное войско изъ сицилійцевъ смѣшаннаго происхожденія. Однако, Миланъ и союзные ему города невозможно было взять безъ содѣйствія рыцарства; поэтому Фридрихъ больше всего заботился о томъ, чтобы собрать значительное рыцарское войско, не возбудивъ подозрѣній. Чтобъ достичь цѣли, онъ вновь успокоилъ папу торжественнымъ обѣщаніемъ крестоваго похода и назначилъ въ 1226 г. всеобщій сеймъ въ Кремонѣ, куда пригласилъ даже папскихъ вассаловъ. Импера-

торъ долженъ былъ привести друзей и вассаловъ изъ обѣихъ Сицилій, а его сынъ Генрихъ изъ Германіи, и такимъ образомъ сеймъ обратился бы въ лагерь. Но миланцы поняли хитрость Фридриха, и, при тайномъ содѣйствіи папы, разрушили его планы. Они быстро приготовились къ оборонѣ, возстановили противъ императора всѣ города, имѣвшіе гфельфское правительство, возобновили съ ними старинный ломбардскій союзъ и заняли всѣ альпійскіе проходы въ Германію. Генрихъ съ нѣмцами долженъ былъ вернуться, и предложенный сеймъ не состоялся. Имѣя тогда на своей сторонѣ только шесть городовъ на всемъ пространствѣ между Тосканой и Альпами, Фридрихъ не былъ достаточно силенъ, чтобъ отмстить за оскорбленіе. Однако, онъ объявилъ опалу бунтовщикамъ и приказалъ гильдесгейскому епископу, заступавшему мѣсто папы въ войскѣ крестоносцевъ, подвергнуть ихъ отлученію отъ церкви. Не желая доводить дѣла до крайности, Гонорій не вступился за ломбардскій союзъ и былъ очень доволенъ, когда Фридрихъ взялъ назадъ свою опалу. Но Григорій IX, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того папою (мартъ 1227 г.), взглянулъ на дѣло иначе.

4. Германія и Италія при Григоріи IX.

Новый папа, Григорій IX, не позволилъ обманывать и проводить себя, какъ своего предшественника, и, когда миновалъ назначенный Фридрихомъ срокъ, а собравшіеся въ Апуліи крестоносцы погибли жалкимъ образомъ (стр. 88), торжественно отлучилъ отъ церкви свѣтскаго главу христіанства. Потомъ онъ употребилъ противъ Фридриха и мірскія средства, отъ которыхъ ему слѣдовало бы точно также воздержаться, какъ Фридриху отъ церковнаго отлученія ломбардцевъ. Предлогомъ къ проклятію Григорію послужило не одно замедленіе крестоваго похода, но и враждебныя намѣренія императора противъ ломбардцевъ. Фридрихъ не испугался отлученія. Онъ отвѣчалъ на него рѣзкимъ манифестомъ и послалъ его въ Римъ, для прочтенія народу. Римляне были злѣйшими врагами папы, а потому сенатъ разрѣшилъ посламъ императора публично прочесть манифестъ. Но, не ограничиваясь этимъ, Фридрихъ готовилъ папѣ несравненно большія непріятности. Войдя въ сношенія съ могущественною фамиліею Франджипани (стр. 88), онъ купилъ у нея всѣ владѣнія, и, отдавъ ихъ обратно, какъ ленъ имперіи, сдѣлалъ ее своими вассалами; потомъ онъ послалъ къ папѣ торжественное посольство, надменно предлагая примиреніе, а когда Григорій отвергъ это предложеніе, Франджипани взбунтовали народъ и заставили папу выѣхать изъ Рима (въ пасху 1223 года). Фридрихъ извлекъ изъ этого еще другую выгоду, объявивъ въ новомъ манифестѣ, что папа не христіански отвергаетъ всѣ его попытки къ примиренію и удовлетворенію церкви, и чтобъ сдѣлать обвиненіе сильнѣе, распустилъ слухъ, будто Григорій уговариваетъ ломбардцевъ не пропускать черезъ Альпы германскихъ крестоносцевъ и употребляетъ деньги, собранныя для крестоваго похода, на наемъ войскъ противъ императора.

Въ августѣ 1228 г. Фридрихъ, какъ уже было сказано (стр. 88), отправился въ Палестину, не смотря на то, что папа и его союзникъ Іоаннъ Бріеннскій готовились къ нападенію на южную Италію; этимъ онъ расположилъ въ свою пользу общественное мнѣніе, потому что явился защитникомъ вѣры, въ то время, какъ папа, повидимому, готовилъ препятствія и затрудненія для крестоваго похода. Дѣйствительно, по возвращеніи Фридриха (1229 г.), Григорію стоило большаго труда выпутаться изъ бѣды, такъ какъ въ отсутствіе императора онъ слишкомъ ревностно занялся свѣтскими дѣлами. Навербовавъ солдатъ и изобразивъ на ихъ знаменахъ ключи св. Петра, онъ послалъ ихъ въ южную Италію подъ предводительствомъ Іоанна Бріеннскаго и кардинала Колонны. Эти солдаты уже заняли было часть королевства, но Фридрихъ вернулся, прогналъ ихъ своими мухаммеданскими войсками и сталъ угрожать папскимъ владѣніямъ. Однако, не вступая въ нихъ, онъ пригласилъ къ себѣ германскихъ князей, прося примирить его съ папой. Въ Неаполь съѣхалось множество князей и епископовъ, которые вмѣстѣ съ гроссмейстеромъ нѣмецкаго ордена, Германомъ фонъ Зальца, начали переговоры, и Григорій долженъ былъ примириться. Лѣтомъ

1230 г. былъ заключенъ миръ, по которому съ императора снималось отлученіе отъ церкви, а онъ соглашался на всѣ требованія папы. Разумѣется, ни тотъ, ни другой не считали примиренія серьезнымъ и тотчасъ же стали обманывать другъ друга. Императоръ, не смотря на видимое смиреніе, остался въ сношеніяхъ со всѣми врагами Григорія, особенно съ римлянами, а папа возбуждалъ противъ Фридриха ломбардцевъ, дѣлая видъ, будто желаетъ быть посредникомъ между обѣими сторонами. Во враждѣ съ ломбардцами, хитрый Фридрихъ хотѣлъ заинтересовать все дворянство и для того назначилъ въ Равеннѣ сеймъ, на которомъ думалъ нанести смертельный ударъ свободѣ и независимости верхне-итальянскихъ городовъ. Ломбардцы и на этотъ разъ пытались не пропустить германскихъ рыцарей черезъ Альпы, однако сеймъ состоялся и постановилъ почти тѣ же рѣшенія, какія провелъ въ это самое время Генрихъ на сеймѣ въ Вормсѣ. Оба постановленія сильно стѣсняли, въ пользу князей и епископовъ, города, не державшіе сторону императора или не согласившіеся повиноваться ему во всемъ; союзы городовъ были строго запрещены, а принципъ муниципальной самостоятельности объявлялся несовмѣстнымъ съ аристократическо-монархическимъ устройствомъ государства, и въ ущербъ городской независимости возстановлялись, въ полной силѣ, прежнія княжескія и дворянскія привилегіи. Фридриху особенно хотѣлось уничтожить оружіемъ князей ломбардскую федерацію. Поэтому въ Равеннѣ онъ вошелъ въ сношенія съ гибеллинскими тиранами, Эццелино ди Романо и Салингверрой, домогавшимися господства въ Ломбардіи, и вмѣстѣ съ ними составилъ глубоко обдуманный планъ уничтоженія могущества городовъ. Прежде всего, онъ распространилъ въ Ломбардіи, въ концѣ 1232 г., прокламацію, объявляя Эццелино со всѣми родными и друзьями состоящимъ подъ особымъ покровительствомъ имперіи и потому неприкосновеннымъ. Затѣмъ онъ посягнулъ на старинный обычай, который обезпечивалъ городамъ правосудіе и согласно которому подестою избирался всегда гражданинъ другаго города, не имѣвшій никакихъ связей въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ правителемъ, и запретилъ выбирать подестъ изъ ломбардскихъ городовъ, объявляя такимъ образомъ ломбардскихъ гражданъ безправными. Напротивъ того, въ охранной грамотѣ Эццелино тираны были названы благородными и превосходными. Еще за нѣсколько лѣтъ до того ненависть къ верхне-итальянскимъ городамъ побудила Фридриха основать университетъ въ Неаполѣ (1224 г.). Городъ Болонья, который уже давно былъ ненавистенъ ему и на который онъ уже пытался нападать, хотя и безуспѣшно, процвѣталъ единственно благодаря университету, привлекавшему ежегодно болѣе двѣнадцати тысячъ иностранцевъ. Состоя подъ покровительствомъ папы, университетъ развивалъ его систему и, посредствомъ учащихся, распространялъ ее по всему свѣту. Подрывая этотъ университетъ, Фридрихъ поражалъ разомъ и папу, и своего стариннаго врага, Болонью. Потому онъ не только предоставилъ студентамъ неаполитанскаго университета большія права, чѣмъ они имѣли въ Болоньѣ, но далъ заведенію почти неслыханныя въ средніе вѣка привилегіи, и въ ущербъ своимъ подданымъ и наукамъ запретилъ жителямъ неаполитанскаго королевства учиться за границею. Императоръ и его канцлеръ старались привлечь въ Неаполь студентовъ, гарантируя имъ особымъ эдиктомъ безопасность дороги, дешевизну жизни и полную свободу въ продолженіе всего пребыванія, объявляя, что онъ заботится о помѣщеніяхъ и кредитѣ для учащихся, и даже публикуя цѣны квартиръ. Этотъ эдиктъ былъ до того непріятенъ ломбардцамъ, что, вступивъ съ императоромъ въ переговоры, въ 1227 г., они настоятельно просили отмѣны его. Фридрихъ согласился, понимая, что собственно свободныя искусства могли быть изучаемы только въ Болоньѣ и что въ этомъ отношеніи Неаполь не могъ соперничать съ ней.

Стараясь уничтожить свободу и силу ломбардскихъ городовъ и увеличить могущество князей, Фридрихъ въ то же время ревностно заботился о водвореніи порядка и правосудія въ своемъ чудномъ сицилійскомъ королевствѣ, о безопасности, процвѣтаніи и распространеніи въ немъ торговли. Жаль только, что онъ не примѣнялъ къ своему управленію превосходныхъ началъ, высказываемыхъ въ изданныхъ имъ законахъ и введеніяхъ къ нимъ. По его приказанію, Петръ Девинь составилъ для королевства сводъ древнихъ законовъ и правъ, но въ него были искусно включены новыя постановленія. Этотъ сводъ былъ обнародованъ и

получилъ законную силу (1231 г.) въ то самое время, когда папа возбуждалъ противъ Фридриха ломбардцевъ, и повидимому былъ направленъ именно противъ папы. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что цѣлый отдѣлъ содержалъ въ себѣ постановленія, ограждавшія права короля и народа отъ притѣсненій духовенства; такъ напр. этимъ сводомъ запрещались продажа и дареніе родовыхъ имѣній церквамъ, монастырямъ и монашескимъ рыцарскимъ орденамъ. Впрочемъ, даже поверхностный обзоръ новыхъ постановленій свода ясно доказываетъ, на сколько Фридрихъ и его канцлеръ были выше своего вѣка. Такъ, напримѣръ, постановленія противъ внутреннихъ враговъ церкви, еретиковъ, были очень строги; но всѣмъ, открыто исповѣдующимъ нехристіанскую религію, предоставлялась полная терпимость и объявлялось, что никто не долженъ безвинно страдать только потому, что онъ еврей или мухаммеданинъ. Такъ называемыхъ божьихъ судовъ сводъ рѣшительно не признавалъ, и, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, запрещалъ судебный поединокъ, такъ какъ, говоритъ онъ, два бойца почти никогда не равны силою, мужествомъ и искусствомъ и такимъ образомъ рѣшеніе всегда бываетъ въ пользу сильнѣйшаго и искуснѣйшаго. Мудрый законъ, запрещавшій всѣмъ, кромѣ служащихъ, носить оружіе и ножи, избавлялъ страну, обитаемую мстительнымъ и кровожаднымъ населеніемъ, отъ возможности частаго повторенія кровавыхъ стычекъ. Сверхъ того, въ сводѣ заключается много постановленій о торговлѣ, промышленности, полиціи и благоустройствѣ значительно населенныхъ мѣстъ. Уничтожить различіе въ правахъ разныхъ народовъ, населявшихъ государство, Фридриху не удалось, но онъ старался сдѣлать его сколь можно менѣе вреднымъ. Свидѣтельствуя объ обширномъ, независимомъ умѣ Фридриха, этотъ кодексъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ, что въ Италіи общественная жизнь въ то время была болѣе развита, чѣмъ гдѣ-либо; это видно, между прочимъ, изъ того, что Фридрихъ счелъ нужнымъ опредѣлить, какую часть съ цѣнности предмета процесса имѣлъ право адвокатъ требовать отъ клієнта. Слѣдовательно, юридическая защита въ судахъ уже была тогда необходима. То же самое доказывается и постановленіями о медицинской полиціи: въ нихъ точно опредѣлялись обязанности врача, плата за посѣщеніе больныхъ и все касающееся аптекъ, а отъ всякаго, желающаго практиковать или преподавать медицину, требовался строгій экзаменъ и указывалось, какъ пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія.

Какъ ни хороши были эти законы, но все же центромъ всей системы управленія были финансы. Въ постановленіяхъ по этому предмету, Фридрихъ раскрылъ передъ средневѣковыми правителями, черпавшими изъ кармановъ своихъ подданныхъ только въ крайнихъ случаяхъ, всю новѣйшую финансовую мудрость; только онъ преподавалъ ее въ менѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлается теперь. Въ этомъ отношеніи Фридриха тѣмъ менѣе можно извинить, что онъ былъ вовсе не скупъ и не корыстолюбивъ, а мучилъ своихъ итальянскихъ подданныхъ только для того, чтобъ имѣть средства для подавленія свободы ломбардцевъ, признанной еще его дѣдомъ. Уже въ 1231 г., пока онъ былъ въ Верхней Италіи, въ Сициліи возникали сильныя волненія, потому что чрезмѣрные поборы вывели изъ терпѣнія тамошнихъ фабрикантовъ и купцовъ, самыхъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Эти волненія повторялись и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неаполитанскаго материка. Фридрихъ безъ труда усмирялъ возстанія, но не хотѣлъ отстранить ихъ причины. Напротивъ, онъ только и думалъ о возвышеніи налоговъ, и тутъ даже самъ канцлеръ не могъ угодить ему, не будучи довольно строгимъ. Слѣдуя этому пути, Фридрихъ, вовсе не догадываясь о томъ, сдѣлался изъ умнаго, благороднаго правителя тираномъ и деспотомъ; въ немъ, какъ это часто бываетъ, блескъ могущества и величія смѣнился надменностью, а надменность тиранією. Во второй половинѣ царствованія, онъ враждуетъ съ папой и церковью, воюетъ съ ломбардцами, пользуется между вѣрнѣйшими подданными репутаціей притѣснителя, предается слугами или проклинается ими какъ мучитель, ссорится съ канцлеромъ и даже становится врагомъ роднаго сына.

Впрочемъ, главною причиною общей ненависти къ нему были не столько деспотическія мѣры, сколько его тѣсныя сношенія съ мухаммеданами, благодаря которымъ онъ развилъ торговлю государства, открылъ промышленности новые

рынки и доставлялъ выгоды даже союзникамъ. Зная языкъ и обычаи мухаммеданъ, онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ со всѣми современными мухаммеданскими владѣтелями и въ 1232 г. получилъ посольство отъ египетскаго султана и повелителя сирійскихъ ассасиновъ, а не задолго до того заключилъ съ владѣтелемъ Туниса, Абуиссакомъ, замѣчательный договоръ, по которому подданные каждаго изъ государей, бывшіе невольниками во владѣніяхъ другаго, получали свободу, торговля между обоими государствами освобождалась отъ пошлинъ и опредѣлялись отношенія мухаммеданъ, живущихъ на Корсикѣ, къ Фридриху и его владѣніямъ. Эта тѣсная связь съ невѣрными, частыя взаимныя посольства, безпрестанный обмѣнъ подарковъ и мухаммеданская гвардія, которою Фридрихъ пугалъ папу, сильно возбуждали Европу противъ императора. Поэтому не удивительно, что, по убіеніи герцога Людовика Баварскаго (1231 г.), его обвинили въ этомъ злодѣяніи, говоря, что онъ совершилъ его помощью своихъ друзей ассасиновъ. Тогда на сношенія съ старцемъ горы смотрѣли какъ на союзъ съ дьяволомъ, или почти такъ же, какъ протестанты XVII и XVIII столѣтій на сношенія съ іезуитами. Обвиненіе, не смотря на свою безосновательность, нашло вѣру въ Германіи и возбудило всеобщее ожесточеніе.

Несчастныя отношенія императора къ старшему сыну, Генриху, были вызваны, преимущественно, ранней испорченностью молодаго принца, но и властолюбіе Фридриха играло въ этомъ нѣкоторую роль: вмѣсто того, чтобы образовать изъ сына хорошаго правителя, онъ хотѣлъ имѣть только орудіе для своихъ замысловъ противъ ломбардскихъ городовъ. Въ 1220 г., уѣзжая надолго изъ Германіи, онъ поставилъ во главѣ управленія десятилѣтняго Генриха. О воспитаніи мальчика никто не заботился, и императоръ даже не подумалъ дать ему порядочное общество. Охота сдѣлалась его любимымъ занятіемъ; егеря, сокольники, слуги составляли его любимое общество. Подростая, онъ окружилъ себя странствующими пѣвицами, пѣвцами, фиглярами, скоморохами и шутами, что и было главною причиною его несчастій. Этотъ классъ людей возникъ въ Каталоніи и южной Франціи, родинѣ танцевъ, пѣнія и игры; оттуда странствующіе артисты отправлялись въ другія части Франціи, Италіи и Германіи, воспѣвая любовь, вино и рыцарскіе подвиги, показывая на княжескихъ пирахъ свои фокусы и получая за это платье и деньги. Эти-то люди совершенно завладѣли Генрихомъ и окончательно испортили его, сдѣлавъ грубымъ и взбалмошнымъ. Неразвитаго юношу не трудно было увѣрить, что ему выгодно идти противъ отца, соединясь съ папой и ломбардцами. Кромѣ того, смертельный врагъ Фридриха, герцогъ австрійскій, и другіе нѣмецкіе князья старались воспользоваться Генрихомъ для достиженія своихъ цѣлей. Это было очень опасно для Фридриха, потому что въ это самое время его политика и сношенія съ мухаммеданами создали ему весьма дурную репутацію. Пока Генрихъ противился ему самъ по себѣ, онъ ограничивался строгими выговорами, но когда принцъ заключилъ формальный союзъ съ ломбардцами и, уступая совѣтамъ враговъ отца, открыто возсталъ противъ него, Фридрихъ поспѣшилъ въ Германію. Онъ отправился туда безъ войска (1235 г.), но взялъ съ собою весьма значительную сумму денегъ, зная, что ими привлечетъ къ себѣ всѣхъ. Дѣйствительно, не успѣлъ онъ пріѣхать въ Германію, какъ всѣ отступились отъ Генриха. Изумленный сынъ поѣхалъ на встрѣчу къ отцу, просилъ прощенія, получилъ его, но вслѣдъ затѣмъ снова выказалъ неповиновеніе и отказался отдать замокъ Трифельсъ, въ которомъ, со времени Фридриха I, хранились императорскія сокровища. Тогда отецъ посадилъ его сперва въ старый гейдельбергскій замокъ, а потомъ въ одинъ изъ граубинденскихъ городовъ и наконецъ отправилъ въ южную Италію, перевозилъ его изъ тюрьмы въ тюрьму, пока несчастный принцъ не умеръ отъ дурнаго обхожденія съ нимъ. Причины такой жестокости Фридриха нужно искать въ благоволеніи папы къ Генриху и въ томъ, что у него осталось еще много приверженцевъ, до того ему преданныхъ, что когда его везли въ Апулію, герцогъ австрійскій и миланцы сдѣлали попытку освободить его. Папа выказалъ въ этомъ дѣлѣ двуличность, усилившую ожесточеніе противъ него Фридриха. Высказавшись открыто противъ Генриха, онъ втайнѣ возбуждалъ германскихъ князей противъ Фридриха и потомъ всѣми силами старался помѣшать избранію его втораго сына, Конрада IV.

Однако, черезъ два года, въ 1237 г., Конрадъ былъ избранъ государственными чинами.

Въ іюлѣ 1235 г. Фридрихъ женился въ третій разъ на сестрѣ англійскаго короля Генриха III, Изабеллѣ, и пышно отпраздновалъ свадьбу въ Вормсѣ. Повидимому, на этихъ пиршествахъ, такъ же какъ и на майнцскомъ сеймѣ, собравшемся черезъ нѣсколько недѣль, онъ хотѣлъ ослѣпить Германію роскошью и блескомъ императорскаго достоинства. Въ Майнцѣ, куда собрались почти всѣ германскіе князья и епископы, по древнему каролингскому обычаю былъ составленъ капитулярій, или основное законодательное постановленіе императора и государственныхъ чиновъ (т. II. стр. 454). Этотъ майнцскій капитулярій, независимо отъ своего содержанія, замѣчателенъ тѣмъ, что по всей вѣроятности, былъ составленъ на нѣмецкомъ языкѣ, тогда какъ до того всѣ государственные законы писались по латыни. Постановленія его касались судопроизводства, спокойствія и порядка въ государствѣ; имъ также установлялась новая должность придворнаго судьи, замѣнявшаго императора, опредѣлялись его права и порядокъ отправленія суда. Такимъ образомъ Фридрихъ, опять намѣревавшійся надолго уѣхать изъ Германіи, привелъ въ порядокъ ту часть юстиціи, которая подлежала непосредственному вѣдѣнію императора. Въ Майнцѣ же онъ примирился съ своими главными врагами, вельможами, тогда уже значительно ослабѣвшими. Онъ задобрилъ главу ихъ, племянника бездѣтнаго императора Оттона IV, О т т о н а Д и т я, даровавъ ему высшій титулъ. Съ согласія всѣхъ князей, онъ возвелъ въ герцогство родовыя вельфскія земли, Брауншвейгъ и Люнебургъ, не смотря на то, что право на этотъ титулъ исконп принадлежало только владѣтелямъ главныхъ германскихъ земель, и объявилъ новое герцогство леномъ, наслѣдственнымъ и въ женской линіи.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ майнцскаго сейма происходило блестящее собраніе въ Аугсбургѣ, гдѣ Фридрихъ старался возстановить южно-германскихъ князей противъ своего непримиримаго врага, герцога австрійскаго, Фридриха Воинственнаго. Оттуда онъ поѣхалъ въ Гагенау для того, чтобъ возобновить право Германіи на бургундскія земли. Въ Гагенау присягнули два имперскихъ вассала, несчастный графъ Раймундъ Тулузскій (стр. 116) и графъ Раймундъ Беренгаръ Прованскій, котораго императоръ возвелъ при этомъ случаѣ въ рыцарство; хотя графу было уже пятьдесятъ лѣтъ, но онъ не получалъ еще обычнаго рыцарскаго удара мечомъ, боясь повѣрья, что графы его дома не переживаютъ этой церемоніи; оба зятя, французскій король Людовикъ IX и англійскій Генрихъ III, считали позоромъ, что онъ еще не рыцарь, и потому Раймундъ просилъ императора о посвященіи. Въ маѣ слѣдующаго года (1236 г.) Фридрихъ отправился въ Марбургъ, гдѣ перекладывали въ новую гробницу мощи ландграфини тюрингской Е л и з а в е т ы, незадолго до того объявленной святою. Фридрихъ врядъ ли искренно вѣрилъ въ безсмертіе души и искупленіе, но все-таки принялъ на себя главную роль въ этой церемоніи, такъ какъ того требовали его разсчеты. По всей вѣроятности, онъ надѣялся расположить къ себѣ нѣмецкое духовенство, устроившее это дѣло, а быть можетъ, хотѣлъ угодить храбрымъ жителямъ Тюрингіи и Гессена, оказавъ честь ихъ бывшей государынѣ, и потомъ воспользоваться ими для похода въ Италію. Народа собралось множество; архіепископы майнцскій и трирскій и епископъ гильдесгеймскій представляли папу, а совершенно отрекшійся отъ христіанской религіи императоръ поднялъ крышку каменнаго гроба и надѣлъ на голову святой золотую корону. Изъ тѣла святой точилось священное муро, которое раздавали, по выраженію одного лѣтописца, с ъ б л а г о ч е с т и в о ю х и т р о с т ь ю всѣмъ, изъявлявшимъ желаніе построить церковь или алтарь во имя Елизаветы. Однако, Фридрихъ не вполнѣ достигъ цѣли: ему не удалось устроить имперскаго похода въ Италію.

Нанявъ за деньги значительное войско, онъ послалъ его впередъ, а самъ въ іюлѣ 1236 г. отправился въ походъ съ тысячью прикнувшихъ къ нему нѣмецкихъ рыцарей; у подножія Альповъ присоединились къ войску и итальянскіе вассалы. Этимъ походомъ императоръ хотѣлъ, во первыхъ, силою принудить къ повиновенію маркграфа Аццо д'Эсте, избраннаго подестой Вичепцы къ великому отчаянію Эццелино; во вторыхъ, дать возможность Эццелино изгнать, ограбить или истребить всѣ гвельфскія фамиліи Вичепцы. И то и другое удалось. Жители

Виченцы, Падуи и Тревизо, полагая, что императоръ далеко, отправились въ Аццо осаждать Ривальто; но Эццелино съ быстротой молніи привелъ Фридриха къ Ривальто; застигнутые въ расплохъ непріятели были разбиты, и Виченца тотчасъ же взята. Она сильно пострадала отъ ярости нѣмцевъ и союзныхъ съ ними итальянцевъ. Но императоръ долженъ былъ спѣшить въ Германію, куда его призывали дѣйствія Фридриха Воинственнаго. Австрійскій герцогъ уже съ давнихъ поръ попиралъ ногами, въ собственныхъ владѣніяхъ, права подданныхъ и государственные законы, и постоянно тревожилъ сосѣдей набѣгами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на императорскія увѣщанія. Наконецъ, имперскіе чины осудили его на изгнаніе, но, по отъѣздѣ Фридриха, онъ разбилъ князей, посланныхъ привести въ исполненіе приговоръ, и продолжалъ дѣйствовать по прежнему. Фридрихъ, пріѣхавъ изъ Италіи, занялъ, въ короткое время, всю Австрію; но по его отъѣздѣ герцогъ вышелъ изъ убѣжища, завоевалъ отнятыя владѣнія и повелъ дѣло такъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ былъ помилованъ и возстановленъ въ прежнихъ правахъ.

Между тѣмъ, хитростью и обманомъ Эццелино заставилъ маркграфа Аццо подчиниться, занялъ Падую и Тревизо и сдѣлался падуанскимъ подестою. Чтобъ упрочить за собой новое пріобрѣтеніе, котораго давно, но тщетно, домогался, онъ объявилъ измѣнниками всѣхъ бѣжавшихъ жителей Падуи, конфисковалъ ихъ имѣнія, потребовалъ у города заложниковъ въ вѣрности и отослалъ ихъ въ Апулію, гдѣ они умерли въ подземныхъ тюрьмахъ. Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалъ впослѣдствіи этотъ воплощенный дьяволъ. Для достиженія своихъ цѣлей онъ съ безпощаднымъ хладнокровіемъ истреблялъ людей тысячами, не щадя ни друга, ни недруга. Когда, черезъ двадцать лѣтъ (1256 г.), падуанцы отпали отъ него, онъ заковалъ въ кандалы всѣхъ ихъ согражданъ, бывшихъ въ его войскѣ, рубилъ руки и ноги всякому пытавшемуся бѣжать и такъ безчеловѣчно обходился съ ними, что изъ 11 т. остались живы только двѣсти человѣкъ.

Съ возвращеніемъ Фридриха изъ Германіи, казалось, пробилъ послѣдній часъ свободы ломбардцевъ. Императоръ положительно объявилъ прибывшимъ къ нему папскимъ посламъ, чтобъ они не мѣшались въ его дѣла, и отравилъ въ Римъ Петра Девиня и гроссмейстера Германа фонъ Зальцу съ весьма рѣзкимъ посланіемъ. Потомъ, вызвалъ изъ Неаполя мухаммеданскія войска, соединилъ ихъ съ милиціями преданныхъ ему городовъ, всѣми войсками Эццелино и нѣмецкими рыцарями, въ огромномъ числѣ явившимися изъ Германіи, и двинулся противъ Милана, имѣя болѣе ста тысячъ войска, кромѣ сарациновъ. Но Миланъ быстро приготовился къ отпору. Мужество и богатство его жителей было такъ велико и вообще вся Ломбардія находилась, благодаря свободѣ, въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что миланцы со своими союзниками могли выставить болѣе 60 т. войска. Ломбардская армія расположилась лагеремъ на Оліо, чтобъ не дать Фридриху переправиться черезъ эту рѣку. Оба войска простояли нѣсколько мѣсяцевъ другъ противъ друга, что было страшнымъ бѣдствіемъ для неаполитанцевъ, на которыхъ падала вся тяжесть содержанія императорскаго войска. Ломбардцамъ было не такъ трудно, потому что они уходили поочередно домой на отдыхъ и каждый содержался на свой счетъ. При наступленіи зимы, думая, что непріятельское войско разойдется, они въ безпорядкѣ отправились по домамъ. Пользуясь оплошностью непріятелей, Фридрихъ настигъ ихъ у Кортенуовы и разбилъ на голову (въ концѣ ноябрѣ 1237 г.). Ломбардское войско было уничтожено, болѣе 10 т. миланцевъ убиты или взяты въ плѣнъ, лучшіе граждане погибли, и даже священное миланское карочіо (т. II. стр. 558) съ распятіемъ досталось непріятелю. Фридрихъ послалъ его въ Римъ, желая польстить римлянамъ и вмѣстѣ досадить папѣ, защитнику миланцевъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и миланскій подеста Тіеполо, сынъ венеціанскаго дожа. Съ нимъ Фридрихъ обошелся чрезвычайно грубо, велѣвъ привязать его къ карочіо и провести такимъ образомъ по Кремонѣ, а потомъ отправилъ въ Апулію и тамъ повѣсилъ.

Смертельно оскорбивъ, въ лицѣ Тіеполо, венеціанцевъ, онъ озлобилъ и генуэзцевъ, чрезмѣрно покровительствуя пизанцамъ; потому и венеціанцы, и генуэзцы соединились съ папою. Въ то время, какъ число враговъ его увеличивалось, Фридрихъ самъ далъ имъ противъ себя оружіе, поступая тогда такъ же, какъ нѣкогда дѣйствовалъ, въ подобномъ положеніи, его дѣдъ. Онъ еще тѣснѣе

сблизился съ Эццелино, женилъ его весною 1238 г., на одной изъ своихъ дочерей, сдѣлалъ своего побочнаго сына Энціо сардинскимъ королемъ, хотя папа считалъ островъ Сардинію своимъ владѣніемъ, и потребовалъ безусловнаго подчиненія отъ миланцевъ, предлагавшихъ выдать всѣ свои знамена и драгоцѣнности и выставить 10 т. войска для крестоваго похода. Тогда миланцы рѣшились биться до послѣдней крайности, а Фридрихъ, въ мнѣніи всѣхъ, сталъ жестокосердымъ тираномъ. Папа открыто принялъ сторону ломбардцевъ, заключилъ съ ними союзъ и вновь предалъ императора отлученію отъ церкви (мартъ 1239 г.). Григорій могъ тѣмъ смѣлѣе отважиться на этотъ шагъ, что Фридрихъ потерпѣлъ въ предшествовавшее лѣто полное пораженіе при осадѣ Брешіи и лишился лучшихъ солдатъ и всѣхъ запасовъ. Въ своей буллѣ папа объявилъ Фридриха не только врагомъ церкви и своимъ, но даже противникомъ христіанской религіи. Фридрихъ не остался въ долгу у папы и оба продолжали безпощадно ругать и поносить другъ друга. Впрочемъ, если императоръ заслужилъ чѣмъ-нибудь адскія мученія, на которыя осуждалъ его папа, то конечно своимъ обращеніемъ съ неаполитанцами и сицилійцами. Правда, онъ далъ имъ хорошіе законы и даже созывалъ народныхъ представителей для совѣщаній о нуждахъ страны, но тѣмъ не менѣе жестоко притѣснялъ ихъ и помышлялъ только о томъ, чтобы извлечь больше денегъ и расширить свою власть. Не проходило года, чтобы онъ не пользовался какимъ-нибудь современнымъ событіемъ для установленія чрезвычайныхъ налоговъ; сверхъ того, онъ объявилъ казенной монополіей продажу всѣхъ предметовъ, составлявшихъ важнѣйшія статьи вывоза и главное богатство края, и отдалъ на откупъ евреямъ красильные и кожевенные заводы, не обращая вниманія на права свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ. Но болѣе всего терпѣли жители во время ломбардской войны. Съ самаго начала ея стали ежегодно взиматься огромные военные налоги, страна была истощена постоями и содержаніемъ войскъ, духовенство должно было, подъ видомъ займа, отдать всю церковную утварь, а приморскіе города были обязаны выставлять корабли и продовольствовать императорскій флотъ. Такимъ образомъ Фридрихъ положилъ начало системѣ, принятой впослѣдствіи всею Европой, и въ возможно обширномъ примѣненіи которой заключается нынѣ высшая мудрость государственныхъ людей.

Пока Фридрихъ такъ жестоко притѣснялъ южную Италію, Эццелино свирѣпствовалъ въ Ломбардіи. Онъ хотѣлъ сдѣлаться, при помощи императора, неограниченнымъ властителемъ страны и употреблялъ для этого всевозможныя средства, даже гнусныя. Онъ притворился злѣйшимъ врагомъ своего брата, Альберико ди Романо, и Альберико перешелъ къ непріятелямъ; они давали другъ другу сраженія и грабили имѣнія друзей и приверженцевъ для того, чтобъ вывѣдывать и разстроивать намѣренія враговъ. Одинъ современникъ, описывающій ихъ подвиги, не находитъ словъ, чтобъ передать ихъ злодѣйства. «Эццелино и Альберико, говоритъ онъ, дѣлали изъ властолюбія все, что только можетъ быть дурнаго на свѣтѣ; они убивали и изувѣчивали мужинъ, женщинъ и дѣтей и были даже страшнѣе друзьямъ, чѣмъ врагамъ, потому что враги, не вѣря имъ, постоянно употребляли всѣ усилія, чтобъ вырваться изъ ихъ рукъ.» Печальнымъ доказательствомъ испорченности итальянскаго характера того времени служитъ то, что такіе ужасные тираны находили множество людей, соглашавшихся быть орудіями ихъ звѣрства. На такихъ герояхъ основывалось могущество Эццелино. Онъ хорошо платилъ и щедро награждалъ, и нѣмцы, сарацины, апулійцы и піемонтцы толпами шли къ нему на службу.

Папская партія не уступала императорской въ жестокости. Это доказало взятіе Феррары, которою управлялъ другъ императора, семидесятилѣтній Салингверра, не требовавшій ни особенной власти, ни большихъ налоговъ. Папа, венеціанцы и маркграфъ Аццо д'Эсте вытѣснили его изъ города, отправили плѣнниковъ въ Венецію и изгнали изъ Феррары 1500 гражданъ. Венеціанцы роздали ихъ имѣнія своимъ приверженцамъ и два года отягощали городъ страшными поборами; потомъ былъ выбранъ подестою Аццо. Изъ подесты, съ тремя тысячами фунтовъ серебра жалованья, онъ впослѣдствіи сдѣлался полнымъ господиномъ и владѣтелемъ города, перенесъ въ Феррару свою резиденцію и заставилъ несчастныхъ гражданъ потомъ и кровью оплачивать расточительность, которою славился домъ Эсте. Впечатлѣніе, произведенное страданіями Феррары, усиливается еще

тѣмъ, что папскій легатъ заключилъ съ Салингверрою договоръ и потомъ, во имя Бога правды и Его земнаго намѣстника, допустилъ самое вѣроломное нарушеніе договора. Аццо сначала противился этому, но легатъ отвѣчалъ, что когда вопросъ идетъ о такомъ полезномъ дѣлѣ, какъ завладѣніе Феррарой, нечего обращать вниманіе на честь и клятву. Такимъ образомъ, оба главы христіанства, свѣтскій и духовный, стоили другъ друга. Это повторялось и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, ихъ отношенія къ еретическимъ сектамъ, развившимся, подъ разными именами, въ верхней Италіи, опредѣлялись единственно личными выгодами. Фридрихъ, желая очиститься отъ обвиненія въ ереси и считая опасными эти секты, столь же враждебныя монархизму въ государствѣ, какъ и господству папы въ церкви, издавалъ свирѣпыя предписанія объ истребленіи противниковъ папской власти. Напротивъ, папа, жестоко преслѣдовавшій французскихъ альбигойцевъ, щадилъ итальянскихъ еретиковъ и не совѣстился объявлять, что божественное ученіе требуетъ, чтобы онъ, изъ видовъ политики, щадилъ и защищалъ въ Римѣ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ мучилъ и сожигалъ въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ въ Римѣ ихъ преслѣдовалъ Фридрихъ. Вообще, если папа и даже великій Данте, обыкновенно такъ охотно защищающій Фридриха, обвиняютъ его въ неслыханной жестокости къ тѣмъ, которые по приказанію Григорія проповѣдывали и ополчались противъ него, то и онъ, съ своей стороны, во всеуслышаніе и въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, упрекаетъ папу въ томъ, что онъ пьяница и, хмѣльной, называетъ себя повелителемъ неба и земли.

Въ виду подобныхъ поступковъ главы церкви и главы государства, нельзя удивляться, что императоръ, отвергавшій нравственную сторону религіи, предавался астрологіи, то есть нелѣпому суевѣрію и хитрымъ обманщикамъ, и что Эццелино былъ предметомъ удивленія, какъ геніальный человѣкъ. Этотъ ужасный тиранъ, сказавшій однажды страшныя слова: «пусть живой позавидуетъ мертвому,» смѣялся надъ папой и его духовнымъ оружіемъ и въ жизни, какъ и при смерти, отвергалъ всякую духовную помощь. Отлученный отъ церкви и ежегодно публично проклинаемый въ Римѣ, онъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы получить прощеніе. Черезъ девять лѣтъ по смерти Фридриха онъ былъ побѣжденъ и, смертельно раненный, взятъ въ плѣнъ; но и тогда Эццелино хотѣлъ умереть, какъ жилъ, не зная Бога. Монахамъ, явившимся къ нему съ религіозными утѣшеніями, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ не въ чемъ каяться, кромѣ того, что я не вполнѣ отмстилъ врагамъ, дурно предводительствовалъ войскомъ и допустилъ обмануть себя.» Не смотря на такое полное презрѣніе ко всему высокому и святому и на совершенную безнравственность, по смерти его, большинство итальянскихъ владѣтелей почтили его, какъ славнаго героя и великаго политика. Когда онъ, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ, массы народа толпились вокругъ него, чтобъ посмотрѣть на своего страшнаго мучителя въ цѣпяхъ, и какъ стаи мелкихъ птицъ, издѣваясь, дразнятъ ночную сову, ослѣпленную и обезсиленную дневнымъ свѣтомъ, такъ насмѣхалась и ругалась многочисленная толпа надъ немощнымъ тираномъ. Но Аццо д'Эсте и другіе знатные отгоняли народъ отъ человѣка, которому сами удивлялись, и, когда черезъ одиннадцать дней Эццелино умеръ отъ раны, похоронили его съ рыцарскими почестями.

5. Италія при Фридрихѣ II и Иннокентіи IV.

Послѣ несчастнаго похода противъ Брешіи, Фридрихъ напалъ сперва на Тоскану, а потомъ на папскія владѣнія, возобновилъ сношенія съ Франджипани, возстановилъ противъ Григорія фамилію Колонна и другихъ римскихъ гибеллиновъ и бралъ одинъ за другимъ города Церковной области. Осада Фаэнцы можетъ, между прочимъ, служить примѣромъ, какъ умно и послѣдовательно дѣйствовалъ онъ въ этомъ походѣ. Фаэнца упорно сопротивлялась въ теченіе осьми мѣсяцевъ, но, не смотря на всѣ трудности, онъ не снималъ осады, а когда вышли деньги, заложилъ драгоцѣнности и перечеканилъ серебряную утварь; наконецъ, видя истощеніе и этихъ средствъ, онъ сдѣлалъ кожанныя деньги, которыя потомъ выкупилъ добычею Фаэнцы. Такимъ образомъ онъ заставилъ городъ сдаться (1231 г.)

Завоеванія Фридриха поставили папу въ очень затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ самой коллегіи кардиналовъ не всѣ члены были ему преданы. Въ этой крайности, онъ рѣшился подкрѣпить себя представителями всего европейскаго духовенства и обратить свое дѣло — въ дѣло цѣлаго христіанства. Для этого онъ назначилъ въ 1241 г. церковный соборъ въ Римѣ, разсчитывая особенно на французское духовенство. Фридрихъ протестовалъ передъ французскимъ королемъ и объявилъ, что при всемъ уваженіи къ международнымъ правамъ, онъ не пропустилъ черезъ свои владѣнія ни одно духовное лицо, ѣдущее въ Римъ. Тогда генуэзцы предложили французскимъ кардиналамъ и епископамъ свой флотъ, но Фридрихъ, при помощи пизанцевъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ корабли вмѣстѣ съ находившимися на нихъ духовными, и держалъ ихъ подъ строгимъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока это было нужно для его плановъ. Они еще были въ плѣну, когда умеръ Григорій (августъ 1241 г.). Въ то время какъ императоръ враждовалъ съ папой, Германіи угрожали, съ востока, страшныя монгольскія орды (стр. 102); но Фридрихъ, думавшій только объ итальянскихъ дѣлахъ, не предпринималъ противъ нихъ никакихъ мѣръ; въ его письмахъ находятъ даже откровенныя признанія, что онъ вовсе не чувствуетъ желанія защищать христіанъ отъ язычниковъ, пока глава церкви досаждаетъ ему больше всѣхъ татаръ.

По смерти Григорія, Фридрихъ, по просьбѣ римскихъ кардиналовъ, отпустилъ на поруки двухъ плѣнныхъ товарищей ихъ для того, чтобъ дать имъ возможность участвовать въ выборѣ новаго папы. Не смотря на то, конклавъ состоялъ всего изъ десяти лицъ. Съ большимъ трудомъ произвелъ онъ выборъ въ октябрѣ, но новый папа умеръ черезъ нѣсколько недѣль. Тогда, стѣсненные и несогласные между собою кардиналы, въ теченіе двухъ лѣтъ не могли сдѣлать выбора, не смотря на то, что положеніе церкви тревожило цѣлую Европу и что не только Фридрихъ, но даже благочестивый Людовикъ IX дѣлали имъ жесточайшіе упреки. Въ эту пору блистательно выказалось могущество ломбардскихъ городовъ: лишенные папской помощи, тѣснимые съ одной стороны страшнымъ Эццелино, а съ другой королемъ Энціо и вторымъ побочнымъ сыномъ императора, Фридрихомъ Антіохійскимъ, правителемъ Тосканы, они успѣшно отражали всѣ нападенія.

Наконецъ въ іюнѣ 1243 г. состоялся выборъ и палъ на генуэзца Синибальда Фіеско, изъ фамиліи графовъ Лаванья. Новый папа, еще находившійся въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, принялъ имя Иннокентія IV, потому что держался тѣхъ же началъ, какъ Иннокентій III. Фридрихъ вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры, но папа, пользуясь этимъ, бѣжалъ въ Геную, а оттуда въ Ліонъ. Этотъ городъ былъ отличнымъ мѣстомъ для духовныхъ нападеній на Фридриха, составляя тогда родъ республики, находившейся подъ вліяніемъ французскаго короля и мѣстнаго архіепископа, такъ что трудно было опредѣлить, принадлежитъ ли онъ къ германскому Арелату, или къ французскому королевству. Пріѣхавъ въ Ліонъ, Иннокентій назначилъ соборъ, въ Ивановъ день 1245 г., для суда надъ императоромъ. Фридрихъ протестовалъ противъ притязаній духовенства вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла и, для подкрѣпленія протеста, отправилъ въ Ліонъ посольство, во главѣ котораго стоялъ его придворный судья, Таддео ди Суесса, превосходный юристъ и адвокатъ, человѣкъ необыкновенно остроумный и отлично знакомый съ положеніемъ дѣлъ. Самъ онъ также сдѣлалъ видъ, будто хочетъ ѣхать въ Ліонъ, но доѣхалъ только до Турина. Таддео защищалъ императора на соборѣ всею силою своего необыкновеннаго дара. Ограничиваясь юридической стороной вопроса, онъ доказывалъ, что папа, имѣя власть отпускать и вязать грѣхи и полномочіе помазывать и короновать императора, столь же мало имѣетъ права судить и свергать его, какъ епископъ какой-либо страны коронованнаго имъ короля. Онъ былъ такъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, что его рѣчь не разъ прерывалась рыданіями представителей церкви; однако все это не помогло. Иннокентій тутъ же произнесъ надъ императоромъ проклятіе, не давъ ему даже законной отсрочки; собраніе выслушало его молча, и, такимъ образомъ, это рѣшеніе было освящено согласіемъ всего христіанства.

Отлученіе отъ церкви, само по себѣ, не имѣло значенія для Фридриха, но за то ему чрезвычайно вредили энергія и неутомимая дѣятельность папы. Въ сѣверной Италіи папскій легатъ, кардиналъ Григорій ди Монтелонго, сталъ

во главѣ гвельфовъ и надѣлалъ много хлопотъ приверженцамъ императора; самъ Иннокентій поддерживалъ своихъ сторонниковъ деньгами, получаемыми въ большомъ количествѣ изъ Англіи, возбуждалъ волненія въ Германіи, вѣроломно вывѣдывалъ тайны императорскаго кабинета и подкупалъ вѣрнѣйшихъ слугъ Фридриха. Даже Петръ Девинь черезъ нѣсколько лѣтъ передался папѣ, и Фридрихъ подозрѣвалъ канцлера, вмѣстѣ съ докторомъ, въ намѣреніи отравить его; однако, Данте, въ пѣсни своего Ада, посвященной великому канцлеру, опровергалъ это обвиненіе. Трудно сказать положительно, какъ было дѣло, но достовѣрно то, что Фридрихъ, подъ конецъ жизни, заключилъ въ темницу своего вѣрнѣйшаго слугу и лучшаго чиновника, и что тотъ самъ лишилъ себя жизни. Въ Германіи майнцскій архіепископъ Зигфридъ игралъ туже роль, какъ въ Италіи Григорій ди Монтелонго. Составивъ партію изъ враговъ Фридриха, онъ, при помощи папскихъ денегъ, склонилъ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ князей къ избранію новаго императора и убѣдилъ своего богомольнаго сосѣда, ландграфа тюрингскаго, Генриха Распе, принять предложенный титулъ (1246 г.).

Фридрихъ съ своей стороны дѣйствовалъ противъ папы съ неменьшею хитростью и беззастѣнчивостью. Онъ громко высказывалъ въ своихъ манифестахъ мысль, принятую въ началѣ слѣдующаго столѣтія Данте, что владѣніе свѣтскими имуществами и правами развратило духовенство и что для исправленія зла свѣтская власть должна обратить церковь въ первобытное состояніе. Желая показать примѣръ, онъ лишилъ духовенство въ своихъ владѣніяхъ привилегированнаго суда, сдѣлавъ его подсудимымъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ, и потребовалъ такого же распоряженія отъ другихъ князей. Особенно безпощадно преслѣдовалъ онъ доминиканскихъ монаховъ, которыхъ, по ихъ ученности и образу дѣйствій, можно назвать іезуитами среднихъ вѣковъ и которые составляли главную опору папы, неистово проповѣдуя противъ императора. Францисканцевъ, напротивъ, онъ поддерживалъ, такъ какъ они враждовали съ папой, запретившимъ имъ, по просьбѣ приходскихъ священниковъ, вмѣшиваться въ приходскія дѣла, и принадлежали къ партіи императора; генералъ ихъ ордена, Илія, непосредственный преемникъ святаго Франциска, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха. Благочестиваго французскаго короля Людовика IX, готовившагося къ крестовому походу, Фридрихъ увѣрилъ, что желаетъ поручить ему устроить примиреніе между нимъ и папой; добрый король лично поспѣшилъ къ Иннокентію, но получилъ отказъ на свои предложенія и уѣхалъ отъ него съ неудовольствіемъ, не будучи въ состояніи понять такой непримиримой вражды въ главѣ церкви. Императоръ съумѣлъ извлечь выгоду изъ упорства папы и поставилъ прямаго, откровеннаго короля въ такія отношенія къ злобному папѣ, что тотъ написалъ Людовику, что не нуждается въ его содѣйствіи и помощи. Фридрихъ же остался съ Людовикомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и во время его похода (лѣтомъ 1248 г.) послалъ ему изъ Сициліи въ Кипръ и Палестину значительные запасы хлѣба. Все это до того возстановило французовъ противъ папы, что часть аристократіи, принимая воззрѣнія Фридриха, издала противъ теократической системы папы манифестъ, въ которомъ объявлялось, что подсудность благородныхъ и князей духовенству, происходившему, большею частью, изъ низшихъ классовъ, несовмѣстна съ древними правами дворянства, а притязаніямъ духовенства противопоставлялось божественное изрѣченіе: воздадите кесарево кесарю, какъ имѣющее силу и въ отношеніи государей-язычниковъ. Въ Германіи, почти всѣ свѣтскіе князья были на сторонѣ Фридриха, такъ что ему не доставало только согласія англичанъ, чтобъ имѣть въ Европѣ болѣе значенія, чѣмъ папа. Англичане были весьма не расположены къ императору, особенно послѣ ліонскаго собора. Но самъ Иннокентій дѣйствовалъ въ его пользу. Онъ уже давно вытягивалъ изъ Англіи большую часть нужныхъ ему денегъ, а подъ конецъ, разсчитывая на ничтожество Генриха III, до того увеличилъ поборы, что привелъ въ ярость все англійское духовенство. Фридрихъ не пропустилъ этой удобной минуты и,ославъ въ Англію уполномоченнаго, успѣлъ отвлечь отъ папы все духовенство.

Иннокентій, между тѣмъ, продолжалъ дѣятельно и хитро волновать христіанство противъ императора. Онъ устроилъ, по смерти Генриха Распе (1247 г.), выборъ новаго короля, Вильгельма Голландскаго, посылалъ депутаціи въ Испанію и Норвегію, чтобы и тамъ создать враговъ Фридриху, убѣждалъ

чрезъ легатовъ, ломбардцевъ ни за что не соглашаться на миръ, возмущалъ неаполитанцевъ и сицилійцевъ и даже пронзвелъ между ними возстаніе, подавленное Фридрихомъ съ страшною жестокостью. Опаснѣе всего были для императора ломбардцы, сражавшіеся такъ упорно и съ такимъ счастьемъ, что, безъ помощи Эццелино, онъ потерялъ бы всю верхнюю Италію. Лѣтомъ 1247 г., гвельфамъ удалось овладѣть Пармою; Фридрихъ лично двинулся противъ нихъ, обложилъ Парму, но, чтобъ вѣрнѣе взять ее, построилъ рядомъ новый городъ, названный Витторіей (Vittoria· побѣда). Въ этомъ новомъ городѣ расположилось войско, хранились значительные склады продовольствія, оружіе и всѣ сокровища. Въ одно изъ его случайныхъ отсутствій, жители Пармы, сдѣлавъ нечаянную вылазку, овладѣли, съ помощью измѣны, Витторіей, сожгли ее и разсѣяли войско, понесшее при этомъ огромную потерю. Побѣдителямъ досталось множество оружія и драгоцѣнностей, а для Фридриха пораженіе это было тѣмъ тягостнѣе, что его Таддео ди Суесса, тяжело раненый, попался въ плѣнъ и былъ безчеловѣчно убитъ непріятелемъ. Такимъ образомъ судьба похитила у Фридриха одного изъ лучшихъ слугъ, въ то самое время, какъ онъ долженъ былъ заключить въ тюрьму своего канцлера. Вскорѣ (1249 г.) онъ лишился и сына, Энціо, который былъ для него въ войскѣ тѣмъ же, чѣмъ Таддео ди Суесса и Петръ Девинь въ кабинетѣ. Энціо былъ взятъ въ плѣнъ болонцами, и они придавали такое значеніе его талантамъ, что не не соглашались освободить его ни подъ какими условіями. Ему было въ то время 24 года, и онъ оставался плѣнникомъ до самой смерти, послѣдовавшей чрезъ 23 года; впрочемъ плѣнъ его былъ довольно сносенъ. Потеря сына была тяжкимъ ударомъ и для плановъ, и для сердца Фридриха. Онъ вскорѣ предоставилъ Ломбардію свирѣпому Эццелино, а самъ, удалившись въ Неаполь, захворалъ тамъ и умеръ въ концѣ слѣдующаго года (1250 г.). Иннокентій принялъ съ восторгомъ извѣстіе о его смерти и торжественно объявилъ о ней міру, какъ о событіи, радостномъ для неба и земли и доказательствѣ божеской мести. Цистерцинцы увѣряли, будто Фридрихъ, передъ смертью, съ раскаяніемъ обратился къ ихъ ордену и вымолилъ у одного итальянскаго архіепископа снятіе съ себя отлученія; но это неизвѣстно и весьма неправдоподобно. Во всякомъ случаѣ, изъ завѣщанія, писаннаго имъ за нѣсколько дней до смерти, видно, что онъ не отказался отъ своихъ императорскихъ правъ и предоставлялъ церкви только то, что всегда признавалъ за нею. Хотя въ важнѣйшемъ пунктѣ завѣщанія и сказано: «святой римской церкви, нашей матери, должно быть возвращены всѣ ея права», но къ этому слѣдуетъ добавленіе: «отнюдь не нарушая ни въ какомъ отношеніи, чести и правъ государства нашихъ наслѣдниковъ и подданныхъ въ томъ предположеніи, что и сама церковь возстановитъ всѣ права государства.» Лучше всѣхъ надѣленъ былъ, по завѣщанію, побочный сынъ Фридриха, Манфредъ; хотя главнымъ наслѣдникомъ оставался старшій изъ двухъ законныхъ сыновей, Конрадъ IV, но Манфреду досталось тарентское княжество съ весьма обширными владѣніями, предоставлялось быть, въ отсутствіи Конрада, правителемъ Италіи со всевозможными полномочіями, даже правомъ безвозвратнаго даренія земель, а въ случаѣ бездѣтной смерти обоихъ законныхъ сыновей, Конрада и Генриха, назначалось все наслѣдство. Генриху, сыну императора отъ послѣдней жены, англійской принцесы Изабеллы, было завѣщано сто тысячъ унцій золота и пустой королевскій титулъ, то есть, по выбору Конрада, арелатское или іерусалимское королевство. Малолѣтній внукъ Фридриха, сынъ старшаго, непокорнаго Генриха, умершаго за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, получилъ царство на лунѣ. Ему назначалось герцогство Австрія, въ которомъ, со смертью Фридриха Воинственнаго, пресѣклась владѣтельная фамилія Бебенберговъ (т. II. стр. 525); но объ исполненіи этой статьи завѣщанія нечего было и думать, такъ какъ многіе сильные князья изъявляли притязаніе на герцогство, взятое императоромъ, какъ выморочный ленъ, а сами австрійцы не хотѣли и слышать о присоединеніи къ императорскимъ владѣніямъ. Впрочемъ, молодой Фридрихъ умеръ черезъ два года послѣ дѣда. Жителей неаполитано-сицилійскаго королевства императоръ хотѣлъ успокоить, предписавъ, особой статьей завѣщанія, возвратить имъ права, которыми они пользовались при Вильгельмѣ II, слѣдовательно, отмѣняя всѣ свои тягостныя нововведенія.

6. Италія отъ смерти Фридриха II до смерти Манфреда.

По смерти Фридриха, въ южной Италіи вспыхнуло сильное возстаніе, возбужденное папой, все еще находившимся въ Ліонѣ; Конрадъ IV былъ въ Германіи, и такимъ образомъ Манфреду, сдѣлавшемуся правителемъ, представился случай выказать свои дарованія. Живой портретъ отца, онъ, не смотря на свои 18 лѣтъ, обнаружилъ много энергіи и искусства. Вмѣсто того, чтобъ идти на возмутившіеся кампанскіе города Неаполь, Аверсу, Нолу и Капую, онъ весьма благоразумно двинулся въ Апулію, гдѣ жители Фоджіи, повидимому покорные, передали обязанности королевскаго судьи выборному комитету и составили съ папой союзъ, подобный ломбардскому. Манфредъ быстрыми и рѣшительными мѣрами взялъ на апулійскомъ прибрежьѣ возставшій городъ Бароли, срылъ его стѣны и такъ устрашилъ этимъ Фоджію и другіе апулійскіе города, что они добровольно покорились. Чтобъ задобрить сицплійцевъ, онъ послалъ къ нимъ своднаго брата, Генриха, сына англійской принцессы Изабеллы, и потомъ уже обратился противъ Кампаньи, гдѣ занялъ почти всѣ непокорные города. Между тѣмъ Иннокентій вернулся изъ Ліона въ Италію. Передъ отъѣздомъ онъ приказалъ монахамъ проповѣдывать въ Германіи кресторый походъ противъ Конрада, обѣщая всякому врагу императора тѣже права, какія церковь предоставила сражающимся противъ невѣрныхъ. Такимъ образомъ онъ переносилъ на совершенно невиннаго сына свою ненависть къ отцу. Однако его злоупотребленія духовною власть возстановили противъ духовенства всѣхъ благочестивыхъ людей, такъ что даже во Франціи стало обнаруживаться сильное неудовольствіе, и ереси, враждовавшія противъ духовенства, распространялись все болѣе и болѣе. За то въ Италіи, миланцы и ихъ гвельфскіе союзники встрѣтили папу съ восторгомъ (лѣтомъ 1251 г.). Сначала онъ не рѣшался ѣхать въ Римъ, такъ какъ римляне уже прежде съ угрозами требовали его возвращенія, и, вслѣдствіе отказа, поставили въ главѣ управленія сенатора, которымъ выбрали болонца Бранкалеоне, гибеллина и друга Эццелино. Однако въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ отправиться въ Римъ, чтобы не лишиться окончательно столицы.

Почти одновременно съ Иннокентіемъ рѣшился ѣхать въ Италію и Конрадъ IV. Ему хотѣлось вступить во владѣнія итальянскимъ наслѣдствомъ, такъ какъ нѣмецкія владѣнія Гогенштауфеновъ, доходами съ которыхъ приходилось жить, были почти всѣ розданы, и вообще положеніе дѣлъ въ Германіи не обѣщало обширной и прочной власти. Пріѣхавъ въ Италію нѣсколькими мѣсяцами позже папы, онъ не могъ проѣхать черезъ Ломбардію и отправился моремъ въ Апулію. Здѣсь Манфредъ уже подавилъ возстаніе, а онъ уничтожилъ его остатки взятіемъ Неаполя, въ которомъ срылъ стѣнъ и казнилъ или изгналъ главныхъ виновниковъ. Поступая жестоко съ Неаполемъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ несправедливъ и недовѣрчивъ къ Манфреду и высокомѣрно обращался съ папой, передъ которымъ сначала смирился. Конрадъ отнялъ у Манфреда часть наслѣдства, отмѣнилъ многія изъ его распоряженій и оскорблялъ его въ друзьяхъ и и приверженцахъ, стараясь, въ тоже время, умилостивить папу важными уступками. Но Иннокентій отвергнулъ всѣ его предложенія, упорно отказывалъ, какъ сюзеренъ, утвердить его во владѣніи южною Италіею и думалъ передать сицилійское королевство кому-нибудь другому, или вовсе упразднить его, раздѣливъ на нѣсколько княжествъ и республикъ. Видя неуспѣхъ своихъ стараній, Конрадъ прервалъ переговоры, собралъ значительную сумму денегъ, навербовалъ войско и хотѣлъ вернуться въ Германію, но вскорѣ умеръ (1254 г.). Во время его пребыванія въ Италіи, внезапно умерли его племянникъ Фридрихъ и единственный братъ Генрихъ, такъ что распространился слухъ, будто онъотправилъ ихъ; но, повидимому, это несправедливо. Точно также послѣ его смерти говорили, что онъ отправленъ Манфредомъ.

Конрадъ оставилъ двухлѣтняго сына, названнаго впослѣдствіи Конрадиномъ, то есть маленькимъ Конрадомъ. Опекуномъ малолѣтняго короля онъ назначилъ не Манфреда, а маркграфа Бертольда Гохбергскаго. Манфредъ, по-

видимому, не ропталъ на это, зная, что при ненависти итальянцевъ къ нѣмцамъ, Бертольдъ не удержится и регенство не минуетъ его рукъ. Дѣйствительно, Бертольдъ весьма скоро передалъ ему опеку. Тогда Иннокентій съ сильнымъ войскомъ вторгся въ неаполитанскіе предѣлы и былъ встрѣченъ всюду съ восторгомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдилъ германскаго короля, Вильгельма Голландскаго, напасть на владѣнія Бертольда въ Германіи, вслѣдствіе чего Бертольдъ и братъ его, Оттонъ, отпали отъ Манфреда и перешли на сторону папы. Въ верхней Италіи дѣла также приняли благопріятный для папы оборотъ. Противъ главнаго врага церкви уже собралось значительное крестоносное войско; но среди своего торжества Иннокентій, умеръ (декабрь 1254 г.). Францисканцы, нѣкогда послушныя орудія римскаго двора, но потомъ разсорившіеся съ нимъ за запрещеніе вмѣшиваться въ приходскія дѣла, жестоко бранили умершаго папу и въ доказательство божескаго гнѣва на него приводили то, что у него передъ смертью отнялся языкъ; такимъ образомъ, они отмстили ему за свой орденъ тѣмъ же, чѣмъ онъ мстилъ Фридриху.

Преемникъ Иннокентія, и **Александръ IV**, во всемъ слѣдовалъ своему предшественнику. Самое имя, обнаруживало принятые имъ честолюбивые замыслы (т. II. стр. 686). Главною его заботою было уничтожить опаснѣйшаго врага церкви, Манфреда, старавшагося возвратить себѣ владѣнія. Папѣ дѣятельно помогалъ англійскій король, Генрихъ III, сыну котораго, Эдмунду, Иннокентій подарилъ сицилійское королевство и который за то жертвовалъ не только собственными деньгами, но и тѣми, которыя выжималъ у подданныхъ, церквей и монастырей. Александру не удалось осуществить своихъ плановъ: онъ долженъ былъ уступить оружію Манфреда и сверхъ того былъ выгнанъ изъ Рима. Римляне продолжили срокъ власти своему мужественному подестѣ Бранкалеоне, который энергически наблюдалъ за порядкомъ: срылъ въ городѣ и его окрестностямъ всѣ башни и замки, гдѣ дворянство хранило награбленную добычу, и вѣшалъ всѣхъ феодаловъ, позволявшихъ себѣ насилія. Это сильно возстановило противъ него аристократію и духовенство, которыя успѣли поколебать его вліяніе на непостоянный народъ и заключили его въ темницу (1255 г.). Новый подеста, брешіанецъ Маджи, дѣйствовалъ такъ деспотически, что народъ возсталъ противъ него, освободилъ Бранкалеоне и возвратилъ ему власть. Бранкалеоне продолжалъ управлять по прежнему, и за то былъ отлученъ папою отъ церкви; тогда народъ снова взволновался, хотѣлъ умертвить папу и кардиналовъ, принудилъ Александра бѣжать изъ Рима (1258 г.). Бранкалеоне вскорѣ умеръ; но подестою избрали его дядю, такъ что Александру невозможно было вернуться. Въ это время, Манфредъ успѣлъ завоевать все неаполитанское королевство и, вслѣдствіе распущеннаго слуха о смерти Конрадина, былъ провозглашенъ королемъ (1258 г.). Принявъ королевскій титулъ, онъ уже самъ отстранилъ права законнаго наслѣдника и отвѣчалъ посольству, присланному родными Конрадина, что онъ оружіемъ отстоялъ сицилійское королевство противъ двухъ папъ и, слѣдовательно, Конрадинъ потерялъ на него всякое право, что сверхъ того ни папа, ни жители не допустятъ больше нѣмецкаго владычества; но что онъ, Манфредъ, беретъ корону только пожизненно и передастъ ее Конрадину, если его тотчасъ пришлютъ въ Неаполь и воспитаютъ какъ итальянца.

Между тѣмъ, въ верхней Италіи власть Эццелино была уничтожена соединенными силами многихъ князей и городовъ; побѣдители его, особенно сильнѣйшіе изъ нихъ, **Палавичини** и **Буозоди Доара**, вмѣстѣ со многими гибеллинами, приняли сторону Манфреда. За него объявили себя и тосканскіе гибеллины; съ ними соединились и гибеллины, изгнанные изъ Флоренціи, и съ помощью Манфреда нанесли флорентинскимъ гвельфамъ такое жестокое пораженіе при Монтаперто, что ихъ противники были принуждены уступить имъ городъ. Тогда самъ папа сдѣлалъ шагъ къ примиренію, но требовалъ, какъ непремѣннаго условія мира, чтобы Манфредъ распустилъ мухаммеданское войско, подражая въ этомъ случаѣ волкамъ, предложившимъ союзъ овцамъ, съ тѣмъ чтобъ онѣ прогнали собакъ. Разумѣется, миръ не состоялся, и Александръ умеръ (1261 г.). Его преемникъ, **Урбанъ IV**, сталъ искать чужеземной помощи противъ ненавистнаго Манфреда и предложилъ его королевство брату французскаго короля,

Карлу Анжуйскому, владѣвшему, по женѣ, Прованcомъ. Это произвело въ Италіи перемѣны, имѣвшія большое вліяніе на ходъ событій средней и новой исторіи.

Провансъ, получившій съ этого времени такое же значеніе для политической исторіи южной Европы, какое имѣлъ прежде для культуры и поэзіи среднихъ вѣковъ, составлялъ, первоначально, часть арелатскаго королевства, потомъ распался на два графства, верхній и нижній Провансъ; первымъ, или собственно Прованcомъ, владѣлъ графъ арльскій (т. II стр. 552); второе обыкновенно называлось графствомъ Форкалькіе. Оба эти графства постоянно враждовали между собою. Въ каждомъ изъ нихъ было много мелкихъ владѣтлей и городовъ, имѣвшихъ республиканское устройство и неохотно повиновавшихся графамъ; на первомъ планѣ стояли города Э, Арль, Марсель, феодальные владѣтели де Сабранъ и де Бо. Рыцарство, поэзія, изящество манеръ, отсутствіе грубости и пьянства и чрезмѣрная вѣжливость къ женщинамъ были отличительными чертами характера провансальцевъ. Все это еще усилилось, когда въ 1167 г. верхній Провансъ достался въ приданное королевскому дому Кастиліи и Арагоніи и такимъ образомъ, власть надъ двумя лучшими и образованнѣйшими странами Европы соединилась въ однихъ рукахъ. Первый арагонскій король, владѣвшій верхнимъ Прованcомъ, Альфонсъ II или Альфонсъ I, графъ прованскій, жилъ въ Провансѣ чаще, нежели въ Арагоніи. Онъ отличался рыцарскимъ блескомъ и благородною щедростью, самъ былъ пѣвцомъ прославляемой тогда въ томъ краѣ платонической любви (т. II стр. 625) и не боялся состязаться, какъ рыцарь и трубадуръ, за безсмертную въ исторіи провансальскойп поэзіи Жордану Бренъ (Jordane Brun). При немъ еще больше прежняго процвѣтали искусства и состязались поэты, чаще и великолѣпнѣе были праздники и игры; въ его царствованіе происходило кованіе въ Арлѣ Фридриха Барбароссы (1178 г.), сопровождавшееся столь же знаменитыми торжествами, какъ и майнцскій сеймъ этого императора (т. II стр. 692). По смерти Альфонса (1196) Арагонія и Каталонія достались одному изъ его сыновей, Петру II, а Провансъ другому—Альфонсу II, который женился на наслѣдницѣ графства Форкалькье и такимъ образомъ снова соединилъ обѣ части Прованса. При его сынѣ, Раймундѣ Беренгарѣ IV (1209—1245 г.), долго жившемъ въ Арагоніи у своего дяди и опекуна, Петра, въ Провансѣ происходили безпрестанныя волненія, давшія возможность императору Фридриху II возстановить тамъ нѣмецкое государство, почти уничтоженное при Оттонѣ IV. Распоряженія Фридриха въ Провансѣ были дурны. Дѣйствуя подъ вліяніемъ непріязни къ ломбардскимъ городамъ, онъ отмѣнилъ устройство, принятое, благодаря безсилію владѣльцевъ, прованскими городами и сдѣлавшее ихъ изъ муниципальныхъ вольными. Однако его предписанія такъ же мало исполнялись тамъ, какъ и въ Германіи. Феодальные владѣтели продолжали раздавать городамъ права, принимать, подъ извѣстными условіями, обязанности городскихъ старшинъ и соединяться съ однимъ городомъ противъ другаго; а города, съ своей стороны, заключали союзы и договоры, смотря по надобности, то съ друзьями, то съ врагами императора.

Не смотря на то, что города и владѣтели успѣли отстоять свою свободу и самостоятельность, Фридрихъ пользовался въ Провансѣ значительнымъ вліяніемъ. Оно уничтожилось вслѣдствіе не внутренняго движенія, а ненависти Григорія IX, который изъ-за личнаго раздора съ императоромъ вытѣснилъ нѣмецкое вліяніе и замѣнилъ его французскимъ. Сначала подъ предлогомъ ереси онъ на время присвоилъ себѣ графство Венессенъ, а затѣмъ его легаты стали захватывать мало-по-малу права, принадлежавшія императору, и достигли того, что города и владѣльцы стали искать суда не у него, а у французскаго короля. Окончательный перевѣсъ французскому вліянію надъ нѣмецкимъ дало замужество дочерей Раймунда Беренгара. Съ нимъ пресѣклась мужская линія арагонскихъ владѣтелей Прованса, но у него было четыре дочери, изъ которыхъ старшая вышла замужъ за Людовика Святаго, вторая за англійскаго короля Генриха II, третья за его брата, Ричарда Корнваллійскаго, впослѣдствіи германскаго императора, а четвертую, Беатрису, онъ сдѣлалъ, по завѣщанію, наслѣдницей Прованса и назначилъ въ замужество послѣднему тулузскому графу Раймунду (стр. 113). Присоединивъ Провансъ къ своимъ владѣніямъ, Раймундъ сдѣлался бы обладателемъ одного изъ лучшихъ государствъ Европы; но судьба преслѣдовала его до конца. Съ нимъ враждовали оба человѣка, управлявшіе Прованcомъ по смерти

Раймунда Беренгара, Роме де Вилльневъ и Альбертъ де Тарраскономъ; они, вмѣстѣ съ вдовою Беренгара и французскою королевою, устроили бракъ Беатрисы съ братомъ короля, Карломъ Анжуйскимъ, и обманывали Раймунда подъ разными предлогами до тѣхъ поръ, пока не склонили голосовъ государственныхъ сословій въ пользу французскаго принца, и тогда уже прямо объявили недѣйствительнымъ посмертное распоряженіе Беренгара. Такимъ образомъ, Карлъ Анжуйскій, женившись на Беатрисѣ (1246 г.), сдѣлался владѣтелемъ Прованса. Какъ человѣкъ весьма дѣятельный, онъ съ самаго начала захватилъ власть въ свои руки и обратилъ вольные города въ муниципіи; въ этомъ ему много помогло предательство арльскаго архіепископа и другихъ духовныхъ, считавшихъ выгоднымъ дѣйствовать съ нимъ заодно. Вскорѣ власть его распространилась на піемонтскіе города и даже на Александрію, Парму и Піаченцу, просившіе у него покровительства. Къ этому ихъ побудили, вѣроятно, отношенія провансальскихъ горожанъ къ рыцарству. Въ Провансѣ, какъ и въ Лангедокѣ, рыцарство пользовалось, правда, различными привилегіями, стѣснительными для прочихъ сословій, и не хотѣло знать никакихъ обязанностей, кромѣ военной службы, такъ что напр. горожане Бо были обязаны ручаться за каждый заемъ своего владѣльца и отдавать въ пользованіе его людямъ свои поля и сады; а, наоборотъ, каждый благородный, самъ пахавшій свои земли или не владѣвшій оружіемъ до тридцатилѣтняго возраста, причислялся къ податному состоянію; но это не мѣшало высшей буржуазіи стоять почти на равной ногѣ съ дворянствомъ и даже удостоиваться, безъ большихъ затрудненій, посвященія въ рыцарство.

Когда Карлъ мало-по-малу увеличилъ свое могущество въ южной Франціи, ему открылись блистательные виды на нижнюю Италію. Переговоры римскаго двора съ англійскимъ принцемъ Эдмундомъ не имѣли успѣха, и потому Урбанъ IV предложилъ сицилійское королевство Людовику IX для одного изъ его сыновей; но Людовикъ былъ слишкомъ благочестивъ и честенъ, чтобъ согласиться на захватъ чужихъ владѣній, и отклонилъ отъ себя всякое вмѣшательство въ сицилійскія дѣла. Тогда папа обратился къ Карлу Анжуйскому, который съ радостью принялъ его предложеніе (1262 г.). Завязавъ съ нимъ переговоры, Урбанъ потребовалъ къ себѣ на судъ Манфреда, надѣясь имѣть случай оправдать свои дѣйствія въ глазахъ свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать Карла своимъ орудіемъ на возможно выгодныхъ условіяхъ. Ни то, ни другое не удалось. Манфредъ послалъ за себя уполномоченнаго и изъявилъ готовность явиться лично, если получитъ достаточныя гарантіи въ безопасности, а Карлъ былъ не такъ простъ, чтобъ вдаться въ обманъ. Переговоры съ нимъ такъ затянулись, что наконецъ Урбанъ отказался даже отъ огромной ленной подати и поземельной уступки, которыхъ требовалъ за королевства, а послѣ его смерти (1264 г.) договоръ съ Карломъ былъ заключенъ совсѣмъ на иныхъ условіяхъ (1265 г.). Незадолго до смерти Урбана, въ Римѣ произошла перемѣна, отъ которой легко могъ измѣниться весь ходъ сицилійскихъ дѣлъ. Римляне рѣшились снова поставить во главѣ управленія сенатора и колебались между Петромъ III Арагонскимъ, Манфредомъ и Карломъ Анжуйскимъ; наконецъ, большинство высказалось въ пользу Карла. Папа былъ недоволенъ выборомъ, но ему хотѣлось, чтобы Карлъ принялъ власть на время, пока въ Римѣ не водворится порядокъ; римляне же выбрали его пожизненно. Потому Урбанъ вступилъ съ нимъ въ тайные переговоры и заранѣе развязалъ отъ присяги римлянамъ. Между тѣмъ партія Манфреда усилилась, и ему не стоило бы большаго труда занять Римъ и одержать перевѣсъ надъ папой въ его собственной столицѣ, если бы неаполитанскіе приверженцы его были надежнѣе; къ несчастью, онъ могъ довѣрять только нѣмецкимъ и мухаммеданскимъ наемникамъ. Не смотря на то, положеніе папы становилось все затруднительнѣе; отъ него отпала даже фамилія Аннибалески, постоянно державшая его сторону, такъ что, незадолго до смерти, онъ издалъ окружное посланіе, въ которомъ просилъ о помощи у всего христіанства. Пока происходили эти волненія въ папской области, Карлъ вовсе не готовился къ походу противъ Манфреда и не торопился заключать договора съ папой; притомъ сицилійское и французское духовенство сильно негодовали на папу за огромные поборы на военныя предпріятія. Таково было положеніе дѣлъ, когда умеръ Урбанъ и ему наслѣдовалъ провансалецъ Ги Фюлькади, подъ именемъ Климента IV.

Климентъ немедленно заключилъ договоръ съ Карломъ и обнародовалъ его вмѣстѣ съ другой буллой, въ которой объявлялось, что Эдмундъ Англійскій не имѣетъ и никогда не имѣлъ никакихъ правъ на сицилійское королевство. Карлъ сталъ серьезно готовиться къ походу и выступилъ въ маѣ 1265 г. Съ нимъ отправились храбрѣйшіе рыцари Франціи, почти все провансальское рыцарство и до 15 тысячъ пѣхоты, собранной папскими проповѣдниками, повидимому, для крестоваго похода и, подобно рыцарямъ, носившей кресты. Ни рыцари, ни пѣхотинцы не имѣли никакихъ средствъ существованія и, слѣдовательно, должны были жить тѣмъ, что получали отъ Карла и добывали грабежомъ; за то они и производили насилія, которыхъ даже нельзя было бы ожидать отъ крестоносцевъ. Раздѣливъ войско на два отряда, Карлъ отправился самъ съ избранными рыцарями моремъ, изъ Марсели, а остальныхъ послалъ сухимъ путемъ черезъ Альпы, въ Ломбардію. Манфредъ готовился къ борьбѣ также дѣятельно и сдѣлалъ все, что только требовали благоразуміе и осторожность; но съ самаго начала судьба была рѣшительно противъ него. Буря разрушила планъ его дѣйствій на морѣ, измѣна предала его въ Ломбардіи. Онъ сторожилъ Карла съ 80 кораблями у береговъ церковной области, но буря заставила его флотъ выйти въ открытое море, а корабли Карла прибыли къ тосканскому берегу, откуда онъ благополучно прибылъ въ Римъ; вслѣдъ затѣмъ и остальная часть его флота вошла въ устье Тибра. Измѣна сдѣлала въ верхней Италіи тоже, что стихіи въ средней. Ломбардскіе гибеллины собрали войско, чтобъ не пропустить непріятелей черезъ Ломбардію, и Манфредъ подкрѣпилъ его лучшею частью неаполитанской кавалеріи. Стоило только задержать непріятельское войско на нѣсколько мѣсяцевъ небольшими аттаками, занятіемъ нѣсколькихъ городовъ, отбитіемъ подвозовъ, и оно неминуемо разсѣялось бы отъ недостатка въ деньгахъ. Но этого даже и не пробовали, такъ что армія Карла прошла безъ всякаго препятствія черезъ Ломбардію и апенинскіе проходы въ Тоскану. Что бы ни говорили нѣкоторые писатели, виною этому была измѣна владѣтеля Кремоны, Буозо ди Доара, одного изъ главныхъ предводителей гибеллиновъ, человѣка алчнаго и вѣроломнаго. Современный флорентійскій историкъ, Маласпини, прямо обвиняетъ его въ измѣнѣ, и самъ Данте такъ мало сомнѣвался въ ней, что помѣстилъ Буозо рядомъ съ Люцифероомъ, представителемъ величайшаго отверженія, въ самой глубинѣ ада, гдѣ страждутъ во льдахъ Коцита и другіе извѣстные предатели. Сами соотечественники и друзья Буозо считали его виновнымъ. Кремонцы выгнали его изъ города и разрушили замки его родственниковъ, а впослѣдствіи онъ былъ изгнанъ даже изъ своего замка Ротеры, гдѣ хранилось его несмѣтное богатство, и умеръ бѣднымъ, всѣми покинутымъ и ненавидимымъ старикомъ.

Въ январѣ 1266 г. войско Карла прибыло къ Риму. У него самого уже не было ни денегъ, ни кредита, а папа, истощившій свои средства и заложившій даже церкви и монастыри, находился въ крайности. Эти обстоятельства и короткій срокъ службы рыцарей заставили Карла желать скорѣйшей развязки. Манфредъ былъ почти въ такомъ же положеніи, такъ какъ онъ не могъ сдерживать жаждавшихъ боя сарацинъ, а неаполитанцы трусили и измѣняли. Потому 26 февраля 1266 г. произошло рѣшительное сраженіе при Беневентѣ. До сраженія и во время боя Манфредъ выказалъ мужество, достойное прадѣда, и таланты, которые сдѣлали бы честь самому Фридриху II; но счастье было до того враждебно къ нему, что ему оставалось только искать славной смерти. Гибеллины верхней и средней Италіи не прислали ему помощи, тогда какъ непріятель былъ поддержанъ всѣми силами гвельфовъ. Нѣмцы и мусульмане дрались геройски, и побѣда осталась бы за Манфредомъ, хотя противъ него стояла лучшая часть французскаго рыцарства, если бы не измѣнили неаполитанцы. Когда все было потеряно, онъ могъ еще спастись бѣгствомъ, но объявилъ друзьямъ, что предпочитаетъ смерть на полѣ битвы изгнанію и бѣдности; Манфредъ палъ, храбро сражаясь, и своей смертью пріобрѣлъ больше славы, чѣмъ его противникъ блескомъ побѣды и вновь пріобрѣтеннаго господства. Карлъ отказалъ ему въ погребеніи, какъ еретику, и велѣлъ зарыть его тѣло у беневентскаго моста; однако французы почтили мужество павшаго противника, сложивъ надъ могилой груду камней. Но геройская смерть, тронувшая сердце суровыхъ воиновъ, ожесточила мстительнаго монаха. Архіепископъ Козенцы, Пиньятелли, сопровождавшій провансальцевъ въ качествѣ

папскаго легата, предалъ Манфреда послѣ смерти проклятію и приказалъ вырыть трупъ, разорвать его на части и разбросать въ мрачной долинѣ рѣки Верде. За то Данте вмѣсто этой тлѣнной кучи камней въ своихъ божественныхъ стихахъ воздвигнулъ несчастному, но увѣнчанному славой Гогенштауфену бесмертный памятникъ, трогательно сравнивъ милосердіе Бога съ холодной жестокостью того, кто зовется его намѣстникомъ на землѣ. Истинные друзья Манфреда — конечно не неаполитанцы — также доказали свою привязанность къ нему. Когда нашли тѣло Манфреда, и Карлъ, желая удостовѣриться въ его смерти, призвалъ плѣнныхъ бароновъ, графъ Іорданъ закрылъ лицо руками и съ отчаяніемъ воскликнулъ: «увы! что я вижу!» — «Любовь, прибавляетъ разскащикъ этого происшествія, всесильная и не боится ни лица побѣдителя, ни оружія побѣдоносныхъ воиновъ, ни мученій, ни тюрьмы, ни смерти.»

7. Неаполь и Сицилія при первыхъ короляхъ анжуйской династіи.

Сраженіе при Беневентѣ рѣшило судьбу сицилійскаго королевства и сдѣлала Карла властелиномъ Италіи. Онъ царствовалъ надъ южной Италіей; въ Тосканѣ его слово считалось закономъ, а одинъ изъ его вассаловъ, Барраль де Бо, былъ миланскимъ подестою. Впрочемъ папа, считавшій опаснымъ такое могущество, заставилъ Барраля сложить съ себя званіе подесты и тѣмъ на время ослабилъ вліяніе Карла въ Ломбардіи. Новое правленіе въ сицилійскомъ королевствѣ началось страшными жестокостями противъ жителей Беневента. Не смотря на ихъ добровольное подчиненіе, побѣдители позволяли себѣ всевозможныя насплія и неистовствовали въ теченіе восьми дней, не щадя ни пола и возраста, ни церквей и монастырей. Карлъ отдалъ на расхищеніе своему войску и другіе города, а себѣ присвоилъ всѣ имѣнія изгнанниковъ. Вообще онъ поступалъ такъ, что скоро даже предатели неаполитанцы увидѣли, какъ жестоко ошиблись они въ разсчетахъ, тѣмъ болѣе, что Конрадъ и Манфредъ уже отмѣнили самыя стѣснительныя изъ постановленій Фридриха II. По условію съ папой, Карлъ долженъ былъ возстановить старый порядокъ временъ двухъ первыхъ Вильгельмовъ; но хитрый французъ даже не помышлялъ объ этомъ. Подобно Вильгельму Завоевателю (стр. 8), онъ захватилъ почти всѣ старинныя имѣнія, обратилъ ихъ въ новыя бароніи и роздалъ своимъ нищимъ провансальцамъ, предоставивъ имъ права, которыхъ никогда не имѣли норманнскіе бароны надъ сицилійскими гражданами, и которыми онъ, по закону, вовсе не могъ распоряжаться. Сохранивъ въ силѣ всѣ стѣснительныя постановленія Гогенштауфеновъ, онъ прибавилъ къ нимъ притѣсненія собственнаго изобрѣтенія и такимъ образомъ — употребляя многозначительное новѣйшее выраженіе — организовалъ государство по своему. При Фридрихѣ представители сословій имѣли хоть какое-нибудь значеніе, — при немъ они не значили ничего. Главной отраслью управленія остались, по прежнему, финансы, но налоги сдѣлались еще обременительнѣе, права муниципій и корпорацій были попраны и возникло новое бюрократическое государство, въ которомъ одинъ чиновникъ тиранилъ другаго, а всѣ они вмѣстѣ тиранили народъ. Цѣлыя стаи таможенныхъ, акцизныхъ сборщиковъ, управляющихъ государственными имуществами, инспекторовъ гаваней и канцелярскихъ чиновниковъ высасывали кровь народа, а во главѣ ихъ стоялъ министръ финансовъ, изъ фамиліи амальфійскихъ ростовщиковъ. Неаполитанцы и сицилійцы скоро почувствовали весь гнетъ новаго деспотизма и стали жалѣть о Манфредѣ, который, по выраженію Маласпини, считался при жизни волкомъ, а тогда казался кроткимъ агнцемъ. Манфредъ бралъ у нихъ половину достоянія, при Карлѣ Анжуйскомъ чужеземные властители отнимали у нихъ все, даже личную свободу. Самъ папа увидѣлъ, что передалъ императорскія права тирану, и въ письмахъ къ Карлу громко жаловался на его несправедливости и угнетенія; самые преданные папѣ и благочестивые люди увидали, изъ примѣра Карла, къ чему ведетъ безбожная система римской іерархіи, не воздающая кесарю кесарева, но за то требующая божьяго для порочнаго человѣка, носящаго тіару.

Вся Италія скоро почувствовала, что грубость и неуслужливость нѣмцевъ, соединенныя съ нѣмецкимъ добродушіемъ, сноснѣе властолюбія, алчности и безсердечнаго тщеславія французовъ; тогда со всѣхъ сторонъ стали просить молодаго Конрадина, жившаго со смерти отца у своего благороднаго дяди, герцога баварскаго, Людовика, сдѣлать попытку вернуть отцовское наслѣдство. Тосканскіе гибеллины, тѣснимые гвельфами, послали ему 100 т. золотыхъ, а неаполитанскіе изгнанники увѣрили, что все бросится ему на встрѣчу. Несчастный юноша, вопреки совѣтамъ матери и дяди, увлекся этими увѣреніями и счелъ возможнымъ, безъ денегъ и безъ войска, совершить то, чего съ трудомъ достигъ Карлъ, владѣтель Прованса, союзникъ папы и гвельфовъ, поддерживаемый цвѣтомъ провансальскаго и французскаго рыцарства, королемъ Франціи и всѣми силами церкви! Правда, онъ безъ труда прошелъ черезъ Альпы, такъ какъ владѣтель Тироля незадолго до того женился на его матери, и вначалѣ имѣлъ до 10 т. рыцарей и нѣсколько тысячъ пѣхоты, но уже въ Веронѣ значительная часть его войска разошлась, потому что у него не было денегъ. Единственный человѣкъ, отъ котораго онъ могъ бы получить дѣйствительную помощь, Людовикъ Баварскій, постоянно воевалъ съ чешскимъ королемъ Оттокаромъ I, завладѣвшимъ всею Австріей и частью Баваріи и заключившимъ союзъ съ папою и Карломъ Анжуйскимъ.

Пылкому Конрадину сопутствовалъ его вѣрный Пиладъ, Фридрихъ Баденскій, сынъ баденскаго маркграфа Германа, имѣвшій притязанія на Австрію, по женѣ принцессѣ изъ фамиліи Бабенберговъ, но отстраненный могущественнымъ Оттокаромъ. Въ Италіи къ нему присоединились два отважные принца, Генрихъ и Фридрихъ, братья кастильскаго короля и германскаго императора, Альфонса X. Оба они начали свою карьеру тѣмъ, что отправились въ Тунисъ, продали свои услуги мухаммеданамъ, нажили тамъ огромное богатство и совершенно одичали. У одного изъ нихъ, Генриха, сдѣлалъ заемъ постоянно нуждавшійся въ деньгагъ Карлъ Анжуйскій, обѣщавъ за то островъ Сардинію; но, не имѣя возможности выполнить обѣщаніе, онъ доставилъ ему достоинство римскаго сенатора, отъ котораго самъ принужденъ былъ отказаться по настоянію папы. Вскорѣ между ними начались раздоры, потому что Карлъ не имѣлъ обыкновенія платить долговъ, а Генрихъ привыкъ только брать, а не давать. Папа настоятельно убѣждалъ Карла удовлетворить опаснаго кредитора, но тотъ не обращалъ вниманія на его доводы и нажилъ себѣ въ Генрихѣ злѣйшаго врага. Наконецъ папа заплатилъ ему долгъ изъ церковныхъ денегъ, назначавшихся для Карла, но тогда уже было поздно: Генрихъ соединился съ Конрадиномъ и гибеллинами средней Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приверженцы Конрадина склонили на его сторону другаго кастильскаго принца, Фридриха, который отправился съ войскомъ изъ Туниса прямо въ Сицилію. Будучи полумухаммеданиномъ, онъ былъ очонь близокъ тамошнему мухаммеданскому населенію, которое сверхъ того сильно сочувствовало ему, какъ сторонніку Гогенштауфеновъ, павшихъ за покровительство мусульманамъ; потому вскорѣ весь островъ очутился въ его рукахъ, исключая Мессины, Сиракузъ и Палермо. Въ то же самое время Конрадинъ вступилъ въ верхнюю Италію, а оттуда поѣхалъ моремъ въ Пизу, гдѣ былъ встрѣченъ съ радостью и признанъ императоромъ (весною 1268 г.). Туда же привелъ свое небольшое войско и Фридрихъ Баденскій, благополучно прошедшій черезъ Ломбардію, хотя гибеллины господствовали тамъ только въ Веронѣ, Кремонѣ и Лоди.

Узнавъ о вступленіи Конрадина въ Италію, Карлъ поспѣшилъ съ войскомъ въ Тоскану; но вторженіе кастильскаго принца въ Сицилію и возстаніе мухаммеданъ въ апулійскомъ городѣ Лучеріи придудили его вернуться назадъ, оставивъ часть войска въ Тосканѣ для защиты гвельфовъ. Конрадинъ разбилъ ее въ небольшой стычкѣ при Арно, и такимъ образомъ открылъ себѣ доступъ въ Римъ, куда онъ пришелъ въ половинѣ лѣта и былъ великолѣпно принятъ принцемъ Генрихомъ и жителями. Множество мужчинъ и женщинъ повело его, увѣнчаннаго цвѣтами, въ Капитоліи; всѣ улицы, по которымъ онъ шелъ, были украшены арками изъ цвѣтовъ и лавровъ, великолѣпными драпировками, коврами, драгоцѣнными камнями, діадемями, кольцами и драгоцѣнностями. Но этотъ тріумфъ, свидѣтельствовавшій о роскоши итальянскихъ городовъ того времени, былъ для Конрадина погребальнымъ торжествомъ. Самъ онъ не дога-

дывался о своей участи, но папа Климентъ, имѣвшій житейскую опытность, предвидѣлъ судьбу бѣднаго юноши, упоеннаго первымъ успѣхомъ, и откровенно жалѣлъ его; когда еще Конрадинъ былъ въ Павіи, онъ писалъ о немъ: «несчастный мальчикъ, не имѣя денегъ и сопровождаемый ничтожнымъ войскомъ, убаюкиваетъ себя сумасбродными мечтаніями;» а при вступленіи Конрадина въ Римъ, говорилъ своимъ окружающимъ; «онъ идетъ на бойню; его блескъ исчезнетъ, какъ дымъ.»

Конрадинъ выступилъ изъ Рима почти въ то же время, какъ его союзники, пизанцы, разбили у Мессины неаполитанскій флотъ. Войдя съ востока въ неаполитанскія владѣнія, онъ желалъ рѣшительнаго боя, надѣясь на возстаніе въ Сициліи и расположеніе неаполитанцевъ, и встрѣтился съ непріятелями при Тальякоццо 23 августа 1268 г. Его войско было гораздо сильнѣе непріятельскаго, но Карлъ вывелъ противъ него цвѣтъ французскаго рыцарства и предоставилъ начальство въ сраженіи старому опытному выцарю Аляру де Валори, который учавствовалъ въ крестовомъ походѣ Людовика IX, долго оставался въ Палестинѣ, и, наконецъ, возвращаясь инвалидомъ на родину, вступилъ, по дорогѣ, въ службу къ Карлу. Онъ расположилъ войска, примѣняясь къ характеру кассильскихо и нѣмецкихъ рыцарей, пожертвовалъ частью войска, чтобъ остаться побѣдителемъ, и ввелъ въ дѣло лучшую часть провансальцевъ только тогда, когда непріятели совершенно предались своему пылу. Конрадинъ поставилъ въ первую линію неодолимыхъ кастильцевъ подъ начальствомъ Генриха, во вторую итальянцевъ, въ третью нѣмцевъ. Аляръ же расположилъ свои войска въ двѣ линіи, устроивъ въ нѣкоторомъ отдаленіи засаду изъ лучшихъ рыцарей. Обѣ линіи Карла, начавшія сраженіе, были опрокинуты кастильцами; если бы Конрадинъ умѣлъ сдержать своихъ нѣмцевъ и итальянцевъ, хитрость Аляра не удалась бы и родъ Гогенштауфеновъ не погибъ бы въ одинъ день. Но въ упоеніи побѣды онъ безразсудно увлекся преслѣдованіемъ бѣгущаго непріятеля, а въ это время Аляръ внезапно устремился изъ засады на изумленныхъ и разстроившихся враговъ и одержалъ надъ ними полную побѣду. Войско Конрадина было истреблено или разсѣяно, а самъ онъ, съ Фридрихомъ Баденскимъ, бѣжалъ въ Римъ и оттуда къ морю, думая спастись съ Пизѣ. Эта попытка могла имѣть успѣхъ, но ихъ погубило предательство римскаго аристократа Джіованни Франджипани, фамилія котораго всегда была на сторонѣ Гогенштауфеновъ, а впослѣдствіи, до конца XVII столѣтія, отличалась въ венгріи убійствами и измѣнами. Оба принца отправились въ приморское мѣстечко Астуру, Франджипани, узнавъ ихъ по перстню, отданную ими въ уплату за переѣздъ, настигъ ихъ и выдалъ, за большую сумму денегъ, людямъ Карла.

Послѣ побѣды при Тальякоццо, Карлъ одержалъ верхъ надъ всѣми своими непріятелями. Ему хотѣлось избавиться навсегда отъ плѣннаго соперника, но такъ, чтобъ не навлечь на себя обвиненія въ убійствѣ. Для этого онъ велѣлъ предать его формальному суду, какъ бунтовщика. Однако, назначенные имъ судьи, за исключеніемъ одного, объявили, что Конрадинъ воевалъ за свое право, а не какъ возмутитель и потому не подлежитъ наказанію. Одинъ только голосъ приговаривалъ Конрадина и его друга къ смерти, и этого Карлу было совершенно достаточно. Основываясь на судебномъ приговорѣ, онъ приказалъ публично отрубить головы обоимъ принцамъ, и казнь была совершена въ Неаполѣ, при стонахъ и ропотѣ народа (29 октября 1268 г.). Оба друга шли на казнь съ твердостью и мужествомъ. Разсказъ о перчаткѣ, брошенной Конрадиномъ съ эшафота въ народъ, съ тѣмъ, чтобъ ее передали мужу старшей дочери Манфреда, Петру III Арагонскому, какъ свидѣтельство правъ на Сицилію, давно уже признанъ выдумкою. Папа Климентъ не участвовалъ непосредственно въ этомъ юридическомъ убійствѣ; по крайней мѣрѣ, противъ него нѣтъ обвинительныхъ актовъ, и его письма доказываютъ даже противное. Но, во всякомъ случаѣ, онъ непремѣнно содѣйствовалъ ему въ извѣстной степени, такъ какъ Карлъ, начавъ процессъ, ѣздилъ въ Римъ, и только черезъ три недѣли совершилъ убійство. Генрихъ Кастильскій тоже попался въ плѣнъ, но, по ходатайству папы, не былъ казненъ, а содержался въ плѣну до самой смерти. Съ приверженцами Конрадина Карлъ обошелся чрезвычайно жестоко; онъ воспользовался несчастною попыткою Гогенштауфена для утвержденія своей власти посредствомъ истребленія старин-

ныхъ фамилій, а этого можно было достигнуть только помощью возмутительныхъ насилій. Перечислять всѣ жестокости безчеловѣчнаго деспота было бы слишкомъ тяжело; достаточно сказать, что, вслѣдствіе ихъ, смѣшанное населеніе страны сдѣлалось еще разнообразнѣе, и какъ тамъ, такъ и въ Провансѣ произошла значительная перемѣна въ нравахъ, учрежденіяхъ и обработкѣ земли. Сарацины, жившіе въ Лучеріи, были истреблены, а вмѣсто нихъ поселены провансальскіе земледѣльцы и ремесленники; въ другихъ мѣстахъ также возникли провансальскія колоніи. Имѣнія приверженцевъ Гогенштауфеновъ Карлъ роздалъ провансальцамъ, дѣлая это въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что въ одной провинціи, Терра д'Отрандо, получили земли тридцать два провансальца. Независимо отъ этихъ распоряженій, которыя еще можно оправдать, такъ какъ они касались дѣйствительныхъ враговъ его, Карлъ объявилъ недѣйствительными всѣ пожалованія леновъ, сдѣланныя Гогенштауфенами со времени ліонскаго собора, и такимъ образомъ получилъ возможность надѣлить владѣніями большинство бѣднаго провансальскаго рыцарства.

Въ средней Италіи, гдѣ папа назначилъ его имперскимъ викаріемъ и намѣстникомъ, онъ сдѣлался, послѣ побѣды, полновластнымъ повелителемъ. Безъ сомнѣнія, онъ распространилъ бы свою власть и на Ломбардію, но тамошніе гвельфы и гибеллины дружно отстраняли предлагаемое имъ покровительство. Вскорѣ ему удалось извлечь для себя выгоду изъ крестоваго похода, предпринятаго Людовикомъ IX (1270 г.). Подобно всѣмъ правителямъ, поддерживающимъ власть насиліемъ, онъ былъ алченъ и постоянно нуждался въ деньгахъ; поэтому, когда Людовикъ собрался въ походъ, онъ уговорилъ его отправиться не въ Палестину, а въ Тунисъ, надѣясь возвратить себѣ дань, нѣкогда платимую Тунисомъ норманнскимъ королямъ. Впрочемъ, неизвѣстно въ точности, онъ ли направилъ предпріятіе противъ Туниса, или это былъ планъ самого Людовика; во всякомъ случаѣ, онъ съумѣлъ обратить въ свою пользу результаты похода. Обѣщавъ крестоносцамъ помощь, онъ явился съ нею только тогда, когда почти все войско и самъ Людовикъ погибли отъ чумы, произведенной жарами и голодомъ. Притомъ, слѣдуя своему обыкновенію пожинать тамъ, гдѣ не сѣялъ, онъ помѣшалъ взятію Туниса, а вмѣсто того, заключилъ съ тунисскимъ владѣтелемъ миръ, всѣ условія котораго были въ его пользу. Повелитель Туниса обязался отмѣнить всѣ торговые сборы въ гавани своей столицы, вознаградить крестоносцевъ за военныя издержки и платить ежегодную дань. Отмѣна пошлинъ была выгоднѣе всего сицилійскому королевству; изъ уплаченныхъ денегъ, большая часть досталась Карлу, а изъ ежегодной дани ему пришлась треть, остальное же французскому королю. Карлъ не упускалъ случая пользоваться даже несчастьемъ союзниковъ. На возвратномъ пути, генуезцы, участвовавшіе въ походѣ, потерпѣли крушеніе у сицилійскихъ береговъ, и Карлъ, пользуясь береговымъ правомъ, захватилъ всѣ ихъ корабли, не смотря на то, что они не подлежали береговому праву и какъ крестоносцы, и въ силу договора, заключеннаго съ нимъ самимъ. Такимъ образомъ, для денежныхъ выгодъ онъ жертвовалъ всѣмъ, даже интересами религіи, и все-таки постоянно нуждался въ деньгахъ, такъ что тотчасъ послѣ похода занялъ у своего племянника, французскаго короля Филиппа III, 13 т. унцій золота, подъ залогъ всѣхъ своихъ драгоцѣнностей. Его планы были несоразмѣрны со средствами. Потому его сосѣдство было весьма непріятно римлянамъ, а когда, купивъ права латинской императорской фамиліи, онъ изъявилъ притязанія на константинопольскій престолъ, который могъ доставить ему важныя преимущества, то самъ папа началъ ему противодѣйствовать, стараясь поднять значеніе германскаго императора. Эти притязанія на Константинополь Карлъ основывалъ на бракѣ своей дочери съ сыномъ послѣдняго латинскаго императора, Бальдуина II, и на договорахъ, заключенныхъ съ странствовавшими по Европѣ наслѣдниками его, уступившими свои права за пожизненную пенсію.

Въ 1268 г. умеръ другъ Карла, папа Климентъ. Кардиналы три года не могли согласиться между собою, и когда, наконецъ, выборъ былъ сдѣланъ, онъ оказался весьма неблагопріятнымъ для Карла. Новый папа, Григорій X, имѣлъ твердое намѣреніе примирить партіи въ Италіи и прекратить безпорядки, возникшіе въ Германіи по смерти Фридриха II. Съ самаго начала онъ разсорился съ Карломъ, потому что хотѣлъ ослабить его вліяніе во Флоренціи и, какъ сю-

зеренъ Сициліи и Неаполя, упрекалъ его за тиранію, введенную имъ въ этихъ странахъ. Но Григорій не достигъ цѣли. Во Флоренціи ему удалось было примирить изгнанныхъ гибеллиновъ съ гвельфами, но Карлъ до того застращалъ ихъ, что они, не считая себя въ безопасности, бѣжали изъ города. На папскіе выговоры онъ не обращалъ вниманія, и они только усилили распрю, такъ что папа перешелъ отъ упрековъ къ угрозамъ. Желая возстановить общественное спокойствіе, особенно въ Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить новый крестовый походъ, онъ назначилъ въ 1274 году соборъ въ Ліонѣ. Карлъ былъ приглашенъ въ Ліонъ, но не поѣхалъ, не ожидая для себя ничего хорошаго отъ этого собранія. Его могущество и вліяніе были слишкомъ опасны для свѣтской власти римскаго двора, такъ какъ, независимо отъ Прованса и южной Италіи, господство его распространялось на Тоскану, почти весь Піемонтъ и, болѣе или менѣе, на Болонью, Миланъ и другіе города средней и сѣверовосточной Италіи. Это заставляло папу искать противъ него опоры, и онъ нашелъ ее въ Рудольфѣ Габсбургскомъ, честномъ и храбромъ швейцарцѣ, сдѣлавшемся, за два года передъ тѣмъ, германскимъ императоромъ и внушавшемъ своимъ личнымъ характеромъ несравненно болѣе довѣрія, чѣмъ жестокій и коварный Карлъ. Григорій призналъ Рудольфа императоромъ, помогъ ему возстановить свое вліяніе въ Ломбардіи и потребовалъ, чтобы Карлъ сложилъ съ себя званіе имперскаго викарія въ Тосканѣ. На это онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права, что Карлъ, принимая это званіе, торжественно обѣщалъ сложить его по избраніи римскаго императора. Но Карлъ, не любившій отказываться отъ своихъ выгодъ ради даннаго слова, продолжалъ господствовать надъ Тосканою, тѣмъ болѣе, что Григорій умеръ въ 1276 г., а Рудольфъ, занятый войною съ Оттокаромъ II Чешскимъ, не могъ отправиться въ Италію. Однако дѣла принимали все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ для сицилійскаго короля, и время наказанія быстро приближалось. Три преемника Григорія умерли въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, и наконецъ тіара досталась Николаю III, принявшему ее съ твердымъ намѣреніемъ уничтожить преобладаніе Карла въ Италіи. Съ самаго начала, Николай употребилъ все свое вліяніе на усиленіе партіи гибеллиновъ въ Ломбардіи; это ему удалось вполнѣ, такъ какъ въ 1277 г. миланскій архіепископъ Оттонъ Висконти, предводительствуя гибеллинами, одержалъ рѣшительную побѣду и вытѣснилъ изъ Милана властовавшую тамъ гвельфскую фамилію делла Торре. Вслѣдъ затѣмъ сталъ собираться въ Тоскану и Рудольфъ, счастливо кончившій, въ 1278 г., войну съ Оттокаромъ. Императоръ составилъ планъ сдѣлать одного изъ своихъ потомковъ королемъ Бургундіи и Арелата, и, съ помощью швейцарцевъ, напасть на Карла въ самомъ Провансѣ. Все это вынудило Карла, — сложившаго между тѣмъ званіе римскаго сенатора, принятое имъ послѣ взятія въ плѣнъ Генриха Кастильскаго (1278 г.), — подчиняться требованіямъ папы и Рудольфа и заключить весьма невыгодный для себя договоръ. Въ 1280 г. онъ отказался отъ викаріата надъ Тосканой и присягнулъ императору, какъ его ленникъ въ Провансѣ. Впрочемъ, папа заботился о Германіи не безкорыстно: изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ онъ извлекъ значительныя выгоды и осуществлялъ свои планы съ такимъ искусствомъ, что по тогдашнимъ хитросплетеніямъ римской политики, лучше всего можно видѣть, на сколько всѣ нынѣшнія дипломатическія тонкости ниже свѣтско-церковной хитрости папскаго кабинета въ средніе вѣка. Еще до окончанія войны съ Оттокаромъ, Григорій и Николай заставили Рудольфа отказаться отъ правъ на Неаполь, Сицилію и Романью; потомъ, Николай, пользуясь могуществомъ Карла, получилъ отъ Рудольфа важныя уступки и добился того, что Карлъ сложилъ съ себя званіе римскаго сенатора. Только тогда явился онъ посредникомъ между государями и получилъ свою долю въ пріобрѣтенныхъ Рудольфомъ выгодахъ.

По смерти Николая, Карлу удалось сдѣлать папою француза, Мартина IV (1281 г.), вполнѣ преданнаго интересамъ своихъ соотечественниковъ; но Николай успѣлъ передъ смертью подготовить ударъ, жестоко поразившій Карла на слѣдующій годъ. Онъ содѣйствовалъ возстанію, извѣстному подъ именемъ сицилійскихъ вечерень. Сицилія жестоко страдала подъ игомъ Карла; но особенно тяготилъ ее изобрѣтенный имъ способъ безвозмездной обработки государственныхъ имуществъ и содержанія и умноженія скота на чужой счетъ. Онъ

роздалъ земли и скотъ жителямъ, обязавъ ихъ, разъ навсегда, платить опредѣленный годовой доходъ съ полей и приплода скота; при этомъ правительство не обращало вниманія на то, хорошъ или худъ былъ урожай, великъ или малъ дѣйствительный приплодъ. Къ притѣсненіямъ присоединялась еще наглость французовъ и провансальцевъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ все правленіе. И то, и другое скоро довело сицилійцевъ до отчаянія. Впрочемъ, главною причиною возстанія, вспыхнувшаго 30 марта 1282 г., была упомянутая нами деспотическая мѣра Карла, а дерзость его соотечественниковъ послужила только поводомъ къ взрыву. Недовольные вступили, предварительно, въ сношенія съ арагонскимъ королемъ, Петромъ III, мужемъ дочери Манфреда, Констанціи, съ папою Николаемъ III и греческимъ императоромъ, Михаиломъ Палеологомъ. Эти переговоры и вообще все дѣло велъ Джіованни ди Прочида, бывшій другъ, докторъ, секретарь и министръ финансовъ Манфреда, лишенный Карломъ имѣній и изгнанный изъ отечества, но получившій, по просьбѣ Констанціи, нѣсколько леновъ въ Арагоніи. Онъ искалъ случая отблагодарить Петра III и убѣдилъ его воспользоваться настроеніемъ умовъ въ Сициліи для предъявленія правъ Констанціи. Потомъ онъ склонилъ на свою сторону папу Николая III, съ его помощью побѣдилъ нерѣшительность Петра, отправился къ Михаилу Палеологу, враждовавшему съ Карломъ и уже дважды подвергавшемуся его нападеніямъ, и получилъ отъ него деньги. Когда все было устроено, Петръ, подъ предлогомъ крестоваго похода противъ африканскихъ мухаммеданъ снарядивъ флотъ, отправился къ алжирскому городу Бонѣ и сталъ на якорѣ прямо противъ Сициліи. Онъ имѣлъ намѣреніе выждать начала возстанія, принять сторону сицилійцевъ и завладѣть островомъ. Неизвѣстно, существовало ли предварительное соглашеніе между нимъ и сицилійцами, и имѣло ли возстаніе вообще какой-нибудь планъ; во всякомъ случаѣ, оно было вызвано совершенно неожиданно дерзостью французовъ и провансальцевъ. Совершая страшныя насилія, оскорбляя національное чувство жителей, попирая ихъ честь, обычаи и законы, они возбудили общее ожесточеніе, разразившееся въ Палермо кровавою местью, на Пасхѣ 1282 г. Въ то время, какъ горожане шли къ вечернѣ въ загородную церковь, одинъ французъ позволилъ себѣ дерзость противъ одной молодой женщины; провожатые дѣвушки вступились за нее, къ нимъ подоспѣли другіе, дѣло дошло до крови и ожесточенные палермитяне выместили на французахъ давно сдерживаемую злобу. Въ короткое время въ Палермо были истреблены всѣ французы, и возстаніе мгновенно распространилось по всему острову. Говорятъ, что каждаго незнакомца заставляли произносить слова чичери (cicerі), чтобы по выговору узнать французовъ, и что изъ всѣхъ провансальцевъ и французовъ, жившихъ въ Сициліи, только двое спаслись отъ смерти. Во всякомъ случаѣ, судя по духу того времени, характеру сицилійцевъ и свойствамъ климата, надо думать, что возстаніе сопровождалось страшными неистовствами и жестокостями.

Въ то самое время, какъ вспыхнуло возстаніе, флотъ Карла готовъ былъ выступить противъ греческаго императора; но когда мятежъ распространился и мессинцы вырѣзали французскій гарнизонъ, Карлъ отправился въ Сицилію. Съ самаго начала онъ сдѣлалъ важную ошибку. Осадивъ многочисленнымъ войскомъ дурно укрѣпленную Мессину, онъ скоро довелъ жителей до крайности, такъ что они готовы были сдаться на капитуляцію. Но онъ гордо отвергъ ихъ предложенія и потребовалъ безусловной сдачи, не слушая совѣтовъ находившагося при немъ легата папы Мартина. Онъ пропустилъ такимъ образомъ единственный благопріятный моментъ для завладѣнія всѣмъ островомъ. Отказъ ожесточилъ мессинцевъ, и они рѣшились обороняться до послѣдней капли крови; все населеніе города, не исключая женщинъ и дѣтей, работало безъ устали, такъ что въ три дня были готовы новыя стѣны, и Карлъ былъ задержанъ осадою до прибытія Петра III. Хитрый арагонецъ наблюдалъ изъ Африки за ходомъ дѣла, и только въ августѣ явился въ Сицилію. За то, высадившись на берегъ, онъ не побоялся ни военныхъ приготовленій Карла, ни угрозъ папы, дѣлавшаго все, что только можно было ожидать отъ раба Карла, и отлучившаго отъ церкви Петра и сицилійцевъ. Карлъ не могъ противиться арагонцамъ на морѣ, тѣмъ болѣе, что возстановилъ противъ себя генуэзцевъ и пизанцевъ, и потому послѣ высадки Петра возвратился въ Неаполь. Вся Сицилія немедленно присягнула Петру и Констан-

ціи, законной наслѣдницѣ королевства. Пока Карлъ готовился къ новому нападенію и выписывалъ подкрѣпленія изъ Франціи, Петръ быстро привелъ въ порядокъ дѣла, постановивъ во главѣ управленія двухъ калабрійцевъ, нашедшихъ пріютъ въ Арагоніи. Одинъ изъ нихъ, Джіованни ди Прочида, управлялъ гражданскими дѣлами и финансами, другой, Руджіеро (Рожеръ) Лорія, образовалъ войско и флотъ и предводительствовалъ ими. Карлъ самъ помогъ своимъ врагамъ. Когда Петръ долженъ былъ отправиться, на время, въ Арагонію, онъ имѣлъ глупость предложить ему поединокъ за обладаніе Сициліей (весною 1283 г.). Арагонскій король съ радостью воспользовался случаемъ выиграть время, принялъ вызовъ, началъ торжественно готовиться къ дуэли и обманулъ обыкновенно столь хитраго противника. Карлъ, не слушая совѣтовъ папы, пріостановилъ на время вооруженія и, забывъ обязанности короля, чтобъ сдѣлаться однимъ изъ героевъ, воспѣваемыхъ его земляками, трубадурами, отправился во Францію, гдѣ долженъ былъ происходить поединокъ. Явясь въ назначенный день на мѣсто боя, онъ не нашелъ противника, предоставившаго ему рыцарскую славу, но оставлявшаго себѣ выгоды. Въ это время Петръ успѣлъ кончить военныя приготовленія и достать денегъ, а Карлъ сдѣлалъ вторую ошибку, промедливъ во Франціи надъ сооруженіемъ флота. Его сынъ, Карлъ II, оставшійся въ Неаполѣ, увлекся юношескимъ пыломъ и погубилъ себя неосторожностью. Адмиралъ Петра, Лорія, разбивъ непріятельскую эскадру, посланную неаполитанскимъ королемъ изъ Франціи, и узнавъ изъ перехваченныхъ писемъ, что онъ уже плыветъ въ Италію съ 55 кораблями, быстро отправился въ гавань Неаполя въ намѣреніи принудить къ бою молодаго принца, имѣвшаго на своемъ флотѣ лучшихъ рыцарей Неаполя и Прованса. Принцъ Карлъ, не зная о приближеніи отца и обманутый притворнымъ бѣгствомъ непріятельскаго флота, бросился его преслѣдовать. Въ морѣ онъ былъ окруженъ и разбитъ врагами (1284 г.). Его корабль получилъ такія поврежденія въ подводной части, что онъ не могъ бѣжать; но все-таки принцъ сдался только тогда, когда узналъ, что Лорія рыцарь: доказательство, какъ высоко цѣнилось тогда рыцарство, считаемое союзомъ чести, потому что даже адмиралъ получалъ высшее значеніе, только будучи рыцаремъ. Пользуясь первымъ впечатлѣніемъ страха и природною добротою принца, Лорія заставилъ его отдать приказъ освободить сестру Констанціи, бывшую въ заточеніи у Карла съ самой смерти Манфреда.

Карлъ, вскорѣ прибывшій въ Неаполь, былъ до того взбѣшенъ неосторожностью сына, что даже выражалъ желаніе, чтобы онъ умеръ въ наказаніе за свою ошибку. Дѣйствительно, въ Сициліи плѣнному принцу угрожала большая опасность: мстительные сицилійцы перебили всѣхъ его сотоварищей и требовали его смерти, въ отмщеніе за Конрадина. Но Констанція спасла ему жизнь. Самъ Петръ, по своему характеру, желалъ извлечь изъ его плѣна возможно большія выгоды, и какъ молодой принцъ нетерпѣливо жаждалъ освобожденія, а его отецъ умеръ въ началѣ слѣдующаго года (1285 г.), то арагонцы имѣли возможность достигнуть цѣли. Папа дѣлалъ всевозможное, чтобы пособить своему пріятелю и освободить принца, но его труды были безуспѣшны. Онъ вздумалъ лишить Петра королевства и подарилъ Арагонію Карлу де Валуа, брату французскаго короля Филиппа IV; однако результаты этой мѣры совершенно не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. Свободные арагонцы, считавшіе короля не своимъ господиномъ, а первымъ должностнымъ лицомъ въ государствѣ, до тѣхъ поръ смотрѣли на войну съ Карломъ Анжуйскимъ, какъ на частное дѣло Петра. Когда же папа вздумалъ располагать ихъ короною, они насмѣялись надъ его угрозами, приняли участіе въ дѣлѣ короля, какъ въ своемъ собственномъ, и отбили всѣ нападенія французовъ, воевавшихъ съ ними нѣсколько лѣтъ. Карлъ де Валуа, не смотря на помощь брата, испыталъ постыдное пораженіе и отъ папскаго подарка пріобрѣлъ только прозвище безземельнаго короля. Не больше успѣха имѣли и старанія Мартина склонить на свою сторону венеціанцевъ. Не смотря на его угрозы и денежныя траты, они препятствовали вербовать у себя солдатъ для Франціи, нанимать и покупать корабли для Неаполя, и даже не выпускали изъ гаваней купленныхъ судовъ. Сицилійцы также издѣвались надъ приманками папы, обѣщавшаго имъ возстановленіе старинныхъ учрежденій временъ Вильгельма II. Наконецъ плѣнному наслѣднику Карла грозила потеря Неаполя, и положеніе его

становилось до того затруднительнымъ, что Мартинъ и его преемникъ, Гонорій IV (1285 — 1287 г.), пожертвовали для него даже деньгами, собираемыми съ вѣрующихъ для посылки въ Сирію.

Петръ умеръ въ концѣ 1285 г. Его старшій сынъ, Альфонсъ III, наслѣдовалъ ему въ Арагоніи, а младшій, Іаковъ II, вмѣстѣ съ матерью, Констанціею, въ Сициліи. Тогда друзья плѣннаго Карла начали дѣятельно хлопотать объ его освобожденіи. Англійскій король, Эдуардъ I, взялъ на себя посредничество, и въ маѣ 1287 г. между арагонцами и Карломъ былъ заключенъ договоръ, чрезвычайно невыгодный для послѣдняго. Онъ обязался заплатить значительную сумму денегъ, формально уступить Сицилію, склонить Карла де Валуа отказаться отъ притязаній на Арагонію и представить заложниками трехъ младшихъ сыновей и шестьдесятъ провансальскихъ бароновъ и богатыхъ горожанъ. Папа не утвердилъ договора, и Карлу пришлось еще долго оставаться въ плѣну; наконецъ его освободили за восемьдесятъ заложниковъ. Такъ какъ онъ не могъ выполнить тяжелыхъ условій договора, то вѣрнымъ провансальцамъ пришлось долго томиться вдали отъ родины. Между тѣмъ война арагонцевъ съ французами возобновилась, а Альфонсъ принужденъ былъ заключить, въ 1291 г., договоръ, по которому отказался отъ вмѣшательства въ сицилійскія дѣла и предоставилъ своего брата, Іакова, его собственнымъ силамъ. Онъ обязался, взамѣнъ отказа французскаго принца отъ притязаній на Арагонію, выдать провансальскихъ заложниковъ, повиноваться во всемъ папѣ и церкви и не помогать брату ни совѣтомъ, ни дѣломъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи договора онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей; ему наслѣдовалъ Іаковъ, который поспѣшилъ въ новое королевство, уступивъ Сицилію матери и брату, Фридриху II. Дѣйствуя въ интересахъ Арагоніи, онъ старался пріобрѣсти расположеніе папы, и, при его посредничествѣ, заключилъ договоръ (1294 г.) съ Карломъ Анжуйскимъ, отказавшись отъ правъ на Сицилію и женившись на дочери неаполитанскаго короля. Добрый, благочестивый Карлъ вполнѣ вѣрилъ этому противоестественному союзу Іакова съ врагомъ матери и брата, но коварный арагонецъ думалъ только объ обманѣ; ни тогда, ни впослѣдствіи онъ и не помышлялъ о выполненіи договора, какъ и доказалъ это съ самаго начала, передавъ сицилійцамъ всѣ укрѣпленныя мѣста, занятыя арагонскими войсками, и позволивъ имъ провозгласить своего брата, Фридриха, королемъ.

При такихъ обстоятельствахъ, санъ и папская власть сдѣлались въ высшей степени трудною обязанностью, такъ что честному и благочестивому человѣку не было возможности нести ее. Тѣмъ не менѣе, по смерти преемника Гонорія IV, Николая IV, всѣ полагали, что при подобной неурядицѣ лучшимъ кормчимъ церкви будетъ благочестивый папа, и послѣ долгихъ совѣщаній избрали набожнаго отшельника Целестина V (1294 г.). Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Целестинъ сложилъ съ себя это бремя, бывшее ему не по силамъ, и тогда тіара досталась Бонифацію VIII (1294 — 1303 г.), правленіе котораго было непрерывнымъ рядомъ насилій, ненависти, лжи и святотатства. Онъ началъ съ того, что хотѣлъ хитростью отнять Сицилію у Фридриха, предоставивъ ему, взамѣнъ острова, руку племянницы послѣдняго латинскаго императора и съ нею права на Константинополь; другими словами, онъ предлагалъ ему одинъ титулъ вмѣсто дѣйствительнаго владѣнія. Быть можетъ, молодой Фридрихъ, самъ по себѣ, и вдался бы въ обманъ, но его дѣлами управлялъ Прочида, который отлично умѣлъ распознавать тѣнь отъ дѣйствительности. Впрочемъ, положеніе Фридриха было весьма затруднительно: его тѣснили братъ, папа, неаполитанскій король и французы; сверхъ того, онъ имѣлъ личнаго врага въ Руджіеро Лоріи, побѣдамъ котораго Сицилія была обязана спасеніемъ. Оскорбленный Фридрихомъ, Лорія склонился на сторону папы и французовъ и перешелъ къ Іакову. Предлогомъ къ этому послужилъ для него арагонскій законъ, по которому ни онъ, ни Фридрихъ не имѣли права воевать противъ Іакова, такъ какъ всякій сражавшійся по какому бы ни было поводу противъ короля считался виновнымъ въ оскорбленіи величества. Переходъ Лоріи къ врагамъ далъ новый оборотъ дѣлу. Іаковъ, вовсе не желавшій серьезно воевать съ братомъ, ровно ничего не предпринималъ противъ него, и былъ весьма не радъ переходу Лоріи; но, не имѣя возможности отказать ему, поручилъ, для вида, начальство надъ союзнымъ флотомъ. Лорія

же, ожесточенный противъ Фридриха за конфискацію имѣній и убійство племянника, началъ дѣйствовать рѣшительно. Сицилійцы имѣли дерзость выслать противъ величайшаго адмирала того времени небольшую эскадру и поплатились за то жестокимъ пораженіемъ. Если бы Іаковъ воспользовался этою побѣдою, за которою на другой годъ послѣдовала вторая (1300 г.), сицилійское королевство окончило бы свое существованіе. Но, вступая въ союзъ съ папой и Карломъ, онъ не имѣлъ въ виду усиливать союзниковъ на счетъ брата, а желалъ только удить рыбу въ мутной водѣ и потому, вслѣдъ за побѣдою Лоріи, возвратился подъ благовиднымъ предлогомъ въ Арагонію. Фридрихъ отлично воспользовался его уходомъ: слившись воедино съ сицилійцами, онъ отбилъ, благодаря ихъ энтузіазму, всѣ нападенія противниковъ и до того утомилъ ихъ, что въ 1302 г. они прекратили войну и заключили миръ. Карлъ II далъ ему въ замужество одну изъ дочерей и отказался въ его пользу отъ Сициліи. Эта уступка была только пожизненной, такъ что, сообразно политикѣ того времени, главная статья договора была изложена двусмысленно. Позорнѣе всего былъ исходъ войны для короля безъ земли, Карла де Валуа, такъ какъ онъ уже въ третій разъ постыдно покидалъ предпріятія, начатыя по его собственной алчности и подстрекательству папъ. Сперва онъ долженъ былъ отказаться, послѣ продолжительной борьбы, отъ подаренной ему Мартиномъ арагонской короны, потомъ, по приглашенію Бонифація VIII, сдѣлалъ попытку пріобрѣсти господство во Флоренціи, пользуясь раздоромъ партій, но и здѣсь обманулся въ разсчетѣ; наконецъ тотъ же самый папа вовлекъ его въ войну съ Фридрихомъ, и Карлъ, пріѣхавшій въ Италію въ надеждѣ покорить Сицилію, долженъ былъ воротиться домой ни съ чѣмъ. По миру, заключенному между непріятелями, Сицилія сдѣлалась наслѣдственной въ родѣ Фридриха, а Неаполь остался за анжуйской династіей.

Управленіе Карла II въ Неаполѣ и Провансѣ по возстановленіи мира могло служить признакомъ распространенія вліянія уже другихъ началъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ средніе вѣка. Въ то время въ южной Италіи началось преобразованіе итальянскаго языка въ новое тосканское нарѣчіе; торговля и промышленность получили въ ней новую жизнь, благодаря флорентинскимъ гвельфамъ, имѣвшимъ банки въ Провансѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникла торговля деньгами и бумажными цѣнностями, которыми провансальскіе евреи и мѣнялы торговали какъ товаромъ, а Неаполь, Сицилія и Арагонія вошли въ тѣсныя торговыя связи со всею Италіей. Тогда же былъ введенъ въ употребленіе и компасъ и началось настоящее мореходство, ограничивавшееся до тѣхъ поръ только береговымъ плаваніемъ; введеніе на Западѣ компаса, изобрѣтеннаго китайцами, обыкновенно приписываютъ амальфійцу Флавіо Джіоія (1320 г.). Но его стали употреблять уже гораздо ранѣе, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія. Наконецъ, при Карлѣ исчезли въ его королевствѣ и послѣдніе слѣды сѣверной германской простоты, занесенной норманнами: она замѣнилась восточной роскошью и пышностью, водворившимися вслѣдствіе вліянія французовъ, извратившихъ здѣсь жизнь и нравы, какъ и въ Германіи въ XVIII вѣкѣ, своими знаменитыми общественными добродѣтелями и изяществомъ. «Эта суетность, — говоритъ одинъ писатель первыхъ временъ анжуйской династіи — развратившая сердца людей и совершенно вытѣснившая прежнюю простоту, овладѣла не только королями, князьями и вельможами, но и низшими классами народа, даже тѣми, которые связали себя монашескими обѣтами нищенства.» Такая перемѣна нравовъ, естественно, измѣнила и отношенія рыцарства къ другимъ сословіямъ; права и обязанности, бывшія для него до тѣхъ поръ только почетными и обременительными, сдѣлались средствомъ притѣсненія согражданъ. Въ Провансѣ у всѣхъ лицъ не рыцарскаго званія было отнято въ это время право покупать дворянскія имѣнія и особымъ закономъ были исключены изъ рыцарства всѣ тѣ, чьи отцы не были рыцарями, тогда какъ ни въ какой другой странѣ не помышляли о подобномъ постановленіи. Однако въ Италіи дворянство еще долгое время занималось торговлею и не пренебрегало ремеслами, благодаря которымъ эта страна процвѣтала въ средніе вѣка. Первые слѣды презрѣнія къ этой отрасли дѣятельности обнаруживаются не ранѣе XVI столѣтія и то только въ государствахъ, переставшихъ быть торговыми.

8. Литература и образованность во время крестовыхъ походовъ о начала XIV столѣтія.

1. Школьная образованность въ ея непосредственныхъ отношеніяхъ къ жизни.

а) Исторія.

Въ этомъ періодѣ замѣчательнѣйшимъ фактомъ умственнаго развитія народовъ, водворившихся въ предѣлахъ римской имперіи и принявшихъ подъ вліяніемъ христіанскихъ школъ и духовенства римское образованіе и чуждый языкъ, было появленіе историческихъ сочиненій на отечественныхъ языкахъ, написанныхъ для той части народа, которая не училась въ монастырскихъ школахъ. Такія сочиненія появились у кастильцевъ, арагонцевъ, итальянцевъ и французовъ. Нѣмцы и англичане еще продолжали писать на латинскомъ языкѣ, но и между ними встрѣчаются уже люди, подъ перомъ которыхъ исторія получаетъ значеніе для образованности, тогда какъ латинскіе лѣтописцы другихъ народовъ имѣютъ интересъ только для изслѣдователей. Въ Англіи какого-нибудь Югульфа было непріятно читать даже духовнымъ, но за то Уилльяма Мальмсбёри чрезвычайно хвалятъ Леландъ Сэвилль и въ наше время Бэрингтонъ, хотя слогъ его покажется намъ слишкомъ риторическимъ и высокопарнымъ. О цѣли своей исторіи, о своей любви къ правдѣ и о документахъ, которыми онъ пользовался, Уилльямъ говоритъ такъ, что никакъ нельзя поставить его въ уровень съ другими современными лѣтописцами. Имъ написаны исторія англійскихъ королей отъ Генгиста и Горзы до Генриха I, то есть отъ 449 до 1126 г., исторія его времени отъ 1126—1143 г. и четыре книги англійской церковной исторіи. Одинъ современный намъ историкъ Генриха II такъ доволенъ исторіею Мальмсбёри, что, по его мнѣнію, англичане и въ настоящее время съ удовольствіемъ прочли бы ея буквальный переводъ. Его продолжатель, Уилльямъ Ньюборо, написалъ пять книгъ англійской исторіи отъ норманнскаго завоеванія до 1197 г. менѣе напыщеннымъ слогомъ и съ большимъ безпристрастіемъ, такъ что англичанинъ Бэрингтонъ считаетъ его самымъ философскимъ писателемъ монашескаго періода. Но лучшій изъ англійскихъ средневѣковыхъ историковъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, безспорно, монахъ изъ Сентъ-Альбанса, Матвѣй Парисъ, достовѣрность исторіи котораго не подлежитъ сомнѣнію. Онъ былъ, говорятъ, собесѣдникомъ Генриха III «за столомъ, во дворцѣ и въ кабинетѣ», и слѣдовательно, писалъ то, что видѣлъ или слышалъ отъ короля и его приближенныхъ. Къ тому же онъ пользовался прежними документами и зналъ современныя науки и искусства. Его главное произведеніе (historia major) обнимаетъ періодъ отъ 1066 г. до его смерти, 1259 г.; впрочемъ, ему принадлежитъ только исторія послѣднихъ двадцати лѣтъ этого періода, остальное написано другимъ монахомъ, Роджеромъ Уендоверскимъ; третій, Рисгенгеръ, продолжалъ ее до 1273 г. Латинскій языкъ Париса не такъ классиченъ, какъ у Мальмсбёри или Ньюборо; но за то онъ не становится постоянно на ходули. Парисъ пишетъ чрезвычайно неровно: то остроумно и изящно, то напыщенно и вяло, но всегда съ горечью и рѣзко и дѣлается совершеннымъ санкюлотомъ или циникомъ, бичуя безъ пощады императоровъ, королей, папъ, епископовъ, прелатовъ и монаховъ; вѣроятно, духовенство англійской господствующей церкви до сихъ поръ не очень благодарно ему, потому что многое порицаемое имъ въ бытѣ духовенства существуетъ до сихъ поръ. Бароній не правъ, полагая, что онъ приводитъ ложные факты изъ ненависти къ римскому двору; намъ кажется, напротивъ, что страшная рѣзкость его противъ римскаго двора представляетъ разсказываемыя имъ событія въ ложномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего имъ придаютъ невѣрное значеніе. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что теократическая система въ то время господствовала повсюду.

Изъ латинскихъ историковъ во Франціи, только двое могутъ быть интересны для публики; остальные имѣютъ лишь значеніе для ученыхъ или изслѣдователей. Бигоръ, Глаберъ Родульфъ и Вильгельмъ де Нанжи излагали одни факты: о критикѣ и слогѣ у нихъ нѣтъ и помину; Сигберъ де Жанблуръ, Роберъ де Монтъ и Ансельмъ писали сухія лѣтописи; Сугерій считается историческимъ авторитетомъ, такъ какъ онъ былъ правителемъ; но его никакъ нельзя признать знаменитымъ писателемъ. Изъ ряда обыкновенныхъ лѣтописцевъ выходятъ Одонъ де Дейль, описавшій жизнь и въ особенности крестовый походъ Людовика VII, и Вильгельмъ Тирскій, историкъ крестовыхъ походовъ и Палестины. Двадцать три книги Вильгельма, описывающія дѣянія западныхъ рыцарей на Востокѣ до конца XII столѣтія, вмѣстѣ съ безъискусственными и наивными разсказами нѣсколькихъ французовъ, очевидцевъ, о первомъ крестовомъ походѣ, служатъ доказательствомъ, что исторія можетъ быть правдивою и занимательною безъ примѣси школьной философіи и софистики. Вильгельмъ Тирскій соединялъ въ себѣ всѣ свойства хорошаго писателя: зналъ западные и восточные языки, имѣлъ хорошій слогъ, былъ знакомъ съ древними, и притомъ весьма основательно, что доказывается частыми цитатами изъ Платона и заимствованными у него сравненіями. Сверхъ того, онъ былъ очевидцемъ, а иногда и участникомъ почти всѣхъ описываемыхъ имъ событій. Весьма старинный французскій переводъ его исторіи можетъ служить подтвержденіемъ того, что она была во Франціи чуть не народной книгой и приносила почти такую же пользу, какъ если бы онъ написалъ ее на отечественномъ языкѣ.

Нѣмецкая исторія, какъ и рыцарская поэзія достигли при Гогенштауфенахъ высшей степени развитія. Съ этого времени начинается въ Италіи развитіе исторіи, поэзіи, всѣхъ наукъ и искусствъ, дошедшее въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ до такой полноты, что въ концѣ XV столѣтія французы и нѣмцы должны были заимствовать ихъ оттуда. Нѣмецкій историкъ, о которомъ мы уже упомянули выше (стр. 25), Оттонъ фонъ Фрейзпигенъ, сводный братъ Конрада III и внукъ Генриха IV, знавшій всѣ современные языки и науки и столь же знаменитый между современниками ученостью, какъ и происхожденіемъ, былъ самъ участникомъ разсказываемыхъ событій. Его хроника (Chronica) составляетъ родъ всемірной исторіи для теологовъ, потому что за семью книгами исторіи слѣдуетъ осьмая, о концѣ міра. Собственно историкомъ, то есть не только разскащикомъ, но свидѣтелемъ и источникомъ, онъ является съ XI главы VII-й книги до ея конца, особенно же въ обѣихъ книгахъ о дѣяніяхъ императора Фридриха I. Здѣсь видѣнъ образованный человѣкъ знатнаго происхожденія, современникъ эпохи процвѣтанія Германіи и Италіи, борьбы итальянцевъ за свободу и возрожденія древняго римскаго права. Событія расположены у него чрезвычайно умно, сужденія зрѣлы, слогъ чисто римскій, но не скопированъ ни у кого; оцѣнка отечественныхъ и иностранныхъ нравовъ, учрежденій и событій обнаруживаетъ въ немъ тонкое пониманіе и свободна отъ предразсудковъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нравахъ и обычаяхъ, чуждыхъ его соотечественникамъ. Онъ былъ близкимъ родственникомъ императора, вся жизнь котораго прошла въ спорахъ съ папою, и не смотря на то, даже Эней Сильвій, органъ папъ въ половинѣ XV столѣтія, принужденъ отдать справедливость его безпристрастію. Ко всему этому, въ немъ нѣтъ ни тѣни ханжества, такъ что на каждой страницѣ видѣнъ писатель, философски образованный и обдумавшій свой предметъ. Его исторію продолжалъ каноникъ Радевихъ, написавшій два тома и старавшійся слѣпо подражать ему. Это вполнѣ удалось только относительно слога; содержаніе его книги доказываетъ, что, при одинаковомъ образованіи и равныхъ научныхъ познаніяхъ, у него было гораздо менѣе дарованій. По приглашенію Фридриха, Гюнтеръ написалъ по исторіи Оттона и Радевиха эпическую поэму Лигуринъ (Ligurinus). Онъ довелъ въ латинскихъ стихахъ исторію Фридриха до усмиренія Милана и мѣстами буквально приводитъ Оттона. Разумѣется, о поэтическихъ красотахъ не можетъ быть и рѣчи, но его стихи можно смѣло поставить на ряду съ лучшими стихотвореніями слѣдующаго столѣтія, столь гордившагося своею латинью. Историку эта поэма можетъ быть полезна тѣмъ, что въ ней онъ ясно увидитъ смыслъ, который придавали современники нѣкоторымъ предметамъ, тогда какъ у Оттона и Радевиха нужно о немъ догадываться; Гюнтеръ же иногда

весьма ловко поясняетъ его нѣсколькими строками. Мы упоминаемъ о немъ подробнѣе, для того чтобы предостеречь читателей отъ пренебреженія къ латинскимъ школамъ того времени, о которыхъ придется еще сказать нѣсколько словъ, говоря о философіи. Чтобъ составить себѣ лучшее понятіе о школьной латинской поэзіи той эпохи, нужно сравнить Лигурина съ приведенными Радевихомъ (lib. II. cap. XI) латинскими надгробными надписями. Это сравненіе покажетъ намъ, какъ писались латинскіе стихи въ школахъ и какъ, иногда, хорошо шло обученіе у людей, занимавшихся филологіей и преподаваніемъ не какъ ремесломъ, или ради славы и награды, но изъ любви къ Богу и ближнимъ; оно покажетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что уже въ то время умѣли приспособлять древность къ новымъ потребностямъ.

Объ Италіи и пиренейскомъ полуостровѣ придется, почти исключительно, говорить въ слѣдующемъ періодѣ, когда Италія затмѣвала собою остальную Европу, сосредоточивая въ себѣ всю торговлю, богатство, промышленность, искусства и науки. Потому мы обходимъ здѣсь итальянскихъ историковъ и приступаемъ къ исторіографіи особаго рода, возникшей у французовъ и совершенно свойственнной ихъ національному характеру. Это такъ называемые **мемуары**, передающіе впечатлѣнія авторовъ, большею частью игравшихъ политическую или какую-нибудь другую роль. Въ нихъ есть нѣкоторое сходство съ романами и всегда бездна анекдотовъ, остротъ, сплетенъ, а часто и выдумокъ; но за то они знакомятъ читателя съ внутреннею жизнью и домашнимъ бытомъ и передаютъ множество признаній и поясненій, которыхъ нельзя найти въ исторіи, основывающейся только на вѣрныхъ документахъ и свидѣтельствахъ. По своему характеру они могутъ быть писаны только на отечественномъ языкѣ. Къ этому періоду принадлежатъ мемуары, самые интересные въ историческомъ отношеніи и свободные отъ недостатковъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ; вообще мы имѣемъ множество французскихъ мемуаровъ, весьма двусмысленнаго свойства; но мемуары, относящіеся къ XII и XIII столѣтіямъ, простыми пріемами и языкомъ вѣрнѣе всего обрисовываютъ намъ то время. Въ нихъ, какъ и у Геродота, больше естественности, чѣмъ искусства, котораго, разумѣется, еще меньше у какого-нибудь **Вилльгардуэна** и **Жуанвилля**, чѣмъ у многосторонне-образованнаго Геродота.

Первый изъ названныхъ нами писателей былъ однимъ изъ героевъ крестоваго похода, которымъ венеціанцы хитро воспользовались въ началѣ XIII столѣтія, для завоеванія Константинополя, а фамилія историка — для пріобрѣтенія княжества въ Греціи (стр. 76). Самъ Готтфридъ де Виллгардуэнъ, маршалъ Шампани, не былъ на столько грамотенъ, чтобы собственноручно написать свои мемуары, но онъ продиктовалъ одному капеллану исторію завоеванія Константинополя французскими баронами въ союзѣ съ венеціанцами, съ 1198 по 1207 г. Рукопись была напечатана, первымъ изданіемъ, въ 1583 г. и потомъ помѣщена дю Френъ дю Канжемъ (du Fresne du Cange) въ собраніи византійскихъ писателей, вмѣстѣ съ продолженіемъ отъ 1220 до 1240 г. и исторіей латинской имперіи въ Константинополѣ. Мы не будемъ разбирать качества произведенія Вилльгардуэна, потому что разсматриваемъ его не какъ историческій источникъ, а какъ любопытное историческое описаніе. Чувства и впечатлѣнія стараго рыцаря переданы такъ естественно, что, читая продиктованныя имъ записки, которыя онъ зачастую сопровождаетъ восклицаніями, кажется, будто присутствуешь при драмѣ, въ которой маршалъ играетъ одну изъ главныхъ ролей. Онъ высказываетъ совершенно откровенно и прямо алчныя, хищныя и кровожадныя мысли рыцарей, не находя въ нихъ ничего дурнаго, и рядомъ съ ними трогательно описываетъ ихъ рыцарскую вѣру, благочестіе и набожность, тѣмъ болѣе сильныя, что въ нихъ нисколько не участвовалъ разсудокъ. Хотя книга его была передѣлана въ XIV столѣтіи и, слѣдовательно, потеряла значительную долю своего первоначальнаго характера, но все же изъ нея гораздо лучше можно узнать исторію и образъ мыслей рыцарства, чѣмъ изъ латинскихъ источниковъ, латинизировавшихъ людей и событія. Впрочемъ, въ языкѣ маршала сохранилось еще на столько романскаго, что первый издатель счелъ нужнымъ перевести ее на новый французскій языкъ, теперь также устарѣвшій. Второй издатель, дю Френъ дю Канжъ, пріобрѣлъ безсмертную заслугу своими комментаріями на это сочиненіе. Гораздо за-

мѣчательнѣе мемуаровъ Вилльгардуэна, по изложенію, слогу и языку, другое превосходное произведеніе на національномъ языкѣ, — исторія и хроника Людовика Святаго, составленная Жуанвиллемъ. Къ сожалѣнію, и она не сохранилась въ первоначальномъ видѣ; однако французскій академикъ ла Басти (la Bastie) побѣдоносно опровергъ мнѣніе, будто до насъ дошла только передѣлка сочиненія Жуанвилля, относящаяся къ XV вѣку. Впрочемъ, первый издатель Жуанвилля, Петръ ла Ріё (la Rieux), напечатавшій его въ 1547 г., самъ говоритъ, что передѣлалъ текстъ, или, какъ онъ выражается, сгладилъ его (l'ayant polie) и привелъ въ лучшій видъ. Второй издатель, Клодъ Менаръ, 1617 г., не передѣлывалъ сочиненія, но приложилъ переводъ его на современномъ ему французскомъ языкѣ. Оригиналъ былъ по возможности возстановленъ въ великолѣпномъ парижскомъ изданіи in folio, 1761 г. Сверхъ того есть еще изданіе дю Френъ дю Канжа, въ которомъ соединено все, что можетъ бросить свѣтъ на послѣднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Но какія бы измѣненія ни потерпѣлъ Жуанвилль въ слогѣ и даже въ содержаніи, тонъ и простодушные пріемы всего разсказа до того ясно изображаютъ намъ характеръ эпохи, въ которую онъ писалъ, что у него такъ же мало можно сомнѣваться въ истинѣ и вѣрности описанія, какъ въ Гомерѣ и Геродотѣ. Благочестіе, смѣшанное съ дикимъ суевѣріемъ, гордость, внушаемая владѣніемъ землями, не зависящими отъ сюзерена, высокомѣрное чванство знатнымъ происхожденіемъ чрезвычайно наивно соединяются съ чувствами покорности передъ Богомъ, а при случаѣ и передъ императоромъ и королемъ; и все это передается совершенно откровенно. Читая его, понимаешь, что въ такое время крѣпостное право и презрѣніе къ горожанину и крестьянину были столь же естественны, какъ подчиненіе человѣку рабочаго скота. Разсказы о рыцарскихъ подвигахъ приводятъ въ изумленіе и при всей своей несомнѣнности производятъ впечатлѣніе рыцарскихъ романовъ или легендъ о сраженіяхъ съ драконами и исполинами. Самъ авторъ, подобно героямъ Гомера, часто сознается въ своемъ страхѣ и боязни. Онъ очарованъ благочестіемъ своего господина, однако показываетъ, что самъ не раздѣлялъ его мнѣнія о свойствахъ истиннаго благочестія. Впрочемъ, онъ хвалитъ короля съ бо́льшимъ смысломъ, чѣмъ писатели легендъ, особенно потому, что наглядно объясняетъ намъ, какъ Людовикъ, мало-по-малу, поставилъ его самого на лучшую дорогу. Но при всей простотѣ и религіозности Жуанвилль обнаруживаетъ несравненно больше здраваго политическаго такта, чѣмъ святой король, жизнь котораго онъ описываетъ, и въ своемъ естественномъ разсказѣ, безъ всякихъ искусственныхъ подраздѣленій и классификацій, передаетъ всѣ современныя событія, съ ихъ причинами и послѣдствіями, касаясь событій или сценъ не только домашней и государственной, но даже внутренней и религіозной жизни.

б). Школьная образованность.

Школы того времени имѣли несравненно больше значенія, чѣмъ обыкновенно думаютъ: въ нихъ собирались всѣ тѣ, которые не предназначали себя къ боевой жизни, такъ какъ словесное преподаваніе и записываніе лекцій было единственнымъ средствомъ къ образованію въ эпоху, когда книгъ было мало, а существовавшія добывались съ трудомъ. Потому, знаменитый учитель дѣлался центромъ умственнаго движенія, какъ мы это видѣли въ предъидущемъ отдѣлѣ, изъ примѣра Абеляра (т. II. стр. 630 и 631), и современники принимали такое же участіе въ спорѣ номиналистовъ съ реалистами, какъ мы въ борьбѣ политическихъ партій. По смерти Абеляра, Жильберъ де Пуаре (Poirée), Альберихъ, англичанинъ Робертъ Пуллейнъ (Pullein) и Адамъ Парвипонте, основали четыре школы реалистовъ, называвшихся порретанами, альбриканами, робертинцами, парвипонтанами и нисколько не смущавшихся гнѣвомъ св. Бернара на Жильбера де Пуаре. Мы упоминаемъ объ этихъ сектахъ потому, что изъ школы одной изъ нихъ (Адама Парвипонте) вышелъ замѣчательнѣйшій человѣкъ среднихъ вѣковъ, Іоаннъ Салисбёри.

Онъ можетъ служить доказательствомъ, что мы совершенно иначе судили бы объ образованности и ученыхъ среднихъ вѣковъ, если бы книгопечатаніе было изобрѣтено двумя столѣтіями ранѣе. Его письма чрезвычайно важны для церковной и политической исторіи того времени, такъ какъ онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ переговорахъ и, между прочимъ, ѣздилъ посломъ Генриха II къ папѣ Адріану IV, чтобъ выпросить у него для короля права на Ирландію (стр. 23). Это дареніе, послужившее предлогомъ къ насильственному завоеванію Ирландіи, совершилось въ силу власти, признанной за церковью Константиномъ Великимъ, предоставившимъ ей свѣтскія владѣнія. Въ дѣлѣ Томаса Беккета, Іоаннъ Салисбёри держалъ его сторону, былъ вмѣстѣ съ нимъ изгнанъ и потомъ получилъ епископство шартрское. Его письма, написанныя хорошимъ слогомъ, показываютъ въ средневѣковомъ духовномъ мыслящаго человѣка и министра, которому теперь, при господствующей всюду посредственности, нѣтъ равнаго. Изъ двухъ его сочиненій видно, что онъ судилъ о философахъ и іерархіи своего времени совершенно такъ, какъ мы судимъ о нихъ теперь. Въ одномъ изъ сочиненій (Metalogicus), напечатанномъ въ первый разъ въ 1610 г., онъ, какъ ученикъ Абеляра и другихъ сильныхъ діалектиковъ, осмѣиваетъ одностороннее направленіе современниковъ, преподававшихъ въ школахъ только діалектику и метафизику, т. е. богословіе. Онъ издѣвается надъ рвеніемъ одного изъ школьныхъ философовъ, желавшаго совершенно изгнать, особенно изъ школъ, всѣхъ языческихъ писателей, и усиленно рекомендуетъ, вмѣсто нихъ, грамматику, чтеніе древнихъ и другія науки, служившія пособіемъ для изученія этихъ писателей. При этомъ онъ описываетъ свои учебныя занятія и пребываніе въ Парижѣ, которымъ очень доволенъ, и, не смотря на то, что самъ былъ отличнымъ діалектикомъ, рѣшительно высказывается противъ господствовавшаго повсюду искусства спорить, называвшагося діалектикой, и противъ основавшейся на немъ схоластики, то есть противъ тогдашняго систематическаго богословія. Слѣдующія слова его повторитъ теперь всякій, кто любитъ науку, не будучи систематикомъ и философомъ. «Я охотно признаю, говоритъ онъ, пользу систематическаго изученія философіи, съ цѣлью обобщить, развить и упрочить другія познанія, но изученіе ея для нея самой безжизненно и безплодно.» Поэтому онъ обвиняетъ многихъ изъ знаменитыхъ схоластиковъ въ томъ, что они, надутые своими софистическими способностями, не указываютъ пути къ чистой истинѣ, а напротивъ, всячески сбиваютъ съ него. Въ политическомъ и церковномъ отношеніи, для той эпохи, когда враждовали между собой Генрихъ II, Томасъ Беккетъ и папа (стр. 18), важнѣе его второе сочиненіе, Поликратикъ (Polycraticus), касающееся совершенно другихъ предметовъ, но содержащее въ себѣ замѣтки о жизни и наукѣ. Въ одномъ мѣстѣ этой книги онъ презрительно относится къ философамъ своего времени; въ другомъ говоритъ такую правду своему соотечественнику, папѣ Адріану IV, какую въ настоящее время едва ли рѣшился бы сказать папѣ кто-нибудь изъ католическихъ духовныхъ. Онъ разсказываетъ (Policr. lib. II, с. 23), что во время посольства по дѣлу объ Ирландіи, Адріанъ однажды спросилъ его: что говорятъ въ свѣтѣ о папѣ и церкви? «Я откровенно скажу вамъ, отвѣчалъ онъ, что слышалъ во многихъ странахъ. Говорятъ, что римская церковь относится къ другимъ церквамъ не какъ мать, а какъ мачиха. Книжникамъ и фарисеямъ въ ней привольно, и они наваливаютъ тяжесть на другихъ, а сами не хотятъ пошевелить пальцемъ, чтобы помочь имъ. Они деспотически правятъ духовенствомъ и не подаютъ хорошаго примѣра паствѣ; въ ихъ домахъ роскошь, на столахъ золото и серебро, а руки ихъ сжаты скупостью. Они никогда и никому не дарятъ ничего, и бѣдные только тогда смѣютъ приблизиться къ нимъ, когда того требуетъ ихъ тщеславіе. Они взимаютъ поборы съ церквей, возбуждаютъ тяжбы, вызываютъ раздоры между духовенствомъ и его паствой и считаютъ главною выгодою религіи то, что она доставляетъ имъ богатства. У нихъ все продажно, а когда нѣтъ случая грѣшить, они, подобно падшимъ ангеламъ, хвалятся своимъ превосходствомъ. Отъ этихъ упрековъ свободна развѣ самая малая часть изъ нихъ. Самъ папа невыносимое бремя для христіанства. Всюду жалуются, что церкви, построенныя благочестіемъ отцовъ, разваливаются, алтари ихъ пустѣютъ, а папы строятъ дворцы, ходятъ въ пурпурѣ и все болѣе и болѣе утопаютъ въ роскоши. На это и многое другое громко ропщетъ народъ.» «Ну, а ваше мнѣніе?» спросилъ папа. «Этотъ вопросъ

ставитъ меня въ затрудненіе, отвѣчалъ Іоаннъ; противопоставляя свой голосъ общему, я былъ бы лжецомъ и льстецомъ, а съ другой стороны, боюсь подать поводъ къ неудовольствію.» Здѣсь онъ вывернулся, сославшись на одного кардинала, сказавшаго въ собраніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ папы Евгенія, что источникъ зла въ римской церкви составляютъ господствующія въ ней лживость и алчность, и затѣмъ продолжалъ: «Впрочемъ, я встрѣчалъ въ ней людей высокой добродѣтели и вовсе не корыстолюбивыхъ, и могу привести живые примѣры, гдѣ умѣренность и строгость нравовъ Фабриція соединены съ истинно христіанскими добродѣтелями. Если вы непремѣнно хотите знать мое мнѣніе, то я вамъ скажу, что хорошо слѣдовать во всемъ вашему ученію, но не подражать вашимъ дѣйствіямъ. Міръ громко привѣтствуетъ васъ и льститъ вамъ, зовя васъ господиномъ и отцомъ; но если вы дѣйствительно отецъ, зачѣмъ же вы требуете отъ дѣтей даровъ? Если же вы господинъ, отчего вамъ не повинуются ваши римляне? Вы, повидимому, хотите задобрить этотъ городъ подарками; но развѣ такимъ путемъ пріобрѣлъ его Сильвестръ? Вы ошибаетесь, святой отецъ. Дѣлите съ другими то, что сами получили даромъ; угнетая другихъ, вы сами подвергаетесь угнетенію.»

Уже изъ этого видно, что изученіе философіи, какіе бы ни были его результаты, возбуждало въ концѣ XII и особенно въ XIII столѣтіи стремленіе къ умственной свободѣ, не сносившей гнета и преслѣдованій. Это еще яснѣе обнаруживается исторіею церкви и ересей; но она не касается нашего предмета. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о расширеніи сферы знаній въ XIII столѣтіи, такъ какъ о немъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ отдѣлѣ, въ связи съ появленіемъ въ XIV и XV столѣтіяхъ новыхъ школъ уже не духовныхъ, но чисто ученыхъ и беллетристическихъ. Со времени Абеляра, во всѣхъ книгахъ заговорили о Платонѣ и Аристотелѣ, и затѣмъ появились латинскіе переводы арабскихъ комментаріевъ великаго учителя. Это показало, какъ обширны были свѣдѣнія шедшихъ по слѣдамъ грековъ аравитянъ не только въ діалектикѣ и метафизикѣ, но въ естественныхъ наукахъ и всѣхъ искусствахъ; тогда всѣ принялись за изученіе грековъ и аравитянъ. Эти занятія, а также путешествія ученыхъ прояснили монастырскую мглу, и на жизнь стали смотрѣть правильнѣе; доказательствомъ тому можетъ служить Іоаннъ Салисбёри. Еще до него схоластикъ Аделардъ Батскій (1120—1140 г.) былъ знаменитъ путешествіями по Германіи, Италіи, Испаніи, Греціи, Аравіи и Африкѣ. Онъ оставилъ изслѣдованія по естественной исторіи (de quaestionibus naturalibus), не важныя по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, но замѣчательныя исторически, какъ результатъ пребыванія его въ Салерно, гдѣ находилась значительнѣйшая медицинская школа того времени. Современникъ его, Робертъ де Ретинъ, путешествовалъ по Франціи, Италіи, Далмаціи, Греціи, Азіи, долго жилъ въ чрезвычайно образованныхъ тогда мухаммеданскихъ государствахъ, поселился на нѣсколько времени въ Испаніи, но потомъ вернулся во Францію вмѣстѣ со своимъ соотечественникомъ, Германомъ Далматою. Оба они соединились съ Петромъ Толедскимъ, о которомъ упоминаетъ покровитель Абеляра, Петръ Достопочтенный, въ одномъ изъ писемъ къ святому Бернару (т. II стр. 632), и вмѣстѣ перевели Коранъ.

Относительно изученія грековъ намъ извѣстно, что между 1160 и 1170 г. аббатъ Сенъ-Дени, Одонъ, послалъ въ Грецію за книгами монаха Вильгельма, бывшаго потомъ его преемникомъ и считавшагося хорошимъ врачомъ. Но результаты его занятій намъ неизвѣстны; мы знаемъ только, что онъ доставилъ возможность одному Іоанну Сарацину или Бургундіо обогатить Западъ исправленнымъ переводомъ сочиненія глубоко почитавшагося на Западѣ въ средніе вѣка Діонисія Ареопагита. Эта книга была переведена съ греческаго, по дурной рукописи, Эригеною Скотомъ, а Іоаннъ Бургундіо исправилъ текстъ по списку, привезенному Вильгельмомъ, и сдѣлалъ новый переводъ. Гораздо больше значенія для развитія общаго образованія и перехода къ новой цивилизаціи, начавшагося въ XIV столѣтіи, имѣли старанія Альфреда и Даніеля де Морлэ (1185 г.) о пріобрѣтеніи подлиннаго текста Аристотеля и развитіи естественныхъ наукъ; о нихъ говоритъ Вудъ въ своей исторіи оксфордскаго университета (т. I. стр. 15). Въ началѣ XIII столѣтія взглядъ учащихъ и учащихся до того расширился и новый свѣтъ съ такою силою проникъ въ школы, что самъ Иннокен-

тій III, осуществлявшій въ свѣтскихъ дѣлахъ виды Григорія VII, и его кардиналъ и легатъ, Робертъ Курсонъ, потерпѣли совершенную неудачу, когда хотѣли допустить въ ученыя школы только діалектическія сочиненія Аристотеля, не дозволяя вновь введенныхъ туда настоящей метафизики и физики великаго философа.

Императоръ Фридрихъ II оказалъ наукѣ огромную услугу, замѣнивъ подлиннымъ Аристотелемъ искаженную и изуродованную латинскую переписку дурныхъ арабскихъ переводовъ и стараясь распространить на всемъ Западѣ естественныя науки аравитянъ; однако не онъ одинъ далъ школамъ новое направленіе. Изъ весьма извѣстнаго мѣста исторіи короля Филиппа Августа, Бигора, мы знаемъ, что по приказанію Филиппа оригиналъ метафизики Аристотеля былъ привезенъ изъ Греціи въ Парижъ тотчасъ послѣ взятія Константинополя латинянами, въ 1209 г., — слѣдовательно, задолго до того времени, когда по приказанію Фридриха сдѣланъ былъ изумившій тогдашній міръ переводъ съ греческаго оригинала. Непосредственно послѣ Фридриха, Альфонсъ X Кастильскій обезсмертилъ себя занятіями астрономіею и реальными науками; его астрономическія таблицы послужили основаніемъ всей новѣйшей астрономіи. При дворѣ Фридриха II, Михаилъ Скотъ имѣлъ такое же значеніе, какъ Гергардъ Кремонскій при Фридрихѣ I, но, повидимому, онъ занимался больше астрологіей, чѣмъ астрономіей, по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ одного мѣста Ада Данте и изъ отрывковъ толкователей этой поэмы. Впрочемъ, онъ жилъ нѣкоторое время въ Толедо, а труды французскаго ученаго Журдена, изслѣдовавшаго вліяніе Аристотеля на средніе вѣка, доказали, какое важное значеніе имѣлъ Скотъ для XIII вѣка. Позднѣе прославились переводами Аристотеля: Генрихъ Брабантскій, Вильгельмъ фонъ Мербеке и Томасъ де Кантипре. Въ какой мѣрѣ отдѣльныя лица занимались науками, показываетъ энциклопедія Венсана де Бове: онъ назвалъ свою энциклопедію зеркаломъ и посвятилъ одинъ фоліантъ въ 1200 страницъ историческимъ наукамъ, другой, въ 1800, философскимъ и третій, такого же объема, естественнымъ. Впрочемъ, онъ былъ больше компиляторъ, чѣмъ философъ. Какъ преподаватели философіи, въ XIII вѣкѣ прославились три человѣка, учившихъ въ Германіи, Италіи и Англіи и пользовавшіеся такою извѣстностью, что вся Европа считала ихъ чудомъ учености и превозносила похвалами. Это были: Альбертъ Кёльнскій, Томасъ Аквинскій и Роджеръ Бэконъ.

Альбертъ Кёльнскій или Великій, уроженецъ Лаунгена, въ Швабіи, обучался въ Павіи и Болоньѣ и потомъ училъ въ Гильдесгеймѣ, Фрейбургѣ, Регенсбургѣ, Страсбургѣ и наконецъ въ Кёльнѣ. Здѣсь у него учились, между прочимъ, одинъ изъ переводчиковъ Аристотеля, Томасъ де Кантипре, а впослѣдствіи Томасъ Аквинскій. Онъ былъ, безспорно, однимъ изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ вѣковъ. Уча попеременно въ Кёльнѣ и Парижѣ, онъ съ трудомъ согласился принять регенсбургское епископство и вскорѣ отказался отъ него, чтобъ продолжать учить мудрости, въ самомъ обширномъ объемѣ этого слова. Разумѣется, мы не станемъ повторять басенъ о его механическихъ изобрѣтеніяхъ, автоматахъ, говорящей головѣ и другихъ чародѣйствахъ, но, безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ надо вѣрить не сущности, а формѣ разсказовъ. Впрочемъ, ихъ настоящій смыслъ не всегда такъ легко возстановить, какъ значеніе разсказа о его великолѣпной теплицѣ. Разсказываютъ, что когда его посѣтилъ въ Кёльнѣ германскій императоръ, Вильгельмъ Голландскій, онъ привелъ его въ изумленіе, показавъ монастырскій садъ, гдѣ зимою царствовала весна и цвѣли растенія. Передающій это событіе считаетъ его чудомъ, а Альберта чародѣемъ; мы же объясняемъ себѣ это очень просто, полагая, что все это было не на открытомъ воздухѣ. Творенія Альберта составляютъ въ ліонскомъ изданіи (1651 г.) двадцать одинъ фоліантъ; при самомъ поверхностномъ обзорѣ ихъ нельзя не изумляться необыкновенному разнообразію познаній этого величайшаго средневѣковаго ученаго. Онъ вмѣщалъ въ себѣ, подобно Аристотелю и его комментаторамъ, Альгазелю, Альфараби, Авиценнѣ (т. II, стр. 359), трудами которыхъ пользовался, всѣ человѣческія знанія и притомъ владѣлъ ими не поверхностно и теоретически, но основательно и практически. Естественныя науки обязаны ему многимъ, а по увѣренію знающихъ дѣло, до сихъ поръ никто еще не съумѣлъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, его переработкою сочиненія Аристотеля о свойствахъ растеній,

весьма важнаго для ихъ физіологіи, но дошедшаго до насъ въ искаженномъ видѣ. Его 26 книгъ о животныхъ были съ успѣхомъ защищены противъ дерзкаго невѣжества одного нѣмца (Буле) двумя французскими учеными, Журденомъ и отличнымъ знатокомъ естественной исторіи ле Камю (le Camus), обнаружившими при этомъ богатство собственныхъ опытовъ и наблюденій. Великій богословъ-философъ до того любилъ естественныя науки, что говоритъ о нихъ даже въ акаѳистѣ Богородицѣ (de vergine gloriosa), вообще имѣющемъ скорѣе естественно-историческій, чѣмъ религіозный характеръ.

Англійскій монахъ Роджеръ Бэконъ, благодаря похваламъ Локка и французскихъ философовъ XVIII столѣтія, обыкновенно считается единственнымъ средневѣковымъ философомъ, учившимъ понятно и практически. Это въ высшей степени несправедливо относительно людей, не имѣвшихъ претензіи быть народными учителями, но старавшихся серьезнымъ обученіемъ образовать народныхъ учителей изъ немногихъ дѣльныхъ людей. Въ его время мы находимъ въ Англіи довольно много ученыхъ, знавшихъ не только богословіе и философію, но и греческій языкъ. Своими познаніями славились Іоаннъ Бэзингстоксъ и особенно Робертъ Гросстетъ, епископъ линкольнскій, переведшій прямо съ греческаго Діонисія Ареопагита, Іоанна Дамаскина и ѳику Аристотеля съ комментаріями на нее; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ значеніе и для литературы англійскаго языка, хотя обыкновенно писалъ на старофранцузскомъ, употреблявшемся при дворѣ и въ судахъ. Онъ даже сочинялъ иногда стихи, и въ исторіи англійской поэзіи Уартона помѣщена его весьма порядочная пѣсня менестреля. Но нельзя повѣрить Уартону, вообще весьма сбивчивому и плохому критику, чтобы Робертъ перевелъ Суидаса. Объ Іоаннѣ Линкольнѣ, Матвѣй Парисъ разсказываетъ, что греческому языку и высшимъ наукамъ, доставившимъ ему и его современнику Николаю прозваніе грековъ, обучала его одна замѣчательная дѣвушка. Онъ учился въ Парижѣ и, отправясь въ Аѳины, нашелъ тамъ наставницу въ двѣнадцатилѣтней дочери тамошняго архіепископа (который могъ быть вдовцомъ), выучившей его не только греческому языку, но и наукамъ и свободнымъ искусствамъ. Мы готовы повѣрить на слово историку, что дѣвушка могла тогда публично учить въ Аѳинахъ, но никакъ не согласимся съ нимъ, чтобы она имѣла какой-то высшій даръ и могла предсказывать землетрясенія и другія естественныя явленія. Роджеръ Бэконъ, современникъ Альберта Кёльнскаго, былъ Локкомъ, д'Аламберомъ или Кондильякомъ среднихъ вѣковъ, и зато враги умозрѣній и идеализма превознесли его похвалами. Дѣйствительно, онъ былъ реаленъ, практиченъ и врагъ темнаго преподаванія и всякихъ хитростей тогдашнихъ учителей; это и придавало ему огромное значеніе въ средніе вѣка, когда обманщиковъ было безчисленное множество; но гораздо важнѣе его вліяніе на развитіе новыхъ началъ, чѣмъ дѣятельность его, какъ научнаго изслѣдователя внутренняго человѣка. Альбертъ, по всей вѣроятности, зналъ только латинскій языкъ; Роджеръ владѣлъ арабскимъ, греческимъ и еврейскимъ, былъ хорошимъ наблюдателемъ и даже въ наше время уважался бы какъ преподаватель опытной физики; но глубиною мышленія онъ далеко уступалъ Альберту, изъ школы котораго вышелъ Томасъ Аквинскій. Сверхъ того, придерживаясь той же философіи, какъ и другъ прусскаго короля Фридриха II, маркизъ д'Аржансъ, онъ подобно ему страдалъ нелѣпымъ суевѣріемъ: маркизъ вѣрилъ въ предчувствія, предзнаменованія, счастливые и несчастные дни и знаки; монахъ Бэконъ въ нелѣпости магіи и астрологіи. Онъ является предъ нами шарлатаномъ, хвастаясь въ письмѣ къ папѣ Клименту IV (въ собраніи ненапечатанныхъ анекдотовъ Thesaurus novus anecdotorum, изданномъ Мартеномъ и Дюраномъ, т. I, стр. 402), что можетъ въ три дня выучить всякаго по гречески и въ такой же срокъ по еврейски. Значительною долею славы онъ обязанъ своимъ механическимъ и оптическимъ изобрѣтеніямъ, которыми началъ новую эпоху въ наукѣ, перейдя отъ умозрѣній къ наблюденіямъ, измѣреніямъ и вычисленіямъ, составляющимъ основаніе опытныхъ наукъ. Впрочемъ, двое ученыхъ доказали, до какой степени заслуги Бэкона преувеличены изъ ненависти къ спекулятивному и богословскому направленію среднихъ вѣковъ, и какъ его восхваляли въ ущербъ другимъ. Одинъ изъ нихъ, оптикъ Смитъ, доказываетъ, что мѣсто въ сочиненіи Бэкона, гдѣ онъ будто бы говоритъ о телескопахъ, буквально заимствовано изъ седьмой книги Аль-Хазена

(т. II, стр. 362), такъ что если тамъ дѣйствительно идетъ рѣчь о телескопахъ, то во всякомъ случаѣ, не Бэконъ изобрѣлъ ихъ. Другой ученый, знаменитый историкъ математики, Монтюкла, говоритъ даже, что всѣ оптическія открытія, приписываемыя Бэкону, сдѣланы Аль-Хазеномъ, и что Бэконъ всюду, гдѣ отступаетъ отъ него, впадаетъ въ ошибки, которыхъ съумѣлъ избѣжать арабскій оптикъ. Изобрѣтеніе пороха приписывается ему также неправильно.

Такъ какъ это сочиненіе предназначается не для ученыхъ, то здѣсь мы только мимоходомъ упоминаемъ о богословахъ, хотя бы они были столь знамениты, какъ магистръ сентенцій (magister sententiarum) Петръ Ломбардъ, или какъ его комментаторъ, Александръ Гэльсъ. Первый назвалъ свою книгу сокровищемъ и, подражая евангельской вдовѣ, съ высокомѣрною скромностью принесъ свою лепту всей церкви. О Томасѣ Аквинскомъ, Дунсѣ Скотѣ и Бонавентурѣ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ, въ связи съ великимъ итальянскимъ, философски-поэтическимъ произведеніемъ первой половины XIV столѣтія.

2. Народная литература.

а) Романская образованность и романтизмъ.

На этотъ разъ мы совершенно обходимъ Италію и Пиренейскій полуостровъ, о которыхъ придется почти исключительно говорить въ двухъ слѣдующихъ столѣтіяхъ, такъ какъ тамъ возникло новое направленіе литературы и писали люди, у которыхъ дѣлали заимствованія Чосеръ, Спенсеръ и Шекспиръ. Объ Англіи также нельзя сказать многаго, потому что тамъ при дворѣ, въ судахъ, парламентѣ и законахъ употреблялись исключительно различные романскіе діалекты, такъ что даже до сихъ поръ въ государственной и юридической сферахъ сохранились старофранцузскія названія, формулы и техническія выраженія. Романскій языкъ и романская образованность имѣли важное значеніе для среднихъ вѣковъ; на различныхъ діалектахъ этой группы говорили, пѣли, писали и состязались въ стихотворствѣ на всемъ пространствѣ отъ Тибра до Твида, отъ Рейна до Таго и Эбро. Въ шестомъ томѣ были уже указаны различные романскіе діалекты (т. II стр. 626); и назначеніе этой исторіи не позволяетъ разсматривать въ подробности ни ихъ, ни громадную массу стихотвореній, написанныхъ на различныхъ нарѣчіяхъ этихъ языковъ и въ различныя эпохи среднихъ вѣковъ. Массы этихъ произведеній хранятся въ парижскихъ библіотекахъ и различныхъ городахъ Франціи и Италіи; многія изъ этихъ литературныхъ сокровищъ были впервые напечатаны только въ наше время; но, не имѣя возможности останавливаться на томъ, что замѣчательно только въ литературномъ отношеніи, мы выберемъ немногое, имѣющее значеніе для исторіи цивилизаціи въ средніе вѣка.

Въ этомъ отношеніи мы должны прежде всего замѣтить, что, разсматривая всю массу, то есть всѣ различные виды повѣствовательной и лирической поэзіи трубадуровъ и труверовъ и содержащіяся въ нихъ философію, исторію, мораль, духовно-христіанскую миѳологію, патріотизмъ, идеальную любовь, набожность, геройскую жажду брани и ѣдкую, злую сатиру, мы видимъ, что жестоко ошиблись бы, считая школы единственнымъ источникомъ истиннаго народнаго образованія. Это вѣрно только для нашего времени, когда цѣлымъ классамъ народа, угнетеннымъ нуждою, нельзя и думать о веселой, общественной жизни, оживленной играми и пѣснями. Въ средніе вѣка было иначе; тогда сама жизнь имѣла поэзію; неистовая рѣзня и грабежъ смѣнялись процессіями, празднествами, турнирами, народными увеселеніями, и тотъ же феодалъ, порабощавшій своихъ крестьянъ и обиравшій горожанина, великодушно жертвовалъ жизнью за угнетенную невинность и дѣлался христіански смиреннымъ, великодушнымъ и милосердымъ.

Не упоминая о всѣхъ родахъ поэзіи этого поэтическаго, мечтательнаго времени, мы ограничимся самыми извѣстными и изъ повѣствовательныхъ стихотвореній, — принадлежавшихъ почти исключительно труверамъ, унизившимся впослѣдствіи до жонглерства, — назовемъ только тѣ, которыя находятся въ связи съ

народными сказаніями, легендами, волшебными и чудесными разсказами и баснословными преданіями. Къ числу ихъ принадлежитъ, во-первыхъ, все относящееся до короля Артура и его Круглаго Стола, то есть собиравшихся у него рыцарей (т. II, стр. 372 и 416), и всѣ поэтическіе вымыслы о святомъ Гралѣ. Это исторія сосуда, служившаго будто бы Іисусу Христу на Тайной Вечери, и въ которой потомъ собрали кровь, пролитую на крестѣ. Самое слово граль (Graal) производили сначала отъ двухъ латинскихъ словъ (Sanguis realis), означавшихъ кровь Христа; но Рокфоръ прозводитъ его отъ винительнаго падежа греческаго слова cratera (блюдо). По словамъ преданія, сосудъ этотъ, спрятанный Іосифомъ Аримаѳейскимъ, находился въ Британіи, охраняемый чудовищами и великанами, и весь сюжетъ романовъ вертится на приключеніяхъ героевъ, отыскивавшихъ его. Къ этому же разряду принадлежитъ и романъ о Брутѣ Бренхинедѣ, послужившій источникомъ для всѣхъ сказаній объ Артурѣ. По преданію, его нашелъ въ Бретани архидіаконъ Вальтеръ Оксфордскій въ видѣ хроники, написанной на туземномъ нарѣчіи, а его другъ, уэльсскій аббатъ, Готтфридъ Артуръ или Готтфридъ Монмоутъ, перевелъ эту хронику на латинскій языкъ. Изъ всего этого разсказа достовѣрно только существованіе баснословной исторіи бриттовъ отъ покоренія Трои до 689, носящей имя Готтфрида и переведенной, около 1185 г., Робертомъ Уэсомъ, на романскій языкъ въ стихахъ. Въ это же время (собственно въ 1155 г., какъ говоритъ самъ авторъ въ трехъ послѣднихъ строкахъ) нѣкто Евстафій написалъ на романскомъ языкѣ двѣнадцатистопными ямбами Романъ Ру (Rou) или Роля (Роллона), въ которомъ разсказываетъ въ стихахъ исторію норманновъ совершенно такъ же, какъ Дудонъ Сенъ-Кантенскій и Вильгельмъ де Жюмье въ латинской прозѣ. Читая въ Брутѣ о Гогѣ и Магогѣ и о происхожденіи великановъ, мы часто сомнѣвались, не имѣла ли уже арабская сказочная литература вліянія на западъ еще въ то время, какъ сочинялъ свою поэму Роберъ Уэсъ. Въ этомъ убѣждаешься, когда идетъ рѣчь о героѣ Коринеѣ, одномъ скромномъ спутникѣ Брута, чрезвычайно опасномъ для великановъ, который однажды беретъ одного изъ нихъ за плечи и кидаетъ со скалы, или объ исполинѣ Гоэтмаготѣ, вышиною въ двѣнадцать локтей, и ломающемъ дубъ, какъ тростинку. Сходство съ арабскими волшебными сказками, заимствованными отъ испанскихъ мавровъ, обнаруживается еще яснѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказовъ. Такъ великанъ, котораго король Артуръ убилъ на одной горѣ въ Корнваллисѣ, былъ родомъ изъ Испаніи. Артуръ говоритъ, что съ такимъ страшнымъ противникомъ онъ не встрѣчался со времени битвы съ исполиномъ Ритономъ, одежда котораго состояла изъ бородъ убитыхъ королей; однако, Артуръ убилъ его на горѣ Аравіи и овладѣлъ его бородой. Принцъ нортумберлендскій, Эдвинъ, зоветъ на помощь чародѣя изъ Испаніи, а въ знаменитомъ пророчествѣ Мерлина говорится: «Отъ Канау придетъ вепрь, котораго будутъ бояться далекіе аравитяне и африканцы и который покоритъ Испанію.»

Другой отдѣлъ эпическихъ поэмъ основанъ на баснословной исторіи Карла Великаго и его паладиновъ, неправильно приписываемой трирскому архіепископу Турпину (733 г.), но извѣстной уже въ 1120 г. (на латинскомъ языкѣ). Эта исторія была переложена въ романскіе стихи, въ 1207 г., и послужила матеріаломъ для множества романовъ. Къ нимъ относятся слѣдующія произведенія: Вильгельмъ Оранскій или Курносый, написанный Адене ле Руа, утверждавшимъ, что онъ первый извлекъ настоящую исторію Карла Великаго и его матери Берты изъ хроникъ Сенъ-Дени, а также написанные въ XV столѣтіи въ прозѣ: Четверо дѣтей Аймона, Доолинъ Майнцскій, Мальжеръ Эгремонтскій, Ожеръ Датчанинъ. Другимъ источникомъ для позднѣйшихъ романскихъ эпическихъ разсказовъ были 15 книгъ троянскихъ исторій, написанныхъ въ 1260 г. Гвидо де Колонна, по латини. Онъ заимствовалъ свой разсказъ изъ плохаго произведенія Дарія Фригія, ходившаго подъ именемъ Корнелія Непота, и примѣшалъ къ нему исторію, записанную во время Константина Великаго Септиміемъ подъ именемъ Диктиса Критскаго, кое что изъ Овидія, изъ Тебаиды Стація и изъ Аргонавтики Валерія Флакка; вся эта смѣсь была выдана за произведеніе настоящаго Диктиса Критскаго, жившаго при Неронѣ. Далѣе, цѣлый рядъ романтическихъ поэмъ возникъ изъ персидскихъ легендъ, переведенныхъ на греческій, а съ него на латинскій языкъ. Симонъ Сиѳъ, бывшій въ 1070 году прото-

вестіаріемъ или гофмаршаломъ императора Михаила VII, и извѣстный переводомъ басенъ, приписываемыхъ Пильпаю, заимствовалъ у персіанъ, прославляющихъ даже до сихъ поръ подвиги героя Искандера, жизнь и дѣянія Александра Македонскаго; эта исторія была пущена въ свѣтъ подъ именемъ Каллисѳена. Александріады, почерпнутыя изъ этого источника, восходятъ до 1110 г. Въ эту эпоху Готье де Лилль или де Шатильонъ написалъ Александріаду стихами, получившими потомъ названіе александрійскихъ. Романы Александра Парижскаго, Елена, Бризеида, Атисъ, Порфирія, принадлежатъ къ троянскому циклу. Изъ множества другихъ поэмъ мы назовемъ только la geste d'Alexander, надъ которою трудились нѣсколько писателей; говорили, будто переводъ этого романа принадлежалъ Ламберту де Шатодёну, а стихи и поэтическія добавленія Александру Парижскому. Но ни одинъ романъ не имѣлъ такого успѣха, какъ Партенопексъ де Блуа, Вильгельма Лорриса и Жанъ ле Менга, по прозванію Клопинеля. Побочную вѣтвь этого цикла составляютъ риѳмованные рыцарскіе романы, производимые изъ Испаніи, но, кажется, только потому, что о нихъ часто упоминается въ этой странѣ въ періодъ отъ 1290 — 1325 г. Крестовые походы также дали матеріалъ для рыцарскихъ романовъ, къ числу которыхъ относится завоеваніе Іерусалима Ренакса. Особый отдѣлъ составляютъ le Roman du Renard, le Bestiaire, и le Chevalier du Cygne.

Всѣ аллегорическія стихотворенія, — дидактическія, эпическія, или символическія—заимствованы или переведены съ арабскаго и персидскаго. L'Enseignement d'Aristote (ученіе Аристотеля) Петра Вернона есть ничто иное какъ философскія поученія, которымъ какой-нибудь восточный писатель придалъ имя Аристотеля. Долопатосъ (слово въ слово король горе и печаль) замѣчателенъ, какъ доказательство того, что уже въ средніе вѣка существовало умственное общеніе между цѣлымъ образованнымъ міромъ, и что мудрость, какъ въ доисторическое время, шла изъ Индіи. Сицилійскій король Долопатосъ и его сынъ Луціанъ являются только для того, чтобъ связать цѣлый рядъ разсказовъ, въ родѣ того какъ Шехеразада въ сказкахъ тысячи и одной ночи. Подлинникъ, принадлежащій индійцу Сендебабу или Сендебару, былъ переведенъ сначала на персидскій, а съ него на еврейскій, сирійскій, латинскій языки, и, наконецъ, около 1260 г. переложенъ Гербертомъ въ романскіе стихи. Кромѣ переводовъ этого сочиненія въ стихахъ, существовала еще одна передѣлка въ прозѣ, подъ заглавіемъ семь римскихъ мудрецовъ, существенно отличавшаяся отъ Долопатоса; въ Долопатосѣ только семь разсказовъ, а въ прозаической передѣлкѣ его четырнадцать, изъ которыхъ семь разсказываются королями и семь мудрецами. Точно также связаны между собою 28 разсказовъ, изданныхъ подъ именемъ «Наказанія» (Castoiement или Chastoiement) и переведенныхъ съ арабскаго крещеннымъ евреемъ Петромъ Альфонсомъ, который, какъ онъ самъ говоритъ, выбралъ ихъ изъ большаго числа исторій и басенъ, откинувъ все неприличное. Подъ именемъ Fabliaux разумѣлись всевозможные нравственные, а также легкіе, шутливые, насмѣшливые, а часто и непристойные разсказы и шутки. Вообще, въ то веселое, юношеское время Европы, все перекладывалось въ риѳмы, даже Coutumes de Normandie (мѣстные законы Нормандіи) и правила Бенедикта; такимъ образомъ и совершенно обыкновенныя происшествія, хорошіе или дурные поступки, перелагались въ стихи, составляя коротенькія стихотворенія, называвшіяся dits или ditiés.

Пѣніе, сопровождаемое музыкой, было въ такомъ всеобщемъ употребленіи, что въ пѣсняхъ упражнялся ксякій образованный человѣкъ; разнообразныя по содержанію, любовныя, философскія и сатирическія, онѣ были предметомъ состязаній, въ которыхъ принимали участіе даже женщины высшаго общества, обыкновенно раздававшія награды. Любовныя пѣсни, смотря по формѣ и содержанію, назывались: son, chant, chanson, couplet, vers, serenade, и сочинялись даже духовными лицами; такъ, напримѣръ, Абеляръ въ свое время гораздо болѣе былъ извѣстенъ мелодіею своихъ пѣсенъ, чѣмъ своею философіею, и по всей вѣроятности, самъ Бернардъ писалъ пѣсни на романскомъ языкѣ. Лэ (Lays) также имѣли лирическій характеръ, но болѣе походили на романсы, дѣлились на правильные стансы и содержали разсказы о любовныхъ происшествіяхъ, обыкновенно имѣвшихъ трагическій исходъ; они пѣлись съ аккомпаниментомъ арфы. Въ этомъ

родѣ пользовались большою славою Орфей, Аликсъ, Оже и Ландри. Въ plants, или элегіяхъ выражалась сильная скорбь и глубокія религіозныя чувства, перемежавшіяся у феодаловъ и рыцарей съ свирѣпой воинственностью. Сирвентами назывались ѣдкія насмѣшки и сатирическія пѣсни, которыми богата и арабская литература; иногда онѣ содержали въ себѣ разсказъ. Пасторель нельзя назвать идиллій, потому что это было просто поэтическимъ описаніемъ всякаго сельскаго предмета: ландшафта, пастушки и т. д. Тансонами или тенцонами назывались пѣсни, которыми состязались между собою пѣвцы; германскіе миннезенгеры пѣли подобныя въ началѣ XIII ст. въ Вартбургѣ; содержаніе ихъ чрезвычайно разнообразно; тансоны, въ которыхъ являлось нѣсколько лицъ, назывались торнеаментами или турнирами.

Чтобы имѣть точное и ясное понятіе о разнообразіи всѣхъ этихъ стихотвореній, о судахъ любви (cours d'amour) съ ихъ рѣшеніями, состязаніяхъ поэтовъ и трудностяхъ, дѣйствительныхъ и искусственныхъ, съ которыми имъ приходилось бороться, необходимо знать своеобразные технику и механизмъ построенія стансовъ и стиховъ. Всѣ нарѣчія романскаго языка, имѣя только ударенія, а не протяженіе слоговъ, могутъ имѣть только ямбы и трохеи; одинъ испанскій съ давняго времени усвоилъ себѣ дактиль и амфибрахій, то есть размѣръ de arte majore. Слѣдовательно, нужно имѣть музыкальное ухо дамъ, засѣдавшихъ въ судахъ, чтобъ опредѣлить степень искусства поэтовъ и соблюденія ими правилъ. Разнообразіе построенія ритмъ и строфъ, игра созвучій и словъ и тысячи подобныхъ тонкостей доставляли различнымъ видамъ стихотвореній различныя названія, ознакомиться съ которыми можно въ сочиненіи историка трубадуровъ, Ренуара (Raynouard).

Періодъ трубадуровъ заканчивается первою четвертью XIV столѣтія, такъ какъ обыкновенно Вильгельма де Пуату считаютъ первымъ, а Фридриха II Сицилійскаго (1326 г.) послѣднимъ изъ средневѣковыхъ князей-поэтовъ. Въ XII столѣтіи, по приказанію Альфонса II, короля арагонскаго и графа провансскаго, были составлены біографіи извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ, содержащія въ себѣ небольшую дозу истины и массу лжи; изъ нихъ, монахъ Сибо составилъ новую книгу, которую Іоаннъ Нострадамусъ включилъ въ свою баснословную исторію Прованса. До насъ дошли имена болѣе 200 поэтовъ, выдаваемыхъ за первоклассныхъ. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ: Вильгельмъ IX графъ Пуату. Тибо, король наваррскій, король англійскій Ричардъ, Альфонсъ II и Петръ III Арагонскіе, Фридрихъ III Сицилійскій, нѣсколько графовъ оверискихъ, Рожеръ Бернаръ III де Фуа, Вильгельмъ Бо Оранскій, Тибо де Блазонъ, владѣльцы Куси и Арраса, графъ анжуйскій, герцогъ брабантскій, Видамъ Шартрскій, Готье д'Арженсъ, Гуго де Берзель и много другихъ. Но едва ли не знаменитѣйшими изъ нихъ были аббатъ Фулькъ де Тороне (стр. 111) и марсельскій духовный Фулькъ, равно знаменитый своими любовными пѣснями и любовными похожденіями. Арнальда Даніеле, Фулька и нѣкоторыхъ другихъ, Данте обезсмертилъ, около 1317 г., своею поэмою. Онъ хвалитъ также Феди (Faydit), о которомъ Петрарка говоритъ, что языкъ замѣняетъ ему шлемъ, щитъ, мечъ и копье. Бертранъ де Борнъ (стр. 23) имѣлъ такое вліяніе на распрю Генриха II Англійскаго съ сыновьями, и послѣднихъ между собою, что его ядовитые сирвенты, переходя изъ устъ въ уста отъ Гаронны до устьевъ Сены, безпрестанно были причиною убійствъ и поединковъ. Іоанна Безземельнаго онъ до того раздражалъ и приводилъ въ ярость своими злыми сатирами, что Данте помѣстилъ его въ нижній кругъ ада, между зачинщиками распрей, говоря, что совѣты его адскихъ стиховъ были пагубнѣе для короля Іоанна, чѣмъ нѣкогда совѣтъ Ахитофеля могъ быть для Давида.

б) Нѣмецкая литература и образованность.

Время крестовыхъ походовъ, освятивъ рыцарство и любовь, придало новую прелесть существованію тѣхъ, кто могъ носить оружіе и платить за него; остальныхъ оно придавило еще болѣе прежняго. Въ Германіи, какъ и въ романскихъ земляхъ, только среди рыцарей были пѣвцы; между горожанами, пѣніе веселость

и удобства жизни появились только съ развитіемъ городовъ и ремеслъ, когда богатство перешло къ среднему сословію, а задолжавшее рыцарство обѣднѣло. Соединеніе Бургундіи и Арелата съ Германіею могло быть вреднымъ въ политическомъ отношеніи, но на образованность оно имѣло благодѣтельное вліяніе; туда проникалъ изъ Арагоніи и Каталоніи свѣтъ цивилизаціи; тамъ сохранилось многое отъ римской культуры и процвѣтали еврейскія заведенія; даже греческая цивилизація оставила въ томъ краѣ такіе глубокіе слѣды, благодаря Марсели, бывшей во времена римлянъ вторыми Аѳинами, что остатки ихъ замѣтны до настоящаго времени. Связь Германіи съ романскими землями имѣла тѣмъ больше вліянія, что и на всемъ лѣвомъ берегу Рейна умѣли говорить по романски, такъ что св. Бернаръ могъ проповѣдывать народу крестовый походъ на романскомъ языкѣ и всегда имѣлъ значительное число понимавшихъ его слушателей. Частые походы въ Римъ и тѣсныя сношенія съ Константинополемъ при Оттонахъ и Конрадѣ III развили въ Германіи вмѣстѣ съ пороками цивилизаціи, на которые жалуются историки, и любовь къ искусствамъ и наукамъ, особенно въ рыцарскомъ сословіи, пока оно еще не обѣднѣло отъ крестовыхъ походовъ. Впослѣдствіи цвѣтущіе итальянскіе города вошли въ торговыя сношенія съ Любекомъ и Гамбургомъ и торговый путь пошелъ на Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Брауншвейгъ и т. д. Штеттинъ, Данцигъ и нижнесаксонскіе города, Эймбекъ, Нордгаузенъ, Геттингенъ, Минденъ и др. приняли участіе въ сѣверной торговлѣ, бывшей исключительно въ рукахъ нѣмцевъ. Скандинавія, нынѣшнія остзейскія провинціи и Пруссія обогащали Германію, а рудники Гарца и Рудныхъ горъ, въ началѣ весьма обильные, значительно увеличивали массу серебра, въ то время еще не умножившуюся разработкой американскихъ рудниковъ. Сверхъ того, изъ исторіи Австріи извѣстно, что Вѣна, бывшая долгое время незначительнымъ мѣстечкомъ, пріобрѣла важное значеніе терговлей съ Константинополемъ, а впослѣдствіи венеціанцы нашли выгоднымъ сдѣлать ее складочнымъ мѣстомъ своей константинопольской и придунайской торговли.

Всѣ эти обстоятельства парализировали неблагопріятное вліяніе суроваго и сыраго климата, обусловливаемаго лѣсами, болотами, рѣдкимъ населеніемъ, дурною обработкою почвы, и вопреки ему давали нѣмцамъ возможность, во всей Германіи, а особенно въ Швабіи, Франконіи, Австріи и Швейцаріи, жить веселою жизнью романскихъ народовъ и воспѣвать рыцарство и любовь. Мы не станемъ разсматривать здѣсь, на сколько эти пѣсни и рыцарская поэзія отличались первоначально отъ романскихъ; но не можемъ не сказать, что замѣчаемъ въ нихъ больше подраженія, чѣмъ самостоятельности и оригинальности. Попадаются, конечно, великія исключенія, какъ напр. Пѣснь о Нибелунгахъ и нѣкоторыя другія, чисто германскія, но они рѣже встрѣчаются въ повѣствовательномъ родѣ, чѣмъ въ лирическомъ, гдѣ замѣтно существенное различіе между германскимъ характеромъ, со свойственною ему истинною, сердечною, но не идеальною или идеализированною любовью и отличительными качествами романскихъ народовъ: остротою, умомъ, сильною злобой, идеализированною любовью, философскою колкостью и земною, но направленною на божественные предметы, страстью. Чтобы убѣдиться въ отсутствіи самостоятельности въ эпическихъ стихотвореніяхъ, достаточно вспомнить о Парцивалѣ Вольфрама фонъ Эшенбаха и Тристанѣ Готтфрида Страсбургскаго: первый основанъ на романской поэмѣ о святомъ Гралѣ, второй составляетъ передѣлку романской же поэмы о Тристанѣ и Изольдѣ (Tristan et Iseult), написанной въ прозѣ и въ стихахъ рыцаремъ Гастомъ, изъ окрестностей Салисбёри (1170 г.).

Вообще чистота, сила и гибкость тогдашняго языка, богатство его оборотовъ, приспособлявшихся и къ гомерическому тону Нибелунговъ и къ идеализму Вольфрама фонъ Эшенбаха, доказываютъ сильное развитіе жизни и довольно высокую степень общественнаго образованія. Сравнивая стихи миннезингеровъ съ позднѣйшими топорными произведеніями мейстерзенгеровъ, нѣмецкіе патріоты не могутъ не скорбѣть, сознавая, какъ сильно подвинулись назадъ и языкъ и общественное развитіе. Необычное богатство языка и діалекты, какъ нельзя болѣе годные для поэзіи, были забыты въ позднѣйшую эпоху; письменнымъ языкомъ сдѣлался другой діалектъ, не имѣвшій превосходныхъ свойствъ прежде выработаннаго. Позднѣе

Лютеръ употреблялъ старинное нарѣчіе, зная силу и богатство нѣмецкаго языка и умѣя ими пользоваться; но кромѣ его некого назвать.

Въ стихахъ рыцарскаго періода больше всего изумляютъ насъ легкость и гибкость, отличающія даже чисто народныя произведенія, особенно если сравнить эти свойства съ несовершенствомъ большей части житейскихъ отношеній, неудобствомъ и неуютностью домашней обстановки. Относительно внѣшней формы стихотвореній нѣмцамъ сильно помогало то свойство языка, по которому въ стихахъ берутся въ разсчетъ не только риѳмы и число слоговъ, но и ихъ протяженіе; это давало возможность разнообразить стихъ до нельзя. Намъ кажется, что когда началось искусственное стихосложеніе и риѳмованіе, первоначальною туземною формою были простыя, парныя риѳмы; затѣмъ уже, изъ арабской, лимузенской, каталонской и провансской поэзіи были взяты перекрещивающіяся и повторяющіяся по извѣстнымъ правиламъ риѳмы; аллитерація и игра созвучій перешли въ средневѣковую поэзію изъ сѣверныхъ языковъ.

Какъ уже замѣчено выше, даже лучшіе изъ рыцарей-пѣвцовъ подражали романскимъ стихотвореніямъ, или, правильнѣе, искусною передѣлкою превращали ихъ въ нѣмецкія оригинальныя произведенія. Потому, нѣмецкія повѣствовательныя поэмы подходятъ почти подъ тѣ же разряды или циклы, на которые распадаются соотвѣтствующія имъ романскія произведенія. Исключенія составляютъ только поэмы: Король Ротгеръ (Koenig Rother), Императорская Хроника (Kaiser-Chronik), Пѣсня мейстера Гильдебранда (Lied vom Meister Hildebrand), Розовый Садъ (Rosengarten), Пѣснь о Нибелунгахъ (Nibelungenlied) и Книга Героевъ (Heldenbuch). Изъ нихъ мы должны разобрать нѣсколько подробнѣе Пѣснь о Нибелунгахъ, имѣвшую множество изданій и поясненій и пользующуся такимъ уваженіемъ, что знатоки даже считаютъ ее нѣмецкой Иліадой.

О происхожденіи пѣсней Гильдебранда, Вальтаріуса и Нибелунговъ существуетъ множество гипотезъ; но достовѣрно извѣстно только то, что Пѣснь о Нибелунгахъ окончательно получила тотъ видъ, въ которомъ дошла до насъ, въ 1210 г., что въ тоже время была написана Жалоба Нибелунговъ, находящаяся въ связи съ этой поэмой, и что оба эти произведенія принадлежатъ къ собственно германскимъ сказаніямъ. Затѣмъ мы не будемъ уже останавливаться на предположеніяхъ ученыхъ изслѣдователей объ отношеніяхъ Нибелунговъ къ такъ называемымъ сагамъ Зигфрида и Дитриха, въ которыхъ хотятъ видѣть обозрѣніе исторіи и поэзіи. По этимъ же изслѣдованіямъ, сюда относится и поэма Гудруна, но опять таки эта связь между ними скрывается во мракѣ. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой германской литературы считаетъ Гудруну дополненіемъ Нибелунговъ, нѣмецкою Одисеею возлѣ нѣмецкой Иліады: это пѣснь о вѣрности, какъ добродѣтели геройскихъ временъ. И эта поэма имѣла въ XII столѣтіи не тотъ видъ, какой получила въ четырнадцатомъ. Въ ней соединены три элемента: британскій или какой-нибудь другой, но заимствованный, сѣверный, именно взятый изъ извѣстнаго сказанія о Гёгинѣ и Эдинѣ и составляющій середину поэмы, и собственно нѣмецкій, — судьбы Гудруны. Книга героевъ также имѣла первоначально другой видъ и была передѣлана въ XIII столѣтіи двумя извѣстнѣйшими писателями того времени: Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ и Генрихомъ фонъ Офтердингеномъ.

Изъ другихъ поэмъ рыцарскаго періода, все касающееся Карла Великаго— не германскаго происхожденія, а заимствовано изъ романскихъ источниковъ. Изъ британскаго сказочнаго цикла взяты Титурель, или хранитель Граля, переложенный въ нѣмецкіе стихи Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ частью (1170 г.), а Альбертомъ Гальберштадтскимъ вполнѣ, и Парцивалъ, вполнѣ обработанный Вольфрамомъ. Поэму Лоэнгринъ (Logengrin), напечатанную въ нынѣшнемъ столѣтіи, относятъ къ тринадцатому, но она навѣрно написана не ранѣе половины четырнадцатаго. Исторія троянской войны также заимствована изъ романской литературы, но ее передѣлывали лучшіе поэты того времени и совершенно усвоили нѣмецкой. Одна передѣлка этого богатаго сюжета принадлежитъ Вольфраму фонъ Эшенбаху, другая Конраду Вюрцбургскому, третья неизвѣстному автору. Почти тоже самое можно сказать и о баснословной поэмѣ Александръ Великій, также передѣланной въ трехъ видахъ.

Энеида Генриха фонъ Фельдека совершенно самостоятельное произведеніе; хотя въ основаніи его лежитъ Энеида Виргилія, но авторъ съумѣлъ примѣнить ее къ обычаямъ и нравамъ своего времени; у него весь ходъ событій другой, чѣмъ у Виргилія, которому онъ не слѣдуетъ ни въ содержаніи, ни въ раздѣленіи поэмы на пѣсни. Сравненіе обѣихъ Энеидъ было бы интересно въ томъ отношеніи, что показало бы, какъ различно понимали паѳосъ во время Августа и въ средніе вѣка и на сколько отличалась тогдашняя римская аристократія отъ лучшей части добродушнаго, честнаго, простаго и религіознаго германскаго рыцарства. Авторъ Энеиды написалъ еще небольшую героическую повѣсть подъ названіемъ «герцогъ Эрнстъ.» Альбрехтъ Гальберштадтскій передѣлалъ точно такимъ же образомъ «Превращенія» Овидія. Судя по размѣру Энеиды Фельдека, она назначалась для пѣнія.

Лирическія и дидактическія стихотворенія были, повидимому, болѣе самостоятельны, чѣмъ эпическія, но и они необходимо должны были находиться въ зависимости отъ римскихъ образцовъ: лирическія, вслѣдствіе тѣсной связи Германіи съ южною Франціей и Италіей, повсемѣстнаго во всѣхъ этихъ странахъ обожанія Богородицы и идеализированія любви, а дидактическія, потому что изъ романскихъ странъ распространялись арабскія, персидскія и индійскія нравоучительныя сочиненія. Въ новѣйшее время издано отдѣльно или сборниками множество средневѣковыхъ любовныхъ пѣсенъ (Minnelieder). Съ отличительнымъ характеромъ этихъ пѣсенъ лучше всего можно познакомиться изъ сочиненій знаменитѣйшаго изъ миннезенгеровъ, состязавшихся въ Вартбургѣ, Вальтера фонъ деръ Фогельвейде. Его жизнь, поэтическія достоинства и стихотворенія описаны лучшимъ изъ новѣйшихъ швабскихъ народныхъ поэтовъ, Уландомъ (Штуттгартъ, 1822 г.), и это описаніе даетъ намъ самое полное понятіе о поэтическомъ бытѣ германскихъ трубадуровъ швабскаго періода. Впрочемъ, изъ пѣсней Вальтера видно, что даже лучшіе миннезенгеры не имѣли независимаго матеріальнаго положенія трубадуровъ, а изъ-за насущнаго хлѣба переходили отъ одного князя къ другому. Гогенштауфены, ландграфы тюрингскіе и герцоги австрійскіе второй бабенбергской линіи славились своей щедростью въ отношеніи къ этимъ пѣвцамъ, странствовавшимъ по коронаціямъ, сеймамъ, свадьбамъ и тому подобнымъ торжествамъ. Миннезенгеры были рыцарскаго происхожденія, но принадлежали къ низшему дворянству, такъ что между ними мы не встрѣчаемъ такого множества князей, феодаловъ и аббатовъ, какое Ренуаръ насчитываетъ между своими соотечественниками. Въ началѣ XIII столѣтія Леопольдъ VII Австрійскій славился тѣмъ, что имѣлъ лучшихъ миннезенгеровъ при своемъ дворѣ, которому давали названіе «der minnigliche Hof von Wienne.» Герцогъ каринтійскій Бернгардъ, дядя Леопольда Генрихъ, патріархъ аквилейскій, графъ Бертольдъ Андехскій также имѣли при себѣ миннезенгеровъ. Въ Австріи жили лучшіе пѣвцы того времени: Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде, Рейнмаръ Старшій и Генрихъ фонъ Офтердингенъ. Рейнмаръ Старшій участвовалъ въ крестовомъ походѣ Леопольда въ 1216 — 1217 г. Первыя порядочныя хроники появились также въ Австріи, именно риѳмованная хроника, подъ заглавіемъ Княжеская книга Австріи и Штиріи, сочиненная штирійцемъ Іоанномъ Энneклемъ, и Универсальная Хроника, въ стихахъ и въ прозѣ. Фридрихъ Воинственный также покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, не смотря на войну съ императоромъ Фридрихомъ; даже уничтоживъ привилегіи, дѣлавшія Вѣну имперскимъ городомъ (1240 г.), онъ сохранилъ основанную императоромъ школу, походившую на открытую гимназію. Его вассалъ, Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ, владѣтель Мурау, знаменитъ служеніемъ женщинамъ, воспѣтымъ имъ въ поэмѣ, также названной Служеніе женщинамъ (Frauendienst). При дворѣ Фридриха жили пѣвцы Нитгардъ Тангузеръ, Пфеффель, Братъ Вернеръ, и самъ герцогъ вмѣстѣ съ Тангузеромъ игралъ для дамъ танцы.

Ландграфъ тюрингскій Германъ (1195 — 1215 г.) пріобрѣлъ славу покровителя пѣвцовъ знаменитымъ вартбургскимъ состязаніемъ. Подъ именемъ Мейссенца, Вальтеръ и Тангузеръ восхваляли, должно быть, Генриха Сіятельнаго. Германъ далъ средство Генриху фонъ Фельдеку заниматься Энеидой въ продолженіе девяти лѣтъ: при его же содѣйствіи Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ

написалъ Вильгельма Оранскаго, а Альбрехтъ Гальберштадскій передѣлалъ Превращенія Овидія. Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде также бывалъ часто при дворѣ ландграфа и участвовалъ въ вартбургскомъ состязаніи, относимомъ лѣтописцами къ 1207 г. Въ точности этого хронологическаго указанія мы не ручаемся и не оспариваемъ ея; достовѣрно только то, что описаніе состязанія сохранилось въ сборникѣ любовныхъ пѣсенъ, который цюрихскій ученый Рюдигеръ неправильно называетъ Манессой (II. 1 — 16). Благодаря этому сборнику, мы знаемъ нѣмецкія формы тансоновъ. При состязаніи пѣвцы выходили одинъ послѣ другаго. Генрихъ фонъ Офтердингенъ восхваляетъ герцога австрійскаго, Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ и другіе — ландграфа Германа. Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде начинаетъ съ того, что сравниваетъ съ герцогомъ австрійскимъ французскаго короля и хвалитъ его больше всѣхъ; потомъ, однако, восхваляетъ и герцога, но для того только, чтобъ искуснымъ оборотомъ рѣчи превознести ландграфа, на хвалахъ котораго вертится все состязаніе. Вальтеръ говоритъ, что если Леопольдъ д е н ь, то Германъ с о л н ц е, а солнце в ы ш е дня.

Впрочемъ, въ Германіи этотъ родъ поэзіи не могъ произвести пѣвцовъ равныхъ каталонскимъ, провансальскимъ и лимузенскимъ; онъ не могъ вдохновить Гвидо Кавальканти, Гвиничелли, Данте и Петрарки. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить, что даже такой человѣкъ, какъ Вальтеръ, получившій, впрочемъ, имперскій ленъ, принималъ одежду и деньги на выкупъ своихъ заложенныхъ вещей и самъ хвалится тѣмъ, что никогда не бралъ с т а р а г о п л а т ь я. Это объясняетъ намъ, какимъ образомъ сынъ Фридриха II, Генрихъ, могъ развратиться въ обществѣ пѣвшихъ и игравшихъ блюдолизовъ и пьяницъ, приходившихъ къ нему изъ романскихъ странъ (стр. 125).

По опредѣленію Вальтера, настоящая лирическая пѣснь (Minnegesang) состояла въ воспѣваніи птичекъ, лѣса, лѣта и зимы, рыцарей и женщинъ, цвѣтовъ, служенія дамамъ и любви. Впрочемъ, Рейнмаръ Старшій и Генрихъ фонъ Морунгенъ замѣтнѣе приближаются къ идеализму, чѣмъ совершенно практическій Вальтеръ. По мнѣнію Уланда, онъ во многомъ близокъ къ такъ называемымъ мейстерзенгерамъ, особенно же по вычурности, искусственности и замысловатости формъ; онъ приписываетъ ему изобрѣтеніе до 80 различныхъ стихотворныхъ формъ. Вмѣстѣ съ Вальтеромъ относятъ къ мейстерзенгерамъ и Вольфрама фонъ Эшенбаха, Клинзора, Генриха фонъ Офтердингена и Рейнмара фонъ Цветера. Рейнмаръ, повидимому, ближе къ нимъ, чѣмъ къ миннезенгерамъ. У него формы педантичнѣе, чѣмъ у другихъ современниковъ, а содержаніе отличается дидактизмомъ и нравоучительными тенденціями, такъ что онъ больше походитъ на позднѣйшихъ цеховыхъ и мастеровыхъ писателей буржуазіи, чѣмъ на пѣвцовъ рыцарства, заботившихся только о прелести и блескѣ красокъ.

Пользуясь враждою Фридриха II съ папами, Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде и Братъ Вернеръ предостерегали народъ отъ обмановъ духовенства и учили его отличать религію отъ свѣтскихъ стремленій папъ. Имъ вторилъ въ XIV столѣтіи Оттокаръ фонъ Горнеккъ вмѣстѣ со многими мейстерзенгерами. Уландъ доказалъ, что Гернеккъ, авторъ штирійской стихотворной хроники, шелъ по слѣдамъ Вальтера, когда разоблачалъ передъ народомъ злоупотребленія церкви.

VI. ЗАПАДЪ

ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНИХЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

1. Италія вообще и Церковная область, Римъ, Флоренція, Пиза и Миланъ въ особенности.

Въ концѣ XII столѣтія Италія находилась въ весьма странномъ положеніи. На югѣ, наслѣдственныя владѣнія Гогенштауфеновъ перешли къ анжуйской и арагонской династіямъ, а на сѣверѣ и въ срединѣ полуострова процвѣтало множество небольшихъ государствъ, между которыми сильнѣйшими были Флоренція, Миланъ, Венеція, Генуя и Пиза. Внутреннее состояніе страны представляло всюду одинаковыя явленія: страшную неурядицу, дикія страсти, жестокость, развратъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельность, богатство, пышность, самостоятельность каждаго мѣстечка, развитіе ремеслъ и искусствъ и превосходную обработку почвы. Во всей Италіи процвѣтали науки и искусства; къ этой эпохѣ относятся художественные памятники, которымъ мы до сихъ поръ удивляемся. Въ Венеціи была построена въ концѣ XI столѣтія церковь св. Марка, въ Пизѣ, около того же времени, каѳедральный соборъ, созданіе Бускетто, и великолѣпная церковь Іоанна Крестителя; въ Монте Кассино, при аббатѣ Дезидеріи, преемникѣ Григорія VII,— громадная церковь, сооруженная амальфійскими рабочими и мастерами. Къ послѣдующему времени относятся соборы феррарскій, моденскій, до сихъ поръ еще возбуждающій удивленіе; въ 1184 г. болонцы выстроили новый соборъ на мѣсто сгорѣвшаго въ 1142 г. Почти тогда же миланцы вывели вмѣсто разрушенныхъ Фридрихомъ Барбароссою новыя стѣны, въ большемъ размѣрѣ противъ прежняго и съ мраморными воротами; Кремона, Пиза и Феррара также окружили себя новыми стѣнами, особенно великолѣпными въ первыхъ двухъ городахъ. Въ эту же эпоху были выстроены шесть знаменитѣшихъ башенъ св. Марка въ Венеціи, дельи Азинелли въ Болоньѣ, падающая башня въ Пизѣ, съ 207 колоннами, о которой упоминается въ каждомъ курсѣ физики, и башни въ Моденѣ, Кремонѣ и Флоренціи. Строитель венеціанской башни св. Марка, Буона, построилъ также башни въ Неаполѣ, Пистоіѣ, Флоренціи и Ареццо. Для наукъ и литературы, въ концѣ XIII столѣтія началась одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ во всей исторіи человѣчества. Преподаваніе могло показаться съ перваго взгляда недостаточнымъ, но кто вникнетъ въ него глубже, тотъ увидитъ, что оно было такъ хорошо приспособлено къ развитію идей и вмѣстѣ къ потребностямъ жизни, что все школьное искусство послѣдующихъ временъ, разъединившее науку и жизнь, едва ли давало лучшіе результаты. Еще за долго до Данте и Петрарки, время которыхъ обыкновенно считаютъ эпохою возрожденія изученія древнихъ, Буонкомпаньо и Боначчіо (стр. 29) старались возбудить охоту къ классическимъ занятіямъ и ввести древнее краснорѣчіе въ государственную и общественную жизнь. Они учили по сосѣдству другъ отъ друга, одинъ въ Болоньѣ и Падуѣ, другой въ

Бергамо. По смерти Буонкомпаньо, его каѳедру занялъ другъ канцлера Петра Девиня, Бене, который говорилъ о своемъ предшественникѣ, что онъ съ утра до вечера трудился для своихъ учениковъ и, какъ второй Моисей, читалъ имъ божественныя наставленія. Въ другихъ городахъ точно также трудились другіе дѣятели, и вліяніе школы, воспитывавшей тогдашнее поколѣніе въ духѣ древнихъ, отражалось въ слогѣ книгъ, бумагахъ папскаго кабинета и документахъ того времени. Въ книгахъ и на лекціяхъ наука касалась даже практическихъ житейскихъ занятій, какъ, напримѣръ, земледѣлія и орошенія почвы.

Взаимныя отношенія отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, конечно, опредѣлялись не международнымъ правомъ, о соблюденіи котораго не могло быть и рѣчи въ ту эпоху. Морское право имѣло законную силу, но нарушалось такъ же часто, какъ международное. Впрочемъ, новѣйшее морское право обязано своимъ происхожденіемъ не пизанцамъ, какъ полагали прежде, принявшимъ въ 1081 г. морскіе законы родосцевъ (т. I. стр. 114); оно основано на каталонскомъ правѣ, введенномъ въ Италіи подъ именемъ Consolato dal mare (стр. 30), а затѣмъ принятомъ и другими морскими государствами Средиземнаго моря. Къ этому же времени относятся учрежденія, совершенно неизвѣстныя древнимъ: банки и бумажные представители цѣнности или векселя. Они необходимо должны были возникнуть именно въ Италіи, потому что итальянцы сбирали повсюду различные папскіе доходы и дани и пересылали ихъ въ Римъ, или захватывали доходнѣйшія церковныя мѣста. Сверхъ того они давали взаймы подъ проценты и часто по своему ростовщичеству дѣлались такою язвою для народа, что не разъ бывали изгоняемы закономъ изъ разныхъ странъ. Векселя и торговля деньгами вызвали основаніе различныхъ банковыхъ учрежденій; города, обыкновенно производившіе взаимныя расплаты векселями, а именно Римъ, Генуя, Венеція, Піаченца, Лукка, Болонья, Пистоія, Асти, Альба, Флоренція, Сіена, и Миланъ — имѣли общій банкъ въ Монпеллье; въ 1278 г. онъ былъ перенесенъ въ Римъ, и тогда уполномоченные этихъ городовъ заключили съ французскимъ королемъ договоръ, по которому банкъ, получившій множество привилегій, сдѣлался почти государствомъ въ государствѣ.

Имена названныхъ городовъ показываютъ, что вексельными оборотами занимались преимущественно города, лежавшіе внутри страны; но всемірная торговля была почти исключительно въ рукахъ венеціанцевъ и генуезцевъ. Они имѣли факторіи въ Египтѣ и Сиріи, владѣли цѣлыми областями и островами въ греческой имперіи, на черноморскомъ прибрежьѣ, въ Крыму и на Азовскомъ морѣ. Египетъ процвѣталъ торговлею венеціанцевъ, а генуезцы, имѣя складочные пункты въ Крыму, вели торговлю съ Китаемъ, которая, говорятъ, была оживленнѣе новѣйшихъ сношеній англичанъ и голландцевъ съ этой страной. Разсказываютъ, что въ Италіи въ половинѣ XIV столѣтія были извѣстны въ точности всѣ путевыя станціи отъ Азова до Китая, и этому можно повѣрить, зная, что венеціанецъ Марко Поло проѣхалъ черезъ внутреннюю Азію въ Индію и Китай и потомъ, будучи въ плѣну у генуезцевъ, долженъ былъ описать свое путешествіе и разсказывать о немъ, въ присутствіи огромной публики.

Фабрики и ремесла процвѣтали въ итальянскихъ городахъ въ такой же степени, какъ изящныя искусства. Одновременно съ разведеніемъ шелковичныхъ червей распространилось искусство ткать шелкъ и выдѣлывать бархатъ, золотые и серебряныя парчи. Происхожденіе двухъ послѣднихъ отраслей промышленности объясняютъ различно. Одни говорятъ, что съ ними итальянцы познакомились въ Греціи, во время походовъ норманно-сицилійскаго короля Рожера II, другіе, что это это случилось при взятіи Лиссабона въ 1147 г. (т. II. стр. 679), когда генуезцы помогали португальцамъ. Шерстяныя фабрики были главнымъ источникомъ богатства флорентинцевъ, которые впрочемъ вели значительную торговлю и фландрскими сукнами.

Въ Римѣ, сенаторъ или подеста (стр. 133) имѣлъ больше власти и значенія, чѣмъ папа; но онъ весьма рѣдко бывалъ тѣмъ, чѣмъ слѣдовало, то есть защитникомъ народа противъ гнета аристократіи. Положеніе папъ становилось болѣе и болѣе труднымъ. Стремленіе къ свѣтскому владычеству вовлекало ихъво всевозможныя злоупотребленія, возстановленія противъ нихъ даже самыхъ благочестивыхъ людей. При Бонифаціи VIII и его второмъ преемникѣ, Климентѣ (V 1305 —

1314 г., мѣра безчиній папской власти переполнилась; церковные поборы производились съ неслыханной наглостью и еще съ большимъ безстыдствомъ тратились собранныя съ христіанъ деньги, такъ что нечего удивлятся негодованію противъ нихъ великаго Данте, помѣ тившаго Климента рядомъ съ Симономъ Магомъ, а Бонифація еще ниже, въ самой глубинѣ ада. Впрочемъ, по смерти Фридриха II, народы были до того озлоблены на папъ за ихъ злоупотребленія, что римскій дворъ не отваживался простирать свою алчную руку даже на Германію, гдѣ господствовала страшная неурядица. Это видно, между прочимъ, изъ письма Климента IV (1265 — 1268 г.) къ Карлу I Анжуйскому, характеристически обрисовывающаго тогдашнее положеніе папъ. Жалуясь на совершенный недостатокъ въ деньгахъ, Климентъ объясняетъ его такимъ образомъ: «Англія больше не помогаетъ намъ, Германія едва повинуется, Франція стонетъ и жалуется, Испанія увѣряетъ, что не можетъ свести концовъ съ концами, а Италія только и думаетъ, какъ бы поживиться на нашъ счетъ; откуда же взять папѣ для себя и другихъ денегъ и войска, если онъ боится Бога и общественнаго мнѣнія?» Въ слѣдующемъ столѣтіи, когда въ Германіи исчезла энергія Гогенштауфеновъ, а крупные феодалы стали тѣснить мелкихъ, отношенія ея къ папамъ совершенно измѣнились; римскій дворъ сталъ управлять Германіей, тогда какъ Франція сама управляла имъ по произволу, а Англія ограничивала его притязанія парламентомъ.

Въ Церковной области папская власть была совершенно уничтожена во второй половинѣ XIII столѣтія. Анархія и кулачное право господствовали тамъ почти въ такой же степени, какъ на Рейнѣ, въ Швабіи и Тюрингіи. Небольшіе города постоянно воевали между собою, не обращая никакого вниманія на папу и его намѣстниковъ. Въ подтвержденіе этого можно бы привести тысячи примѣровъ, но и одинъ дастъ намъ ясное понятіе объ отношеніяхъ городовъ къ римскому правительству. Въ 1282 г. городъ Фолиньо воевалъ съ Перуджіей. Мартинъ IV, подъ угрозою отлученія отъ церкви, приказалъ прекратить вражду, но жителиПеруджіи еще усилили нападенія и опустошили всю окрестность до самыхъ стѣнъ Фолиньо. Когда Мартинъ, вслѣдъ затѣмъ, произнесъ отлученіе, они надѣлали чучелъ, назвали ихъ именами папы и кардиналовъ, протащили ихъ по городу и торжественно сожгли на кострѣ. Пользуясь упадкомъ папскаго могущества, знатныя фамиліи захватывали власть въ свои руки и частью хитростью, частью насиліемъ дѣлались полновластными тиранами; такъ, фамилія Полента достигла господства въ Равеннѣ, Орделлаффи въ Форли, Малатеста въ Римини и т. д. Большинство новыхъ властителей продолжалось до конца XV столѣтія и было вытѣснено съ неимовѣрною жестокостью папою Александромъ VI и его гнуснымъ сыномъ, Цезаремъ Борджія.

Для Флоренціи послѣ Фридриха II настало самое цвѣтущее время. Она сдѣлалась страшною своимъ сосѣдямъ и положила основаніе господству надъ ними, длившемуся два слѣдующихъ столѣтія. Подобно всѣмъ итальянскимъ городамъ того времени, имѣвшимъ демократическое устройство, она отличалась простотой гражданскаго быта, безъ роскоши и непомѣрнаго неравенства состояній, и умноженіемъ достатка посредствомъ бережливости. Тоже самое встрѣчается въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Голландіи, въ началѣ чрезвычайно походившей на Флоренцію по своему внутреннему быту; только въ послѣдней простота исчезла гораздо ранѣе, подъ вліяніемъ національныхъ особенностей, искусствъ и наукъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, описываютъ нравы и домашній бытъ Флоренціи Данте и писатели слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія. Аристократія имѣла, правда, и во Флоренціи, какъ всюду въ Италіи, укрѣпленные дворцы, походившіе на замки и называвшіеся у современниковъ башнями, но за то, благодаря господству демократическихъ началъ и процвѣтанію ремеслъ, горожане Флоренціи не уступали дворянству въ умѣньѣ владѣть оружіемъ. Появленіе провансальцевъ, призванныхъ папами къ ихъ собственному вреду, совершенно измѣнило общественные нравы: Италія заразилась тщеславіемъ и развращенностью Марсели, Э и другихъ городовъ южной Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и ея политика: подражая гвельфамъ и папѣ, монархическо-аристократическіе гибеллины стали искать опоры въ иностранной помощи и потому всячески содѣйствовали возстановленію нѣмецкаго владычества.

Внутренняя исторія Флоренціи представляетъ безпрерывныя измѣненія въ государственномъ устройствѣ и смѣну властителей, такъ что было бы слишкомъ

трудно излагать подробно всѣ эти перевороты: обусловливавшіеся борьбою гвельфовъ и гибеллиновъ, характеромъ народа, насиліями аристократіи и искусствомъ предводителей партій; впрочемъ, это и не касается всеобщей исторіи. Долгое время раздоры гвельфовъ и гибеллиновъ были частною враждою отдѣльныхъ фамилій, и только при Карлѣ I Анжуйскомъ приняли характеръ борьбы политическихъ партій. Послѣ долгаго боя, веденнаго съ перемѣннымъ счастьемъ, гвельфы, поддерживаемые Карломъ, одолѣли, наконецъ, противниковъ, выгнали ихъ изъ Флоренціи и конфисковали ихъ имущества, часть которыхъ обратили въ особый фондъ, назначавшійся на усиленіе гвельфской партіи. Но, подобно гибеллинамъ, они вскорѣ начали злоупотреблять властью, нагло тѣснили народъ, предавались личной мести, силою противились исполненію судебныхъ приговоровъ и вообще поступали на перекоръ духу горожанъ и демократическому характеру государственнаго устройства. Это вызвало въ 1282 г. насильственный переворотъ, вслѣдствіе котораго власть перешла къ шести знатнѣйшимъ цехамъ, составлявшимъ вмѣстѣ съ другими шестью высшее гражданство, тогда какъ двѣнадцать другихъ цеховъ образовали низшій классъ населенія. Правителями города сдѣлались шесть пріоровъ, вскорѣ присвоившихъ себѣ имя синьоріи (signoria). Но дворянство, имѣя право вписываться въ цехи, сохранило вліяніе и продолжало препятствовать правильному ходу администраціи и правосудія. Два новыхъ переворота (1292 г.) окончательно уничтожили его власть. Первый былъ вполнѣ законнымъ и разумнымъ: онъ состоялъ въ назначеніи верховнаго судьи, gonfaloniere di giustizia, въ распоряженіе котораго дали тысячу вооруженныхъ гражданъ, для того, чтобъ силою приводить въ исполненіе судебные приговоры надъ дворянами, сопротивлявшимися имъ вооруженною рукою. Результатомъ втораго переворота былъ новый законъ, запрещавшій дворянству занимать какія бы то ни было общественныя должности. Въ этомъ случаѣ, какъ и во Франціи въ 1789 г., горожане зашли слишкомъ далеко; но здѣсь, какъ и тамъ, дворянство само было виновато въ своемъ паденіи. Къ тому же во Флоренціи было пролито гораздо менѣе крови, чѣмъ, напримѣръ, во время подобнаго же переворота въ Мантуѣ, гдѣ было истреблено болѣе пятидесяти дворянскихъ фамилій. Послѣ этого во Флоренціи возникла совершенно оригинальная система деспотизма, такъ какъ всякій, считавшійся слишкомъ сильнымъ, могъ быть преданъ суду, имѣвшему въ своемъ распоряженіи вооруженную силу въ 14 т. человѣкъ.

Господство демократіи не замедлило вызвать такую же борьбу черни съ высшимъ классомъ гражданъ, какая происходила между нимъ и дворянствомъ. Впрочемъ, это не мѣшало развитію общественнаго благосостоянія, такъ что Флоренція не только сдѣлалась въ это время богатѣйшимъ городомъ Италіи, но и распространила свое вліяніе на всю Тоскану. Демократическій духъ до того развилъ воинственныя наклонности населенія, что Флоренція вмѣстѣ съ союзниками могла выставить до 100 т. отличнаго войска. Конечно, съ благосостояніемъ возрастала и надменность непостояннаго народа; Данте, видѣвшій вблизи флорентинскую демагогію, приписываетъ ей почти такое же вліяніе на нравственность, какое, по словамъ Аристофана, она имѣла въ Аѳинахъ (т. I, стр. 200 и стр. 322). Аристократія продолжала возводить въ городѣ свои укрѣпленные замки, но и это не приносило особеннаго вреда. Лучшимъ доказательствомъ, что Флоренція была дѣйствительно счастлива въ тѣ времена, когда всюду господствовали насиліе и жестокость, служитъ отзывъ холодно-обдуманнаго Макіавели, котораго нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ демократіи. «Никогда, говоритъ онъ, не былъ нашъ городъ такъ цвѣтущъ и такъ счастливъ, какъ въ то время; онъ былъ славенъ, многолюденъ и богатъ; въ немъ было 30 т. вооруженныхъ гражданъ, къ которымъ присоединялись еще 70 т. изъ окрестностей; жители всей Тосканы повиновались ему, какъ союзники, или какъ подданные, и хотя народъ и дворянство взаимно ненавидѣли и подозрѣвали другъ друга, но это не имѣло вредныхъ послѣдствій, потому что всѣ жили согласно и мирно.»

Въ концѣ XIII столѣтія Флоренція вновь была потрясена междоусобіемъ, перешедшимъ къ ней изъ Пистоіи. Вслѣдствіе частныхъ раздоровъ въ фамиліи Канчелліери, пистойцы раздѣлились на двѣ враждебныхъ партіи: черныхъ и бѣлыхъ. Флорентинцы вмѣшались въ распрю, примирили враждовавшихъ и, взявъ къ себѣ заложниками предводителей обѣихъ партій, помѣстили ихъ у сво-

ихъ знатнѣйшихъ гражданъ. Вскорѣ хозяева сдѣлались приверженцами гостей, а какъ въ это время вспыхнула ссора между флорентинскими фамиліями Черки и Донати, то первые стали во главѣ бѣлыхъ, а вторые — черныхъ, и пистойская ссора приняла во Флоренціи еще болѣе непримиримый характеръ. Папа Бонифацій VIII, пользуясь этимъ раздоромъ, доставилъ господство во Флоренціи французскому принцу Карлу Валуа. Онъ былъ скоро выгнанъ за алчность, но успѣлъ передать власть чернымъ, которые изгнали всѣхъ бѣлыхъ (1302 г.). Въ числѣ изгнанныхъ были два величайшихъ средневѣковыхъ писателя: историкъ Дино Компаньи и поэтъ Данте, единственные писатели новыхъ временъ, которые по генію и по характеру могутъ стать на ряду съ величайшими людьми Греціи. Жертвы революціи, описанной Дино Компаньи дивными, но страшными красками, они уже не возвращались на родину и умерли въ изгнаніи.

Пиза утратила могущество до того, какъ во Флоренціи вспыхнула вражда между бѣлыми и черными. Пиза въ теченіе цѣлаго столѣтія воевала съ Генуей, а сверхъ того, упорно держась партіи гибеллиновъ, должна была бороться и съ гвельфами. Пока царствовали Гогенштауфены, она возвышалась отъ времени до времени вмѣстѣ съ императорскою и гибеллинскою партіею, но послѣ ихъ паденія съ трудомъ могла противиться преобладанію Флоренціи. Начавъ новую войну съ генуэзцами, пизанцы потерпѣли въ 1284 году рѣшительное пораженіе и лишились всего флота и шестой части гражданъ, способныхъ носить оружіе. Это окончательно уничтожило могущество Пизы. Послѣ ея паденія, другіе тосканскіе города, Пистоія, Лукка, Сіена, Ареццо, не могли уже бороться съ Флоренціей, и могущественная демократія этого города сдѣлалась владычицею средней Италіи.

Венеціанцы еще не помышляли въ XII столѣтіи о завоеваніяхъ на материкѣ Италіи. Около 1289 г. они сдѣлали попытку противъ Тріеста, но были разбиты и съ тѣхъ поръ долго не отваживались предпринимать что-нибудь на сухомъ пути. Въ Виченцѣ, Веронѣ и Мантуѣ первенствовала, въ концѣ XIII вѣка, фамилія делла Скала, получившая, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, рѣшительное господство надъ гибеллинами въ лицѣ своего главы, Кана Гранде делла Скала, покровителя Данте. Первоначальнымъ источникомъ ея богатства была торговля оливковымъ масломъ; но, по отзыву Данте, Канъ Гранде искалъ не земли и металла, а добродѣтели, мудрости и любви. Вся остальная Верхняя Италія была въ зависимости отъ Милана.

Въ эпоху смерти Фридриха, въ Миланѣ царствовала такая же неурядица, какъ и въ остальной Италіи. Въ 1256 г. власть досталась Мартину делла Торре, изгнавшему все дворянство и господствовавшему нѣсколько лѣтъ. Къ побѣжденной партіи принадлежалъ Оттонъ Висконти. Его родственникъ, папа Урбанъ IV, сдѣлалъ его въ 1263 г. миланскимъ архіепископомъ; но вражда горожанъ къ дворянамъ была до того сильна, что Висконти не могъ попасть въ городъ, и самъ папа не имѣлъ возможности ввести его въ архіепископство. Поэтому онъ соединился съ нѣсколькими ломбардскими городами и, поддерживаемый кастильскимъ королемъ Альфонсомъ X, началъ войну противъ делла Торре и миланцевъ. Междоусобіе длилось цѣлые годы, но, наконецъ, въ 1277 г. Оттонъ нанесъ непріятелю рѣшительное пораженіе и получилъ вмѣстѣ съ архіепископствомъ господство надъ Миланомъ. Родъ делла Торре погибъ въ сраженіи, или былъ истребленъ и изгнанъ. Подъ управленіемъ фамиліи Висконти, Миланъ возвратилъ себѣ преобладаніе надъ Ломбардіей, но въ началѣ власть его новыхъ повелителей была весьма непрочна; ихъ противники имѣли въ Ломбардіи множество приверженцевъ, а одинъ изъ делла Торре былъ аквилейскимъ архіепископомъ, такъ что Висконти могли держаться только благодаря посторонней помощи. Они обратились къ маркграфу Вильгельму Монферратскому и тѣмъ навлекли на себя страшную опасность, отъ которой избавились только благоразуміемъ и рѣшимостью Оттона. Добившись высшаго военнаго начальства въ Павіи, Асти, Новарѣ, Туринѣ, Альбѣ, Ивреѣ, Алессандріи и Тортонѣ, Вильгельмъ заставилъ большинство этихъ городовъ предоставить ему полное господство, или права синьоріи; когда, въ 1278 г., Оттонъ, нуждаясь въ его помощи, доставилъ ему званіе главнокомандующаго и коменданта въ Миланѣ, Вильгельмъ сталъ поступать здѣсь точно такъ же, какъ въ другихъ городахъ. Онъ началъ съ того,

что обманулъ притворнымъ миромъ приверженцевъ делла Торре, получивъ отъ нихъ все, чего желалъ, и не выполнивъ ни одного изъ обѣщаній, а потомъ, выпросивъ нѣсколько сотъ солдатъ у своего тестя, арагонскаго короля, сталъ приводить въ исполненіе свой замыселъ противъ Милана и Висконти. Онъ уже почти достигъ синьоріи, но Оттонъ, зорко слѣдившій за нимъ, разрушилъ его честолюбивые планы. Низложеніе Вильгельма было минутнымъ дѣломъ. Воспользовавшись поѣздкой противника въ Верчелли, Оттонъ не впустилъ его обратно въ Миланъ и устроилъ выборъ новаго главнокомандующаго (1283 г.). Вслѣдъ затѣмъ Вильгельмъ лишился повсюду власти, и съ тѣхъ поръ можетъ служить разительнымъ примѣромъ измѣнчивости человѣческой судьбы, наказаннаго тиранства и непрочности плановъ даже самыхъ энергическихъ и послѣдовательныхъ злодѣевъ. Противъ него сталъ возставать одинъ городъ за другимъ; наконецъ въ Алессандріи, гдѣ онъ хотѣлъ предупредить возмущеніе, жители схватили его, заперли въ клѣтку (1290 г.) и продержали въ ней два года, не обращая вниманія на его просьбы и обѣщанія; въ этомъ жалкомъ положеніи онъ и умеръ. Его мучители не повѣрили даже его смерти и, боясь обмана, передъ погребеніемъ залили ему ротъ расплавленнымъ свинцомъ.

Оттонъ Висконти дѣйствовалъ относительно согражданъ такъ же дальновидно и благоразумно, какъ противъ Вильгельма. Изгнавъ противниковъ, онъ оставилъ народу тѣнь свободы, поставилъ во главѣ управленія двухъ свѣтскихъ лицъ не изъ своего дома и, только совершенно усыпивъ горожанъ, выдвинулъ впередъ своего ближайшаго родственника, внука по брату, Матвѣя Висконти, прозваннаго впослѣдствіи великимъ. Вначалѣ онъ сдѣлалъ его просто начальникомъ города (1284 г.), и только черезъ три года склонилъ народъ признать его главою государства, подъ скромнымъ именемъ старѣйшины (anziano). Незадолго до того, въ руки Висконти перешелъ и послѣдній остатокъ владѣній Вильгельма Монферратскаго. У Вильгельма остался пятнадцатилѣтній сынъ, жившій при неаполитанскомъ дворѣ; но государственные чины Монферрата, опредѣливъ ему ежегодный пенсіонъ, передали управленіе Матвѣю Висконти (1292 г.).

По смерти Оттона (1295 г.) въ Миланѣ не произошло никакой перемѣны: власть осталась въ рукахъ Матвѣя, получившаго княжеское достоинство отъ двухъ императоровъ, Адольфа Нассаускаго и Альбрехта I Австрійскаго; оба признали его имперскимъ викаріемъ въ Ломбардіи, одинъ, нуждаясь въ деньгахъ, а другой изъ алчности. Въ концѣ XIII столѣтія Висконти были такъ могущественны, что для достиженія королевской или герцогской власти надъ всею Ломбардіей имъ оставалось только изгнать фамиліи, господствовавшія въ другихъ городахъ. Этому, впрочемъ, положено было начало вскорѣ по смерти Оттона. Женивъ своего сына, Галеаццо I, на сестрѣ маркграфа Аццо д'Эсте (1300 г.), Матвѣй сблизился съ этимъ домомъ, а потомъ завладѣлъ въ 1301 году Бергамо и принялъ мѣры къ подчиненію другихъ городовъ.

Въ первое время владычества Висконти Миланъ достигъ высшей степени процвѣтанія. По статистическимъ даннымъ, въ немъ было въ концѣ XIII столѣтія 13 тысячъ частныхъ домовъ, 6 тысячъ колодцевъ, 3 тысячи мельницъ, 400 мясныхъ лавокъ, столько же пекарень, тысяча шинковъ и 150 больницъ. Населеніе простиралось до 200 тысячъ, въ томъ числѣ 40 тысячъ способныхъ носить оружіе, 200 ученыхъ судей, 400 нотаріусовъ, 200 врачей, 80 учителей, 50 мастерскихъ для переписки книгъ (соотвѣтствовавшихъ нашимъ типографіямъ), 80 кузнецовъ, 30 литейщиковъ, 100 оружейниковъ. Въ городѣ ежедневно потреблялось: 1200 модіевъ хлѣба, 70 быковъ и т. д.; ежегодная пропорція потреблявшагося вина составляла 6 тысячъ, сѣна 150 тысячъ, дровъ 50 тысячъ подводъ. Миланская территорія заключала въ себѣ, кромѣ 60 городскихъ предмѣстій, 150 замковъ съ принадлежавшими къ нимъ деревнями и 600 самостоятельныхъ деревень; она могла выставить 8 тысячъ рыцарей и до 200 тысячъ войска. Церквей въ миланскихъ владѣніяхъ было 1355 съ 3 тысячами алтарей, духовенства до 10 тысячъ, а духовныхъ леновъ болѣе 18 тысячъ. Городъ имѣлъ двѣ стѣны, длиною въ 15 и 11 тысячъ локтей, съ 6 главными, 12 малыми воротами и 100 башнями; ровъ, окружавшій его, былъ шириною въ 30 локтей. Изумительное процвѣтаніе миланской промышленности, обнаруживаемое этими данными, можно бы счесть невѣроятными, но почти также говорятъ намъ и о Флоренціи.

Этотъ блескъ Милана и могущество Висконти надолго померкло, когда Матвѣй разсорился со своимъ дядею, Петромъ ди Скрепіо. Небольшіе владѣльцы около Милана, давно уже ждавшіе случая свергнуть господство Висконти, воспользовались ссорою, соединились со знатными фамиліями ломбардскихъ городовъ и склонили на свою сторону Петра ди Скрепіо и нѣсколько членовъ его дома. Матвѣй думалъ отвратить грозу арестомъ дяди, но этимъ заставилъ заговорщиковъ поспѣшить исполненіемъ своего плана. Въ іюнѣ 1302 г., выступивъ подъ предводительствомъ владѣтеля Піаченцы, Альберта Скотто, союзники разбили и взяли въ плѣнъ Матвѣя и принудили его отказаться отъ владычества надъ Миланомъ, взамѣнъ чего Альбертъ обязался сохранить ему всѣ фамильныя владѣнія. Слѣдствіемъ этой побѣды было возвращеніе делла Торре и изгнаніе всѣхъ Висконти, не исключая даже бывшихъ въ союзѣ съ врагами своего дома. Той же участи подверглось большинство дворянства, державшаго сторону Матвѣя. Самъ онъ вскорѣ лишился Бергамо и Тортоны, принужденный очистить ихъ по требованію Альберта Скотто, желавшаго извлечь возможно большія выгоды изъ его плѣна и потому нарушившаго данное ему обѣщаніе.

Паденіе Висконти вызвало въ Ломбардіи такую неурядицу, что всѣ стали желать возстановленія императорскаго владычества. Но именно въ періодъ этихъ смутъ и сильно оживленной дѣятельности умственное развитіе Италіи достигло до совершенства, подобнаго которому мы не видимъ ни въ одну изъ послѣдующихъ эпохъ. Въ доказательство достаточно назвать философію Гвидо Кавальканти и безсмертныя творенія Данте.

2. Германія въ XII столѣтіи.

1. Событія въ Даніи при Гогенштауфенахъ.

Кромѣ событій, находившихся въ связи съ итальянскою исторіею и личными дѣлами императора Фридриха II, для германскаго народа имѣли значеніе еще нѣкоторыя другія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ паденію государства, основаннаго въ германскихъ предѣлахъ датчанами, совершенно измѣнившему видъ сѣверной Германіи.

Датскій король Вальдемаръ I и его другъ, епископъ Аксель или Авессаломъ, пробудили воинственныя наклонности скандинавовъ и, пользуясь поселеннымъ въ нихъ крестовыми походами убѣжденіемъ, что истребленіе язычниковъ есть дѣло угодное Богу и людямъ, хотѣли покорить прибалтійскіе берега, заселенные язычниками вендами. Энергія Фридриха Барбароссы и Генриха Льва помѣшала Вальдемару осуществить вполнѣ этотъ планъ; но онъ былъ приведенъ въ исполненіе его сыновьями, Канутомъ VI и Вальдемаромъ II. Канутъ (1182 — 1202 г.) завоевалъ почти всю Померанію и Мекленбургъ, Гольштинію, Любекъ и Гамбургъ, взялъ въ плѣнъ гольштинскаго владѣтеля Адольфа фонъ Шауэнбурга, назвался «королемъ датчанъ и вендовъ» и сталъ дѣлать набѣги даже за Одеръ, въ бранденбургскія владѣнія. Вальдемаръ II (1202—1241 г.) торжественно короновался въ Любекѣ королемъ датчанъ и вендовъ и владѣтелемъ Нордальбингіи (Гольштиніи), и, пользуясь плѣномъ Адольфа фонъ Шауэнбурга, присоединилъ къ Даніи Лауэнбургъ, принудивъ къ сдачѣ храбрый лауэнбургскій гарнизонъ. Адольфъ долженъ былъ уступить ему свой германскій ленъ, Гольштинію, и, получивъ за это свободу, удалился на Везеръ, въ родовое свое графство Шауэнбургъ. Затѣмъ Вальдемаръ покорилъ Лифляндію и Эстляндію (стр. 121), распространилъ свои владѣнія по всему германскому прибрежью Балтійскаго моря, построилъ мостъ черезъ Эльбу, заложилъ замокъ на западномъ берегу рѣки и старался утвердиться между Эльбою и Везеромъ. Завоеваніе Эстляндіи и Лифляндіи не стоило ему большаго труда, такъ какъ тамошніе меченосцы и духовенство не получили помощи отъ императора. Къ тому же его успѣхамъ, какъ въ этомъ предпріятіи, такъ и во всѣхъ другихъ, сильно содѣйствовала отличная внутренняя и военная организація Даніи, въ то время самой благоустроенной страны въ Европѣ. Въ ней, какъ и вездѣ, дворянство было обязано являться

вполнѣ готовымъ по первому призыву на лединтъ, то есть въ походъ, но во всемъ остальномъ оно пользовалось полной свободой. Всѣ другіе поземельные владѣльцы выставляли въ случаѣ войны извѣстное число людей или кораблей, соразмѣрно цѣнности участковъ. Это давало Вальдемару возможность отправиться въ Лифляндію съ 1400 судами, изъ которыхъ 500 были такъ называемые длинные корабли, выставленные городами и вмѣщавшіе по 120 человѣкъ каждый.

Воля Вальдемара скоро сдѣлалась закономъ на всемъ пространствѣ отъ Финскаго залива до Штаде, не исключая даже Швеціи, и благоразумными мѣрами онъ съумѣлъ упрочить за собою всѣ пріобрѣтенія. Основавъ Штральзундъ, онъ далъ новому городу большія права, обнародовалъ законы, до сихъ поръ дѣйствующіе подъ его именемъ, и добился отъ Фридриха II формальной уступки всѣхъ завоеванныхъ земель. Въ 1214 г., Фридрихъ, не будучи еще императоромъ, уступилъ ему изъ личныхъ видовъ (стр. 121) всѣ германскія земли по ту сторону Эльбы и Эльды, и призналъ датское господство надъ вендами, утвердивъ эти уступки актомъ, подписаннымъ имъ самимъ и тринадцатью имперскими князьями.

Владѣтель графства шверинскаго, Генрихъ, возвратилъ имперіи черезъ девять лѣтъ то, что было отдѣлено отъ нея самимъ императоромъ и совершенно неожиданно свергнулъ могущественнаго датскаго короля съ высоты его величія. Генрихъ владѣлъ Шверинымъ вмѣстѣ съ братомъ, Гунцелиномъ. Въ 1214 г. они должны были признать себя ленниками датскаго короля, а въ 1217 году Вальдемаръ женилъ своего побочнаго сына, графа Николая Голландскаго, на единственной дочери Гунцелина, назначившаго ей въ приданое свою часть графства и даже половину родоваго замка. По смерти Гунцелина, Генрихъ сталъ оспаривать права племянницы и не хотѣлъ уступить ей ея долю, вслѣдствіе чего датскій намѣстникъ земель на югъ отъ Эйдера, Альбрехтъ фонъ Орламюнде, отнялъ у него все графство. Не имѣя возможности возвратить себѣ владѣнія силою, Генрихъ прибѣгнулъ къ хитрости, увѣнчавшейся рѣдкимъ успѣхомъ. Согласившись съ нѣсколькими мелкими владѣльцами въ Мекленбургѣ и Люнебургѣ, онъ отправился ко двору Вальдемара, и, сопровождая короля на охоту, искалъ случая захватить его въ плѣнъ. Это удалось во время охоты на небольшомъ островкѣ близъ Фюнена. Онъ напалъ ночью на короля и его сына, спавшихъ въ палаткѣ, взялъ обоихъ въ плѣнъ, не смотря на ихъ сопротивленіе, при которомъ Вальдемаръ былъ раненъ, посадилъ на приготовленный корабль и перевезъ въ Мекленбургъ, а оттуда въ Люнебургъ, гдѣ спряталъ въ замкѣ Данненбергѣ, принадлежавшемъ одному изъ его сообщниковъ (1223 г.). Папа Гонорій III, къ которому обратились датчане, вступился за плѣнниковъ, но Генрихъ не послушался его угрозъ и увѣщаній, такъ какъ въ сѣверной Германіи вообще не особенно повиновались папамъ, а императоръ не только не поддержалъ требованій Гонорія, но самъ старался завладѣть плѣннымъ королемъ. Онъ поручилъ, правда, быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ намѣстнику имперіи, кёльнскому архіепископу Энгельбрехту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ епископовъ вюрцбургскаго и гильдесгеймскаго обѣщалъ огромныя выгоды графу шверинскому за передачу ему Вальдемара. Папа поручилъ дѣло тому же Герману Зальцѣ, который впослѣдствіи примирилъ Фридриха съ Григоріемъ IX (стр. 122), и тогда начались переговоры. Послѣ долгихъ совѣщаній, условіями освобожденія плѣнниковъ были поставлены уплата Генриху 40 тысячъ марокъ, возвращеніе Вальдемаромъ всѣхъ завоеванныхъ германскихъ земель и признаніе датскаго королевства леномъ имперіи. Вальдемаръ и датскіе уполномоченные соглашались на все, кромѣ послѣдняго, и разошлись на этомъ. Императоръ отказался отъ посредничества, и дѣло должно было рѣшиться оружіемъ.

Генрихъ успѣлъ между тѣмъ пріобрѣсти нѣсколькихъ союзниковъ, такъ что когда Альбрехтъ фонъ Орламюнде, избранный въ Даніи правителемъ, появился съ войскомъ въ Гольштиніи, онъ выступилъ противъ него съ бургграфомъ фонъ Веттинъ, графомъ фонъ Верле, однимъ люнебургскимъ владѣльцемъ и сыномъ бывшаго графа гольштинскаго, Адольфомъ IV. Упорное сраженіе при Мёллнѣ (1225 г.) кончилось пораженіемъ датчанъ; войско ихъ было совершенно уничтожено, и самъ Орламюнде попался въ плѣнъ. Послѣ того переговоры возобновились. Фридрихъ находился тогда въ Италіи, его сынъ, Генрихъ, былъ еще ребенкомъ, а намѣстника Энгельбрехта не задолго до того убили, такъ что въ Германіи, собственно, не было верховной власти. Поэтому Генрихъ и его союз-

ники не настаивали на условіяхъ въ пользу имперіи, но за то потребовали больше выгодъ для самихъ себя. Датчане обязались заплатить 45 т. марокъ, отказаться отъ нѣмецкихъ земель между Эльбою и Эйдеромъ и отъ всѣхъ вендскихъ, за исключеніемъ Рюгена, возвратить графу Адольфу, какъ владѣльцу Гольштиніи, крѣпость Рендсбургъ, признать за Любекомъ, Гамбургомъ и другими нѣмецкими городами, торговавшими съ Даніей, всѣ прежнія льготы и выдать заложниковъ. Утвердивъ договоръ клятвою, Вальдемаръ получилъ свободу въ концѣ 1225 г., а слѣдующею весною былъ освобожденъ и его сынъ. По возвращеніи въ Данію, онъ нашелъ эти условія слишкомъ тяжелыми, и обратился къ папѣ. Гонорій освободилъ его отъ клятвы, призналъ договоръ недѣйствительнымъ и съ угрозами убѣждалъ Генриха отказаться отъ его требованій. Но графъ шверинскій не обращалъ вниманія на папу и, вѣроятно, предвидя, что Вальдемаръ прибѣгнетъ къ обыкновенной въ то время уловкѣ сильныхъ, желавшихъ нарушить клятву, заблаговременно приготовился къ борьбѣ, вступивъ въ союзъ съ герцогомъ Альбрехтомъ Саксонскимъ, бременскимъ епископомъ Гергардомъ и другими князьями, не принимавшими участія въ переговорахъ объ освобожденіи датскаго короля.

Союзниками графа шверинскаго были князья, захватившіе послѣ паденія Генриха Льва различныя части его владѣній; напротивъ, внукъ Генриха Льва, Оттонъ Дитя (стр. 126), родоначальникъ доселѣ существующей отрасли вельфскаго дома, соединился съ Вальдемаромъ. Онъ владѣлъ брауншвейгъ-люнебургской частью дѣдовскаго наслѣдства и сблизился съ датчанами еще въ 1224 г., быть можетъ, надѣясь съ ихъ помощью вернуть всѣ владѣнія дѣда. Вальдемаръ двинулся въ Гольштинію, но, къ несчастію, имѣлъ неосторожность заставить свободныхъ демократическихъ дитмаршенцевъ слѣдовать за ихъ завоевателемъ. Въ іюлѣ 1227 г. онъ встрѣтился съ непріятелемъ при Борнгёведе и былъ совершенно разбитъ. Датчане обвиняютъ въ пораженіи дитмаршенцевъ, ушедшихъ во время сраженія и даже соединившихся съ противниками. Вальдемаръ былъ опасно раненъ, а Оттонъ Дитя взятъ въ плѣнъ. Брауншвейгцы замѣчательнымъ образомъ показали свою преданность Оттону, обезсмертивъ самихъ себя мужествомъ и энергіею. Пользуясь его плѣномъ, сынъ императора, Генрихъ, хотѣлъ завладѣть Брауншвейгомъ, но горожане защищались геройски и отбили его нападеніе, сохранивъ городъ своему князю. Вальдемаръ далъ имъ за это привилегіи, еще болѣе развившія ихъ цвѣтущую торговлю: онъ освободилъ ихъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ отъ таможенныхъ пошлинъ и береговаго права. Черезъ нѣсколько лѣтъ Оттонъ выкупился изъ плѣна. Альбрехтъ фонъ Орламюнде уступкою своихъ замковъ и имѣній также возвратилъ себѣ свободу. Онъ отдалъ Лауэнбургъ Альбрехту Саксонскому, основавшему такимъ образомъ герцогство Саксенъ-Лауэнбургъ. Гольштинія осталась за графомъ Адольфомъ фонъ Шауэнбургомъ. Важнѣйшими результатами побѣды при Бонгёведе были: уничтоженіе датскаго господства въ сѣверной Германіи, полное освобожденіе Любека и только что начинавшей развиваться гамбургской городской общины, независимость и прочное демократическое устройство дитмаршенской области, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе народной жизни и дѣятельное, разнообразное развитіе самостоятельности, не встрѣчаемой уже теперь, когда не формы примѣняются къ людямъ, а люди должны повиноваться требованіямъ формы.

Доказательствомъ сильно возбужденной тогда дѣятельности могутъ служить новыя или преобразованныя права нижнесаксонскихъ городовъ и значеніе училища при вестфальскомъ монастырѣ Корвей. Новыя или преобразованныя городскія права получили: Штаде въ 1209 г., Ростокъ въ 1218 г., Госларъ въ 1219 г., Брауншвейгъ въ 1232 г., Любекъ въ 1235 г., Минденъ въ 1246 г., Гильдесгеймъ въ 1249 г. и т. д. Въ этихъ льготныхъ грамотахъ встрѣчаются замѣчательныя постановленія. Въ госларской, между прочимъ, постановлено, что: всякій, пробывшій въ городѣ годъ и день, свободенъ; въ своемъ домѣ всякій неприкосновенъ; если даже горожанинъ укрываетъ у себя изгнанника, то въ домъ къ нему нельзя войти силою, а слѣдуетъ позвать его къ суду; раздѣленіе на гильдіи запрещено; всякій житель долженъ нести на себѣ всѣ повинности; отъ нихъ освобождаются только духовные, но зато имъ запрещено владѣть домами, а дарить духовенству можно только деньги, вырученныя продажею дома, но не самые домы.

По брауншвейгскому праву запрещена была конфискація имуществъ, на томъ основаніи, что человѣкъ властенъ надъ своею жизнью, но не надъ правомъ своихъ наслѣдниковъ. Тою же грамотою было предоставлено горожанамъ, въ случаѣ безуспѣшной жалобы маршалу на дворянина, захватывать его имѣніе, какъ скоро онъ явится въ городъ, а въ случаѣ иска на духовное лицо дозволялось арестовывать его самого и секвестровать его имущество, для того чтобъ не имѣть нужды обращаться къ духовнымъ судамъ.

Училище въ корвейскомъ монастырѣ (т. II, стр. 540) славилось съ незапамятныхъ временъ, но въ XII столѣтіи получило особенное значеніе благодаря Вибальду (т. II, стр. 636) и нѣкоторымъ изъ его преемниковъ. Оно было, безспорно, однимъ изъ лучшихъ училищъ внѣ Италіи и считалось центромъ учености; его библіотека была самой полной въ Германіи, и въ немъ можно назвать цѣлый рядъ аббатовъ и монаховъ, занимавшихся различными науками. Въ Корвеѣ постоянно изучали греческій языкъ, знаніе котораго было вообще до того рѣдко, что, по всей вѣроятности, даже Лейбницъ XIII столѣтія, Альбертъ Великій зналъ Аристотеля только по арабскимъ источникамъ. Впрочемъ, не смотря на вліяніе училищъ, подобныхъ корвейскому, суевѣріе было распространено не менѣе прежняго. Однако, сочиненія монаховъ иногда обнаруживали въ нихъ довольно ясное пониманіе, а изученіе древнихъ имѣло мѣстами вліяніе даже на народъ, какъ объ этомъ можно заключать, напримѣръ, изъ того, что жителямъ бельгійскаго города Гюи пришла въ голову мысль о представленіи древнихъ драматическихъ произведеній.

2. Штединги и инквизиціонныя попытки въ Германіи.

Описаніе управленія и государственнаго устройства у штединговъ и другихъ фризскихъ народцевъ, жившихъ по берегамъ Нѣмецкаго моря, могло бы служить лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами выше о необыкновенной жизненности учрежденій того времени, но, слѣдуя принятой системѣ не задерживать изложенія событій подробнымъ объясненіемъ установившихся формъ, мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ объ ихъ общественномъ бытѣ. Изъ всѣхъ народовъ германскаго племени, одни фризы предпочли демократическія формы монархическимъ (т. II, стр. 183) и долго сохранили выработанныя ими учрежденія. Вначалѣ они жили сплошною массою по всему берегу Нѣмецкаго моря отъ Антверпена до Шлезвига; потомъ различныя обстоятельства разрознили ихъ, такъ что въ XII столѣтіи они занимали только нѣкоторыя части этого пространства. Самыми значительными народами между ними были западные фризы, восточные фризы и рюстринги, сохранившіе въ чистотѣ свое племенное происхожденіе и первобытныя учрежденія. Штединги, а также блутъядинги, кудинги, альтлендеры, гаделеры, вурстлендеры, дитмаршенцы составляли небольшія общины смѣшаннаго происхожденія, измѣнившія свое первоначальное устройство. Сѣверные фризы, жившіе по ютландскому берегу и на островахъ Амрумѣ, Сильтѣ и т. д., составляли отдѣльную отрасль этого племени.

Небольшіе народцы, жившіе между Гунтою, въ Ольденбургѣ, и Эйдеромъ, въ Шлезвигѣ, совершенно усвоили себѣ демократическія формы и упорно сопротивлялись водворившимся между ними рыцарямъ и дворянамъ. Ихъ дѣйствія были бы еще успѣшнѣе, если бы существовала связь между самостоятельными сельскими и деревенскими республиками и штединги соединились бы съ сосѣдними рюстрингами гораздо ранѣе. Но подобной связи между ними не было, каждая община жила сама по себѣ, и только въ половинѣ XIII столѣтія слились штединги съ рюстрингами, а чисто республиканскіе блутъядинги, жившіе по правую сторону устья Яды, еще позднѣе примкнули къ восточнымъ фризамъ, отдавшись подъ защиту ихъ графовъ, для того, чтобъ избавиться отъ притѣсненій бременскаго епископа. Штединтамъ уже рано пришлось сражаться за свою свободу. Едва возникли городъ Ольденбургъ и графство того же имени, какъ въ ихъ свободной странѣ появились дворяне. Тогда этотъ край былъ населенъ не такъ,

какъ теперь: вмѣсто нынѣшнихъ одинокихъ разсѣянныхъ жилищъ и маленькихъ деревень, въ то время были большія, сплошныя поселенія около плотинъ. Дворяне втерлись между крестьянами и хотѣли заложить свои гнѣзда на отдѣльныхъ холмахъ, большею частью насыпанныхъ по ихъ же приказанію. Изъ-за этого въ началѣ XIII столѣтія началась кровавая война, окончившаяся совершеннымъ истребленіемъ рыцарей и ихъ замковъ.

Одержавъ верхъ надъ дворянами, штединги, точно такъ же не желавшіе подчиняться благороднымъ епископамъ съ ихъ причтомъ и церковными судами, какъ и дворянскимъ притязаніямъ, вступили въ новую борьбу съ монахами. Сильнѣе всего раздражили они бременскаго архіепископа, отлучившаго ихъ за неповиновеніе отъ церкви. Благочестивые, но вольнодумные крестьяне не испугались архипастырскаго проклятія, прогнали чужихъ священниковъ и устроили собственное богослуженіе. Тогда архіепископъ съ своими приверженцами, дворянами, ославилъ ихъ повсюду еретиками, взводя противъ нихъ нелѣпѣйшія обвиненія. Главная вина ихъ состояла въ томъ, что, не подчиняясь ученію о рабствѣ, они проповѣдывали евангеліе свободы, сильно дѣйствовавшее на неизвращенные еще умы жителей тѣхъ странъ. Архіепископъ предпринялъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, графомъ Липпе, крестовый походъ, надѣясь легко справиться съ мужиками, но потерпѣлъ позорное пораженіе и потерялъ брата. Тогда онъ обратился къ папѣ Григорію IX, начавшему въ это время повсемѣстную травлю людей, не хотѣвшихъ признавать истиннымъ христіанствомъ извращенный католицизмъ (стр. 116). Страна заистребленныхъ альбигойцевъ еще дымилась кровью, развалины ихъ городовъ, не долго до того цвѣтущихъ, служили живымъ доказательствомъ безчеловѣчія монаховъ; въ Испаніи возникла инквизиція, во Франціи пылали костры, въ Нидерландахъ и средней Германіи началось постыдное преслѣдованіе еретиковъ—и все-таки папамъ приходилось терпѣть ихъ въ собственной столицѣ. Теперь преслѣдованіе распространилось и на штединговъ, между которыми вовсе не было еретиковъ. По просьбѣ бременскаго архіепископа, Григорій пригласилъ буллою епископовъ любекскаго, минденскаго и ратцебургскаго проповѣдывать крестовый походъ (1232 г.), а императоръ Фридрихъ II, заклятый врагъ свободы, подвергъ свободныхъ поселянъ опалѣ.

Въ первый годъ этой религіозной войны (1233 г.) противъ штединговъ выступилъ графъ ольденбургскій съ 200 рыцарей, съѣхавшихся изъ разныхъ странъ, но былъ разбитъ. Тогда озлобленные монахи вновь начали усиленно проповѣдывать походъ, и въ слѣдующемъ году къ штединамъ вторглось болѣе 40 т. крестоносцевъ, подъ предводительствомъ герцога брабантскаго и графовъ голландскаго, клевскаго, де ла Маркъ и ольденбургскаго. Штединги вооружились до послѣдняго человѣка и въ числѣ 11 т. пошли защищать свободу и родныя поля. Ими предводительствовали Болеке фонъ Барденфлетъ, Таммо фонъ Гунторпе и Детмаръ фонъ Дамме, которые вмѣстѣ съ Арнольдомъ Винкельридомъ должны жить вѣчно въ памяти народа. Эти крестьяне, въ легкихъ панцырахъ, съ небольшими щитами и маленькими шапками, вооруженные короткими мечами и пяти фунтовыми пиками, вступили въ бой при Альтенешѣ (1234 г.) вчетверо съ сильнѣйшимъ войскомъ рыцарей. Враги называли ихъ мужество безуміемъ. Они дрались геройски, убили графа ольденбургскаго, многихъ другихъ князей и до 4 т. рыцарей; но мѣстность страны была удобнѣе для враговъ, потому что въ ней не было горъ и узкихъ тропинокъ, замѣнявшихъ швейцарцамъ въ подобныхъ битвахъ бастіоны и крѣпости; конница со всѣхъ сторонъ окружила на равнинѣ легко вооруженныхъ крестьянъ, и они пали подъ напоромъ массы, потерявъ въ сраженіи или въ волнахъ Везера больше половины своихъ. Уцѣлѣвшіе бѣжали къ рюстрингамъ и слились съ нимъ. Страна досталась бременскому архіепископу.

Это происходило почти въ то время, какъ въ средней Германіи рушилась первая попытка ввести инквизицію. Доминиканскій монахъ Конрадъ Марбургскій, уполномоченный Григоріемъ IX преслѣдовать еретиковъ, разъѣзжалъ по Рейну, Тюрингіи и Гессену, неистово злоупотребляя своимъ полномочіемъ. Одна развратная женщина и простолюдинъ помогали ему разъискивать еретиковъ, и одного свидѣтельства подобныхъ тварей считалось достаточнымъ для казни; приносившихъ повинную наказывали позорною стрижкою головы и тяжкимъ покаяніемъ, такъ что ложь и позорныя наказанія служили единственнымъ спасе-

ніемъ отъ костра. Безумный инквизиторъ не хотѣлъ ограничиваться людьми простаго происхожденія и сталъ требовать къ себѣ дворянъ и князей, приговаривая ихъ къ казни безъ всякаго суда и слѣдствія. Наконецъ, одинъ графъ фонъ Зайнъ, котораго онъ остригъ, обратился съ жалобою къ императору и государству. На имперскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, Конрадъ былъ обвиненъ въ жестокости и несправедливости, но самое учрежденіе торжественно признано и принято подъ защиту государства. Однако вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ, принятомъ благодаря стараніямъ духовныхъ владѣтелей, Конрадъ былъ убитъ нѣсколькими дворянами въ окрестностяхъ Марбурга (1233 г.). Съ его смертью въ Германіи навсегда прекратились неистовства инквизиціи. Если бы онъ былъ нѣсколько осторожнѣе, юстиніановскимъ правовѣдамъ не пришлось бы впослѣдствіи уничтожать всякаго рода свободу: ихъ дѣло было бы уже сдѣлано монахами. Но его нелѣпыя дѣйствія до того ожесточили и духовенство и мірянъ противъ инквизиціи, что послѣ него никто не рѣшался принять на себя должность инквизитора въ Германіи.

3. Исторія Германіи отъ послѣднихъ годовъ царствованія Фридриха II до избранія Рудольфа Габсбургскаго.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, Фридрихъ II пріѣхалъ въ Германію и, не смотря на противодѣйствіе папы, добился низложенія старшаго сына и избранія вмѣсто него будущимъ императоромъ втораго, Конрада. Объ этомъ уже было упомянуто нами выше (т. стр. 126), такъ что здѣсь остается только сказать, до какой степени были пагубны для Германіи безпрестанныя отлучки императора и его система обращать ее въ орудіе своей итальянской политики. Зло происходило не отъ недостатка писанныхъ законовъ; напротивъ, эти враги вѣчнаго, изустнаго права тогда сильнѣе, чѣмъ когда-либо проникали въ жизнь, вытѣсняя обычное право, передававшееся отъ отца къ сыну и столь же древнее, какъ самъ народъ. Письменность была даже въ духѣ того времени; къ половинѣ XIII столѣтія относятся оба извѣстныя собранія германскихъ правъ, швабское и саксонское зерцало (Schwabenspiegel und Sachsenspiegel); сверхъ того, въ 1234 г. Григорій IX составилъ и обнародовалъ собраніе папскихъ постановленій, которымъ новое каноническое право было упрочено почти въ той же мѣрѣ, какъ нѣкогда новое право государей кодексомъ Юстиніана (т. стр. II); въ эту же эпоху жили и писали основатели философскихъ системъ, авторы учебниковъ и большихъ энциклопедій: Альбертъ Великій, Томасъ Аквинскій, Бонавентура, Венсаннъ де Бове и другіе. Такимъ образомъ существовали и писанные законы и ученая разработка права; недоставало главнаго — ихъ исполненія. Что было пользы въ судейскихъ приговорахъ, когда они оставались мертвою буквою и когда не было руки, заставлявшей повиноваться имъ? Нуждаясь въ дворянствѣ для своихъ итальянскихъ дѣлъ, Фридрихъ въ свою бытность въ Германіи надѣлялъ его привилегіями, совершенно разрушившими государственное единство, и безъ того уже непрочное. Отправляясь въ Италію, онъ оставилъ сыну войско, недостаточное для поддержанія императорской власти. Когда чехи и венгры умоляли о помощи противъ монголовъ, имперія не помогла имъ. Конрадъ принялъ крестъ и торжественно созвалъ князей, но на этомъ дѣло и остановилось, а Фридрихъ, преслѣдуя свои цѣли въ Италіи, не заботился о восточныхъ границахъ государства (стр. 103).

Гораздо благороднѣе поступили имперскія сословія, когда папы пытались склонить ихъ къ измѣнѣ императору. На всѣ письма Григорія IX о низложеніи Фридриха, князья отвѣчали, что папа властенъ короновать избраннаго князьями императора, но не имѣетъ права избрать его. Иннокентій IV вначалѣ также не имѣлъ успѣха. На его ліонскій соборъ (стр. 130) явились только немногіе германскіе духовные, и тѣ обращали больше вниманія на оправданія императорскаго уполномоченнаго Таддео ди Суэссы, чѣмъ на обвиненія Иннокентія, во всякомъ случаѣ не безосновательныя и вызывавшія у присутствовавшихъ обильныя слезы. На слѣдующій годъ (1246 г.) Иннокентію удалось измѣнить образъ мыслей большинства духовенства и склонить его подарками и обѣщаніями на свою

сторону. Чтобъ подготовить народъ къ избранію новаго императора, была пущена въ ходъ молва о невѣріи Фридриха и разсказъ объ его отзывѣ о Моисеѣ, I. Христѣ и Мухаммедѣ. Это подѣйствовало, и многіе стали осмѣивать императора какъ безбожника, неимѣющаго ни чести, ни совѣсти и дружащагося съ невѣрными. Однако низложенію Фридриха упорно сопротивлялись маркграфы мейссенскій и бранденбургскій, герцоги брабантскій, баварскій, брауншвейгскій и саксонскій и король чешскій. Но монахи съумѣли устроить новый выборъ и безъ свѣтскихъ князей. Оба главы германскаго духовенства, архіепископы кёльнскій и майнцскій, самовластно созвали въ Вюрцбургѣ сеймъ, состоявшій исключительно изъ духовенства, его клевретовъ и вассаловъ, а доминиканскій монахъ помогъ имъ склонить одного свѣтскаго князя къ принятію императорскаго достоинства. Это былъ ландграфъ тюрингскій и гессенскій, Генрихъ, прозванный Распе, по его прежнему мѣстопребыванію, замку Распенбергу. Какъ владѣлецъ двухъ областей, онъ былъ довольно силенъ, но долго колебался сдѣлаться орудіемъ папы; его страшили недостатокъ въ деньгахъ, старость и недовольно знатное происхожденіе. Папа устранилъ первую причину нерѣшимости, прислалъ 25 тысячъ марокъ, на что, при тогдашнемъ положеніи Германіи, можно было имѣть довольно значительное войско; съ остальными сомнѣніями и угрызеніями совѣсти справился духовникъ Генриха, доминиканецъ Эльгеръ фонъ Гонштейнъ, совершенно владѣвшій суевѣрнымъ ландграфомъ и смертельно ненавидѣвшій въ Фридрихѣ свирѣпаго гонителя своего ордена. Такимъ образомъ, Генрихъ Распе, внукъ ландграфа Германа, рѣшился выступить противникомъ того самаго человѣка, возвышенію котораго содѣйствовалъ его дѣдъ. Въ маѣ 1246 года онъ былъ провозглашенъ въ Вюрцбургѣ императоромъ, но тотчасъ же получилъ въ народѣ прозвище поповскаго короля, такъ какъ въ избраніи участвовали одни духовные. Его первыя дѣйствія были успѣшны. Конрадъ, хотѣвшій помѣшать сейму, созванному во Франкфуртъ, былъ разбитъ недалеко отъ этого города и покинутъ швабами, которыхъ обвинялъ въ пораженіи. Это дало Генриху возможность перенести войну въ родовыя владѣнія Гогенштауфеновъ; но здѣсь счастье оставило новаго короля: сильные холода принудили его отступить отъ Ульма, и, возвратясь въ Тюрингію, онъ умеръ (февраль 1247 г.).

Майнцскій архіепископъ Зигфридъ умеръ еще прежде; но и безъ него было довольно духовныхъ и свѣтскихъ князей, желавшихъ имѣть призрачнаго государя, который былъ бы орудіемъ папы и ихъ собственнымъ. Даже чешскій король, герцогъ брабантскій и другіе князья, противившіеся избранію Генриха, перемѣнили теперь свой образъ мыслей. Но приверженцы были впрочемъ въ затрудненіи, потому что никто не соглашался принять пустой и опасный титулъ. Наконецъ, герцогъ брабантскій, отклонившій лично отъ себя этотъ невыгодный почетъ, рекомендовалъ имъ сына сестры, графа Вильгельма Голландскаго, который и былъ избранъ въ октябрѣ 1247 г., при содѣйствіи папскаго легата. При этомъ приверженцы папы не обращали вниманія на честь имперіи, важность современныхъ обстоятельствъ и личныя свойства избираемаго: Вильгельмъ даже не былъ еще рыцаремъ, а народъ не хотѣлъ и знать его. Жители Ахена, гдѣ онъ долженъ былъ короноваться, не впускали его къ себѣ болѣе года. Его также не признавали и въ другихъ частяхъ имперіи, исключая Швабіи, гдѣ желали низложенія Конрада, для того, чтобы ослабить герцогскую власть, и нижней Саксоніи, гдѣ ему доставилъ нѣкоторое вліяніе бракъ его съ одною изъ дочерей герцога брауншвейскаго, Оттона Дитяти.

Съ раздвоеніемъ и униженіемъ императорской власти, для Германіи начинается самая бѣдственная эпоха. Глава государства сталъ смотрѣть на императорское достоинство какъ на средство для достиженія личныхъ цѣлей; князья и дворянство считали свои отношенія къ имперіи рабскимъ игомъ; все, что было не въ силахъ защищать себя, порабощалось монахами и разбойниками рыцарями, которые строили замки на всѣхъ рѣкахъ и дорогахъ, грабя и взимая пошлины съ проѣзжающихъ. Болѣе всего страдала Швабія, пограничные округа Баваріи, Тюрингія, Гессенъ, Пфальцъ и берега Рейна. За то города, соединившіеся для охраненія общихъ интересовъ, достигаютъ невѣдомой дотолѣ свободы. Такъ какъ ни Вильгельмъ, ни владѣтели названныхъ странъ не могли обуздать буйныхъ дворянъ, нѣжныхъ только съ дамами, то большинство мѣстныхъ городовъ и князей составили такъ называемый рейнскій союзъ, имѣвшій

цѣлью уничтоженіе разбойничьихъ замковъ и защиту торговли отъ рыцарскихъ нападеній. Къ союзу, основателями котораго были жители Майнца, приступили: Базель, Фрейбургъ, Кольмаръ, Шпейеръ, Вормсъ, Оппенгеймъ, Майнцъ, Боппардъ, Боннъ, Кёльнъ, Триръ, Мецъ, Фульда, Франкфуртъ, Гельнгаузенъ, герцоги и графы баварскій, вюртембергскій, пфальцскій, тюрингскій и многіе другіе города и владѣльцы. Вильгельмъ утвердилъ его въ 1255 г., разрѣшивъ союзникамъ сформировать ополченіе, назначить ему предводителя и установить ежемѣсячные съѣзды. Союзъ этотъ продержался въ полной силѣ всего девять лѣтъ; приступившимъ къ нему князьямъ и рыцарямъ невозможно было оставаться долго въ ладахъ съ горожанами, такъ какъ они, по словамъ одного современнаго писателя, были слишкомъ падки на грабежъ и по своимъ сословнымъ предразсудкамъ считали для себя позоромъ, что купцы повелѣваютъ дворянами. Не такова была судьба другаго союза, образованнаго сѣверными городами; онъ продержался нѣсколько столѣтій и пріобрѣлъ большую славу потому, что въ немъ участвовали только равноправные члены: это былъ ганзейскій союзъ, началомъ котораго обыкновенно считаютъ договоръ, заключенный въ 1241 г. между Гамбургомъ и Любекомъ для защиты взаимной торговли; но еще за два года до этого Гамбургъ заключилъ подобный же союзъ съ гаделерами и западными фризами для охраненія своего судоходства по Эльбѣ. Прежде всѣхъ приступилъ къ гамбурго-любекскому союзу Брауншвейгъ (1247 г.), признававшій за вельфскими герцогами только почетныя права и принадлежавшій къ числу городовъ, торговавшихъ съ сѣверомъ произведеніями нижней Саксоніи. Вслѣдъ за нимъ мало по малу присоединились къ союзу и другіе сѣверные города; однако, значеніе ганзы упрочилось не ранѣе слѣдующаго столѣтія. На сколько необходимы были союзы въ родѣ рейнскаго и ганзейскаго, можно заключить изъ распри между герцогомъ Альбрехтомъ Брауншвейгскимъ и архіепископомъ майнцскимъ Гергардомъ, то есть между двумя первостепенными имперскими князьями. Въ то время какъ Альбрехтъ былъ занятъ осадою какого-то замка, Гергардъ и графъ Эберштейнъ вторглись въ его владѣнія и какъ дикіе варвары опустошили окрестности Геттингена. Послѣ этихъ подвиговъ они двинулись въ готскія владѣнія, гдѣ хотѣли взять монастырь Фолькеироду; но здѣсь ихъ настигъ геттингенгскій фогтъ и взялъ въ плѣнъ. Альбретъ былъ до того озлобленъ на нихъ за произведенныя въ его земляхъ неистовства, что повѣсилъ фонъ Эберштейна за ноги, а архіепископа продержалъ очень долго плѣнникомъ.

Императорская и военная дѣятельность Вильгельма сосредоточилась на низовьяхъ Рейна, въ Вестфаліи и Нидерландахъ; на Рейнѣ города и даже его друзья епископы оказывали ему оскорбительное сопротивленіе, если онъ дѣйствовалъ несогласно съ ихъ желаніями; въ родовыхъ владѣніяхъ у него было множество хлопотъ съ фламандцами и западными фризами, а главное, онъ постоянно чувствовалъ недостатокъ въ войскѣ. Не смотря на это, при своихъ несомнѣнныхъ способностяхъ, онъ, вѣроятно, возстановилъ бы порядокъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ государства, еслибъ его не свели преждевременно въ могилу распри съ сосѣдями по родовымъ владѣніямъ. Важнѣйшая изъ этихъ распрей находилась отчасти въ связи съ завоеваніемъ Константинополя латинянами. Бальдуинъ Фландрскій, сдѣлавшись императоромъ (1204 г.), отдалъ Фландрію и Геннегау двумъ дочерямъ, изъ которыхъ одна, Іоанна, умерла бездѣтной въ 1244 году, а другая, Маргарита, осталась такимъ образомъ владѣтельницей обѣихъ частей. Она еще въ 1212 году вышла замужъ за Бурхарда д'Авена и имѣла отъ него двухъ сыновей, Іоанна и Бальдуина. Но Бурхардъ, посвященный до женитьбы въ духовное званіе, вышелъ изъ него, и вслѣдствіе этого папа объявилъ бракъ недѣйствительнымъ, а дѣтей незаконными; напротивъ, Фридрихъ II, по просьбѣ Маргариты, призналъ сыновей ея законными наслѣдниками. Черезъ нѣсколько времени она познакомилась съ графомъ Вильгельмомъ де Дампьерромъ, вышла за него замужъ; и имѣя отъ него дѣтей, сама объявила первый бракъ незаконнымъ, а старшихъ сыновей лишенными правъ на наслѣдство. Изъ-за этого, между нею и сыновьями началась долголѣтняя распря, въ которую долженъ былъ вмѣшаться и Вильгельмъ, сперва какъ графъ голландскій и зять Іоанна д'Авена, а потомъ какъ императоръ. Еще до его избранія, въ Германіи состоялась сдѣлка, по которой дѣтямъ отъ втораго брака назначалась Фландрія, а дѣтямъ отъ перваго—

Геннегау. Не соглашаясь на это, Вильгельмъ вступился за права Іоанна, женившагося на его сестрѣ и бывшаго однимъ изъ его лучшихъ друзей, и пользуясь отказомъ Маргариты дать ленную присягу, лишилъ ее лена, передавъ его владѣнія Іоанну. Тогда Маргарита напала на его родовыя земли, а противъ сына призвала французовъ. Вильгельмъ, имѣвшій надежныхъ союзниковъ въ западныхъ фризахъ, съ ихъ помощью разбилъ на голову фламандцевъ, вторгшихся въ Зеландію (1253 г.) и потерявшихъ въ этой битвѣ до 30 тысячъ убитыми, а плѣнниковъ Вильгельмъ съ позоромъ отослалъ на родину голыми. Но фризы, храбро помогая ему какъ союзники, нисколько не считали себя обязанными слѣдовать за нимъ въ Германію или даже въ Италію, куда онъ замышлялъ предпринять походъ; Вильгельмъ же, надѣясь на свое мужество, храбрость и счастье, вздумалъ принудить ихъ къ этому силою. Западные фризы, подобно своимъ братьямъ, восточнымъ фризамъ и рюстрингамъ, дѣлились на роды и волости и повиновались племеннымъ князьямъ или республиканскимъ властямъ и народнымъ судамъ; впрочемъ, и у нихъ здоровый кулакъ и мускулистая рука часто считались самыми лучшими доказательствами права. Роды и волости постоянно враждовали между собою, и даже въ отдѣльныхъ волостяхъ отправленіе правосудія нерѣдко вызывало ссоры. Потому побѣдить ихъ было не трудно; но покорить ихъ вполнѣ и прочно едва ли удалось бы, вслѣдствіе свойствъ ихъ страны, даже регулярному войску, а тѣмъ менѣе рыцарскимъ ополченіямъ. Вильгельмъ не подумалъ объ этомъ и поплатился за то жизнью. Напавъ на фризовъ осенью 1255 г., онъ разбилъ ихъ, занялъ значительную часть страны и хотѣлъ докончить завоеваніе зимою, когда замерзнутъ болота и топи. Начало было удачно: дрегтерлендеры были покорены; но однажды, когда Вильгельмъ поѣхалъ по замерзнувшему болоту, чтобъ показать дорогу пѣхотѣ, подъ нимъ подломился ледъ, а засѣвшіе въ тростникѣ фризы бросились на него и убили, прежде чѣмъ подоспѣла къ нему помощь.

Въ правленіе Вильгельма особенно замѣчательны его отношенія къ городамъ, прямо противоположныя политикѣ Фридриха II. Вильгельмъ защищалъ ихъ права и свободу, разрѣшалъ и поддерживалъ ихъ союзы; при немъ возникли союзы рейнскій и ганзейскій, часть нижнесаксонскихъ городовъ получила новое, свободное устройство, а города его родовыхъ владѣній чрезвычайно возвысились, благодаря полученныхъ отъ него льготамъ.

При избраніи ему преемника, повидимому, воскресло прежнее курфирстское право и появляется такъ называемая избирательная коллегія. Въ выборѣ впервые участвуютъ также архіепископы кёльнскій, майнцскій, трирскій и владѣтели Саксоніи, Бранденбурга, Пфальца и Богеміи, а между ними главную роль играютъ три прелата. Изъ нихъ, Гергардъ Майнцскій находился еще въ плѣну въ Брауншвейгѣ, и потому выборъ предоставили Конраду Кёльнскому и Арнольду Трирскому. Оба остановились на иностранцахъ. Конрадъ, побѣждаемый друзьями Вильгельма, особенно Іоанномъ д'Авеномъ, предложилъ богатѣйшаго изъ принцевъ того времени, Ричарда Корнваллійскаго, брата англійскаго короля Генриха III, а Арнольдъ—кастильскаго короля Альфонса X, считавшагося, неизвѣстно на какомъ основаніи, самымъ могущественнымъ и умнымъ государемъ (т. II. стр. 362). Ричардъ имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что былъ ближе и могъ имѣть прямыя сношенія съ Германіей. Трирскій архіепископъ расположился во Франкфуртѣ, обычномъ мѣстѣ выборовъ, обѣщалъ избирателямъ отъ имени Альфонса денегъ и объявилъ, что дѣйствуетъ по полномочію Саксоніи, Бранденбурга и Богеміи; но Ричардъ выкупилъ изъ плѣна майнцскаго архіепископа, а другимъ или сдѣлалъ подарки тотчасъ или надавалъ имъ вѣрныхъ обѣщаній. Это было существеннѣе словесныхъ обѣщаній кастильскаго короля, и потому архіепископы кёльнскій и майнцскій вмѣстѣ съ пфальцграфомъ рейнскимъ, провозгласили Ричарда императоромъ (январь 1257 г.); вслѣдъ за тѣмъ и Оттокаръ II Чешскій объявилъ себя въ его пользу. Однако Арнольдъ не уступилъ и избралъ отъ себя и по полномочію трехъ другихъ князей Альфонса (апрѣль 1257 года). Но его кандидатъ даже никогда не былъ въ Германіи, тогда какъ Ричардъ пріѣхалъ вслѣдъ за избраніемъ, потомъ бывалъ еще нѣсколько разъ и постоянно распоряжался, какъ государь. По поводу его первой поѣздки по Германіи, одинъ изъ современниковъ, повидимому искренній патріотъ, жестоко осмѣиваетъ избирателей и избраннаго, разсказывая анекдотъ, интересный,

хотя не какъ исторія, но какъ мнѣніе о ней частнаго человѣка. Онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ путешествіе новаго императора: «Явившись послѣ своего избранія въ Германію, Ричардъ заплатилъ большія суммы избирателямъ и другимъ епископамъ и князьямъ; такъ какъ онъ былъ очень богатъ, то князья провожали его по всему Рейну и вводили въ города, гдѣ его принимали съ торжествомъ изъ боязни къ провожатымъ. Но, доѣхавъ до Базеля, онъ израсходовалъ всѣ деньги; тогда разъѣхались и князья, говоря, что выбрали его только изъ-за денегъ, а не ради его личности; онъ вернулся домой другою дорогой.» Сказанное выше о Ричардѣ и Альфонсѣ служитъ доказательствомъ, что этотъ разсказъ не можетъ быть вѣренъ; къ тому же Ричардъ возвратился въ Германію и ни въ первый разъ, ни въ слѣдующіе не былъ оставляемъ князьями. За то выданные имъ дипломы и свѣдѣнія о его путешествіяхъ вполнѣ подтверждаютъ, что онъ имѣлъ приверженцевъ, только благодаря своимъ деньгамъ и щедрой раздачѣ привилегій. Жителямъ Вормса онъ заплатитъ въ первую поѣздку за пріемъ 1000 марокъ наличными деньгами, а во второй пріѣздъ, найдя Вормсъ и Оппенгеймъ въ войнѣ съ баронами фонъ Штейномъ и фонъ Гунтгеймомъ, выдалъ послѣднимъ по 200 марокъ, чтобъ получить право сдѣлаться посредникомъ. Больше всѣхъ поживились отъ него веттераускіе имперскіе города, Франкфуртъ, Фридбергъ, Гельнгаузенъ и Вецларъ. Въ 1269 г. онъ женился на красавицѣ Беатрикѣ фонъ Фалькенштейнъ и въ угоду ея роднѣ учредилъ фогтейскіе суды на Рейнѣ и въ Веттерау, что сильно не понравилось сосѣднимъ владѣльцамъ и городамъ. Свадьба былъ отпразднована въ возобновленномъ и отдѣланномъ Кайзерслаутернскомъ дворцѣ Фридриха Барбароссы, съ великолѣпіемъ, напомнившимъ празднества этого императора.

Желая извлечь выгоды изъ двойнаго избранія, папа потребовалъ къ себѣ обоихъ претендентовъ; но это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, а только сдѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ, такъ какъ дѣйствительнымъ императоромъ былъ и остался Ричардъ. Для Германіи это царствованіе было во многихъ отношеніяхъ бѣдственно. Гогенштауфены, распродавъ свои владѣнія, потеряли всякое значеніе, тѣмъ болѣе, что Ричардъ, подобно предшественнику, не признавалъ за ними даже швабскаго герцогства; такимъ образомъ, родъ ихъ совершенно упалъ еще до итальянскаго похода Конрадина. Вмѣсто него въ Швабіи возвысились насиліемъ и грабежомъ графы вюртембергскіе. Законовъ постоянно писалось множество, но это были пустыя слова, страшныя только для слабыхъ и постоянно злоупотребляемыя сильными. Рыцари и бароны самоуправствовали повсюду, особенно противъ городовъ, большею частью имперскихъ, и слѣдовательно, независимыхъ отъ князей. Въ Тюрингіи, Веттерау, Швабіи, на Рейнѣ, Ланѣ и въ бургундскихъ земляхъ было почти столько же замковъ, какъ въ Италіи, гдѣ, напримѣръ, въ небольшомъ округѣ Канавезе, между рѣками Дорой Бальтеей и По, ихъ насчитывали до 200. По распаденіи рейнскаго союза, разстроившагося почти въ самомъ началѣ, въ Кведлинбургѣ была сдѣлана попытка образовать новый союзъ (1270 г.) для водворенія спокойствія въ государствѣ; но это было безполезно. Имперія распадалась отъ внутренняго безсилія, а съ востока грозилъ ей славянскимъ господствомъ Оттокаръ II, король чешскій, покорившій тогда Моравію, Австрію, Штирію и даже часть Баваріи, которую систематически разорялъ постоянно возобновляемыми вторженіями.

Среди этихъ грустныхъ обстоятельствъ было истиннымъ счастьемъ для имперіи, что по смерти Ричарда (1272 г.) выборъ палъ на Рудольфа Габсбургскаго, не только спасшаго, но и возстановившаго имперію. При его избраніи, семь первостепенныхъ князей являются курфирстами или представителями всей націи. Одинъ изъ нихъ, майнцскій архіепископъ Вернеръ, счелъ себя въ правѣ послѣдовать примѣру Конрада Кёльнскаго и дать имперіи государя, тѣмъ болѣе, что имъ руководили не денежные разсчеты, а исключительно добросовѣстное убѣжденіе и чувство благодарности. Онъ считалъ себя обязаннымъ Рудольфу Габсбургскому — владѣтельному графу въ Сѣверной Швейцаріи — за защиту во время поѣздки въ Римъ, и на этомъ основаніи настоятельно рекомендовалъ его избирателямъ. Сверхъ того, въ пользу Рудольфа дѣйствовалъ его двоюродный братъ, бургграфъ нюрнбергскій, Фридрихъ фонъ Гогенцоллернъ, склонившій на его сторону Людовика II Баварскаго, нуждавшагося въ поддержкѣ про-

тивъ Оттокара II. Чешскаго короля исключили изъ числа избирателей, а на остальныхъ князей подѣйствовали два обстоятельства. Во-первыхъ, у Рудольфа было пять незамужнихъ дочерей, такъ что холостые владѣтели Саксоніи и Бранденбурга и вдовецъ Людовикъ Баварскій надѣялись породниться съ императоромъ и извлечь изъ этого различныя выгоды; во-вторыхъ, Рудольфъ на родинѣ постоянно воевалъ противъ городовъ, что было весьма важнымъ доводомъ въ его пользу, при тогдашнихъ отношеніяхъ рыцарства къ горожанамъ. Впрочемъ, ему случалось, подобно позднѣйшимъ итальянскимъ кондоттіери, продавать свои услуги и и городамъ. Въ сущности, онъ вовсе не былъ незначительнымъ владѣльцемъ, какъ можно было бы заключить по его графскому титулу, безденежью и простотѣ. Ему достались отъ отца и матери, урожденной графини Кибургъ, графство Габсбургъ, Кибургъ, Ленцбургъ и нѣсколько имѣній въ Швейцаріи, Швабіи и Эльзасѣ; сверхъ того онъ былъ, подобно дѣлу, фогтомъ Ури, Швица и Унтервальдена, а также многихъ монастырей, аббатствъ и епископствъ, начальствовалъ надъ Цюрихомъ, Фрейбургомъ и въ Юхтландѣ и пріобрѣлъ себѣ большую славу частыми походами, во время которыхъ предводительствовалъ значительными рыцарскими отрядами, безусловно ему преданными и пріученными къ строгой дисциплинѣ и патріархальной воздержанности. Онъ былъ въ походѣ по найму и осаждалъ Базель, когда пришло извѣстіе объ избраніи его во Франкфуртѣ императоромъ (29 сентября 1273 г.). Въ октябрѣ онъ торжественно короновался въ Ахенѣ и при этомъ выдалъ двухъ дочерей за герцоговъ Людовика Баварскаго и Альбрехта Саксонскаго.

4. Баварія и Австрія до избранія Рудольфа Габсбургскаго.

Въ такъ называемый періодъ *междуцарствія*, отъ смерти Фридриха II до воцаренія Рудольфа, считаемый временемъ смутъ и беззаконій самимъ Рудольфомъ, объявившимъ недѣйствительными всѣ изданныя въ это время постановленія, произошли важныя перемѣны въ герцогствахъ баварскомъ и австрійскомъ, имѣвшія вліяніе на характеръ управленія новаго императора.

Когда Фридрихъ Барбаросса одержалъ верхъ надъ Генрихомъ Львомъ (т. II, стр. 691), Бавaрія досталась графу Оттону фонъ Виттельсбаху или фонъ Шейерну, оказавшему важныя услуги императору. Сынъ и преемникъ Оттона, *Людовикъ I* (1183 — 1231 г.), женилъ своего сына, *Оттона Сіятельнаго*, на единственной дочери старшаго сына Генрига Льва, пфальцграфа Генриха (стр. 45), и по его смерти присоединилъ *Пфальцъ* къ владѣніямъ своего дома. Такимъ образомъ Оттону Сіятельному (1231 — 1253 г.) достались два значительныхъ владѣнія въ имперіи. Во время раздора Фридриха II съ старшимъ сыномъ (стр. 125), Оттонъ былъ на сторонѣ Генриха, за что подвергся сильнымъ гоненіямъ отъ Фридриха, но потомъ помирился съ нимъ и вошелъ къ нему въ милость. Черезъ нѣсколько времени они опять разсорились. Оттонъ впустилъ въ свои владѣнія папскихъ легатовъ, возмущавшихъ народъ противъ императора, и за это долженъ былъ воевать съ его приверженцемъ, герцогомъ меранскимъ. Впослѣдствіи образъ мыслей Оттона снова измѣнился, онъ противился выбору монахами новаго императора и стоялъ за Фридриха и Конрада IV. Виновниками послѣдней перемѣны были, главнымъ образомъ, баварскіе епископы, отклонившіе герцога отъ папы и даже убѣдившіе его выдать свою дочь за Конрада (1246 г.); отъ этого брака родился Конрадинъ. Когда Конрадъ былъ вытѣсненъ Вильгельмомъ изъ Швабіи, Оттонъ принялъ его къ себѣ и прогналъ изъ Баваріи папскихъ легатовъ, чѣмъ страшно озлобилъ противъ себя всю папскую партію. На Конрада же она была до того ожесточена, что незадолго до его итальянскаго похода епископъ регенсбургскій сдѣлалъ покушеніе на его жизнь. Люди епископа, подъ предводительствомъ Конрада фонъ Гогенфельса, ворвались однажды ночью въ спальню императора, убили многихъ изъ его слугъ, но не могли исполнить своего замысла, потому что Конрадъ успѣлъ спрятаться. Враждою Оттона и баварскаго духовенства съ папскими сторонниками воспользовались чешскій король Венцель или

Венцеславъ I и его сынъ, Оттокаръ II. Будучи уже давно въ союзѣ съ папой, они стали поддерживать выгнанныхъ Оттономъ епископовъ и безпрерывными вторженіями страшно опустошали Баварію.

По смерти Оттона (1253 г.), его владѣнія перешли къ двумъ сыновьямъ, Людовику II и Генриху. Людовикъ, по прозванію Строгій, получилъ Пфальцъ и всю верхнюю Баварію съ городами Амбергомъ, Регенсбургомъ и Мюнхеномъ—Генрихъ, нижнюю Баварію съ Штраубингомъ, Дингельфингеномъ и Ландсгутомъ. При избраніи императора они подавали голоса сообща, и, нуждаясь въ опорѣ противъ Оттокара, уже завладѣвшаго сосѣднею имъ Австріею, послушались бургграфа нюренбергскаго и объявили себя въ пользу Рудольфа Габсбургскаго. Людовика побуждали къ этому и личныя соображенія; онъ убилъ, по одному подозрѣнію, невинную жену и ея друзей, и надѣялся избѣжать наказанія, женившись на которой-нибудь изъ дочерей Рудольфа. Это ему удалось; Рудольфъ при всей честности и прямотѣ принесъ жертву требованіямъ политики и отдалъ за него одну изъ дочерей.

Австріею владѣлъ съ 1230 г. Фридрихъ Воинственный, послѣдній герцогъ изъ бабенбергской фамиліи (стр. 126). Фридрихъ II и Петръ Девинь взводили противъ него въ своихъ бумагахъ такія обвиненія, что если даже частица ихъ справедлива, то ему слѣдуетъ дать совсѣмъ другое прозваніе. Онъ всячески тревожилъ государство и императора, но встрѣтилъ въ Фридрихѣ грознаго противника, пока тотъ не запутался въ итальянскихъ дѣлахъ. Въ 1236 г. императоръ предалъ герцога опалѣ, овладѣлъ Австріей какъ выморочнымъ леномъ и сдѣлалъ Вѣну имперскимъ городомъ. Но изгнанный герцогъ вернулся и завоевалъ свои владѣнія, а императоръ, занятый итальянскими дѣлами, былъ вынужденъ возвратить ему всѣ права (1239 г.). Вслѣдъ затѣмъ Фридрихъ Воинственный оказалъ государству важную услугу отраженіемъ монголовъ. Всѣ остальныя войны его были разбойничьими набѣгами и вообще вся жизнь непрерывною тревогою; но при вторженіи монголовъ его дикій нравъ и грубыя, но мужественныя шайки послужили оплотомъ для Германіи. Онъ заставилъ монголовъ отказаться отъ задуманнаго ими нападенія на Вѣну и Нейштадтъ, потомъ напалъ на нихъ вмѣстѣ съ чешскимъ королемъ, аквилейскимъ патріархомъ, герцогомъ каринтійскимъ и маркграфомъ баденскимъ, разбилъ ихъ отступавшія полчища и цѣлый годъ оставался съ войскомъ на границахъ. Этимъ онъ, конечно, заслужилъ отличіе, данное ему Фридрихомъ въ Веронѣ (1245 г.) совершенно по другому поводу. Императоръ подтвердилъ дарованныя ему въ 1156 г. Фридрихомъ Барбароссою привилегіи, по которымъ австрійское герцогство могло быть наслѣдственнымъ въ женской линіи бабенбергскаго дома, а въ случаѣ бездѣтной смерти послѣдняго герцога мужской линіи, переходить къ назначенному имъ лицу. Кромѣ того онъ предоставилъ ему нѣкоторыя другія права, помышляя даже дать ему королевскій титулъ, чтобъ сравнять съ чешскимъ королемъ. Послѣ этого герцогъ снова принялся за прежнее ремесло, сталъ нападать на Зальцбургъ, Баварію, Венгрію, и, воюя противъ венгерскаго короля Белы IV, былъ убитъ въ сраженіи при Лейтѣ далматскимъ предводителемъ Франджипани (1246 г.).

Онъ не оставилъ дѣтей и не назначилъ наслѣдника, такъ что императоръ хотѣлъ завладѣть Австріей, какъ выморочнымъ леномъ, и послалъ туда намѣстникомъ графа Оттона фонъ Эберштейна. Но австрійскіе чины рѣшились избрать себѣ принца изъ прежней династіи и остановились на одномъ изъ сыновей незадолго до того умершей сестры Фридриха Воинственнаго, Констанціи, бывшей замужемъ за маркграфомъ мейссенскимъ, Генрихомъ Сіятельнымъ. Еще до окончанія совѣщаній явился маркграфъ Германъ Баденскій, женился на племянницѣ Фридриха, Гертрудѣ, вдовѣ маркграфа Владислава Моравскаго, брата Оттокара II, завладѣлъ Австріей и отстоялъ ее отъ императорскаго намѣстника и венгерскаго короля Белы IV, выпросившаго ее себѣ у папы. Часть герцогства занялъ Оттонъ Баварскій на томъ основаніи, что она нѣкогда входила въ составъ Баваріи (т. II, стр. 525). Германъ умеръ въ 1250 г., оставивъ малолѣтняго сына Фридриха Баденскаго, знаменитаго потомъ своей дружбою съ Конрадиномъ. Гертруда хотѣла сохранить герцогство за сыномъ, но должна была сама искать защиты у венгерскаго короля, опустошавшаго страну и убѣдившаго ее передать ему свои права. Наконецъ австрійскія сословія, наскучивъ пятилѣтней неуряди-

цей, отправили посольство къ Генриху Сіятельному Мейссенскому (1251 г.). Оно было задержано на дорогѣ чешскимъ королемъ Венцеславомъ и вернулось домой, чтобъ ходатайствовать въ пользу его сына, Оттокара II, долго враждовавшаго съ отцомъ и наконецъ получившаго отъ него маркграфство моравское. Оттокаръ, дѣйствительно, былъ избранъ и, чтобъ упрочить свои права, женился на второй сестрѣ Фридриха Воинственнаго, Маргаритѣ, вдовѣ старшаго сына императора, Генриха, жившей въ монастырѣ. Оттокаръ держалъ ее при себѣ девять лѣтъ, но потомъ, считая свою власть упроченной, прогналъ и, говорятъ, даже приказалъ отравить. Въ 1253 г. онъ наслѣдовалъ отцу въ Богеміи, получилъ отъ Ричарда Корнваллійскаго въ ленное владѣніе Австрію и Штирію и постоянно опустошалъ Баварію. Особенно доставалось отъ него Генриху, герцогу нижнебаварскому. Въ 1267 г. они примирились, и когда Оттокара вслѣдствіе его славянскаго происхожденія лишили права участвовать въ выборѣ императора, онъ склонилъ Генриха, уже подавшаго голосъ за Рудольфа, къ общему протесту противъ его избранія и даже къ вторженію во владѣнія Людовика Пфальцъ-баварскаго. Со стороны Генриха этотъ протестъ былъ рѣшительно непонятенъ и совершенно неосновательнъ; Оттокаръ, напротивъ, имѣлъ полное основаніе мстить за исключеніе изъ числа избирателей; сверхъ того онъ зналъ, что Рудольфъ, никогда не признававшій Ричарда законнымъ государемъ, не утвердитъ и пожалованія ему этимъ императоромъ Австріи.

5. Царствованіе Рудольфа Габсбургскаго.

Личность Рудольфа съ первой минуты его воцаренія сдѣлалась типомъ чуднаго, благороднаго характера, выработаннаго дикою, суровою, часто безбожно звѣрскою, но не изнѣженною и растленною эпохою. Такимъ онъ является и въ государственной дѣятельности, и въ частныхъ сношеніяхъ и въ семьѣ. Своими личными свойствами — храбростью, великодушіемъ, простотою, религіозностью, здравомысліемъ, — родоначальникъ габсбургскаго дома былъ несравненно выше всѣхъ своихъ потомковъ, возвеличенныхъ іезуитами, министерскими интригами и судьбою, доставлявшей имъ случай удить рыбу въ мутной водѣ. Его домашній бытъ своей бѣдностью и простотой производитъ на память гомерическія времена или плугъ Цинцинната (т. I, стр. 560); вся его жизнь отличалась простотою, честностью, искренностью и добродушіемъ, а его жена, Гертруда фонъ Гогенбергъ, была болѣе прилежной хозяйкой, чѣмъ современныя женщины средняго круга.

Для того чтобы утвердиться на престолѣ, ему необходимо было одолѣть сильнаго врага, Оттокара Чешскаго. Ихъ борьба служитъ лучшимъ доказательствомъ, что въ то время небольшой владѣлецъ, съ помощью друзей и приверженцевъ, могъ быть сильнѣе могущественнаго государя, а присоединеніе къ Рудольфу герцога Людовика Пфальцъ-баварскаго показываетъ, что самый значительный князь безъ содѣйствія рыцарства и городовъ былъ совершенно безсиленъ въ военномъ отношеніи. Къ войнѣ съ Оттокаромъ Рудольфа побуждали кромѣ личныхъ видовъ и государственныя соображенія. Чешскій король, по смерти герцога каринтійскаго и крайнскаго, Ульриха (1270 г.), завладѣлъ посредствомъ подложнаго завѣщанія его землями, и братъ Ульриха, Филиппъ, просилъ защиты у новаго императора. Однако Рудольфъ былъ на столько благоразуменъ, что не началъ войны безъ надежныхъ союзниковъ. Онъ предварительно выдалъ двухъ дочерей за Людовика Пфальцъ-баварскаго и Альбрехта Саксонскаго, наградилъ своего родственника, нюрнбергскаго бургграфа Фридриха фонъ Цоллерна или Гогенцоллерна, признавъ наслѣдственными въ его фамиліи Нюрнбергъ, Ансбахъ и Байрейтъ, и старался стать въ хорошія отношенія къ папѣ. Это было не трудно, потому что добрый и честный Григорій X не требовалъ отъ него ничего чрезвычайнаго и самъ нуждался въ немъ противъ Карла I Анжуйскаго. Германскія дѣла, касавшіяся папы, были улажены на ліонскомъ соборѣ (стр. 141). Туда собрались всѣ германскіе архіепископы, кромѣ зальцбургскаго, а Рудольфъ отправилъ своего канцлера, пробста Оттона Шпейерскаго, и двухъ свѣтскихъ уполномоченныхъ, бург-

графа нюрнбергскаго Фридриха и графа Готтфрида фонъ Зайна, не умѣвшихъ, впрочемъ, ни писать, ни читать и не знавшихъ латинскаго языка, на которомъ происходили совѣщанія. Номинальный императоръ Альфонсъ X и Оттокаръ Богемскій также послали въ Ліонъ уполномоченныхъ, но Григорій торжественно призналь императоромъ Рудольфа, убѣдилъ кастильскаго короля отказаться отъ притязаній на Германію, и, что было гораздо важнѣе для Рудольфа, серьезно совѣтовалъ Оттокару прекратить сопротивленіе, объявивъ, что онъ отнюдь не долженъ разсчитывать на папскую помощь. За это императоръ обѣщалъ папѣ выполнить все, обѣщанное нѣкогда Иннокентію III Оттономъ IV и Фридрихомъ II, когда первый искалъ помощи противъ Филиппа Швабскаго, а второй, будучи начальникомъ и не имѣя войска, хотѣлъ свергнуть съ престола сильнаго противника (стр. 119).

Для успѣха въ войнѣ съ Оттокаромъ, у котораго Рудольфъ хотѣлъ отнять одну изъ обширнѣйшихъ восточныхъ провинцій имперіи, ему необходимо было содѣйствіе націи, и конечно онъ заслуживалъ его больше, чѣмъ кто-нибудь. Рудольфъ былъ набоженъ безъ суевѣрія, уважалъ достойныхъ служителей церкви, ревностно заботился о возстановленіи древнихъ обычаевъ, законовъ и правъ; силою заставлялъ рыцарей и владѣльцевъ уважать свободу другихъ, и въ тоже время требовалъ отъ городовъ, чтобы съ умноженіемъ ихъ льготъ и достатка увеличивалось и участіе ихъ въ общественныхъ повинностяхъ, грозя въ противномъ случаѣ закладывать ихъ въ частныя руки въ силу стариннаго императорскаго права. Конечно, въ началѣ, передъ чешской войной ему приходилось потакать рыцарству, соединившемуся съ князьями противъ императора и требованій справедливости; но впослѣдствіи онъ добрался и до него. Въ Германіи, послѣ долгаго времени возобновились, наконецъ, императорскіе сеймы и дни суда въ Ахенѣ, Кёльнѣ и Шпейерѣ, гдѣ притомъ гораздо больше говорилось о дѣлахъ существенно необходимыхъ, чѣмъ объ Оттокарѣ и его союзникѣ, Генрихѣ Баварскомъ. Судъ надъ Оттокаромъ начался только тогда, когда Германія вполнѣ почувствовала, что ею правитъ настоящій государь, а не призракъ. Собранъ блестящій сеймъ въ Нюрнбергѣ (ноябрь 1274 г.), Рудольфъ потребовалъ къ себѣ чешскаго короля и Генриха Баварскаго, а когда они не явились, собравшіеся на сеймъ князья, по закону, повторили приглашеніе уже съ угрозами. Когда вызываемые не явились и по второму призыву, о нихъ составили строгій приговоръ и въ третій разъ потребовали въ Аугсбургъ. Сюда, наконецъ, явились отъ обоихъ обвиняемыхъ уполномоченные, но не съ повинною, а съ тѣмъ, чтобъ еще подлить масла въ огонь. Тогда Оттокаръ былъ подвергнутъ опалѣ (іюнь 1275 г.), надъ Генрихомъ же Рудольфъ медлилъ произнести осужденіе, надѣясь привлечь его на свою сторону.

До исполненія приговора онъ хотѣлъ окончательно расположить въ свою пользу Григорія X, и потому устроилъ свиданіе съ нимъ въ Лозаннѣ (октябрь 1275 г.). Здѣсь чрезвычайно искусно дѣйствовалъ въ пользу императора его другъ, францисканецъ Генрихъ фонъ Изена, обыкновенно называемый Генрихомъ Кнодереромъ или Гюртелькнопфомъ (кушачная пряжка), бывшій потомъ базельскимъ епископомъ и майнцскимъ архіепископомъ. Это былъ скорѣе свѣтскій человѣкъ и дипломатъ, чѣмъ монахъ; сынъ плотника, онъ открыто высказывалъ расположеніе къ рыцарству и презрѣніе къ духовенству. Папа поручилъ ему сборъ десятины съ духовныхъ имѣній, и онъ устроилъ такъ, что значительная часть этихъ денегъ была дана въ ссуду Рудольфу для чешской войны, взамѣнъ обѣщаннаго имъ крестоваго похода, которому однако не суждено было состояться. Рудольфъ, съ своей стороны, обѣщалъ дѣйствовать въ угоду папѣ въ расправѣ съ Франціей и Савоіей и во всѣхъ итальянскихъ дѣлалъ. Повидимому, Григорій тогда искренно привязался къ нему и его благочестивой, доброй женѣ; по крайней мѣрѣ, это доказывается дружескимъ письмомъ его къ императору во время предсмертной болѣзни. Онъ умеръ въ январѣ слѣдующаго года.

Устроивъ дѣла съ папой, Рудольфъ началъ серьезно готовиться къ войнѣ. Прежде всего онъ отвлекъ отъ Оттокара епископа зеккаузскаго Бернгарда, бывшаго его уполномоченнымъ въ Аугсбургѣ и сильно преслѣдовавшаго императора и его сторонниковъ своими памфлетами. Потомъ онъ привлекъ къ себѣ и Ген-

риха Баварскаго, дѣйствовавшаго, впрочемъ, весьма двусмысленно, давъ согласіе на бракъ своего сына, Оттона, съ дочерью Рудольфа, которой назначались въ приданое, въ случаѣ побѣды надъ Оттокаромъ, земли по Эннсу; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ деньги и отъ чешскаго короля, подкупившаго тогда многихъ князей соблюдать нейтралитетъ, и дѣлалъ въ своихъ владѣніяхъ всевозможныя затрудненія императорскому войску. Вообще мѣры Рудольфа имѣли преимущественно политическій характеръ. Онъ вошелъ въ переговоры съ миланской фамиліей делла Торре (стр. 166), особенно съ Раймундомъ делла Торре, патріархомъ аквилейскимъ; склонилъ на свою сторону венгерскаго короля Владислава IV, а графъ Мейнгардъ Тирольскій, на дочери котораго женился сынъ Рудольфа, Альбрехтъ, согласился вторгнуться въ Каринтію и Крайну. Чешскій король былъ гораздо сильнѣе противника, но Рудольфъ умѣлъ заслужить общее расположеніе своимъ дружелюбнымъ обхожденіемъ, тогда какъ Оттокаръ до того раздражилъ суровостью всѣхъ своихъ вассаловъ въ Австріи, Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ, что они стали втайнѣ сноситься съ его врагами. Съ нѣмцами у Оттокара не было ничего общаго; чуждый имъ по происхожденію, онъ еще болѣе отдалился отъ нихъ, удаливъ первую жену, сестру Фридриха Воинственнаго (1261 г.), и женившись на польской княжнѣ; отъ своихъ вассаловъ онъ требовалъ заложниковъ въ вѣрности, что, конечно, не располагало ихъ къ нему; сами чехи не любили его за насилія и грабежъ; наконецъ онъ даже не принялъ порядочныхъ мѣръ противъ грозившей опасности: все это давало его противнику огромный перевѣсъ.

Въ сентябрѣ 1276 г. Рудольфъ спустился по Дунаю въ Австрію, а Мейнгардъ Тирольскій вторгнулся въ Каринтію, Крайну и Штирію. Вассалы Оттокара, разрѣшенные именемъ папы отъ присяги, приняли ихъ, какъ спасителей и друзей; только вѣнскій бургомистръ, преданный чешскому королю, готовился къ упорному сопротивленію; но послѣ пятинедѣльной осады жители принудили его сдать городъ. Рудольфъ быстро построилъ мостъ на Дунаѣ и, прежде чѣмъ Оттокаръ успѣлъ опомниться, сталъ уже готовиться къ нападенію на его родовыя земли. Это заставило его просить мира. Посредниками для назначенія условій мира выбрали епископовъ ольмюцскаго и вюрцбургскаго, маркграфа бранденбургскаго и бургграфа нюрнбергскаго. Они согласились на слѣдующія условія: Оттокаръ долженъ былъ присягнуть императору и отказаться отъ Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайны и имперскаго города Эгера; Рудольфъ — признать за нимъ Богемію и Моравію въ качествѣ имперскихъ леновъ; оба противника должны были породниться посредствомъ двухъ браковъ: сына Рудольфа съ дочерью Оттокара и малолѣтняго сына Оттокара, Венцеслава II, съ одною изъ дочерей Рудольфа; императоръ обязывался дать своимъ дѣтямъ въ приданое часть австрійскихъ владѣній, а чешскій король удерживалъ за собою въ видѣ обезпеченія нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ Дуная.

Оттокаръ считалъ этотъ миръ только перемиріемъ и тотчасъ же началъ готовиться къ завоеванію потерянныхъ земель. Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что часть имперскихъ князей разъѣхалась по домамъ, а Рудольфъ вынужденъ былъ для содержанія оставшагося войска обложить Австрію значительными налогами, распространивъ ихъ даже на духовенство. Нанявъ войска въ Мейссенѣ, Тюрингіи, Силезіи, Польшѣ и даже у монголовъ, чешскій король собралъ вскорѣ такую армію, что новымъ пріобрѣтеніямъ императора грозила серьезная опасность. Сознавая это, Рудольфъ самъ сталъ готовиться къ войнѣ. У него было много приверженцевъ въ Франконіи, Швабіи и на Рейнѣ, которыхъ онъ чрезвычайно щедро одарилъ, простивъ имъ всѣ недоимки за время междуцарствія и оставивъ въ ихъ владѣніи всѣ захваченныя ими тогда государственныя имущества. На ихъ помощь онъ преимущественно и разсчитывалъ въ настоящемъ случаѣ. Но они не оправдали его ожиданій: изъ Швабіи явилось всего трое, изъ имперскихъ князей прибыли также весьма немногіе; за то базельскій епископъ Генрихъ Кнодереръ одинъ привелъ съ собой сто рыцарей и охотно принялъ бы личное участіе въ войнѣ, если бы Рудольфъ согласился на это. Впослѣдствіи онъ все-таки полагался болѣе на этотъ незначительный отрядъ друзей, чѣмъ на все многочисленное имперское войско. Венгерскій король Владиславъ IV согласился помогать ему и прислалъ своихъ венгровъ и кумановъ, изъ которыхъ послѣдніе не имѣли никакого понятія о христіанствѣ, а первые, кажется, забыли все, что знали о немъ. За эту помощь

Рудольфъ долженъ былъ усыновить Владислава и помолвить свою дочь за его брата, Андрея Славонскаго. Это была пятая дочь, послужившая Рудольфу ступенью къ трону. Первая была отдана Людовику Строгому Пфальцъ-баварскому, вторая Альбрехту Саксонскому, третья,—Оттону, сыну Генриха Баварскаго, четвертую отецъ обѣщалъ сыну Оттокара, пятую же помолвилъ сначала за сына неаполитанскаго короля, Карла II Анжуйскаго, а потомъ, передумавъ, обѣщалъ князю славонскому, и наконецъ, когда онъ, къ счастью бѣдной принцессы, умеръ, возобновилъ изъ политическихъ видовъ сношенія съ неаполитанскимъ принцемъ и окончательно отдалъ ему дочь (1281 г.).

Выступивъ изъ Вѣны противъ непріятеля, Рудольфъ сошелся съ нимъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нея, на такъ называемомъ Мархфельдѣ. Здѣсь произошло рѣшительное сраженіе 26 августа 1278 г. Въ обѣихъ арміяхъ одинъ флангъ составляли варвары и не христіане: у Оттокара чехи и поляки, у Рудольфа — дикіе куманы и венгры. Сомнѣнія въ исходѣ сраженія не могло быть: на одной сторонѣ были только масса и слѣпая отвага, на другой — порядокъ, сознательная сила и рыцарское искусство, изощренное безпрерывными упражненіями и войнами. Къ тому же Рудольфъ привязалъ къ себѣ сподвижниковъ братскою любовью, тогда какъ вассалы Оттокара до того ненавидѣли своего повелителя, что, по всей вѣроятности, одинъ изъ нихъ и убилъ его. Послѣ упорнаго боя нѣмцы одержали полную побѣду; чешское войско было истреблено или бѣжало; самъ Оттокаръ былъ убитъ, или въ пылу сраженія, или потомъ, взятый въ плѣнъ. Можно было думать, что послѣ этой побѣды и смерти противника Рудольфъ легко завладѣетъ Богеміей, куда онъ уже двинулся, черезъ Моравію; но въ тѣ времена полководецъ не могъ такъ безусловно распоряжаться войскомъ, какъ теперь, а сверхъ того, сынъ сестры Оттокара, маркграфъ бранденбургскій Оттонъ, тотчасъ же принялъ регенство и опеку надъ своимъ двоюроднымъ братомъ, Венцеславомъ II, и выступилъ противъ Рудольфа. Желая избѣжать новаго кровопролитія, императоръ вступилъ въ переговоры, которыми былъ подтвержденъ прежній договоръ, и сверхъ того, Рудольфъ, въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ, получилъ на пять лѣтъ Моравію. Австрію и Штирію онъ отдалъ двумъ сыновьямъ, Альбрехту и Рудольфу, и потому именно двумъ, а не одному, что желалъ скорѣе упрочить ихъ за своимъ домомъ. Каринтію, согласно обѣщанію, онъ предоставилъ, впрочемъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, графу Мейнгарду Тирольскому, дѣятельно помогавшему ему. Согласія князей на пожалованіе сыновьямъ одного изъ самыхъ значительныхъ имперскихъ леновъ онъ добился путемъ дружескихъ переговоровъ.

Пріобрѣтеніе Австріи давало ему огромное значеніе, но тѣмъ не менѣе даже въ южной Германіи онъ не могъ проявлять своей верховной судебной власти. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ только словами помогалъ своему зятю, Людовику Пфальцъ-баварскому, противъ его брата Генриха, возобновившаго враждебныя дѣйствія; для тріентскаго епископа, воевавшаго съ графомъ Мейнгардомъ Тирольскимъ, онъ тоже ничего не могъ сдѣлать. Вюртембергскій графъ, Эбергардъ II, одинъ изъ самыхъ хищныхъ и наглыхъ мелкихъ тирановъ въ государствѣ, называвшій себя другомъ Бога и врагомъ всѣхъ людей, творилъ всевозможныя безчинства и отказывался даже признавать Рудольфа императоромъ: съ этимъ злодѣемъ Рудольфъ справился только черезъ восемь лѣтъ, по окончаніи войны съ Оттокаромъ. Графъ савойскій, графъ фопъ Пфиртъ и герцогъ бургундскій, поддерживаемые Франціей, сопротивлялись еще долѣе. Архіепископъ трирскій, враждовавшій съ рыцарствомъ своихъ владѣній и городомъ Кобленцомъ, принудилъ послѣдній къ сдачѣ и смѣялся надъ увѣщаніями императора, такъ что Рудольфъ только просьбами могъ помочь несчастнымъ горожанамъ. Въ Майнцѣ происходило почти тоже, что въ Трирѣ. Архіепископъ поссорился съ графомъ Іоанномъ фонъ Шпонгеймомъ за владѣніе замкомъ Бѣкельгеймомъ и разбилъ графа съ его союзниками недалеко отъ Крейцнаха, при Шпрендлингенѣ; но этимъ дѣло не кончилось: въ него вмѣшались майнцскіе горожане, и Рудольфу стоило большаго труда остановить кровопролитіе. Конечно, онъ могъ бы водворить порядокъ, подражая своему зятю Венцеславу Чешскому, который казнилъ, вѣшалъ, колесовалъ непослушныхъ, разрушалъ замки и превращалъ въ пепелъ цѣлые города; но только такою цѣною тишина была бы куплена слишкомъ дорого. Исторія походовъ, которые предпринималъ Рудольфъ для возстановленія права и спра-

ведливости, показываетъ, что онъ прибѣгалъ къ энергическимъ мѣрамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о его частныхъ интересахъ. Тогда ему, обыкновенно, дѣятельно помогали швейцарцы и швабы, и притомъ не только рыцари, но даже крестьяне и пастухи маленькихъ кантоновъ; они всегда охотно и въ большомъ числѣ шли за нимъ: такъ, напримѣръ, въ походъ противъ герцога бургундскаго и графа фонъ Пфирта съ нимъ отправилось больше 1,200 альпійскихъ пастуховъ. За то ни одинъ изъ германскихъ императоровъ не соединялъ въ себѣ въ такой мѣрѣ свойства демократическаго вождя съ монархическою представительностью, тамъ, гдѣ она требовалась. Въ походахъ онъ самъ чинилъ свою фуфайку и однажды, когда не было провіанта, сѣлъ вмѣстѣ съ солдатами на землю и сталъ ѣсть съ ними рѣпу; въ другой разъ, онъ сдѣлалъ строгій выговоръ приближеннымъ, не хотѣвшимъ допустить къ нему простолюдиновъ, и вообще обходился ласково и дружелюбно со всѣми, безъ различія сословій. Но тамъ, гдѣ было нужно, онъ умѣлъ блеснуть императорскимъ достоинствомъ, никого не оскорбляя. Такъ, по смерти первой жены, онъ повезъ ея тѣло съ большой свитой въ Базель и похоронилъ ее тамъ съ удивительной пышностью; погребальное шествіе состояло изъ 1,200 человѣкъ и всѣ несли свѣчи. Большимъ владѣльцамъ онъ старался указывать на ихъ истинныя выгоды, но, къ сожалѣнію, желая привязать ихъ къ себѣ общностью интересовъ, предоставилъ имъ чуть не императорскія права; противъ мелкихъ владѣльцевъ онъ дѣйствовалъ посредствомъ сеймовъ и заставлялъ ихъ присягать въ сохраненіи государственнаго спокойствія.

Какъ ни благодѣтельно было его управленіе, но память о Гогенштауфенахъ жила еще въ народѣ. Было даже повѣрье, что Фридрихъ II воскреснетъ и преобразуетъ испорченную религію; вслѣдствіе того въ Германіи появлялось множество самозванцевъ. Изъ 20 или 30 подобныхъ людей, одинъ пріобрѣлъ такое значеніе, что Рудольфъ долженъ былъ лично выступить противъ него; но и тутъ онъ дѣйствовалъ съ обычнымъ хладнокровіемъ, умомъ и умѣренностью. Этотъ самозванецъ, Тиле Колупъ или Деревянный Башмакъ, былъ простой крестьянинъ изъ окрестностей Кёльна, но съумѣлъ такъ повести дѣло, что привлекъ къ себѣ все населеніе отъ Кёльна до Майнца и даже многихъ рыцарей. Ему охотно вѣрили, вслѣдствіе общаго ожесточенія противъ духовенства и потому, что еще живы были многіе солдаты Фридриха, обогатившіеся въ итальянскихъ походахъ. Рудольфъ долженъ былъ приступить къ Майнцу, гдѣ находился Тиле, но жители отказались его выдать, такъ что императору пришлось начать осаду. Желая кончить дѣло миролюбиво, онъ послалъ въ городъ бургграфа нюрнбергскаго и графа фонъ Катценелленбогена, которые доказали народу, по возрасту Тиле, что онъ не можетъ быть Фридрихомъ II. Тогда Тиле бѣжалъ къ Веттерау и попалъ въ плѣнъ; его осудили за чародѣйство и сожгли, но предварительно имперскій маршалъ изгналъ изъ него волшебную силу.

Въ то самое время, какъ императоръ былъ занятъ этими смутами, сынъ его, Альбрехтъ Австрійскій, воевалъ съ своими вассалами и ихъ сообщниками, архіепископомъ зальцбургскимъ и Генрихомъ Баварскимъ, а на низовьяхъ Рейна свирѣпствовали грабежи, опустошенія и кровопролитная война. Здѣсь поссорились за обладаніе герцогствомъ лимбургскимъ герцогъ брабантскій и графъ гельдернскій и вмѣсто того, чтобы представить тяжбу въ имперскій судъ, призвали союзниковъ и взялись за оружіе. Въ сраженіи при Ворингенѣ (1288 г.) было убито болѣе тысячи рыцарей, и въ числѣ ихъ Генрихъ Люксембургскій, отецъ будущаго императора Генриха VII; архіепископъ кёльнскій, державшій сторону побѣжденнаго графа гельдернскаго, попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ тысячью рыцарей; освободясь, онъ отлучилъ отъ церкви кёльнскихъ горожанъ, стоявшихъ за герцога брабантскаго, и построилъ противъ нихъ сильныя укрѣпленія. Рудольфъ долженъ былъ не обращать вниманія на всѣ эти смуты, потому что иначе сильно поколебалъ бы свое значеніе. За то съ помощью друзей онъ возстановилъ спокойствіе въ Тюрингіи и Мейссенѣ.

Обѣ эти страны были издавна наполнены разбойничьими притонами и тамъ вѣчно господствовалъ безпорядокъ, вслѣдствіе безсилія ландграфовъ тюрингскихъ и маркграфовъ мейссенскихъ. Со смертью императора Генриха Распе пресѣклась мужская линія первыхъ, и съ того времени порядокъ въ этой странѣ окончательно исчезъ. Тюрингію захватилъ сынъ сестры Генриха Распе, маркграфъ мейс-

сенскій, Генрихъ Сіятельный, а дочь другой сестры, Софія, жена герцога брабантскаго, заняла Гессенъ именемъ своего сына, Генриха Дитяти, предъявивъ притязанія и на Тюрингію. Такимъ образомъ вассалы получили возможность, въ случаѣ неудовольствія на одного владѣльца, обращаться къ другому. Ко всему этому сынъ Генриха Сіятельнаго, Альбрехтъ Шаловливый, получивъ отъ отца Тюрингію, своими любовными похожденіями возбудилъ кровавую распрю въ собственной семьѣ. Онъ былъ женатъ на дочери императора Фридриха II, Маргаритѣ, и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Генриха, Фридриха съ укушенной щекой и Дицмана; но впослѣдствіи влюбился въ ея фрейлину и сталъ до того дурно обращаться съ женою, что только тайное бѣгство могло спасти ее отъ насильственной смерти. Прощаясь съ дѣтьми, она, судорожно рыдая, укусила щеку второму сыну, получившему отъ того свое прозвище, бѣжала во Франкфуртъ и скоро умерла тамъ съ горя. Альбрехтъ женился на своей любовницѣ и хотѣлъ лишить наслѣдства дѣтей отъ перваго брака, вслѣдствіе чего и началась упорная война. Рыцарство раздѣлилось на двѣ партіи; рѣзнѣ, грабежу и пожарамъ не было конца; крестьянъ и горожанъ обирали до чиста; вся Тюрингія превратилась въ разбойничій вертепъ и обширное поле битвы. По просьбѣ майнцскаго архіепископа, Генриха Кнодерера, не имѣвшаго возможности защищать тамошнія помѣстья своей епархіи, Рудольфъ отправился въ Эрфуртъ (1287 г.), пробылъ тамъ цѣлый годъ и возстановилъ спокойствіе. Но едва онъ уѣхалъ, война возобновилась съ новою силою. Въ 1288 г. умеръ Генрихъ Кнодереръ, а Альбрехтъ попалъ въ плѣнъ къ своему сыну Фридриху, который освободилъ его только черезъ годъ; съ этого времени безпорядки еще усилились. Рудольфъ вторично отправился въ Тюрингію, собралъ въ Эрфуртѣ сеймъ и безпощадно наказалъ буйныхъ рыцарей. Его войска разрушили шестьдесятъ шесть разбойничьихъ замковъ; онъ самъ судилъ плѣнныхъ рыцарей въ Эрфуртѣ, и наказавъ ихъ, какъ простыхъ преступниковъ, водворилъ спокойствіе. Точно также пришлось ему дѣйствовать въ Швабіи и Франконіи, гдѣ въ 1290 г. было разрушено имъ болѣе семидесяти замковъ, и по Рейну, гдѣ онъ казнилъ разбойниковъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе.

Относительно Италіи, Рудольфъ дѣйствовалъ прямо противоположно Гогенштауфенамъ, жертвуя ею для интересовъ Германіи. При свиданіи съ Григоріемъ X въ Лозаннѣ, онъ заявилъ, что сицилійское королевство никогда не принадлежало къ германской имперіи, и предоставилъ папѣ Романью и наслѣдство Матильды, а Николаю III, какъ уже было сказано (стр. 146), сдѣлалъ еще большія уступки. Современные папскіе историки утверждаютъ, что онъ условился съ Николаемъ раздѣлить священную римскую имперію на четыре части, изъ которыхъ Германію сдѣлать наслѣдственною въ своемъ домѣ, Бургундію отдать одному изъ сыновей, а Ломбардію и Тоскану обратить въ отдѣльныя королевства съ итальянскими династіями. Это еще можно извинить Рудольфу, но нельзя простить ему уступчивости предъ папскимъ легатомъ на вюрцбургскомъ сеймѣ и соборѣ. Тогда легатъ потребовалъ отъ духовенства огромной ежегодной подати папѣ; Рудольфъ поддерживалъ его и никто не смѣлъ противорѣчить, пока наконецъ епископъ Тула, Пробъ, швабъ изъ Тюбингена, не рѣшился возражать противъ папскихъ требованій, и ободренное его примѣромъ духовенство единогласно отвергло ихъ. Такимъ образомъ папскія притязанія рушились, но римскій дворъ сталъ сильно преслѣдовать патріотовъ, за которыхъ никто не вступался. Рудольфъ боялся даже отправиться въ Италію, разсуждая въ этомъ случаѣ подобно Конраду III (т. II, стр. 677) и сказавъ однажды, что Италію можно сравнить съ сказочной львиной пещерой, около которой видны слѣды только входившихъ, но не выходившихъ.

Въ своемъ семействѣ Рудольфъ былъ очень несчастливъ, отчасти по собственной винѣ. Средній изъ трехъ его сыновей, Гартманъ, любимецъ отца, предназначавшаго ему бургундское королевство, утонулъ вмѣстѣ съ одиннадцатью товарищами, катаясь по Рейну. Старшій, Альбрехтъ, былъ совершенной противоположностью отца. Рудольфу хотѣлось имѣть его преемникомъ; но собравшіеся во Франкфуртѣ курфирсты не согласились на это (1291 г.), подъ тѣмъ предлогомъ, что Рудольфъ не былъ коронованъ папою, какъ императоръ, что, впрочемъ, до тѣхъ поръ нисколько ему не мѣшало. Настоящею же причиною отказа было то, что друзья Рудольфа не любили Альбрехта за многое, между прочимъ и за

наружность, которой недостатокъ въ одномъ глазѣ придавалъ пасмурное выраженіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее его характеру, а главное за его деспотизмъ въ Австріи.

Послѣ этой неудачи, Рудольфъ, уже старый и больной, отправился изъ Франкфурта въ Эльзасъ, гдѣ въ послѣдній разъ собралъ свою семью. Оттуда, не смотря на усилившуюся болѣзнь, онъ поѣхалъ внизъ по Рейну, въ Шпейеръ, и внезапно умеръ на самой рѣкѣ, около Гермерсгейма (15 іюля 1291 г.).

6. Адольфъ Нассауйскій и Альбрехтъ I Австрійскій.

Сынъ Рудольфа, Альбрехтъ Австрійскій, — братъ и соправитель котораго, Рудольфъ, умеръ еще въ 1290 г.,—отличался алчностью и жестокостью и до того притѣснялъ вассаловъ, что они громко роптали на нарушеніе правъ, стѣсненіе свободы, предпочтеніе, оказываемое въ ихъ сторонѣ швабамъ, и непомѣрно высокіе налоги. Все это, конечно, не располагало въ его пользу избирателей, а свѣрхъ того ихъ страшили его деспотическій характеръ, физическая сила и неутомимая дѣятельность. Тѣмъ не менѣе онъ былъ увѣренъ въ своемъ избраніи, разсчитывая, что никто изъ значительныхъ князей не рѣшится принять корону, и, завладѣвъ насильственно частью императорскихъ регалій, спокойно ждалъ исхода въ свою пользу. Этимъ воспользовался хитрый архіепископъ майнцскій, Гергардъ фонъ Эппенштейнъ. Убѣдивъ собравшихся во Франкфуртѣ, но не могшихъ согласиться между собою курфирстовъ предоставить выборъ ему, онъ, къ общему изумленію, объявилъ императоромъ своего двоюроднаго брата, графа Адольфа Нассаускаго (май 1292 г.). Обманутый въ своихъ разсчетахъ, Альбрехтъ подчинился этому рѣшенію и, хотя не тотчасъ, но все-таки призналъ Адольфа императоромъ.

Адольфъ былъ сынъ Вальрама II, раздѣлившаго, въ 1255 г., нассауское герцогство съ своимъ братомъ, Оттономъ, и основавшаго старшую или вальрамскую линію, владѣвшую землями по лѣвому берегу Лена (Висбаденомъ, Вейльбургомъ и Идштейномъ); правый берегъ съ Дилленбургомъ, Бейльштейномъ и Зигеномъ принадлежалъ младшей оттонской линіи. Такимъ образомъ Адольфъ владѣлъ только половиною маленькаго графства, и хотя походилъ на Рудольфа рыцарскимъ характеромъ, храбростью и физической силой, но не имѣлъ ни значительнаго рыцарства подъ своей командой, ни бережливости и хозяйственныхъ способностей предшественника, а между тѣмъ отъ государства по прежнему нельзя было ожидать ни денегъ, ни помощи. Новый императоръ не могъ даже уплатить франкфуртцамъ денегъ, взятыхъ у нихъ на расходы по избранію, и долженъ былъ сдѣлать заемъ у майнцскаго архіепископа. Не смотря на то, онъ хотѣлъ подражать предшественнику, но потерпѣлъ неудачу именно въ томъ, что вполнѣ удалось Рудольфу. Адольфъ началъ съ того, что сдѣлалъ имперскимъ княземъ новаго владѣтеля Гессена, Генриха Дитя, и породнился съ баварскимъ домомъ, обручивъ дочь съ сыномъ пфальцграфа Людовика. Потомъ онъ двинулся въ Эльзасъ и далъ почувствовать тамъ свою власть, наказавъ деспотическаго кольмарскаго бургомистра и нѣсколько городовъ на западной границѣ. Наконецъ онъ вздумалъ, подобно Рудольфу, пріобрѣсти себѣ наслѣдственное владѣніе, — но это и погубило его. Избравшіе его князья, не ожидавшіе, чтобы ничтожный, бѣдный князекъ сталъ дѣйствовать такъ энергично, рѣшились низложить его и, руководимые тѣмъ же предателемъ Гергардомъ, возстановили и государство противъ императора, въ которомъ хотѣли имѣть своего клеврета. Поводъ, послужившій къ тому, можетъ показаться невѣроятнымъ; но его подтверждаютъ всѣ современные лѣтописцы: Адольфъ принялъ денежныя субсидіи отъ другаго государя, и это сочли позоромъ для римскаго императора. Событіе это было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Французскій и англійскій короли находились въ постоянной враждѣ; всѣ мирные договоры ихъ были только перемиріями, и враждебныя дѣйствія возобновлялись каждый разъ съ удвоенною яростью. Вскорѣ по избраніи Адольфа, Эдуардъ I началъ войну противъ Филиппа IV, и всюду искалъ союзниковъ, чтобъ

напасть на Францію не только съ запада, изъ Гіенни, но также съ сѣвера и востока. Графъ фландрскій давно уже дѣйствовалъ заодно съ нимъ, а Адольфа онъ склонилъ на свою сторону, обѣщавъ ему 100 тысячъ марокъ, изъ которыхъ 30 тысячъ уплатилъ впередъ. Но Адольфъ не послалъ обѣщанной помощи, а ограничился объявленіемъ войны Филиппу, отвѣчавшему, что вызовъ, въ подлинности котораго онъ могъ бы почти усумниться, имъ полученъ. На англійскія деньги Адольфъ навербовалъ войско и съ помощью его сдѣлалъ попытку отнять Тюрингію и Мейссенъ у ихъ законныхъ владѣтелей.

Вражда Альбрехта Шаловливаго съ сыновьями отъ перваго брака, изъ которыхъ были живы только двое младшихъ, дошла до такого ожесточенія, что онъ непремѣнно хотѣлъ передать Тюрингію сыну отъ второй жены. Встрѣтивъ, однако, сильное сопротивленіе со стороны тюрингскихъ сословій и старшихъ сыновей, наслѣдовавшихъ, между тѣмъ, послѣ двоюроднаго брата, Мейссенъ, онъ рѣшился продать Тюрингію и свои притязанія на мейссенское наслѣдство, на что, собственно, не имѣлъ никакого права. Адольфъ купилъ его владѣнія за 12 тысячъ марокъ и, набравъ на Рейнѣ и въ Веттерау многочисленныя шайки разбойниковъ, называвшихъ себя дворянами, отправился на завоеваніе Тюрингіи, такъ какъ ни сыновья Альбрехта, ни сословія не признавали этой сдѣлки. Его войско состояло изъ отвратительнѣйшей сволочи и возмутительно неистовствовало противъ мужчинъ и женщинъ, церквей и монастырей, городовъ и деревень, посѣвовъ и стадъ. Фридрихъ и Дицманъ принуждены были уступить силѣ; но когда шайки Адольфа разбрелись, а озлобленіе тюрингцевъ достигло высшей степени, они напали на императора въ Мюльгаузенѣ и едва не убили его. Въ слѣдующемъ году онъ вернулся съ новыми войсками, вторгся въ Мейссенъ и опустошилъ его такъ же, какъ Тюрингію. Но Фридрихъ и Дицманъ не уступали ему въ настойчивости и вслѣдъ за его удаленіемъ снова явились въ свои владѣнія. Такимъ образомъ борьба длилась цѣлыхъ пять лѣтъ, ежегодно возобновляясь съ новыми неистовствами.

Эти войны послужили архіепископу майнцскому, герцогу саксонскому, маркграфу бранденбургскому, чешскому королю Венцеславу и другимъ предлогомъ къ низложенію Адольфа, обманувшаго ихъ ожиданія. Они обратились къ Альбрехту Австрійскому и, будучи въ Прагѣ, по случаю коронаціи Венцеслава (1297 г.), условились свергнуть Адольфа съ престола и замѣстить его Альбрехтомъ. Со времени Карла Толстаго (т. II, 482 стр.) это было нарушеніемъ господствовавшаго принципа, въ силу котораго власть императора считалась исходящею отъ Бога и могла быть отнята у него только за проступки противъ церкви и ея служителей, и притомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Безъ всякаго сомнѣнія, только личные разсчеты побуждали князей предпочесть рыцарскому Адольфу тирана, дѣйствія котораго въ Австріи не обѣщали ничего хорошаго для государства. Альбрехтъ постоянно воевалъ съ сосѣдями, нарушалъ привилегіи штирійцевъ, уничтожилъ льготы Вѣны, которую осаждалъ цѣлые мѣсяцы, отнялъ у австрійскаго рыцарства всѣ права, стѣснявшія герцогскую власть, выжималъ у жителей огромныя суммы и отсылалъ ихъ за границу для покупки замковъ и помѣстій въ Швабіи и Швейцаріи. Во всемъ этомъ ему помогали швабы и швейцарцы, служившіе по найму, получавшіе лучшія мѣста и, конечно, ни мало не заботившіеся о правахъ австрійцевъ. Не довольствуясь тираніей надъ подданными, онъ рѣшился возстать противъ императора. Начатое въ Прагѣ было окончательно улажено въ Вѣнѣ (1298 г.) при обрученіи чешскаго князя съ венгерской принцессой. На это празднество пріѣхали три избирателя: герцоги чешскій, саксонскій и бранденбургскій, множество епископовъ, рыцарей, графовъ, герцоговъ, толпы венгровъ и кумановъ; и Альбрехтъ, склонивъ ихъ къ возстанію, уговорилъ многихъ рыцарей и владѣльцевъ двинуться съ нимъ на Рейнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ денегъ въ Римъ, прося папскаго благословенія. Папою былъ тогда алчный, властолюбивый и заносчивый Бонифацій VIII; онъ принялъ деньги и разрѣшилъ все, о чемъ его просили; но потомъ, получивъ взятку и отъ Адольфа, имѣлъ наглость отпереться отъ граматы, данной его противнику за его собственною подписью и печатью.

Альбрехтъ выступилъ въ походъ въ мартѣ 1298 г.; но прежде чѣмъ онъ дошелъ до Рейна, императоръ, при помощи баварскихъ герцоговъ, собралъ силь-

ное войско, такъ что вначалѣ ему удалось добиться оружіемъ такихъ же незначительныхъ результатовъ, какъ и его союзнику, майнцскому архіепископу, переговорами. Гергардъ три раза безуспѣшно созывалъ избирателей, наконецъ съѣздъ состоялся, но Альбрехтъ, принужденный отступить, не могъ на немъ присутствовать. Въ Ивановъ день 1298 г. собрались въ Майнцѣ курфирсты майнскій, бранденбургскій и саксонскій, и устроивъ совѣщаніе въ соборѣ (такъ какъ они опасались, чтобы граждане не выгнали ихъ изъ города), взвели на Адольфа цѣлый рядъ обвиненій. Они объявили, что онъ не только безполезенъ для государства, но и невѣренъ ему, потому что не заботится о полученіи императорской короны и объ Италіи, нарушаетъ государственное спокойствіе, вмѣсто того, чтобы охранять его; разоряетъ государство сеймами и отправленіемъ правосудія, о которомъ онъ сильно заботился; не предпринимаетъ войнъ, въ которыхъ рыцарство могло бы нажиться, а заставляетъ его уважать права и законы; изъ алчности отягощаетъ народъ чрезмѣрными налогами; пренебрегаетъ имперскими князьями; не оказываетъ почета дворянству; управляетъ не по указанію князей, а по собственному произволу, или слѣдуя совѣтамъ людей не благороднаго происхожденія; что онъ, взявъ деньги отъ англійскаго короля, не выполнилъ принятаго на себя обязательства и что наконецъ онъ наполняетъ государство разбойниками и допускаетъ возобновленіе замковъ и притоновъ, разрушенныхъ императоромъ Рудольфомъ. Въ силу всѣхъ этихъ обвиненій, заговорщики объявили Адольфа лишеннымъ императорскаго достоинства и, по условію, выбрали вмѣсто него, на открытомъ полѣ передъ Майнцемъ, герцога Альбрехта Австрійскаго.

Въ войнѣ, начавшейся послѣ этого, жители рейнскихъ городовъ остались вѣрны императору. Альбрехта не впустили во Фрейбургъ, а въ Эльзасѣ онъ даже за деньги не могъ достать продовольствія, тогда какъ его противникъ получалъ все даромъ. Адольфъ, поддерживаемый пфальцграфомъ Рудольфомъ, герцогомъ баварскимъ Людовикомъ, графомъ гессенскимъ, городами Вормсомъ, Шпейеромъ, Франкфуртомъ, Гельнгаузеномъ, Оппенгеймомъ и другими владѣльцами и городами, имѣлъ много войска; но оно было вооружено гораздо хуже непріятельскаго, а онъ самъ далеко не могъ равняться съ Альбрехтомъ въ военномъ искусствѣ. Австрійцы имѣли полное итальянское вооруженіе и мастерски управляли лошадьми, а тысячи венгровъ и кумановъ, отличные стрѣлки изъ луковъ, составляли легкую кавалерію, противъ которой Адольфу некого было выставить; его тяжелая, неповоротливая конница была необыкновенно дурно вооружена. Альбрехтъ, тѣснимый въ Эльзасѣ, искуснымъ переходомъ отступилъ къ Майнцу и Цвейбрюккену, гдѣ съ нимъ соединились войска епископовъ майнцскаго, кёльнскаго, страсбургскаго и констанцскаго, графовъ Лихтенберга, Оксенштейна, Фрейбаха, Цвейбрюккена, Лейнингена и другихъ союзниковъ. Адольфъ настигъ его въ Пфальцѣ и навѣрно бы одержалъ верхъ, еслибы выждалъ прибытія подкрѣпленій; но, горя нетерпѣніемъ покончить дѣло, онъ, прождавъ всего десять дней, далъ сраженіе на равнинѣ, простирающейся отъ Вормса къ горамъ, между деревнею Геллыгеймомъ и монастыремъ Розенталь (2 іюля 1298 г.). Три обстоятельства отняли у него побѣду: во-первыхъ, австрійцы, имѣя мечи, которыми можно было и колоть и рубить, кололи ими неповоротливыхъ баварскихъ и пфальцскихъ лошадей, трупы которыхъ вскорѣ образовали цѣлыя стѣны на полѣ сраженія. Это дало огромный перевѣсъ легкой кавалеріи Альбрехта надъ тяжело-вооруженными противниками. Желая возстановить порядокъ, Адольфъ бросился на этотъ флангъ и такимъ образомъ былъ отвлеченъ отъ главнаго пункта сраженія. Наконецъ, къ довершенію несчастья, паденіе съ лошади лишило его обычной силы и хладнокровія въ ту самую минуту, когда они были всего нужнѣе. Ошеломленный паденіемъ и не имѣя силъ надѣть шлема, онъ былъ окруженъ толпою непріятелей, въ которой находился и Альбрехтъ; императоръ храбро отбивался отъ нападавшихъ, но палъ, убитый неизвѣстно кѣмъ. Говорили, что смертельный ударъ былъ нанесенъ ему самимъ Альбрехтомъ, но герцогъ австрійскій постоянно отрицалъ это. Баварскіе герцоги были ранены и удалились съ поля битвы въ Гейдельбергъ; но, не смотря на побѣду, Альбрехтъ не могъ взять даже Оппенгейма. Чтобъ быть единогласно избраннымъ, ему пришлось сложить для вида императорское достоинство и подвергнуться новому избранію, такъ что онъ, нѣкоторымъ образомъ, самъ осудилъ себя.

Не смотря на общее отвращеніе нѣмцевъ къ косому тирану, Альбрехтъ былъ вновь выбранъ въ Франкфуртѣ, 27 іюля, и короновался въ Ахенѣ. Даже пфальцграфъ, къ которому онъ ѣздилъ извиняться, подалъ голосъ въ его пользу. Только Бонифацій VIII, надѣявшійся извлечь денежныя выгоды изъ тяжбы двухъ соперниковъ, не признавалъ новаго императора и всячески старался возстановить противъ него родню Адольфа. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ въ слѣдующемъ году трирскимъ архіепископомъ его брата, Дитгера, вовсе не выбраннаго и никѣмъ не желаемаго. Но папѣ пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ, не уступавшимъ ему въ злобѣ и противопоставлявшемъ его коварству свои матеріальныя силы. Бонифацій прямо отвѣчалъ посольству Альбрехта, что человѣкъ, убившій своего государя, не достоинъ царства; а императоръ, съ короною на головѣ и мечомъ въ рукахъ, говорилъ князьямъ: «Папа можетъ сколько хочетъ отказывать мнѣ въ своей коронѣ: я избранъ князьями — и царствую.» Видя, что Альбрехтъ не заботится о его гнѣвѣ, Бонифацій сдѣлался еще злѣе и, открыто высказавшись противъ него, потребовалъ его къ себѣ на судъ, а императоръ заключилъ союзъ съ французскимъ королемъ Филиппомъ IV, также враждовавшимъ съ папой.

Если бы характеръ эпохи и свойства государя опредѣлялись только законами и письменными постановленіями, Альбрехта можно было бы счесть образцовымъ правителемъ, такъ какъ онъ началъ царствованіе однимъ изъ блистательнѣйшихъ сеймовъ (въ Нюрнбергѣ), когда либо бывшихъ въ Германіи, и тамъ возстановилъ дѣйствіе старинныхъ законовъ о государственной безопасности. Но ихъ практическое примѣненіе встрѣтило неодолимыя препятствія. Нравственность упала почти въ той же степени, въ какой возросло процвѣтаніе городской промышленности и могущество торговаго класса. Источникомъ богатства и пороковъ въ то время была Италія, какъ теперь Парижъ и Лондонъ. Торговыя сношенія ея съ Германіей перемѣнили направленіе и, оставивъ прежній путь чрезъ Баварію и Нюрнбергъ, направились чрезъ швабскіе и эльзасскіе города. Горожане сдѣлались такъ богаты, что рыцари едва могли тягаться съ ними въ пышности, и потому грабили купцовъ и угнетали крестьянъ. Альбрехтъ освободилъ однажды плаваніе по всему Рейну отъ платежа пошлинъ, что прежде случалось весьма рѣдко; но едва онъ уѣхалъ, рыцари вновь заперли рѣку, такъ что ни одинъ купецъ не рѣшался плыть по ней. Принимая иногда мѣры, полезныя для горожанъ, Альбрехтъ ровно ничего не дѣлалъ для защиты крестьянъ, а напротивъ, дѣйствовалъ заодно съ ихъ притѣснителями. Одинъ изъ его ближайшихъ родственниковъ, эльзасскій ландфогтъ, страшно угнеталъ горожанъ и крестьянъ и предавался такой роскоши, что разъѣзжалъ по своему округу въ шляпѣ и поясѣ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями и стоившихъ огромныхъ денегъ, а свою жену одѣвалъ, какъ королеву. Чтобъ дать дворянству средства для подобныхъ издержекъ, императоръ совершенно подчинилъ баронамъ не только крестьянъ, но и горожанъ, жившихъ внѣ городовъ, и разрѣшилъ имъ поборы, которые можно прямо назвать грабежомъ.

Внутренній миръ, купленный убійствомъ Адольфа, поддерживался не долго, такъ какъ между подобными людьми не можетъ быть единодушія. Вначалѣ Альбрехтъ былъ величайшимъ другомъ Гергарда Майнцскаго, но, почувствовавъ себя утвердившимся на престолѣ, достойно отплатилъ архіепископу и другимъ князьямъ за предательскія услуги, потребовавъ (1300 г.) возврата земель, пожалованныхъ имъ Адольфомъ. Это было страшнымъ ударомъ рейнскимъ курфирстамъ и пфальцграфу. Гергардъ былъ жестоко обиженъ имъ еще прежде, при заключеніи союза съ французскимъ королемъ. По поводу этого союза — заключеннаго для защиты чести обѣихъ коронъ — и обрученія старшаго сына императора, Рудольфа, съ сестрою французскаго короля, Альбрехтъ и Филиппъ IV съѣхались въ Катрво (Quatrevaux), въ 1299 г. Гергардъ, сопровождавшій въ числѣ другихъ императора, жилъ тамъ необыкновенно пышно, желая выказать блескъ своего государя и будучи убѣжденъ, что онъ заплатитъ за всѣ издержки. Къ несчастью, онъ сталъ противорѣчить Альбрехту, когда тотъ, по совѣту Филиппа, сталъ убѣждать присутствовавшихъ при свиданіи князей избрать преемникомъ ему сына. За это императоръ, заплатившій при отъѣздѣ за всѣхъ князей, не выкупилъ заложниковъ, выставленныхъ, по обычаю, Гергардомъ для обезпеченія своихъ хозяевъ, такъ что архіепископъ долженъ былъ расплачиваться самъ. Страшно озлоблен-

ный этимъ, онъ тогда же сталъ громко говорить, что въ его охотничьей сумѣ столько королей, сколько ему угодно. Въ слѣдующемъ году, когда Альбрехтъ захотѣлъ отнять у него и другихъ прирейнскихъ князей земли, подаренныя Адольфомъ, онъ составилъ заговоръ, склонивъ къ нему двухъ другихъ духовныхъ курфирстовъ и пфальцграфа, который, будучи императорскимъ судьею, хотѣлъ даже употребить противъ императора свою судебную власть. Бонифацій также вошелъ съ ними въ сношенія и потребовалъ Альбрехта къ суду за убійство Адольфа и принятіе короны. Но Альбрехтъ не далъ врагамъ времени приготовиться къ войнѣ; быстро собравъ войско въ Швабіи и Эльзасѣ, онъ вторгся во владѣнія пфальцграфа (1301 г.) и, опустошивъ ихъ, напалъ на майнцское епископство, съ которымъ поступилъ такимъ же образомъ. Его походъ могъ служить доказательствомъ пользы стѣнъ, которыми въ то время окружали себя города и даже нѣкоторыя деревни. Онъ безпрепятственно прошелъ, грабя и опустошая все, отъ Вейсенбурга до Альцея, но долженъ былъ отступить отъ маленькаго, хорошо укрѣпленнаго Адольфсгейма; а Бингенъ, бывшій въ то время самымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ на Рейнѣ послѣ Кёльна, весьма долго задержалъ его, прежде чѣмъ сдался. Гергардъ, вынужденный просить мира, долженъ былъ подчиниться тяжелымъ условіямъ. Ему пришлось уступить Бингенъ и нѣсколько другихъ городовъ, возвратить всѣ государственныя имущества и внести въ императорское казначейство всѣ полученныя съ нихъ подати. Такимъ образомъ онъ испыталъ самый чувствительный ударъ для скупаго, потерявъ все неправильно нажитое. Не лучше пришлось и его союзникамъ. Съ епископами трирскимъ и кёльнскимъ Альбрехтъ легко и скоро справился, объявивъ ихъ владѣнія и лены внѣ защиты государства или, другими словами, предоставивъ рыцарству грабить ихъ; это произвело въ ихъ земляхъ такую неурядицу, что оба епископа быстро подчинились императору; вслѣдъ за ними покорился пфальцграфъ, противъ котораго дѣйствовали швабы; а наконецъ долженъ былъ смириться и главный зачинщикъ распри, Бонифацій. Онъ вступилъ въ переговоры и кончилъ тѣмъ, что призналъ римскимъ императоромъ человѣка, котораго прежде обвинялъ въ такихъ тяжкихъ преступленіяхъ. Могущество Альбрехта, обнаружившееся въ этомъ дѣлѣ, объясняется, во-первыхъ, наклонностью его къ войнѣ и насилію, до того развитою въ немъ, что онъ не разъ во время прогулокъ съ намѣреніемъ топталъ засѣянныя поля, а во-вторыхъ, тѣмъ, что его боготворили солдаты, единственные люди въ мірѣ, не исключая и его родственниковъ, питавшіе къ нему привязанность.

Не столь удачно для него кончился походъ противъ графа геннегаускаго, Іоанна д'Авена, предпринятый имъ до этой войны. Іоаннъ д'Авенъ, сынъ зятя и сподвижника Вильгельма Голландскаго (стр. 175), завладѣлъ въ 1299 г. графствомъ голландскимъ, въ которомъ съ внукомъ Вильгельма пресѣклась владѣтельная фамилія. Онъ былъ ближайшимъ наслѣдникомъ его по женской линіи, но воспользовался своими правами безъ разрѣшенія императора. Альбрехтъ отправился наказать его (1300 г.) и уже сошелся съ его войскомъ у Нимвегена, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе, вслѣдствіе устроеннаго Іоанномъ заговора мелкихъ князей. Передъ отступленіемъ онъ, при посредствѣ кёльнскаго архіепископа, примирился съ Іоанномъ и уступилъ ему Голландію, въ качествѣ имперскаго лена.

Окончивъ дѣла на Рейнѣ и примирясь съ папой, Альбрехтъ жадно ухватился за доставленный Бонифаціемъ поводъ къ войнѣ въ Венгріи и Богеміи. По смерти Оттокара II, Богемія совершенно ослабѣла вслѣдствіе голода, заразы, внутреннихъ междоусобій и деспотическаго управленія маркграфа бранденбургскаго. При зятѣ Альбрехта, Венцеславѣ II, она опять поднялась, и въ его время въ ней дѣлаются замѣтными даже слѣды сношеній съ Италіею и вліянія итальянскихъ искусствъ. Почти тоже происходило и въ Венгріи; сверхъ того обѣ страны пришли въ соприкосновеніе съ тогда еще полуобразованной Польшей. Бела IV скоро оправился отъ послѣдствій монгольскаго вторженія (стр. 101), и, начавъ войну съ Фридрихомъ Воинственнымъ, занялъ по смерти его Штирію, но долженъ былъ уступить ее, черезъ шесть лѣтъ, Оттокару II. Послѣ того у него началась продолжительная, кровопролитная распря съ роднымъ сыномъ, Стефаномъ IV, котораго онъ сначала короновалъ своимъ наслѣдникомъ, а потомъ хотѣлъ надѣлить только Трансильваніей и землею кумановъ и передать престолъ младшему сыну. Папскому легату удалось помирить ихъ, второй сынъ

умеръ, и Стефанъ наслѣдовалъ отцу (1270 г.). Замѣчательно, что даже смерть Белы IV послужила поводомъ къ одной изъ кровавыхъ сценъ, которыми было переполнено его царствованіе: при погребеніи, францисканцы поссорились съ первымъ епископомъ Венгріи и дѣло дошло до драки, такъ что похороны обратились въ сраженіе и въ самой церкви началась рѣзня, въ которой погибло множество народа. Это можетъ дать намъ понятіе о тогдашнемъ положеніи страны. Кратковременное царствованіе Стефана (до 1272 г.) было занято войною съ Оттокаромъ, отъ которой страшно пострадали и Венгрія и Богемія. Даже послѣ заключенія мира Оттокаръ, по смерти Стефана, вмѣшался въ венгерскія дѣла, желая отнять престолъ у его старшаго сына, 10-ти лѣтняго Владислава IV, и передать младшему, Андрею. Но это ему не удалось. Враждою Владислава съ Оттокаромъ воспользовался императоромъ Рудольфъ въ своей чешской войнѣ и убѣдилъ венгерскаго короля принять въ ней участіе; при этомъ онъ помолвилъ дочь за его брата. Владиславъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ опиравшійся на кумановъ, до того озлобилъ вельможъ, что они возстали подъ предводительствомъ Іоанна Гюссингена и дважды брали въ плѣнъ короля. Получивъ свободу при содѣйствіи вмѣшавшагося въ дѣло папы и видя себя слабѣе аристократіи, онъ просилъ помощи у Альбрехта, тогда еще герцога австрійскаго. Альбрехтъ разбилъ Іоанна и жестоко опустошилъ Венгрію. Вслѣдъ затѣмъ Владиславъ былъ убитъ своими же сообщниками, куманами, которыхъ онъ также ожесточилъ противъ себя (1290 г.).

Послѣ него не осталось ни братьевъ, ни дѣтей, и потому императоръ Рудольфъ, признавая Венгрію выморочнымъ леномъ, отдалъ ее своему старшему сыну. Но мужская линія арпадскаго дома въ то время еще не совсѣмъ вымерла. Еще былъ живъ одинъ ея представитель, Андрей Венеціанецъ или Андрей д'Эсте, внукъ своднаго брата Белы IV, Стефана. Его мать была изъ дома Эсте, а самъ онъ во время венгерскихъ смутъ бѣжалъ въ Венецію и женился тамъ на дочери нобиле Морозини. Въ царствованіе Владислава, онъ предъявлялъ свои права на Венгрію и нашелъ поддержку въ Альбрехтѣ Австрійскомъ, но потомъ, оставленный имъ, былъ забытъ и впалъ въ крайнюю бѣдность. По смерти Владислава, венгры провезли его, переодѣтымъ, изъ Вѣны въ Офенъ и провозгласили королемъ. Онъ женился на польской княжнѣ и постоянно воевалъ съ подданными и Альбрехтомъ, но наконецъ помирился съ послѣднимъ и, по смерти второй жены, женился на его дочери, благочестивой Агнесѣ. Съ нею водворились миръ и благочестіе, и вѣроятно, Венгрія отдохнула бы на нѣсколько времени, еслибъ Бонифацій VIII не нашелъ выгоднымъ раздуть въ ней новую вражду. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о политическихъ или денежныхъ выгодахъ, этотъ человѣкъ не отступалъ ни передъ чѣмъ, и потому, не щадя обратившагося къ благочестію Андрея, ни еще болѣе благочестивой Агнесы, онъ сталъ поддерживать новаго претендента на венгерскую корону, Карла Роберта, внука неаполитанскаго короля Карла II и сестры Владислава IV, явившагося въ Венгрію и нашедшаго тамъ многихъ приверженцевъ, благодаря содѣйствію Іоанна Гюссингена. Однако, не смотря на усилія Бонифація, Андрей удержался на престолѣ до самой смерти (1301 г.), а венгры даже послѣ него не захотѣли имѣть королемъ папскаго претендента. Легатъ имѣлъ наглость короновать его, въ Гранѣ, не спросясь народа; но магнаты, не обращая вниманія на угрозы Бонифація, предложили корону чешскому королю Венцеславу II, который принялъ ее для своего сына, Венцеслава III, и обручилъ его съ дочерью Андрея. Соединеніе Венгріи съ Богеміей необходимо должно было вызвать противодѣйствіе со стороны Альбрехта Австрійскаго, который не могъ смотрѣть равнодушно на новое усиленіе чешскаго короля, тѣмъ болѣе, что Венцеславъ не задолго до того пріобрѣлъ и Великую Польшу, женившись по смерти первой жены, нѣмки, на польской княжнѣ. Венцеславъ самъ далъ ему поводъ вмѣшаться въ свои дѣла, предложивъ посредничество въ венгерскомъ спорѣ папѣ. Бонифацій, какъ и слѣдовало ожидать, присудилъ Венгрію Карлу Роберту, а за Карла вступился императоръ, только что примирившійся съ папой. Онъ вступилъ въ Венгрію, прогналъ оттуда молодаго Венцеслава и, подкрѣпленный куманами, двинулся въ Богемію чрезъ Регенсбургъ; въ тоже время въ нее вторгся, черезъ Моравію, сынъ его, Рудольфъ. Обѣ арміи успѣли соединиться и расположились въ виду непрія-

телей, у Куттенберга. Но Венцеславъ также имѣлъ многочисленное войско, навербованное въ Саксоніи, Бранденбургѣ и другихъ германскихъ земляхъ. Черезъ шесть недѣль средства Альбрехта истощились, его наемники разошлись, а куттенбергскіе горцы отравили ручей, протекавшій черезъ нѣмецкій лагерь. Это заставило его отступить въ Австрію.

Въ слѣдующемъ году (1305 г.) умеръ Венцеславъ II, и его сынъ, не будучи въ состояніи удержать трехъ доставшихся ему въ наслѣдство королевствъ, заключилъ миръ съ Альбрехтомъ, уступивъ ему городъ Эгеръ и права на Мейссенъ, сохранивъ за собой Богемію и Польшу, какъ имперскіе лены, и вовсе отказавшись отъ Венгріи. Тогда претендентомъ на нее выступилъ герцогъ нижнебаварскій, Оттонъ, сынъ дочери Белы IV. Имѣя въ Венгріи нѣсколькихъ друзей, онъ отправился туда, не сообразивъ, что въ ней не могъ удержаться даже Венцеславъ III, распоряжавшійся всѣми силами Богеміи и Польши, и что весьма немногіе изъ венгерскихъ королей процарствовали спокойно. Само собой разумѣется, ему пришлось, послѣ различныхъ приключеній, вернуться домой съ пустыми руками. Въ Баваріи въ его отсутствіе, возникла страшная неурядица, а самъ онъ совершенно разорился въ венгерскомъ предпріятіи. Пользуясь этимъ, дворянство и города Баваріи добыли отъ него первую баварскую льготную грамату, измѣнявшую порядокъ внутренняго управленія и оцѣнявшуюся весьма различно людьми различныхъ партій. Сущность ея заключалась въ томъ, что девятнадцать городовъ и семьдесятъ дворянскихъ фамилій купили себѣ у разорившагося герцога право суда первой инстанціи, — города на собственныя деньги, а дворяне на деньги крестьянъ, которые, по отзыву одного честнаго писателя XVI столѣтія, не имѣли отъ этого ни малѣйшей пользы, но должны были внести всю сумму, платя втрое съ каждаго клочка земли и каждой штуки скота. Послѣ неудачной попытки Оттона, въ Венгріи успѣлъ утвердиться Карлъ Робертъ, признанный королемъ въ 1309 г.; съ нимъ вступила на венгерскій престолъ анжуйская династія, какъ боковая линія дома Арпадовъ.

Богемія между тѣмъ подверглась безпрерывнымъ переворотамъ. По смерти Венцеслава II, Польшею завладѣлъ его соперникъ, Владиславъ Локтекъ, такъ что Венцеславъ III удержалъ за собой только Краковъ. Чешскій король совершенно погрязъ въ пьянствѣ и распутствѣ, и сверхъ того предавался самому безумному мотовству; напримѣръ, на его коронацію съѣхалось тридцать восемь князей и 16 т. иностранцевъ съ 140 т. лошадей. Не смотря на то, онъ замышлялъ походъ въ Польшу и уже собралъ войско, но былъ убитъ тюрингскимъ рыцаремъ Конрадомъ фонъ Поттенштейномъ (1306 г.). Подданные ненавидѣли его, и потому легко можетъ статься, что это убійство не безъ основанія приписывали чешской аристократіи, подговорившей Конрада и потомъ повѣсившей его, чтобъ скрыть свое участіе въ преступленіи. Въ убійствѣ обвиняли также и Альбрехта Австрійскаго, на котораго, обыкновенно, взводили все дурное, случившееся въ его время; но въ этомъ злодѣйствѣ онъ, кажется, совершенно невиненъ. Съ Венцеславомъ III пресѣклась мужская линія богемской династіи. Часть знати избрала ему преемникомъ Генриха, герцога каринтійскаго, мужа его сестры; но Альбрехтъ, хотя и не участвовавшій въ убійствѣ Венцеслава, желалъ однако извлечь изъ него выгоды и отправился въ Богемію съ войскомъ, собраннымъ для похода въ Тюрингію. Опасаясь продолжительной войны, чехи женили его сына, Рудольфа, на вдовѣ Венцеслава II, польской княжнѣ Елизаветѣ, и признали своимъ королемъ.

Изъ Богеміи, Альбрехтъ двинулся въ Тюрингію, надѣясь завладѣть и этою страною. Его звали туда еще до чешскаго похода ландфогты Адольфа, примкнувшіе послѣ его смерти къ императору, а также жители Эйзенаха и другихъ городовъ, купившихъ льготы отъ стараго ландграфа, но вновь притѣсняемыхъ имъ и его сыномъ Фридрихомъ съ укушенною щекою, и потому желавшихъ сдѣлаться вольными имперскими гражданами. Альбрехтъ объявилъ земли, занятыя ландфогтами Адольфа, государственными доменами и потребовалъ ландграфа въ Фульду, но въ это самое время былъ отвлеченъ отъ тюрингскихъ дѣлъ смертью Венцеслава. По возвращеніи изъ Богеміи, онъ опять не имѣлъ успѣха. Тогда жители Эйзенаха, предоставленные собственнымъ силамъ, заперли ландграфа въ Вартбургѣ и построили новый замокъ на эйзенахской горѣ. Здѣсь сыновья ландграфа, всю жизнь воевавшіе съ отцомъ, явились его союзниками въ дѣлѣ угнетенія го-

родовъ. Они освободили Вартбургъ и направили на города, желавшіе сдѣлаться вольными, своихъ друзей, тюрингскихъ рыцарей, жившихъ разбоями по большимъ дорогамъ. Горожане вновь обратились къ императору, но, къ ихъ несчастью, мѣра беззаконій этого тирана тогда уже переполнилась, и судьба посылала ему ударъ за ударомъ. Первое войско, отправленное имъ въ Тюрингію, подъ начальствомъ фонъ Вальденау, было разбито, и самъ предводитель его попалъ въ плѣнъ; тогда Альбрехтъ послалъ противъ тюрингскихъ разбойниковъ — швабскихъ, но они потерпѣли такое пораженіе при Луккѣ (1307 г.), что оно обратилось въ поговорку въ Тюрингіи. Послѣ этого ему уже невозможно было думать о новомъ походѣ, и городамъ пришлось подчиниться ландграфу Фридриху.

Среди этихъ неудачъ умеръ сынъ Альбрехта, Рудольфъ, и чехи возвели на престолъ Генриха Каринтійскаго. Альбрехтъ поспѣшилъ въ Богемію, но долженъ былъ отступить и извлекъ изъ похода только ту выгоду, что одинъ изъ его штирійскихъ вассаловъ успѣлъ завоевать для него Каринтію. Въ то же время возстали швейцарцы противъ намѣстниковъ Альбрехта, сдѣлавшихся изъ защитниковъ жестокими мучителями. Императоръ отправился въ Швейцарію, но тамъ его родной племянникъ, Іоаннъ, вонзилъ ему въ сердце кинжалъ. Это швейцарское возстаніе особенно замѣчательно для всеобщей европейской исторіи тѣмъ, что съ того времени въ Швейцаріи начала образовываться превосходная пѣхота, нанимавшаяся на службу другихъ государствъ и имѣвшая большое вліяніе на ихъ судьбу. Разсказъ объ этомъ возстаніи и о смерти Альбрехта относится къ слѣдующему періоду германской исторіи.

3. Исторія Англіи и Шотландіи до шотландскаго короля Іоанна Балліоля.

Исторія англійскаго короля Генриха III была доведена нами (стр. 56) до смерти его достойнаго опекуна, Вильгельма Пемброка (1219 г.). Генриху было тогда всего двѣнадцать лѣтъ, а изъ приближенныхъ не нашлось никого, кто бы могъ управлять дѣлами и воспитать самого короля. Эта обязанность выпала на долю двумъ сообщникамъ Іоанна Безземельнаго: верховному судьѣ Англіи Губерту Боргу (Burgh), начальствовавшему при Іоаннѣ морскими силами, приготовленными противъ вассаловъ, и винчестерскому епископу Петру де Рошъ (des Roches), уроженцу Пуату, слѣдовательно, иностранцу. Королевскими замками все еще владѣли бароны, находившіеся въ полувраждебныхъ отношеніяхъ къ королю и обѣщавшіе сдать ихъ при его совершеннолѣтіи. Поэтому Губертъ склонилъ папу признать Генриха совершеннолѣтнимъ въ 1224 г., за четыре года до законнаго срока, т. е. 21 года. Однако бароны объявили, что не признаютъ за папою права вмѣшиваться въ дѣла Англіи и, хотя черезъ два года согласились признать короля совершеннолѣтнимъ, но передали ему замки, только уступая силѣ.

Начавшееся такимъ образомъ правленіе не предвѣщало ничего хорошаго. Насиліе, естественно, должно было породить недовѣріе и вражду. Виновникъ ихъ, Боргъ, сдѣлался предметомъ общей ненависти. Съ другой стороны, первый успѣхъ поощрилъ Генриха къ дальнѣйшимъ притѣсненіямъ и несправедливостямъ, такъ что, вступая въ управленіе, онъ, вопреки закону, не подтвердилъ великой хартіи. Однако война съ Франціею, грозившая потерею Гіенни и Пуату, и нужда въ деньгахъ заставила его признать права народа. При этомъ бароны принудили его отказаться отъ исключительныхъ правъ на лѣса и охоту, присвоенныхъ коронѣ Генрихомъ II, и издать особую лѣсную грамату (charta forestarum). Такимъ образомъ свобода была возстановлена безъ междоусобной войны, и правленіе, повидимому, стало принимать конституціонныя формы; но новый порядокъ, введенный при Іоаннѣ, не успѣлъ еще войти въ нравы народа, такъ что и королевскіе министры и подданные считали честнымъ и похвальнымъ отнимать другъ у друга какъ можно болѣе правъ. Этой системы держался преимущественно Губертъ Боргъ, соединявшій въ себѣ наклонность къ деспотизму, послѣдовательность, твердость и умъ. Для наполненія королевской кассы онъ не отступалъ ни передъ чѣмъ, налегая больше всего на жителей Лондона, всегда дававшихъ въ

гражданскихъ войнахъ рѣшительный перевѣсъ той сторонѣ, къ которой они присоединялись. По его совѣту, Генрихъ отказался отъ выполненія обѣихъ хартій подъ предлогомъ, что утвердилъ ихъ, будучи несовершеннолѣтнимъ и, слѣдовательно, не имѣя на то законнаго права; такимъ образомъ, всѣмъ имѣвшимъ какія-нибудь льготы пришлось платить вновь для того, чтобъ пользоваться ими; себя же Губертъ надѣлилъ огромными привилегіями, нарушавшими права другихъ. Послѣ того онъ поссорилъ короля съ его братомъ, Ричардомъ Корнваллійскимъ, у котораго захватилъ часть владѣній; удалилъ отъ двора епископа винчестерскаго со всѣми его приверженцами и простеръ притѣсненія до того, что сталъ взимать въ казну пятнадцатую, а потомъ еще сороковую часть движимаго имущества. Если бы Генрихъ былъ человѣкъ даровитый и съ военными способностями, онъ могъ бы сдѣлаться при такомъ министрѣ неограниченнымъ государемъ; но у него былъ слабый, взбалмошный и упрямый характеръ, сдѣлавшій его царствованіе одною изъ несчастнѣйшихъ эпохъ въ англійской исторіи. Эти свойства обнаружились уже въ его несогласіяхъ съ братомъ. Захвативъ земли Ричарда, онъ отвергнулъ требованіе судебнаго разбирательства, а когда Ричардъ взялся за оружіе, возвратилъ ему владѣнія, но все-таки удержавъ при себѣ виновнаго во всемъ министра. Впрочемъ и самъ Губертъ дѣлалъ иногда промахи; главнымъ недостаткомъ его было совершенное отсутствіе военныхъ дарованій, въ то время существенно необходимыхъ первому министру. За то въ политикѣ онъ обнаруживалъ удивительный тактъ, особенно когда удержалъ молодаго короля отъ войны съ Франціей, не увлекаясь благопріятными, повидимому, обстоятельствами. Лудовикъ Святой вступилъ на престолъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ; пользуясь этимъ, многіе вассалы возстали, а нормандцы, недовольные французскимъ владычествомъ, хотѣли свергнуть его при помощи англичанъ; однако Генрихъ, слѣдуя благоразумному совѣту верховнаго судьи, уклонился отъ войны. Впослѣдствіи, когда обстоятельства совершенно измѣнились, онъ непремѣнно хотѣлъ воевать съ Франціей и сильно негодовалъ на Губерта, не приготовившаго транспортныхъ судовъ и этимъ заставившаго его отказаться отъ его завоевательныхъ плановъ.

Съ папой, король и министръ были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; между ними заключенъ былъ даже союзъ, и папа всѣми силами старался удержать бароновъ въ повиновеніи королю. За то ни одна страна, не исключая Германіи, управляемой столькими духовными князьями, не страдала такъ сильно, какъ Англія, отъ папскихъ поборовъ. Изъ нея Григорій IX и Иннокентій IV вывали большую часть денегъ для борьбы съ Гогенштауфенами (стр. 128). Безстыдство легатовъ доходило до того, что однажды они потребовали, чтобы въ каждомъ монастырѣ удержали нѣсколько доходнѣйшихъ мѣстъ въ пользу папы, и не разъ случалось, что у нихъ силою отнимали награбленныя деньги. Они нашли однако способъ въ цѣлости пересылать въ Римъ собранныя сокровища, водворивъ въ Англіи своихъ изобрѣтательныхъ соотечественниковъ, промышлявшихъ и въ остальной Европѣ денежною торговлею (стр. 164). Итальянскіе мѣнялы и ростовщики вытѣснили изъ Англіи фламандскихъ, ввели тамъ векселя и вексельное право, но вмѣстѣ съ тѣмъ выжимали у народа процентами то, что не успѣвала захватить алчность духовенства и казны.

Въ 1232 г. возвратился въ Англію врагъ Губерта, Петръ Винчестерскій, ѣздившій послѣ своего паденія въ Палестину, и отплатилъ противнику пораженіемъ за пораженіе. Съ помощью своихъ друзей при дворѣ онъ вооружилъ короля противъ Губерта и убѣдилъ его удалить министра. Губертъ бѣжалъ въ церковь; но Генрихъ, нарушая право убѣжища и великую хартію, велѣлъ схватить его и выдать народу, не слушая приближенныхъ, сильно опасавшихся дурнаго вліянія этой революціонной мѣры. Духовенство вступилось за свое нарушенное право и вырвало изъ рукъ народа сильно пострадавшаго Губерта. Вторично схваченный королемъ, онъ былъ заключенъ въ темницу, но оттуда его силою освободили друзья. Черезъ полгода, непостоянный король простилъ его такъ же безразсудно, какъ удалилъ, но Губертъ уже не рѣшился вернуться ко двору. Этотъ случай можетъ дать намъ понятіе объ общемъ характерѣ царствованія Генриха. Очевидно, государство не могло долго оставаться при порядкѣ, въ которомъ не законъ и правда, а насиліе руководили скипетромъ. При Петрѣ Винчестерскомъ, характеръ

управленія не измѣнился; напротивъ, тиранія еще усилилась. Петръ замѣстилъ всѣ должности своими клевретами, а ими были только его земляки. Иностранцамъ роздали даже высшія мѣста въ администраціи, а сверхъ того изъ Бретани и Пуату выписали болѣе двухъ тысячъ рыцарей, которыми заняли королевскіе замки. Имъ жаловали графства и баронніи, ихъ дочерей выдавали замужъ за богатыхъ англичанъ, не хотѣвшихъ разсориться съ дворомъ, а ихъ самихъ переженили на вдовахъ и наслѣдницахъ, которыхъ насильно принуждали къ подобнымъ бракамъ. Такимъ способомъ образовалась организованная сила, которою можно было сломить всякое противодѣйствіе. Ни доводы государственнаго маршала, ни краснорѣчіе и насмѣшки Роджера Бэкона, краснорѣчивѣйшаго и остроумнѣйшаго человѣка того времени, не могли измѣнить настроенія короля: онъ держался новыхъ любимцевъ и хотѣлъ управлять народомъ вопреки его желаніямъ. Всѣ порядочные люди оставляли дворъ, такъ что рядомъ съ величайшею анархіею господствовалъ величайшій гнетъ. Страна раздѣлялась на два враждебныхъ лагеря: въ одномъ находился король съ приближенными, угнетая всѣхъ кого могъ одолѣть, въ другомъ — дворянство и горожане, грабившіе, сколько было силъ, правительство и его друзей. Дѣла не могли оставаться въ такомъ положеніи. Генрихъ былъ принужденъ подчиниться требованіямъ народа, и пожертвовалъ иностранцами; онъ отослалъ Петра въ его епископство и удалилъ французовъ (1234 г.). Но это принесло мало пользы. Все обусловливалось личностью короля, а онъ рѣшительно былъ неспособенъ къ серьезнымъ занятіямъ и возбудилъ къ себѣ всеобщее презрѣніе, заключая постыдные договоры и раздавая важнѣйшія мѣста родственникамъ своей жены, Элеоноры Прованской (стр. 135). Выдавъ свою сестру, Изабеллу, за императора Фридриха II (1235 г.), онъ началъ слѣдовать его политикѣ въ отношеніи римскаго двора; но потомъ дозволилъ папѣ обирать англійскую церковь, а итальянскимъ ростовщикамъ высасывать кровь изъ народа. Нуждаясь въ деньгахъ, Генрихъ выманивалъ новые налоги у народныхъ представителей, публично извиняясь въ нарушеніи обязанностей и выслушивая отъ нихъ жесточайшіе упреки. Наконецъ, совершенно подчиняясь духовенству, онъ далъ ему неслыханныя права, рѣшительно несовмѣстныя съ общимъ духомъ саксо-норманнскаго быта.

Къ довершенію несчастья, возникли раздоры въ самой королевской семьѣ. Ихъ вызвалъ новый любимецъ, пріѣхавшій изъ Франціи, Симонъ де Монфоръ, младшій сынъ героя альбигойской рѣзни (стр. 113), наслѣдовавшій графство лейстерское и другія англійскія владѣнія отца, а также долю его воинскихъ талантовъ, которыхъ вовсе не имѣлъ старшій сынъ Симона, Амаларихъ. Едва успѣлъ молодой де Монфоръ пріѣхать въ Англію, какъ Генрихъ до нельзя привязался къ нему и женилъ его на своей сестрѣ Элеонорѣ, но они были обвѣнчаны въ дворцовой церкви, безъ соблюденія всѣхъ нужныхъ обрядовъ (1238 г.). Вліяніе Симона вскорѣ возбудило ревность въ Ричардѣ Корнваллійскомъ; онъ сталъ во главѣ недовольныхъ и заставилъ безхарактернаго короля удалить новаго временщика подобно двумъ прежнимъ. Симонъ отправился въ Римъ, склонилъ папу пышными обѣщаніями признать дѣйствительность брака, которую оспаривали съ политической стороны, и, возвратясь въ Англію, снова вошелъ въ милость къ королю. Но и на этотъ разъ вліяніе его было непродолжительно. Не заплативъ папѣ обѣщанныхъ денегъ, онъ былъ отлученъ за это отъ церкви, съ позоромъ оставилъ дворъ и объявилъ намѣреніе предпринять крестовый походъ, впрочемъ единственно для того, чтобъ имѣть поводъ обобрать своихъ вассаловъ и продать свои имѣнія, не возбуждая толковъ.

Такъ какъ Англія давно уже не вела внѣшнихъ войнъ, а деньги, выжимаемыя королемъ, расходовались внутри государства, то роскошь чрезвычайно усилилась въ это время. Иностранные товары сдѣлались ежедневною потребностью, духовенство и купечество употребляли для домашняго обихода золотую и серебряную посуду, а дворянство было до того пышно, что многіе выписывали себѣ боевыхъ коней изъ Италіи. Однажды на придворномъ празднествѣ тысяча рыцарей явилась въ шелковыхъ платьяхъ и на другой день въ новыхъ парадныхъ костюмахъ. Въ такое время папскіе поборы были особенно чувствительны. Итальянцы высасывали наличныя деньги, а отливъ монеты въ Римъ страшно затруднялъ торговлю и производилъ путаницу во всемъ управленіи, такъ какъ въ то время мо-

нета была единственныхъ представителемъ цѣнности. Впрочемъ, надо сознаться, что обстоятельства, приводившія въ затрудненіе правительство, а иногда и промышленность, въ высшей степени благопріятствовали развитію искусствъ и наукъ; для нихъ настала въ Англіи чрезвычайно важная эпоха, подобная эпохѣ Альберта Великаго въ Германіи или основанію парижскаго университета во Франціи; а народный умъ получилъ совершенно новое направленіе, вслѣдствіе вліянія университетовъ, значеніе которыхъ усиливалось, благодаря недостатку книгъ и дѣятельности такихъ людей, какъ Роджеръ Бэконъ.

Папскіе поборы вывели, наконецъ, изъ терпѣнія самого короля; но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, онъ дѣйствовалъ необдуманно, непослѣдовательно, вспыльчиво и слабо. Созвавъ, въ 1246 г., народныхъ представителей и опираясь на нихъ, онъ постановилъ, чтобы впредь никто не смѣлъ илатить папѣ какую бы то ни было подать и отсылать деньги въ Римъ. Но папа успѣлъ склонить на свою сторону Ричарда и нѣсколькихъ аристократовъ, и безхарактерный король малодушно отмѣнилъ свое постановленіе. Такое пренебреженіе къ народнымъ интересамъ еще болѣе ожесточило подданныхъ противъ правительства, а обнаруженная Генрихомъ слабость усилила смѣлость оппозиціи. Въ 1248 г. новыя финансовыя затрудненія заставили короля собрать парламентъ, и тогда разразилась гроза. Генриху пришлось выслушать самыя жесткія укоризны за всѣ беззаконія, совершенныя въ его царствованіе. Ему напомнили, что онъ не замѣщаетъ вакантныхъ епископствъ и аббатствъ, чтобы грабить ихъ, ежедневно нарушаетъ народныя права, не имѣетъ отвѣтственнаго министерства, считаетъ министровъ не чиновниками народа, а своими слугами, совершенно уничтожаетъ въ государствѣ полицейскій порядокъ и обращаетъ суды въ источникъ дохода. Злоупотребленія, дѣйствительно, превышали всякую мѣру; большія дороги сдѣлались въ Англіи даже менѣе безопасными, чѣмъ въ Германіи, а постоянная нужда въ деньгахъ совершенно предала короля въ руки ростовщиковъ, такъ что однажды онъ за большія деньги освободилъ отъ заключенія одного богатаго еврея, обвиненнаго въ подлогѣ и дѣланіи фальшивой монеты, а потомъ совершенно простилъ его, взявъ еще большую сумму. На этотъ разъ парламентъ рѣшительно отказалъ въ утвержденіи новыхъ налоговъ. Король былъ принужденъ продать все серебро и всѣ принадлежавшія казнѣ имѣнія и едва вымолилъ нѣсколько денегъ у жителей Лондона, подъ предлогомъ крестоваго похода и торжественно обѣщавъ исправиться. Приближенные, почти исключительно французы, жили открытымъ грабежомъ. Больше всѣхъ неистовствовали четыре сводныхъ брата короля, сыновья его матери отъ втораго брака ея съ графомъ де ла Маршъ. Они безъ зазрѣнія совѣсти охотились въ чужихъ лѣсахъ и жили въ Лондонѣ, ни за что не платя. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Генрихъ имѣлъ неосторожность купить у папы, для своего сына, Эдмунда, сицилійское королевство (стр. 136), или, точнѣе, позволить римскому двору обмануть себя самымъ грубымъ образомъ, такъ какъ у папы въ этомъ дѣлѣ была, очевидно, одна цѣль: обобрать Англію. Вдавшись въ обманъ папскому легату и опустошивъ казну, Генрихъ сталъ занимать и грабить вездѣ, гдѣ было можно, и обременилъ государство долгомъ въ 350 тысячъ марокъ. Въ добавокъ, онъ пріобрѣлъ страшнаго врага въ зятѣ, графѣ лейстерскомъ Симонѣ де Монфоръ, и въ тоже время обнаружилъ передъ цѣлымъ міромъ свою несостоятельность. Симонъ уѣхалъ послѣ втораго своего паденія во Францію, чрезъ нѣсколько времени снова помирился съ Іоанномъ и, сдѣланный правителемъ Гіенни, до того притѣснялъ жителей, что они послали грозную депутацію въ Лондонъ. Генрихъ рѣшился смѣстить Симона, но онъ, смѣясь надъ его гнѣвомъ, назвалъ короля въ глаза, при Ричардѣ и другихъ свидѣтеляхъ, лжецомъ и нехристемъ и остался управлять своею провинціею, а потомъ, возвратясь въ Англію, снова и окончательно разсорился съ королемъ.

Эта новая ссора была тѣмъ пагубнѣе для Генриха, что наглость его сводныхъ братьевъ и непомѣрные поборы римскаго двора вызвали, на конецъ, революцію. Въ 1258 г. денежныя затрудненія снова вынудили у короля согласіе на созваніе парламента. Дворянство явилось вооруженнымъ и заговорило такимъ тономъ, что Генрихъ тотчасъ же распустилъ депутатовъ, назначивъ новое собраніе въ Оксфордѣ. Тогда бароны, во главѣ которыхъ сталъ Симонъ, согласились ввести олигархи-

ческое правленіе, рѣшившись въ случаѣ нужды силою подчинить короля своимъ требованіямъ. 11 іюня 1258 г. собрался въ Оксфордѣ парламентъ, названный впослѣдствіи королевскою партіей бѣшенымъ (mad parliament), и бароны, пріѣхавшіе съ оружіемъ и своими вассалами, принудили Генриха удалить изъ Англіи иностранцевъ и признать новую форму правленія. Приведеніе въ дѣйствіе реформы было поручено коммисіи изъ двадцати четырехъ членовъ, избранныхъ на половину королемъ и дворянствомъ, давъ ей королевскую власть впредь до окончанія занятій. Она составила такъ называемую оксфодскую конституцію, почти замѣнившую монархію олигархіей. Великая хартія была возстановлена въ полной силѣ; назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ предоставлено двадцати четыремъ; коренная реформа судопроизводства и всего порядка управленія поручена государственному совѣту изъ пятнадцати членовъ коммисіи, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялось право наблюдать за всѣми дѣйствіями короля; въ каждомъ графствѣ учреждены были коммисіи изъ четырехъ рыцарей для разбора жалобъ; наконецъ парламенту опредѣлено сбираться не по усмотрѣнію короля, а ежегодно по три раза. Король долженъ былъ подписать новую конституцію вмѣстѣ со всѣми членами своего дома и обнародовать ее, какъ собственную волю, на трехъ языкахъ, употреблявшихся при дворѣ, въ судахъ и въ общежитіи (французскомъ, латинскомъ и англійскомъ).

Конечно, никто не станетъ защищать олигархіи, какъ постоянной формы правленія, и утверждать, чтобы она могла быть полезна, особенно въ средніе вѣка, при страшномъ преобладаніи рыцарства надъ народомъ. Но въ этомъ случаѣ подобный переворотъ былъ единственнымъ средствомъ къ возстановленію нагло нарушенной королемъ конституціи. Его результаты вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ. Всѣ прежнія жалобы были разобраны и удовлетворены; судопроизводство и законодательство приведены въ систему, должностныя лица поставлены подъ контроль націи и сдѣланы отвѣтственными, во всемъ государствѣ возстановленъ порядокъ. Однако реформу эту нельзя было считать прочною, такъ какъ она отнимала всякое значеніе у королевской фамиліи и давала преобладающее вліяніе высшей аристократіи. Дѣйствительно, обѣ причины вызвали вскорѣ неудовольствія и волненія. Съ одной стороны протестовали сводные братья Генриха, Ричардъ Корнваллійскій, сдѣлавшійся, между тѣмъ, германскимъ императоромъ, и самъ король, разрѣшенный папою, въ 1261 г., отъ присяги подданнымъ; съ другой—аристократія разсорилась съ низшимъ дворянствомъ, предпочитавшимъ одного короля двадцати четыремъ. Сверхъ того, возстановленію спокойствія всячески препятствовалъ Симонъ Лейстеръ, явно желавшій революціи, чтобы доставить престолъ своему дому; частыя же отлучки Ричарда въ Германію какъ нельзя болѣе благопріятствовали ему. Отъ времени до времени вспыхивали возстанія, начиналась междоусобная война, и короля дважды принуждали присягать оксфордскимъ постановленіямъ. Наконецъ, бароны согласились отдать дѣло на судъ Людовику Святому. Людовикъ произнесъ (1264 г.) безпристрастное рѣшеніе, выгодное обѣимъ сторонамъ; но это не повело ни къ чему; вражда партій дошла уже до той степени, гдѣ бываетъ возможенъ только одинъ исходъ—полное пораженіе и истребленіе противниковъ. Англичане отвергли приговоръ Людовика, какъ рѣшеніе одного короля въ пользу другаго; война возобновилась, и обѣ стороны стали соперничать между собой въ насиліяхъ. Въ маѣ 1264 г. произошло рѣшительное сраженіе при Льюисѣ (Lewes); у короля было больше рыцарей, чѣмъ у Симона; но за то Лейстеръ былъ отличный полководецъ; изъ королевскихъ же приверженцевъ командовать въ сраженіи могъ только старшій сынъ Генриха, Эдуардъ I; но онъ увлекся преслѣдованіемъ ненавистныхъ ему лондонскихъ горожанъ, составлявшихъ одинъ флангъ непріятельской арміи и весьма скоро обратившихся въ бѣгство. Его удаленіе дало Симону возможность выиграть сраженіе и взять въ плѣнъ короля и Ричарда; самъ Эдуардъ, вернувшись на поле битвы, долженъ былъ сдаться. Королева, со вторымъ сыномъ, Эдмундомъ, бѣжала во Францію и, собравъ войска въ Гіенни и Пуату, предприняла высадку въ Англію.

Съ этой минуты Симонъ сдѣлался настоящимъ правителемъ государства. Плѣнный король подписывалъ все, что отъ него требовали, и такимъ образомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ повелѣній о передачѣ союзникамъ королевскихъ замковъ

и такъ называемыхъ пяти портовъ (cinque ports), то есть пяти главныхъ приморскихъ городовъ, объ измѣненіяхъ въ управленіи, наградахъ и полномочіяхъ Симону. Папа, разумѣется, отлучилъ Симона отъ церкви, но онъ велѣлъ бросить папскую буллу въ море и приказалъ духовенству вносить десятину не папѣ, а ему. Попытку королевы онъ легко уничтожилъ, потому что у нея не было денегъ; а чтобъ воспрепятствовать на будущее время высадкамъ, далъ жителямъ пяти портовъ каперскіе патенты противъ судовъ Гіенни и Пуату, производившихъ значительную торговлю съ Англіей. Эта мѣра возбудила сильное неудовольствіе, потому что вредное вліяніе ея на торговлю обнаружилось очень скоро. Аристократія также негодовала на тиранію, надменность и притязанія Симона, разсорившагося даже съ важнѣйшимъ лицомъ своей партіи, Джильбертомъ Глостеромъ, а королевскіе приверженцы сбирались между тѣмъ на границахъ Уэльса, подъ предводительствомъ отважнаго Роджера Мортимера. Не смотря на все это, Симонъ владычествовалъ больше года. Главною опорою его былъ народъ, расположенный къ нему за мѣру, въ высшей степени важную для развитія англійской конституціи. Онъ призвалъ въ парламентъ, кромѣ аристократіи и высшаго духовенства, по два депутата отъ низшаго дворянства каждаго графства и извѣстное число представителей отъ городовъ, такъ что при немъ впервые установились формы полнаго парламента послѣдующихъ эпохъ. Но грубое, наглое поведеніе его сыновей навлекло на него такую же всеобщую ненависть, какъ и на Генриха безчинства его сводныхъ братьевъ. Къ тому же Эдуардъ, привлекшій къ себѣ всѣхъ ласковостью, успѣлъ освободиться изъ плѣна, а англичане, привыкшіе къ опредѣленному, правильному ходу государственныхъ дѣлъ и считавшіе короля и народъ за одно цѣлое, ощущали потребность въ королевской власти еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ то же самое время нѣмцы. Эдуардъ призвалъ народъ къ оружію для освобожденія короля, и за нимъ послѣдовали массы, не смотря на враждебные ему манифесты, которые Генрихъ подписывалъ по требованію Симона. Когда началась война, Симону хотѣлось скорѣе кончить дѣло рѣшительнымъ сраженіемъ; онъ былъ увѣренъ, что талантъ и опытность дадутъ ему перевѣсъ надъ молодыми, горячими противниками, Мортимеромъ, Глостеромъ, и Эдуардомъ. Но неудача при Льюисѣ сдѣлала Эдуарда осторожнѣе; онъ уклонился отъ сраженія даже при мнимомъ отступленіи Лейстера, а пошелъ на встрѣчу одному изъ его сыновей и, разбивъ его, окружилъ самого Симона. Увидя предъ собою всю непріятельскую армію, Симонъ догадался о пораженіи сына и понялъ свою участь, подобно Ганнибалу, угадавшему по головѣ Гасдрубала судьбу Карѳагена (т. I. стр. 645). Онъ все-таки принялъ сраженіе, желая умереть съ честью, и, погибнувъ геройской смертью, показалъ себя въ послѣдній день жизни достойнымъ своего отца (августъ 1265 г.). Напротивъ, Генрихъ, находившійся въ его войскѣ, оказался страшнымъ трусомъ.

Сраженіе при Ивсгэмѣ (Evesham) уничтожило водворенный Симономъ порядокъ. Эдуардъ заранѣе условился съ Глостеромъ о возстановленіи прежней конституціи и прежнихъ правъ, съ тѣмъ, что король откажется отъ всѣхъ захватовъ, сдѣланныхъ имъ и предками и означенныхъ въ хартіи, а съ другой стороны, будутъ отмѣнены всѣ новыя ограниченія королевской власти. И онъ, дѣйствительно, заботился о томъ, чтобы отецъ держалъ слово и не окружалъ себя иностранцами. Реакція, неизбѣжная при всякомъ внутреннемъ переворотѣ, была по возможности сдерживаема. Пострадали только семья Симона и помогавшіе ему владѣтель Уэльса и жители Лондона. Первая была изгнана, второй заплатилъ 32 т., а послѣдніе 20 т. марокъ пени.

Тотчасъ по возстановленіи спокойствія, Эдуардъ вновь разстроилъ финансы участіемъ во второмъ крестовомъ походѣ Людовика Святаго (стр. 107) и возобновилъ прежнія притѣсненія. Все движимое имущество жителей было обложено сборомъ, простиравшимся до одной двадцатой части его цѣнности, и этотъ, самъ по себѣ страшно тяжелый, налогъ сдѣлался еще обременительнѣе вслѣдствіе дурнаго способа взиманія его. О правильной системѣ налоговъ тогда не имѣли понятія, и настоящій случай обнаружилъ поразительно дурное состояніе государственнаго хозяйства. Оцѣнку движимости производили цѣлый годъ, такъ что при взиманіи налога дѣйствительная цѣнность ея успѣла уже совершенно измѣниться; сверхъ того, самый сборъ былъ сопряженъ съ огромными неудобствами и такими

издержками, что казна получила только незначительную часть суммы, уплаченной подданными. Безразсудный характеръ управленія Генриха, дѣйствовавшаго не въ силу извѣстныхъ началъ, а по измѣнчивой прихоти и лицепріятію, обнаружился и въ привилегіяхъ, данныхъ имъ главнымъ городамъ рейнскаго и ганзейскаго союзовъ. Безъ всякаго повода, единственно по ходатайству брата, германскаго императора Ричарда, онъ предоставилъ Кельну и Любеку право основать ганзу или гильдію въ Лондонѣ; на основаніи этой привилегіи никто не смѣлъ вмѣшиваться въ дѣла этихъ иностранцевъ, и такимъ образомъ, возникло въ государствѣ особое государство.

Генрихъ умеръ въ 1272 г., процарствовавъ 56 лѣтъ; Эдуардъ I, возвращавшійся тогда изъ Палестины, гдѣ своими подвигами возобновилъ память о Ричардѣ Львиное Сердце, не спѣшилъ въ свое королевство. Онъ пробылъ довольно долго въ Парижѣ, потомъ оставался цѣлый годъ въ Гаскони, воюя съ Гастономъ Беарнскимъ, ѣздилъ на турниръ въ Шалонъ, единственно для удовлетворенія своей страсти къ рыцарскимъ забавамъ, и вернулся въ Англію лѣтомъ 1274 г. Найдя финансы въ довольно хорошемъ состояніи, онъ не подтвердилъ, вступая на престолъ, льготныхъ хартій и сдѣлалъ это только черезъ 25 лѣтъ, нуждаясь въ содѣйствіи народа для своихъ завоевательныхъ плановъ.

Его рыцарскій, воинственный характеръ нашелъ себѣ пищу въ борьбѣ съ уэльсскимъ княземъ Лливеллиномъ (Llewellyn), окончившейся совершеннымъ покореніемъ давно уже подвластнаго Англіи древне-британскаго населенія Уэльса. Лливеллинъ былъ вѣрнымъ союзникомъ Симона Лейстера и пользовался смутнымъ правленіемъ Генриха, чтобы съ своими дикими уэльсцами, незнавшими въ то время даже хлѣба, грабить пограничныя англійскія владѣнія. Наказанный за это пенею, онъ по смерти Генриха возобновилъ набѣги и отказался отъ вассальной присяги. Эдуардъ двинулся противъ него, въ 1277 г., съ войскомъ, въ которомъ находился и изгнанный Лливеллиномъ братъ его, Давидъ. Онъ занялъ всѣ выходы изъ страны, не производившей вовсе хлѣба, и принудилъ ее голодомъ къ подчиненію. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1282 г.) уэльсцы поднялись противъ тяжкаго англійскаго господства, и на этотъ разъ Давидъ, понявшій намѣренія короля, помогалъ брату. Тогда Эдуардъ рѣшился истребить всю владѣтельную фамилію бриттскихъ королей и обратить Уэльсъ въ англійскую провинцію. Самъ онъ былъ несчастливъ въ этой войнѣ, но его другъ, Мортимеръ, встрѣтившись съ главными силами уэльсцевъ въ мѣстности, совершенно неблагопріятной для горцевъ, нанесъ имъ рѣшительное пораженіе; Лливеллинъ былъ убитъ, и его выставили въ Лондонѣ на показъ. Преслѣдуемый Эдуардомъ, какъ дикій звѣрь, и выданный однимъ изъ своихъ подданныхъ, Давидъ былъ отправленъ въ Англію, преданъ суду пэровъ, осужденъ имъ, какъ разбойникъ, бунтовщикъ и государственный измѣнникъ, и четвертованъ (1283 г.). Эдуардъ роздалъ въ Уэльсѣ лены англичанамъ и ввелъ тамъ англійскіе законы и управленіе, сохранивъ изъ туземныхъ обычаевъ и правъ только то, что согласовалось съ англійскими учрежденіями. Жители Уэльса часто пытались сбросить это иго, но ихъ возстанія были всегда подавляемы. Черезъ нѣсколько времени, старшій сынъ короля получилъ титулъ принца уэльсскаго, остающійся до сихъ поръ за наслѣдникомъ англійскаго престола.

Одновременно съ этою войною, Эдуардъ велъ другую, въ высшей степени безславную, противъ жившихъ въ Англіи евреевъ, которыхъ уже его отецъ и дѣдъ выжимали какъ губки. Чтобы поживиться ихъ громадными богатствами, онъ обложилъ ихъ сначала пенею, а потомъ изгналъ изъ своихъ владѣній, конфисковавъ все ихъ имущество (1290 г.). Впрочемъ, правда и то, что они обратили въ правильный промыселъ поддѣлку, обрѣзываніе и вывѣшиваніе монетъ. Изгнаніе евреевъ доставило ему несравненно больше наличныхъ денегъ, чѣмъ безчисленные процессы противъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ, у которыхъ онъ хотѣлъ отнять владѣнія и права, захваченныя ими во время смутъ, потому что почти всѣ эти судебныя изслѣдованія ничѣмъ не кончились.

Для внутренней исторіи Англіи его правленіе особенно важно тѣмъ, что онъ принялъ форму парламента, введенную Лейстеромъ, и такимъ образомъ далъ народу участіе въ управленіи, которое народъ съумѣлъ сохранить за собой. Созвавъ парламентъ въ Шрьюсбёри (Shrewsbury), 1283 г., онъ пригласилъ, кромѣ бароновъ и высшаго духовенства, депутатовъ отъ городовъ и графствъ, разсчи-

тывая, что они могутъ служить противовѣсомъ аристократіи, будучи послушнѣе ея. Такъ возникла рядомъ съ палатою лордовъ палата общинъ; но дѣйствительной представительницею народа она сдѣлалась только черезъ нѣсколько столѣтій. Хотя общины тогда же получили право принимать отъ согражданъ жалобы для представленія королю, но эти представленія имѣли значеніе только при поддержкѣ бароновъ. Бароны одни были совѣтниками короля, а народные представители сзывались единственно для того, чтобъ вотировать новыя подати, и притомъ сзывались не въ опредѣленные сроки и не въ одинаковомъ числѣ. Впрочемъ Эдуарду случалось назначать налоги безъ согласія парламента и произвольно взимать съ горожанъ и поселянъ суммы, въ которыхъ отказывали ему бароны. Вообще онъ пользовался, подобно французскому королю Филиппу IV, всѣми возможными при феодальной системѣ вымогательствами, чтобъ покрывать издержки блестящаго, дорогаго и деспотическаго уравленія, наполненнаго турнирами и войнами. Онъ возвысилъ, между прочимъ, вдесятеро противъ прежняго налогъ на шерсть, главную статью англійской торговли, а однажды, во время войны, велѣлъ отобрать у жителей все необходимое для него количество хлѣба и скота. Тѣмъ же характеромъ энергическаго, безпощаднаго деспотизма отличались и всѣ другія мѣры Эдуарда; проступки наказывались жестоко и противозаконно, а внутреннее спокойствіе охранялось полицейскою властью, безъ разбора бросавшею всѣхъ въ темницы и казнившею праваго и виноватаго. Вообще въ Англіи совершались тогда вещи, которыхъ не смѣло бы позволить себѣ даже тогдашнее правительство Германіи. По всей вѣроятности, Эдуарду удалось бы уничтожить всякое ограниченіе монархической власти и возстановить полный произволъ, если бы онъ, наконецъ, не вывелъ изъ терпѣнія большихъ землевладѣльцевъ, соединившихся тогда съ народомъ. Вслѣдствіе того, ему пришлось формально и торжественно подтвердить прежнія хартіи и дать новую, заключавшую въ себѣ отмѣну всѣхъ введенныхъ имъ стѣсненій и обязательство не взимать налоговъ безъ разрѣшенія парламента.

Въ 1290 г. пресѣклась шотландская королевская династія, что открыло Эдуарду новые виды на завоеваніе Шотландіи. Эта страна, исторія которой до самаго двѣнадцатаго столѣтія наполнена баснословными легендами, давно уже принимала участіе въ дѣлахъ Англіи, потому что ея короли, владѣя Кумберлендомъ и Нортомберлендомъ, были вассалами англійской короны. Въ 1175 году король шотландскій, Вильгельмъ, долженъ былъ признать свое королевство англійскимъ леномъ (стр. 24), но Ричардъ Львиное Сердце снялъ съ него эту обязанность, сохранивъ только въ силѣ прежнія ленныя отношенія (1189 г.). Въ половинѣ XII столѣтія шотландцы пришли въ столкновеніе съ норвежскими королями изъ-за сосѣднихъ острововъ, покоренныхъ норвежцами. Споръ былъ оконченъ миромъ между Магнусомъ VII Норвежскимъ и Александромъ III Шотландскимъ (1266 г.), причемъ первый уступилъ Шотландіи часть острововъ за ежегодный платежъ ста марокъ. Съ той поры оба короля, славившіеся, какъ законодатели, сдѣлались друзьями и скрѣпили союзъ бракомъ наслѣдника Магнуса, Эриха II, съ единственною дочерью Александра, Маргаритою. Въ 1286 г. со смертью Александра пресѣклась мужская линія шотландской королевской фамиліи. Маргарита умерла двумя годами раньше отца, и потому шотландскіе государственные чины провозгласили королевою ея трехлѣтнюю дочь, Маргариту, обыкновенно называемую Норвежскою Дѣвой, поручивъ управленіе государствомъ особымъ опекунамъ. Эдуардъ, давно уже старавшійся задобрить Эриха, помолвилъ эту дѣвушку за свего наслѣдника, Эдуарда II; но она умерла при переѣздѣ изъ Норвегіи въ Англію (1299 г.). Тогда явилось множество претендентовъ, изъ которыхъ имѣли нѣкоторое значеніе только двое: Іоаннъ Балліоль и Робертъ Брюсъ, происходившіе оба отъ брата короля Вильгельма. Баллiоль былъ внукъ его старшей дочери, а Брюсъ сынъ младшей; первый имѣлъ больше правъ, происходя отъ старшей сестры, и притомъ его мать, въ той же степени близкая королевскому дому, какъ и Брюсъ, была еще жива, когда умерла Маргарита. Шотландскій парламентъ предоставилъ разборъ ихъ правъ Эдуарду, не подумавъ о неосторожности подобнаго шага, который, конечно, не сдѣлали бы въ болѣе образованную эпоху, когда обдумываютъ послѣдствія всякаго поступка. Эдуардъ, разумѣется, не упустилъ случая возстановить прежнее верховное вла-

дычество Англіи надъ Шотландіей. Онъ устроилъ судъ не въ Шотландіи, а въ Англіи,—на что шотландцы согласились во избѣжаніе проволочекъ, и видя множество новыхъ претендентовъ, — пригласилъ къ разбору 12 шотландцевъ и столько же англичанъ, отложилъ рѣшеніе спора до весны слѣдующаго года, велѣлъ своимъ юристамъ запутать это и безъ того темное дѣло, а одному изъ нихъ, предсѣдательствовавшему въ судѣ, вставить искуснымъ образомъ въ своей рѣчи фразу, что англійскіе короли были съ незапамятныхъ временъ верховными владыками Шотландіи. Наконецъ, онъ устроилъ даже такъ, что протоколы велись однимъ изъ его клевретовъ и передавали дѣло въ искаженномъ видѣ. Шотландскіе вельможи, несогласные между собою и принадлежавшіе къ различнымъ партіямъ, допускали все это и даже отдали Эдуарду всѣ крѣпости, для того чтобъ онъ имѣлъ возможность привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Онъ рѣшилъ въ пользу Балліоля (1292 г.), и передалъ ему, съ притворнымъ великодушіемъ, крѣпости и королевскія имѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ заставилъ его принести словесно и письменно вассальную присягу, и потомъ, возбудивъ противъ него жалобы, потребовалъ въ Лондонъ къ суду. Балліоль, не имѣя возможности сопротивляться внутреннимъ врагамъ и англійскому королю, хотѣлъ защищаться черезъ уполномоченныхъ, но былъ принужденъ явиться лично и получилъ такія оскорбленія, что рѣшился отмстить Эдуарду, и заключилъ союзъ съ французскимъ королемъ Филиппомъ IV, не задолго до того начавшимъ войну противъ Англіи (1295 г.). По поводу этого союза, навлекшаго на Шотландію страшныя бѣдствія, необходимо обозрѣть исторію Франціи отъ Филиппа II Августа до этой войны.

4. Франція отъ Людовика VIII до вступленія на престолъ Филиппа IV.

Филиппу Августу, до смерти котораго была доведена исторія Франціи (стр. 58), наслѣдовалъ въ 1223 г. старшій сынъ, Людовикъ VIII, весьма похожій на отца. Его короткое трехлѣтнее царствованіе было весьма важно для развитія могущества Франціи, сильно увеличеннаго его отношеніями къ Англіи, пріобрѣтеніями по поводу альбигойской войны и договоромъ съ Фландріею. Заключая миръ съ опекуномъ Генриха III (1217 г.), Людовикъ, между прочимъ, обязался возвратить Англіи всѣ ея французскія владѣнія, захваченныя Филиппомъ Августомъ (стр. 57.). Сдѣлавшись королемъ, онъ не только не выполнилъ этого, но старался завладѣть и остальными англо-французскими провинціями. Посланные Генрихомъ армія и флотъ не могли ничего сдѣлать, потому что часть рыцарства была въ тайныхъ сношеніяхъ съ Людовикомъ и добровольно подчинилась ему, а остальные уступили силѣ. Вѣроятно, онъ успѣлъ бы отнять у Англіи еще многое, но въ это самое время покупка земель, отнятыхъ у альбигойцевъ, обратила все его вниманіе на югъ. Его дѣйствія тамъ были уже описаны нами (стр. 116). Относительно Фландріи, какъ и во всемъ, онъ слѣдовалъ политикѣ отца. Филиппъ, взявъ въ плѣнъ, при Бувинѣ, множество рыцарей, извлекъ изъ этого огромныя денежныя выгоды (стр. 55); Людовикъ имѣя еще въ своихъ рукахъ могущественнѣйшаго изъ плѣнниковъ, графа фландрскаго, принудилъ его жену, Іоанну, къ громаднымъ пожертвованіямъ. По договору, заключенному въ Мелюнѣ, 1225 г., графъ франдскій обязался заплатить неслыханный выкупъ, отдавъ въ залогъ три важнѣйшихъ города своихъ владѣній, признавъ себя вассаломъ французской короны и обязавъ своихъ бароновъ и городскія общины помогать противъ себя французскому королю въ случаѣ невыполненія договора.

Въ 1226 г. Людовику VIII наслѣдовалъ его сынъ, Людовикъ IX или Святой, характеръ котораго уже отчасти извѣстенъ намъ изъ его крестовыхъ походовъ (стр. 90, 93, 107 и 141) и борьбы папъ съ послѣдними Гогенштауфенами (стр. 131, 133 и 135). Его несовершеннолѣтіе послужило поводомъ къ сильнымъ волненіямъ. Баронамъ хотѣлось возстановить прежнюю форму правленія, избирательную монархію (т. II. стр. 496), или, по крайней мѣрѣ, учредить регентство, по соглашенію съ представителями, и измѣнить направленіе, данное правительству двумя послѣдними королями. Но мать молодаго Людовика, благочестивая Бланка Кастильская, и руководившій ею кардиналъ Романъ

де Сентъ-Анжелю, поспѣшно установили регентство, не созывая даже государственныхъ сословій. Три епископа, санскій, шатрскій и бовэскій, присягнули, что король, умирая, назначилъ правительницею и опекуншею жену, а Бланка, обладавшая при всемъ своемъ благочестіи удивительной энергіей, тотчасъ же посвятила сына въ рыцари и короновала его королемъ. Бароны продолжали все-таки упорствовать и рѣшились сопротивляться силою, такъ какъ ихъ крайне тревожили отношенія Бланки къ кардиналу, совѣты котораго явно клонились къ увеличенію королевскаго самовластія и господства папы. Сильнѣйшіе владѣльцы соединились противъ Бланки и ея друга, но хитрость кардинала, ловкость королевы и собственное неумѣнье разрушили ихъ планы; даже союзъ ихъ съ англійскимъ королемъ оказался совершенно безполезнымъ. Однако, борьба длилась во время регентства и въ первые годы правленія Людовика.

Людовикъ и по достиженіи совершеннолѣтія (1236 г.) остался подъ вліяніемъ матери. Чрезмѣрная набожность сдѣлала ее слишкомъ одностороннею и слабою, а по ея примѣру и сынъ ея пристрастился къ внѣшнимъ обрядамъ. Но такъ какъ, не смотря на благочестіе, она не забывала и вещественныхъ интересовъ, а самъ Людовикъ имѣлъ весьма много здраваго смысла, то главная задача его жизни не была упущена имъ изъ виду; къ тому же практическій смыслъ, всегда сильно развитый въ эпоху простоты, въ то время точно такъ же умѣрялъ теоретическія заблужденія ума, какъ христіанское смиреніе—гордость сильныхъ. Въ концѣ концовъ, Людовикъ былъ истинно благочестивый, практически умный, благородный, добродѣтельный, честный человѣкъ и самый справедливый изъ государей.

Въ 1242 г. у него началась война съ англійскимъ королемъ Генрихомъ III, кончившаяся для него необыкновенно скоро и счастливо. Во время возстанія вассаловъ противъ Бланки, Генрихъ, по совѣту своего министра Губерта Борга, не воспользовался благопріятными обстоятельствами, а потомъ, въ 1241 г., медлилъ подать помощь возставшему графу де ла Маршъ, пока тотъ не былъ окончательно побѣжденъ. Наконецъ, онъ явился на Шарантѣ съ довольно значительнымъ войскомъ, но былъ разбитъ. Однако Людовикъ, чувствуя угрызенія совѣсти по поводу захвата дѣдомъ англо-французскихъ провинцій, не воспользовался побѣдой и заключилъ пятилѣтній миръ, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ предпринялъ свой первый крестовый походъ, исторія котораго ужо разсказана выше. Раны, нанесенныя имъ Франціи, Людовикъ исцѣлилъ, по возвращеніи, святостью жизни и непреложною справедливостью. Его простой домашній и придворный бытъ требовалъ такъ мало расходовъ, что истраченныя на крестовый походъ суммы были скоро пополнены. Впрочемъ, бережливость его вовсе не была скупостью: въ необходимомъ у него никогда не было недостатка, устранялось только излишнее. Государственное хозяйство также велось чрезвычайно разумно; домены приносили вдвое больше дохода, чѣмъ прежде, и благодаря этому, Людовику не приходилось такъ часто обращаться къ государственнымъ сословіямъ за утвержденіемъ налоговъ, какъ его сосѣду, Генриху III. Но важнѣйшей заслугой его передъ народомъ была заботливость о правосудіи. Онъ первый въ Европѣ началъ обуздывать кулачное право и напомнилъ Франціи вещь, совершенно забытую тогда въ Германіи, что король справедливѣйшій судья и могущественнѣйшій защитникъ народа противъ наглаго притѣсненія богатыхъ и сильныхъ. Какъ умный и добросовѣстный человѣкъ, онъ ставилъ судьями людей свѣдущихъ и пользовавшихся довѣріемъ согражданъ; потому его суды были самыми справедливыми, умными и энергическими, а его собственная гражданская честность, не подкупавшаяся никакими политическими разсчетами, до того признавалась всѣми, что самые могущественные вассалы избирали его посредникомъ въ распряхъ, и его правдивые приговоры, подкрѣпляемые силою королевской власти, не разъ предотвращали кровопролитіе. Все это давало ему возможность расширять кругъ дѣйствія королевскихъ судовъ, ограничивая судебныя права феодальныхъ владѣльцевъ и освобождая судопроизводство изъ-подъ вліянія духовенства. Въ коронныхъ владѣніяхъ онъ совершенно отмѣнилъ судебный поединокъ, хотя вообще держался старыхъ обычаевъ. Особенно славились его Plaids de la porte, въ которыхъ дѣла разбирались не судьями, но честными людьми, по его назначенію; они происходили въ Венсеннѣ, подъ стариннымъ дубомъ, и въ Парижѣ въ королевскомъ

саду, гдѣ всякій имѣлъ къ нему доступъ. Для наукъ имъ сдѣлано чрезвычайно много. Благочестіе не мѣшало ему поощрять изученіе Аристотеля, противъ котораго сильно возставали папа и церковь; онъ даже послѣдовалъ примѣру мухаммеданскихъ государей, съ библіотеками которыхъ ознакомился въ своемъ первомъ крестовомъ походѣ, и положилъ основаніе библіотекѣ, которая должна была содержать не однѣ духовныя книги.

Разумѣется, и Людовикъ имѣлъ слабости; избытокъ и глубина чувствъ, соединенныя съ чрезмѣрною религіозностью, дѣлали его человѣкомъ весьма слабымъ. Это доказывала, между прочимъ, строгость, съ которою онъ наказывалъ даже за простыя слова, казня и истязая обвиненныхъ въ томъ, что считалось въ то время богохульствомъ; самъ папа, наконецъ, счелъ нужнымъ просить его быть снисходительнѣе къ подобнымъ проступкамъ. Слабость его характера обнаруживалась въ его пристрастіи къ доминиканцамъ и францисканцамъ, іезуитамъ того времени, вмѣшивавшимся рѣшительно во всѣ сферы жизни, распространявшимъ свое вліяніе и на церковныя и на мірскія дѣла, господствовавшимъ въ политическихъ кружкахъ и въ семьѣ и стремившимся подчинить себѣ даже науку. Придавая огромное значеніе внѣшности, онъ увлекался наружностью этихъ монаховъ, единственныхъ духовныхъ того времени, походившихъ видомъ на первыхъ проповѣдниковъ евангелія и отлично умѣвшихъ скрывать волчьи мысли подъ овечьими шкурами. Наконецъ, его упрекали въ томъ, что онъ проводилъ слишкомъ много времени за молитвами и обѣднями, но въ этомъ онъ отлично оправдался, давъ однажды своимъ порицателямъ отвѣтъ, доказывающій глубокое знаніе человѣческаго сердца и ясное пониманіе обязанностей государя. «Меня никто не упрекнулъ бы, сказалъ онъ, если бы я тратилъ вдвое болѣе времени на игру въ кости, охоту и соколовъ.» Онъ могъ бы также указать на характеръ и жизнь брата, Карла Анжуйскаго, котораго, конечно, нельзя было упрекнуть въ чрезмѣрной набожности. Вообще, онъ зналъ границу между побужденіями сердца и велѣніями разсудка и умѣлъ держаться ея, гдѣ было нужно. Это доказали два въ высшей степени важныя узаконенія, изданныя въ то самое время, какъ онъ готовился къ совершенно безполезному второму крестовому походу. Одно изъ нихъ, обнародованное въ 1269 г., знаменитая прагматическая санкція; ею уничтожались злоупотребленія при замѣщеніи духовныхъ должностей, ограничивались притязанія римскаго двора, запрещалась уплата папѣ какихъ бы то ни было повинностей безъ разрѣшенія короля, и вообще права французской церкви опредѣлялись такъ рѣшительно, что папа не смѣлъ и думать противиться имъ. Второе узаконеніе, вышедшее черезъ годъ, были такъ называемыя établissements de St. Louis (установленія св. Людовика), извѣстное собраніе законовъ, давшее Франціи новое законодательство, основанное на древнихъ обычаяхъ и правахъ, но устранявшее всѣ неясности и смягчавшее прежнюю жестокость.

Таковы были важнѣйшія внутреннія распоряженія Людовика; если бы его преемники сколько нибудь подражали ему, неограниченная монархія водворилась бы во Франціи ранѣе Людовика XI и гораздо болѣе справедливымъ путемъ, чѣмъ при немъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ Людовикъ оставался вѣренъ своему благочестивому, благородному, честному характеру. Онъ облагодѣтельствовалъ страну, доставшуюся Франціи въ его дѣтство, по окончаніи альбигойской войны (стр. 116), дѣйствовалъ честно, миролюбиво и благоразумно во время раздора папы съ германскимъ императоромъ (стр. 131) и послѣ того, когда римскій дворъ захватилъ гогенштауфенское наслѣдство (стр. 136), и примирился на снисходительныхъ условіяхъ съ сосѣдями, для того чтобъ общими силами противодѣйствовать врагамъ христіанства. Въ 1258 году онъ окончилъ давнишнюю войну Франціи съ арагонскимъ королемъ, а въ слѣдующемъ году, вопреки желанію французской аристократіи, заключилъ съ Генрихомъ III миръ, выгодный для обѣихъ сторонъ. По этому миру Англія удержала изъ своихъ прежнихъ французскихъ владѣній Лимузенъ, Перигоръ, Аженуа, Керси и часть Сентонжа, какъ лены французской короны. Своего алчнаго брата Карла, захватившаго во время распри Іоанна д'Авена съ братьями Дампьерръ (стр. 176) почти весь Геннегау, Людовикъ принудилъ возвратить эту добычу.

Когда набожность заставила его предпринять второй крестовой походъ, большинство аристократіи и рыцарей рѣшительно отказалось слѣдовать за нимъ;

но онъ склонилъ однихъ ласками и любовью, а другимъ далъ почувствовать, что позорно оставлять короля въ дѣлѣ чести и вѣры. До отъѣзда, онъ два года занимался исключительно внутренними дѣлами, желая, чтобъ и въ его отсутствіе управленіе продолжало идти въ его духѣ; своей женѣ, Маргаритѣ, дочери Раймунда Беренгара Прованскаго (стр. 135), онъ не далъ никакого вліянія на дѣла, хотя, по обычаю, регентство должно было принадлежать ей, и, вообще, всю жизнь обращался съ нею строго и недовѣрчиво. Выше было уже разсказано, почему онъ отправился въ Тунисъ, и чѣмъ кончилось это несчастное предпріятіе (стр. 141). Онъ самъ былъ въ числѣ жертвъ, погибшихъ отъ заразительной болѣзни, климата, недостатка въ водѣ и изнуренія, и умеръ 25 августа 1270 г.

Его сынъ и преемникъ, Филиппъ III Смѣлый, учавствовавшій вмѣстѣ съ нимъ въ походѣ, не продолжалъ войны, настоящей цѣлью которой было завоеваніе святаго гроба, и, заключивъ миръ съ владѣтелемъ Туниса, возвратился во Францію. Здѣсь онъ вскорѣ наслѣдовалъ послѣ дяди Альфонса и его жены всѣ ихъ владѣнія, обнимавшія собой большую часть южной Франціи: Тулузу, Руэргъ, Аженуа, Керси, Венессенъ, Они и часть Альбижуа, Пуату, Оверни и Сентонжа. Изъ нихъ онъ отдалъ (1279 г.) Аженуа, на основаніи договора, заключеннаго отцомъ, англійскому королю Эдуарду I, а Венессенъ (1274 г.), лежавшій къ сѣверу отъ Дюрансы и къ востоку отъ Роны, папскому правительству, имѣвшему на него притязанія и удержавшему его до 1291 г. Хотя всѣ новыя пріобрѣтенія французскаго короля сохраняли до 1361 г. особое управленіе, но присоединеніе къ Франціи весьма чувствительно отозвалось на нихъ. Мѣстное населеніе издавна пользовалось свободой и обширными правами, а Альфонсъ и его жена значительно содѣйствовали развитію благосостоянія; все это измѣнилось при французскомъ управленіи, не смотря на то, что Филиппъ подтвердилъ прежнія права и привилегіи. Даже графъ де Фуа почувствовалъ новое сосѣдство: враждовавшій съ нимъ де Казобонъ (Casaubon) просилъ помощи у Филиппа, и побѣжденный де Фуа былъ посаженъ въ тюрьму.

Вскорѣ Филиппу представился случай расширить свои владѣнія на западъ. Въ 1234 г. французскій вассалъ графъ Тибо Шампанскій женился на наслѣдницѣ испанскаго королевства Наварры, вошедшаго съ тѣхъ поръ въ близкія сношенія съ Франціей. Внукъ Тибо, Генрихъ I, умирая (1274 г.), оставилъ единственную дочь Іоанну и завѣщалъ, чтобы ее воспитали подъ французской опекой и выдали замужъ за французскаго принца. Противъ этого возстали наваррскія сословія, а арагонскій и кастильскій короли постарались воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній. Однако Филиппъ помолвилъ Іоанну за своего наслѣдника, Филиппа IV, и послалъ въ Наварру войско. Евстафій де Бомарше, назначенный имъ правителемъ Наварры, подчинилъ ее; но, позволивъ себѣ нарушать старинные обычаи, которыхъ тамъ упорно держались, вызвалъ возстаніе. Тогда вновь явилось французское войско, взяло приступомъ главный городъ Пампелуну, и произведенными тамъ неистовствами заставило покориться прочіе города и вассаловъ. Подчинивъ Наварру, Филиппъ обратился противъ Кастиліи, гдѣ два сына его сестры, бывшей замужемъ за кастильскимъ принцемъ, спорили тогда о престолѣ со своими дѣдомъ и дядей. Но въ это дѣло вмѣшался папа, такъ что Филиппу пришлось оставить Кастилію въ покоѣ и начать переговоры, которые, однако, ничѣмъ не кончились. Вслѣдъ за тѣмъ, папа далъ ему новый поводъ начать войну съ Арагоніей, подаривъ ее его сыну Карлу де Валуа (стр. 144). Успѣвъ только завоевать Хирону, Филиппъ черезъ нѣсколько недѣль умеръ (1285 г.). Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, Филиппъ IV Красивый.

5. Филиппъ IV и Эдуардъ I до начала вражды Филиппа съ папою Бонифаціемъ VIII.

Филиппъ IV не имѣлъ успѣха въ арагонской войнѣ и потому началъ мирные переговоры (стр. 145). Посредникомъ былъ выбранъ англійскій король Эдуардъ I, незадолго до того принесшій Филиппу ленную присягу и заключившій съ нимъ мирный договоръ (1286 г.). Онъ дѣйствовалъ до того двумысленно, что

французы рѣшительно обвиняли его въ тайной сдѣлкѣ съ ихъ врагами, и дѣйствительно, онъ имѣлъ частыя и весьма подозрительныя сношенія съ Арагоніей и Кастиліей. Филиппъ рѣшился воспользоваться негодованіемъ своихъ подданныхъ на Эдуарда и англичанъ, чтобъ вытѣснить ихъ изъ Франціи. Найти поводъ къ войнѣ было не трудно, и въ 1293 г. французское войско вторглось въ англійскія провинціи. Обстоятельства благопріятствовали Филиппу: Эдуардъ совершенно запутался въ шотландскихъ дѣлахъ, жители Уэльса снова возстали, а шотландцы заключили союзъ съ Франціей. Все это заставило англійскаго короля вступить въ переговоры; онъ послалъ во Францію брата, Эдмунда, и въ 1294 г. заключенъ былъ трактатъ, доставившій Филиппу мирнымъ путемъ владѣнія, которыхъ онъ съ трудомъ добился бы оружіемъ, такъ какъ намѣстникъ англійскихъ провинцій на материкѣ хотѣлъ упорно сопротивляться. Эдуардъ согласился на весьма странное условіе, вѣроятно, разсчитывая, что оно упрочитъ его власть надъ безпокойными подданными тѣхъ провинцій: онъ обязался передать французскому королю, въ видѣ удовлетворенія, нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ Гіенни, съ тѣмъ, что они потомъ будутъ возвращены ему. Съ его стороны это обстоятельство было честно выполнено, но Филиппъ, самый алчный и властолюбивый изъ королей, нарушилъ слово и не очистилъ занятой страны. Разумѣется, это вызвало новую войну. Эдуардъ немедленно объявилъ вѣроломному Филиппу о разрывѣ и прекращеніи ленныхъ отношеній. Въ этомъ ему содѣйствовали два доктора богословія, монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, — новое доказательство, что нищенствующая братія являлась тогда совѣтниками и въ кабинетахъ государей, какъ и въ крестьянскихъ хижинахъ.

Оба противника старались усилить себя союзниками, и Эдуардъ пріобрѣлъ ихъ совершенно новымъ способомъ: щедрыми субсидіями. Онъ склонилъ на свою сторону германскаго императора Адольфа Нассаускаго, употребившаго полученныя имъ деньги для собственныхъ цѣлей, и заключилъ союзы съ голландцами, зеландцами и графами барскимъ, брабантскимъ и геннегаускимъ; графы савойскій и бургундскій также взяли деньги и ничего не сдѣлали; графъ фландрскій, Ги де Дампьерръ, вошелъ съ нимъ въ тайныя сношенія и хотѣлъ помолвить за него дочь, за что вмѣстѣ съ дочерью и былъ арестованъ Филиппомъ. Французскій король имѣлъ союзниками шотландскаго короля Іоанна Балліоля, Альбрехта Австрійскаго, Гумберта, графа Дофинэ, владѣтелей Лонгви и Шатильона, нѣсколько кастильскихъ городовъ и городскія общины Санъ-Себастіана и Фонтарабіи. Деньги для войны Филиппъ взялъ съ народа, не обращая вниманія на ропотъ и неудовольствія. Также распорядился и Эдуардъ; онъ имѣлъ, правда, на своей сторонѣ то преимущество, что англичане считали эту войну національнымъ дѣломъ; но, не довольствуясь пожертвованіями патріотовъ, онъ взималъ огромныя реквизиціи, не обращая вниманія на привилегіи и обобравъ, между прочимъ, всѣ монастыри. Его надежнѣйшимъ союзникомъ былъ графъ фландрскій. Филиппъ выпустилъ его, но задержалъ въ Парижѣ его дочь, чтобы отецъ не могъ выдать ее замужъ безъ согласія сюзерена. Ги счелъ это наглымъ нарушеніемъ ленныхъ отношеній, сложилъ съ себя вассальныя обязанности, заключилъ формальный союзъ съ Эдуардомъ и объявилъ Франціи войну. Это подвергало Фландрію сильной опасности, отъ которой ее могла избавить только энергическая помощь Эдуарда; но англійскій король, желая дѣйствовать противъ шотландцевъ, заключилъ въ томъ же году (1296 г.) и въ слѣдующемъ перемиріе, обращенное въ 1299 г. во временный, а въ 1303 г. въ вѣчный миръ, по которому онъ удержалъ Гіеннь, женился на сестрѣ Филиппа и пожертвовалъ ему графомъ фландрскимъ. Поэтому, въ то самое время, какъ Эдуардъ истреблялъ шотландцевъ, Филиппъ со всѣми своими силами двинулся на Фландрію.

Оба короля хотѣли окончательно завладѣть землями, въ которыя вторглись; но Филиппъ нашелъ во Фландріи цѣлую французскую партію, такъ называемую партію лиліи, тогда какъ Эдуардъ имѣлъ въ Шотландіи только нѣсколькихъ подкупленныхъ приверженцевъ. Французское войско, предводительствуемое самимъ королемъ и графомъ Робертомъ д'Артуа, вступило во Фландрію съ двухъ сторонъ (1297 г.). Графъ д'Артуа разбилъ фландрскія силы при Фюрнѣ (Furnes) и этимъ принудилъ къ сдачѣ Лилль, осажденный королемъ. Въ это самое время прибылъ во Фландрію Эдуардъ. Союзники, которыхъ онъ надѣялся встрѣтить —

императоръ Адольфъ, графъ Генрихъ Барскій и другіе—не явились; важнѣйшіе фландрскіе города, Даммъ, Брюгге, Гентъ, самые значительные фабричные и торговые пункты тогдашней Европы, — конечно, не считая Италіи, — уже впустили къ себѣ французовъ; наконецъ, едва покоренные шотландцы снова возстали. Все это заставило Эдуарда заключить двухлѣтнее перемиріе (1297 г.), которое распространялось и на графа фландрскаго; но Лилль, Брюгге и Дуэ остались за французами. По истеченіи перемирія (1299 г.), братъ Филиппа, король безъ земли, Карлъ де Валуа, вернулся во Фландрію, взялъ нѣсколько городовъ и нанесъ рѣшительное пораженіе при Даммѣ сыну Ги, Роберту. Занятый въ Шотландіи, Эдуардъ не могъ помочь союзнику; къ тому же его вассалы, недовольные безпрерывными войнами и самовластіемъ короля и боявшіеся шотландскихъ вторженій, рѣшительно отказались ѣхать на континентъ. Послѣ побѣды Карла де Валуа, онъ заключилъ съ Франціей миръ, пожертвовавъ графомъ фландрскимъ. Тогда Ги согласился подчиниться на извѣстныхъ условіяхъ, сдать французамъ укрѣпленныя мѣста и явиться въ Парижъ къ своему сюзерену. Карлъ принялъ эти условія, и Ги, полагаясь на его слово, отправился, съ сыновьями, въ Парижъ. Филиппъ поступилъ съ нимъ звѣрски: разлучивъ его съ сыновьями, онъ подвергнулъ всю семью заключенію, объявилъ Фландрію выморочнымъ леномъ и присоединилъ ее къ коронѣ, пославъ управлять ею своихъ чиновниковъ. Участь графа фландрскаго была одною изъ причинъ раздора Филиппа съ Бонифаціемъ VIII, къ которому Ги обратился послѣ перваго плѣна по дѣлу дочери. Этотъ раздоръ деспотическаго, алчнаго, несправедливаго короля съ совершенно подобнымъ ему папою значительно содѣйствовалъ позднѣйшему развитію церковной свободы во Франціи и могъ бы служить для всѣхъ европейскихъ государей примѣромъ, какъ надо дѣйствовать, чтобъ вырвать религію и церковь изъ рукъ кардиналовъ и папъ. По его тѣсной связи съ событіями слѣдующаго столѣтія, разсказъ о немъ долженъ быть отнесенъ къ тому времени.

Между тѣмъ Эдуардъ былъ занятъ покореніемъ Шотландіи. Въ 1295 г. Балліоль заключилъ тайный союзъ съ Франціей. Узнавъ объ этомъ и желая привести дѣло въ ясность, Эдуардъ потребовалъ отъ него прекращенія всякихъ сношеній съ Франціей и передачи англичанамъ, въ залогъ вѣрности, трехъ сильнѣйшихъ крѣпостей. Балліоль, давно уже понимавшій намѣренія англійскаго короля, не могъ исполнить этихъ требованій, и потому Эдуардъ отправился съ войскомъ въ Шотландію. Сначала онъ находился въ большомъ затрудненіи, потому что по древнимъ обычаямъ нельзя было воевать противъ вассала, не предваривъ его за нѣсколько времени и не предавъ его суду пэровъ. Шотландцы и Балліоль сами помогли ему. Шотландцы первые начали военныя дѣйствія, истребивъ одинъ англійскій отрядъ, а Балліоль письменно объявилъ о прекращеніи ленныхъ отношеній. Такимъ образомъ съ англичанъ была снята отвѣтственность за нарушеніе священнаго права. Война кончилась гораздо скорѣе, чѣмъ можно было предполагать: трусость и неискусство шотландскаго короля и апатія націи погубили страну. Бывшій соперникъ Балліоля, Робертъ Брюсъ, передался съ нѣсколькими приверженцами англичанамъ; народъ же, напротивъ, считая дѣло Балліоля своимъ собственнымъ, приставилъ къ королю опеку изъ двадцати барономъ и четырехъ епископовъ. Но принятыя этой коммисіей оборонительныя мѣры были дурны, и въ сраженіи при Д о н б а р ѣ шотландцы испытали сильное пораженіе. Трусливый Балліоль сразу отчаялся въ спасеніи, добровольно отправился со всею знатью въ англійскій лагерь, сдался въ плѣнъ и отказался отъ королевства (1296 г.). Тогда вся страна, не исключая и горцевъ, покорилась Эдуарду, и въ шесть мѣсяцевъ онъ овладѣлъ всей Шотландіей. Эдуардъ освободилъ Балліоля, считая его, безъ сомнѣнія, совершенно ничтожнымъ; но тотъ, уже потерявъ охоту царствовать, отправился въ Нормандію, откуда происходилъ его родъ, имѣвшій тамъ большія помѣстья, и умеръ частнымъ человѣкомъ. Его потомство сохранилось въ Нормандіи до нашего времени. Эдуардъ уничтожилъ всѣ признаки шотландской независимости и даже увезъ изъ Скона древній королевскій камень, на которомъ короновались шотландскіе короли.

Послѣ неожиданно счастливаго и скораго окончанія шотландской войны, Эдуарду захотѣлось возвратить прежнія англо-французскія владѣнія. Но для новой войны нужны были деньги, получить которыя можно было, только нарушивъ

конституцію, а англичане уже слишкомъ хорошо научились при Генрихѣ III понимать свои права, чтобы въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ оставить ненаказанными произвольные поборы. Эдуардъ попробовалъ начать съ духовенства, и, получивъ отъ него отказъ, объявилъ его внѣ королевской защиты, то есть отдалъ на грабежъ рыцарству. Это подѣйствовало; духовенство смирилось и заплатило пятую часть имущества; только архіепископъ кентербёрійскій продолжалъ упорствовать и сдѣлался душой недовольныхъ, когда король конфисковалъ его имѣнія. Обобравъ духовенство, Эдуардъ принялся за горожанъ и получилъ отъ нихъ весьма значительныя суммы посредствомъ налога на главный англійскій продуктъ, шерсть. Послѣ того онъ думалъ принудить къ походу и сильныхъ вассаловъ, а когда это не удалось, приказалъ мелкимъ ленникамъ сопровождать его за жалованье. Тогда разразилась гроза, которую онъ могъ унять только цѣной огромныхъ пожертвованій (1297 г.). Передъ самымъ отъѣздомъ, бароны письменно изъявили ему свое неудовольствіе на нарушеніе конституціи, стали съ угрозами требовать подтвержденія привилегій, добытыхъ при Генрихѣ III, и порицали короля за походъ на континентъ въ то время, какъ Англіи грозили вторженія шотландцевъ. Эдуардъ уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта подъ предлогомъ, что его совѣтники уже уѣхали во Фландрію, но обѣщалъ подтвердить привилегіи и разобрать жалобы. По его отъѣздѣ бароны соединились съ недовольными жителями Лондона и съ новою энергіей возобновили требованія. Это заставило Эдуарда торжественно подтвердить великую хартію и лѣсную грамату, данную Генрихомъ III, и обязаться не взимать налоговъ безъ разрѣшенія парламента (сентябрь 1297 г.).

Не найдя во Фландріи ожидаемыхъ союзниковъ и узнавъ объ общемъ возстаніи въ Шотландіи, Эдуардъ заключилъ перемиріе съ Филиппомъ IV, пожертвовавъ графомъ фландрскимъ, и поспѣшно вернулся въ Англію. Во главѣ шотландскаго возстанія сталъ Вильгельмъ Валласъ, молодой человѣкъ простаго происхожденія, котораго часто сравнивали съ лузитанцемъ Виріатомъ (т. I. стр. 671). Собравъ своихъ земляковъ, онъ выгналъ изъ Шотландіи англійскія войска и проникъ въ самое сердце Англіи, страшно опустошая ее. Но такъ какъ онъ не имѣлъ ни фамильныхъ связей, ни вассаловъ, а знать неохотно слѣдовала за нимъ, то нечего было и думать о какихъ бы то ни было общихъ и энергическихъ мѣрахъ сопротивленія. Эдуардъ, тотчасъ по возвращеніи въ королевство, двинулся противъ него со всѣми силами Англіи, вторгнулся въ предѣлы Шотландіи и разбилъ Валласа на голову при Фалькиркѣ (Falkirk). Говорятъ, что шотландцы потеряли до 20 т. человѣкъ, и этому можно повѣрить, потому что Эдуардъ дѣйствовалъ противъ полудикихъ массъ многочисленною, превосходною кавалеріей, а Валласъ не принялъ никакихъ мѣръ къ оборонѣ, кромѣ постройки передъ своимъ фронтомъ частокола. Однако Эдуарду не удалось вновь подчинить себѣ Шотландіи, потому что противъ него выступилъ папа, архіепископъ кентербёрійскій и англійская аристократія. Пока онъ преслѣдовалъ шотландцевъ до самыхъ недоступныхъ мѣстъ ихъ родины, страшно опустошая ее, а они, съ своей стороны, отрѣзали ему всякое сообщеніе съ Англіей, — недовольные бароны собрались въ Лондонѣ (1299 г.). Въ то же время мстительный архіепископъ кентербёрійскій, не обращая вниманія на опасности пути, поскакалъ къ королю, съ письмомъ Бонифація VIII, въ которомъ папа объявлялъ, что хочетъ быть судьею между Англіей и Шотландіей. Эта выходка Бонифація была тѣмъ страннѣе, что онъ, такъ же какъ и Филиппъ IV, предоставилъ Балліоля его собственной участи, хотя тотъ просилъ у него помощи послѣ первыхъ оскорбленій со стороны англійскаго короля. Эдуардъ, считая необходимымъ примириться прежде всего съ баронами, вторично подтвердилъ ихъ привилегіи, исключивъ даже первоначально вставленное выраженіе: «не нарушая правъ короны,» и согласился на особыя мѣры, гарантировавшія неприкосновенность этихъ льготъ и ограждавшія ихъ отъ новыхъ притязаній короны. Папѣ онъ долго не отвѣчалъ, но наконецъ написалъ, что шотландскія дѣла подлежатъ вѣдѣнію англійскаго парламента; потомъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ прекратилъ на время войну, распустилъ войско, успокоилъ бароновъ, жаловавшихся на новыя притѣсненія, и убѣдилъ ихъ дѣйствовать сообща противъ папы. Онъ достигъ цѣли: представители націи, собранные въ Линкольнѣ (1301 г.), весьма

рѣзко объявили Бонифацію, что дѣла Англіи съ Шотландіей вовсе до него не касаются.

Окончивъ дѣла съ подданными и папою, женившись на сестрѣ Филиппа IV и обручивъ сына, Эдуарда II, съ его дочерью, король опять отправился въ Шотландію (1303 г.), гдѣ часть населенія перешла на его сторону, а Валласъ, стоя во главѣ другой половины, удачно воевалъ противъ англичанъ. Но даже и его партія готова была подчиниться, съ тѣмъ, чтобы Шотландія имѣла своего короля. Эдуардъ не согласился, и кровопролитіе возобновилось. Валласъ сталъ дѣйствовать тогда совершенно иначе. Принаравливаясь къ мѣстности и легкому вооруженію шотландцевъ, онъ избѣгалъ сраженія, отступалъ, бросался въ стороны, нападалъ на непріятелей врасплохъ, безпрерывно тревожилъ ихъ небольшими стычками и истребилъ у нихъ столько людей, что принудилъ еще разъ очистить страну. Въ этой борьбѣ въ самомъ яркомъ свѣтѣ обнаруживаются его таланты: онъ всегда умѣлъ ободрять падавшее мужество шотландцевъ, съ неутомимою энергіей вырывалъ у непріятелей плоды ихъ успѣховъ, создавалъ послѣ пораженія новыя войска и въ сущности всегда оставался побѣдителемъ. Но и Эдуардъ дѣйствовалъ настойчивѣе, чѣмъ прежде. Перенеся изъ Лондона въ Іоркъ королевскіе суды кингсбэнчъ (Kingsbench — королевской скамьи) и шахматной доски (Exchequer), онъ рѣшился скорѣе перемѣнить резиденцію, чѣмъ отказаться отъ завоеванія Шотландіи. На этотъ разъ ему подчинилось большинство шотландскихъ аристократическихъ фамилій и даже лордъ К о м и н ъ, котораго вельможи сдѣлали регентомъ, чтобъ избавиться отъ униженія имѣть предводителемъ человѣка простаго происхожденія. Вскорѣ вся нація, за исключеніемъ небольшой горсти хвабрецовъ, покорилась англійскому господству. Самъ Валласъ попался въ руки непріятелей, но не по своей винѣ, а какъ нѣкогда Виріатъ, вслѣдствіе измѣны. Вѣроломные друзья предали англичанамъ спасавшагося героя. Эдуардъ запятналъ побѣду не только постыдными жестокостями и опустошеніями, повторявшимися при каждомъ его вторженіи, но и возмутительною несправедливостью противъ плѣннаго героя. Валласъ былъ посланъ скованнымъ въ Лондонъ, приговоренъ къ смерти англійскимъ судомъ, не имѣвшимъ, даже по англійскимъ законамъ, права судить преступленія шотландцевъ въ Шотландіи, и казненъ со страшною жестокостью: его четвертовали и повѣсили его разорванное тѣло на показъ народу въ четырехъ населеннѣйшихъ городахъ Англіи. Эта безполезная жестокость вызвала въ Шотландіи тѣ же явленія, какія она производитъ повсюду, гдѣ борются изъ внутреннихъ побужденій противъ внѣшняго насилія: она ожесточила побѣжденныхъ и сдѣлала ихъ непримиримыми врагами новыхъ властителей. Вскорѣ во главѣ шотландцевъ сталъ человѣкъ, съумѣвшій собрать обильную жатву изъ посѣяннаго Валласомъ.

Новый предводитель былъ молодой Р о б е р т ъ Б р ю с ъ, сынъ соперника Балліоля. Его отецъ нѣсколько лѣтъ сражался въ англійскомъ войскѣ противъ Валласа, но однажды, случайно встрѣтясь съ нимъ, былъ привлеченъ имъ къ народному дѣлу и вступилъ въ тайные переговоры съ соотечественниками; вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Молодой Брюсъ продолжалъ переговоры, но былъ выданъ Коминомъ и едва спасся отъ темницы. Онъ бѣжалъ отъ Эдуарда въ Шотландію (1306 г.), собственноручно закололъ предателя Комина и короновался по старинному обычаю въ Сконѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находился древній королевскій камень. Но и ему была не подъ силу борьба съ Эдуардомъ, который, безъ сомнѣнія, одолѣлъ бы его, если бы своими жестокостями не довелъ народа до отчаянія. Онъ, по обыкновенію, неистовствовалъ въ завоеванной странѣ, сажалъ въ темницы и казнилъ всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ и мучилъ даже патріотическихъ женщинъ. Графиня Бокхнъ (Buchan), исполнившая при короноваціи Роберта Брюса наслѣдственую обязанность своего отсутствующаго брата и надѣвшая на новаго короля корону, была посажена въ клѣтку и выставлена на показъ въ Бервикѣ. Историкъ, передающій это событіе, объясняетъ, что средневѣковая клѣтка была маленькая деревянная избушка, выставляемая на стѣнѣ. Между тѣмъ Робертъ послѣ нѣсколькихъ успѣховъ пріобрѣлъ довѣріе своихъ соотечественниковъ, и постоянно держась болотистыхъ мѣстъ, дѣлалъ оттуда безпрерывныя нападенія на англичанъ. Эдуарду нѣсколько разъ удавалось разбивать его, но послѣ каждаго пораженія къ нему снова сбирался народъ, а его участіемъ обусловливался исходъ борьбы,

такъ какъ аристократія и зажиточная часть низшаго дворянства, разоренныя войною, утратили почти всякое значеніе. Однако Эдуардъ столь же неутомимо истреблялъ силы шотландцевъ, какъ Робертъ создалъ ихъ. Вытѣсненный наконецъ Брюсомъ изъ Шотландіи, онъ созвалъ всеобщее ополченіе и рѣшился, не смотря на преклонныя лѣта и слабѣющее здоровье, предпринять новый грозный походъ. Почти все войско уже собралось къ шотландскимъ предѣламъ, но здѣсь король почувствовалъ приближеніе смерти, и, желая хотя умереть на шотландской землѣ, велѣлъ перенести себя черезъ границу. Его смерть (1307 г.) доставила Роберту Брюсу спокойное обладаніе престоломъ.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

IV. ПОСЛѢДНЯЯ ЭПОХА СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I. ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ И АНГЛІИ.

ОТЪ НАЧАЛА СПОРА МЕЖДУ ФИЛИППОМЪ IV И БОНИФАЦІЕМЪ VIII ДО СМЕРТИ КАРЛА VI И ЭДУАРДА II.

I. Филиппъ IV Красивый.

Во время войны Филиппа IV съ графомъ фландрскимъ (стр. 206) возникъ также споръ между французскимъ королемъ и папою Бонифаціемъ VIII,—споръ, перешедшій скоро въ ожесточенную борьбу, имѣвшую громадныя послѣдствія и для Франціи и для римской церкви. Въ январѣ 1296 г. Бонифацій издалъ знаменитую буллу, которою воспрещалъ духовенству платить подати свѣтской власти. Въ отвѣтъ на эту буллу, хотя и не указывая на нее, Филиппъ запретилъ подъ строгимъ наказаніемъ вывозъ за границу оружія, лошадей, металловъ, какъ въ монетѣ, такъ и слиткахъ, и даже трасированіе иностранныхъ векселей французскими деньгами. Съ этой минуты между главой церкви и французскимъ королемъ возникла непримиримая вражда, съ самаго начала возстановившая противъ папы всю Италію: итальянскіе купцы обвиняли его въ подрывѣ ихъ торговли, а лица, пользовавшіяся во Франціи рентами съ предоставленныхъ въ пользу церкви имѣній,—въ пресѣченіи ихъ доходовъ. Бонифацій рѣшился прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Онъ отвѣтилъ на королевское повелѣніе новою буллою, въ которой повторялъ воспрещеніе облагать податями духовенство и дѣлалъ строгій выговоръ Филиппу за его распрю съ англійскимъ королемъ Эдуардомъ I и императоромъ германскимъ Адольфомъ. Новая булла нисколько не испугала французскаго короля. Филиппъ издалъ особый манифестъ. Въ немъ онъ оправдывалъ свои дѣйствія относительно Англіи и Германіи, отвергалъ притязанія духовенства и его главы распространить свою власть на дѣла, въ которыя они не имѣли права вмѣшиваться, и упрекалъ ихъ въ изнѣженности и развратѣ. Упреки эти, въ то время повсюду раздававшіеся противъ духовенства, послужили впослѣдствіи Филиппу поводомъ къ искусному обвиненію тампліеровъ. «Изъ одного ли духовенства состоитъ христіанская церковь?» спрашиваетъ онъ. «Даютъ ли ему его старинныя привилегіи право отнимать у государей средства къ управленію и защитѣ ихъ государствъ? и можно ли оставлять духовенство утопать въ нѣгѣ и сладострастной роскоши, когда отечество нуждается въ ихъ деньгахъ?»

На этотъ разъ папа былъ вынужденъ уступить. Въ 1297 г. онъ отказался отъ своихъ требованій, объявивъ, что булла о налогахъ на духовенство не касается Франціи, а Филиппъ съ своей стороны согласился принять его посредничество въ спорѣ съ Англіею и Фландріею. Но миръ съ папою продолжался не долго. Французскій король, не любившій отдавать назадъ однажды захваченное имъ, остался недоволенъ папскимъ рѣшеніемъ. Вспыльчивый и раздражительный папа увлекся до опрометчивости, считая упорство тѣмъ болѣе возможнымъ, что предметомъ новаго спора былъ вопросъ чисто церковный. Одинъ изъ предшественниковъ Бонифація, безъ согласія французскаго короля, отдѣлилъ отъ тулузской епархіи округъ города Памье и образовалъ изъ него отдѣльное епископство, а Бонифацій, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по примиреніи съ Филиппомъ, привелъ въ

исполненіе эту мѣру. Онъ назначилъ епископомъ Памье Бернара Саиссетти, человѣка вполнѣ ему преданнаго, но ненавистнаго Филиппу, не признававшаго никакихъ обязанностей относительно свѣтской власти и скоро оскорбившаго самого французскаго короля. Однако и эти новыя недоразумѣнія могли бы уладиться, если бы папа не отправилъ въ 1031 г. ненавистнаго Филиппу епископа легатомъ къ французскому двору. Надменный Саиссетти почти угрожающимъ тономъ потребовалъ отъ короля освобожденія графа фландрскаго, и старинная непріязнь между Филиппомъ и Бонифаціемъ разгорѣлась въ непримиримую вражду.

Противники были вполнѣ достойны другъ друга. Что бы ни говорили въ наше время въ пользу папы защитники іерархическаго порядка или добродушные и простосердечные историки, шлепающіеся въ своихъ воззрѣніяхъ по избитой колеѣ большинства, но Бонифацій не уступалъ противнику въ жадности, властолюбіи, высокомѣріи и неразборчивости въ средствахъ. Побѣда осталась за королемъ, который, съ свойственной нѣкогда папамъ мѣткостью, съумѣлъ обратить въ свою пользу всѣ юридическія формулы и тонкости ученыхъ законовѣдовъ и заинтересовать споромъ духовенство и свѣтскія сословія Франціи—въ то время, какъ Бонифацій только горячился и увлекался. Епископа Памье, позволившаго себѣ, въ качествѣ папскаго легата, говорить высокомѣрнымъ тономъ на королевской аудіенціи, Филиппъ заставилъ покинуть со стыдомъ французскій дворъ и потомъ велѣлъ его обвинить въ оскорбленіи величества и другихъ преступленіяхъ. Юристы, обратившіе уже въ то время право въ политическое орудіе, оказали въ этомъ дѣлѣ французскому королю большія услуги своими утонченными уловками. Вообще весь образъ дѣйствій Филиппа былъ чрезвычайно схожъ съ образомъ дѣйствій лучшихъ и хитрѣйшихъ министровъ новѣйшаго времени. Изъ наукъ, процвѣтаніе которыхъ во Франціи началось со времени его дѣда, онъ старался извлекать все, что могло принести денежныя выгоды и прямую практическую пользу. Но нельзя, конечно, отвергать и того, что черезъ это наука выиграла и что въ парижской школѣ того времени господствовало образованіе и научное направленіе, которыя такъ же мало нравились королю, какъ и папѣ. Изъ французскихъ ученыхъ Филиппъ преимущественно покровительствовалъ Петру Флотту, разработывавшему теоретически и практически искусство обогащать казну, и Гильому Ногаре, умѣвшему своими громадными познаніями и талантами придавать насилію законную форму. Ногаре особенно замѣчателенъ еще тѣмъ, что былъ однимъ изъ немногихъ средневѣковыхъ ученыхъ, втершихся въ баронскую аристократію, подобно многимъ нынѣшнимъ ученымъ профессорамъ, душою и тѣломъ преданнымъ знати. Профессоръ законовѣдѣнія въ Монпеллье, онъ былъ возведенъ въ рыцарское званіе за услуги, оказанныя Филиппу въ его первомъ спорѣ съ Бонифаціемъ, получилъ (1301—1303 г.) за содѣйствіе королю баронію и два помѣстья, а въ 1307 г. былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ. При обвиненіи епископа Памье, Флоттъ и Ногаре, которые вели все дѣло, выказали самымъ блистательнымъ образомъ свое искусство примѣнять къ цѣлямъ правительства византійско-римское право. Они составили противъ епископа громкій обвинительный актъ, отвергли требованіе папы представить ему, какъ высшему духовному судьѣ, рѣшеніе этого дѣла и начали процессъ тѣмъ, что, не выслушавъ оправданій епископа, лишили его власти и, какъ преступника, подъ конвоемъ перевезли въ Парижъ.

Разбѣшенный папа прибѣгнулъ къ крайнимъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе необдуманнымъ, что ему нельзя было разсчитывать и на поддержку Италіи, гдѣ его также ненавидѣли. Въ декабрѣ 1301 г. онъ отправилъ во Францію буллу, въ которой утверждалъ, что папѣ принадлежитъ верховный судъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Это, уже прежде высказанное, притязаніе, въ опроверженіе котораго Данте написалъ впослѣдствіи цѣлую книгу, давно возбуждало неудовольствіе въ Италіи. Петръ Флоттъ, Вильгельмъ Ногаре и другіе законовѣды,—все люди, въ правовѣріи которыхъ никто не сомнѣвался, — возстали тогда противъ Бонифація, основываясь на духовномъ и свѣтскомъ правѣ. Послѣдняя булла, лишая французскихъ королей всѣхъ преимуществъ, формально подтвержденныхъ за ними граматами прежнихъ папъ,—преимуществъ, которыми гордились французы,—сдѣлала съ самаго начала споръ Филиппа съ папою вопросомъ народнымъ. Объявивъ, что папская булла направлена противъ правъ народа и

государства, король приказалъ, въ февралѣ 1302 г., публично сжечь ее въ Парижѣ. Но, считаясь помазанникомъ и государемъ милостью Божіею и основывая свои права на волѣ Бога, земнымъ представителемъ котораго былъ папа, Филиппъ необходимо долженъ былъ, для успѣшной борьбы съ Бонифаціемъ, опереться на права народа, остававшіяся съ незапамятныхъ временъ безъ дѣйствія, но нисколько не утратившія отъ того своей силы. Въ апрѣлѣ 1302 г. онъ созвалъ въ Парижъ депутатовъ дворянства, духовенства и городовъ, и прибѣгнулъ, для борьбы съ абсолютизмомъ папъ, къ собранію государственныхъ чиновъ (états généraux), впервые составленному тогда изъ представителей всего народа. Четыреста восемьдесятъ лѣтъ спустя подобное же собраніе начало борьбу съ неограниченною властью королей. Собраніе, созванное Филиппомъ, состояло изъ свѣтскихъ феодаловъ, прелатовъ, депутатовъ отъ капитуловъ, университетовъ, всѣхъ аббатовъ и двухъ депутатовъ отъ каждаго города. Какъ ни виляло, ни интриговало духовенство, чтобы помѣшать собранію объявить себя противъ папы, но Петру Флотту удалось своимъ краснорѣчіемъ возбудить негодованіе противъ посягательствъ Бонифація на права Франціи. Опасаясь сдѣлаться предметомъ всеобщей ненависти, духовенство, волею-неволею, должно было присоединиться къ большинству и отправило посланіе къ Бонифацію, стараясь въ мягкихъ выраженіяхъ склонить его на миръ. Въ то же время въ Римъ были посланы депутаты отъ собранія, въ сопровожденіи королевскаго уполномоченнаго, съ протестомъ противъ дѣйствій папы.

Бонифацій, между тѣмъ, созвалъ въ Римѣ соборъ, на который, не смотря на строгое запрещеніе Филиппа, явилось до сорока французскихъ епископовъ. Впрочемъ духовные, пріѣхавшіе изъ Франціи въ папскую столицу, какъ напр. архіепископъ бордосскій, Бертранъ, считались прямыми подданными не французскаго короля, а англійскаго или другихъ государей. Разсерженный папа, нападая на Филиппа и его подданныхъ, забылъ всякое приличіе: онъ называлъ французское духовенство своею безумною дочерью, Петра Флотта—Ахитофеломъ, поклонникомъ дьявола и Ваала. На посланіе духовенства Бонифацій отвѣтилъ однако довольно умѣренно и держалъ себя очень осторожно относительно короля. Онъ отперся отъ того, будто утверждалъ, что французскій король вассалъ папы, прибавляя, что отлученіе было направлено не собственно противъ Филиппа, а вообще противъ тѣхъ, кто сталъ бы воспрещать епископамъ ѣздить въ Римъ. Переговоры, какъ и слѣдовало ожидать, не привели ни къ чему. Въ ноябрѣ Бонифацій издалъ знаменитую буллу Unam Sanctam, формально предписывая всѣмъ странамъ то, въ чемъ еще такъ недавно упирался относительно Франціи. Этой новой буллѣ и угрозѣ отлученія Филиппъ противопоставилъ своихъ юристовъ. Весною слѣдующаго года онъ созвалъ французскихъ бароновъ и епископовъ, явившихся впрочемъ въ небольшомъ числѣ. Передъ ними Ногаре, какъ государственный адвокатъ, сталъ въ сильныхъ выраженіяхъ обвинять папу. Согласно принятому порядку, онъ заранѣе апеллировалъ къ слѣдующему собору противъ ожидаемаго отъ папы отлученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обвинялъ Бонифація, какъ преступника, передъ собраніемъ, не имѣвшимъ никакого права судить его, и потребовалъ, чтобы оно уполномочило короля арестовать папу. Собраніе согласилось на требованія Ногаре.

Папа не уступалъ королю и дѣйствовалъ энергично. Въ апрѣлѣ онъ отлучилъ короля отъ церкви, освободилъ его подданныхъ отъ присяги въ вѣрности и вторично потребовалъ въ Римъ французскихъ епископовъ. Не довѣряя вполнѣ французскому духовенству, застращенному, но далеко не преданному свѣтской власти, Филиппъ рѣшился снова противопоставить ненависть народа грозившему Франціи клерикальному владычеству, и съ этою цѣлью вновь созвалъ въ Парижъ свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ. На это собраніе, происходившее въ іюнѣ 1303 г., явилось болѣе духовенства, чѣмъ на предъидущее. Самыми рѣшительными противниками папы оказались свѣтскіе представители южной Франціи, лучше другихъ понимавшіе, что означаютъ на папскомъ языкѣ: искорененіе ереси, гоненія на еретиковъ, инквизиціонные суды. На югѣ папство и монашество были ненавистны даже простому народу. Четыре барона, въ томъ числѣ братъ короля, обвиняли папу въ самыхъ гнусныхъ поступкахъ, взводя на него даже смѣшныя, явно выдуманныя обвиненія, какъ напримѣръ обвиненіе въ колдовствѣ. Собраніе

постановило созвать немедленно соборъ для суда надъ Бонифаціемъ, какъ надъ беззаконнымъ папою, и протестовало противъ всѣхъ его прежнихъ и будущихъ распоряженій, относившихся до короля и Франціи. По торжественномъ обнародованіи этого постановленія правительство прибѣгло къ системѣ адресовъ, уловкѣ, столь избитой въ наше время: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ королю было прислано со всѣхъ концовъ Франціи болѣе семисотъ адресовъ, выражавшихъ сочувствіе его намѣренію апеллировать на папу.

Филиппъ не замедлилъ воспользоваться обстоятельствами. Войдя еще прежде въ сношенія съ врагами Бонифація въ Италіи, преимущественно съ римскою фамиліею Колонна, и условившись съ ними захватить папу, онъ отправилъ въ Италію Гильома Ногаре съ большими денежными суммами и векселями. Въ сентябрѣ Ногаре и Колонна напали на папу въ Ананьи, его родинѣ, и захватили его въ плѣнъ. Три дня не выпускали они Бонифація изъ его дома, подвергая такому жестокому обращенію,—въ чемъ особенно отличался Шіарра Колонна,—что бѣшенство его дошло почти до сумасшествія. На третій день одному изъ папскихъ кардиналовъ, успѣвшему скрыться, удалось возбудить населеніе Ананьи противъ Колонны и Ногаре и выгнать ихъ изъ города. Бонифацій отправился въ Римъ и, чтобы не попасть въ руки Колонны, отдался Орсини, державшему его плѣнникомъ въ Ватиканѣ. Тутъ папа окончательно помѣшался и кончилъ свою безпокойную жизнь 11-го октября 1303 г. Его преемникъ, Бенедиктъ XI, кроткій и набожный доминиканецъ, тотчасъ же принялся наружною скромностью и податливостью залечивать раны, нанесенныя церкви Бонифаціемъ въ спорѣ съ Франціею, и всячески старался отклонить предстоявшій грозный соборъ. Шестью быстро слѣдовавшими одна за другою буллами онъ отмѣнилъ всѣ опрометчивыя постановленія своего предшественника, снялъ съ Филиппа отлученіе и уничтожилъ въ оффиціальныхъ актахъ Бонифація все, что въ нихъ было оскорбительнаго для французскаго короля. Этими уступками новый папа хотѣлъ только примириться съ Филиппомъ и вскорѣ не преминулъ вступиться за свого предшественника. Онъ оставилъ въ полной силѣ гнусную буллу Unam Sanctam и поразилъ отлученіемъ Ногаре, Шіарра Колонну и всѣхъ участвовавшихъ въ плѣненіи и оскорбленіи Бонифація. Вырвавшись, съ помощью Орсини, изъ-подъ зависимости партій, Бенедиктъ XI удалился въ Перуджію, гдѣ и умеръ въ іюнѣ 1304 г. такъ внезапно, что смерть его даже приписывали отравѣ.

По смерти его французы и приверженцы ихъ употребили всѣ усилія, чтобы выборъ папы, происходившій въ Перуджіи, палъ на преданнаго французскому королю епископа. За несогласіемъ пятнадцати кардиналовъ, избраніе длилось 11 мѣсяцевъ. Уставъ дожидаться, граждане Перуджіи осадили кардиналовъ, сняли крышу съ церкви, въ которой они засѣдали, не давали имъ ѣсть, и грозили еще худшимъ, если кардиналы немедленно не согласятся въ выборѣ новаго папы. На это-то и разсчитывалъ хитрый Филиппъ. Зная, что архіепископъ бордосскій Бертранъ, извѣстный за противника французовъ, какъ защитникъ Бонифація, согласится на всякаго рода уступки, если польстить его громадному честолюбію папскою тіарою, онъ указалъ на него кардиналамъ, принявъ однако мѣры, чтобы извѣстіе о его избраніи пришло не въ Бордо, а въ Парижъ, такъ чтобы Бертранъ узналъ о немъ не прежде, какъ по заключеніи договора съ французскимъ королемъ. Кардиналы, не зная характера тщеславнаго гасконца, вдались въ обманъ и согласились избрать его въ папы (1305 г.). Тогда Филиппъ пригласилъ Бертрана на тайное свиданіе въ аббатствѣ Сенъ-Жанъ-д'Анжели, и объявивъ ему, что въ его власти возвести его на папскій престолъ, взялъ съ него клятвенное обѣщаніе сдѣлать нѣкоторый уступки. Важнѣйшими изъ нихъ были: отмѣна всѣхъ постановленій, изданныхъ противъ Филиппа, его друзей, подданныхъ и союзниковъ, осужденіе папы Бонифація, предоставленіе королю на пять лѣтъ десятины со всѣхъ духовныхъ имѣній, находившихся во Франціи, и, наконецъ какъ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ большая часть историческихъ документовъ, уничтоженіе ордена тампліеровъ (храмовниковъ), богатствами которыхъ хотѣлъ воспользоваться корыстный, безстыдный король.

Не желая подвергаться опасностямъ, грозившимъ ему въ Италіи, Бертранъ, названный папою Климентомъ V, предпочелъ выставлять пышность своего новаго сана въ южной Франціи. Вызвавъ къ себѣ изъ Италіи кардиналовъ, онъ

нѣкоторое время разъѣзжалъ по городамъ южной Франціи, и наконецъ избралъ своей столицей Авиньонъ (1308) г., принадлежавшій въ то время еще неаполитанскому королю, какъ графу прованскому, и находившійся подъ верховною властью германскаго императора. Авиньонъ, купленный римскимъ дворомъ въ 1348 г., оставался резиденціею папъ до 1377 г. Этотъ періодъ длился столько же лѣтъ, сколько продолжалось плѣненіе израильскаго народа при Навуходоносорѣ (т. I стр. 54), и потому время пребыванія папъ въ Авиньонѣ было названо **вавилонскимъ плѣненіемъ папъ**. Въ ноябрѣ 1305 г. Климентъ былъ торжественно коронованъ въ Ліонѣ, въ присутствіи французскаго короля, и уже тутъ явно выказалъ все свое подчиненіе Филиппу. Онъ снова дозволилъ исключеннымъ Бонифаціемъ братьямъ Колонна присутствовать въ коллегіи кардиналовъ, назначилъ нѣсколько новыхъ кардиналовъ по указанію Филиппа, отмѣнилъ изданныя противъ него буллы, публично позволилъ ему пользоваться десятиною со всѣхъ духовныхъ имѣній и, объявивъ, что булла Unam Sanctam сохраняетъ свою силу во всѣхъ государствахъ, кромѣ Франціи, былъ на столько несправедливъ, что освободилъ французовъ отъ позорнаго ига, оставивъ его тяготѣть надъ другими народами. Въ маѣ 1307 г. Филиппъ снова пригласилъ Климента на совѣщаніе, для переговоровъ относительно осужденія папы Бонифація и уничтоженія ордена тампліеровъ — вопросамъ, уже покончennымъ между ними при свиданіи въ Сенъ-Жанъ-д'Анжели, но теперь вторично подвергнутымъ обсужденію. Климентъ увернулся отъ окончательнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, отложивъ его до слѣдующаго собора, но не могъ отказать королю въ позволеніи приступить немедленно къ слѣдствію надъ рыцарскимъ орденомъ.

Преслѣдованіе тампліеровъ имѣло то же основаніе и тотъ же характеръ, какъ и мѣры, принятыя Филиппомъ противъ евреевъ, которыхъ въ томъ же году внезапно и нагло обобрали и выгнали изъ Франціи. Черезъ восемь лѣтъ имъ было позволено вернуться; но лишь только они снова обогатились, какъ ихъ вторично изгнали. Тампліеры владѣли несмѣтными сокровищами и, благодаря своему богатству, а также независимости, которой достигъ ихъ орденъ, составляли духовно-рыцарскую республику, опасную для королевской власти. Властолюбивому и корыстному Филиппу хотѣлось присвоить себѣ эти богатства и уничтожить во Франціи грозный и могущественный орденъ. Отыскать благовидный предлогъ было не трудно. Ведя роскошную, неумѣренную жизнь, тампліеры выказывали большое равнодушіе къ войнѣ съ невѣрными, поддерживаемую съ такимъ рвеніемъ тевтонскимъ орденомъ; наконецъ, принятіе въ ихъ среду сопровождалось тайными обрядами и ходила молва, что на собраніяхъ ордена совершались богохульные обряды. Изъ всего этого легко было вывести противъ нихъ цѣлый рядъ обвиненій, оправдывавшихъ уничтоженіе ордена и истребленіе принадлежавшихъ къ нему фамилій. Филиппъ тѣмъ легче могъ достичь своей цѣли, что отъ него же зависѣло и рѣшеніе папы; духовенство, оскорбленное гордостью ордена, завидовало ему, а юристы, помогавшіе королю противъ Бонифація, служили ему своимъ искусствомъ и въ преслѣдованіи тампліеровъ. Невозможно опредѣлить съ достовѣрностью, на сколько справедливы обвиненія въ атеизмѣ и безнравственности, взводимыя на тампліеровъ. Весь процессъ ихъ былъ веденъ такъ беззаконно, что нельзя безусловно довѣрять ни вынужденнымъ показаніямъ подсудимыхъ, ни полныхъ лжи и преувеличеній обвинительнымъ актамъ. Впрочемъ скульптурныя украшенія на сохранившихся зданіяхъ ордена доказываютъ, что тампліеры вынесли съ Востока постыдные символы и обряды. Если принять также во вниманіе, что одновременно съ ними существовалъ итальянскій орденъ, называвшійся орденомъ веселыхъ братій (Frati gaudenti) и открыто пользовавшійся для мотовства и разврата данными ему церковью привилегіями, то нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій покажутся и не совсѣмъ невѣроятными. Къ какимъ порокамъ праздность и роскошь не могли привести богатое, обезпеченное общество, состоявшее преимущественно изъ холостой молодежи и служащей братіи, общество, главнымъ мѣстопребываніемъ котораго былъ югъ Франціи, гдѣ царствовали развратъ и ненависть къ господствовавшему суевѣрію! Даже члены, стоявшіе во главѣ ордена, ничѣмъ не отличались отъ большинства. Притомъ же рыцари ознакомились на Востокѣ съ тайными атеистическими ученіями смѣлыхъ сектъ ислама (стр. 96). Очень можетъ быть, что, по крайней мѣрѣ, въ южной и средней Франціи, тампліеры дѣйствительно

подражали на своихъ празднествахъ индійскимъ и вавилонскимъ обрядамъ, облагороженнымъ только символикою, — что ихъ собранія сопровождались мистическими церемоніями, а самый орденъ обратился въ тайный союзъ, вступленіе въ который было соединено съ множествомъ заимствованныхъ у Востока символовъ и обрядовъ. Судя по дошедшимъ до насъ, далеко не достовѣрнымъ, документамъ, ихъ обвиняли главнымъ образомъ: въ грубѣйшемъ развратѣ и сладострастіи, господствовавшихъ на ихъ собраніяхъ; въ томъ, что отъ вступавшаго въ орденъ требовалось, — въ знакъ его безусловнаго повиновенія старшинамъ, а можетъ и потому, что орденъ дѣйствительно слѣдовалъ ученію, противному христіанству,— отреченія отъ Христа, плеванія на крестъ и топтанія его ногами; въ возмутительныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, даже въ принесеніи въ жертву дѣтей, и наконецъ въ томъ, что члены ордена поклонялись идолу, называемому Баффометомъ и изображавшемуся въ разныхъ видахъ. Основательны или нѣтъ эти обвиненія неизвѣстно; но несомнѣнно, что не за пороки, господствовавшіе въ такой же степени и между другими орденами, преслѣдовалъ Филиппъ тамплiеровъ. Имъ руководили только корысть и властолюбіе.

Папѣ очень не хотѣлось путаться въ это дѣло, и Филиппъ напрасно осаждалъ его два года просьбами. Наконецъ послѣ вторичнаго свиданія съ королемъ въ Пуатье (августъ 1307 г.), Климентъ, находившійся въ полной зависимости отъ французскаго короля, былъ вынужденъ дать свое согласіе на формальный процессъ противъ тамплiеровъ. Въ сентябрѣ 1307 г. Филиппъ разослалъ ко всѣмъ высшимъ должностнымъ лицамъ въ провинціяхъ тайное повелѣніе арестовать, согласно предварительному изслѣдованію инквизиціоннаго судьи, въ одинъ и тотъ же день всѣхъ тамплiеровъ, а до времени хранить это дѣло въ глубочайшей тайнѣ. Королевское повелѣніе было выполнено съ точностью, и въ назначенный день рыцари были схвачены врасплохъ. Въ это же время Филиппъ велѣлъ конфисковать всѣ имѣнія ордена. Арестованныхъ подвергли немедленно допросу. По приказанію Филиппа, ихъ пытали, обѣщая прощеніе тѣмъ, которые дадутъ требуемыя показанія, и грозя упорнымъ казнью. Лицамъ, производившимъ слѣдствіе, были присланы отъ короля допросные пункты, которые они должны были дѣлать подсудимымъ. Такимъ образомъ судъ начался процедурой, возможной только по византійско-римскимъ понятіямъ ученыхъ совѣтниковъ короля о правѣ и правилахъ инквизиціоннаго суда. Подобный способъ веденія дѣла совершенно противорѣчитъ нравамъ и законамъ германскихъ народовъ, а по законодательству, существующему теперь у образованныхъ народовъ, весь процессъ, отъ начала до конца, долженъ быть признанъ незаконнымъ. Дальнѣйшій ходъ слѣдствія былъ также рядомъ величайшихъ несправедливостей. Король и судьи — монахи, каноники и епископы,—были между собой въ заговорѣ. Филиппомъ руководили корысть и властолюбіе; остальные судьи были въ высшей степени озлоблены противъ ордена и всегда слыли явными его врагами. Одною изъ несправедливостей было между прочимъ назначеніе главнымъ слѣдователемъ Ногаре, только незадолго передъ тѣмъ освобожденнаго отъ тяжелаго отлученія. Онъ и другіе законовѣды, явно и за сценою дѣйствовавшіе въ этомъ процессѣ такъ же, какъ и въ спорѣ съ Бонифаціемъ, были потомъ награждены мѣстами, имѣніями и высшими феодальными титулами. Вначалѣ папа противился процессу, грубо нарушавшему привилегіи ордена и даже права самой церкви; но, достигнувъ только того, что ему было предоставлено произнесеніе приговора надъ высшими членами ордена, онъ долженъ былъ приказать за то всѣмъ западнымъ государямъ захватить находившихся у нихъ тамплiеровъ. Чтобы и въ этомъ дѣлѣ заставить папу подчиниться себѣ, Филиппъ прибѣгнулъ къ средству, употребленному съ такимъ успѣхомъ противъ Бонифація. Въ маѣ 1308 г. онъ созвалъ въ Турѣ государственные чины изъ четырехъ сотъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которымъ были прочтены вынужденныя показанія рыцарей. Добившись отъ этихъ судей полнаго согласія на все, что имъ прочли король и его ученые юристы, онъ сдѣлалъ видъ, что подчиняется голосу народа. Этимъ способомъ Филиппъ хотѣлъ вынудить папу къ созванію собора, на которомъ долженъ былъ послѣдовать окончательный приговоръ ордену и проклятіе Бонифацію. Принужденный наконецъ сдаться, Климентъ созвалъ соборъ, который однако собрался только въ октябрѣ 1311 г.

Филиппъ, между тѣмъ, продолжалъ слѣдствіе и пытки надъ заключенными тампліерами; Климентъ обращался не лучше съ выданными ему высшими членами ордена. Только тщеславный, малодушный и трусливый гасконецъ—папа и корыстолюбивый тиранъ — король были способны предписывать и одобрять такія мѣры, какія были употребляемы тогда противъ сотенъ людей, изъ которыхъ многіе пользовались общимъ уваженіемъ. Тюрьмою и пыткою добивались они ложнаго сознанія и наполняли цѣлыя кипы протоколовъ вынужденными показаніями. Еще до окончанія слѣдствія, Филиппъ приступилъ къ казнямъ. Въ 1309 г. онъ велѣлъ замучить до смерти на медленномъ огнѣ около Парижа 54 рыцаря, формально отказавшихся отъ вынужденныхъ у нихъ показаній; той же участи подверглись многіе рыцари и въ другихъ частяхъ государства. Когда же эти варварскіе поступки возбудили негодованіе въ народѣ, король разрѣшилъ привезеннымъ въ Парижъ семидесяти четыремъ узникамъ прибѣгнуть къ законной защитѣ генералъ-прокуратора ордена, Петра Булонскаго. Но все это было только пустою формальностью: правильнаго судопроизводства не было при процессѣ, и три защитительные акта, составленные Петромъ Булонскимъ, остались безъ всякаго послѣдствія.

Въ октябрѣ 1311 г. собрался наконецъ въ Віеннѣ давно ожидаемый соборъ. На него были приглашены всѣ западные короли; одинъ Филиппъ явился лично, другіе прислали вмѣсто себя уполномоченныхъ. Но за то туда съѣхалось такое множество иностранныхъ епископовъ, что изъ двухъ цѣлей, для которыхъ Филиппъ требовалъ созванія собора, одной — проклятія Бонифація, которому старался помѣшать самъ Климентъ,—онъ вовсе не достигъ, а другой—уничтоженія ордена тампліеровъ—добился не посредствомъ собора, а черезъ подчиненнаго ему папу. Вообще всѣ вопросы, разсматривавшіеся въ Віеннѣ, были такого гнуснаго свойства, что даже приверженцы папъ стыдились этого собора, и большая часть оставшихся отъ него документовъ была впослѣдствіи уничтожена. Къ чести ста сорока епископовъ, составлявшихъ соборъ, слѣдуетъ замѣтить, что между ними нашлось только четыре продажныхъ души, безусловно согласившихся съ королемъ и папою. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что Филиппъ старался хитростью помѣшать появленію на соборѣ тѣхъ епископовъ, противорѣчія которыхъ опасался. Напрасно король и папа настаивали на томъ, чтобы соборъ согласился осудить тампліеровъ, не выслушавъ ихъ оправданій: только четыре голоса поддержали ихъ предложеніе, единодушно отвергнутое остальными. Потерявъ послѣ шестимѣсячныхъ переговоровъ надежду получить согласіе собора, король и папа рѣшили, что Климентъ приметъ на свою отвѣтственность осужденіе ордена. Филиппъ дѣлалъ ему уступку, соглашаясь на оправданіе Бонифація соборомъ и на отмѣну только тѣхъ изъ его постановленій, которыми нарушались права французскаго народа. Первое условіе было выполнено 2 мая 1312 г. буллою Ad providam Christi vicarii, и орденъ былъ уничтоженъ не церковнымъ соборомъ, а единственно произволомъ папы. Все содержаніе буллы ясно показываетъ, что папа старался преимущественно о томъ, чтобы не отдать въ руки свѣтской власти имѣній ордена; но и тутъ его провелъ хитрый король. Согласно папскому предписанію, имѣнія тампліеровъ должны были перейти къ госпиталитамъ (іоаннитамъ). Филиппъ не противился распоряженію папы, но, передъ уступкою имѣній, опуталъ ихъ такими долгами, что, по свидѣтельству одного современнаго историка, орденъ іоаннитовъ обѣднѣлъ отъ такого подарка. Движимое имущество рыцарей осталось все въ рукахъ Филиппа. Дальнѣйшее слѣдствіе и приговоръ надъ тампліерами были предоставлены частнымъ соборамъ государствъ и провинцій, и орденъ былъ уничтоженъ въ однѣхъ странахъ ранѣе и съ большею жестокостью, а въ другихъ съ меньшею жестокостью и позже. Съ имѣніями тампліеровъ было поступлено различно. Въ Англіи двумя третями имѣній завладѣли короли; въ Германіи они были раздѣлены между орденами іоаннитовъ и тевтонскимъ; въ Кастиліи всѣми имѣніями завладѣла корона; въ Арагоніи и Португаліи ими надѣлили туземные ордена. Послѣдній гроссмейстеръ ордена, Жакъ де Молэ, вызванный передъ началомъ слѣдствія съ острова Кипра во Францію, сидѣлъ въ тюрьмѣ съ 1307 г. и былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію. На публичномъ чтеніи приговора онъ объявилъ всѣ свои показанія вынужденными и протестовалъ противъ незаконнаго веденія процесса. За это Филиппъ приказалъ сжечь его на медленномъ огнѣ, что и было исполнено на слѣдующій же день, въ Парижѣ, на одномъ

изъ острововъ Сены. Молэ геройски выпесъ мучительную смерть, до послѣдней минуты подтверждалъ свою невинность, и, умирая, въ присутствіи огромной толпы народа, громко призывалъ на судъ Божій короля и его союзника папу (1314 г.).

Филиппъ поступилъ съ двумя папами и могущественнымъ рыцарскимъ орденомъ несправедливо и жестоко; но, судя его, не надо забывать, что только силою возможно было искоренить господствовавшее суевѣріе и вѣками укоренившіяся злоупотребленія. Деспотизмъ Филиппа открылъ слѣдующимъ поколѣніямъ путь къ прогрессу, а съ уничтоженіемъ ордена тампліеровъ усилилось могущество и значеніе правительственной власти. Уже при Филиппѣ королевскіе суды и законы имѣли во Франціи гораздо большую силу, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, хотя и въ ней, какъ вездѣ въ то время, для охраненія права и законовъ была необходима сильная рука. Процессомъ тампліеровъ вполнѣ обрисовывается характеръ всѣхъ дѣйствій Филиппа. Почти ни одно изъ его распоряженій, за исключеніемъ учрежденія нѣсколькихъ высшихъ судовъ, не можетъ быть названо справедливымъ или законнымъ. Объ учрежденіи судовъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, а сначала разскажемъ, какъ Филиппъ распространилъ и усилилъ королевскую власть и правительственную централизацію по Шельдѣ, Гароннѣ и Ронѣ.

Заключивъ въ темницу графа фландрскаго, Ги (Гвидо), и двухъ его старшихъ сыновей, Филиппъ сдѣлалъ изъ Фландріи французскую провинцію (стр. 207). Французскіе чиновники и солдаты такъ нагло обращались съ непривыкшимъ къ притѣсненіямъ богатымъ и многочисленнымъ населеніемъ, что уже въ 1302 г. вся фландрія поголовно возстала противъ иноземнаго владычества. Движеніе началось съ Брюгге: граждане его, подъ предводительствомъ ткача Пьера Леруа, умертвили нѣсколько тысячъ французовъ. Оттуда возмущеніе, во главѣ котораго стали младшіе сыновья графа Ги, распространилось по всей Фландріи, и вскорѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ были готовы вступить въ борьбу съ французами. Это число не покажется преувеличеннымъ, если вспомнить, что въ то время въ Гентѣ, Брюгге, Ипрѣ, около этихъ городовъ и въ другихъ мѣстечкахъ, снабжавшихъ большую часть Европы сукнами и другими издѣліями своихъ фабрикъ, жили сотни тысячъ работниковъ, существовавшихъ поденною работою. Филиппъ выслалъ противъ возставшихъ фламандцевъ 47 тысячъ войска. Въ борьбѣ съ французскимъ рыцарствомъ фламандцы также искусно и съ такимъ же успѣхомъ воспользовались рвами и болотами, пересѣкающими ихъ страну, какъ нѣкогда фрисландцы (стр. 173 и 177) и впослѣдствіи швейцарцы мѣстными особенностями своей родины. Граждане Брюгге, которымъ преимущественно хотѣли отмстить французы, выступили на встрѣчу войску и разбили его при Куртрэ (Коортрикъ), въ одномъ изъ самыхъ несчастныхъ сраженій всей французской исторіи (іюль 1302 г.). Эту побѣду слѣдуетъ приписать не столько храбрости раздраженнаго, но неопытнаго въ военномъ дѣлѣ, населенія Фландріи и преимуществамъ, которыя давала ему мѣстность, сколько чрезмѣрной самонадѣянности семи тысячъ французскихъ рыцарей. Считая враговъ слишкомъ ничтожными, они шли заранѣе увѣренные въ побѣдѣ, и къ тому же вели за собою жалкую, никуда негодную пѣхоту, увеличившую только смятеніе. Самое блестящее, храброе рыцарство Франціи и тысячи людей низшихъ сословій сложили безславно головы въ этомъ походѣ, и французы были принуждены очистить всю Фландрію. Такъ же неудаченъ былъ и второй походъ, предпринятый вслѣдъ за первымъ подъ начальствомъ самого Филиппа. Могущественная буржуазія фламандскихъ городовъ учредила, сообща съ рыцарствомъ, новое правительство, избравъ его главою одного изъ сыновей графа Ги. Филиппъ сдѣлалъ еще новую попытку. Онъ отправилъ во Фландрію, на честномъ словѣ, плѣннаго графа, поручивъ ему уничтожить при содѣйствіи французовъ республиканскій союзъ. Но старанія Ги де Дампіерра были напрасны, и онъ вернулся во Францію, не достигнувъ цѣли своей поѣздки. Французскій король и послѣ всѣхъ этихъ неудачъ не хотѣлъ отказаться отъ Фландріи, оставивъ ее въ покоѣ только до окончанія распри съ англійскимъ королемъ. Эдуардъ I женился на сестрѣ Филиппа, Маргаритѣ, и, признавъ себя, какъ владѣтеля Гіенни, его вассаломъ, далъ ему возможность отозвать оттуда французскія войска и отправить ихъ снова во Фландрію. Передъ отправленіемъ въ походъ, Филиппъ вос-

пользовался крючкотворствомъ и дипломатическими уловками французскихъ юристовъ для того, чтобы увеличить свое могущество и внутри Франціи владѣніями несчастнаго Ги, который долженъ былъ получить послѣ одного изъ своихъ родственниковъ, павшихъ при Куртрэ, графства ля Маршъ, Ангулемъ, Люзиньянъ и владѣніе Фужеръ. Филиппъ и его законники настроили одну женщину предъявить притязанія на это наслѣдство; оно было присуждено ей пристрастнымъ судомъ. Затѣмъ юристы уладили сдѣлку, по которой всѣ названныя владѣнія перешли къ французской коронѣ.

Между тѣмъ безпокойные фламандцы поссорились съ голландцами, одержавшими надъ ними, съ помощью Филиппа, значительную морскую побѣду. Новый походъ Филиппа (1304 г.), стоившій ему большихъ денегъ, принесъ ему мало выгодъ, но за то много славы. Съ войскомъ изъ 10 тысячъ конницы и 40 тысячъ пѣхоты онъ напалъ при Монсѣ на фламандцевъ, численность которыхъ простиралась, какъ кажется, до 60 тысячъ. Исходъ сраженія долго оставался сомнителенъ, но подъ конецъ французы все-таки могли похвалиться побѣдою. Впрочемъ побѣда была такъ нерѣшительна, что хитрый король, видя финансовое разстройство, причиненное войной, счелъ за лучшее начать мирные переговоры черезъ посредство плѣннаго графа. Переговоры, до окончанія которыхъ Ги не дожилъ, кончились миромъ (іюнь 1305 г.), доставившимъ французскому королю дипломатическимъ путемъ то, чего онъ напрасно добивался оружіемъ. Старшій сынъ графа, Робертъ III, былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими фламандскими рыцарями и получилъ Фландрію. Фламандцы сохранили всѣ старинныя права и привилегіи, но за то должны были уступить часть страны Филиппу, хитростью захватившему ее подъ видомъ залога. По договору фламандцы обязались выплатить ему издержки войны, а до уплаты отдать, въ видѣ залога, города Лилль, Дуэ, Орши и Бетюнь. Филиппъ отперся впослѣдствіи отъ этого условія, и фламандцы сколько разъ ни начинали войны, не могли уже возвратить городовъ, отнятыхъ у нихъ обманомъ.

На югѣ и востокѣ такъ же, какъ и на сѣверѣ, Филиппъ расширилъ границы Франціи въ ущербъ сосѣдямъ. Покупкою, насиліемъ и другими позволенными и непозволенными средствами онъ распространилъ свое владычество на югѣ по Ронѣ и въ нижнемъ Лангедокѣ. Владѣтеля Монпелье, принца арагонскаго дома, онъ заставилъ признать себя непосредственнымъ вассаломъ французскаго короля, и такимъ образомъ водворилъ французское владычество въ городѣ, процвѣтавшемъ тогда болѣе Ліона. Монпелье былъ въ то время центромъ всей торговли южной Франціи и разсадникомъ наукъ, преимущественно іудейской и христіанской школьной учености и медицины. Шагъ за шагомъ Филиппъ расширялъ свои владѣнія и въ арелатскомъ или бургундскомъ королевствѣ, гдѣ, въ послѣднее столѣтіе, постоянно слабѣла власть германскихъ императоровъ. Самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ на восточной границѣ были графство и городъ Ліонъ. Фридрихъ Барбаросса, умѣвшій поддерживать свою верховную власть въ Бургундіи (т. II, стр. 684), назначилъ архіепископа ліонскаго на вѣчныя времена экзархомъ или имперскимъ намѣстникомъ графства ліонскаго, предоставивъ ему пользоваться въ городѣ всѣми регаліями или имперскими правами. Это вовлекло епископовъ въ споры съ владѣтельною фамиліею Форе, называвшею себя графами ліонскими, и съ самимъ городомъ. Германскіе императоры не могли помогать имъ, и они обратились къ французскимъ королямъ, пріобрѣвшимъ со временъ Филиппа Августа родъ протектората надъ Ліономъ. Споръ, возникшій между городомъ и соборнымъ капитуломъ, далъ поводъ, въ концѣ царствованія Людовика Святаго, превратить эти отношенія въ родъ верховной власти французскихъ королей надъ Ліономъ. По просьбѣ капитула, Людовикъ учредилъ временный королевскій судъ, до избранія новаго архіепископа. Братъ и преемникъ Людовика, Филиппъ III, не хотѣлъ потомъ возвращать этого права архіепископу, до тѣхъ поръ, пока онъ формально не призналъ себя его подданнымъ. При коронаціи Климента V въ Ліонѣ, новый споръ далъ властолюбивому Филиппу IV желанный поводъ окончательно порвать слабую нить, соединявшую графство и городъ Ліонъ съ германскою имперіею, и навсегда уничтожить призрачную императорскую власть надъ городомъ. Буйный и развратный племянникъ папы, находившійся въ Ліонѣ, вынудилъ архіепископа прибѣгнуть противъ него къ вооруженной силѣ и былъ убитъ

во время свалки. Вслѣдствіе этого папа сдѣлался врагомъ архіепископа, просившаго защиты у французскаго короля. Онъ призналъ надъ собою верховную власть Филиппа, совершенно отдѣлился отъ германской имперіи и получилъ за то отъ короля особенныя привилегіи для себя и капитула. Но уже ближайшій его преемникъ и ліонцы почувствовали, что новая власть не призрачная императорская и что гнетъ ея не легокъ. Архіепископъ отказался отъ присяги, а жители Ліона разрушили близъ лежавшій королевскій замокъ, препятствовавшій и грозившій ихъ торговлѣ и независимости. Такой тиранъ, какъ Филиппъ, былъ очень радъ случаю довершить силою начатое хитростью, и отправилъ въ Ліонъ своего сына Людовика съ войскомъ. Архіепископъ и граждане должны были принять условія, предписанныя именемъ короля, и послѣ переговоровъ по нѣкоторымъ вопросамъ, городъ вмѣстѣ съ графствомъ были окончательно присоединены къ французскому королевству (1313 г.).

Царствованіе Филиппа было жестокою тираніею; но онъ старался, посредствомъ талантливыхъ и свѣдущихъ людей, не принадлежавшихъ къ привилегированному сословію, основать во Франціи совершенно новый порядокъ вещей, какого не существовало въ то время нигдѣ въ Европѣ. Для этого, какъ при всякомъ переворотѣ, были необходимы насиліе и деспотизмъ. Филиппъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вводить повсюду королевскіе и верховные суды и монархическое, византійско-римское право; подобно Юстиніану и его ближайшимъ предшественникамъ (т. II, стр. 270), онъ старался посредствомъ новыхъ законовъ, издаваемыхъ имъ по всѣмъ отраслямъ управленія, приспособить къ своимъ цѣлямъ безчисленные и разнообразные обычаи старины. Силясь подчинить всю общественную жизнь полицейскому надзору и издавая предписанія, относившіяся даже до удовольствій и покроя платья различныхъ сословій, Филиппъ пошелъ по пути, которому слѣдовали во Франціи до конца XVIII столѣтія. Подобнаго рода распоряженія, какъ и всегда, не достигая цѣли, вели только къ притѣсненіямъ и угнетеніямъ. Напротивъ, другія деспотическія мѣры Филиппа принесли весьма благотворные результаты; это относится преимущественно къ его судебнымъ учрежденіямъ. Онъ преобразовалъ парламенты, собиравшіеся для совѣщаній по государственнымъ дѣламъ, въ верховные суды или королевско-судныя коммисіи. Не только члены этихъ коммисій назначались королемъ, но и вообще во всѣхъ судахъ засѣдали королевскіе чиновники: такимъ образомъ вся судебная власть перешла къ коронѣ. Искусно пользуясь всеобщимъ раздраженіемъ противъ папы и духовенства, Филиппъ придалъ королевской власти болѣе силы и единства. Той же цѣли служили его безстыдные обманы въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ нѣсколько разъ выпускалъ фальшивую монету и, понижая потомъ цѣнность ея, подрывалъ монетные дворы бароновъ, епископовъ и городовъ, пользовавшихся правомъ чеканить монету. Этого-то и хотѣлъ король: насильно пуская и вынимая изъ обращенія свои деньги, цѣнность которыхъ безпрестанно измѣнялась, онъ достигъ того, что никто не могъ болѣе чеканить монеты, не подвергаясь большимъ убыткамъ. Деспотизмъ и недоброжелательность Филиппа въ этихъ дѣлахъ можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Онъ запретилъ вывозъ золота и серебра, принуждалъ подданныхъ, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, принимать монету низкой пробы, и однажды заставилъ всѣхъ, кромѣ епископовъ и бароновъ, отдать половину серебряной посуды на его монетные дворы. Выпуски фальшивой монеты и безпрестанныя измѣненія ея цѣнности вынудили Филиппа въ 1295 г. принять мѣры для возстановленія своего кредита у итальянскихъ банкировъ и евреевъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ всѣ денежные обороты. Онъ торжественно обѣщалъ вознагражденіе всѣмъ, кто будетъ брать монету низкой пробы, и, заложивъ часть своихъ имѣній, выдалъ на нихъ закладныя за своею и женино подписью. Все это не помѣшало французскому королю въ слѣдующемъ же году выпустить такое количество фальшивой монеты, что въ 1303 г. епископы предлагали ему десятый процентъ съ ихъ ежегодныхъ доходовъ съ тѣмъ только, чтобы онъ не измѣнялъ болѣе цѣнности монеты; но Филиппъ не согласился на это условіе. Рѣшившись, наконецъ, чеканить монету высшей пробы, онъ и тутъ нашелъ средство къ обману. Монета низкой пробы не была изъята изъ обращенія, ею уплачивались всѣ королевскіе расходы, между тѣмъ какъ подати вносились монетою высшаго чекана. Одна изъ подобныхъ мѣръ вызвала въ Парижѣ

возстаніе: народъ разрушилъ домъ главнаго совѣтника короля по этимъ дѣламъ, а его самого едва не уморилъ съ голода, не выпуская изъ зданія, гдѣ онъ находился. Филиппъ спасся притворствомъ, объявивъ, что уступаетъ требованію; но вслѣдъ затѣмъ, собравъ шайку наемныхъ жандармовъ, съ варварскимъ звѣрствомъ бросился на народъ. Чтобы предупредить на будущее время подобныя волненія, онъ прибѣгнулъ къ терроризму и велѣлъ повѣсить главныхъ зачинщиковъ на висѣлицѣ, нарочно для того построенной передъ главными городскими воротами. Варварство короля, прибѣгавшаго къ такимъ жестокостямъ, чтобы имѣть возможность безпрепятственно производить подобные финансовые обороты съ чеканкою денегъ, служитъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ краснорѣчивымъ панегирикамъ новѣйшихъ романтиковъ, восхваляющихъ религіозность и чувствительность среднихъ вѣковъ. Парижское возстаніе не удержало короля отъ этихъ неблаговидныхъ пріемовъ. Вскорѣ онъ созвалъ представителей государства, чтобы прикрыть свои дѣйствія личиною законности. Положено было выпустить новую монету и понизить курсъ старой. Король велѣлъ выбить небольшое количество монеты высшаго чекана, промѣнять старую по уменьшенной цѣнѣ, и потомъ снова выпустить монету прежняго качества (въ 1310 г.). Филиппъ выпустилъ такую низкую монету, что возбудилъ всеобщее раздраженіе, которое было подавлено только вооруженной силой. Не трудно понять, что, при подобной системѣ произвола и недобросовѣстности, денежными оборотами рѣшались заниматься въ средніе вѣка только евреи и повсюду разсѣянные итальянскіе банкиры, которыхъ называли л о м б а р д ц а м и. Это, часто повторявшееся въ средніе вѣка, плутовство съ чеканомъ монеты, обогащая только спекуляторовъ и ростовщиковъ, повергало народъ въ нищету, точно такъ же, какъ нынѣшняя торговля акціями и государственными бумагами. Самъ король терялъ отъ этого болѣе, чѣмъ выигрывалъ. Въ XIV вѣкѣ еще не существовало такъ называемой финансовой науки, съ помощью которой систематически выжимаютъ деньги у бѣдняковъ. Казна Филиппа была постоянно пуста, не смотря на всю его неразборчивость въ выборѣ средствъ, обогащавшую только мѣнялъ и лицъ, служившихъ ему орудіями для притѣсненій.

2. Франція при Людовикѣ X, Филиппѣ V и Карлѣ IV

Филиппъ IV умеръ (1314 г.) въ то время, когда его деспотизмъ довелъ высшее сословіе до раздраженія, которое очевидно могло кончиться очень плохо для короля. Ему наслѣдовалъ старшій изъ его сыновей, Л ю д о в и к ъ X (1314—1316 г.), начавшій царствованіе отмѣною именно тѣхъ изъ отцовскихъ постановленій, которыя способствовали прогрессу и почти утратили свою суровость. Онъ возвратилъ многимъ феодаламъ отнятое у нихъ Филиппомъ право суда и, желая уступками привлечь къ себѣ упрямое дворянство, расширилъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ феодальныя права рыцарства. Опытные министры и чиновники прошлаго царствованія, позволявшіе себѣ, правда, притѣсненія и несправедливости, были удалены отъ должности. На свое несчастье, Людовикъ наслѣдовалъ начавшуюся незадолго до смерти Филиппа войну съ Фландріею, не найдя при этомъ ни денегъ въ казнѣ, ни средствъ къ ея пополненію, уже совершенно истощенныхъ. О новомъ выпускѣ монеты низкаго достоинства нельзя было и думать; поэтому Людовикъ прибѣгнулъ къ системѣ явнаго насилія. Онъ разослалъ коммисаровъ по всѣмъ провинціямъ, съ приказаніемъ требовать у богатыхъ людей пожертвованій на войну съ Фландріею, началъ иски за право владѣнія съ владѣльцами южной Франціи, чтобы заставить ихъ откупаться деньгами, и потребовалъ, чтобы всякій нотаріусъ платилъ ему серебряную марку подати. Впрочемъ, одна изъ его финансовыхъ мѣръ столько же способствовала прогрессу французской цивилизаціи, какъ и деспотизмъ Филиппа. По примѣру отца, позволившаго выкупаться королевскимъ крестьянамъ Лангедока, Людовикъ назначилъ небольшой выкупъ для крестьянъ всѣхъ королевскихъ имѣній. Корыстолюбіе ломбардцевъ и евреевъ послужило ему тоже средствомъ къ обогащенію. Евреямъ было разрѣшено за большія деньги возвратиться во Францію, чтобы еще сильнѣе высасывать изъ нея кровь; а ломбардцы, имѣвшіе до тѣхъ поръ право жить только въ немногихъ го-

родахъ южной Франціи, купили себѣ, также за огромныя деньги, позволеніе селиться во всѣхъ большихъ городахъ. Добывъ подобными средствами денегъ, король предпринялъ походъ во Фландрію, но проливные дожди и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ скоро принудили его къ отступленію. Дядя его, Карлъ Валуа, и многіе феодальные владѣтели, чтобы вознаградить себя за издержки этого похода, принялись точно такъ же обирать своихъ подданныхъ, какъ прежде Филиппъ грабилъ ихъ самихъ и весь народъ: начеканивъ монеты низкаго достоинства, не имѣвшей ходу за чертою ихъ владѣній, они насильно заставили своихъ подданныхъ брать ее.

Людовику X наслѣдовалъ въ 1316 г. братъ его, Филиппъ V, управлявшій сначала государствомъ какъ регентъ, за сына Людовика, родившагося чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его смерти. Ребенокъ жилъ только четыре дня, и Филиппъ былъ провозглашенъ королемъ. Признавъ его королемъ, парламентъ, созванный, по старинному обычаю, изъ однихъ графовъ, обошелъ дочь Людовика, Іоанну II, хотя во Франціи и не существовало положительнаго закона, исключавшаго женщинъ отъ престолонаслѣдія. Исключеніе женщинъ отъ престолонаслѣдія, на основаніи одной статьи древнихъ салическихъ законовъ (т. II. стр. 410), было тогда впервые объявлено основнымъ закономъ государства. Эти законы, написанные варварскимъ языкомъ монаховъ, вообще чрезвычайно неопредѣленны и неясны, и можно даже доказать, что статья эта относилась совсѣмъ не къ престолонаслѣдію. Но какъ бы то ни было, на французскій престолъ вступилъ Филиппъ V. Въ замѣнъ того, онъ долженъ былъ отказаться отъ притязаній на Наварру и Шампань, наслѣдованныхъ Людовикомъ X отъ его матери, Іоанны I (стр. 204); эти провинціи, по настоянію членовъ королевскаго дома, были признаны наслѣдствомъ дочери Людовика, Іоанны II. Впрочемъ онѣ были предоставлены въ пожизненное владѣніе королю, упрочившему ихъ за своимъ домомъ женитьбою племянника Филиппа, IV д'Эврё, на Іоаннѣ.

Во Фландріи Филиппъ былъ счастливѣе своего предшественника, благодаря несогласію графа съ могущественными городами — республиками, интересы которыхъ были совершенно различны. Фламандскіе города, называя графа фландрскаго своимъ государемъ, такъ же какъ германскіе имперскіе города — императора, въ своихъ дѣлахъ обращали на него столь же мало вниманія, какъ и германскіе города на своего императора. Тяготясь войною, они заставили графа Роберта заключить миръ, подписанный ихъ уполномоченными въ Парижѣ (1320 г.). Этотъ договоръ былъ очень выгоденъ для Франціи, но Филиппъ самъ усилилъ могущество графа фландрскаго, выдавъ дочь за его внука и наслѣдника, Людовика, и давъ ей въ приданое графство Артуа.

Въ продолженіе своего кратковременнаго царствованія Филиппъ V старался провести многія реформы, но скоро убѣдился, что только страхомъ и насиліемъ можно заставить корпораціи дворянства и духовенство отказаться отъ привилегій и правъ, гибельныхъ для народа. Попытки его, ввести во всемъ государствѣ единство вѣса и монеты и ослабить могущество феодаловъ назначеніемъ въ большіе города королевскихъ намѣстниковъ, были парализованы сопротивленіемъ духовенства, аристократіи и городовъ. Успѣшнѣе были его реформы по судопроизводству, отличавшемуся такимъ произволомъ при его предшественникахъ, и старанія поднять фабричную дѣятельность городовъ южной Франціи. Онъ отправилъ во всѣ провинціи королевскихъ коммисаровъ и принялъ подъ свое покровительство, по просьбѣ тогдашняго владѣтеля Монпеллье, богатѣйшія мануфактуры золотыхъ и серебряныхъ вещей этого города и суконныя фабрики Каркасонны, Нарбонны и другихъ городовъ. Весьма вѣроятно, что, поддерживая фабричную дѣятельность городовъ, король думалъ повредить этимъ своимъ врагамъ фламандцамъ, захватившимъ монополію торговли шерстяными и суконными издѣліями въ Европѣ. Во Флоренціи, напримѣръ, гдѣ было много большихъ суконныхъ фабрикъ, существовалъ особый классъ богатыхъ купцовъ, торговавшихъ исключительно фландрскими сукнами.

Братъ и преемникъ Филиппа V, Карлъ IV Красивый (1322—1328 г.), возобновилъ деспотическое правленіе отца. Онъ удержалъ въ своей власти Наварру и Шампань, не обращая вниманія на то, что эти провинціи, по договору, должны были по смерти Филиппа перейти къ Іоаннѣ II. Царствованіе его вообще

началось рядомъ притѣсненій и жестокостей, близко напоминавшихъ времена Филиппа IV. Карлъ IV также выпустилъ фальшивую монету, снова обогатившую только евреевъ и ломбардцевъ. Чтобы отнять у евреевъ весь барышъ, онъ наложилъ на нихъ тяжелую подать, скорѣе походившую на грабежъ, а потомъ велѣлъ имъ удалиться изъ Франціи. Той же участи подверглись итальянскіе купцы и ломбардцы, высасывавшіе лучшія силы страны. Исключеніе было сдѣлано только для генуэзцевъ, торговавшихъ необходимыми для продовольствія иностранными припасами. Земледѣліе дошло въ южныхъ провинціяхъ до такого упадка, что, напримѣръ, вина и прованскаго масла, впослѣдствіи главныхъ произведеній Прованса, едва хватало для внутренняго потребленія, не говоря уже о вывозѣ за границу. Когда началась война съ Англіей, Карлъ издалъ новыя стѣснительныя постановленія. Впрочемъ въ тѣ времена, при совершенномъ отсутствіи всякаго понятія о сколько-нибудь правильномъ распредѣленіи налоговъ, притѣсненія были неизбѣжно соединены съ войною и предпріятіями, требовавшими чрезвычайныхъ издержекъ. Король наложилъ тогда тяжелую подать не только на своихъ прямыхъ подданныхъ и вассаловъ, но и на тѣхъ, которые не находились въ прямой зависимости отъ него. Эта мѣра произвела особенное неудовольствіе между духовенствомъ, съ котораго и папа Іоаннъ XXII требовалъ дани. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ для подавленія волненія въ южной Франціи. Волненіе это было возбуждено дворянами, не допускавшимися къ отцовскому наслѣдію на томъ основаніи, что за ними, по происхожденію ихъ матерей, не признавалось рыцарское достоинство. Возстаніе было подавлено. Карлъ не премнулъ поживиться и при этомъ случаѣ: онъ велѣлъ своимъ коммисарамъ пересмотрѣть всѣ дипломы, служившіе основаніемъ правъ на владѣніе, и очень дорого бралъ за утвержденіе тѣхъ изъ нихъ, которые были сомнительны. Не только гражданскія, но даже и международныя права не ограждали отъ насильственнаго произвола. Когда во Франціи разнесся ложный слухъ, будто Эдуардъ II приказалъ умертвить находившихся въ Англіи французовъ, Карлъ велѣлъ арестовать всѣхъ англичанъ, жившихъ во Франціи, и конфисковать имущества, а потомъ хотя и освободилъ заключенныхъ, но не возвратилъ отнятаго у нихъ.

Въ 1328 г. умеръ Карлъ IV, неоставивъ ни сыновей, ни братьевъ, и на престолъ Франціи вступилъ ближайшій его родственникъ, Филиппъ VI, сынъ Карла Валуа, брата Филиппа IV, такъ какъ женщинъ снова исключили изъ наслѣдія, основываясь на томъ же салическомъ законѣ. Съ Филиппомъ VI началось во Франціи царствованіе второй линіи Капетинговъ, дома Валуа, оставшагося на престолѣ до своего пресѣченія (1589 г.).

3. Англія при Эдуардѣ II.

Англійскій король Эдуардъ II, сынъ рыцарски энергическаго короля Эдуарда I, былъ человѣкъ въ высшей степени слабый, совершенно неспособный къ управленію государствомъ, находившійся въ полной зависимости отъ своихъ любимцевъ и соучастниковъ удовольствій, и ко всему этому чуждый англичанамъ по своимъ гасконскимъ нравамъ. Если ужъ такой энергическій, до конца ногтей, деспотъ, какъ его отецъ, долженъ былъ допустить англійскій народъ до участія въ управленіи, то легко понять, какой опасности подвергалась королевская власть въ лицѣ физически и нравственно слабаго короля, безусловно подчинявшагося ничтожному временщику и, въ угоду ему, легкомысленно насмѣхавшагося надъ правами, и предразсудками аристократіи. Любимцемъ Эдуарда былъ Петръ Гэвстонъ, дворянинъ съ береговъ Гаронны, населеніе которой съ незапамятныхъ временъ славится легкомысліемъ, тщеславіемъ и лганьемъ. Товарищъ юности Эдуарда, онъ дѣлилъ безпутную жизнь принца Уэльсскаго, заслужившаго уже тогда всеобщее презрѣніе и въ концѣ разстроившаго свое здоровье. Передъ смертью Эдуардъ I выгналъ этого гасконца изъ Англіи, взявъ съ сына формальное, всенародное обѣщаніе никогда не возвращать его. Но лишь только Эдуардъ I закрылъ глаза, какъ молодой король, не выждавъ даже похоронъ

отца, призвалъ къ себѣ Гэвстона, подарилъ ему, принадлежавшее нѣкогда германскому королю Ричарду, богатѣйшее графство корнваллисское и множество другихъ имѣній, даровалъ ему различныя права и поставилъ извѣстнаго однѣми легкомысленными продѣлками барченка во главѣ англійской аристократіи. Отправившись чрезъ полгода въ Булонь, чтобы присягнуть Филиппу IV за французскія владѣнія и жениться на его дочери, Изабеллѣ, Эдуардъ передалъ любимцу, на время своего отсутствія, всю высшую правительственную власть. Также безразсудны и наглы были другія дѣйствія молодаго короля. Онъ удалилъ опытныхъ совѣтниковъ отца, велѣлъ посадить въ тюрьму и лишить имѣній епископа личфильдскаго, который, будучи канцлеромъ казначейства, часто отказывалъ ему въ деньгахъ на удовольствія и дѣлалъ рѣзкія замѣчанія; бросилъ, вскорѣ послѣ брака, свою молодую жену и слѣпо слѣдовалъ во всемъ указаніямъ Гэвстона. Англичане, и безъ того съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на французовъ и гасконцевъ, наполнявшихъ дворъ, возненавидѣли короля. Гэвстонъ, осыпанный патентами, почестями и милостями, занималъ повсюду первое мѣсто и своею надменностью оскорблялъ старину и аристократію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по вступленіи на престолъ Эдуарда, двоюродный братъ его, Томасъ Ланкастерскій, соединясь съ другими лордами, заставилъ короля изгнать Гэвстона. Достигнувъ цѣли, аристократы воспользовались впослѣдствіи ничтожествомъ слабоумнаго короля, разлученнаго съ любимцемъ, и превратили монархію въ олигархію.

Заговоръ составился въ февралѣ 1308 г., а въ апрѣлѣ Эдуардъ уже былъ принужденъ парламентомъ уступить требованіямъ аристократіи. Съ Гэвстона взяли клятвенное обѣщаніе оставить Англію и никогда болѣе не возвращаться; епископы грозили ему отлученіемъ въ случаѣ неповиновенія, и Эдуардъ долженъ былъ утвердить манифестомъ постановленія парламента. Это происходило въ маѣ, а уже въ іюнѣ легкомысленный и слабоумный король, надаривъ изгнаннаго временщика имѣніями въ Англіи и Гіенни, назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Ирландіи, умоляя въ письмахъ французскаго короля, папу и кардиналовъ помочь ему отмѣнить принятое противъ Гэвстона рѣшеніе. Напрасно папа въ своемъ отвѣтѣ старался образумить легкомысленнаго короля, убѣждая его не только нравственными доводами, но и политическими соображеніями; Эдуардъ не обращалъ ни на что вниманія. Онъ продолжалъ дарить любимцу королевскія имѣнія и государственныя земли и, передавъ ему завѣдываніе опеками, дозволялъ обкрадывать малолѣтнихъ, права которыхъ былъ обязанъ защищать. Наконецъ въ 1309 г. Эдуардъ вернулъ Гэвстона изъ изгнанія. Эти необъяснимыя глупости короля порождали и поддерживали въ Англіи, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, такіе же безпорядки, такія же преступленія феодальной анархіи и такія же несчастія, какія постигли Германію со временъ Фридриха II. Но съ другой стороны онѣ, подобно дѣйствіямъ Генриха III (стр. 194), способствовали развитію политическихъ правъ, изстари свойственныхъ германскимъ народамъ и уже съ той поры все болѣе и болѣе ограничиваемыхъ на материкѣ. Воспользовавшись всеобщимъ неудовольствіемъ и разладомъ короля съ аристократіею, общины сдѣлали, въ маѣ 1309 г., первую попытку выйти изъ своего униженнаго состоянія. Онѣ настойчиво потребовали искорененія злоупотребленій, на которыя справедливо жаловались, и заставили короля формально обѣщать имъ это граматою. Въ слѣдующемъ году нападеніе шотландцевъ принудило Эдуарда созвать парламентъ, потребовавшій уже общей государственной реформы. Изслѣдовать недостатки существовавшаго управленія и представить проекты реформъ было поручено коммисіи изъ семи епископовъ, восьми графовъ и шести бароновъ. Король долженъ былъ не только утвердить эту коммисію, называвшуюся коммисіею государственнаго устройства (Ordainers), но и облечь членовъ ея, на время ихъ занятій, королевскою властью. Въ то время, какъ коммисія работала надъ реформою и составляла новый статутъ, отнимавшій у короля почти всѣ его феодальныя права, Эдуардъ безпечно разъѣзжалъ по шотландской границѣ, предаваясь удовольствіямъ съ своимъ любимцемъ и давая ему возможность выказывать въ борьбѣ съ шотландцами свои рыцарскія доблести.

Въ октябрѣ 1311 г. коммисія окончила, наконецъ, свои работы; бароны и епископы приняли составленный ею проектъ государственныхъ преобразованій, и

король долженъ былъ безусловно согласиться съ ними. Чтобы окончательно уронить Эдуарда въ общественномъ мнѣніи, его заставили, при обнародованіи реформы, признать себя какъ будто несовершеннолѣтнимъ. Статьи, утвержденныя королемъ, содержали цѣлый рядъ новыхъ постановленій, совершенно измѣнявшихъ всю систему управленія. Такъ, между прочимъ, было постановлено, что король долженъ ежегодно созывать парламентъ и не имѣетъ права безъ согласія бароновъ замѣщать высшихъ должностей, созывать ополченія и объявлять войну. Всякое отчужденіе королевскихъ имѣній строго воспрещалось; король долженъ былъ содержать себя доходами государственныхъ имуществъ и своихъ имѣній, что давало возможность уменьшить пошлины и отмѣнить чрезвычайные налоги. Такимъ образомъ Эдуарду связывали руки и лишали важнѣйшей изъ прерогативъ короны. Въ средніе вѣка только раздачею леновъ и помѣстій въ награду за военную службу короли могли набирать себѣ войско и пріобрѣтать союзниковъ, дѣлавшихъ ихъ сильнѣе самыхъ могущественныхъ изъ ихъ вассаловъ. Это средство было отнято у Эдуарда вышеприведенною статьею. Сверхъ того, коммисія объявила недѣйствительными всѣ сдѣланные Эдуардомъ дарственные акты и отчужденія королевскихъ владѣній, предписала немедленное удаленіе Гэвстона изъ Англіи, наложила, безъ дальнѣйшаго суда, штрафы на лицъ, преданныхъ королю и его любимцу. Короля заставили также преслѣдовать банкировъ флорентинскаго дома Фрескобальди, еще при Эдуардѣ I державшихъ на откупу подати въ Англіи и Гіенни и занимавшихся грязными дѣлами Эдуарда I и Гэвстона. Ихъ справедливо обвиняли въ томъ, что они перевели за границу огромное состояніе временщика и давали ему, по приказанію короля, казенныя деньги. Банкиры были такъ благоразумны, что во время удалились изъ Англіи; но бароны принудили короля преслѣдовать ихъ даже въ Римѣ, куда удалились нѣкоторые изъ нихъ.

Въ началѣ слѣдующаго года Эдуардъ опять таки призвалъ въ Англію своего любимца и особымъ рескриптомъ возвратилъ ему прежде пожалованныя помѣстья. Ко всѣмъ шерифамъ было разослано королевское предписаніе, объявлявшее незаконными всѣ распоряженія относительно Гэвстона и требовавшее, чтобы они защищали его отъ преслѣдованій бароновъ. Но ни ослѣпленный король, ни его опальный любимецъ не находили нигдѣ помощи и защиты. Эдуарда еще ограждали народныя понятія и уваженіе низшаго дворянства къ памяти его отца; аристократы не смѣли явно возставать противъ него, говоря, что хотятъ только изгнать Гэвстона. Ссылаясь на постановленія коммисіи, враги Эдуарда призвали къ оружію своихъ вассаловъ и, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, пошли, подъ предводительствомъ Томаса Ланкастера, на Скарборо, гдѣ находились въ то время Эдуардъ и временщикъ. Услыхавъ объ ихъ приближеніи, король оставилъ Гэвстона, потому что Скарборо не былъ достаточно снабженъ ни оружіемъ, ни припасами. Ланкастеръ съ главными силами пошелъ противъ Эдуарда, а Пемброкъ окружилъ Скарборо. Голодъ вскорѣ вынудилъ Гэвстона на капитуляцію; онъ сдался на условіи, что ему будетъ сохранена жизнь, и плѣнный былъ отправленъ въ имѣніе Пемброка. Вопреки данному обѣщанію, аристократы рѣшили умертвить его и дать другаго совѣтника слабому, нуждавшемуся въ руководителѣ королю, котораго хотѣли прибрать къ рукамъ. Но Пемброка связывало обѣщаніе, и потому бароны условились, чтобы графъ Варвикъ силою захватилъ Гэвстона и привезъ его въ такое мѣсто, гдѣ судебная власть принадлежала Ланкастеру. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Варвикъ велѣлъ, въ присутствіи Ланкастера, казнить Гэвстона, на колѣняхъ молившаго о пощадѣ (1312 г.). Голова его была публично выставлена на позоръ. Мы не знаемъ, принималъ ли участіе въ этой низкой интригѣ жестокосердый Ланкастеръ.

Позорная казнь Гэвстона и послѣдовавшая затѣмъ болѣзнь Эдуарда возстановили народъ, такъ же боявшійся теперь произвольнаго и жестокаго владычества аристократовъ, какъ прежде легкомыслія короля. Поэтому, по смерти Гэвстона, Эдуарду было легко бороться съ баронами: обѣ стороны вступили въ борьбу, длившуюся цѣлый годъ. Примиреніе послѣдовало только въ 1313 г. Эдуардъ даровалъ амнистію, освобождавшую Ланкастера и 483 бароновъ отъ всякой отвѣтственности въ убійствѣ Гэвстона; но ни примиреніе, ни амнистія не уменьшили вражды Ланкастера и другихъ аристократовъ къ королю.

Пора было, хотя на время, прекратить эти внутренніе раздоры; Англіи грозила опасность изъ Шотландіи. Пользуясь междоусобіями, раздиравшими Англію, Робертъ Брюсъ (стр. 209) или, какъ онъ назывался, сдѣлавшись шотландскимъ королемъ, Робертъ I, выгналъ изъ Шотландіи большую часть англійскихъ гарнизоновъ. Эдуардъ созвалъ противъ него ополченіе, но успѣлъ собрать только неопытную милицію; Ланкастеръ и его партія, цвѣтъ англійскаго рыцарства, отказались участвовать въ этой войнѣ. Самъ король не обладалъ ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для полководца. При такихъ условіяхъ, исходъ войны не трудно было предвидѣть. Англичане были разбиты на голову въ сраженіи въ Баннокборнѣ: шотландцы разсѣяли и перебили все ихъ войско и овладѣли всѣмъ обозомъ и военными снарядами. Въ этой битвѣ погибъ графъ глостерскій, единственный изъ бароновъ, оставшійся по смерти Гэвстона вѣрнымъ королю и не уступавшій Ланкастеру связями, богатствомъ и значеніемъ. Смерть Глостера усилила только ненависть враговъ короля. Вскорѣ по умерщвленіи Гэвстона, Эдуардъ приблизилъ къ себѣ одного молодаго человѣка, который такъ же безусловно подчинилъ его себѣ и такъ же безразсудно былъ осыпаемъ милостями, какъ и Гэвстонъ. Но Гуго Спенсеръ или Деспенсеръ, зять Глостера, былъ по крайней мѣрѣ англичанинъ, а не иностранецъ. По смерти Глостера, не оставившаго сыновей, Эдуардъ отдалъ Спенсеру и двумъ другимъ зятьямъ графа не только его огромныя имѣнія, но и предоставленные ему коронные лены. Спенсеръ, надѣленный особенно щедро и сдѣлавшись вдругъ важнымъ лицомъ, возбудилъ противъ себя зависть и вражду аристократовъ.

Воспользовавшись побѣдою, шотландцы стали дѣлать хищническіе набѣги на Англію и проникли во внутрь страны. Для изгнанія ихъ оттуда былъ установленъ налогъ на духовенство, и даже партія Ланкастера изъявила готовность принять участіе въ войнѣ. Но двухлѣтній голодъ препятствовалъ королю предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ шотландцевъ. Только зная отвратительное состояніе торговой полиціи въ средніе вѣка, можно понять тѣ страшныя бѣдствія, которыми сопровождался голодъ. Даже на многочисленный королевскій дворъ едва доставало хлѣба. Тогда было издано даже особое предписаніе, опредѣлявшее число блюдъ, родъ говядины и рыбы, которые дозволялось имѣть различнымъ сословіямъ, и устанавливавшее таксы на всѣ продукты. Все это только увеличило бѣдствіе и заставило отмѣнить эту мѣру. Положеніе Англіи едва ли когда-нибудь могло быть хуже тогдашняго. Во главѣ правительства стоялъ тупоумный Эдуардъ; гордый временщикъ былъ въ постоянной враждѣ съ надменной аристократіей; голодъ, неудовольствіе и неурядица господствовали внутри страны; шотландцы разоряли сѣверныя провинціи; въ Уэльсѣ вспыхнуло возстаніе, подавленное съ большимъ трудомъ; наконецъ въ Ирландіи туземное населеніе вступило съ пришельцами англичанами въ кровавую борьбу, которую старался поддерживать шотландскій король, дѣятельно помогая ирландцамъ. Ко всему этому, между Эдуардомъ и Ланкастеромъ вновь возникла непримиримая вражда. Жена Ланкастера вступила въ незаконную связь съ однимъ рыцаремъ, и королю приписывали участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ отмщеніе, Ланкастеръ возстановилъ противъ Эдуарда феодаловъ и, препятствуя всякому мирному соглашенію, отнялъ возможность предпринять походъ противъ шотландцевъ. Перемиріе, заключенное при посредничествѣ папы, было тотчасъ же нарушено шотландцами, не обратившими, разумѣется, никакого вниманія на Іоанна XXII, думавшаго поразить ихъ, проклявъ короля Роберта. Они постепенно завладѣвали всѣми значительными пограничными крѣпостями сѣверной Англіи и проникли бы еще далѣе, если бы ихъ успѣхи не заставили Эдуарда примириться съ феодалами. Король обѣщалъ исполнить въ точности всѣ постановленія коммисіи государственнаго устройства, т. е., другими словами, подчиниться владычеству аристократіи, и тогда былъ предпринятъ новый походъ, начавшійся очень удачно. Пять тысячъ шотландцевъ, отправленныхъ Робертомъ въ Ирландію подъ предводительствомъ его брата, погибли вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, а въ Ирландіи борьба была прекращена. Побѣдители имѣли благоразуміе смягчить притѣснительные для туземцевъ законы, что гораздо вѣрнѣе обезпечило владычество англичанъ, чѣмъ употребляемая ими до тѣхъ поръ грубая сила. Впрочемъ, походъ противъ шотландскаго короля, стоившій англичанамъ большихъ потерь, остался безъ всякихъ послѣдствій, потому что Ланка-

стеръ и его партія снова покинули короля. Главною причиною новаго разрыва было расположеніе Эдуарда къ Гуго Спенсеру и его отцу, носившему то же имя. Нужно однако замѣтить, что въ началѣ молодой Спенсеръ пользовался своимъ положеніемъ гораздо осторожнѣе Гэвстона, а его отецъ былъ однимъ изъ самыхъ способныхъ и опытныхъ государственныхъ людей. Ланкастеръ и его друзья покинули Эдуарда при осадѣ Бервика, узнавъ, что король хочетъ отдать этотъ городъ молодому Спенсеру, и этимъ разстроили весь походъ. Поступокъ Ланкастера и бароновъ, участвовавшихъ въ составленіи новаго статута, возстановилъ противъ нихъ народъ. Ходила молва, будто Ланкастеръ вступилъ въ тайныя сношенія съ шотландскимъ королемъ и, что по многимъ причинамъ невѣроятно, получилъ отъ него большія деньги. По удаленіи Ланкастера было заключено двухлѣтнее перемиріе и предположено начать въ это время переговоры о мирѣ (1319 г.).

Вслѣдъ затѣмъ снова начались внутреннія волненія, почти не прекращавшіяся до самой смерти Эдуарда. На этотъ разъ примѣръ подалъ не Ланкастеръ, а графъ Герфордъ, оба Мортимера и нѣкоторые другіе бароны, сердившіеся на Спенсера, перебившаго у нихъ покупку нѣкоторыхъ сосѣднихъ имѣній. За это они разорили, неслыханнымъ даже въ средніе вѣка образомъ, владѣніе обоихъ Спенсеровъ и, чтобы избѣжать преслѣдованія королевскихъ судовъ, соединились съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ потребовалъ, отъ имени всего высшаго дворянства, изгнанія Спенсеровъ, вся вина которыхъ состояла въ ихъ безграничномъ вліяніи на короля и высокомѣрномъ обращеніи молодаго Спенсера съ придворными. Справедливость, очевидно, была на сторонѣ короля, требовавшаго, чтобы обвинители судились съ Спенсеромъ законнымъ порядкомъ. Народъ и большинство духовенства, какъ впослѣдствіи оказалось, были возмущены поступками аристократовъ; но слабый король не съумѣлъ и тутъ выказать твердости. Его принудили даровать полную амнистію баронамъ и даже подписать указъ, присуждавшій Спенсеровъ къ изгнанію за то, что, будучи безъ утвержденія парламента совѣтниками короля, они нарушили статутъ коммисіи. Послѣ этого вся правительственная власть перешла въ руки бароновъ. Дальнѣйшій образъ ихъ дѣйствій также не пріобрѣлъ имъ расположенія народа; большинство епископовъ протестовало противъ изгнанія Спенсеровъ, а опытный, восьмидесятилѣтній старикъ Спенсеръ и въ изгнаніи давалъ королю умные совѣты, указывая ему, какъ пользоваться положеніемъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по изгнаніи Спенсеровъ, государь былъ уже въ силахъ освободиться отъ аристократовъ. Въ маѣ 1321 г. онъ созвалъ въ Іоркѣ парламентъ, изъ нѣсколькихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и представителей городовъ. Этотъ парламентъ объявилъ всѣ ограниченія королевской власти, сдѣланныя коммисіею, противорѣчащими основнымъ законамъ государства и потому недѣйствительными. Недовольные бароны не положили однако оружія и выступили защитниками статута коммисіи. Но ихъ произвольныя и насильственныя дѣйствія и оскорбленіе, которое одинъ изъ нихъ нанесъ королевѣ, не позволивъ ей переночевать въ замкѣ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, возстановили противъ нихъ и народъ и низшее дворянство. Такимъ образомъ король получилъ возможность собрать значительное войско и, во главѣ низшаго дворянства, выступилъ противъ бароновъ. Вскорѣ онъ вернулъ въ Англію и обоихъ Спенсеровъ.

Англія сдѣлалась тогда театромъ междоусобной войны. Бароны, опасавшіеся мести короля и Спенсеровъ, присоединились къ Ланкастеру, а буржуазія и низшее дворянство соединились подъ знаменемъ короля. Эдуардъ, возвратившій себѣ все прежнее королевское значеніе и дѣйствовавшій подъ руководствомъ старика Спенсера, съ самаго начала нанесъ противникамъ чувствительный ударъ, объявивъ, что онъ считаетъ статутъ коммисіи столь же обязательнымъ для себя, какъ и великую хартію. Это хитрое объявленіе побудило многихъ бароновъ оставить непріятельскій лагерь. Видя затруднительность своего положенія, главные предводители недовольныхъ прибѣгли къ несчастной мысли вступить въ союзъ съ шотландцами, и подговорили ихъ сдѣлать нападеніе на Нортомберлендъ. Этимъ они дали королю право преслѣдовать ихъ, какъ враговъ отечества. Эдуардъ объявилъ ихъ въ опалѣ и обязалъ всѣхъ подданныхъ при случаѣ арестовать ихъ (мартъ, 1322 г.). Созвавъ затѣмъ народное ополченіе, онъ преслѣдовалъ войско бароновъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ Ланкастера и девяносто двухъ баро-

новъ; остальные спаслись бѣгствомъ изъ Англіи. Враги Гэвстона, попавшіеся тогда въ руки короля, были преданы суду. Предсѣдателемъ суда былъ самъ Эдуардъ, причастный къ дѣлу; судьями назначены: братъ короля, Эдмундъ Кентскій, и шесть бароновъ, награжденныхъ потомъ имѣніями Ланкастера. Этотъ пристрастный судъ приговорилъ графа Томаса Ланкастера къ позорной и варварской казни, которой предавались въ Англіи государственные измѣнники до половины XVIII столѣтія. Не смотря на то, что Ланкастеръ, какъ частный человѣкъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, Эдуардъ привелъ въ исполненіе жестокій приговоръ (май, 1322 г). Та же участь постигла и пятнадцать приверженцевъ графа. Владѣнія казненныхъ были розданы друзьямъ короля.

Но, съ уничтоженіемъ могущественнѣйшихъ противниковъ короля, борьба не прекратилась; только роль казненнаго Ланкастера взяла на себя жена Эдуарда. Вліяніе обоихъ Спенсеровъ и назначеніе старшаго изъ нихъ графомъ винчестерскимъ, а младшаго графомъ глостерскимъ, не переставали колоть глаза аристократамъ, оскорбленнымъ гордостью временщиковъ. Неудовольствіе ихъ выказалось особенно рѣзко во время похода, предпринятаго въ 1323 г. Эдуардомъ противъ шотландцевъ. Бездѣйствіе феодаловъ заставило короля отступить съ уроном, а шотландцы возобновили опустошенія сѣверныхъ границъ Англіи. Наконецъ и жена Эдуарда присоединилась къ партіи, враждебной королю. Выйдя двѣнадцати лѣтъ замужъ, Изабелла видѣла кругомъ себя только развратъ, пороки и оргіи; все это привилось къ королевѣ, и мужъ, какъ кажется, опротивѣлъ ей. Сверхъ того, она была врагомъ Спенсеровъ, которыхъ ненавидѣла, завидуя ихъ могуществу, и боялась, потому что уговаривала короля согласиться на ихъ изгнаніе. Изабелла съ радостью ухватилась за споръ Эдуарда съ французскимъ королемъ Карломъ IV, какъ за первый представившійся случай отмстить Спенсерамъ и удовлетворить своему властолюбію.

Еще въ 1332 г. Эдуардъ поссорился съ Карломъ, которому долженъ былъ, какъ владѣтель герцогства Гіенни, принести ленную присягу. Пока внутреннія дѣла не позволяли ему начать войны, онъ нѣсколько разъ вступалъ съ Карломъ въ переговоры и часто имѣлъ поводъ жаловаться на лживость и лукавство французскаго кабинета. Вражда королей постоянно усиливалась и дошла до того, что всѣ сношенія между Англіею и Франціею были прерваны; англійскимъ купцамъ и товарамъ былъ запрещенъ доступъ во Францію, а французы, находившіеся въ Англіи, были арестованы или изгнаны. Война казалась неизбѣжной уже потому, что французы завладѣли большею частью англійскихъ леновъ во Франціи. Въ 1324 г. англійское войско и флотъ были готовы къ выступленію, и только сильное броженіе, вызванное въ Англіи ненавистью къ Спенсерамъ, остановило отправленіе войскъ, которыми король не хотѣлъ ослаблять себя. Народъ и духовенство раздѣляли неудовольствіе бароновъ противъ временщиковъ, видя возобновленіе всѣхъ злоупотребленій, которымъ долженъ былъ положить конецъ статутъ коммисіи. Раздраженіе достигло такихъ размѣровъ, что Ланкастера и повѣшенныхъ съ нимъ бароновъ стали называть мучениками. Разнесся слухъ, что у его могилы и у висѣлицы творятся чудеса. Правительство поставило солдатъ у могилы Ланкастера и велѣло снять трупы, боясь, чтобы изъ нихъ не сдѣлали предметовъ обожанія. Такое положеніе дѣлъ заставило короля согласиться на предложеніе Франціи начать новые переговоры. Это предложеніе было только сѣтью, разставленною англійскому королю его женою и ея братомъ, Карломъ. Эдуардъ никакъ не могъ подозрѣвать умысловъ Изабеллы; но крайней мѣрѣ изъ всѣхъ сохранившихся документовъ видно, что ихъ отношенія не представляли въ то время ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ. Онъ согласился на сдѣланное ему предложеніе отправить жену въ Парижъ, чтобы черезъ нее уладить споръ. Пріѣхавъ во Францію, Изабелла вступила въ сношеніе съ англійскими эмигрантами, врагами короля. Опаснѣйшій изъ нихъ былъ младшій Мортимеръ, бѣжавшій изъ тюрьмы. Съ ними-то и съ французскимъ королемъ она начала переговоры о низверженіи Эдуарда. Между тѣмъ незадолго до того дипломатическіе переговоры между Англіею и Франціею приняли такой оборотъ, что Эдуардъ согласился отправить въ Парижъ и старшаго сына, впослѣдствіи короля Эдуарда III, для принесенія присяги французскому королю. Лишь только наслѣдникъ престола былъ въ рукахъ Изабеллы, она открыто возстала противъ мужа, сдѣлала друже-

свій пріемъ Мортимеру, съ которымъ стала вскорѣ жить, громко жаловалась на обоихъ Спенсеровъ и собирала около себя недовольныхъ бароновъ, пріѣзжавшихъ изъ Англіи. Узнавъ объ этомъ, Эдуардъ писалъ самыя убѣдительныя письма Изабеллѣ, ея братьямъ, сыну и даже папѣ, говоря, что онъ всегда оказывалъ женѣ уваженіе и вниманіе, и что тоже самое она, по ея собственному сознанію, постоянно видѣла и отъ Спенсеровъ. Но ничто не могло удержать Изабеллу отъ преступнаго намѣренія. Она вступала въ заговоръ съ англійскими феодалами, вооружала войско для похода въ Англію и, чтобы пріобрѣсти себѣ сильнаго союзника, помолвила принца уэльсскаго съ дочерью графа геннегаускаго. Видя неизбѣжность войны, Эдуардъ рѣшился открытіемъ военныхъ дѣйствій предупредить французскаго короля, и этимъ заставилъ его выслать сестру изъ Франціи. Но Изабелла уже окончила съ помощью графа геннегаускаго приготовленія для нападенія на Англію.

Въ сентябрѣ 1326 г. королева, сопровождаемая сыномъ, братомъ короля, Эдмундомъ, и англійскими эмигрантами, высадилась въ Англіи съ нѣсколькими тысячами рыцарей, навербованныхъ графомъ геннегаускимъ. Вмѣстѣ съ сыномъ и зятемъ она издала прокламацію, объявляя, что пришла на помощь народу и на защиту законовъ отъ безхарактернаго короля и всѣми ненавидимаго временщика. Прокламація имѣла огромный успѣхъ, и покинутый Эдуардъ не могъ даже собрать войска. Но и въ эту критическую минуту онъ былъ такъ слабъ и вмѣстѣ такъ упрямъ, что не соглашался разстаться ни съ Спенсеромъ, ни съ столь же ненавистнымъ англичанамъ канцлеромъ Бальдокомъ. Впрочемъ, никто изъ приставшихъ къ королевѣ не думалъ о лишеніи Эдуарда короны, а тѣмъ менѣе жизни. Изъ Лондона, населеніе котораго приняло сторону Изабеллы, король бѣжалъ въ Уэльсъ, гдѣ Спенсеры считали свое вліяніе очень сильнымъ; но и тутъ его встрѣтили измѣна и опасность. Думая было искать спасенія въ Ирландіи, Эдуардъ не рѣшился однако пуститься въ море, и спрятался въ одномъ аббатствѣ Уэльса. Вступивъ послѣ него въ Лондонъ, королева заставила избрать своего сына протекторомъ королевства (стр. 56), а Эдуардъ былъ такъ безхарактеренъ, что прислалъ черезъ нѣсколько дней посольство къ женѣ и сыну, изъявляя готовность подчиниться всѣмъ ихъ требованіямъ. Между тѣмъ Изабелла отправила злѣйшихъ враговъ короля — графа глостерскаго, юриста Уильяма Трусселя, освобожденнаго ею изъ тюрьмы и назначеннаго верховнымъ судьею, и Генриха графа Ланкастерскаго, брата казненнаго, — отыскивать Эдуарда, обѣщая большое денежное вознагражденіе тому, кто откроетъ его убѣжище. Несчастный король былъ выданъ и схваченъ вмѣстѣ съ младшимъ Спенсеромъ и канцлеромъ Бальдокомъ. Старшій Спенсеръ попалъ еще ранѣе, при взятіи Бристоля, въ руки королевы. Она немедленно, безъ всякаго суда, велѣла казнить 90 лѣтняго старика позорною смертью: его повѣсили на висѣлицѣ, предназначенной для воровъ. Той же смерти предали и его сына, подведя его предварительно къ королевѣ и подвергнувъ разнаго рода оскорбленіямъ. Канцлера Бальдока, какъ духовнаго, нельзя было казнить безъ суда; его таскали изъ тюрьмы въ тюрьму и такъ мучили, что онъ умеръ отъ жестокаго обращенія. Остальные друзья короля, между прочими графъ Арондель, были казнены еще прежде. Главными дѣятелями этой отвратительной бойни были: епископъ герфордскій Орльтонъ и законовѣдъ, упомянутый нами уголовный судья, Труссель.

Умертвивъ друзей короля, они подвергли Эдуарда цѣлому ряду жестокихъ оскорбленій. Впрочемъ, самъ Ланкастеръ, подъ надзоромъ котораго онъ находился нѣкоторое время, хорошо обращался съ нимъ. Процессъ начался съ того, что двумъ лицамъ, наиболѣе оскорблявшимъ Эдуарда, было поручено вытребовать у него большую государственную печать. Затѣмъ Изабелла созвала въ Лондонѣ парламентъ, для низложенія мужа и возведенія на престолъ принца уэльсскаго, находившагося подъ вліяніемъ матери и Мортимера. Все было сдѣлано по ея желанію и притомъ съ большимъ эффектомъ (13-го января 1327 г.). Королева притворилась очень огорченною низложеніемъ своего мужа и велѣла сыну отказываться отъ короны, до тѣхъ поръ пока Эдуардъ добровольно не сложитъ ее. Чтобы вынудить у плѣннаго короля отреченіе, прибѣгли къ новымъ жестокостямъ, и парламентъ сдѣлался соучастникомъ въ преступленіи королевы. Онъ назначилъ коммисію, которая отправилась къ Эдуарду и обѣщаніями и угрозами принудила

злополучнаго короля подписать манифестъ къ народу. Между членами ея находились также Орльтонъ и Труссель. Самыя оскорбительныя церемоніи при отреченіи было поручено выполнить лицамъ, наиболѣе враждебнымъ Эдуарду. Епископъ Орльтонъ говорилъ рѣчь, Труссель отказался за парламентъ отъ повиновенія королю, а его бывшій первый придворный, измѣнникъ Томасъ Блоунтъ, переломилъ передъ нимъ скипетръ, символъ королевской власти. По совершеніи всѣхъ этихъ церемоній, народу объявили о вступленіи на престолъ несовершеннолѣтняго Эдуарда III и учрежденіи при немъ регентства. Вслѣдъ затѣмъ посыпались милости соучастникамъ королевы; ей самой былъ назначенъ огромный пенсіонъ, а всѣмъ приверженцамъ казненнаго Ланкастера возвращены ихъ имущества.

Дворянство и народъ не были, кажется, довольны этой революціей, и потому виновники ея оправдывали свои дѣйствія въ манифестахъ, придумывая въ то же время, какъ бы отдѣлаться отъ низложеннаго короля. Воспользовавшись распространеннымъ въ народѣ слухомъ о святости Ланкастера и всеобщею ненавистью къ Спенсерамъ, они старались увѣрить, что единственною ихъ цѣлью была месть убійцамъ Ланкастера и низверженіе временщиковъ, и придать своему преступленію видъ войны за возстановленіе нарушенныхъ государственныхъ законовъ. Съ тою же цѣлью регентство издало указъ, отмѣнявшій злоупотребленія, вкравшіяся вопреки великой хартіи свободы. Одинъ этотъ указъ и дала позорная революція народу, навсегда сохранившему новоприобрѣтенныя права. Новое правительство воспользовалось переворотомъ только для гибели Эдуарда. Въ апрѣлѣ онъ былъ взятъ у Ланкастера и переданъ Томасу Беркли и Джону Мальтраверсу, съ тѣмъ чтобы подвергнуть его звѣрствамъ, до которыхъ никогда не унизился бы графъ Ланкастеръ. Несчастнаго, очевидно, хотѣли нравственными мученіями довести до сумасшествія или извести разнаго рода физическими лишеніями; когда же ни то, ни другое не удалось, злодѣи прибѣгли къ явному насилію. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ Беркли и Мальтраверсъ таскали Эдуарда изъ замка въ замокъ, унижая, оскорбляя его и ругаясь надъ нимъ самымъ подлымъ и пошлымъ образомъ. Однажды, напримѣръ, они велѣли обрить ему бороду среди поля и для этого взять болотной воды. Намъ гадко описывать страшную смерть, придуманную злодѣями для того, чтобы скрыть слѣды насилія; но стоны страдальца и искаженныя черты его трупа открыли народу преступленіе. Настоящіе виновники злодѣйства старались возбудить негодованіе противъ лицъ, служившихъ имъ орудіями. Беркли и Мальтраверсъ искали спасенія въ бѣгствѣ. Беркли былъ схваченъ черезъ три года, въ Кастиліи, по требованію англійскаго правительства. Опасаясь его показаній, ему отрубили голову при переѣздѣ на кораблѣ. Мальтраверсъ, бѣжавшій въ Германію, былъ осужденъ черезъ четыре года по совершеніи преступленія. Но впослѣдствіи, за важныя услуги, оказанныя Эдуарду III въ войнѣ съ Франціей, онъ получилъ сначала дозволеніе пріѣхать въ Англію, для оправданія, а потомъ и полное прощеніе.

II. СѢВЕРНЫЯ И ВОСТОЧНЫЯ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ

ДО ПОЛОВИНЫ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

1 Вступленіе.

Въ первыя шесть столѣтій по паденіи западной римской имперіи, культура, возникшая изъ христіанства, остатковъ древне-римскаго образованія и изъ новѣйшей цивилизаціи мухаммеданскихъ государствъ Азіи, Африки, Сициліи и Испаніи, постепенно распространилась по Испаніи, Франціи, Германіи и Англіи. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ она проникла мало по малу въ Скандинавію и къ славянскимъ племенамъ, населявшимъ берега Балтійскаго моря. Въ эти страны цивилизація была внесена нѣмцами, находившимися въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Италіей и вошедшими, во время крестовыхъ походовъ, въ близкое соприкосновеніе съ Востокомъ. Нѣмцы способствовали не только переходу скандинавовъ къ ново-германской культурѣ, но и соединенію ихъ съ Германіею, — соединенію, сдѣлавшему Швецію и Данію достояніемъ германскихъ князей, а Норвегію жертвою эгоистической политики Ганзы, отъ которой она заимствовала первыя потребности болѣе развитой гражданской жизни. Въ то время какъ ново-германское образованіе постепенно прививалось къ скандинавамъ, чуждавшіеся его жители отдаленныхъ береговъ Балтійскаго моря, ливы, куры, эсты и пруссы, были истреблены или порабощены и сдѣланы крѣпостными. Но и въ этихъ отдаленныхъ странахъ нѣмецкіе рыцари и граждане подготовили прочное убѣжище ново-европейской цивилизаціи. Они основали, послѣ страшныхъ битвъ, нѣмецкую, рыцарскую республику, состоявшую, по образцу спартанской, изъ героевъ и гелотовъ (т. I. стр. 138). Одновременно возникли тамъ и нѣмецкія городскія общины, подорвавшія туземную торговлю привозомъ иностранныхъ товаровъ и издѣлій.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, рыцарскіе ордена получили, послѣ крестовыхъ походовъ, такое значеніе для исторіи Германіи и восточной Европы, какого они никогда не имѣли ни въ Англіи, ни во Франціи, центрѣ рыцарства. Съ другой же стороны, торговая дѣятельность, пробудившаяся въ сѣверо-германскихъ городахъ, начала уже съ тринадцатаго столѣтія оказывать рѣшительное вліяніе на развитіе и судьбу сѣвера и востока. Нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, когда произошло соединеніе городовъ, составившихъ такъ называемый ганзейскій союзъ; но обыкновенно начало Ганзы ведутъ отъ договора, заключеннаго между Гамбургомъ и Любекомъ въ 1241 г. (стр. 192).

Еще во времена Фридриха II, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, не только нижнесаксонскіе приморскіе и прирѣчные города, но и города, находившіеся внутри страны, какъ Мюнстеръ, Сестъ, Дортмундъ и Брауншвейгъ, посылали на иностранные рынки произведенія своего края и фабрикъ и составляли такъ называемыя гильдіи. Эти гильдіи были зародышемъ возникшей впослѣдствіи Ганзы или настоящаго союза городовъ, и, по всей вѣроятности, обязаны своимъ происхожденіемъ той же потребности, которая вызвала въ средніе вѣка образованіе рыцарскихъ орденовъ, ученыхъ и неученыхъ корпорацій и цеховъ. Въ началѣ главнымъ предметомъ торговли сѣверо-германскихъ городовъ были хлѣбъ и су-

кна. Вся торговля сукнами находилась въ рукахъ нѣмцевъ и нидерландцевъ, а хлѣбъ они дешево скупали у дворянства, всегда нуждавшагося въ деньгахъ, и снабжали потомъ мукою, пивомъ и медомъ сѣверъ — до Дронтгейма, и востокъ— до самаго Новгорода. Торговля съ сѣверомъ потому и была выгодна даже для внутреннихъ городовъ, что они могли скупать хлѣбъ у помѣщиковъ. Кромѣ того, сѣверо-германскіе города извлекали большую прибыль изъ рыболовства, вслѣдствіе частыхъ постовъ въ христіанскихъ странахъ; приготовленіе соленой и сушеной рыбы доставляло имъ выгодный мѣновой товаръ. Всѣ эти различные виды торговли уже издавна производились съ такою дѣятельностью, что нѣмцевъ можно было встрѣтить вездѣ на сѣверѣ, такъ какъ въ тѣ времена купецъ всегда сопровождалъ свой товаръ.

2. Норвегія.

Со временъ Канута Великаго (т. II. стр. 388) Норвегія, если исключить частые морскіе набѣги, военную службу норвежцевъ въ Константинополѣ и незначительное участіе ихъ въ крестовыхъ походахъ, не имѣла никакихъ сношеній съ остальной Европой. Торговая дѣятельность сѣверо-германскихъ городовъ и брачный союзъ, заключенный во второй половинѣ XIII столѣтія между норвежскимъ королемъ Магнусомъ VII и вымершею вскорѣ послѣ того шотландскою династіею (стр. 201), вновь придали Норвегіи значеніе въ ряду другихъ европейскихъ государствъ. Для исторіи Европы, послѣ Канута, важны царствованія Магнуса и его сына, Эриха II. При Магнусѣ Норвегія вступила въ союзъ съ германскими городами, а Эрихъ былъ отцомъ Маргариты, извѣстной подъ именемъ Дѣвы норвежской, ранняя смерть которой причинила столько бѣдствій Шотландіи, Англіи и Франціи.

Въ то время населеніе Норвегіи было гораздо многочисленнѣе нынѣшняго; оно почти не занималось земледѣліемъ, имѣя въ изобиліи только рыбу и мясо. Съ прекращеніемъ набѣговъ на земледѣльческія страны, норвежцы стали ощущать недостатокъ въ первыхъ жизненныхъ потребностяхъ, и это-то сдѣлало впослѣдствіи Норвегію главною цѣлью торговли сѣверо-германскихъ городовъ. Въ концѣ XIII стол. пало могущество Норвегіи и на морѣ. Оно было еще очень значительно при отцѣ Магнуса, Гаконѣ VI (1217—1263 г.), и возможность борьбы съ такими могущественными королями, какъ норвежскіе, даетъ самое лучшее понятіе о тогдашнемъ процвѣтаніи нѣмецкихъ городовъ. Негостепріимная Гренландія, съ которою норвежцы поддерживали частыя торговыя сношенія, и еще не обѣднѣвшая въ то время Исландія обогащали норвежскихъ королей; въ войнѣ съ Александромъ III (стр. 202) за шетлендскіе острова, Гаконъ могъ выставить весьма значительный флотъ. При немъ Норвегія находилась въ сношеніяхъ даже съ отдаленными, мухаммеданскими странами, какъ видно изъ норвежскихъ лѣтописей, говорящихъ о какомъ-то султанѣ, къ которому Гаконъ отправилъ пословъ съ подарками. Но развитіе внѣшней жизни далеко не соотвѣтствовало такому процвѣтанію морскихъ силъ. Такъ, напримѣръ, Гаконъ, за недостаткомъ обширнаго помѣщенія, долженъ былъ праздновать на кораблѣ свое вступленіе на престолъ. Впрочемъ уже при этомъ королѣ нѣмецкіе приморскіе города начали знакомить сѣверъ съ наслажденіями и удобствами нѣмецкой или, вѣрнѣе, итальянской жизни. Это видно изъ того, что Гаконъ праздновалъ уже на твердой землѣ свадьбу своего сына Магнуса. На пиръ съѣхались издалека иностранные купцы, и въ погребахъ сѣвернаго государя достало вина, чтобы напоить тысячу девять сотъ человѣкъ гостей.

Съ Магнусомъ VII (1263—1281 г.) настала для Норвегіи эпоха новаго рода процвѣтанія, а для нѣмецкихъ купцовъ блистательная пора ихъ торговли на сѣверѣ. Во все продолженіе своего царствованія, Магнусъ стремился гораздо болѣе къ просвѣщенію подданныхъ, чѣмъ къ походамъ и набѣгамъ. Но введенная имъ чужеземная цивилизація и вліяніе духовныхъ, пользовавшихся покровительствомъ короля, сломили прежнюю крѣпость норвежцевъ и привели къ тому, что при лучшемъ изъ правителей померкла древняя слава Норвегіи. Онъ поощрялъ

многочисленныхъ норвежскихъ поэтовъ, изъ пѣсенъ которыхъ возникли впослѣдствіи норвежскія лѣтописи Торфеуса (т. II, стр. 399), и покровительствовалъ исландскимъ пѣвцамъ, воспѣвавшимъ баснословные подвиги героевъ (т. II стр. 370 и 371). Но болѣе всего прославился Магнусъ своимъ законодательствомъ, доставившимъ ему почетное названіе Лагабеттера (*улучшителя законовъ*). Онъ *собралъ* въ одинъ сводъ старинные уставы и судебные обычаи, наполнивъ пробѣлы новыми постановленіями. Желая упрочить за своею столицею, Бергеномъ, преимущества торговыхъ нѣмецкихъ городовъ, норвежскій король дозволилъ нѣмецкимъ купцамъ устроить въ немъ товарные склады. Эту привилегію онъ ограничилъ однако извѣстнымъ временемъ года, чтобы дать возможность и норвежцамъ сбывать свои товары. Нѣмцы привезли въ Бергенъ своихъ ремесленниковъ, обогатили городъ, ввели полезныя ремесла, и этимъ такъ расположили къ себѣ короля, что онъ далъ имъ вскорѣ новыя привилегіи. Между прочимъ, имъ было разрѣшено строить въ Бергенѣ дома, образовавшіе вскорѣ новый кварталъ. Около 1277 г., нѣмецкая факторія въ Бергенѣ составляла родъ особаго государства въ государствѣ, управляемаго своими выборными и своими законами.

Сыну и преемнику Магнуса, Эриху II (1281—1299 г.), пришлось поплатиться за чрезмѣрное покровительство, оказанное его отцомъ торговлѣ и промышленности заграничныхъ купцовъ и мудрой учености духовныхъ. Желая уничтожить въ Норвегіи средневѣковую религію, іерархію и цивилизацію и снова обратить норвежцевъ къ правиламъ и суровости старины, Эрихъ не только былъ вовлеченъ въ борьбу съ духовенствомъ, заслужившую ему названіе врага попова, но и безуспѣшно старался вытѣснить изъ государства германскихъ купцовъ. Мы уже говорили прежде (стр. 201), какое важное вліяніе имѣлъ на судьбу Шотландіи, Англіи и Франціи бракъ его съ дочерью и наслѣдницею шотландскаго короля. Умерщвленіе датскаго короля, Эриха VII, вовлекло Эриха II въ войну съ Даніей. Поводъ къ этой войнѣ и способъ ея веденія доказываютъ ясно, что Эрихъ стремился уничтожить въ своемъ государствѣ занесенную въ него чужеземную цивилизацію и пробудить въ норвежцахъ древній норманскій духъ. Онъ взялъ подъ свою защиту убійцъ датскаго короля, помогалъ ихъ разбойническимъ набѣгамъ на Данію и вступилъ въ союзъ съ однимъ могущественнымъ морскимъ разбойникомъ. Этотъ разбойникъ, подобно африканскимъ пиратамъ XVIII столѣтія, былъ *грозою* всѣхъ береговъ и такъ *прославился своею ловкостью и храбростью*, что сѣверные пѣвцы называютъ его въ своихъ пѣсняхъ вторымъ Роллономъ (т. II стр. 392). Весь сѣверъ пришелъ тогда въ волненіе, и нѣмецкіе города на Везерѣ, Эльбѣ и вендскихъ берегахъ выступили какъ могущественное государство, на ряду съ Англіей и Норвегіей. Поссорившись съ ними еще прежде, Эрихъ конфисковалъ въ Бергенѣ ихъ товары и задержалъ корабли. Нѣмецкіе города, съ своей стороны, всячески препятствовали подвозу въ Норвегію муки и пива, что было очень чувствительно для норвежцевъ, развившихъ у себя въ теченіе столѣтія привычки другихъ странъ. Чтобы парализовать враждебныя дѣйствія нѣмцевъ, Эрихъ старался особыми привилегіями отдѣлить Бременъ отъ другихъ враждебныхъ городовъ. Связь городовъ была въ то время еще такъ непрочна, что бременцы и позднѣе остались союзниками Норвегіи, въ войнѣ ея съ нѣмецкими городами, снова вспыхнувшей послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ примиренію. Когда споръ возникъ вторично, Эрихъ старался вооружить противъ нѣмецкихъ республикъ *сосѣднихъ государей*. Онъ *примирился* съ датскимъ королемъ, *обратился къ* англійскому королю, Эдуарду I, съ которымъ еще прежде заключилъ договоръ о взаимной защитѣ противъ союза, и шведскому королю, Магнусу I, предоставивъ ему третейскій судъ въ спорѣ съ Ганзою. Но и на этотъ разъ ему пришлось уступить купцамъ. На кальмарскомъ конгрессѣ, куда каждый изъ ганзейскихъ городовъ отправилъ по два депутата, Магнусъ рѣшилъ, что Эрихъ долженъ возвратить отнятыя суда, уплатить шесть тысячъ марокъ вознагражденія и распространить на города Камненъ, Стаференъ и Гренингенъ привилегіи, предоставленныя нѣмецкимъ купцамъ въ Бергенѣ. Это рѣшеніе легло въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ договоровъ съ Ганзою; имъ обусловливался характеръ ихъ отношеній къ сѣверу. Въ 1294 г., послѣ новой войны, ганзейцы получили право исключительной торговли предметами первой необходимости и были освобождены

отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей въ странѣ, гдѣ оставались только до тѣхъ поръ, пока не наживали себѣ состоянія.

Сынъ Эриха, Гаконъ VII, не только утвердилъ всѣ эти привилегіи, но и добавилъ ихъ новыми. Упадокъ Норвегіи, вслѣдствіе занесенныхъ въ нее чуждыхъ народу потребностей и чужеземной цивилизаціи, сдѣлался неотвратимъ; его ускорили, въ царствованіе Гакона, нѣсколько разъ повторявшіяся замлетрясенія и другіе климатическіе перевороты. Особенно пострадала въ то время Исландія отъ страшнаго изверженія Геклы. Это нѣкогда цвѣтущее и важное владѣніе Норвегіи, теряя съ каждымъ десятилѣтіемъ свое значеніе, сдѣлалось наконецъ только тягостью для Даніи, соединившейся съ Норвегіею. По смерти Гакона (1319 г.), исторія Норвегіи сливается съ исторіею Даніи и Швеціи.

3. Данія.

Обширныя завоеванія, сдѣланныя Вальдемаромъ I и обоими его сыновьями по германскому берегу Балтійскаго моря до самой Эстляндіи, были, какъ мы уже говорили (стр. 168), внезапно утрачены. Вальдемару II осталось, отъ дальнихъ владѣній датчанъ въ чужихъ краяхъ, только право верховной власти надъ Эстляндіей и небольшимъ пространствомъ Лифляндіи. Но возраставшее вліяніе нѣмецкихъ городовъ въ Эстляндіи и могущество ордена меченосцевъ въ Лифляндіи дѣлали и это право скорѣе бременемъ для датскихъ королей. Уже при Вальдемарѣ II, слѣдовательно, еще прежде Норвегіи, Данія почувствовала могущество Ганзы: въ 1234 г. датчане потерпѣли отъ любчанъ сильное пораженіе на морѣ.

По смерти Вальдемара (1241 г.) государство было раздѣлено между его сыновьями, тотчасъ начавшими между собой борьбу; ею воспользовались любчане, окончательно подорвавшіе морскія силы, а вмѣстѣ съ ними и самое значеніе Даніи. Впрочемъ, относительно нападенія любчанъ на Копенгагенъ и прославленнаго впослѣдствіи покоренія этого города, не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ въ то время ничтожнымъ мѣстомъ. Распря между братьями кончилась тѣмъ же, чѣмъ обыкновенно кончались войны въ средніе вѣка: обѣднѣніемъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ и увеличеніемъ нищеты страдавшихъ за дворянство крестьянъ. Вслѣдъ за тѣмъ старшій изъ братьевъ, Эрихъ VI, получившій по волѣ отца королевскій титулъ и верховную власть надъ всѣми странами, возъимѣлъ несчастную мысль пожертвовать послѣдними силами датчанъ для поддержанія призрачной власти въ Эстляндіи. Приготовленія къ походу окончательно истощили страну. Эрихъ установилъ налогъ на каждый плугъ и этимъ возбудилъ къ себѣ такую ненависть, что въ насмѣшку былъ прозванъ Плогпеннигомъ (Plogpennig). Онъ былъ убитъ братомъ Авелемъ, не успѣвъ еще окончить всѣхъ приготовленій къ войнѣ. Приглашенный къ брату, Эрихъ дорогою подвергся нападенію подкупленныхъ Авелемъ убійцъ, которые отрубили ему голову и, привязавъ къ трупу свинецъ и камни, утопили его въ рѣкѣ (1250 г.). Это убійство, доказывающее упадокъ просвѣщенія у датчанъ, придало еще болѣе могущества аристократіи, т. е. епископамъ и владѣтельному дворянству. Поселяне не имѣли никакого голоса на сеймахъ и почти такъ же ничтожно было значеніе еще неразвившихся въ то время городовъ. Аристократы стали произвольно распоряжаться престоломъ, сдѣлавшись сильнѣе самого короля, знавшаго, что онъ царствуетъ по ихъ волѣ, а не по праву рожденія. Они избрали Авеля, за поручительствомъ двадцати четырехъ рыцарей, заставивъ ихъ подтвердить присягою его невинность въ умерщвленіи брата.

При вступленіи на престолъ Авеля, города, единственная опора и источникъ доходовъ королей, были заложены; рѣшившись ихъ выкупить, онъ предписалъ чрезвычайный налогъ. Этотъ налогъ, утвержденный сеймомъ, былъ уплаченъ датчанами, какъ кажется, безъ сопротивленія. Свободные же, береговые или сѣверные фрисландцы, жившіе въ Шлезвигѣ, около дитмаршенцевъ, отказались внести его, говоря, что обязались платить только установленную годовую подать, и, въ отвѣтъ на насиліе, взялись за оружіе. Датчане жестоко опустошали ихъ страну, и только въ болотахъ и рвахъ могли они держаться противъ рыцарской

конницы. Но однажды, когда войско датчанъ неосторожно расположилось лагеремъ въ такой мѣстности, гдѣ могла дѣйствовать только пѣхота, фрисландцы напали на нихъ и нанесли имъ страшное пораженіе. Пѣхота датчанъ, какъ обыкновенно въ феодальныхъ войскахъ, была самая жалкая; фрисландцы, напротивъ, своеобразно вооруженные, подобно щвейцарцамъ и дитмаршенцамъ, отлично дрались въ привычной имъ мѣстности. Замѣтивъ ихъ приближеніе, датчане, не ожидая даже нападенія, поспѣшно бѣжали и понесли значительный уронъ. Король снова собралъ бѣжавшихъ, одержалъ нѣсколько побѣдъ, но вслѣдъ затѣмъ погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Сѣверные фрисландцы одержали эту побѣду въ 1252 г., четыре года спустя послѣ того, какъ ихъ одноплеменники, западные фрисландцы, убили Вильгельма Голландскаго въ борьбѣ за свои демократическія права (стр. 177). Это благородное племя свободныхъ людей заслуживаетъ большей славы, чѣмъ норманны и швейцарцы. Всегда храбро отстаивая свою независимость, оно никогда не пускалось за моря, для покоренія чужихъ земель, подобно норманнамъ, и никогда не нанималось, какъ это дѣлаютъ швейцарцы, въ службу иностранныхъ владѣтелей, для лишенія свободы и угнетенія другихъ народовъ.

Авель оставилъ одного сына, который, возвращаясь изъ Парижа, гдѣ онъ учился, былъ взятъ въ плѣнъ архіепископомъ кёльнскимъ, напавшимъ на него по обычаю рыцарей того времени и арабовъ и курдовъ всѣхъ временъ. Германскіе епископы въ средніе вѣка обращали на международныя и человѣческія права такъ же мало вниманія, какъ и датскіе короли. На престолъ Даніи вступилъ братъ Авеля, Христофоръ I, избранный баронами и прелатами, положившими передъ тѣмъ корону на голову братоубійцы. Племяннику, выкупленному изъ плѣна за огромную сумму графомъ голштинскимъ, король только послѣ кровопролитной борьбы уступилъ герцогство шлезвигское, доставшееся Авелю въ наслѣдство. При Христоферѣ I Данія много терпѣла отъ войнъ съ графомъ голштинскимъ и его союзникомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, отъ грабежей любчанъ и нападенія соединенныхъ силъ королей шведскаго и норвежскаго. Въ то же время почти окончательно порвалась слабая связь, соединявшая Данію съ Эстляндіей и Лифляндіей, гдѣ, съ ослабленіемъ могущества датчанъ, возрастало вліяніе Ганзы и меченосцевъ, пріобрѣвшихъ новую силу соединеніемъ съ тевтонскимъ орденомъ.

Затруднительнымъ положеніемъ Христофора воспользовался упрямый Іаковъ Эрландсонъ, для того чтобы распространить и на Данію права папы. Назначенный архіепископомъ Лунда въ награду за содѣйствіе, оказанное (стр. 130) Иннокентію IV противъ Фридриха II, на ліонскомъ соборѣ, Эрландсонъ сдѣлался черезъ это нѣкоторымъ образомъ патріархомъ всей Скандинавіи. По существовавшему въ Даніи каноническому праву, онъ не могъ принять епископства безъ предварительнаго согласія короля. Но Эрландсонъ не сталъ дожидаться утвержденія Христофора и позволилъ себѣ разнаго рода произвольные поступки, противные датскимъ церковнымъ законамъ. Король жаловался на него сейму, потомъ вторично созвалъ свѣтскихъ бароновъ, уполномочившихъ его силою принудить къ повиновенію дерзкаго епископа, сдѣлавшагося еще наглѣе. Христоферъ прибѣгнулъ противъ него и другихъ соединившихся съ нимъ епископовъ къ средству, употребляемому впослѣдствіи съ успѣхомъ противъ духовенства германскимъ императоромъ и англійскимъ королемъ (стр. 191 и 208). Онъ объявилъ, что имѣнія и доходы духовенства не находятся болѣе подъ защитою свѣтской власти, и отдалъ ихъ на жертву грабежу рыцарей и ихъ слугъ. Епископы, съ своей стороны, возстановили противъ дворянства грубое, презираемое ими, сословіе поселянъ и произвели такое волненіе, что Христоферъ велѣлъ заключить въ тюрьму архіепископа. Другіе епископы предали его за то отлученію и запретили духовенству совершать богослуженіе. Хотя приказаніе ихъ исполнялось въ немногихъ мѣстахъ, но разрывъ короля съ духовенствомъ постоянно возрасталъ, богослуженіе было пріостановлено и духовные вмѣсто мира проповѣдывали неповиновеніе и возстаніе противъ властей. Одинъ изъ нихъ, думая сдѣлать благородное дѣло, отравилъ короля причастіемъ (1259 г.).

Христоферъ оставилъ малолѣтняго сына, Эриха VII Глиппинга, именемъ котораго управляла нѣкоторое время, въ качествѣ регентши, его мать Маргарита. Соединясь съ сыномъ Авеля, Эрихомъ, графомъ шлезвигскимъ, и призвавъ

тестя Эриха, князя рюгенскаго Яромира и графовъ голштинскихъ, епископы поспѣшили воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ осаждаемой со всѣхъ сторонъ женщины. Вскорѣ въ Зеландіи, Шлезвигѣ и Ютландіи возгорѣлась страшная война, бѣдственная въ особенности для несчастныхъ поселянъ. Въ 1261 г. Маргарита освободила архіепископа, но война все-таки не прекратилась. Эрландсонъ уступалъ правительницѣ еще менѣе, чѣмъ ея мужу. Въ то же время графъ Эрихъ требовалъ, чтобы герцогство шлезвигское было признано, по германскому обычаю, его наслѣдственнымъ владѣніемъ. Въ сраженіи при Шлезвигѣ, въ Логайдерской долинѣ (1261 г.), молодой король былъ разбитъ на голову и попалъ, вмѣстѣ съ матерью, въ руки голшинскихъ графовъ. Онъ былъ преданъ Оттону III, маркграфу бранденбургскому, требовавшему за оказанныя услуги слишкомъ большаго денежнаго вознагражденія; королева осталась въ рукахъ голштинцевъ. За обоихъ вступился ихъ близкій родственникъ, герцогъ брауншвейгскій Альбрехтъ Великій. Съ помощью любчанъ, онъ ворвался въ Голштиндію и при содѣйствіи папскаго легата, настоялъ на освобожденіи королевы, назначившей его правителемъ государства. Освобожденіе Эриха VII, за котораго маркграфъ потребовалъ огромный выкупъ, послѣдовало цѣлымъ годомъ позже, черезъ бракъ его съ племянницею Оттона. Какъ правитель, Альбрехтъ вовсе не заслужилъ прозваніе великаго. Онъ только мстилъ врагамъ королевы, притѣснялъ духовенство и возбудилъ къ себѣ такую ненависть, что былъ принужденъ бѣжать изъ Даніи (1263 г.).

По возвращеніи короля, возобновилась борьба съ духовенствомъ. Іакову Эрландсону и тремъ епископамъ было велѣно выѣхать изъ государства, а папскій легатъ снова наложилъ на Данію интердиктъ, соблюдавшійся опять только въ немногихъ мѣстахъ; духовное и свѣтское сословія съ дикимъ буйствомъ дрались между собой; всякій порядокъ былъ нарушенъ и угнетеніе несчастныхъ датскихъ поселянъ завершилось введеніемъ крѣпостнаго права. При всемъ томъ, Эрихъ былъ человѣкъ твердый, энергическій, предпріимчивый и окончилъ борьбу съ духовенствомъ удачнѣе, чѣмъ кто-либо изъ европейскихъ королей. Видя, что датчане не обращаютъ вниманія на поднятый имъ гвалтъ, т. е. употребляютъ самое вѣрное средство для усмиренія духовенства, оно, при посредничествѣ папы, примирилось на церковномъ соборѣ съ королемъ, въ пользу котораго былъ оконченъ споръ. Въ Шлезвигѣ Эрихъ также возстановилъ свои права, и пріобрѣлъ себѣ славу въ Швеціи, вмѣшавшись въ ея внутреннія раздоры. Но всѣ его старанія удержать свои права верховной власти надъ Эстляндіей и Лифляндіей и сохранить за датчанами находившуюся въ ихъ рукахъ торговлю между этими странами и Италіею, остались напрасными. Торговля перешла къ ганзейскимъ городамъ, получившимъ отъ Эриха множество привилегій, льготъ и даже право собственнаго суда.

Измѣненіемъ государственныхъ и церковныхъ законовъ Эрихъ еще болѣе замѣчателенъ, чѣмъ своею воинственностью. Оставляя законовѣдамъ изложеніе и разборъ всего законодательства, мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ его постановленій, чтобы сравнить тогдашнія понятія о правѣ и администраціи съ нынѣ господствующими; предоставивъ судебную власть, за немногими исключеніями и ограниченіями, духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ и уничтоживъ народные суды, Эрихъ лишилъ угнетенный народъ послѣднихъ остатковъ свободы, постепенно исчезавшей въ теченіе XII XIII столѣтій. Вообще законы Эриха передали духовенству и дворянству всѣ права народа. Въ 1282 г. дворянство и духовенство получили отъ него замѣчательную грамату, въ которой о народѣ даже не было упомянуто. Этою граматою король обѣщалъ имъ ежегодно созывать государственный сеймъ (такъ называемый Dänenhof), не подвергать никого, безъ судебнаго приговора, заключенію или наказанію, и позволялъ избавляться отъ наказанія добровольнымъ изгнаніемъ. Сверхъ того онъ обязывался слѣдовать со всею строгостью законамъ Вальдемара II, особенно относящимся до церкви. Въ полицейскихъ предписаніяхъ Эриха видѣнъ тотъ же характеръ, какъ и въ законодательствахъ другихъ государствъ того времени (стр. 222): правительство ведетъ постоянную войну съ модою. На одномъ изъ сеймовъ было, напримѣръ, постановлено, чтобы никто не украшалъ одежды золотомъ или серебромъ, не стыдился носить платья долѣе года, и даже королю запрещено носить разрѣз-

ную одежду. Сеймъ обратилъ также особенное вниманіе на торговлю пивомъ, подчиненную подобнаго же рода постановленіямъ. Эрихъ обязалъ духовенство и монастыри давать пріютъ путешественникамъ и велѣлъ заводить гостиницы. Относительно убійства было постановлено, чтобы убійца вознаграждалъ родственниковъ убитаго наличными деньгами, а не товаромъ или скотомъ. При этомъ было смутно выражено дозволеніе старинной кровной мести, такъ какъ она допускалась, но только по жизни убійцы, и даже король не могъ задерживать родственниковъ убійцы для уплаты пени.

Огромныя привилегіи бароновъ, вслѣдствіе которыхъ нѣсколько сотъ человѣкъ составляли государство, а остальные — жалкую, подавленную массу рабовъ, повели за собой требованія еще большихъ правъ, предъявляемыя дворянствомъ при каждомъ новомъ избраніи. Эрихъ сдѣлался также жертвою олигархіи рыцарей и одного изъ ихъ хищныхъ богатырей. Онъ глубоко оскорбилъ маршала Стиго, въ лицѣ его жены, поступивъ съ нею, какъ самый грубый дикарь. Стиго сговорился съ нѣсколькими другими вельможами отмстить королю, и Эрихъ былъ умерщвленъ ими во время сна (1286 г.). Скрывшись на нѣкоторое время въ Даніи, убійцы бѣжали потомъ къ норвежскому королю, принявшему ихъ подъ свою защиту, присоединились къ норвежскимъ пиратамъ и стали дѣлать набѣги на Данію. Стиго основалъ свой притонъ на одномъ островѣ, укрѣпилъ его и до самой смерти славился страшными разбоями.

Вмѣстѣ съ большинствомъ бароновъ и даже съ первымъ духовнымъ лицомъ государства, въ убійствѣ короля, вѣроятно, принималъ большее или меньшее участіе и ближайшій его родственникъ, Вальдемаръ Шлезвигскій. Оправданный однако судомъ, онъ, какъ ближайшій родственникъ Эриха VIII Мённведа, одиннадцатилѣтняго сына убитаго короля, былъ избранъ правителемъ государства. Молодой король, вступившій черезъ нѣсколько лѣтъ въ управленіе, выказалъ кроткій и мягкій характеръ. При упадкѣ Даніи, безпрестанные набѣги и разбои норвежцевъ, поддерживаемыхъ убійцами отца Эриха, производили въ ней страшныя потрясенія. Эрихъ VIII просилъ помощи у Швеціи и Германіи. Съ шведскимъ королемъ, Магнусомъ I, онъ заключилъ договоръ и двойной брачный союзъ, а германскимъ городамъ, также терпѣвшимъ отъ пиратовъ, предложилъ дѣйствовать противъ нихъ соединенными силами. Въ то время датскій король сталъ хлопотать о принятіи его въ ганзейскій союзъ, надѣясь достичь этого тѣмъ скорѣе, что незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ право протекторства надъ Ростокомъ, однимъ изъ союзныхъ городовъ. Но ганзейцы были слишкомъ умны и слишкомъ дорожили независимостью чтобы сдѣлать его членомъ или главою союза. Верховная власть надъ Ростокомъ втянула короля во всѣ ссоры мекленбургскихъ владѣтелей. Предполагали, что Эрихъ втайнѣ стремится возстановить древнее балтійское государство Вальдемара II, тѣмъ болѣе, что его мать вышла 1293 года за графа голштейнъ-кильскаго и доставила сыну помощь своего родственника, маркграфа бранденбургскаго и Голштиніи.

Эриху, и безъ того впутанному въ безконечныя ссоры своими отношеніями къ Германіи, пришлось еще вести борьбу съ духовенствомъ и властолюбивымъ Бонифаціемъ, — борьбу, окончившуюся въ пользу папы, присвоившаго себѣ свѣтскую власть. Архіепископъ Лунда, Іенсъ Грандъ, подозрѣваемый какъ участникъ въ убійствѣ Эриха VII, вступилъ въ управленіе своей епархіей безъ разрѣшенія короля и различнымъ образомъ оскорблялъ его. Поэтому, когда противъ Гранда выступилъ съ показаніями его племянникъ, одинъ изъ заговорщиковъ, Эрихъ поступилъ съ нимъ со всею жестокостью и несправедливостью того желѣзнаго, варварскаго времени. Онъ велѣлъ схватить его, мучить и бросить въ страшную темницу, гдѣ закованный архіепископъ боролся съ голодомъ и нуждою. Хороши должны были быть жестокіе владѣтели, когда самый добродушный изъ нихъ позволялъ себѣ такія мерзости! Поступокъ короля навлекъ на него отлученіе отъ церкви, интердиктъ и требованіе явиться въ Римъ. Архіепископу между тѣмъ удалось бѣжать изъ тюрьмы. Эрихъ продолжалъ варварски обращаться съ духовенствомъ и лундскою церковью, но наконецъ отправилъ такп своего канцлера въ Римъ, куда явился и Іенсъ Грандъ. Папа назначилъ формальный судъ надъ датскимъ королемъ. Этимъ борьба не кончилась. Она длилась до тѣхъ поръ, пока Эрихъ (хотя датчане по прежнему не обращали большаго

вниманія на папскій интердиктъ) не пожертвовалъ правами страны личному интересу и своей ненависти къ архіепископу. Онъ склонился передъ папою, призналъ его своимъ судьею и принялъ (1303 г.) знаменитую буллу Unam Sanctam, подчинявшую свѣтскую власть духовной и возбудившую всеобщій протестъ (стр. 216). Обрадованный подчиненіемъ датскаго короля, Бонифацій удалилъ Гранда изъ Даніи, давъ ему денежное вознагражденіе.

Какъ ни глядѣть на этотъ поступокъ Эриха, но несомнѣнно, что онъ принесъ ему пользу, развязавъ руки и давъ возможность вознаградить себя вдвойнѣ за сдѣланную папѣ уступку. Онъ отнялъ у Вальдемара Шлезвигскаго острова, присвоенные герцогомъ во время регентства, принялъ подъ свою защиту крестьянъ и, воспользовавшись волненіями въ Голштиніи и Мекленбургѣ, предъявилъ свои верховныя права на эти герцогства и даже на Любекъ. Значеніе императора, хотя слабо, но все еще сохранившееся въ южной и средней Германіи, было окончательно утрачено въ сѣверной; города, графы и владѣтели Голштиніи и Мекленбурга не боялись болѣе своего верховнаго судьи, но за то и не могли надѣяться на его защиту. Вслѣдствіе того мелкія государства раздробленной Германіи вели между собой бозконечныя войны, которыми пользовался сосѣдній датскій король, чтобы навязывать имъ свое покровительство. Въ особенности демократическое устройство дитмаршенцевъ, дѣлавшихъ частые набѣги на сосѣдей, и постоянно возвраставшее могущество и богатство городовъ были бѣльмомъ на глазу у графовъ и бароновъ, угнетавшихъ крестьянъ подъ крѣпостнымъ правомъ. Въ 1289 г. голштинскіе графы, поссорившись съ своимъ рыцарствомъ, выгнали его изъ своихъ владѣній. Изгнанные вассалы мстили опустошительными набѣгами, сдѣлавшими опасными всѣ дороги и превратившими страну между Биллемъ и Травою въ совершенную пустыню. Вынужденный этими обстоятельствами вмѣшаться въ опасную войну, Любекъ долженъ былъ, подобно Флоренціи, незадолго передъ тѣмъ признавшей верховное владычество Неаполя (стр. 166), признать своимъ покровителемъ датскаго короля. Вскорѣ графы голштинскіе и герцогъ Генрихъ Мекленбургскій также признали верховное владычество Эриха VIII, и казалось, что прежнее датское государство по сю сторону Балтійскаго моря было близко къ своему возстановленію. Эрихъ могъ даже надѣяться возвратить утраченныя въ Эстляндіи и Лифляндіи права, не смотря на то, что былъ замѣшанъ въ споры шведовъ и велъ борьбу съ своимъ властолюбивымъ братомъ, впослѣдствіи королемъ Христофоромъ II, и съ возставшимъ ютландскимъ дворянствомъ. Но возраждавшійся блескъ Даніи продолжался недолго; для поддержанія королевскаго значенія и вліянія внутри государства были нужны средства, обогащавшія только германскихъ князей и рыцарей. По смерти Эриха оказалось, что коронныя владѣнія, доходы съ которыхъ назначались на издержки по управленію и на содержаніе двора, были почти всѣ заложены германскимъ князьямъ и рыцарямъ, помогавшимъ Эриху блистать на берегахъ Балтійскаго моря.

Въ 1319 г. умеръ Эрихъ Мёнведъ, и датскіе бароны, еще болѣе своевольные и грубые, чѣмъ германскіе, присвоили себѣ власть избирать королей по собственному желанію. Нескончаемыя войны Христофора II съ Эрихомъ дали имъ поводъ не допускать его до престолонаслѣдія до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился уступить новыхъ привилегій дворянству, въ ущербъ королевской власти и народу. Послѣ двухъ-мѣсячныхъ переговоровъ, они признали наконецъ Христофора королемъ, а его сына Эриха соправителемъ; но заставили короля подписать предварительно капитуляцію. Не обращая вниманія на то, что почти всѣ коронныя владѣнія находились въ чужихъ рукахъ, бароны, составлявшіе этотъ договоръ, запретили королю всякій налогъ на нихъ, — условіе, о которомъ можно было заранѣе сказать, что оно невыполнимо. Содержаніе этой конституціи, съ связи съ событіями ближайшаго времени, доказываетъ, какъ легко дѣлать какія угодно постановленія, давать самыя прочныя ручательства, и какъ трудно, почти невозможно, выполнять сотую даже ихъ часть. Новое датское уложеніе, хотя въ немъ и не было упомянуто о бѣдныхъ крестьянахъ, заключало въ себѣ превосходныя постановленія. Вмѣстѣ съ свободою торговли и привилегіями высшаго дворянства и духовенства, оно обезпечивало также права купцовъ, извѣстнаго класса свободныхъ гражданъ и низшаго дворянства. Въ немъ были ясно опредѣлены весь ходъ судопроизводства и подвѣ-

домственность различныхъ судебныхъ инстанцій: всякій зналъ, какимъ судомъ его можно судить и былъ увѣренъ, что гласное судопроизводство ограждаетъ его личность и собственность. Подсудимому было предоставлено—хотя, быть можетъ, и не изъ совсѣмъ чистыхъ побужденій — апелировать къ королю и сейму. За сеймомъ, который долженъ былъ ежегодно собираться, была сохранена безграничная свобода преній, и король не имѣлъ права требовать у членовъ отчета въ ихъ словахъ.

Папа также не упустилъ случая извлечь выгоды изъ тогдашняго положенія Даніи. Пользуясь обстоятельствами, онъ старался поставить коронованіе датскихъ королей, подобно коронованію германскихъ императоровъ, въ зависимость отъ каприза архіепископовъ и жадности Рима. Христоферъ и его сынъ были коронованы только тогда, когда удовлетворили корыстолюбивымъ требованіямъ датскаго архіепископа и папскаго легата (1322 г.). Папа объявилъ сейму, что не признаетъ коронаціи, которая не будетъ совершена или одобрена архіепископомъ. Чтобы оградить себя отъ своеволія датскихъ феодаловъ, Христоферъ прибѣгнулъ къ союзу съ сосѣдними германскими князьями; но эта помощь дорого обошлась ему. Желая оторвать отъ Германіи герцогство шлезвигское и снова присоединить его къ Даніи, онъ заключилъ договоръ съ Людовикомъ Баварскимъ, который, нуждаясь въ союзникахъ для борьбы за императорскій престолъ, помолвилъ своего сына Людовика Бранденбургскаго съ дочерью Христофора, Маргаритою (1325 г.). Виды датскаго короля на Голштинію вовлекли его въ несчастную войну съ графомъ голштинскимъ Гергардомъ, пріобрѣвшимъ себѣ названіе Великаго въ войнѣ съ двумя другими голштинскими графами и союзниками ихъ дитмаршенцами. Въ Голштиніи, съ упадкомъ ослабленнаго разъединеніемъ Шауэнбургскаго дома (стр. 170), возвысились три воинственныхъ и сильныхъ князя: Іоаннъ Кроткій Вагрійскій, Іоаннъ Штормарнскій и Гергардъ Великій Рендсбургскій. Небогатый графъ рендсбургскій храбростью и счастіемъ достигъ богатства и могущества, прославился въ войнѣ съ своими противниками и увеличилъ свою славу побѣдою (1317 г.) надъ дитмаршенцами, производившими опустошительные набѣги на Голштинію. Эта побѣда побудила все рыцарство того края соединиться противъ ненавистной имъ крестьянской республики, какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ они соединились противъ штединговъ (стр. 173). Гергардъ Велпкій, Іоаннъ Штормарнскій, Генрихъ Мекленбургскій и одиннадцать бароновъ ворвались въ республику. Превосходство непріятельскихъ силъ воодушевило дитмаршенцевъ къ отчаянному сопротивленію, и они одержали такую же побѣду, какъ незадолго передъ тѣмъ швейцарцы при Моргартенѣ. Благопріятствуемые сухою погодой, рыцари овладѣли всей страною, непроходимою во время дождей, и, разбивъ поселянъ при новой встрѣчѣ, казалось, нанесли имъ рѣшительный ударъ. Дома, построенные въ этой болотистой странѣ на холмахъ, и церкви, стоящія на возвышеніяхъ, были обращены въ крѣпости. Главною крѣпостью была ольденвюрденская церковь. Запертые въ этомъ укрѣпленіи дитмаршенцы предлагали капитуляцію, но рыцари отвергли ихъ просьбу, намѣреваясь сжечь крестьянъ въ церкви. Пропустивъ удобное время для исполненія своего намѣренія, они дали возможность собраться крестьянамъ этой мѣстности, окружившимъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ прошло и благопріятное для рыцарей время года. Воспользовавшись тогда погодою и своимъ положеніемъ, крестьяне, вооруженные приспособленнымъ къ мѣстности оружіемъ, нанесли дворянамъ страшное пораженіе, перебивъ до двухъ тысячъ человѣкъ; изъ четырнадцати предводителей только двое остались въ живыхъ (1322 г.).

Счастливѣе дѣйствовалъ Гергардъ въ войнѣ съ Христоферомъ, съ самаго начала царствованія возбудившимъ неудовольствіе дворянства неисполненіемъ подписанной конституціи. По смерти Эриха Шлезвигскаго (1325 г.), Христоферъ присвоилъ себѣ это герцогство, но Гергардъ, какъ дядя Вальдемара, сына Эриха, принявъ опеку надъ нимъ, выступилъ противъ датскаго короля и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Недовольные бароны присоединились къ побѣдителю короля; противъ него возстали и поселяне, выведенные изъ терпѣнія нѣмецкими наемниками и тяжелою податью, наложенною на нихъ Христоферомъ послѣ понесеннаго имъ пораженія. Крестьяне напали на его сына Эриха и заключили его въ тюрьму; самъ король съ двумя другими сыновьями бѣжалъ въ Германію,

и Гергардъ сдѣлался властителемъ Даніи. Христоферъ пытался возстановить свою власть съ помощью германскихъ князей; но напрасно: попытка его неудалась вслѣдствіе измѣны его зятя Вратислава, герцога Помераніи. Датчане возвели на престолъ питомца Гергарда, Вальдемара III. Но настоящимъ правителемъ оставался Гергардъ, воспользовавшійся этой революціей вмѣстѣ съ Кнудомъ Порзе, маршаломъ Людовикомъ Альберстономъ Эберштейнскимъ и Лаурицомъ Іонсономъ. Эти лица выиграли болѣе другихъ отъ ослабленія королевской власти при подписаніи конституціи. Кнуду Порзе, получившему при вступленіи на престолъ Христофора титулъ герцога, даваемый только принцамъ королевскаго дома, достались Зюдгаландъ, Самсё и Каллундборгъ; Альберстону—Кольдингъ и Рипенъ; Іонсону—Лангеландъ и Арре. Гергардъ вытребовалъ себѣ у Вальдемара южную Ютландію въ вѣчное потомственное владѣніе.

Христоферъ, между тѣмъ, продолжалъ бродить вокругъ Даніи, прося помощи и у своихъ родственниковъ, и у эстовъ, все еще признававшихъ надъ собою верховную власть датскихъ королей. Наконецъ, онъ обратился къ любчанамъ и другимъ нѣмецкимъ ганзейскимъ городамъ и привлекъ ихъ на свою сторону обѣщаніемъ новыхъ торговыхъ привилегіи. Для возвращенія Христоферу Даніи, любчане образовали огромный союзъ, въ который вступили Іоаннъ Голштинскій, сводный братъ короля, и два мекленбургскихъ герцога. Неудовольствіе, возбужденное въ Даніи противъ голштинскаго рыцарства, приведеннаго Гергардомъ и Вальдемаромъ, содѣйствовало успѣху этого предпріятія. Вынужденный предварительно обѣщать бывшія владѣнія своему корыстолюбивому брату, Христоферъ высадился съ союзниками въ Ютландіи, и былъ признанъ Гергардомъ и Вальдемаромъ датскимъ королемъ по договору, заключенному при посредничествѣ любчанъ (1329 г.). Договоръ этотъ былъ вскорѣ нарушенъ, и только въ слѣдующемъ году установился окончательный миръ. Іоаннъ Голштинскій и Гергардъ заключили миръ въ ущербъ тѣмъ, кому покровительствовали: Вальдемаръ сложилъ королевскій титулъ, а Христоферъ, лишенный средствъ даже прилично содержать себя, былъ возстановленъ на престолѣ. Положеніе короля было такъ печально, что однажды два разбойника, забравшись въ домъ Христофора, увели его. Данія, казалось, на нѣкоторое время совершенно распалась: Гергардъ получилъ по мирному договору сѣверную Ютландію, сѣверную Фрисландію и Фіонію; фамилія Кнуда Порзе владѣла Галландомъ, подъ покровительствомъ Швеціи; сводный братъ короля владычествовалъ въ Зеландіи и Лаландѣ, а Шонія, отданная ему Христоферомъ, перешла, подобно Блекингену, въ подданство шведскаго короля, чтобъ только избавиться отъ нѣмецкаго ига. Христоферъ умеръ въ 1333 г.

4. Швеція.

Исторіи Швеціи, въ разсматриваемый нами періодъ, мы коснемся только въ самыхъ краткихъ словахъ, потому что она не связана, какъ исторія Даніи, съ исторіею сѣверной Германіи и, слѣдовательно, съ европейскими событіями. Эпоха до конца XIV столѣтія относится еще къ области миѳовъ, хотя событія ея и принадлежатъ исторіи. Поэтому исторію Швеціи этого періода можно излагать совершенно различно, смотря по тому, какъ смотрѣть на событія. Съ поэтической точки зрѣнія все представится въ героическомъ, рыцарскомъ, геніальномъ и трогательно-набожномъ видѣ; съ прозаической, напротивъ, всѣ явленія окажутся дикими, грубыми, жестокими, кровожадными, изувѣрными, фанатическими и сусвѣрными.

Шведскія лѣтописи временъ крестовыхъ походовъ и ближайшей за ними эпохи разсказываютъ только о постоянно смѣнявшихся правителяхъ, объ ихъ умерщвленіи, о возстаніяхъ знати и жестокостяхъ дикихъ, сладострастныхъ, еще не вышедшихъ изъ природнаго состоянія людей, для которыхъ христіанство было пустою формою. Эта формальная сторона христіанства впервые утвердилась въ народѣ при королѣ Сверкерѣ I (1133—1155 г.) и преимущественно при его

преемникѣ Эриха IX, снискавшемъ себѣ прозваніе Святаго за рвеніе къ водворенію іерархическаго порядка. До царствованія его преемника короля Карла VII или I (1160—1167 г.), Швеція принадлежала къ лундской епархіи, архіепископъ которой былъ патріархомъ всего сѣвера. При Карлѣ было учреждено архіепископство упсальское (1163 г.), и въ Швеціи явился собственный глава духовенства. Но прошло еще цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ шведы ознакомились съ понятіями, сдѣлавшимися закономъ въ другихъ странахъ съ XI столѣтія. Только въ 1248 г., на соборѣ въ Скениге, стараніями папскаго легата былъ воспрещенъ бракъ духовенству, вмѣнено въ обязанность изученіе каноническаго права и постановлено, чтобы назначеніе въ епископы совершалось помимо всякаго вліянія свѣтской власти. Но и эти постановленія еще долго не прививались къ жизни народа.

Въ 1222 г. пресѣкся родъ Сверкера и на престолъ былъ призванъ Эрихъ Эрихсонъ, съ трудомъ поддерживавшій свою власть среди кровавыхъ междоусобій. Въ 1229 г. онъ былъ изгнанъ изъ Швеціи, но, по прошествіи пяти лѣтъ, снова вернулся и оставался королемъ до самой смерти (1250 г.). Могущественнѣе короля является въ этотъ періодъ шведской исторіи фамилія Фолькунговъ, стоявшая во главѣ аристократіи. Представитель ея, носившій титулъ ярла или герцога, управлялъ дѣлами государства и предводительствовалъ въ войнахъ. Эти войны, направленныя противъ язычниковъ финновъ, назывались крестовыми походами, что придавало имъ религіозный характеръ. Всемогущая аристократія старалась отнять права у другихъ сословій, и потому почти всѣ изданные ею законы были разсчитаны на угнетеніе свободы своевольнаго народа. По смерти Эриха на престолъ была избрана фамилія Фолькунговъ, въ лицѣ Вальдемара, сына Биргера, послѣдняго изъ ярловъ. Подъ именемъ сына управлялъ государствомъ Биргеръ до 1266 г. Его правленіе, такъ же какъ и предшествовавшее, было временемъ кровавыхъ сценъ, и могущественная знать попрежнему враждовала съ королемъ. Чтобы упрочить престолъ въ своей фамиліи, Биргеръ прибѣгалъ къ хитрости и насилію. Онъ надѣлилъ особыми герцогствами двухъ младшихъ сыновей, Магнуса и Эриха, надѣясь дать въ нихъ опору королю; но возбудилъ только ненависть и вражду между братьями. Многіе изъ членовъ фамиліи Фолькунговъ, не желая повиноваться Биргеру, еще при жизни его взялись за оружіе; всѣ они были побѣждены. Биргеръ соединилъ браками новую династію съ древнимъ родомъ датскихъ королей и заключилъ договоры съ нѣмецкими ганзейскими городами и колоніями ихъ на островѣ Готландѣ. По этимъ договорамъ были даны большія привилегіи не только ихъ торговлѣ, но и ремесламъ, которыми исключительно они занимались.

По смерти Биргера Вальдемаръ, занимавшійся только волокитствомъ и любовными похожденіями, поссорился съ Магнусомъ и Эрихомъ. Королева, дочь датскаго короля Эриха Плогпеннига, гордостью и насмѣшками разжигала вражду между братьями. Вальдемаръ далъ своимъ противникамъ опасное оружіе противъ себя, завязавъ интригу съ невѣсткою. Сестра королевы, монахиня, пріѣхавъ въ Швецію, гдѣ ее встрѣтили какъ слетѣвшаго съ неба ангела, не устояла противъ соблазна красиваго, сладострастнаго короля. Это возстановило духовенство и народъ противъ короля, безуспѣшно старавшагося потушить неудовольствіе путешествіемъ на богомолье въ Римъ. Братья Вальдемара не упустили случая воспользоваться настроеніемъ общественнаго мнѣнія. Заключивъ союзъ съ датскимъ королемъ Эрихомъ Глиппингомъ и получивъ отъ него помощь войскомъ, они начали въ 1275 г. междоусобную войну, въ которой ихъ легкомысленный братъ былъ побѣжденъ и нѣсколько разъ попадалъ къ нимъ въ плѣнъ. Вальдемаръ умеръ въ плѣну въ 1302 г.

Ему наслѣдовалъ его братъ, Магнусъ I, принявшій корону еще въ 1279 г. и женатый на дочери Гергарда Великаго Голштинскаго. Магнусъ призвалъ въ Швецію тестя и многихъ нѣмецкихъ рыцарей, пользовавшихся при немъ огромнымъ вліяніемъ. Это раздражило шведовъ, въ особенности родственниковъ короля, и нѣкоторые изъ старшихъ членовъ фамиліи Фолькунговъ, напавъ на Гергарда, заключили его въ тюрьму. Чтобы освободить тестя, Магнусъ пустилъ въ дѣло притворство, а потомъ утвердился на престолѣ, истребивъ соединившихся противъ него родственниковъ. Онъ заманилъ ихъ къ себѣ ласкою и, овладѣвъ ими, однихъ умертвилъ, а другихъ лишилъ владѣній. Въ то же время ему удалось утвердить

престолонаслѣдіе за старшимъ сыномъ. Насильственно присвоивъ себѣ власть, Магнусъ старался строгими законами оградить нажитое тяжелымъ трудомъ добро крестьянина отъ грабежей своевольнаго, грубаго рыцарства. Онъ повѣсилъ, какъ говорили тогда, замокъ передъ амбарами поселянъ. Это увѣковѣчило за нимъ странное прозвище амбарнаго замка (Ладулосъ). Введя въ Швеціи упражненія, воспитаніе и обычаи другихъ европейскихъ странъ, онъ однако всѣми средствами боролся съ кулачнымъ правомъ. Новая цивилизація повлекла за собою, какъ и въ наше время, установленіе правильной системы налоговъ. Подати, до тѣхъ поръ насильственно сбираемыя съ крестьянъ, обратились въ правильную и потому менѣе обременительную, хотя болѣе продолжительную тягость, а шведское духовенство было освобождено отъ всякихъ налоговъ, чего оно постоянно добивалось, но никогда не достигало законнымъ путемъ. При всемъ томъ Магнусъ не ввелъ, какъ ему приписываютъ, правильной податной системы. Мы уже говорили (стр. 235), какую важную роль игралъ онъ во время кальмарскаго мира, избранный судьею въ спорѣ нѣмецкихъ городовъ съ норвежскимъ королемъ.

Умирая (1290 г.), Магнусъ назначилъ маршала Торкеля Кнутсона опекуномъ старшаго своего сына, девятилѣтняго Биргера, и его братьевъ, Эриха и Вальдемара. Правленіе Торкеля представляется, при тогдашнемъ положеніи Швеціи, прошедшей черезъ столько междоусобій, жестокостей и кровопролитій, явленіемъ отраднымъ въ эту эпоху среднихъ вѣковъ. Въ то время, какъ въ Европѣ царствовалъ хаосъ, Швеція наслаждалась спокойствіемъ; границы страны расширялись, а цивилизація постепенно пускала корни въ народѣ.

Торкель довершилъ покореніе и обращеніе финновъ и распространилъ шведское владычество, вмѣстѣ съ христіанствомъ, на Карелію. Это пріобрѣтеніе, упроченное основаніемъ Выборга, привело Швецію въ непосредственное соприкосновеніе съ Русью. Населявшій ее сѣверославянскій народъ, уже не разъ терпѣвшій нападенія отъ датскихъ вассаловъ Эстляндіи, сдѣлался тогда цѣлью предпріятій скандинавскаго и германскаго племенъ. Впрочемъ, походы противъ русскихъ, не принеся Швеціи никакихъ положительныхъ выгодъ, стоили ей только большихъ потерь въ людяхъ. При Торкелѣ и Биргерѣ шведское рыцарство потеряло болѣе тысячи двухсотъ человѣкъ въ войнѣ съ русскими; повидимому, это и возбудило его неудовольствіе противъ короля и его опекуна. Народъ также роптalъ, потому что Биргеръ, вовлеченный въ излишніе расходы своимъ бракомъ съ датскою принцессою, сестрою Эриха Мѣневеда, и содержаніемъ многочисленнаго двора, установилъ новые налоги, распространившіеся даже на духовенство и монастыри. Эрихъ и Вальдемаръ, не ладившіе и прежде съ Торкелемъ, поссорились также и съ старшимъ братомъ. Съ помощью норвежскаго короля, они два года вели съ нимъ войну; Биргеръ купилъ миръ постыднымъ образомъ, пожертвовавъ Торкелемъ. Вопреки нѣсколько разъ подтвержденному письменному увѣренію, что у него никогда не потребуютъ отчета въ управленіи, Торкель былъ заключенъ въ тюрьму и варварски умерщвленъ.

Освободившись отъ опекуна, Эрихъ и Вальдемаръ захватили всю власть въ свои руки, и уже черезъ восемь мѣсяцевъ по смерти Торкеля король вмѣстѣ съ женою и дѣтьми были заключены въ тюрьму. Только старшему его сыну, Магнусу, удалось, съ помощью вѣрнаго слуги, бѣжать въ Данію, къ тестю Эриха Мѣневеду. Датскій король, не смотря на то, что былъ занятъ войною въ Германіи, поспѣшилъ на помощь зятю, но и тутъ, какъ всегда, старался достигнуть цѣли болѣе переговорами и союзами, чѣмъ оружіемъ. Онъ два раза заключалъ съ братьями Биргера перемирія, которыми они умѣли искусно пользоваться. При вторичномъ перемиріи было условлено освободить Биргера; но Эрихъ и Вальдемаръ привлекли на свою сторону аристократію и такъ ограничили королевскую власть, что Биргеръ, получивъ свободу, былъ принужденъ искать защиты и помощи у Даніи. Тогда, съ участіемъ нѣмецкихъ наемниковъ, возгорѣлась такая же война за Швецію, какая велась въ то время за Миланъ, Римъ, Неаполь и другія итальянскія государства. Эрихъ Мѣневедъ вторгнулся въ Швецію съ нѣмецкимъ войскомъ, а герцоги призвали изъ Германіи цѣлыя толпы наемниковъ. Наемники до того неистовствовали, что герцоги, желая поскорѣе отдѣлаться отъ союзниковъ, снова предложили брату примиреніе. Слѣдствіемъ мира былъ новый дѣлежъ между братьями (1310 г.), и несчастная Швеція очутилась съ трехъ сторонъ въ раз-

ныхъ тискахъ. Болѣе всѣхъ обиралъ ее герцогъ Эрихъ, разъѣзжая изъ города въ городъ, занимаясь охотою, задавая блестящіе турниры и угощая иностранныхъ владѣтелей, съ удовольствіемъ пріѣзжавшихъ ко двору, гдѣ было такое раздолье. Взглядъ одного лѣтописца на эту жалкую жизнь докажетъ читателямъ, что встарину простой, здравый смыслъ вѣрнѣе понималъ и изображалъ событія, чѣмъ вся геніальная поэзія, искусство и софистика нашего времени. «Оба герцога,» говоритъ Эрихъ Олай, «различнымъ и ужаснымъ образомъ угнетали насильно захваченную ими Швецію. Они задавали праздникъ за праздникомъ, маршировали взадъ и впередъ со своими наемниками, поѣдали насущный хлѣбъ бѣдняковъ, войнами и раздорами отдали страну на разграбленіе иностранцамъ и установили такіе тяжелые налоги, что каждый крестьянинъ долженъ былъ платить три раза въ годъ по маркѣ (т. е. вдвое болѣе, чѣмъ стоила корова). Эти люди, разумѣется, были и назывались набожными, но блескъ ихъ велъ къ бѣдствію и гибели бѣднаго народа.»

Когда оба брата промотали наконецъ свое и чужое достояніе и перессорились между собою, слабый Биргеръ нашелъ, что наступила удобная минута для давно задуманной имъ мести. Съ помощью жены онъ заманилъ къ себѣ обоихъ братьевъ, угощалъ ихъ съ самымъ коварнымъ радушіемъ и помѣстилъ въ своемъ ничепингскомъ замкѣ. Ночью они были схвачены, закованы и брошены въ подземную темницу. Ихъ приковали ногами къ стѣнѣ, руками къ столбу и мучили самыми ужасными, почти неслыханными пытками. Этотъ фактъ, буквально взятый изъ одной лѣтописи, бросаетъ вмѣстѣ съ почти одновременною смертью Уголино, увѣковѣченною Данте, яркій свѣтъ на духъ и нравы того времени. Биргеру не удалось однако достичь своей цѣли. Онъ надѣялся присвоить себѣ владѣнія братьевъ, но слухъ о его гнусномъ злодѣйствѣ возстановилъ противъ него не только всѣхъ друзей и вассаловъ его братьевъ, но даже гражданъ Стокгольма и населенія цѣлыхъ областей. Окруженный со всѣхъ сторонъ въ Ничепингѣ, Биргеръ струсилъ и бѣжалъ, захвативъ однако ключи отъ темницы и бросивъ ихъ въ рѣку. Братья его, послѣ четырехъ мѣсяцевъ страшныхъ мученій, умерли голодной смертью. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ голода на третій день, другой жилъ восемь дней безъ пищи (1318 г.). Сынъ Биргера привелъ отцу изъ Даніи 800 всадниковъ. Разбитый въ первой же стычкѣ съ возставшими подданными, король продолжалъ еще нѣкоторое время войну съ помощью наемниковъ, страшно разорявшихъ страну. Онъ былъ прогнанъ на островъ Готландъ извѣстнымъ намъ изъ исторіи Даніи Кнудомъ Порзе, избраннымъ шведами въ предводители. Изгнанный Биргеръ вымолвилъ или купилъ помощь у нѣмцевъ; но они были разбиты, а всѣ приверженцы короля преданы жестокой казни. Его сынъ Магнусъ также попался въ руки враговъ, а самъ Биргеръ бѣжалъ въ Данію за новою помощью. Смерть Эриха Мёнведа отняла у него и эту послѣднюю надежду, потому что вслѣдъ затѣмъ въ Даніи возникли такія же смуты, какъ и въ Швеціи. Братъ и наслѣдникъ Эриха, Христоферъ II, не желавшій впутываться въ дѣла сестры и зятя, надѣлилъ ихъ только небольшимъ имѣніемъ, незначительными доходами котораго они должны были существовать. Въ этомъ имѣніи Биргеръ и его жена вскорѣ умерли въ нуждѣ и нищетѣ. Съ двадцатилѣтнимъ Магнусомъ шведы поступили такъ же несправедливо и жестоко, какъ Биргеръ съ братьями. Хотя Магнусъ не былъ даже въ Швеціи, въ то время какъ его отецъ мучилъ братьевъ, и не сдѣлалъ ровно ничего, что могло бы лишить его формально утвержденнаго за нимъ права престолонаслѣдія, но за преступленія отца осудили и сына. Онъ былъ приговоренъ къ смерти и публично казненъ.

По низверженіи Биргера, исторія Швеціи становится въ тѣсную связь съ исторіей Даніи и Норвегіи, а къ концу столѣтія всѣ три государства соединяются въ одно.

5. Эстляндія, Лифляндія, Курляндія и Пруссія до конца тринадцатаго столѣтія.

Народы, жившіе въ началѣ среднихъ вѣковъ по берегамъ Балтійскаго моря, отъ Вислы до устьевъ Невы, эсты, ливы (или летты), куры, литовцы и пруссы—за исключеніемъ эстовъ, отрасли финновъ — принадлежали къ многочисленному литовскому племени. Всемірно-историческое значеніе этихъ народовъ начинается только съ XIII столѣтія, когда они вступили въ сношеніе съ нѣмцами и скандинавами, которые принудили ихъ принять христіанско германскую цивилизацію и, порабощая, сдѣлали оружіемъ поддержанія и распространенія этой цивилизаціи.

Пруссы, жившіе на границахъ Польши, первые изъ этихъ народовъ пришли въ соприкосновеніе съ христіанско-германской культурой. Принятіе христіанства и учрежденіе епископствъ сопровождалось у нихъ, какъ повсюду, подчиненіемъ верховной власти германскаго императора и законамъ папы и установленіемъ церковной десятины. Естественно, что они такъ же возненавидѣли христіанство, какъ нѣкогда саксонцы (т. II, стр. 440). Въ концѣ X столѣтія пруссы умертвили епископа Адальберта, перваго своего проповѣдника (т. II, стр. 529). Впослѣдствіи, когда христіанство уже распространилось по всей Помераніи и прилегавшему къ ней берегу Балтійскаго моря, они старались не допускать къ себѣ миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ миръ и подчиненіе чужеземнымъ законамъ. Но прогрессъ цивилизаціи одолѣлъ варварство. Христіанское ученіе пустило корни въ западной Пруссіи, и вскорѣ, по примѣру всѣхъ странъ и временъ, природному состоянію первобытной религіи пришлось и здѣсь подчиниться гражданственности и рыцарству среднихъ вѣковъ и господству церкви.

Къ остальнымъ, названнымъ нами народамъ, эстамъ, курамъ, ливамъ и литовцамъ, христіанство было впервые занесено торговавшими съ ними иностранцами. Смѣлые, предпріимчивые жители незначительныхъ городковъ Вестфаліи и Нижней Саксоніи, разъѣзжавшіе на своихъ ладьяхъ не только по Эльбѣ, Везеру и Эмсу, но и по Нѣмецкому и Балтійскому морямъ, вели торговлю въ Лифляндіи, Эстляндіи и даже въ Новгородѣ еще задолго до основанія на островѣ Готландіи колоніи Висби, сдѣлавшейся сборнымъ и складочнымъ мѣстомъ сѣверо-германскихъ купцовъ. Пока нѣмецкіе купцы и ремесленники ограничивались торговыми сношеніями и не говорили объ обращеніи, епископахъ и десятинѣ, они встрѣчали у этихъ народовъ самый радушный пріемъ. Такъ, напримѣръ, въ Эстляндіи около 1158 г. у нихъ уже были основаны факторіи, а впослѣдствіи они заложили Кирхгольмъ и Икскюль на Западной Двинѣ и получили дозволеніе укрѣпить свои факторіи. Но лишь только нѣмцы основали торговыя колоніи, какъ приступили къ обращенію ливовъ. Найдя въ этихъ закаленныхъ на войнѣ чужеземцахъ помощь противъ своихъ враговъ, литовцевъ, и учась у нихъ ремесламъ и военному искусству, ливы вначалѣ не очень противились попыткамъ обращенія. Вскорѣ однако они убѣдились, по нѣкоторымъ примѣрамъ, что новое ученіе должно подчинить ихъ иноземному игу. Первый проповѣдникъ ливовъ, Майнгардъ, хотя и оставался до конца жизни ихъ епископомъ, но никогда не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности; первый же его преемникъ, Бертольдъ, былъ вскорѣ убитъ язычниками. Преемникъ Бертольда, бременскій каноникъ, Альбрехтъ фонъ Апельдернъ, былъ назначенъ епископомъ лифляндскимъ въ годъ созванія христіанскаго рыцарсгва папою Иннокентіемъ III къ крестовому походу противъ ливовъ. Нѣмецкое дворянство, занимавшееся только войною и охотою, съ удовольствіемъ приняло вызовъ папы, видя въ травлѣ людей пріятное препровожденіе времени и средство получить отпущеніе грѣховъ. Сѣверо-германскіе купцы и новый епископъ значительно облегчили рыцарямъ ихъ предпріятіе: фонъ Апельдернъ—введеніемъ обычая, чтобы, по истеченіи года службы, рыцари возвращались на родину, а на ихъ мѣсто являлись другіе; нѣмецкіе купцы—помогая деньгами и судами, которыя они давали съ увѣренностью, что прибыльная торговля въ этихъ странахъ вознаградить ихъ съ лихвою. Съ этихъ поръ германское рыцарство, повсюду искавшее приключеній, добычи и завоеваній, начало и

въ Лифляндіи такъ называемую войну за вѣру; бѣдные ливы были такъ же безсильны противъ этихъ желѣзныхъ людей, съ дѣтства привыкшихъ драться, какъ три столѣтія спустя слабые американскіе индѣйцы въ борьбѣ съ испанцами.

Вскорѣ по прибытіи въ Лифляндію, Альбрехтъ фонъ Апельдернъ основалъ городъ Ригу, учредивъ въ то же время (1201 г.), по примѣру крестоносцевъ Палестины и Испаніи, духовный рыцарскій орденъ. То былъ родъ постояннаго войска, которое матеріальною силою должно было придавать значеніе словамъ слабыхъ архипастырскихъ устъ. Рыцари этого ордена, называвшіеся б о ж ь и м и р ы ц а р я м и или м е ч е н о с ц а м и (также рыцарями М а р і и), были душою и тѣломъ преданы епископству и крѣпости Ригѣ. Иннокентій III утвердилъ орденъ и объявилъ несчастныхъ язычниковъ лишенными покровительства законовъ, а императоръ Оттонъ IV, распоряжаясь ихъ страною, какъ своею собственностью, отдалъ ее въ ленное владѣніе рижскому епископу. Нѣмецкіе рыцари, стремившіеся со всѣмъ сторонъ въ новый германскій ленъ, дѣйствовали на берегахъ Балтійскаго моря согласно принципу Мухаммеда, обрекавшему невѣрующихъ на смерть или уподоблявшему ихъ собакамъ и нечистымъ животнымъ (т. II стр.282). Уже черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи ордена, меченосцы призвали къ себѣ могущественнаго датскаго короля, Вальдемара II (стр. 121 и 169). Онъ покорилъ Эстляндію и основалъ городъ Ревель, но съ трудомъ могъ удерживать свои завоеванія. Эсты вскорѣ свергнули съ себя тяжкое иго, а вмѣстѣ съ тѣмъ у Вальдемара возникли раздоры съ меченосцами, которые постоянно ссорились съ рижскимъ епископомъ и вели частыя войны съ литовцами и русскими. Будь въ то время у варваровъ болѣе единства, они отразили бы нападеніе рыцарей и ганзейскихъ городовъ, заключившихъ въ 1229 г. первый торговый договоръ съ Ригою и новгородскимъ княземъ. Но дѣвственнымъ племенамъ недоставало внутреннихъ условій, лежавшихъ въ основаніи остальной цивилизованной Европы, недоставало того узла, которымъ все стягивалось въ монархическо-христіанскомъ мірѣ. У западныхъ христіанъ граждане, епископы и рыцарство составляли повсюду могущественную аристократію; народъ былъ угнетенъ; свѣтская монархія уступила мѣсто іерархіи; папа сдѣлался императоромъ.

Въ то время какъ меченосцы и датчане насильственно распространяли христіанство между Мемелемъ и Невою и подчиняли себѣ населеніе Лифляндіи и Эстляндіи, то же самое происходило и въ странѣ пруссовъ. Въ обращеніи этого племени особенно усердствовали герцогъ мазовецкій Конрадъ (стр. 103) и нѣмецкій монахъ монастыря Оливы, Х р и с т і а н ъ, сдѣлавшійся въ 1215 г. первымъ епископомъ пруссовъ. Пруссы такъ неохотно слушали проповѣди о необходимости установленія десятины, о построеніи христіанскихъ монастырей и церквей и о подчиненіи чужеземныхъ законамъ, что Христіанъ уже черезъ три года сталъ проповѣдывать противъ упорныхъ язычниковъ крестовый походъ, т. е. убійство и кровопролитіе. Папа, разумѣется, поддерживалъ епископа и, отправивъ почти въ то же время сѣверо-германскихъ рыцарей истреблять свободныхъ и набожныхъ христіанъ штединговъ (стр. 173), потребовалъ отъ германскаго рыцарства, чтобы оно ополчилось на пруссовъ. Воинственные нѣмцы явились многочисленной толпой и оружіемъ обратили въ христіанство населеніе кульмской земли, присоединенной къ владѣніямъ герцога мазовецкаго. Герцогъ предоставилъ пользоваться этимъ пріобрѣтеніемъ задорнымъ просвѣтителямъ и епископу. Съ тѣхъ поръ епископство стало называться кульмскимъ, отъ возстановленнаго замка Кульмъ. Но, чтобы сохранить новое пріобрѣтеніе, нужно было, какъ въ Лифляндіи, имѣть постоянное войско; это же было возможно только при учрежденіи новаго рыцарскаго ордена, члены котораго содержали бы всадниковъ доходами съ отданныхъ имъ имѣній. Около 1225 г. Христіанъ основалъ, по образцу меченосцевъ, орденъ, называвшійся, по главному мѣстопребыванію его членовъ, орденомъ д о б р и н с к и х ъ р ы ц а р е й. Этотъ орденъ погибъ въ самомъ зародышѣ. Пруссы перебили первыхъ его членовъ, и Христіанъ увидѣлъ, что въ нижней Германіи и Помераніи, гдѣ его орденъ вербовалъ рекрутъ, дворянствомъ совершенно овладѣли ордена іоаннитовъ, тевтонскій и меченосцевъ. Оставалось привлечь одинъ изъ нихъ къ войнѣ за вѣру въ Пруссіи; выборъ епископа палъ на тевтонскій орденъ. Рыцари приняли приглашеніе явиться въ Пруссію, не надѣясь, подобно ордену іоаннитовъ, прочно утвердиться въ Палестинѣ; впрочемъ часть рыцарей и

братіи оставалась при великомъ командорѣ въ Акрѣ. Съ разрѣшенія императора и папы, великій магистръ тевтонскаго ордена, Германъ фонъ Зальца, заключилъ съ кульмскимъ епископомъ договоръ (1226 г.), на основаніи котораго рыцари этого ордена обязывались воевать съ пруссами, за что получали въ собственность Кульмъ и всѣ земли, которыя они завоюютъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, Конрадъ Мазовецкій утвердилъ особою граматою переходъ Кульмской земли во владѣніе тевтонскаго ордена; съ нимъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, слилась (1234 г.) и уцѣлѣвшая часть добринскихъ рыцарей. Съ этихъ поръ нѣмецкое рыцарство увидѣло, что гораздо удобнѣе пріобрѣтать себѣ мечомъ славу, богатство и спасеніе души въ ближней Пруссіи, чѣмъ отправляться на дальній востокъ, гдѣ его ожидала неминуемая гибель. Горожане и свободные поселяне охотно приставали къ рыцарству, которое дозволяло первымъ основывать свободные города, а послѣднимъ предлагало въ собственность земли на довольно умѣренныхъ условіяхъ. Подобно испанцамъ XVI столѣтія въ Америкѣ, рыцари убивали, жгли, грабили и свирѣпствовали въ покоренной странѣ, какъ звѣри. Пруссы защищались мужественнѣе и упорнѣе мехиканцевъ и перуанцевъ, но также не устояли передъ могуществомъ культуры и мечами опытныхъ въ дракахъ рыцарей. Медленно, но неотразимо проникали средневѣковыя искусства и образованіе въ самую глубь страны. Завоеватели вырубали ея лѣсъ, осушали топи, вытѣсняя дикое, природное состояніе, свободу и фетишизмъ туземцевъ. Они перенесли въ Пруссію свои обычаи, языкъ, образованіе, основали города, замки, монастыри, и учредили, по германскому образцу, епископства и лены. Языкъ, нравы, свобода и національность туземцевъ должны были уступить новымъ элементамъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе не было истреблено. Цивилизація обошлась Пруссіи еще дороже и стоила больше крови, чѣмъ совершившееся въ началѣ нынѣшняго столѣтія возрожденіе Франціи. Но, при всемъ томъ, тевтонскіе рыцари едва ли достигли бы своей цѣли, если бы папа не повторялъ призывовъ къ крестовымъ походамъ, безпрестанно наводнявшимъ Пруссію нѣмецкими воинами и поселенцами.

Въ 1237 г. страшное пораженіе, грозившее гибельными послѣдствіями, заставило ливонскихъ меченосцевъ соединиться съ тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи. Разсчитывая на помощь эстовъ, ливовъ и пришедшихъ изъ Германіи крестоносцевъ, они предприняли въ 1236 г., при послѣднемъ великомъ магистрѣ Фолькуннѣ, походъ противъ Литвы. Но тутъ ихъ ожидало жестокое пораженіе, послѣ котораго имъ разомъ стали грозить литовцы, датчане и русскіе. Видя неминуемую гибель, они рѣшились соединиться съ тевтонскимъ орденомъ. Папа утвердилъ это соединеніе и старался спасти честь меченосцевъ, объявивъ, что только послѣднее пораженіе принудило ихъ къ сліянію.

Съ этихъ поръ начались еще болѣе многочисленныя переселенія изъ Германіи. Нѣмецкіе купцы и ремесленники селились по морскому берегу и судоходнымъ рѣкамъ Пруссіи, Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, основывая тутъ, какъ и въ Германіи, города-республики. Исторія прусскихъ городовъ ясно показываетъ, что все ихъ устройство было основано на торговлѣ и полной независимости различныхъ корпорацій, на которыя дѣлилось тогда все городское населеніе. Расположенные на далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, германскіе города основывали, изъ коммерческихъ цѣлей или по случайнымъ причинамъ, колоніи въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Любекъ, напримѣръ, торговавшій янтарными издѣліями, старался завести колоніи въ той части Пруссіи, гдѣ добывался янтарь, а для Дортмунда, находившагося внутри Германіи, было чрезвычайно выгодно имѣть поселеніе на Мемелѣ.

Ливы, не хотѣвшіе отречься отъ своего языка и нравовъ, сдѣлались гелотами завоевателей. Впрочемъ, въ первыя два столѣтія ихъ порабощенія, пока цивилизація допускала еще разнообразіе отношеній, они сохраняли многія изъ своихъ правъ. Въ Пруссіи участь туземцевъ была различна. Подобно сѣверо-американскимъ дикарямъ, они были раздѣлены на такое множество племенъ и до того далеки отъ всякой мысли единодушнаго сопротивленія иностранцамъ, что нѣмцы могли истреблять или покорять одно племя за другимъ. Духъ времени, праздность дворянства, суевѣріе и фанатизмъ рыцарей доставляли завоевателямъ постоянныя подкрѣпленія. Папа поддерживалъ ихъ всѣми силами, пользуясь въ то время въ лѣсахъ и топяхъ Пруссіи, Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи боль-

шею свѣтскою властью, чѣмъ въ чудныхъ долинахъ Италіи. Его легаты, по собственному произволу, дѣлили въ этихъ странахъ земли и людей, рѣшали споры между епископами и рыцарями; мирили рыцарей, ссорившихся за награбленную добычу, и безусловно распоряжались собственностью язычниковъ, какъ въ завоеванныхъ, такъ и въ непокоренныхъ еще мѣстностяхъ. Они учредили въ пользу нѣмецкаго дворянства, между Мемелемъ и Ревелемъ, три епископства, содержаніе которыхъ было новымъ бременемъ для туземцевъ. Побѣжденные должны были давать земли и платить десятину, а нѣмецкое дворянство составляло капитулъ, изъ котораго избирались епископы. Впрочемъ, до половины XIII столѣтія религіозныя войны нѣсколько отличались отъ другихъ завоевательныхъ войнъ. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, рыцарями руководили искренность вѣры и наивное, фанатическое убѣжденіе, что Богу можно служить и мечомъ, убѣжденіе, съ дѣтства вбитое рыцарямъ, такъ же какъ и послѣдователямъ ислама. Но съ конца XIII столѣтія религіозное рвеніе, поднимавшее германскія племена противъ сарациновъ, турокъ и славянскихъ язычниковъ прибалтійскихъ странъ, стало постепенно ослабѣвать. Крестовые походы въ Пруссію были исключительно дѣломъ папъ и дворянскихъ фамилій, разсчитывавшихъ надѣлить своихъ сыновей имѣніями, доходами и должностями, доступными только людямъ знатнаго происхожденія. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что дворянство составляло въ то время постоянное войско и цвѣтъ народной силы; такимъ оно и является въ войнахъ на берегахъ Балтійскаго моря.

Описаніе походовъ, рыцарскихъ подвиговъ и пораженій, въ которыхъ также не было недостатка, принадлежитъ исторіи тевтонскаго ордена и покоренныхъ имъ странъ. Мы упомянемъ только о двухъ пораженіяхъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія, потому что они грозили нѣмецкому владычеству серьезной опасностью. Въ одномъ изъ нихъ побѣдителемъ былъ литовскій князь, въ другомъ—русскій князь, Александръ Невскій, столь же славный въ лѣтописяхъ Россіи, какъ Арминій въ исторіи Германіи. Спустя два года послѣ того какъ новгородскій князь Александръ одержалъ, при рѣкѣ Невѣ, побѣду надъ шведами, давшую ему названіе Невскаго, онъ разбилъ (1242 г.) тевтонскихъ рыцарей на Чудскомъ озерѣ, и этою побѣдою навсегда отразилъ ихъ отъ русскихъ границъ. Другое пораженіе рыцарство потерпѣло отъ литовскаго князя Миндовга или Мендога, отрекшагося отъ христіанской вѣры. Соединившись съ русскими и курами, онъ одержалъ при Дурбенѣ 1250 г. полную побѣду надъ рыцарями и подвластными имъ христіанскими ливами и пруссами. Но, не смотря на эти пораженія, построенные нѣмцами замки и города сохраняли за ними владычество надъ Литвою, грубые туземцы не умѣли осаждать укрѣпленій, а къ нѣмцамъ ежегодно прибывали свѣжія толпы воиновъ и колонистовъ. Вскорѣ послѣ сраженія при Дурбенѣ рыцари подверглись большой опасности и въ самой Пруссіи. Средства, употребляемыя римскою церковью для своей пропаганды, перешли уже всякія границы: вслѣдствіе особаго папскаго предписанія у пруссовъ отнимали дѣтей, окрещивали ихъ въ христіанскую вѣру и потомъ удерживали заложниками. Подобныя мѣры довели язычниковъ до отчаянія: угнетенный народъ (1261 г.) возсталъ для истребленія нѣмцевъ и ихъ церквей. Нѣмецкое духовенство не преминуло, разумѣется, чрезвычайно ярко изобразить весь ужасъ язычества и заслугу борьбы съ дикимъ варварствомъ. Проповѣди его имѣли блистательный успѣхъ. Состраданіе къ мученической смерти единовѣрцевъ привлекло изъ Германіи новыя толпы крестоносцевъ и Пруссія снова сдѣлалась театромъ долголѣтней, кровопролитной борьбы. По судьбѣ суданскаго племени мы можемъ судить о страданіяхъ и бѣдствіяхъ народа и страны. Къ концу XIII столѣтія цвѣтущій край, населенный этимъ племенемъ, былъ обращенъ въ пустыню; на мѣстѣ селеній и воздѣланныхъ полей явились лѣса и болота, а жители были перебиты, разсѣяны или принуждены удалиться въ Литву. Послѣ этого послѣдняго, повсемѣстнаго возстанія рыцари рѣшились построить въ Пруссіи большой укрѣпленный городъ, для мѣстопребыванія магистра ордена. Въ 1274 г. они построили Маріенбургъ, куда въ 1312 г. великій магистръ ордена, Конрадъ фонъ Фейхтангенъ, перенесъ свою резиденцію изъ Марбурга. Кёнигсбергъ былъ основанъ еще ранѣе, послѣ того какъ рыцари покорили Замландъ, съ помощью многочисленнаго войска крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Оттокара II Богемскаго (1255 г.).

6. Польша, Пруссія, Литва, Курляндія, Лифляндія и Эстляндія до половины XIV столѣтія.

Подвиги тевтонскаго ордена въ отдаленныхъ славянскихъ земляхъ придали германскому рыцарству такой блескъ и военное значеніе, какого не имѣло ни одно дворянство. Значеніе это особенно возросло съ тѣхъ поръ, какъ папа отмѣнилъ постановленіе, которымъ ограничивалось право тевтонскихъ рыцарей произвольно распоряжаться своимъ имуществомъ, а орденъ далъ почувствовать свою силу и сосѣднимъ герцогамъ Польши и Помераніи. Въ то время, какъ старшіе сыновья знатныхъ фамилій наслѣдовали на родинѣ владѣнія отцовъ, ихъ младшіе братья пріобрѣтали себѣ оружіемъ славу, власть и богатство въ славянскихъ земляхъ. Они владычествовали сообща отъ Эльбы до Новгорода и Гродно и отъ Балтійскаго моря до Познани и Силезіи. Они не обратили никакого вниманія на папскую буллу, изданную въ пользу польскаго герцога Куявіи, съ которымъ враждовали; ихъ права основывались на такихъ же буллахъ, да къ тому же не пергаментъ, а мечъ сдѣлалъ ихъ властителями этихъ странъ. Могущество рыцарской аристократіи тевтонскаго ордена и соединенныхъ съ нею городовъ-республикъ выказалось во всей силѣ, когда раздробленная на множество мелкихъ княжествъ Польша получила единство управленія, законовъ и администраціи.

Въ Польшѣ королевскій титулъ или первенство одного изъ многихъ герцоговъ утратило всякое дѣйствительное значеніе со смертью Конрада Мазовецкаго. Герцоги вели между собою опустошительныя войны; великій князь литовскій Витольдъ нѣсколько разъ врывался въ страну и страшно свирѣпствовалъ въ ней, а чехи, король которыхъ, Венцеславъ II, былъ женатъ на польской принцессѣ, овладѣли на нѣкоторое время значительною частью Польши (стр. 192). Наконецъ, въ началѣ XIV стол., внуку Конрада Мазовецкаго, герцогу Владиславу, прозванному Локтекомъ, удалось овладѣть всею страною, за исключеніемъ Силезіи. Возстановитель польскаго государства тотчасъ же поссорился съ маркграфомъ бранденбургскимъ за право владѣнія Поммерелью, гдѣ пресѣкся владѣтельный домъ. Будучи не въ силахъ бороться съ герцогомъ безъ посторонней помощи, онъ обратился къ тевтонскому ордену. Рыцари овладѣли страною, но потребовали за свою поддержку такого вознагражденія, что Владиславу пришлось отдать имъ въ залогъ Поммерель. Вслѣдъ затѣмъ орденъ заплатилъ деньги маркграфу бранденбургскому за отказъ отъ притязаній на Поммерель, и Владиславъ безуспѣшно старался поддержать свои права оружіемъ. Не смотря на всѣ неудачи этой войны, борьба съ рыцарями пріобрѣла, какъ кажется, польскому герцогу славу и значеніе между славянами; по крайней мѣрѣ, ни одна распря восточныхъ государствъ Европы не обходилась безъ вмѣшательства Владислава. За услуги, оказанныя папѣ въ спорѣ съ Людовикомъ Баварскимъ, Владиславъ получилъ отъ него (1320 г.) титулъ польскаго короля, чего не могъ бы добиться, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, отъ императора. Римскій дворъ умѣлъ и въ то время, какъ всегда, въ особенности же во время пребыванія въ Авиньонѣ, продавать свои пергаменты на вѣсъ золота. Папа наложилъ на всю Польшу постоянный налогъ въ пользу римской церкви; этому налогу, называвшемуся динаріемъ Петра, долженъ былъ подчиниться даже тевтонскій орденъ, долго уклонявшійся отъ него.

Новаго польскаго короля окружали страшные враги — герцоги шлезвигскіе, король чешскій, литовскіе язычники и тевтонскіе рыцари. Для огражденія себя отъ ордена, Владиславъ вступилъ въ союзъ съ дикими литовцами, безпрестанно вторгавшимися въ его владѣнія. Великій князь литовскій Витольдъ былъ убитъ, не задолго передъ тѣмъ, однимъ изъ придворныхъ, Гедиминомъ, захватившимъ власть въ свои руки. Чтобы привязать къ себѣ своихъ дикихъ подданныхъ, Гедиминъ ежегодно водилъ ихъ опустошать сосѣднія страны. Всѣ окружныя племена сдѣлались добычею литовцевъ, исключая тевтонскаго ордена, занимавшагося только войною и охотою. Рыцари его, хотя и считались христіанами,

даже духовными, но умѣли отплачивать жестокостью за жестокость, грабежомъ за грабежъ, и не уступали литовцамъ въ грубости и варварствѣ. Впрочемъ, Гедиминъ старался также вводить западную цивилизацію въ своей лѣсистой и болотистой странѣ, основалъ нѣсколько городовъ и призвалъ изъ Германіи ремесленниковъ и колонистовъ. Владиславъ привлекъ на свою сторону литовскаго князя надеждою, что его потомство будетъ царствовать въ Польшѣ: онъ женилъ своего сына и наслѣдника, Казиміра Великаго, на дочери Гедимина, получившей при крещеніи имя Анны. Съ этихъ поръ литовцы щадили Польшу, направляя свои страшные набѣги съ одной стороны на Лифляндію и Пруссію, а съ другой во владѣнія русскихъ и татаръ. Мало-по-малу Гедиминъ расширилъ завоеваніями свое государство на востокъ и югъ до Владиміра и Кіева. По смерти его, оно вновь распалось. Раздѣливъ его между сыновьями, Гедиминъ далъ поводъ къ такимъ же междоусобіямъ, какія происходили въ сосѣдней Руси, распавшейся на удѣльныя княжества. Скоро однако верховная власть сосредоточилась въ рукахъ самаго способнаго изъ братьевъ, Ольгерда, которому наслѣдовалъ (1381 — 1434 г.) сынъ его, Ягайло или Ягелло, родоначальникъ династіи Ягеллоновъ. Ягелло принялъ впослѣдствіи христіанскую вѣру и соединилъ Польшу съ Литвою.

Въ 1330 г. Владиславъ Локтекъ, отказавшись отъ притязаній на Поммерель, заключилъ перемиріе съ тевтонскимъ орденомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ уступилъ сѣверныя, пограничныя владѣнія государства своему сыну, Казиміру Великому. Не смотря на заключенный договоръ, тевтонскіе рыцари, призванные на помощь возставшимъ польскимъ воеводою Замотулей, напали на Казимира, ухватясь за первый представившійся случай расширить свои владѣнія въ ущербъ Польшѣ. Война съ рыцарями продолжалась и по смерти Владислава, хотя папа за большія деньги рѣшилъ споръ въ пользу новаго короля, Казиміра (1333 г.). Орденъ, не привыкшій возвращать завоеваннаго, не подчинился рѣшенію папы и его легатовъ, приводя законныя возраженія. Только въ 1343 г. удалось наконецъ папскому двору склонить противниковъ къ миру, заключенному въ Калишѣ. По калишскому миру, — имѣвшему громадное значеніе для всей послѣдующей исторіи Польши и Пруссіи, — польскій король и его магнаты признали законными владѣніями ордена завоеванныя имъ мѣста и земли: Поммерель, Кульмъ и Мехелау, а рыцари возвратили Польшѣ Куявію и Добринъ.

Тевтонскій орденъ, получившій по калишскому миру часть польскихъ земель, въ томъ же году нашелъ возможность расширить свои владѣнія и въ Эстляндіи, гдѣ, какъ и въ Пруссіи, были повсюду разсѣяны германскіе колонисты. Изъ нихъ состояли магистратура, буржуазія, духовенство, рыцарство, собственники, и все это произвольно распоряжалось угнетенными туземцами, охотно предоставляя Даніи призракъ верховной власти. Зависѣть отъ далекаго и слабаго короля было гораздо удобнѣе, чѣмъ отъ близкой и сильной республики. Въ 1329 г. нѣмцы купили даже у Христофора II грамату, обязавшую его не уступать никому своихъ правъ на Эстляндію. Съ тѣхъ поръ постоянно возрастали злоупотребленія необузданной аристократіи, а вмѣстѣ съ ними становились съ каждымъ годомъ тяжелѣе притѣсненія несчастныхъ туземцевъ. Наконецъ чаша страданій переполнилась и произвела страшный взрывъ (1343 г.). Раздраженные эсты возстали на притѣснителей и, перебивъ болѣе тысячи восьмисотъ рыцарей, ихъ женъ, дѣтей и слугъ, осадили Ревель. Видя, что приходится поплатиться за всѣ угнетенія, эстляндское рыцарство обратилось къ тевтонскому ордену, прославшему войско. Чтобы дать понятіе объ ужасныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ несчастныхъ эстовъ, мы приведемъ слова одного писателя. Изъ этого простаго разсказа очень хорошо видно, съ какой стороной христіанства знакомились тогда эсты и ливы, и какую участь готовило вездѣ въ Европѣ рабочему населенію, къ сожалѣнію, слишкомъ опоэтизированное, вдохновенное и вдохновлявшее геройствомъ и славою рыцарство. Вотъ что говоритъ историкъ Гіернъ: «Эсты выслали депутатовъ на встрѣчу магистру и его семи стамъ рыцарямъ, изъявляя готовность покориться ордену и даже платить ему дань, но съ уговоромъ, чтобы ихъ освободили отъ дворянъ, деспотизма и тиранін, которыхъ они не въ силахъ переносить долѣе. Магистръ не принялъ этого предложенія и, напустивъ рыцарей на поселянъ, перебилъ почти всѣхъ ихъ, въ числѣ

до десяти тысячъ человѣкъ. Главные зачинщики возстанія были жестокимъ образомъ замучены до смерти, и Ревель избавленъ отъ опасности. Датскій намѣстникъ съ жаромъ благодарилъ магистра и его рыцарей за такое благодѣяніе и удержалъ ихъ при себѣ просьбою помочь ему также въ войнѣ съ финнами. За свои услуги орденъ потребовалъ отъ датскаго намѣстника такого-же вознагражденія, какъ отъ польскаго короля Владислава Локтека. Датскій король Вальдемаръ Аттердагъ уступилъ въ 1346 г. тевтонскому ордену всѣ свои права на Эстляндію, находя эту провинцію слишкомъ обременительною для датской короны.

Рига, до тѣхъ поръ независимая, должна была подчиниться ордену, соединявшему въ себѣ цвѣтъ воинственнаго германскаго рыцарства и столь же могущественному отъ береговъ Одера до Невы, какъ Венеціанская республика въ Средиземномъ морѣ и по берегамъ его. Покореніе Риги характеризуетъ состояніе средневѣковаго общества; изъ него мы видимъ, что въ тѣ времена одинъ городъ отваживался вступать въ борьбу съ такою сильною европейскою державою, какъ тевтонскій орденъ. Исходъ этой борьбы показываетъ, что грозило свободнымъ нѣмецкимъ городамъ при подчиненіи ихъ рыцарству, и объясняетъ, почему они впослѣдствіи такъ мужественно защищались противъ него. Еще прежде, при ссорѣ гражданъ Риги съ ихъ архіепископомъ, гроссмейстеръ тевтонскаго ордена грозилъ отнять у нихъ всѣ права, предоставленныя имъ рыцарями. Когда притѣсняемые жители снова поссорились съ орденомъ, имъ не помогъ и союзъ съ сѣверогерманскими городами. Принужденные сдать городъ, они лишились независимости и всѣхъ привилегій. Орденъ построилъ даже около Риги рыцарскій замокъ, чтобы слѣдить за всѣми движеніями гражданъ и держать ихъ въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ въ первой половины XIV столѣтія тевтонскій орденъ является рыцарскою республикою, грозною для Польши, Россіи, Литвы и другихъ восточныхъ странъ, и единственнымъ европейскимъ государствомъ, — за исключеніемъ Венеціи и Неаполя, — въ которомъ внутреннее устройство соединялось съ внѣшнимъ могуществомъ. Его огромныя богатства давали ему возможность скупить за ничтожныя суммы города и земли у нуждавшихся въ деньгахъ сосѣдей.

Въ царствованіе Казиміра Польша снова пріобрѣтаетъ большое значеніе. Казиміръ (1333 — 1370 г.), вынужденный калишскимъ миромъ уступить прусскимъ рыцарямъ часть своихъ владѣній, вознаградилъ себя за эту уступку завоеваніями съ другой стороны. Червоной Русью или Галиціею владѣлъ тогда Болеславъ Мазовецкій, женатый на сестрѣ Казиміра (впрочемъ этотъ бракъ не вполнѣ доказанъ). Жестокое обращеніе и принужденія къ переходу въ католическую вѣру довели его подданныхъ до такого озлобленія, что Болеславъ, опасаясь возстанія, нанялъ иностранцевъ и вступилъ въ союзъ съ Польшею и Венгріею. Въ 1340 г. онъ умеръ отъ пьянства, а можетъ быть, и отравленный на попойкѣ. Предполагая отравленіе, Казиміръ предпринялъ походъ для отмщенія за смерть близкаго родственника. Онъ завладѣлъ всею Галиціею, но, подобно предшественнику, долженъ былъ бороться съ ненавистью русскихъ къ владычеству католиковъ и безпрестанно воевать съ сосѣдними татарами, оспаривавшими у него Галицію. Это и заставило его сдѣлать въ Калишѣ уступки ордену. Воспользовавшись раздорами литовскихъ князей, наслѣдниковъ Гедимина, Казиміръ присвоилъ себѣ и Волынь.

Названіе Великаго Казиміръ заслужилъ своими стараніями улучшить администрацію и судопроизводство и введеніемъ единства законодательства въ странѣ, управлявшейся до тѣхъ поръ различными законами и найденной имъ въ совершенно дикомъ состояніи. Казиміръ нерѣдко дѣйствовалъ съ самымъ жестокимъ и варварскимъ произволомъ, но всегда былъ готовъ принимать подъ свою защиту угнетаемыхъ другими. По тогдашнему обычаю, перешедшему въ Германію изъ Италіи, онъ милостями и деньгами поощрялъ ученыхъ къ распространенію новыхъ наукъ, строилъ города, вызывалъ изъ другихъ странъ ремесленниковъ и купцовъ, учреждалъ больницы и богадѣльни для бѣдныхъ и больныхъ и съ твердостью противодѣйствовалъ властолюбивымъ притязаніямъ духовенства. Подражая Германіи, гдѣ всякая, сколько нибудь значительная, деревня была окружена стѣною и называлась городомъ, онъ велѣлъ окружить такими-же стѣнами польскія мѣстечки, и потому называется основателемъ польскихъ городовъ. Казиміръ защищалъ поселянъ отъ притѣсненій магнатовъ и рыцарей, разбойничавшихъ и въ Польшѣ,

какъ въ Германіи, по селамъ и большимъ дорогамъ. За это онъ получилъ почетное названіе крестьянскаго короля.

Въ царствованіе Казиміра произошли два событія, часто упускаемыя изъ виду, но имѣвшія огромное и рѣшительное вліяніе на послѣдующую судьбу Польши: возникновеніе полновластія магнатовъ и поселеніе въ Польшѣ евреевъ. Рабски подражая учрежденіямъ нѣмцевъ, онъ ввелъ въ Польшѣ германскіе законы и суды, позволилъ своимъ подданнымъ подавать въ Магдебургъ апелляціи на постановленія польскихъ судовъ и считалъ націею только одни привилегированныя сословія. По обычаю нѣмцевъ, онъ ничего не предпринималъ безъ согласія магнатовъ и, созывая въ опредѣленное время сеймы, не допускалъ къ участію въ нихъ ни настоящаго народа, ни даже низшаго дворянства. Такимъ образомъ тотчасъ по возстановленіи польскаго государства, возникла олигархическо-аристократическая форма правленія позднѣйшей республиканской монархіи, которая и была впослѣдствіи причиною паденія Польши. Поселеніе въ Польшѣ евреевъ имѣло такое же пагубное вліяніе на ея внутренній бытъ, какъ введеніе аристократической олигархіи на ея политическую судьбу. Желая мгновенно создать торговлю и промышленность, Казиміръ старался привлечь въ Польшу людей и капиталы. Повсюду тѣснимые въ то время, евреи первые отозвались на его призывъ, и онъ поощрялъ ихъ переселеніе. Сначала имъ было позволено селиться только въ новой провинціи, Червоной Руси или Галиціи, но впослѣдствіи это дозволеніе распространилось на всю Польшу. Евреи наводнили страну, завладѣли всѣми прибыльными промыслами, не требовавшими тяжелаго физическаго труда, и образовали среднее или мѣщанское сословіе между дворянствомъ и крѣпостными крестьянами, составлявшими польскую націю. Мало-по-малу число евреевъ, какъ нѣкогда въ Египтѣ, увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ. Въ Польшѣ ихъ менѣе ненавидѣли за лихоимство, чѣмъ въ Германіи, а они охотно предоставляли другимъ славу и почетъ, лишь бы только на ихъ долю выпадалъ барышъ. Когда вошла въ употребленіе пагубная для народной нравственности водка, евреи, соблюдая сами умѣренность, воспользовались прирожденной славянамъ страстью къ опьяняющимъ напиткамъ, чтобы поставить народъ еще въ большую зависимость отъ себя. Этимъ средствомъ они вытягивали послѣднюю копейку у крестьянина, глядѣвшаго на нихъ, какъ на благодѣтелей и защитниковъ, и ихъ грязныя корчмы скоро сдѣлались единственнымъ прибѣжищемъ путешественника въ негостепріимномъ краѣ.

7. Венгрія при первыхъ короляхъ анжуйскаго дома.

Первый венгерскій король анжуйскаго дома, Карлъ Робертъ (стр. 191), достигъ престола съ большимъ трудомъ, только благодаря усиленнымъ стараніямъ римскаго двора. При коронованіи, онъ долженъ былъ присягнуть конституціи, сильно ограничивавшей королевскую власть въ пользу папы, духовенства и дворянства. Папѣ и духовенству предоставлялось огромное вліяніе на свѣтскія дѣла, а за дворянствомъ были формально утверждены присвоенныя имъ права. Народъ также оградили отъ произвола. Король обязался заботиться всѣми силами о благѣ ввѣреннаго ему народа и не осуждать на смерть ни одного венгра безъ правильнаго суда. Папа, какъ верховный повелитель Неаполя, включилъ въ присягу, принятую Карломъ Робертомъ при коронованіи, обязательство безусловно подчиниться завѣщанію его дѣда, неаполитанскаго короля Карла II. По этому завѣщанію Венгрія и Неаполь никогда не должны были соединяться подъ однимъ скипетромъ.

Избраніе Карла Роберта въ венгерскіе короли сблизило Венгрію съ самымъ цивилизованнымъ изъ европейскихъ государствъ. Это сближеніе могло бы способствовать распространенію образованія между дикими мадьярами и куманами (половцами), одичавшими отъ тридцатилѣтней войны за престолъ, и введенію у нихъ соотвѣтствовавшаго тогдашнему времени устройства, если бы они поняли всѣ выгоды итальянской цивилизаціи, а новый король умѣлъ бы показать имъ ея свѣтлую сторону. Но мадьяры стояли еще на слишкомъ низкой степени развитія,

а молодой, легкомысленный и развратный Карлъ Робертъ совершенно предался удовлетворенію необузданныхъ страстей. Климентъ V, содѣйствію котораго онъ былъ обязанъ венгерскимъ престоломъ, получалъ безпрестанныя жалобы на короля, нарушавшаго христіанскіе законы о бракѣ. Даже къ торжественному созванію сеймовъ и признанію правъ венгерскаго народа приходилось внуждать Карла Роберта силою.

Страшнымъ врагомъ Карла Роберта, съ самаго его преступленія на престолъ, явился одинъ изъ магнатовъ, графъ Маттіасъ Тренчинъ. Тренчинъ не призналъ новаго короля, сохранилъ независимость, не смотря на войну, начатую противъ него Карломъ Робертомъ, и до самой смерти владычествовалъ въ сѣверозападномъ краю Венгріи. Венгерскій король нашелъ себѣ союзника въ австрійскомъ герцогѣ Фридрихѣ Красивомъ, владѣнія котораго граничили съ мѣстностью, гдѣ господствовалъ Тренчинъ. Съ своей стороны Карлъ Робертъ отправилъ впослѣдствіи вспомогательное войско герцогу, воевавшему съ Людовикомъ Баварскимъ. Войско грубыхъ кумановъ не принесло большой пользы союзникамъ. Союзъ съ Австріей навлекъ венгерскому королю вражду Іоанна, короля чешскаго. Іоаннъ предпринялъ опустошительный походъ въ Венгрію и поддерживалъ Тренчина до тѣхъ поръ, пока Карлъ Робертъ не женился на его сестрѣ. Этимъ бракомъ король примирился съ венграми, опасавшимися новыхъ войнъ за престолонаслѣдіе, такъ какъ у короля не было дѣтей отъ перваго брака. Въ томъ же году умеръ Маттіасъ Тренчинъ, и владѣнія его были присоединены къ Венгріи (1318 г.).

Пользуясь родствомъ съ чешскимъ королемъ, Карлъ Робертъ старался придать своему королевству между европейскими государствами, преимущественно относительно Польши и Германіи, такое значеніе, какого оно еще никогда не имѣло. Впослѣдствіи онъ заключилъ даже тѣсный союзъ съ Іоанномъ (1327 г.), отказавшись только помогать чешскому королю противъ своихъ старинныхъ друзей, австрійскихъ герцоговъ, которымъ онъ остался вѣренъ и не переставалъ оказывать помощь. Замѣшанный въ борьбу этихъ герцоговъ, онъ не упустилъ однако случая воспользоваться ею для обогащенія и расширенія своего государства. Карлъ Робертъ старался также возвратить Венгріи нѣкогда принадлежавшія ей сосѣднія земли, преимущественно далматскій берегъ; но ему не удалось вытѣснить оттуда венеціанцевъ, которые овладѣли этимъ берегомъ, пользуясь волненіями въ Италіи и Германіи. Чтобы сравнять Венгрію съ другими европейскими государствами, Карлъ Робертъ содѣйствовалъ образованію рыцарства турнирами и раздачею гербовъ, а для усовершенствованія земледѣлія призвалъ нѣмецкихъ колонистовъ. Хорошо должно было быть положеніе швабскихъ и баварскихъ крестьянъ, если они бѣжали въ Венгрію отъ притѣсненій, грабежа и дракъ рыцарства, точно такъ же, какъ теперь ихъ заставляетъ переселяться въ Америку усовершенствованная и богатая послѣдними научными выводами политическая экономія!

Карлъ Робертъ добился деньгами того, чего не могъ достичь оружіемъ. Въ его царствованіе венгры принялись за разработку золотыхъ и серебряныхъ рудъ, приносившихъ имъ до тѣхъ поръ мало выгодъ. Деньги дали ему возможность играть роль третейскаго судьи въ распряхъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, и даже рѣшать споры польскаго и чешскаго королей, находившихся съ нимъ въ равной степени родства, такъ какъ третьей его женой была дочь Владислава Локтека. Карлъ Робертъ накопилъ огромныя богатства, потребовавъ отъ магнатовъ третьей части прибыли съ каждой золотой или серебряной руды, открытой въ ихъ владѣніяхъ. Въ Венгріи добывалось благородныхъ металловъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ европейскомъ государствѣ, съ тѣхъ поръ какъ ея рудники стали разработываться поселившимися въ ней саксонцами и чехами. Можно себѣ представить, какимъ блескомъ окружалъ себя Карлъ Робертъ, пользовавшійся такими огромными доходами и перенесшій въ Венгрію итальянскую роскошь. При его дворѣ сходились двѣ крайности — утонченность итальянскихъ рыцарей и городовъ и первобытная простота дикихъ охотниковъ и воиновъ кумановъ. Исторія Филиціана Цаха, напоминающая сцены африканскихъ дворовъ, показываетъ, до чего доходило при дворѣ Карла Роберта звѣрство, соединенное съ восточно-итальянскою роскошью и утонченностью. Дочь Филиціана, одного изъ первыхъ придворныхъ, была насильно отдана въ жертву скотской страсти пріѣхавшаго въ Венгрію польскаго принца, впослѣдствіи Казиміра Великаго. Сама королева, жен-

щина механически набожная, помогла брату. Филиціанъ жестоко отмстилъ за оскорбленіе и еще съ большею жестокостью былъ наказанъ. Онъ бросился на королевскую семью во время пира, ранилъ короля въ правую руку, отрубилъ у королевы четыре пальца, и перебилъ бы ихъ всѣхъ, еслибъ одному изъ придворныхъ не удалось ударомъ сзади повалить его на землю. Его тутъ же добили до смерти, четвертовали трупъ и куски его выставили на позоръ въ разныхъ городахъ королевства. Уже одно это, не говоря о дальнѣйшихъ преслѣдованіяхъ, доказываетъ, что даже въ законахъ и судахъ Венгріи выражались варварство и дикость того времени. Сеймъ приговорилъ къ самымъ жестокимъ наказаніямъ не только всѣхъ знавшихъ намѣреніе Филиціана, но даже его дальнихъ родственниковъ и потомковъ. Его несчастной дочери отрубили носъ и руки, и въ такомъ изуродованномъ видѣ возили на лошади по городамъ и селамъ. Сынъ его былъ разорванъ лошадьми и брошенъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Всѣхъ остальныхъ родственниковъ и потомковъ до третьяго колѣна сеймъ епископовъ и магнатовъ осудилъ на кровавое преслѣдованіе.

За два года до этого отвратительнаго происшествія умеръ единственный сынъ неаполитанскаго короля Роберта, дяди Карла Роберта. Карлъ Калабрійскій оставилъ двухъ новорожденныхъ дочерей, Іоанну I и Марію. Смерть его неожиданно открыла путь къ неаполитанскому престолу Карлу Роберту, сыну старшаго брата неаполитанскаго короля. Дядя венгерскаго короля, по соглашенію съ неаполитанской аристократіей и Іоанномъ XXII, назначилъ наслѣдницею свою внучку Іоанну, и папа твердо рѣшился препятствовать всѣми силами соединенію Венгріи съ Неаполемъ. Это рѣшеніе навело его на несчастную мысль упрочить права наслѣдницы, помолвивъ ее за втораго сына Карла Роберта, Андрея, также еще ребенка. Планъ папы, выполненный 1332 г., былъ пагубенъ для обоихъ дѣтей уже по одному тому, что они были ровесниками, а это совершенно несообразно съ обычаями и физіологическими условіями жителей южныхъ странъ. Карлъ Робертъ повезъ сына въ Неаполь (1333 г.), чтобы дать ему итальянское воспитаніе. Пріѣздъ венгерскаго короля и его сына въ Италію былъ торжествомъ для тамошнихъ гвельфовъ. Но пребываніе Андрея въ Неаполѣ и полученное имъ воспитаніе соединили только въ юношѣ природную грубость съ итальянскою чувственностью. Воспитаніе Іоанны было совершенно въ духѣ Петрарки; оно представляло какую-то смѣсь фантастическихъ, поэтическо-философскихъ мечтаній съ педантизмомъ и риторикою ученыхъ химеръ.

III. ФРАНЦІЯ, АНГЛІЯ, ГЕРМАНІЯ И ИТАЛІЯ

ОТЪ СМЕРТИ АЛЬБРЕХТА I ДО ПАПЫ УРБАНА V.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

1. Германія и Швейцарія до римскаго похода Генриха VII.

Три первобытные кантона Швейцаріи, Швицъ, Ури и Унтервальденъ, соединенные между собой старинною дружбой, были населены простыми пастухами, сохранившими независимость и свободу. Находясь подъ верховною ленною властью императора, представителемъ котораго былъ имперскій фогтъ, судившій уголовныя преступленія, они со временъ Оттона IV избрали графовъ габсбургскихъ своими покровителями. Рудольфъ и Адольфъ дѣйствительно защищали права швейцарцевъ. Но при Альбрехтѣ I у нихъ возникла съ императоромъ и рыцарствомъ борьба, имѣвшая важныя послѣдствія не только для Швейцаріи и Германіи, но и для Италіи и Франціи. Альбрехтъ хотѣлъ подчинить свободныхъ пастуховъ деспотической, военно-монархической власти, введенной имъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Дворянство, жившее въ первобытныхъ кантонахъ и окрестностяхъ ихъ, надѣялось, подобно германскому рыцарству, отнять у рабочаго населенія его права и обратить независимыхъ швейцарцевъ въ подвластныхъ германскихъ крестьянъ. Къ счастью, въ швейцарскихъ кантонахъ, такъ-же какъ въ деревняхъ фрисландцевъ и дитмаршенцевъ, было много землевладѣльческихъ фамилій, не принадлежавшихъ и не желавшихъ присоединиться къ рыцарству. Они соединились съ самыми вліятельными изъ пастуховъ, чтобы общими силами противодѣйствовать императору и чужеземному рыцарству, поселившемуся въ ихъ долинахъ. Старинная дружба трехъ кантоновъ способствовала образованію союза, а неприступная природа страны облегчила борьбу съ императоромъ и рыцарствомъ. Въ горахъ Швейцаріи началась такая же борьба за свободу, какая почти въ то же время шла у дитмаршенцевъ и, пятьдесятъ лѣтъ спустя, у сѣверныхъ фрисландцевъ, среди ихъ непроходимыхъ топей (стр. 236). И тутъ, какъ тамъ, надменное рыцарство легло подъ мощною рукою храбрыхъ пастуховъ и крестьянъ. Всемірно-историческое значеніе швейцарскія войны пріобрѣли потому, что продолжительная война съ тяжело-вооруженною, рыцарскою конницею образовала изъ плохо-вооруженныхъ поселянъ искусную и храбрую пѣхоту. Уничтоживъ рыцарство и обезпечивъ независимость Швейцаріи, эта пѣхота сдѣлалась притѣснительницей другихъ народовъ, предлагая за деньги свои услуги иностранцамъ.

Вступивъ на престолъ, Альбрехтъ не подтвердилъ правъ первобытныхъ кантоновъ и впослѣдствіи не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Съ угрозами требовалъ онъ отъ свободныхъ пастуховъ, чтобы они признали себя подданными габсбургскаго дома, и, отправивъ въ Швейцарію фогтовъ, предоставилъ имъ произвольно притѣснять народъ и поселившееся среди его дворянство. Швейцарское

дворянство не отдѣлилось отъ народа, какъ занимавшееся только войною и охотою рыцарство другихъ германскихъ земель; оно, напротивъ, старалось снискать себѣ уваженіе въ другихъ сословіяхъ и черезъ него пріобрѣсти значеніе. Насильственные поступки императора и его фогтовъ возбудили въ 1307 г. народное возстаніе, въ то время, какъ Альбрехтъ былъ занятъ чешскою войною и не успѣлъ еще оправиться отъ нанесеннаго ему въ Тюрингіи пораженія (стр. 193). Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ событій въ первобытныхъ кантонахъ, на сколько это возможно опредѣлить съ достовѣрностью. Преданіе сохранило много подробностей, подлежащихъ большому сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, разсказы о Вильгельмѣ Теллѣ (т. II. стр. 386) и тиранніи фогтовъ Германа Геслера фонъ Брунека и Берингера фонъ Ланденберга, очевидно, принадлежатъ къ области историческаго эпоса. Преданіе говоритъ, что въ ноябрѣ 1307 г. трое самыхъ вліятельныхъ швейцарцевъ изъ первобытныхъ кантоновъ, Вальтеръ Фюрстъ изъ Ури, Вернеръ Штауффахеръ изъ Швица и Арнольдъ анъ деръ Гальденъ изъ Мельхталя въ Унтервальденѣ, приведя съ собой каждый по десяти поселянъ, пользовавшихся значеніемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, заключили союзъ въ долинѣ Грютли, Фирвальдштедтскаго озера (четырехъ кантоновъ), и поклялись прогнать фогтовъ и усмирить дерзкое рыцарство. Къ нимъ присоединилось много дворянъ, притѣсняемыхъ фогтами за сопротивленіе австрійскому владычеству. Эти люди предводительствовали впослѣдствіи неопытными въ военномъ дѣлѣ поселянами при нападеніяхъ на замки враговъ свободы. Въ первый день 1308 г., какъ было условлено между заговорщиками, народъ окружилъ замки и прогналъ фогтовъ и рыцарей. Черезъ семь дней былъ возобновленъ старинный союзъ кантоновъ, — такъ называемая конфедерація, — для защиты и поддержанія древнихъ законовъ.

Между тѣмъ Альбрехтъ прибылъ въ Швабію, готовясь къ новому походу противъ чеховъ. Онъ рѣшился тотчасъ же и жестоко наказать гордыхъ швейцарцевъ, но отказомъ въ ленѣ и объявленіемъ войны базельскому епископу возстановилъ противъ себя звѣрское и хищное рыцарство Швабіи, помогавшее ему во всѣхъ войнахъ. Недовольные присоединились къ молодому Іоанну Швабскому, сыну умершаго Рудольфа, брата Альбрехта. Іоаннъ ненавидѣлъ дядю и опекуна, не отдававшаго ему, не смотря на всѣ просьбы, отцовскаго наслѣдія въ Швабіи. Рыцари, приставшіе къ Іоанну, составили заговоръ и рѣшились умертвить императора, если онъ снова откажется удовлетворить племянника. Изъ заговорщиковъ намъ извѣстны имена только четырехъ молодыхъ людей — Конрада фонъ Тегернфельда, Вальтера фонъ Эшенбаха, Ульриха фонъ деръ Бальма и и Рудольфа фонъ деръ Варта. Предупрежденный объ угрожавшей ему опасности однимъ изъ заговорщиковъ, сознавшимся духовнику на исповѣди, Альбрехтъ продолжалъ однако беззаботно вооружаться для отмщенія швейцарцамъ. Старанія его примириться съ племянникомъ были напрасны. Пылкій молодой человѣкъ былъ слишкомъ сильно раздраженъ противъ дяди, утѣшавшаго его въ потерѣ швабскаго наслѣдства надеждою пріобрѣсти Мейссенъ. Императоръ не обратилъ также никакого вниманія на ходатайство за Іоанна майнцскаго архіепископа, Петра Айхшпальтера, находившагося, какъ кажется, въ сношеніяхъ съ врагами Альбрехта. Заговорщики рѣшились наконецъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, хотя и ожидали благопріятныхъ послѣдствій. Перваго мая 1308 г. Альбрехтъ отправился изъ Бадена въ Рейнфельденъ. Когда онъ сошелъ на паромъ, для переправы чрезъ Рейксу, заговорщики спрыгнули за нимъ, отчаливъ отъ берега, отдѣлили императора отъ свиты и, переѣхавъ на другую сторону, умертвили его въ полѣ. Они спаслись отъ преслѣдованія бѣгствомъ и умерли въ изгнаніи. Одному Рудольфу, не принимавшему участія въ убійствѣ, но оставшемуся зрителемъ его, не удалось спастись. Онъ былъ схваченъ, преданъ жестокимъ мученіямъ и умеръ черезъ три дня. Главный виновникъ, Іоаннъ Швабскій, долго прятался переодѣтый, пока не нашелъ себѣ убѣжища въ Пизѣ. Онъ умеръ монахомъ августинскаго монастыря. Набожная венгерская королева Агнеса (стр. 192), дочь Альбрехта, и его сынъ Леопольдъ I, въ отмщеніе за смерть отца, велѣли перебить не только всѣхъ родственниковъ убійцъ, но ихъ ратниковъ и слугъ, то есть нѣсколько сотъ совершенно невинныхъ людей.

По смерти Альбрехта Австрія и Швабія достались его сыновьямъ: двое старшихъ, Фридрихъ Красивый и Леопольдъ I, взяли въ свои руки управленіе государствомъ за младшихъ братьевъ, Альбрехта, Генриха и Оттона, хотя всѣ пятеро считались владѣтельными князьями. Императорскій титулъ не былъ предоставленъ ни одному изъ нихъ. Альбрехтъ былъ слишкомъ могущественъ для германскихъ князей, и оба архіепископа имперіи, Петръ Айхшпальтеръ Майнцскій и Бальдуинъ Трирскій, изъ дома графовъ люксембургскихъ, объявили себя противъ кандидатуры Фридриха и Леопольда, находившихся къ тому же въ распрѣ съ Богеміею, Вюртембергомъ и Баваріею. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ германскіе князья искали императора въ другихъ фамиліяхъ. Этой неурядицей и возникшими спорами старались воспользоваться папа Климентъ V, французскій король Филиппъ IV, гвельфы, анжуйскій домъ въ Италіи и мелкіе германскіе князьки. Къ счастью Германіи, обоимъ архіепископамъ удалось соединенными силами возвести въ императоры, черезъ полгода по смерти Альбрехта, графа Генриха Люксембургскаго. Фамилія графовъ люксембургскихъ пользовалась такимъ же значеніемъ по Маасу, Мозелю и на нижнемъ Рейнѣ, какъ габсбургская на верхнемъ Рейнѣ, по Рейссѣ, Аару и въ Эльзасѣ; личными качествами и рыцарскими подвигами графъ Генрихъ не уступалъ Рудольфу Габсбургскому; наконецъ, новый императоръ былъ братъ архіепископа трирскаго и другомъ Айхшпальтера, его прежняго вассала. Большія дипломатическія способности и уживчивая совѣсть заставили архіепископа майнцскаго стараться объ избраніи Генриха; впослѣдствіи онъ дѣйствительно оказалъ императору большія услуги въ дипломатическихъ переговорахъ. Свои таланты Айхшпальтеръ выказалъ еще прежде. Получивъ базельское епископство, онъ былъ посланъ во Францію графомъ Генрихомъ, чтобы выхлопотать упразднившееся майнцское епископство его брату, Бальдуину, двадцатилѣтнему юношѣ, учившемуся въ Парижѣ. Петръ умѣлъ устроить дѣло такъ, что это епископство было отдано ему, а для молодаго Бальдуина онъ купилъ у папы трирское епископство. Участіе Айхшпальтера въ убійствѣ Альбрехта и формальное обвиненіе, принесенное новому императору женою Альбрехта, въ томъ, что Петръ зналъ о замышляемомъ преступленіи, доказываютъ, что архіепископъ не былъ очень разборчивъ на средства. Впрочемъ хлопоты архіепископовъ при избраніи Генриха были далеко не безкорыстны. Генрихъ обязался наградить ихъ имперскими владѣніями и уплатить папѣ за архіепископа майнцскаго долгъ, остававшійся на немъ за трирское епископство. Климентъ, поддерживавшій избраніе графа люксембургскаго, дѣйствовалъ однако очень осторожно, потому что Филиппъ VI, проча на германскій престолъ своего брата, Карла Валуа, требовалъ, чтобы папа помогалъ ему. Нисколько не желая усиливать могущество французскаго короля, но находясь въ полной его зависимости, папа прибѣгнулъ къ притворству, обѣщая Филиппу дѣйствовать въ пользу его брата и въ то же время тайно убѣждая курфюрстовъ поспѣшить избраніемъ Генриха. Таково было положеніе дѣлъ въ Германіи въ ноябрѣ 1308 г., когда графъ люксембургскій вступилъ на императорскій престолъ подъ именемъ Генриха VII.

Первымъ стремленіемъ новаго императора было доказать германцамъ благотворное дѣйствіе законной монархической власти въ странѣ, гдѣ владѣтели и рыцари обратились въ разбойниковъ, а города сдѣлались республиками. Обладая, не менѣе Рудольфа Габсбургскаго личными достоинствами, на которыя въ то время было обращаемо особенное вниманіе, Генрихъ умѣлъ своими рыцарскими качествами и внѣшними пріемами поднять императорское значеніе. Вслѣдъ за коронованіемъ онъ предпринялъ путешествіе вверхъ по Рейну, черезъ Швабію и Франконію. Во время этого путешествія Генрихъ могъ убѣдиться въ процвѣтаніи Страсбурга и Цюриха (они были населеннѣе, чѣмъ теперь) и въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Италіею Ульма, Аугсбурга и Нюрнберга, не уступавшихъ итальянскимъ городамъ благосостояніемъ и устройствомъ. Напротивъ, швабскіе города были угнетаемы графами вюртембергскимъ и баденскимъ. Генрихъ старался возстановить повсюду законы и справедливость. Городамъ онъ напомнилъ, что они имперскіе города, а первобытные кантоны Швейцаріи снова привязалъ къ имперіи, возвративъ имъ прежнія права. Но болѣе всего хотѣлось ему доказать свое могущество графу швабскому Эбергарду, уже нѣсколько лѣтъ опусто-

шавшему Швабію разбоями (стр. 184). Созвавъ сеймъ въ Шпейерѣ, онъ потребовалъ туда Эбергарда на судъ, а герцоговъ австрійскихъ для дарованія имъ ленныхъ правъ. На этотъ первый сеймъ Генриха (1309 г.) съѣхались не только нѣмцы, но и множество итальянскихъ гвельфовъ и гибеллиновъ, добивавшихся помощи императора. Эбергардъ Вюртембергскій, явившійся въ Шпейеръ въ сопровожденіи товарищей своихъ разбоевъ, поссорился съ императоромъ и былъ объявленъ опальнымъ. Герцоговъ австрійскихъ, обиженныхъ его избраніемъ, Генрихъ старался расположить въ свою пользу милостями, не забывая впрочемъ и собственныхъ выгодъ. Онъ отдалъ имъ въ ленное владѣніе земли габсбургскаго дома и, нарушивъ законы справедливости, позволилъ преслѣдовать несчастныхъ, замѣшанныхъ въ убійствѣ Альбрехта. Это и вызвало тѣ страшныя, кровавыя сцены, о которыхъ мы говорили. Герцоги, съ своей стороны, отказались отъ притязаній на Богемію, заплатили Генриху значительную сумму денегъ и обѣщали, что одинъ изъ нихъ будетъ сопровождать его въ римскомъ походѣ съ 200 рыцарей. Въ числѣ итальянцевъ, пріѣхавшихъ въ Шпейеръ просить императора ускорить походомъ въ Римъ, находились послы гибеллина Матвѣя Висконти и его противника, Гвидо делла Торре, а также изгнанный изъ Брешіи гвельфъ, Тебальдо ди Бруссати. Генрихъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе, очень довольный представлявшимся случаемъ поддержать блескъ императорскаго достоинства золотомъ богатѣйшей изъ европейскихъ странъ.

Второй сеймъ, созванный Генрихомъ (1310 г.) во Франкфуртѣ на Майнѣ, послѣ вторичнаго путешествія по Швабіи и Франконіи, далеко превзошелъ блескомъ первый. Во Франкфуртѣ обсуждались преимущественно богемскія дѣла. Герцогъ каринтійскій Генрихъ, женатый на старшей сестрѣ Венцеслава III, овладѣлъ чешскою короною (стр. 193) и жестоко угнеталъ народъ. Онъ во всемъ отдавалъ преимущество своимъ нѣмецкимъ рыцарямъ передъ славянами, переводилъ въ Каринтію золото и серебро, добываемое изъ богатыхъ богемскихъ рудниковъ, и силою хотѣлъ выдать свою свояченицу, энергическую Елисавету, за человѣка, который не могъ быть ему опасенъ. Елисавета противилась, была заключена въ темницу, бѣжала оттуда и призвала на помощь недовольныхъ чешскихъ дворянъ. Не рѣшаясь вступить въ борьбу съ рыцарями Генриха, чехи просили помощи у императора. Они предложили руку Елисаветы и чешскую корону его сыну, Іоанну. Генрихъ хотѣлъ сначала принять это предложеніе не для сына, а для брата Вальрама, потому что Іоанну едва минуло 14 лѣтъ, а Елисаветѣ, управлявшей впослѣдствіи мужемъ, какъ мальчикомъ, было уже 19, да къ тому же она пользовалась двусмысленной репутаціей. Послушавшись однако совѣта Айхшпальтера, императоръ заключилъ во Франкфуртѣ договоръ съ чешскими дворянами и объявилъ, отъ имени сейма, герцога Генриха лишеннымъ чешской короны. Вслѣдъ затѣмъ (1 сентября 1310 г.) молодой Іоаннъ, получившій отъ отца, переименованное тогда въ герцогство, графство люксембургское, обвѣнчался въ Шпейерѣ съ Елисаветою. Отпраздновавъ съ блескомъ свадьбу сына, Генрихъ отправился въ Бургундію, чтобы оттуда, въ томъ же году, выступить въ Италію. Еще не дойдя до Альповъ, онъ рѣшился предпринять два новые похода: одинъ—противъ Генриха Каринтійскаго, другой—противъ Эбергарда Вюртембергскаго. Намѣстнику Швабіи, Конраду фонъ Вейнсбергу, было поручено привести въ исполненіе приговоръ, уже давно произнесенный надъ Эбергардомъ. Конрадъ поднялъ жителей Эсслингера и другихъ городовъ, разрушилъ всѣ замки, за исключеніемъ трехъ, и принудилъ Эбергарда бѣжать къ маркграфу баденскому, гдѣ онъ и оставался до смерти Генриха. Богемскимъ походомъ руководили графъ фонъ Геннебергъ и Айхшпальтеръ, занимавшійся только дипломатическими переговорами. Герцогъ каринтійскій не могъ бороться съ нѣмецкимъ войскомъ и недовольными чехами; онъ бѣжалъ въ Каринтію и болѣе не оставлялъ ее. Въ февралѣ 1311 г. Петръ Айхшпальтеръ торжественно короновалъ Іоанна чешскимъ королемъ.

2. Италія до и во время римскаго похода Генриха VII.

Намъ пришлось бы разсказать цѣлый рядъ отдѣльныхъ исторій, еслибы мы захотѣли обозрѣвать каждое изъ итальянскихъ государствъ. Для знакомства съ состояніемъ Италіи во время похода Генриха VII достаточно указать на Римъ, Неаполь, Флоренцію и Миланъ.

Отношеніе папъ Бонифація VIII, Бенедикта XI и Климента V къ французскимъ королямъ (стр. 216) уже бросаетъ свѣтъ на тогдашнее состояніе Рима и папства. Колонна, Орсини и другія фамиліи достигли такого могущества, что папамъ Бонифацію и Бенедикту пришлось выѣхать изъ Рима. Но вражда и споры этихъ фамилій дали возможность искусному уполномоченному Филиппа доставить, по смерти Бенедикта, папскій престолъ архіепископу бордосскому, Бертрану, бывшему орудіемъ французской политики. Бертранъ, названный папою Климентомъ V, переѣхалъ въ Авиньонъ, остававшійся въ теченіе почти семидесяти лѣтъ столицею папства. Съ его переселеніемъ во Францію исчезло въ Италіи политическое значеніе папы и императора, и итальянцы пріобрѣли полную свободу. Независимость вызвала высшее умственное развитіе, процвѣтаніе искусствъ и ремеслъ, повсемѣстное благосостояніе, но вмѣстѣ съ нимъ и страшную распущенность нравовъ. Все это превосходно изображено Данте въ его великомъ твореніи. Въ то же время онъ написалъ и свою книгу о монархіи или о духовной и свѣтской власти, стараясь доказать въ ней, что истинная свобода итальянцевъ можетъ быть спасена только тогда, когда свѣтская власть императора и духовная—папы будутъ проявляться въ свойственныхъ имъ предѣлахъ.

Съ упадкомъ церкви увеличились симонія (т. II, стр. 578) и злоупотребленія духовной власти. Развращеніе нравовъ прикрывалось религіею, а схоластика и церковныя учрежденія служили не только для отпущенія грѣховъ, но и для позволенія грѣшить. Такое состояніе общества, рядомъ съ писателями, выставлявшими, какъ Данте въ своей «Божественной комедіи», вопіющій контрастъ нравственныхъ міровыхъ законовъ съ существовавшими уставами церкви, вызвало во всѣхъ странахъ реформаторовъ, стремившихся, подобно Арнольду Брешіанскому (т. II, стр. 678), произвести радикальный, соціальный переворотъ. При господствовавшемъ въ то время фанатизмѣ, эти революціонеры должны были то же быть фанатиками и, противопоставляя слѣпому преслѣдованію слѣпое ожесточеніе, естественно погибали отъ численнаго превосходства враговъ. Самымъ замѣчательнымъ и сильнымъ изъ нихъ былъ Дульчино или Дульцинъ. Незаконнорожденный сынъ священника, онъ былъ ученикомъ Гергарда Сегарелли, мечтателя, жившаго въ половинѣ XIII в. и проповѣдывавшаго свое ученіе не только изустно, но и въ письмахъ, писанныхъ сжатымъ и общедоступнымъ языкомъ, или, какъ сказали бы теперь, въ брошюрахъ. Подобнаго рода письма ученыхъ и духовныхъ, чрезвычайно распространенныя въ средніе вѣка, замѣняли нынѣшніе журналы и брошюры. Главное содержаніе проповѣдей Дульчино состоитъ въ томъ, что онъ противопоставляетъ евангельскую простоту—пышности римской церкви, а общность имуществъ первыхъ христіанъ—владѣтельнымъ правамъ епископовъ, аббатовъ и рыцарской аристократіи, основанной на исключительномъ владѣніи землею и людьми. Найдя много послѣдователей въ восточной Ломбардіи и въ странахъ, гдѣ уже болѣе столѣтія господствовала свобода мнѣній (т. II, стр. 625 и стр. 129), Дульчино предложилъ имъ учредить христіанскую или скорѣе мечтательную республику, чтобы разомъ освободиться отъ свѣтскаго и духовнаго ига. Попытка его не удалась по той же причинѣ, какъ и подобная же попытка мюнстерскихъ и нижне-саксонскихъ фанатиковъ XVI столѣтія: всѣ эти мечтатели хотѣли согласить противорѣчія. Но Дульчино, такъ же какъ и предводители нѣмецкихъ анабаптистовъ, обезсмертилъ себя настойчивостью и упорствомъ. Онъ возстановилъ противъ себя духовенство, богачей и задорно рыцарство, грозя всѣмъ имъ гибелью за притѣсненія бѣдныхъ и слабыхъ. Преслѣдуемый и гонимый силою, Дульчино, собравъ болѣе шести тысячъ человѣкъ, удалился съ своею умной, энергичной и красивой женой Маргаритою въ горы Новары и Верчелли, три четверти

года покрытыя снѣгомъ и льдомъ. Прокармливаясь грабежомъ въ этой неприступной мѣстности, онъ восемь лѣтъ (съ 1300 г.) защищался противъ регулярныхъ войскъ, отправляемыхъ противъ него епископами окружныхъ земель. Наконецъ фанатизмъ господствовавшей церкви нашелъ средство подавить фанатизмъ еретика, проповѣдывавшаго уничтоженіе ея. Противъ него возвѣстили крестовый походъ, и Дульчино погибъ со всѣми приверженцами.

Эта война за вѣру началась и кончилась безъ участія папы. Но, чтобы хоть сколько нибудь поддержать свое свѣтское значеніе, Климентъ V отправилъ въ Италію войско подъ предводительствомъ хитраго и воинственнаго кардинала, Наполеона Орсини. Куда ни обращался кардиналъ, онъ повсюду встрѣчалъ неудачу, потому что порядокъ вещей совершенно измѣнился; въ Италіи давно позабыли и о папѣ, и объ императорѣ. Нисколько не желая возстановленія императорской власти въ Италіи, Климентъ былъ все-таки доволенъ предстоящимъ римскимъ походомъ Генриха. Присутствіе императора въ Италіи естественно должно было привлечь на сторону папы одну изъ партій.

Почти одновременно съ избраніемъ въ императоры Генриха Люксембургскаго произошла и въ Неаполѣ перемѣна правительства. По смерти Карла II (1309 г.) на неаполитанскій престолъ вступилъ его сынъ, Робертъ. Карлъ принадлежалъ къ лучшимъ правителямъ своего времени; при немъ значеніе императора въ церковной области, Флоренціи и во многихъ ломбардскихъ городахъ перешло къ анжуйскому дому. Онъ подчинилъ себѣ папъ и римскую аристократію, былъ признанъ въ сѣверной Италіи главою гвельфовъ, заставилъ уважать себя даже князей, болѣе расположенныхъ къ германской имперіи, чѣмъ къ Франціи; завладѣлъ частью Пьемонта и оспаривалъ у Филиппа, графа савойскаго, его права на Монферратъ и владѣнія, доставшіяся по наслѣдству его женѣ въ Морей. Умирая, Карлъ завѣщалъ престолъ младшему сыну, Роберту, обойдя ближайшаго наслѣдника, Карла Роберта, внука отъ старшаго сына. Карлъ Робертъ былъ возведенъ еще ранѣе, при помощи папы, на венгерскій престолъ (стр. 252), и его дѣдъ считалъ невозможнымъ соединеніе подъ однимъ скипетромъ венгерскаго и неаполитанскаго королевствъ. Покровительствуя новому неаполитанскому королю, папа освободилъ его отъ дани, платимой ему, какъ верховному повелителю Неаполя, каждымъ новымъ королемъ, и простилъ долгъ, сдѣланный при Карлѣ I анжуйскимъ домомъ римской коронѣ. Этотъ долгъ былъ впрочемъ такъ великъ, что Робертъ никогда не уплатилъ бы его. Увѣренный, что Робертъ не въ состояніи изгнать Фридриха II (стр. 145), папа старался примирить обоихъ королей. Но Робертъ никакъ не хотѣлъ отказаться отъ Сициліи и, отъ времени до времени, предпринималъ походы для покоренія острова.

При вступленіи на престолъ Роберта, партія гвельфовъ и французовъ имѣла въ Италіи рѣшительный перевѣсъ. Флорентинцы, заклятые враги имперіи и гибеллиновъ, выступили противъ нихъ съ значительными силами. Робертъ отправилъ на помощь флорентинцамъ храбрыхъ наемниковъ, которые, принадлежа къ различнымъ національностямъ, нанимались подъ именемъ каталонцевъ и арагонцевъ въ службу по островамъ и берегамъ Средиземнаго моря. Въ Генуѣ и Венеціи господствовали сильные внутренніе безпорядки. Въ Феррарѣ принцы дома Эсте оспаривали другъ у друга владычество; одинъ изъ нихъ продалъ впослѣдствіи городъ венеціанцамъ, и феррарцы, чтобы избавиться отъ нихъ, передались папѣ. Это вовлекло венеціанцевъ въ войну съ римскою церковью. Венеціанцы не уступали города, и Климентъ V произнесъ надъ властолюбивою республикою неслыханно грозное и дерзкое проклятіе. Онъ наложилъ на венеціанцевъ интердиктъ, предалъ ихъ отлученію отъ церкви, объявилъ лишенными чести и права исполнять до четвертаго колѣна какую бы то ни было духовную или свѣтскую должность и предоставилъ всякому грабить имущества венеціанцевъ и брать ихъ въ рабство. Вначалѣ венеціанцы не обратили, разумѣется, никакого вниманія на папскій гнѣвъ. Чтобы придать значеніе своимъ словамъ, Климентъ велѣлъ проповѣдывать противъ нихъ крестовый походъ, назначивъ предводителемъ собравшейся толпы одного изъ кардиналовъ. Венеціанцы были вытѣснены изъ Феррары; но жители, осажденные ими и притѣсняемые папскою сволочью, снова призвали къ себѣ фамилію Эсте. Не будучи въ силахъ бороться ни съ нею, ни съ венеціанцами, папа обратился къ неаполитанскому королю, назначивъ его своимъ на-

мѣстникомъ въ Феррарѣ и Романьѣ. Робертъ, находившійся въ то время въ Провансѣ (1310 г.), явился въ Италію еще прежде, чѣмъ императоръ перешелъ Альпы.

Во Флоренціи, быстро достигшей процвѣтанія и могущества (стр. 164) и служившей въ описываемое время оплотомъ гвельфовъ, продолжалась старинная борьба и вражда партій. Бѣлые, изгнанные изъ Флоренціи (стр. 166), соединились съ гибеллинами, и этимъ союзомъ отрѣзали себѣ возвращеніе въ городъ, преданный исключительно гвельфамъ. Кроткій и миролюбивый папа, Бенедиктъ XI, отправилъ въ 1304 г. во Флоренцію кардинала Николая ди Прато примирить враждовавшія партіи; но его усилія разбились о непримиримую ненависть враговъ. Вынужденный покинуть городъ, духовный миротворецъ, уѣзжая, изрекъ въ сильномъ гнѣвѣ проклятіе противъ флорентинцевъ. Но громы церкви, уже давно переставшіе пугать итальянцевъ, не потрясли стѣнъ города. По отъѣздѣ кардинала, возобновилась борьба; слѣдствіемъ ея былъ пожаръ, истребившій до 1,700 домовъ. Разсчитывая на содѣйствіе папы, бѣлые и гибеллины, поддержанные пистойцами, рѣшились силою завладѣть городомъ. Они ворвались во Флоренцію, но были тотчасъ же выгнаны, а большинство ихъ погибло. Рѣшившись отмстить Пистоіи, флорентинцы обложили ее осадою, отразившей въ себѣ характеръ эпохи и страны. Робертъ Неаполитанскій, посланный отцомъ на помощь флорентинцамъ, оказалъ имъ большія услуги каталонской конницей, но вернулся въ Неаполь, когда Климентъ V принялъ сторону осажденныхъ. Доведенные до послѣдней крайности недостаткомъ средствъ, пистойцы, чтобы избавиться отъ всѣхъ неспособныхъ носить оружіе, отдали женъ и дѣтей на жертву ожесточеннымъ врагамъ. Сами они не сдавались даже и тогда, когда, по истребленіи всѣхъ лошадей, имъ рѣшительно нечѣмъ было питаться. Осаждавшіе не уступали имъ въ настойчивости. Они твердо переносили суровую погоду, боролись съ неудобствами мѣстности, наложили на себя огромныя подати и не обращали никакого вниманія на проклятія, посылаемыя имъ папою черезъ своихъ легатовъ. Непоколебимое упорство и жестокость обѣихъ сторонъ доказываютъ, до какого ожесточенія доходила вражда партій въ итальянскихъ городахъ. Флорентинцы отрѣзывали всѣмъ плѣннымъ носы, руки и ноги; пистойцы подобнымъ же образомъ замучивали до смерти тѣхъ, кто попадалъ въ ихъ руки. Когда въ городѣ осталось съѣстныхъ припасовъ только на день, пистойцы наконецъ сдались на извѣстныхъ условіяхъ, заключивъ, при посредничествѣ одного монаха, слывшаго святымъ, договоръ, скрѣпленный страшными клятвами (1306 г.). Не смотря на клятвы, послѣдствія этой войны были тѣ же, какими кончаются всѣ междоусобицы, особенно у страстныхъ жителей южныхъ странъ. Побѣдители, вопреки договору, обобрали побѣжденныхъ, разрушили городскую стѣну и сломали всѣ дворцы и замки бѣлыхъ и гибеллиновъ. Подобный образъ дѣйствій раздражилъ итальянскихъ гибеллиновъ и вообще всѣхъ, читавшихъ стихи, прозу, письма и историческіе очерки Дино Компаньи и Данте (стр. 167), изображавшихъ жалобы угнетенныхъ и сожалѣніе объ упадкѣ свѣтской власти императора и духовной папы. Папскій легатъ, Наполеонъ Орсини, явившись въ Италію въ началѣ 1306 г., повторилъ въ болѣе сильной формѣ проклятіе противъ флорентинцевъ. Флорентинскіе изгнанники искали, вмѣстѣ съ своими друзьями, убѣжища и защиты въ Германіи. Владычествовавшіе во Флоренціи гвельфы также отправили къ императору пословъ, подкупившихъ Петра Айхшпальтера. Но Генрихъ, узнавъ о подкупѣ архіепископа, не послушался его совѣта отложить походъ въ Италію.

Низверженіе Матвѣя Висконти (стр. 169) снова возвысило въ Миланѣ фамилію делла Торре. Глава гвельфовъ, Гвидо делла Торре, избранный народомъ, пользовался болѣе неограниченною властью, чѣмъ Матвѣй Висконти, которому приходилось щадить аристократію. Изгнанные Висконти старались возвратить себѣ господство надъ Миланомъ; но попытки ихъ оставались безплодными, и забытый Матвѣй поселился въ своемъ помѣстьѣ на Гардскомъ озерѣ. Избраніе Генриха снова пробудило въ немъ угасшія надежды. Онъ вступилъ въ сношенія съ новымъ императоромъ, отправивъ посломъ къ нему одного изъ замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ ученыхъ, Франческо Гарбаньята изъ Павіи, восторженнаго поклонника Данте и древняго міра. Гарбаньята съумѣлъ пріобрѣсти довѣріе императора, сопровождалъ его во время итальянскаго похода и

парализовалъ вліяніе Тебальдо ди Бруссати и другихъ гвельфовъ, находившихся также въ свитѣ Генриха.

Осенью 1310 г. Генрихъ двинулся въ Италію, черезъ Лозанну и Сузу, съ 2,000 рыцарей, разсчитывая на поддержку французскаго короля и на положеніе дѣлъ на полуостровѣ. По формально-заключенному, дружественному договору, Филиппъ IV долженъ былъ препятствовать враждебнымъ дѣйствіямъ неаполитанскаго короля. Папа обязался прислать легата, для сопровожденія императора по Италіи, и заранѣе обѣщалъ короновать его въ Римѣ. Наконецъ въ свитѣ Генриха, — объявившаго итальянцамъ, что онъ является къ нимъ примирителемъ и не связанъ ни съ одной изъ партій узами крови или дружбы, — находились и гвельфы, и гибеллины. Но на все это нельзя было разсчитывать. Гибеллины дѣйствительно нашли выгоднымъ для себя тѣсно соединиться съ императоромъ. Гвельфы и партіи папская и французская хотѣли воспользоваться Генрихомъ для достиженія собственныхъ цѣлей, были даже готовы помочь ему деньгами; но возстановленіе законовъ и правосудія вовсе не входило въ ихъ планы. Послу Генриха, явившемуся возвѣстить о его прибытіи, они отвѣчали ничего не значившими фразами; папа также не высылалъ на встрѣчу обѣщаннаго легата. Монархисты и гибеллины, только того и желавшіе, стали вооружаться. Данте издалъ противъ гвельфовъ, республиканцевъ и Флоренціи знаменитый манифестъ, написанный поэтическою прозою; Матвѣй Висконти, проскользнувъ переодѣтый черезъ гвельфскія владѣнія, явился къ императору въ Асти; пизанцы, стѣсненные союзомъ Гвидо делла Торре съ Неаполемъ и Флоренціею, послали императору 60 тысячъ золотыхъ флориновъ для ускоренія похода. Сопровождаемый Матвѣемъ Висконти и владѣтелями городовъ Лоди и Павіи, Генрихъ двинулся въ Миланъ. Какъ другъ владѣтелей Лоди и Павіи, Гвидо долженъ былъ принять императора и своего злѣйшаго врага Висконти. Скрывая кипѣвшую злобу, онъ встрѣтилъ императора съ выраженіемъ покорности и подчиненія. При въѣздѣ Генриха въ городъ, Гвидо не велѣлъ преклонять своихъ знаменъ передъ императорскимъ орломъ, какъ обыкновенно дѣлали; оскорбленные нѣмцы вырвали изъ рукъ знаменщика знамя и бросили его на землю. Самъ императоръ, напротивъ, былъ очень ласковъ, и съ обычнымъ добродушіемъ сказалъ Гвидо, ставшему на колѣни, чтобы поцѣловать его ноги: «храни только миръ и вѣрность, Гвидо, и не отрекайся отъ своего государя.»

Увѣренность, что все можно уладить добротою, была главною ошибкою Генриха. Онъ разослалъ во всѣ города пословъ съ извѣстіемъ о примиреніи гвельфовъ и гибеллиновъ, и старался постоянно держаться несчастной середины, способъ, которымъ рѣдко чего-нибудь достигнешь, а въ Италіи — никуда не годный. Императоръ не зналъ итальянцевъ, какъ справедливо сказалъ одинъ изъ итальянскихъ писателей того времени. Скоро ему пришлось убѣдиться, что они принимаютъ его доброту за глупость и слабость.

Чтобы не давать перевѣса ни одной изъ партій, Генрихъ не отдалъ Милана ни Гвидо, ни Висконти. Оба они вскорѣ ловко провели его. Недостатокъ въ деньгахъ вынудилъ императора, кромѣ разныхъ налоговъ, потребовать у миланцевъ еще такъ называемую добровольную дань. Матвѣй сказалъ ему, что 60 тысячъ золотыхъ флориновъ нисколько не обременятъ жителей, а Гвидо съ умысломъ посовѣтовалъ увеличить контрибуцію до 100 тысячъ. Это возбудило страшное неудовольствіе гражданъ, хотя для такого торговаго города, какъ Миланъ, и 100 тысячъ не составляли большаго разсчета. Когда затѣмъ Генрихъ потребовалъ, чтобы оба предводителя партій отправились съ нимъ въ Римъ, какъ заложники за спокойствіе Милана, они сговорились произвести внезапное возстаніе и выгнать нѣмцевъ изъ города. Попытка ихъ не удалась, и хитрый Висконти, съ самаго начала возстанія предвидѣвшій дурной исходъ, покинулъ союзниковъ, вмѣстѣ съ Гвидо, чтобы, погубивъ ихъ, возвыситься самому. Удаленный изъ Милана вмѣстѣ съ Гвидо, онъ лицемѣріемъ добился отъ императора разрѣшенія вернуться въ городъ, тогда какъ Гвидо остался въ изгнаніи.

Императоръ, коронованный желѣзною короною въ первыхъ числахъ января, промедлилъ въ Миланѣ четыре мѣсяца (до половины апрѣля 1311 г.). Вступи онъ въ Тоскану тотчасъ по коронованіи, какъ утверждаетъ Данте, Болонья и Флоренція, главные города гвельфской партіи, едва ли оказали бы ему сопротивленіе.

Медленность его дала время гордымъ республиканцамъ приготовиться къ отпору, и Генриху предстояло помѣриться съ ними по дорогѣ въ Римъ. Изъ Милана онъ двинулся къ Кремонѣ, принявшей изгнаннаго Гвидо и, по наущенію флорентинцевъ, оскорбившей императорскихъ пословъ. Но съ приближеніемъ императора, кремонцы упали духомъ, послали ему ключи отъ города и, когда разбѣшенный Генрихъ не принялъ ихъ пословъ, добровольно согласились на униженіе, которому за полтораста лѣтъ предъ тѣмъ только послѣ отчаянной борьбы и упорнаго сопротивленія подчинились миланцы (т. II, стр. 684). Сто знатнѣйшихъ гражданъ вышли босоногіе, съ непокрытыми головами и веревками на шеяхъ, на встрѣчу императору, и на колѣняхъ, со слезами молили его пощадить городъ. Но Генрихъ не удовольствовался этимъ униженіемъ и поступилъ такъ жестоко съ добровольно подчинившейся ему Кремоной, что другимъ городамъ не оставалось ничего болѣе, какъ защищаться до послѣдней крайности. Онъ позволилъ солдатамъ въ продолженіи трехъ дней грабить Кремону, заключилъ нѣсколько сотъ знатнѣйшихъ гражданъ въ страшную темницу, гдѣ они вскорѣ умерли, и потребовалъ отъ опустошеннаго города 100 тысячъ золотыхъ флориновъ, сумму, показавшуюся слишкомъ тяжелою даже миланцамъ. По его приказанію, были разрушены городская стѣна и стоившія огромныхъ денегъ величественныя произведенія искусствъ, служившія доказательствомъ богатства, дѣятельности и вкуса кремонцевъ. Неудивительно, что такіе варварскіе поступки вызвали самое упорное сопротивленіе Брешіи, осаду которой началъ Генрихъ.

Брешію защищалъ Тебальдо ди Бруссати, убѣждавшій императора въ Шпейерѣ, предпринять походъ въ Италію. Осада длилась отъ іюня до сентября, въ самое неблагопріятное для нѣмцевъ время года. Климатъ, непривычный образъ жизни и кровопролитная война истребляли лучшихъ воиновъ Генриха; въ одной изъ битвъ погибъ его братъ Вальрамъ. Потери были такъ велики, что подъ стѣнами Брешіи осталось подъ конецъ не болѣе четверти императорскаго войска. Не смотря на всѣ контрибуціи и приношенія ломбардскихъ городовъ, денежныя средства Генриха были истощены. Кромѣ содержанія огромнаго войска, приведеннаго къ Брешіи, ему приходилось платить ежемѣсячно шпейерскимъ рыцарямъ отъ трехъ до четырехъ марокъ, тогда какъ поденная плата наемникамъ не превышала шести или восьми геллеровъ, да выдачи кой-какихъ припасовъ. Брешіанцевъ не устрашили ни огромное войско императора, созвавшаго противъ нихъ всѣ военныя силы ломбардскихъ городовъ, ни варварская казнь ихъ предводителя Тебальдо, который, попавшись въ плѣнъ, былъ зашитъ въ бычачью шкуру и разорванъ четырьмя волами. Доведенные до послѣдней крайности нуждою и голодомъ, осажденные рѣшились наконецъ сдаться. Папскій легатъ предложилъ имъ свое посредничество и обѣщалъ снисходительныя условія, не имѣя на то никакого полномочія. Генрихъ, не обративъ никакого вниманія на это обѣщаніе, варварски поступилъ съ побѣжденными, срылъ большую часть городской стѣны и потребовалъ 10 тысячъ золотыхъ флориновъ контрибуціи. Перепись всѣмъ брешіанцамъ, способнымъ носить оружіе, сдѣланная по повелѣнію Генриха, можетъ дать понятіе о могуществѣ и населенности тогдашнихъ итальянскихъ городовъ-республикъ и вмѣстѣ объяснить огромныя потери императорскаго войска. Въ брешіанскихъ владѣніяхъ оказалось сто тридцать шесть тысячъ человѣкъ отъ 18 до 60 лѣтъ, способныхъ носить оружіе. Получивъ эти свѣдѣнія, Генрихъ, говорятъ, воскликнулъ: «Брешія не городъ, а цѣлое королевство.»

Послѣ жестокихъ поступковъ съ Кремоной и Брешіей, Генрихъ не могъ уже продолжать прямаго пути черезъ Флоренцію въ Римъ. Во всѣхъ покоренныхъ имъ городахъ стало обнаруживаться волненіе противъ насильственнаго выжиманія у нихъ денегъ, а собраніе уполномоченныхъ отъ ломбардскихъ городовъ, созванное въ Павіи, разошлось очень недовольное императоромъ. Вслѣдствіе этого онъ отправился въ Геную и остался въ ней съ октября до января. Огромныя обѣщанія, данныя Генрихомъ генуэзцамъ, только возстановили противъ него среднее и низшее сословія. Подобно флорентинцамъ, раздѣленнымъ на двѣ гвельфскія партіи, генуэзцы были также раздѣлены на двѣ враждебныя партіи гибеллиновъ. Императоръ старался и тутъ примирить соперничавшія партіи. Въ Генуѣ онъ приговорилъ Флоренцію къ строгому наказанію, и это сначало обрадовало генуэзцевъ, завидовавшихъ богатству и торговлѣ флорентинцевъ. Но они скоро убѣдились,

что Флоренція столько же выиграла отъ союза съ недовольными ломбардскими городами и неаполитанскимъ королемъ Робертомъ, сколько Генуя проиграла черезъ дружбу съ Генрихомъ и невыгодное для ея торговли пребываніе въ городѣ германскаго императора. Посольство, отправленное къ Генриху въ Геную неаполитанскимъ королемъ, очевидно, имѣло цѣлью только вывѣдать его дальнѣйшіе планы. Робертъ еще прежде послалъ въ Римъ своего брата Іоанна (называвшаго себя принцемъ ахайскимъ), чтобы предъявить свои права на званіе имперскаго намѣстника Романьи и Тосканы и съ оружіемъ въ рукахъ оспаривать у императора каждый шагъ. Посолъ его, какъ воръ, ускользнулъ изъ Генуи ночью, узнавъ, что Генрихъ заключилъ союзъ съ королемъ Сициліи Фридрихомъ и рѣшился дожидаться въ Пизѣ прибытія изъ Германіи новаго, многочисленнаго войска. Изъ Генуи императоръ отправился моремъ въ Пизу и, не дождавшись вспомогательнаго войска, двинулся по пути въ Римъ.

Въ Римѣ, гдѣ братъ Роберта, Іоаннъ, и союзники его Орсини успѣли завладѣть почти всѣмъ городомъ, Генрихъ встрѣтилъ большее сопротивленіе, чѣмъ ожидалъ. Изъ одного сочиненія епископа ботронтскаго, отправленнаго императоромъ въ Римъ для предварительныхъ переговоровъ, можно видѣть, какъ потѣшались итальянцы и французы надъ простодушіемъ нѣмцевъ, наивностью императора и надъ всѣми его итальянскими друзьями. Дѣйствительно, Генрихъ долго думалъ, что Робертъ его другъ и дѣйствуетъ, какъ императорскій намѣстникъ, а Іоаннъ Ахайскій занялъ тибрскій мостъ, соборъ Петра и всѣ большія зданія, чтобы передать ихъ нѣмцамъ. Удивленіе его было очень велико, когда передъ самымъ вступленіемъ въ Римъ, его послу объявили войну. Въ маѣ 1312 г. Генрихъ вступилъ въ Римъ. Нѣмцы нашли мостъ не занятымъ, но лишь только вступили на него, какъ на нихъ посыпался градъ стрѣлъ изъ близлежащей башни. Весь городъ обратился въ поле битвы; дома, башни, церкви, даже колоссальные остатки древности, какъ Колизей, обратились въ осаждаемыя и обороняемыя крѣпости. Кровопролитная борьба и связанное съ ней разореніе города длились нѣсколько недѣль. Генрихъ не могъ овладѣть соборомъ Петра, а присланные папою кардиналы, надѣясь дотянуть до тѣхъ поръ, пока нѣмцы будуты вынуждены очистить городъ, отказывались короновать его въ другомъ мѣстѣ. Генрихъ старался возстановить народъ противъ Іоанна Ахайскаго и упрямыхъ кардиналовъ, но не могъ вытѣснить враговъ изъ собора. Поддержанный римлянами, онъ потребовалъ, чтобы кардиналы короновали его въ Латеранѣ, папскомъ приходѣ. При этомъ опять повторилось явленіе, встрѣчаемое во всѣ эпохи въ жизни и судебной процедурѣ германскаго народа. Ссылаясь на папское повелѣніе, кардиналы завели длиннѣйшія систематическія пренія по вопросу о мѣстѣ коронованія, разсмотрѣли его происхожденіе, права и древній порядокъ, справляясь съ законами Юстиніана и церковными уставами. Эти пренія, какъ вообще все, что дѣлалось въ тѣ времена, доказываютъ весьма наглядно и ясно, что весь средневѣковый порядокъ основывался только на кулакѣ и надувательствѣ духовенства и что схоластическій педантизмъ лицъ, упражнявшихся въ законахъ, былъ такъ же великъ, какъ мерзости грубаго насилія и неурядицы. Рѣшившись покончить съ безконечною борьбою, разорявшею ихъ городъ, римляне взялись за оружіе. Они ворвались въ императорскій дворецъ, гдѣ находились всѣ кардиналы, и, вѣроятно, перебили бы ихъ, если бы Генрихъ не успокоилъ раздраженной толпы, взявъ съ кардиналовъ формальное обѣщаніе короновать его 20 іюня въ Латеранѣ. Въ назначенный день коронованіе было наконецъ совершено. Послѣдовавшій за нимъ пиръ былъ разстроенъ приверженцами Іоанна и Орсини, бросавшими изъ сосѣднихъ домовъ каменья и стрѣлы въ пировавшихъ враговъ. Но эта шалость противной партіи не имѣла важныхъ послѣдствій. Къ несчастью, императоръ самъ связалъ себѣ руки при коронованіи и лишилъ себя возможности дѣйствовать въ пользу римской церкви такъ, какъ отъ него ожидали Римъ и лучшіе изъ итальянцевъ, и какъ возвѣщалъ Данте въ своихъ манифестахъ и поэмахъ. Вмѣсто того, чтобы вырвать церковь и папу изъ рукъ французовъ, возстановить старинный порядокъ церкви и снова перенести въ Римъ резиденцію папы и кардиналовъ, Генрихъ принялъ Климента подъ свое покровительство и объявилъ въ манифестѣ, что уйметъ оружіемъ всякую попытку, враждебную римскому двору. Этимъ неосторожнымъ

объявленіемъ воспользовались впослѣдствіи, чисто по-римски, противъ его преемника, Людовика Баварскаго.

Только въ началѣ осени, когда уже всѣ сопровождавшіе его нѣмцы вернулись на родину, Генрихъ выступилъ изъ Рима. Онъ двинулся въ Тоскану противъ могущественной республики, разсчитывая на поддержку озлобленныхъ флорентинскихъ изгнанниковъ. Разсчетъ его оказался вѣренъ: враги Флоренціи стекались со всѣхъ сторонъ въ Ареццо, гдѣ императоръ былъ встрѣченъ съ восторгомъ господствовавшими тамъ гибеллинами. Личный характеръ Генриха, очевидно, внушалъ такое же уваженіе итальянцамъ, какъ и нѣмцамъ, и удерживалъ многихъ отъ измѣны справедливому дѣлу, защитникомъ котораго онъ являлся. Не упусти онъ вторично удобной минуты, ему удалось бы—это утверждаютъ и Данте, и флорентинскій историкъ Виллани—застать флорентинцевъ врасплохъ. Союзники Флоренціи не успѣли еще подоспѣть на помощь городу, а знатнѣйшіе изъ гражданъ находились въ замкѣ Анчизѣ. Но Генрихъ опоздалъ восемью днями, и подступя къ Флоренціи, встрѣтилъ сильный отпоръ. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о численности гвельфскихъ войскъ, собравшихся тогда во Флоренцію, можно составить приблизительное понятіе объ отношеніи силъ отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ къ имперскому войску. Лукка и Сіена отправили каждая 600 всадниковъ и 2,000 пѣшихъ воиновъ, Болонья 400 всадниковъ и 1,000 пѣшихъ, Пистоія 100 всадниковъ и 500 пѣшихъ, Равенна, Римини, Фаенца и Чезена каждая 300 всадниковъ и 1,500 пѣшихъ и т. д. Такимъ образомъ Флоренція могла выставить 4,000 всадниковъ и многочисленную пѣхоту противъ императорскаго войска, состоявшаго изъ 800 нѣмецкихъ и 1,000 итальянскихъ рыцарей. Заболѣвъ по прибытіи къ Флоренціи опасною болѣзнью, Генрихъ не терялъ однако мужества. Вынужденный господствовавшими въ войскѣ болѣзнями и лишеніями снять въ октябрѣ осаду, онъ вскорѣ опять возобновилъ ее. Но овладѣть городомъ не было возможности. Весною 1313 г. Генрихъ заключилъ въ Пизѣ союзъ съ королемъ Сициліи Фридрихомъ, отъ котораго еще прежде получилъ большія деньги для изгнанія французовъ изъ Неаполя. Въ Пизѣ онъ опять разыгралъ комедію формальнаго суда надъ неаполитанскимъ королемъ и флорентинцами, приговоривъ ихъ, какъ измѣнниковъ и виновныхъ въ оскорбленіи величества, къ строжайшимъ наказаніямъ. Подобный образъ дѣйствій былъ совершенно въ духѣ того времени и сопровождался утонченной казуистикой, формальностями, страшными прокламаціями и новыми постановленіями. Эти постановленія, дополняя законодательство Юстиніана, вытѣснившее, вмѣстѣ съ каноническимъ правомъ, древніе, народные обычаи, служатъ поэтому предметомъ удивленія и похвалъ новѣйшихъ писателей, такъ называемой, исторической школы. Генрихъ очень хорошо понималъ, что всѣ эти церемоніи и узаконенія не имѣютъ никакого смысла безъ выразительнаго подтвержденія кулакомъ. Въ августѣ онъ съ значительнымъ войскомъ выступилъ изъ Пизы противъ короля Роберта, а союзники его, пизанцы, генуэзцы и король Сициліи, снарядили флотъ. Войско императора состояло изъ 2,500 нѣмецкимъ и 1,500 итальянскихъ всадниковъ, слѣдовательно, изъ смѣшанной толпы, не находившейся въ полной его зависимости. Легко представить себѣ, какъ трудно было поддерживать въ такомъ войскѣ дисциплину. Вообще, при болѣе глубокомъ анализѣ всѣхъ отношеній и обстоятельствъ, многое изъ того, что передано о Генрихѣ и его итальянскомъ походѣ, представится въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ оно выставлено у историковъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ императора итальянскихъ историковъ обвиняетъ его въ упрямствѣ и дурной привычкѣ дѣлать всегда по своему; но, при внимательномъ изслѣдованіи, легко убѣдиться, что эти свойства заслуживаютъ лучшаго названія. Впрочемъ, тотъ же историкъ говоритъ и о благородныхъ качествахъ Генриха, указывая на нихъ не только краснорѣчивыми фразами, но и приводя въ доказательство факты. Такъ онъ разсказываетъ, что, принудивъ однажды къ безусловной сдачѣ замокъ, гдѣ заперлись многія изъ знатнѣйшихъ флорентинокъ и ихъ дѣтей, императоръ пренебрегая выгодою, которую можно было извлечь изъ этого обстоятельства, отпустилъ плѣнницъ подъ охраною надежныхъ людей.

Новый походъ, предпринятый съ цѣлью привести въ исполненіе приговоръ, произнесенный надъ Робертомъ въ Пизѣ, поссорилъ Генриха съ Климентомъ, считавшимся верховнымъ леннымъ повелителемъ Неаполя. До этихъ поръ импе-

раторъ дѣйствовалъ очень осторожно относительно папы, нуждаясь въ немъ для своихъ цѣлей въ Италіи. Поссорясь съ нимъ, онъ слѣдовалъ принципамъ, развитымъ Данте въ его книгѣ о монархіи (стр. 259), и опирался на новую, педантическую теорію права, оказавшую ему въ этомъ случаѣ большую пользу. Еще во время пребыванія германцевъ въ Римѣ, Климентъ держалъ сторону Роберта, а впослѣдствіи старался всѣми силами препятствовать сначала приговору надъ неаполитанскимъ королемъ, а потомъ его исполненію. Генрихъ обратился тогда къ законовѣдамъ, проповѣдывавшимъ съ итальянскихъ каѳедръ о непогрѣшимости законодательства Юстиніана, противопоставляя его непогрѣшимости папы. Видя, что Генрихъ не поддается обычнымъ уловкамъ римскаго двора, Климентъ формально запретилъ, подъ страхомъ отлученія, походъ въ Неаполь. Эти угрозы не остановили императора, отвѣтившаго Клименту, что если Богъ за него, то ему не страшны ни папа, ни то, что онъ называетъ церковью. Но судьба опять благопріятствовала болѣе папѣ и іерархіи, чѣмъ императору и монархіи. Когда войско и флотъ были готовы выступить въ походъ и Генрихъ перешелъ уже Сіену, смерть похитила императора въ цвѣтѣ лѣтъ. Его здоровая организація вынесла смертельную болѣзнь при осадѣ Флоренціи, но неосторожность и изнурительный походъ при самыхъ сильныхъ жарахъ, въ мѣстахъ, зараженныхъ болотными испареніями, свели Генриха въ могилу. Онъ умеръ въ Буонконвенто въ 1313 г., выпивъ холодной воды послѣ утомительнаго перехода. Всѣ эти обстоятельства достаточно объясняютъ его внезапную смерть; потому мы не хотимъ безъ доказательствъ обвинять въ ней папу и его вѣрную милицію — доминиканцевъ, этихъ средневѣковыхъ іезуитовъ. Современники говорили, что Генриха отравилъ причастіемъ доминиканскій монахъ.

3. Война Людовика Баварскаго съ Фридрихомъ Австрійскимъ за императорскій престолъ до битвы при Мюльдорфѣ.

Смерть Генриха VII внезапно разрушила надежды всѣхъ истинныхъ патріотовъ въ Италіи. Къ нимъ мы прежде всего причисляемъ философа и поэта Данте, противопоставлявшаго идею монархіи при двухъ руководящихъ принципахъ, свѣтскомъ и духовномъ, анархіи владычества рыцарей и духовенства. Поэтъ пророчилъ, что еще въ его время изъ среды сѣверо-итальянскихъ гибеллиновъ явится герой, который возстановитъ сильною рукою законъ и правосудіе въ свѣтскихъ дѣлахъ, возвратитъ христіанству утраченное имъ значеніе, а папѣ — нравственную силу, и положитъ предѣлъ хищничеству корыстолюбивыхъ бароновъ и богохульственному торгу святынею алчныхъ монаховъ. Къ несчастью, пророчество Данте не сбылось. Лишь только Климентъ узналъ о смерти Генриха, какъ не только освободилъ Роберта отъ послѣдствій приговора, но и передалъ ему—гвельфу, французу и папскому вассалу—императорскія права. Онъ назначилъ неаполитанскаго короля имперскимъ намѣстникомъ въ Италіи; а въ своей буллѣ съ наглостью присвоивалъ себѣ, на время междуцарствія, свѣтскую императорскую власть. Послѣдовавшая вскорѣ (1314 г.) смерть Климента и двухлѣтніе споры объ избраніи ему преемника представляли императору возможность уничтожить всѣ папскія притязанія. Но императорская корона была еще долго яблокомъ раздора.

Передъ описаніемъ спора за наслѣдіе Генриха въ Германіи, необходимо ознакомиться съ положеніемъ баварскаго и австрійскаго герцогствъ, между которыми собственно и шла борьба. Исторія этихъ герцогствъ ясно доказываетъ, какъ было гибельно для Германіи наслѣдственное владѣніе княжествами, въ силу котораго земля, люди и правительственная власть считались собственностью одной фамиліи и, на основаніи этого понятія, дѣлились между потомствомъ перваго владѣльца. Этотъ злополучный обычай и соединенное съ нимъ раздробленіе герцогствъ затрудняютъ изученіе внутренней жизни нѣмецкаго народа. При безпрестанныхъ раздѣлахъ и возникновеніи множества мелкихъ государствъ и княжескихъ домовъ, общее обозрѣніе событій отъ XII до XVI столѣтій становится необыкновенно труднымъ, тѣмъ болѣе, что не рѣдко родные и двоюродные братья княжили вмѣстѣ или мѣнялись владѣніями.

Въ Австріи пять сыновей императора Альбрехта владѣли наслѣдственными землями сообща (стр. 258). Три младшихъ были еще слишкомъ молоды для того, чтобы принимать личное участіе въ управленіи въ такое время, когда правителю была необходима крѣпость мышцъ; потому старшіе управляли именемъ всѣхъ братьевъ: Фридрихъ Красивый — собственной Австріей, а Леопольдъ I — владѣніями ихъ дома въ Эльзасѣ, Швабіи и Швейцаріи. Оба герцога славились храбростью, оба старались подчинить себѣ слабыхъ сосѣдей — Фридрихъ несовершеннолѣтнихъ, баварскихъ герцоговъ, Леопольдъ первобытные швейцарскіе кантоны — и оба потерпѣли неудачу въ своихъ предпріятіяхъ. Баварское герцогство, сдѣлавшееся, съ присоединеніемъ рейнскаго Палатината или нижняго Пфальца, самымъ обширнымъ изъ германскихъ княжествъ, раздѣлилось по смерти Оттона Сіятельнаго (1253 г.) на Нижнюю и Верхнюю Баварію. Первая досталась вмѣстѣ съ Пфальцомъ Людовику Строгому, вторая—его брату Генриху (стр. 180). По смерти обоихъ братьевъ обѣ части были вновь раздѣлены. Сыновья Людовика Строгаго, Рудольфъ и младшій его братъ, впослѣдствіи германскій императоръ, Людовикъ Баварскій, управляли среди постоянныхъ войнъ, Верхней Баваріей то врозь, то сообща, но всегда такъ, что Рудольфъ, съ званіемъ курфирста, владѣлъ большею частью Палатината. Баварцы страшно страдали отъ этихъ нескончаемыхъ междоусобій; при этомъ всѣхъ болѣе звѣрства выказалъ Людовикъ, съ дикою радостью истреблявшій огнемъ и мечомъ своихъ подданныхъ. Онъ значительно расширилъ свои владѣнія въ Нижней Баваріи, въ ущербъ своимъ двоюроднымъ братьямъ и родственникамъ, находившимся подъ его опекою, тогда какъ легкомысленный Рудольфъ продалъ многія изъ своихъ наслѣдственныхъ земель. Въ Нижней Баваріи герцогу Генриху наслѣдовали три сына. Средній умеръ въ молодости, не оставивъ наслѣдниковъ; старшій, Оттонъ Венгерскій (стр. 193), оставилъ сына, умершаго вслѣдъ за отцомъ, а младшій, Стефанъ, двухъ сыновей, Генриха и Іоанна. Оттонъ и Стефанъ умерли одинъ вслѣдъ за другимъ, оставивъ несовершеннолѣтнихъ сыновей. Опасаясь могущественнаго сосѣда, Фридриха Австрійскаго, Оттонъ завѣщалъ опеку надъ сыномъ и обоими племянниками, вмѣстѣ съ управленіемъ страною, сильнѣйшему изъ родственниковъ, Людовику Верхнебаварскому. Защиту правъ трехъ принцевъ онъ сверхъ того поручилъ городамъ Штраубингу и Ландсгуту, заинтересованнымъ въ сохраненіи спокойствія и порядка въ странѣ (1312 г.) Это распоряженіе очень не нравилось хищному нижнебаварскому рыцарству, желавшему прибрать къ своимъ рукамъ опеку надъ принцами, вмѣсто того, чтобы предоставлять ее ненавистнымъ городамъ и страшному для нихъ Людовику. Оно отвергнуло духовное завѣщаніе Оттона, назначило опекуномъ Фридриха Австрійскаго, и подъ его предводительствомъ взялось за оружіе. Во главѣ верхнебаварскаго рыцарства и городовъ, Людовикъ разбилъ на голову нижнебаварцевъ при Гамельсдорфѣ (въ ноябрѣ 1313 г.). Эта побѣда снова поссорила Людовика съ его братомъ Рудольфомъ, тайно поддерживавшимъ австрійцевъ. Но, съ другой стороны, она заставила признать Людовика опекуномъ и правителемъ Нижней Баваріи, вскорѣ, на неопредѣленное время, присоединенной имъ къ своимъ владѣніямъ, и открыла ему путь къ императорскому престолу. Незадолго передъ тѣмъ умеръ Генрихъ VII. Сынъ его, Іоаннъ Чешскій, братъ Бальдуинъ Трирскій, и другъ ихъ дома, Петръ Айхшпальтеръ, стали искать, кого бы противопоставить Фридриху Австрійскому, потому что, добиваясь императорской короны, Фридрихъ заключилъ тѣсный союзъ съ изгнаннымъ чешскимъ королемъ Генрихомъ Каринтійскимъ (стр. 260), изъявляя вмѣстѣ съ тѣмъ притязанія и на Богемію. Іоаннъ, Бальдуинъ и Петръ обратили взоры на воинственнаго и предпріимчиваго Людовика, сдѣлавшагося, послѣ гамельсдорфской битвы и соединенія Нижней и Верхней Баваріи, однимъ изъ сильнѣйшихъ германскихъ князей, и обѣщали возвести его на императорскій престолъ. Людовикъ, искавшій, по обычаю рыцарей, величія въ обширныхъ владѣніяхъ и внѣшнемъ блескѣ, съ жадностью принялъ ихъ предложеніе. За обѣщанную ими поддержку онъ заранѣе долженъ былъ обѣщать тремъ курфирстамъ земли и права въ имперіи, еще не принадлежавшей ему.

19 октября 1314 г., въ день, назначенный для избранія императора, явились во Франкфуртъ оба претендента и всѣ курфирсты, кромѣ архіепископа кёльнскаго, передавшаго свой голосъ курфирсту пфальцскому. Въ числѣ изби-

рателей находились также Генрихъ Каринтійскій, претендовавшій на право голоса за Богемію, Рудольфъ Саксенъ-виттенбергскій и Іоаннъ Саксенъ-лауэнбургскій, оспаривавшіе другъ у друга право голоса за Саксонію. Генрихъ Каринтійскій, Рудольфъ Саксенъ-виттенбергскій и братъ Людовика, Рудольфъ Пфальцскій, поддерживавшіе Фридриха Австрійскаго, расположились вмѣстѣ съ нимъ на лѣвомъ берегу Майна. Приверженцы Людовика Баварскаго, Бальдуинъ Трирскій, Петръ Айхшпальтеръ, Вальдемаръ Великій, маркграфъ бранденбургскій и Іоаннъ герцогъ саксен-лауэнбургскій заняли поле въ предмѣстьи Франкфурта, на которомъ должно было происходить избраніе. На слѣдующій день обѣ стороны выбрали своихъ кандидатовъ. Большинство оказалось за Людовика. Изъ князей, избравшихъ Фридриха Красиваго, Генрихъ Каринтійскій не имѣлъ собственно права голоса. Тотчасъ послѣ выборовъ, Людовикъ былъ торжественно провозглашенъ императоромъ во Франкфуртѣ и поспѣшилъ короноваться въ Ахенѣ.

Но споръ между обоими противниками и ихъ приверженцами могъ рѣшить только мечъ, и междоусобная война сдѣлалась неизбѣжной. Германія снова стала жертвою анархіи, продолжавшейся до самой смерти Людовика, т. е. тридцать три года. Исторія этой войны показываетъ, между прочимъ, что въ XIV столѣтіи рыцарство, вслѣдствіе многихъ причинъ, утратило свое прежнее могущество, а города, напротивъ, пріобрѣли новое значеніе. Большинство городовъ смотрѣло на Людовика, — и не безъ основанія, какъ на своего защитника отъ духовенства, хищныхъ рыцарей и владѣтельныхъ князей; на Фридриха же, какъ на представителя дворянства. Это доказалъ въ войнѣ съ швейцарскими кантонами (1215 г.) братъ Фридриха, Леопольдъ, бывшій душою австрійской партіи. Кантоны признали императоромъ Людовика, принявшаго ихъ подъ свою защиту противъ австрійцевъ. Фридрихъ наложилъ на нихъ опалу, велѣлъ двумъ прелатамъ отлучить ихъ отъ церкви и рѣшился силою подчинить себѣ гордыхъ пастуховъ и крестьянъ. Въ этомъ ему съ радостью готово было помогать рыцарство южной Швабіи, снова поссорившееся съ швейцарцами. Огромному войску рыцарей, подъ предводительствомъ Леопольда, швейцарцы могли противопоставить только 1,300 человѣкъ. Рыцари, вѣроятно, остались бы побѣдителями, если бы приняли въ соображеніе мѣстныя условія, а не явились вооруженными, какъ на турниръ, въ страну, гдѣ едва можно было употреблять вьючныхъ лошадей. Они хотѣли вторгнуться въ древніе кантоны черезъ Моргартенское ущелье, а часть войска направилась къ непроходимому для тяжелой конницы Брюнигскому проходу, чтобы напасть на непріятеля съ тыла. Швейцарцы перебили ихъ при Моргартенѣ, скатывая съ высотъ обломки скалъ и ворвавшись съ бердышами и дубинами въ средину неповоротливой, тяжеловооруженной конницы, для которой отступленіе было отрѣзано близлежавшимъ Эгерійскимъ озеромъ. Въ нѣсколько часовъ рыцари потерпѣли страшное, рѣшительное пораженіе, навсегда упрочившее славу швейцарской пѣхоты (ноябрь 1315 г.). Впрочемъ, особенно гибельно для австрійскихъ герцоговъ было не столько самое пораженіе, сколько его послѣдствія. Вскорѣ послѣ моргартенской побѣды, древніе кантоны привлекли въ демократическій союзъ своихъ сосѣдей, бывшихъ до тѣхъ поръ друзьями Австріи, а слѣдующей весной, Людовикъ Баварскій подтвердилъ за кантонами ихъ старинныя льготы и права, предалъ опалѣ австрійскихъ герцоговъ и конфисковалъ въ пользу имперіи ихъ швейцарскія владѣнія.

Война за императорскій престолъ, состоявшая почти исключительно въ разбояхъ, пожарахъ и опустошеніяхъ, длилась нѣсколько лѣтъ безъ всякаго рѣшительнаго перевѣса для какой-нибудь изъ партій. Страшно гибельная для сельскаго населенія, она была въ высшей степени полезна для воинственной части націи, то есть для рыцарства и средняго класса городскаго населенія. Леопольдъ, Людовикъ и ихъ друзья занимались войною какъ охотою и смотрѣли на нее какъ на развлеченіе, щеголяя другъ передъ другомъ звѣрствомъ и великодушіемъ. Но, осаждая города, пріучавшіеся давать имъ отпоръ, они пробуждали въ гражданахъ сознаніе собственной силы. Помощь державшихъ ихъ сторону князей, являвшихся на выручку, недостатокъ денегъ, не позволявшій рыцарямъ долго осаждать одинъ городъ, и организація городской милиціи давали городамъ возможность противодѣйствовать рыцарскимъ войскамъ. Послѣ тяжелаго пораженія, нанесеннаго швабскому дворянству швейцарцами, австрійскіе герцоги заня-

лись формированіемъ новаго войска. Этимъ временемъ воспользовался Людовикъ, чтобы избавиться отъ брата и присвоить себѣ его земли. Болѣе энергическій и способный, онъ принудилъ слабаго и вялаго Рудольфа заключить съ нимъ договоръ, по которому онъ отдавалъ ему, до окончанія войны съ Австріей, всѣ свои владѣнія (1317 г.). Этотъ договоръ, заключенный въ Мюнхенѣ, дѣлалъ Людовика владѣтелемъ всего древняго баварскаго герцогства. Рудольфъ удалился въ Австрію, гдѣ и умеръ въ 1319 г.

Между тѣмъ австрійскіе герцоги формировали новое войско и, черезъ два года по заключеніи мюнхенскаго договора, война возобновилась съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Фридрихъ вторгнулся въ Баварію, Леопольдъ двинулся съ огромными силами въ прирейнскія земли. Во всѣхъ отношеніяхъ самый опасный изъ враговъ Людовика, Леопольдъ, собралъ въ верхнерейнскихъ странахъ такое огромное войско, что свидѣтельства лѣтописей о численности его показались бы невѣроятными, если бы не подтверждались оффиціальными документами. Приступая къ осадѣ Шпейера, онъ имѣлъ подъ начальствомъ войска 91 владѣтеля и 60 городовъ. Не смотря на эти страшныя силы, Шпейеръ устоялъ противъ осады, длившейся около года. Одинъ этотъ примѣръ доказываетъ, какими средствами располагали нѣкоторые города, какою защитою служили имъ стѣны и какъ велико было мужество гражданъ въ тѣ времена, когда война, хотя и считалась ремесломъ и удовольствіемъ, велась безъ всякихъ научныхъ пріемовъ.

Нападеніе Леопольда на Баварію со стороны Швабіи и Форальберга (1422 г.) грозило Людовику серьезной опасностью. Но Фридриху вдругъ пришла безразсудная мысль покончить борьбу однимъ ударомъ, не соединившись предварительно съ братомъ. Сосредоточивъ все свое войско, состоявшее изъ австрійцевъ и венгровъ, подъ своимъ начальствомъ, онъ выбралъ для нападенія на Баварію самое удобное для противника время. Людовику не задолго предъ тѣмъ удалось отдачею имперскихъ владѣній привлечь на свою сторону двухъ старшихъ членовъ люксембургскаго дома, остававшихся послѣднее время нейтральными и относившихся къ нему скорѣе враждебно, чѣмъ дружелюбно. Архіепископу трирскому Бальдуину и его епископству Людовикъ даровалъ новыя привилегіи и права, а Іоанну Чешскому отдалъ имперскія земли, остававшіяся по смерти маркграфа бранденбургскаго, Вальдемара Великаго, и его племянника, Генриха Ландсбергскаго, добычею того, кто былъ сильнѣе или хитрѣе. Вальдемаръ и Генрихъ были послѣдними потомками ангальтскаго или асканскаго дома въ Бранденбургѣ (т. II. стр. 675). По пресѣченіи этого дома (1320 г.) владѣнія его были тотчасъ же разобраны по частямъ множествомъ претендентовъ, нуждавшихся въ императорскихъ дипломахъ для утвержденія своихъ захватовъ или сомнительныхъ правъ. Въ числѣ претендентовъ на наслѣдство находился и Іоаннъ Чешскій. Нуждаясь въ его помощи, Людовикъ даровалъ ему граматы на всѣ имперскія земли Лузаціи и на маркграфства Каменцъ и Бауценъ, принадлежавшія Вальдемару. Этимъ онъ привлекъ на свою сторону Іоанна и получилъ отъ него и Бальдуина вспомогательныя войска. Другимъ благопріятнымъ для Людовика обстоятельствомъ было то, что его противникъ не могъ вступить въ Баварію ранѣе конца лѣта. Его венгерскія и куманскія войска, а заодно съ ними и австрійцы, не прежде перешли границу, какъ натѣшившись грабежомъ и убійствами во владѣніяхъ своего предводителя. Такимъ образомъ Людовикъ имѣлъ возможность сосредоточить свои силы и дождаться вспомогательныхъ войскъ Іоанна и Бальдуина. Леопольдъ, неизвѣстно почему, тоже медлилъ выступленіемъ изъ Эльзаса и Швабіи. Онъ появился у Леха, когда Фридрихъ уже стоялъ на Иннѣ, готовый начать бой съ баварцами. Но сообщеніе между братьями было отрѣзано, и баварцы перехватывали ихъ пословъ.

28 сентября 1322 г. произошло рѣшительное сраженіе близъ Мюльдорфа и Ампфинга. Австрійскими войсками начальствовалъ самъ Фридрихъ и братъ его Генрихъ; лѣвымъ крыломъ баварцевъ—Іоаннъ Чешскій и его зять, молодой Генрихъ Нижнебаварскій, правымъ—бургграфъ нюрнбергскій Фридрихъ. Главное начальство надъ войскомъ Людовикъ передалъ одному мелкому дворянину изъ Нюрнберга, старику Зигфриду Швепперману, довѣряя ему болѣе, чѣмъ себѣ. Изучивъ въ совершенствѣ военное искусство, Швепперманъ не отличался изяществомъ одежды, утонченностью манеръ и тому подобными при-

надлежностями вельможъ. Тогдашняя баварская аристократія, точно такъ же, какъ и теперешняя, презирала всякія познанія и, ставя выше всего внѣшній лоскъ и роскошь, естественно, не обращала ни малѣйшаго вниманія на человѣка, которому Бавaрія была обязана побѣдою. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ чести Людовикъ, что онъ, не смотря на насмѣшки надутыхъ дворянъ, предоставилъ старику полное начальство надъ войсками. Превосходныя распоряженія Швеппермана и безтолковыя, безпорядочныя дѣйствія австрійцевъ вполнѣ объясняютъ пораженія, нанесенныя презиравшему военное искусство рыцарству при Моргартенѣ и подъ стѣнами различныхъ городовъ. Побѣдѣ баварцевъ много способствовали также близость рѣки и патріотическое содѣйствіе фюрстенфельдскихъ монаховъ, отнявшихъ лошадей у двухъ гонцовъ Леопольда, который могъ бы подоспѣть на помощь брату; Иннъ препятствовалъ бѣгству разбитыхъ австрійцевъ, и большинство ихъ попалось въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими предводителями. Фридрихъ Красивый и его братъ Генрихъ были также захвачены баварцами. Генриха Людовикъ отдалъ чешскому королю Іоанну, державшему его два мѣсяца закованнымъ въ одномъ изъ своихъ замковъ, чтобы стянуть съ него большой выкупъ. Фридрихъ былъ сначала отданъ заложникомъ регенсбургцамъ за занятыя у нихъ деньги, а потомъ отправленъ Людовикомъ въ замокъ Траусницъ, около Наббурга, гдѣ, какъ и въ Регенсбургѣ, съ нимъ обращались хорошо. Почти не стоило бы и упоминать о томъ, что одинъ гнусный баварскій монахъ, Фолькмаръ, разсказывая со всею низостью рабской души о современныхъ ему событіяхъ, говоритъ, что оба герцога съ воплями и слезами падали въ ноги Людовику, умоляя его пощадить ихъ жизнь. У того же монаха, старавшагося такъ подло льстить своему князю, хватило однако откровенности сознаться, что Людовикъ, боясь встрѣчи съ Леопольдомъ въ открытомъ полѣ, отступилъ къ Эттингену. Впрочемъ опасеніе было совершенно излишнее; Леопольдъ, узнавъ объ исходѣ сраженія, поспѣшилъ удалиться въ Швабію.

4. Италія и папы, отъ смерти Генриха VII до окончательнаго разрыва между Іоанномъ XXII и Людовикомъ Баварскимъ.

Во время борьбы за императорскій престолъ между итальянскими государствами были прерваны всякія сношенія; каждое государство, каждый городъ управлялись сами собою или находились подъ гнетомъ одного или нѣсколькихъ тирановъ. Робертъ Неаполитанскій, владѣвшій, кромѣ Неаполя, Провансомъ и частью Пьемонта, хотя и считался, какъ глава гвельфовъ и хранитель правъ отсутствовавшаго папы, имперскимъ намѣстникомъ Рима, Тосканы и Ломбардіи, но ни онъ, ни папа не могли предупредить страшной неурядицы, господствовавшей во всей Италіи,—въ то время самой богатой изъ европейскихъ странъ. Это анархическое состояніе и безграничная свобода способствовали необыкновенному развитію и процвѣтанію торговли, промышленности, наукъ, искусствъ и поэзіи. Денежные обороты и торговля произведеніями всего Востока сосредоточивались исключительно въ рукахъ итальянцевъ; южные нѣмцы учились въ Миланѣ, Генуѣ, Венеціи и Брешіи торговымъ дѣламъ, выдѣлкѣ суконъ, зеркалъ, шелка и золотыхъ и серебряныхъ вещей. Желая возвысить Мюнхенъ и оказать особенную милость нюрнбергцамъ и аугсбургцамъ, Людовикъ Баварскій не нашелъ ничего лучшаго, какъ своимъ вліяніемъ доставить имъ большее участіе въ торговлѣ итальянцевъ. Флорентинцы были банкирами королей, князей и прелатовъ, торговали шелкомъ во всей Европѣ и находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ фламандцами, превзошедшими ихъ въ выдѣлкѣ суконъ. Мы не станемъ распространяться о процвѣтаніи въ Италіи поэзіи, прозы и изящныхъ искусствъ въ эти вѣка, столь же замѣчательные звѣрствомъ, жестокостью, войнами, измѣнами и тираніей, какъ и свободой, энергіей, вдохновеніемъ, стремленіемъ къ справедливости и патріотизмомъ. Достаточно назвать имена Данте, Петрарки, Виллани и Боккаччіо и указать на произведенія зодчества — эти безсмертные памятники XII и XIV столѣтій.

Въ Сициліи царствовалъ Фридрихъ II, не смотря на безпрестанныя нападенія могущественнаго сосѣда, не хотѣвшаго ни признавать его законнымъ владѣтелемъ острова, ни заключить съ нимъ мира. Сильный своимъ флотомъ и владѣя многими приморскими городами по сю сторону Мессинскаго пролива, сицилійскій король, по смерти Генриха, все-таки не могъ одинъ предпринять походъ въ Неаполь. Въ средней Италіи во главѣ двухъ враждебныхъ партій, раздѣлившихъ весь полуостровъ, стояли Флоренція и Пиза. Пиза была вѣрной союзницей императора; Флоренція,—гдѣ еще не возвышалось, какъ въ ломбардскихъ городахъ, ни особой фамиліи, ни отдѣльнаго человѣка, мечтавшихъ о присвоеніи себѣ неограниченной власти, — совершенно отдѣлилась отъ имперіи и ея представителя.

Въ первое десятилѣтіе по смерти Генриха VII, фамилія Висконти положила основаніе монархической власти въ Миланѣ, самомъ могущественномъ и богатомъ изъ ломбардскихъ городовъ. Противникъ Гвидо делла Торре, Матвѣй Висконти, мастерски воспользовался обстоятельствами для утвержденія своей власти. Немногіе изъ основателей владѣтельныхъ династій, обязанные возвышеніемъ лести или скоро-проходящему демократическому упоенію и охраняемые потомъ наемною толпою солдатъ, полицейскихъ и шпіоновъ, были счастливѣе или ловче Матвѣя. Перехитривъ Гвидо делла Торре и проведя Генриха, Матвѣй возстановилъ свое вліяніе въ Миланѣ (стр. 262), продолжая выказывать необыкновенную преданность императору, которому былъ особенно полезенъ при осадѣ Брешіи. Въ награду за эти услуги, Генрихъ назначилъ Матвѣя имперскимъ намѣстникомъ (1311 г.), званіе, которое онъ носилъ при императорахъ Адольфѣ и Альбрехтѣ. Чтобы подчинить себѣ Ломбардію и города, не хотѣвшіе ему повиноваться, онъ употребилъ орудіемъ своей политики Вернера фонъ Гомберга, оставленнаго императоромъ въ качествѣ генералъ-губернатора Ломбардіи. Рубака и грубый солдатъ, Вернеръ не имѣлъ ни о чемъ понятія, не умѣлъ обращаться съ итальянцами и былъ ненавидимъ въ Италіи. Матвѣй, смотря по обстоятельствамъ, относился къ нему то дружелюбно, то враждебно, и такимъ способомъ достигъ того, чего не могъ добиться Вернеръ. Соединясь съ своимъ сыномъ, Галеаццо I, бывшимъ сначала императорскимъ намѣстникомъ въ Піаченцѣ, а потомъ заставившимъ гражданъ города избрать себя правителемъ, Матвѣй разбилъ гвельфовъ Лоди, Павіи и другихъ городовъ, взялъ въ плѣнъ Альберта Скотто, виновника его прежняго паденія (стр. 169), и коварнымъ образомъ уничтожилъ однимъ ударомъ всѣхъ тайныхъ друзей фамиліи делла Торре. Заманивъ въ предмѣстья Милана вспомогательное войско, посланное Робертомъ Неаполитанскимъ, онъ истребилъ его и всѣхъ приверженцевъ фамиліи делла Торре, сбросившихъ маску и взявшихся за оружіе. Въ другихъ частяхъ Ломбардіи и даже въ Тосканѣ гибеллины также торжествовали надъ гвельфами и ихъ главою, Робертомъ. Владѣтель Вероны, Канъ делла Скала (стр. 167), отнялъ у падуанцевъ Вичепцу. Изгнанная изъ Лукки гибеллинская фамилія Интерминелли вернулась туда въ 1314 г. съ помощью пизанцевъ; флорентинцы, поддерживаемые Робертомъ, сдѣлали нападеніе на городъ, но были совершенно разбиты. Одинъ изъ членовъ этого дома, начавшій свою карьеру, какъ многіе итальянскіе и нѣмецкіе рыцари, грабежами на большой дорогѣ, а потомъ прославившійся въ службѣ Людовика, Каструччіо Кастракани, — его обезсмертилъ Макіавелли, выставивъ за образецъ истиннаго итальянскаго патріота,—захватилъ власть въ Луккѣ и лучше чѣмъ кто нибудь умѣлъ поддерживать ее военной силой. Мантуа и Модена тоже повиновались въ то время гибеллинамъ, и Матвѣй, изгнавъ изъ гвельфскихъ пьемонтскихъ городовъ намѣстника Роберта, занялъ Павію, Комо, Бергамо и Алессандрію.

Въ то самое время, какъ въ верхней Италіи гибеллины почти всюду одерживали верхъ надъ гвельфскою и папскою партіями, окончился споръ, возникшій изъ-за Феррары, между Римомъ и Венеціанскою республикою (стр. 262). Эта борьба замѣчательна тѣмъ, что можетъ служить примѣромъ, какъ пользовались папы присвоенной ими свѣтской властью, и какъ торговая и богатая республика, не довѣряя, подобно добродушнымъ нѣмцамъ, трогательнымъ рѣчамъ и пышной внѣшности, противопоставляла силу и благоразуміе притязаніямъ и хитрости римскаго двора. Мы считаемъ тѣмъ болѣе полезнымъ подтвердить нашу мысль фак-

тами, что кропотливые, мечтательные ученые, ломая себѣ голову надъ пергаментами и постановленіями, рѣчами и письмами монаховъ, поэтическими произведеніями, судебными процессами и всей декораціонной обстановкой того времени, до сихъ поръ создаютъ какіе-то идеальные, романтическіе и теоретическіе средніе вѣка, никогда не существовавшіе въ дѣйствительности. Еще съ конца XIII столѣтія римскій дворъ пробовалъ обращаться съ Венеціей такъ же, какъ съ другими государствами; но венеціанцы всегда давали ему сильный отпоръ. Аристократическое правительство всегда дѣйствовало согласно, когда дѣло касалось торговли, денегъ и политическаго значенія республики; тогда какъ въ остальной Европѣ странное смѣшеніе права, насилія и религіи и взаимное противодѣйствіе гражданскихъ, рыцарскихъ, клерикальныхъ и монархическихъ интересовъ мѣшали единодушнымъ дѣйствіямъ. Въ 1285 г. папа Мартинъ IV прогремѣлъ проклятіемъ надъ республикою, отказавшейся поддерживать его любимца Карла II (стр. 144). Видя, что громы церкви не потрясаютъ твердой республики, мудрый римскій дворъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, который онъ всегда умѣлъ отыскивать, когда того требовали обстоятельства,—отступился отъ своихъ требованій и снялъ отлученіе. Черезъ двадцать четыре года, при вновь возникшемъ спорѣ за владѣніе Феррарой, Климентъ V снова отлучилъ отъ церкви республику, подвергнувъ отлученію не только ея правительство, но и весь народъ до послѣдняго нищаго. На этотъ разъ папскій гнѣвъ излился въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, постыдныхъ даже для свѣтскаго властителя, не говоря уже о главѣ церкви и представителѣ духовнаго міра. Климентъ велѣлъ прекратить въ республикѣ отправленіе богослуженія, объявилъ всѣ распоряженія правительства и судовъ недѣйствительными, а должностныхъ лицъ безчестными и стоящими внѣ законовъ; дозволилъ всякому обращать венеціанцевъ въ рабовъ, захватывать ихъ товары, прибавляя, что, относительно ихъ, убійство и грабежъ не только законны, но составляютъ заслугу. Своими постановленіями онъ преслѣдовалъ венеціанскихъ купцовъ и ихъ товары до самой Арменіи, а папская милиція — монахи всѣхъ цвѣтовъ и покроевъ—необыкновенно дѣятельно шныряла по востоку, развозя его посланія. На этотъ разъ разсчетъ Климента оказался вѣренъ: корысть и зависть генуэзцевъ, пизанцевъ и другихъ соперниковъ Венеціи придали его проклятію необыкновенную силу; а всякій разбойникъ радовался, что глава церкви объявлялъ его ремесло не только дозволеннымъ, но и похвальнымъ. Не смотря на все это, венеціанскій сенатъ нѣсколько лѣтъ держалъ себя съ достоинствомъ и никогда не уступилъ бы, еслибы народъ, видя повсюду подрывъ своей торговли и не находя нигдѣ личной безопасности, настоятельно не потребовалъ примиренія съ папою. Венеціанцы предложили папѣ вступить въ переговоры, и Климентъ, обрадованный успѣхомъ своей дерзости, согласился въ 1313 г. снять съ нихъ отлученіе за 100 тысячъ золотыхъ флориновъ (что составитъ, по тогдашней относительной цѣнности денегъ, приблизительно 6 милліоновъ руб. сер.). Эти деньги перешли въ Авиньонъ къ алчнымъ французамъ. Вскорѣ туда же была отправлена другая, еще болѣе значительная сумма, собранная папскими легатами въ Италіи, служившей въ то время такимъ же золотымъ дномъ французскимъ папамъ, какъ Германія и Голландія въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскимъ маршаламъ. Впрочемъ, эти деньги не дошли по назначенію. Ими овладѣли нѣсколько гибеллинскихъ князей, убивъ въ моденскихъ владѣніяхъ сопровождавшаго ихъ маркграфа анконскаго, родственника папы, и сорокъ его рыцарей. Въ этомъ случаѣ папа поступилъ точно такъ же, какъ въ спорѣ съ Венеціей: онъ отлучилъ отъ церкви не только разбойниковъ, но и все населеніе Модены, заставивъ безвинныхъ гражданъ страдать за преступленіе нѣсколькихъ рыцарей.

По смерти Климента V, избраніе новаго папы длилось цѣлыхъ два года. Итальянскіе кардиналы, не смотря на то, что двое родственниковъ умершаго папы подожгли ихъ дома и едва не умертвили ихъ самихъ, рѣшительно отказывались подать голоса въ пользу французскихъ епископовъ. Заманенные въ Ліонъ однимъ французскимъ принцемъ, гарантировавшимъ имъ полную безопасность, кардиналы были заперты и вынуждены согласиться на предложеніе Наполеона Орсини избрать минорита Іакова Кагорскаго, креатуру и канцлера царствовавшей въ Неаполѣ французской династіи (7 августа 1316 г.). Французъ по рожденію, столько же скупой и алчный, сколько свѣдущій въ каноническомъ правѣ и богословіи,

новый папа, Іоаннъ XXII, съ самаго начала выказалъ слѣпое повиновеніе Франціи и неаполитанскому королю. Первыми его дѣйствіями были: назначеніе Роберта римскимъ сенаторомъ или представителемъ императора въ Римѣ (стр. 133) и изданіе нѣкоторыхъ постановленій, имѣвшихъ цѣлью упрочить за церковью, т. е. за гвельфами и французами, владычество надъ Италіей. Іоаннъ объявилъ уничтоженнымъ приговоръ императора надъ Робертомъ и требовалъ отъ нѣмцевъ и испанцевъ подчиненія дерзкимъ постановленіямъ и учрежденіямъ его предшественника, или такъ называемымъ климентинамъ. Другіе народы соединились съ своими государями противъ папы и противопоставили происканъ духовныхъ гордость рыцарей и городовъ. Основнымъ положеніемъ этихъ постановленій, вошедшихъ впослѣдствіи въ римское каноническое право или іерархическое законоположеніе, было присвоеніе папамъ, на время междуцарствія, всей свѣтской императорской власти. По климентинамъ, присяга, даваемая императоромъ при короновании его папою, была присягою въ вѣрности, вассальною присягою. Преемникъ Божественнаго Миротворца, которому сатана напрасно предлагалъ земныя блаженства и блескъ, вмѣсто труда, лишеній и страданій, присвоивалъ себѣ верховную власть надъ Германіею и ея свѣтскими правителями, чтобы произвольно распоряжаться ею вмѣстѣ съ своими французскими и итальянскими кардиналами. Этого не могли вынести даже такіе набожные смиренники, какъ нѣмцы. Возникъ споръ, длившійся, какъ мы увидимъ, почти полстолѣтія, споръ, который даже рабъ папы, императоръ Карлъ IV, старался, изданіемъ основнаго государственнаго закона, покончить такимъ образомъ, чтобы папскія притязанія были по крайней мѣрѣ отклонены, если уже не совершенно отвергнуты.

Въ силу основнаго положенія, передававшаго папѣ, по смерти императора, свѣтскую власть, Іоаннъ велѣлъ лицамъ, получившимъ отъ Генриха VII какую нибудь власть, сложить ее, угрожая отлученіемъ тѣмъ, которые останутся при своихъ должностяхъ безъ папскаго утвержденія. Объявивъ о своемъ вступленіи на папскій престолъ обоимъ императорамъ и назвавъ ихъ только римскими королями, чтобы потомъ избрать того, кто выкажетъ ему болѣе униженія, онъ отослалъ обратно присланныхъ ими пословъ. Почти въ то же время Іоаннъ сдѣлалъ строгій оффиціальный выговоръ французскому королю за то, что онъ разговариваетъ въ церкви и безъ благоговѣнія слушаетъ обѣдню. Каковъ же долженъ былъ быть гнѣвъ этого дерзкаго папы, считавшаго себя въ правѣ обращаться такъ съ королями и князьями, когда онъ увидѣлъ, что итальянскіе гибеллины не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на всѣ его повелѣнія, посланія и проклятія! Не желая защитою правъ германской имперіи подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ папскаго раздраженія, Матвѣй Висконти сложилъ, согласно повелѣнію папы, званіе имперскаго намѣстника. Но, не спрашивая согласія Іоанна, онъ провозгласилъ себя властителемъ Милана и, соединившись съ другими князьями противъ неаполитанскаго короля, отправилъ значительную помощь гибеллинамъ, изгнаннымъ изъ Генуи своими согражданами гвельфами, передавшими Роберту верховную власть надъ городомъ. Возвѣстивъ крестовый походъ, Іоаннъ собралъ значительное войско и отправилъ его въ Миланъ подъ начальствомъ французскаго принца, впослѣдствіи короля Филиппа VI, назначеннаго имъ намѣстникомъ вмѣстѣ съ Робертомъ. Филиппъ, вѣроятно, подкупленный, очень скоро вернулся во Францію, въ то время, какъ сицилійскій король, Фридрихъ, появился съ флотомъ передъ Генуей, чтобы помочь осаждавшимъ ее гибеллинамъ. Тогда Іоаннъ разразился противъ Матвѣя Висконти такимъ же грознымъ проклятіемъ, какому Климентъ V предалъ Венецію. Вся фамилія и подданные Висконти были объявлены еретиками и, подобно сарацинамъ, отдавались, вмѣстѣ съ имуществами, въ собственность всякому желающему. Понимая очень хорошо, какъ смѣшонъ подобный приговоръ безъ подтвержденія его вооруженной силой, Іоаннъ обратился къ наемникамъ и передалъ начальство надъ папскимъ войскомъ Раймунду ди Кардона, пріобрѣвшему извѣстность въ службѣ Роберта. Съ своей стороны, гвельфы наняли за 100 тысячъ флориновъ брата Фридриха Красиваго, который привелъ къ нимъ двѣ тысячи рыцарей. Но и онъ скоро вернулся въ Германію, призванный братомъ для войны съ Людовикомъ, а гибеллины ускорили его отъѣздъ, подаривъ ему 60 тысячъ флориновъ.

Вслѣдъ затѣмъ (іюнь 1322 г.) умеръ Висконти, и, что удивительно въ такомъ человѣкѣ, умеръ, мучась папскимъ проклятіемъ. Правительственная власть надъ Миланомъ перешла къ его старшему сыну, Галеаццо I. Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Галеаццо принужденъ былъ бѣжать изъ города, потому ли что миланцы хотѣли во что бы то ни стало избавиться отъ папскаго проклятія, или же потому, что жители сманили находящихся въ его службѣ наемниковъ. Раймундъ и папскій кардиналъ-легатъ, Бертранъ ди Поджетто, вступили въ Миланъ и возстановили республику. Въ томъ же году миланцы снова призвали Галеаццо, находя монархическое правленіе сноснѣе папско-республиканскаго. Соединивъ всѣ свои силы и призвавъ Роберта, только что занявшаго Геную, папа и гвельфы рѣшились подчинить себѣ не только Миланъ, но и всю Ломбардію. Главное начальство надъ сорокатысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ гвельфовъ, каталонскихъ, нѣмецкихъ и швейцарскихъ наемниковъ, было поручено Раймунду. Нѣмцы вербовались охотно, потому что военная служба была самымъ выгоднымъ ремесломъ для свободнаго человѣка. Дѣйствительно, изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній видно, что во время римскаго похода Генриха VII знаменщикъ получалъ тридцать, а всадникъ двадцать марокъ или 140 золотыхъ гульденовъ; Эдуардъ III, при осадѣ Кале, платилъ каждому нѣмецкому рыцарю за лошадь, сѣдло и вооруженіе, кромѣ жалованья, по восьмидесяти, а каждому наемнику по шестидесяти талеровъ, хотя волъ стоилъ въ то время не дороже талера. Папское войско заняло Алессандрію, Тортону и Піаченцу, разбило миланцевъ въ открытомъ полѣ и, конечно, снова овладѣло бы Миланомъ, еслибы Раймундъ воспользовался своей вторичной побѣдой (1323 г.). Изгнаніе фамиліи Висконти изъ Милана казалось тогда неизбѣжнымъ; уже самые вліятельные изъ гибеллиновъ, какъ фамилія Канъ делла Скала и Эсте, вѣрныя итальянской политикѣ, отдѣлились отъ Галеаццо и купили или, по крайней мѣрѣ, искали примиренія съ папою, какъ вдругъ Людовикъ Баварскій неожиданно лишилъ папу плодовъ столькихъ хлопотъ и издержекъ. Доведенный до крайности, Галеаццо обратился къ Людовику, только что выигравшему ампфингскую битву. Императоръ отправилъ въ Италію трехъ германскихъ князей, поручивъ имъ прекратить споръ между Галеаццо и папою. Кардиналъ-легатъ отвергъ ихъ посредничество, объявивъ, что папа ведетъ войну не съ имперскимъ вассаломъ, а съ еретикомъ и невѣрнымъ и надѣется, что Людовикъ не станетъ заступаться за него. Тогда императоръ отправилъ въ Италію графа фонъ Нейффена и нѣсколько сотъ рыцарей. Появленіе уполномоченнаго совершенно возстановило значеніе императора, и большинство гибеллиновъ, уже перешедшихъ на сторону папы, тотчасъ объявили кардиналу, что они обязаны исполнить повелѣніе императора и отстоять Миланъ. Усиленный ихъ войсками, графъ фонъ Нейффенъ отправился въ Миланъ и, чтобы отнять у кардинала всякій предлогъ къ сопротивленію, на время удалилъ Галеаццо отъ управленія. Принявъ затѣмъ главное начальство, онъ обратилъ въ бѣгство папское войско.

Разбѣшенный неудачнымъ окончаніемъ войны, стоившей такихъ издержекъ, папа обратилъ противъ Людовика свое духовное оружіе. Въ октябрѣ 1323 г. на авиньонскомъ соборѣ Іоаннъ объявилъ повелѣніе Людовику явиться къ нему для объясненія, по какому праву онъ осмѣливается, безъ папскаго утвержденія, называть себя германскимъ и римскимъ императоромъ, грозя въ случаѣ неповиновенія отлученіемъ отъ церкви. Основывая свое неудовольствіе на различныхъ софистико-догматическихъ аргументахъ, пылкій монахъ не постыдился упомянуть и о Миланѣ. Но, стараясь обратить важнѣйшіе политическіе вопросы въ духовные, Іоаннъ, въ то же время, своимъ вмѣшательствомъ въ глупые монашескіе споры, возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть и былъ заподозрѣнъ въ ереси. Часть францисканскихъ монаховъ, отдѣлившись отъ ордена, установила у себя болѣе строгія правила. Эта партія, названная миноритами, утверждала, что орденъ ихъ, какъ орденъ нищенствующихъ братій и строжайшихъ послѣдователей союза Христа съ апостолами, не долженъ владѣть никакою собственностью; имущество же его и все, что ему будетъ завѣщано или подарено, принадлежитъ папѣ и церкви, которые должны выдавать ордену столько, сколько нужно на самыя необходимыя потребности. Руководствуясь такими взглядами, миноритъ, разумѣется, сильно возставали противъ образа жизни и даже одежды другихъ, менѣе строгихъ орденовъ. Папа объявилъ воззрѣнія миноритовъ ложными и еретическими въ то

время, когда начиналъ религіозную войну съ Людовикомъ и его придворными богословами. Скоро, однако, ему пришлось убѣдиться, какихъ непримиримыхъ враговъ онъ пріобрѣлъ въ людяхъ, которые могли оказать въ этой борьбѣ громадныя услуги папству. Миноритъ, по многимъ причинамъ, стояли къ народу ближе другихъ монаховъ и всего развращеннаго духовенства; они же были самыми замѣчательными богословами и утонченными схоластиками. Вначалѣ Людовикъ былъ также ихъ врагомъ, и въ первомъ своемъ манифестѣ, объясняя Европѣ причину спора съ папою, обвинялъ, между прочимъ, Іоанна въ покровительствѣ миноритамъ, называя это потворствомъ врагамъ истинной вѣры. Но когда Іоаннъ отрѣшилъ настоятеля ордена, Михаила Чезенскаго, и окончательно поссорился съ миноритами, императоръ соединился съ ними противъ папы. Замѣчательные талантами и ученостью, уважаемые народомъ, считавшимъ ихъ святыми, сильные бѣдностью, энергическіе и смѣлые какъ апостолы, миноритъ оказали впослѣдствіи огромныя услуги Людовику.

Первыя дѣйствія Людовика въ этой борьбѣ далеко не отличались той строгой послѣдовательностью, какъ дѣйствія Іоанна. Онъ видимо впадалъ въ противорѣчія, отправивъ въ ноябрѣ (1323 г.) трехъ уполномоченныхъ въ Авиньонъ униженно просить папу обратить вниманіе на его оправданіе, а въ декабрѣ торжественно протестуя на нюрнбергскомъ сеймѣ противъ поступковъ папы, отстаивая права имперіи и даже взывая къ будущему вселенскому собору. Протестъ его былъ выраженъ въ аппелляціи или манифестѣ, о которомъ мы только что говорили. Папа до тѣхъ поръ не соглашался выслушать уполномоченныхъ, пока не развѣдалъ, что эти добродушные нѣмцы были предъ нимъ полны благоговѣнія и суевѣрнаго страха. Сдѣлавъ имъ строгое поученіе и поощренный ихъ покорностью, онъ велѣлъ прибить къ дверямъ авиньонскаго собора вторичное объявленіе, гдѣ грозно повторялъ императору приказаніе сложить, не позже двухъ мѣсяцевъ, присвоенный имъ титулъ. Дѣйствуя съ такою неслыханною дерзостью, Іоаннъ разсчитывалъ на Роберта и гвельфовъ, желавшихъ вытѣснить императора изъ Италіи, — на французскаго короля Карла IV, мечтавшаго объ ослабленіи германской имперіи и о присоединеніи къ Франціи арелатскихъ провинцій, — и наконецъ, на Леопольда Австрійскаго, не хотѣвшаго считать дѣла Людовика, державшаго его брата въ плѣну, вопросомъ, касающимся имперіи и германскаго народа. Безпокойный, расточительный чешскій король Іоаннъ, недовольный вознагражденіемъ, полученнымъ отъ Людовика, также отдѣлился отъ него послѣ ампфингской битвы и, казалось, былъ готовъ пристать къ врагамъ императора. Онъ присвоилъ себѣ всю Лузацію, хотя ему была уступлена только часть ея, освободилъ за десять тысячъ марокъ Генриха Австрійскаго, и, когда австрійскіе герцоги отказались отъ притязаній на Богемію, не хотѣлъ болѣе помогать Людовику. Разсерженный на императора, онъ вступилъ въ союзъ съ Карломъ IV Французскимъ, Робертомъ Неаполитанскимъ, даже съ папою, и разъѣзжалъ по Европѣ, мотая деньги, ища приключеній и дѣлая долги. Женившись на дочери Карла IV, онъ отвезъ своего сына Венцеслава, котораго тогда назвалъ Карломъ, воспитываться въ Парижъ, а самъ, строя воздушные планы, отправился на совѣщаніе съ врагами Людовика. Но безхарактерность дѣлала его такимъ же ненадежнымъ другомъ, какъ и неопаснымъ противникомъ. Повздоривъ съ приверженцами папы, Іоаннъ, по совѣту брата своего Бальдуина, отсталъ отъ союза. Властолюбіе Людовика и стремленіе къ присвоенію земель вооружили противъ него и другихъ германскихъ князей. Дитя своего вѣка, онъ трепеталъ при мысли объ адѣ, молясь Богу и угождая монахамъ для избѣжанія его; но не отступалъ ни передъ какою несправедливостью и насиліемъ, когда хотѣлъ овладѣть тѣмъ, чего не могъ достигнуть законнымъ путемъ. Присвоивъ себѣ еще прежде владѣнія Рудольфа, Людовикъ распоряжался, какъ собственностью, нижнебаварскими землями своихъ двоюродныхъ братьевъ и подопечныхъ, и, не обращая вниманія на притязанія многихъ князей, объявилъ Бранденбургъ упраздненнымъ леномъ, передавъ его (1324 г.) старшему сыну Людовику, котораго помолвилъ на дочери датскаго короля, Христофора II. Обиженные произвольными поступками Людовика, король чешскій и родственники асканскаго дома въ Саксоніи, Ангальтѣ и другихъ странахъ взялись за оружіе противъ императора, присвоившаго себѣ право судьи въ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ заинтересованнымъ лицомъ.

По окончаніи срока, назначеннаго Людовику для исполненія папскаго повелѣнія, Іоаннъ XXII не привелъ въ исполненіе своихъ угрозъ, видя, что онѣ вообще не произвели ожидаемаго впечатлѣнія, что законовѣды не одобряютъ его дѣйствій съ юридической точки зрѣнія и что даже датскій король совѣтуетъ ему поступать впередъ болѣе по христіански. Онъ назначилъ новый срокъ и, по истеченіи его, въ іюлѣ 1324 г., торжественно осудивъ и отлучивъ императора отъ церкви, съ притворнымъ снисхожденіемъ далъ ему еще время, до 1-го октября, на раскаяніе и покаяніе. Католическая уловка — толковать о любви, проклиная и отлучая, и прикрывать кротостью, религіозностью и справедливостью взрывы бѣшенства — не обманула даже добродушныхъ нѣмцевъ, вообще легко поддающихся на всякій обманъ. Суровые миноритъ такъ настроили умы, что, за исключеніемъ епископовъ майнцскаго, страсбургскаго и пассаускаго, ни одинъ изъ духовныхъ не осмѣливался повиноваться папѣ; архіепископъ майнцскій за свою преданность папѣ былъ убитъ взволнованнымъ народомъ. Города всѣ приняли сторону императора, а князья, даже поссорившіеся съ Людовикомъ, не рѣшались навлекать на себя народную ненависть. И не въ одной Германіи встрѣтилъ папа энергическихъ противниковъ: противъ него рѣшительно возстали знаменитые богословы болонскаго и парижскаго университетовъ, считавшихся первыми христіанскими училищами. Впрочемъ, лучшіе друзья и совѣтники Людовика въ спорѣ съ папою, Марсилій изъ Падуи, Іоганъ фонъ Яндунъ и знаменитый секретарь императора, Ульрихъ Гангёръ, были не миноритъ. Но второе его возраженіе противъ папы писалъ миноритъ. Эта вторая апелляція Людовика къ собору была прочитана имперскому сейму, созванному въ октябрѣ, во Франкфуртѣ, послѣ буллы проклятія и отлученія (1 октября), разосланной папою по всему свѣту. Одинъ изъ миноритовъ, по вызову сейма, лично вручилъ папѣ императорскій манифестъ.

Однако папа, не смотря на то, что даже Іоаннъ Чешскій громко осуждалъ его поступокъ, не ошибся въ разсчетѣ. Людовикъ могъ серьезно разсчитывать только на поддержку горожанъ и миноритовъ, но никакъ не на имперскихъ князей и епископовъ; послѣдствія доказали, что его положеніе было очень затруднительно по окончательномъ разрывѣ съ папою. Это видно изъ его послѣдующихъ отношеній къ Іоанну XXII и изъ странныхъ условій, на которыхъ онъ примирился съ Фридрихомъ Австрійскимъ. Людовикъ притворялся несогласнымъ съ воззрѣніями своихъ канониковъ и законовѣдовъ и отправилъ къ папѣ унизительное, плаксивое письмо, гдѣ просилъ прощенія за все, что, какъ онъ утверждалъ, было, безъ вѣдома его, сдѣлано его именемъ. Съ Фридрихомъ онъ примирился въ мартѣ 1325 г. Всѣ попытки Леопольда освободить брата изъ плѣна оставались безуспѣшными; химерическій планъ союза съ Іоанномъ Чешскимъ, Карломъ IV Французскимъ, Робертомъ Неаполитанскимъ и папою, для передачи французамъ императорской короны, былъ только бредомъ воображенія. Но, во главѣ своихъ рыцарей-разбойниковъ, онъ страшно опустошалъ верхнюю Баварію и разбилъ Людовика при Бургау. Это навело императора на мысль примириться съ своимъ плѣнникомъ и сдѣлать для него вопросомъ личной выгоды свою борьбу съ папою. Скучая въ плѣну, Фридрихъ вздумалъ спасать свою душу. Жизнь его, проходившая въ дикомъ развратѣ и безпечной лѣни, была тогда посвящена покаянію и молитвѣ; онъ жилъ по уставу картезіанцевъ, избравъ своимъ духовникомъ картезіанскаго монаха Готтфрида. Готтфридъ убѣдилъ его отказаться отъ земнаго царства и, сблизясь съ духовникомъ Людовика, старался добиться черезъ него освобожденія Фридриха. Въ мартѣ 1325 г. Людовикъ внезапно самъ пріѣхалъ въ Траусницъ и заключилъ съ Фридрихомъ договоръ, который они скрѣпили, пріобщившись вмѣстѣ. По этому договору Фридрихъ получилъ свободу безъ выкупа, но за то обязывался отказаться отъ притязаній на корону, возвратить захваченныя имъ и его братьями имперскія земли, поддерживать Людовика противъ всѣхъ его враговъ, помолвить свою дочь за его сына и, въ случаѣ неисполненія обязательствъ, вернуться въ плѣнъ. Послѣднее условіе, очевидно, доказываетъ, что Людовикъ предвидѣлъ невыполнимость договора, тѣмъ болѣе, что въ заключеніи его не участвовали ни имперскіе князья, ни братья Фридриха, хотя онъ касался и тѣхъ и другихъ. Дѣйствительно, Фридрихъ не могъ выполнить принятыхъ на себя обязательствъ. Папа, которому онъ тотчасъ же объявилъ о своемъ отреченіи, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, разрѣшилъ его отъ клятвы, при-

знавъ ее недѣйствительною, и, видя, что никакія убѣжденія не дѣйствуютъ, обратился къ Леопольду. Леопольдъ, разумѣется, легко убѣдился доводами папы и отвергъ весь договоръ, а Фридрихъ въ маѣ того же года вернулся въ Мюнхенъ. Здѣсь онъ подружился съ Людовикомъ, вмѣстѣ съ нимъ жилъ, ѣлъ и и даже спалъ на одной постели, въ то время, какъ братъ его Леопольдъ дѣйствовалъ, заключивъ уже въ іюлѣ союзъ противъ императора съ нѣкоторыми епископами и графомъ вюртембергскимъ, Ульрихомъ. Въ сентябрѣ былъ заключенъ въ Мюнхенѣ новый договоръ, составленный такимъ образомъ, что Леопольдъ, настаивавшій на томъ, чтобы за его братомъ былъ сохраненъ императорскій титулъ, остался доволенъ. Фридрихъ и Леопольдъ сохраняли оба, съ равными правами, императорскую власть, каждый въ тѣхъ земляхъ и городахъ, которыми былъ избранъ. Естественно, что подобный договоръ не могъ никогда осуществиться уже по одному тому, что не имѣлъ никакого значенія безъ согласія имперскихъ князей. Онъ не былъ даже обнародованъ, и одинъ слухъ о немъ приводилъ въ негодованіе германскій народъ, не утратившій еще тогда національнаго чувства. Достовѣрно однако, что Фридрихъ принялъ императорскій титулъ и подписывался на указахъ римскимъ императоромъ. Кажется также, что обѣ партіи, убѣдившись въ невозможности раздѣлить власть по округамъ, рѣшили, что одинъ императоръ будетъ царствовать въ Германіи, а другой—въ Италіи. По всей вѣроятности, весь договоръ былъ дѣломъ хитрой политики законовѣдовъ Людовика; увѣренные, что, достигнувъ римской императорской короны, Людовикъ упрочитъ верховную власть надъ всей имперіей, они старались только пріобрѣсти содѣйствіе и расположеніе австрійскаго дома. Какъ бы то ни было, но, по новому договору, заключенному въ январѣ 1326 г., Людовикъ, предпринимая походъ въ Италію, передалъ Фридриху, на время своего отсутствія, правительственную власть въ Германіи, получивъ за то обѣщаніе, что воинственный Леопольдъ будетъ сопровождать его со своимъ войскомъ. Но Леопольдъ, вытребовавшій это условіе въ пользу брата, умеръ черезъ мѣсяцъ, и договоръ уничтожился самъ собой. Съ тѣхъ поръ Людовикъ, не связанный болѣе никакими условіями, завладѣлъ одинъ императорскою властью въ цѣлой имперіи. Впрочемъ Фридрихъ, вообще не любившій заниматься государственными дѣлами, сохранялъ императорскій титулъ до самой смерти (1330 г.). Въ 1327 г. Людовикъ двинулся въ Италію; имперскій сеймъ, съ которымъ онъ не могъ сговориться относительно римскаго похода, не поддерживалъ его своими войсками.

Прежде чѣмъ мы послѣдуемъ за Людовикомъ въ Италію, бросимъ взглядъ на тогдашнее положеніе Германіи. Неурядица, безпорядки, беззаконіе и несправедливость достигли такихъ размѣровъ, что хаотическое состояніе несчастной страны походило на современное положеніе Курдистана, какъ его описываютъ путешественники. Насиліе всюду замѣняло право: императоръ, даже желая, не могъ воспрепятствовать рыцарскимъ или вѣрнѣе разбойничьимъ грабежамъ, опустошавшимъ прирейнскія провинціи, Тюрингію и другія части имперіи; а тѣхъ, кто сражался подъ его знаменами для поддержанія порядка, папа предавалъ проклятію, какъ дѣтей Ваала. Чтобы поддержать хоть тѣнь порядка и безопасность по большимъ дорогамъ, города, князья, владѣтели и рыцари должны были заключать союзы противъ своихъ соотечественниковъ, и тайное судилище, фемгерихтъ, этотъ остатокъ независимаго древнегерманскаго волостнаго суда Вестфаліи, былъ неизбѣжнымъ зломъ, подобно звѣздной палатѣ въ Англіи при Тюдорахъ и Стюартахъ. Только оно могло схватывать и казнить тѣхъ, кому не были страшны безсильные суды отдѣльныхъ государствъ. Для характеристики тогдашняго состоянія имперіи вполнѣ достаточно взглянуть хоть на подвиги Леопольда и на событія въ Бранденбургіи. Леопольдъ буйствовалъ съ своими союзниками въ Швабіи, Эльзасѣ и вообще по Рейну до Оппенгейма, грабя и разоряя повсюду крестьянъ и гражданъ. Его исторія показываетъ, что нерѣдко отдѣльныя рыцарскія предпріятія рѣшали судьбу всей имперіи. Такъ, напримѣръ, слѣдствіемъ пораженія Людовика при Бургау былъ траусницкій договоръ, а смерть Леопольда, совершенно измѣнившая порядокъ вещей въ государствѣ, была слѣдствіемъ его смѣлаго и безумнаго нападенія на одинъ эльзасскій замокъ. Пресѣченіе асканскаго дома повергло Бранденбургію въ хаосъ, превышающій всякое вѣроятіе. На маркграфство или на отдѣльныя его части предъявили притязанія

три линіи асканскаго дома: саксенъ-виттенбергская, саксенъ-лауэнбургская и ангальтская, Іоаннъ Чешскій, духовные капитулы Гальберштата и Магдебурга, герцогъ брауншвейгскій, Генрихъ, герцогъ яуерскій (въ Шлезвигѣ), Генрихъ Левъ Мекленбургскій, герцогъ Помераніи и жена предпослѣдняго маркграфа бранденбургскаго; города и рыцари заключали союзы въ пользу то одного, то другаго изъ претендентовъ. Даже язычники литовцы, высланные Владиславомъ Локтекомъ (стр. 251), буйствовали въ Бранденбургіи съ такимъ же неистовствомъ, какъ дикіе куманы, нападавшіе, отъ времени до времени, на Австрію и Баварію. Но гибельнѣе всего для страны были все-таки хищные дворяне, смотрѣвшіе на убійство и грабежъ, какъ на свое ремесло. Въ теченіе полустолѣтія, первыя фамиліи маркграфства нисколько не стыдились названія домашнихъ синицъ или разбойниковъ большихъ дорогъ, которымъ ихъ тогда назвали. Подробное сравненіе тогдашняго состоянія Бранденбургіи съ нынѣшнимъ показало бы лучше всего разницу между дѣйствительными средними вѣками и романтико-поэтическимъ ихъ изображеніемъ. Впрочемъ, достаточно и сдѣланныхъ нами указаній, чтобы понять, что отдачею сыну маркграфства и соединеннаго съ нимъ званія курфирста Леопольдъ упрочилъ за своимъ домомъ невыгодное пріобрѣтеніе. Соправителемъ мальчика, помолвленнаго на дочери датскаго короля, былъ назначенъ Бертольдъ фонъ-Геннебергъ.

5. Римскій походъ Людовика Баварскаго и положеніе Италіи въ ближайшее послѣ того время.

На итальянскій походъ Людовика можно смотрѣть какъ на попытку, подъ благовиднымъ предлогомъ, прекратить на время споры въ Германіи, или же какъ на средство извлечь изъ богатой страны деньги, для продолженія борьбы съ папою. Гибеллины настойчиво звали Людовика въ Италію. Сопровождаемый незначительнымъ войскомъ, императоръ отправился въ Тріентъ для совѣщанія съ ними, и этимъ ясно выказалъ, что весь его разсчетъ основывается только на помощи итальянскихъ союзниковъ. Въ Тріентѣ къ нему явились Маркъ Висконти изъ Милана, Пассерино Бонакосса изъ Мантуи, маркграфъ д'Эсте, Канъ делла Скала изъ Вероны, епископы Ареццо и послы пизанцевъ, сицилійскаго короля Фридриха и владѣтеля Лукки, Каструччіо Кастракани, назначеннаго Людовикомъ еще въ 1324 г. имперскимъ намѣстникомъ Лукки и Пистоіи. Они обѣщали дать императору въ Миланѣ 150 тысячъ золотыхъ флориновъ, и вѣсть о такой добычѣ приманила къ нему изъ Германіи не мало рыцарей и воиновъ. Людовикъ велѣлъ составить собраннымъ въ Тріентѣ императорскимъ богословамъ рѣзкій манифестъ, обвинявшій Іоанна XXII въ ереси, и въ маѣ 1327 г. во главѣ многочисленнаго войска вступилъ въ Миланъ, владѣтель котораго, Галеаццо I, былъ въ ссорѣ съ своимъ братомъ Маркомъ. Коронованный ломбардскою короною тремя отлученными отъ церкви епископами, Людовикъ велѣлъ заключить въ тюрьму Галеаццо и его сына, принявъ сторону его брата, потому что Марко и его друзья обѣщали ему большія деньги, а Галеаццо далъ только 50 тысячъ золотыхъ флориновъ, собравъ ихъ насиліемъ, возбудившимъ въ миланцахъ ненависть къ Людовику. Съ плѣнниками императоръ поступилъ по правамъ и обычаямъ среднихъ вѣковъ, когда короли пользовались абсолютною властью. Обвиненный въ произволѣ и деспотизмѣ Маркомъ и другими передъ судомъ, походившимъ на судъ пэровъ, Галеаццо былъ признанъ виновнымъ и отправленъ въ заточеніе въ Монцу. За это враги партіи Галеаццо подарили 200 тысячъ золотыхъ флориновъ Людовику, нуждавшемуся въ деньгахъ для содержанія многочисленнаго, блистательнаго рыцарства и множества наемныхъ искателей приключеній. Правителями возстановленной миланской республики были назначены императорскій верховный судья и императорскій намѣстникъ, взявшіе къ себѣ на службу нѣмецкихъ наемниковъ Галеаццо. Въ Монцу были также отправлены комендантъ нѣмецъ и нѣмецкій гарнизонъ. Такимъ образомъ, первымъ распоряженіемъ Людовика въ Италіи было введеніе военнаго деспотизма нѣмецкихъ намѣстниковъ, мало подходившаго къ идеалу монархіи, представленному Данте въ его знаменитомъ твореніи. Опираясь только на физиче-

скую силу, Людовикъ хотѣлъ упрочить свое владычество въ странѣ, гдѣ ему не принадлежало ни одной пяди земли. Но безъ денегъ нельзя было ничего сдѣлать и силою, а онъ могъ быть каждую минуту покинутъ союзниками и остаться съ горстью рыцарей. Легко себѣ представить, каково должно было быть итальянцамъ при королѣ, не имѣвшемъ ни законныхъ и опредѣленныхъ доходовъ, ни прямаго участія въ управленіи! Какимъ произвольнымъ насиліемъ должно было казаться имъ всякое требованіе съ его стороны! Съ какимъ презрѣніемъ должны были смотрѣть на Людовика жители страны, въ которую стекались богатства цѣлаго міра! Стоитъ только вспомнить, что Италія была въ то время центромъ торговли, промышлености и денежныхъ оборотовъ всей Европы, что частныя лица въ Италіи держали на откупу таможенные сборы и часть доходовъ съ государственныхъ имуществъ Англіи, что они устраивали всѣ займы европейскихъ государствъ, управляли капиталами англійскихъ и французскихъ королей и ихъ любимцевъ и доставляли папамъ вытягиваемыя ими у Европы деньги и доходы съ иностранныхъ имѣній, предоставленныхъ въ пользу церкви. Во Флоренціи, напримѣръ, одинъ торговый домъ ссудилъ англійскому королю, Эдуарду III, полтора милліона золотыхъ флориновъ. На шерстяныхъ фабрикахъ Флоренціи работали тридцать тысячъ человѣкъ, а ея таможенные сборы приносили до 300 тысячъ золотыхъ флориновъ ежегоднаго дохода, — сумма, превосходившая все, что Людовикъ собралъ съ Германіи въ теченіе десяти лѣтъ. Но, по свидѣтельству историка Виллани, императору не хватало даже на содержаніе войска всѣхъ денегъ, полученныхъ или насильно взятыхъ въ Италіи. Виллани же говоритъ, что флорентинцы обѣщались платить ежегодно 200 тысячъ золотыхъ флориновъ за тысячу всадниковъ, присланныхъ имъ Карломъ Калабрійскимъ на помощь противъ Людовика, а потомъ въ девятнадцать мѣсяцевъ уплатили до 400 тысячъ.

Въ концѣ августа Людовикъ выступилъ изъ Милана въ Тоскану. Недостатокъ въ деньгахъ вынудилъ его наложить контрибуцію даже на Пизу, постоянно преданную императорамъ и считавшуюся императорской вотчиной; даже самое управленіе городомъ было продано имъ Каструччіо Кастракани, возведенному въ званіе герцога Лукки. Изъ Пизы императоръ отправился короноваться въ Римъ по совѣту окончательно разошедшихся съ папою миноритовъ. Церковная область находилась въ то время почти въ такомъ же жалкомъ положеніи, какъ и Германія; когда Людовикъ подступалъ къ столицѣ, войско кардинала Бертрана стояло около Болоньи и Фаэнцы. Въ самомъ Римѣ произошли важныя перемѣны. Установивъ родъ республики подъ управленіемъ Шіарры Колонны, римляне отправили къ папѣ депутацію, требуя его возвращенія въ Римъ. Хитрый Іоаннъ принялъ очень благосклонно эту грозную, при всей наружной униженности, республиканскую депутацію и обѣщалъ удовлетворить ея желаніямъ. Такъ всегда дѣйствовалъ римскій дворъ, когда противники его прибѣгали къ энергическимъ мѣрамъ. Однако римляне, по настоянію Шіарры Колонны, отправили къ Людовику приглашеніе явиться въ Римъ. Разумѣется, это произошло не съ единодушнаго согласія; въ городѣ была довольно сильная французская партія, поддерживаемая Робертомъ Неаполитанскимъ, и Шіарра Колонна поссорился даже съ родными братьями за расположеніе къ Людовику. По недостатку въ деньгахъ, императоръ прибѣгнулъ въ Витербо къ такимъ же мѣрамъ, какія въ новѣйшее время часто употреблялъ Бонапартъ. Епископа Витербскаго, хотя папскаго вассала и приверженца, но встрѣтившаго императора со всевозможнымъ почетомъ, онъ велѣлъ заключить въ темницу и пытать, чтобы вывѣдать отъ него, гдѣ хранятся принадлежащія ему тридцать тысячъ золотыхъ флориновъ. 7 января 1328 г. Людовикъ вступилъ въ Римъ среди ликующаго народа. Римлянамъ очень польстило, что онъ не только принялъ отъ нихъ званіе римскаго сенатора, дарованное папою Роберту, но и, не обращая вниманія на Іоанна, короновался въ соборѣ Петра, принявъ корону отъ Шіарры Колонны и другихъ представителей народа. Этимъ Людовикъ показалъ, что признаетъ, нѣкоторымъ образомъ, новую республику за древне-римскую и противопоставляетъ ея значеніе — значенію папы. При коронованіи присутствовали только два епископа, да и то отлученные отъ церкви.

Событія въ Италіи приводили папу въ бѣшенство. Онъ объявилъ коронованіе недѣйствительнымъ, повторилъ отлученіе и старался всѣми средствами возстановить противъ императора въ Германіи народъ и князей. Вмѣсто ожидае-

маго результата, папа своими дѣйствіями только пробудилъ даже въ набожныхъ, терпѣливыхъ и покорныхъ нѣмцахъ сознаніе того, что давно пора стать на сторону свѣтской власти противъ папскихъ притязаній. Въ апрѣлѣ 1327 г. Іоаннъ отвѣтилъ на изданный противъ него богословскій манифестъ такъ называемымъ пятымъ процессомъ, объявлявшимъ Людовика лишеннымъ всѣхъ императорскихъ и духовныхъ леновъ, даже баварскаго герцогства, и потребовалъ отчета въ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ еретикамъ миноритамъ. Видя, что усилія отдѣлить Германію отъ императора остаются безуспѣшными, папа принялся возбуждать волненія и кровопролитія и убѣдилъ архіепископовъ майнцскаго и кёльнскаго приступить къ избранію новаго императора. Бальдуинъ Трирскій и Іоаннъ Чешскій успѣли помѣшать этому, и бѣдное населеніе Майнца поплатилось за то, что его архіепископъ ставилъ церковные интересы выше національныхъ правъ. Вскорѣ (1328 г.) архіепископъ умеръ, и Іоаннъ, съ свойственнымъ ему деспотизмомъ, назначилъ на его мѣсто Генриха фонъ Фирнебурга, брата архіепископа кёльнскаго. Майнцскій соборный капитулъ рѣшился противопоставить папскимъ притязаніямъ энергическую, невиданную мѣру: онъ передалъ управленіе майнцскимъ епископствомъ Бальдуину Трирскому. Спустя годъ, Бальдуинъ пріобрѣлъ еще епископства шпейерское и вормсское, просившія у него защиты противъ папы. Такимъ образомъ Іоаннъ сохранялъ вліяніе на Германію только черезъ Кёльнъ, а энергическій, преданный національнымъ интересамъ Бальдуинъ былъ могущественнѣе папы и императора, взятыхъ вмѣстѣ. Положеніе архіепископа кёльнскаго сдѣлалось наконецъ такъ затруднительно, что папа не могъ вполнѣ разсчитывать и на него.

Но если у Іоанна было немного приверженцевъ въ Германіи, за то въ Италіи Людовикъ со всѣми своими юристами, канониками, богословами и миноритами не могъ склонить высшее духовенство помогать ему противъ папы. Не смотря на то, первымъ его дѣйствіемъ, какъ императора римскаго, былъ процессъ противъ Іоанна. Онъ два раза торжественно судилъ отсутствовавшаго папу, объявилъ его еретикомъ за распространеніе ложнаго ученія о нищетѣ Христа и, ссылаясь на римское или, вѣрнѣе, византійское право и на примѣры Карла Великаго, Оттоновъ и двухъ послѣднихъ салическихъ императоровъ, низложилъ его съ папскаго престола, какъ преступника противъ императора, церкви и города Рима (апрѣль 1328 г.). Представивъ потомъ народу минорита, назвавшаго себя Николаемъ V, Людовикъ велѣлъ провозгласить его папою. Конечно, для Николая было дурнымъ предзнаменованіемъ, что его посвятили въ папы только тѣ немногіе епископы, съ которыми остальное духовенство прекратило всѣ сношенія. Все это также не мало не повредило Іоанну: удары императора не достигали его; антипапа, не имѣя опредѣленныхъ доходовъ, не могъ долго удержаться въ Римѣ, а на денежную помощь Людовика нечего было разсчитывать. Восторгъ римлянъ прошелъ, когда избранный ими императоръ потребовалъ такъ называемую коронную подать. Робертъ, въ союзѣ съ римской знатью, готовился изгнать Людовика и его папу изъ Рима, а возникшія въ Тосканѣ волненія и отнятіе флорентинцами Пистоіи у Каструччіо, приверженца императора, не позволяли ему долго противодѣйствовать враждебнымъ дѣйствіямъ неаполитанскаго короля и недовольныхъ римлянъ. Къ довершенію неудачъ, Каструччіо, обиженный назначеніемъ нѣмецкаго графа правителемъ Пизы, уѣхалъ изъ Рима подъ предлогомъ нападенія на флорентинцевъ. Наконецъ, братья Шіарры Колонны вернулись въ Римъ и призвали войско Роберта. Видя невозможность оставаться долѣе въ Римѣ, Людовикъ, въ августѣ, вышелъ вмѣстѣ съ Николаемъ изъ города. Народъ, еще такъ недавно боготворившій его, бросалъ теперь каменьями въ выступавшихъ нѣмцевъ, ругая ихъ и называя еретиками.

Съ этихъ поръ начался для Людовика рядъ неудачъ. Вѣрный его приверженецъ, Пассерино Бонакосса Мантуанскій былъ убитъ Людовикомъ Гонзагою. Фамилія Гонзага овладѣла Мантуей, и Людовикъ вмѣстѣ съ маркграфомъ д'Эсте отложились отъ императора и его папы. Черезъ нѣсколько недѣль умеръ и Каструччіо, оставшійся до конца жизни, по крайней мѣрѣ по наружности, преданнымъ императору. Въ Пизѣ у Людовика опять не оказалось денегъ, не смотря на то, что онъ постыднымъ образомъ торговалъ правами и владѣніями имперіи, продавая ихъ тому, кто предлагалъ болѣе денегъ, и вытянулъ у Пизы и Лукки

нѣсколько сотъ тысячъ золотыхъ флориновъ. Все это не удовлетворяло корыстныхъ нѣмецкихъ наемниковъ, и вскорѣ отъ него отдѣлились 800 человѣкъ. Они укрѣпились въ особомъ лагерѣ, и когда императоръ прислалъ имъ часть платы съ своимъ другомъ Маркомъ Висконти, удержали Марка заложникомъ, до уплаты всей суммы. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался сынъ Галеаццо, Ацц о, чтобы избавиться отъ полицейскаго надзора, подъ которымъ его держали. По просьбѣ гибеллиновъ онъ былъ освобожденъ изъ заточенія, вмѣстѣ съ отцомъ, вскорѣ потомъ умершимъ, но удержанъ при дворѣ Людовика. Аццо далъ императору денегъ для удовлетворенія недовольныхъ солдатъ, обѣщавъ выслать вчетверо болѣе, если ему и его дядѣ Іоанну, находившемуся въ такомъ же положеніи, будетъ позволено отправиться въ Миланъ. Людовикъ согласился, но при этомъ былъ безстыдно обманутъ бургграфомъ Конрадомъ, которому поручилъ выкупить Марка. Взявъ у императора деньги, Конрадъ нанялъ солдатъ, помогъ Аццо утвердиться въ Миланѣ и, утаивъ деньги, полученныя отъ Аццо, уѣхалъ прямо въ Германію. Въ Миланѣ оба Висконти слѣдовали политикѣ, возведенной въ то время у итальянцевъ въ науку, — политикѣ, которую Маккіавелли развивалъ въ своихъ классическихъ сочиненіяхъ и прилагалъ къ государственной жизни. Висконти держались обѣихъ сторонъ. Они вели переговоры съ папою Іоанномъ XXII, добиваясь примиренія, состоявшагося въ слѣдующемъ году, изгнали изъ Милана должностныхъ лицъ, назначенныхъ императоромъ, и отняли у нѣмцевъ Монцу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Висконти признали папою Николая, назначившаго даже Іоанна кардиналомъ, и, когда Людовикъ явился въ Миланъ, сдѣлали ему богатые подарки, чтобы скорѣе спровадить его изъ Италіи.

Императоръ былъ покинутъ даже нѣмцами. Подкупленные Аццо, намѣстникъ и верховный судья Милана уѣхали въ Германію, не спросясь Людовика; нѣмецкіе вассалы и наемники каждый день оставляли войско и уходили изъ Италіи. Стѣснепное положеніе Людовика дало наконецъ возможность его племянникамъ, сыновьямъ Рудольфа Пфальцскаго, возвратить себѣ наслѣдственныя права и земли. Рудольфъ, какъ извѣстно, уступилъ брату свои владѣнія, до окончанія войны съ Австріей. Но Людовикъ и по смерти брата не отдавалъ ихъ законнымъ наслѣдникамъ, двумъ сыновьямъ Рудольфа, Р у д о л ь ф у II, Р у п р е х т у I и внуку отъ третьяго, умершаго сына, Р у п р е х т у II. Одинъ изъ племянниковъ Людовика старался еще прежде мстить ему, и даже началъ переговоры съ папою. Но только теперь, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, рѣшился императоръ удовлетворить законнымъ требованіямъ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Въ августѣ 1329 г. былъ заключенъ въ Павіи знаменитый с е м е й н ы й д о г о в о р ъ, постоянно служившій впослѣдствіи основнымъ закономъ для баварскаго и пфальцскаго владѣтельныхъ домовъ. На основаніи этого договора, наслѣдники Рудольфа получили Пфальцъ на Рейнѣ и часть Верхней Баваріи, названной съ того времени Верхнимъ Пфальцомъ. Кромѣ того было постановлено, что званіе курфирста должны носить поочередно принцы ихъ дома и потомки Людовика, старшіе владѣтельные князья въ обѣихъ линіяхъ, что, въ случаѣ пресѣченія одной изъ линій, владѣнія ея переходятъ къ другой, и что ни одно изъ баварскихъ или пфальцскихъ владѣній, какъ общее родовое достояніе всего дома, не можетъ быть ни заложено, ни подарено, ни отчуждено. Въ 1340 г. Нижняя Бавaрія, перейдя къ Людовику, по пресѣченіи нижнебаварской отрасли виттельсбахскаго дома, подпала также подъ условія семейнаго договора. Съ тѣхъ поръ всѣ баварскія земли, не смотря на множество развѣтвленій двухъ главныхъ линій, баварской и пфальцской, господствовавшаго въ нихъ до новѣйшаго времени дома, составляли постоянно одно нераздѣльное цѣлое. Заключеніе павійскаго договора было послѣднимъ важнымъ событіемъ во время римскаго похода. Въ декабрѣ Людовикъ вернулся въ Германію.

Но и по удаленіи императора Италія страдала не менѣе Германіи отъ притѣсненій и постоянной неурядицы. Въ Германіи, при отсутствіи единодушія и порядка, безопасность большихъ дорогъ могла обезпечиваться только союзами городовъ, вызвавшими противъ нихъ союзы рыцарей; въ Италіи города были угнетаемы жестокими тиранами и ихъ дикими наемниками. Мы опять возвращаемся къ злодѣйствамъ и съ умысломъ настаиваемъ на этой прозаической сторонѣ среднихъ вѣковъ. Въ наше время всѣ занимаются выставленіемъ и разу-

крашиваніемъ поэтической и назидательной ихъ стороны. Но, для полноты нашего взгляда, прибавимъ однако, что только близорукій поклонникъ новѣйшей цивилизаціи не отдастъ справедливости тѣмъ преимуществамъ, которыя были общи среднимъ вѣкамъ съ эпохою греческихъ республикъ. Рядомъ съ дикимъ варварствомъ и воинственной кровожадностью, мы повсюду встрѣчаемъ у отдѣльныхъ личностей характеръ, силу воли, энергію, сознаніе правъ гражданина. Въ средніе вѣка мы видимъ все то, чего не достаетъ нашему времени, что выдохлось и поблѣднѣло подъ вліяніемъ новѣйшей цивилизаціи.

Передъ возвращеніемъ въ Германію Людовикъ формально призналъ Аццо Висконти владѣтелемъ Милана. Аццо, въ слѣдующемъ же году, примирился съ Іоанномъ XXII и, какъ папскій намѣстникъ, сталъ управлять Ломбардіею. Скоро вернулся въ Миланъ и Маркъ, находившійся въ Тосканѣ въ плѣну у нѣмцевъ. Чтобы избавиться отъ дяди, возбуждавшаго его опасенія, Аццо умертвилъ его самымъ возмутительнымъ образомъ. Сговорившись съ двумя другими дядями, Іоанномъ и Луккино, онъ выманилъ Марка изъ его укрѣпленнаго дворца приглашеніемъ на праздникъ и велѣлъ въ своемъ присутствіи задушить его, а потомъ устроилъ великолѣпныя похороны. Не смотря на этотъ поступокъ, всѣ современные Аццо историки такъ восхваляютъ его, что остается только пожалѣть народъ, эпоху и правителя, считавшихъ, что государственныя соображенія допускаютъ такое жестокое злодѣйство. Аццо примирилъ церковь съ собою и съ Миланомъ посредствомъ золота. Дядя его, Іоаннъ, уже давно сложившій съ себя званіе кардинала, дарованное ему Николаемъ V, также подчинился папѣ и получилъ за то епископство новарское, бывшее въ то время свѣтскимъ княжествомъ. Жалкій антипапа, оставленный Людовикомъ въ Тосканѣ, скрывался нѣсколько времени; отысканный и взятый въ плѣнъ, онъ служилъ французскому папѣ средствомъ торжественно выставлять передъ Европою Людовика и всѣхъ противниковъ авиньонскихъ папъ врагами Бога и церкви. Получивъ отъ Николая самое униженное письмо, Іоаннъ XXII отвѣтилъ на него очень благосклонно и устроилъ все такъ, что Николай отрекся, повидимому, добровольно отъ своихъ заблужденій, разыгралъ въ Пизѣ роль кающагося грѣшника и безъ сопротивленія былъ отвезенъ въ Авиньонъ. Тутъ бѣднякъ долженъ былъ еще разъ послужить зрѣлищемъ въ назиданіе вѣрующимъ и въ посрамленіе враговъ французскаго папства (1330 г.). Его публично выставили съ веревкою на шеѣ, — что не было еще особенно суровымъ наказаніемъ для монаха строжайшаго изъ орденовъ, — а потомъ помѣстили въ папскомъ дворцѣ, гдѣ онъ прожилъ три года подъ надзоромъ, впрочемъ не терпя лишеній. По удаленіи Людовика изъ Рима, неаполитанскій король Робертъ былъ признанъ имперскимъ намѣстникомъ всей средней Италіи и распространилъ свою власть даже на Верхнюю Италію; Болонья, Анкона и другіе города на границахъ Церковной области были также заняты папскими войсками подъ начальствомъ Бертрана ди Поджетто и Іоанна Орсини. Такой оборотъ дѣлъ давалъ папѣ основательный поводъ предполагать, что его цѣль — преобладаніе въ Италіи папской власти надъ имперской — была уже достигнута. Но едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ политическое могущество папы въ Италіи снова рушилось.

Между тѣмъ, Іоаннъ Чешскій сдѣлалъ Верхнюю Италію театромъ своихъ рыцарскихъ похожденій. Мы уже говорили о его переговорахъ съ Робертомъ Неаполитанскимъ, папою и Карломъ IV; извѣстно также, что онъ отсталъ отъ нихъ по совѣту Бальдуина. Безпокойный характеръ Іоанна, заставлявшій его постоянно бросаться изъ стороны въ сторону, возбуждалъ большое неудовольствіе въ Богеміи; чехамъ приходилось платить за его мотовство и безконечныя путешествія. Во время пребыванія Людовика въ Италіи Іоаннъ вмѣшался въ споры австрійскихъ герцоговъ, вторгнулся въ ихъ владѣнія и прекратилъ свои грабежи только тогда, когда они купили его удаленіе значительной суммой. По возвращеніи Людовика Іоаннъ старался прежде всего сдѣлаться посредникомъ между нимъ и папою. Потомъ онъ сталъ приводить въ исполненіе давно задуманный планъ расширенія своего дома. Прежній владѣтель Богеміи, герцогъ каринтійскій Генрихъ, которому принадлежали также Тироль и Крайна (Карніолія), не имѣя сыновей, желалъ передать свои земли двумъ дочерямъ. Этимъ воспользовался Іоаннъ для осуществленія своихъ цѣлей. Онъ помолвилъ своего старшаго сына, Іоанна Генриха, со старшей дочерью герцога, Маргаритою, прозванной Маульташъ

за огромный ротъ или по имени одного тирольскаго замка. Не смотря на неравенство лѣтъ (сынъ Іоанна былъ еще ребенкомъ) и на безобразіе Маргариты, бракъ состоялся, потому что отецъ невѣсты обѣщалъ завѣщать ей тирольское графство. Это распоряженіе держали въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока императора не уговорили объявить дочерей Генриха законными его наслѣдницами. По изданіи указа (1330 г.), Іоаннъ убѣдилъ герцога каринтійскаго позволить ему принять отъ тирольцевъ, именемъ ихъ будущихъ владѣтелей, присягу въ подданствѣ. Пріобрѣтя такимъ образомъ Тироль, онъ вслѣдъ затѣмъ былъ призванъ въ Верхнюю Италію, чтобы остановить успѣхи неаполитанскаго короля, и охотно принялъ приглашеніе, получивъ на то, какъ кажется, согласіе императора. Папскія войска находились въ то время въ стѣсненномъ положеніи, а потому и папа смотрѣлъ на его походъ довольно благосклонно.

Предпріятіе Іоанна началось очень удачно. Хорошо принятый и гвельфами, и гибеллинами, онъ занялъ Брешію, Бергамо, Парму и другіе города и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, двинулся въ Тоскану. Но императоръ вдругъ измѣнилъ свои отношенія къ нему и подвергъ его наслѣдственныя владѣнія большой опасности, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Австріей. Это заставило искателя приключеній поспѣшить (1331 г.) на защиту Богеміи, куда уже вторглись австрійцы и короли венгерскій и польскій. Въ Италіи онъ оставилъ старшаго своего сына Карла и 800 рыцарей. Освободивъ Богемію, Іоаннъ отправился въ Парижъ для переговоровъ съ Филиппомъ VI, старавшимся вовлечь его въ свои планы. Разсчитывая на распрю папы съ императоромъ, французскій король задумалъ отнять у Германіи остатокъ древняго бургундскаго королевства, и Іоаннъ XXII содѣйствовалъ ему въ этомъ. Іоаннъ Чешскій также присталъ къ французамъ, надѣясь найти въ Филиппѣ опору противъ короля неаполитанскаго, который враждебно смотрѣлъ на планы французскаго короля, опасаясь, чтобы его притязанія на права германской имперіи не распространились и на Италію. Изъ Парижа Іоаннъ вернулся въ Италію, гдѣ встрѣтилъ сильное и единодушное сопротивленіе, уничтожившее всѣ его мечты и надежды. Грозный союзъ французовъ, папы и наемнаго чешскаго короля соединилъ, хотя на одинъ разъ, всѣхъ мелкихъ верхнеитальянскихъ правителей. Висконти, Эсте, делла Скала, Гонзага, не обращая вниманія на различіе интересовъ и партій, соединились съ неаполитанскимъ королемъ. Іоаннъ и его сынъ были изгнаны изъ Италіи, оставшейся потомъ до смерти Роберта (1343 г.) подъ властью исключительно туземныхъ правителей.

6. Германія послѣ римскаго похода Людовика Баварскаго до его смерти.

Продолжительная борьба съ папою не сдѣлала Людовика Баварскаго ни просвѣщеннымъ, какъ императоръ Фридрихъ II, ни хитрымъ, какъ король Филиппъ Красивый, ни даже защитникомъ правъ имперіи въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понималъ Данте и императорскіе богословы; за эти права онъ не пожертвовалъ бы ни одною денежною выгодою, ни единымъ клочкомъ земли. Видя, что папа гордо отвергаетъ всякое примиреніе и неуклонно продолжаетъ церковную войну, Людовикъ, чтобы имѣть опору въ имперскихъ князьяхъ, старался привлечь ихъ къ себѣ утвержденіемъ за ними наслѣдственно присвоенныхъ ими правъ, раздачею имъ различныхъ мѣстъ въ ущербъ политической организаціи страны и расширеніемъ ихъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1330 г. онъ отдалъ австрійскимъ герцогамъ, Альбрехту II Хромому и Оттону (изъ пяти братьевъ остались въ живыхъ только эти двое), даже такія права и владѣнія, которыми не имѣлъ права распоряжаться, и сверхъ того обѣщалъ двадцать тысячъ марокъ въ вознагражденіе за убытки, понесенные ими въ войнѣ съ нимъ. Эту сумму онъ уплатилъ имперскими городами. Воспользовавшись присвоеннымъ императорами правомъ отдавать подъ залогъ своихъ долговъ имперскіе города, онъ передалъ австрійскимъ герцогамъ Цюрихъ, Шаффгаузенъ и другіе города, предоставивъ имъ въ слѣдующемъ году и имперское намѣстничество въ Швейцаріи. Но Цюрихъ и первобытные кантоны отстояли

свою независимость, доказавъ, что въ Германіи право и законъ обороняли противъ сильныхъ только того, кто самъ умѣлъ защищать свою кожу. Въ 1322 г. Люцернъ присоединился къ союзу трехъ первобытныхъ кантоновъ и нашелъ въ нихъ сильную поддержку, когда австрійцы стали пользоваться, во вредъ ему, дарованными ими привилегіями. Слѣдуя примѣру задорнаго рыцарства, остальные города старались заключать между собою оборонительные союзы противъ насилія феодаловъ.

Примѣру рыцарства и городовъ послѣдовалъ и Людовикъ въ борьбѣ съ папою, организовавъ огромный оборонительный союзъ противъ всякаго духовнаго или свѣтскаго нарушителя общественнаго спокойствія. Тотчасъ по возвращеніи изъ Италіи, онъ убѣдилъ швабскіе города заключить союзъ между собою и въ то же время пожизненный союзъ съ нимъ на сеймѣ въ Ульмѣ; императоръ привлекъ къ этому союзу всѣхъ баварскихъ владѣтелей, а Бальдуинъ Трирскій организовалъ такой же союзъ между верхнерейнскими городами. Будучи епископомъ Майнца, Вормса и Шпейера, Бальдуинъ самъ былъ правителемъ своего рода духовной монархіи, простиравшейся отъ Бельгіи до Эльзаса, и проклятія папы не могли нарушить общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ ко времени нюрнбергскаго сейма, созваннаго Людовикомъ въ 1331 г., сильнѣйшіе города и владѣтели южной Германіи составляли уже прочный союзъ для поддержанія порядка и спокойствія. Послѣ долгаго времени можно было наконецъ надѣяться, что повсюду возстановится миръ. Но при всемъ наружномъ спокойствіи Германіи, при всеобщемъ отвращеніи къ папѣ,—славившемуся только войною, притѣсненіями и пронырливой юридической и богословской ученостью,—представитель Германіи долженъ былъ переносить всѣ папскія продѣлки; иначе простодушные нѣмцы, отличающіеся болѣе туманными мудрствованіями, мечтательностью и суевѣріемъ, чѣмъ простымъ, здравымъ смысломъ, сочли бы его еретикомъ. Страшась ада, Людовикъ и его имперскіе князья унижались передъ папою, высасывавшимъ деньги Германіи, тогда какъ патріотическое единодушіе и законы предохраняли Италію, Францію и въ особенности Англію отъ чужеземнаго духовенства и ея верховнаго главы. Бѣглое указаніе на факты подтвердитъ нашу мысль. Іоаннъ XXII прославился между папами преимущественно своими смѣлыми спекуляціями и выдумками, доставившими папской казнѣ новые источники доходовъ. Въ наше время, конечно, сказали бы, что онъ отличается опытностью, огромными финансовыми способностями и познаніями въ политической экономіи. Изобрѣтатель извѣстныхъ таксъ въ пользу римской церкви, Іоаннъ XXII собралъ такъ называемыми аннатами или доходами, получаемыми епископами въ первый годъ ихъ епископства, и разными другими поборами такія огромныя богатства, что, по свидѣтельству одного его родственника, онъ оставилъ послѣ себя въ папской казнѣ 17 милліоновъ золотыхъ флориновъ, а по другимъ свѣдѣніямъ еще на 7 милліоновъ серебра и драгоцѣнныхъ камепьевъ. И, не смотря на все это, папа осмѣливался безнаказанно насмѣхаться надъ нѣмцами. Не довольствуясь тѣмъ, что проклялъ императора, довелъ до отчаянія всѣхъ набожныхъ и слабыхъ людей и высасывалъ жизненныя силы Германіи, онъ потребовалъ еще, чтобы преемникъ Карла Великаго формально призналъ надъ собою власть сына кагорскаго ростовщика. Даже не задолго до своей смерти Іоаннъ XXII отвѣчалъ презрѣніемъ на всѣ униженныя посольства нѣмцевъ. Въ Германіи духовенство пользовалось несравненно большимъ вліяніемъ, чѣмъ въ Италіи, Франціи и Англіи; была минута, когда Людовикъ уже соглашался, по крайней мѣрѣ наружно, подчиниться папѣ. Но Іоанну было мало наружнаго подчиненія и признанія его правъ; онъ требовалъ, чтобы Людовикъ точно такъ же повергнулъ къ его ногамъ имперію, какъ Николай V папство. Подобное требованіе возмутило даже нѣмцевъ.

Въ послѣднихъ переговорахъ Людовика съ Іоанномъ XXII, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ опять король чешскій. Вернувшись изъ Италіи, онъ уже затѣвалъ новые планы, предпринималъ новыя путешествія и, примирясь съ Людовикомъ, по прежнему сдѣлался курьеромъ между Авиньономъ, Парижемъ и Мюнхеномъ. Папа требовалъ, чтобы Людовикъ сложилъ съ себя императорскій титулъ въ пользу своего двоюроднаго брата Генриха Нижнебаварскаго, женатаго на одной изъ дочерей чешскаго короля. Убѣжденный услужливымъ курьеромъ

Іоанномъ Чешскимъ, Людовикъ сдался на безстыдныя требованія папы и согласился, не спросясь имперскаго сейма, на время передать императорскую корону Генриху (1333 г.). Обрадованный папа не замедлилъ отправить въ Германію двухъ легатовъ. Папскіе послы скоро убѣдились, что чешскій король поторопился возвѣстить о томъ, что ему казалось только возможнымъ, что императоръ никогда серьезно не думалъ передавать короны, и все это возбудило въ нѣмцахъ страшное неудовольствіе. Дѣйствительно, раздраженіе было такъ велико, что Людовикъ былъ принужденъ запираться даже передъ своими лучшими друзьями въ данномъ имъ обѣщаніи сложить съ себя императорское званіе. У него хватило даже энергіи отказать на шпейерскомъ сеймѣ папѣ, требовавшему въ Германіи десятины подъ предлогомъ крестоваго похода, и охранять твердой рукой общественное спокойствіе отъ знаменитыхъ разбойниковъ. Черезъ годъ послѣ мнимаго отреченія Людовика умеръ 90-лѣтній Іоаннъ XXII (1334 г.). На его мѣсто былъ избранъ набожный, безкорыстный монахъ изъ Тулузы, Бенедиктъ XII. Это событіе, казалось, открывало дорогу къ примиренію имперіи съ церковью. Людовикъ немедленно отправилъ въ Авиньонъ блистательное посольство, выразившее новому папѣ готовность императора подчиниться всѣмъ требованіямъ, относящимся лично до него, но не до имперіи. Бенедиктъ принялъ императорскихъ пословъ въ торжественной аудіенціи и старался уговориться съ ними относительно условій примиренія. Интриги французскаго короля Филиппа VI разстроили все дѣло.

Однимъ изъ виновниковъ такого несчастнаго исхода переговоровъ былъ опять Іоаннъ Чешскій. Его обвиняли въ томъ, что изъ ненависти къ Людовику онъ убѣдилъ французскаго короля помѣшать совершенно улаженному свиданію папы съ императоромъ. Причиною ненависти Іоанна была несбывшаяся надежда пріобрѣсти своему дому земли герцога каринтійскаго. Генрихъ Каринтійскій умеръ въ апрѣлѣ 1335 г.; его владѣнія, согласно указу, изданному Людовикомъ по возвращеніи изъ Италіи, должны были перейти къ единственной оставшейся въ живыхъ дочери, Маргаритѣ, женѣ младшаго сына Іоанна. Но на наслѣдство герцога еще прежде предъявляли притязанія его племянники, австрійскіе герцоги, сыновья его сестры. Людовикъ, снова поссорившійся съ Іоанномъ, предоставилъ рѣшеніе этого спора третейскому суду изъ семи судей, постановившихъ, по обычаю новѣйшихъ дипломатовъ, двусмысленный приговоръ. Вопреки данному Генриху обѣщанію признать его дочерей наслѣдницами, Людовикъ отдалъ Каринтію, Крайну и часть Тироля австрійскимъ герцогамъ, Альбрехту II и Оттону, остальную же часть Тироля присоединилъ къ Баваріи. Іоанну, задержанному въ Парижѣ раною, полученною на турнирѣ, Людовикъ объявилъ, что обѣщалъ признать наслѣдницами дочерей Генриха въ такомъ только случаѣ, если его оффиціально извѣстятъ объ ихъ замужствѣ, чего не было сдѣлано при помолвкѣ Маргариты съ чешскимъ принцемъ Іоанномъ Генрихомъ. Каринтія и Крайна перешли во владѣніе австрійцевъ, но Тироль остался за Маргаритою; присягнувшій ей тирольскій сеймъ не хотѣлъ и слушать о раздѣленіи графства. Чтобы отстоять права своего сына Іоанна Генриха, чешскій король и его старшій сынъ Карлъ, заключивъ союзъ съ нѣсколькими итальянскими владѣтелями и королями польскимъ и венгерскимъ, начали въ 1336 г. войну съ Австріей.

Эта война разомъ уничтожила все, что было сдѣлано для примиренія Людовика съ церковью. Бенедиктъ, чувствуя себя въ Авиньонѣ въ полной зависимости отъ французскаго короля и надѣясь съ помощью Людовика возвратиться въ Римъ, самъ искренно желалъ мира. Но примиреніе не могло совершиться безъ содѣйствія кардиналовъ, большинство которыхъ были французы, помогавшіе своему королю возвышать Францію въ ущербъ Германіи. Такимъ образомъ папа былъ вынужденъ поступить противъ собственнаго желанія. Понуждаемый Филиппомъ и кардиналами, онъ предъявилъ Людовику такія требованія, какихъ не могъ выполнить ни одинъ императоръ, не дѣлаясь измѣнникомъ своему народу. Людовикъ долженъ былъ формально признать притязанія Филиппа на Бургундію и справедливость дѣйствій неаполитанскаго короля относительно нѣмецкихъ вассаловъ въ Италіи. Чтобы смягчить враговъ, императоръ рѣшился сдѣлать всевозможныя уступки. Онъ отказался отъ всего, что было предпринято со временъ Генриха VII противъ гвельфовъ и Роберта Неаполитанскаго; раскаявался во

всемъ, что было писано и дѣлаемо его именемъ противъ папы Іоанна XXII, обѣщалъ взять клятву съ германскихъ князей и епископовъ въ томъ, что они будутъ преслѣдовать его войною, если онъ не выполнитъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ имъ папѣ, и наконецъ былъ на столько слабъ, что поручилъ уполномоченнымъ, отправленнымъ къ Бенедикту, вести переговоры не только съ папою, но и съ французскимъ королемъ. Это порученіе было въ особенности постыдно потому, что въ то же время Филиппъ старался чрезъ посредство папы разстроить переговоры, начатые между Людовикомъ и англійскимъ королемъ. Императоръ отрекался чрезъ своихъ пословъ отъ лучшихъ союзниковъ, объявивъ, что строгіе каноники и набожные богословы, писавшіе за него различные протесты, не только обманывали его, простодушнаго солдата, но и составляли подложные документы. Не такъ важно было бы, еслибы Людовикъ измѣнилъ только умершимъ друзьямъ, вѣроятно, довольно равнодушнымъ къ папскимъ проклятіямъ; дурно то, что онъ отдавалъ на жертву врагамъ живыхъ, которыхъ они хотѣли уничтожить. И всѣ эти униженія остались совершенно безплодными. Французскіе кардиналы, дѣйствовавшіе изъ патріотизма противъ императора и папы, заставили Бенедикта подвергнуть довѣрчивыхъ, терпѣливыхъ и простодушныхъ нѣмцевъ слишкомъ тяжелому испытанію, пробудившему наконецъ и въ нихъ патріотическія чувства.

Узнавъ тайные замыслы Филиппа, послы Людовика, пфальцграфъ Рупрехтъ и маркграфъ Вильгельмъ Юлихскій, прося императора отозвать ихъ, уговаривали его продолжать переговоры съ Англіею. Бенедиктъ угадалъ ихъ намѣренія, понялъ, что его не будутъ болѣе просить, и умолялъ французскаго короля позволить ему сдѣлать императору уступки. Но Филиппъ не хотѣлъ вѣрить, что и нѣмцы могутъ быть проницательны и смѣлы. Событія вскорѣ доказали, что Бенедиктъ не ошибался (1337 г.). Людовикъ вдругъ перемѣнилъ политику: онъ прервалъ переговоры съ папою, снова принялъ императорскій титулъ, который за годъ передъ тѣмъ сложилъ съ себя въ угоду папѣ, заключилъ союзъ съ Эдуардомъ III и сдѣлалъ воззваніе къ народу. Англійскій король, находившійся въ войнѣ съ Франціею, также искалъ опоры въ Германіи, желая черезъ союзъ съ императоромъ воспользоваться нидерландскимъ рыцарствомъ. Нидерландское рыцарство, владѣя тоже и французскими ленами, избѣгало обвиненія въ нарушеніи присяги Филиппу VI только въ такомъ случаѣ, еслибы Эдуардъ III былъ назначенъ Людовикомъ имперскимъ намѣстникомъ Нидерландовъ и призвалъ на войну рыцарей, какъ вассаловъ имперіи. Англійскому королю былъ нуженъ собственно только титулъ, и онъ добился его, благодаря грязной продажности свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей Германіи. Самъ императоръ получилъ отъ Эдуарда за назначеніе его имперскимъ намѣстникомъ и за обѣщаніе ему помощи въ войнѣ съ Франціей 80 тысячъ золотыхъ гульденовъ; сверхъ того Эдуардъ обязался уплатить впослѣдствіи еще 240 тысячъ. По заключеніи договора произошло въ Кобленцѣ (1338 г.) торжественное свиданіе между Людовикомъ и Эдуардомъ. Глупыя и пустыя церемоніи этого свиданія, по обычаю нѣмцевъ и обыкновенію нынѣшнихъ нѣмецкихъ газетъ, описаны до мельчайшихъ подробностей въ германскихъ хроникахъ. Въ Кобленцѣ Эдуардъ былъ торжественно возведенъ въ званіе намѣстника, и затѣмъ разыгралась такая же комедія заочнаго суда, какъ при Генрихѣ VII надъ Робертомъ Неаполитанскимъ. Французскій король былъ осужденъ за неисполненіе обязанностей, лежавшихъ на немъ, какъ на ленномъ вассалѣ имперіи. Филиппъ смотрѣлъ, разумѣется, очень равнодушно на всю эту комедію, ни мало не помѣшавшую ему вербовать за деньги нѣмецкихъ наемниковъ. Впрочемъ, новые союзники разстались втайнѣ недовольные другъ другомъ. Эдуардъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что отъ него требовали выраженія особаго почтенія императору; Людовикъ былъ задѣтъ затмившимъ его блескомъ англійскаго короля и неисполненіемъ Эдуардомъ нѣкоторыхъ условій этикета, до котораго вообще такіе охотники педантичные нѣмцы.

За исключеніемъ чешскаго короля, всѣ германскіе князья приняли участіе въ дѣлѣ Людовика, считая его вопросомъ, касавшимся всего народа. Даже самый отъявленный противникъ императора, епископъ страсбургскій, объявилъ себя въ его пользу, а курфирстъ майнцскій, Генрихъ фонъ Фирнебургъ, обязанный нѣкоторымъ образомъ Іоанну XXII званіемъ курфирста, изъ поборника папской власти обратился въ горячаго патріота. Обращеніе это произошло вслѣдствіе

того, что Людовикъ уговорилъ Бальдуина Трирскаго уступить майнцское архіепископство Генриху; съ тѣхъ поръ онъ присоединился къ императору и сталъ дѣйствовать противъ подчиненнаго французамъ папы. Въ мартѣ 1338 г. созвавъ, епископовъ своего округа, онъ условился съ ними принять посредничество между императоромъ и папою, получивъ отъ Людовика обѣщаніе сдѣлать съ своей стороны все, что не будетъ противно правамъ имперіи. Собраніе отправило къ папѣ посольство, объявившее ему именемъ майнцскихъ епископовъ и примаса Германіи, что если онъ не сниметъ съ императора интердикта, то они должны будутъ рѣшить между собой, что имъ слѣдуетъ предпринять для поддержанія правъ и чести германской имперіи. Нижнерейнское духовенство, кромѣ одного епископа люттихскаго, подкупленное Людовикомъ англійскими деньгами, которыми они всѣ болѣе или менѣе поживились, приняло также сторону императора, привлекшаго къ себѣ и архіепископа кёльнскаго. По примѣру верхнерейнскихъ епископовъ, они тоже стали совѣщаться о своихъ будущихъ дѣйствіяхъ. Въ маѣ 1338 г. Людовикъ созвалъ большой имперскій сеймъ во Франкфуртѣ. Здѣсь былъ объявленъ сейму результатъ поѣздки майнцскихъ епископовъ въ Авиньонъ. Бенедиктъ со слезами сказалъ имъ, что не смѣетъ снять съ императора отлученія, потому что не можетъ дѣйствовать по собственному желанію, находясь въ полной зависимости постоянно угрожающаго ему французскаго короля. Не будучи даже въ состояніи найти на французской землѣ болѣе надежныхъ проводниковъ германскимъ посламъ, папа долженъ былъ отослать ихъ чрезъ Альпы въ Лозанну подъ охраною владѣтеля Дофинэ. На блистательный и многочисленный франкфуртскій сеймъ, которому предстояло опредѣлить разъ навсегда границы свѣтской и духовной власти въ Германіи, было приглашено множество юристовъ и богослововъ. Чтобы публично заявить чистоту своей вѣры и свою набожность, императоръ прочелъ «Отче нашъ», «Богородицу» и «Символъ вѣры». Послѣ того каноники, юристы и епископы оправдали образъ его дѣйствій относительно папы. Сеймъ рѣшилъ, что императоръ выполнилъ всѣ свои обязанности къ церкви и папѣ, признали незаконными и недѣйствительными мѣры, принятыя противъ него Іоанномъ XXII, и объявилъ, что тотъ изъ духовныхъ, кто подчинится несправедливымъ требованіямъ интердикта, будетъ наказанъ, какъ врагъ отечества. Такимъ образомъ сеймъ сдѣлалъ споръ Людовика съ папою вопросомъ національнымъ. Разсмотрѣніе высказаннаго папою притязанія на распоряженіе римскою императорскою короною было предоставлено курфирстамъ. Сопровождаемые императоромъ, они всѣ, за исключеніемъ чешскаго короля, отправились въ Кёнигштуль, находящійся возлѣ мѣстечка Рензе, недалеко отъ Боппарда, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ избирались германскіе короли. Въ Кёнигштулѣ курфирсты постановили весьма энергическія рѣшенія и заключили первый встрѣчающійся въ исторіи Германіи союзъ курфирстовъ. Они объявили папскія притязанія незаконными, клятвенно обязались защищать права имперіи и свое избирательное право и единодушно поддерживать другъ друга. По принятіи такого рѣшенія, императоръ снова вернулся во Франкфуртъ, хотя зналъ, что сеймъ уже разошелся, и, прочитавъ рѣшеніе курфирстовъ франкфуртцамъ, обнародовалъ его въ Германіи, какъ постановленіе сейма. Изъ Франкфурта онъ отправился въ Кобленцъ на упомянутое нами свиданіе съ Эдуардомъ III. Курфирсты же отправили отъ себя посольство къ Бенедикту съ объявленіемъ, что они не признаютъ ни процесса Іоанна XXII, ни другихъ приговоровъ надъ императоромъ, присланныхъ изъ Авиньона.

Постановленія императора и курфирстовъ были введены въ дѣйствіе въ большей части имперіи силою. Духовенству городовъ и монастырей, отказывавшемуся совершать богослуженіе по установленному порядку, давалась недѣля на размышленіе; по истеченіи ея, тѣ изъ нихъ, которые продолжали упорствовать, должны были удалиться изъ своего мѣстопребыванія и не могли возвратиться туда ранѣе десяти лѣтъ, даже еслибы перемѣнили свой образъ мыслей. При этомъ, какъ постоянно со временъ Генриха IV, всего болѣе патріотизма выказали германскіе города, центры народнаго благосостоянія, цивилизаціи, просвѣщенія и поэзіи, бѣжавшей изъ рыцарскихъ замковъ, какъ вертеповъ разбойниковъ. Буржуазіи нерѣдко приходилось отстаивать императорскія постановленія не только противъ духовенства, но и противъ аристократіи, занимавшей въ нѣко-

торыхъ городахъ судебныя должности. Въ началѣ духовенство стояло за папу и покинуло свои мѣста, но, пошатавшись безъ мѣстъ и узнавъ нужду, большинство раскаялось въ своемъ фанатизмѣ, хотя ихъ услугъ и не приняли впослѣдствіи. Одни монахи, преимущественно доминиканцы, остались вѣрны папѣ; они срывали съ церквей постановленіе сейма, снимавшее съ императора интердиктъ, и, по своему обыкновенію, осыпали страшнѣйшими ругательствами остальное духовенство. Также мало вниманія обращалъ на императора и его права Іоаннъ Чешскій, продолжавшій покровительствовать французамъ изъ Люксембурга и взявшій подъ свою защиту епископа люттихскаго. Онъ и нищенствующіе монахи съ своими креатурами могли безнаказанно продолжать свои подвиги, потому что въ Германіи тогда, какъ и теперь, гораздо больше писали и приказывали, чѣмъ дѣйствовали и приводили въ исполненіе. Не смотря на новыя постановленія, въ точности опредѣлявшія отношенія папы къ имперіи, Людовикъ продолжалъ тайно сноситься съ Бенедиктомъ и готовъ былъ пожертвовать за расположеніе папы всѣми защитниками своихъ правъ. Какую пользу могъ бы онъ принести имперіи, еслибы, вмѣсто всѣхъ просьбъ и переговоровъ, заключивъ союзъ съ Англіей, началъ войну съ французскимъ королемъ и, вопреки его интригамъ, примирился съ папою! Но Людовикъ не умѣлъ воспользоваться, какъ мы увидимъ изъ исторіи Франціи и Англіи, тогдашнимъ политическимъ положеніемъ Европы; стремленія нѣмцевъ и его собственныя были мелочны и направлены исключительно къ гнуснымъ копеечнымъ интересамъ. Къ чему могъ послужить, при такихъ условіяхъ, вторичный большой сеймъ, собранный во Франкфуртѣ и продолжавшійся отъ марта до мая 1339 г. На немъ были только повторены послѣ болѣе длинныхъ переговоровъ прежнія положенія и постановленія, тогда какъ нужно было дѣйствовать, а не проводить время въ развитіи системъ, словопреніяхъ и посланіяхъ.

Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ сеймовъ были старанія Людовика обогатить свое семейство и система управленія Германіей, возбудившая противъ него и друзей и недруговъ. Нѣмцы перестали желать ему успѣха, убѣдясь, что для своихъ личныхъ выгодъ императоръ готовъ попрать всѣ свѣтскія и духовныя права. Образъ дѣйствій Людовика показываетъ, въ какомъ состояніи находилось въ то время въ Германіи правосудіе и какъ легко было императору,—не смотря на множество ученыхъ, устремившихъ въ XIV вѣкѣ всю свою премудрость на германское, римское и каноническое права, писавшихъ трактаты и принимавшихъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, — не смотря на безконечно длинное судопроизводство и на бездну формальностей въ судахъ и процессахъ, — поставить произволъ, насиліе и деспотизмъ вмѣсто закона и права. Достаточно нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Однажды граждане Верта прислали къ Людовику депутатовъ съ жалобою на несправедливое распредѣленіе обременительныхъ налоговъ, которые онъ требовалъ отъ нихъ. Императоръ велѣлъ ослѣпить депутатовъ, рѣзко высказавшихъ ему правду, а одного изъ нихъ приказалъ зашить въ мѣшокъ и бросить въ Дунай. Регенсбургцамъ пришлось бы, вѣроятно, еще хуже, еслибы они не отразили силой насилія. Граждане Регенсбурга поссорились съ своимъ епископомъ, другомъ императора, наложившаго на нихъ за то пеню въ 40 тысячъ марокъ. Они отказались уплатить ее, повѣсили на городской стѣнѣ измѣнниковъ, хотѣвшихъ впустить въ городъ высланныхъ противъ нихъ солдатъ Людовика, и отразили военную экзезуцію. Въ 1340 г., по пресѣченіи нижнебаварской линіи, Людовикъ, вопреки правамъ своихъ племянниковъ, сыновей Рудольфа Пфальцскаго, завладѣлъ всѣмъ этимъ краемъ, заставивъ наслѣдниковъ удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ и нѣкоторыми привилегіями, включенными въ павійскій договоръ. Ему очень хотѣлось также создать несправедливыми мѣрами особое герцогство швабское для своего сына Стефана, назначеннаго фогтомъ въ Швабію; но швабы были на сторожѣ, зная изъ его поступковъ съ Тиролемъ, что означаетъ этотъ титулъ.

Руководствуясь исключительно жадностью къ пріобрѣтенію, Людовикъ, въ своихъ дѣйствіяхъ относительно Тироля, не обратилъ никакого вниманія на права, признававшіяся божескими. Въ 1336 г. Іоаннъ Чешскій заключилъ миръ съ герцогами австрійскими, уступивъ имъ Каринтію и Крайну, взамѣнъ признанія Людовикомъ Маргариты и его сына, Іоанна Генриха, законными владѣтелями Ти-

роля. Вскорѣ его сына постигло новое несчастье. Выйдя замужъ за ребенка, сладострастная Маргарита жила съ нимъ въ постоянномъ несогласіи. Тирольцы приняли сторону своей принцессы, изгнали Іоанна Генриха и его брата Карла, поспѣшившаго къ нему на помощь и страшно буйствовавшаго, затѣмъ обратились къ императору и втайнѣ условились съ нимъ, что его сынъ, Людовикъ Бранденбургскій, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, женится на Маргаритѣ. Увѣренный, что папа никогда не согласится развести ее съ первымъ мужемъ, Людовикъ рѣшился покончить этотъ вопросъ императорской властью. Такой поступокъ былъ до того противенъ обычному церковному праву, что Бенедиктъ приказалъ патріарху аквилейскому отлучить отъ церкви Маргариту и Людовика Бранденбургскаго, еслибы они заключили этотъ прелюбодѣйственный—какъ онъ выражался—бракъ. Но объ этомъ не заботились императорскіе юристы и каноники. Они придумали теорію, предоставлявшую императору и учрежденному имъ суду изслѣдованіе дѣйствительности брачныхъ узъ, а епископу право развода. Основываясь на этой теоріи, Людовикъ созвалъ торжественный судъ и, не обращая вниманія на то, что Іоаннъ Генрихъ, не признававшій за нимъ права распоряжаться его судьбою, не явился по его требованію, объявилъ бракъ Маргариты недѣйствительнымъ. Мы не знаемъ, были ли они разведены епископомъ фрейзингенскимъ, но на блестящей свадьбѣ Людовика и Маргариты, праздновавшейся въ тирольскомъ замкѣ Меранѣ (февраль 1342 г.), присутствовали многіе епископы.

Такой поступокъ въ болѣе прямодушное, чуждое всякихъ софизмовъ время, долженъ былъ доказать мыслящему меньшинству, что папская власть еще необходима для ограниченія императорскаго произвола. Людовикъ позволялъ себѣ и другія нарушенія правъ. Желая окружить себя царскимъ блескомъ, но не имѣя въ Тиролѣ ни владѣній, ни доходовъ, молодой Людовикъ жаловался на свое положеніе отцу. Императоръ, по свидѣтельству лѣтописей, посовѣтовалъ сыну то-же, что, по словамъ Геродота, сказалъ нѣкогда милетскій тиранъ — коринѳскому (т. I, стр. 544), съ тою разницею, что символическій намекъ грековъ былъ направленъ противъ жизни, а баварскій противъ имущества аристократовъ. Людовикъ посовѣтовалъ сыну подрѣзать длинную одежду свѣтскихъ феодаловъ и сдѣлать прорѣхи въ слишкомъ широкихъ мантіяхъ духовныхъ. Давая такіе совѣты, самъ императоръ въ то же время силою навязывалъ аугсбургцамъ епископа, который не только, подобно многимъ другимъ, занимался разбойничьимъ ремесломъ, но, уже будучи епископомъ, отличался самымъ дикимъ сладострастіемъ и систематически грабилъ духовныя и свѣтскія владѣнія. Такими произвольными поступками Людовикъ далъ противъ себя сильное оружіе преемнику Бенедикта, новому папѣ, пошедшему по слѣдамъ Іоанна XXII.

Въ апрѣлѣ 1342 умеръ кроткій, набожный Бенедиктъ XII, и на папскій престолъ вступилъ расточительный французскій дворянинъ, Климентъ VI. Онъ съ ожесточеніемъ возобновилъ споръ съ императоромъ, не смотря на то, что Людовикъ до конца жизни Бенедикта не переставалъ умолять его о прощеніи и къ новому папѣ немедленно отправилъ посольство. Климентъ VI съ презрѣніемъ отослалъ его, отклонивъ даже посредничество французскаго короля, которое едва ли, впрочемъ, было серьезно, и возобновилъ грозное отлученіе Іоанна XXII. Людовикъ, повидимому, всего болѣе разсчитывавшій на имперскіе города, находившіеся въ постоянной войнѣ съ князьями и рыцарствомъ, изъ угожденія имъ снова возвѣстилъ земскій миръ. Феодалы, раздраженные его стремленіемъ присвоивать себѣ чужія владѣнія и деспотическими поступками въ тирольскомъ дѣлѣ, все болѣе и болѣе отдалялись отъ него. Король чешскій по прежнему оставался главнымъ союзникомъ папы и французскаго короля, назначившаго его въ 1338 г. главнокомандующимъ своихъ войскъ и намѣстникомъ Лангедока; но непостоянный Іоаннъ, почти совсѣмъ ослѣпшій, не пользовался большимъ вліяніемъ въ Германіи. Чехи презирали его за мотовство и постоянное шатанье по свѣту, разстроившія его финансы до такой степени, что всѣ его богемскіе замки обратились въ негодныя для жилья развалины. Альбрехтъ Австрійскій оставался другомъ папы и хранилъ благоразумный нейтралитетъ. Архіепископъ трирскій Бальдуинъ открыто разошелся съ императоромъ и присоединился къ папѣ. Пфальцграфъ рейнскій, ближайшій родственникъ Людовика, былъ въ ссорѣ съ его новымъ союзникомъ, Генрихомъ Майнцскимъ. Всѣмъ этимъ отлично съумѣлъ воспользоваться Кли-

ментъ; по его предложенію, куфирсты уже въ іюнѣ 1343 г. обсуживали въ Рензе вопросъ объ избраніи новаго императора. Людовикъ обнаружилъ при этомъ странное малодушіе. Онъ самымъ недостойнымъ образомъ умолялъ французскаго короля взять на себя посредничество, старался отклонить избраніе новаго императора униженіями передъ Климентомъ, и подобно Генриху IV (т. II стр. 598), обязался передъ имперскими князьями добиться къ опредѣленному сроку папскаго прощенія. Императоръ нѣсколько разъ посылалъ къ папѣ своихъ знаменитыхъ юристовъ и канониковъ, Рандегга и Гангёра, для удовлетворенія всѣмъ формальностямъ, и, принявъ въ Ландсгутѣ депутатовъ папы, подписалъ, въ присутствіи нотаріуса и свидѣтелей, всѣ ихъ повелительныя требованія. Своею уступчивостью онъ даже поставилъ въ смущеніе папу и кардиналовъ, что не помѣшало ему отправить въ январѣ 1344 г. новое посольство въ Авиньонъ, согласившееся на новыя папскія требованія.

Мы не беремся рѣшать, серьезно-ли дѣйствовалъ при этомъ папа, и не были ли всѣ поступки Людовика внушены ему его совѣтниками, не уступавшими хитростью и умѣньемъ надувать самой папской канцеляріи. Не съ умысломъ ли подстрекали они папу уступками на новыя притязанія, чтобы вывести наконецъ изъ терпѣнія ослѣпленныхъ нѣмцевъ? Очевидно только, что папа заблуждался относительно господствовавшаго въ Германіи настроенія. Не безъ условій однако онъ согласился и на послѣднія предложенія, которыми императоръ обязывался на гораздо большее, чѣмъ отъ него вначалѣ требовали. Заставивъ пословъ дожидаться отвѣта съ января по апрѣль, Климентъ объявилъ имъ условія, касавшіяся не столько императора, просившаго отпущенія, сколько всего государства, не нуждавшагося въ прощеніи. Людовикъ и тутъ притворился готовымъ испить до дна горькую чашу, подносимую ему папой. Въ сентябрѣ 1344 г. онъ созвалъ во Франкфуртѣ сеймъ, чтобы сообщить націи ультиматумъ папы, заранѣе увѣдомивъ о немъ курфирстовъ. Собравшись въ Кёльнѣ, курфирсты объявили, что не могутъ согласиться на папскія требованія, потому что этимъ нарушили бы присягу основнымъ положеніямъ, принятымъ ими за нѣсколько лѣтъ до того въ Рензе. Рѣшеніе курфирстовъ, объявленное во Франкфуртѣ, куда стараніями императора собралось много депутатовъ отъ городовъ, было единодушно принято сеймомъ. Къ сожалѣнію, нѣмецкая щепетильность и педантичность помѣшали рѣшительному приговору сейма надъ папскими притязаніями. Окончательное рѣшеніе только для соблюденія одной формальности было отложено до новаго съѣзда курфирстовъ въ Рензе, которое, собравшись, пустилось въ безконечныя препія. Союзники папы и французскаго короля, Іоаннъ Чешскій и его сынъ Карлъ, присутствовавшіе на этомъ собраніи, жаловались здѣсь на дѣйствія императора; остальные курфирсты были въ ссорѣ между собой и сердились на Людовика за его злоупотребленія. Условившись наконецъ въ опредѣленіи правъ, принадлежащихъ императору, вопреки всѣмъ притязаніямъ папы, они отправили въ Авиньонъ посольство. Это посольство передало папѣ отвѣтъ сейма относительно сдѣланныхъ имъ императору условій, прибавивъ, что по этому вопросу не можетъ быть даже никакихъ переговоровъ. Пораженный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Климентъ высказалъ, что удивляется, какъ могъ Людовикъ перехитрить его. Но уже въ слѣдующемъ году (1345 г.) старый, слѣпой и окончательно разорившійся чешскій король снова сталъ дѣйствовать въ пользу папы противъ императора. На этотъ разъ Людовикъ отвѣчалъ ему не однимъ дипломатическимъ оружіемъ, но и выказалъ много энергіи и дѣятельности. Онъ повелъ переговоры черезъ Бальдуина и, убѣдившись въ ихъ безплодности, сталъ во главѣ многочисленнаго войска. Такимъ образомъ спокойствіе въ Германіи было упрочено, и французскій король не рѣшился поддерживать люксембургскій домъ. Въ то же время императоръ сталъ искать союзниковъ внѣ Германіи и началъ черезъ своего сына переговоры съ Англіей. Эдуардъ III прислалъ въ Германію двухъ уполномоченныхъ въ то самое время, когда Іоаннъ Чешскій повелъ войско на помощь французамъ противъ англичанъ.

Въ это время Людовикъ охотно примирился бы съ папою, потому что представлялась возможность присоединить къ своимъ родовымъ владѣніямъ одну изъ значительныхъ провинцій имперіи. Мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на это событіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о Голландіи, коснувшись уже болѣе или менѣе подробно исторіи остальныхъ нѣмецкихъ провинцій. Людовикъ

былъ женатъ во второй разъ на сестрѣ Вильгельма IV, владѣтеля Голландіи, Зеландіи, Утрехта и Фрисландіи. Человѣкъ вспыльчивый и безпокойный, Вильгельмъ своими угнетеніями довелъ Утрехтъ и Фрисландію до отпаденія. Ища приключеній, онъ предпринималъ въ послѣдніе годы жизни походы противъ турокъ и противъ язычниковъ Пруссіи и Литвы, а по возвращеніи въ Голландію рѣшился отмстить Утрехту и съ звѣрскою жестокостью сталъ опустошать города и села. Позабывъ о судьбѣ своего предшественника (стр. 177), онъ напалъ на храбрыхъ, свободныхъ и свободолюбивыхъ фризовъ. Вильгельмъ III по крайней мѣрѣ воспользовался зимними морозами для нападенія на страну, непроходимую отъ болотъ и топей; Вильгельмъ IV не принялъ даже и этой предосторожности, начавъ походъ въ сентябрѣ. Тяжело вооруженное голландское рыцарство не годилось для борьбы съ фризами, вооруженіе которыхъ было приспособлено къ мѣстнымъ условіямъ. Избравъ удобную для себя позицію, фризы нанесли голландцамъ рѣшительное пораженіе (1345 года). Вильгельмъ палъ въ битвѣ вмѣстѣ съ большею частью войска. Смотря на пораженіе голландцевъ, какъ на побѣду надъ тираномъ, фризы положили праздновать всегда этотъ день, стыдясь въ то же время смерти Вильгельма, убитаго коварнымъ образомъ. Впрочемъ, впослѣдствіи они снова присягнули въ вѣрности графу голландскому. Съ Вильгельмомъ IV пресѣклась мужская линія авенскаго дома (стр. 191) и на графство предъявили притязанія три его сестры: старшая, бывшая замужемъ за императоромъ Людовикомъ, вторая—за Эдуардомъ III Англійскимъ и третья—жена графа юлихскаго Вильгельма VII. Вторая и младшая требовали, по обычаю и преданіямъ страны, раздѣла отцовскаго наслѣдія; но императорскіе юристы придумали основанія, дѣлавшія старшую сестру и ея сына единственными наслѣдниками. По ихъ совѣту Людовикъ объявилъ владѣнія Вильгельма имперскимъ леномъ и, отдавъ его своему, еще несовершеннолѣтнему, сыну отъ Маргариты, Вильгельму V, отправилъ его съ матерью въ Нидерланды. Новая наука права послужила въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ тирольскомъ, явной неправдѣ. Нидерландскія государственныя сословія, подобно тирольскимъ, предупредили волю императора, не желая допускать раздѣленія соединенныхъ провинцій. Они съ восторгомъ приняли мать молодаго графа и признали ее опекуншею сына. Вильгельмъ V владѣлъ Нидерландами до тѣхъ поръ, пока окончательно не сошелъ съ ума. Ему наслѣдовалъ его братъ Альбрехтъ.

Такимъ образомъ Людовику удалось доставить своему дому три важнѣйшихъ владѣнія. Казалось, что и Австріи грозила подобная же участь, послѣ того какъ Людовикъ Бранденбургскій, вступивъ во владѣніе Тиролемъ, принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ герцога Каринтіи и Крайны. Насильственные поступки Людовика естественно должны были пріобрѣсти новыхъ друзей его неумолимому противнику — папѣ, въ которомъ видѣли оплотъ противъ деспотизма императора. Въ то время какъ Людовикъ былъ занятъ Нидерландами, Климентъ VI неутомимо трудился надъ организаціей тайнаго союза и, найдя себѣ орудіе въ старшемъ сынѣ Іоанна Чешскаго, простиравшемъ свои честолюбивые виды на германскую корону, приступилъ къ энергическимъ мѣрамъ. Въ январѣ 1346 г. папа разослалъ ко всѣмъ епископамъ Германіи, Италіи, Сициліи и Франціи посланіе, предававшее императора самому страшному проклятію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ составить длинный, написанный въ духѣ римскаго двора, манифестъ, называвшійся конечнымъ приговоромъ, обнародовалъ его вмѣстѣ съ анаѳемою маранаѳа, т. е. со всѣми обрядами и формулами іудейскаго проклятія (т. II. стр. 490), въ страстной четвергъ, т. е. въ день страданій Спасителя, преемникомъ котораго онъ считалъ себя, снова разрѣшилъ отъ клятвы всѣ имперскіе города и требовалъ отъ нихъ избранія другаго императора, говоря, что и новому императору они должны повиноваться только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ оставаться послушнымъ сыномъ католической церкви (13 апрѣля 1346 г.).

Но, прежде чѣмъ указать нѣмцамъ, на кого долженъ пасть ихъ новый выборъ, папѣ было необходимо удалить германскаго примаса, Генриха фонъ Фирнебурга, болѣе преданнаго отечеству, чѣмъ интересамъ французскаго папы. Съ самаго вступленія на папскій престолъ, Климентъ старался угрозами заставить его отдѣлиться отъ императора, а впослѣдствіи, чтобы оскорбить Генриха, объявилъ независимою богемскую церковь, до тѣхъ поръ подчиненную архіепископу

майнцскому, и подчинилъ архіепископа пражскаго непосредственно папѣ. Теперь Климентъ рѣшился дѣйствовать и противъ него крайними мѣрами. И въ этомъ случаѣ папа нашелъ себѣ орудіе въ потомкѣ одного изъ княжескихъ домовъ, Герлахѣ Нассаускомъ, внукѣ императора Адольфа. Съ Генриха было, безъ всякихъ разсужденій, снято званіе епископа, а майнцскимъ архіепископомъ назначенъ Герлахъ. Архіепископа кёльнскаго и бѣднаго курфирста Рудольфа Саксонскаго Климентъ привлекъ на свою сторону подкупомъ. Когда все было такимъ образомъ подготовлено, курфирсты трирскій, кёльнскій, богемскій и саксонскій и Герлахъ Нассаускій сошлись въ Рензе, и на мѣсто Людовика, переставшаго, какъ они выражались, царствовать со времени указовъ Іоанна XXII, избрали императоромъ Карла IV, сына Іоанна Чешскаго (іюль 1346 г.). Этого избранія не признали ни Людовикъ Бранденбургскій, ни Рудольфъ Пфальцскій, ни Генрихъ фонъ Фирнебургъ, не думавшій оставлять своего епископства.

Узнавъ объ избраніи Карла, Людовикъ, готовившійся въ Тиролѣ къ новому походу въ Италію, поспѣшилъ на Рейнъ. Онъ немедленно созвалъ сеймъ въ Шпейерѣ, а потомъ другой, еще болѣе блистательный, во Франкфуртѣ, и отправился внизъ по Рейну, въ то время какъ его жена высылала изъ Нидерландовъ войска противъ Карла и его приверженцевъ. Между тѣмъ Карлъ, не впущенный въ Ахенъ, удалился изъ Германіи и вмѣстѣ съ отцомъ присоединился къ французскому войску, выступившему противъ англичанъ. Вслѣдъ затѣмъ (августъ 1346 г.) послѣдовала несчастная для французовъ битва при Кресси, стоившая жизни Іоанну Чешскому. Карлъ, не смотря на свидѣтельство нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, по всей вѣроятности, не принималъ никакого участія въ этомъ сраженіи. Смерть безпокойнаго чешскаго короля не принесла пользы нѣмцамъ, но была большимъ счастьемъ для чеховъ. Имъ не приходилось болѣе платить за мотовство короля, а Карлъ, менѣе отца привязанный къ Люксембургу и не надѣясь извлечь большихъ выгодъ изъ императорскаго званія, въ теченіе всей своей жизни старался возвести Богемію на степень могущественнаго государства. Избраніе новаго императора почувствовали особенно ощутительно Баварія и Тироль, угнетаемые Людовикомъ, нуждавшимся въ деньгахъ для поддержанія войны съ Карломъ и для покрытія политическихъ и дипломатическихъ поѣздокъ. Въ остальной Германіи отсутствіе верховной единодержавной власти не было такъ чувствительно, вслѣдствіе разрозненности страны, независимости всякаго отдѣльнаго города, князя и рыцаря, а отчасти и сельскаго населенія, тамъ, гдѣ общины сохранили прежнее самоуправленіе. Впрочемъ, не все-ли равно было большинству, Карломъ или Людовикомъ назывался человѣкъ, подписывавшій за деньги и услуги какія угодно граматы и указы.

Послѣ битвы при Кресси Карлъ вернулся на Рейнъ и, вторично не впущенный ахенцами, короновался въ Боннѣ (ноябрь 1346 г.). Оттуда онъ отправился въ Вѣну, чтобы отклонить отъ союза съ баварской партіей самаго благороднаго и умнаго изъ германскихъ князей, Альбрехта Австрійскаго, не задолго передъ тѣмъ безуспѣшно предлагавшаго папѣ свое посредничество въ спорѣ съ Людовикомъ. Для той же цѣли явился въ Вѣну, вмѣстѣ съ Карломъ, и венгерскій король Людовикъ; но Альбрехтъ не принялъ ихъ предложеній. Затѣмъ Карлъ вступилъ въ сношенія съ итальянцами, испуганными приготовленіями Людовика къ новому походу, и въ то же время старался возстановить швабовъ, думавшихъ, что Людовикъ не шутя прочитъ имъ въ герцоги своего сына Стефана. Но и тутъ его ожидала неудача. Едва прибывъ въ Тріентъ, онъ тотчасъ же долженъ былъ удалиться въ Богемію, покинутый друзьями при приближеніи баварско-тирольскаго войска. Заключивъ между собою союзъ, швабы возстали противъ Людовика. Карлъ двинулся къ нимъ на помощь, но явился только затѣмъ, чтобы поспѣшно отступить, потому что войсками городовъ Стефанъ скоро подавилъ возстаніе швабовъ. Значеніе германской націи падало вмѣстѣ съ значеніемъ императорства, въ чемъ легко убѣдиться, бросивъ взглядъ на положеніе имперіи. Пользуясь борьбою двухъ императоровъ, князья и рыцари старались пріобрѣтать себѣ отъ каждаго изъ нихъ привилегіи, дававшія имъ право на всякія насилія и мерзости. Патентами и пергаментами они думали оправдать въ глазахъ потомства отнятіе правъ у согражданъ и лишали имущества и свободы всякаго, кто не могъ защищаться оружіемъ или крѣпкими стѣнами. Такимъ образомъ, ловя рыбу въ

мутной водѣ, графы вестербургскій и изенбургскій, обогатились на счетъ гражданъ Трира, а владѣтели гессенскій, мейссенскій и генебергскій на счетъ майнцской церкви, подъ предлогомъ борьбы за папу и Герлаха Нассаускаго.

Среди этой всеобщей неурядицы, умеръ скоропостижно Людовикъ (11 октября 1347 г.). Почувствовавъ себя дурно во время попойки, онъ поѣхалъ на охоту и упалъ съ лошади умирающій въ ту минуту, какъ напалъ на слѣдъ медвѣдя. Съ его смертью войны и междоусобіе не только не прекратились, но еще увеличились. Возстановленіе согласія между церковью и государствомъ обошлось нѣмцамъ слишкомъ дорого. Впослѣдствіи всѣ удивлялись, что разрывъ церкви съ имперіей, о которомъ плакались тридцать лѣтъ, оказался гораздо спасительнѣе для нѣмцевъ, чѣмъ могло бы быть примиреніе съ папою.

7. Италія до римскаго похода Карла IV.

По удаленіи изъ Италіи Людовика Баварскаго, прежнее значеніе папы, казалось, возстановилось во всей силѣ. Его вѣрный союзникъ и вассалъ, Робертъ Неаполитанскій, владычествовалъ въ верхней и средней Италіи; Висконти заключили съ церковью миръ; кардиналы Бертранъ ди Поджетто и Іоаннъ Орсини заняли своими войсками Романью и другія части полуострова. Но это возстановленное зданіе папскаго могущества продержалось очень не долго. Дружба Висконти скоро исчезла, оказавшись только дипломатическимъ разсчетомъ. Фамиліи делла Скала, Эсте и Гонзага, даже Венеція рѣшилась противодѣйствовать папскому владычеству, увидѣвъ, что духовная спла его подкрѣпляется деньгами и оружіемъ. Оба кардинала были вытѣснены изъ всѣхъ занятыхъ ими городовъ. Наконецъ, Робертъ Неаполитанскій въ послѣдніе годы жизни предался почти исключительно изученію вновь воскресшей древности. Съ паденіемъ императорскаго и папскаго значенія въ Италіи возвратилась прежняя анархія. Этой анархіей воспользовались Висконти, венеціянцы и флорентинцы для основанія и упроченія новой государственной власти, не признававшей ни папы, ни императора. Въ Римѣ только по формѣ признавали еще папу главою церкви, а Роберта Неаполитанскаго сенаторомъ и имперскимъ намѣстникомъ; но ни тотъ, ни другой не имѣли почти никакого вліянія на управленіе и общественныя дѣла города. Въ одной изъ исторій Рима, написанной на народномъ языкѣ, чрезвычайно ясно охарактеризовано тогдашнее положеніе. Авторъ ея, современникъ описываемыхъ имъ событій, заботясь гораздо болѣе о вѣрномъ изображеніи духа и характера своихъ соотечественниковъ, чѣмъ о краснорѣчивомъ изложеніи, представилъ намъ всю самобытность и оригинальность этого народа, не столько развитаго образованіемъ и наукою, сколько богатаго отъ природы. Народъ избиралъ членовъ совѣта, судей, должностныхъ лицъ, и повидимому, пользовался неограниченной свободой, но въ дѣйствительности оставался рабомъ знатныхъ, былъ бѣденъ и лѣнивъ. Вся власть находилась въ рукахъ фамилій Колона и Орсини, владѣвшихъ самыми большими имѣніями и укрѣпленными замками въ городѣ и его окрестностяхъ. Большинство римлянъ представляло изъ себя сбродъ людей, подвластныхъ этимъ двумъ фамиліямъ. Выборныя должностныя лица были слугами мелкихъ деспотовъ, на большихъ дорогахъ не было почти проѣзда, грабежъ, убійство, похищеніе и насилованіе женщинъ были явленіями обыденными, власти оставались равнодушными зрителями, потому что не хотѣли, а большею частью и не могли препятствовать безпорядкамъ.

Переходя отъ этихъ сценъ варварства и неурядицы къ тогдашнему состоянію итальянской поэзіи и литературы, мы видимъ, что человѣческій умъ достигалъ своего высшаго и лучшаго развитія среди кипучаго упоенія страстей, въ водоворотѣ анархической свободы. Тоже явленіе замѣчается и въ исторіи древней Греціи. Данте, Петрарка, Боккаччіо, оба Гвидо (Гвиничелли и Кавальканти), историкъ Дино Компанья и Джіованни Виллани занимаютъ мѣсто на ряду съ величайшими геніями древности. Они воскресили былое величіе Рима и энтузіазмъ къ древнимъ писателямъ сдѣлался всеобщимъ бредомъ, модою, обуявшею даже глубоко павшій, но все еще оригинальный и умный римскій народъ. Пред-

ставителемъ умственнаго развитія этой свободной и въ тоже время необузданной эпохи былъ Петрарка, страстный поклонникъ древняго Рима. Подобно Сенекѣ при дворѣ Нерона (т. II, стр. 155), онъ проповѣдывалъ добродѣтель среди пороковъ авиньонскаго двора, и, окруженный чувственнымъ развратомъ, воспѣвалъ чистую, неземную любовь, какъ Пиндаръ, создавшій добродѣтель изъ пороковъ своихъ боговъ. Одушевляемый вдохновеннымъ энтузіазмомъ и чистою любовью къ отечеству, которой не понять нашему промышленному, естествоиспытательному времени и нашему сѣверному хладнокровію, Петрарка, какъ поэтъ и ораторъ, идеализировалъ древній Римъ, стараясь возстановить чистоту римскаго языка и процвѣтаніе литературы въ эпоху, когда этотъ городъ изъ столицы христіанскаго міра обратился въ разбойничій вертепъ. Народъ чтилъ въ немъ представителя своей древности, князья смотрѣли на него, какъ на мудреца, всѣ, понимавшіе значеніе умственнаго развитія, обращались къ нему, какъ къ оракулу. Все это пріобрѣло ему европейское значеніе, сдѣлало изъ него могущество, равно уважаемое и папою и императоромъ. Въ апрѣлѣ 1341 г. Петрарка, какъ царь образованнаго міра и поэтовъ, былъ коронованъ въ Капитоліи, въ присутствіи огромной толпы народа. Сенаторы и высшіе сановники римской республики возложили на его голову лавровый вѣнокъ. Это еще невиданное торжество не только увеличило славу поэта, но и должно было пробудить гордость римлянъ. Петрарка предпочелъ короноваться въ городѣ, славномъ своимъ прошедшимъ, а не въ Неаполѣ, какъ предлагалъ ему неаполитанскій король. Впрочемъ торжество коронованія было потомъ повторено съ восточнымъ великолѣпіемъ Робертомъ, горячимъ поклонникомъ возрождавшихся наукъ и искусствъ.

Энтузіазмъ, вызвавшій коронованіе Петрарки, усилившійся и распространившійся вслѣдствіе этого торжества, доставилъ одному изъ друзей и почитателей увѣнчаннаго поэта политическое значеніе, дважды дѣлавшее его властелиномъ Рима. Николай Лауренцій или, какъ его называли въ народѣ, Кола Ріенци, принадлежалъ къ многочисленному въ то время классу адвокатовъ, старавшихся блистать краснорѣчіемъ, заимствованнымъ у древнихъ. Только этому таланту и былъ обязанъ Ріенци честью участвовать въ римскомъ посольствѣ, гдѣ находился и Петрарка, отправленномъ въ Авиньонъ поздравить Климента VI съ избраніемъ въ папы и настоятельно просить его вернуться въ Римъ. Ріенци, говорившій именемъ посольства, остался въ Авиньонѣ, когда Климентъ обѣщалъ исполнить желаніе римлянъ, и вмѣстѣ съ Петраркою старался убѣдить папу возвратиться въ древнюю столицу міра. Но ни онъ, ни Петрарка, написавшій тогда въ поэтической формѣ приглашеніе, сдѣланное папѣ, изобразившій въ стихахъ римскія святыни, ничего не добились отъ Климента. Четыре года оставался Ріенци въ Авиньонѣ, почти совсѣмъ забытый, и только по прошествіи этого времени былъ обратно посланъ въ Римъ, гдѣ сталъ играть такую значительную роль.

Между тѣмъ въ средней и нижней Италіи анархія и безпорядки возрасли въ такой же степени, какъ и въ верхней. Въ 1343 г. умеръ Робертъ, и часть полуострова, находившаяся подъ его королевской и отеческой властью, сдѣлалась добычею хищныхъ рыцарей или легкомысленныхъ и преступныхъ правителей. Италія уже давно была сборнымъ мѣстомъ буйныхъ искателей приключеній всѣхъ европейскихъ странъ. Кондотьеры составляли дружины или банды, по примѣру каталонцевъ и арагонцевъ, сражавшихся за сицилійскихъ королей противъ анжуйскаго дома, и часто, безъ разбора происхожденія, также назывались арагонцами. Слѣдуя за своими вождями, они служили то тому, то другому изъ государствъ и тирановъ, смотря по тому, кто платилъ больше денегъ. Малатеста, принадлежавшій къ владѣтельному дому въ Римини, былъ первымъ итальянцемъ, образовавшимъ такую дружину; а первымъ нѣмецкимъ предводителемъ кондотьеровъ былъ графъ или, какъ его называли, герцогъ Вернеръ, собравшій въ Швабіи нѣсколько тысячъ человѣкъ конныхъ и пѣхотинцевъ. Окруженные женщинами и всякою сволочью, эти наемники разлились по Романьи опустошительнымъ потокомъ, распространяя повсюду ужасъ. Въ виду грозившей опасности мелкіе владѣтели, Эсте, делла Скала и другіе, забывъ на время завистливое соперничество, заключили между собой союзъ противъ нѣмецкихъ разбойниковъ. Но только деньгами могли они избавиться отъ этого сброда, и то на весьма непродолжительное время.

Въ послѣдніе годы жизни Робертъ Неаполитанскій задумалъ покорить Сицилію, гдѣ, по смерти короля Фридриха II (1337 г.), вступилъ на престолъ его сынъ, слабый Петръ II. Вскорѣ (1342 г.) умеръ и онъ, оставивъ наслѣдникомъ четырехлѣтняго сына Людовика. Смерть (1343 г.) помѣшала восьмидесятилѣтнему Роберту довершить задуманный планъ, и Неаполь сдѣлался послѣ него жертвою шаекъ, терзавшихъ остальную Италію. Единственный сынъ Роберта умеръ еще въ 1328 г., и Неаполь перешелъ тогда къ старшей внучкѣ умершаго короля, Іоаннѣ I, женѣ венгерскаго принца Андрея, сына Карла Роберта (стр. 254). Одаренная отъ природы блестящими качествами, развитая воспитаніемъ и образованіемъ, Іоанна не имѣла ни одного достоинства хорошей женщины, матери и жены. Андрея, нарочно для нея воспитаннаго въ Неаполѣ, она презирала еще прежде, чѣмъ сдѣлалась его женой. Предвидя бѣдствія, грозившія отъ этого государству, Робертъ завѣщалъ, чтобы Іоанна и Андрей оставались до двадцатилѣтняго возраста подъ опекою его вдовы и совѣта регентства. Но лишь только онъ умеръ, какъ легкомысленная Іоанна, не обращая никакого вниманія на его завѣщаніе и презирая мужа, начала распутную, безпорядочную жизнь, раздарпвала и предписывала все, что ей взбродило на умъ, оскорбляла венгровъ, окружавшихъ Андрея, и предоставила главныя роли при дворѣ какой-то прачкѣ и другимъ подобнымъ личностямъ. Эти раздоры и безпорядки дали папѣ возможность предъявить свои притязанія на верховную власть надъ Неаполемъ, пробудивъ въ тоже время честолюбіе членовъ королевскаго дома, принцевъ Тарента и Дураццо, потомковъ братьевъ Роберта. Одинъ изъ нихъ, Карлъ Дураццо, похитилъ сестру королевы, Марію, назначавшуюся, по завѣщанію Роберта, въ жены или венгерскому королю Людовику Великому, старшему брату Андрея, или сыну и наслѣднику французскаго короля. Карлъ обвѣнчался съ нею и этимъ поступкомъ оскорбилъ и вооружилъ противъ себя и венгерскую партію и приближенныхъ Іоанны. Папа еще прежде издалъ буллу, объявлявшую недѣйствительными всѣ, сдѣланныя безъ его согласія, посмертныя распоряженія Роберта и всѣ награды, розданныя Іоанною. Анжуйскій домъ обратился тогда къ французскому королю съ просьбою запретить папѣ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла Неаполя. Климентъ VI съ своей стороны потребовалъ отъ легкомысленной королевы изданія указа, подтверждавшаго его права на Неаполь, а потомъ, подкупленный венгерскимъ золотомъ, велѣлъ короновать Андрея, чему до тѣхъ поръ препятствовала Іоанна. Коронованіе Андрея испугало королеву и ея партію тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ пріѣхала въ Неаполь мать Андрея, Елисавета, привезя съ собой много денегъ и венгровъ, совершенно завладѣвшихъ управленіемъ. Коронованіе Андрея, носившаго до тѣхъ поръ только титулъ герцога калабрійскаго, естественно должно было придать большое значеніе и ему и венгерской партіи. Приверженцы королевы рѣшились предупредить грозившую имъ опасность убійствомъ Андрея. Вопреки всѣмъ опроверженіямъ Петрарки, мы положительно утверждаемъ, что Іоанна была участницею въ преступленіи. Поэтъ, котораго она была ученицею и почитательницею, ставилъ всегда краснорѣчіе и поэтическія прикрасы выше жестокой истины и цѣнилъ образованіе болѣе добродѣтели. Да это и не удивительно. Опытъ и исторія дворовъ, большихъ столичныхъ городовъ и южныхъ народовъ доказываютъ, что женщина, потерявъ однажды чувство стыда и чести, способна на всякаго рода преступленія, особенно если она одарена талантами, развита и избалована поклоненіемъ поэтовъ и ученыхъ. Андрей былъ заманенъ въ одинъ замокъ, около Аверсы, и тамъ умерщвленъ. По свидѣтельству многихъ историковъ, современниковъ этого событія, королева находилась въ сосѣдней комнатѣ, когда убивали, Андрея и, не смотря на его продолжительное сопротивленіе, крики и стоны, не сдѣлала ни одного движенія, чтобы спасти мужа или позвать кого нибудь на помощь. Она не только не позаботилась о его погребеніи и не преслѣдовала убійцъ, но даже не хотѣла воспитывать, какъ наслѣдника престола, сына, прижитаго ею съ Андреемъ. Только громкій ропотъ народа заставилъ ее назначить слѣдствіе и приговорить нѣсколько человѣкъ въ казни. Но казненные были не болѣе, какъ орудія преступленія, или даже совершенно невинныя лица, которыхъ приговорили къ наказанію для того, чтобы воспользоваться ихъ имуществами. Общественное мнѣніе считало Іоанну, принца тарентскаго и Карла Дураццо главными виновниками убійства Андрея. Населеніе главнаго города Про-

ванса, возмущенное преступленіемъ своей королевы, требовало у папы назначенія надъ ней уголовнаго суда, а венгерскій король готовилъ войско, чтобы начать войну въ отмщеніе за брата. Въ Неаполѣ царствовала дикая анархія.

Въ то же самое время произошла революція въ Римѣ. Поклонникъ древняго Рима, Кола Ріенци, сблизился съ Петраркою, а черезъ него сошелся съ кардиналомъ Джіованни Колонною, смотрѣвшимъ на нихъ обоихъ, какъ на орудіе для подчиненія Рима владычеству своей фамиліи. Когда Климента стали осаждать жалобами на безсиліе властей въ Римѣ, на отсутствіе порядка и правосудія, Колонна посовѣтовалъ ему отправить въ Римъ, въ качествѣ папскаго коммисара, Ріенци, этого оригинальнаго оратора и патріота, съ тѣмъ чтобы онъ расположилъ народъ въ пользу папы и противодѣйствовалъ вліянію новой аристократіи. Климентъ послушался совѣта и послалъ Ріенци въ Римъ (1346 г.). Пользуясь своимъ оффиціальнымъ значеніемъ, мечтатель задумалъ планъ возрожденія прежней свободы и величія Рима. Собирая народъ въ церквахъ и на площадяхъ, Ріенци возбуждалъ въ немъ ненависть къ грабителямъ, надменныхъ аристократамъ, и льстилъ ему преувеличенными изображеніями подвиговъ и правъ древнихъ римлянъ и значенія простаго народа даже во времена императоровъ (т. II. стр. 117). Онъ велѣлъ расписать стѣны Капитолія аллегорическими картинами изъ исторіи Рима, Трои, Карѳагена, Вавилона и Іерусалима, чрезвычайно оригинально объяснялъ ихъ народу, указывалъ ему на злоупотребленія и обманы въ управленіи государственными финансами, и старался съ помощью папскаго легата осуществить свой планъ государственной реформы. Аристократія сначала принимала все это за шутку и смотрѣла на Ріенци, какъ на геніальнаго паяца; одинъ изъ представителей ея, Стефанъ Колонна, даже часто приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Но серьезная сторона дѣйствій скоро обнаружилась. Въ апрѣлѣ (1347 г.) Ріенци созвалъ народъ въ Капитоліи, чтобы объяснить ему тамъ, въ присутствіи папскаго легата, свой проектъ новаго государственнаго устройства. Это собраніе происходило во время жатвы, когда большинство дворянства находилось въ помѣстьяхъ, поддерживая вооруженной силой спокойствіе въ своихъ имѣніяхъ. Въ этотъ разъ римскій демагогъ сказалъ сильную и длинную рѣчь. По окончаніи ея, одинъ графъ, принадлежавшій къ партіи Ріенци, прочелъ пятьдесятъ статей новаго уложенія, встрѣченныхъ общими криками одобренія. Самодержавіе народа было провозглашено, а Ріенци, какъ его представителю или народному трибуну, поручили осуществить принятыя собраніемъ государственныя реформы. Помощникомъ его былъ назначенъ папскій легатъ, то же объявленный народнымъ трибуномъ.

Аристократія была безсильна противъ этой революціи. Раздѣленная партіями и враждой фамилій, она не могла соединиться противъ общаго врага; тогда какъ давно образовавшейся домократіи не доставало только энергическаго человѣка, способнаго соединить въ своихъ рукахъ народную силу. Узнавъ объ этихъ событіяхъ, глава аристократіи, Стефанъ Колонна, поспѣшилъ въ Римъ съ своими всадниками и разорвалъ высланное ему на встрѣчу письменное приказаніе удалиться изъ города. Народный трибунъ велѣлъ ударить набатъ, и Колонна долженъ былъ отступить передъ собравшейся толпой. Остальное дворянство было вынуждено признать власть трибуновъ законною и дать имъ клятву въ повиновеніи.

Первыя дѣйствія Ріенци были полезны народу. Онъ привелъ въ порядокъ судопроизводство, ввелъ чрезвычайно строгіе уголовные законы, прогналъ изъ Рима хищное рыцарство, казнилъ, какъ вора, одного изъ аристократовъ, сформировалъ себѣ для охраненія общественнаго порядка милицію изъ тысячи трехъ сотъ человѣкъ пѣхоты и трехъ сотъ всадниковъ, разрушилъ укрѣпленные дворцы въ городѣ и загородные замки. Этими мѣрами ему удалось произвести благодѣтельныя перемѣны, къ великой радости народа. Но предоставленная ему неограниченная власть скоро превратила его въ деспота; тщеславіе сдѣлало его высокомѣрнымъ. Онъ давалъ себѣ громкіе титулы, важно дѣлалъ распоряженія именемъ народа и своимъ собственнымъ, писалъ къ папѣ, императору, итальянскимъ князьямъ и республикамъ и ко всѣмъ королямъ. Эсте, делла Скала и другіе итальянскіе аристократы выказывали плебею гордое презрѣніе, но императоръ Людовикъ и венгерскій король отвѣчали на его письма учтиво и дружелюбно, а неаполитанская королева даже прислала женѣ трибуна богатые подарки.

Черезъ четыре мѣсяца по назначеніи его трибуномъ, Ріенци былъ совершенно опьяненъ своимъ счастьемъ; его поведеніе сдѣлалось смѣшнымъ и презрѣннымъ. Желая окружить себя блескомъ и пышною обстановкою аристократовъ, онъ своею глупостью самъ приготовилъ свое паденіе. 1-го августа Ріенци принялъ съ торжественною церемоніею рыцарское достоинство, а потомъ въ многочисленномъ собраніи народа потребовалъ въ Римъ къ суду папу, кардиналовъ, императора и германскихъ курфирстовъ, посягнувшихъ на права римскаго народа произвольнымъ избраніемъ императора. Въ заключеніе, онъ провозгласилъ громкимъ голосомъ и символическимъ движеніемъ меча на всѣ четыре стороны, что міръ принадлежитъ римскому народу и его представителямъ. Все это поссорило его съ другимъ трибуномъ. Но когда папскій легатъ хотѣлъ протестовать въ народномъ собраніи, Ріенци велѣлъ трубить въ трубы и бить въ литавры, и народъ не слышалъ ни одного слова протеста, читаннаго нотаріусомъ.

Послѣ всѣхъ этихъ шутовскихъ дѣйствій, Ріенци ничего не оставалось какъ совершенно уничтожить аристократію и при помощи демократіи сдѣлаться тираномъ. Къ этой цѣли онъ, казалось, и стремился; но для осуществленія ея у него не хватило ни энергіи, ни послѣдовательности. Вскорѣ, по его приказанію, были заключены въ темницу представители знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій; но вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ случаемъ для истребленія высшей знати, онъ удовольствовался ея униженіемъ и черезъ нѣсколько времени выпустилъ заключенныхъ, какъ будто для того, чтобы заставить ихъ забыть минутно свою вражду и соединиться противъ общаго врага. Дѣйствительно, дворянство и аристократія вооружились и соединенными силами напали на Римъ. Но подъ стѣнами города они потерпѣли сильное пораженіе и, вѣроятно, окончательно потеряли бы всякое значеніе, если бы тщеславный трибунъ обладалъ хоть какимъ нибудь политическимъ тактомъ или хоть самыми обыкновенными военными способностями. Причиною его паденія было его неблагоразуміе. Легатъ Бертранъ, посланный папою въ Неаполь произвести слѣдствіе надъ убійцами короля, поѣхалъ оттуда въ Римъ и сталъ тайно интриговать противъ трибуна, надоѣвшаго народу своими глупостями. Въ то же время аристократіи удалось произвести въ городѣ голодъ задержкою подвоза съѣстныхъ припасовъ. Тогда легатъ предалъ Ріенци проклятію, велѣлъ монахамъ волновать народъ и нанялъ въ свою службу одного неаполитанскаго графа, приговореннаго Робертомъ къ пожизненному заключенію. Графъ устроилъ въ городѣ нѣсколько баррикадъ, въ то время какъ аристократы осадили Римъ. Трибунъ съ ужасомъ увидѣлъ, что народъ его оставилъ; онъ приказалъ одному еврею цѣлые сутки бить набатъ, истощилъ свое краснорѣчіе; но все было напрасно, народъ не брался за оружіе. Ріенци бѣжалъ изъ Рима (декабрь 1347 г.) и нашелъ убѣжище у венгерскаго короля Людовика, повелѣвавшаго тогда въ Неаполѣ. Вернувшись въ Римъ, аристократія принялась свирѣпствовать по прежнему, притѣсняя народъ и выказывая ему свое презрѣніе. Чтобы дать понятіе о правосудіи этого сословія, достаточно сказать, что по приказанію дворянъ на стѣнахъ Капитолія были нарисованы портреты Ріенци и его друзей повѣшенными за ноги. Все это заставило народъ раскаяться въ холодности къ трибуну и страстно желать его возвращенія и возстановленія демократіи. Ріенци вскорѣ вернулся, снова ограничилъ власть легата и рыцарства и грозилъ сдѣлаться страшнѣе прежняго, когда герцогъ Вернеръ съ своей разбойничьей шайкой предложилъ ему свои услуги. Но, получивъ приглашеніе отъ королевы Іоанны, Вернеръ отправился въ Неаполь, находя это предложеніе болѣе выгоднымъ. Тогда римскій трибунъ поѣхалъ въ Прагу, къ императору Карлу IV, разсчитывая на него, какъ на друга Петрарки; но Карлъ, по требованію папы, велѣлъ схватить его и отвезти въ Авиньонъ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Оправданный судомъ, Ріенци снова былъ посланъ въ Римъ, гдѣ владычествовалъ еще нѣкоторое время.

Въ то время какъ Ріенци выкидывалъ въ Римѣ свои политическіе фарсы, въ Неаполѣ разыгрывалась отвратительнѣйшая трагедія. Папа, какъ мы уже сказали, послалъ туда своего легата произвести слѣдствіе надъ убійствомъ Андрея. Чтобы спасти главныхъ виновниковъ преступленія, королеву и принцевъ крови, легатъ велѣлъ пытать и казнить множество другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло. Папскій судъ еще сильнѣе озлобилъ венгерскаго короля, рѣшившагося пред-

принять походъ въ отмщеніе за брата. Не смѣя отправить венгровъ въ такое далекое предпріятіе, онъ нанялъ наемниковъ; эта толпа, проходя черезъ Италію, постоянно увеличивалась новыми искателями приключеній. Только въ Церковной области встрѣтилъ Людовикъ нѣкоторое препятствіе со стороны Бертрана; но серьезнаго сопротивленія не могло быть. Къ венгерскому королю присоединились знаменитый кондотьеръ Малатеста и мелкіе владѣтели средней Италіи, а на проклятіе папскаго легата онъ, разумѣется, не обратилъ никакого вниманія. Въ самомъ Неаполѣ Людовикъ имѣлъ союзника въ предводителѣ партіи недовольныхъ, графѣ ди Фонди. Іоанна, хотя и оградила себя съ одной стороны формальною уступкою острова Сициліи царствовавшему тамъ арагонскому дому, но за то своими легкомысленными поступками усилила неудовольствіе и волненіе въ странѣ. Не спрося согласія папы, она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, Людовика Тарентскаго, и этимъ такъ озлобила ближайшаго претендента на престолъ, принца Дураццо, мужа своей сестры Маріи, что онъ вступилъ въ сношенія съ венгерскимъ королемъ. При такомъ положеніи дѣлъ и доказанной вѣковымъ опытомъ неспособности неаполитанцевъ защищать отечество, исходъ борьбы не трудно было предвидѣть. Послѣ непродолжительнаго сраженія, Людовикъ былъ разбитъ при Капуѣ (январь 1348 г.), и это сраженіе рѣшило участь государства. Съ приближеніемъ венгерскаго войска всѣ принцы королевскаго дома покинули королеву, Неаполь выслалъ къ Людовику Венгерскому депутацію, привѣтствовавшую его законнымъ государемъ; Іоанна съ мужемъ должны были поспѣшно бѣжать. Принцъ тарентскій искалъ убѣжища въ Тосканѣ. Іоанна удалилась въ Провансъ, гдѣ была заключена въ темницу баронами, какъ убійца мужа, въ дѣйствительности же за то, что хотѣла продать эту провинцію французскимъ королямъ. Она отдѣлалась отъ бароновъ граматою, въ которой давала обѣщаніе никогда не продавать Прованса и ввѣрять мѣстную администрацію только туземцамъ. Потомъ она подкупила папу, продавъ ему за незначительную сумму (приблизительно за 360 тысячъ на наши деньги) городъ Авиньонъ съ графствомъ Венессенъ. Съ согласія императора Карла IV, папа присоединилъ эти владѣнія къ Провансу и Дофинэ, составлявшихъ часть бургундскаго королевства. Вслѣдъ затѣмъ Іоанна вмѣстѣ съ мужемъ, пріѣхавшимъ изъ Италіи, торжественно вступила въ Авиньонъ. Въ Авиньонѣ она потребовала отъ папы формальнаго суда надъ убійствомъ Андрея, разыграла трогательную комедію, произнесла защитительную рѣчь въ стилѣ Петрарки и была объявлена невинною.

Въ Неаполѣ скоро произошли новыя перемѣны. Одержавъ рѣшительную побѣду, Людовикъ Венгерскій пригласилъ на пиръ принцевъ королевскаго дома, и тутъ, въ своемъ присутствіи, велѣлъ умертвить принца Карла на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ задушенъ Андрей. Другіе принцы и сынъ Іоанны, вскорѣ умершій въ плѣну, были отправлены въ Венгрію. Отмстивъ такимъ образомъ за смерть брата, Людовикъ грозно вступилъ въ Неаполь и объявилъ себя владѣтелемъ всего государства. Но недостатокъ въ деньгахъ для платы наемникамъ и положеніе дѣлъ въ Венгріи скоро заставили его оставить Италію. Онъ вернулся въ іюнѣ 1348 г., назначивъ вездѣ нѣмецкихъ и венгерскихъ намѣстниковъ. Почувствовавъ наконецъ всю тягость чужеземнаго ига, неаполитанцы отправили въ Авиньонъ депутатовъ пригласить Іоанну въ Неаполь. Королева наняла войско и корабли, и Климентъ VI, незадолго передъ тѣмъ дѣлавшій венгерскому королю самые строгіе упреки за то, что онъ принялъ къ себѣ въ службу Вернера, не нашелъ ничего дурнаго, когда Іоанна и ея мужъ призвали тѣ же самыя шайки. Вступивъ въ Неаполь, Людовикъ Тарентскій былъ посвященъ въ рыцарское званіе Вернеромъ, котораго папа въ одномъ изъ своихъ писемъ называлъ хищнымъ звѣремъ. Уѣзжая, Людовикъ Венгерскій поручилъ защиту страны нѣмецкимъ наемникамъ подъ начальствомъ двухъ рыцарей фонъ Вольфарта, и такимъ образомъ нѣмцы дрались теперь и за и противъ Іоанны. Кромѣ нѣмцевъ за нее храбро сражались и провансальскіе рыцари, привлеченные перспективой добычи. Сами неаполитанцы приносили мало пользы, терпя пораженіе всякій разъ, когда являлись на поле битвы. Впрочемъ, весь вопросъ заключался въ томъ, у кого было больше денегъ, у Іоанны или у венгерскаго короля, потому что нѣмцы служили только тому, кто лучше платилъ. Вернеръ тотчасъ перешелъ на сторону венгровъ, когда Людовикъ отправилъ въ Неаполь изъ Трансильваніи Стефана съ

войскомъ и большими деньгами (1349 г.). Дикія шайки наемниковъ вели войну съ варварскимъ ожесточеніемъ. Цѣлые города, населенные и процвѣтавшіе, совершенно исчезли, чудная Терра ди Лаворо обратилась въ пустыню. Хищные предводители нѣмецкихъ войскъ выказывали каннибальское звѣрство, походя въ этомъ отношеніи на французскихъ генераловъ наполеоновскаго времени. Нѣмецъ, ставящій, подобно французамъ и англичанамъ, военную выправку и дикую храбрость выше всего остальнаго, найдетъ въ этой войнѣ довольно случаевъ, чтобы прославлять рыцарскія качества своихъ соотечественниковъ, заклеймившихъ себя убійствами, пожарами и клятвопреступленіемъ. Въ 1350 г. венгерскій король вторично явился съ войскомъ въ Италію, нанявъ корабли для переѣзда у ордена іоаннитовъ, обязаннаго ему уступкою одного далматскаго замка. Сопровождавшій Людвига пріоръ этого ордена прославился, подъ именемъ Фра Моріалиса, какъ въ этотъ походъ, предводительствуя провансальскими рыцарями, такъ и позднѣе, сдѣлавшись атаманомъ знаменитой шайки наемниковъ.

Прибывъ въ Италію, венгерскій король тотчасъ занялъ часть неаполитанскаго королевства. Впрочемъ, многіе укрѣпленные города долго и упорно защищались, а войско Людовика постоянно уменьшалось отъ болѣзней и лишеній. Положеніе Іоанны было также очень затруднительно. Она уже была въ дурныхъ отношеніяхъ и со вторымъ мужемъ, генуезцы измѣнили ей, а Райнальдъ де Бо, призванный ею съ небольшимъ флотомъ изъ Прованса, чтобы имѣть возможность въ случаѣ крайности перебраться въ Марсель, дѣйствовалъ не лучше другихъ наемниковъ. Онъ торговался то съ Іоанною, то съ венгерскимъ королемъ, бралъ въ Неаполѣ пошлины съ приходившихъ кораблей, похитилъ вдову принца Дураццо, сестру королевы, и насильно выдалъ ее за своего сына Карла. Личные переговоры съ Іоанною по поводу этого насилія кончились тѣмъ, что Людовикъ Тарентскій собственноручно убилъ Райнальда и заключилъ въ темницу его сына. Марія велѣла въ своемъ присутствіи умертвить мужа и выбросить трупъ его въ море. Но, не смотря на все это, венгерскій король скоро очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ бывали германскіе императоры, отправлявшіеся въ Италію. Сверхъ того дѣла въ Польшѣ, его будущемъ наслѣдіи, которому угрожали литовцы, требовали немедленнаго возвращенія Людовика въ Венгрію. При такихъ обстоятельствахъ онъ очень желалъ, чтобы посредничество папы, отвергнутое имъ сначала, дало ему возможность выпутаться безъ позора изъ неаполитанской войны. Это посредничество могло быть тѣмъ легче принято, что Людовикъ постоянно объявлялъ цѣлью своей войны месть за брата, а не покореніе Неаполя. Въ октябрѣ 1350 г. было заключено перемиріе на полгода. Папа долженъ былъ начать слѣдствіе надъ убійствомъ Андрея, подъ условіемъ, что если королева окажется виновною, то Неаполь останется за венгерскимъ королемъ; въ противномъ же случаѣ возвращается Іоаннѣ. Такимъ образомъ рѣшеніе судьбы Неаполя предоставлялось Клименту VI. Уѣзжая изъ Италіи, Людовикъ оставилъ въ занятыхъ имъ укрѣпленныхъ мѣстахъ неаполитанскаго государства венгерскія и нѣмецкія войска подъ начальствомъ фонъ Вольфарта и Фра Моріалиса.

Вскорѣ событія вновь приняли угрожающій для Іоанны оборотъ. Съ одной стороны, нарушеніе обязательствъ относительно Прованса произвело въ немъ волненія, съ другой папа, раскаиваясь передъ смертью въ несправедливомъ судѣ, рѣшился наконецъ основательно изслѣдовать убійство Андрея. Провансальцевъ она успокоила уступками, отъ процесса ее и себя спасли кардиналы, призвавъ на помощь дьявола. Они научили ее объявить, что она ненавидѣла мужа подъ вліяніемъ чародѣйства, и была особенно околдована въ ту ночь, когда совершилось убійство. Основываясь на этомъ оправданіи, судьи объявили ее невинною. Венгерскій король согласился съ рѣшеніемъ кардиналовъ, стараясь сохранить за собой хоть какія нибудь выгоды, и въ октябрѣ 1351 г. онъ заключилъ политическій договоръ съ папою, а черезъ семь мѣсяцевъ послѣдовалъ формальный миръ. По этому договору, онъ получилъ въ частное владѣніе городъ Салерно и замокъ Сантъ-Анджело, взамѣнъ королевства неаполитанскаго. Іоанна и ея мужъ были коронованы въ Неаполѣ папскимъ легатомъ, но отъ Людовика Тарентскаго Климентъ потребовалъ обязательства, что въ случаѣ бездѣтной смерти Іоанны корона перейдетъ къ наслѣдникамъ Маріи. Отъ Фра Моріалиса и нѣмецкихъ гарнизоновъ, находившихся въ нѣкоторыхъ городахъ и замкахъ, отдѣлались

деньгами. Людовикъ Тарентскій оставался на престолѣ до самой смерти (1362 г.), не смотря на то, что и послѣ всѣхъ этихъ происшествій въ Неаполѣ продолжалась вражда и волненія аристократовъ и принцевъ. Важнѣйшимъ событіемъ его царствованія было нападеніе на Сицилію, гдѣ по смерти короля Людовика (1355 г.) царствовалъ его братъ, Фридрихъ III. Воспользовавшись возстаніемъ мессинцевъ, неаполитанцы завладѣли частью острова, и Іоанна короновалась въ Мессинѣ. Но вскорѣ одно кровавое пораженіе разрушило всѣ ея надежды. Въ Провансѣ неаполитанскому престолу грозила опасность со стороны наемныхъ дружинъ, буйствовавшихъ въ южной Франціи и въ Италіи подъ предводительствомъ двухъ вождей, такъ называемаго короля кондотьеровъ, Сегена де Бардесоля, и Арнольда де Серволя, извѣстнаго подъ именемъ верженскаго протопопа. Шайки грабителей разбивали всѣ войска, высылаемыя противъ нихъ Людовикомъ Тарентскимъ. Даже папа долженъ былъ унижаться передъ ними. Онъ принялъ разбойника протопопа, угрожавшаго Авиньону, какъ принца крови, посадилъ его за одинъ столъ съ собой и кардиналами, отпустилъ ему всѣ грѣхи и откупился отъ него за сорокъ тысячъ.

Всѣми этими смутами воспользовался Климентъ, признанный верховнымъ леннымъ повелителемъ неаполитанскаго королевства. Въ Германіи побѣда также осталась за нимъ: преемникъ Людовика Баварскаго, Карлъ IV, былъ креатурою папы. Онъ утвердилъ, какъ король Арелата, покупку Авиньона и согласился на послѣдовавшее въ то время присоединеніе Дофинэ къ Франціи. Самъ Климентъ былъ рабомъ своей любовницы, виконтессы де Тюреннь, и дворъ главы церкви служилъ для всего духовенства образцомъ разврата и нарушенія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Петрарка и другіе набожные приверженцы римской церкви, свидѣтели о жизни папы, описываютъ авиньонскій дворъ и образъ жизни, развратъ и роскошь папы такими же красками, какими іудейскіе пророки описывали то, что дѣлалось въ Вавилонѣ. При Климентѣ VI допускались въ папскій дворецъ и женщины; Іоанна Неаполитанская и ея безнравственная свита одержали много побѣдъ надъ сладострастными кардиналами. Въ Авиньонѣ толпился весь праздный народъ, всѣ распутныя женщины южной Франціи; пышность и сладострастіе папскаго двора вошли въ поговорку. Въ то же время угасалъ блескъ древней столицы міра, и римляне съ двойнымъ вниманіемъ слушали краснорѣчивыя элегіи Петрарки и Ріенци о паденіи города, назначеннаго быть столицей духовнаго повелителя людей. Климентъ VI отнялъ у римлянъ даже часть выгодъ, получаемыхъ ими отъ спекуляціи, выдуманной Бонифаціемъ VIII. Бонифацій установилъ въ первый разъ такъ называемые юбилейные годы и объявилъ, что тотъ, кто въ теченіе 1300 года будетъ посѣщать римскія церкви, получитъ полное прощеніе грѣховъ. Тысячи вѣрующихъ стекались въ Римъ со всѣхъ концовъ Европы, оставляя въ немъ золото и серебро. Климентъ велѣлъ своимъ богословамъ доказать, на основаніи книгъ Моисея, что папа имѣетъ право назначать юбилейные годы черезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ, тогда какъ Бонифацій объявилъ, что они должны повторяться только черезъ сто лѣтъ. Въ 1350 г. Климентъ сталъ приглашать всѣхъ вѣрующихъ въ Римъ. Онъ разослалъ свои посланія по всему свѣту, отправилъ легатовъ ко всѣмъ князьямъ и привлекъ въ Римъ такое множество народу, что трудно повѣрить свидѣтельству лѣтописей о числѣ ежедневно прибывавшихъ богомольцевъ. Безъ сомнѣнія, свѣдѣнія, доводящія эту цифру до милліона, значительно преувеличены; все-таки несомнѣнно, что народу скопилось очень много. Дома обратились въ гостиницы, сотни людей были принуждены ночевать подъ открытымъ небомъ, ежедневно нѣсколько человѣкъ бывало задавлено тѣснотою и цѣнность жизненныхъ припасовъ возрастала съ каждымъ днемъ. Всего болѣе стекалось въ Римъ наивныхъ нѣмцевъ и дикихъ венгровъ. Итальянцы, находя уже въ то время смѣшною искреннюю набожность этихъ двухъ народовъ, говорятъ о ней въ своихъ хроникахъ съ замѣтною ироніею. Папа, представляемый кардиналомъ Ганнибаломъ ди Чеккано во время церемоніи отпущенія грѣховъ, обратилъ въ свою пользу большую часть приношеній вѣрующихъ, прежде достававшихся римлянамъ. Богомольцы посѣщали всѣ или по крайней мѣрѣ значительныя римскія церкви и въ каждой оставляли деньги. Эти пожертвованія были раздѣлены, по приказанію папы, на три части: одна оставлялась церквамъ, другая отсылалась въ Авиньонъ, а третья

назначалась на издержки войны, начатой Климентомъ въ Романьи. Тавія распоряженія далеко не могли внушить римлянамъ большаго уваженія къ легату, тѣмъ болѣе, что послѣдовавшая за изгнаніемъ Ріенци анархія не могла принести пользу папѣ. Легату не разъ приходилось испытывать республиканскую гордость римлянъ; въ него даже бросали каменьями. Жалуясь на эту гордость нищихъ, онъ съ наивностью говорилъ, что едва ли все это внушитъ святому отцу желаніе вернуться, что лучше быть послѣднимъ духовнымъ въ Авиньонѣ, чѣмъ первымъ прелатомъ въ Римѣ. Кончилось тѣмъ, что Ганнибала отравили.

По окончаніи юбилейнаго года, въ Римѣ и во всей церковной области снова водворилась полнѣйшая анархія. Въ городѣ дрались приверженцы Колонны и Орсини, въ окрестностяхъ мелкіе деспоты вели войну между собою и съ папскими солдатами. Они призвали на помощь Малатесту, Фра Моріалиса, страшнаго Вернера и другихъ кондотьеровъ съ ихъ шайками. Вернеръ завелъ себѣ въ то время знаменитый костюмъ, съ надписью: «Я герцогъ Вернеръ, предводитель великой дружины, врагъ Бога, состраданія и жалости.» Въ 1353 г., когда страшная дороговизна увеличила безпорядки въ Италіи, разнесся слухъ, что правящіе Римомъ сенаторы, Стефанелло Колонна и Бертольдъ Орсини, скупаютъ хлѣбъ. Народъ возсталъ, и цѣлые шесть мѣсяцевъ на загороженныхъ баррикадами улицахъ происходили ежедневныя кровопролитныя схватки. Но и тутъ, какъ всегда, народъ служилъ сначала только орудіемъ честолюбивой знати, пока наконецъ не понялъ этого и не сталъ дѣйствовать въ свою пользу. Демократія была возстановлена и трибуномъ избранъ Барончелли. Иннокентій VI, вступившій на папскій престолъ по смерти Климента (1352 г.), рѣшился во что бы то ни стало прекратить въ Римѣ анархію и господство рыцарства и отправилъ туда легата съ большими деньгами и съ необыкновеннымъ полномочіемъ въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Испанецъ по рожденію, легатъ Эгидій Альборносъ, еще до вступленія въ духовное званіе, долго и съ большою славою велъ борьбу съ сарацинами. Назначенный впослѣдствіи архіепископомъ толедскимъ и кардиналомъ, онъ продолжалъ съ такимъ же счастьемъ преслѣдовать невѣрныхъ, и кастильскій король потерялъ въ немъ лучшаго воина. Собравъ войско и получивъ поддержку отъ тосканскаго союза, Альборносъ началъ войну съ римскими тиранами, прогналъ Малатесту и заставилъ римлянъ уничтожить у себя демократію и снова подчиниться папѣ. Но все это не могло возстановить въ Римѣ значенія Иннокентія. Тогда Альборносъ рѣшился употребить противъ римской знати Ріенци, вызваннаго папою въ Авиньонъ и снова посланнаго въ Италію. Ріенци былъ сдѣланъ сенаторомъ, собралъ шайку и вступилъ въ Римъ при восторженныхъ крикахъ черни, истиннымъ представителемъ которой онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Авиньонѣ и Прагѣ Ріенци привыкъ къ роскоши, разжирѣлъ, разцвѣлъ какъ роза, по выраженію своего біографа, и вмѣстѣ съ званіемъ сенатора усвоилъ себѣ всѣ сенаторскія замашки. Въ новой роли онъ опирался уже не на расположеніе народа, а, подобно всѣмъ итальянскимъ тиранамъ, на наемную силу. Но бывшій трибунъ, воспитанный владѣть перомъ, а не мечомъ, не могъ подобно другимъ лихимъ рыцарямъ внушить почтеніе и уваженіе своимъ драбантамъ. Наемники содержались на счетъ римлянъ, и человѣкъ народа, призванный защищать его, долженъ былъ притѣснять народъ, чтобы сохранить за собой власть. За то въ новой роли Ріенци не продержался и года (1354 г.). Съ самаго начала онъ потерпѣлъ неудачу при нападеніи на Стефанелло Колонну, укрѣпившагося въ Палестринѣ и съ презрѣніемъ смотрѣвшаго на новаго сенатора. Въ борьбѣ съ храбрымъ врагомъ Ріенци возбуждалъ энергію своихъ наемниковъ хвастливыми декламаціями, а не примѣромъ, и потому черезъ недѣлю долженъ былъ со стыдомъ снять осаду и отступить отъ стѣнъ Палестрины. По возвращеніи въ Римъ затруднительныя денежныя обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ мѣрѣ, пріобрѣвшей ему ненависть и мщеніе самыхъ страшныхъ людей. Грозный Фра Моріалисъ явился въ Римъ, гдѣ находились двое братій ордена іоаннитовъ, обвинилъ трибуна въ томъ, что онъ отнялъ у нихъ и у него много денегъ, и грозилъ раздѣлаться съ нимъ по своему. Подъ предлогомъ покушенія на жизнь Ріенци, пріоръ былъ схваченъ, брошенъ въ темницу и, послѣ жестокихъ пытокъ, казненъ. Фра Моріалисъ, конечно, заслужилъ такое наказаніе за всѣ свои зло-

дѣйства, но оно постигло его за преступленіе, о которомъ онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не помышлялъ. Ріенци овладѣлъ его сокровищами и употребилъ ихъ на образованіе постояннаго войска. Вслѣдъ затѣмъ онъ предпринялъ новый походъ противъ Палестрины, кончившійся такъ же неудачно, какъ и первый. Не зная, что дѣлать, что предпринять, Ріенци велъ самую жалкую жизнь. По словамъ одного изъ его біографовъ, онъ только и заботился о прокормленіи своихъ солдатъ, и для этого долженъ былъ обременять налогами предметы первой необходимости. При такомъ положеніи не было недостатка въ заговорахъ, вызывавшихъ тюремныя, заключенія казни и другія подобныя мѣры, къ какимъ прибѣгали самовластные деспоты. Наконецъ, онъ палъ жертвою своего безсилія и неспособности. Ріенци хотѣлъ удалить изъ Рима нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, возбуждавшихъ его недовѣріе. Тѣ взбунтовали народъ, и въ одно утро трибунъ былъ внезапно разбуженъ шумомъ толпы. Народъ окружилъ его дворецъ, при крикахъ: «Да здравствуетъ свобода! Смерть измѣннику!» крикахъ, раздававшихся въ то время во всѣхъ итальянскихъ городахъ, при всякой революціи. Ріенци старался своимъ краснорѣчіемъ, своимъ площаднымъ остроуміемъ унять волновавшуюся толпу, но все было напрасно; его не хотѣли слушать. Не будучи въ состояніи проникнуть въ укрѣпленный дворецъ, народъ зажегъ его со всѣхъ сторонъ. Ріенци хотѣлъ бѣжать переодѣтымъ, но былъ узнанъ и палъ подъ ударами кинжаловъ (8 сентября 1354 г.). Когда безтолковому трибуну не удалось ничего сдѣлать въ Римѣ для папы, Иннокентій и Петрарка стали дѣйствовать чрезъ императора Карла IV, креатуру одного и друга другаго. Но предпріятія Карла въ Италіи находятся въ тѣсной связи съ исторіей Германіи, и потому мы будемъ говорить о нихъ впослѣдствіи. Теперь разскажемъ, какимъ образомъ фамилія Висконти упрочила свою монархическую власть въ Миланѣ.

Упроченію своего владычества надъ Миланомъ фамилія Висконти обязана преимущественно Аццо, утвердившему могущество своего дома деньгами, оружіемъ и хитростью или, какъ говорятъ, его соотечественники, удачною и дальновидною политикою (стр. 282). Власть его распространилась и на Ломбардію и даже по ту сторону Аппенинъ, до самой Тосканы. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что онъ былъ чуждъ хищничества и жестокости, свойственныхъ итальянскимъ и древнегреческимъ деспотамъ, хотя и принималъ участіе въ убійствѣ своего дяди Марка. Ему наслѣдовали (1339 г.) двое его дядей: Луккино и Іоаннъ. Іоаннъ, будучи епископомъ новарскимъ, получилъ еще въ 1342 г. миланскую епархію, но раздѣлялъ съ братомъ свѣтскую власть только по имени. Не многіе изъ деспотовъ превзошли Луккино жестокостями, подлостью, низостью, дикимъ распутствомъ и утонченнымъ варварствомъ. И, не смотря на все это, онъ, подобно тиранамъ древней Греціи и пашѣ Мегемету-Али Египетскому, нашелъ себѣ краснорѣчивыхъ апологистовъ, пользующихся громкою извѣстностью въ наукѣ, поэзіи и ораторскомъ искусствѣ. Луккино, какъ Фаларидъ (Фаларисъ) и оба Діонисія (т. I. стр. 125, и стр. 381), занимался философіею, поэзіею, искусствами и щедро дарилъ поборниковъ возрождавшейся въ то время въ Италіи древности. Сравнивъ факты изъ жизни этого тирана съ софистическими разсужденіями льстецовъ, прославляющихъ въ немъ великодушнаго покровителя наукъ и дѣятельнаго, осторожнаго правителя, подпавшись, вмѣстѣ съ Руссо, ученымъ и ихъ премудрости. Луккино обладалъ всѣми способностями хитраго государственнаго человѣка и геніальнаго, философски образованнаго правителя, не останавливавшагося ни передъ какими нравственными законами и общественными условіями. Его ужасная строгость и восточное правосудіе обезпечили безопасность дорогъ и сообщеній, обуздали самоуправство и разбои рыцарей, оградили матеріальное благосостояніе подданныхъ,—все это было, конечно, въ то время рѣдкостью въ Европѣ. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить этого прославленнаго политика и его управленіе, достаточно только припомнить его поступки съ Франческо ди Постерла и съ родными племянниками, или указать хоть на то, что онъ, подобно Фалариду и Діонисію Старшему, окружалъ себя стражею въ своемъ кабинетѣ и всегда ходилъ въ сопровожденіи двухъ собакъ, разрывавшихъ на части тѣхъ, кто ему не нравился. Франческо ди Постерла, совершившій правда не мало убійствъ и преступленій, былъ женатъ на женщинѣ, славившейся красотою. Луккино потребовалъ у нея удовлетворенія своей чувственности, отъ которой не была ограждена

ни одна женщина въ Миланѣ, и, получивъ отказъ, употребилъ противъ нея дикое насиліе. Рѣшившись отмстить за жену, Франческо составилъ заговоръ, но, выданный измѣнникомъ, бѣжалъ въ Авиньонъ. За нимъ были отправлены шпіоны и убійцы, и, чтобы заманить его въ Италію, Луккино посылалъ къ нему подложныя письма отъ имени делла Скалы, владѣтеля Вероны, уговоривъ въ то же время пизанское правительство обѣщать Франческо безопасное убѣжище въ Пизѣ. Франческо дался въ обманъ, но лишь только пріѣхалъ въ Пизу, какъ былъ выданъ грязными торгашами, заключившими съ Луккино выгодный договоръ. Франческо и всѣ его родственники были казнены. Еще возмутительнѣе поступилъ тиранъ съ сыновьями своего брата Стефана, не участвовавшими ни въ какихъ заговорахъ. Опасаясь найти въ племянникахъ соперниковъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдіи Миланомъ, Луккино преслѣдовалъ ихъ съ страшною жестокостью. Климентъ VI помогалъ ему въ этомъ, изъ мести къ Стефану, бывшему другомъ Людовика Баварскаго. Одного изъ нихъ, Матвѣя, женатаго на дочери Филиппа Гонзага, Луккино не смѣлъ трогать, опасаясь его тестя. Но Варнава и Галеаццо II должны были бѣжать изъ Италіи и скрываться подъ другими именами; бѣдность и страхъ быть открытыми заставили ихъ жить вдали другъ отъ друга, въ страшной нищетѣ. Изъ ненависти къ ихъ отцу, папа отлучилъ обоихъ братьевъ отъ церкви, объявивъ, что если они вступятъ въ бракъ, то онъ не признаетъ ихъ дѣйствительными, и заранѣе отказалъ имъ въ погребеніи.

Въ 1349 г. умеръ Луккино, по всѣмъ вѣроятностямъ, отравленный женою. Оскорбивъ его своимъ распутствомъ во время поѣздки въ Венецію, она поспѣшила предупредить его месть. Луккино наслѣдовалъ его братъ, Іоаннъ Висконти, управлявшій до тѣхъ поръ одними духовными дѣлами. Іоаннъ сталъ преслѣдовать дѣтей Луккино, изъ которыхъ впрочемъ только двухлѣтній сынъ былъ законнорожденнымъ, и напротивъ покровительствовалъ сыновьямъ Стефана, обращаясь съ ними какъ съ наслѣдниками фамиліи Висконти. Варнава былъ женатъ на дочери Мастина делла Скалы, а Галеаццо на знаменитой красавицѣ Бланкѣ, дочери графа савойскаго. Луккино расширилъ владѣнія дома Висконти, и его преемнику досталась въ наслѣдство богатѣйшая и лучшая изъ европейскихъ странъ. Онъ владычествовалъ отъ Верчелли, Альбы и Алессандріи до Пармы и Брешіи, а черезъ годъ по смерти брата пріобрѣлъ Болонью, и такимъ образомъ соединилъ подъ своимъ скипетромъ европейскіе города, бывшіе въ то время центромъ науки, искусства, просвѣщенія и торговли. Въ Болоньи, по изгнаніи кардинала Бертрана ди Поджетто (стр. 248), власть перешла къ фамиліи Пеполи; неудачныя войны и нужда въ деньгахъ заставили ее въ 1350 г. тайно продать городъ Іоанну Висконти. Узнавъ объ этомъ, болонцы подняли крикъ; но Пеполи, пользовавшіеся вліяніемъ въ городѣ, настояли на томъ, что правителемъ Болоньи былъ избранъ Іоаннъ. Висконти передалъ управленіе одному изъ дальнихъ родственниковъ своего дома, Джіованни д'Оледжіо, явившемуся въ Болонью съ значительнымъ войскомъ. Папа, разбѣшенный такимъ произвольнымъ распоряженіемъ относительно собственности церкви, скоро успокоился. Іоаннъ былъ очень богатъ и хорошо зналъ продажность авиньонскаго двора, а папа нуждался въ то время въ деньгахъ, отправивъ не задолго передъ тѣмъ Альборноса въ Италію. Подкупивъ дворъ и выдавъ папѣ 200 тысячъ золотыхъ флориновъ, Іоаннъ получилъ отъ него грамату на владѣніе Болоньей.

По соглашеніи съ папою содержаніе наемниковъ въ Романьи сдѣлалось лишнимъ, и потому Висконти отправилъ ихъ въ Тоскану, для новыхъ завоеваній. Тоскана была единственною итальянскою страною, гдѣ еще господствовали гвельфы. Флоренція,—что бы ни говорилъ Данте,—была обязана гвельфамъ своимъ могуществомъ и величіемъ. Испуганные движеніемъ наемниковъ Висконти, флорентинцы обратились за помощью къ императору и предлагали ему огромныя суммы, убѣждая предпринять римскій походъ; ихъ просьбу поддерживалъ Петрарка своими риторико-поэтическими письмами. Такой шагъ со стороны флорентинцевъ, заклятыхъ враговъ имперіи, объясняется дружбою ихъ соотечественника Петрарки съ тогдашнимъ императоромъ Карломъ IV, рабомъ папы. Карлъ IV не походилъ на идеалъ Данте, Кана делла Скала, пренебрегавшаго богатствомъ и золотомъ для истины и добродѣтели (стр. 167), а напротивъ, былъ готовъ промѣнять и свою честь и права имперіи на богатство и золото. Союзъ флорентинцевъ съ импе-

раторомъ и ничтожный результатъ разорительной войны заставили Джіованни д'Оледжіо заключить въ началѣ 1353 г. миръ съ тосканскими республиками. Вскорѣ ему и Висконти представился лучшій случай употребить въ дѣло наемниковъ. Обстоятельства давали надежду присоединить и Геную къ владѣтелямъ изъ фамиліи Висконти.

Съ тѣхъ поръ, какъ флорентинцы затмили блескъ Пизы, Генуя оставалась единственнымъ городомъ, который могъ оспаривать у Венеціи морское и торговое значеніе. Генуя имѣла большія корабельныя верфи и снабжала оснащенными судами Францію, нерѣдко даже Англію, Неаполь и другія государства; генуэзскіе стрѣлки славились въ Европѣ; ей принадлежали Корсика, часть острова Сардиніи, цвѣтущія колоніи и факторіи на Черномъ и Средиземномъ моряхъ. Но могущественная республика уже нѣсколько лѣтъ вела разорительную морскую войну. Ея соперники, венеціанцы, вступивъ въ союзъ съ греками и каталонцами, страшными на всемъ Средиземномъ морѣ (стр. 261), угрожали торговлѣ и колоніямъ Генуи. Огромное число людей и кораблей и громадныя суммы, употреблявшіяся ежегодно генуезскою республикою для поддержанія своего морскаго значенія, возбуждаютъ невольное удивленіе. Одержавъ блистательную побѣду близъ береговъ Греціи, генуэзцы рѣшились перенести борьбу въ самыя лагуны Венеціи. Венеціанцы соединились тогда съ королемъ арагонскимъ, Петромъ IV, разсчитывавшимъ отнять у генуэзцевъ Сардинію; ихъ флотъ, подъ предводительствомъ Николо Пизани, появился у сардинскихъ береговъ, чтобы вмѣстѣ съ арагонскимъ флотомъ аттаковать генуэзцевъ. Генуэзцы выставили противъ нихъ шестьдесятъ большихъ военныхъ судовъ и призвали къ оружію всю молодежь и цвѣтъ дворянства своей республики. Но непріятельскій флотъ былъ вдвое сильнѣе, а генуэзскій адмиралъ, по недостатку мужества или по неспособности, не исполнилъ своего долга. Въ самомъ началѣ сраженія (августъ 1353 г.) онъ обратился въ бѣгство съ девятнадцатью кораблями, и генуэзцы потерпѣли рѣшительное пораженіе. Венеціанцы захватили тридцать кораблей и нѣсколько тысячъ гражданъ; остальныя суда были потоплены. Ударъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что въ то же время возникли въ Генуѣ внутреннія волненія. Вслѣдъ затѣмъ городъ подчинился владѣтелю Милана, Іоанну Висконти. Мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, какъ произошелъ этотъ переворотъ, потому что сохранившіяся до насъ свѣдѣнія объясняютъ его различно. Всѣ согласны только въ томъ, что генуэзскіе гибеллины первые рѣшились призвать изъ Милана Висконти и что содѣйствовавшіе этому генуэзскіе аристократы были имъ подкуплены. Впрочемъ, Генуя подчинилась архіепископу и владѣтелю Милана на извѣстныхъ условіяхъ. Миланскій гарнизонъ спасъ Геную отъ внѣшняго врага и отъ внутреннихъ безпорядковъ, а Іоаннъ Висконти далъ городу взаймы большую сумму денегъ и продовольствовалъ его съ сухаго пути, такъ какъ подвозъ съ моря былъ отрѣзанъ. Постоянное расширеніе владѣній дома Висконти и соединеніе его наемниковъ съ морскими силами генуэзцевъ заставили венеціанцевъ стараться объ организованіи союза всѣхъ верхне-итальянскихъ князей противъ Милана. Въ іюнѣ 1354 г., по заключеніи союза, начались непріязненныя дѣйствія. Но въ октябрѣ того же года умеръ Іоаннъ Висконти, и его смерть внезапно измѣнила положеніе дѣлъ.

8. Умственное развитіе и литература конца среднихъ вѣковъ; начало новой образованности.

1. Послѣднія попытки средневѣковой культуры на старомъ пути.

А. ИСТОРІОГРАФІЯ НА СѢВЕРѢ ОТЪ АЛЬПОВЪ.

Мы нарочно не распространялись до сихъ поръ о состояніи итальянской образованности въ средніе вѣка, имѣя въ виду показать въ настоящемъ отдѣлѣ, какимъ образомъ Италія, прежде всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, про-

ложила путь къ новой цивилизаціи. Изъ остатковъ древне-римской культуры, христіанства и востока, изъ церковнаго культа и поэзіи германскихъ, кельтійскихъ, скандинавскихъ и арабскихъ племенъ образовалось нѣчто цѣлое, окончательно завершенное въ XV столѣтіи. Поэтому мы должны указать теперь на возникновеніе этой новой образованности. Но, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію вліянія крестовыхъ походовъ, сношеній съ Константинополемъ и съ цѣлымъ востокомъ и изученія древности въ Италіи, необходимо сказать о томъ, что было сдѣлано европейскими народами, безъ итальянской помощи, въ столѣтіе, разсматриваемое нами въ этомъ томѣ.

Въ предъидущей книгѣ мы говорили, что въ XIII столѣтіи рыцарская поэзія, достигнувъ въ Германіи своего высшаго развитія, перешла въ пѣсни мейстерзенгеровъ. Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, слѣдя только за прогрессомъ культуры. Такимъ образомъ развитіе поэзіи остановилось, потому что то, что не подвигается впередъ, необходимо идетъ назадъ. Средневѣковая исторія и философія сдѣлали однако еще нѣкоторые успѣхи, хотя философія постоянно сохраняла свой схоластическій характеръ. Въ XIV столѣтіи только въ Германіи, да развѣ въ Англіи, исторія еще облекалась въ латинскую одежду; въ другихъ странахъ она уже излагалась на народномъ языкѣ и потому сдѣлалась національной. Попытки писать на народномъ языкѣ были дѣланы и въ Германіи, но онѣ могутъ интересовать однихъ ученыхъ.

Мы не рѣшаемся говорить нашимъ читателямъ о безчисленныхъ хроникахъ и компиляціяхъ на латинскомъ языкѣ, изъ которыхъ составляется исторія Германіи съ половины XIII столѣтія. Впрочемъ, не трудно доказать, что всѣ монахи и юристы, писавшіе жалкія нѣмецкія лѣтописи, не имѣли ни малѣйшаго понятія о настоящемъ значеніи и цѣли исторіи, какъ образовательной науки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить то, что говорятъ нѣмцы объ императорахъ Генрихѣ VII, Людовикѣ Баварскомъ и Карлѣ IV, съ тѣмъ, что пишутъ о нихъ же итальянцы.

Со времени глубокаго философа и талантливаго историка (стр. 148), Оттона фонъ Фрейзингена, мы не находимъ въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ никакого основнаго характера; событія являются голыми фактами, безъ всякой внутренней связи. Въ свѣдѣніяхъ, замѣткахъ, документахъ недостатка нѣтъ, но въ нихъ замѣчается полное отсутствіе яснаго, критическаго взгляда. Это замѣчаніе относится не только къ латинскимъ хроникамъ, но и къ единственнымъ двумъ книгамъ, писаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ; о нихъ нельзя умолчать, говоря объ исторіи Германіи. Обѣ эти книги появились въ концѣ XIV столѣтія; на нихъ часто ссылаются, хотя никто почти ихъ не читаетъ. Одна изъ нихъ имѣетъ неоспоримое достоинство для изслѣдователей исторіи германскихъ городовъ, ихъ устройства и междоусобій, и для любителей свѣдѣній и замѣтокъ по части исторій провинцій и біографій. Но для того, кто ищетъ въ исторіи людей, а не колбасниковъ, не буржуазію, эта книга не удовлетворительна. Мы говоримъ о страсбургской и эльзасской хроникѣ Якова Твингера фонъ Кёнигсгофена и объ исторіи императора Сигизмунда, написанной въ XV столѣтіи рыцаремъ Эбергардомъ фонъ Виндекомъ. Обѣ книги такъ же важны для изслѣдователя нѣмецкаго языка и исторіи, какъ какая нибудь лимбургская и бернская хроники того времени. Но для народнаго образованія онѣ лишены всякаго значенія, не представляя ни философскихъ, ни поэтическихъ красотъ. Составители ихъ имѣли въ виду: одинъ—только мѣщанскіе, а другой—исключительно рыцарскіе интересы своего вѣка и личностей, около которыхъ онъ вертѣлся.

Въ Испаніи, уже съ XIII столѣтія, возникаетъ стремленіе возвратить исторіи ея древній характеръ и вырвать ее изъ рукъ монаховъ. Король Альфонсъ X, прозванный современниками мудрымъ, но котораго мы скорѣе назовемъ ученымъ, хотѣлъ сдѣлаться творцомъ новой исторіи, какъ онъ безспорно былъ творцомъ новой астрономіи и первымъ изъ новѣйшихъ правителей, давшимъ своей странѣ національное уложеніе. Альфонсъ задумалъ составить подъ своимъ руководствомъ всемірную исторію и исторію Кастиліи, предполагая самъ работать надъ ними вмѣстѣ съ находившимися у него на жалованьѣ учеными, такъ же какъ онъ работалъ надъ знаменитыми астрономическими таблицами. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о томъ (т. II стр. 362), съ какими неслыханными на западѣ издержками и стараніями

онъ собралъ около себя ученыхъ, преимущественно мавровъ и евреевъ, содержалъ и награждалъ ихъ и снабжалъ всѣми пособіями, для составленія астрономическихъ таблицъ, носящихъ его имя. Безъ этихъ таблицъ Тихо-де-Браге, Коперникъ, Кеплеръ и Галилей не могли бы положить основанія новѣйшей астрономіи. Собраніе испанскихъ лѣтописей и составленіе всемірной исторіи, носящихъ также имя Альфонса, стоили не меньшихъ трудовъ и денегъ. Коммисія ученыхъ занималась подъ руководствомъ короля разборомъ, приведеніемъ въ порядокъ, провѣркою и сличеніемъ всѣхъ собранныхъ матеріаловъ, отбирая самые важные и достовѣрные изъ нихъ. Альфонсъ самъ написалъ предисловіе къ лѣтописи, носящей его имя, хотя положительно извѣстно, что оба произведенія принадлежатъ не ему, а его исторіографамъ. Но результатъ этихъ историческихъ трудовъ, какъ бываетъ при всякомъ трудѣ, не проникнутомъ живою мыслью, нисколько не соотвѣтствовалъ огромнымъ издержкамъ и шуму, поднятомъ панегиристами короля. Мы произносимъ надъ ними такой приговоръ не потому, что трудъ не конченъ,—объ этомъ никакъ нельзя жалѣть по дошедшимъ до насъ образчикамъ,— но потому, что выбранные для него ученые были далеко не такъ свѣдущи, какъ астрономы, составлявшіе таблицы. Какъ-бы то ни было, но Альфонсъ далъ испанской исторіографіи древнеклассическое направленіе, принесшее въ Испаніи, какъ и въ Италіи, обильные плоды. Испанскія лѣтописи Альфонса были изданы впослѣдствіи великимъ лѣтописцемъ Арагоніи, Суритою, котораго мы причисляемъ къ лучшимъ историкамъ новѣйшаго времени; Флоріанъ д'Окампо вторично издалъ ихъ, какъ важнѣйшій памятникъ отечественной исторіи. О всеобщей исторіи, носящей имя Альфонса, и объ его исторіи похода западныхъ христіанъ въ Палестину, можно совершенно умолчать въ нашихъ очеркахъ умственной жизни человѣчества. Плодомъ математическихъ и астрономическихъ трудовъ кастильскаго короля были знаменитыя морскія предпріятія и открытія, сдѣланныя испанцами и португальцами въ XV столѣтіи; результатомъ его историческихъ работъ были классическія, историческія произведенія XIV и XV столѣтій, писанныя на народномъ языкѣ.

Говоря объ испанской исторіографіи конца среднихъ вѣковъ, мы также не намѣрены слѣдить за нею шагъ за шагомъ. Укажемъ только, какимъ образомъ попытка подражать исторической манерѣ древнихъ грековъ и римлянъ, неудавшаяся въ началѣ, была впослѣдствіи достигнута съ полнымъ успѣхомъ. Мы избираемъ для этого двухъ писателей, одного изъ начала, другаго изъ конца XV столѣтія, а потомъ сдѣлаемъ замѣтку объ одномъ историкѣ XVI столѣтія. Намъ кажется, что великій канцлеръ Кастиліи, Педро Лопесъ-де-Айала, познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ историческимъ способомъ изложенія древнихъ переводомъ на испанскій языкъ Ливія, потому что созналъ необходимость придать исторіи практическое значеніе и болѣе сильное дѣйствіе на пламенные умы испанцевъ. Здѣсь не мѣсто дѣлать разборъ этого перевода; но оригинальные труды переводчика, драгоцѣнные какъ историческіе источники, доказываютъ, что ему не удалось подражать Ливію. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, — исторіи Петра Жестокаго, Генриха II, Іоанны I и Генриха III, — замѣтно неудавшееся стремленіе, быть историкомъ-философомъ или, по крайней мѣрѣ, изящнымъ народнымъ историкомъ. Чего не удалось Лопесу, того достигъ Фернандо дель-Пульгаръ, писавшій въ концѣ XV столѣтія. Его мы ставимъ гораздо выше Гвиччардини. Конечно, событія и блестящіе подвиги испанцевъ временъ Фердинанда и Изабеллы были способны воодушевить и образовать національнаго историка, но и самая задача оказалась по силамъ Пульгара. Его исторія признана классическою и до сихъ поръ обращается въ народѣ, чего нельзя сказать ни объ одной исторіи Германіи. Кромѣ достоинствъ изложенія, живаго изображенія событій и фактовъ, за Фернандомъ дель-Пульгаромъ всѣ признаютъ неподкупную искренность и правдивость. До сихъ поръ еще въ Испаніи являются новыя изданія его книгъ, и память объ этомъ историкѣ свѣжа у испанцевъ, называющихъ его своимъ Ливіемъ. По слѣдамъ Пульгара пошелъ впослѣдствіи Діего Гуртадо де Мендоса, названный, за свой сжатый слогъ и дидактическій способъ изложенія, испанскимъ Саллюстіемъ (стр. 75). Онъ описалъ войну Филиппа II въ Гранадѣ, и сочиненіе его до сихъ поръ сильно читается. Въ новѣйшее время оно переведено въ Германіи, какъ образцовое произведеніе испанской

литературы. Впрочемъ Гуртадо де Мендоса, жившій цѣлымъ столѣтіемъ позже, принадлежитъ другой эпохѣ.

Въ XIV столѣтіи исторікомъ Англіи и Франціи, гдѣ при дворѣ, въ судахъ и въ дворянскомъ кругу употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, былъ Фруассаръ. Его оригинальная манера писать ближе подходитъ къ повѣствовательной рыцарской поэзіи, чѣмъ къ историческому изложенію древнихъ. Книга Фруассара сдѣлалась настольною книгою французовъ, и потому національная исторія Франціи образовалась не по классическимъ образцамъ. Французскую исторію послѣдующаго времени должно искать у писателей, слѣдовавшихъ по пути, проложенному Вилльгардуэномъ и Жуанвиллемъ (стр. 149). Хроника Фруассара (Histoire et Chronique de Messiere Jean Froissart) заключаетъ всѣ современныя автору событія въ Англіи, Франціи, Бельгіи и Кастиліи. Она начинается 1326 г. и кончается 1400 г., годомъ смерти Фруассара. Оригинальность и наивность изложенія, повсюду сквозящій духъ позднѣйшаго рыцарства и личныя свойства автора рыцарскихъ романовъ, всего болѣе читавшихся въ то время, дѣлаютъ книгу Фруассара главнымъ историческимъ памятникомъ XVI столѣтія, по сю сторону Альповъ. Языкъ его, также совершенно оригинальный, не такъ устарѣлъ, какъ языкъ Жуанвилля, непонятный безъ перевода, но все-таки менѣе доступенъ, чѣмъ языкъ писателей XVI столѣтія. Относительно способна изложенія Фруассаръ придерживается середины между критическимъ историкомъ и занимательнымъ разсказчикомъ въ кругу рыцарей и дамъ. Дитя своего вѣка, онъ даетъ возможность скорѣе по себѣ самому составить понятіе объ этомъ времени, чѣмъ по тому, что онъ говоритъ; короче, ему нельзя ни вѣрить безусловно, ни смотрѣть на вещи его глазами. Чтобы вѣрно понять Фруассара, необходимо прослѣдить самую жизнь его; онъ поэтически слился съ описываемыми имъ событіями и похожденіями, и вмѣстѣ того, чтобы оцѣнивать ихъ холоднымъ разсудкомъ, всюду высказываетъ свои личныя ощущенія. Каноникъ и казначей церкви въ Шимэ, Фруассаръ любилъ въ то же время веселое общество, гдѣ онъ много пилъ и мастерски разсказывалъ. Въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ онъ бывалъ, говорили о современныхъ событіяхъ, пѣли рыцарскіе романсы, читали рыцарскіе романы и вовсе не заботились о библіи и церкви. Уже на 19 году Фруассаръ такъ отличался своимъ повѣствовательнымъ талантомъ, что графъ намюрскій поручилъ ему собрать матеріалы для современной исторіи, начиная съ битвы при Пуатье или Мопертюи (1356 г.), составить изъ нихъ романтическій разсказъ. Фруассаръ исполнилъ это и поднесъ книгу англійской королевѣ, урожденной француженкѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, книга доставила бы ей удовольствіе, потому что въ Англіи, какъ и въ Бельгіи, французскій языкъ былъ придворнымъ и оффиціальнымъ языкомъ. Фруассаръ былъ знатокомъ безчисленныхъ рыцарскихъ романовъ, въ духѣ которыхъ написалъ свою исторію, и, кромѣ того, сочинялъ рыцарскія пѣсни. Все это доставило ему мѣсто частнаго секретаря англійской королевы. Съ тѣхъ поръ Фруассаръ былъ посвященъ во всѣ тайны написанной имъ исторіи, сталъ прилежно собирать свѣдѣнія и разспрашивать всякаго о событіяхъ и обстоятельствахъ, которыя намѣревался описать. Занимаясь современною исторіей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разыгрывалъ роль придворнаго поэта, и чтобы вѣрнѣе обозначать мѣстности и получать свѣдѣнія отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ, ѣздилъ въ тѣ мѣста и къ тѣмъ лицамъ, которыя встрѣчаются въ его исторіи. При дворахъ и въ рыцарскихъ домахъ его принимали радушно, находя въ немъ веселаго монаха, искуснаго разсказчика, завлекательнаго пѣвца и здороваго питуха. Въ 1367 и 1368 г. Фруассаръ объѣхалъ итальянскіе дворы и долго пробылъ въ Савоіи и Миланѣ. По смерти англійской королевы, онъ вернулся въ Шимэ, но, наскучивъ церковными занятіями, скоро уѣхалъ оттуда къ Венцеславу Люксембургскому. Венцеславъ былъ также миннестрелемъ; Фруассаръ составилъ изъ его пѣсенъ романъ «Меліадоръ, или Рыцарь Солнца». Любитель приключеній, онъ не усидѣлъ и въ Люксембургѣ и отправился въ южную Францію, сначала въ Блуа и Берри, а потомъ въ Фуа и далѣе. Тутъ, говоритъ Фруассаръ, онъ встрѣтилъ рыцаря, сообщившаго ему важныя свѣдѣнія. Этотъ рыцарь участвовалъ во всѣхъ войнахъ, происходившихъ на югѣ Франціи, и указалъ лѣтописцу всѣ мѣстности, города и замки, замѣчательные по какимъ нибудь историческимъ воспоминаніямъ. Все это придаетъ его разсказамъ форму и характеръ рыцарскихъ романовъ, гдѣ страш-

ныя свалёи и чудесныя приключенія вызываютъ громкіе возгласы слушателей, роль которыхъ большею частью исполняетъ самъ Фруассаръ. Подобные возгласы и выраженія удивленія встрѣчаются особенно часто въ первыхъ главахъ третьей книги, гдѣ Фруассаръ буквально приводитъ разсказы упомянутаго рыцаря. Онъ говоритъ, что каждый разъ, какъ ему случалось ночевать съ этимъ рыцаремъ, онъ записывалъ все, что тотъ ему разсказывалъ. Находясь въ Ортезѣ у графа Фуа, Фруассаръ читалъ и комментировалъ по вечерамъ отрывки изъ Меліадора. Своими объясненіями онъ посвящалъ въ тайны рыцарской поэзіи графа Фуа, разсказывавшаго ему въ свою очередь о войнахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Герцогъ Ланкастерскій, находившійся въ то время по близости Ортеза, сообщалъ Фруассару свѣдѣнія о войнахъ англійскаго рыцарства; Бастоде Мобіонъ, отличавшійся въ испанскимъ войнахъ, описалъ ему войны Іоанна Кастильскаго и Діонисія Португальскаго.

Фруассаръ придавалъ большое значеніе тому, что всѣ его разсказы почерпнуты изъ словъ самихъ дѣйствовавшихъ лицъ, хвалился тѣмъ, что собраніе матеріаловъ стоило ему большихъ денегъ, и выражалъ надежду, что все это доставитъ ему славу въ потомствѣ (aussi ai-je fait mainte histoire, il sera parlé dans la postérité). Человѣкъ въ высшей степени подвижной, онъ вѣчно находился въ разъѣздахъ, отправляясь всюду, гдѣ только надѣялся встрѣтить кого-нибудь изъ лицъ, дѣйствующихъ въ его исторіи. Такъ, напримѣръ, находясь однажды внутри Франціи и узнавъ, что въ Нидерланды пріѣхалъ рыцарь, отъ котораго можно получить подробныя свѣдѣнія о португальской войнѣ, Фруассаръ немедленно ѣдетъ въ Миддельбургъ и шесть дней слушаетъ разсказчика. По заключеніи мира между Англіей и Франціей (1398 г.), тотчасъ же отправляется въ Англію, для полученія точныхъ свѣдѣній о послѣдней войнѣ между Англіей и Ирландіей.

Вся романтическая исторія его времени, какъ мы назовемъ поэтическую лѣтопись въ прозѣ Фруассара, распадается на четыре отдѣла, каждый отдѣлъ на главы. Первая глава каждой книги имѣетъ еще особое назначеніе: лѣтописецъ провѣряетъ въ ней разсказанное въ предъидущемъ отдѣлѣ или дополняетъ болѣе точными свѣдѣніями, собранными имъ позже. Первая книга доводитъ событія до 1379 г., вторая до 1383 г., третья до 1389 г., четвертая до 1400.

Рыцарскій романъ не выходитъ изъ головы Фруассара, какъ миѳологія и эпическая поэзія у Геродота (т. I, 327). Каждая книга начинается у французскаго лѣтописца поэтическимъ вступленіемъ по образцу бардовъ и министрелей. Съ самаго начала лѣтописи онъ въ общихъ чертахъ обозначаетъ своихъ читателей и указываетъ на свою цѣль (pour tous nobles coeurs encourager et leur donner exemple et matière d'honneur, je Jean Froissart etc). Въ тринадцатой главѣ четвертой книги онъ опять съ наивностью говоритъ о себѣ: «Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе говорить и разсказывать (mettre en avant) такія вещи; не подстрекай меня это удовольствіе, мнѣ никогда не удалось бы изслѣдовать и записать (à dicter te à l'enquierre) столько свѣдѣній.» Фруассаръ, какъ хорошій романтическій разсказчикъ, передаетъ различныя событія со всѣми ихъ побочными обстоятельствами согласно манерѣ эпическихъ поэтовъ, отъ данной точки возвращается назадъ къ началу; поэтому онъ часто впадаетъ въ противорѣчіе съ хронологіей. Свои понятія о значеніи исторіи и исторіографіи онъ ясно высказываетъ при разсказѣ о лимузенскомъ рыцарѣ, Америго Марселѣ. Фруассаръ извиняется передъ читателями въ томъ, что слишкомъ распространился о такомъ разбойникѣ, наказанномъ смертью за свои злодѣянія. Вотъ его подлинныя слова: «Я потому такъ много и долго разсказывалъ объ Америго Марселѣ, чтобы, приведя факты, дать точное понятіе о его жизни и смерти (embellir son âme et sépulture). Въ такой подробной исторіи, какъ моя, необходимо подробно говорить какъ о хорошемъ, такъ и о дурномъ, чтобы представить потомству примѣры и поощреніе къ добрымъ дѣламъ (pour donner action et matière de bien faire). Обрати Америго Марсель свои таланты и способности на добро (eust tourné ses voyes et argus en bonnes vertus), изъ него вышелъ бы воинъ, славный дѣлами и подвигами, но, сдѣлавъ противное, онъ имѣлъ дурной конецъ (en vint à male fin).

Фруассаръ заставляетъ, какъ въ романахъ, говорить дѣйствующихъ лицъ своей лѣтописи и безпрестанно повторяетъ слово «разсказываютъ» (or dit le

conte), какъ Геродотъ «говорятъ» (т. I, стр. 326). Вообще, въ его манерѣ изложенія много общаго съ романами. Описывая, напримѣръ, чью-нибудь несчастную смерть, онъ почти всегда прибавляетъ избитую фразу: «но этому нельзя помочь (mais amender ne se peut).» Фруассаръ такъ же безпокоенъ, живъ и пылокъ, какъ мастерски изображенные имъ нравы и обычаи того времени. Міръ рыцарства нарисованъ у него живыми красками; церковныя отлученія и проклятія, осада и защита замковъ, система укрѣпленія, вылазки, схватки, сраженія, корабли, мореходство и морскія битвы и способъ вооруженія описаны съ истинно гомеровскою легкостью и отчетливостью. При описаніи вызововъ, обѣтовъ, поединковъ на жизнь и смерть, метанія копій, турнировъ, въѣздовъ государей, пышныхъ празднествъ, баловъ, нарядовъ и т. п., Фруассаръ приводитъ такія же подробности, какія встрѣчаются въ его романахъ и пѣсняхъ, писанныхъ для дамъ. Но Геродоту рыцарства не достаетъ серьезнаго, соотвѣтственнаго его времени, философскаго взгляда. Среди веселыхъ, часто трогательныхъ любовныхъ исторій у него является, какъ и у Геродота, религія, только въ другой формѣ, чѣмъ у греческаго историка. Что у Геродота называется «завистливымъ божествомъ,» то у Фруассара «дьяволомъ и его сообщниками.»

Мы нарочно остановились такъ долго на Фруассарѣ, потому что его произведеніе представляетъ собой совершенство и заканчиваетъ наивный родъ мемуаровъ, начатый Вилльгардуэномъ и развитый Жуанвиллемъ. Послѣ этихъ трехъ писателей мемуары сдѣлались политическимъ родомъ литературы, а собственно исторія и во Франціи снова облеклась въ латынь.

В. ФИЛОСОФІЯ.

Въ нашихъ очеркахъ умственной жизни мы не стали бы говорить о школьныхъ философахъ XIII столѣтія и спорахъ ѳомистовъ съ скотистами, если бы застой схоластики и то, что было положительнаго въ направленіи доминиканской и францисканской школъ, не вызвали уже въ XIII столѣтіи особаго рода идеализма. Со времени Бонавентуры и основанія сенъ-викторской школы, мистическая и созерцательная, мечтательная и поэтическая философія становится въ такое же отношеніе къ господствовавшимъ ученіямъ ѳомистовъ и скотистовъ, какъ чистый піетизмъ Спенсера и Арнда къ сухой догматикѣ и консисторіальной религіи XVII и XVIII столѣтій. Мистическое и созерцательное ученіе XIV столѣтія имѣло большое вліяніе не только на образованность, но и на политическую исторію того времени, тѣсно слившуюся съ исторіей церкви. Поэтому, мы не можемъ умолчать о людяхъ, бывшихъ представителями этого направленія: у нѣкоторыхъ изъ нихъ итальянскіе поэты заимствовали философское содержаніе своихъ произведеній, а другіе повсюду вызвали сильное противодѣйствіе извращенному ученію западной церкви. Борьба философскихъ школъ съ мистицизмомъ и мечтательностью, занесенными въ церковь святымъ Бернаромъ, способствовала тому, что меньшинство вѣрующихъ, даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, еще отстаивало поэзію христіанства отъ прозы Аристотеля. Чтобы прослѣдить за ходомъ развитія философіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ, на сколько это соотвѣтствуетъ нашей цѣли, достаточно ознакомиться съ направленіемъ францисканской и доминиканской школъ и потомъ бросить взглядъ на созерцательное ученіе сенъ-викторской школы и платоническое — Бонавентуры.

Школьная философія преподавалась только францисканцами и доминиканцами. За основаніе своего ученія каждый орденъ признавалъ книги, написанныя однимъ изъ братій ордена: доминиканцы книги Ѳомы Аквинскаго, ихъ философы называли себя ѳомистами, францисканцы — Дунса Скота, его послѣдователи назывались скотистами. Ученикъ Альберта Кёльнскаго (стр. 152), Ѳома Аквинскій занимался исключительно спекулятивной философіей и діалектическими тонкостями. Съ глубиной воззрѣній онъ соединялъ основательность, и орденъ доминиканцевъ держался того мнѣнія, что тотъ, кто прочелъ его книги, поглотилъ всю человѣческую премудрость. Дѣйствительно, еслибы вопросъ шелъ только о количествѣ матеріаловъ и преодолѣніи трудностей, то чтеніе Ѳомы

Аквинскаго могло бы занять цѣлую жизнь человѣка. Его произведенія, еще въ XVIII столѣтіи прилежно изучавшіяся въ католическихъ университетахъ, были изданы нѣсколько разъ. Изданіе 1572 г. заключаетъ въ себѣ семнадцать фоліантовъ, изданіе 1612 г. восемнадцать, парижское 1660 г. двадцать три фолианта, а послѣднее, 1751 — 60 г., in 4^0, двадцать восемь томовъ.

Не чувствуя ни особаго желанія, ни даже достаточно способности въ себѣ слѣдовать за этимъ великимъ діалектикомъ въ лабиринтѣ его идеальнаго міросозерцанія, мы не можемъ не восхищаться въ немъ силѣ человѣческаго ума, способнаго возводить такія же чудесныя зданія творчествомъ разума, какія создаетъ поэтъ творчествомъ фантазіи. По отзывамъ самыхъ глубокомысленныхъ философовъ, умъ его былъ до такой степени сродни уму Аристотеля, что въ то время, когда греческаго философа никто не понималъ и всякій перетолковывалъ по своему, Ѳома Аквинскій своимъ врожденнымъ тактомъ вѣрнѣе опредѣлилъ настоящій его смыслъ, чѣмъ арабскіе и греческіе комментаторы, извѣстные въ школахъ по плохимъ перевѣодамъ. Ѳома Аквинскій объяснялъ Аристотеля совершенно въ духѣ церковнаго ученія, и потому папа, смотрѣвшій на него, какъ на свою опору, старался облегчить его трудъ. Онъ далъ ему въ помощники весьма ограниченнаго, но хорошо знавшаго языки, доминиканца, брабантца Вильгельма фонъ Мёрбеке. Этотъ монахъ дѣлалъ подстрочный переводъ, изъ котораго Ѳома Аквинскій угадывалъ или, какъ теперь говорятъ, воспроизводилъ настоящаго Аристотеля. Этотъ переводъ появился въ 1273 г. Мёрбеке перевелъ впослѣдствіи такимъ же механическимъ способомъ и другихъ греческихъ философовъ.

Въ школахъ ѳомистовъ, гдѣ произведенія Ѳомы Аквинскаго были въ такомъ же употребленіи, какъ библія въ церквахъ, господствовало убѣжденіе, что философско-богословская наука исчерпана имъ. Учитель, вступая въ пренія, долженъ былъ сражаться оружіемъ святаго Ѳомы, а философы упражнялись въ то время въ діалектическихъ спорахъ, пріобрѣтая въ нихъ такую же славу аргументаціями, какъ рыцарь на турнирѣ копьемъ. Изъ этого можно видѣть, что въ XIV столѣтіи въ школахъ доминиканцевъ все подводилось подъ условныя формы и формулы, вопросы и возможные отвѣты. Философія выучивалась напзусть и превратилась въ механическое искусство составлять опредѣленія и заключенія. Навыкъ и изворотливость стали на первомъ планѣ, самостоятельность мысли исчезла. При всемъ этомъ нельзя не подивиться чистотѣ языка утонченнѣйшаго изъ схоластиковъ; одинъ бѣглый взглядъ на произведенія святаго Ѳомы показываетъ непсчерпаемое обиліе матеріаловъ и цѣлый міръ отвлеченныхъ понятій, выведенныхъ одно изъ другаго. У него различенія сопоставлены вмѣстѣ, опредѣленія сгруппированы и вопросы связаны одинъ съ другимъ. Тамъ, гдѣ простой умъ не находитъ никакихъ затрудненій, философъ завязываетъ цѣлый рядъ узловъ и переноситъ насъ въ особый міръ, существующій только для школы и не имѣющій никакой связи съ остальнымъ міромъ. Этотъ школьный міръ на томъ и стоялъ, чтобы затруднять себя и другихъ подобными фокусами, поражая новичковъ діалектикою. Ѳома Аквинскій оставилъ своимъ ученикамъ цѣлый запасъ вопросовъ, которые стоило только заучить, чтобы сразу озадачить противника, и на всѣ вопросы приготовилъ множество отвѣтовъ. У него, какъ въ арсеналѣ, собрано три тысячи спорныхъ вопросовъ и пятнадцать тысячъ аргументовъ.

Основатель школы францисканцевъ, Дунстанъ или Дунсъ, названный по имени своей родины Скотомъ (шотландцемъ), извѣстенъ намъ менѣе Ѳомы Аквинскаго. Повидимому, онъ былъ еще богаче утонченностями діалектики, опредѣленіями, различеніями, вопросами и отвѣтами. Его даже называютъ тонкимъ мыслителемъ (doctor subtilis). Но языкъ Скота таковъ, что отъ него отвернется всякій, хоть сколько-нибудь знакомый съ хорошею латинью. И въ то самое время, когда въ Италіи снова принялись за древнихъ классиковъ, стараясь подражать ихъ слогу, нѣмецкія школы, гдѣ учили скотисты, приняли этотъ варварскій языкъ (Дунсъ Скотъ умеръ 1308 г.). Онъ написалъ немного менѣе Ѳомы, но все же его оригинально варварская латинь наполнила двѣнадцать толстыхъ фоліантовъ ліонскаго изданія 1639 г. Дунсъ училъ въ Парижѣ, а своею славою обязанъ преимущественно искуснымъ діалектическимъ фокусамъ, дававшимъ ему возможность огромнымъ запасомъ тонкостей побѣждать воиновъ слова, боровшихся на диспутахъ, какъ рыцари на турнирахъ. Споры ѳомистовъ съ скотистами, привлекавшіе

какъ споры философскихъ школъ XVIII столѣтія въ Германіи, весь міръ, всѣхъ, даже ничего въ нихъ не понимавшихъ, касались такихъ вопросовъ, о которыхъ можно было спросить безъ конца. Любимымъ и обычнымъ предметомъ публичныхъ состязаній было непорочное зачатіе Богородицы. Надъ этимъ вопросомъ упражнялись самые искусные бойцы. Обыкновенно, хотя и ошибочно, приписываютъ Дунсу Скоту введеніе обычая, чтобы въ парижскомъ университетѣ одинъ разъ въ недѣлю, цѣлый день, находился скотистъ, готовый всякую минуту защищать скотистскую теорію непорочнаго зачатія Маріи. Этотъ обычай былъ введенъ ученикомъ Скота, Франсуа де Майрони, умершимъ въ 1325 г. Онъ первый изъ францисканцевъ завелъ въ Сорбоннѣ обыкновеніе, оставаясь цѣлый день безъ пищи и питья, быть каждую минуту наготовѣ дать отпоръ всякому, желавшему вступить съ нимъ въ споръ. А охотниковъ спорить было не мало.

Философія діалектики и анализа понятій и богословіе положительныхъ, враждебныхъ чувствительности и созерцательности учителей, — аристотелевская мудрость которыхъ была вдѣлана въ рамки христіанскихъ воззрѣній учителемъ рѣшительныхъ опредѣленій (magister sententiarum) Петромъ Ломбардомъ (стр. 155), находили, со временъ Абеляра и Росцелина, противодѣйствіе со стороны чисто созерцательнаго направленія только въ монастыряхъ духовныхъ орденовъ. Борьбу съ школьнымъ богословіемъ началъ мистикъ Отло; но особенное значеніе получила она при св. Бернарѣ, возставшемъ противъ діалектическихъ тонкостей богослововъ. Его нерѣдко даже называютъ послѣднимъ отцомъ церкви. Оттонъ фонъ Фрейзингенъ и Лютеръ сильно нападаютъ на Бернара: первый за недостатокъ философскаго и критическаго воззрѣнія; второй за пренебреженіе къ ученымъ истолкованіямъ священнаго писанія и за убѣжденіе, что живъ только двухъ писанія, а слово мертво. Оттонъ фонъ Фрейзингенъ говоритъ о немъ: «Этотъ святой былъ проникнутъ такимъ пламеннымъ рвеніемъ къ христіанскому ученію, а самоуниженіе, вошедшее у него въ привычку, сдѣлало его до того легковѣрнымъ, что онъ ненавидѣлъ всякаго учителя, придававшаго вѣсъ человѣческой мудрости, и искренно считалъ еретиками всѣхъ мыслящихъ людей.» Лютеръ пишетъ: «Святой Бернаръ былъ великою, возвышенною душою, и я готовъ предпочесть его всѣмъ древнимъ и новѣйшимъ церковнымъ писателямъ; но взгляните, какъ онъ уклоняется отъ истины, какъ онъ играетъ священнымъ писаніемъ и его такъ называемымъ отвлеченнымъ смысломъ.»

Мечтательному ученію Бернара были приданы впослѣдствіи діалектическія формы; изъ него возникъ, въ противоположность ученію Аристотеля, родъ христіанскаго платонизма или неоплатонизмъ. Это новое ученіе спиритуалистовъ имѣло практическо-библейскую и поэтическо-мечтательную сторону. Первая получила особенное развитіе въ парижскомъ университетѣ. Ее изучали и преподавали тамъ въ монастырѣ св. Виктора. Трое изъ учителей сенъ-викторской школы достойны вниманія даже въ настоящее время, хотя, конечно, многое въ ихъ ученіи совершенно несообразно съ нашими понятіями, чуждыми созерцательности. Самыми замѣчательными проповѣдниками этого практически-созерцательнаго религіознаго ученія, возбуждавшаго такой энтузіазмъ въ Нидерландахъ и во многихъ частяхъ Германіи, были Гуго, Ришаръ и Вальтеръ. Ѳома Аквинскій и Таулеръ также принадлежали къ сенъ-викторской школѣ.

Совсѣмъ другаго свойства была мистическая философія знаменитаго послѣдователя Аристотеля, Бонавентуры, ученика Александра Гэльса (умершаго въ 1245 г.) и школьнаго товарища темнаго Іоанна Дунса Скота. Обладая громадною ученостью, онъ въ такой же степени былъ одаренъ истиннымъ вдохновеніемъ и платоническою силою творчества. Передъ нимъ склонялись и діалектики, и созерцательные мечтатели, и рыцарскіе пѣвцы, воспѣвавшіе романическую любовь. Въ школахъ его, не безъ основанія, называли учителемъ ангельской премудрости (doctor angelicus). Бонавентура придалъ христіанскому ученію философско-поэтическую форму, которая такъ восхищаетъ насъ въ великой поэмѣ Данте, располагая къ ней даже тѣхъ, кто находитъ популярное истолкованіе божественнаго откровенія слишкомъ чувственнымъ и грубымъ. Арабскіе поэты, какъ мы уже говорили (т. II, стр. 359), облекали исламъ въ мистическій покровъ. Вся индійская мудрость выражалась въ такихъ же формахъ, а въ Персіи былъ даже особый родъ поэтовъ, называвшихся софистами и занимавшихся исключительно философіей ре-

лигіи. Мы думаемъ, что Бонавентура, изучавшій, какъ всѣ философы того времени, арабскіе коментаріи Аристотеля, заимствовалъ свою идеальную философію у арабскихъ богослововъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не зачѣмъ читать арабскихъ писателей; стоитъ только прочесть въ Восточной библіотекѣ Гербело главу Акль или Акленъ, Разумъ, познаніе. Тамъ находится извлеченіе изъ книги познаній (Litab al Acb.).

Бонавентура пользуется въ церкви такимъ же значеніемъ, какимъ Ѳома Аквинскій. Его сочиненія занимаютъ восемнадцать фоліантовъ римскаго изданія 1588 г. и тринадцать томовъ, in 4°, венеціанскаго 1751 г. Въ первыхъ шести томахъ содержатся проповѣди и обыкновенная школьная философія. На седьмомъ и восьмомъ мы нѣсколько остановимся, чтобы показать, какъ Бонавентура и другіе великіе люди Италіи до XVI столѣтія одухотворяли религію только для себя и себѣ подобныхъ, щадя суевѣріе народа, котораго никогда не надѣялись возвысить до себя. Цѣль нашихъ очерковъ не позволяетъ намъ подробно анализировать содержаніе этихъ томовъ; мы не беремся также дѣлать ихъ философскаго разбора для философовъ, а хотимъ только сказать, какъ діллетанты для діллетантовъ, какимъ представляется въ нихъ Бонавентура. Намъ кажется, что его душа, одаренная глубокимъ чувствомъ и великимъ поэтическимъ талантомъ, закаленная діалектикой того времени, утонченною философіей школъ и ожесточенными диспутами, испытываетъ въ нихъ, что она можетъ воспроизвести изъ самой себя. По временамъ Бонавентура возвышается надъ всѣмъ земнымъ и конечнымъ не столько мыслью, сколько внутреннимъ самосозерцаніемъ. Относительно формы изложенія онъ не гоняется, подобно латинистамъ своего времени, за классическими выраженіями; но чуткое ухо скоро замѣчаетъ, что языкъ мастерски приноравливается къ поэтическому содержанію. Современный читатель, конечно, не послѣдуетъ за нимъ въ разсужденія о погруженіи души въ первобытное естество или о глубокомъ философскомъ самосозерцаніи. Но всякій съ изумленіемъ остановится передъ этимъ глубокимъ умомъ и пожалѣетъ, что того времени монахи не руководствовались его совѣтами. Это значеніе относится къ небольшой книгѣ о преуспѣяніи монашествующей братіи въ познаніи божества, преимущественно къ одной изъ ея главъ, названной: «О семеричномъ способѣ восхваленіи Бога», Антверпенъ, карманное изданіе, стр 339 (Vom siebenfachen Stoff zum Lobe Gottes).

Кто не имѣетъ охоты или времени заняться сочиненіями этого необыкновеннаго человѣка, тому мы совѣтуемъ прочесть его книгу «Путь души къ Богу.» Основная ея мысль покажется, быть можетъ, нашему времени пантеистической. Онъ говоритъ, что божество и мудрость собственно содержатся въ каждомъ пріобрѣтенномъ познаніи, въ каждомъ понятіи, развитомъ въ насъ созерцаніемъ чего либо существующаго, и что, слѣдовательно, всякое истинное знаніе есть познаніе божества. Просвѣтляющій путь, проложенный Богомъ человѣку, такъ широкъ, что всякое ощущеніе, если оно не бываетъ исключительно внѣшнимъ, вноситъ божество въ человѣческую душу, или, вѣрнѣе, пробуждаетъ его въ ней. Въ мірѣ всѣ ощущенія и представленія находятся въ таинственной связи между собой; ключомъ этой цѣли, этого цѣлаго служатъ священныя числа три и семь. Вся тайна конечнаго и безконечнаго бытія заключается въ двойной троицѣ и въ присовокупленной единицѣ. Низшая жизнь имѣетъ три ступени, высшая столько же; для седьмой единицы, соединяющей эту двойную троицу, нѣтъ на человѣческомъ языкѣ ни названія, ни соотвѣтствующаго состоянія, потому что она въ Богѣ. Такимъ образомъ, Бонавентура дѣлитъ всѣ человѣческія познанія, подобно жизни, на три части, и при этомъ ссылается на святое писаніе. По его мнѣнію, священное писаніе также заключаетъ въ себѣ троякій смыслъ: буквальный, мистическій или духовный и нравственный или анагогическій (символико-библейскій). Изъ этого троякаго его смысла возникаетъ тройственность ученія. Первая часть касается предвѣчнаго рожденія Іисуса отъ Бога и его воплощенія, вторая—порядка человѣческаго бытія, третья—соединенія души съ Богомъ.

2. Начало новой образованности въ Италіи. Преобразованіе средневѣковой культуры изученіемъ древнихъ классиковъ.

А. ИТАЛЬЯНСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА ДО НАЧАЛА XIV СТОЛѢТІЯ.

Предполагая, что наши читатели достаточно знакомы съ развитіемъ цивилизаціи древняго міра и съ тѣми формами, какія она приняла въ послѣднія три столѣтія въ Европѣ, что они поняли, изъ политическаго отдѣла исторіи, причины, вызвавшія раннее процвѣтаніе всей образованной жизни въ средневѣковыхъ итальянскихъ государствахъ, — мы ограничимся здѣсь указаніемъ только тѣхъ явленій умственной жизни, которыми обозначается постепенное развитіе культуры. Независимо отъ лирической поэзіи, раннее процвѣтаніе образованности въ Италіи было, по нашему мнѣнію, слѣдствіемъ ранняго развитія церковной и гражданской жизни. Церковная жизнь вызвала музыку и зодчество; гражданская—все то, что находится въ связи съ ремеслами, мореходствомъ, торговлей, политикой и дипломаціей. Общій характеръ нашего труда не позволяетъ намъ развить подробно этихъ выводовъ. Мы хотимъ только провести историческую нить чрезъ всѣ отдѣльныя явленія и послѣдствія итальянской цивилизаціи по ту и по сю сторону Альповъ.

Музыка и церковное пѣніе, очевидно, были еще со временъ Карла Великаго занесены изъ Италіи въ Германію. Въ XI столѣтіи монахи помпозскаго монастыря, Михаилъ и Гвидо, оказали музыкѣ большія услуги; они, если и не изобрѣли сольфеджіо, то все-таки учили музыкѣ въ Испаніи (т. II, стр. 545). Врачебнымъ искусствомъ уже въ XI и XII столѣтіяхъ занимались въ Италіи съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Монпелье, а салернская школа славилась своей діэтетикой, изложенной латинскими виршами. Такія вирши были поднесены герцогу Роберту Нормандскому, когда онъ проѣзжалъ чрезъ Салерно, возвращаясь изъ крестоваго похода (впрочемъ не рѣшено, онъ ли тотъ rex Anglorum, которому посвящены эти стихи). Въ Болоньи процвѣтало римское право. Ирнерій или Вернеръ (т. II стр. 619), Мартинъ Гозія и Бульгаръ (т. II, стр. 685), Іоаннъ Бозіанъ, Аццо и потомъ въ XIII столѣтіи Аккурсій и Одофредъ, знаменитые корыстолюбіемъ, низостью и отвратительною латинью, пріобрѣли извѣстность подъ именемъ глоссаторовъ. Одинъ изъ ученыхъ XV столѣтія (Лауренцій Вала) справедливо замѣтилъ, что нельзя не пожалѣть о томъ, что какіе-нибудь Бартолы, Бальдусы, Аккурсій и другіе подобные гуси заняли мѣсто римскихъ лебедей права, Сульпиція, Сцеволы, Павла и Ульпіана. Бартоло и Бальдо, юристы самаго жестокаго изъ Висконти, жили нѣсколько позже. Они основали въ XIV столѣтіи новую школу варварскихъ правовѣдовъ, которые занялись примѣненіемъ къ праву схоластическаго искусства, не желая болѣе оставаться только словоистолкователями (глоссаторами).

Реальныя науки, находившіяся въ связи съ мореходствомъ и другими потребностями пробуждавшейся жизни, въ XII и XIII столѣтіяхъ также получили въ Италіи большое развитіе. Монахъ Константинъ, уже во времена Роберта Гискара, до того изумлялъ своихъ современниковъ геометрическими вычисленіями, ариѳметическими выкладками и нѣкоторыми познаніями въ физикѣ, что едва не былъ приговоренъ къ казни за чародѣйство. Впрочемъ о результатахъ всѣхъ стремленій къ развитію искусствъ и наукъ, необходимыхъ въ гражданской жизни, мы скажемъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о прогрессѣ искусствъ и наукъ въ Италіи въ XIV столѣтіи. Здѣсь мы умолчимъ даже о дѣятельности на поприщѣ реальныхъ наукъ Гергарда Кремонскаго, жившаго въ концѣ XII столѣтія и считаемаго нѣкоторыми за испанца изъ Кармоны.

Послѣ всего сказаннаго нами о цвѣтущемъ, хотя и анархическомъ состояніи Италіи въ XIII столѣтіи, не покажется удивительнымъ то, почти невѣроятное, рвеніе, съ какимъ въ началѣ XIV столѣтія, во всей Верхней и Нижней Италіи, занимались изученіемъ положительнаго духовнаго и свѣтскаго права, поэзіей и изящными искусствами, т. е. всѣмъ, что тогда называли граматикой. Въ одной

Болоньѣ собиралось до десяти тысячъ студентовъ. Если это число даже преувеличено, все-таки положительно извѣстно, что въ Парму, Пизу, Падую, Виченцу и Модену стекались тысячи для изученія изящныхъ наукъ. Фридрихъ II, основавшій школу правовѣдѣнія въ Неаполѣ, запретилъ своимъ подданнымъ посѣщать болонскій университетъ (стр. 123), сдѣлавъ однако исключеніе для грамматическихъ наукъ. Изъ одной лѣтописи, за статистику которой мы впрочемъ не ручаемся, можно видѣть, какъ велико было число лицъ, обязанныхъ, по своему положенію, получать школьное образованіе. Она насчитываетъ въ одномъ Миланѣ двѣсти юристовъ (judices), четыреста городскихъ и шестьсотъ императорскихъ нотаріусовъ, двѣсти докторовъ и восемьдесятъ учителей высшихъ школъ. Иннокентій III и его кардиналъ Робертъ Курсонъ со славою подвизались на научномъ поприщѣ. Папа и чиновники его канцеляріи писали чистымъ и хорошимъ латинскимъ языкомъ, а кардиналъ-легатъ принималъ дѣятельное участіе въ спорахъ объ Аристотелѣ (стр. 153). Фридрихъ II былъ обязанъ Иннокентію III своимъ превосходнымъ образованіемъ; онъ обладалъ свѣдѣніями по всѣмъ наукамъ того времени и владѣлъ языками арабскимъ, нѣмецкимъ, латинскимъ и неаполитанскимъ или сицилійскимъ нарѣчіемъ, изъ котораго образовалось тосканское. Другомъ и товарищемъ его занятій былъ канцлеръ Петръ де Винь; оба блистали въ кругу провансальскихъ и лимузенскихъ поэтовъ, собиравшихся при дворѣ Фридриха. Судя по дошедшимъ до насъ образчикамъ, Фридрихъ II, пробовавшій свои силы во всѣхъ отрасляхъ поэзіи, былъ скорѣе одаренъ прозаическими качествами своего жестокаго отца, чѣмъ героическою душою дѣда. Канцлеръ, произведенія котораго встрѣчаются между стихотвореніями Фридриха, далеко превосходилъ короля способностями.

Среди нескончаемой борьбы партій, въ городахъ—за власть, а въ церкви—за вопросъ, которое изъ двухъ богословій, императорское или папское, есть истинно-христіанское, возникаетъ, рядомъ съ мрачнымъ суевѣріемъ, смѣлый анализъ догматовъ вѣры. Мы приписываемъ это, главнымъ образомъ, изученію въ Италіи, въ концѣ XIII столѣтія, сочиненій Ѳомы Аквинскаго и Бонавентуры и знакомству съ настоящимъ смысломъ ученія Аристотеля. Мы не зѣримъ, чтобы Фридрихъ дѣйствительно велѣлъ перевести всего Аристотеля прямо съ греческаго, но достовѣрно извѣстно, что Бартоломей Мессинскій перевелъ, если и не хорошо, то вѣрно, мораль (этику) греческаго философа.

Смѣлую философію Данте, не щадившую ни догматовъ, ни людей и презиравшую адъ, раздѣляли, по словамъ поэта-философа, тысячи людей того времени. Когда Данте, находясь въ той части «Ада», гдѣ въ огненныхъ гробахъ лежатъ смѣлые скептики, спрашиваетъ благороднаго Фаринату, кто находится въ его сообществѣ, тотъ отвѣчалъ:

«Со мной лежатъ болѣе тысячи. Здѣсь и Фридрихъ II и папскій кардиналъ. О другихъ я умалчиваю.»

Передъ тѣмъ Данте говоритъ, что Фарината съ презрѣніемъ смотрѣлъ на всѣ претерпѣваемыя имъ въ «Аду» страданія:

«Онъ гордо воздымалъ чело и грудь, дѣлая видъ, что презираетъ муки ада.»

Еще менѣе думалъ объ адѣ богословъ Кавальканте Кавальканти, отецъ Гвидо Кавальканти, друга и ровесника Данте.

Астрологія, мореходство, торговля и политическое развитіе общества вызвали въ XIII столѣтіи политическія, географическія, математическія и астрономическія науки. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ прогресса цивилизаціи въ Италіи, мы не станемъ много распространяться о развитіи всего того, что непосредственно относится къ потребностямъ внѣшней жизни. О переводѣ Эвклида, сдѣланномъ по однимъ Кампаномъ Новарскимъ, по другимъ Аделяромъ, скажемъ только, не вдаваясь въ разборъ его, что онъ составлялъ эпоху въ XII столѣтіи. Услуги, оказанныя математикѣ Фибоначчи, мы предоставляемъ оцѣнивать математикамъ; но нельзя умолчать о томъ, что онъ распространилъ въ Италіи современную систему счисленія и нынѣшній способъ опредѣлять значеніе цифръ по мѣсту, занимаемому ими въ послѣдовательномъ порядкѣ, заимствованные Гербертомъ (Сильвестромъ II) у аравитянъ. Фибоначчи пользуется большимъ значеніемъ у новѣйшихъ итальянскихъ математиковъ. О его книгахъ очень пространно говорится въ

двухъ томахъ исторіи введенія алгебры въ Италіи, Коссати, и въ исторіи математическихъ наукъ, Либри, появившейся въ 1838 г.

Тринадцатый вѣкъ уже представляетъ знаменитыя историческія и поэтическія произведенія на тосканскомъ нарѣчіи, образовавшемся изъ сицилійскаго. Съ неменьшимъ удовольствіемъ читались провансальскіе и лимузенскіе поэты. Итальянскій патріотъ, Сорделло изъ Мантуи, былъ провансальскимъ поэтомъ. Онъ извѣстенъ намъ по своимъ одиннадцати стихотвореніямъ, находящимся въ знаменитомъ собраніи провансальской поэзіи Эсте, но еще болѣе по стихамъ Данте. Поэтъ говоритъ о немъ въ шестой пѣсни «Чистилища»:

«Взгляни на ту тѣнь, что стоитъ отдѣльно отъ другихъ и глядитъ на насъ: она укажетъ намъ кратчайшій путь. Мы подошли къ ней. О, ломбардская тѣнь, какъ гордо стоишь ты и какъ презрительно смотришь на насъ! Съ какою медленностью, исполненною достоинства, вращаются зрачки твоихъ глазъ! Тѣнь молчала. Мы прошли мимо. Она глядѣла на насъ, какъ покоящійся левъ. Виргилій приблизился къ ней и попросилъ показать намъ, гдѣ легче взойти на верхъ. Но тѣнь, не отвѣчая на его вопросъ, спросила названіе страны, гдѣ мы жили. Мой дорогой вожатый началъ: Мантуа.... Взволнованная тѣнь, бросившись къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, воскликнула: «Мантуанецъ, я Сорделло, твой соотечественникъ,» и они упали въ объятія другъ друга.»

Мы могли бы привести цѣлый рядъ отличныхъ поэтовъ, писавшихъ на всѣхъ итальянскихъ нарѣчіяхъ, но для краткости ограничимся именами трехъ предшественниковъ Данте, писавшихъ также тосканскимъ нарѣчіемъ и съ такою же философскою глубиною, какъ онъ. Это были: Гвиттоне, извѣстный менѣе другихъ, Гвидо Гвиничелли и Гвидо Кавальканти. Гвидо Гвиничелли представленъ въ маленькой книгѣ Данте «О тосканской поэзіи» пѣвцомъ идеальной любви, т. е. Венеры Уранiи, а не кипрской богини. Въ ней приведены два стиха Гвидо Гвиничелли: «Любви не существовало, пока не явилось возвышенныхъ сердецъ, а пока не явилась любовь, не существовало высшей человѣческой природы». Въ «Чистилищѣ» Данте радостно привѣтствуетъ тѣнь Гвидо Гвиничелли, восклицая:

«Пока раздается тосканскій языкъ, твои сладостныя пѣсни (detti vostri) не перестанутъ внушать любви и уваженія къ писавшему ихъ перу».

Маттео Спинелли многіе считаютъ первымъ итальянскимъ историкомъ, начавшимъ разсказывать исторію, какъ образовательную науку, народу и на народномъ языкѣ, а не ученымъ по-латини; но это мнѣніе несправедливо. Прежде Спинелли съ тою же цѣлью писалъ Рикордано Маласпини, котораго нерѣдко буквально цитируетъ въ своемъ сочиненіи Виллани, самый подробный изъ историковъ слѣдующаго столѣтія. Уже Рикордано Маласпини понялъ, что исторія должна быть не собраніемъ документовъ, а средствомъ народнаго образованія. Онъ написалъ исторію своего роднаго города до 1281 г., продолженную его племянникомъ до 1286 г. У него совершенно не преднамѣренно встрѣчаются на каждомъ шагу прелестно разсказанныя сказочки, приводимыя Виллани въ его исторіи, очевидно съ цѣлью занять флорентинцевъ. Маласпини сообщаетъ много свѣдѣній объ Адамѣ, знаетъ, сколько лѣтъ протекло между Адамомъ и Нимомъ (Нимвродомъ), и говоритъ о построеніи Фіезоле Аполлономъ Астрологомъ.

Съ особеннымъ рвеніемъ занимались въ XIII вѣкѣ грамматическими и риторическими науками, поощряемыми канцлеромъ Фридриха, Петромъ де Винемъ. Онѣ процвѣтали въ большихъ и малыхъ свободныхъ городахъ и тамъ, гдѣ владычествовали мелкіе тираны. Каждый стремился занять какую нибудь государственную должность, а для этого было необходимо быть стилистомъ. Учителя риторики нерѣдко соединяли съ наставленіями въ риторикѣ и эстетикѣ энциклопедическій курсъ всѣхъ реальныхъ и философскихъ наукъ. Они издавали книги, заключавшія въ себѣ всю премудрость того времени, которую тогда еще не трудно было осилить. Въ XIII столѣтіи, по сю сторону Альповъ, Венсанъ де Бове составилъ подобный трудъ, хотя и бездарно, но старательно и подробно. Три свои огромные фоліанта, напичканные свѣдѣніями по естественнымъ, философскимъ и историческимъ наукамъ, онъ назвалъ Зеркаломъ.

Учитель Данте, Брунетто Латини, составилъ съ несравненно большимъ умомъ, философіей и поэзіей такую же энциклопедію, или вѣрнѣе двѣ:

одну подробную, названную полнымъ (thesaurum thesaurorum), и другую—сокращеннымъ изданіемъ всего, достойнаго ученія (tesoretto). Первое изъ названныхъ нами сочиненій, по странному стеченію обстоятельствъ, написано на древнефранцузскомъ языкѣ, бывшемъ въ то время языкомъ поэтовъ и двора. Брунетто училъ до 1260 г. во Флоренціи, но по прибытіи туда Манфреда, уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 1284 г., потомъ снова вернулся на родину и до 1295 г. продолжалъ учить во Флоренціи. Какую важность имѣла его книга—доказывается лучше всего множествомъ ея рукописей, находящихся въ библіотекахъ. Лучшая изъ нихъ въ Женевѣ; въ одномъ Парижѣ ихъ двѣнадцать. Книга эта была напечатана, но всѣ ея изданія очень рѣдки теперь; лучшее изъ нихъ венеціанское въ 1533 г.

Брунетто Латини раздѣлилъ весь свой трудъ на три большихъ отдѣла, распадающихся на книги. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ пять книгъ. Первая книга содержитъ исторію ветхаго завѣта, вторая новый завѣтъ и всю исторію до времени Брунетто. Въ нихъ говорится также о стихіяхъ и небѣ. Третья книга учитъ географіи и естественной исторіи. Двѣ послѣднія книги заимствованы, какъ говоритъ авторъ, у Плинія и Солина (т. II стр. 161). Второй отдѣлъ распадается на двѣ книги. Первая содержитъ этику Аристотеля, вторая разсужденія о добродѣтеляхъ и порокахъ. Въ третьемъ отдѣлѣ также двѣ книги. Въ первой говорится о краснорѣчіи Цицерона и Аристотеля, во второй о государственной наукѣ, съ ссылками на Платона. Чтобы судить о значеніи этого учителя, достаточно назвать его ученика Данте, соединявшаго съ величайшимъ поэтическимъ геніемъ глубокія, универсальныя познанія. Поэтъ съ благодарностью говоритъ, что обязанъ своими свѣдѣніями Брунетто Латини. Виллани превозноситъ его въ девятой главѣ восьмаго тома своей исторіи Флоренціи, прибавляя, что Брунетто Латини былъ первымъ учителемъ, образовавшимъ флорентинцевъ (il primo a degrossare i Fiorentini) и учившимъ ихъ хорошо говорить и руководствоваться истинными политическими принципами въ государственномъ управленіи.

Въ пятнадцатой пѣсни «Ада» Данте, встрѣчаясь съ Брунетто, старается выразить ему всю глубину своего уваженія и благодарности. Онъ совѣстится, что долженъ идти нѣсколько выше своего уважаемаго учителя, чтобы не попасть въ раскаленный песокъ:

«Я не посмѣлъ сойти съ возвышеннаго пути, чтобы идти возлѣ него; но наклонилъ голову, какъ человѣкъ, преисполненный самаго глубокаго уваженія».

Разговоръ съ нимъ Данте заключаетъ словами:

«Если бы мои теплыя мольбы были услышаны, вы не были бы еще изгнаны изъ предѣловъ человѣческаго бытія. Въ моей душѣ, преисполненной теперь скорбью, неизгладимо запечатлѣнъ вашъ милый, добрый, отеческій образъ, когда вы ежечасно учили меня, какъ пріобрѣтается безсмертіе».

Можно бы привести и другихъ писателей, подготовившихъ, въ половинѣ XIII столѣтія, переворотъ въ литературѣ, распространившійся въ XIV вѣкѣ изъ Италіи по всей Европѣ. Но, согласно принятому нами порядку и послѣдовательности, мы упомянемъ о нихъ въ слѣдующемъ томѣ, когда будемъ говорить объ итальянской образованности второй половины XIV вѣка.

в. развитіе новой итальянской образованности въ первой четверти XIV столѣтія.

Богатство итальянской литературы XIV столѣтія и тѣсная ея связь съ литературою XV вѣка, разсѣявшей въ Европѣ мрачный туманъ іерархіи и феодализма, заставляютъ насъ соединить въ этомъ томѣ нашей Всемірной исторіи подробное обозрѣніе замѣчательныхъ литературныхъ произведеній XIV столѣтія съ обзоромъ культуры XV вѣка. Здѣсь мы только ограничимся нѣсколькими вступительными словами. Съ этою цѣлью прежде всего укажемъ на нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, способствовавшія развитію въ Италіи образованности, а потомъ перейдемъ ко всемірно-историческому значенію твореній Данте, разлившихъ своимъ появленіемъ новый свѣтъ по всей Европѣ. Главною причиною процвѣтанія изящныхъ наукъ въ Италіи было то, что правительства, враждебныя теперь вся-

кому свободному умственному движенію, всякому возвышенному стремленію, всякой игрѣ фантазіи, всякому выводу чистаго разсудка, короче всему, что не относится непосредственно до матеріальныхъ потребностей и внѣшнихъ условій жизни, въ то время старались покровительствовать развитію свободныхъ искусствъ. Правители того времени слѣдовали совсѣмъ иной системѣ, чѣмъ теперь; они понимали, что создавать науки и искусства не такъ легко, какъ строить себѣ увеселительные дворцы. Покровительствовать наукамъ и искусствамъ считалось тогда политическою мудростью; каждый мелкій дворъ, каждый свободный городъ старался блистать кружкомъ ученыхъ и художниковъ. Поэты, художники и ученые нерѣдко переѣзжали изъ одного города въ другой, но самая вражда и зависть ихъ были побужденіемъ къ жизни и движенію. У каждаго города была своя знаменитость, которою онъ хвалился передъ другими. Одинъ перечень городовъ, гдѣ свободныя науки находили покровительство въ одно и то же или различныя времена, покажетъ, съ какимъ рвеніемъ занимались тогда науками въ свободныхъ, хотя и анархически свободныхъ, или въ деспотически управляемыхъ странахъ Италіи.

Въ Миланѣ, какъ делла Торре, такъ и Висконти, даже тираня своихъ согражданъ, покровительствовали наукамъ, искусствамъ и изученію древности. Въ слѣдующемъ столѣтіи намъ часто придется упоминать о фамиліи Висконти. Со времени Аццо VIII свободнымъ искусствамъ точно также покровительствовали и владѣтели Феррары изъ фамиліи Эсте, которымъ повиновались Модена, Ровиго и Реджіо. Въ Піаченцѣ фамилія Скотти, въ Лоди — Физирага, въ Комо—Руска, въ Павіи—Лангоски, въ Верчелли—Авокати, въ Новарѣ—Бруссати, въ Брешіи—Маджи, въ Пармѣ—Корреджески, въ Веронѣ — Скалигери или делла Скала, въ Мантуѣ—Бонакосси и графы монферратскіе сыпали деньгами, чтобы прослыть покровителями поэзіи или наукъ. Въ Церковной области соперничали съ названными владѣтельными фамиліями: въ Равеннѣ—фамилія Полента, въ Форли—Орделаффи, въ Римини—Малатеста. Исторія могущественной болонской республики почти вся вертится на исторіи ея университета, куда стекались изъ всей Европы тысячи учащихся. Отъ внѣшнихъ враговъ Болонья умѣла защищаться, но внутренніе раздоры повели къ основанію падуанскаго университета, такъ же какъ въ слѣдующемъ столѣтіи слѣдствіемъ раздоровъ въ пражскомъ университетѣ было основаніе лейпцигскаго университета. Фридрихъ Австрійскій, находясь съ своимъ войскомъ въ Болоньѣ, поссорился съ ректоромъ университета. Профессора и студенты взялись за оружіе, Фридрихъ былъ опасно раненъ, и этимъ, кажется, дѣло на первый разъ покончилось. Но когда папа Климентъ V прислалъ кардинала Наполеона Орсини разобрать въ Болоньѣ внутренніе раздоры, и болонцы выгнали его за вмѣшательство въ ихъ дѣла, то это повело къ отлученію отъ церкви цѣлаго города вмѣстѣ съ университетомъ и всѣми студентами. Тогда былъ основанъ университетъ въ Падуи, куда перешли всѣ болонскіе профессоры и студенты. Въ слѣдующемъ году они снова вернулись въ Болонью, но падуанскій университетъ продолжалъ процвѣтать и соперничать съ болонскимъ. Въ 1316 г. болонскій университетъ, поссорившись съ городомъ, перебрался сначала въ Ардженту, потомъ въ Имолу. Чтобы переманить его къ себѣ, Сіена предлагала 6 тысячъ флориновъ на выкупъ заложенныхъ книгъ, принимала на себя издержки переѣзда и обѣщала профессорамъ по триста флориновъ годоваго жалованья, а студентамъ даровыя квартиры на годъ и четыре мѣсяца. Но городу не удалось выхлопотать у папы и коллегіи кардиналовъ обѣщанныхъ университету привилегій. Профессоры и студенты разбрелись въ разныя стороны, и тогда возникли два новыя училища, даже собственно не университеты. Большинство студентовъ и профессоровъ вернулись въ Болонью, другіе остались въ Сіенѣ или отправились во Флоренцію и Падую, куда переселился и знаменитый профессоръ медицины Дино.

Біографія Петрарки служитъ доказательствомъ, что въ Неаполѣ, при королѣ Робертѣ, процвѣтали поэзія и краснорѣчіе, хотя произведенія этого рода и не всегда отличались большимъ вкусомъ. Увлеченные общимъ энтузіазмомъ, пизанцы возъимѣли счастливую мысль потребовать отъ духовенства десятую часть ихъ доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ въ пользу своего университета, основаннаго въ 1330 г. Папа рѣшительно возсталъ противъ этого, и въ 1339 г. уни-

верситетъ былъ на время закрытъ. Во всѣхъ этихъ университетахъ не было богословскаго факультета, потому что для открытія его было необходимо папское разрѣшеніе. Галеаццо II Висконти основалъ потомъ въ Павіи новый университетъ, получившій отъ императора Карла IV привилегію на изученіе римскаго права, декреталіевъ, физики, хирургіи, нотаріатства и стилистики. Впослѣдствіи этотъ университетъ былъ перенесенъ на нѣкоторое время въ Піаченцу. Въ 1399 г. въ немъ считалось 76 профессоровъ; изъ нихъ варварскій юристъ Бальдо получалъ ежемѣсячно 164 лиры, декреталистъ Марсилій ди Санта Софіа 170 лиръ, другіе профессоры 22 лиры, а нѣкоторые не болѣе четырехъ. Сіена и Флоренція возстановили свои университеты. Совершенно упавшему университету въ Ареццо императоръ Фридрихъ III далъ въ 1446 г. новыя привилегіи. Въ Луккѣ, Фермо, Феррарѣ, Брешіи, Бергамо и даже въ Римѣ были также основаны университеты. Въ Моденѣ и Реджіо находились спеціальныя школы юриспруденціи и медицины.

Чтобы судить о характерѣ и высокомъ процвѣтаніи итальянской культуры въ тѣ два столѣтія, когда лучшія произведенія рыцарской поэзіи и высшая философія христіанства сливались съ древне-классическимъ образованіемъ, — достаточно указать на творенія Данте. Данте или собственно Дуранте Алигіери былъ творцомъ новой литературы, основанной на изученіи древнихъ, христіанской и рыцарской поэзіи и философіи. Поэтъ такъ тѣсно связалъ свое великое твореніе съ важнѣйшими событіями своей жизни, что для пониманія его поэмы потомство должно было изслѣдовать въ подробностяхъ всѣ обстоятельства жизни ея творца. Мы не станемъ дѣлать подробнаго разбора «Божественной Комедіи» (Divina Comedia). Наша цѣль опредѣлить только дѣятельность поэта въ области науки, вѣры, поэзіи, исторіи и философіи, а для этого достаточно указать на нѣкоторыя событія его жизни, отмѣтить нѣсколько годовъ. Данте родился въ 1265 г., и стараніями своей матери Беллы получилъ отличное образованіе: онъ былъ знакомъ со всѣми отраслями наукъ и искусствъ и владѣлъ нѣсколькими древними и новыми языками. Мы уже приводили собственныя слова поэта, выражающія его благодарность Брунетто Латини. Любимымъ товарищемъ Данте, прославляемымъ имъ за красоту поэтическихъ выраженій (la gloria della lingua), былъ поэтъ-философъ Гвидо Кавальканти, доставившій тосканскому нарѣчію первенство въ Италіи. Болѣе всѣхъ поэтовъ Данте любилъ и уважалъ Виргилія, котораго долго изучалъ (con lungo studio e grande amore) съ большою любовью; ему, какъ говоритъ самъ поэтъ, онъ былъ обязанъ своимъ вдохновеніемъ и поэтическимъ талантомъ (il mio maestro e il mio autore). Данте думаетъ, что его другъ Гвидо не снискалъ себѣ на землѣ и подъ землей, въ чистилищѣ и на небѣ, такой славы, какъ онъ, только потому, что предпочиталъ строгую философію обольстительной поэзіи Виргилія. Когда отецъ Гвидо спрашиваетъ Данте въ «Аду»:

«Если ты, силою своего генія, проникъ въ эту мрачную темницу, почему же мой сынъ не съ тобой?» онъ отвѣчаетъ:

«Не собственною властью проникъ я сюда, меня ведетъ Виргилій, дожидающійся тамъ. Твой сынъ, можетъ быть, мало цѣнилъ его».

Данте умѣлъ вѣрно понимать и цѣнить искусство и уважалъ талантъ Джіотто, давшаго новое направленіе возрождавшейся живописи. Пѣніе Казеллы, не смотря на предостереженія стража «Чистилища», приковывало на нѣкоторое время его, Виргилія и всѣ тѣни къ подошвѣ горы умилостивленія, замедляя ихъ очищеніе. Онъ изучилъ философію Аристотеля и богословіе схоластиковъ, «чтобы возвыситься надъ поэтами, бредящими одной любовью» (per essa usci della vulgara schiera). На родинѣ, до изгнанія, и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Данте является искуснымъ государственнымъ человѣкомъ и опытнымъ юристомъ. Изъ его поэмы видно, что онъ основательно зналъ астрономію, географію, древнюю и новую исторію и миѳологію, а физіологію и анатомію даже лучше, чѣмъ можно было ожидать въ его время. Система кровообращенія сдѣлалась извѣстной по сю сторону Альповъ только со времени Гарвея, а Данте въ самомъ началѣ своей поэмы указываетъ на пульсъ и кровеносныя жилы (le vene ed i polsi). Точно также, еще задолго до Колумба онъ говоритъ объ антиподахъ. Въ то время какъ партіи гвельфовъ и гибеллиновъ раздѣляли всю Италію, въ Пистоіи, а вслѣдъ затѣмъ и во Флоренціи возникли еще при гвельфахъ партіи бѣлыхъ

и черныхъ. Всѣ высшія флорентинскія фамиліи были раздѣлены между этими двумя партіями. Во главѣ бѣлыхъ стоялъ Фіеро Черки, во главѣ черныхъ—Корсо Донати. Подозрѣвали, что и Данте, бывшій членомъ совѣта пріоровъ (de Priori) республики, принадлежалъ къ партіи бѣлыхъ. Отправленный въ 1302 г. по дѣламъ республики въ Римъ къ папѣ Бонифацію VII, онъ былъ замѣшанъ по интригамъ въ участь бѣлыхъ и приговоренъ къ двухлѣтнему изгнанію и пени въ восемь тысячъ лиръ. Раздраженный противъ папы, который покровительствовалъ его врагамъ и хотѣлъ предать его родину французамъ, Данте присоединился въ изгнаніи къ партіи бѣлыхъ и гибеллиновъ, рѣшившихся силою вторгнуться во Флоренцію. Они потерпѣли страшное пораженіе въ 1304 г. Послѣ того Данте былъ изгнанъ навсегда, а имѣніе его конфисковано. Поэтъ нашелъ убѣжище и покровительство у гибеллиновъ, владычествовавшихъ въ верхней Италіи. Фамиліи: делла Скала въ Веронѣ, Папафави въ Падуи, Бозони въ Губбіо, Маласпина въ луниджанской мархіи, Сальватичи въ казентинской области, Фоджиноло въ Урбино оказывали ему самое радушное гостепріимство. Подъ конецъ жизни Данте жилъ въ Равеннѣ у фамиліи Полента. Онъ умеръ въ 1321 г. Въ своей великой поэмѣ поэтъ увѣковѣчилъ память всѣхъ тѣхъ, кто оказалъ ему гостепріимство. Въ домѣ делла Скала Данте, основываясь на пророчествѣ астролога Микеле Скотто, предсказалъ одному ребенку владычество надъ всей страною, отъ Урбино до Тревизо (la sua nazione sarà tra Feltor e Feltro). Онъ восхваляетъ всѣхъ своихъ покровителей, сознаваясь однако, «что солонъ хлѣбъ на чужомъ столѣ и тяжело обивать чужіе пороги». Его ученые труды на латинскомъ языкѣ, написанные совершенно по образцу древнихъ, только въ нѣсколько высокопарномъ тонѣ, связаны съ его политическою дѣятельностью для возстановленія императорскаго значенія, а поэтическая слава—съ первою любовью, предметъ которой онъ идеализируетъ, какъ всѣ провансальскіе поэты. Беатриче Данте, какъ Лаура Петрарки, идеалъ чувственный, — поэтъ хотѣлъ, чтобы пѣснь о небесной любви не оставалась только въ области поэзіи, но была обращена въ дѣйствительности на опредѣленный предметъ. Впрочемъ, самый предметъ любви не имѣетъ тутъ особеннаго значенія.

Въ ученой дѣятельности Данте, его письма или, какъ мы назовемъ ихъ, прокламаціи и манифесты, писанные для Генриха VII во время пребыванія его въ Италіи, имѣютъ историческое и политическое значеніе. Но еще замѣчательнѣе, какъ памятникъ философской государственной науки, его книга «о монархіи». Она была нѣсколько разъ издаваема въ собраніи историческихъ памятниковъ Германіи, потому что въ ней защищается свѣтская власть императора, безъ желанія уменьшить чисто духовное значеніе папы. Данте требуетъ, чтобы сила императорской власти поддерживала единство независимыхъ итальянскихъ государствъ. Въ Германіи, не смотря на существованіе союза, до сихъ поръ ощущается недостатокъ въ единствѣ управленія, которое одно могло бы обуздывать въ интересахъ народа тиранію отдѣльныхъ правительствъ. Что Данте думалъ не о деспотическомъ самодержцѣ, руководящемся произволомъ, фантазіями и капризами, а объ императорѣ, повинующемся законамъ, онъ ясно высказалъ въ своей поэмѣ, идеализируя Юстиніана и восхваляя его законы. Ту же мысль онъ выразилъ еще яснѣе въ книгѣ «о монархіи» (de monarchia), которую мы назвали бы книгой объ императорской власти въ Италіи. Вотъ что въ ней, между прочимъ, сказано: «Наши слова, что весь человѣческій родъ долженъ быть управляемъ однимъ государемъ, никакъ не слѣдуетъ объяснять, будто мы полагаемъ, что устройство, законы и управленіе всѣхъ отдѣльныхъ государствъ должны исходить отъ этого государя. Народы и страны имѣютъ особенности, которыя должны подчиняться совершенно различнымъ законамъ». Что идеаломъ Данта не была какая-нибудь турецкая имперія, видно изъ однихъ его словъ, что «не народъ существуетъ для государя, а государь для народа» (non enim gens propter regem, sed e converso rex est propter gentem). Это приводитъ къ заключенію, что законы, не приносящіе пользы тѣмъ, для кого они писаны, не заслуживаютъ названія законовъ.

Поэтическая и богословско-философская дѣятельность Данте совершенно сливается съ исторіей его перехода отъ чисто-чувственной любви къ небесной, отъ благоговѣнія передъ божествомъ въ человѣческомъ образѣ къ чистѣйшему внутреннему созерцанію божественнаго естества. Все это слишкомъ мудрено, тяжело для

насъ и многимъ покажется смѣшно, даже сумасбродно; но Данте жилъ въ другое время. Кто знакомъ съ философіей сенъ-викторской школы, съ богословіемъ Бонавентуры, съ неподражаемой поэзіей Гвидо Гвиничелли, Гвидо Кавальканти, Петрарки и произведеніями всѣхъ романскихъ нарѣчій, тотъ будетъ судить иначе. Аллегорія и мистика, символика и созерцательность были свойственны во времена Данте всѣмъ образованнымъ итальянцамъ уже по однимъ церковнымъ церемоніямъ, праздникамъ и духовному пѣнію. Когда неподражаемый Данте, — поэтически пользуясь исторіей ветхаго и новаго завѣта, исторіей древности и своего времени, философіей и религіей, воздухомъ и туманомъ, даже чистымъ и радужнымъ свѣтомъ рая, — изображаетъ постепенный переходъ отъ созерцанія человѣческаго въ божественномъ къ отрѣшенію отъ всего человѣческаго въ созерцаніи божества, онъ самъ сознаетъ, что изъ тысячей только немногіе будутъ въ силахъ слѣдовать за нимъ. Въ пятнадцати первыхъ стихахъ второй пѣсни «Рая» поэтъ говоритъ непосвященнымъ читателямъ:

«О вы, которые, влекомые любопытствомъ, послѣдовали въ легкой ладьѣ за кораблемъ, несущимъ поэта по морямъ, вернитесь къ вашимъ берегамъ, не довѣряйтесь морскимъ волнамъ, потому что, разъ потерявъ меня изъ виду, вы никогда болѣе не отыщете дороги. Тѣ воды, которыя я намѣренъ переплыть, не переплывалъ еще ни одинъ человѣкъ. Мудрость всемогущаго отца надуваетъ мой парусъ (Minerva spira), сила его божественнаго сына руководитъ моимъ рулемъ (conducemi Apollo), мой кормчій ихъ святой духъ (nuove muse), а не языческая муза, онъ указываетъ мнѣ полярную звѣзду вѣчной жизни (mi dimostran l'orse). Только вы немногіе, рано пожелавшіе ангельскаго хлѣба, можете смѣло пускаться по страшной соленой волнѣ; но слѣдуйте бороздѣ, оставляемой на морѣ моимъ кораблемъ, пока она не успѣетъ еще сгладиться».

Въ «Vita Nuova» и въ «Divina Comedia» проведена одна и та же идея. Оба творенія связаны мыслью, что чистая любовь облагораживаетъ чувственную природу человѣка, а познаніе бренности чувственнаго блаженства приближаетъ человѣка къ Богу. Но «Vita Nuova» только рядъ лирическихъ стихотвореній, тогда какъ «Divina Comedia» представляетъ цѣлую поэму въ трехъ частяхъ, заключающихъ до ста пѣсенъ, а каждая изъ пѣсенъ содержитъ около ста сорока стиховъ. Любовь къ Беатриче, дочери Фулько Портинари, которую поэтъ зналъ и любилъ, когда она была еще ребенкомъ, и за развитіемъ которой онъ постоянно слѣдилъ, даетъ ему возможность воспѣвать въ «Vita Nuova» свое исцѣленіе отъ чувственной любви. Его возлюбленная заболѣваетъ, онъ считаетъ ее умершей, но узнаетъ о ея выздоровленіи. На восемнадцатомъ году она умираетъ и, оплакивая ея смерть, поэтъ разсказываетъ исторію своей любви. Всю эту исторію можно бы считать однимъ поэтическимъ вымысломъ, если бы Данте не связалъ ее такъ тѣсно съ своей внутренней и внѣшней жизнью. Сонеты и канцоны, составляющія «Vita Nuova» (проза, служащая въ ней объясненіемъ стиховъ, не только скучна, но и совершенно лишняя, потому что стихи яснѣе прозы), изображаютъ переходъ души поэта отъ волненій страстей къ созерцательному покою. Лирическія стихотворенія этой поэмы, распространенныя сначала по Италіи отдѣльными отрывками, доставили поэту огромную славу. Достаточно было одного стихотворенія (voi ch'avete l'intelletto d'amore), чтобы поставить его на такую недосягаемую высоту, передъ которой умолкала всякая зависть. Съ самаго начала литературной дѣятельности Данте былъ признанъ величайшимъ геніемъ своего времени такимъ умнымъ народомъ, какъ итальянцы. Въ своихъ лирическихъ изліяніяхъ истиннаго, сильнаго чувства, онъ начинаетъ съ того, что проводитъ насъ черезъ всѣ ступени чисто чувственной любви, черезъ всѣ чередующіеся моменты страха и надежды, черезъ всѣ степени страданій отъ долгой разлуки и невозможности обладанія любимымъ предметомъ. При ложномъ извѣстіи о смерти Беатриче мы еще разъ слышимъ вздохи глубокой тоски, но поэтъ уже предчувствуетъ утѣшеніе, которое ниспошлетъ ему небо. Внутренно онъ уже созерцаетъ хоръ ангеловъ и, когда его возлюбленная дѣйствительно умираетъ, любовь къ земному предмету, испарившись во вздохахъ тоски, переходитъ въ любовь къ безтѣлесному существу. По смерти Беатриче онъ видитъ въ ней только преобразившагося ангела.

Тяжелое исцѣленіе отъ чувственной страсти было для поэта духовнымъ крещеніемъ. «Въ Божественной комедіи» отражается его душевное исцѣленіе, его

взглядъ на настоящее и прошедшее, на свою жизнь и на жизнь друзей, на искусство, науку, поэзію, на гвельфовъ и гибеллиновъ, на черныхъ и бѣлыхъ; въ ней онъ высказалъ, какъ смотритъ на все это сравнительно и относительно къ вѣчному нравственному принципу вещей. Въ «Аду» и «на Горѣ умилостивленія» (тутъ не идетъ слово «Чистилище») Данте разсматриваетъ всѣ явленія только со стороны ихъ внѣшняго проявленія, съ точки зрѣнія государственной мудрости, олицетворенной имъ въ Виргиліи, т. е. точки зрѣнія права, порядка и закона. Въ «Раю» всѣ явленія неба и земли представляются въ духѣ созерцанія божества или постепеннаго преобразованія души, которымъ конечный духъ сливается съ безконечнымъ естествомъ вещей. Преобразованная Беатриче, символъ божественной любви, вѣчнаго милосердія и истиннаго богопознанія, ведетъ его изъ одной сферы въ другую и приводитъ къ Богу, гдѣ нѣтъ болѣе ограниченнаго пространства. Такая поэзія могла бы показаться чисто богословскимъ трактатомъ, если бы Данте не усѣялъ своего путешествія въ мірѣ идей живыми образами. Кому нужна одна поэзія, тотъ найдетъ только лица, исторіи и картины; но мыслителя не остановитъ христіанская обстановка. Проницательный умъ легко проникнетъ сквозь эти покровы, а другой можетъ безъ вреда понимать такъ буквально все, что тамъ находится, потому что поэтъ точно такъ же горячо, какъ и Лютеръ, возстаетъ противъ христіанства, преподававшагося папою и монахами. Смыслъ «Божественной комедіи», гдѣ описанъ и изображенъ міръ и всѣ его явленія, а проведенная аллегорія обозначена только слегка, очень часто перстолковывали, и подъ явно аллегорическими образами понимали то борьбу гвельфовъ и гибеллиновъ, то политику или извращеніе римской церкви, или вообще событія современной исторіи. Это лучше всего доказываетъ, какъ далеко былъ Данте отъ пустой игры фантазіи и какъ онъ остерегался заглушить поэзію подъ аллегоріей. Желательно, чтобы его комментаторы были такъ же осмотрительны, какъ онъ самъ.

Все содержаніе и цѣль великой поэмы Данте высказаны слѣдующими словами Виргилія, въ первой пѣсни «Ада»:

«Я думаю и рѣшаю, что для твоего блага ты долженъ послѣдовать за мной. Я стану указывать путь и поведу тебя черезъ страны вѣчности, гдѣ ты услышишь вопли отчаянія, увидишь скорбныя тѣни, прежде тебя жившія на землѣ, призывающія смерть души послѣ смерти тѣла. Потомъ ты увидишь также и другихъ, ликующихъ среди очистительнаго пламени, потому что они надѣются выстрадать себѣ доступъ въ жилище блаженныхъ. Если же ты пожелаешь вознестись и въ это жилище, то туда проведетъ тебя душа, которая достойнѣе моей. Она останется при тебѣ, когда я удалюсь. Волею верховнаго владыки мнѣ, никогда незнавшему его законовъ, не дано указывать пути въ его градъ. Ему повинуется вся вселенная, но царство его тамъ. Тамъ его избранный градъ (sua citta), тамъ стоитъ его надоблачный престолъ. О, блаженны взысканные имъ!»

По словамъ Виргилія, Данте предстоитъ познать въ «Аду», не на словахъ, а на дѣлѣ, все бѣдствіе человѣка, отпавшаго отъ Бога, и увидѣть всю тщету земнаго величія и честолюбія. Для этого поэтъ изображаетъ живое, подземное царство, гдѣ онъ соединяетъ все, что ему извѣстно изъ миѳологіи, исторіи и собственнаго опыта о нарушеніи человѣкомъ нравственнаго закона. Онъ населяетъ это царство людьми, никогда не стремившимися достигнуть трудомъ и борьбой чистаго и духовнаго бытія, и раздѣляетъ ихъ на круги, показывающіе своимъ относительнымъ отдаленіемъ другъ отъ друга различныя степени грѣховъ. Эти круги, какъ онъ самъ говоритъ въ одиннадцатой пѣсни, олицетворяютъ нравственное ученіе (этику) Аристотеля объ уклоненіи человѣка отъ божественнаго закона. Уклоненіе отъ божественнаго закона начинается съ дикой чувственности и кончается преднамѣреннымъ зломъ, преступленіемъ противъ Бога, отечества и благодѣтелей. Степени грѣховъ одного и того же рода опредѣляются разстояніемъ между концентрическими и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно углубляющимися кругами. Различные роды грѣховъ разграничены въ свою очередь, чтобы указать на ихъ происхожденіе. Тоны, гробы, стѣны, ворота, ужасы Медузы и фурій отдѣляютъ въ царствѣ Плутона пытливыхъ философовъ отъ мѣста казни тѣхъ, кто потворствовалъ плоти и жертвовалъ разумомъ чувственности (al talento). Необозримое ущелье, по которому пролетаютъ на страшилищѣ подземнаго міра гиппогрифѣ, символѣ лжи, отдѣляетъ преднамѣренно злоупотреблявшихъ разумомъ отъ тѣхъ,

кто грѣшилъ вслѣдствіе дерзкой отваги. Въ преисподнюю Виргилія и Данте приноситъ одинъ изъ великановъ, нѣкогда осаждавшихъ Олимпъ и боровшихся съ богами. Пространство ада раздѣлено еще рѣками, символически изображающими всѣ степени тайнаго угрызенія совѣсти, раздирающія душу при пробужденіи сознанія, что цѣль жизни была избрана ложная. Тѣ, которые не по собственной винѣ никогда не знали высшаго человѣческаго назначенія, отдѣлены отъ настоящихъ грѣшниковъ рѣкою, называвшеюся у древнихъ безрадостной (Ахеронъ). Пространство, гдѣ заключены тѣ, которые, надѣясь на свой разумъ, презирали нравственное ученіе, окружено рѣкою ненависти и ужаса (Стиксъ); передъ ней содрогаются сами боги. Въ огненной рѣкѣ (Флегетонъ) томятся беззаконники, позволявшіе себѣ насиліе, вмѣсто того, чтобы рыцарски отстаивать право, — возмездіе за зло равнымъ зломъ, за насильственное самоудовлетвореніе — вѣчнымъ неутолимымъ огнемъ страстныхъ желаній. Въ нижней сферѣ ада струится каплями, глухо журча, Коцитъ; во льду его замерзаетъ человѣчество. Въ глубинѣ льда подлѣ ангела, лишеннаго неба за эгоизмъ, поэтъ находитъ измѣнниковъ отечества и между ними Карлино, предавшаго пизанцамъ Піано, и Бокка дельи Аббати, бывшаго виновникомъ пораженія бѣлыхъ въ 1304 г. Символъ эгоистическаго грѣшника, Люциферъ, злоупотребившій противъ Бога божественнымъ разумомъ, образуетъ глубочайшую точку ада. Отъ нея идетъ вверхъ путь покаянія, такъ какъ видъ Люцифера и всего его окружающаго пробуждаютъ въ душѣ чувства глубокаго раскаянія.

Вторая часть поэмы нѣсколько радостнѣе, но, по свойству содержанія, въ ней менѣе внѣшности, менѣе осязаемаго. Она гораздо труднѣе для тѣхъ, кто не признаетъ необходимости божественной благодати, необъяснимой помощи свыше, чтобы очиститься отъ страстей и извращенія природы, неизбѣжныхъ послѣдствій цивилизаціи, и отъ животной грубости, слѣдствія утраты нравственнаго достоинства. Руссо искалъ первобытнаго человѣка у дикихъ и варваровъ; Данте, напротивъ, доказываетъ, что дикость отнимаетъ у человѣка человѣческое достоинство и дѣлаетъ его звѣроподобнымъ. Кто позналъ слѣдствія нравственнаго паденія, тотъ долженъ стремиться къ первобытной свободѣ души, поэтому высота горы, на вершинѣ которой живетъ въ раю идеальный человѣкъ, должна соотвѣтствовать углубленію, просверленному діаволомъ при паденіи съ неба. Террасы горы глубокаго раскаянія расположены по аристотелевской этикѣ, которой соотвѣтствуютъ большіе отдѣлы и мелкіе круги ада. На каждой изъ террасъ находятся по три ряда фигуръ изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, миѳологіи и современной исторіи, наглядно осуществляющія ученіе Виргилія о томъ, что человѣческая душа только тяжелымъ трудомъ и борьбою достигаетъ побѣды надъ всякой извращенной наклонностью и что страданія исправляютъ. Террасы горы покаянія и истиннаго обращенія раздѣлены, подобно адской безднѣ, на три большихъ пространства. Они идутъ отъ подошвы, омываемой очистительнымъ моремъ, гдѣ растетъ водяная фіалка смиренія и которое стережетъ герой свободы и добродѣтели (Катонъ), до пространства, окруженнаго стѣной и охраняемаго ангеломъ съ пылающимъ мечомъ. Это второе пространство имѣетъ семь террасъ. Третье пространство составляетъ преддверіе земнаго рая, совершенно отличнаго отъ небеснаго, высшей точки, гдѣ обитаетъ чистѣйшій идеалъ человѣка. Сцены на семи террасахъ призываютъ душу очиститься отъ семи главныхъ пороковъ человѣчества, называемыхъ церковью семью смертными грѣхами. Они изображаются семью латинскими Р, которыя ангелъ, какъ символъ церковной власти, чертитъ огненнымъ мечомъ на челѣ поэта, сдувая пепелъ, символъ скорби о грѣхахъ. На каждой изъ террасъ исчезаетъ по одному Р, и поэтъ чувствуетъ, что всякій разъ ему становится гораздо легче. Пространство, охраняемое ангеломъ, какъ въ преисподней Citta da Dite, окружено стѣной; въ этой стѣнѣ находятся замкнутыя ворота, отворяемыя только небесною благодатью, символомъ которой служитъ его Беатриче. Когда Виргилій и Данте приблизились къ этимъ воротамъ, ангелъ, охраняющій ихъ съ пламеннымъ мечомъ, воскликнулъ:

«Скажите мнѣ, что вамъ нужно, гдѣ вашъ вожатый? Берегитесь, чтобы восходъ солнца не принесъ вамъ погибели!» — «Объ этомъ печется ангельская женщина», отвѣчалъ мой учитель. Ангелъ не далъ ему кончить и сказалъ: «Сту-

пайте туда, тамъ есть ворота, да направитъ эта женщина ваши стопы къ спасенію!» Потомъ онъ прибавилъ: «Всходите по этимъ ступенямъ!»

Ступени эти изображаютъ понятіе церкви о церковныхъ средствахъ духовнаго исправленія; гдѣ есть смиренное сознаніе грѣховъ и покаяніе, горькое раскаяніе и суровое самопстязаніе, тамъ разрѣшаетъ грѣхи не пастырь, а самъ Богъ; пастырь только утѣшаетъ, говоря именемъ церкви, что совершенно достаточно. На порогѣ воротъ лежитъ адамантъ, на которомъ Христосъ основалъ истинную церковь, ведущую къ Богу смиреніемъ и страданіемъ, возвышенными стремленіями и правыми дѣлами, а не пустыми обрядами и механическими молитвами. Данте говоритъ:

«Мы стали всходить. Первая ступень была изъ бѣлаго мрамора, такая гладкая и блестящая, что я отражался въ ней, какъ въ зеркалѣ. Вторая была темная, изъ грубаго, горнаго ломкаго камня, пстрещеннаго вдоль и поперегъ. Третья, могучая твердыня, показалась мнѣ огненнымъ порфиромъ, похожимъ на кровь, текущую изъ жилы. На эту ступень опирался подошвами божественный ангелъ, сидѣвшій на порогѣ воротъ, показавшихся мнѣ адамантовыми».

Освобожденный отъ грѣховъ, поэтъ достигаетъ въ двадцать седьмой пѣсни до преддверія земнаго рая, гдѣ ему предстоитъ познать небесное блаженство посредствомъ духовнаго посвященія, прозрѣнія въ смыслъ церковныхъ символовъ и отличіе небесной церкви отъ земной черезъ познаніе упадка церкви въ томъ видѣ, какой она приняла при Бонифаціи VIII и Филиппѣ Красивомъ. При этомъ онъ долженъ пить изъ рѣки забвенія, Леты, и изъ противоположной ей рѣки возвышенныхъ стремленій, Эвное. Поэту дано откровеніе относительно истиннаго и мнимаго счастія человѣка,—откровеніе, почерпнутое изъ глубины христіанскихъ воззрѣній и облеченное всею роскошью поэзіи, всѣмъ блескомъ символики культа. Въ двадцать седьмой пѣсни «Чистилища» ему объявляется, что въ слѣдующихъ шести пѣсняхъ онъ узнаетъ и видитъ все, что можетъ подготовить его къ созерцанію божества въ раю, куда его ведетъ Беатриче. Въ сто двадцать пятомъ стихѣ говорится сначала:

«Сладкій плодъ блаженства, котораго смертные ищутъ на столькихъ деревьяхъ, утолитъ сегодня вполнѣ твою жажду».

Потомъ (стихъ 128) Виргилій говоритъ:

«Теперь, сынъ мой, ты видѣлъ губительный огонь тлѣнности и спасительное пламя вѣчности; ты достигъ мѣста, гдѣ я не могу болѣе служить тебѣ путеводителемъ. До сихъ поръ я водилъ тебя моимъ человѣческимъ разумомъ, далѣе слѣдуй тому руководителю, котораго найдешь въ самомъ себѣ. Ты уже болѣе не на тѣсномъ и крутомъ пути. Вотъ солнце, золотящее первымъ лучомъ твое чело. Вотъ трава, цвѣты, кусты, производимые безъ посѣва и ухода этой первобытной землей. Здѣсь ты можешь отдохнуть, пока не явятся прекрасныя очи, побудившія меня своими слезами служить тебѣ путеводителемъ, или гуляй, любуясь цвѣтами. Не ожидай болѣе, чтобы я позвалъ тебя или знакомъ указалъ тебѣ путь. Отнынѣ свободна и разумна твоя собственная воля; грѣшно было бы не слѣдовать ея указаніямъ. Поэтому я короную и вѣнчаю тебя повелителемъ надъ самимъ собою».

Въ «Раѣ» ведетъ поэта его Беатриче, символъ божественной любви, вѣчной благости и богопочитанія, не достигаемаго человѣческой мудростью. Играя наукой, воздухомъ, свѣтомъ, красками и огнемъ, поэтъ ведетъ душу къ предчувствію той мудрости, которую человѣчество можетъ предчувствовать, но не познавать мыслію и созерцаніемъ. Къ ней поэтому душа приближается только издали. Семь извѣстныхъ въ то время планетъ представляютъ у поэта семь твердыхъ сферъ; восьмая сфера — неподвижная звѣзда, стоящая надъ всѣми движущимися сферами. Въ огненномъ небѣ становится видимымъ то, что на землѣ было только предчувствіемъ. Всѣ сферы населены живыми существами, оживлены движеніемъ и дѣйствіемъ; самое глубокое созерцаніе, самая пытливая и туманная мысль принимаютъ тамъ образы; божественное естество становится ощутительнымъ для души. Поэту предстояла трудная задача не вдаться въ крайній мистицизмъ или крайнюю реальность. Но, воспѣвая божественное и небесное, Данте удачнѣе, нежели Мильтону, Клопштоку и другимъ христіанскимъ поэтамъ, удалось слить человѣческое и земное съ божественнымъ и небеснымъ, не дѣлая божественнаго

человѣческимъ. Какъ далекъ поэтъ отъ того, чтобы смѣшивать земное съ божественнымъ, видно изъ одинадцатой пѣсни «Чистилища», гдѣ онъ поэтически излагаетъ первыя слова молитвы «Отче нашъ».

«Отче нашъ, мы говоримъ, что твое жилище на небесахъ, не потому, чтобы ихъ пространствомъ ограничивалось твое царство, но потому, что высшія сферы, первоначально созданныя тобой, болѣе другихъ полны твоей любовью! Да святится имя твое каждымъ созданнымъ тобою существомъ, потому что всякая хвала подобаетъ твоему духу, оживляющему насъ».

Мы не послѣдуемъ за полстомъ Беатриче, ведущей поэта изъ одной сферы въ другую, гдѣ блаженство, наполняющее его душу, постепенно возрастаетъ, гдѣ онъ проникаетъ въ чистое знаніе, въ науку, въ поэтическое предчувствіе, въ глубину выводовъ Іоанна, Петра и Іакова относительно истиннаго смысла евангелія и основаній, на которыхъ оно зиждется, гдѣ онъ видитъ святыхъ, и наконецъ созерцаетъ самого Бога. Поэтъ самъ чувствовалъ, что не всякій будетъ въ силахъ слѣдовать за нимъ, и высказалъ это въ приведенныхъ уже нами стихахъ «Рая». То же самое Данте говоритъ и въ началѣ первой пѣсни, объясняя, почему и самъ онъ не можетъ вполнѣ выразить своихъ ощущеній:

«Приближаясь къ желанной цѣли, силы нашей души такъ ослабѣваютъ, что способность памяти совершенно измѣняетъ намъ; поэтому предметомъ моихъ пѣснопѣній будетъ впредь только то, что сохранилось во мнѣ отъ впечатлѣній въ царствѣ святыхъ».

Онъ повторяетъ, что его радость, при познаніи божества, при созерцаніи вѣчнаго въ конечномъ, неосязаемаго въ осязаемомъ, была для него, не смотря на страданія изгнанія, предвкушеніемъ вѣчнаго блаженства. Въ пятой пѣсни, души, находящіяся въ сферѣ Меркурія, говорятъ ему:

«О, ты рожденъ для блаженства, если тебѣ еще при жизни была дарована благодать увидѣть торжество побѣдоносной церкви».

Свѣтъ, краски и тоны, всего лучше изображающіе безтѣлесное, безпрестанно встрѣчаются въ поэмѣ. Такъ, въ двадцать первой пѣсни Данте очень удачно выражаетъ достигнутую имъ высоту, говоря, что его смертный глазъ не можетъ болѣе видѣть ослѣпительной прелести улыбки Беатриче, а смертное ухо не въ силахъ уже внимать музыкѣ сферъ. На вопросъ, почему эта музыка замолкла, ему отвѣчаютъ:

«Твое ухо и око смертны, оттого не слышишь музыки сферъ и не видишь улыбки Беатриче».

Въ слѣдующей пѣсни онъ высказываетъ чувство души, сознавшей свое божественное естество, символически облекая его въ ощущеніе при взглядѣ на землю съ высоты неподвижной звѣзды.

«Взглядъ мой обозрѣвалъ всѣ семь сферъ и вмѣстѣ нашъ земной шаръ. О, какъ онъ казался мнѣ малъ! Я смѣялся, видя его ничтожество».

Въ двадцать седьмой пѣсни, гдѣ поэтъ этотъ впервые посвящается въ небесныя тайны, какъ на высотѣ горы очищенія, въ земномъ раю, онъ былъ посвященъ въ земныя. Вотъ его слова:

«Слава и хвала на небесахъ отцу, сыну и святому духу!» запѣли сладостные голоса обитателей рая, и я въ упоеніи внималъ имъ. То, что я видѣлъ, казалось мнѣ улыбкой вселенной, упоительнымъ восторгомъ, проникавшивъ мнѣ въ душу черезъ очи и уши. О радость, о неизъяснимое блаженство, о жизнь, исполненная мира и любви! О вѣчное довольство, не оставляющее никакихъ желаній!»

Лирическія стихотворенія Данте (rime) проникнуты тѣмъ же духомъ, какъ и его великая поэма. Новыя стихотворенія, педантически, темно, сбивчиво и растянуто объясненныя имъ въ его странной книгѣ «Пиръ» (Convito),—пріобрѣли бы ему безсмертіе, еслибы онъ и не написалъ ничего другаго. Но ихъ не нужно смѣшивать съ прозаическимъ текстомъ, никуда не годнымъ.

III. ФРАНЦІЯ, АНГЛІЯ, ГЕРМАНІЯ И ИТАЛІЯ

ОТЪ СМЕРТИ АЛЬБРЕХТА I ДО ПАПЫ УРБАНА V.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

---

1. Франція и Англія при Филиппѣ VI и Эдуардѣ III до начала войны между ними.

Въ 1328 г. на престолъ Франціи вступилъ Филиппъ VI, изъ дома Валуа. Въ этой странѣ, со временъ Людовика Святаго, сдѣланы были попытки противодѣйствовать, посредствомъ самодержавія, феодальной системѣ, воздвигавшей препятствія успѣхамъ цивилизаціи, которая распространялась тогда на Европу изъ Италіи. Отъ старинныхъ пэрствъ, подобнымъ германскимъ курфиршествамъ, уцѣлѣли только Фландрія, Бургундія, Гіенн и Бретань; пэры, даже изъ членовъ королевской фамиліи, не походили болѣе на независимыхъ владѣтелей. Сверхъ того, со временъ Сугерія (стр. 2) духовенство служило во Франціи, и только въ ней одной, интересамъ королевской власти, а не задолго до того и самъ папа очутился въ такой зависимости отъ нея, что при Филиппѣ VI радъ былъ случаю купить Авиньонъ, чтобы только не жить на французской землѣ. Издавна уже начавшееся расширеніе этого государства, въ ущербъ сосѣдямъ и преимущественно Германіи (стр. 222), не остановилось и при Филиппѣ VI. Онъ даже, такъ сказать, открылъ этимъ свое царствованіе, заключивъ въ 1328 г. договоръ, по которому ему были уступлены, за годовую ренту, французскія владѣнія Іоанны II, королевы наваррской, Шампань и Бри (стр. 224). Но по этому дѣлу часто возникали впослѣдствіи ссоры, и оно было окончательно улажено только при Карлѣ VI.

Черезъ два мѣсяца послѣ коронаціи, Филиппъ долженъ былъ предпринять дорого стоившій ему походъ въ графство фландрское, владѣтель котораго, графъ Людовикъ, обратился къ нему за помощью противъ сильной, демократической буржуазіи фландрскихъ городовъ (стр. 224). Филиппъ созвалъ войско, не взирая на то, что рыцарство, уже однажды проученное во Фландріи, не выказывало ни малѣйшаго расположенія къ этому походу. Рѣшительная битва произошла въ іюлѣ 1328 г. при Касселѣ. Напавъ ночью на французское войско, которое расположилось лагеремъ, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности, фламандцы подвергли его большой опасности; но днемъ и въ открытомъ полѣ, тяжелая пѣхота фламандцевъ, страшная только своею многочисленностью, не могла тягаться съ французскимъ рыцарствомъ и испытала полное пораженіе. Города были заняты французами и нѣсколько сотенъ гражданъ уведены за французскимъ войскомъ во Францію, въ качествѣ заложниковъ. Слѣдуя совѣту французскаго короля, графъ Людовикъ употребилъ противъ непокорныхъ гражданъ военную строгость и дошелъ до того, что казнилъ до десяти тысячъ человѣкъ. Но онъ ошибся въ разсчетѣ, подобно всѣмъ, кто думаетъ, что одною грубою силою можно надолго внушить повиновеніе цѣлому народу; черезъ девять лѣтъ

онъ былъ, какъ мы ниже увидимъ, изгнанъ изъ страны вновь возмутившимися подданными.

Важнѣйшимъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ царствованія Филиппа VI была война съ Англіею, которая длилась, съ различными перерывами, болѣе ста лѣтъ. Послѣ позорнаго убійства Эдуарда II (стр. 232), Англіею правила жена его Изабелла, вмѣстѣ со своимъ любовникомъ Мортимеромъ. Они доказали совѣту регенства, назначенному управлять страной до совершеннолѣтія Эдуарда III, что англійская аристократія ошибалась въ разсчетѣ, если думала послѣ убійства Эдуарда водворить въ Англіи олигархію. Изабелла и Мортимеръ отправились, со всѣмъ дворомъ, на сѣверъ, гдѣ безпокоилъ границы государства шотландскій король Робертъ I. Они провели тамъ цѣлый годъ, не предпринимая ничего рѣшительнаго, и кончили тѣмъ, что въ началѣ слѣдующаго года (1328 г.) подписали постыдный миръ. Англія отказалась отъ притязаній на Шотландію и сынъ Роберта, Давидъ II, наслѣдовавшій черезъ годъ отцу, былъ помолвленъ на дочери Изабеллы и за это уплатилъ Англіи извѣстную сумму денегъ. Деньги эти достались Мортимеру, который растратитъ ихъ на удовлетвореніе своей безразсудной гордости и на поддержку своей оскорбительной для другихъ роскоши. Молодой король Эдуардъ до восемнадцатаго года находился въ неволѣ у матери и ея любовника, являясь королемъ только при торжественныхъ случаяхъ. Въ немъ еще дремали пока его великія качества, но своими рыцарскими талантами онъ успѣлъ уже превзойти всѣхъ соотечественниковъ. Когда французскій король потребовалъ къ себѣ Эдуарда для того, чтобы тотъ далъ ему присягу на подданство за Гіенн, Изабелла гордо отвѣчала ему, что сынъ короля не унизитъ себя передъ сыномъ графа. Но вскорѣ потомъ, когда Филиппъ показалъ, что онъ не намѣренъ шутить, и назначилъ срокъ для явки, королева нашлась вынужденною отправить сына въ Аміенъ для личнаго принесенія присяги Филиппу. При этомъ случаѣ, Эдуардъ впервые выказалъ рыцарскую гордость, съ которою онъ потомъ, всю своею жизнь, относился къ Франціи. Онъ явился въ Аміенъ съ такой огромною свитою и такимъ блескомъ и роскошью, что вассалъ затмилъ своего сюзерена; при этомъ Эдуардъ всячески уклонялся отъ исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ присяги и предъявилъ формальную жалобу на короля по поводу своихъ французскихъ владѣній. Впрочемъ, положеніе англійскаго правительства дало впослѣдствіи Филиппу случай унизить своего вассала, потребовалъ его къ суду.

Осенью 1330 г., позорное правительство, тяготѣвшее надъ Англіей и ея рыцаремъ-королемъ, было наконецъ ниспровергнуто. Братъ Эдуарда II, Эдмундъ Кентскій, вступилъ въ заговоръ съ Генрихомъ Ланкастерскимъ и другими вельможами, чтобы вырвать племянника изъ рукъ Мортимера и Изабелы; заговоръ этотъ былъ открытъ. Мортимеръ простилъ за деньги ланкастерскаго, а Эдмунда велѣлъ заключилъ въ темницу и потомъ казнилъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей законнаго, хотя и несправедливаго суда пэровъ. Это судебное убійство дяди короля пробудило наконецъ спящаго льва. Молодой Эдуардъ вступилъ въ тайный заговоръ съ Ланкастеромъ и энергическимъ лордомъ Монтэкьютомъ, велѣлъ тѣмъ самымъ людямъ, которые изрекли приговоръ надъ Эдмундомъ, схватить своевольнаго Мортимера и приговорить его къ позорной смерти. Жестокій деспотъ былъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ. Эдуардъ началъ было преслѣдовать судебнымъ порядкомъ и мать, но папа Іоаннъ XXII отклонилъ его отъ этого. Года черезъ два, Эдуардъ совершенно помирился съ ней, подарилъ ей богатыя помѣстья и доходы, ежегодно посѣщалъ ее въ ея вдовьихъ владѣніяхъ и, когда она скончалась, устроилъ ей пышныя похороны.

Получивъ нераздѣльную власть надъ государствомъ, Эдуардъ III началъ свое геройское поприще, сдѣлавшее его идоломъ и образцомъ рыцарства цѣлой Европы. Первою жертвою его завоевательныхъ стремленій были шотландцы, которыхъ Эдуардъ не переставалъ безпокоить во все царствованіе, не смотря на то, что молодой король ихъ, находившійся еще подъ опекою, былъ помолвленъ на его сестрѣ. Поводомъ къ войнѣ была сдѣланная по распоряженію шотландскаго регента конфискація находившихся въ Шотландіи леновъ нѣкоторыхъ англійскихъ бароновъ, хотя Эдуардъ не вмѣшивался въ раздоры своихъ вассаловъ съ шотландскимъ регентомъ и война эта имѣла нѣкоторое время чисто частный

характеръ. Эдуардъ выказалъ, при этомъ случаѣ, удивительную хитрость. Англо-шотландскіе вассалы завлекли въ войну съ Шотландіею проживавшаго въ Нормандіи Эдуарда Балліоля, сына бывшаго короля Іонна Балліоля (стр. 200 и 207), и когда тотъ пріѣхалъ въ Англію, Эдуардъ далъ ему пропускъ, но въ то же время, запретивъ своимъ вассаламъ воевать съ шотландскимъ королемъ, потребовалъ отъ регента возвращенія отнятыхъ у нихъ владѣній. Покоряясь королевской волѣ, вассалы Эдуарда вторглись въ Шотландію не съ сухаго пути, а моремъ. Собравъ цвѣтъ англійскаго рыцарства, къ которому присоединились и опытные въ войнѣ французскіе авантюристы, пріѣхавшіе съ Балліолемъ, англійскіе бароны, не смотря на то, что при нихъ было всего три тысячи человѣкъ, легко побѣдили сорокатысячное ополченіе шотландцевъ (1331 г.). Побѣдители проникли въ страну до Скона (стр. 208) и, поддерживаемые партіею Эдуарда Балліоля, короновали его шотландскимъ королемъ. Но черезъ десять мѣсяцевъ, новый король былъ изгнанъ. Англійскій король, съ которымъ Эдуардъ Балліоль уже вступилъ въ переговоры, примѣнилъ въ этомъ случаѣ отличную тактику, которой постоянно держался и впослѣдствіи, стараясь дѣлать всѣ свои войны національными, такъ чтобы вся нація считала его личную славу своею собственною и, не колеблясь, приносила въ ея пользу неслыханныя жертвы. Продолжая запрещать своимъ подданнымъ враждебныя дѣйствія противъ Шотландіи, Эдуардъ настоятельно требовалъ отъ регента возвращенія отнятыхъ у его вассаловъ владѣній, но, въ то же самое время, велъ переговоры съ Эдуардомъ Балліолемъ и заключилъ съ нимъ, въ ноябрѣ 1332 г., договоръ, по которому призналъ его законнымъ королемъ Шотландіи, подъ условіемъ признать это государство леномъ англійскаго короля. Послѣ того, Эдуардъ началъ войну съ своею сосѣдкою, придравшись къ набѣгамъ шотландскаго рыцарства на сѣверную Англію. У древнихъ шотландцевъ разбой, грабежъ, убійство и презрѣніе ко всякому мирному труду считались добродѣтелью; не удивительно, что при такомъ характерѣ націи, поразительно вѣрно, хотя поэтически, изображенномъ у Вальтера Скотта, регентъ не могъ препятствовать своимъ баронамъ дѣлать набѣги на Англію. Это было очень хорошо извѣстно Эдуарду, но тѣмъ не менѣе онъ ухватился за этотъ поводъ къ войнѣ съ Шотландіею, предварительно поставивъ Балліоля въ полную зависимость отъ Англіи. Эдуардъ выступилъ въ походъ и въ большомъ сраженіи при Галлидонгиллѣ, не далеко отъ Бервика, одержалъ надъ шотландцами блистательную побѣду, которая, по смѣшнымъ, хвастливымъ свидѣтельствамъ англійскихъ лѣтописцевъ, стоила англичанамъ всего одного рыцаря и десяти человѣкъ пѣхотинцевъ (августъ 1333 г.). Самъ регентъ палъ въ этой битвѣ. Съ той поры молодой король Давидъ бродилъ въ изгнаніи, а Эдуаръ Балліоль заступилъ его мѣсто на шотландскомъ престолѣ, въ качествѣ вассала Англіи. Новый король долженъ былъ уступить сосѣду южную часть Шотландіи, то есть самыя богатыя провинціи королевства, и подчиниться многимъ другимъ стѣснительнымъ условіямъ. Вообще онъ могъ держаться на тронѣ только съ помощью Англіи и притѣсняя своихъ подданныхъ. Высшее духовенство обратилось къ папѣ, а могущественные бароны бѣжали во Францію и, вернувшись оттуда съ французскими подкрѣпленіями, начали войну съ королемъ. Воинственные горцы возобновили тогда безпрерывные набѣги на низменную часть страны, которую не могъ оборонить безсильный король. Всѣ эти обстоятельства почти ежегодно вызывали Эдуарда въ Шотландію, гдѣ онъ вмѣстѣ со своимъ рыцарствомъ всегда покрывалъ себя новой славой, но не пріобрѣталъ ни малѣйшихъ выгодъ.

2. Франція и Англія отъ начала войны Филиппа VI съ Эдуардомъ III до смерти Филиппа.

Вскорѣ по вступленіи Балліоля на шотландскій престолъ въ качествѣ англійскаго вассала, къ Эдуарду III явился одинъ французскій бѣглецъ и далъ ему случай отмстить Франціи за помощь, оказанную ею шотландцамъ и королю ихъ Давиду. Это былъ Робертъ III, внукъ Роберта II графа Артуа, умершаго въ 1302 г. Робертъ II пережилъ сына и наслѣдницею графства сдѣлалась дочь его

Матильда. Но племянникъ ея, достигнувъ совершеннолѣтія, сталъ оспаривать у нея ея права на владѣнія; французскій король и судъ пэровъ рѣшили споръ въ пользу Матильды, однако чрезъ нѣсколько времени молодой Робертъ снова предъявилъ свои притязанія, употребивъ для этого ложныя свидѣтельства какихъ-то негодяевъ и подложные манифесты. Процессъ снова возникъ въ 1329 г., но обманъ былъ открытъ и лжесвидѣтели были осуждены на жестокую казнь. Самъ Робертъ, не отступавшій отъ своихъ притязаній, былъ потребованъ къ суду пэровъ и за ослушаніе, объявленъ опальнымъ. Онъ бѣжалъ въ Брабантъ и принялся интриговать тамъ противъ Филиппа VI; говорятъ даже, что онъ хотѣлъ отравить его и, преслѣдуемый слугами Филиппа, спасся бѣгствомъ въ Англію (1334 г.). Эдуардъ III, желавшій отмстить Филиппу VI за помощь шотландцамъ, только что передъ тѣмъ вступилъ въ переговоры съ французскими вассалами въ Нидерландахъ, поэтому Робертъ, имѣвшій въ этой странѣ обширныя связи, былъ для Эдуарда самымъ желаннымъ гостемъ, для котораго онъ не скупился на деньги, привилегіи и земли. Эдуардъ уже въ 1335 г. заключилъ противъ французскаго короля договоры со многими изъ нидерландскихъ владѣтелей; нѣкоторые изъ германскихъ прелатовъ-владѣтелей между Маасомъ и Рейномъ также пристали, за деньги, къ врагамъ Филиппа. Между тѣмъ отношенія Эдуарда къ Фландріи были нѣкоторое время почти враждебны, потому при немъ, благодаря строгому соблюденію конституціоннаго образа правленія, въ Англіи развились торговля и мореходство, грозившія опасностью монополіи Фландріи въ торговлѣ шерстью и шерстяными тканями. Эдуардъ вызвалъ въ Англію, на выгодныхъ условіяхъ, ткачей, фабрикантовъ и даже работниковъ; но всего болѣе подорвалъ онъ торговлю фламандцевъ запрещеніемъ вывоза шерсти. Однако, передъ разрывомъ съ Франціею, Англія измѣнила свою политику относительно Фландріи, и Филиппъ VI внезапно лишился и безъ того весьма ненадежной опоры въ лицѣ графа Людовика Фландрскаго. Людовикъ вывелъ фламандцевъ изъ терпѣнія своимъ военнымъ деспотизмомъ, и въ Гентѣ вспыхнуло возстаніе, распространившееся вскорѣ и на другіе республиканскіе города Фландріи (1337 г.). Во главѣ этого движенія стоялъ Жакъ д'Артевелль, уроженецъ Гента, котораго романтическій и рыцарскій лѣтописецъ Фруассаръ презрительно называетъ медоваромъ. Впрочемъ это названіе слѣдуетъ понимать точно такъ же, какъ и прозвище кожевникъ, которымъ Аристофанъ клеймитъ афинскаго демагога Клеона (т. I. стр. 215). Во Фландріи, какъ и въ сѣверо-германскихъ городахъ (стр. 233), процвѣтала тогда торговля пивомъ и медомъ и существовали значительныя пивоварни, и Артевелль былъ однимъ изъ фабрикантовъ, которые вели эту торговлю оптомъ. Пользуясь всеобщей любовью и уваженіемъ, имѣя дѣла со множествомъ землевладѣльцевъ и купцовъ, у которыхъ онъ скупалъ хлѣбъ, и въ то же время, давая дѣло тысячамъ работниковъ и промышленниковъ, онъ, благодаря демократическому устройству Фландріи, былъ гораздо могущественнѣе ея бѣднаго и ненавистнаго графа. Онъ отнялъ у него свой родной городъ Гентъ, принялъ на себя въ немъ роль демагогическаго правителя, сталъ преслѣдовать приверженцевъ графа и въ другихъ городахъ, потомъ выгналъ изъ страны его самого, со многими аристократами, и окружилъ себя, подобно рыцарямъ, наемною стражею, которая охраняла его домъ, сопровождала его всюду и, по примѣру наемниковъ Ріенцы, немедленно раздѣлывалась съ каждымъ, кто имѣлъ несчастіе не понравиться ея повелителю. Артевелль съ самаго начала своего демократическаго владычества вступилъ въ сношенія съ Англіею, стараясь, посредствомъ тѣснаго союза съ ней, возвратить своимъ согражданамъ всѣ тѣ преимущества, которыхъ они лишились вслѣдствіе союза ихъ графа съ Франціею.

Съ этого времени, между Франціею и Англіею начались непріязненныя дѣйствія, которыхъ впрочемъ еще нельзя назвать открытою войною. Они возникли первоначально въ Гіенни и Нидерландахъ. Тогда Эдуардъ впервые предъявилъ притязанія на французскую корону, основываясь на правахъ своей матери Изабеллы, дочери Филиппа Прекраснаго, и своей бабки Маргариты, какъ сестры его. Конечно, самъ Эдуардъ очень хорошо сознавалъ невозможность соединенія Франціи съ Англіею; каковъ-бы ни былъ салическій законъ (стр. 224), въ силу котораго царствовалъ Филиппъ VI, но французскій король опирался на права болѣе дѣйствительныя, чѣмъ двусмысленныя слова обветшалаго закона: утвердившійся

обычай, воля націи и благосостояніе феодальнаго государства, которымъ могла управлять только рука мужчины, требовали удаленія женщинъ отъ престолонаслѣдія. Тѣмъ не менѣе, притязанія англійскаго короля, однажды выраженныя, дали поводъ къ кровопролитной войнѣ, которой суждено было длиться цѣлое столѣтіе. Заключивъ, въ 1340 г., договоръ съ фламандцами противъ Филиппа VI, Эдуардъ торжественно принялъ титулъ французскаго короля, успокоивъ этимъ совѣсть своихъ французскихъ подданныхъ и вассаловъ. Передъ тѣмъ онъ старался, какъ мы уже сказали выше (стр. 287), пріобрѣсть титулъ имперскаго намѣстника на западѣ отъ Рейна; этотъ планъ истощилъ его казну и корыстолюбіе германскихъ князей и прелатовъ вынудило его заложить даже корону своей жены и свою собственную. Дорого купленные союзники не принесли ему ни малѣйшей пользы, но онъ извлекъ изъ этого ту выгоду, что ближе сошелся со своимъ народомъ, который призналъ его честолюбивый замыселъ своимъ національнымъ дѣломъ. Правда, что субсидіи, которыя онъ выдавалъ не только нидерландскимъ и рейнскимъ князьямъ и императору, но и вьенскому дофину, женевскому графу, адмираламъ и вельможамъ сицилійскаго короля и генуэзскимъ аристократамъ, повели къ установленію обременительныхъ налоговъ, но за то эти налоги Эдуардъ устанавливалъ не иначе, какъ съ разрѣшенія парламента, въ противоположность обычаю своего дѣда, Эдуарда I.

Получивъ, въ 1338 г., титулъ имперскаго намѣстника, Эдуардъ объявилъ Франціи войну, явился въ 1339 г. передъ Камбрэ и послѣ мѣсячной безуспѣшной осады этого города, отправился далѣе, опустошая на пути всю страну. Филиппъ VI выступилъ ему на встрѣчу, но осторожно уклонялся отъ сраженія, и Эдуардъ долженъ былъ наконецъ удалиться изъ Франціи съ значительною потерею. При этомъ нельзя не упомянуть одного событія, въ которомъ вполнѣ выражаются странныя понятія того времени: графъ Вильгельмъ IV, владѣтель Геннегау, Голландіи и Зеландіи, сдѣлался въ самое короткое время изъ друга Эдуарда его врагомъ. Въ началѣ онъ помогалъ ему осаждать Камбрэ, когда тотъ въ качествѣ имперскаго намѣстника, хотѣлъ возвратить этотъ городъ имперіи,—а чрезъ нѣсколько времени, когда Филиппъ призвалъ вассаловъ къ оружію для защиты страны отъ англичанъ, Вильгельмъ явился въ рядахъ французскаго войска съ 500 человѣкъ. Ни Филиппъ, ни Эдуардъ не имѣли права жаловаться на это и послѣдній долженъ былъ удовольствоваться объясненіемъ графа, который объявилъ, что сталъ подъ знамена Англіи только для того, чтобы возвратить имперіи завоеванный у нея городъ. Не желая раздражать Германіи, Филиппъ не преслѣдовалъ англичанъ при отступленіи ихъ изъ Франціи. Заключивъ, въ слѣдующемъ году, договоръ съ фламандцами, Эдуардъ вернулся въ Англію, гдѣ нація снова напрягла всѣ свои силы для поддержанія его славы, которую считала своею собственною. Онъ сталъ снаряжать флотъ и многочисленное войско для вторичнаго похода во Францію, но Филиппъ еще заранѣе нанялъ военные корабли у генуэзцевъ, которыхъ Эдуардъ тщетно старался отклонить деньгами отъ этой выгодной сдѣлки; Филиппъ послалъ этотъ флотъ, вмѣстѣ съ нормандскими кораблями, къ берегу Фландріи на встрѣчу англичанамъ. Въ іюнѣ 1340 г. оба флота встрѣтились при Слюйсѣ, и французы потерпѣли рѣшительное пораженіе въ самомъ кровавомъ изъ бывшихъ въ средніе вѣка морскихъ сраженій, хотя лѣтописцы явно преувеличиваютъ, говоря, что въ этомъ дѣлѣ погибло около тридцати тысячъ человѣкъ и что у французовъ было отнято до двухсотъ кораблей, а остальные потоплены. Кровавое пораженіе французовъ слѣдуетъ приписать преимущественно искусству легкихъ фламандскихъ кораблей и превосходству англійскихъ стрѣлковъ надъ генуэзскими. Не смотря на эту блистательную побѣду, осада Турнэ кончилась для Эдуарда такъ же неудачно, какъ и осада Камбрэ; онъ терпѣлъ недостатокъ сначала въ деньгахъ, а потомъ и въ союзникахъ. Поэтому для него было какъ нельзя болѣе кстати, что его теща, вдовствующая графиня Іоанна Геннегауская, приняла на себя посредничество между нимъ и своимъ братомъ французскимъ королемъ.

Враги заключили перемиріе, въ сентябрѣ 1340 г., а въ этотъ промежутокъ времени Эдуардъ нашелъ себѣ полезнаго союзника противъ Франціи въ лицѣ претендента на бретанское герцогство, **Іоанна де Монфора**. Братъ его, герцогъ бретанскій, съ согласія Франціи и Эдуарда III назначилъ наслѣдницею свою дочь; но когда онъ умеръ (въ 1341 г.), Іоаннъ протестовалъ противъ этого ра-

споряженія и явился въ Бретань, прежде чѣмъ поспѣлъ туда племянникъ Филиппа, Карлъ де Блуа, женатый на наслѣдницѣ умершаго герцога. Потомъ Іоаннъ отправился въ Англію, въ намѣреніи привлечь на свою сторону Эдуарда. Филиппъ убѣдилъ судъ пэровъ утвердить герцогство за его племянникомъ и отправилъ своего сына, Іоанна Добраго, занять Бретань. Монфоръ былъ осажденъ Іоанномъ въ Нантѣ и, узнавъ, что граждане собираются измѣнить ему, сдался на капитуляцію. Но французы не выполнили ея условій и отправили побѣжденнаго въ Парижъ, какъ плѣнника. Героическая жена его, Іоанна Фландрская, продолжала оспаривать у французовъ каждый шагъ земли, а Эдуардъ III, которому Іоаннъ де Монфоръ, немедленно послѣ своего освобожденія, присягнулъ, какъ законному французскому королю, не только прислалъ ему помощь, но и лично явился съ войскомъ въ Бретань. Впрочемъ едва онъ успѣлъ начать войну, какъ легаты папъ Климента VI, энергически возставшаго противъ этой войны, устроили новое перемиріе (январь 1343 г.). Условія, на которыхъ оно было заключено, допускали продолженіе непріязненныхъ дѣйствій между приверженцами Карла де Блуа и Іоанна де Монфора, и это дало поводъ къ новому, еще большему гнѣву Эдуарда на Филиппа. Узнавъ, что Эдуардъ тайно привлекъ на свою сторону самыхъ значительныхъ рыцарей Бретани, Филиппъ велѣлъ схватить десятерыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Оливье дю Клиссона (отца знаменитаго впослѣдствіи коннетабля), привезти ихъ въ Парижъ и казнить безъ всякаго суда. Эдуардъ прервалъ перемиріе (1345 г.) и отправилъ во Францію два отряда войскъ: одинъ подъ предводительствомъ графа Нортгемптона въ Бретань, а другой подъ начальствомъ храбраго и щедраго графа Генриха Дерби, впослѣдствіи герцога ланкастерскаго, въ Гіеннь. Дерби былъ такъ щедръ, что предоставлялъ всю добычу своимъ воинамъ и даже содержалъ ихъ на свой счетъ, когда у короля недостало на это средствъ. Самъ Эдуардъ отправился съ третьимъ отрядомъ во Фландрію. Изъ этихъ трехъ корпусовъ, только одинъ отрядъ графа Дерби снискалъ себѣ славу, разбивъ французовъ, въ рѣшительномъ сраженіи и овладѣвъ всѣми укрѣпленными замками Гіенни, за исключеніемъ Блэ.

По прибытіи Эдуарда во Фландрію, союзъ его съ вольными городами едва не былъ расторгнутъ. Жакъ д'Артевелль, впродолженіе девяти лѣтъ произвольно управлявшій Фландріею, убѣждалъ фламандцевъ избрать своимъ графомъ принца уэльсскаго, чтобы еще тѣснѣе сблизиться съ Англіею. Это произвело противъ него сильное раздраженіе, потому что фламандцы ненавидѣли англичанъ и давно подозрѣвали Артевелля въ слишкомъ большомъ расположеніи къ нимъ. Одинъ суконный фабрикантъ, Жираръ Дени, пользовавшійся такимъ же вліяніемъ, какъ и Артевелль, сталъ во главѣ его противниковъ въ Гентѣ, и когда Артевелль, опираясь на своихъ наемниковъ и на помощь англійскаго короля, прибѣгнулъ къ силѣ, Дени осадилъ его домъ и убилъ его самого (1345 г.) Разсерженный и оскорбленный Эдуардъ немедленно вернулся въ Англію; но другіе города отправили къ нему депутацію, съ выраженіемъ своего негодованія по поводу поступка жителей Гента. Они впрочемъ прибавили, что намѣрены сохранять вѣрность своему графу, не смотря на то, что онъ былъ французомъ по образу жизни и по характеру, но изъявили при этомъ желаніе, чтобы сынъ и наслѣдникъ его былъ женатъ на англійской принцессѣ. Наконецъ, они предложили ему войско изъ гражданъ Гента, Брюгге, Ипра и другихъ городовъ, готовое выступить въ походъ подъ предводительствомъ одного изъ англійскихъ принцевъ, въ то время какъ самъ онъ вторгнется во Францію съ другой стороны. Эдуардъ примирился съ ними и лѣтомъ 1346 г. выслалъ войско, которое повидимому направлялось въ Гіеннь, но, сверхъ всеобщаго ожиданія, высадилось въ Нормандіи и начало разорять эту провинцію. Вслѣдъ за этимъ несообразнымъ поступкомъ, нанесшимъ вредъ не Филиппу, а только населенію богатой провинціи, Эдуардъ двинулся съ огнемъ и мечомъ вдоль по лѣвому берегу Сены и прошелъ до самаго Пуасси вблизи Парижа, не имѣя возможности переправиться черезъ рѣку, потому что на правомъ берегу стояли войска Филиппа. Переправившись наконецъ черезъ Сену, Эдуардъ разорилъ деревни и поля между Сеною и Соммою, но внезапно очутился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, когда въ тылу у него показалось превосходное силами французское войско, которое, по явно преувеличенному свидѣтельству лѣтописцевъ, состояло изъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Оно двигалось противъ него форспрованнымъ маршемъ, а спереди ему преграждала путь Сомма, мостъ на которой былъ занятъ французами. Англичанамъ грозила неминуемая гибель; къ счастью, нашелся какой-то плѣнный, согласившійся, за большія деньги, показать Эдуарду бродъ на рѣкѣ, такъ что, во время отлива, ему удалось переправиться съ войскомъ на другой берегъ, а начавшійся вслѣдъ затѣмъ приливъ заставилъ Филиппа вернуться къ мосту.

Переправившись черезу Сомму, Эдуардъ рѣшился занять выгодную позицію и дожидаться французовъ, которые отыскивали его слѣды. Онъ имѣлъ время выбрать мѣстность и расположился на высотахъ при городѣ Кресси. Здѣсь въ августѣ 1346 г. произошелъ рѣшительный бой, въ которомъ французы, по собственной винѣ, были разбиты и совершенно истреблены. Люди разсудительные совѣтовали не дѣлать нападенія, потому что во время движенія французовъ къ Кресси шелъ безпрерывный дождь и размочилъ тетивы на лукахъ генуезскихъ стрѣлковъ, къ довершенію всего утомленныхъ переходовъ; но пылкіе и упрямые бароны не согласились откладывать битвы и до того спѣшили дать сраженіе, что одинъ изъ знатнѣйшихъ вассаловъ и его свита позорили свою собственную пѣхоту за то, что она, уставъ и промокнувъ до костей, не рѣшилась идти въ бой. У французовъ, король не былъ единственнымъ главнокомандующимъ, какъ Эдуардъ въ своемъ войскѣ. Англійскій король, вмѣстѣ съ сыномъ и наслѣдникомъ, пятнадцатилѣтнимъ Эдуардомъ, выказали въ этой битвѣ изумительное мужество и замѣчательное военное искусство. Молодой Эдуардъ, прославившійся впослѣдствіи подъ именемъ Чернаго Принца, прозвище, данное ему отъ цвѣта его доспѣховъ, былъ однимъ изъ величайшихъ героевъ среднихъ вѣковъ. Какъ онъ, такъ и отецъ его были искуснымъ военачальниками, что доказывается тактикою и дисциплиною, введенною ими въ войскѣ. Враги ихъ выказали одно мужество, не руководимое разсудительностью, и это-то и было собственно причиною ихъ пораженія при Кресси и неслыханнаго истребленія ихъ рыцарства. По увѣренію всѣхъ лѣтописцевъ, перевѣсъ остался за англичанами, благодаря искусству и превосходству ихъ стрѣлковъ. Фруассаръ пишетъ, что у французовъ пало въ этой битвѣ тридцать тысячъ рядовыхъ, тысяча двѣсти рыцарей и двѣнадцать князей. Но эти данныя явно преувеличены и мы охотнѣе сошлемся на современное свидѣтельство одного священника изъ Дофинэ, говорящаго, что у французовъ осталось на полѣ битвы десять тысячъ простыхъ воиновъ и тысяча семьсотъ шестнадцать рыцарей. Во всякомъ случаѣ, пораженіе французовъ было страшное и добыча англичанъ громадна; кромѣ того, Эдуардъ получилъ потомъ значительный выкупъ за множество знатныхъ плѣнниковъ. Въ числѣ убитыхъ остался слѣпой король чешскій или богемскій, Іоаннъ (стр. 293), присутствовавшій при этой битвѣ, сидя на конѣ, къ которому съ обѣихъ сторонъ было привязано по двѣ лошади. Его знамя, украшенное страусовыми перьями и съ девизомъ «служу», было помѣщено Чернымъ Принцемъ въ свой гербъ и донынѣ сохраняется въ гербѣ принцевъ уэльсскихъ. По свидѣтельству историка Виллани, въ битвѣ при Кресси были употреблены въ дѣло пушки; но во всякомъ случаѣ, не онѣ рѣшили сраженіе. О пушкахъ упоминается уже, и то не впервые, при описаніи одного сраженія, происходившаго въ 1338 г.

Послѣ побѣды при Кресси, англичане совершенно опустошили сѣверныя провинціи Франціи. По увѣренію одного англійскаго лѣтописца, собранная ими добыча была такъ велика, что даже пропзвела перемѣну въ ихъ нравахъ и образѣ жизни. Но начатая вскорѣ послѣ того осада Кале стоила Эдуарду гораздо болѣе денегъ, чѣмъ сколько досталось ему отъ грабежей во Франціи и отъ выкупа плѣнныхъ. Онъ началъ эту осаду, потому что, не разсчитывая на прочность завоеваній во Франціи, желалъ пріобрѣсть тамъ по крайней мѣрѣ твердую точку опоры, приморскій портъ, гдѣ онъ могъ бы безопасно высаживаться всякій разъ, какъ предпринималъ набѣги на Францію. Кале представлялъ для этого всѣ удобства; но былъ сильно укрѣпленъ и населенъ храбрыми французами, пользовавшимися особенными льготами. Они выдержали самую упорную осаду, претерпѣвая въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ неслыханныя бѣдствія. Мы приводимъ здѣсь простой, прозаическій разсказъ этого событія, но у рыцарски-поэтическаго Фруассара оно изображено съ животрепещущимъ интересомъ романтической драмы. Фруассаръ особенно превозноситъ одного изъ гражданъ Кале, Евстафія

де Сенъ Пьера, представляя его образцомъ французскихъ патріотовъ. Городъ, съ геройскимъ мужествомъ одиннадцать мѣсяцевъ выдерживалъ всѣ бѣдствія жестокой осады и только при послѣдней крайности предложилъ сдаться на капитуляцію. Но раздраженный Эдуардъ отвергъ всѣ условія и потребовалъ, чтобы, по обычаю того времени, самые значительные изъ гражданъ босые и съ веревками на шеѣ явились къ нему умолять о пощадѣ. Фруассаръ говоритъ, что эти депутаты должны были поплатиться жизнью за всю общину. Они добровольно вызвались на это, и находившійся въ числѣ ихъ Евстафій де Сенъ Пьеръ подалъ первый примѣръ самоотверженія. Эдуардъ велѣлъ было обезглавить ихъ, но былъ умилостивленъ мольбами жены, бросившейся передъ нимъ на колѣни. Впрочемъ, послѣ такого трогательнаго патріотическаго разсказа покажется нѣсколько страннымъ, что Евстафій остался жить въ городѣ, который сталъ англійскимъ, и позабылъ о своей родинѣ, сдѣлавшись англійскимъ подданнымъ. Англичане цѣлыхъ два столѣтія владѣли Кале. Изгнавъ оттуда многихъ жителей, Эдуардъ замѣстилъ ихъ англичанами, которымъ отдалъ покинутые дома и земли. Фламандцы были очень полезны англичанамъ при осадѣ Кале. Вообще, уже въ ту пору, слухъ о богатой добычѣ, пріобрѣтаемой на англійской службѣ, привлекалъ къ Эдуарду толпы рыцарей изъ Фландріи, Брабанта, Германіи и другихъ странъ. Послѣ взятія Кале (сентябрь 1347 г.), папскимъ легатамъ, въ томъ числѣ и Аннибалу ди Чеккано (стр. 255), удалось устроить кратковременное перемиріе, которое было потомъ продолжено до 1351 г. Англичане обратили Кале въ англійскую крѣпость, сдѣлали его складочнымъ мѣстомъ своихъ товаровъ и покорили не только всю Гіеннь, но и всю страну между Луарою и Гаронною. Въ Бретани, гдѣ война имѣла характеръ соперничества между французскимъ и англійскимъ рыцарствомъ, или вѣрнѣе характеръ огромнаго, кровопролитнаго турнира, Карлъ де Блуа былъ взятъ въ плѣнъ англичанами. Фландрія оставалась союзницею Англіи, не смотря на то, что, при заключеніи перемирія, права молодаго графа Людовика III, отецъ котораго, Людовикъ II, палъ при Кресси, были положительно признаны.

Въ продолженіе осады Кале, ирландцы сдѣлали тщетную попытку свергнуть съ себя англійское иго, а шотландцы, поддерживаемые Филиппомъ VI, вторглись въ сѣверныя провинціи Англіи, разорили ихъ и проникли до Доргэма; но мужественная жена Эдуарда, Филиппа Геннегауская, собрала войско, напала на шотландцевъ при Невильсъ-Кроссѣ близъ Ньюкэстля и одержала блистательную побѣду (октябрь 1347 г.). Большинство шотландцевъ осталось на полѣ битвы, а король ихъ, Давидъ, вмѣстѣ съ другими вождями, попался въ плѣнъ. Это однако не улучшило жалкой судьбы шотландскаго претендента Эдуарда Балліоля, который никогда не могъ утвердиться въ Шотландіи и былъ только орудіемъ англичанъ, существуя жалкою годовою пенсіею, назначенною ему Эдуардомъ.

Война обходилась страшно дорого и англичанамъ, французамъ; оба короля платили баронамъ огромныя деньги для того, чтобы удерживать ихъ въ войскѣ. Филиппъ, не будучи въ состояніи расплатиться съ графомъ де Фуа и его вассалами, которымъ задолжалъ жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ, на сумму до сорока девяти тысячъ пяти сотъ ливровъ, долженъ былъ уступить за это графу одинъ замокъ и два имѣнія. Войско Эдуарда стоило ему, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ продолженіе цѣлаго года, ежемѣсячно по тридцати одной тысячѣ фунтовъ; 4,022 человѣкамъ платилось по одиннадцати шиллинговъ, 15,430 стрѣлкамъ по три и каждому всаднику по два пенса въ сутки. Изъ этого можно видѣть, въ какой несоразмѣрности были феодальныя войны среднихъ вѣковъ съ чистыми доходами государствъ и цѣнностью первыхъ потребностей жизни. Поэтому не мудрено, что финансовое положеніе, какъ Филиппа, такъ и Эдуарда, было чрезвычайно запутанно. Оба они были вынуждены прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ, особенно Филиппъ, такъ какъ его мѣры были менѣе прибыльны и большинство полученныхъ денегъ доставалось не казнѣ (стр. 223), а ломбардцамъ и евреямъ, черезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ. Филиппъ установилъ знаменитый во французской исторіи налогъ на соль, изобрѣлъ новыя пошлины, сталъ взимать подать съ промысловъ, наложилъ на духовенство десятину и послѣдовалъ примѣру своего предшественника, Филиппа IV, начавъ выпускать въ обращеніе фальшивую монету. Не взирая на повторяемыя имъ клятвенныя обѣщанія, каждый

разъ покупаемыя государственными чинами цѣной новыхъ налоговъ, монету портили примѣсью или обрѣзали, потомъ извлекали изъ обращенія и переплавляли, смотря потому, какъ было удобнѣе для ростовщиковъ, съ которыми тогдашніе министры находились въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и нынѣшніе съ евреями и банкирами. Наконецъ Филиппъ прибѣгнулъ къ методѣ азіатскихъ деспотовъ и сталъ по временамъ силою отнимать у ростовщиковъ, министровъ и чиновниковъ нажитое ими всякими неправдами.

Въ эти печальныя времена, на всемъ пространствѣ отъ Кале до Средиземнаго моря, и отъ Пиринеевъ до Вара установилось единство французскаго языка и нравовъ, единство, благодаря которому французы, какъ нація, всегда стояли выше нѣмцевъ, раздѣленныхъ на отдѣльныя государства. Сами англичане были нѣкоторымъ образомъ пріобщены къ этой французской національности; ихъ дворъ, законы и суды говорили и писали на французскомъ языкѣ, а нравы и образъ жизни высшаго сословія, начиная съ покроя платья и мебели, были чисто французскіе. Не смотря на то, Франціи, уже съ перемирія 1347 г., грозила потеря многихъ провинцій, которыя, спустя тридцать лѣтъ, дѣйствительно отошли къ Англіи; но національность такъ тѣсно связывала ихъ съ Франціею, что, рано или поздно, онѣ неизбѣжно должны были вновь присоединиться къ ней. Въ замѣнъ этихъ провинцій, Франція расширила свои владѣнія на югѣ, уничтоживъ въ Монпеллье наслѣдственную власть арагонскаго дома, а въ Бургундіи,—послѣднюю тѣнь германскаго владычества. Филиппъ освободилъ всю южную Францію, за исключеніемъ Руссильона и Сердани, отъ иноземной власти. Это расширеніе и округленіе страны тѣмъ замѣчательнѣе, что оно было въ связи съ прекращеніемъ двухъ самостоятельныхъ династій, арагонской въ Монпелье и Дофиновъ въ Віеннѣ.

Арагонскій домъ раздѣлился, въ тринадцатомъ вѣкѣ, на три линіи. Іаковъ I Арагонскій отдалъ старшему сыну, Петру III, Арагонію и Каталонію, а младшему, Іакову, маіоркское или мальоркское королевство, т. е. Балеарскіе острова съ Руссильономъ, Монпелье и другими французскими провинціями, принадлежавшими Арагоніи. По смерти отца (1276 г.) они вступили въ управленіе, каждый своимъ удѣломъ. Черезъ шесть лѣтъ Петръ III овладѣлъ Сициліею, вслѣдствіе сицилійскихъ вечерень, и по смерти оставилъ этотъ островъ своему младшему сыну, Фридриху II, а Арагонію старшему сыну Іакову II (стр. 142 и 144). Такимъ образомъ возникла третья вѣтвь арагонскаго дома. Одна изъ этихъ линій имѣла мѣстопребываніе въ Сарагоссѣ и Барселонѣ; другая въ Палермо, а третья въ Монпелье и на островѣ Маіоркѣ. Эта послѣдняя династія лишилась владѣній уже въ третьемъ поколѣніи. Маіоркскій король былъ вынужденъ, еще при Филиппѣ Красивомъ, приносить за Монпелье присягу на подданство французскому королю, а третій король Маіорки, Іаковъ II, лишился и французскихъ владѣній и Балеарскихъ острововъ. Онъ поссорился со своимъ родственникомъ, арагонскимъ королемъ Петромъ IV, и когда Петръ отнялъ у него силою Руссильонъ, Сердань и Балеарскіе острова, хитрый Филиппъ VI Французскій съумѣлъ извлечь для себя всевозможныя выгоды изъ безпомощнаго положенія Іакова. Онъ помогъ ему деньгами въ борьбѣ съ арагонскимъ королемъ, получивъ за это Монпелье и другія владѣнія, еще остававшіяся у Іакова во Франціи (1349 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Іаковъ высадился на Маіорку съ наемнымъ войскомъ, но разбитый на голову, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ по приказанію Петра IV.

Такимъ же образомъ былъ присоединенъ къ Франціи и Дофинэ. Эта до тѣхъ поръ самостоятельная, или вѣрнѣе подчиненная Германіи провинція, простиралась отъ Монпелье почти до Женевы и Ліона, и правители ея съ незапамятныхъ временъ носили, неизвѣстно почему, титулъ дофиновъ или дельфиновъ. Этою страною владѣли одна за другою три династіи; послѣдняя, властвовавшая съ 1279 по 1349 г., происходила изъ фамиліи де ла Туръ и поддерживала, подобно двумъ предъидущимъ, номинальную связь съ имперіею, находясь въ то же время, подобно предшествовавшей линіи, въ ленныхъ отношеніяхъ къ французскому королю по своимъ обширнымъ владѣніямъ во Франціи. Послѣдній дофинъ изъ дома де ла Туръ, Губертъ II, былъ человѣкъ чрезвычайно тщеславный и суевѣрный, и именно потому страшно расточительный. Онъ подолгу проживалъ въ Авиньонѣ, предпринималъ крестовый походъ, дѣлалъ подаркамъ церкви, строилъ

монастыри и кончилъ тѣмъ, что совершенно разорился. Огромные долги вынудили его наконецъ не только обременить подданныхъ тяжелыми налогами, но и продать свои владѣнія. Онъ продалъ сначала свои имѣнія въ Оверни, Нормандіи и другихъ провинціяхъ Франціи, и не имѣя силъ воздержаться отъ мотовства, долженъ былъ наконецъ продать Филиппу Французскому и все свое герцогство. Въ 1343 г., они заключили между собою договоръ, по которому наслѣдникомъ Дофинэ былъ назначенъ второй сынъ французскаго короля, Филиппъ Орлеанскій, за что Губертъ получилъ 120,000 золотыхъ экю и ежегодную пенсію въ 10,000 ливровъ. При этомъ Губертъ не только остался до самой смерти вѣренъ императору, но и позаботился обезпечить въ договорѣ независимость своего маленькаго государства и права подданныхъ. Въ договорѣ было сказано, что Филиппъ Орлеанскій и его потомство получатъ титулъ дофиновъ, но съ обязательствомъ добросовѣстно сохранять и защищать права и обычаи страны, которая должна оставаться самостоятельною и присоединиться къ Франціи только тогда, когда титулъ германскаго императора перейдетъ къ французскому королю.

Но, спустя годъ, новыя денежныя затрудненія заставили Губерта, въ благодарность за помощь французскаго короля, измѣнить условія договора: вмѣсто Филиппа Орлеанскаго, намѣстникомъ Дофинэ былъ объявленъ старшій братъ его, будущій французскій король Іоаннъ Добрый, что уже заставляло предугадывать будущее присоединеніе Дофинэ къ Франціи. Вслѣдъ за тѣмъ Губертъ предпринялъ крестовый походъ противъ турокъ, стоившій очень много денегъ, но окончившійся неудачно. Возвратясь съ этого похода, онъ вздумалъ снова вступить въ бракъ, вѣроятно, наведенный на эту мысль своими приближенными, которымъ не хотѣлось сдѣлаться французскими подданными. Онъ остановилъ свой выборъ на дочери герцога Бурбона и уже вступилъ съ нимъ въ переговоры, какъ Филиппу удалось выгодными предложеніями отклонить герцога отъ этого союза. Въ то же время Филиппъ принялся дѣйствовать на слабаго Губерта посредствомъ папы и духовенства, чтобы уговорить его отказаться отъ свѣта и удалиться въ монастырь, послѣ оскорбленія, нанесеннаго ему герцогомъ Бурбономъ. Филиппъ былъ готовъ пожертвовать еще значительныя суммы, для того чтобы поскорѣе осуществить этотъ планъ и присоединить Дофинэ къ Франціи еще при жизни Губерта. Это ему удалось. Губертъ отказался отъ владѣній въ пользу старшаго сына наслѣдника французскаго престола, будущаго короля Карла V, и постригся въ монахи. Но прежде, чѣмъ онъ отрекся отъ своихъ правъ, окружающіе его позаботились о томъ, чтобы онъ составилъ письменный актъ, формально утвержденный Филиппомъ VI, какъ государственный статутъ Дофинэ, и обезпечившій на будущія времена всѣ права жителей этой страны. Впослѣдствіи, въ царствованіе внука Филиппа, Карла V, установился обычай, чтобы одинъ изъ принцевъ царствующаго дома, именно младшій сынъ короля, принималъ титулъ и гербъ Дофина. Черезъ годъ по пріобрѣтеніи Дофинэ, Филиппъ VI скончался (1350 г.)

3. Англія и Франція при Эдуардѣ III и при Іоаннѣ Добромъ до мира въ Бретиньи.

Новый французскій король, Іоаннъ Добрый, гораздо ревностнѣе своего отца старался поддерживать миръ съ Англіею, въ чемъ содѣйствовалъ ему всѣми силами папа Иннокентій VI. Но усилія обоихъ были совершенно тщетны, потому что Эдуардъ хотѣлъ освободиться отъ своихъ ленныхъ обязанностей къ Франціи, а Іоаннъ не могъ уступить существенныхъ правъ своей націи. Между ними могло состояться только кратковременное перемиріе, и въ 1355 г. война снова возгорѣлась. Впрочемъ и во время перемирія, обѣ стороны не прекращали враждебныхъ дѣйствій: Англія поддерживала въ Бретани Монфоровъ, а Франція волновала шотландцевъ. Король ихъ все еще находился въ плѣну у англичанъ и шотландцы мстили имъ за это безпрестанными набѣгами, которые Эдуардъ вымещалъ потомъ на невинныхъ жителяхъ низменной части Шотландіи. Впрочемъ вспыльчивость, слабость и опрометчивая строгость Іоанна доставили Эдуарду въ самой Франціи гораздо болѣе полезныхъ друзей, нежели какихъ имѣли французы

въ хищныхъ шотландцахъ. Іоаннъ поссорился разомъ съ государственными чинами, графомъ де Фуа, съ наваррскимъ королемъ и находившеюся въ союзѣ съ послѣднимъ нормандскою фамиліею де Гаркуръ. Мы коснемся прежде всего его распрей съ Наваррою, имѣющихъ отношеніе ко внутреннимъ событіямъ въ Кастиліи.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ, Кастилія сдѣлалась сильнѣйшимъ изъ государствъ Испаніи. Король ея, Фердинандъ III Святой, сдѣлалъ большія завоеванія и пріобрѣтенія, упрочивъ вмѣстѣ съ тѣмъ нераздѣльность кастильскихъ провинцій. Сынъ его, Альфонсъ X Мудрый, продолжалъ расширять предѣлы Кастиліи; но повредилъ странѣ не только своимъ тщеславіемъ и стремленіемъ добыть себѣ титулъ германскаго императора, стоившій ему невѣроятно дорого (стр. 177), но и самымъ своимъ законодательствомъ, отмѣнивъ старинный испанскій законъ о престолонаслѣдіи и замѣнивъ его новымъ. По прежнимъ постановленіямъ, въ случаѣ смерти старшаго принца, при жизни отца, корону наслѣдовалъ не сынъ, а братъ умершаго принца; Альфонсъ же постановилъ, что потомство старшаго принца имѣетъ преимущество передъ его братьями. Но это распоряженіе никогда не имѣло законнаго дѣйствія, потому что не было имъ обнародовано. Еще при его жизни, по смерти его старшаго сына, Фердинанда де ла Серда, кортесы, сообразуясь со стариннымъ закономъ, назначили наслѣдникомъ престола втораго сына короля, Санчо IV, обойдя потомковъ Фердинанда, Альфонса и Фердинанда, и Альфонсъ X оффиціально обнародовалъ ихъ постановленіе. Мать принцевъ де ла Серда, Бланка, дочь французскаго короля Людовика XI, протестовала противъ этой мѣры и обратилась къ содѣйствію своего брата Филиппа III и къ брату своего покойнаго мужа, по матери, Петру III Арагонскому. Такимъ образомъ въ Кастиліи возникли междоусобія и война съ сосѣдними государями, кончившіяся въ слѣдующемъ вѣкѣ тѣмъ, что фамилія де ла Серда отказалась отъ притязаній на престолъ и удовольствовалась леномъ отъ кастильской короны. Одинъ изъ принцевъ этого дома, Карлосъ де ла Серда, съ дѣтства жившій во Франціи, былъ другомъ и любимцемъ французскаго короля Іоанна.

Безразсудный и увлекавшійся, и въ дружбѣ, и въ ненависти, король Іоаннъ осыпалъ милостями кастильскаго принца, точно такъ же какъ Эдуардъ II Гэвстона (стр. 225) и, какъ и тотъ, возбудилъ неудовольствіе вельможъ предпочтеніемъ, оказываемымъ иностранцу. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Іоаннъ подарилъ своему фавориту множество помѣстій и въ томъ числѣ даже тѣ, изъ доходовъ съ которыхъ, по распоряженію Филиппа VI, уплачивалась ежегодная рента наваррскимъ королямъ (стр. 323). Но особенно раздражены были французы на то, что Іоаннъ, по одному подозрѣнію и съ нарушеніемъ всѣхъ законныхъ формальностей, осудилъ на казнь коннетабля Рауля де Бріенна, графа д'Э и де Гинь, и передалъ должность его, высшую въ государствѣ, ненавистному кастильцу. Вслѣдъ за тѣмъ, Іоаннъ женилъ новаго коннетабля на дочери Карла де Блуа, ближайшаго родственника королевской фамиліи. Эти чрезмѣрныя милости встревожили даже самого де ла Серду и онъ, какъ человѣкъ болѣе дальновидный, чѣмъ безразсудный король, старался отклонить ихъ. Событія доказали, что опасенія коннетабля были основательны и что Іоаннъ напрасно разсчитывалъ на внушаемый имъ страхъ.

Наваррскій король, Карлъ Злой, наслѣдовавшій въ 1349 г. отъ своего отца Филиппа д'Эврё и матери Іоанны II (стр. 224), незначительное наваррское королевство и многія другія владѣнія во Франціи, и помолвленный, въ 1351 г., на восьмилѣтней дочери Іоанна Добраго, вступилъ въ заговоръ со своимъ братомъ Филиппомъ Наваррскимъ, тремя графами де Гаркуръ и многими другими вельможами, съ цѣлью погубить ненавистнаго коннетабля. Они предательски умертвили его въ постели, и по всѣмъ вѣроятіямъ, въ присутствіи самого короля (1354 г.). Іоаннъ немедленно рѣшился отмстить за смерть любимца и началъ съ того, что отнялъ у графовъ де Гаркуръ ихъ обширныя владѣнія въ Нормандіи. Но Карлъ Злой обратился за помощью къ Генриху, герцогу ланкастерскому, который находился во Фландріи, и это до того перепугало слабаго французскаго короля, что онъ, черезъ нѣсколько недѣль, заключилъ съ Карломъ постыдный договоръ, обязавшись не только простить убійство коннетабля, но и дать удовлетвореніе за взятыя у него прежде имѣнія. Однако, черезъ мѣсяцъ наваррскій

король снова сталъ грозить Іоанну; оставшись въ союзѣ съ Англіей, онъ отправился въ Авиньонъ, чтобы возбудить противъ Іоанна самого папу и, для достиженія этой цѣли, не отступалъ ни предъ какими происками. Іоаннъ и въ этомъ случаѣ выказалъ опрометчивость и слабость; отдавъ сначала повелѣніе конфисковать всѣ владѣнія Карла Злаго, онъ снова помирился съ нимъ на прежнихъ условіяхъ, когда тотъ, соединясь со всѣми своими друзьями и вассалами и опираясь на помощь Англіи, рѣшился отражать силу силою.

Въ 1355 г. снова возгорѣлась война съ Англіею. Эдуардъ отправилъ своего храбраго сына, Чернаго Принца, въ Гіеннь, а самъ переправился въ Кале и сталъ опустошать оттуда Артуа и Пикардію, но вскорѣ былъ отозванъ въ Англію новымъ вторженіемъ шотландцевъ. Онъ отмстилъ имъ за набѣгъ разореніемъ ихъ страны; это только усилило ихъ ненависть къ Англіи и сдѣлало войну еще кровопролитнѣе, но нисколько не помогло англичанамъ овладѣть Шотландіею. Въ то же время принцъ Эдуардъ сдѣлалъ не менѣе славный и опустошительный, но и не болѣе рѣшительный, по результатамъ, походъ въ Лангедокъ. Съ огнемъ и мечомъ проникъ Черный Принцъ до Каркассоны и Нарбонны и готовился продолжать путь до Монпелье и Авиньона, но былъ остановленъ вспыхнувшимъ вокругъ него возстаніемъ рыцарей и народа и вынужденъ вернуться въ Гіеннь.

Разореніе богатѣйшихъ провинцій сѣверной и южной Франціи заставило французскаго короля обратиться за денежною помощью къ государственнымъ чинамъ. Во Франціи государственные чины были двойственные, потому что, по языку и законодательству, она дѣлилась на двѣ половины. Меньшая, южная часть страны, именовавшаяся, по своему нарѣчію, Лангедокомъ, руководилась римскимъ правомъ и, подобно сѣверной, имѣла свое отдѣльное собраніе государственныхъ сословій; вторая, или Langued'oil, имѣла такъ называемые общіе государственные чины или штаты (états généraux), и въ ней, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, имѣло силу словесное право, т. е. юридическій обычай. Кругъ дѣйствій собранія лангедокскихъ сословій ограничивался мѣстными вопросами: защитою края, опредѣленіемъ налоговъ и надзоромъ за ихъ употребленіемъ. Чтобы побудить ихъ къ большимъ пожертвованіямъ, Іоаннъ обѣщалъ прислать къ нимъ дофина, и лангедокскія сословія выставили на свой счетъ войско противъ англичанъ. Государственные чины были созваны королемъ въ Парижъ къ 30 ноября 1355 г. Но собравшись они приняли самыя рѣшительныя и неожиданныя мѣры противъ короля. Чтобы объяснить себѣ значеніе этихъ мѣръ, надо знать, что въ дѣлѣ притѣсненія подданныхъ и чекана фальшивой монеты, Іоаннъ Добрый вполнѣ слѣдовалъ примѣру дѣда и безъ суда заключалъ въ темницы или предавалъ казни значительнѣйшихъ лицъ страны. Постоянная вражда между тремя сословіями, составлявшими государственные чины, благопріятствовала произвольнымъ поступкамъ государя; но теперь, когда для него настала нужда въ содѣйствіи націи, всѣ три сословія соединились для единодушнаго сопротивленія насильственно установившемуся самодержавію. Разсудокъ и патріотизмъ не позволяли государственнымъ чинамъ отказать королю въ назначеніи необходимыхъ средствъ, но они рѣшились предупредить злоупотребленіе ими. Впрочемъ мѣры, принятыя для этого собраніемъ, доказываютъ, что вліятельные члены собранія могли быть скорѣе хорошими юристами, чѣмъ политико-экономами и финансистами. Сословія выбрали изъ своей среды коммисію для надзора за взиманіемъ установленныхъ ими чрезвычайныхъ налоговъ, и за тѣмъ, чтобы эти суммы были употребляемы единственно для предназначенной цѣли. Этотъ комитетъ былъ облеченъ значительными правами и даже отчасти королевской властью, разумѣется, только на время войны, для издержекъ которой и былъ учрежденъ чрезвычайный налогъ. Но этотъ налогъ былъ установленъ только на одинъ годъ, что вынуждало короля ежегодно созывать сословія, а они, пользуясь этимъ, вымогали у него новыя уступки, которыя вели къ совершенному измѣненію правительственной системы. Король, его сыновья и канцлеръ должны были дать торжественное обязательство не измѣнять болѣе цѣнности монеты, и всякій чиновникъ, способствовавшій этой спекуляціи, подвергался немедленному отрѣшенію отъ должности. Злоупотребленіе, состоявшее въ томъ, что король, принцы, полководцы и всѣ королевскіе слуги брали безплатно, повсюду, гдѣ находились, хлѣбъ, вино под-

воды, лошадей и все, что желали, было не только воспрещено, но гражданамъ и крестьянамъ было дозволено противиться силою этимъ требованіямъ, а генералъ-прокурору было подъ присягою вмѣнено въ обязанность преслѣдовать уголовнымъ судомъ всякаго, кто отнималъ у нихъ что нибудь силою. Уплата долговъ ломбардцамъ была отстрочена на десять лѣтъ, а рыцарямъ и чиновникамъ, которые занимались тѣмъ, что принимали на себя ихъ иски и потомъ силою требовали по нимъ удовлетворенія, были строжайше запрещены подобныя спекуляціи и всѣ вообще торговые обороты. Замѣчательно, что при этомъ случаѣ короля заставили дать клятву отмѣнить въ администраціи и судопроизводствѣ нѣкоторыя мѣры, которыя продолжали примѣняться впослѣдствіи даже при Людовикѣ XV и его внукѣ. Напримѣръ, Іоаннъ долженъ былъ постановить, чтобы всякій былъ судимъ своимъ непосредственнымъ судьею и чтобы судебная власть высшихъ должностныхъ лицъ ограничивалась ихъ округомъ. Наконецъ рыцарство, терпѣвшее отъ безпрестанныхъ, безъ нужды повторяемыхъ призывовъ къ оружію, добилось того, что у короля было отнято право созывать поголовное ополченіе безъ предварительнаго разрѣшенія государственныхъ чиновъ, если только какія нибудь особенныя обстоятельства не препятствовали ихъ созванію.

Какъ однако ни были необходимы улучшенія въ государственномъ устройствѣ и администраціи и какъ торжественно ни обязался король подчиниться постановленіямъ сословій, но, съ одной стороны, обѣщанія короля были не надежны, а съ другой совершенно непримѣнимы на практикѣ. Новые налоги были несоразмѣрны съ ихъ цѣлью и оказались недостаточны: они повели только къ произволу и притѣсненіямъ. Коммисары сословій или встрѣчали презрѣніе къ своимъ требованіямъ, или сами злоупотребляли, въ ущербъ народу, возложенною на нихъ властью. Король такъ мало стѣснялся клятвами, что при второмъ же собраніи чиновъ рѣшился на неслыханное насиліе противъ первѣйшихъ лицъ государства. Дѣло касалось наваррскаго короля и его друзей. По всѣмъ вѣроятіямъ, Карлъ Злой и послѣ вторичнаго примиренія съ Іоанномъ, продолжалъ сношенія съ англичанами; кромѣ того, онъ старался возбудить дофина противъ отца и произвесть возстаніе въ Нормандіи, по поводу налоговъ. Король рѣшился обезпечить себя отъ этого врага, овладѣвъ имъ. Однажды, когда Карлъ, приглашенный на праздникъ къ дофину, отправился въ Руанъ, король тайно явился въ этотъ городъ и, ворвавшись съ вооруженными людьми въ комнату, гдѣ происходило пиршество, велѣлъ схватить Карла, графа Жана де Гаркура и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, участвовавшихъ въ убійствѣ де ла Серды. Четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ и графъ де Гаркуръ, были немедленно обезглавлены. Карла Злаго король отвезъ съ собою въ Парижъ, гдѣ его полтора года перевозили изъ темницы въ темницу, замки его были осаждены и король приказалъ своимъ войскамъ занять Наварру. Но братъ Карла, Филиппъ Наваррскій, и остальные графы де Гаркуръ защищали его владѣнія и вступили въ союзъ съ англійскимъ королемъ противъ Іоанна.

Пока французскій король былъ занятъ осадою замковъ Карла, Черный Принцъ внезапно выступилъ изъ Гіенни и проникъ чрезъ Руэргъ, Овернь и Лимузенъ до самой Луары. Походъ его былъ рядомъ опустошеній; болѣе пятисотъ мѣстечекъ были въ конецъ разрушены англичанами. Даже этотъ великодушный рыцарь былъ вынужденъ подчиняться обычаямъ того времени и обращать въ пустыню завоеванный край. По многимъ причинамъ, эти жестокости были неизбѣжнымъ зломъ среднихъ вѣковъ. Въ тѣ времена войну вели не короли и регулярное войско, какъ нынѣ, а масса народа и рыцарство; поэтому въ непріятельской странѣ прежде всего старались разорить и подвергнуть всякимъ бѣдствіямъ населеніе, принимавшее непосредственное участіе въ войнѣ. Къ тому же непріятелямъ можно было вредить только опустошеніями, потому что безъ прочныхъ доходовъ и постояннаго войска, государи не имѣли возможности удерживать за собою завоеванныя земли. Грозное нападеніе Чернаго принца повергло простоватаго и вспыльчиваго Іоанна въ сильную ярость. Наскоро собравъ войско, въ которомъ находились четверо сыновей его и знатнѣйшіе французскіе вассалы, онъ выступилъ съ нимъ къ Луарѣ, намѣреваясь немедленно дать врагу сраженіе. Прибывъ въ Пуатье, онъ не сталъ выжидать, какъ ему совѣтовали, нападенія Чернаго Принца, который, имѣя передъ собою армію короля, а въ тылу войско

Лангедока, могъ бы быть поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе, если бы сумасбродная горячность его противника не испортила всего дѣла. Іоаннъ выступилъ изъ Пуатье и напалъ на англичанъ (19 сентября 1356 г.) въ двухъчасовомъ разстояніи отъ этого города, при Мопертюи, на холмистой мѣстности, гдѣ всѣ условія битвы благопріятствовали его противнику и были невыгодны для него самого. Чтобы аттаковать непріятеля, его войска, привыкшія сражаться только на лошадяхъ, должны были спѣшиться и проходить по узкой тропинкѣ, гдѣ ихъ, совершено беззащитныхъ, осыпали градомъ стрѣлъ искусные англійскіе стрѣлки. Если войско французское дѣйствительно состояло, какъ говоритъ Фруассаръ, изъ пятидесяти, или шестидесяти тысячъ человѣкъ, а по другимъ даннымъ изъ сорока тысячъ, то со стороны Іоанна было вдвойнѣ безразсудно вести эту плохо организованную массу въ такое мѣсто, гдѣ именно ея многочисленность грозила ей неминуемой бѣдою. Войско принца уэльсскаго состояло только изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ; но имъ начальствовалъ храбрѣйшій рыцарь и искуснѣйшій полководецъ того времени, и въ этомъ войскѣ большинство составляли храбрые, гасконскіе бароны и цвѣтъ англійскаго рыцарства, добровольно явившагося состязаться въ мужествѣ съ первыми. Сверхъ того, въ англійскомъ войскѣ была введена образцовая дисциплина, потому что всѣ безусловно довѣряли принцу и величайшему герою послѣ него, его товарищу Джону Чандосу. Во французскомъ же войскѣ каждый распоряжался аттакою по своему, ни одинъ принцъ, ни одинъ феодалъ не хотѣлъ подчиняться королю, котораго всѣ презирали. Всѣ эти обстоятельства, въ соединеніи съ искусствомъ и отличнымъ расположеніемъ англійскихъ стрѣлковъ и опрометчивою пылкостью французовъ, доставили небольшому отряду англичанъ полную побѣду. Число убитыхъ было хотя не велико, потому что англичане остерегались далеко преслѣдовать бѣгущихъ, а дофинъ съ большею частью войска рано покинулъ поле битвы, но въ этомъ сраженіи палъ или былъ взятъ въ плѣнъ цвѣтъ французскаго рыцарства, и Франція понесла чрезъ это весьма ощутительную потерю. Шесть тысячъ французовъ были взяты въ плѣнъ, или перебиты; большинство изъ нихъ принадлежало къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства, такъ что, послѣ этой битвы, въ сѣверной Франціи не было ни одной семьи, которая не имѣла бы кого нибудь изъ своихъ членовъ въ числѣ убитыхъ или плѣнныхъ. Между послѣдними находился самъ король Іоаннъ, его младшій сынъ Филиппъ, получившій впослѣдствіи прозваніе Смѣлаго, архіепископъ санскій, восемнадцать графовъ и виконтовъ, двадцать баронетовъ и восемьсотъ рыцарей. При Мопертюи были также и пушки, но незамѣтно, чтобы онѣ имѣли большое вліяніе на исходъ битвы.

И французскіе и англійскіе лѣтописцы хоромъ восхваляютъ рыцарски вѣжливое обращеніе Чернаго Принца съ плѣннымъ королемъ. Они разсказываютъ, что когда вечеромъ, послѣ битвы, Іоаннъ сѣлъ за ужинъ, то принцъ не садился за столъ, а стоялъ позади стула короля и отказался сѣсть, даже по его приглашенію. Одинъ французъ разсказываетъ, что Черный принцъ до того простеръ свое великодушіе, что готовъ былъ освободить Іоанна, узнавъ о возникшихъ во Франціи безпорядкахъ, и уже заключилъ съ нимъ по этому предмету договоръ, который былъ однако уничтоженъ англійскимъ королемъ, желавшимъ видѣть плѣннаго Іоанна въ Англіи. Но побѣдитель могъ везти своего плѣнника въ Англію только по совершеніи формальной купчей съ тѣми, кто взялъ его въ плѣнъ. Относительно плѣнныхъ французовъ, сейчасъ послѣ битвы завязался жаркій споръ, потому что гасконцы непремѣнно желали удержать за собою тѣхъ, кого они захватили; это и было однимъ изъ поводовъ, заставившихъ принца, какъ можно поспѣшнѣе удалиться отъ Луары въ Бордо. Въ мартѣ слѣдующаго года было заключено перемиріе на два года; англичане охотно согласились на него, такъ какъ плѣнъ Іоанна и его феодаловъ давалъ имъ возможность предписать самыя выгодныя для себя условія. Они не могли бы упрочить за собою своихъ завоеваній на материкѣ, тѣмъ болѣе, что шотландцы дѣлали имъ много хлопотъ и дома, тогда какъ во время перемирія они могли извлечь всевозможныя выгоды, держа въ плѣну короля Іоанна и его вельможъ. По заключеніи договора Черный Принцъ отправился съ плѣнникомъ въ Англію, и даже пріѣхавъ въ Лондонъ, не измѣнилъ своего вѣжливаго обращенія съ нимъ; отецъ его также оказалъ всевозможное вниманіе плѣнному королю.

На время плѣна короля правителемъ Франціи сдѣлался девятнадцатилѣтній дофинъ Карлъ, котораго Іоаннъ назначилъ своимъ намѣстникомъ или lieutenant général du royaume. Спустя мѣсяцъ послѣ битвы при Мопертюи, или при Пуатье, Карлъ созвалъ государственные чины: это было уже въ третій разъ въ теченіе года. На этотъ разъ Карлъ встрѣтилъ въ нихъ твердую рѣшимость, пользуясь трудными обстоятельствами, силою установить то, что отецъ его трижды обѣщалъ и не исполнялъ. Государственные чины настаивали не только на устраненіи предметовъ своихъ жалобъ и на допущеніи ихъ къ участію въ управленіи, но и на удаленіи всѣхъ министровъ и чиновниковъ плѣннаго короля. Поэтому Карлъ вскорѣ распустилъ ихъ и рѣшился выйти изъ затрудненій посредствомъ пониженія внутренней цѣнности монеты и другихъ подобныхъ мѣръ; однакоже не далѣе какъ въ февралѣ 1357 г., онъ долженъ былъ снова созвать чины и безусловно согласиться на всѣ ихъ требованія, потому что парижскій муниципалитетъ, вмѣстѣ съ магистратами другихъ городовъ, энергически и рѣшительно возсталъ противъ регента; къ тому же у собранія явилось трое предводителей, неуклонно ведшихъ его впередъ по однажды избранному ими пути. Это были: первое должностное лицо парижскаго магистрата, парижскій купеческій голова (prevôt des marchands), Этьень Марсель, въ третьемъ сословіи, епископъ ланскій Лёкокъ во второмъ, и намѣстникъ Артуа, Жанъ де Пекиньи, въ первомъ. Собравшись, въ февралѣ, въ Парижѣ, государственные чины начали съ того, что отрѣшили отъ должности двадцати двухъ королевскихъ министровъ и совѣтниковъ, вынудили цѣлый рядъ постановленій для улучшенія администраціи и заставили принять въ составъ государственнаго совѣта тридцать шесть членовъ, избранныхъ изъ среды собранія. Но и эти мѣры не привели къ желанной цѣли. Никто не довѣрялъ новымъ учрежденіямъ; новые члены совѣта имѣли очень мало вліянія на правительство; отставленные министры остались въ сношеніяхъ съ регентомъ и продолжали втайнѣ дѣйствовать попрежнему; наконецъ, судьи всего государства были обижены справедливыми жалобами государственныхъ чиновъ на дурное состояніе судопроизводства. Кромѣ того, безтолковыя, республиканскія стремленія сословій и преобладающее вліяніе средняго сословія возбудили повсюду сопротивленіе деспотизму государственныхъ чиновъ и насмѣшки на вернувшихся домой депутатовъ. Духовенство дѣйствовало двусмысленно и назначило въ государственный совѣтъ всего четырехъ членовъ изъ своей среды; дворянство, пользуясь анархіею, безстыдно угнетало крестьянъ и довело ихъ, въ слѣдующемъ же году, до возстанія, извѣстнаго подъ именемъ Jacquerie, отъ выраженія Jacques bonhomme (Жакъ-простякъ), которымъ дворянство презрительно называло сельское сословіе.

По заключеніи перемирія съ Англіею, король Іоаннъ, вѣроятно, по настоянію сына, объявилъ недѣйствительными всѣ уступки, сдѣланныя Карломъ собранію сословій. Но дофинъ ошибся въ разсчетѣ; вскорѣ онъ долженъ былъ взять назадъ протестъ отца противъ новаго порядка. Отъ этого волненія въ государствѣ еще болѣе усилились новымъ постановленіямъ никто не повиновался, правительство и комитетъ изъ депутатовъ противодѣйствовали другъ другу, и въ мартѣ уже въ самомъ собраніи обнаружилось несогласіе. Но три человѣка, пріобрѣвшіе на него вліяніе, продолжали дѣйствовать единодушно. Изъ нихъ въ особенности Марсель и Лёкокъ изображаются у французскихъ писателей монархической партіи самыми черными красками; но не слѣдуетъ, однако, смѣшивать, по обычаю рабскихъ льстецовъ, хорошее дѣло съ личностью его защитниковъ. Если бы въ ту пору французское дворянство, подобно англійскому, энергически поддержало среднее сословіе, то стараніями этихъ трехъ предводителей партій, разумѣется, не безупречныхъ въ нравственномъ отношеніи, Франція получила бы новое государственное устройство, которое обезпечило бы за націею новыя политическія права; но, дѣйствуя единственно отъ своего лица, эти три человѣка были не болѣе какъ простыми революціонерами. Вообще, только люди, понимающіе дурныя страсть и умѣющіе направлять ихъ, могутъ безъ насильственныхъ мѣръ вести толпу къ добру или ко злу. Таковы-то именно были Марсель и Лёкокъ. Подобно Робеспьеру, Камбасересу, Рёбелю, Бруму и Линдгёрсту, они были искусными адвокатами—и потому были честолюбивы, великодушны, тщеславны и хитры, однимъ словомъ созданы были предводителями партій

Изъ адвокатовъ, Марсель достигъ высшихъ гражданскихъ должностей въ Парижскомъ муниципалитѣ, а Лёкокъ, носившій по своей ланской эпархіи титулъ герцога, также занималъ, до вступленія въ духовное званіе, гражданскія должности и прошелъ до конца карьеру адвоката.

По распущеніи штатовъ, парижская буржуазія очутилась въ странномъ положеніи. Распри рыцарства, угнетенія, совершаемыя имъ противъ поселянъ и духовенства, набѣги наемныхъ отрядовъ, нападенія враговъ короля, бывшихъ въ союзѣ съ Англіею,—все это уничтожило въ странѣ всякую безопасность. Всѣ стремились въ Парижъ искать защиты. Горожане, хотя и имѣвшіе свое собственное управленіе, опасались однако не только внѣшнихъ враговъ и хищнаго дворянства, но и самого дофина съ его приближенными, которыхъ подозрѣвали въ томъ, что они благопріятствуютъ анархіи для того, чтобы возбудить въ народѣ ненависть къ парижанамъ и государственнымъ чинамъ. Поэтому магистратъ началъ укрѣплять городъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и тогда впервые жители Парижа построили баррикады, впослѣдствіи являвшіяся на сцену при всѣхъ внутреннихъ безпорядкахъ. Это случилось въ то время, когда дофинъ, находясь во власти горожанъ, былъ вынужденъ ими снова созвать государственные чины (ноябрь 1357 г.). Однако всѣ надежды на нихъ рушились, потому что трое предводителей, вздумавъ подкрѣпить себя приверженцами Карла Наваррскаго, силою освободили его изъ заключенія. Съ той поры, истинные патріоты стали смотрѣть на этихъ трехъ человѣкъ, желавшихъ улучшенія въ правительствѣ, какъ на предводителей вредной партіи. Поэтому большинство собранія отказалось допустить Карла Наваррскаго въ Парижъ для оправданія, и когда онъ, вопреки этому, явился и сталъ передъ толпой народа, большинство депутатовъ уѣхало изъ Парижа. Съ этого времени всѣ событія принимаютъ революціонный характеръ. Самъ дофинъ долженъ былъ выслушать оправданія Карла Злаго. Какъ онъ, такъ и Марсель ввели обычай обращаться съ рѣчью къ народу, и дофину пришлось послѣдовать ихъ примѣру. По настоянію Карла Злаго тюрьмы были открыты, и выпущенные изъ нихъ преступники смѣшались съ народомъ. Наконецъ дофинъ былъ вынужденъ демократическою партіею возвратить наваррскому королю отнятыя у него владѣнія, но намѣстники короля, не признававшіе за дофиномъ власти дѣйствовать по собственному произволу, отказали ему въ повиновеніи, и Карлъ Злой уѣхалъ изъ Парижа, въ намѣреніи овладѣть своими замками силою оружія. Въ его отсутствіе, анархія достигла въ Парижѣ высшей степени; депутаты сословій, созванные на Рождество, явились въ самомъ ограниченномъ числѣ, а представители дворянства вовсе не пріѣхали. Парижане раздѣлились на три партіи: дворъ и небольшая часть буржуазіи безусловно стояли за дофина; огромное большинство горожанъ подчинялось градскому головѣ Марселю, а третья партія признавала своимъ предводителемъ наваррскаго короля. Приверженцы Марселя, чтобы узнавать своихъ въ толпѣ, стали носить двухцвѣтныя шапки. Всѣ три партіи открыто враждовали между собою и совершали множество убійствъ. Наконецъ, въ февралѣ 1358 г., Марсель собралъ вокругъ себя дикую чернь и велѣлъ ей умертвить въ глазахъ дофина двухъ главныхъ его совѣтниковъ, маршаловъ Шампани и Нормандіи. При этомъ злодѣйствѣ, яростная толпа заставила принца отдать ей свой беретъ и надѣть на голову шапку національныхъ цвѣтовъ.

Вскорѣ однако дофинъ придалъ дѣлу другой оборотъ. Отъ природы слабый и малодушный, онъ въ эти послѣдніе годы усовершенствовался не въ мужествѣ и военномъ искусствѣ, а въ дипломатической увертливости, которая состоитъ въ искусствѣ подставлять ногу сильному врагу. За это качество его и прозвали мудрымъ. Достигнувъ двадцати одного года, онъ замѣнилъ титулъ намѣстника титуломъ регента, а потомъ, удалясь подъ какимъ-то предлогомъ изъ Парижа, нѣсколько разъ собиралъ провинціальные сеймы и затѣмъ уже созвалъ въ Компьенѣ государственные чины. Дворянство и высшее духовенство, преимущественно отозвавшееся на этотъ призывъ, назначило ему субсидіи, которыя было дозволено взимать ему самому; Лёкокъ былъ исключенъ, по требованію собранія, изъ государственнаго совѣта, и регентъ, ободренный его содѣйствіемъ, объявилъ, что не вернется въ Парижъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ наказаны главные виновники смутъ. Это было объявленіемъ войны; но парижане не испугались и

стали немедленно готовиться къ отпору. У дофина не было войска, а только что вспыхнувшая Jacquerie препятствовала дворянству оказать ему энергическую поддержку. Впрочемъ, не смотря на свое вѣрноподданничество, компьенскіе чины не взяли назадъ ни одного изъ постановленій 1355 и 1356 гг.; все, что было выговорено тогда относительно чекана монеты и взиманія налоговъ, было подтверждено и тогда въ протоколахъ постановленій, принятыхъ государственными чинами. Но королевскіе юристы искусно помѣстили въ этотъ протоколъ два условія, которыя совершенно уничтожили значеніе всего остальнаго, такъ что, когда въ слѣдующемъ году буржуазія и поселяне были снова усмирены, то принцъ могъ возстановить на ихъ прежнихъ мѣстахъ отставленныхъ совѣтниковъ, которые, втайнѣ, никогда не переставали помогать ему своими совѣтами.

Война, извѣстная подъ именемъ Jacquerie, началась въ 1358 г. съ Иль де Франса и оттуда распространилась на нѣкоторыя другія провинціи сѣверо-восточной Франціи. Она была вызвана страшными злоупотребленіями и насиліями, которыя позволяло себѣ гордое дворянство, занимавшееся только военными упражненіями, войнами и пирами. Доведенные до отчаянія крестьяне собрались огромными толпами и, подобно тому, какъ дѣлали это спустя два вѣка швабскіе поселяне, стали вымѣщать свои, долго переносимыя молча, страданія безчеловѣчными жестокостями надъ виновными и невинными, за что рыцарство платило имъ точно такими же жестокостями. Крестьяне обратили въ груды пепла болѣе сотни замковъ и, ловя бѣжавшихъ со своими семьями рыцарей, предавали и мужчинъ и женщинъ самой мучительной смерти. Такой грозный врагъ заставилъ всѣ партіи забыть на время свою вражду; приверженцы дофина соединились съ приверженцами наваррскаго дома, и въ этихъ общихъ усиліяхъ снова наложить ярмо на возставшихъ поселянъ къ нимъ примкнуло даже дворянство Лангедока, такъ что мѣсяца черезъ полтора возстаніе было совершенно подавлено. Въ числѣ барономъ юга, принявшихъ участіе въ этой войнѣ, находились графъ де Фуа и графъ или капталь де Букъ, только что вернувшіеся изъ Пруссіи, гдѣ они помогали германскому рыцарству сражаться съ язычниками. Эти двое рыцарей явились, съ своею свитою, въ Мо въ то самое время, когда жена регента и множество знатныхъ женщинъ были осаждены крестьянами въ одномъ укрѣпленномъ домѣ. Они напали на плохо вооруженную чернь и безъ труда разогнали ее, положивъ на мѣстѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Главныя мѣры дофина противъ парижанъ состояли въ томъ, что онъ отрѣзалъ подвозъ къ нимъ продовольствія и сталъ стѣснять ихъ торговлю и промышленность. Большинство народа, всегда скоро низвергающаго своихъ идоловъ, было отвлечено отъ Марселя сторонниками противной партіи, а Марсель, предложивъ парижанамъ назначить главнокомандующимъ Карла Наваррскаго, этимъ предложеніемъ возбудилъ въ нихъ величайшее недовѣріе къ себѣ, потому что враги его старались увѣрить народъ, что Карлъ, какъ членъ аристократіи, естественный врагъ средняго сословія. Марселя обвинили даже, что онъ, вмѣстѣ съ наваррскимъ королемъ, союзникомъ англичанъ, замышляетъ тайно ввести въ Парижъ и этихъ враговъ націи. Это дало поводъ одному изъ вѣрнѣйшихъ дотолѣ помощниковъ городскаго главы, Жану Мальяру, раздробить ему голову въ ночь на 1-е августа 1358 г. Враги Марселя распустили слухъ, что въ ту минуту, какъ его умертвили, онъ держалъ въ рукахъ ключъ отъ городскихъ воротъ, намѣреваясь впустить англичанъ, а королевскіе приверженцы превознесли Мальяра, какъ спасителя отечества, за это убійство и за казни, которыя онъ совершилъ потомъ надъ многими изъ приверженцевъ Марселя. Но убійство, совершенное для достиженія законной цѣли, точно такъ же преступно, какъ и революціонное, и Мальяръ со своею партіею сдѣлались единственными виновниками того, что Франція ничего не выиграла отъ трехлѣтней, кровавой революціи и утратила всѣ льготы, выговоренныя было государственными чинами. Черезъ три дня послѣ убійства Марселя, регентъ вернулся въ Парижъ, и народъ со свойственнымъ ему непостоянствомъ сдѣлалъ принцу восторженную встрѣчу. Карлъ вскорѣ привлекъ къ себѣ всѣхъ видимымъ великодушіемъ, кротостью и громкими рѣчами противъ Карла Наваррскаго и враговъ націи, англичанъ, а потомъ, воспользовавшись съ дипломатическою ловкостью благопріятными обстоятельствами, возстановилъ деспотическое правительство. Парижане рабски подчинились регенту,

а граждане мелкихъ городовъ и поселяне снова должны были ощущать на себѣ ярмо и кулакъ дворянства, или погибать, какъ дикіе звѣри, преслѣдуемые охотниками; наконецъ, наваррскій король, заключивъ въ августѣ формальный договоръ съ англичанами, началъ, при содѣйствіи этого непримиримаго врага Франціи, открытую войну со своими соотечественниками. Тогда дофинъ могъ уже сбросить личину либерализма. Онъ провозгласилъ всѣ собранія государственныхъ чиновъ, начиная съ 1355 г., сборищами измѣнниковъ и демагоговъ, домогавшимися низверженія монархіи, и съумѣлъ даже заставить сословія сѣверной Франціи согласиться на отмѣненіе всѣхъ сдѣланныхъ имъ уступокъ. За то лангедокскія сословія ревниво охраняли свои права и добились расширенія ихъ. Тотчасъ по вступленіи въ Парижъ регентъ велѣлъ казнить предводителей противной партіи, но главные товарищи Марселя, Лёкокъ и де Пекиньи, спаслись бѣгствомъ къ наваррскому королю, а впослѣдствіи, какъ мы вскорѣ увидимъ, имъ, какъ членамъ аристократіи, удалось легко выйти изъ бѣды.

Черезъ годъ по уничтоженіи партіи Марселя, регентъ помирился съ Карломъ Злымъ: онъ долженъ былъ сдѣлать это во что бы то ни стало, потому что Эдуардъ III грозилъ нарушить перемиріе. Съ своей стороны и Карлъ Злой имѣлъ основательныя причины желать мира, потому что Эдуардъ, не совсѣмъ довѣряя ему, очень слабо его поддерживалъ, а наемные солдаты, наводнявшіе въ то время Францію и извѣстные подъ именемъ дружинъ (compagnies), хотя и помогали ему, но были для него обременительнѣе самихъ враговъ, истощая его финансы. Все это привело къ заключенію мирнаго договора между дофиномъ и наваррскимъ королемъ (августъ 1359 г.). Незадолго до того дофинъ со свойственною ему хитростью уклонился отъ исполненія мирнаго договора, заключеннаго королемъ Іоанномъ, который за свое освобожденіе уступалъ Англіи почти половину Франціи. Чтобы не показаться жестокимъ относительно отца, не утверждая договора, и чтобы, въ то же время, добыть денегъ на продолженіе войны, дофинъ снова сдѣлался либеральнымъ. Онъ заставилъ собраніе сословій отвергнуть этотъ договоръ, какъ пагубный и позорный для Франціи, и задумалъ воспользоваться для своей цѣли парижанами, какъ нѣкогда Людовикъ Баварскій употребилъ для этого же франкфуртцевъ (стр. 288). Онъ собралъ горожанъ во дворѣ своего дворца и прочелъ имъ договоръ съ Англіею, заранѣе позаботившись, чтобы условія его были встрѣчены толпою съ шумными выраженіями неудовольствія. Эти искусныя мѣры имѣли тотъ результатъ, что и государственные чины и народъ сдѣлали новыя усилія для продолженія войны.

Осенью Эдуардъ III переправился въ Кале для возобновленія военныхъ дѣйствій. Къ нему немедленно стеклось со всѣхъ сторонъ такое множество искателей приключеній, жаждавшихъ славы и добычи, что онъ самъ былъ встревоженъ ихъ многочисленностью и объявилъ, что не въ состояніи платить имъ жалованья, но не препятствуетъ имъ содержать себя на счетъ французовъ грабежомъ, рѣзней и пожарами. Уничтожая все на пути, Эдуардъ двинулся чрезъ Пикардію и Шампань и въ январѣ 1366 г. ворвался въ Бургундію. Опекуны молодаго герцога бургундскаго удалили англичанъ не оружіемъ, а договоромъ, по которому обязались уплатить Эдуарду двѣсти тысячъ золотыхъ экю въ продолженіе двухъ лѣтъ и не поддерживать Франціи ни деньгами, ни войсками. Изъ Бургундіи, Эдуардъ направился на Парижъ, потому что возвращаться тою же дорогою, которою онъ проникъ въ Бургундію, значило бы подвергать свои войска голодной смерти. Онъ цѣлый мѣсяцъ осаждалъ Парижъ, производя страшныя опустошенія и насмѣшливо вызывая принца на поединокъ въ открытомъ полѣ. Но хитрый и трусливый дофинъ не принималъ вызова и прятался за стѣнами Парижа, гдѣ онъ былъ безопасенъ отъ Эдуарда. Наконецъ, уступая увѣщаніямъ папскихъ легатовъ, поддерживаемыхъ герцогомъ ланкастерскимъ, Эдуардъ согласился на миръ. Герцогъ ланкастерскій, только что передъ тѣмъ выдавшій единственную дочь свою за Іоанна, сына Эдуарда III, и присоединившій такимъ образомъ свое герцогство къ владѣніямъ королевскаго дома, очень основательно представилъ королю, что отъ неслыханныхъ опустошеній, которымъ онъ подвергалъ Францію, выигрывали только его рыцари и чужеземные авантюристы, самъ же онъ терялъ, не смотря на всѣ свои побѣды. Дѣйствительно, въ то время какъ англійское рыцарство богатѣло отъ добычи и жалованья, король, не взирая на контрибуціи и вы-

купы плѣнныхъ, постоянно нуждался въ деньгахъ; это происходило собственно отъ того, что онъ долженъ былъ не только платить жалованье своимъ рыцарямъ, какъ скоро кончался краткій срокъ ихъ ленной службы, но и доставлять имъ содержаніе и фуражъ, потому что разоренная страна не представляла никакихъ средствъ къ прокормленію такого множества людей и лошадей. Въ первый походъ, по обстоятельному описанію Фруассара, за нимъ слѣдовало не менѣе шести тысячъ подводъ со съѣстными припасами, ручными мельницами, пекарнями и прочею утварью.

8 мая 1360 г., въ мѣстечкѣ Бретиньи, близъ Шартра, было заключено перемиріе, а вслѣдъ затѣмъ и самый миръ. Эдуардъ отказался отъ притязаній на французскую корону и получилъ за то, кромѣ Гіенни и Гаскони, которыми владѣлъ уже прежде, въ качествѣ вассала Франціи, Пуату, Сентонжъ, Аженуа, Перигоръ, Лимузенъ, Ангумуа, Руэргъ, Кале и другія провинціи со всѣми правами верховнаго владѣтеля. Іоаннъ Добрый былъ освобожденъ изъ плѣна, но только за громадный для того времени выкупъ въ три милліона экю, а до уплаты его долженъ былъ представить вмѣсто себя заложниковъ. Сверхъ того онъ обѣщалъ не вмѣшиваться ни подъ какимъ предлогомъ въ шотландскія дѣла и дозволить фламандцамъ оставаться въ союзѣ съ Англіею. Бретань была оставлена пока молодому графу де Монфору, отецъ котораго, незадолго до того умершій, спорилъ за обладаніе этимъ герцогствомъ съ Карломъ де Блуа; но послѣднему разрѣшалось продолжать войну, пока короли французскій и англійскій не рѣшатъ по общему соглашенію, за кѣмъ должна остаться Бретань. Владѣнія Готтфрида де Гаркура, убитаго въ 1357 г., были предоставлены англійскому королю, который подарилъ ихъ Джону Чандосу. Такимъ же образомъ и всѣмъ друзьямъ Эдуарда, измѣнившимъ французскому королю, были возвращены конфискованныя у нихъ имѣнія. Іоаннъ долженъ былъ примириться и съ Карломъ Злымъ, включивъ въ число помилованныхъ друзей Эдуарда триста приставшихъ къ нему измѣнниковъ. Между ними находился и Лёкокъ, удалившійся впрочемъ въ Испанію, гдѣ онъ получилъ калагоррскую эпархію, и Жанъ де Пекиньи, снова занявшій мѣсто въ первыхъ рядахъ французской аристократіи. Таковы были важнѣйшія условія мира въ Бретиньи, подписаннаго и утвержденнаго въ Кале, за исключеніемъ впрочемъ двѣнадцатаго пункта, касавшагося размѣна обоюдныхъ отреченій. Это дало впослѣдствіи поводъ дофину возвратить въ составъ Франціи уступленныя провинціи, а позднѣйшимъ французскимъ историкамъ доказывать, что отреченіе короля Іоанна отъ ленной власти надъ перешедшими къ Англіи ленами никогда не было дѣйствительнымъ, потому что отреченіе Эдуарда отъ притязаній на французскую корону было выражено не въ предписанной мирными условіями формѣ. Уплата выкупа за короля была новымъ бременемъ для Франціи, и безъ того уже истощенной; къ какимъ мѣрамъ ни прибѣгало правительство для того, чтобы достать эти деньги, такой страшной суммы нельзя было уплатить во все царствованіе Іоанна. Заложникъ за короля, второй сынъ его, Людовикъ Анжуйскій, потерявъ наконецъ терпѣніе, убѣжалъ изъ плѣна. Іоаннъ долженъ былъ вернуться на его мѣсто. Онъ возвратился, въ январѣ 1364 г., въ Лондонъ, и спустя три мѣсяца заболѣлъ тамъ и умеръ (апрѣль 1364 г.).

Побѣды Эдуарда III въ Шотландіи и Франціи и миръ въ Бретиньи поставили Англію на степень первой европейской державы; но уже при Эдуардѣ, а въ особенности по его смерти, Англія доказала своимъ примѣромъ, какъ непрочно бываетъ рыцарское и военное преобладаніе и какъ дорого обходится всякому народу чрезмѣрная слава, богатство и блескъ его высшаго и средняго сословій. Эдуардъ могъ удерживать за собой завоеванія только наемными авантюристами, или своими рыцарями, не обязанными нести во время мира никакой службы, а во время войны являвшимся на службу только на самый короткій срокъ; въ тѣ времена, незнакомыя съ нашею финансовою системою, и то и другое истощало совершенно всѣ источники доходовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно бросить бѣглый взглядъ на тогдашнее состояніе Гіенни, Шотландіи и Ирландіи. Въ Гіенни и Гаскони, Черный Принцъ, которому отецъ его ввѣрилъ управленіе французскими провинціями, долженъ былъ привлекать къ себѣ рыцарство пышностью своего двора. Это поставило его въ страшныя финансовыя затрудненія и вынудило прибѣгнуть къ такимъ притѣсненіямъ, что подданные, доведенные до отча-

нія, обратились наконецъ къ своему прежнему сюзерену французскому королю. Въ Шотландіи, не смотря на побѣды англичанъ, старинная ненависть къ насильственно навязаннымъ государямъ не ослабѣвала, и пограничныя англійскія провинціи постоянно были театромъ вторженій шотландцевъ. Эдуардъ счелъ за лучшее купить у несчастнаго короля Эдуарда Балліоля за жалкую ежегодную пенсію его права на шотландскій престолъ (1355 г.). Вскорѣ онъ убѣдился, что для него было выгоднѣе возвратить свободу и власть плѣнному королю Давиду, не перестававшему домогаться ихъ, и извлечь изъ этого какъ можно болѣе выгодъ для своей казны, чѣмъ содержать постоянное войско на границахъ Шотландіи. Поэтому, въ 1357 г. онъ заключилъ съ шотландцами договоръ, обязавъ ихъ уплатить ему, за освобожденіе короля, весьма значительную сумму. Такимъ образомъ король получилъ свободу, а бѣдная, разоренная Шотландія, преданная на жертву полной анархіи, должна была въ продолженіе многихъ годовъ испытывать страшныя бѣдствія для того, чтобы заплатить за него выкупъ. Еще несчастнѣе была Ирландія. Она должна была терпѣть, подъ владычествомъ англичанъ, иго, несравненно болѣе тяжкое, чѣмъ всѣ бѣдствія войны. Туземцы и англійскіе поселенцы находились въ постоянной враждѣ между собою, такъ что никто изъ англичанъ не смѣлъ показаться въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были исключительно населены ирландцами. Англійскія должностныя лица видѣли въ своемъ назначеніи только средство къ наживѣ. Эдуардъ издалъ даже въ 1359 г., постановленіе, которымъ ирландцы были исключены отъ занятій всѣхъ должностей, не исключая и самыхъ низшихъ; такимъ образомъ съ ними, на ихъ родинѣ, обращались точно такъ же, какъ поступаютъ нынѣ съ неграми въ свободной сѣверной Америкѣ. Обыкновенное вліяніе подобныхъ мѣръ на неиспорченныя поколѣнія не преминуло обнаружиться и въ этомъ случаѣ. Ирландцы возмутились и Эдуардъ долженъ былъ употребить деньги, полученныя за выкупъ двухъ королей, на войну со своими собственными подданными.

Бретань, участь которой осталась не рѣшенною по мирному договору въ Бретиньи, также испытывала много бѣдствій отъ войны между претендентами. Часть страны, которою владѣлъ Карлъ де Блуа, была въ конецъ разорена огромнымъ выкупомъ, который онъ долженъ былъ уплатить за себя англичанамъ (1355 г.). Эта сумма была собрана только черезъ десять лѣтъ. Война между претендентами продолжалась до самой смерти Карла (1364 г.), когда французскій король согласился признать бретанскимъ герцогомъ молодаго Монфора, женатаго на дочери Эдуарда III.

4. Германія при Карлѣ IV до изданія государственнаго уложенія въ 1356 г.

По смерти Людовика Баварскаго, противникъ его, Карлъ IV, немедленно отправился изъ Богеміи въ Германію, съ намѣреніемъ пріобрѣсть себѣ тамъ друзей на счетъ государства; но на Рейнѣ онъ убѣдился въ нерасположеніи къ нему общественнаго мнѣнія. Въ немъ видѣли креатуру папы и питомца духовныхъ французовъ. Онъ разсылалъ на пути манифесты и граматы, награждая своихъ приверженцевъ государственными имѣніями, привилегіями и правами верховной власти; но не смотря на это, его вездѣ принимали дурно. Жители Майнца впустили его въ городъ только подъ условіемъ не читать папскихъ буллъ и не привозить съ собою Герлаха, сдѣланнаго папою нассаусскимъ архіепископомъ на мѣсто Генриха фонъ Фирнебурга (стр. 292). Ѣхать далѣе Карлъ не рѣшился и вернулся въ Богемію. На обратномъ пути, ему снова пришлось испытать, какъ мало расположены были города къ нему самому, его спутникамъ — друзьямъ папы и каноническому праву, которымъ они думали замѣнить здравый смыслъ гражданъ и библейскую религію. Въ началѣ, первыми приближенными Карла были названный выше Герлахъ и герцогъ Рудольфъ Саксенъ-Виттенбергскій, не пользовавшійся особеннымъ значеніемъ въ имперіи. Двое другихъ курфирстовъ его партіи, двоюродный дѣдъ его Бальдуинъ Трирскій, уже удалившіяся, за старостью, отъ дѣлъ, и архіепископъ кельнскій, также были для него весьма слабою опорою.

Партія прежняго императора безспорно была тогда если не многочисленнѣйшею, то могущественнѣйшею. Самыми вліятельными членами ея были Генрихъ фонъ Фирнебургъ, Рудольфъ II, или Слѣпой, Пфальцскій, Людовикъ Бранденбургскій и Эрихъ Саксенъ-Лауэнбургскій, оспаривавшій у Рудольфа курфиршество саксонское. Собравшись въ Оппенгеймѣ, въ ноябрѣ 1347 г., эти князья условились предложить германскую корону Эдуарду III и на вторичномъ собраніи въ Оберланштейнѣ, въ январѣ слѣдующаго года, формально избрали его въ императоры. Эдуардъ былъ очень расположенъ принять это предложеніе, но его отклонили отъ этого приближенные и самъ Карлъ IV, разумѣется, окольнымъ путемъ. Соединяя въ себѣ врожденное лукавство славянъ, которыми онъ повелѣвалъ, и дипломатическое искусство французовъ, среди которыхъ онъ взросъ, съ эгоистическими и политическими уловками итальянцевъ, которые его образовали, Карлъ IV отклонилъ дипломатическимъ путемъ опасное соперничество предпріимчиваго Эдуарда, пославъ къ нему его близкаго родственника, Вильгельма VIII Юлихскаго, съ обѣщаніемъ поддерживать какъ его, такъ и Вильгельма въ спорахъ о престолонаслѣдіи въ Голландіи (стр. 291), съ устраненіемъ правъ имперіи и наслѣдниковъ Людовика Баварскаго. Вильгельмъ обратился преимущественно къ женѣ Эдуарда, Филиппѣ Геннегауской, знавшей лучше своего мужа ничтожное значеніе германскаго императора.

Когда Эдуардъ Англійскій отказался отъ германской короны, ее предложили Фридриху, маркграфу Тюрингіи и Мейссена, женатому на дочери Людовика Баварскаго и происходившему по своему отцу, Фридриху Укушенной Щекѣ, отъ Гогенштауфена Фридриха II (стр. 186). Маркграфъ тюрингскій былъ также не прочь принять предложеніе, но и его, какъ Эдуарда, отклонили родственники, черезъ которыхъ косвенно дѣйствовалъ Карлъ IV. Онъ откупился отъ кандидатуры Фридриха десятью тысячами марокъ, которыя, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, были для Фридриха гораздо необходимѣе императорскаго титула; потомъ Карлъ новымъ денежнымъ подаркомъ купилъ даже союзъ Фридриха, при чемъ однако Фридрихъ для вида выговорилъ для себя право не являться на войну противъ баварскихъ городовъ. Карлъ съумѣлъ привлечь на свою сторону и герцога австрійскаго, Альбрехта II. Этотъ справедливѣйшій и умнѣйшій государь своего времени долго соблюдалъ благоразумный нейтралитетъ. Карлъ началъ съ того, что принялъ относительно его угрожающее положеніе, сталъ возбуждать противъ него вассаловъ и предъявилъ на него нѣкоторыя притязанія; но все это дѣлалось единственно для того, чтобы скорѣе привлечь его къ себѣ своими предложеніями. Потомъ онъ вдругъ сталъ выказывать ему расположеніе, помолвилъ дочь за его сына Рудольфа IV и надавалъ ему привилегій и имперскихъ городовъ. Связанный такимъ образомъ съ интересами Карла, герцогъ сталъ хлопотать о примиреніи его съ баварскими герцогами и устроилъ, въ Пассау, свиданіе императора съ Людовикомъ Бранденбургскимъ, который хотя и управлялъ герцогствомъ сообща съ братомъ, но въ дѣйствительности распоряжался одинъ его именемъ. Въ началѣ обѣ стороны, казалось, намѣревались предоставить споръ рѣшенію Альбрехта, но въ Пассау Людовикъ узналъ объ обѣщаніяхъ, сдѣланныхъ Карломъ англійскому королю и графу юлихскому относительно Голландіи, и это еще сильнѣе раздражило его противъ Карла. Противники разстались такими врагами, что баварскіе подданные позволили себѣ закидать грязью императорскаго орла на домѣ, гдѣ помѣщался Карлъ. Вмѣсто того, чтобы въ качествѣ императора, устанавливать повсюду миръ и порядокъ, Карлъ отмстилъ противнику тѣмъ, что поддерживалъ своимъ авторитетомъ волненія, возникшія въ Бранденбургѣ. Ничто не даетъ намъ лучшаго понятія о безсовѣстности этого человѣка, какъ способъ, какимъ онъ поддерживалъ и даже нѣкоторымъ образомъ возбуждалъ междоусобія въ этой странѣ.

Въ Бранденбургѣ, какъ и повсюду, хищное рыцарство, для поддержанія ремесла, которымъ оно занималось, какъ нынѣшніе курды и туркменцы, составило между собою союзъ, цѣль котораго выражается уже въ самомъ его названіи. Этотъ союзъ бранденбургскихъ разбойниковъ принялъ названіе «Союза Синицъ» (Bund der Stellmeisen) (стр. 279), а швабское рыцарство, соединившееся въ 1367 г. въ такой же союзъ, называлось «Корольками», по дню своего учрежденія, и Рыцарями Булавы, по знакамъ своего ордена. Никакой императоръ,

никакой судъ не смѣли приводить въ исполненіе приговоровъ надъ этими рыцарями-разбойниками, а въ сѣверной Германіи дошло даже до того, что Людовикъ Бранденбургскій, герцоги брауншвейгскіе и архіепископъ магдебургскій признали законными грабежи и разбои рыцарей. Въ такихъ обстоятельствахъ, городамъ, не защищаемымъ ни имперіею, ни феодальными владѣтелями, оставалось только обороняться крѣпкими стѣнами, упражненіемъ гражданъ въ военномъ искусствѣ и союзомъ съ другими городами. Въ Вестфаліи, въ Нижней Саксоніи, въ вендскихъ провинціяхъ, на Рейнѣ и въ Швабіи такіе союзы существовали уже цѣлое столѣтіе. Альтмаркскіе города также соединились, въ 1344 г., противъ рыцарей, которыхъ совершенно справедливо назвали въ своемъ союзномъ договорѣ врагами отечества. Въ то самое время, какъ составился этотъ союзъ и анархія въ Бранденбургѣ дошла до крайней степени, распространился слухъ, что маркграфъ Вальдемаръ, умершій и торжественно погребенный въ 1319 г., находится еще въ живыхъ и вернулся изъ путешествія къ св. мѣстамъ, и что весь обрядъ его погребенія былъ преднамѣреннымъ обманомъ. Толпа, разумѣется, повѣрила этому слуху, потому именно, что онъ былъ невѣроятенъ, а Оттонъ Бранденбургскій, бывшій повидимому творцомъ этой басни, и король Іоаннъ Чешскій съ сыномъ и друзьями воспользовались ею для низверженія Людовика Бранденбургскаго. Они нашли человѣка, который согласился играть эту роль и получалъ отъ нихъ всѣ нужныя наставленія. Впрочемъ исторія этого Лже-Вальдемара еще не вполнѣ разъяснена и даже можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ какой-то мельникъ, по имени Ребокъ; но кто бы онъ ни былъ, несомнѣнно, что во всемъ этомъ дѣлѣ скрывался грубый обманъ. Лже-Вальдемаръ былъ признанъ почти всѣми бранденбургскими городами и сосѣдними князьями, такъ что Людовикъ, возвращаясь изъ Пассау въ Бранденбургъ, былъ схваченъ во Франкфуртѣ на Одерѣ и посаженъ въ темницу друзьями его воскресшаго противника, или вѣрнѣе, своими врагами, которые ненавидѣли баварскаго маркграфа и хотѣли погубить его посредствомъ обмана. Императоръ Карлъ, возбудившій противъ Людовика имперскихъ вассаловъ, поспѣшилъ, при этомъ случаѣ, во Франкфуртъ и въ лагерѣ подъ этимъ городомъ провозгласилъ Лже-Вальдемара законнымъ маркграфомъ. Дѣло Людовика было бы совершенно проиграно, еслибы позднее время года не заставило императора распустить войска, какъ это обыкновенно дѣлалось въ тѣ времена (1348 г.).

Чтобы отмстить Карлу за признаніе Лже-Вальдемара, Людовикъ и его братья провозгласили другаго императора, но этотъ императоръ былъ такимъ же орудіемъ, какъ и Вальдемаръ для ихъ противниковъ. Они избрали въ императоры, въ январѣ 1349 г., графа Гюнтера Шварцбургскаго, или вѣрнѣе поручили ему принять на время роль императора. Гюнтеръ былъ первымъ рубакою того времени и считалъ войну своимъ ремесломъ. Современники изображаютъ его намъ предводителемъ и образцомъ рыцарей-авантюристовъ и мелкихъ владѣтелей; принявъ на себя роль подставнаго императора, онъ могъ только прославиться и во всякомъ случаѣ потерять только весьма немногое. Гюнтеръ былъ человѣкъ прямодушный, одаренный громадною физическою силою и опытный въ рыцарскихъ упражненіяхъ; кромѣ того въ войнахъ и политическихъ дѣлахъ императора Людовика и его сына, онъ доказалъ, что соединяетъ дипломатическую ловкость съ прозорливостью и талантами полководца. Выборъ такого человѣка въ противники Карлу былъ очень хорошо разсчитанъ, и главная цѣль этого плана была немедленно достигнута. Карлъ не имѣлъ привычки рѣшать дѣла по рыцарски, въ открытомъ полѣ, и всегда предпочиталъ дѣйствовать, не подвергаясь опасности, посредствомъ денегъ и интригъ; онъ и на этотъ разъ уклонился отъ открытой борьбы съ Гюнтеромъ. Рыцари, радуясь случаю противопоставить сильнымъ защитникамъ городовъ, — Людовику Баварскому и Карлу IV,—императора, обѣщавшаго поддерживать блескъ ихъ ремесла, немедленно стали на сторону Гюнтера и начали стекаться къ нему цѣлыми толпами со всѣхъ сторонъ, даже изъ Тюрингіи и Веттерау, гдѣ было особенно много этихъ хищниковъ. Имъне было дѣла до того, что императору ихъ былъ преграженъ путь въ Ахенъ, что онъ не былъ ни коронованъ, ни помазанъ. Расположившисьсъ нимъ передъ Франкфуртомъ, они вступили въ него, когда горожане, видя, что Карлъ не является, отперли ворота города Гюнтеру; изъ Франкфурта этотъ императоръ, получивъ

помощь отъ горожанъ, отправился вмѣстѣ со своимъ рыцарствомъ разъѣзжать по Тюрингіи и Рейну, принимая повсюду хвастливый и высокомѣрный тонъ.

Карлъ, съ своей стороны, поспѣшилъ выступить изъ Богеміи, но избѣгалъ сраженія съ Гюнтеромъ и вывернулся изъ затрудненія, переманивъ на свою сторону Рудольфа Слѣпаго. Для этого онъ воспользовался плѣномъ племянника Рудольфа; Карлъ возвратилъ ему свободу и, потерявъ черезъ годъ первую жену, обручился съ дочерью Рудольфа. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ себѣ новаго союзника въ пфальцграфѣ. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ имѣлъ свиданіе съ Лудовикомъ Бранденбургскимъ и, чтобы побѣдить Гюнтера безъ войны, обѣщалъ какъ Людовику, такъ и другимъ баварскимъ герцогамъ значительныя выгоды. Собравъ друзей, Карлъ отправился въ Майнцъ, откуда папскій архіепископъ Герлахъ вытѣснилъ своего противника, Генриха фонъ Фирнербурга. Гюнтеръ двинулся на встрѣчу, но передъ выступленіемъ изъ Франкфурта опасно занемогъ. Карлъ уклонился отъ сраженія, а болѣзнь вынудила Гюнтера запереться въ Эльфельдѣ, въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Майнца внизъ по Рейну. Внезапная болѣзнь его почти единодушно приписывается яду, который по инымъ былъ данъ ему курфирстами, избравшими его своимъ орудіемъ и желавшими отъ него отдѣлаться, а по другимъ — Карломъ. Обвинители Карла утверждаютъ, что онъ обѣщалъ врачу Гюнтера, одному франкфуртскому священнику, шпейерскую епархію, если онъ поднесетъ больному ядъ. Но будто бы Гюнтеръ, подозрѣвая врача, заставилъ его попробовать лекарства. Достовѣрно извѣстно, что этотъ врачъ умеръ прежде его. Но кто бы ни былъ виною болѣзни Гюнтера, ему, покинутому самыми могущественными изъ своихъ друзей и запертому въ Эльфельдѣ, пришлось вступить въ переговоры съ Карломъ. Не смотря на тяжкую болѣзнь противника и его стѣсненное положеніе въ Эльфельдѣ, Карлъ даровалъ ему самыя почетныя и выгодныя условія въ договорѣ, заключенномъ въ маѣ 1349 года, по которому Гюнтеръ отказался отъ императорскаго достоинства. Карлъ обѣщалъ ему двадцать тысячъ марокъ, а до уплаты ихъ уступилъ ему нѣкоторые поземельные доходы въ Тюрингіи, Веттерау и на Рейнѣ и принялъ на себя уплату долга въ тысячу двѣсти марокъ, который Гюнтеръ сдѣлалъ, будучи императоромъ. Генрихъ фонъ Фирнербургъ былъ принесенъ въ жертву Герлаху, котораго назначили майнцскимъ архіепископомъ. Какъ ему, такъ и баварскимъ герцогамъ было обѣщано прощеніе папы, но императоръ не добился этого. Людовикъ Бранденбургскій также призналъ Карла императоромъ, но вынудилъ у него обѣщаніе воспрепятствовать противникамъ Людовика въ Бранденбургѣ поддерживать Вальдемара. Императоръ долго не хотѣлъ обнародовать этого договора, боясь оскорбить Ангальтъ и Саксенъ-Виттенбергъ, и только позднею осенью отправилъ въ маркграфство манифестъ за своею печатью. Особенно обезчестилъ себя Карлъ манифестомъ, изданнымъ по случаю отреченія Гюнтера, скрывъ отъ народа подъ хвастливою ложью почетныя условія, выговоренныя Гюнтеромъ. Впрочемъ Гюнтеръ умеръ во Франкфуртѣ спустя три недѣли по заключеніи договора.

Вскорѣ послѣ того Карлъ вернулся въ родовое владѣніе Богемію, возбудивъ въ Германіи анархію своими дѣйствіями и манифестами. Такимъ образомъ, жертвуя этою страною своей итальянской политикѣ, онъ оказалъ Богеміи величайшія услуги распространеніемъ просвѣщенія и учрежденіемъ въ этой странѣ благоустроенной, полу-германской, полу-славянской монархіи. Здѣсь онъ шелъ къ цѣли не только энергически, но даже деспотически, тогда какъ въ Германіи выказалъ себя самымъ слабымъ государемъ. Въ Богеміи онъ пекся объ общественной безопасности, которую помогалъ нарушать и уничтожать въ Германіи, призвалъ туда нѣмецкихъ ученыхъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и купцовъ; дарилъ нѣмцамъ лѣса и незаселенныя земли, подъ условіемъ заводить на нихъ колоніи и хлѣбопашество, и вызвалъ изъ Италіи и Авиньона работниковъ, каменьщиковъ, архитекторовъ и другихъ мастеровъ. Онъ украсилъ грязную Прагу и увеличилъ ее цѣлымъ кварталомъ, постаравшись застроить его по образцу видѣннаго имъ въ Парижѣ и въ Италіи. Правда, что, пробуждая умственную дѣятельность своихъ славянъ, онъ имѣлъ въ виду собственно латинскую, итальянскую и французскую цивилизацію; но все же онъ заботился и объ усовершенствованіи національнаго языка. Въ 1348 г. Карлъ основалъ пражскій университетъ и этимъ привлекъ въ столицу тысячи лицъ духовнаго званія, готовившихся быть служителями церкви,

законовѣдами или докторами и нуждавшихся для этого въ университетскомъ образованіи, или по крайней мѣрѣ въ свидѣтельствѣ, что они прослушали въ университетѣ установленный курсъ наукъ. При учрежденіи пражскаго университета, Карлъ имѣлъ въ виду умственныя потребности, возбужденныя въ Италіи и уже удовлетворенныя тамъ Данте, Петраркою, Боккаччіо и ихъ друзьями. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обезпечилъ новое училище весьма значительными доходами съ нѣкоторыхъ земель и деревень и даровалъ ему родъ республиканскаго управленія. Иностранцы, особенно нѣмцы, пользовались преимуществомъ передъ чехами. Императоръ самъ получилъ нѣкоторое научное образованіе: онъ хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ и всѣми риторическими науками. Петрарка, льстецъ сильныхъ, въ посвященныхъ Карлу напыщенныхъ стихахъ, осыпаетъ похвалами его ученость; но эти пышныя фразы не ослѣпятъ серьезныхъ друзей истины, такъ же какъ и велерѣчивыя письма Вольтера и д'Аламбера къ Фридриху Великому и Екатеринѣ II.

Какъ германскій императоръ, Карлъ слѣдовалъ своекорыстной, узкой политикѣ, расширяя свою наслѣдственную Богемію въ ущербъ Германіи, жертвуя въ угоду приближеннымъ значительною частью императорской власти и вмѣсто того, чтобы отстаивать права націи передъ деспотами и хищниками, предавая ее на жертву ихъ корысти и властолюбію. Все это можно доказать примѣрами. Карлъ женился во второй разъ на дочери пфальцграфа Рудольфа II, отъ хищничества котораго самъ защищалъ незадолго передъ тѣмъ города Шпейеръ и Вормсъ, и назначилъ намѣстникомъ Швабіи самаго отъявленнаго разбойника южной Германіи, герцога Эбергарда Вюртембергскаго, котораго даже въ тѣ времена, когда разбой считался рыцарскимъ ремесломъ, а угнетеніе безсильныхъ славою, прозвали Сварливымъ, а потомъ Брюзгливымъ (Rauschebart). Эбергардъ, въ соединеніи съ нѣсколькими другими рыцарями, опустошилъ богатые швабскіе города, а императоръ, къ которому они обращались за помощью, издавалъ только манифесты, надъ которыми грабители смѣялись, потому что въ ту пору внушала уваженіе одна грубая сила. Не болѣе результатовъ имѣлъ и вызовъ знатныхъ разбойниковъ на судъ имперскаго сейма. Они были наконецъ разбиты чешскимъ войскомъ Карла и имперскими войсками подъ предводительствомъ пфальцграфа Рупрехта I. Но въ этомъ случаѣ императоръ уступилъ ходатайствамъ рыцарей и духовныхъ, опасавшихся перевѣса буржуазіи, и оставилъ всѣ дѣла въ прежнемъ положеніи (1360 г.).

Баварскіе герцоги и рейнскіе пфальцграфы, будучи плохими домохозяевами, помогали императору расширять свою Богемію въ ущербъ германской имперіи. Первые распорядились своимъ наслѣдіемъ очень странно. Людовикъ Бранденбургскій и двое его младшихъ братьевъ, Людовикъ Римскій и Оттонъ, владѣли сообща верхнею Баваріею, а трое остальныхъ братьевъ, Стефанъ, Вильгельмъ V и Альбрехтъ, нижнею. Примирившись съ императоромъ, въ 1351 г., Людовикъ Бранденбургскій предложилъ своимъ двумъ братьямъ, Оттону и Людовику, новую сдѣлку: онъ отдалъ имъ бранденбургскую мархію и получилъ взамѣнъ того въ исключительное владѣніе верхнюю Баварію, что было для него гораздо удобнѣе, такъ какъ она лежала ближе къ Тиролю, который онъ получилъ въ приданое за женою. Людовику Римскому и Оттону пришлось вести нѣсколько лѣтъ войну за обладаніе Бранденбургомъ, потому что сосѣдніе князья воевали съ ними подъ предлогомъ защиты правъ Лже-Вальдемара, а самъ императоръ, подъ разными увертками, медлилъ изгонять этого самозванца до тѣхъ поръ, пока баварскіе принцы не уступили ему верхней Лузаціи. Тогда только высказался онъ открыто противъ обманщика; но прошло еще три года, прежде чѣмъ разными уступками ему удалось успокоить владѣтелей Саксоніи, Магдебурга и Ангальта. Вслѣдъ за тѣмъ (1355 г.) Лже-Вальдемаръ удалился со сцены, предавъ своихъ приверженцевъ и подданныхъ Людовику и Оттону, и потомъ до самой своей смерти, случившейся въ слѣдующемъ году, жилъ у своихъ мнимыхъ родственниковъ, принцевъ ангальтскихъ. Императоръ прибралъ также къ рукамъ и значительную часть Оберпфальца. Женясь на единственной дочери одного изъ пфальцграфовъ, онъ по этому брачному договору и посредствомъ покупки у двухъ другихъ пріобрѣлъ право наслѣдовать удѣлъ своего тестя въ пфальцграфствѣ. Жена его умерла прежде своего отца, такъ же какъ и рожденный ею отъ Карла

сынъ, но императоръ уже успѣлъ убѣдить сыновей Людовика Баварскаго заранѣе отказаться отъ притязаній на эту часть пфальцграфства, а по смерти Рудольфа II (1353 г.) купилъ у его брата и племянника и ихъ права на наслѣдіе вмѣстѣ съ ихъ родовыми владѣніями въ Оберпфальцѣ. При этомъ случаѣ онъ убѣдилъ германскихъ курфирстовъ предоставить ему въ собственность нѣкоторыя изъ имперскихъ земель въ Оберпфальцѣ, заложенныхъ Богеміи Людовикомъ Баварскимъ; взамѣнъ того Карлъ объявилъ, что курфирсты могутъ быть судимы только лично императоромъ. Со стороны Польши, Карлъ еще передъ тѣмъ нашелъ случай расширить свое государство, женясь на дочери герцога швейдницкаго и яуерскаго. Когда по смерти Людовика, владѣтеля верхней Баваріи и Тироля (1361 г.), братъ его Стефанъ воспользовался слабоуміемъ его единственнаго сына, Мейнгарда IV, чтобы овладѣть верхнею Баваріею, императоръ не упустилъ и этого случая къ поживѣ. Поступки Мейнгарда возбудили въ странѣ сильное нсудовольствіе, которое Стефанъ старался поддерживать и увеличивать, вступивъ въ союзъ съ возставшими владѣтелями и городами верхней Баваріи. Наконецъ, Мейнгардъ долженъ былъ бѣжать въ Тироль, гдѣ и умеръ бездѣтнымъ въ 1363 г. По его смерти, Стефанъ завладѣлъ верхнею Баваріею, не заботясь о братьяхъ, Людовикѣ Римскомъ и Оттонѣ. Это дало поводъ алчному императору немедленно занять Тироль и Бранденбургъ, но онъ достигъ цѣли только въ послѣднемъ. Карлъ основывалъ свои притязанія на Тироль на правахъ брата своего Іоанна Генриха, который былъ женатъ на Маргаритѣ (стр. 286); но Маргарита, при содѣйствіи мѣстныхъ сословій, отстояла свои владѣнія отъ императора. Чтобы предохранить ихъ отъ императорскаго корыстолюбія, она, еще въ 1359 г. женивъ своего сына Мейнгарда на дочери австрійскаго герцога Альбрехта II, завѣщала, что, въ случаѣ смерти Мейнгарда бездѣтнымъ, Тироль долженъ вновь соединиться съ Каринтіею, которая принадлежала тогда Австріи. Поэтому, тотчасъ по смерти Мейнгарда, старшій изъ его зятьевъ, Рудольфъ IV, поспѣшилъ въ Тироль, гдѣ и былъ немедленно признанъ законнымъ владѣтелемъ страны, какъ сословіями графства, такъ и самой Маргаритой, которая переѣхала изъ Тироля въ Вѣну и умерла тамъ въ 1369 г. Такимъ образомъ Карлъ обманулся въ надеждѣ овладѣть Тиролемъ, но зато добился, по крайней мѣрѣ, того, что австрійскіе герцоги, тогда всѣ бездѣтные, вступая въ ленное владѣніе Тиролемъ, обязались дать императорскому дому право наслѣдовать ихъ владѣнія. Въ Бранденбургѣ Карлъ былъ счастливѣе. Пользуясь раздраженіемъ двухъ маркграфовъ, Людовика Римскаго и Оттона, противъ ихъ брата Стефана, императоръ присоединилъ къ Богеміи всю Лузацію и помолвилъ за Оттона одну изъ своихъ дочерей на условіяхъ, подготовившихъ переходъ Бранденбурга во владѣнія богемскаго дома. Людовикъ и Оттонъ согласились, въ 1363 г., дать императорской фамиліи участіе въ ихъ наслѣдствѣ и даже позволили Карлу и его сыну Венцеславу немедленно принять титулъ бранденбургскихъ маркграфовъ. Тщетно ангальтская и саксенъ-виттенбергская фамиліи и баварскіе герцоги протестовали противъ этого, ссылаясь на павійскій фамильный договоръ (стр. 282), сдѣлка эта была изложена въ особой граматѣ, и Карлъ, скрѣпивъ ее, немедленно отправился въ Берлинъ, чтобы торжественно принять тамъ присягу отъ своихъ новыхъ вассаловъ. Вообще Карлъ былъ счастливъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ дѣло ограничивалось перепиской и рѣчами и гдѣ ему могли служить его врожденныя хитрость и пронырливость. Даже его богословіе и слѣпое религіозное суевѣріе служили ему могущественнымъ средствомъ для достиженія низкихъ цѣлей; но душа этого ученаго, набожнаго педанта была совершенно неспособна къ чему-нибудь возвышенному. Въ его набожности не было ни малѣйшаго нравственнаго убѣжденія, какъ это видно уже изъ того, что онъ назначилъ патріархомъ аквилейскимъ грубаго Николая, своего побочнаго брата или племянника, не обращая вниманія на его безнравственность и незаконное рожденіе, которое, по средневѣковому праву, не позволяло ему даже быть причисленнымъ къ какому-либо изъ ремесленныхъ цеховъ. О чести германской имперіи и о поддержаніи императорскаго достоинства онъ такъ же очень мало заботился, какъ это показываютъ его поступки, когда Цюрихъ, Бернъ, Цугъ и Гларусъ присоединились къ конфедераціи четырехъ кантоновъ, образовавъ такимъ образомъ въ Швабіи новое государство въ ущербъ германской имперіи.

Въ Цюрихѣ, вслѣдствіе одной изъ революцій, обыкновенныхъ въ тѣ времена въ германскихъ городахъ, низшее дворянство и промышленный классъ овладѣли (1335 г.) правительственною властью, изгнавъ аристократію, и избрали въ пожизненные бургомистры предводителя движенія, Рудольфа Бруна. Этотъ энергическій демагогъ, какъ и всѣ ему подобные, драпировался свободою для того, чтобы деспотически, насильственно и кровожадно властвовать именемъ народа, и управлялъ республиканскимъ городомъ самодержавнѣе всякаго государя того времени. Онъ съ величайшею жестокостью подавилъ реакціонную попытку, сдѣланную изгнанными аристократами при содѣйствіи графа Іоанна Габсбургскаго и другихъ сосѣднихъ феодаловъ. Намѣреніе аристократіи было открыто, и когда заговорщики собрались въ Цюрихѣ, Брунъ одержалъ надъ ними верхъ въ отчаянной ночной битвѣ, извѣстной подъ названіемъ цюрихской ночной рѣзни. Побѣжденные были брошены въ темницы или преданы мучительной смерти. Въ числѣ заключенныхъ находился и графъ Іоаннъ. Его братья и друзья грозили отмстить за него и, чтобы предупредить ихъ, Брунъ напалъ, въ одну холодную, зимнюю ночь, на принадлежавшій графу городъ Раппершвиль, разорилъ и сжегъ его до тла, а жителей перерѣзалъ или разогналъ по полямъ, гдѣ они перемерли отъ голода и стужи. Безсильная имперія и ея императоръ не думали наказывать подобныхъ злодѣяній; но Альбрехтъ II Австрійскій и многіе рыцари рѣшились отмстить Бруну. Узнавъ объ этомъ, цюрихскій тиранъ предложилъ горожанамъ присоединиться къ четыремъ кантонамъ, побѣдившимъ при Моргартенѣ то самое рыцарство, которое грозило теперь цюрихцамъ, и городъ дѣйствительно присоединился къ конфедераціи, довольной пріобрѣтеніемъ самаго богатаго и промышленнаго города южной Швабіи (май 1351 г.). Союзъ цюрихцевъ съ врагами Австріи удвоилъ необходимость похода, задуманнаго австрійскими герцогами Альбрехтъ рѣшился лично вести рыцарей въ Швейцарію и издалъ прокламацію, призывая къ оружію всѣхъ своихъ подданныхъ, но кантонъ Гларусъ, который такъ же, какъ и Цугъ, признавалъ Альбрехта своимъ государемъ, но ненавидѣлъ австрійское владычество за своеволіе и насиліе рыцарства, отказался отъ повиновенія. Альбрехтъ думалъ силою принудить его къ покорности, но это повело только къ пораженію рыцарей, послѣ чего и Гларусъ присоединился къ конфедераціи. Вскорѣ, въ 1352 г., его примѣру послѣдовалъ Цугъ, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1353 г., и Бернъ, еще незадолго до того находившійся въ союзѣ съ Австріей. Одинъ изъ австрійскихъ вождей былъ разбитъ цюрихцами, подъ начальствомъ Рюдгера Манессе при Тетвилѣ, и рыцари трижды тщетно осаждали Цюрихъ. Альбрехтъ заключилъ наконецъ съ цюрихцами перемиріе и обратился за помощью къ имперіи. Его дѣло было, во всякомъ случаѣ, дѣломъ имперіи, такъ какъ въ ущербъ ея въ Швейцаріи образовалось новое государство, хотя цюрихцы и увѣряли, что, не смотря на присоединеніе къ конфедераціи, они остаются вѣрными подданными императора. Швейцарцы, восхваляемые лѣтописцами за прямодушіе, которое просто было извѣстною хитростью простаго народа, прикрытою тономъ прямодушія, имѣли право отдѣлиться отъ имперіи, переставшей быть государствомъ; но, съ своей стороны, имперія была обязана защищать личность и права своихъ членовъ въ лицѣ Альбрехта Австрійскаго.

Карлъ обѣщалъ Альбрехту помощь, но эта помощь ограничивалась долгое время одними словами и перепискою. Императоръ прибылъ въ Цюрихъ, чтобы попробовать тамъ дѣйствіе своихъ рѣчей. Цюрихцы охотно впустили его, съ небольшою свитою, въ городъ, не видя въ этомъ опасности, и оказали ему величайшій почетъ, такъ какъ пышность его двора доставляла пожиру мелкимъ промышленникамъ, управлявшимъ городомъ, но все-таки продолжали упорствовать. Ссылаясь на граматы и манифесты, о которыхъ ни передъ тѣмъ, ни потомъ не бывало и рѣчи, они дали наконецъ императору приличный поводъ удалиться, не рѣшивъ дѣла. Всеобщее неудовольствіе и раздраженіе Альбрехта заставили Карла слѣдующею весною снова отправиться въ Цюрихъ (1354 г.), чтобы вторично попытаться убѣдить его жителей. Но, какъ и въ первый разъ, хитрые цюрихцы прикинулись прямодушными, покорными, преданными, изъявили готовность подчиниться его волѣ, но въ главныхъ пунктахъ настояли на своемъ. Оттуда Карлъ отправился къ Альбрехту, уже прибывшему въ Швейцарію, и предложилъ ему свою обычную итальянскую методу, — уладить дѣло деньгами; но благородный

герцогъ отвѣтилъ, что считаетъ недостойнымъ себя торговать своими правами и княжескою честью. Тогда Карлъ созвалъ княжескій сеймъ въ Регенсбургѣ, считая это лучшимъ средствомъ продлить германскую неурядицу, но Альбрехтъ понялъ его намѣреніе и не явился въ Регенсбургъ, что заставило наконецъ Карла сдѣлать видъ, что онъ имѣетъ серьезное намѣреніе покончить съ этими безпорядками. Онъ созвалъ имперскія войска, но вступилъ съ ними въ Швейцарію только къ концу лѣта, когда Альбрехтъ уже успѣлъ истощить свою казну, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, на содержаніе войска. Наконецъ императоръ соединился съ Альбрехтомъ и обложилъ Цюрихъ; но здѣсь въ союзномъ войскѣ возникъ споръ за передовое мѣсто во время приступа. Швабы покинули императорское войско, а потомъ самъ Карлъ объявилъ, что не станетъ держать войско долѣе шести недѣль, т. е. установленнаго срока феодальной службы, а наконецъ и хитрые цюрихцы помогли ему разъигрывать комедію, выставивъ въ знакъ подчиненія имперіи имперскіе орлы на своихъ башняхъ и выславъ депутацію просить о мирѣ. Послѣ этого Карлъ увелъ свои войска, предоставивъ себѣ рѣшить вопросъ о Цюрихѣ на слѣдующемъ сеймѣ, что, при извѣстной растянутости нѣмецкихъ совѣщаній, было то же, что обѣщать вознагражденіе въ день страшнаго суда. Съ той поры война приняла характеръ частной феодальной войны, пока наконецъ недостатокъ въ деньгахъ не заставилъ Альбрехта вернуться въ Австрію. Карлъ, между тѣмъ, отправился въ Италію разъигрывать и тамъ такую же роль, какъ въ Цюрихѣ. По возвращеніи оттуда, онъ созвалъ въ Регенсбургѣ обѣщанный сеймъ и, нуждаясь тогда въ дружбѣ Австріи, постановилъ приговоръ по цюрихскому дѣлу въ пользу Альбрехта (1355 г.). Но этотъ приговоръ, какъ и всѣ приговоры того времени, нисколько не измѣнилъ положенія дѣла, потому что никто не обращалъ вниманія на императора и сеймы, да къ тому же и некому было приводить въ дѣйствіе ихъ постановленій. Австрія со Швейцаріею сами собой уладили кое-какъ свой споръ. Пять кантоновъ: Цюрихъ, Цугъ, Гларусъ, Бернъ и Люцернъ, перешли къ новой республикѣ, нарушившей цѣлость германской имперіи, но сохранили наружную связь съ нею, и Карлъ, всегда готовый жертвовать существомъ дѣла внѣшности, если только не былъ замѣшанъ его личный интересъ, удовлетворился этимъ рѣшеніемъ вопроса.

Узкая, итальянская политика Карла возбудила и въ сѣверной Германіи цѣлый рядъ волненій и междоусобій, въ продолженіе многихъ лѣтъ опустошавшихъ страну между Эльбою и Везеромъ. Сыновья Оттона Дитяти (стр. 126), перваго герцога брауншвейгскаго, Оттонъ и Іоаннъ, основали двѣ династіи, брауншвейгскую и люнебургскую, раздѣливъ между собой отцовское наслѣдіе. Люнебургъ достался впослѣдствіи двумъ внукамъ Іоанна, Вильгельму и Оттону, которые владѣли имъ сообща. Такъ какъ Оттонъ былъ бездѣтенъ, а Вильгельмъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за принцемъ саксонскаго дома, а другая за Людовикомъ Брауншвейгскимъ, то они положили передать послѣ себя Люнебургъ мужу первой. Но по смерти Оттона, Вильгельмъ перемѣнилъ завѣщаніе въ пользу другаго зятя. Саксонскіе князья обратились къ императору, и Карлъ рѣшилъ это дѣло въ ихъ пользу, потому что герцогъ саксенъ-виттенбергскій былъ его лучшимъ другомъ, а брауншвейгскіе герцоги всегда стояли за Людовика Баварскаго. Чтобы придать законную силу этому несправедливому приговору, императорскимъ юристамъ пришлось начать процессъ противъ Вильгельма и приговорить его къ опалѣ. Но и въ этомъ случаѣ переписка, процессы, указы были такъ же безполезны, какъ манифесты императора противъ Цюриха. Вильгельмъ, нисколько не тревожась всѣмъ этимъ, назначилъ (1369 г.) наслѣдникомъ брата своего зятя, умершаго прежде него, Магнуса съ цѣпью, который также находился въ опалѣ и, будучи жестокимъ тираномъ, долженъ былъ бороться не только съ лауэнбургскими и виттенбергскими князьями, но и съ подданными. Война за Люнебургъ опустошала, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, всѣ нижнюю Саксонію, а примиреніе враждовавшихъ сторонъ (1373 г.) имѣло еще худшія послѣдствія. Претенденты и сыновья ихъ условились управлять Люнебургомъ поочереди; разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей не было недостатка въ поводахъ къ спорамъ, и спустя четырнадцать лѣтъ война возгорѣлась снова. На этотъ разъ брауншвейгскіе герцоги одержали при Винзинѣ на Аллерѣ рѣшительную побѣду, заставившую

саксонскихъ герцоговъ отказаться отъ своихъ притязаній и удовольствоваться только признаніемъ ихъ правъ на наслѣдство (1389 г.).

Вся неутомимая правительственная дѣятельность Карла ограничивалась, какъ и въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, рѣчами, перепискою и переговорами; невозможно перечислить всѣхъ мѣнъ, покупокъ и договоровъ о наслѣдствахъ, подписанныхъ имъ въ Богеміи и Германіи. Все это большею частью клонилось къ обогащенію его фамиліи; но его эгоистическіе разсчеты рушились при его сыновьяхъ. Только одинъ изъ множества манифестовъ этого императора, скрѣпленныхъ золотою печатью, остается до сихъ поръ замѣчательнымъ историческимъ документомъ. Это такъ называемая золотая булла (bulla aurea), изданная въ 1356 г. и составляющая главное основаніе нынѣшняго разъединенія Германіи. Этотъ законъ, какъ и всѣ дѣйствія Карла, обязанъ своимъ происхожденіемъ его личнымъ разсчетамъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ при этомъ неоспоримо-похвальную цѣль, во что бы то ни стало оградить имперію отъ притязаній папъ назначать императоровъ. Золотая булла есть собственно уставъ, опредѣляющій порядокъ избранія и коронаціи императора и отношенія курфирстовъ какъ къ нему, такъ и къ имперіи. Карлъ имѣлъ при этомъ въ виду: во-первыхъ, дать своей славянской странѣ первое мѣсто въ ряду нѣмецкихъ избирательныхъ государствъ; во-вторыхъ, доставить избирательный голосъ тѣмъ изъ владѣтелей, которые были съ нимъ заодно, и навсегда отнять его у своихъ противниковъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ споръ о саксонскомъ курфиршествѣ (стр. 269) между Лауэнбургомъ и Виттенбергомъ, въ пользу послѣдняго, удалилъ баварскихъ герцоговъ отъ пфальцскаго курфиршества (стр. 282), которое они считали общимъ достояніемъ всего дома Виттельсбаховъ, и предоставилъ бранденбургскимъ герцогамъ избирательный голосъ только при владѣніи самимъ маркграфствомъ и занятіи высшей имперской должности. Такимъ образомъ Людовикъ, герцогъ верхнебаварскій и тирольскій, уступившій Бранденбургъ своимъ братьямъ, Людовику Римскому и Оттону, и хотѣвшій удержать за собой избирательный голосъ, лишился званія курфирста, которое перешло къ Людовику Римскому.

Новое законоположеніе состояло изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна была принята князьями и обнародована въ январѣ 1356 г. на нюрнбергскомъ сеймѣ, а другая — въ декабрѣ того же года, на собраніи въ Мецѣ. Несомнѣнно, что безчисленныя подробности относительно церемоніала, одежды, торжествъ и пр., помѣщенныя въ буллѣ, были дѣломъ самого императора; пышный этикетъ былъ для него предметомъ серьезнаго изученія, и онъ ничего такъ не любилъ, какъ рядиться въ золото и пурпуръ. Все остальное содержаніе буллы было, вѣроятно, трудомъ Іоанна фонъ Неймарка и Рудольфа фонъ Фридберга. Въ Мецѣ немедленно были испробованы на практикѣ нововведенные византійско-славянскіе внѣшніе знаки отличій для императора, императрицы и курфирстовъ. На подробное описаніе всѣхъ этихъ негерманскихъ церемоній не стоитъ тратить времени; замѣтимъ только, что богословъ-императоръ избралъ священную цифру семь для числа курфирстовъ, и, вѣрный ученію своего мистическаго друга Петрарки, самъ говоритъ въ буллѣ, что избралъ это число вслѣдствіе аналогіи нѣмецкихъ курфирстовъ съ семью свѣтильниками Откровенія Іоанна. Такія важныя лица, разумѣется, должны были пользоваться большими преимуществами. Эти преимущества означаются въ цѣлыхъ двѣнадцати пунктахъ золотой буллы. Главное изъ нихъ заключалось въ томъ, что курфирсты, какъ коллегія, составляли, такъ сказать, одно лицо съ императоромъ, такъ же какъ коллегія кардиналовъ одно лицо съ папою,— и поэтому оскорбленіе курфирста подлежало равному наказанію съ оскорбленіемъ императора.

Впрочемъ въ золотой буллѣ, какъ и вообще въ германскихъ законахъ, есть много дѣльныхъ и мудрыхъ постановленій; но ей недоставало того же, чего недостаетъ и всѣмъ имперскимъ законамъ: еслибы даже и существовала организованная власть, которая могла приводить ихъ въ дѣйствіе, то у нея не было бы въ распоряженіи военной силы, на которую она могла опереться въ случаѣ надобности. Разумѣется, это относится не къ церемоніаламъ, формальностямъ и табели о рангахъ, которыя и безъ того строго соблюдаются въ Германіи, а къ тѣмъ изъ постановленій золотой буллы, которыя имѣли цѣлью облегчить участь бѣдствовавшаго, безотвѣтно-терпѣливаго народа. Къ такимъ благодѣтельнымъ по-

становленіямъ, осуществившимся только черезъ нѣсколько вѣковъ, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ развитіемъ Европы, мы причисляемъ статьи о союзахъ городовъ и рыцарей и о допущеніи рыцарей, жившихъ въ своихъ замкахъ и имѣніяхъ, въ сословіе горожанъ, или о такъ называемыхъ пфальбюргерахъ. Другою разумною, хотя и не приведенною въ исполненіе статьею новаго закона,—воспрещалось дѣлать частныя нападенія и грабежи безъ предварительнаго объявленія войны и отказаться на время отъ ленной зависимости для того, чтобы имѣть право безнаказанно воевать съ своимъ сюзереномъ. Нельзя также не назвать дѣльными законовъ объ общественной безопасности, которые издавались еще со временъ Фридриха II и постоянно нарушались даже спустя два вѣка послѣ Карла IV, и закона о злоупотребленіи правомъ чекана монеты и о произвольномъ учрежденіи таможенъ. Какъ мало законъ этотъ обезпечивалъ общественную безопасность, можно видѣть уже изъ того, что въ самой буллѣ дѣлается различіе между дозволенными и недозволенными союзами рыцарства и городовъ и изъ разрѣшенія частныхъ войнъ, если только онѣ были объявляемы за три дня до начала непріязненныхъ дѣйствій. Но какъ ни мало было надежды на приведеніе въ дѣйствіе новыхъ постановленій, одна уже попытка водворить порядокъ возбудила неудовольствіе и въ городахъ, и между князьями и рыцарями. Народу золотая булла причинила особенный вредъ. Педанты юристы составили изъ ея избирательныхъ постановленій родъ новаго замысловатаго и мудренаго государственнаго права, которое повлекло за собой утвержденіе въ имперіи римскаго права; это привело наконецъ къ тому, что честный, нѣмецкій бюргеръ или крестьянинъ потерялъ всякое пониманіе какъ своихъ простыхъ правъ и обязанностей, такъ и гражданскихъ законовъ. Онъ долженъ былъ признавать правомъ то, что ему проповѣдывали юристы на своемъ варварскомъ языкѣ, и, находясь предъ судомъ, не могъ понимать ни того, что говорилъ въ его защиту адвокатъ, ни того, что произносилъ противъ него судья.

Папа былъ въ высшей степени недоволенъ направленными противъ него законами; но онъ зналъ, что Карлъ такой же хитрецъ и эгоистъ, какъ и авиньонское правительство, и потому не противился явно новымъ постановленіямъ, чтобы не побудить императора послушаться совѣтовъ истинныхъ друзей отечества изъ числа своихъ юристовъ и теологовъ, требовавшихъ, чтобы императоръ настаивалъ на уничтоженіи Иннокентіемъ VI всѣхъ позорныхъ или невыгодныхъ для имперіи постановленій его предшественниковъ, и чтобы въ Германіи, такъ же какъ во Франціи и Англіи, духовенству было запрещено платить папѣ установленную имъ десятину. Папа легко согласился съ императоромъ, такъ какъ они оба умѣли извлекать для себя пользу изъ народнаго суевѣрія. Кромѣ того, богословскій другъ Петрарки былъ такъ набоженъ, что придавалъ величайшее значеніе привилегіи императоровъ, по торжественнымъ днямъ читать за дьякона евангеліе, держа въ рукѣ обнаженный мечъ, и вообще былъ весьма суевѣренъ. Карлъ сошелся съ папою въ томъ, чтобы онъ не возражалъ на золотую буллу, за что богословъ-императоръ обязался не давать ходу всеобщимъ требованіямъ реформъ въ германской церкви. Германскіе архіепископы отказались въ 1359 г. платить Иннокентію установленную десятину; но Карлъ намекнулъ ему на другое средство поживиться изъ нѣмецкаго кошелька, и на основаніи буллы Бенедикта XII они установили, чтобы церкви и монастыри платили извѣстную сумму за визитаціи.

5. Италія со времени перваго похода въ Римъ Карла IV до возвращенія въ Италію папы Урбана V.

Вскорѣ послѣ изданія золотой буллы, Карлъ IV предпринялъ свой первый римскій походъ. Время и обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали возстановленію въ Италіи императорскаго вліянія; но, разумѣется, не Карлу можно было выполнить то, чего Данте ожидалъ отъ его дѣда. Изъ своего прославленнаго Генриха VII поэтъ дѣлаетъ идеальнаго монарха, который долженъ былъ мощною рукою возстановить павшую церковь, избавивъ ее отъ изгнанія и грѣховъ Вавилона, и освободить угнетенные города Италіи отъ ложнаго либера-

лизма и насилія тирановъ. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ «Божественной Комедіи», Данте награждаетъ благонамѣренность, выказанную честнымъ рыцаремъ-императоромъ въ продолженіе своей — къ сожалѣнію — кратковременной жизни, неувядаемымъ вѣнкомъ, уже ожидающимъ его на приготовленномъ для него въ раю мѣстѣ. Для практическаго и дипломатическаго ума Карла все это было слишкомъ идеально, слишкомъ отвлеченно; это видно изъ отвѣта, который онъ передъ вступленіемъ въ Римъ далъ гибеллинамъ, призывавшимъ его на помощь. «Осторожная обдуманность, говоритъ онъ, скорѣе ведетъ къ цѣли, и чѣмъ долѣе обдумываешь, тѣмъ обыкновенно скорѣе и легче выполняешь; императоръ Августъ показалъ государямъ, что все, что дѣлается спокойно и тихо, совершается достаточно быстро.» Походъ Карла былъ самымъ позорнымъ изъ итальянскихъ походовъ германскихъ императоровъ.

Верхне-итальянскіе государи только что передъ тѣмъ заключили такъ называемый ломбардскій союзъ съ Венеціею (стр. 305), противъ миланскаго герцога и архіепископа Іоанна Висконти и послали противъ него войско подъ предводительствомъ Франческо Каррарскаго, который вскорѣ передалъ начальство одному принцу изъ дома Гонзага. Іоаннъ Висконти вскорѣ умеръ (1354 г.). Сыновья его брата Стефана, Матвѣй II, Варнава и Галеаццо II, раздѣлили герцогство такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ получилъ на свою долю отдѣльные города, а собственно правительственная власть и города Миланъ и Генуя, оставшіеся центромъ и главнымъ источникомъ ихъ могущества, сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ троихъ братьевъ. Еще до этихъ перемѣнъ въ Миланѣ, Карлъ, находившійся въ то время предъ Цюрихомъ, получилъ депутацію отъ Іоанна, ломбардцевъ и папскаго легата и главнокомандующаго Альборноса (стр. 302). Всѣ они настоятельно звали его въ Италію, обѣщая ему большія выгоды. Считая время благопріятнымъ для того, чтобы, наскоро собравъ съ Италіи контрибуцію, короноваться въ Римѣ, онъ рѣшился перейти Альпы, но не какъ воинственный, безпристрастный судья, а какъ купецъ-дипломатъ, имѣвшій въ виду одинъ личный разсчетъ. Онъ далъ слово папѣ не приводить въ Италію войска и пробыть всего одинъ день въ Римѣ, и Иннокентій VI немедленно сдѣлалъ нужныя распоряженія для его коронаціи. Въ октябрѣ 1354 г. Карлъ перешелъ черезъ Альпы въ сопровожденіи всего нѣсколько сотъ всадниковъ и поспѣшно пробрался въ Мантую, гдѣ пробылъ два мѣсяца, обдумывая, что для него выгоднѣе: пристать ли къ ломбардскому союзу, или къ тремъ братьямъ Висконти? Изъ нихъ Варнава былъ самымъ жестокимъ деспотомъ, но въ то же время самымъ энергическимъ, хитрымъ и начитаннымъ государемъ и, подобно Карлу, другомъ Петрарки. Послѣдній уже давно былъ между нимъ посредникомъ, что возбуждало опасенія ломбардскаго союза, хорошо знакомаго съ политикою Карла и недовѣрявшаго ему. Петраркѣ удалось наконецъ склонить его на принятіе позорныхъ предложеній миланскихъ владѣтелей. Они дали Карлу ничтожную сумму денегъ и приняли на себя издержки похода, дозволивъ императору короноваться въ Миланѣ или въ Монцѣ ломбардскою короною, но подъ тѣмъ условіемъ, что онъ вступитъ въ Миланъ, какъ гость, безъ сопровожденія войска. Петрарка, этотъ поэтъ, исключительно преданный, какъ полагали, созерцательной жизни, не скупился на лесть императору, точно такъ же, какъ и папа, надѣявшійся, что походъ Карла возстановитъ въ Римѣ все по старому. Тщеславіе манило Петрарку, какъ и всѣхъ риторовъ, софистовъ и математиковъ, къ блестящимъ дворамъ, гдѣ какой-нибудь деспотъ разглагольствовалъ о наукѣ. Онъ былъ другомъ развратной Іоанны Неаполитанской, жестокаго Варнавы, плутоватаго Карла и, всю жизнь воспѣвая созерцательность и презрѣніе ко всему земному, неутомимо заискивалъ милостей государей, такъ что даже на краю гроба хвалился удачею въ этомъ, какъ высочайшимъ счастіемъ и благословеніемъ небесъ. Тщеславіе привлекло его ко двору Висконти и къ императору въ Мантую, гдѣ онъ разсыпался въ декламаціяхъ и панегирикахъ Карлу и Италіи. Онъ оставилъ много вычурныхъ писемъ объ этомъ путешествіи. Карлъ послѣдовалъ совѣту льстиваго флорентинца и выказалъ при этомъ гораздо болѣе знакомства съ представляемыми ему за образецъ героями древняго Рима, чѣмъ хотѣлось ихъ поклоннику. Показывая императору монету съ изображеніемъ Августа, Петрарка краснорѣчиво представлялъ ему его обязанность подражать этому первому римскому императору, и послушный ученикъ, къ

великому огорченію учителя, вполнѣ послѣдовалъ потомъ въ Миланѣ, Тосканѣ и Римѣ холодной, коварной и эгоистической политикѣ Августа.

Въ Миланѣ, какъ и повсюду впрочемъ, Карлъ медлилъ только для того, чтобы ему выдали поскорѣе деньги, обѣщанныя ему съ цѣлью его выпроводить. Короновавшись въ этомъ городѣ, онъ отправился въ Тоскану съ небольшою суммою денегъ и подаренною ему костью св. Гвидо. Всѣ ожидали, что онъ накажетъ непокорную демократическую Флоренцію и отмститъ за оскорбленіе дѣда республикѣ, не хотѣвшей принять и его самого въ свои стѣны. Но онъ рѣшилъ этотъ вопросъ о чести какъ какое-нибудь коммерческое дѣло, взявъ съ флорентинцевъ большія деньги и даровавъ имъ за это всевозможныя льготы и указы, которые были имъ необходимы для того, чтобы упрочить за собой присвоенныя ими права. Въ Римѣ, куда онъ прибылъ невѣроятно скоро, онъ былъ коронованъ двумя папскими легатами и затѣмъ, не обращая вниманія на просьбы и убѣжденія римлянъ, уѣхалъ въ Тоскану. Здѣсь онъ, казалось, намѣренъ былъ пробыть довольно долго; но насильственные поступки нѣмцевъ и его собственное корыстолюбіе, а въ особенности рабская покорность папѣ и легатамъ, вобзудили сильнѣйшее неудовольствіе даже въ той партіи, которая искони была предана императорамъ и радостно встрѣтила его прибытіе. Эта партія питала наслѣдственную ненависть къ папистамъ, или, что одно и тоже, къ гвельфамъ. Особенно возмутилъ всѣхъ его поступокъ съ богатою, старинною, патріотическою и постоянно вѣрною императорамъ фамиліею Гамбакорта, въ Пизѣ. Лукка, зависѣвшая въ то время отъ Пизы, задумала освободиться съ помощью флорентинцевъ отъ этого подчиненія, и даже разнесся слухъ, будто бы самъ императоръ, имѣвшій безпрестанныя сношенія съ флорентинцами, намѣренъ продать Лукку. Это произвело въ Пизѣ возстаніе, во главѣ котораго стала фамилія Гамбакорта. Императоръ приговорилъ городъ къ уплатѣ четырнадцати тысячъ золотыхъ флориновъ пени и велѣлъ казнить старшихъ членовъ фамиліи Гамбакорта и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ фамилій, всегда выказывавшихъ ему преданность. Послѣ этого онъ продолжалъ путь далѣе, но встрѣчалъ повсюду такое раздраженіе, что только одна Кремона согласилась впустить его къ себѣ со всею свитою, и то потому, что онъ явился у воротъ ея внезапно. Всѣ остальные города впускали его къ себѣ только въ сопровожденіи самаго ограниченнаго числа людей. Въ началѣ іюля императоръ былъ уже въ Нюрнбергѣ.

Кратковременное появленіе императора въ Италіи не только не прекратило насилій, безпорядковъ и самоуправства, но еще увеличило ихъ до невѣроятной степени; въ выигрышѣ остались только флорентинская республика да папа, или вѣрнѣе его вопнственный кардиналъ-легатъ Альборносъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить взглядъ на событія въ итальянскихъ городахъ. Но прежде всего необходимо замѣтить, что и въ ту пору авантюристы и наемники, въ родѣ прежнихъ шаекъ Вернера, Вольфгарта и Фра Моріалиса (стр. 300), играли въ Италіи значительную роль. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ баварско-швабскій графъ Рудольфъ фонъ Ландау, котораго Карлъ назначилъ императорскимъ намѣстникомъ въ Пизѣ. Въ числѣ такихъ атамановъ разбойниковъ мы видимъ даже значительное духовное лицо, епископа аугсбургскаго, Марквардa, который былъ также назначенъ имперскимъ намѣстникомъ въ Пизѣ. И это никого не поражало: такъ низко пала церковь! До прибытія Карла въ Италію, графъ фонъ Ландау находился на службѣ у ломбардскаго союза, но во время похода въ Болонью былъ заподозрѣнъ въ томъ, что, подобно почти всѣмъ наемнымъ атаманамъ, находился на жалованьѣ у враговъ, и потому ломбардцы постарались отъ него избавиться. Тогда онъ отправился въ Неаполь, гдѣ продолжалъ свои разбои и грабежи. Туда же послѣдовалъ за нимъ и вѣрный товарищъ его, Марквардъ, со своею страшною шайкою. Опустошивъ неаполитанское королевство, они вмѣстѣ съ другимъ кондоттьеромъ, Гансомъ Михелемъ фонъ Баумгартеномъ, вступили на службу къ маркграфу монферратскому, воевавшему съ Галеаццо Висконти, и стали, какъ прежде того у болонцевъ, брать деньги съ друзей и недруговъ: съ первыхъ за то, что были на ихъ сторонѣ, а съ послѣднихъ за то, что не сражались, когда должны были сражаться. Поэтому маркграфъ былъ очень радъ, когда въ 1356 г. они были на голову разбиты миланцами, взявшими въ плѣнъ самого Марквардa. Вскорѣ послѣ того графъ фонъ Ландау

нанялся къ Висконти и такъ стѣснилъ Альборноса, что тотъ долженъ былъ откупиться отъ него деньгами. Затѣмъ Ландау снова перешелъ къ врагамъ Висконти. По заключеніи между ними мира, онъ обратилъ вниманіе на Тоскану, наполненную нѣмецкими авантюристами, и отправился въ Германію, чтобы купить у Карла дипломъ намѣстника Пизы. По возвращеніи его въ Италію, флорентинцы, уже вступившіе въ переговоры съ графомъ Буркардомъ, которому Ландау поручилъ на время своего отсутствія начальство надъ шайкою, умышленно завели его въ непроходимыя ущелья, населенныя дикими горцами. Онъ испыталъ тамъ страшное пораженіе, въ которомъ Буркардъ лишился жизни (1358 г.). Самъ Ландау, тяжело раненый, спасся въ Болонью и шайка его разсѣялась на нѣсколько отрядовъ. Съ той поры Ландау былъ до самой своей смерти (1383 г.) не болѣе какъ обыкновеннымъ вождемъ наемной дружины.

Теперь мы перейдемъ къ исторіи отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто должна занять Венеція. Во время перваго римскаго похода императора Карла, эта республика находилась въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ; съ одной стороны ее сильно тѣснила Венгрія, а съ другой — Генуя, хотя и покоренная миланскимъ герцогомъ, но продолжавшая одерживать блистательныя морскія побѣды. Къ счастью, особенное положеніе города, его промышленость, торговля, мореплаваніе и въ особенности дьявольская хитрость и стойкость нравственно-презрѣннаго, политически превосходнаго аристократическаго правительства постоянно спасали Венецію отъ бурь, губившихъ и деспотическія и демократическія государства среднихъ вѣковъ, раздираемыя анархіею.

Въ Венеціи народъ былъ постепенно удаленъ отъ участія въ законодательствѣ и управленіи, привилегій, которыми онъ еще пользовался въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ. Но искусственная система жестокаго, подозрительнаго, вѣроломнаго и въ то же время умнаго, подобно коллегіи кардиналовъ, державшагося нѣсколько вѣковъ и слѣдовавшаго однимъ и тѣмъ же принципамъ, аристократическаго венеціанскаго правительства, была завершена только въ началѣ четырнадцатаго. Слава окончательнаго усовершенствованія этой искусственной и сложной государственной системы, основанной на знатномъ происхожденіи и богатствѣ, шпіонствѣ и жестокости, принадлежитъ дожу Піетро Градениго (1289 — 1311 г.). Онъ первый достигъ совершеннаго устраненія народа отъ участія въ законодательствѣ, занятіи государственныхъ должностей и въ правѣ избирательства на нихъ, предоставивъ все это только извѣстному числу знатныхъ фамилій, внесенныхъ въ такъ называемую золотую книгу. Только изъ этихъ фамилій могли избираться члены большаго совѣта, присвоившаго себѣ всѣ верховныя права народа. Этотъ совѣтъ заключалъ миръ и объявлялъ войну, назначалъ, или по крайней мѣрѣ утверждалъ всѣхъ должностныхъ лицъ, устанавливалъ налоги и неограниченно управлялъ народомъ, имѣя право однимъ словомъ уничтожать рѣшенія сената. Не смотря на то, члены этого совѣта, такъ же какъ и самъ дожъ, были полными рабами избраннаго изъ ихъ среды подозрительнаго правительственнаго мѣста или сената. Ограниченіе этого привилегированаго кружка извѣстнымъ числомъ членовъ, или, какъ говорилось, замкнутость большаго совѣта возбудила всеобщее неудовольствіе, особенно между знатными и богатыми фамиліями, имена которыхъ не попали въ золотую книгу. Это заставило даже Градениго учредить, въ 1310 г., такъ называемый Совѣтъ Десяти, страшное учрежденіе, которое, подобно инквизиціи папъ и доминиканцевъ, охранявшей церковь огнемъ и мечомъ, имѣло обязанность уничтожать въ Венеціи враговъ господствующей аристократіи. Чтобы сколько-нибудь уравновѣсить власть этого страшнаго судилища, къ нему присоединили дожа и еще шесть членовъ. Впослѣдствіи власть совѣта десяти сосредоточилась въ рукахъ трехъ изъ его членовъ, которые могли заключать въ темницу, изгонять и казнить, не отдавая никому отчета, всѣхъ гражданъ безъ исключенія, отъ дожа до послѣдняго нищаго; кромѣ того, двое изъ нихъ могли безъ всякаго суда лишать жизни третьяго. Немудрено, что эта правительственная инквизиція внушала такой ужасъ, что ее не смѣли даже называть по имени. Между тѣмъ всѣ единодушно превозносятъ творца этого учрежденія, вырвавшаго у дожа, хотя и мнимаго главы республики, всѣ существенныя права власти, оставивъ за нимъ только внѣшніе ея признаки, а Маві-

авелли называетъ ее образцомъ государственной и правительственной реформы. Мы готовы сравнить Граденнго съ Суллой (т. I, стр. 718), потому что Венеція, подъ управленіемъ Совѣта Десяти, то есть отъ Граденнго до семнадцатаго вѣка, славилась тѣмъ же родомъ величія и политики, какимъ славился Римъ во время неограниченнаго владычества сената. Но учрежденія Граденнго были долговѣчнѣе кровожаднаго господства римской аристократіи. Они продолжали развиваться по его смерти и, спустя полвѣка, были запечатлѣны казнью посѣдѣвшаго на высшихъ должностяхъ дожа Марино Фаліери.

Причиною казни этого дожа была, какъ говорятъ, его измѣна; онъ былъ глубоко оскорбленъ аристократическимъ правительствомъ, которое, при наказаніи одной нанесенной ему личной обиды, выказало потворство къ фамильнымъ связямъ обидчика, въ ущербъ достоинству дожа. Впрочемъ, дѣло Фаліери, какъ и вообще внутреннія дѣла Венеціи, покрыто непроницаемымъ мракомъ. Достовѣрно только, что дожъ, вступивъ въ заговоръ съ нѣкоторыми изъ предводителей черни, велъ себя безхарактерно, безразсудно и двусмысленно, и что его соучастники плебеи не имѣли ни способностей, ни большаго значенія и погубили сами себя неосторожностью. Все предпріятіе рушилось и дало аристократіи поводъ и случай еще болѣе упрочить свою страшную власть. Фаліери былъ обезглавенъ на той самой лѣстницѣ великановъ, гдѣ былъ коронованъ дожемъ; всѣ его соучастники изъ плебеевъ подверглись жесточайшему гоненію, вмѣстѣ съ родственниками и друзьями, но знатная фамилія Фаліери сохранила всѣ свои привилегіи.

Вскорѣ послѣ казни Фаліери, венеціанцы, подъ предводительствомъ Николо Пизани, были разбиты въ морскомъ сраженіи при Модонѣ генуэзскимъ адмираломъ Паганини Доріа. Весь флотъ ихъ съ пятью тысячами человѣкъ войска достался въ руки генуэзцевъ, которые, къ удивленію, сожгли взятые корабли (1354 г.). Въ то же самое время Венеція воевала съ Висконти, а съ другой стороны ей грозилъ венгерскій король Людовикъ, союзникъ Генуи; все это заставило наконецъ умныхъ правителей республики во что бы то ни стало заключить миръ съ Генуей. Въ маѣ 1355 г. война была окончена, разумѣется, не слишкомъ почетнымъ и выгоднымъ образомъ для Венеціи, но по крайней мѣрѣ это развязало ей руки относительно венгерскаго короля. Венеціанцы давно уже спорили съ Венгріею за владѣніе Далмаціею; этотъ споръ возобновился съ утвержденіемъ въ Венгріи анжуйскаго дома, и Людовикъ Великій, сынъ Карла Роберта, не только снова подчинилъ себѣ сосѣднія съ Венгріею земли, но и объявилъ себя протекторомъ Польши. Генуэзцы еще до побѣды при Модонѣ вступили съ нимъ въ союзъ, и только неожиданно вспыхнувшая война съ сербами помѣшала Людовику начать войну съ Венеціею. Стефанъ Душанъ Сильный, великій князь Сербіи, впервые принявшій титулъ короля или императора (1336 — 1356 г.), сильно расширилъ свое государство въ ущербъ византійской имперіи и поссорился за это съ баномъ, или княземъ Босніи, находившимся подъ покровительствомъ Венгріи. Людовикъ выступилъ въ походъ противъ сербовъ, но былъ разбитъ Стефаномъ. Эта война и походъ въ Литву помѣшали венгерскому королю принять участіе въ войнѣ генуэзцевъ съ Венеціею. Обѣ республики заключили между тѣмъ миръ, и венеціанцы, пользуясь отсутствіемъ Людовика, снова простерли свои виды на Далмацію. Они купили у сербскаго короля два города, которыми онъ владѣлъ въ этой странѣ, и стали поддерживать недовольныхъ въ Венгріи. Это заставило Людовика начать войну съ венеціанцами и Душаномъ, но Душанъ, тѣснимый въ то же время греками, турками и кроатскимъ (хорватскимъ) баномъ, прибѣгнулъ къ искусной уловкѣ, чтобы избавиться на годъ отъ войны съ Венгріею. Онъ написалъ папѣ, что хочетъ перейти изъ православія въ католицизмъ, и папа удержалъ Людовика отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Сербіи. Венгерскій король не рѣшился ослушаться папы. Въ то же время и венеціанцы, неожиданно предоставленные самимъ себѣ, стали стараться отклонить отъ себя грозу, и императоръ Карлъ IV убѣдилъ Людовика заключить съ ними перемиріе. Онъ, однако, продолжалъ вооруженія, готовясь, повидимому, къ войнѣ съ сербскимъ княземъ, который въ 1356 г. внезапно сбросилъ личину. Но оказалось, что Людовикъ имѣлъ въ виду венеціанцевъ. Онъ соединился противъ нихъ съ Альбрехтомъ II Австрійскимъ, императоромъ Карломъ, назначившимъ его имперскимъ намѣстникомъ, патріархомъ аквилейскимъ Николаемъ и многими изъ

мелкихъ тирановъ сѣверо-восточной Италіи и даже съ Франческо Каррарскимъ, который, незадолго передъ тѣмъ, заключилъ въ темницу своего дядю, правителя Падуи, и съ помощью венеціанцевъ овладѣлъ этимъ городомъ. Папа, съ своей стороны, сдѣлалъ венгерскаго короля гонфалоньеромъ (знаменосцемъ) римской церкви. Венгры опустошали Италію въ продолженіе двухъ лѣтъ (1356—1357 г.) и въ то же время съ успѣхомъ воевали въ Далмаціи, гдѣ грубые венеціанскіе матросы и солдаты давно уже успѣли возбудить ненависть къ республикѣ. Все это заставило венеціанцевъ искать мира, который и былъ заключенъ въ 1358 г. Республика уступила венгерскому королю всю Далмацію и дожъ ея сложилъ съ себя титулъ герцога Далмаціи и Кроаціи, а Людовикъ возвратилъ патриціямъ отнятыя имъ у нихъ земли въ Тревизо, Истріи и Фріулѣ.

Въ Кандіи венеціанцы были счастливѣе; они совершенно подчинили себѣ этотъ островъ; но за то и генуэзцы, по заключеніи мира, возвратили себѣ полную независимость. Прежній генуэзскій дожъ Симонъ Бокканегра, содержавшійся въ Миланѣ заложникомъ, убѣдилъ Висконти отпустить его въ Геную, обѣщая служить тамъ его интересамъ. Но, едва вернувшись на родину, онъ принялся подстрекать народъ къ изгнанію миланцевъ, призванныхъ патриціями, и возстановленію демократіи, душой которой онъ былъ. Народъ послѣдовалъ его внушеніямъ (1356 г.). Патриціи были изгнаны, Бокканегра, снова избранный дожемъ, соединился противъ Милана съ маркграфомъ монферратскимъ, и съ той поры Генуя снова сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ итальянскихъ государствъ, а въ 1373 г. завоевала и островъ Кипръ.

Изъ остальныхъ итальянскихъ государствъ, Неаполь былъ занятъ незначительными, внутренними междоусобіями, а Флоренція долгое время тщетно добивалась подчинить себѣ Тоскану. Особеннаго вниманія заслуживаютъ только событія въ Миланѣ и Церковной области. По удаленіи изъ Италіи Карла IV, трое братьевъ Висконти очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Противъ нихъ вооружились ломбардскій союзъ и маркграфъ монферратскій, а вслѣдъ затѣмъ и Генуя; въ то же время, отъ нихъ отложился и ближайшій родственникъ ихъ, владѣтель Болоньи (стр. 304), Джіованни д'Оледжіо, когда Варнава составилъ противъ него заговоръ (1356 г.). Наглый развратъ старшаго изъ братьевъ Висконти, оскорблявшій знатнѣйшія миланскія фамиліи, увеличивалъ опасность, грозившую этому дому. Однако счастье, уже нѣсколько вѣковъ благопріятствовавшее фамиліи Висконти, и здѣсь не измѣнило ей. Венеціанцы сами очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи; маркграфъ монферратскій, отнявъ у Висконти, съ помощью графа фонъ Ландау, Новару, вовсе не былъ расположенъ продолжать противъ нихъ непріязненныя дѣйствія, а ломбардскому союзу не доставало единодушія, и потому онъ заключилъ въ 1358 г. миръ съ Миланомъ. Но особенно счастливымъ событіемъ для Висконти была смерть ихъ брата Матвѣя въ 1355 г. Были ли виновниками ея его братья или его развратная жизнь, неизвѣстно, но послѣднее вѣроятнѣе. Двое оставшихся въ живыхъ братьевъ раздѣлили между собою владѣнія. По заключеніи мира съ Ломбардіею, одинъ изъ нихъ, Варнава, задумалъ подчинить себѣ Болонью, другой Галеаццо II—Павію. Предпріятіе не удалось: Джіованни д'Оледжіо, видя невозможность устоять, предпочелъ передать Болонью кардиналу Альборносу, чѣмъ уступить ее своему родственнику Варнавѣ (1360 г.). Галеаццо удалось покорить Павію и онъ до того запугалъ маркграфа, что тотъ поспѣшилъ въ Авиньонъ просить защиты у папы. Это случилось въ то самое время, когда наемныя войска Эдуарда III и Іоанна Добраго, распущенныя послѣ мира въ Бретиньи, разсыпались по всей Франціи и разоряли ее, угрожая самому Авиньону. Чтобы удалить ихъ, Иннокентій VI заплатилъ имъ сто тысячъ экю, съ тѣмъ, чтобы они отправились въ Ломбардію съ маркграфомъ монферратскимъ. Такимъ образомъ въ 1360 г. французы, гасконцы и англичане наводнили Италію; между ними была особенно замѣчательна одна англійская дружина подъ начальствомъ Гауквуда, или Агуто; она играла въ Италіи такую же роль, какъ и нѣмецкая дружина графа фонъ Ландау. Съ той поры, дикіе пришельцы, продававшіе свои услуги то той, то другой партіи, стали играть судьбою Италіи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи дѣлъ деньги, жестокость и вѣроломство помогли, сначала Висконти, а потомъ Венеціи, основать свое блистательное могущество.

Висконти владѣли богатѣйшею изъ европейскихъ странъ и правленіе ихъ, прославленное процвѣтаніемъ наукъ, искусствъ и поэзіи, было величаво въ самой своей жестокости; они сами открыто говорили, что правленіе ихъ военно-деспотическое и что они считаютъ жизнь и достояніе подданныхъ свою собственностью. Во всѣхъ случаяхъ они прибѣгали къ полицейскимъ и военнымъ мѣрамъ и устанавливали обременительные налоги совершенно произвольно. До насъ дошло постановленіе двухъ братьевъ Висконти о пыткахъ, какимъ въ продолженіе сорока дней подвергались въ темницахъ политическіе преступники. Хладнокровная жестокость, обнаруживающаяся въ этомъ распоряженіи, достаточно ясно говоритъ, какою дорогою цѣною покупали при Висконти спокойствіе, порядокъ и процвѣтаніе торговли, искусствъ и наукъ. Они явно смѣялись надъ отлученіемъ, которымъ поразилъ ихъ папа Иннокентій VI, установившій, чтобы въ каждый четвергъ передъ Троицей на Висконти изрекалось, съ высоты эшафота, страшное проклятіе; Варнава отвѣтилъ на это предписаніемъ своему духовенству проклинать папу съ высоты башни, при звукѣ трубъ. Висконти слѣдовали тому принципу, что каждый владѣтель пользуется въ своей странѣ правами императора и папы, и всѣми мѣрами убѣждали въ этомъ сомнѣвающихся. Чтобы досадить папѣ и привлечь къ себѣ тысячи учащихся, стекавшихся въ Болонью, которою правилъ папскій легатъ, Галеаццо Висконти основалъ, въ 1361 г., павійскій университетъ, купивъ привилегію на это у императора, который такъ же, какъ и папа присвоивалъ себѣ исключительное право основывать университеты. Деньги на новое учрежденіе Галеаццо собралъ съ духовенства и основателей церквей, которые выказывали болѣе послушанія къ папѣ, чѣмъ къ нему, и созвалъ туда ученыхъ изъ всѣхъ городовъ, принадлежавшихъ ему самому или его брату. Чтобы придать своей тираніи видъ законности, Варнава купилъ у Карла IV такъ называемую грамату величества, которою императоръ назначилъ его имперскимъ намѣстникомъ въ Брешіи, Кремонѣ, Пармѣ и другихъ городахъ (1360 г.).

Богатство и блескъ двухъ миланскихъ тирановъ были такъ велики, что одинъ изъ нихъ могъ купить родство съ французскимъ королемъ Іоанномъ Добрымъ и даже съ гордой династіей Плантагенетовъ, а другой съ двумя первыми царственными фамиліями Германіи. Чтобы добыть какимъ бы то ни было средствомъ огромный выкупъ, требуемый Эдуардомъ III, Іоаннъ Добрый продалъ Галеаццо за шестьсотъ тысячъ флориновъ свою несовершеннолѣтнюю дочь, съ тѣмъ чтобы тотъ воспиталъ ее какъ будущую жену своего сына, Іоанна. Такимъ образомъ Висконти упрочили себѣ покровительство Франціи и убѣжище въ ней, на случай надобности, такъ какъ этимъ союзомъ съ Франціею они пріобрѣли владѣнія въ Лангедокѣ, которыя впослѣдствіи они промѣняли на графство Вертю. Второй сынъ Эдуарда III, Ліонель, также поправилъ свое разстроенное состояніе, женясь на дочери богатаго Галеаццо. Черезъ четыре года, другой Висконти, Варнава, выдалъ одну изъ своихъ дочерей за сына австрійскаго герцога Альбрехта II, а другой въ 1369 г. за сына нижне-баварскаго герцога Стефана. Обѣ невѣсты получили въ приданое неслыханную для того времени сумму денегъ и множество драгоцѣнностей. Бѣдная Германія съ изумленіемъ взирала на эти богатства, важно и подробно высчитываемыя ея мелочными историками. Гораздо важнѣе было то, что обѣ принцессы занесли къ неиспорченному еще народу итальянскіе правила и нравы.

Прежде чѣмъ перейти къ Церковной области, бросимъ взглядъ на состояніе Тосканы и другихъ частей верхней Италіи. Тамъ еще держались могущественныя фамиліи делла Скала, Эсте, Гонзага, Каррара и множество мелкихъ владѣтельныхъ домовъ, подчинившихся впослѣдствіи Висконти или Венеціи. Владычество фамиліи Висконти простиралось отъ центра Тессинскаго кантона до границъ Болоньи и отъ Вероны до Пьемонта, а потомъ распространилось даже на Новару и Тортону. На западной границѣ владѣній Галеаццо, маркграфъ монферратскій основалъ новое государство. Ему помогли въ этомъ англійскія, французскія и нѣмецкія дружины, изъ которыхъ послѣдняя была подъ начальствомъ Оттона Брауншвейгскаго. Маркграфъ началъ съ Галеаццо войну, длившуюся до тѣхъ поръ, пока ихъ не примирилъ папа Урбанъ V, преемникъ Иннокентія (1364 г.). По заключеніи мира, наемныя дружины удалились къ своимъ товарищамъ въ Тоскану и нашли себѣ много занятій въ этой странѣ, раздираемой междоусобіями,

въ то время какъ Генуя снова разцвѣтала, наслаждаясь миромъ. Наемныя дружины, подъ предводительствомъ фонъ Баумгартена и Гауквуда, жили въ Тосканѣ на счетъ флорентинцевъ и пизанцевъ, которые вели между собою вѣчную войну; по временамъ эти шайки нападали и на Церковную область, или опустошали какой-нибудь изъ ломбардскихъ городовъ.

Въ Церковной области кардиналъ Альборносъ пріобрѣлъ себѣ вѣчную славу: церковь была обязана ему одному возстановленіемъ ея свѣтской власти и перенесеніемъ въ Италію резиденціи папъ. Мы видѣли, что попытка его овладѣть Римомъ съ помощью Ріенци не удалась и что надежды папы Иннокентія на римскій походъ Карла IV не оправдались; но вскорѣ потомъ Альборносъ подчинилъ папѣ Анкону, Сполето и мелкихъ владѣтелей Романьи, изъ фамилій Малатеста, Полента и Орделаффи (стр. 165). Послѣдніе уже цѣлое столѣтіе навлекали на себя проклятіе человѣчества, и Данте еще за полвѣка до того справедливо сказалъ въ своей поэмѣ, что эти мелкіе тираны питали въ душѣ вражду и ненависть другъ къ другу, хотя и не были между собою въ открытой войнѣ. Малатеста приняли почетное прозвище Мастини, или бульдоговъ, потому что дѣйствительно впивались зубами въ своихъ подданныхъ. Они и Полента цѣлые полвѣка упражнялись въ самыхъ позорныхъ преступленіяхъ, смѣясь надъ папскимъ отлученіемъ, уже тридцать лѣтъ тяготѣвшимъ надъ ними; но вынужденные, въ 1355 г., покориться кардиналу Альборносу, были очень благосклонно возвращены въ нѣдра церкви, домогавшейся только свѣтской власти. Они уступили папѣ часть своихъ владѣній и дали ему ленную присягу на остальныя.

Въ слѣдующемъ году Альбордосъ обратился противъ Франческо Орделаффо, который образовалъ себѣ княжество изъ городовъ Форли, Форлимпополи и Чезены. Этотъ тиранъ смѣялся не только надъ церковью, но и надъ всѣмъ возвышеннымъ и священнымъ; Иннокентій VI справедливо говорилъ о немъ, что у него человѣческаго только одно тѣло. Франческо Орделаффо велѣлъ публично сжечь изображенія папы и кардиналовъ, задушилъ семерыхъ священниковъ, соблюдавшихъ наложенный на него интердиктъ, велѣлъ содрать кожу съ семерыхъ другихъ и умертвилъ родныхъ сыновей за то, что они увѣщевали его отклонить отъ себя церковное отлученіе. Чтобы собрать достаточное число войскъ, Альборносъ объявилъ крестовый походъ противъ Орделаффо, обѣщая отпущеніе грѣховъ всякому, кто купитъ индульгенцію. На это особенно разорились флорентинскія женщины и дѣвушки, такъ что современный историкъ Виллани возстаетъ противъ этой эксплуатаціи слабыхъ душъ почти такъ же рѣзко, какъ Лютеръ, спустя полтораста лѣтъ. Альборносъ убѣдилъ папу назначить венгерскаго короля Людовика главнокомандующимъ крестоносцевъ и предоставить ему за это содѣйствіе церковную десятину съ Венгріи; эта мѣра привлекла въ Италію грозныя толпы кроатовъ, мадьяровъ, пандуровъ, толпачей и босняковъ, которыя вымѣстили на жителяхъ Романьи вину ихъ тирановъ. Труднѣе всего было Альборносу одолѣть жену Орделаффо, Чію, слѣдовавшую принципамъ мужа. Чія прослыла героинею за мужественную защиту Чезены и, когда наконецъ этотъ городъ былъ взятъ, заперлась въ замкѣ и держалась тамъ до тѣхъ поръ, пока осаждающіе не зажгли деревянной башни замка; она попалась, со своими дѣтьми, въ плѣнъ къ кардиналу (1357 г.). Орделаффо обратился за помощью къ Варнавѣ Висконти, и тотъ прислалъ къ нему графа фонъ Ландау съ его дружиною. Альборносъ счелъ за болѣе благоразумное удалить этихъ хищниковъ, заплативъ имъ пятьдесятъ тысячъ золотыхъ флориновъ, чѣмъ сражаться съ ними, тѣмъ болѣе, что сумма эта слишкомъ покрылась деньгами, вырученными во Флоренціи продажею индульгенцій. Но успѣхи папскаго дѣла въ Италіи были вскорѣ остановлены: Альборносъ имѣлъ въ Авиньонѣ множество враговъ, которые убѣдили папу отозвать его. Главнокомандующимъ былъ назначенъ на мѣсто его аббатъ Клюньи, обнаружившій вскорѣ такую неспособность, что папа въ слѣдующемъ же году возвратилъ начальство надъ войскомъ испанскому кардиналу. Чрезъ нѣсколько недѣль по возвращеніи Альборноса, Орделаффо, осажденный въ Форли, былъ принужденъ сдаться (1359 г.). Но этотъ безбожный противникъ папы былъ наказанъ не строже Малатесты и Поленты; признавъ надъ собою верховную власть папы, онъ примирился съ церковью, получилъ изъ плѣна свою семью и остался владѣтелемъ Форлимпополи и Кастрокаро.

Въ слѣдующемъ году, Джіованни д'Оледжіо, тѣснимый Варнавою Висконти, продалъ Болонью, какъ мы уже сказали выше, папскому легату и получилъ за это, кромѣ денегъ, въ пожизненное владѣніе другой городъ. Варнава продолжалъ осаждать Болонью и довелъ ея жителей до такой крайности, что Иннокентій долженъ былъ обратиться за помощью не только къ венгерскому королю, но и къ императору, Эдуарду III и другимъ государямъ. Онъ пожертвовалъ австрійскому герцогу Рудольфу IV, сыну Альбрехта II, двумя нѣмецкими епископами, съ которыми тотъ былъ въ ссорѣ, и получилъ отъ него обѣщаніе прислать въ Болонью сотню рыцарей. Изъ королей, одинъ Людовикъ Венгерскій оказался послушнымъ сыномъ церкви; но присланныя имъ орды совершали самыя неслыханныя буйства и сдѣлались такимъ же бременемъ для папскихъ подданныхъ, какъ и для подданныхъ Висконти. Съ своей стороны и Варнава набралъ многочисленное войско изъ нѣмецкихъ и французскихъ наемниковъ на деньги, собранныя съ миланскаго духовенства. Но это войско охотнѣе грабило, чѣмъ сражалось, и въ слѣдующемъ же году (1361 г.) болонцы, сдѣлавъ вылазку, одержали полную побѣду надъ Варнавою. Конечно, у Варнавы было достаточно денегъ, чтобы набрать новое войско; въ солдатахъ не было недостатка, потому что Италія была наводнена авантюрпстами всѣхъ націй и одинъ маркграфъ монферратскій привелъ въ тотъ годъ изъ Франціи до десяти тысячъ солдатъ. Тщетно Альборносъ заводилъ переговоры съ могущественнымъ властителемъ Милана, тщетно вступалъ онъ въ союзъ съ фамиліями делла Скала, Каррара, Эсте и Гонзага, тревожимыми возраставшимъ могуществомъ Висконти. Гордый тиранъ былe неустрашимъ и соглашался на миръ не иначе, какъ на самыхъ унизительныхъ для папы условіяхъ.

Положеніе Италіи было ужасно. Жестокіе тираны и тысячи наемниковъ опустошали страну; только въ одной Венеціи сохранялась еще нѣкоторая законность и безопасность; въ Неаполѣ съ 1362 г. возникли продолжительныя волненія и къ дополненію всего на цѣломъ полуостровѣ, такъ же какъ и по всей Европѣ, свирѣпствовала уже нѣсколько лѣтъ страшная моровая язва, извѣстная въ русской исторіи подъ именемъ черной смерти. Однако, не смотря ни на что, этотъ періодъ времени былъ порою высочайшаго процвѣтанія Италіи; онъ начался съ того времени и, постепенно развиваясь, достигъ, въ слѣдующемъ вѣкѣ, своего апогея. Анархія наскучила наконецъ даже римлянамъ, такъ что по смерти папы Иннокентія, преемникъ его Урбанъ V могъ уже серьезно думать о перенесеніи резиденціи въ Римъ. По умерщвленіи Ріенци, римляне вновь подпали было подъ гнетъ аристократіи, но потомъ возстановили у себя демократическую республику, поставивъ во главѣ ея сапожника Покадору или Бонадору. Захвативъ въ свои руки диктатуру, онъ прогналъ патриціевъ, набралъ себѣ, подобно Ріенци, тѣлохранителей изъ нѣмецкихъ, венгерскихъ и римскихъ наемниковъ и образовалъ изъ гражданъ города національную гвардію въ двадцать двѣ тысячи человѣкъ. Но трусость тогдашнихъ римлянъ, гордыхъ славою своихъ предковъ, была такъ велика, что они, пользуясь выступленіемъ Покадоры въ походъ противъ Веллетри, призвали къ себѣ на помощь кардинала Альборноса. Это случилось въ самый годъ смерти папы Иннокентія. Новый папа находился во время своего избранія въ Италіи, куда былъ посланъ Иннокентіемъ къ неаполитанской королевѣ Іоаннѣ. Онъ сожалѣлъ о печальномъ положеніи страны, сознавалъ необходимость перенести въ Римъ резиденцію папъ, которые, живя въ Авиньонѣ, находились въ двойной зависимости у французскаго и англійскаго королей, и явно высказывалъ, во Флоренціи и другихъ городахъ, свое твердое намѣреніе осуществить этотъ планъ. Въ слѣдующемъ году обстоятельства сложились какъ нельзя благопріятнѣе для цѣли Урбана; то, чего Альборносъ не могъ достичь своими собственными средствами, удалось ему при содѣйствіи фамилій делла Скала, Эсте, Каррара и Гонзага: Варнава Висконти былъ разбитъ на голову союзниками подъ начальствомъ Фельтрино Гонзага и потерялъ не только значительную часть войска, но и множество своихъ приверженцевъ и друзей. Это пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе для Висконти, что Урбанъ возобновилъ противъ него отлученіе, которымъ онъ былъ пораженъ еще при Иннокентіи, и свѣтъ приписалъ неудачу его оружія небесной карѣ. Урбанъ примирился и съ потомствомъ Людовика Баварскаго, отъ чего предшественникъ его постоянно отказы-

вался подъ разными предлогами, и баварскій домъ обѣщалъ папѣ помощь противъ Варнавы. Обѣщаніе это хотя и не было выполнено, но Германія все-таки приняла нѣкоторое участіе въ папской войнѣ. Продажа индульгенцій по ту сторону Альповъ выманила у простодушныхъ нѣмцевъ значительныя суммы, которыя были обращены Урбаномъ на плату безбожнымъ нѣмецкимъ солдатамъ, воевавшимъ за него въ Италіи. За то во Франціи нельзя было ни продавать индульгенцій, ни проповѣдывать крестоваго похода противъ Варнавы; папа былъ даже встревоженъ почти грознымъ ходатайствомъ короля Іоанна за Висконти, а въ Англіи всѣ подобныя папскія распоряженія давно уже были запрещены или затруднены юридическими формальностями. Побѣда папскаго оружія, успѣхи союзниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, опасеніе, чтобы новый папа не возстановилъ противъ нихъ всей Италіи, Германіи и Венгріи, заставили наконецъ братьевъ Висконти просить мира, который и былъ заключенъ, весною 1364 г., на выгодныхъ условіяхъ для миланскихъ тирановъ. Папа не могъ слишкомъ полагаться на обѣщанную ему помощь Германіи и Венгріи; поэтому съ Висконти было снято отлученіе и всѣ отнятыя у нихъ земли были возвращены имъ, за исключеніемъ Болоньи, за которую папа обязался платить извѣстную сумму денегъ.

Заключивъ этотъ миръ, Урбанъ V сталъ думать о приведеніи въ исполненіе своего плата перенести въ Римъ резиденцію папъ. Особенно побуждали его къ этому три обстоятельства. Во первыхъ, онъ проповѣдывалъ въ ту пору всеобщій крестовый походъ противъ османскихъ турокъ, подобный тому, который проповѣдывалъ противъ сельджуковъ Урбанъ II (т. I стр. 657), а предпріятіемъ такого рода необходимо было руководить изъ Италіи; во вторыхъ, онъ намѣревался привлечь къ католицизму грековъ, освободивъ ихъ, съ помощью запада, отъ ига османовъ; для этого ему также было удобнѣе дѣйствовать изъ Италіи; въ третьихъ, — и это было важнѣйшее, — бродившія по Франціи наемныя шайки грозили въ Авиньонѣ и новому папѣ, заставляя его даже опасаться за свою жизнь и желать во что бы то ни стало укрыться отъ ихъ хищничества Урбанъ V и, вѣрный другъ его Петрарка обратились за помощью къ императору. Карлу IV который былъ готовъ на все нетребовавшее никакихъ пожертвованій, самотверженія, мужества и вдохновенія идеею. Папа скрывалъ свои намѣренія отъ французскаго короля и кардиналовъ, всѣми силами старавшихся удержать его въ Авиньонѣ, и, не рѣшаясь вести переговоровъ съ императоромъ письменно, попросилъ его пріѣхать въ Авиньонъ. Карлъ IV, охотникъ до путешествій, принялъ это приглашеніе и пріѣхалъ къ папѣ весною 1365 г. Намъ неизвѣстны результаты совѣщаній папы съ императоромъ относительно главнаго вопроса; достовѣрно только, что папа изложилъ ему свой планъ очищенія Франціи, Италіи и Испаніи отъ хищныхъ наемныхъ шаекъ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы соединить эти дикія толпы въ одну армію и отправить ее, на счетъ христіанства, сражаться съ османами. Карлъ IV дѣйствовалъ и въ этомъ случаѣ сообразно принципамъ своей итальянско-славянской политики. Вначалѣ онъ, повидимому, согласился съ папою, но потомъ сталъ ему противодѣйствовать и положительно отрекся отъ своего слова, встрѣтивъ въ Германіи рѣшительный отказъ пропустить толпы хищниковъ. Итальянцамъ, которые убѣдительно просили папу избавить ихъ отъ этихъ бродячихъ шаекъ, онъ предложилъ то же самое средство. Такъ какъ отлученіе и интердиктъ не имѣли никакого дѣйствія на этотъ классъ людей, папа предложилъ итальянскимъ государствамъ собрать въ Болоньѣ конгрессъ и обсудить на немъ проектъ отправки наемныхъ дружинъ на счетъ христіанскихъ государствъ въ крестовый походъ противъ турокъ. Урбанъ V не пригласилъ къ участію въ конгрессѣ однихъ Висконти, вѣроятно зная, что они держали на жалованьѣ почти всѣхъ предводителей наемныхъ шаекъ для того, чтобы каждую минуту имѣть возможность собрать войско или разстроить предпріятія другихъ государствъ посредствомъ подкупныхъ предводителей ихъ войска.

Какъ софистъ и риторъ, Петрарка игралъ въ это время весьма значительную роль. Раздѣляя виды Урбана, онъ уже давно возвѣстилъ боготворимой имъ до смѣшнаго Италіи перенесеніе въ Римъ папской столицы и возстановленіе древней славы этого города. Онъ писалъ императору поэтически-прозаическія письма, увѣщевая его ввести папу въ Римъ; писалъ такія же и папѣ, увѣряя,

что его появленіе въ Римѣ заставитъ удалиться чужеземныхъ притѣснителей; онъ писалъ ихъ наконецъ всѣмъ, кто пользовался какимъ нибудь значеніемъ и вліяніемъ, стараясь своимъ цвѣтистымъ краснорѣчіемъ воодушевить всѣхъ къ освобожденію Италіи. Но въ то же время этотъ энтузіастъ свободы отправился въ Миланъ, ко двору безстыднѣйшаго изъ тирановъ, потому что тотъ былъ его поклонникомъ и восхищался его манифестами. Въ дѣлѣ папы Карлъ IV показалъ себя достойнымъ ученикомъ Петрарки: онъ былъ щедръ на слова и скупъ на дѣло, увѣрялъ папу въ своей готовности ввести его въ Римъ, спрашивая, долженъ ли онъ предшествовать ему, прокладывая дорогу, или слѣдовать за нимъ, уничтожая его враговъ; но въ дѣйствительности не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Онъ, правда, созвалъ во Франкфуртъ имперскій сеймъ (1366 г.), но это было сдѣлано только для того, чтобы до послѣдней минуты придавать дѣлу видъ твердаго намѣренія; этотъ сеймъ, какъ и всегда, имѣлъ результатомъ одни пышныя слова. Наконецъ папа потерялъ терпѣніе и рѣшился вступить въ Римъ одинъ. Чтобы задобрить Висконти и другихъ смертельныхъ враговъ гордаго кардинала Альборноса, Урбанъ V вѣжливо удалилъ его подъ предлогомъ посольства въ Неаполь. Убѣдившись въ рѣшимости папы оставить Авиньонъ, римляне пришли въ живѣйшую радость, и вся Италія, за исключеніемъ Висконти, предложила свои услуги первосвященнику; но французскій король и коллегія кардиналовъ до послѣдней минуты употребляли всѣ усплія, чтобы удержать папу въ Авиньонѣ. Но ни интриги Карла V, французскаго короля, ни слезы, вопли и укоры кардиналовъ, ни угрозы Висконти Генуѣ, предложившей папѣ флотъ, не заставили его измѣнить своего твердаго рѣшенія. Въ концѣ апрѣля 1367 г. онъ въ сопровожденіи кардиналовъ отправился въ Марсель, пробылъ тамъ до 22 мая и оттуда прибылъ 4 іюля въ Геную, совершивъ переѣздъ на великолѣпномъ флотѣ, который прислали къ нему Пиза, Генуя, Венеція и неаполитанская королева. Изъ Генуи онъ переѣхалъ въ Витербо, гдѣ остался дожидать императора, который долженъ ввести его въ Римъ. Но такъ какъ Карлъ не явился, а въ Витербо вспыхнуло возстаніе, которое съ трудомъ удалось подавить, то Урбанъ пріѣхалъ ранѣе, чѣмъ располагалъ. Народъ съ восторгомъ встрѣтилъ вернувшагося къ нему папу, который и поселился въ возстановленномъ для него папскомъ дворцѣ.

IV. ИСПАНІЯ И ПОРТУГАЛІЯ

ОТЪ ПАДЕНІЯ ОМЕЯДОВЪ ДО ГЕНРИХА ТРАСТАМАРСКАГО.

1. До смерти кастильскаго короля Фердинанда Святаго.

Въ средніе вѣка Испанія представляла странную смѣсь германско-христіанской цивилизаціи съ персидско-арабско-индѣйскою культурою мухаммеданъ, а многія открытія, ремесла и науки, какъ, напримѣръ, математика, астрономія, медицина и другія, перешли къ намъ изъ далекой Индіи черезъ Персію, Сирію, Египетъ, сѣверную Африку и Испанію. Это придаетъ особенное значеніе мухаммеданскимъ государствамъ Испаніи. Мы уже говорили, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находились первыя и какимъ образомъ возникли послѣднія (т. II, стр. 314 и 315). Въ началѣ одиннадцатаго вѣка, огромная мухаммеданская имперія Омеядовъ распалась на множество мелкихъ государствъ, имѣвшихъ столицами Кордову, Севилью, Гранаду, Малагу, Валенсію, Бадахосъ, Толедо, Сарагосу и другіе города; напротивъ, христіанскія провинціи соединились, хотя и на кототкое время, подъ скипетромъ Санчо Маіора, или Великаго, короля наваррскаго. Это христіанское государство, въ свою очередь, распалось по смерти Санчо (1035 г.) и было раздѣлено, какъ уже выше сказано, между его четырьмя сыновьями (т. II, стр. 326). Одно изъ этихъ четырехъ государствъ исчезло нѣсколько лѣтъ и мѣсто его заняло графство барселонское и каталонское, входившее нѣкогда въ составъ франкской имперіи (т. II, стр. 317 и 319) и сдѣлавшееся значительнымъ при Раймундѣ Беренгарѣ I (1035—1076 г.). Такимъ образомъ въ половинѣ одиннадцатаго вѣка въ Испаніи было четыре христіанскихъ государства: графство каталонске и королевства Наварра, Аррагонія и Кастилія.

Кастилія досталась второму сыну Санчо Маіора, Фердинанду I. Въ 1038 г. къ ней присоединились Галлиція, Астурія и Леонъ, но по смерти Фердинанда (1067 г.) эти провинціи вновь отдѣлились, потому что и въ Испаніи, какъ въ Германіи, государства считались фамильнымъ достояніемъ государей. Фердинандъ раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, Санчо II, Альфонсомъ VI и Гарсіею, и сверхъ того далъ по особой провинціи двумъ дочерямъ, Уракѣ и Эльвирѣ. Санчо получилъ Кастилію, Альфонсъ—Леонъ и Астурію, Гарсія—Галлицію. Исторія Кастиліи, романическая и кровавая, какъ и исторія Аррагоніи, Каталоніи и мавританскихъ государствъ, со временъ Санчо совершенно теряется въ области поэзіи. Къ этому времени относятся разсказы о героѣ Родриго Діасѣ, прозванномъ Кампеадоромъ, т. е. великимъ полководцемъ, или, какъ его обыкновенно называютъ, Сидѣ, т. е. вождѣ. Этотъ рыцарь, жившій до 1039 г., былъ для испанцевъ тѣмъ же, чѣмъ Ахилесъ для древнихъ грековъ, т. е. главнымъ героемъ ихъ эпической поэзіи. Испанцы, до сихъ поръ предпочитающіе, подобно арабамъ, поэтическій вымыселъ голой истинѣ, прославили своего Сида въ безчисленныхъ романсахъ и поэмахъ, такъ что въ его исторіи трудно опредѣлить, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается

фантазія. Сидъ помогъ Санчо изгнать другихъ сыновей Фердинанда изъ ихъ владѣній. Въ поэмахъ говорится, что Сидъ, побѣдивъ Альфонса, взялъ его въ плѣнъ и постригъ въ монахи; но тотъ съ помощью сестры своей Уракп бѣжалъ къ маврамъ, въ Толедо. Гарсія также не устоялъ противъ Санчо и нашелъ защиту и убѣжище въ Севильи, у мавританскаго короля. Альфонсъ вскорѣ вернулся изъ изгнанія, а въ то же время Санчо былъ предательски умерщвленъ, вѣроятно, при содѣйствіи Ураки (1072 г.). Альфонсъ не только получилъ обратно свои владѣнія, но и сдѣлался королемъ Кастиліи; впрочемъ сословія (кортесы) этого государства предварительно заставили его дать клятву въ томъ, что онъ не участвовалъ въ убійствѣ брата. Альфонсъ тотчасъ вступилъ въ борьбу съ полководцемъ своего брата, Сидомъ, борьбу, воспѣтую такимъ же множествомъ поэтовъ, какъ и троянская война, походы Александра Македонскаго, исторія Артура или подвиги паладиновъ Карла Великаго. Въ испанской поэмѣ, гнѣву Ахиллеса въ Иліадѣ соотвѣтствуетъ настойчивость Сида, вынуждающаго у короля очистительную клятву, которой никто не имѣлъ права требовать отъ него; Альфонсъ долженъ былъ даже принести эту клятву гордому герою дважды и за то сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Изгнанный изъ Кастиліи, Сидъ отправился воевать съ невѣрными.

Исторія короля Альфонса VI имѣетъ точно такой же романическій оттѣнокъ, какъ и преданіе о Сидѣ. Альфонсъ началъ царствованіе съ того, что овладѣлъ, посредствомъ измѣны и обмана, своимъ братомъ Гарсіею, вернувшимся изъ Севильи, и бросилъ его въ темницу, гдѣ тотъ томился до самой смерти; вслѣдъ за тѣмъ онъ предпринялъ знаменитый крестовый походъ противъ Толедо, прославленный каталонскими и провансальскими поэтами. Этотъ походъ былъ прелюдіею перваго крестоваго похода. Въ лагерь его стеклись рыцари Наварры, Арагоніи, Франціи и даже Германіи, и древняя столица вестготовъ была наконецъ взята послѣ семилѣтней осады, въ 1085 г. Для поэтовъ и историковъ этотъ походъ былъ въ полномъ смыслѣ троянскою войною. Кромѣ Толедо, Альфонсъ покорилъ всю страну между Таго и Гвадіаною. Вообще исторія этого государя, какъ и вся исторія средневѣковой Испаніи, представляетъ непрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ и междоусобій. Знатные вассалы, почти независимо жившіе въ своихъ замкахъ, воюютъ то съ королемъ, то между собою, то съ съ своими мусульманскими и христіанскими сосѣдями. Земледѣліе и война были исключительными занятіями испанцевъ, у которыхъ, какъ и у римлянъ, миръ составлялъ исключеніе.

Вслѣдъ за покореніемъ Толедо, отношенія между христіанскимъ и мусульманскимъ населеніемъ Испаніи измѣнились вслѣдствіе появленія морабитовъ. Морабитами или морабетами, а также лемтунами, называлось одно арабское племя, кочевавшее на сѣверномъ берегу Африки; въ половинѣ одиннадцатаго вѣка Абдалла бенъ Ясинъ обратилъ ихъ въ исламъ и воодушевилъ фанатическою ревностью къ распространенію этого ученія. Около тысячи человѣкъ отказались, вмѣстѣ въ Абдаллою, отъ всѣхъ земныхъ радостей и обязались служить своей вѣрѣ словомъ и оружіемъ. Въ то время, когда они не проповѣдывали и не сражались, они удалялись въ рабиты, или пещеры среди пустынь, отчего и получили прозваніе морабитовъ, или, какъ говорятъ европейцы, альморавидовъ. При Абдаллѣ бенъ Ясинѣ и его двухъ преемникахъ, Абу Бекрѣ бенъ Омарѣ и Юсуфѣ бенъ Ташфинѣ, морабиты распространились по всей странѣ отъ Танхера до Алжира и по западному берегу древней Мавританіи, а въ 1062 г. основали себѣ новую столицу, нынѣшній Марокко. Испанскіе мавры, тѣснимые Альфонсомъ VI, призвали къ себѣ своихъ храбрыхъ и счастливыхъ единовѣрцевъ морабитовъ, которые вняли ихъ призыву и въ 1086 г. отправились въ значительномъ числѣ въ Испанію подъ предводительствомъ Юссуфа бенъ Ташфина. Въ октябрѣ онъ встрѣтился на равнинѣ Салакѣ, близъ Бадахоса, войско кастильскаго короля, къ которому примкнуло множество авантюристовъ изъ Франціи, Бургундіи и другихъ странъ. Христіане были разбиты на голову въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, но морабиты не слишкомъ дѣятельно продолжали войну, и въ слѣдующемъ году обратились даже противъ своихъ единовѣрцевъ. Подчинивъ себѣ многочисленныхъ мусульманскихъ государей Испаніи, Юссуфъ назвался главою правовѣрныхъ и сдѣлался до того могущественнымъ, что, по

свидѣтельству одного арабскаго лѣтописца, за него молились въ тысячѣ семи стахъ мечетяхъ.

Не смотря на пораженіе, христіане продолжали вести борьбу довольно успѣшно, пока за годъ до смерти Альфонса не были вторично разбиты въ большой битвѣ при Уклесѣ (1108 г.). Въ числѣ множества крестоносцевъ, явившихся къ нимъ на помощь во главѣ своихъ вассаловъ и авантюристовъ, находился графъ Генрихъ Бургундскій, младшій сынъ герцога Эвда Бургундскаго, отецъ котораго, капетингъ Робертъ, основалъ древнѣйшую линію бургундскихъ герцоговъ (т. II, стр. 497). Чтобы удерживать въ Испаніи этого героя, Альфонсъ VI выдалъ за него свою побочную дочь Терезу и далъ ему въ ленное владѣніе всю страну между Миньо и Дуэро, съ правомъ распространять свои завоеванія далѣе на югъ. Эта часть называлась Португаліею, отъ города Порто Кале (Опорто). Генрихъ оставался до смерти Альфонса вассаломъ Кастиліи, но потомъ объявилъ себя независимымъ, а сынъ его, Альфонсъ I, принялъ даже, въ 1139 г., королевскій титулъ. Этотъ второй португальскій государь установилъ на собраніи сословій въ Ламего (1143 г.) законы, опредѣлявшіе устройство и администрацію государства. Они принадлежали къ числу лучшихъ средневѣковыхъ законодательствъ, на сколько однако строго опредѣленныя учрежденія могли согласоваться съ тогдашнимъ порядкомъ вещей. Законы Кастиліи и Арагоніи не отдавали жизни и имущества гражданъ на произволъ государя и его министровъ, а ставили ихъ подъ покровительство лучшихъ и умнѣйшихъ людей націи. Черезъ четыре года послѣ сейма въ Ламего, Альфонсъ I завоевалъ съ помощью нижне-германскилъ и фламандскихъ крестоносцевъ городъ Лиссабонъ, гдѣ и основалъ свою резиденцію (т. II стр. 679). Альфонсу пришлось вести продолжительную войну съ кастильцами, не признававшими независимости португальскаго королевства. Враги избрали наконецъ судьею папу Александра III, который и рѣшилъ ихъ споръ въ пользу Португаліи, или скорѣе въ пользу римскаго престола (1179 г.). Португалія была объявлена независимою, но поставлена подъ особое покровительство папы, за которое должна была платить ежегодную дань.

Юссуфъ бенъ Ташфинъ умеръ въ 1106 г., ста лѣтъ отъ роду. Его сынъ и преемникъ, Али бенъ Юссуфъ, предоставилъ вначалѣ веденіе войны съ христіанами брату, но послѣ сраженія при Уклесѣ самъ явился въ Испанію, обозначая свой путь пожарами и опустошеніями. Между христіанами господствовали въ то время раздоры. Альфонсъ VI умеръ, не оставивъ сыновей, и ему наслѣдовалъ въ Кастиліи второй мужъ его дочери Ураки, Альфонсъ I, король Арагоніи и Наварры, давшій невѣрнымъ не менѣе тридцати девяти сраженій и прозванный за то своими подданными, высокопарными какъ жители востока, Батальядоромъ, или Бойцомъ. Въ Галлиціи былъ провозглашенъ королемъ Альфонсъ VII Раймундесъ, сынъ Ураки отъ перваго брака ея съ бургундскимъ графомъ Раймундомъ. Впослѣдствіи Урака перессорилась съ мужемъ и съ сыномъ и начала съ обоими войну. По ея смерти, въ 1126 г., сынъ ея былъ признанъ кастильскимъ королемъ, но ему пришлось оспаривать престолъ у отчима, который былъ однако принужденъ отказаться отъ своихъ притязаній. Въ войнѣ съ невѣрными Альфонсъ Батальядоръ былъ счастливѣе; онъ отнималъ у нихъ одинъ городъ за другимъ и овладѣлъ даже неприступною Сарагоссою, которая сдѣлалась съ той поры столицею арагонскихъ королей. Но послѣдній, безразсудный походъ Альфонса стоилъ ему жизни. Онъ сдѣлалъ двѣ непростительныя ошибки: во первыхъ, присвоилъ себѣ первенство надъ всѣми испанскими государями, назвавшись королемъ Испаніи, во вторыхъ, основалъ орденъ защитниковъ вѣры скорѣе въ духѣ ислама, чѣмъ въ духѣ христіанства. Титулъ свой онъ долженъ былъ впослѣдствіи сложить, а орденъ также продолжалъ существовать очень недолго. Альфонсъ предоставилъ ему, по духовному завѣщанію, Арагонію и Наварру сообща съ орденами тампліеровъ и іоаннитовъ, возникшими въ то время въ Палестинѣ; онъ предполагалъ такимъ образомъ подчинить свои провинціи управленію военно-іерархической аристократіи, подобно тому, какъ была предоставлена впослѣдствіи тевтонскому ордену Пруссія (т. II, стр. 668 и т. III. 248). Но Арагонія и Наварра отвергли его распоряженіе. Наваррцы избрали въ короли потомка своихъ старинныхъ государей, Гарсію VI; арагонцы, брата Альфонса

Батальядора, Рамиро II, который былъ уже постриженъ въ монахи и прожилъ сорокъ лѣтъ въ монастырѣ. Вступивъ на престолъ, онъ женился, прижилъ съ женою дочь Петронелью и снова удалился въ монастырь. Петронелья была помолвлена въ 1137 г. за Раймунда Беренгара IV, графа Барселоны и Каталоніи, который немедленно сдѣлался регентомъ наслѣдія своей невѣсты. Вслѣдствіе этого брака, Каталонія навсегда слилась съ Арагоніею.

Въ слѣдующемъ году, монархія испанскихъ морабитовъ снова раздѣлилась; ихъ распри благопріятствовали предпріятіямъ христіанъ, у которыхъ все государственное устройство было рыцарски-военнымъ. Въ 1147 г. кастильцы овладѣли важнымъ морскимъ портомъ Альмеріею, а арагонцы, черезъ два года, Тортозою, лежащею при устьѣ Эбро; и тѣ и другіе совершили эти завоеванія съ помощью генуэзцевъ и пизанцевъ. Вскорѣ по смерти Раймунда Беренгара (1162 г.), которому наслѣдовалъ сынъ его, Альфонсъ II, арагонская династія пріобрѣла по наслѣдству и Провансъ. Но Провансъ не долго оставался въ соединеніи съ Арагоніею: Альфонсъ II отдалъ его второму сыну, который и основалъ въ немъ отдѣльную, провансальско-арагонскому династію (стр. 135). Провансъ и Арагонія не имѣли ничего общаго: языкъ, нравы и законы ихъ были совершенно различны. Въ Кастиліи же, по смерти Альфонса VII (1157 г.), отдѣлились другъ отъ друга провинціи, населеніе которыхъ составляло одинъ народъ. Старшій сынъ Альфонса, Санчо III, получилъ Кастилію, а младшій, Фердинандъ II — Леонъ, Галлицію и Астурію. Слѣдствіемъ раздѣла были безпрестанныя войны между обоими сосѣдними государями. Въ то же время Кастилія, Леонъ, Наварра и Арагонія были раздираемы междоусобіями и кровавыми жестокостями; особенно въ первомъ изъ этихъ государствъ, преждевременная смерть короля Санчо (1157 г.) и малолѣтство сына его Альфонса VIII послужили поводомъ къ величайшимъ безпорядкамъ и звѣрскимъ жестокостямъ. Кастильская знать, и безъ того не признававшая никакой власти, живя въ своихъ владѣніяхъ, раздѣлилась на конфедераціи, и двѣ фамиліи, Лара и Кастро, сильныя многочисленностью своихъ вассаловъ, оспаривали другъ у друга права опеки надъ королемъ. Сверхъ того въ Испаніи было еще много недовольныхъ орденами тампліеровъ и іоаннитовъ, имѣвшими тамъ богатыя владѣнія; гордые тампліеры позабывали среди роскоши о своей обязанности защищать страну, а рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго болѣе думали о Востокѣ, чѣмъ объ Испаніи. Это побудило испанцевъ учредить у себя, съ разрѣшенія папы, новые рыцарскіе ордена. Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, въ Кастиліи возникли ордена Алькантары и Калатравы, въ Галлиціи,—орденъ св. Іакова, а въ Португаліи,—орденъ рыцарей Эворы, или, какъ ихъ назвали впослѣдствіи отъ ихъ главнаго замка, рыцарей Ависа. Эти воинственные союзы составляли, какъ и всѣ рыцарскіе ордена, родъ постояннаго войска, пополнявшагося на собственныя средства. Они имѣли тѣмъ болѣе важное вліяніе на судьбу христіанско-рыцарской Испаніи, что во время ихъ учрежденія, посреди раздоровъ между христіанами, на развалинахъ морабитской имперіи возникалъ новый, страшный союзъ фанатическихъ африканскихъ племенъ.

Въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, въ Сусѣ, принадлежавшемъ къ африканской имперіи морабитовъ, явился тамошній уроженецъ Мухаммедъ бенъ Тумеръ, и сталъ выдавать себя за Малади (т. II. стр. 328). Фанатизмъ и алчность доставили ему множество приверженцевъ, которые приняли названіе могадовъ или альмогадовъ, т. е. соединенныхъ. Самъ Мухаммедъ былъ только пророкомъ и фанатикомъ, но и у него, какъ у перваго пророка Мухаммеда, были свои Халеды, Абу Убейды и Амру, готовые поддерживать и распространять мечомъ его ученіе (т. II. стр. 280, 286 и 287). Эти вожди фанатическихъ ордъ мнимаго пророка Магади хлынули на имперію морабитовъ, разбили высланныя противъ нихъ войска и одержали наконецъ близъ Марокко полную побѣду, рѣшившую судьбу морабитовъ. Магади вскорѣ умеръ, и главою его неистовыхъ ордъ былъ избранъ одинъ изъ ихъ вождей, Абдельмуминъ. Тогдашнему повелителю морабитовъ, Али бенъ Юссуфу, удалось продержаться до самой смерти; но сынъ его, Ташфинъ бенъ Али, былъ черезъ два года убитъ могадами (1145 г.) и вся африканская имперія морабитовъ подпала подъ владычество новой воинственной секты. Абдельмуминъ, принявшій уже въ 1133 г. титулъ главы правовѣрныхъ, равный императорскому, подчинилъ своей власти весь сѣверный берегъ Африки,

до самаго Египта, и повелъ свои войска даже въ Испанію, гдѣ покорилъ Кордову, Гранаду, Севилью и другіе города и провинціи, а въ 1157 г. истребилъ на полуостровѣ послѣдніе слѣды владычества морабитовъ. Это подвергло большой опасности христіанскія государства, развившія свои силы въ продолженіе борьбы мусульманскихъ династій. Впрочемъ Абдельмуминъ вскорѣ умеръ (1162 г.), а второй сынъ его и преемникъ, Юссуфъ Абу Якубъ, долженъ былъ воевать то съ братьями, то съ племянниками и другими мятежниками, такъ что христіане снова имѣли нѣкоторый отдыхъ. Юссуфъ могъ явиться въ Испанію только черезъ восемь лѣтъ по смерти отца. Христіанскіе и мусульманскіе лѣтописцы изображаютъ намъ походы Юссуфа на христіанъ совершенно различно; впрочемъ, достовѣрно извѣстно, что у него былъ составленъ превосходный планъ для этихъ походовъ, которые онъ и началъ съ Португаліи; къ счастью для христіанъ, онъ нашелъ себѣ достойнаго соперника въ португальскомъ принцѣ Санчо I, который черезъ годъ наслѣдовалъ Альфонсу I. Санчо разбилъ могадовъ въ кровопролитномъ сраженіи при Сантаремѣ, въ которомъ былъ смертельно раненъ самъ Юссуфъ (1184 г.).

Португальцы и кастильцы воспользовались смертью главы правовѣрныхъ и волненіями въ Африкѣ по поводу престолонаслѣдія, чтобы отмстить мусульманамъ за ихъ опустошенія. Предпріятіе это кончилось неудачно. Санчо I португальскій долженъ былъ снова очистить покоренные имъ города и тысячи христіанъ отправились въ Африку въ неволю. Альфонсъ VIII Кастильскій ворвался было въ Андалузію и своею хвастливой насмѣшкой привелъ въ крайнее раздраженіе могущественнаго главу правовѣрныхъ, Якуба, сына Юссуфа; но былъ атакованъ всѣмъ войскомъ могадовъ. Альфонсъ тщетно звалъ на помощь королей Леона, Наварры, Арагоніи и Португаліи. Врагами его предводительствовалъ Фердинандъ де Кастро, фамилія котораго должна была уступить первенство въ Кастиліи фамиліи Лара. Альфонсъ понесъ при Аларкосѣ (1195 г.) полнѣйшее пораженіе, какое только испытывали христіане съ самаго появленія мавровъ въ Испаніи; кастильское войско было истреблено; маврамъ досталась несмѣтная добыча и въ слѣдующемъ году они наводнили Старую Кастилію и Эстремадуру. Однако болѣзни и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ вскорѣ вынудили главу могадовъ прекратить опустошенія и заключить перемиріе. Альфонсъ началъ тогда войну съ Наваррою и Леономъ, не оказавшими ему помощи противъ невѣрныхъ, и разъединеніе между испанскими государствами было тогда такъ велико, что Наварра прибѣгла подъ защиту невѣрныхъ, не смотря на отлученіе отъ церкви, которымъ папа Целестинъ III грозилъ ей за союзъ съ ними. Когда Кастилія помирилась съ Леономъ, Альфонсъ Кастильскій, чтобы упрочить этотъ миръ, выдалъ за короля леонскаго, Альфонса IX, свою дочь Беренгарію (1197 г.). Но папа Целестинъ и преемникъ его, Иннокентій III, расторгли этотъ бракъ по поводу близкаго родства между обѣими фамиліями и потребовали, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, чтобы счастливая чета была разведена. Они настаивали до тѣхъ поръ, пока Беренгарія не покинула любимаго мужа, чтобы избавиться отъ бремени церковнаго проклятія (1204 г.). Но по крайней мѣрѣ возвращеніе ея въ Кастилію принесло пользу, помиривъ отца ея съ мужемъ, которые возобновили было ожесточенную войну. Сынъ Беренгаріи, Фердинандъ Святой, еще до расторженія этого брака былъ признанъ леонскими кортесами будущимъ преемникомъ своего отца.

Между тѣмъ Могадъ Якубъ умеръ въ 1199 г., а сынъ его, Мухаммедъ эль Насръ, мало заботился объ Испаніи, пока звѣрства, совершаемыя рыцарями Калатравы во время ихъ набѣговъ на Андалузію, не вывели его изъ терпѣнія. Тогда Мухаммедъ собралъ такое многочисленное войско, что можно было предполагать въ немъ намѣреніе покорить всю Испанію. Съ своей стороны и христіанство приготовилось дать сильный отпоръ. Все испанское рыцарство вооружилось, Иннокентій III и многіе изъ французскихъ епископовъ возвѣстили крестовый походъ противъ мавровъ, вслѣдствіе чего изъ многихъ странъ Европы были посланы въ Испанію огромныя суммы денегъ и около ста тысячъ войска, въ томъ числѣ до десяти тысячъ всадниковъ. Но эти чужеземныя войска подобно крестоносцамъ, отправлявшимся въ Палестину, много повредили себѣ свою необузданной жестокостью; прежде всего эта жестокость обрушилась на евреевъ,

которыхъ тогда въ Испаніи было множество, а потомъ и на самыхъ христіанъ. Вспомнивъ, какъ затруднительно даже въ наше время содержаніе большаго войска, мы легко поймемъ, что при тогдашнихъ нравахъ и бытѣ эти толпы крестоносныхъ рыцарей и простолюдиновъ были въ высшей степени обременительны для страны, къ которой они являлись на помощь. Не смотря на то, что у Мухаммеда было до полумилліона войска, онъ избѣгалъ вначалѣ сраженія съ христіанами въ открытомъ полѣ, очень вѣрно разсчитывая, что чужеземные помощники вскорѣ покинутъ ихъ. Такъ и случилось. Взявъ два укрѣпленныхъ города, чужеземное рыцарство сочло свой обѣтъ выполненнымъ и вернулось домой. Тогда только Мухаммедъ рѣшился дать христіанамъ сраженіе, но и въ этомъ случаѣ ему пришлось имѣть дѣло со всѣми военными силами христіанской Испаніи. Это рѣшительное сраженіе произошло въ іюнѣ 1212 г. въ равнинѣ при Толосѣ (las Navas de Tolosa), у подошвы Сіерры Морены. Христіане одержали полную побѣду надъ маврами и владычество могадовъ окончательно пало. Впрочемъ, нужно быть испанцемъ, чтобы вѣрить нѣкоторымъ историкамъ побѣдившей стороны, утверждающимъ, что въ этой битвѣ погибло двѣсти тысячъ мусульманъ и только двадцать тысячъ христіанъ.

Въ слѣдующіе годы, какъ христіане, такъ и могады были заняты внутренними междоусобіями. Въ Кастиліи, Леонѣ, Арагоніи и Португаліи возникли сильныя распри по поводу престолонаслѣдія и регентства. Впрочемъ, эти безпрестанные безпорядки имѣли свою полезную сторону: они заставляли націи бодрствовать; каждый землевладѣлецъ, каждый зажиточный крестьянинъ былъ готовъ сдѣлаться воиномъ, и поэтому, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, всегда легко было собрать войско противъ враговъ вѣры. Такія обстоятельства наступили именно въ описываемую нами эпоху; имперія могадовъ грозила распасться, или вѣрнѣе, окончательно рушиться, какъ почти всѣ обширныя, восточныя имперіи. Мухаммедъ эль Насръ умеръ въ 1213 году, отравленный собственными министрами, а сынъ его, Юссуфъ эль Мостансеръ, испытавъ въ Испаніи пораженіе, вовсе удалился отъ занятій государственными дѣлами и умеръ преждевременно въ 1223 г. Такъ какъ онъ не оставилъ наслѣдниковъ мужескаго пола, то въ Африкѣ возникли безпорядки и кровопролитные споры за престолъ, окончившіеся тѣмъ, что власть перешла въ руки самаго жестокаго изъ могадовъ, Аламануна, а испанскіе намѣстники отказались повиноваться. Отпавъ отъ могадовъ, иные изъ нихъ искали защиты у христіанъ, а другіе, обвинивъ марокканцевъ въ ересп, прибѣгли подъ покровительство правовѣрнаго восточнаго халифа или Аббасидовъ, сохранявшихъ тогда одинъ призракъ своего прошлаго могущества. Въ числѣ обратившихся къ Аббасидамъ, особенно извѣстенъ намѣстникъ Мурсіи и Андалузіи, Мухаммедъ бенъ Юссуфъ, происходившій отъ древней фамиліи Гудъ и потому называемый у христіанъ Абенгудомъ.

Въ Кастиліи, Альфонсу VIII наслѣдовалъ несовершеннолѣтній сынъ его, Генрихъ I (1214 г.), а послѣ него, въ 1217 г., корона перешла къ его сестрѣ, Беренгаріи, разведенной женѣ короля леонскаго, Альфонса IX, такъ какъ въ Кастиліи по смерти сыновей короля наслѣдовали его дочери. Но Беренгарія вскорѣ отреклась отъ престола въ пользу своего сына, Фердинанда III Святаго, который былъ уже признанъ кортесами или сословіями Леона за будущаго преемника его отца, Альфонса IX. Отецъ и сынъ вели долголѣтнюю войну съ Абенгудомъ, потомъ перессорились между собою, и Альфонсъ назначилъ, передъ смертью, наслѣдницею Леона свою дочь (1230 г.). Но кортесы вручили корону Фердинанду, постановивъ закономъ, чтобы Кастилія и Леонъ составляли на вѣчныя времена нераздѣльное цѣлое, и чтобы власть только въ такомъ случаѣ переходила въ женское колѣно, если не останется ни одного наслѣдника мужескаго пола. Сдѣлавшись королемъ Кастиліи и Леона, Фердинандъ неутомимо принялся за осуществленіе своего плана очистить Испанію отъ мавровъ, или по крайней мѣрѣ ограничить ихъ власть гранадскимъ горами. Мусульманская Испанія была раздроблена на три части: одна изъ нихъ, со столицею Севильей, еще принадлежала могадамъ; изъ остальнаго, значительно большею частію владѣлъ Абенгудъ, аменьшею другой приверженецъ Аббасидовъ. Воюя между собою, эти три государя поочередно призывали на помощь кастильцевъ, пока наконецъ раздраженный народъ не убилъ одного изъ нихъ, заставивъ двухъ остальныхъ

соединиться, подъ предводительствомъ Абенгуда, противъ христіанъ. Мухаммеданское войско дало христіанамъ сраженіе при Хересѣ де ла Фронтера (1233 г.), въ которомъ христіане одержали блистательную побѣду. Христіанскіе историки и поэты украсили эту побѣду цвѣтами своей фантазіи: по словамъ ихъ, самъ апостолъ Іаковъ, на бѣломъ конѣ, принималъ участіе въ этой битвѣ, графъ Альваръ Пересъ дѣлалъ чудеса храбрости, и побѣда стоила христіанамъ только одного человѣка. Фердинандъ Святой велъ потомъ до самой смерти безпрерывную войну съ невѣрными, одержпвая побѣды надъ Абенгудомъ и его преемникомъ, Абу Саидомъ. Мухаммедане кромѣ другихъ городовъ потеряли тогда Кордову, Хаэнъ и наконецъ даже Сѣвилью, которая съ паденіемъ Кордовы сдѣлалась самымъ богатымъ и населеннымъ изъ испанскихъ городовъ. Христіане упрочили свое господство въ Андалузіи, и невѣрные держались еще только въ самой незначительной части Испаніи. Естественно, что при извѣстной склонности испанцевъ къ романтизму все царствованіе Фердинанда Святаго облечено ими въ поэтическую форму. Этотъ государь слѣдовалъ въ покоренныхъ имъ странахъ совершенно другой политикѣ, чѣмъ Альфонсъ VIII; Альфонсъ принялъ евреевъ и мавровъ подъ свое покровительство, даровалъ имъ свободу вѣроисповѣданія и этимъ сохранилъ въ странѣ населеніе, богатство и земледѣліе; Фердинандъ, напротивъ того, притѣснялъ, мучилъ и изгонялъ всѣхъ иновѣрцевъ. Нехристіанское населеніе покинуло страну и удалилось въ оставшуюся за мухаммеданами Гранаду, доставивъ ей этимъ избытокъ рукъ, тогда какъ христіанская часть страны обратилась въ пустыню. Трудолюбивыхъ и промышленныхъ евреевъ и арабовъ Фердинандъ замѣнилъ, при громкомъ одобреніи современниковъ, доминиканцами и другими монахами, которые, разумѣется, превознесли его за то до небесъ, а папы за тѣ же заслуги уже въ семнадцатомъ столѣтіи признали его святымъ.

Короли арагонскій и португальскій воспользовались также искусно и поспѣшно, какъ Фердинандъ, паденіемъ могущества могадовъ и раздорами мухаммеданскимъ государей въ Испаніи. Впрочемъ, арагонцамъ было труднѣе покорять невѣрныхъ и очищать отъ нихъ страну, потому что въ Арагоніи дворянство, городское и даже сельское сословіе пользовались большею свободою, чѣмъ въ другихъ монархическихъ странахъ, и короли ея были почти постоянно заняты внутренними волненіями. Въ покоренныхъ у мухаммеданъ провинціяхъ поводомъ къ безпорядкамъ служило еще то обстоятельство, что присоединенная къ Арагоніи Каталонія имѣла свои особенныя права и законы, вслѣдствіе того между новыми христіанскими поселенцами нерѣдко возникали споры о томъ: какіе законы, каталонскіе или арагонскіе, слѣдовало прилагать къ частнымъ случаямъ. Раймунду Беренгару IV, который своимъ бракомъ съ Петронельей соединилъ Арагонію съ Каталоніею, наслѣдовали по очереди сынъ его Альфонсъ II (1162—1196 г.), внукъ Петръ II (1196—1213 г.) и правнукъ, Іаковъ I Завоеватель (1213—1276 г.). Въ царствованіе Іакова арагонцы покорили нѣсколько мухаммеданскихъ земель. Прежде всего Іаковъ завладѣлъ густо населенными балеарскими островами, изъ которыхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми арагонскими владѣніями во Франціи, составилъ впослѣдствіи новое королевство для своего младшаго сына Іакова, основавшаго новую линію арагонской династіи (стр. 3 4)· Завоеваніе Балеарскихъ острововъ было особенно полезно для каталонцевъ, такъ какъ значительная морская торговля сильно страдала отъ мухамеданскихъ пиратовъ, населявшихъ Маіорку и Минорку. Имѣніями изгнанныхъ мавровъ Іаковъ надѣлилъ преимущественно каталонскихъ рыцарей и бароновъ. Покоривъ Балеарскіе острова, онъ взялъ у мухаммеданъ Валенсію; но это пріобрѣтеніе стоило ему продолжительной и кровопролитной войны, въ которой принимали также участіе англійскіе, французскіе, гасконскіе и провансальскіе крестоносцы. Изъ Валенсіи, этой богатой и прекрасной страны, трудолюбивое мавританское населеніе было также изгнано и мѣсто его заступило новое, изъ арагонцевъ и каталонцевъ; образованность пострадала отъ этого столько-же, сколько и въ покоренной кастильцами Андалузіи. Впрочемъ, въ Валенсіи вредъ былъ не такъ великъ, потому что въ ней поселилось множество промышленныхъ каталонцевъ.

Въ Португаліи король Альфонсъ I умеръ черезъ годъ послѣ битвы при Саптаремѣ, и ему наслѣдовалъ его храбрый сынъ Санчо I (1185 г.). Онъ успѣлъ, подобно отцу, взять у мавровъ нѣсколько городовъ съ помощью сѣвер-

ныхъ крестоносцевъ, которые во времена Фридриха Барбароссы отправлялись моремъ въ Палестину (1189 г.). Но Санчо Португальскій не могъ удержать этихъ завоеваній. Важнѣйшую заслугою его было возстановленіе разрушенныхъ во время войны мѣстечекъ и неусыпныя заботы его о земледѣліи и сельскомъ сословіи. Онъ заслужилъ этимъ прозвище, которое, къ сожалѣнію, менѣе льститъ государямъ, чѣмъ громкія прозванія, даваемыя имъ царедворцами и льстецами. Санчо называли земледѣльцемъ (lavrador). Онъ, также какъ и отецъ его, пользовался христіанскимъ фанатизмомъ для расширенія своего государства, а іерархіею и ученіемъ вѣры для своихъ политическихъ видовъ. Блескъ и торжественность христіанскаго богослуженія, въ противоположность простымъ обрядамъ мухаммеданства, сильно дѣйствовали на пылкое воображеніе испанцевъ и португальцевъ, а безчисленные монахи и духовенство развивали въ населеніи фанатизмъ и національное чувство. Разумѣется, это имѣло результатомъ, что духовенство сдѣлалось богаче самого короля, а невѣжественный народъ впалъ въ такое суевѣріе, что считалъ папскихъ легатовъ и буллы посланными съ неба. При такомъ положеніи дѣлъ и особливо при современныхъ обстоятельствахъ въ Германіи, король Санчо I становится особенно замѣчателенъ для насъ своей счастливой борьбой съ церковью. Онъ силился ограничить у себя власть духовенства, и за это ему пришлось имѣть дѣло не только съ епископами своей страны, но и съ сильнѣйшимъ изъ папъ того времени, Иннокентіемъ III. Точно также и сынъ Санчо Альфонсъ II 1211—1223 г.), выказалъ непоколебимую твердость въ борьбѣ съ духовенствомъ и со вступившимся за него папскимъ дворомъ. Онъ изгналъ изъ страны первыхъ духовныхъ лицъ и за это умеръ отлученный отъ церкви. Противъ мавровъ Альфонсъ не предпринималъ ничего важнаго, до тѣхъ поръ пока судьба въ третій разъ не привела къ португальцамъ нидерландцевъ, фламандцевъ и фрисландцевъ, которые содѣйствовали расширенію Португаліи. Съ помощью этихъ моряковъ крестоносцевъ, отправившихся по призыву папы въ Египетъ (стр. 86), Альфонсъ въ 1217 г. одержалъ надъ маврами блистательную побѣду и овладѣлъ Алькасеромъ, самымъ значительнымъ городомъ Альгарвіи.

Духовенству и папѣ удалось достичь цѣли только при Санчо II, сынѣ Альфонса II. Воспользовавшись затрудненіями, въ которыя онъ былъ поставленъ въ началѣ царствованія вслѣдствіе того, что отецъ его умеръ въ отлученіи отъ церкви, они принудили его къ уступкамъ. Санчо заключилъ съ духовенствомъ и Римомъ такъ называемый конкордатъ, или, иначе сказать, попалъ въ сѣти, разставленныя ему іерархіею, и созналъ обманъ только тогда, когда уже было невозможно поправить дѣла. Признавъ однажды этимъ конкордатомъ власть іерархіи или аристократіи, надѣленной церковными имѣніями, Санчо II не оставилъ себѣ другаго средства дѣйствовать противъ нея, кромѣ насилія и несправедливости. Но духовенство умѣло постоять за себя. Оно заключило между собою формальный союзъ противъ короля, подало на него, въ 1243 г., жалобу папѣ, а въ 1245 г. вселенскому собору въ Ліонѣ, на которомъ былъ въ то время осужденъ и развѣнчанъ императоръ Фридрихъ II (стр. 84); точно также какъ противъ Фридриха были употреблены въ Германіи духовные князья, такъ и противъ Санчо папа Иннокентій IV употребилъ роднаго брата его, Альфонса III, объявивъ Санчо лишеннымъ королевскаго сана и передавъ правительственную власть Альфонсу, который при этомъ долженъ былъ признать себя вассаломъ папы и подчинить правительство церковной іерархіи и ея главѣ. Альфонсъ поспѣшилъ вернуться изъ Ліона въ Португалію, гдѣ чрезмѣрное вліяніе королевы на слабаго Санчо давно уже возбуждало всеобщее неудовольствіе. Санчо былъ немедленно покинуть подданными и умеръ изгнанникомъ въ Кастиліи (1248 г.). Хотя завоеванія у мавровъ не прекращались и въ его царствованіе, но этого никакъ нельзя отнести къ его личной заслугѣ; все было дѣломъ фанатизма набожныхъ португальцевъ, а въ особенности рыцарскихъ орденовъ, которые сдѣлали въ то время для Португаліи то же, что нѣмецкій орденъ для Пруссіи. Альфонсъ, какъ законный наслѣдникъ бездѣтнаго Санчо, имѣлъ благоразуміе принять королевскій титулъ только по смерти брата, чтобы не казаться обязаннымъ своею властью папѣ. Но, уже сдѣлавшись разъ орудіемъ церкви, этотъ государь очутился въ ложномъ положеніи; такъ какъ онъ добровольно отказался отъ правъ своего предшественника, то борьба его съ іерархіею съ самаго начала получила характеръ

борьбы насилія съ положительнымъ правомъ. Впрочемъ Альфонсъ еще до начатія этой борьбы успѣлъ оказать важныя услуги странѣ покореніемъ Альгарвіи (1250 г.) и преобразованіями въ законахъ и администраціи. Съ епископами онъ разошелся по двумъ вопросамъ: во первыхъ, онъ требовалъ, чтобы они признали надъ собою его верховный судъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, а во вторыхъ, подобно Карлу Мартеллу (т. II. стр. 428), хотѣлъ обращать матеріальныя средства церкви на потребности государства, когда оно въ томъ нуждалось. За это духовенство принесло на него жалобу папѣ Григорію X, и Альфонсъ, разъигравшій вначалѣ притворную покорность, былъ наконецъ отлученъ отъ церкви. Но онъ нисколько не смутился этимъ, и его примѣръ, такъ же какъ и многихъ другихъ государей, очень ясно доказываетъ, что даже въ средніе вѣка отъ громовъ Ватикана загоралось лишь то, въ чемъ было много горючихъ веществъ. Альфонсъ примирился съ церковью только на смертномъ одрѣ и получилъ разрѣшеніе отъ проклятія, обязавшись буквально выполнять конкордатъ (1279 г.). Но сынъ его Діонисій (Динисъ), царствовавшій до начала слѣдующаго столѣтія, не счелъ себя связаннымъ обязательствами отца и возобновилъ борьбу. Онъ отказался платить десятину со своихъ собственныхъ имѣній, установилъ налогъ на монастырскія помѣстья, запретилъ посылать деньги въ Римъ и всѣми силами препятствовалъ накопленію недвижимыхъ имѣній въ рукахъ духовенства. Въ этомъ его энергически поддерживали свѣтскія сословія и законовѣды, но послѣ долгой борьбы ему все-таки пришлось подчиниться конкордату (1289 г.). Впрочемъ, спустя два года, онъ искусно уклонился отъ выполненія одного изъ условій конкордата, обязывавшаго государя содѣйствовать увеличенію богатствъ церкви: въ 1291 г. онъ внушилъ кортесамъ необходимость изданія новаго закона, которымъ воспрещалось всѣмъ португальцамъ дарить или продавать духовенству земли.

2. Кастилія и Арагонія во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія.

Въ Кастиліи Фердинанду Святому наслѣдовалъ (1252 г.) сынъ его Альфонсъ X, царствовавшій до 1284 г. Его ученость, поэтическій талантъ и труды по части астрономіи, исторіи и вообще просвѣщенія и науки, заслужили ему прозваніе Мудраго. Ученая дѣятельность и старанія усовершенствовать законодательство и національный языкъ составляютъ главную заслугу этого государя. Онъ издалъ подъ собственнымъ руководствомъ замѣчательныя астрономическія и историческія сочиненія, устроилъ обширныя обсерваторіи и уравнялъ кастильскій университетъ, переведенный отцомъ его изъ Валенсіи въ Саламанку, съ двумя главными европейскими университетами, парижскимъ и болонскимъ. При этомъ онъ имѣлъ въ виду дать свѣтскимъ людямъ образованіе выше требовавшагося для духовнаго сана. Вообще Альфонсъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ личностямъ, которыя еще до великихъ итальянцевъ четырнадцатаго вѣка положили начало новой эпохѣ и неизвѣстному дотолѣ среднимъ вѣкамъ научному образованію. Заботы о народномъ языкѣ также ставятъ Альфонса выше его современниковъ; въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ то, на что во Франціи рѣшились только въ шестнадцатомъ столѣтіи, и то съ большими затрудненіями: онъ первый велѣлъ писать законы и оффиціальные документы на народномъ языкѣ, вмѣсто варварской латини, и приказалъ даже перевести на этотъ языкъ библію. Въ изданіи законовъ, извѣстномъ подъ именемъ siete partidas, или семи отдѣловъ, которое Альфонсъ приказалъ составить и ввести въ дѣйствіе, уже проглядываетъ духъ новѣйшаго времени, которому суждено было измѣнить средневѣковыя учрежденія. Въ числѣ недостатковъ старинныхъ кастильскихъ учрежденій было то, что каждый округъ и каждый городъ имѣли свои собственные fueros (отъ латинскаго forum), или права или судопроизводство; Альфонсъ совершенно уничтожилъ это зло своимъ научно составленнымъ законоположеніемъ. Но то, что выиграли государственное единство и наука, было выиграно въ ущербъ свободы. Только три кастильскихъ города сохранили собственные fueros, въ остальныхъ же были отмѣнены даже старинные вестготскіе законы, направленные не противъ народа, а на защиту гражданской независимости и свободы совѣсти.

Но какъ бы высоко ни цѣнились заслуги Альфонса, царствованіе его отличалось скорѣе восточнымъ, византійскимъ блескомъ, чѣмъ западною простотою и разумностью. Его чрезвычайная любовь къ наукѣ влекла за собою чрезмѣрную роскошь и расточительность, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могло не быть обременительнымъ для Кастиліи. Ограниченныя средства и власть тогдашнихъ испанскихъ королей не дозволяли имъ окружать себя роскошью халифовъ. Альфонсу пришлось войти въ долги и увеличить налоги, что возбудило противъ него всѣ сословія и вызвало партіи и заговоры, въ которыхъ приняли участіе даже его родные братья. Одного изъ нихъ Альфонсъ казнилъ, а двое другихъ, Генрихъ и Фридрихъ, вступили противъ него въ союзъ съ мухаммеданами, но разбитые имъ, бѣжали въ Африку, откуда перешли впослѣдствіи въ Италію и приняли тамъ участіе въ борьбѣ Гогенштауфеновъ съ Карломъ Анжуйскимъ. Генрихъ попался въ плѣнъ, а Фридрихъ вернулся въ Кастилію, гдѣ былъ удушенъ по повелѣнію брата (стр. 139—140). Неудовольствіе аристократіи поставило наконецъ короля въ зависимость отъ подданныхъ и помѣшало продолженію войны съ маврами, начатой имъ весьма удачно. Къ несчастію для Кастиліи и самого Альфонса, его тщеславіе или пожалуй царственное честолюбіе не удовольствовалось славою покровителя наукъ и вовлекло его въ обширные планы, для которыхъ онъ пренебрегъ ближайшею пользою, заботами о внутреннемъ порядкѣ и объ огражденіи себя отъ опасныхъ мухаммеданскихъ сосѣдей. Еще до вступленія на престолъ, онъ изъявилъ притязанія на швабское герцогство, такъ какъ мать его была дочерью императора Филиппа Швабскаго, изъ дома Гогенштауфеновъ; это повело за собою дипломатическіе переговоры, стоившіе Альфонсу очень дорого. Потомъ, сдѣлавшись королемъ, онъ дозволилъ провести себя корыстолюбивымъ нѣмцамъ, купивъ у нихъ ничего незначившій титулъ германскаго императора, и даже послѣ избранія Рудольфа Габсбургскаго потратилъ большія суммы для того, чтобы удержать за собою этотъ титулъ (стр. 181).

Восточный блескъ двора Альфонса X, огромныя издержки, которыхъ стоили ему честолюбивыя стремленія, и война съ маврами принудили и его принять тѣ же мѣры, къ какимъ прибѣгали французскіе короли четырнадцатаго вѣка въ своихъ (стр. 224) постоянныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ: начавъ чеканить монету низшаго достоинства, онъ не только подорвалъ торговлю, но и предалъ народъ на жертву ростовщикамъ и евреямъ. Пользуясь евреями, какъ орудіемъ, Альфонсъ предавалъ ихъ разнымъ истязаніямъ и заставлялъ расплачиваться за свои собственные грѣхи. Наконецъ своими распоряженіями относительно престолонаслѣдія Альфонсъ ввергнулъ Кастилію въ междоусобную войну. Старинный испанскій законъ не признавалъ такъ называемаго права представительства старшаго принца, то есть въ Испаніи, въ случаѣ смерти старшаго сына короля прежде отца, ближайшими наслѣдниками престола становились не дѣти умершаго, а слѣдующій за нимъ братъ. Альфонсъ измѣнилъ этотъ законъ, основываясь на римскомъ правѣ. Но такъ какъ при жизни онъ не давалъ полной гласности своимъ новымъ постановленіямъ, то они и не могли имѣть законной силы по его смерти. Кортесы еще при жизни Альфонса назначили ему въ преемники втораго сына его, Санчо IV, такъ какъ старшій, Фердинандъ де ла Серда, умеръ еще при жизни отца, оставивъ двухъ сыновей, Альфонса и Фердинанда, и Альфонсъ X торжественно обнародовалъ это назначеніе (1276 г.). Но тогда возникъ протестъ со стороны вдовы Фердинанда, Бланки, дочери французскаго короля Людовика Святаго, которая и прибѣгнула подъ покровительство своего брата, Филиппа III, Французскаго и арагонскаго короля Петра III, на сестрѣ котораго, Іолантѣ, былъ женатъ Альфонсъ X. Іоланта приняла такое участіе въ невѣсткѣ и ея дѣтяхъ, что поссорилась изъ-за нихъ съ мужемъ и бѣжала къ брату вмѣстѣ съ Бланкою и двумя ея сыновьями. Но Петръ III, женатый на дочери Манфреда, уже имѣлъ виды на итальянскія владѣнія Гогенштауфеновъ (стр. 143) и вслѣдствіе того желалъ скорѣе угодить своему ближайшему сосѣду Альфонсу Кастильскому, чѣмъ французскому королю, который былъ отдѣленъ отъ него англійскими владѣніями во Франціи. Поэтому онъ хотя и дозволилъ Бланкѣ удалиться къ своему брату Филиппу, но удержалъ ея сыновей, а Іоланту отправилъ обратно въ Кастилію. Французскій король энергически вступился за племянниковъ; онъ послалъ противъ Альфонса войско черезъ

королевство наваррское, которое должно было достаться, посредствомъ брака, его сыну Филиппу IV, и на границахъ Наварры съ Кастиліею началась опустошительная война, длившаяся цѣлыя девять лѣтъ, не смотря на всѣ усилія папы прекратить ее. Въ продолженіе этой войны, Альфонсъ разошелся и со вторымъ сыномъ. Это оживило надежды принцевъ де ла Серда, и Альфонсъ, чтобы возстановить миръ съ Франціей, согласился даже уступить старшему внуку Мурсію. Но Санчо созвалъ вельможъ и внушилъ имъ протестовать противъ всякаго отчужденія областей королевства, а потомъ, собравъ всѣхъ недовольныхъ, созвалъ кортесы въ Вальядолидѣ, куда явилась и королева Іоланта со всѣми принцами крови. Въ этомъ собраніи Санчо былъ провозглашенъ правителемъ государства вмѣсто отца (1282 г.). Покинутый семьею и сословіями государства, Альфонсъ обратился къ невѣрнымъ и призвалъ на помощь марокканскаго шерифа, а Санчо, съ своей стороны, вступилъ въ союзъ съ гранадскими маврами. Борьба между отцомъ и сыномъ продолжалась до самой смерти Альфонса, который уже давно проклялъ сына и передъ смертью завѣщалъ немногія остававшіяся за нимъ провинціи двумъ младшимъ сыновьямъ.

Междоусобія въ Кастиліи, разумѣется, были весьма выгодны мухаммеданамъ, съ которыми прежде Альфонсъ воевалъ удачно, хотя въ то же время имѣлъ на рукахъ войну съ новою мухаммеданскою династіею въ Африкѣ. Въ началѣ царствованія, задумавъ изгнать изъ Мурсіи всѣхъ остававшихся еще тамъ мухаммеданъ, онъ возбудилъ между ними возстаніе. За нихъ вступились не только владѣтель Гранады и эмиры мухаммеданскихъ городовъ южной Испаніи, но и глава племени меринитовъ въ Африкѣ, Абу Юссуфъ. Мерниты или мерины, кочевавшіе на востокъ и югъ отъ Седжельмессы, не составляли особой секты, подобно морабитамъ и могадамъ, и когда въ половинѣ тринадцатаго вѣка владычество могадовъ въ Африкѣ совершенно пало, овладѣли всею Мавританіею. Мериниты явились на помощь тѣснимымъ испанскимъ маврамъ, которые должны были уступить имъ за это нѣсколько приморскихъ городовъ, и Альфонсъ X, не смотря на помощь арагонцевъ, не могъ держаться противъ соединенныхъ силъ мавровъ, пока враги не перессорились между собою. Гранадскій царь сталъ тяготиться африканскими союзниками, отнимавшими у него одинъ городъ за другимъ, и наконецъ отступился отъ нихъ, признавъ надъ собою власть кастильскаго короля и предоставивъ своихъ единовѣрцевъ въ Мурсіи ихъ собственной участи. Альфонсъ снова покорилъ ихъ и принудилъ покинуть Мурсію, которая и была раздѣлена между каталонцами, арагонцами и кастильцами. Но спустя четыре года, ссора между Альфонсомъ и вельможами дала гранадскому владѣтелю возможность снова отложиться отъ Кастиліи и даже расширить предѣлы государства, приставъ къ партіи враговъ короля. Когда Альфонсъ, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки, примирился съ подданными, владѣтель Гранады снова покорился ему (1274 г.), но въ слѣдующемъ же году соединился противъ него съ главою меринитовъ. Оба мухаммеданскіе владѣтеля въ продолженіе двухъ лѣтъ вели съ Альфонсомъ ожесточенную войну и въ 1277 г. принудили его подписать мирный договоръ, до того невыгодный для Кастиліи, что папа Николай III счелъ его не только позорнымъ, но даже преступнымъ, и настоялъ на томъ, чтобы Альфонсъ нарушилъ его. За этимъ нарушеніемъ слова немедленно послѣдовало наказаніе: Санчо, поссорившись съ отцомъ, похитилъ деньги, предназначенныя для его младшаго брата Петра, который осаждалъ въ то время Альхесирасъ. Петръ испыталъ вслѣдствіе того значительное пораженіе, вынудившее Альфонса заключить невыгодное для него перемиріе. Мы уже говорили, что черезъ нѣсколько лѣтъ самъ Альфонсъ долженъ былъ обратиться къ мерипитамъ за помощью противъ сына. Впослѣдствіи, вступивъ въ 1285 году на престолъ, Санчо заключилъ миръ съ главою мерипитовъ, Абу Юссуфомъ; испанскіе лѣтописцы утверждаютъ, что миръ этотъ былъ весьма почетенъ для Санчо; мухаммеданскіе же историки говорятъ, что онъ былъ для него въ высшей степени позоренъ и унизителенъ.

Во время войны отца съ сыномъ, кастильская аристократія успѣла до того подчинить себѣ монархическій элементъ, что король, собирая войско, долженъ былъ давать дворянству огромныя преимущества въ ущербъ народу. Особенно, двѣ фамиліи, Гаро и Лара, имѣя обширныя владѣнія и множество вассаловъ давно уже могли соперничать съ королемъ своимъ могуществомъ и значеніемъ

Глава первой изъ этихъ фамилій, Лопесъ де Гаро, осыпанный милостями Санчо, когда тотъ сдѣлался королемъ, до такой степени раздражилъ своимъ высокомѣріемъ фамилію Лара, что король, для того чтобы удержаться самому на престолѣ, былъ наконецъ вынужденъ изгнать любимца и возвысить враговъ его, Лара. Лопесъ привлекъ на свою сторону брата Санчо, дона Хуана, выдавъ за него дочь, и вмѣстѣ съ нимъ взялся за оружіе противъ короля. Однако оба они, полагаясь на свою вооруженную свиту, явились въ 1288 году на собраніе кортесовъ. При свиданіи съ Санчо, Лопесъ не только позволилъ себѣ самыя грубыя ругательства, но даже обнажилъ мечъ противъ короля. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ съ умысломъ доведенъ до этого, чтобы дать поводъ королевской свитѣ умертвить его въ глазахъ Санчо. Такой же участи не миновать бы и инфанту дону Хуану, еслибы онъ не успѣлъ скрыться въ покояхъ королевы. Онъ былъ подвергнутъ на нѣкоторое время заключенію. Сынъ и братъ убитаго бѣжали въ Арагонію и, присоединившись тамъ къ партіи де ла Серда, стали напрягать всѣ усилія, чтобы низвергнуть Санчо.

Въ Арагоніи Петру III наслѣдовалъ въ 1285 г. сынъ его, Альфонсъ III. Петръ III едва могъ устоять противъ папы и французскаго короля, державшихъ сторону его враговъ въ войнахъ за Сицилію (стр. 144); папа передалъ арагонскую корону брату французскаго короля, Карлу де Валуа, и только величайшими усиліями городовъ и рыцарства она была сохранена за Петромъ III. Военныя издержки нерѣдко вынуждали его сильно притѣснять народъ и это заставило наконецъ арагонскую аристократію составить такъ называемую унію свободы. Петръ III согласился на ихъ требованія и удовлетворилъ каталонцевъ добровольными уступками. Но унія не распалась и, представляя собою силу, уравновѣшивавшую могущество короля, грозила превратить конституціонную монархію арагонцевъ въ рыцарскую олигархію. По смерти Петра, вельможи (гранды) уже предписали его преемнику Альфонсу условія, на которыхъ соглашались признать его королемъ; они даже вступили потомъ въ переговоры съ внѣшними врагами и вынудили у короля, на сеймѣ въ Сарагоссѣ (1287 г.), двѣ новыя привилегіи, которыми унія была окончательно признана чѣмъ-то въ родѣ особаго государства въ государствѣ, съ лишеніемъ короля значительной доли его власти, въ ущербъ остальнымъ сословіямъ. Ни одинъ изъ членовъ уніи не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, тѣлесному наказанію или смерти, пока такъ называемый хустисія, т. е. совершенно независимый верховный судья, разбиравшій въ Арагоніи всѣ споры между сословіями и королемъ, не предоставлялъ ему этого права съ согласія кортесовъ. Кромѣ того, въ случаѣ неисполненія королемъ принятыхъ обязательствъ, члены уніи заранѣе разрѣшались отъ присяги ему въ вѣрности и имѣли право избрать новаго короля. Имъ были предоставлены въ видѣ залога шестьнадцать замковъ, куда унія назначила своихъ комендантовъ, присягнувшихъ не королю, а ей. Вторая привилегія состояла въ томъ, что совѣтъ короля, то есть его министры, были назначаемы арагонскими сословіями, которыхъ онъ былъ обязанъ созывать каждый годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ; эти министры должны были присягать сословіямъ, а не королю. При такомъ неслыханномъ ограниченіи королевской власти, члены кортесовъ, принадлежавшіе къ уніи, разумѣется, должны были имѣть перевѣсъ надъ остальными, а это возбудило неудовольствіе и сопротивленіе въ самихъ кортесахъ; но тѣмъ не менѣе, унія привела въ исполненіе всѣ выговоренныя ею условія, пользуясь тѣмъ, что король терпѣлъ пораженія и со стороны Франціи, и со стороны папы и анжуйскаго дома. Однако Альфонсъ не передалъ уніи замковъ, и потому гранды, не задолго до прибытія бѣжавшей изъ Кастиліи партіи де ла Серда и Гаро, снова взялись за оружіе.

Эта кастильская партія провозгласила королемъ старшаго сына Санчо IV, Альфонса де ла Серда, и арагонскій король обѣщалъ помочь ей возвести на престолъ этого короля. Между тѣмъ Санчо, уже возбудившій противъ себя и вліятельную фамилію Лара, былъ разбитъ своими соединившимися врагами (1289 г.) и находился въ весьма затруднительномъ положеніи, потому что, женясь на родственницѣ, нажилъ себѣ врага въ папѣ, который сталъ удерживать французскаго короля отъ союза съ Кастиліею противъ Арагоніи. Война длилась до самой смерти короля Альфонса (1291 г.). Кортесы избрали въ преемники ему его старшаго брата, сицилійскаго короля Іакова II. Іаковъ не сталъ поддерживать кастиль-

скихъ эмигрантовъ и отпустилъ принцевъ де ла Серда къ ихъ родственнику французскому королю. Мы уже говорили выше о томъ, что Іаковъ отдалъ Сицилію своему брату Фридриху II и примирился съ папою и анжуйскимъ домомъ, ловко проведя обоихъ (стр. 362). Точно также, не смотря на миръ съ Кастиліею, онъ позволилъ кастильскимъ изгнанникамъ продолжать на свободѣ свои набѣги и разбои.

Кастильскій король Санчо IV былъ между тѣмъ вовлеченъ въ новую войну съ мухаммеданами. Союзъ его съ гранадскимъ владѣтелемъ и наемный генуэзскій флотъ давали ему возможность въ продолженіе двухъ лѣтъ удачно отражать нападенія мериннта Абу Якуба, наслѣдовавшаго въ 1286 г. своему отцу, Абу Юсуфу, и даже овладѣть укрѣпленнымъ городомъ Тарифою, въ Андалузіи. На третій годъ (1293 г.), когда Абу Якубъ снова вступилъ съ войскомъ въ Испанію, къ нему присоединился братъ Санчо, донъ Хуанъ, которой уже прежде поднялся противъ брата съ фамиліею Лара, но испыталъ полное пораженіе. Невѣрные, предводительствуемые донъ Хуаномъ, направили свои главныя силы противъ крѣпости Тарифы, которую защищалъ Альфонсъ Пересъ де Гусманъ. Во время осады, донъ Хуанъ показалъ себя дикимъ варваромъ, тогда какъ Гусманъ, по единодушному свидѣтельству и христіанскихъ, и мусульманскихъ историковъ, выказалъ истинно римскій патріотизмъ и твердость духа. Видя, что Гусманъ отражаетъ всѣ приступы къ городу, донъ Хуанъ сталъ грозить, что умертвитъ его плѣннаго сына передъ его глазами, если онъ немедленно не сдастъ города. Гусманъ не только не обратилъ вниманія на эту варварскую угрозу, но, какъ Муцій Сцевола или Регулъ, бросилъ со стѣнъ собственный мечъ, чтобы онъ служилъ орудіемъ убійства. По свидѣтельству христіанскихъ лѣтописцевъ, донъ Хуанъ, раздраженный этимъ презрѣніемъ, дѣйствительно умертвилъ сына Гусмана передъ глазами отца, но мусульманскіе историки снимаютъ съ него обвиненіе въ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ. Какъ бы то ни было, мухаммедане отступили отъ города; глава мериннтовъ вернулся въ Африку, примирившись предварительно съ гранадскимъ владѣтелемъ, который воевалъ потомъ съ Санчо до самой его смерти.

Санчо умеръ въ 1295 г. Смерть его была причиной страшныхъ безпорядковъ въ Кастиліи, такъ какъ сынъ его Фердинандъ IV былъ еще ребенокъ. Едва умеръ Санчо, какъ въ Кастилію явились донъ Хуанъ и содержавшійся въ Неаполѣ въ плѣну инфантъ Генрихъ; принцы де ла Серда вернулись изъ Франціи, а могущественныя фамиліи Гаро и Лара соединили свои силы, чтобы сообща дѣйствовать противъ короля. Папа также содѣйствовалъ безпорядкамъ въ Кастиліи, продолжая считать незаконнымъ бракъ покойнаго короля, и только черезъ шесть лѣтъ по смерти Санчо согласился признать новаго короля законнымъ. Къ счастію для Фердинанда, мать его, Марія де Молина, была умная, твердая и искусная женщина и правила государствомъ отъ имени сына. Положеніе правительницы было самое критическое: принцы де ла Серда и инфантъ донъ Хуанъ предъявляли свои притязанія на Кастилію, короли гранадскій, арагонскій и португальскій старались извлечь всевозможную выгоду изъ затруднительнаго положенія молодаго короля и казалось, что Кастилія будетъ разорвана на клочки.

Одинъ изъ инфантовъ, донъ Генрихъ, требовалъ регентства; другой, донъ Хуанъ, предъявлялъ права на Бискаію, Леонъ и даже на Кастилію. Генрихъ достигъ было своей цѣли, но выказалъ такую слабость и нерадѣніе, что мать короля снова пріобрѣла прежнее вліяніе. Донъ Хуанъ, отвергнутый бискайцами, вступилъ въ союзъ Альфонса де ла Серда и фамиліи Лара съ королями Арагоніи и Португаліи и съ мухаммеданскимъ владѣтелемъ Гранады. Этотъ союзъ могъ быть гибельнымъ для молодаго короля, если бы Альфонсъ де ла Серда былъ человѣкъ энергическій и способный. Къ счастію, онъ вовсе не имѣлъ этихъ качествъ. Альфонсъ не съумѣлъ даже обратить въ свою пользу раздоръ между королевою и неспособнымъ регентомъ, и когда послѣднему пришлось уступить, то королева переманила на свою сторону, одного за другимъ, всѣхъ союзниковъ принца де ла Серда, обѣщая имъ разныя преимущества: особенно удачны были ея переговоры съ португальскимъ королемъ Діонисіемъ, который чистосердечно принялъ сторону молодаго короля за уступку пограничныхъ земель и за двойной брачный союзъ съ кастильскимъ домомъ. Молодой король былъ помолв-

лепъ на его дочери, а старшій сынъ его на сестрѣ короля. Королева съумѣла расположить къ себѣ и народъ, отмѣнивъ тяжелый налогъ на хлѣбъ. Только арагонскій король Іаковъ II, подкупленный Франціею, остался вѣренъ принцамъ де ла Серда и соединился, въ 1301 г., съ владѣтелемъ Гранады, чтобы общими силами завоевать кастильскую часть Мурсіи. Но для этой цѣли Іакову пришлось установить у себя чрезвычайные налоги, что возбудило противъ него арагонскую аристократію, которая заключила союзъ съ кастильскою королевою и принудила Іакова примириться съ нею.

3. Кастилія при Фердинандѣ IV и Альфонсѣ XI.

Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, Фердинандъ IV рѣшился освободиться изъ-подъ руководства матери, подстрекаемый къ тому дядею его донъ Хуаномъ и главою фамиліи Лара, Хуаномъ Нуньесомъ. Эта рѣшимость короля повела къ безпорядкамъ и междоусобіямъ, которые вынудили не только партію королевы, но и самого дона Хуана съ Нуньесомъ обратиться къ арагонскому королю Іакову II, продолжавшему изъявлять притязанія на Мурсію. Къ счастію, къ этому времени умеръ внучатный дядя короля, Генрихъ. Фердинандъ обратился за помощью къ тестю, королю португальскому Діонисію, и обѣ партіи согласились наконецъ, чтобы Діонисій вмѣстѣ съ донъ Хуаномъ и сарагосскимъ архіепископомъ постановили рѣшеніе относительно притязаній арагонскаго короля на Мурсію и потомъ, сообща съ послѣднимъ, опредѣлили права принцевъ де ла Серда. Этотъ третейскій судъ происходилъ въ городкѣ Кампильо, въ 1305 г. Іаковъ получилъ нѣсколько городовъ въ Мурсіи, что же касается принцевъ де ла Серда, то одному изъ нихъ, Фердинанду, была предоставлена обыкновенная цифра дохода испанскихъ инфантовъ, а старшему, Альфонсу, было отдано нѣсколько городовъ и леновъ, подъ условіемъ отказа отъ королевскаго титула, который онъ уже успѣлъ присвоить. Арагонскій король утвердилъ договоръ въ Кампильо, но Альфонсъ де ла Серда, недовольный его условіями и не желая подчиниться имъ, вернулся во Францію еще до обнародованія этого договора, и только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, старшій сынъ его, родоначальникъ герцогскаго дома Медина Сидонія, подчинился условіямъ, принятымъ въ Кампильо.

Едва успѣлъ уладиться этотъ споръ, какъ Фердинандъ, снова разсорившись съ домомъ Хуаномъ, съ Хуаномъ Нуньесомъ де Лара и Лопесомъ де Гара, долженъ былъ удовлетворить корыстолюбивымъ требованіямъ всѣхъ троихъ грандовъ. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ Іаковомъ Арагонскимъ началъ войну съ невѣрными (въ іюлѣ 1309 г.). Начало ея была весьма удачно; но счастье перемѣнилось, когда мавры возвели на гранадскій престолъ извѣстнаго астронома Мулея Назара, изгнавъ его неспособнаго брата. Мулей Назаръ принялъ начальство надъ войскомъ и оттѣснилъ арагонцевъ, осаждавшихъ Альмерію, а раздоры въ кастильскомъ лагерѣ заставили Фердинанда заключить миръ. Чтобы избавиться отъ него, Мулей согласился на выгодныя для кастильскаго короля условія, и тогда арагонцы должны были вернуться домой. Раздоры между кастильцами возникли вслѣдствіе зависти дона Хуана къ Хуану Нуньесу де Лара и Лопесу де Гаро; донъ Хуанъ вскорѣ возобновилъ притязанія на Бискаію и поставилъ этимъ короля Фердинанда въ такое затруднительное положеніе, что тотъ даже покусился предательски убить его. Но намѣреніе короля было открыто и возбудило противъ него всеобщую ненависть, тѣмъ болѣе, что онъ уже давно позволялъ себѣ нарушать всѣ божескіе и человѣческіе законы. Чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія, король обвинилъ передъ папою своего дядю въ тайныхъ сношеніяхъ съ невѣрными. Папа поручилъ изслѣдовать это дѣло четыремъ испанскимъ епископамъ; но прежде чѣмъ они успѣли исполнить это порученіе, Фердинандъ внезапно умеръ (1312 г.). Его нашли мертвымъ въ постели и такова была жестокость этого человѣка, что смерть его приписали ничему иному, какъ мести, или по крайней мѣрѣ, связали ее сверхъ-естественнымъ образомъ съ только что совершеннымъ имъ убійствомъ. Мавританскіе лѣтописцы прямо говорятъ, что онъ былъ умерщвленъ, но испанскіе разсказываютъ, что двое братьевъ Карвахаль, кото-

рыхъ король, незадолго до смерти, казнилъ безъ всякаго суда, предъ смертью призвали его на судъ божій, такъ же какъ Жакъ де Молэ (стр. 219) французскаго короля, и что онъ внезапно умеръ въ тотъ самый день, какой они назначили.

Сынъ и наслѣдникъ Фердинанда, Альфонсъ XI, остался послѣ отца двухлѣтнимъ ребенкомъ, а такъ какъ Фердинандъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно регентства, то смерть его дала новый поводъ къ жарнимъ спорамъ. Верховную власть захватили въ свои руки дядя молодаго короля донъ Педро и двоюродный дѣдъ его, донъ Хуанъ, а заботы о его воспитаніи приняли на себя бабка его Марія и мать, Констанса, умершая въ слѣдующемъ году. Марія съ трудомъ могла защищать внука отъ жестокаго Хуана, который силился овладѣть имъ во что бы то ни стало, такъ что однажды, когда Альфонсъ былъ еще ребенкомъ, епископъ авильскій едва спасъ его отъ дѣда, спрятавъ его въ своемъ каѳедральномъ соборѣ, который, какъ и всѣ подобныя зданія, былъ въ то же время и крѣпостью. Въ борьбѣ за регентство приняли участіе всѣ города, вся аристократія и всѣ родственники королевскаго дома, не исключая и младшаго принца де ла Серда, который, послѣ договора въ Кампильо, поселился въ Кастиліи и пользовался большимъ вліяніемъ. Между тѣмъ правительства не существовало, въ странѣ исчезъ всякій порядокъ; донъ Хуанъ воевалъ съ дономъ Педро, поддерживаемые каждый своею партіею; сословія и многіе города сохраняли нейтралитетъ и управлялись пока сами собою; государственные доходы попадали то въ тѣ, то въ другія руки, и такъ какъ кортесы рѣдко утверждали новые налоги, то правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ, тогда какъ города, корпораціи и частныя лица богатѣли, дѣлались самостоятельными и въ своей свободѣ доходили до распущенности. Чтобы сколько нибудь возстановить порядокъ, было наконецъ рѣшено раздѣлить регентство между обоими инфантами такъ, чтобы каждый изъ нихъ правилъ въ той части страны, гдѣ имѣлъ наиболѣе приверженцевъ. Такимъ образомъ донъ Хуанъ получилъ сѣверъ и западъ Испаніи, а донъ Педро, какъ зять Іакова II, поддерживаемый Арагоніею, получилъ регентство на югѣ и востокѣ. Это страшное распоряженіе было утверждено, въ 1315 г., кортесами, которые даже согласились установить для этого случая значительные налоги, что дало возможность дону Педро начать войну съ невѣрными, пользуясь ихъ внутренними междоусобіями. Мулей Назаръ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе, предоставивъ все управленіе ненавистному визирю и двумъ другимъ приближеннымъ; этимъ воспользовался племянникъ Мулея, Измаилъ, сынъ вали или князя Малаги, чтобы низвергнуть съ трона дядю. Разбитый Измаиломъ въ 1312 г. въ одномъ большомъ сраженіи, Мулей Назаръ обратился за помощью къ Фердинанду IV и обѣщалъ платить ему дань, какъ вассалъ. Фердинандъ умеръ, собираясь выступить въ этотъ походъ. Между тѣмъ Измаилъ одержалъ надъ дядею вторичную побѣду и принудилъ его сложить власть (1313 г.). Однако низверженный король остался союзникомъ кастильцевъ и, съ помощью дона Педро, продолжалъ воевать съ Измаиломъ. Не прекращая этой войны и по смерти Назара (1314 г.), донъ Педро одержалъ надъ узурпаторомъ блистательную побѣду (1316 г.) и страшно опустошилъ его владѣнія. Донъ Хуанъ, примиренный папою съ дономъ Педро, сталъ помогать ему въ войнѣ съ невѣрными. Наконецъ, когда регенты стали проповѣдывать общій религіозный походъ противъ мавровъ, Измаилъ обратился за помощью къ владѣтелю Феца; за уступку нѣсколькихъ городовъ, африканскій владѣтель послалъ къ нему войско, и Измаилъ далъ христіанамъ большое сраженіе при рѣкѣ Хенилѣ, въ которомъ кастильцы были разбиты и оба регента лишились жизни (іюнь 1319 г.).

Первымъ слѣдствіемъ этого пораженія были набѣги африканцевъ на пограничныя кастильскія владѣнія и потеря завоеванныхъ передъ тѣмъ областей; вторымъ, и самымъ пагубнымъ, возобновленіе спора за регентство. На этотъ разъ, онъ возникъ между четырьмя инфантами: Филиппомъ, дядею несовершеннолѣтняго короля, Хуаномъ Маноэлемъ, племянникомъ Альфонса X, Хуаномъ Гнуснымъ, сыномъ убитаго дона Хуана, наслѣдовавшимъ по матери Бискаію, и Фердинандомъ, младшимъ изъ принцевъ де ла Серда, изъ которыхъ одинъ навсегда поселился во Франціи. Правда, въ собраніи кортесовъ въ Бургосѣ (1320 г.), регентами были назначены два первые инфанта; но Хуанъ протестовалъ противъ этого, перемануивъ на свою сторону и Фердинанда де ла Серда. Тщетно старая королева

Марія, умершая спустя два года, старалась положить конецъ этой пагубной распрѣ, тщетно папа употреблялъ все свое духовное вліяніе, чтобы примирить инфантовъ: война продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду и кортесы рѣшились наконецъ прекратить ее тѣмъ, что объявили пятнадцатилѣтняго короля совершеннолѣтнимъ (1324 г.). Къ сожалѣнію, первоначальныя мѣры, принятыя руководителями неопытнаго юноши, далеко не были способны удовлетворить недовольныхъ. Управленіе финансами было поручено еврею, хотя, правда, въ то время денежныя дѣла были спеціальностью мавровъ и евреевъ, такъ какъ все финансовое управленіе было заимствовано у арабовъ. Молодой король привлекъ на свою сторону Хуана Маноэля, посватавшись на его дочери Констансѣ, а потомъ, приманивъ къ своему дворцу Хуана Гнуснаго, велѣлъ умертвить его во время пира и отнялъ у его фамиліи наслѣдственныя земли; вслѣдъ затѣмъ онъ отказался отъ первой невѣсты, чтобы жениться на дочери португальскаго короля Альфонса IV, а Констансу удержалъ въ плѣну, чтобы заставить отца ея возвратить замки, отданные ему въ обезпеченіе предстоявшаго брака (1328 г.). Чтобы оправдаться въ убійствѣ Хуана, Альфонсъ XI торжественно объявилъ, что Хуанъ былъ измѣнникъ; но съ Хуаномъ Маноэлемъ ему пришлось вести продолжительную войну, чрезвычайно обременительную для страны. Оскорбленнаго инфанта поддерживалъ его ближайшій родственникъ, король арагонскій, но, къ счастью для Альфонса, дядя его, Филиппъ, вѣрный союзникъ Хуана Маноэля, умеръ въ самомъ началѣ войны, которая, впрочемъ, не пракратилась даже и по изгнаніи трехъ любимцевъ короля, Гарсилассо де ла Вега, Альвара Нуньеса Осоріо и альмохарифа, или министра финансовъ дона Хосе, которыхъ обвиняли во всемъ случившемся. Гарсилассо, которому преимущественно приписывали убійство Хуана и вѣроломную политику относительно Хуана Маноэля, возбудилъ ненависть дворянства и былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ сыномъ. Осоріо пріобрѣлъ всякими неправдами такое богатство и вліяніе, что, возбудивъ опасенія въ самомъ королѣ, вступилъ въ сношенія съ Хуаномъ Маноэлемъ, за что и былъ предательски убитъ по желанію и свѣдома Альфонса, который прибралъ потомъ къ своимъ рукамъ его владѣнія и богатства. Министръ финансовъ, донъ Хосе, ненавистный народу, какъ всѣ чиновники фиска въ средніе вѣка и, сверхъ того, какъ еврей, былъ—къ великой радости народа — совершенно внезапно изгнанъ Альфонсомъ, который поступилъ съ нимъ точно такъ же, какъ поступаютъ и теперь на востокѣ съ разбогатѣвшими министрами. Хотя Альфонсъ овладѣлъ сокровищами кровопійцъ и сломилъ могущество, внушавшее ему опасенія, но не могъ подчинить себѣ Хуана Маноэля, вступившаго въ тѣсный союзъ съ Фердинандомъ де ла Серда и Хуаномъ Нуньесомъ де Лара, который пріобрѣлъ по брачному союзу права на Бискаію. Соединенныя силы этихъ трехъ грандовъ были такъ велики, что Альфонсъ не рѣшился предпринять давно задуманнаго похода противъ гранадскихъ мавровъ, не примирившись на нѣкоторое время съ Хуаномъ Маноэлемъ чрезъ посредничество одного духовнаго лица.

Измаилъ, владѣтель Гранады, нѣсколько разъ посылалъ въ Кастилію своего полководца Османа или Осмина, который одерживалъ тамъ блистательныя побѣды, но наконецъ одна изъ такихъ побѣдъ стоила Измаилу трона и жизни. Однажды, въ числѣ плѣнныхъ, попалась одна христіанка рѣдкой красоты, на которую и изъявилъ притязанія Мухаммедъ, двоюродный братъ Измаила; но Измаилъ, не смотря на это, велѣлъ привести ее въ свой гаремъ, и былъ убитъ за то раздраженнымъ юношей. Османъ и великій визирь возвели на престолъ двѣнадцатилѣтняго сына Измаила, Мухаммеда, но потомъ перессорились между собою и визирь былъ принужденъ купить у Альфонса XI перемиріе. Вскорѣ Османъ поссорился съ сыновьями, и визирь Редванъ, пріобрѣвшій неограниченное вліяніе на молодаго короля, возобновилъ войну съ Альфонсомъ, поддерживаемый африканскимъ султаномъ Абуль Гассаномъ Али и Хуаномъ Маноэлемъ съ его партіею (1332 г.). Ни Арагонія, ни Португалія не оказали помощи Альфонсу XI; первая была занята защитою отъ мавровъ Валенсіи и въ то же время войною съ генуэзцами, а португальскій король Альфонсъ IV былъ въ ссорѣ съ кастильскимъ за то, что тотъ совершенно подчинился своей любовницѣ Элеонорѣ де Гусманъ и предоставилъ ей всѣ права королевы, оскорбляя этимъ жену свою, дочь португальскаго короля. Однако, въ слѣдующемъ году, арагонцы

оказали кастильскому королю сильную поддержку, такъ что гранадскій владѣтель, тревожимый внутренними безпорядками, долженъ былъ заключить перемиріе. Вскорѣ онъ былъ убитъ сыновьями Османа подъ предлогомъ измѣны вѣрѣ и единовѣрцамъ. Великій визирь помогъ вступить на престолъ брату Мухаммеда, Абуль Гагіагу, который подтвердилъ заключенное прежде перемиріе. Раздоры съ сосѣдями заставили и Абуль Гассана Али вызвать изъ Испаніи свое войско.

Альфонсъ могъ наконецъ заняться истребленіемъ внутреннихъ враговъ и войною съ тестемъ, ихъ союзникомъ. Съ первыми кастильскій король поступилъ совершенно по восточному, дѣйствуя противъ нихъ и оружіемъ, и милостью, и даже не колеблясь нарушалъ священнѣйшія клятвы и обѣщанія. Альфонсъ де ла Серда, возвратившійся изъ Франціи, удовольствовался предложеннымъ ему вознагражденіемъ и остался въ покоѣ. Хуанъ Нуньесъ де Лара, уже занявшій Бискаію и поддерживаемый Хуаномъ Маноэлемъ, Португаліею и даже арагонцами, не устоялъ противъ хитрости и оружія кастильскаго короля. Альфонсъ утвердилъ за бискайцами всѣ ихъ республиканскія привилегіи и тѣ присягнули ему подъ знаменитымъ дубомъ въ Гверникѣ, подъ которымъ происходили у нихъ съ незапамятныхъ временъ народныя собранія, такъ же какъ у восточныхъ фризовъ подъ дубами въ Упстальбоомѣ, близъ Ауриха. Послѣ этого король сталъ брать у своихъ противниковъ одну крѣпость за другою; овладѣвъ наконецъ главною изъ нихъ, Лермою (1336 г.), онъ вступилъ въ тайные переговоры съ Нуньесомъ и отдалилъ его обѣщаніями отъ Хуана Маноэля. Для сохраненія внѣшности, Нуньесъ долженъ былъ срыть стѣны нѣсколькихъ городовъ и публично смириться передъ Альфонсомъ, но вслѣдъ затѣмъ былъ осыпанъ милостями и почестями и получилъ обратно Бискаію. Другой противникъ короля, Хуанъ Альфонсъ де Гаро, попался въ разставленныя ему сѣти и былъ казненъ. Наконецъ и самъ Хуанъ Маноэль примирился съ Альфонсомъ (1337 г.) черезъ посредничество Нуньеса, и съ той поры оставался вѣренъ королю. Одинъ португальскій король не хотѣлъ прекращать вражды, не смотря на усилія папы Бенедикта XII; кромѣ кого, что онъ былъ оскорбленъ въ лицѣ дочери, Элеонора де Гусманъ отняла у сына королевы предоставленные ему земли и города и старалась удалить его отъ престолонаслѣдія въ пользу своихъ родныхъ дѣтей. Наконецъ, когда мавры снова стали грозить опасностью всей христіанской Испаніи, жена Альфонса, перенесшая столько обидъ, убѣдила отца помириться съ ея мужемъ (1339 г.). Кастильскій король обязался удалить Элеонору, возвратить королевѣ ея права и выпустить изъ плѣна дочь Хуана Маноэля, невѣсту наслѣднаго принца португальскаго.

Окончивъ завоеванія въ Африкѣ, Абуль Гассанъ собралъ огромное войско и значительный флотъ и отправилъ ихъ въ Испанію. Тамъ къ нимъ присоединились войска гранадскаго владѣтеля Абуль Гагіага, который, впрочемъ, гораздо охотнѣе употреблялъ свои деньги на величественныя постройки и на основаніе разныхъ учрежденій. Короли Кастиліи и Арагоніи соединились противъ этой грозной опасности и всѣ гранды христіанской Испаніи явились къ нимъ со своими вассалами, привыкшими къ военному дѣлу въ постоянныхъ междоусобіяхъ. Первымъ плодомъ этого всеобщаго рвенія была блистательная побѣда, въ которой легло восемь тысячъ африканцевъ, въ томъ числѣ сынъ Абуль Гассана. Но вскорѣ Абуль Гассанъ явился въ Испанію съ новымъ, еще болѣе многочисленнымъ войскомъ, уничтожилъ весь кастильскій флотъ, кромѣ пяти кораблей, и вмѣстѣ съ гранадскимъ владѣтелемъ приступилъ къ осадѣ Тарифы. Тутъ только Альфонсъ IV Португальскій согласился на миръ съ Кастиліею и принялъ участіе въ войнѣ. Чтобы спасти Тарифу, три христіанскіе государя рѣшились дать маврамъ большое сраженіе, которое и произошло въ октябрѣ 1340 г. при Рio Саладо (Rio Salado — Соленая рѣка); мавры потерпѣли въ немъ страшное пораженіе. Впрочемъ, увѣреніямъ испанскихъ лѣтописцевъ, утверждающимъ, что въ этой битвѣ пало двѣсти тысячъ невѣрныхъ и всего двадцать пять человѣкъ христіанъ, можетъ повѣрить только гасконецъ или житель Пиренейскаго полуострова. Во всякомъ случаѣ для мавровъ битва при Саладо была несчастнѣе всѣхъ предшествовавшихъ сраженій, тѣмъ болѣе, что они, по восточному обычаю, привезли за собою изъ Африки огромный багажъ. Кровопролитіе не могло не быть ужаснымъ, потому что у христіанъ рѣзня невѣрныхъ считалась заслугою и удовольствіемъ.

Побѣдителямъ досталась богатѣйшая добыча, состоявшая въ драгоцѣнностяхъ, оружіи и разной утвари; ее раздѣлили между собою кастильскій и арагонскій короли, потому что король португальскій удовольствовался одною славою и отказался отъ всякаго участія въ добычѣ. Папѣ также достались блистательные трофеи этой побѣды въ благодарность за рвеніе, съ какимъ онъ возбуждалъ испанцевъ къ войнѣ буллами и проповѣдями, чрезъ своихъ легатовъ.

Единственнымъ прямымъ результатомъ этой побѣды было спасеніе Тарифы; португальцы и арагонцы тотчасъ же вернулись домой; кастильское рыцарство разсѣялось, спѣша припрятать добычу, а Альфонсу XI нужно было думать о томъ, какъ достать отъ кортесовъ деньги на жалованье войску. Въ слѣдующемъ году кастильцы взяли нѣсколько городовъ и, съ помощью генуезскаго флота, одержали надъ маврами морскую побѣду, которою Альфонсъ воспользовался для того, чтобы напасть на Альхесирасъ. Осада этого города длилась два года, хотя и на этотъ разъ гранадскаго владѣтеля поддерживалъ Абуль Гассанъ; наконецъ, въ 1344 г. Альхесирасъ долженъ былъ сдаться и послѣ того враждующія стороны заключили перемиріе на десять лѣтъ. Взятіе Альхесираса придало царствованію Альфонса XI такую же славу, какимъ отличалось царствованіе Фердинанда III, хотя, съ другой стороны, эта удача подвергнула Кастилію неслыханно-тяжкому налогу, который удержался тамъ до настоящаго времени. Этотъ налогъ, какъ видно изъ самаго его названія *алькавала*, былъ заимствованъ у мавровъ и состоялъ въ пятипроцентной пошлинѣ со всякаго товара. Онъ былъ установленъ единственно для войны съ невѣрными и долженъ былъ прекратиться по взятіи Альхесираса, но потомъ былъ сохраненъ, какъ весьма обильный источникъ дохода, и много повредилъ торговлѣ. Передъ смертью, Альфонсъ Кастильскій произвелъ нападеніе на Гибралтаръ и довелъ уже этотъ городъ до послѣдней крайности, какъ былъ похищенъ чумою, распространившеюся съ востока почти по всей Европѣ (1350 г.).

4. Внутреннія событія въ Арагоніи при Альфонсѣ IV и при Петрѣ IV.

Мы уже видѣли, что Іаковъ II уступилъ Сицилію своему брату Фридриху II, основавшему тамъ новую династію; къ несчастью, Іаковъ отнялъ у византійцевъ островъ Сардинію и вслѣдствіе того долженъ былъ расточать безполезно деньги и кровь подданныхъ. При сынѣ его, *Альфонсѣ* IV (1327 — 1336 г.), Арагонія истощала свои силы для удержанія за собой этого острова и должна была принимать участіе въ войнахъ итальянскихъ государствъ. Но еще болѣе тревожили Альфонса внутреннія междоусобія, почти не прекращавшіяся въ Арагоніи, благодаря свободному, почти республиканскому, государственному устройству, непокорности рыцарства, независимому духу горожанъ и поселянъ и стремленію государей къ деспотизму. Альфонсъ былъ женатъ первымъ бракомъ на графинѣ д'Урхель, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Петра IV и инфанта Іакова. Первый уже былъ признанъ кортесами наслѣдникомъ престола, когда отецъ его женился вторымъ бракомъ на кастильской принцессѣ, *Элеонорѣ*. Кортесы совершенно основательно опасались, что Альфонсъ, не смотря на клятвенное подтвержденіе имъ государственнаго статута, по которому онъ не имѣлъ права отчуждать отъ государства ни одного короннаго лена или города, пожелаетъ обезпечить дѣтей своей второй жены въ ущербъ наслѣднику престола. Дѣйствительно, онъ въ первомъ же году послѣ женитьбы подарилъ королевѣ одинъ городъ, а потомъ, потребовавъ, по ея настоянію, разрѣшенія отъ данной клятвы, отдалъ своему сыну отъ Элеоноры значительную часть Валенсіи. Населеніе этой страны приготовилось уже защищать свои права оружіемъ, но намѣстникъ Валенсіи успѣлъ во время убѣдить короля, что жена его привезла съ родины въ конституціонное государство совершенно ложныя понятія о монархическихъ правахъ. Альфонсъ возобновилъ присягу статуту, и арагонскій лѣтописецъ приписываетъ ему по этому случаю слова, въ которыхъ онъ съ гордостью противопоставляетъ свободу арагонцевъ рабству кастильцевъ. Когда Элеонора представляла ему, что ея братъ никогда не сталъ бы дѣйствовать въ Кастиліи такъ, какъ дѣйствуетъ ея

мужъ, и снесъ бы голову всякому, кто покусился бы давать ему подобные совѣты, Альфонсъ отвѣтилъ ей, что Арагонія — не Кастилія.

Но вслѣдъ за тѣмъ Альфонсъ сталъ, повидимому, поступать совершенно наперекоръ этимъ словамъ; онъ началъ преслѣдовать тѣхъ, кто настаивалъ на отнятіи подаренныхъ имъ земель, и казнилъ очень многихъ изъ нихъ. Недовольные подстрекнули инфанта Петра къ открытому возстанію противъ отца и его жены. Съ отцомъ инфантъ впослѣдствіи помирился, но всегда продолжалъ враждовать съ мачихой. Петръ имѣлъ явное намѣреніе возвратить коронѣ, по смерти отца, подаренныя имъ земли, и королева приняла мѣры, чтобы помѣшать этому, вступивъ въ заговоръ съ однимъ изъ грандовъ, Педро д'Эхерикою, и со своимъ братомъ кастильскимъ королемъ.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ вступилъ на престолъ, въ 1336 г., **Петръ IV**. Его продолжительное царствованіе (1336 — 1387 г.) было безпрерывнымъ рядомъ войнъ, которыми онъ съ энергіей и настойчивостью мрачнаго деспота старался подавить рыцарскій духъ свободнаго народа. Война эта началась съ нападенія на владѣнія вдовствующей королевы и сыновей ея, которыхъ защищали Педро д'Эхерика и кастильцы. Эта первая война продолжалась два года и продлилась бы долѣе, если бы Абуль Гассанъ не сталъ грозить христіанской Испаніи новою опасностью, расположившею деспотическаго короля къ уступкамъ. Между враждующими сторонами былъ заключенъ договоръ, по которому Петръ не только уступилъ мачихѣ и сыновьямъ ея всѣ земли, подаренныя имъ его отцомъ, но даровалъ прощеніе Педро д'Эхерикѣ и освободилъ изъ заключенія всѣхъ друзей Элеоноры. Впрочемъ, онъ неохотно и не въ точности выполнилъ эти условія.

Послѣ этого король занялся войнами съ маврами и войною за Корсику и Сардинію, пока новые семейные раздоры не возбудили сильныхъ волненій въ государствѣ. Вначалѣ Петръ, имѣя всего одну дочь, **Констансу**, старался отмѣнить въ ея пользу издавна установившійся въ Арагоніи законъ, по которому, за неимѣніемъ сыновей, корона переходила къ братьямъ, а не къ дочерямъ короля. Въ 1347 г., объявивъ Констансу своею наслѣдницею, Петръ потребовалъ, чтобы арагонцы присягнули ей, и отставилъ всѣхъ высшихъ сановниковъ, отказавшихся исполнить его желаніе. Этотъ поступокъ короля былъ не только вопіющею несправедливостью относительно его брата Іакова, но и наглымъ нарушеніемъ правъ блюстителей закона. Впрочемъ инфантъ и его приверженцы нашли въ самыхъ учрежденіяхъ страны средство защитить себя отъ этого деспотическаго произвола. Арагонцы имѣли право заключать между собой союзы для защиты своихъ правъ, въ случаѣ посягательства на нихъ королей; противъ Петра образовался союзъ арагонскихъ грандовъ съ инфантомъ Іаковомъ. Примѣру ихъ немедленно послѣдовали бароны Валенсіи, хотя въ то же время Педро д'Эхерика составилъ тамъ конфедерацію въ пользу короля. Обѣ партіи противниковъ короля соединились въ одну унію, которая вступила въ переговоры съ королемъ, соблюдая всевозможныя внѣшнія формы преданности и уваженія, но оставаясь непреклонно-твердою въ своихъ требованіяхъ. Она настаивала на томъ, чтобы Петръ созвалъ кортесы въ Сарагоссѣ, предоставилъ уніи право назначать министровъ, удовлетворилъ всѣмъ ея требованіямъ и далъ ей въ залогъ нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ, то есть торжественно призналъ ее равносильною себѣ. Только нужда вырвала у короля согласіе на эти требованія, а двое его совѣтниковъ, архіепископъ Таррагоны и маіордомъ **Бернардо де Кабрера**, заранѣе дали ему мнимое право нарушить слово, объясняя, что, само собою разумѣется, только тѣ изъ обѣщаній короля могли считаться дѣйствительными, которыя были согласны съ монархическими учрежденіями и основными законами страны. Кабрерѣ удалось даже отдѣлить отъ уніи часть арагонскаго дворянства и составить изъ нея конфедерацію въ пользу короля. Къ этой новой партіи, ставшей на сторону монархіи противъ олигархіи, присталъ сильнѣйшій изъ арагонскихъ грандовъ, **Лопесъ де Луна**, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ существующія права и льготы арагонцевъ были буквально сохраняемы и чтобы даже по этому вопросу онъ имѣлъ право остаться членомъ уніи. Каталонцы также выказали королю свои преданность.

Петръ сталъ искать законнаго основанія для того, чтобы вооружить противъ

уніи своихъ приверженцевъ, и единственно съ этою цѣлью поссорился въ собраніи арагонскихъ кортесовъ со своимъ братомъ Іаковомъ. Ссора эта могла бы кончиться кровопролитной дракой обѣихъ партій, если бы при этомъ не оказалось, что члены уніи не совсѣмъ довѣряли другъ другу. Кортесы были распущены весьма не милостиво, и Петръ отправился въ Барселону, чтобы возстановить каталонцевъ противъ уніи арагонцевъ и валенсійцевъ. Но едва успѣлъ онъ созвать каталонскіе кортесы, какъ въ собраніе ихъ явился инфантъ Іаковъ съ четырьмя уполномоченными уніи; впрочемъ инфантъ умеръ тотчасъ по пріѣздѣ и всѣ приписали эту внезапную смерть кознямъ короля. Многія данныя дѣйствительно подтверждаютъ тогдашніе слухи, будто Петръ велѣлъ отравить брата. Послѣ этого, во всѣхъ трехъ королевствахъ вспыхнула междоусобная война: каталонскіе кортесы очень неохотно поддерживали монархическій принципъ, но за то король нашелъ сильную поддержку въ образовавшихся въ Валенсіи и Арагоніи монархическихъ партіяхъ. Противники его вызвали изъ Кастиліи старшаго сына Элеоноры, Фердинанда, чтобы противопоставить его, на мѣсто Іакова, дочери Петра. Убѣдившись, что въ этой войнѣ счастье рѣшительно противъ него, король нашелся вынужденнымъ уступить арагонской и валенсійской уніи и даже признать Фердинанда наслѣдникомъ. Между тѣмъ унія королевскихъ приверженцевъ становилась все сильнѣе и продолжала борьбу съ перемѣннымъ счастіемъ. Король дѣлалъ видъ, что сохраняетъ нейтралитетъ между обѣими партіями, и выказалъ свои намѣренія только тогда, когда Лопесъ де Луна собралъ достаточныя силы. Лопесъ одержалъ въ 1348 г. побѣду при Эпилѣ, рѣшившую исходъ этой борьбы; страшное пораженіе, понесенное уніею, дало королю возможность расторгнуть союзъ противниковъ. Значительнѣйшіе члены уніи были схвачены, и самъ Фердинандъ попался въ руки вспомогательнаго войска, которое прислалъ Петру кастильскій король Альфонсъ XI; но Фердинанда немедленно отправили въ Кастилію, опасаясь, что жестокій Петръ не задумается умертвить своего своднаго брата.

Побѣда при Эпилѣ не только возстановила въ Арагоніи монархическую власть, но и содѣйствовала реформамъ въ государственномъ устройствѣ. Петръ составилъ судъ надъ мятежниками, и множество членовъ знатнѣйшихъ арагонскихъ фамилій были приговорены къ казни. Привилегіи уніи, которыя современемъ должны были водворить въ Арагоніи такую же рыцарскую анархію, какъ въ Венгріи и Польшѣ, были отмѣнены въ собраніи кортесовъ, и король собственноручно разорвалъ одну изъ этихъ граматъ. Когда формально признанное за грандами право возстанія было такимъ образомъ уничтожено, король объявилъ всеобщую амнистію. Отношенія между нимъ и народомъ были опредѣлены законами и всѣ существенныя права націи клятвенно подтверждены королемъ, который присягнулъ кортесамъ въ томъ, что обязуется блюсти законы, уважать національныя права и обычаи и не подгергать никого казнямъ или тюремному заключенію безъ правильнаго и законнаго суда. Кортесы постановили, съ согласія короля, чтобы всѣ будущіе правители и государственные сановники давали такую же присягу. Съ этого времени хустисія получила важное значеніе въ Арагоніи и, какъ высшая судебная власть между королемъ и кортесами, стала наконецъ дѣйствительно охранять права и той и другой стороны, привилегіи націи и общественный порядокъ. Съ этого времени, какъ говоритъ историкъ Сурита, въ Арагоніи установилось то, до чего не могло дойти ни одно изъ европейскихъ средневѣковыхъ государствъ: законы и судебныя рѣшенія значили болѣе, чѣмъ сила оружія.

Покончивъ дѣло съ арагонской уніей, Петръ обратился къ Валенсіи. Приверженцы валенсійской уніи также должны были покориться, не смотря на мужественное сопротивленіе, и столица Валенсіи сдалась королю безусловно. Жестокій тиранъ самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что еслибы не убѣжденія его совѣта, то онъ стеръ бы съ лица земли этотъ прекраснѣйшій изъ европейскихъ городовъ и посыпалъ бы почву ея солью, чтобы сдѣлать ее безплодною. Замѣчательно, что при вступленіи въ Валенсію Петръ (какъ это мы видимъ изъ тѣхъ же мемуаровъ) произноситъ въ соборной церкви длиннѣйшую рѣчь, въ которой распространяется о своемъ великодушіи и, вслѣдъ затѣмъ, съ утонченнымъ звѣрствомъ предаетъ казни множество членовъ уніи. Нѣкоторымъ изъ нихъ залили ротъ растопленнымъ металломъ того самаго колокола, которымъ сзывались

въ собраніе члены уніи. Послѣ этого онъ дѣйствительно, по собственному выраженію, выказалъ великодушіе, но только потому, что по уничтоженіи уніи въ странѣ затихли волненія. Въ то же время Петръ пресѣкъ арагонскую династію, царствовавшую на островѣ Маіоркѣ, казнивъ своего родственника, Іакова II, о несчастной судьбѣ котораго уже было сказано выше (стр. 334). Сынъ его, Іаковъ, III принялъ оставленный имъ пустой королевскій титулъ и впослѣдствіи игралъ значительную роль въ Кастиліи и Неаполѣ.

5. Португалія, Кастилія и Арагонія до смерти Петра Жестокаго.

Около описываемаго нами времени, на судьбу Португаліи и Кастиліи стало оказывать огромное вліяніе многоженство, вошедшее въ такой же обычай при дворахъ этихъ государствъ, какъ и у бывшихъ мавританскихъ государей Испаніи или у меровинговъ (т. II. стр. 412), и сдѣлавшееся, какъ повсюду, поводомъ къ кровавымъ войнамъ. Діонисій Португальскій (стр. 326) поссорился съ своимъ сыномъ, Альфонсомъ IV, за то, что постоянно отдавалъ преимущество передъ нимъ побочному сыну, Альфонсу Санчесу. Война между отцомъ и сыномъ возобновлялась два раза, и Португалія распалась на двѣ части, изъ которыхъ одна признала надъ собою власть Діонисія и Альфонса Санчеса, а другая — Альфонса IV. Хотя война эта кончалась оба раза примиреніемъ, но возгорѣлась бы снова, если бы Діонисій не умеръ въ 1325 г.

Вступивъ на престолъ, Альфонсъ IV (1325 — 1357 г.) немедленно возобновилъ войну съ Санчесомъ; однако вдовствующей королевѣ удалось примирить братьевъ, и Альфонсъ Санчесъ, умершій впрочемъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался даже любимцемъ короля. Давно была пора кончить всѣ эти междоусобія; нація одичала и находилась въ состояніи полнаго разложенія. Альфонсу стоило большаго труда отмѣнить кулачное право, господствовавшее въ Португаліи, какъ и въ Германіи. Успѣвъ наконецъ въ этомъ, король вступилъ въ двойной брачный союзъ съ Кастиліею, выдавъ дочь свою Марію за кастильскаго короля, Альфонса XI, и помолвивъ сына, Петра I, съ дочерью кастильскаго инфанта, Бланкою. Но этотъ двойной бракъ сдѣлался источникомъ непримиримой вражды между сосѣдними государствами. Альфонсъ Кастильскій, вступивъ въ связь съ Элеонорою де Гусманъ, сталъ дурно обращаться съ женою, и раздраженный португальскій король отвергъ кастильскую принцессу, предназначенную для его сына, помолвивъ его съ Констансою, дочерью Хуана Маноэля, злѣйшаго врага Альфонса XI. Въ этотъ брачный договоръ включены были тѣ же условія, какія въ употребленіи на востокѣ, гдѣ господствуетъ многоженство, въ тѣхъ случаяхъ, когда восточные государи выдаютъ дочерей за своихъ подданныхъ: а именно, одной статьею договора Петру вмѣнялось въ обязанность не брать другой жены кромѣ Констансы и не предоставлять никому ея правъ. Мы уже сказали, что Альфонсъ XI долго не выпускалъ изъ Кастиліи невѣсту Петра; но наконецъ, послѣ дѣятельныхъ переговоровъ, въ которыхъ принималъ участіе и арагонскій король, договоръ о бракѣ съ Бланкой былъ уничтоженъ, и Констанса отправилась въ Португалію. Судьба ея была столь же печальна, какъ и судьба кастильской королевы Маріи. Какъ послѣдняя терпѣла униженія отъ любовницы своего мужа, Элеоноры де Гусманъ, такъ и Констанса, вскорѣ послѣ брака, встрѣтила себѣ соперницу въ одной изъ пріѣхавшихъ съ нею дамъ, Инесѣ де Кастро. Жребій португальской королевы былъ тѣмъ печальнѣе, что женщина, отравившая ея жизнь, была не только ей родственницею, но и подругою. Констанса кончила свою печальную жизнь въ 1345 г., и таково было вліяніе фаворитокъ, что съ того времени вся исторія Португаліи становится, въ продолженіе двадцати лѣтъ, исторіею Инесы де Кастро. Точно также и кастильская исторія, при Альфонсѣ XI и его сынѣ, Петрѣ Жестокомъ, связана съ судьбой королевскихъ любовницъ и дѣтей ихъ. Вообще, въ продолженіе многихъ лѣтъ, исторія Кастиліи, Португаліи и Арагоніи имѣетъ много сходства съ исторіею пелопидовъ и меровинговъ (т. I, стр. 89 и 101 и т. II, стр. 412).

Въ теченіе этого, повидимому, весьма печальнаго періода времени, кастильцы

и португальцы соперничаютъ въ славѣ открытія и покоренія новыхъ странъ. Особенно послѣдніе отличались при Альфонсѣ IV предпріимчивостью и развитіемъ мореходства и торговли, какимъ едва можно было бы повѣрить, если бы мы не имѣли положительныхъ свидѣтельствъ. Португальцы поссорились съ папою за то, что онъ еще заранѣе присвоивалъ себѣ власть надъ всѣми открываемыми ими языческими странами. Такъ, когда португальцы открыли, при Альфонсѣ, Канарскіе острова, то папѣ вздумалось подарить ихъ полу-французскому, полу-испанскому принцу Людовику Клермонскому, сыну знаменитаго претендента Альфонса де ла Серда. Но португальскій и кастильскій короли воспротивились произвольному распоряженію папы, и такъ какъ у Людовика не было ни денегъ, ни достаточнаго войска, чтобы покорить острова, то папскій подарокъ оказался въ дѣйствительности пуфомъ. Мы узнаемъ изъ арагонскихъ лѣтописей, что и португальцы запмствовали свои свѣдѣнія въ мореходствѣ у генуезцевъ, у которыхъ они нанимали корабли и адмираловъ.

Альфонсу XI наслѣдовалъ въ Кастиліи сынъ его, Петръ Жестокій (1350 г.), которому тогда не было еще шестнадцати лѣтъ. Онъ началъ царствованіе вѣроломствомъ и преступленіями, и продолженіе его до самаго конца вполнѣ соотвѣтствовало началу, такъ что Петръ вполнѣ заслужилъ свое прозвище. Нельзя впрочемъ не согласиться съ испанскимъ историкомъ Маріаною, который замѣчаетъ относительно жестокости многихъ южно-европейскихъ государей, что въ Испаніи и Италіи не было инаго средства сдерживать своеволіе и буйство одичалаго рыцарства. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что исторія Петра написана въ царствованіе враждебной ему династіи и потому всѣ факты выставлены съ умысломъ въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ для того, чтобы возстановить противъ него читателя. Не смотря на всѣ эти оговорки, Петръ остается въ нашихъ глазахъ чудовищемъ жестокости. Первымъ дѣломъ его по вступленіи на престолъ было преслѣдованіе бывшей любовницы его отца, Элеоноры де Гусманъ, и дѣтей ея, которыхъ бывшій король осыпалъ титулами, владѣніями и богатствами. Впрочемъ гоненія на Элеонору слѣдуетъ приписать не столько молодому королю, сколько его матери, Маріи Португальской, которая съ яростью фуріи начала мучить и преслѣдовать соперницу. Удачно начатая Альфонсомъ XI осада Гибралтара была немедленно снята, чтобы дать возможность молодому королю отправиться въ Севилью и, выманивъ ненавистную Элеонору изъ убѣжища, привлечь ее ко двору, гдѣ можно было умертвить ее. Элеонора попалась въ разставленную ей сѣть и, заключенная въ темницу, была умерщвлена по наущенію мстительной королевы. Послѣ нея осталось семь сыновей и одна дочь; всѣ они были щедро надѣлены своимъ отцомъ, а старшій, Генрихъ, носилъ даже присвоенный королевскимъ принцамъ титулъ графа трастамарскаго. За убійствомъ Элеоноры послѣдовали другія злодѣйства и хотя вначалѣ ихъ приписывали не столько королю, сколько его матери и вѣрному другу ея Хуану Альфонсу д'Альбукерке, но вскорѣ оказалось, что Петръ безчеловѣченъ не только вслѣдствіе своего воспитанія, но и по самому характеру. Какъ ни велика была развращенность всѣхъ вообще испанскихъ государей того времени, но Петръ своей натурой тигра и жестокостями превзошелъ даже восточныхъ деспотовъ. Онъ совершалъ неслыханныя злодѣйства, преступалъ всѣ человѣческіе и божественные законы и, не смотря на все это, четырнадцать лѣтъ держался противъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ продержался бы и до конца, если бы не былъ глухъ ко всякому разумному совѣту. Его исторія, подобно исторіи Висконти, служитъ яснымъ доказательствомъ, что папы, страшные для слабыхъ и набожныхъ государей, не могли защитить ни религіи, ни угнетеннаго человѣчества противъ могущественныхъ и безбожныхъ тирановъ. Всѣ папскія угрозы, убѣжденія, интердикты разбивались о непреклонное упрямство Петра. Наконецъ, чтобы не увеличить зла, папѣ пришлось взять назадъ всѣ свои распоряженія и предать забвенію поступки короля, явно пренебрегавшаго папою и религіею.

Королева Марія и Хуанъ Альфонсъ д'Альбукерке, руководившіе первыми шагами Петра на пути преступленія, вскорѣ сами подорвали свое вліяніе попытками укрѣпить его. Марія, чтобы упрочить свое положеніе союзомъ съ Франціей, убѣдила сына жениться на Бланкѣ, дочери герцога бурбонскаго; д'Альбукерке, замѣтивъ любовь короля къ Маріи де Падилья, дочери одного кастильскаго

гранда, свелъ его съ нею, разсчитывая утвердить чрезъ нее свое вліяніе. И тотъ, и другая ошиблись въ разсчетѣ; король смертельно возненавидѣлъ мать за устроенный ею союзъ съ французскою принцессою, а д'Альбукерке былъ вскорѣ оттѣсненъ роднею Падильи. Петръ только съ отвращеніемъ согласился жениться на Бланкѣ, когда эта принцесса прождала уже четыре мѣсяца въ Вальядолидѣ, тогдашней столицѣ Кастиліи; все это время онъ съ умысломъ оставался на югѣ королевства, и на другой же день брака, бросивъ жену, вернулся къ Падильѣ, а вскорѣ велѣлъ заключить Бланку въ темницу и держать ее тамъ подъ такимъ строгимъ надзоромъ, что даже мать его не имѣла къ ней доступа. Оскорбленная такимъ дурнымъ обращеніемъ, эта принцесса сдѣлалась центромъ всѣхъ послѣдующихъ волненій въ государствѣ. Прежде всего несчастіемъ ея воспользовался д'Альбукерке, для того чтобы вернуть свое прежнее вліяніе, отнятое у него роднею Падильи и въ особенности ея дядею, Фернандо де Гинестросою. Д'Альбукерке вступилъ въ заговоръ съ гроссмейстеромъ ордена Калатравы и многими другими грандами. Цѣлью заговорщиковъ было принудить короля возстановить жену его во всѣхъ ея правахъ; но замыселъ былъ открытъ и король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прижать кастильскую знать. Д'Альбукерке и гроссмейстеру удалось однако бѣжать заграницу, но Петръ вымѣстилъ свою злобу на невинныхъ вассалахъ перваго, а послѣдняго убѣдилъ хитростью вернуться въ Кастилію. Тогда онъ велѣлъ бросить его въ темницу и мучить до тѣхъ поръ, пока тотъ не согласился сложить съ себя званіе гроссмейстера. Капитулу ордена было приказано передать этотъ санъ брату королевской любовницы, Діэго де Падильѣ. Новый гроссмейстеръ сдѣлался правителемъ государства вмѣстѣ съ своимъ дядею Гинестросою. Другой братъ Маріи, не смотря на свое незаконное происхожденіе и на то, что онъ былъ уже женатъ, слѣдовательно, по каноническимъ законамъ, не могъ поступить въ орденъ, былъ избранъ по волѣ короля гроссмейстеромъ ордена св. Іакова, на мѣсто сына Элеоноры де Гусманъ, насильственно лишеннаго этого званія.

Для Петра не существовало ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ. Это особенно ясно выказалось въ новой страсти, вспыхнувшей въ сердцѣ короля, когда Падилья, почувствовавъ дѣйствительное или притворное раскаяніе, прервала сношенія съ королемъ и удалилась въ монастырь. Предметомъ этой новой страсти была Іоанна де Кастро, молодая вдова бискайскаго владѣтеля Діэго де Гаро. Она не согласилась вступить съ королемъ въ незаконную связь, и чтобы овладѣть ею, король предложилъ ей вступить въ формальное супружество, не смотря на то, что законная жена его Бланка была жива и что онъ, какъ самъ клятвенно увѣрялъ впослѣдствіи, былъ связанъ въ тайнѣ брачными узами съ Маріею де Падилья. Ослѣпленная Іоанна приняла это предложеніе, не пугаясь ни судьбы Бланки, ни характера короля. Онъ нашелъ двухъ епископовъ, которые, устрашенные ли его угрозами, или желая угодить ему, согласились объявить недѣйствительнымъ бракъ его съ Бланкой, а основываясь на этомъ, третье духовное лицо взялось обвѣнчать короля съ Іоанной. Узнавъ объ этомъ, папа Иннокентій VI послалъ королю и обоимъ епископамъ грозную буллу; но на Петра она произвела такое ничтожное дѣйствіе, что онъ тотчасъ же послѣ брака отказался отъ своей новой жены и вернулся къ Падильѣ, которая, повидимому, хотѣла только обмануть папу притворнымъ раскаяніемъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что король не задолго передъ тѣмъ еще возмутительнѣе обманулъ Иннокентія. Когда папа грозно потребовалъ, чтобы Петръ разорвалъ связь съ Падильей, король подговорилъ какого-то мароккскаго принца притвориться желающимъ обратиться въ христіанскую вѣру и отправить письмо къ папѣ, а самъ Петръ, ссылаясь на это, просилъ у папы субсидій и присылки ему знамени римской церкви для предпринимаемаго имъ большаго крестоваго похода съ цѣлью распространенія христіанской вѣры. Получивъ это лживое письмо, Иннокентій позабылъ вражду и не только Петру, но и плуту-мусульманину отвѣтилъ чрезвычайно ласковымъ образомъ, выказавъ при этомъ самую смѣшную радость. Разумѣется, обманъ вскорѣ открылся, и папа наложилъ на Петра интердиктъ; но сами кастильцы уже до того одичали и стали такими дурными христіанами, что Иннокентію пришлось дѣйствовать въ этомъ случаѣ чрезвычайно осмотрительно, чтобы не повредить окончательно церкви. Онъ уполномочилъ своего легата немедленно снять интердиктъ и даровать пол-

ное прощеніе, какъ только король и его любовница выкажутъ хотя наружное раскаяніе.

Но если папскій гнѣвъ не могъ болѣе устрашить безбожнаго тирана, за то его очень безпокоилъ новый заговоръ, возникшій въ государствѣ, послѣ того какъ онъ разошелся съ Іоанною де Кастро. Чтобы отмстить за безчестіе, нанесенное Іоаннѣ, и положить предѣлы необузданнымъ страстямъ короля, могущественныя фамиліи Гаро и Кастро вступили въ союзъ съ другими грандами и вернувшимся въ Кастилію д'Альбукерке. Во главѣ заговора стоялъ Генрихъ Трастамарскій. Къ этому союзу примкнули также такъ называемые свободные города Кастиліи, т. е. восемнадцать городовъ, пользовавшихся на собраніяхъ кортесовъ равными правами съ высшею аристократіею, а такъ какъ новая лига избрала своимъ знаменемъ дѣло Бланки, то къ ней примкнули и французскій король съ папою. Заговорщики требовали, съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы Петръ возстановилъ Бланку въ правахъ законной жены, а Падилью, со всею ея роднею, удалилъ отъ двора и всѣхъ должностей. Король гордо отвергнулъ эти требованія; но вскорѣ былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Бланка, содержавшаяся въ заключеніи въ Толедо, бѣжала изъ темницы въ одно священное убѣжище, гдѣ горожане приняли ее подъ свою защиту; двое инфантовъ, державшіе сторону короля, покинули его; вѣрный другъ его Гипестроса былъ взятъ въ плѣнъ, а наконецъ и самъ Петръ, запертый въ одномъ изъ городовъ, былъ вынужденъ отправиться въ Торо къ инсургентамъ и вступить съ ними въ переговоры. Заговорщики объявили его плѣнникомъ и гибель короля казалась неизбѣжною; но и на этотъ разъ онъ выпутался изъ бѣды съ помощью своихъ обыкновенныхъ средствъ: притворства, жестокости и вѣроломства. Согласившись на всѣ требованія противниковъ и успокоивъ ихъ этимъ, онъ, чтобы расположить къ себѣ народъ и разстроить союзъ, задобрилъ папу торжественными обѣщаніями. Разсчетъ его оказался вѣренъ; примѣру папы послѣдовала тетка Петра, Элеонора, вдовствовавшая королева арагонская, со своими сыновьями; собраніе кортесовъ было перенесено изъ Толедо въ Бургосъ, жители котораго ненавидѣли толедцевъ и были бы рады, если бы они почувствовали на себѣ гнѣвъ короля. Петръ еще до собранія кортесовъ успѣлъ во время охоты бѣжать отъ союзниковъ. Чтобы собрать солдатъ и приверженцевъ, королю необходимы были деньги, и онъ велѣлъ своему казначею, Симеону Леви, достать ихъ всѣми законными и незаконными средствами. Немногіе изъ заговорщиковъ рѣшились явиться въ собраніе кортесовъ; но тѣмъ въ большемъ числѣ пріѣхали туда приверженцы Петра, которые, взявъ съ него обѣщаніе возстановить Бланку въ ея правахъ, предоставили ему право собрать деньги и войска для усмиренія своихъ враговъ. Прежде всего Петръ направилъ свою месть на Толедо. Этотъ городъ не устоялъ передъ превосходными силами и былъ потопленъ въ крови. Несчастная Бланка была вырвана извергомъ изъ ея убѣжища, но, не осмѣлившись умертвить ее, послѣ только что даннаго въ Бургосѣ обѣщанія, онъ отправилъ ее въ Сигуенсу, гдѣ она оставалась нѣкоторое время въ заключеніи и потомъ была удушена въ темницѣ. Изъ Толедо, Петръ отправился къ Торо, гдѣ Генрихъ Трастамарскій собралъ главныя силы его противниковъ. Здѣсь король встрѣтилъ болѣе энергическое сопротивленіе; но одноко и этотъ городъ долженъ былъ сдаться послѣ осады (1356 г.), длившейся болѣе года. Генрихъ бѣжалъ со своими друзьями изъ Кастиліи, и тиранъ вскорѣ снова сдѣлался властелиномъ всего государства.

Кастильскій король былъ врагомъ Петра IV Арагонскаго, потому что поддерживалъ притязанія его побочнаго брата, Фердинанда; вслѣдствіе этой непріязни, Генрихъ Трастамарскій и партія недовольныхъ нашли убѣжище въ Арагоніи. Такъ какъ Петръ IV былъ въ то же время замѣшанъ въ сицилійскую войну и враждовалъ съ генуэзцами, то ему приходилось нѣсколько разъ просить перемирія, которымъ онъ каждый разъ пользовался для утвержденія рыцарской, военной власти. Наконецъ, одинъ случай, принятый кастильскимъ королемъ за личное оскорбленіе, вызвалъ рѣшительную войну. Французскій король, находясь въ войнѣ съ Англіею, выпросилъ у арагонскаго короля каталонскіе корабли и каталонскихъ моряковъ, которые считались самыми искусными въ Европѣ. Петръ IV послалъ къ нему небольшой флотъ, которому предстояло пройти чрезъ Гибралтарскій проливъ къ устью Сены. Арагонскій адмиралъ, встрѣтивъ дорогою, въ одномъ

изъ кастильскихъ флотовъ, два генуезскихъ купеческихъ корабля, объявилъ ихъ своею добычею, какъ суда враждебной націи. Это и еще нападеніе, сдѣланное тѣмъ же адмираломъ на сѣверный берегъ Испаніи, сильно оскорбили кастильскаго короля, который тотчасъ же наложилъ амбарго (запрещеніе) на всѣ находившіяся въ Кастиліи имущества арагонцевъ и каталонцевъ, потребовавъ, въ видѣ удовлетворенія, выдачи арагонскаго адмирала, и когда ему въ этомъ было отказано, началъ войну, продолжавшуюся съ небольшими промежутками нѣсколько лѣтъ. Въ продолженіе этой войны, главными событіями въ исторіи Кастиліи, Арагоніи и Португаліи были жестокости, совершаемыя тремя могущественными тиранами, царствовавшими въ этихъ государствахъ. Мы разскажемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы показать нагляднѣе характеръ той эпохи, тѣхъ націй и государей. Начнемъ съ Кастиліи.

Послѣ покоренія Торо, Петръ Жестокій воспользовался плѣномъ своего своднаго брата Хуана, чтобы завладѣть его женою, славившеюся красотой. Онъ послалъ сказать ей, что если она поспѣшитъ къ нему въ Севилью, то онъ освободитъ ея мужа, но въ то же время отправилъ гонца съ приказаніемъ умертвить Хуана и передать обманутой женѣ только трупъ его. Но та, предчувствуя намѣреніе короля, скрылась въ монастырѣ. Онъ не оставлялъ ее въ покоѣ и тамъ, и чтобы не сдѣлаться жертвой его сладострастія, она страшно обезобразила себя. Другаго своднаго брата своего, бывшаго гроссмейстера ордена св. Іакова, Петръ велѣлъ убить палками, обвинивъ его въ измѣнѣ, вмѣстѣ съ Хуаномъ Арагонскимъ, сыномъ бѣжавшей въ Кастилію мачихи Петра IV. Хуана Арагонскаго, также бѣжавшаго на родину, Петръ коварно заманилъ въ Кастилію и тамъ велѣлъ умертвить передъ своими глазами. Жену и мать его онъ заключилъ въ темницу и вскорѣ потомъ казнилъ. Трое другихъ сводныхъ братьевъ короля и старшій братъ умерщвленнаго Хуана бѣжали, съ толпою недовольныхъ, въ Арагонію. Собравъ тамъ войско, они ворвались въ Кастилію и разбили королевскія войска въ одномъ генеральномъ сраженіи. Въ числѣ убитыхъ остался Гинестроса, командовавшій войсками Петра (1359 г.). Король отмстилъ за это пораженіе смертью двухъ младшихъ сводныхъ братьевъ, которыхъ онъ уже давно держалъ въ заключеніи. Одному изъ нихъ было всего четырнадцать лѣтъ, другому восемнадцать. Несчастную Бланку онъ также велѣлъ умертвить въ 1361 г. За нѣсколько недѣль до того, Петръ казнилъ страшною казнью еврея Симеона Леви, который помогалъ ему выжимать изъ народа деньги. Прежде всего у Семеона Леви конфисковали пять милліоновъ піастровъ и множество драгоцѣнныхъ тканей и утвари, потомъ его предали жесточайшей пыткѣ, чтобы вынудить у него указаніе, гдѣ находились его остальныя сокровища; но онъ предпочелъ умереть подъ пыткою, чѣмъ дать эти свѣдѣнія. Гранадскаго владѣтеля Абу Саида, силою овладѣвшаго престоломъ и искавшаго у кастильцевъ защиты отъ своихъ подданныхъ, Петръ обманулъ торжественно заключеннымъ договоромъ. По приглашенію Петра, Абу Саидъ пріѣхалъ къ нему въ Севилью со своимъ дворомъ и взявъ съ собою свои несмѣтныя сокровища; вначалѣ, онъ нашелъ тамъ радушный и дружескій пріемъ, но вскорѣ былъ умерщвленъ по приговору королевскаго совѣта; Петръ собственноручно нанесъ ему первый ударъ копьемъ. Это убійство доставило вѣроломному тирану огромныя богатства, которыя онъ увеличилъ еще громадной суммою, взятою имъ съ законнаго гранадскаго владѣтеля, также бѣжавшаго въ Кастилію. Петръ помогъ ему снова овладѣть короною, заставивъ за это прислать вспомогательное войско для войны съ Арагоніею.

Всякій разъ, какъ этому варвару нужно было содѣйствіе папы, чтобы заключить перемиріе съ Арагоніею, онъ, при всѣхъ своихъ злодѣйствахъ и преступленіяхъ, прикидывался набожнымъ и покорнымъ сыномъ церкви, исполнялъ всѣ ея уставы и писалъ папѣ дружескія письма; но едва перевѣсъ оказывался на его сторонѣ, какъ онъ снова дѣлалъ, что хотѣлъ, смѣясь надъ папою и его интердиктомъ. Изъ этихъ событій мы видимъ, что даже тѣ изъ церковныхъ лѣтописцевъ, которые силятся доказать самымъ очевиднымъ образомъ посредствомъ историческихъ фактовъ волю судьбы, сильно затрудняются объяснить, почему судьба, по ихъ теоріи впослѣдствіи наказавшая тирана рукою его роднаго брата, попустила, чтобы онъ погубилъ столько невинныхъ жертвъ. Петръ совершалъ злодѣйства и надъ духовенствомъ. Одного монаха онъ велѣлъ сжечь живымъ, за

то, что тотъ возвѣстилъ ему явленіе св. Діонисія; а другаго духовнаго Петръ велѣлъ умертвить за столомъ у гроссмейстера ордена Калатравы. Онъ покушался также убить толедскаго архіепископа, высшее духовное лицо въ королевствѣ, и, когда тому удалось счастливо избѣгнуть этой опасности, Петръ не только добился его отрѣшенія, но и далъ ему преемника по своему выбору.

Въ Португаліи совершались въ это время такія же жестокости, какъ въ Кастиліи. Наслѣдникъ португальской короны, Петръ I, имѣлъ любовницею Инесу де Кастро, которая, вмѣстѣ съ братьями и пріѣхавшими съ нею кастильцами, овладѣла его исключительнымъ расположеніемъ. Въ 1345 г.. жена Петра, Констанса, скончалась, родивъ сына, впослѣдствіи короля Фердинанда, и послѣ ея смерти Инеса вступила во всѣ права умершей. Всѣ полагали, что Петръ былъ тайно обвѣнчанъ съ нею, но король Альфонсъ IV не хотѣлъ и слышать объ этомъ бракѣ. Инеса родила четверыхъ дѣтей, одного вскорѣ послѣ другаго. Опасаясь за участь государства и за права сына Констансы, король и его совѣтники рѣшились принять мѣры, грозившія опасностью жизни Инесы. Петръ укрылъ свою любовницу и ея дѣтей въ одномъ монастырѣ въ Коимбрѣ. Такое священное убѣжище защищало въ тѣ времена отъ преслѣдованій даже величайшихъ преступниковъ. Не смотря на то, король и его совѣтники рѣшились умертвить Инесу и положили сдѣлать это въ присутствіи самого короля, чтобы предохранить убійцъ отъ мести Петра. Пользуясь тѣмъ, что Петръ уѣхалъ на нѣсколько дней на охоту, Альфонсъ прибылъ въ Коимбру съ сообщниками и многочисленною свитою и отправился въ монастырь, гдѣ скрывалась Инеса. Потрясенный слезами несчастной женщины и видомъ своихъ внучатъ, онъ удалился изъ монастыря въ нерѣшимости и снова созвалъ свой совѣтъ. Совѣтники его, особенно Альваръ Нуньесъ, Педро Коэльо и Діего Пачеко, настояли на исполненіи задуманнаго убійства, и король приказалъ наконецъ умертвить Инесу. Трое названныхъ лицъ взялись собственноручно исполнить это возмутительное порученіе (1355 г.). Вѣсть объ убійствѣ жены повергла Петра въ безпредѣльную горесть, обратившуюся, съ теченіемъ времени, въ родъ помѣшательства. Онъ началъ открытую войну съ отцомъ; братья Инесы и друзья Петра оказали ему такую дѣятельную поддержку, что послѣ нѣсколькихъ недѣль войны Альфонсу пришлось искать примиренія съ сыномъ. Миръ былъ утвержденъ договоромъ въ Каванезесѣ, по которому отецъ допустилъ сына къ участію въ управленіи, а сынъ обязался отказаться отъ мести убійцамъ Инесы и всѣмъ друзьямъ и совѣтникамъ короля. Но Альфонсъ вскорѣ убѣдился, что горесть и необузданный характеръ Петра помѣшаютъ ему сдержать слово. Черезъ два года король, лежа на смертномъ одрѣ, посовѣтовалъ убійцамъ Инесы заблаговременно оставить страну, и они, слѣдуя его совѣту, поспѣшно бѣжали въ Кастилію.

Петръ I началъ царствованіе (1357—1367 г.) тѣмъ, что заключилъ союзъ съ кастильскимъ королемъ Петромъ Жестокимъ. Это было сдѣлано собственно противъ Арагоніи, съ которою оба эти государя находились во враждѣ; дѣйствительно, Петръ послалъ своему союзнику флотъ для войны съ арагонцами. Тѣсный союзъ съ Португаліею подалъ жестокому кастильскому королю (1360 г.) мысль удовлетворить кровожадности и мстительности португальскаго короля съ тѣмъ, чтобы онъ, съ своей стороны, оказалъ ему такую же услугу. Петръ Жестокій предложилъ выдать трехъ убійцъ Инесы, которые, не смотря на союзный договоръ, продолжали скрываться въ Кастиліи; за это кастильскій король потребовалъ выдачи трехъ кастильскихъ грандовъ, бѣжавшихъ въ Португалію. Петръ Португальскій согласился на сдѣлку, и выданные кастильцы были казнены въ Севильѣ; что касается убійцъ Инесы, то изъ нихъ только двое попались въ руки португальскаго короля; третьему, Пачеко, удалось бѣжать съ помощью одного нищаго, которому онъ часто подавалъ милостыню. Пачеко, переодѣтый, бѣжалъ во Францію, гдѣ его принялъ въ свою свиту Генрихъ Трастамарскій. Впослѣдствіи, португальскій король призналъ его невиннымъ и возвратилъ ему, при своей смерти, конфискованныя владѣнія. Съ двумя другими убійцами Петръ поступилъ ужаснымъ образомъ. Онъ велѣлъ замучить ихъ съ утонченнымъ варварствомъ и, находя, что палачи не довольно жестоки, собственноручно помогалъ имъ истязать одну изъ жертвъ. Отмстивъ такимъ образомъ убійцамъ жены, онъ рѣшился почтить ея память въ ея дѣтяхъ, и прясягнулъ вмѣстѣ съ нѣсколькими графами и

однимъ епископомъ въ томъ, что Инеса была его законною женою; эта клятва и свидѣтельства были обнародованы на общемъ собраніи кортесовъ (1360 г.) и въ то же время дѣти Инесы были объявлены законными инфантами. Послѣ этого, Петръ устроилъ въ честь Инесы возмутительное торжество, на которомъ всѣ ея враги и гонители должны были испытать самыя оскорбительныя униженія. Тѣло Инесы было вынуто изъ гроба, облечено въ пышныя одежды, увѣнчано короною и посажено на тронъ. Знатнѣйшіе гранды королевства должны были, по свидѣтельству многихъ, цѣловать холодную руку и край одежды покойницы. Вслѣдъ затѣмъ, тѣло было перенесено, съ большою пышностью и торжествомъ, изъ Коимбры въ монастырь Аліобала, гдѣ покоились предки Петра. Вся дорога до монастыря была обставлена двумя рядами факельщиковъ, за погребальною колесницею шелъ безконечный рядъ знатнѣйшихъ придворныхъ и дамъ, такъ что вся португальская нація была нѣкоторымъ образомъ свидѣтельницею и участницею въ почестяхъ, возданныхъ убитой. Петръ поставилъ на ея могилѣ роскошный памятникъ изъ мрамора. Съ той поры жизнь короля сдѣлалась безпрерывнымъ рядомъ дикихъ и буйныхъ удовольствій, пышныхъ пировъ, безумной роскоши, наглаго насилія и неслыханныхъ злодѣйствъ.

Торжественность, съ которою португальскій король узаконилъ свой союзъ съ Инесою и дѣтей ея, навела, повидимому, и кастильскаго короля на мысль объявить умершую въ 1361 г. Марію де Падилья своею законною женою, а дѣтей ея законнорожденными инфантами. По крайней мѣрѣ, въ 1362 г. въ Кастиліи произошло совершенно то же самое, что и въ Португаліи. Петръ Жестокій публично и торжественно объявилъ, что онъ былъ обвѣнчанъ съ Падиліею до брака съ Бланкою, и это объявленіе было подтверждено, подъ присягою, многими епископами и другими мнимыми свидѣтелями брака. Вслѣдъ затѣмъ Петръ представилъ сына Падильи кортесамъ, которые не только признали его законнорожденнымъ инфантомъ и наслѣдникомъ престола, но и положили, что въ случаѣ, еслибы онъ умеръ прежде отца, право наслѣдія должно было перейти къ дочерямъ Падильи. Потомъ Петръ велѣлъ вынуть изъ могилы тѣло Падильи и перенести его въ Астудилью, гдѣ надъ нимъ соорудили часовню. Но сынъ Падильи, объявленный наслѣдникомъ престола, умеръ черезъ годъ, и горесть Петра, послѣ этой потери, имѣла тотъ же характеръ страстности, какъ и его неистовая жестокость. Іезуитскій историкъ Маріана не стыдится называть этого безчеловѣчнаго тирана набожнымъ и богобоязненнымъ, за то что онъ завѣщалъ положить себя, по смерти, въ монашеской одеждѣ, подлѣ жены и дѣтей; надо имѣть слѣпое суевѣріе того вѣка, чтобы согласиться съ этимъ, потому что всѣми нашими помыслами должна руководить религія, достойная этого названія, а ряса и лобызанія креста ни мало не возвышаютъ разбойника, убійцу, клятвопреступника и тирана. По смерти инфанта, Петръ убѣдилъ кортесы объявить наслѣдницею престола старшую дочь Падильи, Беатрису. Во время новаго перемирія съ Арагоніею, эта инфанта была помолвлена за наслѣдника арагонской короны, а самъ Петръ посватался на арагонской принцессѣ, съ тѣмъ чтобы отнятые имъ у Арагоніи города были отданы за нею въ приданое (1363 г.).

Но оба эти плана остались неосуществленными и самый миръ съ Арагоніею былъ вскорѣ нарушенъ; только одно тайное условіе договора было выполнено хотя на половину. Оно состояло въ томъ, чтобы Петръ IV Арагонскій обязался отправить на тотъ свѣтъ своего своднаго брата Фердинанда, единственнаго остававшагося въ живыхъ сына кастильской принцессы Элеоноры, и Генриха Трастамарскаго, который не задолго до того вернулся въ Арагонію и принималъ участіе въ войнѣ. Первый былъ наиболѣе опасенъ для Петра Жестокаго, такъ какъ всѣ недовольные, внутри и внѣ Кастиліи, видѣли въ принцѣ единственнаго законнаго наслѣдника кастильской короны, котораго можно было противопоставить дѣтямъ Падильи. Фердинандъ былъ, въ то же время, ненавистенъ и своему брату, арагонскому королю, постепенно измѣняя то ему, для Петра Жестокаго, то Петру Жестокому, для него. Обстоятельства смерти этого принца вполнѣ обнаруживаютъ восточный характеръ людей, страны и климата, о которыхъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе, что самый способъ убійства былъ обсужденъ и рѣшенъ въ совѣтѣ министровъ арагонскаго короля. Въ убійствѣ принимали личное участіе не только графъ де Кабрера, первый вельможа государства, пользовавшійся долгое время

довѣріемъ короля, а потомъ самъ безчеловѣчно казненный, но и Генрихъ Трастамарскій, для котораго гибель Фердинанда была средствомъ къ возвышенію. По смерти Фердинанда, всѣ враги Петра Жестокаго должны были пристать къ Генриху Трастамарскому, какъ-къ претенденту. Арагонскій король дружески пригласилъ къ себѣ брата и принялъ его съ родственнымъ радушіемъ; но едва тотъ удалился въ отведенный ему покой, какъ къ нему посланъ былъ королевскій служитель арестовать его. Фердинандъ сталъ сопротивляться, ссылаясь на арагонскіе законы, но тогда явился вооруженный отрядъ, подъ начальствомъ Генриха Трастамарскаго. Инфантъ и друзья его храбо защищались, но наконецъ пали отъ рукъ убійцъ. Это братоубійство сдѣлало арагонскаго короля столь же ненавистнымъ его подданнымъ, какъ давно уже были ненавистны короли кастильскій и португальскій въ Кастиліи и Португаліи. Вслѣдъ затѣмъ Петръ Арагонскій и его союзникъ, наваррскій король Карлъ Злой, задумали умертвить и графа трастамарскаго, потому что Петръ Жестокій обѣщалъ, на этомъ условіи, возвратить Арагоніи всѣ отнятые у нея города. Петръ IV предполагалъ выполнить этотъ планъ во время пребыванія Генриха въ замкѣ дона Хуана Рамиреса; но при Генрихѣ было восемьсотъ человѣкъ кастильцевъ; и Хуанъ Рамиресъ принадлежалъ къ числу такихъ личностей, для которыхъ честь дороже денегъ и королевскихъ милостей. Вскорѣ послѣ того, общность интересовъ снова привела Генриха Трастамарскаго къ союзу съ двумя вѣроломными королями; но, согласившись на свиданіе съ ними, онъ принялъ всевозможныя предосторожности: онъ заставилъ Петра Арагонскаго дать ему священнѣйшія клятвы, потребовалъ у него заложовъ и заложниковъ, въ томъ числѣ даже его роднаго сына, а на личное совѣщаніе съ Карломъ Злымъ Генрихъ согласился не прежде, какъ взявъ самыя священныя клятвы и ручательства въ своей безопасности не только съ него самого, но и со всѣхъ значительныхъ лицъ его государства.

Цѣлью новаго союза двухъ королей съ Генрихомъ былъ раздѣлъ Кастиліи. Умнѣйшій государственный человѣкъ Арагоніи, графъ де Кабрера, находилъ этотъ планъ нелѣпымъ, но за него особенно горячо ухватилась арагонская королева, соединившаяся съ Карломъ Злымъ, Генрихомъ Трастамарскихъ и графомъ де Рибагорсою для низверженія Кабреры. Кабрера, не взирая на то, что онъ былъ воспитателемъ короля и спасъ его, во время лиги, отъ большой опасности, былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, подвергнутъ жестокой пыткѣ, и не допущенный къ оправданію, казненъ по гласному приговору самого короля. Но противники его долго не могли выполнить задуманнаго ими плана относительно Кастиліи и рѣшились наконецъ употребить для этой цѣли такъ называемыя компаніи или дружины авантюристовъ, которыя наводняли тогда Францію и Италію, занимаясь войною какъ ремесломъ. Это были воины храбрые, опытные, закаленные въ войнѣ, но одичалые отъ убійствъ и грабежа и не боявшіеся ни людей, ни Бога (стр. 301). Вожди ихъ, Бертранъ Дюгекленъ и маршалъ де Бусико до сихъ поръ пользуются у французовъ громкою славою. Это войско состояло изъ французскаго рыцарства, изъ нѣмецкихъ, брабантскихъ, фландрскихъ и другихъ солдатъ, обогатившихся въ итальянской службѣ, изъ англійскихъ и французскихъ наемниковъ, распущенныхъ послѣ мира въ Бретиньи. Нѣкоторыя изъ этихъ шаекъ находились, въ 1364 г., на службѣ у французскаго короля Карла V, воевали подъ предводительствомъ Бертрана Дюгеклена противъ наваррскаго короля и отняли у него значительную часть его владѣній. Потомъ эти авантюристы были отправлены въ Бретань, для того чтобы поддерживать тамъ французскаго принца, Карла де Блуа, противъ Жана де Монфора. Но на помощь къ Монфору подоспѣлъ знаменитый англійскій полководецъ, Джонъ Чандосъ, съ гасконскими и англійскими авантюристами, и разбилъ на голову наемныя дружины французскаго короля. На полѣ битвы остался самъ Карлъ де Блуа и цвѣтъ преданнаго ему и французскому королю нормандскаго и бретанскаго рыцарства, а Дюгекленъ попался въ плѣнъ. Это пораженіе повело къ миру между Наваррою и Франціею. Наемники Карла V, который болѣе не нуждался въ нихъ, перешли къ наваррскому королю и его союзникамъ, Петру Арагонскому и Генриху Трастамарскому, составившимъ планъ завоевать Кастилію. Они рѣшились выкупить изъ плѣна Дюгеклена, чтобы послать его съ этими дружинами въ Испанію. Джонъ Чандосъ потребовалъ за него весьма значительный выкупъ, двѣ трети котораго

уплатили французскій король и Генрихъ Трастамарскій, а остальные внесъ папа Урбанъ V, усердно содѣйствовавшій этому предпріятію, считая его чѣмъ-то въ родѣ крестоваго похода противъ Петра Жестокаго. Хищные наемники со всѣхъ сторонъ собрались въ Италію, привлеченные именемъ Дюгеклена, подъ начальствомъ котораго они были увѣрены въ побѣдѣ, и огромными суммами денегъ, выданными ему французскимъ королемъ, чтобы только удалить ихъ изъ Франціи; къ нимъ присоединились подъ предводительствомъ Джена Каверлея даже многіе изъ ратныхъ товарищей Чернаго Принца и Джона Чандоса, привлеченные предстоявшими подвигами, славою и добычею. По дорогѣ въ Испанію, Бертранъ провелъ свои дикія орды чрезъ Авиньонъ и другія мѣстности южной Франціи, чтобы доставить имъ случай поживиться на счетъ тамошняго населенія и папы. Вмѣсто потребованной ими огромной суммы денегъ, Урбанъ V предложилъ имъ разрѣшеніе церкви грабить, жечь и убивать; но хищники насмѣшливо отвѣтили ему, что безъ его разрѣшенія они обойдутся, а безъ денегъ—никакъ. Папа былъ вынужденъ уплатить имъ двѣсти тысячъ золотыхъ флориновъ и вознаградилъ себя за этотъ убытокъ налогомъ на французское духовенство. Изъ Авиньона хищная толпа, къ которой пристало въ Тулузѣ множество знатныхъ и храбрыхъ рыцарей, направилась, съ огнемъ и мечомъ, чрезъ Лангедокъ и Руссильонъ въ Каталонію. По прибытіи туда Дюгекленъ имѣлъ уже отъ десяти до двѣнадцати тысячъ искусныхъ солдатъ. Толпа эта обозначала свой путь пожарами и убійствами, не смотря на то, что они лежалъ чрезъ земли ихъ же союзниковъ.

Когда Генрихъ Трастамарскій, принявшій титулъ кастильскаго короля, явился въ Кастилію, народъ сталъ сбѣгаться къ нему со всѣхъ сторонъ: такъ велика была ненависть къ его брату. Не смотря на это, Петръ могъ бы удержаться на престолѣ, если бы не былъ ослѣпленъ своимъ прежнимъ счастьемъ. Ему совѣтовали обѣщать непріятельскому войску еще болѣе денегъ, чѣмъ могли дать Генрихъ и Петръ Арагонскій, но кастильскій король поскупился, хотя завоеванія, сдѣланныя имъ въ Арагоніи, могли бы вполнѣ вознаградить его за эту сумму. Эти завоеванія были отняты у него безъ боя; вся Кастилія встрѣтила Генриха какъ законнаго государя, и города, опираясь на принадлежавшее имъ еще со временъ вестготовъ право избирать королей, выбрали его на мѣсто Петра, который былъ принужденъ бѣжать сначала въ Португалію, куда его не приняли, а потомъ въ Галлицію (1366 г.). Вначалѣ, дворянство этой провинціи изъявило готовность вступиться за Петра, но когда онъ велѣлъ умертвить галлиційскаго архіепископа и его декановъ, чтобы овладѣть ихъ сокровищами, его прогнали и изъ Галлиціи. Петръ бѣжалъ тогда моремъ въ Гіеннь къ Черному Принцу. Его сопровождали братья Инесы де Кастро, единственные изъ кастильскихъ грандовъ, оставшіеся ему вѣрными. Онъ могъ захватить съ собою самую незначительную часть своихъ несмѣтныхъ сокровищъ; остальное онъ припряталъ въ Кастиліи, или перенесъ на корабли, которые передались потомъ его сводному брату.

Въ Гіенни Петръ нашелъ помощь и защиту, потому что уже давно былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ англичанами; Эдуардъ III заключилъ съ нимъ, съ 1362 г., три договора, по которымъ призналъ Петра законнымъ королемъ Кастиліи и обѣщалъ ему помощь. На основаніи договоровъ сынъ Эдуарда, Черный Принцъ, угрозами удерживалъ гасконскихъ и англійскихъ вассаловъ отъ присоединенія къ войску Бертрана и графа Трастамарскаго, обѣщалъ помочь изгнанному королю и для этой цѣли вызвалъ изъ Кастиліи всѣхъ своихъ солдатъ, послѣдовавшихъ за Бертраномъ. Они охотно послушались его, предвидя, что возстановленіе тирана доставитъ имъ еще болѣе военной славы и денегъ, чѣмъ его низверженіе. Петръ обѣщалъ Черному Принцу за его помощь пятьсотъ тысячъ флориновъ, всю Бискаію и нѣсколько другихъ провинцій, и англійскій принцъ заключилъ съ нимъ договоръ, забывъ, что Петръ никогда не держалъ своего слова. Петръ обѣщалъ также огромное жалованье всѣмъ рыцарямъ, баронамъ и наемникамъ, собравшимся подъ знамена Чернаго Принца. Но на вѣрность уплаты нельзя было разсчитывать, потому что Петръ, раздавъ, еще до начала кампаніи, всѣ наличныя деньги, долженъ былъ занять небольшую сумму у самого Чернаго Принца. Наваррскій король Карлъ Злой также вступилъ въ союзъ съ Петромъ, покинувъ Генриха и Арагонію; но и въ этомъ случаѣ онъ выказалъ себя на столько же низкимъ и коварнымъ, на сколько Черный Принцъ былъ всегда благо-

роденъ и рыцарски великодушенъ. Карлъ потребовалъ огромныя деньги и нѣсколько бискайскихъ городовъ за свою вооруженную помощь и за дозволеніе англійскому войску пройти черезъ его владѣнія; въ то же время онъ началъ переговоры и съ Генрихомъ Трастамарскимъ, обязываясь, за деньги и за уступку нѣсколькихъ пограничныхъ городовъ, преградить англійскому войску проходъ черезъ его землю. Когда пришлось потомъ выполнять обѣщанія, Карлъ вывернулся изъ затрудненія посредствомъ новой низости. Въ этомъ дѣлѣ согласился служить ему орудіемъ двоюродный братъ Дюгеклена, Оливье де Манни, считавшійся образцомъ тогдашняго рыцарства. Оливье долженъ былъ схватить и задержать наваррскаго короля, чтобы тотъ, какъ плѣнникъ, могъ не брать на себя никакой отвѣтственности, а потомъ объявить себя въ пользу того или другаго изъ враговъ, смотря по обороту, какой приметъ война.

Войско, выступившее въ 1366 г. подъ предводительствомъ Чернаго Принца въ походъ противъ Кастиліи, чрезъ Ронсевальское дефиле, соединяло въ себѣ все, что славилось, въ четырнадцатомъ столѣтіи, храбростью, опытностью въ военномъ дѣлѣ и искусствомъ въ стратегіи. Это былъ цвѣтъ гіеннскаго и гасконскаго дворянства, храбрые воины Бретани и лучшее рыцарство Англіи, подъ предводительствомъ герцога ланкастерскаго, брата Чернаго Принца. Генрихъ Трастамарскій могъ выставить противъ нихъ только двѣнадцать тысячъ ратниковъ изъ его приверженцевъ кастильцевъ, арагонцевъ графа де Рибагорсы и остатковъ дружинъ Дюгеклена. Изъ числа послѣднихъ, въ Кастиліи остались одни французы; остальные же были распущены по изгнаніи Петра, или удалились добровольно, по грозному призыву Чернаго Принца, и присоединились къ англійскому войску для изгнанія того самого государя, котораго они, за полгода до того, возвели на престолъ. На обратномъ пути изъ Испаніи, они начали на французской территоріи формальную войну съ герцогомъ анжуйскимъ, запретившимъ имъ проходъ чрезъ свои владѣнія. Въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычкахъ герцогъ потерялъ плѣнными столькихъ изъ своихъ людей, что выкупъ за нихъ составилъ невѣроятную сумму. Но многіе изъ плѣнныхъ рыцарей, отпущенные на честное слово подъ условіемъ уплаты выкупа, были разрѣшены отъ этой клятвы папою и не заплатили ни копѣйки.

Въ войнѣ Генриха съ Чернымъ Принцемъ, Бертранъ Дюгекленъ доказалъ, что онъ былъ не только рубакою, какъ большинство его современниковъ, но искуснымъ полководцемъ. Онъ энергически настаивалъ, чтобы Генрихъ избѣгалъ сраженія, потому что непріятельское войско должно было разстроиться само собою, вслѣдствіе недостатка денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Но это казалось постыднымъ рыцарской душѣ Генриха и, когда Черный Принцъ перешелъ Эбро, Генрихъ расположился лагеремъ противъ непріятельскаго войска, при Нарехѣ, близъ Витторіи и Наварете. Здѣсь 3 апрѣля 1367 г. произошло рѣшительное сраженіе, передъ которымъ Генрихъ и Черный Принцъ обмѣнялись письмами, форма и содержаніе которыхъ даютъ намъ весьма выгодное понятіе о рыцарскихъ тонѣ, манерахъ и утонченной вѣжливости, господствовавшихъ въ Гіенни. Генрихъ проигралъ это сраженіе по винѣ своего брата дона Тельо, который посовѣтовалъ ему вступить въ битву; войско его было истреблено, разсѣяно или взято въ плѣнъ. Генрихъ самъ попался бы въ руки враговъ, благодаря тяжелой рыцарской сбруѣ своего боеваго коня, если бы кто-то изъ его свиты не пожертвовалъ собою, уступивъ ему лошадь. Генрихъ бѣжалъ во Францію; братъ его донъ Санчо, графъ де Рибагорса и Бертранъ Дюгекленъ были взяты въ плѣнъ. Петръ Жестокій выказалъ уже на самомъ полѣ битвы свои прежнія свойства, стараясь завладѣть плѣнными кастильцами, чтобы перерѣзать ихъ, но вначалѣ еще нѣсколько обуздывалъ себя, исполняя требованіе Чернаго Принца не казнить никого безъ суда. Петръ дѣлалъ затрудненія и относительно выполненія другихъ условій. Такъ, когда у него потребовали расплаты, онъ отозвался невозможностью выполнить это требованіе немедленно, и Черному Принцу пришлось истощить свою казну и обременить себя долгами для того, чтобы сдержать свое слово навербованнымъ имъ рыцарямъ. Петръ, правда, сдѣлалъ необходимыя распоряженія для передачи Англіи Бискаіи; но, исполняя это, былъ вполнѣ увѣренъ, что бискайцы никогда не подчинятся англичанамъ. Черный Принцъ, видя, что ему едва ли удастся достигнуть своей цѣли, вступилъ въ переговоры съ Арагоніею; въ договоръ, со-

стоявшійся между ними, былъ включенъ впослѣдствіи и Петръ Жестокій. Арагонскій король обязался пропустить чрезъ свои земли возвращавшееся англійское войско и не пропускать чрезъ Арагонію и Каталонію Генриха Трастамарскаго, если бы онъ предпринялъ новое нападеніе на Кастилію. Однако пятая часть англійскаго войска не выдержала испанскаго климата и непривычнаго для него образа жизни; Черный Принцъ самъ заболѣлъ такъ опасно, что никогда уже не могъ совершенно поправиться.

Кастильцы снова признали королемъ Петра Жестокаго, который однако не сдѣлался лучше послѣ даннаго ему урока, хотя и не могъ уже болѣе разсчитывать на помощь оскорбленнаго имъ Чернаго Принца и на обманутыя чужеземныя дружины. Онъ снова принялся угнетать подданныхъ и вскорѣ довелъ ихъ до такого раздраженія, что отъ него стали отпадать не только города, но и цѣлыя провинціи. Это дало возможность Генриху Трастамарскому, не далѣе какъ чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ битвы при Нарехѣ, сдѣлать новое нападеніе на Петра. Втайнѣ поддерживаемый французскимъ королемъ, Генрихъ въ сентябрѣ снова вступилъ на испанскую территорію, безпрепятственно прошелъ чрезъ арагонскія долины и ущелья и встрѣтилъ повсюду такой успѣхъ, что прежде чѣмъ Петръ получилъ въ Севильѣ извѣстіе о его приближеніи, онъ уже овладѣлъ городомъ Бургосомъ съ его замкомъ. Но часть страны оставалась еще покорной Петру, и такъ какъ обѣ партіи сражались съ большимъ ожесточеніемъ, то участь страны оставалась нерѣшенною въ продолженіе полутора года. У обѣихъ партій были свои укрѣпленные пункты, о которыхъ разбивались силы противника. Къ концу кампаніи, къ войску графа трастамарскаго присоединился и Дюгекленъ, съ пятью тысячами авантюристовъ. Какъ плѣнникъ Чернаго Принца, Дюгекленъ былъ отправленъ въ Гіеннь, но впослѣдствіи получилъ свободу. Обстоятельства его освобожденія представляютъ намъ въ полномъ блескѣ рыцарскія чувства и храбрость Чернаго Принца. Въ ту пору Англіи снова грозила война съ Франціей, и такъ какъ англичане отвергали до того времени выкупъ, предлагаемый имъ за Бертрана, то разнесся слухъ, что они поступаютъ такимъ образомъ изъ страха. Чтобы доказать, что онъ не боится никого въ мірѣ, Черный Принцъ немедленно освободилъ его. При этомъ случаѣ, Бертранъ не уступилъ противнику въ хвастовствѣ и гордости, свойственныхъ жителямъ береговъ Гаронны: принцъ предложилъ ему самому назначить за себя выкупъ, и Бертранъ, чтобы перещеголять его въ гордости и великодушіи, назначилъ огромную сумму во сто тысячъ ливровъ, которую ссудили ему друзья его въ Бретани, вознагражденные потомъ французскимъ королемъ Карломъ V. Тотчасъ послѣ освобожденія, Бертранъ вступилъ въ службу къ герцогу анжуйскому Людовику и отправился въ Провансъ, для того чтобы отнять эту провинцію у неаполитанской королевы Іоанны. Но предпріятіе не удалось и было вскорѣ пріостановлено. Это случилось въ то самое время, когда Генрихъ Трастамарскій нуждался въ помощи Дюгеклена. Герцогъ анжуйскій заплатилъ авантюристамъ, чтобы удалить ихъ изъ Лангедока, и они отправились въ Кастилію, куда прибыли именно въ то время, когда Петръ намѣревался дать брату рѣшительное сраженіе.

Генрихъ Трастамарскій долго осаждалъ Толедо и довелъ наконецъ этотъ городъ до такой крайности, что онъ былъ вынужденъ сдаться зимою 1369 г. Въ то же время наваррскій король взялъ нѣсколько городовъ на верхнемъ Эбро, а братъ Генриха, донъ Тельо, угрожалъ Бискаіи. Петру оставалось прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. Считая спасеніе Толедо вопросомъ чести и въ то же время понимая, что этотъ городъ составляетъ ключъ къ Кастиліи, онъ рѣшился, не смотря на малочисленность войска, помѣряться съ соперникомъ въ открытомъ полѣ. Это ускорило окончаніе войны. Скрывъ въ укрѣпленномъ замкѣ все, что ему было дорого и мило, онъ подступилъ къ Толедо. Генрихъ выступилъ къ нему на встрѣчу, оставивъ передъ городомъ только незначительную часть войска, и братья встрѣтились, со своими весьма неровными силами, близъ Монтіеля (мартъ 1369 г.). Не смотря на личное мужество Петра Кастильскаго, войско его было разбито на голову и разсѣяно. Самъ онъ скрылся въ одномъ отдаленномъ замкѣ, который былъ плохо укрѣпленъ и защищаемъ. Чтобы запереть его совершенно, Генрихъ велѣлъ вывести вокругъ замка стѣну, но Петръ вступилъ въ переговоры съ Дюгекленомъ, въ намѣреніи подкупить его самого и другихъ пред-

водителей наемниковъ, какъ подкупали тогда каждый день ихъ товарищей, итальянскихъ кондоттьеровъ. Генрихъ воспользовался этою попыткою, чтобы овладѣть братомъ, вовсе не думая тогда убить его. Бертранъ сдѣлалъ видъ, что сдается на предложеніе, и потребовалъ, чтобы Петръ ночью, тайно явился къ нему въ палатку для переговоровъ. Обманутый тиранъ явился; Бертранъ хотя и не нарушилъ даннаго слова, но призвалъ Генриха, и тотъ нанесъ брату ударъ кинжаломъ въ лицо. Петръ бросился на него и повалилъ его на землю. До сихъ поръ свидѣтельства объ этомъ возмутительномъ дѣлѣ согласны между собою, но окончаніе его разсказывается различно. Одни говорятъ, что Бертранъ помогъ Генриху подняться и тотъ пронзилъ тогда брата кинжаломъ; другіе утверждаютъ, что ударилъ Петра виконтъ де Роккаберти, чтобы спасти Генриха, и тогда уже графъ трастамарскій нанесъ послѣдній ударъ брату (23 марта 1369 г.). По смерти Петра, Генрихъ немедленно былъ признанъ королемъ подъ именемъ Генриха II и постарался своимъ мудрымъ правленіемъ смыть воспоминаніе о прошлой тираніи и о своемъ братоубійствѣ.

Пока въ Кастиліи шла война между братьями, въ Португаліи умеръ король Петръ I. Португальцы и даже одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей называютъ благотворною строгостью позорное звѣрство этого государя. Преемникомъ его былъ Фердинандъ, единственный сынъ его отъ законнаго брака. Фердинандъ нашелъ Португалію въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, выражавшемся въ блескѣ двора, торговлѣ, промышлености, искусствахъ и земледѣліи, съ какимъ не могла сравниться тогда ни одна изъ европейскихъ странъ. Въ одной лиссабонской башнѣ хранилось восемьсотъ тысячъ червонцевъ и четыреста тысячъ серебряныхъ марокъ, кромѣ другихъ монетъ и драгоцѣнностей. Въ лиссабонскомъ портѣ нерѣдко бывало до четырехъ сотъ пятидесяти купеческихъ судовъ, и однажды осенью было нагружено на корабли двѣнадцать тысячъ бочекъ вина. Фердинандъ царствовалъ не долго (до 1383 г.), и послѣ него португальская корона, такъ же какъ и кастильская, была возложена на потомство королей отъ незаконныхъ браковъ. Исторія царствованія Фердинанда и его преемниковъ, такъ же какъ и кастильскаго короля Генриха II, тѣсно связана съ исторіею Англіи при Ричардѣ II, и потому мы вернемся къ нимъ впослѣдствіи, а теперь укажемъ только на нить, связывавшую Кастилію съ Англіею. Старшая изъ дочерей Петра Жестокаго отъ Маріи де Падильи, Беатриса, умерла вскорѣ послѣ того, какъ разстроился предположенный бракъ ея съ наслѣдникомъ Арагоніи. Двѣ другія, Констанса и Изабелла, были взяты отцомъ въ Гіеннь и оставлены тамъ заложницами, когда онъ вернулся въ Кастилію, не расплатившись съ Чернымъ Принцемъ. Ихъ отправили потомъ въ Англію и тамъ, старшая изъ нихъ, Констанса, вышла замужъ за брата Чернаго Принца, Іоанна Ланкастерскаго, а младшая, Изабелла, за другаго брата, Эдмунда, герцога іоркскаго. Оба принца получили за женами право на кастильскій престолъ, который, за недостаткомъ законныхъ наслѣдниковъ мужскаго пола, долженъ былъ перейти въ женскую линію.

V. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIV ВѢКА.

1. Карлъ V Французскій и Эдуардъ III Англійскій.

Миръ въ Бретиньи (стр. 342) прервалъ только на нѣкоторое время войну между Англіею и Франціею, и даже въ этотъ короткій періодъ времени, такъ называемыя дружины, нормандскіе рыцари и промышлявшіе войною бретанскіе и лангедокскіе бароны продолжали набѣги на чужія земли. Война между Англіею и Франціею возобновилась вслѣдствіе похода въ Кастилію, предпринятаго Чернымъ Принцемъ для возстановленія Петра Жестокаго. Этотъ походъ заставилъ принца войти въ издержки, далеко превосходившія его средства; Петръ не заплатилъ рыцарямъ за оказанную ему помощь, и принцъ, какъ всегда, честный и великодушный, уплатилъ все, пожертвовавъ для этого даже своею серебряной посудой. Онъ былъ вынужденъ при этомъ установить нѣкоторые налоги, сдѣлавшіеся поводомъ къ новой войнѣ съ Франціею, а именно, наложилъ тяжкую подать на англо-французскія владѣнія, предоставленныя ему почти въ полновластное распоряженіе его отцомъ, Эдуардомъ III. Гасконскіе вассалы возстали противъ этого налога; но такъ какъ принцъ настаивалъ на немъ, то они обратились къ защитѣ своего бывшаго государя, французскаго короля. Извиненіе этому поступку они нашли въ томъ, что Эдуардъ, при своемъ формальномъ отреченіи отъ французскаго престола, не сообразовался съ однимъ изъ пунктовъ договора, заключеннаго въ Бретиньи. Они вывели изъ этого, что верховная власть надъ ними французскаго короля не прекратилась, потому что уничтоженіе ея было связано съ условленнымъ церемоніяломъ отреченія англійскаго короля. Впрочемъ французское населеніе англійскихъ владѣній было вызвано къ этому шагу не одною обременительностью налоговъ, а уже съ самаго начала было раздражено противъ англичанъ, которые и тогда отличались рѣзкостью и высокомѣріемъ, дѣлавшими ихъ недоступными ни для кого, кромѣ извѣстнаго сословія. Гасконскіе бароны и рыцари подали жалобу на Чернаго Принца французскому парламенту, какъ высшему судебному мѣсту во Франціи (іюнь 1368 г.). Французскій король Карлъ V поступилъ въ этомъ случаѣ со свойственнымъ ему осмотрительнымъ коварствомъ, которое называли въ немъ мудростью. Онъ дѣлалъ нѣкоторое время видъ, что не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло, стараясь между тѣмъ всѣми средствами возбуждать патріотическое чувство французовъ; потомъ заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Генрихомъ Трастамарскимъ, который велъ въ ту пору свою послѣднюю войну съ Петромъ Жестокимъ, наконецъ велѣлъ произвести, какъ будто сообразно съ законами, гнусное изслѣдованіе его обязательствъ относительно Англіи, и въ октябрѣ 1368 г. формально потребовалъ Чернаго Принца къ своему суду. Принцъ отвѣтилъ послу его, что онъ явится, но съ войскомъ. Съ этой минуты непріязненныя дѣйствія между Англіею и Франціею возобновились, но нѣкоторое время ограничивались вызовами и мелкими стычками между вассалами. Формальное объявленіе войны послѣдовало со

стороны Карла только въ половинѣ слѣдующаго года (1369). Эдуардъ снова принялъ титулъ французскаго короля, а судъ французскихъ пэровъ объявилъ его вмѣстѣ съ сыномъ лишенными права на французскіе лены.

Въ первомъ году война имѣла характеръ частной феодальной распри; обѣ стороны опустошали непріятельскія провинціи огнемъ и мечомъ, забирая въ плѣнъ тѣхъ, кто могъ представить за себя выкупъ, и убивая остальныхъ. Особенно пострадали жители Лиможа, передавшіеся французамъ. Черный Принцъ наказалъ ихъ за это съ неслыханною жестокостью, окончательно раздражившею населеніе противъ англичанъ: овладѣвъ этимъ городомъ, онъ отдалъ его на грабежъ и разрушеніе, причемъ было перебито въ одни сутки болѣе трехъ тысячъ жителей, безъ различія пола и возраста. Перевѣсъ постоянно оставался на сторонѣ французовъ, не смотря на то, что въ открытомъ полѣ побѣдителями большею частью были англичане; но противники ихъ находили поддержку въ населеніи, какъ въ своихъ соотечественникахъ, и брали города и провинціи одни за другими. Притомъ англичане потеряли въ одной изъ битвъ (1369 г.) своего полководца Джона Чандоса (стр. 339), король Эдуардъ былъ уже старъ, а Черный Принцъ долженъ былъ покинуть войско вслѣдствіе болѣзни и уже въ началѣ 1371 г. удалиться въ Англію. Осенью 1370 г. Карлъ V назначилъ Дюгеклена коннетаблемъ и главнокомандующимъ всею французскою арміею. Генрихъ Кастильскій вступилъ въ союзъ французскаго короля противъ англичанъ, потому что герцогъ ланкастерскій, мужъ одной изъ дочерей Петра Жестокаго, предъявилъ притязанія на престолъ Кастиліи и принялъ даже титулъ короля. Генрихъ прислалъ Карлу флотъ, который превосходилъ флотъ англичанъ уже тѣмъ, что экипажъ его состоялъ преимущественно изъ опытныхъ генуэзскихъ моряковъ. Герцогъ бретанскій, Жанъ де Монфоръ, принялъ сторону Англіи и былъ вслѣдствіе того покинутъ подданными; Оливье дю Клиссонъ, ратный товарищъ Дюгеклена, отнялъ у Монфора почти все его герцогство и принудилъ его бѣжать въ Англію. Французы вели войну разсчетливо, англичане—рыцарски, смѣло и упорно. Англичане овладѣвали цѣлыми провинціями, не встрѣчая сильнаго сопротивленія въ открытомъ полѣ, но въ то же время терпѣли нужду, потому что населеніе запиралось въ замкахъ и городахъ. Теряя множество людей и лошадей, англичане выслуживали только до окончанія срока, или до тѣхъ поръ, пока не истощались деньги, ассигнованныя имъ на жалованье, и поточъ спѣшили вернуться въ Англію. Тогда начинали свои подвиги французы и отнимали у враговъ одну мѣстность за другою. Такимъ образомъ въ началѣ 1374 г. за англичанами оставались только Кале, Бордо, Баіонна и нѣсколько мѣстечекъ на Дордони. Какъ ни неблагопріятно должно было быть для нихъ перемиріе при такихъ обстоятельствахъ, они принуждены были заключить его на весьма обременительныхъ и вовсе не почетныхъ для нихъ условіяхъ. Перемиріе это устроилъ папа Урбанъ V, желавшій организовать походъ противъ османскихъ турокъ и уже давно тщетно добивавшійся помирить Англію съ Франціею. Наконецъ ему удалось установить короткое перемиріе, которое было возобновлено на болѣе продолжительный срокъ и продолжено Эдуардомъ III до самой смерти.

Это перемиріе отняло у воинственнаго англійскаго короля не только всѣ пріобрѣтенныя имъ и его сыномъ преимущества во Франціи, но и заставило его отказаться отъ защиты правъ младшаго сына на кастильскую корону, и своего стараго союзника Монфора на бретанское герцогство. Въ то же время Карлъ V, совершенно лишенный военныхъ талантовъ, достигъ этимъ договоромъ цѣли всѣхъ своихъ самодержавныхъ стремленій. Патріотизмъ и національная гордость долго внушали французамъ чрезмѣрныя похвалы этому государю, но въ новѣйшее время одинъ изъ ихъ историковъ, Мабли, основываясь на документахъ, точно также черезъ мѣру хулитъ его. Изъ обвиненій, взводимыхъ Мабли на этого хитраго, коварнаго государя, особенно замѣчательны два, безспорно основательныя, такъ какъ они относятся къ весьма пагубнымъ для Франціи распоряженіямъ Карла. Мабли говоритъ о финансовыхъ операціяхъ Карла и его поступкахъ съ генеральными штатами. Относительно финансовъ Карлъ не прибѣгалъ ни къ насилію, какъ другіе государи его времени, ни къ пониженію внутренней цѣнности монеты, обычной мѣрѣ его предшественниковъ, но не прибѣгалъ потому, что, будучи слишкомъ разсчетливъ, не нуждался въ подобныхъ средствахъ. За то онъ не упу-

скалъ ни одного случая къ обогащенію и устанавливалъ налоги, не испрашивая разрѣшенія у штатовъ. Такъ какъ онъ не былъ скупъ, а даже, напротивъ, щедро употреблялъ накопленныя имъ суммы на хорошее и полезное, то подданные были довольны имъ, забывая, что все основанное на личности государя исчезаетъ вмѣстѣ съ этою личностью. Финансовыя мѣры Карла проистекали непосредственно изъ его отношеній къ генеральнымъ штатамъ; онъ позволялъ себѣ произвольныя дѣйствія собственно съ цѣлью устранить сословія отъ участія въ законодательствѣ и установленіи налоговъ, стараясь подорвать такимъ образомъ силу феодаловъ. Провинціальные штаты Карлъ собиралъ только тогда, когда ему предстояла нужда въ деньгахъ, а вмѣшательство ихъ онъ терпѣлъ лишь потому, что не могъ вполнѣ устранить его. Устрашенный печальнымъ опытомъ своего регентства, Карлъ явно старался сдѣлать изъ генеральныхъ штатовъ то, что въ настоящее время именуется въ Германіи Ständecammern (палаты сословій), но средневѣковая Европа была недостаточно цивилизована для подобнаго учрежденія, и Карлъ, послѣ неудачной попытки, вовсе пересталъ созывать сословія. Съ одной стороны, это было ему извинительно, потому что для возстановленія національнаго единства во вновь присоединенныхъ провинціяхъ онъ необходимо долженъ былъ стремиться къ сосредоточенію власти, а для того, чтобы препятствовать внутреннимъ волненіямъ и не допускать нападеній извнѣ, ему нужна была военная сила; но съ другой стороны, онъ лишилъ этимъ прочности свои учрежденія, потому что въ тѣ времена государи не имѣли постояннаго войска. Изъ страха предъ штатами, онъ сдѣлалъ то, что часть законодательной власти перешла къ парламенту или королевскимъ судамъ, служившимъ ему вначалѣ средствомъ придавать видъ законности королевскимъ повелѣніямъ. Эти повелѣнія были вносимы въ парламентскія книги и обнародываемы вмѣсто штатовъ парламентомъ. Даже извѣстный законъ 1375 г., которымъ Карлъ установилъ считать совершеннолѣтіе французскихъ королей съ четырнадцатилѣтняго возраста, былъ обнародованъ не штатами, а парламентами, и впослѣдствіи они преимущественно ссылались на это обстоятельство, когда при ихъ сопротивленіи обременительнымъ требованіямъ имъ напоминали, что они не законодательныя, а только судебныя собранія. Конечно, во времена Карла никто не предвидѣлъ, какимъ пагубнымъ примѣромъ послужитъ потомству его самодержавіе, опиравшееся на авторитетъ высшихъ судебныхъ мѣстъ, потому что самъ Карлъ пользовался имъ преимущественно для того, чтобы защищать права угнетеннаго народа отъ сильныхъ феодаловъ

Относительно послѣдняго Мабли не совсѣмъ справедливо порицаетъ Карла, обвиняя его въ томъ, что онъ воскресилъ и поддержалъ самую вредную сторону феодальной системы, именно воинственное и грозное положеніе рыцарства, вмѣсто того, чтобы подорвать и уничтожить его могущество, какъ и сдѣлалъ это впослѣдствіи Людовикъ XI; но Карлъ былъ связанъ требованіями времени и нуждою въ воинственномъ рыцарствѣ. Онъ требовалъ, чтобы каждый ленный владѣтель неутомимо упражнялъ своихъ людей въ военномъ искусствѣ, держа ихъ наготовѣ къ войнѣ; въ то же время, Карлъ поощрялъ безземельное рыцарство считать войну своимъ единственнымъ ремесломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ выгоднымъ, благодаря щедрымъ королевскимъ наградамъ. Карлъ сдѣлалъ, такимъ образомъ, изъ владѣтельной знати независимую отъ короля военную силу, имѣвшую наслѣдственныхъ вождей и всегда готовую воевать, какъ между собою, такъ и съ самимъ королемъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что дворянство, которое сопротивлялось королю, презирало гражданъ съ ихъ ремеслами и видѣло въ крестьянинѣ только вьючное животное, получило, благодаря Карлу, болѣе обезпеченное и прочное существованіе. Какъ мало входило это въ разсчеты Карла, видно уже изъ того, что онъ первый даровалъ многимъ изъ богатыхъ парижскихъ мѣщанъ право владѣнія дворянскими помѣстьями, уравнявъ ихъ такимъ образомъ съ рыцарствомъ. О мѣрахъ его относительно могущественныхъ вассаловъ можно довольно основательно сказать то же самое, что и о лучшихъ изъ его учрежденій: а именно, что онѣ, какъ и большая часть правительственныхъ мѣръ настоящаго времени, были приноровлены только къ временнымъ потребностямъ и исчезли вмѣстѣ съ ними. Карлу удалось снова подчинить пэровъ и владѣтельныхъ феодаловъ королевской власти; но послѣ него они сдѣлались сильнѣе и своевольнѣе прежняго, пока наконецъ правнукъ Карла, Людовикъ XI, не при-

мѣнилъ къ нимъ такого же радикальнаго средства, какое въ наше время испыталъ султанъ Махмудъ надъ янычарами. Верховная власть королей надъ сильными феодалами была, какъ особенно ярко выказываютъ примѣры графовъ фландрскихъ и герцоговъ бретанскихъ, не болѣе какъ пустою политическою формою. Карлъ подчинилъ себѣ Лангедокъ, возстановилъ съ помощью своего брата, герцога анжуйскаго, королевскую власть во вновь присоединенныхъ провинціяхъ, воспользовался войною гасконскихъ вассаловъ съ Черпымъ Принцемъ, чтобы присоединить къ коронѣ Орлеанъ, когда дядя его, герцогъ орлеанскій, умеръ бездѣтнымъ, и наказалъ бретанскаго герцога, приставшаго къ англичанамъ и нарушившаго свои ленныя обязанности. Все это, казалось, должно было упрочить королевскую власть; но Карлъ испортилъ все дѣло и далъ феодаламъ еще большее вліяніе на правительственныя дѣла, увеличивъ число пэровъ и утвердивъ за знатью захваченныя ею привилегіи. Онъ уничтожилъ этимъ всѣ выгоды, которыя могли бы извлечь короли изъ вынужденнаго у сословій, послѣ битвы при Пуатье, объявленія всѣхъ коронныхъ земель неотчуждаемыми. Парламенты очень хорошо поняли впослѣдствіи, какую ошибку сдѣлали Карлъ и его преемники; впослѣдствіи они постоянно опирались не на тотъ законъ, который исходитъ изъ королевскаго кабинета, а на тотъ, который выражается волею всей націи, и, основываясь на немъ, снова оттягивали въ пользу государства то, что короли легкомысленно мотали, а знать, особенно принцы, прибирали къ рукамъ.

Но какъ бы ни были достойны порицанія нѣкоторыя изъ распоряженій Карла и какъ ни непрочны были его учрежденія, нельзя, по крайней мѣрѣ, отнять у него той заслуги, что онъ съумѣлъ возвратить коронѣ все, что было утрачено ею во время его юности, и возстановить почти совершенно исчезнувшую королевскую власть. Англійскій король Эдуардъ III, напротивъ, лишился, въ концѣ жизни, всей славы, пріобрѣтенной имъ въ долголѣтнее царствованіе. Эдуардъ слишкомъ туго натянулъ свой лукъ, предпринимая болѣе, чѣмъ позволяли его средства. Этого не замѣчали, пока онъ самъ и сынъ его, Черный Принцъ, блистали во главѣ рыцарства; но зато замѣтили вдвойнѣ, когда король впалъ отъ старости въ дѣтство, старшій сынъ его заболѣлъ, а всѣ остальные члены семьи стали враждовать между собой. Черный Принцъ влачилъ еще шесть лѣтъ свое хилое существованіе; по смерти его корона должна была перейти къ его сыну, Ричарду II, который былъ еще ребенкомъ, а времена были не таковы, чтобы могъ царствовать ребенокъ. Такое положеніе дѣлъ внушило младшему сыну Эдуарда, герцогу ланкастерскому, мысль овладѣть престоломъ. Къ счастью, это былъ человѣкъ не слишкомъ даровитый, но все-таки честолюбіе его вызвало интриги и раздоры, огорчившіе короля и волновавшіе государство до самой смерти Чернаго Принца. Эти несчастныя шесть лѣтъ, такъ же какъ и все царствованіе Эдуарда, насильственное и притѣснительное, хотя въ то же время славное и энергическое, были справедливо названы впослѣдствіи счастливою порою, такъ какъ все, что было пагубно для тогдашняго настоящаго, обратилось на пользу потомства. Воинственный правитель, часто созывавшій парламенты для того, чтобы вынуждать у нихъ утвержденіе своихъ стѣснительныхъ мѣръ, придалъ такимъ образомъ англійскимъ учрежденіямъ болѣе прочности и значенія, чѣмъ царствовавшіе до него слабые короли — невольнымъ утвержденіемъ постановленій своихъ предшественниковъ. Эти короли, если только не нуждались въ деньгахъ, по цѣлымъ годамъ не созывали парламента, и представительныя учрежденія страны приходили въ забвеніе; Эдуардъ, въ продолженіе пятидесятилѣтняго царствованія ежегодно нуждался въ значительныхъ суммахъ и поэтому собиралъ парламентъ не менѣе семи разъ. Благодаря этому обстоятельству, онъ сдѣлался, наконецъ, постояннымъ учрежденіемъ. При началѣ царствованія Эдуарда парламентъ имѣлъ еще такъ мало значенія, что этотъ энергическій король позволялъ себѣ дѣйствовать чрезвычайно произвольно; но въ послѣдніе годы его царствованія парламентъ уже совершенно захватилъ въ свои руки правительственную власть. Поводомъ къ этому послужила ребяческая слабость короля и раздоры между принцами. Старый король совершенно подчинился чужому вліянію, особенно своей любовницѣ, А л и с ѣ П е р р е р с ъ. Эта женщина въ высшей степени злоупотребляла любовью къ ней короля и въ своемъ презрѣніи къ общественному мнѣнію пошла гораздо далѣе, чѣмъ даже нынѣшнія столичныя дамы. Она заставила Эдуарда не только подарить ей всѣ наряды и драго-

цѣнности его покойной жены, но и допустить къ участію въ правительственныхъ дѣлахъ; къ крайнему негодованію націи, эта женщина присутствовала въ верховныхъ судахъ и давала такое направленіе дѣламъ, какое хотѣла. Вліянію Алисы и плапамъ герцога ланкастерскаго Черный Принцъ противопоставилъ парламенты, получившіе, вслѣдствіе того, такую силу, какой они не имѣли при энергическихъ государяхъ ни до того, ни впослѣдствіи, до самаго семнадцатаго вѣка. Этотъ парламентъ былъ названъ д о б р ы м ъ за свои смѣлыя мѣры противъ Алисы и королевскихъ чиновниковъ. Онъ сталъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ министровъ и управлявшихъ финансами и заставилъ герцога ланкастерскаго и любовницу короля покинуть дворъ. Наконецъ по внушенію Чернаго Принца онъ приставилъ къ королю совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ, то есть призналъ Эдуарда неспособнымъ царствовать и установилъ надъ нимъ родъ опеки.

Но по смерти Чернаго Принца (1376 г.) былъ немедленно созванъ другой парламентъ, уничтоживший распоряженія своего предшественника. Герцогъ Ланкастерскій и Алиса Перрерсъ вернулись ко двору; совѣтъ двѣнадцати былъ распущенъ и на мѣсто храбраго Петра де ла Марша, искусно направлявшаго прежній парламентъ, назначенъ былъ спикеромъ другой, креатура герцога. Не смотря на то, что и въ новомъ парламентѣ большинство было враждебно герцогу и Алисѣ, оно не могло препятствовать ихъ требованіямъ, выражаемымъ отъ имени короля, и даже нашлось вынужденнымъ разрѣшить новый налогъ. Однако, опасаясь честолюбія Ланкастера, парламентъ и нація неусыпно пеклись о молодомъ сынѣ Чернаго Принца, Ричардѣ II. Ричардъ былъ еще при жизни дѣда названъ принцемъ уэльсскимъ и слѣдовательно признанъ наслѣдникомъ престола. Когда Эдуардъ скончался въ Ричмондѣ, молодаго принца перевели оттуда въ безопасное мѣсто, въ Лондонъ, куда за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Такимъ образомъ величайшій изъ государей среднихъ вѣковъ, въ минуту своей смерти (іюнь, 1377 г.) былъ покинутъ всѣми, даже Алиса ушла отъ него, вмѣсто того чтобы закрыть глаза своему благодѣтелю, и, уходя, стащила кольца съ пальцевъ умиравшаго. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ созванъ новый парламентъ, составленный, большею частію, изъ членовъ бывшаго такъ называемаго добраго парламента, съ его прежнимъ спикеромъ, который сидѣлъ передъ тѣмъ въ тюрьмѣ. Новый парламентъ потребовалъ Алису Перрерсъ къ суду, но какъ ни увѣрены были всѣ въ ея безстыдствѣ, корыстолюбіи и низости, однако ее не могли уличить въ такомъ преступленіи, которое подлежало бы судебному наказанію, и потому ограничились ея ссылкою и конфискаціей ея имущества. Новому королю, Р и ч а р д у II, было всего одиннадцать лѣтъ, и потому, между Ланкастеромъ, его братьями и парламентомъ возникъ споръ за регентство, поколебавшій единство и силу правительства. Между тѣмъ приближался конецъ перемирія съ Франціею и эта страна уже готовилась къ возобновленію войны, тогда какъ Англія, занятая междоусобіями, и не думала объ оборонѣ. Но то, что правительство утрачивало въ силѣ и энергіи, переходило къ парламенту. Въ послѣдующіе годы король былъ слишкомъ молодъ, чтобы управлять самому, но слишкомъ взрослъ, чтобы подчиняться безусловному регентству, если бы даже при немъ и былъ кто нибудь способный управлять государствомъ умно и искусно. Парламентъ находился подъ вліяніемъ то одного, то другаго изъ дядей короля и служилъ, по очереди, орудіемъ какъ этимъ принцамъ, такъ и другимъ вельможамъ въ ихъ интригахъ между собою или противъ правительства, пріобрѣтая такимъ образомъ все болѣе и болѣе вліянія. Наконецъ, онъ принялъ на себя совершенно новую роль и сталъ выражаться весьма рѣзко, какъ свидѣтльствуютъ его протоколы, впослѣдствіи напечатанные.

2. Франція въ концѣ царствованія Карла V и въ первые годы правленія Карла VI.

Французскій король Карлъ V давно уже принялъ всѣ мѣры, чтобы извлечь выгоду изъ перемѣны правительства въ Англіи, и возобновилъ войну съ нею чрезъ пять дней по смерти Эдуарда III, отправивъ флотъ для нападенія на юж-

ные берега острова. Въ то же время онъ сформировалъ пять отрядовъ войскъ, изъ которыхъ одни должны были отнять у англичанъ оставшіеся въ ихъ власти французскіе замки и города, а другіе напасть на ихъ союзниковъ, бретанскаго герцога и наваррскаго короля. Такъ какъ оба эти государя поддерживали герцога ланкастерскаго, принявшаго титулъ короля кастильскаго, то Карлъ немедленно пріобрѣлъ вѣрнаго союзника въ Генрихѣ II Кастильскомъ. Наваррскій король, Карлъ Злой, остался до самой смерти вѣренъ своему характеру и старался достичь измѣною, или даже ядомъ и кинжаломъ того, что было недостижимо прямымъ путемъ. Находясь тогда въ дружескихъ отношеніяхъ съ французскимъ королемъ, онъ въ то же время заключилъ тайный договоръ съ Англіею и завелъ интриги при французскомъ дворѣ чрезъ лазутчиковъ, особенно чрезъ своего повѣреннаго Жака де ла Рю, котораго онъ отправилъ къ этому двору сопровождать наслѣднаго принца наваррскаго. Но предательскіе замыслы его были открыты и разрушены. Карлъ V. основываясь на дурной репутаціи наваррскаго короля и на бумагахъ, найденныхъ у его довѣренныхъ лицъ, назначилъ надъ нимъ уголовный судъ; но это ни къ чему не повело, потому что, хотя Карлъ Злой и дѣйствительно имѣлъ, какъ видно изъ актовъ процесса, преступныя намѣренія, но основательность главнаго обвиненія никогда не была доказана. Утверждали, что въ бумагахъ была найдена тайная переписка съ Англіею и что эта переписка, такъ же какъ и признанія, вынужденныя у арестованныхъ, свидѣтельствовали о намѣреніи Карла отравить французскаго короля. Обвиненные были казнены. Впрочемъ вся жизнь Карла Злаго доказываетъ возможность съ его стороны подобнаго замысла. Въ то же самое время онъ старался погубить и кастильскаго короля, подкупивъ его главнокомандующаго. Вслѣдствіе этого кастильцы отняли у Карла часть наваррскаго королевства, а французы заняли его замки и владѣнія во Франціи. Въ этой крайности, онъ прибѣгнулъ къ Англіи, и та помогла ему, благодаря вліянію Ланкастера, съ которымъ Карлъ давно уже находился въ сношеніяхъ; но сами англичане такъ мало довѣряли ему, что требовали у него въ залогъ, на три года, значительный въ то время городъ Шербургъ, который остался за нимъ по послѣднему мирному договору (1378 г.).

Въ слѣдующемъ же году, этотъ городъ, послѣ славной защиты, перешелъ въ руки французовъ. При Карлѣ V счастье вообще неблагопріятствовало англичанамъ: они были вытѣснены не только изъ Нормандіи, но даже изъ Бретани. Карлъ лишился почти всѣхъ плодовъ этихъ удачъ, вслѣдствіе безразсудной любви къ брату, герцогу анжуйскому, и своихъ поступковъ съ бретанскимъ герцогомъ; въ то же время, онъ далъ этимъ поводъ къ безпорядкамъ, раздиравшимъ Францію послѣ его смерти. Корыстолюбивый и деспотическій герцогъ анжуйскій, назначенный намѣстникомъ Лангедока, страшно злоупотреблялъ властью. Собравъ рыцарей, наводнявшихъ тогда всѣ государства и предлагавшихъ каждому свои услуги за деньги, герцогъ одержалъ на берегахъ Дордони значительныя побѣды надъ англичанами, но необходимыя для этой войны деньги были пріобрѣтены имъ самыми тяжелыми и беззаконными налогами. Въ Монпелье вспыхнуло возстаніе, едва подавленное безчеловѣчною жестокостью, и весь Лангедокъ послѣдовалъ бы примѣру Монпелье, если бы король за нѣсколько времени до своей смерти не отозвалъ брата. Жанъ де Монфоръ, герцогъ бретанскій, бѣжалъ, какъ мы сказали, въ Англію, удержавъ изъ всего герцогства только одинъ городъ. Карлъ обвинилъ его въ измѣнѣ и потребовалъ къ суду пэровъ, но не исполнилъ при этомъ должныхъ формальностей, такъ что требованіе могло считаться недѣйствительнымъ. На судъ собрались всѣ пэры, кромѣ графа фландрскаго, и король произнесъ длинную, обвинительную рѣчь, приготовленную его юристами. Судъ приговорилъ отнять у герцога Бретань и окончательно присоединить ее къ Франціи. Вслѣдъ за тѣмъ Карлъ потребовалъ отъ вассаловъ Монфора, уже недовольныхъ своимъ герцогомъ, сдачи занимаемыхъ ими замковъ и городовъ; но они отказались отъ повиновенія, не думая измѣнять герцогу ради чужихъ выгодъ. Они вовсе не желали мѣнять слабаго государя на слишкомъ могущественнаго и намѣревались, сохраняя вѣрность своему наслѣдственному герцогу, поставить себя въ такія отношенія къ нему, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность найти противъ него защиту у своего верховнаго сюзерена, французскаго короля. Такимъ образомъ процессъ не кончился ничѣмъ, за невозможностью привесть въ

исполненіе судебный приговоръ. Вассалы герцога были призваны въ Парижъ для выслушанія этого пристрастнаго рѣшенія, и хотя при этомъ протестовалъ противъ него только одинъ изъ нихъ, однако впослѣдствіи всѣ они соединились другъ съ другомъ, чтобы помѣшать занятію герцогства французскими войсками и соединенному съ нимъ введенію французскихъ налоговъ. Составивъ тѣсный союзъ между собою, мелкимъ рыцарствомъ и горожанами, вассалы герцога формально протестовали противъ рѣшенія пэровъ и отправили къ герцогу депутацію съ требованіемъ покинуть англичанъ, которые были причиною неповиновенія ему подданныхъ, и съ обѣщаніемъ, въ такомъ случаѣ, покорности и вооруженной помощи. Вся Бретань возстала поголовно; французскіе коммиссары, присланные для занятія герцогства, были прогнаны, и Жанъ де Монфоръ, вернувшись въ Бретань съ посланнымъ вмѣстѣ съ нимъ Робертомъ Нользомъ, прославившимся своею рыцарскою храбростью и военными дарованіями, былъ съ восторгомъ встрѣченъ подданными. Такимъ образомъ, задумавъ отнять у герцога его наслѣдіе, Карлъ V только помогъ ему снова вступить во владѣніе имъ. Въ слѣдующемъ году, незадолго до смерти Карла V, англичане прислали Монфору многочисленное вспомогательное войско, подъ начальствомъ младшаго изъ дядей короля Ричарда II, графа Букингэма, впослѣдствіи герцога глостерскаго; но появленіе этого войска скорѣе расположило бретонцевъ къ Франціи, такъ какъ они не хотѣли и слышать объ англичанахъ.

За два мѣсяца до кончины Карла V умеръ коннетабль его, Бертранъ Дюгеклень. Послѣднимъ подвигомъ его было нападеніе на укрѣпленный замокъ Рандонъ, въ Лангедокѣ, который англичане защищали съ невѣроятнымъ мужествомъ. По романтическому преданію, повторяемому и донынѣ, англійскій гарнизонъ Рандона, чтобы почтить мужество Бертрана, положилъ ключи отъ замка на его могилу, а почтенный археологъ Вилларе называетъ этотъ поступокъ памятникомъ, достойнымъ героическихъ временъ; но нынѣ положительно доказано, что эта трогательная легенда столь же не достовѣрна, какъ и сотни другихъ: замокъ былъ сданъ французамъ еще до смерти Бертрана. Званіе коннетабля перешло къ Оливье дю Клиссону, храброму ратному товарищу Бертрана.

По смерти Карла V (1380 г.), во Франціи возникли сильные безпорядки, вызванные распоряженіями короля, прозваннаго Мудрымъ, относительно несовершеннолѣтія своего наслѣдника Карла VI (1380—1422 г.). Карлъ уже заранѣе назначилъ регентство, такъ какъ ему объявили, что онъ отравленъ и умретъ, какъ только закроется фистула, вторичнымъ открытіемъ которой уже спасъ его однажды лейбъ-медикъ императора Карла IV. Изъ двухъ сыновей короля, старшему не было еще двѣнадцати лѣтъ. Планъ регентства, составленный Карломъ V, былъ такъ сложенъ и такъ хитро разсчитанъ, что не было никакой возможности привести его въ исполненіе. Изъ трехъ дядей молодаго короля, главнымъ правителемъ долженъ былъ сдѣлаться старшій, Людовикъ Анжуйскій; второму, Іоанну Беррійскому, человѣку незначительному, предоставлялось неопредѣленное участіе въ дѣлахъ; а третьему, Филиппу Смѣлому, который получилъ отъ отца бургундское герцогство, присоединенное къ Франціи въ 1361 г., по пресѣченіи древней герцогской династіи, было ввѣрено попеченіе объ особѣ короля. Къ нимъ былъ присоединенъ четвертый опекунъ, герцогъ Бурбонъ, славившійся своею воздержностью. Кромѣ того Карлъ назначилъ совѣтъ регентства изъ сорока одного члена, выбранныхъ изъ духовенства, сановниковъ королевства, членовъ парламента, рыцарей и гражданъ города Парижа. Принцы не имѣли права предпринимать что нибудь безъ разрѣшенія этого совѣта; но его никогда и не собирали. Людовикъ Анжуйскій только и думалъ о сборѣ денегъ для похода въ Неаполь, на который онъ имѣлъ притязанія. Карлъ при жизни скопилъ много золота и серебра и замуровалъ его въ стѣну; мѣсто это было извѣстно только одному казначею Савуази, но Карлъ V сдѣлалъ большой промахъ, предоставивъ корыстолюбивому герцогу почти неограниченную власть. Тотчасъ по смерти короля, Людовикъ подъ страхомъ немедленной казни потребовалъ отъ Савуази, чтобы онъ указалъ мѣсто, гдѣ хранились сокровища, и съ той поры ни объ этихъ сокровищахъ, ни о другихъ королевскихъ деньгахъ, переданныхъ Людовику, не было и слуха. Властолюбивый регентъ, еще прежде коронаціи молодаго короля, поссорился съ герцогами беррійскимъ, бур-

гундскимъ и Бурбономъ. Чтобы уладить это дѣло безъ войны, враги прибѣгнули къ парламенту, и тотъ заставилъ Людовика склониться передъ королевской властью. Чтобы удалить хотя одного изъ опекуновъ, Людовикъ въ то время, когда все зависѣло отъ личности, назначилъ неспособнаго герцога беррійскаго намѣстниковъ едва усмиреннаго Лангедока, вручивъ ему почти неограниченную власть. Герцогъ бургундскій не захотѣлъ оставаться назади и также получилъ весьма обширныя права въ назначенныхъ ему Карломъ V владѣніяхъ въ Нормандіи.

Имѣя въ виду единственно свое личное обогащеніе, Людовикъ Анжуйскій пересталъ платить жалованье наемнымъ дружинамъ авантюристовъ, къ которымъ былъ такъ щедръ покойный король. Наемники какъ саранча напали на страну и принялись, какъ послѣ мира въ Бретиньи, грабить горожанъ и крестьянъ. Къ этому присоединилось еще бремя налоговъ; особенно способъ, какъ они взимались при Карлѣ V, довелъ страну до совершеннаго отчаянія, потому что, при такой системѣ взиманія, налогъ нерѣдко становился впятеро тяжеле. Теперь только, — когда выжатыя у народа деньги не употреблялись уже болѣе на нужды страны, — стали сознавать весь вредъ эгоистическаго властолюбія Карла, его малодушной боязни генеральныхъ штатовъ и покровительства кровопійцамъ и ихъ ремеслу. Неудовольствіе приняло такіе грозные размѣры, что побудило регента, по случаю вспыхнувшаго въ Парижѣ возстанія, опрометчиво отмѣнить всѣ налоги, учрежденные Карломъ V, безъ утвержденія штатовъ. Это, разумѣется, повело къ созванію штатовъ, которымъ регентъ, чтобы задобрить ихъ, предоставилъ всѣ прежнія права (1381 г.). Но утвержденный ими новый налогъ оказался недостаточнымъ и вскорѣ регентъ снова возстановилъ отмѣненныя подати; это распоряженіе, какъ мы увидимъ ниже, вызвало сильныя волненія, такъ что герцогъ былъ вынужденъ снова созвать штаты; они отказались исполнить его требованія, и герцогъ долженъ былъ начать борьбу съ большею частью націи.

Во внѣшнихъ, политическихъ дѣлахъ счастье до самаго неаполитанскаго похода продолжало благопріятствовать Людовику. Заключивъ весьма выгодный для Франціи договоръ съ Кастиліею, онъ обратилъ въ свою пользу войну Петра IV Арагонскаго съ сыномъ послѣдняго короля Маіорки, пытавшимся возвратить отцовское наслѣдіе и обратившимся за помощью къ французскому регенту. Людовикъ отказалъ ему въ ней, за сто тысячъ золотыхъ флориновъ, уплаченныхъ ему арагонскимъ королемъ, и обогатилъ этимъ свою неаполитанскую казну. Наконецъ, счастливый случай помогъ ему заключить миръ съ бретанскимъ герцогомъ, который былъ принужденъ вассалами, не желавшими и слышать объ англичанахъ, вступить въ переговоры съ регентомъ и согласился, въ 1381 г. признать верховную власть французскаго короля; но подчиненіе совершилось на условіи, что всѣ права, учрежденія и обычаи Бретани останутся неприкосновенными. Вслѣдствіе такого условія, Бретань осталась попрежнему самостоятельнымъ государствомъ, только по формѣ присоединеннымъ къ Франціи; во всякомъ случаѣ французы выиграли то, что ихъ національный врагъ долженъ былъ, хотя на время, удалиться изъ Бретани и вернуться въ Англію. Это случилось какъ нельзя болѣе кстати для Франціи, потому что въ ней начались сильныя внутреннія волненія. Герцогъ беррійскій былъ назначенъ намѣстникомъ Лангедока, но населеніе этой провинціи много натерпѣлось при Людовикѣ Анжуйскомъ, который былъ долгое время ея намѣстникомъ, и, вполнѣ довольное вступившимъ послѣ него въ эту должность графомъ де Фуа, воспротивилось назначенію герцога беррійскаго. Оно тѣмъ упорнѣе настаивало на удержаніи прежняго намѣстника, что Лангедокъ разоряли въ то время хищныя дружины, распущенныя регентомъ, и большинство ихъ было взято на службу графомъ д'Арманьякомъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ вассаловъ Лангедока и затемъ новаго намѣстника. Сословія этой провинціи собрались въ Тулузѣ и потребовали, чтобы графъ де Фуа остался на своемъ мѣстѣ, обѣщая ему поддержку. Вслѣдствіе этого, графъ, въ письмѣ къ регенту, выразилъ твердое намѣреніе, при всемъ своемъ уваженіи къ королю, не допускать въ Лангедокъ такого неограниченнаго властелина, какимъ долженъ былъ явиться, по его распоряженію, герцогъ беррійскій. Герцогъ прибылъ въ Лангедокъ съ войскомъ и потерпѣлъ полное пораженіе при Ревелѣ, но все таки продолжалъ войну,

и обѣ партіи, какъ королевская, такъ и партія графа де Фуа, долго разоряли несчастный край, пока папа не помирилъ ихъ въ декабрѣ 1381 г. Герцогъ беррійскій былъ утвержденъ въ своемъ намѣстничествѣ.

3. Волненія во Фландріи и во Франціи, вызванныя усиленіемъ буржуазіи и сопротивленіями духовному и свѣтскому игу.

Исторія волненій, вспыхнувшихъ въ Англіи, Франціи и Германіи въ концѣ четырнадцатаго вѣка, когда на ряду съ господствомъ рыцарства основывалась свобода городскаго сословія, и кровавая борьба въ Италіи, гдѣ, въ то же самое время, эта свобода погибала отъ произвола тирановъ и наемныхъ солдатъ, одинаково доказываютъ справедливость словъ Данте, предсказавшаго, еще въ началѣ столѣтія, паденіе закона и порядка, какъ слѣдствіе ослабленія монархической власти въ церкви и государствѣ. Въ продолженіе всего этого періода, исторія Франціи и Англіи наполнена частными войнами между баронами и рыцарями, возстаніями противъ нихъ горожанъ, терпѣвшихъ всевозможныя притѣсненія, и примѣрами дикой ярости черни, совершенно порабощенной необузданными деспотами. Церковь также была потрясена въ обоихъ государствахъ; богатство и развратъ духовенства создали ему ожесточенныхъ враговъ, и даже іерархическое ученіе каноническихъ юристовъ вызвало энергическія опроверженія, особенно въ Англіи. Мы начинаемъ исторію этихъ волненій съ Фландріи.

Карлъ V старался обновить и укрѣпить узы, соединявшія Фландрію съ Франціею, женивъ своего брата, Филиппа Смѣлаго Бургундскаго, на единственной дочери и наслѣдницѣ графа фландрскаго, Людовика III. Но въ этой свободной странѣ государь пользовался меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ города, бывшіе тогда, вмѣстѣ съ итальянскими, самыми торговыми и населенными въ Европѣ. Каждый изъ этихъ городовъ составлялъ свободную республику, только по имени зависѣвшую отъ графа; поэтому Карлъ всячески старался привлечь ихъ къ себѣ и удержать отъ тѣснаго союза съ Англіею, къ которому были особенно расположены жители Гента, и съ этою цѣлью возвратилъ Фландріи Лилль, Дуэ и Орши, присоединенные къ Франціи. Вскорѣ потомъ, между Гентомъ и Брюгге вспыхнула война, въ которой графъ Людовикъ, со своимъ рыцарствомъ, принялъ сторону послѣдняго. Эта война продолжалась и по смерти Карла V, но описаніе ея принадлежитъ къ частной исторіи Фландріи, и потому мы ограничимся здѣсь только общимъ обзоромъ. Жители Гента, грозные своею многочисленностью, богатствомъ и вліяніемъ, выставляли сильныя и нерѣдко весьма искусныя войска, набранныя въ самомъ Гентѣ или въ другихъ большихъ фабричныхъ городахъ, населеніе которыхъ состояло изъ ткачей, пивоваровъ и другихъ рабочихъ. Война нѣсколько разъ прерывалась миромъ, но потомъ снова возгоралась и доходила до кровопролитныхъ сраженій; цѣлыя провинціи и города подвергались опустошеніямъ и даже пограничныя страны, Брабантъ, Люттихъ и Голландія, принимали болѣе или менѣе участіе въ этой войнѣ. Съ января 1382 г. борьба Гента съ Брюгге и державшими сторону послѣдняго графомъ и рыцарствомъ приняла совершенно новый оборотъ: подъ знаменамп Гента явился прежде совершенно неизвѣстный Филиппъ д'Артевелль, сынъ бывшаго демагога, Жака д'Артевелля, и съ этой минуты фландрскія волненія приняли въ глазахъ Франціи демократическій характеръ, который она сочла до такой степени опаснымъ для себя, что выслала противъ своевольныхъ фламандцевъ самого короля, во главѣ французскаго рыцарства. Но чтобы вѣрнѣе опредѣлить фландрское движеніе, нужно вспомнить, что происходило въ то же время въ другихъ странахъ. Въ Швейцаріи рыцарство и феодализмъ окончательно пали; на сѣверѣ Германіи Ганза, на югѣ союзъ прирейнскихъ, франконскихъ и швабскихъ городовъ одерживали верхъ надъ самимъ императоромъ и рыцарствомъ; наконецъ, въ самой Франціи, городское сословіе подняло голову и было усмирено только самою ужасною жестокостью. Это снова приводитъ насъ къ междоусобіямъ во Франціи и къ причинамъ, вызвавшимъ эти явленія.

Убѣдившись, что утвержденныхъ генеральными штатами налоговъ не достаточно, Людовикъ Анжуйскій вздумалъ возстановить опрометчиво уничтоженныя имъ старинныя подати и, чтобы показать, что эта мѣра принимается съ разрѣшенія штатовъ, созвалъ къ себѣ во дворецъ нѣчто въ родѣ собранія нотаблей. Они не согласились на его предложеніе, но взамѣнъ того установили еще одинъ налогъ, который регентъ и предписалъ взимать по всему государству. Сборъ этого новаго налога возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ Парижѣ, Руанѣ, Аміенѣ и многихъ другихъ городахъ; сопротивленіе сдѣлалось наконецъ повсемѣстнымъ, и на сѣверѣ Франціи, особенно въ Руанѣ и Парижѣ, дѣло дошло до полнаго нарушенія общественнаго порядка. Чернь, подстрекаемая демагогами, рѣшилась свергнуть невыносимое иго рыцарства и монархической власти; населеніе взялось за оружіе, перебило и разогнало королевскихъ коммисаровъ, взимавшихъ налоги, напало на высшія сословія и совершало величайшія безчинства. Это возстаніе получило названіе войны мальотеновъ (бердышники, отъ слова maillet, бердышъ), потому что возставшая парижская чернь овладѣла хранившимся въ ратушѣ оружіемъ, между которымъ было много тяжелыхъ, свинцовыхъ бердышей. Видя, что опасность увеличивается съ каждымъ днемъ, Людовикъ долженъ былъ отмѣнить новый налогъ, но, ссылаясь на войну съ Англіею и на пропсшедшее вслѣдствіе безпорядковъ уменьшеніе государственныхъ доходовъ, созвалъ штаты сѣверной Франціи и потребовалъ у нихъ пособія (апрѣль 1382 г.). Штаты не хотѣли и слышать о новыхъ налогахъ и отговаривались тѣмъ, что не уполномочены разрѣшать ихъ. Когда, вскорѣ потомъ, онъ созвалъ ихъ вторично, большинство представителей не явилось, чтобы не быть вынужденными согласиться на его требованія. Необходимость заставила регента прибѣгнуть къ насилію, и это было отчасти извинительно, потому что штаты не хотѣли помочь государству въ крайности и у правительства не оставалось инаго средства, какъ дать погибнуть государству, или употребить всевозможныя мѣры къ его спасенію. Людовикъ собралъ вокругъ себя опытную въ войнѣ часть націи, хотя не столь многочисленную, но имѣвшую всѣ преимущества надъ грубою массою черни, и подъ предлогомъ возстановленія порядка взялъ съ народа огромныя суммы на издержки своего неаполитанскаго похода. Жестокое и безразсудное поведеніе черни облегчило ему достиженіе цѣли; всѣ предпочитали, конечно, привычное, систематическое иго новой, дикой анархіи. Регентъ вооружилъ рыцарство, поставивъ во главѣ его самого короля для того, чтобы никто не имѣлъ права отказать ему въ содѣйствіи. Первый ударъ былъ направленъ на Руанъ, который не могъ устоять противъ него. Феодалы и рыцари ворвались въ городъ, разрушили часть его и звѣрски обошлись съ горожанами (апрѣль 1382 г.). Потомъ Людовикъ позволилъ своимъ дикимъ наемникамъ и авантюристамъ свирѣпствовать, сначала въ окрестностяхъ Парижа, а потомъ и въ самомъ городѣ; они, какъ и всегда, произвели такое страшное опустошеніе и такъ безчеловѣчно поступали съ виновными и невинными, что парижане согласились наконецъ уплатить требуемые отъ нихъ сто тысячъ золотыхъ флориновъ (около милліона ста тысячъ франковъ на нынѣшнія деньги), чтобы только умилостивить короля и вернуть его снова въ столицу. Большая часть этой суммы, какъ и всѣхъ другихъ, перешла въ военную кассу герцога анжуйскаго, который могъ наконецъ приступить къ своему давно задуманному неаполитанскому походу (1382 г.). Съ удаленіемъ главы регентства, власть перешла въ руки герцога бургундскаго, Филиппа Смѣлаго, мужа будущей наслѣдницы Фландріи. Онъ точно также сталъ обирать Францію для осуществленія своихъ видовъ на Фландрію, какъ обиралъ ее Людовикъ Анжуйскій для неаполитанскаго похода.

На югѣ Франціи также свирѣпствовала анархія. Кромѣ возстанія городовъ, грозившаго государству распаденіемъ, южныя провинціи были раздираемы междоусобіями и хищничествомъ наемныхъ шаекъ. Шайки свирѣпствовали такъ жестоко, что графъ де Фуа, взявъ однажды въ плѣнъ четыреста человѣкъ этихъ разбойниковъ и приказавъ перевѣшать и перетопить всѣхъ ихъ, не только не возмутилъ никого этою бойнею, но даже заслужилъ всеобщую признательность. Однако ничто не помогало; дикія орды занимали множество замковъ и чувство мести внушило товарищамъ казненныхъ еще большія жестокости. Если бы даже правительству и удалось разсѣять эти шайки, спокойствіе все-таки не было бы

возстановлено. Многіе города и провинціи попрежнему отказывались признать герцога беррійскаго намѣстникомъ, а граждане Безье, одного изъ важнѣйшихъ, фабричныхъ городовъ южной Франціи, умертвили болѣе семнадцати королевскихъ коммисаровъ; городъ Нарбонна велъ въ продолженіе двухъ лѣтъ войну съ однимъ изъ окрестныхъ феодаловъ, и наконецъ одно изъ постановленій лангедокскихъ штатовъ вызвало на югѣ новую крестьянскую войну. Когда герцогъ беррійскій получилъ отъ нихъ разрѣшеніе собрать новый обременительный для народа налогъ, крестьяне взялись за оружіе и разбрелись по странѣ, производя въ ней ужаснѣйшія опустошенія. Движеніе распространилось до Авиньона и поставило въ большую опасность самого папу. Французы назвали эту войну guerre des coquins, или, по провинціальному выраженію, des tuchins, то есть войною оборванцевъ.

Въ то время какъ французское дворянство порабощало городское сословіе Парижа и Руана, демократія, казалось, совершенно погибала и во Фландріи. Жители Гента были доведены до крайности графомъ Людовикомъ и его рыцарствомъ; отрѣзавъ всякій подвозъ къ нимъ съѣстныхъ припасовъ, онъ могъ сказать навѣрное, въ какой день у этого многолюднаго города не останется средствъ къ продовольствію, и спокойно выжидалъ этого, расположившись съ войскомъ въ Брюгге. Но Людовикъ самъ лишилъ себя всѣхъ выгодъ, настаивая на безусловной сдачѣ и грозя жестокою местью, когда осажденные вступили съ нимъ въ переговоры. Въ этой крайности, жители Гента стали искать какого нибудь средства къ спасенію и нашли его въ томъ, что граждане Брюгге, поддерживавшіе до той поры графа, раздѣлились на двѣ партіи. На этомъ раздорѣ Филиппъ д'Артевелль основалъ свой планъ спасенія роднаго города. Выбравъ изъ жителей Гента пять тысячъ сильныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ человѣкъ, онъ поручилъ доминиканцамъ и францисканцамъ вдохновить ихъ вѣрою и патріотизмомъ и, публично поклявшись умереть или побѣдить, двинулся съ ними на Брюгге. Д'Артевелль внезапно явился со своимъ отрядомъ передъ этимъ городомъ и расположился лагеремъ подъ его стѣнами. Узнавъ объ этомъ, граждане Брюгге поспѣшно и въ безпорядкѣ выступили противъ враговъ. Къ этой безпорядочной толпѣ присоединился и Людовикъ съ своимъ рыцарствомъ. Встрѣча произошла при Бевергоутѣ, въ маѣ 1382 г.; исходъ ея легко было предугадать. Д'Артевелль имѣлъ пять тысячъ опытнаго войска, тогда какъ войско города Брюгге, состоявшее изъ торговцевъ, ремесленниковъ и работниковъ, какъ и всякая національная гвардія, думала только о своемъ ремеслѣ: героизмъ былъ совершенно чуждъ этимъ торгашамъ. Не смотря на то, что войско Брюгге было всемеро многочисленнѣе своихъ враговъ, оно разбилось о плотные, дисциплинированные ряды гентцевъ и бѣжало, увлекши за собою восемьсотъ рыцарей графа и помѣшавъ имъ примѣнить къ дѣлу свою рыцарскую тактику. Гентскія войска преслѣдовали бѣжавшихъ и безпрепятственно ворвались вмѣстѣ съ ними въ городъ. Здѣсь гентцы искусно воспользовались раздорами враговъ. Часть цеховъ пристала къ нимъ и произвела въ городѣ революцію; народъ бросился на приверженцевъ и рыцарей графа и перебилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ ихъ на улицахъ. Остальные спаслись какъ могли; самъ графъ, скрывавшійся нѣкоторое время въ одномъ частномъ домѣ, поспѣшно бѣжалъ въ Лилль. Вслѣдъ затѣмъ почти всѣ фландрскіе города пристали къ демократической республикѣ Артевелля.

Къ счастію для изгнаннаго графа, зять его, Филиппъ Бургундскій, сдѣлался вскорѣ регентомъ Франціи, на время отлучки въ Неаполь Людовика Анжуйскаго, а сверхъ того д'Артевелль оскорбилъ въ письмѣ къ Карлу VI французское рыцарство, только что усмирившее въ Парижѣ и Руанѣ глубоко презираемую имъ буржуазію. Французское правительство немедленно объявило походъ во Фландрію, и рыцарство стеклось со всѣхъ сторонъ, чтобы раздѣлить съ молодымъ королемъ его первые военные подвиги. Французскимъ войскомъ командовалъ храбрый коннетабль Оливье дю Клиссонъ. Нечего и говорить о превосходствѣ этого войска надъ необученными толпами д'Артевелля, тѣмъ болѣе что къ французамъ присоединилось все нидерландское дворянство. Тѣмъ не менѣе, фламандскіе демократы расположились ожидать враговъ при Роозебеке, близъ Ипра, въ чрезвычайно удобной для французскаго войска мѣстности. Артевелль, вѣроятно, разсчитывалъ, какъ и граждане Брюгге при Бевергоутѣ, на многочи-

сленность своего неорганизованнаго войска. Но рыцари легко разсѣяли эти толпы, положивъ на мѣстѣ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ и самого Артевелля (27 ноября 1382 г.). Результатомъ этого пораженія было то, что города, передавшіеся гентцамъ, или взятые ими, открыли ворота побѣдителямъ. Но Гентъ, гдѣ на мѣсто Артевелля явился Аккерманъ, приготовился дать энергическій отпоръ. Позднее время года, составъ французскаго войска и краткость срока обязательной службы вассаловъ не дозволили французамъ начать правильную осаду Гента, для которой пришлось бы задержать во Фландріи молодаго короля. Французы вернулись во свояси, и граждане Гента, чтобы имѣть возможность продолжать войну, вступили въ союзъ съ Англіею.

Филиппъ Бургундскій, Іоаннъ Беррійскій и другіе феодальные владѣтели, правившіе именемъ молодаго короля, воспользовались торжествомъ надъ фламандскою буржуазіею, чтобы отмстить французской. Они послали вернувшееся изъ Фландріи войско въ самые значительные города сѣверной Франціи, и горожане были такъ жестоко наказаны за свой демократическій духъ, что въ дядяхъ короля можно было предположить умышленное намѣреніе сдѣлать изъ него тирана. Прежде всего молодаго короля отправили съ войскомъ противъ столицы, подъ тѣмъ предлогомъ, что парижане продолжаютъ составлять заговоры и тайно сноситься съ фламандскими демократами. Жители Парижа не осмѣлились запереть воротъ передъ побѣдоноснымъ войскомъ, но, не смотря на то, оно вступило въ этотъ городъ такъ же, какъ вступило бы во взятый приступомъ Гентъ. Горожане пришли въ ужасъ и отчаяніе. Прежде всего были разрушены деревянные бастіоны городскихъ воротъ и сооруженныя на улицахъ баррикады; потомъ дѣло дошло до жителей. Триста самыхъ богатыхъ горожанъ были схвачены и посажены въ темницы, нѣкоторыхъ изъ нихъ предавали, отъ времени, до времени казни, чтобы устрашить остальныхъ и вынудить у нихъ все, что можно; кромѣ того, всѣ должны были выдать оружіе. Тщетно ходатайствовали за парижанъ старая герцогиня орлеанская, сестра короля Іоанна, и весь парижскій университетъ: вмѣсто того, чтобы смягчиться, побѣдители становились съ каждымъ днемъ строже и свирѣпѣе. Но ужаснѣе всего было то, что все это налагалось на народъ въ родѣ пытки, которою у него хотѣли вынудить новые налоги; застращавъ его судебными преслѣдованіями и казнями, правительство возстановило именемъ короля и безъ согласія штатовъ всѣ налоги, существовавшіе при Карлѣ V, и объявило напрямикъ, что установленіе ихъ зависитъ непосредственно отъ короля и съ участіемъ только парламентовъ. Такимъ образомъ народъ окончательно подпалъ игу, которое до тѣхъ поръ ему удавалось отклонять. Вслѣдъ затѣмъ было измѣнено общественное устройство Парижа и у гражданъ отнято право избранія должностныхъ лицъ. Но самое тяжкое испытаніе было еще впереди и показалось тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ торжественнѣе и необычайнѣе былъ способъ его обнародованія. Король созвалъ народъ и, по произнесеніи канцлеромъ рѣчи, повергнувшей всѣхъ въ смертельный страхъ, уцѣлѣвшимъ заключеннымъ была дарована жизнь. Впрочемъ это помилованіе показалось кровавою насмѣшкою даже современникамъ, такъ какъ плѣнники должны были поплатиться за освобожденіе всѣмъ своимъ состояніемъ. Кромѣ того, у многихъ богатыхъ гражданъ отняли все ихъ имущество и буквально пустили ихъ по міру. Однимъ словомъ, если бы монголы, турки, или арабы внезапно напали на Францію, то, вѣроятно, они не превзошли бы въ безчеловѣчіи короля и его дворянство. Не смотря на всѣ эти мѣры, королевская казна осталась почти пустою; большая часть выжатыхъ изъ народа денегъ пошла, по самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, на уплату жалованья хищнымъ наемникамъ, бывшимъ орудіями притѣсненія народа; но и здѣсь прибрали все къ своимъ рукамъ начальники, а солдаты принялись грабить страну.

Руанъ постигла одинаковая участь съ Парижемъ; но казна и при этомъ случаѣ осталась пуста: всѣ собранныя деньги раздѣлили между собою герцоги бургундскій и беррійскій. Всеобщее неудовольствіе было вскорѣ усилено новымъ обременительнымъ налогомъ. Королевскимъ указомъ была учреждена ежегодная подать со всѣхъ доходовъ и имущества податныхъ сословій, къ которымъ не принадлежали ни дворянство, ни духовенство. Разумѣется, всѣ эти мѣры только

наружно подавили волненія, и регентство вселило въ народъ ненависть къ себѣ и молодому королю. Правительство, считая спокойствіе возстановленнымъ, возобновило войну съ Англіею.

4. Испанія и Португалія по смерти Петра Жестокаго.

Генрихъ II Кастильскій своимъ мудрымъ правленіемъ вскорѣ загладилъ воспоминаніе о трагическомъ способѣ, какимъ онъ достигъ престола. Впослѣдствіи, всѣ единодушно сожалѣли, что царствованіе этого государя было столь кратковременно (1369—1379 г.), тогда какъ современникъ его, арагонскій тиранъ Петръ IV, царствовалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Генриху съ самаго начала пришлось выдержать трудную борьбу какъ со своими сосѣдями, арагонскимъ и португальскимъ королями, такъ и съ братомъ Эдуарда III, Іоанномъ Ланкастерскимъ, оспаривавшимъ у Генриха, какъ рожденнаго не въ законномъ бракѣ, права его на престолъ (стр. 365). Мы уже говорили, что этотъ англійскій принцъ былъ женатъ на старшей дочери Петра Жестокаго и, основывая на этомъ свои притязанія, тотчасъ по умерщвленіи Петра, принялъ титулъ кастильскаго короля. Но положеніе дѣлъ въ Англіи не дозволило ему приступить немедленно къ поддержкѣ своихъ правъ. Съ своей стороны и Фердинандъ Португальскій изъявлялъ притязанія на Кастилію, какъ внукъ кастильской принцессы, жены Альфонса IV, единственный прямой потомокъ мужскаго пола кастильской династіи. Для этого онъ еще въ 1369 г. вступилъ въ союзъ съ корыстолюбивымъ Петромъ Арагонскимъ и владѣтелемъ Гранады, Мухаммедомъ, пославшимъ на помощь къ бывшему кастильскому королю многочисленную, легкую конницу, которая послѣ его паденія бродила по Кастиліи, занимаясь грабежомъ. Но гранадскій владѣтель такъ мало вредилъ Генриху, что даже мавританскіе историки не могутъ привести почти ни одного блистательнаго подвига своихъ соотечественниковъ во время этой войны. Фердинандъ Португальскій также велъ войну довольно вяло, а Петръ Арагонскій былъ отвлеченъ безполезною войною въ Сардиніи, которую онъ старался удержать за собою вопреки генуезцамъ и желаніямъ самихъ жителей острова. Противъ Петра Генрихъ нашелъ союзника, который могъ возбудить опасныя волненія въ самой Арагоніи: это былъ арагонскій принцъ Іаковъ III, сынъ послѣдняго несчастнаго короля Маіорки. По смерти отца, казненнаго Петромъ IV, Іаковъ провелъ въ заключеніи четырнадцать лѣтъ, успѣлъ наконецъ бѣжать, принялъ титулъ короля Маіорки и сдѣлался потомъ (1363 г.) третьимъ мужемъ неаполитанской королевы Іоанны I. Но его необузданный и безпокойный характеръ не замедлилъ поссорить его съ женою, и онъ вскорѣ былъ вынужденъ оставить Неаполь. Іаковъ отправился оттуда въ Кастилію къ Петру Жестокому, чтобы съ его помощью овладѣть своимъ наслѣдіемъ, но попалъ въ плѣнъ къ Генриху II, когда тотъ ворвался, въ 1365 г., съ французскимъ войскомъ въ Кастилію. Іоанна выкупила его за сорокъ тысячъ дукатовъ, но Іаковъ вторично покинулъ ее и удалился во Францію, откуда съ содѣйствіемъ герцога анжуйскаго предпринялъ походъ въ Арагонію.

Въ войнѣ съ сосѣдями кастильскій король имѣлъ еще ту выгоду, что въ его руки перешли всѣ сокровища Петра Жестокаго. Присоединивъ къ нимъ значительныя суммы, назначенныя кортесами на государственные расходы, онъ успѣлъ раздѣлаться со всѣми своими обязательствами относительно Дюгеклена и его шаекъ и не только уплатилъ имъ сполна все жалованье, но даже выкупилъ всѣ города и земли, которые долженъ былъ уступить имъ по договору. Война съ Фердинандомъ Португальскимъ и Петромъ Арагонскимъ нисколько не тяготила Генриха; первый велъ ее такъ плохо, что, какъ говоритъ одинъ португальскій историкъ, лучше бы вовсе не начиналъ ее; а послѣдній разсорился со своимъ союзникомъ за то, что употреблялъ выдаваемыя ему Португаліей субсидіи на свои личныя нужды. Между тѣмъ, въ 1370 г. папа Урбанъ V постарался водворить миръ на полуостровѣ. Въ средніе вѣка римскій дворъ направлялъ европейскую политику точно такъ же, какъ руководятъ ею въ наше время нѣкоторыя изъ великихъ державъ; это давало папѣ важное политическое значеніе, тѣмъ болѣе

обширное, что оно, среди постоянныхъ войнъ, опиралось на одну нравственную силу. Дипломатическая дѣятельность Рима поддерживала сношенія между христіанскими государствами и нерѣдко предупреждала кровопролитіе. Урбанъ послалъ въ Испанію двухъ легатовъ и, кромѣ того, отправилъ увѣщевательныя буллы къ тремъ королямъ и женамъ королей кастильскаго и португальскаго. Все это не привело къ миру. Соглашеніе между Генрихомъ и Фердинандомъ послѣдовало уже по смерти папы и безъ посредничества легатовъ (1371 г.). Договоръ былъ заключенъ на условіи взаимнаго возвращенія всѣхъ взятыхъ городовъ и брака португальскаго короля съ дочерью Генриха Кастильскаго. Но миръ этотъ вскорѣ былъ нарушенъ, потому что Фердинандъ, такъ же какъ нѣкогда отецъ его Петръ I, сдѣлался рабомъ своимъ страстей (стр. 488). Это увлеченіе было поводомъ къ новой распрѣ, хотя Генрихъ, по просьбѣ Фердинанда, и уволилъ его отъ обязательства вступить въ бракъ съ его дочерью. Вскорѣ по заключеніи мира, Фердинандъ встрѣтился съ Элеонорою Тельесъ, женою одного изъ португальскихъ грандовъ, и страстно влюбился въ нее. Не привыкши обуздывать своихъ страстей никакими нравственными или религіозными принципами, онъ добился отъ Элеоноры желаемаго. Первый бракъ ея былъ разорванъ противъ воли духовенства, и король женился на ней, вопреки явному неудовольствію народа и духовенства.

Вслѣдъ за тѣмъ португальскій король соединился съ герцогомъ ланкастерскимъ и такимъ образомъ принудилъ Генриха вступить въ союзъ съ французами, которымъ флотъ его оказалъ важныя услуги во время войны съ Англіею. Договоръ между Португаліею и Англіею, обратившійся лѣтомъ 1372 г. въ оборонительный и наступательный союзъ, могъ только повредить Португаліи, потому что англійскій король былъ слишкомъ занятъ войною съ Франціею, чтобы помышлять о Кастиліи. Генрихъ Кастильскій вступилъ съ войскомъ въ Португалію, и португальцы бѣжали передъ нимъ, оставляя въ рукахъ его одинъ городъ за другимъ. Мы должны указать на одинъ изъ эпизодовъ этого похода, дѣлающій честь испанцамъ, которые обыкновенно вели войну съ африканскою жестокостью. Вѣрный рыцарской любезности, свойственной испанской націи и вообще среднимъ вѣкамъ, Генрихъ не отступилъ отъ нея даже относительно ненавистной Элеоноры Тельесъ и измѣнилъ, въ угоду ей, планъ военныхъ дѣйствій. Собираясь произвести нападеніе на Коимбру, онъ узналъ, что въ ней поселилась Элеонора, и немедленно отступилъ, пославъ красавицѣ привѣтливый, кастильскій комплиментъ. Онъ пошелъ на Лиссабонъ и, дождавшись прибытія къ устью Таго кастильскаго флота, началъ осаду города. Она длилась цѣлый мѣсяцъ, и городъ начиналъ уже терпѣть нужду, когда наконецъ легату папы Григорія XI, преемника Урбана V, удалось возстановить миръ между Кастиліей и Португаліей (май 1373 г.). При этомъ Генрихъ II остался, какъ и всегда, вѣренъ своему рыцарскому духу: не смотря на то, что онъ уже занялъ почти всѣ владѣнія врага и угрожалъ его столицѣ, онъ предъявилъ такія же требованія, какъ и до начала войны. Онъ потребовалъ только, чтобы Фердинандъ воспретилъ пребываніе въ Португаліи кастильскимъ эмигрантамъ, не признававшимъ Генриха законнымъ королемъ и тревожившимъ его государство безпрестанными набѣгами. Фердинандъ обѣщалъ это и, отказавшись отъ союза съ Англіею, присталъ къ союзу Кастиліи съ Франціею. Оба короля соединились потомъ противъ Петра Арагонскаго, который занялъ пограничныя кастильскія земли и возстановилъ противъ себя Фердинанда, обращая въ свою пользу выдаваемыя имъ субсидіи.

Арагонскій король находился въ самомъ стѣснительномъ положеніи: имѣя на рукахъ войну съ сардинцами и генуэзцами, онъ долженъ былъ защищаться въ то же время отъ нападенія кастильцевъ и маіоркскаго претендента. Наконецъ ему пришлось искать мира съ Генрихомъ и уступить ему то, чего тотъ единственно добивался, т. е. отнятыя у него кастильскія земли. Кромѣ того, Петръ долженъ былъ уплатить извѣстную сумму за военныя издержки. Сынъ и наслѣдникъ Генриха, Іоаннъ I, былъ помолвленъ на дочери Петра. Іаковъ Маіоркскій сдѣлался жертвою этого мира. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ и не имѣя силъ бороться съ Арагоніею, онъ едва спасся отъ плѣна и бѣжалъ въ Кастилію, гдѣ вскорѣ и умеръ въ глубокой горести.

Возвративъ Кастиліи всѣ провинціи, утраченныя ею во время внутреннихъ междоусобій, Генрихъ присоединилъ къ ней по смерти брата и Бискаію, и присоединилъ ее нераздѣльно, не нарушивъ при этомъ ни чьихъ правъ. Онъ сдѣлалъ изъ этой страны кастильскую провинцію и объявилъ дочери Фердинанда де ла Серда, вышедшей замужъ во Франціи за герцога алансонскаго и изъявлявшей притязанія на Бискаію, какъ на законное наслѣдіе своихъ дѣтей, что онъ дастъ имъ эту провинцію въ ленное владѣніе, если они вернутся въ Испанію. Онъ предвидѣлъ, что сыновья герцога алансонскаго не откажутся отъ Франціи, чтобы сдѣлаться испанцами, и что онъ будетъ такимъ образомъ въ правѣ присоединить Бискаію къ Кастиліи. Относительно жителей Бискаіи, Генрихъ также не нарушилъ требованій справедливости и умѣренности, предоставивъ имъ всѣ ихъ старинныя права. Отнявъ у наваррскаго короля города, которыми тотъ владѣлъ въ Бискаіи, Генрихъ вознаградилъ его деньгами за издержки, которыхъ стоило ему ихъ укрѣпленіе. Вообще этотъ государь берегъ кровь подданныхъ и всегда старался откупаться отъ войны деньгами. Но эта политика заставляла и его прибѣгать къ несчастному средству, столь обыкновенному въ средніе вѣка и замѣняемому у насъ государственными займами, а именно — къ пониженію внутренней цѣнности монеты. Кромѣ того, Генрихъ слишкомъ щедро, чтобы не сказать легкомысленно, дарилъ своихъ приверженцевъ землями, замками и городами, составлявшими собственность короны. Но историкъ Маріана весьма справедливо объясняетъ это чрезмѣрное великодушіе Генриха политическими видами. Генрихъ сознавалъ, что онъ долженъ ставить насущную необходимость выше соображеній о будущей участи своихъ преемниковъ, и поэтому, лежа на смертномъ одрѣ, указалъ своему наслѣднику, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы безъ шума возвратить коронѣ всѣ отчужденныя отъ нея герцогства и провинціи; онъ предписалъ въ своемъ завѣщаніи, чтобы подаренныя имъ земли переходили по наслѣдству не иначе какъ къ дѣтямъ владѣльцевъ, а отнюдь не въ боковыя линіи ихъ фамилій.

Сынъ Генриха, Іоаннъ I (1379—1390 г.), подобно отцу заслужилъ любовь кастильцевъ кротостью, великодушіемъ и справедливостью; но онъ былъ не безъ слабостей и растратилъ много денегъ на безполезныя войны. Вскорѣ по вступленіи на тронъ, онъ поссорился съ Португаліею, что дало герцогу ланкастерскому возможность заявить, наконецъ, на дѣлѣ притязанія свой жены на кастильскую корону. У Фердинанда Португальскаго была всего одна дочь отъ законнаго брака, Беатриса, и ни одного сына, что подавало Іоанну надежду на близкое соединеніе Португаліи съ Кастиліею; для этого онъ старался помолвить Беатрису за своего сына Генриха, хотя послѣднему былъ всего одинъ годъ. Іоаннъ достигъ цѣли; но вскорѣ послѣ того португальскій король, вопреки этому смѣшному договору, вступилъ въ союзъ съ двумя англійскими принцами, женатыми на дочеряхъ Петра Жестокаго. Фердинандъ заключилъ съ ними два договора, на условіяхъ: воевать сообща противъ Іоанна I, признать права герцога ланкастерскаго на кастильскую корону и помолвить наслѣдницу Португаліи съ сыномъ принца Эдмунда и младшей дочери Петра Жестокаго (1380 г.). Узнавъ объ этомъ договорѣ, Іоаннъ Кастильскій вступилъ въ Португалію, разбилъ португальскій флотъ и овладѣлъ крѣпостью Альмейдою. Вскорѣ послѣ того явилось англійское войско, подъ предводительствомъ Эдмунда, и вмѣстѣ съ португальцами ворвалось въ Кастилію; но англичане, по обыкновенію, поступали такъ грубо и съ друзьями, и съ недругами, что черезъ два года Фердинандъ сталъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ нихъ и снова сблизиться съ кастильскимъ королемъ. Онъ заключилъ съ нимъ миръ на условіи помолвить наслѣдницу Португаліи съ кастильскимъ принцемъ,—но не съ Генрихомъ, а съ младшимъ братомъ его Фердинандомъ, чтобы не присоединять Португалію къ Кастиліи. Эдмундъ не могъ продолжать войны съ однимъ собственными средствами и вернулся въ Англію. Вскорѣ послѣ того король Іоаннъ овдовѣлъ и договоръ съ Португаліею былъ измѣненъ такимъ образомъ, что на португальской принцессѣ женился вмѣсто сына самъ король. По новому условію, корона Португаліи должна была достаться сыну отъ этого брака; но въ случаѣ, если бы Беатриса не имѣла дѣтей и вторая дочь Фердинанда не оставила потомства, то Португалію долженъ былъ наслѣдовать Іоаннъ.

Этотъ договоръ благопріятствовалъ не столько цѣлямъ кастильскаго короля, сколько честолюбію Элеоноры Тельесъ, игравшей роль королевы, хотя бракъ ея съ Фердинандомъ никогда не былъ признаваемъ законнымъ. Видя шаткое здоровье мужа и предугадывая его близкую кончину, Элеонора старалась удалить отъ престолонаслѣдія братьевъ короля, Іоанна и Діонисія, и получить съ помощью кастильскаго короля регентство. Элеонора была изъ числа тѣхъ ужасныхъ женщинъ, съ которыми, къ счастію, у насъ на сѣверѣ, мы знакомимся только изъ судебныхъ процессовъ и, чтобы не усомниться въ человѣческой, а въ особенности въ женской натурѣ, считаемъ исключительными, несчастно-сложившимися характерами. Послѣ измѣны законному мужу, Элеонора совершила цѣлый рядъ преступленій. Она съумѣла самымъ безчеловѣчнымъ образомъ сдѣлать безвреднымъ для себя инфанта Іоанна, женатаго на ея сестрѣ, оклеветавъ его жену и подавъ ему надежду, что если онъ освободится отъ нея; то можетъ получить руку Беатрисы и съ нею право на корону. Іоаннъ дался въ обманъ, собственноручно убилъ жену и за это преступленіе долженъ былъ бѣжать изъ страны. Онъ нашелъ пріютъ и защиту въ Кастиліи, гдѣ еще царствовалъ Генрихъ II; но Іоаннъ I, считая инфанта Іоанна своимъ соперникомъ, велѣлъ заключить его въ темницу и, пользуясь его плѣномъ, вступилъ въ тайный заговоръ съ Элеонорою, хотя приближенные и предупреждали его противъ этой интригантки, указывая ему, на какой шаткой почвѣ онъ строитъ свои планы. Элеонора обѣщала Іоанну I провозгласить жену его, Беатрису, наслѣдницею престола, тотчасъ по смерти Фердинанда; въ благодарность за это Іоаннъ обѣщалъ предоставить Элеонорѣ регентство до тѣхъ поръ, пока ожидаемый отъ Беатрисы сынъ не достигнетъ совершеннолѣтія. Этотъ договоръ былъ заключенъ еще до брака кастильскаго короля. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, португальскій король скончался (1383 г.).

Элеонора немедленно провозгласила властителями Португаліи кастильскую королеву и ея мужа, и приняла регентство; но португальскій народъ разрушилъ всѣ ея планы. Интриги ея были всѣмъ извѣстны; народъ ненавидѣлъ ее и ея любовника Авейро, съ которымъ она стала жить въ явной связи, и отказался повиноваться ей. Единственные законные наслѣдники престола, инфанты Іоаннъ и Діонисій, находились въ плѣну, въ Кастиліи, куда уже давно бѣжалъ и послѣдній; но у Элеоноры нашелся другой опасный соперникъ, великій магистръ ордена Ависъ, побочный сынъ короля Петра I, Іоаннъ, который рѣшился воспользоваться обстоятельствами, чтобы забрать въ руки власть, а если можно и корону. Умертвивъ собственноручно во дворцѣ Элеоноры ея ненавистнаго любовника, Іоаннъ явился передъ народомъ, имѣвшимъ совершенно различныя съ нашими понятія о чести и убійствѣ, мстителемъ чести покойнаго брата и защитникомъ національныхъ правъ. Принудивъ королеву бѣжать изъ страны, онъ черезъ три мѣсяца по смерти Фердинанда былъ шумно провозглашенъ регентомъ государства, сначала народомъ, а потомъ и дворянствомъ. Особенно благопріятствовалъ Іоанну союзъ Элеоноры съ кастильскимъ королемъ, такъ какъ португальцы, видя, что дѣло идетъ о спасеніи своей національности, почти единодушно приняли его сторону. Впрочемъ регентъ выдавалъ себя сначала только за намѣстника будущаго сына Беатрисы, но вскорѣ хитростью проложилъ себѣ путь и къ престолу. Правленіе его началось съ убійства, а власть его была упрочена тѣмъ, что онъ отставилъ и лишилъ имущества всѣхъ друзей королевы и законныхъ наслѣдниковъ, замѣстивъ ихъ своими приверженцами. Іоаннъ послѣдовалъ совѣту одного португальца, который сказалъ ему: «Я готовъ стоять за васъ, и вотъ вамъ мой совѣтъ: отдавайте то, что вамъ не принадлежитъ; обѣщайте то, чего у васъ нѣтъ, и прощайте тѣмъ, кого не можете наказать!» Такимъ образомъ Іоаннъ пріобрѣлъ себѣ множество приверженцевъ, и португальцы, подобно французамъ въ новѣйшее время, подчинились тяжкимъ налогамъ, лишь бы помочь призванному основателю новой династіи утвердиться на упраздненномъ престолѣ.

Главною опорою регента были народъ и городское сословіе. Дворянство, или, что одно и тоже, войско, вначалѣ не было расположено подчиняться новому правительству; но грозившее присоединеніе къ Кастиліи пробудило къ борьбѣ за національную независимость нѣсколькихъ героевъ, а такъ какъ отъ кастильскаго короля нельзя было ожидать подарковъ, какъ отъ регента, то къ Іоанну пристало вскорѣ и дворянство, склонявшееся вначалѣ на сторону Кастиліи. Элео-

нора настоятельно призывала къ себѣ на помощь кастильскаго короля и вначалѣ слѣдующаго года (1384 г.) онъ явился, вмѣстѣ съ женою, въ Португалію. Но при первой же встрѣчѣ съ Элеонорою Іоаннъ, справедливо или нѣтъ, обвинилъ ее въ заговорѣ и отправилъ плѣнницею въ Кастилію. Такимъ образомъ вся королевская фамилія была въ его рукахъ; это, конечно, не могло расположить къ нему португальцевъ и послужило только къ выгодѣ регента. Однако, не смотря на упорство, съ какимъ эта нація отстаивала свою родину, она не могла бороться съ кастильцами. Іоаннъ разбилъ португальскій флотъ и осадилъ Лиссабонъ съ моря и съ суши. Кастильцы уже взяли одну изъ близлежащихъ крѣпостей и, отрѣзавъ подвозъ припасовъ въ городъ, довели его до крайности; но внезапно распространившаяся зараза произвела такое страшное опустошеніе въ войскѣ Іоанна, что ему пришлось какъ можно поспѣшнѣе вернуться въ Кастилію. Опасность, въ какую былъ поставленъ Лиссабонъ и все государство, внушили націи желаніе обезпечить свою независимость отъ чужеземца, и регентъ обратилъ это желаніе въ свою пользу. До той поры онъ утверждалъ, что управляетъ страною отъ имени ожидаемаго наслѣдника Беатрисы и сражается противъ однихъ кастильцевъ; коменданты крѣпостей и часть знати также признавали наслѣдникомъ престола только будущаго сына Беатрисы, или одного изъ инфантовъ, находившихся въ плѣну въ Кастиліи. Въ мартѣ 1385 г. регентъ созвалъ въ Коимбрѣ кортесы, чтобы предъявить имъ свои права на признательность націи. Не трудно было предугадать цѣль этого собранія и достиженіе ея не представляло большихъ затрудненій. Народъ преслѣдовалъ всякаго, кто былъ противъ регента, а знаменитый португальскій законовѣдъ, Іоаннъ дасъ Реграсъ, ученикъ Бартола (стр. 314), употребилъ все свое краснорѣчіе и ученость, чтобы доказать неосновательность притязаній Беатрисы и двухъ инфантовъ и право націи избирать короля по собственному усмотрѣнію. Регентъ, съ своей стороны, дѣлалъ все необходимое въ подобныхъ случаяхъ, и въ заключеніе разъигралъ еще роль безкорыстнаго, притворно отказываясь отъ престола. Чрезъ нѣсколько недѣль вся эта комедія была окончена, и 6-го апрѣля регентъ былъ безъ всякихъ возраженій избранъ въ короли.

Еще во время осады Лиссабона новый король Іоаннъ I заключилъ договоръ съ Англіею, или вѣрнѣе съ герцогомъ ланкастерскимъ, за которымъ онъ призналъ право на кастильскій престолъ. Когда потомъ Іоаннъ Кастильскій, поддерживаемый французами, ворвался въ Португалію, герцогъ ланкастерскій прислалъ пятьсотъ человѣкъ войска, состоявшаго большею частью изъ знаменитыхъ англійскихъ стрѣлковъ, считавшихся тогда искуснѣйшими въ Европѣ. Оно явилось въ Португалію въ ту самую минуту, когда храбрый и смѣлый Іоаннъ I рѣшился не ждать враговъ въ Лиссабонѣ, а выступить къ нимъ на встрѣчу, въ открытое поле, хотя войско его было вчетверо малочисленнѣе кастильскаго. Рѣшительное сраженіе произошло въ августѣ 1385 г. при Альжубаротѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Лиссабона. Эта битва положила начало той славѣ и могуществу, которыми въ пятнадцатомъ вѣкѣ отличалась маленькая португальская нація при королѣ Іоаннѣ и его преемникахъ. Поэтому, блистательная побѣда при Альжубаротѣ надолго сохранилась въ памяти народа, и ежегодно праздновалась, даже въ прошедшемъ столѣтіи, какъ начало возстановленія національной независимости. Разбитые кастильцы совершенно очистили Португалію. Іоаннъ I Португальскій отложилъ дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ до прибытія герцога ланкастерскаго и занялся пока осадою крѣпостей, которыя еще были заняты врагами, во имя Беатрисы. Потомъ, вмѣстѣ съ герцогомъ ланкастерскимъ онъ предпринялъ походъ противъ кастильскаго короля, скрѣпивъ союзъ съ англичанами бракомъ съ дочерью герцога отъ перваго супружества, Филиппою. Но предпріятіе португальцевъ и англичанъ было неудачно, потому что кастильцы выказали точно такую же твердость и единодушіе въ защитѣ своей родины, какъ и португальцы. Кастильцы были даже единодушнѣе, потому что ни одинъ городъ не отворилъ воротъ пришельцу, ни одинъ изъ феодаловъ не присталъ къ претенденту, который долженъ былъ поспѣшно отступить въ Португалію. Онъ началъ наконецъ переговоры съ противникомъ и заключилъ съ ними (1387 г.) въ Баіоннѣ мирный договоръ, предоставивъ своего союзника, португальскаго короля, его собственной участи. По этому договору герцогъ ланкастерскій помолвилъ дочь свою, Ката-

лину, рожденную имъ отъ брака съ кастильскою принцессою, за Генриха III, сына и наслѣдника кастильскаго короля, передавъ ей права ея матери на кастильскую корону. Взамѣнъ этой уступки онъ получилъ вознагражденіе за военныя издержки, а женѣ его, какъ инфантѣ испанской, назначена была ежегодная пенсія въ сорокъ тысячъ золотыхъ флориновъ и кромѣ того отданы, въ вознагражденіе за утрату наслѣдственныхъ правъ, нѣсколько городовъ и помѣстій. Инфантъ Генрихъ III принялъ титулъ принца астурійскаго, который и носили потомъ наслѣдники престола въ Испаніи.

Однако война между Португаліею и Кастиліею продолжалась еще, какъ частная феодальная вражда, и послѣ баіоннскаго мира; эти безполезныя и разорительныя драки, обогащавшія одно рыцарство, утомили наконецъ оба государства и они заключили въ 1389 г. перемиріе, которое было вскорѣ нарушено, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возобновлено на три года, а потомъ продолжено еще на пятнадцать лѣтъ. Іоаннъ Кастильскій умеръ въ 1390 г., но португальскій король Іоаннъ I жилъ еще долго и въ слѣдующемъ столѣтіи.

5. Внутреннiе безпорядки въ Англіи во время несовершеннолѣтія короля Ричарда II.

По смерти Эдуарда III, положившей начало новому періоду исторіи Англіи, характеръ молодаго короля, честолюбіе и алчность его дядей грозили этой странѣ точно такими же бѣдствіями, какимъ подвергли Францію поступки ея принцевъ. Внутреннія волненія вызвали и въ Англіи, какъ во Франціи, полнѣйшую анархію. Причиною этихъ безпорядковъ были отчасти молодость и слабость короля Ричарда II и личныя свойства его дядей, а отчасти то, что низшій классъ народа былъ исключенъ изъ участія въ политическихъ правахъ, предоставленныхъ учрежденіями страны среднему сословію, и терпѣлъ ужасныя притѣсненія отъ дворянства и духовенства. Два первыя сословія одинаково злоупотребляли своею силою и потому угнетенный народъ, въ своемъ стремленіи свергнуть съ себя иго, яростно возсталъ на нихъ обоихъ. Къ тому же свѣтъ просвѣщенія разлился въ этомъ столѣтіи на всѣ государства, находившіяся въ сношеніяхъ съ Италіею, или по крайней мѣрѣ почерпавшія научныя знанія и образованіе въ ея училищахъ, сочиненіяхъ писателей, создавшихъ новѣйшую науку и поэзію. Эти волненія имѣли и политическій, и религіозныя характеръ. Ложное пониманіе народомъ библейскаго ученія и неспособность учившаго его духовенства толковать, какъ слѣдуетъ, это ученіе увлекли возставшія массы къ величайшимъ безчинствамъ, такъ что тѣсно соединившимся духовенству и рыцарству было легко не только подавить подобныя движенія, но и еще болѣе поработить потомъ крестьянъ.

Пробудившееся стремленіе къ изученію древности, всеобщее броженіе въ Италіи, вызванное постепеннымъ упадкомъ средневѣковыхъ обычаевъ и учрежденій, и уже совершившійся тамъ переходъ къ новѣйшей эпохѣ распространились, въ концѣ четырнадцатаго вѣка болѣе или менѣе по всей Европѣ, такъ что и въ Англіи нашлось много смѣлыхъ противниковъ іерархіи, проповѣдывавшихъ то же самое, что пѣлъ Данте и даже Петрарка, когда онъ бывалъ недоволенъ римскимъ дворомъ. Эти люди возставали не только противъ извращенія первобытнаго, апостолическаго устройства церкви и противъ упадка нравовъ въ духовенствѣ, но нападали и на самые догматы. Они возставали, въ тоже время, и на несообразные, дурно распредѣленные и взимаемые налоги, истощавшіе низшія сословія, не доставляя богатства правительству. Рыцарство упражнялось въ турнирахъ, пѣло, плясало, блистало и роскошествовало, воюя между собою и разоряя крестьянъ, жившихъ вокругъ ихъ замковъ въ избушкахъ, походившихъ скорѣе на хлѣвы, чѣмъ на человѣческія жилища. Духовенство дѣлало, въ своемъ родѣ, то же самое; при Эдуардѣ III безчинство монаховъ дошло до такой степени, что этотъ энергическій государь нерѣдко бывалъ вынуждаемъ конфисковать и налагать запрещеніе на имущества церкви, для того чтобы принудить епископовъ и церковныя власти преслѣдовать хотя наиболѣе вопіющія преступленія духовенства. Мы видимъ изъ одного манифеста Эдуарда (1371 г.), что ка-

питулъ лондонской церкви св. Петра формально превратилъ ее въ таверну, или даже въ нѣчто худшее, и что король принялъ противъ этого самыя строгія мѣры. Духовенство, утопая въ роскоши, строя церкви и пышно расписывая стѣны ихъ картинами неба и ада, превращало въ адъ земную жизнь своей паствы. Это вызвало новыхъ пророковъ, которые въ утѣшеніе страждущей братіи нерѣдко объясняли библію совершенно произвольно и ложно, стараясь противопоставить ее догматамъ и обрядамъ господствовавшей церкви.

Послѣднее относится въ особенности къ проповѣдямъ монаха Джона Болля, отличавшагося скорѣе фанатическимъ рвеніемъ, чѣмъ познаніями. Подобно нынѣшнимъ методистамъ, онъ съ 1356 г. путешествовалъ по разнымъ мѣстностямъ, проповѣдуя божественное слово утѣшенія собиравшимся вокругъ него бѣднякамъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ принадлежалъ къ францисканскому ордену, начальники котораго оказали столь важныя услуги Людовику Баварскому противъ папы (стр. 276). Особенно рѣзко возставалъ Джонъ Болль на монашествующее и свѣтское духовенство, на рыцарей и богачей, выставляя народу свободу и равенство, какъ основаніе христіанскаго откровенія и характеристическую черту исторіи іудейскаго народа и первыхъ христіанъ съ апостолами. Это видно уже изъ одной поговорки, которая сложилась у крестьянъ, слушавшихъ его проповѣди:

«Гдѣ былъ дворянинъ, когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла?»

Въ одно время съ Джономъ Боллемъ (съ 1360 г.) вмѣсто богословскихъ теорій проповѣдывалъ апостольское евангеліе Джонъ Уиклефъ, бывшій впослѣдствіи професоромъ оксфордскаго университета. Но и личныя свойства и общественное положеніе обоихъ проповѣдниковъ были весьма различны: Джонъ Болль былъ простой, ревностный и неученый монахъ; Джонъ Уиклефъ, уважаемый проповѣдникъ и ученый, дѣйствовавшій осторожно и хитро, могъ, какъ человѣкъ свѣдущій въ діалектикѣ и схоластикѣ тогдашнихъ школъ, вступать въ состязаніе съ кѣмъ угодно на ученыхъ поединкахъ, или такъ называемыхъ диспутахъ. Вначалѣ Уиклефъ направлялъ свои проповѣди исключительно противъ злоупотребленій церковною властью, противъ богатства и роскоши свѣтскаго духовенства и разврата монашества. Но впослѣдствіи онъ напалъ съ научной и философской точки зрѣнія и на важные догматы, особенно на ученіе о пресуществленіи хлѣба въ св. причастіи, и образовалъ родъ монашескаго ордена, такъ называемое общество бѣднаго духовенства, проповѣдывавшее свое ученіе во всѣхъ графствахъ Англіи. Эти странствующіе проповѣдники боролись повсюду съ суевѣріемъ и монашествомъ и въ то же время распространяли переводъ нѣкоторыхъ главъ библіи, сдѣланный Уиклефомъ, который перевелъ впослѣдствіи и все священное писаніе для того, чтобы противопоставить его такъ называемому священному преданію. Къ этому обществу присталъ и Джонъ Болль, какъ скоро глава его, Уиклефъ, пріобрѣлъ вліяніе, послѣдователей и учениковъ.

Положеніе Англіи какъ нельзя болѣе благопріятствовало въ ту пору проповѣди реформаціи, потому что Іоаннъ Ланкастерскій покровительствовалъ враждебному римской церкви духовенству, и даже самъ парламентъ сообразовался въ своихъ дѣйствіяхъ съ его ученіемъ. Іерархія, какъ мы уже имѣли случай видѣть, могла быть обуздываема только въ одной Англіи, гдѣ король, дѣйствуя за одно съ націею, былъ весьма могущественъ, а папа и духовенство были безсильны безъ поддержки народа. Тщетно Григорій XI издалъ грозную буллу противъ Уиклефа и его ученія, тщетно онъ предавалъ его, въ 1377 г., церковному суду; первыя лица Англіи, герцогъ ланкастерскій и графъ Перси Нортомберлендскій, вырвали осужденнаго Уиклефа изъ рукъ раздраженнаго духовенства и фанатиковъ. Но кромѣ этого покровительства, Уиклефа спасло еще и то, что онъ оплелъ свое ученіе цѣлою сѣтью исключеній, оговорокъ и объясненій, которыя какъ будто оставляли неприкосновенною самую сущность католицизма. Уиклефъ оставлялъ на второмъ планѣ ту часть своего ученія, въ которой онъ сходился съ Джономъ Боллемъ, а именно: что наслѣдственная власть и наслѣдственное владѣніе землею не согласны съ апостольскимъ ученіемъ. Но за то онъ положительно утверждалъ, что духовенство не должно пользоваться ни землею, ни свѣтскою властію. Такое ученіе было какъ нельзя болѣе по душѣ феодаламъ, въ родѣ Перси и Ланкастера, рыцарству и земледѣльцамъ; оно давало каноническія и научныя основанія насиліямъ, которыя они позволяли себѣ надъ духовенствомъ, и постоян-

нымъ стремленіямъ ихъ ограничить власть папы и іерархіи. Обстоятельства сдѣлались еще благопріятнѣе для Уиклефа и позволили ему заговорить совсѣмъ другимъ языкомъ, когда парламентъ учредилъ родъ регентства при молодомъ королѣ Ричардѣ II и въ то же время по смерти Григорія XI (1378 г.) на его мѣсто были избраны двое враждебныхъ другъ другу папъ, которые, чтобы пріобрѣсть средства для взаимной борьбы, безсовѣстно злоупотребляли вѣрою народа въ святость церковной власти и механическіе религіозные обряды. Расколъ въ западной церкви повлекъ за собою въ Англіи установленіе чрезмѣрныхъ налоговъ и на церковныя имущества, возбудившее неудовольствіе аристократіи, младшіе сыновья которой жили, большею частью, доходами съ церковныхъ приходовъ; въ то же время, страшный для короля Ланкастеръ явно покровительствовалъ ученію, которымъ Уиклефъ хотѣлъ усовершенствовать догматы, нравы и іерархію церкви. Съ своей стороны и парламентъ принималъ рѣшительныя мѣры противъ злоупотребленій, которыя позволяли себѣ въ Англіи папа и духовенство (1380 г.). Онъ выслалъ всѣхъ чужеземныхъ монаховъ, проповѣдывавшихъ понятія, совершенно противныя идеямъ, которыя каждый англичанинъ всасывалъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Онъ издалъ, сверхъ того, актъ, отнимавшій у папы право раздавать иностранцамъ англійскіе приходы; но такъ какъ англійскій парламентъ не могъ приказывать главѣ церкви, то къ этому акту присоединено было постановленіе, которымъ отнималась у иностранцевъ, получившихъ отъ папы приходы въ Англіи, всякая возможность пользоваться ими, а англичанамъ формально воспрещалось брать въ аренду у иностранцевъ церковныя земли, или управлять ими.

Вліятельному, ученому и искусному Уиклефу удалось, благодаря покровительству вельможъ, счастливо избѣгнуть преслѣдованія, а простой, шумливый монахъ Джонъ Болль попалъ въ руки церковнаго судилища за то, что, какъ говорится нынѣ, проповѣдывалъ коммунизмъ и нажилъ себѣ враговъ въ духовенствѣ и богатыхъ классахъ. Онъ былъ потребованъ къ допросу, и такъ какъ ему никто не покровительствовалъ, то по распоряженію архіепископа его посадили въ тюрьму, откуда онъ никогда не вышелъ бы, еслибы не вспыхнуло новое всеобщее возстаніе. Это возстаніе началось вслѣдствіе того, что аристократія и духовенство, ни чѣмъ не сдерживаемыя во время регентства, своими угнетеніями довели до отчаянія крѣпостное населеніе. Первымъ поводомъ къ возстанію было жалкое состояніе финансовъ при несовершеннолѣтнемъ королѣ, Ричардѣ II. Чтобы вывести правительство изъ затрудненія, парламентъ согласился на новую подушную подать, но и этотъ налогъ, какъ обыкновенно бывало въ средніе вѣка, взимался такъ произвольно, что отъ него обогащались только откупщики и сборщики податей, а казна оставалась пустой. Для покрытія дефицита былъ установленъ новый налогъ, еще болѣе обременительный, и народъ, видя, что правительство стакнулось съ откупщиками и сборщиками податей на разореніе бѣдняковъ, потерялъ наконецъ всякое терпѣніе. Но и на этотъ разъ имъ удалось усмирить его и обмануть правительство; вмѣсто того, чтобы потребовать ихъ къ суду, король сталъ торговаться съ ними о суммѣ, которую они соглашались уплатить казнѣ, и устроилъ выгодную для себя сдѣлку съ народными кровопійцами. Они постарались вознаградить себя за этотъ убытокъ на крестьянахъ, поступая съ ними съ неслыханнымъ безчеловѣчіемъ и безсовѣстностью. Вся страна пришла въ волненіе; наконецъ, тяжелое оскорбленіе, нанесенное сборщиками податей въ Кентѣ семейству одного кровельщика, Уальтера, или какъ его обыкновенно называли потомъ, Уата Тайлера, сдѣлалось поводомъ къ возстанію (1381 г.). Уатъ Тайлеръ выгналъ оскорбившихъ его сборщиковъ и призвалъ народъ къ вооруженному сопротивленію. Вскорѣ возстаніе распространилось по всей Англіи, и Уатъ Тайлеръ сдѣлался предводителемъ цѣлой толпы собравшихся вокругъ него поселянъ, ремесленниковъ и рабочихъ. Они рѣшились идти въ Лондонъ и потребовать отъ короля отмѣны всей существовавшей системы налоговъ. На пути они освободили Джона Болля, и онъ сталъ проповѣдывать въ томъ же духѣ, въ какомъ проповѣдывалъ, въ наше время, у французовъ Ламенне; Джонъ Болль настаивалъ на совершенномъ измѣненіи существующаго порядка, отмѣнѣ всѣхъ налоговъ, раздѣлѣ собственности и истребленіи богатыхъ и знатныхъ. Раздраженныя толпы не замедлили приложить къ дѣлу эти теоріи: онѣ грабили имѣнія дворянства, жгли ленныя граматы и безжалостно убивали чиновниковъ. Противъ короля они не имѣли

никакихъ замысловъ и желали только воспользоваться его вліяніемъ для достиженія своихъ цѣлей, но за то были страшно раздражены противъ настоящаго правителя, герцога ланкастерскаго. Подступивъ къ Лондону, подъ предводительствомъ Уата Тайлера, Джона Болля и еще одного священника, Джэка Строу, мятежники расположились лагеремъ на высотахъ Блэктита и отправили депутацію, звать къ себѣ короля. Съ Ричардомъ было очень немного рыцарей, ненавистный архіепископъ кентербёрійскій и коммисаръ по сбору податей, изобрѣтатель послѣдняго обременительнаго налога. Король рѣшился послѣдовать приглашенію и отправился къ нимъ внизъ по Темзѣ, но, приблизясь къ мятежникамъ, не рѣшился выйти на берегъ и повернулъ назадъ. Раздраженныя толпы немедленно направились къ Лондону (12 іюня 1381 г.).

Лондонскій магистратъ хотѣлъ было запереть передъ мятежниками ворота, но чернь не допустила его до этого и присоединилась къ пришельцамъ, которые, въ продолженіе двухъ дней, неистовствовали въ городѣ, грабя, разоряя и убивая. Король со своимъ совѣтомъ скрылся въ Тоуэрѣ, гдѣ и былъ осажденъ народомъ. У Ричарда не хватило энергіи послушаться совѣта лорда-мэра Уольуорта и напасть на чернь во главѣ рыцарей и лондонской буржуазіи, готовой защищать свою собственность, и поэтому, черезъ три дня, былъ вынужденъ вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ обѣщать мятежникамъ повсемѣстную отмѣну подати и уничтоженіе крѣпостнаго права и барщины. Онъ долженъ былъ выдать ему даже своихъ вѣрныхъ друзей: нѣсколько сотъ человѣкъ вооруженныхъ пиками и дубинами, или вовсе не вооруженные, ворвались въ Тоуэръ и умертвили архіепископа и коммисара. Наконецъ мятежники потребовали отъ короля письменнаго засвидѣтельствованія сдѣланныхъ имъ уступокъ, и кромѣ того еще новыхъ льготъ, какъ-то: отмѣны права охоты и рыбной ловли, и не расходились до тѣхъ поръ, пока обо всемъ этомъ не были составлены королевскіе указы. По совѣту окружающихъ, Ричардъ вышелъ со всею свитою, 15 іюня, изъ Тоуэра, чтобы предъ лицомъ всего народа заключить условія съ предводителями возстанія. Онъ остановился въ отдаленіи отъ толпы и къ нему, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился приблизиться Уатъ Тайлеръ. Нѣсколько храбрецовъ въ свитѣ короля воспользовались этимъ случаемъ, чтобы лишить возставшій народъ единственнаго человѣка, который не только пользовался неограниченнымъ вліяніемъ надъ нимъ, но и умѣлъ руководить военными дѣйствіями, привыкнувъ къ войнѣ въ французско-англійскую кампанію. Едва Уатъ Тайлеръ приблизился къ королю, какъ лордъ-мэръ Уольуортъ пронзилъ ему горло, и онъ палъ подъ ударами другихъ рыцарей. Это убійство оправдывали тѣмъ, что будто Уатъ Тайлеръ грозилъ королю своимъ короткимъ мечомъ. Узнавъ о гибели своего предводителя, народъ пришелъ въ ярость; но Ричардъ спасъ себя и своихъ несвойственнымъ ему присутствіемъ духа. Онъ тотчасъ же подъѣхалъ къ шумѣвшей толпѣ и сталъ увѣщевать ее, говоря, что самъ желаетъ быть ея вождемъ, на мѣсто убитаго, котораго онъ называлъ измѣнникомъ и разбойникомъ. Массы машинально послѣдовали за нимъ и онъ вывелъ ихъ за городъ, гдѣ войску было удобно напасть на нихъ. Это войско немедленно составилось изъ привычной къ военному дѣлу буржуазіи, подъ предводительствомъ Уольуорта, а въ то же время подоспѣлъ съ конницею величайшій англійскій полководецъ того времени, Робертъ Нолльзъ. Хотя королевскій отрядъ былъ весьма незначителенъ, но горсть хорошо вооруженнаго и опытнаго войска, какъ всегда, взяла верхъ надъ безпорядочною массою народа. Она была разбита въ нѣсколько мгновеній и разсѣялась такъ же быстро, какъ собралась. Король тотчасъ взялъ назадъ свои уступки; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ верховный судья Трезиліенъ, по обыкновенію множества юристовъ всѣхъ эпохъ и государствъ, воспользовался своею ученостью не для спасенія, а для угнетенія невинности, и сдѣлалъ изъ судейской власти топоръ палача, изъ Ѳемиды — Фурію... Въ числѣ первыхъ казненныхъ были Джонъ Болль и Джэкъ Строу. Бѣдный народъ подпалъ подъ прежнее иго, и отъ возстанія выиграли только одни вельможи, составлявшіе большинство парламента.

Король просилъ парламентъ облегчить бремя поселянъ и уничтожить стѣснительныя привилегіи землевладѣльцевъ; но парламентъ сотсоялъ, большею частію, изъ людей, которые теряли отъ этихъ реформъ, и потому точно такъ же

противился уничтоженію привилегій, вызвавшихъ возстаніе, какъ противилась нынѣшняя англійская аристократія отмѣнѣ законовъ о хлѣбѣ. Они, впрочемъ, старались скрыть свою враждебность къ интересамъ народа, и, сваливая всю вину съ землевладѣльцевъ на правительство, воспользовались обстоятельствами, чтобы освободиться отъ нѣкоторыхъ обязанностей, соединенныхъ съ владѣніемъ землею. Парламентъ утверждалъ, что причины народныхъ волненій кроются не въ тѣхъ обстоятельствахъ, какимъ приписываетъ ихъ правительство, а въ безпрестанныхъ требованіяхъ новыхъ налоговъ, расточительности двора и придворныхъ и терпимыхъ правительствомъ безчинствахъ наемнаго войска. Парламентъ настоялъ на уничтоженіи всѣхъ этихъ злоупотребленій, отклонилъ новые налоги и принудилъ правительство не только согласиться на всѣ его требованія, но дать торжественное обязательство въ этомъ. Къ несчастію, правительство, состоявшее изъ людей, избранныхъ случайно, или изъ любимцевъ короля, было лишено всякой энергіи; поэтому парламентъ получилъ огромное значеніе, которое до 1688 г. сохранялъ только при слабыхъ государяхъ. Англія, сдѣлавшаяся чисто аристократической въ концѣ семнадцатаго вѣка, не переставала быть вполнѣ монархическою, когда въ ней царствовали энергическіе государи. Во все царствованіе Ричарда II мы видимъ, что парламентъ, вмѣсто того чтобы давать совѣты и законы, постоянно грозитъ и порицаетъ правительство, а нерѣдко и буквально управляетъ дѣлами. Это случилось именно послѣ возстанія, когда лица, покровительствуемыя королемъ и правительствомъ, не смотря на всѣ данныя обѣщанія, продолжали дѣйствовать по старому; вслѣдствіе этого, парламентъ не только воспротивился всѣмъ правительственнымъ мѣрамъ, но даже захватилъ на время въ свои руки все управленіе страной. Къ довершенію всего этотъ разрывъ между парламентомъ и правительствомъ произошелъ именно въ то время, когда и англійской церкви сталъ грозить расколъ.

Мы говорили, что Уиклефъ спасся отъ церковнаго суда, благодаря покровительству двухъ знатнѣйшихъ лицъ Англіи и уступкамъ, которыя онъ сдѣлалъ, въ своемъ ученіи католицизму. Число его послѣдователей, или какъ ихъ обыкновенно называютъ, Лоллардовъ, стало сильно возрастать, и Уиклефъ сдѣлался смѣлѣе, разсчитывая на раздраженіе народа противъ духовенства, пользовавшагося землями и десятинами. Онъ проповѣдывалъ также противъ ученія о св. причастіи и о чудесномъ дѣйствіи пастырскаго разрѣшенія отъ грѣховъ; наконецъ, такой же случай, какой впослѣдствіи сдѣлалъ реформаторомъ Лютера, доставилъ ему множество приверженцевъ. Не задолго до возстанія, папа прислалъ въ Англію легата для совершенія бракосочетанія короля Ричарда II съ одною изъ дочерей императора Карла IV, но преимущественно для того, чтобы собрать въ Англіи какъ можно болѣе денегъ продажею индульгенцій. Легатъ должно быть исполнялъ возложенное на него порученіе весьма усердно, потому что даже враждебный Уиклефу историкъ, монахъ Уольсингэмъ, не находитъ словъ для выраженія наглости и безсовѣстности папскихъ спекуляцій. Подобное злоупотребленіе іерархическою властью было весьма выгодно для Уиклефа и этимъ объясняется, что, не взирая на преслѣдованіе Джона Болля и другихъ, проповѣди его о необходимости церковной реформы сдѣлались гораздо смѣлѣе именно въ то время, когда не удалась государственная реформа. На то же самое указываетъ и Уольсингэмъ, приписывая возстаніе Уата Тайлера и распространившееся по всей Англіи народное волненіе проповѣдямъ Уиклефа, какъ приписываютъ французскую революцію философамъ восемнадцатаго вѣка, или сопротивленіе германскихъ народовъ своимъ правительствамъ — такъ называемымъ раціоналистамъ. Уиклефъ обнародовалъ тогда семь предложеній (тезисовъ), направленныхъ противъ злоупотребленій римской церкви, раздачи иностранцамъ и кардиналамъ англійскихъ приходовъ, противъ папскихъ налоговъ, индульгенцій и всякаго вывоза денегъ изъ Англіи. Благороднѣйшіе изъ англичанъ, справедливо гордившіеся человѣческимъ достоинствомъ и національными правами, немедленно признали эти предложенія выраженіемъ ихъ собственныхъ мнѣній и стали смотрѣть на Уиклефа, какъ на защитника ихъ правъ противъ притязаній папы и клерикаловъ. Слабому правительству и духовнымъ судамъ было опасно въ такихъ обстоятельствахъ возбуждать преслѣдованіемъ любимаго проповѣдника народъ, и безъ того сильно раздраженный противъ духовенства. Кромѣ того, ученіе Уиклефа защищали канц-

леръ оксфордскаго университета, Николай Гертфордъ, и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ канониковъ въ Лейстерѣ, утверждавшіе, что оно основано на библіи, которую Уиклефъ, подобно Лютеру, перевелъ и распространилъ въ народѣ. Лондонскій епископъ покусился было нарядить судъ надъ еретикомъ, но по настоянію буржуазіи преслѣдованіе было тотчасъ же прекращено лордомъ-мэромъ. Архіепископъ кентерберійскій также былъ публично осмѣянъ, когда вздумалъ прибѣгнуть къ высшей духовной власти, и городская полиція жестоко отмстила духовенству, арестовавъ его любовницъ и выставивъ ихъ на позоръ, какъ публичныхъ женщинъ. Наконецъ духовенству пришлось призвать на помощь парламентъ, въ которомъ оно пользовалось огромнымъ вліяніемъ. Парламентъ, единственно изъ ненависти къ Ланкастеру, издалъ въ 1382 г. актъ, которымъ приказывалъ свѣтскимъ судебнымъ мѣстамъ оказывать возможное содѣйствіе судамъ духовнымъ; но друзья Ланкастера ввели въ этотъ законъ такое множество ограниченій, что обвиненному было не трудно прикрыться мнимою покорностью церкви и облечь прямой смыслъ своего ученія покровомъ схоластическихъ тонкостей. Судьба двухъ ученѣйшихъ поборниковъ библіи противъ ученія церкви показываетъ намъ, какъ велика была ненависть духовенства противъ проповѣдника евангельскаго ученія и какъ сильно было покровительство, оказываемое имъ Ланкастеромъ. До Уиклефа не добрались, потому что онъ умеръ (1384 г.) прежде, чѣмъ Ланкастеръ уѣхалъ изъ Англіи для предъявленія своихъ правъ на Кастилію; но Николай Гертфордъ, уже спасенный однажды Ланкастеромъ, былъ схваченъ въ его отсутствіе и, по приговору суда, заключенъ въ тюрьму, откуда уже не вышелъ. Библейское ученіе и новый переводъ библіи распространились, къ негодованію папистовъ, по всей странѣ; расколъ сдѣлался явнымъ и число лоллардовъ, среди безпрестанныхъ раздоровъ парламента съ правительствомъ, возрастало тысячами.

Въ пораженіи крестьянъ передъ Лондономъ королю была предоставлена главная роль. Это доставило несовершеннолѣтнему и неспособному Ричарду возможность раздавать своимъ любимцамъ помѣстья и должности и назначать самому министровъ, которые обыкновенно были назначаемы парламентомъ и составляли всегда родъ олигархіи. Произволъ короля вызвалъ между нимъ и парламентомъ столкновенія и безконечныя распри по вопросамъ администраціи и государственнаго устройства, стоившія народу многихъ бѣдствій, но въ то же время содѣйствовавшія основанію законной свободы. Вслѣдствіе этихъ раздоровъ, партіямъ пришлось принимать въ члены парламентскихъ коммисій, учреждаемыхъ по различнымъ поводамъ, представителей средняго сословія, которые прежде не допускались въ нихъ; среди этихъ смутъ установилась отвѣтственность министровъ, не на однихъ только словахъ, а законнымъ порядкомъ, посредствомъ уголовнаго процесса.

Каждая парламентская сессія вызывала новые раздоры, все равно, король ли или парламентъ назначалъ кабинетъ, состоявшій изъ канцлера, лорда казначейства, хранителя печати, оберъ-каммергера и оберъ-гофмейстера, потому что, въ обоихъ случаяхъ, управленіе шло дурно. Молодой король утопалъ въ пышности и роскоши; дворъ его, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ на одной кухнѣ были заняты нѣсколько сотъ человѣкъ, отличался восточнымъ блескомъ и истощалъ казну. Слабый и расточительный Ричардъ былъ къ тому же опрометчивъ и имѣлъ неосторожность поссориться со своими дядями, Іоанномъ Ланкастерскимъ и Томасомъ Бокингэмомъ. Впрочемъ, первый вскорѣ послѣ того уѣхалъ на время изъ Англіи, для предъявленія своихъ правъ на Кастилію (стр. 415). Наконецъ король возстановилъ противъ себя всѣхъ чрезмѣрнымъ покровительствомъ двумъ любимцамъ, Роберту де Виру и Михаилу де ла Поль. Эти молодые люди были ненавистны англійской аристократіи уже по одному тому, что не принадлежали къ знати и даже не имѣли связей въ рыцарскомъ сословіи. Перваго Ричардъ сдѣлалъ маркизомъ дублинскимъ (1385 г.), а вслѣдъ затѣмъ герцогомъ ирландскимъ и предоставилъ ему за небольшую дань всѣ доходы съ этого острова. Втораго, который былъ уже канцлеромъ, Ричардъ возвелъ въ достоинство графа Суффолька и назначилъ ему значительную пенсію изъ казны. Чтобы прикрыть чѣмъ нибудь это пристрастіе, король сдѣлалъ въ то же время своихъ дядей: Томаса Бокингэма—герцогомъ глостерскимъ и графа Эдмунда Кембриджскаго, герцогомъ іоркскимъ, а сына Ланкастера, Генриха

Болингброка, графомъ Дерби. Все это не принесло пользы ни королю, ни его любимцамъ, потому что канцлеръ Михаилъ де ла Поль сдѣлалъ грубую политическую ошибку, отказавъ гражданамъ Гента въ обѣщанной имъ помощи противъ Франціи для того, чтобы имѣть возможность обращать въ свою пользу казенныя деньги, и принудивъ ихъ покориться врагамъ. Самой Англіи грозила непріятельская высадка, потому что война съ Франціею велась очень дурно; кромѣ того, на сѣверѣ, шотландцы производили опустошительные набѣги на англійскія земли, а въ Ирландіи правительство утратило все вліяніе, благодаря легкомысленному расточенію мѣстныхъ средствъ. Все это вызвало въ 1386 г. возстаніе противъ министерства герцога глостерскаго. Парламентъ потребовалъ распущенія министерства и рѣшился даже обвинить графа Суффолька предъ судомъ верхней палаты. Упрямый король съ гордостью отвѣтилъ на это требованіе, что онъ не отрѣшилъ бы въ угоду парламенту даже послѣдняго своего поваренка и скорѣе помирится съ французскимъ королемъ и попроситъ у него вспомогательнаго войска для утвержденія своей власти, чѣмъ подчинится предписаніямъ парламента. Но парламентъ настаивалъ на своемъ и Ричарду пришлось наконецъ уступить, потому что, въ средніе вѣка, у государей не было постоянныхъ войскъ, повиновавшихся бы, подобно современнымъ арміямъ, одному государю и вполнѣ отъ него зависѣвшихъ.

Графъ Суффолькъ былъ отрѣшенъ отъ должности и приговоренъ къ денежной пенѣ, а король долженъ былъ согласиться на учрежденіе изъ членовъ парламента комиссіи, которая на цѣлый годъ взяла въ свои руки правительственную власть съ правомъ обсуживать и отмѣнять, по своему усмотрѣнію, всѣ награды, назначенія къ должностямъ и даже судебные приговоры по дѣламъ, касавшимся интересовъ государственнаго казначейства. Тогда король и его любимцы рѣшились прибѣгнуть къ ученому юристу Трезиліену, оказавшему послѣ крестьянскаго возстанія столь важныя услуги монархической власти. Ричардъ отправился вмѣстѣ съ нимъ и другими своими друзьями въ Ноттингэмъ и тайно перезвалъ къ себѣ англійскихъ судей, которые, повинуясь убѣжденіямъ Трезиліена, выразили мнѣніе, что поступки парламента противны основнымъ законамъ страны (августъ 1387 г.). Ричардъ желалъ обнародовать это мнѣніе не прежде, какъ по арестованіи и преданіи суду виновниковъ парламентскаго постановленія, вырвавшаго у него правительственную власть. Но Глостеръ, узнавъ о томъ, что затѣвалось, явился съ войскомъ въ Лондонъ, куда уже вернулся король, и принудилъ его объявить подлежащими суду всѣхъ, кто содѣйствовалъ составленію или приведенію въ исполненіе поданнаго въ Ноттингэмѣ мнѣнія. Всѣ эти лица успѣли однако бѣжать изъ Лондона, и король втайнѣ поручилъ имъ собрать войско для его освобожденія. Герцогу ирландскому удалось собрать пять тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ и подступилъ къ Лондону, но это войско было разбито и разсѣяно удачнымъ маневромъ графа Дерби, Генриха Болингброка. Дѣло приверженцевъ короля было потеряно. Трое изъ нихъ, герцогъ ирландскій, графъ Суффолькъ и архіепископъ іоркскій, успѣли бѣжать изъ Англіи и не возвращались въ нее никогда; безчеловѣчнаго Трезиліена постигла вполнѣ заслуженная имъ участь: онъ былъ казненъ по повелѣнію парламента, или вѣрнѣе, вліятельныхъ лицъ, руководившихъ парламентомъ и захватившихъ въ свои руки правленіе. Та же участь постигла и многихъ другихъ. Заключенія, конфискаціи, казни безпрерывно слѣдовали другъ за другомъ, даже верховные судьи Англіи подверглись аресту; однимъ словомъ, аристократія неистовствовала точно такъ же, какъ, не задолго передъ тѣмъ, демократія, въ лицѣ Джона Болля и его радикаловъ. Парламентъ снова учредилъ надъ королемъ опеку и, присвоивъ себѣ законодательную, судебную и административную власть, дѣйствовалъ съ такимъ деспотизмомъ и жестокостью, что заслужилъ у потомства прозвище немилосердаго. По распущеніи парламента, настоящимъ правителемъ сдѣлался Глостеръ, такъ какъ учрежденная парламентомъ правительственная коммисія находилась совершенно подъ его вліяніемъ. Наконецъ, черезъ годъ, король предпринялъ рѣшительный шагъ. Замѣтивъ вскорѣ, что нація вовсе недовольна правленіемъ принцевъ и аристократіи, Ричардъ рѣшился по достиженіи совершеннолѣтія освободиться изъ подъ опеки. Онъ созвалъ, въ маѣ 1389 г., торжественный сеймъ и, объявивъ на немъ, что по достиженіи наконецъ законнаго возраста принимаетъ въ свои руки

правительственную власть, распустилъ регентство и назначенное парламентомъ министерство. Этотъ поступокъ былъ для всѣхъ такою неожиданностью, что никто не осмѣлился возражать, хотя всѣ имѣли поводъ опасаться, что, управляя страною, Ричардъ будетъ сообразоваться, не съ желаніями, потребностями, законами и обычаями націи, а только съ своими личными прихотями.

6. Франція и Фландрія послѣ битвы при Роозебеке.

Послѣ блистательной побѣды французскаго рыцарства надъ гражданами Гента и варварскаго наказанія Парижа и Руана (стр. 407), какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Франціи были установлены налоги, распредѣлявшіеся и взимавшіеся не уполномоченными отъ штатовъ, какъ дѣлалось до того времени, а королевскими коммисарами. Это возмутило все народонаселеніе южной Франціи, но оно все-таки должно было склониться подъ тѣмъ же игомъ, изъ-подъ котораго тщетно старались высвободиться сѣверныя провинціи королевства. Правительство воспользовалось только что потушеннымъ возстаніемъ оборванцевъ и усмиреніемъ волненій въ городахъ южной Франціи, походившихъ на прежніе имперскіе города Германіи (стр. 406), чтобы, грозя участью Парижа и Руана, вынудить у нихъ деньги.

Въ то время какъ во Франціи среднее сословіе снова смирялось предъ королевскою властью и буйнымъ дворянствомъ, фламандцы продолжали упорно сопротивляться. По удаленіи французскаго войска, жители Гента обратились къ Англіи за помощью и нашли ее, благодаря двумъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Просьба ихъ пришла въ то самое время, когда воинственная англійская аристократія, покончивъ съ крестьянскимъ возстаніемъ, искала себѣ другаго занятія, а расколъ въ церкви далъ поводъ епископу норвичскому, Генриху Спенсеру, призвать дворянство къ крестовому походу на французовъ. Мы говорили, что римскую тіару оспаривали въ то время другъ у друга двое папъ: одинъ изъ нихъ, Урбанъ VI, былъ признанъ Англіею, а другой, Климентъ VII— Франціею. Въ 1383 г. оба противника стали проповѣдывать другъ противъ друга крестовый походъ. Въ Англіи составилось войско крестоносцевъ, въ которое, кромѣ безчисленной толпы черни, всегда состоявшей въ распоряженіи средневѣковыхъ феодаловъ, вошло нѣсколько тысячъ человѣкъ отборнаго рыцарства. Во главѣ его въ качествѣ гонфалоньера или знаменосца церкви, сталъ Генрихъ Спенсеръ. Но вмѣсто того, чтобы направиться во Францію, эти крестоносцы вступили во Фландрію, не столько для того чтобы поддерживать Гентъ противъ графа и французовъ, сколько въ надеждѣ поживиться легкою добычею (май 1383 г.). Они при первой же встрѣчѣ разбили графа фландрскаго Людовика, который снова обратился за помощью къ своему сюзерену, Карлу VI Французскому. Карлъ немедленно собралъ войско и вассалы его тѣмъ охотнѣе явились на этотъ зовъ, что дѣло шло о крестовомъ походѣ на защиту ихъ папы. Французское войско далеко превосходило численностью небольшой отрядъ англичанъ. Однако англичане рѣшились сразиться съ нимъ, полагаясь на обѣщаніе своего короля выступить вслѣдъ за ними со всѣмъ государственнымъ ополченіемъ. Ричардъ, впрочемъ, не сдержалъ слова, а послалъ во Фландрію только своего дядю Ланкастера для переговоровъ о мирѣ или перемиріи. Этотъ миръ былъ заключенъ, въ 1384 г., въ мѣстечкѣ Лолингенѣ, чрезъ нѣсколько дней по смерти графа фландрскаго, и простирался на союзниковъ обѣихъ державъ, то есть на шотландцевъ и кастильцевъ съ одной, и гражданъ Гента съ другой стороны. Обстоятельства смерти графа Людовика замѣчательны потому, что рисуютъ намъ нравы этого рыцарскаго времени и обычаи знатнѣйшихъ французскихъ феодаловъ. Людовикъ поссорился однажды съ герцогомъ беррійскимъ, дядею французскаго короля, по поводу ленной зависимости булонскаго графства отъ Фландріи, и герцогъ съ такою яростью пустилъ въ него ножомъ, что Людовикъ умеръ на мѣстѣ. Не смотря на перемиріе, война продолжалась и во Фландріи и на шотландскихъ границахъ, такъ какъ республиканцы Гента не соглашались подчиниться условіямъ, утвержденнымъ за нихъ англичанами, а шотландскіе феодалы и рыцари, для ко-

торыхъ война была ремесломъ, не прекращали набѣговъ на Англію. Противъ шотландцевъ герцогъ ланкастерскій предпринялъ неудачный и разорительный походъ и по этому поводу поссорился съ Генрихомъ Перси, графомъ Нортемберлендскимъ, прозваннымъ за свою рыцарскую доблесть Готспёромъ (Hotspur — Горячая Шпора). Перси не былъ въ состояніи защитить отъ шотландцевъ пограничной крѣпости Бервика, и Ланкастеръ потребовалъ его къ суду пэровъ, которые объявили его лишеннымъ лена и чести. Впослѣдствіи онъ отбилъ эту крѣпость и былъ помилованъ, но все-таки остался смертельнымъ врагомъ Ланкастера. Во Фландріи, граждане Гента отказались подчиниться герцогу Филиппу Бургундскому, предъявившему свои права на Фландрію, въ качествѣ зятя покойнаго Людовика III. Съ помощью своего союзника, графа геннегаускаго, республиканцы распространили свое вліяніе по всей Фландріи, и глава ихъ, Аккерманъ сдѣлался могущественнѣе многихъ государей того времени.

Когда кончился срокъ перемирія между Англіею и Франціею (1385 г.), Карлъ VI отвергъ всѣ попытки продлить его и сталъ немедленно готовиться къ высадкѣ въ Англію. Снарядивъ флотъ подъ командою адмирала Жана де Віенна, отъ отправилъ на немъ въ Шотландію толпу авантюристовъ подъ начальствомъ Ангерана де Куси. Этотъ флотъ прибылъ къ берегамъ Шотландіи уже послѣ того, какъ англичане, мстя своимъ сосѣдямъ за ихъ набѣги, обратили въ пустыню всю обработанную землю и даже лѣсистую часть южной Шотландіи. Французы, высадившись на берегъ, вскорѣ стали терпѣть нужду и поссорились съ самими шотландцами. Однако союзники сдѣлали общій набѣгъ на Англію и такъ страшно свирѣпствовали въ ней, что противъ нихъ созвали, наконецъ, всѣ военныя силы Англіи. Французы вернулись къ себѣ прежде, чѣмъ это войско прибыло въ Шотландію, а шотландскій король удалился во внутренность королевства, чтобы выждать тамъ окончанія срока ленной службы англійскихъ вассаловъ. Англичане проникли до самаго Эдинбурга, опустошивъ на пути всю страну. Но едва стало расходиться англійское войско, какъ по пятамъ его двинулись въ Англію толпы шотландскихъ авантюристовъ, получившихъ денежную помощь отъ французовъ. Грозная высадка французовъ неудалась по многимъ причинамъ, а въ особенности потому, что Филиппъ Бургундскій думалъ употребить французскія войска противъ Гента, чтобы, или овладѣть своимъ наслѣдіемъ, Фландріею, или принудить ее къ заключенію мира. Король лично предводительствовалъ войскомъ въ эту кампанію и началъ ее взятіемъ только что завоеваннаго гентцами городъ Дамма. Филиппу чрезъ посредство своихъ приверженцевъ удалось доставить перевѣсъ въ Гентѣ противникамъ англичанъ и добиться того, что Аккерману и двумъ другимъ расположеннымъ къ новому графу гражданамъ поручено было вступить въ переговоры. Онъ нашелъ средство связать свою честь, или вѣрнѣе, честь своей жены съ выгодами почти независимыхъ фландрскихъ городовъ и добился наконецъ мира (осенью 1385 г.). За Филиппомъ были признаны права графа фландрскаго надъ свободными городами, равнявшіяся правамъ германскаго императора надъ имперскими, а Филиппъ, съ своей стороны, не только утвердилъ за гражданами Гента и другихъ союзныхъ съ нимъ городовъ всѣ ихъ льготы, но и увеличилъ ихъ еще новыми уступками.

Послѣ этого французы возобновили приготовленія къ высадкѣ въ Англію, снарядивъ еще съ большими противъ прежняго издержками новое войско и флотъ (1386 г.). Но это предпріятіе не осуществилось, потому что герцогъ беррійскій пріѣхалъ къ войску тогда только, когда позднее осеннее время не позволяло уже и думать о переправѣ. Вслѣдствіе этой задержки французы лишились весьма многаго, потому что въ это самое время въ Англіи возобновились волненія, а шотландцы втройнѣ отмстили сосѣдямъ за разореніе родины новымъ вторженіемъ въ Англію, ознаменовавъ его безпощаднымъ опустошеніемъ и блистательными побѣдами, доставившими имъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, Перси Нортомберлендскаго. Въ слѣдующемъ году, конетабль Оливье дю Клиссонъ пристыдилъ французскаго короля и его дядей, предпринявъ на свой счетъ походъ въ Англію съ тремя тысячами солдатъ. Къ счастью, ему помѣшалъ исполнить этотъ планъ бретанскій герцогъ Жанъ де Монфоръ, который хотя и былъ ленникомъ Франціи, но смотрѣлъ на свои обязанности къ французскому королю точно такъ же, какъ германскіе герцоги и маркграфы смотрѣли на свои отно-

шенія къ императору. Не смотря на участіе во фландрскомъ походѣ, Монфоръ находился въ тѣсномъ союзѣ съ Ланкастеромъ и ненавидѣлъ коннетабля, къ которому были расположены и герцоги беррійскій и бургундскій. Монфоръ велѣлъ предательски схватить коннетабля, который былъ его вассаломъ, и заключить его въ темницу, надѣвъ на него тройныя оковы. Тамъ ему каждый день грозили смертью, пока наконецъ онъ, по требованію герцога, не согласился отдать ему нѣсколько замковъ и уплатить сто тысячъ франковъ золотомъ. Это, разумѣется, разрушило всѣ планы дю Клиссона и ему пришлось распустить войска. Вслѣдствіе интригъ герцоговъ, коннетабль получилъ удовлетвореніе лишь въ слѣдующемъ году и то наполовину: бретанскаго герцога заставили только возвратить ему замки и уплатить взятыя у него деньги, по частямъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Въ 1388 г. съ Англіею было заключено перемиріе, которое впослѣдствіи было еще продолжено.

Но если французское правительство, какъ показываетъ поступокъ Жана де Монфора, и было слишкомъ слабо, чтобы защитить слабаго подданнаго отъ сильнаго вассала, то оно было достаточно сильно, чтобы отнимать собственность у тѣхъ, кто не могъ защищать ее. Такимъ образомъ оно обобрало Карла III, сына и наслѣдника наваррскаго короля Карла Злаго, который, не смотря на всѣ преступленія, удержалъ за собою до самой смерти (1387 г.) свои французскія владѣнія. Правители Франціи воспользовались его смертью, чтобы поступить съ невиннымъ сыномъ такъ, какъ они не посмѣли поступить съ виновнымъ отцомъ. Планъ ихъ былъ составленъ самымъ коварнымъ образомъ: притворившись, что имъ ничего неизвѣстно о смерти Карла Злаго, они предали его суду за множество преступленій, постановили надъ нимъ приговоръ и лишили его, повидимому вполнѣ законно, всѣхъ его владѣній, которыхъ иначе не могли бы отнять у его невиннаго сына.

Французскій король былъ совершеннолѣтнимъ только по имени, управленіе же находилось попрежнему въ рукахъ герцоговъ Бурбона, беррійскаго и бургундскаго. Двое послѣднихъ пользовались именемъ короля только для достиженія личныхъ цѣлей, жертвуя для нихъ всѣмъ остальнымъ. Впрочемъ, главнымъ правителемъ былъ Филиппъ Бургундскій; герцогъ беррійскій только по временамъ являлся ко двору, оставаясь большею частью въ лангедокскомъ намѣстничествѣ, гдѣ, подобно своему предшественнику, Людовику Анжуйскому, наживалъ деньги. Разоривъ въ конецъ эту страну, онъ довелъ ее до того, что Карлъ былъ вынужденъ отрѣшить его отъ званія намѣстника (1389 г.). Положеніе Лангедока при этомъ правительствѣ походило на положеніе многихъ германскихъ государствъ. Своими притѣсненіями герцогъ довелъ жителей до отчаянія и до мысли о выселеніи изъ страны; каждый замокъ сдѣлался гнѣздомъ хищниковъ; авантюристы бродили по намѣстничеству, опустошая всю страну; англичане, владѣвшіе замками въ Лимузенѣ, Оверни и Керси, грабили эти провинціи, а герцогъ, вмѣсто того чтобы сражаться съ ними, продалъ имъ эти области за сто пятьдесятъ тысячъ франковъ золотомъ.

За годъ до удаленія герцога беррійскаго, Карлу VI пришла та же мысль, какъ и Ричарду II. Онъ единовременно съ нимъ рѣшился взять въ руки управленіе государствомъ, оставивъ при себѣ, изъ трехъ своихъ опекуновъ, только одного герцога Бурбона и удаливъ остальныхъ двухъ отъ дѣлъ и отъ двора (1388 г.). Этотъ рѣшительный шагъ, по обыкновенію радостно привѣтствованный народомъ, имѣлъ послѣдствіемъ удаленіе всѣхъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ двумя бывшими регентами, и составленіе новаго государственнаго совѣта.

VI. ИТАЛІЯ И ГЕРМАНІЯ ОТЪ ПАПЫ УРБАНА V

ДО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА ВЪ ПИЗѢ.

1. Неаполь и Сицилія.

Вскорѣ послѣ неудачнаго предпріятія Іоанны I и мужа ея, Людовика Тарентскаго, противъ Сициліи (стр. 299) въ неаполитанскомъ королевствѣ начались внутреннія волненія. Одинъ изъ братьевъ короля стремился захватить въ свои руки непринадлежавшую ему власть; бароны враждовали между собою, а двоюродный братъ короля, Людовикъ Дураццо, возмутился за то, что ему не придавали должнаго, по его мнѣнію, значенія; родовое владѣніе Іоанны, Прованс, давно уже было предано на жертву наемнымъ шайкамъ. Въ такихъ обстоятельствахъ умеръ Людовикъ Тарентскій (1362 г.). Людовикъ строго обуздывалъ мотовство жены, ограничилъ ея вліяніе на государственныя дѣла и даже подвергалъ ее тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ простую женщину. Поэтому, избирая третьяго мужа, Іоанна искала человѣка, котораго бы она могла подчинить себѣ точно такъ же, какъ была подчинена сама Людовику. Она полагала, что нашла его въ извѣстномъ намъ изъ испанской исторіи принцѣ маіоркскомъ, Іаковѣ III (стр. 412). Вдвойнѣ тяготясь бѣдностью, при своемъ желаніи овладѣть Маіоркою, Іаковъ не только принялъ предложеніе королевы, красота которой уже давно отцвѣла, но согласился и на всѣ ея условія. Ему не предоставлялось ни титула неаполитанскаго короля, ни участія въ управленіи. Но, поселившись въ Неаполѣ, онъ тотчасъ же поссорился съ женою и ея родственниками и въ слѣдующемъ же году вернулся въ Кастилію добиваться Маіорки; тамъ онъ попалъ въ плѣнъ къ Генриху Трастамарскому. Іоанна выкупила его за сорокъ тысячъ дукатовъ, но онъ и тогда не оставилъ своего плана, не смотря на происходившія изъ-за того неудовольствія съ женою, съ которою онъ жилъ въ постоянной ссорѣ. Чтобы вылечить его отъ неугомоннаго честолюбія, Іоанна прибѣгла къ средству, совершенно подобному тому, которое примѣнялъ къ ней самой ея второй мужъ, чтобы обуздать ея чувственность, и болѣе полугода продержала Іакова въ заточеніи. Результатъ въ обоихъ случаяхъ былъ одинъ и тотъ же: ни Людовикъ Тарентскій не исправилъ побоями своей жены, ни Іоанна не исправила заключеніемъ неугомонной натуры Іакова. Удалившись во Францію, онъ предпринялъ оттуда новый походъ въ Арагонію и послѣ этого неудавшагося предпріятія умеръ въ Кастиліи въ 1374 г.

Возвращеніе въ Римъ расположеннаго къ Іоаннѣ папы Урбана V (1367 г.) дало ей новую опору; но почти въ то же время ей стала угрожать новая опасность. Амвросій Висконти, побочный сынъ миланскаго герцога Варнавы, призвалъ къ себѣ дружину Гауквуда (стр. 360) и, страшно опустошивъ съ нею Тоскану и Церковную область, ворвался въ неаполитанское королевство. Іоанна соединилась противъ этихъ разбойниковъ съ Урбаномъ V; папа нанялъ множество авантюристовъ, а Іоанна призвала къ оружію своихъ вассаловъ. Соединенныя папскія и неаполитанскія войска одержали, въ 1369 г., рѣшительную по-

бѣду надъ Амвросіемъ. Шайка его разсѣялась, и самъ онъ попался въ плѣнъ. Но освобожденный вскорѣ Іоанной, онъ снова сталъ играть новую роль въ опустошительныхъ войнахъ верхней Италіи. Что касается до папы, то онъ казнилъ частью на мѣстѣ, а частью впослѣдствіи, до шести сотъ плѣнныхъ солдатъ Амвросія. Для обезпеченія своего спокойствія, и папа, и неаполитанская королева должны были нанять другія подобныя дружины. Это привлекло въ Италію новыя толпы авантюристовъ со всѣхъ концовъ Европы, гдѣ военное ремесло было неразрывно связано съ грабежомъ. Старый папа былъ, наконецъ, до того стѣсненъ и утомленъ вѣчными безпорядками и тревогами, которымъ подвергался въ Римѣ, что незадолго до кончины сдался на убѣдительныя настоянія французскихъ кардиналовъ и вернулся въ Авиньонъ (1370 г.). Впрочемъ тамъ, особенно въ Провансѣ, было еще хуже, чѣмъ въ Италіи: Іоанна была слишкомъ занята въ Неаполѣ, чтобы думать о Провансѣ, и потому эта страна была предана на жертву полной анархіи, грабежу и разоренію, такъ что провансскіе штаты были вынуждены въ 1367 г. перевесть поселянъ въ укрѣпленныя мѣста и сжечь всѣ деревни, не защищенныя стѣнами или замками.

Съ пораженіемъ Амвросія, въ неаполитанскомъ королевствѣ водворилось на нѣкоторое время спокойствіе. Іоанна положила даже конецъ непріязненнымъ отношеніямъ къ Сициліи. Сицилійскій король Фридрихъ III (стр. 301), человѣкъ слабый, болѣзненный и слабоумный, имѣлъ много хлопотъ и внутри государства; власть его держалась только множествомъ каталонскихъ авантюристовъ (стр. 262), поселившихся на островѣ и постоянно враждовавшихъ съ сицилійскою знатью, особенно съ фамиліею Кіарамонти. Въ этихъ распряхъ обѣ стороны занимались разбоемъ. Поэтому Фридрихъ согласился въ 1372 г. заключить миръ съ Іоанною. Онъ не только призналъ за нею верховную власть надъ Сициліею и согласился уступить ей титулъ сицилійской королевы, принявъ самъ титулъ короля Тринакріи, но и объявилъ себя вассаломъ Неаполя и римскаго престола, обязавшись уплачивать и тому и другому ежегодную дань. Папа Григорій XI, преемникъ Урбана V, разумѣется, утвердилъ этотъ договоръ и снялъ долго тяготѣвшее надъ Сициліею отлученіе отъ церкви (стр. 145). Но въ то же время онъ постановилъ такія тяжкія условія относительно замѣщенія духовныхъ должностей и распоряженія церковными имѣніями и доходами, что Фридрихъ III рѣшился только черезъ два года придать законную силу этому договору, обнародовавъ его.

Старинный врагъ Іоанны, венгерскій король Людовикъ Великій (стр. 296), ухватился за этотъ мирный договоръ, чтобы снова начать съ нею споръ. Онъ упорно отказывался признать Фридриха сицилійскимъ королемъ и требовалъ отъ Іоанны уступки Прованса и другихъ земель. Чтобы смягчить его, Іоанна, не имѣвшая дѣтей, назначила наслѣдникомъ одного изъ принцевъ своей фамиліи, къ которому Людовикъ былъ весьма расположенъ и котораго онъ, повидимому, самъ прочилъ себѣ въ преемники. Это былъ Карлъ Малый, племянникъ зятя Іоанны, Карла Дураццо, женившійся не задолго до того на его дочери и наслѣдницѣ венгерскаго короля, Маргаритѣ. Хотя Людовикъ и отказался послѣ того отъ своихъ требованій, но королева, не довѣряя ни ему, ни принцу Карлу, вернувшемуся въ Венгрію, рѣшилась искать себѣ поддержки въ четвертомъ супружествѣ и выбрать мужемъ храбраго человѣка, который пользовался бы вліяніемъ на авантюристовъ, составлявшихъ въ ту эпоху итальянскія войска, и могъ бы, въ случаѣ надобности, легко собрать военную силу и принять надъ ней начальство. Королевѣ рекомендовали извѣстнаго въ то время рубаку, принца Оттона Брауншвейгскаго, который былъ вначалѣ рыцаремъ тевтонскаго ордена, потомъ подвизался въ Парижѣ, при королѣ Іоаннѣ, и, наконецъ служилъ папѣ и маркграфу монферратскому въ качествѣ предводителя итальянскихъ кондоттьеровъ (стр. 360). Іоанна и ему, какъ несчастному королю Маіорки, предложила свою руку безъ королевской власти, и хотя такое предложеніе со стороны пятидесятилѣтней женщины было не слишкомъ заманчиво, Оттонъ принялъ его. Онъ женился въ 1376 г. на Іоаннѣ, получилъ титулъ герцога тарентскаго и, не имѣя ничего кромѣ своего меча, былъ обезпеченъ этимъ и другими ленами.

Черезъ два года (1378 г.) по смерти папы Григорія XI, возникъ въ западной церкви расколъ, взволновавшій всю Европу и имѣвшій непосредственное

вліяніе на судьбу неаполитанскаго королевства. Кардиналы, въ томъ числѣ одиннадцать французовъ, избрали папою Урбана VI; но, едва вступивъ на престолъ, этотъ папа своими насильственными поступками оскорбилъ большинство кардиналовъ, неаполитанскую королеву и римскій народъ. Двѣнадцать кардиналовъ вступили въ заговоръ съ Іоанною, которой грозили войной тѣсныя сношенія папы съ Карломъ Малымъ и венгерскимъ королемъ, и избрали, въ Ананьи, новаго папу, Климента VII, который, съѣздивъ на время въ Неаполь, поселился потомъ въ Авиньонѣ. Оба папы немедленно поразили другъ друга отлученіемъ, и Урбанъ VI направилъ свою месть на неаполитанскую королеву. Онъ отлучилъ ее отъ церкви, возвѣстилъ противъ нея крестовый походъ и нанялъ дружины кондоттьеровъ, для того чтобъ сначала покорить себѣ всю Церковную область, гдѣ его не хотѣли признавать, а потомъ направиться на Неаполь. Въ то же время онъ возстановилъ противъ Іоанны и венгерскаго короля, убѣдивъ его послать въ Неаполь войско, подъ предводительствомъ Карла Малаго. Этому помѣшала вначалѣ война Людовика съ венеціанцами; но въ 1381 г. онъ заключилъ съ ними мирный договоръ, и Карлъ Малый отправился съ войскомъ въ Нижнюю Италію, зайдя по дорогѣ въ Римъ, гдѣ Урбанъ VI торжественно вручилъ ему Неаполь въ ленное владѣніе. Оттонъ Брауншвейгскій, озабоченный въ одно и тоже время и неаполитанскими дѣлами, и маркграфствомъ монферратскимъ, молодой владѣтель котораго состоялъ подъ его опекою, не зналъ, какъ раздѣлиться со своими дружинами. Онъ однако помогалъ женѣ, какъ могъ, но встрѣтилъ неодолимое препятствіе въ низости и вѣроломствѣ неаполитанцевъ. Іоанна однимъ опрометчивымъ шагомъ сама ускорила свое паденіе. Узнавъ о приготовленіяхъ венгерскаго короля, она немедленно усыновила извѣстнаго намъ изъ французской исторіи герцога анжуйскаго (стр. 407) и этимъ нажила себѣ непримиримаго врага въ Карлѣ Маломъ. Новый наслѣдникъ былъ удержанъ во Франціи обязанностями регента, въ то самое время, когда онъ могъ бы быть наиболѣе полезенъ въ Неаполѣ. Между тѣмъ Іоанна, объявивъ его, въ 1380 г., своимъ наслѣдникомъ, вдвойнѣ оскорбила принца Карла, такъ какъ не только онъ самъ, но и жена его, происходя изъ рода брата Людовика Святаго, Карла I, основателя старшей линіи анжуйскаго дома, соединяли въ себѣ всѣ права этого дома на неаполитанскій престолъ.

Когда Карлъ, поддерживаемый папою и венгерскимъ королемъ, вступилъ въ Неаполь, неаполитанцы точно такъ же предательски измѣнили Оттону и вѣрной ему дружинѣ, какъ измѣняли въ минуту опасности всѣмъ своимъ королямъ, начиная съ Манфреда. Оттонъ и его питомецъ, маркграфъ монферратскій, покинутые неаполитанцами и подвергаясь опасности быть окруженными непріятелемъ, должны были поспѣшно отступить отъ храбро защищаемыхъ ими границъ. Въ самой столицѣ также обнаружилась измѣна. Оттонъ и Іоаннъ Монферратскій хотѣли защищать Неаполь, но тѣ же самые люди отперли врагамъ городскія ворота (іюль, 1381 г.). Храбрые защитники королевы отступили съ войскомъ въ Аверсу, а Іоанна скрылась въ замкѣ Кастель Нуово, который былъ немедленно осажденъ Карломъ. Королева ожидала спасенія отъ провансальскаго флота, который она уже вызвала въ Неаполь, но онъ опоздалъ, а всѣ попытки Оттона выручить замокъ остались безплодными. Королева была вынуждена положить оружіе. Она условилась съ Карломъ сдаться въ назначенный день, если до тѣхъ поръ никто не явится къ ней на выручку. Оттонъ еще разъ попытался спасти жену и въ послѣдній день срока сдѣлалъ отчаянное нападеніе на Карла. Въ этомъ сраженіи маркграфъ Іоаннъ былъ убитъ, а самъ Оттонъ, тяжело раненый, былъ, вѣроятно выданъ какимъ-нибудь неаполитанцемъ и взятъ въ плѣнъ солдатами Карла. Защитники королевы послѣ того бѣжали и на слѣдующій день она была вынуждена сдаться. Долго и тоскливо ожидаемый ею провансальскій флотъ явился только черезъ четыре дня послѣ сдачи замка. Оттонъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну у Карла, а Іоанна была умерщвлена врагами въ 1382 г., когда Людовикъ Анжуйскій прибылъ, наконецъ, съ войскомъ въ Италію. Лѣтописцы передаютъ обстоятельства ея смерти различно. Одни говорятъ, что ее удавили, другіе, что ее удушили подушками. Карлъ сознался въ этомъ убійствѣ, оправдываясь положительною волею венгерскаго короля, приказавшаго ему лишить жизни всѣхъ участниковъ въ убійствѣ Андрея (стр. 298). Это позднее наказаніе постигло

королеву Іоанну именно въ то время, когда она обратила свое образованіе къ болѣе полезнымъ цѣлямъ, чѣмъ въ прежніе годы. По смерти втораго мужа, Людовика Тарентскаго, она стала управлять государствомъ съ благоразуміемъ и умѣренностью и обошлась дружелюбно даже съ Карломъ Малымъ, отпустивъ къ нему его жену и двухъ дѣтей, Владислава и Іоанну II, въ то время, какъ онъ уже пріѣхалъ въ Римъ съ явно враждебными намѣреніями. Съ своей стороны, и Карлъ обращался съ нею весьма хорошо во время ея плѣна, но королева не была этимъ обманута, и когда къ ней явились въ темницу начальники опоздавшаго провансальскаго флота, она прямо говорила имъ, что ее ожидаетъ печальная участь. Не смотря на это, ее никакъ не могли убѣдить уничтожить свои распоряженія въ пользу герцога анжуйскаго.

Обобравъ Францію, Людовикъ Анжуйскій нанялъ толпы авантюристовъ и привезъ съ собою въ Италію, какъ когда-то Ричардъ Корнвалійскій въ Германію (стр. 215), цѣлые возы золота. Въ то время съ деньгами можно было повсюду, а тѣмъ болѣе въ Италіи, найти себѣ ревностныхъ слугъ. Когда Людовикъ, поддерживаемый папою Климентомъ VII, перешелъ въ 1381 г. Альпы и вступилъ въ Италію, войско его расло какъ лавина и сдѣлалось по крайней мѣрѣ втрое многочисленнѣе войска Карла Малаго. Въ храбрости и военномъ искусствѣ у этихъ солдатъ также не было недостатка. Но за то самъ Людовикъ былъ такимъ же плохимъ полководцемъ, какъ и правителемъ, тогда какъ Карлъ былъ весьма опытенъ въ военномъ дѣлѣ. Къ тому же, узнавъ о приближеніи Людовика, Карлъ немедленно нанялъ лучшія дружины и храбрѣйшихъ вождей въ Италіи: Альберика да Барбіано, предводителя итальянской дружины, и Гауквуда, знаменитаго вождя англійскихъ авантюристовъ.

Когда Людовикъ Анжуйскій, перейдя Абруццы, вступилъ въ неаполитанское королевство, къ нему присоединилось множество неаполитанскихъ вельможъ, которые уже сожалѣли о своей королевѣ, простивъ ей за ея позднѣйшія заслуги слабости ея пола и пороки ея молодости. Состояніе финансовъ обоихъ противниковъ заставляло ихъ желать скорѣйшаго исхода войны; но Карлъ послушался Альберика и Гауквуда, совѣтовавшихъ ему медлить. Они такъ умно выбрали мѣстность и такъ искусно соображали свои движенія, что Людовикъ, просидѣвъ полтора года (съ осени 1382 до весны 1384 г.) въ прибрежныхъ провинціяхъ Капитанатѣ и Терра ди Бари и въ пограничныхъ горахъ Кампаньи, не только истощилъ свою съ трудомъ накопленную казну, но и лишился множества лошадей и лучшихъ всадниковъ, застигнутыхъ въ горахъ зимними холодами и недостаткомъ продовольствія. Когда въ апрѣлѣ 1384 г. обѣ арміи встрѣтились при Барлеттѣ, войска Людовика уже значительно уменьшились, такъ что бой въ открытомъ полѣ неминуемо грозилъ рѣшиться въ пользу его противника. Однако, Альберико и Гауквудъ и на этотъ разъ отсовѣтовали Карлу вступать въ рѣшительное сраженіе, предпочитая, по правилу кондоттьеровъ, вѣрное дѣйствіе выжиданія невѣрной славѣ сраженія. Этотъ совѣтъ поставилъ въ крайнее затрудненіе короля Карла, который, по обычаю того времени, уже сдѣлалъ вызовъ противнику, и онъ рѣшился призвать на совѣтъ третьяго знаменитаго вождя, Оттона Брауншвейгскаго, котораго нарочно для этого привезли изъ тюрьмы въ венгерскій лагерь. Обозрѣвъ мѣстность и войско, Оттонъ подтвердилъ совѣтъ кондоттьеровъ, прибавивъ, что французы столь же несомнѣнно останутся побѣдителями въ большомъ сраженіи, какъ несомнѣнно то, что, при выжиданіи войско ихъ разстроится и разойдется. Совѣтъ этотъ оказался справедливымъ, когда Карлъ, съ небольшимъ отрядомъ своего войска, далъ сраженіе французамъ: послѣдніе остались побѣдителями. Съ той минуты Карлъ уже избѣгалъ рѣшительнаго боя и велъ войну по старой методѣ. Для болѣе удобнаго продовольствованія войска, Людовикъ долженъ былъ расположить его по разнымъ провинціямъ, и война длилась все лѣто, безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ. Наконецъ огорченія, нездоровый климатъ и трудности войны разрушили здоровье герцога анжуйскаго, и осенью того же года онъ скончался. Многіе, какъ это бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, приписываютъ смерть его яду, другіе утверждаютъ, что онъ умеръ отъ чумы (сентябрь 1384 г.). Наслѣдниками своихъ правъ на Неаполь и на Прованс онъ назначилъ двухъ сыновей своихъ, Людовика II Анжуйскаго и Карла Мэнскаго; но въ то время имъ нельзя было и думать о

первомъ изъ этихъ государствъ, потому что по смерти герцога войско его разошлось и его приверженцы успѣли удержать за собою лишь нѣсколько крѣпостей. За Провансъ имъ также нужно было вести войну съ партіею Карла, который имѣлъ законныя права и на эту страну, происходя отъ Карла I, основателя неаполитанско-провансальской линіи анжуйскаго дома.

По смерти Людовика, Карлъ Малый, или король Карлъ III былъ съ восторгомъ встрѣченъ неаполитанцами. Сознавая самъ, что обязанъ тономъ доброму совѣту Оттона Брауншвейгскаго, онъ освободилъ его безъ всякаго выкупа, но за то поссорился съ папою Урбаномъ VI, который также много содѣйствовалъ его успѣху; причины этой ссоры мы приведемъ ниже въ исторіи папъ той эпохи. Урбанъ VI отлучилъ Карла, вмѣстѣ съ женою, отъ церкви и это дало хищнымъ дружинамъ возможность грабить Неаполь, подъ предлогомъ служенія наслѣдникамъ Людовика, или папѣ. Но Карлъ, прельщенный перспективою венгерской короны, вскорѣ покинулъ страну, которая, по своей отдаленности, была предоставлена имъ на жертву внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ. Въ 1385 г., оставивъ жену, сына и дочь въ Неаполѣ, онъ въ сопровожденіи Альберика да Барбіано и своихъ друзей отправился моремъ въ Далмацію и Кроацію, гдѣ еще прежде успѣлъ расположить къ себѣ населеніе, управляя этимъ краемъ въ качествѣ бана, или князя.

Король Людовикъ Великій, соединившій подъ своимъ скипетромъ Венгрію и Польшу, умеръ въ 1382 г., оставивъ двухъ дочерей, Марію и Ядвигу (Гедвигу). Первая была помолвлена за Сигизмунда Чешскаго, впослѣдствіи германскаго императора, а вторая осталась послѣ него еще несовершеннолѣтнею. Ни въ Венгріи, ни въ Польшѣ не существовало прочнаго закона о престолонаслѣдіи; заключенный же Людовикомъ незадолго до смерти договоръ съ нѣсколькими магнатами обоихъ королевствъ былъ обязателенъ только для тѣхъ, кто принималъ въ немъ участіе. По этому условію обѣ короны должны были достаться старшей дочери Людовика, Маріи, а вдова его Елисавета объявлялась правительницей на первое время. Но поляки потребовали для себя младшую дочь Людовика Ядвигу и ни за что не хотѣли признавать Марію, ставя непремѣннымъ условіемъ, чтобы королева вмѣстѣ съ мужемъ поселилась у нихъ. Послѣ долгаго сопротивленія, Елисавета должна была отпустить Ядвигу въ Польшу, гдѣ въ 1382 г. ее обвѣнчали противъ воли съ дикимъ и страшнымъ наружностью великимъ княземъ литовскимъ Ягелло, для того чтобы обезпечить себя этимъ союзомъ отъ буйныхъ сосѣдей. Но для вступленія въ бракъ, Ягелло долженъ былъ принять христіанство по обрядамъ римской церкви и привести въ нее всѣхъ литовцевъ, хотя кромѣ поляковъ всѣ сосѣди ихъ были православные. Такимъ образомъ Литва соединилась съ Польшею (1386 г.) и надъ обоими воцарилась династія могущественныхъ королей, называвшаяся ягеллонами, по имени своего родоначальника Ягеллона. Въ Венгріи завѣщаніе Людовика Великаго было сначала выполнено въ точности: Марія была провозглашена королевою, или, точнѣе по венгерскому обычаю, королемъ, женихъ ея Сигизмундъ протекторомъ королевства, а Елисавета — регентшей. Но правительница была женщина безъ всякихъ правилъ и характера, дочь ея Марія — еще ребенокъ, а Сигизмундъ, дурно образованный, неопытный юноша, какъ чужеземецъ, не внушалъ подданнымъ довѣрія къ себѣ. Палатинъ королевства, Николай Гара, стоявшій во главѣ правленія, имѣлъ противъ себя сильную партію, потому что, происходя изъ мелкаго дворянства, былъ сдѣланъ магнатомъ и возвысился до высшихъ государственныхъ степеней, благодаря однимъ милостямъ Елисаветы.

Въ то время явился въ Далмацію Карлъ Малый, ближайшій родственникъ, въ мужскомъ колѣнѣ, Людовика Великаго, который даже прочилъ его въ преемники себѣ. Обстоятельства, какъ мы видимъ, вполнѣ благопріятствовали честолюбивымъ планамъ Карла, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ находился въ отсутствіи, въ Богеміи, куда отправился за помощью. Карлъ немедленно вступилъ въ переговоры съ Елисаветою и Маріею, и въ то же время, съ враждебною имъ партіею, хотѣвшею противопоставить его двумъ королевамъ. Подготовивъ все, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, онъ отправился въ Буду. Обѣ стороны хотѣли перехитрить другъ друга. Королевы выѣхали къ нему на встрѣчу и вмѣстѣ съ нимъ торжественно вступили въ городъ. Но онъ тутъ же далъ имъ понять свои на-

мѣренія, отказавшись остановиться во дворцѣ. На слѣдующій день онъ былъ провозглашенъ своими приверженцами губернаторомъ королевства и уже въ этомъ качествѣ, а не какъ гость королевы, поселился во дворцѣ, занявъ его итальянцами и кроатами. Съ этой минуты обѣ королевы сдѣлались какъ бы его плѣнницами. Не успѣвъ въ своихъ стараніяхъ убѣдить Марію отказаться отъ короны, онъ созвалъ сеймъ, на которомъ его партія провозгласила его королемъ (31 декабря 1385 г.). Карлъ не позволилъ себѣ никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ двухъ женщинъ и позволилъ имъ жить во дворцѣ со своими придворными, оставивъ при нихъ даже вѣрную ихъ стражу. Но, пользуясь этимъ, Елисавета, вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Николаемъ Гара, задумала убить короля. Планъ и выполненіе этого убійства вполнѣ согласовались съ характеромъ босняцкаго племени, къ которому принадлежали вдовствующая королева и палатинъ. У Карла испросили однажды дозволенія впустить въ замокъ Николая съ нѣсколькими человѣками его свиты, подъ предлогомъ желанія обѣихъ королевъ проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ. Въ то же самое время Карла заманили хитростью въ покои королевъ, и когда онъ пришелъ туда, въ сопровожденіи Альберика да Барбіана и одного венгерскаго князя, въ комнату неожиданно вошелъ Николай съ нѣсколькими изъ своихъ людей, и одинъ изъ нихъ нанесъ королю такой страшный ударъ по головѣ, что обѣ королевы были съ головы до ногъ обрызганы кровью. Спутники Карла бросились защищать его и дали ему возможность спастись на свою половину; комнаты Карла охраняли одни кроаты, а солдаты Альберика были разсѣяны по городу. Кроаты не устояли, и Карлъ былъ взятъ въ плѣнъ. Николай велѣлъ бросить тяжело раненаго короля въ тюрьму, а потомъ перевести въ крѣпость Вышеградъ, гдѣ его умертвили, послѣ двухнедѣльнаго, суроваго заточенія (февраль, 1386 г.). Часть итальянскихъ наемниковъ Карла была перебита, но большинство вмѣстѣ съ Альберикомъ спаслось въ Далмацію. Тѣло убитаго короля долгое время оставалось безъ погребенія, такъ какъ онъ умеръ, находясь въ отлученіи отъ церкви.

Въ Неаполѣ и Провансѣ вдовѣ Карла, Маргаритѣ, приходилось бороться съ ужасными трудностями. По смерти мужа, она приняла регентство за своего десятилѣтняго сына Владислава, имѣя противъ себя многочисленную партію и обоихъ папъ. Одинъ изъ нихъ, Урбанъ, давно уже былъ заклятымъ врагомъ ея мужа, а Климентъ VII употреблялъ всѣ усилія, чтобы вооружить друзей и приверженцевъ Людовика Анжуйскаго въ пользу его сына, Людовика II. Прованс окончательно подпалъ власти сторонниковъ младшей линіи анжуйскаго дома; въ Неаполѣ дѣло молодаго Владислава также казалось потеряннымъ, потому что во главѣ партіи Людовика стала могущественная фамилія Сансеверино. Мать Людовика, Марія де Блуа, управлявшая изъ Прованса приверженцами сына, приняла къ себѣ на службу Оттона Брауншвейгскаго и отправила его съ войскомъ въ Неаполь. Положеніе дѣлъ въ Неаполѣ до такой степени благопріятствовало Людовику, что сторонники его могли уже учредить правительственную коммисію подъ предсѣдательствомъ Ѳомы Сансеверино; при появленіи Оттона, Маргарита и сынъ ея должны были бѣжать изъ крѣпости, гдѣ они еще держались, и искать убѣжища въ Гаэтѣ. Точно также и въ Провансѣ должны были покориться Людовику всѣ города, оставшіеся еще вѣрными Маргаритѣ и ея сыну. Но вскорѣ сама Марія однимъ неосторожнымъ шагомъ испортила все, что успѣли сдѣлать въ ея пользу друзья ея фамиліи въ Неаполѣ. Назначивъ намѣстникомъ Неаполя де Монжуа, она смертельно оскорбила Оттона Брауншвейгскаго и фамилію Сансеверино. Оттонъ немедленно перешелъ со всею нѣмецкою конницею къ Владиславу, а Сансеверино удалились въ свои владѣнія въ Калабріи и продолжали вести оттуда войну лично за себя, не заботясь вовсе о претендентахъ. Между тѣмъ Маргарита и сынъ ея, терпѣвшіе въ Гаэтѣ недостатокъ въ деньгахъ, не позволявшій имъ нанять войска, выпутались изъ этого затрудненія позорнымъ способомъ. Молодаго Владислава обвѣнчали съ Констанціею, дочерью богатѣйшаго изъ сицилійскихъ вельможъ, и на деньги, взятыя за нею въ приданое, наняли дружины Гауквуда, Альберика да Барбіано и Оттона Брауншвейгскаго. Когда же деньги Констанціи были истрачены, Владиславъ не только развелся съ нею, но заставилъ ее силою выйти за графа капуанскаго.

Счастье благопріятствовало попеременно то одной, то другой линіи анжуйскаго дома, смотря по состоянію ихъ финансовъ, пока наконецъ смерть папы Урбана VI (1389 г.) не дала дѣлу рѣшительнаго оборота. Избранный въ папы, на мѣсто Урбана, неаполитанецъ Бонифацій IX, столько же неспособный управлять церковью, сколько опытный въ войнѣ и политикѣ, открыто принялъ сторону Владислава, и снявъ отлученіе, наложенное на него его предшественникомъ, послалъ въ Гаэту вспомогательное войско. Владиславъ продолжалъ бороться еще нѣсколько лѣтъ со своимъ соперникомъ Людовикомъ II, который пріѣхалъ, въ 1390 г., въ Неаполь; но Бонифацій своими дѣйствіями привлекалъ на сторону Владислава все болѣе и болѣе неаполитанской знати. Помиривъ съ нимъ фамилію Сансеверино, онъ устроилъ такъ, что по смерти Оттона Брауншвейгскаго герцогство тарентское снова перешло къ коронѣ и, пожалованное одному изъ сильнѣйшихъ приверженцевъ анжуйскаго дома, переманило его на противную сторону. Владиславъ овладѣлъ наконецъ столицею королевства (1399 или 1400 г.). Бездыдный народъ, выманивъ у Людовика Анжуйскаго послѣднюю копѣйку, перешелъ вмѣстѣ съ остальною знатью на сторону того, кто имѣлъ деньги и успѣхъ. Хотя впослѣдствіи война и возобновилась, но кончилась все-таки торжествомъ Владислава. Эта война имѣетъ особенную важность для всей позднѣйшей исторіи Неаполя до новѣйшаго времени, потому что въ то время были возобновлены и упрочены особыми граматами безчисленныя и пагубныя для всей страны права неаполитанскихъ бароновъ.

Сицилія въ послѣднее двадцатипятилѣтіе четырнадцатаго столѣтія терпѣла не менѣе Неаполя отъ волненій и междоусобій. Слабый умомъ и тѣломъ, король Фридрихъ III умеръ въ 1377 году вскорѣ по заключеніи мирнаго договора, по которому Неаполь и Римъ признали его права на сицилійскій престолъ. Онъ оставилъ послѣ себя малолѣтнюю дочь Марію, которой завѣщалъ корону, но подъ условіемъ, что въ случаѣ, если она умретъ бездѣтною, корона должна перейти къ его побочному сыну Вильгельму, а если бы и тотъ не оставилъ потомства, то къ королю арагонскому. Но король арагонскій, какъ ближайшій родственникъ умершаго короля, по мужескому колѣну, считалъ себя имѣющимъ болѣе правъ на престолъ, чѣмъ Марія, и сицилійская знать вскорѣ доставила ему случай предъявить ихъ. Королевская власть въ Сициліи сдѣлалась пустымъ призракомъ; каждый городъ повиновался своему феодальному владѣтелю или намѣстнику изъ бароновъ, а бароны раздѣлялись на партіи, во главѣ которыхъ стояли богатѣйшія фамиліи страны. По смерти Фридриха образовались три главныя партіи: регента дона Арталя д'Алагона, Вильгельма, побочнаго сына покойнаго короля, и Манфреда изъ фамиліи Клермонъ. Каждая изъ этихъ партій, почти равныхъ силою, добивалась руки молодой принцессы для своего предводителя, для того чтобы, обязавъ новаго короля, пользоваться исключительно его милостями. Петръ IV Арагонскій поспѣшилъ предупредить всѣхъ и пріобрѣсти для своего дома государство, законнымъ наслѣдникомъ котораго онъ считалъ себя. Онъ подарилъ его, въ 1380 г., своему второму сыну Мартину де Монблану, который немедленно передалъ его своему сыну, Мартину Младшему. Донъ Арталь, желая силою выдать Марію за Висконти, хотѣлъ увезти ее въ Миланъ, но она была спасена арагонцами и увезена, въ 1382 г., въ Испанію. Тамъ она была, въ томъ же году, по смерти Петра IV, обвѣнчана съ Мартиномъ Младшимъ, и французскій папа Климентъ VII короновалъ ея мужа королемъ Сициліи. Мартинъ Старшій снарядилъ въ Арагоніи флотъ, чтобы послать его въ Сицилію для поддержанія правъ сына и невѣстки; но отправленіе флота замедлилось до 1392 г. Въ продолженіе этого времени, въ Сициліи исчезли послѣдніе слѣды монархической власти; четыре могущественныхъ барона, поддерживаемые Бонифаціемъ IX, захватили власть въ свои руки и заключили, въ 1391 г., союзъ, какъ будто для поддержанія правъ молодой принцессы, но въ дѣйствительности для того, чтобы не допускать на островъ ея мужа и свекра, поддерживаемыхъ французскимъ папою.

Могущество этого олигархическаго союза основывалось на опасеніи, которое внушало Сициліи такъ называемое тамъ каталонское вліяніе и каталонское владычество. Однако Мартинъ де Монбланъ явился на островъ съ многочисленнымъ войскомъ и уже заранѣе переманилъ на свою сторону нѣкоторыхъ изъ сицилій-

скихъ барономъ. Арагонскіе гранды и рыцари охотно послѣдовали за Мартиномъ, потому что братъ его, король Іоаннъ I, не былъ особенно предпріимчивъ, а сицилійцевъ Мартинъ переманилъ на свою сторону,ославъ къ нимъ заранѣе нѣсколько довѣренныхъ лицъ, которыя объяснили имъ, что сынъ Мартина обратился отъ незаконнаго, по ихъ мнѣнію, французскаго папы, къ римскому, власть котораго они признавали. Высадившись въ Сицилію, арагонцы быстро покорили весь островъ, и осенью 1392 г. Марія и мужъ ея были повсемѣстно признаны государями. Но едва флотъ и войско отплыли въ Сардинію для возстановленія тамъ арагонскаго владычества, какъ въ Сициліи вспыхнуло всеобщее возстаніе. Графъ де Монбланъ, оставшійся въ Сициліи, тотчасъ же по завоеваніи острова сбросилъ маску и снова объявилъ себя за французскаго папу. Это придало новую силу побѣжденной партіи, и Мартинъ въ короткое время былъ изгнанъ изъ всѣхъ городовъ, кромѣ Мессины, Сиракузъ и Катаніи; къ несчастью, и братъ его, арагонскій король, не хотѣлъ, или не могъ помочь ему, потому что въ то же время отъ него отпала Сардинія и ему угрожала война съ Гранадою. Но Мартинъ въ этой крайности нашелъ помощь у одного изъ своихъ друзей, Бернардо де Кабреры, который, получивъ отъ нѣсколькихъ торговыхъ домовъ, подъ залогъ своихъ каталонскихъ помѣстій, громадную для того времени сумму полтораста тысячъ золотыхъ флориновъ, нанялъ на эти деньги войско и въ концѣ 1393 г. привелъ его въ Сицилію. На островѣ началась кровопролитная война, въ которой арагонцы жестоко отмстили баронамъ; въ слѣдующемъ году въ ней принялъ участіе и арагонскій флотъ. Но жестокость только вызывала на сопротивленіе, и Кабрерѣ пришлось бороться съ страшными затрудненіями, прежде чѣмъ кончилась война (1396 г.). Островъ, можетъ быть, не покорился бы и тогда, если бы Мартинъ де Монбланъ не сдѣлался по смерти своего брата арагонскимъ королемъ, и жена его не прислала ему немедленно изъ Арагоніи флотъ и войско. Тогда сицилійскіе бароны упали духомъ и стали стараться, каждый для себя, помириться съ Мартиномъ на выгодныхъ условіяхъ.

Мартинъ вернулся въ Арагонію въ декабрѣ 1396 г., учредивъ въ Сициліи при своемъ сынѣ и женѣ его особый совѣтъ регентства. Президентомъ его онъ назначилъ своего вѣрнаго вассала Рамона де Монкадо, присоединивъ къ нему епископа Катаніи и нѣсколькихъ арагонцевъ и каталонцевъ. Королева Марія умерла въ 1402 г., а по смерти ея мужа, послѣдовавшей въ 1409 г., Сицилія перешла къ его отцу и соединилась съ Арагоніей.

2. Исторія верхней и средней Италіи по возвращеніи въ Римъ папы Урбана V до папы Бонифація XI и начала великаго раскола западной церкви.

Въ то время какъ въ Средней Италіи возрастало могущество Флоренціи и падали сила и значеніе Пизы, въ Ломбардіи все болѣе и болѣе распространялось господство фамиліи Висконти. Въ началѣ второй половины четырнадцатаго вѣка, двое членовъ этого дома, Варнава и Галеаццо II, слѣдуя безбожной и безчеловѣчной политикѣ, благодаря той желѣзной послѣдовательности, которую Макіавелли называетъ истинною государственною мудростью, утвердили свое могущество, съ помощью наемниковъ, которымъ они заплатили потомъ своихъ угнетенныхъ подданныхъ (стр. 359). Оба тирана были въ постоянной враждѣ съ церковью. Помирившись съ нею на время въ 1364 г., они вслѣдъ затѣмъ опять стали грозить ей, такъ что, въ 1367 г., папскій главнокомандующій Альборносъ, еще до прибытія Урбана V изъ Витербо въ Римъ, составилъ союзъ изъ враговъ Висконти, а въ слѣдующемъ году Урбанъ снова поразилъ тирановъ безсильными громами церкви. Въ союзъ противъ Висконти вступили: Урбанъ V, императоръ Карлъ IV, венгерскій король Людовикъ Великій и фамиліи Каррара, Эсте и Гонзага. Карлъ обязался снова явиться съ войскомъ въ Италію, но былъ удержанъ по сю сторону Альповъ осуществленіемъ своего завѣтнаго плана основать, для своего потомства, великое славянско-германское государство на восточной границѣ Германіи. Онъ постоянно стремился къ тому, чтобы посредствомъ договоровъ съ другими вла-

дѣтельными домами о взаимномъ наслѣдованіи, покупкою и обмѣномъ имѣній обогатить своего сына Венцеслава, котораго онъ еще ребенкомъ сдѣлалъ королемъ чешскимъ. Въ Италію императоръ отправился не прежде, какъ пріобрѣтя для своего дома Верхнюю и Нижнюю Лузацію, большую часть Силезіи и множество другихъ земель въ разныхъ частяхъ имперіи. Онъ откладывалъ бы свой второй римскій походъ еще долѣе, если-бы владѣтели Милана не вступили въ новые союзы и не обнаружили опасныхъ завоевательныхъ стремленій. Галеаццо пригласилъ въ Италію англійскаго принца Ліонеля (стр. 360), который, впрочемъ, вскорѣ умеръ, и женилъ его на своей дочери, а Варнава грозилъ Реджіо и Мантуѣ и видимо благопріятствовалъ предпріятію своего побочнаго сына Амвросія, который, съ восемью тысячами человѣкъ опустошилъ Тоскану и Церковную область и ворвался въ неаполитанское королевство, гдѣ однако былъ разбитъ на голову соединенными силами папы и королевы Іоанны.

Наконецъ въ апрѣлѣ 1368 г. императоръ вступилъ въ Италію и началъ слѣдовать той же самой политикѣ, какъ и въ первый походъ, т. е. сражаться дипломатическимъ оружіемъ, выжимать деньги у своихъ приверженцевъ и позволять подкупать себя врагамъ. Другъ его, платоникъ и риторъ Петрарка, точно также велъ себя постарому. Висконти, желая воспользоваться для своихъ политическихъ видовъ этимъ искуснымъ царедворцемъ, польстили его тщеславію неслыханными почестями и отправили его, въ іюнѣ, вести переговоры съ императоромъ и папою. Но на этотъ разъ тщеславный поэтъ обманулся въ впечатлѣніи, которое производила на всѣхъ его мистическая, мечтательная личность; ни папа, ни императоръ не согласились на его доводы: Карлъ уже на пути чрезъ Верону внушилъ итальянцамъ презрѣніе къ себѣ, а потомъ такъ долго оставался въ расположенномъ къ нему городѣ Мантуѣ, что совершенно истощилъ его средства. Въ Мантуѣ онъ заключилъ перемиріе съ Висконти, взявъ съ нихъ деньги. На дальнѣйшемъ пути черезъ Пизу, Лукку и другіе города онъ бралъ повсюду небольшія суммы денегъ, и, не смотря на то, заложилъ свою корону одному флорентинскому купцу за тысячу шестьсотъ золотыхъ флориновъ, что показалось весьма неприличнымъ въ невѣроятно богатой въ ту пору Италіи. Впослѣдствіи эту корону выкупилъ городъ Сіена, для того чтобы выпроводить поскорѣе Карла изъ Италіи. На всемъ своемъ пути онъ сыпалъ граматами; но его требованіямъ покорялись только на словахъ, а въ дѣйствительности анархія не только продолжалась попрежнему, но еще усилилась. Кто желаетъ удостовѣриться, что и въ средніе вѣка, какъ въ наше время, исторія, основанная на буквѣ дипломатическихъ и офиціальныхъ документовъ, не имѣла ничего общаго съ дѣйствительностью, тому стоитъ только сличить итальянскія лѣтописи съ письмами и пространными почетными мирными договорами, которые Карлъ присылалъ въ Германію.

Въ Римѣ, куда Карлъ прибылъ въ октябрѣ, онъ только и помышлялъ о церемоніяхъ и внѣшнемъ почетѣ. Папа сильно обрадовался, увидавъ пристрастіе императора къ церковнымъ обрядамъ, доходившее до такой степени, что, напримѣръ, во время литургіи, Карлъ усердно исправлялъ должность иподіакона. Въ дѣйствительности, всѣ его требованія ограничивались только коронованіемъ его жены, чего онъ и добился. Въ декабрѣ онъ уѣхалъ изъ Рима и на обратномъ пути по средней и верхней Италіи поступалъ точно такъ же, какъ при въѣздѣ. Въ Сіенѣ онъ попробовалъ возстановить миръ между жителями, но едва не погибъ самъ во время бунта; впрочемъ, онъ простилъ бунтовщиковъ, получивъ съ нихъ значительную сумму денегъ. Гражданамъ Лукки, освободившимся, наконецъ, отъ долговременнаго господства пизанцевъ, онъ помогъ упрочить свою независимость, за что городъ воздвигъ ему монументъ и вычеканилъ на своей монетѣ его изображеніе, какъ возстановителя своей независимости, но уѣзжая, императоръ передалъ этотъ городъ кардиналу Гвидо де Монфору, въ видѣ залога за пятьдесятъ тысячъ золотыхъ флориновъ, ссуженыхъ ему папою, и кардиналъ до тѣхъ поръ не освобождалъ Лукки, пока жители не откупились отъ него гораздо большею суммою. Когда, во время пребыванія въ Луккѣ, императоръ сдѣлалъ видъ, что намѣренъ дѣятельно вступиться за папу, Висконти поспѣшили начать съ тѣмъ и съ другимъ переговоры и заключить миръ (1369 г.), чтобы снова нарушить его по удаленіи императора. Дѣйствительно, едва Карлъ выѣхалъ изъ Италіи (августъ 1369 г.), какъ Варнава, смѣясь надъ религіей,

церковью и международнымъ правомъ, послалъ противъ Флоренціи войско, подъ начальствомъ Гауквуда. Это навлекло на него новое отлученіе отъ церкви, но онъ, по обыкновенію, смѣялся надъ духовнымъ оружіемъ папы; впрочемъ весьма сомнительно, чтобы онъ, какъ говорятъ, заставилъ кардиналовъ, привезшихъ ему буллу объ отлученіи, разорвать ее въ глазахъ цѣлаго народа. Этотъ разсказъ приводится весьма недостовѣрнымъ историкомъ.

Черезъ годъ по отъѣздѣ императора изъ Италіи, папа рѣшился вернуться въ Авиньонъ, потому что, какъ мы видѣли, присутствіе Карла нисколько не улучшило печальнаго состоянія этой страны. Въ Италіи папѣ грозили, съ одной стороны, венгерскій король, со своими дикими ордами; съ другой, Варнава, съ шайками авантюристовъ. Чтобы держаться противъ нихъ, папѣ необходимо было наемное войско, но это войско столь же тяготило друзей, какъ и враговъ. Въ Авиньонѣ папа и кардиналы жили спокойнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ Римѣ; поэтому Урбанъ V сдался на убѣжденія французскихъ кардиналовъ и вернулся, осенью 1370 г., въ Авиньонъ, гдѣ и умеръ въ концѣ того же года.

Преемникъ его, Григорій XI, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій южной Франціи, былъ весьма свѣдущъ въ богословіи и римскомъ правѣ. Въ 1372 г., между Висконти, которые были злѣйшими врагами новаго папы, и итальянскими союзниками его снова возгорѣлась война. Деньги, собранныя Григоріемъ XI для крестоваго похода противъ османскихъ турокъ, пошли на наемъ дружинъ Гауквуда и Оттона Брауншвейгскаго. Миланскіе тираны были снова поражены интердиктомъ и отлученіемъ отъ церкви, а кардиналы стали во главѣ хищныхъ дружинъ. Но Варнава и Галеаццо смѣялись и надъ духовнымъ, и надъ свѣтскимъ оружіемъ папы; хотя ему и удалось, какъ увѣряютъ папскіе лѣтописцы, овладѣть нѣсколькими замками, но все же, въ результатѣ, онъ ничего не добился отъ Висконти. Замѣчательно, что уже во время этой войны, то есть прежде раскола въ западной церкви, въ лучшей части народа господствовало настроеніе, сильно враждебное іерархіи. Это направленіе обнаруживалось не только въ современныхъ сатирическихъ стихотвореніяхъ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, но даже въ одной піаченцской лѣтописи. Авторъ ея, принадлежащій по своему слогу и языку къ народу, прямо приписываетъ всѣ тогдашнія бѣдствія стремленію папъ къ пріобрѣтенію свѣтской власти, и говоритъ, что Висконти заслужили постигшія ихъ впослѣдствіи неудачи тѣмъ, что помогали когда-то папамъ расширять свою власть.

Въ 1375 году поступки легатовъ, буйствовавшихъ въ покоренныхъ земляхъ хуже кондоттьеровъ и самихъ Висконти, придали дѣламъ неблагопріятное для папы направленіе. Одинъ изъ легатовъ, пользуясь обстоятельствами, вздумалъ прибрать къ своимъ рукамъ нѣсколько городовъ, издавна принадлежавшихъ флорентинцамъ. Опасаясь за свою независимость, флорентинцы вступили въ союзъ съ миланскими тиранами, провозгласили по всѣмъ своимъ городамъ и владѣніямъ господство демократіи, соединились съ сильными и богатыми республиками Сіеною, Луккою, Ареццо и Пизою, и подкупили Гауквуда и другихъ начальниковъ папскихъ войскъ, такъ что тѣ вначалѣ медлили, подъ всевозможными предлогами, исполнять свои обязанности, а потомъ явно перешли на службу къ врагамъ папы. Наконецъ вся Романья, Мархіи, герцогство Сполето, римская Кампанья и даже Болонья отпали отъ деспотической власти легатовъ, предоставлявшихъ на жертву хищныхъ наемниковъ собственность вассаловъ римскаго престола, и присоединились къ флорентинскому союзу. Среди этихъ грустныхъ сценъ измѣнъ, жестокостей и кровопролитій, можно съ утѣшеніемъ остановить свои взоры на одномъ мѣстѣ только что приведенной нами лѣтописи, которое показываетъ намъ энтузіазмъ къ свободѣ, дѣятельность, мужественную самостоятельность, однимъ словомъ, движеніе, жизнь и энергію народа когда-то свободнаго, а теперь питающагося подаяніемъ монаховъ и богачей, воровствомъ и щедростью путешественниковъ и представляющаго собою зрѣлище нищеты, суевѣрія, рабства и нравственной смерти. Вообще, умственному развитію и свободѣ благопріятны, повидимому, только тѣ времена, когда правительство оказывается несостоятельнымъ, содержаніе полиціи и постояннаго войска невозможнымъ, а угнетеніе вызываетъ сопротивленіе, и энтузіазмъ разжигаетъ страсти. То же самое было въ древней Греціи и повторилось въ Ломбардіи, которую деспотизмъ Висконти дер-

жалъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, споспѣшествуя порядку, дисциплинѣ, благосостоянію, промышленности, искусствамъ и наукамъ. Висконти поощряли земледѣліе, проводили каналы, устроивали водоемы, сооружали дворцы, памятники, забавляли народъ зрѣлищами, праздниками, ристаніями, раздавали дорогіе призы, но при всемъ томъ правительство ихъ не имѣло ни стыда, ни нравственныхъ принциповъ, такъ что исторія, преимущественно занимающаяся личностью правителей и окружающими ихъ, сохранила въ своей памяти только одни позорныя дѣла этой эпохи. То же самое можно сказать и о другихъ владѣтельныхъ фамиліяхъ и, между прочимъ, о делла Скала, въ Веронѣ. Въ тотъ самый годъ, когда флорентинцы заключили свой великій союзъ свободы, умирающій Канъ делла Скала отдалъ приказаніе умертвить своего томившагося въ заключеніи брата, опасаясь, что онъ погубитъ двухъ его побочныхъ сыновей, а для того, чтобы никто не распустилъ потомъ слуха, что убитый живъ, Канъ велѣлъ публично выставить тѣло брата. Послѣ этого, онъ причастился св. тайнъ и умеръ, по собственному своему мнѣнію и по мнѣнію своихъ современниковъ, какъ праведникъ. Такъ глубоко пало въ ту эпоху западное христіанство!

Чтобы снова покорить отпавшіе города и въ особенности Болонью, папа Григорій XI нанялъ новое войско и поручилъ начальство надъ нимъ кардиналу Роберту Женевскому, который сдѣлался потомъ во время раскола первымъ антипапою, подъ именемъ Климента VII. Поступки этой хищной орды и война ея за Болонью (1376 г.) ясно показываютъ намъ, что происходило въ ту пору въ Италіи и какимъ образомъ дѣйствовали и Висконти, и безбожники, называвшіеся представителями церкви. Варнава, подъ предлогомъ желанія помочь Болоньѣ, составилъ планъ овладѣть этимъ городомъ — и съ этою цѣлью вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ гражданъ; но измѣна была открыта, коварно предложенная помощь отвергнута, и множество знатнѣйшихъ гражданъ обезглавлены или изгнаны. Между тѣмъ войско Роберта, опустошивъ Ломбардію, уже достигло Болоньи. Безпощадная жестокость и буйство наемниковъ, разграбившихъ окрестности Болоньи и Тоскану, вызвали наконецъ всеобщее раздраженіе противъ свѣтской власти папы, такъ что Григорій XI былъ принужденъ вернуться въ Италію, чтобы предупредить присоединеніе всѣхъ подданныхъ римской церкви къ свободному союзу флорентинцевъ. Но папа еще до этого излилъ всю свою ярость на Флоренцію. Ненависть его къ флорентинцамъ и ихъ союзу была такъ велика, что онъ, для того, чтобы вѣрнѣе побѣдить ихъ, рѣшился даже примириться съ безбожнѣйшимъ изъ тирановъ и заключилъ договоръ съ Висконти, снявъ съ нихъ отлученіе, уступивъ имъ Верчелли и болѣе ста замковъ въ окрестностяхъ Піаченцы, Павіи и Новары и получивъ за это двѣсти тысячъ золотыхъ флориновъ наличными деньгами. Потомъ онъ употребилъ противъ нихъ то же самое духовное средство, которое такъ удачно примѣнилъ къ венеціанцамъ его предшественникъ (стр. 272), но флорентинскіе демократы выказали болѣе твердости и мужества, чѣмъ венеціянскіе аристократы. Григорій поразилъ ихъ отлученіемъ отъ церкви, возвѣстивъ его по всему міру, а особенно въ южной Франціи, гдѣ находилось множество флорентинцевъ, и не только предоставилъ на произволъ всякаго ихъ личность и собственность, но объявилъ какъ ихъ самихъ, такъ и потомство ихъ лишенными чести и всѣхъ гражданскихъ правъ. Мало того, намѣстникъ Христа требовалъ, чтобы христіане нарушали относительно несчастныхъ гонимыхъ первый долгъ человѣколюбія; въ той же самой буллѣ онъ грозилъ наказаніемъ всѣмъ государствамъ и каждому частному лицу, которыя упустятъ случай овладѣть флорентинцами и ихъ достояніемъ. Во многихъ странахъ, особенно въ Англіи, папскій декретъ послужилъ поводомъ къ разбоямъ и насиліямъ надъ флорентинцами. Но Пиза и Генуя отказались нарушить долгъ гостепріимства и, въ угожденіе папѣ, изгнать самыхъ значительныхъ купцовъ; оба города подверглись за это отлученію отъ церкви. Мудрено ли, что, видя такіе поступки папы съ флорентинцами и неслыханныя жестокости, совершавшіяся въ глазахъ всѣхъ папскими солдатами, нерѣдко вслѣдствіе положительнаго приказанія свирѣпаго кардинала Роберта, избраннаго по смерти Григорія въ намѣстники Христа, — весь свѣтъ заговорилъ объ упадкѣ церкви и сталъ помышлять о томъ, какъ бы вернуться отъ папизма къ чистому христіанству.

Наемники Роберта совершали такія неслыханныя звѣрства, что даже папы и лѣтописцы, преданные церкви, не находили для нихъ оправданій. Но всѣ мѣры папы противъ флорентинцевъ оказались недѣйствительными, союзъ ихъ продолжалъ развиваться и свобода снова возраждалась подъ развалинами, дымившимися кровью. Ее защищали за деньги тѣ самые наемники, которые за деньги же угнетали ее. Изумительна при этомъ дѣятельность и энергія жителей средней Италіи, погруженныхъ нынѣ въ лѣность и рабство. Самый Римъ пробудился; верховная власть папы надъ этимъ городомъ стала однимъ призракомъ, а управленіе городомъ перешло въ руки двѣнадцати гражданъ, которые по возвращеніи папы Григорія изъ Франціи не пускали его къ себѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не утвердилъ за римлянами нѣкоторой независимости. Это правительство, увѣренное, что отъ папы можно добиться всего, что нужно, отклонило предложеніе флорентинцевъ прислать въ Римъ часть ихъ войска. Григорій понялъ наконецъ, что ему не слѣдуетъ мѣшкать, если онъ хочетъ спасти остатки свѣтской власти церкви, и, вопреки всѣмъ убѣжденіямъ французскихъ кардиналовъ, рѣшился немедленно вернуться въ Италію. Въ сентябрѣ 1376 г. онъ выѣхалъ изъ Марсели моремъ и въ январѣ прибылъ въ Римъ. Не смотря на пышную и восторженную встрѣчу, Григорій вскорѣ убѣдился, что власть его въ Римѣ весьма ограниченна, и, подъ предлогомъ перемѣны воздуха, сталъ проводить большую часть года въ Ананьи. Поселившись тамъ, онъ старался привлечь на свою сторону мелкія династіи средней Италіи, которыя, подобно турецкимъ пашамъ, сдѣлались изъ папскихъ намѣстниковъ независимыми владѣтелями. Въ томъ же году ему удалось поставить въ зависимость отъ себя префекта Вико. Болонцы послѣ долгихъ переговоровъ также подчинились папѣ, но признали его государемъ, только выговоривъ себѣ полную самостоятельность. Между тѣмъ папскіе наемники, подъ начальствомъ кардинала Роберта, поступили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ съ гражданами Чезены, осмѣлившимися сопротивляться ихъ разбоямъ. Эти дикія, кровожадныя орды перерѣзали до четырехъ тысячъ человѣкъ, изгнали восемь тысячъ гражданъ, ограбили церкви и частные дома, и позволили себѣ неслыханныя звѣрства надъ жителями, безъ различія пола и возраста. Эта война была такъ гибельна для странъ, въ которыхъ она происходила, и содержаніе буйныхъ наемниковъ стоило такъ дорого, что даже Варнава Висконти желалъ мира и старался примирить съ папою флорентинскій союзъ. Ему удалось, наконецъ, устроить между ними переговоры; но едва они начались, какъ были внезапно прерваны смертью Григорія XI (мартъ 1378 г.).

Со смерти этого папы начался, такъ называемый, великій расколъ (с х и з м а) западной церкви или продолжительное раздвоеніе папской власти, имѣвшее столь важное вліяніе на судьбу западной церкви. Когда умеръ Григорій, въ Авиньонѣ оставались шесть кардиналовъ, отказавшихся послѣдовать за нимъ въ Римъ. Изъ остальныхъ одиннадцать были французы, одинъ испанецъ и четверо итальянцевъ. Эти шестнадцать кардиналовъ собрались для избранія новаго папы, которое, при подобныхъ обстоятельствахъ, грозило быть весьма затруднительнымъ и бурнымъ. Римляне грозно требовали, чтобы папой былъ непремѣнно избранъ римлянинъ. Угрожающее положеніе народа заставило шестерыхъ кардиналовъ искать спасенія въ замкѣ св. Ангела, а остальные приступили къ избранію и выбрали, хотя не римлянина, но итальянца, калабрійца Приньяно, назвавшагося У р б а н о м ъ VI. Этимъ выборомъ остались недовольны и римляне, желавшіе, чтобы онъ палъ на кого нибудь изъ ихъ духовенства, и французы, которымъ хотѣлось видѣть папою француза. Не смотря на неправильность выбора, спокойствіе не было нарушено. Кардиналы вышли изъ замка св. Ангела и присоединились къ остальнымъ, занявъ однако замокъ своею партіею; авиньонскіе кардиналы также прислали свое согласіе. Но вскорѣ Урбанъ VI, оскорбивъ французскихъ кардиналовъ, сдѣлался виновникомъ раскола въ церкви. Новый папа покровительствовалъ римскому народу, рѣзко и даже грубо обращался съ кардиналами и объявилъ, въ самомъ началѣ, что намѣренъ возстановить ослабѣвшую съ вѣками дисциплину духовенства, составлявшаго папскій дворъ, а принятыя имъ мѣры заставляли предугадывать неумолимую строгость въ осуществленіи этого плана. Въ то же время онъ оскорбилъ присланныхъ поздравить его со вступленіемъ на престолъ пословъ неаполитанской королевы Іоанны I, между которыми находился

и мужъ ея, Оттонъ Брауншвейгскій. Оскорбленная королева вступила въ сношенія съ раздраженными французскими кардиналами, занимавшими замокъ св. Ангела и увѣренными, что при первомъ рѣшительномъ шагѣ ихъ противъ папы, французскій король окажетъ имъ содѣйствіе. Двѣнадцать кардиналовъ удалились изъ Рима подъ предлогомъ жаровъ, захвативъ съ собою папскія драгоцѣнности и тройную тіару, и отправились въ Ананьи, откуда начали съ папою переписку, скромно выражая въ ней сомнѣнія относительно правильности его избранія; затѣмъ они предприняли формальное изслѣдованіе этого дѣла и въ то же время наняли войско. Наконецъ, когда Урбанъ, чтобы предупредить грозящій разрывъ, послалъ къ нимъ оставшихся при немъ кардиналовъ, недовольные рѣшились сдѣлать послѣдній шагъ, и объявили избраніе Урбана недѣйствительнымъ. Вслѣдъ затѣмъ они отправились къ графу ди Фонди, обѣщавшему имъ свою защиту, и приступили къ избранію новаго папы. Выборъ ихъ палъ (20 сентября 1378 г) на прославившагося кровожадностью и жестокостью кардинала Роберта Женевскаго, который и принялъ имя Климента VII. Этотъ поступокъ возбудилъ страшную ярость Урбана противъ новоизбраннаго папы и жестокое преслѣдованіе въ Римѣ иностранцевъ папою и римлянами. Римъ сдѣлался театромъ побоища; граждане убивали друзей кардиналовъ и иностранное духовенство, щадя нѣсколько однихъ нѣмцевъ. Оба папы взаимно предали своихъ противниковъ отлученію, а Урбанъ немедленно составилъ себѣ новую коллегію кардиналовъ. Климентъ оставался, первое время, въ Фонди; его признали только Неаполь, Испанія и Франція; остальная Европа стояла за Урбана. Папы, доказывая свои права духовнымъ оружіемъ и учеными юридическими трактатами, составляемыми по ихъ повелѣнію, набирали въ то же время войска.

Тѣ изъ итальянскихъ городовъ, которые не страдали отъ волненій и войнъ, причиненныхъ великимъ расколомъ въ церкви, терпѣли отъ войны двухъ главныхъ итальянскихъ республикъ, Венеціи и Генуи. Война, возникшая изъ распри между ними и называвшаяся кіоджійской войной, продолжалась съ 1378 г. до 1381 г. и привела венеціанскую республику на край погибели. Причинъ ея слѣдуетъ искать въ постоянномъ соперничествѣ двухъ республикъ на морѣ, но кромѣ ихъ, въ эту войну вмѣшались Франческо Каррарскій, владѣтель Падуи, Людовикъ Венгерскій, патріархъ аквилейскій, владѣтели Вероны делла Скала, австрійскій герцогъ Леопольдъ II, получившій, при раздѣлѣ съ братьями, пограничныя съ венеціанскими владѣніями земли, и Варнава Висконти. Первые были союзниками Генуи, а послѣдній — Венеціи. На сушѣ войну вели наемные солдаты и дикія орды венгерскаго короля, и верхняя Италія была снова предана на жертву варварамъ въ то время, какъ въ средней сражались наемныя войска обоихъ папъ, а въ нижней также наемныя войска защищали неаполитанскую королеву. На морѣ счастье благопріятствовало, въ первомъ году, венеціанцамъ; но зимою генуэзцы стали дѣлать громадныя приготовленія, чтобы напасть на враговъ въ ихъ лагунахъ. Къ несчастью, венеціанская аристократія отвергла совѣтъ своего адмирала Витторіо Пизани, располагавшаго вернуться, осенью, въ Венецію. Ему было велѣно остаться въ морѣ и прозимовать въ Полѣ. На него напалъ тамъ, весною, генуэзскій флотъ и между этими двумя морскими силами произошло нѣсколько кровопролитныхъ битвъ, рѣшившихъ войну и доставившихъ безсмертную славу тремъ членамъ генуэзской фамиліи Доріа. Въ маѣ 1379 г. на флотъ Пизани напалъ, при Полѣ, Лучіано Доріа, но былъ убитъ, и адмиральскій корабль его былъ взятъ венеціанцами. Въ ту минуту, когда битва уже рѣшалась въ пользу венеціанцевъ, подоспѣлъ съ подкрѣпленіемъ братъ Лучіано, Амвросій Доріа, и одержалъ полную побѣду надъ врагами. Пизани успѣлъ уйти съ семью галерами; генуэзцы взяли въ плѣнъ двѣ тысячи человѣкъ и двадцать четыре члена венеціанскаго совѣта. Большая часть этихъ плѣнныхъ была хладнокровно перебита, въ отмщеніе за смерть генуэзскаго адмирала. Вслѣдъ затѣмъ, передъ Венеціею явился Доріа Піетро съ новымъ флотомъ, и, поддерживаемый съ суши Франческо Каррарскимъ, овладѣлъ Кіоджею, считавшеюся оплотомъ Венеціи. Онъ взялъ штурмомъ это укрѣпленное мѣстечко, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, а потомъ изгналъ венеціанцевъ изъ Маламокко. Венеціанскій сенатъ смирился и униженно просилъ о мирѣ, но получилъ презрительный отвѣтъ. Генуэзцы опозорили свою побѣду безразсудной занос-

чивостью и сами лишили себя всѣхъ ея выгодъ. Они обѣщали владѣтелю Падуи уступить ему Кіоджію, но, ослѣпленные счастьемъ, не сдержали слова, надѣясь сами удержаться въ этомъ мѣстѣ, что было совершенно невозможно. Сосѣдство ненавистныхъ враговъ и соперниковъ воодушевило венеціанцевъ, и они сдѣлали невѣроятныя усилія, чтобы освободиться отъ него. Война затянулась и генуезцы были, наконецъ, изгнаны изъ Кіоджіи и всѣхъ занятыхъ ими мѣстностей. Но война продолжалась и послѣ того; для переговоровъ о мирѣ, въ Чіуделлѣ дважды собирались конгрессы, и только на послѣднемъ изъ нихъ, въ 1381 г., былъ заключенъ миръ.

Между тѣмъ, нанятый Урбаномъ VI Альберико да Барбіано разбилъ на голову войска Климента VII (1379 г.), а замокъ св. Ангела, все еще находившійся во власти французскихъ кардиналовъ, сдался, наконецъ, римскому папѣ. Не считая себя въ безопасности въ Фонди, Климентъ VII искалъ убѣжища въ Неаполѣ; но неаполитанскій народъ, расположенный къ Урбану, окружилъ дворецъ, гдѣ находился антипапа, и угрожалъ ему смертью. Буйная чернь принудила саму королеву принять сторону Урбана, и Климентъ долженъ былъ вернуться въ Фонди, откуда поспѣшилъ переѣхать въ Авиньонъ, гдѣ и основалъ свое постоянное мѣстопребываніе. Вообще онъ жилъ тамъ спокойнѣе, чѣмъ его соперникъ въ Римѣ, навлекавшій на себя одну бѣду за другою; Урбанъ былъ такъ горячъ, суровъ и жестокъ, что во всѣхъ его дѣйствіяхъ можно узнать истаго калабрійца. Прежде всего, ему угрожало въ самомъ Римѣ войско неаполитанской королевы, но онъ отмстилъ за это, поразивъ ее отлученіемъ отъ церкви и вооруживъ противъ нея Карла Малаго (стр. 427). Потомъ онъ поссорился и съ Карломъ за то, что тотъ не захотѣлъ наградить, согласно обѣщанію, титулами и землями двухъ племянниковъ Урбана, отличавшихся только буйствомъ и развратомъ. Въ то же время, у этого папы возникла распря съ кардиналами, которые отказались даже повиноваться ему, когда онъ, вопреки ихъ совѣту, уѣхалъ изъ Рима и странствовалъ по Италіи. Окончательно раздраженный противорѣчіемъ кардиналовъ, Урбанъ составилъ противъ нихъ обвинительные акты, въ которыхъ обнародовалъ о каждомъ самыя возмутительныя вещи, какъ будто высшее духовенство и безъ того уже не было довольно презираемо своей паствой. Къ еще большей досадѣ Карла Малаго, Урбанъ пріѣхалъ, осенью 1383 г., въ Неаполь. Карлъ встрѣтилъ его съ наружнымъ радушіемъ, но потомъ удержалъ у себя плѣнникомъ, пока за него не вступились кардиналы. Наконецъ Карлъ не только освободилъ отъ наказанія племянника папы, Франческо Бутилло, приговореннаго за страшныя преступленія къ смертной казни, но и даровалъ ему обѣщанныя помѣстья, потому что нуждался тогда въ папѣ, опасаясь еще Людовика Анжуйскаго и его партіи. Урбанъ вручилъ королю знамя церкви, потому что Людовикъ, какъ покровительствуемый антипапою, былъ уже прежде отлученъ имъ отъ церкви. Но въ то время какъ неаполитанскій король находился въ походѣ, папа, считая Неаполь леномъ римской церкви, вздумалъ разыгрывать въ немъ роль верховнаго владыки, сталъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла и зашелъ такъ далеко въ своихъ притязаніяхъ, что жена Карла заперла его въ Ночерѣ и окружила наемными войсками. Даже въ этомъ положеніи Урбанъ не измѣнилъ своего суроваго и жестокаго обращенія съ кардиналами и духовенствомъ. Одинъ изъ духовныхъ подстрекнулъ знаменитаго каноника Бартолино изъ Піаченцы объявить, что упрямаго, презирающаго всякій совѣтъ папу можно предавать суду. Это еще болѣе раздражило Урбана. Подозрѣвая пятерыхъ кардиналовъ въ подписаніи этого мнѣнія, онъ велѣлъ бросить ихъ сначала въ глубокую цистерну, а потомъ въ тѣсную темницу, въ которой они не могли даже расправить своихъ членовъ, и нѣсколько разъ подвергалъ ихъ жестокой пыткѣ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе въ винѣ. Та же участь постигла и епископа аквильскаго. Тщетно остальные кардиналы и секретарь Урбана, честный нѣмецъ Дитрихъ фонъ Нимъ, который сообщаетъ всѣ эти факты, старались смягчить варвара; у него, какъ выражается Дитрихъ, было сердце Фараона и онъ, какъ левъ, не выпускалъ изъ пасти добычи. Наконецъ между нимъ и Карломъ произошелъ совершенный разрывъ; Карлъ осадилъ его въ Ночерѣ и сталъ день и ночь громить его пушками; папа, съ своей стороны, каждый день громилъ его проклятіями. Но всѣ эти скандальныя исторіи не производили никакого впечатлѣнія на непоколебимую вѣру народа, и одинъ неаполитан-

скій лѣтописецъ пятнадцатаго столѣтія подробно разсказываетъ намъ весь ходъ этихъ событій, не находя въ нихъ ровно ничего поразительнаго. Послѣ пятимѣсячной осады, Урбанъ былъ, наконецъ, освобожденъ партіею младшей линіи анжуйскаго дома и перевезенъ въ Салерно (сентябрь, 1385 г.). Онъ увезъ за собою, въ цѣпяхъ, несчастныхъ кардиналовъ и, когда измученный пыткою, епископъ аквильскій не могъ выдержать быстрой ѣзды, Урбанъ, нисколько не колеблясь, велѣлъ умертвить его на дорогѣ.

Изъ Салерно Урбанъ отправился въ Геную на корабляхъ, отданныхъ въ его распоряженіе генуезскимъ дожемъ, Антоніотто Адорно, которымъ руководили въ этомъ случаѣ одинъ разсчетъ и политика. Онъ разсчитывалъ, что стеченіе народа на поклоненіе главѣ церкви доставитъ и Генуѣ огромныя выгоды, и надѣялся, что, имѣя въ рукахъ папу, признаннаго полъ-Европою, будетъ въ состояніи водворить въ церкви единство. Послѣдняя надежда быстро рушилась, потому что державы, съ которыми онъ вошелъ въ переговоры по этому предмету, не согласились на его предложенія; корыстолюбивый разсчетъ его также оказался невѣренъ, потому что результатъ не оправдалъ ожиданій генуезцевъ. За то они, какъ настоящіе торгаши, подали папѣ огромный счетъ за его морской переѣздъ и получили отъ него, въ залогъ уплаты, нѣсколько городовъ. Плѣнныхъ кардиналовъ Урбанъ продолжалъ мучить въ Генуѣ, пока, наконецъ, окончательно не сжилъ ихъ со свѣта. Тщетно другіе кардиналы старались освободить ихъ. Они даже отложились вслѣдствіе того отъ Урбана, и пробовали, хотя безуспѣшно, завести съ нимъ процессъ; впрочемъ, сами они были не многимъ лучшимъ Урбана. Одинъ изъ нихъ, Пилео ди Прато, епископъ равеннскій, покинулъ итальянскаго папу только изъ личнаго разсчета. Въ бытность свою въ Германіи, онъ собралъ тамъ, въ качествѣ папскаго легата, огромную сумму денегъ и, чтобы присвоить ихъ себѣ, перешелъ на сторону Климента VII. Сдѣлавшись кардиналомъ французскаго папы, онъ собралъ новыя и, когда по смерти Урбана, преемникъ его принялся торговать церковными приходами и индульгенціями, Пилео снова вернулся къ римскому папѣ и вторично отправился, въ качествѣ его легата, въ Германію. Въ наше время такіе поступки кажутся удивительными, но тогда на нихъ смотрѣли совершенно иначе. Что бы ни дѣлали Урбанъ и его кардиналы,—въ глазахъ современниковъ, не принадлежавшихъ въ партіи французскаго папы, все было прикрыто именемъ Христа; они видѣли въ Урбанѣ и его кардиналахъ истинныхъ преемниковъ и намѣстниковъ апостоловъ, и никто не смѣлъ усомниться въ томъ, что всякій, кто рѣшился бы не признавать ихъ за таковыхъ, или извлечь изъ св. писанія какое нибудь понятіе о божествѣ, религіи и церкви, не сообразное съ господствующими, былъ достоинъ жесточайшей казни. Такъ устроено человѣчество: оно или бродитъ во мглѣ, или злоупотребляетъ свѣтомъ.

Урбанъ поссорился и съ Антоніотто Адорно, своимъ бывшимъ покровителемъ, и въ декабрѣ 1386 г. долженъ былъ покинуть Геную. Изгнанный изъ Генуи, онъ постоянно странствовалъ изъ одного города въ другой, потому что хотя передъ нимъ и не запирали воротъ, но за то нигдѣ не соглашались подчиняться его власти, а, напротивъ, требовали, чтобы онъ самъ подчинялся мѣстнымъ властямъ. То же самое было и въ Генуѣ. Въ то время, какъ итальянцы поступали такъ съ папой, добродушные нѣмцы переносили отъ него все. Для успокоенія совѣсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы держать подалѣе отъ себя злаго итальянца, они давали ему деньги, на которыя онъ нанималъ солдатъ. Наконецъ, они прислали къ нему депутацію князей и прелатовъ, съ самыми пышными обѣщаніями, если онъ согласится положить конецъ расколу, и ни мало не оскорбились тѣмъ, что онъ съ презрѣніемъ отослалъ обратно это посольство. Ничто, впрочемъ, не обрисовываетъ такъ хорошо личности Урбана, какъ то, что, послѣ изгнанія изъ Генуи, онъ сталъ домогаться неаполитанской короны для своего племянника Франческо Бутилло, запятнаннаго всевозможными преступленіями и въ то самое едва не забитаго до смерти, въ Перуджіи, во время одной грязной ссоры. Вдова Карла Малаго, Маргарита, употребляла всѣ усилія, чтобы смягчить папу, или, по крайней мѣрѣ, добиться отъ него разрѣшенія предать землѣ все еще остававшееся не погребеннымъ тѣло ея мужа, на которомъ тяготѣло церковное проклятіе. Для этого она даже даровала свободу его племяннику, который за свои преступленія былъ лишенъ владѣній и заключенъ въ тем-

ницу, и послала его къ дядѣ. Но суровый Урбанъ не смягчился. Онъ собралъ войско, и самъ повелъ его на Неаполь, но, заболѣвъ въ самомъ началѣ похода вслѣдствіе опаснаго паденія, долженъ былъ оставить свой планъ и распустить войска. Униженный и совершенно больной, явился онъ въ Римъ, гдѣ и умеръ въ октябрѣ 1389 г., на радость всему христіанскому міру. Такъ какъ уже давно всѣ единогласно требовали низверженія Урбана и собранія вселенскаго собора для устраненія пагубнаго раскола, то римскіе кардиналы поспѣшили избрать новаго папу, прежде чѣмъ католическія державы успѣли отвѣтить на извѣстіе о смерти Урбана. Черезъ двѣ недѣли выборъ ихъ палъ на одного неаполитанца, принявшаго имя Бонифація IX.

3. Верхняя и средняя Италія въ первое время послѣ Кіоджійской войны.

При Бонифаціи IX римская іерархія пала еще ниже, чѣмъ при Урбанѣ VI, потому что новый папа ясно и безъ стыда торговалъ священными предметами и употреблялъ суммы, пріобрѣтенныя такимъ способомъ или открытымъ обманомъ, на возстановленіе свѣтской власти римскаго престола. Дитрихъ фонъ Нимъ наполнилъ цѣлыя двѣнадцать главъ своей исторіи исчисленіемъ тѣхъ невѣроятно наглыхъ средствъ, посредствомъ которыхъ Бонифацій, въ продолженіе многихъ лѣтъ, обиралъ материкъ Европы. Даже корыстолюбивая мать и братья папы промышляли продажею духовныхъ должностей, приходовъ, почетныхъ мѣстъ и индульгенцій. Одинъ нѣмецкій лѣтописецъ того времени говоритъ, указывая преимущественно на Германію, что такое неслыханное злоупотребленіе папскою властью унизило значеніе папы и что и безъ того уже презираемое духовенство совершенно пало въ общественномъ мнѣніи. Но простодушіе вѣрующихъ, хорошо централизованная система церкви, множество монаховъ и священниковъ, напущенныхъ Римомъ на Европу, сломили все, что противопоставлялъ имъ мѣстами здравый человѣческій разумъ, и Бонифацій достигъ цѣли. Ему удалось снова покорить Церковную область и овладѣть въ самомъ Римѣ верховною властью.

Когда такимъ образомъ папа и флорентинцы подчиняли себѣ среднюю Италію, въ верхней продолжало возрастать могущество миланскихъ тирановъ и хитрой Венеціи, потому что ни императоръ Карлъ IV, ни сынъ и преемникъ его Венцеславъ не вступались за города и мелкихъ владѣтелей. Фамиліи делла Скала въ Веронѣ и Каррара въ Падуѣ, сохранявшія равновѣсіе въ продолженіе цѣлаго столѣтія, совершенно пали или утратили всякое значеніе. Эти фамиліи, также какъ и Висконти, маркграфы монферратскіе, графы савойскіе и другіе владѣтельныя итальянскія династіи были сильны только наемными войсками, наводнявшими весь полуостровъ. По происхожденію, одна только фамилія Эсте имѣла право на княжеское достоинство; знатность происхожденія всегда имѣла огромное значеніе у народовъ германскаго племени, а потому Варнава и Галеаццо Висконти старались придать себѣ значеніе династіи посредствомъ брачныхъ союзовъ съ германскими, французскими и англійскими владѣтельными домами (стр. 365). Фамилія делла Скала пала вслѣдствіе своего безразсудства и ослѣпленія; она была обязана своимъ могуществомъ одному изъ лучшихъ феодаловъ, сдѣлавшихся при Рудольфѣ Габсбургскомъ могущественными владѣтелями, въ качествѣ вассаловъ германскаго императора. Честный и побѣдоносный Канъ делла Скала, справедливо прославленный Данте (стр. 365 и стр. 472), основалъ на сѣверо-востокѣ Ломбардіи родъ королевства и умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ въ 1329 г., распространивъ господство Вероны до Фельтре и Чіудале. По смерти его, власть перешла къ двумъ его племянникамъ, Мастино и Альберту, а когда первый умеръ въ 1351 г., къ его сыну Кану Гранде, женатому на дочери Людовика Баварскаго. У Кана было еще два брата, Канъ Синьоре и Павелъ Альбоинъ, которыхъ онъ лишилъ участія въ правленіи, за что и былъ убитъ первымъ изъ нихъ на улицѣ, въ 1356 г. Какъ Синьоре управлялъ нѣкоторое время Вероной вмѣстѣ съ братомъ, но потомъ заключилъ его въ темницу, за дѣйствительное участіе въ одномъ заговорѣ, или только подъ этимъ предлогомъ. Впослѣдствіи, какъ мы уже видѣли,

Канъ, лежа на смертномъ одрѣ, совершилъ второе убійство (стр. 434). Онъ оставилъ двухъ побочныхъ сыновей, Антоніо и Бартоломео, которые, по его смерти, раздѣлили между собой владѣнія. Старшій изъ нихъ пошелъ по слѣдамъ отца и въ 1381 г. велѣлъ умертвить брата, а по свидѣтельству нѣкоторыхъ, даже умертвилъ его собственноручно. Этимъ поступкомъ онъ нажилъ себѣ смертельнаго врага въ Франческо Каррарскомъ, владѣтелѣ Падуи, публично обвинившимъ его въ этомъ преступленіи. Ихъ ссорой, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, воспользовались Висконти, чтобы погубить обѣ фамиліи делла Скала и Каррара. Въ это время, въ Мантуѣ царствовали такіе же злодѣи. Гвидо Гонзага еще при жизни передалъ власть старшему изъ трехъ своихъ сыновей Уголино. Уголино управлялъ государствомъ превосходно, но былъ убитъ двумя младшими братьями, Людовикомъ и Франческо, завладѣвшими послѣ того верховной властью. Говорятъ, что это убійство повергло въ страшную горесть стараго отца ихъ, но другіе утверждаютъ, что оно было совершено съ его согласія (1362 г.).

Военное и совершенно восточное правленіе двухъ Висконти было, въ тоже время, вполнѣ національнымъ. Судя по результатамъ, можно предположить, что для этихъ странъ, такъ же какъ и для Востока, правительство такого рода было самое полезное. Варнава и Галеаццо II правили подобно могущественнымъ восточнымъ тиранамъ, покровительствуя цивилизаціи, которая могла быть имъ полезна, но враждуя съ нравственностью и свободою, не уживавшимися съ ихъ эгоизмомъ. Поэтому науки, искусства, земледѣліе, промышленность и торговля достигли при нихъ высокой степени развитія. Тиранамъ нечего было бояться своихъ подданныхъ. Жители городовъ и сельское населеніе Ломбардіи впали въ изнѣженность и уже привыкли, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, предоставлять веденіе войны тѣмъ, для кого она сдѣлалась исключительнымъ ремесломъ, и служили главною опорою двухъ тирановъ. Граждане и крестьяне всегда были слабѣе постояннаго войска, хотя и малочисленнаго, но хорошо вооруженнаго и привыкшаго побѣждать, подъ начальствомъ своихъ вождей, опытныхъ въ стратегіи и тактикѣ. Варнава и Галеаццо не прекращали своихъ жестокостей даже и тогда, когда уже избавились отъ всѣхъ друзей свободы. Такъ, напримѣръ, Галеаццо нагло отнялъ однажды землю у одного изъ подданныхъ, чтобы устроить себѣ на томъ мѣстѣ обширный паркъ, а когда обиженный покусился отмстить ему, то онъ велѣлъ разорвать его на части лошадьми и изгнать изъ Милана его семейство. Варнава держалъ свору изъ пяти тысячъ гончихъ, размѣщенныхъ у всѣхъ богатыхъ гражданъ города; убившій птицу или звѣря, или только заподозрѣнный въ этомъ, подвергался пыткѣ и увѣчьямъ, но за то убивать людей было позволено всѣмъ безъ исключенія подъ условіемъ уплаты тысячи золотыхъ флориновъ. Галеаццо умеръ естественною смертью, въ 1378 г.; но Варнава кончилъ точно такъ же, какъ Альбоинъ и Бартоломео делла Скала и Уголино Гонзага: онъ умеръ отъ руки своего родственника. Галеаццо наслѣдовалъ сынъ его, Іоаннъ Галеаццо, сдѣланный графомъ Вертю, послѣ женитьбы его на дочери французскаго короля. Онъ съ самаго начала сталъ помышлять объ устраненіи отъ власти своего дяди и четырехъ сыновей. Къ тому же самому стремился и Варнава въ ущербъ племяннику. Прежде всего, онъ думалъ обмануть его и привлечь къ себѣ двойнымъ брачнымъ союзомъ, и получилъ разрѣшеніе отъ папы Урбана VI. Варнава выдалъ за Іоанна свою дочь Катарину, а сына, Людовика, женилъ на его сестрѣ Віолантѣ. Съ этой минуты онъ сталъ смотрѣть на племянника какъ на вѣрную добычу, но тотъ своимъ пронырствомъ и коварствомъ перехитрилъ жестокаго и вспыльчиваго дядю. Прикинувшись подозрительнымъ и трусливымъ, онъ не выходилъ изъ дворца безъ хорошо вооруженной стражи и не пріѣзжалъ въ Миланъ, который, при раздѣлѣ между Галеаццо и Варнавою, остался общимъ достояніемъ братьевъ. Іоаннъ не противорѣчилъ, когда дядя вмѣшивался въ его дѣла, и, прикрываясь суевѣріемъ и набожностью, ходилъ на богомолье ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ совершились чудеса или были особенно чтимыя иконы. Наконецъ онъ рѣшился нанесть Варнавѣ и его сыновьямъ давно задуманный ударъ. Отправляясь однажды на мнимое богомолье въ одно мѣстечко вблизи Милана, онъ взялъ съ собою сильный отрядъ тѣлохранителей. Это никого не удивило, потому что Іоаннъ поступалъ всегда такимъ образомъ;

но на этотъ разъ онъ взялъ съ собой четыреста отборныхъ копейщиковъ, заранѣе условившись на счетъ всего съ ихъ начальниками. Планъ его основывался на томъ вѣрномъ разсчетѣ, что Варнава и сыновья его, зная его трусость и чтобы не внушить ему опасенія, выѣдутъ на встрѣчу съ малочисленною свитою. Хитрость удалась вполнѣ. Варнава, выѣхавшій къ воротамъ Милана на встрѣчу племяннику, былъ схваченъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями (май 1395 г.). Двое остальныхъ бѣжали, но не могли удержаться нигдѣ, потому что всѣ города, давно уже рѣшившіеся освободиться отъ варварскаго ига Варнавы, съ радостью передались Іоанну. Одинъ изъ бѣглецовъ, Карлъ, нашелъ пріютъ у своего зятя, герцога Леопольда II Австрійскаго; а другой, Мастино, десятилѣтній ребенокъ, былъ нѣкоторое время защищаемъ въ Брешіи друзьями отца и послѣ сдачи города отпущенъ въ Венецію съ ежегодной пенсіей въ тысячу золотыхъ флориновъ. Съ Варнавою Іоаннъ Галеаццо началъ родъ процесса и изложилъ всѣ его преступленія въ особомъ актѣ; тиранъ былъ казненъ въ темницѣ послѣ семимѣсячнаго строгаго заключенія, и никто, во всѣхъ миланскихъ владѣніяхъ, не нашелъ предосудительнымъ образа дѣйствій новаго правителя. Союзъ его съ Франціею скрѣпился новымъ бракомъ: дочь Галеаццо отъ перваго брака, Валентина, была помолвлена, черезъ два года, за несовершеннолѣтняго брата французскаго короля Карла VI, Людовика Туренскаго, игравшаго потомъ такую замѣчательную роль во французской исторіи. Этотъ союзъ получилъ важное политическое значеніе въ началѣ шестнадцатаго вѣка, когда по пресѣченіи фамиліи Висконти и потомства Карла VI, на французскій престолъ вступилъ внукъ Валентины.

Вслѣдъ за паденіемъ жестокаго Варнавы палъ въ Веронѣ домъ делла Скала. Въ 1385 г. Антоніо делла Скала, котораго не любили въ Веронѣ и считали даже подмѣненнымъ сыномъ Кана Синьоре, подстрекаемый венеціанцами, началъ войну съ Франческо Каррарскимъ, правителемъ Падуи, не предчувствуя, что сдѣлается жертвою коварной венеціанской аристократіи. Франческо не задолго до того отнялъ у Леопольда Австрійскаго нѣсколько городовъ въ тревизской мархіи и произвелъ въ 1385 г. нападеніе на патріарха аквилейскаго и маленькую республику Удине. Послѣдняя обратилась къ венеціанцамъ, и тѣ обѣщаніями и деньгами склонили Антоніо делла Скала подать помощь угнетеннымъ. Франческо Каррарскій, посѣдѣлый въ дѣлахъ политики и вѣрный своему обычному образу дѣйствій, первый протянулъ руку для примиренія, хотя молодой и пылкій Антоніо, играя именемъ отца и дѣда (Can — собака), послалъ сказать ему, что молодая веронская собака скоро выгонитъ изъ норы старую падуанскую лисицу. Интриги венеціанцевъ помѣшали примиренію. Нападеніе со стороны Антоніо поставило владѣтеля Падуи въ большое затрудненіе, потому что ему пришлось вести войну разомъ на двухъ оконечностяхъ государства. Въ слѣдующемъ году веронскія войска разбили падуанскую милицію и подступили къ самой столицѣ; но тутъ Франческо Каррарскій созвалъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ наемныя дружины и однимъ ударомъ разрушилъ всѣ надежды Антоніо, который уже разсчитывалъ на покореніе Падуи. Даже послѣ этой блистательной побѣды Франческо вторично предложилъ ему миръ; но паденіе Антоніо было какъ будто бы предопредѣлено: онъ отвергнулъ предложенія противника, хотя Франческо соглашался принять на себя всѣ издержки и убытки войны. Тогда владѣтель Падуи снова призвалъ дружины Гауквуда и другихъ кондоттьеровъ и переманилъ къ себѣ нѣмецкаго вождя, находившагося на службѣ Антоніо. Соединенныя дружины наемниковъ одержали надъ веронцами вторую, столь же блистательную побѣду, но Франческо и на этотъ разъ остался вѣренъ своимъ правиламъ, убѣжденный въ томъ, что безъ помощи Галеаццо, ему не одолѣть правителя Вероны, и что, въ такомъ случаѣ, онъ, какъ слабѣйшій, непремѣнно будетъ обманутъ, а побѣда, одержанная съ помощью Галеаццо, будетъ причиною его собственной гибели. Поэтому онъ возобновилъ мирныя предложенія веронскому владѣтелю; но ослѣпленный юноша, подстрекаемый венеціанцами, продолжалъ упорствовать. Тогда Франческо поручилъ напомнить ему басню Эзопа о лягушкѣ и кротѣ, которые враждовали между собою до тѣхъ поръ, пока оба не сдѣлались добычею ястреба. Но все было тщетно, и Франческо вступилъ, наконецъ, въ переговоры съ Галеаццо, который только того и ждалъ, давно уже замышляя обмануть и Антоніо, и

Франческо. Съ первымъ онъ до той поры поддерживалъ самыя дружественныя сношенія, но венеціанцы удерживали не подозрѣвавшаго ихъ замысловъ Антоніо отъ тѣснаго союза съ Галеаццо. Молодой человѣкъ открылъ глаза только тогда, когда узналъ о договорѣ между Франческо Каррарскимъ и миланскимъ тираномъ. Это извѣстіе привело его въ отчаяніе, и онъ сталъ обвинять во всемъ венеціанцевъ. Тутъ только онъ предугадалъ то, что дѣйствительно случилось впослѣдствіи: онъ догадался, что Венеція замышляла погубить его для того, чтобы потомъ въ союзѣ съ Висконти низвергнуть и Франческо. Антоніо обратился за помощью къ германскому императору Венцеславу, но тотъ вмѣсто войска прислалъ ему своего уполномоченнаго. Однако и это дипломатическое вмѣшательство поставило Галеаццо въ большое затрудненіе, потому что Антоніо передалъ императорскому уполномоченному Верону съ ея цитаделью; но хитрый Іоаннъ нашелся и въ этомъ случаѣ. Онъ завелъ тайныя сношенія съ однимъ изъ веронскихъ гражданъ Бевилаквою, который взялся взорвать давно подготовленную мину. Прежде чѣмъ Антоніо успѣлъ передать Верону императору, Бевилаква произвелъ въ этомъ городѣ возстаніе и открылъ миланцамъ ворота. Антоніо бѣжалъ въ Венецію, но долженъ былъ покинуть этотъ городъ, когда венеціанцы заключили тѣсный союзъ съ Висконти. Тогда делла Скала удалился въ Романью, гдѣ и умеръ, въ слѣдующемъ году (1388), отъ руки убійцы. Предавъ Верону, Бевилаква поспѣшилъ въ Виченцу, которая по договору, заключенному мужду Франческо и Галеаццо, должна была достаться первому. Измѣннику не трудно было убѣдить жителей города передаться Іоанну Галеаццо, потому что они уже по одной сосѣдской враждѣ предпочитали миланское владычество падуанскому. Висконти сдѣлалъ впрочемъ видъ, что желаетъ согласно договору передать Виченцу Франческо, и завелъ съ нимъ по этому поводу переговоры, но въ то же время объявилъ, что граждане Виченцы не хотятъ и слышать о подчиненіи Падуи, и что жена его, дочь Варнавы и тетки послѣдняго делла Скала, отъ имени которой онъ и занялъ Виченцу, настаиваетъ на сохраненіи своего наслѣдственнаго права. Эти политическіе софизмы Галеаццо не уступали ни въ чемъ тѣмъ, которые мы нерѣдко читаемъ въ современныхъ намъ газетахъ; двое сыновей Варнавы были еще живы, и потому наслѣдственныя права фамиліи делла Скала принадлежали прежде всего имъ. Но въ то самое время, какъ Галеаццо увѣрялъ Франческо въ готовности передать ему Виченцу, онъ внушилъ ея жителямъ объявить, черезъ особую депутацію, что городъ желаетъ остаться вѣренъ его женѣ и не признаетъ никакой другой власти.

Старый Франческо Каррарскій покорился обстоятельстамъ, которыя онъ давно предвидѣлъ, и былъ такъ благоразуменъ, что не раздражалъ сильнаго врага. Давно грозившая ему бѣда и безъ того скоро обрушилась на него. Чтобы спасти себя, онъ старался примириться съ республикою Удине и патріархомъ аквилейскимъ; посредничество между ними принялъ на себя маркграфъ Альбертъ д'Эсте и въ январѣ 1388 г. собрался конгрессъ, на которомъ дѣло уже готово было уладиться; но Бевилаква, присланный туда Іоанномъ Галеаццо, предложилъ собравшимся на конгрессъ представителямъ договаривавшихся державъ раздѣлить падуанскія владѣнія, и предложеніе его было принято. Іоаннъ Галеаццо, Венеція, Гонзага Мантуанскій, республика Удине и маркграфъ д'Эсте заключили между собою договоръ о раздѣлѣ, и дѣло Франческо Каррарскаго было потеряно. Съ падуанцами онъ обращался такимъ образомъ, что могъ скорѣе опасаться ихъ, чѣмъ положиться на нихъ въ этомъ случаѣ, а Галеаццо успѣлъ уже вступить съ ними въ тайныя сношенія чрезъ пословъ, которыхъ онъ присылалъ въ Падую для переговоровъ о Виченцѣ. Друзья Франческо измѣнили ему въ минуту опасности, такъ же какъ и онъ самъ всегда измѣнялъ своимъ друзьямъ. Повѣренные его совѣтовали даже его сыну, Франческо Новелло, заключить въ темницу своего ненавистнаго всѣмъ отца и овладѣть властью; но тотъ съ негодованіемъ отвергнулъ этотъ совѣтъ. Не имѣя ни денегъ, ни союзниковъ, ни войска, Франческо счелъ за лучшее удалиться въ Тревизо, на признательность которой имѣлъ нѣкоторое право разсчитывать, и передалъ правленіе сыну, къ которому падуанцы были повидимому расположены. Но и эта мѣра не имѣла успѣха. Измѣна окружала самого Франческо Каррарскаго, въ Тревизо, и сына его, въ Падуѣ, а крѣпости переходили одна за другою въ руки миланцевъ: приближеніе

враговъ вынудило наконецъ стараго Франческо удалиться въ тревизскій замокъ, а сынъ его въ ту же осень долженъ былъ сдаться Іоанну Галеаццо на капитуляцію. Вскорѣ послѣ того старый Франческо уступилъ ему по договору всѣ оставшіяся еще за нимъ владѣнія. Хотя и отецъ и сынъ сдались на извѣстныхъ условіяхъ, но хитрый миланецъ поступилъ съ ними по своему обыкновенію. Онъ не нарушилъ открыто заключенныхъ съ ними условій, но и не выполнилъ ихъ. Въ первые годы плѣна онъ предоставлялъ старому Франческо нѣкоторую свободу, но потомъ сталъ все болѣе и болѣе стѣснять ее и, наконецъ, заключилъ въ одинъ нагорный замокъ, гдѣ онъ и прожилъ до самой смерти (1394 г.). Сыну его Іоаннъ назначилъ въ пользованіе замокъ и значительные доходы, чтобы тѣмъ вѣрнѣе держать его въ своихъ сѣтяхъ. Но молодой человѣкъ вскорѣ догадался, что Іоаннъ имѣетъ намѣреніе отдѣлаться отъ него втихомолку, и успѣлъ вовремя бѣжать.

Между тѣмъ трусливый владѣтель Милана неутомимо трудился въ своей столицѣ Павіи надъ расширеніемъ государства. Не довѣряя никому, онъ никогда не выходилъ изъ своихъ покоевъ безъ многочисленной стражи, а помѣщеніе его, особливо спальня, были такъ же неусыпно охраняемы, какъ и дворецъ Діонисія Старшаго (т. I. стр. 611). Іоаннъ никогда не предводительствовалъ войскомъ лично, но всегда побѣждалъ хитростью и, чтобы прежде всего удовлетворить венеціанцевъ, отдалъ слѣдовавшіе имъ по договору тревизскіе города. Послѣ того онъ обратилъ все свое вниманіе на Флоренцію и Болонью, съ покореніемъ которыхъ ему уже не стоило бы большаго труда завоевать всю Италію. Для этой цѣли онъ воспользовался низостью членовъ владѣтельнаго дома д'Эсте и положеніемъ дѣлъ въ Романьи. По совѣту Галеаццо, Альбертъ д'Эсте умертвилъ по смерти своего брата Николая все его семейство, запятнавъ этимъ злодѣйствомъ древнѣйшую изъ ломбардскихъ владѣтельныхъ фамилій. Ненавидимый подданными за это преступленіе, онъ былъ вынужденъ держаться Іоанна Галеаццо, паденіе котораго должно было увлечь и его. Равеннская владѣтельная фамилія Полента также была ненавидима всѣми за свою жестокость, а въ Перуджіи дворянство позволяло себѣ неслыханные поступки съ горожанами. Поэтому Іоаннъ Галеаццо, желая воспользоваться неудовольствіями въ этихъ двухъ городахъ, набралъ войско и при этомъ случаѣ сдѣлалъ даже попытку овладѣть Болоньею; впрочемъ эта попытка не удалась вслѣдствіе одного случайнаго обстоятельства. Главною цѣлью интригъ Галеаццо была Флоренція. Онъ уже успѣлъ составить себѣ въ Тосканѣ партію, но Франческо Новелло разстроилъ всѣ его планы.

Послѣ многихъ приключеній, Франческо, счастливо бѣжавшій отъ миланскаго деспота, явился къ пизанцамъ, которые приняли его радушно, но, опасаясь Галеаццо, не могли дать ему у себя безопаснаго убѣжища. Франческо отправился оттуда во Флоренцію, куда пріѣхала къ нему и вся его многочисленная семья съ остатками богатствъ (апрѣль, 1389 г.). Отецъ прислалъ къ нему гонца съ просьбою во что бы то ни стало овладѣть Падуею, не заботясь о его судьбѣ. Гонецъ вручилъ Франческо три рубина, цѣною въ полтораста тысячъ дукатовъ,— единственную драгоцѣнность, которую старику удалось спасти отъ рукъ Галеаццо. Вначалѣ флорентинцы приняли бѣглеца холодно, потому что въ то время, подобно Болоньи, вели съ Галеаццо переговоры о союзѣ; но вскорѣ, узнавъ о его планахъ, они вмѣстѣ съ Болоньею рѣшились поддерживать Франческо, для того чтобы отвлечь отъ себя вниманіе миланскаго тирана. По совѣту этихъ городовъ, Франческо отправился къ герцогу Стефану Баварскому, женатому на дочери Варнавы Висконти и имѣвшему поэтому особенное основаніе быть союзникомъ враговъ Іоанна. Стефанъ обѣщалъ прислать войско, если Флоренція и Болонья примутъ его на свое содержаніе. Но прежде чѣмъ результатъ переговоровъ со Стефаномъ сдѣлался извѣстенъ флорентинцамъ и болонцамъ, о немъ узналъ Іоаннъ Галеаццо и поспѣшилъ заключить союзный договоръ съ послами двухъ городовъ, уже полгода ожидавшими этого въ Миланѣ. Болонья и Флоренція дали знать объ этомъ Франческо Новелло, который между тѣмъ пріѣхалъ въ Каринтію, чтобы набрать тамъ союзниковъ и собрать нужныя свѣдѣнія для нападенія на падуанскую область со стороны Фріуля. Планы его, казалось, совершенно разстроились, потому что безъ денегъ нельзя было и думать о баварской помощи, а съ однѣми собственными силами онъ не могъ бороться противъ Га-

леаццо. Но вскорѣ Галеаццо самъ вывелъ его изъ затрудненія. Узнавъ, что Флоренція и Болонья, полагаясь на заключенный съ нимъ союзъ, отказались отъ баварской помощи, онъ тотчасъ же сбросилъ съ себя маску и, поддерживаемый своими приверженцами въ Романьѣ и Тосканѣ, напалъ на оба эти города. Болонья и Флоренція поспѣшно дали знать Франческо и поручили ему возобновить договоръ со Стефаномъ. Герцогъ обѣщалъ явиться въ Италію въ маѣ; но Франческо, зная, что на него нельзя полагаться, отправился, не ожидая его, съ небольшимъ отрядомъ во Фріуль, гдѣ друзья его собрали втайнѣ нѣсколько сотъ наемниковъ. Ему благопріятствовало то, что всѣ силы и вниманіе миланскаго тирана были направлены тогда на южныя границы его государства. Но едва Франческо вступилъ на итальянскую землю, какъ встрѣтилъ новое и неожиданное препятствіе. Патріархъ аквилейскій прислалъ сказать ему, что при всей своей доброй волѣ не можетъ пропустить его чрезъ свои владѣнія безъ разрѣшенія Венеціи. Франческо послалъ просить объ этомъ республику; болонцы и флорентинцы поддержпвали его просьбу; но въ то же время прислалъ въ Венецію пословъ и Галеаццо. Венеціанцы, давно уже перемѣнившіе свою политику и желавшіе тогда удалить изъ своего сосѣдства миланскаго властителя, сдѣлали однако видъ, что намѣрены сохранять нейтралитетъ, и разрѣшили обѣимъ воюющимъ сторонамъ проходъ по своей территоріи.

Наконецъ для Франческо открылся путь въ Падую, но, чтобы имѣть возможность угрожать своему врагу и со стороны Вероны, онъ предварительно вступилъ въ переговоры съ партіею сына Антоніо делла Скала, шестилѣтняго Канъ Франческо, жившаго въ Романьѣ и перевезеннаго тогда въ Венецію. Едва онъ приблизился къ своимъ бывшимъ владѣніямъ, какъ за него поднялась вся масса сельскаго населенія, такъ что наемники Галеаццо, чтобы не быть отрѣзанными, должны были укрыться въ укрѣпленной Падуѣ. Но въ іюнѣ 1390 г. и она перешла во власть Франческо. Остальныя незначительныя крѣпости также передались ему, и вся страна признала его своимъ государемъ. Венеція, Флоренція и Болонья заключили съ нимъ союзъ. Пятьсотъ человѣкъ опытнаго войска, присланные миланскимъ тираномъ на помощь падуанскому гарнизону, явились слишкомъ поздно, но, по крайней мѣрѣ, сохранили для Галеаццо Верону, гдѣ населеніе уже возстало въ пользу молодаго Кана Франческо. Возстановивъ съ неслыханной жестокостью владычество тирана въ Веронѣ, войска его двинулись на Падую, гдѣ во власти миланцевъ оставались еще два замка; но болонцы и флорентинцы прислали Франческо своихъ наемниковъ, въ которыхъ болѣе не нуждались, потому что вниманіе Іоанна Галеаццо было отвлечено Падуею и Вероной. Въ то же время подоспѣлъ на помощь и Стефанъ Баварскій. Миланскій гарнизонъ долженъ былъ, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, очистить падуанскія крѣпости, Франческо удержался въ своихъ владѣніяхъ и равновѣсіе въ верхней и средней Италіи, нарушенное возрастающею властью Милана, было снова возстановлено.

4. Послѣдніе годы царствованія Карла IV.

Императоръ Карлъ IV видѣлъ въ германской имперіи только средство, а не цѣль, и заслуживаетъ, относительно Италіи, всѣ упреки, которыми Данте несправедливо осыпаетъ Рудольфа Габсбургскаго и его сына Альбрехта. Послѣдній римскій походъ Карла не принесъ ему другой чести, кромѣ церемоніи коронаціи его жены. Въ Германіи онъ только усилилъ анархію и безконечныя феодальныя распри, отдавая въ залогъ имперскіе или вольные города и сыпля граматами, надъ составленіемъ которыхъ неутомимо работала его канцелярія.

Чтобы дать понятіе о повсемѣстной анархіи, не прибѣгая къ избитымъ описаніямъ и пышнымъ фразамъ, достаточно бросить взглядъ на тогдашнее состояніе бранденбургскаго маркграфства и положеніе дѣлъ въ Швабіи, Франконіи и на Рейнѣ. Въ Бранденбургѣ и Мекленбургѣ, рыцари, или вѣрнѣе, разбойники, называвшіеся синицами (стр. 347), грабили по большимъ дорогамъ, отнимали у купцовъ товары и обирали сосѣдей; бранденбургскій маркграфъ Оттонъ, сосредоточившій

въ своихъ рукахъ по смерти брата, Людовика Римскаго (1365 г.), все маркграфство (стр. 349), былъ до такой степени безсиленъ противъ этого зла, что мекленбургскіе герцоги и граждане города Любека приняли на себя полицейскій надзоръ и отправленіе уголовнаго суда въ его владѣніяхъ; они разрушили въ одной части маркграфства рыцарскіе замки, сдѣлавшіеся настоящими притонами хищниковъ, и казнили владѣльцевъ ихъ какъ простыхъ воровъ; но это, разумѣется, не уняло разбоевъ и грабежей остальнаго рыцарства; въ то же время, пользуясь безсиліемъ Оттона, Бранденбургъ опустошали сосѣдніе нижне-саксонскіе рыцари и поляки, а померанскіе герцоги вели съ нимъ войну до самаго 1372 г. Таково было положеніе и другихъ частей имперіи. Повсемѣстные безпорядки и возраставшая путаница общественныхъ отношеній усиливались еще возникавшимъ значеніемъ городовъ. Значеніе такъ называемыхъ имперскихъ городовъ расло вмѣстѣ съ ихъ богатствомъ; города эти пріобрѣли самостоятельность, потому что могли защищаться собственными силами, и ихъ вооруженная буржуазія замѣняла тяжелыми пищалями то, чего ей недоставало со стороны военнаго искусства и опытности. Однако, большинство городовъ, по крайней мѣрѣ въ верхней Германіи, находилось въ исключительномъ положеніи, потому что въ нихъ образовалось сословіе патриціевъ, принадлежавшихъ или къ рыцарству и владѣвшихъ, какъ итальянскіе патриціи, землями и княжествами, или включенныхъ въ сословіе гражданъ и обязанныхъ городу всѣмъ своимъ значеніемъ. Кромѣ того, во многихъ городахъ отдѣльные кварталы, дома и лица, состоявшіе подъ вѣдомствомъ какого нибудь епископа, или, наконецъ, находившіеся въ стѣнахъ города монастыри и другія подобныя учрежденія нерѣдко представляли собою настоящія государства въ государствѣ, а граница между республиканскою свободою была опредѣлена недовольно точно. Послѣднее сдѣлалось особенно замѣтнымъ, когда Карлъ IV сталъ эксплуатировать города, добровольно признавшіе надъ собою его власть, назначая въ нихъ намѣстниками именно тѣхъ феодаловъ, отъ которыхъ они думали укрыться подъ его защиту, или даже занимая деньги подъ залогъ ихъ. Еще запутаннѣе были отношенія между рыцарствомъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ имперіи, и рыцарствомъ, подчиненнымъ имперскимъ князьямъ, но состоявшимъ въ родствѣ или въ союзѣ съ феодалами; и то, и другое по древности своего происхожденія нисколько не уступало большинству владѣтельныхъ князей, постепенно возвышавшихся изъ нихъ же среды. Рыцарство имѣло такое же право, какъ и князья, рѣшать свои споры мечомъ и копьемъ и, соединившись между собою, не только равнялось имъ силою, но даже превосходило ихъ, тѣмъ болѣе, что войско князей состояло изъ того же самаго рыцарства. Слѣдуя примѣру городовъ и князей, оно старалось достичь соединенными силами того, чего не могло добиться отъ императора и имперскихъ судовъ, то есть законнаго порядка и точнаго выполненія судебныхъ приговоровъ. Однимъ союзамъ оно противопоставляло другіе и поддерживало такимъ образомъ кулачное право.

Союзы заключались между отдѣльными рыцарскими домами или областями, а иногда и между отдаленными провинціями. Они существовали подъ различными наименованіями въ Мекленбургѣ, Саксоніи, Бранденбургѣ, Вестфаліи, Тюрингіи, Гессенѣ, на Рейнѣ и, въ особенности, въ Швабіи, гдѣ не было значительныхъ феодаловъ, пока между ними не достигъ преобладанія, посредствомъ грабежа и убійства, графъ вюртембергскій. Въ Гессенѣ существовалъ союзъ Звѣзды, въ который вступило болѣе трехсотъ пятидесяти владѣтелей замковъ, а въ цѣломъ, болѣе двухъ тысячъ рыцарей Гессена, Вестфаліи, Франконіи и Веттерау. Этотъ союзъ избралъ своей эмблемой звѣзду изъ герба своего начальника, графа фонъ Цигенгайна. Въ Вестфаліи возникъ, такъ же какъ и въ Швабіи, союзъ рыцарей Булавы, принявшихъ своей эмблемой изображеніе маленькой булавы; въ Брейзгау, на Рейнѣ и въ Веттерау были рыцари Льва; въ Швабіи,— рыцари щитовъ св. Вильгельма и св. Георгія и т. д. Всѣ эти союзы считали грабежъ, наравнѣ въ охотой, привилегіею рыцарства и имѣли исключительною цѣлью войну съ городами, также вступившими между собою въ союзы для охраны гражданской свободы, промышленности и торговли. Все это привело наконецъ имперію въ такое же состояніе, въ какомъ мы видимъ нынѣ Курдистанъ, Аравію и другія подобныя страны.

Карлъ IV слѣдовалъ въ этомъ случаѣ, также какъ и во всѣхъ другихъ, политикѣ, господствовавшей въ ту пору въ Италіи, или, иными словами, руководился принципомъ нашего времени: всегда примѣняться къ обстоятельствамъ. Онъ то дружился съ городами, покровительствовалъ ихъ союзамъ и освобождалъ ихъ изъ-подъ залога и власти намѣстниковъ; то снова обезпечивалъ своихъ кредиторовъ достояніемъ бережливыхъ и трудолюбивыхъ горожанъ, и назначалъ фогтами въ города именно тѣхъ феодаловъ, которые были наиболѣе враждебны имъ. Злѣйшимъ врагомъ городовъ былъ въ то время Эбергардъ Плакса Вюртембергскій, а послѣ смерти Карла IV Леопольдъ II Австрійскій. Карлъ, какъ мы уже говорили выше (стр. 349), употреблялъ сначала Эбергарда какъ орудіе противъ городовъ и сдѣлалъ его имперскимъ намѣстникомъ Швабіи, а потомъ принялъ противъ него сторону городовъ. Впослѣдствіи Эбергардъ снова попалъ къ нему въ такую милость, что даже первый изъ германскихъ князей пріобрѣлъ право не подлежать никакому суду, кромѣ верховнаго суда императора, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ обратно намѣстничество. Въ Швабіи нельзя было и думать тогда о мирѣ. Вскорѣ послѣ примиренія съ императоромъ Эбергардъ началъ войну съ рыцарями Булавы, которые едва не взяли его въ плѣнъ, напавъ ночью на маленькій городокъ Вильдбадъ. Въ этой войнѣ Эбергардъ вступилъ въ союзъ съ городами, но вскорѣ послѣ того снова сдѣлался ихъ врагомъ, когда города, въ числѣ тридцати одного, соединились противъ рыцарства. При этомъ онъ вытребовалъ у нихъ огромныя суммы, заранѣе увѣренный, что императоръ не будетъ этому прекословить, потому что самъ поручилъ Эбергарду взимать съ городовъ налоги. Города взволновались еще болѣе, когда въ 1376 Карлъ, расположивъ къ себѣ князей и рыцарство деньгами и пирами, убѣдилъ ихъ избрать его наслѣдникомъ сына его, Венцеслава, и для покрытія этихъ расходовъ заложилъ Эбергарду, за сорокъ тысячъ гульденовъ, швабскіе города Вейль, Эсслингенъ и Гмюндъ, съ нѣкоторыми деревнями въ Роттвейлѣ. Восемнадцать городовъ соединились для общаго сопротивленія такому наглому произволу, и императоръ повелъ войско усмирять ихъ. Но при Ульмѣ его постигла такая же неудача, какъ нѣкогда при Цюрихѣ (стр. 351). Честь его была спасена только благодаря посредничеству баварскихъ герцоговъ. Послѣ того онъ пригласилъ города прислать депутатовъ въ Нюрнбергъ, какъ будто за тѣмъ, чтобы рѣшить споръ законнымъ путемъ, но въ дѣйствительности для того, чтобы оставить все по старому. Города продолжали настаивать на своемъ. Наконецъ междоусобія и безпорядки превысили всякую мѣру, такъ что Карлъ послалъ въ Германію сына Венцеслава, для того чтобы его именемъ произвести судъ и расправу между рыцарями и городами. Это первое и единственное появленіе Венцеслава въ Германіи, имѣвшее цѣлью собственно устройство внутреннихъ дѣлъ, не имѣло блистательнаго результата. Онъ остановился не надолго въ Ротенбургѣ на Тауберѣ и успѣлъ водворить такъ называемый земскій миръ во Франконіи, Баваріи, южной Швабіи и средне-рейнскихъ провинціяхъ (апрѣль, 1377 г.); но война продолжала свирѣпствовать въ сѣверной Швабіи, и императорскій намѣстникъ Эбергардъ выказалъ себя въ ней самымъ лютымъ и хищнымъ изъ разбойниковъ рыцарей. Одинъ особенно счастливый случай доставилъ наконецъ городамъ нѣкоторый отдыхъ: сынъ Эбергарда, Ульрихъ, испыталъ при нападеніи на Рейтлингенъ такое страшное пораженіе, что рыцарство должно было прекратить войну, чтобы оправиться отъ неудачи. Это расположило императора къ городамъ. Видя, что перевѣсъ оказался на сторонѣ городовъ, Карлъ постарался, передъ смертью, расположить ихъ въ пользу сына. Отнявъ (1378 г.) намѣстничество у Эбергарда Плаксы, онъ передалъ его другу и союзнику городовъ, герцогу Фридриху Баварскому, намѣстнику Эльзаса, и выкупилъ у Эбергарда самые большіе изъ швабскихъ городовъ, оставивъ у него въ залогѣ незначительныя мѣстечки.

Имперію раздирали волненія и безпорядки, а Карлъ помышлялъ только о расширеніи и обогащеніи Богеміи. Послѣ втораго римскаго похода, онъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы присоединить къ Богеміи Силезію и остатокъ Бранденбурга. Зять его, Оттонъ Бранденбургскій, не пользовался почти никакимъ значеніемъ; легкомысленный и расточительный, онъ безпрестанно занималъ у Карла деньги, доставляя ему этимъ легкій способъ прибрать къ рукамъ одинъ бранденбургскій городъ за другимъ. Наконецъ Оттонъ поссорился съ

тестемъ и, помирившись съ братомъ Стефаномъ Баварскимъ и двоюродными братьями, графами пфальцскими, принялъ мѣры, чтобы по его смерти бранденбургское маркграфство возвратилось въ его фамилію. Вначалѣ Карлъ не мѣшалъ ему, не считая благоразумнымъ ссориться съ нимъ, пока это было еще не безопасно. Онъ располагалъ приняться за это, когда ему удастся привлечь на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, поссорить съ Баваріею своего врага и союзника баварскаго дома, Людовика Вепгерскаго. Въ 1373 г., заключивъ съ венгерскимъ королемъ перемиріе на два года, Карлъ вступилъ въ маркграфство съ небольшимъ отрядомъ. Оттонъ и племянникъ его Фридрихъ, котораго многіе города признали наслѣдникомъ маркграфства, не имѣя возможности сопротивляться, должны были заключить съ императоромъ мирный договоръ, въ императорскомъ лагерѣ, при Фюрстенвальдѣ: старинныя, наслѣдственныя права Карла на Бранденбургъ были возстановлены, а у Оттона было отнято все, даже титулъ и права курфирста, и оставлена только небольшая, ежегодная пенсія и сумма денегъ, занятая у него подъ залогъ четырехъ имперскихъ городовъ. Стефанъ, разумѣется, былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и принялся грабить и опустошать Богемію, но Карлъ отплатилъ ему за это, примѣнивъ право сильнаго и къ Баваріи, такъ что въ октябрѣ 1373 г. Стефанъ былъ вынужденъ признать договоръ, заключенный въ Фюрстенвальдѣ. Старанія удержать курфиршеское достоинство ввели слабаго Оттона въ большія издержки, не соотвѣтствовавшія его средствамъ; онъ удалился, наконецъ, въ замокъ Вольфштейнъ, въ Баваріи, гдѣ и прожилъ остатки своихъ дней въ любовной связи съ одной мельничихою. Онъ умеръ въ 1379 г., обремененный долгами, и еще задолго до смерти отказался отъ курфиршескаго достоинства въ пользу императора, сохранивъ изъ всѣхъ бывшихъ правъ только избирательный голосъ. Вначалѣ Карлъ присоединилъ бранденбургское маркграфство къ Богеміи, но потомъ снова отдѣлилъ его и отдалъ второму сыну, Сигизмунду.

Въ то самое время, какъ Карлъ оставлялъ германскіе города на жертву хищному рыцарству или, какъ доказываютъ его поступки въ Швабіи и фюрстенвальдскій договоръ, закладывалъ ихъ для удовлетворенія своихъ личныхъ нуждъ, въ Богеміи онъ тщательно заботился о народномъ благосостояніи, безопасности страны, просвѣщеніи и законахъ. Онъ поднялъ этимъ богемскіе города и подчинилъ своей власти непокорныхъ феодаловъ и рыцарей. Богемія наслаждалась при немъ счастьемъ, но оно продолжалось, только пока онъ былъ живъ; по его смерти и въ Богеміи, какъ повсюду, дѣла пошли еще хуже прежняго. Карлъ старался развивать въ этой странѣ науки и искусства, о которыхъ, такъ же какъ о торговлѣ и промышленности, онъ получилъ въ Италіи совершенно иныя понятія, чѣмъ его воинственные соотечественники, и желая сдѣлать изъ пражскаго университета средоточіе процвѣтавшихъ въ Италіи наукъ, призвалъ въ Богемію итальянскихъ художниковъ. Для развитія богемской и бранденбургской торговли Карлъ хотѣлъ воспользоваться Эльбою и доставить своему государству, черезъ посредство Любека, участіе во всемірной торговлѣ. Произведенія Богеміи и Бранденбурга должны были быть отправляемы по Эльбѣ чрезъ Магдебургъ и Любекъ въ Балтійское и Сѣверное моря, а тѣсный союзъ Карла съ маркграфомъ мейссенскимъ былъ порукою въ томъ, что судамъ его всегда будетъ открытъ путь между этими двумя странами. Избравъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Тангермюнде въ Бранденбургѣ и устроивъ все, какъ слѣдуетъ, онъ отправился въ октябрѣ 1375 г. въ Любекъ. Сдѣлавъ туда, по своему обычаю, торжественный въѣздъ, онъ публично и гласно призналъ городъ Любекъ одною изъ пяти главныхъ республикъ тогдашняго міра, поставивъ его наряду съ Римомъ, Венеціею, Флоренціею и Пизою и признавъ за его сенаторами достоинство, котораго никто не покушался оспаривать у сенаторовъ Венеціи и Флоренціи. Онъ назвалъ любекскаго бургомистра и членовъ совѣта господами, объявивъ во всеуслышаніе, что этотъ титулъ принадлежитъ имъ по праву, потому что Любекъ одинъ изъ пяти главныхъ городовъ римской имперіи.

Чтобы покрыть издержки на всѣ эти путешествія и содержаніе блистательнаго двора, Карлъ торговалъ въ Германіи своими императорскими правами, закладывалъ зависѣвшіе отъ него города или продавалъ въ нихъ мѣста намѣстниковъ и злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ при замѣщеніи духовныхъ должностей. Отно-

сительно послѣдняго, лучшимъ примѣромъ можетъ служить споръ за епископство майнцское, показывающій, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводило неестественное сліяніе чисто-нравственной религіи съ политикою и свѣтскою властью. При выборѣ епископа, майнцскіе каноники раздѣлились на двѣ партіи: одна избрала епископа шпейерскаго, Адольфа Нассаускаго, а другая бамбергскаго, Людовика Тюрингскаго, брата ландграфа мейссенскаго и тюрингскаго. Трудно рѣшить, который изъ нихъ былъ менѣе достоинъ этого званія, потому что оба они были равно безнравственны. Адольфъ, какъ подозрѣваютъ, отравилъ своего предшественника; но если это не доказано, то нельзя, съ другой стороны, опровергнуть того, что онъ былъ отъявленнымъ разбойникомъ и впослѣдствіи вооружилъ противъ себя Венцеслава, учредивъ безъ его позволенія двѣ таможни. Людовикъ былъ извѣстенъ какъ охотникъ, пьяница и танцоръ и въ этомъ качествѣ пріобрѣлъ такую репутацію, что когда наконецъ сломалъ себѣ шею во время безумной карнавальной потѣхи, всѣ приписали его смерть дѣлу дьявола. Такъ какъ имъ обоимъ не доставало полнаго числа голосовъ, чтобы сдѣлаться епископами, то они могли достичь этого сана только съ согласія папы или императора. Они обратились къ Карлу и къ Григорію XI. Первый, руководимый болѣе политикою и суевѣріемъ, чѣмъ добросовѣстностью, принялъ сторону Людовика, который могъ быть болѣе полезенъ ему при избраніи его сына Венцеслава въ римскіе короли. Императоръ убѣдилъ папу назначить въ епископы Людовика (1374 г.). Но Адольфъ уже занялъ большую часть майнцской епархіи и, поддерживаемый рыцарствомъ Рейна и Веттерау, взялся за оружіе, не обращая вниманія ни на императорское повелѣніе, ни на отлученіе отъ церкви. Таково было то время, когда кулакъ рѣшалъ, на чьей сторонѣ было право. Опустошительное вліяніе войны, вспыхнувшей вслѣдствіе этого спора, распространялось на всю мѣстность отъ Рейна до Тюрингіи, такъ какъ Людовика поддерживали его братья и рыцарство Тюрингіи и Мейссена.

Въ слѣдующемъ году императоръ устроилъ сдѣлку, упрочившую за Венцеславомъ голосъ Людовика, отложивъ окончаніе борьбы и принеся въ жертву интересы Майнца; каждый изъ двухъ претендентовъ получилъ право на титулъ архіепископа и на занятую имъ часть епархіи, но съ условіемъ, чтобы Людовикъ не пользовался противъ Адольфа интердиктомъ.

Въ слѣдующемъ году Карлъ безъ труда добился избранія сына въ римскіе короли (1376 г.). Въ голосѣ бранденбургскаго курфирста онъ былъ увѣренъ, какъ въ своемъ собственномъ, благодаря зависимости, въ какую былъ поставленъ имъ Оттонъ; за майнцскаго курфирста подавалъ голосъ епископъ Людовикъ; саксонскій герцогъ былъ лучшимъ другомъ императора, а остальные курфирсты были подкуплены деньгами и землями, которыя съ тѣхъ поръ никогда уже не возвращались къ имперіи. Карлъ задобрилъ и папу въ ущербъ германской націи, издавъ отъ имени сына манифестъ, главнымъ содержаніемъ котораго было косвенное признаніе зависимости имперіи отъ римскаго престола. Венцеславъ былъ избранъ и коронованъ въ Ахенѣ съ величайшею пышностью. Чтобы успокоить добрыхъ нѣмцевъ относительно того, что государство ихъ не будетъ снова предано въ жертву интересамъ Богеміи, Карлъ изложилъ имъ въ собственноручномъ посланіи, какія всесторонніе познанія пріобрѣлъ сынъ его Венцеславъ отъ учителей и какъ онъ ни въ чемъ не отставалъ отъ отца въ занятіяхъ имперской канцеляріи, гдѣ дѣйствительно весьма много писали и прикладывали печатей. Но послѣдствія показали, что Венцеславъ среди скучныхъ учителей и канцелярской пыли помышлялъ только объ удовольствіяхъ охоты и веселыхъ попойкахъ. Огромныя издержки, которыхъ стоило избраніе и коронація, обрушились на города; но мы уже видѣли, что они рѣшились сопротивляться, и потому императоръ долженъ былъ отказаться отъ своихъ требованій.

Не смотря на подагру и другія болѣзни, одолѣвавшія Карла, онъ предпринялъ въ концѣ 1377 г. путешествіе въ Парижъ, въ сопровожденіи Венцеслава. Тщеславію французскаго короля Карла V было лестно имѣть императора судьею въ распрѣ съ Англіею, или, вѣрнѣе, воспользоваться имъ какъ авторитетомъ для рѣшенія англо-французскаго вопроса. Это путешествіе было затруднительно для императора и стоило ему большихъ издержекъ, но онъ утѣшился пышными церемоніями, почетомъ и поклоненіемъ св. мощамъ, которыя онъ могъ посѣщать до-

рогою. Однако издержки эти истощили императорскую казну, наполненную посредствомъ всякихъ, не всегда чистыхъ продѣлокъ, и едвали Венцеславъ наслѣдовалъ отъ него большія сокровища, какъ полагаютъ нѣкоторые. По распоряженію французскаго короля, Карлъ былъ осыпанъ всевозможными почестями, при чемъ однако французы остерегались подать ему поводъ считать европейскихъ государей зависимыми отъ римскаго императора. Такъ, напримѣръ, въ германскіе города императоръ въѣзжалъ всегда на бѣлой лошади, при въѣздѣ же во французскіе города ему съ умысломъ давали всегда вороную. Всѣ должностныя лица, встрѣчавшія императора, въ своихъ рѣчахъ должны были ясно давать ему чувствовать, что они дѣйствуютъ не по сознанію своей обязанности относительно его, а по волѣ и отъ имени своего государя; имъ было предписано кончать всегда свои рѣчи: «такова воля нашего короля и повелителя». Впрочемъ Карлъ переступилъ французскую границу уже послѣ рождества, вѣроятно, не пожелавъ упустить случая исполнять должность иподіакона, то есть читать; съ мечомъ въ рукѣ, евангеліе. Онъ до такой степени дорожилъ этою византійскою привилегіею, что во все царствованіе только однажды, по болѣзни, упустилъ случай воспользоваться ею. Описаніе всѣхъ оказанныхъ ему во Франціи почестей, данныхъ въ честь его праздниковъ и всѣхъ совершенныхъ имъ дорогою поклоненій мощамъ, наполняютъ во французскихъ лѣтописяхъ цѣлый томъ; но мы только скажемъ, какимъ образомъ французскій король сдѣлалъ императора орудіемъ своихъ цѣлей. Карлъ V собралъ французскихъ и нѣмецкихъ вельможъ, прибывшихъ въ Парижъ съ императоромъ, и составилъ для рѣшенія своихъ споровъ съ Англіею родъ суда, въ которомъ предсѣдательствовали онъ самъ и императоръ. Здѣсь по обыкновенію была разъиграна комедія безпристрастнаго суда. Французскій король представилъ разные документы и въ продолженіе двухъ часовъ говорилъ рѣчь, которую императоръ, полу-французъ по воспитанію и происхожденію, перевелъ своимъ нѣмцамъ. Послѣ того императору былъ предложенъ вопросъ: находитъ ли онъ правымъ французскаго короля и сдѣлалъ ли тотъ съ своей стороны все для предупрежденія кровопролитія. Императоръ обвинилъ англичанъ, объявивъ, что Франція сдѣлала даже слишкомъ много для предотвращенія войны, и затѣмъ собралъ голоса присутствовавшихъ нѣмцевъ, которые, разумѣется, поддакивали своему государю. Эта странная сцена имѣла дѣйствіе нынѣшнихъ дипломатическихъ нотъ: нѣмцамъ это чрезвычайно польстило, и гласный приговоръ ихъ замѣнилъ манифестъ.

На пасхѣ 1378 г. императоръ вернулся въ Германію, а въ ноябрѣ того же года умеръ отъ давно мучившей его болѣзни. Послѣднею заботою его былъ раздѣлъ своихъ наслѣдственныхъ или пріобрѣтенныхъ провинцій. Старшій сынъ его, Венцеславъ, получилъ Богемію, Силезію и Оберпфальцъ; второму, Сигизмунду, еще ранѣе былъ предоставленъ во владѣніе Бранденбургъ, вмѣстѣ съ курфиршескимъ достоинствомъ, а младшій, Іоаннъ, наслѣдовалъ нижнюю Лузацію, съ Яуеромъ, Шведницомъ и Гёрлицомъ. Двумъ сыновьямъ своего умершаго брата Іоанна Генриха, Іодоку или Іобсту и Прокопію, Карлъ оставилъ маркграфство Моравію, а другой братъ его, Венцеславъ, остался владѣтелемъ давно уже уступленнаго ему родоваго семейнаго владѣнія Люксембурга.

5. Германская имперія при Венцеславѣ до учрежденія миланскаго герцогства (1395 г.)

Въ ноябрѣ 1378 г. на императорскій престолъ вступилъ восемнадцатилѣтній Венцеславъ. Дѣла находились въ самомъ запутанномъ положеніи. Необходимо было рѣшить или уладить споры между германскими городами и феодалами и положить наконецъ предѣлы разбоямъ рыцарства; въ то же время расколъ въ церкви грозилъ окончательно разорвать связь между Франціею и люксембургской династіей, потому что французскій король объявилъ себя за папу Климента VII, а Венцеславъ и германскія сословія оставались вѣрными его противнику, Урбану VI, котораго Карлъ IV не задолго до смерти призналъ законнымъ папою. Впрочемъ, церковныя дѣла не тревожили Германіи до конца столѣтія, когда этотъ вопросъ

былъ затронутъ Франціей, и только въ слѣдующемъ столѣтіи повели къ кровавымъ распрямъ. Вначалѣ для Германіи было даже выгодно, что онѣ возникли и тамъ по поводу рѣшенія спора о майнцской эпархіи, не совсѣмъ оконченнаго Карломъ IV. Это было тѣсно связано съ первыми правительственными мѣрами молодаго императора.

Изъ германскихъ князей одинъ Рупрехтъ I Пфальцскій не высказался еще ни за одного изъ папъ; сторону Климента VII приняли Адольфъ Нассаускій, удержавшій за собою большую часть майнцской эпархіи, и австрійскій герцогъ Леопольдъ II. Оба они отличались хищничествомъ и распутствомъ и оба высказались за папу, непризнаннаго имперіею, единственно для того, чтобы вынудить императора къ нѣкоторымъ уступкамъ. Опаснѣйшимъ изъ нихъ былъ Леопольдъ. По обычаю габсбургскаго дома, онъ владѣлъ австрійскими землями сообща съ братомъ Альбрехтомъ III, но получилъ въ свое исключительное владѣніе большую часть страны. Эти, собственно ему принадлежавшія, земли лежали въ Эльзасѣ, Швабіи и Швейцаріи; къ нимъ были присоединены Каринтія, Крайна и другія пограничныя съ Италіею мѣстности. Стараясь извлечь возможно большую выгоду изъ раздора папъ, Леопольдъ заключилъ нѣсколько договоровъ съ Климентомъ VII, тогда какъ честный и миролюбивый Альбрехтъ, которому Леопольдъ отравлялъ всю жизнь, принялъ сторону папы, признаннаго имперіею. Но Леопольдъ не могъ приносить въ Германіи большой пользы французскому папѣ, будучи слишкомъ занятъ собственными дѣлами съ Венеціею и швабскими городами, а въ особенности съ ордою французскихъ, англійскихъ и гасконскихъ авантюристовъ. Эти авантюристы ворвались, въ 1374 г., въ Бургундію, или нынѣшнюю французскую Швейцарію, подъ предводительствомъ знаменитаго французскаго полководца, Ангерана де Куси (стр. 422), которому нужно было рѣшить тамъ частный споръ о наслѣдствѣ. Они проникли до самаго Люцерна, гдѣ къ нимъ пристали, изъ ненависти къ Леопольду, графы фонъ Нидау и фонъ Кибургъ. Но гасконцы испытали тамъ кровавыя пораженія: одно въ Энтлибухѣ и два въ окрестностяхъ Берна, такъ что Ангеранъ долженъ былъ, съ большою потерею, удалиться въ Савоію, а главный отрядъ его авантюристовъ бросился въ Эльзасъ и долго еще продолжалъ воевать тамъ съ Леопольдомъ. Чтобы переманить герцога на сторону итальянскаго папы, Венцеславъ предоставилъ ему, за сорокъ тысячъ золотыхъ гульденовъ, званіе фогта верхней и нижней Швабіи. Хотя Леопольдъ и послѣ того не разорвалъ союза съ Климентомъ, но союзъ этотъ не приносилъ никакой пользы французскому папѣ, потому что императоръ съумѣлъ привлечь на сторону Урбана Адольфа Майнцскаго и Рупрехта Пфальцскаго. Рупрехтъ легко сконился на это, видя, что всѣ остальные имперскіе князья не хотятъ признавать инаго папы, кромѣ Урбана VI. Адольфъ Нассаускій покинулъ Климента, потому что Венцеславъ убѣдилъ Людовика Тюрингскаго уступить Адольфу всю майнцскую эпархію и курфиршеское достоинство, а взамѣнъ того принять магдебургскую эпархію. Разумѣется, это было плохимъ исходомъ дѣла для германской церкви, такъ какъ примасомъ ея сдѣлался буйный разбойникъ, а первостепенная эпархія сѣверной Германіи досталась развратнѣйшему изъ прелатовъ. Венцеславъ не желалъ совершеннаго разрыва съ Франціей, хотя она и признавала антипапу, однако долженъ былъ сблизиться съ Англіею, которая, подобно Германіи, была на сторонѣ Урбана VI. Онъ заключилъ въ 1381 г. тѣсный союзъ съ Ричардомъ II противъ враговъ римскаго папы, или такъ называемыхъ схизматиковъ, и выдалъ за англійскаго короля сестру свою Анну. Императоръ взялъ за этотъ союзъ весьма значительную сумму, потому что нуждался въ деньгахъ и не зналъ, гдѣ добыть ихъ. Венцеславъ вообще не выказывалъ ни того почтенія къ духовенству, ни того суевѣрія, какими отличался его отецъ. Въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ онъ нерѣдко обращался съ духовенствомъ съ военнымъ деспотизмомъ, но славянски, и въ дѣлахъ религіи покровительствовалъ людямъ, которые послѣ брака сестры императора съ англійскимъ королемъ занесли въ Богемію ученіе Уиклефа и стали проповѣдывать его съ пражскихъ кафедръ.

Относительно городовъ Венцеславъ намѣревался, повидимому, покинуть систему, принятую передъ смертью его отцомъ. Новый императоръ перешелъ на сторону князей и подъ предлогомъ сбора государственныхъ податей отдалъ имъ

на жертву города. Это видно изъ того, что онъ отнялъ званіе намѣстника Швабіи у герцога Фридриха, покровительствовавшаго городамъ, и передалъ его отъявленному врагу ихъ, герцогу Леопольду Австрійскому. Къ счастію, Леопольдъ былъ слишкомъ занятъ тогда венеціанцами и остатками шаекъ Ангерана. Для защиты отъ него, швабскіе города вступили между собою въ союзъ, и это подало Эбергарду Вюртембергскому мысль соединить въ одно цѣлое рыцарскіе союзы, составившіеся для поддержанія кулачнаго права. Но тогда къ швабскому городскому союзу пристали не только часть прирейнскихъ городовъ, но самъ пфальцграфъ, баварскіе герцоги, маркграфъ баденскій и многіе другіе миролюбивые владѣтели, желавшіе, при совершенномъ безсиліи императора и сеймовъ, оградить себя хотя этимъ (1381 г.). Такимъ образомъ въ Швабіи, Эльзасѣ и на Рейнѣ образовалась огромная конфедерація, состоявшая большею частью изъ городовъ и пользовавшаяся такимъ же могуществомъ на югѣ, какъ ганзейскій союзъ на сѣверѣ. Къ несчастію, города стали злоупотреблять этимъ, вначалѣ чисто оборонительнымъ, союзомъ и превратили его въ наступательный; самоувѣренность ихъ страшно возрасла, а ихъ войска стали позволять себѣ такія же насилія, какъ наемники итальянскихъ республикъ. Князья, графы и владѣтели также стали соединяться другъ съ другомъ и междоусобія дошли до того, что вся южная и средняя Германія была залита кровью. Наконецъ Эбергарду Вюртембергскому, воевавшему до тѣхъ поръ съ союзомъ городовъ, пришла въ голову мысль соединить его съ союзомъ рыцарства, такъ чтобы споры между ними рѣшались болѣе не самоуправствомъ, а закономъ и безпристрастными судьями. По его убѣжденію, города и рыцарство заключили въ 1382 г. въ Эхингенѣ союзъ и условились рѣшать всѣ споры между собой общимъ союзнымъ судомъ, или по приговорамъ избранныхъ спорящими сторонами третейскихъ судей. Хотя вначалѣ союзъ этотъ былъ заключенъ всего на одинъ годъ, въ родѣ перемирія, но впослѣдствіи онъ сдѣлался исходной точкой переворота, который, не остановленный во время, могъ бы поколебать монархическій принципъ въ Германіи и доставить перевѣсъ республиканскому вліянію городовъ. Въ доказательство основательности этого положенія, стоитъ только назвать нѣкоторые отдаленные отъ Швабіи города, принадлежавшіе къ союзу; мы видимъ между ними Майнцъ, Франкфуртъ, Вецларъ, Кобургъ, Нюрнбергъ, Регенсбургъ, Мюнхенъ, Базель, Страсбургъ и т. д.

Опасность, со стороны городовъ, испугала не только князей, но и самого Венцеслава, совершенно позабывшаго о государственныхъ дѣлахъ на охотѣ и попойкахъ. Онъ пробудился отъ своего усыпленія и въ концѣ того же года поспѣшилъ въ Германію, прежде чѣмъ оба союза успѣли совершенно слиться. Онъ имѣлъ въ виду водворить всеобщій миръ императорскимъ авторитетомъ, а не способомъ, придуманнымъ Эбергардомъ, и съ этою цѣлью созвалъ въ Нюрнбергѣ сеймъ, на которомъ, въ февралѣ 1383 г., былъ заключенъ всеобщій миръ, на два года; чтобы упрочить его, имперію раздѣлили на четыре округа и въ каждый изъ нихъ назначили особаго начальника. Читая грамату, составленную въ Нюрнбергѣ, мы видимъ въ каждомъ пунктѣ ея здравый, практическій смыслъ умнаго, прямодушнаго поколѣнія, но тѣмъ не менѣе грамата эта не принесла никакой пользы, потому что была составлена такимъ образомъ, что необходимо должна была возбудить недовѣріе городовъ. Въ обсужденіи ея принимали участіе только феодалы, потому что на нюрнбергскомъ сеймѣ присутствовало весьма немного представителей городовъ; предложеніе Венцеслава было принято одними князьями и князья же были поставлены блюстителями закона, порядка и выполненія граматы въ четырехъ округахъ имперіи. Еще болѣе недовѣрія внушало то обстоятельство, что первыми приняли нюрнбергскія мирныя условія Эбергардъ и Леопольдъ, злѣйшіе враги городовъ; можно даже предполагать, что и самымъ существованіемъ своимъ эта грамата была обязана собственно имъ. Самъ Венцеславъ далъ вскорѣ понять городамъ, что ихъ ожидаетъ, если они подчинятся нюрнбергскому союзу и такимъ образомъ отдадутъ себя на произволъ князей: императоръ утвердилъ за Леопольдомъ Австрійскимъ званіе намѣстника Швабіи и въ угоду майнцскому епископу и каноникамъ уничтожилъ дарованныя, за три года передъ тѣмъ, городу Майнцу льготныя граматы. Вслѣдствіе всего этого, города отказались принять нюрнбергскій договоръ, а вскорѣ отмѣнилъ его и самъ Венцеславъ, вѣроятно потому, что ему объяснили, что новый уставъ предоставляетъ

слишкомъ много власти четыремъ окружнымъ князьямъ. Въ слѣдующемъ году императоръ вторично пріѣхалъ въ Германію и созвалъ сеймъ въ Гейдельбергѣ, для установленія земскаго мира (іюль, 1384 г.). На этотъ разъ онъ созвалъ множество представителей городовъ для того, чтобы составить новый, выгодный для нихъ договоръ. Эту перемѣну приписываютъ вліянію престарѣлаго и умнаго курфирста пфальцскаго, Рупрехта I. Въ Гейдельбергѣ былъ составленъ новый уставъ земскаго мира, который, не нарушая заключенныхъ передъ тѣмъ договоровъ, долженъ былъ быть соблюдаемъ съ іюля 1384 г. до слѣдующаго Духова дня и, сверхъ того, еще три года; городамъ было не только разрѣшено сохранить свой союзъ, но и принимать участіе въ дѣлахъ окружнаго управленія и судопроизводства. Но союзъ ихъ съ князьями и рыцарствомъ остался на прежнихъ условіяхъ; союзный судъ долженъ былъ соблюдать прежніе уставы и прежній порядокъ отношеній; налоги должны были уплачиваться попрежнему и Леопольдъ остался намѣстникомъ. Города тѣмъ менѣе могли и желали подчиниться этимъ условіямъ, что, соединенные между собою, составляли сильнѣйшую партію. Кончилось тѣмъ, что планъ всеобщаго мира послужилъ только поводомъ ко всеобщей войнѣ. Леопольдъ Австрійскій, покончивъ дѣла съ Франческо Каррарскимъ за тревизскую мархію (стр. 440), обратился со всѣми силами противъ городовъ. Тѣ заключили въ Констанцѣ (1385 г.) союзъ со многими другими городами крайняго юга Швабіи, или нынѣшней Швейцаріи, которые еще принадлежали тогда къ имперіи, но не останавливались на этомъ, когда дѣло касалось ихъ интересовъ. Эти города, соединенные съ древнѣйшими кантонами Швейцаріи, были Цугъ, Цюрихъ, Бернъ, Золотурнъ и Люцернъ; они также вели безпрестанныя войны съ сосѣдними феодалами, особенно съ главою и представителемъ ихъ Леопольдомъ Австрійскимъ. При союзѣ швейцарскихъ городовъ съ швабскими, всѣ выгоды были явно на сторонѣ первыхъ, потому что швабскіе города обязались подавать имъ помощь повсюду, тогда какъ швейцарскіе ограничили для себя эту обязанность весьма тѣснымъ кругомъ. Но даже и въ этомъ кругѣ они уже нѣсколько разъ по заключеніи констанцскаго договора не отвѣчали на призывъ швабскихъ городовъ, всегда находя какой нибудь предлогъ для нарушенія своихъ обязательствъ. Поэтому германскіе города, и съ ними Бернъ, разсчитали, что для нихъ выгоднѣе примириться съ Леопольдомъ, который, съ своей стороны, охотно протянулъ имъ руку, считая распаденіе констанцскаго союза дѣломъ первой важности для своихъ интересовъ.

Это случилось въ то самое время, когда Леопольдъ былъ вынужденъ начать войну съ четырьмя кантонами, безпрестанно оттягивавшими у него доходы и подданныхъ. Рыцарство и въ Швейцаріи, какъ въ Германіи, угнетало вассаловъ барщиною и поборами; поэтому граждане Люцерна въ послѣднее время нерѣдко разрушали учреждаемыя на границахъ ихъ таможни и давали у себя право гражданства вассаламъ рыцарей. Вслѣдствіе того возникали войны, въ которыхъ весь швейцарскій союзъ поддерживалъ Люцернъ. Единодушіе всегда доставляло имъ побѣду, тогда какъ германская имперія, обязанная защищать своихъ членовъ, казалась однимъ призракомъ. Такимъ образомъ Леопольдъ и лучшіе друзья его испытали уже много потерь. Наконецъ разрушеніе одного укрѣпленнаго городка, который жители Люцерна совершенно срыли изъ ненависти къ феодаламъ, побудили рыцарей и вождя ихъ Леопольда дать имъ отпоръ соединенными силами; но это предпріятіе, безразсудно начатое, кончилось гибелью самого рыцарства и снова заставило всю Европу трепетать предъ именемъ швейцарцевъ. Леопольдъ созвалъ все рыцарство сѣверной Швейцаріи и съ толпою жалкихъ ландскнехтовъ повелъ его на швейцарцевъ. Встрѣча произошла при Земпахѣ, въ іюлѣ 1386 г. Рыцарство, по обыкновенію, начало битву съ необузданной пылкостью, не сообразивъ, что мѣстность, въ которой закованной въ тяжелую броню кавалеріи невозможно было повернуться, напротивъ, какъ нельзя болѣе благопріятствовала искусной, превосходно вооруженной пѣхотѣ швейцарцевъ, защищавшихъ родные очаги. Исходъ битвы не могъ быть сомнительнымъ, хотя противъ войска Леопольда сражалось всего полторы тысячи швейцарцевъ. Это былъ отборный отрядъ, имѣвшій передъ своими врагами не только преимущество мѣстности и вооруженія, но и численности, потому что жалкая толпа мужиковъ, приведенная Леопольдомъ, не заслуживала и названія войска. Кромѣ того, битва происходила въ самое жаркое

время года, и стоило только сбить съ ногъ спѣшившихся рыцарей, чтобы они не могли уже болѣе подняться и задохнулись подъ тяжестью собственнаго вооруженія. Что въ этой битвѣ погибло двѣ тысячи бѣдныхъ крестьянъ, не представляетъ еще ничего особенно замѣчательнаго и не служитъ доказательствомъ храбрости швейцарцевъ; но для исторіи рыцарства и всѣхъ подчиненныхъ ему странъ было замѣчательно то, что въ этой битвѣ легло шестьсотъ пятьдесятъ представителей знатнѣйшихъ фамилій Германіи и въ томъ числѣ самъ герцогъ Леопольдъ. Конфедераты приписали свою побѣду римскому героизму Арнольда фонъ Винкельрида, который, какъ разсказываютъ, захватилъ въ охапку, сколько могъ, устремленныхъ впередъ копій рыцарей и направилъ ихъ на свою грудь, проложивъ такимъ образомъ своимъ соотечественникамъ дорогу въ желѣзные сомкнутые ряды враговъ. Изслѣдовать правдоподобность этого факта было бы столь же безполезно, сколько и несправедливо. Война, побѣды и покупки земель увеличили союзъ швейцарцевъ, кромѣ того къ нимъ пристало множество феодальныхъ владѣтелей, рыцарей и мѣстечекъ, для того, чтобы пользоваться защитою кантоновъ или раздѣлять ихъ славу и получаемое ими отъ итальянскихъ республикъ жалованье. Бернъ снова отдѣлился отъ Германіи и присталъ къ швейцарскому союзу. Однако рыцарство еще разъ собралось съ силами, но, потерявъ при Земпахѣ лучшихъ своихъ воиновъ и въ Леопольдѣ своего храбрѣйшаго предводителя, оно черезъ два года, въ апрѣлѣ 1388 г., испытало отъ жителей кантона Гларуса новое страшное пораженіе при Нефельсѣ. Это была уже третья побѣда надъ тяжело-вооруженнымъ рыцарствомъ, доставившая швейцарской пѣхотѣ репутацію непобѣдимости.

Битва при Земпахѣ была полезна и для германскихъ городовъ, потому что избавила ихъ отъ Леопольда. Вмѣсто него, Венцеславъ назначилъ намѣстникомъ Швабіи простаго дворянина, у котораго не было княжества, а слѣдовательно и заботъ о сохраненіи и расширеніи его. Императоръ обѣщалъ кромѣ того (1387 г.) никогда не назначать къ нимъ въ намѣстники князей. Впрочемъ распри между городами и феодалами не прекращались, и Германія оставалась въ томъ же положеніи. Венцеславъ дотого предавался охотѣ, что уже вовсе не заботился о государственныхъ дѣлахъ, и его нельзя было иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца убѣдить подписать какую нибудь бумагу. Въ два года(1385 — 1387 г.) онъ ни разу не заглянулъ въ Германію, хотя гейдельбергскій миръ долженъ былъ кончиться въ 1388 г., и продленіе его зависѣло отъ стараній императора. Императоръ раздавалъ только граматы и привилегіи депутаціямъ отдѣльныхъ городовъ, являвшимся къ нему въ Богемію. Эти привилегіи, расточаемыя безъ предвратительныхъ изслѣдованій, нерѣдко находились въ противорѣчіи съ другими и только увеличивали всеобщую неурядицу. Наконецъ германскіе князья и въ особенности Рупрехтъ I Пфальцскій убѣдились, что при такомъ полномъ отсутствіи національнаго единодушія и всякаго законнаго порядка имперія неминуемо должна пасть, и чтобы предотвратить это, рѣшились принять двѣ мѣры для возстановленія княжескаго и императорскаго значенія (1386 г.). Во первыхъ, князья и феодалы заключили между собою оборонительный союзъ для защиты своей власти и привилегій отъ произвола и, въ особенности, отъ городовъ съ ихъ наемными дружинами; этотъ княжескій союзъ принялъ названіе Фемгерихта, т. е. собственно вестфальскаго тайнаго судилища, напоминавшаго собой правосудіе ассасиновъ. Оно было учреждено на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вестфальское, и, составляя, какъ и все остальное, аномалію, считало судебное убійство средствомъ для возстановленія права, закона и порядка (стр. 278). Члены этого судилища, при которомъ императоръ могъ сдѣлаться совершенно излишнимъ, отправили къ Венцеславу депутацію съ порученіемъ просить его пріѣхать въ Германію и, вѣроятно въ то же время, намекнуть ему, что если онъ не думаетъ о подданныхъ, то можетъ лишиться престола.

Слѣдующею весною Венцеславъ пріѣхалъ (1387 г.) въ Нюрнбергъ и тотчасъ же далъ понять, что не слишкомъ довѣряетъ княжескому союзу. Онъ выказалъ большое благоволеніе къ городамъ, успокоилъ ихъ, какъ уже выше сказано, относительно намѣстниковъ и обезпечилъ для тридцати девяти городовъ продолженіе гейдельбергскаго земскаго мира, за что тѣ съ своей стороны обѣщали ему поддержку въ случаѣ, если бы князья сдѣлали покушеніе низложить его. Самонадѣянность купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, составлявшихъ

населеніе городовъ, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нимъ, въ видѣ аристократіи, рыцарствомъ, еще болѣе возрасла; къ бывшимъ имперскимъ городамъ то и дѣло присоединялись новыя поселенія, и городская демократія стала наконецъ угрожать существованію всей феодальной системы. Съ обѣихъ сторонъ начались приготовленія къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что конецъ гейдельбергскаго мира былъ уже близокъ. Чтобы продлить его, Венцеславъ созвалъ, осенью, сеймъ въ Мергентгеймѣ, на который однако лично не явился, а прислалъ трехъ уполномоченныхъ. На этомъ сеймѣ былъ заключенъ новый всеобщій миръ до 1390 г., на основаніи прежняго гейдельбергскаго договора. Но этотъ договоръ былъ черезъ двѣ недѣли нарушенъ, и между городами и феодалами вспыхнула открытая война. Герцогъ Фридрихъ Баварско-Ландсгутскій, находившійся во враждѣ съ архіепископомъ Пильгримомъ Зальцбургскимъ, предательски взялъ въ плѣнъ противника, когда тотъ явился по приглашенію для переговоровъ о мирѣ. Архіепископъ былъ союзникомъ городовъ, которые немедленно вступились за него, тѣмъ болѣе, что баварскіе герцоги стали грабить товары ихъ, провозимые чрезъ баварскія владѣнія. Война сдѣлалась неизбѣжною. Венцеславъ письменно отказался отъ герцога Фридриха и поручилъ городамъ отстаивать условія мирнаго договора, прислалъ имъ даже (впрочемъ, это не достовѣрно) вспомогательное войско изъ Богеміи, но не принялъ личнаго участія въ возникшей вслѣдъ за тѣмъ войнѣ между его подданными.

Въ апрѣлѣ 1388 г. собрался конгрессъ представителей швабскихъ, франкскихъ и прирейнскихъ городовъ и отъ имени всѣхъ ихъ объявилъ войну феодальнымъ владѣтелямъ. Такимъ образомъ въ Швабіи, Франконіи и на Рейнѣ вспыхнула кровопролитная война, въ которой обѣ стороны, т. е. рыцарство и города, грабили, жгли, убивали наперерывъ другъ передъ другомъ. Города поручили веденіе этой войны наемнымъ дружинамъ, отъ которыхъ страшно терпѣли бѣдные вассалы феодаловъ и вообще все сельское сословіе; въ одной Швабіи было разорено въ этотъ годъ около тысячи двухсотъ деревень и мѣстечекъ. Города въ высшей степени ожесточили этимъ своихъ противниковъ, и, вообще не слишкомъ единодушные между собой, феодалы соединились на этотъ разъ въ самый тѣсный союзъ противъ республиканской дерзости городовъ. Перевѣсъ съ самаго начала оказался на сторонѣ князей, которые разомъ напали на своихъ враговъ; горожане были не такъ привычны къ военному дѣлу, какъ рыцарство, для котораго война и охота составляли ежедневныя занятія. Хотя у горожанъ и было много вооруженныхъ людей, но въ этомъ числѣ весьма мало вполнѣ обученныхъ военному дѣлу, такъ что, напримѣръ, въ одномъ изъ главныхъ сраженій этой войны были вполнѣ вооружены только восемьдесятъ два ульмца, семьдесятъ базельцевъ, семьдесятъ два нюрнбергца и всего двое ратниковъ изъ Линдау. Города Франконіи покорились безъ рѣшительной битвы бургграфу нюрнбергскому, которому прислали помощь маркграфъ тюрингскій и мейссенскій. Эбергардъ Вюртембергскій разбилъ однимъ ударомъ, при Дёффингенѣ, ополченія швабскихъ городовъ (августъ 1388 г.), которыя предприняли опустошительный набѣгъ на владѣнія его и его союзниковъ и осадили укрѣпленное кладбище Дёффингенъ, куда несчастное населеніе деревень снесло все свое имущество; но Эбергардъ и сынъ его Ульрихъ подоспѣли на помощь осажденнымъ и отмстили врагамъ. Войско швабскихъ городовъ, состоявшее изъ четырехъ тысячъ опытныхъ солдатъ, кромѣ тысячи человѣкъ всякаго сброда, не имѣвшаго никакого оружія и слѣдовавшаго за первыми только для грабежа, оказало упорное сопротивленіе и положило на мѣстѣ до шестисотъ враговъ, въ томъ числѣ Ульриха; тѣмъ не менѣе Эбергардъ одержалъ блистательную побѣду. Со стороны городовъ пало полторы тысячи всадниковъ; ихъ вожди и рыцари попались въ плѣнъ или были перебиты и только немногіе спаслись бѣгствомъ. Черезъ три мѣсяца и прирейнскіе города потерпѣли страшное пораженіе въ графствѣ пфальцскомъ, на которое они напали съ своими наемными войсками. Рупрехтъ I далъ имъ при Вормсѣ такой урокъ, что изъ войска ихъ спаслось всего сто человѣкъ. Та же самая участь постигла и франкфуртцевъ. Сначала они, въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, разбили рыцарей Таунуса; но на помощь къ послѣднимъ явился Рупрехтъ и далъ франкфуртцамъ при Кроненбургѣ рѣшительное сраженіе, въ которомъ они потеряли шестьдесятъ человѣкъ убитыми и болѣе четырехъ сотъ плѣнными. Такимъ образомъ города по-

всюду уступали князьямъ и рыцарямъ. Между тѣмъ Германія представляла такое же зрѣлище, какъ нынѣшняя Африка или Курдистанъ. Лѣтописцы разсказываютъ намъ самымъ одобрительнымъ топомъ, что наслѣдственный врагъ Эбергарда, Вольфъ фонъ Вунненштейнъ, только потому сражался рядомъ съ нимъ, при Дёффингенѣ, что ненавидѣлъ города еще болѣе, чѣмъ Эбергарда; но за то тотчасъ послѣ сраженія Вольфъ, почти передъ глазами Эбергарда, ограбилъ его бѣдныхъ крестьянъ. Кромѣ того лѣтописи сообщаютъ, какъ нѣчто весьма обыкновенное, что за войскомъ швабскихъ городовъ слѣдовала, какъ на Востокѣ, толпа всякой сволочи, искавшей единственно добычи, и что въ войскѣ прирейнскихъ городовъ служило шестьдесятъ извѣстныхъ воровъ и разбойниковъ, которыхъ пфальцграфъ велѣлъ заживо бросить въ печь, то есть придумалъ для нихъ казнь, вполнѣ соотвѣтствовавшую ихъ злодѣйствамъ.

Въ этой войнѣ города потеряли цвѣтъ своихъ гражданъ и потратили огромныя суммы на выкупъ плѣнныхъ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они, къ довершенію всего, были покинуты союзнымъ съ ними рыцарствомъ и въ этой крайности обратились къ императору. Въ то же время отправили къ Венцеславу депутатовъ и князья, съ требованіемъ, чтобы онъ разорвалъ союзъ побѣжденныхъ городовъ и вернулся въ Германію для довершенія того, что они такъ счастливо начали. Венцеславъ былъ поставленъ этими требованіями въ крайне затруднительное положеніе и уже думалъ сложить съ себя германскую корону. Онъ рѣзко отвѣтилъ депутатамъ князей, что не намѣренъ подобно своему отцу и дѣду, тратить богемскія деньги на поѣздки въ Германію, и вслѣдъ затѣмъ въ октябрѣ 1398 г. созвалъ сеймъ въ Эгерѣ. Передъ открытіемъ сейма къ Венцеславу пріѣхалъ герцогъ Фридрихъ Баварскій и успѣлъ возстановить его противъ горожанъ. Со стороны городовъ на сеймъ явилось мало депутатовъ, а всѣ собравшіеся на него князья и епископы были отъявленными врагами гражданской свободы и такого городскаго устройства, которое вывело бы города изъ непосредственной зависимости отъ императорскихъ намѣстниковъ. Немудрено, что Венцеславъ еще до составленія новаго императорскаго положенія отмѣнилъ особымъ декретомъ союзъ городовъ, не упоминая вовсе о лигѣ между князьями и рыцарствомъ. Но декретъ этотъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, и въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ Эгерѣ, были воспрещены всѣ союзы безъ исключенія. Въ томъ же договорѣ были установлены третейскіе суды и указаны мѣры къ приведенію въ исполненіе ихъ приговоровъ. Всѣ эти постановленія, какъ и многія подобныя имъ, остались только на бумагѣ; многіе города положительно объявили, что, не смотря на рѣшеніе сейма, сохранятъ свой союзъ: тоже сдѣлало и большинство рыцарства. Замѣчательнѣе всего въ новомъ эгерскомъ соглашеніи та степень значенія, на которую, не смотря на недавнее пораженіе, впервые поставлены были города. Эгерскій договоръ начинается слѣдующей статьей: «курфирсты, князья, господа и города обязаны содѣйствовать другъ другу въ соблюденіи закона, на основаніяхъ мирнаго договора»; а далѣе, по поводу учрежденія третейскихъ судовъ, говорится, что въ нихъ должны назначить отъ себя по четыре человѣка, съ одной стороны, города, а съ другой — курфирсты, князья и феодалы. Такимъ образомъ города впервые являются здѣсь самостоятельнымъ государственнымъ сословіемъ, на ряду съ феодальными владѣтелями и князьями. Вотъ какіе успѣхи сдѣлали въ Германіи торговля и промышленность, составлявшія исключительное занятіе буржуазіи; даже рыцарскіе миннезенгеры обратились въ мѣщанскихъ мейстерзенгеровъ, и въ слѣдующемъ же столѣтіи поэзія исключительно поселилась въ городахъ.

Въ наше время, когда Валленштейнъ возведенъ въ герои, а Наполеонъ въ боги, Венцеславъ, также какъ и датскій король Христіанъ II, нашелъ себѣ ревностныхъ защитниковъ. Что касается насъ, то мы вовсе не намѣрены доказывать софизмами, что вещь бѣла, когда она очевидно черна для всякаго здороваго глаза: но тѣмъ не менѣе, мы готовы признать въ Венцеславѣ много хорошихъ качествъ и согласиться, что положеніе его было весьма затруднительно, потому что онъ долженъ былъ управлять въ Богеміи по славянскимъ, а въ Германіи по германскимъ обычаямъ. Къ несчастью, отецъ воспитывалъ его педантически и цѣлые дни держалъ его за скучными канцелярскими занятіями, такъ что Венцеславъ, вырвавшись на волю, страстно предался охотѣ, а потомъ, вслѣдствіе болѣзни, пьян-

ству, и падалъ все ниже и ниже. Его нельзя было назвать человѣкомъ буйнаго нрава; напротивъ, онъ былъ образованъ, ласковъ въ обращеніи, уменъ, справедливъ и отъ природы остроуменъ, а между его министрами было не мало людей проницательныхъ и энергическихъ. Но несчастная страсть къ вину и охотѣ нерѣдко доводила его до состоянія какого-то звѣрскаго бѣшенства. Понятно, что о такомъ человѣкѣ можно сказать много и дурнаго, и хорошаго. Когда онъ, какъ говоритъ одинъ лично знавшій его лѣтописецъ, былъ слегка выпивши, умъ его оживлялся и блисталъ остроуміемъ и весслостью; но если онъ переступалъ извѣстную мѣру, или, бросивъ благоразумныхъ совѣтниковъ, удалялся съ товарищами своихъ оргій въ замки и лѣса, — имъ овладѣвало кровожадное неистовство, свойственное отчаяннымъ пьяницамъ и обыкновенно приводящее ихъ къ тупоумію, или положительному безумію. Въ такомъ состояніи онъ совершалъ неслыханныя звѣрства, или безразсудства, въ которыхъ протрезвившись самъ разскаявался. Эти пьяныя или безумныя выходки Венцеслава разсказывались съ прикрасами или преувеличеніями, но мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Онъ держалъ огромныхъ собакъ, изъ которыхъ одна всегда лежала ночью у его постели. Одна изъ нихъ разорвала на части его первую жену (1386 г.), другая—его вѣрнаго друга. Самъ Венцеславъ совершенно хладнокровно застрѣлилъ на охотѣ монаха. Въ свитѣ императора постоянно находился палачъ, что впрочемъ едва ли кто найдетъ удивительнымъ, прочитавъ слѣдующій разсказъ, показывающій, какимъ образомъ чешскій король, даже въ трезвомъ состояніи, творилъ, а можетъ быть, и долженъ былъ творить судъ и расправу. Однажды Венцеславъ, въ пьяномъ видѣ, совершенно серьезно приказалъ палачу отрубить голову ему самому; палачъ, разумѣется, принялъ это за шутку и только прикоснулся мечомъ къ его затылку; но Венцеславъ немедленно велѣлъ обезглавить его самого. Впрочемъ, эти анекдоты не совсѣмъ правдоподобны, потому что они, такъ же какъ и смерть королевы, относятся къ первымъ, лучшимъ годамъ Венцеслава, а разсказаны человѣкомъ, пріѣхавшимъ въ Богемію уже въ 1412 г., когда Венцеславъ совершенно палъ нравственно. Мы покажемъ лучше чешское правосудіе Венцеслава, выразившееся въ совершенно достовѣрномъ событіи первыхъ годовъ его царствованія. Пражскій университетъ, въ которомъ нѣмецкимъ студентамъ и профессорамъ были даны такія огромныя преимущества передъ чешскими, имѣлъ совершенно такое же устройство, какъ и англійскіе университеты; различныя университетскія корпораціи считали въ числѣ своихъ членовъ самыхъ значительныхъ лицъ какъ въ самой Прагѣ, такъ и внѣ ея, такимъ образомъ, что тысячи ученыхъ, принадлежавшихъ къ университету, заключали въ себѣ представителей всѣхъ классовъ и сословій. Привилегіи нѣмецкихъ студентовъ нерѣдко вызывали раздоры, въ которыхъ дѣло рѣшалось самоуправствомъ, при чемъ огромныя гостиницы Праги обращались въ казармы и крѣпости студентовъ. Когда однажды, при подобной ссорѣ, чешскіе студенты собрались въ двухъ гостиницахъ, чтобы двинуться оттуда противъ нѣмецкихъ, Венцеславъ приказалъ схватить хозяевъ этихъ гостиницъ и отрубить имъ головы единственно за то, что они допустили у себя подобныя сборища.

Съ городскимъ сословіемъ и въ Германіи, и въ Богеміи Венцеславъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Его любило и низшее сословіе, языкъ и нравы котораго онъ себѣ усвоилъ, тѣмъ болѣе, что большинство слугъ и окружавшихъ его принадлежало къ этому сословію. Но съ феодалами и духовенствомъ онъ находился почти въ постоянной враждѣ. Главною причиною этой вражды былъ вѣчный недостатокъ въ деньгахъ, который Венцеславъ долженъ былъ терпѣть собственно потому, что большинство коронныхъ имѣній перешло въ руки духовенства и рыцарей. Одинъ пражскій архіепископъ владѣлъ восемью городами и іомѣстьями и семью укрѣпленными мѣстечками, принадлежавшими когда-то коронѣ. Венцеславъ рѣшился отнять у феодаловъ бывшія коронныя владѣнія и, сдѣлавъ безуспѣшную попытку добиться этого мирнымъ путемъ, прибѣгнулъ къ насильственнымъ и кровавымъ мѣрамъ. Въ 1389 г. онъ представилъ сейму, что расходы его не соразмѣрны съ доходами оставшихся у него имѣній, и просилъ ихъ покрыть этотъ дефицитъ. Когда сословія послѣ долгихъ совѣщаній отвергли его просьбу, онъ прибѣгнулъ къ совершенно турецкому способу. Собравъ войско и созвавъ въ лагерь феодаловъ, онъ размѣстилъ ихъ по отдѣльнымъ палаткамъ. Затѣмъ, требуя ихъ къ себѣ по очереди, онъ приказывалъ имъ объявлять, какую

сумму ссудили они при полученіи коронпаго имѣнія и какой доходъ оно принесло имъ съ тѣхъ поръ. Тѣхъ, кто отказывался дать эти свѣдѣнія, уводили въ особую палатку и предавали казни на мѣстѣ.

Съ духовенствомъ, которое, подобно рыцарству, требовало освобожденія отъ податей и владѣло большею частію недвижимыхъ имѣній, Венцеславъ поступалъ такъ, какъ оно заслуживало своею безнравственностью и корыстолюбіемъ. Онъ встрѣтилъ въ этомъ случаѣ полное одобреніе со стороны городскихъ властей, и духовные феодалы, видя твердость принятаго имъ рѣшенія, покорились безпрекословно. Тоже самое мы видимъ въ началѣ его царствованія (1381 г.), когда соборный капитулъ въ Бреславлѣ позволилъ себѣ злоупотреблять духовною властью. Когда деканъ вопреки стѣснительному уставу о городскихъ и цеховыхъ пошлинахъ провезъ въ Бреславль иностранное пиво, магистратъ отобралъ эту контрабанду, а духовенство отлучило за то отъ церкви весь городъ и прекратило отправленіе всѣхъ требъ. Венцеславъ вступился за городъ, изгналъ оттуда на два года соборный капитулъ, конфисковалъ его имѣнія и наконецъ заставилъ духовенство подчиниться его волѣ. Впрочемъ Венцеславъ могъ поступить съ нимъ такимъ образомъ, потому что въ Богеміи духовенство вовсе не пользовалось общимъ уваженіемъ, а расколъ въ церкви не позволялъ римскимъ папамъ ссориться съ императоромъ. Венцеславъ былъ далекъ отъ ребяческаго суевѣрія его отца, придававшаго такое значеніе механическимъ обрядамъ. Относительно церковной дисциплины у Венцеслава также были свои особенныя понятія; онъ, напримѣръ, не хотѣлъ и слышать о постахъ, проводя цѣлые мѣсяцы на охотѣ, въ густыхъ лѣсахъ, и папскій легатъ, какъ ни возставало противъ этого все духовенство, долженъ былъ разрѣшить отъ соблюденія ихъ и его, и весь его дворъ. У него были свои особенныя понятія о религіи, и онъ желалъ распространить ихъ и въ народѣ. Случалось, впрочемъ, что онъ по царски награждалъ достойныхъ священниковъ и даже монастыри, но требовалъ, чтобы они проповѣдывали чисто библейское ученіе, которое въ сочиненіяхъ Уиклефа перешло изъ Англіи въ Богемію; при этомъ Венцеславъ указывалъ на необходимость обучать религіи на народномъ языкѣ. Между прочимъ, онъ явно отвергалъ ученіе о чистилищѣ, и когда двое богатыхъ горожанъ соорудили въ Прагѣ Виѳлеемскую церковь, гдѣ предлагалось народу вмѣсто церковныхъ обрядовъ одна проповѣдь слова Божія на народномъ языкѣ, Венцеславъ не только утвердилъ это учрежденіе, но и объявилъ, что одно такое богослуженіе и можетъ считаться истиннымъ и плодотворнымъ. Впослѣдствіи эта Виѳлеемская церковь была прославлена проповѣдями Гусса. Венцеславъ обращалъ строгое вниманіе на нравственность духовенства и самъ наблюдалъ за исполненіемъ предписываемыхъ имъ по этому предмету мѣръ. Такъ, онъ вытребовалъ однажды всѣхъ любовницъ пражскаго духовенства и выставилъ ихъ, вмѣстѣ со священниками, у которыхъ онѣ жили, къ позорному столбу; то же самое, какъ мы видѣли, было сдѣлано въ это время и въ Лондонѣ городскимъ совѣтомъ. Эти мѣры никого не возмущали, такъ что Венцеславъ могъ, безъ всякой опасности для себя, совершить вопіющую несправедливость надъ архіепископомъ Праги, Іоанномъ фонъ Іенштейномъ, который поссорился съ гофмаршаломъ за право рыбной ловли въ Эльбѣ и разрушилъ сооруженную имъ плотину. Этотъ насильственный поступокъ возбудилъ ярость Венцеслава и онъ велѣлъ запереть архіепископа въ замокъ Карлштейнъ, а чтобы внушить повиновеніе какъ ему, такъ и пражскому соборному капитулу, позволилъ всѣмъ грабить имущества духовенства въ городѣ. Онъ вполнѣ достигъ цѣли, потому что въ людяхъ, готовыхъ поживиться на счетъ духовенства, не было недостатка. Въ другомъ подобномъ спорѣ съ соборнымъ капитуломъ, императоръ хотя и согласился дѣйствовать судебнымъ порядкомъ, но потомъ постарался обезпечить свои права особымъ указомъ, постановивъ, чтобы на будущее время богемскіе приходы раздавались не по усмотрѣнію духовенства или папы, а исключительно его придворнымъ священникамъ и правительственнымъ лицамъ, которые въ ту пору, такъ же какъ и врачи, избирались изъ среды духовенства.

Необузданный нравъ Венцеслава заставилъ его совершить въ 1393 г. варварскіе поступки съ высшимъ духовенствомъ Праги, доставившіе ему въ Европѣ репутацію какого-то нравственнаго чудовища, чѣмъ онъ вовсе не былъ въ дѣйствительности. Пражскій архіепископъ имѣлъ много основаній быть его врагомъ;

между прочимъ онъ принадлежалъ къ числу феодаловъ, обогатившихся на счетъ короны: немудрено, что отъ него Венцеславъ былъ менѣе всего склоненъ выносить противорѣчіе или сопротивленіе своимъ мѣрамъ. Государственный казначей, то есть высшее правительственное лицо въ Богеміи, Сигизмундъ Гулеръ, поссорился по вопросу свѣтской и духовной подсудности съ пражскимъ архіепископомъ, который, не обращая вниманія на его званіе, отлучилъ его отъ церкви и даже потребовалъ его къ духовному суду, чрезъ консисторіальнаго судью Николая Пухника и его викарія, Іоанна Помука или Непомука. По обычаю духовенства, архіепископъ страшно неистовствовалъ противъ своихъ враговъ; такъ, напримѣръ, онъ подалъ королю жалобу на гофмаршала и другихъ придворныхъ, называя ихъ въ ней злѣйшими врагами Бога и церкви, орудіями дьявола и посланниками антихриста. Венцеславъ пришелъ въ величайшую ярость, когда его первые сановники явились къ нему въ Беттлернъ, гдѣ онъ тогда находился, съ жалобами на своеволіе архіепископа. Императоръ немедленно явился въ Прагу и потребовалъ его къ себѣ. Но архіепископъ успѣлъ уже скрыться изъ города вмѣстѣ съ двумя названными членами консисторіи. Венцеславъ послалъ ему вслѣдъ записку слѣдующаго содержанія: «Возврати мнѣ Раудницъ и другіе замки, и убирайся изъ моей Богеміи; а если ты затѣешь что-нибудь противъ меня и моихъ приближенныхъ, то я покончу съ тобою тѣмъ, что велю тебя утопить. Пріѣзжай въ Прагу!» Изъ этого страннаго посланія ясно видно, что Венцеславъ былъ больше всего озлобленъ на архіепископа изъ-за коронныхъ имѣній. Едва архіепископъ вернулся въ Прагу, какъ Венцеславъ велѣлъ заключить въ тюрьму консисторіальнаго судью, его викарія и другихъ членовъ духовенства; архіепископъ успѣлъ укрыться въ своемъ укрѣпленномъ дворцѣ, охранявшемся многочисленною стражею. Съ заключенными Венцеславъ поступилъ по своему обыкновенію. Грозя утопить членовъ консисторіи и прибивъ собственноручно одного изъ канониковъ, онъ потребовалъ, чтобы они подписали бумагу, въ которой признали бы надъ собою власть императора и отреклись отъ архіепископа. Но изъ нихъ только двое согласились на это требованіе; Пухникъ и Помукъ съ твердостью отказались подписать этотъ актъ, не смотря на то, что ихъ предали пыткѣ и Венцеславъ самъ вырвалъ у палача факелъ, чтобы сжечь ихъ своими руками. Упорство ихъ привело императора въ бѣшенство. Онъ велѣлъ предать Пухника жестокимъ мученіямъ, а Помука связать и бросить съ моста въ Молдаву. Но вслѣдъ за тѣмъ Венцеславъ раскаялся въ своей горячности и первый протянулъ руку архіепископу, который помирился какъ съ нимъ, такъ и съ казначеемъ. Съ Гулеромъ Венцеславъ поступилъ потомъ точно такъ же, какъ съ канониками, приказавъ отрубить ему голову въ той самой ратушѣ, гдѣ мучили его противниковъ. Пухникъ былъ потомъ (1402 г.) вознагражденъ саномъ пражскаго архіепископа. Впродолженіе борьбы императора съ архіепископомъ, монахи и духовенство старались расположить къ себѣ народъ всевозможными процесіями и торжествами, т. е. тѣми самыми средствами, какими, четыреста лѣтъ спустя, французскіе демократы старались возбудить его противъ нихъ. Архіепископъ ожидалъ щедраго вознагражденія; но, ошибшись въ разсчетѣ, принялъ участіе въ тайномъ заговорѣ противъ императора. Это повело къ возобновленію вражды, однако Венцеславъ удержалъ за собой свои державныя права. Архіепископъ отправился въ Римъ, но Бонифацій IX не принялъ участія въ его судьбѣ, не желая брать на себя, относительно Венцеслава, роли Григорія VII или Иннокентія III. Наконецъ, въ 1396 г. братъ Венцеслава, Іоаннъ Гёрлицкій, вѣрный помощникъ императора, убѣдилъ архіепископа добровольно отказаться отъ эпархіи.

Какъ ни опасна была для Венцеслава борьба съ архіепископомъ, но еще опаснѣе были для него козни его брата Сигизмунда и двоюродныхъ братьевъ, Іобста и Прокопія, которые заплатили ему черною неблагодарностью за все добро, которое онъ сдѣлалъ имъ въ продолженіе своего царствованія. Они менѣе всѣхъ имѣли право жаловаться на него, потому что, если и не были достойны порицанія въ частной жизни, но за то управляли ввѣренными имъ провинціями хуже Венцеслава. Правда, они не были пьяницами, какъ онъ, но за то были развратны, въ чемъ несправедливо было бы упрекать Венцеслава. Сигизмундъ былъ, какъ сказано выше (стр. 427), помолвленъ на Маріи, наслѣдницѣ венгерской короны. Вскорѣ послѣ насильственной смерти венгерскаго антикороля, Карла III

Неаполитанскаго, грубые магнаты, подъ предводительствомъ фамиліи Хорвати, удушили мать Маріи, а самую ее заключили въ темницу. Сигизмундъ освободилъ невѣсту, съ помощью Венцеслава (1387 г.), и, обвѣнчавшись съ нею, пріобрѣлъ, наконецъ, венгерскій престолъ. Но это не увеличило его значенія, а, напротивъ, поставило его въ еще болѣе затруднительное положеніе, такъ какъ онъ уже успѣлъ заложить наслѣдственныя владѣнія, а съ Венгріи не могъ ни собирать податей, ни разсчитывать на вѣрность магнатовъ. Отношенія Сигизмунда къ Венгріи, вовлекшія его во множество распрей, были особенно пагубны для бранденбургскаго маркграфства. При Карлѣ IV, эта страна наслаждалась нѣкоторое время миромъ и спокойствіемъ, но при Сигизмундѣ въ ней снова возникли безпорядки и волненія. Борясь со всевозможными затрудненіями въ Бранденбургѣ и Венгріи и, въ то же время, замѣшанный въ польскія дѣла, Сигизмундъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Въ 1388 г. онъ былъ вынужденъ заложить бранденбургское маркграфство двоюроднымъ братьямъ Іобсту и Прокопію Моравскимъ. Въ союзѣ съ Іобстомъ, который ссудилъ ему наибольшую сумму денегъ, Сигизмундъ старался потомъ извлечь для себя выгоды изъ затруднительнаго положенія Венцеслава. За то двое другихъ ближайшихъ родственниковъ императора, Іоаннъ Гёрлицкій и Прокопій, постоянно держали его сторону. Іобстъ вступилъ въ явныя сношенія съ недовольными чешскими феодалами, которыхъ Сигизмундъ втайнѣ поддерживалъ, а въ 1390 г. оба они заключили весьма подозрительный договоръ съ герцогомъ австрійскимъ Альбрехтомъ III, врагомъ Венцеслава. Наконецъ, въ 1393 г., означенный договоръ былъ обращенъ въ оборонительный и наступательный союзъ, также направленный противъ императора. Въ связи съ этимъ союзомъ и происками Іобста находилось сдѣланное многими изъ чешскихъ феодаловъ покушеніе на жизнь императора.

Нѣкоторые изъ феодаловъ составили планъ тайно овладѣть императоромъ и держать его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратитъ отнятыхъ у нихъ помѣстій и не сдѣлаетъ всевозможныхъ уступокъ въ пользу своего двоюроднаго брата Іобста. Они исполнили это въ маѣ 1394 г., подъ личнымъ руководствомъ самого Іобста. Напавъ дорогою на Венцеслава, они взяли его въ плѣнъ и отвезли въ пражскій замокъ. Венцеславъ въ продолженіе двадцати шести дней не соглашался на безстыдныя требованія двоюроднаго брата и феодаловъ; но тщетно ожидалъ онъ помощи: плѣнъ его сохраняли въ такой глубокой тайнѣ, что даже жители Праги ничего не знали о немъ, и потому ни преданные ему города, ни братъ его Іоаннъ не спѣшили къ нему на выручку. Онъ былъ, наконецъ, вынужденъ уступить врагамъ и издать манифестъ, которымъ возвратилъ феодаламъ отнятыя у нихъ земли и назначилъ Іобста намѣстникомъ Богеміи, или, другими словами, своимъ опекуномъ. Онъ долженъ былъ объявить, что дѣлаетъ эти вынужденныя уступки добровольно, но, разумѣется, и послѣ того не былъ освобожденъ изъ заключенія. Вѣсть о случившемся въ Прагѣ дошла наконецъ до его брата Іоанна, который немедленно поспѣшилъ на помощь съ небольшимъ отрядомъ войска. Онъ имѣлъ и личныя побужденія дѣйствовать такимъ образомъ: послѣ отреченія Сигизмунда Венцеславъ назначилъ его наслѣдникомъ чешскаго престола, и потому заговоръ противъ императора грозилъ личнымъ интересамъ Іоанна. Но онъ опоздалъ съ своею помощью: узнавъ о его приближеніи, заговорщики перевезли плѣнника въ австрійскія владѣнія. Между тѣмъ вся Богемія пришла въ волненіе; жители Праги провозгласили намѣстникомъ Іоанна; Прокопій также приближался съ войскомъ на помощь къ Венцеславу и германскіе князья, оскорбленные въ особѣ императора, прислали въ Богемію, для освобожденія его, сына Рупрехта II Пфальцскаго. Все это такъ напугало чешскихъ феодаловъ и австрійскаго герцога, что они послѣ трехмѣсячнаго заключенія освободили наконецъ Венцеслава.

Этотъ плѣнъ до того поколебалъ значеніе императора, что онъ уже былъ потомъ не въ силахъ попрежнему творить строгій судъ, охранять безопасность большихъ дорогъ и обуздывать дерзость духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ; но съ упадкомъ законной власти строгость и жестокость его возрасла еще болѣе. Получивъ свободу, онъ малодушно и жестоко отмстилъ бургомистру и нѣкоторымъ изъ совѣтниковъ старой Праги, знавшимъ по всѣмъ вѣроятіямъ о его плѣнѣ болѣе, чѣмъ они показывали. Венцеславъ призвалъ ихъ въ свой замокъ

и безъ всякаго суда велѣлъ отрубить имъ головы. Тѣмъ же самымъ грозилъ онъ и чешскимъ феодаламъ, такъ что черезъ мѣсяцъ послѣ казни членовъ пражскаго совѣта они снова заключили союзъ съ Іобстомъ и Альбрехтомъ Австрійскимъ. Венцеславъ былъ вынужденъ подчиниться унизительнымъ для него условіямъ и даже дозволить Сигизмунду, по всѣмъ вѣроятіямъ тайному союзнику заговорщиковъ, пріѣхать въ Богемію. По смерти другаго брата, Іоанна, Венцеславъ назначилъ его своимъ наслѣдникомъ (1396 г.). Буйный Іобстъ, на нѣкоторое время заключенный императоромъ въ темницу за разбои, получилъ не только герцогство люксембургское, наслѣдственное владѣніе богемской династіи, но и намѣстничество Эльзаса, принадлежавшаго къ имперіи. Хуже всего было то, что онъ далъ поводъ германскимъ князьямъ, давно уже тяготившимся его призрачною властью, обвинить его въ нарушеніи законовъ имперіи и, опираясь на основной законъ, изданный его отцомъ, потребовать его къ суду. Венцеславъ, сдѣлавшій изверга и разбойника намѣстникомъ Эльзаса, продалъ въ то же время ненавистному миланскому тирану, Іоанну Галеаццо, званіе первостепеннаго имперскаго князя, не спрашивая на это разрѣшенія имперскихъ сословій. Этотъ поступокъ и послѣдовавшее чрезъ нѣсколько лѣтъ отреченіе Венцеслава находятся въ тѣсной связи съ исторіею Италіи и папъ.

6. Италія и папы отъ смерти Урбана VI до учрежденія миланскаго герцогства.

Въ дѣлахъ Италіи и раскола церкви, Венцеславъ, руководимый благоразумными совѣтниками, слѣдовалъ политикѣ, которую современные дипломаты считаютъ высочайшею мудростью, но которая въ тѣ времена была порицаема всѣми: она состояла въ томъ, чтобы ничѣмъ не рисковать, ничего не рѣшать и извлекать изъ запутанныхъ обстоятельствъ возможно большую для себя выгоду. Урбанъ VI нѣсколько разъ убѣждалъ его предпринять походъ въ Римъ, но Венцеславъ постоянно извинялся недостаткомъ въ деньгахъ; когда же папа разрѣшилъ ему установить для этой цѣли чрезвычайный налогъ на богатое чешское духовенство, Венцеславъ хотя и не упустилъ этого случая, но все-таки не отправился въ Италію. Точно также поступалъ онъ и съ итальянскими государствами, которыя обращались къ нему за помощью. Когда, напримѣръ, послѣдній делла Скала просилъ его покровительства (стр. 441), Венцеславъ хотя и послалъ въ Италію уполномоченнаго, но въ то же время остался въ лучшихъ отношеніяхъ съ миланскимъ тираномъ, а его уполномоченный, взявъ деньги съ гонителя и гонимаго, бросилъ послѣдняго на жертву первому. Потомъ, когда по смерти Урбана итальянскіе кардиналы поспѣшно избрали новаго энергическаго папу (стр. 439), Венцеславъ совершенно отстранялся отъ вмѣшательства въ итальянскія и церковныя дѣла, хотя отъ него, какъ отъ римскаго короля, вся Европа ожидала дѣятельнаго участія въ нихъ.

Преемнику Урбана, Бонифацію, было сорокъ пять лѣтъ, а по другимъ показаніямъ, всего тридцать четыре года; это былъ человѣкъ высокій ростомъ, осанистый, сильный, дѣятельный и опытный политикъ. Религія и нравственность не сходили у него съ языка, но въ душѣ онъ придавалъ гораздо болѣе значенія оружію и деньгамъ, которыми вѣрнѣе всего можно было проложить себѣ дорогу въ жизни. Пользуясь всеобщимъ вѣрованіемъ, что папа намѣстникъ Христа, Бонифацій собиралъ деньги и нанималъ солдатъ для того, чтобы войною и кровопролитіемъ возстановить въ Италіи пагубное господство духовенства. Онъ торговалъ церковными мѣстами и доходами, приговорами въ процессахъ, подлежавшихъ рѣшенію папы, разрѣшеніями и индульгенціями и прибѣгалъ въ этомъ случаѣ къ весьма нечистымъ продѣлкамъ, которыя показались бы невѣроятными, безъ положительныхъ фактовъ, приводимыхъ современникомъ и очевидцемъ, Дитрихомъ фонъ Нимомъ. Напримѣръ, онъ отъ шести до восьми разъ отдавалъ различнымъ лицамъ одно и то же мѣсто, или одинъ и тотъ же приходъ. Впрочемъ, Бонифацій могъ поступать такимъ образомъ потому, что въ то время вся сила духовенства и прочность его огромнаго богатства опирались на папу. Вся Европа

была раздражена противъ духовенства, потому что въ его руки перешли самыя доходныя имѣнія и отъ четвертой до восьмой части всей національной собственности. Съ войсками, нанятыми на деньги христіанъ, Бонифацію удалось снова подчинить своей власти большую часть Церковной области.

Участь свѣтскихъ государствъ Италіи находилась въ рукахъ кондоттьеровъ. Значеніе какого нибудь Альберика да Барбіано, Гауквуда и другихъ, почти равнялось значенію самихъ тирановъ, вся сила которыхъ опиралась на наемныя войска. Правители этихъ государствъ, выставлявшіе другъ противъ друга шайки хищниковъ, не отступали ни предъ какою измѣною, ложью и злодѣйствомъ, когда дѣло шло о достиженіи ихъ политической цѣли. Софистика, называемая нынѣ дипломатическою или государственною мудростью, оправдывала всякое преступленіе, когда дѣло шло о выгодѣ; нравственное чувство совершенно исчезло и слово «религія» служило только орудіемъ свѣтскаго и церковнаго деспотизма. Въ Мантуѣ, напримѣръ, Франческо Гонзага казнилъ, какъ будто изъ ревности, но въ дѣйствительности изъ политическихъ видовъ, свою жену, дочь Варнавы Висконти, а публицисты Іоанна Галеаццо нашли въ этомъ поводъ къ войнѣ съ Мантуею, забывая, что властелинъ ихъ умертвилъ самого Варнаву и двухъ его сыновей. Политика же заставила и Франческо Новелло оставить престарѣлаго отца до самой смерти въ рукахъ миланскаго тирана, потому что Іоаннъ Галеаццо черезъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Падуи къ каррарскому дому (стр. 444) согласился заключить съ нимъ миръ на этомъ условіи. Владѣтель Пизы, Гамбакорта, былъ низвергнутъ своимъ другомъ Джакопо Аппіано, котораго онъ осыпалъ благодѣяніями, а союзникъ его Іоаннъ Галеаццо оказалъ помощь Аппіано, разсчитывая управлять Пизою его именемъ.

Вырвавъ власть у своего дяди, Іоаннъ Галеаццо заперся, какъ въ тюрьмѣ, въ своемъ миланскомъ дворцѣ, руководя всѣми предпріятіями и превосходя политическимъ вѣроломствомъ всѣхъ своихъ враговъ. Полководецъ его Джакопо да Верме не уступалъ въ военномъ искусствѣ ни одному изъ кондоттьеровъ, служившихъ подъ непріятельскими знаменами. Флорентинцы отпустили домой Стефана Баварскаго (стр. 443), съ которымъ плохо ладили, и снова приняли на службу Гауквуда. Вскорѣ они выставили противъ да Верме еще одного знаменитаго вождя англійскихъ, гасконскихъ и французскихъ авантюристовъ, призваннаго ими въ Италію. Это былъ графъ Іоаннъ III д'Арманьякъ, зять герцога беррійскаго, одного изъ дядей французскаго короля Карла VI. Арманьякъ пользовался блистательной репутаціей у французскихъ наемныхъ дружинъ, которыми онъ предводительствовалъ во Франціи и Кастиліи; поэтому, когда флорентинцы пригласили его къ себѣ за большія деньги, ему было очень легко собрать значительное войско. Къ тому же онъ имѣлъ личныя побужденія отвѣтить на ихъ зовъ. Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ сыновей Варнавы (стр. 441), Карлъ Висконти, былъ женатъ на дочери Іоанна д'Арманьяка, а одна изъ сестеръ Варнавы была замужемъ за братомъ Іоанна, Бернаромъ. Вѣроятно, и французскій папа Климентъ VII благопріятствовалъ походу графа д'Арманьяка, предвидя, въ какое затрудненіе поставитъ его противника, Бонифація, появленіе въ Италіи многочисленнаго войска подъ предводительствомъ одного изъ приверженцевъ французскаго папы. Но надежда его весьма скоро рушилась, точно такъ же, какъ и надежды флорентинцевъ. Полководцы Іоанна Галеаццо съумѣли задержать графа д'Арманьяка, вступившаго въ Италію съ семью тысячами человѣкъ войска, и помѣшали такимъ образомъ его соединенію съ другимъ флорентинскимъ кондоттьеромъ, Гауквудомъ; потомъ миланцы, обманувъ графа притворнымъ бѣгствомъ, заманили его къ Александріи, въ стѣнахъ которой ожидало его непріятельское войско. Здѣсь погибъ цвѣтъ французскихъ дружинъ, а самъ Арманьякъ, тяжело раненый, попался въ плѣнъ и вскорѣ умеръ; остатки его войска были разсѣяны и преслѣдуемы да Верме, который всѣхъ ихъ перебилъ или взялъ въ плѣнъ. Это поставило флорентинцевъ въ весьма опасное положеніе. Единственною опорою ихъ остался Гауквудъ, спасшій мастерскимъ отступленіемъ свое войско; Пиза и Сіена находились уже въ рукахъ Іоанна Галеаццо и въ самой Тосканѣ стояло болѣе двадцати тысячъ миланскаго войска. Къ счастью, Іоаннъ, угрожаемый съ тыла Падуею, Мантуею и Феррарою, не могъ сосредоточить всѣхъ своихъ силъ по ту сторону Апенниновъ и только отрѣзалъ подвозъ къ Флоренціи

товаровъ и припасовъ.Но такой способъ войны былъ слишкомъ невыгоденъ для него самого; онъ желалъ прекратить ее продолжительнымъ перемиріемъ, которое было заключено на тридцать пять лѣтъ, въ январѣ 1392 г., и доставило миланскому тирану возможность, безъ ущерба для своего могущества, уволить изъ своей службы нѣсколько тысячъ человѣкъ пѣхоты и около восьми тысячъ конницы: орды бросились на Тоскану и Церковную область, оставаясь во всякое время подъ рукою у Галеаццо.

Спустя мѣсяца два по заключеніи этого перемирія, всѣ итальянскія государства составили между собою союзъ противъ опасности, грозившей имъ со стороны Милана. Такимъ образомъ едва кончилась всеобщая война въ средней и верхней Италіи, какъ готовилась новая, возгорѣвшаяся въ слѣдующемъ году. Іоаннъ Галеаццо не допустилъ напасть на себя врасплохъ; разсчитывая на поддержку Франціи, онъ вступилъ съ ней въ переговоры и выкупилъ изъ неаполитанскаго плѣна Альберика да Барбіано, чтобы воспользоваться его услугами. Флорентинцы, между тѣмъ, лишились Гауквуда, умершаго въ 1394 г. Въ то же время умеръ единственный честный человѣкъ изъ числа тогдашнихъ итальянскихъ князей, маркграфъ Альбертъ д'Эсте, владѣвшій Феррарой, Ровиго, Комаккіо и Моденой. Онъ оставилъ послѣ себя побочнаго сына, Николая, съ матерью котораго обвѣнчался передъ самою смертью, чтобы дать сыну право наслѣдства. Альбертъ уже заранѣе выхлопоталъ признаніе за нимъ правъ законнаго сына у императора Венцеслава и папы Бонифація, отъ которыхъ зависѣло въ то время узаконеніе браковъ и дѣтей владѣтельныхъ лицъ. Для того, чтобы имѣть возможность ловить рыбу въ мутной водѣ, Іоаннъ Галеаццо противопоставилъ этому девятилѣтнему наслѣднику Феррары другаго претендента, подстрекнувъ Аццо, сына одного изгнаннаго изъ Феррары законнаго потомка фамиліи Эсте, объявить притязанія на наслѣдіе Альберта, и поручилъ одному изъ своихъ кондоттьеровъ втайнѣ поддерживать этого претендента. Но составившійся противъ Іоанна союзъ, къ которому принадлежалъ и Альбертъ, принялъ подъ свою защиту права его малолѣтняго наслѣдника.

Воспользовавшись временемъ, когда всѣ верхнеитальянскія государства были заняты борьбою за Феррару, Іоаннъ Галеаццо вступилъ въ переговоры съ императоромъ Венцеславомъ, чтобы при его содѣйствіи обратить въ наслѣдственное княженіе власть фамиліи Висконти въ верхней Италіи, имѣвшую до той поры только значеніе имперскаго намѣстничества, и причислить это новое княжество къ первостепеннымъ ленамъ германской имперіи. Галеаццо хорошо зналъ, что Венцеславъ, тѣснимый своими чехами, распоряжался имперскими правами и владѣніями точно такъ же, какъ папа Бонифацій — церковными; онъ зналъ еще, что послѣ своего освобожденія Венцеславъ терпѣлъ крайнюю нужду въ деньгахъ. Миланскій тиранъ повелъ дѣло такъ искусно, что императоръ не только отказалъ флорентинцамъ, намѣревавшимся купить у него декретъ противъ своего врага, но даровалъ ему за сто тысячъ золотыхъ флориновъ герцогскій титулъ (1395 г.). Въ слѣдующемъ же году Венцеславъ торжественною граматою утвердилъ человѣка, умертвившаго своихъ ближайшихъ родственниковъ, имперскимъ княземъ и законнымъ государемъ страны, пріобрѣтенной имъ насиліемъ и убійствомъ. Въ оправданіе императора говорятъ, что Миланъ, не смотря на эту грамату, остался въ составѣ германской имперіи; но уже одни блистательныя празднества, которыми Галеаццо ознаменовалъ свое возвышеніе, свидѣтельствуютъ, что онъ смотрѣлъ на эту грамату точно такъ же, какъ смотрѣли индійскіе набобы и англичане на граматы монгольскихъ властителей Индіи. Впрочемъ дѣло было не въ пустомъ герцогскомъ титулѣ, а въ томъ, что Галеаццо и его потомство были признаны законною династіею и причислены къ первостепеннымъ германскимъ князьямъ, какъ нѣкогда гвельфскій домъ, для котораго Фридрихъ II, чтобы покончить долголѣтнюю борьбу его съ Гогенштауфенами, образовалъ имперскій ленъ изъ Брауншвейга и Люнебурга (стр. 126). Но между обоими этими случаями есть значительная разница: императоръ Фридрихъ спросилъ предварительно согласія у имперіи; Венцеславъ же не сдѣлалъ этого и она имѣла полное право вмѣнить ему этотъ произволъ въ преступленіе. Имперія не могла позволить императору произвольно распоряжаться для своихъ личныхъ выгодъ національными правами и привилегіями, о которыхъ онъ, въ другихъ случаяхъ, никогда не заботился. Конечно, Венцеславъ не нарушилъ выгодъ имперіи, потому что наложилъ на

новыхъ имперскихъ князей такія же обязательства, какія лежали и на прежнихъ, но онъ нарушилъ права націи, преступилъ свою присягу и своею граматою призналъ законными грабежъ, измѣну, убійство и обманъ. Люди, оправдывающіе его тѣмъ, что онъ продалъ только часть того, что уже давно было потеряно для имперіи, забываютъ, что честь государей, представителей великой націи никогда не должна быть товаромъ, иначе нація утратитъ свое нравственное достоинство. Но какъ бы то ни было, а Іоаннъ Галеаццо отпраздновалъ блистательнымъ образомъ свое вступленіе въ число имперскихъ князей и придалъ своему герцогскому титулу въ глазахъ Европы значеніе королевскаго достоинства.

7. Германія, Венгрія, Италія и римская церковь въ концѣ царствованія Венцеслава.

Германія, въ которой снова начались разбои и войны, давно уже призывала къ себѣ императора, или по крайней мѣрѣ его намѣстника, облеченнаго властью, достаточною для возстановленія порядка. Венцеславъ назначилъ въ 1396 г. намѣстникомъ своего брата Сигизмунда. Но эта мѣра принесла мало пользы нѣмцамъ и даже имѣла видъ насмѣшки, потому что Сигизмундъ былъ занятъ въ ту пору своими венгерскими дѣлами.

Сигизмундъ запятналъ начало своего царствованія въ Венгріи безчеловѣчною казнью преслѣдователя его жены и убійцы его свекрови. Подстрекаемый мстительною Маріею, онъ велѣлъ привязать Іоанна Хорвати, главу враждебной ему партіи, къ лошадиному хвосту и протащить по улицамъ Фюнфкирхена, потомъ щипать его каленными щипцами и четвертовать. Обстоятельства, среди которыхъ Сигизмундъ вступилъ на венгерскій престолъ, были бы не подъ силу даже энергическому и способному человѣку; финансы его, уже и безъ того недостаточные, были окончательно истощены, когда онъ пришелъ, въ 1391 г., въ непосредственныя столкновенія съ турками. Турки впервые появились въ Венгріи при Сигизмундѣ и начали съ нею безконечную войну, длившуюся цѣлыя столѣтія. Способъ, какимъ началъ ее Сигизмундъ, былъ для венгровъ весьма плохимъ предзнаменованіемъ. Турки, подъ предводительствомъ султана Мурада I, который первый перенесъ свою резиденцію въ Европу, напали, въ 1389 г., на соединенныя силы сербовъ, босняковъ, болгаръ, валаховъ и албанцевъ, и разбили ихъ на голову при Коссовѣ, въ Сербіи. Въ этой битвѣ съ обѣихъ сторонъ пали знаменитые герои: храбрый, сербскій князь Лазарь былъ убитъ въ битвѣ, или взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ въ отмщеніе за убитаго султана; смерть Мурада описывается различно: одни говорятъ, что онъ былъ убитъ еще до окончанія битвы однимъ раненымъ сербомъ, а другіе, что этотъ сербъ умертвилъ его, явившись къ нему подъ видомъ перебѣжчика. Мураду наслѣдовалъ Баезидъ I. При этомъ султанѣ, у турокъ произошло первое непосредственное столкновеніе съ Венгріею. Воспользовавшись тѣмъ, что Сигизмундъ былъ занятъ съ литовцами и босняками, Баезидъ покорилъ сербовъ, болгаръ и валаховъ. Сигизмундъ отправилъ къ туркамъ посольство, чтобы выручить изъ плѣна болгарскаго царя или князя; но Баезидъ отослалъ назадъ пословъ и объявилъ войну самой Венгріи; въ 1391 г. турки ворвались въ Сирмію, но были отражены Іоанномъ Маротомъ. Въ слѣдующемъ году противъ нихъ предпринялъ походъ самъ Сигизмундъ. Онъ вступилъ съ сильнымъ войскомъ въ Болгарію и завоевалъ Малый Никополь; но, узнавъ о приближеніи турецкаго войска, позорно бѣжалъ и вернулся въ Венгрію. Когда Баезидъ, окончательно покоривъ болгаръ, сталъ тревожить Боснію и западныя провинціи Венгріи, Сигизмундъ обратился ко всему христіанскому міру съ просьбами помочь ему устроить крестовый походъ противъ турокъ для спасенія Венгріи и Босніи и защиты христіанской вѣры и освобожденія византійскаго императора, сохранявшаго одну тѣнь власти и почти постоянно осаждаемаго турками въ Константинополѣ. Но въ 1395 г. умерла жена Сигизмунда, и ему пришлось позаботиться прежде всего о сохраненіи за собой Венгріи, которую оспаривалъ у него зять его, король польскій, и усмирять феодаловъ, возставшихъ на югѣ королевства. По окончаніи этихъ дѣлъ, онъ былъ вызванъ въ Богемію Венцесла-

вомъ, который, какъ мы уже видѣли, рѣшился назначить его имперскимъ намѣстникомъ въ Германію; денежныя средства Сигизмунда были тогда такъ скудны, что братъ долженъ былъ самъ выслать ему деньги на путешествіе изъ Венгріи въ Богемію и обратно.

Въ Венгрію, между тѣмъ, съѣхалось изъ Франціи и южной Германіи множество храбрыхъ рыцарей, князей и бароновъ, желавшихъ отправиться, подъ начальствомъ Сигизмунда, заглаживать свои грѣхи войною съ невѣрными. Французское войско состояло изъ шести тысячъ пѣшихъ и конныхъ наемниковъ и двухъ тысячъ рыцарей; въ числѣ ихъ находился молодой сынъ герцога Филиппа Бургундскаго, Іоаннъ Неверскій, многіе другіе члены королевской фамиліи, маршалъ де Бусико, графъ д'Э, коннетабль Франціи, гроссмейстеръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго Филиппъ де Нальякъ, съ пятью стами рыцарей, адмиралъ Жанъ де Віеннъ и знаменитый Ангеранъ де Куси, участвовавшій во всѣхъ рыцарскихъ походахъ своихъ соотечественниковъ. Въ числѣ нѣмцевъ, принявшихъ участіе въ этомъ походѣ, называютъ, какъ наиболѣе замѣчательныхъ, великаго пріора тевтонскаго ордена, Фридриха фонъ Гогенцоллерна, графа фонъ Мюмпельгарда, бургграфа нюрнбергскаго, графа Германа фонъ Цилли, предводителя штирійскаго рыцарства, и сына пфальцграфа Рупрехта III. Къ этому войску, не знавшему ни дисциплины, ни порядка и неимѣвшему одного общаго вождя, присоединилось множество венгровъ, босняковъ и всякаго сброда. Въ цѣломъ, все это походило скорѣе на какую нибудь странствующую орду эпохи переселенія народовъ, чѣмъ на правильно организованное военное предпріятіе. Читая описаніе этого похода, думаешь, что дѣло идетъ о первомъ крестовомъ походѣ; къ тому же Сигизмундъ не болѣе Петра Пустынника, или Вальтера Голяка годился въ предводители этого разноплеменнаго войска (т. II, стр. 656 и 658). Но переходъ его черезъ Дунай имѣлъ, по крайней мѣрѣ, одинъ результатъ: Константинополь былъ освобожденъ. Баезидъ счелъ благоразумнымъ стянуть къ себѣ войска, расположенныя вокругъ Константинополя, и сосредоточить ихъ въ Адріанополѣ. Христіане безъ сопротивленія проникли въ Валахію и осадили Большой Никополь на Дунаѣ, прежде чѣмъ турецкія войска успѣли дойти отъ Адріанополя до Дуная. Однако турки вскорѣ подоспѣли на помощь осажденному городу, и 28 сентября 1396 г. при Никополѣ произошла рѣшительная битва. Силы обѣихъ сторонъ были почти равны, такъ какъ показываемое число (200,000) турецкихъ войскъ и другихъ присоединившихся къ нимъ племенъ, вѣроятно, сильно преувеличено; обѣ стороны вели за собою толпу ни къ чему негоднаго сброда. Но туркамъ не грозила та опасность со стороны ихъ собственнаго войска, какъ христіанамъ, которыхъ съ самаго начала погубила необузданная запальчивость французскаго и нѣмецкаго рыцарства, знакомаго менѣе венгровъ съ турецкимъ способомъ веденія войны; къ тому же христіане расположили свои войска, не принявъ въ соображеніе особенныхъ свойствъ своихъ собственныхъ и непріятельскихъ солдатъ. Французское рыцарство, составлявшее авангардъ, пріобрѣло, съ самаго начала, рѣшительный перевѣсъ, чего и слѣдовало ожидать при его искусствѣ и вооруженіи; но успѣхъ увлекъ его до опрометчивости, а Сигизмундъ, при всей своей личной храбрости, не былъ способенъ предупредить или исправить ошибку. Поэтому исходъ сраженія былъ весьма неблагопріятенъ для христіанъ. Войско ихъ было перебито или взято въ плѣнъ, во время битвы, или тогда, когда оно обратилось въ бѣгство, преслѣдуемое легко вооруженными и неумолимыми врагами. Остатку христіанскаго войска нечего было и думать спасаться сухимъ путемъ, тѣмъ болѣе, что венгерскій мятежникъ Стефанъ Лацковичъ и валахскій воевода, со своимъ отрядомъ, передались туркамъ. Въ числѣ немногихъ спасшихся на судахъ внизъ по Дунаю былъ и Сигизмундъ. Ему попались, при устьяхъ Дуная, венеціанскія галеры, которыя съ большою опасностью привезли его въ Рагузу. Турки между тѣмъ опустошили часть Венгріи, въ которой Лацковичъ и другіе измѣнники, въ соединеніи съ приверженцами Карла III, произвели возстаніе и замышляли взять въ плѣнъ возвращавшагося Сигизмунда. Съ величайшимъ трудомъ и опасностями удалось венгерскому королю добраться изъ Далмаціи до Буды, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, борясь съ волненіями, раздиравшими страну, и только усиливая ихъ своею жестокостью. Главная причина этихъ волненій заключалась въ его собственномъ легкомысліи и расточительности. Это помѣшало ему принять, по волѣ

императора, намѣстничество Германіи, и нѣмцы должны были, наконецъ, взяться за дѣло сами и избавиться отъ государя, управлявшаго имп чрезъ посредство своей канцеляріи.

Пока Сигизмундъ былъ занятъ съ турками и венграми, Венцеславъ продолжалъ ронять себя въ общественномъ мнѣніи своею варварскою методою творить судъ и расправу; вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, онъ, подобно брату, велъ безстыдный торгъ граматами и привилегіями. Правда, Венцеславъ былъ нравственнѣе, образованнѣе и способнѣе Сигизмунда, но за то не такъ дѣятеленъ и энергиченъ, какъ тотъ, и къ тому же горькій пьяница. Послѣ своего освобожденія, Венцеславъ не умѣлъ поладить ни съ недовольнымъ чешскимъ войскомъ, ни съ безпокойнымъ маркграфомъ Іобстомъ; неспособный ни къ полнымъ уступкамъ, ни къ принятію рѣшительныхъ мѣръ для утвержденія своей власти, онъ только бросался изъ одной крайности въ другую. Въ первые два года императоръ расправлялся со своими врагами по методѣ турокъ, для которыхъ произволъ государя составляетъ законъ. Это было совершенно основательно поставлено ему въ вину нѣмецкими князьями, послѣ его низложенія, потому что своими дѣйствіями онъ нарушалъ основной политическій принципъ германскихъ народовъ, что законъ выше воли государя и народа и устанавливается съ взаимнаго согласія того и другаго. Въ началѣ 1396 г. Венцеславъ разъѣзжалъ въ сопровожденіи палача по улицамъ Праги и приказывалъ казнить на порогѣ ихъ собственныхъ домовъ всѣхъ, кого по дошедшимъ до него поверхностнымъ свѣдѣніямъ считалъ за участниковъ въ послѣднемъ мятежѣ. Но въ слѣдующемъ же году противъ него составился новый заговоръ, и Венцеславъ съ большимъ трудомъ избѣжалъ новыхъ униженій и плѣна. Послѣ этого, поддерживаемый Прокопіемъ, онъ втайнѣ принялъ свои мѣры, чтобы избавиться отъ четырехъ мнимыхъ виновниковъ этого заговора, не имѣя возможности примѣнить въ этомъ случаѣ обыкновенныхъ уголовныхъ законовъ. Орудіями въ этомъ дѣлѣ, которое въ Турціи было бы возложено на нѣмыхъ рабовъ, послужили ему одинъ нѣмецкій князь и нѣсколько чешскихъ вельможъ. Императоръ созвалъ въ Карльштейнъ совѣтъ чешскихъ феодаловъ, въ числѣ которыхъ находились и четверо заподозрѣнныхъ. Въ этомъ совѣтѣ былъ предложенъ вопросъ о поѣздкѣ Венцеслава въ Германію. Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній, герцогъ Іоаннъ Троппаускій удалился съ тремя благомыслящими членами совѣта въ смежную комнату, куда были позваны и четверо осужденныхъ. При входѣ ихъ, герцогъ обвинилъ ихъ въ томъ, что они постоянно удерживаютъ императора отъ поѣздки въ Германію, вслѣдствіе чего онъ рискуетъ потерять имперію, и, обнаживъ съ этими словами мечъ, собственноручно закололъ одного изъ заподозрѣнныхъ. Остальные пали подъ ударами сопровождавшихъ Іоанна чеховъ. Послѣ этой ужасной сцены, Венцеславъ велѣлъ своему двоюродному брату Іобсту, повидимому главному зачинщику заговора, оставить Прагу и уѣхать въ Моравію. Въ оправданіе этой безчеловѣчной расправы, Прокопій издалъ, отъ имени императора, манифестъ ко всѣмъ имперскимъ князьямъ, вассаламъ и городамъ. Въ награду за содѣйствіе, онъ получилъ на время отлучки Венцеслава въ Германію титулъ вице-короля Богеміи; Іоаннъ Троппаускій также не остался съ пустыми руками.

Всѣ эти жестокости возбудили въ Богеміи ненависть къ Венцеславу, заставивъ и Германію стыдиться своего императора. Въ первые два года послѣ своего освобожденія Венцеславъ еще болѣе раздражилъ нѣмцевъ нарушеніемъ общественныхъ правъ, посягательствомъ на частную собственность и оставленіемъ безъ вниманія настоятельныхъ просьбъ германскихъ князей о созваніи законодательнаго собранія и водвореніи новаго земскаго мира. Императоръ, или вѣрнѣе его канцелярія сыпала дипломами, не сносясь съ германскими князьями; отъ императора можно было даже получать бланки, то есть дипломы, на которыхъ находились только печать и подпись императора, готовыя утвердить все, чего захочетъ владѣтель бланка. Впрочемъ, утверждая послѣднее, мы полагаемся только на слова нѣмецкихъ князей, потому что, разумѣется, этого невозможно провѣрить, если грамата уже однажды наполнена. Во всякомъ случаѣ, упорство, съ какимъ Венцеславъ медлилъ поѣздкой въ Германію, гдѣ присутствіе его было необходимо для возстановленія мира, можетъ быть вполнѣ справедливо названо нарушеніемъ его долга въ отношеніи къ странѣ, гдѣ дѣйствія государя подлежали контролю

князей-избирателей. Наконецъ осенью 1397 г. Венцеславъ внялъ зову нѣмецкихъ князей.

Императора призывали въ Германію не только для того, чтобы возстановить законнымъ порядкомъ окончившійся уже земскій миръ, но въ особенности потому, что во Франціи, Англіи, Кастиліи и Наваррѣ былъ поднятъ вопросъ о церковномъ расколѣ, и Германія была приглашена содѣйствовать возстановленію единства въ церкви. Парижскій университетъ и въ особенности трое изъ его членовъ, ученый и энергическій канцлеръ Жерсонъ, и прославившіеся своими познаніями и способностями, а еще болѣе защитою католицизма противъ папства, богословы Николай де Клеманжи и Петръ д'Алльи представили въ 1394 г. французскому королю Карлу VI свои соображенія относительно положенія церкви и внушили ему намѣреніе принудить къ отреченію двухъ соперничествовавшихъ папъ, Климента VII и Бонифація IX, а кардиналовъ ихъ убѣдить избрать сообща новаго главу церкви. Съ этою цѣлью французскій король вступилъ въ переговоры съ Климентомъ VII; но тотъ послалъ въ Парижъ искуснаго каноника Петра де Луну, который снова привлекъ короля на сторону Климента. Тогда университетъ отправилъ свое мнѣніе въ Авиньонъ, подкрѣпивъ его двумя рѣзкими и угрожающими письмами. Вскорѣ послѣ того Климентъ VII умеръ. Внезапную смерть его обыкновенно приписываютъ впечатлѣнію, произведенному на него этими письмами, хотя Климентъ, и какъ кардиналъ Робертъ Женевскій, и какъ папа Климентъ VII, не показывалъ признаковъ подобной слабости нервовъ. Университетъ настоялъ наконецъ на томъ, что король запретилъ авиньонскимъ кардиналамъ приступать къ избранію новаго папы, но не смотря на то они избрали вернувшагося изъ Парижа Петра де Луну, который обѣщалъ университету убѣдить Климента принять поданное имъ мнѣніе. Кардиналы, хотя и подписали, передъ избраніемъ, оговорку, сообразную съ мнѣніемъ университета, но она была составлена въ самыхъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, и Петръ, сдѣлавшись папою, подъ именемъ Бенедикта XIII, сталъ давать университету уклончивые отвѣты. Въ слѣдующемъ году, когда французскій король повторилъ свои предложенія, Бенедиктъ снова отклонилъ ихъ подъ различными предлогами. Впрочемъ, какъ король съ университетомъ, такъ и оба папы были согласны въ томъ, что единственнымъ средствомъ къ уничтоженію зла, воцарившагося въ церкви, было удаленіе одного изъ папъ, потому что корень этого зла лежалъ въ личныхъ отношеніяхъ между папами и ихъ кардиналами; но дѣло останавливалось за тѣмъ, что каждый хотѣлъ примѣнить это средство по своему. Король и университетъ стояли на томъ, что оба папы должны сложить съ себя свой санъ, а кардиналы ихъ избрать всѣ вмѣстѣ новаго папу; Бенедиктъ, напротивъ, предлагалъ, чтобы обѣ стороны избрали третейскихъ судей, которые рѣшили бы, кому оставаться папою—ему, или Бонифацію; наконецъ Бонифацій требовалъ созванія вселенскаго собора. Но трое ученыхъ, говорившихъ и дѣйствовавшихъ именемъ парижскаго университета, очень хорошо понимали, что оба папы съ умысломъ предлагали для прекращенія раскола такія мѣры, которыя оставляли каждому изъ нихъ надежду избѣжать окончательнаго рѣшенія спора; поэтому они твердо держались предложеннаго ими компромисса. Французскій король созвалъ, въ Парижѣ, въ февралѣ 1395 г., національный соборъ, вполнѣ согласившійся съ университетомъ, и сообщилъ мнѣніе этого собора въ Авиньонъ, поручивъ депутаціи изъ трехъ принцевъ настоятельно убѣждать Бенедикта принять это мнѣніе. Но всѣ усилія французскаго короля были тщетны. Наконецъ рѣшено было просить содѣйствія Арагоніи, Кастиліи, Наварры и Англіи. Арагонскій король, которому Бенедиктъ былъ соотечественникомъ, подданнымъ, другомъ и дальнимъ родственникомъ, настаивалъ, подобно ему, на третейскомъ судѣ, очень хорошо понимая, что эта мѣра не будетъ имѣть никакихъ результатовъ; но кастильскій и наваррскій короли соглашались съ Франціею и требовали низложенія обоихъ папъ и назначенія вмѣсто ихъ новаго. Къ тому же мнѣнію присталъ относительно признаннаго Англіею папы Бонифація IX и оксфордскій университетъ, подстрекаемый парижскими богословами, а англійскій король Ричардъ соглашался съ его мнѣніемъ. Всѣ четыре государства поручили своимъ уполномоченнымъ предложить обоимъ папамъ извѣстный срокъ для добровольнаго отреченія, грозя отказаться отъ повиновенія имъ, по истеченіи этого срока. Съ той минуты, во Франціи и Кастиліи король и духовенство приняли

угрожающее положеніе относительно папской власти, а ученые богословы обоихъ государствъ стали даже напоминать о свободной церкви первыхъ вѣковъ христіанства. Наконецъ въ 1398 г. четыре государства западной Европы дѣйствительно отказались повиноваться папамъ.

Прежде еще чѣмъ дѣло дошло до этого, къ участію въ рѣшеніи церковнаго вопроса была призвана и Германія. Въ то самое время, какъ всѣ другія націи старались освободиться отъ папскаго произвола и угнетеній, Бонифацій самымъ безстыднымъ образомъ поступалъ съ Германіей, продавая тамъ индульгенціи, приходы, духовныя должности, судебные приговоры, разрѣшенія, права на преемничество должностей; послѣднія онъ продавалъ иногда разомъ пятерымъ лицамъ, что влекло за собой распри и убійства. Это безстыдное торгашество было особенно гибельно для Германіи, гдѣ многіе аббаты и всѣ епископы были имперскими князьями, а Венцеславъ и не думалъ слѣдовать примѣру другихъ государствъ и созывать сеймы, или національные соборы, для противодѣйствія произволу римскаго папы. Нищенствующіе монахи продавали, по Германіи, папскія индульгенціи; епископы Кёльна и Майнца допускали это безъ всякихъ возраженій и только прилагали къ свидѣтельствамъ, выданнымъ монахамъ на этотъ торгъ, свою подпись, требуя за это извѣстныхъ процентовъ; когда папа уклонялся отъ этого, они мѣшали ему обманывать народъ до тѣхъ поръ, пока римскій дворъ не предоставлялъ имъ участія въ барышахъ. Въ 1399 г. Бонифацій продалъ даже одному ломбардцу, ни слова не говорившему по-нѣмецки, германскую эпархію Падерборнъ, хотя это было совершенно противно законамъ страны, гдѣ духовный санъ епископа былъ нераздѣленъ со свѣтской властью. Рыцарство этой эпархіи отказалось повиноваться чужеземному епископу, и это повело къ кровопролитнымъ стычкамъ, которыя прекратились только тѣмъ, что восемнадцатилѣтній сынъ герцога бергскаго, избранный рыцарствомъ въ князья и епископы, купилъ папское утвержденіе, послѣ чего ломбардецъ былъ отозванъ Бонифаціемъ. Въ Майнцѣ, въ 1395 г., по смерти архіепископа, соборный капитулъ избралъ на его мѣсто значительнымъ большинствомъ голосовъ одного достойнаго человѣка, графа Готтфрида фонъ Лейнингена, и выборъ этотъ былъ утвержденъ императоромъ; но Іоаннъ Нассаускій купилъ у Бонифація за большія деньги эту эпархію, осадилъ съ своимъ хищнымъ рыцарствомъ Майнцъ и утвердился въ немъ, вопреки императору и капитулу.

Подобные поступки римскаго папы съ нѣмцами подавали державамъ, соединившимся для водворенія единства въ церкви, надежду, что Венцеславъ и имперскія сословія окажутъ имъ содѣйствіе въ низверженіи Бонифація; но императоръ и сословія никакъ не могли согласиться въ средствахъ къ прекращенію раскола. Германскіе князья собрались во Франкфуртѣ (апрѣль 1397 г.) и послѣ долгихъ совѣщаній положили отправить въ Римъ депутацію, которая должна была энергически поддерживать представленія другихъ державъ. Но императоръ, или, вѣрнѣе, его министры раздѣляли мнѣніе пражскихъ канониковъ, воспитанныхъ въ правилахъ Уиклефа и совѣтовавшихъ ему послѣдовать методѣ Іоанна фонъ Іандуна и Марсилія Падуанскаго (стр. 277), которые предоставляли папѣ право духовнаго владычества, но подъ условіемъ отказа отъ всякой свѣтской власти надъ духовенствомъ, князьями и феодалами, какъ принадлежавшей одному императору. Поэтому Венцеславъ потребовалъ къ суду обоихъ папъ, думая своимъ императорскимъ приговоромъ положить конецъ расколу. Противъ германскихъ имперскихъ сословій Бонифацій употребилъ весьма обыкновенное въ новѣйшее время средство. Онъ обманулъ ожиданія Германіи посредствомъ самихъ уполномоченныхъ ея, точно такъ же какъ правительства нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствъ уже нѣсколько разъ обманывали ожиданія подданныхъ. Бонифацій подкупилъ нѣмецкихъ уполномоченныхъ, предоставивъ имъ разныя личныя преимущества, и тѣ перестали настаивать на требованіяхъ, съ которыми были присланы. Что касается намѣренія императора, или, вѣрнѣе, его канцеляріи, призвать папу къ суду, то оно было какъ нельзя болѣе по душѣ Бонифацію, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что въ дѣйствительности Венцеславъ никогда не рѣшился бы сдѣлать этого, а если бы рѣшился, то другія державы никогда не согласились бы на это.

Въ Германіи, куда Венцеславъ пріѣхалъ осенью 1397 г., противъ него

составился заговоръ, въ которомъ приняли участіе верховный судья имперіи Рупрехтъ II Пфальцскій и государственный канцлеръ Іоаннъ Майнцскій. Главнымъ двигателемъ заговора былъ Бонифацій IX. Можно даже предполагать, что Венцеславъ поѣхалъ въ Германію, послѣ шестилѣтняго отсутствія изъ нея, единственно по совѣту лицъ, желавшихъ предупредить этотъ папистскій заговоръ. Іоаннъ Майнцскій былъ слѣпымъ орудіемъ папы Бонифація, за котораго долженъ былъ стоять уже по одному тому, что купилъ у него свою епархію. Безсовѣстный архіепископъ препятствовалъ усмиренію хищнаго рыцарства, помогавшаго ему расширять его владѣнія, и способствовалъ римскому папѣ выманивать разными средствами деньги у нѣмцевъ, получая извѣстную долю въ добычѣ. Самъ императоръ, вопреки тому, чего слѣдовало ожидать отъ его характера, выказалъ въ первые два года своего пребыванія въ Германіи величайшую дѣятельность и, слѣдуя мнѣнію своихъ лучшихъ совѣтниковъ, принялъ многія благоразумныя мѣры относительно раскола церкви и установленія земскаго мира. Въ январѣ 1398 г. онъ созвалъ во Франкфуртѣ сеймъ, на которомъ, со свойственною нѣмцамъ разсудительностью и практичностью людей, занимавшихся въ тѣ времена подобными дѣлами, былъ установленъ новый земскій миръ, положившій предѣлъ буйству рыцарей и постояннымъ междоусобіямъ, называвшимся тогда законными войнами. Но хищный майнцскій архіепископъ успѣлъ ограничить продолженіе этого мира пятью годами, вмѣсто установленныхъ вначалѣ десяти лѣтъ. Одно изъ постановленій этого сейма показываетъ намъ, какъ низко пало уже въ то время, когда-то столь значительное, сословіе свободныхъ простолюдиновъ и какимъ образомъ его вытѣснили изъ рядовъ рыцарства въ ряды оруженосцевъ и пѣхотинцевъ. Этимъ постановленіемъ воспрещалось носить рыцарское вооруженіе тѣмъ, кто не принадлежалъ, по происхожденію, къ высшему сословію, или, другими словами, имъ воспрещалось вмѣшиваться въ ряды конныхъ латниковъ. Впрочемъ, постановленія сейма и на этотъ разъ не имѣли никакой силы, какъ это видно изъ событія, случившагося вскорѣ послѣ того во Франконіи. Съ помощью тюрингскаго рыцарства, вюрцбургскій епископъ, графъ шварцбургскій, до такой степени угнеталъ свою епархію, что жители городовъ возмутились противъ него еще до прибытія въ Германію Венцеслава. Вюрцбургъ рѣшился совершенно освободиться изъ-подъ власти епископа и послалъ въ Богемію деньги для покупки себѣ льготъ и привилегій имперскаго города. Прибывъ въ Германію, Венцеславъ хотѣлъ, проѣздомъ черезъ Вюрцбургъ, исполнить его желаніе, но остановился, испуганный грознымъ письмомъ собравшихся на франкфуртскій сеймъ князей, написаннымъ подъ вліяніемъ майнцскаго епископа и Рупрехта III, сына умершаго не задолго передъ тѣмъ Рупрехта II. Война городовъ съ вюрцбургскимъ епископомъ продолжалась три года. Горожане были наконецъ совершенно побѣждены (1400 г.), и епископъ принялся съ такимъ варварствомъ искоренять между ними демократическія идеи, что подобные поступки со стороны христіанскаго священника показались бы намъ совершенно невѣроятными, если бы свѣдѣнія о нихъ не были сообщены однимъ весьма честнымъ вюрцбургскимъ аббатомъ, жившимъ спустя сто лѣтъ. По приказанію епископа, горожанъ колесовали, вѣшали, четвертовали и затаскивали до смерти по землѣ; однимъ словомъ, епископъ неистовствовалъ противъ своихъ побѣжденныхъ подданныхъ какъ какой-нибудь турецкій паша.

Между тѣмъ короли кастильскій и французскій продолжали неутомимо трудиться надъ прекращеніемъ раскола, стараясь побудить германскаго императора къ принятію такихъ же мѣръ противъ Бонифація, какія сами они приняли противъ Бенедикта. Оба государства не только отказали папѣ въ повиновеніи, но войско французскаго короля даже заперло его въ Авиньонѣ, и Бенедиктъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе удовлетворить требованіямъ французскаго и кастильскаго королей и духовенства. Впрочемъ, выпутавшись изъ затрудненій, онъ объявилъ эту клятву вынужденною и недѣйствительною. Французскій король пригласилъ Венцеслава пріѣхать въ Реймсъ для личныхъ переговоровъ по дѣламъ церкви. Не имѣя права дѣйствовать безъ согласія сейма, императоръ обратился съ вопросомъ къ пражскому университету, какъ хранителю правъ духовенства, и пфальцграфу Рупрехту III, какъ блюстителю законовъ имперіи. Университетъ настоятельно требовалъ, чтобы императоръ дѣйствовалъ за одно съ Франціею; пфальцграфъ, напротивъ, отговаривалъ его, въ длинномъ письмѣ, отъ поѣздки

въ Реймсъ, предупреждая его противъ сѣтей французовъ и исчисляя всѣ оскорбленія, нанесенныя ими имперіи. Изъ этого мы видимъ, что еще въ то время были люди, выдававшіе смѣшную ненависть къ французамъ за германскій патріотизмъ и вводившіе народъ въ заблужденіе пустыми фразами, въ видахъ личной выгоды или изъ угожденія такимъ людямъ, какъ епископъ майнцскій. Въ то же время Рупрехтъ доказывалъ въ своемъ письмѣ, что единственнымъ законнымъ папою былъ Бонифацій, и что императоръ долженъ сохранить ему вѣрность, если не желаетъ утратить права на имперію; онъ даже очень рѣзко грозилъ Венцеславу мятежомъ и отложеніемъ. Послѣдняя угроза ясно доказываетъ, что уже въ то время множество князей сговорились съ папою низвергнуть императора не для выгоды имперіи, какъ они говорили впослѣдствіи, а въ пользу папы, вредившаго религіи и государству, и еще болѣе для своихъ личныхъ выгодъ. Уже одинъ тонъ этого письма долженъ былъ не отклонить, а побудить императора къ поѣздкѣ въ Реймсъ. Дѣйствительно, получивъ его, Венцеславъ немедленно собрался въ путь. Въ Реймсѣ его встрѣтилъ король Карлъ VI съ герцогами бургундскимъ, беррійскимъ и орлеанскимъ, которые управляли Франціей послѣ перваго случившагося съ королемъ припадка помѣшательства. Къ несчастью, по недостатку въ деньгахъ, Венцеславъ былъ вынужденъ занять у французскихъ принцевъ тридцать тысячъ франковъ, что дало его врагамъ, повидимому, основательный поводъ утверждать потомъ, что онъ былъ подкупленъ французами. Въ Реймсѣ императоръ дѣйствительно вступилъ въ тѣсный союзъ съ французскимъ и кастильскимъ королями, но и этимъ двумъ государямъ далъ впослѣдствіи право жаловаться на обманъ съ его стороны. Онъ не принялъ никакихъ мѣръ противъ Бонифація, и когда приверженцы этого папы составили противъ него въ Германіи заговоръ, онъ послалъ туда самаго плохаго дѣльца, какого только можно было выбрать, а именно кардинала Пилео ди Прато (438), съ неограниченнымъ полномочіемъ защищать его передъ Бонифаціемъ, признавъ такимъ образомъ этого папу своимъ судьею, и далъ рѣзкій отвѣтъ французскому посольству, напоминавшему ему о данномъ словѣ.

Въ это самое время Венцеславъ совершилъ преступленіе, побудившее нѣмцевъ низвергнуть его съ престола; но это преступленіе было совершенно противоположно тому, въ которомъ обвиняли его соучастники папскаго заговора. Своимъ бездѣйствіемъ онъ далъ возможность примасу германской церкви и рейнскому пфальцграфу продать права этой церкви, вмѣсто того чтобы отстаивать ихъ. На обратномъ пути изъ Реймса въ Богемію, Венцеславъ поссорился съ Рупрехтомъ за дерзости, которыя тотъ позволилъ себѣ въ своемъ письмѣ; это поощрило приверженцевъ Бонифація, враждебныхъ истиннымъ интересамъ Германіи, и чтобы предупредить опасность, грозившую ему съ этой стороны, императоръ не только отказался отъ мѣръ, предположенныхъ въ Реймсѣ, но даже дозволилъ Бонифацію попрать права германской, церкви и его собственныя. Такимъ образомъ Германія, покинутая своимъ государемъ и преданная высшимъ духовенствомъ, становилась все болѣе и болѣе рабою римской церкви, въ то самое время какъ Франція, опираясь на короля и ученѣйшихъ богослововъ, впервые провозгласила права и привилегіи своей церкви и положила прочныя границы деспотизму папъ. Единовременно съ отказомъ въ повиновеніи французы издали декларацію, извѣстную подъ названіемъ «прагматической санкціи». Впрочемъ эта декларація была впослѣдствіи нѣсколько разъ отмѣняема и снова приводима въ дѣйствіе. Между прочимъ она предоставляла свѣтскому правительству право замѣщать духовныя должности лицами, по своему назначенію помимо папы.

Повидимому Венцеславъ старался посредствомъ недостойныхъ уступокъ примириться и съ Рупрехтомъ; онъ простилъ ему оскорбленіе, потребовавъ отъ него только письменнаго извиненія и изъявленія покорности. Этотъ ничтожный документъ ясно показываетъ, какого рода тактикѣ слѣдовали подстрекаемые и поддерживаемые Бонифаціемъ германскіе князья. Папа постоянно настраивалъ ихъ заходить впередъ до извѣстной черты и снова дѣлать нѣсколько шаговъ назадъ. Какъ онъ, такъ и князья употребляли другъ друга орудіемъ своихъ цѣлей. Курфирсты, поддерживаемые папою, пользовались неудовольствіемъ націи, для того чтобы держать въ страхѣ императора и поддерживать анархію, дававшую имъ возможность ловить въ мутной водѣ рыбу, а папа пользовался этимъ страхомъ,

чтобы удерживать Венцеслава отъ союза съ Франціею и заманивать въ Римъ. Такъ какъ коронованіе въ Римѣ было для Венцеслава средствомъ удержать отъ отпаденія Германію, то папа, самъ едва державшійся на престолѣ, старался хитростью убѣдить его принять въ Римѣ императорскую корону и тѣмъ неразрывно связать свою участь съ участью римскаго папы. Іоаннъ Майнцскій и Рупрехтъ Пфальцскій, бросившіе Германію и ея церковь на жертву римскому папѣ, пользовались въ тоже время милостями Венцеслава, который нарушалъ для этого интересы государства. Добившись этихъ милостей разными происками, они не стыдились обвинять его, когда отъ дѣлалъ то же самое для другихъ. Іоаннъ выхлопоталъ у него разрѣшеніе учредить двѣ новыя таможни за мѣсяцъ до того, какъ созвалъ приготовительное собраніе для обсужденія вопроса о низверженіи Венцеслава. Собраніе это состоялось въ Марбургѣ, въ іюнѣ 1399 г. На немъ присутствовали четыре курфирста: Іоаннъ Майнцскій, Фридрихъ Кельнскій, Рудольфъ Саксонскій и Рупрехтъ III Пфальцскій, а также ландграфъ Германъ Гессенскій. Чрезъ посредство Іоанна въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и папа Бонифацій IX. Князья заключили въ Марбургѣ формальный союзъ противъ Венцеслава и въ сентябрѣ вторично собрались въ Майнцѣ, куда явилось много другихъ германскихъ феодаловъ, и въ томъ числѣ третій духовный курфирстъ. Города оставались вѣрными императору и не принимали никакого участія въ этомъ заговорѣ. При этомъ призрачномъ императорѣ они пріобрѣли значительное республиканское могущество; Венцеславъ, нуждаясь въ ихъ поддержкѣ, такъ же какъ и его отецъ, постоянно принималъ ихъ сторону противъ духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ; монархическая власть нисколько не стѣснила ихъ, потому что внутри своихъ стѣнъ они имѣли свое самостоятельное управленіе, а внѣ — придерживались кулачнаго права такъ же, какъ и рыцарство. Къ тому же въ дѣйствіяхъ князей и ихъ руководителя они видѣли заговоръ противъ Бога и его помазанника. Сатирическія стихотворенія мейстерзенгеровъ ясно показываютъ намъ, до какой степени были ненавистны и презрѣнны въ глазахъ горожанъ клерикалы.

Въ Майнцѣ князья постановили низложить Венцеслава, но опредѣлили обсудить этотъ вопросъ еще на третьемъ сеймѣ. Прежде всего они условились исключить при новомъ избраніи короля принцевъ люксембургскаго и габсбургскаго домовъ. Это условіе, въ которомъ ясно проглядывали ихъ эгоистическія побужденія, было совершенно противно установленному порядку и обычаю. Бонифацій немедленно воспользовался этимъ, чтобы застращать Венцеслава и Сигизмунда и побудить перваго, для предупрежденія замысла курфирстовъ, короноваться въ Римѣ и соединить такимъ образомъ дѣло римскаго папы съ своимъ собственнымъ. Это однако не состоялось, не потому, впрочемъ, что Венцеславъ имѣлъ въ виду свое достоинство или пользу государства, а единственно потому, что былъ слишкомъ безпеченъ. Онъ не могъ даже собраться на два сейма, которые созывалъ самъ, желая противопоставить ихъ сборищамъ своихъ враговъ. Такая безпечность и рѣзкое различіе между низкимъ поведеніемъ Венцеслава относительно Бонифація и серьезною ролью, принятою на себя другими государями и націями относительно Бенедикта, должны были возбудить противъ Венцеслава даже тяжелые умы нѣмцевъ, сдѣлавшихся предметомъ посмѣянія и презрѣнія для всей Европы, но не имѣвшихъ возможности дѣйствовать помимо своего государя. Все это послужило въ пользу майнцскаго архіепископа и его союзниковъ. Въ маѣ 1400 г. они созвали во Франкфуртѣ собраніе, на которое съѣхалось множество лицъ, и въ томъ числѣ явились наконецъ представители городовъ. Собраніе рѣшило пригласить Венцеслава въ Оберланштейнъ для того, чтобы согласно постановленіямъ золотой буллы, предстать на судъ курфирстовъ. Но во Франкфуртѣ князья перессорились между собой, и курфирстъ Рудольфъ Саксонскій еще до конца совѣщаній уѣхалъ домой, со своимъ зятемъ, герцогомъ Фридрихомъ Брауншвейгскимъ. Они противопоставили эгоистичнымъ происками майнцскаго курфирста сильную партію своихъ сторонниковъ и вслѣдствіе того окончательно поссорились съ нимъ. Дорогою, близъ Фрицлара, на этихъ двухъ князей неожиданно напалъ сильный отрядъ вооруженныхъ людей, въ числѣ которыхъ находились графъ Генрихъ Вальдекскій, зять Іоанна и управитель майнцскихъ владѣній въ Гессенѣ, и много другихъ майнцскихъ должностныхъ лицъ и вассаловъ. Фридрихъ Брауншвейгскій былъ убитъ Генрихомъ, а саксонскій курфирстъ взятъ въ плѣнъ и от-

правленъ въ Вальдекъ, откуда черезъ мѣсяцъ его отпустили. Въ этомъ нападеніи всѣ единогласно, но положительно несправедливо, обвиняли майнцскаго курфирста. Графъ вальдекскій наслѣдовалъ отъ своей бабки значительный долгъ на брауншвейгскомъ домѣ и вначалѣ требовалъ его судебнымъ порядкомъ, но никогда не могъ получить удовлетворенія, потому что въ то время въ Германіи для спльныхъ не существовало закона. Тогда Вальдекъ рѣшился, по рыцарскому обычаю, овладѣть герцогомъ и задержать его въ плѣну до тѣхъ поръ, пока онъ не расплатится; но въ пылу сраженія Фридрихъ былъ убитъ, вопреки желанію его врага.

На франкфуртскомъ сеймѣ города попрежнему стояли за Венцеслава. До вестфальскаго мира, они, какъ извѣстно, не имѣли рѣшительнаго голоса на сеймахъ; поэтому депутаты ихъ, не участвовавшіе въ совѣщаніяхъ и получившіе сообщеніе о ихъ результатѣ только тогда когда уже было принято окончательное рѣшеніе, въ своемъ отвѣтѣ князьямъ ясно дали понять, что эта необычайная мѣра противъ главы государства клонилась къ нарушенію свободы городовъ и притѣсненію гражданъ въ угоду князьямъ и рыцарству. Между тѣмъ Венцеславъ, беззаботно прогуливавшійся по Богеміи, своими сношеніями съ Бонифаціемъ унизилъ себя и Сигизмунда въ глазахъ честнѣйшихъ и преданнѣйшихъ изъ своихъ германскихъ друзей, ненавидѣвшихъ алчнаго римскаго папу. Въ іюнѣ 1400 г. Венцеславъ послалъ Сигизмунда къ Бонифацію, рѣшившись сдѣлать ему всѣ уступки, какихъ онъ пожелаетъ, и такимъ образомъ призналъ папу своимъ законнымъ судьею. Но Бонифацій продолжалъ медлить, ведя переговоры съ Венцеславомъ и его врагами, такъ что, впослѣдствіи, при низложеніи императора, Іоаннъ Майнцскій сослался на согласіе папы. Курфирсты майнцскій, трирскій, кёльнскій и пфальцскій собрались, въ августѣ, въ Оберланштейнѣ, для суда надъ императоромъ. 20 августа, они заочно постановили надъ нимъ приговоръ, не выслушавъ его оправданій; отъ него потребовали отреченія отъ короны, не соблюдя при этомъ законныхъ формъ и не назначивъ извѣстныхъ сроковъ для приведенія приговора въ исполненіе. Майнцскій курфирстъ прочелъ этотъ приговоръ и основанія, на которыхъ онъ былъ постановленъ, собравшемуся у воротъ города народу. Но какъ ни шатки были эти основанія и какъ ни явно проглядывали въ нихъ происки двухъ курфирстовъ, нельзя не сознаться, что рѣдко какая нибудь нація имѣла столько поводовъ низложить избраннаго ею правителя, какъ въ этомъ случаѣ нѣмцы. Впрочемъ, на сколько были законны въ этомъ дѣлѣ дѣйствія курфирстовъ, мы предоставляемъ судить законовѣдамъ; что касается насъ, то мы видимъ въ этомъ судѣ, такъ же какъ и въ подобныхъ процессахъ новѣйшаго времени, одну комедію, считавшуюся необходимою для народа, комедію, нуждавшуюся въ поддержкѣ оружія для того, чтобы пріобрѣсти какое нибудь значеніе. Это видно изъ того, что приговоръ былъ подписанъ одними курфирстами и ихъ родственниками, вассалами, канониками и чиновниками и что, вмѣсто депутатовъ отъ городскаго сословія, въ свидѣтели были призваны бѣдные рейнскіе поселяне, точно такъ же какъ за семьдесять лѣтъ до нашего времени, въ Парижѣ, такъ называемые санкюлоты. Между прочимъ, въ приговорѣ Венцеслава были приведены слѣдующіе обвинительные пункты: уступка Милана фамиліи Висконти и Генуи французамъ, овладѣвшимъ этимъ городомъ въ 1396 г., по случаю происходившихъ тамъ безпорядковъ и сохранившихъ свою власть надъ нимъ до 1409 г.; далѣе упомянутая выше раздача бланковъ, несоблюденіе своихъ обязанностей относительно поддержанія земскаго мира, противозаконные поступки въ Богеміи, невниманіе къ нѣсколько разъ повторенному приглашенію пріѣхать въ Германію и, наконецъ, нерадѣніе о церкви. Въ этомъ актѣ, составленномъ майнцскимъ курфирстомъ, кромѣ лицемѣрнаго и площаднаго тона, въ какомъ онъ написанъ, замѣчательно еще то обстоятельство, что такой разбойникъ, какъ Іоаннъ, обвинялъ императора въ нерадѣніи о поддержаніи земскаго мира, который такъ часто нарушалъ самъ.

На другой же день по низложеніи Венцеслава, курфирсты избрали на его мѣсто Рупрехта III Пфальцскаго, а на третій провозгласили его германскимъ королемъ, подъ условіемъ отмѣнить незаконныя пошлины, присоединить снова Миланъ къ германской имперіи и возстановить порядокъ въ церкви. Рупрехтъ немедленно отправился во Франкфуртъ; но этотъ городъ до тѣхъ поръ не впускалъ

его, пока, по принятому обычаю, онъ не прождалъ шесть недѣль своего противника передъ стѣнами. Ахенъ вовсе не открылъ ему своихъ воротъ, и Рупрехтъ былъ вынужденъ короноваться въ Кёльнѣ (январь 1401 г.). Папа Бонифацій, благопріятствовавшій избранію Рупрехта, остался, тѣмъ не менѣе, въ тѣсномъ союзѣ съ Венцеславомъ, которому написалъ, въ самое время его низложенія, письмо, гдѣ положительно обѣщалъ ему свою защиту.

8. Германія, Италія и римская церковь отъ низложенія Венцеслава до собора въ Пизѣ.

Избранный на мѣсто Венцеслава Рупрехтъ былъ, по свидѣтельству всѣхъ лѣтописцевъ, кротокъ, справедливъ, набоженъ, добръ и храбръ; къ тому же онъ былъ энергичнѣе Венцеслава. По мнѣнію одного духовнаго лица, Рупрехтъ былъ ученѣйшимъ государемъ своего вѣка. Чтобы показать отеческія чувства этого короля и его нерасположеніе къ придворнымъ, желавшимъ управлять народомъ посредствомъ палокъ, мы приведемъ здѣсь одинъ примѣръ. Свобода пѣсни была въ то время для Германіи тѣмъ же самымъ, чѣмъ нынѣ свобода печати: однажды высокородный придворный полиціймейстеръ Рупрехта велѣлъ наказать палочными ударами гейдельбергскую молодежь, когда та, по возвращеніи императора изъ Италіи, высказала въ своихъ пѣсняхъ относительно его нѣкоторыя истины, но Рупрехтъ запретилъ ему мѣшать молодежи пѣть сатирическія пѣсни противъ короля. Ири всѣхъ своихъ достоинствахъ, этотъ государь имѣлъ успѣхъ только въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ; все, что онъ ни предпринималъ относительно имперіи, оказывалось неудачнымъ. Вначалѣ, онъ хотѣлъ силою принудить Венцеслава признать его власть и въ апрѣлѣ 1401 г. вторгнулся въ Богемію, но, небудучи въ состояніи проникнуть туда, вступилъ въ союзъ съ Іобстомъ и Прокопіемъ, которые думали извлечь для себя пользу изъ затруднительнаго положенія Венцеслава и Сигизмунда. Несчастный походъ противъ турокъ нисколько не исправилъ Сигизмунда; онъ остался такъ же жестокъ, легкомысленъ и расточителенъ, какъ былъ, и постоянно нуждался даже въ самыхъ ничтожныхъ деньгахъ; поэтому его постигла въ Венгріи почти такая же участь, какъ его брата въ Германіи. Вначалѣ онъ находилъ себѣ поддержку въ палатинѣ Николаѣ Гара, сынѣ уже упомянутаго нами убійцы Карла III (стр. 427), но потомъ поссорился съ нимъ, и въ Венгріи образовалась, при содѣйствіи Бонифація, сильная партія приверженцевъ неаполитанскаго короля Владислава (стр. 426). Въ 1401 г. Сигизмундъ, обвиненный сеймомъ въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, былъ посаженъ въ темницу, а на мѣсто его призванъ Владиславъ. Къ счастью для Сигизмунда, первые два года молодой Владиславъ не могъ явиться на этотъ зовъ. Пока Сигизмундъ сидѣлъ въ темницѣ, въ Богемію вступило войско Рупрехта подъ предводительствомъ его сына Людовика III и двоюродныхъ братьевъ Венцеслава, Іобста и Прокопія. Къ нимъ тотчасъ же пристало множество сильныхъ феодаловъ, возбужденныхъ противъ Венцеслава его двоюродными братьями. Запертый въ Прагѣ, Венцеславъ спасся только тѣмъ, что согласился на всѣ требованія мятежныхъ вассаловъ. У него отняли власть, какъ у слабоумнаго, и назначили для управленія страною совѣтъ изъ четырехъ чешскихъ феодаловъ. Регентомъ былъ назначенъ отсутствовавшій Сигизмундъ. Достигнувъ цѣли своихъ желаній, чехи обратились соединенными силами противъ ворвавшихся къ нимъ нѣмцевъ, и тѣ должны были удалиться, не добившись никакихъ результатовъ. Іобстъ поспѣшилъ къ границамъ Венгріи, чтобы воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ и другаго двоюроднаго брата. Съ помощью Прокопія, онъ отнялъ у Венгріи нѣсколько мѣстечекъ, но этимъ помогъ только освобожденію Сигизмунда; графъ фонъ Цилли успѣлъ уже, съ своей стороны, побудить къ этому палатина Николая Гара, которому Сигизмундъ былъ отданъ подъ надзоръ. Гара имѣлъ и другія побужденія согласиться на освобожденіе Сигизмунда, потому что не могъ допустить, чтобы венгерскимъ королемъ сдѣлался Владиславъ, отецъ котораго былъ убитъ его отцомъ. Всѣ три феодала, содѣйствовавшіе освобожденію Сигизмунда, потребовали себѣ награды. Іобстъ за походъ въ Венгрію и отпаденіе отъ

Рупрехта получилъ отъ Венцеслава Лузацію. Николаю Гара было возвращено отнятое у него Сигизмундомъ званіе палатина, и онъ былъ, сверхъ того, щедро награжденъ Венцеславомъ; наконецъ, Германъ фонъ Цилли сдѣлался зятемъ венгерскаго короля черезъ бракъ своей дочери съ Сигизмундомъ. Устроивъ дѣла въ Венгріи, Сигизмундъ поспѣшилъ, съ нѣсколькими тысячами венгерскихъ рыцарей, въ Богемію, гдѣ Венцеславъ передалъ ему правительственную власть (въ концѣ 1401 г.).

Рупрехтъ не предпринималъ ничего болѣе противъ Богеміи. Онъ рѣшился прежде всего короноваться въ Римѣ императорской короной, а потомъ уже утвердить свою власть въ Германіи. Мы видѣли, что курфирсты заставили его объявить войну миланскому герцогу Іоанну Галеаццо; къ тому же самому призывали его папа Бонифацій, все еще колебавшійся между Венцеславомъ и Рупрехтомъ, флорентинцы и Франческо Новелло Падуанскій. Папа уже послалъ въ Германію одного искуснаго юриста, чтобы вывѣдать, сильна ли партія Рупрехта и открытъ ли для него проходъ въ Италію чрезъ Альпы. Флорентинцы, притѣсняемые миланскимъ герцогомъ, способствовали даже, по свидѣтельству одной лѣтописи, низложенію Венцеслава и обязались въ договорѣ съ Рупрехтомъ уплатить ему огромную сумму денегъ. Франческо Новелло также призывалъ его въ Италію и привелъ къ нему, когда онъ вступилъ туда, двѣ тысячи человѣкъ отборной конницы. Для того, чтобы проникнуть въ Италію черезъ Тироль, Рупрехту необходимо было пріобрѣсти дружбу и содѣйствіе австрійскаго герцога Леопольда III, который, по смерти отца, убитаго при Земпахѣ, владѣлъ всею страною по берегамъ Адижа и Инна и по ту сторону Арльберга. Этотъ принцъ остался союзникомъ другихъ австрійскихъ герцоговъ, стоявшихъ за люксембургскій домъ, а также союзникомъ Венцеслава и Сигизмунда, но, не смотря на то, еще до низложенія Венцеслава, заключилъ договоръ съ Рупрехтомъ. Впрочемъ, въ этомъ договорѣ было оговорено для формы, что онъ не имѣетъ силы противъ императора. По поводу этого, одинъ австрійскій историкъ нашего времени весьма дѣльно замѣчаетъ, что это была одна изъ общеупотребительныхъ въ то время канцелярскихъ формъ, уже потерявшихъ всякое связанное съ ними значеніе. Прославленная нѣмецкая вѣрность давно уже не существовала. Тотъ же самый герцогъ Леопольдъ, не задумавшись, подписалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ договоръ, которымъ Іоаннъ Галеаццо старался обезпечить себя отъ послѣдствій союза между Рупрехтомъ и Леопольдомъ, а вслѣдъ за тѣмъ заключилъ договоръ и съ Рупрехтомъ, который за дозволеніе пройти чрезъ Тироль обѣщалъ ему сто тысячъ дукатовъ, а въ залогъ ихъ нѣсколько городовъ и замковъ, которые онъ намѣревался отнять у миланскаго герцога. Въ третьемъ договорѣ съ Рупрехтомъ Леопольдъ обязался присоединиться къ его войску со своими вассалами.

Сдѣлавъ необходимый денежный заемъ въ Венеціи, Рупрехтъ въ сентябрѣ 1401 г. отправился въ Италію, соединивъ подъ своими знаменами баварскія и пфальцскія войска и нѣсколько отрядовъ, приведенныхъ нюрнбергскимъ бургграфомъ и тремя или четырьмя германскими епископами. Въ Тріентѣ къ нему присоединились и другія обѣщанныя ему войска. Назначивъ Франческо Новелло главнокомандующимъ всею своею арміею, Рупрехтъ направился прямо на миланскій городъ Брешію, гдѣ 21 октября далъ миланцамъ рѣшительное сраженіе. Іоаннъ Галеаццо выставилъ противъ него лучшихъ полководцевъ того времени и цвѣтъ итальянской конницы, считавшейся первою въ Европѣ. Сверхъ того миланцы имѣли на своей сторонѣ всѣ выгоды мѣстности. Безразсудная пылкость нюрнбергскаго бургграфа помѣшала благоразумнымъ распоряженіямъ Франческо Новелло — и войско Рупрехта было совершенно разбито. Отъ него не осталось бы и слѣда, если бы Джакопо Каррарскій, сынъ Франческо Новелло, посредствомъ искуснаго стратегическаго маневра, сообразнаго съ итальянскою военною тактикою того времени, не далъ ему возможности отступить. Герцогъ Леопольдъ былъ взятъ въ плѣнъ въ самомъ началѣ битвы, и войска его, какъ бы по данному знаку, тотчасъ же разсѣялись. Черезъ три дня Леопольдъ благополучно вернулся изъ плѣна въ лагерь Рупрехта, ясно доказавъ этимъ, что какъ онъ, такъ и кёльнскій архіепископъ, достойный другъ архіепископа майнцскаго, были подкуплены миланскими деньгами. Оба они поспѣшили восвояси, когда Рупрехтъ потребовалъ ихъ къ суду. Оставшись безъ денегъ и безъ надеждъ, германскій король распустилъ

остальныя войска и удалился въ Падую, къ Франческо Новелло. Отсюда онъ обратился къ флорентинцамъ, требуя обѣщанныхъ денегъ и войска, но тѣ прислали ему всего шестьдесятъ пять тысячъ флориновъ, на которые онъ ничего не могъ предпринять. Поэтому въ апрѣлѣ 1402 г. онъ вернулся въ Германію. Быть можетъ, Рупрехтъ передъ отъѣздомъ короновался бы въ Римѣ, если бы врожденное чувство благородства и патріотизма не воспретило ему купить имераторскую корону цѣною низкихъ уступокъ, такъ какъ за это папа требовалъ отъ него обѣщанія не вмѣшиваться въ дѣла церкви.

По удаленіи Рупрехта изъ Италіи, Іоаннъ Галеаццо направилъ всѣ свои силы противъ владѣтеля Болоньи, Джіованни Бентивольо, котораго поддерживали въ этой борьбѣ только Франческо Новелло и флорентинцы. При этомъ Бентивольо грозила еще враждебная партія внутри его собственныхъ владѣній. Но, не смотря на затруднительность своего положенія, онъ въ продолженіе почти цѣлаго года отстаивалъ Болонью противъ лучшихъ итальянскихъ наемниковъ, пока не потерялъ наконецъ рѣшительнаго сраженія вблизи Болоньи. Черезъ два дня послѣ того онъ былъ убитъ своими подданными (іюнь 1402 г.), и Іоаннъ Галеаццо занялъ Болонью. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ покореніе этого города повлекло бы за собою покореніе Флоренціи и, быть можетъ, Галеаццо сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ власть надъ всею Италіею, если бы смерть не похитила его неожиданно въ ту минуту, когда онъ уже былъ близокъ къ цѣли стремленій всей своей жизни. Смерть его въ сентябрѣ 1402 г. совершенно измѣнила положеніе дѣлъ. Онъ оставилъ двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей. Согласно его завѣщанію, старшій изъ нихъ, Іоаннъ Марія, наслѣдовалъ Миланъ и герцогскій титулъ, а младшій, Филиппъ Маріа, графъ павійскій, получилъ въ удѣлъ Павію съ небольшою областью. Своему побочному сыну, Габріелю, Галеаццо завѣщалъ Пизу и нѣсколько мелкихъ городовъ. Регентшею ихъ онъ назначилъ жену свою Катарину, дочь суроваго Варнавы, приставивъ къ ней въ руководители старинныхъ совѣтниковъ фамиліи Висконти — предводителей кондоттьеровъ. Но едва умеръ Галеаццо, въ его владѣніяхъ возникли междоусобія, вызванныя несовершеннолѣтіемъ наслѣдника, честолюбіемъ кондоттьеровъ, властолюбіемъ предводителей партій въ нѣкоторыхъ, прежде республиканскихъ, городахъ и интригами Катарины. Сосѣднія государства воспользовались этими смутами, чтобы со всѣхъ сторонъ напасть на Миланъ. Правительство было прежде всего вынуждено примириться съ папою Бонифаціемъ (1403 г.), уступивъ ему Перуджію, Болонью и Ассизи, гдѣ буйный кардиналъ Бальтазаръ Косса кровавыми мѣрами возстановилъ папское господство. Поладивъ съ Бонифаціемъ, миланцы рѣшились отдѣлаться отъ интригантки Катарины; она была заключена въ темницу (1404 г.) и потомъ отравлена, по всѣмъ вѣроятіямъ, не безъ участія Іоанна Маріи. Пиза, въ которой Габріель не могъ удержаться, была продана имъ флорентинцамъ; городъ освободился-было отъ этого новаго ига, но, будучи слишкомъ бѣденъ, не нашелъ возможности выставить достаточнаго числа солдатъ противъ войска сильной и богатой Флоренціи и потому вторично подпалъ подъ ея иго, проданный на этотъ разъ своимъ собственнымъ дожемъ (1406 г.).

Франческо Новелло также разсчитывалъ поживиться на счетъ фамиліи Висконти, но этимъ онъ, самъ того не предчувствуя, подготовилъ паденіе своей династіи и свое собственное. Франческо отнялъ уже у Висконти Верону, но они купили помощь венеціянцевъ, уступивъ имъ Виченцу и Верону, а вслѣдъ затѣмъ пристали къ врагамъ каррарскаго дома Франческо Гонзага Мантуанскій и даже зять Франческо Новелло, Николай д'Эсте Феррарскій. Старшій сынъ Франческо Новелло, Джаконо Каррарскій, въ самомъ началѣ войны попался въ руки венеціянцевъ и былъ заключенъ ими въ темницу. Отецъ его сдался въ августѣ 1405 г. Выдержавъ въ Падуѣ долговременную осаду, онъ обѣщалъ своимъ врагамъ, за освобожденіе сына, сдать Падую и другія крѣпости и выплатить значительную сумму денегъ, но отрекся отъ этихъ условій, получивъ надежду на помощь флорентинцевъ и генуэзцевъ. Венеціянцы отмстили за это самымъ жестокимъ образомъ. Ожидаемая помощь не явилась, и въ ноябрѣ Падуя была взята. Франческо Новелло и сынъ его Джакопо были посажены въ темницу, преданы продолжительной пыткѣ и наконецъ удушены, по распоряженію совѣта десяти, знаменитая политика котораго, попиравшая всѣ нравственные законы, возвела

Венецію на такую высокую степень могущества (стр. 357). Изъ двухъ младшихъ сыновей Франческо Новелло, находившихся во время войны во Флоренціи со своимъ воспитателемъ, одинъ умеръ отъ болѣзни, а другой сдѣлалъ въ 1435 г. попытку явиться въ окрестностяхъ Падуи, но былъ открытъ, привезенъ въ Венецію, преданъ пыткѣ и публично обезглавленъ. Съ согласія миланскаго правительства, нуждавшагося въ дружбѣ Венеціи, Падуя, подобно Веронѣ, Виченцѣ и другимъ городамъ, была присоединена къ венеціанскимъ владѣніямъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ эта республика пріобрѣла также островъ Корфу, благодаря положенію дѣлъ въ Венгріи, гдѣ Владиславъ Неаполитанскій продолжалъ оспаривать престолъ у Сигизмунда, который однако постоянно вытѣснялъ его. Предпринимая въ 1410 г. послѣдній походъ въ Венгрію, Владиславъ продалъ Корфу венеціянцамъ.

Освободившись изъ плѣна, Сигизмуидъ отправился въ Богемію (декабрь 1401 г.), принялъ въ свои руки управленіе и раздѣлался со овоими двоюродными братьями Іобстомъ и Прокопіемъ. Но онъ со своими венграми такъ буйствовалъ въ Богеміи, что чехи, убѣдившись вскорѣ, что при немъ было не только не лучше, но едва ли не хуже, чѣмъ при его братѣ, возмутились противъ него въ маѣ 1402 г. Тогда Сигизмуидъ выгналъ Іобста изъ Богеміи и, овладѣвъ Прокопіемъ и Венцеславомъ, заключилъ перваго изъ нихъ въ Пресбургъ, а втораго отправилъ въ Вѣну, поручивъ его тамъ надзору Альбрехта IV Австрійскаго, съ которымъ уже передъ тѣмъ заключилъ союзъ. Чтобы объяснить насильственное удаленіе короля изъ Богеміи, Сигизмундъ объявилъ, что Венцеслава везутъ въ Римъ, чтобы короновать его императоромъ, и несчастный провелъ полтора года въ заключеніи у Альбрехта. Чтобы еще болѣе привлечь къ себѣ австрійскаго герцога, Сигизмундъ заключилъ съ нимъ договоръ о правѣ взаимнаго наслѣдованія другъ послѣ друга между люксембургскимъ и австрійскимъ домами, въ ущербъ правамъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Осенью 1402 г. Сигизмундъ вернулся въ Венгрію. Въ слѣдующемъ году онъ снова было-отправился въ Богемію, но въ Венгріи опять потребовалось его присутствіе. Въ 1403 г. Владиславъ предпринялъ наконецъ свой давно задуманный походъ въ Венгрію; онъ высадился въ Далмаціи и былъ тамъ коронованъ папскимъ легатомъ, въ присутствіи венгерскаго примаса. Половина государства приняла его сторону. Но едва Сигизмундъ вернулся въ Венгрію, какъ въ октябрѣ Владиславъ уже долженъ былъ удалиться въ Неаполь, хотя часть венгерскихъ прибрежныхъ провинцій оставалась ему вѣрна. Въ слѣдующіе годы Сигизмундъ занялся устройствомъ внутреннихъ дѣлъ Венгріи и впервые оказалъ истинныя услуги этому государству, возстановивъ въ немъ спокойствіе и порядокъ и издавъ, при содѣйствіи сейма, много дѣльныхъ постановленій. Онъ отнялъ бы у своего противника и прибрежные города, если бы не былъ вскорѣ послѣ того вынужденъ снова уѣхать изъ Венгріи. Въ ноябрѣ 1403 г. Венцеславу удалось, наконецъ, бѣжать изъ Вѣны въ Богемію, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ и немедленно изгналъ всѣхъ правительственныхъ лицъ, назначенныхъ Сигизмундомъ, и венгерскіе гарнизоны. Нуждаясь въ опекѣ, Венцеславъ призвалъ къ себѣ Іобста, а слѣдующею весною явился къ нему и Прокопій, освобожденный Сигизмундомъ. Возвратившись въ Моравію, Прокопій сдѣлалъ изъ города Цнайма притонъ разбойниковъ и сталъ производить оттуда набѣги то на Венгрію, то на Австрію. Сигизмундъ и Альбрехтъ выступили противъ него соединенными силами, но при осадѣ Цнайма оба они захворали, и Прокопія обвиняютъ въ томъ, что онъ отравилъ ихъ. Альбрехтъ вскорѣ умеръ; но Сигизмундъ успѣлъ посредствомъ измѣны овладѣть Прокопіемъ. Онъ убѣдилъ его, самыми священными клятвами, явиться на свиданіе съ нимъ, Прокопій явился, но былъ схваченъ и зачлюченъ въ темницу (іюнь 1404 г.). Онъ умеръ тамъ черезъ три мѣсяца, и всѣ остались убѣждены, что Сигизмундъ отравилъ его или уморилъ голодомъ.

Около этого времени, для прекращенія раскола въ церкви, въ Венгріи и Богеміи были приняты такія же мѣры, какъ и во всѣхъ европейскихъ странахъ, за исключеніемъ Германіи. Мы уже видѣли, что папа Бонифацій провозгласилъ венгерскимъ королемъ противника Сигизмунда, Владислава, а потомъ, въ 1403 г., столь же торжественно призналъ римскимъ королемъ Рупрехта, противника Венцеслава. Послѣднее было важною политическою ошибкою со стороны обыкновенно

столь осмотрительнаго папы, и объясняется только тѣмъ, что онъ не ожидалъ, чтобы Венцеславу удалось освободиться изъ австрійскаго плѣна. Венцеславъ немедленно сталъ побуждать какъ Богемію, такъ и Венгрію отложиться отъ римскаго папы. Въ апрѣлѣ 1404 г. венгры однимъ знаменитымъ закономъ положили такія же границы притязаніямъ римскаго папы, какія уже давно были положены имъ въ Англіи. Сеймъ постановилъ, что замѣщеніе должностей и раздача приходовъ въ Венгріи зависятъ непосредственно отъ короля, безъ утвержденія котораго ни одна папская булла не должна имѣть силы въ государствѣ. Замѣчательно, что Венгрія возстала не противъ личности и поступковъ Бонифація, а собственно противъ господствовавшихъ въ средніе вѣка понятій о папской власти. Въ Богеміи этого не было; но тамъ противъ римской церкви выступили нѣкоторые проповѣдники, терпимые Венцеславомъ, и библейское ученіе ихъ не такъ быстро пришло въ забвеніе, какъ венгерскіе законы противъ злоупотребленій папъ, отмѣненные вскорѣ Сигизмундомъ, подкупленнымъ іерархіею. Вся чешская нація была возмущена и оскорблена тѣмъ, что Бонифацій, въ продолженіе трехъ лѣтъ ободрявшій и обманывавшій Венцеслава, призналъ, наконецъ, германскимъ королемъ его противника; всѣ съ жадностью слушали проповѣди, раздававшіяся на чешскомъ языкѣ въ Вѳлеемской церкви (стр. 457), и съ восторгомъ привѣтствовали ученіе Уиклефа, принесенное изъ Англіи на пражскія кафедры. Іоаннъ Гусъ, или Іоаннъ изъ Гусинца, бывшій профессоромъ пражскаго университета въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, а съ 1402 г. проповѣдникомъ и настоятелемъ Вѳлеемской церкви, нашелъ поддержку не только въ Венцеславѣ и всѣхъ свободно мыслящихъ чехахъ, но даже въ фанатическомъ, пражскомъ архіепископѣ Сбинко, который сдѣлался черезъ пять лѣтъ его жесточайшимъ гонителемъ. Гусъ проповѣдывалъ реформу въ церкви и ученіе его пустило глубокіе корни.

Въ Германіи Рупрехтъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы поддержать свое императорское значеніе. По возвращеніи изъ Италіи онъ очень строго наказалъ Ахенъ за сопротивленіе, выказанное ему этимъ городомъ, и принудилъ подчиниться имперскому суду маркграфа баденскаго Бернгарда, который вмѣсто того, чтобы явиться, по требованію короля, дать отвѣтъ въ своихъ разбояхъ, искалъ защиты Франціи. Рупрехтъ усмирилъ и Вильгельма, герцога бергскаго, который еще наглѣе Бернгарда нарушалъ гражданскіе законы и даже священнѣйшіе законы природы. Гессенскіе, тюрингскіе и швабскіе города, товары которыхъ грабили по большимъ дорогамъ безчисленные рыцари-разбойники, прибѣгли подъ защиту Рупрехта. Король тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы упрочить въ странѣ безопасность. Онъ уже разрушилъ шесть разбойничьихъ притоновъ, или рыцарскихъ замковъ въ Веттерау, когда врагъ всякаго порядка, Іоаннъ Майнцскій, составилъ заговоръ противъ него, какъ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ противъ Венцеслава, и остановилъ правильное отправленіе правосудія, за которое энергически принялся Рупрехтъ. Іоанну не трудно было образовать противъ короля союзъ, потому что маркграфъ баденскій, соглашаясь явиться на судъ, требовалъ, чтобы часть взведенныхъ на него обвиненій была отдана на обсужденіе духовныхъ курфирстовъ, а Эбергардъ III Вюртембергскій чувствовалъ себя, подобно Іоанну Майнцскому, сильнымъ только благодаря хищничеству союзнаго съ нимъ рыцарства и съ завистью глядѣлъ на возраставшее могущество короля, бывшаго рейнскаго пфальцграфа. Трое названныхъ князей и депутаты города Страсбурга и семнадцати другихъ швабскихъ городовъ заключили между собою (сентябрь 1405 г.) въ Марбахѣ, въ Вюртембергѣ, на пять лѣтъ, оборонительный союзъ, который былъ явно направленъ противъ Рупрехта, не смотря на то, что, по установленной формѣ, императоръ и имперія исключались изъ круга дѣйствій союза. Но и безъ того могущество такого союза, превосходившее силу обоихъ императоровъ и ихъ владѣній, необходимо должно было препятствовать всякой мѣрѣ, предпринимаемой въ духѣ безпристрастнаго правосудія. Рупрехтъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы, уничтожить марбахскій союзъ; онъ предлагалъ даже представить всѣ взводимыя противъ него обвиненія на разсмотрѣніе третейскаго суда, въ которомъ самъ Эбергардъ занималъ бы мѣсто судьи; но все было тщетно. Союзъ удержался и сдѣлался еще сильнѣе и опаснѣе, когда въ 1407 г. въ него вступили герцогъ Людовикъ Баварскій и города Вормсъ, Шпейеръ и Аугсбургъ. Такимъ образомъ

почти вся юго-западная Германія возстала противъ Рупрехта, а восточныя и сѣверныя княжества ея еще не признавали его императоромъ. Казалось, что двѣ превозносимыя въ средніе вѣка монархіи, воспѣтыя Данте (стр. 59 — 320), какъ божественныя силы, поставленныя для поддержанія правосудія и любви среди грѣшнаго человѣчества, — свѣтская, или императорская, какъ представительница закона и правосудія, и духовная, или папская, какъ представительница любви и милосердія, должны были обратиться въ кровавую анархію. Мы увидимъ это въ слѣдующихъ событіяхъ исторіи папства до созванія собора въ Пизѣ.

Мы видѣли, что Франція и другія государства, признавшія авиньонскаго папу, отказались отъ повиновенія ему, такъ какъ же какъ и Англія отказалась отъ повиновенія признаваемому ею Бонифацію IX; но когда германская нація не только не сдѣлала попытки низложить своего папу, а еще признала утвержденнаго имъ императора, политика потребовала, чтобы и первыя государства возстановили власть своего папы. Это и произошло, со всѣми формальностями, въ 1403 г. Франція, Кастилія, Португалія и Сицилія снова признали Бенедикта (Арагонія всегда оставалась ему вѣрна) законнымъ папою, потребовавъ отъ него только ради формы обѣщаніе сложить съ себя папское достоинство, какъ скоро сдѣлаетъ то же самое его противникъ въ Римѣ. Онъ согласился на это и даже послалъ въ Римъ двухъ епископовъ съ порученіемъ убѣдить, отъ его имени, Бонифація сложить съ себя папскую тіару. Бонифацій отклонилъ его предложеніе, но вскорѣ потомъ умеръ (1 октября 1404 г.). Римскіе кардиналы немедленно избрали новаго папу, но избрали такимъ образомъ, что это избраніе не могло служить помѣхою къ возстановленію единства церкви. Они подписали въ присутствіи нотаріуса и свидѣтелей актъ, въ которомъ тотъ изъ нихъ, на кого падетъ выборъ, обязывался самыми священными клятвами не отступать ни предъ какими жертвами для водворенія единства въ церкви, даже пожертвовать своимъ папскимъ саномъ, а послѣ избранія обязаться подобнымъ же актомъ не назначать впредь новыхъ кардиналовъ, или, если бы въ томъ настояла необходимость, возложить на нихъ такія же обязанности, какія онъ принималъ на себя самъ. Такимъ образомъ вся вина въ продолженіи раскола обращалась на будущее время на одного Бенедикта. Новый выборъ палъ 17 октября на ученаго, достойнаго и уважаемаго человѣка, принявшаго имя Иннокентія VII. Къ сожалѣнію, у новаго папы былъ племянникъ, Лодовико Мильорати, человѣкъ алчный и властолюбивый, старавшійся захватить свѣтскую власть въ свои руки. Впрочемъ церковными и учеными дѣлами завѣдывалъ секретарь Иннокентія, знаменитый знатокъ древне-классической литературы, Аретинъ, и если бы Иннокентій прожилъ долѣе, то Италія была бы обязана секретарю его учрежденіемъ одного изъ университетовъ, которые упрочили за нею славу возстановительницы падшаго классическаго образованія.

Вскорѣ по избраніи Иннокентія, стремленіе къ свободѣ и анархіи, овладѣвшее, послѣ смерти Іоанна Галеаццо, всѣми верхне-итальянскими государствами, увлекло и римлянъ. Съ помощью наемнаго войска, Бонифацій установилъ въ Римѣ такое же монархическое правленіе, какъ Галеаццо Висконти въ своемъ герцогствѣ. Но едва умеръ этотъ папа, какъ римляне вновь учредили у себя республику, съ семью выборными судьями, и знатныя римскія фамиліи начали по обыкновенію злоупотреблять въ свою пользу именемъ народа и свободы. Къ несчастью, черезъ два дня по избраніи новаго папы, пріѣхалъ въ Римъ неаполитанскій король Владиславъ, назначенный въ римскіе сенаторы своимъ покровителемъ, Бонифаціемъ. Онъ явился съ цѣлью воспользоваться господствовавшимъ въ Римѣ волненіемъ. Опасаясь, что Иннокентій, изъ желанія задобрить Францію, станетъ покровительствовать младшей линіи анжуйскаго дома, Владиславъ пробылъ въ Римѣ цѣлый мѣсяцъ, вступилъ въ союзъ съ семью судьями республики и привлекъ на свою сторону родственника бывшаго папы, коменданта замка св. Ангела, который отказался отъ повиновенія новому папѣ. Наконецъ, Владиславъ принудилъ Иннокентія заключить договоръ, по которому власть была раздѣлена между нимъ, папою и народомъ. Этотъ договоръ сдѣлалъ Владислава могущественнѣе самого папы. Въ началѣ слѣдующаго года, когда Владиславъ уѣхалъ,

безпорядки въ Римѣ превзошли всякую мѣру, такъ что въ августѣ Иннокентій былъ вынужденъ бѣжать оттуда, не смотря на то, что изъ угожденія римлянамъ всѣ одиннадцать кардиналовъ, назначенныхъ имъ въ первомъ году его папства, были избраны имъ изъ природныхъ римлянъ. Виною этого несчастія былъ его грубый племянникъ, Лодовико Мильорати, приказавшій арестовать одиннадцать гражданъ, избранныхъ римлянами для переговоровъ съ папою, и отрубивъ имъ головы, выбросить ихъ въ окно на улицу. Это было сигналомъ всеобщаго возстанія: народъ съ яростью бросился на папскихъ приверженцевъ, грозя имъ смертью. Самому Иннокентію едва удалось скрыться изъ города. Онъ бѣжалъ въ Витербо, но долженъ былъ такъ спѣшить, что дорогою до тридцати человѣкъ изъ его свиты умерли отъ жажды и самъ онъ остался еле живъ. Въ продолженіе семимѣсячнаго пребыванія въ Витербо Иннокентій находился въ самомъ опасномъ положеніи; папское войско, расположенное въ Болоньѣ, было постоянно тревожимо мелкими владѣтелями Романьи и Альберикомъ да Барбіано, а французскій папа Бенедиктъ пріѣхалъ въ занятую французами Геную, съ цѣлью отвлечь флорентинцевъ отъ Иннокентія. Къ счастію, римляне сами вывели изъ затрудненія своего папу. Владиславъ прислалъ войско, чтобы овладѣть Римомъ; но жители взялись за оружіе, оттѣснили неаполитанцевъ и назначили, на мѣсто семи судей, передавшихся врагу, новое правительство изъ трехъ консуловъ, а въ февралѣ 1406 г. призвали назадъ Иннокентія.

Въ теченіе семи мѣсяцевъ, проведенныхъ Иннокентіемъ въ Витербо, онъ не прекращалъ переговоровъ съ Бенедиктомъ относительно ихъ обоюднаго отреченія. Но ни тотъ, ни другой не смотрѣли серьезно на эти переговоры. Одни французы, особенно парижскій университетъ, продолжали съ искреннимъ и неутомимымъ рвеніемъ стремиться къ рѣшенію церковнаго вопроса. Правительство ихъ дважды писало убѣдительныя письма къ Иннокентію, грозя въ то же время, вмѣстѣ съ университетомъ и духовенствомъ, отказаться отъ повиновенія и своему папѣ. Въ ноябрѣ 1406 г. Иннокентій умеръ. Французское посольство въ Римѣ употребило всѣ усилія, чтобы отклонить кардиналовъ отъ избранія новаго папы. Они долго колебались, искренно желая прекращенія раскола, но тѣмъ не менѣе приступили наконецъ къ избранію. Кардиналы снова подписали такой же актъ какъ и при предшествовавшихъ выборахъ, но на этотъ разъ онъ былъ составленъ еще въ болѣе сильныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ; его подписалъ и избранный потомъ въ папы венеціанскій епископъ. Новый папа, избранный 30 ноября 1407 г. подъ именемъ Григорія XII, слылъ за умнаго, набожнаго и ученаго человѣка; но это былъ уже семидесятилѣтній старикъ, слабый и упрямый отъ старости. Еще до своего коронованія (въ декабрѣ) онъ писалъ къ Бенедикту, убѣждая его согласиться на свиданіе и объявляя, что отъ всего сердца готовъ принять предложенный Франціею способъ положить конецъ расколу. Бенедиктъ былъ поставленъ въ затрудненіе, потому что терпѣніе французовъ уже истощилось, и они грозили папѣ вторично отречься отъ него. Въ февралѣ 1407 г. въ Парижѣ собрался новый національный соборъ, на которомъ былъ прочтенъ энергическій протестъ парижскаго университета противъ дѣйствій французскаго папы,— протестъ, хотя не утвержденный, но и не опровергнутый положительно соборомъ. Въ этомъ актѣ было исчислено, сколько разъ Бенедиктъ обманывалъ французовъ, которыхъ презрительно называлъ французиками (Galliculos), и упомянуто, что онъ деспотически нарушилъ, въ одиннадцати важныхъ случаяхъ, привилегіи галликанской церкви, уклонясь, посредствомъ хитрыхъ уловокъ, отъ всѣхъ попытокъ къ прекращенію раскола. Въ заключеніе парижскій университетъ отказывался отъ повиновенія папѣ и требовалъ надъ нимъ суда вселенскаго собора. Къ тому же самому заключенію пришелъ и александрійскій патріархъ Симонъ, которому парижскій соборъ поручилъ разсмотрѣніе этого дѣла; одинъ вселенскій соборъ могъ совершить то, чего ни одинъ изъ папъ не могъ, или не хотѣлъ сдѣлать. Созваніе собора еще не было пока рѣшено и на парижскомъ соборѣ было только объявлено, что терпѣніе французскаго народа истощилось. У папы было отнято право распоряжаться церковными должностями; папскіе доходы, или аннаты (стр. 286), и всѣ другія средства выжимать у народа деньги были отмѣнены; наконецъ, король обнародовалъ девять постановленій, въ которыхъ при-

нималъ предложеніе Григорія и обѣщалъ, въ случаѣ отказа кардиналовъ Бенедикта, приступить къ избранію новаго папы сообща съ римскими кардиналами и предоставить избраніе однимъ послѣднимъ.

Видя, что дѣло начинаетъ принимать серьезный оборотъ, Бенедиктъ снова сдѣлалъ видъ, что готовъ пожертвовать для блага церкви своимъ честолюбіемъ. Онъ написалъ Григорію о своемъ согласіи и послалъ уполномоченныхъ договориться съ уполномоченными римскаго папы относительно свиданія обоихъ папъ и ихъ кардиналовъ. Договоръ объ этомъ былъ заключенъ въ апрѣлѣ 1407 г. и мѣстомъ свиданія избрана Савона. Но тутъ завязалась новая сѣть интригъ, потому что оба папы всячески старались устранить это свиданіе. Къ тому же Григорій имѣлъ множество племянниковъ духовнаго и свѣтскаго званія, злоупотреблявшихъ властью своего дяди. Онъ потребовалъ чрезвычайной дани со всего міра для покрытія издержекъ путешествія въ Савону, которое вовсе не былъ намѣренъ предпринять, и обобралъ всѣ римскіе монастыри и церкви, чтобы поддержать въ Савонѣ блескъ своего двора и доставить возможность своимъ племянникамъ безпутно сорить деньгами. Между тѣмъ Владиславъ, вѣроятно по наущенію племянниковъ папы, возбудилъ въ Римѣ возстаніе и послалъ туда войска для того, чтобы воспрепятствовать примиренію римскаго папы съ французами; впрочемъ римляне прогнали его солдатъ вмѣстѣ съ дружественною Владиславу фамиліею Колонна, и Григорій не могъ уже долѣе откладывать свою поѣздку въ Савону. Въ іюнѣ онъ выѣхалъ изъ Рима, но, придумавъ дорогою различныя препятствія, прибылъ въ Лукку только въ январѣ 1408 г. Противникъ его находился уже въ Спецціи, такъ что папамъ оставалось всего нѣсколько часовъ пути, чтобы съѣхаться; но здѣсь Григорій изобрѣлъ новыя затрудненія и далъ пройти времени, назначенному для свиданія. Во время своего продолжительнаго путешествія, онъ поссорился даже съ кардиналами, потому что, вопреки присягѣ, назначилъ множество новыхъ кардиналовъ и даже возвелъ въ это званіе нѣкоторыхъ изъ своихъ племянниковъ. Во время ссоры онъ предложилъ кардиналамъ сложить папское достоинство за уступку его племянникамъ значительныхъ владѣній и доходовъ, но кардиналы не сочли себя вправѣ принять подобную сдѣлку. На пасхѣ 1408 г. Григорій окончательно разошелся съ прежними кардиналами, которые наконецъ покинули его и объявили себя въ пользу вселенскаго собора, который долженъ былъ быть созванъ обѣими коллегіями кардиналовъ. Ихъ поддержпвали въ этомъ намѣреніи Флоренція и Болонья, гдѣ Балтазаръ Косса принялъ ихъ сторону, а Владиславъ Неаполитанскій, призванный племянниками папы, занялъ Римъ и почти всю Церковную область.

Въ свою очередь и Бенедиктъ поссорился со своими кардиналами. Въ январѣ 1408 г. французскій король рѣшился на мѣру, принять которую давно уже убѣждалъ его парижскій университетъ: онъ объявилъ папѣ, что окончательно откажется отъ повиновенія ему, если тотъ до 24 мая не согласится съ противникомъ. Чтобы предупредить это, Бенедиктъ прибѣгнулъ къ средству, которое, вмѣсто того чтобы отвратить предстоявшую грозу, только приблизило и усилило ее. Въ самый день, назначенный французскимъ королемъ, Бенедиктъ послалъ ему буллу, въ которой, не приводя именъ, предавалъ отлученію отъ церкви всѣхъ отказывавшихся отъ повиновенія ему. Тогда буря разразилась. Парижскій университетъ объявилъ Бенедикта еретикомъ и схизматикомъ; французскій король поручилъ парламенту обнародовать это объявленіе, приказалъ позорно разорвать папскую буллу, разрѣшилъ всѣхъ отъ повиновенія папѣ, и, такъ какъ расколъ еще продолжался, сдѣлалъ необходимыя распоряженія для управленія церковью во Франціи, до того времени, пока тамъ не будетъ признанъ новый папа. Бенедиктъ находился тогда въ Генуѣ, и шестеро изъ его кардиналовъ, пріѣхавшіе въ Ливорно для переговоровъ съ римскою партіею, согласились съ кардиналами, отпавшими отъ Григорія, созвать вселенскій соборъ отъ имени обѣихъ коллегій. Но Бенедиктъ не призналъ за своими кардиналами права созывать вселенскій соборъ и предписалъ къ 1-му ноября всеобщее собраніе духовенства въ Перпиньянѣ, откуда, не смѣя вернуться въ Авиньонъ, отправился на свою родину Арагонію, король которой постоянно оставался его другомъ. Кардиналы Бенедикта съѣхались съ римскими кардиналами, отпавшими отъ Григорія, и объ

коллегіи постановили созвать соборъ въ Пизѣ, въ маѣ 1409 г. Григорій, съ своей стороны, созвалъ соборъ въ Удине. Изъ этихъ трехъ соборовъ, послѣдній былъ запрещенъ венеціанцами и городскими властями Удине и назначенъ потомъ въ Фріулѣ, куда съѣхалось весьма немного народу; соборъ въ Перпиньянѣ состоялся подъ покровительствомъ Арагоніи; одинъ только соборъ въ Пизѣ былъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, признанъ всѣми, но и тотъ не достигъ цѣли: вслѣдствіе его необдуманныхъ дѣйствій церковь получила еще третьяго папу.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

I. ИСТОРІЯ XV СТОЛѢТІЯ

СЪ ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ.

ВЛІЯНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВВЕДЕНІЕ

и

ОБЗОРЪ ПОЛОЖЕНІЯ ВОСТОКА ВЪ КОНЦѢ XIV СТОЛѢТІЯ.

Исторію XV столѣтія слѣдовало бы собственно начать исторіей Италіи, гдѣ въ то время, какъ теперь въ Англіи, процвѣтали новѣйшая наука, изящныя и полезныя искусства, ремесла, торговля и мореплаваніе. Ее можно бы начать и Германіей, потому что констанцскій и базельскій соборы подготовили реформацію, а гуситская война была началомъ религіозныхъ войнъ XVI столѣтія. Но по причинамъ, на которыя сейчасъ укажемъ, мы предпочитаемъ говорить сначала объ опасностяхъ, грозившихъ христіанству и цивилизаціи со стороны Востока. Мы начнемъ нашествіемъ турокъ и татарскихъ ордъ, потомъ перейдемъ къ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Бельгіи и наконецъ къ Испаніи, Арагоніи и Неаполю. Исторію скандинавскихъ государствъ и Россіи мы свяжемъ,—на сколько это будетъ нужно для пониманія общаго хода событій, — съ исторіей XVI столѣтія. Придавая особенное значеніе связи литературнаго образованія съ прогрессивнымъ развитіемъ гражданской и политической жизни и взаимному ихъ отношенію, мы посвятимъ литературѣ гораздо бльшій отдѣлъ, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ. Говоря о литературѣ, историки приводятъ только общія мѣста; мы, напротивъ, разсмотримъ ея частности и особенности, не измѣняя основнаго характера нашей всемірной исторіи, предназначаемой не для спеціалистовъ, но для всѣхъ вообще образованныхъ людей.

Вслѣдствіе этого основнаго характера нашей исторіи, мы весьма поверхностно коснемся азіатскихъ народовъ, турокъ, грековъ и придунайскихъ земель. Наша цѣль прослѣдить шагъ за шагомъ прогрессивное развитіе европейскихъ народовъ, а не разсказывать варварскія и рыцарскія исторіи войнъ. Намъ кажется, что уже по одной этой причинѣ исторію XV столѣтія слѣдуетъ начать отдаленнымъ Востокомъ. Нашествіе турокъ и татаръ способствовало успѣху цивилизаціи въ Италіи, замедливъ его, напротивъ, въ Германіи. Завоеванія турокъ и опустошенія, производимыя татарами, заставили греческихъ ученыхъ и художниковъ всѣхъ восточныхъ странъ бѣжать въ Италію. Въ Германіи же императоры, нуждаясь въ папахъ для войскъ съ турками, не могли оказать энергической поддержки стремленію народа освободиться въ церковныхъ дѣлахъ отъ римскаго гнета и невѣжества католическихъ монаховъ.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи османовъ, латинскихъ и греческихъ христіанъ восточной римской или византійской имперіи, необходимо еще разъ бросить бѣглый взглядъ на движеніе татаръ и монголовъ. Мы не станемъ повторять всѣхъ подробностей, но сдѣлаемъ только перечень важнѣйшихъ, выдающихся событій. Этотъ обзоръ объяснитъ намъ, почему турки могли основать въ Европѣ и Азіи новое цѣльное и сильное мухаммеданское государство, тогда какъ монголы и татары были страшны только какъ хищныя орды. Османы, составлявшіе, по своимъ религіознымъ понятіямъ и организаціи, военное государство,

принадлежали къ одному племени; другія племена только присоединились къ нимъ и слились съ ними. Несмѣтныяорды монголовъ и татаръ, напротивъ, вернулись къ прежней жизни и разобщенности, когда умеръ вождь, соединившій ихъ и управлявшій ими.

Мы предполагаемъ извѣстнымъ, что турками и татарами называются племена кавказской расы, сходныя съ германскими племенами, что, напротивъ, монголы не имѣютъ съ послѣдними ничего общаго, ни по происхожденію, ни по наружности. Наши читатели должны также знать, что при Чингисъ-ханѣ и его преемникахъ, когда началось монгольское движеніе, и впослѣдствіи во время войнъ Тимура, татарскія орды были усилены монголами; слѣдствіемъ монгольскихъ походовъ было основаніе татарскихъ и монгольскихъ государствъ. Говоря о туркахъ, мы будемъ подразумѣвать племена, образовавшія сельджукское царство, или же дикихъ и грубыхъ, но воинственныхъ и храбрыхъ туркомановъ. Въ Исторіи среднихъ вѣковъ (стр. 96) подробно разсказано, какъ, къ началу XIII столѣтія, Темучинъ, князь одной изъ монгольскихъ ордъ Алтайскихъ горъ, въ верхней Азіи, соединивъ подъ своимъ владычествомъ всѣхъ номадовъ, кочевавшихъ къ югу отъ Байкальскаго озера, провозгласилъ себя Чингисъ-ханомъ. Онъ подчинилъ себѣ татаръ и сѣверную часть Китая, до Желтой рѣки, прежде чѣмъ устремился съ своими ордами на сѣверо-западъ и юго-западъ, гдѣ встрѣтился съ тюркско-татарскими племенами. Историкъ Чингисъ-хана называетъ ихъ туркоманами, что по-персидски означаетъ людей, похожихъ на турокъ. Эти племена были увлечены монголами. Двинувшись затѣмъ по направленію къ сѣверу, Чингисъ-ханъ вытѣснилъ тюркскія племена печенѣговъ (канкали или канкли), обитавшія на востокъ отъ Яика (стр. 99). Такая же участь постигла и племена Кипчака, у Каспійскаго моря. Война съ печенѣгами привела монголовъ въ столкновеніе съ Мухаммедомъ III, шахомъ Ховарезміи, въ Персіи. Ховарезмійскіе шахи, страшные своимъ врагамъ наемными турецкими войсками, славились даже въ Европѣ покровительствомъ литературѣ, искусству, поэзіи, наукѣ и образованію (стр. 97). Отецъ Мухаммеда, Такашъ, былъ женатъ на дочери хана одной отрасли печенѣговъ, Турканъ Хатуни, знаменитой амазонкѣ и геніальной правительницѣ. Она привлекла въ Персію орды туркомановъ и печенѣговъ и племена огузскихъ турокъ, къ которымъ принадлежатъ османы; съ ихъ помощью Мухаммедъ основалъ знаменитое ховарезмійское царство. Эти дикія и грубыя племена были грозою не только багдадскихъ халифовъ, но и самихъ султановъ. Въ царствованіе своего сына Турканъ Хатунь, почитаемая тюркскими племенами, какъ дочь одного изъ ихъ хановъ, пользовалась необыкновеннымъ на Востокѣ вліяніемъ въ управленіи. Мухаммедъ отдавалъ ей въ покоряемыхъ странахъ цѣлыя провинціи; у ней было свое министерство изъ семи человѣкъ; ея тугра или монограмма, собственноручно надписываемая на всѣхъ повелѣніяхъ, состояла изъ словъ: «Покровительница міра и религіи, княгиня турокъ, повелительница всей вселенной», а девизомъ было: «Милость божія мое прибѣжище». Она называла себя властительницею міра (Худавендъ-Джиханъ). Исторія Турканъ-Хатуни и ея сына разсказана уже нами въ исторіи среднихъ вѣковъ (стр. 97). Мы прибавимъ только, что тюркскія племена были истреблены или увлечены монголами, подчинившими себѣ центральную Азію и опустошившими страну по ту сторону Окса (Джигунъ), Хорасанъ и всю Персію. Еще при Чингисъ-ханѣ монголы проникаютъ на юго-востокъ отъ Синда и на западъ отъ Евфрата, вторгаются въ Грузію (Георгію), наводняютъ Крымъ, опустошаютъ Россію и нападаютъ на болгаръ въ верховьяхъ Волги.

Въ настоящемъ томѣ было подробно изложено, какъ Чингисъ-ханъ, послѣ похода на западъ, снова обратился противъ Китая и покорилъ западныя его провинціи, и какъ монголы, при первыхъ его преемникахъ, утвердились къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, Кавказа и Чернаго моря и опустошили Россію. При Тимурѣ повторилось нашествіе на Россію, и татары основали кипчакское и казанское царства. Монголы проникли даже въ Польшу и Венгрію, покорили страны по Тигру и Евфрату, Арменію, Грузію и Малую Азію, разрушили столицу халифовъ Багдадъ, завоевали наконецъ весь Китай, заняли Тибетъ и часть Индіи по ту сторону Ганга. Такимъ образомъ, черезъ полстолѣтія по смерти Чингисъ-хана потомки его уже владычествовали надъ большею частью Азіи. Они распались на четыре династіи: императоры одной изъ нихъ, жившіе въ нынѣшнемъ Пекинѣ, считались

верховными повелителями императоровъ остальныхъ династій, получившихъ свои владѣнія, какъ лены, отъ пекинскаго императора (стр. 107). По знаменитому уложенію Чингисъ-хана, въ происшедшихъ отъ него династіяхъ не существовало права первородства, но, по смерти одного изъ четырехъ императоровъ, всѣ князья, потомки Чингисъ-хана, должны были съѣзжаться для избранія изъ своей среды новаго императора. Это постановленіе, невыполнимое даже на Западѣ, было источникомъ неискончаемыхъ войнъ. Съ теченіемъ времени развелось безконечное множество князей, каждый владѣлъ значительной территоріей, содержалъ наемниковъ или былъ въ союзѣ съ воинственными номадами пустыни. Смерть одного изъ императоровъ вызывала обыкновенно всеобщую войну. Князья ополчались и вели войны между собой и съ императорами. Исторія потомковъ двухъ старшихъ сыновей Чингисъ-хана, Чагатая и Чучи, наполнена исключительно разсказами о кровопролитныхъ войнахъ претендентовъ на престолъ. Среди этой борьбы одна изъ династій погибла въ половинѣ XIV столѣтія, другая была уничтожена въ концѣ XV вѣка. Около 1336 г. анархическія волненія повели за собой паденіе потомковъ Чингисъ-хана и въ Персіи. Изъ Китая они были выгнаны въ 1370 г., и потомкамъ монгольскаго завоевателя осталось подъ конецъ только владычество надъ номадами и ордами Средней Азіи.

Еще задолго до паденія царствъ, основанныхъ Чингисъ-ханомъ и его сыновьями, племена кавказскаго происхожденія и наружности, названныя нами въ предъидущихъ томахъ татарами и турками, свергли иго монгольскихъ ордъ, походившихъ болѣе на дикихъ звѣрей, чѣмъ на людей. Сельджукскіе и османскіе турки и другія племена вели войны съ христіанами въ Малой Азіи; такъ называемые мамелюки, т. е. купленные и обращенные въ солдатъ турки, татары и другіе кавказцы, владычествовали въ Египтѣ, а оттуда перешли въ Сирію (стр. 107), гдѣ впослѣдствіи встрѣтились съ османскими турками. Говоря о предпріятіяхъ Чингисъ-хана противъ Персіи, мы упоминали объ этихъ туркахъ, называя ихъ огузами или огурами. Одна орда огузовъ, приблизительно въ 50,000 ч., искала убѣжища въ верхней Арменіи. Во время преслѣдованья предводитель ея Солиманъ утонулъ въ рѣкѣ, а его сыновья стали искать, по турецкому обычаю, возможности служить оружіемъ исламу. Только одинъ изъ нихъ, Эртогрулъ, пріобрѣлъ, какъ основатель османской имперіи, всемірно-историческое значеніе. Съ толпою послѣдовавшихъ за нимъ турокъ Эртогрулъ поддерживалъ сельджукскаго султана Алаэддина, одного изъ многочисленныхъ мелкихъ турецкихъ князей, постоянно воевавшихъ съ малоазійскими христіанами и между собою. Въ награду за оказанныя услуги онъ получилъ въ ленъ владѣніе въ Ангорской области, скоро достигъ независимости, распространилъ свое владычество далѣе на сѣверъ и создалъ страшную по своей дисциплинѣ и фанатизму конницу, увеличенную впослѣдствіи его сыномъ Османомъ и внукомъ Урханомъ. При Османѣ всѣ смѣлые турецкіе разбойники стремились въ завоеванную Эртогруломъ крѣпость Карагисаръ, сдѣлавшуюся столицею основаннаго имъ государства. Передъ греками, незаботившимися объ управленіи Малой Азіей, османы имѣли то преимущество, что ими предводительствовали талантливые и храбрые вожди, а мелкимъ турецкимъ князьямъ, лишеннымъ всякой организаціи, они были страшны дисциплиной и единствомъ. Раздѣленные и враждебные другъ другу, турецкіе князья Малой Азіи походили съ своими войсками на шайки разбойниковъ; османы, напротивъ, приняли мало-по-малу совершенно такую же организацію, какъ феодальное рыцарство. Султанъ Османъ роздалъ имъ завоеванныя земли почти на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Вильгельмъ Завоеватель раздѣлилъ Англію между норманскими рыцарями (стр. 9). Опустошенія, производимыя тюркскими племенами на югѣ Малой Азіи и по западному ея прибрежью, и нерадѣніе греческихъ императоровъ о защитѣ Виѳиніи, облегчили османамъ завоеванія на сѣверѣ страны. Со времени изгнанія латинянъ изъ Константинополя Михаиломъ Палеологомъ и вторичнаго перенесенія туда столицы никейскаго царства (стр. 83) военныя силы византійской имперіи были окончательно истощены войнами въ Македоніи, Ѳракіи и собственной Греціи. Этимъ съумѣли воспользоваться предводители малоазійскихъ турокъ. Гаммеръ, изучавшій исторію османовъ по очень богатымъ турецкимъ источникамъ, нерѣдко буквально имъ цитируемыхъ, называетъ множество мелкихъ турецкихъ князей, отнявшихъ при

Османѣ у грековъ города и провинціи въ юго-западной части Малой Азіи. По свидѣтельству византійскихъ историковъ, Кенхрея, Трипполисъ на Меандрѣ, Сарды и Эфесъ были тогда завоеваны или совершенно разорены. Въ то время какъ другіе турки захватывали берега Эгейскаго моря, опустошали и грабили острова, османы направляли свои походы противъ Виѳиніи и дѣлали высадки на берегахъ Ѳракіи. Только три виѳинскіе города, Пруза, Никея и Никомедія, защищались болѣе четверти столѣтія, и одна Смирна держалась до времени Тимура; Филадельфія пала ранѣе. Столица Виѳиніи, укрѣпленная Пруза сдалась передъ самой смертью Османа (1326 г.) и сдѣлалась съ тѣхъ поръ главнымъ городомъ новаго османскаго царства. Урханъ, пошедшій по стопамъ отца, покорилъ Никею и Никомедію, овладѣлъ всей Виѳиніей и Пафлагоніей, и наконецъ сталъ твердой ногой въ Европѣ. Его разбойническія шайки заняли въ 1357 г. Херсонесъ Ѳракійскій и находящееся близъ него прибрежье, на востокъ до Родосто, на западъ вверхъ по Маріцѣ до Ипсалы, и на сѣверъ до области Чорли и Гіераболи. Старшій сынъ Урхана, Солиманъ, отправившись въ новопокоренныя страны намѣстникомъ отца, никогда не пріѣзжавшаго въ Европу, избралъ своей столицей Каллиполь или Галлиполи, тогда еще одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ распадавшейся византійской имперіи и важнѣйшій торговый рынокъ морскаго прибрежья. Солиманъ умеръ прежде отца; Урхану наслѣдовалъ его второй сынъ, Мурадъ I. О Мурадѣ и его преемникахъ было уже разсказано въ этомъ томѣ (стр. 463); но здѣсь снова нужно вернуться къ его исторіи. Прежде мы говорили только объ отношеніяхъ турокъ къ Венгріи и къ исторіи короля Сигизмунда, теперь скажемъ о предпріятіяхъ ихъ противъ христіанской константинопольской имперіи.

I. ТУРЕЦКАЯ И ВИЗАНТІЙСКАЯ ИСТОРІЯ

ДО ЗАВОЕВАНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

1. Византійская имперія до занятія Галлиполи османами.

Не смотря на совершенное вырожденіе историческаго характера грековъ, угасаніе греческой науки и исчезновеніе искусства, древняя цивилизація и въ особенности древняя литература, сохраняли еще могущественное вліяніе въ древней столицѣ греческой имперіи, даже во времена военнаго владычества латинянъ. Наука и искусство вновь зацвѣли, когда Михаилъ Палеологъ перенесъ столицу имперіи въ Константинополь. Венеціанцы и генуезцы, составлявшіе въ предмѣстьяхъ Константинополя независимыя государства, владѣвшіе въ Греціи многими колоніями и торговавшіе въ Крыму, по всему восточному берегу Чернаго моря, а оттуда, какъ доказываютъ путешествія Марко Поло, вплоть до Китая и Индіи, распространяли на Западѣ византійское искусство и греческую ученость. Это заставляетъ насъ нѣсколько остановиться на далеко незанимательной исторіи императоровъ, слѣдовавшихъ за Михаиломъ Палеологомъ. Въ царствованіе Михаила (стр. 83), въ Этоліи, Эпирѣ и Θессаліи владычествовали два независимые греческіе князя; они признавали его императорскій титулъ и называли себя деспотами (despotae). Царствовавшій въ Трапезунтѣ домъ не признавалъ Михаила законнымъ императоромъ. Съ остававшимися еще въ Византіи латинянами, Михаилъ велъ постоянную войну. Все это заставляло его содержать цѣлую толпу наемныхъ славянъ, болгаръ и турокъ, смотрѣвшихъ на войну какъ на ремесло. Фалльмерайеръ въ своей исторіи Мореи держится того мнѣнія, что Михаилъ вытѣснилъ бы франковъ изъ Мореи, не смотря на множество построенныхъ ими тамъ, почти недоступныхъ замковъ, если бы не началъ въ то же время войны съ деспотомъ Арты и съ баронами, владычествовавшими въ Новомъ-Патрасѣ, Аѳинахъ и Эпирѣ, и не стремился къ завоеванію острововъ Эгейскаго моря. Ему дѣйствительно удалось выгнать латинянъ изъ Хіоса, Лесбоса, Родоса и нѣкоторыхъ другихъ острововъ. Онъ покровительствовалъ пизанцамъ и генуезцамъ, а потому венеціанцы и папа поддерживали потомка анжуйскаго дома, претендовавшаго на права изгнаннаго латинскаго императора Бальдуина. Чтобы отклонить готовившійся противъ него крестовый походъ, Михаилъ старался расположить въ свою пользу папу, сдѣлавъ видъ, что хочетъ ввести въ греческой имперіи латинское богослуженіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли и греки и самъ папа на предложеніе признать папу верховнымъ владыкою и на Востокѣ, сдѣланное по порученію императора на церковномъ соборѣ западнаго духовенства. Греки не выказывали особенно упорнаго сопротивленія, пока рѣчь шла объ упоминовеніи при богослуженіи имени папы вмѣстѣ съ именами четырехъ патріарховъ, о первенствѣ главы римской церкви и о дозволеніи аппеллировать къ нему. Все это касалось только патріарха Іосифа. Иной оборотъ принялъ вопросъ, когда къ словамъ «иже отъ Отца исходящаго» (Духъ Святой) хотѣли прибавить «отъ Отца и Сына» (Символъ вѣры); послѣднія два слова (filioque) возбудили страшное вол-

неніе. Папа, вѣроятно подозрѣвая, что Михаилъ хочетъ только остановить походъ, приготовляемый латинскимъ рыцарствомъ для поддержанія претендента, не удовольствовался согласіемъ на три упомянутыя статьи. Въ исторіи Никифора Григоріанскаго (Nicephorus Gregoras), императоръ отзывается о духовенствѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя очевидно доказываютъ, что оно и слышать не хотѣло о подчиненіи папѣ. Положеніе Михаила сдѣлалось очень затруднительнымъ, когда папскій легатъ явился съ новыми требованіями. Самъ онъ готовъ былъ сдержать данное обѣщаніе, но духовенство и народъ отказывались повиноваться ему въ дѣлахъ вѣры и обрядовъ. Возникли споры и преслѣдованія, и Михаилъ до самой смерти (1282 г.) велъ съ своими подданными болѣе ожесточенную борьбу, чѣмъ съ турками, приближавшимися къ Константинополю. Независимые греческіе деспоты въ Этоліи, Эпирѣ и Ѳессаліи, владѣтель Трапезунта, снова принявшій императорскій титулъ, и даже латинскіе бароны, владычествовавшіе еще на островѣ Негропонтѣ, въ Ѳивахъ, Аѳинахъ и Пелопоннесѣ, приняли сторону грековъ, преслѣдуемыхъ императоромъ изъ угожденія папѣ. Духовенство проклинало его, полководцы измѣняли. Почти всѣ женщины императорской фамиліи покровительствовали народной партіи, возставшей противъ подчиненія папѣ. Михаилъ жестоко наказывалъ подданныхъ, не соглашавшихся признать, что Св. Духъ исходитъ равно отъ Сына, какъ и отъ Отца. Вражда дошла до того, что греческое духовенство предало императора анаѳемѣ; папа также отлучилъ его отъ своей церкви за неисполненіе даннаго обѣщанія. Михаилъ такъ и умеръ отлученнымъ отъ обѣихъ церквей. Ненависть греческихъ патріарховъ къ еретику была такъ сильна, что сынъ и преемникъ Михаила долженъ былъ, еще до вступленія на престолъ, отказаться отъ его принциповъ и, не смѣя похоронить отца въ Константинополѣ, отправилъ тѣло его въ Селимбрію.

Сынъ и преемникъ Михаила, Андроникъ Старшій, былъ, какъ почти всѣ послѣдніе византійскіе императоры, философомъ, филологомъ и преимущественно богословомъ. Погруженный въ книги, онъ предоставлялъ государственныя дѣла другимъ, а самъ занимался исключительно спорами константинопольскаго духовенства. Въ его царствованіе острова и берега Средиземнаго моря становятся цѣлью предпріятій такъ называемыхъ каталонцевъ (стр. 50), т. е. рыцарскихъ шаекъ, участвовавшихъ во внутреннихъ войнахъ Испаніи и служившихъ наемниками (condottieri) во время войнъ между Англіей и Франціей; орденъ іоаннитовъ, поселившись, по изгнаніи христіанъ изъ Палестины, на островѣ Кипрѣ, дѣлаетъ изъ Родоса оплотъ христіанскаго міра противъ мухаммеданъ; турки завладѣваютъ многими островами и различными пунктами морскаго прибрежья и, отъ времени до времени, предпринимаютъ опустошительные набѣги внутрь страны. Когда іоанниты захотѣли отдѣлиться отъ короля кипрскаго, островъ Родосъ былъ раздѣленъ между греками и турками. Гроссмейстеръ ордена Фулькъ де Вилларе отправился во Францію звать рыцарей на помощь, а оттуда поѣхалъ въ Римъ, чтобы просить папу поддержать деньгами войну за вѣру. Папа далъ 90 тысячъ золотыхъ флориновъ; греческому императору было предложено денежное вознагражденіе и признаніе его леннымъ владѣтелемъ острова. Андроникъ не соглашался на подобную сдѣлку и выслалъ противъ рыцарей войско и флотъ. Вилларе напалъ на грековъ, разбилъ ихъ и завоевалъ сначала главный городъ (августъ 1310 г.), а потомъ и весь островъ, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ собственностью ордена.

Даровавъ императорскіе титулы своему сыну Михаилу II и его сыну Андронику Младшему, Андроникъ Старшій гордился тѣмъ, что онъ первое лицо въ числѣ трехъ императоровъ. Но еще передъ смертью Михаила II, Андроникъ Старшій поссорился съ внукомъ и, кажется, хотѣлъ совершенно удалить его отъ наслѣдія (октябрь 1320 г.). Онъ возвысилъ тогда другаго внука, Константина, и объявилъ будущимъ наслѣдникомъ его побочнаго сына, Михаила, лишеннаго, по словамъ не только Іоанна Кантакузена, но даже Никифора Григоріанскаго, всякихъ способностей и дарованій. Мать Михаила была еретичка и потому ему дали презрительное названіе Каѳара. Сладострастный, преданный удовольствіямъ Андроникъ Младшій не имѣлъ ни ума для управленія государствомъ, ни энергіи и мужества для возстанія. Но имъ руководили два человѣка: ученый придворный Іоаннъ Кантакузенъ и Сиргіаннъ,

пользовавшійся вліяніемъ у славянъ и болгаръ, находившихся въ греческой службѣ; они возбудили въ Андроникѣ злобу къ дѣду и впослѣдствіи оказали ему большія услуги. Іоаннъ Кантакузенъ описалъ исторію своего времени и преимущественно свою собственную въ толстой, ученой и софистической книгѣ. Его сочиненіе чрезвычайно сходно съ исторіями Наполеона и французской имперіи, написанными какими нибудь Тьерами и ему подобными господами, т. е. Іоаннъ вездѣ выставляетъ себя и свою партію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Между греческимъ историкомъ и французами, о которыхъ мы говоримъ, конечно, существуетъ та разница, что Іоаннъ Кантакузенъ глубоко ученъ, но скученъ, французы, напротивъ, неучи, но разсказываютъ занимательно. Сиргіаннъ былъ человѣкъ способный и практическій, но безъ совѣсти и чести; такъ, по крайней мѣрѣ, описываетъ его современникъ, историкъ Никифоръ Григоріанскій, отличный представитель тогдашняго времени, наполняющій цѣлыя страницы своей исторіи подробными разсказами о женщинахъ и духовныхъ и всѣхъ ихъ интригахъ. По женской линіи Сиргіаннъ принадлежалъ къ императорскому дому, а по мужской былъ половецъ (куманинъ) и соединялъ въ себѣ хитрость грека съ грубостью и коварствомъ половца. Занимая при старомъ императорѣ высшія должности, онъ два раза измѣнялъ ему, былъ посаженъ въ темницу и освобожденъ только по мольбамъ своей матери. Получивъ отъ Андроника Старшаго порученіе слѣдить за Андроникомъ Младшимъ, Сиргіаннъ, напротивъ, старался возстановить внука противъ дѣда. Ему помогалъ Іоаннъ Кантакузенъ, уговаривавшій своего друга, Андроника Младшаго, заставить дѣда приказать греческимъ вельможамъ присягнуть ему; но старый императоръ запретилъ присягать внуку, когда умеръ его отецъ. Совѣтники Андроника Младшаго, совершенно отдавшагося въ ихъ руки, раздѣлили между собой роли: Сиргіаннъ остался на Дунаѣ, подъ предлогомъ формированія войска для защиты отъ нападенія варваровъ, жившихъ на сѣверъ рѣки, а Кантакузенъ отправился въ Галлиполи, сносясь оттуда съ молодымъ императоромъ и Сиргіанномъ. Синаденъ, протостраторъ или главный командиръ конницы, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Адріанополѣ, сдѣлался также участникомъ заговора; за цѣль его они выдавали только желаніе защитить Андроника Младшаго отъ недостойнаго сына еретички. Заговорщики собрались въ Константинополѣ и склонили на свою сторону краля сербскаго. Разсказывая въ подробностяхъ всѣ эти исторіи, хитрый Кантакузенъ выдаетъ себя за истиннаго патріота и хвалится тѣмъ, что съ большимъ трудомъ остановилъ тогда Сиргіанна отъ открытаго возстанія. Историкъ утверждаетъ однако, что онъ и другіе заговорщики смѣло приняли сторону молодаго императора, когда дѣдъ потребовалъ его къ суду. Старый императоръ испугался и хотѣлъ сначала удалить изъ столицы обоихъ предводителей заговора, чтобы безъ нихъ отмстить внуку; но Кантакузенъ и Сиргіаннъ убѣдили Андроника Младшаго отправиться съ ними въ Адріанополь (на святой 1321 г.). Съ этой минуты въ несчастной странѣ, опустошаемой и разоряемой турками, латинянами, болгарами, куманами (половцами) и славянами различныхъ племенъ и отраслей, являются на незначительномъ разстояніи два враждебные двора, два войска и два императора. Который изъ двухъ императоровъ былъ хуже, трудно сказать. Панегирикамъ Кантакузена Андронику Младшему нельзя вѣрить, потому что историкъ хотѣлъ управлять имперіей именемъ развратника; слова защитника Андроника Старшаго, Никифора Григоріанскаго, старающагося возвысить старшаго императора и унизить молодаго, также очень подозрительны. Исторія обоихъ императоровъ доказываетъ, что оба они нисколько не заботились о государствѣ, предоставляя защиту его наемнымъ варварамъ, отъ которыхъ сами не были въ безопасности въ своей столицѣ, но которыми Іоаннъ Кантакузенъ и Сиргіаннъ умѣли искуснѣе пользоваться, чѣмъ ученые совѣтники стараго императора. Вскорѣ по примиреніи съ внукомъ Андроникъ Старшій принужденъ былъ согласиться на формальный раздѣлъ распадавшейся имперіи. Со времени этого дѣлежа туркамъ былъ открытъ доступъ внутрь раздробленной византійской имперіи, опустошаемой славянами, болгарами и половцами. Константинополь съ немногими принадлежавшими еще къ нему островами, города Малой Азіи, отстаивавшіе, какъ Филадельфія и Смирна, свою независимость отъ турокъ, Македонія и страна на востокъ отъ нея до Дураццо остались за старымъ императоромъ; Адріанополь, владѣнія на югъ и сѣ-

веръ отъ него и Ѳракія, отъ Филиппополя до сѣверныхъ границъ имперіи, достались Андронику Младшему. Но лишь только дѣлежъ былъ покончень, какъ возникли новыя несогласія. Сиргіаннъ сталъ интриговать противъ Іоанна Кантакузена, отправился въ Константинополь и сманилъ на сторону Андроника Старшаго сербскаго краля. Молодой императоръ появился тогда съ толпою грубыхъ наемниковъ предъ Константинополемъ, но зимніе холода принудили его снять осаду города.

Въ слѣдующемъ году Іоаннъ Кантакузенъ повелъ войну счастливѣе. Онъ завладѣлъ многими небольшими городами, взялъ Селимбрію и, призванный на помощь жителями Лемноса, выгналъ османовъ съ этого острова. Положеніе Андроника Старшаго было очень затруднительно, когда войска молодаго императора подступили къ Константинополю; Сиргіаннъ, поспѣшившій изъ Перинфа, не имѣлъ достаточно конницы, а турки, составлявшіе большую часть гарнизона, не хотѣли болѣе оставаться въ городѣ. О переговорахъ, начавшихся тогда между дѣдомъ и внукомъ, Никифоръ Григоріанскій и Іоаннъ Кантакузенъ разсказываютъ совершенно различно. Въ своей исторіи Кантакузенъ представляетъ Андроника Младшаго сантиментальнымъ, добродѣтельнымъ героемъ, готовымъ пожертвовать всѣмъ изъ уваженія къ старику дѣду, заставляетъ его говорить длинныя рѣчи и выводитъ на сцену женщинъ. Не останавливаясь на этихъ подробностяхъ, не имѣющихъ для насъ никакой важности, скажемъ только о результатѣ переговоровъ. Андроникъ Младшій сохранилъ за собою доходы и управленіе владѣніями, отданными ему по первому раздѣлу, предоставивъ по имени высшее управленіе старому императору, обѣщавшему за то внуку короновать его и дозволить ему жить въ столицѣ. По примиреніи съ дѣдомъ, Андроникъ Младшій предпринялъ походъ противъ болгаръ и, возвратившись побѣдителемъ въ Константинополь, былъ торжественно коронованъ (въ февралѣ 1325 г.). Жертвою примиренія сдѣлался Сиргіаннъ, обвиненный въ заговорѣ и приговоренный, не судомъ, а старикомъ императоромъ, на пожизненное заключеніе въ цѣпяхъ; впослѣдствіи однако онъ былъ освобожденъ.

Во всѣхъ концахъ имперіи обнаруживались явные признаки разложенія. Болгары завладѣли Филиппополемъ; Ѳракію опустошали попеременно то болгары и славяне, то татарскія орды на Днѣстрѣ и Прутѣ, и Андроникъ Младшій почти не смѣлъ выходить изъ укрѣпленной Дидимотики. Въ это несчастное для раздробленной имперіи время османы завоевали Виѳинію и пала долго осаждаемая ими Пруза, сдѣлавшаяся съ тѣхъ поръ столицею османскаго султана. Дружественныя сношенія Андроника Младшаго съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ были, какъ кажется, причиною новаго раздора между дѣдомъ и внукомъ. Болгарскій царь глубоко оскорбилъ сербскаго краля, женившись не на его сестрѣ, а на Ѳеодорѣ Палеологъ, сестрѣ Андроника Младшаго. Этотъ бракъ, отдаливъ сербскаго краля отъ молодаго императора, приблизилъ его къ старому и повелъ за собой союзъ болгарскаго царя съ Андроникомъ Младшимъ. Противъ молодаго императора былъ начатъ формальный процессъ и его потребовали въ Константинополь. Сопровождаемый Іоанномъ Кантакузеномъ и Синаденомъ, сдѣлавшимся руководителемъ молодаго императора со времени его перваго отпаденія, Андроникъ Младшій отправился изъ Дидимотики въ Селимбрію, а оттуда въ Константинополь; но дѣдъ не велѣлъ пускать его въ городъ (октябрь 1327 г.). Іоаннъ Кантакузенъ и въ этомъ случаѣ выставляетъ внука совершенно невиннымъ, исполненнымъ глубокаго уваженія къ старику дѣду. Никифоръ Григоріанскій, напротивъ, утверждаетъ, что Іоаннъ Кантакузенъ и Синаденъ хотѣли свергнуть Андроника Старшаго и для совѣщаній пригласили даже въ Дидимотику зятя молодаго императора, болгарскаго царя; узнавъ чрезъ одного перебѣжчика о намѣреніяхъ внука и о захватѣ имъ всѣхъ государственныхъ суммъ, старый императоръ запретилъ ему являться въ Константинополь. Разсказъ Никифора болѣе правдоподобенъ, а то, что говоритъ Кантакузенъ, уже тогда старавшійся пронырствомъ достигнуть престола, служитъ только доказательствомъ его гнуснаго лицемѣрія. Весь характеръ этого человѣка, описывающаго съ такими риторическими прикрасами современныя ему событія, выказался впослѣдствіи въ обращеніи съ Андроникомъ Старшимъ: старика сначала очень осторожно лишили всякаго значенія, потомъ поставили въ безпомощное положеніе, и наконецъ заперли въ

монастырь, гдѣ съ нимъ обращались весьма жестоко. Таковъ былъ исходъ этого дѣла, происходившаго слѣдующимъ образомъ.

Когда молодой императоръ выступилъ противъ Константинополя (1328 г.), Андроникъ Старшій выставилъ передъ городомъ войско наемниковъ; не рѣшаясь аттаковать его, Андроникъ Младшій двинулся въ Македонію. Въ Θессаликахъ и Эдессѣ, древнихъ Эгахъ, онъ былъ встрѣченъ дружелюбно. Подкупленный деньгами, краль не прислалъ Андронику Старшему обѣщанной помощи. Наемники, защищавшіе Константинополь, были разбиты Синаденомъ при рѣкѣ Меласѣ; появленію болгарскаго царя, снова привлеченнаго на сторону Андроника Старшаго, постарался помѣшать Кантакузенъ быстрымъ движеніемъ изъ Македоніи во Θракію, чтобы достигнуть Константинополя прежде болгарскаго войска, предводительствуемаго русскимъ. Этотъ маневръ удался, и подкупленный болгарскій царь вернулся въ Болгарію. Въ то же время Константинополю грозила опасность и съ моря отъ генуэзцевъ и венеціанцевъ, начавшихъ между собой войну. Грекамъ пришлось почувствовать всю тягость войны двухъ республикъ, владѣвшихъ значительными колоніями въ Константинополѣ и по всему морскому прибрежью. Дѣйствительно, когда Андроникъ Младшій осадилъ городъ съ суши, венеціанцы выслали сорокъ кораблей, которые стали блокировать галатскую гавань и останавливать въ Босфорѣ корабли съ товарами и припасами. Кантакузенъ вступилъ между тѣмъ въ переговоры съ нѣкоторыми изъ жителей Константинополя, и между ними было рѣшено, что Андроникъ Младшій перелѣзетъ ночью черезъ стѣну. 24 мая 1328 г. Іоаннъ Кантакузенъ и молодой императоръ вступили въ городъ со ста человѣками; къ нимъ тотчасъ же присоединилось значительное число заговорщиковъ. Послѣдовавшая затѣмъ революція обошлась, противъ восточнаго обыкновенія, безъ кровопролитія. Іоаннъ Кантакузенъ, допускавшій все, рѣдко нарушалъ внѣшнія приличія, да и не нуждался въ крайнихъ мѣрахъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Покинутый старикъ императоръ со страхомъ ждалъ внука во дворцѣ. По словамъ Никифора Григоріанскаго, удивленіе его было очень велико, когда онъ въ человѣкѣ, отнявшемъ у него престолъ, увидѣлъ участіе и слезы. Сантиментальныя сцены, описываемыя обоими современными историками, кажутся намъ черезчуръ романтическими; несомнѣнно однако, что съ старикомъ императоромъ поступили чрезвычайно мягко. Лицемѣріе и двоедушіе были доведены до высшей утонченности. Лишивъ Андроника Старшаго власти и всякаго значенія, ему сохранили титулъ, почетъ, всѣ внѣшніе знаки императорскаго достоинства и оставили его жить въ прежнемъ дворцѣ; Андроникъ Младшій занялъ дворецъ дяди Димитрія. Все это впрочемъ скоро измѣнилось, и старику пришлось терпѣть, какъ будто безъ приказаній сверху, различныя оскорбленія отъ черни, всякаго сброда, и чиновниковъ и креатуръ Синадена, назначеннаго начальникомъ города. Іоаннъ Кантакузенъ умалчиваетъ объ этомъ въ своей исторіи; но за то Никифоръ Григоріанскій описываетъ съ утомительными подробностями всѣ бѣдствія императора. Положеніе старика становилось съ каждымъ мѣсяцемъ тяжелѣе: назначенные ему доходы были постепенно уменьшаемы и похищаемы его приближенными или выдававшими ихъ лицами, а его самого такъ мучили во время болѣзни внука, что онъ рѣшился удалиться въ монастырь и постричься въ монахи. Но и въ монастырѣ его не оставляли въ покоѣ. Андроникъ Старшій умеръ черезъ четыре года по низверженіи съ престола..

Андроникъ Младшій предоставилъ государственное управленіе своему другу Іоанну Кантакузену. Мы никакъ не можемъ раздѣлять мнѣнія Гиббона, судившаго объ этомъ человѣкѣ слишкомъ снисходительно. Нужно однако согласиться, что Кантакузенъ, по крайней мѣрѣ, не разъ выказывалъ и на дѣлѣ ту мягкость и умѣренность, которыми онъ такъ хвастается. Отказавшись отъ сдѣланнаго ему императоромъ предложенія назначить его своимъ соправителемъ, онъ до самой смерти Андроника (1341 г.) управлялъ дѣлами его именемъ. Въ своемъ завѣщаніи Андроникъ назначилъ его правителемъ на время малолѣтства своего сына Іоанна Палеолога. Это распоряженіе возбудило страшное неудовольствіе между придворными, и въ имперіи, опустошаемой варварами и охраняемой наемными варварами различныхъ національностей, снова возникли внутреннія волненія. Мать императора, Анну Савойскую, окружали въ Константинополѣ враги правителя. Іоаннъ Кантакузенъ просилъ помощи у сербскаго краля, собралъ въ

укрѣпленной Дидимотикѣ своихъ друзей и въ октябрѣ (1341 г.) принялъ въ этомъ городѣ императорскій титулъ. Торжество коронованія описано въ его исторіи съ мельчайшими подробностями, доказывающими, какую важность придавалъ и самъ онъ и его соотечественники подобнымъ церемоніямъ. Императорскую мантію, говоритъ Кантакузенъ, я самъ накинулъ на себя; пурпуровые сапоги, главное украшеніе торжественной императорской одежды, надѣли ему на правую ногу его родственники, на лѣвую командиръ латинскихъ войскъ, находившихся въ германской службѣ; императорскую корону, положенную подъ образъ Богородицы, онъ самъ поднялъ и надѣлъ себѣ на голову. Но и по коронованіи Іоаннъ Кантакузенъ остался вѣренъ своей лицемѣрной политикѣ: въ манифестѣ о своемъ вступленіи на престолъ онъ выставилъ свое имя послѣ имени молодаго императора. Въ немъ сказано, что на всѣхъ повелѣніяхъ имена вдовствующей императрицы Анны и ея сына Іоанна Палеолога должны стоять прежде его имени и имени его жены.

Съ этой минуты исторія грековъ теряетъ для насъ всякое значеніе: Анна и ея приближенные управляютъ имперіей изъ Константинополя, Іоаннъ Кантакузенъ и его жена изъ Дидимотики, и оба правительства ведутъ между собой безконечныя войны съ помощью варваровъ, населявшихъ Сербію и земли по ту сторону Дуная. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы будемъ касаться исторіи распадавшейся византійской имперіи только для того, чтобы указывать на успѣхи возникавшаго могущества османовъ. Въ послѣдующихъ войнахъ съ сербскихъ кралемъ, царемъ болгарскимъ, крымскими татарами или монголами, славянскимъ племенами въ Македоніи и Апокавкомъ, предводителемъ войска императрицы, Іоаннъ Кантакузенъ, не смотря на всю свою сантиментальность, пользовался самыми страшными врагами своего отечества и религіи, т. е. турками. Впрочемъ сначала онъ обратился не къ Урхану, главѣ османскихъ турокъ, а къ владѣтелю Эдина, Амуръ-бегу, султану другаго турецкаго племени. Амуръ-бегъ четыре года помогалъ Кантакузену всѣми своими силами; османы приняли сторону Анны Савойской и ея сына. Свѣдѣнія о числѣ войскъ и кораблей, отправленныхъ Амуръ-бегомъ на помощь Іоанну Кантакузенъ въ первый годъ его императорства (1342 г.), доказываютъ, какъ велики были военныя силы турокъ сравнительно съ силами имперіи, почти не имѣвшей національнаго войска. Султанъ явился къ устью Марицы съ флотомъ изъ 1580 кораблей и 28 тысячами человѣкъ дессанта. Мы вообще не придаемъ большой достовѣрности точнымъ цифрамъ, но указываемъ здѣсь на нихъ, какъ на доказательство того, какого мнѣнія были въ Константинополѣ и въ Дидимотикѣ о могуществѣ турокъ. Урханъ не менѣе энергично поддерживалъ Анну, и Іоаннъ Кантакузенъ не упустилъ случая сманить на свою сторону османскаго султана (1346 г.), когда восьмидесятилѣтній старикъ влюбился въ его молодую дочь Ѳеодору. Оба часто приводимые нами историка утверждаютъ, что Урханъ посватался за молодой принцессой; Михаилъ Дукасъ говоритъ, что Кантакузенъ самъ предложилъ ее султану. Впрочемъ, какъ бы то ни было, это не представляетъ для насъ особаго интереса. Очевидно только, что мы считаемъ поступкомъ менѣе варварскимъ предложить свою дочь въ жены турку, чѣмъ заключить съ турками договоръ, какъ разсказываютъ про Анну, дозволявшій имъ увозить или продавать на рынкѣ плѣнныхъ грековъ. Истинный дипломатъ и софистъ, Іоаннъ Кантакузенъ потѣшаетъ своихъ читателей подробнымъ описаніемъ торжественной свадьбы своей дочери (1346 г.).

Уже въ слѣдующемъ году ссора императрицы съ константинопольскимъ патріархомъ и обращеніе къ Кантакузену грековъ, недовольныхъ константинопольскимъ правительствомъ, дали возможность сосредоточить управленіе имперіей въ однѣхъ рукахъ. Іоаннъ Кантакузенъ отправился въ Селимбрію, чтобы быть на всякій случай вблизи Константинополя, а императрица созвала соборъ, для обвиненія патріарха въ ереси. Придворный богословъ Никифоръ Григоріанскій держалъ сторону патріарха и потому съ тѣхъ поръ оба историка, онъ и Іоаннъ Кантакузенъ, довольно согласны въ характерѣ описываемыхъ имъ событій. Соборъ, состоявшій изъ лицъ, преданныхъ императрицѣ, осудилъ патріарха. Въ то время какъ духовенство пировало, Іоаннъ Кантакузенъ явился къ Константинополю и ночью былъ впущенъ черезъ золотыя ворота въ городъ своей партіей и приверженцами патріарха. Вдовствующая императрица укрѣпила дворецъ и близлежащую крѣ-

пость и призвала на помощь генуезцевъ; народъ взялъ приступомъ дворецъ и не пустилъ генуезцевъ въ городъ. Анна была принуждена сдаться. Іоаннъ Кантакузенъ остался и тутъ, какъ всегда, вѣренъ себѣ: властолюбіе и лицемѣріе прикрывались въ немъ внѣшнею мягкостью, уваженіемъ и справедливостью. Императору и его матери были сохранены титулъ и почетъ, но первымъ лицомъ и правителемъ всей имперіи становился Іоаннъ Кантакузенъ, до достиженія пятнадцатилѣтнимъ Іоанномъ Палеологомъ, помолвленнымъ съ его дочерью, двадцатипятилѣтняго возраста. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Константинополь и Урханъ, принятый съ почетомъ; здѣсь османскій султанъ могъ собственными глазами убѣдиться въ плачевномъ состояніи разлагавшейся имперіи. По поводу посѣщенія османскаго султана, Никифоръ Григоріанскій очень жалобно описываетъ тогдашнее бѣдственное положеніе, прикрытое мишурнымъ блескомъ. Бѣдность императорской фамиліи, говоритъ онъ, выказывалась даже въ одеждѣ и домашнихъ приборахъ. Вмѣсто драгоцѣнныхъ камней виднѣлись фальшивые камни и разноцвѣтное стекло, стѣны были покрыты не золотой и серебряной парчей, не дорогими коврами, а позолоченной кожей; вмѣсто золотой и серебряной посуды подавалась оловянная, мѣдная и глиняная, наконецъ въ церквахъ съ иконъ снимали украшенія, продавая все, что имѣло въ нихъ какую нибудь цѣнность. И, не смотря на все это, между членами императорскаго дома, пользовавшимися то услугами турокъ противъ сербовъ и болгаръ, то послѣдними противъ первыхъ, возникъ новый споръ. Напрасны были всѣ увѣщанія и старанія Анны примирить Іоанна Палеолога и Матвѣя Кантакузена, старшаго сына Іоанна, постоянно враждовавшихъ между собою. Молодой императоръ взялъ Адріанополь, но не могъ завладѣть крѣпостью; этимъ, какъ мы уже говорили, онъ далъ случай османамъ стать твердой ногой въ Европѣ. Іоаннъ Кантакузенъ, поспѣшившій на помощь къ Адріанополю, занялъ крѣпость, а его наемные варвары стали свирѣпствовать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скрывались приверженцы его противника. Іоаннъ Палеологъ отступилъ въ Дидимотику, прося помощи у венеціанцевъ, у сербскаго краля и болгарскаго царя, отплатившихъ такими же жестокостями приверженцамъ Кантакузеновъ (1352 г.). Іоаннъ Кантакузенъ обратился тогда къ генуезцамъ, составлявшимъ въ Галатѣ, предмѣстьѣ Константинополя, совершенно независимое государство и завидовавшимъ привилегіямъ, даннымъ венеціанцамъ Іоанномъ Палеологомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ и своего зятя Урхана прислать ему вспомогательное войско. Султанъ отправилъ въ Европу своего сына Солимана, не ограничившагося походомъ противъ сербовъ и болгаръ, но занявшаго укрѣпленный городъ при Константинопольскомъ проливѣ (1356 г.). Изъ крѣпости Чымпе (Джеменлыкъ), расположенной на разстояніи около мили отъ Каллиполя или Галлиполи, Солиманъ распространилъ владычество своего племени надъ Ѳракіей, соединивъ такимъ образомъ азіатскія и европейскія владѣнія османовъ. Завоеваніемъ Каллиполя было положено основаніе турецкому господству въ Европѣ. Взятіе Джеменлыка и Каллиполя описано такъ романтически турками и греками, что даже Гиббонъ, старающійся цвѣтами краснорѣчія и занимательными анекдотами придать жизнь сухимъ свѣдѣніямъ о греческихъ и турецкихъ войнахъ, счелъ за нужное предупредить, что всѣ эти разсказы вымышлены.

2. Византійская и османская имперія до битвы на Коссовомъ полѣ (1389 г.).

Въ то время какъ старшій сынъ Урхана Солиманъ основывалъ во Ѳракіи турецкую имперію, Іоаннъ Кантакузенъ добровольно передалъ власть Іоанну Палеологу. Попытки Матвѣя Кантакузена оспаривать у Палеолога владычество надъ несчастными остатками распадавшейся греческой имперіи оставались безуспѣшными. Іоаннъ Кантакузенъ умеръ монахомъ; Іоаннъ Палеологъ въ теченіе всей жизни велъ борьбу со вторымъ сыномъ Урхана, Мурадомъ или Амуратомъ I, управлявшимъ османами по смерти отца (1359 г.). Новый султанъ началъ свое царствованіе войнами въ Малой Азіи, а его намѣстники распространяли завоеванія турокъ во Ѳракіи. Въ 1361 г. османы взяли Дидимотику; вслѣдъ затѣмъ

Мурадъ сдѣлалъ нападеніе на Андріанополь, разбилъ грековъ и, покоривъ городъ, уже тогда думалъ о перенесенін въ него своей резиденціи и столицы османской имперіи. Вскорѣ былъ завоеванъ Филиппополь, и хотя столица имперіи оставалась еще нѣкоторое время въ Прузѣ, но самъ Мурадъ переселился въ Адріанополь. Отсюда, въ продолженіе пяти лѣтъ, онъ предпринималъ походы въ Сербію и Болгарію, въ горы на западъ, въ Македонію и Ѳессалію. Іоаннъ Палеологъ рѣшился наконецъ призвать на помощь христіанъ Запада, гдѣ уже давно проповѣдывался крестовый походъ противъ турокъ, хотя греческій императоръ и не пользовался тамъ большимъ сочувствіемъ. Папа Урбанъ V, жившій въ Авиньонѣ, умолялъ французскаго короля убѣдить французскихъ фаодаловъ и рыцарей, пользовавшихся въ то время совершенной независимостью, обратить свое геройство и воинственность противъ враговъ христіанства. Еще въ 1364 г. онъ думалъ отправить противъ турокъ страшныя шайки искателей приключеній и рыцарей, участвовавшихъ въ англійскихъ и французскихъ войнахъ, продававшихъ свои услуги въ Италіи тому, кто давалъ болѣе денегъ, и опустошавшихъ и грабившихъ государство и провинціи; но цѣль папы казалась греческому императору подозрительною. Папа даже не увѣдомилъ его о приготовленіяхъ къ крестовому походу, а потому Палеологъ и не звалъ западныхъ рыцарей въ Грецію. Мурадъ между тѣмъ продолжалъ отнимать у грековъ, болгаръ, сербовъ и албанцевъ укрѣпленныя мѣста, уводилъ христіанъ въ плѣнъ, а въ ихъ городахъ селилъ турокъ.

Искатели приключеній и рыцари, созванные Урбаномъ V для похода на Дунай, отправились впослѣдствіи въ Египетъ, гдѣ испытали жестокое пораженіе отъ такъ называемыхъ мамелюковъ. Только Амадей, графъ савойскій, оказалъ греческому императору существенную услугу. Онъ отнялъ (1367 г.) у турокъ Галлиполи и взялся уговорить папу проповѣдывать новый крестовый походъ для спасенія Константинополя. Созвать походъ въ пользу грековъ въ то время было труднѣе, чѣмъ когда нибудь, даже еслибъ оии и согласились признать верховную власть папы или снова соединиться съ латинскою церковью. Со времени попытки соединенія церквей при первыхъ Палеологахъ ненависть греческаго духовенства къ латинскому и отвращеніе народа отъ латинскаго богослуженія сдѣлались рѣшительно неопродолимыми. Страстный почитатель древней Греціи, другъ Урбана V, Петрарка, приводитъ въ своихъ письмахъ сужденія грековъ о латинскомъ богослуженіи, едва ли не болѣе рѣзкія и строгія, чѣмъ высказанныя первыми протестантами. Но Іоаннъ Палеологъ все-таки обратился къ мысли своего родоначальника спасти византійскую имперію примиреніемъ съ латинскою церковью. Крестоваго похода латинскихъ христіанъ противъ турокъ желалъ (1367 г.) и король венгерскій Людовикъ Великій, мужъ Елисаветы Боснійской. Ведя войну съ болгарами, онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ болѣе половины Болгаріи и взялъ въ плѣнъ болгарскаго царя; такимъ образомъ, турки, завоевавшіе укрѣпленныя мѣста болгаръ и грековъ и занявшіе всѣ окрестъ-лежащія горы, сдѣлались опасными его сосѣдями. Людовикъ охотно соглашался принять начальство надъ войскомъ, которое Урбанъ V обѣщалъ созвать, постановивъ однако условіемъ, чтобы не только императоръ, его семейство и дворъ, но и весь народъ приняли обряды римской церкви (самое ученіе было вопросомъ второстепеннымъ). По ослѣпленію ли, надѣясь дѣйствительно выполнить обѣщаніе, или же думая въ простотѣ своей провести хитрыхъ итальянцевъ и южныхъ французовъ, Іоаннъ Палеологъ согласился на это условіе. Самъ онъ предпринялъ тогда чрезвычайно трудное и опасное путешествіе въ Офенъ, чтобы склонить на свою сторону Людовика, въ чемъ ему дѣятельно помогала Елисавета Боснійская, и въ тоже время отправилъ блистательное посольство изъ восьми лицъ къ Урбану V. Греческое посольство, во главѣ котораго стоялъ графъ Амадей Савойскій, застало папу въ Витербо на его возвратномъ пути изъ Авиньона въ Римъ (стр. 364). Латинскій патріархъ Константинополя произнесъ Урбану рѣчь, обѣщая, что императоръ пріѣдетъ весной въ Италію для соединенія обѣихъ церквей; такое же обѣщаніе далъ Іоаннъ Палеологъ венгерскому королю. Обрадованный папа отправилъ ко всѣмъ греческимъ епископамъ самыя ласковыя письма; но крестовый походъ не подвигался впередъ, потому что Людовикъ Венгерскій не нуждался болѣе въ войнѣ съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ Мурадъ. Освободивъ взятаго

имъ въ плѣнъ болгарскаго царя и возвративъ ему всѣ сдѣланныя имъ въ Болгаріи завоеванія, онъ уже не имѣлъ соприкосновеній съ турками. Мурадъ продолжалъ свои завоеванія и наконецъ взялъ Ниссу, между Константинополемъ и Адріанополемъ, бывшую лѣтнимъ мѣстопребываніемъ греческихъ императоровъ.

Когда венгерцы и болгары отказались помогать грекамъ, несчастному, обѣднѣвшему, запертому въ своей столицѣ императору не оставалось другой надежды, какъ искать помощи у латинскаго рыцарства и просить денегъ у папы, безпрестанно сбиравшаго съ христіанъ подати для похода противъ турокъ, но употреблявшаго ихъ на другія цѣли. Еще въ 1368 г. Іоаннъ Палеологъ хотѣлъ отправиться въ Римъ, но только въ 1369 г., не смотря на несогласіе всего своего семейства, рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, побуждаемый, какъ кажется, своей молодой любовницей. Въ Римѣ онъ исповѣдался 18 октября 1369 г. въ догматахъ своей вѣры, и содержаніе его исповѣди докажетъ лучше всего читателямъ, какіе ничтожные вопросы раздѣляли на два враждебные лагеря латинскую и греческую церкви. Іоаннъ Палеологъ признавалъ, что третье лицо Троицы исходитъ отъ Отца и Сына, что для причастія можно употреблять прѣсный хлѣбъ, что римской церкви принадлежитъ первенство передъ всѣми церквами въ мірѣ, а ея главѣ высшее право рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Съ переходомъ греческаго императора въ латинскую церковь, совершившимся при блестящей и пышной обстановкѣ, папа по крайней мѣрѣ могъ мечтать, что положилъ конецъ раздѣленію церквей, хотя въ Греціи никто не обратилъ и вниманія на поступокъ императора; самъ же Палеологъ не выигралъ ровно ничего, кромѣ торжественнаго папскаго благословенія и рекомендательныхъ писемъ ко всѣмъ европейскимъ князьямъ, преимущественно же къ венеціанцамъ и французскому королю Карлу V. Съ этими письмами Іоаннъ отправился въ Венецію. Республиканское правительство, пользовавшееся, какъ извѣстно, празднествами, увеселеніями, развратомъ и роскошью, чтобы держать народъ въ рабствѣ, приняло его сначала съ бо́льшимъ почетомъ. Но, когда императоръ вернулся съ дороги, не будучи въ состояніи, по недостатку въ средствахъ, продолжать путешествія во Францію, съ нимъ стали обращаться такъ, какъ обходятся всегда богатые съ бѣдными. Венеціанскіе богачи, ссудившіе Іоанну за ростовщичьи проценты деньги для поѣздки къ различнымъ европейскимъ дворамъ, испугались, увидѣвъ, что онъ не только не привезъ съ собой денегъ, но истратилъ все, что занялъ у нихъ. Сенатъ ростовщичьей республики объявилъ Іоанну, что его не выпустятъ изъ Венеціи до уплаты долговъ. Императоръ умолялъ сыновей въ письмахъ прислать ему денегъ. Старшій Андроникъ, другъ сына Мурада, управлявшій имперіей въ отсутствіе отца, отвѣчалъ очень сухо, что денегъ въ казнѣ нѣтъ, а духовенство, къ которому онъ обратился съ просьбою, разсерженное на него за измѣну греческой церкви, даже предало его проклятію. Отвѣтъ Андроника былъ началомъ возстанія, поднятаго имъ впослѣдствіи, когда его другъ, сынъ Мурада, также отложился отъ отца. Младшій сынъ, Мануилъ, собралъ деньги въ Константинополѣ и отправилъ ихъ къ отцу. Изъ Венеціи Іоаннъ поѣхалъ въ Римъ, но у папы тоже не нашелъ большаго утѣшенія. Урбанъ V самъ очень желалъ избавиться отъ шаекъ, наводнявшихъ Италію; но денегъ онъ не давалъ, а императору не чѣмъ было платить наемникамъ. Впрочемъ наемныя войска не принесли бы большой пользы грекамъ; это очевидно уже изъ того, что папѣ особенно хотѣлось отправить въ Грецію шайку страшнаго Гауквуда, о которомъ мы не разъ упоминали въ предъидущемъ томѣ. На возвратномъ пути Іоаннъ просилъ помощи у короля кипрскаго, у іоаннитовъ на островѣ Родосѣ и у венеціанцевъ и генуэзцевъ, владѣвшихъ блестящими колоніями въ столицѣ и во всей имперіи, даже въ Крыму и на восточномъ берегу Чернаго моря; но вездѣ находилъ тотъ же отвѣтъ. Послѣ всѣхъ безуспѣшныхъ попытокъ ему пришлось купить миръ съ турками обѣщаніемъ платить Мураду ежегодную дань (1370 г.).—

Не только по своему характеру, но и по самой организаціи, — не аристократической и рыцарской, какъ монархія, основанная Вильгельмомъ Завоевателемъ въ Англіи (стр. 9), но демократическо-деспотической, данной ей Османомъ,—новая турецкая имперія, какъ и древне-римская, была приспособлена къ войнамъ и завоеваніямъ. Ея организація не была ни искусственная, ни насильно навязанная народу, управленіе имперіи не находилось въ рукахъ ученыхъ или

людей, воспитанныхъ въ канцеляріяхъ; все, напротивъ, было національно, основано на воинственныхъ нравахъ, издавна свойственныхъ туркоманамъ, такъ же какъ германскимъ и скандинавскимъ народамъ. Но эта система, какъ и феодализмъ Вильгельма Завоевателя и его первыхъ преемниковъ, держалась исключительно на личности главы народа. Въ XIV столѣтіи въ Европѣ и передней Азіи не было нигдѣ ни постояннаго войска, ни правильныхъ финансовыхъ учрежденій, ни единства управленія, и потому турецкая имперія скоро достигла могущества. Она пала такъ же быстро, какъ и возвысилась, когда, послѣ ряда энергическихъ правителей, престолъ перешелъ къ неспособнымъ и слабымъ людямъ. Цѣль нашей исторіи не позволяетъ намъ входить въ разсмотрѣніе финансовыхъ учрежденій, администраціи провинцій, раздѣленія завоеванныхъ странъ и вообще системы управленія турецкой имперіи. Мы остановимся только на организаціи войска, главной причинѣ быстраго расширенія и прочности новаго военнаго государства.

Османы не были страшны одною многочисленностью и звѣрствомъ, какъ монголы и татары; они не явились подобно морской волнѣ, отливающей такъ же быстро, какъ и приливающей, но, сохранивъ національное вооруженіе и обязательность для всѣхъ военной службы, мало-по-малу образовали у себя постоянное, получавшее жалованье войско. Отборную часть пѣхоты составляли въ то время во всей Европѣ швейцарцы, слѣдовательно наемники иностранцы; въ турецкихъ войскахъ она состояла изъ ренегатовъ и воспитанныхъ спеціально для служенія мухаммеданскому фанатизму христіанскихъ дѣтей, которыхъ похищали у родителей, выбирая самыхъ здоровыхъ и сильныхъ. Еще при Мурадѣ I отрядъ (чери) новой (ени) пѣхоты, подъ именемъ е н и ч е р и или я н ы ч а р ъ, сдѣлался страшенъ въ Европѣ. Тактическое образованіе, организація и неопреодолимый фанатизмъ янычаръ были совершенно неслыханны въ Европѣ; они являлись на полѣ битвы въ рѣшительныя минуты, какъ преторіанцы римскихъ императоровъ и гвардія Наполеона. Въ первыя времена османской имперіи эта священная милиція султана увеличивалась ежегодно тысячью христіанскими дѣтьми или невѣрными, перешедшими въ исламъ; числительность ея, возрастая съ каждымъ новымъ султаномъ, дошла при Мухаммедѣ II до 12 тысячъ, а при Мухаммедѣ IV до 14 тысячъ. Съ постепеннымъ возрастаніемъ числа янычаръ и съ прекращеніемъ завоевательныхъ войнъ и хищныхъ набѣговъ, эта часть войска комплектовалась уже изъ собственной среды, сдѣлавшись, какъ наслѣдственная милиція съ огромными преимуществами, особымъ государствомъ въ государствѣ, заразою имперіи. Только въ XIX столѣтіи удалось султану уничтожить это войско, перерѣзавъ всѣхъ янычаръ такимъ же образомъ, какимъ Дантонъ пробовалъ истребить въ сентябрѣ 1792 г. старинную французскую аристократію и духовенство. — Кромѣ этихъ дисциплинированныхъ солдатъ, получавшихъ ежедневно отъ одного до семи аспровъ (турецкій піастръ = 120 аспрамъ), смотря по заслугамъ и обстоятельствамъ, у султановъ находились еще войска, служившія ради добычи и сохранявшія устройство и вооруженіе тѣхъ странъ и племенъ, къ которымъ они принадлежали. Эти войска приносили пользу тѣмъ, что съ малолѣтства были пріучены къ различнаго рода работамъ, а первые султаны, рождавшіеся полководцами, умѣли употреблять ихъ тамъ, гдѣ они могли приносить дѣйствительную пользу. Турецкая конница первоначально состояла изъ всадниковъ или наѣздниковъ, такъ называемыхъ а к и н д ж и, походившихъ на казаковъ и бедуиновъ; они внушали въ Европѣ и Азіи страхъ къ турецкому имени, но не могли бороться съ закованными въ желѣзо рыцарями запада. Впослѣдствіи была учреждена регулярная конница или, если такъ можно выразиться, гвардейская кавалерія, раздѣленная на четыре отряда. Каждый отрядъ имѣлъ различное назначеніе и особое названіе; но обыкновенно ихъ всѣхъ называютъ именемъ перваго с и п а я м и. Сверхъ того, существовалъ еще родъ рыцарства, т. е. нѣкоторыя лица, получивъ помѣстья или лены (тимары или сіаметы), обязывались, подобно западному рыцарству, по первому призыву султана, выставлять всадниковъ или самимъ выступать на войну.

Предпріятія турокъ, положившія основаніе новой европейской имперіи, разсказаны уже въ общихъ чертахъ въ настоящемъ томѣ (стр. 463 и сл.); но мы должны снова вернуться къ нимъ, что бы указать на постепенное расширеніе основанной въ Адріанополѣ мухаммеданской имперіи и на постепенное разложеніе христіан-

ской константинопольской имперіи. Мы уже говорили, что императоръ Іоаннъ Палеологъ сдѣлался данникомъ Мурада, а Іоаннъ Кантакузенъ отдалъ свою дочь въ гаремъ стараго Урхана. Съ тѣхъ поръ турецкіе отряды почти ежегодно дѣлаютъ опустошительные набѣги на Сербію, Боснію, Албанію и Болгарію, а когда сербскій краль Лазарь заключилъ союзъ съ болгарскимъ княземъ Константиномъ, самъ Мурадъ предпринялъ завоевательный походъ въ славянскія земли. (1371—1373 г.). Папа Григорій XI обращался къ западнымъ христіанамъ, умоляя ихъ ополчиться противъ Мурада, но не могъ созвать крестоносцевъ. Іоаннъ Палеологъ отправилъ къ западнымъ государямъ и рыцарямъ ученаго и краснорѣчиваго Іоанна Ласкариса, чтобы обратить ихъ вниманіе на угрожавшее имъ и латинской церкви могущество османовъ, уже проникшихъ до самой Штиріи; Ласкариса слушали, восхищались его рѣчами, но о походѣ никто не думалъ.

Съ 1374 г. Мурадъ дѣлаетъ завоеванія въ Ѳессаліи и Македоніи, по Савѣ и Дунаю, въ горахъ Албаніи, укрѣпляетъ всѣ завоеванныя имъ мѣстечки и поселяетъ въ нихъ турокъ, а христіанъ уводитъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи, когда Андроникъ возсталъ на Іоанна Палеолога, сынъ Мурада, Санджи, также подналъ оружіе на отца. Санджи и Андроникъ были друзьями и союзниками; ихъ отцы заключили между собой договоръ, обязуясь ослѣпить своихъ дѣтей, если имъ удастся захватить ихъ. Оба принца попали скоро въ плѣнъ къ туркамъ. Мурадъ, знаменитый мягкостью и добротою, какъ оба его преемника жестокостью и нечеловѣческою кровожадностью, даровалъ Андронику свободу, выколовъ ему только одинъ глазъ и повредивъ, но не вырвавъ, глаза у его сына Іоанна, раздѣлявшаго участь отца. Санджи былъ умерщвленъ по приказанію султана.

Въ 1375 г. Мурадъ заставилъ могущественнаго сербскаго короля Лазаря уплатить ему дань въ тысячу фунтовъ серебра и обязалъ его выставить тысячу всадниковъ для турецкаго войска. Болгарскій князь Сизманъ также присягнулъ воинственному султану. Въ это время Іоаннъ Палеологъ велъ войну съ своимъ сыномъ Андроникомъ, генуезцами и венеціанцами. Возвратившись въ Константинополь, Андроникъ велѣлъ схватить отца и посадить его въ темницу. Старикъ обратился къ венеціанскому патрицію Карло Зено, пріѣхавшему по дѣламъ въ Константинополь, обѣщая черезъ него венеціанцамъ островъ Тенедосъ, если они освободятъ изъ плѣна его и его сыновей, Мануила и Ѳеодора. Венеціанцы отправили Карло Зено съ флотомъ, чтобы вступить во владѣніе островомъ, который, между тѣмъ, былъ уступленъ Андроникомъ генуезцамъ. Генуезцы хотѣли силою захватить Тенедосъ, но венеціанцы отразили ихъ нападеніе, сохранили за собой островъ, и черезъ одного подкупленнаго военачальника Андроника освободили императора и его младшихъ сыновей. Еще прежде Іоаннъ Палеологъ отдалъ островъ Лесбосъ генуезцу Іоанну Каталузіо, а тогда обѣщалъ уступить Филадельфію османамъ, если они перестанутъ поддерживать снова возставшаго Андроника. Филадельфія и Смирна были единственными большими городами Малой Азіи, продолжавшими отстаивать свою независимость. Филадельфія вѣроятно держалась бы и долѣе, но греческій императоръ отдалъ ее на жертву врагамъ, а впослѣдствіи, при преемникѣ Мурада, Баезидѣ, участвовалъ въ осаждавшемъ ее турецкомъ войскѣ. Кривой Андроникъ и полуослѣпленный Іоаннъ были лишены престолонаслѣдія, но сохраняли власть надъ Селимбріей даже и тогда, когда были заключены въ константинопольскую темницу.

Византійская императорская фамилія, имѣвшая мѣстопребываніе въ Трапезунтѣ, терпѣла отъ турокъ не менѣе константинопольской и также находилась въ постоянной борьбѣ съ генуезцами; впрочемъ ея исторія не входитъ въ нашъ трудъ. Генуезцы, торговавшіе, какъ мы уже говорили, въ предмѣстьѣ Константинополя, обратили Галату въ крѣпость и разбили напавшія на нее императорскія войска, а война ихъ съ Венеціей за Тенедосъ затрудняла плаваніе по морю. Впослѣдствіи республики заключили между собой миръ въ ущербъ покинутаго всѣми греческаго императора, положеніе котораго было такъ же печально, какъ нѣкогда (1260 г.) положеніе латинскаго императора Бальдуина, изгнаннаго Михаиломъ Палеологомъ.

По мѣрѣ того какъ падала греческая имперія, усиливалось могущество османовъ. Мурадъ завладѣлъ сначала (1382 г.) Сардикой или Софіей, важнѣйшимъ изъ греческихъ городовъ на границѣ Болгаріи, затѣмъ отнялъ у сербовъ

и босняковъ Касторею въ Македоніи и Бѣлградъ въ Сербіи, и наконецъ завоевалъ въ горахъ Албаніи укрѣпленную Крою. Θессалоника или Салоники должны были остаться за греческой имперіей; но за нападеніе Мануила на городъ Феры (Сересъ), нарушившее такимъ образомъ миръ, купленный или вымоленный его отцомъ, полководецъ Мурада отмстилъ взятіемъ Θессалоники (1386 г.) Впрочемъ тогда городъ еще не перешелъ во владѣніе турокъ. Неизвѣстно, венеціанцы или греки отняли его у нихъ; этого не берется рѣшать даже самъ Гаммеръ. Манупль бѣжалъ въ Лесбосъ, но, опасаясь, чтобы султанъ не отмстилъ за нарушеніе мира взятіемъ Константинополя, отправился въ Андріанополь и выпросилъ у него прощеніе.

Вслѣдъ затѣмъ Мурадъ подчинилъ внутреннюю Малую Азію и конійское султанство, тогдашній Караманъ. Въ самомъ началѣ своего царствованія онъ покорилъ городъ Ангору и богатую область прежней Галатіи, а впослѣдствіи, покупкою и другими способами, расширилъ свои владѣнія въ провинціяхъ, гдѣ жили остатки сельджукскихъ турокъ. Могущество Мурада возбудило опасеніе въ его родственникѣ Караманѣ Алаэддинѣ, владычествовавшемъ тогда надъ сельджуками. Соединивъ толпы турокъ, бродившихъ по Сиріи и Малой Азіи, онъ напалъ на провинціи, только что присоединенныя къ османской имперіи, въ то время какъ султанъ былъ занятъ борьбою съ сыномъ. Алаэддинъ избралъ очень неудобную минуту. Мурадъ уже успѣлъ подавить возстаніе, а его старшій визирь Хайреддинъ, паша завоевалъ Θессалонику. Султанъ переправился въ Азію, и, отказавшись вступить въ переговоры съ Караманомъ, поздно сознавшимъ свою ошибку, нанесъ ему страшное пораженіе на равнинѣ Коніе или Иконіума, гдѣ за два столѣтія передъ тѣмъ Фридрихъ Барбаросса разбилъ сельджуковъ (стр. 36). Турецкимъ войскомъ начальствовали въ этомъ сраженіи самъ Мурадъ и его сыновья Якубъ и Баезидъ. Алаэддину были оставлены его владѣнія на правахъ вассала османской имперіи по просьбамъ его жены, дочери Мурада. Мелкимъ турецкимъ князьямъ и владѣтелямъ Малой Азіи тоже была сохранена независимость, потому что возстаніе сербовъ и союзъ, заключенный ихъ кралемъ Лазаремъ съ Сизманомъ Болгарскимъ (1387 г.), заставили султана поспѣшить въ Европу.

Въ 1388 г. старикъ Мурадъ женился на одной изъ дочерей греческаго императора, а двухъ другихъ отдалъ въ гаремы своихъ сыновей. Во время свадебныхъ празднествъ и пировъ онъ получилъ извѣстіе, что отправленное въ Сербію турецкое войско, раздѣлясь въ Болгаріи на нѣсколько отрядовъ и предавшись грабежу, было совершенно уничтожено. Для отмщенія за позоръ, изъ Азіи было вызвано турецкое войско, двинувшееся послѣ цѣлаго года приготовленій въ Болгарію. Молодой визирь Мурада, Али-паша, назначенный визиремъ по смерти Хайреддина, открылъ походъ завоеваніемъ Силистріи и Никополя, а вслѣдъ затѣмъ взялъ въ плѣнъ Сизмана и его семейство. Болгарскому князю и его семьѣ была дарована свобода, но Болгарія была присоединена къ османской имперіи, самъ Мурадъ двинулся къ К о с с о в у п о л ю, гдѣ находился Лазарь съ сербами, болгарами, босняками, албанцами, валахами, поляками и венгерцами. Эта равнина образуетъ самый южный уголъ Босніи, соприкасающейся въ этомъ мѣстѣ съ Албаніей, Герцеговиной и Сербіей. Въ сраженіи на Коссовомъ полѣ славянскія племена потерпѣли страшное пораженіе (1389 г.). Греческіе и турецкіе историки, какъ и преданія южныхъ славянъ, покрыли сраженіе на Коссовомъ полѣ туманомъ поэтическихъ вымысловъ, скрывающихъ отвратительныя сцены убійства, въ эпическомъ полумракѣ. Гаммеръ въ своей исторіи османовъ подробно приводитъ всѣ эти разсказы, подвергая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ критикѣ. Замѣтимъ только, что потерю сраженія приписываютъ храбрости Георгія Кастріоты, который, какъ говорятъ, не согласился напасть на турокъ ночью, чтобы побѣда христіанъ могла произойти среди бѣлаго дня. Разсказываютъ также, хотя съ совершенно различными варіаціями, что М и л о ш ъ К о б и л о в и ч ъ, сербъ исполинской силы, пожертвовалъ жизнью, для того чтобы умертвить страшнаго врага своего отечества: представившись перебѣжчикомъ, онъ выпросилъ позволеніе поклониться въ ноги султану и, когда Мурадъ нагнулся, вонзилъ ему кинжалъ въ животъ. Наконецъ про Б а е з и д а I, сына и преемника Мурада, прозваннаго за свою дикую отвагу И л ь д и р и м о м ъ, т. е. М о л н і е й, разсказываютъ, что, по

окончаніи сраженія, онъ велѣлъ воздвигнуть на полѣ битвы множество пирамидъ изъ головъ павшихъ христіанъ. Лазарь, взятый въ плѣнъ, былъ приведенъ къ умирающему Мураду и казненъ передъ нимъ. Лишь только Мурадъ испустилъ дыханіе, какъ Баезидъ приказалъ умертвить своего брата Якуба.

3. Византійская и османская имперіи, до смерти Мухаммеда I (1421 г.).

Послѣ сраженія на Коссовомъ полѣ Баезидъ отправилъ турецкіе отряды съ одной стороны въ Боснію и до самой Штиріи, съ другой по направленію къ Видину. Онъ обратилъ Сербію въ турецкій ленъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ серебряные рудники Каратовы и поселилъ колонію турокъ въ сербскомъ городѣ Скопи, на сѣверѣ Македоніи. Остальная Сербія была возвращена сыну Лазаря, Стефану, съ обязательствомъ участвовать во всѣхъ войнахъ османовъ и служить съ своими тяжеловооруженными сербами въ турецкомъ войскѣ. Сверхъ того, Стефанъ долженъ былъ отдать свою сестру въ жены султану и платить ему ежегодную дань.

Вслѣдъ затѣмъ Андроникъ, все еще находившійся съ сыномъ Іоанномъ въ константинопольской тюрьмѣ, подалъ поводъ молодому султану до такой степени унизить императора и его сына Мануила, что оба они должны были, какъ вассалы Баезида, отправиться съ турецкимъ войскомъ въ Малую Азію и участвовать при осадѣ Филадельфіи. Освободившись съ помощью венеціанцевъ изъ плѣна, Андроникъ отправился къ Баезиду и просилъ у него защиты отъ отца и брата. Султанъ согласился помочь ему, поставивъ главными условіями дарованіе поселившимся въ Константинополѣ мухаммеданамъ новыхъ привилегій относительно богослуженія и суда и отводъ имъ особаго рынка. Разсчитывая на свое вліяніе въ городѣ, Андроникъ просилъ въ помощь только 4,000 человѣкъ; Баезидъ далъ ему десять тысячъ. Сговорившись съ измѣнниками, Андроникъ проникъ въ Константинополь, неожиданно напалъ на императора и его сына Мануила и заключилъ ихъ обоихъ въ ту же тюрьму, гдѣ самъ содержался такъ долго. Краснорѣчивые, но нерѣдко весьма неясные, хотя въ то же время очень ученые греческіе историки послѣднихъ временъ имперіи передаютъ многія событія такъ странно, такъ сбивчиво, и часто такъ противорѣчатъ другъ другу, что сообщаемымъ ими подробностямъ слѣдуетъ довѣрять только съ большою осторожностью. Мы, напримѣръ, не смѣемъ выдавать за положительное, что Баезидъ посовѣтовалъ Андронику умертвить отца и брата. Даже самое опредѣленіе хронологическаго порядка событій такъ невѣрно, что знаменитѣйшіе изслѣдователи греческой и османской исторіи несогласны между собой въ нѣкоторыхъ годахъ. Достовѣрно однако, что Андроникъ, не провозглашая себя императоромъ, распоряжался и дѣйствовалъ съ императорскимъ полновластіемъ, а Іоаннъ Палеологъ не былъ умерщвленъ, а только заключенъ въ темницу. Мы не беремся также опредѣлять, сколько времени продолжалось заключеніе императора и его сына; но едва ли оно могло длиться три года, какъ утверждаютъ нѣкоторые, потому что всѣ приведенныя событія произошли въ 1389 г., а Іоаннъ Палеологъ умеръ въ 1391 г.

Іоанну и его сыну удалось, какъ прежде Андронику, освободиться изъ плѣна, и они, въ свою очередь, обратились къ Баезиду. Султанъ охотно согласился помочь имъ, потому что подобный образъ дѣйствій всего лучше служилъ его цѣлямъ, давая возможность въ концѣ ослабить греческую имперію, прежде чѣмъ нанести ей послѣдній ударъ. Въ договорѣ, подтвержденномъ клятвою, императоръ обязывался отъ своего имени и отъ имени Мануила платить Баезиду ежегодно гораздо большую дань, чѣмъ Андроникъ, выставлять султану 12,000 человѣкъ для всякихъ его походовъ и участвовать во всѣхъ его войнахъ, если онъ поможетъ ему овладѣть престоломъ. Баезидъ принялъ предложеніе и велѣлъ турецкому войску сопровождать Іоанна и Мануила, вступившихъ въ переговоры съ Андроникомъ. Правительственная власть опять перешла къ отцу, но до его смерти (1391 г.) имперіей управлялъ Мануилъ; Андроникъ былъ назначенъ намѣстникомъ Ѳессалоники, вновь отнятой (неизвѣстно когда) у турокъ. Пелопоннесъ, на-

ходившійся подъ управленіемъ брата Мануила, Ѳеодора, жившаго въ Мистрѣ, древней Спартѣ, удачнѣе всѣхъ греческихъ провинцій сопротивлялся турецкому вторженію. Вся остальная имперія, до самаго Константинополя, была опустошена жестокимъ Баезидомъ; съ императоромъ обращались какъ съ турецкимъ рабомъ. Старикъ Іоаннъ былъ наконецъ принужденъ срыть стѣны и укрѣпленія, сооруженныя имъ, по недостатку средствъ, изъ матеріаловъ двухъ разрушенныхъ церквей, построенныхъ императорами Маркіаномъ и Львомъ, потому что страшный султанъ грозился, въ случаѣ неисполненія этого требованія, выколоть глаза находившемуся у него Мануилу.

Мурадъ оставилъ главѣ карамановъ и мелкимъ турецкимъ князьямъ Малой Азіи ихъ прежнія владѣнія и сохранилъ за Филадельфіей муниципальную свободу, хотя греческій императоръ уступилъ ему свои права на городъ; иначе дѣйствовалъ Баезидъ. Онъ не только напалъ на Филадельфію, но даже заставилъ стараго императора и его сына участвовать въ этомъ походѣ и стоять впереди осаждавшаго городъ войска. Отпавшій отъ Баезида турецкій князь Алаэддинъ, владычествовавшій, какъ вассалъ Мурада, надъ югозападной частью Малой Азіи, былъ побѣжденъ и на его мѣсто назначенъ османскій беглербегъ. Такая же участь постигла и мелкихъ предводителей турецкихъ и туркоманскихъ ордъ, утвердившихся въ различныхъ городахъ и мѣстностяхъ древней Каппадокіи, Пафлагоніи и Понтѣ. Изгнанные изъ своихъ владѣній, они искали защиты по ту сторону горъ у своихъ одноплеменниковъ татаръ, подъ предводительствомъ Тимура опустошавшихъ Азію, какъ прежде монголы при Чингисъ-ханѣ. Къ счастью, татары также не имѣли никакого понятія о военномъ искусствѣ, и двумъ значительнымъ въ то время крѣпостямъ, пограничной Амазіи и Токату, гдѣ сынъ Баезида Мухаммедъ нашелъ убѣжище послѣ пораженія, нанесеннаго его отцу татарами, удалось отразить ихъ нападеніе.

При Баезидѣ могущество турокъ было такъ велико, что султанъ уже могъ мечтать о присоединеніи къ своимъ владѣніямъ зависѣвшихъ онъ него греческихъ и славянскихъ государствъ и даже о включеніи въ составъ османской имперіи мадьярскихъ владѣній. Еще въ 1391 году, когда Мануилъ находился въ Прузѣ, гдѣ умиралъ его отецъ, Баезидъ думалъ завладѣть столицей греческой имперіи, приказавъ задержать молодаго императора; но Мануилу удалось бѣжать изъ плѣна. Всѣ земли по Дунаю, Дравѣ и Савѣ, отъ Молдавіи и Валахіи до Штиріи и Адріатическаго моря, даже сама Венгрія, страдали отъ опустошительныхъ набѣговъ турокъ, а со смерти Іоанна къ Константинополю не было доступа съ сухаго пути. Блокада продолжалась нѣсколько лѣтъ, не смотря на то, что Мануилъ призналъ себя вассаломъ султана, платилъ ему дань и, отправившись вмѣсто съ братомъ въ Ссресъ ко двору Баезида, согласился на всевозможныя униженія. Высокомѣріе страшнаго султана, жалобныя просьбы греческаго императора и опасенія мадьяръ, вызвали наконецъ противъ турокъ упомянутый нами прежде крестовый походъ (стр. 464).

При хаотическомъ состояніи западной Европы, раздѣленной спорами двухъ, впослѣдствіи даже трехъ папъ, анархіи въ Германіи и страшной неурядицѣ въ Италіи и Франціи, трудно было ждать единодушнаго дѣйствія христіанскаго міра противъ общаго врага. Дѣйствительно, послы Мануила вернулись въ Константинополь безъ всякой отрадной вѣсти, а король Сигизмундъ, называемый византійскимъ историкомъ Дукасомъ мадьярскимъ королемъ, отправилъ въ Прузу посольство для переговоровъ съ Баезидомъ. Надменный отвѣтъ султана и продолжительная осада Константинополя побудили наконецъ Бонифація IX проповѣдывать крестовый походъ. Папскія буллы не произвели сначала почти никакого дѣйствія, потому что французское рыцарство и король признавали папою противника Бонифація, Климента VI, а нѣмцы и итальянцы не могли или не хотѣли удаляться изъ отечества. Зная чувствительность французовъ къ военной славѣ, сохранившейся и до нашихъ дней во всемъ ея комизмѣ, Сигизмундъ лично обратился къ французскому рыцарству и къ французскому папѣ, прося его не противодѣйствовать ему хоть въ этомъ дѣлѣ. По словамъ его пословъ и духовенства, проповѣдывавшаго войну съ турками, султанъ самымъ презрительнымъ и оскорбительнымъ образомъ отзывался о рыцарствѣ. Въ отвѣтъ на предложеніе Сигизмунда Баезидъ велѣлъ объявить ему: что онъ прежде всего предприметъ походъ въ

Венгрію, чтобы наложить на нее оковы; потомъ отправится въ Италію, вмѣстѣ съ константинопольскимъ императоромъ и его царедворцами, которые будутъ употребляемы на самыя черныя, рабскія работы; Италію онъ пройдетъ до Рима, и выставитъ въ Капитоліи на показъ всѣ короны, отнятыя имъ у королей, а свою лошадь заставить ѣсть овесъ передъ алтаремъ церкви Петра. Эти разсказы подѣйствовали; послѣдствіемъ ихъ былъ описанный въ III т. крестовый походъ, кончившійся страшнымъ пораженіемъ при Никополѣ (1396 г.).

Хотя Баезидъ и не преслѣдовалъ пораженныхъ христіанъ, но побѣда османовъ распространила во всѣхъ латинскихъ земляхъ ужасъ предъ именемъ турокъ и доставила султану и его войску несмѣтную добычу. Турки, говорятъ, взяли въ плѣнъ при Никополѣ десять тысячъ человѣкъ, жестокимъ образомъ умерщвленныхъ по повелѣнію Баезида послѣ сраженія или на другой день; двадцать четыре христіанскіе предводителя были пощажены и впослѣдствіи освобождены за огромный выкупъ. Французскій король Карлъ VI отправилъ на Востокъ, по крайней мѣрѣ, два милліона деньгами и драгоцѣнностями. Высокомѣріе, самоувѣренность и звѣрство турокъ не знали болѣе никакихъ границъ. Послѣ сраженія при Никополѣ Баезидъ устремилъ свои силы съ одной стороны противъ Малой Азіи, съ другой, противъ Македоніи, Ѳессаліи, Греціи и Пелопоннеса, не предпринимая сначала походовъ ни на другой берегъ Дуная и Савы, ни въ Боснію и Валахію. По смерти Іоанна Палеолога, императоръ Мануилъ и его братъ Ѳеодоръ, владычествовавшій въ Пелопоннесѣ, отправились ко двору Баезида, куда въ то же время пріѣхали Стефанъ, деспотъ Сербіи, Твартко, князь Мизіи, и Павелъ Мамасъ, владѣтель Эпидамна или Монембазіи. Не довѣряя намѣреніямъ султана, они съ тѣхъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не являлись къ нему. Въ отмщеніе за то, Баезидъ пять лѣтъ держалъ Константинополь въ осадѣ, и тотчасъ послѣ побѣды при Никополѣ велѣлъ визирю Али-пашѣ сдѣлать приступъ. Предлогомъ нападенія на Константинополь послужили Баезиду неисполненіе Мануиломъ условій договора, обязывавшаго его участвовать въ войнахъ османовъ, и защита правъ своего племянника, сына Андроника, Іоанна, владѣвшаго Селимбріей. Предпринимая походъ противъ Константинополя, Баезидъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: онъ хотѣлъ отмстить Мануилу и заставить Іоанна, котораго назначилъ греческимъ императоромъ, уступить ему Селимбрію. Съ перваго взгляда могло бы показаться страннымъ, что могущественный султанъ тотчасъ же не завладѣлъ городомъ, что, конечно, было очень не трудно, и не положилъ конца существованію греческой имперіи; но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи становится очевиднымъ, что онъ слѣдовалъ политикѣ римлянъ и Бонапарте и англичанъ въ Индіи. Остерегаясь слишкомъ крутыми насильственными поступками вызвать соединеніе враговъ, онъ обращалъ своихъ противниковъ сначала въ вассаловъ, отдѣлялъ отъ ихъ естественныхъ союзниковъ и потомъ въ удобную минуту уничтожалъ. У Кантемира въ его исторіи османовъ, визирь Али-паша доказываетъ султану въ длинной рѣчи, что взятіе Константинополя непремѣнно возстановитъ противъ турокъ весь христіанскій міръ. Съ совершенно безсильнымъ Мануиломъ, неимѣвшимъ ни денегъ, ни войска, Баезидъ скоро справился бы; но генуэзцы и венеціанцы, въ союзѣ съ іоаннитами Родоса, могли всякую минуту отрѣзать сообщеніе между Европейской и Азіатской Турціей. Дѣйствительно, въ то время какъ Баезидъ подвигался къ Константинополю, знаменитый французскій герой Бусико (стр. 392) готовилъ на деньги французскаго короля войско и флотъ для спасенія Константинополя. Предпріятія этого представителя воинственныхъ искателей приключеній запада, послужили богатымъ матеріаломъ полу-поэту, полу-историку Фруассару (стр. 308). Страшный любитель похожденій, Бусико хотѣлъ прославиться своей силой и мужествомъ, даже у подданныхъ Мурада, съ которымъ онъ подружился въ Азіи. Турки же очень походили на средневѣковыхъ рыцарей. Такіе же грубые, хищные, фанатическіе и феодалы, они были такъ же храбры, воинственны, и рядомъ съ убійствами, грабежами и каннибальскимъ звѣрствомъ нерѣдко выказывали, подобно христіанскимъ рыцарямъ, романтическое великодушіе и кротость. Бусико имѣлъ совершенно такія же права искать дружбы Мурада, какъ Ричардъ Львиное Сердце дружбы Саладина (стр. 39).

Послѣ сраженія при Никополѣ, Бусико, взятый турками въ плѣнъ, велъ переговоры о выкупѣ благородныхъ пэровъ Франціи, между которыми находились ближайшіе родственники французскаго короля. Впослѣдствіи онъ сопровождалъ греческаго императора въ Парижъ. Лишь только французскіе ѳеодалы были выкуплены изъ плѣна (1397 г.), какъ Мануилъ отправилъ въ Парижъ своего дядю Ѳеодосія Кантакузена, просить помощи у французскаго короля. Но французскаго короля такъ же трудно было подвинуть на новыя издержки, какъ легко было уговорить Бусико предпринять новый походъ противъ османовъ. Король сдѣлалъ Ѳеодосію богатые подарки, но не далъ ни флота, ни войска, хотя послѣ отъѣзда Кантакузена Бусико, прожившему зиму (1397 г.) въ Константинополѣ, и удалось съ помощью венеціанскихъ и генуезскихъ пословъ убѣдить короля въ необходимости поддержать предпріятіе. Къ папѣ былъ отправленъ Иларіо Доріа, и Бонифацій IX умолялъ христіанъ предпринять походъ противъ османовъ. Папскія буллы, очень трогательно изображавшія опасность, помогли Бусико составить ополченіе изъ 600 всадниковъ, 800 стрѣлковъ и значительнаго числа рыцарей, стекавшихся изъ всѣхъ странъ. Около Тенедоса къ французскому флоту присоединились венеціанскіе и генуезскіе корабли. Единственнымъ результатомъ предпріятія Бусико было изгнаніе турецкаго флота изъ Геллеспонта и Чернаго моря и освобожденіе предмѣстьевъ Перы и Галаты отъ блокады. Впрочемъ, Бусико дѣлалъ во многихъ мѣстахъ высадки и распространилъ страхъ до самой Никомедіи. Еще при переговорахъ о выкупѣ графа Неверскаго, онъ выказалъ дипломатическія способности; теперь его стараніями рушился планъ Баезида употребить несчастнаго Іоанна орудіемъ противъ его дяди Мануила. Іоаннъ, претендовавшій на престолъ, уже давно велъ переговоры съ Мануиломъ, очень хорошо понимая, что Баезидъ стремится завладѣть Селимбріей и наблюдаетъ за нимъ какъ за плѣнникомъ. Въ виду общаго врага дядя и племянникъ соединились, не довѣряя однако другъ другу. Бусико отправился въ Селимбрію, поручился, что Мануилъ сдержитъ слово, и уговорилъ Іоанна и его жену переправиться съ нимъ въ Константинополь, гдѣ Іоаннъ былъ признанъ соправителемъ Мануила. Весной 1400 г. недостатокъ въ средствахъ заставилъ Бусико возвратиться во Францію. Онъ убѣдилъ Мануила на время уступить племяннику управленіе несчастной имперіей, ограничивавшейся столицей и нѣсколькими незначительными мѣстечками, не имѣвшей ни войска, ни доходовъ, а самому отправиться съ нимъ на западъ снова умолять латинскихъ князей о помощи. Всѣ старанія Ѳеодора, брата Мануила, удержать его отъ этой позорной нищенской поѣздки остались напрасными, какъ онъ ни доказывалъ, что она кончится такъ же безуспѣшно, какъ и путешествіе ихъ отца Іоанна Палеолога. Мануилъ не измѣнилъ своего рѣшенія и оставилъ въ Константинополѣ только жену.

Въ январѣ 1400 г. папа издалъ посланія, приглашая христіанъ ополчиться, и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ преимущественно въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, обѣщая отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кто отправится въ Константинополь. Папскія воззванія не имѣли успѣха у сѣверныхъ народовъ потому, что въ нихъ говорилось, что походъ продолжится годъ. Въ Германіи духовенство собрало во многихъ мѣстахъ деньги, но куда онѣ шли, объ этомъ жертвователи знали въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Встрѣчая повсюду во время путешествія много внѣшняго почета, греческій императоръ нигдѣ не нашелъ существенной помощи; западнымъ князьямъ и владѣтелямъ было достаточно дѣла и въ собственныхъ земляхъ. Мануилъ отправился сначала въ Венецію, гдѣ его оставилъ Бусико, спѣшившій въ Парижъ извѣстить Карла VI о поѣздкѣ императора. Венеціанскій сенатъ былъ глубоко тронутъ рѣчами Мануила, сенаторы плакали вмѣстѣ съ нимъ, но очень радовались, когда онъ уѣхалъ изъ Венеціи. Генуезцы тоже сожалѣли о немъ, не оказавъ также никакой поддержки. Нѣсколько болѣе сдѣлалъ Іоаннъ Галеаццо Висконти въ Миланѣ, купившій въ то время герцогскій титулъ у германскаго императора Венцеслава. Онъ окружилъ греческаго императора свитой рыцарей и снабдилъ деньгами, чтобы дать ему возможность явиться съ большимъ блескомъ въ Парижъ. Это не подлежитъ сомнѣнію; но обѣщанію его отправиться съ войскомъ на защиту Константинополя, если походъ состоится, мы придаемъ такъ же мало вѣры, какъ и словамъ всѣхъ Висконти, не отличавшихся вообще искренностью и правдивостью. Въ іюнѣ 1400 г. Мануилъ прибылъ въ Парижъ,

гдѣ, по приказанію Карла VI, уже тогда нѣсколько помѣшаннаго, былъ встрѣченъ съ необыкновенными почестями. Въ то время, какъ греческій императоръ проводилъ дни въ пустыхъ празднествахъ и безсмысленныхъ церемоніяхъ, его братъ, потерявъ всякую надежду отстоять Пелопоннесъ отъ турокъ, продалъ іоаннитамъ или родосскимъ рыцарямъ сначала Коринѳъ, а потомъ и всѣ свои владѣнія на полуостровѣ. Но греки не хотѣли подчиниться владычеству гордыхъ латинскихъ рыцарей; сопротивленіе полугреческаго, полуславянскаго населенія горъ было такъ упорно, что сами рыцари, уплатившіе всѣ деньги, не настаивали на исполненіи договора, заключеннаго съ ними Ѳеодоромъ. Они оставили даже Коринѳъ. Положеніе несчастнаго брата Мануила было въ высшей степени затруднительно: его подданные ни за что не соглашались на продажу, а деньги, полученныя отъ іоаннитовъ, были истрачены. Наконецъ, рыцари согласились разсрочить возвращеніе уплаченной ими суммы. О пребываніи Мануила въ Парижѣ и дальнѣйшихъ его путешествіяхъ сохранились самыя противорѣчащія свѣдѣнія, несогласныя между собой даже въ хронологіи. Но во всякомъ случаѣ императоръ ѣздилъ въ Англію и получилъ отъ короля Генриха IV такой же отвѣтъ, какъ и повсюду; мы не знаемъ только, въ какихъ мѣстностяхъ Германіи онъ былъ. Достовѣрно также, что на него вездѣ смотрѣли, какъ на знатнаго нищаго. По всей вѣроятности, извѣстіе о вторженіи въ Малую Азію Тимура, угрожавшаго османской имперіи, побудило Мануила вернуться въ Константинополь. На возвратномъ пути его уже не сопровождалъ Бусико, отправленный Карломъ VI въ Геную, отдавшуюся тогда на нѣкоторое время французамъ. Греческій императоръ былъ такъ бѣденъ, что Карлъ VI обѣщалъ давать ему ежегодно около тридцати тысячъ рублей для личныхъ издержекъ. Въ первомъ десятилѣтіи XV столѣтія всѣ ждали паденія послѣднихъ остатковъ римскаго владычества въ Европѣ, какъ вдругъ надъ османской имперіей собралась неожиданно страшная гроза, освободившая Константинополь отъ начатой Баезидомъ осады. Англійскій историкъ Уольсингэмъ вѣроятно справедливо объясняетъ быстрый отъѣздъ Мануила изъ Англіи извѣстіемъ о вторженіи въ османскую имперію татаръ Тимура или Тимуръ-Ленка (Тамерланъ).

Чингисъ-ханъ былъ предводителемъ монголовъ, увлекшихъ за собой татаръ и разсѣявшихъ ихъ по отдаленнѣйшимъ странамъ; Тимуръ повелѣвалъ татарами, подобно морскому приливу разлившимися по Азіи и Европѣ несмѣтныя орды монголовъ, не оставившихъ на западѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ. Только татары основали прочныя государства на Черномъ морѣ и отъ Каспійскаго моря далеко внутрь Россіи, въ Персіи и въ Индіи. Чингисъ-ханъ и его сыновья пришли съ монгольскими ордами изъ Монголіи и сѣвернаго Китая; Тимуръ основалъ свое татарское царство въ Бухаріи и Малой Татаріи, на развалинахъ монгольской имперіи, состоявшей изъ татарскихъ племенъ. Счастливый воинъ, новый завоеватель міра, бывшій въ то же время законадателемъ самаго отдаленнаго востока, соединялъ рѣдкія въ Азіи тактическія и стратегическія познанія съ умѣньемъ приковывать себѣ хищныя орды. Подобно предводителямъ средневѣковыхъ наемниковъ, онъ возвысился тѣмъ, что, продавая услуги князьямъ, являлся къ нимъ съ испытанными воинами. Оказавъ важную помощь одному изъ потомковъ втораго сына Чингисъ-хана Чагатая, Гусейну, владычествовавшему въ восточной Персіи и Бухаріи и жившему попеременно въ Гератѣ и Балкѣ, Тимуръ былъ награжденъ богатыми владѣніями. Черезъ пять лѣтъ онъ поссорился съ Гусейномъ, разбилъ его, избралъ своей столицей Самаркандъ и, повелѣвая съ тѣхъ поръ сѣверо-восточной Персіей, сталъ предпринимать походы въ Татарію и Монголію, будучи еще прежде провозглашенъ и признанъ на большомъ татарскомъ курультаѣ (стр. 96) верховнымъ ханомъ всѣхъ ордъ (1369 г.).

Проводя жизнь въ походахъ, Тимуръ часто возвращался въ Бухару и Самаркандъ и далъ своему новому государству уложеніе и законы, представляющіе разительное противорѣчіе съ звѣрствомъ, жестокостями и разрушеніями, производимыми по его повелѣнію татарскими ордами. Задача нашей исторіи не позволяетъ намъ подвергать исторію Тимура, разсказанную съ такимъ блескомъ, риторикой и поэзіей Гиббономъ, тому критическому анализу, съ которымъ мы передаемъ европейскія событія, и разбирать его законы и государственную дѣятельность; мы ограничимся общимъ очеркомъ сдѣланныхъ имъ завоеваній. Этой

цѣли мы могли бы достигнуть, послѣдовавъ за англійскимъ историкомъ и перечисливъ по порядку подвиги Тимура въ Персіи, Индіи, Татаріи и на пространствѣ нынѣшней Азіатской Турціи; но мы предпочитаемъ слѣдовать Гаммеру. Оставляя въ сторонѣ черезъ-чуръ азіатскіе и пророческіе разсказы Гаммера о двадцати семи отнятыхъ коронахъ и двадцати семи завоеванныхъ земляхъ, мы просто скажемъ, основываясь на его сочиненіи, что Тимуръ поколебалъ въ Азіи владычество девяти владѣтельныхъ домовъ, снова распавшихся на побочныя линіи. По Гаммеру, это были: династія потомковъ Чатагая, господствовавшая до свержения Гусейна на крайнемъ востокѣ Персіи и въ Бухаріи; династія Четовъ или Джетовъ въ Туркестанѣ и Монголіи; династія владѣтелей Ховарезміи; династія въ Татаристанѣ Дештъ Кипчакѣ; династія сыновей Мозаффера въ персидскомъ Иракѣ; династія Иль-хана въ Иракъ-Араби; династія османовъ; династія владѣтелей Индостана. Тотъ же историкъ турокъ прибавляетъ, что основанное Тимуромъ государство простиралось на востокъ до китайской стѣны, на сѣверъ—до самаго сердца Россіи, на западъ—до береговъ Средиземнаго моря, на югъ—до границъ Египта. Изъ восемнадцати войнъ Тимура, расширившихъ предѣлы его владѣній, мы остановимся на двухъ: войнѣ, подчинившей русскихъ татарскому игу, и войнѣ, сломившей могущество страшнаго врага греческой имперіи, Баезида; остальныхъ принадлежащихъ исторіи Азіи, мы коснемся только вскользь. О войнѣ съ русскими будетъ упомянуто въ другомъ мѣстѣ; здѣсь мы скажемъ только о походѣ Тимура противъ османской имперіи.

Къ концу XIV столѣтія, Баезидъ покорилъ всю Малую Азію, подчинивъ себѣ не только тамошнія греческія владѣнія, но и турецкія земли, бывшія независимыя княжества и Керманъ. Въ Европѣ онъ завоевалъ Болгарію, сталъ твердой ногой въ Молдавіи и Валахіи, разбивъ мадьяръ, подчинилъ Боснію и Сербію и поселилъ турокъ въ Албаніи и въ горахъ. Константинополь платилъ дань султану, греческій императоръ, или вѣрнѣе его тѣнь, долженъ былъ позволить поселившимся въ городѣ туркамъ построить четыре мечети и судиться собственнымъ независимымъ отъ него судомъ, у турецкаго кади. Баезидъ проникъ и въ собственную Грецію, сдѣлавъ опустошительный походъ въ Аѳины; война въ Пелопоннесѣ заставила, какъ мы уже говорили, Ѳеодора Палеолога предоставить защиту полуострова іоаннитамъ. Разсказываютъ, что за нѣсколько лѣтъ до нашествія татаръ Баезидъ предался въ Прузѣ чувственнымъ наслажденіямъ и нѣгѣ; но, передъ вторженіемъ Тимура въ Арменію, онъ былъ занятъ осадою Константинополя.

Неохотники до праздниковъ, торжествъ, пировъ и избѣгая всего того, что походитъ на волшебныя сказки, мы не станемъ упоминать о путешествіяхъ завоевателя міра въ Самаркандъ въ промежутки между различными походами, о свадьбахъ и народныхъ увеселеніяхъ, разсказанныхъ съ такими подробностями у Шерефеддина и Арабшаха, описавшихъ подвиги Тимура. Нельзя однако умолчать отомъ, что, по словамъ этихъ восточныхъ писателей, Тимуръ далъ каждому изъ четырехъ сыновей по огромному царству, самъ же, проводя жизнь въ походахъ, ѣздилъ въ Бухару только на праздники, свадьбы или для созванія курультая. По нашему мнѣнію, не стоитъ даже обращать вниманія на то, что говорятъ о государственной мудрости Тимура, о нравственныхъ и политическихъ его принципахъ и о книгахъ, содержащихъ въ себѣ его ученіе. Мы передаемъ только дѣйствительное, ищемъ прозу, истину и исторію, а не поэзію и романтизмъ, и презираемъ то, что пишутъ льстецы. Намъ извѣстно, что Тимуръ возбуждалъ въ своихъ ордахъ кровожадность и звѣрство, что его татаро-монголы, походившіе на тигровъ, истребляли людей тысячами, что его сыщики шныряли во всѣхъ странахъ, что у него была организована цѣлая система шпіонства, при чемъ ему необыкновенно дѣятельно помогали всякіе дервиши, факиры и даже христіанскіе монахи. Передъ началомъ войны съ Баезидомъ (1390 г.) онъ очень хорошо зналъ о положеніи византійской и османской имперіи, и представлялъ изъ себя защитника грековъ. Первымъ поводомъ къ войнѣ между Тимуромъ и Баезидомъ было движеніе татаръ изъ Грузіи и Арменіи въ древній Понтъ и противъ пограничной османской крѣпости Амазіи. Завоеваніе Тимуромъ Багдада и бѣгство Ильхана, походъ татаръ въ Иракъ—Араби; Месопотамію, Діарбекиръ и занятіе проходовъ въ горахъ Тавра дѣлали столкновеніе двухъ завоевателей

неизбѣжнымъ. Въ первый разъ Ильханъ просилъ помощи у египетскихъ мамелюковъ; принужденный вторично бѣжать изъ Багдада, онъ, такъ же какъ и Караюссуфъ, владѣтель Діарбекира, искалъ защиты у Баезида. Слѣдствіемъ этого было возстаніе противъ Тимура (1400 г.) всей страны, отъ Алеппо до Багдада. Напротивъ, побѣжденные Баезидомъ мелкіе князья Карамана, Ментеше, Саруханъ и Айдинъ просили покровительства у Тимура, воспользовавшагося этимъ случаемъ, чтобы отправить къ Баезиду посольство съ высокомѣрными требованіями. Разсказываютъ, хотя объ этомъ не упоминаетъ ни Дукасъ, ни Франзесъ, что и греки обратились къ Тимуру, обѣщавшему имъ защиту, но въ то же время отозвавшемуся съ большимъ презрѣніемъ о христіанской религіи. Страшный фанатизмъ, выказываемый Тимуромъ при покореніи христіанскихъ городовъ, изысканныя пытки, которымъ онъ подвергалъ тысячи христіанъ, заставляютъ насъ сомнѣваться въ достовѣрности этого свидѣтельства.

Повелительное посольство Тимура, явившееся правда съ богатыми подарками, страшно взбѣсило Баезида, осаждавшаго въ то время Константинополь. Сначала онъ хотѣлъ казнить пословъ, но, обругавъ, какъ передаетъ Дукасъ, грубымъ и дерзкимъ бродягою повелителя всей Азіи и части Европы, отправилъ пословъ обратно, велѣвъ обрѣзать имъ бороды, что считалось величайшимъ позоромъ на востокѣ. Это послужило сигналомъ къ войнѣ между султанами. Тимуръ, двинувшійся съ безчисленными ордами отъ Каспійскаго моря къ Малой Азіи, началъ войну осадою Сиваса или Севасты, столицы Каппадокіи. По свидѣтельствамъ, за которыя мы, конечно, не можемъ ручаться, Сивасъ, имѣвшій 100 тысячъ жителей и окруженный громадной стѣною изъ плитняка, продержался только 18 дней; по взятіи города стѣны и башни были срыты до основанія, а христіанское населеніе и армянскій гарнизонъ замучены до смерти жестокими пытками (весной 1400 г.). Походы татаръ, какъ и гунновъ, были гибельны для народовъ и странъ въ особенности потому, что предводители этихъ ордъ нарочно приказывали терзать, истреблять и умерщвлять мужчинъ и женщинъ, дѣтей и юношей, чтобы распространять страхъ и ужасъ передъ своимъ именемъ. Въ татарскихъ войскахъ сотни тысячъ дикихъ варваровъ съ наслажденіемъ предавались каннибальскому избіенію людей.

Не завладѣй татары Сивасомъ, османы навѣрно взяли бы Константинополь въ отсутствіе Мануила. Извѣстіе объ убійствахъ въ Сивасѣ и Малатіи заставило османскаго султана снять осаду Константинополя и поспѣшить въ Азію. Двинувшись вслѣдъ затѣмъ на Багдадъ, Дамаскъ, Сирію и египетскихъ мамелюковъ, противъ владѣтелей, отпавшихъ отъ него или поддерживавшихъ возставшихъ князей, Тимуръ далъ Баезиду время сосредоточить свои силы. Въ своей исторіи османовъ Гаммеръ подробно разсказываетъ со словъ персидскихъ историковъ о звѣрствахъ татаръ въ Сиріи, Багдадѣ и вездѣ, куда ихъ водилъ 66-лѣтній Тимуръ, сдѣлавшійся въ старости еще безчеловѣчнѣе. Мы замѣтимъ только, что Тимуръ приказалъ жестокимъ образомъ умертвить нѣсколько тысячъ человѣкъ, разрушить и сжечь самые большіе цвѣтущіе города отъ Багдада до Алеппо и Антіохіи, разсѣялъ или перебилъ ихъ жителей, и затѣмъ отправился въ Самаркандъ, гдѣ праздновалъ свои побѣды и издалъ разнаго рода указы, составленные его придворными учеными. Зиму 1401—1402 г. татарскія орды провели въ равнинѣ между горами на сѣверѣ Малой Азіи, а предводитель ихъ велъ въ это время переговоры съ османскимъ султаномъ. Баезидъ не уступалъ Тимуру въ высокомѣріи, и дипломатическія сношенія довели только раздраженныхъ противниковъ до остервенѣнія. Грекъ Халькондиласъ передаетъ объ этихъ переговорахъ много любопытныхъ анекдотовъ, очень сомнительныхъ, но характеризующихъ тогдашнее время. У Сиваса, опустошеннаго за два года передъ тѣмъ, Тимуръ сдѣлалъ смотръ войску и оттуда двинулся во внутрь Малой Азіи къ Ангорѣ. Восточные историки Шерефеддинъ и Арабшахъ описали съ большими подробностями всѣ приготовленія и распоряженія обоихъ султановъ къ рѣшительной битвѣ. Эти разсказы чрезвычайно занимательны для знатока востока, и для того, кто хочетъ изучать турецкіе и татарскіе нравы, сохранившіе и до нашихъ дней неизмѣнный характеръ; мы не станемъ упоминать о нихъ въ нашей исторіи уже по одному тому, что Гаммеръ подробно приводитъ ихъ въ своей исторіи османовъ. Гаммеръ говоритъ, что Баезидъ возстановилъ противъ себя высокомѣріемъ

и скупостью предводителей своего войска и солдатъ, и пренебрегалъ ихъ совѣтомъ избѣгать рѣшительнаго сраженія съ Тимуромъ, войско котораго простиралось до 700 тысячъ человѣкъ. Числительность османскихъ силъ, вступившихъ у Ангоры въ сраженіе съ татарами, показывается нѣкоторыми историками въ 120,000, другими въ 160,000 человѣкъ. Всѣ эти цифры, разумѣется, невѣрны, но несомнѣнно, что Тимуръ былъ въ шесть разъ сильнѣе своего противника. Ослѣпленіе Баезида, аттаковавшаго татаръ въ открытомъ полѣ, вмѣсто того чтобы стараться заманить ихъ въ горы, долины и ущелья, сравнивали съ вѣрою Бонапарте въ свое счастье и непобѣдимость, побудившею его идти на Москву. Къ этому довольно удачному сравненію можно прибавить, что Бонапарте велъ за собой обкраденныхъ и оскорбленныхъ имъ пруссаковъ и австрійцевъ, вспомогательное же войско Баезида состояло изъ десяти тысячъ сербовъ и восемнадцати тысячъ турокъ и татаръ, князья которыхъ находились въ лагерѣ Тимура. Тяжеловооруженные сербы, подъ начальствомъ зятя Баезида, Стефана, оказали османамъ большія услуги; напротивъ, татары и турки Айдина и другихъ завоеванныхъ княжествъ перешли въ сраженіи на сторону враговъ. Если справедливъ разсказъ Халькондиласа, что Баезидъ привелъ на поле сраженія своихъ соколовъ и собакъ и въ его лагерѣ дѣйствительно находилось семь тысячъ соколовъ и шесть тысячъ собакъ, то, конечно, его несчастье было счастьемъ для османской имперіи. Новое государство могло существовать только при томъ условіи, чтобы султаны не переступали границъ, положенныхъ основателями и его первыми преемниками.

Сраженіе при Ангорѣ происходило 20 или 28 іюля 1402 г. Побѣда, колебавшаяся въ продолженіе цѣлаго дня, осталась за татарами, подавившими противниковъ числительностью; къ тому же и предводители ихъ не уступали полководцамъ османовъ въ искусствѣ и опытности вести войну по восточному. Баезидъ и одинъ изъ его сыновей были взяты въ плѣнъ, а войско османовъ разсѣяно или уничтожено. Мы не вѣримъ разсказамъ персидскихъ историковъ о великодушіи Тимура съ побѣжденными, хотя и готовы допустить, что, быть можетъ, онъ дѣйствительно приказалъ своимъ ордамъ не брать въ плѣнъ турокъ, какъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Тѣ же персидскіе историки, слѣдующіе болѣе фантазіи, чѣмъ разсудку, нисколько не сомнѣваясь въ государственной мудрости и соломоновой справедливости Тимура, т. е. въ дѣйствительности составленныхъ имъ же, но изданныхъ будто бы Тимуромъ постановленій, выдаютъ его за мудраго правителя. Гиббонъ находитъ согласнымъ съ своею цѣлью принимать это за истинную монету. Мы, напротивъ, считаемъ все, что говорятъ Арабшахъ и Шереффединъ о комментаріяхъ и институтахъ Тимура, такою же истиною, какъ разглагольствованіе какого нибудь Тьера и другихъ французовъ объ исторіи Бонапарте, написанной по запискамъ, составленнымъ на островѣ св. Елены, и мемуарамъ Буріенна, или какъ парламентскія рѣчи о дѣйствіяхъ англичанъ въ Ирландіи и Индіи.

Въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилась Малая Азія послѣ побѣды татаръ, прежде даже, чѣмъ Тимуръ двинулся со всѣмъ войскомъ къ Эгейскому морю, видно изъ слѣдующихъ словъ Дукаса. «Въ первые восемь дней послѣ побѣды при Ангорѣ, говоритъ историкъ, татарское войско (или, по его словамъ, персидское), раздѣлясь наводнило Галатію, Фригію, Виѳинію, Ликію и Пафлагонію; оно было такъ многочисленно, что казалось, будто въ каждой изъ провинцій расположено все татарское войско. Внукъ Тимура, Мирза Мухаммедъ, былъ посланъ съ поля битвы въ Прузу. Но сынъ Баезида, Солиманъ, поспѣшивъ туда, еще до окончанія сраженія, отправилъ въ Европу всѣ сокровища и велѣлъ флоту удалиться отъ берега. Тимуръ оставался нѣкоторое время въ Котіеумѣ, столицѣ Пафлагоніи, а потомъ двинулся къ Прузѣ, по выраженію Дукаса, «опустошая все по пути, обращая жителей въ рабовъ, грабя, уничтожая и сжигая всѣ сокровища, находимыя имъ въ разныхъ мѣстахъ или требуемыя имъ подъ страшными истязаніями, вѣшая и заживо зарывая людей.» Въ Прузѣ находились жены Баезида: одна изъ нихъ была дочь Лазаря. Города Никея и Никомедія испытали ту же участь какъ и Пруза. Пройдя съ такимъ же звѣрствомъ нижнюю Фригію, Тимуръ вступилъ въ Пергамъ. Греки, такъ же какъ и турки, были вынуждаемы отдавать татарамъ все, что имѣли цѣннаго, потому что въ случаѣ отказа Тимуръ

грозилъ сжечь ихъ имущества и заморить ихъ голодомъ. Изъ Пергама онъ двинулся въ Магнезію на Сипилѣ и, ограбивъ этотъ городъ, вступилъ въ Лидію. Обобравъ въ Сардахъ и Филадельфіи сохранявшіяся въ нихъ богатства древности, Тимуръ осадилъ Смирну. Имѣя сообщеніе съ моремъ, Смирна оставалась независимой даже послѣ того, какъ Филадельфія подпала подъ владычество османовъ. Генуэзцы и венеціанцы поддерживали съ моря городъ, защищаемый родосскими рыцарями и христіанами, поспѣшившими на помощь изъ Эфеса, Ѳиріи и Нимфеи; но передъ полумилліономъ татаръ было трудно долго сопротивляться. Заваливъ гавань каменьями и такимъ образомъ отрѣзавъ сообщеніе съ моремъ, Тимуръ сдѣлалъ приступъ. Смирна была взята и подверглась такой же участи, какъ и другіе города. Тимуръ велѣлъ привести къ себѣ тысячу плѣнныхъ, отрубить имъ головы и построить родъ башни изъ человѣческихъ тѣлъ, смѣнявшихся рядами плитняку. Эфесъ, гдѣ Тимуръ пробылъ тридцать дней, и всѣ его окрестности были тоже опустошены. Какъ потокъ лавы пронеслись татары по нѣкогда богатому и цвѣтущему берегу Малой Азіи внизъ до Каріи; здѣсь погибло ихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ отъ необыкновенныхъ холодовъ, истреблявшихъ, по описанію современниковъ, животныхъ и птицъ. Мы вполнѣ вѣримъ словамъ историка Дукаса, сказавшаго, что въ Виѳиніи, послѣ пребыванія Тимура, опустошившаго города, деревни и превратившаго цѣлыя мѣстности въ пустыни, не было слышно ни человѣческаго говора, ни дѣтскаго плача, ни собачьяго лая, ни пѣтушьяго крика, и что повсюду господствовала мертвая тишина.

Участь Баезида въ плѣну, подобно послѣднимъ днямъ Велисарія (т. II стр. 270), описана чрезвычайно романически и сдѣлалась предметомъ нравственно-сантиментальныхъ разсказовъ; о ней были такіе же споры между учеными, какъ и объ исторіи Велисарія. Даже Гиббонъ и Гаммеръ сочли нужнымъ помѣстить въ своихъ исторіяхъ подробныя изслѣдованія о томъ, былъ ли Баезидъ запертъ въ желѣзную клѣтку. Мы считаемъ разсказы Халькондиласа и Франзеса столь же неправдоподобными, какъ и болѣе поэтическія, чѣмъ историческія произведенія персидскихъ писателей. Эти византійскіе историки разсказываютъ, что султаны ругались самымъ площаднымъ образомъ, а Баездъ былъ посаженъ, по приказанію Тимура, въ рѣшетчатую клѣтку, въ которой и умеръ. Намъ кажется гораздо правдоподобнѣе свидѣтельство Дукаса. «Съ Баезидомъ, говоритъ онъ, обращались очень дружелюбно и мягко до тѣхъ поръ, пока не было сдѣлано попытки освободить его; съ того времени его стали держать строже и заковали въ цѣпи». Баезидъ умеръ въ плѣну (1403 г.); трупъ османскаго султана былъ отданъ его сыну Музѣ, взятому вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ и освобожденному татарами по смерти отца.

Послѣ сраженія при Ангорѣ османская имперія распалась на нѣкоторое время, греческая имперія, напротивъ, казалось, была спасена отъ паденія распоряженіями Тимура въ покоренныхъ османами турецкихъ княжествахъ Малой Азіи и войнами сыновей Баезида. Якубъ-бегъ былъ возстановленъ въ Керманѣ, съ обязательствомъ стеречь Музу, сына Баезида; сыновья владѣтеля Мелитше получили отцовское наслѣдіе; Исфендіару были отданы Кастемуни и Синопъ, гдѣ владычествовалъ его отецъ. Стремясь окончательно уничтожить османскую и персидскую имперіи, Тимуръ, передъ отправленіемъ въ Бухару, возвратилъ турецкимъ князьямъ Эрфенджана и Айдина ихъ наслѣдія, поступивъ такимъ же образомъ относительно Ширвана и Діарбекира.

Мы уже говорили, что сынъ Баезида Солиманъ, благополучно достигнувъ Прузы, отправился въ Европу съ сокровищами отца. Въ Константинополѣ онъ заключилъ союзъ съ императоромъ Мануиломъ, возвратившимся въ свою столицу по первому извѣстію о снятіи Баезидомъ осады и его движеніи въ Азію противъ Тимура. Мануилъ тотчасъ же отправилъ своего племянника и соправителя Іоанна въ Лемносъ, предоставилъ ему впослѣдствіи Ѳессалію, и съ тѣхъ поръ одинъ управлялъ имперіею. Онъ лишилъ мухаммеданъ всѣхъ привилегій, вытребованныхъ для нихъ угрозами Баезида: кади долженъ былъ оставить городъ, мечети были закрыты или уничтожены и у мухаммеданскихъ купцовъ было отнято право имѣть въ городѣ особый кварталъ. Не смотря на все это, Солиманъ заключилъ съ Мануиломъ дружескій союзъ, отдалъ ему въ заложники своего брата Казема и сестру Фатиму, а самъ женился на его племянницѣ, дочери Ѳеодора. Когда

татары устремились изъ Виѳиніи въ Іонію, онъ снова вернулся въ Малую Азію, заперся въ крѣпости, построенной его отцомъ на азіатскомъ берегу Босфора, и старался снискать себѣ милость Тимура. Тимуръ предоставилъ ему европейскія владѣнія, на которыя не распространялась власть предводителя татаръ.

По смерти Баезида его сыновья начали между собой войну, продолжавшуюся до тѣхъ поръ, пока четвертому изъ нихъ, Мухаммеду I, не удалось соединить всѣ прежнія владѣнія османовъ и возстановить единство имперіи. Одиннадцатилѣтнимъ Мухаммедомъ руководили Баезидъ-паша и Софи Баезидъ; турецкіе писатели, такъ охотно разсказывающіе чудеса, приписали мальчику все, что было сдѣлано этими талантливыми людьми. Они увезли Мухаммеда съ ангорскаго поля сраженія въ Токатъ, утвердили его власть надъ этимъ городомъ и укрѣпленной Амазіей, семь мѣсяцевъ сопротивлявшейся татарамъ, и его именемъ присягнули завоевателю. Впослѣдствіи Тимуръ потребовалъ въ свой лагерь всѣхъ вассаловъ, для принесенія ему лично присяги; Баезидъ-паша и Софи Баезидъ уклонялись отъ этого требованія подъ разными предлогами, и такъ дотянули до отъѣзда Тимура въ Бухару. Всѣхъ сыновей у Баезида было шесть: Солиманъ, Муза, Иза, Мухаммедъ, Казем ъ и Юссуфъ. Юссуфъ былъ христіанинъ; Казем ъ находился при началѣ междоусобной войны въ Константинополѣ, какъ заложникъ старшаго брата; Муза былъ тогда еще въ плѣну у татаръ; Солиманъ и Иза заняли, подобно Мухаммеду, отдѣльныя владѣнія. Мухаммедъ жилъ въ Амазіи, Солиманъ—въ Адріанополѣ, Иза—въ Прузѣ. Междоусобная война началась борьбою Мухаммеда съ Изою. Мухаммедъ разбилъ войско брата и заставилъ его бѣжать въ Константинополь. Затѣмъ онъ потребовалъ отъ Якубъ-бега выдачи Музы. Требованіе его было исполнено и Муза сдѣлался плѣнникомъ Мухаммеда, похоронившаго въ Прузѣ съ почестями переданный ему при этомъ случаѣ трупъ Баезида. Между тѣмъ Иза, возвратившійся изъ Константинополя, снова началъ борьбу съ братомъ. Вторично побѣжденный, онъ просилъ помощи у турецкихъ князей Айдина, Сарухана, Текке и Ментеше. Вступивъ въ сраженіе съ Мухаммедомъ, въ качествѣ союзниковъ Изы, турецкіе князья были разбиты и убиты или вынуждены признать Мухаммеда своимъ повелителемъ. Владѣтель Кермана, Якубъ-бегъ тоже долженъ былъ передать свои крѣпости Мухаммеду. Иза бѣжалъ и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти.

По исчезновеніи Изы, Мухаммедъ началъ войну съ другимъ братомъ. Солиманъ, возвратившій греческому императору Ѳессалонику, всѣ города до Стримона и даже всѣ мѣстечки по Черному морю, отъ Паниса до Варны, хотѣлъ воспользоваться хаотическимъ состояніемъ Малой Азіи; такъ представляютъ тогдашнее положеніе этой провинціи мухаммеданскіе и христіанскіе писатели, говоря только о грабежахъ, набѣгахъ и возстаніяхъ турецкихъ князей. Явившись съ войскомъ, Солиманъ дошелъ до Ангоры и началъ войну съ военачальниками брата; мы не можемъ приписать побѣдъ надъ Изою и Солиманомъ самому Мухаммеду, въ то время еще ребенку. Въ продолженіе всего 1405 года борьба шла съ перемѣннымъ счастьемъ; въ 1406 г. у Солимана является новый врагъ — его братъ Муза. Зная о неудовольствіи, господствовавшемъ противъ Солимана между его европейскими вассалами, Мухаммедъ позволилъ Музѣ переправиться въ Европу и съ помощію турецкихъ отрядовъ и недовольныхъ христіанъ начать войну съ Солиманомъ. Въ борьбѣ, начавшейся между Солиманомъ и Музою, Стефанъ Сербскій и Мирче Валахскій поддерживали Музу, греческій императоръ держалъ сторону Солимана. Въ сраженіи близъ Константинополя сербскій краль, подкупленный Мануиломъ, отпалъ отъ Музы, и Солиманъ одержалъ побѣду, сохранившую за нимъ его европейскія владѣнія. Но, въ то время какъ Мухаммедъ продолжалъ завоеванія въ Азіи и занялъ Прузу, Солиманъ предался въ Адріанополѣ пьянству и сладострастію. Претерпѣвъ пораженіе, Муза бродилъ нѣсколько времени въ горахъ Гемуса (Балканы), а въ началѣ 1410 г. неожиданно появился съ валахскимъ войскомъ у Адріанополя, по всей вѣроятности сговорившись предварительно съ военачальниками и чиновниками брата, возстановленными противъ Солимана за его пьянство, противное корану, и за дружбу и родственныя связи съ константинопольскимъ императоромъ и сербскимъ кралемъ. Приверженцы Солимана напрасно указывали ему на гибельныя послѣдствія его поведенія; когда онъ опомнился, было уже поздно. Выступивъ противъ брата, Солиманъ былъ ос-

тавленъ войскомъ и умерщвленъ жителями того селенія, гдѣ часто свирѣпствовали его дикіе туркоманы.

Завладѣвъ европейской имперіей османовъ, Муза не исполнилъ даннаго Мухаммеду обѣщанія признать его верховнымъ повелителемъ. Солиманъ былъ добродушный развратникъ и кутила; Муза, тотчасъ по вступленіи въ Адріанополь, выказалъ себя звѣрскимъ тираномъ и заставилъ жестоко поплатиться: сербовъ за измѣну въ сраженіи при Константинополѣ, а грековъ за оказанную его брату помощь. Предпринявъ походъ въ Сербію, онъ опустошилъ страну огнемъ и мечомъ, умерщвлялъ жителей тысячами, уводилъ въ рабство мальчиковъ, юношей и дѣвушекъ и праздновалъ съ своими варварами такіе каннибальскіе праздники, описаніе которыхъ глубоко возмущаетъ человѣческое чувство. Изъ Сербіи Муза двинулся на Іоанна, съ цѣлью отнять у грековъ уступленные имъ Солиманомъ города, завоевалъ Ѳессалонику и скоро соединилъ подъ своимъ владычествомъ всѣ греческія владѣнія, принадлежавшія прежде османамъ. Затѣмъ онъ направилъ оружіе противъ Мануила и, окруживъ Константинополь, отправилъ къ императору Ибрагимъ-пашу съ грознымъ требованіемъ снова признать себя вассаломъ османской имперіи и платить туже дань, какъ султану Баезиду. Греческіе историки утверждаютъ, что Мануилъ готовъ былъ подчиниться унизительнымъ условіямъ, но самъ Ибрагимъ-паша убѣдилъ его не соглашаться на это. Другъ Мухаммеда, Ибрагимъ, сердился на Музу за неисполненіе обязательства, даннаго имъ брату.

Жестокостью и варварствомъ Муза возстановилъ противъ себя всѣхъ старыхъ государственныхъ людей, въ томъ числѣ Ибрагима; но, имѣя на своей сторонѣ молодыхъ воинственныхъ предводителей дикихъ туркомановъ, валаховъ и болгаръ, восхищавшихся его храбростью въ сраженіяхъ и покровительствомъ ихъ кровожаднымъ звѣрскимъ страстямъ, онъ все-таки былъ сильнѣе Мухаммеда. Муза страшно злился на Мануила, отправившаго Ибрагимъ-пашу въ Прузу, гдѣ онъ вступилъ въ службу Мухаммеда и старался составить союзъ между нимъ, греками и сербами. Старые визири, повелѣвавшіе именемъ Мухаммеда, приняли Ибрагима въ сотоварищи, и такимъ образомъ азіатская имперія Баезида управлялась тріумвиратомъ искусныхъ политиковъ. При посредничествѣ Ибрагима, визири заключили тѣсный союзъ съ греческимъ императоромъ, которому Мухаммедъ оставался вѣренъ до конца жизни. Они обѣщали Мануилу защиту противъ Музы, войско Мухаммеда было перевезено на греческихъ корабляхъ въ Европу, и братья начали войну въ окрестностяхъ Константинополя, одинъ за, другой противъ грековъ. Нѣкоторое время судьба покровительствовала Музѣ и побѣда осталась бы на его сторонѣ, когда волненія въ Малой Азіи заставили Мухаммеда отозвать свое войско изъ Европы, если бы онъ самъ не былъ принужденъ вспыхнувшимъ въ Ѳессаліи возстаніемъ снять осаду. Вскорѣ Муза снова вернулся къ Константинополю, но своими дѣйствіями нанесъ гораздо больше вреда самому себѣ, чѣмъ грекамъ. Опустошивъ всѣ кругомъ лежавшіе города и селенія, онъ лишилъ свое войско продовольствія, тогда какъ Константинополь, куда бѣжали испуганные жители окрестностей, былъ снабжаемъ припасами съ моря. Рѣшившись запереть городъ съ моря, онъ снарядилъ флотъ и этимъ далъ возможность грекамъ доказать хоть разъ, что, не смотря на всю слабость и неспособность императора, въ нихъ сохранилось еще хоть сколько нибудь мужества и искусства. Побочный братъ Мануила, командовавшій греческимъ флотомъ, одержалъ надъ туркамп блистательную побѣду, возбудившую всеобщее удивленіе, но пробудившую зависть въ императорѣ. Вмѣсто награжденья, побѣдитель былъ удаленъ изъ службы и заключенъ въ темницу; о послѣдующей его судьбѣ мы ничего не знаемъ. Подобное обращеніе съ соотечественниками и родственниками естественно удалило всѣхъ способныхъ людей отъ Мануила, довѣрявшаго только посредственностямъ. Нужда заставила его снова обратиться къ Мухаммеду. Греческій флотъ былъ вторично посланъ въ Лампсакъ за вспомогательными османскими войсками. Но счастье оставило ихъ: аттаковавъ Музу, они былъ разбиты на голову. Мухаммедъ спасся, переѣхавъ на греческомъ кораблѣ въ Малую Азію (1410 г.). Впрочемъ и осада Константинополя не подвигалась: снова явившись въ Европу по прошествіи года, Мухаммедъ засталъ Музу почти въ томъ же положеніи. Собравъ многочисленное войско изъ самыхъ отдаленныхъ частей имперіи, Му-

хаммедъ переправился въ 1412 г. на греческихъ корабляхъ въ Европу и обошелъ лагерь брата, желая сначала привлечь на свою сторону христіанъ по Дунаю и Савѣ, испытавшихъ жестокое обращеніе Музы. Сербскій краль посовѣтовалъ ему аттаковать сперва Адріанополь и, въ случаѣ неудачи, отступить къ Дунаю. Мухаммеду удалось обмануть брата и приблизиться къ Адріанополю, но когда Муза явился на защиту города съ отборною частью своего войска, онъ къ рѣшился напасть на него. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Мухаммедъ оставилъ половину войска передъ Адріанополемъ, а съ остальной частью двинулся къ Филиппополю, какъ говоритъ Дукасъ, или же отправился со всѣмъ войскомъ къ Марицѣ; но достовѣрно, что самъ Мухаммедъ появился сначала на Марицѣ, а потомъ уже на Моравѣ. Во время этихъ переходовъ къ нему присоединились недовольные намѣстники сѣверныхъ провинцій и сербскій краль Стефанъ съ тяжеловооруженными сербами. Когда Мухаммедъ снова повернулъ на югъ, Муза выступилъ ему на встрѣчу изъ Адріанополя. Сраженіе между братьями произошло при мѣстечкѣ, называемомъ турецкими писателями Чармурли; побѣда, одержанная Мухаммедомъ, важна для османской исторіи въ особенности потому, что она возстановила единство имперіи. Войско Музы было разбито на голову, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ и по приказанію Мухаммеда задушенъ (1413 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Мухаммедъ заключилъ дружественный союзъ съ греческимъ императоромъ и до конца жизни выказывалъ ему необыкновенное уваженіе. Мануилъ отпустилъ Казема, находившагося еще со временъ Солимана заложникомъ въ Константинополѣ; Мухаммедъ возвратилъ грекамъ завоеванные Музой города на Пропонтидѣ, Черномъ морѣ и въ Ѳессаліи.

Греческая имперія пользовалась въ то время такимъ спокойствіемъ, что Мануилъ отправился въ Пелопоннесъ, чтобы помочь брату Ѳеодору укрѣпить полуостровъ. Ѳеодоръ уже завладѣлъ большею частью Пелопоннеса, и мелкіе владѣтели полуострова, какъ новый княжескій домъ Ченгуріоне, кефалонійскій палатинъ и деспотъ Карло Токко, владѣтели Навплія и Аргоса и три франкскія династіи въ Гларицѣ, Патрасѣ и Халандрицѣ видѣли невозможность сохранить свою независимость. Мануилъ пріѣхалъ въ Пелопоннесъ для возстановленія построенной поперекъ перешейка стѣны. Все населеніе полуострова, подъ наблюденіемъ своихъ архонтовъ, работало надъ возведеніемъ этой стѣны; послѣдствія однако доказали, что постройка была очень плоха. Перешеекъ называютъ Гексамилономъ, потому что онъ простирается на шесть итальянскихъ миль или на три тысячи восемьсотъ сажень въ ширину. Въ апрѣлѣ 1315 г. стѣна была окончена. Греческіе историки-хвастаются 150 находившимися на ней башнями; но тѣ же писатели говорятъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда турки сдѣлали набѣгъ на Пелопоннесъ, стѣна эта уже лежала въ развалинахъ.

По словамъ греческихъ историковъ, въ Мухаммедѣ не было ни дикаго фанатизма турокъ и ихъ единоплеменниковъ, ни жестокой нетерпимости Баезида и татаръ Тимура. Разсказываютъ, что султанъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Константинополь и приглашалъ къ себѣ Мануила. Дукасъ увѣряетъ, что Мухаммедъ даже обѣщалъ іоанитамъ или родосскимъ рыцарямъ защищать вездѣ христіанъ, говоря, что онъ очень расположенъ къ нимъ. Съ своей стороны и Мануилъ, воспитывая младшаго сына Баезида Юссуфа, еще ребенкомъ отданнаго ему, выказалъ вполнѣ свою вѣротерпимость. Впрочемъ мы не увѣрены, чтобы терпимость греческаго императора не происходила изъ политическихъ видовъ, изъ боязни, чтобы Юссуфъ не лишился правъ на турецкій престолъ. Несмотря на желаніе самого Юссуфа, Мануилъ не соглашался на его переходъ въ христіанство, и только передъ его смертью позволилъ ему креститься (Юссуфъ умеръ отъ чумы).

Положеніе дѣлъ въ европейскихъ и азіатскихъ странахъ, если не окончательно завоеванныхъ, то опустошенныхъ и порабощенныхъ османами, было почти такое же, какъ въ западной и сѣверной Европѣ, съ тою только разницею, что народъ, все еще называвшійся римскимъ, состарѣлся, ослабѣлъ и прикрывалъ выказывавшуюся наготу роскошными тряпками. Вездѣ, за исключеніемъ Греціи, жизнь и дикая энергія, вездѣ движеніе со всѣми своими особенностями, вездѣ національныя и индивидуальныя стремленія, и все это безъ того порядка и спокойствія, которыя могутъ установиться только подъ вліяніемъ системы, и вслѣдствіе исчезновенія всѣхъ оригинальностей характера и сглаживанія всѣхъ угловатостей

и шероховатостей въ ровную, но въ то же время плоскую поверхность. Мы сдѣлаемъ бѣглый очеркъ различныхъ національностей, мелкихъ и значительныхъ владѣтелей и республикъ, игравшихъ во времена Мухаммеда I роль въ восточной римской имперіи. Въ этомъ очеркѣ мы коснемся аристократическихъ торговыхъ республикъ, рыцарской аристократіи родосцевъ, мелкихъ владѣтелей, справедливо носившихъ тогда еще совершенно невинный титулъ деспотовъ, греческихъ императоровъ, бывшихъ тѣнью прежняго, наконецъ османовъ, составлявшихъ въ средніе вѣка единственное военное государство. Только у османскаго султана были собственные финансы, только онъ имѣлъ неограниченную власть, повелѣвая молодымъ народомъ, за котораго, какъ нѣкогда у римлянъ, работали рабы; султанъ не только имѣлъ постоянное войско, какого не было нигдѣ въ Европѣ, но могъ всегда призвать къ оружію весь народъ, не нанося чрезъ это ущерба ни земледѣлію, ни торговлѣ. Мы не станемъ говорить ни о генуэзцахъ и венеціанцахъ, владѣвшихъ на всѣхъ берегахъ колоніями и укрѣпленными поселеніями и факторіей въ Галатѣ, составлявшей совершенно независимое государство, ни о родосскихъ рыцаряхъ, владычествовавшихъ въ Эгейскомъ морѣ и по его берегамъ. Положеніе Пелопоннеса, древней Эллады, прибрежья Акарнаніи и Этоліи до крайнихъ границъ Эпира, Македоніи и Θессаліи походило на положеніе Германіи: замки и владѣтели замковъ и рядомъ съ ними безчисленныя шайки разбойниковъ и постоянные грабежи. Θессаліей до 1419 г. управлялъ именемъ греческаго императора Димитрій Лескарисъ Леонтарій, отправленный константинопольскимъ императоромъ по смерти Мухаммеда I съ однимъ дипломатическимъ порученіемъ, не принесшимъ ему особой чести. Сербскій краль и валахскій воевода были вассалами Мухаммеда, участвовали въ его войнахъ и являлись къ его двору въ Адріанополь, гдѣ находили такой же почетъ, какъ и мухаммеданскіе вассалы султана. Въ Адріанополь ѣздили также болгарскій князья и герцогъ Янинскій. Даже деспотъ Мистры и князь ахайскій признали надъ собой власть Мухаммеда.

При болѣе подробномъ изученіи османской исторіи легко доказать, что отношенія Мухаммеда къ его мухаммеданскимъ вассаламъ были почти такія же, какъ отношенія германскаго императора къ нѣмецкимъ князьямъ, графамъ и баронамъ. Достаточно одного примѣра. Мы избираемъ войну Мухаммеда съ Караманомъ, владѣтелемъ юго-восточнаго угла Малой Азіи, гдѣ нѣкогда существовало сельджукское султанство Коніе или Иконіумъ и Джунейдомъ, владѣвшимъ Смирной и Эфесомъ. Въ то время, какъ Мухаммедъ велъ войну съ братомъ въ Европѣ, Караманъ занялъ Малую Азію и уже достигъ Прузы; возвращеніе султана заставило его вернуться въ свой уголъ, куда Мухаммедъ не послѣдовалъ за нимъ, считая болѣе важнымъ выгнать сначала Джунейда изъ Смирны. Для осады укрѣпленной Смирны султанъ созвалъ всѣхъ своихъ вассаловъ, даже христіанскихъ. Джунейдъ заперся въ Эфесѣ, чтобы оттуда тревожить осаждавшихъ. На помощь султану явились: владѣтели Фокеи, Митилены и Хіоса, турецкіе князья Кермана, Текке, Ментеше, и даже гроссмейстеръ родосскихъ рыцарей. Джунейдъ сдался. Онъ передалъ Мухаммеду Смирну и Эфесъ, явился въ его лагерь и былъ помилованъ. Укрѣпленія, разрушенныя Тимуромъ и возстановленныя гроссмейстеромъ Родоса, были въ его же присутствіи вновь уничтожены.

Дѣлая очеркъ положенія греческой и турецкой имперіи при Мануилѣ и Мухаммедѣ, нельзя умолчать о войнѣ султана съ венеціанцами. Мы не разъ говорили, что венеціанцы, какъ и генуэзцы, составляли въ Галатѣ особое государство въ государствѣ. Кромѣ того, они владычествовали на островахъ или въ городахъ Лесбосѣ, Хіосѣ, Фокеѣ и Лампсакѣ, принадлежавшихъ фамиліямъ венеціанскихъ патриціевъ, распространили свои владѣнія по Адріатическому морю въ Албаніи, а въ началѣ XV столѣтія вели чрезвычайно обременительную для себя войну за обладаніе всѣмъ приморскимъ берегомъ. Война кончилась для нихъ несчастливо; но по окончаніи ея (1408 г.), за ними остались Скутари, Дульчиньо и албанскія соляныя копи. Чего венеціанцы не могли достигнуть войной, то они пріобрѣли деньгами, обращая болѣе вниманія на выгоды, чѣмъ на честь. Такъ, напримѣръ, чтобы оградить своихъ союзниковъ отъ турецкихъ грабежей, республика платила Солиману ежегодную дань. Желая положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію вліянія венеціанцевъ, Мухаммедъ не удовольствовался ихъ

деньгами, но, объявивъ войну республикѣ и ея подданнымъ и союзникамъ въ Архипелагѣ, опустошилъ Андросъ, Паросъ, Мелосъ и увелъ въ рабство жителей этихъ острововъ. Венеціанскій флотъ, отправленный въ Босфоръ подъ командой Лоредано, одержалъ блистательную побѣду, глубоко раздражившую турецкаго султана. Съ каннибальскимъ звѣрствомъ отмстилъ Мухаммедъ за это пораженіе венеціанцамъ и ихъ подданнымъ, попавшимся въ его руки; намъ отвратительно повторять то, о чемъ греческій историкъ разсказываетъ съ большимъ удовольствіемъ. Эта война велась въ 1416 и 1417 гг.; впрочемъ, хронологія этихъ событій далеко не достовѣрна.

Во время войны между Венеціей и османами, въ Азіи появился претендентъ на турецкій престолъ, выдававшій себя за брата Мухаммеда, Мустафу, исчезнувшаго послѣ сраженія при Ангорѣ. По всей вѣроятности, это былъ обманщикъ, которымъ Джунейдъ, бывшій владѣтель Эфеса и Смирны, хотѣлъ воспользоваться для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Настоящій Мустафа явился позже и былъ признанъ потомками Мухаммеда, похоронившими его въ ихъ фамильной гробницѣ. Не считая нужнымъ слѣдить за исторіей Лже-Мустафы съ начала до конца, мы пропускаемъ его первыя похожденія. Не найдя приверженцевъ въ Малой Азіи, онъ скоро переправился въ Европу и имѣлъ такой успѣхъ въ Валахіи, Болгаріи и Румеліи, что Мухаммедъ выступилъ противъ него съ войскомъ. Креатура Джунейда, трусъ и развратникъ, Мустафа былъ скоро вытѣсненъ изъ Ѳракіи въ Македонію, а потомъ въ Ѳессалію, куда за нимъ послѣдовалъ Мухаммедъ. Близъ Ѳессалоники произошло сраженіе; Мустафа былъ разбитъ и вмѣстѣ съ Джунейдомъ бѣжалъ къ намѣстнику Ѳессалоники Димитрію Ласкарису Леонтарію, который принялъ его съ почестями, какъ османскаго князя. Мухаммедъ потребовалъ выдачи обманщика. Димитрій отказался исполнить требованіе султана безъ разрѣшенія императора, также не хотѣвшаго отдавать на вѣрную смерть человѣка, просившаго у него защиты. По дружбѣ къ Мануилу, Мухаммедъ не настаивалъ на своемъ требованіи и согласился на сдѣлку. Императоръ обѣщалъ учредить надъ Джунейдомъ и Мустафой полицейскій надзоръ, слѣдовательно сдѣлать ихъ обоихъ совершенно неопасными султану; съ своей стороны Мухаммедъ обязался платить ежегодно триста тысячъ аспровъ на ихъ содержаніе. По этой громадной суммѣ можно думать, что претензіи Мустафы имѣли нѣкоторое основаніе.

Мы не беремся рѣшать, дѣйствительно ли (какъ оно кажется и было) еще не задолго до смерти Мухаммеда прекратились дружественныя отношенія, возникшія между византійской и османской имперіями со смерти Баезида и для возстановленія ихъ былъ отправленъ къ султану намѣстникъ Ѳессаліи Димитрій Ласкарисъ Леонтарій. Во всякомъ случаѣ внезапная смерть Мухаммеда совершенно измѣнила ихъ. Мухаммедъ умеръ 1421 г. въ Адріанополѣ. Преслѣдуя кабана, онъ расшибся, упавъ съ лошади, и умеръ черезъ нѣсколько дней.

4. Византійская и османская имперіи до завоеванія Константинополя.

Старые визири Мухаммеда не хотѣли объявлять о его смерти, до пріѣзда въ Прузу новаго султана. Мурадъ II находился въ Токатѣ, и потому прошло 14 дней, прежде чѣмъ онъ былъ провозглашенъ преемникомъ Мухаммеда. Турецкіе писатели разсказываютъ различные анекдоты о томъ, какъ во время междуцарствія въ народѣ старались поддерживать мнѣніе, что Мухаммедъ еще живъ.

Халькондиласъ говоритъ, что Мухаммедъ до послѣднихъ минутъ сохранялъ уваженіе къ греческому императору. Передъ смертію онъ убѣдительно просилъ Баезидъ-пашу, которому былъ обязанъ спасеніемъ, а впослѣдствіи побѣдами, отправить двухъ его младшихъ сыновей въ Константинополь, и умолялъ Мануила потребовать ихъ къ себѣ, еслибы визирь не исполнилъ его желанія. Это повлекло за собой новую осаду Константинополя и окончательное паденіе греческаго владычества въ Македоніи и Ѳессаліи. По человѣколюбію и изъ политическихъ цѣлей греческій императоръ потребовалъ отъ восемнадцатилѣтняго Мурада II,

вполнѣ зависѣвшаго отъ старыхъ визирей отца, отправленія дѣтей въ Константинополь. Визири, преимущественно Баезидъ-паша и Ибрагимъ, отказались исполнить требованіе императора, грозившаго въ случаѣ отказа поддерживать претендента Лже-Мустафу. Угрозу свою Мануилъ дѣйствительно привелъ въ исполненіе. Онъ велѣлъ Димитрію Ласкарису отвезти Мустафу и Джунейда въ Галлиполи, получивъ отъ Джунейда обѣщаніе значительныхъ уступокъ, если имъ удастся упрочить свою власть. Димитрій отправился съ войскомъ и флотомъ къ Галлиполи, гдѣ около претендента собралось значительное число приверженцевъ. Баезидъ-паша принялъ начальство надъ войскомъ Мурада, отправленнымъ въ Европу, но не могъ держаться противъ Джунейда. Съумѣй сынъ Мануила, Іоаннъ II Палеологъ, управлявшій тогда государствомъ вмѣсто отца, жившаго почти всегда въ монастырѣ, воспользоваться этими обстоятельствами, греческая имперія могла бы извлечь огромную пользу изъ войны между османскими претендентами. Баезидъ-паша предлагалъ греческому императору большія деньги, если онъ откажется поддерживать Лже-Мустафу; Мануилъ требовалъ выдачи сыновей Мухаммеда, на что никакъ не могли согласиться визири Мурада. Съ помощью грековъ, которымъ Джунейдъ обѣщалъ уступить городъ, Мустафа осадилъ Галлиполи. Желая спасти отъ осады упорно защищавшійся городъ, Баезидъ-паша рѣшился дать сраженіе непріятелю; но часть его войска перешла на сторону Мустафы и самъ онъ, попавшись въ плѣнъ, былъ казненъ по приказанію Джунейда. Галлиполи сдался, а вслѣдъ за нимъ и Адріанополь открылъ свои ворота побѣдителямъ. Когда Димитрій Ласкарисъ хотѣлъ, согласно договору, занять Галлиполи, Джунейдъ насмѣялся надъ его простодушіемъ, сказавъ, что правовѣрный не обязанъ держать слова, даннаго невѣрному. Мы увидимъ, что впослѣдствіи и кардиналъ Юліанъ, на погибель венгровъ, поляковъ и короля Владислава, объявилъ какъ принципъ то же самое правило.

Въ Адріанополѣ Мустафа предался нѣгѣ и сладострастію. Мурадъ собралъ между тѣмъ новое войско въ Азіи и вторично обратился къ греческому императору, опять пропустившему благопріятный случай склонить на свою сторону страшнаго врага. Не имѣя судовъ для перевозки войска въ Европу, султанъ отправилъ въ Константинополь съ выгоднымъ предложеніями Ибрагимъ Пашу, заключившаго прежде дружественный союзъ между Мухаммедомъ и Мануиломъ; но греки настаивали на выдачѣ братьевъ Мурада, на что конечно султанъ не согласился. Тогда Мурадъ обратился къ генуэзскому патрицію, Джіованни Адорно, оказавшему османамъ за деньги услугу, гибельную для христіанства и въ особенности для грековъ. Адорно былъ генуэзскимъ намѣстникомъ древней Фокеи, на берегу Малой Азіи, противъ Митилены. Вблизи находились богатыя квасцовыя копи, взятыя у турокъ на откупъ Адорно и Катанео, другимъ генуэзскимъ патриціемъ. Генуэзскіе патриціи, извлекавшіе изъ копей громадныя богатства, находились въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ прузскимъ дворомъ и не упустили случая выпросить у молодаго султана сложеніе откупной недоимки. Визири вступили въ переговоры съ Адорно, взявшимся доставить суда и франкскихъ всадниковъ и стрѣлковъ. За эту услугу генуэзскій патрицій получилъ 50 тысячъ золотыхъ флориновъ. Рѣшившись смѣлымъ предпріятіемъ предупредить врага, Мустафа, еще до прибытія кораблей въ Босфоръ, переправился изъ Галлиполи въ Лампсакъ и расположился близъ города, противъ войска Мустафы. По всей вѣроятности, Джунейдъ задумалъ уже тогда пожертвовать своей креатурой, разсчитывая получить обратно Айдинъ, Эфесъ и Смирну.

Главную часть войска Мустафы составляли наѣздники османскаго войска, или такъ называемые акинджи, принявшіе его сторону, потому что Мухаммедъ I посадилъ въ темницу ихъ стараго любимаго предводителя. Этого предводителя привезли изъ Токата, и только-что онъ показался на полѣ сраженія, какъ акинджи послѣдовали за нимъ, оставивъ лагерь Мустафы. Подкупленный Джунейдъ также перешелъ къ Мураду и отправился къ Айдину, обѣщанному ему въ награду за измѣну. Мустафа былъ принужденъ вернуться въ Европу. Дожидаясь въ Лампсакѣ прибытія генуэзскаго флота, Мурадъ не могъ тотчасъ же преслѣдовать его. Наконецъ, Адорно явился съ семью кораблями. Генуэзскій патрицій выказалъ при этомъ случаѣ всѣ грязныя стремленія торгашей-рыцарей, ставившихъ денежныя выгоды выше долга, интересовъ христіанской религіи и благодарности къ

Палеологамъ. Онъ не стыдился просить милостыню, бросившись на колѣни передъ султаномъ и умолялъ его простить ему слѣдовавшія за квасцовыя копи откупныя деньги. Не смотря на то, что Адорно доставилъ незначительное число судовъ, Мурадъ не только согласился на его просьбу, но даже простилъ ему 20 тысячъ дукатовъ недоимки за прежніе годы. Высадка Мурада, которому Адорно и Катанео привели франкскихъ всадниковъ и генуэзскихъ стрѣлковъ, столь же знаменитыхъ, какъ и англійскіе, произвела такой паническій страхъ, что приверженцы Мустафы разбѣжались. Самъ Мустафа бѣжалъ изъ Галлиполи въ Адріанополь еще прежде, чѣмъ разсѣялось его войско. Мурадъ оставался нѣсколько дней въ Галлиполи, откуда двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ къ Адріанополю. Мустафа хотѣлъ скрыться въ Валахію съ драгоцѣнностями, какія успѣлъ забрать, но, не успѣвъ еще достигнуть горъ, былъ схваченъ своими приверженцами, выданъ Мураду и задушенъ въ одной изъ Адріанопольскихъ башенъ.

Побѣдивъ Мустафу, Мурадъ обратился противъ Іоанна II Палеолога; старикъ Мануилъ жилъ въ перивлептскомъ монастырѣ и почти не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Покинутый императоръ еще прежде посылалъ къ Мураду пословъ, которыхъ султанъ посадилъ въ темницу, а по другимъ свѣдѣніямъ отослалъ назадъ съ презрительнымъ отвѣтомъ. Всѣ источники согласны въ томъ, что Мануилъ вторично отправилъ къ султану одного изъ первыхъ сановниковъ, старика Коракса, пользовавшагося благосклонностью Мухаммеда и Мурада. Но и на этотъ разъ переговоры не имѣли успѣха; народъ обвинилъ Коракса въ измѣнѣ, и Мануилъ, по обычаю восточныхъ деспотовъ, отдалъ его на жертву разъяренной черни и своей кандіотской гвардіи; это злодѣйство окончательно взбѣсило Мурада и 10 іюня 1422 г. онъ появился передъ Константинополемъ. По словамъ грековъ, войско Мурада, состоявшее первоначально изъ 10 тысячъ, увеличилось до 40 или 50 тысячъ въ августѣ, когда были готовы всѣ приготовленія къ осадѣ. Мурадъ вызвалъ изъ Прузы святаго шейха Бухари, опоясавшаго его саблей султановъ; османы думали, что молитвами шейха и нѣсколькихъ сотъ его помощниковъ стѣны Константинополя падутъ сами собой, какъ нѣкогда стѣны Іерихона предъ звукомъ трубъ израильтянъ. 22 августа шейхъ началъ свои чудотворные опыты. Окруженный пятью стами дервишей, онъ кричалъ свои молитвы и заклинанія противъ стѣнъ, но онѣ не падали, и туркамъ пришлось начать обыкновенную осаду. Приступъ былъ отбитъ, а осада внезапно снята. Греческіе историки, у которыхъ мы заимствуемъ этотъ разсказъ, приписывали спасеніе города чуду. Дукасъ объясняетъ все это очень просто. Братъ Мурада II, настоящій Мустафа, счастливо избѣгнувшій участи другихъ братьевъ османскаго султана, внезапно появился въ то время, когда Мурадъ преслѣдовалъ въ Европѣ Лже-Мустафу. Найдя въ Малой Азіи много приверженцевъ, онъ достигъ Никеи, прежде чѣмъ Мурадъ успѣлъ обратиться противъ него. Извѣстіе о взятіи Никеи заставило Мурада поспѣшно снять осаду Константинополя (6 сентября 1422 г.) и греки приписали это неожиданное отступленіе чуду. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ умеръ старый императоръ и на греческій престолъ вступилъ его сынъ, **Іоаннъ II Палеологъ**.

Въ борьбѣ съ настоящимъ Мустафой Мурадъ нашелъ такого же измѣнника, какъ и въ борьбѣ съ Лже-Мустафой: роль Джунейда была исполнена кравчимъ Иліей. Илія, управлявшій тринадцатилѣтнимъ Мустафой, какъ игрушкой, еще до появленія Мурада въ Азіи (1422 г.), велъ съ нимъ переговоры о выдачѣ его. Никея была взята, одинъ изъ лучшихъ военачальниковъ Мурада погибъ при защитѣ города, и несчастный мальчикъ искалъ убѣжища въ крѣпости. Одинъ изъ его приближенныхъ, подозрѣвая замыслы Иліи, бѣжалъ съ нимъ изъ крѣпости. Настигнутые, они были переданы султану, который приказалъ задушить брата. Тѣло его было однако погребено въ прузской фамильной гробницѣ османскихъ султановъ, куда не было отвезено тѣло Лже-Мустафы.

Въ 1423 г. Мурадъ былъ занятъ возстановленіемъ спокойствія въ Малой Азіи и потому нѣкоторое время оставлялъ въ покоѣ Іоанна Палеолога. По возвращеніи султана въ Европу императоръ поспѣшилъ отвратить грозу унизительнымъ договоромъ (1424 г.). По этому договору Іоаннъ уступилъ османамъ всѣ города и селенія на Мраморномъ и Черномъ морѣ, кромѣ Селимбріи и Доркаса, отказался отъ Лисимахіи (Сейтунъ) и другихъ городовъ по Стримону, и обязался

платить ежегодно 30 тысячъ дукатовъ. Въ одной венеціанской хроникѣ говорится, что это была не дань, но выкупъ за императорскія владѣнія въ Мореѣ.

По заключеніи этого мира, еще нѣсколько опасными врагами султана оставались только венеціанцы и гунуезцы; греческая имперія была данницей османовъ, а въ горахъ по сѣверозападному берегу турки распространяли свое владычество все далѣе. Самъ Мурадъ былъ гораздо мягче и снисходительнѣе старыхъ визирей, управлявшихъ его именемъ и вѣроятно очень довольныхъ смертью Баезидъ-паши, пользовавшагося преобладающимъ вліяніемъ. Сербскій краль или воевода Стефанъ Лазаревичъ и воевода валахскій вступали въ союзъ то съ мадьярами противъ османовъ, то съ послѣдними противъ первыхъ. Когда въ 1424 г. султану вздумалось отправить посольство въ Офенъ съ поклономъ венгерскому королю Сигизмунду—или, какъ мы думаемъ, для того чтобы разузнать о положеніи дѣлъ въ Германіи и Венгріи, — въ свитѣ османскихъ пословъ находились уполномоченные отъ Стефана Сербскаго и Дракула Валахскаго. Миръ съ Сербіей и Валахіей нисколько не мѣшалъ туркамъ предпринимать набѣги на своихъ сосѣдей, платившихъ имъ тою же монетою. Дракулъ даже долженъ былъ явиться къ адріанопольскому двору и оставить тамъ заложниками своихъ сыновей, впослѣдствіи ослѣпленныхъ въ Токатѣ.

Съ венеціанцами, сохранявшими преобладаніе на морѣ до тѣхъ поръ, пока португальцы не совершили путешествія вокругъ Африки, а испанцы не открыли пути въ Америку, Мурадъ II въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ войну на морѣ и на сушѣ. И османы и венеціанцы расширяли свои владѣнія въ ущербъ грекамъ и потому неизбѣжно должны были придти въ столкновеніе. Слѣдуя одинакой политикѣ, равно жестокіе и коварные въ отношеніи друзей и враговъ, османы и венеціанцы были непримиримыми врагами еще со временъ Мухаммеда I. При Мурадѣ они столкнулись въ горахъ Эпира или Албаніи и въ Далмаціи, гдѣ съ 1417 г. жили въ близкомъ сосѣдствѣ; венеціанцы поддерживали христіанскихъ горцевъ Далмаціи, постоянно боровшихся съ обращенными въ исламъ албанцами. Завладѣвъ въ XIII столѣтіи Зарой, венеціанцы продолжали распространять свое владычество по далматскому берегу, и наконецъ императоръ Сигизмундъ (1420 г.) долженъ былъ уступить имъ города Траву и Спалатро. Имъ принадлежалъ почти весь берегъ Албаніи и многіе изъ греческихъ острововъ, а въ 1407 г. они заняли и городъ Лепанто. Тогда цѣлью ихъ политики сдѣлались другіе острова греческаго моря, гавани и берега Пелопоннеса, на что никакъ не могли равнодушно смотрѣть османы. Патрасъ, проданный венеціанцамъ вмѣстѣ съ другими небольшими мѣстечками и замками, только въ 1420 г., благодаря вліянію архіепископа патрасскаго, дѣйствительно перешелъ въ ихъ владѣніе. По вступленіи на престолъ воинственнаго Мурада II, венеціанская фамилія Чентуріоне, владычествовавшая въ Ахаіи, передала свои владѣнія республикѣ. Ѳеодоръ Палеологъ также былъ вынужденъ продать венеціанцамъ, владѣвшимъ замками въ Модонѣ, Коронѣ и другихъ приморскихъ городахъ Пелопоннеса, всѣ свои владѣнія внутри полуострова; но Венеція имѣла основаніе отказываться сначала отъ этого предложенія. Почти около того же времени венеціанцы пріобрѣли отъ Андроника, брата Ѳеодора Палеолога, Ѳессалонику или Салоники, имѣвшую для ихъ торговли гораздо больше значенія, чѣмъ горы и долины Лаконіи и Аркадіи. Будучи не въ силахъ защищать своихъ подданныхъ, Андроникъ былъ принужденъ ими (10 іюля 1423 г.) уступить городъ республикѣ за 50 тысячъ дукатовъ. Салоники сдѣлались складочнымъ мѣстомъ венеціанской торговли.

Мы уже говорили (стр. 511) о враждѣ къ венеціанцамъ Мухаммеда I, относившагося такъ дружелюбно и мягко къ христіанамъ, въ особенности къ грекамъ и ихъ императору, и о его жестокостяхъ въ войнѣ съ республикою; распространеніе венеціанскаго владычества и безпокоило и сердило Мурада. Въ 1428 г. онъ, вмѣсто того, чтобы снова осадить Константинополь, отправилъ войско подъ начальствомъ Турухана противъ венеціанскихъ владѣній въ Пелопоннесѣ. Тутъ оказалось, что стѣна, построенная Мануиломъ на Гексамилонѣ (стр. 510), не принесла грекамъ ни малѣйшей пользы; она не удержала вторженія османовъ и была внова разрушена. Венеціанцы съ свойственной имъ осторожностью держались въ отдаленіи отъ осаждаемыхъ османами замковъ, крейсируя около берега на двухъ корабляхъ; ихъ колоніи очень мало пострадали отъ турокъ, опустошившихъ ви-

зантійскія владѣнія и обратившихъ до шести тысячъ человѣкъ въ рабство. По отступленіи Турухана изъ Пелопоннеса, венеціанцы, опасаясь нападенія съ другой стороны, въ особенности на купленную ими въ то время Ѳессалонику, занялись обороной острововъ и береговъ Эгейскаго моря; Мурадъ, между тѣмъ, связалъ руки Іоанну Палеологу миромъ, заключеннымъ въ февралѣ 1424 г. Дѣйствительно, въ томъ же году между османами и венеціанцами вспыхнула война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Мы упомянемъ о событіяхъ этой войны лишь на столько, на сколько они могутъ служить доказательствомъ, что гордая республика была готова на всякія униженія, когда дѣло касалось ея торговыхъ интересовъ. Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторыя происшествія этой войны доказываютъ, что венеціанцы уже тогда дѣйствовали огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ описаніяхъ первой осады Константинополя, начатой послѣ долгихъ приготовленій, также говорится о турецкихъ пушкахъ; но, по совершенному неумѣнію обращаться съ ними, онѣ, очевидно, не наносили непріятелю никакого вреда.

Въ первые два года войны съ венеціанцами Мурадъ не выставлялъ противъ нихъ всѣхъ силъ, стараясь избавиться сначала отъ своихъ ненадежныхъ вассаловъ и преимущественно отъ Джунейда, измѣнившаго Лже-Мустафѣ. Привлеченный на сторону Мурада обѣщаніемъ возврата прежнихъ владѣній, Джунейдъ впослѣдствіи занялъ силою Айдинъ, Эфесъ и Смирну. Мурадъ оставлялъ его въ покоѣ, пока велъ войну съ молодымъ Мустафой и Іоанномъ Палеологомъ; одолѣвъ обоихъ противниковъ, онъ потребовалъ между прочимъ отъ Джунейда, чтобы дѣти его явились ко двору султана. Джунейдъ отказался исполнить это требованіе. Противъ него были высланы Умурбегъ, беглербегъ Караманіи, и Гамсабегъ, братъ Баезидъ-паши, казненнаго Джунейдомъ. Осажденный въ приморской крѣпости Ипселѣ (Колофонъ?), Джунейдъ принужденъ былъ сдаться, когда Парчивалъ Палавичини, преемникъ Адорно, сталъ блокировать городъ съ моря. При капитуляціи ему было обѣщано сохранить жизнь; Гамсабегъ не обратилъ однако вниманія на это условіе, и велѣлъ казнить Джунейда, его сыновей, брата и дядю. Въ числѣ лицъ, явившихся тогда къ Мураду съ поздравленіями по случаю побѣды, находились также послы владычествовавшихъ на Лесбосѣ и Хіосѣ генуезскихъ аристократовъ. Чѣмъ открытѣе становилась вражда венеціанцевъ къ султану, тѣмъ болѣе заискивали у него генуезцы, пользовавшіеся всякимъ случаемъ высказать Мураду свое уваженіе. Валахскій воевода Данъ, Лазарь Сербскій и родосскіе рыцари тоже прислали пословъ съ поздравленіемъ, а императоръ Іоаннъ Палеологъ отправилъ къ османскому двору своего перваго министра.

Война османовъ съ венеціанцами продолжалась. Венеціанцы опустошали берега и даже взяли Галлиполи, тотчасъ же впрочемъ отнятый у нихъ. Въ продолженіе 1428 и 1429 г. они имѣли перевѣсъ на морѣ, но за то со стороны Ѳессалоники имъ грозила серьезная опасность. Съ самаго начала войны Мурадъ занялъ всѣ дороги къ этому городу и поддерживалъ постоянныя сношенія съ его населеніемъ. Въ первое время венеціанскаго владычества жители Ѳессалоники были довольны венеціанцами, оставившими имъ самоуправленіе подъ наблюденіемъ двухъ проведиторовъ республики. Но такой характеръ отношеній продолжался не долго. Венеціанцы скоро измѣнили всѣ учрежденія, поставили во главѣ города дожа и, обвинивъ—по неизвѣстнымъ намъ причинамъ—гражданъ въ заговорѣ противъ нихъ, ввели въ Ѳессаликѣ венеціанскую шпіоно-полицейскую систему, одну изъ самыхъ страшныхъ, безнравственныхъ и подлыхъ, какія когда либо существовали. Возстановивъ противъ себя весь городъ, они прибѣгли къ такому же жестокому средству, какое употребляли и въ итальянскихъ городахъ. Въ Италіи венеціанцы схватывали и бросали въ тюрьму владѣтелей городовъ и дѣтей ихъ; въ Ѳессаликахъ они стали вводить систему ссылокъ, развозя гражданъ по разнымъ островамъ. Неумолимая строгость венеціанскаго сената, слишкомъ хорошо извѣстная, не оставляетъ сомнѣнія, что мѣра эта была бы проведена до конца, если бы Мурадъ не явился на помощь городу. Венеціанцы уже нѣсколько лѣтъ пытались склонить султана на переговоры, но въ сношеніяхъ съ ними восточный деспотъ не обращалъ вниманія даже на международное право. Первый венеціанскій посолъ, отправленный въ 1424 г. въ Адріанополь, былъ схваченъ и нѣсколько лѣтъ томился въ темницѣ; второй, Джакопо Дандоло, не согласившись на предложеніе султана очистить Ѳессалонику, подвергся той же участи (1429 г.),

а впослѣдствіи былъ задушенъ. Мурада раздражало въ особенности занятіе венеціанцами Кассандрейскаго перешейка, облегчавшаго имъ защиту города.

Въ началѣ 1430 г. Мурадъ сталъ дѣлать приготовленія къ правильной осадѣ Ѳессалоники. Мы считаемъ страшнымъ преувеличеніемъ слова греческаго историка, утверждающаго, что турецкое войско было во сто разъ больше венеціанскаго гарнизона, и думаемъ, что султанъ разсчитывалъ преимущественно на неудовольствіе жителей противъ венеціанскаго управленія и на нерасположеніе греческаго духовенства къ латинскому. Во время осады Ѳессалоники венеціанскій флотъ подъ командою Мончениго сдѣлалъ удачное нападеніе на Галлиполи; это еще болѣе раздражило Мурада, постоянно увеличивавшаго осадное войско и нѣсколько разъ возобновлявшаго приступы. Въ мартѣ 1430 г. былъ предпринятъ рѣшительный приступъ. Обѣщанія, которыми султанъ старался воодушевить свое войско, достойны того, чтобы упомянуть здѣсь о нихъ; они покажутъ, какіе враги угрожали Германіи въ теченіе двухъ столѣтій. Турецкій историкъ Сеадеддинъ согласенъ съ греческими историками въ томъ, что Мурадъ велѣлъ при звукѣ трубъ объявить въ лагерѣ: «что городъ будетъ отданъ на жертву грабежу и все, что въ немъ найдется, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, серебро и золото, предоставляется въ собственность войску, султанъ же сохраняетъ за собой только самый городъ и пустые дома». Судя по описаніямъ звѣрскихъ сценъ, послѣдовавшихъ за взятіемъ города, обѣщаніе было выполнено въ точности. Болѣе семи тысячъ мужчинъ и женщинъ различныхъ возрастовъ были уведены турками въ рабство, имущества горожанъ расхищены, церкви и монастыри разграблены, а у несчастныхъ жителей выпытывали подъ страшными мученіями, куда они прятали свои вещи. Черезъ нѣсколько дней султанъ рѣшился наконецъ прекратить эти неистовства. Онъ велѣлъ вывести войско изъ города, пригласилъ возвратить всѣхъ разбѣжавшихся изъ города передъ осадой, выкупилъ у своихъ турокъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ и старался возстановить благосостояніе города, дозволивъ увести въ рабство бѣднѣйшихъ жителей. Черезъ два года, когда спокойствіе возстановилось и жители считали себя огражденными отъ насилія, Мурадъ поступилъ чисто по турецки съ собственностью города, монастырей, церквей и частныхъ лицъ. Этотъ грабежъ далъ ему возможность перевести въ Ѳессалонику мухаммеданъ одного сосѣдняго турецкаго города. Взятіемъ Ѳессалоники Мурадъ достигъ своей цѣли относительно Венеціи, республика также не считала выгоднымъ для себя продолжать войну, и потому въ сентябрѣ 1430 г. былъ заключенъ миръ, по которому султанъ сохранилъ свои завоеванія, возвративъ венеціанцамъ ихъ торговыя привилегіи и снова открывъ имъ турецкія гавани.

По окончаніи венеціанской войны всѣ со страхомъ ждали, и Дукасъ высказываетъ это опасеніе въ своей исторіи, что Константинополь постигнетъ такая же участь, какъ и Ѳессалонику. Мурадъ счелъ однако за лучшее подчинить сначала храбрыхъ горцевъ западнаго прибрежья, и славянъ и мадьяръ на сѣверѣ и такимъ образомъ округлить свою имперію. Предпріятіе османовъ противъ мадьяръ поставило ихъ лицомъ къ лицу съ христіанскимъ народомъ и христіанскимъ королемъ, положившимъ наконецъ предѣлъ ихъ завоеваніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно вызвало у славянскихъ горцевъ появленіе молодаго героя, подвиги и сабля котораго, подобно рогу и мечу Роланда, прославлялись впослѣдствіи въ поэтическихъ произведеніяхъ турокъ и христіанъ. Побѣдоносными мадьярами предводительствовалъ Іоаннъ Гуніадъ, а героемъ побѣжденныхъ турками албанцевъ былъ четвертый сынъ ихъ князя Іоанна Кастріоты, Искендеръ-бегъ или Скандербегъ.

Прежде чѣмъ перейти къ венгерскимъ войнамъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о завоеваніяхъ Мурада на сѣверѣ древней Греціи. Мы упоминаемъ о нихъ потому, что они, вмѣстѣ съ образомъ дѣйствій турокъ въ Ѳессаликѣ, доказываютъ, что османы не были чужды завоевательной политики древнихъ римлянъ, венеціанцевъ и англичанъ. Вслѣдъ за взятіемъ Ѳессалоники, смерть Карло Токко, владѣтеля Занте и Кефалоніи, называвшаго себя герцогомъ янинскимъ, дала поводъ султану вмѣшаться въ семейные споры мелкихъ владѣтелей и племенъ, которые со времени латинскихъ императоровъ, подобно такъ называемому непосредственному имперскому рыцарству Германіи, пріобрѣли грабежомъ и убійствами независимость въ горахъ Акарнаніи, Этоліи и Эпира. Мы не станемъ

приводить всѣхъ подробностей семейныхъ раздоровъ, прекращенныхъ полководцемъ султана Синабегомъ. Мурадъ стремился упрочить свое владычество въ древнемъ Эпирѣ, и потому Синабегъ поступилъ съ фамиліей Токко такъ, какъ поступаютъ англичане съ индійскими раджами и предводителями сейковъ. Въ октябрѣ 1431 года городъ Янина былъ уступленъ султану, оставившему за то племяннику Карло Токко, носившему то же имя, его владѣнія въ Эпирѣ и Акарнаніи. Но, обязавъ Карло Токко платить ему ежегодную дань и являться по приказанію султана къ его двору, Мурадъ всегда имѣлъ возможность отнять эти владѣнія. Аѳины и Ѳивы тоже принадлежали вассалу Мурада, Антоніо, побочному сыну стараго Карло Токко, получившаго эти города чрезъ женитьбу. Антоніо еще при Баезидѣ призналъ себя турецкимъ вассаломъ, а затѣмъ присягалъ попеременно всѣмъ его сыновьямъ—Солиману, Музѣ, Мухаммеду и наконецъ Мураду.

Съ валахскимъ воеводою, умертвившимъ своего предшественника Дана и все его семейство и прозваннымъ Дракуломъ, т. е. дьяволомъ, Мурадъ заключилъ тѣсный союзъ, а Георгія Бранковича Сербскаго заставилъ отказаться отъ союза съ венгерскимъ королемъ и германскимъ императоромъ Сигизмундомъ, отдать дочь въ гаремъ султана, уступить часть владѣній и, подобно Дракулу, выставлять османамъ вспомогательное войско. Съ Сигизмундомъ Мурадъ нѣсколько разъ возобновлялъ миръ и еще въ 1433 г. отправилъ къ нему съ поклономъ двѣнадцать знатнѣйшихъ турокъ, поднесшихъ императору въ Базелѣ, гдѣ онъ въ то время находился по случаю собора, двѣнадцать кубковъ, наполненныхъ золотыми монетами; дружескія заявленія не мѣшали однако туркамъ, сербамъ и валахамъ, почти ежегодно (съ 1434 г.), опустошать Трансильванію. Эти набѣги имѣли то хорошее послѣдствіе, что тѣснѣе соединили разрозненныя до тѣхъ поръ три племени, мадьяръ, шеклеровъ и саксовъ, населявшихъ Трансильванію. Походъ, предпринятый лѣтомъ 1438 г. самимъ Мурадомъ, двинувшимся изъ Желѣзныхъ воротъ въ Германштадтъ, трансильванскія и валахскія хроники считаютъ самымъ страшнымъ вторженіемъ османовъ. Султанъ хотя и не могъ завладѣть тогда ни Германштадтомъ, ни Кронштадтомъ, но, возвращаясь черезъ Тёрцбургскій проходъ, увелъ за собой до семидесяти тысячъ плѣнныхъ, большей частью саксовъ.

Въ Венгріи царствовалъ въ то время зять Сигизмунда, Альбертъ Австрійскій. Когда турки заняли всю Сербію, венгерскій король назначилъ баномъ Шрёни побочнаго сына Сигизмунда, героя Іоанна Гуніада, защищавшаго, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Маттіасомъ, даже по завоеваніи Константинополя турками, Венгрію и Германію отъ хищныхъ набѣговъ османовъ. Не довѣряя Георгію Бранковичу и его сосѣду Дракулу, Мурадъ заключилъ ихъ сыновей въ темницу и потребовалъ отъ сербскаго краля уступки крѣпости Семендріи. Дракулъ безусловно подчинился приказанію Мурада и послѣдовалъ за нимъ въ Трансильванію; Георгій Бранковичъ передалъ защиту Семендріи старшему сыну, спасшемуся изъ плѣна, а самъ съ младшимъ сыномъ Лазаремъ и сокровищами бѣжалъ въ Венгрію (1439 г.). Мурадъ осадилъ Семендрію, взялъ городъ, и отправилъ сына Георгія въ Токатъ. Георгій Бранковичъ умолялъ венгерскаго короля и магнатовъ (апрѣль 1439 г. отправить въ Сербію войско, чего также настоятельно требовалъ Іоаннъ Гуніадъ. Вмѣсто того, чтобы облечь тогда короля диктаторскою властью, а народу дать новыя права и такимъ образомъ противопоставить монархическую власть военному деспотизму турокъ, венгерскіе магнаты на сеймѣ, происходившемъ въ концѣ мая, заставили Альберта подписать конституцію, совершенно уничтожавшую всякое административное единство. Пресловутый Decretum Alberti regis, которымъ Альбертъ призналъ себя игрушечнымъ королемъ, а палатина, предлагаемаго, но не избираемаго имъ, духовенство и дворянство властителями народа, чрезвычайно важенъ для безпристрастнаго, не юридическо-романтическо-поэтическаго, но прозаическаго и историческаго изслѣдованія вліянія средневѣковаго феодализма. Особенно замѣчательно, что на этотъ сеймъ, имѣвшій такія важныя послѣдствія для исторіи двухъ послѣдующихъ столѣтій, не были допущены, слѣдовательно и не получили на немъ никакихъ особыхъ правъ горожане, принадлежавшіе еще къ феодальнымъ сословіямъ. Изъ двадцати четырехъ статей предписанной королю конституціи шесть, относившіяся до военнаго устройства, наемниковъ и ополченія, изложены такъ неясно, что даже такой герой, какъ

Іоаннъ Гуніадъ, не могъ долго защищать отъ турокъ Венгрію. Мы приведемъ только двѣ статьи для доказательства, что при такой военной организаціи, какъ венгерская, по этимъ шести статьямъ не было никакой возможности бороться съ народомъ, занимавшимся исключительно войной и состоявшимъ только изъ воиновъ и разбойниковъ, и съ султаномъ, который, для сохраненія своей власти, долженъ былъ быть полководцемъ. Одна изъ этихъ статей служитъ для насъ объясненіемъ, почему главныя силы государства, состоявшія изъ народныхъ ополченій, никогда не могли поспѣвать во время; по другой, грубый способъ веденія войны мадьярами, чуждый всякихъ тактическихъ и стратегическихъ правилъ, былъ утвержденъ закономъ. Въ первой статьѣ, двадцать второй, предписывалось созывать поголовное ополченіе только тогда, когда оказывалось, что наемныя войска короля и магнатовъ не могли бороться съ непріятелямъ; по второй статьѣ, двадцать четвертой, дозволялось всякому завладѣвать добычей и плѣнными и обращать въ рабовъ или продавать послѣднихъ, а королю вмѣнялось въ обязанность выкупать всѣхъ предводителей и знатныхъ венгерцевъ, попавшихся въ плѣнъ. При такихъ условіяхъ, когда Альбертъ съ большими усиліями едва могъ выставить двадцать четыре тысячи человѣкъ, туркамъ было нетрудно утвердиться въ Сербіи и снова наложить дань на Боснію.

Приказавъ своимъ полководцамъ тревожить Венгрію набѣгами, Мурадъ двинулся съ главными силами въ Боснію и Албанію, взявъ сначала Новобердо и завладѣлъ его богатыми рудниками. Тварко Боснійскій долженъ былъ согласиться увеличить пятью тысячами дукатовъ платимую имъ ежегодно дань, а высланное противъ Семендріи венгерское войско, вслѣдствіе закономъ утвержденной анархіи, разбѣжалось при видѣ турокъ. Шесть венгерскихъ предводителей ополченій оставили лагерь безъ позволенія короля, а на слѣдующій день во всемъ войскѣ раздался крикъ: «волкъ, волкъ!» имѣвшій то же значеніе и дѣйствіе, какъ у французовъ «спасайся кто можетъ» (sauve qui peut). Турецкіе наѣздники преслѣдовали бѣжавшихъ венгерцевъ и захватили въ плѣнъ цѣлые отряды, которые и были проданы ими въ рабство. Георгій Бранковичъ бѣжалъ сначала въ Антивари и оттуда въ Рагузу, султанъ же готовился начать въ слѣдующемъ году осаду Бѣлграда, но къ счастію Венгріи, въ октябрѣ 1439 г. умеръ король Альбертъ, и на венгерскій престолъ вступилъ вождь, возстановившій древнюю военную славу венгровъ.

Альбертъ оставилъ свою жену Елисавету, дочь императора Сигизмунда, беременной, назначивъ, въ томъ предположеніи, что она родитъ сына, особыхъ опекуновъ для Австріи, Богеміи и Венгріи. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ не по званію, а по военнымъ талантамъ былъ Іоаннъ Гуніадъ. Королевское завѣщаніе было признано только въ Венгріи; въ Австріи и Богеміи управленіе было передано другимъ лицамъ, избраннымъ сеймами. Но и въ Венгріи самые вліятельные изъ назначенныхъ Сигизмундомъ опекуновъ не были расположены къ его женѣ. Побуждаемые Іоанномъ Гуніадомъ они рѣшились, для болѣе успѣшной борьбы съ турками, предложить венгерскую корону королю польскому, Владиславу III, если онъ (по описаніямъ также не красивый) согласится жениться на уродливой, состарѣвшейся и беременной Елисаветѣ. Владиславъ долго не рѣшался на это тяжелое условіе, какъ ни заманчива была для него мысль, что за его будущими дѣтьми отъ Елисаветы сохранялось право на венгерскую корону; Богемія назначалась сыну Альберта. 21 февраля 1440 г. въ Краковѣ онъ согласился наконецъ принять престолъ Венгріи, и вслѣдъ за тѣмъ былъ освобожденъ отъ обязательства жениться на Елисаветѣ, родившей на слѣдующій день въ Комарнѣ при открытыхъ дверяхъ сына Владислава, названнаго Послѣрожденнымъ или Шестымъ. Въ союзѣ съ графомъ фонъ Циллей и другими магнатами Елизавета старалась съ помощью нѣмцевъ оспаривать Венгрію у избраннаго уже королемъ Владислава III, а другая партія объявила себя въ его пользу. Такимъ образомъ возникла междоусобная война и рядомъ съ ней полнѣйшая анархія въ то самое время, когда грозившая со стороны турокъ опасность требовала прежде всего единства. Понимая критическое положеніе Венгріи, спаситель Трансильваніи, Іоаннъ Гуніадъ, отправился въ Офенъ, занятый въ іюнѣ 1440 г. польскимъ королемъ и его приверженцами, и когда старанія его примирить враждебныя партіи не подѣйствовали на такихъ людей, какъ Николай

Гара и графы фонъ Циллей, предложилъ польскому королю возстановить порядокъ силою, потому что желалъ какъ можно скорѣе дать Владиславу возможность отправиться на выручку Бѣлграда. Осажденный всѣмъ турецкимъ войскомъ и грозимый осадными орудіями Мурада, дѣйствовавшими при осадѣ Константинополя, Бѣлградъ защищался семь мѣсяцевъ, и былъ спасенъ появившимися въ XV вѣкѣ въ Италіи военными науками и огнестрѣльнымъ оружіемъ; новыми изобрѣтеніями воспользовались и венеціанцы въ войнѣ съ храбрыми горцами Далмаціи. При защитѣ Бѣлграда Іоаннъ Зоваичъ изъ Рагузы, братъ Матко изъ Талотца, и флорентинецъ Джіованни Урано пріобрѣли себѣ безсмертную славу. Въ Венгріи продолжала свирѣпствовать междоусобная война; однако польскій король успѣлъ, въ теченіе продолжительной осады Бѣлграда, упрочить на столько свое значеніе въ Венгріи, что могъ помочь осаждаемой крѣпости если не оружіемъ, то, по крайней мѣрѣ, своими военными приготовленіями и угрозами Мураду. Султанъ уже готовился снять осаду Бѣлграда, когда распространился слухъ, что торжественно коронованный въ Офенѣ (іюль 1440 г.) Владиславъ сосредоточиваетъ войско около Шегедина, для отправленія его на выручку крѣпости; въ то же время въ турецкій лагерь явился посолъ новаго венгерскаго короля. Мурадъ отступилъ отъ Бѣлграда, объявивъ королевскому послу поляку Ленчицкому, что, рано или поздно, городъ будетъ присоединенъ къ его имперіи. Такъ разсказываютъ венгерцы, прибавляющіе, что Мурадъ потерялъ во время осады до 17 тысячъ человѣкъ. Но всѣ эти свѣдѣнія, какъ и многія другія подобнаго рода, ничѣмъ не подтверждаются. Въ 1440 и 1441 г. война, веденная Елисаветой и ея приверженцами противъ Владислава III и его партіи, длилась безъ перерывовъ. Большихъ и рѣшительныхъ сраженій не было, а въ мелкихъ стычкахъ перевѣсъ оставался то на той, то на другой сторонѣ. Польскіе магнаты желали возвращенія короля, да и самъ Владиславъ, тяготившійся своей зависимостью, вѣроятно давно вернулся бы въ Польшу, если бы венгерцы зорко не слѣдили за нимъ.

Въ 1441 и 1442 г. Іоаннъ Гуніадъ пріобрѣлъ себѣ славу въ религіозной войнѣ противъ невѣрныхъ, и впервые положилъ предѣлъ ихъ завоеваніямъ. Это несомнѣнно; мы не рѣшаемся только опредѣлить, въ какіе мѣсяцы были одержаны имъ побѣды надъ турками. Въ описаніи подвиговъ Гуніада согласны всѣ писатели, но о времени ихъ было много споровъ. Даже новѣйшіе изслѣдователи хронологіи турецкихъ войнъ пришли къ различнымъ результатамъ относительно времени отдѣльныхъ событій. Мы будемъ слѣдовать порядку, кажущемуся намъ болѣе вѣроятнымъ. Въ 1441 г., когда Мурадъ велѣлъ своимъ войскамъ двинуться изъ Сербіи въ Венгрію и въ восточную часть Трансильваніи, Іоаннъ Гуніадъ за услуги, оказанныя Владиславу III во внутренней войнѣ, былъ сдѣланъ воеводою или герцогомъ трансильванскимъ и графомъ темешварскимъ, получивъ въ то же время главное начальство надъ всѣми южными городами монархіи. Избравъ своимъ мѣстопребываніемъ Бѣлградъ, онъ вскорѣ двинулся на встрѣчу приближавшемуся турецкому войску. Венгерцы и турки сражались съ одинаковымъ ожесточеніемъ, но, послѣ долгой, нерѣшительной борьбы, послѣдніе были вынуждены отступить къ Семендріи. Тогда Гуніадъ поспѣшилъ въ Трансильванію, гдѣ другое османское войско проникло уже до Германштадта. При Санктъ-Эмерихѣ Гуніадъ за неосторожное нападеніе поплатился пораженіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ произошло новое кровопролитное сраженіе: турки были разбиты на голову, по крайней мѣрѣ войско ихъ разбѣжалось, а взятые ими при Санктъ-Эмерихѣ плѣнные были почти всѣ отбиты. Со времени этой побѣды Іоанна Гуніада стали прославлять по всей Европѣ, въ церквахъ и пѣсняхъ, какъ героя вѣры и ангела-хранителя противъ турокъ. Однимъ изъ послѣдствій его побѣды было то, что воеводы Молдавіи и восточныхъ горныхъ странъ, признавшіе верховную власть султана, снова присоединились къ Венгріи и присягнули въ вѣрности королю Владиславу. Въ слѣдующемъ году (1442 г.) Мурадъ велѣлъ собрать новое войско изъ всѣхъ малоазіатскихъ провинцій, намѣреваясь отмстить за понесенное пораженіе. Султанъ сначала хотѣлъ стать самъ во главѣ многочисленнаго войска, готовившагося вторгнуться въ Венгрію или вѣрнѣе въ Трансильванію, но, дойдя до Софіи, перемѣнилъ намѣреніе и предоставилъ главное начальство Сахимъ-пашѣ. Перейдя Дунай съ 80 тысячами, Сахимъ-паша наводнилъ всю равнину Трансильваніи. Что-

бы объяснить себѣ безъ всякой примѣси чудесъ побѣды венгровъ, необходимо знать, что большая часть турецкаго войска состояла изъ азіатцевъ, что предводитель ихъ, по свидѣтельству турецкихъ историковъ, не пользовался большимъ уваженіемъ и не могъ поддерживать дисциплины въ войскѣ, и что въ то время, какъ Гуніадъ появился въ проходѣ Желѣзныхъ воротъ съ 15 тысячами отборнаго и испытаннаго войска, разсѣянные по Трансильваніи турецкіе отряды находились на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Близъ Васага произошло кровопролитное сраженіе, кончившееся уничтоженіемъ всего турецкаго войска. Пять тысячъ, въ томъ числѣ почти всѣ предводители, были взяты въ плѣнъ, тысяча человѣкъ легло на мѣстѣ, Сахимъ-паша бѣжалъ; всѣ дороги и поля были усѣяны трупами, и христіанское войско завладѣло огромной добычей.

Почти около того же времени политическія дѣла Венгріи приняли такой характеръ, что представлялась возможность отправить противъ внѣшнихъ враговъ все войско, образовавшееся въ войнѣ между Елисаветою и Владиславомъ Польскимъ. Сынъ Альберта Владиславъ былъ признанъ венграми и польско-венгерскимъ королемъ наслѣдникомъ монархіи; такимъ образомъ весь споръ между партіей Елисаветы и ихъ противниками заключался только въ томъ, кто будетъ пока управлять: избранный венграми польскій король или германскій императоръ Фридрихъ III, графы фонъ Циллей и Елисавета. По смерти Елисаветы (въ концѣ 1443 г.) Фридрихъ III, претендовавшій на регентство, продолжалъ войну. Въ 1443 г. ловкому кардиналу Юліану, отправленному папой, удалось устроить дѣла такъ, что польскій король могъ выступить на встрѣчу султану во главѣ всего венгерскаго войска; Георгій Сербскій давалъ деньги, а Іоаннъ Гуніадъ употреблялъ все вліяніе для предпринятія въ этомъ году рѣшительныхъ дѣйствій противъ турокъ.

Изъ писемъ Гуніада, сдѣлавшихся извѣстными въ новѣйшее время, видно, что венгерское войско, не особенно впрочемъ многочисленное, только въ іюлѣ достигло Дуная и тотчасъ переправилось черезъ него, чтобы аттаковать турокъ. Гуніадъ и Георгій Бранковичъ Сербскій предводительствовали передовыми отрядами, король Владиславъ III велъ главное войско, составившееся вслѣдствіе убѣжденій папы Евгенія IV, призывавшаго христіанъ къ крестовому походу, изъ венгерцевъ, поляковъ, сербовъ, валаховъ, нѣмцевъ и волонтеровъ всѣхъ христіанскихъ народовъ. Лучшую часть войска составляли наемники, нанятые Гуніадомъ на субсидіи сербскаго короля и на занятыя имъ самимъ деньги. Венгерскій герой разбилъ пашу, командовавшаго расположенными въ Сербіи турецкими войсками, оставилъ королевское войско на Моравѣ, взялъ Ниссу и двинулся къ Софіи. Наткнувшись между этими двумя городами на турецкіе отряды, онъ вступилъ съ ними въ сраженіе 3 ноября. Три паши нападали на него одинъ за другимъ, и всѣ были разбиты поодиночкѣ. Затѣмъ Софія была взята и разрушена. Отъ Софіи осталось три дня пути до Филиппополя и шесть дней до Адріанополя; но зимніе холода и разбросанные въ тылу турецкіе отряды заставили Гуніада своротить съ филиппопольской дороги и обратиться противъ этихъ отрядовъ. Мурадъ между тѣмъ велѣлъ занять узкіе проходы Гемуса, а Махмуду Челеби приказалъ аттаковать ослабленное холодами и утомленное непріятельское войско. Турецкій полководецъ напалъ на венгровъ; но Гуніадъ разбилъ турокъ и проложилъ себѣ дорогу черезъ Гемусъ, не смотря на снѣгъ, ледъ, холодъ и недостатокъ въ кормѣ для лошадей, представлявшіе непреодолимыя препятствія венгерскому войску, большая часть котораго состояла изъ конницы. Только по занятіи главнаго прохода, Гуніадъ рѣшился пуститься въ обратный путь. Соединивъ свой отрядъ съ королевскимъ войскомъ и подкрѣпленный свѣжими силами Никласа Уйлака, поспѣшившаго на помощь съ своими вассалами, венгерскій герой далъ на вершинѣ горъ сраженіе многочисленному турецкому войску подъ начальствомъ зятя Мурада, и завершилъ рѣшительной побѣдой при Куновицѣ блистательные подвиги этого и двухъ предъидущихъ годовъ. Турецкое войско было разсѣяно, а предводитель его взятъ въ плѣнъ.

Этотъ походъ, какъ продолжавшійся до новаго года, былъ названъ *долгимъ походомъ*, но его слѣдовало бы назвать *короткимъ*, потому что, не смотря на ледъ и снѣгъ, крутыя, почти недоступныя вершины и непроходимыя ущелья, войско Гуніада, вышедшее изъ Офена 20 іюля, совершило въ пять мѣсяцевъ болѣе великихъ подвиговъ, пріобрѣло болѣе истинной геройской славы

и вселило туркамъ большій страхъ, чѣмъ какое бы то ни было другое непріятельское войско со времени Тимура. Одной изъ главныхъ причинъ пораженія Мурада была его слишкомъ большая довѣрчивость къ албанцамъ и ихъ предводителю, Георгію Кастріотѣ, знаменитому впослѣдствіи подъ именемъ Скандербега. Мурадъ умертвилъ его отца, Іоанна Кастріоту, владѣтеля города Крои, и братьевъ, пощадивъ его одного, тогда еще ребенка. Воспитанный въ мухаммеданской вѣрѣ, Георгій Кастріота на 19 году получилъ въ управленіе санджакъ и былъ прозванъ Искендеръ-бегомъ, т. е. княземъ Александромъ. Во время долгаго похода Гуніада онъ оставилъ вмѣстѣ съ племянникомъ Гамсой турецкое войско, измѣнническою жестокостью и хитростью возвратилъ себѣ отцовское владѣніе и снова обратился въ христіанство. Разсказываютъ, что случайно встрѣтивъ турецкаго эффенди, носившаго печать султана, Георгій Кастріота приставилъ къ его груди кинжалъ и заставилъ его приложить печать къ написанному имъ самимъ повелѣнію коменданту Крои сдать ему городъ. Затѣмъ онъ убилъ эффенди и всѣхъ, знавшихъ о поступкѣ его, и такимъ образомъ завладѣлъ Кроей и верхней Албаніей. Преемникъ Тварко, Ѳома Хриктичъ, избранный въ 1443 г. королемъ Босніи, также отпалъ отъ Мурада, большая же часть регулярныхъ турецкихъ войскъ или янычаръ и сипаевъ погибла въ сраженіяхъ.

Политика римскаго двора была причиною того, что блистательныя побѣды венгерскаго героя не принесли христіанству тѣхъ выгодъ, какихъ можно было ожидать отъ нихъ. Исходъ долгаго похода заставилъ Мурада заключить миръ. Онъ возвратилъ валахскому воеводѣ Дракулу и Георгію Бранковичу ихъ ослѣпленныхъ сыновей, велѣлъ сдать послѣднему сербскія крѣпости Шеркёй, Крушевацъ и Семендрію, а потомъ отправилъ въ Венгрію одного греческаго ренегата со свитой изъ ста человѣкъ, для заключенія мира. Это посольство явилось не къ королю, а къ Іоанну Гуніаду, на котораго турки смотрѣли, какъ на главу мадьяровъ. Гуніадъ отослалъ однако посольство къ собравшемуся въ Шегединѣ венгерскому государственному совѣту. Венгерскій герой и король очень хорошо понимали, что гораздо выгоднѣе предпочесть предлагаемый Мурадомъ миръ славѣ новаго похода; но интриги Евгенія IV помѣшали заключенію мира. Папѣ хотѣлось занять умы турками и своими планами установленія единства въ христіанской церкви, чтобы отвратить вниманіе христіанскаго міра отъ базельскаго собора, собравшагося съ цѣлью прекратить злоупотребленія церкви. На флорентинскомъ соборѣ Евгенію IV удалось съ помощью греческаго императора и его придворнаго духовенства условиться о соединеніи греческой и латинской церквей. Послѣдствія доказали однако, что греческій народъ и его духовенство тогда, такъ же, какъ и прежде, далеко не были расположены послѣдовать примѣру императора и нѣсколькихъ епископовъ; но до этого папѣ не было никакого дѣла. Желая удить въ мутной водѣ, онъ думалъ только о томъ, чтобы противопоставить химерическое соединеніе обѣихъ церквей и новый крестовый походъ опасному для себя базельскому собору, отправивъ въ то же время Энея Сильвія съ порученіемъ успокоить нѣмцевъ заключеніемъ лживаго конкордата. Въ Венгрію, гдѣ Гуніадъ и Георгій Бранковичъ дѣлали большія приготовленія къ походу, былъ посланъ знаменитый своими жестокостями и постыднымъ бѣгствомъ въ гусситскую войну кардиналъ Юліанъ Чезарини. Легату было поручено запутать Венгрію въ новую войну для достиженія химерической цѣли римской церкви; занявшись этою невозможною задачею и стремясь за недостижимымъ, христіанскій міръ забылъ достижимое. Юліанъ, названный миланскимъ посломъ въ Венгріи новымъ Моисеемъ, представлялъ изъ себя въ Офенѣ мечтателя, бредившаго только объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о соединеніи греческой и латинской церкви и о крестовомъ походѣ на морѣ и на сушѣ. Хитрый итальянецъ представилъ венгерскому государственному совѣту планъ возстановленія греческой имперіи, блистательный на бумагѣ и въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ пословъ, но пустоту котораго понималъ такой человѣкъ какъ Гуніадъ. Крестовый походъ поляковъ, венгровъ и сербовъ долженъ былъ истребить вторгнувшихся въ Европу турокъ. Венеціанцы и генуэзцы обязывались черезъ посольство, спеціально съ этой цѣлью присланное въ Венгрію, отправить соединенный флотъ въ Геллеспонтъ, чтобы отрѣзать туркамъ переправу въ Азію. Послы, явившіеся изъ Франціи, Англіи, Испаніи, Арагоніи, Бургундіи, Милана и Флоренціи, старались изысканными рѣчами, со-

ставленными по древнимъ греческимъ и римскимъ образцамъ, изученіе которыхъ возродилось въ то время, убѣдить венгерскій государственный совѣтъ принять планъ Юліана. Въ апрѣлѣ 1444 г. король Владиславъ созвалъ для рѣшенія этого вопроса большой сеймъ въ Офенѣ. Но внутреннія волненія въ Венгріи были еще такъ сильны, что сеймъ сначала не хотѣлъ и слышать о предложеніяхъ Юліана, потомъ отложилъ этотъ вопросъ до лѣта, и наконецъ предоставилъ вести войну войсками, навербованными королемъ и Гуніадомъ, и наемниками нѣсколькихъ прелатовъ. Венгерское дворянство отказалось созвать поголовное ополченіе, бароны и большинство прелатовъ также не хотѣли участвовать съ своими наемниками въ крестовомъ походѣ.

Неудача не устрашила кардинала, обѣщавшаго венграмъ помощь поляковъ, нѣмецкихъ рыцарей, Молдавіи, Валахіи и эпиротовъ подъ предводительствомъ Скандербега. Но вспомогательныя войска не являлись и только папскій и бургундскій флоты снаряжались для отправленія въ Геллеспонтъ; тогда Іоаннъ Гуніадъ объявилъ себя въ пользу мира. Владиславъ, сначала горячо взявшійся за мысль о крестовомъ походѣ, тоже послушался внушеній холоднаго разсудка и принялъ условія, предложенныя османскими послами венгерскому государственному совѣту. Мурадъ соглашался возвратить Георгію Бранковичу Сербію, Хулмъ и Герцеговину, признать верховное владычество Венгріи надъ Валахіей, предоставить Албанію Скандербегу, уступить часть Болгаріи и выкупить взятаго въ плѣнъ Махмуда Челеби за 70 тысячъ дукатовъ, требуя отъ сербскаго князя обѣщанія выдавать султану половину своихъ доходовъ и взаимнаго обязательства венгровъ и турокъ, не дѣлать набѣговъ черезъ Дунай. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ въ концѣ іюля десятилѣтній миръ. Но кардиналъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не разрушилъ мира; въ этомъ ему помогали неотвязчивыми просьбами и хвастливыми обѣщаніями греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и внукъ Евгенія, кардиналъ Франческо Кондольміери, щеголявшій въ красной шапкѣ какъ главный командиръ папскаго флота. Императоръ Іоаннъ написалъ 30 іюля изъ Мистры письмо къ королю Владиславу, стараясь всевозможными доводами уговорить его нарушить миръ, а кардиналъ Кондольміери въ своихъ письмахъ обязывался, именемъ папы и венеціанцевъ, явиться съ многочисленнымъ флотомъ въ Геллеспонтъ. И тотъ и другой постоянно твердили, что возстаніе грубыхъ туркомановъ противъ султана представляетъ удобный случай для войны съ турками. Противъ возраженій Гуніада относительно святости данной клятвы не нарушать мира Юліанъ открыто и нагло защищалъ одинъ изъ принциповъ римской церкви того времени, что въ отношеніи еретиковъ и невѣрныхъ не слѣдуетъ держать словъ и клятвъ. Гуніадъ допустилъ убѣдить себя этими краснорѣчивыми доводами, миръ былъ нарушенъ и на Дунай отправлено войско. Мы увидимъ, какъ гибельно было для венгровъ нарушеніе клятвы: вмѣсто ожидаемаго изгнанія турокъ изъ Европы, походъ положилъ конецъ существованію греческой имперіи и ускорилъ завоеваніе Константинополя. Сверхъ того, нарушеніе клятвы по наущенію папы, уничтожившее выгодный для запада миръ, усилило до невѣроятной степени всеобщее раздраженіе противъ политики церкви. Для насъ рѣшительно непонятно, какъ такой человѣкъ, какъ Гуніадъ, могъ склониться на уговоры папы и его кардинала и выступить поздней осенью противъ всѣхъ турецкихъ силъ съ десятью тысячами, собранными имъ 1 сентября на Дунаѣ, огромнымъ багажемъ и обозомъ, къ которому впослѣдствіи присоединилось только пять тысячъ валаховъ. Невѣроятно, чтобы весь его разсчетъ основывался на увѣреніяхъ Владислава и магнатовъ, что и Болгарія, которую еще нужно было завоевать, нарушитъ миръ съ турками.

Между тѣмъ, султанъ, подавивъ возстаніе въ Малой Азіи, отказался отъ управленія и удалился въ Магнезію. Греки говорятъ по этому поводу, что Мурадъ былъ человѣкомъ мягкимъ и кроткимъ, что смерть старшаго сына Алаэддина глубоко огорчила его, а понесенныя османами пораженія и заключенный имъ постыдный миръ сдѣлали его такимъ угрюмымъ, что онъ рѣшился и жить какъ частный человѣкъ. По окончаніи караманской войны (1444 г.) онъ передалъ управленіе четырнадцатилѣтнему сыну Мухаммеду II, пріобрѣвшему знаменитость завоеваніемъ Константинополя. Мухаммедъ игралъ въ адріанопольскомъ дворцѣ только роль правителя (ничего большаго не позволяли ему дѣлать лѣта), а Му-

радъ жилъ частнымъ человѣкомъ въ Магнезіи. Но, узнавъ о намѣреніи венгровъ переправиться черезъ Дунай, старый султанъ снова принялъ бразды правленія.

Георгій Бранковичъ Сербскій не только не участвовалъ въ войнѣ, устроенной папою и его кардиналомъ, но даже не позволилъ храброму Скандербегу пройти чрезъ свои владѣнія въ нижнюю Албанію, для присоединенія къ венгерскому войску. Венгры безпрепятственно прошли Болгарію. Избѣгая вслѣдствіе поздняго времени года идти горами, они направились къ Варнѣ, гдѣ надѣялись найти обѣщанный флотъ и переѣхать на немъ въ Константинополь. Огромный обозъ, тащимый ими за собой, по польскому обычаю, страшно затруднялъ движеніе войска, достигшаго Варны только въ началѣ ноября. Историки говорятъ, что съ ними было до двухъ тысячъ фуръ; эта цифра, конечно, преувеличена, но, нѣтъ сомнѣнія, что число фуръ было очень велико, потому что поляки обыкновенно окружали свой лагерь военнымъ обозомъ. Венгры были вполнѣ увѣрены, что папско-венеціанскій флотъ съ кардиналомъ не позволитъ турецкому войску переправиться черезъ Босфоръ; но каково было ихъ удивленіе, когда около Варны они увидѣли расположенное лагеремъ войско Мурада, вдвое превосходившее ихъ числительностью. Удаленіе папскаго адмирала, бывшаго вмѣстѣ и венеціанскимъ вице-канцлеромъ, въ ту минуту, когда его присутствіе было всего нужнѣе, — необъяснимо; а на чьихъ корабляхъ переправилось турецкое войско изъ Азіи — объ этомъ ученые спорятъ. Предполагаютъ, что генуэзцы (по одной польской хроникѣ — венеціанцы), какъ нѣкогда Іуда Спасителя, продали тогда за серебряники вѣру. Мурадъ, какъ разсказываютъ, условился съ этой коммерческой аристократіей о перевозкѣ 40 тысячъ войска съ платою за каждаго человѣка по золотому. Венгерскому герою совѣтовали ждать нападенія турокъ въ лагерѣ; но Гуніадъ, не послушавшись этого умнаго совѣта, поспѣшилъ на встрѣчу непріятелю и далъ ему въ открытомъ полѣ сраженіе, долго остававшееся нерѣшительнымъ, но окончившееся страшнымъ пораженіемъ христіанъ. Владиславъ, бросившійся въ свалку, упалъ съ лошади; одинъ изъ янычаръ отрубилъ ему голову и посадилъ ее на пику. При видѣ головы убитаго короля храбрый Гуніадъ бѣжалъ и спасся бѣгствомъ; кардиналъ Юліанъ, тоже обратившійся въ бѣгство, былъ смертельно раненъ однимъ изъ христіанъ, вѣроятно венгромъ или полякомъ, въ отмщеніе виновнику нарушенія мира за смерть своего короля. Лагерь христіанъ былъ взятъ приступомъ и разрушенъ. Къ счастью для нихъ, позднее время года помѣшало османамъ, даже если бы Мурадъ и хотѣлъ этого, воспользоваться своей побѣдой.

Для Польши и греческой имперіи сраженіе при Варнѣ и смерть Владислава были гибельны; въ Венгріи, напротивъ, они послужили поводомъ къ прекращенію господствовавшей анархіи. Получивъ извѣстіе о потерѣ сраженія, намѣстникъ Венгріи, старый палатинъ Лаврентій Гедервара распорядился чрезвычайно умно. Первой его заботой было скрыть смерть короля. Затѣмъ онъ заставилъ угрозами валахскаго воеводу Дракула освободить задержаннаго имъ Гуніада и отправить его въ Трансильванію. Достигнувъ этого, онъ устремилъ все вниманіе на управленіе государствомъ. До пасхи 1445 г., времени созванія большаго государственнаго сейма, за образецъ было принято управленіе Богеміей. Молодому Владиславу, сыну Елисаветы, сохранялось право на престолъ, хотя онъ, какъ наслѣдникъ австрійской короны, находился подъ опекой и жилъ у императора Фридриха III; нѣкоторымъ изъ знатнѣйшихъ бароновъ, первое мѣсто между которыми занималъ Іоаннъ Гуніадъ, было поручено управленіе различными областями, съ званіемъ капитановъ монархіи. Благодаря своему вліянію, Гуніаду, воспользовавшемуся общею боязнью турецкаго вторженія, удалось примирить на сеймѣ враждебныя партіи и заставить собраніе постановить 7 мая 1445 года: 1) что молодой Владиславъ признается пожизненно венгерскимъ королемъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы императоръ Фридрихъ прислалъ его съ короной въ Венгрію; 2) въ случаѣ неисполненія Фридрихомъ этого условія, всѣ обязательства венгерскаго сейма относительно Владислава прекращаются, и сеймъ приступаетъ къ избранію новаго короля, способнаго защитить государство отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; 3) Венгрія должна быть раздѣлена на области подъ управленіемъ капитановъ. Мы не станемъ перечислять всѣхъ областей и капитановъ; замѣтимъ только, что Іоанну Гуніаду и его воеводѣ въ Тран-

сильваніи, Никласу Уйлаку, была поручена защита всѣхъ пограничныхъ съ турками земель. Кромѣ Трансильваніи, Іоаннъ Гуніадъ управлялъ страною по ту сторону Тиссы, а Уйлакъ по сю сторону Тиссы и по ту сторону Дуная.

Впослѣдствіи Гуніадъ выгналъ Дракула изъ Валахіи, назначилъ воеводою Дана, и хотѣлъ воспользоваться отъѣздомъ Мурада въ Малую Азію и вторичнымъ его удаленіемъ отъ государственныхъ дѣлъ для новаго крестоваго похода, о чемъ даже совѣщался въ Никополѣ съ Франческо Кондольміери. Это предпріятіе было отложено, когда Мурадъ снова принялъ управленіе. Возстаніе въ Адріанополѣ, вспыхнувшее въ 1445 г., въ то время, какъ Мурадъ предавался нѣгѣ въ Магнезіи, заставило султана возвратиться въ Европу, чтобы своимъ присутствіемъ успокоить умы.

Возвращеніе Мурада въ Европу почувствовали прежде всѣхъ Палеологи, владычествовавшіе въ Пелопоннесѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ полуострова. Греческая имперія, разрываемая партіями, оставалась попрежнему въ совершенно безномощномъ положеніи. Іоаннъ Палеологъ и многіе изъ епископовъ его свиты купили нѣкоторыми уступками соединеніе съ латинянами; но это возбудило въ Италіи и еще болѣе въ Греціи, по возвращеніи императора, жестокіе споры между приверженцами и противниками уніи. Большинство греческаго народа и духовенства смотрѣло на Іоанна какъ на отступника. Распри и споры продолжались безъ конца и соединеніе церквей, вмѣсто того, чтобы принести греческой имперіи ожидаемую поддержку, отняло у нея религіозное единство, то есть то, что составляло ея единственную силу противъ турокъ. Какъ безсильна была греческая имперія по возвращеніи Іоанна изъ Италіи, видно, между прочимъ, изъ того, что одинъ изъ братьевъ императора, Димитрій, разсердившись на то, что Іоаннъ не соглашается на его бракъ, задумалъ напасть на Константинополь. Димитрій любилъ дочь Паоло Каталузіо, владѣтеля Лесбоса, и тайно женился на ней противъ согласія своей матери и двухъ братьевъ, царствовавшаго императора Іоанна и послѣдняго греческаго императора Константина Драгасиза или Дрогасеза, владѣвшаго тогда областью въ Пелопоннесѣ. Разсорившись съ своимъ семействомъ, онъ изъ вражды къ нему принялъ сторону грековъ, возставшихъ противъ уніи, заключенной Іоанномъ и одобренной Константиномъ. Надѣясь на поддержку этой партіи, Димитрій собралъ небольшое войско и, выпросивъ у Мурада помощь, двинулся къ Константинополю. Ожиданія его не оправдались; не поддержанный Мурадомъ, на котораго онъ главнымъ образомъ разсчитывалъ, Димитрій долженъ былъ отступить. Іоаннъ Палеологъ до самой смерти владѣлъ Константинополемъ; но Константину выпала на долю печальная участь быть два раза изгоняемымъ: въ первый разъ изъ Пелопоннеса, а во второй изъ Константинополя.

Мы уже говорили, что большая часть Пелопоннесса находилась подъ владычествомъ брата императора, Ѳеодора. По смерти Ѳеодора, его владѣнія перешли къ племяннику, одному изъ сыновей Андроника, помѣнявшемуся ими съ дядей, упомянутымъ нами Константиномъ, получившимъ, при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдія, Селимбрію и Месембрію на Черномъ морѣ и на Пропонтидѣ. Константинъ распространилъ свое владычество по всему полуострову, за исключеніемъ областей, управляемыхъ его братомъ Ѳомою, и заставилъ нѣкоторыхъ владѣтелей внѣ Пелопоннеса стать въ вассальную зависимость отъ себя. Такъ, онъ обязалъ ежегодною данью Нери Аччайуоли Аѳинскаго, наслѣдовавшаго послѣ герцога Райнера Аттику и частью Беотіи, и былъ признанъ верховнымъ повелителемъ въ древнихъ Локрахъ и на Пиндѣ, гдѣ жили валахи. Константинъ снова возстановилъ совершенно безполезную стѣну Гексамилона, воспользовавшись долгимъ походомъ Гуніада, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ земли, подвластныя османамъ, и сохранилъ за собой эти завоеванія, въ то время какъ султанъ наслаждался нѣгой, удалившись въ Магнезію послѣ сраженія при Варнѣ. Успѣхи Константина возбудили опасенія беглербега Румеліи Турухана, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ жестоко опустошившаго Пелопоннесъ и разрушившаго стѣну на Гексамилонѣ. Когда Мурадъ снова принялъ бразды правленія, Туруханъ обратилъ его вниманіе на дѣйствія Константина, который, чтобы предотвратить грозившую ему опасность, отправилъ къ султану посольство. Но Мурадъ, подавивъ адріанопольское возстаніе, немедленно двинулся въ Пелопоннесъ (зимой 1446 г.), въ союзѣ съ герцогомъ Нери, измѣнившимъ Константину. Греки, описывающіе

этотъ походъ Мурада, высчитываютъ всѣ машины, обозы и орудія, тащимые османами. Они даже говорятъ, что султанъ взялъ съ собою металлъ для литья колоссальныхъ пушекъ, чтобы дѣйствовать противъ стѣны, построенной изъ плитняку, связанной желѣзными скобами и защищаемой множествомъ башенъ. Боясь зимы, Мурадъ предоставилъ осаду и этой новой стѣны Турахану. Новая стѣна была такъ же легко взята, какъ и старая, дикія толпы османовъ наводнили Пелопоннесъ, разграбили города и увезли въ рабство тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Описаніе турецкихъ и греческихъ историковъ наполнены жестокими сценами убійствъ и грабежей одной стороны, воплей и бѣдствій другой. Мы съ отвращеніемъ отворачиваемся отъ этихъ сценъ и замѣтимъ только, что онѣ были прелюдіей того, что постигло впослѣдствіи Константинополь. Историкъ Франзесъ, находившійся въ то время у Константина и посылаемый имъ для переговоровъ съ союзниками, оставилъ очень подробныя свѣдѣнія о положеніи обѣихъ сторонъ. Онъ говоритъ, что болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ было уведены изъ Пелопоннеса въ рабство. Константинъ и Ѳома сохранили свои владѣнія, но должны были признать себя вассалами Мурада и платить за своихъ христіанскихъ подданныхъ поголовную подать, потомъ вторично собираемую съ христіанъ для себя. Константинъ раздѣлилъ управленіе своими владѣніями между четырьмя высшими чиновниками. Франзесъ, принадлежавшій къ числу этихъ лицъ, счелъ нужнымъ передать потомству проповѣдь, сказанную ему Константиномъ при назначеніи его начальникомъ края. Изъ нея видно, что несчастные византійскіе князья, подобно нѣмецкимъ ученымъ и французамъ, когда имъ приходилось жутко, умѣли утѣшать себя философіей или просто краснорѣчивыми словоизверженіями. Франзесъ управлялъ Мистрой, Іоаннъ Кантакузенъ Коринѳомъ и Алексѣй Ласкарисъ Патрасомъ.

Поручивъ Турахану опустошеніе Пелопоннеса, Мурадъ возвратился въ Адріанополь (декабрь 1446 г.). На этотъ разъ султанъ сохранилъ за собой управленіе и, отказавшись отъ удовольствій, сталъ готовиться къ весеннему походу, для отмщенія Венгріи и преимущественно Гуніаду. Волненія въ Венгріи, гдѣ все еще шли споры съ императоромъ Фридрихомъ о выдачѣ Владислава Послѣрожденнаго и о регентствѣ, облегчили султану исполненіе его намѣреній. Желая уничтожить поліархію, передать регентство Гуніаду и направить всѣ силы государства противъ турокъ, палатинъ Лаврентій Гедервара, Іоаннъ Гуніадъ и его соправитель Никлассъ Уйлакъ, старались прежде всего прекратить вмѣшательство нѣмцевъ въ венгерскія дѣла. Они заставили графовъ Ульриха и Фридриха фонъ Циллей, сражавшихся въ королевствѣ во главѣ нѣмецкихъ всадниковъ, заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, какъ и 1441 г., а затѣмъ занялись приготовленіями къ войнѣ съ турками. Впрочемъ походъ былъ начатъ только тогда, когда управленіе всѣмъ государствомъ сосредоточилось наконецъ въ рукахъ Гуніада. На ракоскомъ полѣ, около Песта, былъ созванъ большой сеймъ; число съѣхавшихся на него прелатовъ, бароновъ, дворянъ и городскихъ депутатовъ было такъ велико, что засѣданія происходили подъ открытымъ небомъ. 5 іюня 1446 г. собраніе постановило, что вмѣсто капитановъ, управлявшихъ отдѣльными частями государства, долженъ быть избранъ одинъ правитель (губернаторъ), который, до совершеннолѣтія Владислава, будетъ управлять отъ его имени всей монархіей. Согласно этому рѣшенію, въ троицынъ день того же года Іоаннъ Гуніадъ былъ избранъ правителемъ и облеченъ полной королевской властью, съ небольшими лишь ограниченіями. Его другъ, Лаврентій Гедервара, остался палатиномъ, а сотоварищъ — Никласъ Уйлакъ, былъ назначенъ трансильванскимъ воеводою, такъ какъ Гуніадъ и въ качествѣ правителя сохранялъ верховную власть въ Трансильваніи.

Въ 1446 г. потребность соединенія силъ мадьярскаго народа въ рукахъ одного правителя была ощутительнѣе, чѣмъ когда нибудь. Венгріи угрожалъ съ одной стороны германскій императоръ, а съ другой любимецъ султана, прозванный въ подражаніе Люциферу Дракуломъ и снова сдѣлавшійся валахскимъ воеводою при помощи Мурада, прогнавшаго Дана. Ведя съ папой переговоры о новомъ крестовомъ походѣ и надѣясь на помощь христіанскаго міра, Іоаннъ Гуніадъ продолжалъ раздражать могущественнаго султана и, когда Мурадъ двинулся съ огромнымъ полчищемъ въ Сербію, отвергъ всѣ мирныя предложенія. Снова покоривъ Валахію, осенью 1446 г., и дѣйствуя

съ успѣхомъ противъ германскаго императора, Гуніадъ былъ въ то время совершенно ослѣпленъ своимъ счастіемъ. Узнавъ о возвращеніи Дракула, онъ немедленно переправился черезъ Дунай, разбилъ турокъ, взялъ въ плѣнъ Дракула и его сына, велѣлъ казнить ихъ обоихъ на площади въ Терговиштѣ, и снова назначилъ Дана воеводою. Молдавскій воевода Стефанъ заключилъ тѣсный союзъ въ правителемъ Венгріи, уже готовившимся выступить противъ турокъ, когда война, объявленная императоромъ Фридрихомъ, заставила Гуніада вернуться въ Венгрію. Мурадъ, занятый борьбою съ Скандербегомъ въ горахъ Албаніи, не могъ воспользоваться удаленіемъ Гуніада. Храбрости Скандербега и его албанцевъ была обязана Венгрія тѣмъ, что Мурадъ, опасаясь нападенія со стороны, въ 1446, 1447 и даже 1448 гг. не могъ двинуться противъ нея. Султану необходимо было уничтожить сначала опаснаго Скандербега, а это дало возможность заняться въ 1447 г. приготовленіями къ турецкому походу. Въ это же время венгерскій герой предпринялъ походъ въ Молдавію, вызванный умерщвленіемъ Стефана и изгнаніемъ его сына. Гуніадъ возвратилъ сыну отцовское владѣніе, потребовалъ за то уступки одной крѣпости, необходимой для его стратегическихъ цѣлей. Въ началѣ іюня 1447 г., онъ заключилъ съ императоромъ Фридрихомъ новое перемиріе на два года, а въ маѣ 1448 г. созвалъ большой сеймъ въ Пештѣ для рѣшенія вопроса о предстоявшей турецкой войнѣ и постановленія условій мира съ императоромъ.

Хотя сеймъ и высказался въ пользу національной войны съ турками, но скоро оказалось, что правителю придется выступить противъ несмѣтныхъ полчищъ Мурада съ сравнительно незначительнымъ числомъ испытанныхъ воиновъ, слѣдовавшихъ за нимъ во всѣхъ его войнахъ. Дворянство не соглашалось созвать поголовное ополченіе, и за правителемъ послѣдовали только немногіе изъ прелатовъ и бароновъ. Впрочемъ лучшіе венгерскіе историки говорятъ, что, не смотря на то, что почти всѣ прелаты остались въ имперіи, Гуніадъ вступилъ въ походъ съ 24 тысячами человѣкъ отборнаго войска. По словамъ тѣхъ же историковъ, это было лучшее венгерское войско въ теченіе цѣлаго столѣтія войнъ. Строго дисциплинированное, оно заключало въ себѣ 2,000 чеховъ и нѣмцевъ, вооруженныхъ ружьями и артиллеріей, и до 8,000 валаховъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи измѣнниками. Цѣлое лѣто прошло въ бездѣйствіи, потому что папа то покровительствовалъ походу, то не совѣтовалъ предпринимать его, а его легатъ Эней Сильвій интриговалъ и тутъ какъ при заключеніи конкордата между нѣмцами и папою. Въ сентябрѣ венгерскій правитель выступилъ наконецъ въ походъ, двинувшись спачала въ Сербію, воевода которой отказался отъ союза съ Венгріей и присоединился къ туркамъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Мурадъ, все еще воевавшій съ Скандебегомъ, снялъ осаду Крои и двинулся съ 150 тысячами человѣкъ къ Коссову полю (стр. 492), гдѣ находился Гуніадъ, расположившійся укрѣпленнымъ лагеремъ по сю сторону рѣчки Сетницы, раздѣляющей равнину на двѣ большія части. Турки переправились черезъ Сетницу. Дождись Гуніадъ Скандербега, обѣщавшаго придти на помощь, и нападенія турокъ на лагерь, онъ былъ бы неодолимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самая многочисленность турокъ послужила бы къ ихъ собственной гибели, если бы они начали штурмовать лагерь, защищаемый искусными воинами, артиллеріей и винтотовками чеховъ. Но Гуніадъ забылъ всѣ военныя предосторожности. Не дождавшись Скандербега, онъ послѣдовалъ за султаномъ, отступившимъ за Сетницу, выступилъ въ короткое поле, отказался отъ всякихъ переговоровъ, предложенныхъ Мурадомъ, и далъ сраженіе на равнинѣ.

Въ битвѣ на Коссовомъ полѣ, 17 и 18 октября 1448 г., Гуніадъ потерпѣлъ страшное пораженіе. Впрочемъ послѣдствія побѣды турокъ оказались не такъ гибельны для венгровъ какъ для распадавшейся греческой имперіи, щадимой до тѣхъ поръ Мурадомъ изъ боязни Венгріи и западныхъ христіанъ, постоянно призываемыхъ папой на невѣрныхъ. Но съ другой стороны, пораженіе венгровъ спасло Албанію и Скандербега: паденіе осажденной Мурадомъ Крои было неизбѣжно, когда вторженіе Гуніада въ Сербію заставило султана отступить отъ крѣпости. Въ сраженіи на Коссовомъ полѣ, нѣмцы и ихъ артиллерія нанесли страшный уронъ непріятелю; 18 октября Гуніадъ выставилъ ихъ противъ лучшей части турецкаго войска янычаръ, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ спастись бѣгствомъ,

послѣ того какъ валахи передались туркамъ въ самомъ пылу сраженія. 19 октября, когда турки брали приступомъ военный обозъ лагеря, нѣмцы и чехи продолжали защищаться, пока наконецъ не были подавлены численнымъ превосходствомъ непріятеля. Венгры потеряли, какъ говорятъ, въ три дня до 17 тысячъ человѣкъ. Одинъ изъ новѣйшихъ венгерскихъ писателей разсказываетъ,—мы не знаемъ на какомъ основаніи,—что Мурадъ велѣлъ казнить до 6 тысячъ валаховъ, не смотря на ихъ капитуляцію, а остальныхъ употреблять на позорныя работы. Спасшійся бѣгствомъ венгерскій правитель былъ остановленъ и схваченъ Георгіемъ Сербскимъ, вступившимъ въ переговоры съ Мурадомъ о выдачѣ защитника христіанства. Переговоры не состоялись потому, что турокъ оказался великодушнѣе христіанина и не хотѣлъ вступить въ торгъ или же, какъ утверждаютъ другіе, потому, что требуемая сумма была слишкомъ высока. Какъ бы то ни было, Георгій не тотчасъ же выпустилъ Гуніада. Въ сербскихъ и рагузскихъ лѣтописяхъ исторія освобожденія Гуніада разсказана чрезвычайно романически. Угрозы венгерскаго государственнаго совѣта въ Шегединѣ, ходатайство находившихся въ сербской службѣ Паскаля Сорго, Даміана Джіорджи и Алоизія Росси и энергическія дѣйствія Георгія Марновича, владѣтеля Зворника, заставили Георгія освободить Гуніада. Но не дешевой цѣной была продана свобода венгерскому герою. Онъ долженъ былъ дать обѣщаніе возвратить Георгію отнятыя у него венгерскія помѣстья, обручить, что было всего тяжелѣе, своего сына Маттіаса съ дочерью стариннаго врага, Ульриха фонъ Циллей, и въ обезпеченіе этихъ условій отправить другаго сына Владислава заложникомъ въ Семендрію. Освободившись, Гуніадъ думалъ было не выполнять принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Но венгерскіе магнаты, нехотѣвшіе и слышать о новой войнѣ съ Сербіей, слѣдовательно и съ турками, потребовали, чтобы Гуніадъ возвратилъ Георгію его помѣстья, выдалъ сына заложникомъ и согласился на бракъ Маттіаса съ дочерью графа фонъ Циллей.

Не смотря на побѣду, одержанную надъ венграми въ концѣ 1448 г., Мурадъ уже въ началѣ слѣдующаго года вступилъ въ переговоры съ правителемъ. Георгій Сербскій со стороны султана, палатинъ Владиславъ Гара и Никласъ Уйлакъ со стороны Гуніада заключили семилѣтнее перемиріе. Въ силу этого договора венгры и турки не имѣли права занимать войсками Валахіи, Сербіи и Босніи, оба же воеводы и князь боснійскій обязывались платить султану дань и помогать ему своими войсками во всѣхъ походахъ. Дань Валахіи и Сербіи была уменьшена на половину; но Георгій, который велъ переговоры, пожертвовалъ своимъ сосѣдомъ, Ѳомою Христичомъ Боснійскимъ. Въ письмѣ къ папѣ Ѳома жаловался на Георгія, говоря, что онъ отдалъ его въ жертву туркамъ за переходъ изъ греческой церкви въ латинскую. По договору онъ долженъ былъ не только платить прежнюю дань, но и выплатить весь лежавшій на немъ съ прежняго времени долгъ. Въ случаѣ его несогласія, онъ увидитъ,—какъ было сказано въ договорѣ,—что сдѣлаютъ съ нимъ турки; венгры же не смѣютъ помогать ему.

Переходя къ Эпиру, напомнимъ нашимъ читателямъ (стр. 521), какимъ образомъ Георгій Кастріота или Скандербегъ, младшій сынъ казненнаго Мурадомъ албанскаго князя, завладѣлъ отцовскимъ наслѣдіемъ Кроей. Жизнь Скандербега походитъ на рыцарскій, полный приключеній романъ; а описывавшіе ее біографы еще болѣе разукрасили его похожденія. Историки, передавшіе намъ преданіе о Скандербегѣ, оставили отдѣльныя событія его жизни во мракѣ миѳовъ и легендъ. Съ 1443 по 1448 г. венеціанцы извлекали огромныя выгоды изъ дикой храбрости этого человѣка и почти непонятнымъ образомъ воодушевленныхъ имъ христіанскихъ горцевъ. Они вписали имя Скандербега въ золотую книгу своихъ патриціевъ и дали ему почетный титулъ главнокомандующаго республики въ Албаніи и Иллиріи. Побѣды, одержанныя имъ въ 1447 г., пораженіе, нанесенное значительному османскому войску, завоеваніе Светиграда и освобожденіе венеціанскаго города и крѣпости Даньо до такой степени раздражили Мурада, что онъ готовился двинуться въ слѣдующемъ году (1448 г.) со всѣмъ своимъ войскомъ противъ Крои. Вторженіе Гуніада въ Сербію заставило султана обратить противъ Венгріи войско, выступившее противъ Скандербега. Въ 1449 г. грозное турецкое войско, подъ предводительствомъ самого Мурада, снова наводнило всю Албанію. Одинъ изъ историковъ, описывающій почти невѣроятные подвиги и усилія Скан-

дербега, говоритъ, что войско Мурада простиралось до 150 тысячъ человѣкъ, другіе насчитываютъ до 100 тысячъ; но мы думаемъ, что не ошибемся, предполагая, что войско султана далеко не было такъ велико. Въ маѣ Мурадъ выступилъ въ походъ, а Скандербегъ, укрѣпивъ Крою, сталъ тревожить турокъ, осаждавшихъ Свѣтиградъ. Хотя крѣпость и была завоевана, но уменьшеніе турецкаго войска почти на половину, въ теченіе іюня и іюля, заставило султана возвратиться въ Адріанополь. Скандербегъ пріобрѣлъ безсмертную славу тѣмъ, что войско, вступившее въ борьбу съ страшными полчищами Тимура, побоялось такого гнѣзда, какъ Кроя. Чтобы смыть съ себя позоръ, Мурадъ собралъ въ слѣдующемъ году (1450 г.) еще сильнѣйшее войско. Сопровождавшій турокъ обозъ, самая многочисленность войска, непримѣнимыя и негодныя по своей величинѣ осадныя орудія приносили имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; какъ прежде для осады стѣны Гексамилона, такъ и выступая противъ Крои, султанъ везъ съ собой металлъ для литья пушекъ. Вылитыя передъ Кроей пушки были баснословнаго калибра: четыре заряжались каменными ядрами вѣсомъ въ шесть, а остальныя шесть въ два центнера. Скандербегъ на этотъ разъ не заперся въ крѣпости, но, во главѣ храбрыхъ горцевъ Темениста, нападалъ изъ лѣсовъ на турокъ и заманивалъ ихъ на берега Исма и въ болота. Эти стычки такъ ослабили турецкое войско, что, желая покончить войну, Мурадъ предложилъ противнику признать себя турецкимъ вассаломъ и платить десять или даже пять тысячъ дукатовъ. Скандербегъ съ гордостью отвергъ это предложеніе. Вторично вынужденный снять осаду, о которой итальянскія и нѣмецкія лѣтописи говорятъ такъ же много, какъ греки о походахъ Дарія и Ксеркса, султанъ возвратился въ Адріанополь.

Не задолго до смерти Мурадъ сдѣлался посредникомъ между греческими принцами, споривпіими за константинопольскій престолъ, и это послужило ему хоть нѣкоторымъ утѣшеніемъ за два неудачныхъ похода въ Албанію. Въ 1449 г. умеръ Іоаннъ II Палеологъ, не оставивъ дѣтей; братья его, Константинъ IX, Димитрій и Ѳома, оспаривали другъ у друга пустую и тягостную честь носить императорскій титулъ, не только лишенный всякаго блеска и значенія, но даже не дававшій средствъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Константинъ былъ старшимъ изъ братьевъ, что напрасно старается опровергнуть ученый греческій историкъ Іоаннъ Дукасъ. Димитрій, еще прежде пытавшійся завладѣть Константинополемъ съ помощью турокъ (стр. 525), основываясь на томъ, что онъ родился, когда его отецъ былъ уже императоромъ, а Константинъ раньше, утверждалъ, что онъ одинъ рожденъ въ порфирѣ (порфирогенетъ) и слѣдовательно имѣетъ исключительное право на престолъ. У такихъ людей, какъ Димитрій, никогда не бываетъ недостатка въ приверженцахъ; но противъ него была вдовствующая императрица мать, его братъ Ѳома, духовенство, сенатъ, даже войско и народъ. Объявивъ себя въ пользу Константина, они сочли однако необходимымъ умолять турецкаго султана объ оказаніи ему поддержки. Послѣдній греческій дипломатъ, историкъ Франзесъ, шесть разъ ѣздившій съ неудачными посольствами къ Высокой Портѣ, въ седьмой разъ достигъ благопріятнаго отвѣта. Мурадъ согласился на избраніе Константина, и только тогда Константинъ былъ вызванъ изъ Пелопоннеса въ Константинополь (1450 г.). Константинъ былъ послѣднимъ греческимъ императоромъ; замѣчательно, что именно онъ, черезъ три года низверженный османскимъ султаномъ, достигъ престола милостью османовъ. Торжественно отпраздновавъ свадьбу своего сына и наслѣдника, Мурадъ снова хотѣлъ удалиться въ Магнезію, но, черезъ 16 мѣсяцевъ по смерти императора Іоанна и черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ въ третій разъ сложилъ съ себя управленіе, умеръ въ Адріанополѣ отъ удара, на 49 году жизни.

Узнавъ въ февралѣ 1451 г. о смерти отца, сынъ и преемникъ Мурада, Мухаммедъ II, которому было тогда 21 годъ, поспѣшилъ изъ Магнезіи, гдѣ онъ случайно находился, въ Адріанополь, чтобы взять въ свои руки управленіе имперіею. Сюда явились къ нему съ поздравленіями послы изъ Хіоса, Лесбоса, Акарнаніи, Галаты, Родоса, отъ императора Константина и его братьевъ Ѳомы и Димитрія, сохранившихъ свои владѣнія въ Пелопоннесѣ. Мухаммедъ принялъ очень благосклонно посольство Палеологовъ. Оскорбленный вслѣдъ затѣмъ Константиномъ, онъ не выказалъ своего неудовольствія противъ императора, потому

что долженъ былъ возвратиться въ Малую Азію, для подавленія возстанія, поднятаго Ибрагимъ-бегомъ Караманскимъ. Въ Константинополѣ жилъ османскій князь Урханъ (вѣроятно, внукъ Солимана); на содержаніе Урхана Мурадъ назначилъ ежегодно 300 тысячъ аспровъ, дозволивъ греческому императору сбирать эти деньги съ земель по Стримону. Желая воспользоваться малоазійскимъ возстаніемъ, грозившимъ молодому султану внутренней войной, Константинъ отправилъ пословъ къ Мухаммеду, требуя уплаты недоимочной суммы за прежній годъ и увеличенія на будущее время содержанія Урхану. Греческіе послы имѣли неосторожность сказать Мухаммеду, что, въ случаѣ неисполненія этого требованія, императоръ будетъ поддерживать Урхана, какъ претендента на турецкій престолъ. Поступокъ Константина приготовилъ паденіе греческой имперіи. Молодой султанъ, человѣкъ деспотическаго и жестокаго характера, какъ говорятъ про него греческіе и турецкіе историки, скрылъ свое бѣшенство. Онъ не далъ никакого отвѣта посламъ Константина, велѣлъ визирю Халиль-пашѣ длить переговоры, пока самъ онъ находился въ Малой Азіи. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы не показать грекамъ ни малѣйшей вражды, до усмиренія внутреннихъ волненій, неизбѣжно связанныхъ на Востокѣ съ каждой перемѣной правительства. При вступленіи на престолъ Мухаммеда не только Ибрагимъ-бегъ и другіе турецкіе вассалы Малой Азіи пытались свергнуть иго султана, но въ Прузѣ возстали и янычары или преторіанцы повелителя османовъ. Наконецъ турецкіе чиновники и даже народъ выказывали недовольство, видя, что въ сынѣ нѣтъ ни доброты, ни кротости отца. Встрѣченный въ Прузѣ буйной толпой янычаръ, Мухаммедъ былъ вынужденъ раздать имъ деньги. Это былъ первый примѣръ, что османскій султанъ, вступая на престолъ, дарилъ янычарамъ деньги. Съ тѣхъ поръ подобныя раздачи вошли въ обычай и сдѣлались необходимостью для каждаго новаго султана; раздаваемыя суммы постоянно увеличивались и повели за собой злоупотребленія, подобныя тѣмъ, которыя были такъ гибельны для римскихъ императоровъ.

Вернувшись въ Европу, Мухаммедъ тотчасъ же велѣлъ выгнать все греческое населеніе изъ земель, лежащихъ по Стримону, и сталъ готовиться къ осадѣ Константинополя. Зимой 1451 года были пригнаны рабочіе, заготовлены и приготовлены матеріалы для того, чтобы слѣдующей весной построить на европейскомъ берегу Босфора, у воротъ Константинополя, въ самой узкой части пролива, крѣпостцу, владѣя которой можно было господствовать на Босфорѣ и отрѣзать Константинополь отъ сообщенія съ Чернымъ моремъ. Эта крѣпостца, начатая 6 марта 1452 г., называется теперь древнимъ европейскимъ замкомъ, мѣсто же за Галатой, гдѣ она была построена, называлось Лимокопіей. Строительнымъ матеріаломъ послужили развалины древняго замка, Неокастра, и церковь архангела Михаила. Султанъ съ презрѣніемъ отвергъ всѣ предложенія несчастнаго Константина и, черезъ три мѣсяца по сооруженіи новой крѣпостцы, началъ непріязненныя дѣйствія противъ Константинополя. Безсиліе грековъ и ихъ императора было такъ велико, средства къ защитѣ такъ слабы, что насъ удивляютъ громадныя приготовленія Мухаммеда для осады беззащитнаго города. Прежде всего, султанъ отправилъ въ Пелопоннесъ знаменитаго грабителя Турахана (стр. 515), чтобы опустошить полуостровъ огнемъ и мечомъ и помѣшать братьямъ императора, Ѳомѣ и Димитрію, управлявшими его владѣніями въ собственной Греціи, подать помощь Константинополю. Объ осадныхъ орудіяхъ турокъ Дукасъ и другіе греки говорятъ самыя странныя, до невѣроятности смѣшныя вещи. Пушечный мастеръ въ Константинополѣ, Орбанъ или Урбанъ, родомъ изъ Венгріи или Валахіи, подкупленный турками за огромныя деньги, бѣжалъ изъ Константинополя и продалъ свои услуги врагамъ религіи. Разсказываютъ, что онъ вылилъ сначала для новой крѣпостцы пушку колоссальнаго размѣра и попробовалъ ее на первомъ венеціанскомъ кораблѣ, не салютовавшемъ турецкое укрѣпленіе. По свидѣтельству тѣхъ же источниковъ, корабль былъ разбитъ въ дребезги однимъ ядромъ; экипажъ изъ 30 человѣкъ спасся на берегъ и, по приказанію Мухаммеда, былъ умерщвленъ, а капитанъ корабля посаженъ на колъ. Затѣмъ по повелѣнію султана была вылита вторая пушка, превосходившая если не чѣмъ другимъ, то хоть трескомъ, всѣ пушки на свѣтѣ; уже одно то, что для передвиженія ея были необходимы 100 воловъ, а для управленія 700 человѣкъ,

доказываетъ всю ея безполезность при осадѣ. Ядра этой пушки были, говорятъ, на сто фунтовъ тяжеле ядеръ дарданелльскихъ пушекъ, вѣсившихъ 1100 фунтовъ. Мы не станемъ ни смѣяться съ Вольтеромъ надъ этой пушкой и ея ядрами, ни защищать ихъ, какъ Гаммеръ. Но замѣтимъ только, что византійцы легковѣрны, и что цифры вѣса ядеръ колеблятся между 3, 4, 11 и 12 центнерами.

Въ теченіе всего 1452 г. султанъ занимался приготовленіями къ осадѣ Константинополя. Греческій императоръ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы убѣдить латинянъ подать помощь городу. Папа, генуэзцы и венеціанцы вооружили флотъ, но явились слишкомъ поздно. Всѣ мѣры, принятыя политикой Константина, были парализованы дѣйствіями греческаго духовенства въ ту минуту, когда османы показались передъ Константинополемъ (апрѣль 1453 г.). Свѣдѣнія о числительности осаждавшаго Константинополь турецкаго войска страшно преувеличены. Да и на какіе источники можетъ опираться правдивый историкъ. Говорятъ, что турокъ было отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Если изъ этого числа вычесть весь обозъ и еще двѣ трети, то и тогда несомнѣнно, что Константинополь, по одной окружности городской стѣны, не могъ быть долго защищаемъ девятью тысячами грековъ, венеціанцевъ и генуэзцевъ, способныхъ носить оружіе. Флотъ султана, собранный изъ всѣхъ турецкихъ приморскихъ городовъ, состоялъ изъ 350 или 421 корабля и находился подъ командою одного перешедшаго въ исламъ болгара. Вначалѣ флотъ этотъ мало вредилъ осажденнымъ, потому что входъ въ гавань или въ такъ называемый Золотой Рогъ былъ запертъ цѣпью, а турки не умѣли, какъ венеціанцы, разрывать подобныя цѣпи. Но, когда Мухаммедъ велѣлъ поставить корабли противъ косы, ограничивающей съ одной стороны гавань, городъ былъ потерянъ. Безвредныя орудія, разряжавшіяся по семи разъ въ день съ страшнымъ трескомъ, пугали населеніе города, хотя результаты и не соотвѣтствовали шуму. Это легче объяснить, чѣмъ неудачные приступы безчисленнаго множества осаждавшихъ, ежедневно повторявшіеся въ присутствіи султана.

Историкъ паденія восточной римской имперіи (Гиббонъ) составилъ изъ многихъ описаній осады Константинополя, оставленныхъ современниками этого событія, блестящую, риторическо-поэтическую картину, которую мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ. Мы же разскажемъ въ прозѣ нѣкоторые главные эпизоды осады. Прежде всего укажемъ на причины бездѣйствія латинскихъ христіанъ въ виду грозы, собиравшейся надъ ихъ греческими братьями. Императоръ сдѣлалъ все, чтобы убѣдить латинянъ подать помощь, но несогласіе ученаго духовенства уничтожило въ рѣшительную минуту всѣ его старанія. Константинъ, присутствовавшій вмѣстѣ съ братомъ на флорентинскомъ соборѣ, гдѣ оба они и большинство сопровождавшихъ ихъ греческихъ епископовъ объявили себя въ пользу соединенія церквей, находился съ тѣхъ поръ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ папой. Но монахи, ученые и народъ не хотѣли и слушать объ уніи, и ни въ литургіи, ни въ символѣ вѣры не было сдѣлано никакихъ измѣненій. Это зналъ папа Николай V, желавшій воспользоваться критическимъ положеніемъ грековъ, чтобы превратить мнимое соединеніе церквей въ дѣйствительное. Въ 1452 г., незадолго до осады, Константинъ отправилъ къ папѣ посольство, умоляя его проповѣдывать между латинскимъ рыцарствомъ крестовый походъ въ Константинополь. Николай потребовалъ сначала ручательства, что греки присоединятся къ римской церкви. Преемникъ Николая, Евгеній IV, также не довѣрялъ искренности обѣщаннаго Іоанномъ Палеологомъ и его придворнымъ духовенствомъ и одобреннаго Константиномъ и его епископами соединенія обѣихъ церквей. И дѣйствительно, еще во Флоренціи между греческими епископами оказалось разномысліе, а по возвращеніи въ Константинополь возникли споры между императорскими епископами и противниками уніи. Впослѣдствіи братъ императора Димитрій принялъ сторону враговъ уніи. Поэтому Николай, прежде чѣмъ подать помощь грекамъ, хотѣлъ сначала увѣриться, что на этотъ разъ его не обманутъ. Онъ потребовалъ, чтобы Константинъ допустилъ въ Константинополь папскаго легата, который долженъ былъ окончательно уничтожить всѣ слѣды различія церквей. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, нуждаясь и въ латинской помощи и въ единодушіи жителей Константинополя, императоръ не могъ отказаться отъ

этого условія. Пріѣздъ легата возбудилъ, въ то самое время, когда турки ежедневно дѣлали приступы, раздоръ въ городѣ и повелъ за собой оскорбленіе латинянъ, приведшее Константина въ отчаяніе.

Въ ноябрѣ 1452 г. явился въ Константинополь митрополитъ кіевскій, возведенный папою въ званіе кардинала, И с и д о р ъ, назначенный папскимъ легатомъ. Исидоръ, принадлежавшій къ греческой церкви, на флорентинскомъ соборѣ чрезвычайно дѣятельно старался о соединеніи обѣихъ церквей. По прибытіи въ Константинополь, онъ вступилъ въ богословскія конференціи съ императоромъ, высшимъ духовенствомъ и знатью, понимавшей грозившую опасность; всѣ, казалось, были вполнѣ убѣждены, что спасеніе заключается только въ принятіи уніи. Соединеніе церквей предположено было объявить торжественнымъ образомъ; императоръ установилъ для этого блестящее церковное празднество. 12 декабря 1452 г. Константинъ, въ сопровожденіи высшаго духовенства, чиновниковъ и знати, признавшей папскій догматъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, а не отъ одного Отца, отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ было назначено богослуженіе, для празднованія соединенія церквей. Противники уніи устроили другой праздникъ, на которомъ главную роль игралъ Георгій Схоларій, знаменитый подъ именемъ Геннадія въ исторіи возрождавшихся въ то время въ Италіи древнихъ искусствъ и наукъ. На флорентинскомъ соборѣ Геннадій сначала очень горячо ратовалъ въ пользу римскаго ученія и уніи, но впослѣдствіи перешелъ на противную сторону и сдѣлался сильнымъ поборникомъ греческой церкви. Отказавшись отъ участія въ свѣтскихъ дѣлахъ, Геннадій удалился въ монастырь Вседержителя (Панкратора) и постригся въ монахи; къ нему-то устремилась толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, говорившая, что императоръ изъ боязни турокъ продалъ латинянамъ спасеніе ихъ души и назначилъ для того богослуженіе въ Софійской церкви. Когда бушевавшая чернь явилась къ монастырю, требуя отъ Геннадія совѣта, онъ заперся и не показывался до тѣхъ поръ, пока народъ не разошелся, а потомъ отперъ двери на столько, что могъ высунуть народу листъ пергамента, заключавшій обвиненія и упреки его соотечественникамъ греческой религіи. Жители Константинополя, было сказано въ немъ, возлагаютъ въ настоящихъ бѣдствіяхъ болѣе надежды на помощь латинянъ, чѣмъ на всемогущую десницу Господа, и, оставляя завѣтъ отцовъ, слѣдуютъ бреднямъ отверженнаго Богомъ ученія. Эти слова взволновали народъ, не хотѣвшій и слышать о помощи латинянъ; въ городѣ произошло смятеніе. Всѣ кричали: «намъ не нужно латинянъ и ихъ религіи. Мы не хотимъ богослуженія азимитовъ (т. е. употребляющихъ прѣсный хлѣбъ для причастія).» Волненіе постоянно усиливалось и достигло высшей степени въ то время, когда турки (апрѣль 1453 г.) осадили городъ съ сухаго пути и начали дѣлать ежедневные приступы. Греки, желавшіе спасти послѣдній оплотъ христіанства и древней цивилизаціи на востокѣ, и потому слѣдовавшіе по примѣру своего храбраго и благороднаго императора латинскимъ церемоніямъ и обрядамъ, преслѣдовались какъ еретики. Со дня празднованія уніи, Софійская церковь была проклята, въ ней не совершалось богослуженій, а свѣтская и духовная знать возстановляла народъ противъ императора и всѣхъ, соглашавшихся на соединеніе церквей для спасенія отъ турокъ. Геннадій проповѣдывалъ и писалъ противъ приверженцевъ соединенія церквей, а одинъ изъ представителей свѣтской знати, Л у к а Н о т а р а, по свидѣтельству историка Дукаса, въ достовѣрности котораго мы однако сомнѣваемся, говорилъ во всеуслышаніе, что ему пріятнѣе видѣть въ городѣ султана, чѣмъ шлемы латинянъ.

Лука Нотара, носившій титулъ великаго герцога (Megas Ducas), былъ, по своему званію, главнымъ начальникомъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, но генуэзецъ Д ж і о в а н н і Д ж у с т и н і а н и оказалъ такія важныя услуги при защитѣ города, что императоръ передалъ ему команду надъ греческими войсками. Это распоряженіе было страшно гибельно въ тогдашнемъ положеніи. Въ рѣшительную минуту великій герцогъ отказалъ латинскому военачальнику въ необходимыхъ орудіямъ; Джустиніани обнажилъ противъ него мечъ, обвиняя его въ измѣнѣ, и Константину стоило большихъ трудовъ примирить противниковъ. Вообще, про Джустиніани говорятъ, что онъ былъ главнымъ героемъ во время осады Константинополя, отъ марта до конца мая; опасно раненый при послѣднемъ

штурмѣ,онъ внезапно оставилъ ввѣренную ему позицію и постыднымъ бѣгствомъ облегчилъ туркамъ вторженіе въ городъ. Исидоръ сдѣлалъ для императора и его имперіи болѣе Луки Нотары. Константинъ еще задолго до осады довѣрилъ значительную сумму двумъ монахамъ (техническими работами занималось духовенство монастырей), для исправленія стѣнъ, но монахи спрятали деньги и не заботились объ укрѣпленіяхъ. Исидоръ снова досталъ денегъ и велѣлъ возстановить ту часть укрѣпленій, которая называлась башней Анемаса. При штурмѣ города онъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ храбро защищалъ этотъ постъ. Какъ ничтожны были греки въ сравненіи съ своимъ императоромъ, дѣятельнымъ съ утра до ночи и впослѣдствіи павшимъ въ борьбѣ, видно уже изъ того, что изъ 100 тысячъ константинопольскихъ грековъ только шестая часть принимала участіе въ послѣдней битвѣ, а изъ двѣнадцати предводителей, защищавшихъ главные посты, только двое были греки. Изъ грековъ, кромѣ Нотары и императора, называютъ еще только Димитрія Кантакузена, Никифора и Ѳеофила Палеологовъ и Ѳеодора изъ Кариста. Между итальянцами, испанцами, французами и нѣмцами, явившимися на защиту города въ числѣ трехъ или четырехъ тысячъ, особенно прославились Исидоръ, Джустиніани, Контарино Кортанини, Габріель Тревизано, Джіованни Лоредано и Баттиста Гритти. Венеціанскій байло, т. е. генеральный консулъ и глава жившихъ въ Галатѣ венеціанцевъ, наблюдалъ съ 700 человѣкъ за полицейскимъ порядкомъ въ городѣ, въ то время какъ всѣ военныя силы защищали стѣны.

Даже не довѣряя обвиненіямъ, взводимымъ на храбраго Джіованни Джустиніани другомъ и дипломатомъ императора, историкомъ Франзесомъ, и опровергаемымъ Дукасомъ, нельзя однако отрицать, что галатскіе генуезцы держали себя очень двусмысленно. Это доказываютъ многія обстоятельства и въ особенности то, что, страшась за участь своей торговли, они, съ свойственной торгашамъ политикой, часто помогали днемъ грекамъ, а ночью туркамъ. Предпріятіе Мухаммеда, всего болѣе содѣйствовавшее взятію города, бросаетъ страшную тѣнь на ихъ дѣйствія. Мы уже говорили, что внутренняя константинопольская гавань или такъ называемый Золотой Рогъ была заперта цѣпью между Акрополемъ или нынѣшнимъ сералемъ и Галатой; турки не умѣли разрывать подобныя цѣпи, и Мухаммеду пришла мысль поставить корабли на колеса и провезти ихъ по землѣ. Это могло быть сдѣлано только на оконечности Золотаго Рога, тамъ, гдѣ онъ отдѣляетъ Константинополь отъ Галаты. Такимъ образомъ корабли приходилось провозить кругомъ Галаты, мимо сѣверной части этого города, и невозможно предположить, что генуезцы въ Галатѣ не видали ни приготовленій турокъ, ни перевозки кораблей, и не слышали шума. Отчего греки не препятствовали спуску кораблей въ воду противъ церкви и монастыря Святаго Космы? Какимъ образомъ могли быть провезены въ одну ночь всѣ корабли чрезъ пространство $1^1/_2$ мили? На эти и многіе другіе вопросы мы не находимъ отвѣта. Впрочемъ, свѣдѣнія о перевозкѣ кораблей такъ же смутны, какъ и объ осадныхъ орудіяхъ султана; все это не разъяснено, хотя въ главныхъ основаніяхъ и вѣрно.

Съ сухаго пути и со стороны Галаты Константинополь былъ защищенъ стѣной и двумя рвами; изъ гавани, откуда крестоносцы завладѣли городомъ, доступъ былъ легче. Переправившись изъ Галаты къ Константинополю, Мухаммедъ тотчасъ же велѣлъ приставить корабль къ кораблю, чтобы начать штурмъ одновременно съ моря и съ сухаго пути. Семь недѣль (съ начала апрѣля 1453 г.) вели турки осаду безъ всякаго успѣха и съ огромными потерями. Наконецъ, соединивъ несмѣтное число приведенныхъ съ собой варваровъ, Мухаммедъ приказалъ сдѣлать рѣшительный приступъ, потребовавъ передъ тѣмъ еще разъ (24 мая), чтобы императоръ сдался на капитуляцію; 28 мая вечеромъ все турецкое войско стояло на готовѣ, чтобы начать штурмъ 29 съ восходомъ солнца. Султанъ заранѣе отдалъ войску городъ, вмѣстѣ съ жителями и ихъ имуществами, сохраняя за собой одни зданія и запретивъ поджоги. Бой былъ ожесточенный; но мы уже говорили, что изъ 100 тысячъ грековъ только шесть тысячъ защищали городъ, а изъ двѣнадцати главныхъ постовъ десять были ввѣрены иностранцамъ. У воротъ Святаго Романа стоялъ самъ императоръ, а подлѣ него Джустиніани съ 300 отборныхъ генуезцовъ и Донъ Франсиско де Толедо. Генуезцы, подъ на-

чальствомъ братьевъ Паоло и Антоніо Троило Бокіарди, защищали ворота, называющіяся теперь адріанопольскими. У воротъ, незывающихся теперь Эгрикапу, находились Ѳеодоръ изъ Кариста съ отрядомъ стрѣлковъ и начальникъ нѣмецкой артиллеріи. На этихъ позиціяхъ сражался и Исидоръ во главѣ славянъ, сербовъ и болгаръ. Нѣсколько далѣе венеціанскій байло Іеронимъ Майнотто и братья Іеронимъ и Леонардо де Лангоско предводительствовали отборнымъ отрядомъ итальянцевъ. Входъ со стороны гавани защищалъ съ весьма подозрительной храбростью великій герцогъ и командиръ флота Лука Нотара. Венеціанецъ Габріель Тревизано стоялъ съ 400 соотечественниковъ у Акрополя, венеціанецъ Контарино у Золотыхъ воротъ, генуезецъ Катанео у воротъ Селимбріи и въ той же части города сражался испанскій консулъ Педро Джуліани во главѣ воинственныхъ каталонцевъ.

Послѣ двухъ-часоваго штурма, Джустиніани раненый бѣжалъ съ своимъ отрядомъ въ Галату, не смотря на всѣ просьбы императора не оставлять позиціи. Вслѣдъ за тѣми турки ворвались въ городъ и скоро завладѣли имъ. Дома были разграблены, нѣсколько тысячъ жителей различныхъ возрастовъ и половъ обращены въ рабство, но погибло сравнительно небольшое число. Между послѣдними находился императоръ, убитый во время битвы. Джустиніани умеръ въ Галатѣ отъ раны. Лука Нотара и Исидоръ попались въ плѣнъ. Нотара, продолжавшій, даже и по взятіи города, защищать съ османскимъ княземъ Урханомъ одну изъ городскихъ башенъ, сдался только тогда, когда палъ Урханъ. Онъ предлагалъ султану свои несмѣтныя сокровища за освобожденіе, но Мухаммедъ, нѣсколько разъ въ теченіе осады пытавшійся переманить къ себѣ такого полководца, съ презрѣніемъ отвергъ предложенія Нотары. По прошествіи нѣкотораго времени онъ и его сыновья были казнены. Исидоръ, успѣвшій переодѣться, не былъ узнанъ; проданный въ рабство, онъ вскорѣ освободился и бѣжалъ въ Римъ. Генуезское предмѣстье Галата было пощажено турками; генуезцы продолжали торговать въ немъ и пользовались, такъ же какъ и венеціанцы, нѣкоторыми привилегіями. Вслѣдствіе того говорили, что, въ то время какъ ихъ рыцари храбро защищали городъ, ихъ дипломаты дѣйствовали заодно съ турками.

Завоеваніе Константинополя, перенесеніе въ Акрополь или константинопольскую крѣпость резиденціи султана и обращеніе построенной Юстиніаномъ церкви св. Софіи или божественной мудрости въ главную мечеть новой мухаммеданской имперіи распространили ужасъ во всей Европѣ. На мѣсто изгнаннаго христіанскаго населенія въ Константинополѣ были поселены турки, и Европѣ грозило новое нашествіе варварскихъ ордъ Азіи. Ближайшая опасность грозила Венгріи и Германіи; придунайскія земли, владѣнія христіанъ въ собственной Греціи и острова Архипелага неизбѣжно должны были подпасть подъ владычество турокъ, пріобрѣвшихъ флотъ и рабовъ грековъ, употребляемыхъ для всѣхъ сооруженій и построекъ, въ дѣлахъ образованія и техническаго обученія. Такимъ образомъ въ то время, когда ни одинъ изъ европейскихъ государей не пользовался неограниченной властью и не имѣлъ постояннаго войска, по сю сторону Босфора внезапно возникаетъ деспотически управляемое военное государство, съ постояннымъ войскомъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, ставшее съ завоеваніемъ столицы восточной римской имперіи въ совершенно новыя отношенія къ христіанскимъ народамъ.

Цивилизація и литература франкскихъ, кельтическихъ и славянскихъ государствъ Европы такъ много выиграла отъ эмиграціи греческихъ ученыхъ и появленія образованныхъ людей первыхъ греческихъ фамилій въ итальянскихъ городахъ и иностранныхъ заведеніяхъ, что завоеваніе Константинополя можно такъ же, какъ и открытіе Америки, считать эпохой новой государственной жизни и новой литературы. Завоеваніе Константинополя совпадаетъ съ временемъ высшаго процвѣтанія возродившейся классической древности. Изученіе и подражаніе древности, возникшія въ XIV столѣтіи, достигли стараніями Петрарки, императора Карла IV и другимъ личностей, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи, такихъ размѣровъ, что высшей славой для духовенства и свѣтскихъ лицъ, князей и городовъ, сдѣлалось собираніе рукописей греческихъ писателей и покровительство ученымъ комментаторамъ ихъ. Библіотеки западной Европы, преимущественно

итальянскія и французскія, покупали дорогой цѣной остатки уничтоженныхъ турками общественныхъ и частныхъ библіотекъ грековъ, переданные такимъ образомъ потомству. Впрочемъ турки выказывали чрезвычайно много терпимости относительно греческаго духовенства и ученыхъ. Лука Нотара и все его семейство, правда, были умерщвлены; но за то Георгій Схоларій или Геннадій былъ назначенъ патріархомъ. Султанъ оставилъ за собою право утверждать греческихъ патріарховъ и это впослѣдствіи послужило турецкимъ министрамъ поводомъ къ различнымъ злоупотребленіямъ и насиліямъ.

Крестовый походъ, задуманный западными христіанами для спасенія Константинополя, не состоялся; флотъ, снаряженный съ этою цѣлью, явился слишкомъ поздно и былъ уничтоженъ. Одинъ Скандербегъ въ Албаніи противился колоссальному могуществу Мухаммеда. Въ 1454 г. султанъ предложилъ ему миръ за умѣренную дань, но Скандербегъ ни на что не соглашался, укрѣпилъ еще сильнѣе Крою и два раза разбивалъ осаждавшее городъ турецкое войско. Другія войны не позволили султану до 1465 г. двинуться со всѣмъ своимъ войскомъ въ Албанію. Выступивъ наконецъ съ войскомъ, числительность котораго показываютъ, вѣроятно, значительно преувеличивая, до 200 тысячъ человѣкъ, Мухаммедъ завоевалъ Светиградъ и албанскій Бѣлградъ. Турки разбрелись тогда по Албаніи, заняли различныя мѣста и окружили Крою; самъ султанъ отправился въ Филиппополь, а Скандербегъ поѣхалъ въ Римъ просить помощи у папы Павла II. Слишкомъ скупой, чтобы тратить свои сокровища на содержаніе наемниковъ, папа отказалъ Скандербегу. Вернувшись въ Албанію, Скандербегъ защищалъ Крою, снова осажденную турками въ 1466 г., до конца жизни (14 января 1467 г.). По смерти албанскаго героя городъ, столько лѣтъ защищаемый, не могъ долѣе держаться. Передъ смертью Скандербегъ отдалъ свои владѣнія и сына подъ защиту венеціанцевъ, объявившихъ въ 1464 г. войну туркамъ и завоевавшихъ Лемносъ, послѣ того какъ Мухаммедъ выгналъ владѣтеля Лесбосса, Каталузіо, завладѣлъ Аргосомъ и сталъ помышлять о покореніи всего Пелопоннеса. Въ продолженіе двадцатичетырехлѣтняго управленія Албаніей, Скандербегъ, воевавшій съ страшнымъ Мурадомъ II и завоевателемъ Константинополя, участвовалъ въ двадцати двухъ сраженіяхъ и только разъ былъ раненъ. Турки такъ же удивлялись ему, какъ и христіане, охотно прощавшіе албанскому герою, что онъ жилъ скорѣе потурецки, чѣмъ по христіански, и соблюдалъ болѣе церковные обряды, чѣмъ христіанскіе законы. Янычары смотрѣли на него какъ на святаго, доказавъ это черезъ четыре года по его смерти, когда его тѣло было перевезено изъ Алессіо (Лешъ) въ Скутари. Они не только съ благоговѣніемъ прикладывались къ его рукѣ, чтобы закалить свои руки, но даже старались доставать себѣ куски его костей, нося ихъ какъ талисманъ.

Только храбрый предводитель венгровъ продолжалъ еще успѣшно бороться съ турецкимъ завоевателемъ, и даже въ послѣдній годъ жизни (1456 г.) одержалъ блистательную побѣду надъ цѣлымъ турецкимъ войскомъ. Сербы, напротивъ, были побѣждены, ихъ главная крѣпость, Новиградъ, завоевана, два старшихъ сына короля Георгія отправлены въ Константинополь, а третій долженъ былъ платить дань, какъ турецкій вассалъ. По смерти его Сербія была обращена въ турецкую провинцію. Генуэзцы потеряли не только Галату, но и Амастрію въ Малой Азіи, сдѣлавшуюся по завоеваніи Константинополя ихъ главнымъ торговымъ рынкомъ. Палеологамъ, Димитрію и Ѳомѣ, Мухаммедъ оставилъ изъ политическихъ цѣлей ихъ владѣнія въ Пелопоннесѣ, послалъ имъ даже помощь для усмиренія возставшихъ арнаутовъ, и два раза былъ посредникомъ въ ихъ спорахъ. Когда же Димитрій отнялъ у брата принадлежавшія ему владѣнія, султанъ завладѣлъ полуостровомъ. Ѳома бѣжалъ въ Римъ, а Димитрій былъ низложенъ (1460 г.). Валахія и Боснія тоже сдѣлались данницами турокъ. Съ венеціанцами Мухаммедъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ войну съ перемѣннымъ счастьемъ; но объ этой войнѣ рѣчь можетъ быть только впослѣдствіи, когда мы уже разскажемъ объ усиліяхъ папы ополчить христіанъ запада на новый крестовый походъ противъ турокъ.

Присоединеніемъ къ турецкимъ владѣніямъ сохранявшихъ еще независимость княжествъ, Мухаммедъ расширилъ предѣлы своей имперіи и въ Азіи. Си-

нопъ былъ занятъ турками, а Давидъ Комненъ, называвшій себя трапезунтскимъ императоромъ, сначала долженъ былъ помѣняться своими владѣніями, и вслѣдъ затѣмъ былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своими приверженцами (1462 г.). Такимъ образомъ пресѣклась царствовавшая нѣкогда въ Константинополѣ фамилія Комненовъ. Въ XVIII столѣтіи одинъ французскій офицеръ, а въ XIX пресловутая герцогиня д'Абрантесъ старались доказать свое происхожденіе отъ этой династіи.

II. ИСТОРІЯ ГЕРМАНІИ

ДО ПОЛОВИНЫ XV СТОЛѢТІЯ.

1. Введеніе.

Въ началѣ XV столѣтія въ Германіи спорили два императора за свѣтскую власть, въ Италіи — сначала два, потомъ три папы за престолъ св. Петра. Ожидая отреченія папъ Григорія XII и Бонифація IX, пизанскій соборъ избралъ третьяго папу, Александра V, съ условіемъ, что онъ прекратилъ съ помощью собора церковный расколъ. Но прекращеніе раскола могло послѣдовать только тогда, когда и новый папа согласился бы, въ случаѣ необходимости, отказаться, подобно двумъ другимъ, отъ престола, а на это Александръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Онъ распустилъ соборъ, обѣщаясь черезъ три года созвать новый для окончательнаго прекращенія церковнаго раскола, и отправился въ Римъ. Въ Римѣ Александръ назначилъ кардиналовъ, избравшихъ по смерти его (1410 г.) папой кардинала Бальтазара Коссу (стр. 474), назвавшагося папой Іоанномъ XXIII. Въ то время какъ Александръ V и Іоаннъ XXIII, сидя въ Римѣ, облагали податями Германію, Бенедиктъ XIII (IX) папствовалъ надъ Испаніей и Англіей. Этотъ папа, жившій сначала въ Перпиньянѣ, а потомъ въ Арагоніи, охотно сносилъ и терпѣлъ все, но низачто не хотѣлъ отказаться отъ правъ на папство. Третій папа, Григорій XII, изъ венеціанской области переѣхалъ къ Владиславу Неаполитанскому, но, не считая себя безопаснымъ и въ Неаполѣ, искалъ защиты и убѣжища у владѣтеля Римини. Смерть анти-императора Рупрехта Пфальцскаго (1410 г.), казалось, представляла тѣмъ болѣе удобный случай покончить церковный раздоръ, что изъ семи курфирстовъ три, богемскій, саксонскій и бранденбургскій, никогда не признавали ни Рупрехта, ни его папы, а императоръ Венцеславъ, занятый богемскими дѣлами, соглашался передать императорскій престолъ болѣе энергическому человѣку, который занялся бы церковнымъ вопросомъ. Венцеславъ давно объявилъ, что готовъ, сохраняя императорскій титулъ, отказаться отъ престола, если избраніе падетъ на принца его дома.

2. Германія при Сигизмундѣ до созванія констанцскаго собора.

Въ маѣ 1410 г. умеръ Рупрехтъ, и курфирстъ майнцскій, не обращая вниманія на Венцеслава, созвалъ во Франкфуртъ избирательное собраніе. Основываясь на обѣщаніи Венцеслава, два принца изъ фамиліи Карла IV, племянникъ Карла IV, маркграфъ моравскій, Іодокъ или Іобстъ, и братъ Венцеслава, Сигизмундъ, считали себя въ правѣ домогаться императорскаго престола. Сигизмундъ, вмѣстѣ съ курфирстами пфальцскимъ и трирскимъ, поддерживалъ папу Григорія XII, потому Майнцъ и Кёльнъ объявили себя за Іодока, державшаго, какъ и они, сторону пизанскаго собора и папы Іоанна XXIII. Оба пре-

тендента изъявляли притязанія на голосъ за бранденбургскую мархію, принадлежавшую Сигизмунду, но заложенную маркграфу моравскому. Предполагалось, что Венцеславъ сохранитъ императорскій титулъ и, какъ уже не разъ бывало прежде, будетъ избранъ только римскій король, назначавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ его преемникомъ. Венцеславъ снова выказалъ нерѣшительность, и когда курфирстъ кёльнскій Фридрихъ назначилъ предварительное совѣщаніе въ Рензе, объявилъ, что не нужно избирать новаго короля. На его слова не обратили никакого вниманія; большинство князей обѣихъ партій не хотѣло и слышать о Венцеславѣ. Кромѣ этихъ политическихъ соображеній, тремя духовными курфирстами руководили при предстоявшихъ выборахъ и духовные интересы: архіепископы майнцскій и кёльнскій, какъ и Венцеславъ, поддерживали пизанскаго папу, Вернеръ Трирскій — Григорія. Архіепископы склонили на свою сторону герцога бергскаго, герцога баварскаго Стефана, маркграфа мейссенскаго и ландграфа тюрингскаго; въ пользу стараго Вернера Трирскаго энергически дѣйствовали сынъ императора Рупрехта, курфирстъ пфальцскій Людовикъ, и его другъ, бургграфъ нюрнбергскій, Фридрихъ фонъ Гогенцоллернъ. Фридрихъ оказалъ Сигизмунду на выборахъ громадныя услуги и заплатилъ за него долги. За все это онъ получилъ впослѣдствіи бранденбургскую мархію, сначала въ залогъ, а потомъ въ собственность, и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ новой линіи курфирстовъ бранденбургскихъ. Чтобы убѣдить Сигизмунда принять условія, на которыхъ Пфальцъ и Триръ соглашались дать ему свои голоса, бургграфъ нюрнбергскій поѣхалъ къ нему въ Офенъ. Пфальцъ и Триръ настаивали въ особенности на томъ, чтобы Сигизмундъ, какъ римскій король, возстановилъ единство церкви и, въ случаѣ необходимости, пересталъ поддерживать Григорія, сторону котораго держали прежде сами курфирсты. Сигизмундъ согласился на предложенныя условія и подтвердилъ свое обѣщаніе въ письмахъ, отправленныхъ 5-го августа къ обоимъ курфирстамъ.

1-го сентября рейнскіе курфирсты прибыли во Франкфуртъ. Людовикъ Пфальцскій хотѣлъ вступить въ городъ съ 300 всадниковъ, но его не впустили съ такой многочисленной свитой: золотая булла дозволяла курфирстамъ являться не болѣе, какъ съ 200 человѣкъ. Бургграфъ Фридрихъ прибылъ съ 200 всадниковъ и усилилъ ими пфальцъ-трирскую партію въ случаѣ, еслибы дѣло дошло до драки. Онъ претендовалъ на роль уполномоченнаго курфирста бранденбургскаго, но городъ не согласился признать за нимъ эти права, потому что поддерживаемый рейнскими курфирстами Іодокъ оспаривалъ у него право голоса за Бранденбургъ. Фридрихъ былъ впущенъ только какъ посолъ венгерскаго короля, его всадники—какъ сопровождавшій его конвой, а не свита, на которую имѣли право курфирсты. Не смотря на это, 20 сентября 1410 г. Фридрихъ явился передъ городскимъ соборомъ какъ уполномоченный Сигизмунда, участвовавшаго прежде на выборахъ въ качествѣ курфирста бранденбургскаго, чтобы вмѣстѣ съ курфирстами пфальцскимъ и трирскимъ приступить къ избранію императора. Архіепископъ майнцскій запретилъ отпирать церковь; тогда три курфирста отправились на кладбище, находящееся за соборомъ, и тамъ избрали императоромъ Сигизмунда. Майнцъ и Кёльнъ протестовали и готовились приступить къ новому избранію. Они убѣдили Венцеслава подать голосъ Богеміи за ихъ кандидата, признали Іодока курфирстомъ бранденбургскимъ и утверждали, что Рудольфъ Саксонскій, братъ и предшественникъ Альберта III, послѣдняго курфирста ангальтской линіи, прислалъ полномочіе въ пользу маркграфа Іодока. Избравъ, 1 октября, Іодока римскимъ королемъ, они имѣли на своей сторонѣ то преимущество, что ихъ кандидатъ былъ избранъ пятью курфирстами и въ установленномъ закономъ мѣстѣ, т. е. въ соборѣ.

Ни Іодокъ, ни Сигизмундъ не выказывали особаго нетерпѣнія принять переданный имъ титулъ; прошло три мѣсяца, прежде чѣмъ Сигизмундъ объявилъ въ посланіи о своемъ согласіи принять престолъ (11 января 1411 г.). Въ это время объ интересахъ его въ Германіи заботились избравшіе его курфирсты, бургграфы нюрнбергскіе Фридрихъ и Іоаннъ и Эбергардъ Виртембергскій. Іодокъ собралъ войско, но до войны не дошло, потому что въ январѣ 1411 г. его уже не было въ живыхъ. Смерть его послѣдовала такъ внезапно, что ее приписывали отравленію, и по варварскому уголовному судопроизводству того времени за нее

долженъ былъ пострадать невинный. Подозрѣваемаго человѣка пытали до тѣхъ поръ, пока онъ не сказалъ того, чего отъ него требовали, и, вынудивъ у него показанія, четвертовали въ Бёмишбродѣ по приговору богемскаго бургграфа и и членовъ сейма. По смерти Іодока бургграфъ Фридрихъ, тотчасъ же поспѣшившій къ Сигизмунду въ Офенъ, завязалъ переговоры съ Венцеславомъ и главой противной партіи, архіепископомъ майнцскимъ. Стараго императора онъ скоро склонилъ на свою сторону и 9 іюля послѣдовало примиреніе между Венцеславомъ и Сигизмундомъ: Сигизмундъ отказался поддерживать Григорія и обѣщалъ брату, что добьется отъ папы признанія за нимъ титула римскаго императора, а Венцеславъ соглашался на избраніе Сигизмунда королемъ. Черезъ Венцеслава Сигизмундъ получилъ саксонскій голосъ, а стараніями бургграфа Фридриха примирился съ Кёльномъ и Майнцомъ. Но тогда явились препятствія со стороны его приверженцевъ курфирстовъ трирскаго и пфальцскаго, упорно настаивавшихъ на своемъ первомъ избраніи, признаннымъ недѣйствительнымъ самимъ Сигизмундомъ. Они протестовали даже и тогда, когда курфирсты собрались во франкфуртскомъ соборѣ (17 іюля), чтобы приступить къ новому избранію, и къ большому неудовольствію народа собраніе разошлось 24 іюля, не постановивъ ничего. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, послѣдовало соглашеніе: Сигизмундъ былъ вторично избранъ римскимъ королемъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ новый король, постоянно разъѣзжавшій и вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, явился въ Германію, хотя о своемъ избраніи онъ узналъ еще въ августѣ и тогда же обѣщалъ короноваться осенью въ Ахенѣ. Это заставляетъ насъ еще болѣе удивляться его согласію принять корону на тяжелыхъ условіяхъ, постановленныхъ между бургграфомъ Фридрихомъ и архіепископомъ майнцскимъ, Іоанномъ. За Іоанномъ были утверждены всѣ его законныя и незаконныя права относительно чекана монеты, содержанія вооруженной свиты и сбора пошлинъ, а его духовенству сохранены всѣ привилегіи или вѣрнѣе права на злоупотребленія. Кромѣ того, Сигизмундъ поклялся обратиться за утвержденіемъ своего избранія только къ папѣ Іоанну XXIII, оказывать особенное покровительство архіепископству майнцскому, оставить за архіепископомъ право свѣтскаго и духовнаго суда, не установлять никакихъ новыхъ пошлинъ и налоговъ, невыгодныхъ для него, обязался не назначать безъ его согласія ни одного викарія, и въ ущербъ государству подтвердить за друзьями Іоанна, названными въ договорѣ, права, которыя были предоставлены самому архіепископу.

Во время переговоровъ бургграфъ Фридрихъ истратилъ столько денегъ, что Сигизмундъ, черезъ шесть мѣсяцевъ по смерти Іодока, отдалъ ему въ залогъ бранденбургскую мархію. Это было счастьемъ для бѣдныхъ бранденбургцевъ. Положеніе Бранденбурга походило на положеніе нынѣшняго Курдистана, съ тѣхъ поръ какъ пресѣкся ея старинный домъ и страна перешла во владѣніе Карла IV. Рыцари и владѣтели Бранденбурга были разбойники и тираны, нападавшіе на горожанъ и принуждавшіе крестьянъ подчиняться ихъ такъ называемой патримоніальной (вотчинной) власти. Зная, что у венгерскаго короля и безъ того много дѣла, чтобы еще заниматься мархіей, они были очень довольны, когда, по смерти Іодока, Бранденбургъ снова перешелъ къ Сигизмунду; они торжественно присягнули ему и отправили пословъ звать его въ Берлинъ, въ полной увѣренности, что онъ никогда не пріѣдетъ. Намѣстникомъ Бранденбурга Сигизмундъ назначилъ Каспара Ганса, путтлицкаго дворянина, не имѣвшаго въ странѣ никакого значенія. Такимъ образомъ никто не потерялъ, когда въ 1411 г. Бранденбургъ былъ отданъ бургграфу Фридриху. 8-го іюля бургграфъ получилъ грамату на бранденбургскую мархію со всѣми правами и доходами, принадлежавшими Сигизмунду, какъ *законный глава, всеобщій намѣстникъ и военачальникъ*, до тѣхъ поръ, пока ему или его наслѣдникамъ не будетъ возвращены 100 тысячъ гульденовъ, должныхъ ему Сигизмундомъ. 15 декабря Венцеславъ утвердилъ за Фридрихомъ эти права. Сигизмундъ сохранилъ только званіе курфирста бранденбургскаго, также перешедшее къ Фридриху въ 1417 г.

Венгры, польщенные избраніемъ въ римскіе короли Сигизмунда, сдѣлавшагося ихъ королемъ черезъ свою первую жену, постановили на сеймѣ 1-го октября, что если онъ не оставитъ мужескаго потомства, венгерскій престолъ перейдетъ къ его дочери Елисаветѣ. Этимъ постановленіемъ Сигизмундъ воспользовался, чтобы

соединить свой домъ съ австрійскими князьями. Габсбургскія владѣнія были раздѣлены тогда между тремя государями. Тироль и владѣнія въ Швейцаріи и Швабіи находились подъ властью Фридриха, впослѣдствіи названнаго «Пустымъ Карманомъ»; Штиріей, Каринтіей, Крайной, Истріей, Тріестомъ и Портенау владѣлъ его братъ Эрнстъ Желѣзный; Австрія принадлежала ихъ двоюродному брату, малолѣтнему Альбрехту V. Опеку надъ Альбрехтомъ приняли двоюродные братья, грабившіе его и притѣснявшіе страну до тѣхъ поръ, пока посредникомъ между ними и земскими сословіями не явился Сигизмундъ, причемъ венгерскій король заключилъ съ австрійскими князьями договоръ относительно наслѣдованія Богеміею. Вслѣдъ затѣмъ Эрнстъ и Фридрихъ снова поссорились съ австрійскимъ сеймомъ. Они хотѣли удержать опеку надъ малолѣтнимъ Альбрехтомъ до достиженія имъ 16-лѣтняго возраста; но рыцарство взялось за оружіе, опасаясь, что опекуны въ конецъ разорятъ страну и подданныхъ. По свидѣтельству одного историка того времени убытки, нанесенные одной Вѣнѣ, простирались до 600 тысячъ дукатовъ. 14 сентября 1411 г. венгерскому королю, снова призванному въ Австрію, удалось прекратить раздоръ. Сигизмундъ, въ то время уже бывшій римскимъ королемъ, объявилъ молодаго Альбрехта совершеннолѣтнимъ и помолвилъ его съ своей дочерью, двухлѣтней Елисаветой. Старшіе герцоги, въ особенности желѣзный, хищный Эрнстъ, остались недовольны третейскимъ приговоромъ Сигизмунда. Такой же исходъ имѣла попытка Сигизмунда рѣшить и другой споръ. Польскій король Владиславъ явился въ Офенъ, чтобы просить венгерскаго короля быть посредникомъ между нимъ и враждебнымъ ему тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи. Сигизмундъ рѣшилъ этотъ споръ, но его рѣшеніемъ не была довольна ни одна изъ сторонъ.

Новый германскій король, нѣсколько разъ обѣщавшій короноваться въ Ахенѣ, и въ 1412 г. не могъ пріѣхать въ Германію, не имѣя денегъ для путешествія и не видя возможности отдѣлаться отъ окружавшихъ его враговъ. Тевтонскій орденъ и поляки были недовольны имъ, турки угрожали ему на Дунаѣ и Савѣ, а съ Босніей, Далмаціей и даже Венеціей, соединившейся съ Эрнстомъ Желѣзнымъ, онъ велъ войну; наконецъ, Сигизмундъ былъ несчастливъ и въ семейной жизни. По смерти Маріи, доставившей ему венгерское королевство, Сигизмундъ женился на злой Варварѣ Циллей, отравившей мужу жизнь и по смерти его разорявшей съ своими нѣмцами Венгрію, опустошаемую съ другой стороны турками. Событія двухлѣтней войны (1412 и 1413 г.) съ Венеціей имѣютъ значеніе для всемірной исторіи только потому, что они помѣшали Сигизмунду отправиться въ Германію. Въ теченіе всего этого времени онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто по южной границѣ своей монархіи. По заключеніи съ венеціанцами перемирія на пять лѣтъ (апрѣль 1413 г.), Сигизмундъ, вмѣсто того чтобы заняться дѣлами Германіи или хоть Венгріи, сталъ искать новыхъ приключеній въ Тиролѣ, Швейцаріи и верхней Италіи. Во время этихъ рыцарскихъ похожденій, такъ же, какъ на торжествахъ и пирахъ, онъ старался превзойти мотовствомъ Фридриха Австрійскаго, прозваніе котораго «герцогъ съ пустымъ карманомъ» очень шло и къ Сигизмунду. Оба они позволяли себѣ грубости и дерзости, какія теперь дѣлаютъ молодые дворянчики въ университетахъ и англійскіе аристократы, считающіе это аристократической привилегіей, а потомъ каждый сваливалъ вину на другаго. Только по случаю Сигизмунду, блуждавшему по Тиролю, Граубиндену, Швейцаріи и на границахъ Ломбардіи, удалось въ 1413 году доказать нѣмецкимъ архіепископамъ, что онъ не шутилъ, обѣщаясь возстановить единство церковнаго управленія. Папѣ Іоанну XXIII удалось въ іюлѣ 1412 г. склонить на свою сторону Владислава Неаполитанскаго, до тѣхъ поръ приверженца Григорія XII; но по прошествіи десяти мѣсяцевъ (май 1413 г.) Владиславъ вздумалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Церковную область. Онъ отправилъ войско противъ Анконы и занялъ Римъ; Іоаннъ XXIII съ своими кардиналами бѣжалъ въ Сіену. Бѣгство папы совпало съ прибытіемъ въ Италію Сигизмунда, явившагося туда, чтобы предъявить герцогу Филиппу-Маріи Висконти свои права на Ломбардію, проданную Венцеславомъ дому Висконти (стр. 462), и этимъ зарекомендовать себя нѣмецкимъ князьямъ. Убѣдившись вскорѣ, что ему не справиться съ Филиппомъ Висконти, онъ вздумалъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ изгнаннаго папы, для того, чтобы созвать обѣщанный соборъ. Сигизмундъ отправился

въ Лоди, находившійся тогда подъ владычествомъ Іоанна де Виньяте, для переговоровъ съ тремя присланными папой кардиналами о мѣстѣ, гдѣ созвать соборъ. Папскіе послы не были большими поклонниками своего папы; между ними находился одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ того времени, Леонардъ Аретинъ или Леонардо изъ Ареццо, извѣстный своимъ древне-римскимъ стилемъ. Они не давали Іоанну XXIII покоя, пока онъ не уничтожилъ данныхъ имъ инструкцій настаивать на созваніи собора въ итальянскомъ городѣ, предоставивъ имъ условиться объ этомъ съ Сигизмундомъ. По совѣщаніи, мѣстомъ собора былъ назначенъ Констанцъ. Папа, очень недовольный такимъ выборомъ, утвердилъ однако то, что было постановлено его кардиналами, и въ концѣ ноября 1413 г. самъ поѣхалъ въ Лоди, для личныхъ переговоровъ съ Сигизмундомъ о предстоящемъ соборѣ. Затѣмъ папа съ императоромъ ѣздили вмѣстѣ въ Піаченцу и Кремону, и передъ тѣмъ, чтобы разстаться, издали нѣсколько эдиктовъ и буллъ, созывавшихъ 1 ноября 1413 г. соборъ въ Констанцъ. Послѣ того Іоаннъ XXIII отправился въ Болонью, а Сигизмундъ поѣхалъ въ Комо, гдѣ имѣлъ свиданіе съ герцогомъ Филиппомъ Висконти.

3. Споры гуситовъ въ Богеміи и констанцскій соборъ до смерти Іеронима.

Согласившись съ германскимъ королемъ относительно созванія собора, Іоаннъ XXIII надѣялся, что на констанцскій соборъ будутъ смотрѣть только какъ на продолженіе пизанскаго и слѣдовательно считать его настоящимъ папою. Но не такъ думали Сигизмундъ и прелаты, въ особенности же Петръ д'Алльи и Жерсонъ (стр. 466), давно требовавшіе реформы въ церковной дисциплинѣ, хотя и стоявшіе за сохраненіе старыхъ принциповъ. Они настаивали на томъ, что соборъ выше папы, хотѣли вынудить отреченіе у всѣхъ трехъ папъ, и потому требовали, чтобы Григорій XII и Бенедиктъ XIII также пріѣхали въ Констанцъ. Папы, по весьма понятнымъ причинамъ, не явились на ихъ приглашеніе. Съ ихъ противникомъ Іоанномъ, — безпутная жизнь котораго не только оскорбляла всѣхъ набожныхъ людей, но возстановила противъ него даже Сигизмунда, — дѣло уже было порѣшено. Между прочимъ, вотъ что разсказываетъ Леонардъ Аретинъ о свиданіи папы съ Сигизмундомъ въ Лоди. Папа, любившій, такъ же, какъ и король, блескъ и пышность, сидѣлъ однажды на великолѣпномъ тронѣ, облеченный во всѣ знаки папскаго достоинства, а Сигизмундъ, почтительно стоявшій подлѣ него въ облаченіи дьякона, чѣмъ онъ былъ по извѣстному праву германскаго императора (стр. 345), громко давалъ ему дерзкое наставленіе. Онъ говорилъ папѣ, бывшему еще въ званіи кардинала, обращикомъ разврата духовенства, что серьезно и убѣдительно проситъ его прекратить отвратительный и безпутный образъ жизни. Это безцеремонное увѣщаніе звучитъ на нѣмецкомъ языкѣ присутствовавшаго при свиданіи Эбергарда фонъ Виндека (стр. 306), слогъ котораго жестокъ и грубъ даже для того времени, несравненно лучше, чѣмъ на классическомъ латинскомъ языкѣ Леонарда Аретина.

Новый римскій король не выказывалъ особаго нетерпѣнія явиться въ Германію; съ своей стороны и нѣмецкіе князья, по пріѣздѣ Сигизмунда на Рейнъ, не спѣшили встрѣтить его съ подобающими почестями. И онъ и они дѣйствовали вслѣдствіе одинакихъ причинъ. У императора не было денегъ, чтобы съ блескомъ явиться въ Германію, а князья знали, что имъ нечѣмъ поживиться отъ него. Въ концѣ февраля 1414 г. Сигизмундъ, уже полтора года шатавшійся безъ цѣли по свѣту, выѣхалъ изъ Піаченцы, проѣхалъ черезъ Геную, Салюццо, Піемонтъ, Савоію, и оттуда, сопровождаемый маркграфомъ монферратскимъ Теобальдомъ, отправился со свитой въ 800 человѣкъ черезъ Фрейбургъ въ Бернъ, куда прибылъ въ первыхъ числахъ іюля. Въ Бернѣ онъ не хотѣлъ употреблять городскаго серебрянаго сервиза, а пилъ вино изъ стекла, говоря, что въ его свитѣ много чеховъ, привыкшихъ къ воровству. Изъ Берна, гдѣ Сигизмундъ оставался не долго, онъ поѣхалъ въ Базель, чтобы Рейномъ спуститься въ Ахенъ для коронованія. Имперія никогда такъ не нуждалась въ энергическомъ прави-

телѣ, какъ по пріѣздѣ Сигизмунда въ Германію. Одни епископы владѣли еще въ нѣкоторой степени значительными областями, хотя и въ ихъ владѣніяхъ не рѣдко власть принадлежала не епископу, а дворянству, избиравшему его изъ своей среды; всѣ же свѣтскія княжества представлялись до того раздробленными, что многіе изъ рыцарей были гораздо сильнѣе князей. Бранденбургомъ владѣла новая династія; основатель ея нѣсколько лѣтъ долженъ былъ бороться съ разбойниками-рыцарями Альтмарка (Старой маркіи) и пригницкой маркіи, и до 1417 г. былъ тамъ только представителемъ Сигизмунда. Австрія была раздѣлена между тремя владѣтелями. Верхняя и нижняя Баварія находились каждая подъ властью нѣсколькихъ герцоговъ. Даже Пфальцомъ, гдѣ уже въ 1395 г. въ первый разъ былъ обнародованъ законъ, признававшій нераздѣльность страны, управлялъ курфирстъ Людовикъ не только за себя, но и за братьевъ, дѣтей императора Рупрехта, получившихъ въ наслѣдство отдѣльныя владѣнія.

Сигизмундъ прибылъ въ Германію снова, находясь въ ссорѣ съ Венцеславомъ и въ враждебныхъ отношеніяхъ съ большинствомъ князей. Венцеславъ, не смотря на примиреніе съ братомъ, продолжалъ разыгрывать роль императора, т. е. издавалъ приговоры, рѣшенія, привилегіи и т. п., а Сигизмунда пересталъ даже называть римскимъ королемъ. Изъ князей заодно съ Венцеславомъ дѣйствовали Рудольфъ Саксонскій, герцоги брабантскій и лотарингскій, Эрнстъ Каринтійскій и Крайнскій и Стефанъ Баварскій. Непримиримый врагъ Венцеслава, курфирстъ майнцскій Іоаннъ также былъ противникомъ Сигизмунда. Чѣмъ ниже по Рейну спускался римскій король, останавливавшійся и пировавшій вездѣ, гдѣ его угощали, тѣмъ недовольнѣе становился онъ нѣмцами, а они имъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ требовалъ огромныя суммы за подтвержденіе старыхъ и дарованіе новыхъ привилегій и различныхъ граматъ; нѣмцы торговались и давали немного. По прибытіи въ Майнцъ, Сигизмундъ не нашелъ въ немъ курфирста Іоанна, а въ Кобленцѣ четыре недѣли (съ 12 августа) ждалъ князей. Потерявъ тогда всякое терпѣніе. Сигизмундъ, вмѣсто того чтобы продолжать путешествіе въ Ахенъ, поворотилъ назадъ и, казалось, хотѣлъ вернуться въ Венгрію некоронованнымъ. На обратномъ пути онъ очень медлилъ, пируя въ городахъ, гдѣ его радушно принимали и, по старинному обычаю, заботились о немъ и его свитѣ. 23 сентября Сигизмундъ добрался, наконецъ, до Нюрнберга. Здѣсь къ нему явились всѣ франконскіе князья и множество свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей. Другъ короля бургграфъ Фридрихъ старался убѣдить ихъ въ необходимости удержать Сигизмунда, говоря, что въ противномъ случаѣ не соберется соборъ, который одинъ можетъ прекратить неурядицу въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Убѣжденія его подѣйствовали: князья согласились присутствовать при коронованіи Сигизмунда, воротившагося на Рейнъ по примиреніи съ курфирстомъ Іоанномъ. Дорогой Сигизмундъ вездѣ выжималъ деньги у евреевъ и городовъ. Мало-по-малу около него собралось порядочное число князей: даже Іоаннъ Майнцскій явился въ Кобленцъ, впрочемъ онъ не сопровождалъ римскаго короля въ Ахенъ. Коронованіе Сигизмунда и его злой супруги Варвары было совершено 8 ноября 1414 г. вновь назначеннымъ и еще не посвященнымъ архіепископомъ кёльнскимъ, курфирстомъ Дитрихомъ. При торжествѣ присутствовали семь епископовъ и всѣ болѣе значительные имперскіе князья, кромѣ баварскихъ герцоговъ, чешскаго короля Венцеслава и архіепископа майнцскаго Іоанна.

Наконецъ вопросъ о соборѣ былъ серьезно поставленъ, и даже папа Іоаннъ XXIII настоятельно просилъ германскаго короля поспѣшить пріѣздомъ въ Констанцъ. Соборъ былъ открытъ въ то время, какъ Сигизмундъ короновался въ Ахенѣ, и началъ свою дѣятельность совѣщаніями о христіанской общинѣ, основанной Іоанномъ Гусомъ въ Богеміи. Новѣйшій историкъ Богеміи, Палацкій, совершенно справедливо объясняетъ возникновеніе гуситскихъ волненій (стр. 476) отвращеніемъ регулированныхъ монашескихъ орденовъ и бѣлаго духовенства къ нищенствующимъ орденамъ, завладѣвшимъ преподаваніемъ и наукою. Нищенствующіе ордена или доминиканцы и францисканцы сдѣлались съ 1218 г. тѣмъ же, чѣмъ въ наше время были іезуиты, т. е. опорой и безусловными приверженцами папы и церковнаго ученія, защищавшаго всѣ злоупотребленія римскихъ епископовъ. Чѣмъ вреднѣе становились злоупотребленія римской церкви, чѣмъ съ большимъ пренебреженіемъ относились папы къ общественному мнѣнію, тѣмъ силь-

нѣе разгорался споръ съ нищенствующими орденами, и тѣмъ многочисленнѣе становились противники ихъ церковной системы. Еще до Гуса являлись въ Богеміи люди, возстававшіе противъ нищенствующихъ орденовъ и проповѣдываемаго ими церковнаго ученія; между ними особенно прославился Конрадъ Вальдгаузеръ или, какъ его также называютъ, Конрадъ изъ Штекны. Впрочемъ, его совершенно ошибочно считаютъ иногда предшественникомъ Гуса: Конрадъ Вальдгаузеръ былъ австріецъ, а не чехъ, и свои проповѣди о покаяніи говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ только для пражскихъ нѣмцевъ. Вслѣдствіе необыкновеннаго стеченія народа ему часто приходилось (1360—1370 г.) проповѣдывать на площади. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ возставалъ противъ монашества, монаховъ и того рода христіанства, которому они учили; про него можно сказать, что онъ былъ проповѣдникомъ покаянія въ прямомъ значеніи этого слова. Что Конрадъ Вальдгаузеръ сдѣлалъ для пражскихъ нѣмцевъ, то для чеховъ сдѣлалъ Миличъ изъ Кремзира (Кромержига), проповѣдывавшій на ихъ родномъ языкѣ. Въ проповѣдяхъ Милича уже заключалась та примѣсь мистицизма, пророческой и апокалипсической темноты, которые въ теченіе XV вѣка встрѣчаются въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ самыхъ крайнихъ гуситскихъ мечтателей. Нѣсколько разъ преслѣдуемый, Миличъ находилъ защиту не только у Карла IV, но даже у кардиналовъ, когда отправился въ Авиньонъ, чтобы очиститься отъ двѣнадцати обвиненій въ ереси, взводимыхъ на него въ одной папской буллѣ. Извѣстнѣе Милича настоящій предшественникъ Іоанна Гуса, Матвѣй изъ Янова, сынъ рыцаря Венцеслава изъ Янова, соединявшій научное образованіе съ краснорѣчіемъ и проповѣдывавшій на національномъ языкѣ христіанское ученіе, очищенное отъ римскаго духовенства и монаховъ. Онъ учился въ новомъ университетѣ, основанномъ Карломъ IV, былъ постояннымъ слушателемъ Милича и впослѣдствіи провелъ шесть мѣсяцевъ въ Парижѣ. Въ октябрѣ 1381 г. Матвѣй былъ назначенъ каноникомъ и духовникомъ въ пражскомъ соборѣ; онъ умеръ въ 1394 г. Никогда не стремясь на каѳедру, этотъ человѣкъ дѣйствовалъ посредствомъ науки и книгъ въ томъ же духѣ, какъ Миличъ популярными проповѣдями; главное его сочиненіе объ истинномъ смыслѣ ветхаго и новаго завѣта составляетъ теперь большую рѣдкость въ Богеміи. По словамъ Палацкаго, видѣвшаго это никогда вполнѣ не печатавшееся сочиненіе, онъ остроумно и смѣло разоблачаетъ недостатки церкви, однако безъ намѣренія лишить всякаго значенія ея преданія и іерархію. Матвѣй изъ Янова имѣлъ свои особенныя понятія о пользѣ частаго причащенія и, такъ же, какъ Миличъ, совѣтывалъ мірянамъ пріобщаться ежедневно. За это ученіе его преслѣдовало духовенство, не дозволявшее прихожанамъ пріобщаться чаще одного раза въ мѣсяцъ. Впрочемъ, ученіе о необходимости ежедневнаго причащенія ему дозволено было распространять; но онъ долженъ былъ публично отказаться отъ того, что говорилъ противъ поклоненія и молитвъ святымъ. Только черезъ двадцать лѣтъ Прага увидѣла плоды проповѣдей Милича и сочиненій Матвѣя изъ Янова, хотя и было нѣсколько людей, возставшихъ по ихъ слѣдамъ на злоупотребленія церкви.

Пражскій университетъ соперничалъ тогда съ Парижемъ, Кёльномъ и Гейдельбергомъ; его юридическій факультетъ отдѣлился отъ прочихъ и образовалъ почти отдѣльный университетъ. Въ началѣ XV столѣтія число учившихся въ немъ возрасло до невѣроятныхъ размѣровъ. Мы указываемъ на это число не потому, что оно такъ передано намъ. Пельцель и Палацкій приводятъ свидѣтельства современныхъ писателей, утверждающихъ, что въ 1408 г. въ Прагѣ было тридцать тысячъ студентовъ и двѣсти докторовъ, членовъ университета. Университетъ составлялъ родъ республики, а граждане его раздѣлялись, по происхожденію, на четыре корпораціи: чешскую, баварскую, саксонскую и польскую. Сочиненія того времени на чешскомъ языкѣ, — отчасти совершенно забытыя, какъ, напримѣръ, сочиненія Ѳомы Штитнаго, и въ наше время снова сдѣлавшіяся извѣстными, благодаря трудамъ чешскихъ ученыхъ, — очевидно доказываютъ, что и передъ гуситской войной для чешскаго народнаго языка и народнаго образованія было сдѣлано больше, чѣмъ въ Германіи для ея національнаго развитія.

Всякій, имѣвшій какую нибудь степень, могъ свободно преподавать въ пражскомъ университетѣ. Молодымъ доцентамъ не только дозволялось читать записки знаменитыхъ учителей Праги, Парижа и Оксфорда, но извѣстному классу ихъ,

баккалаврамъ, это было даже предписано. Припомнивъ теперь то, что мы сказали о Миличѣ и Матвѣѣ изъ Янова, легко понять, что сочиненія англійскаго реформатора Уиклефа въ концѣ XIV столѣтія такъ же сильно возбуждали общественное вниманіе въ Прагѣ, какъ и въ Англіи. Кромѣ Ѳомы Штитнаго, называютъ еще Микулаша изъ Литомышля и Станислава изъ Знойма, чешскихъ ученыхъ, изучавшихъ еще въ XIV столѣтіи сочиненія Уиклефа. Друзья Гуса, Христіанъ Прахатицкій, пользовавшійся извѣстностью какъ астрономъ и только благодаря этому спасшійся изъ рукъ собравшихся въ Констанцѣ іерарховъ, и Стефанъ Палечъ не занимались спеціально, какъ Гусъ и Іеронимъ, сочиненіями и ученіемъ Уиклефа. Они были старше Гуса и Іеронима, но дожили до того времени, когда ученики этихъ ученыхъ подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ. Іоаннъ Гусъ вступилъ около 1398 г. преподавателемъ въ пражскій университетъ, и въ слѣдующемъ же году защищалъ въ публичной диссертаціи ученіе, заимствованное имъ изъ сочиненій Уиклефа. Не смотря на это, въ 1401 г. онъ былъ назначенъ, какъ деканъ философскаго факультета, священникомъ и проповѣдникомъ Виѳлеемской церкви (стр. 457), а въ 1403 г. ректоромъ университета. Еще въ юности Гусъ былъ знакомъ съ Іеронимомъ Пражскимъ, котораго, вслѣдствіе одного дурно понятаго мѣста Энея Сильвія, часто смѣшиваютъ съ Николаемъ Фаульфишемъ, совершенно другой личностью. Іеронимъ много путешествовалъ; Гусъ, напротивъ, до самыхъ послѣднихъ дней не оставлялъ отечества. Еще студентомъ Іеронимъ отправился въ Оксфордъ и, возвратившись въ Богемію, привезъ съ собой нѣсколько сочиненій Уиклефа, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ въ Прагѣ, гдѣ въ 1398 г. получилъ дозволеніе читать ихъ. Впослѣдствіи онъ ѣздилъ въ Кёльнъ, Гейдельбергъ, Парижъ и даже на Востокъ, въ Іерусалимъ (1403 г.). Принадлежа къ низшему чешскому рыцарству, Іеронимъ являлся при различныхъ дворахъ и между рыцарствомъ; впрочемъ, новѣйшій историкъ Богеміи, Палацкій, доказалъ, что во время этихъ поѣздокъ его вездѣ принимали очень сухо за его пристрастіе къ Уиклефу. Гусъ также еще въ 1403 г. вступилъ въ публичное состязаніе за ученіе Уиклефа, защищая его вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Станиславомъ изъ Знойма отъ пражскихъ канониковъ, нападавшихъ на 45 положеній, заимствованныхъ по ихъ словамъ изъ книгъ англійскаго реформатора. Гусъ не защищалъ самыя положенія, а только доказывалъ, что они не заключаются въ сочиненіяхъ Уиклефа; за защиту самыхъ положеній взялся Станиславъ изъ Знойма. Большинство докторовъ (магистровъ) не убѣдилось доказательствами Станислава и объявило, что преподаватели университета должны обязаться не развивать ни публично, ни тайно сорока пяти положеній, бывшихъ предметомъ спора. Послѣ этого диспута имя Гуса, какъ ученаго преподавателя университета и знаменитаго проповѣдника, упоминается не разъ при различныхъ событіяхъ и обстоятельствахъ. Это совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Венцеславъ, освободившись изъ плѣна (стр. 576), сталъ жестокостями возстановлять въ Богеміи спокойствіе, порядокъ и повиновеніе (1404—1407 г.). Григорію XII, признававшему императоромъ соперника Венцеслава, Рупрехта, чешскій король старался отмстить покровительствомъ пражскимъ реформаторамъ. Не смотря на запрещеніе излагать ученіе Уиклефа, число его послѣдователей такъ увеличилось, что, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ упомянутаго нами диспута, было назначено слѣдствіе надъ защитниками ученія Уиклефа о причащеніи. Во главѣ реформаторовъ стоялъ Гусъ. Очерчивая этого человѣка по его сочиненіямъ на чешскомъ языкѣ, Палацкій говоритъ, что изъ многихъ мѣстъ этихъ, еще не напечатанныхъ, сочиненій, въ которыхъ личность Гуса выступаетъ гораздо ярче, чѣмъ въ его сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ, можно заключить, что онъ еще смолоду готовился къ мученичеству. Въ городѣ его любили; тихая, набожная королева Софія выбрала его своимъ духовникомъ, и самъ грубый Венцеславъ бесѣдовалъ иногда съ нимъ. Даже архіепископъ пражскій, Збынекъ изъ Газенбурка, былъ друженъ съ Гусомъ; этотъ духовный князь, годившійся въ предводители разбойниковъ-рыцарей, а не въ высшіе духовные пастыри, подчиняясь вліянію Гуса, выказывалъ въ началѣ XV столѣтія гораздо болѣе разсудительности относительно мнимыхъ чудесъ, чѣмъ епископъ трирскій Арнольди въ XIX вѣкѣ. Гусъ старался убѣдить Збынка, что странствованія пилигримовъ въ бранденбургскій городъ Вильснокъ, гдѣ будто бы находилась чудотворная кровь Христа, въ высшей степени компрометируютъ чи-

стое и истинное католическое ученіе. Архіепископъ назначилъ коммисію для изслѣдованія этихъ чудесъ и запретилъ лицамъ, принадлежавшихъ къ его епархіи, предпринимать эти странствованія. Дружба реформатора и духовнаго князя старой церкви, на злоупотребленія которой всѣ жаловались, длилась только до конца 1407 г. Въ слѣдующемъ году Венцеславъ, ставшій на сторону пизанскаго собора, окончательно разсорился съ Григоріемъ XII, а папа и его приверженцы обвинили чешскаго короля въ распространеніи ученія Уиклефа. Тогда Венцеславъ и архіепископъ постарались доказать, что они не покровительствуютъ сретикамъ, и начали преслѣдовать проповѣдниковъ, возставшихъ на злоупотребленія церкви. Въ первомъ слѣдствіи противъ Гуса баварскіе богословы университета особенно усердствовали въ проклинаніяхъ ученія Уиклефа. Около того же времени архіепископъ поссорился съ Гусомъ за то, что онъ не принималъ сторону ни одного изъ папъ. Сбинекъ даже запретилъ ему проповѣдывать, но это запрещеніе осталось безъ послѣдствій.

Обвиненію чеховъ въ расколѣ очень обрадовались пражскіе баварцы и саксонцы, давно враждовавшіе съ ними по другимъ вопросамъ. Университетъ, какъ мы уже говорили, распадался, по національностямъ, на четыре корпораціи; каждая изъ корпорацій имѣла одинъ голосъ въ рѣшеніи общихъ дѣлъ. Изъ этихъ четырехъ голосовъ нѣмцамъ принадлежали не только баварскій и саксонскій, но и польскій голоса, потому что со времени основанія краковскаго университета собственно поляковъ въ Прагѣ не было, а польскую національность представляли жители Помераніи, Пруссіи и нѣмецкой Силезіи. Такимъ образомъ на всѣхъ выборахъ большинство было постоянно въ пользу нѣмцевъ; чехи, не занимавшіе никакихъ должностей и не пользовавшіеся вліяніемъ въ университетѣ, сильно жаловались на это. Чешское дворянство, хотя и не принадлежавшее къ университету, вступилось за соотечественниковъ. Его поддерживали посолъ французскаго короля и депутатъ парижскаго университета, находившіеся въ то время въ Прагѣ; они убѣдили Венцеслава принять и относительно выборовъ систему парижскаго и итальянскихъ университетовъ, взятыхъ его отцомъ за образецъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ 1409 г. Венцеславъ приказалъ, чтобы впредь въ Прагѣ при всякой подачѣ голосовъ слѣдовали примѣру Парижа и итальянскихъ университетовъ, т. е. чтобы чехамъ принадлежали три голоса, а всѣмъ остальнымъ національностямъ вмѣстѣ—одинъ. Нѣмцы хотѣли удержать за собой должности и вліяніе на выборахъ, но были прогнаны силой (май 1409 г.). Это побудило ихъ оставить Прагу. Говорятъ, что въ одинъ день изъ города вышло болѣе 2,000 студентовъ и преподавателей. Отъ этого выселенія выиграли германскіе университеты, и въ томъ же году былъ открытъ новый университетъ въ Лейпцигѣ. Съ этихъ поръ реформаторскія идеи Гуса, Іеронима и другихъ, проповѣдываемыя на національномъ языкѣ изустно и въ книгахъ, безпрепятственно распространялись по Богеміи. Раздраженная противъ Гуса Германія кричала, что онъ, болѣе чѣмъ кто нибудь, непримиримый врагъ нѣмцевъ, послѣдователь ереси Уиклефа, потому что, будучи духовникомъ королевы, тотчасъ по выздоровленіи отъ опасной болѣзни, хвалилъ съ каѳедры не только самый законъ Венцеслава, но и способъ его выполненія. Гусъ дѣйствительно прославлялъ любовь короля къ народу и убѣждалъ своихъ слушателей не забывать Николая изъ Лобковицъ, оберъ-нотаріуса горныхъ дѣлъ въ Богеміи, который съ толпою вооруженныхъ людей помогъ чехамъ завладѣть университетскими должностями и архивомъ. Чешскій народъ съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывался къ реформатору, видя въ немъ защитника народныхъ правъ и національности отъ произвола короля и притѣсненій духовенства. Чешское духовенство еще въ 1409 г. обвиняло Гуса передъ духовнымъ судомъ: въ возбужденіи народа противъ духовенства, чеховъ противъ нѣмцевъ, въ проповѣдываніи презрѣнія къ церкви и принадлежащей ей власти наказывать, въ томъ, что онъ называлъ Римъ мѣстопребываніемъ антихриста, а всякаго духовнаго, берущаго деньги за причащеніе, еретикомъ, тогда какъ самъ не только публично хвалилъ еретика Уиклефа, но даже говорилъ, что желаетъ, чтобы его душа была когда нибудь тамъ, гдѣ душа Уиклефа. Сбинекъ велѣлъ начать процессъ Гуса; Гусъ жаловался на архіепископа Александру V, избранному въ то время папою пизанскимъ соборомъ. Папа вполнѣ одобрилъ дѣйствія архіепископа, уполномочивъ его преслѣдовать всѣми мѣрами и истреб-

лять послѣдователей Уиклефа и его ученія. Опираясь на свое вліяніе при дворѣ и зная, что члены знатнѣйшихъ чешскихъ фамилій принадлежатъ къ его ученію, Гусъ, не смотря на папскую буллу, взялъ подъ свою защиту Уиклефа и уиклефитовъ. Архіепископъ поручилъ тогда шести докторамъ изслѣдовать книги Уиклефа. Доктора объявили, что всѣ его книги содержатъ открытую ересь, и лицамъ, имѣвшимъ сочиненія Уиклефа, было предписано выдать ихъ. Двѣсти, частью очень дорогихъ и великолѣпно переплетенныхъ, книгъ, съ золотымъ обрѣзомъ, дѣйствительно были принесены; 16 іюня 1410 г. архіепископъ велѣлъ ихъ сжечь. Приказаніе его не было тотчасъ же исполнено, потому что университетъ протестовалъ, Венцеславъ требовалъ, чтобы дѣло было пріостановлено, а Гусъ съ семью другими докторами аппелировалъ къ Іоанну XXIII, избранному папой по смерти Александра V. Все это однако не остановило стараго архіепископа, и 16 іюля 1410 г. во дворѣ архіепископскаго дворца, въ присутствіи прелата и духовенства, произошло сожженіе книгъ, возвѣщенное городу звономъ колоколовъ. Это вызвало въ Прагѣ сильное волненіе. Король Венцеславъ приказалъ дѣйствовать военною силою противъ гражданъ и предводителей ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что проклятіе архіепископа остается безъ послѣдствій, а Збынку велѣлъ вознаградить собственниковъ сожженныхъ книгъ. Когда королевское повелѣніе не было исполнено, Венцеславъ приказалъ наложить запрещеніе на доходы архіепископа и лицъ, принимавшихъ участіе въ сожженіи книгъ и отлученіи отъ церкви. Венцеславъ кромѣ того обратился къ Іоанну XXIII, рѣшившему дѣло въ пользу архіепископа, не смотря на то, что и болонскій университетъ высказался противъ сожженія сочиненій Уиклефа. Папа поручилъ произвести слѣдствіе кардиналу Оттону Колоннѣ, избранному черезъ нѣсколько лѣтъ его преемникомъ, подъ именемъ Мартина V. Колонна отлучилъ Гуса отъ церкви, и впослѣдствіи, какъ папа, преслѣдовалъ человѣка, котораго проклялъ, будучи еще кардиналомъ. Гусъ былъ потребованъ въ Римъ, для оправданій по обвиненію въ ереси; но королева Софія не согласилась на поѣздку своего духовника, а Венцеславъ въ письмахъ и черезъ пословъ упрекалъ папу въ несправедливомъ обвиненіи чеховъ, что между ними такъ много еретиковъ. Іоаннъ взялъ процессъ Гуса изъ рукъ Колонны и передалъ его двумъ кардиналамъ. Такъ дѣло замолкло на полтора года. Предполагая, что отлученіе, произнесенное Колонной, сохраняетъ свою силу, архіепископъ сталъ дѣйствовать противъ пражцевъ въ этомъ духѣ. На Венцеслава онъ также злился за конфискацію доходовъ духовенства. Вслѣдствіе всего этого въ 1411 г. возникла въ Богеміи настоящая война между духовной и свѣтской властью. Кончилось тѣмъ, что архіепископъ отлучилъ отъ церкви всю Прагу. Венцеславъ вспомнилъ тогда свои прежніе варварскіе пріемы: онъ велѣлъ выгнать изъ города нѣсколькихъ духовныхъ и, явившись на соборъ, приказалъ каноникамъ выдать ему церковныя сокровища и отправилъ ихъ въ Карльштейнъ. Затѣмъ, король созвалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ земскій судъ изъ чешскихъ бароновъ, постановившій, что по свѣтскимъ дѣламъ никто не подлежитъ духовному суду. Скоро обнаружилось, — и это должны были бы понять нѣмцы, — что только способъ и образъ дѣйствій Венцеслава противъ духовенства могъ привести къ цѣли. Архіепископъ замолчалъ и не препятствовалъ богослуженію въ церквахъ, папа остановилъ приговоръ Гуса, а когда Сигизмундъ примирился съ братомъ, посредники, избранные для рѣшенія спора, прекратили процессъ Гуса и предписали архіепископу смириться передъ королемъ (іюль 1411 г.).

Осенью 1411 г. умеръ Збынекъ. При его преемникѣ архіепископѣ Альбикѣ изъ Уничова, споръ возобновился съ еще большею силою, чѣмъ прежде. На этотъ разъ Гуса побуждали вооружиться противъ папства тѣ же самыя причины, какія сто лѣтъ спустя вызвали Лютера на борьбу съ злоупотребленіями церкви. Іоаннъ XXIII, давно вездѣ ненавидимый и презираемый, велѣлъ съ позволенія Венцеслава и архіепископа проповѣдывать въ Прагѣ крестовый походъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ собрать себѣ денегъ съ набожныхъ людей: отпущеніе грѣховъ открыто продавалось на площади при барабанномъ боѣ и звукѣ трубъ. Гусъ публично говорилъ что такое отпущеніе грѣховъ наглый обманъ и ложь, и посредствомъ объявленій, прибитыхъ къ стѣпамъ, назначалъ по этому поводу публичное преніе. Преніе произошло 7 іюня 1412 г. въ большой каролинской залѣ при огромномъ стеченіи публики. Іеронимъ произнесъ страстную рѣчь, сту-

денты выразили свое сочувствіе церковному нововведенію и негодованіе противъ стараго порядка такими же демонстраціями, какія происходили въ наше время въ Вѣнѣ и Парижѣ по поводу политическихъ событій. Возбужденные Іеронимомъ и магистрами или приватъ-доцентами, они, въ сопровожденіи огромной толпы народа, устроили процессію и, пародируя сожженіе книгъ, сожгли подъ висѣлицей цѣлую кучу папскихъ буллъ. Подробное описаніе этихъ сценъ, сдѣланное однимъ студентомъ, сохранилось въ рукописи. Какъ прежде на духовныхъ, такъ теперь на реформаторовъ Венцеславъ натравилъ свою полицію, приказавъ за всякое нарушеніе или осмѣяніе церковнаго порядка предавать смертной казни. Однако отвѣтственности не подверглись ни Іеронимъ и Вальдшейнъ, устроившіе процессію, ни Гусъ, убѣждавшій магистратъ не приговаривать къ смертной казни трехъ студентовъ. Когда осужденные были казнены, Гусъ устроилъ имъ великолѣпныя похороны и въ честь ихъ сказалъ надгробную рѣчь въ Виѳлеемской церкви. Съ этой минуты возгорѣлась открытая вражда между его приверженцами, уже тогда называвшимися гуситами, и католиками или приверженцами церковныхъ традицій, и усилилась ненависть между нѣмцами и чехами. Опираясь только на библію, Гусъ и его друзья стали тогда открыто отвергать основанія господствующей церкви, священное преданіе, отцовъ церкви и соборы. Мы не станемъ отрицать, что вслѣдствіе всего этого въ церкви возникли такія же недоразумѣнія и замѣшательства, какъ въ новѣйшее время въ государствѣ вслѣдствіе провозглашенія «человѣческихъ правъ». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ обоихъ случаяхъ вся вина за послѣдовавшія несчастія падаетъ на тѣхъ людей, которые извлекали выгоды изъ существовавшихъ злоупотребленій и не хотѣли своевременно уничтожить ихъ. Этимъ они заставили народъ искать себѣ новыхъ вождей, но уже не въ привилегированныхъ сословіяхъ,—вождей, которые должны были перевернуть все и основать совершенно новый порядокъ вещей, чтобы не подвергнуться прежней тираніи, когда прекратится народное движеніе.

Въ іюнѣ Іоаннъ XXIII приговорилъ Гуса къ отлученію отъ церкви, а Венцеславъ позволилъ объявить это въ Прагѣ. Папскій приговоръ произвелъ (октябрь) страшное волненіе; нѣмецкія власти хотѣли преслѣдовать Гуса и разрушить его церковь, чехи вступились за него, и дѣло дошло до драки. Броженіе все возрастало, особенно послѣ того какъ архіепископъ Альбикъ, наскучивъ волненіями, уступилъ свое мѣсто фанатику нѣмцу изъ мрачныхъ мюнстерскихъ странъ, Конраду фонъ Фехта, а Гусъ былъ удаленъ изъ города. Попытки прекратить споры посредствомъ соборовъ и переговоровъ остались безуспѣшными. Венцеславъ, дѣйствовавшій по своему обыкновенію деспотически, сталъ опять преслѣдовать католиковъ и выгналъ четырехъ особенно вліятельныхъ профессоровъ этой партіи. Все это ни къ чему не повело: изгнаніе подѣйствовало на нихъ такъ же мало, какъ и на Гуса. Венцеславъ самъ усилилъ партію чешскаго реформатора, приказавъ, чтобы на будущее время члены высшей правительственной и судебной инстанціи города, пражскаго магистрата, состоявшаго до тѣхъ поръ почти изъ однихъ нѣмцевъ, избирались на половину изъ чеховъ. Изгнаніе предводителей реформаціи и католиковъ и варварское правосудіе Венцеслава возстановили на нѣкоторое время спокойствіе въ столицѣ Богеміи; но ученіе, проповѣдываемое Гусомъ и его учениками словомъ и книгами, сдѣлалось національной религіей чеховъ. Во время изгнанія Гусъ сдѣлалъ для чешскаго языка и литературы то же самое, что столѣтіе спустя Лютеръ для нѣмецкаго. Труды чешскаго реформатора въ этомъ отношеніи оставались долго неизвѣстными потомству (тогда еще не было изобрѣтено книгопечатаніе), и только въ новѣйшее время пробудившіяся національныя стремленія чеховъ заставили чешскихъ ученыхъ отыскать забытыя рукописи. Гусъ хотя и не переводилъ библію съ подлинника, какъ Лютеръ, но за то исправилъ переводъ, сдѣланный въ XIV столѣтіи съ вульгаты.

Съ 1413—1414 годъ Гусъ жилъ въ бехинскомъ округѣ и часто бывалъ въ Таборѣ, распространяя свое ученіе въ книгахъ (болѣе 15), написанныхъ на чешскомъ языкѣ, энергическимъ слогомъ; Іеронимъ разъѣзжалъ въ это время по Венгріи, Польшѣ и другимъ мѣстамъ. Наконецъ папа Іоаннъ XXIII и король Сигизмундъ созвали давно ожидаемый соборъ. Соборъ, на который въ самомъ началѣ явились итальянцы, нѣмцы, французы, англичане, и только подъ самый конецъ испанцы, собрался въ Констанцѣ (октябрь 1414 г.) и былъ открытъ 5

ноября. Предметами совѣщаній были возстановленіе единства церкви, преобразованія ея во главѣ и членахъ и прекращеніе спора о защищаемомъ Гусомъ ученіи Уиклефа, потрясавшемъ въ Богеміи государство и церковь. На необходимости церковной реформы особенно настаивали французскіе духовные. Для этой цѣли ректоръ парижскаго университета, Николай де Клеманжи, составилъ записку о жалкомъ состояніи церкви, а архіепископъ камбрейскій, кардиналъ Петръ д'Алльи, явившись въ Констанцъ 17 ноября, тотчасъ же съ горячностью потребовалъ церковной реформы. Сигизмундъ, прибывшій только на Рождествѣ, особенно желалъ скорѣйшаго окончанія дѣла Гуса и Іеронима, потому что былъ наслѣдникомъ Венцеслава въ Богеміи, гдѣ происходила отчаянная борьба между гуситами и вѣрными католической церкви нѣмцами, которымъ грозила серьезная опасность. Папа Іоаннъ пріѣхалъ въ Констанцъ еще до открытія собора, и сначала казалось, что перевѣсъ въ преніяхъ будутъ давать преданные ему итальянскіе епископы, явившіеся въ большомъ числѣ. Но когда было рѣшено производить подачу голосовъ по націямъ, а не по числу лицъ, и папа Григорій XII то же прислалъ одного изъ своихъ кардиналовъ, дѣло приняло другой оборотъ, и Іоаннъ окончательно растерялся. По пріѣздѣ императора число духовныхъ и свѣтскихъ лицъ значительно увеличилось. Въ городѣ и окрестностяхъ вездѣ были расположены рыцари и свита владѣтелей, а въ то время даже самые незначительные владѣтели не ѣздили никуда безъ многочисленной свиты. Какъ велико было число лицъ, составлявшихъ свиту явившихся на соборъ, можно, не вдаваясь въ числовыя, всегда невѣрныя свидѣтельства хроникъ, заключить изъ слѣдующаго. Кромѣ Сигизмунда и двухъ папъ, въ Констанцъ явились изъ различныхъ странъ 30 кардиналовъ, 4 патріарха, 33 архіепископа, 150 епископовъ, нѣсколько сотъ прелатовъ и докторовъ, 4 курфирста, 24 герцога и князя, 78 графовъ и 676 бароновъ и дворянъ. Присоединивъ сюда депутатовъ городовъ, корпорацій, различныхъ духовныхъ учрежденій и монастырей, легко повѣрить, что число иностранцевъ простиралось слишкомъ до 50 тысячъ человѣкъ.

Прежде всего слѣдовало бы собственно рѣшить вопросъ, котораго изъ трехъ папъ, Бенедикта XIII (IV), Григорія XII или Іоанна XXIII признать главой церкви и не должны ли всѣ трое сложить папское достоинство. Іоанну XXIII, открывшему соборъ и предсѣдательствовавшему на немъ, удалось, при помощи нѣмецкихъ богослововъ, злившихся на чешскихъ еретиковъ, и англійскихъ, ненавидѣвшихъ послѣдователей Уиклефа, провести рѣшеніе, чтобы на первомъ планѣ былъ поставленъ споръ чеховъ о чистотѣ вѣры ихъ національныхъ богослововъ. Желая оправдаться, Гусъ еще лѣтомъ 1414 г. вернулся въ Прагу; Сигизмундъ предложилъ ему отправиться въ Констанцъ, чтобы прекратить споръ и возстановить добрую славу чеховъ (это подлинныя слова разскащика чеха), обѣщая покровительство и защиту. Гусъ согласился на поѣздку въ Констанцъ. Передъ отправленіемъ въ путь, онъ присутствовалъ (въ концѣ августа) на національномъ соборѣ въ Прагѣ. Послѣ рѣчи, сказанной здѣсь Гусомъ, архіепископъ Конрадъ, хотя онъ и былъ фонъ Фехта, а можетъ быть именно потому, не осмѣлился обвинить его въ ереси. Архіепископъ объявилъ, что не онъ, а папа жалуется на Гуса. Гусъ передалъ эти слова Сигизмунду, прося его позаботиться о томъ, чтобы онъ могъ безопасно доѣхать до Констанца и защищаться передъ папою. Реформаторъ пользовался такой любовью короля Венцеслава, его жены, прихожанъ Виѳлеемской церкви и высшихъ сословій Богеміи, что на его путешествіе была собрана значительная сумма денегъ; съ своей стороны и чешская іерархія собирала деньги, чтобы дать возможность епископу лютомышльскому, назначенному обвинителемъ Гуса въ Констанцѣ, устроить его осужденіе. Три представителя чешской аристократіи, Янъ изъ Хлума по прозванью Кепка, Генрихъ изъ Хлума, обыкновенно называемый Лацембокомъ, и Вацлавъ изъ Дубы сопровождали его, какъ охранители и поручители. Съ ними Гусъ доѣхалъ до Нюрнберга. Отсюда Вацлавъ изъ Дубы отправился на Рейнъ къ Сигизмунду за охранительною граматой; Янъ изъ Хлума и Гусъ поѣхали прямо въ Констанцъ, куда прибыли 3 ноября. 5 ноября. Вацлавъ привезъ отъ Сигимунда охранительное письмо, написанное по обыкновенной формѣ. Вацлавъ встрѣтился съ Гусомъ и его проводникомъ въ Констанцѣ, а не въ Нюрнбергѣ, какъ обыкновенно говорятъ. (Подробности исторіи Гуса теперь извѣстны лучше, съ тѣхъ поръ, какъ чехи отыскали оригинальныя письма своего

реформатора, извѣстныя прежде только по латинскому переводу, и исправили грубыя ошибки переводчика).

Не смотря на протестъ Яна изъ Хлума (Вацлавъ изъ Дубы опять отправился къ Сигизмунду) и охранительное письмо императора, епископы аугсбургскій и тріентскій, бургомистръ Констанца и Гансъ Баденскій уже 28 ноября взяли Гуса подъ стражу. Обвиняемый въ присутствіи кардиналовъ Іоанномъ изъ Хлума, грозившимъ местью своего народа, папа Іоаннъ старался отдѣлаться отъ него, говоря: «Вы сами знаете, въ какихъ я отношеніяхъ съ кардиналами, они навязали мнѣ заключеннаго, я долженъ былъ взять его!» Вслѣдъ затѣмъ, а не 3 января 1415 г., какъ обыкновенно говорятъ, Гусъ былъ отвезенъ въ доминиканскій монастырь за городъ и посаженъ тамъ въ мрачную темницу около клоака. Его заключеніемъ все дѣло уже было собственно кончено; чехи сдѣлались непримиримыми врагами нѣмцевъ и ихъ императора. О дальнѣйшемъ преслѣдованіи Гуса мы скажемъ только въ краткихъ словахъ. Сигизмундъ и его братъ Венцеславъ представлялись, ради чеховъ, страшно разсерженными заключеніемъ чешскаго реформатора; но противъ его защитниковъ была вся іерархія, и Сигизмундъ оправдывался тѣмъ, что Гусъ находился во власти папы. Съ 6 декабря до половины іюня слѣдственная коммисія, назначенная папою изъ патріарха константинопольскаго Іоанна и епископовъ любушскаго и Читты ди Кастелло, занималась, не обращая вниманія на протесты Сигизмунда, составленіемъ обвинительныхъ пунктовъ. Гуса обвиняли какъ еретика въ томъ, что онъ училъ: 1) что іерархія и папство—чужды христіанскому ученію; 2) что панихиды составляютъ злоупотребленіе; 3) догматъ о чистилищѣ—басня; 4) что освященіе воды, свѣчъ и т. п.—нехристіанскіе обряды; 5) что проповѣдь должна быть—свободна; 6) что нищенствующіе ордена—вредны; 7) что священство и мѵропомазаніе—не таинства; 8) что тайная исповѣдь не дѣйствительна; 9) что построеніе церквей и монастырей—не составляетъ заслуги; 10) что призывать заступничество святыхъ—грѣшно; 11) что церковное пѣніе и посты—совсѣмъ не богослуженіе; 12) что только воскресенье—праздникъ; 13) что десятины—милостыня, а не долгъ. Все это Гусъ проповѣдывалъ съ самаго начала свей реформаторской дѣятельности. Ученіе о томъ, что міряне должны причащаться подъ обоими видами (хлѣбомъ и виномъ), стало распространяться въ Богеміи только во время его заключенія, однимъ изъ его соотечественниковъ, Яковомъ изъ Стржибра (de Miesa) или, какъ его обыкновенно называютъ, Якубкомъ (Якобелломъ), и не выставлялось сначала ни Гусомъ, ни его приверженцами какъ одно изъ главныхъ требованій.

Процессъ сильно замедлялся споромъ между Іоанномъ XXIII и соборомъ, о которомъ подробно скажемъ впослѣдствіи. Въ это время доминиканцы не такъ жестоко обращались съ Гусомъ; ему позволялось принимать посѣтителей и посылать письма въ Богемію. Изъ темницы онъ писалъ партіи строгихъ гуситовъ въ Богеміи въ пользу Якобелла, когда споръ, возгорѣвшійся по поводу его ученія, произвелъ разрывъ между гуситами. Продолженіе спора между папой и соборомъ давало возможность Сигизмунду (въ мартѣ) спасти заключеннаго и сдержать свое обѣщаніе; но императоръ не воспользовался случаемъ. Принуждаемый прелатами къ отреченію, папа счелъ за лучшее тайно оставить Констанцъ. 20 марта онъ исполнилъ свое намѣреніе; слуги его, то же скрывшіеся, передали (24 марта) императору ключи отъ темницы Гуса. Сигизмундъ могъ тогда освободить заключеннаго и помириться съ чехами, возстановленными противъ него за его слабость и малодушіе; вмѣсто того, онъ передалъ Гуса епископу констанцскому, велѣвшему перевезти его въ свой замокъ Готтлебенъ и заковать въ цѣпи.

Въ это время и Іеронимъ отдался во власть инквизиціонной коммисіи собора. Привязанность къ другу побудила его отправиться въ Констанцъ, не смотря на то, что Гусъ въ своихъ письмахъ убѣдительно просилъ Іеронима не оставлять Богеміи. 4 апрѣля 1415 г. Іеронимъ прибылъ въ Констанцъ и, скрываясь въ городѣ, написалъ объявленіе, что готовъ явиться на соборъ, если ему дадутъ охранительную грамату. Письмо это онъ получилъ 17 апрѣля; въ немъ было употреблено хитро-низкое выраженіе, что соборъ ограждаетъ его отъ насилія, но не отъ права. Значеніе этихъ словъ выяснилось на слѣдующій же день: соборъ публично и формально потребовалъ Іеронима къ суду. Тогда Іеронимъ рѣшился бѣжать въ Богемію. Узнанный однимъ духовнымъ, близъ са-

мой границы отечества, въ Гиршау, въ верхнемъ Пфальцѣ (25 апрѣля), онъ былъ схваченъ и отвезенъ къ пфальцграфу сульцбахскому Іоанну, передавшему его собору закованнымъ (23 мая). Все это дѣлалось, не смотря на сильное волненіе чеховъ, отозвавшееся во всей Богеміи и Моравіи, протесты дворянства обѣихъ земель, собравшагося въ Прагѣ и Брюннѣ, и требованія присутствовавшихъ въ Констанцѣ чешскихъ и польскихъ аристократовъ, совѣщавшихся по этому поводу 13 мая въ монастырѣ миноритовъ. Дальнѣйшій ходъ процесса Гуса былъ одной пустой формальностью: іерархи давно рѣшили принести обоихъ заключенныхъ въ жертву церкви, и приговоръ, какъ впослѣдствіи узнали чехи, былъ составленъ еще прежде, чѣмъ Гуса потребовали къ допросу (5 іюня). Гусъ былъ принесенъ собравшимися въ Констанцѣ іерархами въ жертву іерархіи, точно такъ же, какъ Людовикъ XVI республиканцами конвента—въ жертву свободы. Дѣйствительно, публичный судъ надъ Гусомъ, съ 5—8 іюня, совершенно сходенъ съ процессомъ французскаго короля, только члены конвента, выслушивая въ первый разъ короля, вели себя приличнѣе, чѣмъ святые отцы 5 іюня. Они такъ кричали, ругались и шумѣли, что Сигизмундъ, передъ вторичнымъ допросомъ, грозился выгнать того, кто будетъ кричать или ругаться. Подъ конецъ допроса кардиналъ камбрейскій, болѣе всѣхъ ратовавшій противъ Гуса, потому что хотѣлъ только поверхностныхъ преобразованій, тогда какъ чешскій реформаторъ требовалъ радикальной реформы церкви, объявилъ, что, при содѣйствіи шестидесяти докторовъ, онъ постановилъ именемъ собора: что Гусъ долженъ униженно сознать свое заблужденіе, поклясться не защищать болѣе въ своихъ книгахъ отвергнутыхъ соборомъ положеній, публично отречься отъ нихъ и, что уже было совершенной безсмыслицей, обязаться защищать и проповѣдывать противное тому, что заключалось въ этихъ положеніяхъ. Затѣмъ рѣшено было предложить Гусу произнести клятвенное отреченіе по извѣстной формулѣ. Но отцы собора сдѣлались требовательнѣе, когда въ концѣ засѣданія Сигизмундъ фанатически высказался противъ Гуса и Іеронима. Дружескую бесѣду Сигизмунда съ духовными, въ которой онъ уговаривалъ ихъ не щадить обоихъ еретиковъ, слышали нѣкоторые изъ чеховъ; переданная ими въ Богемію, она возбудила въ чехахъ такое отвращеніе къ Сигизмунду и его семейству, что впослѣдствіи ни онъ, ни его дочь и зять никогда не могли спокойно управлять страной. Сигизмундъ, между прочимъ, сказалъ: «Изъ четырехъ положеній, поддержанныхъ Гусомъ въ моемъ присутствіи, каждаго, взятаго отдѣльно, достаточно, чтобы осудить его. Вы (отцы) должны сжечь его или поступить съ нимъ иначе, по законамъ вашимъ, если онъ не согласится отречься. Впрочемъ, даже въ случаѣ его отреченія ему не слѣдуетъ довѣрять; по возвращеніи въ Богемію, онъ произведетъ еще большія бѣдствія, чѣмъ прежде». Римскій король заключилъ эту рѣчь слѣдующими словами: «Покончите скорѣй и съ ученикомъ!—Какъ его зовутъ?»—«Іеронимъ».—«Ну, съ этимъ не будетъ большихъ затрудненій; воздайте должное учителю, а съ ученикомъ можно покончить и въ одинъ день.» Эту блистательную рѣчь слышали Петръ Младеновичъ, Хлунъ и Дуба, ожидавшіе Сигизмунда у дверей.

Такъ низко отдавалъ наслѣдникъ чешской короны на жертву врагамъ человѣка, которому обѣщалъ покровительство. Но и въ защиту Гуса было получено 12 іюня письмо, съ двумя стами пятьюдесятью печатями чешскихъ и моравскихъ магнатовъ. Соборъ и впослѣдствіи, даже послѣ того какъ запретилъ введенное Якобелломъ причащеніе подъ обоими видами, употреблялъ всѣ старанія, чтобы склонить Гуса подписать клятвенное отреченіе, составленное отцами церкви. 1 іюля онъ письменно отказался отъ этого. 5-го къ нему былъ допущенъ Хлумъ, умолявшій его отклонить опасность, грозившую его драгоцѣнной личности; все было напрасно, Гусъ остался непоколебимъ. Тогда съ лицемѣрными религіозными церемоніями духовные передали его свѣтской власти. Конецъ этихъ мерзкихъ пытокъ и отвратительныхъ церемоній былъ вполнѣ достоинъ начала. Надѣвъ на Гуса бумажный колпакъ, на которомъ былъ нарисованъ дьяволъ, готовый схватить его душу, архіепископъ майнцскій и шесть другихъ епископовъ, исполнявшихъ роли прислужниковъ духовныхъ палачей, передали его свѣтской власти съ слѣдующими назидательными словами: «Церкви нечего больше дѣлать съ тобой, она передаетъ твое тѣло свѣтской власти, твою душу—дьяволу.» Затѣмъ Сигизмундъ разыгралъ роль исполнителя приговора духовныхъ, Людовикъ Пфальцскій

роль ихъ палача, а члены констанцскаго магистрата роли полицейскихъ и жандармовъ. Гусъ и его книги были сожжены 6 іюля 1415 г. Его мужество во время мученій, терпѣніе и покорность судьбѣ, спокойствіе и твердость, сохраняемыя имъ до послѣднихъ минутъ, устыдили его преслѣдователей и гораздо болѣе, чѣмъ всѣ ереси повредили той церкви, которую хотѣли спасти его смертью. Все это впрочемъ не помѣшало святымъ отцамъ поступить подобнымъ же образомъ и съ Іеронимомъ; только съ нимъ, не имѣвшимъ охранительной граматы отъ римскаго короля и не почитаемымъ чехами за мудреца и святаго, святые отцы не такъ много церемонились.

Іеронимъ былъ закованъ и посаженъ въ темницу, гдѣ страшно томился. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль съ нимъ стали обращаться не такъ жестоко, опасаясь, чтобы онъ не умеръ въ тюрьмѣ. Противъ Іеронима озлобленіе было еще сильнѣе, чѣмъ противъ Гуса. Парижскіе, кёльнскіе и гейдельбергскіе богословы, лекціи которыхъ онъ нѣкогда посѣщалъ, узнавъ его, говорили: этотъ человѣкъ всегда былъ склоненъ къ ереси. Изъ своего заключенія Іеронимъ также писалъ друзьямъ въ Богемію письма на чешскомъ языкѣ, отысканныя и напечатанныя только въ недавнее время. Изъ этихъ писемъ можно заключить, что, устрашенный участью своего друга, онъ поддался сначала уговорамъ кардинала Забареллы и другихъ менѣе фанатическихъ ученыхъ и откровенно обѣщалъ 10 сентября 1415 г. не предпочитать болѣе ученія Уиклефа и Гуса господствующему церковному ученію. Черезъ шесть дней онъ торжественно повторилъ это отреченіе въ соборѣ. Этимъ однако не удовольствовались его враги, въ особенности чешскіе богословы противной партіи, обвинители Гуса; они настояли на томъ, что Іеронима не освободили, даже послѣ его раскаянія и выраженнаго имъ желанія безусловно подчиниться собору, а начали противъ него вторичный процессъ. Новое слѣдствіе было поручено, 24 февраля 1416 г., патріарху константинопольскому Іоанну и доктору Николаю фонъ Динкельсбюлю. Подобныя дѣйствія были тѣмъ отвратительнѣе, что Іеронимъ ничего не писалъ и его судили на основаніи собственныхъ показаній и показаній свидѣтелей, показывавшихъ то, что они слышали, и даже то, чего они никогда не слыхали. По составленіи обвинительныхъ пунктовъ, Іеронима три дня, съ 23 мая, водили въ соборъ, гдѣ его судили. Съ замѣчательною ученостью, краснорѣчіемъ и ясностью доказывалъ онъ всю нелѣпость и несправедливость взводимыхъ на него обвиненій, такъ что въ послѣдній день, 26 мая, произвелъ своими словами глубокое впечатлѣніе даже на враговъ. Все это однако не измѣнило ихъ намѣреній. Отцы собора убѣждали его еще разъ очиститься отреченіемъ и покаяться въ своихъ заблужденіяхъ. Раскаяваясь въ своей слабости, Іеронимъ удивилъ соборъ, объявивъ: что онъ не считаетъ заблужденіемъ свои положенія и не согласится отречься отъ чужихъ ложныхъ воззрѣній; что онъ не только не порицаетъ Гуса, но, напротивъ, считаетъ его отличнымъ, справедливымъ и святымъ человѣкомъ, не заслужившимъ той смерти, которой его предали; что, наконецъ, отреченіе отъ Гуса изъ боязни смерти онъ признаетъ величайшимъ своимъ грѣхомъ и готовъ съ твердостью перенести самое мучительное наказаніе. Не смотря на это заявленіе, его не тотчасъ повели на казнь; а дали ему нѣсколько дней на размышленіе. Но Іеронимъ уже болѣе не колебался, до послѣднихъ минутъ сохранялъ юношескую веселость, передъ смертью съ усмѣшкою смотрѣлъ на одного крестьянина, приносившаго изъ ревности къ вѣрѣ дрова для его костра, и умирая въ пламени, мо́лился и пѣлъ духовныя пѣсни (30 мая).

Два замѣчательные человѣка того времени, удачные подражатели древнеримскаго краснорѣчія и знатоки вкуса, философіи и поэзіи древней Греціи, кардиналъ и папа, описали добродѣтели обоихъ чешскихъ мучениковъ и мученическую ихъ смерть языкомъ и манерою, достойными лучшихъ писателей древности. Эти два человѣка были: Джіованни Франческо Поджіо Браччіолини, папскій секретарь, а потомъ флорентинскій канцлеръ, и Эней Сильвій Пикколомини, впослѣдствіи папа Пій II. Браччіолини, находившійся, какъ кардиналъ, въ числѣ судей Іеронима, говоритъ, что преимущественно парижскіе кардиналы требовали казни Іеронима. Въ формѣ письма онъ описалъ блестящимъ образомъ послѣднія минуты чешскихъ мучениковъ, а Эней Сильвій вставилъ это описаніе въ свое обозрѣніе исторіи Богеміи. «Іеронимъ, говоритъ кардиналъ, выказалъ себя мужественнымъ,

непоколебимымъ человѣкомъ, который не только не страшится, но даже желаетъ смерти; его можно назвать вторымъ Катономъ. Я преклоняюсь передъ этимъ человѣкомъ, достойнымъ вѣчной памяти! Я, конечно, не сочувствую его порицаніямъ учрежденій церкви, но восхищаюсь его всеобъемлющей ученостью, глубиной его мысли, его краснорѣчіемъ, мягкостью рѣчи, остроуміемъ въ отвѣтахъ». Кардиналъ, писавшій это письмо до 30 мая, прибавляетъ: «Но я убѣждаюсь, что всѣ эти преимущества даны ему природой (кардиналъ выражается здѣсь по язычески) на его погибель».

Слѣдствіемъ казни Гуса и Іеронима былъ окончательный разрывъ между чехами и соборомъ. Подчиняясь вліянію парижскихъ богослововъ, соборъ потребовалъ къ суду и проклялъ многихъ чешскихъ магнатовъ и началъ непримиримую войну съ пражскимъ университетомъ. Венцеславъ держалъ сторону чеховъ, Сигизмундъ—нѣмцевъ. Разсказываютъ, что Янъ изъ Троцнова, старый, угрюмый воинъ, пріобрѣвшій славу въ Польшѣ и впослѣдствіи свирѣпствовавшій подъ именемъ Жижки противъ нѣмцевъ и духовныхъ, бесѣдуя съ Венцеславомъ, у котораго Гусъ жилъ нѣкоторое время по изгнаніи изъ Праги, съ горечью жаловался на судьбу обоихъ мучениковъ. Венцеславъ, говорятъ, отвѣтилъ ему: «Другъ Янъ, ни ты, ни я, мы не въ состояніи отмстить за позоръ; но, если представится когда нибудь случай, не упусти его!» Вскорѣ послѣ казни Гуса, 2 сентября 1415 г., четыреста пятьдесятъ два чешскихъ магната, въ томъ числѣ намѣстникъ Моравіи, отправили собору наполненное упреками письмо, объявляя себя оскорбленными и угрожая силой. Отцы собора угрожали тѣмъ же, потребовали, 24 февраля 1416 г., чешскихъ дворянъ къ суду и объявили ихъ еретиками, когда они не явились. Такой же слабохарактерный, какъ братъ, Сигизмундъ, находившійся въ рукахъ собора, также отправилъ грозныя посланія въ Богемію и Моравію. Чехи отмстили новымъ посланіемъ, подписаннымъ на сеймѣ шестьюдесятью замлевладѣльцами и многими рыцарями, и признаніемъ проповѣдуемаго Якобелломъ и проклятаго соборомъ ученія о причащеніи подъ обоими видами. Даже пражскій университетъ сталъ во враждебныя отношенія къ собору: въ мартѣ 1417 г. онъ объявилъ, что только одинъ защищаемый Якобелломъ обрядъ причащенія соотвѣтствуетъ своему назначенію. Причащеніе изъ чаши было введено во всей Богеміи. Соборъ назвалъ это еретическою дерзостью (1418 г.), отправилъ въ Богемію инквизитора, кардинала Іоанна Доминичи, грозилъ крестовымъ походомъ и такъ напугалъ Венцеслава, что онъ вдругъ совершенно измѣнился. Но инквизиторъ ничего не могъ сдѣлать, вся Богемія волновалась, а владѣтели и рыцари вооружались, чтобы силою отвѣтить на насиліе. Николай, владѣтель мѣстечка Гусинца, гдѣ родился Гусъ, позволилъ собираться въ своихъ владѣніяхъ всѣмъ, проповѣдывавшимъ родъ религіознаго коммунизма, заимствованнаго изъ ученія Уиклефа. Тысячи мечтателей возстали и, какъ впослѣдствіи табориты, тотчасъ же отбросили всѣ внѣшніе обряды и положительныя формулы ученія, чего не допустилъ бы Гусъ, еслибъ онъ остался живъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Богемію явилось изъ южной Франціи до сорока семействъ древнихъ вальденсовъ (стр. 111), слѣдовавшихъ ученію, сходному съ воззрѣніями чешскихъ мечтателей. Остатки вальденсовъ, пикарды, преслѣдуются и до сихъ поръ.

4. Констанцскій соборъ по отношенію къ спору папъ и церковной реформѣ.

Ученые и, какъ имѣютъ обыкновеніе выражаться, благочестивые французскіе богословы, которые довели Богемію до отпаденія отъ церкви, начали упорную борьбу съ папами Іоанномъ XXIII и Бенедиктомъ XIII, не выказывавшимъ такой уступчивости собору, какъ третій папа, Григорій XII. Іоаннъ XXIII еще въ званіи кардинала (Бальтазаръ Косса) своимъ цинизмомъ и позорною жизнью заслужилъ презрѣніе даже императора Сигизмунда; его безчинства, развратъ и площадныя выраженія изображены въ констанцской и другихъ хроникахъ того времени картинами съ приведеніемъ его подлинныхъ словъ. Созвавъ констанцскій соборъ, онъ, еще до пріѣзда въ Констанцъ, раскаявался въ своемъ поступкѣ,

и потому, отправляясь на соборъ, старался отыскать себѣ на случай нужды убѣжище и защитника. Все это Іоаннъ XXIII думалъ найти у герцога тирольскаго, Фридриха Пустаго Кармана. Распутный, какъ папа, легкомысленный, расточительный и кругомъ въ долгахъ, какъ Сигизмундъ, Фридрихъ владѣлъ, кромѣ Тироля, значительными еще въ то время габсбургскими владѣніями въ Швейцаріи, Швабіи и Эльзасѣ. Съ императоромъ онъ никогда не жилъ въ мирѣ и совершенно разсорился во время ихъ поѣздки по Тиролю, гдѣ они вмѣстѣ пировали, танцовали и развратничали. Послѣ двухъ совѣщаній съ папою, сначала въ Тревизо, потомъ въ Меранѣ, Фридрихъ изъявилъ согласіе принять его сторону. Іоаннъ XXIII назначилъ его защитникомъ или знаменосцемъ (гонфалоньеромъ) церкви и обѣщалъ 6000 дукатовъ въ годъ (сумма, значительная для того времени), съ полнымъ намѣреніемъ никогда ихъ не платить; Фридрихъ обязывался сопровождать папу въ Констанцъ съ 500 всадниковъ и, если бы Іоаннъ счелъ нужнымъ удалиться, защищать его и укрыть въ надежномъ мѣстѣ. Въ октябрѣ папа подкупилъ за 10,000 гульденовъ и Бернгарда Баденскаго. Пока на соборѣ присутствовали только итальянскіе и нѣмецкіе епископы, Іоаннъ не имѣлъ особенныхъ причинъ къ неудовольствію. Но положеніе совершенно измѣнилось, когда явились французскіе и англійскіе епископы и было постановлено подавать голоса по четыремъ націямъ, а не поголовно, такъ что при рѣшеніи вопросовъ итальянцы получали только четвертую часть голосовъ.

Папы Бенедиктъ и Іоаннъ не представляли большихъ затрудненій: Бенедиктъ XIII былъ покинутъ большинствомъ своихъ приверженцевъ, а Григорій XII изъявилъ готовность сложить папское достоинство. На Іоанна, возбудившаго своимъ поведеніемъ общее отвращеніе, была подана въ соборъ жалоба изъ сорока пяти обвиненій. Кардиналы настоятельно требовали, чтобы и онъ отказался отъ папства. Іоаннъ сдѣлалъ видъ, что соглашается, и 16 февраля 1415 г. письменно увѣдомилъ объ этомъ соборъ, не считая дѣла серьезнымъ. Прелаты поняли намѣреніе папы, тѣмъ болѣе, что его отреченіе было написано въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и не давали ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ безусловно не согласился (1 марта) сложить папское достоинство, если Григорій XII и Бенедиктъ XIII откажутся отъ папскаго престола или умрутъ. Это согласіе также не было искренно; образъ его дѣйствій очевидно доказывалъ намѣреніе бѣжать изъ Констанца. Сигизмундъ предостерегалъ Іоанна, что за подобный поступокъ соборъ предастъ его суду; но папа полагался на Фридриха Тирольскаго. Чтобы помочь ему бѣжать, герцогъ тирольскій устроилъ 20 марта блестящій турниръ передъ воротами Констанца. Воспользовавшись тѣмъ, что всѣ жители бросились за городъ, забытый папа, переодѣвшись въ простаго всадника, бѣжалъ въ Шаффгаузенъ, принадлежавшій тогда Фридриху. Бѣгство папы произвело страшное волненіе въ Констанцѣ: соборъ считали закрытымъ, жители боялись нападенія и грабежа, всѣ лавки были заперты. Для успокоенія умовъ Сигизмундъ долженъ былъ разъѣзжать по городу, объявляя во всеуслышаніе, что духовная и свѣтская власти Европы соединились противъ папы, а Фридрихъ Тирольскій будетъ преданъ суду. Поступокъ Іоанна, подписавшаго передъ тѣмъ полное отреченіе, страшно разгнѣвалъ соборъ; король и духовные владѣтели обвиняли герцога тирольскаго въ желаніи противиться изъ угожденія папѣ всему христіанскому міру. Противъ обоихъ немедленно были приняты рѣшительныя мѣры. Отцы церкви, продолжавшіе свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ одного изъ кардиналовъ, объявили, что соборъ выше папы, приказали снять со стѣнъ объявленіе Іоанна и начали процессъ о лишеніи его папскаго сана. У Фридриха Тирольскаго были отняты его владѣнія и земли. Не явившись по приглашенію собора, онъ тотчасъ же, даже безъ соблюденія обыкновенныхъ формальностей, былъ преданъ церковному отлученію и опалѣ, т. е. соборъ именемъ Бога, а Сигизмундъ, какъ представитель божественнаго права въ свѣтскихъ дѣлахъ, предоставляли габсбургское наслѣдіе на расхищеніе тѣхъ, кто захочетъ дѣйствовать противъ Фридриха. Охотниковъ до этого въ тогдашнее время грабежей и войнъ нашлось не мало, и въ нѣсколько дней четыреста городовъ объявили герцогу войну. Прославленные за простоту, честность и прямодушіе, швейцарцы первые обогатились на счетъ своихъ союзниковъ. Они только за три года передъ тѣмъ заключили съ габсбургцами скрѣпленный клятвою союзъ на пятнадцать лѣтъ, а

тогда стали утверждать, что при этомъ были исключены императоръ и имперія, которыхъ они въ другихъ случаяхъ и знать не хотѣли. Обѣщаніе Сигизмунда предоставить имъ въ вѣчное ленное владѣніе земли, которыя они отнимутъ у герцога, швейцарцы приняли съ радостью. Вообще, германскій король былъ очень щедръ на чужое добро. Онъ освободилъ Цугъ и Гларусъ и четыре древнихъ кантона отъ всѣхъ обязательствъ къ австрійскому дому и подарилъ имъ все, что было заложено у нихъ габсбургцами. Бернская аристократія завладѣла Аргау, завоевала замки Вюкенъ, Вартбургъ, Рундъ, Галльвиль, Троссбургъ, Либекъ и Брунекъ, и стала владычествовать въ Цофингенѣ, Аарбургѣ, Аарау, Брукѣ и Ленцбургѣ. Въ это же время былъ разрушенъ и родовой замокъ предковъ Фридриха, древній Габсбургъ. Цюрихцы захватили Меллингенъ и Бремгартенъ, люцернцы— Зурзее и волости Рейхензе, Маіенбергъ и Фильмерингенъ. Все это произошло въ теченіе восьми дней; безъ сомнѣнія, борьба длилась бы дольше, еслибъ Фридрихъ имѣлъ хоть какія нибудь прочныя связи въ странѣ или хоть немного заботился о своихъ замкахъ. Узнавъ въ маѣ, что Фридрихъ ведетъ переговоры съ Сигизмундомъ, швейцарцы поспѣшили занять городъ Баденъ и замокъ Штейнъ, гдѣ хранились всѣ габсбургскія граматы. Честные горцы Ури одни не воспользовались несчастіемъ Фридриха. При посредничествѣ двоюроднаго брата, герцога баварскаго Людовика, Фридрихъ скоро примирился съ Сигизмундомъ. Вернувшись въ маѣ 1415 г. въ Констанцъ, онъ долженъ былъ умолять короля о помилованіи и передать ему на время земли и подданныхъ, замки и города, пока онъ не сочтетъ себя удовлетвореннымъ. Сигизмундъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, низкимъ образомъ воспользовался униженіемъ Фридриха. Онъ объявилъ, что присоединяетъ къ имперіи нѣмецкіе города, временно уступленные ему Фридрихомъ граматою или, какъ выражаются письмомъ (Brief), а въ дѣйствительности же продалъ имъ гражданскую свободу, которой они всегда пользовались. Брейзахъ, Диссенгофенъ, Нейбургъ, Радольфцелль и Шаффгаузенъ уплатили императору сумму, за которую нѣкогда были заложены имперіей Австріи, и сдѣлались свободными имперскими городами. Аргау достался бернцамъ за четыре тысячи гульденовъ; Тургау былъ заложенъ за четыре тысячи пятьсотъ гульденовъ цюрихцамъ и, по условію, не могъ быть выкупленъ безъ ихъ согласія, еслибы они впослѣдствіи уплатили еще шесть тысячъ гульденовъ. Курфирстъ пфальцскій, назначенный исполнителемъ имперскаго постановленія въ Эльзасѣ, присвоилъ себѣ тамошнія владѣнія Фридриха. Изъ всѣхъ подданныхъ Фридриха только тирольцы остались вѣрными ему и не хотѣли знать ни короля, ни собора. Бѣжавъ въ мартѣ 1416 г. изъ Констанца, Фридрихъ отправился въ Инсбрукъ, гдѣ къ нему присоединился его братъ, Эрнстъ Желѣзный. Тирольцы и рыцари, оскорбленные несправедливостью прелатовъ и германскаго короля, рѣшились энергически поддерживать его, и Эрнстъ отправился въ Констанцъ къ императору, продолжавшему и послѣ бѣгства Фридриха вести неблаговидную торговлю владѣніями, принадлежавшими не опальному герцогу, а его семейству. Такъ, Сигизмундъ продалъ Фельдкирхенъ графу фонъ Тоггенбургу, Кибургъ, Блутбаннъ и Вильдбанъ въ Тургау цюрихцамъ, а Фрауенфельдъ городу Констанцу за тысячу гульденовъ. Но когда Эрнстъ Желѣзный сталъ во главѣ значительнаго войска рыцарей и тирольцевъ, Сигизмундъ струсилъ и примирился съ габсбургцами (мая 1418 г.). Фридрихъ обязался уплатить королю пятьдесятъ тысячъ гульденовъ и отдать то, что онъ захватилъ во владѣніяхъ проклявшихъ его епископовъ; Сигизмундъ обѣщалъ возвратить герцогу всѣ еще неотчужденныя его владѣнія и нѣкоторыя изъ присоединенныхъ уже къ имперіи, если на это согласятся жители. Послѣднее условіе относилось къ Эльзасу, Зундгау, Брейзгау и тамошнимъ городамъ, откупавшимся отъ Сигизмунда. Герцогъ тирольскій долженъ былъ возвратить имъ уплаченныя королю деньги, еслибы, что впослѣдствіи и произошло, предпочли войти въ составъ австрійскихъ владѣній, чѣмъ находиться подъ непосредственною властью такъ называемой имперіи, безсильной защищать ихъ.

Прибывъ въ Шаффгаузенъ въ сопровожденіи трехъ проводниковъ, папа Іоаннъ скоро убѣдился, что Фридрихъ не въ состояніи защитить его отъ собора. Итальянскіе прелаты, послѣдовавшіе за нимъ, также поняли критическое положеніе, и тотчасъ же вернулись къ Констанцъ, гдѣ были встрѣчены насмѣшками и ругательствами многочисленныхъ приверженцевъ собора. Получивъ извѣстіе,

что бургграфъ нюрнбергскій Фридрихъ готовится двинуться съ войскомъ на Шаффгаузенъ, папа поспѣшно бѣжалъ въ Лауфенбургъ (29 марта). Передъ тѣмъ онъ издалъ протестъ противъ собора, объявляя недѣйствительнымъ все то, что онъ подписалъ и въ чемъ поклялся, какъ насильно исторгнутое угрозами. Этотъ протестъ возстановилъ всѣхъ противъ Іоанна. Соборъ, провозгласившій себя, какъ непосредственный органъ Святаго Духа, верховнымъ судилищемъ, принялъ тогда жалобы, обвинявшія папу въ развратѣ и самымъ беззаконныхъ поступкахъ, и началъ противъ него процессъ. Не считая себя безопаснымъ ни въ Лауфенбургѣ, ни въ Фрейбургѣ (Брейзгау), куда онъ вслѣдъ затѣмъ отправился, Іоаннъ бѣжалъ въ Брейзахъ. Но Брейзахъ былъ однимъ изъ тѣхъ городовъ, отъ которыхъ Фридрихъ Тирольскій отказывался по договору съ императоромъ, и потому Іоаннъ вступилъ въ переговоры съ герцогомъ бургундскимъ, владѣвшимъ еще тогда Нефшателемъ, горами Юры и Ваадтландомъ, прося у него позволенія проѣхать черезъ его владѣнія въ Авиньонъ. Получивъ отъ герцога обѣщаніе сопровождать его, папа поспѣшилъ въ Нефшатель, но здѣсь ему сказали, что герцогъ бургундскій, устрашенный участью Фридриха, боится стать во враждебныя отношенія къ собору. Тогда Іоаннъ вернулся въ Фрейбургъ, гдѣ натолкнулся на коммисію, посланную къ нему соборомъ съ приглашеніемъ отправиться въ Констанцъ. Эта коммисія являлась къ нему еще въ Брейзахѣ, но Іоаннъ, откладывая со дня на день аудіенцію, неожиданно бѣжалъ въ Нефшатель. Коммисія была очень удивлена, встрѣтившись съ нимъ на обратномъ пути въ Констанцъ. Папа согласился наконецъ дать аудіенцію уполномоченнымъ собравшагося въ Констанцѣ духовенства, но не подписалъ предложеннаго ему именемъ собора акта отреченія, вручивъ вмѣсто него условное и весьма двусмысленное отреченіе, составленное имъ самимъ. Соборъ отвергъ его, и въ седьмое засѣданіе (2 мая 1415 г.) началъ судъ надъ Іоанномъ XXIII, въ присутствіи Сигизмунда и кардиналовъ, которымъ сначала не хотѣли позволить участвовать при процессѣ папы. Въ этомъ засѣданіи было составлено формальное требованіе Іоанну, прибитое черезъ два дня въ Констанцѣ къ церковнымъ дверямъ и городскимъ воротамъ. Въ немъ было сказано: «что Іоаннъ долженъ въ теченіе извѣстнаго времени явиться для оправданія противъ взводимыхъ на него обвиненій въ ереси, покровительствѣ расколу, симоніи и другихъ преступленіяхъ и порокахъ; если же папа пропуститъ назначенный срокъ, то, не обращая вниманія не его отсутствіе, онъ и его приверженцы будутъ преданы суду». Твердо рѣшившись отнять папство у недостойнаго созданія пизанскаго собора, отцы церкви и Сигизмундъ отправили въ Нюрнбергъ (9 мая) епископовъ рижскаго и безансонскаго и бургграфа нюрнбергскаго съ тремя стами всадниковъ, чтобы уговорить папу вернуться или насильно привезти его въ Констанцъ. Но, еще до пріѣзда Іоанна, соборъ въ десятое засѣданіе (14 мая) занялся разсмотрѣніемъ обвинительныхъ пунктовъ. Это засѣданіе продолжалось очень недолго для избѣжанія скандала: человѣка, стоявшаго пять лѣтъ во главѣ христіанской церкви, публично обвиняли въ гнуснѣйшихъ порокахъ, неслыханныхъ преступленіяхъ, безбожныхъ рѣчахъ и циническихъ, мерзѣйшихъ богохульствованіяхъ. Въ одиннадцать дней епископы покончили процессъ. Между тѣмъ отправленные въ Фрейбургъ коммисары поручили бургграфу Фридриху отвезти папу въ Радольфцелль, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ темницу. Это произошло 17 мая, а 20 мая ему объявили, что онъ будетъ низложенъ. Іоаннъ подчинился собору и передалъ ему знаки папскаго достоинства (печать и такъ называемый рыбачій перстень—annulus piscatorius—съ изображеніемъ апостола Петра на одной и папы на другой сторонѣ). Въ одиннадцатое засѣданіе (25 мая) онъ былъ признанъ виновнымъ въ 45 обвинительныхъ пунктахъ и низложенъ; въ двѣнадцатое (29-го мая) былъ утвержденъ и торжественно обнародованъ изданный противъ него приговоръ. Затѣмъ соборъ передалъ низложеннаго папу Сигизмунду, отдавшему его подъ стражу епископу констанцскому. Епископъ отправилъ Іоанна въ свой замокъ Готтлебенъ, гдѣ прежде содержался Гусъ; но съ низложеннымъ папою обращались не такъ, какъ съ чешскимъ реформаторомъ. Изъ боязни архіепископа майнцскаго, желавшаго воспользоваться Іоанномъ какъ орудіемъ для своихъ цѣлей, его отдали по прошествіи нѣкотораго времени пфальцграфу Людовику. Два года Іоаннъ очень весело жилъ въ гейдельбергскомъ замкѣ, а потомъ былъ переведенъ въ Маннгеймъ, въ то время еще незначительное мѣстечко.

Хитрый итальянецъ безропотно подчинился своей участи: онъ зналъ, что у отцовъ собора совѣсть не совсѣмъ чиста, и потому былъ увѣренъ, что они пощадятъ собрата, зналъ очень хорошо нужду римскаго короля и пфальцграфа, и надѣялся откупиться отъ нихъ. Въ 1418 г. папа Мартинъ V, избранный (1417 г.) соборомъ на мѣсто Іоанна, не только освободилъ его, но снова возвысилъ на высшую степень въ духовной іерархіи. Поводъ къ этому былъ данъ Браччіо да Монтоне, однимъ изъ предводителей кондоттьеровъ или наемниковъ, замѣнявшихъ въ то время постоянное войско, нанимавшихся то къ тому, то къ другому государству и нерѣдко завладѣвавшихъ городами и цѣлыми провинціями. Въ 1415 г. Браччіо ди Монтоне основалъ военное государство въ Перуджіи и скоро подчинилъ своей власти всю древнюю Умбрію. Счастливый и смѣлый воинъ, онъ собралъ около себя знаменитѣйшихъ и отважнѣйшихъ искателей приключеній, съумѣвъ воспользоваться пробудившимися въ итальянцахъ національными стремленіями и любовью къ свободѣ. Подъ его начальствомъ служили Пичинино, быстро возвысившійся изъ простаго солдата до могущественнаго предводителя, и Михаилъ Сфорца, братъ основателя новой линіи герцоговъ миланскихъ. Браччіо дошелъ почти до Рима. Римъ или по крайней мѣрѣ ближайшія къ нему мѣстности были тогда заняты сначала королемъ неаполитанскимъ Владиславомъ, а потомъ его наслѣдницей, Іоанной II. Чтобы имѣть предлогъ завладѣть городомъ, Браччіо хотѣлъ воспользоваться низложеніемъ папы, и объявилъ, что не признаетъ суда собора надъ Іоанномъ XXIII и будетъ оружіемъ защищать его права на Церковную область. Плану его помѣшалъ Мартинъ V, найдя средства къ тому въ извѣстной всему міру алчности и нуждѣ германскихъ князей. Подкупивъ пфальцграфа Людовика (сумма была такъ велика, что на нее можно было тогда купить цѣлое графство), онъ уговорилъ выдать ему заключеннаго Іоанна. Уплату денегъ принялъ на себя Николай Урцано, одинъ изъ итальянскихъ банкировъ, разсѣянныхъ въ то время по всѣмъ европейскимъ городамъ и, подобно евреямъ, высасывавшихъ все, къ чему они прикасались. Въ письмѣ къ Урцано, писанномъ изъ Феррары въ февралѣ 1419 г., Мартинъ говоритъ, что «проситъ его (банкира) уплатить пфальцграфу три тысячи дукатовъ, такъ какъ онъ рѣшился изъ состраданія велѣть привезти къ себѣ (in sua obedientia) Бальтазара Коссу, называвшагося Іоанномъ XXIII.» Вмѣстѣ съ тѣмъ папа просилъ епископа любекскаго наблюдать за Іоанномъ во время его поѣздки въ Италію. Такимъ образомъ Іоанну удалось освободиться изъ плѣна и выбраться изъ Германіи. Узнавъ о намѣреніи Мартина заключить его на всю жизнь въ Мантую, Іоаннъ бѣжалъ въ Геную, но никѣмъ неподдержанный и видя со всѣхъ сторонъ угрозы, обратился къ своему сопернику, прося у него милости. Мартинъ находился въ то время во Флоренціи, гдѣ онъ долго жилъ на возвратномъ пути въ Римъ; друзья Іоанна въ Тосканѣ, въ особенности глава богатой и могущественной флорентинской фамиліи, Джіованни Медичи, убѣдили папу принять кающагося грѣшника. 13 мая 1419 г. Іоаннъ явился во Флоренцію, публично бросился къ ногамъ Мартина и призналъ его папою; Мартинъ снова назначилъ его кардиналомъ и даже предсѣдателемъ всей коллегіи кардиналовъ. Іоаннъ умеръ во Флоренціи въ декабрѣ того же года. При въѣздѣ Іоанна во Флоренцію весь городъ устремился на встрѣчу ему, а похороны его по приказанію республиканскаго правительства были совершены съ особеннымъ торжествомъ. Все это доказываетъ, какъ далеки были въ то время итальянцы отъ того, чтобы требовать или ожидать не только нравственныхъ принциповъ, но даже воздержанія отъ грубыхъ пороковъ и уголовныхъ преступленій, совершенныхъ папою Іоанномъ XXIII.

Отъ соперниковъ Іоанна, Григорія XII и Бенедикта XIII, тоже потребовали отреченія. Григорій согласился на это, но съ тѣмъ, чтобы его предварительно признали папою и такимъ образомъ уничтожили приговоръ, произнесенный противъ него въ Пизѣ. Условія его не встрѣтили противодѣйствія: за него хлопотали присланный имъ легатъ и владѣтель Римини, Карлъ Малатеста, у котораго онъ жилъ; сторону его держали старый архіепископъ трирскій и пфальцграфъ Людовикъ, и самъ Сигизмундъ былъ расположенъ къ нему. Григорію было дозволено до начала переговоровъ издать буллу (13 марта 1415 г.), созывавшую находившихся въ Констанцѣ іерарховъ на соборъ, какъ будто его никогда не существовало. 4 іюля его легатъ созвалъ отцовъ въ засѣданіе (четырнадцатое), для приданія большей торжественности отреченію Григорія и утвержденія выговариваемыхъ

имъ правъ. Въ этомъ засѣданіи, гдѣ предсѣдательствовалъ Сигизмундъ, Карлъ Малатеста передалъ собору актъ отреченія. Григорій подтвердилъ его впослѣдствіи, и въ консисторіи кардиналовъ снялъ съ себя папскую одежду. По требованію Сигизмунда соборъ назначилъ его кардиналомъ-епископомъ Порто и первымъ лицомъ въ іерархіи послѣ папы, далъ въ пожизненное легатство анконскую мархію и обѣщалъ, что отъ него не потребуютъ отчета ни въ одномъ изъ поступковъ, сдѣланныхъ имъ какъ папою.

Покончивъ съ Григоріемъ, соборъ занялся Бенедиктомъ, признаваемымъ папою только въ одной Арагоніи. У него тоже хотѣли вынудить отреченіе и этого думали достигнуть черезъ Сигизмунда. Между тѣмъ римскій король уже нѣсколько лѣтъ не показывался въ Венгрію, не имѣлъ ни силы, ни значенія въ Германіи, издавалъ съ соборомъ, въ соборѣ и для собора постановленія, и чтобы являться окруженнымъ ненужнымъ блескомъ, постоянно запутывался въ долгахъ, не смотря на то, что продолжалъ вести торговлю граматами и дипломами и продавать императорскія права и имперскія владѣнія. Сигизмундъ отправился въ южную Францію, для переговоровъ съ королемъ арагонскимъ и его папою. Сборы и приготовленія заняли нѣсколько мѣсяцевъ; нужно было достать много денегъ, потому что онъ не хотѣлъ ѣхать иначе, какъ въ сопровожденіи уполномоченныхъ отъ собора и съ цѣлымъ войскомъ рыцарей. Сигизмундъ опять обратился къ бургграфу Фридриху, у котораго была заложена бранденбургская мархія. Фридрихъ ссудилъ ему 250 тысячъ дукатовъ, что съ прежнимъ долгомъ составляло 400 тысячъ, и за то получилъ 30 апрѣля 1415 г. грамату, по которой бранденбургская мархія съ званіемъ курфирста и эрцкамергера (архикамерарія) имперіи продавались ему и его наслѣдникамъ, впрочемъ съ правомъ быть выкупленными. Формальная передача послѣдовала 18 апрѣля 1417 г.; съ этихъ поръ Фридрихъ и его потомство владѣютъ Бранденбургомъ на правахъ курфирстовъ. 21 іюля Сигизмундъ выѣхалъ изъ Констанца. Въ Аарбергѣ въ Швейцаріи онъ опять заложилъ одно имперское владѣніе, занялъ для путешествія жены, возвращавшейся черезъ Базель и Мюльгаузенъ въ Венгрію, семнадцать тысячъ гульденовъ у герцога баварскаго Людовика и все-таки снова очутился безъ денегъ. Въ Нарбоннѣ онъ наслаждался четыре недѣли, воспользовавшись тѣмъ, что епископъ отлично угощалъ его, и только въ половинѣ сентября добрался наконецъ до Перпиньяна, гдѣ произошло свиданіе его съ Бенедиктомъ. Сигизмундъ засталъ здѣсь короля арагонскаго; папа явился въ концѣ мѣсяца съ страшной военной свитой. Это послѣднее обстоятельство, упорство Бенедикта и испанская кровь его свиты дѣлали пребываніе въ Перпиньянѣ непріятнымъ и опаснымъ: въ началѣ ноября Сигизмундъ вернулся въ Нарбонну. Сюда явились послы изъ Шотландіи, отъ короля арагонскаго и другихъ испанскихъ князей, объявившіе, что ихъ государи не станутъ поддерживать Бенедикта, если онъ не приметъ условій сбора. 13 ноября Бенедиктъ бѣжалъ изъ Перпиньяна сначала въ замокъ Колліуре, а потомъ въ принадлежавшій его семейству замокъ Пенискола, около Валенсіи. Бѣгство его не помѣшало переговорамъ между королями Арагоніи, Кастиліи и Новарры, шотландцами, графами Арманьякъ и Фуа съ одной стороны, Сигизмундомъ и уполномоченнымп собора съ другой. Упрямому Бенедикту было объявлено, что онъ долженъ былъ подчиниться собору; епископы названныхъ странъ приняли всѣ рѣшенія констанцскаго собора на условіяхъ, постановленныхъ въ договорѣ. Покинутый папа не угомонился: онъ продолжалъ называть себя папою въ своемъ нагорномъ замкѣ и предалъ проклятію арагонскаго короля, прежде другихъ отдѣлившагося отъ него. Этимъ воспользовались для противодѣйствія королю нѣкоторые испанскіе епископы.

Уполномоченные собора тотчасъ же поѣхали обратно въ Констанцъ. Сигизмундъ чувствовалъ себя слишкомъ хорошо на всѣхъ даваемыхъ ему празднествахъ и пирушкахъ и потому останавливался во всѣхъ городахъ, почитавшихъ за счастье и честь его посѣщеніе, обходившееся имъ такъ дорого. Онъ вездѣ занималъ деньги и охотно позволялъ дарить себѣ даже незначительныя суммы, принявъ, напримѣръ, отъ города Авиньона три тысячи золотыхъ флориновъ. Изъ Авиньона Сигизмундъ отправился въ Ліонъ, а любимца своего Эбергарда фонъ Виндека (стр. 306) послалъ къ графу савойскому Амадею, чтобы занять у него денегъ. Амадей далъ денегъ, получивъ въ залогъ, подобно бургграфу нюрнбергскому, императорскія права и старинныя притязанія имперіи. Во всѣхъ провинціяхъ, чрезъ

которыя Сигизмундъ проѣзжалъ, его потому такъ хорошо принимали и угощали, что эти земли принадлежали къ германскому королевству Арелату и Бургундіи и сохраняли уваженіе къ императору и имперіи, хотя уже не были подчинены имъ. На занятыя деньги король поѣхалъ въ Савоію, устроилъ тамъ великолѣпный праздникъ, далъ графу Амадею герцогскій титулъ и надѣлилъ его въ Бургундіи и Арелатѣ правами, которыхъ, разумѣется, впослѣдствіи никто не призналъ: все это за какія нибудь двѣнадцать тысячъ экю. Затѣмъ, онъ отправился въ Парижъ, хотя всѣ отговаривали его отъ этой поѣздки, потому что король французскій Карлъ VI былъ помѣшанъ и за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ проигралъ англичанамъ рѣшительное сраженіе при Азенкурѣ. Пробывъ мѣсяцъ въ Парижѣ и три недѣли въ С. Дени, Сигизмундъ поѣхалъ въ Англію, гдѣ прожилъ четыре мѣсяца, дѣлая подарки рыцарямъ и дамамъ. По словамъ одной хроники, Сигизмундъ прибылъ въ Англію со свитой изъ 1400 человѣкъ; по одному этому можно себѣ представить, во что обходились ему подобныя удовольствія. Трудно понять, изъ какихъ источниковъ онъ досталъ деньги на это путешествіе. За предлогъ для поѣздки въ Англію онъ выдавалъ желаніе покончить переговоры относительно собора и папъ и намѣреніе быть посредникомъ между Франціею и Англіею. Безъ сомнѣнія, Сигизмундъ поступилъ бы гораздо лучше, еслибъ прямо вернулся въ Констанцъ, не дожидаясь прибытія въ соборъ представителей пятой націи, испанской. Отъ его посредничества также нельзя было ожидать ни малѣйшихъ результатовъ: англичане и французы смѣялись надъ нимъ, его мадьярами и нѣмцами. Изъ желанія блистать и раскошничать, онъ во время всего путешествія игралъ самую жалкую роль и наконецъ впалъ въ такую нужду, что не зналъ какъ переѣхать изъ Дувра въ Кале. Надежды и разсчеты его на нидерландскіе корабли рушились, вслѣдствіе спора съ герцогомъ голландскимъ Вильгельмомъ, а англичане требовали за перевозъ такую громадную сумму, что о соглашеніи съ ними нечего было и думать. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Сигизмундъ, не смотря на тѣсный союзъ съ Франціею, заключилъ въ высшей степени подозрительный тайный договоръ съ англійскимъ королемъ. Генрихъ V подарилъ ему разныя драгоцѣнности и велѣлъ перевезти его въ Кале, принадлежавшій тогда англичанамъ. Вѣроятно англійскій король также хотѣлъ сбыть скорѣй съ рукъ тягостныхъ гостей, расточителей и всеобщихъ должниковъ, выбравшихся изъ Кале только съ помощью новыхъ займовъ и закладовъ, при содѣйствіи ростовщиковъ. Прибывъ въ Кале 24 августа 1416 г., Сигизмундъ оставался въ немъ нѣсколько недѣль, пока его другъ Эбергардъ фонъ Виндекъ не убѣдилъ богатыхъ фламандскихъ купцовъ и банкировъ ссудить подъ залогъ, за громадные проценты, денегъ, которыя были тотчасъ же истрачены. Съ подаренными англійскимъ королемъ драгоцѣнностями Эбергардъ бѣгалъ по Брюгге, Генту и Антверпену, закладывая ихъ за что ни попало, и сверхъ того занялъ еще у брюггскихъ купцовъ десять тысячъ золотыхъ гульденовъ за чрезвычайно высокіе проценты. Драгоцѣнности были выкуплены въ половинѣ 1417 г., а долгъ былъ уплаченъ деньгами любекцевъ, подвергнутыхъ Сигизмундомъ штрафу за изгнаніе своего магистрата. Въ Кале Сигизмундъ между прочимъ предсѣдательствовалъ на одномъ изъ такъ называемыхъ княжескихъ конгрессовъ, не приводящихъ никогда ни къ чему путному и служащихъ только предлогомъ для пустаго, безсмысленнаго, тщеславнаго мотовства. О возвращеніи въ Констанцъ или въ Венгрію король еще не думалъ и, выѣхавъ изъ Кале, шатался безъ цѣли въ Нидерландахъ, Лотаргиніи и на Рейнѣ, слѣдуя обычаямъ прежнихъ императоровъ, нигдѣ не платилъ ничего ни за себя, ни за свиту. Наконецъ, послѣ полуторагодоваго странствованія, онъ вернулся въ Констанцъ, въ послѣднихъ числахъ января 1417 г.

Въ эти полтора года въ Констанцѣ было гораздо болѣе говорено и написано, пущено пыли въ глаза и происходило болѣе словопреній, чѣмъ дѣйствительно рѣшено и сдѣлано; такъ бываетъ почти всегда, когда для рѣшенія политическихъ и религіозныхъ вопросовъ сбираются ученые, въ особенности теоретики и систематики профессоры. Ученые богословы Сорбонны были согласны относительно злоупотребленій существующаго церковнаго устройства, денежныхъ поборовъ и уничтожавшихъ всякое довѣріе народа къ своему духовенству печальнѣйшихъ послѣдствій свѣтскаго управленія папъ, епископовъ и опоръ ихъ, нищенствующихъ орденовъ; но измѣнить главныхъ основаній никто не хотѣлъ. Изъ совѣ-

щаній собора, происходившихъ въ 1416 и 1417 г., очевидно, что засѣдавшіе въ Констанцѣ кардиналы, прелаты и доктора не могли, даже и не желали произвести реформы церкви въ ея главѣ и членахъ, для чего они собственно были созваны. Безъ измѣненія догматической стороны ученія ничто не могло истребить зла, а этого не хотѣли даже такіе противники папства, какъ Жерсонъ, Петръ д'Алльи и другіе представители галликанской церкви. Предложеніе Сигизмунда въ этомъ смыслѣ подняло неимовѣрный гвалтъ. Король велѣлъ роздать сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, о реформѣ духовенства (Reformatorium Cleri), предлагавшее, чтобы церковныя имѣнія были отданы свѣтской власти для употребленія на дѣла вѣры, т. е. на жалованье духовенству, содержаніе культа и борьбу съ турками. Подобное предложеніе естественно должно было встрѣтить сильное противодѣйствіе уже по одному тому, что невозможно было довѣрить церковныхъ имѣній и стать въ зависимость отъ такого человѣка, какъ Сигизмундъ.

Сильнѣе всѣхъ жаловались на папскій престолъ нѣмцы. Сначала Сигизмундъ поддерживалъ своихъ соотечественниковъ; въ томъ же духѣ энергически говорилъ честный, ученый Робертъ Галламъ, епископъ салиссберійскій, и до его смерти англичане дѣйствовали довольно согласно съ нѣмцами. Существованіе въ Германіи безконечнаго множества аббатовъ, епископовъ и архіепископовъ, пользовавшихся княжескими правами, дѣлало для нѣмцевъ сохраненіе существующей системы невыносимѣе, чѣмъ для другихъ народовъ. Еще прежде собора ими былъ составленъ сборникъ жалобъ (Gravamina), изъ котораго они впослѣдствіи (1416 г.) заимствовали свои предложенія объ ограниченіи папскаго гнета (Avisamenta), а на базельскомъ соборѣ даже требовали, чтобы конкордатъ былъ заключенъ на основаніи этихъ предложеній. При дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ, какъ папа, Эней Сильвій, майнцская канцелярія и императоръ Фридрихъ III обманули нѣмцевъ, подсунувъ имъ, выражаясь по-Гомеровски, вмѣсто конкордата, цѣною во сто быковъ, конкордатъ, стоющій только девятерыхъ. Въ Констанцѣ нѣмцы вмѣстѣ съ англичанами настаивали на томъ, чтобы жалобы вѣрныхъ католиковъ на папство и іерархію были разсмотрѣны прежде избранія новаго папы. Три остальныя націи утверждали, напротивъ, что никакая реформа не можетъ быть предпринята до избранія папы. Но очевидно было, что новый папа прежде всего не допуститъ нападеній на существующую систему: наглыя злоупотребленія папъ и кардиналовъ и составляли главный предметъ жалобъ. Противодѣйствіе другихъ націй стремленіямъ нѣмцевъ и англичанъ основывалось главнымъ образомъ на пристрастіи того времени къ формалистикѣ. Эти боязливыя отношенія къ формальностямъ доходили до того, что за ними сущность дѣла отходила почти всегда на самый задній планъ. По этой же причинѣ констанцскіе іерархи не могли успокоиться на томъ, что приверженцы Бенедикта XIII сами потребовали отъ него повиновенія собору; въ 1416 г. они отправили къ нему двухъ монаховъ съ приглашеніемъ явиться въ Констанцъ, хотя всему свѣту было извѣстно, что онъ никогда не пріѣдетъ. Послѣ того, отцы нѣсколько разъ назначали ему новые сроки, медлили начать противъ него процессъ, откладывая его съ мѣсяцъ на мѣсяцъ, и только 26 іюля 1417 г. рѣшились наконецъ объявить о низложеніи Бенедикта.

Съ этой минуты присутствовавшіе на соборѣ двадцать четыре кардинала стали еще сильнѣе настаивать на необходимости приступить къ избранію папы; имъ вторили всѣ французскіе, испанскіе и итальянскіе прелаты, требовавшіе новаго папы. Сигизмунду и англичанамъ трудно было бороться, а со смертью Галлама, 4 сентября 1417 г., нѣмцы не могли болѣе разсчитывать и на англичанъ. Какъ была готова еще тогда вся Германія для реформаціи—видно не только изъ всѣхъ разсказовъ, стихотвореній и рѣчей того времени, писанныхъ народнымъ языкомъ, но въ особенности изъ письменнаго оправданія, составленнаго присутствовавшимъ на соборѣ нѣмецкимъ духовенствомъ. Неслыханная до тѣхъ поръ настойчивость, съ какою оно и Сигизмундъ требовали реформы, отказываясь до осуществленія ея приступить къ избранію папы, вызвала противъ нихъ обвиненіе въ покровительствѣ ученіямъ Гуса и Уиклефа. Въ своемъ оправданіи нѣмцы съ гордостью называютъ себя «богобоязливою», терпѣливою, покорною націею, сдѣлавшеюся могущественною Божіею милостью; къ ней принадлежатъ императоръ, восемь королей, множество герцоговъ, маркграфовъ, князей, графовъ, владѣтелей

и независимыхъ городовъ, полныхъ свѣжихъ силъ». Далѣе они говорятъ: «Въ теченіе полутора столѣтія испорченность, явившаяся вслѣдствіе притязаній папъ, постоянно усиливалась. Вмѣсто старанія о спасеніи душъ, папскимъ дворомъ руководятъ корыстолюбіе, честолюбіе и чувственность, доводящія его до всевозможныхъ несправедливостей и насилія. Вотъ источникъ всѣхъ злоупотребленій духовенства» и т. д. Въ собраніи всѣхъ относящихся до констанцскаго собора актовъ, составленномъ фонъ Гардтомъ, находится и это сочиненіе, въ высшей степени важное для исторіи нѣмецкой церкви XV столѣтія.

Можетъ быть, Сигизмундъ и продолжалъ бы настаивать на своихъ требованіяхъ, еслибъ его не перестали поддерживать сначала англійскіе, а потомъ и нѣмецкіе прелаты, подкупленные обѣщаніями доходныхъ мѣстъ и званій. Въ концѣ сентября король согласился наконецъ на избраніе папы; при этомъ онъ и нѣмцы постановили непремѣннымъ условіемъ, чтобы новый папа тотчасъ по коронованіи предпринялъ и совершилъ вмѣстѣ съ соборомъ реформу церковнаго управленія. Съ своей стороны соборъ постановилъ, 9 октября, что впредь, какъ въ древней церкви, должны быть созываемы въ опредѣленные сроки вселенскіе соборы: ближайшій чрезъ пять лѣтъ, второй чрезъ семь, а за тѣмъ чрезъ каждые десять лѣтъ. На этотъ разъ избраніе не было предоставлено однимъ присутствовавшимъ въ Констанцѣ кардиналамъ; сначала ихъ даже хотѣли совсѣмъ исключить, но послѣ долгихъ преній рѣшили, что избирательную коллегію составятъ шесть депутатовъ отъ каждаго народа, т. е. всего тридцать, вмѣстѣ съ тридцатью двумя кардиналами. 8 ноября 1417 г. избирательная коллегія сошлась въ епископскомъ дворцѣ и 11 того же мѣсяца избрала папою кардинала Оттона Колонну, произнесшаго именемъ Іоанна XXIII приговоръ надъ Гусомъ.

Избранникъ принялъ имя Мартина V и тотчасъ же возобновилъ всѣ злоупотребленія своихъ предшественниковъ со взятками и поборами. Замѣщеніе папскаго престола сопровождалось цѣлымъ рядомъ праздниковъ; новый папа, король Сигизмундъ и отцы собора забавляли праздный народъ церковными и рыцарскими зрѣлищами, гдѣ Мартинъ игралъ первую, а Сигизмундъ вторую роль. Папа умѣлъ отлично увертываться, когда рѣчь заходила о реформахъ, и громкіе голоса, требовавшіе ихъ прежде, вдругъ стихли. Для соблюденія формальности, 22 ноября всѣ пять націй говорили еще, что необходимо произвести реформу; однако онѣ согласились передать дѣло коммисіи, которая сначала долго не подавала голоса о себѣ, а потомъ отложила вопросъ въ долгій ящикъ. Одни нѣмцы продолжали настоятельно требовать уничтоженія папской тираніи. Они и страдали отъ нея болѣе другихъ: трое ихъ курфирстовъ принадлежали къ духовенству, а императоръ не только считалъ необходимымъ папское коронованіе и утвержденіе, но, подобно византійскому императору, гордился званіемъ иподьякона и позволеніемъ читать во время службы евангеліе, съ мечомъ въ рукахъ. Нѣмцы высказали свои жалобы на римскій дворъ въ 18 статьяхъ, переданныхъ новому папѣ въ концѣ января 1419 г. Мартинъ уклонялся отъ исполненія ихъ требованій такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ до нашихъ дней его преемники, т. е. вмѣсто реформъ онъ заключалъ двусмысленные конкордаты, составленные такъ, что все оставалось постарому и все-таки можно было сказать, что даны обѣщанныя реформы. Итальянцы не хотѣли никакой реформы, слѣдовательно Мартину приходилось заключить конкордаты только съ четырьмя другими націями. Съ каждой націей былъ заключенъ особый конкордатъ; нѣмцы получили свой 21 марта, однако безъ всякаго поручительства, что условія его будутъ выполнены. Ни одно изъ правительствъ четырехъ націй не согласилось принять заключеннаго его духовенствомъ конкордата, въ которомъ дѣлались самыя незначительныя уступки, да и то больше для виду; всѣ, кромѣ нѣмцевъ, приняли въ соединеніи съ государственными сословіями мѣры, чтобы разъ навсегда свѣтскими средствами обуздать безчинства папъ.

Главной задачей собора была церковная реформа; папа выдавалъ безплодные конкордаты за церковную реформу, слѣдовательно заключеніемъ ихъ достигалась цѣль четырехлѣтнихъ совѣщаній ученыхъ богослововъ всего христіанскаго міра, и Мартинъ V приготовился отправиться въ Римъ. Предъ закрытіемъ собора онъ объявилъ въ предпослѣднемъ засѣданіи (19 апрѣля 1418 г.), что ближайшій соборъ для дальнѣйшихъ преобразованій церковнаго управленія будетъ созванъ черезъ пять лѣтъ въ Павіи, — другими словами, что вопросъ о

реформѣ будетъ переданъ итальянцамъ, противившимся всякимъ реформамъ. Его рѣчь возбудила неудовольствіе всей церкви. Въ послѣднее или сорокъ пятое засѣданіе (21 апрѣля) пустой и тщеславный Сигизмундъ явился съ императорскою короною на головѣ, разыгрывая опять роль папскаго дьякона. Въ это засѣданіе одинъ изъ кардиналовъ прочелъ сначала по приказанію папы о закрытіи собора, а потомъ юристъ Ардоинъ Новарскій, предшественникъ Меттерниха, прочелъ отъ имени Сигизмунда записку, въ которой говорилось, что король всѣмъ очень доволенъ, нисколько не жалѣетъ о своихъ тратахъ, достигнувъ всего, чего желалъ, и что только злые и безпокойные люди могутъ утверждать, что все сдѣланное соборомъ принесетъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

5. Сигизмундъ, германская имперія и гуситская война до 1432 года.

Нѣмцамъ пришлось жестоко поплатиться за фанатизмъ собравшихся въ Констанцѣ богослововъ, тщеславную роскошь, страсть къ наслажденіямъ и легкомысленную расточительность своего короля. Сигизмундъ повредилъ нѣмцамъ не только тѣмъ, что продавалъ и закладывалъ права и владѣнія, принадлежавшія имперіи, слѣдовательно всему государству, и выдавая за деньги граматы и указы, обращалъ притязанія князей, рыцарей, городовъ и корпорацій въ права и привилегіи,—онъ повредилъ имъ и своей рабской покорностью передъ папою. Это рабство, бывшее политическимъ разсчетомъ, а не суевѣріемъ, привело къ тому, что чехи, соединенные его отцомъ и братомъ тѣсными, братскими узами съ нѣмцами, сдѣлались непримиримыми врагами нѣмецкой націи, ея религіи, цивилизаціи и всего императорскаго дома. Разбирая дѣло гуситовъ, соборъ поступилъ съ чешскимъ народомъ совершенно такъ же, какъ поступали германскій сеймъ, Австрія и Пруссія съ нѣмецкимъ народомъ съ 1817 по 1847 годъ. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствовали полицейскимъ насиліемъ и уголовными законами въ пользу положительнаго права меньшинства, противъ разумнаго права большинства. Возбужденный нѣмецкими богословами, соборъ постановленіемъ 24 февраля 1416 г. объявилъ еретиками 452 чешскихъ и моравскихъ бароновъ и рыцарей, подписавшихъ 2 сентября 1415 г. письмо, наполненное угрозами, и потребовалъ ихъ къ суду. Вызовъ собора былъ прибитъ въ маѣ къ церковнымъ дверямъ въ Констанцѣ, Пассау и Вѣнѣ, а въ іюнѣ въ Регенсбургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ началъ процессъ противъ архіепископа пражскаго, Конрада Фехты, и епископа ольмюцкаго, Вацлава Кралика изъ Бурженицъ, за то, что они терпѣли ересь. Когда по смерти Кралика чешскій король, не обращая вниманія на соборъ, велѣлъ Конраду назначить новаго епископа ольмюцкаго, отцы собора, въ пылу азарта, хотѣли преслѣдовать со всею строгостью церковныхъ законовъ Венцеслава и его жену, какъ покровителей еретиковъ. Большихъ усилій стоило Сигизмунду удержать соборъ отъ поступка, который сдѣлалъ бы его окончательно смѣшнымъ и навлекъ бы на него еще сильнѣйшую ненависть.

Съ особымъ озлобленіемъ преслѣдовалъ соборъ ученыхъ, пошедшихъ въ пражскомъ университетѣ и другихъ мѣстахъ по слѣдамъ обоихъ чешскихъ мучениковъ и проповѣдывавшихъ библейскую религію, болѣе или менѣе несходную съ церковнымъ ученіемъ. Между тѣмъ, въ тоже время крайніе мечтатели волновали массы религіозною и политическою пропагандою. Изъ членовъ пражскаго университета къ реформаторамъ, требовавшимъ только прекращенія злоупотребленій, а не измѣненія всего существующаго ученія, принадлежали Янъ изъ Есеницы, Якобеллъ (Якубекъ) изъ Мисы, Христіанъ изъ Прахатицъ, Янъ Кардиналъ изъ Рейнштейна, Симонъ изъ Тишновицъ, Симонъ изъ Рокицанъ, Зденекъ изъ Лабуна, Марекъ изъ Кралова-Градца, панъ Здиславъ изъ Звирженицъ и Михаилъ Чижекъ изъ Маленицъ. Эти доктора и приверженцы ихъ составляли общину такъ называемыхъ *каликстинцевъ или утраквистовъ*; они требовали причащенія подъ обоими видами и уничтоженія многихъ церковныхъ злоупотребленій, но публично заявляли, что во всѣхъ вопросахъ, положительно не разрѣшенныхъ въ св. писаніи, считаютъ нужнымъ слѣдовать принятымъ церковнымъ вѣрованіямъ. Совершенно иныя требованія предъявляли различныя секты и

основатели ихъ, слѣдовавшіе ученіямъ пикардовъ, альбигойцевъ, беггардовъ и мечтавшіе объ израильскихъ племенахъ. Мечтатели пользовались большимъ вліяніемъ на массы народа; они, подобно ученикамъ Уиклефа и какъ впослѣдствіи англійскіе мечтатели временъ Кромвелля,—проповѣдывали коммунистическія идеи, выводя ихъ изъ книгъ Моисея и евангелія. Ихъ страстная, вначалѣ впрочемъ умѣренная, пропаганда повела къ такимъ же страшнымъ сценамъ въ Богеміи, какъ во Франціи въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка воодушевленіе за равенство, свободу и человѣческія права. Эти мечтатели поселились около Устья надъ Лужницей, и на горѣ, населенной жителями Устья и названной библейскимъ именемъ Таборъ. Богатый фабрикантъ суконныхъ издѣлій изъ Праги предложилъ гостепріимство всѣмъ ученымъ и неученымъ радикаламъ, недовольнымъ умѣренными пражцами. Основатели секты и проповѣдники, магистръ Янъ изъ Ичина, священники Венекъ, Янъ изъ Быдлина, Каниш, Пшеничка и другіе, возбужденные явившимися въ Богемію иностранцами, мало-по-малу собрали около себя нѣсколько тысячъ человѣкъ, основавшихъ нынѣшній городокъ Таборъ; сначала они жили на чистомъ воздухѣ. 25 января 1417 г. магистры пражскихъ гуситовъ и каликстинцевъ издали противъ нихъ прокламацію. Въ ней, между прочимъ, было сказано: «Дьяволъ часто нарочно прикидывается уважающимъ святыню, чтобы поселять между братьями раздоры и презрѣніе къ божественнымъ заповѣдямъ. Въ Прагѣ съ горестью узнали, что въ нѣкоторыхъ общинахъ и мѣстечкахъ Богеміи проповѣдуется, будто чистилища не существуетъ, молитвы и подаянія за умершихъ совсѣмъ не нужны, изображеніе святыхъ и почитаніе ихъ противорѣчатъ священному писанію, церковныя церемоніи, какъ напр. освященіе соли и воды, вербы, пасхальныя яйца и т. п.,—заблужденія, не имѣющія смысла». Слѣдовательно, всему этому стремились противодѣйствовать пражскіе магистры. Изъ этого легко понять, что они—такъ какъ дѣло уже пошло на разъясненіе вопросовъ—не могли управлять грозившей революціей, оставаясь далеко позади тѣхъ, которыене хотѣли останавливаться на половинѣ дороги. Констанцскій соборъ сдѣлалъ еще гораздо большую ошибку, чѣмъ ученые профессоры Праги. Вмѣсто того чтобы тотчасъ же уступить хоть что-нибудь умѣреннымъ пражцамъ, соборъ своими дѣйствіями заставилъ всѣхъ чеховъ соединиться противъ ученія, навязываемаго имъ защитниками *всего* стараго. Убѣжденный въ непогрѣшимости своей собственной и своихъ собратій, какъ это бываетъ по большей части съ подобными ему учеными и знаменитыми профессорами, канцлеръ парижскаго университета Жерсонъ, опровергая именемъ собора каликстинцевъ, отзывался съ презрѣніемъ о тѣхъ, кто не соглашался съ его положеніями, и сказалъ, что, по его мнѣнію, не духовнымъ оружіемъ, а свѣтскими средствами слѣдуетъ дѣйствовать противъ гуситовъ. Такъ разсуждаютъ многіе мудрецы и въ наше время. Мартину не нужно было говорить этого двухъ разъ. Тотчасъ по своемъ избраніи онъ сталъ обращаться съ чехами такъ же, какъ обращался съ ними соборъ, и даже хотѣлъ продолжать процессъ, которымъ святые отцы грозили чешскому королю; только уговоры Сигизмунда и обѣщанія, сдѣланныя отъ имени Венцеслава, заставили его отказаться отъ этой мысли. Съ своей стороны и чехи относились къ нему такъ, какъ будто уже весь народъ отпалъ отъ церкви. Буллою, изданною 22 февраля 1418 г. въ Констанцѣ, папа угрожалъ самыми страшными наказаніями тѣмъ, кто будетъ слѣдовать Уиклефу, Гусу и Іерониму или одобрять ихъ ученіе, ихъ близкихъ и родственниковъ, тѣмъ, кто укроетъ или приметъ въ свой домъ гусита, наконецъ даже тому, кто позволитъ себѣ не указать на извѣстнаго ему еретика; всѣмъ этимъ лицамъ онъ грозилъ конфискаціею имѣній и запрещеніемъ хоронить ихъ по христіанскому обряду. Кромѣ того, Мартинъ возобновилъ страшную инквизиціонную буллу папы Бонифація, называвшуюся по начальнымъ словамъ «ut inquisitionis negotium» и требовавшую, чтобы свѣтскіе судьи преслѣдовали обвиняемыхъ церковью въ ереси. Мѣсяцъ спустя папа писалъ всѣмъ чехамъ безъ исключенія, преимущественно же баронамъ и рыцарямъ: «Мерзко, жалко, отвратительно слушать и страшно больно говорить, что люди, раздѣляющіе безбожныя, давно осужденныя ученія Уиклефа и Гуса,—будь проклята ихъ память!—распространили пагубныя заблужденія по всей Богеміи. Можно почти сказать, что католическая вѣра и евангельское благочиніе безслѣдно исчезли тамъ, гдѣ ихъ хранили съ величайшимъ уваженіемъ и примѣрнымъ благоче-

стіемъ». Кардиналъ, разсказывающій эти исторіи со всѣми подробностями и относящимися къ нимъ документами, сознается, что эти проклятія, буллы, духовныя посланія и ругательства привели въ бѣшенство всю Богемію, дворянъ, такъ же какъ народъ. Когда Венцеславъ хотѣлъ, по требованію папы и своего брата, ограничить свободу проповѣдей, пражцы возстали и принудили короля скрыться въ Вышеградѣ.

Находя болѣе благоразумнымъ сохранять дружественныя отношенія съ своими подданными, а не съ папою, Венцеславъ, черезъ шесть недѣль послѣ этого вмѣшательства Мартина въ свѣтское управленіе и судебную власть, вновь обнародовалъ законъ (9 іюня 1418 г.), объявлявшій недѣйствительнымъ призывъ чеховъ свѣтскаго званія къ иноземному духовному суду. Мы говорили, что доминиканецъ, слѣдовательно уже по одному тому инквизиторъ, кардиналъ Іоаннъ Доминичи, отправленный Мартиномъ въ іюнѣ для преслѣдованія чешскихъ еретиковъ, ничего не могъ сдѣлать. Венцеславъ не хотѣлъ его слушать, и кардиналъ долженъ былъ радоваться, что уѣхалъ изъ Богеміи живымъ и невредимымъ. Въ концѣ 1418 г. при проѣздѣ Сигизмунда черезъ Пассау въ Венгрію, Доминичи находился въ обществѣ императора; мы предполагаемъ, что этотъ доминиканецъ и уговорилъ Сигизмунда отправить къ брату грамату, наполненную выговорами за то, что онъ не поддерживаетъ папскихъ распоряженій относительно своихъ подданныхъ. Естественно, что подобный поступокъ долженъ былъ окончательно возстановить чеховъ противъ Сигизмунда. На слова Сигизмунда, что онъ прекращаетъ съ Венцеславомъ, какъ съ еретикомъ, всякія дружескія отношенія, и на угрозы всего христіанскаго міра чешскій король отвѣчалъ сначала письмомъ, а въ январѣ 1419 г. отправилъ пословъ сказать, что въ Богеміи не знаютъ ни еретиковъ, ни ложныхъ ученій. Застращенный братомъ, Венцеславъ думалъ своей слабой волей противодѣйствовать воли цѣлаго народа; это повело за собой отпаденіе Богеміи и подвергло нѣмцевъ страшнымъ жестокостямъ со стороны чеховъ. Въ январѣ 1419 г. уже почти вся Прага принадлежала къ утраквистамъ, даже совѣтники Венцеслава и начальники войска приняли ученіе Гуса. Не смотря на то, въ февралѣ того же года король велѣлъ преслѣдовать утраквистовъ, дозволилъ имъ совершать богослуженіе только въ нѣкоторыхъ церквахъ, и вообще началъ преслѣдовать еретиковъ. Пражцы соединились для защиты своего ученія, и лучшій совѣтникъ короля вмѣстѣ съ лучшимъ воиномъ не хотѣли болѣе оставаться въ королевской службѣ. Эти два предводителя гусптовъ, бургграфъ Николай изъ Гуси и старикъ Жижка изъ Троцнова, прославившійся въ Польшѣ и Литвѣ въ войнѣ тевтонскихъ рыцарей съ язычниками, пріобрѣли такую же славу, какъ впослѣдствіи Кромвелль въ Англіи. Когда оба они отступились отъ короля, а граждане Праги отказались положить оружіе, Венцеславъ, не считая себя безопаснымъ въ Вышеградѣ, бѣжалъ въ построенный имъ близъ Кунратица замокъ Венцельштейнъ. Въ помѣстьяхъ Жижки и Николая Гуспица, изгнанныхъ Венцеславомъ и объявленныхъ еретиками, собралось множество гуситовъ со всей Богеміи. Духовенство радикальныхъ гуситовъ, выгнанное изъ Аусти, соединило свою партію на холмѣ Градище близъ Лужницы. Окруженный съ трехъ сторонъ наполненными водою оврагами и доступный только съ четвертой черезъ узкій перешеекъ, этотъ холмъ, названный впослѣдствіи горою Таборъ, по самому положенію былъ удобенъ для основанія крѣпости. Тамъ, подъ открытымъ небомъ, при стеченіи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, совершало духовенство богослуженіе лѣтомъ 1419 г.; тамъ, 23 іюля 1419 г., Николай Гуспнецъ устроилъ религіозное національное празднество, на которое явилось сорокъ двѣ тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей изъ всѣхъ мѣстностей Богеміи,—празднество, исполнившее энтузіазма весь народъ, потому что это былъ праздникъ равенства передъ Богомъ. Собраніе устраивало процессіи съ хоругвями и причастіемъ и пѣло молитвы на чешскомъ языкѣ; каждая новая толпа приходящихъ встрѣчалась съ торжествомъ, доступъ былъ открытъ всѣмъ; они называли себя народомъ божьимъ и племенемъ Іуды; всякое сословное различіе было уничтожено, и крестьянинъ называлъ дворянина братомъ. Собравшіеся гуситы провели вмѣстѣ нѣсколько дней на холмѣ, покрытомъ палатками. Назидательный и веселый національный праздникъ прошелъ безъ всякихъ свѣтскихъ потѣхъ, безъ малѣйшей роскоши, пьянства и шума; мирно и дружески разошлись они, не подавъ ни малѣйшаго повода къ жа-

любамъ. Все это произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе на народъ. Дѣйствія Николая изъ Гуси были представлены Венцеславу въ самомъ искаженномъ, обезображенномъ видѣ. Со времени послѣдняго письма Сигизмунда и угрозъ Мартина, Венцеславъ сталъ преслѣдовать гуситовъ и запрещать ихъ богослуженіе; онъ назначилъ противниковъ ихъ членами магистрата Новаго-города въ Прагѣ и хотѣлъ сдѣлать то же въ Старомъ-городѣ и Малой-странѣ. Это вызвало 30 іюля 1419 г. первые ужасы гуситской войны. Бывшій монахъ премонстратскаго монастыря, Янъ Желивскій, образовавшій въ Новомъ-городѣ фанатическую общину и возбуждавшій народъ противъ преслѣдователей ихъ единовѣрцевъ изреченіями и притчами изъ откровенія Іоанна и іудейскихъ пророковъ, возстававшихъ на идолопоклонство, устроилъ однажды процессію, наполнившую всѣ улицы народомъ. Собраніе магистрата хотѣло запретить процессію, его слуги и католики оскорбили монаха и причастіе подъ обоими видами, которое Янъ несъ впереди вмѣсто потира. Фанатики тотчасъ же отмстили за оскорбленіе; поддержанные вооруженными людьми Жижки, они напали на магистратъ и полицію. Разъяренная толпа ворвалась въ ратушу и выбросила изъ окна семь ратмановъ и городскаго судью Никласка; подхваченные на пики стоявшимъ на улицѣ народомъ, они были умерщвлены, но не ограблены. Остальные ратманы спаслись бѣгствомъ. Вскорѣ послѣ этихъ сценъ умеръ Венцеславъ. Многіе изъ писателей говорятъ, что онъ умеръ отъ страха или бѣшенства, другіе утверждаютъ, изъ ненависти къ гуситамъ, что онъ былъ задушенъ своими приближенными, приверженцами Гуса. Новѣйшій чешскій историкъ вполнѣ опровергъ это несправедливое обвиненіе. Доказавъ, что у Венцеслава еще прежде былъ апоплексическій ударъ и что король страдалъ въ началѣ августа его послѣдствіями, Палацкій совершенно основательно говоритъ: «Что же касается внезапной смерти Венцеслава 16 августа 1419 г., то кажется, весьма понятно, что такой обжора и пьяница какъ Венцеславъ не могъ перенести вторичнаго удара».

Смерть короля Венцеслава была сигналомъ общаго возстанія въ Богеміи: гуситы завладѣли вездѣ управленіемъ. 29 сентября и 11 ноября, какъ прежде на Таборѣ, праздновались на открытомъ полѣ мечтательныя, республиканско-радикальныя народныя празднества. Общественное спокойствіе опять нисколько не было нарушено, не смотря на то, что главную роль играли тогда Жижка и гуситскій священникъ Вацлавъ Коранда. Большая часть городовъ оставалась впрочемъ еще долго во власти нѣмцевъ, поддерживаемыхъ большинствомъ чешскихъ землевладѣльцевъ. Жижка призвалъ къ оружію крестьянъ и все собственно чешское населеніе, возбуждая ихъ чрезъ фанатическихъ священниковъ и прокламаціи на чешскомъ языкѣ, не довѣрять ни одному нѣмцу и не щадить ни одного изъ нихъ. Въ одной прокламаціи онъ говоритъ своимъ соотечественникамъ и единовѣрцамъ: «берегитесь тѣхъ, которые противодѣйствуютъ нашей вѣрѣ, но въ особенности берегитесь нѣмцевъ! Вы уже испытали ихъ преслѣдованія во имя Іисуса! Боритесь съ ними непрестанно, какъ дѣлали ваши предки, древніе чехи, бравшіеся за оружіе не только для защиты Бога, но и для защиты самихъ себя! Намъ, братья, желающимъ общаго блага и почитающимъ божественныя заповѣди, предстоятъ большія усилія. Кто можетъ владѣть мечомъ и махать дубиной, тотъ долженъ вооружаться на борьбу. Вы должны заставлять вашихъ священниковъ во всѣхъ ихъ проповѣдяхъ возбуждать народъ на борьбу съ антихристомъ и готовить всѣхъ, стараго и молодаго, для войны» и т. д.

Съ помощью католической части дворянства, жителей городовъ и наемныхъ нѣмецкихъ солдатъ, жена Венцеслава, Софія, защищалась какъ могла отъ крайнихъ гуситовъ; зять ея, Сигизмундъ, занятый въ то время войною съ турками и венеціанцами и, по обыкновенію, нуждавшійся въ деньгахъ, не оказывалъ ей никакой поддержки. Въ Прагѣ ежедневно происходили кровопролитныя стычки; въ остальной Богеміи Коранда и Жижка мало-по-малу организовали по военному весь народъ, какъ это было во Франціи во времена террора. Въ Прагѣ хотя и господствовала умѣренная партія, имѣвшая ружья и пушки (мы говорили, что чехи отличались при осадѣ Константинополя какъ артиллеристы), но она не могла прекратить убійствъ и пожаровъ. Софія бѣжала изъ города, дворцы были сожжены, ратуша и такъ называемый саксонскій домъ взяты приступомъ, и послѣдній обращенъ въ крѣпость. Не смотря на это, Прага и всѣ города Богеміи,

исключая пяти, оставались еще во власти умѣренныхъ гуситовъ. Подъ предводительствомъ Жижки радикалы, желавшіе основать на землѣ царство Христа, разбили рыцарей и отняли у нихъ Пильзенъ. Въ другомъ кровопролитномъ сраженіи они разбили владѣтеля Розенберга, опустошили Устье и построили крѣпость на горѣ Таборъ. Партія умѣренныхъ была однако еще такъ сильна, что, не находись Сигизмундъ въ совершенной зависимости отъ ненавистной для народа духовной и придворной аристократіи, онъ могъ бы съ ея помощью одолѣть крайнихъ, поклявшихся никогда не признавать его королемъ. На Рождествѣ 1419 г. Сигизмундъ потребовалъ въ Брюннъ чешскихъ и моравскихъ бароновъ, рыцарей, бургграфовъ и депутатовъ отъ городовъ; къ нему явились только представители умѣренной партіи. Король прибылъ въ городъ съ свитой князей и епископовъ, ненавистныхъ гуситамъ; съ нимъ былъ и папскій легатъ Фердинандъ Луккскій, преемникъ Іоанна Доминичи, назначенный руководить истребленіемъ еретиковъ. Королева Софія тоже пріѣхала въ Брюннъ съ толпой приближенныхъ, озлобленныхъ послѣдними событіями въ Прагѣ. Умѣренные гуситы, въ особенности граждане Праги, просили защиты отъ радикальныхъ таборитовъ, адамитовъ и другихъ крайнихъ гуситовъ. Пражская депутація, съ торжествомъ вступившая 27 декабря въ Брюннъ, состояла, разумѣется, изъ гуситовъ, съ гуситскими священниками, открыто совершавшими свое богослуженіе. Тѣ, которые прислали ихъ, очень хорошо понимали, что они нуждаются въ королѣ, и потому равнодушно смотрѣли на то, что Сигизмундъ обращался съ ихъ уполномоченными какъ съ крѣпостными. Въ первой аудіенціи депутаты, явившіеся просить прощенія за происшествія въ Прагѣ, должны были на колѣнахъ ожидать отвѣта Сигизмунда и слушать сыпавшіяся на нихъ ругательства и упреки. Король потребовалъ удаленія еретиковъ отъ всѣхъ должностей. Такимъ образомъ, умѣренные или, какъ ихъ также называютъ, пражцы находились между двухъ огней; крайніе между тѣмъ организовывали войско для основанія царства новой патріархальной церкви славянъ и энергически продолжали укрѣплять занятыя ими мѣста, при чемъ имъ оказывали большія услуги принадлежавшіе къ ихъ партіи рудокопы. Сначала казалось, что все преклонится передъ королемъ; но Сигизмундъ не щадилъ умѣренныхъ и этимъ способствовалъ соединенію всѣхъ враждебныхъ между собой чешскихъ сектъ и партій противъ короля и нѣмецкихъ князей, вооружаемыхъ противъ нихъ папою.

Соединеніе всѣхъ гуситовъ произошло послѣ поѣздки Сигизмунда изъ Брюнна въ Силезію и его деспотическихъ, звѣрскихъ поступковъ съ бреславцами. Прибывъ въ Бреславль, куда явилось множество князей, владѣтелей и рыцарей, Сигизмундъ по своему обыкновенію занялся сначала празднествами и пирами. 3 января 1420 г. онъ разыгралъ роль посредника въ спорѣ польскаго короля съ великимъ княземъ литовскимъ Витольдомъ и произнесъ приговоръ, котораго впослѣдствіи не признала ни одна изъ сторонъ. Затѣмъ началась раздача леновъ нѣмецкимъ князьямъ и продажа различныхъ привилегій. Наконецъ, въ февралѣ король принялся за бреславцевъ, желая доказать имъ свою власть, чтобы потомъ дѣйствовать такимъ же образомъ и въ Богеміи. Въ іюлѣ 1418 г. въ Бреславлѣ произошли такія же сцены, какъ въ Прагѣ годъ спустя: различные цехи, преимущественно мясники, ворвались въ ратушу и однихъ ратмановъ выбросили изъ окна, другихъ умертвили. Венцеславъ при подобномъ же происшествіи въ Прагѣ только смѣнилъ образовавшійся тогда революціонный гуситскій магистратъ, не наказавъ виновниковъ волненія; Сигизмундъ, напротивъ, судилъ бреславцевъ жестокимъ, варварскимъ образомъ. Онъ назначилъ коммисію, приговорившую тридцать два человѣка къ смертной казни, въ мартѣ велѣлъ отрубить при себѣ головы осужденнымъ, подарилъ городу имѣнія бѣжавшихъ, ограничилъ права цеховъ, особенно мясниковъ, и запретилъ имъ сходки. Изъ двадцати членовъ магистрата шестнадцать велѣно было избирать изъ дворянъ и только четверыхъ изъ другихъ городскихъ сословій; такимъ образомъ военныя силы города перешли въ распоряженіе преобладающей аристократіи. Наказавъ тѣхъ, которые не хотѣли подчиняться короно-полицейской дисциплинѣ, Сигизмундъ, изъ угожденія папѣ, поступилъ еще строже съ противниками церковныхъ властей. Въ Бреславлѣ жилъ одинъ изъ извѣстныхъ пражскихъ горожанъ, Янъ Краса, защищавшій Гуса и порицавшій соборъ. Предавъ его духовному суду, осудившему, какъ и слѣдовало

ждать, обвиняемаго, король 15 марта приказалъ влачить Красу по улицамъ до мѣста казни и потомъ сжечь. Оскорбляемый самымъ гнуснымъ образомъ, мученикъ, подобно Гусу и Іерониму, до конца сохранялъ хладнокровіе и стойкость. Краса принадлежалъ къ умѣренной партіи, и потому его смерть исполнила всѣ сердца еще большей злобой. Вслѣдъ затѣмъ Сигизмундъ дозволилъ папскому легату и инквизитору, Фердинанду, обнародовать буллу Мартина V, призывавшую вѣрующихъ къ крестовому походу противъ бреславскихъ гуситовъ. Чехи, находившіеся въ свитѣ короля, публично смѣялись надъ инквизиторомъ, разумѣется, страшно обижавшимся насмѣшками; но на этотъ разъ Сигизмундъ былъ такъ благоразуменъ, что не сдѣлался игрушкою гнѣва духовныхъ.

Послѣ этихъ событій въ Силезіи граждане Праги вмѣстѣ съ университетомъ объявили себя противъ короля и призвали таборитовъ и героя ихъ Жижку, которыхъ прежде не пускали въ городъ. Другіе города тотчасъ же присоединились къ пражцамъ для общаго противодѣйствія нѣмецкимъ князьямъ и епископамъ, готовившимся начать подъ предводительствомъ Сигизмунда крестовый походъ противъ Богеміи. Въ одномъ изъ своихъ собраній пражскіе городскіе депутаты объявили, что не намѣрены болѣе слушаться Сигизмунда, врага чешскаго народа, и никогда не признаютъ его королемъ. Нѣмецкіе князья тѣмъ скорѣе готовы были всѣми силами поддерживать Сигизмунда, что почти всѣ нѣмецкіе города, граждане и свободныя общины, въ особенности же города, которые были подвластны духовнымъ князьямъ или въ которыхъ находились монастыри, духовныя учрежденія и судилища, сочувствовали гуситамъ. Позорный для нѣмцевъ исходъ войны съ чехами объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что граждане и крестьяне, сгоняемые рыцарями и князьями на войну какъ стада, разбѣгались при первой возможности. Сначала все-таки казалось, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ католиковъ. Дѣйствительно, въ то время какъ Сигизмундъ двигался изъ Силезіи на Прагу, на западѣ соединились для вторженія въ Богемію курфирсты майнцскій, кельнскій, трирскій, пфальцскій и бранденбургскій, герцоги австрійскій и баварскій, оба маркграфа мейссенскіе, ландграфъ тюрингскій и множество епископовъ, князей и графовъ, словомъ всѣ нѣмцы, желавшіе истребленіемъ такъ называемыхъ мятежниковъ и еретиковъ заслужить царствіе небесное. Передъ Прагой всѣ они соединились съ королевскимъ войскомъ. Численность всего войска простиралась, какъ говорятъ, до 150 тысячъ; этому свидѣтельству мы положительно не довѣряемъ. Но, какъ бы велико ни было войско Сигизмунда, во всякомъ случаѣ, въ немъ не было ни порядка, ни дисциплины, ни искусныхъ предводителей, а еще менѣе того глубокаго, чистаго, истиннаго энтузіазма, который одушевлялъ чеховъ. Неудивительно, что такой воинъ какъ Жижка отбилъ 14 іюля 1420 г. приступъ нѣмцевъ на Прагу. Рѣшительная битва послѣдовала на горѣ, названной потомъ въ честь побѣдителя Жижкиной горой. Отбитые отъ Праги, нѣмцы, по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, были вынуждены грабить и опустошать окрестлежащія мѣстности; это окончательно озлобило чеховъ и воспламенило славянъ къ страшной мести.

Съ этихъ поръ Сигизмундъ и Жижка стараются превзойти другъ друга жестокостями и звѣрствомъ. Еще только подходя къ Прагѣ, король велѣлъ утопить въ Эльбѣ около Лейтмерица двадцать гуситовъ. Послѣ неудачнаго приступа нѣмцы стали жестоко обращаться съ чехами; въ отмщеніе, пражцы повѣсили на городской стѣнѣ, въ виду непріятельскаго войска, шестнадцать нѣмцевъ, взятыхъ въ плѣнъ. Не къ чему передавать разсказы о пыткахъ и мученіяхъ, виновниками которыхъ были Жижка и табориты. Упомянемъ только объ одномъ случаѣ: при завоеваніи Седльца табориты молотильными цѣпами избили до смерти владѣтеля мѣстечка Ульриха фонъ Розенберга, умертвили всѣхъ жителей, кромѣ шести, а потомъ убили и этихъ, оставивъ живымъ только одного, согласившагося отрубить головы пятерымъ. Впрочемъ, подобныя жестокости дѣлались почти исключительно крестьянами двухъ фанатическихъ сектъ, оребитовъ (хоривиты) и таборитовъ, и воинами Жижки, называвшимися впослѣдствіи, по смерти своего предводителя, орфанитами или сиротами. Гуситы этихъ трехъ партій такъ же знамениты своими жестокостями и убійствами, какъ монголы Чингисъ-хана и татары Тимура. Пражцамъ очень хотѣлось избавиться отъ опасныхъ фанатиковъ, но они нуждались въ нихъ для борьбы съ Сигизмундомъ, не хотѣвшимъ

ни признавать ихъ національныхъ правъ, ни обезпечить имъ измѣненій въ культѣ. Крайняя партія чеховъ еще тогда распалась на нѣсколько сектъ; кромѣ трехъ упомянутыхъ называютъ, напримѣръ, адамитовъ и пикардовъ. Нѣсколькимъ фанатикамъ удалось 19 іюля поджечь построенные изъ сухаго дерева и кустарниковъ шалаши нѣмцевъ, расположившихся передъ Прагою; поднявшійся вѣтеръ распространилъ огонь и пожаръ истребилъ большую часть лагеря. Послѣ этого пожара нѣмцы оставались подъ Прагою еще одиннадцать дней; 30 іюля они отступили съ позоромъ. Но, прежде чѣмъ выказать все свое ничтожество, Сигизмундъ не могъ обойтись безъ торжественныхъ, пышныхъ сценъ: онъ велѣлъ пражскому архіепископу короновать себя въ пражскомъ замкѣ, находившемся въ его власти. Только по совершеніи церемоніи войску, состоявшему изъ венгерцевъ, чеховъ и наемниковъ различныхъ національностей, велѣно было отступить къ Берауну; въ замкѣ Вышеградѣ былъ оставленъ гарнизонъ. Не смотря на жестокости венгерцевъ, пражцы, даже по отступленіи Сигизмунда, старались всѣми средствами склонить его на примиреніе; но онъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ уступокъ. Тогда умѣренная партія согласилась, чтобы радикалы аттаковали Вышеградъ. Сигизмундъ поспѣшилъ на защиту доведеннаго до послѣдней крайности гарнизона и, по невозможности спасти замокъ, рѣшился дать сраженіе (1 ноября 1420 г.) фанатикамъ и соединившимся съ ними пражцамъ. Войско его, изъ венгерцевъ, силезцевъ и оставшихся при немъ чеховъ и моравовъ, уступало врагамъ даже численностью и потерпѣло рѣшительное пораженіе: оно было истреблено и разсѣяно. На слѣдующій день сдался Вышеградъ.

Съ этой минуты Богемія представляетъ отвратительное зрѣлище: венгерцы Сигизмунда и фанатики Жижки соперничаютъ въ сожженіи городовъ и деревень, въ истязаніяхъ и умерщвленіи людей. Умѣренные или пражцы хотѣли избрать королемъ Владислава Польскаго; крайніе поддерживали Николая изъ Гуси, предводительствовавшаго ими вмѣстѣ съ Жижкою и противившагося призванію католическаго польскаго короля. Въ концѣ 1420 г. Николай умеръ отъ ушиба, упавъ съ лошади. По смерти его Жижка остался одинъ во главѣ той части чеховъ, которая не хотѣла слышать ни о переговорахъ съ Сигизмундомъ, ни объ избраніи польскаго короля, ни о соглашеніи съ умѣренными пражцами и каликстинцами. Двинувшись въ первыхъ числахъ 1421 г. въ Моравію, Жижка приказалъ жечь католиковъ чеховъ, ихъ деревни и адамитовъ: первыхъ за приверженность къ старому ученію, а вторыхъ за проповѣдываніе красной республики, коммунизма и безбожные поступки. Предводитель чеховъ разбилъ и разсѣялъ королевскія войска; Сигизмундъ былъ принужденъ выступить въ концѣ февраля изъ Моравіи. Затѣмъ Жижка старался примирить враждебныя партіи своихъ соотечественниковъ и довести ихъ до признанія общихъ религіозныхъ и политическихъ принциповъ,—попытка, неудавшаяся еще прежде, 20 ноября 1420 г., на большомъ сеймѣ въ Прагѣ. Опираясь на четыре основныя положенія умѣренной партіи,—положенія, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ пражскихъ статей,—Жижка поступалъ съ независимыми адамитами, требовавшими первобытной христіанской свободы и уничтоженія частной собственности, такъ же, какъ съ папскимъ духовенствомъ, монахами и вообще всѣми, кто не хотѣлъ присоединяться къ гуситамъ, т. е. приказывалъ увѣчить, умерщвлять и жечь ихъ и ихъ жилища. Съ своими таборитами, въ особенности же ихъ священниками, онъ то же не церемонился и побоями заставлялъ ихъ подчиняться четыремъ статьямъ гуситизма. Подобными пріемами Жижка достигъ тѣхъ же результатовъ, какъ Бонапарте въ 1801 г.: всѣ чехи, не смотря на различіе религіозныхъ убѣжденій, соединились для поддержки національной церковной и государственной свободы. На сеймѣ въ Чаславѣ (іюль 1421 г.) упомянутыя четыре статьи были признаны всѣми партіями; даже архіепископъ пражскій одобрилъ ихъ. Эти четыре статьи, въ которыхъ впослѣдствіи прибавили еще двѣ, походили на аугсбургское вѣроисповѣданіе лютеранъ; на основаніи ихъ допускалась терпимость всѣхъ религіозныхъ и политическихъ партій. Сеймъ назначилъ временное правительство изъ двадцати членовъ, для управленія дѣлами до избранія новаго короля. Выборъ палъ на польскаго короля; но отправленное къ нему посольство было задержано въ Силезіи и, по приказанію Сигизмунда, отвезено въ Венгрію. Попытка учредить организованное правительство не удалась, такъ же какъ и планъ замѣшать славянскихъ князей Польши и

Литвы въ богемскія дѣла и слить всѣхъ славянъ въ гуситизмѣ. Въ сраженіяхъ Жижка постоянно оставался побѣдителемъ, не смотря на то, что былъ кривъ, а въ теченіе войны почти совсѣмъ ослѣпъ. Помощники Жижки были два монаха, Прокопы, сдѣлавшіеся по смерти его столь же страшными врагамъ, какъ и герой гуситовъ. Для отличія ихъ называли, по ихъ росту, одного Прокопомъ Большимъ, другаго Прокопомъ Малымъ или Прокопкомъ. Первый носилъ еще прозвище Голаго, т. е. бритаго или монаха.

По выступленіи королевскихъ войскъ изъ Богеміи неистовые табориты, оребиты и сотоварищи ихъ стали опустошать сосѣднія страны. Нѣмцы несказанно терпѣли отъ этихъ нападеній, а вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ и постоянно странствовавшій Сигизмундъ не оказывалъ имъ никакой помощи. Нѣмецкіе князья сбирались въ различныхъ мѣстахъ на сеймы; король или совсѣмъ не показывался на ихъ собраніяхъ, или являлся тогда, когда уже никого не было. Поведеніе Сигизмунда возстановило наконецъ противъ него даже лучшихъ его друзей, Людовика Пфальцскаго и Фридриха Бранденбургскаго. Но онъ такъ мало заботился о своей чести, что спекулировалъ даже нѣкоторое время замужствомъ своей дочери Елисаветы. Еще двухлѣтнимъ ребенкомъ она была помолвлена съ Альбрехтомъ Австрійскимъ. Теперь, когда ей едва минуло 12 лѣтъ, отецъ хотѣлъ продать ее султану, т. е. турку; но скоро, измѣнивъ свое намѣреніе, онъ выбралъ зятемъ сначала польскаго короля, а потомъ наслѣдника литовскаго князя, слѣдовательно дикаго варвара. Этимъ онъ надѣялся отдѣлить отъ Богеміи и привлечь на свою сторону польскаго короля и великаго князя литовскаго Витольда, племянникомъ и преемникомъ котораго былъ женихъ его дочери, Сигизмундъ Корибутъ. Въ концѣ концовъ Сигизмундъ нашелъ, что все-таки выгоднѣе держаться Альбрехта, требовавшаго въ противномъ случаѣ 200 т. дукатовъ за издержки богемской войны и дававшаго за Елисавету 50 т. дукатовъ. Въ 1422 г. дѣвочка была выдана замужъ; Альбрехтъ получилъ въ приданое Моравію. Герцогъ австрійскій какъ звѣрь неистовствовалъ противъ еретиковъ и іудеевъ своей страны, но не могъ защитить Моравіи отъ таборитовъ Жижки. Его походы противъ гуситовъ только привлекли ихъ въ Австрію, страшно опустошенную ими. Мы не станемъ перечислять всѣхъ пораженій Альбрехта, поддерживаемаго ордами дикихъ мадьяръ и кумановъ Сигизмунда, но укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ на послѣдствія анархіи въ Германіи, недостатка въ національномъ патріотизмѣ и самоотверженіи у нѣмцевъ, дѣлавшія чеховъ непобѣдимыми. Въ сентябрѣ 1421 г. маркграфъ мейссенскій, курфирсты майнцскій, брандербургскій и многіе другіе епископы и владѣтели стояли лагеремъ у города Заца (Жатецъ), ожидая нападенія Сигизмунда на Богемію съ востока. Сигизмундъ выступилъ въ походъ только въ октябрѣ, а это дало возможность Жижкѣ двинуться на Заацъ. Одинъ слухъ о появленіи страшнаго предводителя гуситовъ произвелъ такой паническій страхъ, что войско князей разбѣжалось. Гуситы преслѣдовали нѣмцевъ и истребили большую часть ихъ. Въ томъ же году и войско Альбрехта, состоявшее, какъ говорятъ, изъ 12 т., постыдно бѣжало отъ гуситовъ; озлобленный герцогъ велѣлъ отыскивать дезертировъ и сажать ихъ въ тюрьму. Сигизмундъ, войскомъ котораго начальствовалъ Пипо изъ Флоренціи, проникъ въ ноябрѣ 1421 г. почти до Праги и, окруживъ у Кутной-Горы гуситовъ, уже мечталъ о совершенномъ уничтоженіи ихъ; но слѣпой Жижка пробился ночью сквозь непріятельскій лагерь. Венгерское войско начало отступленіе среди суроваго зимняго времени (январь 1422 г.). У Нѣмецкаго-Брода оно опять встрѣтилось съ гуситами: Жижка разбилъ его на голову, отнялъ знамена, обозъ и преслѣдовать до Иглавы. Сигизмундъ сжегъ Кутну-Гору и умертвилъ его жителей; Жижка поступилъ такимъ же образомъ съ Нѣмецкимъ-Бродомъ, остававшимся совершенною пустынею въ продолженіе 14 слѣдующихъ лѣтъ.

Послѣ понесеннаго имъ пораженія Сигизмундъ отправился въ Венгрію. Сюда явился весной 1422 г. архіепископъ кёльнскій, чтобы убѣдить короля въ необходимости созвать германскій сеймъ, для принятія мѣръ противъ чеховъ. Король созвалъ сеймъ въ Регенсбургъ, но не являлся туда до іюня и, пріѣхавъ въ Регенсбургъ, не нашелъ тамъ князей. Нѣмецкіе князья не поѣхали въ Регенсбургъ, а спорили въ Нюрнбергѣ о томъ, кто къ кому долженъ ѣхать: они къ королю или онъ къ нимъ. Сигизмундъ уступилъ и отправился въ Нюрнбергъ. Терпѣли-

вая бумага сносила все, что на ней писалось. Но при болѣе серьезномъ изслѣдованіи оказывается, что нѣмецкіе князья въ 1422 г., точно такъ же, какъ и національное собраніе 1848 г., забывали спросить другъ у друга: *какъ и чрезъ кого* будутъ исполнены ихъ постановленія. На нюрнбергскомъ сеймѣ было опредѣлено, сколько кто долженъ дать денегъ и какое количество войска выставить. Такое распоряженіе называется на канцелярскомъ нѣмецкомъ языкѣ матрикулой; обыкновенно думаютъ, что тогда въ первый разъ были составлены матрикулы, но это мнѣніе ошибочно. Легко доказать, что въ Нюрнбергѣ счетъ сводился безъ хозяина. Такъ на города Швицъ, Бернъ, Люцернъ и Фрейбургъ въ Юхтландѣ и Гентъ, не принимавшіе никакого участія въ имперской войнѣ, налагались тяжкіе сборы, а города Вейнгеймъ и Ладенбургъ должны были выставить каждый по 12 глевовъ, глевъ состоялъ изъ 4 или 5 конныхъ латниковъ и 15 стрѣлковъ; съ другой стороны, о курфирстѣ трирскомъ совсѣмъ не упоминалось. На все это нельзя было смотрѣть серьезно, хотя Фридрихъ Бранденбургскій былъ избранъ предводителемъ предполагавшагося крестоваго похода и съ торжествомъ принялъ въ нюрнбергской церкви Зебальда знамя, освященное папою. Разумѣется, дѣло ничѣмъ не кончилось, и Сигизмундъ могъ впослѣдствіи разчитывать только на своего зятя Альбрехта и на новаго курфирста саксонскаго, Фридриха Воинственнаго, маркграфа мейссенскаго и ландграфа тюрингскаго. Въ 1423 г., когда со смертью Альбрехта III (1422 г.) пресѣклась саксонская линія курфирстовъ саксонскихъ, Сигизмундъ передалъ ему званіе курфирста.

Въ октябрѣ 1424 г. умеръ Жижка. Ближайшимъ послѣдствіемъ его смерти было совершенное разъединеніе чеховъ. У самой фанатической части войска Жижки, назвавшей себя по смерти предводителя орфанитами или сиротами, явилось нѣсколько вождей; самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ Прокопъ Малый. Остальные табориты подчинялись Прокопу Большому. Изъ землевладѣльцевъ одни вошли въ переговоры съ королемъ Сигизмундомъ, другіе, какъ и пражцы, держали сторону Сигизмунда Корибута. Въ 1422 г., вслѣдствіе сдѣланнаго ему предложенія принять корону, литовскій князь явился въ Богемію, но въ слѣдующемъ же году вернулся въ Литву. Внутренними несогласіями гуситовъ думалъ воспользоваться курфирстъ саксонскій, чтобы помѣшать нападенію ихъ на Саксонію, но раздоры между партіями продолжались не долго: когда вопросъ шелъ объ истребленіи нѣмцевъ, всѣ чехи дѣйствовали согласно. Они совершенно разрушили два пограничные чешскіе города, Дуксъ и Бриксъ, отданные Сигизмундомъ курфирсту саксонскому, умертвили ихъ жителей и, при появленіи саксонскихъ и тюрингскихъ войскъ, перебили въ одномъ сраженіи до 4000 человѣкъ. Впослѣдствіи они осадили чешскій городъ Ауссигъ (Устье на Лабѣ), также незадолго передъ тѣмъ уступленный Саксоніи. Курфирстъ находился въ то время на одномъ изъ сеймовъ; его жена приняла мѣры, чтобы спасти Ауссигъ отъ участи Дукса и Брикса. Она отправила туда сильное войско изъ тюрингцевъ, саксонцевъ и франконцевъ; но несогласіе предводителей, графовъ фонъ Вейдена и фонъ Шварцбурга, парализировали энергическія распоряженія курфирстины. Вмѣсто того, чтобы послѣдовать ея совѣту, выманить чеховъ въ открытое поле, они аттаковали ихъ въ лагерѣ, окруженномъ обозомъ, и понесли страшное пораженіе. Вооруженные крючковатыми пиками и молотильными цѣпами, табориты сбивали ихъ съ сѣделъ и умерщвляли. Въ этомъ сраженіи погибло, говорятъ, 15,000 нѣмцевъ, гуситамъ досталось четыре тысячи фуръ съ припасами и аммуниціей. Мы не придаемъ особаго значенія этимъ цифрамъ, такъ какъ никто не считалъ ни убитыхъ, ни захваченныхъ побѣдителями фуръ. Достовѣрно только, что городъ Ауссигъ былъ взятъ и сожженъ, а его населеніе умерщвлено жестокимъ образомъ (6 іюля 1426 г.).

При такихъ пораженіяхъ нѣмцы оживлялись на короткое время, если имъ удавалось пріобрѣсти перевѣсъ, какъ, напримѣръ, въ мартѣ 1427 г., когда австрійцы совершенно уничтожили гуситское войско, вторично осадившее монастырь Цветтель. Оба Прокопа и толпы дикихъ мечтателей безпрестанно дѣлали опустошительные набѣги на Силезію, Мейссенъ, Лузацію, Саксонію и Франконію. Несогласіе чеховъ не принесло пользы нѣмцамъ. Пражцы вторично призвали Сигизмунда Корибута, провозгласили его королемъ и короновали; но скоро, убѣдившись въ своей ошибкѣ, осмѣяли его и отправили обратно въ Литву. Умѣренная партія, къ которой принадлежало все чешское рыцарство, была предана монархи-

ческимъ принципамъ и вела переговоры съ Сигизмундомъ. Но она составляла слабѣйшую часть націи и нѣсколько лѣтъ должна была уступать крайнимъ гуситамъ, мечтавшимъ, на основаніи одного дурно понятаго мѣста библіи, о республикѣ и коммунизмѣ. Бѣглый взглядъ на военную организацію и образъ жизни таборитовъ Прокопа Большаго и фанатическихъ сектъ, не имѣвшихъ главнаго предводителя, покажетъ, что славяне были такъ же страшны, какъ турки. Они не строили ни городовъ, ни крѣпостей, разрушали и жгли всѣ захватываемыя мѣстечки, а сами жили подъ открытымъ небомъ; фуры, соединенныя цѣпями, составляли ихъ лагерь и укрѣпленія. Въ сраженіяхъ средину занимала пѣхота, по бокамъ разставлялись рядами фуры, съ которыхъ женщины, дѣти и старики бросали стрѣлы и стрѣляли въ непріятеля; на крайнихъ флангахъ обоза становилась конница; преслѣдуемая врагами, она отступала за обозъ, ряды котораго табориты пріучились быстро раздвигать и сдвигать. Фанатики называли себя народомъ божіимъ, подражали дѣленію колѣнъ израильскихъ, называли Богемію обѣтованной землей, жителей Мейссена моавитянами, саксонцевъ — эдомитянами, остальныхъ нѣмцевъ — филистимлянами. При Ауссигѣ гуситы убили своими цѣпами нѣсколько тысячъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ бургграфа мейссенскаго, графовъ гогенштейнскаго, глейхенскаго, квердфуртскаго, барбійскаго и владѣтелей фалькенштейнскихъ; имя таборитовъ внушало страхъ даже отдаленнѣйшимъ городамъ, напримѣръ Брауншвейгу и Люнебургу, а ближайшіе къ Богеміи, какъ Іена, Эрфуртъ и Магдебургъ, укрѣпляли свои стѣны. При такомъ воинственномъ фанатизмѣ гуситовъ всѣ дѣйствія нѣмцевъ должны казаться еще смѣшнѣе. Вмѣсто того, чтобы вооружаться и выступать въ походъ, они вторично собрались во Франкфуртъ (апрѣль 1427 г.), опять составляли матрикулы и написали въ двухъ частяхъ военныя распоряженія. Мы не станемъ приводить всего того, что было рѣшено на бумагѣ, предоставляя заниматься этимъ ученымъ, но не можемъ не сказать, что во франкфуртскомъ трактатѣ находились также распоряженія объ артиллеріи (статьи 35 — 45); въ немъ между прочимъ говорится о такъ называемыхъ крѣпостныхъ пищаляхъ. Непрактичность этихъ распоряженій систематиковъ, не имѣвшихъ понятія о манерѣ чеховъ вести войну, видна лучше всего изъ того, что главное значеніе придавалось огромной пищали, стрѣлявшей каменными ядрами вѣсомъ отъ 150—200 фунтовъ. Долгія франкфуртскія совѣщанія и книга, заключавшая въ себѣ планъ похода и средство для его осуществленія, не имѣли ни малѣйшаго послѣдствія. Въ Нюрнбергъ, назначенный сборнымъ пунктомъ войскъ, явились только курфирстъ трирскій Оттонъ, да еще нѣсколько князей. По этому поводу современникъ Эбергардъ фонъ Виндекъ говоритъ: «Оттонъ возвратился на совѣтъ мудрыхъ людей, потому что другіе (князья) стыдились своихъ незначительныхъ силъ».

Въ іюлѣ 1427 г. опустошенія и грабежи гуситовъ въ Силезіи, Мейссенѣ, Саксоніи и Франконіи, вплоть до Баваріи приняли такіе размѣры, что германскіе князья условились наконецъ предпринять соединенными силами походъ въ Богемію. Фридрихъ Саксонскій долженъ былъ вторгнуться въ Богемію у Коммотау и Кадана, Фридрихъ Бранденбургскій у Эгера, а Оттонъ Трирскій съ баварцами, швабами и жителями прирейнскихъ странъ у Тауса; пунктомъ соединенія для трехъ войскъ назначался городъ Мисъ. Нѣмцы разсчитывали на господствовавшіе между чехами раздоры; но лишь только ихъ планы сдѣлались извѣстными въ Богеміи, всѣ партіи соединились и двинулись противъ нихъ; табориты подъ предводительствомъ Прокопа Большаго съ пятьюстами, орфанпты съ двумястами фуръ, оребиты и пражцы съ своей пѣхотой, и даже католическіе владѣтели съ своими всадниками. Главное начальство надъ гуситами принялъ Прокопъ Большой. При извѣстіи о приближеніи гуситскаго войска, саксонцы, первые явившіеся въ Мисъ, тотчасъ же отступили къ франконской границѣ, откуда другія имперскія войска должны были вторгнуться въ Богемію. Саксонскимъ войскомъ овладѣлъ такой паническій страхъ, что отступленіе ихъ обратилось въ позорное бѣгство (21 іюля 1427 г.). Гуситы преслѣдовали ихъ, умертвили, какъ разсказываютъ, 12 тысячъ человѣкъ и овладѣли всѣмъ обозомъ и артиллеріей. Узнавъ о пораженіи саксонцевъ, другія нѣмецкія войска поспѣшно отступили. Прокопій взялъ городъ Тахау, на склонѣ Бемервальда, и разрушилъ его, истребивъ все населеніе. Вслѣдъ затѣмъ онъ осадилъ Пильзенъ, но осада не удалась и гуситы должны были отступить отъ города.

Въ томъ же году нѣмцы устроили новое совѣщаніе во Франкфуртѣ и снова исписали много бумаги. На этомъ совѣщаніи не было короля Сигизмунда, но за то присутствовалъ папскій легатъ, кардиналъ винчестерскій Генрихъ. Чтобы дать возможность курфирсту пфальцскому, страдавшему подагрою, принять участіе въ переговорахъ, сеймъ былъ впослѣдствіи перенесенъ изъ Франкфурта въ Гейдельбергъ. Здѣсь Фридрихъ Бранденбургскій сказалъ имперскимъ сословіямъ, что до тѣхъ поръ, пока они не сформируютъ настоящаго войска и опытныхъ воиновъ, а всякій князь, всякій городъ, всякій графъ и рыцарь будутъ высылать на войну плохо вооруженныхъ крестьянъ и недисциплинированныхъ латниконъ, имъ нечего и думать объ успѣшной борьбѣ съ привычными къ войнѣ, дисциплинированными гуситами. Гейдельбергскій сеймъ рѣшилъ навербовать настоящее имперское войско, установить для этого по всей имперіи военный налогъ и поручить формированіе войска: Фридриху Бранденбургскому, какъ имперскому полководцу, и кардиналу Генриху — какъ папскому послу. Постановленіе это не было исполнено; мы приведемъ однако нѣкоторыя подробности о немъ, чтобы показать, какъ мало еще въ то время были знакомы съ наукою систематическаго выжиманія денегъ. По сдѣланной раскладкѣ всякое духовное лицо должно было платить гульденъ съ каждыхъ 20 гульденовъ дохода, всякій еврей — гульденъ, всякій христіанинъ безъ различія пола — зильбергрошъ, всякій владѣвшій состояніемъ до 200 гульденовъ — полгульдена, владѣвшій большимъ имуществомъ — гульденъ, всякій графъ — 20, баронъ — 15 и рыцарь — 5 гульденовъ. Часть денегъ была собрана, но, кажется, употреблена совершенно на другія предпріятія. Изъ длинныхъ переговоровъ во Франкфуртѣ и Гейдельбергѣ снова ничего не вышло; Силезія, Лузація, Мейссенъ, верхняя и нижняя Саксонія, Франконія и Бавярія оставались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жертвою хищныхъ набѣговъ славянъ. Гуситы завоевали городъ Плауенъ, разбили саксонцевъ при Гримме и проникли до Лейпцига и Мархіи. Въ 1428 г. они довели до отчаянія жителей Моравіи и Австріи; для войны съ ними герцогъ Альбрехтъ облагалъ даже духовенство такими тяжелыми налогами, что, по словамъ хроники Эберндорфера, многимъ священникамъ приходилось отдавать половину своихъ доходовъ. Осада Брюнна не удалась гуситамъ; но вслѣдъ затѣмъ они явились къ Вѣнѣ и, расположившись противъ нея у Нусдорфа, нѣкоторое время блокировали столицу Австріи. Если вѣрить хроникамъ того времени, гуситы взяли въ три года болѣе 700 укрѣпленныхъ мѣстечекъ.

Опустошая нѣмецкія земли, орфаниты, табориты, оребиты и другія разбойничьи шайки мечтателей вели въ тоже время счастливую войну и внутри своего отечества съ пражцами, землевладѣльцами, приверженцами короля Сигизмунда и нѣмцами, жившими въ Богеміи. Весной 1429 г. казалось, что миръ между гуситами и нѣмцами будетъ наконецъ заключенъ. Чувствуя приближеніе старости, Сигизмундъ велѣлъ пригласить чешскихъ предводителей для переговоровъ; вслѣдствіе этого было заключено перемиріе до іюня, и депутація гуситовъ, во главѣ которой находился Прокопъ Большой, отправилась въ Пресбургъ, куда прибылъ и Альбрехтъ Австрійскій. Чехи предложили условія, на которыя Сигизмундъ, какъ германскій король и рабъ римскаго двора, никакъ не могъ согласиться, хотя какъ владѣтель Венгріи и Богеміи не имѣлъ ничего противъ нихъ. Они требовали, чтобы онъ призналъ священное писаніе за единственное основаніе вѣры, дозволилъ причащаться и причащать подъ обоими видами и даровалъ предводителямъ чешскихъ партій амнистію и нѣкоторыя преимущества. Такимъ образомъ мирные переговоры были прерваны, и въ сентябрѣ опустошенія таборитовъ и оребитовъ возобновились: гражданамъ и крестьянамъ Германіи пришлось поплатиться за то, что духовенство, рыцари, бароны, графы и князья уничтожили единство имперіи и могущество императора. Толпы гуситовъ снова вторглись въ Моравію, Силезію и Саксонію, сожгли старый городъ Дрездена, въ то время какъ курфирстъ Фридрихъ Миролюбивый, сынъ и преемникъ Фридриха Воинственнаго, заперся въ новомъ городѣ, и обратили въ пепелъ всѣ саксонскіе города до Магдебурга. Въ Лузаціи они сожгли всѣ деревни и умертвили жителей многихъ мѣстечекъ въ отмщеніе гражданамъ Герлица, которые запили въ мѣшокъ и утопили гуситскихъ уполномоченныхъ, явившихся къ нимъ съ требованіемъ сдать городъ. Въ началѣ слѣдующаго года (1430 г.) вся Богемія подъ начальствомъ Прокопа Большаго устремилась на несчастную Германію, раздробленную и покинутую своимъ коро-

лемъ. Войско Прокопа состояло, говорятъ, изъ 20 т. конницы, 52½ т. пѣхоты и 3 т. фуръ, назначавшихся для перевозки добычи; нѣкоторыя изъ фуръ были запряжены десятью и двѣнадцатью лошадьми и все-таки ихъ не хватило для перевозки награбленныхъ вещей. Мы не вѣримъ этимъ опредѣленнымъ цифрамъ, но приводимъ ихъ, чтобы показать, почему гуситы, какъ турки, были сильнѣе всѣхъ князей того времени, и могли опустошать не только Германію, но даже Венгрію и Польшу. Въ Германіи гуситы наводнили въ этотъ разъ Саксонію и Франконію. Обѣ страны были обращены въ пустыню, болѣе ста городовъ сожжены, и всѣ стада угнаны въ Богемію. Другія владѣнія и города откупились отъ опасности деньгами: курфирстъ бранденбургскій заплатилъ гуситамъ 10 т. дукатовъ, городъ Нюрнбергъ такую же сумму, городъ Эгеръ 1700, епископъ бамбергскій 9 т. и герцогъ баварскій Іоаннъ 10 т. дукатовъ. Ансбахъ, Эйхштедтъ и Зальцбургъ также откупились отъ грабежа за значительныя суммы.

Страшныя опустошенія гуситовъ заставили наконецъ почувствовать въ Германіи необходимость прекращенія внутреннихъ несогласій и потребность большаго единства и силы въ управленіи. Еще въ 1429 г. Сигизмундъ думалъ возстановленіемъ общаго земскаго мира прекратить безконечные споры отдѣльныхъ имперскихъ сословій и соединить раздробленныя силы націи для борьбы съ гуситами. Но это могло быть сдѣлано только черезъ посредство сейма, и потому Сигизмундъ, не имѣвшій тогда денегъ и не выпускаемый венграми изъ Венгріи, созвалъ сеймъ въ Вѣну, куда однако самъ не поѣхалъ, страдая подагрою. Имперскія сословія, собравшіяся въ Вѣнѣ, отправились къ нему въ Венгрію, и въ концѣ 1429 г. въ Пресбургѣ въ первый и единственный разъ собрался германскій сеймъ. Уже изъ одного этого обстоятельства можно видѣть какъ была необходима и осязательна, потребность въ монархической власти. Переговоры Сигизмунда съ германскими имперскими сословіями въ Пресбургѣ и то, что говорили венгерскіе магнаты нѣмецкимъ аристократамъ, доказываютъ лучше всякихъ нашихъ объясненій, съ какою наглостью духовные, князья, бароны и рыцари съ одной стороны, и патриціи и торгаши городовъ съ другой, топтали значеніе императора и единство имперіи. Въ иностранной землѣ не могло быть сдѣлано никакого постановленія, а тѣмъ менѣе принято мѣръ къ исполненію его, и потому собравшіяся въ Пресбургѣ германскія имперскія сословія предложили Сигизмунду для возстановленія земскаго мира созвать сеймъ въ Нюрнбергѣ. Король объявилъ имъ, «что, видя невозможность возстановить земскій миръ и получая доходы только съ Венгріи, онъ давно желаетъ сложить германскую корону, но что его удерживаетъ отъ этого папа». Венгерскіе же магнаты объявили нѣмцамъ, «что опасность турецкаго вторженія, все еще угрожающая Венгріи, не позволитъ ихъ королю удаляться далеко внутрь Германіи и потому они совѣтуютъ нѣмцамъ удовольствоваться назначеніемъ правителемъ имперіи курфирста бранденбургскаго Фридриха, который уже долженъ позаботиться о дѣлахъ Германіи». Чтобы добиться отъ Сигизмунда обѣщанія пріѣхать въ Нюрнбергъ, германскіе князья должны были обѣщать венграмъ, что тотчасъ по окончаніи сейма король возвратится въ Венгрію.

Князья условились съѣхаться въ Нюрнбергъ въ мартѣ 1430 г.; но хищные набѣги гуситовъ помѣшали новому сейму собраться въ назначенное время. Да и впослѣдствіи, вначалѣ явились только немногіе изъ князей и депутаты отъ двѣнадцати вольныхъ городовъ, тогда какъ въ имперіи ихъ считалось болѣе 85. Сигизмундъ, отправившій впередъ своего венгерскаго канцлера, епископа аграмскаго, долго не являлся въ Нюрнбергъ. Пріѣхавъ въ іюлѣ въ Вѣну, онъ оставался нѣсколько времени у своего зятя Альбрехта, отправился оттуда въ Штраубингенъ къ герцогу баварскому, потомъ присутствовалъ въ Регенсбургѣ на такъ называемомъ княжескомъ съѣздѣ и только въ половинѣ сентября прибылъ въ Нюрнбергъ. Большинство представителей имперскихъ сословій, съѣхавшихся въ Нюрнбергѣ еще въ іюнѣ, уѣхало не дождавшись его пріѣзда. Поэтому Сигизмундъ велѣлъ собраться всѣмъ къ ноябрю, но потомъ снова долженъ былъ отложить сеймъ до февраля слѣдующаго года, когда наконецъ и произошло его открытіе. До февраля, король разъѣзжалъ по Швабіи и Баваріи, не на радость тѣмъ городамъ, въ которыхъ онъ останавливался и гдѣ, по старинному обычаю, угощали его и его венгерскую свиту. Нюрнбергскій сеймъ 1431 г. былъ многочисленнѣе, чѣмъ какой-либо другой изъ сеймовъ того времени; послѣдніе набѣги гуситовъ

пробудили наконецъ въ нѣмцахъ сознаніе, что пора прекратить внутренніе раздоры, дѣйствовать соединенными силами противъ внѣшнихъ враговъ и положить предѣлъ успѣхамъ славянъ. Постановленія этого сейма способствовали бы прогрессу цивилизаціи нѣмецкаго народа, если бы получили хоть какое нибудь непосредственное примѣненіе на практикѣ. Передавая только дѣйствительныя событія, а не то, что могло бы произойти или было рѣшено и записано въ собраніяхъ, мы укажемъ въ самыхъ краткихъ словахъ на вопросы, занимавшіе нюрнбергскій сеймъ 1431 г. Подробности не входятъ въ кругъ всемірной исторіи. Вопросъ объ имперской войнѣ былъ серьезно поставленъ; много и долго толковали о матрикулѣ, т. е. о томъ, сколько всякое имперское сословіе должно выставить войска и какую сумму внести на его содержаніе; сверхъ того въ апрѣлѣ было издано состоявшее изъ шести отдѣловъ постановленіе сейма объ организаціи арміи во время похода, о военномъ законодательствѣ и планѣ военныхъ дѣйствій. Когда дѣло шло до приведенія его въ исполненіе, въ наличности не оказалось ни солдатъ, ни денегъ; по настоянію папскаго легата, кое-гдѣ постановленія сейма были исполнены, но нѣмцы не знали что начать съ большимъ числомъ различно вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ, не связанныхъ между собою ни органическою связью, ни единствомъ духа. Въ нюрнбергской матрикулѣ Гентъ и швейцарскіе города снова были причислены къ имперскимъ городамъ. Исходъ войны покажетъ, на сколько выше нѣмцевъ были гуситы, не знавшіе писанныхъ и систематическихъ постановленій, но предводительствуемые искусными, талантливыми вождями и одушевленные общимъ духомъ.

Земскій миръ, постановленный въ Нюрнбергѣ, остался также на бумагѣ. Не смотря на то, что имперскія сословія собрались именно съ цѣлью возстановить въ имперіи спокойствіе и порядокъ, не смотря на продолжавшіяся опустошенія гуситовъ, сеймъ не смѣлъ ни предписать постояннаго земскаго мира, ни предоставить императору и его судьямъ рѣшеніе всѣхъ споровъ. Земскій миръ былъ предписанъ только 20 ноября (день св. Мартина) 1433 г. и вмѣсто того, чтобы централизовать власть, которая могла бы такимъ образомъ дѣйствовать силою противъ нарушителя спокойствія, постановленіе сейма заключало въ себѣ только пустую угрозу, что нарушителя мира ожидаетъ немилость короля (немилость Сигизмунда, какъ страшно!!), изгнаніе изъ города и страны и опала. Изъ долголѣтняго спора герцоговъ баварскихъ Людовика Ингольштадтскаго съ Генрихомъ Ландсгутскимъ можно ясно видѣть жалкое состояніе тогдашняго судопроизводства въ имперіи, точно такъ же какъ въ войнѣ съ гуситами выказывается все ничтожество военнаго устройства Германіи. Старинные враги герцоги баварскіе еще въ 1417 г. судились предъ императоромъ въ Констанцѣ. Во время этого процесса герцогъ Генрихъ напалъ однажды на своего двоюроднаго брата и тяжело ранилъ его; императоръ оставилъ преступленіе безнаказаннымъ. Вслѣдствіе того возникла между обоими герцогами и союзниками ихъ долголѣтняя война, отъ которой страдала вся Баварія. Императоръ довольствовался тѣмъ, что требовалъ сохраненія мира, но ни одна изъ партій не обращала вниманія на его требованія. Наконецъ рыцарь Каспаръ Торрингеръ, принадлежавшій къ партіи Людовика, обратился отъ своего имени и имени Людовика къ вестфальскому фемгерихту. Процессъ, начатый фемгерихтомъ, бросаетъ одинаково выгодный свѣтъ на судопроизводство имперіи и на это странное судилище, имѣвшее нѣкоторое сходство съ учрежденіями ассасиновъ или инквизиціею и ея испанскимъ святымъ братствомъ (santa hermandad). Изъ него мы видимъ съ одной стороны, что судьей между Каспаромъ Торрингеромъ и герцогомъ Генрихомъ являются не король или князья, а тайное судилище, къ которому король хотя и принадлежалъ, но ни настоящаго устройства котораго, ни членовъ онъ не зналъ; съ другой стороны обнаруживается, что по поводу этого спора одинъ изъ членовъ фемгерихта (фрейштуль) дѣйствовалъ противъ другаго. Сигизмундъ какъ высшій судья фема поручилъ вначалѣ архіепископу кёльнскому Дитриху руководить тайнымъ судилищемъ для защиты Каспара Торрингера отъ герцога Генриха. Продолженіе процеса доказало, что вестфальскій фемъ въ высшей степени опасное судилище; императоръ и имперія никогда не были бы въ состояніи привести въ исполненіе приговора, произнесеннаго судилищемъ и его такъ называемыми фрейграфами, и потому Сигизмундъ сталъ поддерживать архіепископа

кёльнскаго, желавшаго ограничить власть фема. Архіепископъ или вѣрнѣе созванные имъ на совѣщаніе юристы и судьи еще въ 1430 г. составили проектъ *реформы судилища*, одобренный Сигизмундомъ, который все начиналъ, во все мѣшался и ничего не дѣлалъ. Реформа была произведена гораздо позже. Сигизмундъ и нюрнбергскій сеймъ разсматривали также устройство другихъ судовъ имперіи и королевскихъ придворныхъ судовъ, но рѣчами и исписанными листами бумаги не улучшили судоустройства. То же самое можно сказать и о монетѣ, съ которой всякій владѣтель, имѣвшій граматы и патенты на право чекана, дѣлалъ что хотѣлъ, хотя и этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ Нюрнбергѣ.

Во время этихъ переговоровъ извѣстный намъ изъ византійской исторіи кардиналъ Юліанъ (стр. 523), посланный въ Нюрнбергъ папскимъ легатомъ, проповѣдывалъ крестовый походъ противъ гуситовъ. Не смотря на его проповѣди, Сигизмундъ все-таки болѣе надѣялся на примиреніе съ умѣренной партіей въ Богеміи, чѣмъ на тяжело подвигавшіяся военныя приготовленія раздробленной германской имперіи. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что и папа, какъ мы увидимъ, еще до открытія нюрнбергскаго сейма, рѣшился созвать соборъ на нѣмецкой территоріи. Сверхъ того, на религіозномъ конгрессѣ различныхъ гуситскихъ партій, происходившемъ во время нюрнбергскаго сейма, выказалось, что утраквисты или калистинцы въ такой же степени приблизились къ старой церкви, въ какой еще болѣе отдалились отъ нея совершенно одичавшія во время хищныхъ набѣговъ апокалипсическія и фанатическія секты. Послѣдствіемъ этого конгресса было отправленіе въ Эгеръ гуситскихъ депутатовъ, между которыми находился и Прокопъ Большой, для переговоровъ о примиреніи съ уполномоченными Сигизмунда. Гуситскіе депутаты не хотѣли признавать прелатовъ собора и ихъ президента папу верховными судьями въ дѣлахъ вѣры, но предложили нѣмцамъ вмѣсто войны словесныя состязанія. Съумѣй Сигизмундъ воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Богеміи, примиреніе можетъ быть и послѣдовало бы. Но роль миротворца была не по силамъ ему—рабу папы и его легата Юліана, желавшаго вмѣстѣ съ ученымъ богословомъ Жерсономъ (стр. 561), возвратить гуситовъ въ лоно церкви только силою свѣтскаго оружія. Отношенія Сигизмунда къ папѣ и его легату, духовнымъ германскимъ князьямъ и ихъ богословамъ, къ своему зятю Альбрехту, слѣпо довѣрявшему духовенству, не позволяли ему сдѣлать какія нибудь уступки утраквистамъ. Въ то же время Прокопъ получилъ извѣстіе о ярыхъ проповѣдяхъ въ Германіи противъ гуситовъ и объ интригахъ кардинала Юліана, и переговоры остались безплодными; обѣ стороны разошлись, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, еще съ большею ненавистью другъ къ другу. Національное чувство и опасность, грозившая отечеству, тотчасъ же соединили въ Богеміи всѣ партіи. Еще передъ выступленіемъ нѣмецкаго войска въ походъ, гуситы заняли всѣ проходы въ Богемію и, какъ оказалось на смотру войска, происходившемъ въ пильзенскомъ округѣ, выставили 50 т. пѣхоты, 5 т. конницы, 4 т. фуръ и множество пушекъ. Противъ нихъ нѣмцы двинулись съ 40 т. конницы и незначительнымъ числомъ пѣхоты, — вотъ все, что могъ собрать своими проповѣдями кардиналъ Юліанъ.

Сигизмундъ не принялъ личнаго участія въ походѣ противъ гуситовъ и остался въ Нюрнбергѣ, передавъ главное начальство надъ войскомъ курфирсту бранденбургскому Фридриху. Фридрихъ, какъ искусный полководецъ, очень хорошо понималъ, что съ выставленнымъ нѣмцами войскомъ невозможно пріобрѣсти славы, потому неохотно принялъ начальство и медлилъ выступленіемъ въ походъ. За то въ безсмысленныхъ, пустыхъ церемоніяхъ не было недостатка; объ этомъ позаботился Сигизмундъ, торжественно передавшій курфирсту 26 іюня 1431 г. въ нюрнбергской церкви Зебальда званіе полководца. Юліанъ произнесъ на этомъ торжествѣ назидательную рѣчь, затѣмъ Сигизмундъ подалъ ему лежавшій на алтарѣ мечъ, кардиналъ освятилъ его и велѣлъ нѣсколькимъ епископамъ опоясать имъ курфирста. Полководцу было вручено имперское знамя, съ которымъ по окончаніи торжества графъ фонъ Гогенлогое гордо шествовалъ впереди курфирста. Кто прочтетъ подробное описаніе этихъ придворныхъ и государственныхъ церемоній и сравнитъ ихъ съ исходомъ похода, тому невольно должно придти въ голову, что извѣстная басня о барабанѣ таборитовъ выдумана нарочно, какъ сатира на нѣмецкія церемоніи, чтобы еще нагляднѣе выставить контрастъ между

ними и духомъ, господствовавшимъ у чеховъ. Разсказываютъ, что Жижка, умирая, запретилъ хоронить себя и велѣлъ бросить свое тѣло дикимъ звѣрямъ, а кожу натянуть на барабанъ и пугать имъ нѣмцевъ, которыми при барабанномъ боѣ овладѣвалъ всякій разъ паническій страхъ.

Въ первыхъ числахъ августа 1431 г. имперское войско, сопровождаемое кардиналомъ Юліаномъ, вступило въ Богемію въ нѣсколькихъ пунктахъ разомъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ отрядовъ былъ въ самомъ началѣ обращенъ въ постыдное бѣгство при Таховѣ и разсѣялся по разнымъ направленіямъ. Опасаясь, чтобы такая же участь не постигла и другіе отряды, курфирстъ соединилъ ихъ и со всей своей арміей расположился лагеремъ при Домажлицахъ. Но здѣсь совершенно неожиданно появились гуситы подъ предводительствомъ Прокопа Большаго, въ высшей степени озлобленные опустошеніями, грабежами, убійствами и поджогами, совершаемыми нѣмцами по наущенію кардинала Юліана. Безпомощная нѣмецкая конница не могла бороться съ пѣхотою враговъ, точно такъ же, какъ громадныя пушки нѣмцевъ были никуда не годны въ сравненіи съ легкими орудіями гуситовъ. Къ тому же въ нѣмецкомъ войскѣ господствовали вражда и несогласія. Князья объявили, что они не будутъ сражаться, если курфирстъ саксонскій не приметъ на себя обязательства вознаградить ихъ за всѣ потери, которыя они могутъ понести въ сраженіи; они смѣялись надъ нимъ, когда онъ говорилъ имъ о необходимости жертвовать матеріальными выгодами за отечество и вѣру, называя все это идеализмомъ и бреднями, и, еще до появленія чеховъ, стали готовиться къ отступленію. Лишь только раздались крики: «Прокопъ идетъ!» нѣмецкимъ войскомъ овладѣлъ паническій страхъ и всѣ пустились бѣжать. Первый примѣръ подалъ герцогъ баварскій. Даже предводитель, Фридрихъ Бранденбургскій, не думалъ о поддержаніи порядка и тотчасъ же пересталъ отдавать распоряженія. Нѣмцы потерпѣли страшное пораженіе: они потеряли во время бѣгства—сраженіемъ этого нельзя назвать — 11 т. человѣкъ, 2 т. фуръ и 150 пушекъ. Въ числѣ трофеевъ чехи захватили шапку кардинала, его буллу о крестовомъ походѣ, ризу и крестъ, который носили передъ нимъ. Для кардинала было бы счастьемъ, еслибъ онъ извлекъ изъ этого похода урокъ для себя, потому что впослѣдствіи, когда настроенные его фанатизмомъ венгры нарушили миръ, онъ былъ умерщвленъ турками (стр. 524).

Послѣ постыднаго бѣгства нѣмцевъ Прокопъ Большой вторгнулся въ Фойгтландъ и до тѣхъ поръ пощаженный Остерландъ. Войска курфирста саксонскаго и явившіеся къ нему на помощь баварцы потерпѣли при Таховѣ такое пораженіе, что, говорятъ, только немногіе спаслись отъ смерти. Курфирстъ купилъ у Прокопа свободное отступленіе за деньги. Силезцы тоже только деньгами отдѣлались отъ гуситовъ, напавшихъ около этого времени на ихъ страну. Отрядъ изъ 8 т. орфанитовъ проникъ даже до венгерскаго города Кремница и сжегъ его. Только Альбрехтъ Австрійскій былъ (1431 г.) счастливѣе другихъ нѣмецкихъ князей, и то въ войнѣ не съ Прокопомъ, а съ несчастными крестьянами Моравіи, поднявшимися, при извѣстіи о побѣдахъ ихъ братьевъ, противъ фанатическаго гнета своихъ тирановъ. Онъ явился въ Моравію и уничтожилъ огнемъ и мечомъ пятьсотъ гуситскихъ деревень со всѣмъ ихъ населеніемъ. Въ слѣдующемъ году чешскіе гуситы отмстили австрійцамъ пораженіемъ за злодѣйства, совершенныя надъ ихъ единовѣрцами и соплеменниками. Съ этого времени и нѣмцы и умѣренныя партіи чеховъ стали возлагать на соборъ всѣ свои надежды на избавленіе ихъ наконецъ отъ мечтателей, бредившихъ о божественномъ царствѣ.

5. Базельскій соборъ, Сигизмундъ и гуситы до примиренія съ своимъ королемъ.

Папа Мартинъ V, отправившійся въ Римъ только черезъ нѣсколько лѣтъ по избраніи (стр. 566), находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи: онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, а церковныя владѣнія съ своимъ рыцарствомъ такъ же мало слушались его, какъ германскіе города и рыцарство — своего императора; такъ, съ городомъ Болоньей Мартинъ велъ безконечный споръ. Но особыя обстоятельства придавали въ то время папѣ во всемъ христіанскомъ мірѣ, преиму-

щественно же въ Германіи, значеніе равносильное тому, какое въ наше время имѣлъ бы для нѣмецкихъ патріотовъ германскій императоръ. Эти обстоятельства были: соединеніе греческой и римской церкви, котораго сначала боялись, а потомъ рѣшительно желали греческіе императоры, для того чтобы спасти христіанскій міръ отъ турокъ; примиреніе непобѣдимыхъ гуситовъ съ церковью или, еслибъ это было возможно, истребленіе ихъ; наконецъ уничтоженіе многихъ злоупотребленій церкви, которыхъ даже богословы (за исключеніемъ только итальянцевъ) не смѣли отрицать,—уничтоженіе, которое уже было рѣшено въ Констанцѣ, обѣщано папою и могло быть исполнено имъ однимъ. Всѣ три вопроса требовали созванія собора. Согласно обѣщанію, его должно было созвать въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ по закрытіи констанцскаго собора. Мартинъ сдержалъ слово и въ 1423 г. созвалъ соборъ въ Павію, подъ тѣмъ предлогомъ, что грекамъ легче пріѣхать въ итальянскій городъ. Подобнымъ рѣшеніемъ остались недовольны всѣ націи, кромѣ итальянцевъ. Сверхъ того папа возстановилъ всѣхъ противъ себя еще тѣмъ, что стремился обогатить и сдѣлать могущественною на счетъ церкви фамилію Колонна, къ которой принадлежалъ самъ, а въ Германіи позволялъ себѣ церковные поборы и, не смотря на сдѣланныя въ Констанцѣ уступки, произвольно распоряжался при замѣщеніи высшихъ духовныхъ мѣстъ.

Едва въ мартѣ 1423 г. соборъ былъ открытъ, какъ нужно было перенести его въ другое мѣсто, потому что вслѣдствіе открывшейся чумы въ Павію явилось очень немного духовныхъ, да и присутствующіе не хотѣли оставаться долѣе. Въ августѣ папа велѣлъ перенести соборъ въ Сіену. Это возбудило страшное неудовольствіе, потому что созвать соборъ въ Сіенѣ было все равно, что созвать соборъ въ Римѣ. Дѣйствительно, собраніе не по числу, ни по свойствамъ своихъ членовъ не могло назваться вселенскимъ соборомъ, и уже въ февралѣ слѣдующаго года Мартинъ распустилъ его. Въ Сіену съѣхались почти исключительно одни итальянскіе епископы, т. е. креатуры папы; изъ Германіи пріѣхало только пять епископовъ, изъ Франціи шесть, а изъ Испаніи не явилось ни одного. Съ королемъ арагонскимъ Мартинъ былъ въ такой политической враждѣ, что Альфонсъ V, по смерти Бенедикта XIII (1424 г.), велѣлъ двумъ своимъ приверженцамъ, выдававшимъ себя за его кардиналовъ, избрать новаго папу (Климентъ VIII). Впрочемъ этотъ поступокъ арагонскаго короля имѣлъ значеніе только для Арагоніи и въ той мѣрѣ, въ какой Альфонсъ воспользовался для своихъ цѣлей самозванствомъ Климента VIII. Достигнувъ того, что ему было нужно, король потребовалъ, чтобы Климентъ сложилъ съ себя папское достоинство (1429 г.). Собравшіеся въ Сіенѣ итальянскіе епископы не сочли возможнымъ разрѣшить важнѣйшихъ изъ поставленныхъ собору вопросовъ; они много толковали о соединеніи римской церкви съ греческою и постановили, что черезъ семь лѣтъ епископы всѣхъ европейскихъ государствъ должны съѣхаться на вселенскій соборъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Передъ тѣмъ чтобы разойтись, они положили собраться въ Базелѣ; въ буллѣ, изданной 12 марта 1424 г., Мартинъ назначалъ этотъ городъ мѣстомъ новаго собранія.

Словамъ папы никто не вѣрилъ, и потому онъ всячески старался доказать, что серьезно намѣренъ созвать вселенскій соборъ. Еще въ апрѣлѣ 1424 г. онъ объявилъ базельцамъ, что въ 1431 г. епископы соберутся въ ихъ городѣ, просилъ ихъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія, назначилъ трехъ кардиналовъ для составленія программы занятій собора и приглашалъ христіанъ присылать прошенія въ коммисію. Въ Римѣ много толковали тогда о церковныхъ преобразованіяхъ, и папа даже составилъ правила относительно образа жизни кардиналовъ. Но, не смотря на все выказываемое Мартиномъ рвеніе, злоупотребленія не только не были прекращены, но и заключенные конкордаты оставались мертвой буквою; ни кардиналы, ни остальное духовенство, въ особенности же монахи, не измѣнили своей безпутной жизни, и во всѣхъ христіанскихъ странахъ на западѣ духовные были попрежнему предметомъ народнаго посмѣшища. Опасность, грозившая чешской и нѣмецкой церквамъ со стороны гуситовъ, заставила наконецъ папу сдѣлать попытку къ удовлетворенію недовольныхъ, и 1 февраля 1431 г. онъ созвалъ соборъ въ Базелѣ. Представителемъ своимъ при открытіи собора папа назначилъ извѣстнаго кардинала Юліана Чезарини, годившагося гораздо болѣе для преслѣдованія еретиковъ, для проповѣдыванія крестоваго похода и для

роли Петра Пустынника въ турецкой войнѣ, чѣмъ для роли примирителя и реформатора. Мартинъ не дожилъ до открытія базельскаго собора; онъ умеръ 20 февраля. На его мѣсто былъ избранъ упрямый и гордый венеціанецъ, придававшій въ церковныхъ дѣлахъ и догматикѣ особенное значеніе именно такимъ вещамъ, на которыя нападали не только гуситы, но даже всѣ дѣйствительно набожные ученые того времени. Можно было сказать навѣрное, что между собравшимися іерархами и ихъ монархомъ папою споръ неизбѣженъ, тѣмъ болѣе что не безъ причины же распустилъ такъ скоро сіенскій соборъ такой уступчивый человѣкъ, какъ папа Мартинъ.

Евгеній IV—такъ назывался новый папа—утвердилъ созваніе базельскаго собора, но не сдѣлалъ никакихъ распоряженій о торжественномъ его открытіи и даже не позаботился о томъ, чтобы извѣстное число духовныхъ всѣхъ націй собралось въ назначенный день въ Базелѣ. Поэтому два новые католическіе писателя и могли спорить о днѣ открытія собора: одинъ утверждаетъ, что оно произошло въ іюлѣ, по словамъ другаго—соборъ открылся только въ августѣ. Кардиналъ Юліанъ Чезарини, два раза ѣздившій въ Базель и дѣлавшій тамъ приготовленія къ собору, лѣтомъ 1431 г. былъ занятъ вмѣстѣ съ большинствомъ нѣмецкихъ епископовъ богемскимъ походомъ и далъ полномочіе двумъ лицамъ открыть соборъ. 26 іюля 1431 г. духовные, собравшіеся въ Базелѣ, начали предварительныя совѣщанія. Юліанъ явился 2 сентября, послѣ позорнаго бѣгства изъ Богеміи (стр. 574), и тотчасъ же принялъ предсѣдательство въ совѣщаніяхъ съ незначительнымъ числомъ духовныхъ, находившихся тогда въ Базелѣ. Убѣдившись, что противъ Богеміи ничего не сдѣлаешь буллами, призывающими къ крестовому походу, Юліанъ старался отдѣлить въ Базелѣ пражцевъ и чешскихъ землевладѣльцевъ, т. е. партію умѣренныхъ, державшуюся католицизма, отъ крайнихъ гуситовъ. Именемъ и по порученію прелатовъ онъ преслѣдовалъ эту цѣль, даже и послѣ того, какъ гуситы на приглашеніе Сигизмунда явиться въ соборъ или начать съ нимъ переговоры отвѣтили отказомъ. 15 октября Юліанъ отправилъ отъ имени собора дружеское посланіе къ гуситамъ, убѣждая ихъ высказать свои неудовольствія собору и обѣщаясь, что ихъ жалобы будутъ удовлетворены. Этотъ поступокъ собора страшно испугалъ папу, тѣмъ болѣе что и декретъ собора относительно порядка совѣщаній и коммисій очевидно доказывалъ, что онъ хотѣлъ серьезно заняться изслѣдованіемъ причинъ упадка церковной дисциплины и совершеннымъ возстановленіемъ ея. Въ тоже время папа узналъ, что въ Базель пріѣхало много знатныхъ духовныхъ и ученыхъ богословъ, въ томъ числѣ и профессора парижской Сорбонны. 14 декабря соборъ подъ предсѣдательствомъ Юліана постановилъ, что распоряженія, сдѣланныя въ Констанцѣ, должны быть приняты за основаніе и цѣль базельскаго собора, и объявилъ, что главная задача собранія состоитъ въ истребленіи ереси, возстановленіи мира между христіанами и прежней дисциплины въ церкви, и въ преобразованіи церкви въ ея главѣ и членахъ. Все это побудило Евгенія еще въ ноябрѣ отправить къ собравшемуся въ Базелѣ духовенству посланіе съ предложеніемъ перенести соборъ въ Болонью. Главныя причины, приводимыя папою, были слѣдующія: зимніе холода, возникшая между Фридрихомъ Тирольскимъ и герцогомъ бургундскимъ распря, затруднявшая, вмѣстѣ съ холодами, путешествіе въ Базель, опасность заразительнаго примѣра ереси, такъ какъ во всей Германіи, а въ особенности въ Базелѣ, религіозныя вѣрованія были сильно поколеблены,—и наконецъ обѣщаніе Мартина созвать вселенскій соборъ въ итальянскомъ городѣ, чтобы облегчить соединеніе латинской церкви съ греческою. Всѣ эти доводы не произвели никакого впечатлѣнія; напротивъ, посланіе Евгенія возбудило только неудовольствіе въ такъ называемыхъ отцахъ церкви и даже въ самомъ папскомъ легатѣ, секретарѣ собора, и страшно взбѣсило короля Сигизмунда, намѣревавшагося тогда предпринять новое путешествіе въ Италію. По порученію прелатовъ, Юліанъ далъ папѣ чрезвычайно настойчивый, остроумный и презрительный отвѣтъ, возражая ему по пунктамъ. На приведенныя нами четыре причины онъ отвѣчалъ: «то, что папа говоритъ о герцогахъ бургундскомъ и тирольскомъ, несправедливо, потому что они уже заключили перемиріе. Обвиненіе базельцевъ въ ереси совершенная ложь, такъ какъ въ городѣ не только ничего не слышно о ереси, но, напротивъ, граждане Базеля всѣ отличные католики и относятся къ духовенству съ

уваженіемъ. Зимнихъ холодовъ конечно не испугается тотъ, кто захочетъ поѣхать въ Базель. Что же касается гусковъ, то пѣсня о примиреніи ихъ съ римскою церковью поется уже триста лѣтъ и всякій годъ начинается снова. Вмѣсто того чтобы бѣгать за ними, было бы гораздо умнѣе начать переговоры съ недавно отпавшими отъ церкви гуситами, ученіе которыхъ уже успѣло распространиться по Германіи. Разумѣется, можно одновременно вести переговоры съ гуситами и съ греками; но только переговоры съ греками не требуютъ поспѣшности». Эней Сильвій говоритъ въ одной изъ своихъ буллъ, изданной имъ противъ постановленій констанцскаго собора, когда уже онъ былъ папою Піемъ II, что Юліанъ, такъ же какъ и самъ онъ, подпалъ тогда подъ вліяніе противниковъ папства. По крайней мѣрѣ такъ думалъ Евгеній, вступившій въ самый горячій споръ съ соборомъ. Папа страшно разгнѣвался на соборъ за его письмо и въ декабрѣ формально предписалъ собравшемуся въ Базелѣ духовенству разойтись за то, что оно осмѣлилось принять уполномоченныхъ отъ чешскихъ еретиковъ, выказавъ желаніе вступить съ ними въ прешія объ ученіи, давно проклятомъ папою. Онъ обѣщался созвать черезъ 18 мѣсяцевъ новый соборъ въ Болоньѣ.

Четырнадцатаго декабря происходило первое формальное засѣданіе собора, въ которомъ были рѣшены приведенныя нами постановленія, а папская булла пришла въ Базель въ январѣ 1432 г. Отцы оскорбились ею и не обратили вниманія на слова папы. Сигизмундъ принялъ ихъ сторону, а легатъ Евгенія отправилъ къ нему длинное письмо, предостерегая папу не очень полагаться на свои интриги съ князьями и не доводить нѣмецкаго народа до отчаянія. Въ этомъ письмѣ Юліанъ говоритъ, что человѣческія права, проповѣдуемыя чешскими фанатиками, встрѣчаютъ большое сочувствіе въ Германіи въ горожанахъ и крестьянахъ, страдающихъ отъ разбойниковъ рыцарей и находящихся подъ гнетомъ князей и дворянства. Относительно распространившихся въ Германіи демократическихъ принциповъ чеховъ и довѣрія Евгенія къ князьямъ, Юліанъ пишетъ, что «нѣмцы сказали ему, что причиною несчастнаго исхода богемскаго похода только ихъ князья, и это они берутся доказать и готовы одни выступить въ походъ, если на покрытіе военныхъ издержекъ будетъ дано имъ 30 т. дукатовъ». Юліанъ обращаетъ вниманіе папы и на отношенія нѣмцевъ въ церкви, говоря, что близко то время, когда нѣмцы подобно чехамъ отпадутъ отъ церкви. «Постоянныя злоупотребленія и грабительство духовенства, пишетъ онъ, такъ озлобили нѣмцевъ, что онъ опасается, чтобы они подобно гуситамъ не перебили духовенства и не сожгли монаховъ». Все это не образумило папу, и уже въ февралѣ возгорѣлась распря между нимъ и базельскими прелатами. Посланіемъ отъ 12 февраля 1432 г. Евгеній отзывалъ на время своего легата, но еще прежде чѣмъ пришло посланіе (во второе засѣданіе, 16 февраля) отцы объявили, что соборъ независимъ отъ папы и его легата. Они возобновили декретъ констанцскаго собора, ставившій вселенскій соборъ выше папы, и въ то же время постановили, что безъ собственнаго согласія базельскій соборъ не можетъ быть никѣмъ распущенъ, отложенъ или перемѣщенъ, даже самимъ папою. Тогда между главою церкви и соборомъ началась борьба. Въ этомъ спорѣ папа разсчитывалъ на поддержку короля Сигизмунда, который находился съ конца 1431 г. въ верхней Италіи, а съ начала 1432 г. велъ переговоры съ Римомъ о короноваціи.

Въ Италію Сигизмундъ отправился одинъ, потому что нѣмцы не хотѣли и слушать о римскомъ походѣ или по крайней мѣрѣ не давали на него денегъ. Предаваясь тамъ своей обычной жизни, онъ занималъ и моталъ деньги вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, составлялъ разнаго рода проекты, заключилъ союзъ съ герцогомъ миланскимъ противъ венеціанцевъ и, чтобы удовлетворить своему тщеславію, короновался ломбардскою короною, какъ король Италіи. Пробывъ пять мѣсяцевъ въ Миланѣ, онъ наконецъ такъ надоѣлъ герцогу и миланцамъ, что въ началѣ 1432 г. долженъ былъ уѣхать въ Піаченцу. Въ Піаченцѣ Сигизмундъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ и отсюда черезъ письма и посольства велъ переговоры съ Миланомъ, Римомъ, соборомъ и всѣмъ свѣтомъ; для дѣйствій же у него не было ни энергіи, ни могущества, ни денегъ. Главнымъ предметомъ переговоровъ было распущеніе папою собора, неразрывно связанное съ вопросомъ о коронованіи Сигизмунда императорскою короною въ Римѣ. Сигизмундъ долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы соборъ не былъ перене-

сенъ изъ Базеля, потому что только это одно могло помѣшать насильственной реформаціи въ Германіи и снова присоединить къ его королевству Богемію. Относительно Германіи Сигизмундъ говорилъ папѣ то же самое, что и кардиналъ Юліанъ: «Я боюсь, писалъ онъ, что нѣмецкіе горожане поступятъ съ іерархіей точно такъ же, какъ чехи: уже городъ Магдебургъ выгналъ своего архіепископа, всѣхъ капониковъ и подобно гуситамъ разграбилъ ихъ имущества; союзные же Магдебургу ганзейскіе города по Сѣверному и Балтійскому морямъ готовятся послѣдовать этому примѣру; по слухамъ, и на Рейнѣ собрались тысячи мірянъ, чтобы заставить городъ Вормсъ выдать духовенство и евреевъ; нассаусцы хотятъ взять приступомъ замки своихъ епископовъ, а бамбергцы ведутъ открытую войну съ духовенствомъ за привилегіи, данныя имъ королемъ». По истеченіи трехъ мѣсяцевъ Сигизмундъ долженъ былъ оставить и Піаченцу; его пребываніе тамъ возбуждало зависть герцога миланскаго и было слишкомъ обременительно для города. Въ концѣ марта онъ переселился въ Парму, гдѣ опять не на радость жителей прожилъ семь недѣль, проводя время въ перепискѣ и переговорахъ.

Между тѣмъ соборъ, ободряемый миланскимъ герцогомъ, охраняемый оружіемъ Вильгельма, герцога баварскаго, поддерживаемый Сигизмундомъ и сочувствіемъ нѣмецкаго народа, смотрѣвшаго на него какъ на якорь спасенія, мужественно продолжалъ борьбу съ папою. Въ третье засѣданіе, 29 апрѣля, отцы возобновили постановленіе 26 февраля, а папѣ, отнявшему полномочіе у кардинала Юліана, назначили трехмѣсячный срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ или явиться лично на соборъ, или, если состояніе его здоровья не позволяло ему этого, прислать отъ себя уполномоченныхъ. Евгеній, уже съ декабря мѣсяца не признававшій базельскаго собранія и въ письмахъ къ Юліану и Сигизмунду говорившій о такъ называемомъ соборѣ, также не хотѣлъ уступать. Между соборомъ и папою возникла ругательная переписка, и въ четвертое засѣданіе (20 іюня) отцы приняли два энергическія рѣшенія. Они постановили, что если Евгеній умретъ до окончанія собора, новый папа долженъ быть избранъ соборомъ изъ числа его членовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ запретили папѣ Евгенію назначать новыхъ кардиналовъ и отзывать къ себѣ находившихся въ Базелѣ.

Сигизмундъ старался всѣми силами помѣшать или по крайней мѣрѣ отдалить открытый разрывъ папы съ соборомъ. Участіе короля въ дѣйствіяхъ собора раздражало Евгенія, и папа, какъ будто бы отъ него зависѣла участь германской имперіи, далъ понять, что въ его власти короновать римскимъ императоромъ какого нибудь другаго князя. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ при этомъ въ виду тщеславнаго, легкомысленнаго, вѣтреннаго и расточительнаго, прожектера, непостояннаго и развратнаго герцога Фридриха Пустой Карманъ, бывшаго во всѣхъ отношеніяхъ живымъ портретомъ Сигизмунда. Только въ то время онъ уже не былъ бѣденъ; открытіе металлическихъ рудъ въ горахъ Тироля обогатило его, и герцогъ не умѣлъ другимъ образомъ доказать міру, что его карманъ болѣе не пустъ, какъ тѣмъ, что велѣлъ покрыть свой домъ въ Инспрукѣ позолоченной крышей, которую до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ. Такой человѣкъ не могъ быть опаснымъ соперникомъ Сигизмунда. Впрочемъ папа, кажется, никогда серьезно не думалъ о возвышеніи его, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ князья, конечно, не согласились бы повторить низложеніе императора, хотя въ апрѣлѣ 1432 г. Сигизмундъ, въ угоду фамиліи Гонзага, учредилъ за деньги маркграфство мантуанское, точно такъ же какъ Венцеславъ создалъ для фамиліи Висконти герцогство миланское. Въ концѣ мая Сигизмундъ, какъ всегда, нуждавшійся въ деньгахъ, выступилъ съ 2 т. венгровъ, миланцевъ и нѣмцевъ изъ Пармы въ Тоскану, чтобы и тамъ высосать изъ имперскихъ городовъ все, что можно. Проживя нѣсколько времени на счетъ города Лукки, онъ отправился въ Сіену, что не мало встревожило папу. Германскіе имперскіе города дали императору деньги, князья же хотя и сознавали свою обязанность помогать римскому походу императора, но отговаривались тѣмъ, что эта подать предварительно должна была быть постановлена на сеймѣ. Въ Сіенѣ Сигизмундъ прожилъ почти цѣлый годъ (съ іюля 1432 по начало мая 1433 г.), тутъ, какъ и вездѣ, онъ страшно надоѣлъ жителямъ, постоянно боролся съ нуждою, страшась венеціанцевъ, не смѣя ничего предпринять изъ боязни флорентинцевъ и обвиняя герцога миланскаго въ измѣнѣ и коварствѣ. О своемъ пребываніи въ Сіенѣ онъ самъ

отзывался весьма картинно въ такихъ выраженіяхъ, которыя мы изъ уваженія къ императорской идеѣ нашихъ дней не осмѣлились бы употреблять, еслибы это не были его подлинныя слова. Сигизмундъ говорилъ, что чувствовалъ себя тамъ, какъ дикій звѣрь въ желѣзной клѣткѣ. Это не мѣшало однако старику вести обычную, разгульную жизнь и заниматься безчисленнымъ любовными похожденіями. Новѣйшій нѣмецкій біографъ Сигизмунда полагаетъ, что благородный и добрый императоръ снова поправилъ все тѣмъ, что предавался покаяніямъ и ходилъ слушать назиданія жившаго недалеко отъ Сіены отшельника, минорита Бернардино, который велъ аскетическую жизнь; противъ этого мы даже не желаемъ ничего возражать. Изъ любовныхъ похожденій Сигизмунда въ Сіенѣ и исторіи его канцлера Каспара Шлыка, Эней Сильвій или, какъ онъ назывался папою, Пій II, составилъ сантиментальный, безнравственный, хотя и прикрытый личиною необыкновенной скромности романъ, написанный изящнымъ слогомъ.

Въ то время какъ Сигизмундъ жилъ въ Сіенѣ, соборъ продолжалъ враждебный образъ дѣйствій противъ папы, а въ августѣ 1432 г. просилъ короля пріѣхать въ Базель, чтобы начать процессъ противъ Евгенія. Это испугало папу и дало возможность Сигизмунду, желавшему короноваться, воспользоваться для своихъ цѣлей затруднительнымъ положеніемъ Евгенія. Какъ былъ сконфуженъ папа—видно изъ того, что онъ отправилъ къ Сигизмунду двухъ кардиналовъ, итальянца и англичанина, и велѣлъ сдѣлать предложеніе собору о примиреніи. Папскіе послы опоздали: 6 сентября (въ шестое засѣданіе) 17 кардиналовъ оффиціально пожаловались собору на папу за то, что онъ не явился въ Базель и не отмѣнилъ повелѣнія о закрытіи собора. Однако ходатайствомъ Сигизмунда уполномоченные Евгенія добились таки, что папѣ была назначена новая отсрочка. Въ октябрѣ, когда папа изъявилъ наконецъ согласіе на коронованіе и обѣщалъ принять на себя сопряженныя съ нимъ издержки, Сигизмундъ вторично выпросилъ у собора новую отсрочку. Но папа не исполнилъ своего слова относительно коронованія и его отношенія къ собору сдѣлались еще враждебнѣе. Въ декабрѣ Сигизмундъ объявилъ себя противъ папы и убѣдилъ англійскаго короля принять сторону собора. 18 декабря, въ восьмое засѣданіе, соборъ поставилъ, что, если папа въ теченіе 60 дней не возьметъ назадъ своей буллы о распущеніи собора, противъ него будетъ начатъ процессъ. Въ то же время и кардиналамъ было сказано, что, если они не явятся въ Базель, у нихъ будутъ отняты всѣ ихъ церковные доходы. Папа съ своей стороны приступалъ страшно къ несчастному Сигизмунду, все еще сидѣвшему въ Сіенѣ и мечтавшему только о коронаціи. За покровительство, оказываемое королемъ прелатамъ, споривщимъ съ папою, Евгеній угрожалъ ему отлученіемъ отъ церкви и отнятіемъ королевской короны, говоря, что такая же участь постигнетъ и герцога баварскаго Вильгельма, котораго Сигизмундъ назначилъ защитникомъ и покровителемъ собора. Тогда базельскіе отцы рѣшились энергически защищать короля: въ девятое и десятое засѣданіе собора (22 января и 19 февраля 1433 г.) аристократія европейской іерархіи такъ рѣшительно выступила на защиту императорской власти противъ узурпаціи папскаго престола, что даже римскіе каноники совѣтовали папѣ поскорѣй выпутаться изъ тисковъ между императоромъ и церковью. Въ девятое засѣданіе соборъ объявилъ недѣйствительными всѣ наказанія и приговоры, которые произнесъ или произнесетъ папа противъ римскаго короля и его намѣстника, герцога Вильгельма; въ десятое онъ постановилъ то же самое относительно бенефицій, розданныхъ Евгеніемъ со времени буллы распущенія, и такимъ образомъ отнялъ у папы возможность покупать себѣ приверженцевъ. Въ десятое же засѣданіе начатъ былъ процессъ противъ папы. Между тѣмъ Евгеній, чего конечно еще не знали въ Базелѣ, уже сдѣлалъ уступку въ главномъ вопросѣ. Буллой отъ 16 февраля 1433 г., отправленной къ германскому королю и курфирсту, онъ соглашался на продолженіе базельскаго собора подъ предсѣдательствомъ своего легата Юліана. Долгій споръ, казалось, былъ покончень, когда вскорѣ послѣ этой буллы въ Базелѣ явились еще четыре кардинала—легаты Евгенія, чтобы вмѣстѣ съ Юліаномъ руководить совѣщаніями собора. Вскорѣ однако выказалась вся двусмысленность папскихъ уступокъ, когда собраніе хотѣло постановить догматъ о подчиненіи папы вселенскому собору и объ его отвѣтственности предъ соборомъ. Поэтому въ одиннадцатое засѣданіе (27 апрѣля) соборъ сдѣлалъ еще шагъ про-

тивъ папы, рѣзкимъ образомъ возстановивъ древнее церковное право чистой епископальной церкви въ противоположность новому праву папской церкви и декреталіямъ, на которыхъ оно основывалось.

Оставаясь во враждѣ съ соборомъ, папа, напротивъ, примирился съ Сигизмундомъ. Въ немъ онъ искалъ опоры противъ собора, надѣясь съ помощью императора добиться въ Базелѣ иными средствами того, чего не могъ достигнуть прямымъ путемъ. Сигизмундъ, очень довольный представившеюся возможностью выйти изъ своего незавиднаго положенія въ Сіенѣ и короноваться на счетъ Евгенія, согласился на все, чего только хотѣлъ папа, и поклялся, что признаетъ всѣ его притязанія въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Но Сигизмундъ постыдился обѣщать папѣ содѣйствіе противъ собора, кромѣ тѣхъ двухъ случаевъ, когда базельскіе отцы прямо возстанутъ противъ него или захотятъ низложить его. Внезапно измѣнившійся тонъ писемъ Сигизмунда не мало удивилъ соборъ. Отвѣты императора на письма, въ которыхъ базельскіе іерархи чрезвычайно настойчиво говорили ему объ его отношеніяхъ къ папѣ, становились все холоднѣе; наконецъ, отправляясь въ Римъ на коронацію, Сигизмундъ заклиналъ соборъ не дѣлать болѣе ни шага противъ верховной власти римскаго престола. Папа дѣйствовалъ на слабую сторону старика: онъ велѣлъ двумъ кардиналамъ легатамъ съ свитой изъ четырехсотъ рыцарей провожать Сигизмунда въ Римъ, принялъ на себя всѣ расходы, угощалъ императора и устроивалъ въ честь его празднества. 21 мая 1433 г. Сигизмундъ торжественно въѣхалъ въ Римъ. Что во всевозможныхъ празднествахъ и церемоніяхъ не было недостатка, легко можно было бы представить себѣ, если бы даже писатели того времени и не оставили утомительно подробныхъ описаній, въ которыхъ главную роль играютъ всегда вещи несущественныя. Мы замѣтимъ только, что коронованіе произошло 31 мая и что съ этого дня Сигизмундъ сталъ называться императоромъ. Впрочемъ это не придало ему ни могущества, ни значенія и не сдѣлало его богаче; напротивъ, новый титулъ сдѣлалъ еще разительнѣе и смѣшнѣе контрастъ между его нышностью, его новыми притязаніями и его средствами. Князья ничего не давали, и потому, для покрытія своихъ издержекъ, императоръ наложилъ подати на германскіе города, т. е. на бережливыхъ, домовитыхъ и въ то время зажиточныхъ нѣмецкихъ горожанъ; много ли онъ получилъ съ нихъ, мы не знаемъ. Съ тѣхъ же поръ сталъ гербомъ имперіи двуглавый орелъ, помѣщенный имъ тогда на императорской печати. Канцлера Шлыка, который самъ выхвалялъ дипломатическую ловкость, выказанную имъ въ Сіенѣ и Римѣ, Сигизмундъ надѣлилъ тѣмъ же леномъ, какимъ Бонапарте наградилъ основателя Монитёра, генеральнаго секретаря временъ консульства и императорскаго министра Маре: Сигизмундъ сдѣлалъ своего канцлера графомъ де Бассано, а Бонапарте, по предложенію своихъ совѣтниковъ, хорошо знакомыхъ съ исторіей, а можетъ быть и по совѣту Таллейрана, столь же сильнаго въ исторіи и богословіи, какъ въ интригахъ и плутовствѣ, назначилъ Маре герцогомъ де Бассано. Только послѣдній не получилъ земель и подданныхъ, какъ чешскій канцлеръ. Въ августѣ Сигизмундъ выѣхалъ наконецъ изъ Рима и, не торопясь, отправился чрезъ Феррару, Мантую и Тироль въ Базель, останавливаясь во всѣхъ городахъ, гдѣ могъ жить на чужой счетъ или поживиться деньгами.

Въ Богеміи продолжала господствовать дикая неурядица, не смотря на всѣ старанія собора (1433 г.) отдѣлить умѣренную партію гуситовъ отъ приверженцевъ обоихъ Прокоповъ, проповѣдывавшихъ по отношенію къ церкви и государству самые крайніе радикально-революціонные принципы. Послѣ побѣды надъ нѣмцами при Домажлицахъ табориты, орфанпты и оребиты въ союзѣ съ пражцами, опустошили и ограбили всѣ сосѣднія страны подобно мадьярамъ IX столѣтія, маврамъ и норманнамъ X вѣка. Только въ Венгріи гуситы потерпѣли страшное пораженіе, устремившись подъ предводительствомъ Прокопа (1432 г.) черезъ Ваагъ: большая часть ихъ войска была истреблена, а весь обозъ и добыча достались непріятелю. Огнемъ и мечомъ опустошили гуситы бранденбургскую мархію до самаго Кюстрина; Саксонія на короткое время купила перемиріе за 9 т. дукатовъ; Австрія, Мейссенъ, Фойгтландъ, Баварія и Франконія были по нѣсколько разъ наводнены страшными толпами. На базельскій соборъ чехи не обращали никакого вниманія, и отцы два раза отправляли къ нимъ дружескій

посольства, прежде чѣмъ добились согласія вступить въ переговоры. Помня, какъ поступилъ констанцскій соборъ съ ихъ соотечественниками, чехи не соглашались отправить своихъ уполномоченныхъ въ Базель, не смотря на предлагаемыя имъ охранительныя письма и обѣщаніе защиты и покровительства. Наконецъ обѣ партіи условились, что уполномоченные чеховъ и собора составятъ въ Эгерѣ предварительный конгрессъ. На этомъ конгрессѣ (май 1432 г.) было рѣшено, что всѣ гуситскія партіи пришлютъ депутатовъ въ Базель, а соборъ обѣщалъ сдѣлать имъ различныя уступки, преимущественно по вопросу о причащеніи. Наиболѣе заслугъ оказали въ Эгерѣ Мейнгардъ изъ Индрихова-Градца, глава чешскаго дворянства, исповѣдывавшаго, за немногими измѣненіями, чистый католицизмъ, и Янъ Рокицана, первый изъ учителей такъ называемыхъ пражцевъ и каликстинцевъ, которыхъ очень легко было удовлетворить. Рокицана былъ назначенъ членомъ отправлявшейся въ Базель духовной депутаціи, вмѣстѣ съ тремя лучшими предводителями революціонной партіи, Прокопомъ Большимъ, Вилемомъ Косткою и Бенешомъ изъ Мокровусъ. Менѣе уступчивыми оказались сопровождавшіе депутацію духовные: епископъ таборитовъ Николай изъ Пельгржимова, священникъ Ольдрихъ, принадлежавшій къ мечтательной сектѣ сиротъ, и Петръ Пэнъ, называемый англичаниномъ, потому что родился или жилъ долгое время въ Англіи. Подъ охраною трехъ сотъ избранныхъ чешскихъ рыцарей посольство отправилось въ Базель и прибыло туда въ день богоявленія. Въ продолженіе 50 дней длились пренія собора съ чехами, кончившіяся (какъ легко догадается тотъ, кто знаетъ школьныхъ ученыхъ, въ особенности умозрительныхъ философовъ и богослововъ) тѣмъ, что вражда сдѣлалась еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Прокопъ Большой выказалъ себя при этомъ такимъ же храбымъ и непобѣдимымъ въ схоластическо-богословскихъ преніяхъ, какимъ былъ передъ тѣмъ и впослѣдствіи на полѣ сраженія. Онъ сильно негодовалъ на католическаго диспутанта, венгерскаго канцлера Яна изъ Рагузы, который, будучи самъ славяниномъ, ругалъ славянъ еретиками.

Соборъ могъ тѣмъ легче устранить яростные споры, въ которыхъ участвовали его бойцы, что, къ большому удивленію собранія, всѣ депутаты, какъ пражской партіи, такъ таборитовъ и орфанитовъ, объявили, что они удовлетворятся, если за ними будутъ подтверждены упомянутыя нами выше пражскія статьи (стр. 556). Въ этихъ статьяхъ они требовали: 1) чтобы причастіе раздавалось подъ обоими видами; 2) чтобы проступки духовенства судились свѣтскою властью, какъ и преступленія свѣтскихъ лицъ; 3) чтобы всякій христіанинъ, кто бы онъ ни былъ, имѣлъ право проповѣдывать слово Божіе и 4) чтобы была признана несовмѣстность свѣтскаго владычества съ духовнымъ пастырствомъ. Разумѣется, споры коснулись впослѣдствіи и другихъ вопросовъ. Черезъ три мѣсяца чешскіе депутаты, соотечественники которыхъ продолжали въ это время свои разбойничьи набѣги, вернулись въ Прагу, въ высшей степени недовольные результатами своей поѣздки; обѣ партіи чувствовали однако потребность примиренія. Умѣренные, т. е. партія Рокицаны и Мейнгарда изъ Градца, и гуситы, стоявшіе за сохраненіе цивилизаціи и порядка, существовавшаго въ церкви и государствѣ, желали избавиться отъ дикихъ мечтателей, превратившихъ Богемію въ Туркестанъ или Курдистанъ. Соборъ, все еще боровшійся съ папою, стремился, какъ по крайней мѣрѣ казалось, возвратить гуситовъ римской церкви, а Сигизмундъ страстно желалъ отправиться въ Прагу и упрочить за своимъ зятемъ Альбрехтомъ чешскій престолъ. Новые переговоры между гуситами и соборомъ не замедлили возникнуть; первый шагъ къ примиренію сдѣлали опять отцы собора и сосѣдніе съ Богеміей князья. Отправленные ими духовные и свѣтскіе уполномоченные прибыли въ іюнѣ 1433 г. въ Прагу, гдѣ были встрѣчены очень дружелюбно. Въ Прагу пріѣхали тогда сословія Богеміи и Моравіи; въ числѣ чешскихъ уполномоченныхъ находились Прокопъ Большой, не хотѣвшій и слышать о римской церкви, и Янъ Рокицана, желавшій примиренія съ нею. Между умѣренной партіей, столь же враждебной своимъ радикальнымъ соотечественникамъ, какъ и соборъ, и уполномоченными іерарховъ возникли тайные переговоры. Такимъ образомъ въ то время какъ радикальная партія продолжала набѣги на иностранныя земли, когда орфаниты подъ предводительствомъ Яна Чапка проникли до Данцига и сожгли тамъ монастырь Оливу, а Прокопъ Большой, оставивъ Прагу, опустошалъ вмѣстѣ съ

Прокопомъ Малымъ Баварію, Венгрію и Силезію и напалъ со всѣмъ своимъ войскомъ на Пильзенъ, — предводители умѣренной партіи Мейнгардъ изъ Градца и Янъ Рокицана перешли на сторону собора. Мейнгардъ даже отправилъ войско на помощь городу Пильзену. Рокицана былъ привлеченъ обѣщаніемъ собора назначить его архіепископомъ пражскимъ, если онъ примирится съ церковью. Условія, на которыхъ умѣренные гуситы соглашались снова присоединиться къ церкви, были составлены и отправлены съ депутаціей къ базельскому собору. Сигизмундъ, находившійся тогда въ Базелѣ, старался всѣми силами, чтобы соборъ принялъ предложеніе чеховъ, основательно расчитывая, что тогда ужъ вражда католиковъ и умѣренныхъ гуситовъ къ крайней партіи навѣрное сдѣлается непримиримою. Дальнѣйшій ходъ переговоровъ и преній не относится до насъ; мы замѣтимъ только, что уполномоченные собора и умѣренной партіи гуситовъ заключили договоръ, подписанный 30 ноября 1433 г. въ Прагѣ и утвержденый соборомъ въ февралѣ 1434. Этотъ договоръ, извѣстный подъ именемъ пражскихъ компактатовъ, признавалъ за новой гуситской общиной въ Богеміи четыре пражскія статьи съ нѣкоторыми ограниченіями. Редакція четырехъ статей получила слѣдующія измѣненія: «1) причащаться дозволяется подъ обоими видами; 2) духовные за обыкновенныя преступленія могутъ быть судимы свѣтскими судьями, но только при участіи духовныхъ; 3) слово Божіе можетъ свободно проповѣдываться, но только правильно поставленными духовными; 4) духовные не должны вмѣшиваться въ свѣтское управленіе и могутъ управлять только церковными имѣніями; но съ другой стороны захватъ церковныхъ имѣній свѣтскими лицами наказывается какъ святотатство». Слѣдовательно, сдѣланныя уступки были не важны и потому неудивительно, что табориты, оребиты и орфаниты не приняли компактатовъ и вскорѣ выказали противъ своихъ гуситскихъ соотечественниковъ гораздо больше озлобленія, чѣмъ противъ чистыхъ католиковъ.

Вслѣдъ за заключеніемъ компактатовъ вспыхнула открытая вражда между чешскими аристократами и городами съ одной стороны и демократами съ другой. На Сигизмунда никто не обращалъ вниманія, и потому для обузданія фанатиковъ крайней партіи (таборитовъ, оребитовъ, орфанитовъ и др.) аристократическая и городская партіи Богеміи учредили управленіе отъ имени сословій, т. е. аристократіи. Правителемъ государства былъ избранъ Алешъ Врештовскій изъ Ризенбурга, человѣкъ честный и уважаемый, но не полководецъ. Помощниками его были: Мейнгардъ изъ Градца, Гинце Птачекъ изъ Пиркштейна, Алешъ изъ Штернберга и Коловратъ. Аристократическая партія старалась прежде всего освободить Пильзенъ, одиннадцать мѣсяцевъ осаждаемый Прокопомъ Большимъ, и сломить могущество владѣвшихъ новымъ городомъ Праги орфанитовъ, священникъ которыхъ Вольфъ былъ заклятымъ врагомъ Рокицаны. Для достиженія этихъ цѣлей соборъ долженъ былъ дать субсидіи; не имѣя ни доходовъ, ни особыхъ суммъ въ своемъ распоряженіи, отцы открыли между собою подписку и отправили деньги въ Богемію, когда пражцы и рыцари уже двинулись на выручку Пильзена. Еще передъ тѣмъ, одинъ изъ предводителей умѣренной партіи, Кленовскій, пробился чрезъ войско Прокопа и доставилъ Пильзену провіантъ и подкрѣпленія, а рыцари и граждане стараго города Праги нанесли рѣшительное пораженіе отряду Прокопа Малаго въ новомъ городѣ. Узнавъ объ этомъ, Прокопъ Большой сжегъ свой лагерь передъ Пильзеномъ вмѣстѣ съ больными и ранеными, намѣреваясь двинуться на Прагу, чтобы, какъ онъ говорилъ, истребить все чешское дворянство, а изъ новаго города Праги сдѣлать первый городъ въ мірѣ (конецъ апрѣля 1434 г.). Къ нему присоединились орфаниты и оребиты. Опустошая все по пути, соединенное войско двинулось подъ его главнымъ начальствомъ къ Прагѣ; предводителями отдѣльныхъ отрядовъ были Прокопъ Малый, Янъ Чапекъ изъ Сланаго и Янъ Керскій. Озлобленныя толпы отмстили Мейнгарду изъ Градца, опустошивъ его владѣнія и разрушивъ его городъ. Рыцари и города выставили противъ соединенныхъ силъ демократовъ многочисленное войско, которымъ по имени предводительствовалъ Алексѣй Врештовскій, въ дѣйствительности же Мейнгардъ изъ Градца. Кромѣ нихъ, во главѣ вооруженныхъ горожанъ и рыцарей стояли Гинце Птачекъ, Алешъ изъ Штернберга и Вилемъ Костка. Въ концѣ мая 1434 г., оба войска расположились другъ противъ друга лагерями, окруженными военнымъ обозомъ, въ окрестностяхъ Чешскаго-Брода; 28 мая произошло у

Липанъ и Гржибъ рѣшительное сраженіе, въ которомъ послѣ кровопролитной битвы пали оба Прокопа, а толпы предводительствуемыхъ ими мечтателей были истреблены, какъ дикія животныя. Въ отношеніи плѣнныхъ демократовъ побѣдители выказали страшную жестокость; такъ напримѣръ, пильзенцы заперли тысячу человѣкъ плѣнныхъ въ амбары и сожгли ихъ тамъ, а Петра Пэна и даже старца Вацлава Коранду, попавшихся въ плѣнъ, хотѣли утопить, но не сдѣлали этого только по настоятельному заступничеству Вилема Костки и пражанъ. Нѣкоторые писатели приписываютъ страшное пораженіе демократовъ тому, что войско Прокопа вышло изъ укрѣпленнаго лагеря въ открытое поле, гдѣ рыцарство должно было имѣть надъ нимъ перевѣсъ. Другіе говорятъ, что Чапекъ и Керскій, командовавшіе конницей, еще до сраженія вступили въ тайные переговоры съ врагами и, вмѣсто того, чтобы поддержать пѣхоту, аттакованную рыцарями, бѣжали съ поля битвы. Впослѣдствіи Янъ Чапекъ передалъ рыцарству занятые имъ города Колинъ и Чешскій-Бродъ и былъ щедро награжденъ за то побѣдителями; но это доказываетъ только, что онъ счелъ благоразумнымъ во-время отдѣлиться отъ демократовъ. Впрочемъ, остатки мечтательныхъ сектъ остались острашными и послѣ этого пораженія.

По истребленіи главныхъ силъ мечтателей и демократовъ, Сигизмундъ отправилъ въ Прагу, гдѣ собрались представители дворянства и сословій (іюнь 1424 г.), поздравленіе съ побѣдою. По возвращеніи изъ Италіи императоръ, какъ искатель приключеній, странствовалъ по южной Германіи, переѣзжая изъ города въ городъ, занималъ вездѣ деньги, всѣмъ надоѣдалъ, и однажды былъ даже ограбленъ на большой дорогѣ однимъ рыцаремъ разбойникомъ; извѣстіе о пораженіи радикаловъ застало его въ Ульмѣ. Побѣдившая партія отвѣчала на его поздравленіе посольствомъ, отправившимся въ Регенсбургъ, куда Сигизмундъ созвалъ сеймъ. Посольство явилось въ Регенсбургъ въ концѣ сентября и не имѣло другаго порученія, кромѣ поздравленія Сигизмунда съ императорскимъ титуломъ; все остальное было отложено до ближайшаго сейма. Изъ этого видно, что чешская аристократія не торопилась признать Сигизмунда своимъ давно коронованнымъ королемъ и помочь ему деньгами. Видя неподатливость аристократіи, Сигизмундъ обратился къ таборитамъ, оребитамъ и остаткамъ демократовъ, сохранявшимъ еще значеніе въ Богеміи и продолжавшимъ дѣлать набѣги на Германію. Но и съ ними переговоры не повели ни къ чему. Католицизъ или вѣрнѣе зависимость императора отъ папы и духовенства, и страхъ, что Сигизмундъ снова призоветъ въ Богемію монаховъ, начнетъ строить монастыри, удалитъ отъ двора гуситскихъ священниковъ, будетъ нарушать четыре пражскія статьи и велитъ проповѣдывать не на чешскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ, мѣшали его примиренію съ обѣими партіями. Весной 1434 г. Сигизмундъ возвратился въ Венгрію, не заѣзжая въ Богемію. Правитель королевства Алешъ Врештовскій старался всѣми силами содѣйствовать примиренію короля съ сословіями и наконецъ достигъ того, что 14 февраля 1435 года, на сеймѣ въ Прагѣ, чешскіе аристократы и ихъ гуситскіе богословы предложили Сигизмунду четырнадцать статей, которыя онъ долженъ былъ подписать, если желалъ быть признаннымъ чешскимъ королемъ. Эти статьи, которыя мы не считаемъ нужнымъ приводить, были посланы къ императору въ Венгрію, но посольство не успѣло еще выѣхать, какъ въ Прагу уже явились уполномоченные Сигизмунда. Новые переговоры опять ничѣмъ не кончились, по всей вѣроятности потому, что императорскіе уполномоченные не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ. Затѣмъ въ Богеміи снова началась анархія. Защищаемые и поддерживаемые императоромъ католики все еще владѣли городами и крѣпостями и боролись съ умѣренными гуситами, которые въ одно и тоже время вели войну и съ вновь усилившимися таборитами, нападая на нихъ, отъ времени до времени, въ открытомъ полѣ и осаждая ихъ укрѣпленія подъ предводительствомъ Гинце Птачка и Ольдриха изъ Розенберга. Примиренію императора съ Богеміей препятствовали не политическія, а богословскія причины: Сигизмундъ и его зять и преемникъ Альбрехтъ Австрійскій такъ же боязливо касались этихъ вопросовъ, какъ богословы гуситовъ и таборитовъ. Такимъ образомъ дѣло затянулось до іюля 1435 г., когда базельскій соборъ снова отправилъ посольство въ Богемію. На этотъ разъ переговоры кончились тѣмъ, что всѣ гуситы, каликстинцы и табориты обѣщались удовлетвориться компактами, если Сигизмундъ и

его зять сдѣлаютъ имъ еще нѣкоторыя уступки и сговорятся съ ними по политическимъ вопросамъ. Послѣ того Сигизмундъ и Альбрехтъ поѣхали въ Брюннъ, куда явилось блистательное чешское посольство изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вступившихъ въ городъ совершенными побѣдителями. Рокицана, участвовавшій въ посольствѣ, передалъ императору упомянутыя четырнадцать статей. Сигизмундъ согласился на нихъ (іюль 1435 года); впрочемъ онъ сдѣлалъ эту уступку только потому, что не могъ поступить иначе. Достигнувъ владычества надъ Богеміей, онъ нарушилъ свое слово, и неудовольствіе противъ нѣмцевъ сдѣлалось еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Призывая къ себѣ короля, чехи приняли всевозможныя предосторожности, но ихъ все-таки обманули. Не довѣряя императору, они еще разъ совѣщались между собой на сеймѣ въ Прагѣ, чтобы условиться относительно всѣхъ вопросовъ. На этомъ сеймѣ канцлеръ Сигизмунда, искусный дипломатъ Каспаръ Шлыкъ, отлично знавшій своихъ соотечественниковъ, убѣдилъ сословія Богеміи оффиціально утвердить компакты и отправить посольство съ этими документами въ Штульвейссенбургъ, куда должны были явиться и уполномоченные базельскаго собора. Въ Штульвейссенбургѣ Сигизмундъ и Альбрехтъ (въ началѣ января 1436 г.) выдали чешскимъ посламъ двѣ грамоты, которыми подтверждались права и привилегіи чеховъ относительно богослуженія, удовлетворявшія всю Богемію, кромѣ нѣсколькихъ таборитскихъ нѣмецкихъ общинъ. Въ этихъ граматахъ всѣхъ чехамъ были обѣщаны защита и покровительство, гуситскому духовенству предоставлялось право избирать особаго архіепископа и двухъ епископовъ и императоръ обязывался испросить у папы и собора утвержденіе всѣхъ своихъ обѣщаній. Дѣйствительно, черезъ два мѣсяца Евгеній IV утвердилъ новыя права чеховъ, избравшихъ тогда Яна Рокицану архіепископомъ пражскимъ.

Такимъ образомъ, казалось, все дѣло было улажено; но непостоянство Сигизмунда и жестокость его зятя противъ евреевъ и еретиковъ постоянно возбуждали въ народѣ недовѣріе. Образованная часть каликстинцевъ не могла не знать, что въ это время Сигизмундъ, — о чемъ разумѣется, съ восхищеніемъ разсказываетъ его новѣйшій біографъ, — искалъ утѣшенія на могилѣ своего покровителя святаго Вацлава и выбралъ своимъ духовникомъ и совѣтникомъ генеральнаго викарія миноритовъ Якова Пицена де Мархія, — человѣка, орденъ котораго былъ особенно ненавистенъ чехамъ. Мы не хотимъ вѣрить, что этотъ францисканецъ далъ императору совѣтъ, за который, выражаясь словами Данте, и воинъ въ францисканской рясѣ, давшій его, и папа, послѣдовавшій ему, пошли въ адъ; но достаточно было того, что объ этомъ говорили и что этому вѣрили. Разсказываютъ, что этотъ призванный изъ Босніи монахъ, проповѣдывавшій объ истребленіи мечомъ и огнемъ еретиковъ, которыхъ не убѣждали его слова, сказалъ своему духовному сыну, что онъ можетъ обѣщать еретикамъ гуситамъ все, но не долженъ исполнять обѣщаннаго. Дѣйствія дипломатовъ императора были таковы, что, еслибы даже духовникъ Сигизмунда и не далъ подобнаго совѣта, то все-таки могло казаться, что они раздѣляютъ его. Когда въ іюнѣ 1436 года Сигизмундъ и его зять прибыли въ Иглаву, и чехи все еще не рѣшались впустить его въ Прагу, императоръ сдѣлалъ имъ уступки и обѣщалъ то, чего ни его зять, ни канцлеръ Каспаръ Шлыкъ не хотѣли да и не могли исполнить. 12 іюля правитель государства Алешъ Врештовскій обнародовалъ по всему королевству декретъ о принятіи компактатовъ, примиреніи съ римскою церковью и признаніи Сигизмунда императоромъ. 25 августа 1436 г. Сигизмундъ съ торжествомъ вступилъ въ столицу Богеміи. Въ Прагѣ, какъ и вездѣ въ теченіе всей своей жизни, Сигизмундъ, не смотря на вѣчную нужду въ деньгахъ, думалъ болѣе всего о роскоши, празднествахъ, пирушкахъ и оргіяхъ.

7. Базельскій соборъ; послѣдніе годы Сигизмунда; Богемія и Австрія при Альбрехтѣ II и по его смерти.

Базельскій соборъ удовлетворилъ бы жалобы нѣмецкаго народа на злоупотребленія папской церкви точно такъ же, какъ онъ удовлетворилъ жалобы чеховъ, если бы германскіе императоры изъ политики не противились всякой ре-

формѣ, которая лишила бы ихъ возможности пользоваться для своихъ цѣлей монархическою властью папъ противъ аристократіи германскихъ епископовъ. Вслѣдствіе этой политики всѣ постановленія собора, клонившіяся къ преобразованію папской церкви, остались неосуществленными. Такимъ образомъ народъ, оставленный своими свѣтскими и духовными князьями, былъ вынужденъ въ слѣдующемъ столѣтіи насильственно произвести революцію подъ предводительствомъ нѣсколькихъ смѣлыхъ проповѣдниковъ. Чтобы показать, какія измѣненія требовались въ то время отъ собора и какія реформы считались необходимыми во всѣхъ государствахъ, преимущественно въ Англіи, Германіи и Франціи, достаточно въ нѣсколькихъ словахъ привести оффиціальныя жалобы нѣмцевъ (Gravamina nationis Germanicæ) на ультрамонтанизмъ. Въ этомъ сборникѣ жалобъ говорится, что: «1) Папы рѣшительно не считаютъ себя связанными буллами, договорами, привилегіями и граматами, выданными ихъ предшественниками, а отмѣняютъ и уничтожаютъ ихъ по просьбамъ разныхъ негодяевъ; 2) никакіе выборы не уважаются, и папа произвольно раздаетъ епископства, деканаты, пробства и аббатства, даже тогда, когда они были прежде куплены дорогою цѣной (какія притѣсненія должны были происходить отъ этого, можно понять уже изъ того, что въ одной Германіи считалось до пятидесяти епископствъ); 3) лучшія нѣмецкія провинціи постоянно раздаются римскимъ кардиналамъ и протонотаріямъ; 4) папская канцелярія раздаетъ такое множество дипломовъ на полученіе мѣстъ и доходовъ (экспектанцій), что естественно пропадаетъ много денегъ и безчисленные процессы становятся неизбѣжными; 5) аннаты, т. е. доходы, выплачиваемые папѣ по смерти одного изъ епископовъ до назначенія ему преемника (medii fructus), постоянно возвышаются; такъ напримѣръ въ Майнцѣ они простирались сначала до 10 т., потомъ до 20 т., наконецъ до 25 т. дукатовъ, и сумма эта еще удвоивается, когда въ одинъ годъ умираютъ два епископа; 6) духовныя мѣста замѣняются итальянцами, не знающими ни языка, ни нравовъ своей паствы; 7) папы отмѣняютъ старыя, давно уплаченныя индульгенціи, чтобы имѣть возможность продавать новыя; 8) десятины, собираемыя для войны съ турками, тратятся совсѣмъ не на походы противъ невѣрныхъ и не на помощь грекамъ; 9) процессы всѣхъ родовъ переносятся въ Римъ, гдѣ за деньги можно все сдѣлать». — Еще къ 1416 г. по поводу этихъ жалобъ были переданы констанцскому собору такъ называемые авизаменты (стр. 557), и вслѣдствіе того между императоромъ и папой заключенъ былъ конкордатъ; но, не смотря на то, по прошествіи двухъ лѣтъ гнетъ сдѣлался еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Изъ этого можно видѣть, какъ папа и императоръ обманули нѣмцевъ. Въ 1427 г. курфирстъ майнцскій передалъ императору новые авизаменты; но Сигизмундъ не могъ ничего добиться отъ папы и потому велѣлъ своему совѣтнику Фридриху фонъ Ландскрону составить такъ называемую реформацію, оставшуюся точно также безъ всякихъ послѣдствій.

Въ 1434 году базельскій соборъ устранилъ, хотя и за вознагражденіе, одно изъ злоупотребленій папской церкви, а именно аннаты; но ни тогда, ни въ слѣдующемъ году онъ не могъ добиться отъ Сигизмунда исполненія этого постановленія и формальнаго обѣщанія принять сторону собора противъ папы. По смерти Вильгельма Баварскаго, императоръ даже не хотѣлъ назначать новаго покровителя собора, Сигизмундъ оставался на сторонѣ базельскихъ іерарховъ только до тѣхъ поръ, пока нуждался въ ихъ посредничествѣ въ гуситскихъ дѣлахъ. Точно также поступили кардиналы и даже Юліанъ, долѣе другихъ ратовавшій въ Базелѣ въ пользу церковной реформы. Кардиналы отдѣлились отъ собора, когда онъ уменьшилъ ихъ доходы. Послѣ уничтоженія аннатовъ въ 1434 г. (за которые французы не хотѣли допустить даже вознагражденія), разсматривался въ 1435 г. вопросъ о палліумахъ; въ 1436 году происходили совѣщанія о раздачѣ правъ на церковные доходы, произвольномъ замѣщеніи духовныхъ мѣстъ (провизіи), о способѣ повѣрки чистоты религіозныхъ убѣжденій папъ и о числѣ кардиналовъ. Все это естественно должно было испугать кардиналовъ. Чтобы остановить совѣщаніе собора, выступившаго противникомъ папскаго самодержавія, Евгеній старался снова возбудить рѣчь о соединеніи греческой церкви съ латинскою. О соединеніи церквей ревностно хлопоталъ греческій императоръ, какъ мы уже говорили въ греческо-турецкой исторіи; папа, разумѣется, тоже желалъ его, а въ

угоду ему о томъ же хлопоталъ и Сигизмундъ въ своихъ письмахъ, посольствахъ и увѣщаніяхъ. Соборъ вступилъ въ переговоры объ этомъ съ греческимъ дворомъ и получилъ отъ него обѣщаніе, что уполномоченные грековъ непремѣнно явятся въ Базель, если соборъ отправитъ на помощь грекамъ флотъ; но Евгеній сумѣлъ разстроить все дѣло. По его наущенію греческій императоръ писалъ въ ноябрѣ 1435 г., что находитъ болѣе удобнымъ, чтобы переговоры о соединеніи церквей происходили не въ Базелѣ, а въ другомъ мѣстѣ, болѣе близкомъ къ морю, для того чтобы на немъ могъ присутствовать папа, которому нельзя было предпринять далекаго путешествія. Это совпало съ тѣмъ временемъ (въ началѣ 1436 г.), когда Сигизмундъ, не имѣвшій обыкновенія держать своихъ обѣщаній и словъ, отказался исполнить упомянутыя нами требованія собора.

Съ той минуты, когда папа и императоръ выказали, что, по поводу греческаго вопроса, хотятъ перенести соборъ въ другое мѣсто, базельскіе отцы стали своими дѣйствіями все болѣе отдаляться отъ представителей свѣтской и духовной власти латинскаго міра. Въ мартѣ 1436 г., совѣщаясь о будущемъ избраніи папы, соборъ потребовалъ, чтобы новый папа клятвенно обязывался исполнять постановленія реформатскихъ соборовъ XV столѣтія, и предписалъ папѣ образъ дѣйствій, который долженъ былъ сдѣлать его жизнь образцомъ для всего духовенства. Такъ же строги были изданные имъ законы относительно числа и выбора кардиналовъ и поведенія ихъ; при этомъ соборъ возобновилъ свои постановленія о свободномъ избраніи епископовъ и прелатовъ, мѣста которыхъ продавались въ Римѣ тому, кто давалъ болѣе денегъ. Въ апрѣлѣ 1437 г. Евгеній уже окончательно разошелся съ соборомъ, продолжавшимъ, не обращая вниманія на папу, облекать свои постановленія въ форму законовъ, хотя кардиналы, и въ томъ числѣ Юліанъ, не хотѣли болѣе принимать участія въ совѣщаніяхъ. Наконецъ соборъ двумя декретами объявилъ папѣ открытую войну. Онъ уничтожилъ всѣ папскія прерогативы и, по случаю соединенія грековъ съ латинянами, велѣлъ объявить всеобщее прощеніе грѣховъ, не смотря на то, что индульгенціи были изобрѣтеніемъ и составляли доходъ папъ. Эти двѣ мѣры подѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что еще въ концѣ 1435 г. соборъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, запретилъ аппелировать къ папамъ на его рѣшенія и велѣлъ архіепископу ліонскому, какъ примасу галликанской церкви, выдать вновь назначенному архіепископу руанскому палліумъ, въ которомъ ему отказывалъ папа. Евгеній обратился съ дипломатическими нотами и посольствами ко всѣмъ государямъ, обращая ихъ вниманіе на опасность, грозившую отъ церковной аристократіи, которая стремилась захватить въ свои руки верховную власть въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ, составлявшую до сихъ поръ предметъ притязанія папъ. Споръ длился въ теченіе всего 1436 года, пока наконецъ вопросъ о греческой церкви не произвелъ окончательнаго разрыва. На немъ сосредоточился весь споръ, какъ на исходномъ пунктѣ, съ помощью котораго меньшинство кардиналовъ и папскихъ прелатовъ надѣялось побѣдить большинство, имѣвшее противъ себя папу, императора и грековъ. Грекамъ настаивавшимъ, какъ и папа съ 1434 г., на перенесеніи собора въ итальянскій городъ, соборъ предлагалъ Авиньонъ; но они требовали, чтобы авиньонцы или члены собора выдали имъ по крайней мѣрѣ 70 т. дукатовъ, чего разумѣется ни тѣ, ни другіе не хотѣли исполнить. Въ двадцать пятое засѣданіе собора, 7 марта 1437 года, было баллотировано окончательное рѣшеніе по этому вопросу. Двѣ трети членовъ собора подали голоса за то, чтобы переговоры грековъ происходили въ Базелѣ, Авиньонѣ или въ одномъ изъ савойскихъ городовъ; остальная треть или папская партія, во главѣ которой стоялъ Юліанъ, объявила себя, согласно предложенію папы, за перенесеніе собора во Флоренцію или Удине. По этому поводу архіепископъ тарентскій, присутствовавшій на соборѣ вмѣстѣ съ Юліаномъ, какъ папскій коммисаръ, выказалъ себя мастеромъ дипломатическихъ фокусовъ, хотя и ко вреду того дѣла, которому служилъ. По окончаніи баллотировки соборъ призналъ мнѣніе большинства законнымъ, но предоставилъ и меньшинству обнародовать свое мнѣніе. Рѣшеніе большинства за всевозможными печатями было положено въ одинъ изъ ящиковъ архива, гдѣ хранились подобнаго рода грамоты. Проникнувъ въ архивъ, архіепископъ тарентскій отрѣзалъ снурки, на которыхъ висѣли печати большинства, и положилъ въ ящикъ рѣшеніе меньшинства, пришивъ къ нему всѣ печати. Мастерской дипломатическій фокусъ былъ

однако скоро открытъ, и архіепископъ долженъ былъ бѣжать; императоръ отперся отъ него въ своемъ письмѣ изъ Эгера, грозясь наказать мошенничество; папа также отказывался отъ участія въ подлогѣ; при всемъ томъ дѣйствія Евгенія доказывали, что ему было бы пріятно, еслибы его коммисаръ взялся за дѣло искуснѣе. Въ письмахъ къ императору и королямъ Европы онъ умолялъ ихъ противодѣйствовать исполненію рѣшенія большинства и способствовать перенесенію собора въ Италію.

Побуждаемый греками, присоединившимися къ папѣ, и венеціанцами, интересы которыхъ сходились съ интересами папы и грековъ, Евгеній сдѣлалъ въ сентябрѣ 1437 г. послѣдній, рѣшительный шагъ. Въ февралѣ 1438 г. онъ созвалъ новый соборъ въ Феррару, что было равносильно распущенію базельскаго собора. Это повело къ окончательному разрыву въ церкви: съ этихъ поръ соборъ, признававшій себя выше папы, и папа, утверждавшій, что онъ выше собора, стали преслѣдовать другъ друга судебнымъ порядкомъ. Базельскіе отцы сначала обвинили папу въ упорствѣ, потомъ (12 октября 1437 г.) объявили недѣйствительною буллу о созваніи феррарскаго собора и наконецъ, въ тридцать первое засѣданіе (24 января 1438 г.), постановили низложить папу. Эти рѣшенія собора поставили императора и городъ Базель въ страшное затрудненіе: ни Сигизмундъ, ни базельцы не хотѣли ссориться съ соборомъ, а между тѣмъ папа настаивалъ, чтобы они относились къ нему враждебно. Отъ императора Евгеній требовалъ, чтобы онъ пересталъ защищать соборъ, а отъ базельцевъ, чтобы они не позволяли членамъ оставаться долѣе въ ихъ городѣ. Сигизмундъ не дожилъ до окончательнаго разрыва между Евгеніемъ и базельскимъ соборомъ. Проѣзжая изъ Богеміи въ Венгрію, онъ заболѣлъ въ моравскомъ городѣ Зноймѣ и умеръ въ немъ 9 декабря 1438 г. Даже въ послѣднія минуты жизни, его не оставляли тщеславіе и страсть къ пустой роскоши и смѣшному блеску. Узнавъ отъ доктора, что ему остается жить нѣсколько часовъ, Сигизмундъ, вмѣсто того чтобы забыть земное величіе и сознать его ничтожность, велѣлъ посадить себя на тронъ въ императорской одеждѣ и во всѣхъ знакахъ императорскаго достоинства. Такимъ образомъ онъ и скончался. Его смерть послѣдовала при самыхъ печальныхъ предзнаменованіяхъ для Богеміи, собора и Германіи, упорно требовавшей церковной реформы. Сынъ и преемникъ Сигизмунда Альбрехтъ III, фанатическій папистъ, былъ ненавидимъ и гуситами и приверженцами собора. Еще при жизни императора противъ него составлялись заговоры между Фридрихомъ Тирольскимъ и Ксантиппою и Мессалиною Сигизмунда—Варварою фонъ Циллей, отравлявшею жизнь мужа: Фридрихъ стремился получить чешскую корону, Варвара, которой давно опротивѣлъ старый мужъ, хотѣла доставить чешскій престолъ красивому мальчику, брату польскаго короля. Узнавъ незадолго до своей смерти о заговорѣ жены, Сигизмундъ, побоявшись схватить Варвару въ Богеміи, велѣлъ арестовать ее, когда она пріѣхала въ Моравію. Первой мыслью Альбрехта было обезопасить себя со стороны мачихи своей жены. Онъ взялъ ее съ собой въ Венгрію какъ плѣнницу, потомъ снова выслалъ оттуда и конфисковалъ всѣ ея имѣнія, оставивъ ей только вдовье содержаніе 12 т. гульденовъ въ годъ.

Зять Сигизмунда Альбрехтъ II былъ безъ всякихъ затрудненій признанъ королемъ венгерскимъ; въ Австріи онъ учредилъ регентство изъ тринадцати епископовъ, рыцарей и высшихъ чиновниковъ; въ Германіи его еще въ маѣ 1438 г. избрали королемъ; только одна Богемія не хотѣла признавать Альбрехта преемникомъ Сигизмунда. Сначала и въ Германіи большинство курфирстовъ было расположено въ пользу маркграфа бранденбургскаго Фридриха, но архіепископъ майнцскій, имѣвшій причины предпочитать Альбрехта, добился того, что ему были даны всѣ голоса. Альбрехтъ, менѣе Сигизмунда падкій до роскоши и представительности, медлилъ принять предлагаемую ему германскую корону. Къ тому же и положеніе дѣлъ, вслѣдствіе отношеній базельскаго собора къ папѣ и къ открывшемуся феррарскому собору, съ самаго начала ставило новаго короля въ большое затрудненіе. Послѣ того какъ и базельскій соборъ отправилъ къ нему уполномоченныхъ съ просьбою принять германскую корону, Альбрехтъ согласился исполнить всеобщее желаніе, но только подъ условіемъ, что онъ пріѣдетъ короноваться въ имперію не ранѣе какъ чрезъ два года. Фридрихъ Штирійскій, сынъ герцога Эрнста Желѣзнаго, всѣми силами старался убѣдить Альбрехта принять

корону; напротивъ Фридрихъ Тирольскій до самой смерти (1439 г.) поддерживалъ сношенія съ Богеміей, но его честолюбивыя стремленія не имѣли послѣдствій и не принесли ему никакихъ выгодъ. Въ Богеміи утраквисты и таборіты были противъ Альбрехта, католики же еще въ маѣ 1438 г. признали его своимъ королемъ. Передъ смертью Сигизмундъ снова поссорился съ гуситами, духовенство которыхъ держало себя враждебно противъ него; вслѣдствіе того Вацлаву Корандѣ было запрещено проповѣдывать, Петръ Пэнъ былъ выгнанъ изъ Праги, а гуситскій архіепископъ Рокицана, не чувствуя себя безопаснымъ, бѣжалъ въ Краловъ-Градецъ. Поэтому женѣ Сигизмунда Варварѣ не трудно было склонить въ пользу своихъ плановъ предводителей крайнихъ гусистовъ: Гинца Птачка, Альша изъ Штернберга и Георгія Подѣбрада. По смерти Сигизмунда они, не смотря на то, что Варвара находилась въ плѣну, созвали въ Таборъ большое собраніе и провозгласили королемъ польскаго принца, тринадцатилѣтняго Казиміра. Въ это время предводители противной партіи: Ольдрихъ изъ Розенберга, Мейнгардъ изъ Градца, Заицъ изъ Газенбурга и Ганушъ изъ Коловратъ присутствовали при коронованіи Альбрехта, торжественно совершенномъ въ церкви пражскаго замка епископомъ ольмюцкимъ и двумя другими епископами. Слѣдствіемъ этого двойнаго выбора была открытая война между крайними гуситами и ихъ единовѣрцами, примирившимися съ церковью посредствомъ компактатовъ. Обѣ стороны выставили войско и грабили замки, города и владѣнія противниковъ; сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Альбрехта и его приверженцевъ, не смотря на то, что на помощь крайнимъ гуситамъ явилось 15 т. поляковъ. Въ этой войнѣ обѣ стороны дѣйствовали артиллеріей; тяжелыя орудія Альбрехта такъ искусно обстрѣливали укрѣпленный непріятельскій лагерь, что гуситы принуждены были искать убѣжища за стѣнами города Табора. Комендантъ города Гинце Птачекъ былъ доведенъ до послѣдней крайности и по всей вѣроятности сдался бы на капитуляцію, если бы на помощь не поспѣшилъ Георгій Подѣбрадъ. Этотъ чехъ, игравшій впослѣдствіи въ своемъ отечествѣ такую же роль, какъ Іоаннъ Гуніадъ въ Венгріи, спасеніемъ Табора въ первый разъ пріобрѣлъ себѣ славу полководца, и принудилъ короля Альбрехта снять осаду и вернуться въ Прагу.

Вскорѣ польскій король убѣдился, что брату его не достигнуть чешскаго престола; а такъ какъ онъ къ тому же былъ слишкомъ ревностнымъ католикомъ, чтобы служить поддержкою гуситамъ, то онъ вступилъ съ Альбрехтомъ въ союзъ, дававшій возможность германскому королю двинуться въ Венгрію противъ турокъ. Альбрехтъ началъ съ того, что вторгнулся въ Силезію и страшно опустошилъ ее. Въ то время ему вдругъ пришла странная мысль назначить графа фонъ Циллей, одного изъ братьевъ злой Варвары, намѣстникомъ Богеміи и слѣдовательно довѣрить страну человѣку, фамилія котораго прославилась въ исторіи Венгріи и Австріи измѣнами и убійствами. Лишь только Альбрехтъ уѣхалъ въ Бреславль и Герлицъ, чтобы принять присягу этихъ городовъ, его намѣстникъ сталъ подкупомъ сманивать на свою сторону чешскихъ аристократовъ. Попытка графа не удалась и онъ бѣжалъ, но впослѣдствіи, по смерти Альбрехта, произвелъ новыя волненія въ Венгріи. Альбрехтъ передалъ намѣстничество Мейнгарду изъ Градца и Ольдриху изъ Розенберга; они вошли въ переговоры съ чешскими утраквистами и на время войны Альбрехта съ турками возвратили отечеству спокойствіе. Изъ турецкой исторіи (стр. 519) намъ уже извѣстенъ несчастный и постыдный конецъ этого похода. Заболѣвъ по своей неосторожности поносомъ, Альбрехъ умеръ въ маленькомъ мѣстечкѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Грана (27 октября 1439 г.). Черезъ четыре мѣсяца по смерти Альбрехта родился его сынъ Владиславъ VI, и вопросъ объ опекѣ надъ нимъ сдѣлался поводомъ къ страшнымъ несогласіямъ въ Австріи, Венгріи и Богеміи.

Въ Австріи послѣ Эрнста Желѣзнаго, умершаго въ 1424 г., осталось два сына; старшій изъ нихъ, Фридрихъ III, наслѣдовалъ отцу въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ. Его-то по смерти Альбрехта II нѣмцы избрали на нѣкоторое время своимъ королемъ (1440 г.); но германская корона имѣла тогда такъ мало значенія, что Фридрихъ три съ половиною мѣсяца не рѣшался принять ее. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Альбрехта, онъ взялъ на себя опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ Фридриха Пустаго Кармана, герцогомъ тирольскимъ Сигиз-

мундомъ, сошедшимъ впослѣдствіи съ ума, потомъ былъ признанъ въ Австріи опекуномъ молодаго Владислава и такимъ образомъ соединилъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣми австрійскими владѣніями. Напротивъ, чехи и мадьяры не хотѣли и слышать о нѣмцахъ. Мы уже говорили (стр. 519 и 521) о спорахъ и несогласіяхъ, возникшихъ въ Венгріи по поводу опеки надъ молодымъ Владиславомъ, и остановимся здѣсь преимущественно на чешскихъ дѣлахъ и тѣсно связанной съ базельскимъ соборомъ попыткѣ церковной реформы. Краткій же очеркъ исторіи Германіи или положенія отдѣльныхъ государствъ и городовъ въ царствованія Сигизмунда и Альбрехта II мы представимъ тогда, когда будемъ говорить о стараніяхъ Максимиліана I возстановить императорское значеніе и законный порядокъ.

По смерти Альбрехта II чехи учредили въ Богеміи національную опеку и правленіе, а венгры короновали Владислава III Польскаго, не смотря на то, что Елисавета спрятала священную корону, которая одна въ глазахъ венгровъ придавала значеніе коронованію. Елисавета бѣжала сначала въ Австрію подъ защиту брата Фридриха III — Альбрехта Мота, но убѣдившись, что онъ не въ силахъ защитить ее, обратилась, какъ и тирольцы, къ Фридриху. Фридрихъ низкимъ образомъ воспользовался ея нуждою, потребовавъ отъ нея богатыхъ помѣстій и владѣній въ залогъ за ничтожныя суммы. Понявъ его намѣренія, Елисавета завязала переговоры съ польскимъ королемъ и примирилась съ венграми. Затѣмъ она вернулась въ Венгрію, оставивъ сына Владислава, двухъ дочерей и священную корону мадьяровъ во власти Фридриха, и еслибъ не внезапная смерть ея (19 декабря 1447 г.), вышла бы тогда замужъ за польскаго короля Владислава. Скоропостижную смерть Елисаветы, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, приписывали отравленію. Изъ двухъ новѣйшихъ историковъ Австріи временъ Фридриха III, могущихъ служить источниками, одинъ Курцъ полагаетъ, что она была отравлена, другой — Хмель оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, умерла ли она отъ яду или отъ аневризма. Венгерскій историкъ Энгель приписываетъ смерть Елисаветы другимъ причинамъ, но съ такою оговоркою: «нѣтъ сомнѣнія, что если даже она была отравлена, то такой рыцарь, какъ Владиславъ, не принималъ въ этомъ никакого участія».

Съ этой минуты, какъ мы уже говорили, главную роль въ Венгріи играетъ Гуніадъ. Въ Богеміи продолжаются смѣны правительствъ и неурядица, и болѣе чѣмъ когда нибудь ощущается потребность въ сильномъ правителѣ, способномъ положить предѣлъ безконечнымъ спорамъ утраквистовъ съ папистами и возстановить въ странѣ порядокъ. Сознавая это, предводители католической партіи предложили корону ребенка Владислава сначала герцогу баварскому, а потомъ германскому королю. Оба князя были такъ умны, что отказались отъ королевской власти, которую не могли бы сохранить за собой безъ упорной войны съ гуситами или ссоры съ папою и соборомъ. Отказъ ихъ заставилъ учредить регентство, которое должно было управлять страною именемъ несовершеннолѣтняго Владислава. Правителями были назначены предводители двухъ главныхъ партій: Мейнгардъ изъ Градца, сражавшійся за папу и базельскій соборъ, и Гинце Штачекъ изъ Липпы, глава гуситовъ, не принадлежавшихъ къ числу дикихъ фанатиковъ, съ которыми онъ долженъ былъ вести войну. Такое правительство, имѣвшее во главѣ людей съ противоположными взглядами и цѣлями, не могло существовать долго: ему недоставало ни единства, ни силы для противодѣйствія вновь начавшимся грабежамъ и борьбѣ партій. Чтобы придать себѣ болѣе значенія, временное правительство хотѣло привезти молодаго Владислава въ Прагу; но Фридрихъ III не соглашался довѣрить его безпокойнымъ чехамъ. Тогда приверженцы Варвары предложили, чтобы ей, уже коронованной однажды чешскою короною, было ввѣрено управленіе страной. Это было во всякомъ случаѣ самой несчастной мыслью, потому что отъ такой женщины, какъ Варвара, и отъ фамиліи фонъ Циллей нельзя было ожидать хорошаго воспитанія для ребенка. Варвара немедленно потребовала, чтобы ей даже прежде, чѣмъ она будетъ называться регентшею, былъ отданъ для жительства пражскій замокъ и предоставлены главные доходы государства. Опираясь на гуситовъ, она явилась въ Чаславъ, гдѣ была встрѣчена предводителями гуситской партіи: Птачкомъ, Голицкимъ и Георгіемъ Подѣбрадомъ. Планъ этотъ однако рушился, вслѣдствіе ея безстыд-

ныхъ требованій. Тогда чехи ввѣрили управленіе каждаго изъ девяти округовъ, на которые раздѣлялась Богемія, одному начальнику изъ дворянъ и двумъ рыцарямъ, выбирая ихъ между католиками и утраквистами, а президентомъ всѣхъ девяти начальниковъ округовъ назначили ревностнаго утраквиста Птачка. Чтобы сохранить хоть тѣнь монархической власти въ странѣ, чехи отправили осенью 1443 г. посольство къ германскому королю Фридриху, вторично прося его прислать въ Богемію Владислава; но Фридрихъ опять отказалъ имъ въ этомъ. Богемія сдѣлалась жертвою полнѣйшей анархіи. Во главѣ партій стояли тогда Птачекъ — предводитель крайнихъ утраквистовъ, Бедрихъ Стражницкій — глава таборитовъ, Ольдрихъ изъ Розенберга, руководившій католиками, и Мейнгардъ изъ Градца — глава всѣхъ принявшихъ компактаты. Въ августѣ 1444 г. умеръ Птачекъ, и во главѣ сектантовъ стали Георгъ изъ Куншгата и Георгій Подѣбрадъ. Какъ крайняя національная партія, утраквисты были сильнѣе всѣхъ въ Богеміи; предводитель ихъ Георгій Подѣбрадъ мало-по-малу пріобрѣлъ такое значеніе, что впослѣдствіи могъ стремиться къ достиженію королевской короны. Въ теченіе 1445 и 1446 г. безпорядки не прекращались. Напрасно старались чехи убѣдить германскаго короля прислать въ Богемію Владислава; Фридрихъ боялся за чистоту вѣры молодаго принца, въ особенности вслѣдствіе преобладающаго вліянія гуситскаго еретика Георгія Подѣбрада. Когда посольство воротилось съ отказомъ, и исчезла всякая надежда примирить гуситовъ съ католиками, предводители гуситовъ рѣшили на собраніи въ Кутной-Горѣ завладѣть Прагою, выгнать оттуда Мейнгарда изъ Градца и его католическихъ приверженцевъ, а вмѣсто него поставить во главѣ націи гусита. Душою заговора былъ Георгій Подѣбрадъ. Для достиженія предположенной цѣли онъ вошелъ въ переговоры съ пражскими чехами, принадлежавшими къ гуситской партіи и ненавидѣвшими нѣмцевъ Праги, оставшихся вѣрными старому ученію, и условился, что они отопрутъ ночью одни изъ городскихъ воротъ. Этотъ планъ удался: Подѣбрадъ проникъ въ Прагу, соединилъ около себя всѣхъ пражскихъ утраквистовъ и занялъ городъ и замокъ Вышеградъ (1448 г.). Завладѣвъ Прагою, Подѣбрадъ велѣлъ схватить Мейнгарда изъ Градца и отправилъ его въ одинъ изъ своихъ замковъ, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ.

Съ этого времени Подѣбрадъ дѣйствуетъ какъ истинный владѣтель Богеміи. Соотечественники смотрѣли на него какъ на народнаго героя и защитника ихъ религіи, точно такъ же какъ венгры на Іоанна Гуніада: Гуніадъ водилъ мадьяръ противъ турокъ, а Подѣбрадъ — чеховъ противъ нѣмцевъ. Въ 1449 и 1450 г. онъ отмстилъ саксонцамъ за помощь, оказанную ими сыновьямъ Мейнгарда изъ Градца, и опустошилъ Германію. Эней Сильвій, бывшій въ то время (по современному выраженію) министромъ Фридриха III, посылавшаго его въ Богемію, утверждаетъ даже, что Подѣбрадъ еще тогда хотѣлъ заставить избрать себя королемъ, но этому избранію помѣшало только его (Энея Сильвія) краснорѣчіе. Вѣрно это или нѣтъ—мы не знаемъ, но несомнѣнно, что Георгій во время своего управленія Богеміей пользовался огромною властью. Онъ уничтожилъ церковныя злоупотребленія, которыя долженъ былъ устранить базельскій соборъ, и при немъ чехи пользовались такой религіозной свободой, какой не имѣли нѣмцы. Разумѣется, нѣмцы также старались воспользоваться споромъ папы съ соборомъ, чтобы освободить свою церковь отъ тяжелаго гнета римской іерархіи, какъ это сдѣлали впослѣдствіи французы; но они были оставлены своимъ королемъ и обмануты Римомъ. Сильвій опуталъ Фридриха, положеніе котораго въ Австріи, какъ опекуна Владислава, едва ли не было затруднительнѣе, чѣмъ въ Богеміи и Венгріи,—сѣтью итальянскихъ интригъ, чтобы втайнѣ отнять у добродушныхъ нѣмцевъ то, что было уступлено имъ оффиціально.

8. Фридрихъ III и базельскій соборъ до его окончанія.

Окончательный разрывъ между папою Евгеніемъ IV и базельскимъ соборомъ раздѣлилъ на двѣ части западную церковь или по крайней мѣрѣ ея іерархію. Евгеній объявилъ базельскій соборъ распущеннымъ и, подъ покровительствомъ

венеціанцевъ, открылъ новый соборъ въ Феррарѣ. Съ своей стороны базельскіе отцы въ январѣ 1438 г. низложили папу, назвали два мѣсяца спустя феррарскій соборъ тайнымъ обществомъ, потребовали къ суду членовъ его, а Евгенія объявили неисправимымъ. Разрывъ между папою и большинствомъ іерарховъ сдѣлался еще рѣшительнѣе послѣ того, какъ оба кардинала, долгое время предсѣдательствовавшіе въ Базелѣ и ратовавшіе за реформу противъ папы, измѣнили собору и ускользнули въ Италію. Эти кардиналы были: Юліанъ, погибшій черезъ нѣсколько лѣтъ въ войнѣ съ турками, и Николай изъ Кузы (Nicolaus Cusanus), пріобрѣвшій всеобщую извѣстность своими трудами по нѣмецкой литературѣ и по возродившемуся въ то время изученію классической литературы древнихъ грековъ. Ихъ мѣсто занялъ кардиналъ и архіепископъ арльскій Людовикъ Аллеманъ, принявшій предсѣдательство на соборѣ. Папа давно ненавидѣлъ этого ученаго и кроткаго кардинала, проникнутаго убѣжденіемъ въ необходимости радикальной реформы, и потому не выпускалъ его изъ Италіи; но въ 1433 г. Людовикъ Аллеманъ тайнымъ бѣгствомъ освободился изъ-подъ власти папы.

Евгеній и его феррарскій соборъ относились къ своимъ братьямъ по Христу самымъ неприличнымъ образомъ и въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, точно такъ же какъ въ системѣ управленія христіанской церковью, оставили далеко позади себя базельскихъ отцовъ. Они объявили недѣйствительными всѣ ихъ постановленія, а Евгеній, предавъ отлученію отъ церкви тѣхъ, кто признаетъ базельскій соборъ, подъ угрозами проклятія потребовалъ отъ базельскаго магистрата изгнанія прелатовъ изъ города и, страшая самыми тяжелыми церковными наказаніями, запретилъ базельцамъ продавать припасы собравшемуся въ Базелѣ духовенству. Феррарскій соборъ поступилъ съ базельскимъ собраніемъ, городомъ Базелемъ и торговавшими съ нимъ купцами такъ, какъ нѣкогда поступилъ съ венеціанцами папа Климентъ V (стр. 273). Итальянцы, составлявшіе большинство папскаго собора, потребовали, чтобы всѣ вѣрующіе грабили, во славу Божію и ради своей выгоды, тѣхъ купцовъ, которые станутъ отправлять товары и припасы въ Базель или станутъ жить тамъ. Воззваніе это не имѣло послѣдствій, потому что ни базельскій магистратъ, ни купцы не обратили вниманія на декретъ ультрамонтановъ, и большія дороги не сдѣлались отъ этого болѣе опасными, чѣмъ были тогда отъ рыцарей и графовъ, жившихъ грабежомъ.

Папа и соборъ были уже въ открытой враждѣ, и христіанскій міръ, слыша ихъ взаимныя проклятія, не зналъ гдѣ ему искать истиннаго законодательства и управленія церкви, когда умеръ Сигизмундъ, и курфирсты собрались для избранія новаго римскаго короля, а вслѣдъ за тѣмъ съѣхались на сеймъ князья и сословія Германіи. Обѣ стороны, папа и базельскіе отцы, старались склонить нѣмцевъ на свою сторону. Но нѣмцы оставались нейтральными и поступили вполнѣ основательно, на сколько это можно сказать о политическихъ и дипломатическихъ дѣйствіяхъ времени, совершенно различнаго отъ нашего, и по такому запутанному, полудуховному вопросу. Они не желали ни превращать іерархіи въ аристократическую (кардиналъ Райнальдъ ошибочно говоритъ демократическую) республику, ни терпѣть долѣе, чтобы папская монархія оставалась деспотіей. Въ день избранія Альбрехта II преемникомъ Сигизмунда курфирсты объявили, что они и вся Германія останутся нейтральными, и издали засвидѣтельствованную нотаріусомъ и свидѣтелями грамату, въ которой было сказано: что, покуда не прекратится церковный споръ, Германія не станетъ слушаться повелѣній ни папы, ни базельскаго собора, и что всякая епархія будетъ управляться попрежнему своимъ епископомъ до тѣхъ поръ, пока по соглашенію съ главою имперіи не будетъ издано общаго имперскаго постановленія; если же подобное постановленіе не состоится, Германія останется при своемъ нейтралитетѣ. Рѣшеніе курфирстовъ было сообщено имперскимъ сословіямъ и впослѣдствіи утверждено князьями какъ имперское постановленіе. Князья прибавили, что они будутъ аппеллировать къ будущему собору, если папа или соборъ сдѣлаютъ какія-нибудь распоряженія, противныя этому постановленію. Даже строгій папистъ Альбрехтъ II, не смотря на всѣ старанія папы, остался при нейтралитетѣ, понимая, что, только оставаясь безучастнымъ зрителемъ ихъ борьбы, онъ можетъ сдѣлаться примирителемъ обѣихъ сторонъ. На имперскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ онъ приступилъ къ союзу курфирстовъ.

Напрасно на этомъ и двухъ предъидущихъ сеймахъ нѣмцы и король ихъ старались примирить враждебныя партіи, присылавшія къ нимъ своихъ уполномоченныхъ: ни папа, ни базельскій соборъ не соглашались на уступки. Вслѣдствіе упорства обѣихъ сторонъ французы, а по ихъ слѣдамъ и нѣмцы, поступили очень умно, рѣшившись извлечь изъ спора іерарховъ ту выгоду, которую представляли имъ декреты собора, но самимъ не вмѣшиваться въ споры папы съ соборомъ. Къ несчастію, ни Альбрехтъ II, ни его ближайшій преемникъ, Фридрихъ III, не послѣдовали примѣру французскаго короля Карла VII, который изданіемъ основнаго государственнаго закона уничтожилъ во Франціи злоупотребленія церкви въ свѣтскихъ и мірскихъ дѣлахъ, предоставивъ духовнымъ спорить о богословскихъ и каноническихъ тонкостяхъ. Нельзя однако упустить изъ виду, что нѣмцамъ не на что было опереться, тогда какъ французы могли сослаться на узаконеніе пріобщеннаго къ лику святыхъ короля, за два столѣтія передъ тѣмъ положившаго предѣлъ ультрамонтанству и оградившаго права французовъ въ церковныхъ дѣлахъ. Въ настоящемъ томѣ (стр. 203) мы уже говорили, что въ то время какъ папы готовили паденіе могущественному дому Гогенштауфеновъ, сажали на германскій престолъ королей клерикальной партіи и повергли Германію въ двадцатилѣтнюю анархію, названную междуцарствіемъ, Людовикъ IX или Святой основнымъ государственнымъ закономъ, извѣстнымъ подъ именемъ прагматической санкціи, опредѣлилъ основанія духовнаго судопроизводства французскихъ епископовъ и прелатовъ, обезпечилъ права свѣтскихъ церковныхъ патроновъ Франціи и всѣхъ лицъ, платившихъ повинности въ пользу церкви, оградилъ выборы епископовъ и аббатовъ отъ вмѣшательства папы, и вообще принялъ французское духовенство подъ свою защиту отъ притязаній римскаго двора. Въ 1438 г. Карлъ VII возобновилъ этотъ основной законъ. Еще задолго до того, какъ нѣмцамъ пришло въ голову послѣдовать примѣру французовъ, онъ созвалъ въ Буржъ епископовъ, аббатовъ, прелатовъ, свѣтскихъ аристократовъ и правовѣдовъ. Въ это собраніе явились и пять депутатовъ отъ базельскаго собора, во главѣ которыхъ стоялъ Ѳома де Корсельи, и папское посольство изъ одиннадцати епископовъ и канониста. Въ одной буржской церкви депутаты собора передали французскимъ князьямъ, владѣтелямъ, прелатамъ, аббатамъ и важнѣйшимъ членамъ королевскаго совѣта постановленія собора, ограничивавшія притязанія римской церкви. Разсмотрѣвъ эти постановленія, собраніе, къ величайшему прискорбію папскихъ пословъ, приняло ихъ какъ законъ, сдѣлавъ только нѣкоторыя измѣненія; въ іюлѣ слѣдующаго года они были утверждены парламентомъ и, слѣдовательно, признаны основнымъ государственнымъ закономъ. Этотъ законъ такъ же, какъ и упомянутое узаконеніе Людовика Святаго, названъ прагматической санкціей, потому что, по словамъ Дюканжа, такъ называется всякое постановленіе, сдѣланное нѣсколькими знакомыми съ дѣломъ партіями, съ согласія знати и съ утвержденія правителя. Буржское постановленіе, сдѣлавшееся основаніемъ правъ галликанской церкви, необыкновенно важно для французской исторіи. Цѣль нашей книги не позволяетъ намъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе второй прогматической санкціи французовъ; мы замѣтимъ только, что французскій король не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на весь трескучій шумъ, поднятый папою Евгеніемъ противъ прагматической санкціи и главнаго ея защитника, архіепископа турскаго. Посмотримъ теперь, какъ поступили нѣмцы относительно постановленій собора, принятыхъ французами за государственный законъ.

Послѣ предварительныхъ совѣщаній въ Нюрнбергѣ, германскіе князья, въ мартѣ 1439 г., отправились на сеймъ въ Майнцъ вмѣсто Франкфурта, какъ сначала предполагалось. Въ Майнцъ пріѣхали германскіе князья и сословія, уполномоченные короля Альбрехта, послы французскаго, кастильскаго и португальскаго королей и герцога миланскаго; послѣдніе явились съ полномочіемъ и отъ Арагоніи. Кромѣ этихъ лицъ, на имперскій сеймъ должны были явиться депутаты базельскаго собора и папы Евгенія. Депутаты собора, представителемъ которыхъ былъ патріархъ аквилейскій изъ фамиліи герцоговъ Теккъ, пріѣхали во-время; папскіе же послы, во главѣ которыхъ стоялъ осужденный за подлогъ архіепископъ тарентскій (стр. 587), остались въ Нюрнбергѣ, отговариваясь ожиданіемъ инструкцій. Они явились въ Майнцъ только тогда, когда послы собора выѣхали изъ города; вмѣсто архіепископа тарентскаго папа назначилъ представителемъ

ихъ Николая изъ Кузы. Не смотря на все уваженіе нѣмцевъ къ учености, краснорѣчію, честности и истинному благочестію Николая, ему не удалось достигнуть цѣли своего посольства. Майнцскій сеймъ, какъ буржское собраніе предшествовавшаго года, приняло 26 марта реформаторскія постановленія базельскаго собора (числомъ двадцать шесть), сдѣлавъ въ нихъ только измѣненія, требовавшіяся особенными условіями, въ которыхъ находилась Германія. Но при этомъ германскіе князья, какъ и король Альбрехтъ, все-таки держались нейтралитета въ спорѣ между Евгеніемъ и базельскимъ соборомъ. Во время майнцскихъ совѣщаній и переговоровъ, и въ особенности по отношенію къ совершенно необыкновенному въ Германіи постановленію, что основанія церковнаго управленія, на сколько оно касается чисто-свѣтскаго порядка, а не вѣры и ученія, должны быть опредѣляемы имперскимъ закономъ, — нѣмцамъ, безспорно, былъ необыкновенно полезенъ своими совѣтами архіепископъ турскій, имѣвшій и въ Буржѣ большое вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Принявъ базельскія постановленія за государственный законъ, имперскій сеймъ потребовалъ отъ собора, чтобы онъ еще разъ утвердилъ ихъ какъ законъ канонический. Признавъ такимъ образомъ значеніе собора передъ свѣтомъ, сеймъ въ то же время доказалъ и свой нейтралитетъ, публично порицая пословъ собора за приказаніе прибить къ дверямъ майнцскаго собора обвинительный приговоръ противъ архіепископа тарентскаго, стоявшаго во главѣ остававшагося въ Нюрнбергѣ папскаго посольства.

По принятіи майнцскимъ сеймомъ базельскихъ декретовъ, нѣмецкіе прелаты въ Базелѣ, болѣе другихъ имѣвшіе причины къ неудовольствію противъ римскаго двора, стали упорнѣе настаивать на осужденіи папы. Къ этому ихъ побуждали еще два обстоятельства: возобновленіе имперскими сословіями Германіи обѣщаній давать охранительный конвой всѣмъ, желающимъ отправиться въ Базель, и то, что на сѣверѣ и западѣ Альповъ не было и рѣчи о феррарскомъ соборѣ. Въ апрѣлѣ 1439 г. начались пренія объ осужденіи папы, какъ еретика, не хотѣвшаго признавать значенія вселенскаго собора. Намъ кажется, что въ этомъ заключалось главное содержаніе пяти обвинительныхъ статей противъ Евгенія. Процессъ длился съ апрѣля по іюнь; испанцы и итальянцы страшно ругались съ нѣмцами и французами, требовавшими осужденія папы. Вслѣдствіе угрозъ и обѣщаній Евгенія, неучаствовавшіе въ соборѣ германскіе князья и епископы держали себя въ отношеніи этого вопроса чрезвычайно слабо и двусмысленно. Не смотря на то, въ одно изъ засѣданій (іюнь 1439 г.), въ которомъ присутствовало около 400 членовъ, папа былъ осужденъ, а затѣмъ въ іюнѣ же было рѣшено его низложеніе, публично объявленное въ засѣданіи 7 іюля. Въ декретѣ о низложеніи Евгенія, всѣмъ христіанамъ подъ страхомъ церковныхъ наказаній запрещалось признавать его папою и повиноваться ему. Только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ соборъ приступилъ къ избранію новаго папы. При тогдашнихъ условіяхъ выборъ былъ очень труденъ: запрещенія собора никто не слушался, а германскіе курфирсты торжественно объявили, что не подчинятся никакимъ декретамъ ни папы, ни собора, и на сеймѣ во Франкфуртѣ возобновили объявленіе о своемъ нейтралитетѣ. Въ папы слѣдовало избрать человѣка, который могъ бы поддержать переданное ему достоинство своей собственной силою и силою своихъ друзей. Выборъ палъ на старшину (doyen) рыцарей св. Маврикія (St. Maurice de Ripaille), слѣдовательно, на человѣка, собственно не принадлежавшаго къ духовенству, хотя и слывшаго за святаго. Это былъ графъ савойскій Амадей VIII, по смерти своей жены передавшій управленіе своему сыну Людовику и удалившійся въ Рипайль на Женевскомъ озерѣ, гдѣ онъ, какъ кающійся грѣшникъ, умершій для всего живаго и человѣческаго, велъ строго монашескую жизнь. Многіе возставали противъ его избранія, ссылаясь на то, что графъ савойскій не принадлежитъ къ духовенству, но имъ отвѣчали, что онъ тѣмъ не менѣе строго исполняетъ всѣ обряды и постановленія церкви и по семи разъ въ день молится Богу. Такимъ образомъ постановленіемъ 17 ноября 1439 г. соборъ объявилъ Амадея папою. Онъ принялъ предложенное ему достоинство и въ слѣдующемъ году отправился въ Базель, гдѣ 24 іюля 1440 г. при огромномъ стеченіи народа и въ присутствіи двухъ сыновей отслужилъ, какъ папа Феликсъ V, торжественную обѣдню. Новому папѣ трудно было разсчитывать получить въ свою власть церковныя владѣнія и добиться признанія со стороны князей и государствъ; поэтому

онъ и не удалялся отъ своихъ владѣній, живя попеременно въ Базелѣ, Лозаннѣ и Женевѣ, гдѣ однако окружилъ себя дворомъ, назначивъ четырьмя декретами двадцать двухъ кардиналовъ.

Въ то время какъ вѣрующіе скорбѣли о введеніи соборомъ новаго раскола, папа Евгеній IV приводилъ болѣе простодушныхъ въ радость обманчивой комедіей соединенія греческой и латинской церквей. Эта комедія разыгрывалась во Флоренціи, куда въ 1439 г. былъ перенесенъ Евгеніемъ соборъ вслѣдствіе того, что въ Феррарѣ открылась заразительная болѣзнь. Мы не знаемъ, была ли эта египетская чума, да и вообще не рѣшимся признать египетскою чумою прочія повальныя болѣзни того времени, имѣвшія чумный характеръ, хотя въ Феррарѣ и другихъ итальянскихъ приморскихъ городахъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній Венеціи и Генуи съ Египтомъ, могла иногда распространяться эта зараза. Появленіе болѣзни до того перепугало духовенство, что оно потребовало отъ папы немедленнаго перенесенія собора въ другой городъ. Съ своей стороны греки объявили, что должны вернуться въ отечество, потому что ихъ столицѣ угрожаетъ опасность, да кромѣ того, императоръ и патріархъ пожертвовали уже слишкомъ много денегъ для соединенія церквей. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ дѣло уніи, и безъ того имѣвшее противъ себя большинство греческаго духовенства, опять ничѣмъ не кончилось. Но греческій императоръ, патріархъ константинопольскій и нѣсколько придворныхъ духовныхъ, желая дѣйствительнаго или по крайней мѣрѣ наружнаго соединенія церквей, убѣдили присутствовавшихъ въ Феррарѣ грековъ согласиться на перенесеніе собора въ другой городъ. Греки согласились исполнить требованіе папы на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы папа далъ денегъ на 9 мѣсяцевъ войны съ турками и обезпечилъ содержаніе императора и греческихъ епископовъ во время продолженія собора, чтобы соборъ не былъ перенесенъ ни въ какой другой городъ, кромѣ Флоренціи, и не продолжался болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и чтобы по прошествіи этого времени греки могли немедленно вернуться въ отечество. Въ январѣ 1439 г. феррарскій соборъ былъ объявленъ распущеннымъ, папа отправилъ въ Константинополь 19 т. дукатовъ, а во Флоренціи были сдѣланы блестящія приготовленія для пріема грековъ. Евгеній, явившійся во Флоренцію прежде грековъ, разослалъ ко всѣмъ европейскимъ государствамъ увѣдомленіе о своемъ прибытіи. Первое засѣданіе перенесеннаго во Флоренцію собора произошло въ февралѣ и называлось семнадцатымъ, потому что флорентійскія засѣданія считались продолженіемъ феррарскихъ. Въ первое же засѣданіе начались переговоры о спорныхъ вопросахъ между латинскою и греческою церквами. Длинныя пренія кардинала Юліана съ греческимъ императоромъ кончились тѣмъ, что соборъ рѣшилъ, чтобы греки предварительно условились между собою по этимъ пунктамъ и затѣмъ уже въ слѣдующее засѣданіе вступили въ открытые переговоры съ латинянами. Но греки не могли столковаться, и потому императорская партія, желавшая уніи, выставила впередъ московскаго митрополита Исидора и нѣсколько другихъ лицъ, которые должны были спорить съ латинянами и наконецъ уступить имъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ богословскую часть споровъ и коснемся только политической; замѣтимъ лишь, что все относящееся до богословскихъ споровъ можно найти у Гиббона, въ его исторіи паденія римской имперіи. 3 іюня 1439 г. греки собрались у своего патріарха, который былъ болѣнъ или представлялся больнымъ и предоставилъ императору объявить другимъ о своемъ согласіи на соединеніе церквей и спросить ихъ мнѣнія. При подачѣ голосовъ оказалось, что всѣ, кромѣ епископа эфесскаго Марка, согласны принять ученіе о происхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, — ученіе, бывшее главнымъ предметомъ спора на соборѣ. Въ этомъ спорѣ принималъ большое участіе одинъ греческій филологъ и богословъ, заслужившій впослѣдствіи подъ именемъ кардинала Виссаріона безсмертную славу распространеніемъ въ Европѣ греческой литературы. Сговорившись въ главномъ вопросѣ, соборъ скоро порѣшилъ съ остальнымъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ Евгеній обѣщалъ грекамъ новыя субсидіи и флотъ и велѣлъ самому богатому тогда въ Европѣ банкирскому дому Медичи во Флоренціи выдать имъ 12 т. дукатовъ. Не смотря на смерть патріарха, главныя условія уніи были вписаны въ грамату, торжественно обнародованную 6 іюля 1439 г.

Само собою разумѣется, что утвержденное во Флоренціи соединеніе грече-

ской и римской церквей было только кажущееся: ни греческое духовенство, ни народъ не хотѣли и слышать о томъ, что было одобрено ихъ императоромъ и придворнымъ духовенствомъ. Но папа Евгеній разсчиталъ очень вѣрно, что радость, которую произведетъ во всей Европѣ извѣстіе о совершившейся наконецъ уніи, доставитъ ему перевѣсъ надъ соборомъ. Въ то время какъ происходило соединеніе, базельское собраніе торжественнымъ «мы постановляемъ (decernimus)», низложило папу и вслѣдъ затѣмъ рѣшилось на мѣру, очень невыгодную для себя. Не зная, какими средствами дать возможность новому папѣ поддерживать внѣшнимъ блескомъ значеніе своего достоинства, базельскіе отцы напали на мысль потребовать для него десятину со всего духовенства, одобрившаго его избраніе. Эта мѣра тотчасъ же возстановила противъ новаго папы тѣхъ, кто до сихъ поръ болѣе всего ратовалъ за избраніе Феликса V, т. е. французскихъ и нѣмецкихъ прелатовъ. Французскій король объявилъ себя противъ новаго папы, но отъ базельскаго собора не отрекся, и политическія права французской націи остались вполнѣ огражденными отъ папскихъ притязаній буржской прагматической санкціей. Совершенно иначе было въ Германіи. Сословія Германіи также стойко и славно защищали націю отъ церковныхъ злоупотребленій въ свѣтскихъ дѣлахъ; но въ то время какъ споръ могъ быть навсегда покончень энергіею императора, во главѣ имперіи стоялъ государь, предпочитавшій покой, удобства, деньги, пышность и наслажденія всякой славѣ и добродѣтели. Его нисколько не заботило то, въ чемъ всѣ были убѣждены тогда и что высказывается во всѣхъ нѣмецкихъ книгахъ XV столѣтія, а именно, что замедленіе въ церковной реформѣ рано или поздно вызоветъ и въ Германіи, какъ прежде въ Богеміи, революцію, которая потрясетъ церковь и государство. Напротивъ, Фридрихъ III и его итальянскій министръ Эней Сильвій, вмѣстѣ съ канцлеромъ имперіи и юридико-богословскими софистами его канцеляріи, своими дипломатическими фокусами втайнѣ помогали папѣ отнять у нѣмецкаго народа права, съ трудомъ пріобрѣтенныя имъ.

Даже въ управленіи своими родовыми владѣніями и въ дѣлахъ своего семейства Фридрихъ III не выказалъ ни энергіи, ни силы, ни честности. Онъ не заботился о томъ, чтобы упрочить за своимъ питомцемъ Владиславомъ наслѣдованныя имъ права на Богемію и Венгрію, и предоставивъ первую ея собственной судьбѣ, спокойно смотрѣлъ, какъ венгры и Гуніадъ дѣлали страшныя опустошенія въ его владѣніяхъ. Австрійцы тоже вооружились противъ него, за то что онъ увезъ ихъ молодаго герцога и его сестру въ Нейштатъ въ Штиріи, куда была отвезена и венгерская корона. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Фридриху, королева Елисавета пишетъ: «любезный кузенъ, я прошу васъ велѣть привезти назадъ въ Австрію моего сына, дочь и также священную венгерскую корону.... какъ вы мнѣ это обѣщали». Тирольцы были имъ недовольны, за то что онъ держалъ подъ опекой ихъ герцога Сигизмунда гораздо дольше, чѣмъ имѣлъ на то право. Наконецъ Фридрихъ не могъ принудить къ порядку и повиновенію даже своихъ вассаловъ, въ особенности графовъ фонъ-Циллей въ Штиріи и искателя приключеній, рыцаря Ульриха Эйцингера, любимца Альбрехта II, въ Австріи. Родомъ баварецъ, Эйцингеръ съумѣлъ втереться въ милость Альбрехта II, предоставившаго ему сбирать герцогскіе доходы и надарившаго его помѣстьями, замками и дворцами. Этотъ временщикъ пользовался огромнымъ значеніемъ не только въ Вѣнѣ, но и во всей Австріи, и впослѣдствіи сдѣлался грозою короля Фридриха III. Въ 1441 г., когда Фридрихъ отказался уплатить или постоянно откладывалъ уплату денегъ, слѣдовавшихъ Эйцингеру за время правленія Альбрехта, смѣлый баварецъ самъ добился своего права. Онъ соединилъ около себя значительное число рыцарей и въ маѣ 1441 г. объявилъ войну королю, который, вмѣсто того чтобы выступить противъ него съ войскомъ, уплатилъ ему не только долгъ, но и военныя издержки. Съ этого времени Эйцингеръ сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ выказывать королю презрѣніе, окруживъ себя разбойниками, рыцарями и піявками народа, наводнявшими страну. Изъ всего этого видно, что Фридрихъ не былъ человѣкомъ, способнымъ принять энергическія мѣры въ отношеніи римскаго двора: онъ хотѣлъ примирять тамъ, гдѣ соглашеніе было невозможно. Въ томъ же 1441 году, когда Эйцингеръ и его сотоварищи грабили Австрію, королю пришла въ голову фантазія прекратить церковный расколъ созваніемъ третьяго вселенскаго собора для рѣшенія спора между обоими соборами и

ихъ папами. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ февралѣ 1441 г. въ Майнцъ, гдѣ происходилъ княжескій съѣздъ, посольство, давъ ему длинныя и подробныя инструкціи, находящіяся въ исторіи Хмеля; мы опускаемъ ихъ, потому что изъ всего этого ничего не вышло. Самъ Фридрихъ не поѣхалъ въ Майнцъ, а безъ него не могло состояться никакого окончательнаго рѣшенія. Однако князья одобрили его предложеніе и положили, что римскій король созоветъ соборъ въ августѣ 1442 года; въ случаѣ еслибы папы и ихъ соборы не согласились о мѣстѣ собранія, Фридриху предоставлялось сдѣлать выборъ между 6 нѣмецкими и 6 французскими городами. Всѣ эти предположенія остались безъ исполненія, потому что Фридрихъ былъ рѣшительно неспособенъ взяться за дѣло энергически, да къ тому же, подобно Сигизмунду, постоянно нуждался въ деньгахъ. Даже для поѣздки въ Ахенъ на коронацію онъ долженъ былъ занять двѣсти марокъ у одного тирольскаго дворянина. Это путешествіе продолжалось съ марта 1442 г. по январь 1443 года: Фридрихъ отправился сначала внизъ по Рейну въ Ахенъ, потомъ поднялся обратно по рѣкѣ до Базеля, проѣхалъ Швейцарію, гдѣ встрѣтилъ неповиновеніе, и наконецъ вернулся въ Австрію. По дорогѣ, въ Кёльнѣ и Франкфуртѣ, у него происходили длинныя совѣщанія о церковныхъ дѣлахъ. Вообще общественное настроеніе было благопріятнѣе Евгенію, чѣмъ Феликсу, котораго и французскій король Карлъ VII признавалъ только какъ графа савойскаго. Для церковныхъ дѣлъ и нѣмецкаго народа было гораздо важнѣе то, что курфирстъ майнцскій передалъ тогда на нѣкоторое время архіепископу трирскому Іакову (изъ фамиліи графовъ фонъ-Сиркъ) дѣла канцлера имперіи. Архіепископъ трирскій, находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ съ французскимъ королемъ, свелъ на франкфуртскомъ имперскомъ сеймѣ 1442 года и Энея Сильвія съ Фридрихомъ и, по всей вѣроятности, принималъ большое участіе въ утвержденныхъ на немъ, но никогда не осуществившихся проектахъ преобразованій въ церковныхъ дѣлахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сеймъ толковалъ также о реформахъ въ управленіи имперіей и наконецъ наканунѣ Успенія Богородицы составилъ имперское постановленіе, извѣстное подъ именемъ реформаціи Фридриха III (IV); мы упоминаемъ о немъ единственно потому, что изъ него очень хорошо видно, въ какомъ жалкомъ состояніи находилась германская имперія въ эти восхваляемыя времена. Мы приведемъ только первыя строки вступленія, чтобы показать, что во франкфуртскомъ аристократическомъ собраніи 1442 года господствовала гораздо большая анархія, чѣмъ въ демократическомъ собраніи 1848 года, происходившемъ въ томъ же городѣ. Фридрихъ говоритъ или, по крайней мѣрѣ, его именемъ говорятъ слѣдующее: «Въ священной римской имперіи и въ особенности въ нѣмецкихъ земляхъ насильственно совершалось и до сихъ поръ ежедневно совершается множество грабежей, убійствъ, пожаровъ и другихъ преступленій противъ личности и имущества жителей; все это наноситъ большой вредъ священной имперіи, а подданные и князья имперіи, духовныя и свѣтскія лица, ежедневно терпятъ большую нужду и ущербъ». Это вступленіе составляетъ основаніе распадающейся на четыре главные отдѣла реформаціи, которая, подобно тысячамъ другихъ имперскихъ постановленій, никогда не была приведена въ исполненіе, но за то можетъ служить богатымъ матеріаломъ для разнаго рода заключеній нѣмецкимъ сочинителямъ исторій имперіи и имперскаго права. Въ одномъ изъ главныхъ отдѣловъ реформаціи говорится о земскомъ мирѣ; въ другомъ помѣщены узаконенія относительно правъ по залогу въ предупрежденіе того, чтобы кредиторъ не могъ на будущее время поступать съ злостнымъ должникомъ, какъ Эйцингеръ съ королемъ Фридрихомъ; кромѣ того сюда же вошли отличныя постановленія относительно безопасности дорогъ, также узаконенія по учрежденію тайныхъ судилищъ въ Вестфаліи и законы о поддѣлкѣ монетъ. Но въ имперіи некому было наблюдать за исполненіемъ этихъ постановленій, и потому все осталось попрежнему, если не сдѣлалось еще хуже. Архіепископъ трирскій Іаковъ, пользуясь слабостью короля, присоединялъ къ своему епископству различныя земли и старался обогащать своего побочнаго сына на счетъ имперіи. Вообще въ церковныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ чрезвычайно невыгодное вліяніе на короля, раздававшаго, подобно своему предшественнику Сигизмунду, самымъ необдуманнымъ и легковѣрнымъ образомъ привилегіи, граматы и подарки.

Во Франкфуртѣ Фридрихъ, на несчастье германской имперіи, познакомился

съ однимъ талантливымъ итальянцемъ, пріобрѣвшимъ безсмертную славу въ исторіи искусства и науки того времени, какъ одинъ изъ лучшихъ представителей умственнаго образованія, которое можетъ быть почерпнуто изъ сочиненій грековъ и римлянъ. Это былъ Эней Сильвій Пикколомини, принадлежавшій къ числу тѣхъ людей, которые въ революціонныя времена, — наше время тоже революціонное, — способны достигать почестей и богатствъ краснорѣчіемъ, философскимъ и риторическимъ образованіемъ, но еще болѣе умѣньемъ искусно пользоваться обстоятельствами, наглой перемѣной мнѣній и переходомъ отъ одной партіи къ другой. Явившись въ Базель вмѣстѣ съ кардиналомъ Юліаномъ, онъ дѣятельно помогалъ ему до тѣхъ поръ, пока Юліанъ былъ на сторонѣ реформъ. Съ Сигизмундомъ и его канцлеромъ Каспаромъ Шлыкомъ Эней Сильвій также былъ очень близокъ во время ихъ пребыванія въ Сіенѣ, его родинѣ. Спеціально знакомый съ положеніемъ дѣлъ и партій въ Богеміи, — что доказываютъ его сочиненія, — онъ былъ назначенъ базельскимъ соборомъ въ члены посольства, отправленнаго въ Богемію подъ предлогомъ примиренія всѣхъ гуситовъ съ церковью, въ дѣйствительности же для того, чтобы навсегда поссорить каликстинцевъ или гуситскую партію, требовавшую только причащенія подъ обоими видами, съ таборитами. Для достиженія этой цѣли Эней употребилъ тогда такой же дипломатическій фокусъ, какимъ впослѣдствіи надулъ нѣмцевъ, при заключеніи имп конкордата съ папою. Онъ убѣдилъ соборъ исполнить скорѣе требованія каликстинцевъ, что давало, по его словамъ, возможность съ одной стороны легче подавить таборитовъ, съ другой же привязать каликстинцевъ къ римской церкви, даже если бы заключенныя съ ними мирныя условія и не были въ точности соблюдены. Со времени этого посольства Эней Сильвій, — свободный образъ мыслей котораго видѣнъ изъ его исторіи чешскихъ реформаторовъ, написанной классическимъ языкомъ римлянъ, — ратовалъ за реформаторскія стремленія базельскаго собора, оставшись ему вѣренъ даже и тогда, когда его протекторъ Юліанъ отдѣлился отъ собора и работалъ въ пользу папы Евгенія. Онъ и кардиналъ Поджіо, — подобно ему пріобрѣвшій своимъ языкомъ, критикою и отыскиваніемъ потерянныхъ или забытыхъ сочиненій, безсмертную славу между лицами, трудившимися надъ изученіемъ возрождавшейся классической древности, — издали полемику папъ по поводу избранія графа Амадея. Эней Сильвій, бывшій секретаремъ Феликса V, писалъ для своего папы посланія къ германскому королю и другимъ князьямъ, доказывая въ нихъ необходимость и законность его избранія; Поджіо составлялъ Евгенію возраженія, ругая въ нихъ самымъ неприличнымъ образомъ соборъ и его папу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи между произведеніями папъ такая противоположность, что можно думать (мы не смѣемъ имѣть личнаго мнѣнія въ подобныхъ вопросахъ), что дѣло Евгенія было очень не чистое: Эней остается въ предѣлахъ приличія, Поджіо напротивъ употребляетъ именемъ своего папы самыя площадныя выраженія. Въ доказательство, что мы не преувеличиваемъ, приведемъ нѣкоторыя мѣста. Въ посланіи Евгенія, которое было отправлено ко всѣмъ князьямъ и всему духовенству и читалось народомъ, кардиналъ называетъ собравшихся въ Базелѣ прелатовъ еретиками и раскольниками и ругаетъ самыми неприличными словами благороднѣйшихъ и ученѣйшихъ членовъ европейскаго духовенства. Онъ называетъ базельскихъ отцовъ ослами, дураками, съумасшедшими, варварами и дикими звѣрями, едва сохранившими человѣческій образъ, а Феликса V — Молохомъ, хищнымъ волкомъ въ овечьей шкурѣ, новымъ Цербероомъ, золотымъ тельцомъ, Мухаммедомъ и антихристомъ. Въ 1442 г. Эней Сильвій отправился, какъ уполномоченный папы Феликса, во Франкфуртъ, гдѣ Іаковъ Трирскій, пользовавшійся тогда большимъ вліяніемъ у Фридриха, познакомилъ его съ королемъ. Итальянецъ очень понравился Фридриху, который любилъ и уважалъ науку и былъ гораздо лучшимъ ученымъ, чѣмъ правителемъ и полководцемъ. Чтобы отличить его, король воспользовался тогда императорскимъ правомъ короновать поэтовъ и при этомъ выдавать имъ дипломы, торжественно надѣлъ на него лавровый вѣнокъ и назвалъ въ дипломѣ учителемъ въ исторіи и поэзіи. Судя по содержанію и формѣ этого диплома, Эней, подобно многимъ ученымъ нашего времени, на которыхъ онъ походилъ, отлично умѣлъ выставлять свои заслуги передъ публикой. Ученые нашего времени сами устроиваютъ себѣ публичныя овація,

поставляя сами, или съ помощью пріятелей, хвалебные себѣ гимны въ газеты и журналы. То же самое сдѣлалъ Эней въ дипломѣ, гдѣ только стояло имя короля: содержаніе, слогъ и латинскій языкъ громкаго диплома доказываютъ, что авторомъ его не могъ быть никто другой, кромѣ Энея. Впрочемъ онъ и самъ разсказываетъ въ своихъ письмахъ, что сразу понялъ, что комплиментами, лестью, итальянскою учтивостью и угодничествомъ можно было расположить Фридриха въ свою пользу и забрать въ руки. Сильвій сознается, что все это было пущено имъ въ ходъ и что онъ достигъ своей цѣли. Въ ноябрѣ 1442 года, когда Фридрихъ явился въ Базель, Эней вышелъ изъ папской службы, не ожидая пріобрѣсти на ней большихъ выгодъ, и вступилъ въ службу короля; онъ былъ въ то время королевскимъ секретаремъ и протонотаріемъ римско-королевской канцеляріи.

Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда папа Евгеній съ своимъ соборомъ, снова перенесеннымъ изъ Флоренціи въ Римъ, и папа Феликсъ съ базельскими отцами взаимно проклинали другъ друга. Фридрихъ, вообще болѣе расположенный къ папѣ Евгенію, еще ближе сошелся съ нимъ черезъ герцога бургундскаго Филиппа. Уже давно поссорясь съ швейцарцами, король нуждался въ дружбѣ Филиппа, который владѣлъ Ваадтомъ, южною частью Юры, Франшъ-Контэ, Бургундіей, французскими Нидерландами вплоть до Камбрэ, и нѣмецкими землями отъ Антверпена до Гренингена, и былъ такъ же ненавистенъ швейцарцамъ, какъ и Фридрихъ. Онъ еще прежде просилъ герцога двинуть наемниковъ, служившихъ въ Бургундіи, противъ швейцарцевъ; Филиппъ отправилъ къ нему епископа вердёнскаго, чтобы вмѣстѣ съ послами Евгенія убѣдить его отказаться отъ нейтралитета. Эней Сильвій, не смотря на то, что римскій папа наложилъ на него всевозможныя церковныя наказанія, согласился дѣйствовать заодно съ его послами, и такимъ образомъ Евгеній могъ надѣяться, что переговорами и интригами ему удастся освободиться по прошествіи нѣкотораго времени отъ своихъ базельскихъ противниковъ. Вражда Фридриха съ швейцарцами усилилась, когда король, проѣзжая черезъ Швейцарію послѣ коронованія въ Ахенѣ, вмѣсто почета и повиновенія увидѣлъ только ненависть къ себѣ; одинъ Цюрихъ выказалъ преданность Австріи, но, подобно другимъ вассаламъ Фридриха, жестоко поплатился за это. Желая помочь цюрихцамъ, Фридрихъ искалъ гдѣ бы найти искусное войско, такъ какъ ни у него, ни у германской имперіи не было постоянныхъ военныхъ силъ. Только въ четырехъ странахъ существовали тогда отряды испытанныхъ воиновъ, которые могутъ быть сравнены съ нашими постоянными войсками, потому что занимались войною какъ наукою, ремесломъ и средствомъ къ жизни. Это были: совершенно военная турецкая имперія, Швейцарія съ своей національной пѣхотою, служившею, смотря по обстоятельствамъ, или отечеству или иностранцамъ за деньги (стр. 269 и 453), Италія, гдѣ предводители наемниковъ (condottieri) продавали себя и свои тяжело-вооруженные отряды то тому, то другому государству, и наконецъ Бургундія съ южной Франціей или вѣрнѣе вся нынѣшняя сѣверовосточная Франція и Лангедокъ, гдѣ, въ теченіе долгой войны англичанъ съ французами и съ фамиліями орлеанской и бургундской, образовались такъ называемыя банды. Эти войска волонтеровъ, составленныя изъ воинственныхъ искателей приключеній всѣхъ націй, во время мира были страшнымъ бременемъ для государствъ, ихъ нанимавшихъ; имя а р м а н ь я к о в ъ, которое они носили, было такъ же страшно для французовъ и бургундцевъ, какъ въ наши дни слово кроатъ для жителей Вѣны. Этихъ французскихъ воиновъ старались переманить къ себѣ король Фридрихъ и все державшее его сторону швейцарское рыцарство, нуждавшіеся въ помощи желѣзныхъ рыцарей для борьбы съ страшною демократіею и пѣхотою союзниковъ. Въ маѣ 1444 г. Фридрихъ отправилъ во Францію епископа аугсбургскаго Петра фонъ-Шаумберга, Тюринга фонъ-Галльвиля, Фридриха фонъ-Гогенбурга и графа фонъ-Штаремберга для переговоровъ о наймѣ вспомогательнаго войска. Бургундскій герцогъ и французскій король, ненавидѣвшіе швейцарцевъ и демократовъ, были очень рады оказать желаемую помощь. Кажется также, что французскій король и герцогъ лотарингскій Ренатъ или Рене, игравшій впослѣдствіи роль во время похода, думали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отнять у германской имперіи если не весь лѣвый берегъ Рейна, то по крайней мѣрѣ Мецъ, Туль и Вердень. Чтобы хоть нѣсколько извинить Фридриха, нужно знать, что швейцарцы страшно опустошили всѣ державшіе

его сторону города, цѣлые два мѣсяца — хотя и неудачно — осаждали Цюрихъ и истребили рыцарство съ его замками. Притомъ Фридрихъ на имперскомъ сеймѣ въ Нюрнбергѣ просилъ нѣмцевъ помочь ему; но князья отказали въ его просьбѣ, не находя причинъ сражаться за габсбургцевъ. А съ другой стороны нѣмецкіе горожане, презираемые и мучимые князьями и рыцарями, могли бы согласиться на предложеніе швейцарцевъ приступить къ демократическому союзу, если бы имъ не помѣшали аристократическіе магистраты большинства нѣмецкихъ городовъ. Фридрихъ просилъ только 10 т. (а съ начала даже 5 т.) человѣкъ арманьяковъ или французскихъ волонтеровъ; но Карлъ VII воспользовался этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы удалить всѣхъ наемниковъ, грабившихъ Францію. Французскій король пріобрѣлъ отъ этого другую выгоду, заставлявшую его еще охотнѣе помогать Фридриху и его рыцарству противъ швейцарской демократіи: папа Евгеній думалъ воспользоваться этимъ войскомъ, чтобы разогнать базельскій соборъ и такимъ образомъ достигнуть своихъ іерархическихъ цѣлей скорѣе, чѣмъ посредствомъ переговоровъ и интригъ; и поэтому обѣщалъ Карлу VII признать буржскую прагматическую санкцію и, слѣдовательно, уступить французамъ въ духовныхъ дѣлахъ то, чего не могли добиться нѣмцы, если онъ накажетъ ненавистный ему городъ Базель и выгонитъ собравшихся въ немъ прелатовъ вмѣстѣ съ ихъ папою.

Энергически убѣждаемый Филиппомъ Бургундскимъ, Карлъ VII собралъ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ и образовалъ изъ нихъ два отряда. Одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ Рената Лотарингскаго, двинулся изъ Лотарингіи на Мецъ, Туль, Вердёнь и въ Эльзасъ; другой, предводительствуемый дофиномъ Людовикомъ, направился въ Зундгау. Однимъ изъ главныхъ командировъ втораго отряда былъ графъ Арманьякъ, отчего отряды, состоявшіе изъ каталонцевъ, гасконцевъ, англичанъ и французовъ, назывались а р м а н ь я к а м и, — названіе, передѣланное швабами на arme Gecken (бѣдные дураки). Въ войскѣ дофина находились всѣ герои французско-англійской войны, непримиримые враги демократіи; имена ихъ приведены Іоанномъ Мюллеромъ въ его исторіи Швейцаріи. Устрашенные жестокимъ истребленіемъ феодаловъ Швейцаріи, нѣмецкіе рыцари и владѣтели не только облегчили французамъ походъ, — въ чемъ скоро имъ пришлось раскаяться, — но и допустили герцога Рене воспользоваться имъ для своихъ личныхъ цѣлей. Этотъ честолюбивый герцогъ, принужденный уступить въ Сициліи арагонскому королю, былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ германскимъ имперскимъ городомъ Мецомъ, находившимся въ тѣсномъ союзѣ съ Тулемъ и Вердёномъ, и воспользовался ввѣреннымъ ему войскомъ, чтобы произвести демонстрацію противъ прирейнскихъ земель. Изданная французами по этому случаю замѣчательная прокламація, въ которой говорится объ е с т е с т в е н н ы х ъ г р а н и ц а х ъ, доказываетъ, что французы дѣйствительно имѣли виды на лѣвый берегъ Рейна. Рене двинулся на Мецъ, Яковъ фонъ Лютцельштейнъ на Туль и Вердёнь, Зигфридъ фонъ Феннингенъ въ нижній Эльзасъ, а Яковъ фонъ Лихтенбергъ въ верхній Эльзасъ, наконецъ дофинъ Людовикъ направился на Зундгау и Мюмпельгардъ; въ войскѣ послѣдняго находилось, говорятъ, болѣе 20 тысячъ арманьяковъ. Англичане также приняли участіе въ походѣ, и храбрый Тольботъ явился къ герцогу Рене съ 4 т. англійскихъ стрѣлковъ. Даже бургундскій герцогъ, бывшій врагомъ французскаго короля, не только пропустилъ это дикое войско чрезъ свои владѣнія, но и присоединилъ къ нему бургундскіе отряды, надѣясь завладѣть городами Базелемъ и Страсбургомъ. Союзники уже нѣсколько мѣсяцевъ осаждали Цюрихъ, а золотурнцы, люцернцы, валленбургцы и листальцы — Ферсбургъ, когда французы явились передъ Мюмпельгардомъ. Узнавъ о ихъ прибытіи, рыцари, запертые въ Листалѣ, отправили къ нимъ пословъ съ просьбою о помощи. Французы двинулись къ нимъ на выручку и 26 августа 1444 г. разбили нѣсколько тысячъ швейцарцевъ, высланныхъ осаждавшими Ферсбургъ союзниками и заманенныхъ непріятелемъ на другой берегъ рѣки Бирсъ. Но Базель не такъ легко было взять, какъ думали французы и папа Евгеній. Всѣ базельцы взялись за оружіе, и небольшая кучка ихъ доказала французамъ, что борьба съ городомъ будетъ очень трудна. Базель отправилъ къ Бирсу 3 тысячи человѣкъ на помощь союзникамъ; 500 человѣкъ изъ этого отряда были окружены на кладбищѣ св. І а к о в а. Не смотря на то, что не было никакой надежды побѣдить цѣлое вой-

ско французовъ, швейцарцы выказали себя спартанцами Леонида, сражаясь въ продолженіе десяти часовъ съ врагомъ, превосходившимъ ихъ числомъ и орудіями, до тѣхъ поръ пока въ живыхъ осталось только десять человѣкъ. Уронъ, понесенный французами, былъ такъ великъ сравнительно съ незначительнымъ числомъ базельцевъ, что дофинъ, болѣе умный и хитрый, чѣмъ храбрый, не рѣшился продолжать похода и изъ воинственнаго союзника германскаго короля сдѣлался посредникомъ между нимъ и швейцарцами. Такимъ образомъ надежды, возлагавшіяся папою Евгеніемъ на походъ французовъ, не сбылись. Базельцы отправили къ дофину посольство, а вмѣстѣ съ нимъ явились въ его лагерь съ просьбою пощадить Базель и многіе члены собора съ герцогомъ савойскимъ Людовикомъ, который велъ переговоры за папу Феликса. Городъ дѣйствительно былъ пощаженъ, соборъ не былъ разогнанъ, какъ надѣялся Евгеній, а 26 октября 1444 г. съ швейцарцами былъ заключенъ миръ въ Энзисгеймѣ, по которому Людовикъ принялъ на себя роль посредника между нимъ, королемъ Фридрихомъ и городомъ Цюрихомъ.

Хищныя и разбойническія шайки арманьяковъ остались на Рейнѣ, и все бремя похода пало на земли германской имперіи. Разбойничье войско наводнило все пространство отъ устья Аара до швейцарской Юры, Эльзасъ до самаго Страсбурга и всю Швабію. Послѣдняя сдѣлалась зрѣлищемъ жестокой рѣзни, потому что жители Шварцвальда поднимались массами и охотились на арманьяковъ какъ на дикихъ звѣрей. Вторженіе французовъ въ имперію вызвало въ Германіи страшное неудовольствіе противъ Фридриха. Разсчитывая на простоту нѣмцевъ, король былъ въ полной увѣренности, что они выставятъ войско противъ швейцарцевъ, и уже назначилъ главнокомандующимъ своего брата Альбрехта, подъ начальствомъ котораго нѣмцевъ конечно постигло бы въ Швейцаріи то же, чѣмъ они кончили въ Богеміи. Но вмѣсто ожидаемой помощи Фридрихъ былъ встрѣченъ на нюрнбергскомъ имперскомъ сеймѣ упреками за призывъ французовъ. Тогда раскаяваясь въ своемъ поступкѣ, онъ вмѣстѣ съ имперскими сословіями отправилъ посольство къ дофину. Но раскаяніе его было позднее. Дофинъ осмѣялъ посольство Фридриха, не подкрѣпленное никакимъ войскомъ, и вмѣстѣ съ нѣмецкими послами отправилъ своего уполномоченнаго въ Нюрнбергъ, гдѣ германскимъ сословіямъ въ полномъ собраніи пришлось выслушать надменную рѣчь француза, предъявлявшаго отсутствовавшему королю весьма наглыя требованія. Напомнивъ Фридриху, что онъ самъ просилъ помощи бандъ, уполномоченный дофина потребовалъ, чтобы король возвратилъ сокровища, оставленныя его дядею Фридрихомъ Пустымъ Карманомъ, и освободилъ своего племянника Сигизмунда, зятя французскаго короля, отъ опеки, въ которой онъ держалъ молодаго герцога вопреки его волѣ,— и передалъ ему, что тогда и французскій король позаботится о томъ, чтобы мужъ его дочери снова получилъ всѣ земли, отнятыя у него и его отца швейцарцами. Не смотря на протесты Фридриха, курфирстовъ и городовъ, французскія разбойничьи орды оставались въ предѣлахъ имперіи до тѣхъ поръ, пока не уничтожили всего, что можно было опустошить и разграбить. Только въ слѣдующемъ (1445 г.) они стали медленно отступать изъ Германіи, вслѣдствіе договора, заключеннаго между французскимъ королемъ и могущественнѣйшими изъ германскихъ имперскихъ князей, — договора, къ которому мы еще вернемся.

Какъ въ швейцарской войнѣ и при вторженіи въ имперію французскихъ хищныхъ рыцарей, такъ точно и въ церковныхъ дѣлахъ, король самымъ постыднымъ образомъ жертвовалъ правами и честью германской имперіи и отдавалъ націю на посмѣяніе сосѣдей. Поступивъ на службу къ Фридриху и составляя, по современному выраженію, все его министерство, Эней Сильвій достаточно изучилъ короля и потому въ спорѣ двухъ соборовъ и ихъ папъ могъ повести его тѣмъ путемъ, которыми достигались частныя цѣли Фридриха и удовлетворялось честолюбіе итальянца. Въ 1446 г. Фридрихъ отправилъ пронырливаго Энея въ Римъ для переговоровъ съ папою Евгеніемъ о совершенно нейтральномъ третьемъ соборѣ. Всѣ опасались, что Евгеній не хорошо приметъ бывшаго защитника базельскаго собора, писавшаго въ пользу антипапы Феликса V. Дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Сіену Эней получилъ папское повелѣніе не являться къ нему, и его друзья въ Италіи всячески старались разстроить поѣздку его въ Римъ; но все это не остановило Сильвія, знавшаго, что у него было въ головѣ, и убѣжденнаго, что папа

благопріятно приметъ его совѣтъ. Свои интриги въ Римѣ онъ началъ съ того, что, прежде чѣмъ явиться къ папѣ, отказался отъ нейтралитета, все еще соблюдаемаго германской націей и ея королемъ. Императорскій посолъ публично покаялся въ своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ базельскимъ соборомъ и папою Феликсомъ и былъ торжественно освобожденъ отъ всѣхъ церковныхъ грѣховъ, совершенныхъ имъ, какъ онъ самъ говорилъ, по юношескому увлеченію и энтузіазму къ собору, а когда папа принялъ его къ себѣ, онъ упалъ предъ нимъ на колѣни, прося извиненія за свое отпаденіе и ссылаясь на примѣръ кардинала Юліана. Мы прибавимъ здѣсь, что впослѣдствіи, будучи папою Піемъ II, онъ пошелъ еще гораздо далѣе по этому пути, предавъ проклятію свои прежнія книги, написанныя въ свободномъ духѣ древнихъ римлянъ и грековъ, и предостерегая вѣрующихъ отъ нихъ какъ отъ еретическаго яда. Своимъ мнимымъ либерализмомъ и дипломатическими тонкостями Эней Сильвій былъ тѣмъ полезнѣе папѣ, что ближе онъ зналъ лично соборъ, папу Феликса, короля Фридриха, положеніе Богеміи, Венгріи и Германіи и представителей германской имперіи и ихъ намѣренія. Когда Евгеній отказался дать свое согласіе на нейтральный третій соборъ, Эней Сильвій убѣдилъ его отправить къ Фридриху испанца, кардинала Іоанна Карвахаля и другихъ легатовъ, въ пользу которыхъ онъ впослѣдствіи дѣйствовалъ въ кабинетѣ короля.

Разсчитывая на новаго регента и на Фридриха, руководимаго лестью и краснобайничаньемъ Энея Сильвія, Евгеній рѣшился на такой поступокъ противъ германскихъ князей, который могъ имѣть чрезвычайно серьезныя послѣдствія для папы и поддерживаемой имъ самодержавной системы церковнаго управленія. Этотъ поступокъ находился въ связи съ разбойничьимъ походомъ арманьяковъ и отношеніями, существовавшими между Карломъ VII Французскимъ и многими изъ германскихъ имперскихъ князей. При вторженіи арманьяковъ рейнскіе князья были вынуждены войти въ переговоры съ непріятелями помимо короля, оставившаго ихъ на произволъ судьбы. Курфирстъ Людовикъ Пфальцскій, епископъ страсбургскій, архіепископъ трирскій Іаковъ фонъ Сиркъ, и архіепископъ кельнскій Дитрихъ фонъ Мёрсъ, слѣдовательно могущественнѣйшіе князья прирейнскихъ странъ, заключили весьма важные договоры съ Карломъ VII Французскимъ. Курфирстъ Пфальцскій и епископъ страсбургскій заключили договоры съ французами объ отступленіи арманьяковъ, отказываясь именемъ своихъ соотечественниковъ отъ всякаго вознагражденія. Архіепископъ трирскій заключилъ съ Карломъ оборонительный и наступательный союзъ, чтобы въ случаѣ нужды имѣть союзника противъ папы Евгенія и герцога бургундскаго. Къ этому его побуждали съ одной стороны весьма подозрительныя сношенія папы Евгенія съ Фридрихомъ, начатыя Энеемъ Сильвіемъ, съ другой — перемѣна политики герцога бургундскаго, тѣснѣе соединившагося съ римскимъ папою, тогда какъ Карлъ все болѣе отдалялся отъ него и, казалось, готовъ былъ принять сторону базельскаго собора. Приписывая нейтралитетъ нѣмцевъ главнымъ образомъ архіепископу трирскому Іакову и архіепископу кёльнскому Дитриху, папа Евгеній, воспользовавшись тогдашними обстоятельствами, рѣшился на неслыханный поступокъ противъ обоихъ курфирстовъ. На сколько они были причиною нейтралитета, объ этомъ самыя лучшія свѣдѣнія могъ дать папѣ Эней Сильвій, по крайней мѣрѣ относительно своего друга архіепископа трирскаго, который познакомилъ его съ Фридрихомъ, устроилъ его коронованіе какъ поэта и историка и посвятилъ его въ дѣла Германіи. Со времени поѣздки Энея Сильвія въ Римъ, Евгеній заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ. Имѣя на своей сторонѣ герцога бургундскаго и многихъ другихъ князей, назначивъ дофина Людовика гонфалоньеромъ или покровителемъ церкви и отправивъ въ Германію испанца, который въ союзѣ съ Энеемъ Сильвіемъ долженъ былъ обѣщаніемъ великолѣпнаго коронованія императорскою короною, назначеніемъ церковныхъ доходовъ на расходы частной казны германскаго короля и папскими субсидіями убѣдить Фридриха предпринять римскій походъ, папа думалъ, что можетъ позволить себѣ насиліе противъ двухъ курфирстовъ Германіи. Въ февралѣ 1446 г. Евгеній издалъ буллу, которою лишалъ Іакова Трирскаго и Дитриха Кёльнскаго званія курфирстовъ и передавалъ ихъ мѣста, а слѣдовательно соединенныя съ ними германскія княжества и право избирать императора, двумъ могущественнымъ графамъ, родственникамъ герцога бургундскаго. Въ какомъ тяжеломъ состояніи на-

ходилась тогда церковь Христа и монархія Карла Великаго, лучше всякихъ описаній видно изъ того, что папа осмѣлился это сдѣлать и что нашлись германскіе князья, пожелавшіе принять то, чего онъ не имѣлъ никакого права дарить. На мѣсто двухъ низложенныхъ курфирстовъ онъ назначилъ собственною властью архіепископомъ трирскимъ Іоанна де Камбрэ, побочнаго брата Филиппа Бургундскаго, а архіепископомъ кёльнскимъ Адольфа фонъ Клеве, племянника герцога. Важнѣйшіе германскіе князья не хотѣли однако простить папѣ такого наглаго насилія. Въ мартѣ 1446 г. курфирсты съѣхались во Франкфуртъ и приняли слѣдующее энергическое рѣшеніе: «Если папа не отмѣнитъ низложенія обоихъ курфирстовъ, не приметъ изданнаго констанцскимъ соборомъ декрета о частомъ созваніи соборовъ (стр. 560), не дастъ германскому народу вѣрнаго ручательства, что права его на будущее время не будутъ нарушаться, — всѣ они примутъ сторону базельскаго собора и папы Феликса». Одновременно съ тѣмъ курфирсты постановили, что рѣшеніе ихъ должно быть сообщено королю и папѣ, но что они во всякомъ случаѣ останутся при этомъ рѣшеніи, приступитъ къ нему король или нѣтъ. Когда послы курфирстовъ явились къ Фридриху, выказалось вполнѣ, какъ важно было для папы, что совѣтникомъ Фридриха былъ такой дипломатъ, какъ Энеи Сильвій. Фридрихъ не только не оскорбилъ пословъ отказомъ, но, напротивъ, хвалилъ курфирстовъ за ихъ заботы о поддержаніи своего достоинства и о благѣ народа, и высказалъ готовность присоединиться къ ихъ протесту противъ папы. Но, не желая ни обижать нѣмцевъ, уже давно недовольныхъ имъ, какъ нѣкогда Сигизмундомъ, ни ссориться съ папою, онъ — или вѣрнѣе Энеи Сильвій — прибавилъ, что не нужно только дѣлать шума, чтобы не вышло скандала. Къ отправлявшемуся въ Римъ посольству курфирстовъ присоединился Энеи Сильвій, для того, чтобы дать дѣлу, сообразно обстоятельствамъ, благопріятный для папы оборотъ.

По прибытіи въ Римъ курфирстскіе послы явились къ папѣ Евгенію; именемъ ихъ говорилъ нюрнбергскій синдикъ Григорій фонъ Геймбургъ. Онъ высказалъ цѣлый рядъ смѣлыхъ, рѣдко слышанныхъ въ Римѣ истинъ, и именемъ всѣхъ курфирстовъ потребовалъ возстановленія обоихъ курфирстовъ, признанія законодательной и судебной власти собора и удовлетворенія жалобъ германскаго народа. Въ заключеніе Геймбургъ объявилъ папѣ, что въ сентябрѣ курфирсты снова съѣдутся во Франкфуртъ и, смотря по отвѣту папы, примутъ свои мѣры. Папа далъ посольству уклончивый отвѣтъ, обѣщаясь отправить пословъ во Франкфуртъ. Затѣмъ въ тайной аудіенціи Энеи Сильвій научилъ Евгенія, какъ онъ долженъ дѣйствовать. Онъ объяснилъ папѣ, что хотя Фридрихъ и свѣтскіе князья на сторонѣ Рима, но духовные и курфирсты до того озлоблены, что единственное спасеніе заключается въ наружной уступкѣ; что поэтому папа долженъ сдѣлать видъ, что признаетъ констанцскій декретъ о частомъ созваніи соборовъ (впослѣдствіи, говорилъ онъ, можно будетъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ), и долженъ возстановить обоихъ курфирстовъ, не уничтожая однако своей буллы. Евгеній согласился съ мнѣніемъ Энея Сильвія, благодарилъ его за хорошій совѣтъ, наградилъ титуломъ папскаго секретаря и по отъѣздѣ курфирстскихъ пословъ удержалъ его на нѣкоторое время въ Римѣ. Къ имперскимъ князьямъ Евгеній отправилъ епископа болонскаго Ѳому де Сарцана; его сопровождалъ Энеи Сильвій, работавшій во Франкфуртѣ болѣе въ пользу папы, чѣмъ въ пользу Фридриха.

На франкфуртскомъ конгресѣ въ пользу папы интриговали четыре епископа и кромѣ нихъ въ пользу ультрамонтанизма дѣйствовали вліятельнѣйшіе изъ семи уполномоченныхъ короля Фридриха, Энеи Сильвій и Каспаръ Шлыкъ. Вообще, дѣйствія королевскихъ пословъ и франкфуртцевъ очевидно доказывали, что римскій король и городъ Франкфуртъ готовы были на многое, чтобы только помочь дѣлу Евгенія: въ особенности со стороны короля сдѣлано было все для разъединенія курфирстовъ, соединившихся на защиту своихъ правъ. Видя, что краснорѣчіемъ и софистикою нельзя добиться цѣли, Энеи Сильвій прибѣгнулъ къ деньгамъ, которыми, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ, можно было всего достигнуть въ Римѣ и при дворахъ тогдашнихъ государей. Двѣ тысячи золотыхъ гульденовъ, которые папа возвратилъ впослѣдствіи королю Фридриху, были раздѣлены между четырьмя майнцскими совѣтниками; они устроили дѣло такимъ образомъ, что курфирстъ майнцскій Дитрихъ позволилъ латинисту Энею Сильвію облечь четыре пункта,

такъ рѣзко поставленные въ Римѣ Григоріемъ фонъ Геймбургомъ, въ такую гладкую и дипломатическую форму, что впослѣдствіи изъ нея можно было сдѣлать все, что угодно. Добродушные нѣмцы думали, что уполномоченный Евгенія Ѳома де Сарцана привезъ полное папское согласіе на требованія курфирстовъ. Въ актѣ соединенія, составленномъ 22 сентября 1446 г. нѣсколькими князьями по поводу признанія Евгенія, находится слѣдующая фраза: они соединились «потому что только-что названный нашъ всемилостивѣйшій государь и король и наконецъ мы нашими трудами и стараніями получили на наши старательныя просьбы отъ названнаго святаго отца отвѣтъ, удовлетворяющій насъ и кажущійся намъ искреннимъ, и для того чтобы святая церковь могла тѣмъ миролюбивѣе водворить спокойствіе и мы не были бы отдѣлены отъ другихъ христіанскихъ королей и народовъ». Одобренное Дитрихомъ Майнцскимъ постановленіе франкфуртскаго конгресса было прочтено имперскимъ ословіямъ въ собраніи и принято имп; только Кельнъ, Трѣръ, Пфальцъ и Саксонія отказались подписать его. Въ декабрѣ 1446 года въ Римъ отправилось новое нѣмецкое посольство, чтобы потребовать отъ папы болѣе мягкимъ тономъ: 1) признанія важности и значенія соборовъ, согласно не разъ упомянутому нами декрету констанцскаго собора, вновь подтвержденному базельскимъ соборомъ; 2) удовлетворенія жалобъ германскаго народа на злоупотребленія церкви, и гарантіи въ томъ, что требованія ихъ будутъ исполнены, и 3) возвращенія курфирстскаго званія архіепископамъ Трира и Кельна, если они дадутъ ему обѣщаніе быть послушными. Энеи Сильвій, также посланный въ Римъ, управлялъ всѣми переговорами въ одно и тоже время за лежавшаго при смерти папу и за римскаго короля, и измѣнилъ нѣмецкому народу, именемъ котораго дѣйствовалъ. Курфирстъ майнцскій и его канцлеръ Лизура, незадолго передъ тѣмъ дѣлавшій во Франкфуртѣ самые жестокіе упреки хитрому итальянцу, дѣятельно работали тогда въ Римѣ въ пользу обмана. Вполнѣ увѣренный, что уступки нужны только для прекращенія шума и не будутъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій, папа Евгеній согласился на всѣ пункты, помѣщенные Энеемъ Сильвіемъ въ трехъ буллахъ, которыя обыкновенно называютъ римскимъ конкордатомъ. Какъ онъ практично смотрѣлъ на дѣло, это доказалъ заключенный съ нѣмцами въ слѣдующемъ году вѣнскій конкордатъ, совсѣмъ другаго содержанія, чѣмъ римскій. Черезъ два дня по изданіи этихъ буллъ (7 февраля 1447 г.), папа утвердилъ всѣ духовныя мѣста и доходы въ Германіи, розданные съ марта 1439 г. какъ лицами нейтральными, такъ и приверженцами базельскаго собора, уничтожилъ всѣ процессы, начатые въ это время папскимъ дворомъ, снялъ всѣ церковныя наказанія и покаянія, наложенныя имъ въ послѣднія 8 лѣтъ, и простилъ всѣ слѣдовавшіе за это время ему и кардиналамъ анаты и доходы; но за то въ теченіе шести мѣсяцевъ всѣ должны были признать римскаго папу и, слѣдовательно, отказаться отъ папы базельскаго собора. Въ той же самой буллѣ, въ которой все это было высказано, Евгеній заранѣе протестовалъ противъ всѣхъ, противныхъ достоинству папскаго престола или ученію отцовъ церкви, толкованій его уступокъ, т. е. другими словами заранѣе объявлялъ недѣйствительнымъ все, что можетъ быть такъ или иначе невыгодно для него. Такимъ образомъ онъ явно отрекался отъ только-что сдѣланныхъ имъ уступокъ. Откладывая обѣщанныя въ римскомъ конкордатѣ церковныя реформы до собора, который долженъ былъ собраться неизвѣстно когда, папа очевидно имѣлъ возможность, что и случилось въ дѣйствительности, обмануть нѣмцевъ относительно всѣхъ правъ, уступленныхъ имъ по этому конкордату.

Кардиналы держали себя такъ враждебно ко всему, что происходило въ послѣдніе мѣсяцы 1446 года и въ первые 1447 г., что Евгеній, боясь оппозиціи своей консисторіи, назначилъ четырехъ новыхъ кардиналовъ. Поэтому для католическаго міра было счастьемъ, что, по смерти Евгенія 23 февраля 1447 года, король Арагоніи и Неаполя Альфонсъ V могъ предписать конклаву, кого избрать папою. 5 марта кардиналы избрали Ѳому де Сарцана, завѣдывавшаго переговорами съ Германіей, и новый папа Николай V тотчасъ же утвердилъ все, что было уступлено нѣмцамъ Евгеніемъ. Со вступленіемъ на папскій престолъ Николая Энеи Сильвій, получившій отъ него епископство тріесткое, усилилъ свою дѣятельность и началъ новый рядъ дипломатическихъ фокусовъ. Въ 1447 г., когда

король Фридрихъ созвалъ княжескій съѣздъ въ Ашаффенбургъ, туда былъ отправленъ кардиналъ Іоаннъ Карвахаль, чтобы еще разъ надуть нѣмцевъ. Съ помощью пословъ Фридриха, Энея Сильвія и Гартурга фонъ Каппелля, папскій легатъ своими рѣчами и лестью замапилъ добродушныхъ нѣмцевъ въ сѣти. Эней Сильвій далъ ашаффенбургскимъ переговорамъ такой оборотъ, что изъ буллъ, изданныхъ Евгеніемъ въ Римѣ, былъ составленъ конкордатъ, принятый впослѣдствіи нѣмцами на имперскомъ сеймѣ и сдѣлавшійся такимъ образомъ имперскимъ церковнымъ закономъ. При этомъ Эней Сильвій позаботился и о томъ, чтобы изъ признаннаго Евгеніемъ базельскаго декрета только самая незначительная часть вошла въ новый конкордатъ. Съѣхавшіеся въ Ашаффенбургъ князья изъявили свое согласіе на главныя основанія конкордата; но формальное принятіе его было отложено до слѣдующаго года, чтобы имѣть время для соглашенія съ Триромъ, Кельномъ, Пфальцомъ и Саксоніей, со стороны которыхъ ждали оппозиціи. Эти курфирсты только-что передъ тѣмъ рѣшили, при свиданіи съ французскимъ королемъ въ Буржѣ, настаивать на созваніи новаго собора. Въ то время какъ это происходило, папа Николай, Эней Сильвій и король Фридрихъ хлопотали о закрытіи базельскаго собора и слѣдовательно о томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ осуществленіе предпринятыхъ имъ благодѣтельныхъ реформъ. 20 іюля 1447 года собравшимся въ Базелѣ духовнымъ было объявлено, чтобы они расходились по домамъ. Но іерархи, не смотря на нѣсколько разъ повторенное приказаніе, еще цѣлый годъ оставались въ Базелѣ. Кромѣ того эдиктомъ, изданнымъ 21 августа, Фридрихъ повелѣлъ всѣмъ признавать Николая V законнымъ папою. Многіе князья и сословія Германіи, такъ же какъ и вѣнскій университетъ, долго не соглашались на это; а курфирстъ кельнскій только въ январѣ 1448 года, и то въ Вѣнѣ, въ присутствіи римскаго короля и папскаго легата, присягнулъ папѣ черезъ своего уполномоченнаго.

Наконецъ 17 февраля 1448 г. Фридрихъ и Іоаннъ Карвахаль формально заключили въ Вѣнѣ, одинъ именемъ нѣмецкой націи, другой за папу, надувательскій конкордатъ; 19 марта этотъ *вѣнскій конкордатъ* былъ утвержденъ папою. Фридрихъ и Карвахаль не осмѣлились однако обнародовать своего произведенія; поддѣльный конкордатъ былъ сохраняемъ въ такой тайнѣ, что до половины XVIII столѣтія онъ назывался *ашаффенбургскимъ конкордатомъ*, такъ какъ думали, что онъ заключенъ въ Ашаффенбургѣ. Этотъ конкордатъ былъ послѣднимъ результатомъ реформаторскихъ стремленій нѣмецкой церкви. Во второй части своей исторіи соборовъ XV и XVI столѣтій, ученый епископъ фонъ Весснебергъ подробно разбираетъ этотъ конкордатъ, сопоставляя его съ постановленіями базельскаго собора; мы только въ нѣсколькихъ словахъ укажемъ на существующее между ними различіе. Относительно аннатовъ (стр. 586), совершенно уничтоженныхъ декретомъ собора, признаннымъ папою въ римскомъ конкордатѣ, сказано въ тайномъ вѣнскомъ конкордатѣ, подписанномъ королемъ и его канцлеромъ отъ имени имперіи: «Съ соборовъ и монастырей не должно болѣе требовать *обыкновенныхъ сборовъ для анатовъ*. Сборы съ духовныхъ учрежденій, *платящихъ слишкомъ высокія подати*, должны быть *вслѣдствіе сего* уменьшены *римскими коммисарами*». Провизіи (стр. 587), какъ и аннаты, были также совершенно уничтожены; въ вѣнскомъ же конкордатѣ вмѣсто того сдѣланы слѣдующія постановленія: «1) Въ распоряженіи папы поступаютъ мѣста всѣхъ лицъ, умирающихъ въ Римѣ. 2) Папа назначаетъ новыхъ лицъ на тѣ мѣста, гдѣ выборы не были единодушны, или въ томъ случаѣ если папа самъ смѣщаетъ духовнаго. 3) Безчисленные слуги папскаго двора и канцеляріи сохраняютъ получаемыя ими до сихъ поръ церковныя бенефиціи (доходы). 4) Всѣ подати, платимыя въ пользу церкви, будутъ прощены папою тѣмъ лицамъ, которыя предпримутъ путешествіе въ Римъ. 5) Тотъ, кто однажды получилъ на основаніи папской буллы какую-нибудь бенефицію, сохраняетъ ее. 6) Папа долженъ быть извѣщаемъ о всѣхъ выборахъ и имѣетъ право принять свои мѣры, если будетъ имѣть что-нибудь противъ нихъ». Наконецъ, относительно уничтоженныхъ соборомъ резерватовъ или притязаній на предоставленіе папѣ извѣстныхъ доходовъ и извѣстнаго времени для замѣщенія мѣстъ и бенефицій, въ вѣнскомъ конкордатѣ сказано, что: тѣ, кто, какъ учредители или по праву и происхожденію, одни могутъ раздавать духовныя мѣста и доходы (обыкно-

вѣнные коллаторы бенефицій), раздаютъ мѣста, сдѣлавшіяся вакантными, въ шесть опредѣленныхъ мѣсяцевъ года; съ своей стороны папы раздаютъ мѣста, освободившіяся въ шесть другихъ мѣсяцевъ (январь, мартъ, май, іюнь, сентябрь и ноябрь).

Закрытіе базельскаго собора, послѣдовавшее черезъ годъ по заключеніи вѣнскаго конкордата, устранило и этого врага римскаго папы. Собору долгое время дѣлали разныя придирки и наконецъ папа подговорилъ высшаго члена духовнаго суда епископа базельскаго запереть двери собранія и такимъ образомъ отнять у отцовъ возможность собираться. Узнавъ объ этомъ, соборъ, въ засѣданіе 25 іюня 1448 г., рѣшилъ переѣхать въ Лозанну, гдѣ уже нѣсколько времени жилъ папа Феликсъ V. Въ первое свое засѣданіе въ Лозаннѣ, 17 августа 1448 года, отцы постановили продолжать соборъ въ Ліонѣ, подъ покровительствомъ французскаго короля, и возстановить единство въ церкви. При участіи французскихъ и англійскихъ пословъ, уполномоченныхъ отъ курфирстовъ кельнскаго, трирскаго, саксонскаго, пфальцскаго и кардинала арльскаго Людовика Аллемана, президента собора, ліонское собраніе рѣшилось убѣдить Феликса отказаться отъ папства. Послѣ совѣщанія въ Буржѣ объ условіяхъ отреченія, базельскій папа 7-го апрѣля 1449 г. отказался отъ престола. Незадолго передъ тѣмъ (25 апрѣля 1449 г.), соборъ съ своей стороны избралъ папою Николая V, а въ маѣ разошелся самъ собою безъ того, чтобы хоть одинъ изъ декретовъ, изданныхъ имъ или противъ него, былъ формально отмѣненъ. По договору, заключенному 25 апрѣля 1449 г. съ послами названныхъ князей, Феликсъ не только удержалъ всѣ принадлежавшіе его сану знаки высшаго духовнаго достоинства, но былъ утвержденъ закономъ въ этомъ санѣ, признаннымъ и папою Николаемъ. Онъ былъ назначенъ кардиналомъ епископомъ сабинскимъ, сохранилъ въ церковной іерархіи первое мѣсто послѣ папы и, какъ его генеральный викарій, получилъ въ свое независимое церковное управленіе владѣнія герцога савойскаго, князя піемонтскаго, маркграфа монферратскаго и салуццскаго, графство Асти, ліонскую провинцію по сю сторону Соны, епархіи городовъ Аосты, Лозанны, Базеля, Страсбурга, Кура, Констанца и Зиттена (Сіона). Людовикъ Аллеманъ, предсѣдательствовавшій, какъ кардиналъ арльскій, въ соборѣ и за то лишенный своего званія папою Евгеніемъ IV, снова былъ принятъ въ коллегію кардиналовъ, а въ 1527 г. даже признанъ святымъ.

Король Фридрихъ еще въ іюнѣ 1448 г. былъ осчастливленъ золотою розою, которую папы имѣли обыкновеніе дарить благочестивымъ королямъ и князьямъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ отъ Николая другое, болѣе существенное вознагражденіе. Папа передалъ ему въ пожизненное распоряженіе пять приходовъ епархіи патріарха аквилейскаго, находившихся въ Крайнѣ, и наконецъ исполнилъ свое обѣщаніе относительно такъ страстно желаемаго Фридрихомъ коронованія императорскою короною. Здѣсь мы прервемъ исторію этого короля и его имперіи и, прежде чѣмъ снова перейдемъ къ запутанной исторіи Германіи со смерти Сигизмунда, въ соединеніи съ событіями въ Венгріи и Богеміи при обоихъ Гуніадахъ и Георгіи Подѣбрадѣ, — бросимъ взглядъ на положеніе Италіи.

III. ИСТОРІЯ ИТАЛІИ И ИСПАНІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XV СТОЛѢТІЯ.

1. Введеніе.

Въ началѣ XV столѣтія верхняя Италія была раздѣлена между новымъ герцогствомъ, незадолго передъ тѣмъ основаннымъ Іоанномъ Галеаццо Висконти (стр. 462), и венеціанцами, распространившими свое господство надъ Вероной, Виченцой и Падуей въ ущербъ фамиліи Каррара. Изъ государствъ нижней Италіи, въ Сициліи владычествовала отрасль арагонскаго королевскаго дома, а въ неаполитанскомъ королевствѣ царствовалъ храбрый, но жестокій и коварный Владиславъ, про котораго Сисмонди справедливо говоритъ, что онъ обладалъ и слѣдовалъ во всемъ хитрой политикѣ Іоанна Галеаццо, но только не былъ *такимъ трусомъ, какъ герцогъ миланскій*. Въ средней Италіи папы, по возвращеніи изъ Авиньона, снова поселились въ Римѣ; но вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе раскола въ церкви (стр. 433), папская власть раздѣлилась между Римомъ и Авиньономъ. По возстановленіи констанцскимъ соборомъ единства въ церковномъ управленіи папа только назывался владѣтелемъ церковной области и Рима, въ дѣйствительности же надъ городами владычествовали аристократическія фамиліи, предводители наемниковъ и честолюбцевъ, умѣвшіе волновать гражданъ однимъ словомъ: свобода. То же самое происходило и въ большомъ цвѣтущемъ городѣ Болоньѣ, отъ времени до времени признававшемъ надъ собою папское владычество. Между тосканскими республиками — Пизой, Луккой, Сіенной и Флоренціей—рѣшительное преобладаніе принадлежало Флоренціи, которая, послѣ продолжительныхъ внутреннихъ волненій, сдѣлалась наконецъ настоящей демократической республикой. Во Флоренціи шла борьба сначала между дворянствомъ и высшими цехами (arte majori), а потомъ между высшими цехами и низшими (arte minori), участіе которыхъ въ управленіи до 1383 г., — когда новая конституція уменьшила ихъ вліяніе на треть,—было ознаменовано жестокостями. По свидѣтельству Виллани, доходы Флоренціи простирались въ то время до 300 т. золотыхъ флориновъ или 2 милліоновъ флориновъ, составляющихъ по тогдашней цѣнности денегъ приблизительно около 5 м. на наши деньги; изъ нихъ, по словамъ того же Виллани, не расходовалось и пяти шестыхъ. Главными источниками доходовъ были акцизы всѣхъ родовъ, таможенные сборы и денежные штрафы. Въ городѣ считалось 150 т. жителей и постоянно до 1,500 иностранцевъ, 10 т. дѣтей, учившихся въ элементарныхъ школахъ читать, 1,200 — въ среднихъ школахъ, въ которыхъ шесть учителей учили ариѳметикѣ, и 600 — въ гимназіяхъ, гдѣ преподавалось все то, что называлось тогда логикой и грамматикой, 30 госпиталей на тысячу человѣкъ, 200 фабрикъ шерстяныхъ издѣлій, производившихъ ежегодно 80 т. кусковъ сукна цѣнностью на милліонъ 200 т. флориновъ и прокармливавшихъ 30 т. рабочихъ, 20 оптовыхъ суконныхъ продавцовъ, 80 банкировъ, имѣвшихъ во всѣхъ странахъ конторы и коммиссіонеровъ и ссужавшихъ въ займы большія суммы. Въ этомъ городѣ, процвѣтавшемъ промышленностью и ремеслами, коммерческими и банкирскими дѣлами, демократическій домъ Медичи пріобрѣлъ

своими несмѣтными богатствами преобладающее вліяніе, и это легко понять, зная, какимъ политическимъ значеніемъ пользуется въ наше время одинъ богатый еврейскій домъ (Ротшильдъ).

2. Неаполь, Сицилія и средняя Италія.

Въ настоящемъ томѣ было подробно разсказано о переходѣ неаполитанскаго престола къ полу-венгерской династіи и о тщетныхъ попыткахъ королевы Іоанны I и папы Климента VII упрочить владычество надъ Неаполемъ за младшею линіею анжуйскаго дома (стр. 426). Сынъ французскаго короля Іоанна Людовикъ I Анжуйскій, призванный Іоанною и признанный папою, погибъ въ борьбѣ съ Карломъ III или Малымъ, а сыновьямъ его Людовику II и Карлу Мэнскому было столько дѣла во Франціи и Провансѣ, что они не могли и думать о походѣ въ Италію. По смерти Карла III, Людовикъ II предпринялъ завоевательный походъ въ Неаполь и принудилъ вдову Карла Маргариту бѣжать вмѣстѣ съ дѣтьми, Владиславомъ и Іоанною II, въ Гаэту; но предпріятіе его кончилось полнѣйшей неудачею: Владиславъ утвердился въ неаполитанскомъ королевствѣ и даже пытался вновь завоевать Венгрію. Эта попытка неудалась, за то удачнѣе были дѣйствія Владислава противъ Неаполя и Церковной области (стр. 477). Въ своихъ завоевательныхъ планахъ онъ пользовался папою Григоріемъ XII, котораго изъ политическихъ разсчетовъ снова покинулъ, нѣсколько разъ вторгался въ Церковную область, занималъ городъ Римъ и наконецъ простеръ дерзость до того, что приказалъ называть себя римскимъ королемъ и вышить на своихъ знаменахъ слова: «Или императоръ, или ничего! (Aut Cæsar aut nihil!)». Въ это время (1409 г.) пизанскій соборъ избралъ третьяго папу Александра V, поддерживавшаго притязанія Людовика V Анжуйскаго на неаполитанскую корону, не смотря на то, что они основывались на объявленіи папы, котораго Александру не слѣдовало бы признавать. Людовикъ II Анжуйскій основывалъ свои права на Неаполь на томъ, что Климентъ VII призналъ подарокъ королевы Іоанны I и короновалъ его; но для Александра V Климентъ VII не былъ настоящимъ папою. Когда Людовикъ II, послѣдовавъ папскому призыву, явился въ Пизу съ насмнымъ отрядомъ въ 15 т. французскихъ рыцарей, Александръ V призналъ его законнымъ королемъ Неаполя, обязавъ изгнать изъ Рима и Неаполя Владислава, торжественнымъ образомъ въ присутствіи кардиналовъ отлученнаго имъ отъ церкви. Въ помощь рыцарямъ, приведеннымъ Людовикомъ Французскимъ, были наняты на папскія деньги кондоттьеры. Пизанскій соборъ и, что было гораздо важнѣе, флорентійская республика также приняли сторону Людовика. Обиліе денежныхъ средствъ позволяло флорентійцамъ содержать сколько угодно наемниковъ, а отвѣтъ, данный ихъ посломъ Бартоломеемъ Валори королю Владиславу, требовавшему вывода войскъ изъ Рима и Церковной области, доказываетъ лучше всего, что владычество надъ государствами Италіи основывалось тогда только на деньгахъ. На вопросъ Владислава: «какое же войско вы можете противопоставить мнѣ?» посолъ надменно отвѣчалъ: «твое собственное», зная очень хорошо, что неаполитанское войско состоитъ изъ людей, готовыхъ служить сегодня одному, а завтра другому. Чтобы вытѣснить Владислава изъ своего сосѣдства, флорентійцы наняли Малатесту, занимавшагося ремесломъ предводителя наемниковъ и отдававшаго въ наймы свои военные отряды. Основатель и родоначальникъ бандъ Альберико да Барбіано (стр. 426), находившійся въ службѣ Владислава, умеръ 26 апрѣля 1409 г. Другой предводитель кондоттьеровъ Оттонъ Вонъ Терцо, достигшій коварствомъ и измѣною владычества надъ Пармою и Реджіо, былъ умерщвленъ по наущенію Николая д'Эсте своимъ соперникомъ Аттендоло Сфорцою. Наконецъ третій Браччіо ди Монтоне, завладѣвшій Перуджіей (стр. 556), глубоко оскорбилъ Владислава, измѣнивъ ему и принявъ сторону республиканцевъ этого города. Совѣтъ десяти, управлявшій во Флоренціи военными дѣлами, пригласилъ на службу республики Браччіо ди Монтоне, не смотря на то, что онъ былъ гибеллинъ, а флорентинцы гвельфы; въ то же время кардиналъ Бальтазаръ Косса формировалъ войско для папы Александра V, а Людовикъ II Анжуйскій двинулъ свое войско въ походъ. Соединившись вмѣстѣ

всѣ три войска стали вытѣснять Владислава изъ одного города въ другой и заняли Орвіето, Манфредонію, Корнето, Сутри, Витербо и другіе города. Мало-помалу враги Владислава завладѣли и Римомъ, гдѣ вся фамилія Орсини держала сторону папы Александра. Перваго октября часть Рима, именно Санъ-Піетро, папскій дворецъ и замокъ Св. Ангела, уже были заняты именемъ Александра V; октябрь, ноябрь и декабрь прошли въ борьбѣ за Капитолій и другія укрѣпленныя мѣста въ Римѣ и окрестностяхъ, а въ концѣ декабря всѣ пункты, кромѣ Порта-Маджіоре и Санъ-Лоренцо, были отняты у короля Владислава. Въ слѣдующемъ (1410) году флорентинцы наняли Аттендоло Сфорцу де Котиньола, которому за годъ передъ тѣмъ маркграфъ д'Есте отдалъ во владѣніе Монтеккіо, и отправили его наемниковъ къ папскому войску. Не смотря на все это, Александръ не рѣшился вступить въ Римъ, но отправился въ Болонью, съ радостью принявшую къ себѣ папу. Третьяго мая 1410 года онъ умеръ въ этомъ городѣ. На его мѣсто кардиналы поспѣшно избрали кардинала Бальтазара Коссу, причинившаго впослѣдствіи, какъ папа Іоаннъ XXII, столько бѣдствій міру. Людовикъ II Анжуйскій, уже называвшійся неаполитанскимъ королемъ и энергически поддерживавшій войну съ Владиславомъ, принималъ большое участіе въ этомъ избраніи; для этого онъ поѣхалъ изъ Рима въ Болонью, а оттуда отправился во Флоренцію, чтобы убѣдить республику дѣятельно продолжать борьбу. Впослѣдствіи Іоаннъ подарилъ ему освященную золотую розу, которую папы имѣли обыкновеніе дарить царствующимъ лицамъ. Но Людовикъ все-таки не могъ двинуться на неаполитанскія владѣнія; у него не было денегъ для платы наемникамъ, да къ тому же генуэзцы, внезапно превратившіеся изъ друзей въ враговъ, старались всѣми средствами на морѣ и и на сушѣ отрѣзывать его сношенія съ Провансомъ.

Въ послѣднее время Генуи грозила двоякаго рода опасность; съ одной стороны внутреннія волненія, съ другой наемники миланскаго тирана. Вслѣдствіе того она обратилась съ просьбою о помощи къ французскому королю Карлу VI, предлагая ему за то признать его верховное владычество надъ республикою и впустить къ себѣ французскаго главнокомандующаго, который вооруженною силою водворилъ бы и поддерживалъ въ городѣ порядокъ и справедливость. Французскій король согласился на это предложеніе и отправилъ въ Геную знаменитаго воина, администратора и дипломата маршала де Бусико (стр. 502—504). Явившись съ небольшимъ отрядомъ французовъ, Бусико былъ съ восторгомъ принятъ генуэзцами; но его высокомѣріе и корыстолюбіе, въ чемъ постоянно упрекаютъ французовъ въ Италіи, способствовали скорому паденію французскаго владычества въ Генуѣ. Изъ корыстолюбія онъ убилъ несчастнаго потомка миланскаго владѣтельнаго дома, Габріеля Висконти, пріѣхавшаго въ Геную съ надеждою добиться, при посредничествѣ Бусико, уплаты должныхъ ему флорентинцами денегъ. Бусико велѣлъ арестовать его и пытать до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ совершенно неправдоподобнаго показанія, будто явился въ Геную агентомъ страшнаго кондоттьера Фачино Кане съ намѣреніемъ помочь гибеллинамъ прогнать гвельфовъ и захватить власть въ свои руки. Въ декабрѣ 1408 г. несчастный юноша былъ казненъ, а Бусико предъявилъ его требованіе флорентинцамъ отъ своего имени, на что, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго права. Вскорѣ Бусико задумалъ подчинить французскому владычеству и Миланъ такимъ же образомъ, какъ и Геную, согласившись на предложеніе миланскихъ герцоговъ, братьевъ Іоанна-Маріи и Филиппа-Маріи Висконти, привести имъ наемниковъ и принять участіе въ управленіи. Но предводитель кондоттьеровъ Фачино Кане, державшій подъ своей опекой обоихъ Висконти и болѣе хитрый, чѣмъ французскій маршалъ, сдѣлавшійся дипломатомъ на Востокѣ, разстроилъ планы Бусико и заставилъ его разыграть роль вороны, укравшей сыръ, въ баснѣ: «Ворона и Лисица». Въ то время какъ Бусико находился въ Миланѣ съ 5 т. человѣкъ, Фачино Кане и Теодорико Монферратскій подстрекнули генуэзцевъ возстать противъ намѣстника, оставленнаго Бусико, и помогли имъ свергнуть ненавистное владычество французовъ. Всѣ французы въ Генуѣ были убиты, а начальникомъ города назначенъ маркграфъ монферратскій съ правами дожа. Бусико двинулся изъ Милана на Геную, но все было уже потеряно: достигнувъ Гави, онъ увидѣлъ, что не въ силахъ напасть на Геную. Между тѣмъ Фачино Кане отрѣзалъ ему отступленіе къ Милану, и французскому маршалу оставалось только съ позоромъ удалиться во Францію (1409 г.). Сдѣ-

лавшись такимъ образомъ непримиримыми врагами французовъ, генуезцы соединились съ Владиславомъ Неаполитанскимъ противъ Людовика II Анжуйскаго, своего прежняго союзника.

Въ теченіе всего лѣта 1410 г. соединенный флотъ генуезцевъ и короля Владислава былъ грозою герцога анжуйскаго, когда онъ съ подкрѣпленіемъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ флотомъ и деньгами хотѣлъ вернуться изъ Прованса въ Римъ. Наконецъ въ сентябрѣ ему удалось перебраться въ Италію. На святой недѣлѣ 1411 г. Людовикъ велъ подъ уздцы лошадь папы при его торжественномъ вступленіи въ городъ, а 28 апрѣля выступилъ съ 12 т. всадниковъ и многочисленной пѣхотой противъ Владислава. Въ войскѣ его находились знаменитѣйшіе предводители кондоттьеровъ: Паоло Орсини, Аттендоло Сфорца ди Катиньола, Браччіо ди Монтоне, Джентиле ди Монтерано и графъ Тальякоццо. Девятнадцатаго мая произошло сраженіе, кончившееся пораженіемъ Владислава; подкупивъ нѣкоторыхъ предводителей наемниковъ въ войскѣ Людовика, онъ успѣлъ однако спастись отъ преслѣдованія и занять горные проходы. Между тѣмъ противнику его недоставало средствъ для продолженія войны: провансальскій флотъ потерпѣлъ пораженіе, папа Іоаннъ, занявъ Римъ, не заботился о томъ, будетъ или нѣтъ королемъ Людовикъ, а флорентинцамъ уже сначала 1411 г. такъ надоѣла война, что они заключили миръ съ Владиславомъ. Вслѣдствіе всего этого Людовикъ въ началѣ іюля вернулся въ Римъ и оттуда 3 августа отправился назадъ въ Провансъ. Папа Іоаннъ послѣдовалъ примѣру флорентицевъ: онъ уплатилъ королю Владиславу значительную сумму денегъ и простилъ вассальную дань за двѣнадцать предшествовавшихъ лѣтъ, остававшуюся долгомъ Неаполя папскому престолу; за это Владиславъ по трактату, заключенному въ Римѣ въ октябрѣ 1412 г., призналъ его настоящимъ папою и пересталъ поддерживать Григорія XII. Григорій долженъ былъ считать себя счастливымъ, что ему позволили отправиться на кораблѣ въ Римини, гдѣ онъ нашелъ защиту у Карла Малатесты (стр. 538). Не смотря на договоръ, Владиславъ еще въ 1413 г. воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы снова напасть на папу и флорентинцевъ. Его войска завоевали Римъ и жестоко опустошили городъ; затѣмъ онъ самъ отправился въ папскую столицу и оставался въ ней до октября, когда была взята и крѣпость Ангела. При первомъ извѣстіи о приближеніи неаполитанцевъ, папа бѣжалъ въ Витербо и долгое время блуждалъ по окрестностямъ, такъ что никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Наконецъ Іоаннъ показался для виду въ Сіенѣ, а оттуда отправился во Флоренцію; но флорентинцы такъ мало довѣряли человѣку, еще въ званіи кардинала прославившемуся всевозможными пороками и преступленіями, что нѣсколько мѣсяцевъ не хотѣли впускать его въ городъ. Пробывъ нѣкоторое время во Флоренціи, папа снова отправился въ Болонью, испытавшую въ послѣдній годъ нѣсколько переворотовъ. Въ 1411 г., уѣзжая изъ Болоньи въ Римъ, Іоаннъ назначилъ вмѣсто себя кардинала ди Наполи; этотъ намѣстникъ былъ изгнанъ предводителями демократіи, папскій дворецъ ограбленъ, въ городѣ провозглашена свобода и демократія (viva il popolo e le arti), и наконецъ учреждено правительство изъ ремесленниковъ. Но демократическая республика продержалась только полтора года; въ сентябрѣ 1413 г. собрались рыцарскія фамиліи, вліятельнѣйшей изъ которыхъ была Пеполи, прогнали ремесленниковъ и снова присягнули папѣ. Въ Болоньѣ Іоаннъ оставался недолго; въ это время уже начались его переговоры съ королемъ Сигизмундомъ о созваніи констанцскаго собора и онъ торопился на свиданіе въ Лодп (стр. 540),

Между тѣмъ Владиславъ продолжалъ свои завоеванія за предѣлами Церковной области и, вѣроятно, завладѣлъ бы Сіеной, Флоренціей и Болоньей, если бы удался его планъ привлечь на свою сторону маркграфа Николая д'Есте, могущественнаго князя и предводителя страшныхъ наемниковъ. У д'Есте служилъ и знаменитѣйшій изъ кондоттьеровъ XV столѣтія Аттендоло Сфорца ди Котиньола, грабежомъ, убійствами и коварствомъ возвысившійся изъ простаго крестьянина до княжескаго званія; сынъ его Франциск Сфорца, впослѣдствіи герцогъ миланскій, тогда еще мальчикъ, былъ придворнымъ пажомъ маркграфа д'Есте и только-что начиналъ свое военное поприще. Королю Владиславу удалось было заманить въ свою службу маркграфа и предводителя его наемниковъ Аттендоло Сфорцу, но предложенія флорентинцевъ оказались для нихъ болѣе выгодными и

они приняли сторону папы Іоанна. Однако и это не помѣшало бы Владиславу, явившемуся въ 1414 г. съ войскомъ въ Римъ и въ Церковную область, воспользоваться удаленіемъ папы Іоанна и его спорами съ констанцскимъ соборомъ, если бы въ августѣ 1414 г. его не постигла внезапная смерть.

Владиславъ былъ могущественъ только какъ предводитель разбойничьихъ шаекъ, которыя нанимались имъ на награбленныя деньги; сестра же его и преемница Іоанна II была постоянно простымъ орудіемъ той партіи, которая ею овладѣла; поэтому естественно, что перемѣна правительства должна была вызвать важныя измѣненія въ Неаполѣ. Храбрый и искусный полководецъ, Владиславъ былъ такъ же хищенъ, безсовѣстенъ и хитръ, какъ знаменитѣйшіе изъ предводителей кондоттьеровъ, которыхъ онъ то нанималъ въ свою службу, то снова отпускалъ; но равняясь съ ними въ распутствѣ, онъ превосходилъ ихъ во всемъ остальномъ. Поэтому они уважали его. Точно также и вся Италія, гдѣ тогда всѣ сильные умы, даже папа Іоаннъ XXIII, смѣялись публично надъ всякими нравственными законами и втайнѣ надъ религіей, съ уваженіемъ смотрѣла на короля Владислава, какъ на олицетвореніе политической мудрости и хитрости, которыя тогда предпочитались нравственности. Въ ту эпоху (какъ въ новѣйшее время школа Вольтера и наши софисты) полагали, что скромность и добросовѣстность дѣлаютъ добродушнаго простяка, вѣрящаго въ эти добродѣтели, игрушкою хитреца. Іоанна не могла слѣдовать правительственной системѣ своего брата Владислава. Она была замужемъ за Вильгельмомъ Австрійскимъ, братомъ Леопольда III, и не имѣя отъ него дѣтей, возвратилась по смерти его въ отечество. Когда умеръ Владиславъ, Іоаннѣ уже было 46 лѣтъ; связь ея съ красивымъ двадцатишестилѣтнимъ человѣкомъ низкаго происхожденія Пандольфелло Алопо и оказываемыя ему милости возбудили страшную зависть въ аристократахъ. Пандольфелло былъ сначала сенешаломъ и первымъ лицомъ при дворѣ королевы (era governatore d'ogni cosa), а потомъ былъ сдѣланъ оберъ-каммергеромъ (conte camerlengo); власть его была такъ велика, что онъ осмѣлился арестовать двухъ знаменитѣйшихъ предводителей кондоттьеровъ умершаго короля, Аттендоло Сфорцу и Паоло Орсини. Неаполитанское рыцарство потребовало, чтобы королева прекратила связь съ Пандольфелло и вышла за какого нибудь принца; разумѣется, для аристократовъ весь вопросъ заключался только въ ненависти къ плебеямъ и въ стремленіи играть первую роль въ государствѣ. Пандольфелло искалъ и нашелъ защиту и помощь противъ дворянства въ человѣкѣ, только-что передъ тѣмъ арестованномъ по его приказанію: онъ примирился съ Сфорцою, подобно ему возвысившемуся изъ низкаго званія до высшихъ степеней. Сфорца женился на сестрѣ Пандольфелло (или по словамъ хроники, называющейся неаполитанскимъ дневникомъ,—Catella Alopa sua nipote), былъ сдѣланъ въ іюнѣ 1415 г. великимъ коннетаблемъ или генералиссимусомъ королевства и съ тѣхъ поръ держалъ сторону любимца Іоанны. Королевѣ предлагали въ мужья брата англійскаго короля, брата кипрскаго короля и арагонскаго принца королевскаго дома; послы этихъ князей даже являлись въ Неаполь; но Пандольфелло съумѣлъ все разстроить. Дѣло однако кончилось тѣмъ, что Іоанна должна была выдти за мужъ за графа де ла Маршъ Іакова де Бурбона, происходившаго отъ Роберта, младшаго сына Людовика Святаго; братъ его, герцогъ вандомскій, былъ родоначальникомъ бурбонской королевской династіи. Іаковъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на дочери Карла III Наварскаго, но въ 1405 г. овдовѣлъ. Іоанна дѣлала всевозможное, чтобы держать мужа въ отдаленіи. Въ брачномъ контрактѣ была сдѣлана оговорка, что Іаковъ не будетъ называться неаполитанскимъ королемъ, а только княземъ тарентскимъ и герцогомъ калабрійскимъ; поэтому Пандольфелло и старикъ Сфорца, отправленные на встрѣчу принцу, привѣтствовали его только герцогомъ калабрійскимъ. Напротивъ рыцарство (i signori) обращалось съ нимъ какъ съ королемъ. Какъ король, онъ былъ наряженъ въ королевскую мантію (ricevuto come rè col pallio de panno d'oro) и въ сопровожденіи всего рыцарства вступилъ въ замокъ, гдѣ произошло бракосочетаніе. При этомъ и королева, обратившись къ гостямъ, сказала: «Господинъ, стоящій тамъ, теперь мой повелитель, вы должны называть его королемъ Іаковомъ, а не графомъ.» Обольщенный своей ролью, Іаковъ тотчасъ же захотѣлъ разыгрывать господина и всюду совалъ французовъ. Еще въ Беневентѣ онъ велѣлъ арестовать старика

Сфорцу, его сына Франциска и двухъ изъ близкихъ родственниковъ (per la mala relazione, che li fu dato di lui), а 8 сентября приказалъ посадить въ тюрьму Пандольфелло, его брата и племянника, пытать ихъ и потомъ казнить. Французы, явившіеся въ свитѣ Іакова, завладѣли всѣмъ управленіемъ; французъ оберъ-гофмейстеръ (maggiordomo) произвольно распоряжался при дворѣ, вмѣстѣ съ другими любимцами короля назначалъ на всѣ мѣста французовъ и помѣстилъ въ крѣпостяхъ французскіе гарнизоны. За женой Іаковъ велѣлъ слѣдить какъ за плѣнницей: она не смѣла выходить изъ дворца и при ней безотлучно находился французъ Жанъ Берленжье. Къ Іоаннѣ не допускали рѣшительно никого, король отказалъ даже просьбѣ всего неаполитанскаго рыцарства, требовавшаго аудіенціи у королевы. Все это тѣмъ сильнѣе озлобило неаполитанскую аристократію, принужденную во всемъ уступать французамъ, что своимъ положеніемъ въ государствѣ Іаковъ былъ обязанъ исключительно Іоаннѣ. Озлобленіе ея дошло наконецъ до того, что жизни короля стала грозить серьезная опасность. Джуліо Чезаре ди Капуа изъ рода графовъ Альтавилла, первый привѣтствовавшій графа де ла Марша королемъ при появленіи его въ Италіи и помогшій ему съ частью войска короля Владислава одолѣть старика Сфорцу, тайно проникъ къ королевѣ и предложилъ ей умертвить Іакова. Не довѣряя ему, вѣроятно вслѣдствіе его подозрительныхъ требованій, Іоанна открыла намѣреніе графа мужу, который и приказалъ казнить его. Съ этого времени она, кажется, стала пользоваться большей свободой. Проживъ цѣлый годъ (до сентября 1416 г.) во дворцѣ подъ строгимъ надзоромъ, Іоанна получила дозволеніе присутствовать на торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ въ честь ея однимъ флорентинскимъ купцомъ (13 сентября) въ его саду, расположенномъ на площади. Этотъ праздникъ доставилъ неаполитанцамъ желанный случай освободиться отъ управлявшихъ ими французовъ; нѣтъ сомнѣнія, что комедія, разыгравшаяся въ концѣ праздника, была заранѣе условлена. По окончаніи обѣда королева, вставъ изъ-за стола, воскликнула, обратившись къ гостямъ и къ собравшейся толпѣ народа: «Не оставляйте меня, друзья мои!» Отвѣтомъ на эти слова раздался крикъ: «Да здравствуетъ королева Іоанна!» и королева была перевезена сначала въ архіепископскій дворецъ, потомъ въ Кастелль-Капуана. Король Іаковъ, незадолго передъ этимъ отправившій свое войско въ Абруццы, былъ принужденъ бѣжать изъ Кастелль-Нуово, гдѣ онъ жилъ съ королевою, въ Кастелль-д'Уово; оба замка были осаждены приверженцами королевы и между ними и королемъ началась формальная война. Нѣсколько мѣсяцевъ борьба оставалась нерѣшительною, пока наконецъ королева не освободила старика Сфорцу и его фамилію, возвративъ ему званіе великаго коннетабля, и позволила всѣмъ изгнанникамъ вернуться въ Неаполь. Старикъ Сфорца, хотя и былъ подвергнутъ пыткѣ какъ Пандольфелло, спасся благодаря могуществу наемныхъ бандъ, предводители которыхъ распоряжались въ то время во всей Италіи судьбою городовъ, князей и народовъ. Преданные на жизнь и смерть своимъ вождямъ, наемники составляли ихъ королевство; появленіе ихъ рѣшало участь государства, и мы могли бы привести цѣлый списокъ городовъ и владѣній, уже тогда присвоенныхъ себѣ Сфорцою во всѣхъ частяхъ Италіи. Сестра Сфорцы Маргарита была замужемъ за Микелино Аттендоло, что и спасло его отъ смерти. Узнавъ объ участи Сфорцы, его зять вторгнулся въ Апулію, во главѣ части наемниковъ, а остальные его наемники опустошили Калабрію подъ предводительствомъ Лоренцо Аттендоло. Чтобы возстановить спокойствіе въ Апуліи и Калабріи, Іаковъ отправилъ къ Микелино четырехъ лицъ изъ первыхъ неаполитанскихъ фамилій; Маргарита велѣла схватить ихъ и отвезти въ Трикаріо, гдѣ она жила, объявивъ, что ихъ головы будутъ порукою за жизнь Сфорцы. Поэтому, когда неаполитанскіе аристократы приняли сторону королевы, Сфорца былъ освобожденъ прежде своего сына Франциска. Вскорѣ Іаковъ былъ вынужденъ заключить миръ; по договору онъ обязывался сложить королевскій титулъ и выслать изъ государства всѣхъ французовъ, за исключеніемъ сорока человѣкъ. Съ этихъ поръ военное управленіе сосредоточилось въ рукахъ старика Сфорцы, а внутренними дѣлами и дворомъ сталъ завѣдывать новый любимецъ Іоанны, Джіованни Караччіоли. Кажется также, что со времени этого договора, съ королемъ Іаковомъ стали обращаться точно такъ же, какъ самъ онъ прежде обращался съ своей женою. По крайней мѣрѣ въ неаполитанскомъ дневникѣ гово-

рится, что на предложеніе Іоанны (1417 г.) сдать ей за извѣстную сумму Кастелль д'Уово, французскій комендантъ крѣпости сначала потребовалъ было освобожденія короля, а потомъ отказался отъ этого условія, когда предложили ему еще болѣе денегъ и дали корабль для перевоза французовъ черезъ море. Сфорца, наемникъ котораго оказали тогда наибольшія услуги, получилъ графство Трою, а его сыну за потерянный имъ укрѣпленный городъ были подарены Аріано и другія мѣста.

Около этого времени Риму грозила опасность отъ человѣка, пользовавшагося у кондоттьеровъ такимъ же значеніемъ, какъ Аттендоло Сфорца. Какъ Альберико да Барбіано (стр. 426) считали вообще основателемъ военнаго устройства и организаціи кондоттьеровъ, такъ между ними существовало двѣ школы тактики и стратегіи; во главѣ одной стоялъ старикъ Сфорца, во главѣ другой—Браччіо ди Монтоне, оттого одна часть наемниковъ называлась сфорцесками, другая — брачческами. Предводитель брачческовъ грозилъ тогда Риму, гдѣ съ 1415 г. только одинъ замокъ Ангела оставался еще во власти неаполитанскаго войска, и кардиналу Іакову Изолани, оставленному въ городѣ папою Іоанномъ XXII, стоило не малыхъ трудовъ склонить на свою сторону этотъ гарнизонъ. Одержавъ побѣду надъ Карломъ Малатестою, Браччіо, въ то время какъ констанцскій соборъ судилъ папу Іоанна, а преемникъ его еще не былъ избранъ, завладѣлъ Перуджіей и другими городами Папской области и готовился идти на Римъ, говоря, что хочетъ занять его для будущаго папы. Изолани, управлявшій городомъ съ званіемъ сенатора, скрылся въ замокъ Ангела и просилъ помощи у королевы Іоанны; другой кардиналъ (ди Санто Анджело) присоединился къ Браччіо ди Монтоне. Въ іюнѣ 1417 г. Браччіо вступилъ съ своей ватагой въ Римъ, назначилъ новаго сенатора и объявилъ себя покровителемъ города. Когда онъ осадилъ и замокъ Ангела, Іоаннѣ, чтобы спасти его, не оставалось другаго средства, какъ сдѣлать еще могущественнѣе и безъ того слишкомъ могущественнаго старика Сфорцу. Она позволила ему присоединить къ своему войску двухъ другихъ предводителей кондоттьеровъ, или, другими словами, соединить подъ своимъ начальствомъ цвѣтъ искателей приключеній и вмѣстѣ съ ними двинуться на Римъ противъ Браччіо ди Монтоне, своего личнаго врага. По приближеніи непріятеля Браччіо, слѣдуя системѣ предводителей наемниковъ, нашелъ, что умнѣе предпочесть деньги и владычество, доставляемое ему его наемниками, пустой славѣ сраженія съ Сфорцою; оставивъ Римъ, онъ возвратился въ Перуджію и съ тѣхъ поръ владычествовалъ не только въ этомъ городѣ, но и въ Тоди, Орвіето, Терни, Джіези, Спелло, Нарни и Ріети. Его кондоттьеры опустошали страну вплоть до Рима и въ окрестностяхъ его нѣсколько разъ вступали въ стычки съ Сфорцою, кончавшіяся всегда ихъ пораженіемъ. Сфорца и кардиналъ Изолани учредили въ Римѣ новое правительство, приказавъ арестовать кардинала ди Санто Анджело, дальнѣйшая судьба котораго неизвѣстна. Только весной слѣдующаго года (1418 г.) Сфорца возвратился изъ Рима въ Неаполь. Здѣсь онъ тотчасъ же поссорился съ Караччіоли, любимцемъ королевы со времени плѣна Іакова. Это и было главною причиною, что Іоанна, надѣясь найти опору въ новомъ папѣ Мартинѣ V, велѣла неаполитанскому войску очистить Римъ и отправила пословъ въ Констанцъ, чтобы принести Мартину V присягу, какъ сюзерену Неаполя, по обычаю, введенному со времени утвержденія на неаполитанскомъ престолѣ анжуйскаго дома. Переговоры ихъ продолжались и впослѣдствіи, что однако не мѣшало Сфорцѣ въ теченіе всего 1417 г. грабить съ своими наемниками папскія владѣнія; то же самое дѣлалъ не только въ Церковной области, но и въ Тосканѣ Браччіо ди Монтоне. Въ 1418 г. онъ безъ всякаго предлога опустошилъ округъ Сіены и обложилъ всѣхъ аристократовъ землевладѣльцевъ тяжелою данью. Угоняя стада изъ луккскихъ владѣній и узнавъ при этомъ, что владѣтеля Лукки Паоло Гвиниджи не было въ городѣ, Браччіо пошелъ и на Лукку; возвратившись въ городъ, Гвиниджи счелъ болѣе благоразумнымъ откупиться отъ разбойниковъ за 15 тыс. золотыхъ флориновъ. Такимъ образомъ во всѣхъ частяхъ Италіи въ сущности господствовали продажные наемники. Изъ Флоренціи папа Мартинъ велъ переговоры съ королевою Іоанною о возвращеніи ему Церковной области и въ особенности города Рима, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ добиться освобожденія Іакова де ла Маршъ, содержавшагося въ плѣну; королевѣ хотѣлось, чтобы папа

снисходительно смотрѣлъ на всѣ ея похожденія и велѣлъ короновать ее. Желанія Іоанны, вѣроятно, были бы легко исполнены, потому что, какъ мы уже говорили, она такъ предупредительно дѣйствовала относительно папы тотчасъ по избраніи его, да къ тому же и Караччіоли находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ Колоннами, т. е. родными и двоюродными братьями и племянниками Мартина, если бы осуществленію ихъ не помѣшалъ споръ Караччіоли съ Сфорцою. Караччіоли и Сфорца дѣйствовали насиліемъ; одинъ во время своего пребыванія въ Церковной области умертвилъ двухъ другихъ предводителей наемниковъ, послѣдовавшихъ за нимъ, а другой велѣлъ пытать многихъ аристократовъ и отнялъ у нихъ имѣнія; оба обогащались всякими средствами и возвышали своихъ приверженцевъ на счетъ государства (1418 г.). Старикъ Сфорца получилъ Беневентъ, не принадлежавшій тогда папѣ; его сынъ Франциск сдѣлался черезъ женитьбу владѣтелемъ части Калабріи, а дочь вышла замужъ за князя Сансеверино, которому Сфорца своимъ оружіемъ возвратилъ все, чѣмъ онъ нѣкогда владѣлъ. Караччіоли подарилъ своему зятю государственныя помѣстья, назначилъ его верховнымъ судьей и по удаленіи Сфорцы изъ Неаполя убѣдилъ королеву созвать судъ (li eletti di Napoli) и объявить великаго коннетабля врагомъ государства. Узнавъ объ этомъ, Сфорца немедленно появился подъ Неаполемъ во главѣ своихъ наемниковъ (сентябрь 1418 г.). Нападеніе его неудалось, и онъ долженъ былъ отступить. Но когда вслѣдъ затѣмъ Караччіоли присвоилъ себѣ владѣнія графа Ачерры и отдалъ ихъ въ приданое своей дочери, вышедшей замужъ за Габріеля Урсино, сына Маріи, вдовы Владислава, недовольство неаполитанской аристократіи и гражданъ обнаружилось съ такою силою, что онъ долженъ былъ уступить коннетаблю. Снова появившись у Неаполя въ первыхъ числахъ октября 1418 г., Сфорца вступилъ въ сношенія съ недовольными, рѣшившимися заставить королеву удалить любовника. Десять человѣкъ изъ дворянства и десять изъ средняго сословія составили, не смотря на всѣ возраженія Іоанны, совѣтъ регентства и вошли въ переговоры съ Сфорцою или вѣрнѣе подчинились условіямъ, предписаннымъ предводителемъ страшныхъ бандъ. Сфорца обѣщалъ сохранить вѣрность королевѣ, но требовалъ, чтобы Караччіоли оставилъ Неаполь; впрочемъ, благодаря дружбѣ фамиліи Колонна, удаленіе его произошло почетнымъ образомъ. Онъ былъ отправленъ со свитой изъ двацатипяти аристократовъ, при блестящей обстановкѣ, къ папѣ Мартину V для переговоровъ о коронованіи Іоанны и объ очищеніи замка Ангела. Въ январѣ 1419 г. прибыли въ Неаполь папскіе послы Іорданъ и Антоній Колонна, братъ и племянникъ Мартина, вмѣстѣ съ послами наваррскаго короля и герцога бургундскаго, хлопотать объ освобожденіи Іакова де ла Маршъ. По просьбѣ ихъ и депутатовъ отъ Неаполя Іаковъ былъ освобожденъ 15 февраля, послѣ того какъ весь городъ далъ требуемое Іоанною ручательство. Однако Іаковъ возвратился къ своей женѣ въ Кастелль-Нуово только 22 марта, потребовавъ предварительно удаленія коменданта (castellano) и всѣхъ непріятныхъ ему лицъ; но находя невыносимымъ для себя обстановку развратной Іоанны, въ маѣ мѣсяцѣ бѣжалъ въ Тарентъ. Отсюда онъ былъ выгнанъ наемниками по приказанію Маріи, вдовы короля Владислава, изъявлявшей притязаніе на этотъ городъ для своего сына отъ втораго брака. Іаковъ удалился сначала въ Тревизо, а потомъ во Францію, гдѣ постригся въ монахи и умеръ въ монастырѣ въ 1438 г.

Отдѣлавшись отъ мужа, королева стала хлопотать о возвращеніи Караччіоли. Помощниками ея были Колонна, ближайшіе родственники папы Мартина. Они устроили примиреніе между старикомъ Сфорцою, способствовавшимъ передачѣ Рима Мартину, и бывшимъ оберъ-гофмейстеромъ королевы, а папа помогъ удалить коннетабля, обратившись къ Сфорцѣ за помощью противъ Браччіо ди Монтоне. Браччіо былъ такой же искусный полководецъ, какъ Сфорца, и то же умѣлъ привязывать къ себѣ корыстолюбивыхъ наемниковъ; поэтому борьба, въ которой приняли участіе Тарталья и Гвидо Монтефельтро, владѣтель Урбино и Губбіо, длилась долго. Не смотря на то, что войска обѣихъ сторонъ были незначительны, война эта сопровождалась страшными опустошеніями. Побѣда осталась за Браччіо, потому что королева Іоанна или вѣрнѣе Караччіоли не посылали Сфорцѣ денегъ для платы войску и вербованія новыхъ наемниковъ. Видя, что перевѣсъ несомнѣнно на сторонѣ Браччіо, папа благоразумно отдѣлился отъ

Сфорцы и королевы и соединился съ сильнѣйшимъ изъ кондоттьеровъ. При посредничествѣ флорентинцевъ, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ къ Браччіо, онъ заключилъ миръ съ своимъ противникомъ и нанялъ его въ свою службу. По договору между ними Браччіо предоставлялось владѣніе, въ качествѣ папскаго намѣстника, Перуджіей, Ассизи и многими другими завоеванными имъ городами, съ обязательствомъ обезпечить папѣ обладаніе Римомъ, Нарни, Терни, Орвіето и Ортой. На свиданіи Браччіо съ папой, происходившемъ во Флоренціи въ февралѣ 1420 г., кондоттьеру былъ сдѣланъ королевскій пріемъ. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ примиренія Мартина съ Браччіо и его дружбы съ флорентинцами было подчиненіе Болоньи папѣ (іюль 1420 г.) и назначеніе одного кардинала намѣстникомъ города.

Папа считалъ себя оскорбленнымъ и сердился на Іоанну не столько за оставленіе Сфорцы безъ поддержки, сколько за то, что, по возвращеніи Караччіоли въ Неаполь, она уже не оказывала его близкимъ родственникамъ прежнихъ милостей. Еще въ 1419 г. королева оказывала всяческій почетъ брату Мартина, Іордану Колоннѣ, и его племяннику, Антонію Колоннѣ, и одарила ихъ землями и людьми; Антоній Колонна былъ сдѣланъ герцогомъ амальфскимъ и кастелламарскимъ и княземъ салернскимъ, и всѣ думали даже, что она назначитъ одного изъ ихъ фамиліи своимъ преемникомъ. Всѣ эти милости внезапно прекратились въ 1420 г. Папа рѣшился тогда вооружить противъ королевы недовольную партію неаполитанцевъ, преимущественно приверженцевъ анжуйскаго дома, и противопоставить ей или вѣрнѣе ея Караччіоли претендента въ лицѣ 15-ти лѣтняго Людовика III Анжуйскаго, одного изъ сыновей Людовика II. Для достиженія этой цѣли флорентинцы, распоряжавшіеся тогда судьбами средней Италіи, какъ Венеція и Миланъ верхней Италіей, посредничествовали въ переговорахъ съ старикомъ Сфорцою, убѣждая его сдѣлаться орудіемъ папской мести. Во Флоренцію, гдѣ Мартинъ прежде долго жилъ и куда онъ теперь отправился, явились и послы молодаго Людовика Анжуйскаго; они присягнули папѣ какъ сюзерену Неаполя и между ними, папою и старикомъ Сфорцою, который однако съ трудомъ былъ уговоренъ дѣйствовать противъ Іоанны, все было порѣшено. Поведеніе Мартина и его фамиліи было чрезвычайно коварное: 28 октября 1419 г. папа велѣлъ торжественно короновать Іоанну (del che foro fatte feste grandissime), а въ маѣ 1420 г. онъ уже отправилъ въ Неаполь наемниковъ Сфорцы, чтобы посадить на престолъ Людовика. Напротивъ, дѣйствія Сфорцы были гораздо откровеннѣе: перейдя въ іюнѣ границы неаполитанскихъ владѣній съ своими кондоттьерами и съ наемниками, присоединившимися къ нему въ Церковной области, онъ сначала отослалъ королевѣ знаки коннетабльскаго достоинства и открыто объявилъ себя за Людовика III, между тѣмъ какъ папа еще долго представлялся другомъ Іоанны. Въ неаполитанскихъ владѣніяхъ къ Сфорцѣ присоединились съ своими наемниками члены его фамиліи, его сынъ Францискъ и племянники Михаилъ и Фоскино, сдѣланные Іоанною князьями и графами и одаренные богатыми помѣстьями. Уже Сфорца находился со всѣмъ своимъ войскомъ вблизи Неаполя, ожидая прибытія флота, который долженъ былъ привезти изъ Прованса Людовика и его рыцарей, — уже приверженцы младшаго анжуйскаго дома взялись за оружіе во всѣхъ частяхъ государства, а Іоанна все еще разсчитывала на папу и отправила къ нему Антонія Караффу съ просьбою принять на себя посредничество. Думая обмануть посла, Мартинъ хотѣлъ задержать его до прибытія флота Людовика III; но Караффа былъ слишкомъ хитеръ, чтобы позволить обмануть себя, и спѣшилъ помочь своей королевѣ до появленія французовъ. Онъ сказалъ, что возвращается въ Неаполь, но вмѣсто того отправился въ Піомбино и сѣлъ тамъ на корабль, чтобы призвать на помощь противъ провансальскаго флота молодаго короля Арагоніи, Сициліи и Сардиніи Альфонса V, предпринявшаго тогда походъ въ Корсику.

Сынъ короля Фердинанда I, Альфонсъ V или Мудрый, играющій съ этихъ поръ главную роль въ итальянскихъ и испанскихъ дѣлахъ, незадолго передъ тѣмъ получилъ во владѣніе соединенныя королевства Арагоніи и Сициліи. Вступивъ въ 1416 г. на престолъ юношей четырнадцати лѣтъ, онъ выказалъ замѣчательную твердость и вмѣстѣ умѣренность въ церковныхъ спорахъ во время констанцскаго собора и въ своихъ отношеніяхъ къ арагонскимъ и каталонскимъ

сословіямъ, и къ тѣмъ, которые злоупотребляли своими преимуществами. Отправляясь въ 1419 г. въ первый разъ въ Сицилію съ значительнымъ флотомъ, Альфонсъ имѣлъ главною цѣлью возстановить преобладаніе Арагоніи и Каталоніи въ итальянскихъ водахъ, но прежде всего хотѣлъ принудить къ повиновенію безпокойныхъ сардинцевъ и покорить Корсику, повиновавшуюся тогда генуэзцамъ. Онъ уже занялъ почти весь островъ Корсику и блокировалъ съ моря и съ суши главный городъ ея Санъ-Бонифаціо, но, задержанный девяти-мѣсячной осадой города, далъ возможность генуэзцамъ отправить въ 1420 г. флотъ на выручку ихъ брата дожа и былъ принужденъ отступить. Поэтому невѣроятно, чтобы Караффа, какъ разсказываютъ, засталъ его въ іюлѣ еще у береговъ Корсики; можетъ быть, въ это время онъ былъ въ Сардиніи. Неаполитанская королева велѣла предложить ему за помощь усыновленіе и, слѣдовательно, по смерти своей неаполитанскую корону. Переговоры объ условіяхъ, на которыхъ Альфонсъ соглашался постоянно защищать королеву, продолжались очень долго; но помощь онъ прислалъ тотчасъ же, какъ узналъ, что претендентъ появился передъ Неаполемъ со всѣми своими силами (23 августа 1420 г.) и что генуэзцы отправили ему на помощь флотъ. Уже 6 сентября флотъ Альфонса изъ восемнадцати большихъ и мелкихъ судовъ явился въ Неаполь. Королева велѣла тогда провозгласить Альфонса своимъ сыномъ и преемникомъ, впустила каталонцевъ въ Кастелль-Нуово, а 19 сентября отдала Калабрію намѣстнику арагонскаго короля, объявивъ народу, что это герцогство уступается королю Альфонсу только какъ залогъ его правъ на неаполитанскій престолъ, но что до своей смерти она будетъ сама управлять королевствомъ. Отъ Сфорцы и рыцарей Людовика Анжуйскаго королева думала отдѣлаться хитростью, начавъ съ ними переговоры о мирѣ. Это происходило въ то время, когда Іоанна настоятельно звала короля Альфонса въ Неаполь. Альфонсъ, узнавшій о ея переговорахъ съ непріятелями, не пріѣхалъ бы, если бы городъ Неаполь не объявилъ себя въ его пользу и противъ Людовика Анжуйскаго и если бы три посла, отправленные къ нему королевою, не поручились, что переговоры съ Людовикомъ ведутся несерьезно. Затѣмъ противъ Сфорцы былъ призванъ Браччіо ди Монтоне, заставившій долго просить себя и дорого заплатить за помощь. Онъ получилъ городъ и княжество Капую, званіе коннетабля и 200 тыс. золотыхъ флориновъ. Узнавъ о движеніи Браччіо на Неаполь, папа Мартинъ нанялъ его врага, предводителя кондоттьеровъ Тарталью, и отправилъ его съ тысячею всадниковъ на помощь Сфорцѣ и Людовику Анжуйскому. Тарталья долженъ былъ запереть Браччіо въ Кастелламаре, имъ незадолго передъ тѣмъ взятомъ и жестоко опустошенномъ; но Браччіо ускользнулъ, вѣроятно тайно увѣдомленный Тартальей, какъ это водилось между предводителями кондоттьеровъ (si disse, che Tartaglia a quel viaggio non aveva giocato a bon gioco). Двадцать пятаго іюня явился въ Неаполь и самъ Альфонсъ. Впослѣдствіи папа взялъ на себя роль посредника: онъ отправилъ въ Неаполь двухъ кардиналовъ подъ предлогомъ содѣйствовать примиренію, въ дѣйствительности же для того чтобы пріобрѣсть выгоды отъ обѣихъ сторонъ. Его Тарталью, заподозрѣннаго въ измѣнѣ еще при нападеніи на Кастелламаре, пытали по приказанію Людовика и Сфорцы, а въ сентябрѣ казнили въ Аверсѣ на площади. У Сфорцы оставалось уже только 600 всадниковъ, находившихся къ тому же въ самомъ жалкомъ положеніи, а касса принца анжуйскаго была истощена; поэтому въ мартѣ 1422 г. Людовикъ отправился въ Римъ, гдѣ и прожилъ два года, убаюкиваемый папскими обѣщаніями.

Въ то время какъ Людовикъ Анжуйскій жилъ въ бездѣйствіи въ Римѣ, Іоанна поссорилась съ Альфонсомъ. Уже съ самаго начала всѣ дѣйствія королевы и ея любимца Караччіоли были крайне подозрительны для короля Альфонса. Они вступили въ переговоры съ Сфорцою, уговорили Браччіо ди Монтоне примириться съ нимъ и, когда Браччіо удалился на нѣкоторое время въ свои владѣнія, находившіяся въ Церковной области, оказывали такія милости старику Сфорцѣ, что давали поводъ думать, что имъ хотятъ воспользоваться какъ орудіемъ противъ Альфонса. Что подобнаго рода подозрѣнія не были лишены основанія, сдѣлалось яснымъ, когда тайное несогласіе, господствовавшее до тѣхъ поръ между Альфонсомъ и королевою, превратилось въ открытую вражду. Альфонсъ находился въ Неаполѣ съ сентября 1422 г., но жилъ не въ одномъ замкѣ съ

Іоанною; они рѣдко видались и, сходясь, принимали другъ противъ друга такія же предосторожности, какъ враги на войнѣ. Въ маѣ 1423 г. Альфонсъ заманилъ къ себѣ Караччіоли и велѣлъ арестовать его, а потомъ бросился въ замокъ къ королевѣ, чтобы схватить и ее; но комендантъ замка, предувѣдомленный о происшествіи, успѣлъ запереть ворота. Тогда Іоанна обратилась съ просьбою о помощи къ Сфорцѣ, поспѣшившему удовлетворить ея желаніе, конечно съ выгодою для себя. Съ своей стороны Альфонсъ разсчитывалъ на Браччіо, возвратившагося въ свое герцогство Капую, и еще до появленія страшнаго кондоттьера получилъ подкрѣпленіе изъ толпы каталонцевъ, т. е. наемниковъ и искателей приключеній, грабившихъ по Средиземному морю и его прибрежью. Это заставило Сфорцу перенести войну во внутрь страны. Онъ отправился съ королевою сначала въ Черу, потомъ Аверсу, и посредствомъ размѣна плѣнныхъ освободилъ Караччіоли; Альфонсъ же господствовалъ въ Неаполѣ. Въ Аверсѣ Іоанна объявила короля Альфонса лишеннымъ права престолонаслѣдія и вмѣсто него усыновила Людовика III. Война между нимъ и Альфонсомъ велась такъ, какъ обыкновенно велись тогда рыцарскія войны; слѣдовательно окончанія ея нельзя было ожидать. Герцогъ миланскій, хотя и поздно, отправилъ на помощь королевѣ флотъ, взявшій Гаету; Браччіо не явился къ Альфонсу самъ, а прислалъ Джакопо Кальдору и нѣсколькихъ другихъ предводителей своихъ наемниковъ. Браччіо не явился, потому что былъ занятъ въ то время другимъ предпріятіемъ: распространеніемъ своего господства и на сѣверныя Абруццы, чтобы соединить проходы Романьи съ своимъ княжествомъ Капуей, которое имъ постоянно расширялось, и такимъ образомъ основать въ средней Италіи округленное государство. Онъ уже осадилъ городъ Аквилу, но встрѣтилъ со стороны ея жителей энергическое сопротивленіе. Предпріятіе его сильно озабочивало папу, и не безъ основанія: еслибы Браччіо, овладѣвшій уже Перуджіей, завоевалъ Абруццы, небольшая Папская область оказалась бы окруженной со всѣхъ сторонъ владѣніями искателей приключеній. Поэтому папа готовъ былъ на все, чтобы поддержать жителей Аквилы. Онъ обратился къ королевѣ Іоаннѣ, прося ее убѣдить Сфорцу двинуться среди суровой зимы въ горы, трудно доступныя и лѣтомъ, а часть года покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Сфорца выступилъ въ походъ, но 4 января 1424 г. случайно лишился жизни. Подойдя къ устью Пескары, онъ хотѣлъ переѣхать чрезъ нее верхомъ и уже достигъ середины, когда увидѣлъ одного изъ своихъ пажей тонущимъ въ рѣкѣ; Сфорца бросился спасать мальчика, его лошадь поскользнулась, и оба были унесены быстрымъ теченіемъ въ море. Онъ умеръ почти шестидесяти лѣтъ. Роль отца принялъ его сынъ Францискъ Сфорца. Наслѣдовавъ воинственныя способности отца, Францискъ Сфорца кромѣ того соединялъ въ себѣ всю тогдашнюю образованность своихъ соотечественниковъ, жизнь и литература которыхъ служили образцомъ для всей Европы; оттого онъ и пошелъ еще дальше отца. О помощи Аквилѣ нечего было и думать; молодому Сфорцѣ предварительно нужно было принять присягу отъ жителей своихъ наслѣдственныхъ владѣній, увидаться съ королевой Іоанной въ Аверсѣ для утвержденія своихъ ленныхъ правъ, быть признаннымъ главнымъ предводителемъ войска и получить деньги на жалованье и подарки своимъ наемникамъ.

Между тѣмъ король Альфонсъ долженъ былъ воротиться въ Испанію, гдѣ его владѣніямъ угрожало нападеніе кастильцевъ. Намѣстниками Неаполя онъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, Дона Педро и Дона Фридриха. Предводитель ихъ войска Джакопо Кальдора не замедлилъ имъ измѣнить (это было вещью совершенно обыкновенною у кондоттьеровъ): онъ продалъ себя и столицу врагамъ, и Донъ Педро былъ осажденъ въ Кастелль-Нуово. Послѣ торжественнаго вступленія королевы и ея новаго пріемыша Людовика III въ Неаполь, было сформировано въ угожденіе папѣ большое войско, которое должно было идти на выручку Аквилы, въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ осаждаемой Браччіо и защищаемой жителями съ замѣчательною энергіею. Исторія этой осады и защиты чрезвычайно подробно и поэтически описана однимъ современникомъ; изъ этого описанія, не смотря на шероховатый стихъ и варварскую латынь, можно почерпнуть много свѣдѣній о военномъ устройствѣ того времени и о системѣ веденія войны. Въ походѣ противъ Браччіо, подъ начальствомъ главнокомандующаго королевскими войсками Джакопо Кальдора, служили Францискъ Сфорца, Микелетто, Людовикъ

ди Сансеверино и другіе предводители небольшихъ бандъ сфорцесковъ. Папа и герцогъ миланскій также помогали этому предпріятію: Мартинъ отправилъ на войну противъ опаснѣйшаго изъ своихъ враговъ отрядъ избранныхъ наемниковъ подъ начальствомъ Людовика Колонна; Филиппъ-Марія послалъ флотъ, опасаясь, чтобы Браччіо не сталъ помогать флорентинцамъ, съ которыми Миланъ былъ въ войнѣ. Перваго іюня 1424 г. оба войска сошлись у Аквилы, а втораго іюня произошло рѣшительное сраженіе, кончившееся совершеннымъ пораженіемъ Браччіо. Неаполитанскія лѣтописи приписываютъ потерю сраженія Николо Пиччинино, лучшему изъ учениковъ Браччіо, занимавшему въ войскѣ первое мѣсто послѣ него. По словамъ ихъ, Браччіо проигралъ дѣло только потому, что Пиччинино не послушался его приказанія не оставлять своей позиціи до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не позоветъ его. Раненый и взятый въ плѣнъ, Браччіо умеръ черезъ пять дней послѣ сраженія. Его наемники были разсѣяны; и папа Мартинъ съ королевою Іоанною получили обратно все, что прежде подарили или были принуждены уступить Браччіо: королева взяла себѣ княжество капуанское и другіе лены, а папа взялъ Перуджію, Ассизи и другіе отнятые у него въ Романьѣ города. По Браччіо, которому вообще приписываютъ большую храбрость и большіе военные таланты, чѣмъ обоимъ Сфорца, можно судить, что за люди были тѣ храбрецы, которые распоряжались тогда судьбою Италіи и создавали себѣ княжества. Слѣдующее мѣсто изъ неаполитанскихъ лѣтописей, относящееся до Браччіо, можетъ служить характеристикою Италіи того времени, ея нравовъ и высшей образованности. Послѣ разсказа о томъ, что папа велѣлъ привезти трупъ Браччіо въ Римъ и похоронить его хотя и не на кладбищѣ, но всетаки передъ церковью Санъ-Лоренцо и поставить надъ могилою памятникъ, — сказано: «Этотъ Браччіо былъ всю жизнь безбожникомъ и еретикомъ. Онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ святыхъ, пренебрегалъ религіозными обрядами и богослуженіемъ, никогда не ходилъ въ церковь и былъ чрезвычайно жестокъ». Затѣмъ лѣтописецъ говоритъ, какъ Браччіо нѣсколько разъ приказывалъ бросать монаховъ въ горячій витербскій ключъ и какъ онъ велѣлъ сбросить съ колокольни шесть францисканцевъ, которые пѣли молитвы, и т. п. и наконецъ совершенно хладнокровно прибавляетъ: «но Браччіо все-таки храбрый солдатъ (ma nel suo esercito era leale e valente)». Если вмѣстѣ съ этимъ припомнить слова Данте въ девятой пѣснѣ «Ада» о скептицизмѣ правительственныхъ лицъ въ Италіи и то, что разсказываютъ о цинизмѣ папы Іоанна XXIII и почти всѣхъ передовыхъ людей Италіи, легко будетъ понять, почему вопросъ о церковной реформѣ не занималъ итальянцевъ. Послѣдователи скептической философіи, высшіе классы, сами смѣясь надъ моралью и религіею, не хотѣли однако срывать съ глазъ народа повязки суевѣрія, помогавшаго имъ господствовать надъ массами.

Въ іюнѣ, когда ни королевѣ, ни ея пріемышу Людовику, ни наемникамъ, которые служили прежде у Сфорцы и часть которыхъ перешла къ его сыну Франциску, не съ кѣмъ было болѣе сражаться въ открытомъ полѣ, Дону Педро и его брату Фридриху пришлось удалиться изъ Неаполя, и только съ помощью арагонскаго флота они могли еще держаться по берегу. Занятый въ Испаніи, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, борьбою съ Кастиліей, Альфонсъ не могъ поддержать оружіемъ правъ своихъ на Неаполь, пріобрѣтенныхъ имъ чрезъ усыновленіе, противъ Людовика Анжуйскаго, которому теперь принадлежалъ его прежній титулъ, и противъ Караччіоли, которому принадлежала власть въ королевствѣ. Поэтому Педро и Фридрихъ отправились съ своими каталонцами въ Африку искать тамъ новыхъ приключеній.

3. Перемѣны въ верхней Италіи.

Въ началѣ XV столѣтія въ верхней Италіи господствовали Флоренція, Миланъ, Венеція и Генуя; но въ то время, какъ Флоренція постоянно возвышалась, а Миланъ и Венеція увеличивали свои владѣнія посредствомъ денегъ, наемниковъ, жестокостей и коварства, Генуя въ такой же степени теряла свое могущество и на короткое время попала даже подъ французское владычество.

Послѣ отвратительныхъ поступковъ съ послѣднимъ потомкомъ дома Каррары, Венеція подчинила себѣ Падую, Виченцу, Верону и другіе города на материкѣ (стр. 474). Миланъ, сдѣлавшійся при Іоаннѣ Галеаццо Висконти герцогствомъ и оставшійся леномъ германской имперіи, потерпѣлъ по смерти Іоанна Галеаццо значительныя потери. Іоаннъ Галеаццо оставилъ одного побочнаго и двухъ законнорожденныхъ сыновей. Первому, Габріелю, онъ завѣщалъ Пизу, младшій изъ законныхъ сыновей, Филиппъ-Марія, долженъ былъ наслѣдовать города Павію, Новару, Верчелли, Тортону, Алессандрію, Виченцу, Фельтре, Беллуно и Бассано, а старшій долженъ былъ получить Миланъ, Кремону, Комо, Лоди, Парму, Піаченцу, Реджіо, Бергамо и Брешію (стр. 473). Малолѣтствомъ наслѣдниковъ Іоанна Галеаццо воспользовались, для удовлетворенія своего корыстолюбія и властолюбія, сосѣднія государства и туземные аристократы. Венеціанцы обогатились на счетъ Филиппа-Маріи, флорентинцы выгнали Габріеля изъ его владѣній, а городами завладѣли или древнія фамиліи патриціевъ, силою подавленныя Іоанномъ Галеаццо, или отдѣльные предводители наемниковъ.

Какъ въ нижней и средней Италіи предводители кондоттьеровъ, вышедшіе изъ военныхъ школъ Браччіо и стараго Сфорцы, распоряжались князьями, народами и землями, точно такъ же и въ верхней Италіи являлись вожди, рѣшавшіе участь государствъ и городовъ. Изъ нихъ въ началѣ XV столѣтія Оттонъ Бонъ Терцо, графъ монферратскій Теодорико, Галеаццо Мантуанскій и Таддео ди Верме были особенно замѣчательны тѣмъ, что ихъ искусные наемники продавались то тому, то другому изъ воевавшихъ государствъ, и такимъ образомъ постоянно вели войну. Но замѣчательнѣе всѣхъ былъ Альберико да Барбіано (стр. 473), основатель отряда св. Георгія, который всѣ старались переманить къ себѣ большимъ содержаніемъ и обѣщаніемъ богатой добычи. Къ его школѣ принадлежалъ Фачино Кане, предложившій, во время малолѣтства обоихъ сыновей Іоанна Галеаццо, свою помощь властолюбивой вдовствующей герцогинѣ миланской, съ тѣмъ чтобы неограниченно владычествовать самому. Вообще, въ то время ремесло простаго кондоттьера было самое выгодное, не говоря уже объ ихъ офицерахъ и предводителяхъ. Кромѣ подарковъ, грабежа враговъ и друзей, содержанія на счетъ несчастныхъ жителей страны, каждый наемникъ получалъ въ мѣсяцъ по золотому флорину или дукату; при этомъ нужно замѣтить, что соразмѣрно цѣнности предметовъ потребленія цѣнность денегъ была тогда въ четыре раза выше, чѣмъ теперь. Впрочемъ, одѣтый въ латы, воинъ долженъ былъ на свой счетъ содержать лошадь, одѣваться и вооружаться. Эти наемники составляли опору всѣхъ итальянскихъ государствъ, а состоявшія изъ нихъ войска были самыми страшными и искусными во всей Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и военное искусство въ Италіи, подобно другимъ наукамъ и искусствамъ, совершенно преобразовалось. Только артиллерія была лучше въ Богеміи, а Англія славилась болѣе искусными стрѣлками изъ лука.

Іоаннъ Галеаццо Висконти не былъ полководцемъ; пріобрѣвъ свои владѣнія оружіемъ наемниковъ, онъ и довѣрилъ ихъ предводителямъ опеку надъ своими сыновьями и защиту своей вдовы. По его завѣщанію, регентами назначались Джакопо ди Верме, Альберико да Барбіано, Пандольфъ Малатеста, Франциск Гонзага и Паоло Савелли, подъ руководствомъ его жены Катарины и подъ предсѣдательствомъ его любимца Барбавары. Подробный разсказъ объ этомъ регентствѣ женщины и разбойниковъ не входитъ въ нашу задачу; мы укажемъ только на нѣкоторые факты, характеризующіе эпоху. Тотчасъ по смерти Іоанна Галеаццо во всѣхъ городахъ вспыхнуло возстаніе и, казалось, что наслѣдованное его сыновьями владычество скоро падетъ повсемѣстно. Пистоія освободилась. Габріель былъ изгнанъ изъ Пизы и впослѣдствіи жестокимъ образомъ умерщвленъ. Комо былъ опустошенъ Малатестою. Папа снова завладѣлъ Болоньей и другими городами Церковной области, признававшими надъ собой власть Галеаццо Висконти. Венеціанцы захватили по смерти делла Скалы и Каррары города Верону, Падую и Виченцу, а въ 1412 году Беллуно и Фельтре, занятые венгерцами короля Сигизмунда. Алессандрія, то же отпавшая, была вновь покорена Фачино Кане и жестоко наказана по приказанію Катарины. Миланъ также возсталъ противъ регентства и, устранивъ его, избралъ новое правительство. Катарина скрылась въ крѣпости, заманила туда избранныхъ народомъ соправителей, нѣкоторыхъ

изъ нихъ велѣла арестовать, другихъ умертвить, и вмѣстѣ съ Барбаварою захватила власть въ свои руки. Своей жестокостью они возбудили къ себѣ всеобщую ненависть, а преслѣдованіемъ политическихъ преступниковъ показали примѣръ постыднаго вѣроломства. Конечно, къ людямъ той эпохи, особенно къ итальянцамъ, считавшимъ человѣка, останавливавшагося передъ средствами для достиженія какой нибудь цѣли, дуракомъ (Cosa fatta la caro), нельзя примѣнять нашего нравственнаго мѣрила; но Катарина и Барбаваро дѣйствовали гнусно даже и для того времени. Преслѣдованія политическихъ преступниковъ вывели наконецъ изъ терпѣнія миланцевъ, и они свергли тирановъ. Правительницу заставили сначала передать всѣ укрѣпленныя мѣста народу и поручить ея сына Іоанна-Марію избраннымъ имъ самимъ опекунамъ, а вслѣдъ затѣмъ всѣ города, признавшіе его власть, объявили Катаринѣ и Барбаварѣ войну. Герцогиня была схвачена въ Монцѣ и заключена въ тюрьму, гдѣ вскорѣ умерла, вѣроятно отравленная (октябрь 1404 г.); Барбавара спасся бѣгствомъ. Другой сынъ Іоанна Галеаццо, Филиппъ-Марія, жившій въ Падуѣ, былъ также только тѣнью государя: господствовавшая прежде въ городѣ фамилія Беккаріа снова возстановила свое значеніе и владычествовала въ Павіи точно такъ же, какъ Джіорджіо Бенцони въ Кремѣ, Джіованни да Виньяте, сынъ мясника, въ Лоди, фамилія Сіарди въ Бергамо, Колеони въ Треццо, Кавалькати въ Кремонѣ, и Франкино Руска въ Комо. Хотя фамилія Висконти и была свергнута народомъ, но всѣ эти новые властители слѣдовали той же системѣ притѣсненій и жестокостей, не замѣнивъ даже отсутствія свободы ни энергіей и единствомъ въ управленіи, ни внѣшнимъ блескомъ миланскаго герцогства.

Воспитаніе обоихъ сыновей Іоанна Галеаццо было предоставлено на произволъ судьбы. Восемнадцатилѣтній Іоаннъ-Марія былъ уже подлымъ и звѣрскимъ тираномъ Милана; орудіе яростной борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ, онъ долженъ былъ для сохраненія власти отказаться отъ требованій чести и совѣсти. Его братъ Филиппъ-Марія, жившій въ Павіи, до 1411 г. сохранялъ за собой крѣпость только съ помощью предводителя кондоттьеровъ Франческо Карманьолы; въ городѣ владычествовалъ глава могущественной гибеллинской фамиліи Кастеллинъ Беккаріа, которому помогалъ изъ Алессандріи Фачино Кане; впрочемъ, иногда и Филиппъ-Марія пріобрѣталъ на короткое время господство надъ городомъ. Въ 1407 года Фачино Кане сдѣлалъ попытку завладѣть Миланомъ; но противники его, предводительствуемые кондоттьерами Оттономъ Бонъ Терцо и Джакопо ди Верме, поспѣшили на помощь миланскому герцогу или вѣрнѣе гвельфамъ, тѣснимымъ въ городѣ и извнѣ гибеллинами, и разбили банды Фачино Кане, спасшагося съ трудомъ и сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ смертельнымъ врагомъ Іоанна-Маріи и его гвельфовъ. Для борьбы съ окружавшими его внутренними и внѣшними врагами Іоаннъ-Марія нанялъ себѣ кондоттьеровъ, женился на дочери одного Малатесты, а другой Малатеста прислалъ ему наемниковъ, и все-таки, чтобы избавиться отъ многочисленныхъ враговъ, ему пришлось прибѣгнуть къ жестокости, заглушившей въ немъ всякое человѣческое чувство. Внѣшними врагами были Фачино Кане, занявшій Новару, и Оттонъ Бонъ Терцо, до того могущественный, что въ 1408 г. для борьбы съ нимъ должны были соединиться Іоаннъ-Марія Миланскій, Франциск Гонзага Мантуанскій. Николай д'Есте, Пандольфъ, маркграфъ феррарскій, Малатеста и Габрино Фондоло, владѣтель Кремоны. Они разбили его, но не уничтожили его войска, которое онъ могъ всегда пополнять, пока имѣлъ деньги. Тѣснимый и осажденный не только Фачино Кане, но и своими защитниками, обоими Малатеста, Іоаннъ-Марія обратился съ просьбою къ французскому намѣстнику Генуи, Бусико (стр. 609), и маршалъ явился въ 1409 г. въ Миланъ. Воспользовавшись незначительностью французскаго гарнизона, оставшагося въ Генуѣ, генуезцы призвали Фачино Кане помочь имъ возратить независимость. Бусико поспѣшилъ въ Геную, но уже было поздно; Фачино Кане даже отрѣзалъ ему отступленіе въ Миланъ, и французъ долженъ былъ со срамомъ возвратиться въ отечество. Въ слѣдующемъ году (1410 г.), герцогъ Іоаннъ-Марія вслѣдствіе неудовольствія на своихъ подданныхъ призвалъ Фачино Кане охранять Миланъ, или, другими словами, отдался въ его власть. Его братъ Филиппъ-Марія съ помощью Франческо Карманьолы продолжалъ держаться въ крѣпости Павіи, не смотря на то, что былъ осажденъ

Фачино Кане, выдававшимъ себя за исполнителя приказанія Іоанна-Маріи. Въ 1411 г. Фачино Кане завладѣлъ наконецъ крѣпостью, оставивъ Филиппу-Маріи только пустой титулъ графа павійскаго; молодой Висконти былъ содержимъ въ такой нуждѣ, что, по словамъ его біографа, долженъ былъ для поддержанія своего существованія, продавать драгоцѣнные перстни отца.

Въ эстетическомъ, поэтическомъ и научномъ отношеніи положеніе Италіи было блистательно; но исторія отдѣльныхъ государствъ съ ихъ безконечными запутанными ссорами доказываетъ, что блеска нельзя смѣшивать съ тихимъ, покойнымъ счастіемъ. Торговля и промышленность, стягивавшія богатства Азіи и Европы въ Италію, гдѣ они потомъ распредѣлялись по большимъ и незначительнымъ городамъ, наука и искусство, поэзія и свѣтское образованіе, ремесла и земледѣліе — все это процвѣтало тогда въ Италіи; но среди замѣчательно политическаго движенія исчезли въ жизни всѣ нравственные принципы. При вѣчномъ колебаніи между свободою и тираніей приверженцы республиканской свободы, полные энтузіазма и энергіи и воспитанные въ духѣ древнихъ, соперничали въ жестокостяхъ и коварствѣ съ военными тиранами; города плавали въ человѣческой крови. Изъ уваженія къ человѣчеству мы готовы были бы считать баснями разсказы о кровожадности трусливаго и слабаго тирана Іоанна-Маріи Висконти, прятавшагося въ крѣпости и боявшагося выходить оттуда, еслибы этого единодушно не подтверждали всѣ лѣтописи Милана, находящіяся въ собраніи, изданномъ Муратори. Впрочемъ, подобныя же явленія представляетъ исторія древнихъ тиранновъ, подчинившихъ себѣ свободные города Греціи и Сициліи, и позднѣйшихъ римскихъ императоровъ. Для насъ отвратительнѣе всего, что даже мальчикъ, какъ Іоаннъ-Марія, былъ способенъ мучить и умерщвлять самымъ гнуснымъ образомъ людей высшихъ фамилій. Достаточно одного примѣра, чтобы показать всю его кровожадность. Тирана охраняли бульдоги, пріученные его оберъ-егермейстеромъ Скварчіей Джирамо загрызать людей; ихъ кормили человѣческимъ мясомъ, чтобы они съ большимъ рвеніемъ исполняли свою должность. Послѣ многихъ другихъ жертвъ, тиранъ отдалъ на съѣденіе собакамъ двухъ членовъ своей фамиліи, Антонія и Франциска Висконти, и одного изъ высшихъ миланскихъ аристократовъ, гибеллина Іоанна ди Постерла, вмѣстѣ съ его двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. Всѣ они были немедлено разорваны собаками, кромѣ краснваго мальчика; несчастный, не тронутый даже кровожадными животными, былъ поражонъ охотничьимъ ножомъ Джирамо. И не одинъ миланскій тиранъ такъ нагло насмѣхался надъ человѣческими правами и нравственными принципами; всѣ предводители кондоттьеровъ, захватывавшіе власть въ городахъ, въ особенности же кардиналъ Бальтазаръ Косса, впослѣдствіи папа Іоаннъ XXIII, въ своихъ дѣйствіяхъ и геніально циническихъ и безбожныхъ рѣчахъ выказывали презрѣніе къ тѣмъ добродушнымъ простякамъ, которые не стояли на ихъ высотѣ. Чтобы доказать это, достаточно относительно Іоанна XXIII указать на картины, изображающія разсказы констанцской хроники, а относительно Бонъ Терцо привести послѣднія событія его жизни. Въ 1407 г. Бонъ Терцо цѣлый мѣсяцъ грабилъ моденскія владѣнія только потому, что не могъ содержать своихъ наемниковъ въ Пармѣ. Давъ, напримѣръ, миланцамъ и венеціанцамъ охранительныя письма для перевоза товаровъ черезъ По, онъ, не смотря на то, велѣлъ впослѣдствіи отнять ихъ товары, цѣнность которыхъ простиралась болѣе чѣмъ на 100 тыс. дукатовъ. Въ 1408 г. въ Пармѣ и въ Борго-Санъ-Донино были казнены въ одинъ день 65 человѣкъ, только по подозрѣнію, что между жителями этихъ городовъ составился заговоръ противъ него. Въ слѣдующемъ году ему было отплачено тою же монетою, и старикъ Сфорца доказалъ, что, не уступая Бонъ Терцо въ храбрости и военныхъ талантахъ, не уступаетъ ему и въ коварствѣ. Маркграфъ феррарскій Николай нанялъ Сфорцу для войны съ Бонъ Терцо; Сфорца дѣлалъ такія опустошенія во владѣніяхъ Пармы и Реджіо, что Бонъ Терцо предложилъ ему наконецъ вступить въ дружескіе переговоры. Маркграфъ Николай явился на совѣщаніе съ 100 всадниками, Бонъ Терцо съ 90; во время ихъ переговоровъ въ виду обоихъ конвоевъ, неожиданно выступилъ впередъ Сфорца или его близкій родственникъ Микеле Аттендоло и ударомъ меча поразилъ на смерть Бонъ Терцо. Трупъ жестокаго разбойника былъ отвезенъ въ Модену и разорванъ на части жителями; народъ былъ въ такой ярости, что многіе рвали мясо зубами.

Жестокость Іоанна-Маріи вызвала подражателей убійцамъ Цезаря изъ круга приближенныхъ къ нему юношей, изучившихъ произведенія древнихъ грековъ и римлянъ и исполненныхъ чистою, пламенною любовью къ свободѣ и отечеству и кипучею ненавистью къ злодѣю и тирану. Ихъ заговоръ стоялъ въ тѣсной связи съ возродившимся тогда изученіемъ древней литературы. Въ теченіе послѣдняго столѣтія во многихъ большихъ и малыхъ государствахъ Италіи, находившихся въ цвѣтущемъ состояніи, пробудилось сознаніе неудовлетворительности общественнаго школьнаго преподаванія и рядомъ съ нимъ возникла потребность совершенно новаго образованія. Вмѣстѣ съ военнымъ образованіемъ общество требовало ораторскаго искусства, умѣнья писать хорошимъ латинскимъ языкомъ и философскаго или, вѣрнѣе, діалектическаго развитія. Сочиненія древнихъ грековъ и римлянъ стали вездѣ разработываться по отношенію къ политикѣ, государственной дѣятельности и общему образованію; передовые люди, называемые грамматикамп, переѣзжая изъ одного города въ другой, образовывали около себя въ городахъ школы или кружки слушателей, какъ нѣкогда греческіе философы. Одинъ изъ такихъ грамматиковъ воспламенилъ миланскихъ юношей рѣчью объ умерщвленіи тирана; вопросъ о законности такого поступка такъ сильно занималъ тогда умы, что даже на констанцскомъ соборѣ возникъ жаркій споръ по поводу одной книги, защищавшей его. Многіе юноши, воодушевленные любовью къ свободѣ и жаждой мести за смерть и пытки своихъ родственниковъ, какъ напримѣръ Оттонъ Висконти, Андрей Баджіо изъ фамиліи Постерла, нѣсколько человѣкъ изъ фамиліи Тривульци, Монтегацци и другіе сговорились убить сына Іоанна Галеаццо и воззвать народъ къ свободѣ. Они хотѣли воспользоваться болѣзнью Фачино Кане, управшаго въ Павіи, какъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для умерщвленія Іоанна-Маріи; въ то же время Беккаріа долженъ былъ убить въ Павіи Филиппа-Марію. Филиппъ спасся, а Іоанна постигло справедливое наказаніе. Убить Іоанна-Марію можно было только въ церкви, гдѣ его окружали родственники; тамъ заговорщики напали на него во время обѣдни и у алтаря нанесли ему множество смертельныхъ ранъ (16 мая 1421 г.). Въ тотъ же день умеръ и больной Фачино Кане, котораго характеръ описанъ въ миланской хроникѣ слѣдующими словами: «Фачино хотя и выказывалъ иногда въ сраженіи храбрость, но за то не было такого сквернаго дѣла, котораго онъ не дѣлалъ бы въ свою жизнь (in omni vita nequitiæ cultor); въ немъ не было ни чести, ни человѣчности. Онъ конечно умертвилъ бы и миланскихъ принцевъ, еслибъ имѣлъ дѣтей или еслибъ не боялся, что желаніе завладѣть герцогскимъ титуломъ вызоветъ противъ него соединеніе всѣхъ партій.» У молодыхъ заговорщиковъ, какъ у убійцъ Цезаря, не было никакого опредѣленнаго плана, народъ былъ вялъ, а власть зависѣла отъ однихъ солдатъ. Одинъ изъ заговорищиковъ, бывшій хорошимъ солдатомъ, Гекторъ, побочный сынъ Варнавы Висконти, захватилъ власть въ Миланѣ, но не могъ овладѣть крѣпостью; это дало время Филиппу Маріи добыть себѣ деньги, требуемыя наемниками Фачино за вступленіе въ его службу, согласно совѣту ихъ умиравшаго предводителя. Узнавъ еще передъ смертью объ умерщвленіи Іоанна-Маріи, Фачино поручилъ его брата Филиппа-Марію архіепископу миланскому, стоявшему у его постели, и своимъ солдатамъ. Тотчасъ по смерти его комендантъ павійской крѣпости посовѣтовалъ молодому человѣку жениться на вдовѣ Фачино, Беатриче Тенда, приносившей съ собой въ приданое огромныя суммы. Филиппъ-Марія послѣдовалъ этому совѣту; съ своей стороны Беатриче Тенда согласилась немедленно. Такимъ образомъ, сорокалѣтняя женщина купила себѣ за 400 т. дукатовъ двадцатилѣтняго мужа и князя, а юноша купилъ себѣ ея деньгами наемниковъ, помогшихъ ему завладѣть Миланомъ и Монцою. Уже 16 іюня Гекторъ Висконти принужденъ былъ уступить Миланъ наемникамъ Филиппа-Маріи; но до самой смерти, въ теченіе девяти мѣсяцевъ держался сначала въ городѣ, а потомъ въ крѣпости Монцы. По смерти Гектора его сестра Валентина защищалась до тѣхъ поръ, пока предводитель войска Филиппа-Маріи Франческо Бузо или, какъ его обыкновенно называютъ, Франческо Карманьола, не предложилъ осажденнымъ выгодной капитуляціи.

При Филиппѣ-Маріи миланское герцогство сдѣлалось могущественнѣе, чѣмъ когда нибудь; между тѣмъ какъ Генуя, Церковная область и почти всѣ небольшія итальянскія государства были истощены и ослаблены безконечными нападе-

ніями кондоттьеровъ, перемѣною правительствъ и междоусобицами. Только Венеція и Флоренція, цвѣтущія торговлей и промышленностью, съ каждымъ годомъ увеличивали свои владѣнія и могущество: Флоренція — внутри Аппениновъ, а Венеція по всѣмъ направленіямъ, въ Далмаціи и Иллиріи, въ Архипелагѣ и верхней Италіи. Съ этими двумя государствами Филиппъ-Марія вступилъ въ борьбу, стремясь вновь завоевать все, что нѣкогда принадлежало миланскому герцогству. Филиппъ-Марія не былъ ни полководцемъ, ни даже солдатомъ. Всѣми своими пріобрѣтеніями онъ былъ обязанъ сначала женѣ своей Беатриче Тенда, женщинѣ уже не молодой и не красивой, но съ большими достоинствами, а впослѣдствіи своимъ полководцамъ Карманьолѣ и Франциску Сфорцѣ. Беатриче принесла съ собой не только сокровища, давшія возможность Филиппу-Маріи нанять кондоттьеровъ, но и владычество надъ городами Тортоною, Новарою, Верчелли и Алессандріей, наслѣдованными ею отъ Фачино. Филиппъ-Марія отблагодарилъ ее такъ, какъ благодарятъ обыкновенно тираны и безчестные люди: онъ лишилъ жену чести и жизни. Въ 1418 г. онъ выгналъ ее, обвинилъ въ связи съ однимъ молодымъ человѣкомъ и, добившись отъ него пытками нужнаго ему показанія, велѣлъ казнить Беатриче; обвиненію ея никто не вѣрилъ. Еще до казни Беатриче, Карманьола съ помощью наемниковъ герцога завоевалъ Треццо, Лекко и Кастелло д'Адда, т. е. самыя укрѣпленныя мѣста между Аддою, Тичино и Альпами, а Лоди, котораго нельзя было вынудить къ открытой войнѣ, подпалъ владычеству миланскаго тирана вслѣдствіе измѣны. По заключеніи въ 1416 г., при посредничествѣ венеціанцевъ, мира между Филиппомъ-Маріей, владѣтелемъ города Лоди — Джіованни ди Виньяте и тиранами Комо, Кремоны и Піаченцы, герцогъ, заманивъ Джіованни въ Миланъ, посадилъ его въ тюрьму, а потомъ велѣлъ отправить скованнымъ въ Лоди, чтобы угрозою смерти отца и обѣщаніемъ богатыхъ подарковъ склонить сына Джіованни на сдачу города. Но въ то время какъ молодой ди Виньяте переговаривался со стѣны на одной сторонѣ города, съ другой стороны влѣзали въ него миланскіе наемники. Лоди былъ ограбленъ, а оба Виньяте отправлены въ Миланъ и тамъ публично казнены. Такъ передаетъ это событіе миланецъ Билья; разсказъ венеціанца Сануто представляетъ его въ еще болѣе мрачномъ свѣтѣ.

Подобная же попытка, сдѣланная въ слѣдующемъ году Карманьолой въ Піаченцѣ, совершенно неудалась; у владѣтеля города, Филиппа Арчелли, было такое же каменное сердце, какъ у миланскаго тирана. Карманьола напалъ разбойническимъ образомъ на его брата и на его сына, юношу подававшаго блестящія надежды, во время ихъ путешествія, и грозилъ, что велитъ пытать и умертвить обоихъ въ присутствіи Филиппа Арчелли, если онъ не отопретъ города. Всякій зналъ, что это была не пустая угроза, какъ оно и оказалось въ дѣйствительности; но Филиппъ все-таки не отворилъ воротъ. Однако его жестокосердіе ни къ чему не повело; вскорѣ онъ принужденъ былъ уступить Карманьолѣ городъ, опустошенный при этомъ случаѣ сначала друзьями, а потомъ врагами, и долгое время потомъ остававшійся въ развалинахъ. Филиппъ Арчелли скрылся въ крѣпость, проданную имъ впослѣдствіи Карманьолѣ за нѣсколько тысячъ флориновъ. Затѣмъ онъ нанялся съ своими наемниками къ венеціанцамъ и дѣлалъ для нихъ завоеванія въ Фріулѣ. По взятіи Піаченцы, Карманьола отнялъ у владѣтеля Брешіи, Пандольфа Малатесты, Бергамо и большую часть брешіанской области (1419 г.). Отъ перемѣны владычества участь покоренныхъ городовъ и странъ нисколько не измѣнялась ни къ лучшему, ни къ худшему. Изнѣженные и избалованные граждане городовъ сдѣлались мало-по-малу совершенно равнодушными къ тому, кто ими управлялъ; потому что правитель все-таки былъ тиранъ. Точно также и трудолюбивымъ, но трепетавшимъ передъ всякой опасностью жителямъ низменной страны вѣчно грозила опасность отъ бандъ или ихъ предводителей, походившихъ другъ на друга какъ двѣ капли воды.

Именемъ своего герцога, Карманьола занялъ также владѣнія генуезской республики до Гави. Освободившись отъ французовъ, это государство снова сдѣлалось жертвою внутреннихъ раздоровъ. Городъ Генуя подпалъ сначала подъ владычество маркграфа монферратскаго, съ помощью котораго освободился отъ французовъ, и хотя въ 1413 г. изгналъ и его, но все-таки не пріобрѣлъ свободы: предводители различныхъ партій — Джіорджіо Адорно, Варнава Гоано и Ѳома де

Кампо Фрегозо завладѣвали одинъ послѣ другаго званіемъ дожа и тираніей. Побѣжденныя партіи продолжали вести борьбу съ побѣдителями. Наконецъ Гварци, Монтальти и Адорни прибѣгли къ помощи Филиппа-Маріи; къ миланскому герцогу присоединились маркграфы дель Карретто и Монферрата, и это дало возможность Карманьолѣ занять всю страну къ сѣверу до Апеннинова. Въ 1420 г. положеніе генуэзцевъ было очень затруднительно. Ихъ дожу Ѳомѣ Грегозо угрожали приверженцы его противника и герцогъ миланскій; флорентинцы, вѣроятно надѣясь, что генуэзцы, въ крайности, продадутъ имъ Ливорно, заключили миръ съ Филиппомъ-Маріей въ ту минуту, когда должны были бы помочь имъ; наконецъ, новымъ врагомъ Генуи явился Альфонсъ V Арагонскій. Мы уже говорили (стр. 616), какъ онъ предпринялъ походъ противъ Корсики и завладѣлъ всѣмъ островомъ до города Санъ-Бонифачіо, спасеннаго послѣ девятимѣсячной осады Джіованни Фрегозо, братомъ дожа. Въ 1421 г. каталонцы короля Альфонса соединились съ Карманьолой для нападенія на городъ Геную. Осажденная съ моря и сухаго пути, республика для спасенія своего благосостоянія не только продала Ливорно флорентинцамъ, но и пожертвовала своей свободой. Дожъ Ѳома Грегозо добровольно сложилъ свое званіе, за что получилъ во владѣніе Сарцану, а Генуя признала миланскаго герцога своимъ сюзереномъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ признала верховное владычество французскаго короля. Граждане сохранили за собой самоуправленіе, но Карманьола, какъ нѣкогда Бусико, былъ назначенъ намѣстникомъ Генуи.

По соединеніи Генуи съ Миланомъ, только Венеція и Флоренція были въ состояніи противодѣйствовать дальнѣйшему распространенію могущества фамиліи Висконти; но вниманіе обѣихъ республикъ, казалось, было устремлено не на угрожавшую имъ изъ Милана опасность, а на другія предпріятія. Въ 1418 г., по окончаніи заключеннаго съ Сигизмундомъ перемирія (стр. 540), венеціанцы мало-по-малу подчинили себѣ владѣнія патріарха аквилейскаго, а когда въ 1412 г. весь Фріуль до Фельтре и Беллуно подпалъ ихъ владычеству, дѣятельно продолжали войну съ вассалами Сигизмунда въ Истріи, Далмаціи и Албаніи. Поэтому они не только не могли защитить противъ герцога миланскаго владѣтелей, основавшихъ себѣ княжества въ нѣкоторыхъ городахъ Ломбардіи, но даже заключили съ Филиппомъ-Маріей десятилѣтній миръ, по которому брали только подъ свою защиту Франциска Гонзагу Мантуанскаго и обязывали герцога не нападать ни на Пескіеру, ни на Мантую. Филиппъ-Марія еще прежде принудилъ Роланда Палавичини, владѣтеля Санъ-Донино, сдать городъ, потому что ему сдались на капитуляцію Росси и Пелегрини въ пармскихъ владѣніяхъ, наконецъ въ 1421 г. Николай д'Есте добровольно уступилъ ему городъ Парму, чтобы сохранить за собой хоть Реджіо, а Пандольфъ Малатеста, потерявъ Бергамо, былъ осажденъ въ Брешіи. Оставленный венеціанцами, онъ обратился съ просьбою о помощи къ своему брату Карлу Малатестѣ, владѣтелю Римини; Карлъ отправилъ къ нему значительное число своихъ наемниковъ, но, внезапно аттакованный Карманьолой, отрядъ этотъ былъ разсѣянъ, а предводитель его Людовикъ де Фермо взятъ въ плѣнъ. Пандольфъ долженъ былъ сдать городъ и получилъ позволеніе отправиться къ брату въ Римини. Одновременно съ Брешіей пала Крема, и Филиппъ-Марія сдѣлался наконецъ властителемъ всей Ломбардіи (1421 г.). Въ слѣдующемъ году миланскій тиранъ распространилъ свое владычество и на счетъ швейцарцевъ. Онъ занялъ городъ Домо д'Оссола и покупкою и насиліемъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ левантинскую долину. Въ то время въ этой долинѣ и другихъ проходахъ Сенъ-Готарда гарнизонъ содержался кантономъ Ури; но фамилія Руска, изгнанная Филиппомъ-Маріей изъ Комо и нѣкогда владычествовавшая въ Беллинцонѣ, оспаривала у швейцарцевъ право владѣнія левантинской долиною и за деньги уступила свои притязанія миланскому герцогу. Онъ тотчасъ же поручилъ предводителю кондоттьеровъ Аньоло делла Пергола занять долину гарнизономъ. Аньоло напалъ на швейцарцевъ, принудилъ ихъ къ отступленію, взялъ Беллинцону и занялъ левантинскую долину до подошвы Сенъ-Готарда. Это вовлекло страшныхъ итальянскихъ наемниковъ въ борьбу съ швейцарцами; всѣ союзники поспѣшили на помощь урійцамъ. Когда четыреста стрѣлковъ изъ различныхъ кантоновъ и три тысячи человѣкъ, вооруженныхъ аллебардами, перешли Сенъ-Готардъ, миланскій герцогъ отправилъ на помощь къ Апь-

оло делла Пергола Карманьолу со всѣми его наемниками. Искусные итальянскіе полководцы не пошли на встрѣчу союзникамъ, но спокойно выждали ихъ у Беллинцоны; 30 іюня 1422 г. произошло сраженіе у Арбедо. О немъ мы не можемъ много распространяться; но для знакомства со всѣми подробностями, составляющими существенную часть дѣла, совѣтуемъ нашимъ читателямъ прочесть описаніе сраженія въ третьей части исторіи Швейцаріи Іоанна фонъ Мюллера, составленное впрочемъ, по обыкновенію автора, съ большой аффектаціей. Швейцарцевъ было только 3400 человѣкъ, тогда какъ миланское войско состояло изъ 6 тысячъ всадниковъ въ латахъ и 18 тысячъ человѣкъ пѣхоты. Если со стороны швейцарцевъ было неблагоразумно начать сраженіе при такомъ неравенствѣ силъ, и къ тому же въ мѣстности и при условіяхъ благопріятныхъ миланцамъ, за то тѣмъ удивительнѣе, что они съ честью вышли изъ борьбы, хотя не одержали побѣды и потеряли много людей. Карманьола, щадя свое войско, далъ швейцарцамъ спокойно удалиться за Сенъ-Готардъ; такимъ образомъ левантинская долина осталась за Висконти. Сраженіе при Беллинцонѣ имѣло еще особенное значеніе для Италіи. Хотя швейцарцы и были побѣждены, но исходъ сраженія такъ испугалъ итальянскихъ кондоттьеровъ и ихъ предводителей, какъ будто они сами понесли пораженіе. Сражаясь между собой, предводители наемниковъ не только дѣйствовали всегда по всѣмъ правиламъ науки, отступая всякій разъ, когда видѣли себя побѣжденными въ стратегическомъ отношеніи, но между ними существовалъ еще обычай щадить жизнь всѣхъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ, которые, упавъ съ лошадей, не могли сражаться: они держались этого обычая взаимно, потому что войска были ихъ товаромъ и княжествами. Швейцарцы, напротивъ, убивали всѣхъ, кого могли, и потому въ сраженіи при Беллинцонѣ миланское войско понесло такой страшный уронъ въ людяхъ, что вся Италія была исполнена страха.

Въ слѣдующемъ году (1423 г.) Филиппъ-Марія, не обращая внимая на формальное условіе заключеннаго съ Флоренціей мира, поставилъ гарнизонъ въ Форли, а полководцы его вторгнулись въ Церковную область; все это вовлекло его въ войну и съ флорентинцами. Съ этого времени Венеція, Миланъ, Флоренція и Неаполь становятся въ военномъ отношеніи, въ политикѣ и дипломатическихъ переговорахъ, точно такъ же какъ по слогу и манерѣ своихъ государственныхъ бумагъ, образцомъ и примѣромъ для тогдашнихъ государствъ, до тѣхъ поръ пока современники Людовика XIV не создали новой французской государственной науки. По возвращеніи въ Неаполь, Альфонсъ V Арагонскій сталъ играть въ Италіи главную роль, и такимъ образомъ Испанія также была замѣшана въ итальянскія распри. Поэтому мы считаемъ нужнымъ сдѣлать краткій очеркъ событій, происходившихъ въ Испаніи съ 1390 г. (стр. 413).

4. Исторія Испаніи отъ Іоанны I Кастильской до ея внука Іоанна II.

Не смотря на безконечныя внутреннія распри, на постоянную войну съ маврами и жестокость своихъ правителей, Наварра, Арагонія, Кастилія и Португалія (въ особенности три послѣднія государства) достигли въ XIV столѣтіи такой же высокой степени процвѣтанія, какъ и Италія. Эти испанскія государства пользовались при этомъ всѣми выгодами учрежденій, соотвѣтствовавшихъ времени и обстоятельствамъ. Такъ въ Каталоніи и Арагоніи при Петрѣ IV (1348 г.) чрезмѣрное могущество грандовъ было дотого ограничено, что они уже не смѣли самоуправствовать и заключать союзы противъ своего короля, какъ венгерскіе магнаты до конца XVII (стр. 382). Въ этихъ государствахъ существовала особая должность для судебнаго разбирательства споровъ сословій съ королемъ и между собой. Это должностное лицо, носившее титулъ хустисіи (Justicia), и сравниваемое Шпиттлеромъ съ пфальцграфами древнихъ германскихъ королевскихъ дворовъ, было назначаемо королемъ; оно избиралось только изъ среды дворянства или рыцарства, но не изъ аристократовъ. Вмѣстѣ съ хустисіей присутствовали въ судѣ другія лица, подававшія въ извѣстныхъ случаяхъ голоса и составлявшія обязательные для него приговоры. Съ 1390 г. хустисія долженъ

былъ отдавать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ каждому собранію кортесовъ, для чего ими назначалась всякій разъ коммиссія, провѣрявшая всѣ его дѣйствія отъ одного сейма до другаго.

Сынъ и преемникъ Петра, Іоаннъ I (1387—1395 г.), выказалъ замѣчательный примѣръ добросовѣстности и уваженія къ правамъ, которыя онъ призналъ за сословіями и хустисіей: онъ удовлетворилъ ихъ жалобамъ на его дворъ и жену. Съ помощью большихъ доходовъ съ Каталоніи и Арагоніи, гдѣ въ то время искусства и ремесла, а въ особенности мореплаваніе и торговля, находились въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ въ остальной Европѣ, Іоаннъ организовалъ блестящій дворъ, устроивалъ дорогія охоты и тратилъ большія суммы на пѣвцовъ, музыку и каталонскую поэзію, основавъ для нея особыя школы. Его жена, дочь герцога Робера де Бара, желая, какъ она мечтала, придать болѣе утонченности строгимъ и простымъ нравамъ страны, окружила себя цѣлымъ дворомъ дѣвицъ дворянскаго происхожденія и позволяла своей любимицѣ Карросѣ де Виллараютъ вмѣшиваться, по французскому обычаю, даже въ государственныя дѣла. Все это оскорбляло строгихъ арагонцевъ. Они громко высказывали свое неудовольствіе на новые придворные нравы, на вліяніе королевы и женщинъ, и на веселую или, какъ обыкновенно выражаются, цивилизующую придворную жизнь высшихъ сословій. Вслѣдствіе того, вице-канцлеръ государства и хустисія Доминго Сердань потребовали отъ короля, чтобы онъ преобразовалъ дворъ и удалилъ Карросу, ея подругъ и родственницъ. Сначала Іоаннъ выслушалъ это требованіе съ большимъ неудовольствіемъ, но по прошествіи года исполнилъ его и подчинился законамъ, соблюдавшимся потомъ всѣми въ его государствѣ, тогда какъ въ сосѣднихъ странахъ спокойствіе и безопасность поддерживались только силою оружія. Дворъ былъ преобразованъ, а Карроса и другія подруги его жены удалены. Въ послѣдніе годы жизни Іоаннъ обратилъ все свое вниманіе на устройство значительнаго флота и на завоеваніе острововъ Сардиніи и Сициліи: первый изъ нихъ возсталъ противъ него, а на второй онъ пъявлялъ притязанія въ пользу своего племянника Мартина Младшаго, женившагося на наслѣдницѣ острова (стр. 430). Въ то время какъ отецъ Мартина Младшаго, герцогъ монблансній Мартинъ Старшій, былъ занятъ походомъ въ Сицилію и Сардинію, умеръ его братъ, король Іоаннъ, и онъ былъ призванъ къ наслѣдованію Арагоніей и Кастиліей.

Мартинъ Старшій (1395—1410 г.) вступилъ на престолъ вслѣдствіе постановленій, сдѣланныхъ прежними королями и утвержденныхъ Іоанномъ. Но Іоаннъ оставилъ дочерей, и мужъ старшей изъ нихъ, графъ де Фуа, оспаривалъ право королей распоряжаться престолонаслѣдіемъ такимъ образомъ, чтобы оно переходило къ брату короля помимо его дочерей. Для поддержанія своего притязанія, онъ нанялъ себѣ одну изъ тѣхъ страшныхъ дружинъ, которыя пріобрѣли извѣстность въ междоусобныхъ войнахъ французовъ, а впослѣдствіи въ Германіи и Швейцаріи, и назывались по имени предводительствовавшаго ими принца—арманьяками (стр. 600). Съ ними онъ вторгнулся въ Арагонію, но, еще до прибытія Мартина, былъ принужденъ отступить, благодаря мѣрамъ, принятымъ женою новаго короля. Возвратившись въ Арагонію, Мартинъ отправился сначала въ Авиньонъ для переговоровъ о расколѣ, а потомъ (1398 г.) отмстилъ графу де Фуа. Но, наказывая графа, онъ не позволилъ себѣ превысить законовъ и, по смерти его, не отнялъ у его вдовы и свояченицы ихъ огромныхъ владѣній. Мартину пришлось также усмирять внутреннія распри; въ то время даже лучшія учрежденія не могли водворить спокойствія, потому что всякій дворянинъ, владѣвшій помѣстьями и помогавшій защищать страну во главѣ своихъ вассаловъ, былъ въ состояніи не повиноваться законамъ. Война между Хименесомъ де Урака и Антоніо де Луна, двумя могущественнѣйшими грандами Арагоніи, привела въ движеніе все арагонское дворянство, раздѣлившееся на двѣ партіи; подобная же борьба рыцарскихъ фамилій происходила одновременно и въ Валенсіи. Между тѣмъ арагонскій флотъ одерживалъ побѣды въ Средиземномъ морѣ, и Мартинъ Младшій подчинилъ себѣ Сардинію и Сицилію. Онъ умеръ еще при жизни отца, и тогда оба острова соединились съ Арагоніей (стр. 430). Вскорѣ умеръ и Мартинъ Старшій, не оставивъ послѣ себя ни сыновей, ни братьевъ. По смерти его возникъ споръ за Арагонію, и сначала казалось, что она уже тогда

соединится съ Кастиліей. Это заставляетъ насъ бросить взглядъ на кастильскую исторію съ 1390 г., не вдаваясь однако въ ея подробности.

Въ Кастиліи царствовалъ въ то время Іоаннъ I, сынъ Генриха II. При немъ продолжалась война съ герцогомъ ланкастерскимъ, мужемъ одной изъ дочерей Петра Жестокаго, и съ королемъ португальскимъ, не имѣвшая другихъ послѣдствій, кромѣ опустошенія страны и вымогательства денегъ, обѣщанныхъ Кастиліей, чтобы избавиться отъ этихъ опустошеній. Оба противника не хотѣли признавать законности Генриха II и его сына, потому что Генрихъ былъ прижитъ не въ законномъ бракѣ, и только въ послѣдніе годы царствованія Іоанна I былъ заключенъ договоръ, по которому кастильскій престолъ упрочивался за потомствомъ Генриха, а португальскій король и дочери Петра Жестокаго должны были получить вознагражденіе (стр. 409). Съ португальскимъ королемъ Фердинандомъ Іоаннъ I Кастильскій примирился на томъ, что женился во второмъ бракѣ на его дочери Беатриче, получивъ обѣщаніе, что сынъ, который родится отъ нея, наслѣдуетъ португальскій престолъ (1383 г.). Съ герцогомъ ланкастерскимъ Іоаннъ заключилъ миръ только въ 1387 г.: онъ обѣщалъ женить своего старшаго сына, еще мальчика, или, въ случаѣ его смерти, своего втораго сына Фердинанда на дочери герцога, уплатить послѣднему громадную для того времени сумму въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, а его женѣ выдавать ежегодно значительную ренту. Договоръ, заключенный съ Португаліей, вызвалъ кровопролитную войну. По смерти Фердинанда португальцы не признали испанскаго инфанта своимъ королемъ, а призвали на престолъ побочнаго брата Фердинанда, Іоанна Незаконнорожденнаго; не смотря на ненависть къ правамъ арабовъ, въ Португаліи, какъ и въ Кастиліи, сохранялся обычай мосленновъ предоставлять сыновьямъ наложницъ одинаковыя права съ сыновьями законныхъ женъ, — обычай, возбуждавшій частыя войны за престолъ. Только по заключеніи упомянутаго договора съ герцогомъ ланкастерскимъ, поддержавшимъ португальцевъ противъ кастильцевъ, между Португаліей и Кастиліей былъ заключенъ прочный миръ. Окончивъ эту войну, Іоаннъ посвятилъ все свое вниманіе внутреннимъ дѣламъ государства, но внезапно умеръ на 33 году жизни, упавъ съ лошади (1390 г.).

Іоанну наслѣдовалъ его сынъ, Генрихъ III, одиннадцатилѣтній мальчикъ, прозванный за свое слабое тѣлосложеніе Болѣзненнымъ, по обычаю тогдашняго времени отличать королей и князей того же имени не числами, присоединенными къ ихъ именамъ, а прозваніями. Архіепископъ толедскій, игравшій по смерти Іоанна главную роль въ Кастиліи, устроилъ, что завѣщаніе его относительно опеки, изъ которой были исключены принцы крови и гроссмейстеръ ордена Св. Іакова, не было исполнено. Для избранія другихъ регентовъ были созваны сословія. Они ввѣрили управленіе регентству, во главѣ котораго стояли герцогъ де Бенавенте, побочный сынъ Генриха II, графъ трастамарскій Петръ и Алонсо Арагонскій маркизъ де Вильена, т. е. принцы крови и представители дворянства; ничего лучшаго и нельзя было ожидать въ тогдашнее время, при совершенномъ отсутствіи всякаго единства и централизаціи въ управленіи и при привычкѣ къ самоуправству и междоусобицамъ. Кромѣ этихъ лицъ въ правительственномъ совѣтѣ засѣдали съ правомъ голоса архіепископы Толедо и Сантіяго де Компостельи, гроссмейстеры ордена Св. Іакова и Калатравы и депутаты шестнадцати городовъ Кастиліи, пользовавшихся представительнымъ правомъ; такимъ образомъ правительство состояло изъ представителей высшаго дворянства, рыцарства и городовъ. Это устройство сдѣлалось источникомъ безконечныхъ распрей; всякій старался захватить власть въ свои руки, и правительство — а съ нимъ и все государство—раздѣлилось на двѣ партіи. Въ слѣдующемъ году сословія не только не могли провести мысль о необходимости учредить новое регентство изъ двухъ прелатовъ, четырехъ представителей аристократіи и шести городскихъ депутатовъ, но еще должны были согласиться на новое, еще болѣе неблагоразумное постановленіе. Согласно ему, первые шесть мѣсяцевъ года государствомъ управляли герцогъ де Бенавенте, архіепископъ толедскій, гроссмейстеръ ордена Св. Іакова Донъ Хуанъ Гуртадо де Мендоса, которому вмѣстѣ съ Донъ Педро Лопесомъ де Сунига было поручено воспитаніе и образованіе молодаго короля, остальные шесть — архіепископъ компостельскій, графъ де Хихонъ,

графъ трастамарскій и гроссмейстеръ ордена Калатравы. Послѣдствія подобнаго устройства не замедлили обнаружиться, и кортесы настояли на томъ, чтобы молодому королю были представлены распоряженія его отца относительно регентства и чтобы завѣщаніе было строго выполнено. Молодой король одобрилъ это, и сословія обратились къ архіепископу толедскому съ просьбою удалить герцога де Бенавенте и привести въ исполненіе завѣщаніе Іоанна; онъ потребовалъ себѣ за это такую громадную сумму, что невольно приходитъ въ голову вопросъ: изъ какихъ средствъ можно было бы удовлетворить государственнымъ расходамъ. Дѣйствительно, положеніе было затруднительно, тѣмъ болѣе что португальцы отъ времени до времени нападали на провинціи, а между дворянствомъ снова возобновилась междоусобица. Понявъ, что въ управленіи исчезло всякое единство и что вслѣдствіе корыстолюбія членовъ регентства финансы находятся въ страшномъ состояніи, а государственныя имущества растрачиваются и похищаются, молодой король Генрихъ II, болѣе сильный духомъ чѣмъ тѣломъ, рѣшился, не смотря на то, что ему было только 13 лѣтъ и десять мѣсяцевъ, провозгласить себя совершеннолѣтнимъ и взять въ свои руки управленіе государствомъ. Это онъ сдѣлалъ въ началѣ августа 1393 г., въ присутствіи членовъ регентства. Кортесы, собравшіеся въ Мадридѣ, одобрили рѣшеніе короля, который, полагаясь на сочувствіе народа, прибѣгнулъ тогда къ диктаторской революціонной мѣрѣ. Получивъ согласіе сословій на подать, извѣстную подъ именемъ алькавалы (стр. 381), и давъ имъ обѣщаніе не установлять безъ нихъ новыхъ налоговъ, Генрихъ объявилъ недѣйствительными всѣ распоряженія, сдѣланныя во время его несовершеннолѣтія относительно раздачи государственныхъ земель, и всѣ политическія обязательства, принятыя дворянами другъ передъ другомъ, освободивъ ихъ отъ данной имъ присяги. Не удайся подобная мѣра, она повела бы за собой страшную неурядицу, но за то при счастливомъ исходѣ ею возстанавливалось финансовое положеніе государства, главными доходами котораго были государственныя имущества и регаліи. Съ энергіей и осторожностью, которыми онъ обладалъ, не смотря на свою молодость и болѣзненность, Генрихъ, подъ руководствомъ архіепископа толедскаго, провелъ свою мѣру. Представители кастильской аристократіи, въ томъ числѣ и оба принца крови, взялись было за оружіе, чтобы возвратить себѣ земли, которыя у нихъ отнимали, и сохранить содержаніе свое въ томъ именно размѣрѣ, въ какомъ они его присвоили себѣ во время малолѣтства короля; но ихъ принудили покориться. Генрихъ усмирилъ сначала маркиза де Вильену, потомъ велѣлъ арестовать и посадить въ замокъ Альмодаваръ герцога де Бенавенте, не хотѣвшаго исполнять условій заключеннаго съ нимъ договора; графъ де Хихонъ долженъ былъ подчиниться третейскому приговору французскаго короля, и наконецъ молодой король принудилъ къ повиновенію графа трастамарскаго.

Съ такой же энергіей, искусствомъ и осторожностью дѣйствовалъ Генрихъ во все свое царствованіе. Онъ заставилъ Португалію не нарушать мира, прекратилъ морскіе разбои мавровъ, былъ грозою гранадскаго короля и распространилъ свою славу до отдаленныхъ земель. Даже завоеватель міра Тимуръ отправилъ къ нему посольство. Впрочемъ, намъ это кажется далеко не такою необыкновенною вещью, какъ испанскимъ лѣтописцамъ, чрезвычайно подробно разсказывающимъ объ этомъ событіи; они говорятъ, что послы явились въ Кастилію послѣ пораженія Баезида I и привезли съ собою двухъ венгерскихъ женщинъ, найденныхъ Тимуромъ въ Лагерѣ турецкаго султана. Мы не придаемъ этому посольству особаго значенія уже по одному тому, что Генрихъ сначала самъ отправилъ пословъ къ Тимуру, и слѣдовательно со стороны послѣдняго это было только простою учтивостью. По возстановленіи въ Кастиліи спокойствія и приведеніи въ порядокъ финансовъ, Генрихъ рѣшился соединить всѣ силы государства для похода въ Гранаду противъ невѣрныхъ. Въ 1406 г., когда уже всѣ приготовленія къ войнѣ были окончены, онъ такъ тяжело заболѣлъ, что не могъ даже открыть собранія сословій, созванныхъ въ Толедо. Это было сдѣлано его братомъ, Фердинандомъ, давшимъ тогда блистательный отчетъ въ управленіи Генриха. Предложенія, сдѣланныя Фердинандомъ кортесамъ относительно предпринимавшейся съ мухаммеданами войны, доказываютъ, какъ много сдѣлалъ король въ короткое время своего царствованія и какая разница была между маленькой Кастиліей и

огромной германской имперіей. Онъ требовалъ 10 т. тяжело-вооруженныхъ и 4 т. легковооруженныхъ всадниковъ, 50 т. пѣхоты, 50 парусныхъ судовъ и 30 галеръ, сообразное такому предпріятію число военныхъ машинъ и сто милліоновъ двѣсти тысячъ мараведисовъ (мараведи = 18 копѣйкамъ, но тогда цѣнность его была выше). Сословія утвердили требуемую сумму подъ тѣмъ условіемъ, чтобы король ассигновалъ на это предпріятіе изъ собственныхъ суммъ 45 милліоновъ; это условіе было исполнено. Въ продолженіе нѣкотораго времени война съ Гранадою велась съ успѣхомъ; но 25 декабря 1406 года умеръ Генрихъ на 28 году жизни. Изъ всѣхъ испанскихъ королей нѣтъ ни одного, котораго всѣ писатели хвалили бы единодушнѣе за его не столько блестящія, сколько существенныя качества, чѣмъ Генриха III. Они хвалятъ въ немъ кротость, справедливость, строгость въ поддержаніи королевской власти и уваженіе къ законамъ и правамъ, хотя въ началѣ своего правленія онъ дѣйствовалъ во имя того принципа, что благо цѣлаго народа должно быть высшимъ закономъ, передъ которымъ ничтожны всѣ приєвоенныя права и граматы. Смерть Генриха исполнила Кастилію величайшимъ унынiемъ, тѣмъ болѣе, что малолѣтство его единственнаго годоваго сына снова повергало въ анархію едва успокоенное государство.

Новому королю Іоанну II было всего четырнадцать мѣсяцевъ и потому сословія, для избѣжанія регентства, предложили корону брату умершаго короля, Фердинанду; но дядя былъ слишкомъ честенъ, какъ онъ и доказалъ въ теченіе всей своей жизни, чтобы похитить у племянника наслѣдованныя имъ права. Онъ отказался отъ предложенной ему короны, и Іоаннъ II былъ провозглашенъ королемъ. Даже опеки надъ малолѣтнимъ Фердинандъ не хотѣлъ брать на себя одного, но раздѣлилъ его со вдовою своего брата, Каталиною, дочерью герцога ланкастерскаго. Фердинандъ, какъ прежде его братъ, отлично управлялъ дѣлами Кастиліи до тѣхъ поръ, пока не оставилъ страны, чтобы вступить на арагонскій престолъ. Это повело за собой страшную неурядицу въ Кастиліи и впутало арагонцевъ при Фердинандѣ и его сынѣ Альфонсѣ V въ кастильскія распри.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію этихъ отношеній между двумя государствами, мы бросимъ взглядъ на цвѣтущее впѣшнее благосостояніе, въ которомъ находились тогда всѣ испанскія государства. Это время безсилія правительственной власти, когда всякій отдѣльный человѣкъ разсчитывалъ только на себя и довѣрялся только личной своей энергіи, дѣятельности и трудолюбію, — было въ Кастиліи, Арагоніи и Португаліи самымъ блистательнымъ періодомъ націи, погрузившейся впослѣдствіи, съ царствованія Филиппа II, въ сонъ. Въ то время какъ германскія сословія и короли, даже частью подозрѣваемые въ сочувствіи взглядамъ еретиковъ, спокойно смотрѣли на грабежъ Рима и едва осмѣливались представлять авизаменты и гравамины (стр.550—586) итальянцамъ, обправшимъ Германію, ультра-католическіе кастильцы умѣли сами оградить себя отъ злоупотребленій и насилій папской власти. Въ тотъ годъ, когда Генрихъ III объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, король и сословія Кастиліи отказали всѣмъ иностранцамъ въ церковныхъ доходахъ, предоставленныхъ имъ папою въ ихъ странѣ, и попытки папскаго легата замять дѣло остались напрасными. Впрочемъ наше удивленіе возбуждаетъ не одно это умѣнье установить правильныя отношенія между государствомъ и церковью и пресѣчь наглыя злоупотребленія папской власти. Еще замѣчательнѣе то, что посреди волненій и рыцарскихъ распрей того времени въ Испаніи образовался страшный флотъ, развились искусства, необходимыя моряку, и сдѣланъ цѣлый рядъ открытій, результатомъ которыхъ было открытіе морскаго пути въ Остъ-Индію и къ вестъ-индскимъ островамъ. Вслѣдствіе своихъ отношеній къ Неаполю и Сициліи, каталонцы и арагонцы направляли свою морскую торговлю и военные флоты преимущественно въ восточную часть Средиземнаго моря, борясь съ генуэзцами и венеціанцами за обладаніе моремъ и за торговлю по берегамъ Египта и Азіи; кастильцы и португальцы, напротивъ, плавали по Атлантическому океану. Еще въ 1314 г. кастильцы открыли Канарскіе острова, при чемъ папа Климентъ IV имѣлъ наглость подарить это обиталище невинныхъ мирныхъ жителей принцу Людовику де ла Серда. Впослѣдствіи путь къ Канарскимъ островамъ былъ забытъ; чтобы снова отыскать его, нужно было чрезъ полстолѣтіе предпринять новое путешествіе. Оно совершено было въ 1402 году, въ царствованіе Генриха III; съ него начинается рядъ испанскихъ и португальскихъ

морскихъ путешествій, предпринимавшихся не съ цѣлью установить торговлю и мирныя сношенія съ новыми землями, а съ цѣлью грабежа и завоеваній, и выгодныхъ метрополіи только до тѣхъ поръ, пока они возбуждали испанцевъ, какъ нѣкогда норманновъ, къ усиленной дѣятельности, къ замѣчательнымъ разбойничьимъ набѣгамъ и геройскимъ подвигамъ. Флотъ, снаряженный Генрихомъ III въ 1402 году, присталъ къ канарскому острову Лансеротѣ. Добыча, привезенная имъ въ Кастилію, была незначительна: она состояла изъ вина, воску, другихъ товаровъ и изъ 170 туземцевъ, съ которыми обращались какъ съ настоящими рабами; но за то путешественники составили такое восхитительное описаніе климата и произведеній Канарскихъ острововъ, что одинъ изъ потомковъ поселившагося во Франціи норманскаго разбойника напалъ на мысль основать тамъ такое же государство, какъ основалъ себѣ въ Англіи Вильгельмъ Завоеватель. По смерти Генриха III норманскій рыцарь, мореплаватель Жанъ де Бетанкуръ, предложилъ предпринять на собственный счетъ завоеваніе Канарскихъ острововъ, если ему дозволятъ управлять ими на правахъ кастильскаго вассала. По ходатайству французскаго адмирала Робера де Бракмона, мать малолѣтняго короля Іоанна II согласилась на предложеніе Бетанкура, отправившагося въ 1417 году къ Канарскимъ островамъ. Тамъ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ храбрыхъ жителяхъ и, не смотря на принятіе имъ королевскаго титула, прошло много временн, прежде чѣмъ всѣ жители были истреблены. Въ это время въ Португаліи вниманіе націи было обращено правительственнымъ домомъ не случайно, какъ въ Кастиліи, но съ намѣреніемъ, на распространеніе торговли и мореплаванія въ неизвѣстныхъ странахъ и на основаніе колоній и поселеній для ссыльныхъ по отдаленнымъ прибрежьямъ. Начало заморскихъ завоеваній у португальцевъ было положено храбрымъ коннетаблемъ Нуньо Альваресомъ Перейрой, которому Іоаннъ I Незаконнорожденный (стр. 411) былъ обязанъ тѣмъ, что отстоялъ престолъ противъ дочери своего своднаго брата и предшественника, жены Іоанна I Кастильскаго. Чтобы не оставлять безъ дѣла отряды, организованные имъ въ междоусобной войнѣ, Перейра предпринялъ завоеванія по ту сторону моря; въ 1415 г. онъ, король и его сыновья, Эдуардъ, Петръ и Генрихъ, высадились на берегахъ Африки, взяли приступомъ значительный въ то время городъ Сеуту, укрѣпили его и заселили христіанами. Съ этихъ поръ инфантъ Генрихъ герцогъ Визео и гроссмейстеръ ордена Христа, уже прежде много занимавшійся мореплаваніемъ, посвятилъ себя исключительно теоретическимъ занятіямъ по этому предмету вмѣстѣ съ практическимъ ихъ примѣненіемъ и необходимому для этого изученію математическихъ, физическихъ и астрономическихъ наукъ. Этотъ принцъ, знаменитый въ португальской исторіи подъ именемъ Генриха Мореплавателя, избралъ своимъ мѣстопребываніемъ отстоящій на одну милю отъ мыса св. Винцента альгарвійскій прибрежный городокъ Терка Набаль или, какъ его впослѣдствіи назвали португальцы, Вилья до Инфанте. Здѣсь, въ виду далекаго, еще не изслѣдованнаго океана, онъ собиралъ вокругъ себя изъ всѣхъ странъ людей, знакомыхъ съ мореплаваніемъ и математическими, механическими и мореходными науками, и отсюда снаряжалъ смѣлыя экспедиціи для открытій. Ему стоило большихъ трудовъ убѣждать моряковъ и капитановъ пускаться въ незнакомое имъ море съ ихъ неприспособленными къ плаванію по океану кораблями, изъ которыхъ самые большіе были въ сто тоннъ; они боялись, чтобы перпендикулярно падающіе лучи солнца не сожгли ихъ кораблей, чтобы предполагаемая магнитная гора не вытянула изъ нихъ гвоздей или, что было благоразумнѣе, боялись, такъ какъ въ то время не было картъ, не найти обратнаго пути. Поэтому всѣ посылаемые Генрихомъ мореплаватели плавали долгимъ и въ высшей степени опаснымъ путемъ по берегу, не осмѣливаясь пускаться далѣе мыса Боядора. Наконецъ Іоаннъ Гонзалесъ Сарко и Тристанъ Васъ рѣшились обойти этотъ мысъ. Разбитые бурей, они случайно открыли островъ Порто Санто и тотчасъ же возвратились. Инфантъ вторично отправилъ ихъ подъ руководствомъ знающаго человѣка, Бартоломея Перестрель, и въ это вторичное путешествіе была открыта Мадера. По всей вѣроятности, предпріятіе француза, занявшаго Канарскіе острова на правахъ кастильскаго вассала, способствовало путешествію португальцевъ, не хотѣвшихъ отставать отъ другихъ народовъ; предпріятіе французовъ началось въ 1417 г., а открытіе Мадеры произошло въ 1420 году.

5. Исторія Испаніи отъ Іоанна II Кастильскаго до втораго неаполитанскаго похода Альфонса V Арагонскаго.

Со смертью Арагонскаго короля Мартина Старшаго въ 1410 г. (стр. 626) пресѣклась прямая линія барселонскаго мужескаго колѣна династіи, владѣвшей Арагоніей, Каталоніей, Валенсіей, а съ 1409 г. Сициліей и Сардиніей. Такимъ образомъ возникъ вопросъ, кому изъ потомковъ арагонской принцессы принадлежитъ ближайшее право на упразднившійся престолъ. Наиболѣе основаній имѣли въ пользу себя притязанія трехъ лицъ: инфанта Кастиліи Фердинанда, сына сестры Мартина Старшаго, Людовика III Анжуйскаго и неаполитанскаго, мать котораго была младшею сестрой короля Іоанна I, и графа Іакова Урхельскаго, женатаго на одной изъ дочерей Петра IV и внука одного изъ братьевъ этого короля, слѣдовательно принадлежавшаго къ мужескому колѣну дома. Іаковъ Урхельскій былъ уже нѣкоторымъ образомъ признанъ въ Арагоніи законнымъ наслѣдникомъ короны: онъ былъ два раза (послѣдній разъ по случаю болѣзни Мартина) генеральнымъ намѣстникомъ государства, а эта должность по установившемуся обычаю предоставлялась только принцамъ крови или объявленнымъ наслѣдникамъ престола. Сословія Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи долго провѣряли притязанія различныхъ претендентовъ, а въ это время эти три государства были раздираемы партіями и распрями. Наконецъ (январь 1412 г.), сословія трехъ государствъ согласились предоставить рѣшеніе вопроса девяти человѣкамъ, т. е. тремъ отъ каждаго государства. Эти лица принадлежали къ духовному сословію и пользовались славою знатоковъ отечественнаго, римскаго и каноническаго правъ. Они съѣхались въ Каспэ на Эбро, куда претенденты на престолъ прислали своихъ уполномоченныхъ. Послѣ мѣсячнаго разбирательства дѣла и потомъ шестидневныхъ переговоровъ ученые рѣшили 28 іюня 1412 г., шестью голосами противъ трехъ, въ пользу инфанта Фердинанда Кастильскаго. Къ нему были тотчасъ же отправлены депутаты отъ трехъ государствъ; но каталонцы, по обычаю своего отечества, привѣтствовали его королемъ только тогда, когда онъ вступилъ на каталонскую землю.

Въ Арагоніи, точно также какъ въ Кастиліи, Фердинандъ отличался справедливостью, кротостью, обходительностью и мудрымъ правленіемъ. Графу Іакову Урхельскому онъ выказывалъ сначала все вниманіе, слѣдовавшее ему какъ члену королевской фамиліи и одному изъ важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ, но когда Іаковъ нарушилъ заключенный съ нимъ договоръ и призвалъ искателей приключеній, служившихъ у англичанъ въ Гіенни, Фердинандъ силою принудилъ его къ повиновенію. Іаковъ вторгся съ своими бандами въ Кастилію, опустошая и разоряя все на пути, но, не найдя поддержки въ каталонцахъ, не имѣя средствъ платить своимъ наемникамъ и оставленный англичанами, онъ принужденъ былъ подчиниться королю Фердинанду, выступившему противъ него съ кастильскими войсками. Фердинандъ объявилъ, что хотя онъ и заслужилъ смерть, но, какъ членъ королевской фамиліи, будетъ помилованъ, за нарушеніе же общественнаго спокойствія долженъ навсегда лишиться свободы (ноябрь 1413 г.). Іаковъ былъ отвезенъ въ Кастилію, а потомъ въ Арагонію (при Альфонсѣ V), и тамъ заключенъ въ темницу. Фердинандъ управлялъ одновременно тремя арагонскими государствами и Кастиліей, первыми какъ король, а послѣднею на правахъ опекуна регента. Учрежденія арагонскихъ государствъ были такъ свободны, что королевское званіе было пустою формою; въ Кастиліи, напротивъ, братъ Фердинанда Генрихъ III снова освободилъ горожанъ и крестьянъ отъ деспотизма духовенства и высшаго дворянства. Подъ конецъ жизни Фердинанда положеніе его сдѣлалось такъ натянуто, что, казалось, ему придется съ оружіемъ въ рукахъ бороться съ рыцарствомъ и привилегированными сословіями; но онъ умеръ во-время (1416 г.).

Сынъ и преемникъ Фердинанда, Альфонсъ V Мудрый, пріобрѣвшій впослѣдствіи, какъ неаполитанскій король, преобладающее значеніе во всей Италіи, тотчасъ по вступленіи на престолъ осуществилъ бы то, что было задумано его отцомъ въ концѣ царствованія, если бы не нашелъ удобнаго повода избѣгнуть

сначала столкновенія съ феодальными сословіями, а потомъ на все время своего царствованія предоставить женѣ своей Маріи, дочери Генриха III Кастильскаго, борьбу съ гордымъ высшимъ сословіемъ, съ духовными, рыцарями и горожанами Каталоніи, Арагоніи и Валенсіи, не хотѣвшими уступать своихъ привилегій. Маріи было легче справиться съ сословіями, чѣмъ ея мужу, потому что въ странѣ каталонской пѣсни и gaya ciencia или веселой науки (стр. 627), почтеніе къ женщинѣ могло сдѣлать болѣе чѣмъ оружіе и королевская власть. Лишь только Альфонсъ вступилъ на престолъ и устроилъ свой дворъ въ Валенсіи (començoa ordenar los officios de su casa por la orden que lo hizieron los reyes sus predecessores), бароны, рыцари, города и различныя мѣстечки Каталоніи выказали свое неудовольствіе на раздачу должностей и рѣшили отправить къ молодому королю многочисленную депутацію съ протестомъ. Уже одно это не понравилось Альфонсу (fue esta platica muy enojosa al rey su nueva succession); но онъ разсердился еще болѣе, когда къ депутаціи каталонскихъ бароновъ и города Барселоны присоединились послы Сарагоссы и Валенсіи, потребовавшіе, чтобы онъ удалилъ изъ своей службы всѣхъ кастильцевъ и далъ своему двору и государству требуемое ими устройство. Король не принялъ пословъ и велѣлъ имъ отвѣтить, что онъ устроилъ свой дворъ по образцу своихъ предшественниковъ, нѣсколько же кастильцевъ, находившихся при немъ, сохранилъ потому, что они не имѣли другаго убѣжища и никакихъ средствъ къ жизни, а между тѣмъ съ давнихъ поръ были его любимцами и слугами; что же касается требованія пословъ, чтобы онъ устроилъ свой дворъ согласно ихъ совѣту, на это онъ отвѣчалъ имъ, что всегда будетъ руководствоваться здравыми соображеніями, а не совѣтомъ тѣхъ, которые соединились теперь чтобы заставить его подчиниться ихъ волѣ и дать мѣста ихъ родственникамъ и людямъ партій (de lo qual se podrian seguir diversas dissensiones y parcialidades y grandes rancores). Когда нѣкоторые изъ депутатавъ дворянства, подъ тѣмъ предлогомъ, что права и нравы ихъ страны позволяютъ имъ говорить все открыто (con color que por constitucion y costumbre del principado lo podian hazer), стали дерзко возражать королевскому совѣтнику, Альфонсъ приказалъ тому лицу (el Veguer), противъ котораго они возставали, арестовать ихъ. Не удаливъ никого изъ придворныхъ по одному требованію недовольныхъ, онъ тотчасъ уволилъ тѣхъ изъ высшихъ лицъ, удаленіе которыхъ было вполнѣ законно; такимъ образомъ его дѣйствія, вызвавъ неудовольствія, не возбудили однако волненія. Такъ напримѣръ, по приказанію и за подписью (firma) хустисіи Арагоніи, былъ удаленъ отъ должности генеральнаго судьи королевства кастилецъ Альваро де Гаравита, а по представленію многихъ членовъ посольства отъ Барселоны и нѣкоторыхъ рыцарей изъ Валенсіи былъ смѣщенъ президентъ уголовнаго суда города Валенсіи, Луисъ Видаль.

Въ 1419 г. событія въ Италіи представили молодому королю удобный случай, пользуясь вооруженіемъ и флота и войска, занять недовольныхъ рыцарей, города и владѣтелей или, по крайней мѣрѣ, держать около себя важнѣйшихъ изъ нихъ заложниками. Въ Неаполѣ братъ арагонскаго короля донъ Хуанъ былъ предложенъ въ мужья королевѣ Іоаннѣ II; хотя Пандольфелло Алопо и съумѣлъ разстроить дѣло (стр. 611), но Хуанъ все-таки отправился въ Сицилію. Долгое пребываніе его на этомъ островѣ показалось подозрительнымъ, и онъ былъ отозванъ въ Арагонію. Вскорѣ вспыхнуло волненіе въ Сициліи и въ то же время отпалъ островъ Сардинія, а Корсика была завоевана генуэзцами, оспаривавшими у каталонцевъ и венеціанцевъ морское владычество на Востокѣ и участіе въ тамошней торговлѣ. Вслѣдствіе этихъ событій Альфонсъ снарядилъ экспедицію, ближайшей цѣлью которой было подчиненіе Корсики и Сардиніи (май 1419 г.). Въ этомъ походѣ ему дѣятельно помогали три арагонскія государства изъ жажды военной славы, вражды къ Генуѣ и зависти къ ея торговлѣ. Мы уже говорили (стр. 615), что, запутанный въ неаполитанскія дѣла, онъ оставался въ Италіи до тѣхъ поръ, пока угрожавшая война съ Кастиліей не потребовала его присутствія въ Испаніи. Въ 1423 г. Альфонсъ воротился въ Арагонію, оставивъ братьевъ дона Педро и дона Фридриха защищать въ Неаполѣ его права.

Кастильскимъ королемъ былъ въ то время малолѣтній сынъ Генриха III Іоаннъ II, продолжительное правленіе (1406 — 1454 г.) котораго было впослѣдствіи занято междоусобной войною. Опекою управляли сначала его дядя

Фердинандъ и мать Каталина, а потомъ она одна; въ это время въ Кастиліи не происходило значительныхъ волненій, кромѣ такихъ, которыя были неизбѣжно связаны съ устройствомъ и учрежденіями средневѣковыхъ государствъ. Королева-мать пьянствовала, что, впрочемъ, кажется, не имѣло особенно вредныхъ послѣдствій для государственныхъ дѣлъ и было гибельно для нея одной, потому что она умерла отъ удара въ 1417 г. По смерти Каталины главнаго участія въ управленіи съ помощью интригъ и раздора партій добивались два брата короля арагонскаго Альфонса V, не имѣвшіе ни качествъ, ни талантовъ, необходимыхъ для этого: донъ Хуанъ и донъ Генрихъ, наслѣдовавшіе въ Кастиліи громадныя владѣнія своего отца и отчасти его вліяніе; первый изъ нихъ сдѣлался впослѣдствіи королемъ Наварры черезъ женитьбу съ наслѣдницею ея, Бланкою. Донъ Генрихъ убѣдилъ тринадцатилѣтняго Іоанна объявить себя совершеннолѣтнимъ и провозгласить королемъ. Не дурной по природѣ, Іоаннъ II не обладалъ однако правительственными способностями своего отца и въ теченіе тридцати лѣтъ оставался игрушкою своихъ приближенныхъ. Самыми замѣчательными изъ людей, управлявшихъ его именемъ или стоявшихъ во главѣ тѣхъ партій, которыя силою или хитростью овладѣли его личностью и подписью, были оба пазванные арагонскіе принца, Хуанъ Фернандесъ Пачеко и Альваро де Луна. Впрочемъ послѣдняго, не смотря на его родство съ папою Бенедиктомъ XIII, кардиналомъ Альборносомъ и другими знаменитыми людьми того времени, пересчитываемыми испанскимъ историкомъ Суритою, въ Кастиліи не считали за человѣка знатнаго происхожденія. По словамъ Суриты, на него смотрѣли какъ на выскочку, какъ на перваго и послѣдняго изъ своего рода, пріобрѣвшаго извѣстность только потому, что отецъ его занималъ въ послѣднее царствованіе важныя должности. Намъ кажется—и такъ думаетъ Шпиттлеръ,—что единственнымъ великимъ человѣкомъ при дворѣ интригановъ принцевъ и аристократовъ былъ Альваро. Читая у историка Маріаны, хорошо знавшаго, какъ въ то время обыкновенно воспитывали знатныхъ, королевскихъ и княжескихъ дѣтей и какъ ихъ должно бы воспитывать, описаніе системы воспитанія молодаго короля, удивляешься еще, что Іоаннъ хоть иногда прибѣгалъ къ совѣтамъ такихъ людей какъ Альваро де Луна, безкорыстія и нравственныхъ принциповъ котораго мы впрочемъ тоже не станемъ выхвалять. Маріана говоритъ: мать короля держала своего сына сначала какъ въ клѣткѣ; онъ былъ высокій мальчикъ, непріятной наружности, мягкій, тихій, охотно занимавшійся играми; онъ страстно любилъ охоту, умѣлъ дѣйствовать копьемъ и сочинять стихи, былъ свѣдущъ въ наукахъ и охотно присутствовалъ при бесѣдахъ ученыхъ; но выйдя изъ темноты или, такъ сказать, изъ утробы матери въ свѣтъ, онъ оказался неспособнымъ ни думать, ни дѣйствовать (perpetuo hallucinatus est, magnitudine negotii obruebatur animus, aulicorum semper obnoxius imperio).

Въ 1420 г. арагонскій принцъ донъ Генрихъ похитилъ короля изъ дворца, гдѣ его охранялъ Альваро де Луна, соединившійся тогда съ Генрихомъ и помогавшій его замысламъ; въ награду за услугу онъ былъ оставленъ у короля и получилъ графство. Похищеніе короля поссорило Генриха съ братомъ донъ Хуаномъ. Вслѣдъ за этимъ поступкомъ Генрихъ женился на сестрѣ Іоанна II Каталинѣ, долго сопротивлявшейся и насильно исторгнутой изъ монастыря, куда она бѣжала послѣ похищенія брата, и получилъ въ приданое герцогство Вильену. Вскорѣ однако при содѣйствіи Альваро де Луна король освободился бѣгствомъ изъ рукъ Генриха. Около Альваро собралось значительное войско тѣхъ изъ владѣтелей, которые держали сторону короля; къ нимъ присоединился братъ дона Генриха Хуанъ, и король объявилъ, что герцогство незаконно присвоено инфантомъ Генрихомъ. Видя невозможность бороться съ наемниками враговъ, Генрихъ вступилъ въ 1422 г. въ переговоры. Онъ долго не рѣшался отправиться въ Мадридъ, гдѣ собрались депутаты дворянства и городовъ для обсужденія его притязаній на Вильену; когда же наконецъ въ іюлѣ 1422 г. онъ пріѣхалъ туда, его схватили по повелѣнію короля и посадили въ башню дворца (Алькасаръ), гдѣ онъ и содержался долго въ заключеніи. Между тѣмъ у его брата Хуана, женатаго на дочери и наслѣдницѣ наваррскаго короля, родился сынъ, и его тесть тотчасъ же велѣлъ провозгласить ребенка княземъ віанскимъ, т. е. наслѣднымъ принцемъ Наварры. Плѣнъ Генриха заставилъ короля Альфонса V вернуться изъ Италіи. Его жена, управлявшая за него Арагоніей, хлопотала объ освобожденіи Генриха, но

когда ея усилія остались напрасными, потребовала, чтобы мужъ вернулся въ Арагонію. Альфонсъ выѣхалъ изъ Неаполя въ октябрѣ 1423 г., въ то время когда герцогъ миланскій, флорентинцы и папа соединились съ его противникомъ, Людовикомъ III Анжуйскимъ. На возвратномъ пути онъ отмстилъ провансальцамъ за помощь, оказанную ими его врагу Людовику Анжуйскому, взятіемъ ихъ столицы. Съ флотомъ изъ 18 галеръ и 12 парусныхъ судовъ онъ осадилъ и взялъ могущественный, богатый и населенный городъ Марсель. При сравненіи этой осады Марселя съ происходившею тридцать лѣтъ спустя осадою Константинополя оказывается, что въ морскихъ и военныхъ наукахъ османы стояли ниже каталонцевъ. Орудія послѣднихъ не такія колоссальныя, какъ турецкія, были гораздо удобнѣе и дѣйствовали лучше, и если каталонцы не удивляли тѣмъ, что не перевозили своихъ кораблей сухимъ путемъ во внутреннія гавани, за то они умѣли разрывать тяжелыя цѣпи, находившіяся у входа въ гавани. Эти цѣпи были вывѣшены потомъ какъ трофеи въ соборѣ Валенсіи.

Споръ съ Кастиліей задержалъ короля Альфонса гораздо долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Къ главному вопросу, освобожденію Генриха, присоединилось еще требованіе кастильскаго правительства о выдачѣ всѣхъ кастильскихъ эмигрантовъ, находившихъ убѣжище и защиту въ Валенсіи, Каталоніи и Арагоніи и оттуда производившихъ набѣги на Кастилію. Переговоры по этимъ двумъ вопросамъ тянулись въ продолженіе всего 1424 года, но не привели ни къ какому соглашенію; поэтому въ слѣдующемъ году обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Время этого спора съ минуты заключенія Генриха, было временемъ могущества Альваро де Луны. Въ его рукахъ находились власть и король; онъ былъ, что рѣдко встрѣчается, фаворитомъ и оракуломъ короля и въ то же время любимцемъ народа (en la estimacion de sus virtudes y partes se conformava bien con el juyzio del principe la opinion de las gentes), на него сыпались милости и земли. Король назначилъ его коннетаблемъ Кастиліи, а въ 1425 года Альваро вмѣстѣ съ нимъ крестилъ, т. е. былъ вторымъ крестнымъ отцомъ Карла, сына наваррскаго короля; въ томъ же году онъ вмѣстѣ съ двумя другими высшими сановниками Кастиліи былъ воспріемникомъ сына кастильскаго короля, впослѣдствіи короля Генриха IV. Въ 1425 г. Альфонсъ издалъ въ Сарагоссѣ прокламацію, объявляя въ ней, что намѣренъ двинуться съ войскомъ въ Кастилію, чтобы положить конецъ тираніи Альваро де Луны, держащаго въ своей зависимости короля и разъединеніемъ партій производящаго неурядицу въ странѣ. Но тогда Іоаннъ Наваррскій принялъ на себя роль посредника, а вслѣдъ за тѣмъ съѣхались на совѣщаніе представители высшихъ сословій Наварры, Арагоніи и Кастиліи для переговоровъ объ условіяхъ примиренія ихъ королей. Короли должны были согласиться на предложенныя ими условія и заключили договоръ, окончившій споръ. На основаніи условій этого мира, донъ Генрихъ былъ освобожденъ и получилъ всѣ свои помѣстья и лены, но долженъ былъ дать новую клятву въ вѣрности кастильскому королю. Всѣмъ его приверженцамъ тоже были возвращены конфискованныя у нихъ помѣстья, а король Альфонсъ обязался, что его братъ Генрихъ не будетъ мстить лицамъ, участвовавшимъ въ его арестованіи и содержаніи въ тюрьмѣ.

Этотъ договоръ естественно долженъ былъ породить новые споры, на долго задержавшіе короля Альфонса въ Испаніи. Одного изъ его братьевъ, Іоанна Наваррскаго, кастильскій король постоянно подозрѣвалъ во враждебныхъ замыслахъ; другой, Генрихъ, былъ въ открытой и тайной враждѣ съ коннетаблемъ Альваро де Луна; неудовольствіе принцевъ и аристократовъ Кастиліи на могущество временщика продолжалось, и отъ Іоанна II постоянно требовали измѣненія распоряженій Альваро, направленныхъ къ тому, чтобы съ одной стороны оградить короля отъ насилія, а съ другой — имѣть возможность поддерживать свое значеніе щедростью и блескомъ. Іоаннъ Кастильскій долженъ былъ уменьшить число своихъ тѣлохранителей до 400 человѣкъ и, вынужденный требованіями сословій, обязался не раздавать въ теченіе двадцати пяти лѣтъ никакихъ новыхъ милостей, не замѣщать упразднившихся должностей и не назначать пенсій, если онѣ не были наслѣдственными. Сословія, недовольныя тѣмъ, что въ совѣтѣ короля состоятъ пятьдесятъ шесть лицъ, хотѣли также уменьшить число королевскихъ совѣтниковъ. Противники Альваро опирались на арагонскую партію, и король Альфонсъ,

пока онъ оставался въ Испаніи, былъ центромъ всѣхъ интригъ; поэтому арагонскій лѣтописецъ Сурита приписываетъ Альваро самыя дурныя намѣренія, обвиняетъ его въ преступныхъ замыслахъ и планахъ, и даже утверждаетъ, что онъ соблазнилъ королеву и хотѣлъ убить короля, что намъ кажется и несправедливымъ и неправдоподобнымъ. Волненія въ Кастиліи продолжались три года; Іоанну Наваррскому и его брату Генриху помогали Альфонсъ и многочисленные враги Альваро; всякій порядокъ исчезъ и могъ поддерживаться только мѣрами, вызывавшими страшную месть. Оба арагонскіе принца и Альваро не смѣли являться ко двору безъ конвоя, и для переговоровъ другъ съ другомъ сходились не въ закрытыхъ зданіяхъ, а—какъ предводители двухъ враждебныхъ войскъ—только въ открытомъ полѣ. Наконецъ одному францисканцу, слывшему за святаго, удалось довести Альваро и его противниковъ дотого, что они согласились передать все дѣло на разсмотрѣніе четырехъ избранныхъ ими посредниковъ (1427 г.). Альваро избралъ кастильскаго адмирала и Фернандо Алонсо де Робіа, а наваррскій король и его партія — гроссмейстера ордена Калатравы и Педро Манрике; эти четыре посредника предложили пріору бенедиктинскаго монастыря, въ которомъ они собирались, быть суперъ-арбитромъ. Третейскій судъ постановилъ, что Альваро долженъ удалиться на 15 миль отъ двора и не показываться въ теченіе 18 мѣсяцевъ, а приверженцы его должны совершенно оставить дворецъ. Рѣшеніе это было приведено въ исполненіе, но король поддерживалъ постоянныя сношенія съ Альваро и былъ глубоко оскорбленъ насиліемъ инфанта и его креатуръ, пользовавшихся его слабостью. Приверженцы этой партіи также распоряжались государствомъ, какъ хотѣли, и вся страна сдѣлалась жертвою междоусобицъ. Вслѣдствіе этого еще въ 1428 г. сами инфанты, чтобы хоть нѣсколько возстановить порядокъ и законы, убѣдили короля возвратить коннетабля. Лишь только Альваро снова явился ко двору, инфанты стали заискивать его расположенія и между ними самими возникла такая распря, что король принужденъ былъ удалить ихъ вмѣстѣ съ ихъ тѣлохранителями. Въ это время вернулся изъ Неаполя третій братъ короля Альфонса донъ Педро и своимъ появленіемъ еще болѣе запуталъ дѣла.

Чтобы защитить трехъ своихъ братьевъ и приверженцевъ ихъ отъ слабаго короля Іоанна или, какъ говорили онъ и инфанты, отъ Альваро де Луна, Альфонсъ рѣшился наконецъ начать новую войну съ Кастиліей. При этомъ арагонскій король доказалъ, что онъ также хорошо знаетъ и умѣетъ управлять арагонцами, какъ Альваро де Луна кастильцами. Когда Альфонсъ готовился начать походъ для поддержанія честолюбивыхъ цѣлей своихъ братьевъ, желавшихъ управлять слабымъ кастильскимъ королемъ, Альваро склонилъ на свою сторону арагонскую партію, къ которой принадлежали важнѣйшіе арагонскіе гранды, въ томъ числѣ архіепископъ сарагосскій, одинъ францисканецъ и сынъ прежняго короля Сициліи Мартина Младшаго. Съ этой кастильской партіей, дѣйствовавшей противъ короля, Альфонсъ поступилъ совершенно по военному и тотчасъ усмирилъ ее. Такъ напримѣръ, онъ потребовалъ къ себѣ архіепископа сарагосскаго, который съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти; о его смерти узнали только впослѣдствіи, когда велѣно было избрать ему преемника. Въ 1429 г. Альфонсъ соединилъ свое войско съ войскомъ своего брата, наваррскаго короля, и уже на встрѣчу имъ выступилъ Альваро де Луна съ своими кастильцами, когда папскій легатъ кардиналъ де Фуа и арагонская королева Марія, сестра кастильскаго короля, сдѣлали новую попытку примирить предводителей непріятельскихъ войскъ. Но удовлетворить дона Генриха и двухъ другихъ инфантовъ было трудно; къ тому же арагонскій и наваррскій короли не переставали возбуждать всѣхъ недовольныхъ кастильцевъ, и потому Іоаннъ Кастильскій, по совѣту Альваро, еще въ 1429 году вторгнулся съ страшнымъ войскомъ въ Арагонію. Мы конечно далеко не безусловно вѣримъ числовымъ показаніямъ нѣкоторыхъ писателей, но приведемъ ихъ, чтобы показать, какъ описывали въ то время могущество Кастиліи. Говорятъ, что войско, съ которымъ Іоаннъ Кастильскій и его коннетабль вторгнулись въ Арагонію, состояло изъ 2 тыс. всадниковъ и 60 тыс. человѣкъ пѣхоты. Кастильцы жестоко опустошили Арагонію, но видя, что ни Альфонсъ, ни наваррскій король не выступаютъ противъ нихъ, вернулись въ августѣ къ границамъ своего государства. Слѣдующей весной (1430 г.) Альфонсъ сталъ готовиться къ новому походу въ Кастилію. Альваро де Луна старался разстроить его планы своими свя-

зями въ Арагоніи, но по исчезновеніи архіепископа сарагосскаго арагонскіе его приверженцы не могли ничего сдѣлать противъ короля и сильнѣйшій изъ нихъ долженъ былы бѣжать въ Кастилію. Съ другой стороны и Альфонсъ Арагонскій не достигъ своей цѣли; сословія хотя и согласились дать ему денегъ для похода, но подобно кастильскимъ сословіямъ не хотѣли жертвовать многимъ для личныхъ и фамильныхъ интересовъ короля. Поэтому Альфонсъ рѣшился лучше возстановить свое вліяніе въ Италіи, чѣмъ начинать изъ-за инфанта Генриха новую войну съ своимъ зятемъ. Вмѣстѣ съ наваррскимъ королемъ онъ предложилъ кастильцамъ заключить миръ, соглашаясь не поддерживать болѣе своихъ братьевъ дона Генриха и дона Педро, если въ свою очередь кастильскій король не будетъ настаивать на возвращеніи своихъ друзей, бѣжавшихъ къ нему изъ Арагоніи, но оставитъ ихъ въ Кастиліи. Въ іюлѣ 1430 г. было заключено пятилѣтнее перемиріе и обѣ стороны согласились предоставить рѣшеніе спорныхъ вопросовъ четырнадцати третейскимъ судьямъ. Изъ послѣдняго обстоятельства и отказа каталонскихъ сословій въ войскѣ и деньгахъ для похода въ Кастилію очевидно, что это перемиріе было только слѣдствіемъ отвращенія сословій отъ фамильной войны. Гораздо блистательнѣе той роли, которую Альфонсъ игралъ въ Испаніи послѣ возвращенія изъ Италіи, была дѣятельность его въ Италіи по заключеніи перемирія съ Кастиліей: ею онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу и прозваніе Мудраго.

6. Италія съ возвращенія Альфонса V въ Арагонію до его смерти.

По отъѣздѣ арагонскаго короля и обоихъ его братьевъ, дона Педро и дона Фридриха, власть въ Неаполѣ перешла не къ королевѣ Іоаннѣ и не къ ея пріемышу Людовику III Анжуйскому, но къ великому сенешалу Караччіоли, его родственникамъ и креатурамъ (стр. 617). Людовикъ Анжуйскій, не имѣвшій никакого значенія, былъ удаленъ; ему была отдана вся Калабрія, но съ обязательствомъ не являться ко двору. Великій сенешалъ тиранствовалъ въ государствѣ и надъ королевою; онъ и его родственники присвоивали себѣ одно владѣніе и княжество за другимъ, и королевѣ, когда она не соглашалась на новые подарки, жестоко доставалось отъ Караччіоли. Великій сенешалъ былъ сдѣланъ герцогомъ венозскимъ, графомъ авеллинскимъ и владѣтелемъ Капуи, и только потому не назывался графомъ капуанскимъ, что этотъ титулъ принадлежалъ наслѣдному неаполитанскому принцу. По смерти папы Мартина V Караччіоли потребовалъ также герцогство Амальфи и княжество салернское, принадлежавшее его родственникамъ и отнятое у нихъ Іоанною. Пока страсти были сильны, королева легко сносила деспотизмъ Караччіоли и его грубое обращеніе, но съ лѣтами чувственная связь, соединявшая ее съ временщикомъ, ослабѣла и она стала искать себѣ утѣшенія у своей племянницы, герцогини де Суэсса, жившей при ея дворѣ. Съ 1428 г. Караччіоли началъ обращаться съ королевой какъ съ подчиненной и привлекъ на свою сторону предводителя ея войска Джакопо Кальдору и могущественнаго князя тарентскаго, выдавъ одну изъ своихъ дочерей за сына перваго, Антоніо Кальдору, а другую за брата втораго, Габріеля Урсино. Разсчеты его не оправдались: ни Кальдора, ни князь тарентскій не были людьми, которые для достиженія своихъ цѣлей остановились бы передъ родственными связями или чувствомъ благодарности. Уже въ самый годъ женитьбы Габріеля Урсино на дочери Караччіоли (1430 г.) его братъ явился во главѣ недовольныхъ неаполитанцевъ, вступившихъ въ сношенія съ Альфонсомъ V Арагонскимъ, и въ сентябрѣ отправилъ пословъ въ Валенсію, чтобы отъ своего имени и имени многихъ другихъ неаполитанскихъ аристократовъ просить Альфонса явиться съ войскомъ въ Неаполь. Также точно и Джакопо Кальдора, не смотря на всѣ оказываемыя ему милости, былъ готовъ снова перейти на сторону арагонской партіи. Составитель неаполитанской лѣтописи, написанной по-итальянски, высказываетъ по этому по воду чрезвычайно рѣзко свое негодованіе противъ главнокомандующаго королевскими войсками, торговавшаго подобнымъ образомъ своею вѣрностью. Великій сенешалъ старался привязать къ себѣ стараго разбойника новыми узами и женилъ

единственнаго своего сына на дочери Джакопо Кальдоры. На свадьбѣ своей дочери, праздновавшейся поцарски, Кальдора не присутствовалъ, боясь, какъ даетъ понять упомянутый лѣтописецъ, какой нибудь ловушки (ma il volpone di Jacopo non ci volse venire).

Альфонсъ еще въ 1426 г. завязалъ переговоры съ герцогомъ миланскимъ, но когда Филиппъ-Марія потерялъ Геную и не могъ оказать ему помощи на морѣ, арагонскій король заключилъ союзъ съ партіей недовольныхъ неаполитанцевъ. Подъ предлогомъ похода противъ Туниса, онъ поплылъ съ флотомъ изъ 22 галеръ и множества большихъ кораблей въ Мессину, куда прибылъ 6 іюня 1432 г., а оттуда направился къ берегамъ Африки. Во время его пребыванія въ Африкѣ, Караччіоли восемь дней сряду праздновалъ въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ имѣлъ свои комнаты, свадьбу своего сына. Въ послѣдній день этихъ пировъ (17 августа 1432 г.) великій сенешалъ былъ убитъ приверженцами герцогини суэсской. Поводомъ къ убійству послужилъ споръ Караччіоли съ королевою изъ-за княжествъ Амальфи и Салерно. Упорный отказъ Іоанны подарить ему эти княжества привелъ его въ бѣшенство; онъ оскорбилъ королеву, напомнивъ ей о прежней ихъ связи (такъ думаетъ неаполитанскій лѣтописецъ, говоря: uso alcune parole dishoneste contro la regina). Герцогиня суэсская, слышавшая эту сцену изъ сосѣдней комнаты, убѣдила королеву, которую она застала въ страшномъ волненіи и слезахъ, арестовать своего прежняго любимца. Этого только и ждали Оттолино де Караччіоло Россо и другіе приверженцы герцогини; они проникли ночью въ спальню великаго сенешала и умертвили его; королевѣ же было сказано, что онъ былъ убитъ, сопротивляясь аресту съ оружіемъ въ рукахъ. Извѣстіе это въ первую минуту очень опечалило Іоанну; но вслѣдъ затѣмъ она оправдала поступокъ убійцъ и велѣла конфисковать имѣнія Караччіоли, потому что онъ, какъ было объявлено въ изданномъ по этому поводу декретѣ, былъ бунтовщикъ. Сынъ Караччіоли, его родственники и креатуры тоже были арестованы, а его дворцы и имѣнія отданы, по турецкому обычаю, на разграбленіе черни. Смерть Караччіоли открыла Альфонсу путь къ возвращенію въ Неаполь; о возвращеніи же Людовика Анжуйскаго ко двору не могло быть и рѣчи, потому что этому противилась и герцогиня суэсская, желавшая такъ же самовластно управлять королевою, какъ прежде сенешалъ. Пріобрѣвъ нѣкоторый успѣхъ въ борьбѣ съ невѣрными и отнявъ у тунисцевъ островъ Джербе, Альфонсъ вернулся въ октябрѣ въ Мессину и оттуда началъ переговоры съ герцогиней. Герцогиня старалась убѣдить Іоанну отмѣнить усыновленіе Людовика Анжуйскаго, имѣвшаго еще довольно много приверженцевъ въ государствѣ, и снова усыновить арагонскаго короля. Между тѣмъ Людовикъ Анжуйскій занялъ всю Калабрію и въ союзѣ съ Джакопо Кальдорою велъ борьбу съ могущественною фамиліею Орсини, преимущественно съ однимъ изъ членовъ ея, владѣтелемъ Тарента. При неаполитанскомъ дворѣ за него особенно энергично хлопоталъ Урбанъ Чимино, пользовавшійся у слабой королевы такимъ же вліяніемъ, какъ герцогиня суэсская. Въ декабрѣ 1432 г. Альфонсъ занялъ островъ Искію и, оставаясь на немъ до февраля, велъ оттуда переговоры съ Неаполемъ; но своей цѣли онъ все-таки не достигъ. Надѣясь съ помощью приверженцевъ герцога добиться того, чего не могла или не хотѣла сдѣлать герцогиня, Альфонсъ вступилъ въ сношенія съ герцогомъ суэсскимъ и этимъ только повредилъ себѣ, потому что герцогиня жила въ разладѣ съ мужемъ. Убѣдившись наконецъ въ невозможности склонить Іоанну пожертвовать Людовикомъ, онъ заключилъ десятилѣтній миръ и вернулся въ Сицилію.

Вскорѣ обстоятельства измѣнились въ пользу арагонскаго короля. Управляемая придворными лакеями, Іоанна и по удаленіи Альфонса не обращалась съ Людовикомъ Анжуйскимъ какъ съ наслѣдникомъ. Онъ не смѣлъ оставлять Калабріи, и когда въ 1434 г. Іоанна хотѣла торжественно отпраздновать въ Неаполѣ его свадьбу съ Маргаритою, дочерью герцога Савойскаго, Джіованни Чичинелло, занявшій мѣсто Караччіоли, не позволилъ этого изъ государственныхъ видовъ (disse, che era cosa da turbare lo stato suo). Отправляясь въ Калабрію, Маргарита не смѣла даже вернуться въ Неаполь изъ Соренто, гдѣ заболѣла морской болѣзнью; на свадьбу ей были посланы самые бѣдные подарки. Вскорѣ послѣ своего брака Людовикъ внезапно умеръ отъ горячки (ноябрь, 1434 г.), и Маргарита вышла впослѣдствіи замужъ за герцога баварскаго Людовика, пфальц-графа рейнскаго. Лю-

довикъ Баварскій былъ, кажется, очень простъ; не смотря на постоянныя оскорбленія Урбана Чимино и другихъ лицъ, управлявшихъ именемъ королевы, онъ незадолго до смерти согласился сдѣлаться ихъ орудіемъ и вмѣстѣ съ Джакопо Кальдорою отнялъ у князя тарентскаго Джіованни Антоніо Орсини, человѣка всѣми любимаго и даже имъ самимъ уважаемаго, у его родственниковъ, друзей и вассаловъ, принадлежавшіе имъ города и замки. Вскорѣ по смерти Людовика умерла и королева 64 лѣтъ (февраль, 1435 г.). Незадолго до смерти Іоанны, приверженцы анжуйскаго дома или вѣрнѣе люди, присвоивавшіе себѣ и раздававшіе своимъ родственникамъ и приверженцамъ въ послѣдніе годы ея царствованія помѣстья, должности, мѣста и почести, убѣдили ее распорядиться управляемымъ ею государствомъ, какъ своимъ личнымъ имуществомъ. Людовикъ III Анжуйскій оставилъ двухъ братьевъ: герцога лотарингскаго Рената или Рене и Карла Провансскаго; отъ сына послѣдняго, Карла, умершаго въ 1481 г., французскій король Людовикъ XI наслѣдовалъ права на Неаполь, что имѣло важныя послѣдствія для исторіи первыхъ годовъ XVI столѣтія. Перваго изъ этихъ потомковъ младшей анжуйской линіи, Рената Лотарингскаго, Іоанна назначила въ своемъ завѣщаніи наслѣдникомъ неаполитанской короны. Не имѣя войска, Ренатъ не могъ отстоять своего права на престолъ, хотя и назывался неаполитанскимъ королемъ. Для возстановленія въ государствѣ порядка, разстроеннаго постоянной борьбою партій въ послѣдніе годы царствованія физически и умственно слабой королевы, герцогъ суэсскій и князь тарентскій тотчасъ по смерти Іоанны обратились къ Альфонсу V. Арагонскій король, никогда не признававшій распоряженій Іоанны, отнимавшихъ у него обѣщанное ему право престолонаслѣдія, сдѣлалъ попытку завладѣть неаполитанскимъ королевствомъ и осадилъ Гаэту. Городъ призвалъ на помощь миланскаго герцога Филиппа-Марію Висконти, распоряжавшагося морскими силами генуезцевъ. Пятаго августа 1435 г. произошло у острова Понцы между генуезскимъ и каталонскимъ флотами самое кровопролитное изъ сраженій XV столѣтія на Средиземномъ морѣ. Во флотѣ Альфонса находилось до 11 тыс. человѣкъ и въ томъ числѣ множество знатныхъ владѣтелей и рыцарей, а генуезскіе корабли везли войско миланскаго герцога. При тогдашнемъ состояніи артиллеріи и морскаго искусства морскія сраженія происходили не такъ, какъ теперь, и дѣло рѣшалось преимущественно абордажемъ. Сраженіе, продолжавшееся отъ восхода до заката солнца, кончилось совершеннымъ пораженіемъ каталонцевъ и блистательнымъ тріумфомъ Филиппа-Маріи Висконти. Только одному каталонскому кораблю, на которомъ находился инфантъ донъ Педро, удалось спастись. Генуезцы сожгли всѣ взятые ими корабли. Множество каталонцевъ и арагонцевъ было захвачено въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились: король Альфонсъ, его братъ Іоаннъ, гроссмейстеръ ордена Св. Іакова и его братья, князь тарентскій Джіованни Антоніо Орсини, герцогъ суэсскій Джакопо Марцано, графъ кампобасскій Анджело Комбатеза и графъ Морконе Гонорато Каетано. Филиппъ Марія возстановилъ противъ себя генуезцевъ тѣмъ, что не позволилъ имъ воспользоваться плодами побѣды и велѣлъ отвезти всѣхъ плѣнныхъ не въ Геную, а въ Миланъ. По тогдашнему положенію миланскаго герцога, для него было чрезвычайно важно не допустить на неаполитанскій престолъ французскаго принца. Поэтому онъ обращался съ арагонскимъ королемъ не какъ съ побѣжденнымъ плѣнникомъ, но съ тріумфомъ принялъ его въ Миланѣ. Желая сохранить себѣ надежнаго союзника въ благородномъ и великодушномъ человѣкѣ, способномъ къ благодарности, Филиппъ-Марія безъ всякаго выкупа возвратилъ свободу Альфонсу и другимъ плѣннымъ. Чтобы понять этотъ поступокъ Филиппа-Маріи, мы снова перейдемъ къ исторіи верхней и средней Италіи, возвратившись къ тѣмъ событіямъ, на которыхъ остановились.

Подчинивъ себѣ оружіемъ Карманьолы Геную и всю Ломбардію, Филиппъ-Марія Висконти началъ въ 1432 г. войну съ Флоренціей и вслѣдъ затѣмъ съ Венеціей (стр. 625), т. е. съ единственными государствами, которыя по своему богатству могли противопоставить его наемникамъ и ихъ искуснымъ предводителямъ такое же опытное и продажное войско. По нарушеніи Филиппомъ-Маріей мира, флорентинцы выслали противъ него Пандольфа Малатесту съ его кондоттьерами; 6 сентября 1423 герцогскія войска разбили его и заняли городъ Форли, на спасеніе котораго онъ былъ посланъ. Такая же участь постигла въ февралѣ

1424 года Имолу. Затѣмъ владѣтель Фаэнцы Антоніо ди Манфреди присягнулъ на вѣрность герцогу миланскому, а папа вступилъ съ нимъ въ дружескія сношенія и удалилъ изъ Болоньи кардинала Кондольміери, врага Филиппа-Маріи. Тогда флорентинцы обратились за помощью къ Браччіо ди Монтоне, но когда послы ихъ явились къ знаменитому кондоттьеру съ 80 тыс. дукатовъ, онъ уже лежалъ смертельно раненый (стр. 618). Папскія и неаполитанскія войска, побѣдившія его, ограбили флорентинскихъ уполномоченныхъ и отняли у нихъ деньги. Восемь человѣкъ, управлявшихъ военными дѣлами Флоренціи, обратились къ владѣтелю Римини Карлу Малатестѣ, банда котораго состояла изъ 6 тыс. человѣкъ подъ предводительствомъ Пандольфа Малатесты, Орсо Орсини, Людовика дельи Обицци и Николо де Толентино. Постоянно несчастливый въ сраженіяхъ, онъ и на этотъ разъ потерпѣлъ пораженіе, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Миланъ; въ припадкѣ великодушія или изъ политическаго разсчета Филипъ-Марія обошелся съ нимъ очень милостиво. Впрочемъ вслѣдствіе его пораженія флорентинцы ничего не потеряли кромѣ денегъ; имъ пришлось только пригласить новыхъ наемниковъ. Они взяли въ свою службу лучшаго ученика Браччіо Пиччинино, и сына Браччіо, Оддо Браччіо, съ остаткомъ ихъ войскъ. Это войско было разбито 1-го февраля 1425 г. въ Валь ди Ламоне. Оддо Браччіо погибъ въ сраженіи, а Пиччинино попался въ плѣнъ. Отданный подъ стражу владѣтелю Фаэнцы Антоніо ди Манфреди, предводительствовавшему частью наемниковъ миланскаго герцога, Пиччинино былъ выкупленъ въ мартѣ того же года. Находясь въ плѣну, онъ съумѣлъ убѣдить Антоніо ди Манфреди, что ему гораздо выгоднѣе служить флорентинцамъ, чѣмъ герцогу, и владѣтель Фаэнцы перешелъ на сторону Флоренціи. Но самъ Пиччинино поссорился съ совѣтомъ, управлявшимъ военными дѣлами Флоренціи, и вступилъ въ службу миланскаго тирана. Въ войскѣ Филиппа-Маріи служилъ и Франциск Сфорца, не пользовавшійся еще тогда особымъ значеніемъ между предводителями наемниковъ. Война скоро приняла самый неблагопріятный для флорентинцевъ оборотъ: 9 и 17 октября ихъ войско потерпѣло пораженіе въ пятый и шестой разъ съ начала войны. Тогда они обратились къ венеціанцамъ и отправили къ нимъ Паллa дельи Строцци и Іоаннa ди Медичи, принадлежавшихъ къ важнѣйшимъ флорентинскимъ фамиліямъ, связаннымъ торговыми и денежными дѣлами съ аристократами Венеціи. Іоаннъ ди Медичи былъ тогда первымъ лицомъ во Флоренціи; его несмѣтныя богатства, безграничное великодушіе, покровительство искусствамъ и торговлѣ и защита, оказываемая имъ демократіи противъ враждебныхъ ей аристократическихъ фамилій Строцци, Ридольфи и другихъ, доставили ему преобладающее вліяніе въ городѣ. Аристократія охотно изгнала бы его, какъ изгнала впослѣдствіи на нѣсколько лѣтъ его сына Косьму; но съ Іоанномъ она не смѣла такъ поступить: онъ былъ слишкомъ могущественъ и благороденъ.

Венеціанская республика, боязливо слѣдившая за дѣйствіями Филиппа-Маріи съ начала войны между Флоренціей и Миланомъ, остерегалась однако, согласно своей всегдашней политикѣ, напасть на герцога, пока его войскомъ предводительствовалъ Карманьола, казавшійся непобѣдимымъ. Въ концѣ 1424 г. Карманьола разошелся съ герцогомъ, и венеціанцы тотчасъ же постарались извлечь выгоды изъ ихъ ссоры. Историкъ Билья, современникъ описываемыхъ имъ событій, приводитъ различныя причины, объясняющія ссору герцога Филиппа-Маріи съ полководцемъ, которому онъ былъ обязанъ сохраненіемъ, основаніемъ и распространеніемъ своего владычества, котораго осыпалъ почестями и помѣстьями и даже усыновилъ, давъ ему право носить имя Висконти. Мы думаемъ однако, что причины эти можно найти съ одной стороны въ недовѣріи и трусости герцога и его страхѣ передъ человѣкомъ, казавшимся ему слишкомъ могущественнымъ, съ другой же въ наглости, грубости и надменности Карманьолы. Во время пребыванія Карманьолы въ Генуѣ, нѣсколько льстецовъ и придворныхъ, имена которыхъ приводитъ Билья, старались поселить въ трусливомъ и завистливомъ герцогѣ недовѣріе къ генуезскому намѣстнику и успѣли добиться того, что Филиппъ-Марія вздумалъ отнять у Карманьолы суммы, употребляемыя имъ, по современному выраженію, на пополненіе кадръ своего наемнаго войска. Карманьола понялъ къ чему это ведетъ, и поспѣшилъ съ небольшимъ конвоемъ въ Аббіате Грассо, гдѣ находился тогда герцогъ. Филиппъ-Марія не велѣлъ пускать его въ

городъ, и когда онъ прислалъ сказать, что хочетъ сообщить важную вещь, приказалъ отвѣтить ему, что онъ можетъ обратиться къ кому-нибудь изъ придворныхъ. Этотъ отвѣтъ привелъ Карманьолу въ страшное негодованіе; увидѣвъ герцога въ воротахъ, онъ началъ громко упрекать и бранить его; не смотря на это, его не смѣли схватить, когда онъ поскакалъ обратно съ своимъ небольшимъ отрядомъ, торопясь достигнуть владѣній герцога савойскаго. Адрато, преслѣдовавшій его съ нѣсколькими всадниками, не посмѣлъ схватиться съ знаменитымъ рубакою и помѣшать ему продолжать путь. Филиппъ-Марія велѣлъ конфисковать все имущество Карманьолы и всѣ его доходы на сумму 40 тыс. дукатовъ. Карманьола отправился сначала къ герцогу савойскому, котораго предупредилъ о намѣреніяхъ герцога миланскаго и вооружилъ противъ него, а потомъ чрезъ Швейцарію пробрался въ Венецію. Боясь швейцарцевъ, разбитыхъ имъ при Беллинцонѣ, онъ проѣхалъ Швейцарію переодѣтымъ и 25 февраля 1425 г. прибылъ съ тридцатью двумя спутниками и огромными богатствами въ Тревизо, а оттуда отправился въ Венецію, гдѣ былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ почетомъ. По словамъ Бильи, узнавшаго это отъ одного изъ своихъ друзей, шпіоны герцога миланскаго слѣдили за каждымъ шагомъ Карманьолы и подслушивали всякое его слово. По приказанію Филиппа-Маріи, даже была сдѣлана попытка отравить его.

Съ выходомъ Карманьолы изъ службы Филиппа-Маріи политическія дѣла верхней Италіи приняли совершенно новый видъ. Съ этой минуты Венеція и Флоренція становятся первенствующими державами; изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ только эти двѣ республики, аристократическая и демократическая, были въ состояніи дѣлать огромныя издержки для содержанія наемниковъ и ихъ предводителей, отъ которыхъ зависѣла участь Италіи. Впрочемъ и могущество герцога миланскаго основывалось не на воинственномъ духѣ подданныхъ или личныхъ его воинскихъ способностяхъ, а на богатствѣ и промышленномъ развитіи страны и тѣсно связанномъ съ ними цвѣтущемъ состояніи финансовъ. Флорентинцы уже давно убѣждали венеціанцевъ заключить съ ними союзъ противъ Филиппа-Маріи, очевидно стремившагося сдѣлаться императоромъ Италіи, но венеціанская республика, слѣдуя своей жестокой, эгоистической и коварной политикѣ, прославляемой Макіавели, до тѣхъ поръ не соглашалась принять ихъ сторону, пока они не погрозили присоединиться къ герцогу. Флорентинскимъ посламъ Паллѣ дельи Строцци и Іоанну ди Медичи удалось въ ноябрѣ 1425 г. склонить венеціанцевъ на обѣщаніе, что они потребуютъ отъ герцога прекращенія военныхъ дѣйствій. Хитрый тиранъ тотчасъ изъявилъ готовность на перемиріе, не принесшее впрочемъ большихъ выгодъ флорентинцамъ. Между тѣмъ въ Венецію прибылъ Карманьола. Знакомый съ внутренними дѣлами миланскаго правительства и съ честолюбивыми планами герцога, онъ подтвердилъ венеціанцамъ то, что имъ говорили флорентинцы о его замыслахъ. Тогда венеціанцы измѣнили свой тонъ и стали грозить герцогу заключеніемъ наступательнаго союза съ Флоренціей, если онъ не выведетъ войскъ изъ Генуи и Романьи. Флоренція и Миланъ смотрѣли на Венецію и обращались съ ней какъ съ государствомъ, приговоромъ котораго могла быть рѣшена судьба Италіи. Послы обоихъ государствъ явились ораторами въ венеціанскій сенатъ, гдѣ и самъ Карманьола сказалъ длинную рѣчь противъ герцога. Историки того времени подробно передаютъ содержаніе длинныхъ, выработанныхъ рѣчей, сказанныхъ различными послами въ венеціанскомъ сенатѣ, походившемъ во всѣхъ отношеніяхъ на древне-римскій. И неудивительно: классическое образованіе того времени требовало длинныхъ и напыщенныхъ рѣчей, а всѣ тогдашніе историки были риторы, знавшіе наизустъ Цицерона, Ливія и другихъ римскихъ классиковъ. Мы не станемъ долго останавливаться на нихъ, но укажемъ только на факты. Флорентинцы жаловались, что война съ Миланомъ уже стоила имъ 2 милліона дукатовъ и что они, если Венеція не заключитъ съ ними союза, признаютъ герцога, согласно его желанію, императоромъ. Въ началѣ слѣдующаго года (1426) между Венеціей и Флоренціей былъ заключенъ договоръ о союзѣ, на основаніи котораго они общими силами выставили войско изъ 8 т. пѣхоты и 16 т. конницы. Къ этому союзу присоединились впослѣдствіи города Сіена и Феррара, маркграфы мантуанскій и монферратскій и герцогъ савойскій Амадей. Карманьола, которому венеціанцы назначили сначала 6 т. дукатовъ въ годъ, по заключеніи этого союза былъ назначенъ главнокомандующимъ венеціан-

скаго войска съ содержаніемъ по тысячѣ дукатовъ въ мѣсяцъ. Въ январѣ Венеція объявила войну герцогу миланскому, а два мѣсяца спустя Карманьола по соглашенію съ брешіанцами пріобрѣлъ венеціанцамъ этотъ городъ, которымъ они давно стремились овладѣть; во власти миланскихъ наемниковъ, предводительствуемыхъ Франциском Сфорцою и Николаемъ Пиччинино, остались однако старая и новая крѣпость, предмѣстья и укрѣпленныя мѣста города. Занятіе части брешіанской области венеціанцами заставило герцога миланскаго вызвать свои войска изъ Романьи. Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы склонить на свою сторону папу, приказавъ передать города Форли, Имолу и Форлимпополи его легату, вынужденному вскорѣ снова уступить ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Вызванные изъ Романьи наемники Филиппа-Маріи были благополучно доведены Аньоло делла Пергола до Брешіи, куда и флорентинцы отправили своего полководца Николая Толентино съ войскомъ; до ноября между наемниками герцога, венеціанцами и флорентинцами шла война за замки и предмѣстья Брешіи. Венеціанцы не жалѣли денегъ и наняли въ свою службу владѣтелей Фаэнцы и Кремы съ ихъ всадниками и банду изъ 900 тяжело-вооруженныхъ наемниковъ кондоттьера Лоренцо Котиньолы, занимающаго въ исторіи войнъ XV столѣтія славное мѣсто на ряду съ Альберико ди Барбіано, Браччіо ди Монтоне, Карманьолой, Пиччинино и обоими Сфорцами. Защита миланцами замковъ и укрѣпленій Брешіи, продолжавшаяся до 20 ноября, разсказана съ такимъ же пристрастіемъ и такими же подробностями, съ какими современникъ упорной защиты города Аквилы передаетъ намъ это событіе (стр. 619). Подробное и нерѣдко утомительное описаніе Бильи всѣхъ военныхъ приготовленій и сраженій, происходившихъ въ Брешіи и окрестностяхъ, такъ же полезно для ознакомленія съ военнымъ устройствомъ того времени, какъ повѣствованіе панегириста аквильцевъ. Захватывая одинъ пунктъ за другимъ, венеціанцы и союзники ихъ въ концѣ ноября завладѣли всей брешіанской областью. Тогда герцогъ рѣшился купить миръ цѣною уступокъ и предложилъ папѣ принять на себя роль посредника. 30 декабря 1426 г. мирный договоръ былъ подписанъ. Надѣясь, что флорентинцы и венеціанцы тотчасъ отпустятъ наемниковъ, обходившихся имъ очень дорого, Филиппъ-Марія согласился на условія, хотя вовсе не былъ намѣренъ ихъ исполнить. Это обнаружилось однако слишкомъ рано. Въ началѣ слѣдующаго года, когда наступилъ срокъ для исполненія условій, онъ сталъ медлить удаленіемъ своихъ войскъ изъ занятыхъ ими мѣстностей, и потому венеціанцы и флорентинцы снова призвали въ свою службу предводителей кондоттьеровъ.

Во время войны, возобновившейся въ 1427 г., между непріятельскими войсками происходили частыя, но не кровопролитныя стычки; полководцы обѣихъ сторонъ щадили жизнь своихъ людей и отступали, чуть только дѣло принимало неблагопріятный для нихъ оборотъ. Извѣстія объ этой войнѣ, находящіяся въ многочисленныхъ хроникахъ того времени, особенно интересны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ можно почерпнуть свѣдѣнія о тогдашнемъ богатствѣ, могуществѣ, блескѣ, промышленности и наукѣ верхней и средней Италіи. Флорентинцы и генуэзцы вооружили другъ противъ друга значительные флоты, венеціанцы и герцогъ миланскій кромѣ своихъ флотовъ имѣли большое число рѣчныхъ судовъ, на которыхъ сражались по рѣкѣ По, и обѣ стороны выставили многочисленныя сухопутныя войска. По словамъ Билья, численность обоихъ войскъ простиралась до 70 т. человѣкъ, въ томъ числѣ 20 т. тяжеловооруженныхъ всадниковъ; наемниками герцога миланскаго предводительствовали Франциск Сфорца, Аньоло делла Пергола и Пиччинино, войсками союзниковъ Карманьола. На сторонѣ союзниковъ было то преимущество, что предводители ихъ банды, Михаилъ и Лоренцо Котиньолы, владѣтели Варано и Фаэнцы, и даже маркграфъ мантуанскій, сознавая превосходство талантовъ и опытности Карманьолы, повиновались ему, тогда какъ Аньоло делла Пергола, Гвидо Торелло, Николай Пиччинино и Франциск Сфорца, считая себя равными, не слушались другъ друга. Герцогъ, ничего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ, думалъ помочь этому недостатку, назначивъ главнокомандующимъ Карла Малатесту, сына владѣтеля Пезаро и племянника князя Римини; но именно это и было причиною пораженія его войска. Постоянно несчастливый въ сраженіяхъ, Карлъ Малатеста велъ дѣло небрежно или, какъ намъ кажется, былъ не въ ладахъ съ герцогомъ и вступилъ въ тай-

ные переговоры съ своимъ родственникомъ маркграфомъ мантуанскимъ, освободившимъ его впослѣдствіи, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Настигнутый въ расплохъ Карманьолой, онъ потерпѣлъ 11 октября при Макало страшное пораженіе, оставивъ въ плѣну у непріятеля 5 т. всадниковъ и такое же число пѣшихъ. Испуганный этимъ пораженіемъ, Филиппъ-Марія обратился сначала къ папѣ, потомъ къ императору Сигизмунду, умоляя ихъ принять на себя посредничество; вскорѣ однако онъ былъ въ состояніи пополнить свое войско и хоть на время задержать непріятеля. При этомъ случаѣ снова блистательнымъ образомъ выказывается могущество Милана и цвѣтущее состояніе его торговли и промышленности. По обычаю тогдашняго времени, плѣннымъ миланскимъ солдатамъ, за которыхъ не давали большаго выкупа, но которыхъ нужно было кормить въ плѣну, возвратили свободу, отнявъ у нихъ только оружіе и лошадей. Всѣ они возвратились къ прежнему владѣтелю, что дало ему возможность вновь сформировать свое войско. По свидѣтельству Бильи, герцогъ миланскій въ нѣсколько дней выставилъ 4 т. всадниковъ и 2 т. человѣкъ пѣхоты въ латахъ и полномъ вооруженіи, а это доказываетъ, какъ велико было тогда число оружейныхъ заводовъ въ Миланѣ. Между тѣмъ Карманьола, воспользовавшись своей побѣдою, покорялъ одинъ городъ за другимъ. Въ слѣдующемъ году онъ сталъ угрожать Кремонѣ и паденіе Бергамо казалось неизбѣжнымъ; но папа и многіе изъ союзниковъ, преимущественно маркграфъ феррарскій Николай, боясь преобладающаго могущества Венеціи, рѣшились поддержать миланское герцогство, какъ оплотъ противъ страшной республики. Вслѣдствіе того въ апрѣлѣ 1428 г. былъ заключенъ новый миръ, выгодный только для венеціанцевъ и предводителя ихъ. Венеціанцы получили Брешію со всѣмъ ея округомъ, Бергамо и многіе города въ кремонскихъ владѣніяхъ и такимъ образомъ довели свои границы до рѣки Адды; Карманьолѣ были возвращены всѣ отнятыя у него земли и кромѣ того дарованы другія выгоды, перечисляемыя въ венеціанской хроникѣ Стеллы. Флорентинцы не извлекли изъ этого мира никакой пользы, кромѣ того, что герцогъ миланскій не смѣлъ предпринимать противъ нихъ враждебныхъ дѣйствій и долженъ былъ вывести войска изъ городовъ, занятыхъ имъ въ Романьѣ. Макіавели говоритъ, что они согласились на миръ только потому, что понимали, какъ глупо было съ ихъ стороны истратить 3 милліона 500 тыс. дукатовъ для увеличенія могущества Венеціи.

Черезъ годъ по заключеніи этого мира, умеръ Іоаннъ ди Медичи, глава тогдашняго демократическаго правительства Флоренціи. Макіавели очерчиваетъ дѣятельность этого человѣка и значеніе, которымъ онъ пользовался во Флоренціи, влагая въ его уста совѣты, данные имъ на смертномъ одрѣ своему сыну Косьмѣ и исполненные чисто-демократическихъ идей, благородства и глубокой любви къ человѣчеству. Историкъ прибавляетъ, что Іоаннъ ди Медичи былъ идоломъ своихъ согражданъ не столько по своимъ громаднымъ богатствамъ, сколько по своимъ добродѣтелямъ и добрымъ дѣламъ (Lascio nel universale della citta di se un grandissimo desiderio, secondo che meritavano le sue ottime qualità). Старшій его сынъ Косьма пошелъ по стопамъ отца, выказавъ себя такимъ же превосходнымъ частнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, но еще лучшимъ государственнымъ человѣкомъ. Макіавели говоритъ: «Косьма былъ человѣкъ въ высшей степени умный и любезный въ обращеніи (di grave e grata presenzia), чрезвычайно щедрый и снисходительный, никогда не предпринималъ ничего враждебнаго ни противъ трехъ сословій, боровшихся за власть, ни противъ государства (nè mai tentò alcuna cosa contro alle parti, nè contro allo stato), но постоянно заботился о томъ, чтобы дѣлать всякому добро и своею щедростью привязать къ себѣ всѣ классы гражданъ. Уже его отца аристократы ненавидѣли, какъ предводителя демократовъ и за то, что онъ разстроилъ планы, составленные ими во время войны съ Миланомъ. Для покрытія огромныхъ военныхъ издержекъ предводители народной партіи установили налогъ на имущества (catasta), возбудившій страшное неудовольствіе, которымъ хотѣли воспользоваться противники демократовъ для измѣненія формы правленія. Безъ содѣйствія Іоанна подобная перемѣна не могла однако произойти; но всѣ попытки аристократовъ склонить его на свою сторону были напрасны, онъ остался непоколебимъ. Ненавидя Косьму еще болѣе, чѣмъ его отца, аристократы воспользовались впослѣдствіи несчастной войной,

которую начали и вели демократы, чтобы низвергнуть и изгнать его изъ Флоренціи.

Тотчасъ по смерти Іоанна ди Медичи, между флорентинцами и герцогомъ миланскимъ, не смотря на только-что заключенный миръ, снова возникли враждебныя столкновенія. Поводомъ къ нимъ послужила война флорентинцевъ съ Паоло Гвиниджи и его сыномъ Владиславомъ, основавшимъ въ Луккѣ военную деспотію съ помощью банды въ 2 тысячи наемниковъ. По совѣту величайшаго изъ зодчихъ новѣйшаго времени, Брунеллески, бывшаго и отличнымъ механикомъ, флорентинцы прибѣгли въ этой войнѣ къ средству, оказавшемуся гибельнымъ для нихъ самихъ. Съ помощью плотинъ они хотѣли направить теченіе рѣки Серкіо на стѣну, окружавшую Лукку, и такимъ образомъ разрушить ее; но жители Лукки приняли свои мѣры, потокъ устремился въ другую сторону и, заливъ равнину, принудилъ флорентинцевъ поспѣшно удалиться. Тогда Лукка обратилась къ герцогу миланскому, отправившему къ ней на помощь сначала Франциска Сфорцу, а потомъ Пиччинино съ ихъ наемниками. Флорентинцы жаловались Венеціи на нарушеніе мира Филиппомъ-Маріей, и венеціанскому сенату, въ который приглашены были флорентинскіе и миланскіе государственные люди обсудить положеніе верхней и средней Италіи, было предоставлено произнести приговоръ. Карманьола также говорилъ въ сенатѣ, раскрылъ планы герцога и предупреждалъ Венецію относительно грозившей ей опасности потерять города, пріобрѣтенные по послѣднему миру. Въ 1431 г. венеціанцы объявили войну Филиппу-Маріи и отправили противъ него Карманьолу. Герцогъ миланскій выслалъ войско наемниковъ подъ предводительствомъ Николая Пиччинино, Гвидо Торелло и Франциска Сфорцы, тѣснѣе привязавъ къ себѣ послѣдняго обѣщаніемъ выдать за него свою побочную дочь Бланку, когда она вырастетъ. Въ самомъ началѣ этой войны (апрѣль 1431 г.) Карманьола потерпѣлъ неудачу при нападеніи на Сончино; въ слѣдующіе мѣсяцы венеціанцы были разбиты на По, и предводитель венеціанскаго войска въ теченіе всей остальной части года не рѣшался нападать на непріятеля. За это онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и испыталъ на себѣ ту жестокость и коварство, которыми совѣтъ десяти, господствовавшій въ Венеціи, доставилъ блескъ и могущество своему государству; эту обычную политику аристократической республики Макіавелли и почти всѣ итальянскіе писатели считаютъ высшей государственной мудростью. Съ начала 1432 г. между итальянскими государствами начались переговоры о возстановленіи общаго мира; болонская хроника говоритъ о немъ съ глубокимъ вздохомъ (la pace tra la lega e il detto duca. A Dio piaccia, che pel bene d'Italia possa essa seguire). Для этой цѣли въ Феррару съѣхались послы папы, императора Сигизмунда, маркграфа мантуанскаго, а со стороны флорентинцевъ представитель ихъ аристократовъ Палла дельи Строцци и представитель купцовъ (какъ выражается болонская хроника) Косьма ди Медичи. Этимъ воспользовалось венеціанское правительство для уничтоженія Карманьолы. Столь же хитрый, какъ совѣтъ десяти (стр. 355), Карманьола зорко слѣдилъ за его дѣйствіями и не обольщался сыпавшимися на него подарками и почестями, что дѣлала обыкновенно венеціанская республика, желая погубить человѣка, казавшагося ей слишкомъ могущественнымъ. Но правители Венеціи все-таки перехитрили его. Призванный въ городъ какъ будто для того, чтобы дать совѣтъ относительно переговоровъ о мирѣ, онъ отправился въ Венецію въ сопровожденіи блистательной свиты и, по приказанію сената, его повсюду на дорогѣ встрѣчали съ необыкновеннымъ почетомъ. Историкъ Марино Сануто не можетъ достаточно надивиться, что не смотря на то, что проведиторы, отправленные изъ Венеціи для устройства торжественныхъ встрѣчъ Карманьолѣ и принятія начальства надъ войскомъ, знали намѣреніе совѣта десяти, тайна была сохранена (E sapevano la deliberazione fatta nel consiglio dei dieci contro di lui, tamen fu osservata in questa cosa grande taciturnità). По прибытіи въ Венецію Карманьола былъ встрѣченъ нѣсколькими аристократами, отправленными ему на встрѣчу президентами совѣта десяти (capi dei dieci) Маркомъ Барбариго и Лазаремъ Мойчениго, и тотчасъ по выходѣ изъ гондолы отвезенъ во дворецъ Марка. Здѣсь Карманьола былъ задержанъ нѣсколько часовъ прокураторомъ совѣта десяти Леонардомъ Мойчениго и нѣсколькими аристократами подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ долженъ былъ обѣдать у дожа, а его конвой, оставленный внизу, отосланъ прочь. Подъ вечеръ аристократы объявили

ему, что пора идти къ дожу, но вмѣсто того повели его въ темницу. Карманьола тотчасъ понялъ, что ему угрожало, и при входѣ въ темницу сказалъ со вздохомъ: «Я вижу, что меня ждетъ смерть». Въ темницѣ его держали 20 дней и подвергали самымъ жестокимъ пыткамъ, чтобы добиться показаній, которыя дали бы право казнить его. Пятаго мая Карманьола былъ публично казненъ какъ преступникъ, съ заткнутымъ ртомъ, что лишило его возможности обратиться къ народу. Марино Сануто разсказываетъ, что онъ былъ казненъ съ заткнутымъ ртомъ между двухъ колоннъ на площади Марка и что голова его свалилась только послѣ третьяго удара. На мѣсто Карманьолы главнокомандующимъ венеціанскаго войска былъ назначенъ владѣтель Мантуи Іоаннъ Францискъ Гонзага, которому императоръ Сигизмундъ только-что передъ тѣмъ продалъ маркграфскій титулъ. Этотъ новый венеціанскій главнокомандующій, также недолго пользовавшійся довѣріемъ республики, предводительствовалъ довольно сильнымъ войскомъ (cavalli vivi 11600, pedoni 8000, cernide или стрѣлковъ 1000).

Годъ спустя подобная же участь грозила Косьмѣ Медичи во Флоренціи отъ его враговъ; но флорентинцы поступили справедливѣе съ своимъ великимъ соотечественникомъ, чѣмъ венеціанцы съ Карманьолой. Косьма, игравшій вмѣстѣ съ другимъ флорентинскимъ посломъ, Палла дельи Строцци, важную роль на феррарскомъ конгрессѣ, способствовалъ тому, что 26 апрѣля 1433 г. былъ заключенъ миръ съ Миланомъ; условія и послѣдствія этого мира подали поводъ его врагамъ произвести во Флоренціи революцію, уничтожившую вліяніе Медичи. По условію феррарскаго мира, всѣ отношенія и владѣнія государствъ верхней и средней Италіи должны были остаться такими, какими они были до войны, воюющія стороны оставить все, чѣмъ онѣ завладѣли, а герцогъ миланскій отказаться отъ всѣхъ союзовъ, заключенныхъ имъ въ Тосканѣ и въ Романьѣ. Переставъ вмѣшиваться непосредственно въ споры мелкихъ государствъ этихъ странъ, Филиппъ-Марія продолжалъ интриговать черезъ третьи руки. Тотчасъ по заключеніи мира онъ уволилъ изъ своей службы Франциска Сфорцу и Николая Фортебраччіо, чтобы дать имъ возможность дѣйствовать отъ своего имени въ борьбѣ этихъ государствъ, но тайно продолжалъ сноситься съ ними. Фортебраччіо взялъ Перуджію и другіе города, а Сфорца занялъ анконскую мархію, воспользовавшись ея неудовольствіемъ на папу Евгенія IV. Папа старался помочь себѣ тѣмъ, что привлекъ на свою сторону одного изъ этихъ враговъ: онъ подкупилъ Сфорцу, уступивъ ему анконскую мархію. Но Сфорца не хотѣлъ или не могъ защищать папу отъ его многочисленныхъ враговъ, и Евгеній долженъ былъ бѣжать изъ Рима во Флоренцію, куда прибылъ въ ту минуту, когда враги Косьмы Медичи, во главѣ которыхъ стояли Альбицци, составили противъ него заговоръ. Альбицци измѣнили демократическое устройство Флоренціи, по которому черезъ каждые два мѣсяца долженъ былъ избираться новый гонфалоньеръ или президентъ государственнаго и военнаго управленія, и доставили нѣкоторое значеніе аристократической партіи. Но когда Медичи снова получилъ преобладающее вліяніе, Ринальдо Альбицци составилъ противъ него заговоръ (1433 года), устроивъ, что званіе гонфалоньера было передано бѣдному человѣку, Бернардо Гваданьи, бывшему его орудіемъ. По многимъ причинамъ, въ особенности же потому, что онъ не уплатилъ государственныхъ податей, Гваданьи собственно не могъ быть избранъ, потому что государственный должникъ не имѣлъ права занимать никакой общественной должности, не говоря уже о мѣстѣ гонфалоньера; но коллегія, президентомъ которой былъ гонфалоньеръ, состояла тогда изъ приверженцевъ фамиліи Альбицци, и Ринальдо Альбицци заплатилъ за Бернардо Гваданьи его долгъ (pagò le sue gravezze, acciochè il debito publico non gli togliesse quel grado). Только-что избранный гонфалоньеромъ на сентябрь и октябрь 1433 года, Бернардо Гваданьи тотчасъ же потребовалъ Косьму къ суду. Сознавая свою невинность, Медичи пренебрегалъ предостереженіями и совѣтами друзей и не захотѣлъ воспользоваться ихъ вооруженной помощью. Явясь на судъ, онъ былъ заключенъ въ тюрьму подъ тѣмъ предлогомъ, что будто въ войнѣ съ Луккою сообщилъ Франциску Сфорцѣ планы флорентинцевъ. Чтобы погубить благороднѣйшаго и любимаго гражданина Флоренціи, аристократы прибѣгли къ средству, которое и теперь вездѣ въ ходу, — владычествующій народъ былъ употребленъ ими какъ машина. Народъ, т. е. всѣ граждане, заранѣе подкупленные (какъ это обыкновенно дѣлается при общей по-

дачѣ голосовъ), были собраны на площади и избрали балію или, какъ теперь говорятъ, верховное законодательное собраніе. Это собраніе, состоявшее изъ 200 членовъ, должно было произвести нѣкоторыя реформы въ государственномъ устройствѣ, въ дѣйствительности же рѣшить участь Косьмы. Боясь отравы, Косьма, какъ и Карманьола въ Венеціи, въ теченіе четырехъ дней не ѣлъ ничего кромѣ хлѣба; но его успокоилъ тюремщикъ Федерико Малавольти. Очерчивая характеръ этого тюремщика, Макіавелли произноситъ самую лучшую похвалу благородному итальянцу XV столѣтія и выставляетъ Федерико Малавольти совсѣмъ съ иной стороны, чѣмъ все то, что мы знаемъ о венеціанскомъ сенатѣ и въ особенности о страшномъ совѣтѣ десяти. Вотъ что говоритъ Малавольти Косьмѣ у Макіавели: «Ты боишься отравы, Косьма, и потому хочешь умереть отъ голода. Предполагая меня способнымъ на такую низость (scelleratezza), ты дѣлаешь мнѣ мало чести. Я не думаю, чтобы тебя осудили на смерть, потому что у тебя слишкомъ много друзей въ правительствѣ и въ народѣ; но если бы тебѣ и было суждено лишиться жизни, будь увѣренъ, что они не изберутъ меня своимъ орудіемъ, а употребятъ другія средства. Я никогда не замараю своихъ рукъ въ человѣческой крови, тѣмъ менѣе въ крови человѣка, который меня не оскорбилъ. Не бойся же, ѣшь и пей, и береги свою жизнь, дорогую для друзей и отечества! Чтобы еще болѣе успокоить тебя, я стану ѣсть передъ тобой все то, что подаю тебѣ.» Малавольти привелъ къ столу еще третье лицо, которому Косьма и поручилъ вынуть изъ банка 1100 дукатовъ; изъ нихъ 100 онъ оставилъ себѣ, а тысячу отправилъ гонфалоньеру. Деньги такъ подѣйствовали на гонфалоньера, что онъ тотчасъ повернулъ дѣло (donde Bernardo ne diventò più umano) и предложилъ осудить на изгнаніе человѣка, котораго передъ тѣмъ обвинялъ въ государственной измѣнѣ. Косьма былъ отправленъ на 10 лѣтъ въ Падую, его братъ Лоренцо на два года въ Венецію, а остальные родственники и друзья въ другіе города (октябрь, 1433 г.). Въ изгнаніи Косьма былъ окруженъ величайшимъ почетомъ по приказанію венеціанскаго сената и еще въ 1434 г. вернулся со всѣми своими во Флоренцію вслѣдствіе революціи, произведенной въ его пользу. Въ августѣ 1434 г. были избраны одинъ изъ друзей Косьмы, Николодо Кокко Донати гонфалоньеромъ, а восемь приверженцевъ дома Медичи членами правительства. Альбицци хотѣли сначала заставить этихъ людей отказаться отъ своихъ должностей, но должны были оставить свое намѣреніе, потому что Строцци не хотѣлъ вооруженною силою нападать на законы и учрежденія отечества (Rinaldo degli Albizzi avendo veduto la fredezza di Messer Palla e la leggerezza di Ridolfo Peruzzi etc.). Для возвращенія Косьмы и его друзей былъ употребленъ тотъ же способъ, какъ передъ тѣмъ для его изгнанія, съ тою только разницею, что папа Евгеній IV, находившійся въ то время во Флоренціи, своимъ посредничествомъ помѣшалъ аристократической или рыцарской партіи напасть на демократовъ съ оружіемъ, которымъ первые лучше владѣли, чѣмъ послѣдніе. Правительство (gli signori) созвало на площадь народъ, избравшій новое верховное законодательное собраніе (balia) изъ двухъ сотъ членовъ, уничтожившихъ всѣ распоряженія своихъ предшественниковъ и призвавшихъ Медичи во Флоренцію. Въѣздъ Косьмы во Флоренцію былъ искреннимъ, неподдѣльнымъ тріумфомъ; граждане безъ всякихъ искусственныхъ поощреній привѣтствовали его громкими восклицаніями какъ благодѣтеля народа и отца отечества. Съ этихъ поръ Косьма получилъ преобладающее вліяніе, и въ правительственной средѣ стало господствовать благодѣтельное и миролюбивое вліяніе Медичи и ихъ друзей.

Тотчасъ по возвращеніи Медичи Франциск Сфорца соединился съ Флоренціей противъ герцога миланскаго. Этотъ союзъ былъ тѣсно связанъ съ возвращеніемъ Косьмы; флорентинцы хотѣли воспользоваться человѣкомъ, не задолго передъ тѣмъ осужденнымъ за тайныя сношенія съ Сфорцою, чтобы завлечь въ свои интересы этого предводителя наемниковъ герцога миланскаго. Сфорца находилъ тогда выгоднымъ для себя вступить въ союзъ съ Флоренціей, потому что Филиппъ-Марія покровительствовалъ болѣе Пиччинино и хотѣлъ возвратить папѣ завоеванную Сфорцою анконскую мархію. Потому, лишь только Медичи возвратились во Флоренцію, Сфорца вступилъ въ службу республики. Венеціанцы тоже приняли участіе въ войнѣ, когда дружественная имъ фамилія Медичи снова пріобрѣла значеніе во Флоренціи. Къ союзу съ флорентинцами приступилъ и папа,

опасавшійся, что Пиччинино отниметъ у него города Болонью, Фаэнцу, Имолу и Форли. Впрочемъ уже въ августѣ слѣдующаго года (1435 г.) при посредничествѣ маркграфа феррарскаго былъ заключенъ миръ. По этому миру папа снова получилъ города Имолу и Болонью, но относительно послѣдняго долженъ былъ согласиться, чтобы въ него вернулся Антоніо Бентиволо, никогда не дѣйствовавшій противъ папы, а напротивъ скорѣе помогавшій его планамъ, и фамилія котораго пользовалась прежде большимъ значеніемъ въ Болоньѣ. Антоніо явился въ Болонью въ октябрѣ, а въ концѣ декабря былъ арестованъ папскимъ легатомъ и вскорѣ казненъ.

Въ томъ же году (1435 г.), какъ мы уже говорили (стр. 638), арагонскій король потерпѣлъ пораженіе на морѣ и къ великому неудовольствію генуэзцевъ, зависѣвшихъ въ то время отъ Милана, былъ отвезенъ въ Миланъ. Онъ былъ встрѣченъ въ Миланѣ радушно и съ почестями и наконецъ освобожденъ безъ выкупа. Вслѣдствіе этой политики герцога, 12 декабря генуэзцы возстали противъ его намѣстника Обичино ди Альчіато, при крикахъ: «да здравствуетъ свобода!» выгнали миланскій гарнизонъ и возстановили республиканское правленіе. За королемъ Альфонсомъ прибылъ его братъ донъ Педро съ флотомъ, находившимся у береговъ Сициліи. По дорогѣ донъ Педро завладѣлъ гаванью и крѣпостью Гаэты, и такимъ образомъ Альфонсъ по возвращеніи изъ верхней Италіи могъ стать твердой ногой въ неаполитанскихъ владѣніяхъ. Соперникомъ его на неаполитанскую корону былъ братъ Людовика III, герцогъ лотарингскій Ренатъ, находившійся тогда въ Дижонѣ въ плѣну. Будучи зятемъ герцога лотарингскаго Карла, Ренатъ наслѣдовалъ его герцогство и былъ признанъ лотарингскими сословіями, но претендентомъ на наслѣдство явился братъ умершаго герцога Антонъ, графъ де Водремонъ, и вслѣдствіе того вспыхнула война, въ которой герцогъ бургундскій Филиппъ принялъ сторону Антона де Водремонъ, а французскій король Карлъ VII сторону Рената. На помощь графу де Водремонъ былъ посланъ бургундскій маршалъ съ войскомъ, усиленнымъ воинственными и грубыми бандами, существовавшими, по описанію хроники Монстреле, грабежомъ и добычею; по словамъ той же хроники, предводительствомъ и наймомъ этихъ бандъ занимались во Франціи преимущественно побочные сыновья аристократовъ. Монстреле называетъ, напримѣръ, имена слѣдующихъ предводителей: бастарда де Бримена, бастарда де Нёвилля, бастарда д'Юміера, бастарда де Фоссёза, и къ нимъ присоединяетъ еще предводителя разбойниковъ Robinet Hache-Chien. Эти люди, но еще болѣе удачное примѣненіе артиллеріи бургундскимъ маршаломъ, доставили графу де Водремонъ побѣду и герцогство лотарингское. Ренатъ былъ взятъ въ плѣнъ, изъ котораго освободился только въ 1437 г., слѣдовательно черезъ два года по смерти королевы Іоанны. Свою свободу онъ купилъ невыгоднымъ договоромъ, заключеннымъ при посредничествѣ французскаго короля. Выкупная сумма простиралась до 200 тыс. дукатовъ. Чтобы перебраться въ Италію, онъ долженъ былъ сверхъ того дать 100 тыс. дукатовъ въ приданое дочери герцога савойскаго, обрученной съ Людовикомъ III. Для исполненія этихъ условій Ренатъ заложилъ свои имѣнія и владѣнія и установилъ на основаніи леннаго права особый сборъ съ своихъ вассаловъ. Только въ маѣ 1438 г. явился онъ въ Неаполь съ 12 галерами и нѣсколькими другими кораблями.

Въ Неаполь вскорѣ послѣ смерти королевы Іоанны пріѣхала жена Рената, Изабелла, чтобы во время плѣна мужа дѣйствовать въ его пользу. Энергія и чистота нравовъ этой женщины пріобрѣли ей громкую славу въ Италіи, но безъ денегъ и войска она все-таки не могла ничего сдѣлать. Джакопо Кальдора, сражавшійся въ Абруццахъ повидимому за Рената, и всѣ остальные предводители наемниковъ думали только о своихъ личныхъ выгодахъ. Конечно, съ другой стороны, и князь тарентскій Орсини, поддерживавшій съ своими наемниками Альфонса, былъ не безкорыстнѣе Джакопо Кальдоры, Пиччинино или Франциска Сфорцы. Исторія войны за обладаніе Неаполемъ и соединенныхъ съ нимъ предпріятій, для противодѣйствія завоевательнымъ планамъ герцога миланскаго, сбивчива и незанимательна; предводители наемниковъ продавали себя то той, то другой партіи, и чтобы знать, для кого они одерживали побѣды, необходимо прежде справляться, кому они служили въ извѣстный годъ. Союзы, заключаемые государствами между собою, измѣнялись такъ же часто, какъ часто мѣняли предводи-

тели войскъ тѣхъ, кому они служили; герцогъ миланскій даже поддерживалъ одновременно короля Альфонса и королеву Изабеллу, бывшихъ въ войнѣ между собою. Папа покровительствовалъ анжуйскому дому противъ Альфонса, принявшаго вслѣдствіе того сторону базельскаго собора.

Въ это время господства солдатъ, походившихъ на разбойниковъ, отрадно и утѣшительно видѣть во главѣ итальянскихъ дѣлъ три благороднѣйшія личности: жену Рената Изабеллу, арагонскаго короля Альфонса и флорентинца Косьму Медичи. Съ геройствомъ, достойнымъ удивленія, Изабелла сохранила до прибытія мужа все, что могло быть удержано изъ владѣній анжуйскаго дома, и своими дѣйствіями пріобрѣла себѣ общую симпатію. Альфонсъ былъ прозванъ Мудрымъ за свой образъ дѣйствій, великодушіе и мудрыя изреченія. Изъ его изреченій и христіанско-философскихъ дѣйствій Эней Сильвій составилъ книгу, точно такъ же, какъ напримѣръ пруссаки собрали въ нѣсколькихъ книгахъ анекдоты о своемъ королѣ Фридрихѣ II. Наконецъ Косьма Медичи обогатилъ гражданъ Флоренціи своей гражданской дѣятельностью, своимъ кредитомъ и несмѣтными богатствами, далъ имъ возможность заниматься съ выгодою ремеслами, искусствомъ и торговлею и умѣлъ мягкостью и кротостью сохранять въ демократическихъ массахъ такое же спокойствіе, какое совѣтъ десяти въ Венеціи поддерживалъ подлой полиціей, безнаказаннымъ судопроизводствомъ и преслѣдованіемъ всѣхъ, кто казался имъ слишкомъ могущественнымъ. Впослѣдствіи мы еще вернемся къ знаменитому венеціанскому учрежденію государственной инквизиціи и скажемъ объ инструкціяхъ, которыя давались тремъ государственнымъ инквизиторамъ (стр. 358) и, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ появились на свѣтъ въ исторіи Венеціи Дарю. Герцогъ миланскій Филиппъ-Марія управлялъ по системѣ тирановъ древней Греціи; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ выказывалъ щедрость и великодушіе, покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, но въ то же время велъ свои войны съ помощью наемниковъ. Миланцы гордились имъ, потому что его слава была вмѣстѣ ихъ славою, а государство и вся Ломбардія достигли при немъ такого благосостоянія, какимъ не пользовались даже во времена римлянъ. Въ такомъ же цвѣтущемъ состояніи, не смотря на безконечныя войны, находились Тоскана и завоеванныя Венеціей мѣстности отъ Бергамо до Равенны.

Борьба за Неаполь между Альфонсомъ и женою его противника Рената Изабеллою была ведена съ большимъ благородствомъ. Это доказали они оба, когда вскорѣ по прибытіи въ Италію братъ Альфонса донъ Педро былъ убитъ. Прощаніе Альфонса съ тѣломъ брата до слезъ растрогало всѣхъ присутствовавшихъ (Dio ti perdoni, frate caro, io aspettava da te altro piacere, che vederti a questo modo morto. Dio sia laudato!). Вмѣсто того чтобы радоваться смерти противника, Изабелла то же оплакала принца, когда одинъ калабріецъ принесъ ей баретъ дона Педро (di seta di gruna fatto ad aco), чтобы получить за то вознагражденіе. Она предложила Альфонсу похоронить его брата въ королевскомъ склепѣ и прислать все, что нужно для погребенія (la pompa delle essequie). Альфонсъ и Ренатъ вели войну между собой съ помощью наемниковъ. Главной опорой послѣдняго былъ Джакопо Кальдора, а по смерти его въ 1439 г. его сынъ Антоніо. Въ 1440 г. Аверса подпала власти арагонскаго короля, постепенно завладѣвшаго большей частью неаполитанскихъ владѣній; причиной его успѣховъ было то, что Ренатъ посадилъ въ темницу Антоніо Кальдору, намѣревавшагося отпасть отъ него, а въ это время Альфонсъ, по тайному указанію миланскаго герцога, занялъ помѣстья и города Франциска Сфорцы, именно Беневентъ, Манфредонію и Битонто, гдѣ нашелъ много сокровищъ. 1442 годъ рѣшилъ вопросъ о владѣніи неаполитанскимъ королевствомъ, когда Ренатъ, потерявъ столицу, понялъ, что онъ только орудіе предводителей наемниковъ, завладѣвавшихъ городами и мѣстечками и грабившихъ страну подъ предлогомъ помощи престолу. Альфонсъ поручилъ своему побочному сыну Фердинанду, наслѣдовавшему по его смерти неаполитанское королевство, вновь осадить Неаполь и въ началѣ 1442 г. довелъ городъ до того, что у жителей почти не оставалось припасовъ, а стоявшимъ на стражѣ выдавалось ежедневно только по шести лотовъ хлѣба. Тогда нѣкоторые изъ каменьщиковъ указали арагонцамъ на подземный водопроводъ, чрезъ который еще Велисарій проникъ однажды въ городъ (стр. 244). По разсказамъ часто приводимыхъ нами неаполитанскихъ лѣтописей, Ренатъ съ большой энергіей и

искусствомъ работалъ днемъ и ночью надъ защитою города, велѣлъ запереть рѣшетками упомянутый нами каналъ и стеречь его выходъ; но арагонцы все-таки пробрались черезъ него въ городъ. Названная нами хроника разсказываетъ очень подробно и занимательно, почти романически, какъ они, не смотря на всѣ усилія и труды Рената, проникли въ Неаполь 2 іюня 1442 г. По взятіи города арагонцами, во власти Рената оставались еще нѣкоторые замки, но для уплаты жалованья наемникамъ онъ надѣлалъ столько долговъ, что долженъ былъ вслѣдствіе постоянныхъ требованій жалованья распустить свое войско и удалиться на генуезскомъ кораблѣ во Францію. По дорогѣ онъ встрѣтился во Флоренціи съ папою Евгеніемъ IV, обѣщавшимъ ему помощь; какъ ничтожна она была, можно лучше всего заключить изъ наивныхъ и проническихъ замѣчаній неаполитанскихъ лѣтописей. «Во Франціи, говоритъ хроника, папа встрѣтилъ Рената, какъ встрѣчаютъ обыкновенно королей. Но не во-время (fuor del tempo) пздалъ онъ буллу, которою отдавалъ ему, какъ неаполитанскому королю, и Сицилію. Папа сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы далъ ему побольше денегъ; потому что черезъ нѣсколько дней по полученіи буллы, Ренатъ уѣхалъ во Францію.» Къ чести Рената хроника прибавляетъ, — и мы совершенно согласны съ ней, — что онъ потерялъ неаполитанское королевство скорѣе по недостатку въ деньгахъ, чѣмъ по неспособности (avendo perduto il regno più per mancamento di danari, che per poco virtù). Завоевавъ Неаполь, Альфонсъ еще въ томъ же мѣсяцѣ одержалъ побѣду надъ бандою Антоніо Кальдоры и тѣмъ упрочилъ свое владычество надъ Неаполемъ. Освободившись изъ плѣна Рената, этотъ предводитель кондоттьеровъ, походившій на своего отца коварствомъ, храбростью и военными талантами, перешелъ къ Альфонсу, потомъ оставилъ его и вернулся къ Ренату; но и тогда, какъ прежде, онъ не сражался за того, чьимъ именемъ пользовался, а заботился только о расширеніи своихъ владѣній. Точно также дѣйствовалъ и Іоаннъ Сфорца, соединившійся съ Антоніо Кальдорою для завоеванія того, что было отнято у его брата Франциска. Они были наголову разбиты Альфонсомъ, а Антоніо Кальдора взятъ въ плѣнъ. При этомъ случаѣ Ренатъ выказалъ все свое благородство. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ противника, онъ передалъ Альфонсу всѣ занятые имъ города и уступилъ ему государство, объявивъ, что готовъ лучше отстраниться передъ достойнымъ соперникомъ, чѣмъ давать поводъ хищнымъ предводителямъ наемниковъ злоупотреблять его именемъ (che non voleva, che il conte Francesco nè altro capitani italiani di ventura facessero mercanzia di lui).

Герцогъ миланскій и знаменитая своимъ мудрымъ правительствомъ венеціанская республика не были такъ добросовѣстны и богобоязливы, какъ Ренатъ. Филиппъ-Марія уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ войну съ венеціанцами, папою и флорентинцами, поручивъ начальство надъ войскомъ Пиччинино, а не Франциску Сфорцѣ, съ которымъ разошелся вслѣдствіе своего недовѣрчиваго и нерѣшительнаго характера; этотъ послѣдній предводитель наемниковъ перешелъ на сторону папы за уступку ему анконской мархіи. Въ теченіе 1439 г. Францискъ Сфорца велъ войну въ Ломбардіи съ герцогомъ миланскимъ, отправившимъ въ это время Пиччинино въ Тоскану, чтобы помочь фамиліи Альбицци и другимъ врагамъ Медичи снова захватить власть во Флоренціи. Въ слѣдующемъ году папа назначилъ своего лейбъ-медика Людовика патріархомъ аквилейскимъ и главнокомандующимъ, а Флоренція наняла отъ 19 до 20 т. тяжеловооруженныхъ всадниковъ, соединившихся подъ предводительствомъ Джіовани Паоло Орсини съ папскимъ войскомъ. Флорентинцы запретили своему полководцу нападать на Пиччинино, уже и безъ того готовившагося выступить изъ Тосканы въ Ломбардію по вызову Филиппа-Маріи, стѣсненнаго Сфорцою; но Пиччинино не хотѣлъ выступать, не нанеся пораженія врагамъ, и при Ангіари внезапно напалъ на папско-флорентинское войско (конецъ іюня 1440 г.). Его противники успѣли однако приготовиться къ битвѣ, и дѣло кончилось пораженіемъ миланскихъ наемниковъ. Убитыхъ было правда не много, но войско Пиччинино разбѣжалось. Извѣстія, сохранившіяся объ ангіарскомъ сраженіи, доказываютъ, какъ не кровопролитны были эти турниры кондоттьеровъ и какъ легко было съ небольшими деньгами вновь сформировать разбитое войско. Говорятъ, что однихъ офицеровъ было взято въ плѣнъ до 400 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 предводителя изъ 26-ти, и 3000 лошадей сдѣлались добычею непріятеля; но въ слѣдующій же день предводители флорентинскихъ

наемниковъ отпустили 1500 плѣнныхъ, заплатившихъ за себя значительный выкупъ. Побѣдители даже не преслѣдовали непріятельское войско, состоявшее тогда только изъ 1500 человѣкъ, разсчитывая, что и съ ними могутъ поступить такъ же великодушно въ случаѣ ихъ пораженія. Еще въ томъ же году Пиччинино набралъ новое войско и сталъ соперничать съ Франциской Сфорцою въ смѣлости предпріятій и въ стратегической ловкости. Послѣдній достигъ своей цѣли и отразилъ нападеніе миланцевъ на перешедшіе къ Венеціи города: въ маѣ и іюнѣ 1440 г. онъ выгналъ миланцевъ изъ областей Бергамо и Брешіи и отнялъ у союзника Милана, маркграфа мантуанскаго, крѣпость Пескьеру, что округлило итальянскія владѣнія венеціанцевъ и упрочило сношенія между Брешіей и Вероною. Послѣ этого, черезъ маркграфа феррарскаго Николая д'Есте, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ маркграфомъ мантуанскимъ, Филиппъ-Марія старался склонить на миръ Сфорцу и венеціанцевъ. Николай ѣздилъ въ Венецію, потомъ въ лагерь Сфорцы и у послѣдняго возобновилъ переговоры о его женитьбѣ на побочной дочери герцога, Бланкѣ; но всѣ его старанія остались безплодными. Еще до этихъ попытокъ возстановить миръ, венеціанцы увеличили свои владѣнія, благодаря тому коварству и вопіющимъ нарушеніямъ права гостепріимства, которыя восхвалялись у итальянцевъ какъ высшая государственная мудрость, какъ мудрость римскихъ сенаторовъ. У Остазіо ди Полента, фамилія котораго владычествовала въ Равеннѣ еще во времена Данте, было много враговъ; чтобы выманить его изъ города и въ его отсутствіе произвести возстаніе, они вошли въ переговоры съ венеціанцами и венеціанскій сенатъ пригласилъ Остазіо и его сына на миръ. Не смотря на всѣ увѣщанія маркграфа Николая, Остазіо послѣдовалъ приглашенію и тотчасъ по прибытіи въ Венецію былъ схваченъ вмѣстѣ съ сыномъ; измѣнники, подкупленные сенатомъ Венеціи, передали Равенну венеціанцамъ. Оба Полента не были казнены, какъ поступала венеціанская республика со всѣми владѣтелями завоеванныхъ ею городовъ, но отправлены плѣнниками на островъ Кандію, гдѣ и пресѣкся ихъ старинный родъ, прославленный Данте. Въ годъ завладѣнія Равенной и Пескьерой венеціанцы заключили новый миръ съ герцогомъ миланскимъ. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что наглость предводителей кондоттьеровъ, служившихъ у венеціанцевъ, въ особенности Пиччинино, заставила Филиппа-Марію искать помощи у Франциска Сфорцы. Предводители стараго, больнаго и бездѣтнаго герцога, желая еще при жизни его раздѣлить между собой миланскія владѣнія, требовали каждый для себя извѣстнаго города и области, поэтому Филиппъ-Марія — какъ нѣкогда Юпитеръ, испугавшій страшнымъ Бріареемъ боговъ, составившихъ противъ него заговоръ, — рѣшился въ лицѣ Франциска Сфорцы посадить рядомъ съ собой на престолъ новаго Бріарея, который былъ бы грозою другихъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ Франциской Сфорцою и предложилъ ему руку своей дочери Бланки: обѣщаніе, которое уже не разъ давалъ, но постоянно бралъ назадъ. Франциск Сфорца согласился, и чтобы примиреніе его съ врагомъ не показалось совершенною измѣною относительно Венеціи, позаботился о томъ, чтобы при заключеніи перемирія въ августѣ 1441 г. венеціанцамъ и союзникамъ ихъ были предложены выгодныя условія, если они также согласятся на миръ. 20-го ноября миръ былъ заключенъ въ мантуанскомъ городѣ Капріанѣ. За мѣсяцъ передъ тѣмъ (25 октября) Сфорца женился на Бланкѣ и получилъ въ приданое города Понте, Молле и Кремону. Условія капріанскаго мирнаго договора были крайне выгодны для Сфорцы и Венеціи; напротивъ, маркграфъ мантуанскій долженъ былъ уступить Венеціи города: Порто, Леньяго, Ногаролу, Валеджіо, Азолато и Пескіеру. Когда Франциск Сфорца вступилъ въ переговоры съ герцогомъ миланскимъ, венеціанцы наняли себѣ его близкаго родственника, Михаила Аттендоло ди Котиньолу; съ этихъ поръ онъ предводительствовалъ ихъ войскомъ и пріобрѣлъ себѣ громкую славу на ряду съ Пиччинино и Браччіо ди Монтоне.

Заключенный миръ былъ тотчасъ же нарушенъ вслѣдствіе союза папы съ королемъ Альфонсомъ, завладѣвшимъ наконецъ въ 1442 и 1443 г. Неаполемъ. Альфонсъ опасался, чтобы Франциск Сфорца не предъявилъ притязанія на владѣнія, принадлежавшія ему и его отцу въ неаполитанскомъ королевствѣ, а папа хотѣлъ отнять у него анконскую мархію. По словамъ венеціанской хроники кажется, что даже нерѣшительный герцогъ миланскій разошелся въ 1442 г. съ

своимъ зятемъ и соединился съ Альфонсомъ и папою противъ Венеціи и Флоренціи; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что борьба Пиччинино съ Сфорцою въ Церковной области дала въ 1442 г. возможность Альфонсу возвратить коронѣ города и владѣнія, отнятые у ней въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ. Историки, современники этихъ событій, и даже кардиналъ Ренатъ въ его исторіи церкви чрезвычайно хвалятъ политику Альфонса и папы Евгенія IV; можетъ она и дѣйствительно согласовалась съ духомъ времени, но честной ее ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать. Это очевидно изъ одного перечня событій. Альфонсъ одновременно велъ переговоры съ Сфорцою и его противникомъ Пиччинино и наконецъ соединился съ послѣднимъ, предложившимъ ему болѣе выгодныя условія. Папа слѣдовалъ той же системѣ. Чтобы возвратить себѣ анконскую мархію, онъ заключилъ миръ съ Альфонсомъ противъ Франциска Сфорцы, которому былъ обязанъ выгодными условіями послѣдняго мира, и точно также дѣйствовалъ относительно анжуйскаго дома. Гарантировавъ ему владѣніе Неаполемъ и наконецъ смѣшнымъ образомъ отдавъ Ренату даже Сицилію, Евгеній IV заключилъ 14-го іюня 1443 г. союзъ съ Альфонсомъ, когда арагонскій король призналъ папу базельскаго собора Феликса и завоевалъ неаполитанское королевство; къ этому союзу приступилъ и герцогъ миланскій черезъ Пиччинино, не смотря на то, что онъ былъ направленъ противъ его зятя. Альфонсъ пересталъ поддерживать антипапу, призналъ Евгенія единственнымъ верховнымъ главою церкви и обѣщалъ очистить города, занятые неаполитанцами въ римскихъ владѣніяхъ, выслать на помощь папѣ противъ Сфорцы 4000 рыцарей и 1000 человѣкъ пѣхоты и присоединить шесть вооруженныхъ кораблей къ папскому флоту, отправлявшемуся на войну съ турками. Съ своей стороны Евгеній призналъ короля Альфонса законнымъ владѣтелемъ Неаполя и Сициліи, сохранивъ за собой права сюзерена и обязательства, принятыя старшимъ анжуйскимъ домомъ, и сверхъ того тайно обѣщалъ признать наслѣдникомъ престола побочнаго сына Альфонса, Фердинанда, сдѣланнаго герцогомъ калабрійскимъ. Впослѣдствіи къ королевскому войску присоединился Пиччинино съ своими наемниками. По сохранившимся свѣдѣніямъ о численности войска обѣихъ сторонъ, можно судить, какъ велико было число людей, занимавшихся тогда въ Италіи военнымъ ремесломъ. Пиччинино и Альфонсъ выступили во главѣ 30 т. войска противъ Франциска Сфорцы, предводительствовавшаго 8 т. человѣкъ; такимъ образомъ въ войнѣ за мархію участвовало до 40 т. солдатъ. Большая часть мархіи была завоевана противниками Франциска Сфорцы, и папа возвратилъ себѣ свои владѣнія. Когда въ концѣ года (1443 г.) Франциск Сфорца оказался въ очень критическомъ положеніи, герцогъ миланскій рѣшился поддержать своего зятя; въ этомъ случаѣ, кромѣ обычной его политики стараться поддерживать равновѣсіе между предводителями наемниковъ, Филиппъ-Марія руководился и другою причиною. Его дочь — въ то время, какъ ея мужъ былъ отрѣзанъ въ Фано, — родила сына, названнаго дѣдомъ Галеаццо — Маріею, что доказывало его намѣреніе оставить новорожденному свое наслѣдство. Другою причиною, вызвавшею перемѣну настроенія герцога, было отпаденіе Болоньи отъ герцога по винѣ Пиччинино и заключеніе ею союза съ Флоренціей и Венеціей. Пиччинино согласился на возстановленіе самостоятельнаго внутренняго управленія города и позволилъ возвратиться изгнаннымъ членамъ фамиліи Бентиволью (стр. 646). Сынъ Пиччинино, Франческо, командовавшій болонскимъ гарнизономъ, находя, что Ганнибалъ Бентиволью и другіе потомки древнихъ владѣтелей Болоньи пользуются большей властью, чѣмъ онъ, велѣлъ однажды арестовать Ганнибала Бентиволью, Джіованни ди Фантуцци, Ромео ди Пеноли, Гаспара ди Малавицци и его сына Ахиллеса, и трехъ изъ нихъ отправилъ въ замокъ Пеллегрину, находившійся въ піаченцскихъ владѣніяхъ. Правительство (gli anziani) Болоньи вступилось за своихъ согражданъ и отправило депутацію къ герцогу миланскому и къ его полководцу Николаю Пиччинино; оба наобѣщали съ три короба, но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а объ исполненіи обѣщанія не было и помину. Наконецъ Франческо Пиччинино явно выказалъ намѣреніе уничтожить свободу Болоньи: онъ наложилъ на городъ контрибуцію и потребовалъ у правительства ключи отъ различныхъ воротъ. Тогда нѣсколько энергичныхъ молодыхъ людей, — какъ это подробно разсказано въ болонской хроникѣ, находящейся въ собраніи Муратори, — освободили Ганнибала Бентиволью изъ башни,

въ которой онъ содержался, возвратились съ нимъ въ Болонью и, овладѣвъ при извѣстномъ крикѣ свободы «popolo! popolo!» дворцомъ, арестовали Франческо Пиччинино и его солдатъ (іюнь, 1443 г.). Другой миланскій предводитель Людовикъ ди Верме спасся съ своимъ отрядомъ и готовился напасть на городъ; атакованный болонцами, подъ предводительствохъ Ганнибала Бентивольо, онъ былъ разбитъ при Понте Полледрано и потерялъ въ сраженіи 2 т. человѣкъ и весь обозъ. Вслѣдъ затѣмъ Франческо Пиччинино былъ обмѣненъ на обоихъ Мальвецци, захваченныхъ вмѣстѣ съ Бентиволо. Вновь провозглашенная республикой, Болонья, во главѣ правительства которой сталъ Ганнибалъ Бентивольо, заключила союзъ съ Флоренціей и Венеціей; субсидіи, присланныя обѣими республиками, дали возможность уничтожить обоихъ Пиччинино. Они были разбиты Сфорцою, и Франческо Пиччинино снова попался въ плѣнъ. Николай Пиччинино недолго пережилъ свое несчастье; призванный Филиппомъ-Маріею въ Миланъ, онъ умеръ тамъ въ октябрѣ 1444 г.

Перемѣна политики герцога миланскаго заставила папу усумниться въ возможности побѣдить Франциска Сфорцу въ союзѣ съ неаполитанскимъ королемъ, тѣмъ болѣе, что Альфонсъ тогда заболѣлъ. Поэтому онъ обратился къ посредничеству венеціанцевъ и флорентинцевъ и заключилъ въ 1444 г. миръ, по которому уступалъ Сфорцѣ всю мархію, кромѣ Озимо, Реканати, Фабріано и Анконы, вмѣстѣ съ титуломъ маркграфа. Этотъ миръ продолжался однако недолго; Франциск Сфорца и его тесть зорко слѣдили другъ за другомъ, и наконецъ Филиппъ-Марія заключилъ союзъ со всѣми тайными и явными врагами своего зятя (1445 г.). Тѣснимый со всѣхъ сторонъ папою, королемъ Альфонсомъ и владѣтелями городовъ, занимавшимися продажею наемниковъ какъ ремесломъ, Сфорца снова потерялъ всю мархію, и въ началѣ 1446 г. былъ отлученъ папою отъ церкви. Но когда его тесть велѣлъ Пичинино и Людовику ди Верме снова присоединить къ своимъ владѣніямъ Кремону, отданную Сфорцѣ въ приданое за женою, и такимъ образомъ открыто нарушилъ миръ, заключенный съ Флоренціей и Венеціей, флорентинцы, т. е. Косьма Медичи и владычествовавшая тогда во Флоренціи партія, рѣшились дѣйствовать противъ него. Они и венеціанцы наняли у итальянскихъ владѣтелей, отдававшихъ людей въ наймы, большое войско и отправили его подъ начальствомъ предводителя венеціанскихъ наемниковъ Михаила Аттендоло Котиньолы на помощь осажденной Кремонѣ. Уже въ іюнѣ 1446 г. Карлъ Гонзага, одинъ изъ предводителей герцогскаго войска, былъ разбитъ при Кастельджіованни, а два мѣсяца спустя Котиньола принудилъ Франческо Пиччинино снять осаду Кремоны. Наконецъ 29 сентября Пиччинино потерпѣлъ рѣшительное пораженіе при Казальмаджіоре; при этомъ, какъ обыкновенно бывало въ то время въ Италіи, войско его было только ограблено и разсѣяно и отняты лошади, но солдатъ погибло немного. При дѣлежѣ 4 т. лошадей, отнятыхъ у плѣнныхъ, Михаилъ Котиньола получилъ 400 паръ; остальныя были отданы другимъ предводителямъ, соотвѣтственно числу ихъ наемниковъ. По словамъ венеціанской хроники, шесть предводителей были владѣтелями отдѣльныхъ городовъ и графствъ, въ ихъ числѣ находились два могущественные маркграфа. Послѣ казальмаджіорской побѣды венеціанцы хотѣли занять всѣ миланскія владѣнія, какъ заняли прежде Бергамо, Брешію, Верону, Вичецу и Падую, но сдѣлали большую ошибку, отправивъ Котиньолу противъ Лекко, гдѣ онъ сорокъ дней оставался въ бездѣйствіи. Герцогъ милапскій искалъ вездѣ помощи: онъ обращался къ папѣ и къ Альфонсу, только въ декабрѣ прислалшимъ ему 4 т. лошадей, даже къ Карлу VII Французскому, обѣщая, что за помощь съ его стороны герцогъ орлеанскій, изъявлявшій притязанія на наслѣдство Висконти, получитъ городъ Асти; но прежде всего Филиппъ-Марія призвалъ своего зятя Франциска Сфорцу. Онъ послалъ ему денегъ для вербованія большаго числа наемниковъ и возобновилъ свое обѣщаніе оставить ему въ наслѣдство миланское герцогство. Переговоры Франциска Сфорцы съ герцогомъ милапскимъ заставили флорентинцевъ и венеціанцевъ очень недовѣрчиво смотрѣть на него; поэтому онъ искалъ союза съ папою и Альфонсомъ. При этомъ ему благопріятствовало то обстоятельство, что въ февралѣ 1447 г. умеръ Евгеній IV и его мѣсто занялъ епископъ болонскій подъ именемъ Николая V, человѣкъ безъ аристократическихъ племянниковъ и креатуръ. Старанія новаго папы водворить миръ были разрушены герцогомъ

миланскимъ. Снова подозрѣвая своего зятя, онъ прекратилъ высылку денегъ и не впустилъ навербованное Сфорцою войско въ Миланъ, но велѣлъ ему двинуться въ брешіанскія и венеціанскія владѣнія, а это дало поводъ венеціанцамъ напасть на Кремону, Пентремони и Крему, составлявшія приданое Бланки, въ то время какъ Сфорца былъ задержанъ въ маркіи. Четвертаго марта 1447 г. Котиньола появился у Кремоны, но встрѣтивъ сильное сопротивленіе, отступилъ и расположился лагеремъ близъ Милана; тогда герцогъ снова призвалъ на помощь Франциска Сфорцу. Успѣхи венеціанцевъ возбудили зависть въ флорентинцахъ и партія Медичи рѣшилась поддержать Сфорцу. Филиппъ-Марія послалъ своему зятю денегъ для новыхъ вооруженій и просилъ короля Альфонса и папу также помочь ему деньгами. Но они отказали въ его просьбѣ и Сфорца долженъ былъ продать папѣ свое послѣднее владѣніе въ маркіи — городъ Іезіо. Затѣмъ онъ двинулся изъ Пезаро въ Миланъ, куда его войско вступило уже по смерти Филиппа-Маріи, послѣдовавшей 13 августа 1447 г.

По смерти Филиппа-Маріи на герцогство миланское, бывшее леномъ германской имперіи, явились три претендента, хотя никто не имѣлъ на него законныхъ правъ. Однимъ изъ нихъ былъ Франциск Сфорца, какъ мужъ Бланки; но притязанія его на наслѣдство мужескаго лена были бы неосновательны, даже и въ томъ случаѣ, еслибы Бланка была законной дочерью герцога. Другимъ претендентомъ явился герцогъ орлеанскій Карлъ, отецъ французскаго короля Людовика XII, тотчасъ же занявшій 3 тысячами всадниковъ городъ Асти и основывавшій свои претензіи на томъ, что его отецъ былъ женатъ на дочери Іоанна Галеаццо Висконти (стр. 441). Наконецъ третьимъ былъ неаполитанскій король Альфонсъ, составившій себѣ партію въ правительствѣ Филиппа-Маріи. Приверженцы третьяго претендента опирались на завѣщаніе, будто бы составленное герцогомъ въ пользу короля Альфонса; но Филиппъ-Марія ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права распоряжаться герцогствомъ, какъ своимъ помѣстьемъ. Нѣкоторые изъ предводителей наемниковъ школы Браччіо, боясь преобладанія сфорцесковъ, сдѣлали попытку доставить Альфонсу владычество надъ Миланомъ, прежде чѣмъ распространилось извѣстіе о смерти герцога, и для этого воспользовались случайнымъ присутствіемъ Раймонда Бойле, явившагося на помощь герцогу изъ Апуліи съ неаполитанскими наемниками. Раймондъ завладѣлъ дворцомъ и цитаделью, вывѣсилъ на первомъ арагонскій флагъ, но подкупленный четырьмя миланскими патриціями, провозгласившими республику, согласился выступить изъ Милана. Въ Миланѣ и во всѣхъ большихъ городахъ Италіи фамиліи патриціевъ не потеряли своего значенія даже при военномъ владычествѣ тирановъ; по смерти Филиппа-Маріи четверо изъ нихъ рѣшились возстановить демократическую республику. Они подкупили главнокомандующаго короля Альфонса, сдавшаго имъ всѣ укрѣпленные пункты въ городѣ и его окрестностяхъ, велѣли тотчасъ же срыть ихъ и отправили посольство къ венеціанцамъ для заключенія съ ними союза. Изъ миланскихъ городовъ къ новой республикѣ присоединились Новара, Алессандрія и Комо; Павія учредила собственное правительство, Тортона также отдѣлилась отъ Милана, а Парма вошла въ переговоры съ Франциском Сфорцою, прося у него покровительства. Неурядицею въ Миланскомъ герцогствѣ воспользовались венеціанцы, чтобы расширить предѣлы своихъ владѣній: они взяли Лоди и, согласно своей политикѣ никогда не исполнять обѣщаннаго, предложили городу Піаченцѣ выгодныя условія, если онъ станетъ подъ ихъ покровительство. Но мудрое правительство Венеціи сдѣлало тогда большую ошибку; думая, что миланскіе патриціи, учредившіе демократическую республику, не удержатся, оно отвергло ихъ предложенія о союзѣ, хотя и не смѣло тотчасъ же напасть на Миланъ. Получивъ отказъ Венеціи, миланцы обратились къ Франциску Сфорцѣ, находившемуся въ Кремонѣ, не для того, чтобы признать его наслѣдникомъ и преемникомъ его зятя, но съ предложеніемъ принять начальство надъ ихъ войскомъ. Сфорца былъ хитрѣе венеціанцевъ, которые вступленіемъ въ союзъ могли точно такъ же достигнуть господства надъ Миланомъ, какъ сдѣлался его властителемъ Сфорца, принявъ званіе главнокомандующаго. Согласившись на предложеніе миланцевъ, Сфорца съумѣлъ привлечь на свою сторону старинныхъ враговъ и завистниковъ своей фамиліи, Франческо Пиччинино и его брата Джакопо вмѣстѣ съ ихъ наемниками, и затѣмъ прежде всего устремилъ свое вниманіе на

Павію. Комендантъ крѣпости, родомъ изъ Болоньи, продалъ себя и городъ Сфорцѣ; но павійцы, чтобы не зависѣть отъ Милана, подчинились владѣтелю Кремоны, который долженъ былъ принять титулъ графа павійскаго. Миланцы были въ высшей степени недовольны злоупотребленіями своего предводителя, но, получивъ вторичный отказъ отъ Венеціи, должны были принять извиненія Сфорцы, чтобы не сдѣлаться жертвою венеціанцевъ, войско которыхъ, подъ предводительствомъ Котиньолы, все еще занимало герцогство миланское. Нападеніемъ на это войско Франциск Сфорца привелъ бы дѣло къ скорой развязкѣ, но онъ и не думалъ объ этомъ, а напротивъ того устремился съ миланскими наемниками на Піаченцу, изъ которой предполагалъ основать для себя особое владѣніе или графство. При осадѣ Піаченцы снова обнаруживается, что въ то время вся Италія, какъ во времена римскихъ императоровъ, зависѣла отъ искателей приключеній и предводителей разбойниковъ, и даже войска Венеціи, Флоренціи, короля Альфонса и папы состояли только изъ наемниковъ. При осадѣ Піаченцы въ войскѣ Франциска Сфорцы участвовали оба брата Пиччинино, владѣтель Фаэнцы, Гвидаццо, Гонзага Мантуанскій, Александръ Сфорца, графъ Людовикъ да Верме, графъ Долче ди Ангвиллара и многіе другіе предводители, вступившіе къ нему въ службу. Какого рода были эти солдаты и какихъ принциповъ держались ихъ предводители, не исключая самого Сфорцы, обнаружилось вполнѣ, когда дикія ватаги, осаждавшія Піаченцу съ октября, 15 и 16 ноября взяли приступомъ городъ. Съ дозволенія Сфорцы они сорокъ дней производили такія неистовства въ завоеванномъ городѣ, что даже панегиристъ Сфорцы, Симонетта, соглашается въ этомъ, дѣлая оговорку, что Сфорца все-таки послалъ вспомоществованіе монахинямъ и велѣлъ повѣсить нѣсколькихъ разбойниковъ. Церкви, монастыри и частные дома были разграблены, женщины и дѣвушки изнасилованы, всѣ граждане, которые были въ состояніи заплатить выкупъ, подверглись жёстокому обращенію. Городъ уже никогда болѣе не достигалъ своего прежняго блеска. Вирочемъ, словъ Ринальты, составителя хроники Піаченцы, о томъ, что 1100 его соотечественниковъ и въ томъ числѣ самъ онъ были проданы въ рабство, не нужно понимать буквально, какъ это сдѣлалъ Сисмонди; слова эти означаютъ только, что 1100 человѣкъ должны были тяжелымъ трудомъ добывать себѣ деньги, требуемыя за ихъ освобожденіе.

Одна изъ партій въ Миланѣ хотѣла провозгласить Франциска Сфорцу герцогомъ, другая, болѣе могущественная, напротивъ, зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ и въ началѣ слѣдующаго года даже отняла у него неограниченное начальство надъ войскомъ, предоставленное ему правительствомъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ дѣйствовать медленнѣе и не извлекъ тѣхъ выгодъ, какихъ могъ бы достигнуть изъ побѣдъ, одержанныхъ въ 1447 году, а зимой отправился въ Кремону и только въ маѣ 1448 г. снова выступилъ въ походъ. Еще въ концѣ 1447 г. миланцы стали опасаться своего полководца гораздо болѣе, чѣмъ враговъ, и предложили венеціанцамъ заключить миръ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ; переговоры были совсѣмъ окончены, когда заключенію трактата помѣшала интрига. Во время отсутствія Сфорцы изъ Кремоны венеціанцы напали на этотъ городъ, геройскимъ образомъ защищаемый его женою Бланкою. За это нападеніе Франциск отмстилъ впослѣдствіи венеціанцамъ при Казальмаджіоре: онъ напалъ на ихъ флотъ, стоявшій на По, и уничтожилъ его въ виду венеціанскаго войска, предводительствуемаго Котиньолой. По уничтоженіи венеціанскаго флота Сфорца осадилъ въ августѣ Караваджіо. Для спасенія этого города венеціанцы рѣшились прибѣгнуть къ крайнему средству; не смотря на то, что Котиньола и всѣ опытные полководцы не хотѣли вступать въ открытое сраженіе съ своимъ смѣшаннымъ войскомъ, сенаторы и патриціи, присутствовавшіе въ войскѣ какъ уполномоченные отъ правительства, велѣли дать 15-го сентября 1448 года рѣшительное сраженіе при Караваджіо. Это сраженіе замѣчательнѣе всѣхъ, происходившихъ въ Италіи въ теченіе XV столѣтія. Со своими закаленными наемниками Сфорца одержалъ блистательную побѣду надъ венеціанскимъ войскомъ, численность котораго простиралась до 24 т. человѣкъ. Все венеціанское войско было разсѣяно, хотя мы и не вѣримъ свидѣтельству бреміанской хроники, будто изъ 12 тыс. венеціанскихъ всадниковъ спаслось только 1500 человѣкъ. Убитыхъ въ этомъ сраженіи также было немного, потому что побѣдители, по обычаю тогдашнихъ наем-

никовъ, довольствовались взятіемъ въ плѣнъ людей, у которыхъ потомъ отнимали лошадей и оружіе, а ихъ самихъ заставляли выкупаться. Послѣ пораженія при Караваджіо, втораго великаго полководца венеціанцевъ, счастливо предводительствовавшаго ихъ войскомъ, постигла та же участь, какъ и перваго, съ тою только разницею, что его не казнили. По приказанію венеціанскаго сената, Котиньола былъ отданъ подъ судъ и изгнанъ въ свои владѣнія, гдѣ продолжалъ получать незначительный пенсіонъ. Вмѣсто него венеціанцы поручили Пасквалю Малипіери снова сформировать и вооружить наемниковъ, у которыхъ непріятели отняли лошадей и оружіе. Франциск Сфорца также поссорился послѣ сраженія съ уполномоченными миланскаго правительства, находившимися въ его войскѣ. Перейдя Олью и впущенный во всѣ замки страны, онъ хотѣлъ двинуться въ городъ Брешію, обѣщанный ему миланцами; но уполномоченные правительства потребовали, какъ уже сдѣлали однажды въ самомъ началѣ похода, чтобы онъ взялъ прежде Лоди. Не довѣряя Сфордѣ, они впослѣдствіи отправили противъ Лоди одного изъ Пиччинино. Сфорца тотчасъ же началъ переговоры о мирѣ съ венеціанцами. И знаменитый кондоттьеръ, и аристократическая республика дѣйствовали по одинаковымъ принципамъ, т. е. вѣрнѣе не имѣли никакихъ; они мѣняли своихъ союзниковъ, смотря по тому, чего требовали ихъ интересы, и обѣщали многое, заранѣе увѣренные, что не исполнятъ своихъ обѣщаній. Сфорца двинулъ на Лоди всѣхъ наемниковъ изъ школы Браччіо и сыновей Пиччинино, на которыхъ браччески смотрѣли какъ на наслѣдниковъ талантовъ стараго Браччіо, и чрезъ своего секретаря Симонетту, дядю историка того же имени, панегириста дѣяній Франциска Сфорцы, вступилъ въ переписку съ новымъ предводителемъ венеціанцевъ. Обѣ стороны скоро договорились объ условіяхъ мира, заключеннаго черезъ 33 дня послѣ сраженія при Караваджіо (18 октября 1448 г.); жертвою его была милапская республика. Сфорца обѣщалъ освободить всѣхъ плѣнныхъ, очистить всѣ завоеванные имъ города въ областяхъ Бергамо и Брешіи, отказаться отъ всѣхъ притязаній, которыя предъявили Висконти на территорію Кремы и Гіару д'Адда, и предоставить эти мѣстности венеціанцамъ. За это Венеція обязалась помочь ему завладѣть всей страной, находившейся подъ властью Филиппа-Маріи, выставить 4 т. всадниковъ и 2 т. человѣкъ пѣхоты и платить ежемѣсячно 13 тыс. дукатовъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается властителемъ Милана.

Заключивъ миръ съ венеціанцами, Сфорца обратился съ рѣчью къ солдатамъ, представилъ имъ, какъ это обыкновенно дѣлается, поступки миланцевъ въ самомъ отвратительномъ свѣтѣ и прельстилъ ихъ надеждою богатой добычи. Наемники встрѣтили его слова съ восторгомъ. Вскорѣ однако пришло извѣстіе, что въ тотъ день, какъ онъ заключилъ миръ съ венеціанцами, Лоди сдался миланцамъ, а Карлъ Гонзага съ 1,200 всадниковъ и 500 человѣкъ пѣхоты оставилъ ночью свой лагерь, чтобы сохранить вѣрность миланцамъ. Большинство остальныхъ предводителей наемниковъ, находившихся въ миланской службѣ, и множество городовъ, подчинившихся республиканскому правительству Милана, отпали отъ послѣдняго и признали Франциска Сфорцу наслѣдникомъ его тестя. Тогда Сфорца потребовалъ съ угрозами отъ республики, которой служилъ до сихъ поръ по найму, чтобы она признала его своимъ законнымъ владѣтелемъ. Монархическо-аристократическая партія въ Миланѣ или такъ называемые гибеллины были не прочь впустить его въ городъ и вожди ихъ тайно переписывались съ нимъ; но гвельфы и Карлъ Гонзага, пользовавшійся массами для своихъ цѣлей, рѣшительно противились этому. Послѣдняя партія преслѣдовала гибеллиновъ какъ измѣнниковъ, поджигала народъ и въ 1449 г. образовала изъ него войско, чтобы противопоставить вооруженную силу наемникамъ, стекавшимся со всѣхъ сторонъ къ Сфорцѣ. Войско изъ гражданъ сдѣлалось рѣдкостью въ Италіи и не имѣло никакого военнаго значенія, хотя миланцы и хвалятся, что ополченіе ихъ простиралось до 60 тыс человѣкъ и что 20 тысячъ изъ нихъ были вооружены винтовками. Еще въ концѣ 1448 г. Сфорца показался вблизи Милана, а венеціанцы отправили къ нему обѣщанныя по договору вспомогательныя войска и по собственному побужденію двинулись на Крему и Гіару д'Адда. Въ мартѣ 1449 г. онъ уже стоялъ противъ миланскаго ополченія, но рѣшительнаго сраженія не произошло, потому что обѣ стороны избѣгали его; такимъ образомъ въ теченіе большей половины года война ограничивалась осадою различныхъ го-

родовъ. Завладѣвъ Лоди, венеціанцы показали новый примѣръ своей коварной политики. Боясь, чтобы Сфорца не подчинилъ себѣ всей Ломбардіи, они согласились на предложенія мира, сдѣланныя имъ тремя миланскими аристократами, и 27 сентября 1449 г. въ Брешіи былъ заключенъ договоръ между венеціанской и миланской республиками. Въ этотъ договоръ венеціанцы ввели между прочимъ условія, повидимому выгодныя Сфорцѣ, но въ дѣйствительности дѣлавшія невозможнымъ соединеніе цѣлаго миланскаго герцогства подъ властью одного воинственнаго князя. Они предложили, чтобы Франциск Сфорца наслѣдовалъ отъ Висконти Новару, Тортону, Алессандрію, Павію, Парму и Кремону, а чтобы Миланъ, Комо, Беллинцона и одинъ изъ береговъ Адды остались подъ республиканскимъ управленіемъ. Сфорца, отвергнувъ эти условія, потребовалъ себѣ города Милана, и вслѣдствіе того въ концѣ ноября 1449 г. между нимъ и Венеціей возгорѣлась война; въ декабрѣ онъ разбилъ въ горахъ при Бріанцѣ обоихъ Малатеста, предводительствовавшихъ войскомъ венеціанцевъ. Король Альфонсъ также замѣшался въ войну съ Венеціей. Еще въ годъ смерти герцога Филиппа-Маріи онъ вторгнулся въ Тоскану подъ тѣмъ предлогомъ, что союзница Флоренціи, венеціанская республика напала на его союзника, герцога миланскаго, но вторженіе его не имѣло никакихъ результатовъ; между тѣмъ въ томъ же году папа Николай V былъ добровольно признанъ сюзереномъ города Болоньи, епископомъ которой онъ былъ прежде. Относительно Альфонса и флорентинцевъ венеціанцы тоже слѣдовали странной политикѣ. Въ 1448 г. Альфонсъ велъ войну съ флорентинцами вслѣдствіе ихъ союза съ Венеціей и выгналъ изъ своего государства всѣхъ венеціанцевъ, а вслѣдъ затѣмъ соединился съ Венеціей, чтобы недопустить Сфорцу сдѣлаться владѣтелемъ Милана. Миланской республикѣ тоже пришлось испытать коварную политику венеціанцевъ. Аристократы Венеціи старались съ одной стороны препятствовать переговорамъ миланцевъ съ Сфорцою, а вмѣстѣ съ тѣмъ только слабо поддерживали первыхъ, чтобы принудить ихъ отдаться венеціанцамъ изъ страха передъ военнымъ владычествомъ Сфорцы. Вслѣдствіе того городъ Миланъ оставался осажденнымъ въ теченіе всей зимы 1449 г. Еще въ началѣ зимы Сфорца могъ бы пойти на приступъ города, но, не желая употреблять открытаго насилія, хотѣлъ голодомъ вынудить его къ добровольной сдачѣ. Въ январѣ и февралѣ 1450 г. въ городѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и тысячи умирали съ голоду; не смотря на это, правительство и большинство гражданъ Милана съ республиканской гордостью отвергли всѣ предложенія Сфорцы. Убѣдившись наконецъ въ невозможности отстоять свою независимость и сохранить республиканскую форму правленія, миланцы все-таки не думали покориться деспотическому кондоттьеру и, чтобы избавиться отъ него, хотѣли подчиниться венеціанской республикѣ или королю Альфонсу, или наконецъ папѣ. Такъ сильно было отвращеніе ихъ къ Сфорцѣ. Чтобы заставить правительство скорѣй рѣшить дѣло, нѣсколько сотъ гражданъ бросились 25 февраля въ ратушу, разогнали членовъ правительства и разорвали венеціанскихъ пословъ, уговаривавшихъ ихъ успокоиться. Впрочемъ они не предпринимали затѣмъ ничего особеннаго, но смѣнили правительство и на слѣдующій день созвали народное собраніе въ церкви Санта Марія делла Скала. Въ этомъ собраніи сначала никто не осмѣлился сдѣлать предложенія о начатіи переговоровъ съ Сфорцою: говорили о Венеціи, папѣ, Альфонсѣ, савойскомъ герцогѣ, только не о Сфорцѣ. Подъ конецъ однако вышелъ Гаспаръ да Вимеркато и сказалъ голодной толпѣ, что только Сфорца можетъ въ сію же минуту пособить ихъ нуждѣ. Убѣжденный этими словами, народъ по предложенію Вимеркато отправилъ посольство въ непріятельскій лагерь съ предложеніемъ Сфорцѣ явиться въ городъ безъ всякихъ условій, обезпечивающихъ гражданскую свободу. Затѣмъ Сфорца былъ введенъ въ Миланъ при радостныхъ крикахъ миланцевъ; впослѣдствіи онъ вторично въѣхалъ съ торжествомъ въ городъ вмѣстѣ съ своею женою. Примѣру Милана послѣдовали Монца, Комо и Беллинцона, признавшіе его своимъ владѣтелемъ. Сфорца принялъ титулъ герцога миланскаго, не спросивъ на то согласія императора Фридриха III, который поэтому и не заѣхалъ въ Миланъ, проѣзжая въ 1452 г. на коронацію въ Римъ. Стараніями своего новаго герцога миланцы достигли тотчасъ же двухъ важныхъ вещей: отстраненія недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и мира съ флорентинцами, прежними врагами республиканскаго пра-

вительства Милана. Сфорца велѣлъ тотчасъ же навезти припасовъ изъ всѣхъ ломбардскихъ городовъ, а Флоренція первая изъ всѣхъ государствъ привѣтствовала новаго герцога, котораго не признавали ни императоръ Фридрихъ, ни французскій король; послѣдній смотрѣлъ на него какъ на узурпатора, захватившаго наслѣдство Висконти, принадлежавшее герцогу орлеанскому. Флорентинцы отправили послами въ Миланъ самыхъ богатыхъ и знатнѣйшихъ своихъ гражданъ: сына Косьмы Медичи — Петра, Пери Каппони, Людовика Питти и Діотисальви Нерли. Послы были торжественно приняты и по порученію своей республики заключили тѣсную дружбу съ новымъ герцогомъ, тогда какъ прежде въ союзѣ съ Венеціей воевали противъ миланской республики. Съ этой минуты въ Италіи водворилось на нѣкоторое время спокойствіе. Здѣсь мы прервемъ исторію Италіи, которая, не смотря на постоянную войну, достигла тогда изумительной степени благосостоянія и довела искусства, науки, торговлю и ремесла до высокаго развитія, но вслѣдъ затѣмъ была остановлена въ своемъ національномъ движеніи потокомъ французскихъ и испанскихъ событій. Обрисуемъ только въ нѣсколькихъ словахъ то положеніе, съ котораго мы начнемъ послѣдующее изложеніе итальянской исторіи.

Перемиріе, наступившее въ 1450 г. въ верхней и средней Италіи, не было предварительно условлено и не основывалось на мирѣ; оно установилось само собою, потому что Сфорца боялся богатства Венеціи, а венеціанцы его оружія. Въ слѣдующемъ году война снова возгорѣлась и сначала казалось, что она будетъ страшнѣе, чѣмъ прежняя: Венеція заключила союзъ съ королемъ Альфонсомъ, Людовикомъ Савойскимъ, маркграфомъ монферратскимъ и городомъ Сіенною, а новый герцогъ миланскій соединился съ генуезцами, флорентинцами и маркграфомъ мантуанскимъ. Венеціанцы до того были озлоблены на Флоренцію, что выгнали изъ своего города всѣхъ флорентинцевъ, не имѣвшихъ особыхъ привилегій. Они старались также произвести революцію въ Болоньѣ возвращеніемъ фамиліи Канедоло и многочисленныхъ ея приверженцевъ, бывшихъ въ изгнаніи, но эта попытка не удалась. Исторія незначительной войны, веденной съ 1451 по 1453 г. въ Ломбардіи и Тосканѣ упомянутыми государствами или вѣрнѣе ихъ союзниками, не стоитъ того, чтобы о ней говорить. Папа Николай V употреблялъ всѣ усилія, чтобы возстановить въ Италіи общій миръ; вслѣдствіе опасности, угрожавшей венеціанцамъ и сѣверной Италіи по завоеваніи Константинополя турками, старанія его имѣли подъ конецъ гораздо больше успѣха, чѣмъ казалось вначалѣ. Еще въ 1453 г. Николай обнародовалъ посланіе ко всѣмъ христіанскимъ королямъ и князьямъ, убѣждая ихъ заключить между собой миръ и пойти войною на турокъ, но въ особенности старался дѣйствовать на герцога миланскаго, на венеціанцевъ, флорентинцевъ и генуезцевъ и уговаривалъ ихъ отправить пословъ въ Римъ, чтобы дать возможность главѣ христіанскаго міра возстановить общій миръ между итальянскими князьями. Однако миръ не былъ заключенъ и въ теченіе всего 1453 г. война свирѣпствовала на сѣверозападѣ Ломбардіи, куда Франциск Сфорца призвалъ французовъ и герцога Лотарингскаго Рената, чтобы успѣшнѣе бороться на востокѣ съ венеціанцами, а на западѣ съ Людовикомъ Савойскимъ, Вильгельмомъ Монферратскимъ и владѣтелями Корреджіо. Въ слѣдующемъ году (1454 г.) венеціанцы чрезъ посредничество августинскаго монаха убѣдили Симонетту да Камерино, пользовавшагося большимъ вліяніемъ не только у нихъ, но и у герцога миланскаго, уговорить враждебныя стороны заключить между собой миръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Италіи угрожала война съ турками. Девятаго апрѣля 1454 г. миръ былъ подписанъ въ Лоди; къ нему приступили всѣ союзники герцога и венеціанцевъ. По условію его Сфорца удержалъ Гіару д'Адда, возвративъ за то венеціанцамъ все, чѣмъ завладѣлъ въ округахъ Брешіи и Бергамо; Карлъ Гонзага получилъ обратно всѣ свои крѣпости. Согласно своей обычной политикѣ, венеціанцы по тайной статьѣ договора отказались отъ своихъ союзниковъ — Людовика Савойскаго, Вильгельма Монферратскаго, его брата Іоанна и владѣтелей Корреджіо, которые въ томъ же году были вынуждены принять условія, предписанныя имъ герцогомъ миланскимъ. Король Альфонсъ не соглашался приступить къ миру, заключенному его союзниками, уже по той одной причинѣ, что Франциск Сфорца для достиженія личныхъ выгодъ призвалъ въ Италію двухъ потомковъ анжуйскаго дома, изъявлявшихъ

притязанія на Неаполь. Мы уже говорили, что въ 1453 г. старикъ Ренатъ явился въ Ломбардію съ отрядомъ французскихъ искателей приключеній, но они такъ безчинствовали и дѣлали такія мерзости, что имя французовъ стало ненавистнымъ, а добрый старикъ Ренатъ не хотѣлъ долѣе оставаться между ними и вернулся во Францію. Вмѣсто него весной 1454 г. явился въ Италію его сынъ Іоаннъ, принявшій титулъ герцога калабрійскаго, т. е. наслѣдника Неаполя; флорентинцы приняли его въ свой городъ и оказали ему поддержку. Вскорѣ однако претендентъ на Неаполь долженъ былъ вернуться за Альпы, потому что 30 августа того же года на основаніи лодійскаго мира Венеція, Флоренція и Миланъ заключили между собой союзъ, въ который вошли города Болонья и Борзо д'Есте и къ которому союзники уговаривали приступить короля Альфонса. Альфонсъ долго не соглашался подписать мирный договоръ, но осаждаемый просьбами своего сюзерена папы Николая V, согласился наконецъ 22 января 1455 г. приступить къ лодійскому миру. Вскорѣ онъ присоединился къ союзу, заключенному между герцогомъ миланскимъ, венеціанцами и флорентинцами. Папа Николай V также хотѣлъ приступить къ этому союзу, надѣясь такимъ образомъ удержать турокъ отъ Италіи, но умеръ 24 марта. Въ 1455 г. общій миръ не былъ еще водворенъ въ Италіи. Спокойствіе было нарушаемо не только Джакомо Пиччинино, его бандами, распущенными венеціанцами, и вообще праздношатавшимися наемниками, но и самъ Альфонсъ, приступая къ миру, формально объявилъ, что остается въ войнѣ съ Генуей, Сигизмундомъ Малатестою и Асторре ди Манфреди. Альфонсъ дѣлалъ постоянные набѣги на сіенскую республику. Даже по возстановленіи въ 1456 г. спокойствія въ остальной Италіи, король Альфонсъ продолжалъ морскую войну съ Генуей. Умирая въ 1458 г., онъ оставилъ неаполитанское королевство своему побочному сыну Фердинанду, а Сицилію и Арагонію своему брату Іоанну. Этотъ раздѣлъ вызвалъ перевороты, сдѣлавшіе Италію полемъ битвы между французами и испанцами.

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА

ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛОВИНЫ XIV И ПЕРВОЙ XV СТОЛѢТІЯ.

A. Греки по отношенію къ процвѣтанію наукъ и искусствъ въ Италіи.

1. Личности.

Въ нашемъ очеркѣ литературы и образованности слѣдовало бы собственно держаться той же системы, какъ и въ политической исторіи первой половины XIV столѣтія, т. е. сначала сказать о византійцахъ и туркахъ, потомъ о нѣмцахъ и подъ конецъ объ итальянцахъ; но, предназначая этотъ трудъ не для спеціалистовъ, мы обойдемъ турецкую литературу и только поверхностно коснемся литературы византійской или греческой. Греческая литература, принадлежавшая совершенно иному времени и отчасти совершенно другому народу—древнимъ, чистымъ грекамъ, а не смѣси народовъ, называемыхъ византійцами, умерла вмѣстѣ съ греками и воскресла на западѣ въ новомъ, измѣненномъ видѣ. Поэтому мы ограничимся перечнемъ тѣхъ изъ византійцевъ, которые до и по завоеваніи Константинополя перенесли на западъ Европы науку и вообще цивилизацію древнихъ грековъ, ихъ теоретическую и практическую мудрость, ихъ поэзію, философію и грамматику. Но и объ этихъ людяхъ, учившихъ на латинскомъ языкѣ, общеупотребительномъ въ Европѣ до XVIII столѣтія, мы скажемъ лишь на столько, на сколько они своимъ появленіемъ содѣйствовали полному измѣненію школьнаго преподаванія и формъ жизни сначала въ Италіи, потомъ во всей остальной Европѣ.

О грекахъ, явившихся въ Италію въ XIV и XV столѣтіяхъ и принесшихъ съ собой тотъ родъ преподаванія, который лежитъ теперь въ основаніи образованія всей Европы, написано нѣсколько подробныхъ сочиненій; самое полное, появившееся въ 1742 г. въ Лондонѣ, принадлежитъ Годи. Кромѣ того Геренъ и другіе нѣмецкіе ученые изложили въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ свои изслѣдованія о томъ, какъ изъ образованія среднихъ вѣковъ сложилось подъ вліяніемъ греческой литературы образованіе новаго времени. Поэтому мы ограничимся только нѣсколькими словами. Упомянуть и указать въ общихъ чертахъ на людей, явившихся въ XV столѣтіи изъ Греціи въ Италію, и на нѣкоторыя произведенія того времени слѣдуетъ во первыхъ по долгу благодарности, во-вторыхъ потому, что образованнымъ людямъ необходимо знать, изъ какихъ источниковъ и чрезъ какихъ людей явились къ намъ знанія, составляющія теперь общее достояніе и не требующія, чтобы ихъ изучали въ ученыхъ школахъ. Для этой цѣли, изъ огромнаго числа людей и твореній достаточно ознакомиться съ тѣми, которые, по нашему мнѣнію, особенно замѣчательны. Мы не скажемъ ничего новаго, но, разумѣется, будемъ слѣдовать только собственнымъ воззрѣніямъ и личнымъ взглядамъ.

Когда Данте и Петрарка возбудили въ своихъ соотечественникахъ энтузіазмъ къ древнему греческому языку, наукѣ и литературѣ и совершенно ориги-

нальнымъ образомъ связали средневѣковую поэзію, философію и искусство христіанства съ древнимъ міромъ, когда они слили германскую, кельтическую, сѣверную, восточную и греческую литературы, — въ это время недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ чрезвычайно затруднялъ изученіе греческой литературы. Варлаамъ, Леонтій Пилатъ и Димитрій Ѳессалоникскій, познакомившіе великихъ итальянскихъ писателей, — о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи, — съ неизвѣстными до тѣхъ поръ на Западѣ сокровищами греческой литературы, пріобрѣли себѣ тѣмъ безсмертную славу; но люди, подобные монаху Варлааму, по недостатку образованія или по поверхностному знакомству съ латинскимъ языкомъ, не могли имѣть преобладающаго вліянія. Эмануилъ Хрисолорасъ, явившійся въ Италію между 1393 и 1396 г., первый своимъ словомъ и примѣромъ возбудилъ въ итальянцахъ любовь къ греческой литературѣ. Онъ соединялъ въ себѣ греческую ученость, удивлявшую итальянцевъ, съ утонченностью образованной жизни и манерами хорошаго общества, тогда какъ Варлаамъ и другіе ученые греки того времени изображаются Данте и Петраркою педантическими монахами. Въ первый разъ Хрисолорасъ явился въ Италію, по всей вѣроятности, посломъ греческаго императора съ порученіемъ просить помощи венеціанцевъ противъ турокъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ Димитрій Кидоній; они вернулись въ Константинополь въ сопровожденіи Роберта Рози и Джакопо д'Анджіоло, первыхъ флорентинцевъ, начавшихъ восхвалять во Флоренціи древній міръ грековъ. По возвращеніи въ отечество эти флорентинцы съ такимъ воодушевленіемъ говорили своимъ соотечественникамъ, — въ то время представителямъ искусствъ и практической мудрости въ Италіи, — о состояніи преподаванія въ Греціи и въ особенности о способностяхъ и умѣньи учить Хрисолораса, что флорентинское правительство официально просило греческаго ученаго пріѣхать учить во Флоренцію, поручивъ Джакопо д'Анджіоло убѣдить его принять приглашеніе. Хрисолорасъ согласился и въ 1397 г. заключилъ контрактъ, обязавшись за извѣстную годовую плату читать лекціи во Флоренціи. Объ учрежденіи греческой каѳедры во Флоренціи особенно энергически хлопоталъ одинъ знатный флорентинецъ, Николо Никколи; впослѣдствіи мы еще не разъ будемъ говорить о его дѣятельности въ пользу классической литературы новаго времени. Онъ и Хрисолорасъ, начавшій свои лекціи въ 1397 г., сначала были большими друзьями, но черезъ три года поссорились, и тогда греческій ученый уѣхалъ въ Миланъ. Мы не знаемъ, что побудило Хрисолораса оставить Флоренцію: размолвка ли съ Николо Никколи, пользовавшимся преобладающимъ вліяніемъ во Флоренціи, или прибытіе греческаго императора въ Миланъ на пути въ Парижъ (стр. 502), вообще же греки, которымъ мы обязаны нашимъ знаніемъ древняго міра, и всѣ великіе ученые, вышедшіе изъ ихъ школы и сдѣлавшіеся апостолами новой школьной науки, были народъ страшно безпокойный, сварливый и раздражительный. Въ Миланѣ, какъ впослѣдствіи въ Павіи, Хрисолорасъ читалъ лекціи о греческомъ образованіи; впрочемъ его ученая дѣятельность въ этихъ городахъ продолжалась недолго, потому что византійскій дворъ поручилъ ему заняться дипломатическими переговорами съ Венеціей. Это заставило его въ 1404 г. отправиться въ Венецію, гдѣ онъ одновременно работалъ на пользу греческаго императора и читалъ публичныя лекціи греческаго языка и литературы. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ ему было дано порученіе въ Римъ, гдѣ онъ долгое время продолжалъ свою дѣятельность на двухъ поприщахъ. Хрисолорасъ и умеръ въ Римѣ. Нѣсколько фактовъ покажутъ намъ, какъ велико было его значеніе въ Италіи для вновь оживавшаго образованія. Почти всѣ великіе итальянцы, прославившіеся еще до разрушенія Константинополя введеніемъ языка и правовъ древней римской аристократіи, были учениками Хрисолораса; вмѣсто книгъ позднѣйшаго римскаго и христіанскаго періода, они обратились къ изученію республиканскихъ языческихъ сочиненій первыхъ, свободныхъ столѣтій и стали передавать на классическомъ латинскомъ языкѣ содержаніе древне-греческихъ твореній. Въ то время въ Италіи всякій образованный человѣкъ, всякій государственный дѣятель, министръ или канцлеръ долженъ былъ знать грековъ и умѣть писать классическимъ римскимъ языкомъ. Около Эмануила Хрисолораса и его учениковъ группировались всѣ, искавшіе образованія, которое въ обществѣ этихъ людей могло быть достигнуто легче, чѣмъ изъ школьнаго преподаванія. Еще въ Константинополѣ Гварино,

сходясь съ Хрисолорасомъ, проникнулся любовью къ противоположной образованію всѣхъ среднихъ вѣковъ цивилизаціи и литературѣ древнихъ грековъ, теперь уже давно усвоенной новымъ временемъ. Подъ вліяніемъ бесѣдъ Хрисолораса образовались въ Италіи Леонардо Бруни, Поджіо, Петръ—Павелъ Верджеріо и Джіаноццо Манетти. Палла дельи Строцци, глава противниковъ Медичи (стр. 639), пріобрѣвшихъ славу покровительствомъ вновь пробудившейся древне-греческой и древне-римской цивилизаціи, — также былъ обязанъ началомъ своего развитія Хрисолорасу, а впослѣдствіи учился у другаго грека, проповѣдывавшаго итальянцамъ свободу и цивилизацію, утраченныя его родиной. Изгнанный изъ Флоренціи, онъ поселился во владѣніяхъ Павіи, гдѣ, слѣдуя совѣтамъ Хрисолораса, основательно изучилъ науки древнихъ, преимущественно ихъ философію, и куда пригласилъ грека Іоанна Аргиропула; о послѣднемъ Годи, Фабриціусъ и Брукеръ ошибочно говорятъ, что онъ явился въ Италію только по завоеваніи Константинополя. Вмѣстѣ съ Аргиропуломъ Строцци перевелъ на латинскій языкъ много греческихъ сочиненій, въ особенности сочиненій философскаго содержанія. Знаніе греческаго языка, недоступнаго тогда безъ лексикона, оставалось еще долгое время принадлежностью очень немногихъ людей, которые могли пользоваться бесѣдами и лекціями знаменитыхъ преподавателей; оно было, такъ сказать, аристократическимъ преимуществомъ мелкихъ династій, патриціанскихъ фамилій и всѣхъ, желавшихъ подслужиться имъ или возвыситься. Другимъ ученикомъ Хрисолораса или вѣрнѣе вторымъ знаменитымъ итальянцемъ, до конца жизни съ горячимъ рвеніемъ занимавшимся новымъ образованіемъ, былъ генералъ камальдульскаго ордена, Амвросій Траверсари или, какъ его обыкновенно называютъ, Амвросій Камальдульскій (Camaldulensis).

Изъ другихъ ученыхъ, содѣйствовавшихъ измѣненію преподаванія въ Италіи и установленію формъ итальянскаго языка и литературы новаго времени, особенно замѣчательны Іоаннъ Аргиропулъ и Ѳеодоръ Газа. Аргиропулъ вторично вернулся въ свое несчастное отечество, потомъ опять отправился въ Италію и изъ Флоренціи, гдѣ онъ училъ 15 лѣтъ, постоянно вдохновлялъ итальянцевъ, преимущественно флорентинцевъ, платонической философіей, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ господствовавшей аристотелевско-схоластической философіей, предметомъ даже школьнаго преподаванія. Ѳеодоръ Газа родился въ Ѳессалоникѣ, которая въ началѣ XV столѣтія была однимъ изъ центровъ древне-греческаго образованія и гдѣ находилось много знаменитыхъ школъ и ученыхъ, которымъ мы обязаны замѣчательнѣйшими сочиненіями о классическихъ произведеніяхъ и писателяхъ древней Греціи. По взятіи Ѳессалоники турками (стр. 517) Ѳеодоръ Газа отправился въ Италію, куда прибылъ почти одновременно съ Іоанномъ Аргиропуломъ. Здѣсь онъ дѣйствовалъ и училъ какъ провозвѣстникъ новаго образованія, противоположнаго тяжкому ученію схоластиковъ. Скоро убѣдившись, что безъ основательнаго знакомства съ классическимъ языкомъ древнихъ римлянъ невозможно возбудить на Западѣ уваженія къ греческому міру, Газа отправился въ Мантую слушать лекціи Викторина да Фельтре, искавшаго не столько авторской славы, сколько заслугъ преподавателя. Три года слушалъ Ѳеодоръ Газа его лекціи и такъ усвоилъ себѣ латинскій языкъ, что его считали однимъ изъ лучшихъ латинистовъ въ то время, когда знаніе латинскаго языка цѣнилось выше всего. Изъ Мантуи онъ переѣхалъ сначала въ Феррару, а потомъ въ Римъ. Знакомя итальянцевъ съ греческимъ міромъ посредствомъ лекцій и переводовъ, Газа, чтобы пополнить недостатокъ греческой грамматики на латинскомъ языкѣ, написалъ книгу о своемъ родномъ языкѣ, названную Institutiones и вошедшую въ употребленіе всюду, гдѣ не было греческаго преподавателя. Въ концѣ столѣтія (1495 г.) эта книга была напечатана знаменитымъ и ученымъ типографщикомъ того времени Альдомъ, пріобрѣвшимъ безсмертную славу въ исторіи возродившагося изученія древнихъ.

О весьма замѣчательномъ современникѣ Ѳеодора Газы, Георгіѣ Гемистѣ Плеѳонѣ, учившемъ въ Италіи и отличавшемся, какъ почти всѣ ученые греки того времени, горячими литературными спорами, мы упоминаемъ только мимоходомъ, не считая его провозвѣстникомъ новой цивилизаціи. Напротивъ никакъ нельзя умолчать о кардиналѣ Виссаріонѣ. Онъ родился въ Трапезунтѣ въ 1395 г., учился въ Константинополѣ и отличался огромными свѣдѣніями и

восторженнымъ поклоненіемъ древнему міру. Изъ Константинополя онъ отправился въ Пелопоннесъ, гдѣ тогда жилъ Геместій Плеѳонъ, и подъ его руководствомъ сдѣлался фанатическимъ поклонникомъ Платона и платонической философіи, въ которой оба они отличались. Виссаріонъ принадлежалъ къ духовенству, впослѣдствіи былъ сдѣланъ архіепископомъ никейскимъ и присоединился къ партіи греческаго императора, когда послѣдній хотѣлъ спасти Константинополь соединеніемъ греческой и латинской церквей. На флорентинскомъ соборѣ онъ всѣми силами хлопоталъ въ пользу уніи; а такъ какъ его соотечественники страшно негодовали на всѣхъ защищавшихъ ее, то онъ остался въ Италіи, гдѣ въ 1439 г. былъ назначенъ кардиналомъ римской церкви. При Николаѣ V Виссаріонъ, какъ государственный человѣкъ, писатель и папскій легатъ, неутомимо работалъ въ первомъ и самомъ блестящемъ университетѣ (болонскомъ) надъ созданіемъ новой литературы и цивилизаціи. Къ особеннымъ заслугамъ его принадлежитъ то, что онъ поднялъ совершенно упавшій болонскій университетъ и освѣтилъ его мракъ новымъ свѣтомъ, ожививъ платонической поэзіей діалектическую схоластику среднихъ вѣковъ. Виссаріонъ написалъ много сочиненій, которыхъ мы не станемъ приводить, не желая вдаваться въ школьную ученость. Другой изъ числа грековъ, оставившихъ свое отечество или изгнанныхъ турками, Георгій Трапезунтскій родился въ Кандіи, но велъ родъ свой изъ города Трапезунта. Въ 1420 г. онъ пріѣхалъ въ Италію для пріобрѣтенія денегъ и славы объясненіемъ древнихъ грековъ, потому что аристократы и богачи стремились туда, куда являлся учить грекъ. Онъ отправился сначала въ Падую, выучился тамъ у Гварино латинскому языку, а потомъ въ Виченцѣ, подъ руководствомъ скромнаго и неутомимаго учителя Викторина да Фельтре, сдѣлался, какъ Ѳеодоръ Газа, однимъ изъ лучшихъ латинистовъ. Принужденный въ 1428 г. оставить Виченцу, онъ уѣхалъ въ Венецію, гдѣ открылъ свои лекціи; по крайней мѣрѣ въ 1433 г. онъ находился въ этомъ городѣ. Его дѣятельность въ пользу древне-греческой цивилизаціи, бѣжавшей изъ греческой имперіи къ латинянамъ, была такъ велика и пріобрѣла такую извѣстность, что впослѣдствіи его друзья старались убѣдить его переселиться во Флоренцію — центръ вновь пробуждавшейся духовной жизни; но это не удалось имъ. Папа Николай V, о великихъ заслугахъ котораго на поприщѣ вновь возродившихся свободныхъ наукъ и искусствъ мы скажемъ впослѣдствіи, пригласилъ его переѣхать въ Римъ. Въ этомъ городѣ Георгій Трапезунтскій перевелъ произведенія греческой литературы и такимъ образомъ сдѣлалъ ее доступною тѣмъ, кто не имѣлъ словаря. Этотъ трудъ Георгія такъ понравился папѣ Николаю, что онъ поручилъ ему сдѣлать еще нѣсколько переводовъ, щедро наградилъ его за нихъ и назначилъ своимъ секретаремъ. Но Георгій былъ страшно безпокойный человѣкъ и неугомонный ученый спорщикъ; между нимъ, Гварино и Поджіо, также гуманистомъ и папскимъ секретаремъ, а впослѣдствіи кардиналомъ и флорентинскимъ государственнымъ секретаремъ, завязался такой разъяренный споръ, что дѣло дошло подъ конецъ до драки. Ученые латинисты, окружавшіе папу и знавшіе не только латинскій, но даже и греческій языкъ лучше Георгія, указали папѣ на ошибки въ переводѣ грека и на его наглость браться за переводъ того, чего онъ не понималъ; вслѣдствіе того Николай, придравшись къ переводу Птолемея, сдѣланному Георгіемъ, велѣлъ ему оставить Римъ. Поскитавшись въ Неаполѣ, Венеціи и на родинѣ, Георгій по прошествіи нѣкотораго времени снова вернулся въ Римъ. Его жизнеописаніе не входитъ въ нашъ трудъ; мы упомянули о немъ только для того, чтобы указать на его дѣятельность, какъ послѣдняго грека, учившаго на Западѣ до завоеванія Константинополя.

Послѣ паденія столицы греческой имперіи множество ученыхъ грековъ устремилось въ Италію; въ этой странѣ, бывшей тогда самою богатою въ Европѣ,— какъ теперь Англія,— они старались воспользоваться вновь пробудившимся энтузіазмомъ къ древне-греческой цивилизаціи, какъ средствомъ къ существованію. Изъ этихъ грековъ прежде всего слѣдуетъ сказать объ Андроникѣ Каллиникѣ, явившемся въ 1464 г. въ Болонью; но ожиданія его не оправдались, и потому онъ отправился въ Римъ, гдѣ обратился къ кардиналу Виссаріону. Каллиника, какъ Ѳеодора Газу, считали вообще человѣкомъ, наиболѣе способнымъ правильно истолковывать и ознакомить латинянъ съ греками; но его давила бѣдность. Проживъ нѣсколько времени во Флоренціи, гдѣ онъ былъ учителемъ Анд-

жело Полиціана, онъ отправился оттуда во Францію, а потомъ, кажется, вернулся въ Грецію; по крайней мѣрѣ есть свѣдѣнія, что въ 1476 г. Франческо делла Торре купилъ шесть ящиковъ рукописей, принадлежавшихъ Андронику и составлявшихъ порядочную библіотеку въ то время, когда сочиненія греческихъ писателей не были еще напечатаны. Кромѣ Андроника учителями и провозвѣстниками греческаго образованія въ Римѣ были Софіанъ, Георгій и Димитрій Критскій. Во Флоренціи большимъ вліяніемъ пользовался Димитрій Халькондилась, занимавшій тамъ съ 1471 г. мѣсто Іоанна Аргиропула. Этотъ ученый явился въ Италію еще до завоеванія Константинополя, съ 1450 г. жилъ въ Перуджіи, а потомъ былъ призванъ профессоромъ въ Падую. Падую онъ скоро оставилъ, недовольный тѣмъ, что тамошніе профессора подвергались ежегодно новымъ избраніямъ, и отправился во Флоренцію. Но и во Флоренціи Халькондилась недолго оставался, завидуя популярности Полиціана, получившаго греческое образованіе у Ѳеодора Газы и лучше знавшаго латинскій языкъ. Изъ Флоренціи онъ поѣхалъ въ Миланъ, гдѣ при Филиппѣ-Маріи Висконти и Францискѣ Сфорцѣ процвѣтало новое образованіе. Здѣсь, какъ прежде во Флоренціи, его лекціи слушали нѣмцы Іоаннъ Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій, которымъ Германія по преимуществу обязана улучшеніемъ школъ, школьнаго преподаванія и манеры ученыхъ писать, и которые были провозвѣстниками Меланхтона и Лютера. Поэтому для нѣмцевъ Димитрій Халькондилась важнѣе, чѣмъ кто либо изъ его соотечественниковъ. Онъ умеръ въ 1511 г. Замѣчательныхъ и напечатанныхъ его сочиненій мы не знаемъ. Дѣятельность обоихъ Ласкарисовъ, Іоанна и Константина, также учившихъ въ Италіи, не входитъ въ нашъ трудъ. Теперь въ краткихъ словахъ мы скажемъ о томъ, какъ дѣйствовали всѣ эти люди.

2. Методъ и плоды греческаго образованія.

Главная заслуга ученыхъ, эмигрировавшихъ изъ Греціи въ Италію и дѣйствовавшихъ въ этой странѣ словомъ и сочиненіями, была безспорно двухъ родовъ. Они содѣйствовали замѣненію школьной философіи практической философіей, и греческой простотою умѣрили плоскость и декламацію римлянъ, являющіяся въ латинскихъ произведеніяхъ Петрарки и его современниковъ, и напыщенность, которой не лишены письма Данте и другія риторическія сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ. Поэтому Іоаннъ Аргиропулъ училъ не только риторикѣ, но и практической философіи. Эта философія была настоящая философія Аристотеля, а не та, какой ее представляли схоластики. Чтобы ввести въ жизнь новыхъ народовъ истиннаго Аристотеля вмѣсто Аристотеля арабовъ и варварскихъ латинистовъ, называемыхъ схоластиками (т. II. стр. 629 и т. III. стр. 150), Аргиропулъ перевелъ нѣсколько сочиненій Стагирита и на этомъ переводѣ основалъ свои объясненія греческой философіи; изъ аристотелевской школы она впослѣдствіи превратилась въ платоническую, когда Лоренцо де Медичи, Полиціанъ и другія личности, замѣчательныя латинскимъ и итальянскимъ краснорѣчіемъ, поэзіею и поклоненіемъ грекамъ и литературѣ ихъ, возбужденныя Гемистомъ Плеѳономъ и кардиналомъ Виссаріономъ, перешли отъ Аристотеля и его строгой діалектики къ Платону и его философскимъ фантазіямъ.

Между греками, переселившимися въ Италію, скоро возникла ожесточенная полемика о Платонѣ и Аристотелѣ, имѣющая огромное значеніе для литературы и жизни новаго времени. При возбужденномъ интересѣ къ философіи и соединенному съ нею новому образованію, на Аристотеля было устремлено все вниманіе въ Италіи, какъ впослѣдствіи въ Германіи на споръ, начатый обскурантами и инквизиторами съ Рейхлиномъ, объ изученіи еврейскаго языка и раввинской литературы. Этотъ споръ греческихъ ученыхъ въ Италіи былъ веденъ преимущественно Ѳеодоромъ Газою и Георгіемъ Трапезунтскимъ съ одной стороны, и Гемистомъ Плеѳономъ и Виссаріономъ съ другой. Приверженцы аристотелевской школы въ Италіи приняли сторону первыхъ, пылкое юношество флорентинскаго дворянства присоединилось къ ихъ противникамъ. Споръ начался полемикою

между Θеодоромъ Газою и кардиналомъ Виссаріономъ и нѣкоторое время велся приличнымъ тономъ, но потомъ дошелъ до грубыхъ и площадныхъ ругательствъ. Въ 1456 г. Георгій Трапезунтскій написалъ сочиненіе, напечатанное въ 1523 году въ Венеціи — «Сравненіе философовъ Аристотеля и Платона», въ которомъ онъ обвиняетъ Платона во всевозможныхъ преступленіяхъ и приписываетъ его ученію всевозможныя общественныя бѣдствія. Противъ этой книги кардиналъ Виссаріонъ написалъ не менѣе яростное сочиненіе «противъ клеветника на Платона», о которомъ мы при этомъ замѣтимъ, что оно было одною изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ Италіи (1469 г.). Греческіе ученые продолжали споръ между собою. Продолженіе его не входитъ въ задачу нашего труда, но мы не можемъ умолчать о вліяніи, которое имѣла эта борьба на направленіе итальянской и, слѣдовательно, нѣмецкой литературы и образованности.

Въ этомъ спорѣ выказывается въ высшей степени отрадная сторона учености и все благодѣтельное вліяніе философіи на жизнь и ея отношенія, какъ ни были велики гнусность, тщеславіе, славолюбіе и заносчивость эмигрантовъ грековъ, проповѣдниковъ новой науки. Воспламененные этими людьми, представители умственнаго развитія республиканской Италіи соединились въ мечтательный союзъ, подобный тому, какой нѣкогда былъ заключенъ пиѳагорейцами Греціи (т. I. стр. 345). Средоточіемъ этого союза сдѣлалась Флоренція. Члены его, мечтавшіе о платонической республикѣ, управляемой лучшими и въ то же время самыми богатыми и знатными людьми, почти всѣ составляли исключеніе изъ всеобщей испорченности нравовъ и дерзко-геніальнаго презрѣнія всѣхъ принциповъ, чѣмъ отличались въ то время аристократія, многочисленныя династіи и высшее духовенство Италіи. Въ жизни они выказывали,—что тогда было большою рѣдкостью — то же стремленіе къ истинѣ, свободѣ и праву, какое поэтически и мечтательно высказывали въ своихъ сочиненіяхъ. Еще съ конца XIV столѣтія во Флоренціи устроилось общество для философскихъ бесѣдъ, члены котораго, принадлежавшіе къ высшимъ сословіямъ, собирались въ назначенные дни въ домѣ августинскихъ монаховъ. Косьма Медичи, обращенный Гемистомъ Плеѳономъ въ послѣдователя Платона, превратилъ это общество въ платоническое, и оно было названо, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ школа Платона (т. I. стр. 352), — академіей. Это общество было распространено дядею Косьмы, Лоренцо. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы платоническая философія замѣнила въ школахъ аристотелевскую. Объ исторіи этой академіи сохранились подробныя сочиненія, но она входитъ въ нашъ трудъ лишь на столько, на сколько находится въ связи съ вліяніемъ переселившихся въ Италію грековъ и на сколько Косьма и Лоренцо содѣйствовали переходу платонической философіи въ латинскую форму и образованность. Въ послѣднемъ отношеніи между членами академіи особенно выдается Марсилій Фицинъ, смотрѣвшій на Платона нѣкоторымъ образомъ какъ на проявленіе божества и потому посвятившій всю жизнь изученію, объясненію и распространенію платонизма; на рожденіе этого человѣка, сына медика Косьмы, даже самъ Косьма смотрѣлъ какъ на особую милость божескаго провидѣнія. Марсилій родился въ 1433 г. и назначался отцомъ въ медики. Отправленный для изученія медицины въ Болонью, онъ занялся исключительно Цицерономъ и Платономъ. Не имѣя возможности, по незнанію греческаго языка, ознакомиться со всѣми сочиненіями Платона, Фицинъ, чтобы перевести и быть въ состояніи объяснять всего Платона, поставилъ себѣ изученіе греческаго языка главной задачей жизни. Въ одну изъ поѣздокъ во Флоренцію Марсилій былъ представленъ своимъ отцомъ Косьмѣ; Медичи тотчасъ увидѣлъ, какъ поэтически говоритъ біографъ Фицина, философскія способности молодаго человѣка и, обратившись къ его отцу, сказалъ: «Твой сынъ предназначенъ лечить души, а не тѣла». Двадцати трехъ лѣтъ Марсилій Фицинъ написалъ четыре книги объ ученіи Платона (Institutionum Platonicarum), но друзья убѣдили его не издавать въ свѣтъ этого сочиненія, потому что тогда еще онъ не зналъ по-гречески. Впослѣдствіи, при помощи Косьмы, онъ въ совершенствѣ изучилъ греческій языкъ, а щедрость Медичи дала ему возможность ознакомиться съ рукописями и комментаріями, теперь частью потерянными; основываясь на переводѣ этихъ рукописей, сдѣланномъ Фициномъ, можно очистить текстъ Платона отъ ошибокъ переводчиковъ и объяснить многія изъ непонятныхъ мѣстъ.

B. Нѣмецкая литература XV столѣтія.

1 Первоначальный нѣмецкій элементъ ея, не соотвѣтствующій возрожденію древнеклассической литературы.

Достигнувъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ высшей степени процвѣтанія, рыцарство и его образованность пали въ XV столѣтіи; вмѣсто него возвысилось мѣщанство, и его благосостояніе ввело съ собой совершенно оригинальную, болѣе матеріальную, чѣмъ идеальную, образованность. Пѣснь миннезенгеровъ или пѣснь вдохновенія перешла въ пѣснь мейстерзенгеровъ, т. е. сдѣлалась ремесломъ, игрою, искусствомъ. Этотъ вновь возникшій родъ поэзіи такъ подробно разработанъ учеными, изучившими стихотворенія и прозаическія сочиненія XV столѣтія, частью сохранившіяся въ рукописяхъ, что мы, даже еслибъ это и позволяла намъ цѣль нашего труда, не стали бы подробно касаться предмета, о которомъ не сказали бы ничего новаго. Для нашей всемірной исторіи достаточно бѣглыхъ замѣтокъ о пѣсняхъ мейстерзенгеровъ, романахъ или сагахъ и нравственной литературѣ XV столѣтія. Затѣмъ въ слѣдующихъ параграфахъ мы перейдемъ къ перенесенному въ концѣ XV столѣтія изъ Италіи въ Германію греческому и латинскому образованію, имѣвшему громадное значеніе для исторіи XVI столѣтія и вызвавшему реформацію.

Въ настоящемъ томѣ (стр. 162) мы говорили, какимъ образомъ рыцарская поэзія, перенесшая изъ бургундскихъ и швабскихъ земель вдохновеніе юга Европы на сѣверъ, еще при Вальтерѣ фонъ деръ Фогельвейде обратилась нѣкоторымъ образомъ въ ремесло. Въ XV столѣтіи городское сословіе Германіи, стоявшее въ тѣсной связи съ многочисленными свободными городами Италіи, стало сознавать свою силу, свободу и богатство; рыцарство, напротивъ, обѣднѣло и мало-по-малу одичало, а пѣснь вдохновенія и любви, не находя болѣе поощреній на пирахъ и въ замкахъ, устремилась въ города и превратилась въ искусство. Мѣщане того времени отличались прилежаніемъ, добродушіемъ, благосостояніемъ, бережливостью, нравственностью, благочестіемъ, веселымъ духомъ и тѣмъ незлобнымъ остроуміемъ, объ утратѣ котораго часто сожалѣютъ даже въ Англіи (old merry Englend уже нѣтъ болѣе); но при этомъ идеальное должно было уступить реальному, и у поэтовъ, вышедшихъ изъ этихъ кружковъ, хотя и является по временамъ веселость и беззаботность, но уже нѣтъ истиннаго остроумія. Поэтому поэтическія произведенія того времени незначительны и бѣдны. Напротивъ, духовное краснорѣчіе и все, что тѣсно связано съ тихой жизнью и нравственнымъ созерцаніемъ, превосходно и оригинально. Нѣкоторые ученые XIX столѣтія, думая пробудить благочестивый духъ мѣщанъ XV столѣтія въ своихъ современникахъ, далеко уступающихъ городскому сословію той эпохи въ энергіи и искреннемъ добродушіи, перепечатали многія произведенія послѣдняго рода, какъ напримѣръ сочиненія Таулера и другихъ христіанскихъ мыслителей XV столѣтія. Но они упустили изъ виду, что содержаніе и форма этихъ сочиненій, тѣсно связанныя со всѣми условіями и отношеніями жизни XV столѣтія, могутъ заставить углубиться въ нихъ ученаго или избранную натуру, но останутся всегда безъ вліянія на толпу, не находящую въ нихъ отвѣтовъ на волнующіе ее вопросы. Эти сочиненія имѣли огромное значеніе для реформаціи XVI столѣтія, но объ этомъ мы скажемъ въ послѣдующихъ томахъ. Къ нѣвцамъ искусственной пѣсни или цеховымъ поэтамъ причисляется уже авторъ борьбы Марса съ Венерою, Золотой Кузницы и недоконченной поэмы о Троянской войнѣ (стр. 161), Конрадъ Вюрцбургскій, потому что онъ, какъ многіе изъ его современниковъ стихотворцевъ, происходилъ изъ низшаго сословія и былъ ремесленникъ. Впрочемъ ему, какъ и Вальтеру фонъ деръ Фогельвейде, нельзя отказать въ качествахъ, свойственныхъ поэтамъ XIII и XIV столѣтій.

Мы ограничимся краткими указаніями на механизмъ пѣсни мейстерзенгеровъ, на тѣ правила и пріемы, по которымъ она составлялась, и на тотъ способъ, какимъ должно было представляться такъ называемое образцовое произведеніе, чтобы попасть въ цехъ поэтовъ; а потомъ назовемъ имена нѣкоторыхъ мейстер-

зенгеровъ. Эти замѣтки, гораздо подробнѣе изложенныя во многихъ другихъ книгахъ и въ изданіи курфирстскаго германскаго общества въ Маннгеймѣ,—мы заимствуемъ изъ появившейся въ 1697 г. книги «О прелестномъ искусствѣ мейстерзенгеровъ, его началѣ, развитіи, пользѣ и правилахъ». Авторъ ея былъ гражданинъ Нюрнберга, оставшагося въ теченіе многихъ лѣтъ средоточіемъ и университетомъ искусства мейстерзенгеровъ. Нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ будетъ достаточно, чтобы понять, что геніальный человѣкъ никогда не захотѣлъ бы подвергнуться экзамену на званіе цехового поэта и что, при существованіи подобныхъ правилъ, поэзія не только не могла развиваться, но скорѣй должно было произойти противное. Правила, по которымъ составлялись пѣсни мейстерзенгеровъ, втиснули лирику въ извѣстныя формы. Эти правила строго опредѣляли размѣръ риѳмъ и слоговъ каждаго отдѣльнаго бара (пѣснь) цѣлой пѣсни мейстерзенгера. Баръ составлялся изъ нѣсколькихъ частей и куплетовъ, а такъ называемый Abgesang изъ трехъ предложеній. Баръ состоялъ еще изъ того, что въ художественной терминологіи называется строфами, Abgesang и Stollen. Каждая изъ этихъ частей должна была имѣть особую мелодію. Stollen состоялъ изъ нѣсколькихъ стиховъ, Abgesang имѣлъ всегда другую мелодію, и все заканчивалось Stollen, сходною съ предшествующей. Наша мужеская риѳма называлась у мейстерзенгеровъ тупою, женская — звонкою. Стихи, не риѳмующіе съ другими, назывались сиротами (Waise). Паузами назывались односложныя слова, стоящія отдѣльно въ концѣ, началѣ или серединѣ. Риѳмы не должны были составляться болѣе чѣмъ изъ тринадцати слоговъ, по той странной причинѣ, что большее число слоговъ было неудобно для дыханія при пѣніи. Кромѣ того существовала еще бездна мельчайшихъ правилъ относительно языка, слога и пѣнія (послѣднее также вмѣнялось въ обязанность поэту) и различные пріемы пѣвцовъ по ремеслу, державшіеся, какъ вообще техническіе пріемы ремесленниковъ, втайнѣ. Неисполненіе правилъ мейстерзенгеровъ при состязаніи въ пѣніи лишало поэта награды и даже наказывалось потерею званія мейстерзенгера. Состязаніе въ пѣніи устраивалось на извѣстныхъ празднествахъ и при этомъ, также какъ при пѣніи и представленіи стиховъ на званіе мейстерзенгера, такъ называемые о т м ѣ т ч и к и (Merker) наблюдали за ошибками и наказывали за нихъ. Высшей наградою была цѣпь съ изображеніемъ короля Давида, творца псалмовъ. Для покрытія расходовъ на празднества и веселые пиры были устроены общественныя кассы. Мейстерзенгеры, какъ всѣ союзы того времени, составляли корпорацію или замкнутое общество. Но — что неслыхано въ средніе вѣка — въ этотъ цехъ поэтовъ могли вступать всѣ безъ различія сословій, такъ же какъ въ общество масоновъ, образовавшееся изъ союза строителей и рѣзчиковъ. Членами общества мейстерзенгеровъ, вмѣстѣ съ разнаго рода ремесленниками, были князья, доктора богословія и дворяне знатнѣйшихъ фамилій. Главнымъ центромъ мейстерзенгеровъ былъ Нюрнбергъ. Здѣсь ихъ засѣданія происходили въ церкви, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они собирались въ частныхъ домахъ или гостиницахъ.

Въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ, служившихъ по своимъ сношеніямъ съ главными торговыми пунктами Италіи связью между сѣверомъ, югомъ и востокомъ Европы и производившихъ въ большихъ размѣрахъ денежныя, банкирскія и торговыя операціи, ремесленики занимались также и драматическими представленіями, составлявшими вообще исключительную принадлежность школъ и духовныхъ орденовъ. Этому искусству предавались преимущественно штукатуры, щеточники и кровельщики, во время постовъ. Каждый имѣлъ опредѣленную роль, которую постоянно занималъ. Увеселяя своихъ согражданъ драматическими представленіями въ извѣстное время года, въ остальные мѣсяцы эти актеры занимались своими ремеслами. Въ пьесахъ ремесленниковъ, какъ въ древней греческой драмѣ, на сценѣ нерѣдко выставлялись живыя личности подъ другими именами и дѣлались политическіе намеки; впрочемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи сочинители и актеры были всегда очень осторожны, боясь господствующей части гражданъ. Тонъ представляемыхъ драмъ былъ такъ же грубъ, какъ ихъ авторы и исполнители; въ нихъ, какъ въ театральныхъ представленіяхъ духовныхъ и ихъ учениковъ, обнаруживается совершенное отсутствіе изящества и вкуса. Нѣкоторыя изъ драматическихъ сочиненій ремесленниковъ сохранились, но въ наше время чрезвычайно трудно опредѣлить ихъ достоинство, потому что во время ихъ пред-

ставленія, какъ при игрѣ полишинеля и въ театрахъ маріонетокъ, главное вниманіе обращалось на остроты актера; роли актеровъ большею частью не писались и не выучивались наизусть, а импровизировались. Изъ драматическихъ писателей выше всѣхъ считаютъ Ганса Розенплюта и Ганса Фольца; самый же знаменитый изъ мейстерзенгеровъ, Гансъ Саксъ, умершій въ 1495 г., принадлежитъ XVI столѣтію. Гансъ Розенплютъ извѣстенъ также своими пѣснями и сатирами. Его называли Щелкуномъ (Schneppereer) или Болтуномъ, вѣроятно за его талантъ къ импровизаціи, и онъ гордился этимъ прозвищемъ. Онъ былъ рисовальщикъ гербовъ и кромѣ того пріобрѣлъ извѣстность между современниками своею исторической поэмою, исполненной благородства, остроумія, честности и истиннаго патріотизма. Для нашего времени она конечно не имѣетъ никакого значенія, точно такъ же какъ ея сатирическій характеръ не кажется намъ ни геніальнымъ, ни остроумнымъ. Эта поэма воспѣваетъ побѣду, одержанную въ 1450 г. при Гемпахѣ нюрнбергцами съ помощью нѣсколькихъ тысячъ швейцарцевъ надъ князьями и баронами, соединившимися противъ свободныхъ гражданъ городовъ. Въ ней Нюрнбергъ представляется наполненнымъ баранами хлѣвомъ, около котораго, какъ волки, постоянно вертятся князья и владѣтели; отъ времени до времени они пытаются ворваться въ хлѣвъ, но его оберегаютъ славныя собаки, какъ это доказываетъ гемпахская битва.

Многочисленныхъ романовъ XV столѣтія мы не читали и потому, умалчивая о нихъ, рекомендуемъ читателю, желающему ознакомиться съ ними, новѣйшія критическія сочиненія. Но мы не можемъ пропустить двухъ историческихъ произведеній XV столѣтія, имѣющихъ особое значеніе не только какъ первыя оригинальныя нѣмецкія исторіи и записки, но и какъ памятники двухъ нарѣчій нѣмецкаго языка, на которыхъ тогда писали. Мы говоримъ объ эльзасской хроникѣ Твингера фонъ Кенигсгофена и о жизни императора Сигизмунда, написанной Эбергардомъ фонъ Виндекомъ (стр. 306). Хроника Якова Твингера фонъ Кенигсгофена принадлежитъ собственно еще XIV столѣтію, потому что авторъ ея умеръ въ 1386 г. Цѣлью его было составить для народа, вмѣсто сухаго хронологическаго перечня событій, занимательный разсказъ и противопоставить латинскимъ трудамъ монаховъ толковую нѣмецкую книгу. Это высказано авторомъ въ часто повторяемомъ имъ латинскомъ эпиграфѣ (omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci) и въ словахъ, которыми онъ объясняетъ планъ своего сочиненія. Въ своей хроникѣ Кенигсгофенъ не всегда строго держится хронологіи, но, выхватывая какое нибудь замѣчательное событіе или происшествіе, разсказываетъ его, иногда пространно, иногда довольно кратко. Особенно подробно излагаетъ онъ внутреннюю исторію Страсбурга, и его разсказъ даетъ наглядное понятіе объ отношеніяхъ сословій верхней Германіи. Страсбургъ, какъ Нюрнбергъ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ верхней Германіи; у Кенигсгофена его исторія вращается на борьбѣ, происходившей за участіе въ управленіи между дворянскими фамиліями и богатыми купцами или, какъ ихъ называетъ авторъ хроники, бюргерами и между послѣдними и ремесленниками. Въ хроникѣ Кенигсгофена находятся также довольно подробныя свѣдѣнія о войнѣ швейцарцевъ съ герцогомъ бургундскимъ и о войнѣ князей и владѣтелей съ свободными городами. Въ 1698 г. Іоаннъ Шиллеръ въ первый разъ издалъ всю хронику, а до тѣхъ поръ въ печати появлялись только отдѣльныя ея мѣста. Изъ примѣчаній, сдѣланныхъ издателемъ, можно отлично судить, на сколько Германія XVII столѣтія стоитъ ниже Германіи XV столѣтія. Второе названное нами сочиненіе — исторія императора Сигизмунда Эбергарда фонъ Виндека—написано тяжелымъ и грубымъ нѣмецкимъ языкомъ; сравнивая ее съ сочиненіями о нѣмецкихъ правахъ и исторіи, писанными превосходнымъ классическимъ латинскимъ языкомъ, становится очевиднымъ, какъ было дурно, что до самаго XVIII столѣтія національная исторія нѣмцевъ облекалась въ блестящую иностранную одежду и такимъ образомъ совершенно не соотвѣтствовала своему характеру. Этотъ историческій памятникъ можно было бы пожалуй поставить на ряду съ записками Вилльгардуэна о его константинопольскомъ походѣ (стр. 149); но о сравненіи ихъ нельзя и думать, такъ далеко, смотря на всѣ свои достоинства, отстаетъ исторія Виндека отъ сочиненія Вилльгардуэна по формѣ, тону, языку и манерѣ писать. По нашему мнѣнію, біографію императора Сигизмунда, написан-

ную рыцаремъ Эбергардомъ, можно назвать записками самого рыцаря. Виндекъ говоритъ въ предисловіи, что авторъ книги не онъ, а его слуга Генрихъ изъ Нюрнберга, но это слѣдуетъ понимать такъ, что Эбергардъ диктовалъ ему свою исторію. Книга, раздѣленная на двѣсти двадцать три главы, чрезвычайно суха, жизнь проявляется только мѣстами, тамъ, гдѣ рыцарь описываетъ, что онъ самъ дѣлалъ и видѣлъ. Въ ней заключаются драгоцѣнныя свѣдѣнія о домашнемъ бытѣ и финансовомъ состояніи того времени, объ обычаяхъ германскаго права, остаткахъ императорскаго значенія и въ особенности о правѣ суда надъ князьями, принадлежавшемъ еще императору. Передъ каждой главой находится картина съ подписью, обозначающею содержаніе главы. Для характеристики нравовъ того времени особенно интересна XXV глава, въ которой разсказывается о драгоцѣнностяхъ Сигизмунда, заложенныхъ и потомъ выкупленныхъ въ Брюгге (стр. 557); исполнителемъ этого порученія былъ самъ Эбергардъ, охотно взявшійся за него, какъ человѣкъ не слишкомъ серьезный и далеко не строгій въ дѣлахъ совѣсти. Наивный характеръ книги составляетъ скорѣе принадлежность времени, чѣмъ автора, но разсказъ и сужденія Виндека о гуситскихъ событіяхъ выставляютъ его, какъ историка, съ очень невыгодной стороны. Рядомъ съ сочиненіями Твингера фонъ Кенигсгофена и Эбергарда фонъ Виндека должно назвать брауншвейгскую хронику К о н р а д а Б о т о, украшенную картинами (picturatum). Написаная нижнемѣмецкимъ языкомъ (plattdeutsch), она не столько важна какъ историческій памятникъ, сколько по своей оригинальности, какъ наивное произведеніе, написанное нарѣчіемъ, впослѣдствіи мало разработаннымъ.

Лучшей стороной нѣмецкой литературы XV столѣтія была нравственно-религіозная; но о ней мы не можемъ говорить подробно, потому что должны еще сказать о перенесеніи изученія классической древности изъ Италіи въ Германію и о томъ вліяніи, какое оно имѣло въ этомъ столѣтіи на нѣмецкое образованіе. Въ XV столѣтіи въ Германіи явились талантливые люди, старавшіеся ознакомить свободныхъ гражданъ городовъ съ роднымъ языкомъ и возбуждавшіе въ нихъ рѣчами съ каѳедръ или назидательными разсказами и мистическими разсужденіями въ книгахъ любовь къ домовитости и нравственности. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ дѣятелей былъ доминиканскій монахъ Т а у л е р ъ; онъ жилъ въ Страсбургѣ, но проповѣдывалъ также въ Кельнѣ и другихъ городахъ и потому, какъ мы предполагаемъ, также хорошо зналъ нижненѣмецкое нарѣчіе, какъ и верхненѣмецкое. Лучшимъ свидѣтельствомъ о значеніи Таулера, умѣвшаго воспользоваться нѣмецкимъ добродушіемъ для распространенія религіознаго и нравственнаго образованія, служатъ слова великаго представителя нѣмецкой оригинальности, доктора Мартина Лютера. Онъ называетъ Туалера богопросвѣтленнымъ богословомъ и говоритъ, что «не находилъ ни на нѣмецкомъ, ни на латинскомъ языкѣ болѣе душеспасительной учености, которая такъ сходилась бы съ евангеліемъ.» На сколько Таулеръ былъ нѣмецъ по природѣ и какъ трудно было бы иностранцу понять духовныя потребности того класса народа, который получилъ только нѣмецкое образованіе и не зналъ ни французской риторики, ни свѣтской жизни, — можно лучше всего судить по тому, что, когда за 50 лѣтъ назадъ германизмъ вошелъ въ моду, всѣ взоры снова обратились на Таулера, хотя его мистика и языкъ, какъ правительственная система Фридриха Барбароссы, нисколько не соотвѣтствовали понятіямъ XIX столѣтія. Сравненіе панегирика Таулера съ тѣмъ, что говоритъ о томъ же богопросвѣтленномъ человѣкѣ товарищъ и преемникъ Кальвина, Беза, ясно доказываютъ, какъ трудно иностранцу понять нѣмецкое добродушіе, мистику и благородную, хотя часто неумѣстную и ложную мечтательность. Мы не станемъ приводить слова Безы, который по многимъ причинамъ не могъ правильно судить о нѣмецкомъ проповѣдникѣ; достаточно сказать, что Беза, умѣвшій цѣнить французскую декламацію, риторику и ясныя, понятныя поученія, но не добродушіе и глубину, говоритъ о Туалерѣ съ полнымъ презрѣніемъ. Кто хочетъ оцѣнить краснорѣчіе и философію проповѣдей Таулера иначе, чѣмъ судитъ о нихъ Беза или какъ вѣроятно отозвались бы о нихъ Массильонъ и Боссюэ, долженъ обладать извѣстнымъ внутреннимъ чувствомъ и сверхъ того вчитаться въ Таулера; только при такихъ условіяхъ можно понять, до какой степени Таулеръ соединялъ глубину и сердечность чувства съ силою и достоинствомъ языка. Какъ популярны были эти про-

повѣди въ теченіе двухъ столѣтій—легко доказать однимъ перечисленіемъ многихъ изданій его сочиненій въ XVI и XVII столѣтіяхъ и указаніемъ на новыя изданія ихъ въ XIX столѣтіи. По изобрѣтеніи книгопечатанія сочиненія Таулера были распространены въ безчисленныхъ изданіяхъ между всѣми классами населенія верхней и нижней Германіи, а по переводу Лаврентія Сурія сдѣлались извѣстными во всей Европѣ; послѣ того какъ въ XVII столѣтіи набожные ученые Арндъ и Шпенеръ еще болѣе измѣнили уже прежде искаженные языкъ и форму этихъ сочиненій, они появились въ XIX столѣтіи въ новомъ, строго-критическомъ изданіи. Впрочемъ изъ однихъ изданій на нижне- и верхнемѣмецкомъ нарѣчіяхъ и на голландскомъ языкѣ видно, какимъ образомъ Таулеръ своею совершенно оригинальною манерою обратилъ нѣмецкій духъ той простой эпохи отъ средневѣковыхъ вѣрованій къ религіи сердца; латинскій же переводъ или исправленное нѣмецкое изданіе знакомятъ насъ только съ благочестивымъ картезіанскимъ монахомъ Лаврентіемъ Суріемъ. Этотъ человѣкъ извѣстный какъ издатель и собиратель біографій святыхъ, измѣнилъ многія изъ характеристическихъ мѣстъ Таулера, считая всякій родъ мечтательности и исключительно внутреннюю религіозность началомъ ереси. Церковное усердіе картезіанца сильнѣе всего чувствуется въ важнѣйшемъ сочиненіи Таулера, которое сначала одно и было извѣстно въ латинской переработкѣ Сурія, именно въ томъ, гдѣ Таулеръ высказываетъ догматы своихъ вѣрованій; по оригиналу же всякій мыслящій человѣкъ пойметъ, какъ свойственъ нѣмецкому духу такъ называемый піетизмъ или мистицизмъ, такъ часто, даже и въ наше время, играющій роль въ нѣмецкой исторіи. Въ своей исповѣди, появившейся въ 1521 и 1522 г. въ базельскихъ изданіяхъ, Таулеръ говоритъ, что, образовавшись обычнымъ путемъ въ духовныхъ школахъ, онъ считалъ себя сильнымъ богословомъ и проповѣдникомъ, но что одинъ простой мірянинъ указалъ ему на недостатокъ внутренней теплоты въ его проповѣдяхъ; это заставило его углубиться въ самого себя, онъ заперся на два года въ свою келью и въ ней думалъ о томъ, какъ душа можетъ возвыситься надъ міровыми явленіями, пока наконецъ не нашелъ, что подавленіемъ страстей и превратныхъ стремленій, развитіемъ добродѣтелей, освобожденіемъ отъ земнаго, самоотверженіемъ, принесеніемъ въ жертву своихъ желаній и т. д. душа въ состояніи возвратиться къ своему первобытному состоянію и потомъ найти въ себѣ слѣды дуновенія, которое вдохнулъ Богъ въ глыбу земли, Адама. При этомъ онъ однако убѣдительно предостерегаетъ отъ аскетизма. Изъ сочиненій Таулера небольшая книга о подражаніи земной жизни Христа, кромѣ своего содержанія, замѣчательна еще тѣмъ, что написана языкомъ, въ которомъ менѣе измѣненій и вставокъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ его сочиненіяхъ. Долгое время ему приписывали также знаменитое нѣмецкое богословіе, восхваляемое Лютеромъ, Арндомъ и Шпеномъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это сочиненіе не принадлежитъ Таулеру, хотя многое въ немъ дѣйствительно заимствовано изъ его произведеній.

Объ остальныхъ писателяхъ, проповѣдывавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ ученіе о тихой жизни самосозерцанія и писавшихъ частью на голландскомъ языкѣ, частью на верхне- и нижне-нѣмецкомъ нарѣчіяхъ, мы умолчимъ, потому что ихъ произведенія не имѣютъ никакого отношенія къ общественной жизни. Мы назовемъ только ихъ имена, чтобы изъ перечня людей, труды которыхъ до нашего времени нѣсколько разъ были издаваемы и всѣми цѣнимы, показать, какъ въ нижней Германіи проповѣдывалось подъ покровомъ церкви возникшее въ Богеміи ученіе таборитовъ и якобелловъ, и какъ было подготовлено предпріятіе Лютера. Самымъ мрачнымъ изъ этихъ писателей былъ Рюисбрекъ, умершій въ 1381 г. и слѣдовательно принадлежавшій еще XIV столѣтію. Рюисбрекъ былъ пріоромъ лежащаго недалеко отъ Брюсселя монастыря Грендаль, гдѣ по его смерти были найдены бумаги, которыми впослѣдствіи воспользовались другіе. Когда на него находили порывы вдохновенія, онъ удалялся въ уединенныя мѣста лѣса, писалъ тамъ отрывочныя фразы, походившія на изреченія сивиллы, и потомъ приводилъ ихъ въ порядокъ. Онъ писалъ ихъ на голландскомъ языкѣ и потому его можно назвать Яковомъ Бёме голландцевъ. Чтобы сдѣлать понятнымъ его сочиненія, темныя какъ слова оракула, Гергардъ Гроте, Вильгельмъ Іорданъ и Лаврентій Сурій переработали ихъ, и они наиболѣе извѣстны въ этомъ видѣ. Въ началѣ

XVIII и въ началѣ XVII столѣтій, когда неподвижной догматикѣ и сухой полемикѣ противопоставили такъ называемый піетизмъ, болѣе всего читались и печатались три небольшія сочиненія Рюисбрека: «Зеркало вѣчнаго блаженства», «Семь степеней любви» и «Духовный бракъ.» Чего вообще хотѣлъ Рюисбрекъ и какъ онъ при своей набожности не наткнулся на піетизмъ, лучше всего можно видѣть по изданному въ 1704 г. Готтфридомъ Арнольдомъ переводу или передѣлкѣ его сочиненій.

Въ сочиненіяхъ Рюисбрека недоставало той мягкости и теплоты, которыми привлекла къ себѣ набожныхъ людей всѣхъ націй книга Ѳомы Кемпійскаго, и потому ихъ читали только очень немногіе. Тѣмъ же характеромъ отличаются всѣ религіозные философы того времени. Поэтому мы приведемъ имена немногихъ изъ нихъ. Генрихъ Сузо, который писалъ по-нѣмецки, но извѣстенъ намъ только въ латинскомъ переводѣ, издалъ небольшую книгу: «Часы Мудрости», переведенную на всѣ языки и написанную, кажется, авторомъ сначала на нѣмецкомъ, а потомъ на латинскомъ языкѣ. Другія его сочиненія, также какъ сочиненія остальныхъ теософовъ, были переведены на латинскій языкъ Лаврентіемъ Суріемъ. Сузо умеръ въ 1385 г. Его сестра Елисавета Стаглинъ написала его біографію, также переведенную на латинскій языкъ Суріемъ. Знаменитѣе Таулера, Рюисбрека и Сузо былъ Ѳома Гаммеркенъ или, по господствовавшему тогда обычаю латинизировать имена, Маллеолусъ, обыкновенно называемый по мѣсту своего рожденія Ѳомою Кемпійскимъ и жившій съ 1380 по 1471 г. Онъ былъ пріоромъ въ Цволлѣ и ему приписали книгу о «Презрѣній къ свѣту» (de contemtu mundi), или, какъ ее обыкновенно называютъ по заглавію первой книги, о «Подражаніи Христу» (de imitatione Christi), переведенную на всѣ языки, даже на арабскій и появлявшуюся почти въ столькихъ же изданіяхъ, какъ библія. О томъ, дѣйствительно ли онъ былъ авторомъ этой книги и не принадлежала ли она какому нибудь другому изъ многочисленныхъ проповѣдниковъ созерцательной жизни въ Нидерландахъ и сѣверной Германіи—было много споровъ; идеи, воззрѣнія и образъ мыслей всѣхъ этихъ людей были до того сходны, что въ ихъ манерѣ писать и выраженіяхъ нѣтъ никакого различія. По той же причинѣ въ сочиненіяхъ Ѳомы Кемпійскаго находится сочиненіе Гергарда фонъ Цютфена «Объ исцѣленіи души» (de reformatione animae). Къ этой же школѣ принадлежали: Гергардъ Гроте изъ Девентера, его ученикъ Флоренцъ, священникъ въ Девентерѣ, и ученики послѣдняго и друзья Ѳомы Кемпійскаго Іоаннъ Гронде, Іоаннъ Брикерикъ, Люббертъ Бернеръ, Генрихъ Бруне, Аммель Бюренсъ, Яковъ фонъ Віана, Ледвинъ, Іоаннъ Кетель и Арнольдъ Шоонгове. Къ сходной съ ними школѣ принадлежали также Генрихъ и Гуго фонъ Бальма, о которыхъ мы впрочемъ очень мало знаемъ.

По манерѣ писать, краснорѣчію и даже языку, совершенный контрастъ со всѣми названными писателями представляетъ сочиненіе духовнаго оратора и народнаго писателя, Гайлера фонъ Кейзерсберга, жившаго въ XV столѣтіи. Мы упоминаемъ здѣсь о немъ потому, что онъ составляетъ лучшій переходъ къ тому классу писателей, которые, ознакомившись съ твореніями древнихъ и итальянцевъ, подготовили путь реформаторамъ церкви, школы и новымъ воззрѣніямъ на государство и людей. Этотъ человѣкъ, подобно Лютеру, прибѣгалъ иногда къ поэзіи и, чтобы сдѣлать свое ученіе доступнѣе народу, бралъ тексты для проповѣдей не изъ библіи, а изъ забавной народной книги. Поэтому прежде чѣмъ говорить о немъ, мы должны упомянуть о трехъ большихъ сатирическихъ поэмахъ—Рейнеке Лиса, Реннеръ и Корабль дураковъ, — такъ же усердно читавшихся горожанами XV столѣтія, какъ библія въ XVI вѣкѣ. Первая, принадлежащая XII и XIII столѣтіямъ, по отношенію къ своему сюжету, встрѣчавшемуся и въ сочиненіяхъ другихъ народовъ, послужила поводомъ къ безчисленнымъ критическимъ изслѣдованіямъ. Или нѣмецкая переработка Рейнеке Лисы, напечатанная въ первый разъ въ XV столѣтія на нижненѣмецкомъ нарѣчіи въ одномъ экземплярѣ, заимствована съ французскаго, или же французская и нѣмецкая переработка происходятъ изъ одного и того же источника и взяты съ голландскаго. Первыя печатанныя изданія появились на голландскомъ и нижне-нѣмецкомъ языкахъ, но очень можетъ быть, что книга была напечатана въ первый разъ въ Англіи. Такимъ образомъ чрезвычайно трудно опредѣлить,

были ли первыя французскія, голландскія и нижненѣмецкія изданія оригиналами или переводами. Первымъ передѣлывателемъ старинной саги о Лисѣ называютъ то голландца Генриха фонъ Алькмера, то автора Рейнеке Лисы, изданнаго Бауманомъ въ 1522 г. и теперь затеряннаго. Вторая изъ трехъ названныхъ народныхъ книгъ, Реннеръ, была издана въ концѣ XIII столѣтія Гугофонъ Тримбергомъ. О немъ мы знаемъ только, что онъ еще прежде Реннера писалъ книги на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Онъ говоритъ это самъ своими тяжеловѣсными стихами.

Vor hatte ich sieben Büchlein
In Teutsche gemacht und in Latein
Fünftehalb, das ist war.

Авторъ Реннера говоритъ еще, что онъ сорокъ лѣтъ былъ школьнымъ учителемъ; намъ кажется, что эти слова выражаютъ только его отношенія къ мейстерзенгерамъ, потому что и Гансъ Саксъ, бывшій сапожникомъ, называетъ себя школьнымъ учителемъ. Въ XV столѣтіи Реннеръ читался еще въ рукописи и только въ половинѣ XVI столѣтія былъ напечатанъ во Франкфуртѣ на Майнѣ Кириакомъ Яковомъ цумъ Бокъ, доставшимъ рукопись отъ Филиппа Справедливаго Пфальцскаго. Этотъ первый издатель Реннера говоритъ, что цѣлью поэта было показать, какимъ образомъ духовные даютъ дурной примѣръ и этимъ совращаютъ другихъ съ истиннаго пути, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хотѣлъ дать урокъ и другимъ сословіямъ. По своему характеру поэма совершенно схожа съ пѣснями мейстерзенгеровъ; радостная и веселая, она нерѣдко заключаетъ въ себѣ и дерзкія выходки. Тонъ ея часто очень грубъ, когда дѣло касается рыцарства, дворянства и привилегированныхъ классовъ, занимавшихъ всѣ мѣста и должности. Для примѣра приведемъ нѣсколько стиховъ изъ начала поэмы:

Selig ist, dem des Geshlechts nit wird,
Das sein Kind so bald geberth.
Dieser Gauch zeugt ein Gäuchelein,
Von dem kommt Meister Scheuchelein,
Hacketeufel und Reuchelein.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ дерзкихъ, но остроумныхъ стиховъ.

Реннеръ безъ сомнѣнія одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній мейстерзенгеровъ, хотя мы и не беремся сказать, былъ ли онъ, какъ Рейнеке Лиса и Корабль дураковъ, народною книгою, повсемѣстно распространенною. Послѣдняя книга, «Корабль дураковъ», напечатана 60-ю годами ранѣе Реннера; латинскій переводъ ея появился еще въ 1488 г., и слѣдовательно базельское изданіе 1494 г. не было, какъ обыкновенно говорятъ, первымъ изданіемъ. Съ 1494 г. до самаго конца XVI столѣтія почти не проходило года, чтобы не появлялось одного или нѣсколько изданій Корабля дураковъ. Руководящая идея книги—сравненіе современной автору эпохи съ кораблемъ, наполненнымъ дураками, изъ числа которыхъ онъ не исключаетъ и себя. Не будучи ни геніемъ, ни особенно занимательнымъ поэтомъ, онъ далъ народу доступную для него книгу и вмѣстѣ представилъ картину послѣднихъ годовъ XV столѣтія, хотя и плоско, но за то вѣрно изображающую всѣ сословія, ихъ занятія и глупости. Поэтому въ то время, когда еще не существовало нѣмецкой библіи Лютера, сдѣлавшейся народной книгою, Гайлеръ фонъ Кейзерсбергъ, говоря въ 1498 г. проповѣди въ Страсбургѣ, бралъ тексты для нихъ изъ Корабля дураковъ.

Іоаннъ Гайлеръ фонъ Кейзерсбергъ тридцать одинъ годъ (по 1510 г.) проповѣдывалъ въ Страсбургѣ и въ теченіе своей дѣятельности пустилъ въ ходъ одно изъ нарѣчій нѣмецкаго языка, впослѣдствіи забытое до тѣхъ поръ, пока въ наши дни Гебель снова не обратилъ на него нашего вниманія. Тоже самое сдѣлалъ для франконскаго нарѣчія бамбергскій каноникъ Альбрехтъ фонъ Кибъ. По стопамъ этихъ людей слѣдовалъ Лютеръ, доставившій полную побѣду верхне-саксонскому нарѣчію. Кромѣ упомянутой особенности, у Гейлера фонъ Кейзерсберга есть еще то общее съ Лютеромъ, что въ своихъ проповѣдяхъ онъ всегда искрененъ, прямодушенъ, энергиченъ, понятенъ, доступенъ и не впадаетъ въ глубину оракульской премудрости. Правда, и онъ, подобно названнымъ нами созерцательнымъ ораторамъ и аскетамъ, прибѣгаетъ къ аллегоріи и мистикѣ, но все-таки не на столько, чтобы перестать быть народнымъ и всѣмъ доступнымъ ораторомъ. Нѣмецкія проповѣди Гайлера переведены на латинскій языкъ записав-

шимъ ихъ ученикомъ его Отеромъ, а извѣстный теперь текстъ ихъ переведенъ съ его перевода. Всѣхъ проповѣдей 110: онѣ расположены по порядку отдѣловъ Корабля дураковъ, хотя на это прямо и не указано. Передъ каждой проповѣдью стоитъ на латинскомъ языкѣ: «Число дураковъ несмѣтно (Stultorum est infinitus numerus).» Съ характеромъ проповѣдей Гайлера можно лучше всего познакомиться изъ XXVII проповѣди, озаглавленной «Ученый дуракъ», гдѣ говорится объ ученыхъ вообще. По мнѣнію переводчика латинскаго текста Отера, въ ней идетъ рѣчь о бредѣ ученыхъ или о чопорныхъ дуракахъ, о дуракахъ въ чепцахъ и о дуракахъ въ баретахъ; признакомъ ихъ глупости служитъ то, что большинство господъ докторовъ парадируютъ въ своихъ высокихъ бархатныхъ баретахъ, хотя не смыслятъ ни слова по-латыни. Переводчикъ дѣлитъ проповѣдь на семь частей. Въ первой говорится о тѣхъ, кто собираетъ много драгоцѣнныхъ книгъ, ища въ нихъ, какъ въ другихъ домашнихъ принадлежностяхъ, славы; во второй — о тѣхъ, кто думаетъ сдѣлаться умнѣе, покупкою множества книгъ; въ третьей — о тѣхъ, кто хватаетъ всего понемногу и ничего не знаетъ; въ четвертой—о тѣхъ, кто находитъ наслажденіе въ томъ, чтобы смотрѣть на картины, книги и золотыя и серебряныя буквы; въ пятой—о тѣхъ, кого радуютъ великолѣпные бархатные и шелковые переплеты; въ шестой—о тѣхъ, кто пишетъ или печатаетъ книги, не имѣя ума; наконецъ, въ седьмой—о тѣхъ, кто смотритъ съ пренебреженіемъ на книги и на заключающуюся въ нихъ мудрость.

2. Первые шаги нѣмцевъ по пути къ новой національной литературѣ и образованности, проложенному итальянцами.

а) Новыя учебныя заведенія.

Говоря объ ученомъ образованіи, мы останавливаемся на немъ лишь на столько, на сколько оно вело къ народному образованію, и потому въ этомъ отдѣлѣ ограничимся поверхностнымъ указаніемъ на то, какимъ образомъ въ теченіе XV столѣтія въ Германіи вмѣсто прежнихъ исключительно богословско-философскихъ учебныхъ заведеній были основаны университеты по итальянскому образцу. Еще въ предшествовавшемъ столѣтіи были учреждены императоромъ Карломъ IV пражскій университетъ, а герцогами австрійскими Генрихомъ IV, Альбрехтомъ III и Леопольдомъ III—вѣнскій, долгое время находившіеся въ очень плохомъ состояніи. Изъ потомковъ названныхъ герцоговъ императоръ Фридрихъ III занимался менѣе имперіей, чѣмъ ботаникой, химіей и астрономіей, которыя онъ изучалъ въ Линцѣ. Университеты гейдельбергскій, кёльнскій и эрфуртскій возникли въ то же столѣтіе, какъ пражскій и вѣнскій. Въ Вюрцбургѣ, еще въ 1410 г. предполагалось основать университетъ, но этому помѣшалъ споръ между духовенствомъ и гражданами и только въ 1589 г. было все готово къ открытію такого заведенія. Въ 1409 г., какъ мы уже говорили (стр. 545), былъ осуществленъ давно задуманный планъ основать университетъ въ Лейпцигѣ, когда, по изгнаніи нѣмцевъ изъ Праги, для этой цѣли соединились Фридрихъ Воинственный и Вильгельмъ II Мейссенскій. Десять лѣтъ спустя, въ 1419 г., по соглашенію герцоговъ мекленбургскихъ Іоанна и Альбрехта съ городомъ Ростокомъ, былъ учрежденъ ростокскій университетъ. Въ 1456 г. былъ основанъ университетъ въ сосѣднемъ городѣ Грейфсвальдѣ, не смотря на то, что жители Ростока употребляли всѣ усилія, чтобы отклонить отъ этого герцога померанскаго Вратислава. За два года передъ тѣмъ былъ основанъ курфирстомъ Іаковомъ трирскій университетъ, а еще въ 1426 г. герцогъ брабантскій учредилъ лувенскій университетъ. Университеты въ Базелѣ и Фрейбургѣ въ Брейзгау, по всей вѣроятности, были открыты въ одинъ и тотъ же годъ (1460 г.) Въ 1477 г. Эбергардъ Вюртембергскій основалъ университетъ въ Тюбингенѣ, а вслѣдъ затѣмъ курфирстъ Дитгеръ открылъ университетъ въ Майнцѣ. Такимъ образомъ въ теченіе 130 лѣтъ возникло пятнадцать высшихъ учебныхъ заведеній, и хотя въ то время они собственно еще

не были настоящими школами для народа, но самое учрежденіе ихъ доказывало, что въ Германію уже проникла потребность новой цивилизаціи, пробудившейся въ Италіи.

б) Провозвѣстники итальянской цивилизаціи въ Германіи.

Изъ людей, перенесшихъ въ XV столѣтіи классическое образованіе изъ Италіи въ Германію, мы назовемъ прежде другихъ родившагося въ началѣ XV столѣтія (1401 г.) Николая изъ Кузы или Кузана, о которомъ не разъ упоминали, говоря о базельскомъ соборѣ (стр. 592 и 593). Настоящее его имя было Николай Кребсъ, а Кузаномъ (Cusanus) онъ былъ прозванъ по имени одной деревни въ трирскихъ владѣніяхъ, гдѣ онъ родился отъ бѣдныхъ родителей. Въ то время какъ въ Германіи аристотелевская философія былъ извѣстна только по арабско-латинскимъ переводамъ, Кузанъ познакомился съ настоящимъ Аристотелемъ въ Италіи, гдѣ изучилъ сочиненія Петрарки и тогдашнее состояніе церкви. Ко всему этому онъ отличался знаніемъ римскаго права и, какъ критическій изслѣдователь, первый изъ нѣмцевъ доказалъ съ научной стороны, что все, выдаваемое съ безстыдною наглостью легковѣрнымъ среднимъ вѣкамъ за исторію, право и преданіе—чистая ложь. Кузанъ также первый придалъ изученію математики и географіи совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ оно имѣло въ монастыряхъ. За свою историческую и богословско-критическую ученость онъ пользовался на базельскомъ соборѣ большимъ уваженіемъ, чѣмъ знаменитые парижскіе богословы, которые однако такъ успѣшно вели борьбу противъ папскихъ злоупотребленій, что посредствомъ прагматической санкціи пріобрѣли свѣтской власти своего отечества и галликанской церкви такія права, какихъ никогда не достигали германскій императоръ и нѣмецкая церковь (стр. 593). На базельскомъ соборѣ Кузанъ напалъ всею силою свей критики не только на баснословное преданіе о томъ, будто Константинъ Великій подарилъ римскому епископу державныя права надъ страною, людьми и Богъ знаетъ какими владѣніями, но первый обличилъ сочинителя лженсидоровыхъ декреталій, т. е. доказалъ, что приписываемое Исидору Севильскому собраніе папскихъ распоряженій (стр. 468), преднамѣренный подлогъ. Въ практической жизни Кузанъ оказался плохъ; подобно такому же просвѣщенному ученому, Энею Сильвію, также бывшему оракуломъ іерарховъ, собравшихся для произведенія реформы въ церкви, онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, когда папа назначилъ его сначала епископомъ бриксенскимъ, а потомъ (1448 г.) кардиналомъ. Изъ его сочиненій, изданныхъ въ 1565 г. въ трехъ большихъ фоліантахъ, самыя замѣчательныя въ историческомъ отношеніи: семь писемъ о современной исторіи, соборахъ и спорахъ съ чехами и ихъ ересью. Изъ остальныхъ его сочиненій, большей частью богословскаго или юридическаго содержанія, мы назовемъ только тѣ, которыя указываютъ на его отношеніе къ своему времени и доказываютъ, что Николай принадлежалъ къ провозвѣстникамъ цивилизаціи XVI столѣтія. Первое изъ этихъ сочиненій заключаетъ въ себѣ точное изслѣдованіе ученія Мухаммеда (Cribratio Alcorani); оно было однимъ изъ самыхъ понятныхъ сочиненій противъ ученія корана, напечатанныхъ въ то время, когда османскіе турки все ближе подвигались къ Европѣ и дѣлали себѣ прозелитовъ мечомъ. Второе называется Conjectura de novissimis temporibus (Соображенія о новѣйшемъ времени); имъ, какъ оракуломъ, воспользовались совершенно различно для своихъ цѣлей піетисты XVIII столѣтія, іезуиты и скептикъ Вайль. Въ этой книжечкѣ Кузанъ, смущенный состояніемъ церкви, потрясенной внутри и угрожаемой извнѣ постоянно усиливавшейся ересью гуситовъ, проповѣдуетъ совершенное паденіе церкви и ея обновленіе святыми людьми. Его математическія и географическія сочиненія, въ которыхъ никакія богословскія и церковныя соображенія не ставятъ преградъ его мыслящей головѣ, написаны совершенно въ духѣ новой науки, основанной на фундаментальномъ изученіи древнихъ и полезной для практической жизни и ея потребностей. Относительно его математическихъ трудовъ можно во-первыхъ указать на то значеніе, которое придавалъ великій математикъ Валлизій его сочиненію о квадратурѣ круга. Затѣмъ въ небольшой книгѣ (Reparatio calendarii) Кузанъ изложилъ свои изслѣдованія о

необходимыхъ измѣненіяхъ календаря, приведенныхъ въ исполненіе много лѣтъ спустя папою Григоріемъ XIII (т. II стр. 511). Наконецъ, его труды надъ таблицами Альфонса (стр. 309) открыли путь усовершенствованіямъ Кеплера и Тихо де Браге, а двадцать фоліантовъ его трудовъ, содержащихъ въ себѣ исправленныя имъ таблицы, принесли существенную пользу астрономіи. Къ географическимъ работамъ Кузана принадлежатъ: значительно исправленный имъ географическій очеркъ позднѣйшей древности, напечатанный въ первый разъ Боссіемъ въ XVII столѣтіи (itinerarium Antonini), и описаніе Германіи и всѣхъ остальныхъ странъ до Константинополя, названное имъ таблицею (tabula) или росписью земель и включенное Шардіусомъ, подъ именемъ сочиненія Себастіана Мюнстера, въ его собраніе нѣмецкихъ историковъ.

Изученіе математическихъ и астрономическихъ наукъ, которымъ Николай Кузанъ занимался какъ побочнымъ занятіемъ, было спеціальностью Георгія Пурбаха или Пеурбаха. Онъ родился въ 1423 г., а умеръ въ 1461 г. Пурбахъ не такъ замѣчателенъ своими сочиненіями, какъ учительскою дѣятельностью въ Вѣнѣ. Пользуясь покровительствомъ Фридриха III, онъ съумѣлъ пробудить въ Германіи своею энергіею и талантами любовь къ положительнымъ или реальнымъ наукамъ, плодами которой были труды такихъ людей, какъ Кеплеръ и Коперникъ. Не умри Пурбахъ такъ рано, онъ сдѣлался бы первымъ изъ провозвѣстниковъ совершенно новой науки и ученія, потому что кардиналъ Виссаріонъ, оцѣнившій во время своего пребыванія въ Германіи удивительныя способности молодаго человѣка, хотѣлъ взять его съ собой въ Италію, чтобы дать ему возможность основательно изучить греческій языкъ и литературу. Вмѣсто Пурбаха, съ Виссаріономъ отправился въ Италію одинъ изъ его учениковъ, Іоаннъ Мюллеръ или, какъ его обыкновенно называютъ по его родинѣ Кёнигсбергу, Регіомонтанъ (Кёнигсбергъ—Regius mons); впослѣдствіи онъ былъ однимъ изъ первыхъ, распространившихъ въ Германіи изученіе древнихъ языковъ, ихъ литературы и реальныхъ и практическихъ наукъ, и освободившихъ Птолемея и другихъ древнихъ астрономовъ отъ средневѣковаго сора и вздора арабовъ. Регіомонтанъ походилъ на греческихъ и итальянскихъ апостоловъ новой цивилизаціи еще и тѣмъ, что, разъѣзжая изъ города въ городъ, старался возбуждать во всѣхъ любовь къ наукѣ. Когда по винѣ Фридриха III палъ вѣнскій университетъ, Регіомонтанъ отправился въ Венгрію, гдѣ новая наука нашла покровительство у Маттіаса Корвина. Впослѣдствіи мы видимъ его въ Нюрнбергѣ, центрѣ механическаго искусства, практической науки и мейстерзенгерства, а потомъ онъ снова вернулся въ Римъ, гдѣ умеръ въ 1476 г. Гассенди и всѣ позднѣйшіе астрономы и математики согласны въ томъ, что Регіомонтану принадлежитъ первое мѣсто въ области опытной и теоретической астрономіи. По ихъ словамъ, онъ не только дѣлалъ точныя наблюденія и исправилъ употреблявшіяся тогда астрономическія таблицы, но самъ дѣлалъ и училъ дѣлать нюрнбергскихъ художниковъ вѣрные инструменты. Регіомонтанъ вычислилъ таблицы синуса, окончилъ и издалъ начатое Пурбахомъ вычисленіе планетныхъ орбитъ, научно опровергъ астрономическія мечты арабовъ и объяснилъ сочиненія Эвклида и Архимеда.

Совсѣмъ инаго рода была дѣятельность людей, проповѣдывавшихъ добродушному нѣмецкому народу религію сердца и удовлетвореніе скромною жизнью, удаленною отъ всякаго внѣшняго блеска, и учившихъ искать въ тихихъ умственныхъ занятіяхъ мира, котораго не даютъ безпокойныя стремленія и страстная политическая жизнь. Изъ этихъ людей мы назовемъ Іоанна Весселя, родившагося въ 1419 г. въ Гёнингенѣ и умершаго въ 1489 г. въ томъ же городѣ, Вимпфелія и Гегія. Мы удовлетворимся только краткими собранными нами замѣтками объ этихъ личностяхъ собственно потому, что Ульманъ очень подробно и популярно разработалъ біографію Весселя и людей, принадлежавшихъ къ его кругу. По нашему мнѣнію, главная заслуга Весселя состоитъ въ томъ, что онъ возбуждалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи рвеніе нѣмцевъ къ религіозно-нравственному и классическому образованію. Онъ училъ въ Парижѣ, Кёльнѣ, Гейдельбергѣ, Римѣ, Базелѣ и, подъ конецъ, въ своемъ отечествѣ. Его друзья были вмѣстѣ и друзьями Іоанна фонъ Дальберга, подобно флорентинскимъ патриціямъ покровительствовавшаго новымъ наукамъ и въ особенности

старавшагося поднять гейдельбергскій университетъ. Іоаннъ фонъ Дальбергъ, родившійся въ 1445 г., получилъ образованіе въ Эрфуртѣ и сдѣлалъ очень многое для Германіи сначала въ должности канцлера курфирста пфальцскаго, потомъ (съ 1482 г.) какъ епископъ вормсскій. Онъ вызвалъ въ Гейдельбергъ Іоанна Весселя и другихъ талантливыхъ людей и основалъ въ Вормсѣ, по образцу свободныхъ итальянскихъ академій, такъ называемое рейнское общество; безконечные споры вормсцевъ съ ихъ епископами заставляли Дальберга жить съ своими канониками большую часть времени въ пфальцскомъ городѣ Ладенбургѣ (особенно съ 1499 г.), и потому онъ могъ тамъ и въ Гейдельбергѣ соединять около себя друзей. Рейнское общество было собраніемъ ученыхъ по части нѣмецкой и классической литературы, и достаточно привести имена нѣсколькихъ членовъ его, чтобы убѣдиться, что Дальбергъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ меценатомъ Германіи, которой, къ несчастью, недоставало Августа. Къ этому обществу принадлежали, между прочими членами, совѣтникъ и любимецъ курфирста пфальцскаго, Дитрихъ фонъ Плейнингенъ, аббатъ Тритгеймъ, Іоаннъ Рейхлинъ, Вилибальдъ Пиркгаймеръ, Этельвольфъ фонъ Штейнъ и Мартинъ Поллихъ.

Изъ ученыхъ, присоединившихся къ Іоанну фонъ Дальбергу, слѣдуетъ упомянуть о Рудольфѣ Агриколѣ, пользовавшемся большимъ вліяніемъ въ своей родинѣ, городѣ Гренингенѣ, и походившемъ на итальянскихъ патриціевъ тѣмъ, что онъ занимался классическими науками ради ихъ самихъ, а не изъ какихъ-нибудь постороннихъ цѣлей. Агрикола въ теченіе всей своей жизни старался принимать дѣятельное участіе въ новомъ образованіи и распространять его между своими современниками. Онъ получилъ образованіе въ Лувенѣ, потомъ поѣхалъ во Францію и оттуда отправился въ Италію, гдѣ слушалъ лекціи Гермолая Барбара, Ѳеодора Газу и другихъ и сблизился съ Іоанномъ фонъ Дальбергомъ и Дитрихомъ фонъ Плейнингеномъ, также находившимися въ то время въ Италіи. Въ Феррарѣ, гдѣ онъ нѣсколько времени училъ и учился, Агрикола собралъ драгоцѣнныя рукописи, которыми впослѣдствіи пользовались ученые всѣхъ націй въ гейдельбергской библіотекѣ. Спеціальными предметами его изученія были методы педагогіи. Въ XVI столѣтіи Агриколу считали человѣкомъ, оказавшимъ вмѣстѣ въ Эразмомъ Роттердамскимъ и Филиппомъ Меланхтономъ наиболѣе заслугъ въ дѣлѣ преобразованія школъ и изученія гуманитарныхъ наукъ, распространенныхъ протестантами послѣ Лютера. Агрикола отказался отъ званія синдика города Грёнингена, когда его другъ Дальбергъ, сдѣлавшись епископомъ вормсскимъ, пригласилъ его въ Гейдельбергъ; онъ умеръ въ 1488 г. Его собраніе рукописей составляетъ драгоцѣнное основаніе гейдельбергской библіотеки, пользовавшейся всемірно-историческимъ значеніемъ до завоеванія Гейдельберга Тилли.

Изъ людей, которымъ покровительствовалъ Іоаннъ фонъ Дальбергъ, рядомъ съ Агриколой, особаго вниманія заслуживаютъ Конрадъ Клетесъ и Іоаннъ Рейхлинъ. Первый знаменитъ своей подвижностью и разнообразіемъ возбужденныхъ имъ въ различныхъ странахъ Германіи новыхъ умственныхъ стремленій; второй—своей реформаторской дѣятельностью на поприщѣ преподаванія. Заслуги Рейхлина для своего времени и потомства были прочнѣе заслугъ Клетеса; но онѣ принадлежатъ болѣе XVI, чѣмъ XV столѣтію, и потому мы подробно скажемъ о нихъ, когда коснемся литературы слѣдующаго періода. Конрадъ Клетесъ, нѣмецкая фамилія котораго была Пиккель или Мейссель, родился въ 1459 г. въ окрестностяхъ Швейнфурта. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кельнѣ, а потомъ въ Гейдельбергѣ своей легкостью сочинять стихи расположилъ къ себѣ Іоанна фонъ Дальберга, Рудольфа Агриколу и другихъ лицъ, которыя дали ему возможность отправиться въ Италію, откуда исходили тогда образованіе, наука и искусство. Въ Италіи Клетесъ пробылъ два года въ кругу Марсилія Фицина, Іоанна Кальпургія, Гварино, Бероальда, Себеллика, Помпонія, Лета и другихъ, основателей возродившагося изученія древнихъ, и пріобрѣлъ тамъ знанія, которыя онъ впослѣдствіи распространялъ въ Германіи, будучи членомъ рейнскаго общества. Въ Италіи онъ оставался съ 1487 г. по 1489 г.; потомъ до 1490 г. училъ въ Краковѣ, гдѣ въ то же время изучалъ астрономію подъ руководствомъ Аль-

берта Брутлева, а впослѣдствіи трудился болѣе или менѣе продолжительное время во всѣхъ 15 тогдашнихъ германскихъ университетахъ. Достаточно указать на одно это, чтобы понять, что дѣятельность этого безпокойнаго человѣка можетъ быть сравнена съ дѣятельностью грековъ въ Италіи. Его первое сочиненіе, появившееся въ 1486 г., учитъ только сочинять стихи, поэтому мы и не станемъ распространяться о немъ. Затѣмъ онъ издалъ нѣкоторыя сочиненія Сенеки и училъ въ Лейпцигѣ, какъ впослѣдствіи во всѣхъ германскихъ университетахъ, по системѣ, противоположной схоластической, до тѣхъ поръ господствовавшей въ школахъ. Въ 1491 г. онъ написалъ поэму о нѣмецкой землѣ и ея нравахъ (Situs et mores Germaniae), которая, какъ описаніе путешествія, чрезвычайно важна для изслѣдователя положенія Германіи въ XV столѣтіи. Въ 1492 году онъ читалъ въ Ингольштадтѣ лекціи о Горапіѣ, въ 1493 г. отправился сначала въ Вѣну, потомъ въ Майнцъ, а въ 1494 г. снова вернулся въ Ингольштадтъ, откуда чума заставила его бѣжать 1496 г. въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ чрезвычайно дѣятельно трудился для рейнскаго общества. Съ 1501 г. до самой смерти (1508 г.) онъ былъ библіотекаремъ въ Вѣнѣ. Сочиненія Клетеса, какъ ни велико былъ ихъ вліяніе на нѣмцевъ XV столѣтія, не имѣютъ значенія для нашего времени. Изъ двухъ изданій его поэмы, совершенно различныхъ по содержанію, одно, появившееся въ 1613 г. въ Страсбургѣ, содержитъ только благопристойныя оды и эпиграммы, другое, напечатанное въ 1502 г. въ Нюрнбергѣ, заключаетъ въ себѣ четыре книги грязныхъ элегій или, другими словами, голую картину нравовъ, представленную въ формѣ поэтическаго описанія путешествія и схожую съ тѣмъ, что мы находимъ у Петра Аретина и Ульриха Гуттена. Въ ней самыми непристойными и циническими выраженіями очерчены безстыдные нравы и распутство итальянцевъ, которымъ предавались какъ Клетесъ, такъ и Гуттенъ.

С. Образованность и литература Италіи со смерти Данте до половины XV столѣтія.

1. Переходъ отъ XIV къ XV столѣтію.

Рядомъ съ Данте, творцами новой итальянской поэзіи, возстановителями изученія древнихъ классиковъ и людьми, учившими примѣнять науку къ образованію и литературѣ, съ полной справедливостью называютъ обыкновенно Боккаччіо и Петрарку. Въ нашей исторіи, говоря объ образованіи вообще, мы не остановимся на ихъ итальянскихъ поэтическихъ произведеніяхъ и не станемъ дѣлать оцѣнку ни идеальной и выспренной лирики Петрарки, ни матеріальнаго разсказа Боккаччіо, обворожавшаго итальянское ухо гармоніей своей прозы. Мы укажемъ на другаго рода дѣятельность ихъ, въ которой ихъ вліяніе было сильнѣе вліянія Данте.

Флорентинецъ, какъ Данте, Петрарка родился не во Флоренціи, но въ Авиньонѣ, гдѣ находился папскій дворъ. Совершенно ошибочно говорятъ, что Петрарка выучился греческому языку у монаха Варлаама, учителя Данте; онъ учился и изучилъ греческій языкъ въ Авиньонѣ. Отсюда онъ былъ отправленъ въ Болонью для изученія римскаго права, но въ 1326 году вернулся въ Авиньонъ, не изучивъ его. Говорятъ, что въ слѣдующемъ году онъ увидѣлъ Лауру, предметъ его лирической поэмы (Sonnetti, canzoni, rime, triomfi). Мы не станемъ спорить о томъ, существовала ли Лаура въ дѣйствительности и любилъ ли ее Петрарка. Заоблачная, часто мистическая и созерцательная лирика поэта лишена всякаго матеріализма, предметъ ея слишкомъ идеаленъ, а любовь Петрарки представляется черезчуръ платоническою функціей, и потому намъ кажется, что въ мысли поэта никогда не было тѣлеснаго существа и что поэма Петрарки не нуждается въ тѣхъ историческихъ и даже топографическихъ изслѣдованіяхъ, которымъ ее подвергали. Петраркою восхищалась вся современная ему Европа; этимъ онъ былъ обязанъ не лирическимъ своимъ стихотвореніямъ, составляющимъ те-

перь главную его заслугу, но въ то время извѣстнымъ только въ Италіи и южной Франціи, а единственно своимъ книгамъ, писаннымъ по латини. Петрарка писалъ на латинскомъ языкѣ и поэмы, которыя ставились тогда на ряду съ Виргиліемъ, его образцомъ, и прозаическія книги различныхъ родовъ. Про Петрарку, латинскій языкъ котораго еще слишкомъ высокопаренъ, поэтиченъ, часто даже неправиленъ, одинъ изъ членовъ рейнскаго общества Дальберга, аббатъ Тритгеймъ, говоритъ: «онъ снова воскресилъ (ab inferis revocavit ad superos) образовательную науку древнихъ (humaniores litteras), давно исчезнувшую и умершую (post longa silentia mortuas). Кажется, Петрарка самъ чувствовалъ, что онъ не рожденъ эпическимъ поэтомъ; но не смотря на то, за повѣствовательную поэму Africa и за идилліи (Bucolica) его въ одно и то же время звали въ Парижъ и въ Римъ, чтобы короновать поэтомъ. Онъ предпочелъ короноваться въ Римѣ, предварительно подвергнувшись въ Неаполѣ публичному испытанію среди торжественной обстановки. Выказавъ здѣсь, въ присутствіи короля Роберта и его двора, свои поэтическія дарованія и знанія и осыпанный почестями, онъ отправился въ Римъ, гдѣ съ тріумфомъ былъ коронованъ въ Капитоліѣ (1341 г.). Оба торжества, въ Неаполѣ и въ Римѣ, были великими національными праздниками въ честь возродившейся жизни древнихъ въ государствѣ и литературѣ, и на обоихъ Петрарка былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Съ этихъ поръ всѣ ученые ищутъ знакомства и расположенія Петрарки; города, князья, кардиналы, даже папа и императоръ совѣтуются съ нимъ о своихъ дѣлахъ. Ему была обязана древняя литература тѣмъ, что она находила покровительство въ итальянскихъ городахъ; съ нимъ совѣтовался императоръ Карлъ IV при учрежденіи пражскаго университета, и не Петрарка виной того, что Карлъ не возстановилъ древняго блеска римской имперіи и единства итальянской національности. Петрарка находился при Карлѣ во время его втораго римскаго похода (1368 года), а въ 1370 г. еще разъ пріѣхалъ въ Италію и умеръ тамъ въ 1374 г.

Изъ 29 книгъ, написанныхъ имъ по словамъ Фабриціуса, мы приведемъ только немногія, доказывающія, что со времени Петрарки въ руки ученыхъ давались совершенно другія книги, чѣмъ въ началѣ XIV столѣтія. Прежде всего назовемъ его «Утѣшеніе въ счастьѣ и несчастьѣ» (Remedium utriusque fortunae), книгу, пользовавшуюся такою популярностью и имѣвшую столько изданій, что въ этомъ отношеніи (какъ всѣми читавшуюся книгу) ее можно сравнить только съ сочиненіемъ Боэтія «о философскомъ утѣшеніи» (т. II стр. 263). Эта книга, состоящая изъ 245 діалоговъ, раздѣлена на два главныхъ отдѣла: въ первомъ разговариваютъ между собой, какъ аллегорическія личности, радость и надежда, во второмъ печаль и страхъ. Другое сочиненіе Петрарки, названное имъ своимъ тайнымъ дневникомъ (De contemtu mundi colloquiorum liber, quem secretum suum inscripsit), совершенно сходно съ его выспренной лирикой, созерцательностью и неоплатонизмомъ его поэмы. Въ этомъ сочиненіи онъ бесѣдуетъ съ Августиномъ о мірѣ и мірскихъ дѣлахъ въ духѣ того времени, для котораго писали онъ и Данте. Для нашего времени чрезвычайно интересно сравнить эту книгу съ тѣмъ, что говоритъ о ней Гингене въ исторіи литературы Италіи; это сопоставленіе дастъ намъ возможность составить ясное понятіе о сравнительномъ достоинствѣ французской образованности XVIII столѣтія и итальянской XIV столѣтія. Изъ многихъ, большей частью декламаторскихъ писемъ Петрарки, для исторіи XIV столѣтія и его культуры особенно замѣчательны 128, названныя Senilia, въ которыхъ Петрарка является совѣтникомъ, руководителемъ и пророкомъ своего времени. Они напечатаны вмѣстѣ съ книгою, содержащею въ себѣ 58 писемъ къ Андрею Дандоло, и посланіями, странныхъ образомъ обращенными къ людямъ древности, восхищавшимъ Петрарку: Цицерону, Ливію, Варрону и Сенекѣ. Этими сочиненіями Петрарка дѣйствовалъ на одну сторону національнаго характера своихъ соотечественниковъ, пробуждая въ нихъ любовь къ новому образованію и классической литературѣ, но вмѣстѣ пріучалъ ихъ къ пышности рѣчи и благозвучію часто совершенно пустыхъ періодовъ и фразъ; они развивали въ итальянцахъ стремленіе къ мечтательности и созерцательности. Другія сочиненія Петрарки привлекали къ себѣ итальянскій народъ, любящій занимательные разсказы, побасенками и вычурными исторіями. Тотъ родъ исторіи, который

Данте предпочиталъ серьезной исторіи, былъ самымъ лучшимъ возбудительнымъ средствомъ для его націи. Чтобы пробудить интересъ къ исторіи, приспособленной къ жизни, онъ написалъ своимъ привлекательнымъ слогомъ собраніе историческихъ разсказовъ (Rerum memorabilium libri IV). Изъ одного оглавленія этого сборника легко понять, какъ онъ хотѣлъ, по примѣру Валерія Максима (стр. 159), соединить исторію съ моралью и, примѣняя на практикѣ, сдѣлать ее полезной и пріятной. Первая книга содержитъ въ себѣ разсказы о досугахъ и занятіяхъ ученыхъ; вторая - о добродѣтеляхъ, умѣ, памяти, разсудкѣ, остроуміи, насмѣшкѣ, шуткѣ и краснорѣчіи; третья—о дѣятельности, хитрости и выдержкѣ въ словѣ и въ дѣлѣ; наконецъ четвертая—о предположеніяхъ, т. е. снахъ, предчувствіяхъ и предсказаніяхъ. Другое сочиненіе «четырнадцать жизнеописаній римскихъ государственныхъ людей и полководцевъ, отъ Ромула до Курія Дентата и Фабриція», вышло изъ того пламеннаго римскаго патріотизма, который соединилъ Петрарку съ Кола Ріенци (стр. 295 и слѣд.). Все, что говорится въ этой книгѣ, находится и у Ливія въ его туманномъ, миѳическомъ разсказѣ, вдохновлявшемъ еще древнихъ римлянъ и возбуждавшемъ ихъ къ великимъ подвигамъ. Лорбардъ де Сирихо не понялъ цѣли Петрарки, прибавивъ къ его сочиненію еще двадцать одну біографію, въ которыхъ героическая исторія была выведена изъ миѳическаго періода въ историческій до Траяна.

Въ совершенно иномъ родѣ, не размашисто, какъ Петрарка, но перомъ Данте, коротко, сжато, серьезно и строго, написалъ флорентинецъ Дино Компаньи на итальянскомъ языкѣ исторію своей родины съ 1280 г. по 1312 г. Подобно великимъ древнимъ писателямъ, къ которымъ мы его причисляемъ, онъ разсказываетъ то, что самъ видѣлъ и въ чемъ принималъ дѣятельное участіе, будучи гонфалоньеромъ города. Дино Компаньи, какъ Макіавели, не строитъ періодовъ и, какъ другой его соотечественникъ—Виллани, не гоняется за занимательными анекдотами; онъ справедливъ, серьезенъ и глубокъ, какъ Ѳукидитъ, а его исторія строга, какъ приговоръ свѣта. Обсахаренные и заспавшіе итальянцы долго съ горестью ставили ему въ упрекъ все это и долго оставляли его въ совершенномъ забвеніи, пока Муратори не помогъ воздать ему должной чести, перепечатавъ его сочиненіе въ девятой части своего собранія итальянскихъ историческихъ источниковъ. Хотя изученіе Данте и научило насъ понимать, на сколько лощенный языкъ новыхъ итальянцевъ (cinquecentisti) ниже природной энергіи и оригинальнаго блеска такихъ личностей, какъ Данте и Дино Компаньи, но мы все-таки не рѣшились бы судить о стилѣ и языкѣ Дино Компаньи, думая, что для этого необходимо итальянское ухо, еслибы не знали единодушнаго отзыва всѣхъ итальянцевъ со вкусомъ. Конечно, не всѣ въ состояніи оцѣнить по достоинству блескъ наивныхъ выраженій, силу рѣчи, изящество неукрашеннаго, простаго и вполнѣ соотвѣтствующаго содержанію слога. Упреки, дѣлаемые Дино Компаньи въ излишней ѣдкости порицанія, въ высшей степени несправедливы; вѣдь и изъ того, въ чемъ Данте упрекаетъ своихъ флорентинскихъ соотечественниковъ, справедливо только очень немногое. По нашему мнѣнію, напротивъ, Дино Компаньи, какъ и Данте, выказываетъ себя въ этомъ порицаніи человѣкомъ твердымъ, строгимъ, стоящимъ выше своего времени и истиннымъ республиканцемъ, который въ уклоненіи отъ закона, религіи и нравовъ видитъ паденіе свободы.

Флорентинскій историкъ Джіованни Виллани, обыкновенно называемый первымъ классическимъ историкомъ на итальянскомъ языкѣ, — потому что Дино Компаньи такъ долго находился въ пренебреженіи, — относится къ Петраркѣ, какъ Дино Компаньи къ Данте. Дино Компаньи и Данте являются представителями энергическаго, религіознаго, образованнаго и полнаго жизни времени; они олицетворяютъ собою духъ истинной и отдѣльной народности, они ничего не ищутъ; ихъ рѣчь и мысли стремятся изъ глубины души. Виллани и Петрарка напротивъ хотятъ и ищутъ классицизма и возрожденія духа древнихъ римлянъ. Виллани прямо высказываетъ это. Онъ говоритъ, что, въ бытность его въ Римѣ въ 1300 году, видъ колосальныхъ остатковъ древности навелъ его на мысль, что древній блескъ Италіи находится въ тѣсной связи съ исторіей подвиговъ древнеримскаго народа и что этотъ блескъ исчезъ съ тѣхъ поръ, какъ хроники монаховъ и сухіе перечни событій заняли мѣсто національныхъ эпическихъ поэмъ и

краснорѣчиво разсказанныхъ исторій; тогда онъ вспомнилъ о Виргиліи, Саллюстіи, Луканѣ, Титѣ Ливіи, Валеріи Максимѣ, Павлѣ-Орозіи и задумалъ написать въ ихъ духѣ исторію своей родины, чтобы воодушевить итальянцевъ къ подвигамъ, достойнымъ ихъ предковъ. По своему положенію, Виллани имѣлъ возможность къ фактамъ, взятымъ имъ изъ книгъ, присоединять событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ; такимъ образомъ онъ былъ для нихъ источникомъ и историкомъ. Въ своемъ отечествѣ онъ участвовалъ во всѣмъ важнѣйшихъ дѣлахъ и руководилъ иностранными сношеніями и потому могъ вполнѣ достигнуть своей цѣли, т. е. представить постепенное возрастаніе небольшаго государства, быстро возвысившагося, подобно Риму. Виллани хотѣлъ написать національное произведеніе на народномъ языкѣ и въ совершенствѣ выполнилъ свою задачу; Маккіавелли въ своей исторіи Флоренціи заранѣе предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ Виллани и потому только дополняетъ то, чего онъ не коснулся. Предназначая свою исторію для народа, Виллани, какъ Ливій, начинаетъ ее изящно разсказанными сагами, легендами и сказочками и, подобно римскому историку, знакомитъ флорентинцевъ съ каждой деревней, мѣстечкомъ и окрестностями своего роднаго города, приводя анекдоты, событія, сраженія, слухи и преданія. Въ наше время его конечно упрекнули бы въ томъ, что онъ приводитъ подлинныя слова своего предшественника Рикардоно Маласпини, не называя его; но то же самое встрѣчается, какъ извѣстно, во всѣхъ средневѣковыхъ хроникахъ. Для исторіи своего времени (до 1337 года) Виллани служитъ главнымъ источникомъ, такимъ же образомъ, какъ Ливій для своего, т. е. онъ замѣчателенъ манерою, изложеніемъ, живостью и оригинальностью слога. Простота, энергія и живость были присущи времени Виллани, но искусство разнообразить простое принадлежитъ только ему. Лучшіе и серьезнѣйшіе писатели изъ новѣйшихъ итальянцевъ сознаются, что по отношенію къ формѣ изложенія, они изучаютъ его какъ образецъ и источникъ настоящаго стиля древнихъ. Какъ у всякаго истиннаго историка, который изъ-за того, чтобы называться знаменитымъ писателемъ, не захочетъ утратить человѣческаго достоинства въ благородномъ значеніи этого слова, у Виллани не слѣдуетъ забывать, къ какой партіи онъ принадлежалъ. Поэтому, когда онъ говоритъ о борьбѣ партій, нужно помнить, что онъ былъ крайній гвельфъ и демократъ.

Мы пишемъ не исторію литературы и потому не станемъ говорить и о братьяхъ Виллани—Матвѣѣ, продолжившемъ исторію до 1363 г., и Филиппѣ, который довелъ ее до 1364 г., ни объ Андреѣ Дандоло, написавшемъ латинскую хронику Венеціи, какъ она ни важна для историка, ни о Муссато и другихъ историкахъ. Напротивъ, никакъ нельзя оставить безъ вниманія флорентинца Боккаччіо уже по той одной причинѣ, что его совершенно справедливо считаютъ, вмѣстѣ съ Данте и Петраркою, однимъ изъ основателей древнеклассическаго образованія, составляющаго и до нашихъ дней предметъ изученія всей Европы. Цѣль нашей исторіи не позволяетъ намъ разбирать и оцѣнивать достоинствъ итальянскихъ сочиненій Боккаччіо, которыя до сихъ поръ читаются и сдѣлали его имя безсмертнымъ; они принадлежатъ спеціально литературѣ. Мы упомянемъ только о тѣхъ его произведеніяхъ, которыя въ концѣ XV и въ XVI столѣтіи открыли образованной Европѣ путь къ знакомству съ древней цивилизаціей и приготовили новое поле образованію и литературѣ. Изъ итальянскихъ произведеній Боккаччіо первое мѣсто принадлежитъ Decamerone—собранію разныхъ исторій въ прозѣ (въ томъ числѣ и неслыханно-скандалезныхъ), вмѣстѣ съ Fiametta и Labirinto d'amore или Corbaccio, а затѣмъ лучшее сочиненіе — Filicoro или Comedie delle Ninfe Fiorentine. Двѣнадцать книгъ Тебаеды, написанныя октавами (ottave rime), размѣромъ, изобрѣтеніе котораго часто приписываютъ Боккаччіо, Amorosa visione in 5 triomfi, Filostrato и Ninfalo Fiesolano онъ, говорятъ, самъ бросилъ въ огонь, прочтя поэму Петрарки. Мы сомнѣваемся въ этомъ, потому что названныя сочиненія находятся не только въ рукописномъ собраніи его сочиненій, но и во многихъ напечатанныхъ изданіяхъ. Съ разсматриваемой нами стороны Боккаччіо замѣчателенъ какъ первый ученый Запада, читавшій греческаго Гомера въ подлинникѣ; Петрарка, имѣвшій у себя поэмы Гомера, не могъ читать ихъ по незнанію языка. Грекъ Леонтій Пилатъ, пріѣхавшій въ

1360 г. во Флоренцію и остававшійся въ ней три года, училъ Боккаччіо своему родному языку и облегчилъ ему пониманіе Гомера словеснымъ переводомъ его. Боккаччіо перевелъ всю Иліаду, большую часть Одиссеи и 16 діалоговъ Платона. Если онъ, можетъ быть, и не такъ хорошо писалъ по латини, какъ Петрарка, но за то различнымъ образомъ старался познакомить своихъ соотечественниковъ съ внутреннимъ бытомъ древняго міра и съ тою частью его литературы, которая могла быть примѣнима къ жизни. Мы не придаемъ большаго значенія компиляціямъ, пріобрѣвшимъ ему славу въ публикѣ, но онѣ имѣли важность въ первыя времена возрожденія науки древнихъ, потому что соотвѣтствовали вкусу времени и были занимательны. Двѣ книги, миѳологія древнихъ и сочиненіе о названіи лѣсовъ, горъ, рѣкъ, источниковъ, озеръ и т. д., собственно не принадлежатъ Боккаччіо, но были только исправлены имъ. Первая (Genealogiae deorum, libri X) написана Павломъ Перузиномъ; Боккаччіо же съ помощью монаха Варлаама дополнилъ ее тѣми свѣдѣніями, которыя могъ собрать въ греческихъ и латинскихъ сочиненіяхъ. Въ этой книгѣ Боккаччіо, какъ это дѣлаютъ и въ наше время, расположилъ всѣ миѳическія стихотворенія и преданія древнихъ по системамъ, типамъ; любитель подобныхъ толкованій и системъ найдетъ у него то же, что у Наталиса Комеса, Канне или у Крейцера. Второе сочиненіе (о названіи лѣсовъ, горъ, рѣкъ и т. д.) принадлежитъ Вибію Секвестру, жившему въ V или VI столѣтіи; участіе Боккаччіо въ этомъ сборникѣ состояло частью въ увеличеніи и приведеніи въ порядокъ матеріаловъ, частью въ исправленіи языка. Третье сочиненіе Боккаччіо, написанное для распространенія знаній о древнемъ мірѣ,—книга о знаменитыхъ женщинахъ (de claris mulieribus). Это сочиненіе доказываетъ, что Боккаччіо умѣлъ также занимательно разсказывать на латинскомъ языкѣ, какъ и на итальянскомъ, и отлично воспользовался всевозможными истинными и вымышленными исторіями. Чтобы понять, какъ онъ обращается съ разсказами и какую цѣль имѣетъ въ виду, достаточно прочесть у него извѣстную исторію женщины-папы Іоанны. Эта книга, тотчасъ по появленіи, пріобрѣла такую же извѣстность во всей Европѣ, какъ Декамеронъ въ Италіи, и вскорѣ была переведена на испанскій, французскій, итальянскій и нѣмецкій языки. Тоже можно сказать и о десяти книгахъ его «О судьбѣ знаменитыхъ мужчинъ и женщинъ» (de casibus virorum et feminarum illustrium); эта книга также была переведена на всѣ языки, а въ бодлеянской оксфордской библіотекѣ находится даже старый переводъ ея англійскими стихами.

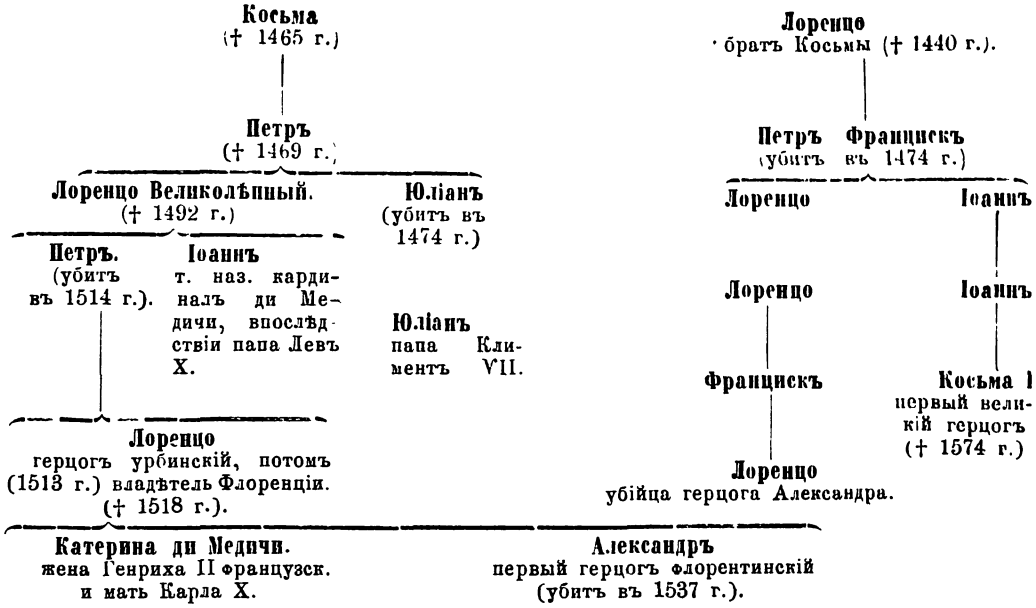
2. Періодъ Медичи или цвѣтущее состояніе искусствъ и литературы въ XV столѣтіи.

а) Отношеніе итальянскихъ правительствъ къ литературному образованію и его успѣхамъ.

Въ быстромъ прогрессѣ итальянской образованности и науки въ XV столѣтіи звѣрскіе тираны, возобновившіе въ различныхъ городахъ и государствахъ Италіи память о жестокихъ притѣснителяхъ свободы древней Греціи, приняли такое же дѣятельное участіе, какъ и законныя и лучшія правительства. Чтобы нагляднѣе представить это, начнемъ съ Милана и Флоренціи. Въ Миланѣ первые Висконти, звѣрствовавшіе въ этомъ городѣ и его владѣніяхъ, глядѣли на новую умственную жизнь Италіи съ меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ другіе владѣтели ихъ времени; но это не помѣшало раннему развитію науки древнихъ въ Миланѣ. Энтузіазмъ къ свободѣ, происшедшій отъ изученія древнихъ, былъ гибеленъ предпослѣднему владѣтелю изъ дома Висконти, Іоанну-Маріи. Въ 1412 г. онъ былъ убитъ юношами первыхъ фамилій не столько за свою жестокость, сколько потому, что учитель этой молодежи съумѣлъ рѣчами, которыя говорилъ всякій разъ, объясняя древнихъ, воспламенить въ ней желаніе возстановить республику (стр. 622). Недостатокъ опредѣленнаго плана и тогдашнее господство

кондоттьеровъ, дравшихся за деньги, а не за идеи и системы, были причиною гибели увлекшихся юношей, и вслѣдъ за тѣмъ слабый, недостойный Филиппъ-Марія властвовалъ такъ же произвольно, какъ его братъ. Но исторія воспитанія этого человѣка и его занятій доказываетъ, что національное и гуманическое образованіе не могли не коснуться итальянскаго правителя. Одинъ изъ знаменитыхъ гуманистовъ и латинистовъ XV столѣтія, Кандидъ Децемберъ, описалъ жизнь, образованіе и занятія Филиппа-Маріи; изъ его очерка можно видѣть, какъ старались въ то время примѣнить науку древнихъ къ жизни и практикѣ. Молодаго Висконти заставляли сначала читать Петрарку и отмѣчать тѣ мѣста, которыя ему особенно нравились. Потомъ Марціанъ изъ Тортоны объяснялъ ему Данте. Вмѣстѣ съ этимъ ему читали Ливія и, объясняя римскаго историка, знакомили будущаго правителя съ принципами государственной мудрости. Наконецъ ему читали жизнь знаменитыхъ людей на французскомъ языкѣ, впрочемъ вѣроятно только изъ рыцарскихъ романовъ или извѣстныхъ баснословныхъ исторій трубадуровъ. При переходѣ владычества отъ фамиліи Висконти къ Сфорцамъ выказалось, какъ тѣсно и нераздѣльно связана литературная жизнь съ политической и гражданской. Франциск Сфорца, первый этой династіи, былъ слишкомъ занятъ государственными и военными дѣлами и потому обращалъ мало вниманія на возрождавшуюся науку древнихъ, но при немъ и его сынѣ всѣми дѣлами миланскаго кабинета руководилъ хитрый Франческо Симонетта, обыкновенно называемый Чіекко (слѣпой) и считаемый однимъ изъ сильнѣйшихъ покровителей новой цивилизаціи. Подобно тогдашнимъ итальянскимъ князьямъ, Чіекко принималъ къ себѣ греческихъ эмигрантовъ, старался опредѣлять ихъ на государственныя должности и покровительствовалъ итальянцамъ, занимавшимся наукою; одинъ изъ дѣятельныхъ реформаторовъ средневѣковой науки, Филельфъ, неотлучно находился при всемогущемъ министрѣ. Потомки Франциска Сфорцы не отличались ни нравственными, ни военными качествами, ни правительственными способностями, но всѣ безъ исключенія выказывали громадный энтузіазмъ къ новой литературѣ. Даже женщины изъ фамиліи Сфорцы хорошо знали римскую и греческую литературы; такъ, напримѣръ, учителемъ дочери Франциска Сфорцы, Ипполиты, былъ знаменитый Ласкарисъ, греческая грамматика котораго долгое время служила руководствомъ для юношества. Младшій сынъ Франциска Сфорцы, Людовикъ иль Моро, узурпаторъ, тиранъ, тюремщикъ и убійца своего племянника, былъ однимъ изъ главныхъ покровителей греческой науки новаго времени. Онѣ не только призвалъ къ себѣ Димитрія Халькондиласа, Георгія Мерулу и Александра Минуціана для объясненія древнихъ классиковъ, но, по разсказамъ Филиппа Беральда, не проводилъ ни одного дня безъ того, чтобы не прочесть нѣсколькихъ страницъ какого-нибудь древняго писателя. Мы должны однако замѣтить, что ученые того времени были такъ же тщеславны и корыстолюбивы, какъ и въ наше время, и еслибы вѣрить всѣмъ сочиненіямъ знаменитѣйшихъ историковъ, то отвратительнѣйшаго изъ тирановъ пришлось бы считать самымъ благороднымъ защитникомъ всего великаго и хорошаго.

Во Флоренціи наука и искусство обязаны своимъ высшимъ процвѣтаніемъ дому Медичи. Еще въ XV столѣтіи эта фамилія владѣла несмѣтными богатствами и пользовалась огромнымъ значеніемъ; вычисленія Сисмонди, доказывающаго, что въ наше время множество богатыхъ фамилій имѣютъ несравненно болѣе доходовъ, ничего не доказываютъ, потому что кромѣ цифръ есть еще множество условій, которыя необходимо принять въ соображеніе. Впрочемъ громадныя издержки Медичи въ пользу наукъ относятся къ XVI столѣтію, когда этотъ домъ сдѣлался великогерцогскимъ и изъ него вышли двое папъ, Левъ X и Климентъ VII. По дѣятельности Медичи можно всего лучше составить себѣ понятіе о томъ, что было сдѣлано въ Италіи для искусства и науки. Желая доказать, что ихъ эпоха была для новаго времени тѣмъ же, чѣмъ время Перикла для всей древности, англичанинъ Роско подробно описалъ жизнь Лоренцо Великолѣпнаго и папы Льва X. Здѣсь мы говоримъ только о первыхъ потомкахъ старшей линіи этой фамиліи, къ которой не принадлежали послѣдующіе великіе герцоги, происходившіе отъ одного изъ братьевъ уже не разъ упомянутаго нами Косьмы Медичи (стр. 642). Для болѣе нагляднаго обзора, мы приведемъ родословную дома Медичи, начиная съ Косьмы.



Дѣятельность Косьмы на пользу искусствъ ознаменовалась преимущественно покровительствомъ величайшимъ зодчимъ новаго времени, Брунеллески и Микелески, давшимъ имъ возможность воздвигнуть во Флоренціи памятники искусства, удивляющіе всю Европу. Брунеллески построилъ въ то время великолѣпный куполъ церкви Санта Маріи дель Фіоре. Косьма пожертвовалъ также большія суммы, на которыя Лоренцо Гиберти съ 1402 по 1423 г. окончилъ знаменитыя бронзовыя двери церкви Сан-Джіованни; про нихъ Микель Анджело сказалъ, что онѣ достойны быть дверьми рая. При Косьмѣ блистали ваятель Донателло и живописцы Мазаччіо, Джіотто и Липпи. О заслугахъ Косьмы въ пользу новаго образованія мы уже говорили (стр. 663); на этомъ поприщѣ Медичи помогалъ Никколо Никколи. Косьма поддерживалъ его своимъ вліяніемъ и богатствомъ. Онъ помогалъ деньгами ученымъ, призваннымъ Никколи или по его совѣту, и въ то время, по рекомендаціи Никколи, были приглашены во Флоренцію читать публичныя лекціи Эмануилъ Хрисолорасъ, Гварино, Іоаннъ Ауриспа и Францискъ Филельфъ. Даже во время своего изгнанія Косьма дѣлалъ многое для науки изъ Венеціи, гдѣ онъ жилъ. Онъ давалъ большія суммы на покупку и увеличеніе числа рукописей и подарилъ монахамъ ордена св. Георгія значительную библіотеку. Возвратившись во Флоренцію, Косьма сначала основалъ двѣ значительныя и очень дорогія для того времени библіотеки близъ города, въ Санъ Франческо дель Боско и въ Санъ Бартоломео, близъ Фіезоле; потомъ употребилъ 630 т. дукатовъ на постройку монастыря монаховъ-проповѣдниковъ ордена св. Марка и учредилъ въ немъ большую публичную библіотеку; наконецъ, онъ заплатилъ по смерти Никколо Никколи его долги, и такимъ образомъ исполнилъ послѣднюю волю покойника, желавшаго, чтобы его библіотека, стоившая ему большихъ денегъ, сдѣлалась общественнымъ достояніемъ. Основаніе этой библіотеки составляли 400 особенно дорогихъ рукописей римскихъ и греческихъ писателей; о стоимости ихъ можно судить по тому, что впослѣдствіи, желая увеличить библіотеку, Косьма платилъ по 250 и 400 дукатовъ за отдѣльныя рукописи, которыя покупалъ въ Сіенѣ, Луккѣ и Греціи. О заслугахъ въ пользу образованія племянника Косьмы, Лоренцо Великолѣпнаго, можно найти подробныя свѣдѣнія у его біографа Роско; мы замѣтимъ только, что онъ отправилъ Ласкариса съ порученіемъ къ султану Баезиду II именно для того, чтобы онъ объѣхалъ Грецію и купилъ книгъ. Впослѣдствіи Ласкарисъ былъ вторично посланъ имъ въ Грецію и привезъ тогда 80, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ въ Италіи, рукописей.

Мы не упоминаемъ о фамиліи Эсте въ Феррарѣ, потому что въ XV столѣтіи князья этого дома покровительствовали образованію гораздо менѣе, чѣмъ въ XIV и потомъ въ XVI вѣкѣ; но на двухъ Эсте того времени, Леонелло и

Борзо, можно по крайней мѣрѣ указать какъ на ревностныхъ библіомановъ. Мы не остановимся и на Неаполѣ, хотя Альфонсъ Мудрый послѣдніе годы своего царствованія посвятилъ почти исключительно наукѣ, а его побочный сынъ Фердинандъ и наслѣдникъ послѣдняго, не отличавшіеся большой нравственностью, покровительствовали наукѣ и образованію. Замѣтимъ также, что въ этомъ отношеніи въ Неаполѣ были руководителями Лауренцій Валла и Кампанъ.

О заслугахъ папъ въ пользу успѣховъ новаго образованія и преобразованія всей системы преподаванія мы никакъ не можемъ умолчать уже по одному тому, что въ половинѣ слѣдующаго столѣтія папы, раскаявшись въ томъ, что прежде исходило изъ Рима, старались уничтожить то, что было сдѣлано ихъ предшественниками. Перенесеніе папской библіотеки въ 1417 г. изъ Авиньона въ Римъ Мартиномъ V мы не считаемъ заслугою, потому что упомянутый нами (стр. 660) генералъ камальдульскаго ордена и кардиналъ Амвросій Траверсари еще въ 1432 г. утверждалъ, что для новыхъ наукъ ничего нельзя найти ни въ одной изъ двухъ папскихъ библіотекъ. Классическая библіотека въ Ватиканѣ была основана папою Николаемъ V. Онъ пріобрѣлъ 5000 рукописей совершенно другаго рода книгъ, чѣмъ тѣ, которыя собирались его предшественниками, и впослѣдствіи увеличилъ библіотеку, отправивъ различныхъ лицъ въ Германію, Францію, Англію и Грецію для исканія затерявшихся книгъ. Сикстъ IV, избранный въ 1471 г. папою, тоже значительно увеличилъ ватиканскую библіотеку, отвелъ для нея отличное помѣщеніе и открылъ ее публикѣ. Папы соперничали съ итальянскими князьями, владѣтелями и тиранами того времени не только въ составленіи библіотекъ, но и въ покровительствѣ ученымъ, внесшимъ въ Италію свѣтъ классической древности. Одинъ изъ нихъ даже назначилъ кардиналомъ грека Виссаріона, преимущественно за его реформаторскую дѣятельность. Николай V, будучи частнымъ человѣкомъ и впослѣдствіи папою, велъ постоянную корреспонденцію со всѣми знаменитыми реформаторами своего времени. Вотъ имена людей, которымъ онъ между прочимъ покровительствовалъ: Поджіо, Георгій Трапезунтскій, Блондъ Флавій, Леонардо Бруни, Антоніо Лески, Бартоломео де Монте Пульчіано, Іоаннъ Тортелли, Джіаноццо Манетти, Николо Перотти, Франциск Филельфъ, Лауренцій Валла, Кандидъ Децемберъ, Θеодоръ Газа и Іоаннъ Ауриспа. Николай заботился также о переводахъ съ греческаго языка на латинскій, т. е. давалъ денежныя вознагражденія переводчикамъ греческихъ сочиненій, такъ какъ отъ книгопродавцевъ нельзя было ждать гонорарія; только такимъ образомъ можно было ознакомить массу публики съ духомъ древнихъ и содержаніемъ ихъ сочиненій и основать новую цивилизацію. Заботами папы Николая Западъ ознакомился съ Кироπедіей Ксенофонта, съ Полибіемъ, Θукидидомъ, Геродотомъ, Аппіаномъ, Птоломеемъ, Теофрастомъ, Иліадой, географіей Страбона и настоящимъ, не изуродованнымъ арабами и монахами, оригиналомъ Аристотеля. Поощреніе, оказываемое Николаемъ переводчикамъ отцовъ церкви, составляетъ заслугу другаго рода, не относящуюся до нашего повѣствованія о прогрессѣ новой образованности. Изъ слѣдующихъ замѣтокъ можно видѣть, какъ щедръ былъ папа относительно переводчиковъ. Поджіо, по собственному выраженію, нѣсколько примирился съ судьбою, получивъ награжденіе за переводъ Діодора; Лауренцій Валла получилъ 500 золотыхъ скуди за переводъ Θукидида, Гварино — 1500 золотыхъ скуди за Страбона, Перотти — 1000 дукатовъ за Полибія; Филельфъ, грязный ученый, сдѣлавшій однако болѣе другихъ для классическихъ наукъ, имѣлъ безсовѣстность выпросить у Николая 10 тыс. золотыхъ за переводъ латинскими стихами Иліады и Одиссеи, которыхъ не выпустилъ, когда умеръ Николай. Корыстолюбивый Филельфъ думалъ поживиться у преемника Николая, Пія II (ученаго Энея Сильвія Пиколломини); но Пій предпочелъ тратить деньги христіанскаго міра на борьбу съ турками, чѣмъ на подарки тщеславнымъ и жаднымъ ученымъ, и потому Филельфъ отзывается о немъ очень дурно. Сикстъ IV (1471—1484 г.), во всѣхъ другихъ отношеніяхъ незаслуживающій похвалы, дѣятельно помогалъ успѣхамъ образованія: онъ щедро награждалъ ученыхъ и открылъ публикѣ ватиканскую библіотеку.

Въ Мантуѣ фамилія Гонзага, покровительствуя одушевленному безкорыстною любовью къ наукѣ Викторину ди Фельтре, дала ему возможность основать въ городѣ такое же ученое общество (академію), какое Іоаннъ фонъ Дальбергъ

основалъ въ Пфальцѣ. По словамъ Филельфа, стучавшагося во всѣ двери, гдѣ можно было получить что-нибудь, эта владѣтельная фамилія помогала и иностраннымъ ученымъ. — Въ Венеціи еще Петрарка подарилъ республикѣ для присоединенія къ публичной библіотекѣ всѣ свои книги, изъ которыхъ однако только небольшая часть осталась у венеціанцевъ. За помощь, оказываемую республикой греческимъ эмигрантамъ, кардиналъ Виссаріонъ подарилъ ей свою дорогую библіотеку, за которую заплатилъ 30 тыс. золотыхъ скуди. Впрочемъ библіотека Марка была учреждена только въ слѣдующемъ столѣтіи. Отдѣльные члены правительственныхъ фамилій Венеціи также старались деньгами и личною дѣятельностью возбудить движеніе въ пользу возродившейся древней цивилизаціи. Франциск Барбаръ, бывшій посланникомъ при многихъ дворахъ, намѣстникомъ и государственнымъ человѣкомъ, находился въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ знаменитѣйшими изъ людей, заботившихся о возрожденіи вкуса древнихъ; даже его дѣловые труды написаны классическимъ языкомъ древнихъ. Онъ перевелъ много самъ, давалъ деньги и употреблялъ свое вліяніе для собранія и поддержанія остатковъ древности. Въ особенную заслугу ему слѣдуетъ поставить то, что онъ обуздывалъ задорныхъ, раздражительныхъ, ругавшихся между собой ученыхъ и увѣщевалъ ихъ не ссориться. Патриціи Карло и Джакопо Зено были извѣстны даже во Франціи и Англіи чистотою и изяществомъ своего латинскаго языка. — О другихъ владѣтеляхъ и городахъ мы не станемъ говорить, потому что пишемъ не для спеціалистовъ. Въ свѣдѣніяхъ и источникахъ по этому предмету нѣтъ недостатка. Замѣтимъ только, что маркграфъ монферратскій и герцоги савойскіе, также увлеченные общимъ движеніемъ Италіи къ новой наукѣ и образованности, сдѣлали для нихъ многое.

Изъ людей, принесшихъ въ началѣ XV столѣтія греческія рукописи на Западъ или очистившихъ латинскія отъ плѣсени и пыли, Филельфъ, Ауриспа и Поджіо пріобрѣли безсмертную славу: первые двое путешествіями въ Константинополь, а послѣдній отысканіемъ потерянныхъ латинскихъ рукописей. Поджіо отыскалъ, напримѣръ, въ Германіи и Италіи пятнадцать полныхъ сочиненій или отрывковъ латинскихъ писателей, предпринявъ путешествіе спеціально съ этой цѣлью; сочиненія эти погибли бы, если бы не были переписаны тогда въ Италіи во множествѣ экземпляровъ. Итальянцы старались также о размноженіи классическихъ сочиненій посредствомъ печати, а нѣмцы, распространявшіе и занимавшіеся къ Италіи изобрѣтеннымъ ихъ націею книгопечатаніемъ, перепечатывали по преимуществу древнихъ писателей. Нѣмцы Швейнгеймъ и Паннарцъ, поселившіеся въ Римѣ, еще въ 1475 г. могли похвалиться тѣмъ, что выпустили 12,475 оттисковъ различныхъ сочиненій. У Гана также была типографія въ Римѣ. Въ Миланѣ и Венеціи, какъ почти во всѣхъ городахъ Италіи, были также заведены типографіи нѣмцами или итальянцами. Замѣчательнѣе всѣхъ типографщиковъ того времени старшій Альдъ Мануцій. Ни одинъ изъ нихъ не пріобрѣлъ себѣ такой славы, а своимъ изданіямъ такой цѣнности, какъ этотъ человѣкъ, прилагавшій чисто-научный трудъ къ сочиненіямъ издаваемыхъ имъ писателей, не жалѣвшій издержекъ на печатаніе, шрифты, пергаментъ и бумагу и съ педантическимъ стараніемъ наблюдавшій за вѣрностью текста. На этихъ изданіяхъ онъ потерялъ все свое состояніе, не смотря на то, что княжеская фамилія Пико или Пикъ, владѣвшая тогда Мирандолой, много помогла ему деньгами.

б) Итальянцы, сдѣлавшіе доступнымъ для новѣйшаго времени сущность древней образованности и придавшіе ей новую форму, годную не только для библіотекъ, но и для дѣйствительной жизни.

Случайно упоминая въ нашей исторіи о филологахъ, мы удовольствуемся самыми краткими замѣчаніями, потому что не намѣрены говорить о вещахъ, составляющихъ достояніе школъ, но хотимъ только указать, какимъ образомъ въ XV и XVI столѣтіяхъ изъ изученія древнихъ возникли совершенно новая школьная наука, новая христіанская поэзія, философія и богословіе, не имѣвшія отталкивающихъ сторонъ среднихъ вѣковъ. Чтобы представить это нагляднѣе, необ-

ходимо объяснить, какимъ образомъ Флоренція стала не только для Италіи, но и для всей Европы тѣмъ, чѣмъ Аѳины были для древняго міра. Это заставляетъ насъ указать на людей, соединенныхъ Косьмою Медичи и его внукомъ Лоренцо Великолѣпнымъ въ такъ называемую платоническую академію или, иными словами, на людей, заключившихъ между собой, во имя единства стремленій и дѣятельности, священный союзъ, напоминавшій союзъ пиѳагорейцевъ древней Великой Греціи (т. I, стр. 120 и 344). Членами этого союза, кромѣ Косьмы и Лоренцо, были Пико ди Мирандола, Христоферъ Ландино, извѣстный своими философскими комментаріями на поэму Данте и на Виргилія, Джіованни Кавальканти, Филиппъ Валори, Бандини и др. Мы уже говорили (стр. 662), что въ то время старались вытѣснить строгаго Аристотеля и замѣнить его мягкимъ Платономъ, и что Марсилій Фицинъ былъ избранъ для того, чтобы переводомъ Платона на латинскій языкъ и объясненіями сдѣлать его доступнымъ этому благородному кружку, не всѣ члены котораго одинаково знали по гречески. Фицинъ читалъ отрывки изъ своего перевода въ кругу друзей-философовъ. По словамъ одного преданія, или вѣрнѣе басни, Платонъ родился и умеръ въ одинъ и тотъ же день — 13-го ноября; благородные мистики придавали большое значеніе этой случайности и, по предложенію и на счетъ Косьмы, съ особеннымъ торжествомъ праздновали ежегодно день, посвященный ихъ учителю. Были и другіе платоническіе праздники, праздновавшіеся особеннымъ образомъ этимъ цвѣтомъ Италіи, соединившимся въ братскій союзъ. Празднество 13-го ноября Фицинъ описалъ въ своемъ прологѣ къ «Пиру» Платона; о другомъ праздникѣ, праздновавшемся на дачѣ Кареджи, онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Браччіоли, гдѣ говоритъ также о празднествѣ, установленномъ Бандини по примѣру праздника, учрежденнаго Медичи во Флоренціи. Въ одномъ изъ этихъ празднествъ принимали участіе не только обычные члены платоническаго кружка, но были приглашены на него изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей всѣ тѣ, которые сочувствовали стремленіямъ общества. Присутствующимъ раздавались по жребію сочиненія Платона, которыя они должны были объяснять и разбирать съ философской и риторической стороны. Союзъ не пострадалъ и отъ смерти Лоренцо; Бернардо Руччелаи, глава другаго богатаго и уважаемаго рода во Флоренціи, открылъ свой домъ для собраній общества, и его чудные сады стали тѣмъ, чѣмъ были нѣкогда тѣнистыя аллеи академическаго сада Платона.

Изъ членовъ флорентинскаго платоническаго общества мы коснемся ближе нѣкоторыхъ, болѣе извѣстныхъ, не изъявляя впрочемъ притязаній на полноту біографическихъ свѣдѣній и не входя въ содержаніе ихъ сочиненій болѣе, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы очертить характеръ мечтательныхъ, но нравственныхъ реформаторовъ, составлявшихъ контрастъ съ легкомысленными и задорными учеными. Душою платонической академіи былъ Фицинъ. Онъ посвятилъ 5 лѣтъ на переводъ Платона, читалъ лекціи о Платонѣ и его философіи и стоялъ такъ близко къ Лоренцо, управлявшему флорентинской республикой, что могъ бы достигнуть почестей и пріобрѣсти богатство, еслибы не руководствовался въ жизни исключительно принципами философіи Платона. Почти всѣ его сочиненія касаются Платона и связи между его философіей и христіанствомъ; эта философія, наполнявшая всю дѣятельность его и его друзей, составляетъ предметъ его частныхъ писемъ, собранныхъ въ 12 книгахъ. Она столько же соотвѣтствовала аристократическому времени Фицина, какъ нѣкогда пиѳагорейская — тому государственному строю, который пиѳагорейскій союзъ стремился ввести или поддержать въ Великой Греціи. Не удивительно, что въ настоящее время люди демократическаго направленія съ такимъ же ожесточеніемъ возстаютъ на вновь пробуждающійся неоплатонизмъ, мистику, созерцательность, философскую и христіанскую мечтательность, съ какимъ демократы Великой Греціи старались нѣкогда истреблять пиѳагорейцевъ и пиѳагорово ученіе. Фицинъ конечно часто черезчуръ увлекается своей фантазіей и теряется въ астрологическихъ и мистическихъ мечтаніяхъ, но мы смотримъ на него какъ на философскаго поэта, внесшаго въ формалистику и обрядность церкви своего времени и въ черствую діалектику школъ полетъ высшей поэзіи и огонь чистой любви къ вѣчному.

Другое свѣтило флорентинской академіи, Пико ди Мирандола, родился въ 1463 г. и умеръ 32-хъ лѣтъ. Въ лѣта своей юности Пико является не

такимъ чистымъ, благороднымъ и искреннимъ въ своихъ мечтаніяхъ, какъ Фицинъ; но можно извинить нѣсколько шарлатанства человѣку, пріобрѣвшему въ молодыхъ годахъ громадную ученость. Семейство его съ давнихъ временъ владѣло княжествами Мирандола, Конкордія и Юлія Боярда; третій сынъ въ семьѣ, онъ презиралъ всякое свѣтское величіе, желая блистать познаніями въ періодъ процвѣтанія науки. Баптиста Гварино, учившій въ то время въ Феррарѣ, отправился въ Мирандолу исключительно для того, чтобы давать ему уроки, и молодой человѣкъ еще до 20-лѣтняго возраста изучилъ не только греческій и латинскій языки, что было обязательно въ то время для всякаго образованнаго итальянца, но и еврейскій, халдейскій и арабскій; одно время онъ даже изучалъ съ большимъ усердіемъ Каббалу. Послѣ того Пико путешествовалъ по всѣмъ университетамъ Италіи и Франціи, а на 23-мъ году отправился въ Римъ. Здѣсь онъ своею хвастливостью и шарлатанствомъ выказалъ себя съ самой отталкивающей стороны. Онъ велѣлъ выставить публично 900 спорныхъ вопросовъ (propositiones), извлеченныхъ имъ изъ труднѣйшихъ, весьма мало извѣстныхъ, латинскихъ, греческихъ, еврейскихъ, халдейскихъ и арабскихъ писателей, вызывая желающихъ вступить съ нимъ въ состязаніе. Если бы мы могли, не удаляясь отъ нашей задачи, привести здѣсь имена всѣхъ этихъ писателей, съ перваго взгляда было бы видно, что философы новѣйшей германской школы, хвалящіеся всевѣдѣніемъ и исключительною способностью судить обо всемъ, могли бы еще многому поучиться у Пико. Между тѣмъ въ Римѣ Пико не встрѣтилъ того довѣрія, съ какимъ встрѣчали ему подобныхъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. По его просьбѣ, многія изъ важныхъ лицъ подписали выставленныя имъ предложенія и подтвердили, что они не противны догматамъ вѣры; не смотря на то они были осуждены какъ еретическія, и Пико, для избѣжанія дальнѣйшихъ преслѣдованій, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ отправился во Флоренцію, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями; здѣсь близкія сношенія съ чистѣйшими и благороднѣйшими мечтателями новаго времени, Фициномъ, Лоренцо Медичи и Анджело Полиціаномъ, стремившимся осуществить въ жизни и дѣйствіяхъ проповѣдуемыя ими идеи о божественной мудрости, обратили высокомѣрнаго, чваннаго и хвастливаго ученаго въ благороднаго мечтателя. Онъ сдѣлалъ много чести флорентинскому платоническому обществу и личнымъ примѣромъ доказалъ все достоинство началъ философскаго спокойствія и жизни, удаленной отъ волненій и свѣта и посвященной вполнѣ наукѣ, наблюденію надъ самимъ собою и созерцанію живущаго въ насъ божества. Мы вошли бы въ болѣе подробный разборъ сочиненій Пико, изданныхъ въ первый разъ въ 1498 г. въ Венеціи и потомъ часто выходившихъ въ свѣтъ, до послѣдняго базельскаго изданія 1621 г., если бы наше время не было такъ сильно возстановлено противъ неоплатонизма Пико и его друзей за ту комедію, которую многіе разыгрываютъ, прикрываясь этими стремленіями, такъ же какъ за притворство, претензіи и напыщенность новыхъ смиренниковъ. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что, указавъ на нѣкоторыя сочиненія Пико, постараемся дать понятіе о духѣ общества, къ которому онъ принадлежалъ. Одно изъ главныхъ его сочиненій — книга о мірозданіи (Heptaplus). Въ основаніи его очевидно лежитъ сказаніе Моисея, но Пико связалъ съ нимъ прекрасное сновидѣніе, достойное истиннаго мудреца и доказывающее обширность его познаній; любитель найдетъ въ этомъ сочиненіи, такъ же какъ и въ мечтахъ великаго звѣздонаблюдателя Кеплера, своего рода поэму. Другое сочиненіе Пико, въ которомъ онъ обращается къ своему другу Лоренцо, направлено противъ людей, объявившихъ его еретикомъ (Adversus eos, qui aliquot ejus propositiones theologicas carpebant); оно въ особенности важно по отношенію къ реформаціи слѣдующаго столѣтія и какъ доказательство того различія, которое существуетъ въ мнѣніяхъ о неподвижныхъ догматахъ вѣры между романтиками и болтунами нашего времени и благороднымъ мистикомъ и мечтателями XV вѣка. Изъ защиты отца церкви Оригена, находящейся въ этомъ сочиненіи, видно, что Пико очень хорошо понялъ духъ его относительно вѣры въ букву закона. Если бы мы не боялись ввести слишкомъ много богословія въ исторію, то могли бы изъ того, что Пико говорилъ о церкви и религіи, привести цѣлый рядъ замѣчаній о многихъ изъ важнѣйшихъ положеній христіанства, — замѣчаній, съ которыми не могъ бы не согласиться и самый просвѣщенный протестантъ нашего времени. Въ третьемъ

сочиненіи—книгѣ о Бытіи и Единствѣ (de Ente et Uno)—Пико старается согласить боготворимаго имъ Платона съ Моисеемъ и Аристотелемъ. Распространяться объ этомъ сочиненіи мы не станемъ, потому что это заставило бы насъ вдаться въ слишкомъ большія подробности. Переписка Пико съ греками, его друзьями, представляетъ что-то совершенно особенное; она освѣжаетъ сердце читателя, который, читая сочиненія ученыхъ, бываетъ обыкновенно, не смотря на все уваженіе къ ихъ учености, глубоко оскорбленъ ихъ тщеславіемъ, хвастливостью и высокомѣріемъ. Тому, кто въ ученомъ ищетъ человѣка и лишь рѣдко находитъ его, письма Пико доставляютъ истинное наслажденіе. Потому они и были вновь изданы въ Іенѣ въ 1682 г. Тонъ и языкъ пишущихъ вполнѣ выражаютъ искреннюю и неподдѣльную мечтательность людей, ощущающихъ все счастіе внутренней жизни и чистаго стремленія къ божественной истинѣ, которыя они преподавали. Къ числу людей, писавшихъ эти письма, принадлежали Фицинъ, Гварино, Ландино и Анджело Полиціанъ.

Теперь намъ слѣдовало бы еще привести имена многочисленныхъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ безсмертныя заслуги изученіемъ языка и грамматики древнихъ, критикою ихъ сочиненій и изслѣдованіемъ всего того, что находится въ связи съ жизнью и искусствомъ древнихъ. Но мы предоставляемъ это филологамъ и, оставивъ въ сторонѣ самого Филельфа, назовемъ только нѣсколькихъ людей, пожертвовавшихъ даже тою славою, которую могли бы пріобрѣсти своими сочиненіями въ потомствѣ, въ пользу того, чтобы, подобно христіанскимъ миссіонерамъ, посвятить себя вполнѣ преподаванію и распространенію новой цивилизаціи. Изъ этихъ людей прежде другихъ, по справедливости, слѣдуетъ назвать Гварино. Онъ родился въ 1370 г. и, по сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, между 20 и 23 годомъ ѣздилъ въ Константинополь для того, чтобы изучить греческій языкъ и впослѣдствіи быть въ состояніи преподавать его. Онъ дожилъ до 90-лѣтняго возраста. Апостоло Зено и Маффеи отрицали достовѣрность этого путешествія Гварино; Генгене напротивъ оспаривалъ въ наше время доводы обоихъ. Для нашей цѣли это не имѣетъ значенія, потому что никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Гварино являлся въ главныхъ городахъ Италіи проповѣдникомъ новаго ученія. Онъ училъ напр. въ Венеціи, Падуѣ, Веронѣ, Тріентѣ, Флоренціи, Болоньѣ и Феррарѣ, и своимъ рвеніемъ, познаніями и характеромъ пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе; его вездѣ считали образцомъ чистоты нравовъ и благородной натуры. Впрочемъ ни одно изъ его 13-ти сочиненій не имѣетъ особаго интереса для читателя всемірной исторіи. Вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовалъ почти такъ же долго и ревностно сицилiецъ Ауриспа, путешествіе котораго въ Константинополь не можетъ быть подвержено сомнѣнію, какъ и путешествіе Гварино. Онъ жилъ съ 1369 по 1460 г., ѣздилъ въ Константинополь для покупки рукописей и изученія греческой древности и училъ попеременно въ Феррарѣ, Болоньѣ и Венеціи. Онъ хотѣлъ получить мѣсто и во Флоренціи, но не достигъ этого, потому что былъ извѣстенъ только искусствомъ въ преподаваніи и усердіемъ, а не сочиненіями. Выше обоихъ названныхъ учителей и посредниковъ между греческой и латинской литературами стоялъ несомнѣнно благородный и достойный Викторинъ ди Фельтре, жизнь котораго, подробно описанную Францискомъ Прендилаква, издалъ въ новѣйшее время Натале дель Касте съ примѣчаніями Морелли. Этотъ апостолъ новаго ученія былъ почти единственнымъ человѣкомъ, которому придирчивые ученые его времени не могли сдѣлать ни одного упрека и на котораго не посмѣли бросить ни малѣйшаго пятна; его скромность и смиреніе, при безсмертныхъ заслугахъ, составляли предметъ всеобщаго удивленія. Столь же чуждый страсти къ странствованіямъ, свойственной его собратіямъ по гуманистическимъ наукамъ, какъ ихъ корыстолюбія и жажды къ славѣ, Викторинъ постоянно жилъ въ Мантуѣ и занимался только преподаваніемъ и чтеніемъ лекцій. Къ нему въ Мантую пріѣзжали многіе изъ тѣхъ, которые не искали одной геніальности и талантливой риторики, но хотѣли ознакомиться съ духомъ древнихъ и истинною мудростью. То, что ему давали благодарность учениковъ или великодушіе властителей, онъ отдавалъ бѣднымъ. Равнодушный къ славѣ, Викторинъ не написалъ ни одной книги; онъ говоритъ, что благодарность учениковъ и милость Божія дали ему тотъ внутренній миръ, который истинная наука, соединенная съ чистою совѣстью, несомнѣнно даетъ каж-

дому, кто искренно стремится къ ней. Онъ говорилъ, что ищетъ совсѣмъ другаго безсмертія, чѣмъ то, которое обѣщаетъ шаткое сужденіе толпы. Если бы здѣсь было мѣсто сравнивать дѣятельность и стремленія другихъ великихъ ученыхъ — Филельфа, Леонарда Аретина (Леонардо Бруни), Лауренція Валла, Поджіо и др., тогда ясно представилась бы вся пустота и безплодность похвалы ученыхъ.

в) Возрожденіе древняго краснорѣчія и исторіографіи на классическомъ или цицероновскомъ латинскомъ языкѣ.

Возрожденіе древней литературы римлянъ могло одно возстановить въ Италіи весь римскій міръ; остатки памятниковъ, улицъ, каналовъ и зданій римлянъ сохраняли еще свой величественный характеръ, а латинскій языкъ, если и не былъ языкомъ народа, то все же оставался книжнымъ и церковнымъ языкомъ, всѣмъ понятнымъ. Поэтому, когда въ XV столѣтіи, нѣмецкое и французское владычество исчезло на всемъ пространствѣ полуострова отъ крайнихъ предѣловъ Калабріи до Савойи и Истріи, когда Италія стала принадлежать итальянцамъ, когда, какъ во времена латиновъ, существовали различныя учрежденія, республики и тираніи, и повсюду боролись демократія и аристократія, свобода и рабство, смѣлое отрицаніе всего божественнаго и мрачное суевѣріе, — естественно, что тогда пробудилось стремленіе возстановить въ новой формѣ весь древній міръ. Прежде всего это могло быть достигнуто въ области политическаго и духовнаго краснорѣчія и исторіографіи; для этого слѣдовало государственныя рѣчи и государственныя бумаги, все еще писавшіяся по латини, писать хорошимъ классическимъ языкомъ, а не варварскимъ средневѣковымъ, и перестать писать исторію вульгарною латынью. Но, касаясь здѣсь исключительно фактовъ или говоря только о томъ, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, мы и не будемъ пытаться доказывать, что невозможно было возвратить формы, когда содержаніе ея исчезло еще за нѣсколько столѣтій. Краснорѣчію изящныхъ латинистовъ недоставало сюжета, потому что наемники, деньги и хитрость, а не доводы разсудка рѣшали политическіе вопросы. Передавать книжнымъ языкомъ историческія событія было безплоднымъ трудомъ, потому что языкъ жизни достигъ высшаго развитія и великіе историки слѣдующаго столѣтія предпочитали идти по слѣдамъ Дино Компаньи и Вилани, чѣмъ подражать хорошимъ латинистамъ. Макіавелли, какъ государственный человѣкъ, совершенно справедливо говоритъ, что о возстановленіи древняго римскаго міра нечего и думать, пока въ Италіи будутъ владычествовать наемники и каждый гражданинъ не станетъ, какъ въ древнія времена, воиномъ и участникомъ въ военныхъ тягостяхъ.

Мы уже говорили выше, почему, касаясь итальянскаго краснорѣчія XV столѣтія, не хотимъ останавливаться на государственныхъ ораторахъ и стилистахъ, сочинявшихъ вычурныя государственныя бумаги. О духовномъ краснорѣчіи того времени достаточно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Проповѣди, говорившіяся съ каѳедры, имѣли двойной характеръ: однѣ были заимствованы отъ XIV-го столѣтія, другія явились результатомъ господствовавшаго въ XV столѣтіи подражанія древнимъ римлянамъ. Проповѣди перваго рода еще недавно говорились въ Италіи монахами, преимущественно капуцинами и францисканцами во время поста. Чтобы привлекать народъ, они выкидывали самые отвратительные фарсы и примѣшивали къ проповѣдямъ разныя исторійки и пошлѣйшія выходки. Въ Германіи этимъ людямъ, жестоко порицаемымъ Данте (онъ называетъ ихъ манеру predica ciance), старался подражать Абраамъ а Санта Клара, все-таки не такой отвратительный, какъ итальянцы. Впрочемъ намъ нечего говорить объ этихъ проповѣдникахъ. О людяхъ, блиставшихъ въ духовномъ краснорѣчіи втораго рода, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ, хотя бы потому, что одинъ изъ нихъ, Савонарола, составляетъ чрезвычайно замѣчательное и историческое явленіе. Проповѣдники перваго рода были по крайней мѣрѣ національны и естественны, потому что итальянцы находили ихъ отвратительныя выходки забавными и остроумными. Проповѣдники втораго рода не выдерживаютъ никакого сравненія съ нѣмецкими

проповѣдниками XV столѣтія: ихъ мистика искусственна, слогъ и языкъ напыщенны, а излагаемая ими ученость наводитъ тоску. Двумя знаменитѣйшими проповѣдниками того времени были два друга Гварино, Караччіоли и Бернардино ди Сіена. Первый принадлежалъ къ разряду духовныхъ, проповѣдывавшихъ въ духѣ Абраама а Санта Клара; второй, умершій въ 1450 г. и впослѣдствіи признанный святымъ (стр. 580), — къ ученымъ декламаторамъ. Бернардино думалъ достигнуть блестящей латини тѣмъ, что всѣ употребляемыя церковью или заимствованныя изъ библіи христіанскія выраженія замѣнялъ настоящими римскими, но языческими. Это дало поводъ злому Филельфу осмѣять самымъ ѣдкимъ образомъ на своихъ лекціяхъ набожныя стремленія къ похвалamъ ученаго міра. Въ этомъ отношеніи Филельфъ былъ безусловно правъ, что съ нимъ рѣдко случалось; но за это народъ чуть не побилъ его каменьями. Мы считаемъ лишнимъ приводить образцы рѣчей Бернардино.

Замѣчательнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ изъ всѣхъ проповѣдниковъ того времени былъ доминиканскій монахъ Іеронимъ Савонарола, знаменитый какъ пророкъ, ораторъ, мученикъ и революціонеръ. Въ политической исторіи послѣдняго десятилѣтія XV вѣка мы вернемся къ той великой политической роли, которую онъ игралъ во Флоренціи по смерти Лоренцо; здѣсь рѣчь можетъ идти только о манерѣ и направленіи его духовныхъ рѣчей и о необыкновенномъ ихъ вліяніи на народъ. Пико ди Мирандола, Марсилій Фицинъ и Нери, лучшіе люди и мыслители своего времени, любили и уважали Савонаролу, который своими пламенными проповѣдями сдѣлалъ болѣе, чѣмъ какіе-либо великопостные проповѣдники и іезуитскіе миссіонеры: въ теченіе десяти лѣтъ его дѣятельности флорентинцы совершенно измѣнились, пороки ихъ уменьшились и жизнь стала проще. Такихъ результатовъ рѣдко достигалъ какой-либо другой проповѣдникъ. Не смотря на свое могущество во Флоренціи, Савонарола соблюдалъ въ точности всѣ монастырскія предписанія. Онъ изучилъ библію и проповѣдывалъ библейское ученіе дѣятельной вѣры и благочестія, выказываемаго въ дѣлахъ. Впечатлѣніе, производимое его ученіемъ, было такъ громадно, что флорентинскій народъ въ теченіе многихъ лѣтъ смотрѣлъ на него какъ на оракула, на пророка въ настоящемъ смыслѣ этого слова, или человѣка, могущаго предсказывать съ достовѣрностью разныя вещи, а слѣдовательно и политическія событія. Обладая живой фантазіей и такъ же прилежно изучивъ Откровеніе Іоанна, какъ Евангеліе, Савонарола самъ думалъ, что уполномоченъ божествомъ руководить Флоренціей и Италіей; и дѣйствительно,—живя въ монастырѣ, онъ былъ богословскимъ совѣтникомъ и правителемъ флорентинскаго народа, чтившаго его какъ святаго. Это самообольщеніе сбило его съ пути. Съ 1482 по 1495 г. Савонарола блисталъ своими проповѣдями и вліяніемъ, но уже въ 1497 г. значеніе его пало, а въ 1498 г., онъ былъ повѣшенъ и сожженъ, преимущественно за то, что дѣйствовалъ противъ Медичи и недостойнѣйшаго изъ папъ, Александра VI изъ дома Борджія, и держалъ сторону французовъ, когда они явились въ Италію и на нѣкоторое время заняли Неаполь. Протестанты смотрѣли на Савонаролу какъ на предвѣстника Лютера и Кальвина, и, кажется, что даже Лютеръ ошибался въ характерѣ этого человѣка. Въ сущности Савонарола былъ только апокалипсическимъ и политическимъ мечтателемъ, который хотя и проповѣдывалъ противъ папства и устройства римской церкви, но, какъ народный ораторъ, никогда не возставалъ противъ непонятныхъ догматовъ и обрядовъ богослуженія. Сверхъ того онъ былъ религіознымъ и нравственнымъ охлократомъ или соціалистомъ и уже по одному этому не могъ быть предвѣстникомъ Лютера, проповѣдывавшаго повиновеніе всякой установленной власти. Папа Александръ VI въ своихъ письмахъ къ Савонаролѣ только и говоритъ о пророчествахъ, помѣшавшихъ осуществленію его плановъ, и даже не упоминаетъ о другихъ опасныхъ заблужденіяхъ Савонаролы. Александръ пишетъ, что сначала онъ былъ убѣжденъ, что Савонарола человѣкъ чрезвычайно набожный, добросовѣстный, что онъ проповѣдуетъ съ добрымъ намѣреніемъ и для того, чтобы быть хорошимъ работникомъ въ Божьемъ виноградникѣ (te non praedicasse malo animo, sed potius simplicitate quadam et zelo proficiendi in vinea domini). Савонаролу, какъ и бо́льшую часть непризванныхъ политическихъ пророковъ и проповѣдниковъ нашего времени, только тогда стали преслѣдовать, когда онъ сдѣлался помѣхой для правительствъ. Энтузіазмомъ и пламенною рѣчью онъ такъ

привязалъ къ себѣ монаховъ своего монастыря, что всѣ они изъявили готовность выдержать пытки, чтобы доказать истину семи положеній, поставленныхъ въ вину Савонаролѣ. Эти положенія слѣдующія: церковь нуждается въ преобразованіи; она будетъ жестоко наказана и очистится; Флоренція также сдѣлается благочестивымъ и благоустроеннымъ государствомъ, послѣ того какъ будетъ порядкомъ наказана; тогда всѣ человѣческія сердца исполнятся надеждою и невѣрующіе обратятся къ Христу; все это произойдетъ въ самое близкое время; проклятіе, которому онъ преданъ въ Римѣ, не имѣетъ силы, и тотъ не грѣшитъ, кто не обращаетъ на него вниманія.

Савонарола написалъ много поучительныхъ книгъ, но мы не можемъ въ нашей исторіи ни дѣлать оцѣнки ихъ, ни разбирать ихъ содержанія. Чтобы обозначить обѣ стороны краснорѣчія этого Ламене XV столѣтія, выпишемъ два мѣста, изъ которыхъ одно взято не изъ его сочиненій, а другое заключаетъ подлинныя его слова. Первое принадлежитъ Филиппу де Коминь, судящему вообще очень благосклонно о Савонаролѣ и защищающему даже его политическія пророчества, которыя впослѣдствіи самъ Савонарола объявилъ плодомъ своихъ политическихъ связей и дружескихъ сообщеній дѣйствовавшихъ лицъ. Вотъ, по описанію Филиппа, рѣчь, сказанная отъ имени флорентинской демократіи Савонаролой при вступленіи французскаго короля Карла VIII во Флоренцію въ 1494 г.: «Иди, иди съ довѣріемъ, иди съ радостью и ликованіемъ, потому что тотъ, кто тебя посылаетъ,—тотъ самый, который на древѣ креста торжествовалъ наше искупленіе. Но выслушай все-таки мое предостереженіе, о истинно христіанскій король! и пусть оно запечатлѣется въ глубинѣ твоего сердца. Божій слуга, получившій откровеніе отъ Бога (здѣсь Савонарола очевидно хвастается, выдавая себя за пророка, хотя впослѣдствіи утверждалъ, что никогда не дѣлалъ этого), предостерегаетъ тебя, что ты посланъ его божескимъ величествомъ для того, чтобы по примѣру Христа выказывать вездѣ милосердіе, преимущественно же во Флоренціи, гдѣ хотя много грѣшниковъ, но за то и много вѣрныхъ его слугъ, какъ между духовенствомъ, такъ и между свѣтскими лицами. Ради ихъ ты долженъ пощадить городъ, для того чтобы они могли молиться за тебя и помогать тебѣ въ военныхъ предпріятіяхъ. Недостойный слуга Божій, говорящій въ эту минуту съ тобой, предостерегаетъ тебя именемъ Бога и умоляетъ тебя защищать всѣми твоими силами невинныхъ вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ и болѣе всего невѣстъ Христа въ монастыряхъ, для того чтобы ты не дѣлался причиною увеличенія числа грѣшниковъ; а этимъ уменьшилось бы громадное могущество, данное тебѣ Богомъ. Наконецъ, въ третьихъ, слуга Божій убѣждаетъ тебя простить нанесенныя тебѣ оскорбленія. Если ты считаешь себя оскорбленнымъ флорентинскимъ народомъ или какимъ-нибудь другимъ, прости ему: они во всякомъ случаѣ согрѣшили по незнанію, потому что не знали, что ты посланъ Богомъ. Вспомни объ Искупителѣ, Который, пригвожденный ко кресту, простилъ своимъ убійцамъ! Сдѣлай все это, о король! тогда Богъ расширитъ твое земное царство, даруетъ тебѣ вездѣ побѣду и наконецъ приметъ тебя въ Свое вѣчное, небесное царство.» Это привѣтствіе очевидно нѣсколько тривіально и совершенно въ духѣ посредственныхъ проповѣдей того времени, и мы имѣемъ основаніе думать, что король Карлъ такъ и смотрѣлъ на него; впрочемъ не нужно упускать изъ виду, что вдохновенный тонъ и пророческій огонь оратора придавали сказаннымъ словамъ совсѣмъ иной вѣсъ, чѣмъ они имѣютъ на бумагѣ. Изъ приведеннаго мѣста можно ознакомиться съ христіанско-политическимъ краснорѣчіемъ Савонаролы; теперь возьмемъ другое мѣсто изъ изданнаго имъ собранія проповѣдей (Prediche, 1496 г.), какъ образецъ той манеры говорить проповѣди, въ которой онъ подражаетъ древнимъ ораторамъ. Одну изъ своихъ проповѣдей онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Я не могу болѣе, у меня нѣтъ силъ, потому не дремли долѣе, Господь, тамъ — на томъ крестѣ! Выслушай, о Господь, эту молитву, взгляни въ лицо твоего помазанника! О преблаженная Дѣва! о святые! о благословенные рая! ангелы, архангелы и всѣ силы небесныя, молите за насъ Господа, чтобы Онъ немедлилъ услышать насъ! Развѣ Ты не видишь, Господи (при этомъ нужно представить себѣ указаніе на большое распятіе), какъ злые люди радуются, смѣясь надъ нами? Развѣ Ты не видишь, какъ они мѣшаютъ Твоему слугѣ дѣлать добро? Всѣ насмѣхаются надъ нами, мы стали посмѣшищемъ для свѣта. Мы молились,

сколько слезъ мы пролили! Сколько мы вздыхали! Гдѣ Твой промыселъ? Гдѣ Твоя доброта и Твоя вѣрность? Да, воистину, не медли долѣе, о Господи, чтобы невѣрующій и жалкій народъ не сказалъ: Гдѣ же вашъ Богъ? гдѣ Богъ тѣхъ, которые такъ часто налагали на себя покаянія, такъ часто постились? Ты видишь, что злые съ каждымъ днемъ становятся хуже, что они кажутся неисправимыми! Простри Твою руку, Твое могущество! Я не могу болѣе. Я не умѣю сказать ничего другаго; мнѣ остается только плакать, — я готовъ бы былъ разлиться въ слезахъ на этой каѳедрѣ. Я не прошу, о Господи, чтобы Ты услышалъ меня ради моихъ заслугъ; нѣтъ, я прошу Тебя объ этомъ во имя Твоей доброты, во имя любви Твоего Сына. Сжалься же надъ Твоимъ стадомъ, Ты видишь его здѣсь совсѣмъ уничтоженнымъ, видишь преслѣдуемымъ каждаго отдѣльнаго человѣка! Или Ты его не любишь, Боже мой? Развѣ не для него Ты пришелъ въ міръ? Развѣ не для него Ты былъ пригвожденъ ко кресту и умерщвленъ? Можетъ, я не стоинъ, чтобы Ты исполнилъ мою просьбу? Можетъ, я не гожусь для Твоего дѣла? Возьми мою душу, возьми меня изъ этой жизни; но какое же преступленіе сдѣлало Твое стадо? Оно ни въ чемъ не виновато, Господи, я грѣшникъ; но не смотри на мои грѣхи; взгляни на Твою кротость, на Твою вѣчную доброту и окажи намъ Твое милосердіе, — да, Твое милосердіе, о Господи!»

Нѣкоторыхъ отдѣловъ народной литературы, преимущественно романтической и сатирической поэзіи на итальянскомъ языкѣ, мы коснемся тогда, когда будемъ говорить о слѣдующемъ столѣтіи. Но здѣсь къ нашему очерку замѣчательнаго литературнаго движенія, возникшаго въ XV столѣтіи въ Италіи, мы присоединимъ еще краткій перечень ученыхъ, писавшихъ исторію на древне-классическомъ языкѣ своей страны. Въ заключеніе мы постараемся наглядно представить, какимъ образомъ вновь пробудившаяся жизнь Италіи, независимость всѣхъ государствъ отъ чужеземнаго владычества, свобода и соединенные съ нею перевороты, междоусобія и внѣшнія войны направили всю дѣятельность возстановителей науки и образованности древнихъ на изображеніе жизни и государствъ своего времени, и какъ духовные и свѣтскіе писатели старались съ помощью исторіи дѣйствовать на высшіе классы, читавшіе охотнѣе по-латини, чѣмъ по-итальянски. Мы тѣмъ охотнѣе останавливаемся на этомъ, что почти всѣ историческіе писатели, которыхъ мы назовемъ, пріобрѣли безсмертную славу на поприщѣ изученія древнихъ; впрочемъ мы не станемъ подробно описывать и оцѣнивать ихъ филологическихъ заслугъ и трудовъ.

По порядку времени прежде всего слѣдуетъ назвать Петра Павла Верджеріо, котораго не нужно смѣшивать съ знаменитымъ итальянскимъ ученымъ XVI столѣтія, часто причисляемымъ къ реформаторамъ и носящимъ то же имя. Онъ умеръ въ 1404 г., слѣдовательно принадлежитъ еще XIV столѣтію. Его главныя заслуги относятся къ спеціально-ученому поприщу; мы же упоминаемъ о немъ только какъ объ авторѣ исторіи падуанской владѣтельной фамиліи Каррара, написанной чистымъ и плавнымъ языкомъ. Муратори, издавшій въ 1730 г. это замѣчательное сочиненіе Верджеріо, думалъ, что онъ первый знакомитъ съ ней публику; но оно было напечатано еще раньше (въ Thesaurus antiquitatum Italiae, vol. VI). Кромѣ этой исторіи намъ извѣстно еще нѣсколько напечатанныхъ и рукописныхъ сочиненій Верджеріо. Замѣчательнѣе его въ историческомъ отношеніи не разъ упомянутый нами, благородный, сочувствовавшій всему хорошему и истинному, кардиналъ Амвросій Траверсарп или Амвросій Камальдульскій. Онъ родился въ 1386 г. и умеръ внезапно въ 1439 г., не имѣя въ послѣдніе 31 годъ жизни никакого особаго занятія, но живя только для науки. По всей вѣроятности, его рвеніе о преобразованіи монастырей стоило ему жизни; по крайней мѣрѣ публика думала, что онъ былъ отравленъ монахами, и это мнѣніе раздѣлялъ папа Николай V, если судить по одному восклицанію, которое ему приписываютъ (Ambrosi fili, quis te mihi eripuit? quis ecclesiae lumen adeo intempestive exstinxit?). Объ Амвросіѣ, пріобрѣвшемъ безсмертную славу на поприщѣ изученія древнихъ и преимущественно отысканіемъ сочиненій, затерянныхъ въ средніе вѣка, мы упоминаемъ здѣсь въ особенности по поводу двухъ сочиненій. Одно — заключаетъ неоцѣненное для исторіи литературы описаніе путешествія, предпринятаго Амвросіемъ для отысканія литературныхъ сокровищъ (Hodoporicum); другое — содержитъ въ себѣ собраніе его писемъ, въ

высшей степени важныхъ для внутренней исторіи возродившихся наукъ. Описаніе путешествія напечатано въ первый разъ въ 1678 г., и немногіе изъ ученыхъ, говорящихъ о немъ, видѣли его; письма появились въ первый разъ въ 1759 г.

Однимъ изъ современниковъ Амвросія былъ Леонардо Бруни или, какъ его обыкновенно называютъ по его родинѣ Ареццо. Леонардъ Аретинъ, ученикъ Эмануила Хрисолораса и пламенный почитатель Петрарки. Онъ былъ секретаремъ Иннокентія VII и Іоанна XXIII, съ которымъ ѣздилъ въ Констанцъ, а потомъ канцлеромъ флорентинской республики, и въ этомъ званіи умеръ въ 1444 г. семидесятичетырехъ лѣтъ. Аретинъ написалъ изящною латинью исторію того, что происходило на его глазахъ въ Италіи (съ 1378 по 1440 г.); впрочемъ настоящіе латинисты находятъ въ его языкѣ недостатки. Знаменитѣйшее его сочиненіе — его флорентинская исторія. Хотя мы и не считаемъ ее самой замѣчательной, но она важна и необходима для изслѣдователя, потому что Аретинъ былъ канцлеромъ флорентинской республики. Эта флорентинская исторія, начинающаяся съ 1402 г. и первоначально написанная по-латини, долго оставалась ненапечатанной, и до 1610 г., когда она въ первый разъ появилась въ Страсбургѣ, итальянскій переводъ ея, сдѣланный Аччайоли, считался оригиналомъ. Но что бы ни говорили латинисты, это сочиненіе Аретина глубоко продумано и написано чистымъ и яснымъ языкомъ. Другой трудъ Аретина — его переводъ готской войны Прокопа — доказываетъ, къ сожалѣнію, что нравственныя понятія великихъ людей, пріобрѣвшихъ безсмертныя имена въ Италіи и право на благодарность нашу и слѣдующихъ поколѣній, далеко не соотвѣтствовали ихъ познаніямъ и славѣ. Этотъ переводъ былъ выданъ Аретиномъ, т. е. секретаремъ папы и канцлеромъ флорентинской республики, за собственное сочиненіе; такимъ образомъ когда, много лѣтъ спустя, сталъ извѣстенъ на Западѣ греческій оригиналъ этого сочиненія, Аретинъ сдѣлался въ глазахъ всего образованнаго міра наглымъ обманщикомъ. Тѣмъ не менѣе заслуги этого человѣка неоспоримы. Относительно остальныхъ его сочиненій мы не можемъ умолчать о томъ, что онъ заслужилъ почетное мѣсто въ итальянской литературѣ, написавъ на родномъ языкѣ біографіи Данте и Петрарки. Похвалѣ Энея Сильвія, сказавшаго, что со временъ Лактанція никто такъ не приближался къ слогу Цицерона, какъ Аретинъ, не придастъ большаго значенія тотъ, кто читалъ Лактанція и знаетъ его манеру подражать Цицерону; но мы завѣряемъ, что въ языкѣ Аретина болѣе смысла, чувства и силы, чѣмъ въ языкѣ Лактанція.

О заслугахъ другаго ученика Эмануила Хрисолораса, Браччіолини Поджіо, родившагося въ 1380 г., мы уже упоминали (стр. 683), говоря о его стараніяхъ объ отысканіи затерянныхъ сочиненій древнихъ. Здѣсь мы упоминаемъ о немъ только какъ объ авторѣ историческаго сочиненія. Это его флорентинская исторія, начинающаяся съ древнѣйшихъ временъ; онъ самъ говоритъ, что придаетъ особое значеніе изложеннымъ въ ней событіямъ его времени (Historiæ Florentinæ a primis initiis urbis, sed speciatim ab anno 1350 usque ad annum 1455). Книга была бы лучше и годнѣе, еслибы Поджіо не заботился черезчуръ много о хорошей латини и красотѣ слога. Вслѣдствіе того, вниманіе читателя невольно переходитъ отъ фактовъ, представленныхъ вдобавокъ очень пристрастно, къ искусственной рѣчи своего писателя. Не смотря на то, что латинизмъ составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ Поджіо, сочиненіе это сдѣлалось сначала извѣстнымъ въ итальянскомъ переводѣ, а не въ латинскомъ оригиналѣ. Итальянскій переводъ многіе, даже ученый Фабриціусъ, приписывали самому Поджіо; но теперь доказано, что онъ сдѣланъ его сыномъ Джакопо. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ онъ былъ часто издаваемъ; оригиналъ же появился только въ XVIII столѣтіи (въ 1715 г. во Флоренціи). Нельзя умолчать о томъ, что Поджіо, какъ и Леонардъ Аретинъ, далъ поводъ врагамъ развитія утверждать, что жажда славы и даже выдающіеся таланты и познанія ученыхъ настоящая чума для общественнаго порядка; то же говорили въ слѣдующемъ столѣтіи въ Германіи, указывая въ примѣръ на Ульриха фонъ Гуттена. У Поджіо было столько ученыхъ споровъ, что о нихъ можно бы написать цѣлыя книги. Онъ былъ во враждѣ почти со всѣми людьми, участвовавшими въ дѣлѣ возрожденія образованности и слога древнихъ. Противъ Филельфа, Никколо Никколи, Лауренція Валлы и Никколо Перотти, не остававшагося впрочемъ у него въ долгу, онъ написалъ четыре рѣчи (Invectivas), въ

которыхъ исчерпано все, въ чемъ можетъ обвинить или что въ состояніи выдумать одинъ ученый на другаго, чтобы лишить противника чести и отнять у него всякую заслугу. Такъ же зло поступилъ Поджіо еще по крайней мѣрѣ противъ двадцати ученыхъ. Нечего удивляться послѣ всего этого, что въ очень замѣчательной въ литературномъ отношеніи книгѣ (Facetiæ de infelicitate principum, de miseria conditionis humanæ), написанной имъ 70 лѣтъ отъ роду, онъ жалуется на несчастье и нищету ученыхъ, вмѣсто того чтобы говорить, что, въ трудныя времена жизни и когда потухаютъ страсти, наука доставляетъ лучшій покой.

Въ то время въ Италіи, какъ приблизительно за 50 лѣтъ до нашей эпохи въ Германіи, былъ возбужденъ особый интересъ къ древнѣйшимъ историческимъ эпохамъ, оставляющимъ свободный произволъ вымыслу и фантазіи, и особымъ уваженіемъ пользовались ученые, составлявшіе исторію изъ отрывковъ, басенъ и миѳовъ. Этимъ съ наглостью воспользовался одинъ ученый, занимавшій въ Римѣ важную должность. Обманщика или обманутаго, — этого мы не беремся рѣшать, — звали Джіованни Нанни или, по тогдашнему обыкновенію латинизировать имена, Анній Витербскій. Къ удивленію всего свѣта, онъ издалъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ Бероза, Фабіа Пиктора, Мирсилія Лесбія, Семпронія, Архилоха, Катона, Мегастена и др. въ видѣ источниковъ для первобытной исторіи (Antiquitatum variarum volumina XVII cum commentariis Fr. Ioannis Annii Viterbiensis, Romæ 1498). Эти неизвѣстные даже въ древности историческіе документы возбудили такое вниманіе и обманули столькихъ легковѣрныхъ, что ученѣйшіе люди того времени, Маркъ Антоній Сабелликъ, Петръ Кринитъ и Рафаэль Волатерскій рѣшились критически изслѣдовать ихъ. Сдѣлавъ самый основательный разборъ, они такъ очевидно и подробно доказали обманъ, что непонятно, какъ въ наше время многіе уважаемые ученые, и въ томъ числѣ датскій епископъ Мюнстеръ, снова поставили вопросъ: не заключаетъ ли въ себѣ книга Нанни подлинныхъ отрывковъ этихъ писателей. Самъ Нанни никогда не высказывался по этому поводу. Многіе изъ составителей историческихъ книгъ, не зная о критикѣ ученыхъ, заимствовали различныя мѣста изъ сочиненія Нанни.

Рядомъ съ этимъ человѣкомъ, пріобрѣвшимъ посредствомъ авторскаго обмана литературную славу, мы поставимъ другаго ученаго, пріобрѣвшаго себѣ папское достоинство обманами въ политикѣ. Эней Сильвій Пикколомини или, какъ онъ впослѣдствіи назывался будучи папою, Пій II, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ XV столѣтія, старавшихся подражать слогу, манерѣ и языку древнихъ римлянъ. Онъ родился въ 1405 г. въ сіенскихъ владѣніяхъ, учился сначала въ Сіенѣ, а потомъ въ Миланѣ у Филельфа. Филельфъ старался въ особенности научить его хорошо писать и въ то же время образовать изъ него ученаго и дѣловаго человѣка, потому что въ то время для дипломатическихъ и вообще государственныхъ дѣлъ употребляли классически образованныхъ ученыхъ. Впослѣдствіи Эней Сильвій дѣятельно трудился въ пользу цѣлей базельскаго собора, пока не поступилъ на службу безусловно преданнаго папѣ кардинала Альбергати. Альбергати посылалъ его съ порученіями къ различнымъ дворамъ, и въ эти поѣздки Эней Сильвій пріобрѣлъ тѣ свѣдѣнія о европейскихъ государствахъ и положеніи ихъ, которыя придаютъ огромное достоинство его историческимъ сочиненіямъ. О его дальнѣйшей судьбѣ, занятіяхъ и хитромъ образѣ дѣйствій въ пользу папы и во вредъ нѣмецкой церкви мы уже говорили въ этомъ томѣ. Поэтому мы перейдемъ прямо къ перечисленію историческихъ сочиненій Энея Сильвія, бывшаго во всѣхъ отношеніяхъ ловкимъ придворнымъ, но замѣтимъ только, что онъ писалъ также книги для препровожденія времени и для женщинъ, понимавшихъ еще тогда латынь. Къ этимъ книгамъ мы причисляемъ нѣжную исторію Иврама и Тисбе, написанную частью гексаметромъ, частью элегическими стихами, и гораздо болѣе извѣстный, упомянутый уже нами (стр. 580) романъ о любовныхъ похожденіяхъ стараго императора Сигизмунда и его канцлера Каспара Шлыка (Historia amorum Euryali et Lucretiæ), помѣщенный Ганомъ въ его сборникѣ, изданномъ въ 1724 г., только по неизвѣстной причинѣ не въ изящномъ оригиналѣ, а въ отвратительномъ нѣмецкомъ переводѣ. Эней Сильвій хотѣлъ сначала написать на латинскомъ языкѣ общую европейскую исторію, задача, къ которой онъ былъ гораздо способнѣе француза де Ту, написавшаго такую исторію въ XVI столѣтіи и также отличавшагося хорошимъ латинскимъ язы-

комъ, потому что объѣздилъ всѣ европейскія страны, даже Шотландію и Венгрію, въ нѣкоторыхъ былъ по нѣсколько разъ и все видѣлъ собственными глазами. Этотъ обширный планъ былъ имъ оставленъ, и онъ написалъ исторію Италіи до времени, котораго былъ очевидцемъ. Эта исторія никогда не являлась подъ его именемъ и не была включена въ собраніе его сочиненій. Сто двадцать лѣтъ спустя по смерти Энея Сильвія она была издана съ именемъ его секретаря Іоанна Гобелина (Gobelini commentarii rerum memorabilium, quæ Pii II temporibus contigerunt. Romæ 1584) и подъ редакціей Франциска Бандини; въ 1614 г. она появилась во Франкфуртѣ съ продолженіемъ Джакомо Никколомини и съ его письмами. Эта книга написана классически, съ достоинствомъ, безпристрастно и истинно прагматически, при чемъ Эней Сильвій не утрируетъ прагматизмомъ, какъ это встрѣчается у французовъ. То же самое можно сказать и о его исторіи гуситскихъ волненій (Historia Bohemica). Эней Сильвій былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ гуситовъ и, не смотря на то, помѣстилъ въ своемъ сочиненіи вышеприведенное нами (стр. 552) письмо Поджіо о мученичествѣ Гуса и Іеронима; это одно служитъ достаточнымъ доказательствомъ, на сколько онъ стоялъ выше своего времени. Нельзя однако не пожалѣть, что Эней Сильвій впослѣдствіи, будучи государственнымъ человѣкомъ, епископомъ и наконецъ папою Піемъ II, не только отказался отъ того, что писалъ частнымъ человѣкомъ, но даже осудилъ свои сочиненія и запретилъ ихъ читать. Это относится преимущественно къ его письмамъ, имѣющимъ какъ дѣловыя письма человѣка, считаемаго императоромъ и папою за оракула, огромное значеніе для внутренней исторіи того времени. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его писемъ, по весьма понятнымъ причинамъ, часто недостаетъ важнѣйшихъ изъ нихъ; впрочемъ большая часть ихъ напечатана. Намъ не зачѣмъ указывать здѣсь, гдѣ находятся нѣкоторыя отдѣльныя его письма, преимущественно тѣ, которыя касаются конкордата съ Германіей; часть ихъ напримѣръ никогда еще не была напечатана и лежитъ въ рукописи въ Лоренцинской библіотекѣ во Флоренціи.

Сочиненіе Энея Сильвія о базельскомъ соборѣ (Libri tres de concilio Basileensi) составляло его несчастіе въ теченіе всей жизни, какъ въ наши дни для большинства республиканцевъ, перешедшихъ къ абсолютизму, ихъ прежнія сочиненія, или какъ для какого-нибудь Одильонъ Барро — его рѣчи до 1849 года, изъ которыхъ выдержки ему ежедневно приходилось читать потомъ въ газетѣ la Presse. Эней Сильвій отказался впослѣдствіи отъ всего, что въ его сочиненіяхъ могло радовать противниковъ римскаго престола или сердить духовенство, объявилъ эти мѣста богопротивными и сознался и раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Но его раскаяніе не обратило протестантовъ, они нѣсколько разъ перепечатывали это сочиненіе и въ своихъ спорахъ съ папою опирались на ученаго Энея Сильвія, мастерски защищавшаго базельскій соборъ. Другое сочиненіе его «Описаніе дѣяній императора Фридриха III» (Historia rerum gestarum Friderici III), изданное въ 1685 г. Беклеромъ и Кульписомъ, не имѣетъ большаго достоинства; причина этого заключается частью въ совершенно незначительныхъ дѣяніяхъ и ничтожномъ характерѣ Фридриха, частью въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ, сдѣлавшись кардиналомъ, счелъ благоразумнымъ вычеркнуть многое, написанное имъ, когда онъ былъ секретаремъ императора. Чтобы видѣть разницу, нужно просмотрѣть то изданіе книги, которое помѣщено Колларомъ во 2 томѣ его Analecta omnis ævi ex manuscriptis bibliothecæ Vindobonensis подъ заглавіемъ Historia Austriæ. Такимъ же бѣльмомъ на глазу было впослѣдствіи для автора его сочиненіе: «Разговоръ пятерыхъ о дѣлахъ имперіи и церкви» (Pentalogus de rebus ecclesiæ et imperii). Эней Сильвій выводитъ на сцену въ этомъ сочиненіи императора Фридриха, графа ди Бассано (Каспара Шлика), себя и еще двѣ вымышленныя личности и, между прочимъ, даетъ императору и его канцлеру превосходный совѣтъ, какъ поступать противъ итальянской политики папы, всего лучше извѣстной ему, какъ итальянцу. Онъ говоритъ: «Слѣдуетъ всегда грозить соборомъ и вообще не распускать собраннаго собора, пока онъ не назначитъ слѣдующаго, который долженъ собраться черезъ пять или десять лѣтъ. Изъ боязни такихъ соборовъ, особенно если ихъ будутъ созывать въ Германіи, папы станутъ вести себя осторожнѣе». Сочиненіе Энея Сильвія о положеніи Европы во время Фридриха III (De statu Europæ sub Friderico III), находящееся вмѣстѣ съ рѣ-

чами автора, сказанными имъ, когда онъ служилъ у Фридриха, въ собраніи писателей по нѣмецкой исторіи Струве, имѣетъ значеніе преимущественно для исторіи нѣмецкихъ нравовъ XV столѣтія. Въ немъ читатель найдетъ занимательный обзоръ положенія, нравовъ и состоянія различныхъ европейскихъ государствъ, большую часть которыхъ Эней Сильвій видѣлъ самъ. Особенно относительно Германіи у него находятся извѣстія о нѣкоторыхъ въ высшей степени странныхъ, теперь безслѣдно исчезнувшихъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ городовъ и земель Германіи. Мы рекомендуемъ напр. главу о Тюрингіи. Эней Сильвій составилъ еще описаніе Европы и Малой Азіи подъ заглавіемъ «Космографія». То, что онъ написалъ объ Альфонсѣ Мудромъ (стр. 647 и 695), по крайней мѣрѣ занимательно и умно.

Послѣ Энея Сильвія прежде другихъ мы назовемъ Петра Кандида Децембера. Сначала онъ нашелъ поддержку и покровительство у фамиліи Висконти въ Миланѣ, а по смерти Филиппа-Маріи Висконти (1447 г.) дѣлалъ все, что могъ, для поддержанія вновь провозглашенной въ Миланѣ республики (стр. 652 и слѣд.). Когда городъ призналъ наконецъ своимъ властелиномъ Франциска Сфорцу, Децемберъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія передать ключи новому повелителю и удалился изъ Милана. Папа Николай V принялъ его радушно и далъ ему мѣсто апостолическаго секретаря (secretarius apostolicus). Кандидъ Децемберъ впослѣдствіи снова вернулся въ Миланъ, гдѣ и умеръ въ 1447 г. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ ученымъ, писавшимъ исторію своего времени на римскомъ языкѣ, которые думали, что съ возстановленіемъ древняго языка они возвратятъ Италіи свободу и римскія понятія. Децемберъ написалъ жизнь Филиппа-Маріи Висконти, давно напечатанную, и жизнь Франциска Сфорцы, изданную въ первый разъ только Муратори въ XVIII столѣтіи. По нашему мнѣнію, Децемберъ выбралъ себѣ неудачный образецъ изъ позднѣйшаго римскаго времени въ Свтоніѣ, слава котораго, безъ сомнѣнія, была больше его заслугъ (т. II. стр. 159); но образцу своему онъ во многихъ мѣстахъ подражалъ удачно. Подобно Свтонію, Кандидъ Децемберъ часто описываетъ жизнь исторически замѣчательнѣйшихъ личностей съ той стороны, которая имѣетъ мало отношеній къ ихъ общественной дѣятельности. Поэтому онъ, какъ Свтоній, разсказываетъ массу анекдотовъ, справедливыхъ или вымышленныхъ, но которымъ вѣрили и которые распространялись, потому что они нравились людской злости и зависти. Какъ бы то ни было, но и онъ, своею анекдотической манерой, какъ Свтоній у римлянъ, герцогъ де Сенъ Симонъ у французовъ и дочь Фридриха Вильгельма I у нѣмцевъ, выставилъ одну сторону жизни своего времени, которую мы безъ него не знали бы. — Современникъ Кандида Децембера, Мерула, былъ тоже хорошимъ латинистомъ и филологомъ изъ школы Филельфа. Филельфъ и Децемберъ были долгое время большими пріятелями, но потомъ вступили между собой въ горячую полемику и стали осыпать другъ друга площадными ругательствами. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ ихъ спора былъ вопросъ: должны ли османы называться по латыни turci или turcae. Уже одно это доказываетъ, что Мерула былъ очень ученымъ филологомъ и грамматикомъ. Главныя его заслуги касаются филологіи, главные труды состояли въ объясненіи и переводѣ древнихъ писателей, а высшей цѣлью его стремленій было писать хорошимъ латинскимъ языкомъ. Послѣ этого неудивительно, что онъ написалъ древнѣйшую исторію фамиліи Висконти (Libri decem antiquitatis viccomitum Mediolanensium до 1323 года), и что эту книгу нельзя читать безъ помощи источниковъ. Заботясь о слогѣ, Мерула не только пренебрегалъ сущностью, но былъ такъ безсовѣстенъ, что произвольно прибавлялъ то, чего нѣтъ въ документахъ о происхожденіи рода Висконти. Но все-таки Мерулу пріятнѣе читать, чѣмъ его соотечественника Кори, писавшаго по итальянски о томъ же предметѣ; его языкъ вялъ и бѣденъ, но тѣмъ не менѣе его сочиненіе важно для историка. Сочиненіе Мерулы было переработано впослѣдствіи Тристаномъ Кальки; мы не станемъ разбирать этого труда, потому что пишемъ не исторію литературы. Удачнѣе древнѣйшей исторіи фамиліи Висконти было другое сочиненіе Мерулы, требовавшее не изслѣдованій, а только слога. Это его латинская исторія храброй защиты Скодры венеціанцами противъ турокъ въ 1474 г. (Bellum Scodrense) — сочиненіе, исполненное краснорѣчія, имѣвшее необыкновенное вліяніе во время Мерулы и возбуждавшее Италію къ

упорной борьбѣ съ нехристіанскими варварами за христіанскую цивилизацію въ такой степени, въ какой этого никогда не могъ бы сдѣлать вѣрный историческій разсказъ. Его исторія борьбы за Скодру дѣйствовала такъ же сильно на современниковъ, какъ историческія преданія и пѣсни, служившія источникомъ для Ливія, на древнихъ римскихъ героевъ и бюллетени Бонапарте на его гвардію.

Повѣствовательной поэзіи итальянцевъ на національномъ языкѣ мы коснемся только тогда, когда будемъ говорить о XVI вѣкѣ. Здѣсь же, въ заключеніе, мы упомянемъ объ Антоніѣ Панормитѣ, который прославился какъ поэтъ, ораторъ и знатокъ канонническаго права. Онъ родился на островѣ Сициліи, въ городѣ Панормѣ или Палермо, училъ въ различныхъ мѣстахъ сѣверной Италіи, напр. въ Пармѣ, Піаченцѣ, Болоньѣ и Падуѣ, и наконецъ отправился въ Миланъ къ Висконти. Здѣсь онъ познакомился съ королемъ Альфонсомъ V, когда послѣдній попалъ въ плѣнъ къ Висконти (стр. 638). Антоній Панормита вступилъ въ службу Альфонса, сдѣлался его довѣреннымъ лицомъ и, какъ превосходный ораторъ, знатокъ права и человѣкъ, мастерски владѣвшій перомъ, съ успѣхомъ выполнялъ порученія короля къ генуэзцамъ, венеціанцамъ, императору Фридриху III и къ другимъ князьямъ и правителямъ. Одаренный талантами и остроумiемъ, онъ принималъ участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего времени непосредственно или косвенно чрезъ свои связи. На базельскомъ соборѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ, какъ защитникъ церкви противъ папы. Его письма чрезвычайно важны для внутренней исторіи XV столѣтія; только ими трудно пользоваться, потому что оба изданія, одно, появившееся въ началѣ XVI столѣтія безъ означенія года и мѣста печатанія, другое, напечатанное 1553 г. въ Венеціи, очень рѣдки. Но за то чрезвычайно распространенъ и замѣчателенъ хорошимъ изложеніемъ его сборникъ анекдотовъ о королѣ Альфонсѣ V (De dictis et factis Alphonsi). Въ этой книгѣ Антоній Панормита сгруппировалъ остроумныя изреченія, благородные поступки и прекрасныя черты характера своего друга короля. Эней Сильвій дополнилъ ее новыми анекдотами объ Альфонсѣ и подобными же разсказами о другихъ благородныхъ людяхъ. Впослѣдствіи это добавленіе (Aenaei Sylvie commentarius in Antonium Panormitanum de rebus gestis Alphonsi Sapientis) было напечатано вмѣстѣ съ книгою Антонія Панормиты, и съ 1538 г., когда оба сочиненія появились вмѣстѣ, они часто были издаваемы какъ замѣчательная для чтенія книга.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.